

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

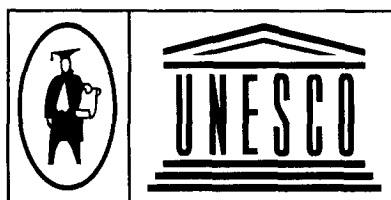
Том III
VII век до н.э. – VII век н.э.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Й. Херрманна и Э. Дюрхера

ПРИ УЧАСТИИ

Й. Харматты, Х. Литвака Кинга, Р. Лони,
Т. Обенги, Р. Тхапар и Чжоу Иляна

Авторам, издателям и читателям
русскоязычной версии энциклопедии
«История человечества», издаваемой ЮНЕСКО

Сердечно поздравляю вас и всех, кто интересуется историей, с важным событием в мировой культурной и научной жизни — выходом в свет русскоязычной версии «Истории человечества», издаваемой по инициативе ЮНЕСКО. Этот масштабный проект — яркий пример плодотворного международного сотрудничества в гуманитарной сфере.

Собранные на страницах энциклопедии факты и материалы убедительно свидетельствуют о неразрывной связи духовного и исторического наследия народов мира и, конечно же, об уникальном вкладе России в сокровищницу цивилизации.

Признателен авторам и издателям за глубокий и кропотливый труд. Желаю вам новых творческих успехов и всего самого доброго.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'В. Путин', written in a cursive style.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЮНЕСКО

благодарит

ОАО «Промышленная Группа «ЛанРусинвест»

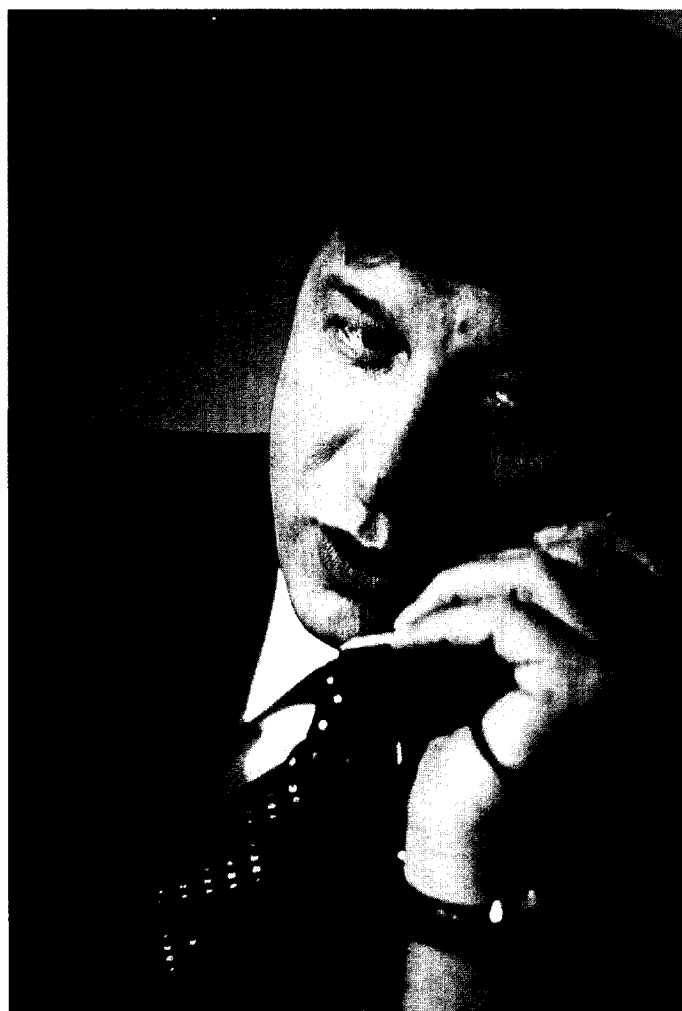
и ее Президента, Председателя Попечительского Совета

Общероссийского фонда «Единение»

Владимира Николаевича Кишенина

за содействие в издании русскоязычной версии

«Истории человечества»

промышленная группа
ЛанРусинвест

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Дорогие читатели!

Благодаря поддержке отечественных и международных организаций, и в первую очередь ЮНЕСКО, появилась возможность довести предлагаемый выдающийся труд до русскоязычных читателей России и всего мира.

Читателю представляется результат огромной работы, которую трудно с чем-либо сопоставить. По сути это коллективная концентрированная память человечества и каждой из его частей. Задача по созданию такого памятника настолько грандиозна, что пока в полном объеме не завершена: Международная комиссия ЮНЕСКО продолжает работу над VI и VII томами «Истории», а Институт российской истории Российской академии наук – над дополнительным VIII томом, посвященным истории России.

«МАГИСТР-ПРЕСС» воспринял работу по подготовке к изданию столь масштабного историко-литературного труда как весьма престижную. В ходе подготовки к выпуску энциклопедии решалось много важных проблем, касающихся перевода и редактирования, терминологии, оформления и др.

К проблемам, связанным с содержанием, относятся, прежде всего, неидентичность подходов разных авторов к оценке доисторических (и исторических) событий, явлений и т.д.; зачастую некоторое смещение акцентов при оценке важности тех или иных событий; повторы, которые при принятой структуре книги неизбежны; отчасти – разная терминология и т.п. Во всех этих отношениях нами был принят единственный целесообразный, с нашей точки зрения, принцип – как можно ближе придерживаться английского оригинала книги. По сравнению с ним были сделаны два изменения.

Во-первых, включено специально написанное для русскоязычного издания предисловие Генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацууры, в котором дана краткая философская оценка издаваемого труда.

Во-вторых, по нашему предложению и с согласия ЮНЕСКО включено предисловие научного редактора всего издания директора Института российской истории Российской академии наук, члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова (кроме того, являющегося редактором и одним из авторов VIII тома).

В нашей работе над этим томом, как и над другими, большие трудности встретились при переводе на русский язык многих фамилий и имен, которые редко встречаются в литературе; географических названий, отсутствующих в русских официальных и достаточно полных географических атласах; археологических культур, имеющих названия по археологическим стоянкам, местонахождениям и т.п. В этих случаях в тексте помимо русского в скобках давались написания фамилий и имен на английском языке, взятые из оригинала; географические карты оставлены на языке оригинала; названия культур переведены как можно ближе к оригиналу и т.д. Для проверки правильности фамилий, названий и терминов использовался широкий список словарных, справочных и географических изданий, в частности, электронная версия «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», «The Concise Oxford Dictionary», «Хроника человечества», «Атлас мира», «Библиотека Всемирной литературы» и др. Весьма ценными были консультации с Отделом переводов ЮНЕСКО.

Мы понимали, что многие термины и понятия желательно было пояснить, но в то же время осознавали, насколько увеличился бы и без того немалый объем книги; кроме того, этому препятствовали условия контракта с ЮНЕСКО. Тем не менее в некоторых исключительных случаях редакторские пояснения были даны, но в целом для выяснения значений подобных терминов мы отсылаем читателя к известным справочным изданиям.

При работе над книгой мы со всей ответственностью осознавали, что результат нашей работы может представлять интерес для науки и образования России, способствовать сохранению общего научно-образовательного пространства стран СНГ, повышения роли и расширению применения русского языка во всем мире. Мы уверены, что в этом по существу энциклопедическом издании каждый читатель – от школьника до академика, интересующийся судьбами всех людей, когда-либо населявших нашу Землю, желающий узнать больше об общепланетарных корнях всего человечества, найдет для себя много интересного и полезного.

История человечества

- Том I *Доисторические времена и начала цивилизации*
ISBN 92-3-102810-3 (UNESCO)
ISBN 5-89317-155-1
- Том II *III тысячелетие до н.э. – VII век до н.э.*
ISBN 92-3-102811-1 (UNESCO)
ISBN 5-89317-156-X
- Том III *VII век до н.э. – VII век н.э.*
ISBN 92-3-102 812-x (UNESCO)
ISBN 5-89317-157-8
- Том IV *VII–XVI века*
ISBN 92-3-102813-8 (UNESCO)
ISBN 5-89317-158-6
- Том V *XVI–XVIII века*
ISBN 92-3-102814-6 (UNESCO)
ISBN 5-89317-159-4
- Том VI *XIX век*
ISBN 92-3-102815-4 (UNESCO)
ISBN 5-89317-160-8
- Том VII *XX век*
ISBN 92-3-102816-2 (UNESCO)
ISBN 5-89317-161-6
- Том VIII *Россия*
ISBN 5-89317-184-5 (Рус.)
ISBN 5-89317-187-X (Англ.)

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

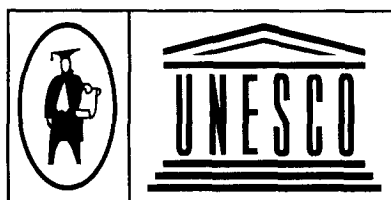
Том III
VII век до н.э. – VII век н.э.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Й. Херрманна и Э. Дюрхера

ПРИ УЧАСТИИ

Й. Харматты, Х. Литвака Кинга, Р. Лони,
Т. Обенги, Р. Тхапар и Чжоу Иляна

УДК 930.9 (03)
ББК 63.3(0)я2
И 90

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов, содержащихся в этой книге, и за выраженные в ней мнения, которые могут не совпадать с мнением ЮНЕСКО.

Принятые обозначения и представление материала во всей публикации не означают отражения мнения какой-либо части ЮНЕСКО относительно законного статуса стран, территорий, городов, областей, а также их властей и границ.

Международная комиссия по истории научного и культурного развития человечества несет интеллектуальную и научную ответственность за подготовку этого издания.

Согласно контракту № J. 2000-037 между ЮНЕСКО и Издательским Домом МАГИСТР-ПРЕСС на совместное издание **Истории человечества** ЮНЕСКО предоставляет исключительные права соиздателю на продажу книги на территории Российской Федерации и дает право распространять ее на русскоговорящих территориях. Ни книга целиком, ни отдельные ее части не могут быть перепечатаны или воспроизведены электронными, механическими или какими-либо другими средствами, известными в настоящее время или изобретенными впоследствии, включая фотокопирование и запись, или в любой системе хранения и поиска информации, без письменного разрешения Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС.

Замысел издания на русском языке:

Министр иностранных дел России **И.С. Иванов**,
Генеральный директор ЮНЕСКО **К. Мацуура**,
Постоянный представитель России в ЮНЕСКО **В.А. Каламанов**,
Генеральный директор Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС **В.Н. Харькин**,
Директор Издательства ЮНЕСКО **М. Танака**

Рецензент: **С.Л. Тихвинский**, доктор исторических наук,
профессор, действительный член Российской академии наук

Под общей редакцией **А.Н. Сахарова**, доктора исторических наук,
профессора, члена-корреспондента Российской академии наук

Ответственный редактор **Э.А. Манушин**, доктор технических наук,
профессор, действительный член Российской академии образования

Научный консультант **А.И. Смирнов**, член-корреспондент
Российской академии естественных наук

***Русскоязычная версия издается при участии
Института российской истории Российской академии наук***

Том III. VII век до н.э. – VII век н.э.

Редактор: Э.А. Манушин

Переводчики: В.Н. Ковалев, А.Л. Мусатова,
В.Б. Сагадиев, Р.М. Салимов, Н.В. Скорлыгина, М.Г. Смирнова
Художественное оформление: Л.Е. Головин
Верстка: Д.Д. Лихтаров, Н.В. Морогина
Корректоры: Н.В. Назарова, Е.А. Павлова, Т.Х. Валавина
Зав. производством: Л.В. Колесникова
Служба реализации: А.А. Романченко

Подписано в печать 12.02.2003 г. Формат 60x90/8. Печать офсетная
Усл. печ. л. 87. Тираж 10 000 экз. (1 завод 5000 экз.) Заказ № 6397
Лицензия на издательскую деятельность ИД № 01537 от 14 апреля 2000 г.

Адрес Издательства: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 7/15, офис 16
Для писем: 115419, а/я 14
Тел./факс: +7 (095) 290-0689
E-mail: m.press@comail.ru
Интернет: <http://www.magister-unesco.ru>

Отпечатано с готовых диапоз. изд-ва в ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. ☎

ISBN 5-89317-157-8

9 785893 171570 >

ISBN 92-3-102 812-x (UNESCO)
ISBN 5-89317-154-3
ISBN 5-89317-157-8 (Т. III)

© ЮНЕСКО, 2003
© ООО «Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Коитиро Мацуура,
Генеральный директор
ЮНЕСКО

Мне доставляет огромное удовольствие представить публике превосходное русское издание «Истории человечества» и горячо приветствовать партнерскую работу ЮНЕСКО и Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС, благодаря которой мы знакомим широкий круг новых читателей с этим выдающимся трудом.

Сегодня, когда мировое сообщество вновь охвачено беспокойством, чувством опасности, поскольку оказалось перед лицом очевидных и грубых вызовов, не может быть публикации более своевременной, чем эта. Глубокая мысль, зафиксированная еще пять десятилетий назад в Уставе ЮНЕСКО: «Поскольку войны рождаются в умах людей, то именно в умах людей должна быть создана система защиты мира», – вновь обретает актуальность.

Ответить на эти вызовы путем развития подлинно межкультурного диалога и есть та конкретная цель, которая обусловила появление «Истории человечества». Точно так же, как едина Земля, един и человеческий род при всем его разнообразии. Этот труд – плод объединенных усилий более 450 специалистов всего мира – представляет собой всеобщую историю человеческого духа во всем многообразии путей развития, точек зрения и культурных предпочтений. В книге читатель найдет панораму становления мировых культур, широкое видение научного и культурного развития, включающего многие формы человеческого творчества, приведшего не только к особенностям различных культур, но и к аналогиям между ними, к их конвергенции.

Как определил Альберт Эйнштейн, у человечества нет иного выбора, кроме как «быть единым или не быть вообще». Идти вперед можно, только возводя мосты взаимопонимания между народами и укрепляя тем самым непреходящую убежденность в том, что именно в единстве заключено многообразие человечества. Сегодня этому видению всемирного сообщества брошен насильственный вызов. Именно поэтому наша Организация испытывает глубокое удовлетворение в связи с тем, что издаваемый жизненно важный источник, являющийся одновременно свидетельством общего прошлого человечества и проявлением веры в его общее будущее, становится более доступным широкой публике.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЕДИНА. ОТНОСИТЕЛЬНО

А.Н. Сахаров,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Слова, вынесенные в заголовке Предисловия, являют, на мой взгляд, ту незамысловатую, но одновременно невероятно трудную для разумения истину, которой буквально пронизана семитомная «История человечества», выпущенная по решению ЮНЕСКО вторым изданием на исходе XX века и сегодня, уже в начале XXI века, публикуемая в России.

Действительно, эта истина незамысловата, потому что она лежит как бы на поверхности человеческой истории, изучаемая самим единым научным сообществом. Именно поэтому создатели «Истории человечества» впервые в мировой историографии попытались представить развитие Человеческого рода в соответствии с самим естественным ходом исторического процесса, обнимающего всю планету, все ее материи, все регионы, все страны и народы, прошлые и настоящие; потому что, по мнению 450 авторов этого монументального труда, представляющих десятки стран и все без исключения геокультурные регионы, вся история Человечества – это единая линия развития.

Все более крепнущее в научном мире понимание единства истории Человечества основано не только на анализе прошлых и современных мировых общественных тенденций, отличающихся интеграционными процессами, на нашем сегодняшнем прозрении многих объединяющих Человечество общественных явлений, но и на новом уровне знаний, полученных наукой на исходе XX в., новых методологических и конкретно-исторических подходах, не известных ранее археологических и антропологических данных, уводящих в глубь тысячелетий, объединяющих неожиданными находками, параллелями, прямыми связями и взаимовлияниями разные народы и обширнейшие регионы.

Этому пониманию способствовали и новые технологии, на которые оказался так богат XX в. и которые помогают проникнуть в тайны человеческого бытия, а также ставшая очевидной хрупкость этого мира в связи с уже потрясшими землю как грандиозными стихийными, так и рукотворными бедствиями и катастрофами, вроде взрыва на Чернобыльской АЭС, которые повлияли на жизнь буквально всего Человечества. Это единство было подчеркнуто нависшей над землей, особенно во второй половине XX в., угрозой атомной войны и возможными неисчислимыми потерями для всего Человеческого рода и даже прекращением его истории.

Сегодня единство Человечества, его общая судьба, взаимосвязь истории всех людей земли еще раз подчеркнута воздушной атакой террористов на Нью-Йорк, их захватом в центре Москвы музыкального театра, другими атаками мировых фанатиков-экстремистов, повлекшими колоссальные жертвы и, возможно, самую страшную из них – осознание всей

незащищенности нашей планеты и ее обитателей, несмотря на горы накопленного оружия, всю иллюзорность нашего благополучия и стабильности, к которой упорно год за годом, столетие за столетием, тысячелетие за тысячелетием с разными успехами и разными результатами шло человечество через тернии своего трудного и долгого пути.

И все же, как показывает «История человечества», постижение единства, глобальности развития человеческого рода – задача невероятно сложная, а само единство весьма относительно по многим параметрам, в том числе из-за природного разобщения, межкультурного, междивизиционного, межрасового, межнационального, социального отчуждения, тем более что Человечество находится в пути, и какая часть этого пути пройдена, а какую еще предстоит пройти – постигнуть очень трудно, как трудно ответить на вопросы, связанные с возможным влиянием цивилизационных достижений, нынешних и будущих, на ближнюю и дальнюю историю Человечества.

Прекрасно осознавая эти трудности, преодолевая или оговаривая индивидуальные подходы и гипотезы, авторы, тем не менее, попытались показать историю Человечества в совокупности как объединяющих, так и разрывающих ее тенденций, выявить адекватность понимания истории, ее естественной, сложной и противоречивой сути.

Думается, что одним из важных достижений «Истории» является объективное, научно обоснованное, покоящееся на огромном количестве как прежних, так и новых систематизированных данных понимание эволюции Человеческого рода от выделения предков человека из мира приматов примерно 60 млн. лет назад, затем этап за этапом превращения этой части животного мира в современного человека. Эта эволюция охватывала все континенты, проходила близкие превращения, хотя и в разное время, под влиянием аналогичных условий существования выявила колоссальную способность человека к адаптации в окружающем мире, его неразрывную связь с постоянно меняющейся экологической средой. Авторы, возможно, впервые в историографии в столь обобщенном виде показывают, как в различные периоды, в далеко отстоящих друг от друга регионах экологическая среда, изменение климата воздействовали на развитие человеческого общества в сходном направлении, что само по себе уже говорит об общности и подверженности единым законам бытия Человеческого рода.

Мне представляется, что издание «Истории человечества» несколько приглушило эгоцентризм поколения рубежа XX–XXI вв. и показало, что все мы, люди этого времени, лишь ничтожная часть единой, идущей из глубины тысячелетий мировой истории. Действительно,

лишь 5% этой истории, открытой 2,5–2 млн. лет тому назад появлением Человеческого рода, приходится на то время (с 5 тыс. лет до н.э.), которое считается историческим, т.е. обеспеченным письменными источниками, а 95,5% – на время, когда простиралась так называемая предыстория человечества, полная своих великих общественных свершений, духовных прозрений, технологических революций, массовых миграций, демографических взрывов. На долю же XX века приходится совсем ничтожная часть этой истории.

Мир постоянно менял человека, человек, меняясь с тысячелетиями сам, изменял существующий мир. Но вряд ли кто рискнет сегодня, особенно после выхода в свет этого издания, утверждать, что поколения, живущие в XXI в., свободны, несмотря на кажущееся могущество нынешнего человеческого разума, от тех же планетарных явлений и законов развития, с которыми столкнулись наши далекие предки, к которым они, как это показывает мировая история, успешно адаптировались и которые продолжают оказывать неодолимое влияние и на сегодняшнюю человеческую жизнь. Просто для того чтобы увидеть и понять хотя бы некоторые из этих процессов, вникнуть в сущность перемен, происходящих с человеком и с человеческим обществом, прикоснуться к происходящим с ними коренным сдвигам, меняющим ход истории, необходим, как показывает «История человечества», охват истории от 25–30 до 50–60 поколений. И это как минимум, и это в период уже письменной истории. Что же говорить о временах «доисторических». Погружение в хронологические глубины бытия отнюдь не меняет общих закономерностей развития Человечества.

Ключом к пониманию единства и особенностей развития различных групп людей на нашей планете, разнообразных регионов земли является, по моему мнению, использование трехуровневого цивилизационного подхода. Первый уровень охватывает основные признаки человеческой цивилизации, свойственные Человечеству в целом на различных этапах его развития. Второй относится к цивилизационным региональным особенностям, третий – к характеристике отдельных стран и народов. Все они взаимосвязаны, все простирается из общемировых цивилизационных параметров и покоятся на них.

К общемировым цивилизационным ценностям относятся прежде всего такие общие категории, как становление самого человека, его духовное и физическое совершенствование (например появление речи), развитие его разума. Именно первичность мысли, ее приоритет над экономическими, социальными и другими общественными категориями стали основой всего хода человеческой истории и определили цивилизационные черты как первого уровня, так и двух последующих. Человеческий разум создал цивилизацию как постоянно развивающуюся систему человеческих ценностей, куда входят основные технико-экономические показатели, социальные отношения, религия, искусство, культура, духовное развитие, образ жизни, система власти и общества, право, международные связи, военная организация, демографические процессы, взаимодействие человека с окружающей средой, миграции и т.д. И все это в постоянном развитии, становлении от глубин древности до наших дней.

Определяющими в этом цивилизационном развитии выступают такие действия людей, которые по мере освоения их значительными группами и на значительной части планеты круто меняют жизнь людей, давая начало новым виткам человеческой истории, перемене в образе жизни. К таким явлениям относятся овладение огнем, переход к производящему хозяйству, великие изобретения неолитической революции (гончарный круг, колесо, лодка и парус, лук и стрелы, рыболовный крючок и сети, зарождение прядения шерсти и ткачества и многое другое). А позднее – освоение плавки металла, период «городской революции», появление письменности, складывание универсальных

религий, зарождение научных знаний, дальнейшее развитие человечества и становление частной собственности и великих и драматических последствий внедрения в жизнь людей этого общественного института.

«История человечества» неумолимо включает все новые и новые цивилизационные параметры первого уровня, определяющие жизнь населения планеты: освоение конной тяги, что кардинально меняет систему передвижения и военную организацию, создание системы дорог, начало использования пороха и появление огнестрельного оружия, что резко повлияло на «взаимоотношения» как человека с животным миром, так и между самими людьми. Сюда же можно включить великие географические открытия, эпоху Возрождения, а затем эпоху Реформации, великие изобретения человеческой мысли XIX–XX вв. буквально во всех областях знаний, вновь изменившие мир и давшие новое направление мировой цивилизации. Социальными новациями стали выкристаллизовавшиеся за столетия и определившиеся к середине XX в. основные права и свободы человека, главные параметры гражданского общества.

Все эти новации охватили и охватывают всю планету. Благодаря высокому уровню трансляции человеческого опыта и знаний из более развитых регионов в менее развитые (скажем, металлургия зародилась в Западной Азии и оттуда распространилась на огромные пространства Старого Света), мобильности людей, миграционным и демографическим процессам, совершенствованию средств сообщения и связи эти важнейшие для изменения образа жизни людей новации становились неотъемлемым достоянием либо всего человечества, либо значительной его части.

Авторы «Истории человечества» отмечают, что все эти цивилизационные параметры (назовем их параметрами первого уровня) стали таковыми, поскольку они стали определяющими в наиболее продвинутых частях мира, стали диктовать цивилизационное развитие в основных региональных планетах, сосредоточились в так называемых ключевых культурных регионах, влияющих на мировую периферию. Концепция «ключевых регионов» и «периферии» и, добавим мы, наличие между ними так называемых буферных зон дает панорамную, постоянно меняющуюся картину цивилизационного развития мира, поскольку некоторые «ключевые регионы» по многим причинам, в том числе освоения «периферией» еще более новых цивилизационных параметров или, скажем, демографического взрыва, мощных колониционных процессов или продвижения там новаций социального характера, обгоняют в своем развитии старые центры и сами превращаются в новые «ключевые центры», обрстая собственной периферией.

В этой связи и встает вопрос о втором и третьем уровнях цивилизационного развития Человечества. В силу особых исторических причин отдельные регионы развивались вне магистральных цивилизационных путей, но имели свои специфические достижения, ставшие основой для их развития. Как показано в «Истории человечества», таковыми стали регионы Центральной и Южной Америки, Австралии, восточная часть Европы. Да и основная часть Европы – ее центральные и западные районы – до определенного времени оставались вне общих мировых достижений, которыми были отмечены продвинутые с V тысячелетия до н.э. регионы Северной Африки, Восточного Средиземноморья, Западной Азии, Индии, Китая, где зарождались мощные цивилизационные потоки, половодьем одолевшие позднее значительные части планеты.

Но существовали еще более замкнутые районы, отдаленные на тот или иной период от основных культурных центров и связанные с развитием отдельных народов или групп народов. Это был третий цивилизационный уровень. К таковым можно было бы отнести районы Сибири, Океании, части Юго-Восточной Азии и некоторые другие.

Однако все они – любой регион, любой народ – не выпадали из общей истории Человечества. Они приносили

и привносят в эту историю свой, пусть не универсальный, как ведущие регионы, но оригинальный и неповторимый опыт. Универсальная история и история отдельных регионов и народов тесно взаимосвязаны и подвержены взаимовлияниям. Каждый народ вносит свой неповторимый вклад в историю Человечества, что становится особенно очевидным по мере нарастания с каждым тысячелетием и столетием интеграционных мировых процессов. Каждый народ, удобряя почву цивилизации своим разумом, знаниями, опытом, своим трудом, наконец, своими жизнями, создает общий мировой цивилизационный фон, на котором развивается и совершенствуется весь Человеческий род.

Исходя из этих посылов, авторы «Истории человечества» и построили свой труд. В основу его периодизации положен тематически-хронологический принцип и асинхронный подход. Это означает, что вся история Человечества делится на периоды, которые определяются основными цивилизационными критериями, о которых шла речь выше и которые прокладывали, так сказать, «столбовую дорожку» Человеческого рода. Но вместе с тем совершенно очевидно, что понятия «неолитическая революция», «античность», «средневековье», «новое время» «современность», характеризующие набор этих основных критериев, вовсе не совпадают ни по времени, ни по сущности их основных цивилизационных качеств с развитием других регионов и народов, чье вовлечение в общий исторический поток по ряду причин либо замедлялось, либо было неполным. Не случайно сегодня в науке оспаривается вопрос об адекватном хронологическом соотношении понятий «средневековье» и «новое время» одновременно в истории стран Западной Европы и России. Столь же очевидна бессмысленность приложения понятия «античность» к регионам, скажем, Юго-Восточной Азии или Южной Африки, не говоря уже об Австралии и Новом Свете. И все же в рамках общей истории Человечества создается Всемирная, но не универсальная история, в условиях которой происходит развитие основных ведущих культур, обогащающихся свойствами иных культур, что и дает общее понимание их прошлой истории в ее целом. Основные же критерии периодизации выступают как важные ориентиры, как векторы всего развития Человечества от низших к высшим формам его существования.

В этой же связи отступает на второй план традиционный европоцентристский подход к мировой и региональным историям, когда такие явления, как Великая французская революция 1789–1793 гг. или начало первой мировой войны (1914 г.) неизменно становились определяющими гранями мировой истории, как впрочем и обращение Римской империи в христианство в качестве конца античности и начала средневековья, что прошло совершенно незамеченным для огромного азиатского региона, или важная для мусульманского мира дата Хиджры (исхода пророка Мухаммеда из Мекки в Медину), определившая начало мусульманского летосчисления, но совершенно незамеченная остальным, немусульманским миром.

«История человечества», построенная по асинхронному, тематически-хронологическому принципу, учитывающая основные стадии эволюции Человечества, его материального и духовного развития, заключена в семь томов. I т. посвящен «предыстории» Человечества и охватывает период от глубин древности до III тысячелетия до н.э.; II т. – от III тысячелетия до н.э. до VII в. до н.э.; III т. – с VII в. до н.э. до VII в. н.э.; IV т. – с VII в. н.э. до XVI в. н.э.; V т. – с XVI в. до XVIII в.; VI т. охватывает период XIX в. и VII т. посвящен истории Человечества в XX в.

Важнейшим вопросом всего издания «Истории человечества» является характеристика сущности тех эволюционных перемен, которые положены авторами в основу серии. Ответ на него прост и ясен: квинтэссенцией всей истории Человеческого рода, как видно из анализа, принятого авторами, является качество жизни, совершен-

ствование образа жизни людей, прогресс человеческой личности в рамках как индивидуальных, так и коллективистских усилий, прогресс, базирующийся на вечных человеческих цивилизационных ценностях, основными из которых являются права и свободы людей, частная собственность. Люди испокон веков стремились к благоденствию, удобствам, комфорту, к твердому и надежному жизнеобеспечению, и в этом смысле история Человечества также является единой и неделимой, хотя не существует измерений, на которых можно было бы построить понимание этого благоденствия и, если угодно, счастья в те или иные периоды истории. Но общая тенденция ясна. Правда, путь к этому прогрессу длителен и противоречив, откаты на этом пути глубоки и порой необратимы, но Человечество в целом и в отдельных своих частях, даже в малых ячейках, упорно, день за днем, год за годом, век за веком продвигалось и продвигается по пути к материальному и духовному совершенствованию своей жизни, улучшению ее качества.

И все же история Человечества продолжается и наступивший XXI в., как и предшествующие периоды истории, дает ему на этом пути новые рычаги, новые возможности, новые надежды.

* * *

III том «Истории человечества» посвящен периоду между 700 г. до н.э. и 700 г. н.э.

Именно в это время произошли коренные изменения в жизни одной из, кажется, избранных самим Провидением частей нашей Планеты – Европы и Западной Азии, которые на долгие века в качестве ключевых культурных регионов определили путь развития всего Человечества. Именно здесь колоссальные технологические и культурные новации (использование железа, новых видов оросительных систем, освоение конной тяги в мирной жизни и в военном деле, резкое увеличение мобильности населения благодаря строительству дорог, освоение алфавитного письма, зарождение универсальных религий и самой мощной из них – христианства, превращение научных знаний в саморазвивающиеся системы) привели к общему цивилизационному продвижению человеческого общества во всех сферах жизни – в экономике, культуре, политических тенденциях, социальных отношениях, определили общее повышение качества жизни людей, в первую очередь в регионах Средиземноморья и Азии, к резкому демографическому скачку именно в этих регионах, где между 500 г. до н.э. и началом н.э. население выросло со 120 млн. до 250 млн. человек, из них 4/5 приходилось на зону классических европейских культур и азиатских империй.

Расцвет греческих полисов и создание империи Александра Македонского, становление римской цивилизации, ее расцвет и упадок, Великое переселение народов, создание европейских варварских королевств, круто менявших политическую карту Европы, появление Византийской империи как моста между западной и восточной цивилизациями – все это находится в сфере внимания авторов III тома, как и тогдашняя периферия – Северная Африка, Балканский полуостров, Северная Европа вплоть до Скандинавии и Британских островов.

Наряду с этим в сфере исследований оказываются бурный поток миграций и социальных изменений (зарождение демократии как политического явления, складывание раннеевропейских империй, разработка правовых норм, многие из которых пережили века и дошли до наших дней, и т.д.), соотношение городской и сельской жизни, научных и духовных сдвигов, появление новых факторов в сфере международных связей, становление военной организации, которые определили развитие Человечества, устремленного уже к средневековью.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	III	С Региональная часть	
Предисловие к русскоязычному изданию «Истории человечества»	VII	Введение	115
<i>Коитиро Мацуура</i>		<i>Йоахим Херрманн и Эрик Цюрхер</i>	
Предисловие	VIII	I Западная Азия	117
<i>А.Н. Сахаров</i>		Введение	119
Список рисунков	XV	<i>Герардо Ньюли</i>	
Список карт	XVI	7 Западная Азия между 700 и 250 гг. до н.э.	121
Список иллюстраций	XVII	7.1 Ассирийцы и вавилоняне	121
Список таблиц	XX	<i>М.А. Дандамаев</i>	
Авторы	XXI	7.2 Иранские племена и персидская империя	124
Список сокращений	XXV	<i>Герардо Ньюли</i>	
A Краткий обзор	3	7.3 Упадок древней Персидской империи и развитие государства Селевкидов	129
<i>Йоахим Херрманн и Эрик Цюрхер</i>		<i>Г.А. Кошеленко</i>	
Б Тематическая часть	9	8 Западная Азия между 250 г. до н.э. и 224 г. н.э.	131
1 Общие представления о природе, философии и науке	11	8.1 Распад империи Селевкидов	131
<i>Дебитрасад Чаттопадхья, Лесли Гунавардана, Йоахим Херрманн, Фриц Краффт, Дэвид У. Филлипсон, Уильям Т. Сендерс, Натан Сивин и Эрик Цюрхер</i>		<i>Г.А. Кошеленко</i>	
2 Прикладные науки и техника	25	8.2 Парфянское царство династии аршакидов	133
<i>Йоханнес Г. де Каспарис, Дебитрасад Чаттопадхья, Лесли Гунавардана, Йоахим Херрманн, Фриц Краффт, Майкл Лёве, Доменико Мусти, Дэвид У. Филлипсон, Уильям Т. Сендерс, Р.С. Шарма, Натан Сивин и Эрик Цюрхер</i>		<i>Юзеф Вольский</i>	
3 Ключевые регионы и периферии	42	8.3 Империя сасанидов	136
<i>Йоханнес Г. де Каспарис, Ричард Н. Фрай, Йоахим Херрманн, Дэвид У. Филлипсон, Уильям Т. Сендерс, Ромила Тхапар и Эрик Цюрхер</i>		<i>Филипп Жинью</i>	
4 Идеологии и первые мировые религии	57	9 Аравийский полуостров до эпохи ислама	141
<i>Йоханнес Г. де Каспарис, Йоахим Херрманн, Тревор О. Линг, Дэвид У. Филлипсон, Уильям Т. Сендерс, Ниниан Смарт, Ромила Тхапар и Эрик Цюрхер</i>		9.1 Аравийский полуостров, появление «Счастливой Аравии» и государство химьяритов	141
5 Языки, письменность и литература	73	<i>Абдул Рахман Ал-Ансари (ред. Ричард Н. Фрай)</i>	
<i>Александр К. Аделаар, Вилт Л. Идема, Раймар Мюллер, Дэвид У. Филлипсон, Уильям Т. Сендерс и Ромила Тхапар</i>		9.2 Аравия перед исламом	143
6 Искусство и архитектура	92	<i>Абдул Рахман Ал-Ансари (ред. Ричард Н. Фрай)</i>	
<i>Йоханнес Г. де Каспарис, Ричард Н. Фрай, Йоахим Херрманн, Майкл У. Майстер, Дэвид У. Филлипсон, Анна Садурская, Уильям Т. Сендерс, Збигнев Сковрон и Ву Хун</i>		II Средиземноморье и история Европы	147
		Введение	149
		<i>Йоахим Херрманн</i>	
		10 Средиземноморье и его северные соседи до 300 г. до н.э.	151
		10.1 Греческий мир в эпоху античности и классическую эпоху	151
		10.1.1 Ранний период городов-государств	151
		<i>Рауль Лони</i>	
		10.1.2 Город-государство классической эпохи	154
		<i>Рауль Лони</i>	

10.1.3	Религия, философия, наука и техника <i>Клод Моссе</i>	157	11.4.1	Фракийцы, кельты, иллирийцы и даки <i>Александр Фол</i>	226
10.1.4	Язык и литература <i>Лучано Канфора</i>	164	11.4.2	Кельты, германские племена, славяне и сарматы <i>Йоахим Херрманн</i>	229
10.1.5	Искусство <i>Ангелос Деливорриас</i>	167	12	Упадок Римской империи и начала средневекового общества	
10.2	Александр и Македонская империя	170		От редактора	234
10.2.1	Формирование Македонской империи <i>Пьер Бриан</i>	170	12.1	Римская империя в IV и V вв. <i>Франсуа Паиу</i>	235
10.2.2	Культурные контакты между греками и Востоком <i>Пьер Бриан</i>	173	12.2	Христианство и христианская церковь между 284 и 476 гг. <i>Жак Фонтэн</i>	239
10.3	Этруски, италики и Рим	175	12.3	Нашествия, переселения, народные движения и упадок Римской империи	
10.3.1	Этруски и италики <i>Марио Торелли</i>	175		От редактора	245
10.3.2	Рим перед окончанием Второй Пунической войны <i>Луиджи Капогресси Колоньези</i>	178	12.3.1	Гунны <i>Йитван Бона</i>	246
10.4	Народы и племена к северу от Средиземноморья	184	12.3.2	Народные движения <i>Ригоберт Гюнтер</i>	248
	От редактора <i>Йоахим Херрманн</i>	184	12.4	Северные племена, племенные объединения и Римская империя	251
10.4.1	Скифы <i>Йонаш Харматта</i>	185	12.4.1	Борьба за выживание <i>Василики Патулия</i>	251
10.4.2	Фракийцы и иллирийцы <i>Александр Фол</i>	187	12.4.2	Эпоха Юстиниана <i>Яннис Караяннопулос</i>	253
10.4.3	Гальштатская культура, древние кельты и Скандинавия <i>Радомир Плейнер</i>	189	12.4.3	Нашествие славян и аваров (около 568–626 гг.) <i>Василка Таткова-Заимова</i>	256
11	Эллинистические государства и Римская империя в период между экспансией и кризисом: сообщества за пределами римских границ	192	12.5	Формирование племенных королевств между 400 и 600 гг. н.э.	
11.1	Эллинистические государства после Александра	192		От редактора	258
11.1.1	Политическая и общественная жизнь, философия, религия и литература <i>Эдуар Вилль</i>	192	12.5.1	Готы, вандалы, лангобарды <i>Хервиг Вольфрам</i>	259
11.1.2	Наука и техника <i>Клод Моссе</i>	201	12.5.2	Королевство Меровингов <i>Вальтрауд Бляйбер</i>	262
11.1.3	Эллинистическое искусство <i>Ангелос Деливорриас</i>	204	12.6	Римское наследие и истоки средневекового общества	267
11.2	Римская империя с конца III в. до н.э. до II в. н.э.	206	12.6.1	Проблема преемственности <i>Йоахим Херрманн</i>	267
11.2.1	Структурные изменения от ранней республики до империи <i>Клод Николе</i>	206	12.6.2	Экономическая основа и социальные структуры ранних средневековых обществ <i>Йоахим Херрманн</i>	269
11.2.2	Войны, реформы, революционные движения <i>Ян Буриан</i>	209	12.6.3	Римское идеологическое и культурное наследие <i>Йоахим Херрманн</i>	271
11.2.3	Начало христианства <i>Фридрих Винкельманн</i>	211	12.6.4	Византия и римские традиции <i>Васил Гюзелев</i>	273
11.2.4	Вклад Рима в научное и культурное развитие <i>Пьер Грималь</i>	213	13	Народы и племена Центральной, Северной и Восточной Европы	
11.3	Римские провинции в Африке, Европе и Азии	216		От редактора	276
	От редактора <i>Йоахим Херрманн</i>	216	13.1	Бритты, англосаксы, ирландцы и римское наследие <i>Кэтрин Хиллс</i>	277
11.3.1	Африка и Западная Азия <i>Хосе Мария Бласкес</i>	217	13.2	Балтийский регион: скандинавы, балты, финно-угры <i>Лех Лецевич</i>	280
11.3.2	Западная и Центральная Европа <i>Хосе Мария Бласкес</i>	219	13.3	Племенные общества Восточной Европы <i>В.В. Седов</i>	283
11.3.3	Анатолия и Юго-Восточная Европа <i>Велизар Велков</i>	222	13.4	Славяне, авары и королевство Меровингов <i>Йоахим Херрманн</i>	286
11.4	Северные племена, племенные союзы и их отношения с Римской империей	225	III Африканский континент		289
	От редактора <i>Йоахим Херрманн</i>	225		Введение <i>Дэвид У. Филлипсон</i>	291

14 Северная Африка	293	17.3 Формирование государств и империя Маурьев	367
14.1 Берберо-ливийцы <i>Рауль Лони</i>	293	18 Южная Азия с 200 г. до н.э. до 300 г. н.э.	372
14.2 Финикийцы <i>Брайан Х. Уормингтон</i>	296	18.1 Династии в северной части субконтинента; торговые и культурные связи	372
14.3 Киренаика и греческие колонии <i>Рауль Лони</i>	297	<i>Браджа Дулал Чаттопадхья</i>	
14.4 Римляне и их влияние <i>Брайан Х. Уормингтон</i>	300	18.2 Формирование государств на полуострове Индостан и на острове Шри-Ланка	382
14.5 Вандалы <i>Аммар Маджуби</i>	303	<i>Судхаршан Сеневиратне</i>	
14.6 Византийские провинции <i>Аммар Маджуби</i>	305	19 Южная Азия с 300 по 700 гг. н.э.	389
15 Долина Нила		19.1 Северный субконтинент	389
От редактора	307	<i>Р.С. Шарма</i>	
<i>Дэвид У. Филлипсон</i>		19.2 Полуостров Индостан	396
15.1 Египет	308	<i>Р. Чампакалакими</i>	
15.1.1 Период Напатского царства	308	19.3 Шри-Ланка	402
<i>Барбара Уоттерсон</i>		<i>Лесли Гунавардана</i>	
15.1.2 Саисский период	312	V Юго-Восточная Азия, Австралия с примыкающими островами и Океания	405
<i>Теофиль Обенга</i>		Введение	407
15.1.3 Персидское завоевание и последние местные династии	316	<i>Йоханнес Г. де Каспарис</i>	
<i>Мохамед И. Баقر</i>		20 Доисторический и ранний исторический периоды	411
15.1.4 Правители династии Птолемеев	318	<i>Р. П. Созджоно и Порнчай Сучитта</i>	
<i>Эрих Винтер</i>		21 Юго-Восточная Азия с 300 до 700 г. н.э.	421
15.1.5 Египет времен римлян и коптов	321	<i>Срисакра Валлибхотама и Дхида Сарайя</i>	
<i>Барбара Уоттерсон</i>		22 Австралия и Океания	437
15.2 Нубия	324	22.1 Австралия	437
15.2.1 Царство Куш	324	<i>Барри Дж. Канди</i>	
<i>Питер Л. Шинни</i>		22.2 Океания	439
15.2.2 Период после Мeroитского царства	328	<i>Питер Беллвуд</i>	
<i>Питер Л. Шинни</i>		VI Центральная Азия и кочевники	443
15.2.3 Раннехристианский период	330	Введение	445
<i>Стефан Якобельский</i>		<i>Ричард Н. Фрай</i>	
16 Африка к югу от Сахары	336	23 Культура кочевников Центральной Азии с 700 г. до н.э. по 300 г. н.э.	447
16.1 Неолитический период в Западной Африке	336	23.1 Иранские кочевые племена в Центральной Азии	447
<i>Алекс Икечухву Окпоко</i>		<i>Ричард Н. Фрай</i>	
16.2 Неолитический период в Центральной Африке	338	23.2 Археологические культуры Южной Сибири и Монголии	450
<i>Раймон Ланфранши</i>		<i>В.М. Массон</i>	
16.3 Неолитический период в Восточной Африке	341	23.3 Эллинистическая культура в Центральной Азии	454
<i>Дэвид У. Филлипсон</i>		<i>Г.А. Кошеленко</i>	
16.4 Народы Западной Африки в начальный период применения металла	343	23.4 Держава сюнну	457
<i>Нванна Нзевунва (ред. Дэвид У. Филлипсон)</i>		<i>Денис Синор</i>	
16.5 Аксумское царство на территории современной Эфиопии и его предшественники	345	23.5 Упадок Греко-Бактрийского царства: саки и индопарфяне	459
<i>Франсис Анфрэ</i>		<i>Ричард Н. Фрай</i>	
16.6 Ранние земледельческие народы Центральной, Восточной и Южной Африки	349	23.6 Возвышение Кушанского царства	461
<i>Дэвид У. Филлипсон</i>		<i>Ричард Н. Фрай</i>	
IV Южная Азия	355	23.7 Оазисные государства Центральной Азии	466
Введение	357	<i>Ричард Н. Фрай и Б.А. Литвинский</i>	
<i>Ромила Тхапар</i>		24 Культуры кочевников и городские культуры Центральной Азии с 300 по 700 г. н.э.	470
17 Доисторический и ранний исторический период (700–200 гг. до н.э.)	360	24.1 Народы и государства после распада Парфии в 226 г. н.э.	470
17.1 Археология и экология северной части субконтинента	360	<i>Вернер Зундерманн</i>	
<i>К.Т.М. Хегде</i>		24.2 Северные кочевники, Согдиана и Хорезм	471
17.2 Литература, археология и реконструкция истории периода с 700 по 400 гг. до н.э.	363	<i>Ричард Н. Фрай и Б.А. Литвинский</i>	
<i>Ромила Тхапар</i>		24.3 Города-государства бассейна реки Тарим	474
		<i>Вернер Зундерманн</i>	

24.4 Поздние Кушанские царства <i>Вернер Зундерманн</i>	477	27.2 Древняя Корея <i>Чжоу Илян</i>	523
24.5 Происхождение и подъем империи хионитов/гуннов <i>Вернер Зундерманн</i>	478	27.3 Древняя Япония <i>Чжоу Илян</i>	526
24.6 Подъем государства эфталитов <i>Вернер Зундерманн</i>	479	VIII Америка	531
24.7 Захват вассальных царств эфталитов западными тюрками <i>Йонаш Харматта</i>	480	Введение <i>Уильям Т. Сендерс</i>	533
24.8 Распространение тюркского владычества <i>Ильдико Эчеди и Вернер Зундерманн</i>	482	28 Северная Америка <i>Филипп С. Вейганд</i>	540
VII Восточная Азия	485	29 Центральная Америка	549
Введение <i>Эрик Цюрхер</i>	487	29.1 Переходный период от начальной к классической цивилизации <i>Уильям Т. Сендерс</i>	549
25 Государство династии Восточная Чжоу, 800–300 гг. до н.э. <i>Чан Кван-чи и Хсу Чун</i>	489	29.2 Классический период в Центральной и Южной Мексике <i>Уильям Т. Сендерс</i>	559
26 Ранние китайские империи Цинь и Хань (221 г. до н.э. – 220 г. н.э.)	499	29.3 Классический период цивилизации майя, 1–900 гг. н.э. <i>Норман Хаммонд</i>	568
26.1 Империя цинь <i>Чень Чи-юнь</i>	499	30 Южная Америка	581
26.2 Империя Хань <i>Чень Чи-юнь</i>	502	30.1 Формирование классического мира Анд <i>Луис Г. Лумбрерас-Сальседо</i>	581
26.3 Искусство и материальная культура в эпохи империй Цинь и Хань <i>Майкл Лёве</i>	509	30.2 Регион вокруг Карибского моря и бассейн рек Амазонка и Ориноко <i>Марио Саноха Обедьенте и Ираида Варгас Аренас</i>	589
27 Восточная Азия (с 200 по 500 гг. н.э.)	513	30.3 Южные рубежи андийской цивилизации и культуры юга Южной Америки <i>Альберто Рес Гонсалес</i>	597
27.1 Китай в раннем средневековье <i>Эрик Цюрхер и Фумимаса-Бунга Фукуи</i>	513	Хронологическая таблица	606

СПИСОК РИСУНКОВ

- 1 Всадник из Эрбунги
- 2 Фемиды, мифическая предшественница Пифии
- 3 Святилище Аполлона в Дельфах
- 4 Дорический храм Зевса в Олимпии («Олимпейон»)
- 5 Реконструкция укрепления в Хёнебурге
- 6 Диоптры простой и Герона Александрийского
- 7 Усовершенствованная метательная машина (катапульта) для метания камней
- 8 Общий вид купальной могилы знатного фракийца из Казанлыка (Болгария)
- 9 Укрепление и святилища в Градиште (Румыния)
- 10 Взаимоотношения между Римской империей и германской периферией
- 11 Рельеф колонны Марка в Риме
- 12 Реконструкция дворца Диоклетиана в Сплите, Хорватия
- 13 Изображение всадника-вандала на мозаике из Карфагена
- 14 Территории поселения эпохи Меровингов в районе Парижа
- 15 Фермерское образование: пример из Гладбаха вблизи Нойвейда (долина Рейна, Германия)
- 16 Береньяки – укрепленное поселение на холме в районе Рыбинска на Верхней Волге, относящееся к дьяковской культуре
- 17 Древние церкви в Нубии
- 18 Декоративные архитектурные элементы из Нубии
- 19 «Неолитические» гончарные изделия
- 20 Типы зданий, изображенных на древних рельефах
- 21 План храма Лад-Кхан в Айхале
- 22 Предметы из Сахайнь
- 23 Поделки из пещер Табона
- 24 Барабан из Донгсон, найденный в 1893–94 гг. в Нхутрак, Линьян, провинция Ханамнинь (Вьетнам)
- 25 Бронзовый барабан из пещеры Онгбах, округ Шрисават, провинция Канчанабури (Таиланд)
- 26 План Бейктхано-майю (город Вишну) (У Аунг Тхау)
- 27 План Бейктхано, составленный по аэрофотографиям
- 28 Предметы, найденные при раскопках кургана Аржан в Туве
- 29 Эскизы татуировки на мумифицированном теле из второго кургана в Пазырыке
- 30 Примерная периодизация искусства и религии Ирана и Центральной Азии
- 31 Языки Центральной Азии
- 32 Пенджикент, местонахождение XXV, фрагмент 26. Роспись на южной стене. Божественная пара: Веретрагна и Африти
- 33 Пенджикент, местонахождение XXV, фрагмент 12. Росписи в нишах на северной и западной стенах. Сцена поклонения
- 34 Литые железные орудия эпохи «Воюющих царств»: мотыги, лемех плуга, серп, лопата, топор и нож
- 35 Украшение в виде инкрустации на бронзовом сосуде эпохи «Воюющих царств»
- 36 Современная опытная реконструкция прибора, показывающего направление на эпицентр землетрясения, изобретенного астрономом Чжан Хэном
- 37 Современная реконструкция наиболее ранней модели магнитного компаса (I в. н.э.), который использовали для предсказаний
- 38 Историческая трансформация и разные стили написания иероглифа «телега» (вверху) и «лошадь» (внизу)
- 39 Периоды и этапы культурной истории Нового Света
- 40 Сооружения в Ньюарке, графство Линкин (Огайо)
- 41 Великий Змей, графство Адамс (Огайо)
- 42 Каминальную: профиль и план гробницы с сохранившейся бревенчатой крышей из кургана Е-III-3
- 43 Каминальную, план гробницы после удаления бревенчатой крыши
- 44 Исапа, стела 5, копия на кальке
- 45 Карта Центральной Исапы (Чьяпас)
- 46 Монте-Альбан, план центральной площади
- 47 Монте-Альбан, настенная роспись в гробнице 105
- 48 Монте-Альбан, план гробницы 118
- 49 Комплекс Эль-Тигре в Эль-Мирадоре, датируемый серединой доклассического периода, около 150 г. до н.э.
- 50 Подвеска из жада, найденная в Помоне
- 51 Тикаль, стела 29, с датой «долгого счета»
- 52 План Серроса, позднего доклассического центра на севере Белиза
- 53 Центральная часть Тикаля – основного центра позднего доклассического – позднего классического периодов
- 54 Реконструкция позднеклассического центра Тикаль
- 55 Стела 13 в Наранхо с датой «долгого счета»
- 56 Нефритовая голова бога Солнца Кинич-Ахау из гробницы в Алтун-Ха
- 57 Жилые постройки, погребальные курганы и приподнятые поля, Бахо-Сан-Хорхе, Колумбия
- 58 Хронологическая таблица для субрегионов Южных Анд

СПИСОК КАРТ

- 1 Маршруты армии Александра
- 2 Этруски и окружавшие их италийские народы (италики)
- 3 Рим в начале своего возвышения приблизительно в VIII в. до н.э.
- 4 План города Рима в конце архаического периода
- 5 Римские завоевания в Италии
- 6 Империя Александра и государства его преемников (диadoхов) в IV в. до н.э.
- 6 Продолжение
- 7 Эллинистический мир в III в. до н.э.
- 8 «Кельтский пояс» с V по III в. до н.э.
- 9 Появление германских племенных союзов и направления их набегов на Римскую империю во второй половине II в. и III в. н.э.
- 10 Гунны и Европа
- 11 Византийская империя в 565 г., в конце правления Юстиниана
- 12 Меровингское королевство, его происхождение и расширение с конца V до начала VIII в.
- 13 Англосаксонские королевства в конце V в. и в течение VI в.
- 14 Славяне в III–IV вв.
- 15 Группы славянских племен в V–VII вв. в Восточной Европе
- 16 Основные группы славянских племен и западная граница распространения славянских языков и материальной культуры в Центральной Европе в результате переселения в VI и VII вв.
- 17 Распределение берберо-ливийских народов и финикийских городов на побережье Африки
- 18 Киренаика
- 19 Мероитское царство
- 20 Нубийские царства
- 21 Южная Азия во времена империй Магадха и Ахеменидов
- 22 Южная Азия во времена империи Маурьев
- 23 Южная Азия в период династии Шунга и индогреческого господства с около 200 г. до 1 г. до н.э.
- 24 Южная Азия времен сатаваханов-шаков-кушан с около 1 г. н.э. до 300 г.
- 25 Полуостров Индостан и остров Шри-Ланка
- 26 Южная Азия в период правления династий Гупта-Вакатака около 300–550 гг. н.э.
- 27 Южная Азия в период правления династий Пусьябхурти и Чалукьев в 550–700 гг. н.э.
- 28 Юго-Восточная Азия
- 29 Карта, показывающая время заселения островов Океании.
- 30 Распределение австронезийских языков
- 31 Государство Ахеменидов
- 32 Западная Азия при Селевкидах и Парфиях
- 33 Шелковые пути
- 34 Китай перед объединением в единую империю около 250 г. до н.э.
- 35 Империя Цинь около 210 г. до н.э.
- 36 Империя Хань во II в. н.э.
- 37 Империя Хань и Центральная Азия около 100 г. н.э.
- 38 Граница между Севером и Югом около 440 г. н.э.
- 39 Корея в период Трех государств
- 40 Западная Япония в начале VIII в.
- 41 Культурные регионы Нового Света
- 42 Территория майя и основные археологические местонахождения с доклассического по постклассический период, 1000 г. до н.э. – 1500 г. н.э.
- 43 Распределение языков майя
- 44 Основные географические зоны территории майя
- 45 Перуанский культурный регион
- 46 Центральная Америка и Карибский бассейн
- 47 Современная Бразилия и пограничные государства. Расположение археологических памятников
- 48 Территории и регионы Южных Анд

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1 Ритон (сосуд для питья) из Эребуни (Ереван, Армения)
- 2 Персеполь, «Стоколонный зал» и город Ападана, вид с восточной стороны
- 3 Башня Ахеменидов в Нурабаде (историческая область на юге Ирана)
- 4 Голова парфянской женщины из Тал-Умара
- 5 Драхма с портретом Аршака I
- 6 Черепок с хозяйственной записью на арамейском языке из находок в Нисе
- 7 «Родоган» – мраморная статуэтка женщины из Нисы
- 8 Парфянский стрелок из лука, фрагмент керамической вазы
- 9 Изображение головы парфянского аристократа
- 10 Парфянский всадник на охоте, фрагмент печати
- 11 Изображение царя
- 12 Царь Бахрам Гур и его служанка охотятся на газелей
- 13 Монета Хосрова II
- 14 Надпись клинописью на трех языках (древнеперсидском, вавилонском и эламском) из Гандж-Нама, Хамадан (древняя Экбатана, город на западе Ирана)
- 15 Фасады захоронения в Мадаин-Салих, вырезанные в скале
- 16 Вырезанные в скале захоронения в Эль-Ула, Дедан – «Львиная могила»
- 17 Сцена из росписи на протокоринфской вазе («Ваза Чиги») из местонахождения вблизи г. Вейи
- 18 Шлем
- 19 Похоронная процессия: чернофигурный канфар (древнегреческий кубок для вина) из Аттики
- 20 Похоронная процессия с носилками на повозке; чернофигурный канфар из Аттики
- 21 Протоаттическая погребальная амфора из Элевсина
- 22 Чернофигурная амфора из Афин
- 23 Бронзовая статуэтка мужчины из Дельфов
- 24 «Дама из Осер», известняковая статуэтка с о. Крит
- 25 Мраморная статуя женщины, дающей обет с Акрополя
- 26 Западный фронтон храма Зевса в Олимпии с изображением битвы с кентаврами
- 27 Римская мраморная копия из Помпей бронзовой статуи «Дорифор» работы Поликлета из Аргоса
- 28 Мраморные скульптуры с восточного фронтона Парфенона, изображающие богов Олимпа, присутствующих при рождении Афины
- 29 Мозаичный пол из Помпей с изображением битвы Александра с Дарием при Иссе
- 30 «Пир» – роспись на этрусском надгробии из Тарквинии
- 31 Глиняная урна для праха в виде хижинки с погребальными приношениями с кладбища на римском Форуме
- 32 Бронзовая урна для праха в виде хижинки из Вульчи
- 33 Часть погребальных даров из усыпальницы Бернадини в Палестине
- 34 Часть стены в Риме, построенная шестым царем Древнего Рима Сервием Тулливом
- 35 «Отдых воина», декоративная золотая пластина
- 36 Гребень со скульптурным изображением скифов из кургана Солоха
- 37 Золотая ваза греческой работы из кургана Куль-Оба около г. Керчь в Крыму
- 38 Витое золотое ожерелье, покрытое синей и зеленой эмалью из Куль-Оба
- 39 «Морское чудовище», украшение одежды из Куль-Оба
- 40 Сцена братания, украшение одежды из Куль-Оба
- 41 Мифическая могила Орфея во Фракии, в Восточных Родопах, район г. Крумовграда, Южная Болгария
- 42 Ниши скального некрополя в Восточных Родопах, район г. Крумовграда, Южная Болгария
- 43 Галл, совершающий самоубийство после убийства своей жены
- 44 Скульптура головы философа, обнаруженная в море у Антикиферы
- 45 Афродита (Венера) Милосская
- 46 Скульптурный портрет Гомера, мраморная римская копия с оригинала
- 47 Фреска из Геркуланума с изображением нимфы Аркадии, Геракла и Телефа из мифа о Геракле и Телефе
- 48 Судья за работой. Рельеф Домития Ахенобарбуса
- 49 Спиралевидный фриз колонны Траяна в Риме
- 50 Базилика Св. Петра в Ватикане
- 51 Настенная роспись по штукатурке – украшение из Помпей
- 52 Римский мост и акведук (Пон-дю-Гар), Ним, Южная Франция
- 53 Триумфальная арка в Риме, воздвигнутая в память римского императора Тита
- 54 Римская площадь (агора) в Курионе, Кипр
- 55 Развалины в Декумане, Босра (Сирия)
- 56 Дворец в Трире, Германия
- 57 Римский театр (частично восстановленный) в Мериде, Испания
- 58 Восстановленная библиотека в Эфесе (Турция)
- 59 Куполообразная гробница знатного фракийца из Казанлыка, Болгария
- 60 Кельтская религиозная сцена на котле из Гундеструпа, Дания
- 61 Лицевая и обратная сторона триумфального медальона Константина, отчеканенного в Павии

- 62 Мозаичное изображение Христа как Гемоса (бога Солнца) на его колеснице
- 63 Саркофаг Юния Басса, хранящийся в Ватикане
- 64 Мозаика с изображением Св. Амвросия на стене часовни Сан-Витторе в Сель-д'Оро; церковь Сан-Амброджо, Милан
- 65 Римский император Феодосий Великий
- 66 Саркофаг конца IV в., использовавшийся как кафедра проповедника в церкви Сан-Амброджо, Милан
- 67 Монеты из клада Жиканес (*Szikanes*)
- 68 Гуннский позолоченный бронзовый жертвенный котел из Тёртеля, Венгрия
- 69 Обелиск в честь Феодосия I на ипподроме в Константинополе; Императорская ложа
- 70 Усыпальница Теодориха в Равенне, Италия
- 71 Страница Библии, переведенной епископом Ульфилой на готский язык
- 72 Точильный камень/скипетр из Саттон-Ху – кургана-кенотафа с остатками погребальной ладьи
- 73 Шлем из Саттон-Ху
- 74 Вид сверху на финикийский город Керкуан, Тунис
- 75 Вид сверху на древнеримский город Тимгад, Тунис
- 76 Входные ворота византийской крепости Айн-Тунга (древняя Финьика) на дороге Карфаген-Тибесса на западе Туниса, вблизи г. Тебурсук
- 77 Руины христианской церкви в Эль-Гуссете, в 280 км к юго-западу от г. Туниса у границы с Алжиром
- 78 Голова статуи фараона Тахарка из черного гранита
- 79 Соглашение о разделе урожая, написанное демотическим шрифтом на папирусе
- 80 Статуэтка Панфея (*Panthea*) с магическими надписями
- 81 Бюст – часть статуи неизвестного мужчины
- 82 Стела в честь бога Анубиса с надписями иероглифами и на греческом языке
- 83 Скульптурный портрет чиновника из Мемфиса
- 84 Фасад храма в Хнуме, Эсна, Верхний Египет
- 85 Портретное изображение на мумии
- 86 Царские пирамиды в Мероэ, Судан
- 87 Стела (часть) из стеатита с надписью на мероитском языке из храма Амона в Мероэ
- 88 Царская корона из Баллана
- 89 Терракотовая фигура культуры нок
- 90 Монета с изображением Эндибиса, правителя Аксумского царства
- 91 Городище Матара, Эритрея
- 92 Гончарное изделие из Накапулы, Замбия
- 93 Скульптурное изображение головы из Лиденбурга, Трансвааль
- 94 Древняя индийская печь для перегонки цинка
- 95 Капитель Ашоки со львами на пилястре из Сарната; полированный песчаник
- 96 Капитель с быком на пилястре из Рампуры; полированный песчаник
- 97 Бедса, внутренний зал, капитель столба веранды
- 98 Карли (Карла), внутренний зал пещерного храма
- 99 Якши (полубожественное существо) Сварсана из Бхархута; полированный песчаник
- 100 Большая ступа в Санчи, сакральное сооружение с буддийскими реликвиями
- 101 Нашик, религиозный центр, пещера №10, фасад
- 102 Статуя Канишки из Матхуры; пятнистый красный песчаник
- 103 Скульптура сидящего Будды из Гандхары; серый сланец
- 104 Тахт-и-Бахи
- 105 Часть выгравированной крышки ящика из слоновой кости; Беграм
- 106 Два сидящих тхиртханкара (*thirtankaras*) из Матхуры; пятнистый красный песчаник
- 107 Сидящий Будда из Сарнатха; песчаник
- 108 Изображение Вишну из Матхуры; красный песчаник
- 109 Бхитаргаон, кирпичный храм, северная сторона
- 110 Бодхисаттва из Фондукистана; глина
- 111 Мамаллапурам, «Покаяние Арджуны» (деталь)
- 112 Надпись царя Мулавармана, правителя Восточного Калимантана
- 113 Статуя бронзового Будды
- 114 Четырехстрочная надпись на санскрите, восхваляющая Пурнавармана, царя Тарума на Западной Яве
- 115 Санскритская надпись на коническом камне, рассказывающая о строительстве длинного канала, вероятно, для регулирования затопления территории к востоку от современной Джакарты, где был найден камень
- 116 Доисторические расписные гончарные изделия из Банчианга, провинция Удонтхани, Северо-Восточный Таиланд
- 117 Выгравированный в римском стиле портрет на сердолике, найденный в Куанлукпаде, округ Кхлонгтхом, провинция Краби (Южный Таиланд)
- 118 Стеклобусины с изображениями лиц, подобные обнаруженным в Средиземноморье. Найдены в Куанлукпаде, округ Клонгтхом, провинция Краби (Южный Таиланд)
- 119 Стеклобусины и каменныебусины, найденные в Куанлукпаде, округ Клонгтхом, провинция Краби (Южный Таиланд)
- 120 Терракотовый куду (*kudu*) с изображением женского лица
- 121 Древнее изображение Шивы в виде *линги* из У-Тхонга
- 122 Древнее изображение Вишну из Южного Таиланда
- 123 Статуя Будды периода Дваравати, вырезанная в стене пещеры Кхаонгу в Ратбури, Таиланд
- 124 Каменное изваяние Будды, сидящего по-европейски, из г. Накхонпатхом (Таиланд), период Дваравати
- 125 Барельеф Будды в позе проповедника из г. Накхонпатхом (Таиланд), период Дваравати
- 126 Зубчато-штампованные орнаменты керамики культуры лапита с о. Эмбайтл (*Ambitle*), Папуа–Новая Гвинея;
- 127 Доисторический глиняный ритон из Луристана
- 128 «Звериный» стиль из Таджикистана
- 129 Золотая пряжка, найденная в Таджикистане, изображающая охотника на кабана
- 130 Подношения молящихся в буддийском храме; Аджина-Тепе, Таджикистан
- 131 Согдийские монеты китайского образца из Пенджикента
- 132 Статуэтка из слоновой кости; местонахождение Тахт-и-Сангин
- 133 Бронзовый алтарь с всадником; Южный Казахстан
- 134 Реконструкция повозки из 5-го кургана в местонахождении Пазырык
- 135 Каменный фриз в стиле Гандхары из Баглана
- 136 Правитель Бактрии из храма в Оксусе, Тахт-и-Сангин; алебастр
- 137 Фигура из Центральной Азии
- 138 Выполненная в форме глиняная фигурка из Кафиркала, Таджикистан
- 139 Гончарный сосуд из Термеза, Узбекистан
- 140 Типичные примеры стиля хуэй в украшении бронзовых сосудов эпохи «Воюющих царств»
- 141 Бронзовый контейнер культуры диань, Северо-Восточный Китай
- 142 Серебряное изделие с северной периферии Китая в эпоху «Воюющих царств» и времен древней империи
- 143 Терракотовая статуя лучника в панцире в натуральную величину
- 144 Реликвия свидетельствует о политике стандартизации первого императора династии Цинь (Цинь Шихуанди)
- 145 Два конных воина эпохи Хань – часть набора из 98 фигур, представляющих отряд кавалерии. Бронза
- 146 Рельеф на каменной плите из захоронения эпохи Хань

- 147 Воин-«варвар» на защищенном панцирем коне. Фигурка из земляной могилы государства Северная Вэй
- 148 «Дамы, выполняющие правила личной гигиены» – деталь с горизонтального рисунка-свитка «Указания руководительнице дворцовых дам», приписываемого Гу Кайчжи; чернила и краски по шелку
- 149 Древнейшая датированная китайская статуя Будды, близкая по стилю к школе Гандхары первых веков; позолоченная бронза
- 150 Одна из колоссальных статуй Будды (высота 13 м) в пещерных храмах Яньбяня на севере провинции Шаньси
- 151 Корона из листового золота, украшенная небольшими золотыми дисками и стеклянными бусами
- 152 Два гончарных предмета (*baniva*) – фигурки периода культуры гробниц
- 153 Основное здание наиболее важного святилища религии синто – Внутреннего храма (*Naiku*) в Исэ
- 154 Монастырь и храм в Нара, построенные по указанию князя Сётоку-тайси
- 155 Медные инструменты и украшения хоупвеллской культуры индейцев Северной Америки
- 156 Слюдяное украшение для одежды
- 157 Хоупвеллское захоронение
- 158 Гончарные изделия культуры хохокам
- 159 Монумент 10, Монте-Альбо, Гватемала
- 160 Стела С из Трес-Сапотес, Веракрус
- 161 Исапа, восстановленное сооружение 125 Е
- 162 Исапа, восстановленная площадка для игры в мяч из группы 5
- 163 Теотиуакан, Дворец Солнца, стоявший на базальтовой платформе-основании храма Солнца
- 164 Центральная территория Теотиуакана
- 165 Теотиуакан, вид храма Солнца с двором перед ним, Дворца жрецов Солнца, части Дороги мертвых; вид с запада на восток
- 166 Теотиуакан, вид на Сьюдаделу в восточном направлении
- 167 Теотиуакан, настенные росписи, найденные в жилых комплексах
- 168 Теотиуакан, дворец Кецальпапалотля на западной стороне площади Луны
- 169 Теотиуакан, украшенный скульптурами фасад дворца Кецальпапалотля, центральная часть Сьюдаделы
- 170 Монте-Альбан, пространственная модель Центральной площади
- 171 Монте-Альбан, дворцовая платформа-основание постройки М
- 172 Монте-Альбан, интерьер гробницы 4
- 173 Монте-Альбан, настенная роспись в погребении 104
- 174 Монте-Альбан, керамическая мужская фигурка
- 175 Монте-Альбан, нефритовая маска бога Бата
- 176 Таджин, модель Храма ниш
- 177 Таджин, скульптурный рельеф поля для игры в мяч, изображающий двух игроков, стоящих друг перед другом во время церемонии перед игрой
- 178 Ярмо, топор и веерообразный камень
- 179 Тикаль, храм I, построенный ок. 735 г. н.э. как погребальная пирамида великого правителя индейцев майя Ах-Какау, бывшего их царем в 682–734 гг.
- 180 Площадка для игры в мяч в Копане (реконструкция в виде рисунка Т. Проскуряковой)
- 181 Многоцветная ваза из захоронения Ах-Какау
- 182 Каменная скульптура, Сан-Агустин, Колумбия
- 183 Изображение летающей рыбы, томпак, Колумбия
- 184 Сосуд с красной росписью на кремовом фоне; многоцветная культура йохоа, Гондурас
- 185 Сосуд, украшенный многоцветными резными сюжетами. Многоцветная культура йохоа, Гондурас
- 186 Сосуд в виде животного. Многоцветная культура никоя, Коста-Рика
- 187 Топоры для церемониальных целей, вырезанные из камня, Никарагуа
- 188 Тарелка с многоцветным украшением, Кокле, Панама
- 189 Погребальная урна. Фаза марахоара, Бразилия
- 190 Глиняные покрывки для нижней части тела умершего. Фаза марахоара, Бразилия
- 191 Цилиндрический сосуд с резными модельными дополнениями. Фаза барранкас, Венесуэла
- 192 Крылатое шейное украшение (пектораль), вырезанное из раковины, Венесуэла
- 193 Ярмо, вырезанное из камня, вероятно, применялось в церемониях при игре в мяч, Пуэрто-Рико

СПИСОК ТАБЛИЦ

- 1 Абсолютная датировка некоторых местонахождений периода раннего и среднего плейстоцена в Европе
- 2 Изотопные кривые кислорода, наблюдаемые в пробах дна Тихого океана Y28-238, и палеомагнитная хронология
- 3 Западная Азия. Хронологическая таблица
- 4 Расчет расхождения форм на базе девяти замеров черепа для сравнения двух неандертальцев из Западной Азии и двух европейских неандертальцев с серией измерений образца из Тафоральта (Марокко)
- 5 Расхождение форм на основе девяти метрических признаков
- 6 Эволюция стиля в искусстве верхнего палеолита в Европе
- 7 Хронологическое расположение основных археологических культур верхнего палеолита в Западной Европе
- 8 Последовательность геологических горизонтов верхнего плейстоцена и палеолитических культур в Японии
- 9 Изменение уровня моря в северном регионе Австралии за последние 140 тыс. лет по материалам исследований на п-ове Хуон (Папуа – Новая Гвинея)
- 10 Хронологическое положение важнейших археологических стоянок древнейших общин охотников-собирателей
- 11 Хронологическое положение важнейших археологических стоянок западной части Южной Америки (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили)
- 12 Стоянки Западной Азии, в которых найдены растительные остатки, датируемые возрастом до 8 тыс. лет назад и ранее
- 13 Основные стоянки тропической Америки, в которых найдены растительные остатки, датируемые до 4 тыс. лет назад и ранее
- 14 Распределение по возрасту и полу ископаемых остатков животных, найденных в Анзабегово – стоянке эпохи древнего и среднего неолита на территории бывшей Югославии
- 15 Распределение видов в фауне раннего неолита в Южной Европе
- 16 Хронологическая таблица периода донеолита и неолита в Западной Азии
- 17 Первые обитатели Аравии и их культуры в геологическом контексте
- 18 Хронология наиболее важных культур неолита в Центральной Европе

АВТОРЫ

Аделаар, Александер К. (Нидерланды), специалист в области индонезийской исторической лингвистики. Стипендиат-исследователь Австралийского национального университета в Канберре. Стипендиат фонда им. Гумбольдта, Университет им. Гёте (Франкфурт-на-Майне). Старший преподаватель Мельбурнского университета

Ал-Ансари, Абдул Рахман (Саудовская Аравия), специалист в области доисламской археологии и истории Аравийского полуострова. Декан колледжа искусств Университета короля Сауда

Анфрэ, Франсис (Франция), специалист в области археологии доаксумского и аксумского периодов истории Эфиопии. Руководитель Французской археологической миссии в Аддис-Абебе

Бакр, Мохамед И. (Египет), специалист в области археологии и египтологии. Бывший председатель Египетской организации древностей (Каир)

Бельвуд, Питер (Австралия), специалист в области археологии и первобытной истории Юго-Восточной Азии и Океании. Преподаватель факультета археологии и антропологии Австралийского национального университета в Канберре. Стипендиат Австралийской академии гуманитарных наук

Бласкес, Хосе Мария (Испания), специалист в области древней истории Испании. Профессор Мадридского университета. Бывший директор Испанского института археологии (CSIC) и Испанского археологического архива. Член Академии истории (Мадрид), сотрудник Германского археологического института (Берлин)

Бляйбер, Вальтрауд (ФРГ), специалист в области истории раннего средневековья. Заслуженный профессор в отставке Университета им. Гумбольдта (Берлин)

Бона, Иштван (Венгрия), специалист в области археологии и истории бронзового века и раннего средневековья. Профессор археологии Будапештского университета. Член Венгерской академии наук

Бриан, Пьер (Франция), специалист в области истории Ближнего Востока (I тысячелетие н.э.). Профессор Университета Тулуза-II – Ле-Мирай

Буриан, Ян (Чешская Республика), специалист в области римской истории. Сотрудник Института греческих, римских и латинских исследований Чешской академии наук

Валлибхотама, Срисакра (Таиланд), специалист в области антропологии и археологии Таиланда. Адъюнкт-профессор отделения антропологии университета Силпакорна в Бангкоке

Варгас Арена, Ираида (Венесуэла), специалист в области археологии среднего течения Ориноко, Северо-Восточной Венесуэлы и Антильских островов. Профессор теоретической археологии Центрального университета Венесуэлы. Председатель Общества венесуэльских археологов

Вейганд, Филипп С. (Мексика), специалист в области археологии и этнографии Юго-Запада США и западной части Центральной Америки. Профессор-исследователь Колехио де Мичоакан. Ассоциированный исследователь Музея Северной Аризоны

Велков, Велизар (Болгария), ныне покойный, специалист в области римской истории и археологии. Профессор. Бывший директор Института археологии Болгарской академии наук

Виль, Эдуар (Франция), специалист в области древней истории. Заслуженный профессор в отставке Университета Нанси

Винкельманн, Фридрих (ФРГ), специалист в области истории церкви и истории Византии. Профессор, заведующий кафедрой церковной истории Ростокского университета

Винтер, Эрих (Австрия/ФРГ), специалист по иероглифическим надписям греко-римского периода. Заведующий отделением египтологии Трирского университета

Ученые звания, степени и должности, которые занимали (или занимают) авторы этого тома, приведены в переводе с английского издания «История человечества», том III, 1996 (Прим. ред.)

Вольский, Юзеф (Польша), специалист в области эллинистической истории и истории Ирана (период Аршакидов). Профессор Ягеллонского университета (Краков). Член Польской академии наук

Вольфрам, Хервиг (Австрия), специалист в области истории раннего средневековья. Профессор Венского университета. Директор Австрийского института исторических исследований

Ву Хун (США), специалист в области истории искусств и археологии Китая. Профессор Чикагского университета

Гонсалес, Альберто Рес (Аргентина), специалист в области археологии Южных Анд. Профессор Национального университета (Буэнос-Айрес). Сотрудник Национального института научных исследований

Грималь, Пьер (Франция), специалист по истории римского мира, латинского языка и литературы. Бывший профессор Сорбонны

Гунавардана, Лесли (Шри-Ланка), специалист в области социальной и экономической истории Шри-Ланки раннего средневековья. Профессор Университета в Перадении. Стипендиат Национальной академии наук Шри-Ланки

Гюзелев, Васил (Болгария), специалист в области истории средневековой Болгарии и Византии. Профессор Университета Св. Климента Охридского (София)

Гюнтер, Ригоберт (ФРГ), специалист в области истории поздней Римской империи. Заслуженный профессор в отставке Лейпцигского университета

Дандамаев, Магомед Абдул-Кадырович (Российская Федерация), специалист в области истории древнего Ирана и Месопотамии. Руководитель сектора Древнего Востока Института востоковедения, Санкт-Петербург

Деливорриас, Ангелос (Греция), специалист по классической археологии и древнегреческой скульптуре. Директор Музея Бенаки (Афины). Член правления Греческого археологического общества. Член Комитета по сохранению памятников Акрополя

Жинью, Филипп (Франция), специалист по эпиграфическому наследию эпохи Сасанидов и истории зороастризма. Профессор, преподаватель истории религии древнего Ирана в Практической школе высших исследований (Париж)

Зундерманн, Вернер (ФРГ), специалист в области среднеиранских языков и литературы, истории Центральной Азии и турфанского региона. Стипендиат-исследователь академического проекта по турфанским исследованиям Берлинско-Бранденбургской академии наук. Почетный профессор Института иранистики Свободного университета (Берлин)

Идема, Вилт Л. (Нидерланды), специалист в области истории китайской литературы. Профессор факультета китайского языка и культуры Лейденского университета

Канди, Барри Дж. (Австралия), специалист в области археологии и первобытной истории Австралии. Библиограф (антропология, археология) Австралийского института исследований аборигенного населения австралийского материка и островов Торресова пролива (Канберра)

Канфора, Лучано (Италия), специалист по древнегреческой и древнеримской литературе. Профессор Университета г. Бари. Редактор журнала «Quaderni di Storia»

Каспарис, Йоханнес Г. де (Нидерланды), специалист в области истории Южной и Юго-Восточной Азии. Заслуженный профессор в отставке Лейденского университета

Капогросси Колоньези, Луиджи (Италия), специалист в области римской истории и римского права. Профессор Римского университета

Караяннопулос, Яннис (Греция), специалист в области истории Византии. Член-корреспондент Австрийской и Болгарской академии наук. Заслуженный профессор в отставке Салоникского университета

Кошеленко, Г.А. (Российская Федерация), специалист в области ранней истории западной части Центральной Азии (развитие городских центров этого региона в эллинистическую эпоху). Профессор Института археологии Российской академии наук

Краффт, Фриц (ФРГ), специалист в области истории науки (в том числе в области взаимодействия науки и цивилизации в эпоху античности и Ренессанса). Директор Института истории фармакологии, Марбург

Ланфранши, Раймон (Франция), специалист в области археологии народов банту, глава Археологического отделения SICIBA

Лёве, Майкл (Великобритания), специалист в области истории и материальной культуры эпохи Хань. Заместитель директора Исследовательского института Нидхема, Кембридж (Великобритания)

Лецевич, Лех (Польша), специалист в области археологии и истории Европы в поздней античности и раннем средневековье. Профессор Института истории материальной культуры Польской академии наук. Профессор Вроцлавского университета

Линг, Тревор Освальд (Великобритания), специалист в области истории буддизма в континентальной части Юго-Восточной Азии. Приглашенный профессор Института по изучению Юго-Восточной Азии Сингапура

Литвинский, Б.А. (Российская Федерация), специалист в области истории буддизма в Центральной Азии в средние века. Институт востоковедения Российской Академии наук

Лони, Рауль (Франция), специалист в области древней истории. Профессор Университета Нанси-II

Лумбрерас-Сальседо, Луис Гильермо (Перу), специалист в области археологии доколумбовых цивилизаций региона Анд. Профессор Высшего национального университета Св. Марка в Лиме

Маджуби, Аммар (Тунис), специалист в области древней истории и археологии Северной Африки. Профессор факультета гуманитарных наук Университета Тунис-I

Майстер, Майкл У. (США), специалист в области истории искусств. Профессор истории искусств и изучения регионов Южной Азии Университета штата Пенсильвания, Филадельфия

Массон В.М. (Российская Федерация), специалист в области истории Центральной Азии. Член-корреспондент Академии наук Туркменистана и Германского археологического института. Член Датской королевской академии наук и литературы и Лондонского общества древностей. Институт археологии Российской академии наук

Моссе, Клод (Франция), специалист в области истории Древней Греции. Профессор Университета Париж-VIII

Мусти, Доменико (Италия), специалист в области древней истории. Профессор Римского университета. Председатель ученого совета Института микенских и эгейско-анатолийских исследований (Рим)

Мюллер, Раймар (ФРГ), специалист в области античной философии и литературы. Профессор, член Академии наук (Берлин). Член Общества им. Лейбница

Нзевунва Нванна (Нигерия), ныне покойный, специалист в области африканской археологии и истории культуры

Николе, Клод (Франция), специалист в области римской истории. Профессор Университета Париж-I (Пантеон-Сорбонна). Член Академии надписей и изящной словесности, Париж

Ньоли, Герардо (Италия), специалист в области истории и философии древнего Ирана. Профессор Института востоковедения Неаполитанского университета. Президент Итальянского института восточных исследований, Рим

Обенга, Теофиль (Конго), специалист в области древней истории Африки и цивилизаций долины Нила. Профессор Браззавильского университета. Член Французского общества египтологии

Опкоко, Алекс Икечукву (Нигерия), специалист в области африканской этноархеологии и управления культурными ресурсами. Старший стипендиат-исследователь в области археологии Института африканских исследований Нигерийского университета (Нсукка). Вице-президент Нигерийской археологической ассоциации. Член редколлегии журнала «West African Journal of Archaeology»

Папулия, Василики (Греция), специалист в области истории Юго-Восточной Европы. Профессор Салоникского университета

Пашу, Франсуа (Швейцария), специалист в области поздней греко-римской античности. Профессор латинского языка и латинской литературы филологического факультета Женевского университета

Плейнер, Радомир (Чешская Республика), специалист в области древнейшей истории Чехии и первобытной истории Европы, в частности древней технологии. Сотрудник Археологического института (Прага). Доцент Карлова университета (Прага)

Садурская Анна (Польша), специалист в области классической археологии. Профессор Варшавского университета

Санеха Обедьенте, Марио (Венесуэла), специалист в области археологии Латинской Америки, аграрной истории в Старом и Новом Свете. Профессор Центрального университета Венесуэлы. Член Национальной академии истории Венесуэлы

Сарайя, Дхида (Таиланд), специалист в области истории Таиланда и Юго-Восточной Азии. Адъюнкт-профессор отделения истории факультета искусств Университета Чуалалонгкорна

Седов, В.В. (Российская Федерация), специалист в области археологии Западной Европы и этногенеза славян. Профессор Института археологии Российской академии наук

Сендерс, Уильям Т. (США), специалист в области антропологии и первобытной истории Мезоамерики. Профессор факультета антропологии Университета штата Пенсильвания

Сеневиратне, Судхаршан (Шри-Ланка), специалист в области древней истории Шри-Ланки и Индии. Профессор Университета Перадения (г. Канди)

Сивин, Натан (США), специалист в области истории китайской науки и медицины. Профессор китайской культуры и истории науки Университета штата Пенсильвания

Синор, Денис (США), специалист в области ранней и средневековой истории Внутренней Азии и сравнительной алтайской лингвистики. Заслуженный профессор в отставке (исследования Урала и Алтая) Университета штата Индиана. Почетный член Венгерской академии наук

Сковрон, Збигнев (Польша), специалист в области истории древней музыки. Преподаватель Варшавского университета

Смарт, Ниниан (США), специалист в области истории религий Южной Азии и сравнительного религиоведения. Профессор сравнительного религиоведения Университета штата Калифорния (Санта-Барбара)

Созджоно Р.П. (Индонезия), специалист в области первобытной истории Индонезии. Профессор филологического факультета Индонезийского университета. Сотрудник Национального центра археологических исследований

Сучитта, Порнчай (Таиланд), специалист в области первобытной истории Юго-Восточной Азии. Бывший доцент кафедры антропологии археологического факультета Университета Силпакорна, Бангкок

Ташкова-Займова, Василка (Болгария), специалист в области истории Балканского полуострова и Византии. Бывший заведующий сектором средневековой Византии и балканских народов Института балканских исследований. Адъюнкт-профессор Велико-тырновского и Софийского университетов и Академии изящных искусств. Член Международной ассоциации Юго-Восточной Европы

Торелли, Марио (Италия), специалист в области истории доримской Италии и искусства Древнего Рима. Сотрудник института этрусских исследований и Германского археологического института. Профессор Университета Перуджи

Тхапар, Ромила (Индия), специалист в области истории древней Индии, социальной и культурной истории Южной Азии. Профессор университета им. Джавахарлала Неру в Нью-Дели

Уормингтон, Брайан Х. (Великобритания), специалист в области римской истории. Бывший преподаватель древней истории Бристольского университета

Уотгерсон, Барбара (Великобритания), специалист в области древнеегипетского и коптского языков

Филлипсон, Дэвид У. (Великобритания), специалист в области африканской первобытной истории. Редактор журнала «African Archaeological Review». Куратор Археологического и антропологического музея Кембриджского университета

Фол, Александр (Болгария), специалист в области древней истории Юго-Восточной Европы. Профессор Университета Св. Климента Охридского (София). Директор Института фракийских исследований Болгарской академии наук

Фонтэн, Жак (Франция), специалист по христианской латинской литературе, позднеантичной цивилизации, западной культуре раннего средневековья и культуре вестготской Испании, а также по испанскому искусству (от раннехристианского до мусарабского). Член Французской академии надписей и изящных искусств, заслуженный профессор в отставке Университета Париж-Сорбонна (Париж-IV). Член Национального комитета Национального центра социальных исследований

Фрай, Ричард Нельсон (США), специалист в области древней истории Ирана и Центральной Азии. Заслуженный профессор в отставке Гарвардского университета

Фукуи, Фумимаса-Бунга (Япония), специалист в области истории религий Восточной Азии. Профессор высшей школы литературы Университета Васеда, факультет восточной философии. Член Академии буддийской школы Тендай

Хаммонд, Норман (США/Великобритания), специалист в области первобытной истории Мезоамерики (в основном цивилизации майя и их предшественников). Профессор археологии Бостонского университета. Стипендиат-исследователь Музея Пибоди Гарвардского университета

Харматта, Йонаш (Венгрия), специалист в области лингвистики и археологии. Профессор индоевропейского языкознания Будапештского университета. Вице-президент сектора языкознания и литературы Венгерской академии наук

Хегде, К.Т.М. (Индия), специалист по технологиям и металлургии Древней Индии. Бывший декан факультета археологии и древней истории Университета им. Махараджи Саяджирао (Барода)

Херрманн, Йохим (ФРГ), специалист в области первобытной и ранней истории Европы, истории Северного Средиземноморья в древности и раннем средневековье. Бывший профессор Университета им. Гумбольдта (Берлин). Бывший директор Центрального института древней истории и археологии. Член Берлинской, Варшавской, Софийской и Киевской академий наук. Член общества им. Лейбница (Берлин). Сотрудник Германского археологического института. Почетный доктор Афинского университета

Хиллс, Кэтрин (Великобритания), специалист в области англосаксонской археологии. Профессор археологии послеримского периода Кембриджского университета

Хсу Чжун (Китай/США), специалист в области истории древнего Китая доимператорской эпохи. Профессор Питтсбургского университета штата Пенсильвания

Цюрхер, Эрик (Нидерланды), специалист в области истории китайской философии и истории ранних отношений между Китаем и внешним миром. Профессор отделения китайских исследований Лейденского университета. Член Нидерландской королевской академии наук

Чампакалакшми, Р. (Индия), специалист в области истории Южной Индии (тамилский регион). Профессор Университета им. Джавахарлала Неру (Нью-Дели)

Чан Кван-чи (США), специалист в области археологии Китая. Профессор антропологии Гарвардского университета. Почетный профессор Шаньдунского, Сямьньского и Пекинского университетов

Чаттоподхья, Баджа Дулал (Индия), специалист в области истории древней Индии; бывший президент отделения древней Индии Индийского исторического конгресса; профессор Университета им. Джавахарлала Неру (Нью-Дели)

Чаттопадхья, Дебипрасад (Индия), ныне покойный, специалист по индийской философии и истории науки в Индии

Чень Чи-юнь (Китай/США), специалист в области древней и раннесредневековой истории Китая. Профессор Университета штата Калифорния (Санта-Барбара)

Чжоу Илян (Китай), специалист в области истории раннесредневекового Китая (в том числе китайско-индийских отношений и буддизма в Китае)

Шарма, Р.С. (Индия), специалист в области социально-экономической истории древней Индии. Профессор Университета им. Джавахарлала Неру в Нью-Дели

Шинни, Питер Л. (Канада), специалист в области археологии долины Нила и Западной Африки. Заслуженный профессор в отставке Университета Калгари

Эчеди, Ильдико (Венгрия), специалист в области древней истории центральноазиатского степного региона (в том числе отношения между кочевниками и Китаем). Профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт)

Якобельский, Стефан (Польша), специалист в области коптских и нубийских исследований и христианской археологии. Профессор Католической академии богословия в Варшаве. Сотрудник Польского центра средиземноморской археологии в Каире

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. – век
вв. – века
г. – год, город
гг. – годы
гл. – глава
град. – градус
илл. – иллюстрация
кв. – квадратный
кг – килограмм
км – километр
куб. – кубический
м – метр
мин. – минута
млн. – миллион
наст. в. – настоящее время
н.э. – наша эра

о. – остров
оз. – озеро
ок. – около
п-ов – полуостров
р. – река
рис. – рисунок
с. – страница
сек. – секунда
см. – смотри
см – сантиметр
т – тонна
табл. – таблица
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.п. – тому подобное
тыс. – тысяч
ч. – час

А

КРАТКИЙ ОБЗОР

КРАТКИЙ ОБЗОР

Йоахим Херрманн и Эрик Цюрхер

Темой третьего тома «Истории человечества» являются исторические события и периоды и новые культурные, социальные и политические структуры, послужившие началом или открывшие новые пути в истории. В период с 700 г. до н.э. и до 700 г. н.э. было несколько поворотных пунктов, среди них такие, как широкое применение новых технологий, связанных с использованием железа, орошение земель или новые формы градостроительства. В Китае, Индии, Средиземноморье, Центральной Америке и в отдельных частях Южной Америки возникли так называемые классические культуры, названные так, вероятно, потому, что подняли культурную историю человечества на новый уровень, и их элементы, следовательно, могли возрождаться или восприниматься вновь и вновь на протяжении столетий вплоть до нашего времени.

Это был также период появления универсальных религий, таких, как буддизм, индуизм, христианство и (в седьмом веке) ислам. Эти универсальные религии открыли новые пути человеческих взаимоотношений и привели к формированию обширных культурных областей.

Важность событий и культурных нововведений этих столетий, обсуждаемых в данном томе, трудно переоценить. Наука в современном смысле, т.е. рациональный подход к явлениям и систематическому наблюдению природных явлений (а также в отношении явлений социальной жизни), развивалась в некоторых регионах «классических культур» особенно вокруг Средиземного моря, а также в очень ограниченном виде на Американском континенте. Тогда впервые наука начала развиваться, или пыталась развиваться независимо от мифов и религии как новый метод объяснения явлений природы и предназначения человека.

Многие из этих особенностей были связаны с коренными новшествами в средствах жизнеобеспечения человека. Людям того времени уже казалось очевидным, что человечество вступило в новый период – железный век. Греческие философы и, например, в литературной форме – римский писатель и поэт Лукреций Кар, различали три века: каменный, бронзовый и железный, последний из них определял условия современного им общества и жизни. По сравнению с прежними мифическими периодами истории героев и праотцов люди того времени рассматривали этот век как полный напряженности, неопределенности, перемен и опасностей. Писатели и философы имели все основания для такой точки зрения: по сравнению с предполагаемым счастьем и спокойствием прежних времен их эпоха казалась им полной борьбы и страданий; каждый день они могли лишиться своего состояния, а их свобода могла превратиться в рабство.

С другой стороны, очевидно, что железный век открыл новую волну эволюции. Железо, черный металл, были уже

открыты ранее, но использовались мало. Только с VII в. до н.э. его начали широко производить и использовать в большинстве регионов от Китая и Индии до Западной Европы и от Африки южнее Сахары до Скандинавии. Это был культурный феномен исключительной важности. В течение нескольких столетий знание тонкостей технологии производства железа распространилось по обширным частям Азии, Европы и Африки; только Американский континент, Австралия и тихоокеанский регион были исключением.

Технология производства железа была различной в разных регионах. В Китае, основываясь на высоко развитой технологии производства бронзы, его плавляли и отливали. Мастера в Китае знали, как получить высокие температуры (на несколько сотен выше 1300 °C), необходимые для обработки железной руды. Но такие высокоразвитые технологии могли применяться только в специальных мастерских, принадлежащих правителям или государству. Поэтому в Китае производство железа и отливка железных изделий стали монополией государства. В других частях мира, где имелась железная руда, технология развивалась на более простом уровне. Мастера с трудом могли достичь температуры выше 1300 °C, но эти температуры были недостаточны для того, чтобы выплавить железо из руды, при них получалось лишь губчатое железо, которое нельзя было отливать, но можно было обрабатывать молотом и ковать – применять более трудоемкую технологию, позволяющую производить долговечные инструменты. Профессия кузнеца появилась во всех этих регионах. Преимущество данной технологии было в том, что ее трудно было монополизировать, поскольку она могла применяться повсюду людьми, работающими с очень простым оборудованием, намного более простым, чем то, которым пользовались китайские мастера. В Греции, например, в VII в. многие деревни обычно полностью обеспечивали себя железом и имели своих собственных кузнецов. И даже вне регионов так называемых классических культур, например, в Африке или Центральной, Восточной и Северной Европе, железо производилось простыми средствами и было широко доступно людям. Железные инструменты можно было получать ковкой. В начале VII в. производились различные виды оружия: кинжалы, наконечники для копий и стрел, мечи и другое военное снаряжение. Но в то же время крестьяне и ремесленники начали ковать железный инвентарь и инструменты для своей собственной работы. И в Южной и в Восточной Азии использование плугов с металлическими наконечниками стало решающим фактором при выращивании риса и других зерновых культур.

Таким образом, в начале железного века, в период до V или IV в. до н.э., многие сообщества достигли новой технологической ступени и нового технологического уровня мышления.

Почти в то же самое время появились новые системы доставки воды к полям посредством специальных систем каналов, колодцев и водяных колес. Позднее, в период эллинизма был изобретен гребной винт. Появились специальные технологии в производстве и архитектуре, при этом возникали целые профессиональные и социальные группы. Примерно в середине периода, описываемого в этом томе, римские инженеры и архитекторы построили монументальные акведуки и дамбы для обеспечения растущих городов водой. Были построены мосты, некоторые из них используются и в наши дни, а также длинные виадуки и магистральные дороги, хорошо оборудованные гавани и такие средства транспорта, как всевозможные колесницы, специальные суда и т.д. Как в Восточной, так и в Южной Азии, по меньшей мере, с V в. до н.э. отмечены впечатляющие достижения в способах консервации воды и общественном строительстве. В Китае основные работы производились на основе трудовой повинности (*corvée*), введенной государством; сюда включалось строительство больших каналов и плотин для обуздания Хуанхэ и ее притоков. В Южной Азии для орошения сельскохозяйственных площадей применяли рытье колодцев, устраивали запруды на реках, водоемы, использовали устройства для подъема воды. На местах строительство велось, главным образом, по частной инициативе; под императорским руководством строились только наиболее трудоемкие и крупные водохранилища.

Растущая мобильность людей, расширяющиеся связи и торговля сопровождалась развитием строительства дорог во всех основных регионах цивилизации. На самой ранней стадии сеть дорог могла разрабатываться с учетом примитивных торговых и скотоводческих соображений, но во многих случаях государства (и даже в большей степени – империи) решались на строительство крупных дорог преимущественно для передвижения чиновников, армий и торговых грузов. К началу нашей эры во всех основных цивилизациях появились сети крупных дорог, и это в свою очередь оказалось мощным стимулом для развития торговых связей между удаленными регионами.

В евразийских степях распространилось передвижение на конях; оно было освоено персами, древними греками, этрусками и представителями халлштаттской (*Hallstatt*) культуры в Центральной Европе. Этот способ передвижения обеспечил новые средства для быстрой перевозки грузов на большие расстояния и послужил началом нового рода войск – кавалерии. Конные воины-кочевники, покрывавшие в степях сотни километров за несколько дней, становились угрозой для старых регионов цивилизации до тех пор, пока этими регионами не был принят тот же метод ведения мобильной войны; раньше других его освоили персы. В короткое время персидские правители смогли создать обширную империю между степями Евразии и Египтом, базирующуюся на применении оружия из железа конными воинами. Это только один пример того, как технологические новшества прокладывали новые пути истории.

Нет сомнений, что за период, описываемый в этом томе, возникли новый менталитет, новое отношение к людям, их потенциалу, к природе; нельзя также сомневаться в том, что на эти изменения повлияло введение новых технологий.

Уже в начале железного века в Средиземноморье возникла новая форма письменности: алфавитное письмо. Основываясь на ранних формах письменности, разработанных в финикийских городах на юго-восточных берегах Средиземного моря, греки создали вполне развитый алфавит, т.е. систему, которая сделала возможным записы-

вать высказывания чисто фонетическим способом. Некоторые из наиболее важных символов прежних форм письменности использовались как алфавитные знаки с фонетическим значением. Сходная тенденция появилась в Персии и Египте, но именно в греческих областях Средиземноморья эта тенденция привела к введению настоящей фонетической транскрипции с согласными и гласными. Алфавит, разработанный в рамках санскрита, базировался на чрезвычайно прогрессивных фонетических принципах. В качестве одной из причин, почему так произошло, можно указать на растущие торговые связи между людьми различного этнического происхождения, говорящими на разных языках. Это обстоятельство привело их к созданию фонетического алфавита и к более общей форме письменности, использующей ограниченное число фонетических знаков, которые посредством легкой адаптации можно было применить для воспроизведения звуков любого языка.

Другим следствием динамизма железного века стало появление новых идей о других культурах, других людях, их истории и культурных достижениях. Это произошло сначала лишь в устных литературных формах, таких как эпос Гомера в Греции. Иногда исторические традиции могли в устной форме передаваться столетиями, прежде чем быть записанными; такое предположение было выдвинуто относительно древнеиндийской истории. В Греции более рациональная, по сравнению с Гомером, форма передачи исторических знаний возникла с появлением письменных трудов Геродота, которого можно уже было назвать первым историком; за ним последовали Фукидид и многие другие историки. Их основной целью (как и целью устной традиции) было подчеркнуть индивидуальность социальных групп в том виде, в каком они функционировали в городах-государствах – полисах. Другой целью было понять человеческую эволюцию в целом и отношения между различными сообществами людей.

Почти в то же самое время философы различных традиций пытались найти ответы на вопросы о человеческом бытии, обществе и природе в более универсальном смысле. Философские системы, которые пытались объяснить эти отношения, возникли в Китае и Индии, а также в Греции. Несмотря на различия, все они в большей или меньшей степени пытались выразить идею, что существуют естественные отношения между человеческой жизнью, природой и космическими явлениями, между небом и землей и между различными элементами, такими, как вода, огонь и ветер, и формированием материи. В этой связи неизбежным было обсуждение вопроса о человеческом знании и религии и способах приобретения философских знаний о природе и ее составляющих.

В таких условиях возникали различные области научного мышления. Одной из первых была астрономия в сочетании с математикой. Корни такого развития мысли можно найти в Месопотамии и Египте, начиная со II тысячелетия до н.э. В течение периодов времени, описываемых в этом томе, они приобрели существенное значение во всех основных областях цивилизации, включая Центральную Америку. Математика развивалась во всех «классических культурах» в сочетании с прикладной геометрией, техникой и архитектурой.

В некоторых культурах высокого уровня достигла медицина. Врачи пытались исследовать человеческое тело и обмен веществ, чтобы усовершенствовать методы лечения. В раннем средневековье греческие и римские медицинские знания частично сохранялись в письменных трудах исламских ученых и передавались ученым первых европейских университетов, начиная с XIII в. и далее. Аналогичным образом в Китае и Индии большая часть практических медицинских знаний тщательно собиралась и использовалась для лечения, а теория и практика медицины и фармакологии и по сей день основываются на принци-

пах, сформулированных в период развития классических культур, рассматриваемых в этом томе.

Менее развитыми были теоретические науки, такие как физика и химия. Но греки в период эллинизма внесли свой вклад и в эти области науки. Они создали, например, слово «атом» для обозначения мельчайшей единицы, существующей в природе. Атомы, как они полагали, сочетаясь, формируют природные феномены. Аналогичные теории «атомизма» развивались индийскими мыслителями приблизительно в начале нашей эры.

Все эти инновации и новые направления научного и культурного развития, конечно, имеют корни в определенных обществах и социальных системах и, в свою очередь, вносили вклад в дальнейшее развитие этих обществ. Как уже упоминалось, распространение железа, технологии изготовления железных орудий, других технологических новшеств, конного передвижения и перевозки грузов, новых форм водоснабжения и т.д. затронули образ жизни большинства людей в основных регионах и многих людей и племен на их периферии. Но в то же время во всех регионах, в которых возникали государства, только социальная и политическая элита имела доступ к высоко развитым формам культуры и науки. Их создавали и использовали представители элиты. Социальное деление между богатой элитой и простыми крестьянами и ремесленниками становилось более очевидным, чем когда-либо ранее. Прежние общественные институты были частично упразднены и заменены землевладением на основе частной собственности. Ремесленники становились независимыми, имея свою собственность, и формировали новые организации; используя в мастерских зависимую рабочую силу. В Греции эти тенденции привели к длительной борьбе между частными собственниками и зависящими от них людьми, которые были частично порабощены. В Афинах реформы Солона решили этот вопрос: ни один афинянин не мог быть рабом в Афинах. Борьба афинян за независимость открыла для них в результате многих других реформ путь к так называемой демократии полиса, которой суждено было просуществовать полтора столетия. Этот срок оказался достаточно долгим для развития новых идей демократии и ее институтов; идеи в конце концов возродились в Европе в XIX в., и некоторые термины, созданные в тот период, используются и сегодня. Но при форме социально-экономической и политической организации общества и государства, называемой полисом, обратной стороной свободы граждан и некоторых постоянно проживающих иностранцев, называемых *метеки* (*metoikoi*), оказалось рабство для многих других людей, не только в Афинах, но и во многих городах греческого мира.

Рабство появилось повсеместно в античном мире и длилось еще долгое время спустя. В некоторых областях, таких как Китай, трудовая повинность (*corvée*), практикуемая государством, имела большое значение; в Южной Азии в результате развития кастовой системы появились группы непривилегированных людей, которые в некоторых отношениях могут быть сравнимы с рабами. Во многих обществах военнопленные обычно обрекались на жизнь в рабстве. Тем не менее рабство как система было наиболее развито в Средиземноморье, и оно существовало с небольшими изменениями до конца Римской империи.

Одновременно с существованием демократии полисов в Средиземноморье появились крайние формы рабства. Людей – женщин, мужчин и детей – продавали и покупали на рынке как животных или иные товары. Специальные рынки рабов были расположены в центрах торговли и хозяйства, таких как на острове Делос. Количественные данные, к сожалению, скудны, но доступная информация позволяет предположить, что число рабов намного превышало число свободных граждан. Рабы в

большинстве своем были иностранного происхождения, их захватывали во время военных набегов или торговцы покупали их у вождей племен на периферии, и очень часто люди становились рабами после захвата их города. Таким образом, рабы обеспечивали формирование наиболее важного источника рабочей силы в некоторых регионах Средиземноморья. В последнем веке Римской республики социальное напряжение, вызванное этой системой эксплуатации, стало взрывоопасным, и в I в. до н.э. государство жило под бременем постоянного страха перед массовыми восстаниями рабов, некоторые из восстаний длились годами. В поздний период Римской империи рабство было в значительной степени заменено несколько менее угнетающей формой зависимости – *коллатом*.

Не только рабы и несвободные (*unfree*), но и зависимые люди не допускались к участию в социальной и политической жизни. То же самое относилось к женщинам во всех античных цивилизациях – женщины не имели политических прав, и нигде им не было позволено достичь социального статуса, даже отдаленно сравнимого со статусом свободных мужчин. Конечно, существовала определенная разница в положении женщины-рабыни, покупаемой или продаваемой на рынке, и жены свободного человека или высокопоставленного члена общества. Но даже в тех случаях, когда женщины повседневно пользовались исключительным материальным положением, они могли жить только в условиях патриархальной системы. Даже в высших кругах брак устраивался мужчинами – членами обеих семей, и сфера занятий замужней женщины ограничивалась домашним хозяйством. Обычно женщины, принадлежащие к элитным группам общества, не допускались также к высшему образованию и к участию в «классических культурах» в качестве творческих членов общества. Во всех культурах были исключения – женщины, добившиеся известности как художники, писатели или ученые, но и воспринимали их как исключения. Это не означает, что мужчины и общество не ценили женщин. Хотя женщины по своему положению и были зависимы, их жизнь и их существование были защищены правилами и законами, но всегда на основе патриархального уклада жизни.

В течение столетий, описываемых в этом томе, мы действительно узнаем о творческих, активных женщинах, принадлежащих к социальным уровням «великих людей» или связанных с ними, даже если сами «великие люди», может быть, происходили из низших социальных групп, даже из рабов. Тем не менее вне придворных кругов (где женщины время от времени пользовались большой властью), женщинам вообще не было позволено занимать руководящее положение в социальной и политической иерархии общества, если не придавать особого значения мифу об амазонках. В наиболее благоприятном случае женщины могли достичь ведущего положения в религиозной сфере или в качестве матери или жены правителя.

Одним из результатов периода рабства в Средиземноморье были брачные союзы людей различного этнического происхождения, т.е. с более низкими социальными группами или с элитой. Традиционные границы стирались до неведомой прежде степени. Все это формировало основу для появления новой идеологии или религии, не привязанной к этническому происхождению людей, в результате чего христианство стало доминировать как универсальная религия.

Подобные массовые перемещения населения имели место и в других ключевых регионах; например, при колонизации и депортации целых сообществ, как это бывало в Китае, Индии, Персидской империи и, возможно, также в Центральной Америке и Центральных Андах. Дополнительным фактором, способствующим распаду старых этнических сообществ и усилившим тенденцию к фор-

мированию новых культурных сообществ и культурных индивидуальностей, явилось поселение воинов со своими семьями в пограничных районах империй.

В ключевых регионах, как и на периферии, экономические и культурные новшества и урбанизация вели к демографическому взрыву. По оценкам, крупнейшие города имели население в несколько сотен тысяч человек: в Афинах во второй половине V в. до н.э. жило приблизительно 300 тыс., в Риме в I в. н.э. – приблизительно 350 тыс., в Александрии – около 200 тыс.; в VII в. н.э. Чаньань населяло по меньшей мере полмиллиона человек.

Некоторые источники указывают на то, что приблизительно в 500 г. до н.э. население планеты составляло около 120 млн. чел.; спустя 500 лет его численность достигла около 250 млн. чел. Из них 60 млн. жили в Южной Азии, 60 млн. – в Римской империи на берегах Средиземного моря и от 2 до 5 млн. – в Африке к югу от Сахары. В Центральной Америке можно предположить численность от 2 до 3 млн. чел., примерно столько же – в Центральных Андах. Цифру не менее чем 60 млн. можно принять для населения Индии и Парфянского царства. Как бы относительно ни были эти оценки, они, тем не менее, дают некоторое представление о распределении населения в мире. Около четырех пятых населения жило в длинном поясе «классических культур» и азиатских империй в регионах между 20 и 40 град. с. ш. в Средиземноморье и регионах к северу и к югу от него между 30 и 50 град. с. ш., а на Американском континенте – между 30 град. с. ш. и 30 град. ю. ш.

В период между VII в. до н.э. и VII в. н.э. не только образовалась цепь «классических культур» от Китая до Средиземного моря и в Америке, но и повысилась концентрация населения в этих районах благодаря нововведениям в экономике и культуре, связанным с этими ключевыми регионами развития.

Между ключевыми регионами и их периферией со временем развития сельского хозяйства и возникновения первых государств всегда существовали разнообразные взаимоотношения и конфликты. Общества в ключевых регионах пытались расширить свое влияние; богатство этих развитых регионов побуждало периферийные племенные сообщества к набегам, грабёжам или даже захватам. С началом железного века эта тенденция продолжалась и даже усилилась.

В Старом Свете ключевые культурные регионы, существовавшие в течение бронзового века, были отчасти захвачены пришельцами с северной периферии, которые затем создали новые социальные, политические и культурные структуры. Но вскоре они сами были вынуждены конфликтовать с племенами, пришедшими с периферии: с кочевниками из евразийских степей, арабскими и берберскими племенами на Аравийском полуострове и в Северной Африке и с сельскохозяйственными племенами в Центральной и Северо-Западной Европе. Борьба и войны, только изредка прерываемые мирными взаимоотношениями, формировали историческое и культурное развитие в этот период. Со второй половины IV в. эти периферийные силы совершали успешные набеги и покоряли регионы классических культур и их империи и строили свои собственные политические, военные и культурные структуры. В основном такие события сопровождалась упадком городской жизни и сокращением хозяйственных ресурсов, торговли и упадком культуры. С другой стороны, могли возникать новые культурные и исторические ключевые регионы, и они действительно возникали как на месте старых культурных регионов, так и на бывшей периферии. В период, рассматриваемый в нашем обзоре, можно найти целый ряд таких конфликтов. Империя Гупта противостояла империи Гепталита в Северной Индии, Средней Азии и Северо-Восточном Иране. Западной Римской империей завладели племенные королевства, последним из которых было Франкское государство. Византийская им-

перия потеряла большую часть своей территории в результате арабского вторжения после 633 г., и бывшие византийские территории южнее Средиземного моря вошли в состав Арабского Халифата. Вторжение аваров и славян с северных частей Византии привели в 568 г. к основанию Аварской империи или Каганата с центром в бывшей Паннонии. В 680 г. болгарскими и славянскими племенами было основано Болгарское царство. Оно стало наиболее мощным противником Византийской империи на севере и позднее доминировало в регионах между Черным морем и Салонийским заливом. В начале IV в. н.э. целый ряд полукочевых племен с северной и северо-западной пограничной зоны захватил северную половину Китая; они основали огромное количество довольно нестабильных и быстро разваливавшихся государств на китайской территории под управлением некитайской военной аристократии. В южных частях Китая сменявшие друг друга исконно китайские династии смогли удерживаться в течение почти трех столетий раздоров. В случае с Китаем результаты завоевания и правления захватчиков с периферии не были столь далеко идущими, как в мире Средиземноморья, поскольку пришельцы скоро адаптировались к своему китайскому культурному окружению. В Центральной и Южной Америке аналогичные события привели несколько позже, между 700 и 900 гг. н.э., к упадку «классических культур».

Таким образом, во второй половине I тысячелетия н.э. происходили изменения во всем мире. Трудно или даже невозможно всякий раз обнаружить исторические связи и общие причины, которые вызывали эти культурные изменения почти одновременно в разных регионах мира, существовавших более или менее независимо. Может быть, существовало взаимодействие между общими и распространенными по всему свету изменениями в геофизических условиях жизни людей и историческим развитием. Исторические результаты отличаются, но их тенденция была одинаковой: распад классических культур и империй и возникновение новых, на первой стадии – часто региональных культур и государств; некоторые из них затем становились ключевыми регионами, обеспечивавшими дальнейшую эволюцию и расширение.

В результате, между V и VII вв. произошли коренные изменения. Было заложено основание для нового исторического периода – для средневекового общества с универсальными религиями и их институтами. Результаты научного и технологического мышления и концепции предыдущих периодов были частью восприняты, частью забыты, но так или иначе элементы античного наследия были переданы потомкам.

Важность универсальных религий, возникавших со второй половины I тысячелетия до н.э. и до VII в. н.э., трудно переоценить. Несмотря на их различия, эти универсальные религии имели некоторые общие черты: монотеизм или тенденцию к монотеизму (в виде сосредоточения на едином высшем божестве, но с принятием множественности божественных сил), безотносительно к этническим различиям; обещание вечности, вечной жизни или воскресения; принятие моральных заповедей, кодексов, предположительно установленных Богом для людей. В большинстве случаев такие божественные моральные кодексы коренились в древних социальных и этических идеях; они действительно могут быть приняты за отражение накопленного многовекового опыта в области морали. Кроме того, в той или иной степени все эти универсальные религии основывались не только на мифах и чисто религиозных восприятиях, но также на первоначальных философских идеях, сформулированных в более ранние периоды и теперь принятых, видоизмененных и поддержанных в религиозном контексте и включенных в религиозные догмы.

Особенности и основные положения универсальных религий были, конечно, различны. Христианство распространялось в условиях и при конфликтах в этнически разделенной империи, управляемой господствующим классом, и пыталось сплотить всех людей, независимо от их социального и этнического происхождения в христианское общество, привести их к христианской церкви. Перед Богом все люди были равны, и решение об их вечной жизни принималось Богом после того, как он оценивал их жизнь на земле в свете христианских принципов. Буддизм, джайнизм и индуизм пытались решить проблему страдания, предложив перспективу спасения от циклических воскресений. Буддизм проповедовал идеал монашеской жизни как пути, ведущего к спасению. Как буддизм, так и джайнизм, подчеркивали равенство людей и провозглашали универсальные моральные кодексы. В Китае религиозный даоизм направлялся к пониманию телесного бессмертия как пути избавления от страданий и непостоянства.

К самому концу периода, рассматриваемого в данном томе, начал распространяться ислам как великая универсальная религия, но этот предмет будет изложен в следующем томе.

Постепенно универсальные религии становились универсальными культурными системами, пропитанными своими собственными традициями. Культурная деятельность более высокого уровня, такая, как письменность, чтение, обучение, создание памятников искусства и архитектуры, основание школ и архивов, была неразрывно связана с этими традициями. В христианском мире универсальная религия стремилась монополизировать более высокие виды культуры и образования; в других регионах, в частности в Индии, религии стремились сосуществовать.

В Европе на основе традиций научного мышления и рукописей, сохранившихся главным образом в архивах религиозных учреждений, постепенно с XIII в. стало возможным возрождение наук, и первый подъем произошел в эпоху Возрождения, начиная с XIV в. В других цивилизациях такого повторного открытия классического наследия не произошло; там традиции не прерывались.

В течение столетий, описываемых в этом томе, главные регионы цивилизации были все еще в большой степени изолированы друг от друга. Наиболее важные изменения происходили в рамках нескольких ключевых регионов, более обширных культурных регионов и ранних империй. Поэтому сфера их влияния могла веками оставаться ограниченной рамками отдельного региона или культурной области. Часто требовалось длительное время, преж-

де чем они начинали влиять на развитие культурной истории в других регионах. В данном томе редакторы попытались следовать этой динамике. Поэтому было решено начать изложение с тематических глав, переходя затем к региональным главам, которые не всегда следуют в одном и том же порядке. Чтобы дать читателю панораму различных культурных регионов, событий, нововведений и дат, Международная комиссия решила включить в каждый том «Истории человечества» сводную таблицу. Было нелегко составить такую таблицу для этого тома, но, несмотря на недостатки, она может быть полезна читателю в качестве общей схемы эволюции в истории науки, культуры, технологии и социальных и политических событий в огромных областях нашей земли в периоды «классических культур» и ранних империй между 700 г. до н.э. и 700 г. н.э.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Наш долг – выразить благодарность многим коллегам, которые разным образом внесли свой вклад в подготовку этого тома. Наша задача как главных редакторов состояла в первую очередь в общем планировании и координации работы, выработке общих подходов, отслеживании временного фактора в течение почти четырнадцати веков и, главным образом, в осмыслении наследия цивилизаций, которые лежат далеко за пределами нашего уровня эрудиции. Ясно, что мы никогда не смогли бы этого сделать без постоянной поддержки и руководства со стороны региональных соредкторов и координаторов, чьи имена включены в список тех, кому мы выражаем признательность. В данном томе была сделана сознательная попытка представить эти четырнадцать веков культурного и научного развития в действительно глобальной перспективе, отдавая должное внимание всем основным цивилизациям Старого и Нового Света в сбалансированном виде, и очевидно, что такой подход может быть осуществлен только благодаря нашим совместным усилиям. То же самое, безусловно, справедливо и в отношении многих десятков авторов, которые внесли вклад в составление этого тома. Во многих случаях их тексты подлежали решительной переработке, иногда даже сокращению и изменению порядка изложения. Мы благодарны всем нашим выдающимся коллегам не только за их готовность написать статьи, но также и за предоставленную нам свободу в переработке плодов их труда и использовании их в качестве «строительного материала».

Б

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ, ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

*Дебинрасад Чаттопадхья, Лесли Гунавардана,
Йоахим Херрманн, Фриц Краффт, Дэвид У. Филлипсон,
Уильям Т. Сендерс, Натан Сивин и Эрик Цюрхер*

С VII в. до н.э. в различных частях мира делались первые систематические попытки объяснить происхождение вселенной, природы и ее явлений скорее философским, нежели религиозным образом. Предлагались философские системы, использовавшие абстрактные категории для определения некоторых основных элементов, в результате взаимодействия которых появились вселенная, земля, природа и даже сама жизнь.

В мире Средиземноморья греческие философы в качестве основы для своих философских систем выбрали такие абстрактные элементы, как «огонь», «вода» и «эфир» и позднее «атомы». Платон и Аристотель пытались найти решение, исходя из предположения, что «идеи» существуют вечно, независимо от природы и человечества. Считалось, что задачей философов должны быть выявление влияний и выявление содержания этих идей.

Какие бы ни строились системы, все они были основаны на предположениях о постоянном движении, изменении и развитии природы и окружающей среды. По теории Гераклита, *panta rei (panta rhei)*, все вещи движутся благодаря присущим им состояниям и причинам – вследствие противоречий и напряжений в природе или внутри материи.

Стабильность виделась большинству греческих философов только в отношении регулярности космических обращений, прежде всего Солнца и планет, и в положении звезд, которое считалось неизменным. Отчасти они могли следовать первым шагам, ранее предпринятым в этом направлении в Западной Азии и Египте.

Чтобы обнаружить влияние основных элементов и понять суть природных явлений, греки начали собирать факты, осмысливать астрономические и математические наблюдения и данные, ранее собранные вавилонянами и египтянами. Философские объяснения все больше сочетались с наблюдениями природных явлений. Это знаменует начало науки, как бы ни были неровны и неразвиты ростки начинавшегося научного знания.

Другой подход к философскому и научному мышлению можно наблюдать в Индии и Китае.

В индийской сфере культуры интеллектуальные понятия природы и человечества передавались от поколения к поколению с VII в. до н.э. Они связывались с именами Уддалаки (*Uddalak*) и его современника Яджнявалкья (*Yājñavalkya*). Поскольку нет прямых записей, трудно восстановить их первоначальные идеи или системы. Предполагается, что Уддалака основывал свою систему на принятии трех первичных элементов – ветра, дыхания и воды.

Отношения и напряжения между ними самопроизвольно вызывают изменения. Чтобы подчеркнуть его идеи о циркуляции веществ, говорили, что он проводил эксперименты; например, он растворял соль в воде и потом перегонял раствор, чтобы восстановить соль. Цель таких занятий была в выявлении реальностей природы.

Яджнявалкья в то же самое время (так можно заключить из более поздних источников) размышлял о фундаментальном принципе переселения душ. Жизнь, полная страданий в этом мире, казалась ему только переходным этапом к *брахман-атману (brahman-atman)* – к реальной жизни, к достижению *джьяна (jñāna)* в духовном мире, управляемом *анандой (ānanda)* или наслаждением.

Таким образом, ранние философские идеи относительно человека и природы открыли в Индии, как и в Греции благодаря Платону и Аристотелю, путь как к научному знанию, так и к религиозным системам, основанным на абстрактных идеях.

Подобно древним грекам, древние китайские мыслители были поражены регулярно происходящими и всеохватывающими процессами изменений и преобразований, но в отличие от греческих и индийских философов они не сосредоточивались на нахождении чего-либо стабильного и непреложного внутри или за пределами множества изменяющихся явлений. Они скорее концентрировались на *регулярности* самого изменения, понимая вселенную – «Небо и Землю», включающую человеческое общество – как чрезвычайно сложный организм, в котором все части взаимосвязаны. Совершенный порядок, который правит в человеческом – космическом *континууме*, динамичен, динамичными являются и великие силы, которые действуют внутри него: инь и ян, *дао* («путь», полная сумма всех природных процессов) и пять фаз, или пять элементов, которые понимались не как неизменные субстанции, а как движущие силы. Китайская научная мысль действовала в рамках этого «органического» видения мира. В пределах своих возможностей она достигла впечатляющих результатов. С другой стороны, тот факт, что в понимании китайцев человеческое общество и социальный порядок были составными частями космического целого, накладывал ограничения на развитие общества. В результате исследование социальных и политических феноменов рассматривалось как более важное, чем отвлеченное и объективное изучение природы.

Общие представления о природе в сочетании с астрономическими наблюдениями должны были существовать в регионе Анд и в центральных регионах Америки. На основе

данных, полученных путем наблюдения и при использовании математических методов, среди прочего создавались календари и развивались искусства прокладки каналов, архитектура и строительство дорог. Но в отличие от Средиземноморья, Индии и Китая, американские культуры не располагают источниками о развитии философских и иных систем, объяснявших природу. Тем не менее мы можем указать, что в Америке так же, как и в Китае, Индии, Греции и Средиземноморье, на различных уровнях начали появляться научное мышление и более или менее философское объяснение вселенной и природы.

Из-за слабого развития методов наблюдения, сбора и оценки данных и из-за трудностей объяснения первооснов философских систем первые шаги к науке часто были связаны с мифологическими основами и основами, почерпнутыми из религиозных верований.

Начало философских объяснений и научного мышления было тесно связано с урбанизацией и, как следствие, с расцветом более высокой цивилизации и сложными политическими реальностями. Одним из основных условий было овладение письменностью, которую можно использовать для передачи информации большему числу людей. Поэтому предполагают, что была взаимосвязь между урбанизацией, основанной на более высоком уровне продуктивности сельского хозяйства, изобретением металлических орудий, развитием новых ремесел, расширением торговых связей, развитием более эффективной формы письменности и расцветом философского мышления и различных отраслей науки.

ГРЕКИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ РИМЛЯНЕ

В рамках концептуального подхода многообразие различных форм естественных наук, получивших развитие в ходе истории, можно определить как систему взаимосвязанных утверждений, каждое из которых до определенной степени имеет право на существование; эти утверждения позволяют свести отдельные природные явления к некоторым общим проявляющимся принципам природы и показать их происхождение.

В истории человечества наука этого рода впервые встречается в эпоху античной Греции. Она в общих чертах развивалась философами до Сократа (VII – V вв. до н.э.) и позднее совершенствовалась Платоном и Аристотелем, придавшим ей форму систематического знания. Аристотель также заложил основы научной логики и методологии.

Греки восприняли многие конкретные знания (например, о созвездиях) и правила вычисления, установленные в ходе практических наблюдений и для практических нужд, накопленные соседними культурами Средиземноморья, и порой отгачивали их столетиями. В области геометрии и астрономии они поэтому рассматривали египтян и вавилонян как своих учителей. Разнообразная и противоречивая природа методов и «знания» их соседей действовала на греков стимулирующе и создавала у них потребность собрать все эти «знания» вместе и по-новому путем их систематизации в логической последовательности. Это привело к созданию математики и наук, развивавшихся вначале параллельно с математикой и позднее использовавших математические методы.

Предпосылкой для любого научного подхода к несубъективному миру, известному античным грекам под названием «природа», является предположением о том, что природа повсюду одна и та же и что природные процессы всегда управляются по одинаковым правилам; отсюда следует, что явление, которое наблюдается в природе, проявляется не только в тех специфических индивидуальных условиях, в которых оно наблюдалось, но есть, было и останется наблюдаемым во всех аналогичных случаях, во все времена и повсюду во Вселенной.

Это предположение возникло в Греции в VII или VI в. до н.э. Около 700 г. до н.э. Гесиод описал «процесс создания» мира и его нынешний неизменный «порядок», который еще представлялся ему в форме «теогонии» (т.е. родословной богов), но, тем не менее, был воспринят впервые, через новую интерпретацию существовавших до того мифов как приводящий к заключению, что «то, что есть сейчас, будет и всегда было» («Теогония», 38). По Гесиоду, в основе многообразного и изменяющегося мира лежит «постоянный» и «неизменный» порядок. Гесиод пока еще мог представить и описать этот порядок только в божественных пределах. Тем не менее в его мышлении эти божественные сущности были уже чем-то большим, чем субстанциями природы, такими, как «вода» (или «море»), «земля», «небо», «горы», «день и ночь», «деревья». В то же время абстрактными силами порядка, такими, как «любовь», «разногласия» и «закон», управлял Зевс (после победы этого высшего божества, которое никогда не должно было быть свергнуто вновь); и Зевс представлял «дух». Здесь мы находим первые указания на ряд основных положений греческой науки о природе, которая впоследствии приобрела конкретный вид, в частности, путем критического опровержения Гесиода. Настоящие основатели научного мышления, т.е. предшествовавшие Сократу представители натуральной философии и математики, происходили главным образом из Ионии – череды греческих островов и городов на западном побережье Анатолии (Милет, Колофон, Самос, Клазомены, Галикарнас и медицинские центры Книд и Кос (место деятельности Гиппократ, помимо прочих известных врачей), между которыми существовали тесные интеллектуальные контакты в дополнение к торговым связям.

Особая область знания и умозрительных описаний, в некоторой степени базирующаяся на философских теориях и предположениях и частично следующая традиции Гомера и Гесиода, развивалась в историографии. Она сочеталась с географией и этнографией. Геродот (около 490/485–425 гг. до н.э.) из Галикарнаса в Анатолии называют «отцом истории». Он первым попытался описать положение греков в историческом, географическом и этническом отношении в накопленной к его времени системе знаний. Его работа сосредоточивалась на периоде описании греко-персидских войн. У Геродота присутствует смешение рационального анализа и результатов его путешествий с пересказом мифов. Сильнее в своем анализе исторических отношений и событий был Фукидид (около 455–400 гг. до н.э.) Будучи представителем более молодого, чем Геродот, поколения, он описал историю Пелопонесской войны и пытался объяснить ее причины (см. 10.1.4 – Канфора).

Особые условия, связанные с «греческой колонизацией», были главным историческим фактором, который дал возможность грекам продвигаться по пути науки. Распространение греческой *ойкумены* на больших территориях вокруг Средиземноморского бассейна от берегов Анатолии, Западной Азии и Египта до Южной Франции и Испании, позволило установить интенсивные связи с более древними или отличными от греческих культурами, традициями, образами жизни и ландшафтами. Теперь, когда известны и расшифрованы вавилонские и египетские математические, астрономические и медицинские тексты, стало совершенно очевидно, что огромная масса знаний, основанных на опыте и, следовательно, непосредственно воспроизводимых, была греками просто заимствована у предшественников. Такое заимствование впервые появляется у Гесиода, Фалеса из Милета (например, в его предсказании затмения Солнца в 584 г. до н.э.) и Анаксимандра.

Широкое территориальное распространение греков в ходе истории заставило их принимать очень широкие представления о мире и богах и обусловило при этом возможные заимствования. Такое видение мира могло иметь

универсальное значение и легко вбирать в себя материал негреческого происхождения.

Следовательно, вполне логично, что греки воспринимали весь мир природы, который для них всегда включал богов или одного бога, как единое целое, которое везде построено на основе одних и тех же принципов – и в микрокосме, и в макрокосме. Наконец, исторические события побуждали их искать общие, единообразные и всеобъемлющие концепции, которые позволяли им чувствовать себя как дома в своем разнородном мире.

Поиск первооснов природы

В результате все явления природы должны были быть объяснены на основе одних и тех же принципов: знание, которое позднее должно было разделиться на теологию, философию и естественные науки, начиналось как единое целое. Для греков последующие различия между этими отдельными отраслями знания были только предметом акцентирования той или иной темы. Тот же принцип широко применялся в отношении науки о природе. Со времени Гиппократов, Платона и Аристотеля космология/астрономия и физика, так же, как и биологические науки – медицина, зоология и ботаника, – развивались из космогонии и включали донаучные эмпирические знания, заимствуемые время от времени у других народов. Каждая из этих дисциплин подчеркивала то или иное проявление жизни. После разделения «души», воспринимаемой как единственный источник жизни, на составные части, присутствие и другим формам существования, эти различные формы жизни прежде всего следовало «обнаружить».

Первоначальные основы таких космогоний и, следовательно, науки о природе, можно обнаружить в теогониях, подобных предложенной Гесиодом, которая, очевидно, была важным источником вдохновения для Анаксимандра. Его *анейрон*, все еще совершенно «неопределенная» сущность, или принцип, который действует как живое существо и дает жизнь возникающим противоположностям, был прозаическим осуществлением концепции Гесиода о первоначальном «хаосе». Анаксимен пошел еще дальше в определении «неопределенного воздуха» в качестве раннего принципа гилозоизма, согласно которому в основе всех вещей и субстанций лежит неодинаковая плотность; таким образом, он проложил путь для более поздней концепции «материи». Считают, что после Аристотеля близкие идеи развивал Фалес; рассматривавший воду как основу материи. Общим для всех натурфилософов Милета была идея об изменчивости природы, элементы которой несут в себе способность создавать живую материю (доктрина гилозоизма).

С другой стороны, теогония Гесиода уже особо выделяла неизменный духовный принцип порядка. Гесиод рассматривал «порядок» во вселенной как духовный и в то же время рациональный, который людям, следовательно, дано понять с помощью их интеллекта, благодаря вере в то, что «подобное познается подобным». Гераклит из Эфеса соответствующим образом интерпретировал принцип порядка, лежащий в основе меняющегося мира, как *логос* (*рацио* по-латыни); и еще до середины V в. до н.э. было даже введено греческое слово *космос*, означающее «(рациональный) порядок» или «декорум» как представление о всеобъемлющем «единстве» (о вселенной).

Почти монотеизм Гесиода вскоре трансформировался в полный монотеизм. Ксенофан развеял остаток мифов, окружавших единого бога, и интерпретировал его как чистый дух, не знающий эмоций и неспособный действовать по произволу. Впоследствии не будет ничего деспотического в мире, созданном таким богом или отданном под его управление.

Монотеизм в подобной форме был еще одной предпосылкой для возникновения науки о природе, и концепция единого бога как создателя и хранителя мира в конце римского периода позволила перейти к христианской вере с понятиями о природе языческо-эллинского происхождения, к неоплатонизму или к несторианским воззрениям, т.е. такой монотеизм позволил греческой науке о природе совпасть с христианскими воззрениями, а также быть воспринятой интеллектуальным миром арабского ислама после VII в. н.э. и до латинского средневековья, после чего она трансформировалась в современные естественные науки в эпоху европейского Ренессанса, в эру возрождения гуманизма.

Греки считали такой основополагающий принцип «началом» или «первоосновой» (*arché* – *αρχή* – термин, уже использовавшийся Анаксимандром), или как к «причине» (*aitia* – *αἰτία*, *aition* – *αἰτιον*); римляне перевели эти понятия словами *принцип* (*principium* – начало) и *кауза* (*causa* – причина). Эти термины с их концептуальным содержанием также нашли путь в европейские языки как иностранные или заимствованные слова.

Общее представление о природе (*физис*)

По аналогии с «природным» единством человечества, выведенным из опыта и первоначально воспринятым, а потом интеллектуально определенным в виде состоящего из нескольких составляющих, греки рассматривали и «единую вселенную», или космос, как органическое единство, наделенное душой, т.е. как живое существо со своей собственной душой. Такое представление имело настолько широкое хождение в греческом интеллектуальном мире, что ему дано было словесное определение в представлении о природе – греческий *физис* (*physis*), еще до того, как его можно обнаружить в древнейших дошедших до наших дней литературных источниках.

Природа как воплощение всех общих понятий и представлений не является синонимом Создания в терминах Платона или в христианском смысле, а служит планом, который лежит в основе Создания и который воплощен в нем. В некотором смысле он в одно и то же время является Создателем и Создателем, поэтому даже в отсутствие представления о Боге как Создателе он все же представляет в персонифицированном виде Природу как деятеля, как источник порядка и как хранителя. Таким образом, просвещенные греки после Платона уже не представляли более Природу только как творение одного или более богов, во что впоследствии, при христианстве, во времена средневековья и в более современную эпоху, вплоть до XIX в. вновь должны были верить представители естественных наук.

Интеллектуальные центры и школы

По мере того как царство лидийцев и персов расширялось к западу до расцвета греческих городов в Ионии (500–494 гг. до н.э.), за политическими восстаниями последовали Персидские войны, из которых Афины вышли как великая политическая и культурная сила. Бурные события заставили многих греков покинуть свою родную маленькую Ионию и искать поселения на более обширных пространных в колониях на Западе. Они, таким образом, могли распространять свой образ мышления даже в долитературную стадию развития; так, Ксенофан покинул Колофон около 545 г. до н.э. и поселился в свои молодые годы в Элее в Южной Италии, где основал свою собственную школу. Около 530/525 г. до н.э. Пифагор с Самоса переселился в Южную Италию, где основал религиозное и философское сообщество в Кротоне, с которым впоследствии

был связан значительный прогресс в математике. Последователи Пифагора работали в основном в Тарентуме, Метапонтуме и Сиракузах при дворе Дионисия I и Дионисия II (после 405 г. до н.э.), где были их встречи с Платоном. Левкипп покинул Милет и также переселился в Элею, где сопоставление натурфилософии, которую он изучил в Милете, и местной онтологии привело к рождению атомистики; около 450 г. до н.э. он основал собственную школу в Абдерах во Фракии для распространения своей теории. Демокрит, уроженец Фракии, стал его самым знаменитым учеником.

Тем не менее с середины V в. культурным и интеллектуальным центром греческого мира были Афины; город имел огромную притягательность для интеллектуальной элиты, некоторые представители которой, особенно софисты, основали там собственные маленькие школы. Посредством публичного просмотра трагедий и комедий Эсхилла, Софокла, Эврипида, Аристофана и других все свободное население вовлекалось в дискуссии о новом просвещенном мышлении. В то же время вырастали противоречия со старым консервативным образом мысли.

Одним из проявлений этого конфликта стала судьба Сократа, который был обвинен за проповедование своего учения, приговорен к смерти и казнен в 399 г. до н.э. Аристотель из Стагиры (384–322 гг. до н.э.), который как бывший ученик Платона основал собственную школу – Ликей (или перипатетическую школу), в 334 г. до н.э. из-за своей поддержки правителя Македонии также прошел через позорную экзекуцию. Он был предан суду националистической оппозицией во главе с оратором Демосфеном (323 г. до н.э.)

Уроженец Афин Платон уже основал свою первую постоянно действующую Академию в 375 г. до н.э., которая и после смерти своего основателя выжила как школа философии; помимо философии Платона, Аристотеля и неоплатонизма, главной дисциплиной, которую там изучали, была математика. Академия просуществовала около 900 лет, пока не была закрыта императором Юстинианом в 529 г. н.э. как бастион нехристианской философии. Период жизни школы, основанной Эпикуром в 307–306 гг. до н.э., был несколько короче, хотя она и просуществовала до 40 г. н.э., а школа стоиков, основанная Зеноном из Китиона около 300 г. до н.э., продолжала распространять свое учение до III в. н.э. пока оно не было поглощено неоплатонизмом. Одновременно с афинскими школами ведущие стоики, такие, как Сенека или Марк Аврелий, и эпикурейцы, такие, как Лукреций, действовали также в Риме.

После завоевания Афин Суллой в 86 г. до н.э. в литературе мы более не находим ссылок на существование Ликей как школы. Бывшие перипатетические философы Афин продолжали свою деятельность в Риме. Первое издание основных трактатов Аристотеля, осуществленное Андроником с о.Родоса, способствовало возрождению аристотелевой философии и науки. Основным оплотом этого мышления стал Мусейон, основанный Птолемеем Сотером в III в. до н.э. в Александрии и превращенный его последователями в важнейший исследовательский центр классической античности, в библиотеке которого насчитывалось около миллиона свитков. Мусейон частично был разрушен во время войн III в., особенно в 270 г. при римском императоре Аврелиане. В 391 г. была разрушена «Дочерняя библиотека» (филиал) в ходе восстания, организованного христианским патриархом Александрии. В середине VI в. император Юстиниан передал большинство рукописей в Константинополь. Немногие оставшиеся были уничтожены во время завоеваний Александрии арабами в 641 г.

В Мусейоне Александрии с самого его основания проводились экспериментальные медицинские, естественно-

научные, технические и математические исследования. Здесь работали такие математики, как Евклид, Аристарх из Самоса, Гипсикл и Аполлоний Пергский, а также древние механики Ктесибий и Филон из Византии и великий географ и математик Эратосфен, который руководил библиотекой с 246 г. до н.э. и до своей смерти приблизительно в 205 г. до н.э. Другие древнегреческие ученые, такие, как Архимед и Гиппарх, поддерживали тесные контакты с учеными из Александрии.

В римскую эпоху выдающимися представителями научной теории были Герон Александрийский (I в.), Клавдий Птолемей (II в.), Диофант Александрийский (III в.), Папп Александрийский, Феон Александрийский, его дочь Гипатия (IV в.) и великое множество толкователей математических, естественнонаучных и философских трудов. Другой научный центр, хотя и меньшей важности, был основан представителями династии правителей Пергама Атталидами. Гален происходил оттуда, он работал там во II в., а Ореибасий – в IV в. Оба были личными врачами императоров в Риме и Константинополе.

Язык науки

В философии и других науках греки оставили потомкам свой научный язык не только в Греции и в эллинизированных культурных областях бывшей империи Александра Македонского, но даже после того, как они стали римскими провинциями, и даже еще позднее в Византийской империи, Италии и, кроме всего, в самом Риме, несмотря на усилия таких людей, как Цицерон, латинизировать концептуальный мир греческой философии. Это отсутствие лингвистических барьеров обусловило возможность миграции ученых и распространения их знаний (так же, как и христианского богословия) по всей Римской империи и по государствам, которые позднее возникли на ее территории. Энциклопедические труды были написаны на латинском языке, среди них выделяются «Дисциплины» Варрона, «Десять книг об архитектуре» Витрувия, «Естественная история» Плиния Старшего, «Вопросы Природы» Сенеки, «Энциклопедия» Целса и «Учреждения» Кассиодора; на латинском языке писались и поэтические работы, такие как «О природе вещей» Лукреция.

Необходимость в переводе и представлении текста в виде монографии на латинском языке возникла только в конце V в. н.э., вслед за постепенным исчезновением греческого языка как языка образования, когда Боэций (480–524 гг. н.э.) опубликовал свои учебники по математическим дисциплинам («Квадривиум») и начал заниматься переводами и комментариями к трудам Аристотеля. Эти переводы продолжали создавать основу для обновления наук на латинском Западе, в особенности после возрождения династии Каролингов в конце VIII в. По иному пути пошло развитие в арабском мире с VII в.

Греческие математики

Первые законы математики с выводом верных в общем случае утверждений (теорем) в отношении геометрических феноменов с приведением доказательств мы находим у Фалеса (теорема Фалеса и теорема Пифагора, которые уже были известны в отношении особых случаев вавилонянам и индийцам). Следуя онтологии Парменида и парадоксам (апориям) Зенона, в математике были разработаны обратный метод доказательства (доказательство от противного) и метод аксиом. Эти законы (аксиомы, постулаты) состояли теперь из простых и понятных фактов и утверждений, которые постулировались, поскольку их нельзя было доказать (долгий диспут о видимой де-

монстрируемости аксиомы Евклида о параллельных прямых в конце концов привел в XIX в. к появлению неевклидовой геометрии).

Открытие учениками Пифагора иррациональности стороны и диагонали квадрата привели к появлению первых арифметических трактатов, которые в свою очередь создали первый «кризис фундаментальных принципов», из которого выросла геометрическая алгебра. Дальнейшие исследования учеников Пифагора о целочисленных отношениях в последовательностях гармонических звуков легли в основу теории пропорций (греческие математики полагали, что числа состоят из «единиц» и поэтому работали с пропорциями целых чисел, а не с дробями). Первые элементы планиметрии со строгой аксиоматической дедуктивной структурой, включающей в себя определения, аксиомы и постулаты, появились в конце V в.; эти подходы были усовершенствованы в Академии Платона (была разработана древнейшая форма стереометрии) и достигли высшего развития в «Элементах» Евклида (около 300 г. до н.э.) – работе, которая включила более ранние теории. Методы аппроксимации были дискредитированы; оставались доказуемыми только геометрические формы, построенные с помощью компаса и линейки согласно геометрическим принципам круга и прямой линии.

Достижения в практической математике, применявшейся для вычисления площадей и объемов, были получены Героном и Паппом из Александрии и римскими землемерами. Эти достижения появлялись благодаря перекрестному усовершенствованию более древних приближительных методов вычислений (использовавшихся египтянами, вавилонянами) и точных методов греческих математиков. Помимо географии в виде картографии и астрономического определения положения на местности (с середины V в. до н.э. уже была известна сферическая форма Земли благодаря Дикеарху, Эратосфену, Марину и Птолемею), математика также включала дисциплины, которые сводили движения тел, выраженные в абстрактных терминах в аналитическом виде, к простым повторяющимся составляющим, которые в свою очередь можно было рассчитать математически. Аналогичным образом астрономия была ответвлением математики. Система геоцентрической Вселенной, предложенная Птолемею приблизительно в 150 г. н.э., которая позволяла с высокой точностью предсказывать положение планет на основе сочетания однотипных орбит вращения, использовалась до конца XVI в.

Физика Аристотеля

Со времен Аристотеля математику и математические дисциплины более не причисляли к естественнонаучным дисциплинам, но считали «искусством», потому что их предпосылки (или принципы) не основывались на аксиомах, полученных опытным путем из наблюдения за природой; их основу составляли аксиомы, искусственно установленные человеком. Платон еще рассматривал математику как иллюстративное звено между «идеями», которые существуют, и «вещами», которые находятся в процессе образования; таким образом была развита идеалистическая математическая форма естественных наук. Аристотель, с другой стороны, приравнивал «идеи» как «формы» и «сущности» миру конкретных вещей, которые можно воспринимать с помощью органов чувств. Из-за невозможности воплощения идеальных математических законов и форм в материальном мире, Платон делал строго различие между этим миром и постоянным существованием вещей, являющихся только атрибутами идей, с одной стороны, и сферой идей и математики – с другой. По той же причине Аристотель считал,

что математика не является подходящим средством для приобретения сведений о природе, о физически воспринимаемом мире. Физика, которая могла играть такую роль, воспринималась им и после него как качественная наука, принципы которой должны определяться опытным путем.

Своим выбором принципов (причин) вещей и процессов Аристотель установил окончание целой эпохи исторического развития. Онтология Парменида положила конец гилозоистической точке зрения на изменчивую материю в природе; узнаваемость теперь подразумевала единообразное состояние сущностей. В V в. вещи, состояние которых явным образом изменялось и было переходным, интерпретировались как смеси и отдельные части неизменяемых частиц. Так, Эмпедокл постулировал существование четырех вечных неизменных первоэлементов (позднее они стали «элементами»): земли, воды, воздуха и огня; Анаксагор – бесконечность разнообразных бесконечно делимых субстанций («все вещи состоят из других вещей»), а атомисты Левкипп и Демокрит – бесконечность «неделимых» частиц, которые отличаются только своей формой, т.е. атомов.

Платон построил царство математически структурированных идей, которые должны были служить в качестве моделей и «формы» для материальных предметов. И вновь этому нематериальному аспекту было придано чрезмерное значение.

Аристотель провел различие между материей как принципом изменчивости в природе вещей и формальным принципом; тогда должна существовать «движущая сила» как причина этой специфической формы, а также цель или повод для того, чтобы форма проявилась. В основу каждой вещи и каждого процесса были положены четыре принципа (причины): причина материальная (*causa materialis*), причина формальная (*causa formalis*), причина движущая (*causa movens*) (современной физикой только последняя признается причиной) и причина конечная (*causa finalis*).

Полагали, что природные объекты движутся спонтанно, потому что они содержат внутри себя принцип своего собственного, специфического движения (живые существа в качестве такого принципа имеют душу), в то время как искусственные предметы всегда передвигаются благодаря внешней силе и искусственным средствам и, таким образом, не могут быть объяснены законами физики (механика и техника были поэтому отнесены к математическим «искусствам»).

Аристотель пошел дальше в разделении четырех типов движения; он выделил перемену места (только этот тип движения признается современной физикой), качественное изменение, количественный рост и убывание, а также первоначальное возникновение и окончательное исчезновение. Последнее возникает, когда свойство, «жизненно важное» для данного предмета, претерпевает такие изменения, что сам предмет прекращает существование. Если, с другой стороны, изменяемое свойство не является роковым, оно просто претерпевает изменения в данном предмете, который сам по себе продолжает существовать. Через трансформацию одного из существенных свойств четырех земных элементов, которые (сочетаясь различным образом) образуют «материальную» основу физических вещей (земля – сухая и холодная, вода – мокрая и холодная, воздух – мокрый и теплый, огонь – сухой и теплый), определенное сочетание материи и формы трансформируется в другой элемент. Аристотель считал, что для этого совокупной и неизменяемой «сущности» всех четырех элементов незачем когда-либо возникать «без формы», а наоборот, она всегда уже существует в «форме» одного из этих элементов. Алхимия, которая впервые появилась в III–IV в. в эллинистическом Египте, последовала за этой теорией элементов как основой натурфилософии.

Спонтанное движение элементов в пространстве, как полагают, направлено к цели своего «природного» назначения; для «тяжелых» элементов это был центр мира, так что геоцентрическая концепция происходила из теории элементов Аристотеля. Стойки и неоплатоники заменяли это понятие другим – божественным порядком. Эфир рассматривался как край конечного космоса, как пятый элемент (квинтэссенция), который движется по кругу, но, с другой стороны, не имеет свойств (и, следовательно, является неизменным) и может только принимать физическую форму концентрических сфер: небесные движения, следовательно, должны происходить из вращений (обращений) таких эфирных сфер. Это представление просуществовало до тех пор, пока оно не было пересмотрено немецким астрономом Иоганном Кеплером после 1600 г. Постулированный Аристотелем дуализм изменчивого земного мира и неизменяемой божественной Вселенной совпал с христианскими идеями, и его теория в несколько измененном виде просуществовала до XVII в.

Естественные науки и технология

Теория элементов Эмпедокла, особенно в изложении Аристотеля, касающаяся основных свойств, присущих элементам, и теория причин Аристотеля были столь же легко применимы к научному видению мира животных и растений. Морфологический принцип формы в соединении с теорией категорий позволил Аристотелю создать классификацию отличительных черт, которую он, однако, не развил в единый систематический подход к миру животных, так как не продвинулся далее определения отдельных видов; он лишь отметил сходные категории воспроизводства, поведения или питания, физического строения, органов и другие черты, обнаруженные у более чем одного вида, и провел различие между этими и иными, непохожими на них видами (выполнил *диагноз*). Его ученик, друг и последователь в качестве главы школы, Теофраст из Эреса (371–287 гг. до н.э.), развивавший ботанику, которой Аристотель не занимался и не писал о ней, лишь выделил низшие формы жизни (виды) и наиболее общие группы растений (деревья, кусты, кустарники, травы). Он дал названия приблизительно 500 видам растений, а Аристотель – 550 видам животных, которых он, как и Демокрит до него, подразделял на животных, имеющих кровь, и не имеющих таковой.

В биологических науках, включая медицину со времен Гиппократов, теория «пневмы» (*pneuma*) в качестве динамического принципа жизни играла важную роль. По существу она обосновывала принцип циркуляции крови.

Ботаника прогрессировала в классические времена, особенно благодаря использованию многих видов растений в лечебных целях, но она не получала систематического развития до I в. н.э. – до Педания Диоскорида из Аназарбы в Киликии, который жил в Риме и занимался этим предметом в своей работе по медицине (*materia medica*). Помимо практического опыта, его учение о жизненных соках заложило основы фармацевтической теории. Она использовалась в медицине в дополнение к теории питания Гиппократов. В этих целях ее в сочетании с теорией элементов Аристотеля использовал Гален при разработке стройной системы гуморальной патологии; согласно этой теории нарушение равновесия четырех жизненных соков, преобладание любого из которых, как он полагал, отражалось также в четырех температурах (кровь – сангвиник; слизь – флегматик; желтая желчь – холерик; черная желчь – меланхолик), приводит к болезни, которую следует лечить уравновешивающей терапией (диета, лекарства, полученные из трех природных миров, выпуск избыточных жизненных соков),

для того чтобы поддержать тело – подлинную «природу» и восстановить его здоровье. Теория форм Аристотеля также привела к утверждению, что внутренняя анатомия вышних живых существ всегда идентична; но несмотря на огромный прогресс, наблюдавшийся в конце периода эллинизма, когда в Александрии было разрешено расчленение трупов, анатомия, на которой основывалась медицина, оставалась наукой о внутреннем строении животных, главным образом свиней и обезьян.

Большинство технических приспособлений, используемых греками и римлянами в их повседневной жизни, уже существовали ранее у их предшественников в регионах их расселения и в соседних культурах; технические новшества в большинстве своем легко перенимались различными культурами в ходе торговли или войн. Понятие «затраты времени» имело малое отношение к отдельным поискам в области новых технологий до нашей эры; основные проекты осуществлялись при использовании огромных армий обездоленных работников. Технология в целом имела тенденцию к застою на существовавшем уровне из-за того, что по крайней мере в великих империях, раскинувшихся от Средиземноморского бассейна до Китая, не было настоящей необходимости в сокращении затрат времени или труда. По указанным причинам ситуация стала иной в греческом мире; тем не менее греческая технология тоже характеризовалась, главным образом, максимально возможным применением относительно простых технических приспособлений и развитием специальных навыков их применения.

Древние греки и римляне рассматривали технологию как соперничество с природой, но не просто как направление природных сил в некоторое русло благодаря человеческим усилиям, во что позднее верили представители западной христианской мысли, подготовленные Отцами церкви позднего классического периода: Святой Августин (354–430 гг. н.э.) уже оправдывал развитие техники, утверждая, что Бог дал нам механические средства (*ars mechanica*), чтобы иметь возможность компенсировать страдания и наказания, наложенные на людей после лишения их своей милости. Поскольку мы были созданы по образу и подобию Бога, нам была, таким образом, дана возможность восхитаться актом творения и даже совершенствовать этот акт для удовлетворения наших материальных потребностей. В противоположность этому подходу аналогия могла, следовательно, быть проведена между природой и человеческим актом творения (т.е. технологией); эта мысль получила широкую разработку в трудах Ионы Филопона в VI в.

После работ Платона и Аристотеля утвердились взгляды на причинно-следственные связи между природой и (человеческим) искусством. Технология рассматривалась как «усовершенствование» природы (эта точка зрения все еще превалировала в западном мышлении до 1600 г.); техническое приспособление на греческом языке также называлось хитроумным устройством (*μηχανή – mechane*), это понятие было перенято римлянами и нашло отражение в заимствованном слове *машина (machina)*. Однако эти термины не имели отрицательного влияния на статус инженеров (механиков и техников).

Систематические эксперименты в области естественных наук не предполагали продвижения к какому-либо полезному дополнительному знанию и поэтому проводились редко. В технологии, с другой стороны, ситуация была совершенно иной. Здесь иногда проводились дорогостоящие эксперименты и при поддержке государства; литературное подтверждение тому – работы последователей Пифагора в Сиракузах в первой трети III в. до н.э.; в конце того же века – постройка военных машин и других приспособлений для Мусейона в Александрии; во времена первых последователей Птолемея (Ктесибий, Филон Византийский) –

постройка пневматических машин; во II в. н.э. – работы по оптике при создании астрономических инструментов (Птолемей), а также в алхимии.

Развитие наук, особенно в различных школах и центрах, привело к созданию многих технических новшеств в Средиземноморье. Наиболее важные из них основывались на математике, особенно когда законы геометрии стали применяться в конструировании.

Таким образом, например, были начерчены первые часовые линии на циферблатах солнечных часов. В Римской империи были даже созданы передвижные солнечные часы с вращающимися элементами для установления географической широты и месяца. Ученики Пифагора в Сиракузах решали артиллерийские задачи. В технических целях были изобретены винты, цилиндры для сжатия воздуха, подъемные механизмы, подъемные краны, приводимые в действие гигантскими педалями колесами, и даже кабестан. Римляне мастерски организовывали подачу воды в свои растущие города, дренажную сеть и строительство больших дорог, кроме того, рисовали карты и составляли земельные реестры (см. гл. 2).

ЕВРОПА И АФРИКА ВОКРУГ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

В областях Европы, окружавших Средиземное море, в греческих и римских колониях и провинциях Средиземноморского бассейна, наука как таковая не существовала. Племенные сообщества и древние государства, конечно, имели свою собственную идеологию и религию и некоторые простые представления о природе и связях между видами своей деятельности, природой и богами, но никто не собирал факты, не анализировал эмпирические данные и не пытался использовать их для формулирования систематического объяснения природы и ее основ.

Сходная в целом ситуация была в Африке, за исключением долины Нила и прибрежных областей Средиземного моря.

В то время как техническое развитие в Африке в течение этого периода соответственно иллюстрируется археологическими находками, его интеллектуальная основа часто остается недостаточно понятной, особенно это касается частей континента, не имеющих письменности. Не следует преувеличивать важность письменности, хотя ее наличие неизмеримо облегчило бы исследование. Многие части Африки унаследовали сложные устные литературные произведения, пока еще совершенно не записанные и не исследованные. В результате мы знаем гораздо больше о египетской науке, которая была особенно развита в областях медицины и географии, чем о научных знаниях в регионах, не имевших письменности.

Если бы нужно было выбрать одну техническую особенность, которая характеризовала бы этот период прошлого Африки, то ею, возможно, стала бы металлургия. В VII в. до н.э. медь и золото в течение длительного периода обрабатывались в Египте с большим мастерством; их использование началось в нескольких других частях Северной Африки, в Эфиопии и, возможно, в некоторых регионах Западной Африки к югу от Сахары. Железо, однако, в это время только что появилось. Вопрос о появлении железа к югу от Сахары – о том, было ли оно местным или аллохтонным – обсуждается в другой главе. Здесь мы коснемся лишь его влияния на общество, как на интеллектуальном, так и на практическом уровне. Писатели прошлого, вероятно, недооценивали первый и преувеличивали важность второго уровня. Превращение камня в податливый металл повсюду в древности рассматривалось как акт, аналогичный акту сотворения человека, и было

окружено рядом магических и религиозных ритуалов и запретов. Влияние металлических инструментов и оружия на земледелие и ведение войн было, несомненно, существенным, но привело скорее к расширению их производства, чем к повсеместному распространению. Когда металлургия, земледелие и скотоводство распространились в Африке к югу от экватора, влияние двух последних проявилось гораздо значительнее, чем влияние металлургии. Широко распространившаяся практика производства пищи привела, в первую очередь и главным образом, к замене равноправных отношений частным землевладением, что послужило основой для разделения общественных ресурсов.

Интересный контраст можно наблюдать в отношении постоянства, отраженного в монументальной архитектуре различных областей Африки. В нескольких частях северной Африки, особенно в Египте, а также в среднем течении Нила и в Эфиопии, прилагались большие усилия для возведения прочных и долговечных зданий, предназначенных для религиозных или политических целей, и гробниц. Во многих областях Африки к югу от Сахары долговечности зданий не уделяли большого внимания, и конструкция основных зданий была такова, что они требовали частого обслуживания. Из-за большого сходства технологий, применявшихся в Северной Африке и в культурах Средиземноморья, у ученых, приверженных западной традиции, есть тенденция рассматривать эти технологии как более высокие, чем технологии к югу от Сахары. Такая оценка несправедлива, так как не учитывает полную адаптацию последних к местным природным условиям.

ИНДИЯ

В отличие от мира Средиземноморья, где греческая научная мысль и технология могли строиться на основе наследия древнейших цивилизаций Западной Азии и долины Нила, вряд ли такая преемственность существовала в отношении Южной Азии.

Развитие технологии уже достигло заметного уровня в Южной Азии в период харапской цивилизации. Эта цивилизация характеризуется уникальной и все еще не расшифрованной системой письменности, сложными методами измерения пространства и массы, способностью производить бронзовые инструменты, строить тяжелые сооружения из обожженного кирпича и повышенным вниманием к общественной гигиене и планированию городов. Крушение основных городских центров этой цивилизации приблизительно в первую четверть II тысячелетия до н.э. и более медленный период упадка, который затронул центры поменьше, привели к снижению уровня южноазиатской технологии. Тем не менее из этого не следует, что харапская цивилизация вообще не оставила технологического наследия. Во все времена торговля и перемещения людей помогали связям Южной Азии с другими центрами цивилизации в мире и контактам различных частей Южной Азии между собой. Такие контакты обеспечивали важные возможности обмена и передачи идей и помогли создать среду (*milieu*) для развития науки и технологии в этом регионе.

Философия природы, человек и природа

Как и в Средиземноморье, в Восточной Азии древняя научная мысль была связана с общими философскими взглядами на природу и человечество. Начало творческой фазы в развитии южноазиатской философской мысли, представленное «Упанишадами», относится приблизительно к 700 г. до н.э. и сопровождалось расцветом, связанным

с именами Будды, Вардхамана (именуемого Джиной и Махавирой) и их современников. Уддалака Аруни, выдающийся философ, упомянутый в «Чандогья Упанишад» («Chandogya Upanisad»), был, вероятно, одним из родоначальников южноазиатской традиции научной мысли. Он был одним из тех древнейших натурфилософов в истории человечества, кто сделал первые шаги к созданию основ для традиций научной мысли. Уддалака оставался непонятым в течение столетий, его учения интерпретировались как форма крайнего идеализма из-за присущего ему представления души или чистого духа как исключительного реального явления. Последние исследования прояснили его роль как философа, пытавшегося построить единую систему взглядов на человечество и природу. Этому философу принадлежит мысль, что, несмотря на различия в образе жизни, сознании и речи, человек, как и все в природе, происходит из некоторого первоначального вещества, которое он называл «чистым существованием» (*cam – sat*). Есть значительное сходство между взглядами Уддалаки на природу и человека и основными понятиями южноазиатской аюрведической медицины, согласно которым человеческое тело считается микрокосмом природы, состоящим из тех же самых пяти форм материи (*панча-бхута*).

Первая попытка понять и проанализировать «натурфилософию» находится в «Артхашастре», автором которой является Каутилья (*Kautilya*). Этот хорошо известный трактат о политике в основном связан с царством Маурьев, хотя некоторые разделы текста могут датироваться более поздним периодом. Каутилья помещает учения школ Шанкхья, Йога и Локаята в категорию «причинно-следственной» (*анвикшики – ānvīkṣiki*) группы философских учений. Из того, что осталось от текстов школы Шанкхья, можно получить представление о философских размышлениях, касающихся эволюции Вселенной из первичной материи (*пракрити – prakṛti*). Термин Йога идентифицировался как нечто, что стало известно позднее учением Нья-Вайшесика (*Nyāya-Vaiśeṣika*). Учение Вайшесика было известно своей «атомистской» (*праману – pratāni*) теорией, в соответствии с которой вещества (*дравья – draṅya*) состоят из неделимых вечных частиц мельчайших размеров, недоступных восприятию органами чувств. Учение Локаята представляло форму бескомпромиссного материализма, который отрицал существование души и возможность ее переселения и отвергал любые религиозные ритуалы. В древней Южной Азии эти школы представляли «натурфилософию» в ее настоящем смысле.

Южноазиатские школы философии природы придерживались подхода, следовавшего в общем традиции «Упанишад», что привело к расширению научных взглядов. В них присутствовал дух сомнения относительно ведических текстов, что бросало вызов авторитету традиции брахманов. Аналогичный подход можно найти в учениях Будды, который призвал своих последователей не принимать точку зрения только на основе авторитета текста или уважения учителя. Другой важной предпосылкой для развития научной традиции была систематизация языка. Панини, автор «Астадхьяйи» («*Aṣṭādhyāyī*»), живший приблизительно в V в. до н.э., сделал заметный вклад в этом отношении, разработав высокосистематизированную грамматику санскрита. Наиболее важной предпосылкой для развития научного знания, однако, было изобретение или «новое изобретение» искусства письменности.

Древнейшая история двух разновидностей индийского письма (*брахми* и *кхароитхи*) будет более подробно рассматриваться в гл. 5. Здесь достаточно упомянуть, что письменность *брахми* в любом случае датируется началом III в. до н.э. (некоторые ученые даже предполагают, что она может происходить из письменности харапской цивилизации). Как и в других цивилизациях, использование письменности имело очень важные последствия для распространения и восприятия идей.

Математика

Некая система счисления, очевидно, использовалась в различных частях Южной Азии во времена Ашоки. Его Меньший скальный приказ № 1, копии которого были широко распространены на субконтиненте, содержит численные символы. Наличие в этих письменных памятниках местных вариантов тех же самых основных численных символов, вероятно, указывает на значительный период местной эволюции, прошедший до появления этих надписей. Система численных символов, которую можно описать как «протодесятичную» и которая, вероятно, произошла из системы, относящейся к временам царства Маурьев, использовалась в течение нескольких столетий на широкой территории, простиравшейся до Шри-Ланки.

Надежное свидетельство использования десятичной системы счисления обнаруживается в надписи этнической общности гурджара (*Gurgara*) конца VI в. из западной части субконтинента. Дата этой надписи обозначается как «год 346», что, вероятно, соответствует 595/596 г. н.э.; она записана цифрами с использованием разрядов, как это принято и по сей день. Использование десятичной системы счисления в Южной Азии может быть прослежено в далекую древность – вплоть до III или IV в. н.э., если принять датировку, примененную Хорнлом (*Hoernle*, 1988) для уникального манускрипта, найденного в Бхакшали в древнем районе города Пешавара. Хотя эта датировка поддерживалась известными учеными, включая Булера (*Bubler*), она подвергается сомнению, и некоторые другие ученые датируют этот манускрипт VIII, IX и даже XII в. Десятичная система, использовавшаяся в манускрипте из Бхакшали, состоит из десяти символов, соответствующих основанию систем счисления, и величина числа определяется положением цифр в записи. «Пустое место», или ноль, который позднее стал известен под названием *бинду* (*bindu*) или *шунья* (*śūnya*), указывалось точкой. Тем не менее нельзя сказать, что точка применялась исключительно для символа, означающего ноль. В определенном контексте точка служила также символом «неизвестного количества» (или *x*), которое математик должен был определить с помощью вычислений. О нуле есть упоминание в труде «Свапнававадатта» («*Svapnavasavadatta*»), датированном временем до VII в. н.э. Переход к десятичной системе значительно облегчил арифметические действия и позволил значительно ускорить вычисления. Это был главный прорыв, и он составляет одно из существенных интеллектуальных достижений человечества. Надпись гурджара указывает на то, что к концу VI в. н.э. десятичная система счета была введена в практику управления.

Ритуалы, по-видимому, служили стимулами для некоторых древних достижений в геометрии. Группа текстов под названием «Шулвасутра» («*śulvasūtra*») посвящена техническим аспектам постройки алтарей с костром для жертвоприношений и в связи с этим показывает, как решать такие задачи, как построение круга или треугольника, эквивалентных по площади одному или нескольким квадратам. Это геометрическое знание имело применение в практике управления, такой как измерение земельных площадей, но трудно определить, насколько широко оно распространилось. Датировка «Шулвасутра» проблематична. Технология производства обожженного кирпича определенных размеров, которая предполагается известной в этих текстах, не обнаруживается в период между распадом харапской цивилизации до конца правления Ашоки.

Наиболее выдающимися математиками-астрономами этого периода были Ариабхата I и Брахмагупта. Ариабхата родился в 476 г. н.э., а Брахмагупта – в конце VI в. Часть труда Ариабхаты называется «Ариабхатиам» и представляет собой остроумную систему использования букв

алфавита для обозначения больших чисел, которая была необходима для астрономических вычислений. Две другие части этого труда посвящены математике и астрономии. Брахмагупта знал теорему Птолемея о циклической квадратуре. Он демонстративно использовал два метода доказательства теоремы Пифагора: путем сечения квадрата, построенного на гипотенузе, и путем достраивания высоты к гипотенузе. Последний метод вновь открыли в Европе в XVII в. Признание трапеции Брахмагупта в современной математике есть дань уважения к вкладу, сделанному этим южноазиатским ученым. Работа южноазиатских математиков-астрономов отражает их владение операциями вычисления квадратных и кубических корней и методом построения таблиц синусов. Они вычисляли значение числа π с точностью до 3,1416. Арьябхата и Брахмагупта знали линейные уравнения с одним или несколькими неизвестными, квадратные уравнения, системы квадратных уравнений и неопределенные уравнения первой и второй степеней.

Астрономия

Как области знания расчеты и астрономия были настолько тесно связаны, что применяли один и тот же термин *ганака* для обозначения астрономов и специалистов-расчетчиков. Изучение неба служило нескольким целям, включающим ориентирование торговцев при пересечении пустынь и открытых морей, разработку графика сельскохозяйственного цикла и вычисление сроков проведения ритуалов. Наблюдателям ночного неба из южноазиатской астрономии были известны 27 созвездий даже во времена поздних ведических текстов, таких как «Атхарваведа» («Atharvaveda») и «Таиттирия Самхита» («Taittirīya Saṃhitā»). В первые века нашей эры астрономия превратилась в формальную отрасль знания, а отношения с современными цивилизациями, особенно с миром Средиземноморья, были решающим фактором этого развития.

Ариабхата стал первым южноазиатским астрономом, который основывал свое мышление на теории о том, что земля является шаром (*гола* – *gola*), вращающимся вокруг своей оси. Он объяснял, что неподвижные звезды выглядят для людей на земле движущимися на запад, «точно так же, как человек в лодке, движущийся вперед, видит неподвижные объекты так, как будто они движутся назад». Основываясь, вероятно, на работе греческого астронома Птолемея, Ариабхата описал траекторию планет в виде эксцентрических эпициклов. Его вклад включал улучшение метода нахождения небесных широт планет и использование радианного измерения в минутах. Ариабхата имел много последователей и оставил глубокий след в южноазиатской астрономии, которая просуществовала до нашего времени. Брахмагупта дает решительную, хотя и не всегда справедливую критику работы Ариабхата. Он предложил улучшенные методы вычисления диаметра Земли, определения долготы и предсказания солнечных затмений. Основные труды Ариабхата и Брахмагупта были переведены на арабский язык и внесли свой вклад в развитие у арабов традиции астрономии, основанной на математике.

Брахмагупта блестяще применял математические методы к астрономии, но в своих постоянных попытках опровергнуть открытия Ариабхата он иногда допускал неточные заключения, например, придерживался мысли, что Земля не вращается. Также ясно, что авторитет письменной традиции продолжал быть бременем, задерживающим прогресс в понимании природы. Работа Брахмагупты по астрономии отражает серьезное напряжение, которое существовало между силой письменного авторитета и новым знанием, получаемым астрономами, пытающимися объективно понять природные явления. Его усилия по тщатель-

ному вычислению диаметра земной тени, видной на лунном диске во время затмения, резко противоположны его же отношению к «еретикам» – тем, кто отвергал основанное на письменной традиции представление о демоне Раху, пожирающем небесные тела. Его дуализм легче понять как проявление его открытого вызова противоречивым письменным авторитетам.

Медицина

В рассматриваемый период происходил переход от системы лечебных ритуалов, основывавшихся на магически-религиозной идеологии (их практика описана в «Атхарваведе» – одной из четырех священных индийских книг – вед, содержащей заклинания и магические формулы. – Прим. ред.) к системе лечения, основанной на эмпирическом рациональном подходе, который описан в письменном памятнике «Аюрведа» (другая священная индийская книга, содержащая жертвенные формулы и толкования. – Прим. ред.). Как указывал Зиск (Zysk, 1991), очень вероятно, что этот переход оказался возможен благодаря интеллектуальной традиции, которая шла вразрез с ортодоксальными воззрениями брахманов. Ранние попытки записи медицинских информации в «Виная-Питака» – собрании руководств по нравственному воспитанию монахов и монахинь и тенденция к укоренению медицинской практики в буддийских монастырях указывают на важную роль буддизма в развитии медицины. Система «Аюрведы» представляет собой теорию, согласно которой болезнь происходит из дисбаланса трех субстанций (*тридоза*). В буддийских книгах на пали – языке буддийского Канона – «Самьютта Никая» («Saṃyutta Nikāya») и «Ангуттара Никая» («Aṅguttara Nikāya») впервые упоминается, что учение о причинах болезни – этиология основано на трех субстанциях (что следует отличать от теории четырех веществ в эллинской медицинской традиции).

Два основных медицинских текста этого периода – «Чарака Самхита» («Caraka Saṃhitā») и «Сушрута Самхита» («Suśruta Saṃhitā») сохранились до наших дней. В первой работе обращается внимание на необходимость рациональной системы терапии (*юкти-вьяташрайя-бхесаджа* – *yukti-vyāpāśraya-bhēśaja*), которая определяется как терапия с воспринимаемыми результатами, базирующаяся на естественных медицинских субстанциях. Текст представляет собой нечто, что можно назвать материалистическим подходом. Атрейя (*Ātreya*), представитель авторов «Аюрведы» в Чарака Самхита, замечает, что в этой медицинской традиции все, «как сознательное, так и бессознательное, воспринимается как сделанное из материи в ее пяти формах (*панча-бхута*). Поскольку человек состоит из тех же пяти «элементов», то он является только микроскопом природы. Вещества, потребляемые человеческим телом, после пищеварительной стадии остаются в двух основных формах: питательные вещества (*прашад* – *prasaḍa*) и отбросы (*кумма* – *kitta*). Имеющиеся в составе последних три «элемента» – воздух (*вама* – *vata*), желчь (*пумма* – *pitta*) и слизь (*канха* – *kapha*) представляют три вышеупомянутые субстанции, избыток или недостаток которых может привести к болезненным состояниям. Стратегия медицинской терапии состояла в коррекции дисбаланса с помощью диеты и лекарственных препаратов, а также путем отбора природных веществ и сочетания их в таких пропорциях, которые вызвали бы недостаток того «элемента», который стал избыточен, или восполнили бы тот «элемент», недостаток которого ощущается. Предписания, рекомендованные в медицинских текстах, основывались на интенсивной лекарственной терапии, которая включала применение природных веществ травяного, животного и минерального происхождения.

Текст «Сушрута Самхита», который появился в письменном виде до IV в. н.э., уделяет особое внимание хирургии!

Из этого текста ясно, что хирургическое вмешательство было частью даже древней акушерской практики и что сложные акушерские методы, требующие навыков и мастерского владения инструментами, имелись в арсенале хирурга. Текст посвящен таким проблемам, возникающим при родах, как неправильное положение плода. Среди методов лечения, рекомендованных в Сушрута для акушерства, были внутреннее вмешательство и, если это не давало практического результата, удаление плода. Для этой цели использовались три различных инструмента: *мандалагра* (*maṅḍālāgra*) и *враджипатра* (*vradhipatra*) для вскрытия брюшины и отсечения плода, а *санку* (*saṅku*) – для его извлечения.

КИТАЙ

В отличие от древней Греции, где возникающее научное мышление могло быть построено на основе, заложенной еще более древними цивилизациями Западной Азии, в Китае основные понимания, касающиеся происхождения, строения и функционирования Вселенной, природы и отношений человека и природы, развивались в почти полной культурной изоляции. В результате традиционное китайское мировоззрение, которое полностью сформировалось в последние века до н.э., образовало весьма оригинальную стройную систему идей и верований. С другой стороны, сама эта оригинальность затрудняет проведение межкультурных сравнений.

Прежде всего, в традиционном китайском мышлении нет ясного различия между «материей» и «духом» – фундаментального разведения понятий, дихотомического деления, которое мы находим у большинства школ Средиземноморья и в индийской философии. «Небо и Земля» и все явления, которые они содержат, понимаются как модальности единого субстанционного начала, называемого *ци* (*qi*) – непереводимым термином, понимаемым в одних источниках как «жидкость», «эфир», «дыхание», в других (большей частью понимающих этот термин неверно) – как «материя-энергия». Ци появляется во всех возможных состояниях сгущения и разрежения; его проявления варьируются от самых осязаемых предметов, таких как скалы и деревья, до самых тонких, невидимых явлений, таких как воздух, которым мы дышим, или эмоции, которые мы чувствуем. В этом контексте нет явного различия между соматическими и физическими составляющими человека: тело и душа формируют единый континуум ци.

Во-вторых, нет свидетельств о создании мифа в теологических терминах, кроме поздней традиции, которая никогда не была влиятельной: история об исходном существе Пангу, тело которого после смерти было преобразовано на землю с ее реками, горами и лесами. В ранних текстах мы находим некоторые отрывки, которые отражают скорее механистический безличностный процесс создания Вселенной через постепенную поляризацию и возрастание разнообразия. Согласно таким схемам рождению Вселенной предшествовала стадия единой субстанции, которая известна под различными названиями: *хундун* (хаос), *тай-ци* (Великий Предел) или *ву* (не существующее) (т.е. отсутствие дифференцированных сущностей). Из этого исходного состояния развились два дополнительных принципа *инь* и *ян*; в результате этой первой стадии поляризации наиболее ясная и тонкая часть ци вознеслась и стала Небом, а грубая часть ци коагулировалась в форме Земли. На следующей стадии приняли свои формы пять динамических сил, которые в своем материальном виде представляют собой «пять стихий», или «фаз» (дерево, огонь, металл, вода и земля), но в то же время они обусловили организацию пространства (четыре основных направления плюс центр) и времени (четыре сезона и их «центр» –

летнее равноденствие). Из взаимодействия *инь*, *ян* и пяти элементов с единым *ци* как их исходным материалом возникают все объекты.

Следует заметить, что боги в этой космогонии не играют никакой роли. Несомненно, у китайцев существовали сверхъестественные существа – от могущественных богов гор и рек и астральных богов, связанных с планетами и созвездиями, до духов (*manes*) предков или бесчисленных демонических сил, внешних и внутренних по отношению к человеческому телу, но они просто формируют одну из составных частей космического целого, которое функционирует как огромный организм.

Космический организм, частью которого является человечество, характеризуется присущим ему порядком, всепроникающим принципом «регулярности», которая делает вещи тем, чем они являются, и заставляет их функционировать так, как они это делают. В классическом китайском мировоззрении этот порядок является основной особенностью существования как такового; он не является проявлением воли какого-то божественного законодателя. Будучи присущим всем явлениям и процессам, он не может быть детально определен; его динамичная, направляющая, «ориентирующая» сила выражается словом дао (путь).

Понятие природы, или Вселенной, как органической структуры также выражается верой в то, что ее составляющие части связаны между собой бесчисленными путями и действуют друг на друга. Первоначальные цвета связаны с направлениями пространства; основные музыкальные ноты – с временами года; органы тела – с элементами. Природа рассматривается как чрезвычайно сложный набор побудительных причин и ответных реакций, которыми обмениваются составляющие ее части.

Все это – полуматериалистическое понимание мира, при котором придается особое значение работам безличных космических сил, всепроникающий принцип органического взаимодействия – могло в принципе стать плодотворным началом развития научного мышления и философии природы. Причины, почему случилось так, что в конечном итоге не привело к результатам, сравнимым с достижениями греческой мысли, сложны и противоречивы. Один из факторов несомненно следует искать в чрезмерно гуманистической, ориентированной на отношения личности и общества, природе классической китайской мысли. Вышеупомянутые идеи никогда не становились частью беспристрастной попытки «раскрыть секреты природы», безпринятой ради них самих; они всегда оставались социальными и политическими ограничениями, которые направляли человеческое поведение. Даже в даосизме, в котором концепция пути природы была наиболее ясно сформулирована и которая поэтому иногда рассматривается как главная вдохновляющая сила китайской научной мысли, не имела целью найти объективный подход к природе, а стремилась скорее к реализации идеального человеческого поведения: спокойствию, самопроизвольности и непосредственности в управлении своими поступками.

Доминирующее влияние конфуцианства, которое в течение III в. до н.э. было возведено в ранг государственной доктрины, было другим фактором, который сдерживал развитие философии природы, отделенной от социальных и политических идей и практики. В конфуцианстве философия определяется в основном как поиск принципов человеческого знания и действия. Полагая, что необходимые условия благополучной жизни могут быть найдены только в обществе, Конфуций (551–479 гг. до н.э.) искал то, что по существу своему было философией образования, в которой сочетается содержание ритуала с его отражением собственно в поведении человека. Ни он, ни его ближайшие последователи не придавали знанию природы какой-либо весомой роли в формировании

элиты, которая должна составлять основу благополучного общества.

Таким образом, это было не объективное изучение природы, а исследование взаимоотношений между Вселенной, обществом и личностью, на которой была в основном сосредоточена новая ортодоксальность. Ряд мыслителей от Чжуан-Цзы (конец IV в. до н.э.) до Янь Хюнга (*Yang Xiong*), автора книги «Письмена Великой Тайны» («Таисуандзин – Scripture of the Great Mystery», около 4 г. до н.э.), объединяли элементы, связанные с «даоистскими», «легалистскими» и другими учениями, помимо всего прочего для оправдания развивающегося централизованного правительства империи на том основании, что оно основывается на порядке, наблюдаемом в космических процессах, в пути (*dao*) природы. До начала I тысячелетия н.э. эта ортодоксальность не наделяет определенной ролью ни даоистскую, ни легалистскую «школу» (идея всегда связана в Китае с рядом буквальных передач ее содержания, о которых нет дальнейших записей).

В этом контексте мы находим первое систематизированное размышление о физическом мире. Путь понимался как существенно циклический. Вселенная, в которой он действует, составлена из *ци*, являющегося одновременно его материальным и энергетическим базисом. Ци на одном уровне представляет собой воздух, но, сгущаясь, он образует жидкости и твердые тела. Его действие может быть понято в терминах двух универсальных космических полярных и постоянно переходящих друг в друга сил – *инь* и *ян*. Когда требовался более детальный анализ, вместо него могли использоваться пять фаз, отдельных от металла, воды, дерева, огня и земли.

В Китае не было отчетливой структуры рационального знания, объединяющей все науки. Как в Индии и средневековой Европе, сознание было значительно более крупномасштабным явлением, чтобы интеллект мог охватить его. Рациональные действия интеллекта не были явно оторваны от интуиции, воображения, просветления, экстаза, эстетического восприятия, этических норм или чувственного опыта.

Язык и логика

Ортодоксальное учение было построено на вере, что глубочайшая мудрость кроется в нескольких книгах, которые сохранились с древнейших времен. Потребность в восстановлении и понимании древнего языка классики стала актуальной после действий правительства, приведших к разрушению языка из-за его унификации в III в. до н.э. Результатом в течение последующих четырех столетий было появление систематической филологии и разбора текстов, но не развитие логического анализа.

С середины IV в. до приблизительно 200 г. до н.э. происходили ожесточенные споры об отношениях слов и предметов, о реальности классов предметов и так далее. Мыслители были заняты проблемами семантики, отношениями между словами и тем, что они означают, между названиями и реальностью. Большинство историков вынуждены отрицать, что логика имела свою историю в Китае, но, с другой стороны, отсутствует систематический анализ процессов получения выводов, за исключением кратковременной популярности буддийской логики, пришедшей из Индии в VII в.

Точные науки

Современное деление наук основывается на структурах, созданных на философских факультетах европейских университетов и не применимых к традиционным неевропейским наукам. Китайцы в течение столетий на-

копили много знаний, которые сегодня могли бы рассматриваться как биологические или химические, но они не были хорошо упорядочены. Например, их знания о зоологии были рассеяны в виде описательных компиляций в медицинских трактатах, сельскохозяйственных руководствах и т.п. Поэтому лучше всего отказаться от применения чуждых классификаций и выяснить, как сами китайцы структурировали свои понятия о Природе и отношении к ней человека. Далее следует краткое обсуждение наук, признанных таковыми в древнем Китае.

Этим традициям присущи некоторые особенности. Все они основаны на модели семьи. Они подчеркивают преемственность письменных текстов, особенно основополагающих канонов (или «классики» – *dzin (jing)*), в отношении которых предполагалось, что они дошли из глубокой древности, передаваясь от мастера к ученику. Несмотря на предполагаемые даты, к которым отнесены научные каноны, все они появились, насколько нам известно, в тот период, когда науки выделились из философии и стали отдельными предметами изучения в период между II в. до н.э. и концом I в. н.э. Предполагалось, что новые документы проясняют или дополняют старые, но не заменяют их. Моральная ортодоксальность, приверженность социальным нормам были так же важны для успешной практики, как и техническая компетентность.

Математика

Два дошедших до нас канона по математике – это «Девять глав о математическом искусстве» («Дзиучан суан шу» – «Ziuzhand suan shu», начало I в.) – сборник решенных задач по измерению, и «Математический канон для стрелки солнечных часов Чжоу» («Чжоу би суан дзин» – «Zhou bi suan jing», между 50 г. до н.э. и 100 г. н.э.), который выводит ряд космических расстояний из очень схематичной модели, основанной на длинах тени от стрелки солнечных часов. Эти тексты представляют основные области применения арифметики, повседневные задачи чиновников, такие как бухгалтерские расчеты, топографическая съемка, расчет налогов и количества материалов, а также более сложную математическую астрономию. «Девять глав», как и более поздние книги, указывает на применение счетов для хозяйственных вычислений. Обе книги по своему подходу относятся скорее к расчетам, чем к геометрии. Мы находим геометрические доказательства еще в III в. н.э., но внимания на них не заостряется. Вместо этого математика развивалась в сторону решения сложных алгебраических задач.

Математика и астрономия

В 100 г. до н.э. Небеса в некоторых отношениях все еще представлялись в виде бога, подобного человеку, который передает мандат на правление достойной семье и забирает его обратно, если недобросовестный император не прислушивается к предупреждениям в виде затмений небесных тел, планетных явлений, землетрясений, рождений уродов и других непредсказуемых феноменов. В то же время Небеса являют собой гармоничный порядок природы, они следуют регулярным ритмам инь и ян, показывают монарху пример, который только он может использовать для совершенствования общественного порядка. Следовало уметь предсказывать явления природы, делать их обычными событиями, а не зловещими предзнаменованиями. Поэтому, опубликование календаря стало важным обрядом в империи, и составление его стало в принципе государственной монополией, поддержанной бесчисленными

чиновниками. Государство также поддерживало ведение записей, которые хранились в течение очень длительных периодов, и создание больших сложных инструментов для наблюдения и демонстраций. Первые водяные астрономические часы были созданы, видимо, между 126 и 142 г. н.э. и на их основе позднее, приблизительно в 1085 г., был построен огромный инструмент.

Государства конца I тысячелетия публиковали календари; насколько древней является эта традиция, неизвестно. Энтузиазм по поводу космической модели государства привел в 105 г. до н.э. к первой реформе стандартов, основанных на новых методах расчетов, и развитию их в систему для подготовки подробных таблиц астрономических величин (эфемерид) приблизительно в 16 г. до н.э. Между этим временем и 700 г. было составлено по меньшей мере 38 таких систем расчетов. Попутно астрономы ввели различие между звездным (сидерическим) годом и тропическим годом, выявили нерегулярность в скорости Солнца и Луны и научились точно предсказывать лунные затмения (которые, таким образом, потеряли свой зловещий характер).

Когда новые системы широко распространились, символизируя изменение или обновление политического порядка, то семнадцать из них к 700 г. были приняты для официального применения. Астрономия все еще оставалась частной практикой. Значительные новшества часто предлагались частными учеными, которых иногда включали в состав Астрономического бюро, где они работали под руководством некомпетентных чиновников.

Математические гармоник

Точно так же, как ученики Пифагора в VI в. до н.э. исследовали математические отношения между длинами натянутых струн и звуками, которые они издавали при переборе, китайцы проводили эксперименты над длинами резонирующих труб. Они не только заложили основы настройки инструментов для придворных ритуалов, но и соорудили музыкальный строй с длиной, объемом и массой, которые определяются размерами и емкостью труб.

Качественные естественные науки

Как было указано выше, если ограничиться рассмотрением китайских наук, которые основаны на количественных данных и вычислениях, то это будет означать приложение искусственной системы классификации к китайскому образу мышления о природе и отношении человека к ней. Мы поставили рассмотрение таких «искусств» или «методов» (*шу*), как астрология и алхимия, на первое место, чтобы воздать должное китайскому культурному наследию и, кроме того, из-за несомненной научной ценности многих открытий в этих областях.

Астрология

Помимо переноса ряда феноменов из зловещей сферы в область предсказуемых явлений, предполагалось, что астрономы станут наблюдать за предзнаменованиями, записывать их и применять традиционные принципы для объяснения их значимости для государства. Методы расчетов (*ли*) рассматривались как основа знания, в отличие от астрологических записей (*тианвен*). Древнейшие подробные записи о положении планет относятся к 246–177 г. до н.э. В предместьях города Лоян, где в 1974–1975 гг. проходили раскопки, сохранились, как предпо-

лагают, остатки императорской обсерватории, построенной в 56 г. н.э.

Небесные явления записаны и датированы в древнейших сохранившихся документах. Записи становятся подробнейшими и довольно полными около 600 г. до н.э. (около 760 г. о солнечных затмениях), и затем с середины III в. форма записи оставалась по существу неизменной. Чрезмерное внимание, уделяемое политическому значению, отразилось в «Истории южной династии Ци», составленной в начале VI в. н.э. В ней расставлены факты по датам без всякой интерпретации, и только после VIII в. они были записаны соответствующим образом.

Остатки от древней астрологии не менее ценны, чем материалы по математической астрономии. Они содержат в виде правительственных и местных записей полные сведения об астрономических и метеорологических явлениях, землетрясениях и всех видах чудес, например, о почти 1500 солнечных затмениях, наблюдавшихся между 776 г. до н.э. и 1584 г. н.э. Современные астрономы использовали китайские, японские и корейские источники для изучения постепенного ускорения движения Луны и медленного возрастания продолжительности дня. Ценные описания сверхновых звезд (чему нет аналогов в европейских книгах до 700 г. н.э.) обусловили возможность связать энергию радиоволн и рентгеновских лучей, приходящих сейчас из дальнего космоса, с взрывами звезд в древности. Записи землетрясений в каждом регионе Китая внесли вклад в развивающееся искусство их предсказания.

Алхимия

Алхимия – это не древняя химия. Ее целью было не химическое знание, а личная трансцендентность и вечная жизнь. Для этой цели «внешняя алхимия» (*вайдан*) использует химические процессы, в большинстве своем заимствованные у ремесленников-химиков или врачей, имеющих дело с химическими реакциями, для моделирования огромных тысячелетних циклов космического Пути, которые ни один смертный не может воспринимать непосредственно. Алхимики сжали временные рамки, применяя силы *инь-ян*, пять стихий и расчеты для создания в лабораторном процессе, который занимал подчас год, символической копии этих циклов для мистического созерцания. Люди занимались алхимией не для собственного совершенства, а для других целей, иногда – для заработка; для некоторых алхимия была придатком медицины. «Внутренняя алхимия» (*нейдан*) использовала тот же самый символический язык, чтобы учить непосвященных созерцательным или сексуальным дисциплинам при использовании визуализации реакций в своих телах.

Эта практика, направленная на обретение бессмертия, скорее всего, появилась из эзотерических традиций региона р. Янцзы, существовавших примерно в то же время. Древнейший существующий алхимический документ, вероятно, относится к периоду между 100 г. до н.э. и 100 г. н.э. Хотя ничего специфически даоистского не было в происхождении или практике алхимии, алхимические книги, подобно другим эзотерическим писаниям, сохранились главным образом в библиотеках даоистских монастырей. Они представляют собой кладь информации о процессах, о которых неграмотные мастера-химики не оставили никаких записей.

Определение местоположения (*фэн-шуй*, буквально «ветер и вода»)

Определение местоположения (т.е. ориентация, которую иногда путают с геомантией – европейским методом предсказания судьбы, упоминаемым Чосером и другими) по фигурам, которые получаются при бросании

горсти земли, – это систематизированный метод анализа особенностей ландшафта для нахождения сбалансированных элементов рельефа местности, в которой следует строить дома и усыпальницы. Хотя ориентация, вероятно, зародилась одновременно с другими науками, до наших дней не сохранилось соответствующих трактатов, датированных ранее III в. н.э.

При ориентации используются понятия, упомянутые ранее, для достижения баланса между высокими и низкими, влажными и сухими местами и гармоничными потоками ци, которые циркулируют под «кожей» земли, как это происходит в плоти людей. В некоторых традициях применяемый подход к ориентации был, главным образом, экспериментальным и эстетическим; другие подходы основывались на применении магнитного компаса с восемнадцатую или более концентрическими циферблатами, чтобы определять местоположения, которые затем рассчитывались. Ландшафтные архитекторы изучали местоположения, и их теоретические подходы способствовали нахождению сбалансированных и красивых мест.

Медицина

Во времена Конфуция врачи, казалось бы, должны были быть наследственными мастерами, но авторы большинства дошедших до нас трактатов, относящихся к временам до 700 г. н.э., были выходцами из чиновничьих или аристократических семей. Эти обученные врачи представляли лишь небольшую, без сомнения, статистически незначительную часть людей, занимавшихся лечением. Поскольку классическая традиция, которая определяется этим меньшинством, является единственной, о которой мы имеем весомые исторические знания, и поскольку она связана концептуально с другими науками, далее вкратце рассмотрим ее.

Рамки классической медицины были очерчены в книге, приписываемой легендарному Желтому императору; от нее уцелела только ее «внутренняя часть» (*Huandi nei dzin – Huandi nei jing*). Благодаря открытию ранних копий при раскопках усыпальницы в провинции Хунань в 1973 г., этот Внутренний канон считается сборником коротких текстов нескольких противоречивых линий преемственности, вероятно, составленным в I в. до н.э. Каноническая коллекция медицинского материала (*materia medica*), приписываемая столь же неисторическому лицу – Божественному Хусбандману, но составленная в конце I или во II в. н.э., применяет те же самые рамки инь и ян и пяти стихий для описания 365 растительных, животных и минеральных лекарств.

Внутренний Канон устанавливает ряд положений, которые были распространены до XX в.: холистический (целостный) взгляд на тело, как на микрокосм, на который непосредственно влияет окружение, в котором физические и психологические процессы неразделимы; вера в циркуляцию ци (формой которого является кровь), питающего тело жизненной энергией и веществами; понимание болезни как процесса, позволяющего доктору предвидеть развитие патологических явлений; диагноз, который сочетает пристальное внимание к признакам и симптомам с тонким учетом изменений частоты пульса; и, наконец, терапия, которая восстанавливает баланс главным образом путей противопоставления избытку или недостатку веществ, вызвавших болезнь, других средств, например, подогретых лекарств для болезней, вызванных холодом, и т.д. Это были не только теоретические положения; доктрины Внутреннего канона служили основанием для практики, и подавляющее большинство последующих медицинских авторов были опытными врачами.

Тело рассматривалось как набор жизненных, главным образом обменных процессов. Несмотря на проведение по

крайней мере одного вскрытия трупа ко времени составления Внутреннего канона, до 700 г. никакого дальнейшего интереса к анатомии практически не возникало. Расположение пораженных тела не принималось во внимание, и на внутренние органы могли воздействовать, не вторгаясь в них (вероятность инфекции и шока делала хирургию очень опасным занятием). Акупунктура и прижигание точек тела по-прежнему не были альтернативой хирургии. Иглы для акупунктуры погружались в кожу, чтобы выправить блокады и другие дисфункции в циркуляции ци, а полыньными конусами (тлеющая мякоть листьев) кожа прижигалась для получения того же, но обычно более сильного результата (в предписаниях Внутреннего канона рекомендуется только прижигание полыньню, а некоторые более поздние труды рекомендуют использование игл для кровопускания). Улучшения состояния здоровья людей достигали применением лекарственных средств, массажа и регулированием питания, упражнениями.

Медицинское учение развивалось в нескольких направлениях, главным образом – к синтезу противоречивых подходов к концу III в. н.э. и разработке лекарственной терапии к примерно 200 г. н.э. Правительство, начиная с 659 г., финансировало составление медицинских трактатов. Появились сборники лечебных рецептов, в которых был использован опыт народных целителей, адаптированный к классическим идеям и практике. В то же время элитные концепции организма и здоровья повлияли на развитие народных средств. Взаимодействие между способами лечения, практиковавшимися на различных уровнях общества, позволило китайской медицине избежать схоластического подхода, который столетиями преобладал в европейской медицине, начиная с 600 г. н.э.

Ограниченное влияние буддизма

К концу периода, описываемого в этом томе, появился впечатляющий комплекс научных и донаучных теорий, размышлений и наблюдений. К этому времени Китай уже полтысячелетия испытывал влияние буддизма, поскольку первые свидетельства о проявлении буддизма на китайской почве относятся к I в. н.э. Во многих отношениях буддизм обогатил китайскую культуру не только как новая и вдохновляющая религиозная вера, но и как канал распространения многих элементов искусства, материальной культуры и технологии.

Тем не менее нельзя сказать, что буддизм оказал значительное влияние на предмет, рассматриваемый в этой главе, – основные идеи, подчеркивающие уровень научного и донаучного мышления. Это ограниченное влияние индийских концепций, которое достигло Китая благодаря переведенным буддийским текстам и схоластическим трактатам, становится более заметным, если принять во внимание объем и разнообразие содержащейся в них информации. Буддийские тексты представляли китайцам полный ряд индийских концепций и теорий, касающихся природы времени и пространства, существования бесчисленных систем мировоззрения; концепцию космической вечности (*kalpa*); богатый набор астрономических и астрологических сведений и теории о природе материи. В некоторых случаях элементы индийского буддийского наследия были заимствованы; был определен интерес к индийской астрономии и, как упоминалось выше, индийская буддийская логика производила некоторое впечатление. Но, в целом, исследование этих элементов индийской научной мысли было сосредоточено лишь в клерикальных кругах: среди образованных монахов, посвятивших себя буддийским исследованиям. Знание таких чужестранных предметов было частью специфически буддийской субкультуры, которая культивировалась в относительно изоли-

рованных местах и которая в течение всего средневекового периода сосуществовала с устоявшимся комплексом собственно китайской науки.

АМЕРИКА

Подход к науке, принятый в центральной части Америки, развивался независимо от научных воззрений в Средиземноморье. Хотя мы не можем понять все детали этого интеллектуального развития, некоторые элементы очевидны.

Самым важным достижением в Америке в период с 700 г. до н.э. и до 700 г. н.э. было развитие письменности (см. гл. 5).

Одно из заметных достижений Америки, связанное с развитием письменности, было получено в области математики. Незадолго до начала I тысячелетия н.э. здесь было разработано понятие о позиционной системе записи, т.е. значения чисел определялись их относительным положением в записи, и было изобретено понятие о нуле. Система счисления была двадцатеричной, а не десятичной, т.е. основанием системы было число двадцать, а не десять. У майя эта система была усовершенствована, и числа записывались следующим образом. Большое число записывалось в столбик и читалось слева направо. Среди символов были кружочки или точки, означавшие единицу, и черточки, означавшие число пять. Числа от одного до четырех, например, записывались как последовательности из одной, двух, трех или четырех точек; число шесть записывалось с помощью комбинации черточки и точки. Число 19 было бы записано как три черточки и четыре точки, а чтобы записать число 21, использовалась одна точка слева и затем знак нуля справа. Большие числа записывались как сочетания черточек и точек с использованием понятия места для определения конкретной величины. Эта система примечательна тем, что в ней впервые в мире была использована позиционная запись числа и понятие о нуле.

Другим достижением, особенно у равнинных майя, но также и у жителей иных областей Центральной Америки, были впечатляющие знания о видимых движениях некоторых небесных тел, в особенности Солнца, Луны и Венеры. Точность этих вычислений была, возможно, выше, чем в других регионах не только Нового Света, но и всего мира. Можно ли, однако, назвать эти знания, касающиеся небесных тел, наукой, является спорным вопросом, поскольку эти знания накапливались в основном для астрологических целей. Майя верили, что небесные тела – это боги, и было очень важно знать, какова регулярность их движений по небесам, так как это было средством предсказания будущего и воздействия на него. Цель этих исследований, следовательно, была астрологическая, практическая и прагматическая, а не интеллектуальная.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Рукопись Боуэра (*Bower*), найденная в Кашгаре и датированная на основании палеографических данных IV в., известна под названием Сушрута. Как «*Сушрута Самхита*», так и «*Чарака Самхита*» были переведены на арабский язык примерно в VIII в. (см.: *Macdonelle*, 1913, p. 535).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BENNET, S. J. 1978. Patterns of the Sky and Earth: A Chinese Science of Applied Cosmology. Chinese Science, Vol. 3, pp. 1–26.
- BUHLER, G. 1904. Indian Paleography. Bombay.
- CHATTOPADHYAYA, D. 1977. Science and Society in Ancient India. Calcutta. — 1986. History of Science and Technology in Ancient India: The Beginnings. Calcutta.
- COHEN, M. R.; DRABKIN, I. E. (eds). 1948, repr. 1969. A Source Book in Greek Science. New York; Repr. New York/London (Source Books in the History of Science).
- DANI, A. H., 1963. Indian Palaeography, Oxford.
- DHRUVE, H. H. 1894. Three Land-Grants from Sankheda: No. 1.
- ECHARD, N. (ed.). 1983. Métallurgies Africaines. Paris. (Mémoires de la Société des Africanistes, 9.)
- GILLISPIE, C. C. (ed.). 1970–1980. Dictionary of Scientific Biography. New York. 16 vols.
- GREBENART, D. 1988. Les premiers métallurgistes en Afrique occidentale. Paris.
- HAALAND, R.; SHINNIE, P. (eds). 1985. African Iron Working, Ancient and Traditional. Oslo.
- HERBERT, E.W. 1993. Iron, Gender and Power. Bloomington.
- HOERNLE, A.F.R. 1988. The Bhakshali Manuscript, *Indian Antiquary*, 33–48, 107–14.
- JAGGI, O. P. 1986. Indian Astronomy and Mathematics. Delhi.
- JÜRSS, F. (ed.). 1982. Geschichte des wissenschaftlichen Denkens im Altertum. Berlin (Veröffentlichungen des Zentralinstituts für Alte Geschichte und Archäologie der Akademie der Wissenschaften der DDR. Vol. 13).
- KRAFFT, F. 1971. Die Begründung einer Wissenschaft von der Natur durch die Griechen. Freiburg (Geschichte der Naturwissenschaft, Vol. 1).
- KUPPURAM, G.; KUMUDAMANI, K. 1990. History of Science and Technology in India. Vol. 6. Delhi.
- MARTZLOFF, J. 1988. Histoire des mathématiques chinoises. Paris.
- MILLER, D. E. and VAN DER MERWE, N. J. 1994. Early Metal Working in Sub-Saharan Africa: A Review of Recent Research. *Journal of African History*. Vol. 35, pp. 1–36.
- NAKAYAMA, S. 1969. A History of Japanese Astronomy. Chinese Background and Western Impact. Cambridge, Mass.
- NEEDHAM, J. 1956. History of Scientific Thought. Science and Civilization in China. Vol. 2. Cambridge.
- PHILLIPSON, D. W. 1993. African Archaeology (2nd edn). Cambridge.
- TATON, R. (ed.). 1957. La science antique et médiévale (des origines à 1450) Histoire générale des sciences. Vol. 1. Paris.
- VANSINA, J. 1990. Paths in the Rainforests. London.

ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ И ТЕХНИКА

*Йоханнес Г. де Каспарис, Дебинрасад Чаттопадхья,
Лесли Гунавардана, Йоахим Херрманн, Фриц Краффт,
Майкл Лёве, Доменико Мусты, Дэвид У. Филлипсон,
Уильям Т. Сендерс, Р.С. Шарма, Натан Сивин и Эрик Цюрхер*

Философские концепции природы, на которых базировалось зарождение наук в Средиземноморье, в Индии, Китае или Центральной Америке, многообразны. Несмотря на это, эмпирические и теоретические результаты привели к осязаемым взаимодействиям науки, техники, к культурному и социальному развитию. Различные традиционные отрасли техники развивались отчасти как фундаментальные составляющие социальной и культурной жизни. Более того, научные концепции подвергались проверке опытом и развивались, как описано в гл. 1. Трудно восстановить переплетенные нити взаимного влияния. Иногда они очевидны, как в математике, геометрии, астрономии, историографии, социальных концепциях и в «Архашастре» (*Arthasāstra*) – науке о пользе, о практической жизни. В других случаях, таких как взаимоотношения техники и философских и религиозных концепций, касающихся человека, природы и общества, прямые связи не столь очевидны.

Развитие науки и техники с первой половины I тысячелетия до н.э. в различных частях мира было связано с социальными изменениями, такими как появление городов-государств – полисов в Средиземноморье, общая урбанизация во многих других регионах, бурное развитие государств и их преобразования в Азии, основание государств в Центральной Америке и, наконец, появление империй.

При таких обстоятельствах новые типы сельскохозяйственного производства, города, ремесла и торговля развивались, с одной стороны, как практические последствия научного и технического прогресса, в то время как, с другой стороны, новые достижения стимулировали совершенствование техники, развитие философского и научного мышления и знаний о теоретических основах техники.

Технический прогресс и достижение более высоких уровней ремесленного производства и торговли вначале основывались на сельском хозяйстве, а в степных регионах Азии – на кочевом типе производства, т.е. на животноводстве. Была заселена широкая полоса регионов в Восточной Азии, Южной Азии, Центральной Азии, Западной Азии, Нильской долине в Африке, в Средиземноморье и Европе, а некоторые регионы уже были заселены в течение тысячелетий сообществами, основанными на сельскохозяйственном производстве. В Центральной Азии и Восточной Европе, на севере и западе Азии и в Африке преобладали кочевые племена. В это же время, независимо от евразийского развития, основой социальной жизни и культуры в Центральной Америке стало сельское хозяйство.

Некоторые новшества вели к важным изменениям в сельском хозяйстве, животноводстве, ремеслах и торговле. Важнейшим фактором стало повсеместное использование железа и железных орудий труда и военного вооружения. Хотя железо было известно со второй половины II тысячелетия до н.э., оно стало обычным сырьем от Китая до Средиземного моря, Европы и Африки с VIII в. до н.э. Последствия были различны, но в любом случае значительны для различных отраслей производства, для изготовления домашней утвари и воинского снаряжения.

В то же время в некоторых регионах было усовершенствовано орошение полей благодаря появлению нового оборудования для подъема воды, такого как водяное колесо и водяной винт в Средиземноморье или колодец в Египте, и методов регулирования уровня воды и дренажа в Китае.

Для расширения культурного взаимодействия и военной мобильности важное значение имело заимствование верховой езды сельскохозяйственными общинами и государствами в Азии, Средиземноморье и близлежащих регионах у кочевников северных евразийских степей. Таким образом, можно перечислить много нововведений и изобретений, которые привели к глубоким изменениям в общественной жизни – от сельского хозяйства и ремесел, торговли и градостроительства, военной организации и архитектуры до становления государств и развития «классических культур» и империй.

Несомненно, благодаря взаимодействию культурных и социальных структур с наукой и техникой цивилизация поднялась на новый уровень с первой половины I тысячелетия до н.э.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ, ЗАПАДНАЯ АЗИЯ И ЕВРОПА

Прежде чем рассматривать новый тип города, который начал появляться в Средиземноморье с VII в. до н.э., необходимо сделать несколько общих и методологических вводных замечаний относительно происхождения понятий город (*town*) и крупный город (*city*) и об отношении между этими понятиями, исторические корни которых отчасти одинаковы, а отчасти различны, хотя и переплетаются. С теоретической точки зрения под городом мы понимаем тесное городское образование, а под «крупным городом» сообщество с городским центром и относящейся к нему территорией. Греческий полис в особенности пользовался более или менее определенной автономией

по отношению к внешнему миру, а граждане его – относительным равноправием или справедливостью (соответственно *исотес* – *isotes* или *исономия* – *isonomy*) в своей внутренней жизни (см. гл. 10). В каком-то смысле понятие крупного города является более значительным, более развитым, широким и поэтому исторически более ограниченным, чем понятие просто города. Мы можем найти предшественников либо в очень похожих случаях, либо при далеких параллелях, для греческих крупных городов – полисов, в самых различных поселениях – городах Западной, Южной и Восточной Азии (Сирии, Месопотамии, Палестины, Анатолии, Египта, Индии, Китая и др.) или городах минойской или микенской культур эгейской цивилизации, начиная с отдаленных веков и тысячелетий и до описываемого нами периода. Видимое свидетельство наличия городской жизни и организации обнаруживается уже в I тысячелетии до н.э. в доколумбовой Америке, хотя, очевидно, более заметное сходство отмечается в более поздний период, чем в подлежащий нашему рассмотрению. Тем не менее исследование происхождения крупного города традиционно является более «точным», чем исследование городского феномена вообще, на что уже было указано. Не все города могут рассматриваться как города с прилегающей территорией, и наоборот, не все крупные города начинались с мелких городов. Споры об относительных исторических заслугах Востока и Запада в появлении городов можно в основном уладить, если считать, что хотя феномен урбанизации несомненно имеет ряд корней и проявлялся в нескольких видах, но на распространение городского образа жизни в Средиземноморье наиболее характерное историческое влияние оказала греческая цивилизация и в еще большей степени – греко-римская цивилизация.

Новый тип города

Если сравнивать с грандиозными замками микенской эпохи в период с XVI по XI в. до н.э. (см. том II) и небольшими городами так называемых Мрачных времен в истории Европы с X по VIII в. до н.э., города, выраставшие в Средиземноморье и вокруг него с VII в. до н.э., со структурной, урбанистической и политической точек зрения были городами нового типа. Различные регионы Греции и греческие колонии, особенно в Италии и на Сицилии, оказывали плодотворное влияние и играли решающую роль в истории. Городская планировка новых центров часто проявлялась в совершенно новой геометрической регулярности, дороги в них располагались перпендикулярно. Рациональный подход здесь очевиден, он появился как ответ на необходимость упорядочения пространства и перехода к новой структуре, при которой необходимые функции в общественной, религиозной и частной жизни граждан определены и объединены.

В течение этого периода внешний вид греческих городов значительно изменился. Начиная с VII в. до н.э. (вслед за некоторыми отдельными прецедентами в VIII, а также IX в.), начали процветать храмы как места поклонения, совершенно отличающиеся от других общественных зданий как внутри города, так и вне его. Влияние Египта и Западной Азии здесь было явным. В то же время города строили или усиливали свои городские укрепления, которые символизировали и подчеркивали и их оборонительные способности, и практические различия между городом и страной. Внутри этих защитных сооружений находились просторные общественные открытые территории, используемые в политических и коммерческих целях, – *агоры* (*agorai*), которые иногда служили и как политические (или свободные), и как торговые агоры, а иногда делились для выполнения каждой агорой только одной из этих функций.

В античные времена город и его территория имели тесные связи, которые как будто ослабли при переходе к средневековью, когда город и окрестности становились более ориентированными на самих себя. Тем не менее трудно представить, чтобы их интересы могли быть диаметрально противоположны. В античном мире, однако, мы можем объяснить происхождение «большого» города с прилегающими к нему окрестностями; собственно город был до некоторой степени необходимым историческим «продуктом» этих окрестностей. Крестьянам нужно был рынок (*эмпорион* по-гречески) для продажи излишков своей продукции, той части продукции, которая превышала непосредственные местные потребности. Чтобы удовлетворить этим требованиям, следовало найти удачно расположенное место, легко доступное и с хорошими коммуникациями. Но служить местом для рынка – это только одна из функций города. Город был также местом (или одним из мест) жительства крупных землевладельцев, обеспечивающим им возможность защиты благодаря либо удачному расположению, либо построенным укреплениям. Кроме того, город служил судебным и религиозным центром, т.е. выполнял функции, которые очень часто были связаны с существованием рынка, был политическим и административным центром. Помимо этих функций, возник целый ряд услуг, к выполнению которых привлекались разные люди – как свободные личности, так и рабы, что вызывало первоначальный рост населения городского центра; это, в свою очередь, стимулировало сельскохозяйственное производство и растущий спрос на его продукцию, усиливая торговые потоки из окрестностей в город.

Более того, торговля не ограничивалась сельскохозяйственной продукцией; даже весьма умеренные теории греческих философов IV в. до н.э. признают, что жизненно важным был вклад ремесел. Документально подтверждено, что еще в микенскую эпоху ремесленники играли важнейшую роль в греческом обществе, независимо от вида их мастерства, а иногда они играли значительную социальную роль в этом обществе. Общество, описанное в поэмах Гомера, подтверждает важность *демиургов* (греч. *demourgos* – мастер, ремесленник), которые, однако, не всегда производили товары или предметы. Но это не означает отрицание огромного вклада сельскохозяйственной продукции в развитие торговли вообще, как показывает история Афин и полисов VI в. до н.э. Распространение гончарных изделий из Аттики или развитие торговли маслами в том же регионе сопровождалось вводом ряда мер, предназначенных для поддержания сельского хозяйства. С другой стороны, сельское окружение города оказывало решающее влияние на специализацию ремесел, что видно из наиболее знаменитого греческого текста о соотношениях между размером городского центра и разделением труда (Ксенофонт, Кирупаидея (*Kyroupaideta*), VIII 2, 5–6). Процесс урбанизации достиг своей вершины в греческой цивилизации только с V по IV в. до н.э. Другие части Средиземноморья по прошествии времени последовали тем же путем, не отставая в своем культурном развитии.

Примерно на этом рубеже, в VII в. до н.э. появляется ряд новых факторов, тесно связанных друг с другом. К ним относится резкий рост населения Греции, о чем свидетельствует число погребений, отнесенных к VIII в. – их примерно в семь раз больше, чем в предыдущие века; развитие сельского хозяйства, очевидно, связанное с расширением применения астрономических наблюдений – каков бы ни был их источник – в VII в. до н.э. (как свидетельствует эпическая поэма Гесиода «Труды и дни», ассортимент выращиваемых зерновых культур становился более разнообразным, расширялось производство вина и масла). Процветали ремесла, что вело, в свою очередь, к возобновлению заинтересованности в торговле с дальними странами, в

массовом производстве, например, гончарных изделий, к формированию начального уровня технического и организационного развития. Тем временем существование избыточного населения и рабочей силы, представленной как свободными людьми, так и в возрастающей степени рабами, обусловило потоки людей и товаров и привело к основанию сети греческих колоний, распространившихся на большей части Средиземноморья, от Италии и Сицилии, а постепенно – Испании и Галлии на западе, до Анатолии, Черного моря и даже до побережья Сирии и дельты Нила на востоке. Таким образом, благодаря греческой активности, и в связи с ней были созданы условия для появления культурного *койне* (греч. *koine*, от *koinos* – общий) – общенародного языка в регионах Средиземноморского бассейна, хотя, конечно, еще в элементарной форме. Распределение изделий ремесленников способствовало распространению определенных вкусов на товары, которые на разных уровнях потребительских цен внесли вклад в появление общества, в котором проявлялось влияние «престижных вещей», и в соответствующую социальную и экономическую дифференциацию в отношении этих новых вкусов и потребностей, которые формировали основы греческого мира.

Городские центры Западной Азии не просто показывали направление развития городов в Греции в VIII и следующих веках до н.э.; они были также важны сами по себе. Примерами являются Ниневия и Дур-Шаррукин в Ассирии, Вавилон, которые достигли нового величия при Набополасаре и Навуходоносоре в конце VII в. до н.э., а в VI в. – возрожденные Сузы, бывшая столица Элама, и развившийся при правлении Ахеменидов Персеполь в Иране. Иерусалим и его храм были важным примером городской и духовной архитектуры до разрушения Навуходоносором в 587 г. до н.э., а неохеттские государства в Киликии (Анатолия) также прошли через некоторые этапы развития городов, хотя и в более скромных масштабах, примером чему может служить город Кара-Тепе в VIII в. В персидской империи Ахеменидов были несколько городских центров, унаследованных от прошлого как в Анатолии, так и в Сирии и Палестине, и они имели возможность выжить наравне с греческим миром. Но во многих частях империи Ахеменидов выжили более мелкие поселения, которые продолжали играть жизненно важную роль до эпохи греческих государств и далее, сохраняя свои организационные и социальные структуры и свою практику орошения сельскохозяйственных угодий. Сюда относятся применяемые ими крупноразмерные гидравлические устройства, рассматриваемые современными учеными как материальное проявление централизованных форм общества в античном восточном мире.

Хоплитические общества, распространение железа и чеканка первых монет

Около VII в. до н.э. после длительного процесса подготовки, сопровождаемого социальным расслоением общества, начали развиваться военные сообщества и структуры, которые, используя греческий термин, мы называем «хоплитическими» (*hoplite* – хоплит – тяжело вооруженный древнегреческий пехотинец). С военной точки зрения имеются в виду высокоорганизованные фаланги пехотинцев – представителей правящего социально-политического класса граждан-землевладельцев. Это была военная структура старой аристократии, в которую были включены представители средних классов. Имеются подтверждения о наличии таких структур в греческом и эллинистическом мире, в древней Этрурии и особенно в Риме при правлении Сервия Туллия. С технической точки зрения этот хоплитический период соответствует также времени, в котором социально-политическими средства-

ми было в наибольшей степени обеспечено распространение железа спустя несколько столетий, после того как оно было открыто и впервые использовано. Этот металл, который постепенно занял место бронзы при изготовлении оружия, сельскохозяйственных орудий и многих других предметов, начал использоваться уже во второй половине II тысячелетия до н.э. В Средиземноморье главной областью производства была Анатолия. Вне Анатолии в течение длительного периода с XV/XIV в. до VIII в. до н.э. следы использования железа обнаруживаются с трудом. В VIII в. железо почти пятьдесят раз уступает Гомером – это весьма скромно по сравнению с вниманием, уделенным бронзе, но в работах Гесиода (около 700 г. до н.э.) применение его уже является характерной чертой современного ему периода, символом цивилизованности и чуть ли не условием человеческого существования. Его расширяющееся применение имело также прямое воздействие на общественно-экономический уровень. Статус ремесленников, работающих с металлом, вероятно, изменился настолько, что его только отчасти можно сравнить со статусом мастеров бронзы в микенскую эру, престиж которых объяснялся их мастерством и привилегированным положением в иерархически структурированном обществе. В мире хоплитического *изотеса*, т.е. равноправия, все это, как ни парадоксально, становится менее возможным, потому что изготовление железных изделий является основным видом производства, и за ним следует широкое применение железа. В то же время обработка железа способствовала применению новых методов возделывания земли и выращиванию более специализированных культур.

Западная Азия также занимает свое место в коммерческой и материальной истории Средиземноморья этого времени благодаря производимым там изящным и выразительным металлическим изделиям, таким как бронзовые котлы, изготовленные в Урарту, Сирии и Фригии, по крайней мере в VIII в. до н.э.

Именно в VII в. и особенно в VI в. до н.э. в Средиземноморье появилась благоприятная среда для обменов, которая должна была преобразовать преобладающие ранее экономические условия, – появились деньги, хотя это явление, конечно, имело лишь ограниченное влияние на традиционные формы собственности. Греческая традиция приписывает изобретение денег лидийцам, и археологические раскопки подтверждают, что они широко применялись на западе Анатолии с начала VI в. до н.э. и в течение этого века и позднее получили распространение в греческом мире. Деньги играют фундаментальную роль в циркуляции материальных ценностей. Они не создают торговлю, но приобретают значение в процессе торговли и усиливают движение потоков предметов, товаров и людей. Деньги приводят к накоплению и расширению богатства, что имеет различные следствия, и создают новый слой социальных поборников посредством экономического движения, которое они поддерживают: собственники с деньгами, собственников с долгами, владельцев капитала, банкиров и предпринимателей, которые вкладывают деньги в землю, дома, в те или иные виды бизнеса или просто тратят деньги на предметы роскоши, обеспечения престижа, на удовольствия или праздность. В сложных спорах о происхождении денег привлекательно выглядит теория, которая рассматривает формальное возникновение денег как следствие государственных потребностей и необходимости для государства удобным, надежным, гарантированным способом платить своим воинам, наемникам и гражданским служащим, или как способ обеспечить фортификационные и оборонительные работы, поставки товаров, строительство дорог, организацию общественных служб и т.д.

Чеканке монет в Греции предшествовало использование драгоценных металлических монет в Месопотамии

и Персии и особенно производство монет из электрума (серебристого золота, минерала класса самородных элементов, разновидности самородного золота) и других драгоценных металлов в Лидии. Персидские цари также начали чеканить монеты примерно в то же время, что и греки. В этой сфере, как и в планировании застройки городов или в надписях на монументах и частной переписке, государство Ахеменидов (с VI по IV в. до н.э.) освоило и передало другим странам опыт государств Месопотамии, сирийско-палестинского региона, а также Анатолии. Персидское серебро, *sigloi* (*sigloi*), отмерялось по весу, и позднее монета греческой Аркадии, *сиклы* (*siklu*) и золотые древнегреческие монеты, *дареков* (*darekoi*), становились похожими на стандартные монеты Анатолии и эгейского региона, что служило средством контактов, торговли, политического влияния и даже подкупа.

Математическое и геометрическое мышление, имевшее глубокие корни в цивилизациях Западной Азии, помогло сформировать в греческом мире монетарный менталитет и соответствующую культуру (опыт философа Пифагора из Самоса в VI в. до н.э., в работе которого заметно восточное и особенно месопотамское и персидское влияния, очень знаменателен в этом отношении). Денежный менталитет внес также вклад в развитие монетарной экономики, параллельно с развитием греческого рационализма, который не без причины зародился в самом сердце ионийской Греции, т.е. в Западной Анатолии, в прямом контакте с культурами Восточного Средиземноморья.

Греческие монеты (изготовленные преимущественно из серебра) послужили предшественниками и моделью для денег эллинистических государств и Западного Средиземноморья. Здесь в первую очередь приходит на память Рим. Согласно Плинию Старшему («Естественная история», XXXIII, 42–46), в Риме были впервые применены *аес руде* (неочищенная медь) и *аес сигнатум* (кованая медь или бронза) во время правления Сервия Туллия (VI в. до н.э.), и началась чеканка серебряных монет незадолго до первой Пунической войны (в 269 г. до н.э.). Однако современные теории, особенно выдвигаемые английской нумизматической школой, предполагают более позднюю дату начала чеканки серебряного денария (*denarius*) в Риме – не ранее начала второй Пунической войны. История бронзовых монет также вызывает многочисленные споры. В древних писаниях, а также в современной литературе мы находим ссылки на *аес граве* (тяжелую медь или бронзу), которая использовалась для изготовления слитков массой в один фунт. В любом случае первые попытки римлян производить серебряные монеты отражают опыт греков, особенно в районе итальянской кампании, и относятся к концу IV в. до н.э. Затем последовала чеканка серебряных денариев, но остается вопрос об их стоимости по отношению к бронзовым монетам и о хронологии изменения их обменной стоимости (от 10 до 16 *ассов* (*aeses*) за один денарий) между концом III и серединой II в. до н.э.

В IV в. до н.э. греческий мир стал свидетелем быстрого развития монетарной экономики: к концу этого века монеты, отчеканенные из драгоценных металлов, начали выпускаться и в самом греческом мире, и вне его, где традиционно не было денег. Новые достижения греков, одновременно материальные, технические и культурные, затронули менее урбанизированные части прилегающих европейских и африканских регионов, как это очень хорошо подтверждает расцвет городов – крепостей – *оппиды* (*oppida*) у галлов в IV в. и следующих веках до н.э.

В общем, IV в. до н.э. характеризуется значительным прогрессом во всех видах перемещений и коммуникаций. Культура письменного слова (начало которой, правда, восходит к более древним временам) достигла пика в резуль-

тате развития в течение столетий и стала все более открытой для всех (см. гл. 5). Это способствовало более широкому использованию материалов, которые было относительно легче найти и обрабатывать, чем металл (например, камень, папирус, деревянные таблички и пергамент), что в свою очередь привело к решительным культурным, материальным, социальным и экономическим последствиям, хотя масштабы грамотности в том обществе вызывают вопросы.

Необходимо постараться избежать рассмотрения всего Средиземноморья и прилегающих к нему территорий с VII в. до н.э. до появления Римской империи как истории южных и прибрежных городов, развивавшейся на фоне некоей неопределенной территории вокруг них, которая просто задержалась с развитием урбанизации и «цивилизации». Мы не можем понять различные общества без изучения взаимодействия между миром классических городов и миром так называемых варваров (см. гл. 10 и 11).

Торговля, транспорт, техника и денежная политика

Область, подпавшая под культурное влияние и, как следствие, под политическое давление классического «центра», не только принимала организационные и культурные формы, кратко обрисованные выше, но и становилась также географически, экономически и исторически ареной для коммуникаций и торговли. Вскоре развились контакты и торговля на территориях между Геркулесовыми столпами и Британскими островами (главным образом в связи с торговлей оловом и золотом), между полуостровом Бретань и Бельгией, между рекой По и Балтийским морем, Северным морем (например, торговля янтарем) или Черным морем, и между греческими колониями на Черном море и балтийскими и скандинавскими регионами, а также территориями у Кавказа и Каспийского моря на востоке. Эта сеть естественных каналов связи, наземных и морских, была позднее дополнена сетью римских дорог, по которым поступала в Рим вся продукция мира Средиземноморья и окружающей его территории, как замечено в знаменитом отрывке из речи о Риме Элия Аристиды (*Aelius Aristides*) во времена Антония Пия (II в. н.э.). Есть археологическое свидетельство распространения типично средиземноморской продукции – масла и вина. Масло ввозилось афинянами, а позднее римлянами и италийцами, пока Испания и Северная Африка не начали составлять серьезную конкуренцию Риму в первые столетия существования этой империи; об этом свидетельствуют бесчисленные амфоры, обнаруживаемые на всей территории. Факт италийской торговли подтверждается гончарными изделиями «из Кампании», а римское влияние легко доказывается наличием *теппа сигиллата* (*terra sigillata*). Эти изделия, вероятно, впервые были изготовлены в мастерских греческого мира, позднее появились на фабриках Центральной Италии, после чего распространились, вместе с подделками, по той части Центральной и Западной Европы, которая находилась под римским влиянием или господством. Стеклообразные изделия всех видов и столовая посуда в общем распространялись подобным образом. Особый случай представлял Марсель, вокруг которого районы вглубь от прибрежной полосы были местами, куда ввозились такие предметы. Проявлялся коммерческий интерес к греческим товарам в Италии в IV в. до н.э. и позднее – широкий интерес к италийской и римской торговле до завоевания Юлием Цезарем (58–51 гг. до н.э.) и даже до создания провинции Нарбонская Галлия (128–118 гг. до н.э.). Благодаря сочетанию количественных и структурных факторов, различные типы торговли в этот период пред-

ставляются вполне «совместимыми». Очевидно, что в интересы любого рынка входит расширение, но конечным результатом был скорее торговый «плюрализм», чем монополия, по крайней мере это справедливо в отношении экспорта.

Вокруг всей центральной системы с расходящимися от нее веером торговыми путями существовал также целый ряд периферийных торговых сетей между самими провинциями. Это был один из аспектов жизненности и культурной самодостаточности Римской империи даже во время ее расширения, когда она распространила свое культурное влияние на огромные территории. Высокая степень единообразия, несомненно, характеризовала основные виды производства, в которых применялись сельскохозяйственные машины и орудия труда, но это справедливо также и в отношении более сложных инструментов, изобретенных для экономии энергии людей и животных и представлявших в некотором роде ранний шаг к автоматизации. Одно основное сельскохозяйственное орудие труда в Средиземноморье – плуг, оставаясь в общих чертах прежним, отличается в зависимости от региона и периода (это будет показано на примерах Галлии, Германии, Бретани и др.). Плуг, изготовление которого в основном зависело от открытия и широкого распространения железа (в особенности это касалось возможности его широкого распространения) отражал местные технические традиции; например, для Галлии был типичен плуг на колесах: жатка там также была колесной. Существовали также разнообразные типы мельниц, среди них водяная мельница, рационально использовавшая природный источник энергии. Другая сфера технического прогресса (и распространения новых изобретений, становившегося возможным благодаря единству империи) – изготовление стеклянных изделий.

Высокий уровень изобретательства, очевидно, наилучшим образом проявлялся в области обороны и ведения войны. Кроме того, использование водных путей стало важной причиной развития техники античного мира – кораблестроения, в котором еще до римлян большими мастерами были греки, финикийцы, карфагеняне, этруски и иллирийцы. В этом отношении эллинская эпоха представляет вершину достижений, особенно важных для дальнейшей истории.

Для торговли на большие расстояния морские перевозки, где они были возможны, оказывались более предпочтительными, чем наземные, более трудные для передвижения. Чтобы удержаться в рамках рассматриваемого периода, следует иметь в виду, что суда проходили через Геркулесовы столпы в Атлантический океан, шли к Касситеридам или Оловянным островам (ныне острова Силли), т.е. в британские воды, или вдоль Атлантического побережья Северной Африки, которого уже достигали финикийцы и карфагеняне (об этом свидетельствует путешествие Ганнона Мореплавателя – карфагенского флотоводца) в конце VI в. до н.э.; в то же время Сцилакс (*Scylax*) из Кари (область на юго-западе Малой Азии. – *Прим. ред.*) по приказу Дария I проплыл весь путь вокруг Аравийского полуострова. Такие подвиги, которые в античные времена были или результатом частной инициативы, или большей частью, как мы уже видели, объяснялись целями предпринимательства и распространения культурного климата Персидской империи и близлежащих районов, имели продолжение, и действительно последователи превзошли их в конце классической эры и в эллинистический период. Наземные дороги получили широкое применение как для межконтинентальных отношений, так и для местной и региональной торговли (данный факт получает все большее признание), при этом использовались преимущества территориальных особенностей, таких как речные долины, перешейки, склоны холмов и т.д.

Но если рассматривать дороги, то ничто не может сравниться с достижениями и мастерством римлян. Рим не только «открыл» наземные дороги; он действительно «строил» дороги, используя технику как для прокладывания новых, так и для улучшения уже имевшихся путей, чтобы они могли использоваться в военных целях, хотя эти дороги очень скоро стали выполнять новые функции, поскольку обеспечивали возможности для расширения торговых обменов и распространения культуры. Сеть римских консульских дорог в Италии расширялась и сочеталась с дорогами, ведущими в провинции внутри страны и еще дальше до границ – *лимес* (*limes*), которые были не просто рядом укреплений, а представляли собой огромную пограничную систему дорог (с их *кастра* (*castra*), *кастелла* (*castella*), связанными с ними *канабае* (*canabae*) и даже *колониае* (*coloniae*), с которой были связаны дороги варварских стран. И среди путей коммуникации в империи были не только наземные дороги, но и водные пути, которые использовались и для судоходства, и для лесосплава.

Обычным средством транспорта в античном Средиземноморье все еще была колесница во всех ее видах. Военные колесницы прошли через ряд любопытных тактических «усовершенствований», которые состояли в оборудовании их косами, соединенными с колесами или закрепленными под колесницей. Можно найти свидетельства о подобной практике, применявшейся в течение всего античного периода от Персидской империи до поздней Римской империи.

С точки зрения людей античного времени технический прогресс означал, в частности, широкое распространение изобретения, которое могло быть приписано определенному изобретателю, или особым условиям, или группе людей. Важнее, чем дата изобретения, рассматривались тогда географическое происхождение и степень распространения изобретения. «Открытие» в большей степени зависело от средств связи и его распространенности, от процессов, которые способствовали широкой известности новшества.

Концентрация экономической мощи в руках правителей великих эллинистических государств ускорила унификацию и экономическое развитие, в особенности развития денежной системы, даже несмотря на то что есть свидетельства, указывающие, что уже существовало несколько денежных систем.

В системе, контролируемой государством, подобной Римской империи, центральная власть контролирует и определяет монетарную политику и экономику. Есть противоречивые теории об отношениях между политикой и денежным обращением. Влияние вмешательства в ценообразование, сколь бы неэффективным оно ни было, нелегко отрицать, и нельзя говорить о ее неэффективности в наиболее знаменитом историческом случае ее применения в виде указа «Эдиктум де претиис» («*Edictum de pretiis*») императора Диоклетиана в 301 г. н.э. Социальные и экономические условия жизни беднейших классов были связаны, в частности, с реальной стоимостью субсидиарных денег, и соотношения между золотыми монетами и серебряными денариями имели прямое влияние на условия их жизни. Достойны упоминания здесь двойная стоимость *ауреуса* (*aureus*) и серебряного денария при Нероне в 64 г. н.э., относительная стабильность цен до времен правления Коммода (181–192 гг. н.э.) и Септимия Севера (193–211 гг. н.э.), когда произошел резкий подъем цен. Император Каракалла (211–217 гг. н.э.) выпустил новую монету – *антонианус* (*antonianus*), которая номинально была эквивалентна двойному денарию, хотя ее серебряное содержание было ниже. Наконец, при императоре Константине I (285–337 гг. н.э.) была создана денежная система на основе золотой монеты *салидус* (*solidus*), в отношении которой субсидиарные монеты имели минимальную стоимость. Это привело к частичному сосредоточению богатства и природных ресурсов

в одних и тех же руках, хотя частично эта собственность была разделена. Но история никогда не делает решительных поворотов, и вновь через вышеупомянутые региональные сети экономика продолжала жить по своим правилам, но это нельзя рассматривать только как возвращение к прошлому.

Науки, технические знания и изобретения и их применение в экономике, социальной и культурной повседневной жизни

Расцвет торговли между удаленными странами, организация военных перевозок на большие расстояния и самих военных акций, а также координация действий как в гражданской жизни, так и в военной практике требовали точных знаний о том, как измерять время, даты и часы, как определяться на местности, как рассчитывать время до достижения определенного места и какими путями.

Способы получения таких сведений основывались на научных знаниях, накопленных в эллинистический период. Методы математики и геометрии давали основы для выполнения расчетов, необходимых при создании соответствующих инструментов, а также для многих других орудий и машин, используемых в производствах, ремеслах, сельском хозяйстве, торговле и на транспорте.

Первые часовые линии были начерчены на циферблатах солнечных часов следующим образом. Анаксимандр проектировал на вогнутую поверхность сферы орбиту Солнца, которая по его предположению была круговой, в различные месяцы года и таким образом определял время равноденствий и солнцестояний. Только в конце V в. от египтян были переняты дальнейшие уточнения: эти линии были разделены на двенадцать частей, соответствующих часам дня, так что тень кончика стрелки, располагавшейся в центре сферы, указывала на час и день сезона. Основываясь на своей астрономической теории концентрических сфер, Евдокс Книдский создал затем теорию геометрического построения («аналемму») сети часовых и месячных линий на циферблате солнечных часов этого рода, известную под названием *скафе* (*skaphe*). Эту систему он (или один из его ближайших последователей) распространил на конические (*konarachne* – *конарахне*) поверхности или плоскости, наклоненные под некоторым углом.

Часы этого типа использовались и римлянами, хотя они были построены греками, что доказывают греческие надписи с названиями месяцев. Их можно было использовать только на географической широте, для которой они были построены. Проблема учета широты была решена при изобретении передвижных солнечных часов с вращающимися элементами для установления географической широты и месяца (для этого использовались диски или кольца). Часы этого типа с римскими надписями дошли до наших дней, хотя упоминались уже у Витрувия (30 г. до н.э.). Гиппарх (около 190–120 гг. до н.э.) является автором метода стереографической проекции небесных координат и часовых и месячных линий на круглый диск, который затем использовался в астрологии или планисфере; в соединении с вращающимся диоптром по наблюдению звезд и Солнца при этом можно было определить время ночи, дня или время года. Витрувий описывает род водяных часов, в которых использована эта проекция в качестве индикатора, за которым помещали диск с проекцией звезд и знаками зодиака; этот диск поворачивался раз в двадцать четыре часа благодаря точной *клепсидре* (*clepsudra* – древний инструмент для измерения времени, работавший от потока воды. – Прим. ред.) типа той, что была построена Ктесибием. В часах этого

типа, часть фрагментов которых сохранилась до наших дней, данные, определенные с помощью астрологии, показывались механическим образом. Такие часы служили основой для составления астрономической таблицы и для изготовления башенных часов позднего средневековья.

Применяя математику для решения технических проблем, Пифагор в Сиракузах после 400 г. до н.э. построил новые артиллерийские машины с дальностью несколько сотен метров и провел испытания, чтобы определить их оптимальные размеры. После того как на рубеже столетий в Александрии были уточнены некоторые детали, эти орудия продолжали использоваться до средних веков, сохраняя те же самые размеры. Совершенствовались метательные орудия, такие как *онагр* (от греч. *onagros* – вид катапульты больших размеров. – Прим. ред.), лук и баллиста для стрел и каменных шаров. Скрученные пучки жил или волос использовались в качестве тетивы лука. Бронзовые пружины и цилиндры со сжатым воздухом, опробованные позднее для этой цели Ктесибием, не получили широкого распространения из-за того, что их изготовление было слишком сложным, а сами они – слишком капризными при использовании на практике.

В процессе перехода от подъемных приспособлений до рычага, принцип действия которого был определен путем выведения динамического (Аристотель) и статического (Архимед) закона рычага, стало возможным вычислять результат действия простых машин, уже известных в то время, и сочетать их в подходящих формах (каток, осевое колесо, клин, винт и наклонная плоскость); Архимед (около 285–212 гг. до н.э.) даже изобрел совершенно новую машину, напоминающую полиспаст. После изменения расположения дисков в системе блоков – установки их в вертикальном положении вместо горизонтального, как было во времена Архимеда, полиспаст использовался как грузоподъемное устройство вместо простых блоков, которые поворачивались посредством гигантских pedalных колес. Машины этого вида применялись при возведении монументальных зданий в Риме, а также для поворота артиллерийских орудий в римской армии. Кроме того, они использовались в греческой медицине для вытягивания или восстановления вывихнутых или сломанных конечностей.

Теоретическое понимание устройства и принципа действия винта привело к его применению в технике вслед за применением его в практике художников: Архимед применил принцип винта к восьмикамерному водяному колесу, известному в Египте, и получил архимедов винт (водоподъемная машина, вал с винтовой поверхностью, установленный в наклонной трубе, нижний конец которой погружен в воду. – Прим. ред.), который вскоре стал широко применяться при орошении и осушении. Сами деревянные винты с муфтами применялись для передачи усилий в новых прессах для масла, вина и материи, которые использовались в Европе до новых времен. Принцип зубчатой передачи уже использовался Ктесибием при изобретении им годометра (инструмента для измерения расстояния, преодоленного колесным экипажем. – Прим. ред.) со счетным устройством; считают также, что он изобрел зубчатое колесо, которое он подсоединил к своей *клепсидре* с зубчатой рейкой для показа результатов измерений. Архимед, в свою очередь, соединил зубчатое колесо со шнеком и получил червячную передачу, которая, однако, из-за недостаточного понимания, каким должен быть профиль зуба, не получила применения в практике как угловая передача в грузоподъемных устройствах.

В эллинистическом Египте греки также разрабатывали черпаковые подъемники, приводимые педалями или течением воды, pedalными колесами или кабестанами. В этом случае угловая передача была сконструирована с

применением периферийных цапф вместо шестерней; эти устройства были способны поднимать воду на значительную высоту (до 60 м. – *Прим. ред.*) в различных емкостях, глиняных кубинках, кожаных мехах или черпаках. Был изобретен принцип устройств непрерывного действия. Водяные колеса с горизонтальной осью также использовались для привода мельничных жерновов в Римской империи. Корабельные мельницы впервые упоминаются в 536 году н.э. в Риме, а пилы, приводимые водой, известны в мозельском регионе. Замечательные примеры городских систем водоснабжения включают трубопроводы, построенные при царях Соломоне (1018–978 гг. до н.э.), Езекии (727–669 гг. до н.э.) и Ироде (37–4 гг. до н.э.) в Иерусалиме, с широкой сетью бассейнов и длинных наклонных труб. В городах Анатолии, чтобы соединить близлежащие местности и преодолеть наибольшие перепады высот, прокладывали трубы из прессованной глины. Одним из шедевров был трубопровод для подачи воды под давлением, построенный в Пергаме в 200 г. до н.э.; он поставлял воду в крепость на вершине холма высотой 200 м над уровнем окружающей равнины.

Водоснабжение в римских городах всегда осуществлялось по закрытым каналам с наклонными трубопроводами, протяженностью во много километров; долины и низины преодолевались посредством акведуков, иногда с арками на нескольких уровнях. Потребности в воде невероятно возросли с середины II в. до н.э. (пример – Помпеи), когда повсюду в городах были построены общественные бани или *термы*, моделью для них служили бани на виллах богатых римлян в Кампании, в которых использовалась вода из теплых источников. Внутренняя городская распределительная сеть была построена таким образом, что в случае недостатка воды можно было организовать нормирование подачи воды в общественные фонтаны (в начале IV в. таких фонтанов было около 1350). Рим ежедневно получал около 1 млн. куб. м. воды по десяти акведукам; в 150 г. н.э. это было эквивалентно среднему потреблению в 650 л на жителя в день; большая часть этого количества поступала, разумеется, в термы; в 33 г. до н.э. их было 170. Позднее число терм возросло до 1000. Термы постепенно стали использоваться не столько как общественные бани, сколько как места встреч, культурных и спортивных мероприятий, поэтому величественные общественные постройки, основанные императорами, принимали монументальные пропорции. Бани Диоклетиана, построенные на нескольких этажах, в плане составляли квадрат со стороной 600 м. Даже такой провинциальный город, как римский Кёльн на Рейне, ежедневно получал 17 тыс. куб. м. воды из источников в Эйфелевых горах по нескольким трубопроводам, имевшим значительную длину. Столь большое потребление воды, естественно, требовало соответствующей мощной канализационной сети (напр., *Клоака максима* в Риме.); из-за огромных масштабов это также была трудная и новая техническая задача.

Для отопления бань римляне разработали систему подогрева, проходящую под полом (гипокауст), которая была применена также почти во всех больших виллах, особенно в лесистых местностях к северу от Альп с их суровыми зимами. В Италии, с другой стороны, в жилых помещениях использовались переносные угольные печки; об этом свидетельствуют многочисленные находки в Помпеях.

Растущая географическая протяженность Римской империи, площадь которой в конце концов достигла более 5 млн. кв. м во времена императоров Траяна и Адриана, породила сложные организационные проблемы и проблемы материально-технического снабжения, для которых следовало найти технические решения. Эти решения распространялись до самых дальних углов империи, где население также не желало жить без цивилизованного

комфорта Рима. Такая потребность была, в частности, у пограничных войск (легионов), которые не только включали в себя инженерные части (термин «инженер» впервые был использован для обозначения именно военных специалистов), но должны были также по возможности обеспечивать себя сами. Предпосылкой для связи между всеми частями империи была сеть добротных дорог. Общая их длина составляла около 100 тыс. км; дороги включали солидную инфраструктуру, дренажные каналы и стоящие двory, а также каменные мосты (некоторые из них составляют части современной сети высокоскоростных магистралей). Все это вместе обуславливало возможность передвижения войск, гонцов, транспорта с товарами и т.д. независимо от погоды и состояния почвы. При императоре Августе дороги к северу от Альп после обследования и перестройки соединили города и крепости между Альпами и пограничными укреплениями, связав их вместе в почти прямые линии, проходящие по всем видам рельефа местности. Таблица Петинджера (*Peutingera*), в которой показана широкая сеть основных дорог от Ирландии до Китая с указанием расстояний, но без изолиний, является копией карты римского мира I в. до н.э. и документально подтверждает важность, которую в то время придавали роли сети дорог.

Одним из достижений древних александрийских инженеров, распространившимся впоследствии по всей Римской империи, было использование давления воздуха и вакуума в различных технических устройствах и игрушках. Здесь также использование принципа всасывания и сифона или «колеса Герона» послужило основой для объяснения, изобретения и дальнейшей разработки всех видов удивительно эффективных автоматических машин, смешивающих и всасывающих устройств, не говоря уже о водяных органах (гидравлосах), работающих под давлением воздуха, и огнематах (изобретатель Ктесибий). Со времен Витрувия никаких дальнейших разработок не имеется.

В середине I в. до н.э. в Сирии или Финикии была изобретена стеклянная трубка для выдувания стекла в полые формы или в виде сосудов, тем самым была заменена прежняя технология изготовления стеклянных изделий с использованием песочных или глиняных стержней, погружавшихся в расплавленную стеклянную массу. Технология отливки и выдавливания, известная с давних пор, но пригодная только для получения небольших толстостенных сосудов или плоских тарелок с рельефным орнаментом, также совершенствовалась и использовалась в производстве новых форм. Прогресс этих технологий сопровождался развитием химических процессов, при которых добивались устранения окраски стекла и достижения полной прозрачности сосудов. Результатом этого стал огромный рост ввоза стекла в Грецию и Рим, а в ближайшие десятилетия последнего века до н.э. методы производства стекла проникли из Александрии в Рим и Южную Италию. Стекло, которое прежде было предметом роскоши, теперь становится обычным предметом потребления. В больших мастерских осуществлялось массовое производство бутылей и других полых сосудов. Стекла вставлялись в оконные рамы, иногда отливались зеркала. Все технологии изготовления стеклянных изделий уже были хорошо известны к 100 г. н.э.; оставались возможными лишь стилистические и художественные усовершенствования, но никакие дальнейшие технологические новшества не вносились, пока естественнонаучные знания не создали для этого возможности уже в нашу современную эпоху. Качество стекла зависело от применяемого сырья. Мастера в северных провинциях, например, в Бонне и Кельне, производили только естественно окрашенное (сине-зеленое) стекло в течение почти 200 лет; в этот период сосуды из прозрачного стекла продолжали ввозиться из Александрии в Южную Галлию и Британию, а также в бассейн

Рейна. Ситуация неожиданно изменилась в середине II в., когда в Фрегене, к югу от Кельна, был обнаружен песок, состоящий из почти чистых кремневых кислот. После этого стеклянные мануфактуры в Кельне испытали настоящий бум, который привел не только к производству потребительского стекла, но и к изготовлению художественных шедевров с использованием полировки и гравировки (при этом использовались старинные приемы каменщиков); лучшими примерами являются различные изделия и кубки «Диатрет» (*Diatret*) начала IV в. В середине этого века появились рейнские бокалы, украшенные эмалью и золотом; здесь искусство золочения, разработанное в Александрии, было усовершенствовано нанесением расписной эмали.

Другим изобретением, не получившим дальнейшего развития в античные времена, была зерноуборочная машина, которая использовалась только в Галлии. Она была описана Плинием (около 70 г. н.э.), а позднее Палладием (около 400 г. н.э.). Найден также ряд рельефных изображений этой машины. Она сокращала затраты труда, но для нее требовались просторные поля; сзади нее оставалась солома с некоторым количеством терявшегося зерна. Ее применение поэтому было оправданным только на обширных *латифундиях*, которые, однако, были вне Галлии, так что одно это обстоятельство не может объяснить региональную ограниченность использования этого изобретения.

Тем не менее изобретение зерноуборочной машины является еще одним показателем удивительного состояния застоя, в которое погрузилась техника греко-римского мира в конце II в. н.э., если не раньше, и то же самое происходило с естественными науками, математикой и медициной. После этого новшеств практически не было. Греческая концепция роли естественной науки и ее положения в отношении к технике, за исключением плодотворного взаимодействия между этими двумя отраслями знания, скорее всего исчерпала себя, и за этим пределом дальнейшего прогресса быть не могло.

Распад средиземноморского единства

Густая система дорог, созданная Римом, а не только расходящиеся пути из самого города, расширила возможности для перемещений между востоком и западом значительно севернее по сравнению с широтой Рима и других городских центров Средиземноморья в классическую эпоху. Наличие и местоположение торговых портов, таких как Аквилея, или городов, служивших императорскими резиденциями (Милан, Трир, Арль и Равенна), или крупных центров, расположенных внутри и вдоль европейских границ (*limes*), способствовали появлению идеального маршрута, совершенно отличного от дорог, расходящихся веером от Рима. В результате появилась северо-южная ось, пересекающая историческую восточно-западную ось; различные кризисы империи могли только укрепить новую ось, по крайней мере с начала III в. н.э. Постепенное становление романо-варварских королевств на западе сделало остальное.

Начиная примерно со II–III вв. н.э., система дорог, построенных римлянами в пределах своей империи, использовалась германскими народами для продвижения к границам и позволила им проникать на территорию империи. Когда во II в. у империи уже не было сил для продолжения своей экспансионистской политики, начались миграции народов, начиная с квадов и маркоманов, затем в III в. последовали франки, германцы и готы, которые усилили свое присутствие в IV в. во времена продолжительной экспансии саксонов. Дальше очередь была за свевами и вандалами, которые продвинулись до Испании и проделали весь путь (особенно вандалы) до Африки, где

они удерживали власть до начала VI в. н.э. В V в. Северная Италия была опустошена гуннами – кочевым народом из Средней Азии, а вторжение в 568 г. германского племени лангобардов означало конец имперского, т.е. византийского владычества в Италии в течение VII–VIII вв. Примерно в то же время арабы начали продвигаться в Сирию и Египет и затем постепенно вдоль северного побережья Африки в Испанию и Францию.

В связи с периодом, который рассматривается в данном томе, возникает важный вопрос о непрерывности или прекращении культурных связей и более общий вопрос об исторической преемственности. Это, так сказать, исключительная историческая проблема в той мере, насколько мы можем рассматривать историю как диахронический процесс. Попытки выявить прекращение процессов преемственности сосредоточивались на изучении общественных структур и способах производства; роли рабства и рабского труда вообще; возникновения феодальной системы; христианизации империи; политических структур; статуса армии; экономических и монетарных аспектов; роли городов; исторических достоинств и ответственности варварских народов и т.д. Однако в настоящее время мы более склонны признавать линии преемственности, постепенность переходов, которые включают в себя разумное сочетание принципов преемственности и ее прекращения. В самом деле, задачей историка является рассмотрение обеих сторон этих удивительных и все же в значительной степени «воображаемых» границ исторической периодизации (см. гл. 12).

АФРИКА

В северной половине Африки социально-политическое развитие в рассматриваемый период требует сравнительно немного комментариев, поскольку зависит или от более ранних времен, как в истории Египта при поздних династиях фараонов, или от систем, зародившихся вне этого континента, как в истории греческих и римских колоний. Имеется очень мало сведений о тенденциях развития, присущих в это время области Сахары или тем частям Северной Африки, колонизация которых с какой бы то ни было стороны не была эффективной. В Нубии и Эфиопии возникли централизованные государства, в которых хотя и проявляются черты явно иноземного происхождения, все же основывались в целом на местных традициях. В обоих этих регионах (как в Египте со значительно более ранних времен) масштабы монументальной архитектуры несут явные признаки высокоорганизованного труда и централизованной власти. Поэтому, насколько можно судить из доступных источников, могущество и процветание этих государств основывалась на покорении соседних народов и концентрации ценных сырьевых материалов, в отношении которых заключались далеко идущие торговые контракты. Аксумское царство (Аксум – главный город государства II–XI вв., преимущественно на территории современной Эфиопии. – *Прим. ред.*) между III и VII вв. н.э. было единственным местом в Африке вблизи Сахары, где в это время приняли стандартизованную денежную систему.

Материальные последствия технического развития теснейшим образом связаны с упомянутым выше. Торговля сырьем была связана с перевозками металлов, драгоценных камней и т.п. в Египет, откуда многие предметы расходились по другим территориям вокруг Средиземного моря. Из отдаленных мест пустыни перевозили даже массивные каменные блоки для строительства и отправляли на кораблях в Италию. В Сахаре перевозки на дальние расстояния были революционизированы путем использования верблюдов, известных в долине Нила еще в I тысячелетии до н.э., но, вероятно, за пределами долины они ниг-

де не использовались еще несколько столетий. Заселение сухих территорий было облегчено развитием и распространением техники орошения, устройством террас на склонах холмов и соответствующим усовершенствованием ведения сельского хозяйства.

Развитие сельского хозяйства и распространение металлургии во многих областях к югу от Сахары сопровождали крупные социальные и политические изменения. Металлургия, в частности, должна была вызвать серьезные изменения в распределении ролей мужчин и женщин. В традиционном африканском обществе выращивание сельскохозяйственных культур, как и собирательство растительной пищи, являлось преимущественно женской работой, а охота, рыболовство и забота о домашнем скоте оставались за мужчинами. С развитием и распространением земледелия, особенно в районах, по природным условиям не подходящих для скотоводства, экономическая роль женщин значительно возросла. Распространение металлургии и, в более южных областях, – технологии изготовления керамических изделий усилили специализацию ремесел: металлургия, несомненно, стала прерогативой мужчин, часто ограниченной группы, в то время как изготавливать гончарные изделия стали, как правило, женщины, хотя на некоторых очень отдаленных территориях гончарами были мужчины. Дальнейшее влияние этих новых достижений на территории, где ранее преобладали охота и собирательство, выразилось в концентрации населения, что стало теперь возможным, по крайней мере, на плодородных землях. Вероятно, в дальнейшем может выясниться, что некоторые из систем орошения, использовавшиеся в холмистых областях Восточной Африки, в первую очередь на территории современных Кении, Танзании и Зимбабве, появились там впервые в I тысячелетии н.э. Не имеется явных указаний, относящихся к этому периоду, на политическое устройство и системы управления, которые были характерны для роста поселений, но разумно предположить, что существовали системы политической централизации. Убедительно доказано, что к концу I тысячелетия н.э. такие системы действовали как на побережье Восточной Африки, так и на Суданском нагорье; есть все основания полагать, что они постепенно развивались в течение многих веков, особенно в этом последнем регионе.

Предположительно вся часть Африки, прилегающая к Сахаре, полностью обеспечивала себя всем необходимым в течение рассматриваемого периода. Тем не менее в I тысячелетии н.э. здесь широко распространились сети обмена особыми товарами. Соль, гончарные изделия и редкие металлы (медь и в некоторых случаях золото) были предметом обмена между сообществами внутри Африки, в то время как народы на побережье Восточной Африки примерно в I в. н.э. вели торговлю с другими регионами вокруг Индийского океана. Мореходные суда, от которых зависели эти контакты, строились не только в портах Красного моря, Аравийского залива и Индии, но и на местах; они строились путем обшивки досками – способом, дожившим до недавних времен. Остается неопределенным вопрос о распространенности этих контактов в I тысячелетии, так как снова до VIII в. их наличие явным образом не подтверждено ни археологическими раскопками, ни письменными источниками. Ясно только, что использование богатств Африки в областях вокруг Сахары для вывоза сырья в обмен на произведенные товары уходит в глубь веков, по меньшей мере на 2 тыс. лет назад.

Не следует забывать, что в большей части Африки к югу от экватора это развитие происходило при взаимодействии между сельскохозяйственными народами и современными им народами, которые в основном продолжали придерживаться образа жизни их предков, заключавшегося в охоте и собирательстве. В большей части Юго-За-

падной Африки эти последние оставались единственными обитателями в течение всего рассматриваемого периода. Весьма вероятно, что их системы социально-политической организации еще долго ограничивались небольшими группами, и только со временем постепенно изменялись в результате контактов с сельскохозяйственными народами и, в некоторых случаях, вследствие появления домашнего скота.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Технология работы с железом и ее последствия

К началу периода, рассматриваемого в данном томе, китайский бронзовый век длился уже почти тысячелетие, начавшись с великолепных ритуальных бронзовых изделий ок. 1500 г. до н.э., точно отлитых с помощью сложно вылепленных и собранных глиняных форм. Методы бронзового литья продолжали совершенствоваться и достигли пика технической сложности около 400 г. до н.э.

К этому времени бронза, престижный металл древнего аристократического общества, постепенно заменялась железом в практических целях, с далеко идущими последствиями.

Китайцы освоили черную металлургию до середины VII в. до н.э. Начиная примерно с VI в., они совершенствовали высокотемпературные процессы, необходимые для изготовления чугуна. Разработанные методы были уникальны, их разработка стала возможной благодаря высокому уровню металлургического мастерства, которое было достигнуто ранее в бронзовом литье; в результате появилась возможность получать очень высокие температуры. Китайцы скоро научились отжигу железа, делать его ковким и получать сварочное железо, а во II в. до н.э. получать сталь путем извлечения углерода из чугуна.

Результатом этих достижений стали социальные изменения и сельскохозяйственная революция. Повысились урожаи, так как с IV в. до н.э. земледельцам стали доступны лучшие орудия. Растущим производством железных, а затем и стальных лезвий подогревалось серьезное военное соперничество между государствами. Металлические литейные формы и вместительные керамические формы, появившиеся во времена перед первой империей, сделали возможным массовое производство. Начиная со II в. до н.э., железо, содержащее больше углерода и меньше серы, стало более прочным и легкозатачиваемым. Повторявшееся сгибание и закалка позволяли производить стальные лезвия легендарного качества.

Отчасти из-за большого арсенала железного оружия армиям царства Цинь удалось захватить шесть крупных государств по пути своего продвижения и, таким образом, в 221 г. до н.э. основать первую империю в Китае. В предшествующие столетия железные инструменты использовались для резки камней и скал при прокладке водных путей или для копания канав, и многие магнаты приобрели свои состояния благодаря производству и продаже железных изделий. К периоду правления династии Хань производство железа значительно возросло, и в 119 г. до н.э. императорское правительство образовало 48 агентств по изготовлению и продаже железных изделий, от добычи руды до доставки готовых изделий, заявив этим о себе как о государственном монополисте на этот вид продукции. Путем продажи готовых изделий с получением прибыли оно приумножало доходы империи; и оно также распределяло сельскохозяйственные орудия, которые производились на предприятиях чаще путем литья, чемковки; там же производилось и оружие.

Государственные мастерские могли производить инструменты и оружие с высокой точностью. Те же более высокие, чем прежде, стандарты применялись теперь по отно-

шению к бронзовым изделиям. Примерами могут служить скобы и защелки самострелов (арбалетов), изготовленные для вооруженных сил. Каждый из этих тщательно выполненных инструментов включал шесть деталей; к некоторым была приделана шкала, позволявшая воину-лучнику прицеливаться с некоторой точностью, зависевшей от расстояния. Оружие этого типа вместе с наконечниками стрел, изготовлявшимися на государственных предприятиях, позволило армиям династии Хань распространить правление на юге и юго-западе. Для сельского хозяйства эти государственные предприятия выпускали большое количество железных плугов и мотыг, к которым затем крепились деревянные рукоятки. Использование таких инструментов несомненно внесло вклад в освоение новых территорий для сельского хозяйства, что привело к общему повышению продуктивности сельского хозяйства. Не ясно, до какой степени это также повысило урожайность на единицу площадей полей.

Примерно в то же время правительство империи установило контроль над другой важной отраслью добывающей промышленности – над производством и распределением соли. Соль была необходимым продуктом в жизни населения, питавшегося в основном зерновыми продуктами. Соль производилась частично на морском побережье, а частично во внутренних областях страны в рудниках, глубина которых иногда достигала нескольких сотен метров; соляной раствор поднимался на поверхность с помощью системы труб и шкивов.

Эти государственные монополии на соль и железо вызвали противоречия идеологического и политического характера. Время от времени те или иные меры то отменялись, то применялись вновь. Поскольку сложная система требовала хорошо организованного центрального управления, то система, вероятно, стала неэффективной в период с III по VII в. н.э., между империями Хань и Тан, характеризовавшимися территориальным разделением. Монополия на соль была вновь введена в империи Тан в 758 г. и в действовала до времен поздних империй.

Сельское хозяйство, регулирование воды и транспорт

В рассматриваемый период, особенно в последние два века до н.э., произошли существенные изменения в питании китайцев. На севере просо постепенно заменила пшеница, а рис стал обычной и основной пищей в регионе р. Янцзы. Некоторые характерные виды пищи, как, например, хлеб из пшеничной муки и макаронны, а также ферментированные соевые бобы впервые появились приблизительно в начале I тысячелетия н.э.

В дополнение к техническим новшествам, таким как железные орудия и усовершенствованные способы водного регулирования, интенсивного земледелия, унавоживания и возделывание земли сделали сельское хозяйство в Китае исключительно продуктивным.

Сельскохозяйственные методы в периоды империй Цинь и Хань развивались в нескольких направлениях. В I в. до н.э. были проведены опытные посевы семян зерновых в канавки с четко обозначенными краями вместо разбрасывания семян по участкам земли. Плуги теперь чаще, чем прежде, тянулись быками; чтобы освоить эти методы и повысить эффективность труда, стандартную длину полос обрабатываемой земли увеличили со 100 до 240 двойных шагов. Приблизительно к 100 г. н.э. зерно молотили и просеивали с помощью веялок и приводимых педалью мельниц-молотов. На некоторых территориях, например, на юго-западе, получали распространение прогрессивные методы выращивания скота, между тем как земледельческие приемы не менялись столетиями в этих

периферийных регионах. В первых веках н.э. началось выращивание винограда и дынь; эта практика пришла из Центральной Азии. К концу периода, рассматриваемого в данном томе, в Китае начали выращивать хлопок индийского происхождения.

В ранних империях (Цинь и Хань, 221 г. до н.э. – 220 г. н.э.) правительство на центральном и региональном уровнях принимало меры для поощрения занятий сельским хозяйством, которое оставалось наиболее важным источником доходов правительства. Это означало также осуществление широких проектов в области водного регулирования, выполнявшихся огромными массами подневольных людей (*corvée*). В Западном Китае, и не только там, были приняты к осуществлению несколько крупных схем для решения проблем регулирования водных потоков. Главное течение некоторых самых больших рек успешно перекрыли дамбами путем возведения стен или каменных берегов в наиболее важных пунктах, чтобы отделить и направить основной поток в многочисленные малые каналы, которые можно было регулировать более эффективно.

В других местах ставили огромные колеса, чтобы поднимать воду с низкого уровня туда, где она была нужна на полях. Сохранение воды достигалось перегораживанием долин таким образом, чтобы сформировать естественные резервуары воды; выкапывались каналы для транспортировки грузов или для орошения. Колодцы, оборудованные одной или двумя лебедками, удовлетворяли повседневные потребности крестьян.

Важным аспектом широкомасштабного водного регулирования была прокладка каналов между крупными реками; это удовлетворяло нужды как сельского хозяйства, так и транспорта. Строительство каналов служило также интересам правительства, поскольку большая часть произведенного крестьянами зерна и шелка отдавалась правительственным чиновникам в виде налогов и переправлялось водными путями в государственные зернохранилища и склады.

Возможно также, что все более широкое применение железа повлияло на коммуникации в Китае, поскольку облегчило прокладку каналов в скалистых местностях. Первое достоверное свидетельство об искусственных водных путях относится к V в. до н.э.; это был канал, связавший реки Янцзы и Хуайхэ. Значительные усилия впоследствии прилагались к регулированию некоторых водных артерий Китая, а также к контролю за разработкой природных ресурсов, которые без контроля могли быть истощены. Ряд чиновников в провинциях смогли осуществить проекты по предотвращению наводнений путем разделения русла реки на несколько каналов или путем возведения дамб или каменных берегов для защиты от затоплений. Некоторые каналы были построены специально для прохода транспорта с зерном из районов, получивших большой урожай, в районы, испытывающие недостаток продовольствия. Другие каналы, предназначенные для орошения, были оборудованы ручными насосами или водяными колесами для подъема воды на требуемый уровень.

После восстановления империи в 589 г. н.э. была возрождена традиция строительства огромных каналов при правительственном финансировании, начавшаяся во времена ранней империи. Совершенствование навыков водного регулирования в сочетании с большей интенсивностью и эффективностью имперского управления и возможность распоряжаться огромным потенциалом подневольного труда позволили правительству династии Суй воплотить в жизнь крупное начинание. Это были первые два китайских проекта, известные как «Великий канал», прорытый приблизительно к 600 г. Канал предназначался для облегчения перевозки зерна из рисосеющих юго-восточных областей (долины в нижнем течении р. Янцзы)

в более плотно населенные области метрополии на северо-западе; прокладка канала означала важный шаг в развитии товарообмена, затронувший социально-экономическую жизнь Китая, приведший к возрастанию роли юга по сравнению с севером.

С самых древних времен занятия земледелием сочетались с разведением шелкопрядов и производством шелковых тканей, появление которого относится к самому началу китайской цивилизации. Во все времена шелк рассматривался как предмет роскоши. Одежду, изготовленную из шелка, часто украшенную богатой вышивкой, носила элита; такие ткани использовались также в качестве дипломатических подарков в отношениях с иностранными правителями и как ценный предмет экспорта. Кроме того, гладкий (без рисунка) шелк часто использовался как высококлассный материал для письма и как предмет обмена; правительственная зарплата часто частично выплачивалась шелком, а не деньгами. Здесь также правительство поощряло техническое совершенствование и узорчатый шелк самого лучшего качества производился в государственных мастерских. Простые люди обычно носили одежду из конопли; хлопок был неизвестен, его начали широко выращивать в Китае только с XI в.

Наземные перевозки облегчались в результате широкомасштабного строительства имперских дорог при правлении династии Цинь: были проложены тысячи километров мощных дорог, связавших столицу со всеми регионами империи. Официально эти дороги были зарезервированы для правительственного использования, как гражданского, так и военного, но они могли также использоваться для частных поездок и торговых перевозок.

Обычным средством транспорта для повседневного применения была повозка, запряженная быками. Кареты гораздо более роскошного типа, запряженные парой или иногда четверкой лошадей, возили чиновников по делам или по их усмотрению; карету сопровождали слуги и прикрывали седока от солнечных лучей или дождя легкими козырьками. Некоторые из этих карет были специально сделаны для езды с большой скоростью, и усовершенствование при этом заключалось в использовании лучшей упряжи и выпуклых колес. Одна из жалоб на экстравагантность богачей была связана с их богато украшенными повозками и богато декорированной конской сбруей.

Совершенствование коммуникаций и транспортных средств способствовало расширению торговли с народами за пределами Китая и постепенно привело к заметному присутствию иноземцев в некоторых крупных городах Китая. Экспортно-импортная торговля между Китаем и общинами Центральной Азии развивалась, возможно, благодаря продлению укрепленной мощной дороги из столичного района Китая на северо-запад. Она была проведена около 100 г. до н.э., и по ней на запад шли караваны с тюками шелка, а позднее – с гончарными изделиями.

В рассматриваемый период китайская цивилизация была в основном привязана к земле. Китайцы не предпринимали дальних путешествий на кораблях, и морская торговля с Южной и Юго-Восточной Азией по-прежнему осуществлялась индийцами. Однако значительно развилась навигация в пределах страны по рекам и каналам. Строились суда водоизмещением до 50–60 т. Очень важным изобретением в I–II вв. н.э. был осевой руль; он заменил рулевое весло, которое за пределами Китая использовалось повсеместно. Появление парусной оснастки, позволявшей плыть судну по ветру, отмеченное в Китае в конце III – начале IV в. н.э., возможно, было заимствовано в свое время европейцами и способствовало морским открытиям XV–XVI вв.

Письменность и письменные связи

Поскольку этот предмет более подробно рассматривается в гл. 5, здесь следует лишь упомянуть об исключительно важной функции письменного слова в сочетании со стандартизированным письменным языком как инструментом политической и культурной интеграции и важным аспектом городской цивилизации. В ранней империи с ее огромным бюрократическим аппаратом исключительно важной областью жизни был целый комплекс письма, обучения грамотности и подготовки разнообразных документов. Действенность этой системы была значительно повышена в ходе первых веков н.э. с начала применения бумаги как дешевого и удобного материала для письма. В период раннего средневековья, около V в. н.э., письменность приняла вид, сохранившийся до наших дней.

Бурное развитие письменной связи в ранней империи было, несомненно, одной из главных причин, стимулировавших научный и технический прогресс и ускоривших политическое и социальное развитие. Письменность обеспечила более строгий административный контроль в стране, более явно выраженные возможности социального объединения и социального расслоения. Официальные курьеры доставляли во множестве копий указы центрального имперского правительства в провинции, а отчеты местных чиновников теперь были значительно более громоздкими, чем до сих пор. Семьи и кланы могли легче сохранять и помнить свою генеалогию; регистрацией населения, сбором налогов и учетом рабочей силы можно было управлять более эффективно.

При сочетании двух основных факторов – важной функции письма и грамотности в правительственной администрации – и прославлении конфуцианством (которое было официальной государственной доктриной) изучения литературных и священных текстов способность справляться со сложным письмом и владение столь же сложным литературным языком были важным признаком профессиональной компетентности. В результате грамотность стала фактором социального различия в форме гарантированной зарплаты, привилегий и престижа при назначении на должность в гражданской службе. Применение письма вело к первым шагам по пути социального развития, которое в Китае было более выражено, чем во всех других странах: путь к общественному признанию и привилегированному положению лежал скорее через упорную учебу и изучение литературы, чем через религиозное лидерство или военный героизм.

Первые меры, предпринятые правительством империи для отбора кандидатов на государственные должности по их заслугам, могут быть отнесены к 136 и 124 гг. до н.э. В течение примерно следующих двух веков продолжались более прямые и формальные попытки осуществления подобных мер. Но только в VII в. н.э., после долгого периода экспериментов и заметного повышения уровня знаний и развития литературы, правительство империи Тан ввело очень сложную систему экзаменов.

Денежная система

Самыми ранними формами денег, которые начали применяться в ряде экономически более развитых государств на китайской территории около 700 г. до н.э., были маленькие бронзовые копии ножей и пик, видимо, потому, что в прежние века такие виды оружия служили предметами, по которым определялась цена вещей. В ранней империи после примерно 500 лет экспериментирования эти примитивные деньги, наконец, были заменены небольшими бронзовыми монетами в форме диска с цен-

тральным отверстием (это давало возможность использовать «нити денег» при крупных сделках). Благодаря таким средствам расширялась торговля, прежде всего изготовленными товарами, такими как железные, лакированные или гончарные изделия, или предметами роскоши, в частности, шелками, мехами, консервированными продуктами или спиртными напитками. Такими товарами торговцы обменивались охотнее, чем товарами первой необходимости, вроде зерна, которое большей частью отбиралось в виде налога, было слишком объемным и скоропортящимся, не гарантировало получения легкой прибыли.

К IV–III вв. до н.э. многие магнаты таким образом сделали большие состояния и тем самым подтолкнули некоторые из государств империи к принятию специальных мер по ограничению приобретения социально значимых позиций благодаря лишь своему богатству. Во II в. до н.э. были предприняты окончательные шаги для того, чтобы чеканка монет производилась только на государственных монетных дворах. В период неустойчивости между провинциями династий Хань и Тан проявилась тенденция к возвращению бартерных обменов вместо торговли, но стали общепотребительными новые большие монеты империи Тан.

Городское развитие

В период между 700 г. до н.э. и 700 г. н.э. происходило заметное возрастание важности городов Китая. Строительство оборонительных стен (*terre pisé*) известно с неолитических времен, и во все последующие века тот же метод строительства применялся для возведения крупных зданий, например, королевских или императорских дворцов, и для городских защитных стен. Вначале правители и вожди сообществ укрывались в поселениях, стены которых, одинарные или двойные, защищали их от нападения соседей и, таким образом, помогали им сохранять могилы своих предков и драгоценные бронзовые сосуды, которые зачастую являлись материальными символами права на управление. Развитие способов обработки железа обусловило рост городов иного типа – центров производства и распределения. Некоторые города выросли как торговые центры на пересечении наземных или водных путей, другие росли вместе с постоянным расширением планов правительства империи, в соответствии с которыми были основаны магистраты с соответствующим штатом в 1500 провинциях, через которые управлялись ранние империи Китая.

Нет цифр, которые могли бы показать, как изменялось отношение численности городского населения к общей численности населения страны. В 1–2 гг. н.э. население столицы династии Хань – города Чанъань (ныне Сиань) насчитывало 80 тыс. чел., а к середине VIII в., когда этот город был построен на другом месте, оно возросло до половины или трех четвертей миллиона. Город Лоян, служивший столицей поздней династии Хань (25–220 гг. н.э.) и династии Тан, насчитывал полмиллиона жителей; в то же время население Рима – 350 тыс. человек.

Несмотря на внушительные размеры этих городов, от ранней городской китайской архитектуры осталось очень мало материальных свидетельств из-за недолговечности используемого материала: даже наиболее монументальные здания строились из дерева со стенами из утрамбованной глины. Во времена ранней империи и во весь средневековый период кварталы внутри обнесенного стеной города были окружены своими собственными стенами; торговля сосредоточивалась в специальных торговых кварталах, которые действовали под наблюдением правительства. Только богачи могли позволить себе иметь просторные особняки, часто в несколько этажей.

Города – столицы империй включали ряд учреждений, появившихся в результате научного, образовательного и технического прогресса. В обсерватории группа официальных астрономов наблюдала и записывала параметры движения небесных тел. Императорские коллекции книг и архивы содержались в дворцовой библиотеке; студенты, число которых, согласно одному отчету, составляло к 146 г. н.э. 30 тысяч, собирались для занятий в академии. Во времена правления династии Тан для сыновей чиновников высокого ранга, надеявшихся сделать карьеру чиновника, были открыты другие образовательные учреждения. В арсеналах хранили оружие двух подразделений охраны, которые несли ответственность за безопасность. Заметные изменения произошли во внешнем облике городов после принятия буддизма: к VI в. в пределах городов стали различаться высокие строения и пагоды крупнейших, часто финансируемых государством буддийских храмов и монастырей.

Города были различных типов, в зависимости от развития определенных видов деятельности: с древности современный Гуанчжоу (Кантон) был преимущественно портовым городом и центром морской торговли; пограничные города выросли из военных застав, а в средневековый период иные города, выполнявшие религиозную функцию, появились вокруг знаменитых буддийских мест паломничества. Тем не менее официально, а также исходя из политической реальности, более или менее важные города изначально представляли собой центры управления на центральном, региональном и местном уровнях. Города были узловыми пунктами в политической структуре империи. Как следствие, ни один китайский город до начала современной эпохи не приобрел какой бы то ни было независимости, сравнимой с той, которой обладали города-полисы в классическом мире Средиземноморья или свободные города средневековой Европы. Никогда не существовало какого-либо понятия о гражданстве, связанного с комплексом узаконенных прав и обязанностей. В Китае, в отличие от Греции, государство было старше, чем город, и неизмеримо сильнее. Это превосходство государства как регулирующей силы привело к высокой степени единообразия во многих секторах городской жизни, например, в измерении времени и пространства. Сельскохозяйственный год со всеми его важными вехами (начало сева, уборки урожая и т.д.) был зафиксирован официальным календарем, который издавало императорское Астрономическое бюро.

Единицы измерения длины, массы, объема и площади определялись правительством империи. За исключением массы, единицы измерения следовали метрической системе. Единица объема определялась в виде среднего объема, который занимали 1200 зерен; такая мера была достаточной для получения высокой точности измерений. Для обеспечения единообразия и предотвращения применения неуставленных единиц измерения, распределялись стандартные сосуды, обычно с надписью, пояснявшей, какой объем или массу они определяют. Иногда в надписи упоминалась власть императора, чье правительство установило данные правила. Точнее измерялся объем зерна, чем его масса.

Измерение коротких периодов времени играло роль во многих аспектах официальной жизни. Доставка документов с одного поста на другой контролировалась настолько тщательно, что часто записывалось точное время прибытия и ухода курьеров. Для этой цели сутки разделялись на двенадцать основных часов, состоящих из 100 меньших частей. Ход времени измерялся либо путем наблюдения за тенью от стрелки калиброванного устройства, либо путем измерений уровня воды, проходящей через сосуд: на поверхности плавал диск, который, спускаясь, позволял определять время по шкале.

Военная техника и организация

Высокоразвитая оборонительная техника датируется V–III вв. до н.э. – периодом, который не без основания известен под названием «эпоха царств» (период Чжаньго). Наиболее заметными проявлениями этой техники были сильно укрепленные окруженные стенами города и, в более крупном масштабе, защитные стены, которые ряд государств китайского севера возводили вдоль своих границ. Во времена империи Цинь части этих более древних стен вдоль северной границы, где сельскохозяйственная зона постоянно подвергалась угрозе нападения кочевников, были соединены и образовали первый вариант Великой стены – знаменитую границу, охраняемую гарнизонами воинов, призванных на военную службу. Призыв в армию оставался обычной практикой в ранней империи, в основном по финансовым причинам. Задача рекрутирования огромного числа воинов из крестьянского населения, которые должны были отслужить определенный срок, требовала сложной системы управления; это была одна из областей, в которой явно проявлялась объединяющая роль китайской письменности и ее практическое применение в правительственной системе управления. Китайская военная организация периодически распространялась далее на запад, в Центральную Азию, где ставились небольшие военные заставы вдоль Шелкового пути с целью оказания давления на политику различных оазисных царств в этом регионе.

Правительства китайских империй всегда неохотно создавали регулярные армии, тем не менее временами эти армии достигали высокого уровня профессионализма. Подчинение новобранцев, призванных на службу в армии в течение ограниченного периода времени, требованиям устава, и организация их в роды войск по профессиональному признаку с иерархической структурой командования оказались, вероятно, возможными благодаря использованию более простых методов записи. Профессиональная эффективность зависела также от экономики времени, и применявшиеся водные часы и циферблаты давали возможность патрулям придерживаться расписания обходов постов и проверять выполнение всех команд. Усовершенствование стремени, известного в Китае с V в. н.э., не привело к образованию собственных китайских кавалерийских подразделений. Правительства ранних китайских империй в основном рассчитывали на мастерство не китайских северных народов в верховой езде; династия Тан своим выживанием после восстаний VIII в. обязана уйгурским наемникам.

Наука управления государством

Возможно, следует сделать вывод, что, кроме выдающихся достижений китайской культуры в областях естественных наук и техники, ранняя китайская цивилизация характеризуется тем, что уже на начальном этапе она вызвала к жизни политические институты исключительной сложности, сложности и продолжительности действия. Самой китайской элите это «искусство управления» всегда казалось величайшим достижением их культуры. Как было указано, эти события не привели к появлению таких понятий, как гражданство или личные гражданские права. Они скорее нашли высшее выражение в идее, что управление государством должно проводиться не наследственной аристократией или деспотичной властью, а элитой, из независимых гражданских чиновников, отобранных на основе их личных способностей.

На протяжении четырнадцати веков, рассматриваемых в этом томе, эта идея постепенно обрела форму. На заре китайской государственности критерии рождения в основном определяли выбор тех людей, которые должны

были быть лидерами в государствах и царствах, обеспечивать лояльность власти большинства населения, отвечать за получение дохода, отправлять правосудие и организовывать армии. Однако к 700 г. н.э. был принят и в большинстве случаев осуществлен на практике принцип, в соответствии с которым возможности лидерства определяются не столько обстоятельствами рождения и наследственностью, сколько интеллектуальными или профессиональными способностями человека.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

При переходе к индийскому субконтиненту и прилегающим регионам мы вступаем в мир, в котором прикладные науки и техника развивались в значительной степени независимо от других регионов, хотя не следует исключать возможность, что некоторые элементы индийской цивилизации остались от хараппской цивилизации.

Металлургия

К VII в. до н.э. технология обработки железа была уже известна на большой территории Южной Азии. Фактически древнейшие железные предметы из Белуджистана датируются тремя последними веками II тысячелетия до н.э. В этой древней фазе, датирующейся приблизительно до VI в. до н.э., применение технологии обработки железа проявляется в производстве оружия, применявшегося в военных целях, а также для добычи пищи посредством охоты. В сравнении с технологией обработки бронзы в более раннюю эпоху технология обработки железа открыла большие возможности как в отношении доступности сырья, так и в отношении количества металла, которое мог переработать любой мастер по металлу. В период между VI и I вв. до н.э. определился более широкий ряд применений. Появились такие виды оружия, как дротики, копья, пики, кинжалы, наконечники стрел и мечи. Особенно примечательным становится производство орудия для сельского хозяйства и ремесленных инструментов, включая оси, стамески, тиски, лемехи и серпы. Другие предметы, найденные при археологических раскопках, такие как гвозди, грузики отвесов и дверные крючки, указывают на применение новой технологии в строительстве. В течение последней части этой второй фазы была усовершенствована технология обработки губчатого железа, появилось понимание технологии холодной сварки путемковки. Эти разработки, имевшие большое значение как для повышения производительности, так и для наращивания военной мощи, были важными причинами перехода к социальному расслоению и формированию государства. Дальнейшее совершенствование технологии металлургии происходило в третьей фазе периода – с I в. до н.э. до VII в. н.э. О производстве стали с высоким содержанием углерода приблизительно в I в. до н.э. свидетельствуют предметы, найденные в Таксиле. Замечательной работой, свидетельствующей о прогрессе, достигнутом в металлургии в этой фазе, является так называемая Железная колонна Дели (первоначально она была установлена близ Матхуры), которая в течение веков не поддается коррозии. Колонна длиной 7,375 м и массой 6096 кг отражает мастерство кузнецов в холодной сварке. Прогресс в области металлургии позволил кузнецам производить более мощное оружие с более острыми режущими кромками, а также более эффективные и долговечные сельскохозяйственные орудия. Распространение этой технологии означало также расширение использования металла и производства таких предметов домашнего пользования, как ковши, ложки, котлы, чаши, ножницы и даже кровати и стулья из металла.

Сельское хозяйство, одомашнивание животных и орошение

Еще с ведических времен укоренилось сельскохозяйственное производство, основанное на применении деревянных плугов, запряженных быками, и была известна элементарная классификация растений по их применению, в частности, в качестве лекарственных средств. Уже практиковалось одомашнивание животных, особенно различных видов крупного рогатого скота и лошадей. Среди главных заслуживающих упоминания новшеств в рассматриваемый период были металлургические лемехи для плугов и практика пересадки растений в рисоводстве. Начавшееся применение стремени помогло расширить использование лошадей, особенно в военных целях. С ростом торговли в регионе Индийского океана важным товаром становились лошади с арабских земель, но местные породы лошадей, выращенные в индийском регионе, были также хорошо известны в Южной Азии.

Одним из главных аспектов стратегии сельского хозяйства было проведение работ по графику, чтобы максимально использовать период дождей, от которых в основном зависел урожай. В то время, как искусственное орошение было необходимой предпосылкой ведения сельского хозяйства в засушливых зонах, на многих других территориях оно помогало дополнить естественную влагу в почве, давая таким образом крестьянину возможность получать более одного урожая в год. Орошение в Южной Азии основывалось на использовании свободно текущей с возвышенностей воды, но в исторических записях также отмечается применение устройств, использовавших силу человека и животных. Помимо *эттама* (*ettam*), использовавшего человеческий труд и принцип рычага для поднятия воды из колодцев, широко применялись такие устройства, как *арагхатта* (*araghatta*) и так называемая *пикотта* (*picottab*), использовавшие силу животных.

Большую часть работ по орошению составляла прокладка совместными усилиями небольших каналов, сооружение водохранилищ или колодцев. Ими владели и их поддерживали в порядке местные общины. Другой вид деятельности по орошению, зависевший от отдельных предпринимателей, которые надеялись извлечь выгоду путем сборов за орошение, появляется около I в. до н.э. Государство начало участвовать в деятельности по орошению к III в. до н.э. Водохранилище Сударшана на полуострове Катхиявар было построено по приказу правителя провинции Чандрагупты из династии Маурьев; примерами государственного вмешательства в орошение служат также два проекта, реализованные в Калинга – канал Танасулия и водохранилище Хибира Риши. После этих начинаний в северных частях субконтинента можно видеть следующие крупные фазы деятельности по орошению, финансируемой государством, в Шри-Ланка и позднее в Южной Индии. Два значительных технических достижения позволили повысить эффективность использования водных ресурсов. Одним из них было изобретение шлюзов, которые облегчили точное управление уровнем воды. Вторым была высокая степень точности, достигнутая при топографической съемке и нивелировании каналов с исключительно низким перепадом высот. В результате всего приблизительно к V в. н.э. можно было передавать воду на расстояния более 80 км.

Крупномасштабные работы по орошению, финансируемые государством, обусловили меньшую зависимость работ по выращиванию сельскохозяйственной продукции от изменчивости природных осадков и создали условия, приводившие к более высоким урожаям. К IV в. н.э. в некоторых частях Южной Азии собирали по три урожая в год. С другой стороны, зависимость от искусственного орошения означала, что первичные производители теперь обязаны были отдавать часть своей продукции в обмен на воду,

которую они получали, и это составило важный источник дохода как для государства, так и для частных предпринимателей, участвовавших в организации орошения.

Города и торговые пути

Прогресс в прикладных науках был важным фактором подъема и развития городов (с VI в. до н.э.) и межрегиональной торговли. Города были расположены на берегах рек и вдоль торговых путей. В современном штате Уттар-Прадеш города Шравасты у подножия Гималаев, Каушамби близ Илахабада и Варанаси на Ганге были связаны реками и дорогами. Варанаси был важным центром ремесел и торговли в эпоху Будды. Дорога отсюда до Шравасты проходила вдоль подножия Гималаев, где реки легче было пересекать и растительность была менее густой. Дорога проходила вблизи Капилаваста в современном Непале и Кушинара (Кушинагара) или Касиа в штате Уттар-Прадеш и достигала города Вайшали на севере штата Бихар. Торговцы, воины, миссионеры и другие люди, следовавшие этим путем, пересекали Ганг напротив города Паталипутра (современный город Патна) по дороге в Раджгарх, (современный Раджгир), первую столицу Магадхи. Из Кушинагара в Раджгарх было двенадцать остановок, включая остановку в Вайшали. Они плыли под парусами по Гангу в Чампа около Бхагалпура (на востоке Бихара) и дальше в Тамралипти (Тамлук) – порт, лежавший на самом южном рукаве Ганга.

Этот важный торговый путь был уже известен Мегасфену – греческому послу, состоявшему при дворе Маурьев в конце IV в. до н.э. От него мы узнаем, например, что дорога была отмечена каменными вехами, обозначающими пересечения дорог и указывавшими расстояния. Другая важная дорога являлась ответвлением, исходящим из Уттарпатахи в области современной Матхуры, и связывала два важных города на плато Малва – Видиша и Удджайни (Удждайн) и проходила вблизи портов на побережье штата Гуджарат. Этот берег был также связан с городом Таксила дорогой, проходящей через более низкую долину р. Инд в ее нижнем течении и провинцию Синд.

Полуостров Индостан был связан наземными дорогами с важными городами в Северной Индии. Дорога из города Матхура проходила через Видиша и шла в город Пайтхан, штат Махараштра. Поскольку Пайтхан был важным городом, он был связан с городами или портами, расположенными и на западном, и на восточном берегах. Несколько других городов на плоскогорье Декан были центрами торговли, среди них выделяются Тер или Тагар в Аурангабадском районе штата Махараштра.

Использование лошадей и слонов как транспортного средства было, вероятно, ограничено кругом королевской семьи и высшими слоями общества. Иностранные корабли, нагруженные лошадьми, прибывали в страну талинов. Повозки, запряженные волами, кажется, были обычным средством транспорта для торговцев; для этой цели применялись также ослы. На полуострове Индостан переезжали караваны ослов. Буддийские истории о происхождении часто говорят о караванах, состоящих из 500 доверху нагруженных повозок. В отличие от сплошных колес повозок харалпской эпохи, повозки раннеисторических времен имели колеса со спицами, которые обеспечивали большую скорость движения. Ободья колес были покрыты железными полосами для защиты от износа и разрушения. Однако дороги были труднопроходимыми, так что необходимо было везти дополнительную ось для каждой повозки. Очевидно, колонны Ашоки из песчаника тускло-желтого цвета перевозили на повозках, запряженных волами, на дальние расстояния. Колонны эти обтесывали и придавали им цилиндрическую форму в Чунаре близ Варанаси, затем их везли по Гангу на восток в Патну

и на запад в Аллахабад, откуда они попадали в другие города как по рекам, так и по наземным дорогам. Дорога в Синд проходила через пустыню Тар в современном штате Раджастан, на пересечении которой требовалось несколько дней. Караваны в этой области шли прохладными ночами и находили дорогу по звездам и с помощью проводников. Реки пересекали вброд и на паромках. Дороги, особенно те, что проходили через леса, «кишели» разбойниками, поэтому торговцы пользовались услугами лесных охранников или содержали свои собственные вооруженные силы.

Металлические деньги

Развитие городской цивилизации и крупномасштабной торговли естественно привело к использованию монет, появление которых в результате археологических находок датируется примерно 500 г. до н.э. Буддийские тексты говорят о крупных торговцах, владеющих 800 миллионами, очевидно, *панас* (*panas*), небольших серебряных монет. Монеты с отверстиями были древнейшими формами индийских металлических денег. Обычно они изготавливались из серебра и неудивительно, что их находят главным образом в древних городах или их предместьях. Сейчас известно около 300 кладов монет с отверстиями примерно 550 типов. Мелкие отверстия выполнялись в серебряной заготовке, когда металл еще не совсем затвердел; отверстия представляли собой различные символы.

Хотя эти монеты продолжали изготавливать приблизительно до 200 г. до н.э. и даже позднее, их хождение было неравномерным во времени и в пространстве. Ко времени правления династии Маурьев на Индийском субконтиненте появились и находились в обращении отлитые монеты без надписей. Некоторые типы монет с символами в виде солнечных лучей, холмов, рядов деревьев и т.д. приобрели хождение на всем субконтиненте. В «Артхашастре» рекомендуется применять монеты для оплаты труда чиновников. Монеты использовались не только в торговле, но и при сборе налогов и, конечно, для хранения в кладе в беспокойные времена и во время войны.

Возможно, примечательным является то, что наибольшее количество монет появляется между приблизительно 200 г. до н.э. и 200 г. н.э. Археологи находят как римские, так и местные монеты. Сообщалось о почти 130 находках римских монет, главным образом к югу от гор Виндхья. Сделанные из золота или серебра, они использовались как слитки и как деньги. Индийскими посредниками использовались также некоторые имитации римских монет, но большая часть обменов производилась при использовании местных монет, выпускавшихся городами, гильдиями, «племенами» и правящими династиями. В эпохи после династии Маурьев были в ходу также бронзовые, свинцовые и железные монеты, хотя и много золотых монет выпускалось в Кушанском царстве. Формы для отливки монет найдены в десятке городов, в которых производились раскопки, в индийских штатах Андхра-Прадеш, Бихар, Харьяна, Карнатака и Пенджаб, а также в Пакистане вблизи города Таксила; найденные монеты чрезвычайно разнообразны. Кроме того, в Кушанском царстве чеканили огромное количество медных монет для использования их простыми людьми в качестве денег. Широчайший выпуск монет в течение четырех веков между 200 г. до н.э. и 200 г. н.э. сопровождается пиком градостроительства, развитием ремесел и торговли.

Цари династии Гуптов (около 320–550 гг. н.э.) чеканили большинство имевших хождение золотых монет, которыми пользовались, несомненно, привилегированные слои общества при крупных сделках, таких как покупка земли. Стоимость земли всегда оценивалась в золотых мо-

нетах под названием *динар*, произошедшим от латинского слова *денарий*. Золото, вероятно, получали из золотых рудников Колар в Карнатаке и из некоторых источников вне субконтинента. Но после конца периода правления Гупта приблизительно в 550 г. н.э. число золотых монет резко сократилось, и после 650 г. все они просто исчезли в основной части субконтинента на более чем 330 лет. С другой стороны, Гупты в небольшом количестве чеканили медные монеты, видимо, применявшиеся в ограниченном масштабе в повседневных сделках. На субконтиненте в целом за четыре века, предшествовавшие расцвету империи Гуптов, кажется, было отчеканено гораздо больше монет, чем за весь период Гуптов. Это явление совпадает по времени с упадком городов после окончания правления Сатавахана на севере Деканского плоскогорья и в Западной Индии. Самые древние города переживают упадок после 600 г. н.э., и в течение следующих трех веков страдают торговля, города и чеканка монет.

Судоходство и судостроение

К началу христианской эры моряки, использовавшие ветры-муссоны, изменили традиции судоходства, длившиеся со времен хараппской цивилизации, и плыли под парусами из Красного моря прямо к западным берегам южноазиатского субконтинента. Представляется наиболее вероятным, что ориентировочно к V в. такие же методы судоходства применялись в восточной части Индийского океана. Такие методы, как изменение положения паруса в зависимости от различной силы ветра, упоминаются в текстах, написанных в течение этого периода. Кроме того, для помещения судна в док (*ābarāna* – *ахарана*) и вывода его в море (*apabarāna* – *апахарана*) хороший мореплаватель должен был знать благоприятные сезоны, быть хорошо знаком с расположением небесных тел и уметь определить свое местоположение в море.

Когда китайский пилигрим Фасиань (Faxian) посетил Южную Азию в V в., большие суда бороздили Индийский океан. На обратном пути он плыл на судне, которое могло перевозить 200 человек. Южноазиатские корабли делались из досок, связанных вместе огромными количествами веревок, обработанных маслом для поддержания прочности волокон. Судно, изображенное в росписях пещерного монастыря Аджанта, датируемых периодом между 525 и 650 гг. н.э., имеет очень большие пропорции, две рулевые лопасти по бокам судна, верхние концы которых прикреплены к устройству, находящемуся на палубе. Оснастка состоит из малого паруса – кливера и трех высоких и узких парусов, закрепленных на мачтах. Такая схема парусов напоминает «косую оснастку», облегчавшую достижение высоких скоростей без больших усилий, приложенных к мачтам.

АМЕРИКА

Наиболее важной характеристикой развития инфраструктуры в период приблизительно с 500–600 гг. до н.э. до 700–900 гг. н.э. в тропической части Нового Света был переход от хозяйства, в котором сочеталось собирательство и производство пищи, к хозяйству с полным производством пищи. Процесс окультуривания растений начался задолго до этого периода, но относительно низкая урожайность основных сельскохозяйственных культур на ранних стадиях их развития отсрочила этот переход до тех времен, к которым данными сортами постепенно были накоплены генетические изменения, приведшие к высокой урожайности основных культур. Под хозяйством, основанным на производстве пищи, мы понимаем такое хозяйство, в котором более половины калорий получается от культу-

вированных растений или одомашненных животных; в Новом Свете – почти полностью от растений. Материальными последствиями были рост населения, оседлость и возможность производства значительного избытка продукции индивидуальным производителем.

По всему региону, от Центральной Мексики через Центральную Америку и вдоль горных хребтов Южной Америки вплоть до центральных районов Чили эти три фактора способствовали расцвету крупных и сложно организованных сообществ, установлению владычества племен в большей части региона, появлению государств на некоторых территориях Центральной Америки и Центральных Анд. Антропологи ведут бесконечные споры о причинно-следственных взаимодействиях среди различных аспектов культуры, техники, экономики, общественного устройства, политической организации и религии, но факт, состоящий в том, что на этой огромной территории за появлением производящего хозяйства последовала социальная эволюция, предполагает, что в данном случае мы имеем дело с процессом если не неизбежным, то по крайней мере вполне предсказуемым. В этом огромном регионе явно происходило систематическое взаимовлияние культурных и иных факторов со многими вытекающими отсюда отношениями. Одним из таких факторов, являвшимся частью систематических взаимоотношений и, возможно, одним из наиболее мощных факторов, был просто рост народонаселения, т.е. возрастание численности населения относительно имевшихся ресурсов. Прямым следствием этого роста плотности населения стала конкуренция между сообществами, приведшая к специализации производства, а впоследствии к более интенсивному товарообмену между семьями и сообществами, а также к усилению экономического расслоения населения. Соперничество между сообществами вело к войнам, завоеваниям и эксплуатации. В тропических регионах, где было обнаружено сельскохозяйственное производство, которое начало развиваться относительно поздно (т.е. в течение примерно последних пяти веков н.э.), таких как бассейн реки Амазонки, Антильские острова и промежуточная часть континента, уровни плотности населения оставались низкими, сообщества были относительно малы и эгалитарны по своей организации.

На севере Мексики были обнаружены следы полностью сельскохозяйственного уклада, но основанного на ввозимых тропических культурах; такое хозяйство в рассматриваемый период велось народом хохокам (Hoñokam), жившим на пустынной территории на юго-западе. В восточной части Соединенных Штатов и на гористых территориях юго-запада, т.е. в районе Энесази, в хозяйстве сохранялось сочетание собирательства, выращивания некоторых ключевых диких растений и ввоза тропических культур. Это сделало возможным в некоторых районах повышение уровня жизни племен. В западной и северной частях Северной Америки – регионе, населенном целиком собирательскими племенами в течение всего рассматриваемого периода, где дикие съедобные растения были необычайно изобильны и непрерывно воспроизводились, также возникли некоторые сообщества с социальным расслоением. В других местах преобладали кочевые, объединенные в группы сообщества.

Недавно археологами Нового Света проверено теоретическое положение, выразившееся в гипотезе Виттфоджеля (*Wittfogel*) о том, что особый вид общественного устройства, соответствующего уровню государства, которое он назвал «восточная деспотия», развился во многих регионах Нового Света при наличии природных условий, сходных с теми, в которых этот тип общества был обнаружен в Старом Свете. В его формулировке восточные деспотии являются обществами с предельно централизованной политической властью, фактически не встречающей ни экономического, ни социального соперничества и с широкой

бюрократической системой управления. Этот тип общества, обосновывает он, развивался в регионах, где были крупные системы водного регулирования. Он видит функциональную взаимосвязь между управлением подачей воды, в особенности орошением посредством крупных каналов, и возникновением этих крайне централизованных государств. Его модель была построена на основании данных, собранных о средневековом Китае, но он также применяет ее к Западной Азии.

В Новом Свете канальное орошение было действительно необходимо для успешного ведения сельского хозяйства на пустынных прибрежных долинах Перу в Южной Америке и в бассейне рек Хила и Солт в штате Аризона (в районе обитания народа хохокам) в Северной Америке. Такое орошение было также главным дополнительным методом восполнения недостатка воды из-за нерегулярных ливней на значительно более широкой территории, в районах, отличавшихся полупустынным климатом, таких как Мексиканское нагорье и высокогорья Центральных и Южных Анд. Хотя полностью модель Виттфоджеля принимают немногие археологи Нового Света, интересно отметить, что в Центральной Америке в течение всей ее истории самые крупные и наиболее централизованные государства были обнаружены в полупустынных высокогорных районах, где существовало регулирование водных ресурсов, и что наиболее развитое городское хозяйство было на тех же территориях. В Центральных Андах крупнейшие городские центры в течение рассматриваемого периода были в северных прибрежных долинах, где были найдены самые крупные ирригационные системы. В центральных частях Мексиканского нагорья и на северной части побережья Перу системы орошения определенно были ключевым фактором, который позволял населению создавать значительный избыток продовольствия для поддержания хозяйства городского типа. Более того, все очень крупные государства в течение периода процветания в Центральных Андах были сосредоточены или на северном пустынном побережье, или в местах с полупустынным климатом в центральных и южных частях высокогорных районов Центральных Анд.

В целом системы орошения в Новом Свете были значительно меньше по масштабу, чем системы, которые Виттфоджел имел в виду при создании своей теории применительно к Старому Свету. Главная проблема применения теоретической модели, подобной модели Виттфоджеля, т.е. модели, в которой развитие одного фактора является причиной изменения другого, лежит в природе археологических данных. В отличие от исторических данных нет возможности в действительности показать причинно-следственные связи, можно только указать соотношения, и единственной возможностью проверить взаимосвязи служит совместимость серии этих соотношений в различных районах и в разные периоды.

Что касается других аспектов инфраструктуры, то за исключением металлургии в Перу в рассматриваемый период в тропическом Новом Свете не было обнаружено каких-либо значительных изменений в основной технологии, не появилось каких-либо прорывов в виде машин, усиливающих человеческую мускульную энергию, не произошло какого-либо значительного развития техники перевозок ни в наземном, ни в водном транспорте. Несколько новых методов действительно усилили эффективность некоторых видов ремесленного производства и дали ремесленнику возможность производить большее количество товаров с меньшими затратами труда; сюда относится применение литейных форм в керамическом производстве и, возможно, оно стимулировало развитие хозяйства, имеющего более выраженные городские черты. Но большая часть продукции ремесленников производилась на основе все той же технологии, что и в более древние времена; ткачеством, например, по-прежнему занимались, исполь-

зую простой ткацкий станок с обратным ходом челнока, как и во времена испанских завоеваний. Это производство в результате никогда не стало полноценной городской специализацией; исключением являлось производство очень тонкой ткани, которую могла покупать только элита. Одним исключением в Центральной Америке было производство лезвий из обсидиана, при котором метод обработки позволял перейти к массовому производству изделий особого типа, и это производство стало главным фактором в развитии экономики городского типа в городе Теотиуакане.

В большой степени даже в Старом Свете городская экономика, существовавшая до промышленной революции, сосредоточивалась на производстве престижных товаров, которые могли себе позволить только высшие классы. Тем не менее серьезным отличием Нового Света от Старого было отсутствие в Новом Свете прогрессивного водного транспорта, и это означало, что эти товары имели крайне ограниченный потенциальный рынок. В Старом Свете города могли становиться более урбанизированными, а городская экономика могла развиваться, поскольку даже престижные товары можно было производить в больших количествах и продавать даже в очень отдаленных районах.

Остается неясным, насколько сильное влияние оказало развитие металлургии на социально-политическое или экономическое положение Центральных Анд. Большую часть производства металла составляло изготовление ювелирных изделий, которые носила элита как знак своего положения. Применение металла в Центральных Андах для сельскохозяйственного производства и ремесел, если он вообще использовался населением (что не вполне очевидно), могло повысить эффективность производства. Эксперименты показывают, что при использовании металлических инструментов для обработки относительно мягкого камня работа может быть выполнена за время приблизительно на 20–30% меньше, чем при использовании каменных инструментов. При работе с более твердым камнем разница может составить все 100%. Сомнительно, чтобы в сельском хозяйстве при замене каменных мотыг металлическими мотыгами или лопатами эффективность могла повыситься более чем на 20–30%. К тому же эта разница в эффективности уравнивается тем фактом, что основные сельскохозяйственные культуры Нового Света позволяли получать больше калорий с гектара земли, чем культуры, использовавшиеся в Средиземноморском бассейне Старого Света. Например, кукуруза и корнеплоды, собираемые с гектара, содержат больше калорий, чем пшеница или ячмень. Очень сомнительно, чтобы замена каменных головок военных дубинок бронзовыми или медными приводила к созданию более эффективного оружия. Бронзовая дубинка инков со звездобразной головкой определенно не была более эффективным военным оружием, чем деревянный меч ацтеков, с обсидиановым лезвием.

В целом, за исключением генетического совершенствования выращиваемых культур, распространения сельскохозяйственного производства и развития определенных агротехнических методов, в рассматриваемый период не появилось каких-либо крупных технических изменений и, в отличие от Старого Света, не было последовательных технических революций, имевших определяющее влияние на экономику, на социальное и политическое развитие. Для археологии Нового Света очень важным остается вопрос о том, до какой степени была действенной политической экономия, т.е. какие государства были вовлечены в экономическое производство. Есть несколько предположений о государственном управлении в Теотиуакане производством обсидиана и, возможно, сооружением и содержанием систем орошения, и существует даже более убедительные свидетельства о последних

из указанных работах на северной части побережья Перу. Вместе с тем имеются доказательства, что в Теотиуакане торговля обсидианом за пределами страны находилась в руках профессиональных торговцев, а не государства. Во всех областях Нового Света, где обитали племенные сообщества, и даже в обществах Центральной Америки и Центральных Анд, стоявших на уровне государства, многое из того, что археологи считают торговлей, было на самом деле чем-то совершенно отличным по своей природе, функциям и целям от обычного смысла, вкладываемого в это слово. В основном престижные товары распределялись в виде подарков среди семей вождей или царей при церемониях, сопровождавших важнейшие вехи жизни, особенно во время брачных церемоний (иногда браки заключались между политически независимыми семьями для установления военных союзов) и похоронных обрядов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BROHIER, R. L. 1934–5. Ancient Irrigation Works in Ceylon. 3 parts. Colombo.
- BURFORD, A. 1972. Craftsmen in Greek and Roman Society. London.
- BYERS, D. S. (ed.). 1967. Environment and Subsistence. The Prehistory of the Tehuacan Valley. Vol. 1. Austin/London.
- CLEMENT, S. (et al.). 1982. Architecture du paysage en Asie orientale. Du fengshui comme modèle conceptuel et comme pratique d'harmonisation bâti-paysage. Paris.
- COOK, J. M. 1983. The Persian Empire. London.
- CRAWFORD, M. H. 1985. Coinage and Money under the Roman Republic, Italy and the Mediterranean Economy. London.
- DOOLITTLE, W. 1990. Canal Irrigation in Prehistoric Mexico. Austin.
- FILLIOZAT, J. 1949. La Doctrine classique de la Médecine indienne. Paris.
- FLANNERY, K. V. (ed.). 1982. Maya Subsistence. New York. (Studies in Archaeology).
- FORBES, R. J. 1964. Studies in Ancient Technology. Vol. IX, pp. 175–290. Leiden.
- HAWKES, C. F. C. Pytheas: Europe and the Greek Explorers. The Eighth J. L. Myers Memorial Lecture delivered at New College Oxford, May 1975.
- HOERNLE, A. F. R. 1888. The Bhakshali Manuscript. Indian Antiquary, pp. 33–48, 107–14.
- KO TSUN (Ke Jun). 1987. The Development of Metal Technology in Ancient China. In: CHEN, C. (ed.) Science and Technology in Chinese Civilization, pp. 225–243. Singapore.
- KUBLER, G. 1962. The Art and Architecture of Ancient America. The Mexican 'Maya' and Andean Peoples. Harmondsworth.
- LUCAS, A.; HARRIS, J. R. 1962. Ancient Egyptian Materials and Industries. London.
- MACDONELL, A. A. 1913. A History of Sanskrit Literature. London.
- MARTIN, R. 1987. Architecture et urbanisme. Roma, Ecole Française d'Athènes – Ecole Française de Rome.
- MUSTI, D. 1990. Storia greca. Linee di sviluppo dall'età micenea all'età romana. 2nd edn, pp. 84–135.
- PHILLIPSON, D. W. 1993. African Archaeology. 2nd edn. Cambridge.
- ROSTOVITZ, M. 1953. The Social and Economic History of the Hellenistic World. 2nd edn, Vols. I–III. Oxford.
- SANDERS, W. T.; JEFFREY, R. P.; SANTLEY, R. S. 1979. The Basin of Mexico: Ecological Processes in the Evolution of a Civilization. New York.
- SHARMA, R. S. 1983. Material Culture and Social Formation in Ancient India. Delhi.
- VANSINA, J. 1990. Paths in the Rainforests. London.
- WHITE, K. D. 1970. Roman Farming. Ithaca, New York.
- 1971. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, New Jersey.
- 1984. Greek and Roman Technology. London.
- XIA NAI. 1980. Bibliography of Recent Discoveries Bearing on the History of Science and Technology. Chinese Science. Vol 4, pp. 19–60.
- ZYSK, K. G. 1991. Asceticism and Healing in Ancient India: Medicine in the Buddhist Monastery. New York.

КЛЮЧЕВЫЕ РЕГИОНЫ И ПЕРИФЕРИИ

*Йоханнес Г. де Каспарис, Ричард Н. Фрай,
Йоахим Херрманн, Дэвид У. Филлисон, Уильям Т. Сендерс,
Ромила Тханар и Эрик Цюрхер*

Одной из главных особенностей и движущей силой истории были напряженные отношения между ключевыми регионами, т.е. областями, в которых инновации и развитие социоэкономической и культурной жизни и ее структур по разным причинам были более эффективными, чем в других областях. Эти напряжения в отношениях становились все более и более значимыми после начала неолитической революции и появления сельского хозяйства в некоторых областях мира – в то время как во многих частях заселенных территорий люди продолжали жизнь охотников и собирателей.

На новый уровень эти напряжения поднялись, когда в III тысячелетии до н.э. (см. том II) в Западной Азии, Восточной Азии и Индии возникли государства, которые зачастую объединяли различные ключевые регионы. Центры цивилизации, состоявшие из различных ключевых регионов под управлением одного государства, начали доминировать в культурном, политическом и социальном развитии на большей части отдельных континентов. Начиная с этого времени необходимо принимать во внимание напряженность отношений и борьбу между древними государствами, их правящими социальными классами и рядовыми членами общества – с одной стороны, и племенными общинами с их вождями, особенно кочевниками прилегающих степей Азии и Африки, – с другой. Иногда общества, организованные в государства, покорялись кочевникам, и представителей власти заменяли лидеры племенной аристократии кочевников. В целом эта тенденция прослеживается в истории в течение всего железного века. Две особенности приобретают особое значение с начала железного века. Очень важной особенностью было возникновение большого числа ключевых регионов в более отдаленных частях мира – и в Азии и Африке, и в Южной и Центральной Америке, и в Средиземноморье. Рост числа ключевых регионов означал, что в развитие вовлекалось все большее число земледельческих племенных сообществ. Это означает, что начиная с железного века взаимоотношения ключевых регионов и периферий определялись не только цивилизованными государствами и племенными сообществами, но и во все возрастающей, а иногда и в решающей степени – отношениями между древними государствами и земледельческими племенными сообществами. В некоторых случаях такие земледельческие племена вторгались на периферийные территории более старых центров, как это было в Западной Азии и в регионе Эгейского моря, и развивали эти регионы как новые центры, такие как Греция, Этрурия и Рим. С другой стороны, как и в более ранние периоды исто-

рии было соперничество между существовавшими и вновь возникающими центрами цивилизации, проявлявшееся в непрестанной борьбе и разрешавшееся в конце концов войнами. Племена периферийных районов часто были вовлечены в эти конфликты; иногда они были им на руку, иногда они становились жертвами этих конфликтов, а иногда выходили из них победителями, как, например, македонцы в IV в. до н.э., германские племена в V в. н.э., авары (обры) в VI в. и славянские племена и арабы с VII в. В Центральной Америке, вероятно, толтеки действовали сходным образом против Теотиуаканской цивилизации в VII в.

Между VII в. до н.э. и VII в. н.э. некоторые крупные центры цивилизации или культурные области интегрировали много ключевых регионов, главным образом в форме политического или военного правления в империях. В Средиземноморье это развитие достигло апогея в Римской империи; в Центральной и Западной Азии – уже в персидской империи Ахеменидов и позднее, в меньшей степени, – в Парфянском царстве. В Индии это были государство Ашоки и царство династии Маурьев, в Китае – империи Цинь, Хань и империя династий Суй и Тан. Во всех этих регионах можно видеть возникновение довольно единообразных культур высших классов общества, культур, распространявшихся на огромные территории. Такие элитарные культуры совмещались с весьма разнообразными местными культурами и языками.

В течение нескольких веков существовало звено, связывающее ключевые области от Средиземноморья до Центральной Азии, севера Индии и Египта, и этим звеном был эллинизм. Особый канал переноса элементов культуры обеспечивали кочевники евразийских степей, Аравийского полуострова и Африки. В Центральной Америке также можно выделить центры цивилизации или культурные области, каждая из которых состояла из различных ключевых регионов, наряду с Тиауанако в Перу и хоупвеллской (Hopewellian) культурой в южной части Соединенных Штатов.

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Южноазиатский субконтинент окружен громадными географическими барьерами: высокими горными хребтами на севере, широчайшими океанами на востоке, юге и западе полуострова и менее впечатляющими, но вряд ли гостеприимными наземными преградами на северо-западе и северо-востоке. Тем не менее ни один из этих барьеров не был непреодолим, и субконтинент был связан раз-

личными путями с другими частями Азии. С другой стороны, отсутствие сколь-нибудь серьезных географических преград внутри самого субконтинента в сочетании с чрезвычайной обширностью этой области значительно затрудняет проведение четкого различия между ключевыми регионами и периферией: регионы, в течение многих веков бывшие периферийными по отношению к области, представлявшей собой ядро цивилизации, сами могли стать ключевыми регионами с собственной периферией. Кроме того, в течение рассматриваемого периода здесь был не один ключевой регион.

Любой анализ развития ключевых регионов и их периферий, естественно, зависит от точного определения ключевого региона применительно к древней Южной Азии. Для того чтобы некую область можно было рассматривать как ключевой регион, необходимо установить, действительно ли она являлась центром, из которого во все стороны расходились по огромным территориям политические, социально-экономические и культурные влияния в течение значительной части времени, по меньшей мере нескольких веков. По разным причинам ключевые регионы могли испытывать упадок и терять свое влияние, в то время как другие регионы на их перифериях сами по себе могли развиваться в ключевые регионы. Поскольку наиболее высокоразвитые культуры в древней Южной Азии зависели от покровительства королевских дворов, богатых торговцев или зажиточных слоев общества, политическое и экономическое развитие действительно способствовало превращению таких районов в ключевые. Следовательно, необходимо изучить функции и смены ролей ключевых регионов в Южной Азии в тесной связи со сдвигами в политической и экономической власти и с учетом имевшихся ресурсов.

Географически некоторые области были очевидными центрами притяжения; к ним относятся плодородные долины и территории у пересекающихся дорог. Если рассматривать области по направлению с севера на юг, то в Пенджабе в течение этого периода отмечалась значительная торговая активность, но он еще не был житницей, которой он стал гораздо позднее. Южнее долина р. Ганг с верховий до дельты пересекалась речными путями, но была также плодородна и, следовательно, богата в сельскохозяйственном отношении. Наземная дорога из Пенджаба на восток, *Уттаранатха* (*Uttarāpatā*), проходила вдоль подножья Гималаев. Дорога, идущая на юг, – *Дакшинанатха* (*Dakṣiṇāpatā*) – проходила вдоль границы покрытого густыми лесами горного массива Виндхья, который в течение многих веков оставался изолированной областью и местом обитания племенных народов. Лесные жители, конечно, были во многих частях субконтинента и постепенно ассимилировались в кастовое общество по мере продвижения сельского хозяйства в глубь лесов, что обеспечивало преемственность от племени (*джана*) до касты (*джати*) и становилось непрерывным историческим процессом. С этим связан и переход от негосударственных систем к монархическим государствам.

Главные дороги на юг вели также через плато Малва на запад, а через Калингу и дельты рек Кришна и Годавари – на восток. Восточный и западный берега были связаны между собой и являлись крупными очагами прибрежных коммуникаций. Их роль была повышена благодаря значительной морской активности в Индийском океане. Основными природными ресурсами полуострова были древесина, драгоценные камни, перец и пряности, на основе которых велась интенсивная торговля. Производство товаров сосредоточивалось в городах и производственных центрах. Двумя богатыми сельскохозяйственными регионами (помимо территорий восточных дельт) были территории вокруг города Райчуру и долина р. Кавери. Повсюду на полуострове жизнь сосредоточивалась вокруг торговли, и дороги связывали центры производства и обмена, та-

кие как центры производства металлических изделий, бус, текстиля и т.д. Развитие периферийных областей ускорило после периода правления династии Маурьев, сосредоточение ресурсов и торговля находились в основном под контролем региональных царств.

В начале рассматриваемого периода культура народов, говоривших на индоарийских языках, сосредоточивалась главным образом в долинах верхнего течения Ганга, особенно на современном востоке штата Пенджаб и западе штата Уттар-Прадеш. В этой относительно сухой области скотоводство и выращивание пшеницы и ячменя были все еще главными средствами существования. Рост населения, но, кроме того, и прогресс в металлургии, позволивший производить эффективные металлические орудия для расчистки территории джунглей в средней части долины Ганга, привели к медленной миграции населения в восточные области штатов Уттар-Прадеш и Бихар, где большее количество осадков создавало великолепные условия для выращивания риса. Выращивание риса началось в значительно более ранний период. Экологические условия для пастбищного хозяйства не были особенно благоприятными, и оно потеряло свою значимость. Для этих условий больше подходило разведение азиатских (индийских) буйволов. Как доказывают некоторые исследователи, выращивание риса было одним из факторов, способствовавших эволюции государства в этом регионе.

Распространение цивилизации на восток отразилось в поздней ведической литературе, но более явно – в использовании различных типов гончарных изделий, которые можно датировать более точно, чем литературные источники. Распространение расписных серых изделий (РСИ), как полагают, отражает миграцию в юго-восточном направлении народов, говорящих на индоарийских языках в течение первой половины I тысячелетия до н.э. Во многих частях западной долины Ганга культура РСИ пришла на смену более ранней культуре черно-красных изделий, относящейся к более древним народам. РСИ, в свою очередь, сменялись северными черными полированными (СЧП) изделиями около середины I тысячелетия до н.э. Появление этих изделий согласуется по времени с основанием древних городов в долине Ганга, часто описываемым как «вторая урбанизация», следующая за первой после перерыва в несколько веков. Возникновение городов указывает на более сложную систему управления, так как некоторые из этих городов были преимущественно административными центрами. Но оно также указывает на существование товарообмена и торговли, для которых требовались хорошие коммуникации и система речных перевозок по Гангу. Указанием на это служит перемещение столицы империи Магадхи (в Южном Бихаре) из города Раджагриха на место поселения Паталиграма на берегу Ганга, значительно выросшего и превратившегося в столицу империи Маурьев под названием Паталипутра (современная Патна). Местоположение этого города в узловой точке речной системы Ганга дало ему контроль над речным судоходством. Более древний город Раджагриха располагался ближе к богатым залежам железной руды в Юго-Восточном Бихаре (современный город Джамшедпур). Эти изменения также совпали с возникновением новых религий и идеологий, включая буддизм и джайнизм.

С конца IV в. до н.э. эту часть долины Ганга можно рассматривать как главный ключевой район, из которого политические, социально-экономические и культурные влияния распространялись по многим частям субконтинента. В империи Маурьев, особенно во время правления Ашоки в III в. до н.э., большая часть субконтинента, за исключением территории современного штата Бенгал и самых южных регионов, но включая северо-запад вплоть до Кандагара в Афганистане, управлялась в различной степени из столицы – древней Паталипутры. Это происходи-

ло отчасти через провинции, управлявшиеся вице-королями, такие как Таксила (около Равалпинди в Пакистане), Удджайн (на плато Малва), Дхаули (около Бхубанешвара в штате Орисса) и Суварнагири (в штате Карнатака). Эти центры, или периферийные города, если рассматривать из центра, развились в более поздние периоды в ключевые регионы.

Правитель Ашока попытался придать этой великой империи своеобразие путем предписания общих стандартов поведения и управления, которые были увековечены в указах, высеченных на скалах и на каменных столбах в различных частях империи. Независимо от того, были эти действия успешными или нет, они, весьма вероятно, внесли вклад в постепенное преобразование групп различных народов в великое государство. За исключением северо-запада субконтинента, эти указы были написаны на брахми (одна из древнейших разновидностей индийского слогового письма, возникшая в III в. до н.э. – *Прим. ред.*), которая затем распространилась по всей Северной Индии и на Деканском плоскогорье. В Южной Индии и Шри-Ланке применялись особые формы брахми, адаптированные к древнетамильской и сингальской системам письменности. То, что письменность брахми является предшественницей всех древних азиатских южных и юго-восточных систем письменности, делает Магадху – центр империи Маурьев, откуда исходили импульсы к применению письменности, ключевым регионом значительной важности.

Ашока мог распространять свои идеалы, поскольку в его правление и в правление его предшественников уже была построена сеть дорог, способствовавшая межрегиональной торговле и связям. Различные регионы, связанные таким образом, естественно подпали под сильное влияние, исходившее из Магадхи, но, в свою очередь, также внесли вклад в развитие общих элементов культуры.

Степень административного контроля в империи Маурьев была различной в разных регионах, поэтому после упадка этой империи в регионах не было полного единообразия. Распад империи Маурьев привел к возникновению новых ключевых регионов, некоторые из них были важными центрами в империи.

Региону Гандхара с его главным городом Таксила суждено было развиваться в ключевой регион, имеющий тесные контакты через горные перевалы и долины с Западной и Центральной Азией. Это была область, население которой постоянно росло за счет миграции через горные хребты. Ею управляли индогреки, саки и кушаны. В этой местности использовалась письменность харостхи (*Kharosthi*), основанная на арамейском письме. Надписи Ашоки на греческом и арамейском языках указывают на древние контакты, осуществлявшиеся через северо-западные горы, и на интенсивную торговлю, которая велась через перевалы, как на отличительную черту этого региона. Его периферия, следовательно, включала не только Северную Индию, но и части прежнего государства Селевкидов, что доказывают результаты раскопок в Беграме (около Кабула) и в Бактрии. Правители известны в основном своей интенсивной чеканкой монет с надписями на греческом языке и на праkritах (среднеиндийские языки и диалекты, легшие в основу новоиндийских языков. – *Прим. ред.*), и это в свою очередь повлияло на чеканку металлических монет в более поздний период – период Гуптов. Использование термина *явана* (*yavana*), относившегося вначале к грекам, а затем и к тем, кто приходил из Западной Азии, стало очень распространенным в это время. Соединение буддийского и эллинистического искусства, связанное к тому же с характерным стилем области Гандхара, способствовало распространению изображения Будды, а также приносило буддийские мотивы в Среднюю Азию. Некоторые аспекты одного из направлений буддизма – махаяны – тесно связаны с изменениями на этих территориях.

Область на плато Малва приобрела большую важность, как и западная часть Деканского плоскогорья, в связи с расширением индоримской торговли в начале н.э. Порт Бхргукача (*Bhrgukaccha*)/Баригаза (*Barigaza*) и город Удджайн (в глубине полуострова) в это время были торговыми центрами. Украшения ступ (*stupas*) (буддийское культовое сооружение. – *Прим. ред.*) в таких местах, как Санчи и Бхархут, и соответствующие богатые жертвоприношения дают ключ к пониманию царившего здесь процветания задолго до древнейшего периода Маурьев. Большое число коротких дарственных надписей на перилах и воротах этих монументов указывают на то, что они были построены в основном на пожертвования торговцев, гильдий ремесленников, чиновников и мелких земледельцев, а также на жертвоприношения от женщин, монахов и монахинь. Предполагается, что люди приходили сюда из далеких периферийных областей. Политическая консолидация на западе Деканского плоскогорья под властью правителей Сатавахана (*Sātavāhanas*) обеспечивала основу для торговли.

Регион Калинга (в Ориссе) построил свою мощь на контроле береговой торговли вдоль верхней части восточного побережья. Длинная королевская надпись I в. до н.э. гласит о завоевании трех королевств Южной Индии, но это могло быть преувеличением, так как другими источниками это не подтверждается. Морские интересы Калинги, возможно, были направлены в сторону Юго-Восточной Азии, так как это один из прибрежных регионов Индии, имеющих морские контакты. Богатая дельта реки Кришна привлекла правителей Сатавахана и также послужила местом постройки нескольких искусно выполненных буддийских центров. Центры были не только местами паломничества, так как по мере распространения в различных частях полуострова они приносили культурную речь северных территорий. В самых южных частях Индии и острова Шри-Ланки династия Маурьев не установила прямого правления, но ее влияние могло быть значительным. Древняя тамильская цивилизация, как это отражено в поэзии *санга* (*Saṅgam* – в тамильских легендах литературная академия, создавшая поэтические сборники, а также грамматико-поэтический трактат. – *Прим. ред.*), сосредоточивалась в государствах Чола, Пандья и Чера, которые имели свои центры в Мадураи и в других местах – в Коркаи и Каверишпумпаттинам в долине Кавери, а также в областях на западной стороне, в современном штате Керала. Поэзия санга отражает жизнь общества, управляемого ценностями героизма и войны, сравнительно процветающего общества, получающего некоторые из своих ресурсов от прибыльной торговли с *яванами* из Александрии, забиравших перец из Южной Индии и обменивавших его на римские серебряные и золотые монеты. Центры товарообменов упоминаются как Музирис и Нелькинда на западном побережье, а раскопки показали важность города Арикамеда (около Пондичери) на восточном берегу.

В Шри-Ланке король, управлявший в городе Анурадхпура, был обращен в буддизм миссионером, представлявшим сына или братом правителя Ашоки. Шри-ланкийская мегалитическая культура, которая была широко распространена на острове в это время, имеет сходство с мегалитической культурой Южной Индии. С усилением торговли контакты расширились. Как следствие этого, в различных частях Шри-Ланки находятся многочисленные надписи, составленные на основе древней сингальской письменности, но с использованием брахми. Это в основном дарственные надписи со сведениями о жертвоприношениях буддийской сангха (буддийская монашеская община как единое сообщество монахов-буддистов, живущих в разных странах. – *Прим. ред.*), указывающие имя и род занятий дарителя. Город Анурадхпура был знаменит тремя впечатляющими ступами буддийского мира,

и здесь располагались большие религиозные секты, среди которых выделяется буддийская секта Тхеравада. В истории Южной Азии Шри-Ланка вначале была периферийным регионом, но к первым столетиям н.э. она становится центром со своей собственной периферией. В течение долгого времени северо-центральная сухая зона, где расположена Анурадхапура, оставалась ключевым регионом. Второй центр был в Тисса Махарамма и Катарагама в юго-восточной части острова.

В IV в. династия Гуптов основала большое королевство с центром в Восточном Уттар-Прадеше и Магадхе, которое стало контролировать Индо-Гангскую равнину, а также плато Малава/Малва и другие части Центральной Индии. Удджайн, наиболее важный город Малвы, процветал как центр образования, особенно прославившийся богатой литературой на санскрите, произведениями Калидасы и астрономическими исследованиями. Через Удджайн был проведен меридиан для расчетов. Системы астрономии разрабатывались с учетом современных им греческих/эллинистических точек зрения, и некоторые греческие труды были переведены на санскрит. Буддийские темы в скульптуре и росписях, украшавших *стуты* и монастыри, как, например, в Аджанте и Эллоре, были в дальнейшем дополнены широкой представленностью индуистских тем. Некоторые из них стали стандартами для большей части Южной Азии. Эти мотивы были подхвачены в Декане и Южной Индии в период подъема династий Чалукья из Бадами (в Карнатаке) и Паллаво из Канчи (в Тамилнаде). Монолитные храмы Мамаллапурама (Махабалипурама) и храмы в Канчипураме (все в Тамилнаде) определили стиль многих монументов в Южной Индии и различных частях Юго-Восточной Азии. Письменность, использовавшаяся в государстве Паллаво, которая была связана с предшествующими системами письма, но, тем не менее, отличалась от них, династия Гуптов, а после них – брахманы распространили до таких отдаленных территорий, как Восточный Калимантан в Индонезии.

В период после правления династии Гуптов буддизм постепенно сконцентрировался в Восточной Индии. Храмы в Бодх-Гая (штат Бихар, Индия), сосредоточенные вокруг главной святыни – древа Просветления (древа Бодхи), под которым Будда обрел Просветление, и монастырь Наланда (в Магадхе), вновь отстроенный для его ученых монахов и коллекций рукописей, стали местами паломничества многих других монахов, пришедших из Шри-Ланки, Китая и других частей буддийского мира. Монастырь Наланду часто называют университетом, потому что помимо чисто буддийского учения здесь преподавались и другие дисциплины.

Именно в это время происходило более интенсивное освоение плодородных почв Бенгалии (в бассейне нижнего течения Ганга и дельты Ганга и Брахмапутры. – *Прим. ред.*); к этому времени относится много упоминаний о поселениях и расширении системы управления на территории более северных районов и региона дельты. Королевства долины Ганга стремились контролировать дорогу в дельту, поскольку она давала доступ не только к морской торговле восточного побережья, но также в Юго-Восточную Азию, интерес к которой к тому времени возрос. Тем не менее в качестве крупного ключевого региона Бенгалия выдвинулась после 700 г. н.э.

После упадка империи Маурьев была предпринята попытка стандартизировать культурное произношение. Это прослеживается в широком применении письменности брахми и возникновении других систем письменности на ее основе; в изучении санскрита, который стал языком элиты; в развитии иконографии, поскольку стал языком в скульптуре и живописи становились все более узнаваемыми; и постепенно начали широко применяться управленческие термины, особенно в отношении названий ти-

тулов чиновников. И все же одновременно имелись значительные региональные вариации, оформление которых становилось более отчетливым и явным, когда территория начинала играть роль ключевого региона. В рассматриваемый период сформировались, однако, несколько регионов, сохранивших свое господствующее положение в течение многих столетий. Среди них несомненно наиболее важным является средняя часть долины Ганга. Кроме того, районами, длительное время сохранявшими свое значение, были Гандхара на северо-западе и долина реки Кавери на юге Индии.

В заключительной части этого раздела необходимо добавить несколько слов о Юго-Восточной Азии. Может показаться неверной попытка рассматривать великие цивилизации этого региона только как дополнение к обсуждению Южной Азии, однако дело в том, что великие центры цивилизации в Юго-Восточной Азии, которые сами по себе могут считаться ключевыми, возникли или после периода, обсуждаемого в этой работе, или незадолго до конца этого периода. В этой связи можно, тем не менее, подчеркнуть, что важные аспекты индийской цивилизации распространялись в частях Юго-Восточной Азии начиная с наступления нашей эры. Они привели к установлению королевств в Южной Мьянме (государство Шрикештра недалеко от современного Прома Пьи), Таиланде (Дваравати), Кампучии (обозначаемой как Фунань в китайских источниках), Кампе (большая часть современного Вьетнама), Восточном Калимантане, где к концу IV в. в современном Кутаи возникло могущественное королевство, находившееся под сильным влиянием индийской культуры, и половиной столетия позднее – в Таруме (Западная Ява). В Кутаи местный правитель исполнял индуистские ритуалы, очевидно, под влиянием индийских брахманов. Ему и его отцу были даны индийские имена (соответственно Мулаварман и Ашваварман). В Западной Яве король Пурнаварман, возможно, контролировал значительную территорию в начале VI в., и по его приказу на нескольких скалах высечены стихи на санскрите. Однако главным его достижением было рытье канала в устье р. Чиливунг. Этот канал был, вероятно, выкопан, чтобы регулировать потоки воды в области современной столицы Джакарты и для орошения рисовых полей по соседству.

Ни одно из этих королевств Юго-Восточной Азии не находилось под контролем властных структур Индии. Эти государства можно назвать периферийными только в отношении культуры. Язык санскрит, индийские ритуалы, мифология, система мер и другие области классической индийской цивилизации были решающими элементами развития высококультурных и образованных цивилизаций Юго-Восточной Азии.

Незадолго до конца VII в. начала расширяться империя Шривиджайя с центром в современном Палембанге в провинции Южная Суматра или близ него, и вскоре она стала главной империей на морях Юго-Восточной Азии. В отличие от более древних королевств в этой области, в ней применялся в качестве основы письменности древний малайский язык, а не санскрит. Она также стала первой империей с одним из двух основных направлений буддизма – махаяной – в качестве религии (другое направление – хинаяна. – *Прим. ред.*) и имела регулярные отношения с китайским двором. Ее контроль над основными морскими коммуникациями в Юго-Восточной Азии заложил основу оживленной межостровной и международной торговли.

Распространение индийского влияния на цивилизации Юго-Восточной Азии, вероятно без какой-либо формы колонизации, привнесло к возникновению новых ключевых центров, является уникальным историческим феноменом, который, следовательно, заслуживает величайшего интереса.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Если можно было бы взглянуть на огромную область Центральной Азии от Иранского нагорья до северных долин Китая в VII в. до н.э. и затем сравнить ее с этой же областью в VII в. н.э., то произошедшие изменения показались бы поразительными. В ранний период мы не имеем письменных источников и полагаемся полностью на данные археологии, но различия в объемах информации о западной и восточной частях Центральной Азии огромны. Археологи в Узбекистане и Казахстане обнаружили присутствие людей еще в доисторические времена, и к VII в. до н.э. мы имеем определенные культуры, различаемые по гончарным и другим предметам, которые характеризуются сходными религиозными верованиями и похожими методами орошения, что вместе почти предполагает существование государства.

Однако на востоке Центральной Азии (современный Синьцзян) и в Монголии археологи до сих пор едва лишь коснулись поверхности оазисов в бассейне реки Тарим и равнинных районов Монголии, и у нас нет свидетельств существования государства или экономических организаций в VII в. до н.э., хотя они, может быть, и существовали в элементарных формах. В степях верховые кочевники еще не имели организованных объединений или империй, а только совершали набеги на заселенные земли на юге. Никаких центров или ключевых регионов не было; скорее, сам Северный Китай являлся ключевым регионом, из которого распространялось влияние на степи. Представляется, что такие оазисы, как Куча, Кашгар и Хотан, все еще были едва заселены, торговля на сколько-нибудь большие расстояния еще не была развита и шелк, вероятно, был неизвестен в Центральной Азии в это время.

Кочевниками, доминировавшими на всей территории степей в VII в. до н.э., как на востоке, так и на западе, были саки, которых греки называли скифами. Несомненно, существовали различные племена и разговорные диалекты, но саки имели иранские корни, и их культура и остатки художественных изделий демонстрируют удивительное единообразие на всей территории от юга России до плато Ордос на севере Китая. Племена все еще передвигались в конных повозках, а вместо более древних военных колесниц использовалась верховая езда. Мы не знаем, когда саки достигли Синьцзяна и передали свой язык аборигенам неопределенного происхождения в оазисах Хотан, Яркенд и на территории вдоль южной части бассейна реки Тарим, но мы предполагаем, что в некоторых регионах они сменили своих предшественников, говоривших на индоевропейских языках, – тохаров, которые, тем не менее, сохранили свой язык в Куче и Турфане в северной части бассейна. Использование железа не было широко распространено, и бронза, скорее всего, еще оставалась общеупотребительным металлом.

В VI в. до н.э. древнеперсидские цари из династии Ахеменидов расширили свои владения на западе Центральной Азии, и в течение следующих двух веков под этим имперским правлением железо стало широко применяться и очень широко распространилось орошение; особенно ярко это демонстрируют подземные каналы, называвшиеся *карез* (*karez*) в Центральной Азии и *канат* (*qanat*) на Иранском нагорье. Поселения уже выросли в города с различными кварталами и ремесленным производством. Гончарный круг повсюду получил в это время широкое распространение, а предметы практического назначения и украшения стали более сложными.

Враждебность в отношениях между кочевниками и оседлыми народами входит в полную силу, однако она проявлялась по-разному по отношению к Китаю и Центральной Азии. В первом случае демаркационной линией являлась протяженная граница между степью и засеянными территориями в Северном Китае, но в оазисах Централь-

ной Азии поселения окружали кочевники, и здесь явно должен был существовать способ выживания (*modus vivendi*) этих народов в Центральной Азии, в то время как в Китае и в меньшей степени на Иранском нагорье существовала четкая разграничительная линия и конфронтация между кочевниками и оседлыми народами. Таким образом, в Центральной Азии каждое оазисное государство становилось ядром для периферийных кочевых племен или организаций в виде союзов племен под управлением харизматических вождей. Сначала торговля развивалась на местном уровне, между оазисами и кочевниками, но когда крупные государства в Индии, Иране и Китае стали стремиться к предметам роскоши, то в III–II вв. до н.э. возникла торговля на большие расстояния.

В восточной части Центральной Азии как китайские, так и индийские торговцы приходили в оазисы Таримского бассейна в основном в поисках товаров своих партнеров из другой страны, так что оазисы становились для каждой стороны остановками на полпути. Но и местные товары, такие как нефрит из Хотана, очень рано стали предметами роскоши в Китае. Пряности из Индии были особенно важны в торговле с Китаем, а индийское влияние было особенно сильным с давних пор в южной части Таримского бассейна, насколько известно из документов, написанных на праkritах и найденных в древних городах, но датированных первыми веками н.э.

На западе, однако, можно проследить основание колоний торговцами и, вероятно, поселенцами, двигавшимися из Бактрии на север и восток в начале нашего периода, но затем в торговле доминировали северные народы – согдийцы и хорезмийцы, и они сами основали колонии, первые – далее к северу и востоку, а вторые – на северо-западе. Бактрию по обеим сторонам р. Окс (современная Амударья) греки называли землей тысячи городов; после завоеваний Александра здесь селились греки, и в последние века до начала н.э. Бактрия была и оставалась важнейшим центром, сосредоточением богатства и влияния в западной части Центральной Азии. Земля была богатой и плодотворной, а стратегически Бактрия располагалась на торговых путях.

Религиями Центральной Азии, насколько можно судить по археологическим данным, сочинениям Геродота и другим источникам, были преимущественно различные виды шаманства, как в оазисах, так и в степях. Политеизм среди верований повсеместно преобладал, каждая территория или земля имела своих собственных богов и бесчисленных местных духов и демонов. Реформа Зороастра (Заратуштры, Заратустры) древней индоиранской религии, как показывают индийские «Веды» и позднейшая «Авеста», возможно, находила приверженцев в Центральной Азии, но не существует свидетельств широкого распространения его учения в начале рассматриваемого периода, хотя со временем это, очевидно, произошло.

Когда мы обращаемся к VII в. н.э., то замечаем много изменений как на востоке, так и на западе. Торговцы из Согданы (Согда) и торговые колонии появились повсюду на территории современного Казахстана, в большинстве оазисов Синьцзяна, в Монголии, на плато Ордос и во внутренних областях Китая. Хорезмийцы основали подобные колонии на реке Волге и восточных берегах Черного моря. С полной нагрузкой действовал Шелковый путь с многими ответвлениями. Со времени династии Хань китайцы определяли политику Синьцзяна и даже распространили свое влияние на запад в Фергану и другие области. Культурное, но не политическое влияние Ирана времен династии Сасанидов успешно соперничало с влиянием китайской культуры. Центром Западного Туркестана является Самарканд в Согдиане, но здесь не было крупного государства или империи оазисных государств, поскольку Самарканд, Бухара, Чач (современный Ташкент) были расположены в больших оазисах и каждый город

имел свою собственную администрацию и бюрократию. Индийское влияние в Центральной Азии ослабло, и Китай и Иран стали двумя ключевыми регионами торговли и культуры для периферийных областей Центральной Азии. Но Согдиана, Куча, Турфан и Хотан являлись меньшими ключевыми регионами по отношению к кочевникам, которые в это время стали настолько сильны, что явились политическими оппонентами Ирану и Китаю в Центральной Азии. Наиболее часто оазисные государства подпадали, скорее, под контроль кочевников, чем под власть Китая. В оазисах Синьцзяна был силен страх перед Китаем.

Примитивные искусство и архитектура древнего исторического периода превратились в символическое религиозное искусство. Универсальные оформившиеся религии, такие как буддизм, христианство и даже иудаизм, имели приверженцев по всей Центральной Азии, и искусство, испытавшее влияние этих религий, весьма своеобразно. Иерархическое государство зороастризма – Иран эпохи Сасанидов – не имело большого влияния в Центральной Азии, но местные формы зороастризма были популярны, и шаманство степных народов становилось более сложным.

Однако главным изменением в Центральной Азии стал приход к степенному владычеству народов, говорящих на алтайских языках, особенно тюрков и монголов, и расширение контролируемых ими территорий. В конце III в. они начали двигаться из Монголии на запад и, конечно, на юг в Китай. К VII в. тюркское правление было установлено над всей Центральной Азией и на территории современного Афганистана. Покорение тюрками всей Центральной Азии проходило быстро. Хотя тюрки в своих родных лесах на Алтайских горах, вероятно, научились верховой езде от иранских саков, они и монголы стали прекрасными кочевыми наездниками, и они властвовали на всей территории степей от Венгрии до Китая. Более того, они принесли с собой искусство объединения в союзы, создания и подъема степных империй до высших уровней. Ранние тюркские империи VI и VII вв. были предшественниками Монгольской империи, и идеалы степного правления, военной организации и тактики кочевников, харизматических лидеров и племенной преданности имели влияние как в оазисах Центральной Азии, так и в Китае и Иране. В Иране стало догмой, что управлять могут только тюрки, однако в Китае монголы, а затем маньчжуры также оставили свой след в истории.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

В Восточной Азии основной тенденцией было постепенное распространение китайской цивилизации с древнего ключевого региона в бассейне р. Хуанхэ и далее на широко раскинувшейся территории. Распространение этой цивилизации является классическим примером «контактной экспансии», проявляющейся в постепенном объединении местных общин и почти полной привязке их к земле. Только в самом конце периода, рассматриваемого в этом томе, многие элементы китайской цивилизации пересекли морские просторы и были освоены японцами, но даже несмотря на это, следует подчеркнуть, что такое распространение было результатом политики реформ, принятой японским двором; оно не было китайской инициативой и не сопровождалось эмиграцией китайцев или колонизацией. Морская торговля с дальними странами, развивавшаяся приблизительно в начале I тысячелетия н.э., связавшая южные китайские гавани с Юго-Восточной Азией и Индийским океаном, осуществлялась индийскими и иранскими торговцами.

Помимо моря, которое в течение всего этого периода оставалось барьером, на трех направлениях распространения китайской цивилизации стояли и другие природные

препятствия. На севере степь и зона пустыни образовывали негостеприимный и враждебный мир, в котором не могли быть реализованы два наиболее фундаментальных элемента китайской культуры – интенсивное сельское хозяйство и развитие городов как центров управления. По крайней мере к VI в. до н.э. степь стала территорией поднимающихся кочевых племен, ведущих образ жизни, чуждый китайцам, и потому чрезвычайно невосприимчивых к китайскому влиянию. На западе пустыни Центральной Азии и тибето-бирманские высокогорья также являлись непреодолимыми барьерами. Временами регион оз. Лобнор и оазисные государства Таримского бассейна переходили под китайское правление, но это означало лишь установление своего рода военного протектората, не сопровождавшегося длительной колонизацией. Китайские товары, особенно шелк, достигали запада по Шелковому пути, но эта внутриконтинентальная торговля была фактически монополизирована иранскими торговцами.

Подобных природных барьеров не существовало на юге, и в результате распространение китайской цивилизации в основном происходило в южном направлении, от древних государств на Центральных равнинах (Чжонгуань – *Zhongyuan*), среди которых важное место занимало государство Шан (Инь), характерное расцветом бронзовой культуры в первой половине II тысячелетия до н.э., до юга Центрального Китая и влажных субтропических регионов южнее р. Янцзы.

Как только государство Шан в свой поздний период (XII–XI вв. до н.э.) распространилось до краев Центральных равнин, бронзовая культура достигла бассейна Янцзы, и когда в следующие века на севере возник ряд феодальных государств, это подстегнуло процесс формирования государства на южной периферии. В результате образовались могущественные южные государства: Чу, которое в результате расширения, начавшегося с первоначальной территории в провинции Хунань, заняло бассейн р. Хуай, и несколько позднее государство Ву (Wu) и Ю (Yue) на территориях в нижнем течении Янцзы и южнее.

В этих южных периферийных государствах процесс распространения культуры Центральных равнин разительно отличался от того, который происходил на севере со времен царства Шан. Многие «варварские» группы, которые жили на территории государств Шан и Чжоу и постепенно были объединены, не отличались в физическом или лингвистическом отношении от более прогрессивных носителей аристократической бронзовой культуры. На юге масса населения состояла из некитайских племен, предков этнических меньшинств, которые еще могут быть обнаружены в некоторых частях южного и юго-восточного Китая. В южных государствах китаизация была феноменом социального расслоения: принятия двором и аристократической элитой китайского языка и всех других элементов цивилизации чжонгуаньской элиты, в то время как простые люди сохраняли верность своим собственным языкам и обычаям. Для населения в этих регионах потребовалось много веков, пока оно китаизировалось на всех общественных уровнях.

Помимо этого мирного и добровольного принятия китайского образа жизни правящей элитой существовали другие, далеко не столь дружественные формы объединения, способствовавшие проникновению чжонгуаньской культуры: завоевательные войны, часто сопровождавшиеся военной оккупацией и насильственным поселением китайских крестьянских семей в захваченных районах, и миграция крестьян после природных бедствий на территории племен.

Таким образом, при стимулирующем влиянии культурного и политического развития в ключевом регионе в южных регионах возникли вторичные центры китайской цивилизации, что в свою очередь привело к распростра-

нению элементов китайской материальной культуры на их собственных перифериях. Береговые государства Ву и Ю распространяли свое влияние по всему южному побережью Китая, а технология обработки бронзы, развивавшаяся в государстве Чу с VI в. до н.э. и характеризовавшаяся сильным региональным своеобразием, предположительно способствовала расцвету местных бронзовых культур далеко на юге (донгсон) и на юго-западе (культура диань из Юньнани). Подобным же образом происходило развитие на западе Центрального Китая (в государствах Ба и Шу в современной провинции Сычуань) и в северной зоне маргинальной агрокультуры, граничившей со степью.

Китаизация периферийных этнических групп (или, по крайней мере, их высших классов) означала принятие ими огромного комплекса культурных элементов, как материальных, так и нематериальных. Уже до объединения государств в империю в 221 г. до н.э. ее основные составляющие были вполне определены; они формировали интегрированное целое, принятие которого вело к полному культурному преобразованию.

Указанные материальные аспекты включали, например, использование шелка, лака и чугуна; применение арбалета и длинного меча в военных действиях; ведение интенсивного сельского хозяйства в сочетании с орошением и осушением; распространение характерного и высоко развитого стиля деревянной архитектуры и большого разнообразия художественных форм, мотивов и символов. Сами китайцы некоторые нематериальные компоненты считали даже более важными, например, такие, как соблюдение правил ритуального поведения (*ли*), предусматривающего вежливое взаимодействие между людьми; правила иерархического различия в семье и в обществе и множество основополагающих идей и идеалов, касающихся правильного «управления» (*чжи – зби*) государством и обществом со стороны правителя. Помимо этого общепринятым являлось знание огромного количества распространенных легендарных сюжетов, преданий, а также космологических концепций, таких как универсальные космические полярные и постоянно переходящие друг в друга силы инь и ян.

Это «общее наследие», которое распространялось из ключевого региона (с важными дополнениями с периферии, где развивались региональные вариации), имело общую основу в использовании китайской письменности и китайского письменного языка, которые были стандартизированы в III в. до н.э.

В этом отношении объединение в империю китайской *ойкумены* представляло собой такой же рубеж, каким было принятие конфуцианства в качестве государственной идеологии во II в. до н.э. С этого времени Китаем управляла элита ученых-чиновников, обученных литературе и социально-политическим доктринам, которые стремились подчеркнуть ценности и идеалы, указанные выше.

К самой китайской территории за период в четыре века существования древней империи (Цинь и Хань, 221 г. до н.э. – 220 г. н.э.) трудно применить модель центра и периферии в культурном отношении. Там возник довольно однородный тип культуры, распространившейся подобно тонкому слою по всему Китаю и накладывавшейся на массу местных верований, обычаев и традиций безграмотного населения. Не может быть сомнения, что север оставался ядром в политическом, экономическом и демографическом смысле, но распространение высокой китайской культуры приняло новый характер – характер процесса насаждения конфуцианства сверху вниз в массах населения, активно поддерживаемого государством.

В каком-то смысле Китай в целом стал центром, а периферия сместилась в окружающий мир. Здесь, тем не ме-

нее, китайская модель не могла быть применена полностью, да и китайский двор не предпринял каких-либо попыток сделать это. Вне границ империи не велось никакой «культурно-миссионерской политики». В соответствии с официальной идеологией (которая сама коренится в гораздо более древних идеях культурного превосходства), Китайская империя была настоящим островом цивилизации, окруженным зоной государств-даников, правители которых признавали право Сына Неба на верховное управление, но в то же время сохраняли свои собственные верования и обычаи. На первый взгляд может показаться странным, что конфуцианство, несмотря на свой открытый характер (не ограниченный принадлежностью к какой-либо касте, расе или племени), так и не переросло в универсальную миссионерскую идеологию. Главная причина этого замыкания на себя и отсутствия навязывания своего мировоззрения состоит в том, что конфуцианство было так встроено во всю структуру китайского государства и общества, что оно не могло быть реализовано в не китайском культурном окружении. Полное принятие конфуцианства просто означало полную китаизацию.

Когда к концу рассматриваемого периода Корея и Япония пришли к широкомасштабному принятию китайской культуры и институтов, то не конфуцианство, а буддизм функционировал как первичный канал передачи культуры; в отличие от Китая, где буддизм никогда не мог соперничать с конфуцианской доктриной государства, правители Кореи и Японии сделали буддизм своей государственной религией. Однако этот буддизм далеко ушел от индийской веры, которая проникала в Китай в первые века н.э. После трех веков адаптации и освоения буддизм был полностью изменен на китайский лад. В его русле развились собственные школы и институты, свои собственные письменные традиции. И именно этот, измененный на китайский лад и «переваренный» буддизм стал главной движущей силой, приведшей к заимствованию китайской цивилизации правящими элитами не китайских периферийных государств: Кореи, Японии и на более поздней стадии – Вьетнама.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Между VII и IV вв. до н.э. в Западной Азии существовал ряд более или менее независимых ключевых регионов и культурных областей, которые влияли на подъем ключевых регионов в Средиземноморье.

В VII в. до н.э. при правлении Асархаддона (680–669 гг.) государство Ассирия протянулось от Месопотамии вдоль юго-восточного побережья Средиземного моря, достигла Нижнего Египта и, наконец, Фив в Верхнем Египте. Чтобы предотвратить восстания, стало нормальной практикой изгонять целые группы местных жителей и переселять их в отдаленные чуждые регионы. Например, большие группы людей из Сирии были переселены в восточную область реки Тигр, одновременно некоторые группы населения оттуда переселились в Сирию. Центр государства достигал высокого уровня культурной организации в среде правящего класса и большого прогресса в строительстве. Столица Ниневия, например, снабжалась водой по каналу длиной приблизительно 55 км, который пересекал долины и неровности рельефа посредством акведуков, которые впоследствии во множестве строили римляне.

Ассирийскому центру угрожали племена и народы с севера, такие как киммерийцы, скифы и мидяне. Мидяне в конце концов захватили город Ашшур в 614 г., а в 612 г. при помощи восставших вавилонян – столицу Ниневию.

После битвы при Каркемише (в современной Сирии) в 605 г., в которой победил Навуходоносор II, на месте Ассирийского царства в результате образовалось Ново-

вавилонское царство. Спустя несколько лет, в 598–597 гг., он захватил Иерусалим и увел около 10 тыс. жителей Иудеи в Вавилон. Реконструкцией Вавилона мы обязаны этим людям, и, возможно, они участвовали в строительстве монументальных Ворот Иштар и Дороги процессий перед Воротами. Таким образом нововавилонский центр в основном развивался как центр Западной Азии. Был отмечен прогресс в астрономии и составлении календарей; было точно определено соотношение между восточным лунным и солнечным календарями, и были внесены соответствующие поправки. Этот прогресс следует отметить потому, что он стал важным для астрономии в развивающемся греческом центре.

Нововавилонское царство было захвачено персами в 539 г. до н.э. Их правителям удалось завоевать древние регионы Западной Азии, некоторые Центральноазиатские регионы и в 526 г. – даже Египет. При правлении Дария I (521–486 гг. до н.э.) персидский центр достиг пика своего могущества, пытался расширить свои территории и захватывать развивающиеся греческие регионы. На востоке Дарий оккупировал части Индии. Безусловно, империя Дария и его последователей более 100 лет смогла представлять собой центр цивилизации и хорошо организованного правления; она включала многие ключевые регионы между Египтом, Средиземноморьем и Индией, между Индийским океаном и Центральной Азией. Этот широкий персидский центр не был захвачен племенами с периферии, но был разрушен из-за соперничества персидских сатрапов и региональных правителей и, наконец, царем Македонии Александром.

Во времена Дария персы пытались помешать подъему новых центров на восточной и западной перифериях в Индии и в Средиземноморье. Финикийцев, которые пытались получить независимость, персы иногда подвергали наказанию, но они не могли предотвратить рост Карфагена в VI в. в западной части Средиземноморья и распространение финикийских колоний. В Индии персы действовали более успешно. Индийское царство Маурьев смогло подняться только после упадка Персидского государства и после отступления Александра и его последователей из Индии в 317 г. до н.э. Представляется, что центры в Центральной Азии, Западной Азии и в Африке в районах Нила были достаточно сильны, чтобы сдерживать напор племен, оставляя их на периферии. В этих центрах проявлялась внутренняя борьба с местными жителями, которые в течение веков были включены в систему государства, цивилизации и иерархически организованной эксплуатации. Происходили смены правящих династий, но не было кардинальных перемен, вызванных действиями племен с периферии или в связи с ними.

Совершенно другая ситуация определяла историю средиземноморского региона. Периферия западноазиатских обществ, представленная Микенами, была захвачена племенами, переселившимися из северных регионов в течение последних веков II тысячелетия до н.э. в связи с миграцией племен культуры полей погребальных урн, которых египетские тексты называют «народом моря». О последующих столетиях мы знаем немного: это были «Мрачные времена» в греческой истории. С VII в. стало явным, что новый греческий ключевой регион и культурная сфера развиваются в Восточном Средиземноморье в соперничестве прежде всего с Финикией. И греки и финикийцы расширяли территории с VIII в. до н.э. и основывали колонии вокруг Средиземного моря, а также на берегах Черного моря. Финикийцы, как уже упоминалось, развивали свой центр в Карфагене (уже основанном к этому времени, приблизительно в 814 г. до н.э.), вдалеке от влияния персидского правления, и важный морской путь, связывавший восток и запад Средиземноморья, был впервые открыт и постоянно использовался финикийцами. Вдоль берега на мысах, а также вне берега на остро-

вах с интервалами в 40–60 км были установлены якоря. Карфагеняне исследовали дорогу к Атлантическому океану (и может быть даже к Британским островам) в поисках золота, серебра, меди и олова. Карфагеняне правили на Сицилии, Сардинии, в Испании и в частях Северной Африки.

Сам Карфаген стал важным городом не только как политическая и военная столица, но и как центр культуры и науки. Первая научная книга о сельском хозяйстве была написана в Карфагене, ее автор – Магон. Карфагеняне организовывали экспедиции для исследования Африки в области Сахары и прокладки морских торговых путей вдоль африканского побережья. Как сообщает греческий историк Геродот, власти послали финикийских моряков около 600 г. до н.э. разведывать морские пути вокруг Африки. Геродот сообщает, что свое путешествие они начали с Красного моря и длилось оно два года. Возможно, этот маршрут был пройден в V в. Одним из наиболее часто упоминаемых руководителей финикийских экспедиций был карфагенский флотоводец Ганнон. На западном побережье Африки карфагеняне основали центр для торговли на далекие расстояния в Серне (остров Херн в устье Рио-де-Оро) на широте северного тропика. «Они устроили здесь якорную стоянку. В обмен на свои товары они приобретали шкуры антилоп, львов, леопардов, кожу и бивни слонов. Финикийцы привозили ароматические масла, египетские камни и афинские гончарные изделия и кувшины». О Гимильконе, современнике Ганнона, сообщается, что он исследовал Атлантические побережья Испании, Франции и Британии. Таким образом карфагеняне собрали массу сведений и знаний об африканцах и западноевропейской периферии и, несомненно, сделали записи об этом. Вся эта информация была потеряна, когда римляне захватили Карфаген в 146 г. и полностью разрушили его. Только книге Магона о сельском хозяйстве посчастливилось избежать этого вандализма, она была сохранена и впоследствии ее использовал римский писатель Колумелла в своей знаменитой книге «Де Ре Рустика» («О сельском хозяйстве»). Таким образом, можно предположить, что центр и Карфаген имели обширную, довольно хорошо исследованную периферию в Африке и в Западном Средиземноморье, с которой они были связаны различными взаимоотношениями. Но на самом деле из-за полного опустошения архивов Карфагена римлянами в 146 г. наши знания об этих отношениях получены из вторых рук и весьма ограничены.

Тем не менее нет сомнения, что с VI в. финикийцы развивали подлинный периферийный регион в Западном Средиземноморье как новый центр цивилизации, культуры и государственности – организованное общество со своей собственной периферией в Африке и Европе. Карфаген не был захвачен племенами со своей периферии, но был осажден и в конце концов захвачен римлянами в ходе трех так называемых Пунических войн в 264–241, 218–201 и 149–146 гг. до н.э.

Финикийцы распространили в Западном Средиземноморье черты цивилизации, урбанизации, религии и письменности. Их письменность послужила стимулом для греков к созданию своего алфавита, и, конечно, греки испытывали влияние финикийской культуры и начал науки. Помимо всего, у финикийцев была африканская периферия – место обитания в основном кочевников. Кроме того, сельское хозяйство развивалось в центре самой Карфагенской державы.

Совершенно иная ситуация определяла отношения между ключевыми регионами, центрами и перифериями в северных частях Средиземноморья, т.е. в греческом и римском регионах. Племена к северу от них с неолитического периода основывали свою экономику на сельском хозяйстве. Это обстоятельство приобрело большое значение при определении культурных взаимоотношений, в распространении новых приемов в области производства и, наконец, в организации общественной и духовной жизни.

ни племен в периферийных регионах. С другой стороны, греческие и римские средиземноморские общества могли развивать свою экономику на основе рабства, применяя рабочую силу рабов, привозимых с сельскохозяйственной периферии, имевших опыт оседлой жизни и ведения сельского хозяйства, скотоводства, ремесел, таких как гончарное дело, добыча полезных ископаемых, производство соли и даже добыча и промывка золота. И, конечно, первоначально свободных воинов племен могли использовать (поработив) в качестве наемников, телохранителей или, при более благоприятных обстоятельствах, во вспомогательных войсках. Представляется, что в большой степени средиземноморская цивилизация основывала свое многовековое процветание на преимуществах, которые ей обеспечивала эта особая европейская сельскохозяйственная периферия.

Не менее важной, конечно, была восточная периферия, т.е. регионы, в которых зародилась античная культура и цивилизация; эта периферия в полной мере использовалась греками, а затем римлянами. Отсюда они черпали знания письменности, традиционных наук, таких как астрономия, математика, архитектура; орошения, использования силы воды и позднее – религиозных течений, например христианства.

Финикийцы были одним из первых народов в Средиземноморье, чей центр был организован на основе восточных предшественников и который постепенно построил империю, основанную на мореплавании. Они пытались открывать периферийные регионы, влиять на них и в конце концов эксплуатировать.

На севере Средиземноморья почти в то же время греки со своей родины – острова Эгейского моря и прибрежных районов Анатолии – посылали своих моряков основывать колонии вдоль северных берегов Средиземноморья до Южной Италии, Сицилии и даже до берегов современной Франции и Испании. На востоке их колонии были основаны на Черном море; среди этих колоний большое значение имели Танаис, Ольвия, Трабзон, Истрия, Одесса, Месамбрия и другие.

Характерно, что каждая прибрежная греческая колония имела свои собственные районы вглубь от прибрежной полосы и периферию, которую она пыталась втянуть в свою экономическую деятельность и которую она эксплуатировала. Греческие колонии, конечно, стимулировали производство, например, зерна и скота – продуктов, которые представляли повышенный интерес со стороны эгейских народов. Они поощряли развитие скифского искусства и ювелирного мастерства и накопление сокровищ племенной аристократией.

Очень важным для греков было отношение к окружающим их соседям как к «варварам». Всех людей негреческого происхождения они называли варварами (*barbaroi*), что означало людей, с которыми нельзя общаться по причине их непонятного языка. Варваров не допускали к отношениям, которыми чувствовали себя связанными греческие общества, что вело к напряжению и даже военным конфликтам между ними. Племена, окружавшие греческие поселения на Балканском полуострове, на западных берегах Анатолии, в глубине от прибрежных греческих колоний на северных берегах Черного моря до Испании – все они были варвары, но также ими считались и народы, жившие в регионах традиционных цивилизаций, таких как Вавилония, Персия, Египет и др. Все варвары были иностранцами и классифицировались как люди низшего уровня. К ним относились, как правило, с презрением.

Великий философ Аристотель, размышляя над этим вопросом, пришел к выводу, что варвары – это люди низшего ранга и, следовательно, самой природой назначены быть рабами греков. Он классифицировал варваров-рабов как средство производства наряду с животными и орудия-

ми труда. Римляне продолжили эту линию, и римский консул и сенатор Катон провозгласил, что варвар-раб есть *инструментум вокале* («говорящее орудие») наряду с *инструментум семивокале* («как бы говорящим орудием»), таким как бык, и *инструментум мутум* («немым орудием»), таким как плуг или лопата.

С другой стороны, уже для «отца истории» Геродота (см. гл. 1) не было сомнений в том, что варвары являются людьми, сравнимыми с греками, и они подчас имеют достоинство, которые могут служить примером для греков (а позднее и для римлян) в вопросах морали и образа жизни.

Это действительное отношение к варварам позволяло работать их без моральных сомнений, но, с другой стороны, оно также позволяло грекам и римлянам развивать нормальные человеческие отношения с ними или даже включать их (как случалось в поздней Римской империи) в классическое общество как равноправных членов.

Важной статьей торговли были лица, захваченные в набегах и войнах и продаваемые как рабы племенной аристократией. Скифские и фракийские рабы из регионов вокруг Черного моря были обычным предметом торговли на греческом рынке. В греческих полисах этого времени вплоть до IV в. название *фракс* (*thrax*) или *трамма* (*tralla*) (и то, и другое означало фракийца) было синонимом раба, и можно сделать вывод, что Греция имела много рабов фракийского происхождения. Скифы к северу от Черного моря, как и фракийцы, имели хорошие знания сельского хозяйства и ремесел, а также военного искусства. Поэтому афиняне использовали рабов скифского происхождения в качестве «полиции». То же справедливо и в отношении западного Средиземноморья. Марсель, например, влиял на свою периферию, протянувшуюся по долине р. Роны до верхнего Дуная. Там в VI в. была построена крепость для правителя Халлштатта (Hallstatt) в средиземноморском стиле (см. гл. 10.4.3).

В 30-е гг. IV в. Питеас (Пифей) начал из Марселя свою знаменитую экспедицию по изучению северной периферии. Эту экспедицию можно рассматривать в связи с амбициозными планами Александра Македонского, возможно, она была организована по его предложению или по его заданию. Целью экспедиции, как сообщают античные авторы, было исследование северного морского пути вокруг Европы. Это была старая идея греческих географов, предполагавших, что Европа на севере и на востоке окружена океаном. Каков бы ни был результат экспедиции Питеаса, вслед за Геродотом из Геликарнасса и Питеасом, поддерживавшими дальнейшие исследования, античные ученые Страбон (64 г. до н.э. – 23 г. н.э.) и Плиний Старший (23–79 гг. н.э.) пытались описать племена и территории северной периферии Средиземноморья, взаимоотношения с ними, а также интерес греков и римлян к олову, янтарю, рабам и другим ресурсам этого периферийного мира. Греческие колонии на Черном море были вынуждены договариваться со «скифами», как греки называли все племена Восточной Европы. В скифском искусстве были разработаны свой собственный стиль и сюжеты, но впоследствии на это искусство оказывала влияние Греция и даже отчасти мастера эллинистического мира.

Уже во времена Геродота, в V в. до н.э., торговцы из колоний Черного моря углублялись далеко на север к торговому центру Геррхос (*Gerrhos*), возможно, расположенному в верхнем течении современной р. Днепр (греки называли ее Борисфен). В этом месте можно было встретить торговцев, прибывших из Балтийских регионов вдоль р. Гутхалус (современная Даугава, или Двина). На самом деле, этот путь сохранял свое значение и позднее, в период раннего средневековья; по нему скандинавы достигали Черного моря, или, как сообщает летопись Нестора, это был «путь из варяг в греки».

В период, когда Питеас предпринял свою смелую экспедицию, влияние эллинистической культуры достигло

Фракии и Дакии. В обоих регионах до Карпат эллинизм проник в искусство, культуру и некоторые отрасли производства, такие как гончарное и ювелирное дело, и архитектуру, в частности в строительство крепостей и дворцов.

Греки имели особый опыт взаимоотношений с северными племенами: в III в. кельты совершили набег на религиозный центр Дельфы; борьба против кельтов длилась долго и впоследствии перипетии этой борьбы были отражены в знаменитом Пергамском алтаре. Но в целом греческие колонии и эллинистические государства могли эффективно защищать себя от нападений варваров, восточных «варваров» в персидских войнах, а также северных племен.

Греческий эгейский и эллинистический центр во II в. до н.э. был захвачен римлянами, которые после третьей Пунической войны стали доминировать в Средиземноморье. Римляне образовали свой собственный ключевой регион, а затем и свой центр, противостоявший вначале этрускам, затем Карфагену и греческим колониям. После окончания третьей Пунической войны в 146 г. до н.э. они в том же году завоевали Македонию; в 133 г. до н.э. – Пергамское царство в Западной Азии; в 121 г. до н.э. – Нарбонскую Галлию на юге современной Франции. К 100 г. до н.э. северные регионы Средиземноморья от Испании до Сицилии (в древности область в Малой Азии (юг современной Турции). – *Прим. ред.*) в Анатолии принадлежали Риму или контролировались Римом, то же относится к району Карфагена в Африке.

При расширении своего влияния римляне встретились на севере с местными племенами варваров и пережили два события, которые они никогда не могли забыть: «Фурор Галликус», или захват и разграбление Рима галлами (кельтами) под руководством Бренна в 390 или 387 г. до н.э., и «Фурор Тевтоникус», когда кимвры, тевтоны и другие германские племена вторглись в северную Италию, угрожая существованию развивавшегося Римского государства в конце II в. до н.э. В конце концов государственная организация римлян показала свое превосходство, но только после радикальной реформы армии, проведенной полководцем Гаем Марием с целью создания дееспособного и преданного войска. После разгрома сначала тевтонов и других племен, а затем – кимвров захваченные племена были обращены в рабов и «пополнили» основу римского общества.

Это были серьезные конфликты, на века определившие ход римской истории. Чтобы упрочить свою социально-экономическую власть, римляне должны были завоевывать одну провинцию за другой и обращать в рабов десятки тысяч их жителей для поддержания своего собственного экономического и даже культурного развития и образа жизни. На севере большую важность имел поход Цезаря в 50-е гг. до н.э. Галлия была завоевана, германские племена отброшены до рейнской границы; Цезарь дважды вторгнулся в Британию, и на бывшей кельтской периферии были основаны новые провинции. Поэтому кажется логичным предположение географа Страбона, что линия римских интересов на периферии должна лежать от Черного моря вдоль северных склонов Карпатских гор до устья Эльбы. После Цезаря император Август пытался реализовать эту концепцию. Ему почти удалось организовать римскую провинцию «Германия» на несколько лет. Но затем эта цель окончилась неудачей из-за сопротивления германских племен под предводительством вождя германского племени херусков Арминия и при поддержке восставших племен Паннонии. Впоследствии, после смены пяти поколений Траян победоносно завершил борьбу с даками, но Германская провинция была потеряна в результате разгрома римской армии полководца Вара в битве, произошедшей где-то в пределах современной Германии (по некоторым сведениям – в Тевтобурском лесу. – *Прим. ред.*) в 9 г. н.э.

С этого времени северная периферия стала опять неконтролируемой опасной периферийной зоной для римлян. Взаимодействия продолжались, но вдоль границ (*лимес*) формировались и самоопределялись новые племенные организации. В некоторой степени в результате объединения они включались в Римскую империю как федераты (варварские племена, несшие военную службу на границе империй; получали для поселения приграничные земли и жалованье. – *Прим. ред.*). Но уже Маркоманская война во второй половине II в. (германских и сарматских племен с Римом в 166–180 гг. – *Прим. ред.*) во времена императора Марка Аврелия показала, что существовали две противоречивые тенденции, которые далее рассматриваются.

Германские племена пытались приобрести и использовать римские хозяйственные достижения, удерживая пленников во время длительных войн и набегов на римские территории. Римляне в то же время не могли полностью поработить побежденные племена, но они селили их на опустошенных территориях своей империи, в северной Италии в качестве *колониов*. Это был первый шаг к объединению с периферийными племенными сообществами во время и после Маркоманской войны в конце II в. Марк Аврелий, «философ на троне Римской империи», лично возглавлявший военные кампании против германских племен маркоманов, в пограничном лагере, расположенном в Карнунтуме, или Виндобоне (совр. Вена), на Дунае, в 170-е гг. сделал после многих лет безуспешных атак одну из последних своих записей: «Мы должны взглянуть на прошлое, на огромные изменения и исчезновение столь многих империй: на этой основе вы можете предсказывать будущее... Скоро земля поглотит нас; после этого сама она тоже преобразится и так далее до бесконечности!» Тем не менее Марк Аврелий и его преемники стабилизировали состояние границ и приостановили наступление германских и сарматских племен на несколько десятилетий. В 171–172 гг. в Карнунтуме, где Морава впадает в Дунай, в своем соглашении с племенем квады, союзниками маркоманов, Марк Аврелий поставил условие, что они должны, помимо прочих обязательств, вернуть на родину римских пленников и беженцев. Около 13 тыс. человек следовало репатриировать немедленно, остальных позднее.

Эти сведения дают некоторое представление о численности римлян, поработанных всего одним германским племенем; они могли быть захвачены как воины или ремесленники, или, возможно, они искали убежище, бежав из своего собственного общества. Эти пленные или беженцы были включены в племенное общество на правах членов, хотя им и не полностью предоставлялись племенные права, но с ними обращались скорее как с людьми, а не с рабами, как сообщает Тацит еще в конце I в. н.э. Кажется, большинство из них не желало, чтобы их вернули в Римскую империю. У них была возможность организовать свою жизнь лучше, чем при римском правлении. Поэтому римлянам было трудно реализовать требование об их репатриации. Племена на периферии получали выгоду от сохранения пленников. Они до некоторой степени включили ремесленников и специалистов в свою собственную периферийную общественную систему.

На следующем этапе римляне для защиты своих границ начали приглашать и нанимать первоначально с периферии племена, которые со второй половины VII в., селились как федераты в пределах границ Римской империи. В таких условиях начался новый период взаимоотношений между центром и периферией, период объединения и сосуществования, сначала под римским правлением, но вскоре под управлением вождей и правителей племенных сообществ.

Варвары стали членами Римской империи, и их стиль жизни стал казаться некоторым писателям, включая христианских священников, более привлекательным, чем

прежде. При таких обстоятельствах Салвиан из Марселя так писал приблизительно в 440 г. о ситуации в Галлии и германских провинциях (книга 5, раздел 5):

«Всегда бедных грабят, вдовы стонут, сирот топчут ногами настолько, что многие из них (а они неплохо происхождения и получили хорошее образование) предпочитают бежать к врагу, а не погибать от боли публичного наказания. Они ищут среди варваров достоинство римского правления, потому что они не могут выносить варварского недостойного поведения римлян. Хотя эти римляне отличаются по религии и языку от варваров, к которым они бегут, и отличаются от них в отношении чистоты тела и одежды, тем не менее, как я сказал, они предпочитают принимать поклонение варваров, непохожих на них самих, чем терпеть крайнюю несправедливость среди римлян. Поэтому они перемещаются вдале и вширь на большие расстояния либо к готам, либо к багаудам или куда угодно к другим могущественным варварам; и все-таки они не раскаиваются в том, что уехали. Они предпочитают жить как свободные люди, хотя и считается, что они пленники, чем как пленники при видимости свободы. Поэтому честь именоваться римским гражданином, когда-то не только высоко ценящаяся, но и покупаемая высокой ценой, ныне отвергается, и от нее бегут...».

В результате римские рабы и ремесленники включались в состав исходных племенных сообществ и не желали возвращаться. Эта тенденция продолжалась, так что вне общества, основанного на рабстве, на периферии у людей, живших в примитивных условиях, развивалось новое общество, сохранившее в себе все прогрессивные черты, сформировавшиеся в старом обществе, но без рабской эксплуатации, которая была обычным явлением в условиях Римской империи.

Если попытаться определить периоды развития взаимоотношений между центром и периферией вокруг Средиземного моря, то можно выделить следующие глобальные периоды:

- период исследования более глубокой периферии и эксплуатация ближайшей периферии путем торговли рабами и захвата рабов. Экспедиция Питеаса в 330-е гг. до н.э. означала конец этого периода и начало нового;

- покорение населения на ближайшей периферии – кельтов, жителей Норика (римская провинция между верхним течением Дравы и Дуная. – *Прим. ред.*), паннонцев, иллирийцев и обитателей частей Фракии вслед за формированием римских провинций в этих регионах;

- период агрессии против германских племен с конца I в. до н.э., против кельтов в Британии с 43 г. н.э., против даков с 103 г. н.э. и против маркоманов в 160-е гг. н.э. Племена и племенные царства на более отдаленной периферии подвергались нападениям с конца I в. до н.э.;

- после Маркоманской войны Марка Аврелия последовал почти столетний период равновесной ситуации. Существовали продолжительные конфронтации вдоль границ от северной Британии и нижнего течения Рейна до Дуная и побережья Черного моря в период с конца III в. и приблизительно до 378 г.;

- вторжение ключевых племен гуннов в 375 г. во время глубокого внутреннего кризиса в античном средиземноморском обществе создало историческую ситуацию, приведшую к фундаментальным изменениям. Многие племена северной периферии, организованные в племенные объединения, которые во многих случаях были покорены гуннами, вторглись в империю. Возникли первые племенные королевства, такие как королевство вандалов в Северной Африке в 429 г., государство гуннов с конца IV в. в Паннонии, королевство бургунов в районе города Вормс в долине Рейна, Франкское государство в нижнем течении Рейна, королевство вестготов в Испании и т.д.;

- в конце V в. Западная Римская империя распалась. В 476 г. последний римский император Ромул Августул был свергнут с престола и начался подъем соперничавших племенных королевств, унаследовавших традиции римской культуры и цивилизации и обращенных в христианство (см. гл. 4).

АФРИКА

В рассматриваемый период времени Африка представляет собой интересную область, в которой можно изучить процессы передачи культуры внутри и между группами населения. Исследование осложняется огромным разнообразием природных условий и толкований свидетельств, на которых основывается реконструкция древних африканских культур. С одной стороны, как в долине Нила, мы иногда имеем дело с обществами, среди которых была распространена грамотность и которые оставили нам сложный ряд документальных свидетельств. С другой стороны, исследования могут относиться к совершенно неграмотным народам, как на большей части континента к югу от Сахары, наши знания о которых получены исключительно из данных археологии о доисторическом прошлом человечества, дополненных для некоторых территорий историко-лингвистическими данными, приведенными в других главах. Когда мы рассматриваем вопросы передачи культур, важно иметь в виду как большую неполноту исследований, которые до сих пор были предприняты в Африке, так и разную значимость реконструкций, которые могут быть сделаны на очень разнородном по происхождению материале.

Как и в более древние периоды, Египет большую часть I тысячелетия до н.э. формировал общую часть африканской культурной сети. Многие из факторов, лежавших в основе египетской цивилизации, были общими и для соседних регионов Африки, и, безусловно, для соседних регионов Азии. Однако основу египетской цивилизации формировали многочисленные факторы, включающие концентрацию населения в Египте, наличие богатых ресурсов и сложность общественно-политических отношений, внесшие свой вклад в технические и интеллектуальные преимущества Египта перед другими регионами. Зная природу этих факторов и попытки их исследования, мы имеем значительно больше сведений о египетской культуре, чем о культурах других регионов Африки. Хотя и нельзя ни на минуту сомневаться в том, что Египет был в те времена гораздо более развитой частью Африканского континента, ясно, что существовала заметная тенденция к преувеличению его исключительности.

Связанные с этим, но реже обсуждаемые трудности встречаются при попытках оценить отношения между финикийцами, греческими или римскими колонистами на побережье Северной Африки и местным берберо-ливийским населением. Подобно многим сменявшим друг друга колонистам африканских территорий, эти сообщества ощущали свое родство со своей неафриканской родиной и даже после нескольких сменявшихся поколений пытались подчеркивать свою культурную изоляцию от местных соседей. С другой стороны, влияние колонистов на аборигенов становилось все более всесторонним в экономике, технике, религии и языке (см. гл. 14). Вполне естественно ожидать, что интенсивность этого влияния сильно изменялась, оно больше затрагивало более богатых местных жителей и тех, кто жил поблизости от колониальных поселений. После нескольких веков такого контакта вряд ли следует удивляться, что значительное число берберо-ливийцев окультурились в достаточной степени, для того чтобы полностью влиться в римское общество. В пределах Римской империи многие ранее покоренные люди получили гражданство, и кульминацией этого про-

цесса в конце II в. н.э. стало появление во главе Римской империи африканца Септимия Севера.

Между Египтом и другими частями Северной Африки на протяжении римского периода можно наблюдать интересный контраст. В Египте, с его гораздо более сильными традициями централизованной власти и цивилизации, основанной на грамотности, именно римская культура приспособилась к культуре местных жителей, а не наоборот.

Определенные параллели можно провести между положением покоренных народов по отношению к древним североафриканским колонистам и положением нубийцев в долине среднего течения Нила. Для Нубии была характерна тенденция к культурной зависимости от Египта, хотя сильные местные элементы в нубийской культуре раньше часто недооценивались. Политически, конечно, картина была более сложной, и фараоны 25 династии в Египте были нубийцами. Этот южный регион имел огромное значение для Египта и как буферная зона против возможной агрессии, и как источник ценного сырья, особенно золота и слоновой кости. Тем не менее примечательно, что в течение всего этого периода распространение элементов египетской культуры в действительности ограничивалось только пределами самой долины Нила; кочевники-пастухи, жившие вблизи, в узкой полосе за рекой, продолжали вести свой традиционный образ жизни, действительно не затронутый контактами с Египтом и другими влияниями. Эта ситуация несколько изменилась, когда Нубия стала христианской, но даже тогда контакты между долиной и внутренними территориями скорее всего были минимальными.

Далее на востоке, в высокогорьях Северной Эфиопии, до середины I тысячелетия до н.э. были установлены различные контакты. Имеется явное археологическое свидетельство прибытия колонистов с юга Аравийского полуострова, которые ввели новые стили архитектуры и монументальной скульптуры, а также использование слогового письма для надписей. Одновременно появилось поклонение лунному божеству арабов, и, возможно, применялся семитский язык. Археологи до сих пор обнаружили очень мало данных о коренных эфиопских народах, которые встречались с этими южноаравийскими колонистами, так что трудно оценить, насколько их образ жизни изменился в результате контактов с вновь прибывшими. Примечательно, однако, что характерные изделия пришельцев были обнаружены сконцентрированными в сравнительно немногих местах, поэтому предполагается, что колонисты были не очень многочисленны. Разумно предположить, что более урбанизированная по-настоящему цивилизация Аксумского царства, развившаяся в той же самой области Северной Эфиопии во II и III вв. н.э., представляла собой соединение местных элементов с другими, привнесенными с юга Аравийского полуострова.

С I в. н.э. морские торговцы из Египта (в это время провинция Римской империи) часто бывали в портах Красного моря по пути в Индию и к восточному побережью Африки. Имеются некоторые сведения об их деятельности в документальных источниках, но из них в основном лишь следует, что они регулярно проникали на юг вплоть до современного Дар-эс-Салама, а каких-либо археологических следов такого пребывания иноземцев к югу от мыса Гвардафуй (на полуострове Самали) не найдено.

Исследования истории африканской культуры I тысячелетия до н.э. часто отмечены противоречивыми мнениями относительно начала обработки металла, особенно железа, в регионах к югу от Сахары. Были предложены некоторые гипотезы о распространении этой технологии по долине Нила из Мероитского царства, через Сахару из финикийских колоний в Западную Африку, или о полностью независимом развитии этой технологии из

известных древних центров обработки меди в Нигере и Мавритании.

Поскольку о большинстве областей Африки преобладают очень неполные археологические знания, нет причин полагать, что металлургия процветала в определенных центрах. На самом деле, есть явные указания на то, что ее распространение не было так ограничено, что соответствующие знания были широко распространены в области между излучиной р. Нигер и оз. Виктория в средние века I тысячелетия до н.э. Следует иметь в виду, что, особенно на этих открытых пространствах, люди со своими знаниями быстро передвигались на огромные расстояния, о чем свидетельствует дальнейшая история.

Можно с уверенностью заключить, что обработка металла действительно началась в очень короткий период времени на очень широкой территории африканской саванны, лежащей к югу от Сахары и к северу от экваториальных лесов. Нет указаний на то, что эта практика была просто заимствована из какого-либо одного «центра» в области Сахары или технология была в полной мере иноземной. Ее сложность и искусность свидетельствуют как о длительном периоде местного развития, так и о существенном местном творчестве. Фактор вышеупомянутой мобильности людей делает априори недоказуемым положение о том, что никто на юге Сахары не мог иметь каких-либо знаний о современных технических достижениях, включая металлургию, которыми пользовались люди в других регионах. Было бы неразумно утверждать, что развитие металлургии в Африке к югу Сахары было полностью местным явлением, не испытавшим ни малейшего влияния извне; в равной степени ошибочно было бы предполагать, что это искусство было просто завезено на эти широты из более северных мест. Чего нельзя отрицать и что во многих отношениях является более важным – это скорость и масштаб, с которыми металлургия вошла в практику на широкой территории Африки южнее Сахары, и сильный элемент местного творчества, который явно виден в этой технологии.

Аналогичную точку зрения можно принять в отношении распространения пастбищного скотоводства и земледелия в южной половине Африки. На большей части континента к северу от экватора эти виды хозяйства существовали задолго до I тысячелетия до н.э. у людей, еще не знавших об обработке металла. Явно противоположная ситуация преобладала далее к югу, где использование окультуренных растений и одомашненных животных, скорее всего, началась приблизительно одновременно с обработкой металла, примерно с 500 г. до н.э. до 200 г. н.э. Эти новшества отразились на стиле жизни, технологии и культуре, что заметно контрастировало со стилем жизни, технологией и культурой народов, использовавших каменные инструменты, занимавшихся охотой и собирательством и населявших южную половину континента в более древние времена и в той или иной степени на протяжении большей части I тысячелетия н.э.

Несмотря на все трудности недавней ситуации с исследованиями, теперь становится возможным утверждать, что удобная точка зрения о том, что начало земледельческого хозяйства в Африке к югу от экватора было обусловлено только быстрым расселением одной группы народов, говорящей на языке банту, является наивной и упрощенной. Она была во многом обусловлена ограниченностью археологических исследований, принятых к тому времени, и нашим незнанием природы культурных изменений (включая распространение языков) в обществах, не имеющих письменности.

Следует обратить внимание на несколько факторов. Во-первых, не следует преувеличивать скорость, с которой принимался земледельческий образ жизни. Представляется, что этот процесс происходил на протяжении жизни от двадцати пяти до тридцати поколений, прежде чем достиг

наиболее широкого географического распространения, и за ним последовал период закрепления достижений, сравнимый по длительности с предыдущим. Трудности точной датировки радиоуглеродным методом в этом временном отрезке могут означать, что потребовавшийся период на самом деле был несколько дольше. Во-вторых, представляется действительно верным, что одомашненные растения и животные, от которых зависела жизнь древних фермеров, относились к видам, которые вначале были одомашнены в более северных регионах и впоследствии были переняты в этой форме более южными народами. Последнее и наиболее важное: мы начинаем распознавать определенные местные вариации в природе и плотности древних земледельческих поселений и, таким образом, во взаимодействии, которое должно было происходить между фермерами и теми из их современников, которые еще не вели новое хозяйство и не пользовались новой технологией.

Мы не можем делать детальных заключений. Тем не менее ясно, что многие характеристики образа жизни, включающего земледелие и применение металла, которые были восприняты в субэкваториальном поясе Африки, ведут свое происхождение из более северных регионов и что их предшественников можно обнаружить в поясе саванны к северу от экваториальных лесов, являвшегося, как было показано выше, центром металлургии. Делая такое обобщение, нельзя недооценивать вклад народов экваториальных лесов, особенно в сфере незернового сельского хозяйства.

Гораздо более трудным является вопрос, как передавался образ жизни на более южные территории. Хотя передвижение населения и демографический рост должны были сыграть определенную роль, но рассматривать эти явления как единственное объяснение было бы нереалистичным. Различное плодородие земли должно было ускорять этот процесс, особенно имея в виду контраст между высокоплодородными регионами Восточной Африки и гораздо более бедными природными условиями на юге, где на некоторых территориях традиционные методы земледелия могли обеспечивать пищей только население, эквивалентное одной сотой населения региона, жившего на сравнимой по площади территории вокруг озера Виктория или на плодородных вулканических почвах центральной Кении. Хотя причины передвижения населения можно, таким образом, понять, но оно явно происходило не в направлении незаселенных областей. Взаимодействие между вновь пришедшими людьми и местными племенами должно было происходить, хотя заслуживает внимания вопрос, как малая технологическая преемственность может быть отражена в археологической летописи региона. Это не означает, однако, что в сообщества вновь пришедших народов не вливалось большое число местных жителей.

Несколько иной процесс, по-видимому, обусловил появление домашней овцы на самом юго-западе Африки около 2-х тыс. лет назад. В данном случае представляется, что стадные животные были заимствованы у вновь пришедших племен аборигенами северной Ботсваны или прилегающих регионов и уже ими переданы наряду с некоторыми технологическими знаниями далеко на юго-запад за пределы территории, на которой обосновались пришедшие земледельческие народы.

Как будет далее показано, Африка предоставляет многочисленные и разнообразные возможности для исследования культурного разнообразия. В то время как в прошлом такие возможности часто рассматривались в упрощенных понятиях миграции и рассеивания, сейчас мы начинаем осознавать всю сложность сопутствующих процессов и взаимодействий. Это понимание достигается благодаря сочетанию документальных, археологических и историко-лингвистических исследований; все они по-своему вносят вклад в более полное и богатое понимание прошлого Африки.

АМЕРИКА

Два центральных понятия, традиционно применяемые в археологии Нового Света, появившиеся в результате исследований доисторической эпохи в Старом Свете, – расселение людей и ключевые регионы. Дополнительное понятие, впервые разработанное в Новом Свете и позднее примененное к некоторым регионам Старого Света, в частности к Африке, – это понятие культурной области.

Культурная область – это очень большой регион, населенный большим числом политически и социально автономных обществ, которым присуща общая культура. Несмотря на то что для культур отдельных обществ в таком регионе характерны особые стилистические различия, если рассматривать их с более широкой типологической точки зрения, то можно отметить большое сходство. Оно частично обусловлено тем, что природные условия, а следовательно, и доступные ресурсы на территории такого большого региона имеют некоторое сходство и люди, живущие в нем, используют их очень похожим образом. Более того, любые новшества в технологии, которые появляются в таком регионе внутри отдельной социальной группы, с большой вероятностью распространяются быстро и широко по всей культурной области, поскольку по своим характеристикам они изначально приспособлены к применению именно в этом регионе.

Рассматривая культурное развитие в целом, становится ясным, что не только внутри культурных областей, но и на значительно больших пространствах, таких как весь двойной континент Нового Света, некоторые местности развивались быстрее других. Культурные достижения таких областей быстро проникают в окружающие регионы. Это происходит потому, что некоторые культурные элементы или идеи оказываются полезными в широком ряде природных условий, например керамика для изготовления сосудов, в которых можно хранить продукты, металлические инструменты и некоторые виды сельскохозяйственных растений. Эти необычайно развитые территории называются ключевыми областями или ключевыми регионами.

Два региона Нового Света – Центральная Америка и Центральные Анды были территориями, на которых существовали наиболее развитые культуры ко времени появления здесь европейцев. «Наиболее развитыми» эти культуры были потому, что их обладатели имели более разнообразный и более тщательно выполненный технический инвентарь, жили более крупными сообществами, между членами которых наблюдалась большая внутренняя дифференциация в отношении к власти, богатству и роду занятий. На основе этих исключительных особенностей развития в таких обществах очень рано формировалось высокоразвитое сельское хозяйство, основанное на большом разнообразии видов растений, но в основном сосредоточенное на нескольких основных видах, таких как кукуруза, маниок, белый картофель. Большая часть этого широкого комплекса высокопродуктивных видов растений была получена в результате одомашнивания диких видов, главным образом в тех двух областях, которые были центрами цивилизации в 1519 г., а также, возможно, в третьей области – на низменностях у побережья Карибского моря в северо-западной части Южной Америки. В Северной Америке исследования дают все больше свидетельств о том, что некоторые дикие растения (подсолнечник, гусиные лапки (goose-foot), болотная бузина) были или одомашнены или, по крайней мере, ими занимались независимо от процесса развития сельского хозяйства в тропических районах, но они не были основными пищевыми культурами и позднее были заменены кукурузой, распространившейся в этой области из Центральной Америки.

Во всех периферийных регионах, куда проникал комплекс тропических земледельческих культур, т.е. на севере Мексики, в бассейне реки Амазонки и в Южных Андах, а также в указанных трех областях добавление этих видов

растений в практику земледелия приводило к преобразованию местных обществ и их культур. Тем не менее развитие после введения этих культур можно легче понять как местный и внутренний процесс. В восточной части Соединенных Штатов, например, к 200 или 300 г. до н.э. комплекс исконно местных культур, а также распространившихся тропических культур в сочетании с охотой и собирательством обусловил установление хозяйства, которое вело к расслоению общества. Ни один археолог – специалист по восточной части Соединенных Штатов не может объяснить проявившийся здесь принцип расслоения общества и возникновение классового общества иначе как заимствованием его из Центральной Америки. Процесс эволюции общества был явно локальным. Такое же обобщение можно даже в большей степени применить к другим видам технологии, таким как керамика. Керамика появляется в Центральной Америке, прибрежных долинах Карибского моря в Колумбии, долинах на тихоокеанском побережье Эквадора и в юго-восточной части Соединенных Штатов почти одновременно, между 3000 и 2000 гг. до н.э., и не существует убедительного доказательства того, что ее появление в этих регионах исторически связано. По-видимому, развитие керамики происходило в условиях оседлого образа жизни, и в некоторых местностях оно основывалось на земледелии, а в других – на высокопродуктивной охоте и собирательстве. Хотя в юго-восточной части Соединенных Штатов керамика появилась значительно позднее, около 300 г. до н.э., не существует абсолютно убедительного свидетельства, что ее появление здесь не было обусловлено местным развитием. Некоторые археологи, занимающиеся юго-западом США, могут приписать ее появление некоторой местности на северной границе Центральной Америки. Что касается бассейна Амазонки в Южной Америке, то почти достоверно известно, что керамика была завезена в этот регион извне. Однако даже в тех случаях, когда керамика была откуда-либо привнесена, последующее развитие этого искусства в регионе становилось независимым процессом.

Что касается металлургии, то имеются явные свидетельства распространения ее из единого очага в Центральных Андах. Металлургическое производство появилось приблизительно в начале рассматриваемого нами периода, достигло Северных Анд и прилегающих низин у Карибского бассейна вскоре после начала I тысячелетия н.э., несколько веков спустя, примерно к концу нашего периода, появилось в Центральной Америке и, наконец, достигло Мексики приблизительно между 800 и 1000 гг. н.э. Это наиболее яркий пример распространения новшества между культурными областями, включающего не только использование металлов, но и применение технологий.

В целом меньшая роль распространения технологии по континенту в предьстории Нового Света по сравнению со Старым Светом обусловлена главным образом ограниченными возможностями перевозки грузов и техники перевозок в Центральной Америке. Ни в одной культуре Нового Света не было парусных судов, которые сделали такой прибыльной торговлю при дальних странствиях в Старом Свете. Вследствие этого торговые сети были значительно меньше, в основном ограничивались лишь зоной культурной области, и не было ничего, хотя бы приближающегося к географическому размаху торговых сетей, установленных цивилизациями Старого Света. Даже несмотря на то что металлургия как ремесло распространялась из Центральных Анд исключительно через соседние культурные области, достигнув в конце концов Центральной Америки, никаких металлических предметов, изготовленных в Андах, в Центральной Америке не было найдено. В Новом Свете впоследствии роль ключевых областей на широком континентальном уровне как факторов распространения культур была значительно скромнее, чем в Старом Свете. Однако внутри культурных

областей распространение было главным процессом, объясняющим очень многое в культурном единообразии культурной области. Торговля на дальние расстояния, преимущественно экзотическими товарами, была главным фактором, который привел к распространению социальных контактов внутри культурных областей.

Распространение культур внутри областей и ключевые регионы

В Центральной Америке к 600–500 гг. до н.э. на большей части культурной области существовало расслоение обществ различного масштаба и сложности, а к I тысячелетию н.э. – на всей этой территории. Каждый из этих местных регионов имел свой отличительный стиль построек, керамики, каменной скульптуры и других искусств и ремесел. До начала I тысячелетия н.э. существует мало свидетельств о необычайно раннем развитии прогрессивности этих мест. В то же время в нескольких ограниченных областях, таких как долина Мехико на Мексиканском нагорье, где появился Теотиуакан – самый большой город в Новом Свете; в высокогорной долине Оахака с исключительно высокоразвитым сообществом в Монте-Альбана и цивилизации равнинных майя происходило необычайно примечательное развитие. Один из центров – Теотиуакан, видимо, проявлял высокую активность, и стиль его произведений, включая архитектурные постройки и керамику, широко распространился среди правящих классов многих местных регионов, включая области равнинных майя, высокогорья и тихоокеанское побережье Гватемалы, юг современного мексиканского штата Веракрус и до определенной степени высокогорную Оахаку.

Во всей культурной территории Центральной Америки характерные черты и особенности стиля какого-либо региона или области легко переходили в другой. Главным механизмом этого распространения была, видимо, торговля тем, что Марвин Харрис (*Marvin Harris*) назвал драгоценностями, т.е. либо сырьем, либо готовыми изделиями, которые использовались высшим классом как символы его статуса в более расслоенных обществах или высокопоставленными членами обществ с меньшей степенью расслоения внутри данной области. Единственным исключением из этого правила был обсидиан, который благодаря легкости обработки мог производиться в массовом порядке и, следовательно, был доступен почти всем. Теотиуакан был расположен недалеко от одного из основных мест добычи обсидиана, и в большой степени его развитие как города основывалось на расширении этого ключевого производства и практически монопольной торговле обсидианом.

Ситуация в Центральных Андах была сходна с ситуацией в Центральной Америке, где развивалось множество местных региональных культур и происходил обмен их элементами. Многие из местных регионов характеризовались крайней политической раздробленностью, и конфликты и войны между этими государствами были распространенным явлением. К концу рассматриваемого периода развитие привело к более широким политическим формированиям. На северной части побережья одна из региональных культур – мочика стала государством с населением в сотни тысяч людей, которое существовало в течение нескольких столетий. К концу этого периода развились два крупных царства, или империи, одна – в южной, другая – в центральной части высокогорий. Одно из этих государств сосредотачивалось вокруг Тиауанако на южных высокогорьях Боливии, и к концу рассматриваемого периода большая часть южных высокогорий Перу, высокогорья Боливии и части Аргентины и Чили были объединены в единое крупное государство с центром в Тиауанако. Иконографические символы Тиауанако религиозного и политического значения и особый стиль их изображения

широко распространились в производстве тканей, керамики и металлических изделий. Группа, отколовшаяся от Тиауанако, по-видимому, переселилась далеко за пределы империи и поселилась в Центральном Перу, в местности под названием Уари. К концу рассматриваемого периода эта группа основала мощное независимое государство, которое в 800–1000 гг. стало крупнейшей империей в истории Анд, которую превзошла только цивилизация инков в XV в.

В восточной части Соединенных Штатов хоупвеллский феномен (хоупвелл – этническая группа, с которой связано окончание древнего периода истории Америки. – *Прим. ред.*) очень хорошо объясняет некоторые из пройденных там этапов развития. Есть явные свидетельства того, что к 1000 г. до н.э. необычайно благоприятная экологическая ситуация в некоторых местностях привела к частичному одомашниванию или, по крайней мере, к использованию некоторых видов диких растений в земледелии. Это способствовало переходу к хозяйствованию, основанному на сборе урожая, которое уже почти полностью совпадает с земледелием, поскольку дает избыток продуктов и ведет к оседлости. В течение периода с 1000 г. до н.э. до первых веков н.э. в этой местности распространились три тропические культуры – кукуруза, бобы и кабачки, обогатив пищевой рацион местных жителей, хотя нет свидетельств об использовании кукурузы как основной культуры. Использование кукурузы в качестве основной культуры и развитие полностью земледельческого хозяйства появились значительно позже конца рассматриваемого периода. Помимо экономического развития, приблизительно в 200 г. до н.э. в ряде долин крупных рек появился так называемый хоупвеллский феномен. Его наиболее сложные проявления были обнаружены в долине реки Сайото и нескольких соседних местностях, где в настоящее время расположен штат Огайо. Среди новшеств здесь были очень большие восьмиугольные, круглые или прямоугольные в плане постройки из глины, связанные между собой широкими улицами, иногда огражденные насыпями. Геометрические формы придавались и погребальным холмам для захоронения высокопоставленных лиц, с искусными погребальными дарами внутри захоронений. Некоторые из этих даров были выполнены из экзотических материалов, таких как слюда из Теннесси, медь с Великих Озер, обсидиан из Вайоминга и раковины с берегов Мексиканского залива; на них были выполнены орнаменты в весьма своеобразном стиле; видимо, их носили высокопоставленные лица, и они сопровождали своих хозяев и после их смерти. Вместе с этими дарами были найдены керамические сосуды местного изготовления, выполненные в особом стиле специально для погребальных церемоний, а также красивые керамические и резные каменные табачные трубки.

Очевидно, из этой ключевой области некоторые товары и своеобразный стиль широко распространялись по большей части долины Миссисипи. Широко распространились могильные курганы, а также связанные с ними обычаи, возможно, появившиеся из этого центра. Явно большая часть востока Соединенных Штатов была, по мнению некоторых археологов, «сферой взаимодействия». Здесь можно выявить полную параллель с событиями на востоке Соединенных Штатов, связанными с распространением стиля чавин (археологическая культура конца II – первой половины I тысячелетия до н.э. в Перу. – *Прим. ред.*) в Центральных Андах и цивилизации ольмеков (культура индейцев II–I тысячелетий до н.э. – начала н.э. в Мексике) в Центральной Америке в период, непосредственно предшествующий тому, который рассматривается в данном томе. Вероятно, механизмы и цели распространения в этих случаях весьма похожи. Здесь на больших территориях явно проявляется возникновение обществ с различной степенью расслоения и желание лиц высокого ранга приобретать экзотические товары как показатели их высокого социально-

го положения. На востоке Соединенных Штатов, несмотря на то что некоторые элементы культуры происходили из Центральной Америки и составляли экономическую основу местных культур несколько большего потенциала, процессы роста, последовавшие за освоением этих элементов, были полностью местными и внутренними.

БИБЛИОГРАФИЯ

- СТАВИССКИЙ, Б., 1977. Кушанская Бактрия. – М.
- ALIAN, W. 1965. The African Husbandman. Edinburgh.
- ALTHEIM, F; STIEHL, R. 1970. Geschichte Mittelasiens im Altertum. Berlin.
- ANFRAY, F. 1990. Les anciens éthiopiens. Paris.
- BASHAM, A. L. (ed.). 1975. A Cultural History of India. Oxford.
- BOWMAN, A. K. 1986. Egypt after the Pharaohs. London.
- CASSON, L. 1989. The Periplus Maris Erythraei. Princeton.
- CUNLIFFE, B. 1988. Creeks, Romans and Barbarians. Sphere of Interaction. London.
- DANI, A. H.; MASSON, V. M. 1992. History of Civilizations of Central Asia. Vol. I. Paris.
- EHRET, C.; POSNANSKY, M. (eds). 1982. The Archaeological and Linguistic Reconstruction of African History. Berkeley.
- GÖBL, R. 1967. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden. 4 vols.
- GROUSSET, R. 1939. L'empire des steppes. Paris.
- HAMBIS, L. (ed.). 1977. L'Asie centrale. Paris.
- HAMBLY, G. 1966. (ed.). Zentralasien. Frankfurt, a/M.
- HARMATTA, J. 1979a. (ed.). Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest.
- 1979b. (ed.). Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest.
- 1984. (ed.). From Hecataeus to al-Huwarizmi. Budapest.
- HUISEWÉ, A. F. P.; LOEWE, M. China in Central Asia: The Early Stages, 125 BC–AD 25. Leiden.
- KI-ZERBO, I. 1981. General History of Africa. Vol. I. Paris.
- LAW, B. C. 1954. Historical Geography of Ancient India, Paris.
- LEVI, S. 1938. L'Inde Civilisatrice. Paris.
- LUMBREAS, L. 1974. The Peoples and Cultures of Ancient Peru. Washington D.C.
- MCGOVERN, W. M. 1939. The Early Empires of Central Asia. Chapel Hill.
- MCINTOSH, S. K.; MCINTOSH, R.J. 1988. From Stone to Iron: New Perspectives on the Later Prehistory of West Africa. Journal of World Prehistory, Vol. 2, pp. 89–133.
- MACNEISH, R. (ed.). 1967–1972. The Prehistory of the Tehuacan Valley. Austin. 4 vols.
- MOKHTAR, G. (ed.). 1981. General History of Africa. Vol. II. Paris.
- MOORE, R. J. (ed.). 1979. Traditions and Politics in South Asia. New Delhi.
- PORTER WEAVER, M. 1993. The Aztecs, Maya and Their Predecessors. 3rd edn. New York.
- PRUFER, O. 1964. The Hopewell Cult. Scientific American, Vol. 211, No. 6, pp. 90–102.
- ROWLANDS, M.; LARSEN, M.; KRISTIANSEN, K. (eds). 1987. Centre and Periphery in the Ancient World. Cambridge.
- SHARMA, R. S. 1968. Aspects of political ideas and institutions in ancient India. 2nd edn. Delhi.
- SHCHUKIN, M. B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe, 1st Century BC–1st Century AD. Pts I and II. Oxford, B.A.R.
- SINOR, D. 1990. (ed.). The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge.
- SPATE, O. H. K. 1964. India and Pakistan. London.
- SUBBARAO, B. 1956. The Personality of India. Pune.
- WATSON, W. 1971. Cultural Frontiers in Ancient East Asia. Edinburgh.
- WILLEY, G. 1971. South America: An Introduction to American Archaeology. Vol. 2. New York.
- YAZDANI, G. (ed.). The Early History of the Deccan. London/Bombay/New York.
- YUNNAN PROVINCIAL MUSEUM. 1983. The Chinese Bronzes of Yunnan. London.
- ZÜRCHER, E. 1958. The Buddhist Conquest of China. Leiden. 2 vols.

ИДЕОЛОГИИ И ПЕРВЫЕ МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

*Йоханнес Г. де Каспарис, Йоахим Херрманн, Тревор О. Линг,
Дэвид У. Филлипсон, Уильям Т. Сендерс, Ниниан Смарт,
Ромила Тхапар и Эрик Цюрхер*

Период, рассматриваемый в данном томе, стал свидетелем возникновения и раннего развития некоторых из величайших универсальных религий мира. Это почти всегда происходило в ключевых регионах. В то же время в периферийных регионах продолжали выживать разнообразные племенные идеологии и религии. Некоторые из них возникли, может быть, еще в период неолита; в последующие периоды они получили дальнейшее широкое развитие на племенной основе.

В древних племенных сообществах единственный специалист в любой области мог стать религиозным специалистом – шаманом. Наиболее развитые племенные общества имели своих жрецов, например друидов в кельтских племенах. Первоначально шаману отводилась врачевная роль: шаманы действовали как знахари и лекари для членов племени, но в ситуациях, когда всей группе угрожала опасность, они проявляли себя как врачеватели для всего общества. Шаманы могли, следовательно, играть роль лидеров в общих ритуалах, действуя в качестве посредников между людьми и высшими силами; при этом их роль становилась более сравнимой с той, которую можно с полным правом назвать ролью жреца. Тем не менее, помимо шаманства эти специалисты занимались еще чем-либо; они обычно не получали вознаграждения за свои услуги, но имели большое влияние среди людей своего племени, и, возможно, это было их главной мотивацией.

В обществах с появившимся расслоением политическое и религиозное лидерство часто сосредоточивалось у одного человека – вождя, который приобретал свое положение в племени по наследству. Фактически в основном этот престиж и власть проявились вследствие его роли руководителя и ведущего публичных обрядов. Обряды часто были посвящены предкам, и во многих случаях первым предком вождя объявлялось наиболее высоко почитаемое божество в иерархии сверхъестественных сил. Важнейшие события в жизни вождей были крупными ритуальными мероприятиями; они включали рождение, брак и в особенности похороны. Фактически наибольшие затраты усилий племени приходились очень часто на сооружение погребальных монументов умершим вождям.

В ключевых регионах основных цивилизаций многие первоначально племенные традиции идеологической и религиозной природы выжили, интегрировались в идеологию древних государств и даже империй: греческих полисов, Римской республики и ранней Римской империи или центров цивилизации Центральной Америки. С другой стороны, традиционная идеология и религия в этих цент-

рах исторического развития часто воспринимали философские идеи и теории.

Постепенно образование наднациональных или многоэтнических империй и социальные проблемы, возникавшие в этих империях, способствовали развитию надэтнических, надплеменных или даже мировых религий, которые претендовали на то, что они несут спасение всем людям безотносительно к их этническому происхождению или социальному статусу.

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Приблизительно до IV в. до н.э. (а в некоторых отношениях даже вплоть до IV в. н.э.) хронология южноазиатской истории все еще носит неопределенный и противоречивый характер – даже более в отношении идеологий, а не только политического развития. Некоторые допуски в отношении точности дат, приведенных в этом разделе, являются, таким образом, необходимыми.

К седьмому столетию до н.э. древняя ведийская (ведическая) религия, первоначально ограниченная пределами Пенджаба и северо-запада этого субконтинента, проникла во многие части долины Ганга и Западной Индии. В процессе распространения она менялась и приобрела некоторые характеристики, которым суждено было преобразоваться в раннюю форму индуизма. Одной из них была вера в возрождение после смерти в виде живого существа, не обязательно человека. Этот непрерывный цикл рождений и смертей, так называемая *сансара*, осуществляется по закону *кармы*, общей суммы совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, определяющей характер его нового рождения, перевоплощения. До определенной степени эта теория была предназначена для объяснения различий между всеми живыми существами, но в особенности различий, существующих между социальными слоями человечества. Этот принцип также вел к формулировке третьего понятия – об обществе, основанном на кастах и стадиях жизни (*варнаширамадхарма*). Эти ранние постулаты обусловили разделение общества на четыре варны (касты): *брахманов* (вначале жрецов), *кшатриев* (воинов), *вайшиев* (крестьян и торговцев) и *шудр* (всех остальных); позднее появилось деление общества тоже на четыре категории в зависимости от четырех стадий жизни: ученики, семейные люди, отшельники и бродячие аскеты.

Хотя древняя ведическая мудрость с ее гимнами и обычаями продолжала существовать – и существует по сей день, – появились проявления иных тенденций. С одной

стороны, можно отметить явную приверженность точно-му выполнению жертвоприношений и других ритуалов; с другой стороны, есть свидетельство неудовлетворенности столь формализованными ритуалами среди некоторых высших каст. Эта неудовлетворенность принимала различные формы. Так, можно заметить тенденции к выходу из сообщества и к сосредоточению на медитации и контроле над физическим телом в спокойствии леса *ашрам*, где аскеты и учителя жили маленькими группами на самообеспечение со своими учениками и последователями. В таком окружении развивались некоторые эзотерические доктрины (*араньяки* и *упанишады*), основанные на вольных интерпретациях ведических текстов или даже на новых идеях. Им суждено было стать основой различных философских систем. С другой стороны, некоторые круги отвергали ведическое наследие и основали новые идеологии. Такие процессы происходили особенно активно в областях, где ведическое общество подвергалось изменениям, особенно в древней Магадхе (современный штат Бихар).

Среди многих различных тенденций в VI и V вв. до н.э., известных в основном из джайнистских и буддийских текстов, важным по своей значимости были только четыре, и только одна – буддизм – развилась в мировую религию. Настоящие материалисты (*чарваки* – *Cārvākas*), которые отвергали не только Веды, но и существование души или любого принципа вечной жизни, может быть, были немногочисленны, но их влияние в таких областях, как политическая доктрина, не следует недооценивать. То же самое относится к другой тенденции мышления, а именно к крайнему детерминизму. Приверженцы этой точки зрения – *адживики* – рассматривали карму – «моральный поступок, определяющий форму будущих рождений» – как некий закон природы, который нельзя изменить никакими средствами. Хотя адживиков иногда упоминают в ранних средневековых источниках, они никогда не пользовались большим влиянием.

Третья секта, также возникшая в VI в. до н.э., – джайнизм – сохранила свою важность до наших дней. Махавира из северного Бихара разработал выдающуюся идеологию, которая по сравнению с индуистами или буддистами уделяла значительно большее внимание *ахимсе* – «ненасилию», или, буквально, «неубиванию» какого бы то ни было живого существа. Джайны не могли заниматься сельским хозяйством, так как оно сопровождалось непроизвольным убийством мелких животных. Они, следовательно, должны были искать себе иные средства к существованию, такие как торговля и различные виды ремесел. Важной частью джайнизма были различные формы аскетизма. Одна из сект приняла идею неприкосновенности настолько, что ее последователи перестали носить одежду и превратились в обнаженных нищих. Их теория причинно-следственных связей, «доктрина возможности», имеет почти современные формы, поскольку она гласит, что какая-либо частная причина не обязательно имеет определенный результат. На самом деле этот принцип имеет особую смысловую нагрузку в «законе» кармы, которая может иметь, а может и не иметь определенных последствий, согласно джайнизму.

Четвертая секта – буддисты – во многих отношениях заняла среднюю позицию. Они осуждают приверженность крайним точкам зрения (*антаграха*), считая это настоящим грехом. Поскольку и материя, и идеи, как они полагают, находятся в непрерывном потоке, то было бы совершенно неверно цепко держаться за этот мир. И все-таки эта точка зрения не вела человека к полному уходу от жизни, поскольку она применима только к «абсолютной правде», доступной только ничтожному меньшинству людей, которые достигли высокой степени совершенства. Для всех остальных надежным проводником в жизни должна быть «относительная правда», которая воспринимает материю и идеи

в той самой форме, в какой они им представляются. Высший буддийский идеал – нирвана – понимается как «невозможное» состояние, которое является ни существованием, ни несуществованием. Этот термин в разных вариантах объясняют как «отрешение» (от всего прилипчивого или желаемого) и как «блаженство» (т.е. освобождение от страдания, которое есть результат желания). В любом случае нирвана не является «освобождением» душ людей, поскольку несуществование вечной души, или *эго*, является одним из наиболее фундаментальных догм буддизма. Понятие «срединного» также приложимо к обществу. Буддизм не отвергает идею кастового общества, но избегает крайностей в ее толковании. Хотя существование каст приемлемо в буддизме, оно считается фактором, не имеющим отношения к достижению высших целей.

Успех буддизма обусловлен не только этими умеренными принципами, которые могут быть приемлемыми для большей части общества, но даже в большей степени – основанием монашеского класса общества (*самгха* или *сангха*), в котором все люди, включая женщин, могли найти «убежище» и вести образ жизни, который в конечном счете приводил к абсолютному блаженству нирваны. Сангха скоро трансформировалась в альтернативное общество, связанное своими собственными жесткими правилами дисциплины. В нем поощрялся экстремальный аскетизм, но особое внимание уделялось самоконтролю. В этом социальном обществе все члены обязаны были оставить все виды материального благосостояния и вести простую жизнь нищих, которые должны довольствоваться едой и одеждой, которую дает им общество. С другой стороны, монастыри могли приобретать и приобретали собственность, включая землю. Дары сангха принимал с благодарностью и похвалой за добродетельное благородное поведение. Сам Будда, после того как ему открылась Высшая Истина во время медитации под великим деревом Бодхи, деревом Просветления в городе Бодхгая (Южный Бихар), провел остаток своих лет (полстолетия, согласно легенде), скитаясь по стране, поучая людей и объясняя им свое учение. Королевские дворы, особенно в Магадхе и Кошале (штаты Бихар и Восточный Уттар-Прадеш), часто принимали его у себя, участвуя в дискуссиях и слушая его проповеди. Королевское покровительство было важным условием успеха буддизма и, можно добавить, не только в начальной фазе. В то время как статус и привилегии *брахманы* приобрели благодаря священной традиции, первым буддистам было трудно добиться королевского покровительства. После III в. до н.э. буддизм постоянно находился под таким покровительством.

Но не только короли были людьми, чьего покровительства искала буддийская коммуна, и даже не самыми важными людьми. Период возникновения буддизма, джайнизма и других движений был важным периодом для экономического развития. Возникновение крупных государств в долине Ганга, обеспечивавших определенную степень безопасности, стимулировало торговлю между различными частями субконтинента, но также и с центрами вне Индии. Это относится, в особенности, к государству Ахеменидов в Иране. Полагают, что к VI в. до н.э. развился процветающий класс торговцев, который проявлял интерес и брал под покровительство новые идеологии, такие как буддизм; эти идеологии давали покровителям более высокий социальный статус, чем это было возможно в ситуации, когда люди вокруг них руководствовались текстами брахманов о священных и социальных обязанностях.

Развитие в III в. до н.э.

Новые важные аспекты развития в буддизме появились в III в. до н.э., особенно при правлении короля Ашоки (около 270–230 гг. до н.э.). Будучи неоднократным свидетелем рез-

ни во время кампании в Калинге (современный штат Орисса), Ашока постепенно стал с энтузиазмом поддерживать буддизм. Король постепенно установил множество памятных камней и колонн с надписями, призывающими к миру и терпимости, которые составили основу его идеологии, описываемой как *дхамма*. Этот термин, пракритский эквивалент санскритского термина *дхарма*, различными авторами переводившийся как «добродетель», «священный долг» и «общественный порядок», был использован Ашокой при становлении его идеологии, которая действительно была системой социальных ответственностей, включающих уважение к старшим, заботу о больных и уважение к брахманам и *шраманам*, а также многие другие обязанности. Особенно подчеркивалось, что доктрина Ашоки, хотя и не противоречила буддийским учениям, ни в коей мере не совпала с буддизмом. С другой стороны, некоторые из его надписей и особенно легенда об Ашоке, начавшая складываться вскоре после конца его правления, не оставляет никакого сомнения в глубокой преданности Ашоки буддизму. Так, в одном из своих посланий он перечисляет несколько текстов, найденных в буддийском каноне, к которым он рекомендует прислушиваться своим подданным. Другой указ адресован конкретно к буддийской сангхе и гласит, что все общество должно оставаться единым, поскольку один из тяжелейших грехов – сеять раздор (*сангхабхеда*).

Идеалом универсального правителя (*чакравартина*) мог быть человек старше, чем Ашока, но этот король фактически был одним из очень немногих в индийской истории, который дожил до этого идеала. Он не только правил большей частью южноазиатского субконтинента и прилегающими территориями современного Афганистана, но он также пытался придать своему правлению идеалистический оттенок. В самом деле, Ашока придавал большое значение тому, что он обращался со своими поучениями к широчайшему кругу правителей, вплоть до преемников Александра, которые правили в Греции, Сирии, Египте и Иране. Позднее буддийская традиция также относит к Ашоке решение о посылке буддийских миссионеров на северо-запад (область Гандхара), в Суварнабхуми (Южная Мьянма) и в Шри-Ланку, где буддизм пустил крепкие корни и процветал до наших дней. Поэтому представляется весьма вероятным, что Ашока сделал первые усилия для преобразования буддизма в универсальную религию.

Как уже упоминалось, буддизм прочно обосновался в Шри-Ланке, где правитель Деванампия Тисса был обращен в буддизм и своим великодушным покровительством способствовал его распространению на этом острове. Постепенно буддизм стал господствующей религией для сингалов (сингалцев) в Шри-Ланке. В течение последующих столетий были построены многочисленные буддийские монастыри, а также три величественные ступы, возведение которых означало превращение древних городов Анурадхапур в центр буддийского мира. Южная ветвь священного дерева в Бодхгая, где Будда достиг Просветления, была привезена в Шри-Ланку, где была посажена в землю и выросла в изумительное дерево, посещаемое бесчисленными паломниками. В Южной Мьянме буддизм вначале укоренился среди народа *пью* в V в. н.э. (центр государства народа *пью* – г. Шриксетра около современного г. Пром) и позднее в Таиланде, Лаосе и Камбодже, но уже в периоды, выходящие за временные рамки данного тома.

Буддистские секты и начало махаяны

Распространение буддизма за пределами региона его зарождения сопровождалось появлением различных сект. Первоначально раскол в сангхе, буддийской монашеской общине, ограничивался вопросами отношения к дисциплине (такими как споры о том, позволительно ли монахам принимать деньги в качестве милостыни или держать не-

большой запас соли для улучшения вкуса пищи, принятой в качестве милостыни), но позднее появились важные разногласия в догматах веры. Несколько раз собирались буддийские советы для рассмотрения таких разногласий, но, как часто случается, на них лишь было подтверждено наличие различных точек зрения, и это привело к появлению сект. Этот этап развития был уже явно заметен в работе Третьего совета, состоявшегося во время правления Ашоки. Хотя, очевидно, многие разногласия имели философскую природу, они имели более широкое значение, особенно потому, что они стимулировали соперничество между сектами. В религии, опирающейся на щедрость имущих классов, особенно королевского двора, такое соперничество могло принимать серьезные формы.

Приблизительно в I в. н.э. буддийское сообщество разделилось на два основных течения: махаяна – «Великая колесница» и хинаяна – «Малая колесница». Чтобы понять суть этого разделения, необходимо вернуться к раннему буддизму. Объединение буддистов (*сангха*) в узком смысле состояло только из монахов и учеников (позднее также и монахинь), которые подчинялись строгим правилам дисциплины. Хотя материально сангха зависела от поддержки верующих мирян (*утасака*), последние не принадлежали к этому объединению. Уже на ранней стадии, вскоре после того как Будда достиг нирваны (что большинством современных ученых датируется 486 г. до н.э., хотя большинство буддистов придерживается традиционной даты – 544 г. до н.э.)¹, среди буддистов были такие, которые принимали мирян в объединение и поэтому называли себя «Великое объединение» (*Махасамгха*). Включение верующих мирян в сангху открыло это объединение внешним влияниям. Таким образом, возникло движение тех, кто, как многие индийцы, находились под влиянием идей о необходимости преданности высшему существу и рассматривали Будду как сверхчеловека (*локоттаравадин*).

Эта точка зрения, отличавшаяся от традиционного буддизма, но не обязательно конфликтовавшая с ним, привела к появлению теорий об истинной природе Будды. Чтобы объяснить, как Будда, хотя и сверхчеловек, мог вести себя как человек, была разработана концепция о трех телах Будды (*трикайя*), в основном на схоластическом уровне: хотя истинное тело есть сама буддийская доктрина (*Дхармакайя*), Будда создал «тела превращений» (*Нирманакайя*) для воплощения в человеческом обществе. Добавлено было также и третье тело – «тело наслаждения» (*Самбхогакайя*), которое позволяло поклоняющимся представлять Будду в небесном сиянии. И вновь, во многом благодаря индуистскому влиянию, блаженство Просветления контрастировало с нищенством существования. Материальный мир мыслился не только как непостоянный, но и как иллюзорный или несуществующий. Освобождение от этого жалкого состояния не могло быть достигнуто в одной жизни, а требовало накопления достоинств и мудрости в течение многих последовательных существований. Оно также требовало от верного буддизму мирянина произнесения торжественных клятв следовать по Пути, ведущему к высшей цели, и подчинить свою жизнь благотворительности и приобретению знаний. Фактически это был идеал бодхисаттвы (существа, стремящегося к Просветлению), который стал, возможно, наиболее важным положением махаяны и теоретически давал всем мужчинам и женщинам возможность самим достигнуть Просветления. Очевидно, большая часть таких доктрин и идей родилась в недрах буддизма. Тем не менее, когда буддизм распространился до северо-западных окраин субконтинента, он подвергся влиянию неиндийских (особенно иранских) верований, и некоторые элементы в доктрине махаяны вполне могут быть иранского происхождения.

Понятие о трех телах Будды создало возможность его скульптурного изображения. Как мы уже видели, раннее

буддийское искусство использовало для указания на существование Будды такие символы, как Колесо закона, но приблизительно в начале I тысячелетия н.э. появились первые статуи Будды, и изготовлены они были или в Гандхаре, где греческие прототипы, такие как статуи Аполлона, могли послужить моделью для создания статуй Будды, или, как теперь полагает большинство ученых, в Матхуре, к югу от современного Дели, где древние статуи *яксов* (первоначально – древесных духов) могли стать прямыми прототипами статуи Будды.

Распространение буддизма в Азии

К началу первого тысячелетия н.э. можно выделить две области, из которых буддизм начал распространяться в различные регионы Азии. С одной стороны, как мы уже видели, Шри-Ланка стала главным центром, где процветал и постепенно распространялся на большую часть юго-западной Азии монашеский буддизм, известный начиная с этого времени как *тхеравада* (учение старейшин). С другой стороны, процветало течение буддизма махаяна, особенно в северной Индии. Кушанский царь Канишка (около 75–100 гг. н.э. или, согласно многим историкам, полстолетия спустя) был видным покровителем буддизма; его империя состояла из северной Индии и, кроме того, частей Ирана и Центральной Азии. Канишка поощрял дальнейшее распространение этой религии. Поскольку буддизм стоял над кастовыми, классовыми и национальными различиями между людьми (как и ислам в более поздние времена), его легко могли принять различные народы. Кроме того, буддистов отличала терпимость по отношению к другим религиям: можно было стать верным буддистом, не отрекаясь от своей веры в духов или в индуистских богов. В некоторых частях Индии королевские дворы оказывали буддизму широкое покровительство, хотя и продолжали совершать индуистские ритуалы (отправляемые брахманами). С другой стороны, терпимость не была абсолютной: время от времени и буддизм, и джайнизм подвергались гонениям, хотя и несильным в отдельных местах, например в Кашмире, Бенгалии и Тамилнаде.

В этом была и сила и слабость буддизма в Индии. Наглядный пример можно видеть в истории штата Андхра-Прадеш в течение III в. н.э., когда королевская династия Икшваку покровительствовала монастырям и другим учреждениям многих буддийских сект в городе Нагарджуниконда и многих других местах. И все-таки сами короли, похоже, придерживались всех видов индуистских ритуалов, упомянутых в их надписях, не только при посвящении в королевский сан (*раджася*), но даже при жертвоприношении коня (*ашвамедха*); но при этом женщины из королевской семьи часто бывали важными покровителями буддийской сангхи. Такая практика поддержки обеих религий, обычная для правящих семей, не позволяла индуизму и буддизму резко отграничиваться друг от друга, хотя различия между ними были заметны. Более широкую поддержку буддизму оказывали представители каст, которые можно назвать средними кастами – торговцы, ремесленники и мелкие землевладельцы. Когда покровительство королевских дворов и этих групп ослабло, наступил кризис буддизма. Он не был государственной религией, и королевское покровительство не могло быть гарантировано. Похожий ход развития наблюдался и в других частях Индии, но не в Шри-Ланке, где все население или его большая часть была обращена в буддизм на ранней стадии развития и отношения между королевской властью и буддийской сангхой были очень близкими, причем сангха временами играла политическую роль.

Буддизм, как и ислам в более поздние времена, имел тесные связи с торговлей. Говорят, что при жизни Будды

торговцы тянулись к буддизму. Самый известный пример этого дает история Анатхапиндика, ростовщика (*шрестхин*) из Шравасты в Уттар-Прадеше, который финансировал торговые караваны на большие расстояния и таким образом стал одним из самых состоятельных людей своего времени. Говорят, что он пожертвовал Будде и его последователям большой парк Джетавану – место множества бесед Будды со своими сторонниками. Многие другие торговцы последовали его примеру. В некоторых историях о жизни Будды – *Джатака*, описывающих более ранние воплощения Будды, центральной фигурой является проводник каравана или капитан судна, который ведет тех, кто вверен его заботам, по безопасному пути перед лицом всех превратностей. Эта аналогия была воспринята индийцами как естественная приблизительно в I в. до н.э. или несколько позднее, когда Джатака были предположительно записаны. Некоторые из этих текстов даже упоминают столь далекие путешествия в Вавилон (*Баверу-джатака*) и так называемые Золотые земли или острова (Суварнабхуми или Суварнадвипа) в Юго-Восточной Азии. Морские путешествия из Красного моря, связанные с торговлей с Александрией и Римской империей, участились, когда мореплаватели составили график ветров-муссонов, способствующих более быстрому плаванию. Надписи в буддийских центрах в западном Декане напоминают о жертвованиях, сделанных чужеземцами, *яванами*; они также указывают на важность торговли и, кроме того, предполагают существование интереса к буддизму за пределами Индии.

Во многих случаях моряки везли с собой на судах изображения Будды, особенно Будды Дипанкара (его преддущее воплощение), веря, что это помогает усмирять волны во время шторма; эти скульптуры изображали стоящего Будду, его поза и руки выражали готовность к защите (*абхайамудра*). Такие статуи были обнаружены в различных частях Юго-Восточной Азии: в Южной Суматре, Восточной Яве (город Джембер), Западном Сулавеси (город Сампага) и Центральном Вьетнаме (Донгдунг). Во всех этих случаях статуи находили недалеко от берега, в одном случае (в Сампаге) – практически на берегу, что указывает на то, что она оказалась здесь в результате кораблекрушения. Существуют некоторые разногласия в датировке этих изображений Будды. Поскольку их стиль очень напоминает стиль Амаравати (город с остатками ступи и рельефов. – *Прим. ред.*) в Андхра-Прадеше (точнее – в штате Махараштра. – *Прим. ред.*), процветавший до конца II в. н.э., эти изображения считают ранними свидетельствами распространения буддизма в Юго-Восточной Азии. Однако недавние исследования показали, что такие скульптуры делали в Шри-Ланке на несколько столетий позже, так что статуи, обнаруженные в Юго-Восточной Азии, могли относиться к V или VI в.

Есть также несколько буддийских надписей в Юго-Восточной Азии, относящихся примерно к тому же периоду. Так, имеется интересная надпись на камне из Букит-Мериама, расположенного невдалеке от устья реки Сунгай-Муда в штате Кедах, Малайзия, рассказывающая о морском капитане Буддагупта, жителе Рактамрттика (это или монастырь в Бангладеш, или, что более вероятно, небольшое королевство в Западной Малайзии). Помимо упоминания об этих подробностях, на каменной глыбе выгравировано изображение ступы, а также текст известной буддийской формулы. Хотя в надписи дата не указана, данные палеографии не оставляют сомнений в том, что она датируется приблизительно V в. н.э.

В следующие столетия распространение буддизма в Юго-Восточной Азии продолжалось. VII в. представляется особенно важным. Как уже выше кратко упоминалось, буддизм школы Тхеравада, преобладавший в Шри-Ланке, к VII в. н.э. имел прочный фундамент в Шрикшетре близ Прома в Южной Мьянме. Эта дата основывается на

некоторых кратких надписях на погребальных урнах могил нескольких королей этого периода. Несколько массивных золотых пластин с текстами на языке пали, относящимися к буддийскому канону, и написанные в VII в. рукописи были найдены в Маунгтуне недалеко от Прома.

К тому же веку относится ряд надписей на древнемалайском языке с южной части острова Суматры и острова Банка, происходящих из древней империи Шривиджайя с центром в Палембанге. Одна из них, датированная 684 г. н.э., рассказывает об основании парка королем. По этому случаю король произнес торжественную клятву, что он всегда, при многих последующих воплощениях будет следовать по пути Бодхисаттвы, ведущему к полному Просветлению. Это достоверное свидетельство полностью развешегося направления буддизма – махаяны – того типа, который преобладал в Северной Индии (штаты Бихар и Бенгал) в то же время. Уже в этот ранний период город Шривиджайя стал крупным буддийским центром, который привлекал паломников и ученых даже из отдаленных стран. Таким паломником был китайский монах Идзинь (*Yijing*), который после путешествия по Индии с целью посещения знаменитых буддийских мест провел в 671 г. некоторое время в Шривиджайе и затем еще несколько лет между 685 и 695 гг. – для изучения буддийских текстов. Это государство оставалось одним из наиболее важных центров направления буддизма махаяны и в последующие столетия.

Распространение буддизма в Центральной Азии и Китае началось во времена Кушанского царства, особенно в правление Канишки. Этот правитель контролировал территорию огромной империи, состоящей из большей части северной Индии и (современного) Пакистана, а также древней Бактрии и больших частей Центральной Азии. Хотя монеты времен Канишки отражают многие различные религии (включая изображение греческих и иранских божеств), можно отметить, что царь питал особые симпатии к буддизму и был для буддистов щедрым покровителем. Таким образом, он способствовал распространению буддизма в Центральной Азии.

В результате действия нескольких благоприятных факторов буддизм обосновался и в Китае также с начала II в. н.э. Основным фактором вначале была торговля между Северо-Западной Индией и Западным Китаем. Она дала возможность индийским буддийским монахам свободно передвигаться по всем дорогам между двумя странами, и со временем буддизм укоренился в среде народа Китая, а затем, по-видимому, его влияние росло.

Причину того, почему именно буддизм распространился так широко в Китае, а не другие религиозные традиции, имевшиеся в Северной и Северо-Западной Индии, можно объяснить главным образом тем, что буддизм сочетал в себе три важные особенности, чего не было ни в конфуцианской философии, ни в даосизме. Во-первых, он сочетал философский базис с популярной религиозной практикой, и это сочетание проявлялось в деятельности индийских монахов-проповедников. Во-вторых, благодаря связям между буддизмом и торговлей, раскрытым в предыдущем разделе, буддийские монахи могли пользоваться возможностями, которые давали торговые пути. И наконец, некоторые буддийские монахи были подготовлены для того, чтобы переводить буддийские священные тексты на китайский язык. Деятельность Кумарадживы, которому приписывают перевод на китайский язык около сотни буддийских текстов, представляет собой выдающийся пример в начале V в. н.э. Переводы заложили основу для серьезного изучения идей буддизма китайскими монахами и подготовили путь для эффективного распространения буддийских учений на китайском языке и постепенного распространения буддизма среди широких народных масс Китая.

Более того, следует заметить, что китайский буддизм некоторое время оставался очень зависимым от индийских источников: для подпитывания буддийской традиции в Китае необходимо было паломничество в Индию, для получения комментариев к буддийским текстам необходима была помощь индийских монахов. Только в конце IV в. н.э. китайские правители позволили китайцам становиться буддийскими монахами, и поэтому буддизм, так сказать, смог укорениться на китайской почве.

Распространение буддизма в Центральной Азии и Китае (а позднее также в Корее и Японии) свидетельствует об универсальности характера буддизма. Терпимость к другим религиям, которые могли выживать при всей весомости буддийских идеалов, сочетание философии и религиозной практики, но, главным образом, вся великая буддийская сангха с ее идеалами всеобщего братства, стирания различий между племенами, кастами и религиозными верованиями преобразовали буддизм из одной из индийских идеологий в мировую религию.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Ранние школы

В древнем Китае нельзя провести различия между «идеологией» и «религией», если определить первую как систему общих ценностей, главным образом связанных с мирской жизнью, а вторую рассматривать как комплекс верований, касающихся сверхъестественных сил и трансцендентных принципов и их отношений с человеческим миром. Системы мышления, оформившиеся в первый созидательный период китайской философии (V–III в. до н.э.), возникли во время глубоких политических и социальных изменений и непрерывных войн. Древний феодальный порядок был сломан, и в этой неустановившейся ситуации китайские мыслители пытались представить свои программы «спасения мира» и установления хоть какого-то порядка. Из-за этой понятной всем цели или претензии все школы мышления имели сильную социальную и политическую ориентацию, и их, следовательно, можно легко называть «идеологическими».

Однако они, возможно, за исключением легалистской школы, содержали также элементы религиозного происхождения. Некоторые из них, такие как трансцендентный «Путь» в раннем даосизме, были новыми понятиями. Но многие происходили из древних верований, относящихся к феодальной системе ранней династии Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.), такие как обрядовая власть царя династии Чжоу в качестве Сына Неба, идея, что его правление законно благодаря благодати, возложенной на него высшей силой под названием «Небо» (*тиан*), и благодаря исключительной важности *ли* (ритуала, правил владения), включающего священные церемонии, совершаемые для поклонения духам и предкам и умиротворения их.

В их первоначальном контексте эти идеи и практики несли черты высокой исключительности. В древней феодальной иерархии культы были связаны с уровнями знатности, каждый представитель знати применял ритуалы в соответствии со своим рангом. Простые люди в них не участвовали. В массе населения должны были существовать свои многообразные культы, в равной степени присутствующие только данной группе населения (местные, деревенские), о которых известно очень мало.

Решительный переход от исключительно элитарных, локализованных, клановых и классовых путей мышления к истинно всеобщей системе, открытой для всех, был сделан Конфуцием (Кун-цзы, «учитель Кун», 551–479 гг. до н.э.) и в ранней конфуцианской школе с V по III в. до н.э. В его учениях были сохранены некоторые черты, относящиеся

к исключительности сословий, особенно в отношении природы конфуцианской морали, основанной на семейных ценностях. Но во многих отношениях раннее конфуцианство представляло собой разрыв с прошлым, хотя его новаторское значение иногда заслоняется тем, что древние понятия используются в нем с новым содержанием. В социальной части своего учения Конфуций делал акцент на практике *рен* («человечность») как средстве для создания идеального общества и милосердного правления. Рен приобретает путем морального самосовершенствования, и в принципе этот путь может быть открыт для всех, независимо от статуса или принадлежности к клану.

Понятие ли занимает центральное положение в конфуцианстве, но оно в настоящее время интерпретируется в моральном смысле: никакой ритуал не может быть эффективным, если он не является внешним выражением внутренних чувств, таких как сыновняя почтительность, уважение и искренность. Точно так же древнее понятие Неба является универсальным и обозначающим благоую высшую силу, которая направляет судьбы всех людей, – это далекий отзвук архаического единого бога Тьен, племенного божества древних царей династии Чжоу.

Древние последователи конфуцианства утверждали, что их принципами безупречно руководствовались еще правители в старину и что их можно найти в ряде древних текстов (некоторые были сомнительной подлинности), которые высоко почитались в качестве «письменных авторитетов» в конфуцианской школе. Прославление легендарной древности и внимание к изучению письменных источников с тех пор всегда оставались характерными чертами конфуцианского мышления и после того, как конфуцианство стало официальной государственной доктриной во II в. до н.э., – для культуры китайской элиты в целом. Великие «модели древности» вдохновляли конфуцианских ученых множества поколений; с другой стороны, они, несомненно, создали традицию оглядываться назад и тенденцию к схоластическим рассуждениям. Спустя несколько поколений после Конфуция другие мыслители, принадлежавшие к уже укрепившей свои позиции конфуцианской школе, создали свои собственные более детально разработанные варианты учения основателя школы с отличающимися социально-политическими ориентациями.

Так Мэн-цзы («Учитель Мэн», 372–289 гг. до н.э.), взяв за основу древнее верование, что правитель «потеряет Небесный мандат», если поведет себя как тиран по отношению к своим подданным, ввел важный новый элемент, состоящий в том, что Небеса говорят голосом людей и что, следовательно, люди в такой ситуации имеют естественное, одобренное Небом право на восстание. Другой важной темой, разработанной Мэн-цзы, является врожденная доброта человека. Эта идея имела далеко идущие последствия для политической мысли, так как в политическом смысле она означает, что правительству следует скорее убеждать массы, чем применять к ним силу: никакая грубая сила не нужна, так как людям необходимо только воспрянуть духом и возродить в себе естественные моральные чувства, которые потенциально уже имеются во всех человеческих душах.

Спустя еще одно поколение мыслитель-рационалист конфуцианской школы Сун-цзы (около 298–238 до н.э.) выступил против веры Мэн-цзы в «корни доброты» и вместо этого предложил принцип реформирования путем образования. Согласно его взглядам, природа человека изначально «злая», он склонен к эгоцентризму, ревности и борьбе. Все социальные добродетели, следовательно, искусственно насаждаются людьми; вся культура – это воспитание, образование. Долг правителя – преобразовывать человеческое поведение путем морального образования и поддержания ли и таким образом обеспечивать со-

циальный порядок, несмотря на изначальные человеческие наклонности. Здесь опять выявляется политическое значение этих взглядов, поскольку подход Сун-цзы требовал, чтобы правительство брало на себя больше управленческих функций. Не случайно, когда в ранней империи конфуцианство стало государственной идеологией, его толкование находилось под сильным влиянием идей Сун-цзы. Только гораздо позднее в неоконфуцианском движении XI и XII вв. идеи Сун-цзы были заменены идеями Мэн-цзы как наиболее авторитетного мыслителя после Конфуция.

Если раннее конфуцианство содержало ряд религиозных элементов, таких как понятие о милосердии Неба и культе предков, этого нельзя сказать о легистской школе мышления, которая приобрела влияние в III в. до н.э. и которая на короткий период (в правление династии Цинь, 221–206 гг. до н.э.) стала политической идеологией объединенной империи. Эта «Школа законников» осуществила явный разрыв с прошлым, и в особенности с конфуцианским принципом гуманного правления. Осуществление управления должно опираться на силу, и его не следует смешивать с моралью или соблюдением ли. Высшая сила должна концентрироваться в руках сильного авторитарного правителя, который отдаст всю свою энергию тому, чтобы «сделать страну богатой и армию сильной». Он сохраняет законность и порядок в государстве и обществе благодаря понятному своду законных правил и запретов, и он делает это без какого-либо сверхъестественного руководства или узаконения. Если есть что-либо, что превышает власть, то это правило самого закона. В идеальном обществе правила поведения становятся внутренне присущими до такой степени, что закон действует автоматически, без какого-либо вмешательства правительства.

Из-за привилегированного статуса, которым легализм пользовался при правлении династии Цинь, он был дискредитирован вместе с недолгим тираническим режимом. Во время правления династии Хань (201 г. до н.э. – 220 г. н.э.) он едва ли мог пропагандироваться открыто в качестве единственной государственной доктрины.

Конфуцианство и даосизм в ранней империи

После довольно длительного периода прагматичной, прислуживающей политики, во время которого ни одна из школ мышления эпохи до правления династии Цинь не была действительно господствующей, конфуцианство постепенно становится ключевым элементом в новом идеологическом синтезе, который оформляется во II в. до н.э. Конфуцианские тексты (фрагменты древней литературы, переданные конфуцианской школе, а также некоторые тексты, приписываемые самому Конфуцию) были канонизированы как «классика» и стали письменной основой образования элиты. Для интерпретации классических текстов был основан престижный орган «Ученые с широким образованием», и в двух случаях императорский двор созывал множество опытных экспертов для утверждения ортодоксального объяснения положений классики.

Однако это официальное, материально поддерживаемое правительством конфуцианство, ставшее идеологией бюрократического высшего класса ученых-чиновников, отличалось во многих отношениях от того конфуцианства, каким оно было до правления династии Цинь. Ряд важных идей был сохранен, но они были интегрированы в значительно более стройную систему верований и практик, зародившихся в иные времена. Некоторые идеи легалистов все еще играли важную роль, маскируясь в той или иной степени под конфуцианство. Над ортодоксальной интерпретацией классики преобладали космологические измышления о природе инь и ян и о циклической работе пяти элементов. Положение императора как Сына Неба

подкреплялось все более длительными ритуалами, большая часть которых была создана заново или была «реконструирована» придворными церемониймейстерами. И очень важный элемент в этом сплаве космологических, ритуальных, политических и моральных идей – интерпретация предсказаний в виде «знаков Неба и Земли» (таких как кометы, землетрясения и затмения), истолкование их в качестве злобещих или счастливых предзнаменований, вызванных поведением правителя или его окружением – никоим образом не был специфически конфуцианским.

Этот синтез, существовавший во времена правления династии Хань, не пережил распад империи Хань в конце II – начале III в. н.э. С этих пор, и в особенности в течение длительного периода территориального деления (311–589 гг. н.э.), сохранило свои позиции более рациональное и сокращенное конфуцианство, используемое как руководство для поддержания порядка в государстве и обществе, и конфуцианские ученые все еще действовали в качестве моральных арбитров, учителей и придворных специалистов по ритуалам.

Однако среди образованного высшего класса конфуцианств во многом потеряло свою привлекательность. Все еще были некие «конфуцианские фундаменталисты», которые посвящали себя моральному самосовершенствованию путем изучения Классики, но в основном поиски святости велись в двух религиозных течениях, которые стали очень популярны в период раннего средневековья: в различных типах местного даосизма и в одном из направлений буддизма – махаяне; их пропагандировали в Китае начиная с конца периода Хань.

«Даосизм» – на самом деле неясное понятие, вобравшее в себя широкое разнообразие философских, религиозных, алхимических, магических и других верований и практик. В своей самой ранней фазе (IV–V вв. до н.э.) даосизм, скорее всего, проявился как движение, противостоявшее идеям (разделяемым всеми другими верованиями), что обществом должно «управлять» правительство, которое активно вмешивается в жизнь людей, и что эта задача должна быть вверена группе профессиональных администраторов. Поскольку эта концепция «управляющего правительства» была всего лишь отражением политического процесса, происходившего в этот период, т.е. процесса образования сильных централизованных государств, то оппозиция сторонников концепции даосизма явилась, в основном, политическим протестом. Мыслители, которых позднее рассматривали как основателей даосистской школы (особенно полупоупендарный патриарх по имени Лао-цзы, «Старый учитель», которому приписывают авторство книги «Книга о пути и чести» (Дао де цзин), проповедовали доктрину бездеятельности. Согласно их взглядам, идеальное правительство практикует невмешательство (*у вэй*, буквально «недеяние»); общество обслуживается лучше, если живет само по себе. Большое, хорошо организованное государство рассматривается как инструмент подавления и войны, и так называемые мудрецы (т.е. умные управляющие) приносят больше вреда, чем пользы.

Этот примитивный анархизм оправдывался метафорой «целостности». Человек есть неотъемлемая часть природы, общности всего сущего и всех космических процессов; на эту общность в ее развитии указывает всеобъемлющий (и потому неопределяемый) термин *дао* (буквально «путь»). Государство и общество, как и отдельная личность, должны в своем поведении следовать примеру динамического порядка, царящего в природе; это происходит «спонтанно», без какого-либо внешнего руководства или принуждения.

Эту фазу развития до правления династии Цинь часто называют «философским даосизмом», чтобы отличать его от более позднего так называемого религиозного даосиз-

ма. Следует, тем не менее, отметить, что столь строгое различие сделать невозможно.

Даже древнейшие даосистские тексты иногда содержат идеи, которым суждено было стать господствующими в религиозном даосизме, например вопрос о физическом бессмертии. Утверждают, что адепт даосизма может достичь мистического единения с Путем посредством молчаливой медитации и упражнений, сходных с йогой; это психосоматическое самосовершенствование ведет к продлению жизни и «настоящий Человек», полностью освободившийся от зависимости и ограничений, будет жить вечно как Бессмертный, наделенный сверхъестественными способностями и вечным, не подверженным разрушению телом. Даосизм развивался как единый комплекс философских и религиозных понятий и ритуалов, внутри которого произошло смещение акцентов, что и привело в конце правления династии Хань и в период раннего средневековья к превращению даосизма в так называемый религиозный даосизм.

Как социально-политическая доктрина даосизм никогда не имел большого успеха, несмотря на то что в ранней империи даосистские маги имели влияние в придворных кругах, а в начале III в. до н.э., до триумфа конфуцианства, отмечено несколько недолгих экспериментов с «упрощенными», бездеятельными правительствами. Мощное, вдохновленное даосистами восстание так называемых желтых повязок, разразившееся в 184 г. н.э., было нацелено на свержение правителя династии Хань и установление новой династии, но движение было подавлено. Приблизительно в это же время другой даосистский учитель организовал своих последователей в «приходы» под руководством целой иерархии религиозных функционеров, но эта организация осталась религиозной, без какого-либо влияния на династии. Наиболее популярной формой даосизма во весь этот период оставалось наиболее раннее ядро даосистской секты «Небесные учителя».

Религиозный даосизм и влияние буддизма

В период раннего средневековья (III–VI вв. н.э.) религиозный аспект был еще более усилен развитием огромного пантеона божественных и демонических сил, как внешних (на различных уровнях существования во внешнем мире), так и внутренних (живущих внутри человеческого тела). С «технической» стороны даосизм развил множество методов, которые должны были очистить как ум, так и тело, и продлить физическую жизнь: методы умственной концентрации, контроля над дыханием, сексуальные техники и алхимические эксперименты.

Некоторые типы даосизма были коллективными по своей ориентации, популярна была вера в Небесных учителей с их местными приходами и коллективными церемониями. В четвертом веке н.э. возникли более эгалитарные формы даосизма, преимущественно направленные на индивидуальное спасение. Оба типа даосизма породили впечатляющее количество священных текстов, которые постепенно были собраны в древнейшую версию Канона даосизма, и на оба типа оказал глубокое влияние их величайший соперник – буддизм.

Здесь следует указать, что как конфуцианство, так и даосизм были открытыми, универсальными системами. Кроме того, для обоих течений было характерно острое чувство названия, несмотря на различные пути. Конфуцианские ценности пропагандировались среди людей, приходили к людям «сверху вниз» как «делающие людей цивилизованными»; эти действия были частью правительственной политики, а также как результат частной инициативы, предпринятой конфуцианскими магистратами. Даосистское обращение в веру было горизон-

тальным процессом, даосистские учителя находили себе последователей посредством проповедей, личного обаяния и предположительно вследствие эффективности их предписаний и ритуалов. Тем не менее, несмотря на эту открытую, всеобщую природу, ни конфуцианство, ни даосизм не занимались миссионерской деятельностью во внешнем мире, за пределами границ китайской культурной сферы.

В этом отношении буддизм был единственной всеобщей религией, пересекавшей границы, которыми Китай был обнесен с конца периода Хань. В Китае буддизм никогда не имел абсолютно господствующего положения, которого он достиг в небольших оазисных государствах Центральной Азии. В I в. н.э., когда он начал распространяться вдоль Шелкового пути, китайская цивилизация уже имела летопись исторических событий в течение около шестидесяти веков; она развила свои собственные высокоструктурированные системы мышления и, кроме того, сильное культурное самосознание. Сопrotивление идеям чужестранного, «варварского» происхождения было особенно сильно в конфуцианских кругах, где воззрения Учителя рассматривались как сама сущность китайской цивилизации.

Культурное сопротивление еще более усилилось из-за важного нововведения, которое буддизм принес в Китай: появления монашеского сообщества, которое формировало самое существо буддийской религиозной жизни, и было явное различие между монахом, стоявшим вне общества, и верующим рядовым буддистом, который еще подчинялся всем правилам и ограничениям государства и общества. В китайском контексте это противопоставление религиозной и светской сфер было в явном противоречии с некоторыми фундаментальными понятиями. В социальном смысле это означало, что люди могли оставить свою семью, разорвать свои общественные связи и воздержаться от выполнения ритуальных обязанностей. Экономически это означало, что подданные могли освободить себя от участия в производстве, от уплаты налогов и службы в армии. А в политическом смысле это означало отрицание всеобъемлющей власти императорского правления, которое включало все сферы – и светские, и религиозные.

То, что буддизм, и в частности махаяна, получивший в разных вариантах популярность в Китае, смог найти здесь твердую поддержку и постепенно стать ключевым элементом китайской цивилизации, обусловлено в основном его гибкостью и адаптируемостью. Ранняя история буддизма в Китае – это история адаптации под давлением, постоянные поиски возможностей сосуществования и передачи культуры.

Этот процесс происходил в различных направлениях и на различных общественных уровнях. Среди широких масс населения ограничения не были столь сильны, и на этом уровне буддизм мог сочетаться с бесконечным разнообразием местных верований и культов. Его отношения с даосизмом были сложными. С одной стороны, и буддизм, и даосизм были доктринами личного спасения, и в результате между ними было много соперничества и даже враждебности. С другой стороны, шел постоянный процесс взаимного заимствования и сращивания, иногда даже приводивший к появлению сектантских «буддийско-даосистских» доктрин. Отношения с конфуцианством оставались большей частью проблематичными. Многие члены элиты приняли буддизм, но они в основном становились светскими верующими, но не монахами; только некоторые из них присоединялись к Ордену и становились монахами. Для верующих мирян буддийская вера могла функционировать как дополнительная вера, ограниченная пределами их личной жизни; в общественной жизни они могли продолжать выполнять свои конфуцианские обязанности.

Но в китайском окружении монашеский буддизм также подвергся изменениям и адаптации. Самые большие и богатые монастыри развились в центры обучения и образования, и с IV в. развилась клерикальная элита «ученых-монахов». В VI в. некоторые из них стали основателями первых чисто местных «школ» китайского буддизма, схоластических и набожных систем, далеких от индийской традиции. В целом монашеская жизнь стала «социализированной»: появились большие монастыри, занятые деятельностью, и буддийские монахи превратились из неведомых пришельцев в «религиозных экспертов», полностью вросших в общество.

К концу периода, рассматриваемого в этом томе, буддизм стал центральным элементом китайской культуры с хорошо определенной сферой деятельности. Он стал полностью китайским явлением по содержанию доктрин, письменному языку и художественному выражению. Одновременно он сохранил свою гибкость и способность к адаптации, при этом он оставался типично миссионерской религией. В отличие от ученых конфуцианской школы и адептов даосизма, буддийские мастера были подготовлены к распространению своего учения за пределами Китая.

В этом отношении важно заметить, что после шести столетий роста в Китае буддизм стал огромным комплексом, состоявшим отнюдь не только из религиозных верований и монашеской организации. В буддизме появились большие объемы литературы, написанной на особом типе полуклассического китайского языка. Буддийские ученые-монахи создавали прекрасные стихи не только в своей собственной области, но и для передачи конфуцианского учения. Они создали свои собственные художественные традиции в живописи, скульптуре и архитектуре. Буддизм стал особой «буддийской субкультурой», которая могла действовать на всех социальных уровнях, от деревенского проповедника до придворного священника, исполняющего сложные ритуалы для защиты государства и династии.

Когда различные государства на территории современных Кореи и Японии пришли к политике полной китаизации, то важную роль канала передачи культуры сыграл именно этот буддийский комплекс. В древней Корее и в возникающем японском государстве Ямато культурное сопротивление было гораздо меньше, чем в Китае и в тех государствах, где правящая элита брала на себя инициативу широкого культурного заимствования. Буддизм близко подошел к положению государственной религии, статус которого никогда у него не было на земле, где он возник. Поскольку эти общества приняли китайскую цивилизацию в качестве модели, конфуцианские элементы также играли какую-то роль, но по самой своей природе конфуцианство не могло быть перенесено на новую почву так легко. Ее внешние атрибуты, такие как церемониалы и придворные титулы, могли быть заимствованы, но ее наиболее важная роль идеологии элиты бюрократического общества ученых-чиновников не могла быть принята в государствах, управляемых наследственной аристократией. В качестве действительно универсальной и миссионерской религии буддизм мог пустить корни в обществе любого типа и поэтому стал главной цивилизующей силой на большей части территории Азии.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И РЕГИОНЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Распространению универсализма помогло образование многонациональных империй, каждая из которых создавала в пределах своих границ мир, в котором существенными были всеобщие ценности. Наиболее важными из них в отношении длительности их воздействия на мировую культуру были Персидская империя Александра Македонского и Римская империя. Духовной пищей в

Персидской империи был зороастризм. Империя Александра и его преемников открыла культурную сферу, которая сочетала азиатское и египетское влияния с культурой эллинизма и греческим пониманием религии и философии. Она стала почвой, на которой выросло манихейство (Manichaesm). Она не только оформила рамки имперской религии, но и питала универсальные философии, такие как платонизм, неоплатонизм, эпикурейство и стоицизм. В то же время она создала широкую среду (*milieu*) для распространения иудаизма и родственной ему религии – христианства. Принятием христианства в качестве официальной религии начиная с IV в. н.э. Римская империя полностью подготовила почву для проникновения этой веры повсюду в Европе. Среди достижений эллинистического периода после смерти Александра (в 323 г. до н.э.) был полный синтез между богами Греции и Рима и постепенное освоение в рамках греко-римской религии разнообразных восточных и экзотических культов, таких как культ Исиды из Египта, Кибелы из Анатолии, Митры из Персии и т.д. Такие культы существовали наряду с более древними местными верованиями, такими как Элевсинские мистерии. Такие религии были широко открыты для людей по всей территории империи. Множество богов, мистерий, философий и универсальных религий могли существовать вместе, в обстановке относительной терпимости, сохраняясь до появления имперского правления в Римской империи, начиная с императора Августа (I в. до н.э.), после чего эта терпимость стала ограниченной. Разграничения между верованиями не были явно выражены, за исключением строго монотеистических религий – иудаизма и христианства. Естественно, ограничения религиозной терпимости стали очень строгими после принятия христианства в качестве официальной религии империи в конце IV в. н.э.

Зороастризм

Зороастризм, который имел древние корни в иранской культуре, стал государственной религией в империи Ахеменидов (549–331 гг. до н.э.) и оставался ею до поглощения ее империей Александра в результате завоевания, потом был в этом качестве в Парфянском царстве (со II в. до н.э. до начала III в. н.э.) и, наконец, в империи Сасанидов (224–642 гг.). Ее комплекс верований повлиял на другие религиозные традиции, включая иудаизм, христианство, буддизм и манихейскую религию. Зороастризм характеризуется как дуалистская вера, но монотеизм, лежащий в его основе, сосредоточивается на фигуре верховного бога – Ахурамазды, хотя это состояние и претерпело изменения в течение периода Ахеменидов путем разнообразных божеств, среди которых выделяется женская фигура Анахит (Анаит) – воплощение ассирийской и семитской богини плодородия и фигура Митры – бога, ставшего впоследствии средоточием римского митраизма. К тому же в зороастризме представлена картина космической истории, в которую включена борьба между добром и злом (впоследствии персонифицированном главным злым божеством Анхра Майнью). В ней было представление о конце света, который наступит с приходом Спасителя. Индивидуальные судьбы попадали на испытание после смерти, их судили при переходе через мост Чинват: для тех, кому суждено было попасть в ад, этот мост представлял узким, как лезвие бритвы. Кроме того, при разработке доктрины зороастризма во время периода Ахеменидов рассматривалась идея о возрождении тела.

Вариант зороастризма, известный как зурванизм (*zurvanism*), названный так по фигуре Зурвана, или Времени, ушел несколько в сторону от резкого разделения добра и зла в первоначальном варианте этой веры. Зурван выступает и как высшее существо, и как двойник Охрмезд

(Ахура Мазда) и Ахриман (Анхра Майнью). Зурванизм представляет собой попытку подтвердить монотеизм зороастризма в новой форме. Поскольку зороастризм стал пользоваться императорским покровительством, он оставался очень влиятельным, но этот период процветания подошел к концу в результате исламского завоевания Западной Азии и Персии в VII в. н.э. Но параллельные религии, включая митраизм и манихейство, приобрели влияние в Римской империи и оказали некоторое косвенное влияние на христианство.

Греческие и римские идеологии и религии в Греции и Римской империи

Тем временем на западе форма религии и идеологии определялась несколькими главными факторами. Это был сложный комплекс понятий греческой религии, свободно связанных между собой благодаря поэзии Гомера и Гесиода; была несколько отличающаяся, хотя и близкая форма римской религиозной практики; было влияние более новых культов и религий-мистерий, проникших в греко-римскую культуру главным образом из Западной Азии и Египта; была эволюция философии (главным образом греческой), большая часть которой представляет собой набор духовных мировоззренческих установок и, как результат, религиозных идей; наконец, были две религии, иудаизм и зороастризм, которые относительно трудно было отсортировать и которые были относительно непроницаемы для традиционных ценностей и практик греческой и римской религий.

В основе греческой религии стояло поклонение богам Олимпа, среди которых главным был Зевс, но и в городах, и в сельских местностях процветали местные культы. Был очень богатый древний свод общегреческих мифов, бывших в V и IV вв. до н.э. важным источником тем для великих поэтов и драматургов, таких как Эсхил, Софокл и Еврипид. Некоторые институты, празднества и состязания были общегреческими, например Пифийские игры в Дельфах при храме Аполлона Пифийского и культовые Игры в честь Зевса, проходившие в Олимпии раз в четыре года. Некоторые религиозные культы выходили за пределы городов, например орфизм, названный так по имени легендарного певца, поэта и укротителя диких сил и природы Орфея, жившего в VI до н.э., и культ Диониса. Этот культ и другие эзотерические движения, в комплекс понятий которых входили посвящение и спасение (иногда понимаемое как освобождение от круга реинкарнаций), за пределами Афин включали в себя также культ Деметры (богиня плодородия, в честь которой в г. Элевсин ежегодно устраивались религиозные празднества – Элевсинские мистерии. – *Прим. ред.*), который придавал новое значение более древнему сельскохозяйственному мифу, и пифагореизм – религиозно-философское учение, основанное Пифагором. Поскольку и греческая, и римская культуры были индоевропейскими, то их боги имели двойников: Зевс – Юпитера, Гера – Юнону и т.д.; это помогло смешению религий, когда Рим стал господствовать в Средиземноморье и воспринял большую часть греческой культуры (особенно начиная со II в.).

Римская религия поощряла такие достоинства человека, как благочестие (*pietas*) и смелость, и включала сложные ритуалы поклонения богам в масштабах государства, семьи, города и других групп. С возникновением движений, которые привлекали группы или отдельных людей на добровольной основе, например поклонение Кибеле и Бахусу (в конце III и начале II в. до н.э.), Римский Сенат предпринял некоторые меры, для того чтобы контролировать такие культы. Но в конце периода Римской республики они стали заметной особенностью римской жизни. Завоевание Восточного Средиземноморья,

в котором после Александра господствовали главным образом эллинистические монархии, привело к созданию основы для культа императора как заместителя бога на земле (поскольку эта практика уже возникла на греческом востоке).

Обожествление императоров происходило постепенно. Сначала, как в случае Гая Юлия Цезаря и Октавиана Августа, статус *divus* (связанного с термином *deus* или «бог», но не совпадающего с ним) присуждался посмертно. Но постепенно церемониал двора и воздействие волн имперского патриотизма, связанного с объединением широко раскинувшейся империи, привели к появлению ритуалов возвеличивания и обожествления императора при его жизни, несколько напоминавших традиционные восточные ритуалы.

Различные религиозные мистерии были не только важным фактором, помогавшим оживить традиционные греко-римские ритуалы и мифы, — они подготовили путь для распространения христианства. Привлекательность этих культов была обусловлена отчасти тем, что они готовили сообщества к оказанию взаимной помощи и проявлению чувства братства в более широком и более сложном обществе, развивавшемся в период расширения Римской империи. Последователями Великой матери (Кибелы) часто были ремесленники, приверженцами Митры — воины. Поклонники Исиды были зачастую представителями низших слоев среднего класса и торговцами. Она стала покровительницей моряков. Но что более важно, поклонявшимся ей было обещано бессмертие. С этой чертой набожности был связан и культ божества в эллинистическом Египте, которого египтяне отождествляли с богом Осирисом, иногда — с Анисом (священным быком). Серапис отождествлялся с Солнцем и был богом бессмертия и здоровья, а также плодородия. Ритуалы посвящения, связанные с Исидой, приводили посвящаемого к ощущению отождествления с богом, а следовательно, к уверенности в бессмертии. Поскольку Исида и Серапис повелевали звездами, они определяли и человеческие судьбы (это во все возрастающей степени проявлялось в течение эллинистического периода в виде поклонения астрологическим силам или объяснения их влияний на события).

Митраизм широко распространился в империи, и в его ритуалы входило не только посвящение, но и родовой трапезы в пещерных храмах, часто перед изображением или статуей Митры. Митра создает жизнь и мир через жертвоприношение быка. Митра идентифицировался с Солнцем, и фактически культ Сола, или Бога Солнца, стал широко распространенным в позднеантичный период: Константин в начале IV в. был в определенной растерянности, выбирая своего покровителя между Солнцем и Христом.

Тем временем греческая философия разработала различные системы верований и этики, многие из которых, как уже отмечалось, выполняли в ряде отношений функции религии. Уже Пифагор в VI в. до н.э. основал в Южной Италии братство, члены которого разделяли его математическую философию, продолжали ее развивать и распространяли теорию о переселении душ. Последователи Пифагора разработали сложную систему культовых запретов, таких как запрет на употребление в пищу бобов. Для Пифагора составляющими реальности были числа; это мировоззрение имело некоторое влияние на Платона в первой половине IV в. до н.э., который принял версию этой теории в своей натурфилософской работе «Тимей».

Философия Платона, который предполагал, что за внешними проявлениями этого смешанного мира лежит трансцендентальная сфера форм, высшим проявлением которых является форма Бога, в которой вещи, доступные нашему восприятию мира, являются несовершенными имитациями или зеркальными отражениями этого вечно-

го царства идей, была разработана на достаточно высоком уровне логической и диалектической сложности. И все-таки в основе ее лежало учение об идеях, и, соответственно, большая часть истории платонизма в греко-римском мире была связана с религиозными исканиями. Наиболее важным развитием его, разработанным Плотинем (205–270 гг. н.э.), стал неоплатонизм, который не только служил путеводителем в мистических действиях, но и оказал глубокое влияние на христианство. Более ранняя версия платонизма была использована Филоном (20 г. до н.э. – 50 г. н.э.) и вошла в философию иудаизма как важная составляющая.

Неоплатонизм Плотина рассматривал Вселенную на различных уровнях. На одном уровне была мировая душа, заключающая в себе индивидуальные души, которая оживляла отдельные души, но, если душа не была очищена, человек должен был возродиться. На другом уровне был Нус (латинский перевод термина — интеллект), где душа могла воспринимать вечные формы, которые должны рассматриваться, так сказать, как содержание божественного разума. На высшем уровне был Единый — трансцендентное безличное первоначало. Цель философии — направлять людей, чтобы они могли подниматься по этим уровням, пока он или она не сольются с Единым.

Система Плотина была иерархической. Сфера реальности в ней возникает из некоей эволюции (но не во времени), которая происходит из Единого.

Единый позволяет возвыситься Нусу, который, в свою очередь, производит мировую душу, функциями которой является поддержание порядка и сохранение движения в космосе. Этот космос несовершенен, но в целом добрый и прекрасный, но, поскольку он включает в себя материю, которая является источником негативизма и зла, его совершенство тускнеет. Задача философии в том, чтобы помочь людям вернуться к своему первоисточнику, чтобы совершить восхождение к мировой душе и, наконец, завершить то, что он называет «полетом в одиночку к Единому». Философия, таким образом, связана с ведением созерцательного образа жизни: восхождению души помогает аскетический самоконтроль.

Из всех философий эллинистического мира неоплатонизм имел наибольшее религиозное влияние. Но были и другие, столь же значительные и важные влияния. Очевидно, труды Аристотеля (384–322 гг.) проникли вглубь западной культуры и со временем стали нормативными. Но они имели меньшее духовное и идеологическое значение, чем некоторые другие школы, по крайней мере в античном мире, такие как стоицизм и эпикуреизм.

Главным основателем стоицизма был философ Зенон из Китиона (около 300 г. до н.э.), хотя учение развивалось постепенно. Оно приобрело очень большое влияние в Риме. В самом Риме появились видные философы стоицизма, включая императора Марка Аврелия (121–180 гг. н.э.). Это была монотеистическая система, рассматривавшая космос как единое целое с Богом, или Зевсом, или огнем созидания, или причиной, являющейся его выражением. Космос циклически расширяется и сжимается. Мудрый человек должен следовать бесстрастию природы (апатия), а не бороться против нее. Практически стоицизм учил равнодушию к мирским благам и следованию добродетелям, среди которых были интуиция (знание того, что хорошо и что плохо), смелость (знание того, чего следует, а чего не следует бояться), справедливость (знание, как дать другим то, что им принадлежит по праву) и самоконтроль. Последний вызывает *apatia* или возвышенное безразличие и восприятие работы космических сил. Эти добродетели были очень привлекательны для многих представителей римской элиты в последние годы Республики, и они соответствовали традиционным римским ценностям. Стоические добродетели были привлекательны и оказали влияние на ранних христиан.

Стоицизм характеризовали явно выраженным космополитизмом. Он оправдывал основание человеческих сообществ или космополитов, отражавших единство космоса. В этом учении впервые появился идеал настоящего космополита или гражданина вселенной. Более того, все люди, даже рабы, несут в себе искру, или причину, или божественный созидательный огонь. Поэтому настоящий стоик должен помогать другим и отвергать различия в расах, происхождении и т.д. Стоицизм был наиболее явным выражением всеобщности в древнем мире, представленном Римской империей.

Эпикуреизм также культивировал безмятежность, но под совершенно другим углом зрения. Это учение было основано Эпикуром (342/341–271/270 гг. до н.э.), который поселился в Афинах, чтобы учить людей; он оставался на позициях атомистики Демокрита. В основе выражения чувств лежат атомы, которые формируют все вещи, включая богов. Есть неисчислимое количество миров, блаженно-безразличные боги существуют в пространствах между ними. Для людей высшим блаженством являются доставляющие удовольствие состояния, которые происходят из их природных склонностей, таких как потребность не чувствовать голода. Смерть следовало понимать просто как предел жизни: когда люди понимают, что им нечего бояться после смерти и что боги не имеют к ним никакого отношения, они теряют страх (*angst*) и могут жить спокойно. Эпикур не верил в разумность принятия на себя общественных обязанностей и полагал, что жизнь будет счастливее, если проводить ее в компании друзей, избегая возбуждающих удовольствий, но предаваясь спокойным наслаждениям. Человек может приобрести некоторую интуицию, размышляя о настоящей природе богов, столь спокойных в их равнодушии к миру, и особенно к миру людей.

Философия Эпикура оказала мощное воздействие на римский мир и нашла свое выражение в поэме «Де Рерум Натура» («О природе вещей») Лукреция Кара в I в. до н.э. В ней он критиковал религии, включая стоицизм, за укрепление людских страхов. Для настоящей философии лучше всего рассеивать страх людей перед смертью. Его поэма проникнута ощущением печального, невежественного положения людских масс, их страданий.

Иудаизм и гностицизм

Тем временем поздняя Римская республика и ранняя Римская империя испытывали рост иудейского влияния. Различные религиозные темы к началу эллинистического периода, т.е. после захвата Палестины Александром Македонским, оказались тесно переплетенными. Одной религиозной темой был решительный монотеизм, усиленный его ритуальным запретом на изображения. Другой темой был этический тон, привнесенный идеей божественных заповедей и дополненный растущим вниманием к Торе (Пятикнижию) как своду законов и ритуальному оформлению повседневной жизни. Этическое измерение было усилено традицией пророков, т.е. вдохновенных богом людей, у которых были видения Божественного существа, и из этого происходила критика современных пророкам социальных и моральных условий. Кроме того, иудейская традиция сосредоточивалась на огромном Храме в Иерусалиме, хотя все шире иудеи, рассеянные по таким крупным общинам, как Александрия, Вавилон, Антиохия и Рим, использовали синагоги как места встреч, где они могли отправлять свои обряды. Взаимодействие между иудейскими традициями и культурой эллинистического мира было глубоким. Одним из свидетельств этого является ряд греческих городов, основанных в Палестине, со множеством атрибутов благоустроенной городской жизни, таких как общественные бани, театры и т.п. (существовавших иног-

да в конфликтах с более традиционными иудейскими ценностями). Многие иудеи говорили на греческом языке, языке общения в восточной части империи.

Такое слияние греческой и иудейской культуры можно видеть в работе Филона. Он использовал категории платонизма с различными модификациями, чтобы выразить иудейскую теологию. Например, он последовал космологии Платона, рассматривая Бога как создателя космоса из материи, но в соответствии с положением Библии, что Бог создал Вселенную из ничего, он постулировал первый акт творения материи (из ничего). Он разработал также аллегорический метод истолкования древнееврейской Библии; этот метод предвосхитил подходы, примененные христианскими писателями. Но несмотря на попытки соединения двух культур, Филон не имел большого влияния в иудейском мире, отчасти из-за событий, связанных с падением Иерусалима и разрушением Храма в 70 г. н.э., спустя примерно 20 лет после его смерти.

Разрушение Иерусалима Титом (сыном императора Веспасиана и позднее – императором) имело, конечно, огромное влияние на иудейскую историю. Хотя и нельзя сказать, что оно полностью оторвало иудеев от их родины, но оно более или менее поставило точку в истории религии священников. Лидерство решительно перешло к раввинам. Когда иудаизм развился в классическую форму, которую он приобрел в последующие несколько веков, он стал в некотором отношении более универсальной религией, хотя более сложная эволюция законов, управлявших поведением и ритуалами иудеев, также подчеркивала специфику иудаизма. Вера стала центральным понятием в письменной и устной Торе, ее текстуальном выражении в Мишне, затем и в более подробном Талмуде; акцент делался на поклонении в синагоге и дома, на лидерстве раввинов и их роли как учителей и на богатой эсхатологии – религиозном учении о вере, включая концепцию воскрешения из мертвых. Строгое соблюдение Торы помогло сделать веру центральной особенностью возникающего иудаизма. Другие движения, имевшие влияние в период, современный Иисусу и до разрушения Храма, прекратили свое существование вследствие катастрофических событий, сопровождавших восстание иудеев против римской власти. Консервативные и склонные к сотрудничеству саддукеи, зелоты, возглавившие восставших в Иудейской войне, сторонники ессеев и все другие движения потеряли свое значение.

Рост влияния классического иудаизма и христианства сопровождался развитием ряда движений, которые классифицируются как гностические; этот термин происходит от слова *гнозис*, означающего род экзистенциального знания или опыта, являющегося центральным в духовных исканиях. До нас дошли разнообразные тексты, которые можно отнести к гностическим, и некоторые из них, вероятно, были широко распространены в античном мире. Представляется, что гностицизм (это современный термин, введенный для обозначения движений) зародился в эллинистических иудейских кругах в Александрии и других местах. Одним из наиболее впечатляющих был миф, содержащийся в *Апокрифе Иоанна* (фактически это христианская работа, но она отражает глубокие иудейские элементы). В этом мифе переплетаются различные темы – идея неизвестного Бога, его супруги Софии (Мудрости), ее рождения от злого Демиурга, или Создателя мира, тема отчаянного положения душ, погруженных в мир зла, тема необходимости спасения через гнозис и тема спасительницы Софии. Все это, конечно, представляет собой вариант толкования древнееврейской Библии, и, таким образом, разумно заключить, что гностицизм как мятежная доктрина появилась в тех кругах, которые признавали статус откровения Священного писания. Такие идеи распространялись не без влияния на раннее христианство, и есть следы гностических идей у апостола Павла. Христианские

разновидности гностицизма явным образом фигурировали в оформлении ранней христианской доктрины и впоследствии оказали влияние на средневековые ереси. Важным, например, был вызов христианского гностицизма Маркиона во II в., послуживший стимулом для образования канона Нового завета, так как доктрины Маркиона поднимали вопросы, важные для ортодоксальных воззрений христианской церкви. Как и для других гностиков, для Маркиона создатель (Яхве) был воплощением зла, и не он был отцом Христа, а скорее невыразимый Неизвестный Бог. Другой важной фигурой в христианском гностицизме во II в. был Валентин, который одно время имел тщеславное желание быть избранным римским епископом. Его дуалистическая система рассматривала последовательности перемещений с высшего уровня существования вниз посредством пар принципов более низкого уровня. К высшей группе относятся те, кто наделен духом, или *пневмой*. Менее ценны были те, кто был наделен душой, или *психеей*, психикой, и это были христиане и иудеи. Обычные люди классифицировались как физические тела (*somatics* – от греч. *somatos* – тело. – Прим. ред.). В учении Валентина были элементы тантризма: божественный союз может быть достигнут через сакраментальный секс среди наделенных пневмой.

Начало христианства

Безусловно, наиболее важным движением, связанным с гностицизмом, было манихейство, которое будет рассмотрено далее. Между тем во время трансформации иудейской религии в иудаизм раввинов и образования и проповедования различных философий, мистических культов и гностических движений мощное ответвление иудейской веры – христианство – начало свой путь по западному миру (см. также 11.2.3).

В вере христиан центральной, конечно, была фигура Иисуса, которого они считали Мессией; это означает божьего помазанника и Спасителя, Сына Бога. Древнееврейское слово «мессия» скоро было переведено на греческий язык как «Христос». Предполагалось, что его жизнь, смерть и воскресение знаменуют собой последнюю фазу истории. Во многих отношениях его карьера была парадоксальна: он дал новое значение, например, иудейскому понятию Мессии – он был не удачливым завоевателем и восстановителем страны, а скорее тем, чьей задачей было не восстановление иудейской нации, а расширение Израиля за счет его последователей, и он был тем, чья смерть доказала его победу, хотя и не земную. После его смерти его почитатели пришли к поклонению ему и к утверждению его присутствия посредством Евхаристии – причащения. Из-за этого поклонения и его подкрепления среди христиан сформировалось убеждение, что Христос имел божественную сущность. Это подтолкнуло христианскую церковь начать раздумывать над тем, как поклонение Христу могло сочетаться с суровым монотеизмом иудейской традиции.

Христианство, основанное на фигуре Иисуса Христа, было религией спасения иудейского происхождения, но оно было связано, в первую очередь апостолом Павлом уже в середине I в. н.э., с эллинистической философией и космополитизмом.

Главной идеей, первоначально проповедовавшейся Иисусом, была необходимость «покаяния» для получения доступа в небесное царство. Все люди, богатые и бедные, предстанут перед судом Божиим, независимо от их социального статуса на земле. Бог как высший судья вынесет приговор в зависимости от поступков человека на земле и сочувствия и любви, с которыми он относился к своим близким; те, кто совершал хорошие поступки, спасутся, а за плохие поступки Бог накажет.

Главным здесь было дать беднякам надежду и поддержать их в несении бремени повседневной жизни. Это провозглашенное равенство людей перед Богом было выражено в общей форме, но оно трансформировалось в понятие «Небесного царства», которое установится при втором пришествии Иисуса. Его нельзя приблизить, иначе бедные люди попытались бы достичь небесного царства немедленно на земле и с этой целью решили бы организовать христианские общины. Это было, безусловно, угрозой для богатых и правителей как в иудейском, так и в римском обществах. В этом была причина того, что Иисус был осужден большинством богатых иудеев и приговорен римским прокуратором Иудеи Понтием Пилатом к распятию приблизительно в 30 г. н.э. накануне Пасхи, праздника Исхода евреев из Египта.

Во время как иудейское христианство сохраняло свою популярность в самые первые годы, хотя его значимости был нанесен тяжелый урон разрушением Храма в 70 г. н.э. и изгнанием иудеев из Иерусалима императором Адрианом в 135 г. н.э., широкое распространение новой религии последовало за миссионерскими путешествиями Павла (умер между 62 и 68 гг. н.э.) и других последователей Иисуса, несшими христианскую веру как иудеям, так и, что более важно, неевреям в грекоязычной части империи, а также и в самом Риме. Отчасти из-за включения некоторых важных посланий Павла в канон Нового завета его теологическое влияние стало господствующим в становлении христианской церкви. Проповедническая активность христиан сделала их более явными объектами гонений, чем иудеев, которые, несмотря на свой твердый монотеизм и отказ идти на уступки господствующей в империи религии, могли рассматриваться как люди, соблюдающие обычаи предков. Первое широкое гонение на христиан последовало за огромным пожаром в Риме в 64 г. н.э. при правлении императора Нерона (37–68 гг. н.э.). В течение последующих двух с половиной веков как христиане, так и иудеи были объектами погромов. Особенно свирепыми были гонения при императорах Деции (правил с 249 по 251 г.) и Диоклетиане в 303 г. Другим фактором такой враждебности к христианам было их сопротивление служить в армии. Вместе с тем в некоторых отношениях гонения укрепили христианскую церковь.

Христианство, христианская церковь и поздняя Римская империя

Организация церкви имела важное значение. В отличие от иудаизма, который в лучшем случае был свободным союзом входящих в него общин, христианская церковь имела иерархическую структуру, с епископами – главами церковно-административной территориальной единицы и архиепископами, занимающими более высокое положение (такими были, например, епископы Антиохии, Иерусалима, Александрии и Рима). Более того, христианская церковь имела армию профессиональных священников, которые помимо своих пасторских обязанностей исполняли такие священные ритуалы, как крещение и причастие, столь важные в жизни христианской церкви. Такая структура позволяла христианству глубоко проникать в имперское общество до такой степени, что при императоре Константине начался процесс, в результате которого христианство стало официальной религией империи. Его Миланский эдикт от 313 г. н.э. даровал терпимость по отношению к христианской церкви; он председательствовал на первом и важнейшем Никейском соборе христианской церкви в 325 г. н.э. Строительством новой столицы Константинополя в Византии он заложил прочный фундамент Восточной империи, которая намного пережила Западную империю после ее распада.

Никейский собор в 325 г. пытался поставить вопросы о природе Бога и впервые закрепил догмат о Троице, столь характерный для христианства и определивший отличие христианства от иудейского монотеизма. Вмешательство Бога в историю человечества рассматривалось проходившим в три стадии: вначале было создание мира и Ветхого завета, затем было воплощение в человеческом образе Иисуса Христа и, наконец, пришествие Духа, приветствуемое церковью и представляемое как воцарение нового Израиля. Эти события послужили канвой, на основе которой христиане постулировали существование Бога в трех лицах (ипостасях): Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух. В Никее было решено, что эти три лица объединены в едином существе. Эта формула сознательно отвергала понятие о том, что Христос был в чем-то ниже Отца. Сын вечно порождается Отцом, и Дух вечно происходил от Отца, но эти трое были во всех отношениях равны и связаны вместе любовью.

Никейский собор ввел в обращение техническую терминологию из греческой философии; это показывало, что христианская доктрина в своем выражении все больше вбирала в себя греческие и, в меньшей степени, латинские категории. Различные христианские мыслители уже начали использовать неоплатонические взгляды при формулировании христианских точек зрения, и особенно идеи наиболее влиятельного из мыслителей Западной Римской империи Августина из города Гиппона в Северной Африке (354–430 г. н.э.). Постепенно в ходе формирования классического христианства в III и IV в. н.э. произошло слияние иудейских ценностей в форме христианства, философии неоплатонизма и умозрительной практики. Мистическая сторона христианства усилилась после признания его официальной религией в силу того, что для противостояния разрушению духа веры, которое могло произойти в результате получаемых при новом статусе преимуществ, широко распространилось движение монашества. Уход из мира, практика аскетизма и развитие внутреннего созерцания позволило мистицизму занять прочные позиции в вере, и это соответствовало главным учением неоплатонизма.

Халкидонский собор христианской церкви в 451 г. н.э. был направлен против учения Нестория, чья доктрина о двойной природе Христа являлась компромиссным решением вопроса о его божественной сущности. Но персидская ветвь христианской церкви осталась верным его учению, и несторианство позднее приобрело существенное влияние вдоль Шелкового пути и прочно укоренилось в Китае, а также на Аравийском полуострове и в Индии. В качестве реакции против решений Халкидонского собора некоторые отделения церкви, особенно сирийская, коптская, эфиопская и армянская, утвердились во мнении о единой природе Христа. Таким образом, эти соборы способствовали появлению вариаций основной доктрины, хотя и довольно близких.

Разделение Римской империи на Западную и Восточную вместе со спорами о власти с Римом постепенно привели к отчуждению восточной православной церкви от западной католической, которая вполне оформилась к VI в. н.э. Восточная православная церковь не признала папской власти, выработала свои собственные богатые ритуалы, виды религиозной архитектуры и искусства, поощряла создание икон как «окон на небеса» и консервативно отвергала то, что рассматривала как нововведения в доктрине на западе. Лингвистические и культурные различия также повлияли на появление двух различных форм христианства. С точки зрения сторонников православия, западная церковь с центром в Риме отклонилась от верного пути и приняла ложные нововведения. И наоборот, распад Западной империи послужил укреплению авторитета римского папы, который был основан на утверждении, что епископы Рима являются наследниками Петра, который

умер в нем и на которого Иисус возложил строительство своей церкви.

Западная церковь была первичной средой, благодаря которой ценности империи пережили распад политической властной структуры (сам Рим потерпел крупное поражение в 410 г. н.э. и окончательно был захвачен в 476 г. н.э.). Христианская церковь была носителем латинского языка в богослужениях, а поэтому использовала его в теологии и для других целей. Постепенно христианская ортодоксальная церковь консолидировалась как на востоке, так и на западе. На востоке император Феодосий (правил с 379 по 395 г.) закрыл много языческих храмов и заявил об идентичности христианских ценностей и доброго гражданства. При императоре Юлиане (361–363 г. н.э.) была одна крупная, но безуспешная попытка возродить язычество и дать ему статус государственной религии. Он также собирался восстанавливать Храм в Иерусалиме, вероятно, более для того, чтобы досадить христианам, чем помочь иудеям. Хотя и продолжалась защита старой религии философами, в основном неоплатониками, ее влияние на умы постепенно ослабевало. Популярными аспекты практики христианства способствовали распространению этой религии, к ним относятся паломничество, культ реликвий и святых и впечатляющие церковные ритуалы.

Тем временем иудаизм пережил переход статуса официальной религии к христианству, хотя растущая вражда между этими двумя религиями, каждая из которых определяла себя не иначе как противоположением другой, привела к некоторым ужесточениям. Патриархат (руководство палестинской общины) был отменен; стало труднее получить разрешение на строительство синагог и т.д. Но иудейский священный календарь, составленный в середине IV в., внес в жизнь диаспоры некоторое единообразие. Между III и VI вв. н.э. было составлено два Талмуда (палестинский и вавилонский). Иудейские миссионеры вели активную деятельность на некоторых территориях, особенно на Аравийском полуострове и в Йемене, подготавливая таким образом распространение ислама в VII в. н.э.

Манихейство

Еще одно крупное религиозное учение имело большое влияние в то время на западе, а также в Персии и Центральной Азии. Это было манихейство. Его основателем был Мани, или Мани (214–274 г. н.э.), родившийся в Южной Вавилонии, которая тогда была частью империи Сасанидов. В результате религиозного опыта, полученного им в детстве, Мани пришел к отказу от ценностей иудейско-христианского окружения, в котором он рос. В 24 года он начал выполнение своей миссии: он проповедовал оригинальную новую религию, которая, тем не менее, содержала важные элементы гностицизма, христианства, буддизма и зороастризма. Он считал себя высшим пророком в ряду таких пророков, как Зороастра, Будда и Иисус. Его картина действительности была дуалистической: мир был поделен им между силами Добра и Зла, Света и Тьмы. В тщательно разработанном мифе он размышлял, как божественный аспект смешивается со злым аспектом существования. Человеческие души – это искры или побег от Бога, и цель веры – освободить душу человека посредством знания. В первый период существования Вселенной Бог был отделен от Зла; затем в следующий (наш) период они смешались; а в конце истории они снова разделяются. Во взглядах Мани присутствует большая доля ценностей буддизма, метафизики зороастризма, мифологии гностицизма и организации христианства. Он впервые включил изображения в свое откровение. Его последователям могло показаться затруднительным следовать его строгим

предписаниям: воздерживаться от мяса, вина и нечистой пищи, жить без насилия и бедности и следовать истине. Поэтому он проводил различие между избранными и слушателями: последние, рядовые верующие, должны были иметь моногамную семью, молиться четыре раза в день, отдавать десятую часть своих доходов на поддержку духовенства и т.д. Вера обеспечивала им, по его мысли, более благоприятное новое воплощение в будущем. В 242 г. Мани заручился покровительством императора, но позднее правитель из династии Сасанидов решил подавить его религию, и Мани был подвергнут долгим допросам и умер в тюрьме.

В III и IV вв. манихейство получило распространение в Римской империи. Ее наиболее знаменитым почитателем был Августин, и некоторые из его положений относительно секса несут определенные признаки манихейского периода. Это учение распространилось также за пределы Персии в Центральной Азии и Китае в VIII в. н.э. На западе ее преследовали, особенно Диоклетиан в 297 г. и папа Лев I в 445 г. н.э. Позднее она, даже несмотря на исчезновение, оказала влияние на христианство через движения богомилов и альбигойцев. Нет сомнений в энергии и привлекательности этой религии, и христианскими авторитетами она рассматривалась как значительная угроза. Исламские завоевания VII в. помогли ей возродиться на ее родине, и только мощное давление христианства как в Византии, так и в западных регионах, смогло подавить ее на этих территориях.

Манихейство можно считать наиболее сильной формой гностицизма. Одной из причин успеха христианства было его промежуточное положение между мрачным восприятием мира в гностицизме, с одной стороны, и мирскими интересами – с другой. Доктрина «первородного» греха, сформулированная Августином, вместе с акцентом на некоторый аскетизм, была строгим ограничением, наложенным на слишком радужное восприятие мира. Величественная фигура Дьявола в некоторой степени помогала проложить путь к гностическому дуализму: здесь, по крайней мере, в основе лежал устоявшийся миф о разумности Зла. Существование монашеского христианства в рамках церкви было с практической точки зрения частичным признанием духовной элиты.

Слабость церкви состояла в ее раздробленности. Попытки искоренить и дисциплинировать еретические течения вели к удручающим расколам. В течение длительного периода североафриканская церковь была расколота на две основные группы, которые даже препятствовали бракам между их представителями; основным разногласием был порядок церковной службы. В Египте копты-монофиситы жили параллельно с православными христианами. Время от времени с ними плохо обращалось правительство. Большая часть церкви за пределами империи, на востоке, с точки зрения решений Халкедонского собора была явно еретической. Совсем не удивительно, что арабское завоевание в VII в. обернулось гонениями против всех этих религий, и христиане часто обнаруживали, что новые исламские правители тревожат их меньше, чем старые.

АФРИКА

Знания африканских идеологий и религий в этот период варьируются в зависимости от природы имеющихся данных. Многие северные и северо-восточные части континента населяли сообщества, имевшие письменность, их письменные свидетельства рассказывают многое об этом аспекте жизни людей: во многих случаях они были отвержены религиозным верованиям, которых придерживались люди и в других регионах за пределами Африки. В тех областях Африки, где письменные свидетельства недоступ-

ны, мы должны полагаться на археологические данные, а как известно, данные археологических раскопок, относящиеся к религии, очень трудно интерпретировать. Главный прорыв, тем не менее, был сделан в нашем понимании наскальной живописи в южной Африке, большая часть которой датируется лишь в широких рамках периода, рассматриваемого в данном томе, и может интерпретироваться как живопись, представляющая систему верований, связанных близкими родственными связями с верованиями южных народов в не столь отдаленные времена.

Несколько слов необходимо сказать о Древнем Египте. Основные черты египетской идеологии и религии достаточно полно определились начиная с III в. до н.э. Всеобщая природа этих аспектов египетской жизни подчеркивалась тем, что они продолжали существовать в течение всего периода династии Птолемеев и римского периода. Затем, в отличие от ситуации, которая преобладала в других частях Северной Африки, бывших под управлением Рима, римский пантеон богов был эффективно смоделирован на египетский лад, и сами императоры были представлены в нем как божественные правители по образу фараонов. В других местах финикийцы, греки и римляне успешно переносили своих божеств на североафриканскую почву, где, в соответствии с различными уровнями культурного взаимодействия между колонистами и местными жителями, эти божества в той или иной степени идентифицировались с персонажами берберо-ливийских верований (см. гл. 14).

С IV в. Северная Африка стала базой христианства (см. гл. 12, 14–15) и ее особых ответвлений.

На подавляющей части Африки к югу от Сахары определенные сведения о религиозных верованиях и практиках в этот период почти полностью отсутствуют. Вполне разумно предположить, что корни традиционных африканских анимистических верований уходят по крайней мере в I тысячелетие до н.э., и, может быть, какие-либо археологические свидетельства еще предстоит найти, хотя в данном исследовании привести такие свидетельства пока не представляется возможным. Большая часть африканского религиозного искусства представлена изделиями из дерева, и вряд ли дерево могло сохраниться до археологических раскопок к югу от Сахары. Терракотовая скульптура этого периода известна в Нигерии и Трансваале, но нет причин полагать, что она появилась только в этих регионах. В Нигерии можно предположить наличие преемственности стилей, о скульптурах, найденных здесь сравнительно недавно, достоверно известно, что они имели религиозное значение, особенно в связи с поклонением предкам. Назначение южноафриканских скульптур интерпретировать сложнее: они могли служить как маски, и использование изображений скота можно считать указанием на то, что скот играл важную роль в обществе южных народов, говорящих на языке банту по крайней мере с V в. н.э. – эта точка зрения независимо поддерживается данными археологии (см. гл. 16).

В Южной Африке можно показать очень тесные связи между наскальными изображениями, с одной стороны, и системой верований и социально-религиозных практик южных бушменов, содержащихся в дошедших до наших дней этнографических записях XIX в., – с другой стороны. Ясно, что большая часть этого искусства связана с шаманством и особенно с приведением в экстатическое состояние. Позы многих человеческих фигур, изображенных на скалах, идентичны с позами, принимаемыми шаманами во время камлания; кроме того, и другие особенности изображений, такие как кровотечение из носа, подчеркивают это сходство. Кроме того, ранее необъяснимые аспекты этого искусства могут быть поняты как метафоры или другие проявления перехода в транс. Важность этой корреляции, общепринятой в настоящее время, имеет две стороны. Она впервые представляет убедительное объяснение самого

искусства, что дает возможность проследить во времени культурный феномен, который был центральным в жизни современных бушменов, но не был обнаружен при археологических исследованиях.

В последние годы имела место неудачная тенденция слишком широко применять изображения впадения в транс в южноафриканской наскальной живописи. Нет необходимости одинаковым образом объяснять наскальное искусство даже в областях, где связь с шаманством проявляется наиболее явно. Аналогично, не следует выходить за пределы таких областей, где, может быть, превалировали различные системы верований. По этой причине попытки описания наскального искусства Танзании, например в терминах этнографии бушменов, следует считать бездоказательными и требующими дальнейших исследований. Полезным уроком стали исследования более позднего наскального искусства в Малави и в восточной Замбии, которые ясно показали связь с обрядами *ньяу* (*nyau*) и соответствующих религиозных практик народов, говорящих на языке банту.

Таким образом, ясно, что исследования наскального искусства открывают в настоящее время наилучшие возможности, доступные для понимания религий и идеологий не имеющих письменности африканских народов в течение последнего тысячелетия до н.э. и первых семи столетий н.э. Результаты неполные и ограниченные по объему; но исследования африканской религии более не могут ограничиваться недавними столетиями или теми регионами, в которых существуют долгие традиции грамотности.

АМЕРИКА

Строго говоря, мировые религии и сопутствующие им идеологии никогда не развивались в Новом Свете. Наиболее близким приближением к всемирной религии была попытка инков распространить свой культ Бога Солнца на большую часть Центральных Анд в XV в., но даже это было в основном политическим движением. Не вполне ясно, что наличие храмов Солнца на территориях за пределами империи должно означать, что местные народы (за исключением, возможно, местной знати) действительно были поклонниками этого культа. В Старом Свете мировые религии, весьма вероятно, возникали на определенном уровне городской и государственной организации, на уровне, никогда не достигавшемся в Новом Свете до контакта с европейцами. Очень часто мировые религии связаны с мировыми империями, а в Новом Свете, за исключением государства инков в XV и XVI вв., никогда не существовало мирового государства. На территориях Нового Света, где были обнаружены групповые и племенные сообщества, в течение рассматриваемого периода и даже в более поздние времена религия была тесно связана с родством и местными, социальными и политическими институтами, основанными на родственных связях. Есть убедительное археологическое свидетельство, относящееся к этому периоду, о том, что культы предков были основой религиозной системы во многих сообществах Нового Света. В таких сообществах предки служат защитниками и покровителями своих потомков, и обожествленные предки одной группы мало значат или не имеют никакого значения для других групп.

Даже в двух областях более комплексного развития, где были государства и городское хозяйство, – в Центральной Америке и Центральных Андах – основным принципом организации до большой степени оставались родственные отношения и культ предков продолжал функционировать как основная религия. Древние майя, например, были почти определенно поделены в соответствии с их родословны-

ми, связанными культурами предков. Наиболее впечатляющими постройками, обнаруженными у майя, были здания для захоронения правителей, обожествленных после смерти, а при жизни бывших главами самого высокого по статусу ряда в каждом государстве майя. Таким образом, многое в структуре общества майя было сходно со структурой племенных царств.

Наряду с этой организацией, основанной на родстве и родовых кланах, тем не менее, имеется явное наличие специализированных политических институтов власти, которые давали королям майя значительно больше богатства, власти и престижа, чем имели большинство вождей племен. Эта власть давала им возможность вести строительство в гораздо более широких масштабах, чем это могли себе позволить вожди в племенных королевствах. Именно из-за наличия этих особенностей, несмотря на влияние родственных отношений, майя прежде всего и были организованы в государства. Среди древних майя было и некоторое экономическое расслоение, обусловленное на различиях в доступе к труду, более плодородным землям и к владению рабами-военнопленными. По сочетанию характеристик общество майя в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях во многих отношениях было очень сходно с западноафриканскими обществами.

Вместе с возникновением обществ с более глубоким расслоением, становящихся более похожими на государства, культы предков сочетались с государственной религией, которая только частично была основана на выдвигании королевских предков на более высокий божественный статус. Эти государственные культы включали пантеон высоких богов, причем некоторые из них были заимствованы за пределами региона проживания майя.

Среди этих заимствованных богов был Тлалок, концепция которого распространилась из Теотиуакана в центральной Мексике. В самом Теотиуакане Тлалок был богом дождя и плодородия, но ему также приписывались военные функции. Некоторые исследователи предполагают, что эти две различные роли можно было бы рассматривать для двух разных божеств. По одной версии, Тлалок был покровителем местных дел в Теотиуакане, по другой, он прежде всего определял отношения с другими странами. Последняя версия Тлалока широко распространилась по Центральной Америке. Природа распространения этих религиозных воззрений из Теотиуакана была очень сложной. Как было указано ранее, хотя это и кажется не связанным с расширением империи, наличие профессиональных воинов, несущих символы Тлалока на щитах, указывает на то, что был определенный политический аспект в распространении веры в Тлалока. Некоторые короли майя, может быть, использовали наемных теотиуаканских воинов для оказания им поддержки в их попытках контролировать соседние группы. Тем не менее наиболее важным механизмом теотиуаканского влияния на Центральную Америку, включая распространение культа Тлалока и других религиозных изображений, была, вероятно, торговля обсидианом, и есть явное свидетельство проживания теотиуаканских торговцев в иностранных городах; возможно, они играли роль агентов в распространении теотиуаканских религиозных верований.

В Центральных Андах феномен, который мы ранее называли феноменом Тиауанако, включал распространение определенных религиозных верований по очень большой территории и в данном случае почти наверняка был связан с завоеванием и политическим объединением. Этот процесс к 700 г. н.э. продвинулся уже далеко, и тиауаканские религиозные изображения широко распространились по большой территории от центральной части Боливийского нагорья.

В Центральной Америке и во всех Центральных Андах распространение религиозных верований, по всей видимости, сопровождалось политическими и экономическими

процессами, в которые прежде всего вовлекались правящие классы, и идеи, включавшие элементы космологии и космогонии, наряду с многочисленными сверхъестественными символами, распространялись очень широко. Очевидно, местные правители не только внутри политических сфер влияния, но и вне их видели определенную целесообразность в заимствовании таких верований и использовали их для усиления влияния над своим собственным народом. Мы знаем, что в более поздние времена использование иноземных богов и божеств также сочеталось с мифологией правящего класса, происхождение которого отличалось от происхождения зависимых от него людей, а также с исключительными правами на общение с этими сверхъестественными существами.

Интересным вопросом является вопрос об организационном аспекте религий Нового Света.

В период с 600 г. до н.э. до начала нашей эры в Центральной Америке и в Центральном Андах и с 200 г. до н.э. до 200 г. н.э. на востоке современных Соединенных Штатов большая часть образцов массивной архитектуры, обнаруженных в центрах племенных царств, служила в качестве погребальных сооружений.

По мере эволюции государств в двух областях Центральной Америки и в Центральном Андах появление высоких богов и связанных с ними ритуалов привело к возведению массивных каменных или саманных построек — мест для отправления обрядов, посвященных этим богам. Однако неясно, до какой степени это приводило к дифференциации священнослужителей того типа, какой был характерен для ацтеков во времена испанского завоевания. В ацтекском обществе священнослужители делились в соответствии с политической иерархией. Ордена священников, давших обет безбрачия, действовали при храмах, а храмы владели землей, не принадлежавшей государству.

Тесная интеграция религии и политики в искусстве и архитектуре, пришедшая из более древних времен в два больших региона цивилизации, явно указывает на нечто сходное с тем, что было характерно для племенных королевств, — на то, что религиозные и политические правители были в одном лице. Археологические сведения о культурах тиауанако, мочика и наска в Центральном Андах и древних майя, сапотеков и тотонаков в Центральной Америке указывают на справедливость этого вывода. Единственное указание на то, что священники отличались от политических лидеров общества, найдено в Теотиуакане в виде архитектурных комплексов, служивших в качестве специальных храмов высоким божествам, таких как пирамиды Солнца и Луны и храм Сиудадела. Архитектура храмовых построек здесь сочетается с архитектурой жилых домов в едином комплексе зданий, но в этих трех комплексах храмы выделяются из общей структуры. Несколько удивляет использование монументальной религиозной архитектуры даже в комплексе жилых зданий для людей с высоким положением. В этих комплексах, например в комплексе Дороги мертвых, дворцы кажутся небольшими по размерам и карликовыми по размаху архитектурных конструкций, примененных для постройки жилищ. Эти различия позволяют предполагать, что здесь представлены два отдельных института организации общества, но этот вывод неочевиден.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Недавно группа ученых предположила, что даты жизни Будды следует перенести вперед примерно на восемьдесят лет. Предположения по обновлению дат и переоценке существующих дат обсуждаются в трудах под редакцией Х. Бекерта (*Beckert*).

БИБЛИОГРАФИЯ

- AMES, R.T. 1983. *The Art of Rulership*. Honolulu.
- BECHERT, H. 1991. *The Dating of the Historical Buddha*. Gottingen.
- BROWN, P. 1977. *Religion and Society in the Age of Saint Augustine*. London.
- BURKERT, W. 1977. *Griechische Religion der archaischen und Klassischen Epoche*. Stuttgart.
- CHADWICK, H. 1967. *The Early Church*. Harmondsworth.
- CHANG, K.-C. 1983. *Art, Myth and Ritual: The Path to Political Authority in Ancient China*. Cambridge, Mass.
- CHEN, K. 1964. *Buddhism in China. A Historical Survey*. Princeton.
- GILLON, W. 1984. *A Short History of African Art*. London.
- GRANT, F.C. (ed.). 1953. *Hellenistic Religions: The Age of Syncretism*. New York.
- GROUSSET, R. 1929. *Sur les traces du Bouddha*. 6th edn. Paris.
- GUTHRIE, W.K. C. 1962–81. *History of Greek Philosophy*. Vols. 1–6. Cambridge.
- KOSAMBI, D.D. 1965. *The Culture and Civilisation of Ancient India in Historical Outline*. London.
- LAMOTTE, E. 1958. *Histoire du Bouddhisme indien. Des origines à l'ère Caka*. Louvain.
- LEON-PORTILLA, M. 1963. *Aztec Thought and Culture*. Norman, Oklahoma.
- LEWIS-WILLIAMS, J.D. 1983. *The Rock Art of Southern Africa*. Cambridge.
- DOWSON, T.A. 1989. *Images of Power: Understanding Bushman Rock Art*. Johannesburg.
- LIU, XINRU. 1988. *Ancient India and Ancient China: Trade and Religious Exchanges, AD 1–600*. Delhi/Oxford.
- LONG, A.A. 1974. *Hellenistic Philosophy*. London.
- LUMBRERAS, L. 1974. *The Peoples and Cultures of Ancient Peru*. Washington D.C.
- MACMULLEN, R. 1984. *Christianizing the Roman Empire, AD 100–400*. New Haven.
- MITRA, D. 1971. *Buddhist Monuments*. Calcutta.
- NEUSNER, J. 1983. *Judaism in Society*. Chicago.
- PHILLIPSON, D.W. 1976. *The Prehistory of Eastern Zambia*. Nairobi.
- RAHULA, W. 1966. *History of Buddhism in Ceylon*. 2nd edn. Colombo.
- ROE, J. 1946. *The Inca Culture at the Time of the Spanish Conquest*. In: STEWARD, J.H. (ed.). *Handbook of South American Indians*. Vol. II, pp. 183–330. Washington D.C., Bureau of American Ethnology. (Bulletin 143.)
- SANGHARAKSITA, B. 1975. *Buddhism*. In: BASHAM, A.L. (ed.). *A Cultural History of India*. London. Chapter VIII, pp. 83–99.
- SCHLE, L.; MILLER, M.E. 1986. *The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art*. Fort Worth, Texas.
- SCHWARTZ, B.I. 1985. *The World of Thought in Ancient China*. Cambridge, Mass.
- THAPAR, R. 1966. *A History of India*. Vol. I. Harmondsworth.
- WALLIS, R.T. 1972. *Neoplatonism*. London.
- WIDENGREN, G. 1965. *Mani and Manichaeism*. London.
- WILLCOX, A.R. 1984. *The Rock Art of Africa*. London.

ЯЗЫКИ, ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

*Александр К. Аделаар, Вилт Л. Идема, Раймар Мюллер,
Дэвид У. Филлипсон, Уильям Т. Сендерс и Ромила Тханар*

С начала железного века был достигнут новый уровень развития письменности и литературы наряду с развитием новых способов распространения языковых семейств и отдельных языков. Экономические, культурные и социальные изменения, через которые прошла большая часть человечества, привели к появлению новых ключевых регионов и центров исторического развития, но также и к повышению мобильности племенных сообществ, особенно сообществ кочевников. В некоторых регионах росло население. Результатом были всеобщие перемещения народов, при которых целые племена расширяли или даже покидали территорию первоначального расселения и занимали новые территории, принося свой язык и культурные традиции.

С другой стороны, росли империи, в некоторых из которых господствовали династии племенного происхождения. Их язык часто становился официальным языком империи; он использовался элитой различного этнического происхождения, которая была теперь объединена в рамках единой империи. Таким образом, наблюдалось расширение использования некоторых языковых семейств внутри регионов. Кроме того, некоторые ветви семейств языков распространялись географическим путем, как это было с китайским языком, санскритом, греческим, германским, кельтским, тюркским, иранским языком и другими языками.

Благодаря многочисленным записям, дошедшим до наших дней с V в. до н.э. в греческой, римской, китайской, индийской, персидской, египетской и древнееврейской традициях, и из-за многовековой преемственности многих языков оказывается возможным реконструировать развитие языков и их распространение на протяжении веков, рассматриваемых в данном томе.

Из-за возникновения и взаимодействия культурных областей, государств, торговых связей и переселений народов некоторые языки начинали играть доминирующую роль в качестве инструментов устного и письменного общения. Например, члены высших социальных групп в эллинистических королевствах и колониях от Испании до Центральной Азии и Северной Индии могли общаться на греческом языке. Китайский язык стал письменным языком общения высших классов в Восточной Азии. Позднее то же самое произошло с латинским языком в некоторых частях Европы, Западной Азии и Северной Африки, а также с арабским языком со второй половины VII в. н.э. В Африке к югу от Сахары и в Америке сходные процессы имели место в семьях языков и распространении языков и приобретении специального статуса, но поскольку письменных источни-

ков недостаточно, то очень трудно получить точную картину этого процесса.

Важность прогресса в развитии письменности и чтения трудно переоценить. В регионах Средиземноморья греки развили свою собственную письменность, основанную на письменности финикийцев из Западной Азии. Они создали алфавитное письмо, с помощью которого стало возможным записывать слова языка – любого языка, – используя исключительно простые фонетические знаки вместо изображения слов посредством идеограмм, что было типично для более ранних систем письменности. При этом стало также возможным использование лишь ограниченного набора букв – двадцать–тридцать – при бесконечном количестве их сочетаний и представление с их помощью незнакомых слов и имен. Изобретение алфавитного письма, безусловно, означало революцию. Оно сделало письмо доступным более широким социальным группам. Письму можно было научиться, его легче было выучить и использовать в повседневной жизни. Традиционные системы письма в Египте и Китае также изменились, но только в сторону упрощения форм их знаков.

Новый уровень развития письменности в Средиземноморье вместе с широким распространением греческого и латинского языков позволил поднять на более высокий уровень общение с далекими иноземцами, хранение данных и распространение результатов философского и научного мышления. Благодаря египетскому папирусу, который уже использовался в течение длительного времени, и новому китайскому изобретению – бумаге, стали доступны очень полезные и недорогие материалы, которые позволяли писать курсивом, соединяя знаки или буквы между собой, в то время как другие и более древние системы письма с использованием камня, металла, глины, дерева или кости требовали трудоемкой раздельной гравировки одного знака или изображения за другим.

В тех частях мира, где распространялись эти новые системы письменности, появилась возможность записывать устные традиции как литературу и развивать разнообразные виды литературы, которые распространялись в виде копий, переписанных в профессионально организованных мастерских. Рукописи можно было продавать и хранить в частных и общественных библиотеках.

Хотя первые шаги в области письменности были предприняты около 3000 г. до н.э., именно с начала железного века письменность достигла уровня, который позволил в широких масштабах сохранять человеческие идеи и связи. Культурная и научная история человечества поднялась на новый уровень.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

Период с VII в. до н.э. по VII в. н.э. в Южной Азии полон свидетельств использования устной и письменной литературы во множестве языков. Довольно ограниченная литература ритуальных гимнов и толкований в начале I тысячелетия до н.э. постепенно разрастается до невероятного богатства литературных источников по всем отраслям знания. Некоторые из них были первоначально частью устной традиции, но были преобразованы в литературные формы.

Среди наиболее удивительных особенностей языка как средства общения выделяется то, что различные социальные группы, а также поддерживающие их различные идеологии и религиозные верования использовали специфические, но разнообразные языки. Основным языком в северной Индии был санскрит, который в его наиболее ранней доступной форме в качестве языка ведических текстов лингвисты считают древним индоарийским, или индийским языком. Он связан с древнеиранским языком и числится в ряду языков, произошедших от индоевропейского языка. Поэтому существовала некая общая область с тесными лингвистическими связями, простиравшаяся за пределами Индии. То, что использование санскрита не было единообразным и что в него были включены элементы местных лингвистических форм из неарийских языков, следует из региональных вариаций санскрита, относящихся к III в. до н.э.

Санскрит первоначально использовался авторами брахман (древнеиндийские священные книги, дополняющие Веды и содержащие в основном описания и толкования ритуала ведической религии. – *Прим.ред.*). Ведический санскрит, язык большого числа религиозных текстов, известных как Веды, был ближе к воссозданному индоевропейскому языку, чем поздний классический санскрит, который стал общераспространенным приблизительно с V в. до н.э. Эта более поздняя версия использовалась также в королевских надписях, но не в древнейших из них. Предпочтительным языком для надписей были вначале пракриты – собирательный термин, относящийся к ряду наиболее широко использовавшихся языков, которые произошли от санскрита, но включали местные варианты. Практику в более поздние времена отдавали предпочтение джайны – последователи джайнизма. Будда проповедовал на региональном пракрите из долины в среднем течении Ганга, а буддийский Канон был написан на языке *пали*, связанном с ведическим санскритом. Некоторые буддийские тексты северной традиции, составленные на крайнем севере этого субконтинента, использовали гибридный санскрит. Надписи на греческом и арамейском языках также делались по указаниям королей, чьи территории включали в себя Северно-Западную Индию и Афганистан, вероятно, для общения со своими иранскими и греческими подданными в этих областях. На полуострове Индостан и на юге Индии языковой базой служил дравидийский язык, а самым старым языком среди них был тамилский. Древнейшие свидетельства его применения содержатся в героических поэмах, первоначально передававшихся изустно. Позднее, со II в. до н.э., тамилский язык использовался для жертвенных надписей. Другие языки на основе дравидийского, такие как *каннада* и *телугу*, проявились начиная приблизительно с середины I тысячелетия н.э. Даже в III в. до н.э. было большое лингвистическое разнообразие, эта особенность была характерна для индийской цивилизации.

Таким образом, не существует подтвержденных данных относительно адаптации письменности Хараппской цивилизации (археологическая культура бронзового века, середина III – 1-я половина II тысячелетия до н.э. – *Прим.ред.*) к письменной практике этого более позднего периода. Древнейшие письменные источники существуют в форме

надписей. На крайнем севере для этого использовался язык *харостхи* (*kharoṣṭhī*), произошедший от западно-азиатского арамейского языка. В других местах более широко был распространен язык *брахми*. На юге была принята тамилско-брахманская письменность, явившаяся адаптацией *брахми* к тамилскому языку. Полоски из пальмовых листьев (*таллапаттра*) или березовой коры (*бхурджанаттра*) связывались вместе в форме книги (*грантха*) и хранились в деревянных обложках. Слово *грантха* впоследствии иногда использовалось в значении «письменность».

Авторы различных сочинений этого периода были поначалу или бардами, или жрецами и монахами. Поэты, переписчики или представители профессий, требующих грамотности, появились позже. Грамотность наиболее широко была распространена среди монахов и отличала также образованных *брахманов*. Кроме того, грамотность была широко распространена среди тех, кто писал руководство с профессиональными наставлениями и сведениями, и, конечно, среди писцов. Аудитория и читатели варьировались в зависимости от времени и места действия: барды читали свои сочинения перед вождями и королями; придворный поэт был на службе у короля; королевские заявления в форме надписей были средством общения между королем и подданными; дарственные надписи имели как общественную, так и правовую цели. Применение грамотности поэтому было многоцелевым и не ограничивалось рамками религиозных текстов.

В определенной степени спорным остается вопрос, означает ли написание первой дошедшей до нас нормативной грамматики санскрита «Астадхьяи» («*Aṣṭādhyāyī*») (автор Панини, IV–V вв. до н.э.) существование грамотности. Степень системности и рациональности в описании языка делает эту грамматику замечательной работой. Панини, возможно, был также знаком с более ранним этимологическим исследованием «Нирукта» (автор Яска), ставшим, вероятно, необходимым в связи с изменениями, внесенными иноземцами, а также в связи с ожиданиями более широкого использования санскрита. Грамматика Панини стандартизировала использование санскрита и стала основой классического санскрита, некоторым образом отличающегося от ведического санскрита. Она также заложила основы для написания серий грамматик в последующие времена, что указывает на сложности в понимании языка. Анализ языка был центральным элементом интеллектуального багажа древних индийских мыслителей.

Обе параллели – устная и письменная – продолжали играть важную роль в течение большей части этого периода, и даже несмотря на то что введение грамотности изменило функцию языка, устная традиция не потеряла своей значимости; к ней лишь стали относиться как к особой традиции со своим собственным профессиональным опытом. Звук имел значение и был связан с магической силой. Неверное произношение даже одного слога могло иметь ужасные последствия. Поэтому ведические *мантры* или ритуальные и заклинательные формулы запоминались только *брахманами* посредством разнообразных сложных мнемонических приемов. Несомненно, это было также попыткой исключить некоторые социальные группы, которые постоянно оставались безынициативными. Фонетическая точность стала существенным фактором исполнения ритуалов и важной частью построения языка. Грамматические формы в санскрите действительно требовали этой неукоснительной точности. Людей, неправильно произносивших слова, прогоняли как *млечча* (*mleccha*); впоследствии это слово обозначало также людей вне общества. Поэтому язык играл существенную роль в выделении социальных групп. Ведическую литературу делили на *шрути* (*śruti*), т.е. устные элементы, которые следовало слушать как *мантры*, и *स्मृति* (*smṛti*) – священ-

ные предания, которые следовало запоминать как руководство и кодексы социального поведения.

Ведическая литература – гимны, жертвенные формулы, толкования к ним и философские рассуждения – оставалась в основном в рамках устной традиции еще долго, даже в I тысячелетии н.э. Индоевропейские параллели очевидны, но также очевидны и заимствования языка и мифологии коренных народов с тех территорий, откуда происходили авторы этих текстов. Сделанное ранее замечание о существовании острой лингвистической дихотомии между людьми, говорящими на индоарийских и других языках, можно несколько смягчить, так как возможно, что практика двуязычия была распространена более широко, чем это принято считать.

В противоположность элитарной природе ведического учения, этнические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна» были более открыты. Они первоначально сочинялись бардами, но затем были восприняты сочинителями-жрецами и превратились в священную литературу в религии вишнуизм. К «Махабхарате» была добавлена «Бхагавадгита», и в последние столетия она стала рассматриваться многими индийцами как центральная часть их религии. Поскольку эпическая традиция была открыта для различных социальных групп, то общим явлением стали более поздние вставки в тексты слов, не принадлежащих авторам и искажающих смысл. Тем не менее повествование проходит через многие события, стереотипные для эпосов во всем мире. Бард, или *сута*, передавал длинную родословную правителей и королей за последние три тысячелетия. Эти списки были восстановлены *брахманами* и включены в *пураны* (памятники древнеиндийской литературы, священные книги индуизма. – Прим. ред.), которые содержали легенды и мифы, важные для традиционной истории, а также для некоторых религиозных сект. Переложение сочинений бардов грамотными жрецами, которые затем использовали эти тексты для усиления своего собственного престижа, было достаточно распространенным явлением.

Сходными с эпическими произведениями по назначению и настроению, но более фрагментарными по форме являются тамильские поэмы о любви и войне, собранные литературной академией Санга в поэтические сборники «Эттутохей» («Восемь антологий») и «Паттупатту» («Десять песен»). Некоторые поэмы являются замечательными описаниями жизни простых людей, другие превозносят героические ценности. Первый грамматико-поэтический трактат на тамильском языке «Толькаппиям», несомненно, внес вклад в стабилизацию положения с использованием тамильского языка во многих частях Южной Индии. Два более поздних сочинения на тамильском языке («Манимекалаи», написанное Чаттанаром, и «Шилаппадикарам», написанное Иланковатикалом), вошедшие в буддийскую и джайнистскую традиции, указывают на существенный переход от литературы бардов к придворной литературе; то же относится и к произведению «Тиррукурал».

Придворная литература становится более плодотворной в результате расширения использования санскрита при королевских дворах, где в основном сочинялись *нататка* (пьесы) и *кавья* (длинные поэмы). Сочинением пьес как формы придворной литературы занимались многие авторы, среди них Бхаса, Калидаса, Шадрак и Вишакхадатта. Ранние пьесы Бхасы были легкомысленными романсами с включениями изящной поэзии, не выходящими за рамки интересов придворных кругов, особенно придворной любви. Сочинения Калидасы, датирующиеся, возможно, серединой I тысячелетия н.э., стали образцом придворной литературы для будущих поэтов, многие из которых занимались откровенным плагиатом или удачно подражали его сочинениям. Его пьеса «Шакунтала, или Перстень-примета» была высоко оценена Гете и германским романтичес-

ким движением и поэтому имела важное значение даже для ориентализма. Шадрак и Вишакхадатта перешли от романа к реальности повседневной жизни и к придворной политике. На то, что интерес придворной литературы все чаще смешался к сочинению комедий, указывают также произведения двух царствующих королей, которые писали пьесы: королем Канаужем была написана пьеса «Харсавардхана», а королем южноиндийского государства Паллавов – пьеса «Махендравикрамаварман». Поэтов Бхартрихари и Бхатти помнят, в частности, за их замечательные короткие пьесы.

Другим жанром придворной литературы, распространившимся в последующие века, была *чарита* (*carita*), или биография. Этот жанр берет начало в «Буддхачарита» («Жизнь Будды»; автор Ашвагхоша) и в «Харшачарита» («Жизнь Харши», короля VII в.; автор Банабхатты (Бану)). Характерной чертой этой литературы, как, впрочем, и ее слабостью, было восхваление поэтом описываемого лица.

Басни и повествования во все времена составляли неотъемлемую часть литературы каждого языка. Возможно, наиболее известными были рассказы, собранные под общим названием «Панчатантра» (по-санскритски – пяти-книжие), породившие позднее аналогичные переложения, но с использованием других культурных и социальных идиом. «Панчатантру» следует рассматривать в брахманском контексте. Подобные повествования, но с буддийской этикой, собраны в *джатаках* (жанр древнеиндийской литературы; по форме – проза, перемежающаяся стихами. – Прим. ред.). В более поздние времена такие сборники составлялись на других этических и идеологических основах. Существуют также чисто повествовательные сборники, такие как «Брахаткатха» («Великий сказ», автор Гунадхья), которые иногда считаются прототипами «повествовательной» литературы, которая стала впоследствии характерным жанром в Индии. Наиболее живым примером этого жанра является знаменитый роман Дандина «Похождения десяти принцев».

Техническая литература в этот период представлена почти полностью на санскрите. Акцент на ритуальных и на социальных обязанностях, рассматривавшихся как священный долг, был центральным в брахманском мировоззрении, о чем свидетельствуют «Грхьясутра» и «Шраутасутра». Установление системы обязанностей через кастовые правила были попыткой предложить социальные нормы. Тексты, характеризующиеся таким подходом, такие как «Дхармасутра» и «Дхармашастра», колониальной и ранней ориенталистской школами ошибочно принимались за своды законов в ходе их исследований формального индуистского законодательства. Такие тексты относят к обычной практике, отражающей иерархический взгляд на общество и провозглашающей форму нормативного поведения. Другие исторические источники указывают на действительное социальное поведение, иногда противоречащее этим нормам, и поэтому положения в этих текстах не могут рассматриваться как кодекс законов, обязательных к выполнению. Более того, они отражают точку зрения небольшой, хотя и влиятельной части общества – брахманов, и поэтому их не следует принимать за описание социальной реальности. То, что эти тексты написаны на санскрите, служит еще одним подтверждением, что эти тексты имели хождение в узких кругах королевских дворов и школ брахманизма. Те места, где брахманские тексты были менее влиятельными, отличались также и нормами социального поведения. Такое различие во взглядах, какое наблюдалось у буддистов и джайнов, необходимо осветить более детально, чем это было сделано до сих пор.

Учение брахманизма подчеркивало, что *мокша*, или спасение, возможно в «правильной» жизни, уравнивающей три важных аспекта существования – *дхарма* (священный долг), *артха* (поддержание жизни) и *кама* (любовь,

сфера чувственной, эмоциональной жизни). Поскольку существуют тексты по *дхарме*, есть также и тексты, посвященные двум другим аспектам. Наиболее важным произведением является «Артхашастра» (наука о пользе, о практической жизни, автор Каутилья) – трактат о политической экономике хорошо управляемого королевства; на основании этой книги можно многое сказать о видах деятельности и различных профессиях того времени. «Камасутра» (автор Ватсьяна Малланага) интерпретирует понятие наслаждения как связанное с сексуальной активностью.

Интерес к исследованиям в области медицины, астрономии и математики проявился рано. Строительство алтарей, необходимых для ведических священных ритуалов, требовало знаний геометрии, которые отражены до некоторой степени в «Шулашастре». Жертвоприношения животных пробуждало также интерес к анатомии. Достаточно развитые медицинские знания можно обнаружить в трактатах Чарака и Сушрута в первые века н.э. Ветеринария, особенно относящаяся к лошадям и слонам, стала важной областью изучения.

Две основные особенности индийской математики революционизировали роль науки. Одной из них было понятие цифры в десятичной системе счисления, а другой – использование численных знаков для представления цифр от 1 до 9. Они были заимствованы арабами у индийцев и дошли до Европы в виде арабских цифр. Идеи в области астрономии отражены в древнейших сочинениях, и некоторые ученые предполагают, что, возможно, в них проявляется знакомство с идеями, развивавшимися в Месопотамии. Связь с Западной Азией становится более очевидной в начале I тысячелетия н.э. Тем не менее некоторые из наиболее важных теорий математика пятого века Ариабхата, как, например, идея о вращении Земли вокруг Солнца и вокруг собственной оси, не получили дальнейшего развития в Индии не были приняты в Западной Азии и в Средиземноморье. Ссылки на *сиддханта* Паулиша и Ромака среди других в книге Варахамихиры «Брахатсамгита», датируемой серединой I тысячелетия н.э., выглядят как системы, связанные с Павлом из Александрии и Рима. Астрономия была отделена от астрологии, хотя последняя часто пыталась опираться на первую для интеллектуального подтверждения. Свидетельством тому служит использование в космологии для обозначения времени цифр, заимствованных из астрономии, но используемых причудливым образом.

Истоки философских размышлений восходят к содержанию «Упанишад». Главным изменением был переход от сосредоточенности на священных ритуалах к свободному исследованию и накоплению знаний. Многие из понятий, развиваемых в «Упанишадах», были приняты группами учителей, основавших свои собственные системы, и среди них наиболее значимыми были буддисты, джайны, представители религиозно-философского течения адживика, а также философского учения Чарвака (Локаята); последнее название относится к материалистическим понятиям, но идеи Локаяты считают противоречивыми. Дальнейшие разработки философских систем проводились или в небрахманских монашеских учреждениях, где грамотность и образованность среди монахов весьма приветствовались, или позднее в поселениях ученых-брахманов, которым королем или аристократами были пожалованы земли.

Возможность философского размышления относительно ряда идей и проблем была обусловлена распространением грамотности и освобождением определенных категорий людей от профессионального труда. Грамотность, возможно, придавала рациональное направление спорам, сосредоточившимся вокруг диалектического метода высказывания предположений, выявления противоположных точек зрения и попыток достижения рассматриваемых положений логическим путем. Философские идеи в первые века н.э. классифицировались по шести системам.

Королевское покровительство и большие пожертвования от торговых сообществ и землевладельцев позволили буддистам, джайнам и сторонникам адживики основать монашеские комплексы, где важным занятием считалось образование как путь к спасению. В буддийском Каноне на языке пали центральными являются тексты «Трипитака», являвшиеся только частью постепенно расширявшейся богатой литературы на пали. Отмечался также интерес к осмыслению прошлого в исторической форме с особой точки зрения секты, пишущей историю. В трудах «Дипавамса» и «Махавамса» была записана история Шри-Ланки – так, как она воспринималась влиятельной буддийской сектой Тхеравада. Подтекстом в этой ситуации было то, что грамотность поощрялась также и торговыми сообществами. Литература на пали, датирующаяся более поздним временем написания, чем «Трипитака», также испытала влияние придворного стиля, о чем свидетельствуют поэмы «Тхерагатха» и «Тхеригатха», приписываемые монахам и монахиням более древних времен, но составленные явно гораздо позднее. Канон джайнизма более сложно датировать; из многих его текстов одной из древнейших считается «Ачарангасутра».

Использование пали и пракритов буддийскими и джайнистскими авторами не исключало использования ими санскрита, когда это требовалось. Такие религиозные группы провозглашали, что нет общественных барьеров для тех, кто присоединится к ним, и поэтому более подходящим для их целей было использование популярного языка. Иногда они даже писали свои собственные версии текстов, первоначально написанных брахманами. В таких версиях их интерпретации отклонялись от оригинала, примером служит джайнистская версия эпоса «Рамаяна», написанная Вимилашури на пракрите около середины I тысячелетия н.э. и озаглавленная «Паумачариям». Настоятельное требование, чтобы люди высокого положения использовали санскрит, не всегда соблюдалось. Так, на пракрите вершиной поэзии были стихи Хала. Автор похваливает впечатляющее знание жизни простых людей и людей из сельских областей, хотя эта тема редко рассматривалась в то время и, возможно, указывает на более плебейское происхождение автора, чем об этом заявлено в поэме, авторство которой приписывается королю Западной Индии.

И наконец, еще одна категория текстов, о которых часто забывают в дискуссиях о языке и литературе, но которые имеют важное значение для коммуникации в обществе, – это надписи, во множестве обнаруживаемые в Индии, выгравированные на поверхностях камней и на медных пластинках. Некоторые из них являются королевскими указами, как надписи правителя империи Маурьев Ашоки, в которых царь сообщал свою точку зрения на вопросы управления, отношения со своими подданными, социальные нормы и священный долг. Некоторые надписи являются биографическими сведениями о правителях и описанием их деятельности. Неизвестно, насколько такие надписи соответствуют фактам, но они также включают некоторые хвалебные пассажи. Другие надписи представляют собой записи о героических деяниях на поле битвы или при защите поселения. Но в подавляющем большинстве это записи о дарах и пожертвованиях. Это буддийские или джайнистские надписи о сделанном пожертвовании на строительство религиозных монументов; больше всего пожертвований делалось семьями профессионалов и землевладельцев. Это были также королевские дары и, следовательно, более существенные и впечатляющие, и делались они в пользу монастырей или образованных брахманов. Надписи в Южной Азии играли роль, похожую на роль придворных летописцев в других обществах. Их основной задачей было возвестить о деяниях тех, кто имел власть, а также сделать запись об этих актах, особенно там, где такие записи рассматривались как правовые документы.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ОКЕАНИЯ

Языки Юго-Восточной Азии и Океании принадлежат к различным языковым семействам: сино-тибетскому (китайско-тибетскому), тайскому (сиамскому), мяо-яо, австроазиатскому, австронезийскому, папуасскому и австралийскому. Языки, принадлежащие этим семействам, часто рассеяны по многим странам; северная часть Юго-Восточной Азии особенно отличается сложным разнообразием языков, принадлежащих к нескольким языковым семействам.

Бирманский язык (официальный язык Мьянмы, на нем говорят приблизительно 24 млн. чел.) принадлежит к сино-тибетской семье языков вместе с другими языками Мьянмы (Бирмы), такими как языки каренов (народов в Мьянме и на западе Таиланда. – *Прим. ред.*) и качин. То же относится к китайскому языку, на котором на нескольких диалектах говорят китайцы, а также китайские переселенцы во всех странах Юго-Восточной Азии. Бирманцы переселились в Мьянму с северо-востока в IX в. н.э.; их язык заменил язык *кью*, который в настоящее время считается исчезнувшим, но до того был в Северной и Центральной Мьянме очень важным языком в культурном и политическом отношении. Бирманский язык в основном также заменил язык *мон* (*мон-кхми*), австроазиатский язык, имевший большое культурное влияние, преобладавший в равнинной Мьянме и большей части Таиланда.

На языках мяо-яо говорят меньшинства в Северном Вьетнаме и Южном Китае.

Тайский и лаосский (в Лаосе) языки относятся к семейству тайских языков. Остается неопределенным, связано ли семейство тайских языков с другими языковыми семействами (сино-тибетскими или австронезийскими). На тайском (сиамском) языке говорит большинство из 52 млн. (по сведениям на 1996 г. – 60 млн. – *Прим. ред.*) жителей Таиланда; на лаосском (лаотянском) языке – 1,5 млн. человек (около 3 млн. – *Прим. ред.*). Народы групп *тай* и *лао* переселялись в Таиланд и Лаос начиная с VII в. н.э. Вероятно, они пришли из области между провинцией Таиланда Чиангмай и Юньнаньским нагорьем в Китае и вытеснили первоначальные народности – кхмеров, мон и др.

Языки вьетнамский (на нем говорят 65 млн. чел.), кхмерский (Камбоджа, 6 млн. чел.) и мон (Мьянма, Таиланд) принадлежат к мон-кхмерскому языку. Это ответвление австроазиатской семьи языков, носители которых живут в континентальной Юго-Восточной Азии, в Китае, на индийском субконтиненте и на Никобарских островах. Языки первых обитателей полуострова Малакка («оранг-асли») также принадлежат к этому ответвлению. Вьетнамцы жили в северном Вьетнаме до XVI в. н.э., пока они не нанесли окончательное поражение народности *чам*. Последние говорят на австронезийском языке и преобладали на юге Вьетнама.

Малайский и яванский языки принадлежат к семейству австронезийских языков, в которое входит более 850 языков. Примерно на 300-х из них говорят в Индонезии и Малайзии, на 70-ти – на Филиппинах, и почти все остальные рассеяны по Тихоокеанскому региону, лингвистически одному из самых богатых регионов мира. На австронезийских языках говорят в Малайзии, на Мадагаскаре, на островах Юго-Восточной Азии и Тихого океана, кроме того, на них говорят меньшинства на Тайване, во всех странах континента Юго-Восточной Азии, а также в Малайзии. Около тысячи лет назад малайцы начали колонизацию полуострова Малакка, который был тогда в основном населен австроазиатскими народами, говорящими на оранг-асли. Малайцы пришли с Юго-Западной Суматры, где у них были королевства начиная с VII в. н.э. или даже ранее. Есть лингвистические указания на то, что место происхождения малайцев – провинция Западный Калимантан.

Австронезийские языки в Тихом океане включают полинезийские языки (гавайский, таитянский, тонганский и др.),

микронезийские языки и несколько меланезийских языковых групп. На австронезийских языках говорят от 280 до 300 млн. чел. Наибольшее число людей говорит на таких австронезийских языках, как яванский (более 60 млн.), малайский (до 30 млн.), сунданский (20 млн.), себуанский (11,5 млн.), тагалогский (тагальский) (10 млн.) и малагасийский (10 млн.). Малагасийский язык (Мадагаскар) родствен языкам Южного Калимантана. Первые малагасийские переселенцы предположительно оставили Юго-Восточную Азию, чтобы поселиться в Восточной Африке, около VII в. н.э.

На Новой Гвинее и на окружающих островах говорят на более 1000 самостоятельных языков. Они принадлежат к двум языковым семействам – австронезийскому и папуасскому. На австронезийских языках говорят на прибрежных территориях. Это меланезийские языки, многие из которых испытали влияние папуасских языков. Полагают, что они явились результатом более позднего австронезийского переселения на территории, бывшие первоначально папуасскими.

Существует около 750 папуасских языков. Очевидно, они принадлежат не к одному, а, возможно, более чем к 60 различным языковым семействам. На них говорят в Новой Гвинее и, кроме того, на севере острова Хальмахера, островах Алор, Пантар и частично на востоке острова Тимор и в Кисар в Индонезии, частично также на островах Новая Британия, Новая Ирландия и на Соломоновых островах в Тихом океане. Скорее всего, лингвистическое многообразие на острове Новая Гвинея обусловлено несколькими факторами. Остров населен папуасами более 40 тыс. лет. Природные условия этой территории затрудняют установление контактов с проживающими вдалеке этническими группами. И наконец, папуасские общества часто рассматривают свой собственный язык как признак самобытности, для того чтобы отличать самих себя от других народов.

Подобно папуасам Новой Гвинее, аборигены Австралии жили на своем континенте более 40 тыс. лет. При прибытии первых европейцев в Австралию аборигены говорили на приблизительно 200–250 различных языках. Сейчас только часть коренного населения Австралии все еще говорит на каком-либо из австралийских языков, около половины из которых исчезло. Из оставшихся языков только на нескольких говорят более 500 человек, в их число входят язык тиви (около Дарвина), аранда (Алис-Спрингс) и питджатджантджара (Западная Австралия).

Большинство австралийских языков являются родственными. Языки пама-ньюнган образуют довольно тесно связанную подгруппу, областью распространения которой является Южная и Центральная Австралия. Но языки в Северной Австралии генетически более удалены, и есть некоторые сомнения относительно включения некоторых из них (тиви) в единое австралийское семейство языков. Немногие сохранившиеся данные о (вымерших) языках Тасмании указывают на их родство с семейством языков пама-ньюнган. Данные о генетической связи австралийского или тасманского языков с другими языками отсутствуют.

Письменность

За исключением вьетнамского языка, большинство языков юго-восточной Азии имеют (или имели) письменность, произошедшую из письменности (*грантха* или *паллава*), применявшейся в государстве Паллаво в Южной Индии. В Малайзии, Индонезии и на Филиппинах эти виды письменности сейчас почти полностью заменены латинским письмом. Древнейшие письменные источники в Юго-Восточной Азии – это выбитые на камнях надписи, обычно на санскрите. Древнейшие надписи (на сан-

скрите и чаме) обнаружены в бывшей империи Чампа (сейчас часть Вьетнама). Они датируются концом IV в. н.э. Древнейшие надписи на языках пью, кхмерском и малайском датируются VII в. н.э. На Яве древнейшие надписи появляются в VIII в., на острове Бали – в X в., в Мьянме – в XII в. и в Таиланде – в конце XIII в. н.э. Бирманская письменность является в основе своей монским вариантом письменности паллава. Тайская письменность произошла от кхмерского варианта. Для видов письменности, произошедших от письменности паллава, характерно чтение слева направо. Кроме того, они являются слоговыми: каждая буква обозначает слог, состоящий из согласной и последующей гласной *a* (в некоторых видах письменности иного гласного звука). Эта гласная *a* применяется по умолчанию: если за согласной следует другая гласная, то над буквой, под или после нее (иногда даже впереди) помещается маленький знак гласной для указания на этот факт. В некоторых видах письменности используется непроизносимая буква, для того чтобы записывать слова, начинающиеся с гласной.

Если за согласной не следует никакая гласная (например, если согласная стоит в конце слова), то это также указывается специальным значком (иногда называемым «уничтожитель гласных»). Наконец, последовательности согласных (например, *-стр-* в яванском слове *састра* – «литература») указывается написанием согласных одной над другой, как в яванском языке. В других видах письменности также используются уничтожители гласных, или не применяется вообще никаких средств для указания того, что нет гласных между согласными, образующими последовательность. Различные виды письменности, произошедших от письменности паллава, вероятно, обусловлены использованием различных материалов для записи: например, использование бамбука вызвало появление клинописных знаков в письменности Южной Суматры, в то время как в яванской письменности использование пальмовых листьев позволило придать буквам закругленные формы.

Батаки (группа народов в северной части Суматры) и филиппинцы использовали письменность в основном для записи магически-религиозных и медицинских сведений.

В мусульманских областях (Малайзия, Южные Филиппины, Индонезия) вошло в употребление арабское письмо, и произошло это, самое раннее, лишь в XI или XII в.

Вьетнамцы приняли китайскую (идеографическую) письменность во время китайской оккупации, которая длилась со II по XI в. н.э. (идеографическое письмо – принцип письма, использующий идеограммы – письменные знаки, соответствующие не звуку речи, а целому слову или морфеме. – *Прим. ред.*). Они использовали классическое китайское письмо. В XIII в. н.э. на его основе они разработали свою версию (называемую *нам*), исключительно для вьетнамцев. В Тихоокеанском регионе и Австралии нет традиционных систем письма, за исключением *ронгоронго*, письменности *рапануи* (остров Пасхи, Полинезия). Эта письменность замечательна своей самобытностью – она идеографическая и использовалась в качестве средства для запоминания проповедей членами местной касты жрецов. Она уже перестала применяться, когда миссионеры открыли этот остров в XIX в., и до сих пор полностью не расшифрована.

Традиционная литература

В Тихоокеанском регионе и Австралии традиционная литература была устной. Это относится также к сообществам Юго-Восточной Азии, не имевших письменности, и даже к некоторым сообществам, имевшим письменность (таким, как батаки и несколько филиппинских сообществ).

В других областях Юго-Восточной Азии устная и письменная литература сосуществовали, а в некоторых случаях трудно провести четкое различие между ними. В целом письменная литература испытала влияние космополитических культур (Индия, Китай) и часто развивалась при дворах, в то время как устная литература оставалась более народным и самобытным явлением. Индия имела сильное влияние на различные литературные традиции в Юго-Восточной Азии (за исключением Вьетнама и Филиппин). Переводы и местные адаптации литературных произведений, написанных на санскрите и пали, существуют во многих странах. Версии эпоса «Рамаяна» обнаруживаются повсеместно. Иногда они оставляют след в устной литературе. Другими индийскими произведениями, оказавшими большое влияние на местные культуры, являются «Панчатантра» («Пятикнижие» – книги басен, сказок и новелл нравоучительного характера. – *Прим. ред.*) и эпос «Махабхарата». Индийские литературные труды религиозного или учебного характера были переведены на тайский, кхмерский, лаосский, бирианский, яванский и другие языки. Индийское влияние проявляется также в различных стихотворных формах и литературных стилях. В Таиланде, Лаосе, Мьянме и Кампучии важную роль играли *джатаки* – сказания о перерождениях Будды. Индийское влияние является также важным фактором в литературе малайцев и других мусульманских народов (особенно в яванской литературе).

Во Вьетнаме литература носит отчетливые следы китайской оккупации. Со II по XIX в. в письменной литературе преобладало китайское влияние, которое включало элементы буддизма и конфуцианства. Индийское влияние не было сильным на Филиппинах, где оно, похоже, проявилось только через малайцев. Литература была устной, каковой она и до сих пор является в некоторых областях.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

Письменные материалы

В VIII в. до н.э. пришел конец централизованной власти правителей государства (и династии) Чжоу, и лишь немногие тексты дошли до нас со времен расцвета династии Чжоу через последующие столетия борьбы и раздробленности. Возникновение многих крупных государств начиная с VII в. до н.э. стимулировало развитие историографии, поскольку каждое государство вело свою собственную придворную хронику событий. Продолжающаяся политическая раздробленность и социальные и экономические изменения в каждом государстве стимулировали развитие китайской философии, кроме того, постепенно стали появляться новые формы поэзии.

Дата – 700 г. н.э. – обращает на себя внимание в китайской политической истории, так как она приходится на самую середину правления династии Тан (618–906 гг.), а восьмое столетие стало свидетелем беспрецедентного расцвета литературы в Китае, возникновения различных новых форм и развития искусства книгопечатания.

Если в длинном промежутке времени с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. выделить какую-либо дату, соответствующую поворотному пункту в истории, то именно 105 год н.э. является такой датой, традиционно рассматриваемой как дата «изобретения» бумаги. На самом деле способы изготовления бумаги медленно развивались в течение двух предшествовавших веков, пройдя через стадии от изготовления дешевого оберточного материала до подходящего средства для письма, и это имело величайшие последствия для занятий литературой.

До изобретения бумаги тексты, помимо надписей на бронзе и камне, писались на связанных вместе узких по-

лосках бамбука (или дерева) и шелке. Шелк был слишком дорог для повседневного использования; дерево и бамбук были дешевы, но производственный процесс был трудоемким и неуправляемым, а получавшиеся книги были крайне громоздкими. На самом деле объем писем, сохранившихся с периода до изобретения бумаги, удивительно мал.

Даже если принять в расчет потерянные письменные источники, известные из ранних каталогов и редких цитат, то, скорее всего, можно прийти к твердому заключению, что до изобретения бумаги материал, применявшийся для записи, строго ограничивал объем текстов, которые передавались из поколения в поколение.

За изобретением бумаги, сделавшим книги более дешевыми в изготовлении и более удобными для чтения, в течение второго века и позднее последовало быстрое расширение объема литературных произведений: появились обширные толкования и новые жанры литературы, особенно лирическая поэзия и различные формы нравучительной прозы. Большой объем таких сочинений скоро вызвал появление антологий литературы, которые, в свою очередь, привели к появлению литературной критики. В то время как подобные произведения оставались сферой конфуцианской элиты и бюрократии, другие, менее ценимые в обществе профессиональные группы, такие как врачи, военачальники, последователи даосизма и буддийские монахи, теперь также получили возможность быстро расширять свои собственные письменные труды.

Однако наиболее резкие изменения, вызванные изобретением бумаги, возможно, были совершенно другого порядка. До изобретения бумаги написание текстов было трудоемкой задачей преимущественно высоко квалифицированных, но низко ценимых в обществе писцов. После изобретения бумаги автор писал свои собственные сочинения своей собственной рукой, и вскоре каллиграфия стала высоко уважаемым и широко распространенным искусством среди элиты. Начиная со II в. способность сочинять и писать поэзию и прозу все в большей степени становилась важным качеством человека и мерилем его морального достоинства. Это изменение взглядов достигло кульминации в установлении китайской экзаменационной системы.

Все это свидетельствовало о приобретении литературой центральной роли в высокой культуре традиционного Китая, роли, не имевшей аналогов в любой другой цивилизации. Роль литературы еще более усилилась в связи с ранним появлением стандартного письменного языка, который даже опередил на несколько столетий изобретение бумаги, и письменной системы, в которой были отвергнуты диалектные вариации в произношении и изменения произношения с течением времени.

Древние исторические произведения

В течение веков до объединения империи недолго правившей династией Цинь (221–208 гг. до н.э.) обнаруживается два преобладающих стиля изложения истории, причем оба они отвергали повествовательность: первый господствующий стиль – составление хроник, другой – сбор императорских указов и документов о придворных обсуждениях. Единственная хроника, сохранившаяся от этого периода, – «Чуньцю» («Весны и осени») – расположенная в хронологическом порядке серия не связанных между собой записей, относящихся к периоду 722–429 гг. до н.э., составленных в царстве Лу (современный город Цюйфу в провинции Шаньдун. – *Прим. ред.*). Согласно более поздней легенде, эта хроника была написана (или по крайней мере переработана) самим Конфуцием, который, как полагают, выражал свое одобрение или неодобрение по каждому отдельному эпизоду путем тщательного выбора слов. Эта легенда проясняет главный подход в традиционной китай-

ской историографии: историограф должен был записывать каждый отдельный факт, имевший моральное значение, в надлежащих выражениях, поскольку только таким образом история могла быть руководством для грядущих поколений. История, которая отмечает хотя бы мельчайшую деталь из факта, становится фикцией, которая по своей природе может только вводить в заблуждение. Другие государства, как и Лу, также составляли хроники, и многие из них служили источником материалов для историка Сыма Цянь (145/135–87 гг. до н.э.) при составлении им его «Исторических записок» («Ши цзи»), первой общей истории Китая.

Моделью для второго господствующего стиля в историографии – сборника записанных речей – служила одна из классических конфуцианских книг «Шу цзин», или «Книга документов». Этот стиль представлен двумя главными работами: «Гуйю» («Беседы о государстве») и «Чжаньго се» («Стратегии воюющих царств»). Обе работы относятся примерно к одному и тому же периоду, но для второй работы использован материал периода с V по III в. до н.э. Обе работы являются сборником отдельных речей и протоколов обсуждений, проходивших при дворах крупных феодальных государств; их историческая надежность довольно сомнительна, поскольку большинство статей являются предвзятыми переделками, относящимися к более поздним временам. Многие фрагменты в «Чжаньго се», возможно, даже происходят из школьных упражнений в убеждающей риторике на гипотетическую тему. Та же предвзятость лежит в основе реконструкции утерянных слов древних саг, что привело к непроизвольному увеличению объемов не только этих двух работ, но также и многих других древних трудов.

Важным примером повествовательной историографии этих ранних веков является «Чжуо Чжуань», или «Традиция Чжуо». Этот труд в прозе, датируемый IV или III в. до н.э., дает подробный и живой отчет о многих войнах с VII по V в. до н.э.

Эти различные опыты историографии были собраны вместе в «Исторических записках» («Ши цзи») историка Сыма Цяня, которые были составлены на основе существующих документов и устных традиций. Помимо хронологических летописей, родословных и таблиц, «Ши цзи» содержит также «Трактаты» (каждый посвящен отдельной проблеме управления) и не менее семидесяти книг «Образцовые традиции». Обычно этот последний раздел называют «Жизнеописания», так как большинство глав посвящено видным историческим деятелям, но раздел «Лиечжуань» содержит также главы о взаимоотношениях Китая с внешним миром. Все более поздние составители династических историй следовали модели «Ши цзи» Сыма Цяня, и это деление материала на летописи, таблицы, трактаты и жизнеописания оставалось стандартным до начала двадцатого столетия.

Историография находилась под неусыпным контролем правительства. Центральное правительство империи Тан со временем учредило историографическое агентство, на которое было возложено как составление истории предшествующих династий, так и подготовка материалов для будущей истории самой династии Тан. Сыма Цянь в части своей работы еще полагался на устную традицию, однако более поздние историки в своих трудах все в большей степени использовали дошедшие до них архивные материалы, которые скорее служили для подбора цитат, чем для обобщения или анализа. Тексты легенд, если они и включались в исторический труд, были сокращены, насколько это возможно, при этом сохранялись лишь сам исторический факт. Из устно передаваемых мифов и саг (и, вероятно, эпической поэзии, существование которой весьма сомнительно) в исторический труд попадали лишь не связанные между собой отрывки.

Древние философские труды

В то время как история записывалась в виде фактов политической деятельности, в философских и повествовательных произведениях обсуждалось, каким образом человек должен вести себя, для того чтобы достичь мира и процветания.

Самая древняя форма философского труда представлена работой «Лунь юй» («Суждения и беседы»). Эта книга небольшого объема представляет собой собрание несвязанных между собой основных суждений Конфуция (умер в 479 г. до н.э.) и его ближайших последователей, записанных вне какого-либо контекста. Это собрание, вероятно, оформилось на протяжении жизни двух или трех поколений после смерти Учителя. Хотя и нельзя поручиться за дословную передачу каждого высказывания, приписываемого Учителю, желание воссоздать дух Учителя сообщает книге «Лунь юй» присущую ей живость изложения. Пример дальнейшего развития дословной записи произошедших в действительности диалогов дает книга «Мэн-цзы». Эта работа содержит дискуссии последователя Конфуция философа Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) со своими современниками: правителями, своими соперниками, философами и последователями. В этой работе содержатся дискуссии на значительно более широкие темы, допускающие последовательную аргументацию; более того, составители явно пытались сгруппировать дискуссии и заявления по близким темам в отдельных книгах.

Следующим шагом, который могли предпринять преданные последователи, было опустить возражения, выдвинутые противниками их учителя, и при этом привести его высказывания по спорным темам в более или менее логической последовательности; в результате появился ряд «очерков», которые местами полны внутренних противоречий. Это, вполне вероятно, обусловлено обстоятельством появления на свет, например, многих глав «Сунь-цзы» (Xunzi, «Учитель» Сун) – работы, предназначенной для передачи учений конфуцианского философа Сунь Циня (Xun Qing) (298–238 гг. до н.э.). Настоящие философские работы появятся только в третьем веке до н.э. с появлением таких мыслителей, как философ-правовед Хань Фэй (Han Fei). Искусство очерка постепенно будет доведено до совершенства философом-скептиком Ван Чжуном (27 г. н.э. – ок. 97 г. н.э.) в его книге «Взвешивание суждений» («Лунь хэн»), в которой он нападал на многие религиозные предрассудки и суеверия своей эпохи мощными и непривычными языковыми средствами.

Распространение записи действительно происходивших бесед, может быть, также стимулировало развитие вымышленного диалога как средства философского рассуждения. Однако серьезное недоверие ко всем формам вымысла удержало почти всех китайских философов от следования по этому пути. Единственной философской работой, со вкусом исследующей все возможности воображаемого диалога, является «Чжуан-цзы» («Учитель Чжуан»), которая сочетает в себе учения представителя даосизма, примитивной диалектики и мистики Чжуан-цзы (ок. 369–286 гг. до н.э.) с массой разнородного материала. Среди философских сочинений этого периода «Чжуан-цзы» выделяется своими выдающимися литературными качествами. Относительность любого фиксированного суждения и переходов всех форм существования в другие в работе доказываются путем смешения технических трактатов, забавных анекдотов и юмористических воображаемых диалогов.

Подавляющее большинство философских учений написаны прозой, однако также свой вклад в дальнейшее развитие разнообразия и богатства языка рассуждений внесли афористические стихи. Самый известный пример этого типа сочинений, «Дао дэ цзин» («Книга о дао и дэ», т.е. «Книга о пути и чести»), обычно приписывается Лао-цзы или Старому учителю (даты его жизни традиционно от-

носят к VI в. до н.э.), но письменный текст «Дао дэ цзин», может быть, датируется даже третьим столетием до н.э. «Дао дэ цзин» состоит из большого числа очень коротких глав, в которых авторы часто пытаются сформулировать противоречивую истину в нескольких стихотворных строчках. Стихотворные пассажи можно найти и в других философских сочинениях, таких как «Сунь-цзы» и «Чжуан-цзы». Однако такая афористическая поэзия так и не привела к появлению поучительной поэзии эпических пропорций. Проза оставалась предпочтительным средством для всех видов повествования.

Следует подчеркнуть, что фактически все философские тексты, относящиеся к временам до правления династии Цинь, были по-новому собраны (а иногда даже «восстановлены») в ранние времена династии Хань, так что мы всегда должны осознавать возможность редактирования текстов во времена империи Хань и их изменения по крайней мере в части норм языка и орфографии. В прозаических текстах, относящихся ко времени правления династии Цинь, еще иногда проявляются признаки диалекта, его влияния на грамматику и словарный запас, однако за время правления династии Хань все они приобрели единообразную орфографию. Что касается династии Хань, то единые нормы языка и стандартный набор знаков письменности использовались в течение всего периода существования империи. Этот стандартный письменный язык применялся 2 тыс. лет, несмотря на все изменения в местных династиях; он оставался единственной приемлемой средой для серьезной литературы – как прозы, так и поэзии.

Древняя поэзия

В отличие от дошедших до нас произведений более поздних веков, поэзии отводится отнюдь не центральное место в массиве древнейшей литературы. «Шицзин» («Книга песен») запомнилась наизусть членами элиты, но этот жанр исчез после VII в. до н.э. До возрождения поэзии прошло несколько веков, и произошло это в южном государстве Чу (современные провинции Хубэй и Хунань) на рубеже IV и III вв. до н.э. Тогда возник совершенно новый жанр поэзии, которая своей формой и содержанием сильно напоминала шаманские песнопения в этом регионе. Возникновение этой новой поэзии связано с именем Цюй Юаня (ок. 330 – ок. 278 гг. до н.э.). Согласно его жизнеописанию в «Исторических записках» («Ши цзи»), Цюй Юань был преданным министром, сбившимся с пути, и в конце концов царь Чжу изгнал его. Дав выход угнетенному состоянию духа в своих поэмах, Цюй Юань кончил жизнь самоубийством, утопившись в реке. К сожалению, его биография вполне может быть реконструкцией жизни на основе поэм, приписываемых ему, особенно поэмы «Ли сао» («Встреча с печалью»). Эта длинная (по китайским стандартам – 374 строк) поэма описывала отчуждение между верным слугой трона (от лица которого ведется повествование) и царем, который не ценит его верности, а слушает наговоры. Историческая аллегория, образный ряд с использованием растений и животных, гордость за шаманское путешествие через пространство – все вместе должно было усилить эмоциональное напряжение этой жалобы. Эта поэма Цюй Юаня утвердила на столетия «жалобу чиновника» в качестве центральной темы китайской поэзии. Такие поэмы с жалобами чиновников являлись мольбами, обращенными к царям, и они занимают в литературе место, сравнимое с местом религиозной поэзии во многих других культурах. В последующие столетия «Встреча с печалью» многократно имитировалась. Вместе с некоторыми другими материалами эти поэмы были включены в сборник начала II в. н.э., известный под названием «Чу-цзы» или («Песни юга»).

В III в. до н.э. возник также еще один жанр поэзии, известный под названием *фу* (небольшая, обычно описательная поэма в форме ритмической прозы с эпизодической рифмовкой. – *Прим. ред.*). Этот жанр некоторыми чертами формально напоминает стиль поэзии типа «Ли сао», а с другой стороны, представляет собой риторику убеждающих высказываний, подобных представленным в «Чжаньго се». Эта поэзия сильна доскональным описанием объектов, действий или эмоций и использует для этого все ресурсы языка, особенно его лексикон, до такой степени, что может характеризоваться скорее как перечисляющая, чем описательная поэзия. Она стала господствующей формой придворной поэзии и была ею в период правления династии Хань: пышные описания впечатляющих событий, таких как царские охотничьи трофеи, жертвоприношения и грандиозное оформление столиц империи Хань. Воссоздавая в словах даже более совершенные копии этих микросмических представлений о мире (охота, трофеи, столицы), эти поэты внесли вклад в литературу, создав свой собственный образ императора, повелевающего вселенной.

Классика, история и философы

Традиционная китайская библиография, представленная в библиографическом трактате «Суй шу» («Книга Суй») – типичной истории недолго правившей династии Суй (589–618 гг. н.э.), разделяет китайскую литературу на четыре основные категории: конфуцианская классика, история, сочинения философов и сборники, помещая источники, относящиеся к даосизму и буддизму, в приложения. К классике относили группу исторических, философских и ритуальных текстов, которые стали особо почитательными на основе их (предполагаемого) древнего происхождения. Полагали, что слова и поступки, изложенные в совершенных сагах, представляли собой наилучшие образцы совершенного поведения и выражения чувств. Как таковые, они были объектом специальной заботы со стороны правительства. В 175 г. н.э. полный текст «Классической литературы» был выбит на каменных пластинках, а с началом широкого применения бумаги с них делали копии посредством «натирания» (*rubblings*), чтобы ученики получали неискаженные копии.

Классика в основном включала ограниченную группу текстов. Если этот раздел библиографии продолжал расширяться, то это происходило из-за бесконечного потока объемистых толкований к текстам начиная со II в. н.э. В начале VII в. двор империи Тан приказал составить свод обширных комментариев, которые в итоге своими толкованиями должны были доказать полное единство всей «Классической литературы».

Что касается сочинений философов, то в целом философские размышления все в большей степени принимали вид других жанров литературы, таких как короткие очерки и письма, и объем философской литературы возрастал в основном из-за непрерывного добавления новых комментариев к старым текстам. Тексты по военной науке и медицинские трактаты использовали те же методы.

Составление исторических трудов продолжалось по мере подъема и упадка династий. В поздний период империи Хань (25–220 гг. н.э.) и в эпоху Троецарствия (образование трех царств – Вэй, Шу и У в результате распада государства Хань. – *Прим. ред.*) (220–265 гг. н.э.) истории двух династий имели длительный успех. Многочисленные, но менее успешные попытки предпринимались для того, чтобы составить исторические хроники сменяющих друг друга недолго правящих династий; но постепенно они просто служили как материал для серий династических историй, составленных под покровительством ранней династии Тан (618–907 гг. – *Прим. ред.*). Вероятно, в качестве реакции на это серьезное вмешательство правителей в историографию,

Лю Чжуйи (661–621 гг.) написал свой «Шитон» («Принципы историографии») – первое в Китае систематическое исследование целей и методов работы историка, в котором автор настаивал на том, что делом историка является непредубежденное изложение событий.

Во II в. и в столетия, последовавшие за ним, отмечался также постепенный рост литературы в виде эпизодов из жизни и рассказов о чудесах, сначала как мелкое и частное ответвление историографии. Эта литература сосредотачивалась на необычных событиях в жизни людей, иногда на сплетнях и слухах, а временами – на доказательстве существования богов и духов и на перевоплощениях. Постепенно и только в VIII в. в Китае складывается традиция настоящей беллетристики.

Сборники

Сборники составляли совершенно новый раздел в китайской литературе начиная со II в. Поскольку изобретение бумаги значительно облегчило сам процесс написания и воспроизводства текстов, то общественные и частные документы отдельных авторов как в прозе, так и в стихах, стали собирать вместе в *бюэди* или «отдельные сборники», которые имели широкое хождение. Жизненность этой литературной ветви полностью доказывается общим объемом дошедших до наших дней оригинальных сочинений.

Прозаические сочинения в отдельных сборниках многообразны, но преимущественно сборники состоят из различных жанров повествовательной прозы, сочиненной автором для бюрократических целей. Традиционная китайская литературная критика различает много жанров официальной прозы; большинство из этих жанров определяются в основном по своим целям. Даже письма обычно носят общественный характер. Хотя некоторые тексты, такие как документы по случаю погребения, иногда содержат более личные нотки, следует иметь в виду, что все они должны были выполнять общественную функцию в крайне бюрократическом и ритуализированном обществе.

Большинство прозаических текстов в этих сборниках довольно короткие. В течение столетий художественный аспект подавлялся в литературе все более и более, особенно гонению подвергался стиль параллелей – фигура речи, при которой два парных предложения имели одинаковый семантический и синтаксический рисунок, но противоположное значение; этот стиль как нельзя лучше соответствовал односложной природе классического китайского языка. Целые тексты выстраивались в пары параллельных строчек, авторы соревновались в остроумных сочетаниях фраз-антитез и намеках. В литературных «салонах», которые были важной частью придворной жизни в V–VII вв., аристократы поражали друг друга блестящим показом своих витиеватых прозаических сочинений.

В поэзии жанр *фу* оставался высоко почитаемым и широко применяемым жанром, и значение его повысилось в связи с тем, что он привел к согласию лирическую и повествовательную манеры сочинения. Однако во втором веке возник также новый жанр поэзии – *ши* (форма китайского стиха с одинаковым количеством слогов-иероглифов в каждой строке. – *Прим. ред.*), который был гораздо проще по форме и был преимущественно лирическим по природе. Он скоро стал предпочтительным средством для выражения личных чувств и мнений. Поэзия *ши* зародилась в народных песнях того времени, но отличалась большей формальной регулярностью построения и, в отличие от народных песен, могла быть посвящена какому-либо событию, а не только личности. Этот жанр прочно занял место в центральной традиции китайской литературы, был воспринят некоторыми членами высшей элиты в III в. н.э.

Разнообразие тем, развиваемых в поэзии ши, постоянно расширялось: от удовольствий придворной жизни и жалоб по случаю отлучения от двора, от проблем власти до личного выражения общей тревоги и использования исторических тем, чтобы косвенно покритиковать порядки своего времени. Поэты в начале четвертого века пытались использовать форму ши для выражения своего мистического опыта. Тао Юаньмин (365–427) стал первым поэтом Китая, воспевающим природу; его поэзии присущи обширные описания горных пейзажей Юго-Восточного Китая.

Поэзия ши в последующие века преобладала как «дворцовый стиль», используемый придворными в литературных салонах; они наслаждались подробными описаниями сцен и объектов дворцовой жизни. В эти же века росло осознание тональных качеств китайского языка, обусловленное овладением санскритом, и возможностей применения напыщенного стиля при принятых образцах в поэзии. Были сформулированы правила тонирования слов в поэзии; это сочеталось с предписаниями, касающимися использования параллельных двустижий, и привело к появлению так называемой современной поэзии в VIII в.

Быстрое расширение объема творческих произведений вскоре привело к появлению антологий; в них включались отобранные лучшие образцы каждого жанра как примеры для учеников. В шестом веке постепенно были составлены авторитетные антологии прозы и поэзии второго-пятого столетий. Поскольку отбор подразумевал умение тонко различать достоинства произведений, то в те же века происходило заметное развитие литературной теории и критики. Высшим достижением в этой области стал труд «Вэнсинь диаолон» («Литературная память и гравирование драконов»; автор Лю Си, умер ок. 520 г.). Эта работа, состоящая из 50 глав, является энциклопедическим подходом к первоисточникам, различным жанрам литературы и их стилистическим особенностям.

Тексты даосизма и буддизма

Во II в. н.э. наблюдалось начало пока еще очень упрощенного перевода буддийских священных писаний на китайский язык, сначала в стиле местных диалектов, весьма далеком от классического письменного языка. Позднее, начиная с 400 г. н.э., подавляющее большинство переведенных писаний появлялось в результате выполнения финансируемых двором проектов по переводу, в которых объединили свои усилия для создания надежной и читаемой передачи индийских оригиналов иностранные монахи, компетентные переводчики и образованные ученые. Ввиду имевшихся огромных лингвистических и культурных барьеров эта грандиозная работа по переводу, несомненно, является одним из величайших достижений средневековой китайской культуры. Поскольку буддизм пользовался как покровительством элиты, так и народной поддержкой, переведенные *сутры* скоро вызвали появление обширной литературы в виде комментариев и трактатов; появились также и китайские сутры.

Отчасти как реакция на распространение буддизма, религиозный даосизм также обзавелся обширной литературой откровений, священных писаний, талисманов, комментариев, трактатов и ритуалов. И вновь дворцовая финансовая поддержка часто играла важную роль в сборе, редактировании и хранении дошедших до того времени текстов.

Буддизм в специфически китайских формах выражения стал объединяющей частью китайской культуры. Многие буддийские основные идеи и сюжеты вошли в народную культуру и постепенно в период правления нескольких последних династий стали проявляться в драматическом искусстве и художественной литературе на родном

языке. Буддийские материалы включались в сборники рассказов об эпизодах из жизни и чудесах. С другой стороны, поразительно, насколько сильно буддийская мысль развивалась в своей собственной религиозной сфере и какое слабое влияние она оказала на классическую традицию китайской литературы, даже во время пика буддийского влияния в Китае в IV–VII в. В VII в. еще продолжалась активная переводческая деятельность образованного монаха Суанцзяня (602–664 гг.). Однако в восьмом веке наблюдался не только расцвет повествовательной традиции на родном языке, которая обязана буддизму многими темами, но и начало ксенофобского отвержения всего иноземного среди интеллектуалов элиты – и буддизм в Китае при всей популярности среди всех слоев общества никогда не мог избавиться от клейма «варварской веры».

Когда в 589 г. воцарение северной династии Суй положило конец столетиям политической раздробленности в результате завоевания Южного Китая, то император-завоеватель и император, потерпевший поражение, встретившись лицом к лицу, не могли вести устный разговор. И все же степень, до которой весь китайский мир был объединен общим письменным языком, и степень грамотности общества можно оценить на основе того факта, что заключительной военной кампании предшествовало распространение десяти тысяч письменных листовок, в которых правитель династии Суй перечислял преступления правителя Южного Китая. Вслед за объединением обеих частей Китая и восстановлением империи литератора южных династий стала образцом для новой империи. Еще до этого времени лучший поэт своей эпохи Ю Синь (513–581 гг.), южанин по происхождению и убеждению, удерживался северными дворами, когда прибыл туда в качестве посла. Объединяющие силы общей культуры поддерживались, благодаря бумаге, широко распространенным стандартным письменным языком, сохранявшим идеал союза даже на протяжении столетий разъединения.

ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ

Греческий философ Аристотель (384–322 гг. до н.э.) в своем трактате «Политика» (I/2.2; 1253a) определил две особенности, отличавшие людей от всех других существ: люди являются «существами цивилизованными» и «существами, владеющими словом (*логос*)». Этот *логос* в его двух аспектах – как средство разговора и мышления – был, согласно Аристотелю, тем, что отделяет людей от животных, тем, что дает им возможность определять общие стандарты и ценности, т.е. проявлять себя как цивилизованные существа. Впервые в истории европейской мысли люди мыслились как существа, общающиеся друг с другом, и так ясно были описаны как таковые. Эта интерпретация со стороны греческого философа отметила высшее достижение за столетия развития, в течение которых человеческой цивилизации были завещаны многочисленные выдающиеся достижения, особенно в области поэзии, риторики, философии и наук.

Греческая цивилизация после «Мрачных веков»

Для того чтобы понять процесс, благодаря которому в Древней Греции развивались основы цивилизации, мы должны вернуться примерно на 100 лет назад от перехода между эпохами в 700 г. до н.э. к концу «Мрачных веков». Эта последняя эпоха была временем радикальных изменений в цивилизации, последовавшим за окончанием первого апогея в развитии греческого общества, так называемого микенского периода (около 1200 г. до н.э.). За период усиления военной и политической власти, расширения дальних

торговых связей и расцвета искусства и архитектуры, которые были характерными особенностями этого периода, последовал процесс упадка и застоя, которые наблюдались приблизительно до 800 г. до н.э. Основные центры цивилизации, такие как Микены, Тиринф и Пилос, не выдержали давления волны переселения народов с севера. Мощные крепости были оставлены людьми, осевшими в мелких деревенских поселениях. Линейное письмо Б, использовавшееся на острове Крит и в Микенах, вероятно, для обслуживания потребностей аристократии и бюрократии, в подобных обстоятельствах больше было не нужно и поэтому исчезло.

Таким образом, это был важный поворотный пункт в истории, хотя он, конечно, не представлял собой полный «разрыв с цивилизацией». Греческая земля, наводненная племенами с севера, нисколько не исчерпала свой потенциал. Она сохраняла высокий уровень торговых связей с греческими колониями в Анатолии и некоторыми торговыми центрами в Сирии и Финикии. Именно здесь и в других местах греки вошли в контакт с представителями финикийцев, игравших решающую роль в распространении высокоразвитой цивилизации Западной Азии в Эгейском регионе и Западном Средиземноморье. Это от них греки переняли достижение, которому суждено было дать главный импульс к прогрессу цивилизации. Это был письменный консонантный (состоящий из согласных) алфавит, который затем был существенно усовершенствован греками путем дополнения гласных букв.

Возникновение греческой письменности

Первыми, кто понял огромные преимущества письменного языка, были, вероятно, греческие торговцы, когда развитие торговли дошло до счетоводства, составления описи имущества и ведения счетов в их сделках с финикийцами в таких городах, как Аль Мина, расположенном в устье р. Оронт. Древнейшее из дошедших до наших дней свидетельств – надписи на повседневных предметах, таких как Дипилонская ваза, так называемая чаша Нестора, – указывает на то, что греки приняли этот алфавит во второй половине VIII в. до н.э.

В последние десятилетия часто обсуждалось, какое значение имело принятие письменности и ее усовершенствование греками для развития греческой цивилизации. Что касается специфического характера греческого письма, то дискуссии между ориенталистами и классическими филологами показали, что переоценка важности нового достижения – греческого алфавита – может вводить в заблуждение. Финикийское консонантное письмо составляет полный алфавит, как и греческое письмо, несмотря на структурные особенности семитских языков, позволяющие им обходиться без знаков, обозначающих гласные звуки. Эта консонантная письменность является ровно настолько же ясной и недвусмысленной, что и греческий «полный алфавит, и может быть помещена на тот же самый уровень, что и другие системы письменности, которые в основе имеют западносемитское письмо, например арамейская и арабская письменность, произошедшие от него. Греческий письменный алфавит имел важное значение для последующего развития цивилизации в западном полушарии. В VII в. до н.э. он был принят этрусками. Неясно, кто передал эту письменность римлянам – они или куманы из Южной Италии. В IX в. н.э. на основе греческого письма были созданы две старейшие славянские азбуки – глаголица и кириллица. Испытав влияние античной письменности (на этот счет имеются разногласия, был ли это латинский, греческий или этрусский алфавит), они дали также толчок развитию германского вида письма – рун, распространившихся от Черного моря до Северной Европы.

В западной части Средиземноморья финикийцы основали богатый и могущественный город Карфаген, господствовавший на берегах Северной Африки и Южной Испании, а также островах Сицилия и Сардиния. Литература финикийцев-карфагенян (пунийцев), говоривших на диалекте финикийского языка и писавших с помощью финикийского алфавита, ограничивалась историческими и географическими текстами и трудами по сельскому хозяйству. Наиболее известный труд, принадлежавший перу Магона, был переведен на латинский язык в Риме.

Переход от устной к письменной поэзии

Во второй половине VIII в. до н.э. греческая письменность приобрела исключительно важное культурное значение для записи эпических поэм, что было обусловлено практическими повседневными требованиями. Это было началом пути от устной к письменной поэзии, началом развития, которое оставило явный след в греческой литературе последующих столетий. Противоречие в применении термина «устная литература» является только кажущимся. Во-первых, устные предшественники письменной поэзии, несомненно, должны рассматриваться в качестве литературы. Во-вторых, даже после введения письменности и постепенного перехода к письменным литературным жанрам сложное сочетание устной и литературной традиций продолжало определять развитие литературы в античную эпоху. Ниже делается попытка проследить основные этапы этого перехода.

Исследование, начатое в 1930-х гг. американским ученым М. Пэрри (*M. Parry*), выявило несомненное влияние долгое время продолжавшейся устной традиции передачи героической поэзии на эпос Гомера. Невозможно, однако, доказать, что «Илиада» и «Одиссея» в том виде, в котором мы знаем их сегодня, являются результатом лишь фольклорной практики без литературного творчества. Есть масса свидетельств, позволяющих предположить существование древней ступени героической поэзии, возможно, начавшейся еще в микенский период. Это была форма искусства, основанная на импровизации и мастерстве красноречия при преподнесении лингвистических формул и стандартных сюжетов. Певец стоял перед своей аудиторией и исполнял свое произведение всегда в новых вариациях. Несмотря на это, начало проявляться согласие между учеными по вопросу о том, что «Илиада» и «Одиссея» – величайшие произведения, отмечающие кульминацию этого развития, в которых проявляются такое совершенное сюжетное единство в целом и столь сложная сеть ассоциативных связей в частности, что они не могли быть сочинены без использования письменности (см. 10.1.4).

«Илиада» и «Одиссея», тем не менее, остаются в традиции эпического повествования, которое применялось задолго до них. Место импровизирующего певца теперь занимал *rhapsod* (древнегреческий поэт, певец, или чтец эпических поэм. – *Прим. ред.*), который по памяти исполнял письменные тексты. Живя некоторое время при дворе аристократа, профессиональные певцы воспевали славу былых времен на пирах и позднее причислялись к другим демургам (по-речески – мастера, ремесленники), т.е. к «тем, кто работал на благо общества», таким как предсказатели будущего, герольды, плотники и доктора, входившим в полис в Древней Греции. Они исполняли произведения на рыночных площадях и во время крупных религиозных праздников, и их с энтузиазмом встречали большие толпы людей.

Значительный объем этих произведений соответствовал весомости содержания. Эпос служил не только для украшения и возвышения жизни в общем, но и для

указания каждому человеку его места как в большом мире, так и в обществе, в котором он жил, что придавало особенную значимость жизни отдельного человека. К этому следует добавить широкие горизонты прошлого, которые эпические стихи в качестве «коллективной памяти» сохраняли в умах людей. Эпическая поэма была проводником стандартов и ценностей общества, а также мудрости и знаний. В то время, когда письменный язык еще только находился в процессе становления или не был общим достоянием, стихи с их размером могли легче запоминаться, и они служили проводником взглядов на жизнь и на мир, моральных принципов и обычаев, религиозных ценностей и всевозможных знаний. Нам бы, конечно, не удалось судить об их этическом значении, если бы мы свели эпическую поэзию только к этой прагматической функции. Передача знаний и сохранение ценностей производились не только средствами образования, но и, по праву, благодаря необыкновенным художественным достижениям.

Письменный язык на Востоке и в античном мире

Справедливости ради надо сказать, что в течение всей эпохи античности основные элементы греческой литературы (эпос, лирика, стихи, драма, риторика) распространялись главным образом в устной форме, несмотря на то что исходной была письменная форма, которая стала необходимой для сочинения и записи текстов. Несмотря на всю элитарность образованного высшего слоя общества, который получил многое в некоторых отношениях, необходимо иметь в виду, что было фундаментальное отличие греческой культуры от древних восточных цивилизаций. Поскольку письменный язык первоначально обслуживал повседневные нужды, он не мог иметь в греческом обществе ту же исключительность, которая была его наиболее выдающейся особенностью в древних цивилизациях Западной Азии. У греков писатели не пользовались таким положением, как во дворцах и храмах Египта, Шумерского царства и царства Аккада, где писатели как исполнители административных функций и религиозных ритуалов и как опоры системы правил, коренившихся в иерархической структуре общества, служили для сохранения этих структур и для укрепления недостижимости их извне.

Использование письменного языка как средства общения в древнегреческом полисе с самого начала было обусловлено демократическим потенциалом, который в V в. до н.э. оказался способным развиваться в демократию полиса. И еще до этого, в VII и VI вв. до н.э., существенное изменение социальных и политических структур привело к параллельным изменениям в форме общения. Поскольку общество полиса было консолидировано, то фокус внимания смещался во все возрастающей степени от *oikos*, т.е. двора аристократа или фермы свободного крестьянина, к общим интересам сообщества, которые стали в обществе наивысшей ценностью. В отсутствие королевской семьи, а также наследственных правителей Востока, аристократия могла укрепить свои позиции в качестве ведущей силы. Аристократы еще более усилили свое господствующее положение в Совете и Народном собрании. Ряд ритуалов, практикуемых аристократией, распространялся по полисам. В военной области один воин-аристократ заменялся фалангой гоплитов – линией идущих плечо к плечу граждан, способных иметь свое собственное оружие. Важным структурным элементом жизни в греческом обществе и принципом отношений между мужчинами-аристократами было товарищество (*этерия*, от греческого *betairia* – товарищество, союз, общество. – Прим. ред.).

Лирическая поэзия как новая форма общения

Эти изменения сопровождались появлением новых форм литературы, которые мы называем термином «лирическая поэзия». Всем таким произведениям присущ диалог между исполнителем/писателем и его аудиторией, ценности которой приобретали новый оттенок. Разнообразие этих новых форм было таким, что потребовалась запись сочинений. Но устный контекст оставался, и выступление на публике долгое время было единственным способом довести произведение до широкой аудитории, в то время как письменная форма использовалась главным образом как вспомогательное средство для сочинения и документальной записи окончательной версии.

Многообразие форм отражало изменения социальной и культурной жизни, происходившие в то время. Помимо элегии (первоначально – стелания по умершему) и ямба (служившего первоначально для сатирических стихов), исполняемых под аккомпанемент флейты, существовала хоральная ода и *мелос* (песня для сольного исполнения). Последний жанр, который мы упомянем, исполняемый под звуки лиры, – лиризм (в более узком, древнем смысле слова). Следует еще добавить *сколион* (застольная песня) и эпиграмму (первоначально – надпись). Выбор жанра зависел от различных в зависимости от потребностей общества, характерных условий общения.

Растущие требования к ощущению общности и настоятельные призывы к гражданам объединиться выдвинули на первый план жанр элегии. Ионийский поэт Каллин (около 675 г. до н.э.) и спартанский поэт Тиртей (VII в. до н.э.) сочетали элегию со страстным призывом к борьбе и помощи для устранения угрозы государству, в то время как афинский государственный деятель Солон использовал эту форму для прямого выражения новой политической философии, предназначенной для смягчения нарастающих социальных конфликтов, разрывающих единство полиса Афин, для объяснения и оправдания некоторых правил действий граждан полиса.

Вероятно, потребности общества вели к появлению хоральной оды – жанра, который своим происхождением обязан практике ритуалов. Сочетание элементов танца, песни и звуков флейты или ситара давало различные формы, такие как надгробная песня или плач об умершем, *песан* (праздничная песнь в честь Аполлона) и *дифирамб* (страстная хоральная культовая песнь в честь Дионисия).

Было очевидно, что жанру лирики была в большой степени присуща общественная направленность, и эту особенность выгодно использовали, поскольку по способу выражения жанр лирики контрастировал с другими средствами выражения мыслей и чувств отдельных людей. Первым и выдающимся представителем лирического жанра, имя которого немедленно приходит на память, был Архилох с Пароса (VII в. до н.э.). Сын аристократа и рабыни, лишенный права на наследство, он стал наемником. Его положение между социальными слоями позволило ему занять критическую позицию по отношению к унаследованной аристократией системе ценностей. Пройдя через взлеты и падения своей полной событиями жизни, он выработал свой высший максималистский принцип: смело встречать неминуемые изменения и быть на высоте положения при их развитии.

То, что в ранних произведениях их контекст полностью доминирует, ясно видно при рассмотрении мелоса – лиризма в узком, античном смысле, впервые проявившегося около 600 г. до н.э. в городе Митилене на острове Лесбос. Поэтическими средствами члены аристократического общества начали защищать интересы своего ведущего общественного слоя, принявшего образ жизни, унаследованный от предков. В Митилене, который подобно другим греческим полисам был в то время свидетелем яростной борьбы между соперничающими родственными кланами или

группами аристократии, *товарищество (этерия)* позволяло создавать союзы для борьбы, и в то же время были заложены основы для социальных собраний, основной формой которых был *симпозиум*, или пир – широко культивируемая форма общения. Таково было окружение, определившее форму произведений Алкея (ок. 600 г. до н.э.). Темы, которые он выбирал для своих исключительно художественных песен, были созвучны темам, волновавшим умы людей в его окружении: борьба между различными группами аристократии и против возникшей угрозы со стороны одного аристократа, тирана, узурпировавшего власть; настрой собравшихся на горячие безрассудные поступки; радости и горести любви. Чисто мужской состав товарищества имел свою противоположность в виде некоторых форм женских союзов, групп или ассоциаций – *фрис*, поклоняющихся божеству-покровителю. Именно это составило главный фон произведений Сапфо (Сафо) (после 650 г. до н.э.) – ведущей лирической поэтессы, писавшей на греческом языке, современницы Алкея. Культ Афродиты объединял девушек из аристократических семей до их замужества. Поскольку они жили вместе, и Сапфо учила их аристократическому образу жизни, музыке и танцам, то между девушками и их наставницей развивались эмоциональные и эротические отношения, которые Сапфо отражала в своих стихах в тонкой, отличающей ее манере.

Позднее оживление хоральной лирической поэзии в пятом V в. до н.э., как подмечено Пиндаром (522–446 гг. до н.э.) и Бакилидом (ок. 505 – ок. 450 гг. до н.э.), связано, в частности, с тиранией, но также и с многочисленностью городов и аристократии, разбросанной по всему греческому миру. Они писали песни, чтобы восхвалять победителей великих всегреческих игр, а также дифирамбы, гимны богам и пеаны. Пиндар, в частности, провозглашал с неутомимым энтузиазмом давно устаревшие идеалы старой аристократии, но с таким исключительным мастерством и искусством, что его сочинения пережили эпохи. Процесс распространения письменных текстов был долгим и медленным. Важный шаг в этом направлении, по всей вероятности, был предпринят во второй половине VI в. до н.э. и был связан с произведением Феогнида, знаменитого поэта из греческого полиса Мегара, который, не понимая признаков демократизации жизни общества, сетовал на неблагоприятные времена и воспевал старые идеалы аристократии. Это в его произведениях мы впервые находим ссылки на поэтическое самосознание с ожиданием, что творческие попытки поэта станут известны большей части греческого мира и будут жить в будущих поколениях. Такие мысли показывают, что произведения сохранялись с использованием письменной формы.

Начало прозы

Новый феномен в литературном общении впервые появился в VI в. до н.э. – проза, т.е. письменное произведение, в котором автор не придерживается правил стихотворного метра. Если исходить из того, что стихотворный метр первоначально, помимо прочего, способствовал запоминанию и, тем самым, сохранению ценных произведений еще до появления письменности, то станет ясно, что проза с необходимостью должна была иметь письменную форму. Здесь тоже форма была не главным мотивом, а существенным условием создания новых литературных жанров: народных преданий, начал философии и науки и древнейших форм историографии. В отношении содержания наиболее примечательная особенность многих из этих новых текстов состояла в подчеркнутом рационализме их аргументации, который проявлялся в обсуждении доводов за и против различных точек зрения. Компоненты, которые формировали источники этого рационализма, весьма многочисленны. Среди них оживленные дебаты в

политических организациях полисов, практика записи законодательных актов (начиная с конца VII в. до н.э.) и богатый эмпирический фонд записей, появившийся в результате растущих возможностей сравнения различных стран и народов, политических и конституционных структур.

Английские социальные антропологи Дж. Гуди (*J. Goody*) и И. Уатт (*I. Watt*) заявили, что письменность как таковая представляла необходимое, если не достаточное условие для нового критического рационализма. Она не только способствовала бурному росту знаний, поскольку теперь они могли сохраняться в воспроизводимом виде, но и обеспечила новые возможности для развития критического мышления. И эти возможности были использованы с огромной эффективностью в сочетании с другими благоприятными факторами, существовавшими в Греции.

В рамках этой главы можно лишь кратко упомянуть многообразные формы древнегреческой прозы. К эпосу присоединились такие древние формы повествования, как сказка, короткий рассказ, басня и легенда. Древние логографы («писатели прозы», первые предшественники исторической прозы в древнегреческой литературе), такие как Фересид из Сироса, Акусилай, Гекатей Милетский, Иллиан и другие, видели свою задачу, в отличие от преимущественно всегреческой ориентации эпоса, в том, чтобы раскрывать местное мифологическое наследие, что привело к развитию своего рода местной историографии.

Новые формы философской и научной мысли, возникшие в результате быстрого социального развития и расширения воззрений, привели к фундаментальным вопросам понимания природы (см. гл. 1, 10).

Точно так же начала науки и историографии решительным образом зависели от письменности.

Литература как средство общения в демократическом полисе

Основным поворотным пунктом в распространении литературного общения стало возникновение демократии полиса в V в. до н.э. Оно впервые проявилось в быстром росте грамотности среди афинян всех социальных слоев, включая самый низший. Демократические институты (Совет, Народное собрание, Суд присяжных, общественные службы), несомненно, не могли работать, если бы большинство граждан полиса всех социальных слоев не могло читать и писать. В то же время следует отметить различать общение посредством письменных текстов – с одной стороны, и устным и письменным языком – с другой стороны, чтобы исключить недоразумения относительно социальной принадлежности появившейся читающей публики. Применительно к этому, как и к другим периодам развития цивилизации, нужно помнить, что способность читать и писать для практических целей и способность читать книги – это полярно противоположные вещи. С конца V в. до н.э., и особенно в IV в. до н.э., занятия историографией, философией и науками были поручены исключительно ограниченному кругу людей, которые умели читать книги и были высокообразованными.

Эти ограничения, однако, не были решающими факторами, влиявшими на литературное общение в период расцвета демократии. Два новых вида общения, зародившиеся в это время, – драма и риторика в их наиболее развитых формах – стали новыми вершинами в процессе развития устного общения в античной литературе. Философия, охватывая широкие слои полиса путем аттического просвещения, доводилась до слушателей в устной форме, и доходчивые лекции имели неоценимое значение. Для всех трех жанров характерно неразрывное взаимодействие устной и письменной форм языка. Не потерявшее своего

значения устное выступление явно готовилось теперь с использованием письменной формы при сочинении текстов.

Все эти новые изменения обусловлены в большой степени потребностями сообществ граждан и духом демократии. Драма как преобладающий литературный жанр этого периода возникла из религиозных и ритуальных традиций полиса при его поисках пути к демократии. Как трагедия, так и комедия обязаны своим происхождением сельскому культу Диониса, который играл центральную роль в жизни Афин и других греческих полисов. В трагедии ритуальные элементы сочетались с мифами Гомера, и вместе они образовывали единое целое. Вместе со словами поэта музыка и танец закладывали основу подражательного искусства, которое в свою очередь в полной мере воздавало должное устным традициям греческой поэзии. Как и в эпоху до этого, ритм создавал форму, которая позволяла запоминать слова поэта и, возможно, даже длинные части из его произведений. Это является одним из объяснений высоких требований к памяти подавляющего большинства слушающей, но не читающей аудитории, необходимой для понимания трагических пародий в комедиях Аристофана. С появлением аттической драмы устное искусство, таким образом, становится главным инструментом, посредством которого все общество формировало свою самобытность.

Практика использования при исполнении пьес хоров, составленных из публики и актеров, вызвала необходимость иметь единый письменный текст, который читался и распространялся среди ограниченного круга людей. Последствием (в IV в. до н.э.) такой текст стал историческим документом, когда «официальные» копии были положены в государственные архивы. Легко представить, что существовали варианты, занимавшие промежуточное положение между написанным сочинением и устным исполнением (первоначально каждая пьеса исполнялась только один раз, и прошло много времени, прежде чем одна и та же пьеса в области Аттика стала ставиться дважды и более раз), отчего должно было возникать напряжение как в ходе сочинения, так и при представлении результата на сцене.

Трагедия и комедия играли выдающуюся роль в интеллектуальной жизни полиса. Исключительно гибкое обращение с сюжетами и мотивами, стандартами и ценностями привело к тому, что произведения авторов трагедий и мифы Древней Греции могли быть адаптированы так, что через них можно было выразить все то, что происходило в настроениях общества полиса в тот момент. При глубоких политических изменениях, когда старые ценности и принципы были утрачены на сцене, так сказать, «протирывались» варианты выбора новых принципов и правил, установления новых стандартов и ценностей. Не столько намеки на современные события (хотя их тоже можно найти) составили фон для этих форм переопределения смыслов, сколько вопрос существования общества и личности, их взаимоотношений и изменений в период ускоренного исторического развития. Примерами могут служить проблемы установления справедливости и демократии в полисе у Эсхила («Орестея»), отношения между личностью и обществом у Софокла («Царь Эдип», «Антигона»), возникновение новой и в большой степени индивидуалистической морали и светского мировоззрения у Еврипида. Хотя эти произведения оставались связанными с ритуалом и религией на протяжении нескольких веков, их действительная сущность все в большей степени отдалялась от кононов, предписанных религией старого полиса. Возникла форма искусства, отмеченная возрастающей автономией, и ее цели не были обязательно связаны с повседневными заботами. В IV в. до н.э. темы непосредственного политического значения полностью исчезли из трагедии. Параллельно этому все большее внимание уделялось письменной форме – до такой степени, что, по мысли Аристотеля, центральное значение драмы стало

заключаться в том, что ее могли читать, а ее исполнение становилось случайным явлением. С IV в. до н.э. это был один из путей, приведших к обособлению элитарной формы литературы из бывшей до того в основном однородной культуры полиса.

Сходные процессы наблюдались в жанре комедии. В то время как великими мастерами Евполом, Кратинном и Аристофаном этот жанр использовался как одно из главных средств для создания чувства политического и духовного единения и как средство прояснять противоречивые политические изменения, комедия была сведена в IV в. до н.э. до пародийных мифов и тем из повседневной жизни.

Риторика как искусство общения

Устная форма общения вновь укрепилась в V в. до н.э. в связи с развитием искусства риторики. Возникшая из начальных форм естественного красноречия и развивавшаяся вначале как «искусство» на Сицилии, риторика вскоре прижилась в Афинах, центре демократии полиса, где ее использовали в практических политических целях. Наряду с политической речью (в Совете и Народном собрании) и выступлениями в судах, развивалась эпидеиктическая речь, применявшаяся в таких случаях, как похороны и огромные праздничные всегреческие скопления народа. В демократическом полисе риторика использовалась в целях влияния на точку зрения масс и как инструмент для формирования мнений. Для общества, в котором основные демократические права включали в себя равное право на выступление с политической речью (*isegoria* – *исегория*) или право в любой другой форме публично выразить свое мнение (*parrhesia* – *паррхезия*), формулирования противоположных точек зрения и достижение устойчивого согласия в результате дебатов имели большую важность.

Необходимые риторические навыки давали учителя, которые, как древнегреческий софист Горгий (ок. 485 – ок. 380 гг. до н.э.), много путешествовали по греческим территориям и давали уроки за значительную плату.

Представители софизма, особенно Горгий, разработали в форме риторики самую первую теорию языкового общения. Горгий определил логос как «могущественного правителя». Путем убеждения, основанного на рациональной аргументации, а также иррациональных средств, использующих магию слов, риторика давала человеку возможность донести до других то, что он считал правильным и необходимым. Будучи прагматиком, Горгий видел цель риторики скорее в распространении, чем в приобретении знаний.

Переход от устной к письменной философии

В V в. до н.э. философия сама стала связана с формами общения, которые прежде были ей чужды. Она дошла до более широкой публики, чем когда-либо прежде, особенно благодаря активности софистов, которые применяли как устные, так и письменные формы рассуждений. Софисты удовлетворяли потребность людей в практическом знании, вырастающую в демократических условиях, не только как учителя риторики, но и посредством обучения навыкам политики, стратегии и экономики. Помимо этих областей, в их деятельности можно найти более поздние стадии натурфилософии.

Устная форма играла немалую роль в распространении философских идей. Зенон, ученик Парменида из Элеи, говорил, устроил в Афинах устную презентацию статьи о противоречивости понятий «один» и «много» и предложил обсудить эту тему. Помимо дорогостоящих курсов обучения, софисты читали лекции для широкой аудитории.

Письменная форма еще шире распространилась явлением во второй половине V в. до н.э. с появлением различных учебников, содержащих статьи софистов и других мыслителей по архитектуре, градостроительству, графическим искусствам и техническим аспектам сценического искусства.

В IV в. до н.э. произошло фундаментальное изменение в формах передачи философских идей. Возникшие школы философии, особенно школа Платона, а позднее и Аристотеля, пытались сначала распространять свои знания среди немногих избранных, применяя устную форму преподавания и дискуссий, которые предполагали высокую степень понимания со стороны участников. Следует признать, что обе школы также открыли широкие возможности для письменной передачи идей.

Возникновение книжной культуры

В V и IV вв. до н.э. происходили коренные изменения в формах общения, в частности в отношении развития письменной формы. Появились начиная с последней трети V в. до н.э. коммерческие способы копирования и распространения книг. Они способствовали развитию того, что вначале было прерогативой ограниченного круга эрудитов, которые в большом масштабе покупали и коллекционировали книги. Тем не менее оставалась широкая брешь между теми, кто умел читать и писать для практических целей, и гораздо меньшим числом людей, подготовленных и способных к чтению книг. Хотя восприятие литературных трудов «одиночным читателем» действительно достигло социально значимого уровня в IV в. до н.э., эту форму в античности следует рассматривать в целом наряду с продолжающимся использованием устных форм (театра, декламации, лекции и т.д.).

Судьбоносным периодом в истории письменного языка и книг стала эллинистическая эпоха от захвата власти Александром до включения Египта в Римскую империю. Правители великих эллинистических империй превратили свои столицы в центры культуры путем строительства крупных библиотек, вместивших книги древней и классической греческой литературы. Наиболее знаменитая библиотека с фондом приблизительно 500 тыс. книг в форме свитков (в период наивысшего расцвета – более одного миллиона) была в Александрии, в Египте, в то же время в городе Пергаме (Анатолия) была такая же библиотека, представлявшая собой уменьшенную копию александрийской. Библиотекари, работавшие там, были выдающимися учеными, престиж которых был высок благодаря тому, что они давали критические оценки и аннотировали великие произведения греческой литературы. Было бы невозможно собрать такие большие коллекции без существования даже в то время относительно высокоразвитой книготорговли.

Типы общения в Риме

В Риме типы языкового и литературного общения, ведущего свое происхождение от греческих образцов, достигли высокого совершенства. Новое качество проявилось, сверх всего, в еще большем радиусе распространения способов общения. В результате развития крупных дорог в Италии и позднее во всей Римской империи появилась возможность быстрой перевозки грузов в военных и коммерческих целях, что могло быть использовано также для передачи новостей. С середины I в. до н.э. каждодневные официальные отчеты (*акта диума*), древний вид газеты, публиковались в Риме и рассылались во многие части империи. Производство и распространение книг в то время получили сильнейшее развитие.

Профессия издателя или продавца книг начиналась с некоторых форм взаимной поддержки при копировании книг. Например, Аттик, друг Цицерона (106–43 гг. до н.э.) первоначально делал только копии рукописей этого знаменитого автора, но позднее занялся также производством книг для коммерческих целей. Наиболее известными римскими издателями были Сосий, который опубликовал труды Горация, и Трифон, издатель Марциала и Квинтилиана. Издательства были в то время коммерческими предприятиями, занимавшимися копированием и распространением книг, что отличало их от частного распространения текстов. Издание книг означало, что автор готовил тексты для широкой публики. Мы не знаем, полагалось ли авторам вознаграждение за их интеллектуальную собственность. От продажи книг имели деньги только издатели. Поскольку каждый мог делать копии в неограниченном количестве, была большая опасность быстрого искажения текстов. В принципе существовала возможность выпуска исправленного второго издания, но автор не мог влиять на последующую судьбу новой редакции в отношении к первой. Не существовало никаких издательских прав и авторского права. Авторы не могли зарабатывать себе на жизнь интеллектуальным трудом, выпуская книги. Если они не были состоятельными гражданами или не зарабатывали себе на жизнь, обучая риторике или философии, они могли рассчитывать на покровительство влиятельных персон, и такая форма поддержки была весьма важной для литературной жизни в Римской республике, как и в Римской империи. Эти отношения с влиятельными людьми, такими как Мессала или Меценат, обеспечивали авторам общественную репутацию и финансовую поддержку.

Первоначальной формой публикации было (как и в Греции) во многих случаях устное исполнение. Начиная с периода императора Августа публичные чтения (*recitationes*) стали великими событиями среди высших кругов общества. Асиний Поллион, их инициатор, был также основателем первой публичной библиотеки в Риме. Позднее императоры основывали новые библиотеки, которые можно обнаружить во многих городах провинций. Вначале в Риме, как и в Греции, книги были в виде свитков. Старинная рукопись, издававшаяся с I в. н.э., более дешевая в изготовлении и легче используемая, шаг за шагом заменяла свиток, и в то же время папирус был заменен пергаментом. В IV в. н.э. перевод текстов со свитков в рукописные книги был завершен.

Римская литература получила мощные стимулы развития от греческого эллинизма. Римская комедия Плуата (ок. 250–184 гг. до н.э.) и Теренция (ок. 190–159 гг. до н.э.), которая произошла непосредственно от греческого театра, имела широкий круг зрителей из всех слоев общества. Впервые представители более низких слоев, свободные и иммигранты (Ливий Андроник, Невий, Энний, Плуат, Теренций) создали основу римской поэзии: комедию и, кроме того, эпос (Невий, Энний) и трагедию (Невий, Энний, Пакувий). Областью знаний, которой занимались аристократы с самого начала, была историография. В древнеримских летописях, которые составлялись на основе очень древних традиций (ежегодные записи, которые велись понтификами – членами одной из важнейших жреческих коллегий, которые ведали общегосударственными религиозными обрядами, составлением календаря, списка консулов и пр. – *Прим. ред.*), Фабием Пиктором были впервые описаны достижения римских политиков на греческом языке для греческой публики, позднее на латинском языке были созданы начала специфически римского понимания истории (Катон). В поздней Римской республике был написан документальный отчет Цезаря (100–44 гг. до н.э.) и историческая монография Саллюстия (86–35 гг. до н.э.) в целях политического соперничества. Непосредственно из нужд политической жизни появились великие достижения

римской риторики, которую Цицерон в теории, как и на практике, довел до высшего уровня совершенства. Мастер ораторского искусства опубликовал свои знаменитые речи для читающей публики. Философские трактаты Цицерона определенно внесли вклад в освоение греческой философии в Риме.

Римская поэзия совершенствовалась в период поздней Республики и в правление императора Августа. Высокая степень индивидуализма была отличительной чертой нового течения, испытавшего влияние эллинистической лирики. Такие поэты, как Катулл (87–54 гг. до н.э.) и его друзья, темой своих лирических произведений сделали свою любовь и личный жизненный опыт, в то же время их стихи отличались высоким уровнем технического совершенства. Отказавшись от индивидуалистической позиции и принципа «искусство для искусства» того времени, великие поэты периода правления Августа поддерживали в своих работах идеалы политического обновления, осуществлявшегося императором Августом. К ним относились Вергилий (70–19 гг. до н.э.) с его героическим эпосом «Энеида», Гораций (65–8 гг. до н.э.) с его «Одами», в которых видно влияние древнегреческой лирики Алкея. Гораций был также мастером сатиры – жанра, неизвестного грекам. Другая группа поэтов во времена Августа находилась в стороне от политической жизни: поэты римской любовной элегии (Тибулл, Проперций, Овидий) продолжали воспевать личную внутреннюю жизнь человека. Наиболее значительным историком времени правления Августа был Ливий (59–17 гг. до н.э.), который восхвалял старые римские добродетели как основу римского миропорядка.

Риторика заняла новое положение между устным и письменным творчеством в период Римской империи. Ораторское искусство потеряло свою практическую значимость как инструмент установления политического согласия, поскольку исчезли республиканские институты. Но, тем не менее, риторика сильно повлияла на развитие прозы и поэзии, что можно видеть в трудах по историографии (Тацит), в трагедии (Сенека) и эпосе (Лукан). Критическая позиция по отношению к социальным проблемам времени видна в сатире Ювенала и Персия, эпиграммах Марциала, баснях Федра и романах Петрония и Апулея. Римская историография достигла высшего уровня в работах Тацита (55–120 гг. н.э.), который был мастером психологического анализа и описания. В IV в. н.э. этой традиции последовал также Аммиан Марцеллин.

Поздний расцвет греческой литературы можно наблюдать со II в. н.э. В греческом классицизме проявлялась ностальгия по отношению к великому прошлому Греции. Авторы эпохи так называемой Второй софистики (Дион Прусан, Элий Аристид) связывали риторику с философской традицией. Появились замечательные труды по историографии (Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский, Аппиан, Арриан). В философии более всего поддерживались традиции платонизма и стоицизма (Плутарх, Эпиктет). Была основана существенно измененная форма платонизма – неоплатонизм (Плотин, 204–270 гг. н.э.). Роман, который ведет свое происхождение еще от эллинистических времен, появлением широкого круга читателей отметил новый шаг в развитии литературы от ее устной формы к письменной (Харитон, Гелиодор, Лонг). Повествовательная проза означала большой шаг вперед в развитии «своего» читателя. Одновременно наблюдался последний великий период в развитии наук (Страбон, Птолемей) и медицине (Гален).

В начале социального и политического кризиса в Римской империи возникла христианская литература. Такие авторы, как Минуций Феликс и Лактанций пытались создать синтез древней языческой культуры и христианства. На рубеже IV и V вв. н.э. труды Августина Блаженного (354–430 гг. н.э.) ознаменовали вершину латинской хрис-

тианской литературы, которая оказала определяющее влияние на культуру средних веков. Со II в. н.э. греческие авторы сделали фундаментальный вклад в развитие христианской литературы (Клеменс Александрийский, Ориген, Евсевий Кесарийский). Амвросий (333/4–397 гг. н.э.) создал новый жанр поэзии – «христианский гимн». Гимны были существенно новой формой общения для широких масс христиан.

Помимо христианской литературы, даже в поздний античный период существовала языческая литература, которая прежде всего концентрировалась на традициях римской истории и культуры. Клавдиан Клавдий (ок. в 375 г. – после 404 г. н.э.), последний великий римский поэт, восхищался достижениями и ценностями римского прошлого и посвятил себя своего рода панегирической придворной поэзии. Представители прозаической литературы занимались объединением древних знаний в энциклопедии и сборники (Марциан Капелла, Кассиодор). Философ Боэций (ок. 480–524 гг. н.э.) написал переводы и комментарии к трудам классической греческой философии и науки, а также трактаты по философским и математическим проблемам. Римские законодательные источники были собраны в большой Свод гражданского права («Corpus juris civilis» – Корпус гражданского права) – важный сборник, составленный по заказу императора Юстиниана I Великого (482–565 гг. н.э.).

Византийская литература

В византийском языке и литературе деление на возвышенную и просто народную ветви шло уже долгое время и стало более явным. Помимо трудов официальной историографии существовали народные хроники, предназначенные для широкой читающей публики. Поэзия занимала выдающиеся позиции в эпиграммах и гимнах. Героические этнические поэмы и романы о рыцарях, написанные на местном диалекте, в которых отразилось влияние Западной Европы, привели к возникновению современной греческой литературы. На греческом и латинском языках появился новый исторически важный жанр – агиография, т.е. жизнеописания (жития) святых. Деяния мучеников и их биографии описывали достойные подражания жизни. Эти произведения дают очень интересную картину жизни того времени в различных слоях общества.

АФРИКА

Лингвистические исследования (*sensu lato*) составляют относительно большую, хотя иногда и противоречивую часть исследований африканского прошлого с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. Методологические проблемы значительны, но интересны и сами по себе, поскольку связаны с взаимодействием между современными языками, имеющими или не имеющими письменности, а также поскольку историко-лингвистические исследования языков, не имеющих письменности, рассматриваются как существенное дополнение к имеющимся в настоящее время весьма неполным археологическим данным. Существует, таким образом, очень большое различие в способах, с помощью которых исследования письменности и языка вносят свой вклад в наше понимание африканской истории того времени.

Египет и Северная Африка являются территориями, где грамотность в тот период была наиболее развита и широко распространена. В частности, в Египте исключительно сухие условия хранения обеспечили сохранение до наших дней огромного объема древних документов, включающих множество хозяйственных и административных скоропроходящих подробностей, практически неизвестных где-

либо еще. Египет, таким образом, выделяется не только среди других областей Африки, но и среди современных ему присредиземноморских сообществ, имевших письменность, наличием подробной и разнообразной исторической информации, доступной из документальных источников. Столь же информативен способ использования особых языков и систем письменности в разных целях в различных слоях египетского общества. Похожая ситуация, хотя и менее ясно документированная, преобладала во многих частях Северной Африки.

Среди сохранившихся документов, добытых при археологических раскопках в Египте, были найдены литературные труды, которые составляют один из главных источников информации об интеллектуальной жизни тех времен. Конечно, многие сохранившиеся до нашего времени работы представляют собой не оригинальные рукописи, а их более поздние копии; среди них философские и религиозные труды, поэмы, пьесы, политические речи и трактаты, исторические, географические и различные технические труды. Такие египетские сочинения, как «География» Птолемея и «Периплы Эритрейского моря» (*периплы* – описание морских плаваний вдоль берегов – вид древнегреческой литературы. – *Прим. ред.*) неизвестного автора, указывают на их диапазон. Работами непреходящего значения и местной гордостью, вероятно, являются сочинения Августина в начале V в. н.э., написанные на территории современного Восточного Алжира.

Особый интерес представляет использование языков, не имевших письменности, в исторической реконструкции. В отсутствие письменного материала из прошлого все реконструкции более древних форм должны основываться на недавних наблюдениях. Посредством такого исследования, включающего изучение распространения языка, чередования звуков, заимствований и т.п., можно реконструировать с некоторой уверенностью «генеалогическое древо» языкового развития и выявить слова, заимствованные одним языком из другого. Такая ситуация наиболее часто возникает в связи с культурными новшествами, которые описываются подобными словами.

В областях, прилегающих к Сахаре, попытки применить лингвистические данные в реконструкциях предыстории ограничивались восточным и южным регионами. В Эфиопии, в Северо-Восточной Африке (Африканский рог) и в Восточной Африке первоначально применявшиеся языки принадлежали к афразийскому и нило-сахарскому семействам языков. В период, рассматриваемый в этой главе, интерес сосредоточивается на кушитской ветви афразийских языков и взаимоотношениях кушитских языков с семитскими (также ветвь афразийских языков) и с нилотскими (представителями нило-сахарских языков). В то время как на кушитских языках, как полагают, говорили в течение очень длительного периода как в Эфиопии, так и на территории Африканского рога, семитские языки по всем признакам появились примерно в первой половине I тысячелетия до н.э. На той же стадии, которую не удается точно определить, кушитские языки распространились к югу в Восточную Африку, где народы, говорившие на них, находились в контакте с другими народами, говорившими на разновидностях нилотских языков. Предпринимались попытки связать эти древние восточноафриканские группы населения, говорившие на кушитских и на нилотских языках, с некоторыми пастушескими народами, присутствие которых отмечено по полученным археологическим данным из этого региона начиная с III или II тысячелетия до н.э., но результаты этих размышлений достаточно противоречивы. Тем не менее заслуживает упоминания то, что лингвистические исследования достаточно обоснованно указывают на то, что древние восточноафриканские оседлые народы были как земледельцами, так и скотоводами, однако это пока не подтверждено археологическими данными.

Далее к югу интерес сосредоточивается на исключительно широком распространении тесно связанных между собой языков группы банту, относящихся к подсемье нигеро-конголезских языков. На языках банту говорят сегодня на территории от Камеруна до Южной Кении и почти на всей территории Африки между этими странами и к югу от них, за исключением юго-западной области, где большинство доколониального коренного населения говорило на койсанских языках. Между лингвистами есть общее согласие, что языки банту должны были произойти от общего праязыка в сравнительно недавнем прошлом. На праязыке, предположительно, говорили в северо-западной части современной зоны распространения языков банту или близко к ней. В этом регионе, в основном покрытом лесами, разнообразие современных языков указывает на более длительный период развития, чем среди более однородных диалектов саванн востока и юга. Неудивительно, что историков интересовал вопрос, мог ли процесс распространения языка банту быть связан с введением металлургии, скотоводства и земледелия на той же общей территории. За исключением языка кисвахили, языки банту не имели письменности до сравнительно недавних времен.

На койсанских языках сегодня говорит немного людей, но эти языки были значительно более широко распространены до XIX в. н.э. Они преимущественно были языками охотников и скотоводов, населявших внутреннюю и западную части Южной Африки за пределами сельскохозяйственных областей, где жили земледельческие народы, знакомые с использованием металла. Разумно предположить, что перед расширением области обитания последних в первые века н.э. койсанские языки были распространены более широко. Эта точка зрения поддерживается многочисленными заимствованиями койсанских слов и звуков в южных языках группы банту.

Многие области Африки издавна имели высокоразвитую устную литературу. Сам язык является ценным хранилищем исторической информации, если ее только можно из него извлечь. Есть, тем не менее, опасность в рассмотрении истории исключительно в лингвистических понятиях. Лингвистическая терминология является всего лишь средством классификации языковых групп или форм. Она не должна без критической оценки распространяться на сообщества людей, которые прежде всего определяются другими способами.

АМЕРИКА

В Новом Свете письменность была обнаружена только в центральноамериканской культурной зоне. Что касается содержания, техники и социального контекста, то в рассматриваемый период ситуация не вполне ясна из-за ограниченности археологических данных и выводов на их основе. Мы начнем с описания ситуации во времена испанского завоевания у наиболее сложно организованного народа Центральной Америки – ацтеков. Система письменности ацтеков была сочетанием идеограмм, нескольких фонетических символов в виде ребусов и пиктограмм. Писали кисточкой на бумаге, сделанной из внутренней коры фигового дерева.

Длинные полосы коры сдирались с дерева, волокна превращали в сетки путем дробления специальным инструментом, покрывали сетки специальным раствором и после высыхания писали на таких пластинах кисточками разноцветными красками. Полосы складывали гармошкой, и стопка полос превращалась в книгу путем обкладки такой стопки деревянными пластинами. Среди этих книг были священные альманахи – календари, использовавшиеся для пророчеств; эти книги назывались *tonalpobualli* (*тональпоуалли*). Эти пророчества делались жрецами для

отдельных людей или для групп, и предсказания использовались для принятия решений, таких как выбор подходящего времени для рождений, похорон, брачных церемоний или планирования основных видов деятельности. Другие книги велись счетоводами для записи налогов; некоторые были историческими документами и содержали сведения о династическом наследовании, генеалогических отношениях, деятельности и подвигах правителей. Наконец, письменность использовалась также в законодательных целях, в землемерном деле или в строительстве, в судах для записи юридических дел, включая имена представителей сторон, судьи и результаты рассмотрения дела.

Письмена наносились также на каменные монументы, выставленные для всеобщего обозрения, преимущественно по политическим причинам; для надписей было характерно сочетание религиозных и политических изображений с письменным посланием. Суммируя сказанное, можно считать, что письменность среди ацтеков имела ограниченное распространение, обусловленное применяемым для письма материалом и технологиями, включавшими письмо как на долговечных, так и непрочных материалах, в целом служила интересам правящего класса и имела политическое содержание и назначение.

Грамотность среди ацтеков была привилегией высшего класса общества, она служила консолидации членов этого класса, и функции ее были немногочисленны.

Остается неясным, до какой степени сказанное выше применимо к раскрываемому здесь периоду. Ацтекское государство было крупнейшей политической системой, развившейся в Центральной Америке, и столица ацтеков Теночтитлан была наиболее урбанизированным и крупным городским образованием в истории этой культурной области. Можно было бы поэтому ожидать, что письменность здесь имела более широкое значение, чем в более мелких и менее урбанизированных государствах и племенных королевствах классического периода.

Наиболее подробная и обширная информация о системах письменности в Центральной Америке в рассматриваемый период относится к системе письменности майя, живших в низменной части Центральной Америки. Хотя никаких книг, датируемых этим периодом, в этом регионе не обнаружено из-за проблем с сохранностью, некоторые плохо сохранившиеся разрозненные остатки, обнаруженные в погребениях майя, указывают на присутствие книг, напоминающих ацтекские книги классических времен. По всей вероятности, эти книги использовались, как и у ацтеков, для предсказаний в виде священного календаря. Известно, что майя использовали календарь во времена испанского завоевания и что книги также использовались для записи королевских родословных. Наряду со свидетельствами о наличии таких функций письменности у народа майя в XVI в., имеются также данные о наличии в книгах таблиц с астрономическими данными, в частности о движениях Венеры и Луны.

Вместе с тем имеется массивный объем информации о природе и использовании письменности майя, о содержании писем; эти сведения получены из надписей, найденных на долговечных материалах – на камнях, из которых были сложены стены храмов и домов, или особых монументах – стелах, или из надписей, сделанных на внутренних стенах зданий или на гончарных сосудах. Письменность майя была более развитой, чем письменность ацтеков, – в том отношении, что она содержала гораздо больше фонетических элементов и действительно являлась в основном фонетической системой. Это была скорее словесно-слоговая иероглифическая письменность, нежели алфавитная, она включала значительное количество элементов со сложным строением, отчего надписи трудно поддаются расшифровке. Содержание надписей на публичных монументах по своей природе явно политическое, в сочетании с изобразительными средствами,

представленными скульптурой, они предназначались для записи важнейших событий в жизни королей и в некоторой степени их подвигов. Многие из того, что содержится на монументах майя, определенно являются политической пропагандой, и к этому чтению следует относиться с большой осторожностью. Иногда надпись сосредоточивается на военных успехах королей, очень часто сопровождавшихся захватом в плен и принесением в жертву людей высокого ранга из соседних государств – воинов, аристократов или даже королей. Хотя в действительности завоевания иногда происходили, все же это свидетельство нуждается в подтверждении фактами другой природы из-за пропагандистских аспектов публичных надписей майя. Из-за ограниченного набора тем и из-за политических целей письменности майя исторические записи для понимания культуры майя и ее развития можно использовать, но всегда с предельной осторожностью.

Цель письменности и ее природа, по-видимому, во многом одинаковы в рассматриваемое время в большей части Центральной Америки, т.е. на побережье Мексиканского залива, на высокогорьях Гватемалы и высокогорьях штата Оахака, но объем материала, которым мы располагаем, значительно меньше, чем материал о цивилизации майя.

Не имеется прямых свидетельств о грамотности обществ в Центральной Америке во время классического периода. Некоторые архитектурные остатки в ряде поселений майя позволяют предположить, что в центрах были специальные школы для знати, в какой-то мере сравнимые со школами у ацтеков (*calmecac*). По всей вероятности, у майя существовали и сельские школы, также напоминающие ацтекские *teipochcalli*. Можно предполагать, что общие элементы иконографии, выраженные в публичных монументах в классических центрах майя, были понятны практически всему населению, иначе их публичное расположение не имеет смысла. Их целью являлось постоянно напоминать подданным королей майя о необычайно высоком статусе, политических и религиозных привилегиях правителя и других лиц высокого ранга. Однако полное понимание письменной системы, вероятно, было доступно очень небольшой части людей среди майя, вероятно, менее 5% населения, в которые входили только взрослые мужчины из знати.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADELAAR, K.A. 1989. Malay Influence on Malagasy: Linguistic and Culture–Historical Implications. *Oceanic Linguistics* 28/1:1–46.
- 1992. Proto-Malayic. The Reconstruction of its Phonology and Parts of its Morphology and Lexicon. *Pacific Linguistics Series C* 119. Canberra.
- BLAKE, B.J. 1984. *Australian Aboriginal Languages. A General Introduction*. Queensland.
- BOWMAN, A.K. 1986. *Egypt after the Pharaohs*. London.
- COE, M. 1973. *The Maya Scribe and His World*. New York.
- DAS GUPTA, S.N.; DE, S.K. 1947. *History of Sanskrit Literature*. Calcutta.
- DIKSHITAR, V.R. 1930. *Studies in Tamil Literature and History*. London.
- EASTERLING, P.E. (ed.). 1987. *The Cambridge History of Classical Literature*, Vol 1–2, 1982–1987. Cambridge.
- EHRET, C.; POSNANSKY, M. (eds). 1982. *The Archaeological and Linguistic Reconstruction of African History*. Berkeley.
- FOLEY, W.A. 1986. *The Papuan Languages of New Guinea*. Cambridge.
- GEIGER, W. 1943. *Pali Literature and Language*. Calcutta.
- GEN'ILLI, B. 1988. *Poetry and Its Public in Ancient Greece*. Trans. COLE, A.T. Baltimore/London.
- GOODY, J. 1987. *The Interface between the Oral and the Written*. Cambridge, XXI.
- (ed.). 1968. *Literacy in Traditional Societies*, pp. 27–68. Cambridge.
- GREENBERG, J.H. 1963. *The Languages of Africa*. The Hague.
- HAVELOCK, E.A. 1982. *The Literate Revolution in Greece and its Cultural Consequences*. Princeton.
- HERBERT, P.; MILNER, A. 1989. *South-East Asia. Languages and Literatures: A Select Guide*. Arran.

- KAILASAPATHY, K. 1968. Tamil Heroic Poetry. Oxford.
- KANE, P.V. 1930–62. History of Dharmasastra. Pune.
- KEITH, A.B. 1924. Sanskrit Drama. Oxford.
- MARCUS, J. 1976. Emblem and State in the Classic Maya Lowlands. Washington D.C.
- MULLER, R. 1987. Polis und Respublica. Studien zum antiken Gesellschafts- und Geschichtsdenken. Weimar.
- NARVEH, J. 1973. Some Semitic Epigraphical Considerations on the Antiquity of the Greek Alphabet. American Journal of Archaeology, Vol. 77, pp. 1–8.
- NIENHAUSER, W.H. (ed.). 1986. The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature. Bloomington.
- PARKIN, R. 1991. A Guide to Austroasiatic Speakers and their Languages. Oceanic Linguistics Special Publication No. 23. Honolulu.
- PHILLIPSON, D.W. 1985. An Archaeological Reconsideration of Bantu Expansion. Muntu, Vol. 2, pp. 69–84.
- SCHELE, L.; FRIEDEL, D. 1990. A Forest of Kings: The Untold Story of the Ancient Maya. New York.
- TSIEN, T.H. 1962. Written on Bamboo and Silk. The Beginnings of Chinese Books and Inscriptions. Chicago.
- WINTERNITZ, M. 1927–33. History of Indian Literature. Calcutta.
- WURM, S.A.; SHIRO HATTORI (eds). 1981–1983. Language Atlas of the Pacific Area. Parts I and II. Pacific Linguistics Series C 66 and 67. Canberra.

ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

*Йоханнес Г. де Каспарис, Ричард Н. Фрай, Йоахим Херрманн,
Майкл У. Майстер, Дэвид У. Филлипсон, Анна Садурская,
Уильям Т. Сендерс, Збигнев Сковрон и Ву Хун*

В государствах и империях как ключевого региона, так и периферии, искусство и архитектура составляли зрительное выражение соответствующих обществ. Помимо чисто эстетических качеств, которые каждая культура определяла по-своему, искусство также было особой формой общения, воплощения религиозных идей и верований, общепринятых мифов и метафор и, особенно по отношению к государствам и империям, часто служило идеологическим целям, символизируя власть и прославляя правителя. В каждой культуре развивался вполне определенный комплекс зрительных знаков и символов, ключевых предметов и образов. Тем не менее с возникновением и развитием философии и науки в нескольких ключевых регионах совершенно по-разному проявились теоретические взгляды на искусство, его природу, цели и эстетические нормы. Постепенно каждая крупная цивилизация разработала свое собственное определение искусства и видение, каким оно должно быть.

Греческими философами, в частности Платоном и Аристотелем, была сформулирована соответствующая исчерпывающая теория. В Древней Греции занятия ремеслом, особенно механическим, а также сельским хозяйством, медициной и гимнастикой определялись общим термином «прикладные искусства»; с другой стороны, поэзия, музыка, танец и театр рассматривались как изящные искусства или *техне (techné)* – термин, включавший также и науки.

С течением времени взгляды на занятия, которые всегда были связаны с трудом, т.е. на ремесла, механику и сельское хозяйство, как на искусства становились все более редкими. Другие отрасли в конце концов были определены как «свободные искусства» (*arts liberales*); в средние века в Европе им суждено было стать основой высшего образования.

Поскольку изящные искусства включали в себя также ручную работу, то даже в античные времена люди, занимавшиеся ими, рассматривались как делающие все «механически», т.е. лишь как ремесленники; их не признавали художниками в нашем понимании. Часто они не были свободными людьми или даже были рабами. Их имена в большинстве своем неизвестны, особенно начиная со времени Римской империи. Тем не менее их способности ценились высоко и использовались высокими персонами общества, религиозными общинами и церковью или членами правящих классов для создания произведений искусства как составной части их образа жизни или способа выражения их идеологических и религиозных взглядов.

Такие греческие философы, как Платон и Аристотель, подчеркивали социальное значение искусства для образования и развития сознания граждан, необходимых для обеспечения сохранения государства и общества. Аристотель разработал теорию эстетики. Согласно ей искусство не должно просто имитировать природу, а должно сосредоточиваться на ее характерных особенностях, способствующих ее познанию и восприятию. Искусство должно доставлять удовольствие и таким образом способствовать ослаблению отрицательных эмоций и чувств и, в конце концов, вести человека к очищению или, по Аристотелю, к *катарсису*.

В Индии искусство и архитектура первоначально рассматривались как выражение религиозных ценностей. Дошедшие до нас произведения искусства являются продуктом труда специализированных ремесленников, объединенных в гильдии; изображая людей и сверхъестественных существ, они до определенной степени руководствовались указаниями, но огромная выразительность дошедших до нас произведений искусства показывает, что на самом деле они пользовались известной свободой при создании художественных форм.

В Китае наиболее впечатляет появление в период раннего средневековья (III–IV вв. н.э.) явно элитарного искусства, создаваемого отдельными художниками, которые сами принадлежали к высшему классу. В результате определенные формы искусства, особенно рисование на свитках, каллиграфия и игра на лютне, стали рассматриваться как область «искусства благородных людей», в отличие от работ безвестных ремесленников. Примерно в то же время были написаны первые теоретические труды о художественных идеалах рисования и каллиграфии. Основная цель искусства на элитарном уровне виделась как выражение личных эмоций.

В этой главе рассматриваются только основные линии развития изобразительных изящных искусств, ремесленного искусства и архитектуры. Другие виды искусства, такие как поэзия, литература и театр, рассмотрены в гл. 5).

ЗАПАДНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

С VII в. до н.э. наследие Ассирийской империи все еще чувствовалось на территории Западной Азии. Имперский стиль больших каменных скульптур, настенной живописи и статуй перешел от ассирийцев к персам, что проявляется в руинах грандиозного архитектурно-скульптурного комплекса Персеполя в современной иранской провин-

ции Фарс. Здесь представление о могуществе и богатстве империи Ахеменидов создают скульптурные ряды людей, несущих дань ко двору «Царя Царей». Имперский стиль оказал влияние на искусство империи Маурьев в Индии и проявился в Центральной Азии, что можно видеть, например, в текстильных изделиях из погребений кочевников в долине Пазырык на Алтае, а также на примере более мелких предметов из золота, дерева или глины. Египетское искусство, с другой стороны, оказало гораздо меньшее влияние на другие народы, поскольку египетское влияние было в основном направлено на юг, вверх по течению Нила, а не на соседнюю Азию.

Искусство империи Ахеменидов, насколько нам известно, не вытеснило местные стили или приемы работы, но во многом как имперское правительственное имущество оно было ограничено царским двором и представителями аристократии, которые старались копировать двор. Одновременно с государством Ахеменидов в Западной Азии, в степях Центральной Азии, а также в оазисных государствах как в Западном, так и Восточном Туркестане (старое название территории в Средней и Центральной Азии, населенной тюрскими народностями. – *Прим. ред.*) мы находим продолжение более древнего «звериного» стиля, особенно явного в металлических предметах, таких как конская упряжь, пряжки поясов и оружие, а также в ювелирных золотых изделиях. Искаженные формы фантастических животных характеризуют «звериный» стиль изделий иранских кочевников, которых персы называли саками (*Sakas*), а греки – скифами. Этот общий стиль, несмотря на вариации, такие как более поздний сарматский стиль ювелирных изделий из золота или серебра, продолжал развиваться почти до VII в. н.э. Древнее искусство скифов подверглось у сарматов модификациям, но был сохранен дух искусства кочевников.

На востоке Центральной Азии, в дополнение к стилю кочевников, наиболее влиятельной была китайская культура, о чем свидетельствуют многие китайские текстильные изделия, бронзовые зеркала и другие предметы, обнаруженные в захоронениях, особенно в погребениях правителей кочевых сообществ. Очевидно, обнаруживается мало связей, либо вообще они не проявляются, между искусством Китая и искусством других народов, в отличие от запада Центральной Азии, где проявляется смесь западно-азиатского, иранского и эллинистического искусств. В оазисах Синьцзяна в начале I тысячелетия до н.э. мы не находим явно местных стилей искусства, хотя это может быть из-за недостаточного объема проведенных археологических работ. До династии Хань в Китае и появления Греко-Бактрийского царства на западе Сииньцзян почти не имел контактов с западом и востоком (Бактрия – историческая область в Средней Азии по верхнему и среднему течению Амударьи; с середины III в. до н.э. – Греко-Бактрийское царство. – *Прим. ред.*). Китайское влияние на оазисные царства было наиболее древним из всех, проявившихся в результате контактов; за ним последовали торговые отношения с Индией. Только в западной части Центральной Азии, где после завоеваний Александра Македонского греческие каноны искусства начали оказывать влияние на местные художественные традиции, мы можем отметить важные изменения в искусстве. Вместе с тем всегда нужно помнить, что в древней Западной Азии и Центральной Азии были известны имена очень немногих художников или ремесленников, и различие между предметами труда ремесленников, декоративными изделиями и произведениями искусства здесь остается неясным. Искусства и ремесла, казалось, были граниями той же самой культурной среды. Точно так же искусство в Иране и Центральной Азии на протяжении истории было преимущественно декоративным и представительским, особенно это заметно в религиозных объектах или зданиях. Однако до времени появления всемирных религий, трудно опреде-

лить различие между ритуальными объектами и художественными представлениями людей, исповедовавших данную религию, в то время как символика большинства объектов, связанных с древними религиозными верованиями, обычно ускользает от нас. Это иллюстрируется многими художественными изделиями, например серебряными чашами и кувшинами, на которых имеются многочисленные изображения. К счастью, многие из них имеют надписи и, таким образом, могут быть идентифицированы как согдийские, хорезмские, бактрийские, парфянские или из государства Сасанидов. Изображения на более древних чашах и бутылках (во времена до н.э.) часто представляли собой копии классических греческих тем, таких как изображения Геракла или Диониса и мотивы, связанные с этими божествами. Позднее религиозные темы, такие как изображение богини Нанайи, сидящей на льве, находят на хорезмских и согдийских чашах. И вновь неясно, являются ли найденные предметы ритуальными, или использовавшимися для питья, или чисто эстетическими изделиями. В Центральной Азии появление индийских мотивов и даже религиозных символов, таких как трезубец трехликого Шивы, указывает на важность южных влияний на искусство Центральной Азии параллельно сильному эллинистическому влиянию во многих царствах. В искусствах древней Центральной Азии можно наблюдать и разнообразие, и эклектизм; и светское и религиозное искусство в них часто неразличимы.

Все это меняется к III в. н.э., когда индивидуальности перестают определяться тем, на каком языке люди говорят или какому правителю верны, а определяются только религией, которую они исповедуют. Символика всемирных религий как будто впитывает все художественные творения, по крайней мере, такое впечатление создается на основе дошедших до нас объектов. Буддийское искусство явно меняется; присущее ему ранее колесо *дхармы* заменяется фигурами Будды, которые стали преобладать в этом искусстве. На рубеже тысячелетий в Центральную Азию проникло гандхарское буддийское искусство, зародившееся в ситуации встречи индийского и эллинистического искусства в Гандхаре – древней области на северо-западе субконтинента. Здесь оно изменилось под местными иранскими влияниями, особенно под кушанским влиянием в начале I тысячелетия н.э. Таким образом, фигуры Будды со всеми их атрибутами приобретают черты местных иранских аристократов в одеждах, отделанных драгоценными камнями, что можно наблюдать в настенной живописи в буддийском комплексе в долине Бамиан в Центральном Афганистане и в ряде мест в Южном Узбекистане, таких как Халчаян, и в Таджикистане, таких как Аджина-Тепе. Тот же стиль из Бактрии распространился в Восточный Туркестан, особенно это заметно в настенной живописи и глиняных фигурах в оазисах Куча и Турфан.

В Бактрии, но особенно в оазисных государствах Восточного Туркестана, красивые изображения стен жизни Будды украшали стены пещер или монастырей. В Куче и Турфане преобладало иранское влияние, но в Дуньхуане, в современной китайской провинции Ганьсу, очевидно влияние китайской живописи. В настоящее время эти частые поблекшие настенные росписи вызывают чувство удивления своим художественным качеством и огромным вниманием художников к деталям, но более тысячи лет назад эти росписи вызвали еще более сильные чувства: они вызвали страх и почтение у верующих. Буддийское искусство, как и другие, менялось со временем, менялись формы и мотивы, преобладавшие в Западной и Центральной Азии в течение рассматриваемого периода.

Классическое греческое искусство было реалистичным, особенно в изображении человеческого тела, и по сравнению с ним западноазиатское искусство было застывшим и формальным. Последнее не предназначалось

для того, чтобы быть «красивым» и реалистичным, оно заключало в себе послание, внушающее представление о могуществе правителя или торжественности божества. После завоеваний Александра Македонского как греческое, так и западноазиатское искусства начали меняться. Идеализм начал заменяться реализмом, безусловно, под влиянием новых религий, особенно верований мистических сект, а также тенденции видеть мир в пессимистических тонах. Верно, что, как в Римской империи, так и на Востоке, рабами выполнялись копии работ классического греческого мира, что указывает на недостаток оригинальности и чрезмерное благоговение перед прошлым. Новое настроение этих времен в парфянском периоде лучше всего можно видеть по универсальному стилю фронтального размещения человеческого фигур вместе с земным выражением лиц с широко раскрытыми глазами, как бы устремленными на зрителя, но не видящими его. Это справедливо в отношении коптских погребальных изображений из Египта, статуй из Пальмиры, статуй и рисунков сарвастивадинской секты аскетов-буддистов, которая получила популярность в это же время в Центральной Азии. Весьма вероятно, что все эти произведения искусства на востоке и на западе провозглашают мимолетность человеческой жизни и изменившееся мировоззрение. В искусстве первых веков до и после начала нашей эры нигде эстетическое любование красотой человеческого тела не присуще искусству в такой мере, как на средневековом Западе. Этот стиль, если можно его так назвать, начинает изменяться с образованием государства Сасанидов в Иране и экономическим расцветом оазисных государств как на востоке, так и на западе Туркестана. В Иране начиная с III в. н.э. светские, имперские традиции снова выступают на передний план, в то время как богатые торговцы в Центральной Азии заказывают художникам свои портреты или сцены своей деятельности или зачастую мифологические или эпические сцены. Строгая приверженность фронтальному расположению дает возможность человека больше разнообразить портретное изображение головы или тела, но возврата к греческому реализму не наблюдалось. Скорее мы находим фиксированное и застывшее изображение фигур без эфирных, мистических поз предыдущих веков. В одной области – в нумизматике, однако заметен явный отход от превосходных греческих монет греко-бактрийских правителей и государства Селевкидов до жалкого копирования этих монет парфянами и скифскими правителями. В империи Сасанидов и в меньшей степени в Кушанском царстве способ чеканки монет закрепляется и становится каноническим подобно искусству. Этот процесс идет параллельно с установлением ортодоксальных взглядов во всеобщих (мировых) религиях, когда искусство, подобно религиозным доктринам, становится канонизированным. Такая ситуация продолжается до появления ислама, когда в Западной и Центральной Азии произошли огромные изменения как в искусстве, так и в других областях жизни.

Начало ислама в западной части Центральной Азии сопровождалось значительным влиянием китайской культуры во времена династии Тан на востоке. Поскольку религия столь сильно влияла на жизнь людей в Западной и Центральной Азии, то можно говорить о буддийском искусстве, христианском искусстве и исламском искусстве, но не о зороастрийском или манихейском искусстве. В самом деле, в этих двух случаях формы искусства весьма близки к светскому искусству этого периода, и можно говорить только о зороастрийских чертах, таких как изображение огненного алтаря или одетого в белые одежды манихейского *электи* (жреца) на миниатюрах или в виде стеной росписи. Такое положение дел, конечно, может отражать неудачу части последователей зороастризма в создании собственной иконографии, как в других религиях, или, что более вероятно, является результатом раз-

рушения символов и искусства приверженцев манихейства и зороастризма последователями господствующих религий, продолжавших расширяться и процветать. Следует заметить, что искусство как государства Ахеменидов, так и Кушанского царства можно охарактеризовать как синтетическое или интегрированное, поскольку и то и другое твердо опирались на прошлое или на искусства соседних народов при формировании своих имперских стилей. Оба эти искусства отличаются от римского искусства, в частности, потому, что последнее переняло формы или идеи у греков. Мы не имеем возможности обсудить здесь более тонкие вопросы о том, что имел в виду художник или зритель, и о значениях, придаваемых творениям художника, – иных значениях, чем явный религиозный смысл.

В архитектуре в рассматриваемый период также развились различные формы. В Иране и Центральной Азии из-за недостатка лесов древесина как дорогостоящий строительный материал использовалась редко; в основном применялись различные иные материалы. С древних времен глина в виде кирпичей, высушенных на солнце или обожженных в печи, или, в более простом варианте, глинобитные стены в основном применялись в строительстве. Использование камня было редким, камень служил только основанием колонн, применялся для настилки полов или усиления стен. Каменные постройки со временем появились в империях Ахеменидов и Селевкидов, но обнаруживаются они только в императорских и государственных зданиях. Обычными строительными материалами были высушенные на солнце кирпичи или глина. Приблизительно во времена Кушанского царства в Афганистане и Центральной Азии стали применять новый способ возведения стен, который можно назвать смешанной кладкой из булыжников и обтесанных камней; этот способ характеризует эпоху, что важно для археологов. Этот способ кладки распространился также до китайской части Туркестана.

Стены зданий были покрыты шпукатуркой из твердого вещества, похожего на цемент, который мог быть добыт в Центральной Азии и перевезен на запад. Лесные украшения разнообразных форм, таких как гирлянды и цветы, украшали здания аристократии в Иране и Центральной Азии, в то время как предметы в виде скульптурных голов людей и животных предпочитались в Кушанском царстве и в государствах, которые позднее образовались на этой территории. Обнаруженные литейные формы указывают на массовое производство небольших статуэток идолов для домашнего поклонения, особенно на западе Центральной Азии, где основной религией была местная форма зороастризма. В китайской части Центральной Азии вскоре после начала нашей эры господствующей религией был буддизм, и здесь в религиозной архитектуре мы часто находим множество маленьких статуэток Будды, или Бодхисаттвы из гипса (или алебаstra).

Обнаружены архитектурные особенности, которые, вероятно, происходят из Ирана или Центральной Азии со времен Парфянского царства. Одной из таких особенностей была «ступенчатая арка», или стрельчатый сводчатый потолок, построенный из кирпичей так, что ряды кирпичей выступали один над другим, образуя закрытый верх; удерживалась такая конструкция на специальном прочном цементе. Другой особенностью был *эйван* (*айван*), или *ливан*, – сводчатый зал, открытый со стороны внутреннего двора, или открытый полукупол, ограниченный двумя стенами в качестве фасада дома с двором или садом позади эйвана. Такая архитектура остается характерной для жилых домов в Иране до наших дней. В Центральной Азии обычная архитектурная форма храма, в котором был центральный предмет культа – статуя или буддийская *ступа*, вокруг которой шли процессии поклоняющихся, имела много вариантов даже внутри одной религии. Все эти варианты исчезли с распространением ислама и его

унифицированной архитектурной формой мечети. Несмотря на то что форма айвана появилась до появления ислама, она с некоторыми изменениями стала стандартной формой архитектуры мечети и в исламские времена. Архитектура восточных исламских земель, как и все другие искусства, приобрела определенный стиль, несущий отчетливые идеи, так что прежнее разнообразие или эклектические искусства были объединены всеохватывающей исламской верой.

Другой отличительной чертой архитектуры Афганистана и Центральной Азии были крыши, называемые *латемендеке*, которые можно видеть вырезанными в скалах, как крыши буддийских монастырских пещер в Бамиане и Кизилте недалеко от Кучи в Синьцзине. Вначале крыша была сделана из брусьев или бревен, уложенных квадратами друг на друга, уменьшающимися к вершине. Очевидно, такой способ строительства мог появиться только в горных лесистых районах или в предгорьях. Так строили крыши во всех оазисных городах по дорогам в Китай. Такую кладку крыш вначале, возможно, применяли только для келий буддийских монахов, но она дошла до наших дней и повсеместно используется в горных регионах Индукуша, Памира и Тяньшаня.

Другая архитектурная особенность Ирана и Центральной Азии вызывает определенные противоречия, так как нет уверенности в ее происхождении. Угловые выступы или *мукарны*, как их называли в исламские времена, применялись там, где на квадратное здание помещался круглый купол; этот тип строительства развился в доисламские времена, но после распространения ислама он был найден в очень сложных и красивых архитектурных сталактитах на всех территориях исламского мира (сталактиты (мукарны) – декоративные выступы призматической формы, расположенные нависающими друг над другом рядами на сводах ниш, полукуполах, карнизах и т.д. – *Прим. ред.*). Введение полукруглой арки в зданиях приписывают Восточному Ирану или Центральной Азии приблизительно во II в. до н.э. Таким образом, можно видеть, что вклад Центральной Азии в архитектуру был значительным, и эти образцы архитектуры распространились на восток и на запад.

Керамика – основной исходный материал археологов – изменялась в Центральной Азии не только по форме и украшению, но и по способу изготовления. Например, терракотовые гончарные изделия и фигурки, в древние времена отличавшиеся небрежностью изготовления, под эллинистическим влиянием в период Кушанского царства не только становятся более сложными по форме и цветовому решению, но и изготавливаются более совершенными способами. Особенно интересно производство изящных терракотовых изделий с использованием пониженных температур обжига, которое также было заимствовано из Греции. Некоторые формы гончарных изделий в Центральной Азии копировались с кожаных кувшинов и деревянных подносов кочевников.

Другим средством художественного выражения в гористых районах Центральной Азии была древесина, и обнаруженные в городе Пенджикенте (Таджикистан) обожженные деревянные статуи, датируемые V и VI вв. н.э., впечатляют обилием деталей. Также резные и украшенные деревянные колонны применялись для поддержания крыш в домах богатых согдийских и бактрийских купцов. Резьбой по дереву занимались в горных районах Центральной Азии; резные колонны используются и по сей день. Стиль деревянной резьбы в доисламский период напоминал стиль фигур и украшений, который можно видеть в настенных росписях и в лепных украшениях. Стройные, с тонкой талией фигуры аристократов в богато украшенных одеяниях, с саблями, висящей на поясе, являются отличительной особенностью искусства Центральной Азии, поскольку их не находят ни в Иране эпохи Сасанидов, ни,

конечно, в китайской росписи или фигурках, если только они не изображают аристократов Центральной Азии, побывавших в Китае.

Хотя китайский шелк с характерным рисунком ввозился в Центральную Азию и пользовался там большим спросом и в дальнейшем, однако многие местные ткани, особенно шерстяные, были тоже знамениты и вывозились на восток и на запад. Деревня Зандана в районе Бухары была особенно известна своими текстильными изделиями; в исламские времена ткани и одежды, сделанные в Зандане («занданичи») распространялись по всему исламскому миру. Фрагмент ткани с согдийской надписью можно видеть в музее текстиля в Лионе во Франции.

Можно сказать, что искусство Центральной Азии отражало географию центральной области, на которую влияли Китай, Индия, Западная Азия и Греция. За несколько столетий до распространения ислама в Центральной Азии пышное искусство отражало вкусы богатых торговцев, перемещавшихся на большие расстояния по торговым путям между Китаем, Индией, северными степями и Западной Азией. Так сформировался отчетливый «оазисный» стиль, нашедший отражение в украшениях одежды и в декоративных стилях живописи и скульптуры. Все это свидетельствует о существовании процветающего общества многих мелких оазисных государств, богатство которых основывалось преимущественно на торговле предметами роскоши между крупными центрами Китая, Индии, Западной Азии и степями. Исламский халифат только расширил возможности центральноазиатских купцов, и в течение нескольких столетий Центральная Азия была крупным культурным, религиозным и образовательным центром для всего исламского мира. Это более поздняя история, но она уходит корнями в прошлое.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Почти все виды искусства и архитектуры, ставшие важными для последующих традиций европейского искусства и архитектуры, появились в обществах Средиземноморья, главным образом в Греции и Риме. В течение столетий искусство и архитектура этих центров оказывала влияние на прилегающие регионы Европы к северу от Средиземноморья, но также и на Африку к северу от Сахары, на Нильскую долину, Западную Азию, Анатолию и даже на Центральную Азию. В то же время это было не только влияние, но и взаимодействие в той или иной степени с искусством и архитектурой, типичными для этих регионов.

Имея это в виду, можно различить ряд крупных периодов в истории искусства и архитектуры и различные направления, по которым они развивались:

- зарождение греческого искусства и архитектуры в древний период (VIII–V вв. до н.э.);
- классическое греческое искусство в период полисов и демократии полисов (V–IV вв. до н.э.). В этот же период формировались особенности скифского, кельтского, этрусского и фракийского стилей искусства, но в связи с развитием греческого искусства;
- эллинистический период (IV–V вв. до н.э.);
- искусство и архитектура Римской империи (I в. до н.э.–IV век н.э.);
- раннее христианское искусство и архитектура (IV–VII вв.).

Происхождение греческого искусства и архитектуры в древний период и их корни

Развитие Древней Греции началось в VIII в. до н.э. и ускорилось в течение VII в., когда греки основали много поселений за пределами Балканского полуострова, усовер-

шенствовали мореплавание и торговлю и достигли восточных земель: Египта и Финикии, Ассирии, Вавилонии, Персии. Монументальная архитектура и изящные искусства в этих регионах оказали сильное влияние на последующее развитие греческой художественной культуры.

В середине VII в. до н.э. отмечалось возрождение изящных искусств в Египте. В это время главные художественные центры процветали в дельте Нила. В скульптуре этого периода, например, местной гордостью были портретные статуи. Изображения фараонов были имитациями традиционных моделей – в статичных позах и со спокойным выражением лица, с очень тонко выточенными открытыми частями тела. Образы жрецов и высоких лиц выполнялись в совершенно ином, гораздо более реалистичном стиле.

В это время в дельте Нила была основана греческая колония Навкратис. Греки, несомненно, вдохновлялись произведениями египетских изящных искусств, так же как и архитектурой египетских дворцов и храмов, построенных на этой территории.

Ассирия, Вавилония и Персия, как и Египет, были монархиями. Вероятно, по этой причине все четыре государства приняли сходные каноны искусства и архитектуры. Главные архитектурные сооружения были возведены в царских резиденциях в Ниневии, Вавилоне, Персеполе и Сузах. Окруженная защитными стенами, каждая из этих резиденций была городом внутри города. Резиденция состояла из дворца с залом для приемов (*ападана*) и тронным залом, храмом, культовых башен (*зиккурат*) и садов. Стены, построенные из высушенного на солнце кирпича, были обложены каменными барельефами и цветным глазурованным кирпичом. Они должны были изображать массовые сцены, показывающие деятельность правителей. Изображение правителя выделялось среди всех других и занимало самое важное положение. Цветные рельефные изображения очень неглубокие и расположены рядами; перспектива заменена наложением плоскостей, и детали выполнены тщательно и точно. Ассирийские рельефы VII в. до н.э. отличаются изображениями раненых и страдающих животных. На персидских и вавилонских изрещках VI в. выполнены фризы и геральдические группы животных, а также стилизованные фигуры. Персидская архитектура и ее украшения имели прямое влияние на искусство греческого востока VII и VI вв. до н.э., в то время как персидский «звериный» стиль оказал влияние на скифское искусство.

Поскольку господствующие в Египте, Ассирии, Вавилонии и Персии виды архитектуры и искусства служили для прославления монархического правления и могущества, греки заимствовали их очень выборочно. Но традиция искусства, фокусировавшаяся на монархии, не исчезла и возродилась при похожих общественных условиях в эллинистический период или даже позднее в государстве Сасанидов и в Византии.

На южном побережье Средиземного моря греки встречались с финикийцами уже в начале I тысячелетия до н.э. Хотя финикийская культура повлияла на греческую культуру, например в отношении письменности (см. гл. 5), в области искусства и архитектуры подобные связи едва прослеживаются.

Существовали важные условия и предпосылки для развития и распространения древнегреческого искусства в VIII–V вв. до н.э. Оно оформилось в городах материковой Греции, Анатолии (Ионийских колониях), на островах, в Южной Италии и Египте. В архитектуре и изящных искусствах можно выделить два стиля: ионический и дорический, характеризующие соответственно восточный и западный регионы.

Греческие монументальные сооружения, подобно египетским, предшествовавшим им, строились из камня и в основном имели прямоугольную в плане схему разбивки

площадей. В VII в. до н.э. оформились два архитектурных ордера – дорический и ионический, принятые в религиозной архитектуре. Они повлияли не только на структуру, но и на украшение храмов. Греческий храм состоял из главного помещения (*наос* – святилище античного храма, где находилось скульптурное изображение божества. – *Прим. ред.*) и окружающей колоннады (*птерон*), которая поддерживала двускатную крышу. Треугольные фронтоны у коротких сторон здания и фризы в составе антаблемента (верхняя часть сооружения, обычно лежащая на колоннах. – *Прим. ред.*), которые окружали колоннаду, были богато украшены. Между VI и IV вв. до н.э. к двум установившимся ордерам добавился третий – коринфский – вариант ионического ордера. Стволы колонн иногда заменялись поддерживающими фигурами: кариатидами и атлантами (соответственно женскими и мужскими статуями).

Начиная с VIII в. до н.э. греческие художники, несомненно, испытавшие влияние антропоморфизма, сосредоточились на реалистическом изображении человеческой фигуры. В VII в. они начали делать статуи в рост человека. Два древнейших типа греческой статуи – обнаженный мужчина (*кюрос*) в свободной позе и одетая женщина (*коре*) с одной ногой, выдвинутой вперед; для них характерны невыразительные лица и гримаса, напоминающая улыбку; они не сильно отличались от египетских статуй (см. выше). Постепенно греческий репертуар расширялся, было освоено фронтальное представление фигуры и выражения лиц стали более осмысленными.

С VI в. афинские расписные вазы и этрусские настенные росписи производились в большом количестве и с высоким качеством. Художники уже овладели линейной и обратной перспективой, а также широким спектром цвета.

Богато украшенные черно-красные сосуды получили широкое распространение и применение. Роспись на вазах представляет мифологические и религиозные сцены, но, конечно, в рамках повседневной жизни того периода, когда они были изготовлены. Расписные вазы имели много назначений в домашнем хозяйстве; они действительно были «искусством» для народа. Другой областью ремесленного искусства, развивавшейся под влиянием Азии, было изготовление сосудов и чаш из золота, серебра, бронзы или меди с мифологическими и религиозными сценами. Эти сосуды и чаши делались также для продажи соседним племенным сообществам и их предводителям. Оба жанра ремесленного искусства и производства процветали в течение классического периода греческого искусства.

Одновременно с расцветом древнегреческого искусства в период с VII по I в. до н.э. в Италии развивалось этрусское искусство. Оно подпало под греческое влияние, доходившее через Анатолию до V в., а позднее – непосредственно из Великой Греции, частью которой была Южная Италия. Этрусками был введен тосканский ордер – разновидность дорического ордера, насколько можно судить по обрядовой архитектуре. Этрусские художники были великолепными мастерами по бронзе, меди и терракоте, и в подземных гробницах найдено много шедевров настенной росписи. Господство этрусов в Риме в VI в. до н.э. внесло значительный вклад в развитие римской цивилизации.

Классический период греческого искусства и архитектуры

С конца VI в. до середины V в. до н.э. греческий полис развивался как демократически организованное общество, включающее всех свободных греков. Греческая демократия полисов достигла своего расцвета при Перикле (461–429 гг. до н.э.) после греко-персидских войн (494–448 гг. до н.э.).

Афины стали наиболее влиятельным и богатым греческим городом (см. гл. 10). Ведущие группы в Афинах решили полностью перестроить Акрополь и превратить его в ансамбль архитектуры, скульптур и статуй, выражающий славу и могущество Афин. Афинский храм Парфенон должен был возвышаться над Акрополем. Его архитектура стала стандартной для последующих поколений. Стены Парфенона были украшены скульптурами, изображающими поклонение граждан своей богине Афине. В центре храма стояла огромная статуя Афины из золота и слоновой кости, созданная Фидием (500–431 гг. до н.э.). Но развивалась также и светская архитектура, такая как театр под открытым небом, гимнастический зал и стадион, крытая галерея и дом совета (*булеутерион*). В отличие от упомянутых выше культурных областей, где обществами управляли монархи, в Афинах и других греческих полисах архитектура и изящные искусства должны были прославлять полис в целом, а не какого-либо одного правителя и его династию. Это были общественные архитектура и искусство, принадлежащие всем гражданам, которые не должны быть подавлены идеологической подошкой, а должны идентифицировать себя с полисом. Статуи и скульптуры, например, представляли жителей полиса, победителей Олимпийских игр, выдающихся людей, сделавших вклад в философию, науку и культуру.

В отличие от общественных монументальных зданий, дома богатых граждан полиса и его лидеров, как и их погребальные памятники, были скромными и небольшими.

С эстетической и стилистической точек зрения, на протяжении всего классического периода стремление к идеальной красоте заставляло художников стремиться к точному соблюдению математических пропорций в изображении человеческого тела. Архитектура также точно следовала правилам пропорций, что обеспечивало гармонию сооружений. Принципы гармонии в искусстве и архитектуре были переданы потомкам и временами возрождались – в Римской империи, в империи Каролингов, в период Возрождения, позднее в классицизме и т.д.

Эллинистический период

Со второй половины четвертого века в результате усиления Македонского царства, а с 333 г. до н.э. – основания империи Александра Македонского (см. 10.2) различные виды искусства вновь испытали влияние монархизма.

С IV по II в. в эллинистических царствах возникла характерная величественная форма архитектуры с величественными дворцами и мавзолеями монархов. Центры древних эллинистических империй были частично перестроены. Городские залы, храмы, театры, гимнастические залы, библиотеки, стадионы и рынки (*агора*), окруженные проходами и залами с колоннадой, должны были, как и дворцы, давать представление о могуществе и богатстве эллинистических правителей.

Эти элементы эллинистического города включались в планы города при его строительстве как единого целого. Строго регулярная планировка городов появилась в некоторых греческих полисах, например в Милете, уже в VI в. (см. гл. 2). В эллинистический период такой подход был обобщен и достиг апогея, как, например, в Александрии. Строго геометрический план и четкое деление на кварталы с различными функциями стали типичным явлением. Планировщики-градостроители учитывали преобладающие направления воздушных потоков, чтобы обеспечить проветривание города. Эллинистические элементы планирования городов, основанные на идее геометрического и симметричного расположения, были переняты римлянами и в течение многих веков использовались ими в Римской империи от Западной Азии до Британии на северо-западе Европы.

Устанавливались статуи королей, богатых и влиятельных членов правящих классов. Это привело к расцвету портретного искусства с использованием в основном камня или бронзы в качестве материала.

Одними из наиболее впечатляющих монументов этого периода был алтарь города Пергам в Анатолии. Архитектурная концепция алтаря следовала древнеклассической традиции. Монументальные скульптуры во фризах на стенах выполнены под влиянием скульптур Парфенона в Афинах. В то время как внутри Парфенона скульптуры фризов изображали процессию граждан Афин, стены внутреннего двора Пергамского алтаря были покрыты скульптурными портретами, рассказывавшими о происхождении правящей династии Пергама.

Богатые члены эллинистического общества, жизнь которых была полна удовольствий и роскоши благодаря их социальному положению, получившие образование в греческой эстетической традиции, упражнялись в различных художественных жанрах и поощряли художников к созданию произведений искусства. Предпочтение отдавалось эротическим темам, часто черпавшимся из религиозного пантеона. В лепных произведениях и скульптурах изображались любовные игры и сексуальность, например в образах Афродиты, Пана и Эроса. Мифологические сцены могли изображаться в скульптурных группах, как, например, группа «Гибель Лаокоона и его сыновей». Но воспроизводились также и простые сцены и фигуры, показывающие повседневную жизнь и людей различного общественного положения, возраста и пола, такие как «Мальчик, вынимающий занозу», «Голова старой женщины», «Легионер со своим оружием» или «Два веселых раба».

В целом эллинистическое искусство и архитектура в Средиземноморье продолжали классическую греческую традицию, но в них добавились дворцы и памятники, которые должны были прославлять императора и его династию как в статуях, так и в скульптуре и живописи («Битва Александра», см. гл. 11 и илл. 29). Ремесленники должны были в тот же период изготавливать роскошные столовые сосуды, мебель и другие изделия из золота, серебра и драгоценных камней для императорских дворцов.

Искусство и архитектура в Римской империи

Римское искусство и архитектура продолжали традиции этрусков, старые итальянские традиции и позднее греческие традиции. Живопись и скульптура – в основном произведения этрусских, греческих или итальянских мастеров – украшали стены римских общественных зданий и в больших количествах размещались в общественных местах, таких как форум. Поэтому римский Цензор решил в 158 г. до н.э. убрать все портреты, которые были выставлены не по разрешению сената. Этот эпизод показывает, что с самого начала искусство было предназначено для прославления римских лидеров и представителей римской власти.

Иноземное искусство, такое как эллинистические произведения, рассматривалось римлянами как добыча, такая же как оружие и рабы. Поэтому каждая победоносная война приносила новые произведения искусства в Рим. После завоевания Сиракуз в 212 г. до н.э. многие греческие шедевры были привезены в Рим, и эта практика продолжалась по мере расширения империи.

С самого начала местные искусство и архитектура были частью идеологии имперской экспансии, прославления власти и подчинения неримлян римскому правлению. Другими особенностями этого искусства были изображения богинь, религиозного пантеона и, конечно, оформление захоронений.

Несомненно, римляне стали мастерами в архитектуре. Основой для многих вариаций римской архитектуры было

использование новых методов строительства. Со II в. до н.э. они для возведения стен стали применять смесь известкового раствора и гальки, известную под названием *опус цементикум* (*opus caementicium*). Для укрепления стен они облицовывали их кирпичом, обтесанным камнем или режем мрамором. Этот метод позволил римлянам перейти к более сложным и разнообразным типам строительства, к строительству больших полукруглых куполов, арок и аркад, к выполнению апсид и *экседр* (полукруглых ниш). Здания, построенные из опус цементикум, не нуждались в антаблементах или колоннадах для поддержания крыши, но греческие ордера так отпечатались в уме римлян, что эти элементы продолжали украшать римские фасады.

В апогее развития Римской империи, во времена императора Августа были некоторые условия, благоприятствовавшие процветанию римского искусства и архитектуры в особых областях: в строительстве парадных общественных зданий и дворцов, форумов, в изготовлении скульптур и статуй, прославлявших римские войны и завоевания, подвиги военных командиров и, конечно, императоров, и возведении монументов, увековечивающих победы императоров. Такой монумент сохранился, например, в Ла-Тюрби в Южной Франции. Он был построен, когда было нанесено поражение народам Альпийского региона. Другой монумент – в Адамкисси близ устья Дуная – запечатлел историю покорения даков в начале II в. римским императором Траяном.

В характерной городской римской цивилизации возникло несколько новых типов общественных зданий: цирк для гонок на колесницах, амфитеатр для представлений, термы, здание библиотеки, базилика как часть форума для собраний, *курия* (главная резиденция сената), а также виллы, дворцы и многоэтажные дома. Городская архитектура включала также городские зубчатые стены, укрепленные городские ворота и арочные мосты, виадуки и акведуки.

Архитектурный стиль изменился в IV в., когда исчезли украшения в греческом стиле; они были заменены стенами, облицованными желтыми и красными кирпичами и рядами арочных окон. Обычной стала центральная планировка зданий со сферическими куполами, иногда поддерживаемыми на парусах свода или на выступах, поддерживающих перекрытия.

Внутренние части общественных и гражданских зданий, общественных мест и мест захоронения были украшены скульптурами, статуями и росписью, полы часто покрывались мозаикой.

В области архитектуры римляне оставили потомкам много идей и технологий, художественных ансамблей и компоновок. Изящными искусствами они занимались меньше. Единственным типично римским видом скульптуры был портретный бюст, наиболее вероятно ведущий свое происхождение от восковых посмертных масок глав выдающихся семей. Статуи следовали греческим моделям, отличаясь от них лишь мелкими деталями и предметами одежды.

В римском искусстве портрета были два варианта: физиономический реалистический портрет и идеализированный стилизованный портрет, выполнявшиеся в зависимости от пожеланий клиента. Скульптурные портреты выполнялись также в виде барельефа, изображая, предположительно, исторические сцены, которые фактически были стилизованы, чтобы соответствовать политическим убеждениям персоны. Эти сцены помещались на фоне ландшафтов, что давало некоторое впечатление глубины. Чтобы изобразить более развернутое повествование, например, о ходе военной кампании, скульптор вырезал ряд сцен, составлявших непрерывный фриз.

Надгробная скульптура представлена рельефами на саркофагах, выполненными не ранее конца I в. н.э. в Риме, Афинах и Анатолии. Сцены изображают или выражение эсхатологических верований (представлений о конечных

судьбах мира и человека. – *Прим. ред.*) или символизируют добродетели умершего лица. Двумя основными типами композиции были непрерывный фриз и фигуры между небольшими колоннами.

С середины III в. н.э. стиль скульптуры изменился. Портреты становятся более выразительными или патетическими, а в IV в. – колоссальными, с застывшими и детально выполненными лицами. Рельефам не хватало глубины; размеры и положение фигуры стали указывать на общественный статус. Реализм, унаследованный от греков, был заменен условностью изображения.

Мольбертная живопись не характерна для римской культуры. Ее заменяли копирование греческих образцов живописи или оригинальные работы, выполненные непосредственно на стенах между элементами строения. Другой метод украшения заключался в нанесении рисунков между орнаментами на нейтральном фоне. Эти настенные росписи сопровождалась черно-белыми или многоцветными мозаиками на полу.

Настенные росписи и мозаики, которые найдены в Помпее, Геркулануме и Риме, относящиеся к периоду с XVI по XVIII в., оказали огромное влияние на развитие декоративных искусств в Европе. С конца III в. н.э. настенные росписи ограничивались небольшими фигурами, выполненными живыми мазками кисти. Этот стиль известен как стиль «колумбария» (от латинского *columbarium*, первоначально – голубятня).

Древнейшие иллюстрированные рукописи, дошедшие до наших дней, датируются IV в.

В периферийных регионах Римской империи наряду с традиционными формами искусства развилось смешанное искусство, например галльско-римское в провинциях Рейна и Дуная. Оно представлено надгробными стелами, росписями и мозаиками. В провинциях, где греческое влияние было очень слабым, об основах рисунка заботились мало и фигуры изображались фронтально; как росписям, так и рельефам не хватало глубины. Иконографические системы были связаны с местными религиозными культурами и повседневной жизнью.

В сильно эллинизированных восточных провинциях, таких как Египет, Анатолия и часть Сирии, греческий стиль продолжал существовать. С другой стороны, внутри Сирии и в Месопотамии на протяжении I–III вв. развилась форма искусства, известная как парфянское искусство, связанное с иранским и греко-буддийским искусствами. Скульптуры в Пальмире и Хатре, росписи в Дура-Европосе и мозаики в Эдессе являются образчиками парфянского искусства. Его характерными особенностями были фронтальное расположение фигур и, соответственно, слабое взаимодействие между ними, точно выполненные орнаменты и недостаток объема и глубины. Коптский и «высокий византийский» способы представления фигур сходны по стилю.

Раннее христианское искусство и архитектура

В целом раннее христианское искусство приняло формы искусства и архитектуры Римской империи.

Первые примеры древнехристианского искусства появились в Риме в III в. – это росписи в катакомбах и резные рельефы на саркофагах. С 313 г. обрядовая архитектура развивалась на протяжении всего периода существования Римской империи. После разделения империи в 395 г. начали появляться различия между восточным и западным искусством. Первое из них называют «высоким византийским» искусством. Его центром был Константинополь (Византия), и он испытывал восточногреческое и иранское влияние. Важным архитектурным центром стала Армения. На западе, как в провинциях, так и в Италии, процветали многочисленные художественные центры.

Между IV и VI вв. были построены религиозные здания для удовлетворения новых потребностей религии. Здание церкви, рассматривавшееся как культовое место, в котором собирались все верующие, должно было отличаться от классического храма. Его прототипами были базилика (в Древнем Риме – судебное и торговое здание. – *Прим. ред.*) в форуме и зал суда. На основе этих моделей появилась христианская базилика – один из основных типов христианского храма, прямоугольное в плане здание, ориентированное с запада на восток, со входом на короткой западной стороне и апсидой на противоположной стороне. Этой основной модели предстояло претерпеть множество изменений.

Баптистерии, здания с центральной планировкой, с купелью для крещения внутри, соответствовали литургическим требованиям. Также центральную планировку имели светлые открытые постройки, возводимые над могилами мучеников.

Центральная планировка была господствующей в этот период, поскольку предполагалось, что она символизирует веру в единого Бога.

По причине принятых доктрин церковь враждебно относилась к скульптуре, но она не запрещала украшение саркофагов. Форма саркофага мало отличалась от языческой, но темы рельефов были совершенно другими – как правило, аллегорическими, взятыми как из Ветхого, так и из Нового заветов.

Христианские общины в некоторых городах имели подземные помещения для захоронений – катакомбы. На стенах около могил изображались святые, молящиеся фигуры, библейские сцены и иногда портреты умерших, выгравированные на позолоченном стекле.

Настенные мозаики, украшавшие интерьер церквей, особенно апсиды, играли важную роль. Эти мозаики изображали Христа, Деву Марию, святых и различные религиозные сцены и символы. Изображение фигур на мозаиках было разрешено ввиду того, что они были полезны для религиозного учения.

В VI и VII вв. священные фигуры изображались на деревянных византийских иконах. Изображения святых помещались фронтально в напряженных позах в иерархическом порядке; иконы получили широкое распространение.

Помимо этих основных направлений, развивались региональные стили под влиянием позднего римского, раннего христианского и византийского искусства. Под этим многообразным влиянием лангобарды, готы, вандалы, тюринги и франки развивали свои ремесленные искусства. Некоторые из этих народов при формировании племенных королевств в пределах бывшей Римской империи использовали римский тип архитектуры, но только начиная с VI в. они очень медленно начали формировать свои собственные архитектурные стили, благодаря как своим собственным, так и античным мастерам; примером такого становления стиля является усыпальница короля остготов Теодориха (умер в 526 г.) в Равенне (образец германских и византийских элементов в архитектуре. – *Прим. ред.*).

Особую важность представляет симбиоз искусства кочевников и искусства поздней Римской империи и раннего христианства, появившийся в результате влияния гуннов после 375 г. и начала периода миграций (см. гл. 13).

Музыка в Средиземноморье

Музыка, как упоминалось выше, рассматривалась греческими философами как особая ветвь искусства – отдельная или в сочетании с танцем и театром.

Музыкальные традиции Средиземноморья коренятся в региональных музыкальных традициях коренных жителей, например, Египта и Западной Азии. С VII в. до н.э.

главными центрами музыкальной культуры в Средиземноморском бассейне были Египет, Израиль, Греция и Рим.

Музыкальные инструменты, применявшиеся в Египте во времена Нового царства (ок. 1552–1070 гг. до н.э. – *Прим. ред.*) были азиатского происхождения: парные свирели (*аулос*), лиры и тамбурины. Египетские фрески и рельефы изображают певцов, танцоров и музыкантов, играющих на разнообразных инструментах. После завоевания Египта Александром Македонским египетская музыка испытала сильное влияние греческой музыки, и следы более древнего музыкального искусства обнаружены лишь в песнопениях коптской церкви. В III в. до н.э. древнегреческий механик из Александрии Ктесибий изобрел самый важный духовой инструмент за весь период античности – гидравлический орган (*гидравлос*).

Главным центром иудейской музыки был Храм в Иерусалиме. Музыка, начиная с периода Второго Храма, как описывается в Библии и в трактатах Талмуда, включала такие приемы литургических песнопений, как ответ хора речитативу, попеременное пение двух хоров, а также пение в унисон под аккомпанемент струнных инструментов – *киннора* (лиры) и *небела* (изогнутой арфы). После разрушения Второго Храма (70 г. – *Прим. ред.*) эти формы песнопений стали основой синагогального пения, в которое включаются напевы (различные формы речитатива, приспособленные для чтения священных книг), псалмы и гимны.

Начиная с VII в. до н.э. Греция играла главную роль в музыкальном развитии мира Средиземноморья. В древние времена в результате колонизации земель возникли новые музыкальные центры на Эгейских островах, вдоль побережья Анатолии и на Западе. Типичным для этого периода является приобретение греческими музыкальными элементами черт азиатского, египетского и финикийского влияния. Мифическое соревнование между Аполлоном и Марсом отразило действительно существовавший конфликт между традиционными инструментами (лирой и кифарой; кифара – древнегреческий струнный щипковый музыкальный инструмент. – *Прим. ред.*), посвященными культу Аполлона, и духовыми инструментами (такими, как свирель-аулос) из Анатолии, использовавшимися при вакханалиях, празднествах в честь Вакха.

Тональная система греческой музыки основывалась на дорийской диатонической гамме, построенной на тетрахордах (четырёхструнный звукоряд в объеме кварты). Помимо диатонического лада, состоявшего из регулярной последовательности тонов и полутонов, использовались также хроматический и энгармонический лады, что позволяло добиться гораздо большей тонкости в звучании.

Преобладающей формой музыкального сочинения был *намос*, написанный для кифары или свирели или исполнявшийся певцом под аккомпанемент этих инструментов. Знаменитый композитор номосов для кифары – Терпандр из Атиссы (о. Лесбос). Сакад из Аргоса писал пьесы для свирели; шедевром этого жанра была его «программная музыка» для Пифийских игр в Дельфах.

Тесные связи между музыкальной, поэтической и метрической формами в это время проявляются во многих категориях лирической и хоральной поэзии. Самыми обычными ее формами были эпиграмма и дифирамб, из которых в классический период возникла греческая трагедия как жанр театрального искусства. Дифирамб включал лирическую часть, исполнявшуюся хором с инструментальным аккомпанементом, что создавало своего рода мелодическую декламацию. Среди авторов трагедий замечательными музыкантами были Эсхилл, Агафон и Еврипид. Последний давал актерам сложные вокальные партии, даже с виртуозными элементами.

Рим полностью воспринял наследие греческой музыки. После разделения империи и распространения христианской религии проявились две главные тенденции под влиянием синагогальной, сирийской и греческой музыки:

западное духовное песнопение и византийское песнопение. Последнее, основанное на церковной ритмической поэзии, было сольным церковным гимном, имеющим три различные формы: тропарь (*troparion*), кондак (*kontakion*) и канон. В VII в. знаменитым составителем канонов был Андрей Критский. Типичными для византийской придворной музыки были песнопения, которые включали приветственные мелодии. В музыке для официальных церемоний стал широко использоваться орган как символ императорской власти.

Древнейшим видом литургической обрядовой музыки в римской церкви было амвросианское пение, введенное в Милане в IV в. св. Амвросием. Другими разновидностями были песнопения, использовавшиеся в Галлии (галликанские), Беневенто (на юге Апеннинского п-ова) и в Толедо (Мозарабик). Но наиболее важными и широко распространенными были староримские песнопения, из которых затем развилось григорианское пение (григорианский хорал). В основе староримских песнопений были два вида сольного пения: литургический речитатив и настоящее пение.

С VI в. до н.э. музыка была объектом исследований греческих ученых и философов Пифагора, Платона и Аристотеля, позднее Эвклида, Птолемея, Аристиды Квинтиллиана и Аристоксена из Тарента. Выводы, которые они получили, оставались в силе в раннее средневековье, благодаря работам писателей Кассиодора, Исидора Севильского и особенно Боэция, который в своем трактате «О музыкальных установках» (около 500 г. н.э.) излагал древнейшие воззрения на музыку и ее роль в цивилизации.

АФРИКА

Наши знания об африканском искусстве и архитектуре в течение рассматриваемого здесь периода чрезвычайно фрагментарны по ряду причин. Многие произведения искусства делались из материалов, которые в силу преобладающих здесь природных условий не могли сохраниться. Только в исключительных обстоятельствах сохранялись такие предметы, как деревянная скульптура и глиняная архитектура, обнаруженные в результате археологических работ. Из произведений графического искусства обычно имеются только те, которые были выполнены на камне, и, таким образом, все еще доступны для изучения. Эти обстоятельства в сочетании с очень отрывочными исследованиями обуславливают большую региональную диспропорцию в нашем понимании.

Египет представляет собой главное исключение из этого правила. Широкомасштабные раскопки, замечательные условия хранения и сама природа сохранившихся произведений – все это в сочетании представляет довольно подробную картину. Существовала тенденция сосредоточивать исследования на монументальной архитектуре и других произведениях искусства, но количество дошедшего до наших дней материала, относящегося ко всем слоям общества, является не менее впечатляющим. Возникает общее впечатление о стилистической и концептуальной преемственности не только в отношении передачи традиций более древних времен (см. том II), но также в политических изменениях при следовавших один за другим периодах фараонов, Птолемея и римского периода. Основные и многосторонние изменения произошли главным образом в последние века римского правления и связаны они с распространением христианства. На фоне этой устойчивой преемственности были, конечно, многочисленные изменения культурных акцентов, применялись новые технологии и, что особенно интересно, возрастало ощущение значимости личности, что, возможно, лучше всего видно на примере ярких портретов-масок, сопровождавших многие египетские погребения римского периода.

Условия производства, хранения и восстановления иногда заставляют преувеличивать своеобразие египетского искусства и технологии (в африканском контексте). До наших дней дошло достаточно свидетельств в соседних регионах, особенно памятников наскальной живописи Сахары, чтобы утверждать, что существовали сильные взаимосвязи между регионами. Однако большую часть рассматриваемого периода значительная часть территории Северной Африки подвергалась сильным последовательным влияниям со стороны иноземных колонистов. Их влияние на местные художественные и архитектурные стили заметно отличается от ситуации в Египте. Финикийские, греческие и римские традиции были успешно восприняты на африканской почве. В то время как финикийские традиции здесь постепенно принимали специфические местные формы, все же общая ситуация имеет черты исключительно иноземного происхождения; особенно это справедливо в отношении греческих и римских традиций. Поскольку исследования в основном обращают внимание на происходившие изменения, то было признано, что различия иноземных и местных архитектурных форм являются менее резкими, чем представлялось ранее, особенно в сельских областях, где сельское хозяйство преобладавшего большинства либерийско-берберского населения было тесно связано с хозяйством колоний. В то время как в Египте до распространения христианства преобладали местные традиции, то повсюду в Северной Африке они зачастую подавлялись.

Нильская долина в Нубии в этот период представляла сложную картину. Здесь явно видно сильное египетское влияние наряду с существованием отчетливых местных стилей. В I тысячелетии до н.э. египетское влияние было особенно явным в царской и религиозной архитектуре и в связанных с архитектурой произведениях искусства. В других изделиях, особенно гончарных, проявляются сильные местные связи. Как всегда подчеркивается, сфера египетского влияния была в основном ограничена узкими рамками самой Нильской долины. Во время расцвета Мероитского царства было заметно постепенное слияние двух элементов с местными стилями, проявлявшееся все более заметно по мере уменьшения зависимости государства от связей с севером и развития новых связей с более близкими соседями. Вслед за закатом Мероитского царства в начале IV в. н.э. наследовавший ему Нубийский государственный вначале придерживались местных стилей искусства и архитектуры, но позднее с распространением христианства в искусстве стали преобладать религиозные черты, мало отличавшиеся от распространенных в Коптском Египте.

Художественные достижения Эфиопии в это время оценить нелегко, поскольку мало известно о местных стилях до явно внезапного появления около середины I тысячелетия до н.э., или незадолго до того, зданий и других произведений, несущих черты сильного южноаравийского влияния. Недавно было выдвинуто предположение, что сделанные здесь гончарные изделия относятся к широко распространенной традиции, общей для всей территории между побережьем Красного моря и Восточным Суданом. В то время как в более древних предметах аравийское влияние очевидно, вскоре они стали отчетливыми. В первых столетиях н.э. особенно модными стали аксумские стили (Аксумское царство – древнее государство преимущественно на территории современной Эфиопии, название по главному городу Аксумю. – *Прим. ред.*). Широко была представлена монументальная каменная архитектура, включающая знаменитые монолитные стелы, вырезанные для украшения многоэтажных зданий, хотя относительно мало известно о более обычных зданиях. Аксумская технология строительства зданий включала совместное использование дерева и камня и имела соответствующие стилистические особенности, которые заметно проявлялись

в более поздние времена, особенно в церковной архитектуре. Зная о более позднем расцвете религиозной живописи в Эфиопии, мы, тем не менее, не можем определить, до какой степени она практиковалась во времена Аксумского царства, хотя портреты на монетах дают нам некоторое представление об основных стилях.

Со сходными затруднениями мы встречаемся в Западной Африке, где есть указания на то, что некоторые черты традиционного искусства и архитектуры, известные до более поздних времен, могут уходить корнями в I тысячелетие до н.э. С этого периода известны метафорические скульптуры, особенно по археологической культуре нок железного века, обнаруженной в поселении Нок в Нигерии на плато Джос. Есть указания на возможную преемственность, ведущую к более поздней традиции ифе (Ифе – один из центров древней цивилизации в Западной Африке. – *Прим. ред.*). Открытия в нескольких местах в долине реки Нигер и в других местах позволяют предположить, что глиняная скульптура могла быть гораздо более широко распространена в древней Западной Африке, чем в настоящее время можно видеть. С другой стороны, метод бронзового литья по выплавляемым моделям, вероятно, был изобретен в этом регионе не раньше самого конца I тысячелетия н.э. Свидетельства, полученные в селении Дженне, расположенном в равнинной части Внутренней дельты р. Нигер, показывают, что местная урбанизация, по крайней мере этой части Западной Африки, началась приблизительно 2 тыс. лет тому назад. Раскопки в масштабах, достаточных для выявления особенностей относящейся к этому времени архитектуры, не проводились; среди строительных материалов здесь преобладали глина и кирпичи. Такие строения могут дойти до наших дней только при условии постоянного использования и обновления (как это было в Великой мечети в Дженне) и при сопутствующих вероятных изменениях; но весьма вероятно, что особенности их стиля являются гораздо более древними, чем в любом из дошедших до нас примеров.

Рассматривая искусство и архитектуру в других частях Африки вокруг Сахары, следует отметить, что имеется исключительно мало информации, которую можно было бы с уверенностью отнести к рассматриваемому периоду. Археологические раскопки пока не дали соответствующего материала, а датировка наскального искусства, рассматриваемого ниже, часто весьма проблематична. Общепринято, что единственно значимыми произведениями искусства, принадлежащими к данному периоду, являются терракотовые головы из Лейденбурга в Трансваале, датированные V–VI вв. н.э. На этих хорошо выполненных изделиях (некоторые из них в натуральную величину) видны декоративные черты, характерные и для современных им гончарных сосудов. Это сходство подтверждает точку зрения, что гончарные изделия также заслуживают упоминания как произведения искусства: они часто обнаруживают технологическую компетентность их творцов и отличаются изяществом форм.

Наскальные произведения, как рисованные, так и гравированные, были широко распространены, но их интенсивное изучение проводилось преимущественно на территориях к югу от Замбези и там, где есть четкие указания, что большая часть рисунков относится к рассматриваемому здесь периоду, однако расцвет наскального искусства явно выходит далеко за рамки этого периода – как в глубь веков, так и ближе к современности. Некоторые региональные традиции очевидны, и даже делались попытки различить последовательность стилей внутри этих традиций. Гравированные рисунки в основном представляют собой изображения отдельных животных; рисованные картины часто изображают также и людей, включают проработанные многофигурные композиции. В других частях энциклопедии показано, что имеются веские причины для связи многих из этих произведений с бушменами, но и дру-

гие народы, включая народы, говорящие на языках банту, возможно, являлись авторами некоторых из этих работ, как это, несомненно, было в более поздние времена.

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Раннее развитие (около 700–400 гг. до н.э.)

К этому раннему периоду относится мало данных об искусстве и архитектуре Южной Азии, гораздо больше памятников искусства относится ко времени, начинающемуся с середины III в. до н.э. С другой стороны, великие достижения искусства и архитектуры в Юго-Восточной Азии датируются последними столетиями этого периода и поэтому рассматриваются в конце данного раздела.

В Южной Азии после упадка индской цивилизации приблизительно в XI в. до н.э. следует долгий период, занявший более тысячелетия, к которому в дополнение к богатой ведической литературе относится много археологических данных, но весьма немногие из них могут считаться произведениями искусства и архитектуры. Среди последних можно упомянуть впечатляющие городские стены и немногие руины зданий древней столицы королевства Мадагхи в Раджагрихе (современный Южный Бихар). Что касается искусства, то можно отметить некоторые терракотовые игрушки и дарственные предметы, включая несколько абстрактные, но явно антропоморфные фигуры, и, особенно, обожженные гончарные изделия нескольких видов. Культура «серой расписной керамики» археологически связана с поселениями поздних фаз развития народов, говорящих на индоарийских языках, впервые заселивших индийский субконтинент в конце II тысячелетия до н.э. Однако та культура, которая может быть принята за местную – культура черно-красной керамики, была в тот период гораздо более распространена.

Третий тип гончарных изделий, полученных путем высокотемпературного обжига, с черной блестящей отделкой поверхности, тонкими стенками и высокоэстетичными выразительными формами, появился в середине I тысячелетия до н.э. Археологи называют эти гончарные изделия северной черной полированной керамикой и связывают эту культуру с расцветом королевств и городских центров в долинах в среднем течении Ганга, особенно в Мадагхе. Некоторые археологи используют в этом контексте термин «вторая урбанизация» (с «первой урбанизацией» связаны города долины Инда, которые появились более чем на тысячелетие ранее).

Наиболее древние так называемые пробитые монеты также относятся к этому периоду. Это квадратные, иногда круглые кусочки, вырезанные из листа металла (в основном из серебра), на них набивались многочисленные мелкие символы. Среди символов легко узнаются изображения животных (слонов, быков и т.д.), но также и более впечатляющие формы, например полумесяц на тройном холме или дерево за оградой. Предпринимались попытки, не всегда убедительные, связать отдельные сочетания символов с определенными правителями или династиями. В некоторых случаях имеется явная связь с каким-то городом, вероятно, местом, где такие монеты были отчеканены, но установить точную связь трудно. Большинство таких монет найдены в больших кладах. Примерно со II в. до н.э. эти монеты постепенно заменяются литыми монетами.

Эпоха династии Нандов и империи Маурьев (около 400–200 гг. до н.э.)

Во многих частях субконтинента найдены мегалитические сооружения различных форм, включая дольмены и менгиры, но особенно важные находки были сделаны на

Деканском плоскогорье и на юге Индии. Они обычно трудно поддаются датировке. Некоторые из основных мегалитических находок ориентировочно относят к периоду между III в. до н.э. и I в. н.э.

В Северной Индии среди остатков древней монументальной архитектуры Южной Азии периода после индской цивилизации находят земляные могильные холмы приблизительно IV в. до н.э. Так, в Лаурья-Нандангархе (Северный Бихар) имеется множество королевских могильных холмов, каждый с деревянным шестом в центре. В одном холме была найдена золотая плита с изображением беременной женщины, часто идентифицируемой с «богиней земли».

Эти могильные холмы соответствуют практике увековечения государей, также предписанной буддийскими традициями, которые, в свою очередь, соответствуют древнему преданию о разделении мощей Будды, согласно которому сразу после смерти Первоучителя приблизительно в 486 г. до н.э. его мощи были поделены между восемью царями, а впоследствии, при царе Ашоке и по его повелению, были разделены на множество частей для хранения в ступах, которые царь повелел построить по всему свету. Буддизм, первоначально религия, практиковавшаяся небольшой общиной бродячих монахов, постепенно распространился, особенно во время правления императора Ашоки (ок. 270–232 гг. до н.э.) из династии Маурьев, который был убежденным сторонником и покровителем буддизма. В это время империя Маурьев, сменившая династию Нандов в Магадхе, превратилась в огромную империю, которая протянулась на территории почти всего южноазиатского субконтинента.

Маурьи установили монолитные стелы из песчаника в основном вдоль Великого торгового пути, ведущего из столицы Паталипутры (современная Патна) вдоль Ямуна и вдоль подножия Гималаев на северо-запад субконтинента. Эти стелы возвышались над поверхностью земли как божественные деревья. Сверху стел были искусно выполненные капители, служившие опорой для изображений геральдических животных (слона, льва, быка и лошади). Во многих случаях на стелах были надписи с царскими эдиктами, особенно много их появилось в последние десятилетия правления царя Ашоки. Некоторые ученые обращают внимание на сходство этих стел с иранскими колоннами в Персеполе, но хотя некоторое персидское влияние нельзя исключать, по своей концепции эти стелы являются истинно индийскими. Капитель стелы из Сарната близ Варанаси (Бенарес) увенчана четырьмя львами и «Колесом учения» (*дхармачакра*). Эта капитель в настоящее время стала эмблемой Индии. Обычно считается, что некоторые из столбов были установлены до правления Ашоки, но использовались Ашокой для распространения его эдиктов. Другие типы колонн когда-то украшали «Зал Маурьев», часть царского дворца Маурьев в окрестностях современной Патны.

Некоторые из грандиозных ступ (монументов характерной формы, установленных предположительно на древних могильных холмах), построенных для возвышения буддийских мощей, могли быть поставлены ранее правления Ашоки, но были увеличены по царскому приказу. Особенно грандиозны ступы в Бхархуте и Санчи в Центральной Индии. Однако скульптуры на воротах и оградах этих грандиозных монументов были добавлены спустя одно или два столетия. Хотя эти ступы, может быть, не столь изысканны, как произведения классического индийского искусства, они свидетельствуют о замечательной жизненной убедительности, проявившейся в манере представления религиозных историй о жизни исторического лица Будды (Сиддхартхи Гаутамы), о его предыдущих жизнях в человеческих и животных формах и о некоторых важных событиях ранней легендарной истории буддизма. Интересной особенностью этих скульптур является то,

насколько важное место занимает народная религия в буддийском контексте. Так, поклонение *якиам*, древесным духам, изображенным гигантами, и их противоположностям – женским божествам, а также божественному змею (Нага), представленным в человеческом облике, является важной стороной раннего буддизма. В отношении таких народных верований ранний буддизм проявлял терпимость, и они часто входили в него, пока не стали противоречить буддийской доктрине.

С другой стороны, Будда не был представлен в человеческом облике. На его присутствие указывали символы, такие как шаги, которые он сделал при своем рождении, следы ступней, пустой трон, дерево Бодхи, под которым он достиг Просветления, «Колесо учения» и ступа, представлявшие его нирвану, и т.д. Композиционное и повествовательное решения при создании рельефов в Бхархуте и Санчи могут рассматриваться как компромисс между сложной теологией и потребностями людей, исповадовавших эту религию. Здесь нет свидетельств об эллинистическом влиянии, и это предполагает, что индийское искусство, включая изображения человеческих фигур и божеств, было уже достаточно развитым, прежде чем Индия вступила в контакт с эллинистической Грецией.

Важной особенностью социального и экономического происхождения этих древних ступ является то, что в них заложено объяснение. На воротах и оградах обоих монументов выполнены многочисленные краткие надписи, которые иногда объясняют изображенные сцены, но чаще упоминают имена лиц и институтов, внесших вклад в их сооружение. Вместе они показывают, что спонсоры и участники относились к различным слоям общества. Так, среди тех, кто пожертвовал средства на возведение ступ, кроме правителей и землевладельцев имеется много торговцев и ремесленников, а также монахов, монахинь и простых женщин. Хотя сами ступы были, вероятно, возведены по царскому повелению (хотя на самом деле у нас нет доказательств для такого утверждения), несомненно, что основную часть художественных работ финансировали представители широких слоев общества.

Нам неизвестны храмовые постройки из долговечных материалов (таких, как камень или кирпич), возведенные приблизительно до IV в. до н.э., но есть множество образцов пещерной архитектуры, относящихся ко времени правления Ашоки и его внука во второй половине III в. до н.э. Эти скальные святилища были вырезаны в твердой каменной породе в холмах севернее современного города Гая на юге штата Бихар. Каждое состоит из продолговатого зала длиной примерно 10 м, ведущего к двери, за которой расположена круглая комната. Вход в наиболее замечательную из этих пещер, Ломас-Риши в Барабарских холмах, украшен красивой резьбой, в частности фризом со слонами. Украшенный вход в целом может рассматриваться как «передача» в камне более ранних структур из дерева и тростника. В некоторых из этих пещер имеются надписи, указывающие на то, что они принадлежали сторонникам адживики (адживика – древнеиндийское религиозно-философское течение. – *Прим. ред.*), относительно небольшой секте, придерживавшейся идеи предопределенности всех явлений, хотя Ашока, делавший пожертвования на эти пещеры, был буддистом. Терпимость к другим точкам зрения, которую Ашока провозглашал в своих указах, отражалась в оказываемом им покровительстве.

Если Ашоке принадлежит заслуга распространения буддизма и его образного ряда по всей Южной Азии, включая Шри-Ланку, то другая династия – Кушаны, ведущая свое происхождение из Центральной Азии, в первых столетиях н.э. дала толчок проникновению буддизма через горные перевалы на северо-запад, в Пакистан и Афганистан и в Центральную Азию. Крупные ступы были установлены в таких местах, как город Таксила (около современного Равалпинди), поощрялось паломничество к ним.

Распространение буддизма на этих территориях привело к значительным изменениям в природе буддизма. Так, теперь Будда был представлен не только символами, но и изображением в идеализированном виде (сверх)человека, чтобы показать его совершенство. Возникали некоторые разногласия относительно того, где впервые появилось изображение Будды – в Гандхаре или Матхуре (Матре). Буддийское искусство в Гандхаре имеет более древние традиции, включающие также эллинистические формы. Эллинистическое влияние проявилось также в монетах индо-кушанского искусства, в этой области сильнее местная традиция. Большая часть скульптур связана с джайнизмом. В матхурском искусстве представлены также скульптурные портреты кушанских царей, выполненные из красного песчаника.

Семиотика* индийских форм

Это изменение в представлении Будды отчасти обусловлено развитием новых концепций буддизма, связанных с появлением махаяны – «Большой колесницы». В то время как ранний буддизм делал акцент на монашеских идеалах, новая доктрина превозносила добродетели верующих граждан, которые после многих последовательных жизней, полных благочестия и благотворительности, сами, подобно Будде, стремятся прийти к совершенному состоянию. Тех, кто сознательно выбирал этот почти бесконечный путь и добился прогресса на этом пути, называли бодхисаттвами. Некоторые великие бодхисаттвы, чувствовали, что они лучше могли служить всем живущим на земле в своем теперешнем человеческом облике, чем в состоянии Будды, не проходили до конца путь к нирване, а оставались бодхисаттвами, и им тоже поклонялись. Для поклонения верующих Будде и бодхисаттвам была разработана сложная иконография со множеством Будд, отличающаяся, главным образом, положением рук этих фигур (*мудра*); бодхисаттвы различались своим одеянием и атрибутами, так же как и некоторые индуистские боги, включенные в буддийский пантеон с более скромным статусом.

Подобное развитие можно заметить и в индуизме, где теистические тенденции фокусировались главным образом на двух великих богах – Шиве и Вишну, каждый в различных проявлениях и во главе огромного пантеона. Индуистскому богу Шиве вначале поклонялись как символу в виде фаллической колонны определенной формы – лингам, потом также как грозному четырехрукому богу с характерными атрибутами в руках, в аскетическом волосяном одеянии с драгоценной короной (*махадэва*), или в демонических формах разрушителя вселенной (*бхайрава*). Демонические черты доминируют в облике супруги Шивы – Дурге, часто изображавшейся в момент, когда она победно стоит на спине буйвола-демона (*махисасура*), которого она только что убила. То же относится и к «сыновьям» Шивы: шестирукий бог войны Сканд и Ганеша с головой слона изображались несчетное количество раз по всему субконтиненту, особенно после IV в. н.э. Одним из наиболее впечатляющих образов Ваишнавизма – изображение его в воплощении кабана в Удайягири (штат Мадхья-Прадеш). Задолго до конца обсуждаемого здесь периода (ок. 700 г. н.э.) как буддизм, так и индуизм развились в великие религии с присущим им огромным разнообразием сооружений.

Древнейший индуистский храм, такой как один из храмов в Санчи недалеко от великой ступы, был по существу

представительским сооружением; это простой прямоугольный в плане дом из тесаных камней или кирпичей, состоящий из целлы (наоса) и вестибюля, окруженных колоннами (Целла (наос) – главное помещение (святылище) античного храма, где находилось скульптурное изображение божества. – Прим. ред.). Эта простая форма, характерная для четвертого века, развилась в большую структуру с крышей в виде башни или пирамиды (*шикхара*) к концу VII в.

Пещерная архитектура уже кратко упоминалась в связи с правлением Ашоки. В последующие столетия пещеры, иногда естественные, а иногда вырытые, приспособлялись для использования или в качестве монашеских жилищ (*вихара*) с рядами келий вдоль каждой стороны зала для собраний, или в качестве залов для поклонения (так называемых *чаитья*); вначале они использовались буддистами и другими неиндуистскими сектами, а позднее также и индуистами. В то время как древнейшие пещеры, относящиеся ко времени правления Ашоки, в основном находились в южном Бихаре, пещерная архитектура развивалась как превосходная форма религиозного искусства преимущественно в Западной Индии (Махараштра), где с начала I тысячелетия н.э. были вырыты сотни пещер в Бхадже, Карле, Насике, Аджанте, Эллоре и многих других местах.

Монастырские пещеры состояли из рядов келий с каждой стороны от центрального пространства, использовавшегося для различных целей. С другой стороны, в пещерах *чаитья* находились ступы как главные объекты поклонения. Ступа стояла почти в конце пещеры, оставляя достаточно места для того, чтобы ее можно было обойти вокруг – это одна из главных форм оказания почтения этому наиболее значительному символу буддизма. Другой характерной особенностью были ряды колонн как внутри, так и в виде высокого рельефа на фасаде. Стволы колонн, вначале довольно гладкие и простые, постепенно все больше украшались лепниной и другими декоративными элементами. В более поздние времена к ступе добавлялись скульптуры Будды. Со времени правления Ашоки фасад становился наиболее тщательно и богато украшенной частью пещеры. Можно видеть также некоторые в высшей степени впечатляющие каменные скульптуры древнего периода, в частности стоящие фигуры жертвователей и их жен, например, в пещерном буддийском монастыре в Карле.

Многочисленные пещеры в Аджанте и Эллоре относятся к длительному периоду, далеко выходящему за рамки рассматриваемого в этом томе. Многие из них буддийские, но есть среди них и индуистские. Характерной особенностью этих пещер являются прекрасные стальные росписи, иллюстрирующие благочестивые сцены из жизни Будды и его прежних перерождений в облике бодхисаттвы (истории джатак). Краски, как правило, хорошо сохранялись в этих укрытых местах и передают эпизоды с жизненной силой. Рисунки выполнены на тонком и очень гладком слое белой извести натуральными красками. Сначала наносились контуры, обычно красными линиями, потом закрашивались площади между контурами и, наконец, контуры снова прорисовывались черной или коричневой краской. Фигурам и объектам придавалась скульптурная форма. Стенные росписи в Шри-Ланке, хотя и являются современниками некоторых из росписей в Аджанте, будут рассмотрены в конце этой главы.

Время с I в. до н.э. до IV в. н.э. является важным переходным промежутком в развитии искусства и архитектуры, ведущим к классическому периоду во время правления династии Гупта. В дополнение к пещерам Западной Индии появились существенные достижения в общей дельте рек Годавари и Кришна (современный штат Андхра-Прадеш). Во время правления династии Сатаваханов (около 50 г. до н.э. – 200 г. н.э.) и их преемников – Икшваков, эта часть Индии процветала экономически благодаря как торговле

* Семиотика (*semiology*) – наука, исследующая способы передачи информации, свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе (главным образом естественные и искусственные языки, а также некоторые явления культуры, система мифа, ритуала), природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (зрительное и слуховое восприятие и др.). (Прим. ред.)

внутри полуострова, так и морской торговле из портов на восточном побережье. Это процветание обусловило беспрецедентную культурную активность, особенно в области буддизма. Множество надписей на праkritах, датированные первыми столетиями н.э., сообщают о присутствии в дельте Годавари-Кришна бесчисленных монастырей, представляющих все крупные буддийские секты, относящиеся к обшам направлениям – хинаяне и махаяне.

Из грандиозных буддийских монументов, возведенных там в этот период, вызывают особый интерес ступы Бхаттипролу, Амаравати и Нагарджуниконда. Они имеют особые черты, такие как фронтоны в четырех основных гранях, часто с изображениями сидящего Будды. Другая особенность состоит в том, что основание ступы выполнено в форме колеса с четырьмя, шестью, восемью или десятью (в Нагарджуниконде) спицами. Поскольку у этой части Индии были тесные связи со Шри-Ланкой, то неудивительно, что древние ступы острова, такие как ступа в Михинтале к востоку от Анурадхапуры тоже выполнены с фронтонами. Кроме того, статуи Будды в современном штате Андхра-Прадеш совершенно особенные, например, из-за его монашеского одеяния монаха. Древнейшие изображения Будды в Шри-Ланке и в Юго-Восточной Азии по стилю сходны с изображениями в Андхра-Прадеше.

Наконец, важной особенностью буддийских городов в дельте рек Годавари и Кришна является тесное расположение зданий в комплексе, состоящем из монастыря, ступы и так называемой *чаитыгархи*: ступы или изображения Будды, помещенной в алтарную часть апсиды. Это сочетание повторов с многочисленными вариациями, возможно отражая сектантские различия.

Из надписей ясно, что царицы династии Икшваков финансировали буддийские начинания, в то время как сами цари соблюдали все разнообразные, часто сложные индуистские ритуалы, такие как жертвоприношение коня (*ашвамеда*). Действительно место таких жертвоприношений было обнаружено среди руин в Нагарджуниконде.

Классический период (ок. 300–700 гг. н.э.)

Индийское искусство и архитектура достигли высокой степени совершенства в эпоху династии Гуптов (ок. 320–550 гг. н.э.). Хотя буддийское искусство продолжало процветать, в это время появились важные достижения в индуистском искусстве и архитектуре. Индуистские храмы из долговечных материалов, скорее всего, возникли в этот период. Их размеры и форма были еще очень просты: это были прямоугольные здания с небольшим вестибюлем у входа и галереями с колоннами. Главным объектом поклонения была каменная скульптура в центре или сзади *целлы*. Кроме того, в нишах стен храма и по бокам от входа часто размещались и другие скульптуры или рельефные панели. В индуизме полная преданность (бхакти) божеству было одним из центральных понятий, более важным, чем брахманский ритуал. Такая преданность демонстрировалась перед изображением божества, т.е. перед каменной или металлической скульптурой соответствующей формы, как уже описывалось в предыдущем разделе.

С VI в. храмы становятся гораздо более впечатляющими, особенно в результате добавления крыши (*шикхара*), похожей на башню, построенной в несколько ярусов. Храм Вишну в Деогархе (штат Мадхья-Прадеш) является характерным и хорошо сохранившимся примером этого нового стиля, черты которого определили форму индуистских храмов на многие века. Этот храм является также древнейшим образцом представления Вишну в десяти *аватарах* (воплощениях). Буддийское искусство также находилось под покровительством Гуптов, как и в упоминавшихся выше пещерах Аджанты, в Матхуре и особен-

но в огромном комплексе Сарната около Варанаси, месте первой проповеди Будды. Некоторые статуи Будды в Сарнате снабжены надписями с указанием даты; эти статуи стали прототипами многих более поздних изображений Будды.

На Деканском плоскогорье и в Южной Индии также появились важные достижения в течение VI–VII вв.: в современном штате Карнатака, где правители династии Чалукья покровительствовали искусству и архитектуре (особенно в Бадами и Айхоле), так и на территории современного штата Тамилнад, где, особенно с VII в., в государстве династии Паллаво со столицей в Канчипураме, художественная активность была особенно высока. Наиболее впечатляющее место – деревня Мамаллапурам (Махабалипурам) на восточном побережье южнее современного Мадраса. Среди наиболее интересных монументов здесь есть несколько монолитных и искусно вырезанных храмов-*панха* (небольших вырезанных в скалах прототипов храмов) и гигантский наскальный барельеф «Нисхождение реки Ганг на землю», а также так называемый Прибрежный храм, построенный на берегу и посвященный Шиве. Главный храм в Канчипураме, хотя и построенный в VIII в. н.э., является кульминацией более ранних тенденций.

Шри-Ланка и Юго-Восточная Азия

Искусство времен государства Паллаво оказало сильное влияние не только на другие части Южной Индии, но и на Шри-Ланку и Юго-Восточную Азию. Местонахождение Исурумунья около Анурадхапура на Шри-Ланке отражает влияние монолитов Мамаллапурама, в то время как в сооружениях Наланда Джелидже около города Канди явно видно влияние храмов времени Паллаво из Канчипурама. Влияние Паллаво даже более очевидно в типах письменности, используемой в Шри-Ланке и во всей Юго-Восточной Азии до конца VII в.

Помимо таких примеров прямого индийского влияния, проявившегося только в нескольких местах, шри-ланкийское искусство и архитектура характеризуется сильным местным духом, отчасти обязанным буддийской традиции на острове. Три гигантских *дагобы* (ступы) Анурадхапура (Руванвали, Абхаджири и Джетавана) были построены с размахом, которому нет равных в Индии. Недавние раскопки и реставрации, объединенные под общим названием «Культурный треугольник», проведенные в крупных городах – Анурадхапуре, Сиджири и Полоннаруве, – обнаружили потрясающее число зданий, окружающих ступы, включая монастыри (*вихара*), общественные здания и столовые, где раз в день монахов кормили рисом и карри, подававшихся в огромных деревянных плошках в форме лодки-каноэ.

Другой тип монумента характерен только для Шри-Ланки – *ваттададж* – ступа, построенная на круглой платформе с рядами колонн, которые когда-то поддерживали крышу, сделанную из недолговечных материалов. И даже более типичной для Шри-Ланки деталью является так называемый лунный камень – полукруглая каменная пластина, использовавшаяся как порог у подножия ступеней, которые вели к основаниям ступ и храмов. Он украшен концентрическими полукруглыми изобразиями животных (лошадей, слонов, львов и быков), а также гусей и лиственного орнамента.

Возможно, наивысшим достижением шри-ланкийского искусства в этот период являются фрески V в. в скальной пещере примерно на полпути к вершине огромной скалы в Сиджири, к югу от Анурадхапура. Прекрасные женские фигуры, изображенные там, «девушки-облака», как их называют, характеризуются высокой степенью совершенства, редко достигаемой в древние времена. Испол-

зованная там техника росписи во многих отношениях совпадает с примененной в индийской Аджанте. Безусловно, должна быть связь между этими двумя местами, но из-за неопределенности в хронологии, точная природа влияния одного памятника на другой не может быть выявлена. Что касается Сиджири, то одним из наиболее интересных особенностей этого места является наличие сотен надписей на стенах, в которых посетители между приблизительно VII и IX вв. выражали свое восхищение фресками и красотой ангельских девушек, часто в поэтической форме. Поскольку посетители обычно упоминали свое имя, место, откуда они родом и чем занимаются, то можно заключить, что скала Сиджири посещалась людьми со всего острова, принадлежащими различным социальным слоям, включая крестьян, ремесленников и т.д., а также монахов и женщин.

Что касается Юго-Восточной Азии, то в IV и III вв. до н.э. процветал центр культуры халколита в Донгсоне, в Центральном Вьетнаме. Наиболее престижными изделиями, производившимися там, были так называемые бронзовые котлы-барабаны. Их можно описать как перевернутые котлы, в которых готовят пищу, на плоской верхней части которых изображены концентрическими рядами животные, человеческие фигуры, украшенные перьями и т.д. Назначение этих барабанов, которые находят по всей Юго-Восточной Азии и в Южном Китае, остается неопределенным. Их изготавливали до сравнительно недавних времен в некоторых областях, где их, очевидно, использовали как приданое невесты. Их наличие указывает на существование торговых сетей задолго до появления древнейших свидетельств индийского влияния в этом регионе. На плато Пасемах на Южной Суматре, где около IV в. до н.э. развилась богатая мегалитическая культура, одна из каменных скульптур представляет человека, несущего такой барабан на спине. Мегалитические монументы и скульптуры, часто «полинезийского» стиля, находят во многих частях Юго-Восточной Азии. В некоторых областях, таких как остров Ниас к западу от Северной Суматры, такие скульптуры изготавливались до недавнего времени.

С другой стороны, более утонченная архитектура и скульптура развилась под индийским влиянием лишь спустя несколько веков после их появления в Южной Азии. Древнейшие каменные и металлические изображения, поддающиеся датировке, относятся к концу рассматриваемого здесь периода. В отношении нескольких произведений действительно неясно, были ли они изготовлены в Юго-Восточной Азии или привезены из Индии или Шри-Ланки. Это относится к некоторым статуям, таким как известные статуи Будды из Донгдуонга (Центральный Вьетнам) и Сампага (Западный Сулавеси). Небольшое число довольно статичных статуй Вишну были либо завезены, либо скопированы с привезенных образцов. Возможно, не случайно некоторые из таких скульптур были обнаружены вблизи от морского побережья.

Гораздо больше доступного материала появляется к концу этого периода, т.е. к VII в., особенно в материковой Юго-Восточной Азии, где возникли могущественные королевства, включая Шрикшетру в Мьянме, Дваравати в Таиланде и Исанапуру в Кампучии. Королевские дворы в этих государствах располагали ресурсами, далеко превосходящими возможностями древнейших королевств. Шрикшетра близ Прома была большим городом – приблизительно 4 км в диаметре, окруженным кирпичными стенами. Характерны для этого королевства некоторые ступы, имевшие цилиндрический корпус, покрытый полусферическими куполами, и храмы с многоярусными крышами. Его восточным соседом было государство Дваравати в Южном Таиланде с основными центрами в Пратапхоме и Лопбури. Наиболее характерными для него монументами являются большие «Колеса учения», символы широ-

кого распространения буддийского учения. Изображения Будды из Дхаравати узнаваемы благодаря своеобразным чертам лица (широкий рот, сросшиеся брови и т.д.), возможно, отражавшим черты народа Мон, проживавшего здесь или управлявшего этим королевством. Заметно выделявшимся своим богатством в этот период (с археологической точки зрения) было королевство Исанапура близ современного Кампончтхама в Кампучии. Наиболее характерными монументами здесь были кирпичные башни, расположенные поодиночке или группами по пять (одна в центре, окруженная башнями, по одной с каждой стороны света). Одной из наиболее впечатляющих скульптур является изображение божества, называемого Харихара: оно объединяет культ Вишну (Хари) и Шивы (Хара), изображено в единой стоящей статуе. Хотя такие статуи обнаруживаются также и в других частях Юго-Восточной Азии и в Индии, эти статуи нигде не были столь популярны, как в древней Кампучии. Важность этого культа приписывается попытке избежать конфликта между различными религиозными сектами.

Хотя искусство и архитектура во второй половине рассматриваемого периода испытывали сильное влияние Индии, все же есть явное свидетельство того, что различные регионы Юго-Восточной Азии приспособили иноземные идеи к своим собственным эстетическим нормам. Впечатляющее разнообразие основных образцов делает изучение культуры Юго-Восточной Азии особенно увлекательным.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

После долгого периода развития в течение VII в. н.э. начал складываться художественный и архитектурный стиль, общий для всей Восточной Азии. В авангарде этого развития был Китай, в то время как Япония и Корея с их сильными традициями местного искусства воспринимали китайское влияние как через постепенное культурное проникновение, так и посредством прямого заимствования, поощряемого влиятельными политическими покровителями. Эволюция китайского искусства в течение этого периода может быть разделена на две большие части – до и после III в. н.э. В течение первого периода, начиная с VII в. до н.э., мощная реакция против традиционного ритуального искусства в конце концов привела к расцвету пластических художественных форм, связанных с дворцами и могилами. Первым признаком этого движения был упадок искусства изготовления бронзовых культовых изделий, наиболее важного художественного жанра в период предшествующих династий Шан – Западной Чжоу. Образчики этого искусства, монополизированного элитными кланами и рядами, – бронзовые сосуды были предметами поклонения предкам – культа, который представлял собой мощное средство для обеспечения устойчивости социальной иерархии. Предполагалась, что мифические зооморфные существа на этих сосудах были средствами для общения живых с умершими. Надписи на бронзе, которые становились длиннее по мере продвижения к центру Западной Чжоу, увековечивали славу предков, а также заслуги живущих потомков. Спрятанные в клановом храме (где происходили наиболее важные религиозные и политические церемонии), бронзовые культовые сосуды определяли социальный статус клана или рода и символизировали его мощь. Этот архаический художественный символизм, тем не менее, начал приходить в упадок в период «Весен и Осеней» (так назвал его Конфуций. – Прим. ред.), когда предметы роскоши постепенно начали заменяться ритуальными предметами. Под покровительством правителей княжеств, контролировавших теперь военные силы и экономические ресурсы, вошел в моду экстравагантный художественный стиль. Насколько можно судить по тому, как он представ-

лен бронзовыми и лакированными изделиями из захоронения Маркис И в государстве Цзень, этот стиль впервые появился как противопоставление стилю предшествующих ритуальных бронзовых изделий: памятные надписи исчезли; зооморфные изображения преобразовались в сложные и детализированные орнаменты; был даже отлит сосуд из бронзы, напоминающий пустые пчелиные соты. С VI–V вв. до н.э. наряду с преобладающими в то время разнообразными региональными стилями начинают приобретать популярность живописные украшения и инкрустация. Эти новые тенденции привели к появлению более живого и творческого стиля, который затем доминировал в искусстве «эпохи воюющих царств». Инкрустированные фигуры животных и домашняя утварь, найденные в мавзолее царей Чжоньшан, демонстрируют некоторые основные особенности этого стиля, включавшего смешанное использование драгоценных материалов, комбинации блестящих цветов и декоративных узоров и живое изображение животных и людей.

Предметы искусства Восточной Чжоу, разнообразные столовые наборы, музыкальные инструменты, скульптуры и лампы были изготовлены не для родового храма, а для дворца, который в новую историческую эпоху стал главным символом политической власти. Дворец достиг своей независимости и стал сердцем города, по бокам его располагались два главных религиозных сооружения: храм рода и Земельный алтарь. Эта новая городская планировка лучше всего отражена в документе «Каогондзи» («Записи о проверке мастерства ремесленников»); в то же время в городах, в которых были проведены раскопки, обнаружено расширение строительства роскошных зданий «с планировкой в трех измерениях». Часто возводившиеся на высоких земельных основаниях, дворцы, включая залы для приемов и своего рода террасные сооружения, так называемые *таи*, постепенно принимали монументальные формы. Та же тенденция проявилась в устройстве кладбищ новой социальной элиты: начали строиться многоярусные сооружения над могильными ямами в собственных «кладбищенских парках». Развитие архитектуры дворца и усыпальницы в Восточной Чжоу достигает вершин во время правления династии Цинь. Дворец (Сеньян, дворец № 1) в столице династии, в котором велись раскопки, был сложным террасным сооружением с тщательно выполненными настенными росписями внутри и знаменитым мавзолеем Лишань первого императора династии Цинь Шихуанди; увековечившим славу этого великого объединителя Китая. Сыма Цянь записал, что в этом мавзолее помещение подземной усыпальницы под огромной пирамидой было выполнено так, чтобы отображать Вселенную «со всеми небесными явлениями, представленными наверху, и всеми земными явлениями внизу».

Развитие искусства и архитектуры во время правления династии Хань следовало модели, принятой в период Цинь: строились дворцы и усыпальницы как двойные центры. Возведение столицы династии Западная Хань – города Чанъяня (сейчас – Сиань) в течение 200-летнего периода отражало постоянные усилия правителей государства Хань сделать этот город главным символом императорской власти. Город начался со строительства двух групп зданий под названием дворец Чжунлоу и дворец Вейянг; в первом был большой зал для приемов, а второй, как объяснял его главный проектировщик премьер-министр Сяо Хе (умер в 193 г. до н.э.), показывал, что династия получила мандат на свое правление от Неба. Последовательное строительство и расширение Чанъяня также отражало разные взгляды последующих императоров государства Хань. Император Уи (правил с 194 по 187 г. до н.э.) построил городские стены, которые придали столице более традиционный и «ортодоксальный» вид; император У-ди (правил с 140 по 86 г. до н.э.) добавил много сооружений, включая дворец Ганшоан и парк Шанлинь, оба были созда-

ны в результате горячего желания императора обессмертить себя. Наконец, император Ван Ман (правил с 9 по 25 г. н.э.) построил группу конфуцианских ритуальных зданий южнее Чанъяня, которые служили идее оправдания захвата им императорского трона династии Хань.

Ни один из дворцов государства Хань не сохранился до наших дней; только из литературных источников мы знаем о них как о величественных зданиях с внутренними настенными росписями, изображающими благоприятные предзнаменования, «бессмертных» и поучительные исторические рассказы о хороших и плохих правителях, верных подданных, выдающихся женах и образцах поведения. Сегодня эти сцены можно увидеть в могильных сооружениях, обнаруженных в различных областях на всей территории Китая. Продолжая традиции Восточной Чжоу и Цинь, погребальные традиции Хань включали в себя строительство как на земле, так и под землей. Результатом было появление жесткой архитектурной планировки. Типичной для кладбищ Восточной Хань была четко ограниченная территория. Ворота с колоннами и с парой скульптур животных по бокам статуи отмечали вход, а также границы, отделяющие мир живых от мира умерших. «Путь души» (*шендао*) проходил через эти ворота и по центральной аллее этого кладбищенского парка к храму-усыпальнице в его глубине. Усыпальница устанавливалась семьей покойного; в ней ежемесячно и ежегодно приносились жертвы; часто на стенах были выполнены богатые живописные сцены. Ряд стел с надписями, установленных друзьями и соратниками покойного, стоял перед усыпальницей, надписи рассказывали о его жизни и увековечивали его заслуги. Сама могила напоминала подземный дом с несколькими комнатами, украшенными резьбой и настенной росписью. Эта архитектурная планировка, которая достигла своей наиболее чистой формы в Центральном и Восточном Китае, модифицировалась в отдаленных провинциях. В Сычуаньском бассейне (в среднем течении р. Янцзы), например, семейное кладбище, включавшее зал для подношений и несколько могильных камер, было построено в горной скале. Региональное разнообразие искусства в империи Хань также очевидно при рассмотрении стилей произведений: похожие предметы и композиции принимают разные формы в различных областях и отражают различные вкусы. Образцы, найденные в результате раскопок, позволяют ученым различать, по крайней мере четыре стилистических варианта, развившихся в регионах, которые соответствуют современным провинциям Шаньдун, Хэнань, Шаньси и Сычуань. Шаньдунская резьба намеренно схематична и «архаична», в то время как сычуаньские рельефы демонстрируют изумительное представление пространства и движения.

С падением династии Восточной Хань в 220 г. н.э. закончился первый этап развития древнекитайского искусства. С этого времени, независимо от того, были ли произведения искусства связаны с храмом, могильным сооружением или дворцом, все они должны были соответствовать желанию конкретно выражать религиозные и политические представления. Они становятся результатом коллективных проектов, а не усилий отдельных людей; они создаются анонимными мастерами, а не образованными художниками. Коренное изменение произошло вскоре после III в. н.э. Возникла группа самобытных художников, и они стали выразителями китайского искусства. Хотя эти художники были еще заняты в украшении общественных зданий, постепенно они все больше внимания уделяли рисункам на свитках; эта форма искусства постепенно становится основной в китайской живописи. В отличие от настенной росписи, производившейся для широкой аудитории, рисунки на свитках предназначались для отдельных зрителей и постепенно стали средством самовыражения для художников. Сохранившиеся копии этих рисунков характеризуют переходный период в истории китайского искусства. Среди трех свитков, приписыва-

ваемых знаменитому художнику Гу Кайчжи (ок. 344–406 гг.), свиток «Портреты добродетельных и мудрых жен» продолжает традицию Хань, но переносит изображения, прежде находившиеся на общественных монументах, в формат рисунка на свитке. Свиток «Предостережения наставниц придворных дам» иллюстрирует сочинение писателя, современного художнику, и перемежает традиционный красочный рассказ рядом метафорических рисунков, которые становятся все более популярными в течение периода династии Вэй и Цзинь. Третий свиток «Легенда о фее реки Ло» изображает романтическую поэму в непрерывном повествовании, разворачивающемся на фоне ландшафта; такой стиль появился впервые. Эти произведения демонстрируют большое внимание художника к технике исполнения и выразительности работы кистью. Такая же тщательность способствовала быстрому развитию каллиграфии как формы искусства, и в течение этого периода появились критические работы по искусству рисунка. Ряд важных статей Гу Кайчжи, Цзянь Биня (375–443 гг.), Ван Вэя (415–443 гг.) и Си Хе (работал ок. 500–535 гг.) заложили твердую основу для дальнейшего исследования в области живописи, работа Си Хе «Шесть принципов» стала основным руководством для оценки художественного произведения.

Дошедшие до нас произведения искусства южной и северной династий отражают частые взаимодействия между рисунками на свитках и архитектурными украшениями, между работами знаменитых художников и безвестных ремесленников. Было замечено, что как портреты «Семи достойных в бамбуковой роще» в некоторых южных захоронениях, так и иллюстрации к повествованиям о послушных сыновьях на некоторых северных саркофагах, может быть, основываются на иллюстрированных свитках. Свиток «Семь достойных» впервые представил идеал неодаосизма и божественный стиль жизни литературных кругов, но поскольку их изображения были скопированы в усыпальницах, эти фигуры были популяризированы как культурные герои и символы долговечности. Эти усыпальницы принадлежали южным правителям, которые стали коллекционерами произведений искусства и покровителями искусств. Возможно, что известные художники под таким покровительством могли создавать усыпальницы при жизни правителей, или что эти правители могли заказывать художникам копии знаменитых произведений для их погребальных камер. Такие тесные взаимоотношения между покровителем и художником останутся важной чертой позднего придворного искусства. Например, работы самого известного в ранней империи Тан художника Ян Либеня (умер в 673 г.) часто выполнялись по императорскому заказу. Эти работы касались политических тем, что указывает на основное направление придворной живописи ранней империи Тан – усиливать эту недавно установленную династию. Один из рисунков Ян Либеня является документом, запечатлевшим прием трех тибетских послов во время правления императора Ли Юаня, основателя империи Тан. Другой знаменитый свиток, приписываемый Ян Либеню, изображает тринадцать правителей предыдущих династий. Сопровождаемый письменными комментариями, этот рисунок воссоздает историческую хронику, в которой прошлое служит в качестве «зеркала» для находящегося на престоле правителя, отражающего его действия. Ян Либень также принял участие в проектировании мавзолея Ли Юаня, где основание империи Тан было метафорически представлено шестью конями, которые помогли императору победить врагов. Замечательный реализм и монументальность этих рельефов предвещали высочайший расцвет китайской культуры в течение VIII в.

Когда живопись на свитках стала основной формой искусства на юге, буддийское искусство окончательно укрепилось на севере Китая. С IV по VI в. в этой части страны последовательно сменяли друг друга многочисленные

некитайские царства. Их правители не черпали свою идеологию и религию из китайских традиций, а быстро приняли буддийскую доктрину и искусство, распространявшиеся на восток из Индии и Центральной Азии. Они финансировали строительство нескольких огромных пещер, среди которых выделяются Юнань и Лоньмень, обе в государстве Северная Вэй; они наиболее ярко выражают стремление к осуществлению таких грандиозных художественных проектов. Колоссальные статуи Будды в пяти древнейших пещерах Юнаня были не только памятниками буддизму, но также и памятниками великолепию царского двора государства и династии Северная Вэй: в текстах записано, что основатель династии посвятил эти статуи самому себе и духам своих предшественников. В этих древних скульптурах Юнаня проявляется определенное влияние искусства Гандхары (название художественной школы, возникшей в период Кушанского царства на северо-западе Пакистана. – *Прим. ред.*), но после того как столица Северной Вэй была перемещена в 494 г. из Лояня в центр Китая, предпринимались последовательные попытки объединить буддийскую иконографию с традиционным китайским изобразительным стилем. Этот новый художественный стиль был распространен в Лоньмене; его главные характеристики – двухмерность изображения, широкие линейные ритмы, изображение едва уловимых движений и тонкость представления образов – указывают на восприятие южных художественных вкусов.

Внезапные стилистические изменения в Лоньмене означают возрастание роли покровителя в создании «китаизированного» буддийского искусства. Но применение и китаизация буддийского искусства было также длительным художественным процессом, что подтверждено пещерными объектами, построенными вдоль Шелкового пути, связывавшего Восток и Запад. Вблизи от древнего рода Дуньхуан расположен наиболее известный среди этих объектов пещерный буддийский монастырь (Цяньфодун с около 480 пещерами со скульптурой и росписями. – *Прим. ред.*), основанный в середине IV в. Ко времени объединения Китая императором династии Суй в 589 г. там было построено по крайней мере 42 пещеры. Планировка этих пещер соответствовала их религиозному назначению: тесные камеры, примыкавшие к храму (*вихара*), были предназначены для медитации монахов, а в самом храме была пагода (ступа) – символ Будды, вокруг которой поклоняющиеся совершали ритуал обхода. Оба эти стиля архитектуры зародились в Индии. Идеология, связанная с ними, во многом соответствует одному из двух направлений буддизма – хиньяне, поскольку настенные росписи в пещерах часто подчеркивали необходимость следования монашеским идеалам, личного совершенствования и отрешенности от общества. И все же нетрудно обнаружить истинно китайские элементы в этих древних пещерах; так, в пещере 249, одной из самых красивых в Дуньхуане, центральные статуи Будды и многие другие изображения были основаны на прототипах из Гандхары, но изображения двух главных божеств на потолке появились, что общепризнано, из даоистских культов, популярных в этом регионе.

Простая статистика показывает, насколько сильно объединение всего Китая в 589 г. стимулировало развитие искусства в Дуньхуане: было построено 114 пещер в течение 120 лет от правления династии Суй до раннего периода империи Тан, почти в три раза больше, чем за весь предшествующий период. В сравнении с более ранними пещерами, эти новые постройки по архитектурному стилю были по-настоящему «китайские». Большинство пещер периода Суй и раннего периода Тан имитировали обрамленный деревом Зал Будды, или Зал Образа, в монастыре, концепция и форма которого была воспринята от более раннего Тронного зала в императорском дворце. Центральная пагода исчезла, и главным изображением стала статуя Будды

в большой нише у задней стены. Религиозным ритуалом, связанным с этими пещерными храмами и их внутренним убранством, стала теперь «гуансянь», или «созерцание священных ликов». Это изменение объясняет растущую популярность иллюстраций к сутрам другого направления буддизма – махаяны, которые изображают буддийские учения и притчи. Люди верили, что, создавая или созерцая такие картины, поклоняющийся может освободиться от своих многочисленных грехов, приобрести достоинство путем преданности правителю, местной общине, умершим предкам или живым родственникам.

Буддизм и искусство буддизма стали решающим фактором в объединении трех традиций искусства в Восточной Азии – китайской, корейской и японской – в огромную совокупность. Действительно, эти страны имели культурные взаимоотношения, восходящие к древним временам. Корея на самом деле была включена в состав империи Хань, и это историческое событие подтверждается некоторыми впечатляющими усыпальницами Хань, найденными близ Накнана и Тапана. Многочисленные бронзовые зеркала китайского типа были или ввезены в Японию, или были подделаны там. Но до VI в. корейское и японское искусство в основном развивались своими собственными путями. В Японии долго существовавшую неолитическую культуру дзёмон (3500–300 г. до н.э.) сменил бронзовый/железный век, представленный культурой яёй (300 г. до н.э. – 300 г. н.э.), в рамках которой производились замечательные колокола дотакэ для церемоний. Однако наиболее интригующими произведениями добуддийской Японии являются произведения эпохи Кофун, или протоисторического периода (III–VI вв.). Построенный в виде огромной замочной скважины в плоскости пола, могильный холм Кофун содержал большой набор предметов, сделанных из яшмы, нефрита, стекла и позолоченной бронзы. Некоторые особые черты японской архитектурной традиции также можно проследить в этот период. Проявился заметный интерес к утонченным изделиям и одновременно – к использованию по прямому назначению таких материалов, как неокрашенное и недекорированное дерево, тростниковые или дощатые покрытия крыши, деревянные сваи или колонны для поддержания постройки, и к максимально возможному приспособлению архитектуры к природному окружению. Все эти особенности можно наблюдать в сохранившихся до наших дней синтоистских храмах в Ицзумо и Исе (которые, хотя их периодически и ритуально перестраивали, традиционно связаны с периодом Кофун). В Корее незадолго до распространения культуры Кофун в Японии процветала высокоразвитая придворная культура в трех ранних государствах («трех царствах»): Силла, Когурё и Пэкче (I в. до н.э. – VII в. н.э.). Среди работ из золота, наиболее тонко выполненных и эффектных, в Восточной Азии находятся короны из могилы «Золотой колокол» в Конджу, сочетающие в себе мотивы геометрических деревьев и формы рогов; и то и другое указывает скорее на сибирское, чем на китайское происхождение. Серые каменные сосуды из усыпальниц Силлы часто моделируют трехмерные фигурные формы, предвосхищая сильные керамические традиции в более позднем корейском искусстве.

Относительно независимое развитие искусства в этих трех странах закончилось в VI в., когда буддизм наконец появился в Корее и Японии. Полагают, что корейские скульпторы периода государства Силла еще в V в. определили образный ряд буддизма. Хотя немногие из их лучших работ дошли до наших дней, в позолоченных бронзовых статуях будхисаттв VI–VII вв. проявляется вполне зрелое использование резьбы того типа, что представлена в пещерах Лоньмен. Как и в Китае во время правления династии Северная Вэй, в Японии буддийское искусство развивалось успешно в основном благодаря императорской поддержке. Правитель Ямато Сёто-

ку (572–622 гг.), стремясь привить континентальную китайскую культуру, объявил буддизм государственной религией. Во множестве строились буддийские храмы; их великолепие все еще можно увидеть на примере храма Хорюдзи в городе Нара (на острове Хонсю; первая столица Японии в 710–784 гг. – *Прим. ред.*). Историческая ценность Хорюдзи состоит не только в том, что это один из древнейших и прекраснейших японских буддийских храмов, но и в том, что он правдиво передает черты китайского прототипа, который не сохранился в родной стране. Элементы храма Хорюдзи VII в., наиболее важными из которых являются средние ворота, галереи с трех сторон, пятирусная пагода и зал Будды под названием «Кондэ» («Золотой зал»), являются типично китайскими; это деревянная рамная основа, укрепленная сложной системой панелей, конструкциями из столбов и перемычек, и опорными системами. Построенные на каменных фундаментах, эти здания изящны, гармонично скомпонованы.

Храм Хорюдзи также содержит лучшие примеры живописи и скульптуры периода Асука: стенные росписи в гробнице Тамамуши («Нефритовый жук»), бронзовая буддийская триада 623 г., деревянная статуя богини Каннон в Юмедоно («Зал снов») и статуя так называемой Кудара Каннон. Эти работы наилучшим образом подтверждают интернационализм буддийского искусства этого периода. Иллюстрации к историям в жанре джатака в храме Тамамуши напоминают повествовательный и фигурный стиль настенных росписей времен Северной и Восточной Вэй в древнем китайском пещерном монастыре в Дуньхуане; триада работы Тори Буси, скульптора китайского происхождения, правдиво имитирует образный ряд пещер Лоньмен в бронзе; но статуя «Кудара Каннон», название которой связано с образом Кваным в государстве Пэкче в Корее VII в. Этот и другие примеры могут также указать временной промежуток, в котором происходила трансформация буддийского искусства в Восточной Азии. Период Асука длился с 552 по 645 г., но в искусстве этого периода в общем продолжает проявляться китайский стиль, характерный для времени с 500 по 550 г. Этот феномен еще раз отражается в принятии японцами живописных и архитектурных стилей династии Тан. Как видно по изумительной росписи стен Золотого зала в Хорюдзи, изображение небесной страны счастья, созданное одним из главных будд – Амидой (Амитабха), выполненное первоначально в Дуньхуане в середине и конце VII в., спустя несколько десятилетий повторялось в Японии. Аналогично тому между 581 и 663 гг. китайцы построили свою столицу Чанъань – «идеальный город», огромный метрополис, который в VIII в. был скопирован в Хейдзёкё (современный город Нара) и Лонькванфу (Верхняя столица государства Бохай).

АМЕРИКА

Наиболее вероятно, что концептуальное различие между искусством и ремесленничеством не осознавалось народами Нового Света даже в наиболее важных культурных областях во времена испанских завоеваний. Тем не менее как в Центральных Андах, так и в регионах Центральной Америки, и, возможно, в племенных царствах Северной и Южной Америки на обыденном уровне четко различались ремесленные изделия, изготовленные для использования только представителями элиты в качестве показателей статуса, и ремесленными изделиями, используемыми всем населением в повседневной деятельности и для обычных целей.

В Теотиуакане, например, использовались различные сырые материалы для производства разнообразных товаров и сооружений построек: различные типы вулканического камня, глина, дерево и известь в строительстве домов;

различные виды глины для изготовления керамических сосудов для хранения продуктов, их обработки и подачи на стол и предметов для домашних обрядов; обсидиан для производства инструментов типа ножа, топора, скрепка и пилы; природные или выдолбленные вулканические камни для изготовления орудий труда типа мельницы, молота и молотка; тростник для производства корзин для хранения продуктов; волокна хлопка и растения магуэй для изготовления одежды; кожу животных для изготовления обуви и деталей одежды. Некоторые из этих предметов изготавливались с высоким мастерством, а керамика искусно украшалась. Те же самые материалы использовались для специальных ритуальных обрядов, керамика – для статуэток, сосудов для сжигания благовоний и жертвоприношений; вулканический камень – для сосудов для сжигания благовоний. Все эти предметы производились ремесленниками, занятыми частично или полностью этой работой, проживавших в городе и продававших свои изделия на огромной рыночной площади. Город состоял из более 2 тыс. жилых домов, в каждом из которых жило от 30 до 100 человек. На основе изучения погребений и планировки фундаментов домов было выяснено, что большинство этих домов населяли родственные группы, в домах были расположены мастерские, и каждое такое объединение специализировалось на производстве одного или нескольких из указанных видов товаров.

У других групп населения Центральной Америки того времени ассортимент товаров был довольно одинаков, но на большей части этого региона товары не производились ремесленниками, занятыми этой деятельностью лишь частично, так как они жили в сельских общинах, разбросанных вокруг центров, и лишь периодически продавали свои изделия на региональных рынках.

В отличие от общего набора изделий того времени существовали также предметы, которые делались исключительно для представителей высшего класса, например каменные пластинки, раковины и зеленый камень с прекрасной резьбой; тщательно выполненные костюмы, украшенные перьями; монументальные скульптуры, стенные росписи и необычайно высокого качества керамика для обрядов или погребений. Использовать эти виды продукции было либо разрешено лишь представителям элиты, либо цена изделий была настолько высока, что только элита могла их приобретать. Недавние находки показывают, что в Теотиуакане в археологических слоях, относящихся к более урбанизированной экономике, эти товары, вероятно, изготавливались профессиональными ремесленниками для продажи на рынке. В других областях, в частности на низменностях, занятых народом майя, они, по-видимому, изготавливались также профессиональными ремесленниками, обслуживавшими знатные семьи и проживавшими в блоке домов своего покровителя. Товары, производимые ремесленниками, передавались их господам, которые пользовались некоторыми из них, а другие передавали в качестве подарков равным им по рангу лицам на церемониях, отмечавших важнейшие события.

В Карибском регионе и в Южных Андах на основе ситуации, сложившейся во времена испанского завоевания, и некоторых прямых археологических свидетельств, относящихся к рассматриваемому периоду, представляется, что вожди этих сообществ имели своих собственных домашних ремесленников, что вполне соответствует типу отношений у классических майя. Они производили товары необычайно высокого качества, которые указывали статус и подчеркивали высокое положение их покровителя.

Культуры Нового Света чрезвычайно многообразны, они зависели от естественного природного окружения и уровня социальной сложности; этот ряд ярко прослеживается в архитектуре. Термин «архитектура» используется представителями общественных наук для различных целей.

Историки обычно используют этот термин для обозначения жилищ людей высокого положения и одновременно – общественных зданий. Если он используется как термин для обозначения всех видов зданий, независимо от их назначения или статуса, тогда архитектура является характеристикой всех культур независимо от уровня сложности.

Среди более простых сообществ – общин и племен, двух общественных типов, широко распространенных приблизительно в 700 г. до н.э. и сохранившихся во многих областях вплоть до окончания рассматриваемого периода и до времени контакта с европейцами, архитектура проявилась только в жилищах. Более того, в этих обществах была слабо выражена внутренняя дифференциация и было очень мало различий в архитектуре жилищ определенного сообщества. Архитектура в таких сообществах, тем не менее, довольно значительно варьировалась в зависимости от природного окружения и ресурсов, доступных для строительства.

У подавляющего большинства племен, занятых собирательством, дом представлял собой простые укрытия, построенные из веток и палок за несколько часов; они использовались лишь несколько дней или недель. Однако поскольку многие из этих групп проживали в климатических условиях средних широт с относительно суровыми зимами, в которые они выживали благодаря сделанным запасам пищи, то на зиму они строили более основательные жилища из столбов и дерна. Аналогичные утепленные постройки использовались как постоянные жилища группами охотников и собирателей, жившими в более благоприятных природных условиях, характеризовавшихся большей оседлостью с более постоянными жилищами. Земледельческие племена, которые вели оседлый образ жизни, жили в аналогичных постройках, но они значительно варьировались в зависимости от используемых материалов, формы и методов строительства, в соответствии с природными условиями, в которых группа жила. На востоке Соединенных Штатов и в бассейне Амазонки дома строились со стенами из столбов и с тростниковыми крышами. На востоке Соединенных Штатов часто стены из столбов обмазывались глиной. На Тихоокеанском побережье Северной Америки рыбаки в этой области строили большие общинные дома со стенами и крышами из досок, построенные на массивных рамах из бревен. На юго-западе Америки дома – их стены и крыши – строились преимущественно из бревен и земли. Размеры домов также значительно варьировались в зависимости от состава групп, которые в них жили. Во многих случаях в доме жила большая семья из родственников или несколько ключевых семей, связанных между собой родственными отношениями, и размеры домов были относительно малы. В ряде случаев, например в бассейне Амазонки и на северо-западном побережье, целые родовые кланы размещались в больших жилищах. Во многих земледельческих племенных сообществах и в некоторых оседлых общинах, занимавшихся охотой и собирательством, коммунальные постройки служили общественными зданиями, домами-клубами, местами отдыха или встреч, и часто они были больше по размеру, чем обычные жилища.

В тех областях, где общины были более многочисленными и внутренне дифференцированными, происходили два основных процесса, из которых первым было увеличение размеров «общественных» зданий, расширение разнообразия их использования и повышение качества строительства. Вторым процессом была усиливавшаяся тенденция к строительству жилых домов в соответствии с социальным статусом их владельцев, проявившимся в разнообразии тех же параметров построек. Эти два процесса были очень характерны для периода, рассматриваемого в данном томе, особенно в Центральных Андах и Центральной Америке. Термин «архитектура» в том понимании, который используется историками, относится к необычай-

но большому количеству высококачественных построек, характерных для более сложно организованных обществ.

Среди племенных королевств на востоке Соединенных Штатов в их пустынном юго-западном регионе, в Центральной Америке, в средней зоне и Центральных и Южных Андах монументальная архитектура использовалась преимущественно в двух видах: как храм и как погребальный монумент. Общей чертой этой архитектуры во всем этом обширном регионе было использование грунта для постройки больших оснований, на которых возводились здания, часто из недолговечных материалов. Аналогичные земляные конструкции строились поверх могил вождей. В некоторых областях, особенно в Центральной Америке и Центральных Андах, использовался обтесанный камень для облицовки этих оснований. Жилища людей высокого положения в племенных королевствах также часто строились из недолговечных материалов и иногда ставились на земляные платформы. Они были несколько больше по размерам, чем дома остального населения, но не очень отличались от них по размаху и качеству, а наиболее монументальные сооружения предназначались для религиозных отправлений.

С возникновением государств в Центральных Андах и Центральной Америке масштаб построек «общественной» архитектуры резко возрастает и одновременно с увеличением их размеров происходило соответствующее совершенствование каменной и кирпичной кладки, применявшейся как для укрепления боковых поверхностей оснований их грунта и камней, так и для строительства зданий на вершинах этих оснований. Эти новые методы строительства определяли также архитектуру жилых домов и домов правителей и даже людей среднего класса и указывали на их статус в иерархии; постройки становились значительно более внушительными по размерам. Это изменение отражает возрастание политической и экономической власти, по мере того как племенные королевства преобразовывались в государства, а однородные сообщества превращались в расслоенные. В обеих областях, где происходили такие преобразования, здания становились объектами для других видов художественного выражения, особенно живописи, скульптуры и моделирования из глины. Эти достижения сопровождалось расширением разнообразия и функций зданий. Общественные институты должны были размещаться в зданиях, и расширение разнообразия способов использования зданий отражает увеличение численности и сложности институтов древнего общества.

В Центральной Америке концепция строительства с применением основания-платформы достигла наивысшего воплощения при постройке очень высоких ступенчатых оснований с плоскими вершинами, называемых в литературе пирамидами. На вершинах таких пирамид возводились кирпичные храмы, к ним вели каменные лестницы. Обе эти постройки – и храмы, и их основания были облицованы хорошо обработанным тесаным камнем; после обтесывания камень приклеивался гашеной известью. В некоторых областях, особенно на равнинах, где жили майя, известь сочеталась с гранулированными материалами для получения известкового раствора и бетона. Наиболее массивный образец сооружения этого типа – пирамида Солнца в Теотиуакане высотой свыше 70 м и периметром в основании 250 м. Храмы в Центральной Америке обычно имели плоские или слегка наклонные крыши, построенные из грунта и камня, связанных известью и поддерживаемых системой из бревен и перекладин. На равнинах майя отличительной особенностью было использование стрельчатых сводов. Во многих областях, где требовались необычайно просторные залы, для поддержки сводов применялись колонны. Обычно такие колонны строились кирпичной кладкой и были прямоугольными по форме. В то время как формы оснований храмов не отли-

чались разнообразием во всей Центральной Америке, сами основания имели весьма различные функции. В Теотиуакане это были основания для храмов, посвященных высоким богам, в то время как у равнинных майя пирамидный храм был прежде всего погребальным храмом. В таких основаниях были центральные усыпальницы в виде комнат, иногда в основании всей структуры. Эти погребальные храмы были посвящены умершим правителям.

Архитектура жилищ в Центральной Америке по методам строительства отражала как в зеркале архитектуру храмов. Дворцы строились на ступенчатых основаниях, высота которых были ниже, чем высота оснований храмов; здания наверху оснований были намного больше по размеру и со значительно большим числом помещений; они всегда были окружены многочисленными дворами. Крыши и стены строились с применением тех же методов строительства, что и для храмов.

Главной особенностью архитектуры равнинных майя было расположение дворцов и погребальных храмов вокруг центральных площадей, которые использовались для обрядовых церемоний. Назначение этих комплексов указывает на стройную иерархию власти в обществе майя; и их вожди выступали и как жрецы, и как правители. В отличие от этого в Теотиуакане архитектура религиозных и светских построек была различной, хотя даже здесь имеются комплексы, в которых сочетаются оба этих назначения зданий. Храм Солнца, например, включал жилые дома жрецов, служивших в нем, сооруженные на основаниях-платформах по соседству; огромный административный комплекс «Дорога мертвых» включал в себя как небольшие храмы, так и жилые застройки. Эти две части отличались масштабом архитектуры жилых зданий и религиозных сооружений. Ясно, что в первом случае функция комплекса была преимущественно религиозная, а во втором случае он служил как жилой и административный центр.

Жилища представителей среднего и низшего уровней в социальной иерархии во многих отношениях отражают характеристики общественной архитектуры. Например, у равнинных майя несколько связанных родственными отношениями семейных ячеек жили вместе, ведя многосемейное домашнее хозяйство. Жилища каждой семьи и наружные постройки размещались вокруг внутренних дворов, как в королевских дворцах. В Теотиуакане ситуация была несколько иной: все родовые кланы жили вместе в жилых комплексах с многочисленными большими внутренними дворами, вмещавших 30–100 родственников. Эти различия в архитектуре жилых домов явно указывают на неодинаковую организацию и структуру домашнего хозяйства. В некоторых домах в Теотиуакане жили очень высокопоставленные люди, по статусу лишь немногим уступавшие только правителю города. Такие дома были более просторными и более богато украшенными, чем большинство жилых комплексов, и включали помещения для прислуги.

В местах жительства классических майя наблюдается похожая ситуация в том отношении, что у представителей среднего класса было большое число домочадцев. Семейные ячейки высокого ранга, родственники более низкого статуса и, возможно, не связанные с ними родственными отношениями слуги – все они жили в кирпичных зданиях, располагавшихся вокруг одного или нескольких внутренних дворов. Недавние исследования затрат на строительство жилых домов в городах древних майя (на территории современного Гондураса. – *Прим. ред.*), особенно в городе Копан, указывают на то, что на возведение дворца правителя требовалось в 300 раз больше затрат труда, чем на строительство домов крестьян, и что люди среднего класса жили в домах, требовавших приблизительно в 10–75 раз больше затрат труда, чем дома крестьян.

В Центральных Андах можно заметить многие из указанных принципов и особенностей, но они имеют опре-

деленные специфические черты, которые отличаются от центральноамериканских. Гашеная известь, например, не использовалась в строительстве ни как скрепляющее вещество, ни в бетоне, ее заменяли природные штукатурные вещества и строительные растворы. В южных высокогорьях Центральных Анд в знаменитом поселении Тиуанако применялась эффектная каменная кладка, считающаяся наиболее удивительным достижением в истории Нового Света. Храмы очень часто строились из громадных каменных блоков, тщательно отесанных и пригнанных между собой для возведения стен храма, а в нескольких случаях целые участки стен с дверными проемами выполнялись из одного каменного блока. Использование основания, облицованного отесанными камнями, было характерным для Тиуанако; здесь в жилых домах комнаты выходили во внутренние дворы. Архитектура общественных зданий в Тиуанако, храмов и дворцов ярко иллюстрирует могущество государства Тиуанако и высокий уровень профессионального мастерства в кладке блоков. В отличие от Тиуанако, на северном побережье Перу все постройки делались из необожженного кирпича. Среди этих построек – большие многокомнатные жилые комплексы и высокие ступенчатые основания-платформы храмов, очень похожие на храмовые основания-пирамиды Центральной Америки.

Бесконечные споры и аргументы при изучении Центральной Америки и до определенной степени также и Центральных Анд касаются вопроса о том, в какой мере расположение зданий и поселений обусловлено астрономическими наблюдениями. Одно время эта идея вызывала гораздо больший энтузиазм. Раньше полагали, что многие здания майя строили не только как жилые дома и храмы, но и как астрономические обсерватории, которые были объединены между собой таким образом, чтобы астрономы-жрецы имели обзор, удобный для наблюдений за движениями небесных тел. В основном от этой идеи уже отказались, но тем не менее открытым остается вопрос об ориентации зданий и о ее возможном космологическом значении. Теотиуакан является ярким примером этого принципа, так как весь город ориентирован в направлении от севера к востоку под углом в 17 град. Однако неясно, что это означает, имеет ли такое расположение космологический смысл или оно связано с некоторыми астрономическими наблюдениями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ANDREAE, B. 1973. *L'art de l'ancienne Rome*. Paris. (L'art et les grandes civilisations).
- AUBOYER, J. 1965. *Introduction à l'étude de l'art de l'Inde*. Rome, ISMEO. (Serie Orientale Roma, Vol. XXXI).
- BAKER, J.S. 1984. *Japanese Art*. New York.
- BLANCHI BANDINELLI, R.; TORELLI, M. 1986. *L'arte dell'antichità classica. Etruria–Roma*. Rome.
- BOARDMANN, J. 1976. *Die griechische Kunst*. Munich.
- BUSSAGLI, M. 1963. *Paintings of Central Asia*. Geneva.
- DEHEJIA, V. 1972. *Early Buddhist Rock Temples. A Chronology*. Ithaca. — (ed.). *Royal Patrons and Great Temple Art*. Bombay.
- EFFENBERGER, A. 1986. *Frühchristliche Kunst und Kultur. Von den Anfängen bis zum 7. Jahrhundert*. Leipzig.
- ESIN, E. 1967. *Antecedents and Development of Buddhist and Manichean Turkish Art in Eastern Turkestan and Kansu*. Istanbul.
- FRANKFORT, H. 1977. *The Art and Architecture of the Ancient Orient*. London.
- GILLON, W. 1984. *A Short History of African Art*. London.
- HAMBIS, L. 1972. *L'Asie centrale*. Paris.
- HARLE, J.C. 1986. *The Art and Architecture of the Indian Subcontinent*. Harmondsworth.
- HUGHES, D.A. (ed.). 1976. *Early Medieval Music up to 1300*. New Oxford History of Music. Vol. 2. London.
- JETTMAR, K. 1965. *L'art des steppes*. Paris. (Art dans le monde.).
- LANGE, K.; HIRMER, M. 1956. *Egypt: Architecture, Sculpture, Painting*. London.
- 1975. *Egypten – Architektur Plastik Malerei in drei Jahrtausenden*. Munich.
- LEE, S.E. 1982. *A History of Far Eastern Art*. New York.
- LEWIS-WILLIAMS, J.D.; DOWSON, T.A. 1989. *Images of Power: Understanding Bushman Rock Art*. Johannesburg.
- MARQUINA, I. 1964. *Arquitectura Prehispanica*. Mexico.
- MEISTER, M.W.; DHAKI, M.A. 1983–1988. *Encyclopaedia of Indian Temple Architecture*. 5 vols. Delhi.
- MILLER, A.G. 1973. *The Mural Paintings of Teotihuacan*. Washington D.C.
- MILLER, B.S. (ed.). 1992. *The Powers of Art: Patronage in Indian Culture*. Delhi.
- MILLER, M.E. 1986. *The Art of Mesoamerica from Olmec to Aztec*. London.
- MINISTRY OF CULTURE AND INFORMATION, SEOUL. 1972. *The Ancient Art of Korea*. Seoul.
- PROSKOURIAKOFF, T. 1946. *An Album of Maya Architecture*. Washington D.C. (Publication 558).
- 1950. *A Study of Classic Maya Sculpture*. Washington D.C. (Publication 593.)
- RICE, T. 1965. *Arts of Central Asia*. London.
- ROSENFELD, J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley/Los Angeles.
- ROWLAND, B. 1974. *L'Asie centrale*. Paris. (Art dans le monde.)
- STEINHARDT, S. 1990. *Chinese Imperial City Planning*. Honolulu.
- SULLIVAN, M. 1984. *The Arts of China*. 3rd edn. Berkeley.
- WELLESZ, E. (ed.). 1975. *Ancient and Oriental Music*. New Oxford History of Music. Vol. 1. London.
- WESSEL, K. 1963. *Koptische Kunst*. Recklinghausen, Bongers.
- WILCOX, A.R. 1984. *The Rock Art of Africa*. London.
- WILLIAMS, J.G. *The Art of Gupta India: Empire and Province*. Princeton.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ВВЕДЕНИЕ

Йоахим Херрманн и Эрик Цюрхер

Целью раздела *Б* данного тома было представление множества важных тем истории культуры и науки с помощью научных и сравнительных подходов; главы следующего раздела *С* посвящены всеобщей истории во всем ее региональном разнообразии. Эти два раздела следует рассматривать как взаимодополняющие и взаимосвязанные, так как основные составляющие, которые рассматривались раздельно в части *А*, здесь будут рассмотрены в их взаимодействии в связи с их вкладом в культурное и научное развитие в пределах каждого из крупных регионов, которые образуют географическую основу нашего описания.

Не существует стандартных подходов к написанию всеобщей истории, так как эти подходы могут меняться в зависимости от рассматриваемого периода. Главным при выборе структуры раздела *С* было то, что в течение данной фазы человеческой истории различные цивилизации формировались и развивались в пределах небольшого числа четко очерченных регионов, каждый из которых состоял из одной или более «центральной (ключевой) области», окруженной периферией. В пределах каждого из таких регионов существовало постоянное взаимодействие и изменение равновесия между этими центральными областями и их периферией, хотя, с другой стороны, прямое взаимодействие между этими «театрами цивилизации» было сравнительно небольшим. За пределами этих высокоцивилизованных областей, окружая и отделяя их от других, существовало разнообразное множество племенных общин, находившихся на разных уровнях развития. Некоторые из них состояли из собирателей и охотников, как, например, сообщества в Северной и Восточной Европе, в Африке южнее Сахары, в Австралии и в Северной и Южной Америке. Другие общины существовали на основе более или менее развитого земледелия и животноводства, из них последние иногда даже специализировались на кочевом скотоводстве. Контакты между главными театрами высокоразвитой цивилизации должны были иметь место именно в этих промежуточных зонах; действительно, некоторые из этих регионов, подобных оазисным царствам Центральной Азии и, в меньшей степени, степными зонами Евразии, выполняли функции каналов подобной связи. Исходя из того, что в течение этого периода высокоразвитые цивилизации были, прежде всего, результатом внутреннего, автономного развития, была определена структура раздела *С*: ряд глав, каждая из которых посвящена историческому развитию этих основных областей цивилизации, охватывают весь промежуток времени с 700 г. до н.э. до 700 г. н.э.

Главными областями, рассматриваемыми в главах раздела *С*, являются:

1. Западная Азия – театр последовательных древних цивилизаций, начало появления которых относится к IV тысячелетию до н.э.

2. Мир Средиземноморья – еще один регион древних цивилизаций, в котором между VII и IV вв. до н.э. доминировали финикийцы и греки, а впоследствии римляне.

3. Африка к югу от пустыни Сахара, где появление технологии обработки железа в рассматриваемый период привело к новой ступени развития.

4. Индийский субконтинент, или «Южная Азия», где спустя много времени после исчезновения древней индийской цивилизации возник новый центральный регион.

5. Континентальная и островная Юго-Восточная Азия, которая в этот период испытывала возрастающее культурное влияние со стороны Южной Азии.

6. Австралия и Океания, которые после заселения в отдаленном прошлом выходцами с Азиатского континента развивались в изоляции.

7. Центральная Азия – типичная «промежуточная зона», характеризовавшаяся кочевыми культурами и оседлыми культурами оазисов.

8. Восточная Азия и Китай, являвшиеся центральной областью, история которых уходит в далекое прошлое к середине II тысячелетия до н.э.

9. Цивилизация Центральной Америки и Анд, которая в этот период приобрела свои отличительные особенности в полной изоляции от других центральных областей.

Мы, очевидно, имеем дело с огромным разнообразием культур, развившихся в регионах с весьма разными географическими и климатическими условиями, природными ресурсами и этно-демографическими условиями. Другая причина разнообразия связана с имеющимися исходными материалами, которые составляют основу наших знаний о культурном развитии в разных регионах. В регионах «классических» развитых культур высокообразованные элиты создали множество письменных памятников. В древней Южной Азии исторические традиции, возможно, передавались устно в течение веков, прежде чем были записаны, и в этих случаях особенно важна роль найденных предметов соответствующего периода (вроде датированных монет) и эпиграфических свидетельств (Эпиграфика – вспомогательная историческая и филологическая дисциплина, изучающая древние и средневековые надписи на камне, металлических, деревянных, костяных, стеклянных и керамических изделиях. – *Прим. ред.*). Культурная история регионов вне пределов «классических» куль-

тур, имевших письменность, не может быть реконструирована на основе их собственных письменных источников. Исторические исследования должны основываться на косвенных данных (т.е. на свидетельствах авторов, принадлежавших к классическим культурам, но описавших окружающие их регионы) и, в особенности, на данных лингвистических исследований и археологических находок. Для изучения Австралии и больших частей Америки имеются только археологические данные (за исключением Центральной Америки, относительно которой дополнительные сведения содержатся в исторических текстах, относящихся ко второй половине рассматриваемого периода). Само собой разумеется, что недостаток соответствующих тому времени документов является серьезным препятствием и что в таких случаях трудно собрать детальную и точную информацию о менее «осязаемых» аспектах культурной истории, вроде научных идей, идеологии и религии.

Вообще говоря, между 700 г. до н.э. и 700 г. н.э. можно выделить три главных периода, хотя следует отметить, что такая периодизация основана прежде всего на историческом развитии Старого Света; просто невозможно изобрести глобальную схему, которая была бы одинаково хорошо применима к Америке или к Австралии и региону Тихого океана.

В течение первого периода, с VII в. до н.э. до конца IV в. до н.э. в Старом Свете начало широко использоваться железо как наиболее важный новый материал для производства орудий и оружия. Эта новая технология в то время имела большое значение: она обеспечила увеличение производственной и военной мощи, усилила неравенство темпов развития и привела к формированию новых взглядов. В сочетании с распространением верховой езды (изобретенной кочевниками из степей Центральной Азии), новая технология производства играла решающую роль в создании империй. Этот процесс начался в VI в. до н.э., когда персидские короли основали огромную империю, включавшую регионы нескольких культур и занимавшую территорию между Педжабом, степями Центральной Азии, Средиземноморьем и долиной Нила.

Это был также период, в течение которого в разных частях Старого Света были сформированы интеллектуальные, политические и художественные нормы и уклады, ставшие в дальнейшем «классическими». В восточных ча-

стях Средиземноморья греки создали свои полисы – города-государства, основанные (по крайней мере в некоторых из них) на демократии, хотя и всегда связанные с рабством. Во всех регионах от Китая до Средиземноморья были заложены основы их многовековых систем философской и религиозной мысли, и именно в этот период были сделаны наиболее важные шаги по пути к становлению новых представлений о природе и первых отраслей науки.

В течение второго периода, со второй половины IV в. до н.э. до конца II в. н.э. в разных частях Старого Света развивались новые империи, основанные на наследии классических культур. Это был действительно период империй: Македонской, Римской, Маурьев, Цинь и Хань, и иногда недолговечных империй, создававшихся кочевниками из зоны степей Евразии. Все империи вместе составляли пояс, протянувшийся от Британских островов на западе до Тихого океана на востоке и от Центральной Европы и Центральной Азии до пустыни Сахара, Нубии и Аравийского полуострова.

В Старом Свете этот период древних империй длился приблизительно шесть веков. В нескольких евразийских регионах в III и начале IV в. н.э. начался процесс упадка имевшихся ранее культурных, политических и военных структур. Империи вступили в кризис, в то время как развивались области новых культур, характеризовавшихся меньшими политическими и военными организациями и широкомасштабным усвоением мировых религий. Крупномасштабные социальные движения, завоевания и широкие миграции потрясли и иногда разрушали социальные и политические структуры, существовавшие от Китая до Западной Европы. В периферийных областях обычно возникали новые ключевые области, которые часто становились основой новых империй.

Эти широкомасштабные исторические изменения касались, главным образом, евразийского пояса классических цивилизаций, тогда как регионы к югу от пустыни Сахара или Северной и Восточной Европы были затронуты этими процессами намного слабее, а историческое развитие на других континентах (Австралия, Америка) и вовсе не было подвержено их влиянию. Рассматривая эти древние века, просто невозможно, даже на самом высоком уровне обобщения, создать периодизацию, применимую к истории в истинно глобальном масштабе.

I. Западная Азия

ВВЕДЕНИЕ

Герардо Ньюли

В период между VII и VI вв. до н.э. после распада древне-ассирийского государства Западная Азия, включая части региона Эгейского моря и Египта, вступила в новую фазу исторического развития. Его особенностью была политическая стабильность четырех монархий, не считая более мелких и периферийных государств – Вавилон, Египта, Лидии и Мидии. В течение нескольких десятилетий возникла новая объединяющая сила в виде персидской империи Ахеменидов, которой предстояло просуществовать более двух веков – с 550-х до 330-х гг. до н.э.

Эту персидскую империю Ахеменидов (карта 31) основал король Кир II (правил в 558–530 гг. до н.э.). Реорганизованная и объединенная Дарием I (правил в 524–486 гг. до н.э.), она раздвинула политические, культурные, экономические и торговые горизонты древней Западной Азии, включая Грецию на западе, Индию на востоке, а на севере и северо-востоке – обширные территории, занятые кочевыми народами. Она простиралась от территорий к северу от Кавказа и Черного моря до Каспийского и Аральского морей и двух больших рек (Сырдарья и Амударья или, согласно классической литературе, Яксарт и Окс), которые в течение веков являлись примерной северо-восточной границей оседлого иранского мира.

Период Ахеменидов является чрезвычайно важной главой в научной и культурной истории человечества. Здесь тысячелетнее культурное наследие Западной Азии получило новые возможности развития; эта культура распространилась за традиционные границы Плодородного Полумесяца и прилегающих территорий, от Анатолии до Урарту и Элама; на территории, южные окраины которых уже были заселены оседлыми народами; от индской цивилизации до цивилизации Хелманд в Систане (Сейстане) – пустынной равнине в Иране и Афганистане. Это культура обогатилась контактами с кочевыми народами, главным образом индоевропейского происхождения. Тем временем на западе развивалась и распространялась греческая цивилизация. Персидская империя Ахеменидов явилась первым ярким примером культурного синкретизма мирового масштаба, без которого невозможно понять влияние, которое впоследствии приобрел эллинизм. Во время правления Ахеменидов, особенно в пятом веке, научные достижения Вавилон в области астрономии и математики были настолько выдающимися, что их влияние достигло Индии.

Философское и религиозное развитие в шестом веке, в частности, характеризовалось постепенным утверждением новых монотеистических религий, имевших выраженные этические оттенки, которые рассматривали личность как центральную фигуру – придавали ей значение, до того времени неизвестное в традиционных религиозных системах; это можно видеть в Израиле, например у пророков

и в иудаизме после Исхода и в Иране – в реформах Заратуштры. Хотя историческое происхождение зороастризма неясно и, возможно, даже восходит к более раннему периоду, в течение рассматриваемого периода можно видеть распространение зороастризма как религиозного течения, поскольку он находил явное отражение в духе и букве ахеменидских надписей. Сотериология (сотер – спаситель. – *Прим. ред.*) и эсхатология (религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. – *Прим. ред.*) постепенно становились доминирующей формой религиозного мышления, а древние культы медленно трансформировались под влиянием подходов, ориентирующихся на будущее, которые занимали позицию между поклонением звездам и верой, в которой все большее значение приобретала астрология. В последней преобладала концепция универсального порядка, управляющего вечным движением звезд, неизбежным и непреодолимым ходом Времени и Судьбы. Вместе с монотеизмом иудаизма и этического дуализма зороастризма в Западной Азии проходило становление новой формы религии, более синкретической (синкретизм здесь – смещение различных культов и религиозных систем в поздней античности. – *Прим. ред.*) и более сосредоточенной на личностях как активных существах, ответственных за свой моральный и интеллектуальный выбор. Объединенной империи Ахеменидов, подобно более поздней империи Александра, приходилось поддерживать общее смещение к более индивидуализированному и персонализированному религиозному подходу, устраняя религию с политической арены и отдаляя личность от государственной или общественной религиозной практики. Набирал силу более светский подход, нетеократический, менее подчиненный влиянию традиционного духовенства, с более высоко развитым моральным кодексом. Концепция монархии у династии Ахеменидов была многим обязана этому новому подходу, основанному на теории всемирного властителя, земного прототипа всемогущего Бога, создателя небес и земли.

Смещение восточных культур было в дальнейшем усилено контактами с греческой культурой в результате завоевания государства Ахеменидов Александром Македонским (правил в 336–323 гг. до н.э.); при этом горизонты еще более расширились и появились возможности более интенсивных культурных обменов. Период, начинающийся с Александра, называется эпохой эллинизма. В течение этого периода были заложены основания для дальнейшего развития религии, философии, искусства и научной мысли, как видно из последующих успехов математики в Вавилоне, а также в Греции и Индии. Чрезвычайно расширилось знание географии и развилась наука, которую можно назвать энто-антропологией. Наднациональное един-

ство Персидской империи способствовало развитию путешествий и исследований, а также дало сильный толчок развитию торговых связей между Центральной Азией и Индией – с одной стороны, и Средиземноморьем и Египтом – с другой. Прибрежные народы, вроде финикийцев и греков, и те народы, которые контролировали караванные пути от Центральной Азии до Аравийского полуострова, процветали и пробуждались к дальнейшим проявлениям предприимчивости.

С развитием эллинизма усиливались процессы культурного развития, а с ними и обмена достижениями наук, религиозного и философского мышления и искусства. Расселение греческих сообществ на востоке, подтверждаемое рядом важных археологических находок (из которых наибольшее впечатление на ученых произвели находки из Ай-Ханум в Афганистане), было настолько широко-массовым, что оказало сильное влияние на культурное развитие и планирование городов во многих областях, как в Западной Азии, между Сирией и Месопотамией, так и по границам этих областей и даже за их пределами. После смерти Александра последовал период войны между его преемниками. Наиболее важной эллинистической монархией стало государство Селевкидов (помимо Империи Птолемея в Египте. – См. гл. 15), включавшее обширные регионы и множество разных племен на территории между Западной Азией и Индией, и среди них – иранское племя парфян. Парфяне восстали против Селевкидов и в конце III в. до н.э. основали свое собственное царство (карта 32). Особенностью эпохи Селевкидов и парфян было чередование принятия и отвержения эллинизма, которое иногда принимало форму антиэллинистических тенденций, особенно в иудейских и персидских сообществах. Иранская цивилизация, в частности, проявляла необычайную способность к ассимиляции и синтезу культуры и искусства в результате влияния как греков, так и кочевников Центральной Азии. Парфяне показывают пример точно такого же явления: придя в Парфию в III в. до н.э., они вскоре освоили местный язык и обычаи, включая традиции религии, которая была неотъемлемой частью древней Персидской империи. Династия Аршакидов продолжала играть главную роль в истории Иранского государства. Длительный период парфянского правления (со II в. до н.э. до III в. н.э.) был одним из наиболее плодотворных в истории персидской цивилизации, характеризовавшейся замечательным культурным и художественным творчеством и столь же живым интересом к религии. Конфронтация с Римом была прежде всего политической и экономической и наиболее явно отражалась в борьбе за контроль над торговыми путями, соединявшими Китай и Центральную Азию со Средиземноморьем. Эта конфронтация с Римом была фактически лишена идеологического и религиозного содержания, которое в период Сасанидов, по крайней мере в официальной пропаганде, проповедовала новая персидская империя против конкурирующей империи.

В эпоху Сасанидов (226–651 гг. н.э.), которой предстояло сыграть ключевую роль в формировании иранской нации, государство разрывалось между национализмом и универсализмом. С одной стороны, происходило возрождение традиционного, обращенного в прошлое зороастризма, а с другой стороны – подъем манихейства и христианства, особенно до появления несторианства, не говоря уже о разных культурных тенденциях, которым Иран подвергался благодаря влиянию науки и культуры как Греции, так и Индии. Основы монолитной идеологической системы монархии и церкви зороастризма с ее иерархи-

ей наследственного духовенства, аристократической и почти феодальной структурой сасанидского общества, разрушались, особенно между пятыми и шестыми веками, острыми социальными кризисами, которые усиливались военным и политическим давлением не только с запада и юга (со стороны Византии и арабов) но также и с севера и востока (эфталиты, гунны, тюрки).

Развитие религиозного мышления следовало за уже упоминавшейся общей тенденцией. Получили распространение мистические культы, антропософские и эзотерические учения и синкретические проявления, часто основанные на поучительных интерпретациях древних религиозных традиций в рамках соединения верований сирийцев, вавилонян или египтян с греческими верованиями. Традиционные культы больше не отвечали потребностям индивидуального спасения, которому отвечали всеобщие религии. Распространение христианства не только в западной части Римской империи, но и в горах Ирана и далее в Центральной Азии и Индии, а также в Северной и Северо-Восточной Африке, отражало стремление преодолеть ограничения местных или национальных культов. В этом отношении следует также упомянуть распространение в течение первых веков н.э. различных мистических культов, особенно митраизма (древняя религия, основанная на культе Митры. – *Прим. ред.*), некоторых гностических учений и манихейства – универсалистской гностической религии, которая появилась в Месопотамии, откуда она распространилась на территорию двух соперничавших империй – Римской и Персидской, особенно вдоль существовавших тогда торговых путей.

Начиная с третьего века, становление национальных культур стало ключевым элементом упадка культуры классической античности. Региональные сепаратистские движения на обширной территории Римской империи разрушали основы греко-римской культуры, в то время как местные культуры распространялись по всей территории древней империи Александра (и через ее границы на запад). В Египте, Сирии и Иране произошли наибольшие перемены в социальной и интеллектуальной жизни, в ходе которых возникли новые культуры и литературные языки, а также политические идеологии с националистическими уклонами, например в государстве Сасанидов. Христианство также развивалось и распространялось в разных странах Азии, устанавливая собственные формы языка и новых национальных культур, как, например, в Сирии и Армении, а также в Египте. Оно, таким образом, стало определяющим фактором формирования этих культур, которые в условиях недостатка соответствующей политической автономии были неспособны долго противостоять исламскому универсализму. Только иранская культура, которая во время правления Сасанидов привела к созданию сильного националистического государства, пережила арабское нападение и в результате укрепилась, отвергнув зороастризм и сделав большой вклад в исламскую цивилизацию.

Народы на границах сильных государств от Центральной Азии до Аравийского полуострова продолжали испытывать большее или меньшее давление от киммерийцев до скифов и от гуннов до тюрков. Контроль над большими участками главных торговых путей представлял для них один из главных источников власти. Именно в одной из этих пограничных областей в первой половине VII в. н.э. возник вихрь, который вскоре опрокинул традиционный баланс сил в Западной Азии и сделал торговое процветание Мекки основанием для подлинно универсальной империи.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ между 700 и 250 гг. до н.э.

7.1

АССИРИЙЦЫ И ВАВИЛОНЯНЕ

М.А. Дандамаев

Илл. 1

К началу VII в. до н.э. Ассирийская империя охватывала обширные территории, включая и Вавилонию. В истории Вавилонии в то время большую роль играли халдейские племена, которые, начиная с десятого века, постепенно заселили эту страну. Именно им принадлежала инициатива в борьбе за независимость от Ассирии. Их традиционным союзником был Элам, который оказался втянутым в бесконечные войны с ассирийцами. В 692 г. вавилоняне очередной раз поднялись на войну с ассирийцами, предвзвешенно вступив в союз с Эламом, племенами Загроса и арамеями, жившими в Сирии. Однако в крупной битве на местности Халулу на Тигре ни одна из сторон не смогла одержать победы.

В 690 г. ассирийскому царю Синаххерибу (704–681 гг.) удалось осадить Вавилон. В городе начался голод, продукты питания подорожали в 75 раз. Через год Вавилон пал, и Синаххериб учинил в нем жестокую расправу. Город был полностью разрушен, территория его затоплена. Сама Вавилония, которая до этого считалась отдельным подвластным Ассирии царством, была присоединена к Ассирийской державе в качестве рядовой провинции.

В 681 г. царем Ассирии стал Асархаддон, младший сын Синаххериба. Он еще в начале своего правления велел восстановить Вавилон и вернуть туда его уцелевших жителей. Самой крупной военной победой Асархаддона был захват Египта в 671 г., которому однако в 655 г. удалось избавиться от чужеземного господства.

В 672 г., незадолго до своей смерти Асархаддон разделил Ассирийскую державу между своими сыновьями. Старшему сыну Ашшурбанипалу досталась Ассирия, а его брат Шамаш-шум-укин стал править Вавилонией на правах вассального царя. В 652 г. Шамаш-шум-укин, предварительно заключив тайный союз с Египтом, правителями сирийских государств и Эламом, поднял восстание против Ассирии. Но вскоре Ашшурбанипалу путем интриг и дворцового переворота удалось вывести Элам из активной борьбы. Другие союзники вавилонян не смогли оказать им эффективной помощи. Ассирийское войско три года осаждало вавилонские города. Летом 648 г. Вавилон пал, и его последние защитники во главе со своим царем погибли. После этого, в 646 г., Ашшурбанипал нанес сокрушительное поражение Эламу и захватил его столицу Сузы.

В начале 626 г. в Вавилонии вспыхнуло новое восстание против ассирийского господства, которое возглавил

халдейский вождь Набопаласар. Он сразу восстановил традиционный союз Вавилонии с Эламом. Однако еще предстояла долгая борьба и лишь через десять лет была очищена вся территория Вавилонии от ассирийцев. В 614 г. на помощь вавилонянам пришли мидийцы, которые захватили Ашшур, древнюю столицу Ассирии. Затем мидийцы и вавилоняне заключили между собой союз, закрепив его династическим браком между Навуходоносором, сыном Набопаласара, и Амитидой, дочерью мидийского царя Киаксара. В августе 612 г. мидийцы и вавилоняне захватили крупнейший город Ассирии Ниневию. Однако части ассирийского войска удалось пробиться в Верхнюю Месопотамию, где оно продолжало сопротивление. В 609 г. вавилоняне полностью разгромили ассирийцев и начали готовиться к установлению своего контроля над Финикией, Сирией и Палестиной. Но на господство в этих странах претендовал также египетский фараон Нехо II. Таким образом, во всей Западной Азии остались три могущественных государства: Мидия, Вавилония и Египет.

Весной 605 г. вавилонское войско двинулось к городу Каркемишу на Евфрате (к западу от Месопотамии), где был размещен сильный египетский гарнизон. В результате жестокой битвы египтяне были разгромлены и после этого Сирия и Палестина подчинились вавилонянам. Несколько позднее были покорены и финикийские города.

В августе 605 г. Набопаласар умер, и престол перешел к его сыну Навуходоносору II. В 597 г. он осадил Иерусалим, столицу Иудеи, которая незадолго до этого отпала от Вавилонии, и захватил его. На престол в Иерусалиме вместо прежнего царя Иоакима был посажен Седекия (Цидкия). Вскоре египетский фараон Априй захватил финикийские города Газа, Тир, Сидон, а также убедил Седекию поднять восстание против Вавилонии. Навуходоносор решительными действиями оттеснил египетское войско к прежней границе и в 587 г., захватил Иерусалим после продолжительной осады, увел в плен в Вавилонию иерусалимскую знать во главе с Седекией и много тысяч ремесленников.

При Навуходоносоре Вавилония превратилась в процветающую страну. Это было временем ее экономического и культурного возрождения. В Вавилоне было завершено сооружение семиэтажного зиккурата, названного в Библии Вавилонской башней. В городе были разбиты знаменитые висячие сады, которые покоились на высоких каменных стенах, державших грунт и экзотические деревья.

В 562 г. Навуходоносор умер. В течение следующих двадцати лет на престоле сменилось три царя. Наконец, в 556 г. трон достался Набониду. Вскоре он провел религиозную реформу, всячески отдавая предпочтение культу бога Луны Сина. По своей символике и формам поклонения это был арамейский культ. По-видимому, Набонид стремился объединить вокруг себя многочисленные арамейские племена. Однако такая религиозная реформа привела Набонида к конфликту со жречеством древних городов Вавилонии.

Набонид покорил область Тайма в северной части Центральной Аравии и установил контроль над караванными дорогами по пустыне через оазис Тайма в Египет. Затем он перенес в Тайму свою резиденцию, поручив управление в Вавилонии своему сыну Валтасару.

Пока Набонид был занят активной внешней политикой на западе своей империи, у восточных границ Вавилонии появился могущественный противник. Это был персидский царь Кир II. Набонид после десятилетнего пребывания в Тайме вернулся в Вавилон и приступил к организации обороны своей страны. Но в 539 г. до н.э. Вавилония была покорена персами и навсегда потеряла независимость.

В первом тысячелетии до н.э. ведущая роль в экономике Месопотамии принадлежала частновладельческим и храмовым хозяйствам, а царское хозяйство, в отличие от более ранних периодов истории Месопотамии, не играло значительной роли в масштабе страны.

Основной отраслью производства по-прежнему оставалось сельское хозяйство. Значительная часть обрабатываемой земли принадлежала храмам, членам царской семьи и богатым частным лицам. Мелкие землевладельцы обычно владели участками земли от трети гектара до нескольких гектаров. Земля стоила дорого, и поэтому было выгоднее заниматься садоводством. Земледелие базировалось на искусственном орошении. В стране было много каналов, которые принадлежали государству и храмам и водой из которых за плату могли пользоваться все земледельцы и арендаторы. Мелкие землевладельцы обрабатывали свои участки силами своей семьи, а крупные сдавали землю полностью или большей частью в аренду.

Ремесленники (ткачи, кузнецы, плотники, медники, ювелиры, пекари и др.) продавали свои изделия на рынке, но чаще они заключали с заказчиками контракты на поставку различных предметов за определенную плату.

Общество состояло из полноправных граждан, различных групп зависимого (или полусвободного) населения и, наконец, рабов. Полноправные граждане являлись членами народного собрания того или иного города и обладали судебной властью в решении семейных и имущественных тяжб, принимали участие в культовых обрядах в местных храмах и имели право на получение определенной доли из храмовых доходов. К числу полноправных граждан относились государственные чиновники, жрецы, писцы, землевладельцы и свободные ремесленники, и их юридический статус был наследственным.

Зависимые слои населения состояли из различных групп земледельцев, работавших из поколения в поколение на земле, принадлежавшей государству, храмам и частным лицам. Такие земледельцы юридически не считались рабами и их нельзя было продавать. Рабов в количественном отношении было гораздо меньше, чем свободных. Основой сельского хозяйства был труд свободных земледельцев и арендаторов, в ремесле также преобладал труд свободных ремесленников, занятия которых наследовались в семье.

Вавилония играла роль посредника в торговле между финикийско-палестинским миром и странами к югу и востоку от Месопотамии. Особенно оживленной была торговля Вавилонии с Египтом, Сирией, Эламом и Анатолией, где вавилонские купцы покупали железо, медь, олово,

строительный лес, вино и т.д. Вавилонские города стали крупными центрами по изготовлению шерстяной одежды, которая пользовалась большим спросом в соседних странах. Велико было значение влиятельных деловых домов во внутренней и международной торговле. Наиболее древним из них был дом Эгиби, резиденция которого была расположена в Вавилоне. Он функционировал с конца восьмого до начала V в. до н.э., выступая кредитором, принимая на хранение вклады и выполняя другие банковские операции, финансируя и основывая коммерческие предприятия и посылая своих торговых агентов в другие страны.

Основным материалом для письма в Месопотамии оставалась глина, но в I тысячелетии до н.э. вавилоняне и ассирийцы стали использовать для письма также кожу и ввозимый папирус. В это же время в Месопотамии стали пользоваться также длинными дощечками из дерева, покрытыми тонким слоем воска, на которые наносили клинописные знаки.

Одним из крупных достижений культуры Месопотамии было создание библиотек. Самой знаменитой среди них была библиотека Ашшурбанипала, собранная в его дворце в Ниневии. Для нее по всей Месопотамии писцы снимали копии с глиняных книг или собирали сами книги. В этой библиотеке хранились царские летописи, хроники важнейших исторических событий, сборники законов, литературные произведения и научные тексты. Всего в ней хранилось около 30 тыс. клинописных табличек.

Вместе с тем библиотека Ашшурбанипала была первой в мире систематически подобранной библиотекой, где глиняные книги были размещены в определенном порядке. Большие тексты, продолжавшиеся на многих табличках одинакового формата, занимали значительное место в библиотеке. Некоторые такие тексты включали до сорока а иногда даже до ста табличек. Составление этих серий диктовалось необходимостью собрать в одном месте всю доступную информацию по тому или иному вопросу. На каждой табличке стоял номер «страницы», чтобы по использованию ее можно было вернуть на место. Заглавием серии служили начальные слова ее первой таблички. Литературные тексты сопровождалась колофонами, которые соответствуют титульным листам современных книг. Поиск нужного произведения облегчали этикетки, привязанные бечевками к табличкам и указывающие на название серий и количество табличек в каждой серии. Эти этикетки были своего рода каталогами.

Большую художественную ценность имеют ассирийские летописи, написанные ритмической прозой и содержащие, в частности, яркое описание природы чужеземных стран, через которые проходили ассирийские воины. Самым знаменитым ассирийским литературным произведением была повесть о премудром писце и советнике ассирийских царей Ахикаре. Текст ее еще в древности был переведен на греческий, сирийский, армянский и другие языки. В наиболее полном виде до наших дней сохранились различные ее версии на арамейском языке.

Вавилоняне в течение длительного времени собирали и записывали результаты наблюдений за Солнцем, Луной, расположением различных планет и звезд. В частности, астрономы отмечали положение Луны по отношению к планетам и постепенно установили периодичность движения небесных светил, видимых простым глазом. В процессе таких многовековых наблюдений возникла вавилонская математическая астрономия. Самый творческий период ее падает на V в. до н.э., когда жили великие астрономы Набуриан и Кидинну. Первый из них разработал систему определения лунных фаз, а второй установил продолжительность солнечного года.

Особо ярко месопотамское искусство выразилось в ассирийских рельефах восьмого и седьмого веков, кото-

рые изображали походы на вражескую территорию, захват городов и крепостей, а также охотничьи сцены. Мастера, создававшие эти рельефы, полностью отошли от древних традиций статичного изображения людей и животных, одновременно доводя до совершенства жанровые сцены и обогащая их пейзажными картинками.

Сирия, Финикия и Палестина на протяжении всей древней истории оставались периферией месопотамской и египетской цивилизаций. Финикийские города были крупными ремесленными центрами, где, в частности, изготавливали стеклянные сосуды, рассчитанные на вывоз. Большой славой пользовались и финикийские шерстяные и льняные ткани, окрашенные пурпурной краской. Кроме того, финикийцы занимались транзитной торговлей.

Еще в конце XIII в. до н.э. арамейские племена создали в Западной Сирии множество мелких княжеств. К VII в. до н.э. вся Сирия уже говорила по-арамейски, и этот язык превратился в язык международной дипломатии и торговли всей Западной Азии.

Обширная литература евреев сохранилась до наших дней в Библии, содержащей, наряду со сборниками исторических хроник и законов, мифы, проповеди пророков, псалмы, поговорки, лирические произведения и т.д.

В середине I тысячелетия до н.э. города Южной Аравии стали играть большую роль в международной торговле пряностями и драгоценными камнями, которые доставлялись по морю из Индии и с побережья Африки, соответствующего современному Сомали.

В начале седьмого века до н.э. Фригийское царство, существовавшее в Малой Азии, было разрушено киммерийцами, вторгшимися с берегов Северного Причерноморья. В первой половине седьмого века в северо-западной части Малой Азии возникло новое государство – Лидийское царство. Около 654 г. киммерийцы захватили столицу Лидии Сарды. Но приблизительно в 639 г. скифы вторглись в Каппадокию, расположенную в восточной части Малой Азии, и нанесли там поражение киммерийцам. После этого снова возродилась Лидия, которая при царе Крёзе (562–547 гг.) превратилась в крупное царство, включавшее всю западную и центральную части Малой Азии.

Рис. 1. Всадник из Эребуни (рис. Аракеяна)

На Кавказе в VI–V вв. до н.э. начала складываться городская цивилизация. Одним из таких центров городской жизни был Мцхета в Восточной Грузии. Этот период совпал с подъемом Колхиды, области на восточном побережье Черного моря. Основой этого расцвета были разнообразные ремесла и торговля. Для колхидских ремесленников было характерно умение в одинаковой мере использовать как местные, так и греческие художественные традиции.

ИРАНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ

Герардо Ньюли

Илл. 2

В начале VII в. до н.э. приобрела широкие масштабы этно-лингвистическая иранизация высокогорных плато, хотя это явление было менее выражено в пограничных районах, особенно на западе, где все еще оставались предки индоевропейских слоев населения, которые постепенно отодвигались на политическую обочину. Это происходило, например, в горной области Загрос на юго-западе Иранского нагорья, от Урарту до Элама. Народы, говорившие на иранских языках жили на многих территориях по обе стороны от центральных солончаковых областей Кевир и Лют.

Местные исторические данные немногочисленны и не согласованы, и их иногда трудно использовать из-за нерешенных хронологических проблем документации эпохи древнего Ирана (т.е. до III в. до н.э.). Они предполагают наличие довольно компактного этно-лингвистического положения в восточных областях, где возникла религиозная традиция зороастризма, но более сложных и неоднозначных состояний в западных областях, где надписи царей династии Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) и другой эпиграфический материал дают наглядные свидетельства лингвистического плюрализма. Исторические исследования явно показали, отчасти в отношении названий мест и личностей, найденных в ассирийских летописях, что в словаре более старых частей собрания священных книг зороастризма, Авесты, отсутствуют свидетельства неиранских лексикологических основ. С другой стороны, в лингвистических материалах, происходящих из западных регионов этого нагорья, даже после VII в. до н.э. явно видны признаки лингвистического плюрализма.

К началу VII в. до н.э. множество иранских народностей, составивших различные племена, уже стали оседлыми: мидяне на востоке северных хребтов Загроса, персы в области Фарс (Парса) на юге Ирана, парфяне на восточном побережье Каспийского моря, бактрийцы на севере горной цепи Гиндукуш, согдийцы в бассейне реки Зерафшан, дрангиане на юге Гиндукуша в бассейне реки Гильманд, аракозийцы на востоке области Дрангиана и многие другие, вроде хорезмийцев, которые к этому времени, вероятно, уже осели к югу от Аральского моря. Названия этих племен известны главным образом благодаря ономастике надписей Ахеменидов и из неиранских, месопотамских и греческих источников. Фрагменты исторической географии, обнаруживаемые в Авесте, дают не во всем согласующиеся данные, которые к тому же всегда относятся к восточным регионам этого высокогорного плато.

Возможно, что к VII в. правящие элиты Ирана уже приобрели то, что можно было бы определить как национальное самосознание (например, принадлежность к мидянам или персам), сделав соответствующую поправку на рассматриваемый период, и к тому же осознание принадлежности к наднациональному иранскому или «арийскому» сообществу. Ахемениды гордились

ощущением такой принадлежности, но оно не имело никакого реального политического значения; значение его было лишь этническим и культурным, лингвистическим и религиозным. Оно было основой престижа, хотя и в разнородной и сложной этнической ситуации. Разные факторы позволяют предположить, что обширный феномен «арианизации» сформировался, по-видимому, в VII в. или не позднее VI в. до н.э. Происхождение этого явления, по всей вероятности, может быть прослежено до восточных областей этого высокогорного плато. Поколения последователей зороастризма продолжали считать основанную Заратуштрой новую религию идеологическим наследием иранских народов, которые называли себя арийцами.

К седьмому веку мидяне и персы уже достигли большего или меньшего политического превосходства над неиранскими народами, с которыми они находились в контакте, включая урартов на западе, в районе оз. Ван в Восточной Турции, маннаитов к юго-востоку от озера Урмия в иранском Азербайджане и эламитов в Хузистане и Фарсе. Это превосходство стало результатом совпадения нескольких разных факторов.

Занимаясь преимущественно сельским хозяйством и скотоводством, иранские народы постепенно брали верх, занимаясь все новыми видами животноводства. Наряду с традиционным содержанием крупного рогатого скота в дельтах рек или орошаемых областях, а также коз и овец в полусухих зонах, они начали разводить лошадей, особенно на севере области Загрос и в Мидии, а также двугорбых бактрийских верблюдов. Лошади и верблюды значительно увеличивали их военную мощь, способность участвовать в торговле и в целом их мобильность. Достижением сельского хозяйства явились широко распространенные методы ирригации, с использованием подземных каналов («канат» – в Иране и «карез» – в Афганистане и Центральной Азии), которые позволяли лучше использовать почвы и земли, ранее не обрабатываемые. Наконец, распространявшееся по всему высокогорному плато политическое и военное господство иранских народов облегчалось экономическими и техническими факторами, а также структурой общества, в которое входили специфические наследственные социальные группы (жрецы, воины, скотоводы/крестьяне), что увеличивало уровень специализации и повышало эффективность возникавших государственных институтов.

МИДЯНЕ

В первой половине VII в., мидяне, которые, согласно Геродоту (I, 101), были разделены на шесть племен, образовали государственную структуру, объединившую их в своего рода союз племен. До периода правления ассирийского царя Асархаддона (правил в 681–669 гг. до н.э.), ми-

дийская «твердыня» все еще казалась «удаленной» и поделенной между несколькими правителями. Археологические исследования пока не смогли предоставить достаточную информацию для исторической реконструкции. Поселения вроде Наш-и-Ян-Тепе вблизи современного Малайера на юге области Хамадан, Баба-Ян-Тепе около Харсина на западе и Гудин-Тепе около Кангавара не позволяют выявить типичные черты культуры Мидии. Все имеющиеся свидетельства указывают на распространение ирано-месопотамской разновидности языка койне, находившегося под влиянием языков более северных культур, например культур Урарту и скифов центральноазиатского происхождения. Хотя ассирийские завоевания не продвинулись далее гор Алванд к западу от города Хамадана (древняя Экбатана, столица Мидии), все же сильное ассирийское влияние, особенно в сфере налогов и управления, ощущалось по всему Западному Ирану начиная с правления Салманасара III (858–824 гг. до н.э.) и до Саргона II (721–705 гг.) и Синаххериба (704–681 гг.).

Другие исторические источники лишь частично помогают реконструкции надежной хронологии. Труды Геродота (I, 96ff) и ассирийские источники трудно сопоставить. Денио (*Deiokes*) не кажется идентичным человеку по имени Даиаку (*Daiakku* – на иранском), упоминаемому в ассирийских летописях, который был принцем и в 715 г. взят в плен Саргоном II, в то время как Фраорт (*Pbraortes*), вероятно, соответствует ассирийскому Хшатрите (*Kshathrita*), который приблизительно в 670 г. или в середине VII в. до н.э. действительно был основателем сильной Мидии.

За периодом правления Хшатриты последовал мрачный период, характеризовавшийся, согласно Геродоту (I, 106), правлением в течение 28 лет скифов, которые пришли с севера. Власть мидян была восстановлена Киаксаром, правившим, согласно Геродоту (I, 106), в течение сорока лет (ок. 624–585). Этот период включает и годы гегемонии скифов. Увахшатра (Киаксар) укрепил армию, создав в ней рода войск и введя всеобщую воинскую повинность, в то время как государства Урарту, Элам и царство маннаитов приходили в упадок или распались под ударами ассирийского царя Ашшурбанипала (668–631), который распространил свою власть на весь регион, располагавшийся к северу и к востоку от его империи. Подчинив живших на юге персов, Киаксар обратился против ассирийцев, которые в то время подвергались сильному военному давлению вавилонян во главе с Набопаласаром (626–605). В 615 г. Киаксар занял Аррафу, ныне известную как Киркук. В 614 г. он взял штурмом Ашшур в среднем течении реки Тигр, а в 612 г. в союзе с Набопаласаром он захватил Ниневию и в 610 г. – Харран. К 600 г. под его властью находились обширные территории Иранского нагорья. Мидяне подчинили персидского царя Камбиса I, сына Кира I, и распространили свое господство на восточные иранские народы от Бактрии до Сейстана (Систан – пустынная равнина в Иране и Афганистане. – *Прим. ред.*). Вскоре после этого, около 590 г., под власть мидян подпала и Армения и они напали на Лидийское царство, но их наступление в 585 г. до н.э. было остановлено на реке Галис (Геродот I, 72, 74), ныне известной как Кызыл-Ирмак, благодаря посредничеству кикийцев и вавилонян.

После крушения Ассирийской империи и смерти Киаксара система политических союзов укрепилась торговыми договорами и брачными союзами между царствами Вавилона, Киликии, Египта, Лидии и Мидии. Во время правления его сына Астиага (585–550), наступил конец мидийскому экспансионизму, после чего государство пришло в упадок. В новом государстве, которое было очень неоднородным и недостаточно сплоченным, превосходство мидийской династии постепенно ослаблялось, а затем было и вовсе сломлено восстанием персов во главе с сыном Камбиса I Кира II Великого.

Кир II был сыном Камбиса I, короля Персии (Парсы, т.е. страны персов – *Прим. ред.*), входившей в состав Мидии (600–559), который, в свою очередь, был сыном Кира I, царя Персии, первого правителя из династии, который упоминается в 640 г. ассирийскими источниками времен правления Ашшурбанипала. До Кира I встречаются ссылки на Теисы (*Cišpi*) и Ахемена, основателя и одноименного героя династии Ахеменидов, который, если его существование было историческим фактом, должен был жить в конце VIII и в первой четверти VII в. Известны также имена Арнарамна и Арсама, которые, вероятно, были малозначительными правителями среди персидских предков Дария I, сына Гистаспа. Первые Ахемениды получили большую автономию после разгрома Ашшурбанипалом (646) государства Элам, которое, тем не менее, играло важную роль в поддержке развития персов. Они продолжали тяготеть к главным силам региона, т.е. к Ассирии и Мидии.

Кир II (правил в 558–530 гг. до н.э.), который традиционно считается племянником Астиага по матери, стал королем персидских племен (позже он распространил свою власть на другие оседлые и полукочевые племена), укрепившись в крепости Пасаргады. Затем в 553 г. он восстал против Астиага, которого победил отчасти благодаря предательству лидеров племенной аристократии мидян. Вавилонские хроники, видимо, считали, что его победа стала окончательной в 550 г. Экбатана, столица мидян, стала одной из резиденций Ахеменидов, подобно Пасаргаде и позднее Сузам и Персеполу. Астиаг был пощажён, и Кир представил себя мидянам как их законный правитель, приняв их царственный титул «Великий царь, царь царей, царь земель» и женившись на дочери свергнутого монарха.

В это время продолжалось расширение персидской державы: в 547 г. была завоевана Лидия и свергнут царь Крез (который также был пощажён), затем была подчинена вся Малая Азия с ее многочисленными греческими колониями, на которые была наложена более тяжелая дань, чем ранее бралась с лидийцев. Затем последовало завоевание центральных и восточных регионов Иранского нагорья и западных частей Центральной Азии до границ Пакистана и Северо-Западной Индии (545–540 гг. до н.э.). И, наконец, произошло столкновение Кира II с вавилонским царем халдейской династии Набу-наидом (Набонидом) и триумфальный вход в Вавилон (539), где его приветствовали как освободителя могущественные жрецы: бога Мардука – покровителя города. Объединение вавилонского царства с его собственными владениями было апогеем успеха Кира II. В результате мирного перехода власти Кир унаследовал от халдейской династии территории от Западной Азии до границ Египта и отчасти Аравийского полуострова.

В этих событиях Кир продемонстрировал большой политический талант. Он представился вавилонянам как законный правитель, который пришел восстановить их религиозные традиции и защитить угнетенных. Он вернул свободу иудеям, которые в 587 г. были переселены в Вавилон («вавилонское пленение») царем Вавилонии Навуходоносором. Другие народы, и ранее связанные со старым Вавилонским царством, с легкостью признали его власть. К ним относились арамейцы и финикийцы, ценившие единство новой империи, в котором они видели гарантию расширения и укрепления торговли. История Кира II показала, что милосердие к побежденному (Набонид был также пощажён) и широкое согласие, основанное на уважении местных обычаев и интересов, можно было создать огромное и сложное политическое образование, которое простиралось от Инда до Средиземноморья и являлось самой большой из всех известных империй.

Кир умер в конце 530 г. до н.э. во время военного похода в Среднюю Азию против кочевников-массагетов, которые совершали набеги на северо-восточные границы им-

перии. Его тело было доставлено в Персию и похоронено в каменной гробнице, которая до сих пор сохранилась в городе Пасаргады. Вавилоняне считали его освободителем, как и греки и евреи: первые считали его идеальным монархом, а вторые – мессией.

Политический и военный успехи Ирана сопровождались распространением религиозной доктрины, влияние которой благодаря некоторым характерным аспектам, таким как дуализм, эсхатология, сотериология, распространилось далеко за пределы исторических и культурных границ иранской культуры.

Самая старая иранская религия имела много общего с индийской ведической религией: многобожие, монополизированные особыми категориями жрецов, различавшимися литургическими функциями и ролями, которые были отражены и в «недавней» «Авесте», и в классических источниках. Таким, по крайней мере, представляются заключения, сделанные на основании исторических данных.

В промежутке между началом I тысячелетия и VII в. до н.э. появилась яркая религиозная личность, которая вызвала радикальную реформу в восточном Иране или, точнее, провозгласила новую доктрину, основанную на глубоко дуалистической концепции, которая всегда оставалась типичной чертой иранской религиозной мысли. Независимо от того, рассматривалось ли послание Заратуштры как протест против монотеизма, который был неспособен объяснить смерть, страдания и несправедливость, или интерпретировалось как первоначальная религиозная концепция, включавшая в себя связь между монотеизмом и дуализмом, новая доктрина зороастризма (названная по имени самого ее пророка) или маздакизма (названная по имени верховного божества Ахурамазды) имела дело с проблемой зла, которое причиняет страдания, и с необходимостью отстаивать права на внутреннюю веру, основанную на твердой этической системе.

Зороастризм имел философский оттенок и содержал обещание спасения для тех, кто достиг высокой морали и был тверд в защите Правды (*Аса*, или *Арта*) от нападений духа зла (*Анхро Майнью*) и лжи (*Друи*, или *Драуга*). Он стал воинствующей религией, проповедуемой с миссионерским рвением. Монотеистическая тенденция и концепция последнего суда, когда добро будет отделено от зла, определенно указывали на связь Зороастризма с религией Израиля.

Ряд ипостасей, объединявших божественные признаки и человеческие свойства, абстрактные концепции, отражавшие по аналогии предметы материального мира, составляли для Заратуштры проявления Ахурамазды, который был верховным Богом-Творцом: Правильным мышлением (*Воху Манаш*), Правдой, Властью (*Ксатра*), Преданностью (*Арматити*), Цельностью (*Хаурватат*) и Бессмертием (*Амаратат*). Священные жертвоприношения скота и использование опьяняющих напитков в ритуалах были объявлены пророком вне закона. Однако позднее они вновь вошли в практику, но в такой форме, которая в меньшей степени противоречила новой этике соблюдения правил доктрины новой религии. Под влиянием групп профессиональных жрецов из Восточного и Западного Ирана (*магов*, которые, согласно Геродоту, принадлежали к одному из семи племен мидян: I, 101, 132), новая религия перешла к стадии теологического переопределения и литургического обновления. Так возник новый маздакизм, заметно ослабленный из-за преобразования его первоначального дуализма, из-за возрождения культа старых божеств и возобновления традиционных жертвоприношений.

Цивилизация Месопотамии оказывала сильное влияние на мидян и персов, даже в период перед завоеванием Вавилона в 539 г. до н.э., отчасти при посредничестве народов, которые оставались на периферии иранской культуры, вроде эламитов – населения Элама, жившего среди

персов. Завоевание Вавилона, естественно, усилило это влияние во многих областях: в искусстве, науке, религии, в концепции роли правителя, управлении, экономике и общественной организации.

Следы влияния Месопотамии на иранское искусство видны и в монументальном искусстве, и скульптуре, несмотря на то что оно испытало сильное египетское и греческое влияние, и, еще ранее, особенно в VII и VI вв., влияние эламитов, урартрийцев и скифов (особенно в искусстве миниатюр). Разные провинции империи также внесли большой и разнообразный вклад в использование материалов. В частности, при возведении огромных дворцовых зданий в Персеполе использовалось сырье и мастерство ремесленников со всех частей света, применявших свое искусство к этим необычным ресурсам. Все эти факторы способствовали усилению Персидской державы и подтверждению концепции мира, объединенного этой новой империей.

В результате контактов сначала с Месопотамией, а затем с греками в эпоху Ахеменидов по всем территориям иранской культуры распространялись знания астрономии и математики вместе с астрологическими верованиями. Тот факт, что вавилонские понятия о линейных функциях и о циферблате солнечных часов в конце V или в начале IV в. достигли Индии, доказывает, что они, видимо, были известны в Иране эпохи Ахеменидов. Распространение вавилонской математической астрономии в Иране, вероятно, основано на возникновении иранских наименований планет с божественными именами (за исключением Сатурна), распространение же месопотамских и греческих астрологических верований, видимо, вело к последующей демонизации планет, в отличие от неподвижных звезд, что дало новый импульс длительному спору о неподвижных и падающих звездах, характерному для наиболее древних иранских понятий.

Календарь также имел признаки влияния вавилонской лунно-солнечной системы счисления. Календарь этого типа, вероятно после ряда реформ, использовался правителями Ахеменидов до конца V в. Он, однако, был не единственным календарем, что подтверждается введением около 441 г. зороастрийского календаря с годом из 365 дней (возможно, находившегося под влиянием египетской модели) с одним дополнительным месяцем раз в 120 лет.

Синкретические тенденции, которые в дальнейшем были более типичны для эллинистической эпохи, развились уже в период Ахеменидов и вызвали другие глубокие преобразования иранской религиозной мысли, что показывает «ассирийские» и «арабские» влияния на культ великой богини Анахит (Анаит) – Афродиты персов (Геродот I, 131), или западноазиатское влияние на религию, которая первоначально была неиконической, но в конечном счете воплотила иконографические мотивы, воспринятые от более древних традиций. Наконец, синкретизм и эклектизм были поддержаны диаспорой магов в западных регионах империи – в Месопотамии, Сирии и Малой Азии. На этих территориях местные мидийские жрецы, которые у персов также стали «профессиональными святыми», создали новые концепции, которые, вероятно, лежали в основе таинств Митры в конце эллинистической и римской эпохи.

Месопотамское влияние присутствует также в концепции царской власти в единой державе Ахеменидов. Понятие о монархе, назначенном высшим божеством, которое постоянно встречается в царских текстах, вместе с его легитимизацией в соответствии с местными традициями в разных странах империи, отражает влияние на персов тысячелетних монархических традиций Вавилона и Западной Азии.

Сын Кира II Камбис II, царь персов (530–522 гг. до н.э.) был при Кире II соправителем Вавилона и от него унаследовал экспансионистскую политику. После политической

изоляции фараона Псамметиха III он вторгся в Египет и завоевал его в 525 г. после победы при Пелуссии, ныне Порт-Саид. Из Египта он попытался распространить свое влияние на Ливию и Нубию. Камбис II умер в 522 г. на обратном пути в Персию после того, как узнал об успешном перевороте, организованном против него его братом Смердисом (*Бардийя*) или кем-то, выдававшим себя за него. Этот эпизод, вероятно, уцелел от цензуры централизованной царской власти.

Дарий I, происходивший из династии Ахеменидов, сумел в 522 г. провозгласить себя новым монархом, восстав против самозванного правителя, взявшего власть в Персии, обвинив его в узурпации. Он утверждал, что этот человек не был сыном Кира, а магом и самозванцем по имени Гаумата.

Дарий правил в течение 36 лет (522–486 гг. до н.э.) и умер в возрасте 64 лет после укрепления и расширения империи. После разгрома «узурпатора» и подавления многих волнений, которые вспыхивали в разных провинциях между 522 и 520 годами (эти события описаны на трех языках – эламском, вавилонском и персидском в надписи на Бехистунской скале на главном пути из Хамадана в Керманшах). Дарий пошел против племен Сака (519), достиг Египта, укрепив этот персидский доминион (518), завоевал область Инда в районе современного Пакистана (517), переправился во Фракию, послал армию против Македонии и столкнулся со скифами на побережье Черного моря (516–512). К концу VI в., империя достигла наибольших размеров. Впоследствии Дарий подавил восстание греков в Малой Азии (499–493 гг. до н.э.), которое произошло после драматического эпизода неудачного похода против афинян (которые поддерживали мятежных ионийцев), закончившегося в 490 г. поражением при Марфоне.

Дарий I сыграл особенно важную роль в организации новой государственной структуры. Он осуществил важные административные и финансовые реформы, которые способствовали организации устойчивой системы управления и контроля на побежденных территориях, созданию новых основ налоговой системы и укрепления армии. Меры, введенные Дарием, с небольшими изменениями оставались в действии в течение всего времени существования империи и незначительно изменили политические основы, изготовленные еще при Кире. Каждая провинция сохранила свои собственные законы и традиции, собственную денежную систему (если таковая имела) и систему мер и весов.

Империя была разделена на более чем 20 административных единиц или «сатрапий» (от слова «сатрап», означающего «хранитель царства»): в тексте на Бехистунской скале перечисляется 23 сатрапии, а Геродот упоминает 20. Эти источники, к которым следует добавить и другие царские тексты, отражают, вероятно, положение, которое в определенной степени различалось в разные периоды. Каждый район, управлявшийся сатрапом, который во времена Дария имел скорее гражданские, чем военные обязанности, должен был платить царской администрации налог в виде дани серебром или деньгами. Деньги, уже введенные лидийцами, не были широко распространены, за исключением Малой Азии; преобладали натуральный обмен и уплата дани натурой или необработанными драгоценными металлами. Золотые монеты дарик чеканились только царем, в то время как сатрапы имели право чеканить серебряные монеты. В обращении были и другие местные деньги, особенно в финикийских городах, вдобавок, конечно, к греческим деньгам.

Налоги рассчитывались исходя из экономических возможностей каждой страны и выплачивались серебром. Кроме того, существовали обязательные «подарки» – дань, которая использовалась для обслуживания, в частности огромного административного аппарата царя. Эти подарки могли включать лошадей, евнухов и наложниц. Казна-

чество Персеполя, обстоятельные официальные документы которого сохранились до настоящего времени, было внушительным сооружением, состоявшим из 110 комнат и наполненным разнообразными товарами, подступившими в виде дани или военных трофеев. Это здание было закончено во время правления Дария I в 492 г. Известно также о существовании других казначейств в разных частях империи, например в Пасаргаде, Экбатане, Сузах, Вавилоне и Мемфисе.

Царская власть основывалась на прямом подчинении монарху его военных лидеров и армии, а также на системе обширного и хорошо организованного полицейского контроля с большим количеством специальных агентов, которые были «глазами» и «ушами» царя. Армия состояла прежде всего из персов, мидян, бактрийцев и саков. Персы особенно хорошо владели луками и пиками; другие были искусными наездниками. Вооружение было не таким тяжелым, как у греческих гоплитов, но, прежде всего, превосходило по качеству вооружение других азиатских народов, как в техническом, так и тактическом отношении при использовании «скифских» стрел и конницы. Элитный корпус состоял из 10 000 «бессмертных», о которых писал Геродот (VII, 83), а оперативные подразделения состояли из более мелких подразделений, кратных десяти. Флот был не иранским, а финикийским, кипрским и египетским. Обычным вскоре стало использование греческих наемников, которым платили золотом и серебром.

Объединение столь многих частей известного мира под единой политической властью во многом способствовало торговле как по наземным, так и по морским путям. Финикийские торговцы, в частности, и многие важные финансовые дома, вроде домов Эгиби из Вавилона или Мурашу из Ниппура, извлекали из этого значительную выгоду. Были открыты новые дороги, караванные и морские пути. Был построен канал, соединявший Нил с Красным морем. Торговля, специализировавшаяся на товарах и предметах роскоши, и многочисленные караваны в конце концов связали через Иранское нагорье Центральную Азию и Индию со Средиземноморьем. «Царский путь» со 111 постоялыми дворами, протянувшийся примерно на 2470 км, связывал Сузы с городом Сарды в Лидии. Новые пути позволили также организовать эффективную почтовую службу. Морские исследования, вроде путешествий, предпринимавшихся в 518 г. от имени Дария Скилаксом из Кариянды между Индом и Красным морем, были явно нацелены на открытие новых маршрутов для мореплавания.

Основой производства являлось сельское хозяйство. Земля принадлежала частично царю, а частично – членам царской семьи и представителям высшей персидской аристократии. В действительности эта собственность принадлежала только царю, так как правитель был по определению господином всех своих подданных, которые считали себя его рабами. На практике же землю продавали, дарили и принимали в залог. Царскими также считались земли свергнутых правителей или земли, которые ранее принадлежали мятежным народам. В разных частях империи храмовые сообщества имели обширные земельные владения. Последние, как, разумеется, и царские земли, обрабатывались смешанной рабочей силой, состоявшей из рабов и из полусвободных или свободных работников, которые временно набирались для этой цели. Рабы, которыми были в основном военнопленные, не представляли большую часть рабочей силы. Большинство составляли свободные или полусвободные работники как на землях, так и в мастерских ремесленников, находившихся под властью царя. Работники, которые служили царю, оплачивались намного лучше, чем в других местах.

Политическая и административная система империи показала удивительную способность к адаптации к местным традициям и сумела объединить многогранную действительность с многочисленными различиями между низмен-

ностями и нагорьем, отдаленными и центральными территориями, изменявшимися от высоко урбанизированных и до едва обжитых мест с оседлыми и кочевыми народами, народами, подчиненными центральной власти и другими народами, постоянно восстающими против нее, которые объединялись в банды вдали от главных административных и культурных центров. Единой мощной объединяющей силой было использование в управлении арамейского языка официального, единого для всей державы, который имел письменный алфавит примерно из двадцати букв и использовал рукописный шрифт, удобный в использовании, в отличие от эпиграфического клинописного письма. Буквы алфавита писались на более легких, чем камень и металл, материалах, вроде кожи и пергамента. Арамейский язык оказал сильное влияние на лингвистическую эволюцию письменной формы иранского языка, распространившегося по территориям, которые до недавнего времени придерживались устных традиций.

ОТ КСЕРКСА I ДО АЛЕКСАНДРА

Сын Дария Ксеркс (*Ксайярсан*) I (486–465 гг. до н.э.) подавил восстание в Египте и Вавилоне (484–483). В 480 г. его войска вторглись в Грецию. После победы греков при Фермопилах персы потерпели поражение на море при острове Саламин и затем в 479 г. на суше при Платеях и у мыса Микале возле Милета в Малой Азии. Греки снова одержали двойную победу в морском и сухопутном сражениях в устье реки Эвримедонт в Памфилии (470–469).

Столкновения между персами и греками в период между концом VI и началом V в. стало началом конфликта, который с переменным успехом продолжался до эпохи

Александра и переместился в конце концов с полей битв в область дипломатии, в которой персы имели больший успех отчасти благодаря внутренним разногласиям между греками. Во время правления Артаксеркса (*Артаксасы*) I (465–424 гг. до н.э.), который взойшел на трон после дворцового переворота и убийства его отца Ксеркса I, заключение Каллиева мира (449) положило конец войне; в соответствии с ним было признано право греков на азиатское побережье и на другие территории. Однако эти права были снова поставлены под сомнение Анталкидовым мирным договором (386) во время правления Артаксеркса II (404–359 гг. до н.э.).

В промежутке между правлениями Артаксеркса I и Артаксеркса II правили Ксеркс II (424–423) и Дарий II (423–404). За Артаксерксом II, которому пришлось бороться с мятежом его брата Кира Младшего, он был разбит и погиб при Кунаксе в 401 г. до н.э., последовали Артаксеркс III (359–338), его сын Арсес (*Арсан*) (338–336) и Дарий III (336–330), ставший последним из Ахеменидов. Их правление было омрачено все теми же внутренними проблемами: повторяющиеся восстания в Египте, дворцовые заговоры, наличие центробежных тенденций и злоупотреблений со стороны сатрапов, которые подняли восстание против центральной власти в Анатолии (368–362). Эти источники внутренней слабости вели к постепенному кризису государственной системы, которая стала жертвой честолюбивых намерений Филиппа Македонского и его сына. Поражения, нанесенные персам военным гением Александра в битвах при Гранике (334), Иссе (333) и Гавгамелах (331), положили конец империи, которая, тем не менее, завещала своим последователям, как и победителям, огромное культурное наследие – живую память об объединенной *оикмене* и объединительную тенденцию, возникшую при столкновении разных народов и культур.

УПАДОК ДРЕВНЕЙ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА СЕЛЕВКИДОВ

Г.А. Кошеленко

Уже в конце V в. до н.э. отчетливо проявились признаки кризиса империи Ахеменидов. В это время вспыхнули восстания в Малой Азии, Мидии, Египте и других странах. В начале IV в. до н.э. Египет восстановил свою самостоятельность, и персы смогли вновь завоевать его только в 342 г. до н.э. В этом же веке была утрачена Индия, а Хорезм, Согдиана и сакские племена были уже не поданными, а скорее союзниками персов. Происходили постоянные конфликты между сатрапами Малой Азии, а некоторые из них восставали против центрального правительства, опираясь на отряды греческих наемников. Дворцовые перевороты усугубляли ситуацию. Попытку восстановить мощь Ахеменидской империи предпринял Артаксеркс III, ставший царем в 359 г. до н.э. Он подавил восстание в Малой Азии и Сирии, восстановил власть персов в Египте и на Кипре. Однако в 338 г. до н.э. он был отравлен. Его сын и преемник Арсес через год также стал жертвой заговора. Придворная знать возвела на престол представителя боковой ветви ахеменидского рода Кодомана, принявшего тронное имя Дарий III.

Хотя конфликт между Персией и Македонией начался еще во время правления отца Александра Филиппа, массовое вторжение началось только в мае 334 г. до н.э. Армия Александра включала собственно македонские контингенты, наемников и отряды, выделенные греческими городами, поскольку царь Македонии был военным руководителем союза этих городов. Не следует думать, что поход Александра был триумфальным шествием, так как персы оказывали серьезное сопротивление. Уже после первых успехов Александра персы под руководством Мемнона с острова Родос предприняли энергичное контрнаступление на островах Эгейского моря. Другой опасный для Александра момент был во время многомесячной осады Тира, когда персидская армия из Каппадокии прорвалась в Великую Фригию (Малая Азия).

Второй этап похода (331–327 гг. до н.э.) резко отличался от первого: персидская армия уже не могла оказывать сопротивление и отступила на восток. Александр после битвы у Гавгамел не стал преследовать разбитую персидскую армию, а направился на юг, захватывая важнейшие центры Ахеменидской империи: Вавилон, Сузы, Персеполь. В восточных сатрапиях Александру пришлось столкнуться с настоящей партизанской войной местного населения. Только ряд чрезвычайных мер позволил македонскому правителю сломить это сопротивление. Заключительным этапом похода (327–325 гг. до н.э.) была попытка завоевания Индии. Несмотря на ряд успехов в бассейне р. Инд, уставшая от бесконечных походов армия летом 326 г. до н.э. отказалась идти дальше, в глубь Индии. Спустившись по р. Инд до океана, построив флот, Александр вернулся в Месопотамию. Однако в 323 г. до н.э. великий завоеватель умирает.

Смерть Александра привела к длительной и упорной борьбе его полководцев сначала за власть над империей, а затем – за ее раздел. Только к 281 г. до н.э. окончательно сложилась система государств, возникших на руинах империи Александра. Самым крупным из них было государство, созданное Селевком, бывшим телохранителем Александра, и обычно называемое царством Селевкидов. Его территория включала значительную часть Малой Азии, Сирию, Междуречье, Иран, южную часть Центральной Азии и большую часть современного Афганистана. Огромные размеры государства предопределяли его неустойчивость. Его история была, в сущности, историей его распада. Уже в царствование преемника основателя династии Антиоха I началось отпадение ряда областей (сначала Северная и Центральная Анатолия, затем центральноазиатские сатрапии). Почти непрерывные войны с царством Птоломеев за Южную Сирию (так называемые Сирийские войны) обессиливали государство. Антиохи III (223–187 гг. до н.э.) удалось на короткое время остановить процесс распада, однако, ввязавшись в борьбу с Римом за владычество в Греции, он потерпел жестокое поражение и утратил почти все владения в Малой Азии. После скорой его гибели остановить процесс распада уже было невозможно.

Государство Селевкидов представляло собой абсолютную монархию. Римский историк Аппиан приводит слова Селевка I, ясно определяющие основной принцип этой системы правления: «то, что постановлено царем, всегда справедливо». На уровне политической теории этот принцип выражался формулой: «Царь – это одушевленный закон». Правовым основанием царской власти было право завоевания и передачи власти по наследству. В силу этого основной опорой династии была армия. Царь являлся ее верховным главнокомандующим, который должен был лично вести армию в сражения. Помимо полевой армии важную роль играли гарнизоны городов и крепостей, не только защищавшие границы, но и обеспечивавшие контроль правительства над всеми областями огромной империи. Помимо центрального управленческого аппарата, действовавшего под личным руководством царя, существовали и местные бюрократические структуры. Вся территория царства делилась на сатрапии, но их размеры были меньшими, чем при Ахеменидах и Александре. Во главе сатрапии стоял стратег. Целям укрепления власти династии служил и созданный культ царя.

Государство Селевкидов было менее централизовано и бюрократизировано, чем царство Птоломеев. Внутри него существовало большое количество автономных политических образований (старые и вновь основанные греческие города; вавилонские города; древние финикийские города, довольно сильно эллинизированные в это время; храмовые государства; мелкие местные образования во главе со своими правителями-династами).

Различные регионы государства находились на разных уровнях социального развития. Наиболее известна нам Малая Азия. Здесь основная масса сельского населения состояла из зависимых крестьян, прикрепленных к земле, обязанных целым рядом повинностей царю. Сельские общины больше всего страдали от того, что налоги были фиксированными и не зависели от объема урожая. Значительную часть земель составляли так называемые земли, дарованные короной, что означало, что соответствующие повинности переходят к той или иной личности, определяемой царем. Общий процесс развития состоял в постоянном усилении степени зависимости сельских общин. Частная собственность на землю, по-видимому, существовала только на территориях, принадлежащих греческим городам. Увеличение числа рабов происходило, видимо, в результате греческой колонизации.

Греческая колонизация сыграла выдающуюся роль. Селевкиды возрождали города, созданные Александром Великим и пострадавшие в ходе междоусобных войн, а также основали новые. Селевкиды, видимо, сделали колонизацию более приемлемой для греков, чем это было во времена Александра, основывая греческие города с широкой внутренней автономией. В то время как в Малой Азии создавались главным образом военные колонии, то дальше на восток основывали, в основном, города со статусом полиса. Особенно активная колонизация проводилась в Северной Сирии, ставшей ядром государства Селевкидов. Здесь на реке Оронт (современная Эль-Аси. – *Прим. ред.*) находилась столица Антиохия, главный военный центр Адамея и другие города. Огромную роль играл город Селевкия на Тигре, расположенный недалеко от древнего Вавилона и являвшийся восточной столицей государства. Видимо, многочисленные греческие города были основаны и в Мидии. Археологические исследования в Северном

Афганистане (экспедиция под руководством французского археолога П. Бернара) привели к открытию очень большого греческого города (городище Ай-Ханум).

Эпоха Селевкидов была временем значительного экономического подъема во многих провинциях государства. Этому способствовала как колонизация, так и освоение новых земель благодаря постройке новых ирригационных систем (в Бактрии, Сузиане и других регионах), создание оборонительных систем для защиты земледельческих оазисов (в Маргиане, Бактрии). Активно развивались ремесла, особенно плодотворными были контакты между различными технологическими традициями. Ускорению экономического прогресса способствовало и внедрение монетарной экономики, ранее неизвестной на большей части территории государства. Активно развивалась торговля, как местная, так и международная. Селевкиды, в частности, стремились укрепить свой контроль над торговыми путями, идущими через Персидский залив.

В эпоху Селевкидов начался процесс культурного синкретизма греческой и восточной культур. Греческие города, основанные Селевкидами, по своему типу были почти чисто греческими, с регулярной планировкой, типично греческими общественными зданиями и институтами, такими как театр, и были украшены греческой скульптурой. Однако, как показали раскопки в Ай-Ханум, тип дома, в котором жили греческие колонисты, был местным, были местными по архитектурному облику и храмы, хотя в них и почитались греческие боги. Начался процесс религиозного синкретизма. Не следует, однако, рассматривать процесс культурного взаимодействия односторонне. Для многих жителей Востока, особенно в сельских районах, греческая культура была чуждой и враждебной, поскольку это была культура завоевателей.

БИБЛИОГРАФИЯ (7.1–7.3)

- БИКЕРМАН Э., 1985. Государство Селевкидов. – М.
- КОШЕЛЕНКО Г.А., 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М.
- AKURGAL, E. 1978. Ancient Civilizations and Ruins of Turkey. From Prehistoric Times until the End of the Roman Empire. 4th edn. Istanbul.
- BOYCE, M. 1982. A History of Zoroastrianism. Vol. II. Leiden/Cologne. (Handbuch der Orientalistik. Vol. 8, Part 1.)
- BRIANT, P. 1973. Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'Assemblée macédonienne. Paris.
- 1982. Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Paris.
- CAMERON, G. 1936. History of Ancient Iran. Chicago.
- COOK, J.M. 1983. The Persian Empire, pp. 208–228. London.
- CULICAN, W. 1965. Medes and Persians. London.
- DANDAMAEV, M.; LUKONIN, V. 1989. The Culture and Social Institutions of Ancient Iran. Cambridge.
- DIAKONOV, L. 1987. (ed.). Ancient Mesopotamia. Socio-economic History. Wiesbaden.
- DOWNEY, S. 1988. Mesopotamian Religious Architecture. Princeton.
- EPH'ALI. 1982. The Ancient Arabs. Nomads on the Borders of the Fertile Crescent 9th-5th Centuries BC. Jerusalem/Leiden.
- FOX, R.L. 1973. Alexander the Great. London.
- FRYE, R.N. 1984. The History of Ancient Iran. Handbuch der Altertumswissenschaft, Vol. III, Part 7, pp. 7, 77. Munich.
- GERSHEVITCH, I. 1985. (ed.). The Cambridge History of Iran. Vol. 2. Cambridge.
- GNOLL, G. 1989. The Idea of Iran: An Essay on its Origin. Rome, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente.
- NEUSNER, J. 1969. A History of the Jews in Babylonia. Leiden. 5 vols.
- ODED, B. 1979. Mass Deportations and Deportees in the Neo-Assyrian Empire. Wiesbaden.
- OLMSTEAD, A. 1948. History of the Persian Empire. Chicago.
- ROOT, M.C. 1979. The King and Kingship in Achaemenid Art. Leiden. (Acta Iranica, 19.)
- ZAWADZKI, S. 1988. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan/Eburin-Delft.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ между 250 г. до н.э. и 224 г. н.э.

8.1

РАСПАД ИМПЕРИИ СЕЛЕВКИДОВ

Г.А. Кошеленко

Илл. 3, 4

В середине III в. до н.э., империя Селевкидов переживала серьезный кризис, в ходе которого от нее отделились правитель Бактрии Диодот и правитель Парфии Андрагор. Вскоре кочевое племя парнов (входившее в племенной союз доходов) вторглось в Парфию и завоевало ее. В 247 г. до н.э. предводитель кочевников Арсак (Аршак) был провозглашен царем нового государства. Династия Аршикидов правила в Парфии все время существования государства (до 224 г. н.э. – *Прим. ред.*). Попытка царя Селевка II в 230–227 гг. до н.э. подчинить Парфию оказалась безуспешной. Задача была частично выполнена Антиохом III, покорившим Парфию, но сохранившим ее существование как вассального царства. После разгрома Антиоха III римлянами (189 г. до н.э.) Парфия восстановила свою независимость.

Именно в это время усиливается процесс распада империи Селевкидов: происходили восстания против греко-македонского правления, сатрапами предпринимались попытки отделения, велась борьба внутри самой династии. Попытки селевкидских царей возродить империю были безуспешными. Антиох IV пытался укрепить государство путем проведения политики активной эллинизации, но это вызвало активный протест и восстание в Иудее.

Кризис империи Селевкидов создал благоприятные возможности для возникновения, особенно в Парфии, многих политических образований. Настоящим основателем Парфянской империи был царь Митридат I, который отвоевал у Селевкидов Мидию (147 г. до н.э.) и Вавилонию (141 г. до н.э.). После этого Селевкиды предприняли две попытки отвоевать Восток и тем самым возродить империю Селевкидов. В этом они пользовались полной поддержкой греческих городов Востока, но поход царя Деметрия II закончился неудачей. Более серьезной опасностью для парфян был поход его брата Антиоха VII, который не только отвоевал Вавилонию и Мидию, но и вторгся в коренные земли парфян (около 130 г. до н.э.). Однако восстание местного населения привело к гибели царя и уничтожению его армии. После этого Селевкиды уже никогда не оправались, территория их царства сократилась до территории Сирии, в которой шла непрерывная борьба претендентов на трон и где вспыхивали неоднократные восстания. Усиливалось и вмешательство других госу-

дарств. В конце концов Сирия в 63 г. до н.э. была превращена в римскую провинцию.

Восстановление власти парфян в Вавилонии происходило с трудом: необходимо было сокрушить Харакену, небольшое государство на северном побережье Персидского залива), пытавшуюся захватить этот район; найти решение проблемы греческих городов, враждебных парфянам, и т.д. Сложности возросли из-за того, что в это время на востоке Парфии началось движение кочевников. В борьбе с ними погибли два парфянских царя. Возрождение мощи Парфии произошло при царе Митридате II (123 – около 87 гг. до н.э.), который не только восстановил контроль Парфии над Вавилонией и Месопотамией, но и подчинил кочевников, а после этого вновь принял титул «царя царей», впервые присвоенный Митридатом I в 140 г. до н.э. После его смерти начинается период ослабления Парфии, чем воспользовалась Армения.

С этого времени, когда римляне укрепились в Сирии, вся история Западной Азии стала определяться римско-парфянским соперничеством. Первоначально римляне пытались завоевать Парфию, однако походы Красса и Антония окончились их поражениями. С другой стороны, и попытки парфян завоевать Сирию и Малую Азию были столь же безуспешными. Римская политика по отношению к Парфии изменилась при Августе: римляне более не пытались завоевать Парфию, а стремились подчинить ее, используя внутренние конфликты в государстве и поддерживая романофильские группировки. Одновременно шла ожесточенная борьба между Римом и Парфией за контроль над Арменией. Только во II в. н.э. римляне возобновили попытки завоевать Парфию, уже достаточно ослабевшую в это время. При императорах Траяне, Антонине Пие и Септимии Севере римляне совершали походы против парфян, захватывая каждый раз Месопотамию, разоряя крупнейшие парфянские города – Селевкию-на-Тигре и Ктесифон. В III в. н.э. император Каракалла вновь попытался выступить против Парфии, но этот поход окончился неудачей. Однако в 220-х гг. власть династии Аршакидов была свергнута восставшими против них правителями Парсы (*Персиды по-гречески.*).

Персида была одним из многих мелких государственных образований, возникших на периферии государства

Селевкидов. Исторические судьбы этих государств были различными, но все они в той или иной форме были вовлечены в перипетии борьбы между Селевкидами и Аршакидами и оказались в конечном счете в зависимости от Парфии.

Хотя большая часть Персиды находилась под контролем Селевкидов и там были основаны греческие города, уже вскоре после смерти Селевка I возникло небольшое государство с центром, вероятно, в Персеполе, правители которого, судя по надписям на монетах, носили титул «фратарак». Будучи первоначально зависимым от империи Селевкидов, это государство после смерти царя Антиоха III добивалось независимости. Возможно, именно тогда происходили кровавые конфликты между греческими колонистами и коренными жителями Персиды, о которых сообщают дошедшие до нас письменные источники. При парфянском царе Митридате II Персида попала в зависимость от Парфии, а правители ее приняли титул «царь». В первые века н.э. в Персиде существуют несколько небольших территориальных владений, важнейшим из которых было то, центром которого был Истахр (возле Персеполя). Именно Персида была местом, откуда произошла династия Сасанидов, уничтожившая власть Аршакидов.

Сложные исторические процессы происходили в царстве Элимаис, расположенном к западу от Персиды. Город Сузы, служивший главным административным центром империи Ахеменидов, был преобразован в крупнейший греческий полис, получивший имя Селевкии на Эвлее. Более восточные горные районы, населенные потомками эламцев – населения древнего государства Элам, стали местом возникновения небольшого государства Элимаис, правители которого стремились распространить свою власть и на долину Суз. Селевкидские цари (в частности, Антиох III и Антиох IV) совершали сюда походы и грабили местные храмы. В период последней войны между Селевкидами и Аршакидами царь Элимаиса Камнаскир захватил Сузы, но был изгнан парфянами, которые владели этим городом до 45 г. н.э. Захват Суз Элимаисом усилил это царство, но оно до конца сохраняло свою зависимость от Парфии.

На северной периферии государства Селевкидов важная роль принадлежала государству Атропатена (современный Иранский Азербайджан). Ахеменидский сатрап Мидии Атропат сумел сохранить независимость этой провинции в годы похода Александра Великого. Фактически независимой была Атропатена и при Селевкидах, хотя официально признавала свою зависимость от них. В I в. до н.э. Атропатена была втянута в противостояние Рима, Парфии, Армении. Атропатене пришлось вместе с парфянами отражать римское нашествие во главе с Антонием, а затем вместе с Антонием бороться против парфян. Римляне активно вмешивались в дела Атропатены, однако парфянское влияние здесь было преобладающим и царь Артабан II возвел на трон Атропатены своего сына Вонона. После этого связи между Атропатеной и Парфией стали еще прочнее, и в конце парфянской эпохи Атропатена стала неотъемлемой частью владений «царя царей».

Гораздо менее известна история и культура другого северного периферийного политического образования – Гиркании (современный Гурган к юго-востоку от Каспийского моря). Еще в эпоху Ахеменидов Гиркания очень часто объединялась с Парфией в рамках одной сатрапии, эта ситуация сохранялась и в период Селевкидов. Гиркания очень рано вошла в состав Парфянского царства. Во время парфянского царя Артабана II, ведшего активную антиримскую и антигреческую политику, Гиркания была одной из его основных опорных баз. Высказывалось предположение, что Гиркания в это время была уже автономным царством в составе Парфянской империи, а Артабан первоначально был ее царем. Позднее Гиркания стремилась к большей независимости и ее послы даже бывали в Риме в надежде получить помощь против Парфии, однако сохранялась до самого конца существования империи Аршакидов.

Значительную роль в истории Западной Азии сыграла Армения. В годы Войны диадохов (преемников Александра. – *Прим. ред.*) она смогла добиться независимости, хотя формально она зависела от Селевкидов. Антиох III сумел ее подчинить и разделил на две части, которые стали независимыми после его разгрома римлянами. Подчинить Армению стремился и Антиох IV. Правителю одной из ее частей, известной как Великая Армения, Артаксию (Арташесу I), основателю новой династии, удалось объединить страну, а его преемники проводили активную завоевательную политику. Наивысшей мощи Армения достигает при Тигране II, которому удалось захватить часть парфянской территории, подчинить Атропатену, Гордиену и, наконец, Сирию. Однако противостояние с Римом оканчивается для Тиграна катастрофой. В дальнейшем Армения становится объектом постоянной борьбы между Римом и Парфией, династия, основанная Арташесом I, гибнет, на троне Армении попеременно меняются ставленники Рима и Парфии. В конечном счете был найден компромисс: царем Армении стал брат парфянского царя Трдаг (основатель династии армянских Аршакидов), но коронован он был в Риме императором Нероном. Обострение римско-парфянских отношений в начале II в. н.э. привело к тому, что император Траян превратил Армению в римскую провинцию. Однако отступление римлян из Месопотамии позволило восстановить статус-кво Армении. И позднее Армения оставалась объектом споров Рима и Парфии, но парфянское влияние, особенно в сфере культуры, было преобладающим.

Иберией античные авторы называли государство, возникшее на территории современной Восточной Грузии. Ранняя история его почти неизвестна. Некоторая информация появляется только с I в. до н.э. Периодом наивысшего подъема Иберии были первые века н.э., когда она опиралась на союз с Римом, заинтересованным в том, чтобы иметь сильный форпост на северных границах Армении. В 34–47 гг. н.э. царь Иберии Фарасман смог даже сделать своего брата Митридата царем Армении. Римское политическое и культурное влияние в Иберии было очень сильным.

Албания Кавказская занимала значительную часть Восточного Закавказья вплоть до Каспийского моря. Албания, видимо, находилась в зависимости от империи Ахеменидов, после распада которой начался процесс формирования отдельного единого Албанского царства, который, видимо, закончился к концу II в. до н.э. Албания постоянно испытывала давление с запада, т.е. со стороны Армении. Римский полководец Помпей совершал походы на территорию Албании, позднее здесь действовал и Антоний. В дальнейшем Албания, подобно Иберии, ориентировалась на союз с Римом, хотя со второй половины I в. н.э. здесь укрепилась местная ветвь династии Аршакидов.

Во всех упомянутых выше государствах можно отметить наличие некоторых общих черт в развитии культуры, что объясняется как сохранением традиций Ахеменидов, так и эллинскими влияниями. Ахеменидские традиции достаточно сильны были в политической сфере. От Ахеменидов были унаследованы многие политические институты, номенклатура должностей и т.п. Парфяне, кроме того, претендовали и на воссоздание Иранского государства в границах эпохи Ахеменидов. В какой-то степени были живы и традиции ахеменидских канцелярий: во многих провинциях в той или иной степени продолжали использоваться арамейский язык и арамейское письмо. Ахеменидские традиции сохранялись в архитектуре и изобразительном искусстве. Поклонение иранским божествам, хотя часто уже синкретизированным с греческими и местными, занимало важное место в религиозной жизни многих сообществ.

ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО ДИНАСТИИ АРШАКИДОВ

Юзеф Вольский

Илл. 5–11

Основание государства парфян около 238 г. до н.э. Аршаком I после его декларации о независимости от Селевкидов было частично следствием распада империи Селевкидов на востоке. Аршак I, в отношении исторической подлинности которого высказывались сомнения, дал свое имя как титул последующим правителям, как имя Цезаря в Римской империи. Большой клад монет его эпохи, а также эпохи его сына и последователя Аршака II (ок. 216–191 гг. до н.э.), указывает на древне-персидское прошлое, проявлявшееся в чеканке некоторых из этих монет с надписями по-арамейски, в то время как на других монетах надписи были выполнены по-гречески. Эту же тенденцию можно видеть и в действиях царей, правивших после него; среди них Фраат I (176–171 гг. до н.э.) следовал древней политике переселения народов, переместив племя мардов, жившее в горах Эльбурс (на юго-восточном побережье Каспийского моря. – *Прим. ред.*), в область Каракс у Каспийских Ворот. Другой шаг в формировании государства Аршакидов, сделанный при том же Фраате, заключался во введении царского абсолютизма, главной особенностью которого было право царя назначать своего преемника. Вопреки принципу, бытующему среди кочевников племени парнов до наших времен, к власти приходил не старший сын, а тот, кто был назначен царем. В соответствии с выбором Фраата ему наследовал его брат Митридат I (правил в 171–138/137 гг. до н.э. – *Прим. ред.*).

Митридат I путем завоевания большей части Ирана и Вавилона создал империю. Теперь парфяне были в состоянии противостоять натиску Селевкидов и народов из Центральной Азии, и их государство достигло вершины своего могущества при Митридате II (123–87 гг. до н.э. – *Прим. ред.*). Вероятно, именно при этом царе была развита система управления, уже введенная Митридатом I, принципы которой состояли в сохранении в виде вассальных правителей тех князей, которые ранее, до парфянского завоевания, были независимы (Персида, Элимаис, Гурдиена, Адиабена и Осроена), в то время как территории, принадлежавшие Селевкидам, такие как Парфиена, Гиркания, Мидия, Вавилония и Месопотамия, стали зависимыми от парфянского царя и превратились в провинции во главе с сатрапами. Эта система, действовавшая вплоть до упадка Парфянского царства, стала причиной ее слабости. Неустойчивость вассалов, всегда готовых к смене правителей, и тенденция сатрапов к независимости подрывали основы государства, которое переживало внутренние осложнения, вызванные появлениями захватчиков, часто подерживавшихся Римом.

В принципе, абсолютный монарх в военном отношении зависел не только от своих вассалов, а, прежде всего, от аристократии, которая обеспечивала его войсками. Эта аристократия, обладавшая властью над массами населения при правлении царя, служила его интересам при создании государства. Но поскольку власть монарха возросла, эта аристократия часто противопостав-

ляла себя короне, обвиняя царей в жестокости, осуждая их как тиранов и свергая их с трона. Источником власти великих князей были их собственные армии, пополнявшиеся за счет населения, пригодного к воинской службе. Трудность, с которой встретились греческие и латинские авторы при толковании иранских терминов, состояла в том, что они не могли найти в своих словарях соответствующие термины, позволявшие им использовать слова, связанные с рабством, и это вело к ошибочному мнению о широком распространении рабства в государстве парфян. Сильные правители могли противостоять этой мятежной аристократии, но нескончаемая борьба ослабляла Парфянское царство, к тому же подвергавшееся нападением Рима. Все же военная мощь монархии Аршакидов, подорванная соперничеством с Римом, стяжала ей славу противника, равного Риму.

Внутренняя структура Парфянского государства, особенно в части, касающейся собственности на землю, мало изменилась со времен Ахеменидов, и ни Александр ни Селевкиды не были заинтересованы менять условия владения землей. Эти условия, служившие в Иране источником стабильности в течение веков, в сочетании с тенденцией Ахеменидов к паниранизму, явно затрагивались военными действиями Александра и Селевкидов. Без этой основы Аршакиды не смогли бы ни создать империю типично иранского типа, ни мужественно в течение веков противостоять давлению Рима, ни, наконец, сдерживать народы, просачивавшиеся в Иран из Центральной Азии.

При Аршакидах сильные кланы, такие как Сурен и Карен, играли ключевую роль в качестве сатрапов, командующих армиями, и послов. Вознаграждаемые земельными наделами с жившим там населением как потенциальной военной силой, они занимали положение, фактически независимое от короны. Временами они не желали больше играть роль подчиненных, исполнителей царских приказов и, в конце концов, начали проводить свою собственную политику. Отличительной особенностью парфянской знати было владение ею вооруженными силами. Трудно установить, когда эта знать заняла господствующее положение между царем и массой населения, получив право эксплуатировать его, и до какой степени распространялась ее власть. Но ее влияние можно видеть на примере Сурена, имевшего в своем распоряжении 10 000 воинов и победившего в битве при Каррах в 53 г. до н.э. Красса, одного из «триумвирата» римских соправителей.

Греческие и латинские источники информации обычно точны и дают достаточно ясное представление о системе, использовавшейся знатью для формирования их армий. Крупные землевладельцы обращались со своими подданными («сервития» – латинский термин, использующийся в одном источнике, или «бандак» – по-ирански) с большой заботой, обучая их искусству верховой езды и стрельбе из лука. Именно это обучение позволяло парфян-

ской коннице достигать уровня, которого другие армии классических античных стран не могли достичь. Один из этих авторов, Юстин, дает нам ключ к решению проблем общественного устройства у парфян, решительно отстранявшего рабов от участия в вооруженных силах. Это позволяет нам понять термины, необычные для рабства и упоминающиеся Плутархом в его описании битвы при Каррах: доулои (*doulooi*), пелатаи (*pelatai*), ойкетай (*oiketai*). Эти названия создали ошибочное представление о рабстве в армии и, более того, в парфянском обществе. Без учета контекста эти термины воспринимались буквально, создавая впечатление о парфянской армии и обществе, далекое от истины. Именно в отчете Юстина отмечено, что рабам не позволялось ездить верхом, что имеет фундаментальное значение для понимания ситуации. Она весьма, конечно, сходна по сути с принципами рыцарского общества, которое придавало большое значение лошади. Таким образом, термины Плутарха являются лишь вольной интерпретацией иранских терминов и не могут использоваться для характеристики роли рабов у парфян.

Наряду со знатью и их подданными в парфянском обществе были и рабы. Чтобы понять парфянское общество, необходимо рассмотреть роль рабов в эпоху Селевкидов. В настоящее время имеется лишь два документа с территории Ирана о предоставлении свободы рабам. Один относится ко времени Антиоха I Сотера (281–261 гг. до н.э.), а другой – к правлению Селевка IV (с 174 или 173 г. до н.э.). Это слишком мало для 150-летнего периода правления Селевкидов в Иране. Ситуация не лучше и в отношении эпохи парфянского царства. Источники, такие как Юстин, упоминают о «серви» (*servi*), рабах, однако без надлежащего объяснения. И только в больших греческих городах рабы могли играть существенную роль.

Для новой империи была нужна столица. Ниса, располагавшаяся к западу от современного Ашхабада, вероятно, служила столицей за заре этого государства, и тексты на глиняных черепках из Нисы обогатили наши знания о парфянах того времени. Появление эллинистических элементов в искусстве Нисы кажется вполне естественным, хотя в архитектуре и скульптуре имеются и иранские элементы. Это поразительно подтверждает культурную непрерывность наследия Ахеменидов, сохранившуюся при Аршакидах, и вызывает сомнения точка зрения о том, что при Аршакидах в Иране произошел упадок культуры, а династия Сасанидов восстановила Иран времен Ахеменидов. Вероятно, под влиянием нового смещения центра геополитической жизни Парфянского царства к западу, где проявилась угроза от Рима, Ниса больше не могла выполнять функции столицы. Следующей столицей стал Екатомипил, располагавшийся около современного города Дамган. Известно, когда Аршакиды решили сменить ее на Ктесифон, вблизи Селевкии на Тигре, откуда было легче следить за происходившим на западных границах империи. Эта причина, важная сама по себе, в то же время облегчала нашествия римлян на столицу, которые во II в. н.э. трижды занимали этот город, грабя его и увозя золотой трон, служивший символом власти Аршакидов.

Кроме столиц и древних городов, особенно многочисленных в Вавилонии и Месопотамии, существовали и греческие и македонские колонии. Основанные Александром и Селевкидами, особенно Антиохом I Сотером в Иране, они выполняли роль форпостов эллинизма. Селевкия, иногда враждебная по отношению к Аршакидам, играла в этом отношении ключевую роль. Отношение парфян к элементам греческой культуры продолжает вызывать много споров. Появление эпитета «Филеллин» («*Philhellene*») в надписях на парфянских монетах периода правления Митридата I позволило некоторым ученым увидеть в этом знак признания Аршакидами культурного превосходства греков. С этой точки зрения, однако, парфяне рассматриваются как примитивные варвары, и мы можем рассмат-

ривать этот эпитет как пропагандистский прием. При Аршакидах заметны признаки антипатии к грекам. Это основывается на фактах, которые, кроме особых случаев, таких как резня греков в 209 г. до н.э. в Сириксе, в Гиркании, во время похода Антиоха III, вмешательство Артабана II в дела Суз или осада Селевкии в 36–42 гг. н.э., свидетельствуют в пользу того, что политика Аршакидов была определенно проиранской, и в своей борьбе против римлян они могли рассчитывать только на силу Ирана.

Незаменимым инструментом управления империей Аршакидов была армия. Мы многого не знаем о ней, а имеющаяся информация скорее случайна, чем систематична, связана с историей войн с Римом и полностью отсутствует в отношении III и II вв. до н.э. Нет сомнений, однако, в том, что армия Аршака I состояла не только из конницы, но и из пехоты, что указывает на частичную оседлость племени парнов. Мы знаем из работ Юстина и Плутарха, что кавалерия состояла из тяжелой конницы, хорошо защищенной доспехами, и легкой конницы, вооруженной луками большого размера по сравнению с луками, которые были у эллинистических народов и римлян. Можно допустить, что развитие армии и ее тактики произошло при великих парфянских завоевателях Митридите I и Митридите II (середина II – начало I в. до н.э.), но ее численность не могла превышать 50–60 тыс. человек, что объясняет, почему политика парфян оставалась оборонительной, имевшей главной задачей защиту Ирана от захватчиков.

Найденные образцы искусства, архитектуры, религии, письменности и литературы парфян позволяют рассматривать Аршакидов как сторонников устойчивой политики, основным направлением которой был возврат к иранизму. Без подчеркивания этой тенденции невозможно было бы представить Иран при Аршакидах. Начало этого нового подхода следует искать в довольно позднем, но жизненно важном сообщении Тацита («*Annals*», VI, 31), в котором упоминается программа восстановления власти Ахеменидов в пределах их старых границ. Эта программа, представленная императору Тиберию послами парфянского царя Артабана III (11–37 гг. н.э.), включала декларацию о возврате к прошлому Ахеменидов и представляла собой вызов Риму.

Изучение нумизматики имеет большое значение для восстановления парфянской истории. Некоторые монеты времен правления первых двух представителей Аршакидов имели вместо обычных греческих арамейские надписи, но тексты на черепках из Нисы были написаны скорее по-парфянски, чем по-гречески, что свидетельствует об иранских тенденциях Аршакидов. Отличительные особенности Аршакидов по сравнению с Селевкидами и эллинизмом ясно видны на монетах Митридата I, на которых этот восточный правитель изображен в одежде, с диадемой и в профиль слева, а не справа, как у Селевкидов. Другой элемент его политики подчеркивает эту проиранскую тенденцию. Митридат I стал носить титул «Царь царей», заимствованный у Ахеменидов. До настоящего времени считалось, что именно Митридат II первым использовал этот титул в 100 г. до н.э. Но расшифровка надписи из Ханг-и-Наурузи дала возможность отнести его уже к 140 г. до н.э.

Наскальные рельефы в Иране, особенно в Элимаисе, дают примеры парфянского искусства, характерной особенностью которого была фронтальность. Парфянское искусство можно считать переходом от иранского искусства эпохи Ахеменидов к искусству Сасанидов. При дворах великих князей поощрялась эпическая поэзия. «Менестрели», которые путешествовали от замка к замку, воспевали подвиги героев истории Ирана, вроде Сурена, увековеченного в образе Рустема.

Очень мало известно о религии этого периода. В текстах на черепках из Нисы встречаются имена последователей Заратуштры. Другие свидетельства, такие как существова-

ние огненных алтарей и поклонение предкам, также говорят о влиянии зороастризма. Но при Аршакидах не было такой развитой религиозной организации, как при Сасанидах, хотя у Страбона есть упоминание о магах как членах парфянского высшего совета. В более поздних источниках встречается упоминание об объединении разных частей «Авесты» в период правления Вологзеса I или Вологеза IV (148–190 г. н.э. – *Прим. ред.*). Они, несомненно, были последователями зороастризма.

Вопреки мнению о парфянах как о примитивной цивилизации, мы обнаруживаем у них способность к организации широкой торговли. Знаменитый Шелковый путь начинался на северо-восточной границе Парфянского царства и пересекал его в направлении к Евфрату, где важную роль играл город Дура Европос. На этом пути стояли «караванные города», которые облегчали переходы. Можно предполагать, что было хорошо развито производство оружия, нагрудных доспехов, мечей, стрел и другого оборудования.

Разведение знаменитых лошадей из Нисы (ахалтекинская верховая порода лошадей. – *Прим. ред.*) для кавалерии

было свидетельством планового подхода правительства, деятельность которого охватывала много областей.

В настоящее время, благодаря раскопкам, проведенным в Центральной Азии, появилась тенденция подчеркивать связи между парфянским Ираном и соседними странами. Первый из Аршакидов, которому угрожали Селевкиды, несколько раз искал убежища у своих соседей около Аральского моря. Но существовали и не военные влияния Центральной Азии. Система каналов, вероятно, была заимствована из Центральной Азии; это было установлено благодаря раскопкам недавних десятилетий вблизи Аральского моря. Торговля шелком должна была иметь наибольшее значение, и именно благодаря ей Средиземноморье снабжалось этим предметом роскоши. Связи парфянского царского двора с Китаем является тому красноречивым доказательством.

Через Индо-Парфянское царство парфяне имели также контакты с Северо-Западной Индией, и археологические раскопки в Таксиле и Гандхаре свидетельствуют о сильном влиянии парфян.

ИМПЕРИЯ САСАНИДОВ

*Филипп Жинью**Илл. 12, 13*

Эпоха Сасанидов (с III по VII вв. н.э.) считается «золотым веком» доисламских иранских империй и часто разделяется на три фазы. В третьем и четвертом веках была создана империя, стремившаяся достигнуть границ империи Ахеменидов; это было время замечательного развития городов, сельского хозяйства и искусства в целом. V (и начало VI) век может рассматриваться как период некоторого упадка державы, частично из-за трудностей, испытывавшихся на востоке из-за гуннско-турецких эфталитов, которым этот «царь царей» даже должен был платить дань. Наконец, VI и VII вв. стали периодом возрождения, начатого при царе Хосрове, но блеск и богатство царского двора привели его последователей к борьбе за власть, приводившую к слишком краткому их пребыванию на троне, что способствовало быстрому успеху арабских армий при завоевании Ирана.

Рост империи Сасанидов начался с правления первого царя, Ардашира I Папакана (ок. 180–242 г. н.э.), который, вероятно, был внуком Сасана, легендарного основателя этой династии. Записи «Дела Ардашира» в легендарной форме повествуют о завоеваниях этого царя. Однако упоминание большого числа местных названий, вероятно, указывает на то, что эти записи имеют некоторую историческую ценность, хотя обстоятельства начала правления Ардашира остаются неясными. В 224 г., после смерти его отца Папака и брата Шапура, который уже поднял восстание против правления Аршакидов, Ардашир завоевал Персиду, Хузистан и Керман. Решающее сражение и победа над парфянами изображены на барельефе в Фирузабаде. Затем Ардашир, приняв титул «царь царей», не сумел взять Хатру и, кроме того, был изгнан из Армении, где правила династия, происходившая от боковой ветви Аршакидов. Ардашир одержал победы в восточном Иране, продвинувшись вплоть до Мерва в бассейне Амударьи. Невозможно точно указать размеры этой новой империи. На юго-западе армии Сасанидов достигли Бахрейна, а на северо-западе – старой границы между Римом и Парфянским царством. Ардашир, по-видимому, понимал, какую выгоду извлекал Рим от полуавтономии местных небольших царств, служивших буферной зоной на границе, следствием чего стала его политика изменения территориальной организации Ирана. Его честолюбивые замыслы, вероятно, предусматривали восстановление империи Ахеменидов путем освобождения от римлян всей территории, которую они удерживали к западу от Ирана. Сдача Хатры Сасанидам, произошедшая только в 239 г., была серьезным ударом для Рима; набег Сасанидов в 239 г. на Дуру Европос и захват Каррхаи и Нисибиса стали возможны в результате убийства императора Александра Севера в 235 г.

Сын Ардашира Шапур I был связан с троном в течение всей жизни своего отца (точная дата смерти которого остается неизвестной) и был коронован на царство в 240 или 241 г. По его приказу на основании памятника, ныне известного как Кааба-Зороастра, находящегося вблизи Персеполя, была высечена надпись на среднепер-

сидском, парфянском и греческом языках. Этот длинный текст содержит сведения о походах этого царя, об организации его двора и империи, а также список ее провинций.

Главные битвы Шапура происходили с римлянами. Император Гордиан III погиб в грандиозной битве в 244 г. при Анбаре, к северу от Ктесифона, а его преемник Филипп Араб платил персам большую дань. Римляне, причинившие ущерб Армении, по словам Шапура, потеряли армию в битве с войсками Сасанидов при Барбалиссе на Евфрате. Затем Шапур вторгся в Сирию, захватив в 253–256 гг. многие города, включая Дуру и Антиохию. Во время своего третьего похода в 258 г. Шапур взял в плен Валериана, который пытался осадить Эдессу и Каррхаи. Впоследствии он опустошил Каппадокию и Сирию, взял Антиохию и 35 других городов. Но он не сумел удержать богатый город Пальмиру, войска которой отвоёвывали Нисибис и Харран.

Все еще вызывает дискуссии состав восточной части империи Шапура. В нее входили Герат, Туран, Макран, Паррадин и Синд, хотя и невозможно установить точные границы этих областей. Ей подчинялись территории западного Кушана, которые управлялись членами царской семьи Сасанидов. На Кавказе Шапур управлял Арменией и Грузией, Мингрелией, Албанией и Балассаганом, располагавшимся на восточной стороне Каспийского моря, вплоть до прохода через Кавказские горы в районе Дербента на севере. На юге, на другой стороне Персидского залива, он владел территорией современного Омана. Титул, который взял Шапур, судя по текстам его документов и надписям на монетах, был «царь царей Ирана и неиранских земель», ясно показывающий, что он удерживал все эти удаленные области, которые не смог присоединить к владениям короны его отец. В любом случае при Шапуре империя достигла наибольшей протяженности. Недавно было показано, что «Иран» Сасанидов был не просто этническим или лингвистическим понятием, но имел религиозное и культурное значение с элементами явного национализма.

При правлении Нарсеха (293–302 г.) было сильно ослаблено управление неиранскими территориями, включая Армению (западная часть которой была отдана римлянами Тиграну, в то время как Нарсех был «царем Армении», т.е. ее восточной части), из чего извлекали выгоду местные правители, поднимавшие восстания на востоке империи из-за слабости его предшественников Бахрама I и II. Река Тигр стала границей между двумя империями на западе, а Армения с обращением в христианство царя подпала под влияние Рима.

Именно Шапур II (309–379 г. н.э.), которому римский историк Аммиан Марцелин дал прозвище «долго царствующий», начал строительство оборонительных сооружений (*limes*) в виде укрепленных стен с башнями (*лимес* – линия укреплений с валами, рвами, сторожевыми башнями, палисадами и т.д. – *Прим. ред.*) в Ираке, чтобы положить

конец набегам арабских бедуинов. Лимес были аналогичны римским сооружениям, возведенным на противоположной стороне сирийской пустыни. В 350-х гг. Шапур II организовал несколько военных кампаний для защиты восточных границ от чионитов, имея своей резиденцией Мерв, о чем можно судить по монетам, которые чеканились в этом городе. Потеряв Нисибис на западе, римский император Иовиан отказался от римского протектората над Арменией. Шапур даже сумел возвести своего ставленника на престол Грузии, но к концу его правления Армения была разделена на части и меньшая из них отошла римлянам. При его долгом правлении была создана и укреплена централизованная власть и вокруг храмов с огненными алтарями стала возникать иерархия религиозной власти.

В конце IV в. гунны пересекли Кавказ и продвинулись вплоть до Месопотамии. Бахрам V Гор, прототип царя-героя и великого охотника, любивший удовольствия и музыку больше государственных дел, которые он оставлял своим министрам, снова был должен вступить в борьбу с чионитами на востоке и вышел из нее победителем. Но после него удача меньше улыбалась Сасанидам.

После вторжений кочевников через горные перевалы Кавказа (у Дербента и через Дарьяльское ущелье) Пероз (459–484 гг.) пытался поддерживать мирные отношения с провинциями этого региона (Армения, Грузия, Албания), которые стали преимущественно христианскими. Но он был взят в плен эфталитами в 469 г., а затем потерпел от них поражение и был убит в 484 г. Его преемнику Валахшу пришлось платить дань эфталитам, что оскорбляло иранцев, которые и так уже страдали от ужасного семилетнего голода, случившегося в правление Пероза. Следующему правителю Каваду пришлось затем столкнуться с движением маздакитов – серьезным общественным движением, которое сравнивают с коммунизмом, во главе с Маздаком, имевшим тенденциозное мировоззрение, близкое к манихейству. Царь сначала принял его учение о том, что собственность и женщины должны быть общими для того, чтобы ослабить аристократию, но аристократия и жречество свергли Кавада и заключили его в тюрьму. Он бежал и скрылся у эфталитов, у которых он жил в качестве заложника в юности, после чего они помогли вернуть ему трон. Затем Кавад начал войну против Византии, чтобы получить средства, которых этому императору не хватало для возведения укреплений и содержания гарнизонов в Дербенте. Новая налоговая система и пересмотр прав земельной собственности были направлены на удовлетворение интересов низших слоев знати, в то время как великие князья так и не восстановили свои прежние привилегии.

С правления Хосрова I (531–579 гг.) начался период блеска и процветания. Положив конец беспорядкам маздакитов, он провел большую налоговую реформу; на всей территории империи стало применяться единообразное обложение налогами, а доходы, которые прежде шли знатым землевладельцам, ранее освобожденным от налогов, теперь накапливались в казначействе центрального правительства. По всей стране был проведен перемер земель, определены права на воду, был установлен средний годовой налог на землю, который зависел от типа продукции (зерно, оливы, финики и т.д.). Эта реформа сопровождалась реформой армии, которая до тех пор состояла из людей, которых поставляли и снабжали великие князья. Теперь же именно центральное правительство оплачивало и содержало «рыцарей» (*дежкан*) из низшей знати. В качестве платы им предоставлялись в феодальное владение деревни, что вело к появлению нового класса мелких землевладельцев. Таким образом, реформа была направлена больше на организацию и обучение, чем на новое вооружение, и, как прежде, главной силой оставалась тяжело вооруженная конница.

Хосров разделил империю на четыре военных района в соответствии с четырьмя сторонами света. Это де-

ление, однако, было чисто военным и не могло сохраняться долго.

При этом царе в Центральной Азии появились турки (тюрки), и в союзе с ними Хосров впервые сумел нанести поражение эфталитам и вновь присоединил их западные и северные территории к «Иранским воротам» (между Согдианой и Бактрией) в качестве вассальных царств. Цель Хосрова состояла в том, чтобы контролировать Шелковый путь и торговлю между Китаем, Центральной Азией, Индией и областями вокруг Персидского залива, но он потерял бывшие территории эфталитов в войне против тюрков в 570 г. н.э.

Первоначально система управления государством Сасанидов во многом походила на структуру Парфянского царства: правители в провинциях управляли своими территориями наполовину самостоятельно. Существовали также и вассальные царства.

Большой текст Шапура I сообщает о сохранении порядка старшинства: четыре царя были правителями с правами наследования, затем шли три царицы, вице-король (*бидакс*), премьер-министр (*хазаруфм*) и члены главных семейств королевства. Названы и пятнадцать других сановников, включая главнокомандующего армиями (*стахбед*) и начальника канцелярии (*дибируфм*). При Шапуре I его сыновья правили в разных частях империи: в Армении, Месене, Сеистан-Туране и Синде, а также в Гиране. Из этого текста известны имена многих других царей и сатрапов. Значение должности сатрапа уменьшилось по сравнению с эпохой Ахеменидов. Некоторые главные семейства парфянского происхождения продолжали занимать важные посты наряду с людьми, близкими к царской семье.

Царский текст включает также много личностей, упомянутых в связи с их положением. В список внесены два внука, что указывает на их роль, ставшую позже весьма значительной. Другой человек по имени Кирдир, который при Шапуре был простым учителем (*хербед*), возможно, также был внуком, если верить четырем рельефам, на которых он изображен безбородым.

Высшее общество было разделено на четыре класса: вассальные князья (*сардары* – *šābrdārān*), члены главных семейств (*васпуры* – *vāspuhrān*), «великие» (*вузурганы* – *vuzurgān*) и знать (*азаданы* – *āzādān*).

Официальные печати и пломбы дают возможность частично реконструировать организацию управления в конце данного периода. Основной административной единицей была «провинция» (*сакр* – *šabr*), управлявшаяся «сатрапом». Группа провинций образовывала «регион», управлявшийся *фрамадаром* (*framādār*) (функция которого не ясна) и *амаргаром* (*amārgar*) (бухгалтером). Самой маленькой территориальной единицей был район (*куст* – *kušt*), в котором особенно сильной было религиозное правление (*магух* – *magub*).

Среди десятка титулов, имевшихся в системе Сасанидов, нелегко отличить гражданские и религиозные должности, вроде «хандарзбед» (*bandarzbed*), который мог быть «советником» двора, цариц, магов или провинции. Аналогично «айенбед» (*āyenbed*) был «мастером обычаев» (гражданских или религиозных?). Маг Кирдир носил этот титул уже в III в., и, вероятно, он основал маздакитскую иерархию, так как в четырех надписях, выгравированных им на скале, он перечисляет свои титулы, последовательно присвоенные ему тремя королями: *мобад* Охрмазды (т.е. Ахурамазды) и *дадвар*, т.е. «судья» (всей империи). Имеется достаточно много сведений о подобных должностях и в дальнейшем. Так, возможно, только в IV или V в. появился *мобадан* *мобад*, видимо, при Шапуре II и под влиянием известного представителя жречества *Адурбада-и-Махраспандана*. Согласно сирийским источникам, по-видимому, существовала тройная иерархия: в подчинении у главного *мобада* имелись «великие *мобады*» и обычные *мобады*, роль которых трудно определить точно. В службах храмов огня

должны были существовать разные классы магов (*моги, могмарды*). Кроме того, наряду с *дадваром* действовали *рады* – судьи, имевшие, видимо, более высокую компетенцию. «Защитник бедных и судья» (*дрийосан ядаггов уд дадвар*) известен из многих документов, он играл важную роль на уровне провинции.

Развитие городов является примечательной стороной правления как Шапура I, так и Шапура II. Согласно более поздним арабско-персидским источникам, благодаря использованию труда населения, массами вывозившегося из родных стран, особенно из Сирии, эти цари имели возможность строить новые города и дворцы, а также мосты, дамбы, сети оросительных каналов и линии укреплений. Считается также, что христианизация Ирана развивалась в значительной степени благодаря ввезенным христианам, которые, видимо, вполне могли быть использованы при изготовлении дворцовой мозаики в Бишапуре.

При Сасанидах была широко распространена практика переименования городов в соответствии с именем царя. Так же, как Александр и Селевкиды называли или переименовывали города с использованием собственного имени (например, Александрия, Селевкия, Антиохия), Ардашир дал свое имя городу Адрашир-Кварраху (современный Фирузабад), который был построен по круговому плану. Арабско-персидские тексты оставили нам множество подобных мест-имен: *Рам-Ардашир* в Фарсе, *Вех-Ардашир* (Селевкия-Ктесифон), *Рев-Ардашир* и т.д.

После восстания в Сузах Шапур II, как сообщается, разрушил этот город с помощью слонов и затем поблизости приказал построить новый город, который он назвал Эран-Кварсах-Шабур, т.е. «Шапур – слава Ирана». Оно было также названием провинции вплоть до исламского периода, как видно из поздних посланий (*bullae*) Сасанидов, в то время как Сузы сохранили название *Шуи*. Таким же образом Кавад дал свое имя нескольким городам: *Эран-асаникар-Кавад* («Кавад – миротворец Ирана»), *Эран-виннард-Кавад* («Кавад организовал Иран»). Эти названия городов стали и названиями провинций, к которым они принадлежали. Городское развитие можно видеть главным образом в Месопотамии и Хузистане, а не на Иранском нагорье. Это также связано с большим развитием торговли при Хосрове I, в которой государство стремилось к монополии, особенно в торговле предметами роскоши. В то время персы доминировали в международной торговле в регионах на побережьях Индийского океана.

Система защиты иранской империи, состоявшей из ряда стен и фортов, не могла служить эффективным препятствием для армии. Как было показано, эта система фактически служила для защиты оседлого населения и крестьян от набегов кочевников и для отселения степи или пустыни от обрабатываемых земель. Таким образом, это были линии защиты как от продвижения пустыни, так и от нашествий врагов.

Известны три системы фортов и стен. В Месопотамии, на равнине Куфа к западу от Евфрата, Шапур II приказал вырыть ров для защиты от арабов, намереваясь использовать оседлых арабов для охраны этих защитных сооружений. На севере ключом к этим сооружениям был Анбар.

Наиболее известной была система Дербента на Кавказе, служившая преградой для кочевников с севера. В районе Дербента между горами и морем обнаружено пять разных стен, относящихся к эпохе Сасанидов и более поздним временам. На востоке существовала сеть менее известных, но протянувшихся на 170 км стен (ныне именуемых «Стеной Александра») от Гургана на восточном побережье Каспийского моря до гор Хорасана, имевших для защиты от врагов располагавшиеся на равном расстоянии форты и рвы с северной стороны. Эта стена, возможно, простиралась вплоть до Мерва, который был сильно укреплен и остался оплотом Сасанидов на востоке. На юге же известен

только форт Сираф, являвшийся торговым портом на побережье Персидского залива.

Что касается вооружения, то в III и IV вв., видимо, преимущественно отдавалось коннице, тяжело вооруженной доспехами, с копьями и мечами. Легкой коннице лучников, вероятно, не придавалось большого значения, но позже ее применение было вновь расширено, чтобы остановить гуннов, превосходно умевших обращаться с луком. Чешуйчатые или пластинчатые доспехи позже были заменены кольчужой, допускавшей намного большую подвижность, поверх которой всадник надевал грудной панцирь, как это видно на изображении из Фирузабада. Можно представить себе умение, которым должны были владеть такие всадники, ездившие на лошадях, покрытых попонами и без стремян.

Архитектура времен Сасанидов известна мало из-за недостаточного объема раскопок. Однако в руинах дворцов, укрепленных подобно дворцу Калайе-Духтар около Фирузабада или Таке-Кисра в Ктесифоне, заметна роскошь и изысканность царей. Они характеризуются наличием свода, купола и «ивана» (*ivān*), т.е. открытого вонне двора, образующего общественную часть дворца с окружающими его комнатами. Жилые помещения состояли из комнат, сгруппированных вокруг центрального внутреннего двора, планировка стала стандартной для всей иранской архитектуры. Шапур I построил свою резиденцию в Бишапуре, где его дворец имел четыре «ивана».

Начиная с IV в. строительным материалом был уже не грубо обтесанный, а более тщательно обработанный камень, а на высокогорье – известняк, в Месопотамии и Сузах применяли кирпич. Штукатурка широко использовалась для оформления фасадов, например в Бишапуре и Ктесифоне. Имеются многочисленные образцы живописи, как, например, в Дура Европос и Сузах (сцены единоборств и охоты). В Чал-Тархане, около Тегерана, была обнаружена штукатурка со сценами, изображающими царя Пероза во время охоты на кабана или царя Бахрама Гура и его служанки Азад верхом на верблюде. Заслуживает внимания богатство геометрических и растительных узоров по штукатурке.

Сасанидская скульптура развивалась главным образом в третьем веке, начиная с первого царя и до времен правления Нарсеа (293–302 гг.). Она представлена 38 наскальными рельефами. Из них 30 находится в Фарсе – месте которое предпочитали эти цари до переноса столицы в Месопотамию, в город Селевкия-Ктесифон. Почти все рельефы высечены вблизи водных источников или рек.

Встречаются две главных темы, первая из них – возведение царя на трон божеством (Охрмоздой, или, в случае короля Нарсеа, богиней Анахит), которое преподносит ему кольцо, иногда с лентой, являвшееся символом власти. Другой темой является сцена триумфа над врагом, подобно рельефу Шапура I в Накш-и-Рустаме, изображающему царя верхом со стоящим перед ним Филиппом Арабом и преклонившим колено императором Валерианом. На другом рельефе в Бишапуре слева изображен конь бога Охрмозды, под копытами которого лежит Ахриман (Сатана), а справа – конь Шапура I, который топчет императора Гордиана III. Таким образом, вместе изображены две сцены, разделенные временем; такой художественный прием часто использовался в то время.

Другими, менее общими темами были бой всадников и сцены охоты. Наконец, царь мог быть окружен членами его семьи или высшими сановниками, оказывающими ему знаки уважения. Этот последний сюжет был особенно распространен при Вахраме II, от которого до нас дошел, помимо его собственного портрета, портреты его царицы и наследного принца, изображенные даже на монетах. Такие «семейные портреты» можно видеть на десяти рельефах и на серебряной чаше, обнаруженной в Грузии. Некоторые рельефы относятся к началу IV в., но впоследствии они

полностью исчезли до начала правления Хосрова II, к эпохе которого относят великолепные наскальные сцены охоты из Так-и Бустана, в которых загонщики выгоняют кабанов из зарослей тростника, а царь охотится на них с лодки. Некоторые полагают, что, несмотря на то что сцены возведения на трон, возможно, носили некоторый религиозный характер, они все же были главным образом предназначены для царской пропаганды. Сцены, изображавшиеся на серебряных тарелках, также очень редко были религиозными и были навеяны греческими изображениями бога виноградарства и виноделия Диониса. Сцены охоты и пиров являются наиболее обычными темами, изображавшимися на блюдах, кубках, тарелках, кувшинах и других предметах, сотни которых сегодня можно встретить в музейных коллекциях.

Большая часть сасанидской литературы если и была когда-либо написана, то была утеряна. Иранцы всегда отдавали предпочтение устному общению и заимствовали свою письменность у других. Поэтому греческий язык, который служил языком общения в эллинистический период, все еще использовался в третьем веке и позже. На парфянском языке, наряду со среднеперсидским (или пехлевийским) языком, продолжали говорить и писать и после того, как Сасаниды пришли к власти, о чем свидетельствуют тексты Шапура и Нарсеа. Но эти два языка могли записываться только с помощью арамейского шрифта. Они передавались с помощью букв, производных от арамейских, которые точно не отражали их фонетику. При этом строго иранские слова соседствовали с арамейскими, которые должны были читаться как иранские. Ключ к этим идеограммам (или гетерограммам) следует искать в «Фраханг и Пехлеви» («*Frahang ī Pahlavīg*»), своего рода глоссарии, в котором после каждого арамейского слова поставлено соответствующее иранское слово. Кроме того, уменьшение числа букв и присутствие знаков связи в рукописном шрифте делало трудным чтение дошедшей до нас литературы, которая являлась по существу религиозной и была составлена только в IX и X вв.

До нас дошло мало светской литературы: «Книга деяний Ардашира», небольшое произведение «Хосров и слуга», в котором царь задает юноше вопросы, заставляя его описывать изысканность его двора, или поэма «Ядгар Зареран» («Поэма о сыне Зарера») парфянского происхождения, остаток эпоса, воспевающей мифических царей Каянидов. «Книга о царях» («Хватай-намак»), хроника мифических и исторических царей, не дошла до нас в подлиннике и известна лишь в переводах и изложениях на арабском языке и, косвенно, благодаря эпосе Фирдоуси «Шахнаме» («Книга царей») (XI в.).

Религиозная литература более многочисленна. Кроме переводов «Авесты» на пехлевийский (точнее, на среднеперсидский) язык или комментариев к ней, в основном встречаются компиляции по разным вопросам, которые являлись произведениями богословов, апологетов и защитников маздакизма, который перестал быть религией большинства. Именно это являлось целью «Шканд гумани визар», которое опровергает все религии на философском уровне. «Схоластическая» мысль проявляется в тезисах, известных как «Денкард», которые, как считается, содержат и объясняют весь маздаизм, часто в форме резюме. Это произведение включает семь сильно отличающихся по содержанию книг. Самая длинная часть (третья книга) является в основном философской, в то время как шестая книга принадлежит жанру литературы мудрости («андарз»).

Две большие книги имеют дело с этими же предметами: «Первотворение» («Бундахишн») и «Антология Задспрам» («Визидагиха и Задспрам»). Мифическая история мира изложена подробно вместе с легендами Заратустры (см. также «Денкарт», книга пятая) и небольшим трактатом о происхождении человека, в котором ясно видно влияние греческой философии. Удел души после смерти всегда был

объектом внимания зороастризма, что видно из текстов Кирдира (III в.), который рассказывал, что побывал в загробном мире, его душа путешествовала по раю и аду, подобно душе человека по имени *Вираз* (*Vīrāz*). Это произведение, которое было популярно в Иране («Арда-Вираз-Намак»), главным образом описывает ужасные наказания, предназначенные проклятым. Апокалиптический жанр, иллюстрируемый текстом «Занд и Вахман Яш» («*Zand ī Vahman Yash*») (перевод гимна к Вахману, неизвестный в литературе «Авесты»), принадлежит, видимо, к более поздним произведениям, начиная с исламского периода, так как проорский жанр был неизвестен в раннем Иране.

Закон и законность, поддерживавшиеся жречеством, имели очень большое значение. Почти навязчивая забота о юридической чистоте видна в труде «Вендидада», который напоминает библейский «Левит» (3-ю книгу «Ветхого завета»), или в «Шаист нешаист» («Позволено, не позволено»). «Мадаян и хазар дадестан» («Книга тысячи решений») является настоящим трактатом о семейном праве, праве собственности и судебном праве.

Другие произведения, вроде «Дадестан и дениг» («*Dādēstān ī dēnīg*») или книги на пехлевийском языке «Риваят», являлись антологиями, охватывавшими разные предметы. Вместе с тем в период упадка маздакизма богословы старались по возможности спасти свои верования и обычаи и, благодаря средневековой рукописной традиции, эти тексты частично сохранились. Манихейские тексты сохранились даже лучше, поскольку Мани, основатель этой религии, стремившейся к универсализму, позаботился со своими учениками изложить свое учение в письменной форме и на разных языках. Его учение многим обязано скорее языческому и иудейско-христианскому духовному знанию, чем маздакизму. Известно семь произведений Мани: книга учения «Шапухраган», изложенная Мани для Шапура I на среднеперсидском языке; «Живое Евангелие» и «Сокровищница жизни» (на сирийском языке), от которой сохранились только фрагменты, «Книга тайн», или «Тайны» (в кратком изложении Ибн Аль-Надима), «Легенды», рассказывающие о рождении богов и людей, и «Рисунки» (миниатюры, известные под названием свода «Ардаханг». – *Прим. ред.*) – альбом рисунков Мани, иллюстрирующих его богословские и космогонические идеи. Известно, что сторонники Мани были мастерами в искусстве каллиграфии и рисунка. Наконец, существует «Книга о гигантах» («Каван»), или история о сотворении, написанная для парфян, фрагменты которой обнаруживаются на каждом языке Центральной Азии. Согласно коптским источникам, семь книг Мани составляли канон священных писаний. Манихейской «Псалтирь» и «Проповеди» на коптском языке и китайской «Краткое руководство», как и отчет «Кодекс Колона» на греческом, являлись священными книгами, основными источниками, жизненно важными для духовного развития молодого Мани, а дошедшее до нас на коптском языке произведение «Кефалая», в котором изложена традиция манихейства, служило для защиты гностических основ «Книги о Гигантах» от нападок последователей со стороны маздакистов и христиан.

В четвертом веке христиане также подверглись преследованиям со стороны маздакистского жречества, как о том свидетельствует написанная на сирийском языке книга «Деяния персидских мучеников», которая является не просто частью священной литературы, но и содержит сведения об обычаях и поведении христиан в Иране, где их «Восточная церковь» (неправильно называемая несторианской) стала автокефальной и независимой после отделения на Вселенском соборе в Эфесе в 431 г.

Были созданы новые теологические школы: одна – в Нисибисе, другая – в Гандешапуре; эта вторая процветающая школа имела особое значение, во-первых, как столица Хузистана, где находилось руководство епархии, и во-вторых, этот город был местом смерти Мани. В 489 г. при закрытии

школы в Эдессе в Гундешапур переехали некоторые ее учителя, как и в случае со школой Ахваза; таким образом, в Иране укрепилось влияние школы Антиохии и, следовательно, усилилось проникновение аристотелизма в Иран. К тому же, когда в 529 г. император Юстиниан I Великий приказал закрыть Афинскую академию, семь философов нашли убежище и продолжили проповедовать в Гундешапуре. Среди них были Симплиций, известный своими комментариями к произведению Аристотеля «Де Коэло» («De Coelo»), и Присциан, автор «Решений» («Solutions»). Философия была не единственной наукой, почитавшейся в Гундешапуре. Здесь изучали также и медицину, тесно связанную с философией в античности. Согласно Ибн-аби Усайбиа (*Ybn Abi Usaibia*), при Шапуре II врачи и богословы перед началом рабочего дня посещали молельни. В этом городе находилась первая известная нам больница Ирана. Хорошо известен интерес, который проявлял Хосров I к наукам из Индии и Греции. Иран был не чужд увлечения как астрономией, так и астрологией, о чем упоминают многочисленные ссылки в поздней литературе, написанной на пехлевийском языке. Строительство дамб, мостов-дамб и грандиозных каналов способствовало развитию сельского хозяйства, особенно в Хузистане. Общая площадь обрабатываемой земли была больше, чем в любую другую эпоху, при этом тремя главными областями были районы бассейна реки Дияла, Хузистана и области Дараб и Фаза на плоскогорье в Фарсе. Из этих областей экспортировали зерно, рис и сахарный тростник, выращивание которого, вероятно, только начиналось.

Цари покровительствовали также развитию текстильных мастерских. Персы познакомились с культурой выращивания тутового шелкопряда незадолго до Византии (в шестом веке). Возможно, что сирийские ремесленники были ввезены Шапуром II, но только при Каваде и Хосрове I появилось много специалистов. Затем Иран, который до этого ограничивался торговлей невыделанным шелком, начал экспортировать готовые изделия, вызвав «шелковую войну» между персами и римлянами и противодействуя налогам и монополиям. Небольшие фрагменты шелковых

изделий могут быть отнесены к эпохе Сасанидов; они хранятся в европейских музеях (например, в Лионе) и в церковных сокровищницах и начиная с 1000 г. считаются реликвиями. На этих тканях в виде медальонов обычно были изображения реальных или фантастических животных, главным образом *симоргов* (*simorgh*) (помесь павлина и грифона), баранов, крылатых лошадей. Эти животные, включая диких и хищных животных, были изображены на печатях из полудрагоценных камней: халцедона, сардоника, сердолика, граната, агата, рубина, аметиста, лазурита и горного хрусталя.

До нас дошло очень мало образцов стеклянных изделий. Находясь под впечатлением от красоты римского стекла, цари совершенствовали свою собственную технологию стеклудувных и литейных работ. Чаша Хосрова, хранящаяся в Национальной библиотеке в Париже, дает некоторое представление о таком литом стекле.

Погребального искусства не существовало, вероятно, из-за существовавших похоронных традиций.

Денежной единицей, находившейся в обращении при Сасанидах, была серебряная драхма, весившая приблизительно четыре грамма, внешне редко менявшаяся. Ее ценность никогда не колебалась, и эта единица находилась в обращении на международном рынке, особенно в Центральной Азии и Южной России, где велась интенсивная торговля. Это отражает экономическую устойчивость империи Сасанидов, а также объясняет возможности ее развития. Золото использовалось только для чеканки памятных медалей, оно не находилось в повседневном денежном обращении. Медь также использовалась для выпуска монет в провинциях, в основном, видимо, в конце рассматриваемого периода.

Сасаниды исчисляли время начиная с вступления на престол каждого царя, и не совсем ясно, началась ли «эра Сасанидов» с 205–206 гг., т.е. с даты Папаканского восстания, с которого, согласно Хамзе, начал свою эпоху Ардашир, когда в 224 г. он разгромил парфян. На самом деле, официальный год календаря Сасанидов начинался 27 сентября 223 г., а заканчивался 25 сентября 224 г.

БИБЛИОГРАФИЯ (8.1–8.3)

- ABGARIANS, M.T.; SELLWOOD, D.G. 1971. A Hoard of Early Parthian Drachms. *Numis. Chron.*, Ser. 7, Vol. 2, pp. 103–18.
- BERNARD, P. 1987. Appendix I. In: VEUVE, E. *Fouilles d’Ai-Khanoum*. Vol. 6, p. 112. Paris.
- BICKERMAN, E. 1938. *Institutions des Séleucides*. Paris.
- CHRISTENSEN, A. 1944. *L’Iran sous les Sassanides*. 2nd edn. Copenhagen.
- DEBEVOISE, N. 1938. *A Political History of Parthia*. Chicago.
- FRYE, R.N. 1977. *The Golden Age of Persia: The Arabs in the East*. London.
- 1984. *The History of Ancient Iran*. Munich.
- GHIRSHMAN, R. 1962. *Iran, Parthians and Sassanians*. London.
- GIGNOUX, P. 1991. *Les quatre inscriptions du mage Kirdir*. *Studia Iranica*. Paris.
- GNOLI, G. 1989. *The Idea of Iran*. Rome, Istituto italiano per il Medio ed Estremo oriente.
- GYSELEN, R. 1989. *La géographie administrative de l’empire sassanide, les témoignages sigillographiques*. Paris (Red. Orientales I).
- KREISSIG, H. 1978. *Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich*. Berlin.
- ROBERT, L. 1960. Une inscription hellénistique d’Iran. *Hellenica*, Vol. 11/12, pp. 85–91.
- SCHLUMBERGER, D. 1970. *L’Orient Hellenisé*. Paris.
- TARN, W. 1951. *The Greeks in Bactria and India*. 2nd edn. Cambridge.
- VANDEN BERGHE, L. 1983–4. *Reliefs rupestres de l’Iran ancien*. Brussels.
- WIDENGREN, G. 1976. Iran, der grosse Gegner Roms. In: H. TEMPORINI, *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II 9,1. Berlin/New York.
- WILL, E. 1966. *Histoire politique du monde Hellénistique*. Nancy. 2 vols.
- WOLSKI, J. 1954–1956. *Remarques critiques sur les institutions des Arsacides*. *Eos*, Vol. 46.
- 1993. *L’empire des Arsacides*. *Acta Iranica, Troisième Série*, Vol. XVIII, Leuven.
- YARSHATER, E. (ed.). 1983. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 3, 2 parts. Cambridge.
- 1990. *Encyclopaedia Iranica*. Vol. II (4), p. 372. London.

АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ ДО ЭПОХИ ИСЛАМА

9.1

АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, ПОЯВЛЕНИЕ «СЧАСТЛИВОЙ АРАВИИ» И ГОСУДАРСТВО ХИМЬЯРИТОВ

Абдул Рахман Ал-Ансари (ред. Ричард Н. Фрай)

Илл. 14–16

При рассмотрении истории Аравийского полуострова необходимо принимать во внимание три разные географические области: северную территорию с Сирийской пустыней, охватывающей с двух сторон «плодородный полумесяц» и простирающейся к югу вдоль Красного моря и Персидского залива; среднюю часть, родину бедуинов, и южную часть, включающую Оман, провинцию Хадрамаут и Йемен. Северные арабские государства торговали и вообще были тесно связаны с оседлыми царствами Сирии или Ирака, а их торговые колонии простирались вдоль восточных или западных берегов полуострова. В центральной части жили кочевые племена вокруг небольших оазисов, где вода из колодцев и пальмы давали пропитание принадлежавшим бедуинам стадам верблюдов, лошадей или коз. Наконец, южные регионы с древних времен ориентировались на морскую торговлю через Индийский океан. Диалекты или даже языки, на которых говорили разные племена полуострова, значительно отличались друг от друга, что видно из надписей с использованием разных алфавитов. На народы полуострова всегда оказывалось влияние извне, конечно, намного сильнее на народы, жившие на побережье, чем в центре полуострова.

На всей территории полуострова существовал постоянный обмен между оседлым населением и бедуинами; в пустыне, оазисах и даже в южных городах преобладали племенные сообщества. Государства южной части полуострова в период с VIII в. до н.э. по III в. н.э. зачастую создавались кочевниками, приходившими из пустыни. При изучении истории начала рассматриваемого периода мы в значительной степени опираемся на данные археологии и надписи, поскольку классические источники почти не содержат сведений, а более поздние арабские письменные источники полны легенд и мифов. Из надписей мы знаем о существовании множества государств на юге в течение последних веков до н.э. В VIII в. до н.э. на территории Йемена были два царства: Минейское (библейский Ма'он) и Сабейское, о которых, к сожалению, известно очень мало. В более поздних надписях

упоминаются царства Хадрамаут и Катабан, существовавшие на юге Йемена. Во II в. до н.э. гегемония перешла к химьяритам, проживавшим в области современного Адена, которые примерно в начале I в. н.э. разрушили царство Катабан. Они сохраняли свое влияние в течение первых веков н.э.

Торговля между Индией и Египтом обеспечивала процветание городов Южной Аравии, а после открытия муссонов в I в. н.э. судам уже не нужно было держаться у побережья и они могли пересекать открытое море с востока на запад. В географии Птолея и других классических работах западное побережье полуострова, включая Йемен и Хадхрамаут, называлось «Счастливая Аравия» из-за богатства жителей, основанного на дальней торговле, главным образом, индийскими пряностями, слоновой костью и другими товарами из Африки, а также местными предметами роскоши, вроде ладана и мирры, высоко ценившимися в Египте и в римском мире. Римляне пытались установить контроль над торговлей с востоком, но в 24 г. до н.э. их поход в Северную Аравию закончился катастрофой. Археологи обнаруживают обширные ирригационные сооружения, включавшие большие дамбы и каналы, которые позволяли жителям юга выращивать зерновые культуры, такие как пшеница, ячмень и сорго, а также другие сельскохозяйственные культуры, полностью обеспечивая себя. На юге была также хорошо развита обработка металлов, особенно изготовление домашней утвари из бронзы. Процветание южных стран подтверждается наличием сложных многоэтажных каменных зданий, захоронений, высеченных в скалах, и храмов.

В центре Аравии кочевые скотоводы, жившие за счет животноводства, зимой и весной перемещались на территории, где шли дожди, а жарким летом они оставались на местах, где имела вода. Данные археологии свидетельствуют о существовании на ныне пустынных территориях подземных водных каналов, называвшихся «канат», которые, тем не менее, не позволяли соперничать с высоко развитым сельским хозяйством юга. Бедуины пустыни од-

новременно и восхищались оседлыми народами, и боялись их, но конфликты были скорее внутриплеменными, чем между кочевыми и оседлыми народами, которые также принадлежали к племенам. Однако из-за недостатка данных вряд ли возможно реконструировать историю внутренней Аравии рассматриваемого периода.

На северо-западе Аравии, на территории современного Хиджаза самым старым государством был Дедан. Он уступил место царству лианитов, после которых осталось много надписей и чьим центром был оазис Эль-Ула на севере Хиджаза. Лианиты извлекали выгоду из прибрежной торговли, пока в I в. до н.э. не были покорены набатеями. Nabateйское царство (Набатейя) известно своими красными скальными жилищами, высеченными в склоне горы в районе Петры, в Иордании. На юге их центром был оазис Эль-Хижр (современный Мадаин-Салих), где они возвели многочисленные величественные каменные здания и надмогильные сооружения, свидетельствующие об их процветании, основывавшемся на контроле над северной частью маршрута торговли ладаном (илл. 15). Конец Nabateйскому царству пришел в 106 г. н.э., когда римляне завоевали его и присоединили к Риму как провинцию Аравия. Южная часть Nabateйского царства, однако, была занята племенем Фамуд, родственным лианитам. Торговля продолжалась и процветала, несмотря на политические перемены.

В течение первых веков н.э. арабские бедуины распространились по обе стороны от «плодородного полумесяца», и до III в. северные караванные города управлялись арабскими князьями. Из городов наиболее известными были Пальмира на территории центральной Сирии (близ современного города Тадмор. – *Прим. ред.*) и Хатра в северном Ираке. Пальмира извлекала выгоду из северной караванной торговли между Средиземноморьем и побережьем Персидского залива. Она была разрушена римским императором Аврелианом в 273 г. н.э. Подобным образом оазисный город Хатра процветал до тех пор, пока не был разрушен сасанидским правителем Ардаширом в 239 г. н.э. После этого Сасаниды создали арабское вассальное государство Лахмидов, позднее перешедшее Риму, а затем Византийской империи в виде вассального государства Гасанидов на западе Сирийской пустыни. Богатство Пальми-

ры и Хатры доказывается археологическими находками, но в III в. н.э. Рим и империя Сасанидов присвоили роль многих арабских караванных городов и стали контролировать выгодные торговые пути между востоком и западом.

К концу существования независимых арабских малых государств, вроде Пальмиры, Хатры и Nabateйского царства, на Аравийский полуостров стали проникать еврейские переселенцы и христианские миссионеры. Арабские народы полуострова исповедовали многобожие, при этом некоторые божества были предметом поклонения в определенных поселениях или областях. По-видимому, лианиты начали первыми поклоняться Аллаху, что широко распространилось во времена Ислама. По-видимому, языческие религиозные влияния юга распространялись к северу, и оазис Таиф, к юго-востоку от Мекки, где разветвлялся торговый путь с юга на дороги к северо-востоку и северу, стал центром религиозной активности. Только после окончания рассматриваемого периода христианство было принято в Эфиопии, и оно получило сильную опору в Аравии. Но интерес Эфиопии к территории Южной Аравии просматривался и до этой эпохи, поскольку в 190 г. н.э. из Аксума на западном побережье Красного моря сюда пришли вооруженные группы для борьбы с химьяритами, что имело далеко идущие последствия. Следует подчеркнуть, что Южная Аравия была намного более развитой, чем центральная или северная части Аравии, и многие ее достижения распространялись по всему полуострову. В нескольких более поздних арабских источниках встречается легенда о том, что, когда разрушилась большая дамба в Марибе, в Северо-Восточном Йемене, проживавшие там многочисленные племена разбрелись по всему полуострову, принося с собой культуру Южной Аравии.

Строго говоря, слово «араб» применялось только к бедуинам пустыни, которые служили наемниками в государствах юга Аравии. Более поздняя высокоразвитая арабская поэзия вполне могла брать свое начало скорее от южно-арабского, чем от североарабского языка. Таким образом, в ранний период истории Аравийского полуострова центр его развития был связан преимущественно с южными областями, и только позже он переместился на север, кульминацией чего стало появление ислама в Хиджазе.

АРАВИЯ ПЕРЕД ИСЛАМОМ

Абдул Рахман Ал-Ансари (ред. Ричард Н. Фрай)

Аналогично торговле, которая ранее была преобладающей чертой Аравии, в рассматриваемый период главной особенностью эпохи стала религия. Дело не в том, что торговля потеряла свое значение, а в том, что упадок римской империи вызвал уменьшение спроса на восточные предметы роскоши. К тому же золота не хватало для оплаты за ввозимые товары, а Индия требовала золото для оплаты за пряности. Только в шестом веке, когда стабильными стали Византия и империя Сасанидов, спрос на восточные предметы роскоши вновь стал настолько велик, что торговля шелком, пряностями и духами стала оказывать большое влияние на политику того времени. Но обычные люди больше интересовались религией.

Сохранившиеся письменные источники являются почти исключительно религиозными, в отличие от более раннего периода, от которого до нас дошли светские документы. С III в. н.э. религия потеснила все другие виды человеческой деятельности. Это нашло отражение не только в письменах, но и в искусстве, архитектуре и даже буквально во всех сторонах жизни. Период от IV до VIII в. можно называть эпохой религий.

Другое различие между ранним и более поздними периодами истории Аравии состоит в том, что ранее культурное влияние, как и перемещения племен, происходило с юга на север, поскольку южноаравийская цивилизация была более развитой, чем северная. Но с IV по VIII в. н.э., наоборот, южные аравийские племена испытывали влияние Северной Аравии. Все старые виды южноаравийской письменности исчезли, и на юге распространилась североарабская письменность, использовавшаяся лахидами и имевшая, возможно, набатейское происхождение. Некоторые ученые характеризовали более поздний период как «темные века» в Аравии, в отличие от более раннего периода, хотя эта характеристика, возможно, возникла под влиянием сложившихся представлений об истории Западной Европы в те же века.

В IV в. н.э. распространялись мировые религии, происходило их становление как ортодоксальных верований, и этот процесс обязательно протекал, хотя и несколько позже, и в Аравии. Укрепление этих религий шло параллельно с централизацией империи Сасанидов с ее церковной организацией зороастризма, и Византийской империи, в которой христианство было государственной религией. В течение этого периода до возникновения ислама появились, пришли в упадок и исчезли многие царства Аравии. Некоторые из них были сильны и независимы, тогда как другие были вассалами той или иной великой империи. Третьей силой была Эфиопия, которая стала христианским государством и в союзе с Византией распространила свое влияние на юг Аравии.

На юге химьяриты не только около 300 г. н.э. создали новое царство, но и начали политику экспансии и вскоре уже управляли всем югом Аравии, а на севере продвинулись вплоть до Найрана, к югу от Мекки. Начиная с конца

IV в. язычники химьяриты стали вводить монотеизм в свою религию. Упоминание одного бога – «Рахман-ан» («Милосердный») было начато химьяритами. В конце V в. Абу Кариба, известный также как Маад-Кариб Яфур, правитель Химьяритского царства с центром на территории Йемена, принял иудаизм как свою веру. Его сын и наследник Юсуф-Ду Нуvas начал в этом царстве преследование христиан. В частности его действия против христиан в Найране в 518 г. вызвали ответные действия Наяши, эфиопского правителя из Аксума. Последний в 517 г. послал в Йемен большую армию, нанеся поражение Ду Нуvasу, которому пришлось спасаться бегством. После этого почти весь юг Аравии оказался под властью эфиопов, которые назначили Абраху (*Abraha*) вице-королем этих территорий.

Ду Нуvas стал искать помощи от Сасанидов и направил посольство в Эль-Хиру, столицу Лахмидского царства, вассала Сасанидов, но помощь не пришла. Ду Нуvas вернулся на свои земли и вернул себе власть. Он пытался уничтожить сторонников эфиопского правителя из Аксума, но в 524 г. против него был образован тройственный военный союз Византийской империи, Аксумского эфиопского царства и христиан Южной Аравии. Ду Нуvas потерпел поражение и либо был убит, либо совершил самоубийство, что положило конец царской линии химьяритов.

После этого Абраха укрепил свою власть и начал контролировать торговлю пряностями, что было главным объектом интересов Эфиопии на юге Аравии. Абраха построил церковь в Сане, а чтобы привлечь паломников к этому центру, он посылал миссионеров в разные области Аравии. В то время Мекка была местом языческого паломничества, и Абраха стремился привлечь паломников в Сану, к его христианской святыне. Считалось, что паломники будут посещать места поклонения, языческие или христианские, просто как святыне места. Когда какой-то пришелец с севера осквернил эту церковь, Абраха выступил против Мекки в поход армией, в которой были слоны. Хотя тот год считался «годом слона», что отмечено в Коране, поход Абрахи был неудачен и ему пришлось повернуть назад.

Южная Аравия зависела от Аксума, но там существовал вассальный царь и было назначено уникальное двойное правление: наряду с царской администрацией имелись эфиопские военные поселения, которые не зависели от местных властей и, вероятно, от самого короля. Первым королем был Сумафа Ашва, который оставался преданным эфиопскому правителю. Его внук Саиф, однако, захотел освободиться от эфиопской опеки. Сначала он обратился за помощью к Византии, но получил отказ, так как в Аксумском царстве была та же государственная религия – христианство. Тогда Саиф сблизился с персами и сасанидским царем Хосровом I, который послал несколько судов на помощь Саифу, бежавшему от эфиопского правителя. Персы послали в Йемен войска под командованием персидского генерала Вахриза, который в 577 г. сумел завоевать

юг Аравии и восстановил Саифа на троне. В ответ эфиопы назначили другого правителя, но он был свергнут персами в 599 г. Другим образом, юг Аравии фактически стал провинцией государства Сасанидов, которое заменило Эфиопию как доминирующую силу в этом регионе, ставшем местом соперничества этих двух великих держав.

Теперь на юге Аравии к соперничеству между христианством и иудаизмом добавилась и третья религия – зороастризм, хотя последний не был столь же ориентирован на миссионерство, как первые две религии. Обращение в христианство происходило не только на юге, но и на севере Аравии, в то время как в Медине или Ясрибе проживало значительное по численности иудейское население, а сторонники зороастризма были только в Бахрейне, в восточной Аравии. Даже несмотря на то что и византийцы, и сасаниды стремились получить монополию на торговлю, в Западной Аравии в период до появления ислама успешно действовали и независимые торговцы.

В V в. впервые в истории из записей мы узнаем об арабском царстве в центральной Аравии, основанном племенем Кинда. При Эль-Харите, в последние десятилетия V в., все племена в Найде, в Центральной Аравии, были объединены в царство Кинда. Его сын в 510 г. напал на границы земель византийской империи, и императору Анастасу пришлось заключить мир с киндитами. Эль-Харит также напал на территорию Сасанидов, но в 529 г. был убит лахмидскими вассалами персов. После его смерти царство было разделено между его сыновьями и в конце концов распалось. Мы знаем об этом царстве главным образом благодаря более позднему князю Имру-уль-Кайсу, который был знаменитым доисламским арабским поэтом, некоторые стихи которого сохранились до наших дней.

Следует отметить, что именно доисламская арабская поэзия является наиболее важным источником сведений об Аравии этого периода. Многие произведения были записаны уже в эпоху ислама, и в них можно видеть подчеркнутую важность племенного общества. Поэзия касалась главным образом племенных войн, одиноких путешествий на верблюде по пустыне или стремления к любви. Как уже упоминалось, даже оседлые народы оазисов принадлежали к разным племенам, и всю эту эпоху можно назвать племенным периодом истории Аравии. Восточная Аравия, однако, с древних времен находилась под сильным иранским влиянием, которое теперь превратилось в прямое правление.

Территория Восточной Аравии вдоль побережья Персидского залива попала под власть персов при сасанидском правителе Шапуре II (310–379 гг.), который предпринял поход в глубь Аравии и нанес поражение племенам, занимавшимся мародерством. После периода независимости, в шестом веке этот регион снова отошел к Сасанидам, которые назначили правителем лахмидского короля. Персидские гарнизоны и переселенцы обосновались в Бахрейне, Омане и других местах на востоке. Следы подземных ирригационных каналов, найденные в Омане, были, вероятно, результатом деятельности поселенцев из Ирана. Персидская культура и обычаи распространились по всей Восточной Аравии.

За сто лет до появления ислама племена бедуинов стали сильнее, и есть сведения о существовании в то время племенных объединений, таких как Кинда, но ни одно из них не было устойчивым, поскольку племенная конкуренция подрывала любое единство. Как и другие кочевники, бедуины были более искусными воинами, чем оседлые народы, и сохранили за собой эту славу и впоследствии, хотя и занимались набегами и грабежами городов и деревень. Они также обеспечивали охрану и поставляли верблюдов в города для торговых караванов. Но вернемся к религии.

Христианство стало особенно распространяться в Аравии, после того как византийский император Константин II

(317–361 гг.) послал туда на два года арианского епископа Теофила Индского для обращения в христианство королей Аксума и химьяритов (*арианство* – течение в христианстве в 4–6 вв. Его зачинатель – священник Арий; ариане не принимали догмат о единственности Бога-отца и Бога-сына (Христа). – *Прим. ред.*). Теофил имел большой успех в Эфиопии, но гораздо меньший – на юге Аравии. В империи Сасанидов христианство было принесено в середине третьего века прежде всего пленными, поселенными в Южном Иране, взятыми Шапуром I во время его набегов на запад и при захвате городов, таких как Антиохия на реке Оронте (ныне Эль-Аси. – *Прим. ред.*). Во времена преследования христиан в империи Сасанидов Шапуром II, которые начались в 339 г., некоторые христиане бежали в Аравию, а торговцы, приезжавшие за жемчугом, видимо, принесли христианство и в восточную часть полуострова. Христиане империи Сасанидов были главным образом несторианами, и именно несторианская церковь в Эль-Хире посылала миссионеров к побережью Персидского залива в V в. Несторианский епископ Омана упоминается уже в 424 г., что свидетельствует о распространении этого христианского течения в Аравии.

Торговля сохраняла свое значение, но распад Римской империи уменьшил спрос на предметы роскоши с востока, а рынок Византии не мог заменить огромный рынок Рима. Только в VI в. с укреплением империй Сасанидов и Византии возникла конкуренция за предметы роскоши. В то время сухопутные маршруты из Китая приобрели большее значение в торговле на большие расстояния, чем морские перевозки, что в большой степени определялось предприимчивыми торговцами из Согдианы, которые были более готовыми рисковать своими караванами верблюдов, чем морские капитаны Аравии – своими судами.

К VI в., однако, и византийцы, с их эфиопскими союзниками, и Сасаниды конкурировали за восстановление всех торговых связей с Индией и Восточной Азией. Шелк, пряности и духи все еще оставались главными предметами импорта из далеких стран, и контроль над торговыми путями Аравии был объектом конкуренции между Византией и империей Сасанидов. Как и прежде, территории современного Омана и Йемена являлись ключевыми областями для осуществления такого контроля, но соперничество и в северной части полуострова было также жестоким.

Как кочевые вожди, сумевшие завоевать оседлые регионы юга Аравии, так и северные арабские воины еще в период распада государства Селевкидов основывали небольшие царства. Были уже упомянуты Пальмира, Хатра и Набатей, но были и многие другие. В Эмесе (Химсе), в Сирии, арабская династия обосновалась еще на пороге тысячелетий. Аналогично в Эдессе (Эль-Фухе) воцарилась династия Аб, имевшая арабское происхождение и правившая до начала III в., когда римляне положили конец правлению этой династии. Таким образом, империи Византии и Сасанидов взяли под свой контроль северные аравийские государства и посадили там своих вассалов, гассанидов и лахмидов.

Гассаниды произошли из племени Южной Аравии, которое переместилось к западному краю Сирийской пустыни, и в V в. императором Анастасом (491–518 гг.) они были назначены защитниками границ Византии от Сасанидов. Они много раз воевали против сасанидского вассального арабского государства лахмидов, которые также происходили из Южной Аравии. Ни одно из этих вассальных государств, однако, не было наследником более ранних арабских княжеств караванными городами, такими как Пальмира и Хатра, они скорее унаследовали обычаи и образ жизни их предшественников – бедуинов. Они были скорее воинами, чем торговцами, и это вызвало мнение о том, что север Аравии в то время был занят кочевни-

ками и находился в состоянии упадка. После того как в начале VII в. оба эти государства были поглощены империями, их границы остались незащищенными. Предвестником исламских завоеваний стало сражение при Дху Квар в Южном Ираке, состоявшееся около 610 г. между арабскими бедуинами и сасанидской армией, в котором последняя потерпела сокрушительное поражение.

К VII в. западное побережье Красного моря стало наиболее популярным торговым маршрутом с юга на север. Город Мекка процветал, так как являлся центром караванной торговли со святилищем Каабой, в храме которого находился (и находится по сей день) Черный камень. Главенствующим племенем города, которое стало оседлым, было племя Курейшитов, и к нему принадлежал пророк Мухаммад. В его время торговля была развита больше, чем в предыдущие века, и большие караваны верблюдов шли в Сирию, перевоза шкуры и кожу, и из Африки, перевоза слоновую кость и золотой песок, а также рабов, и, конечно, транзитом – пряности и духи с востока. Из Сирии, в свою очередь, поступали ткани из хлопка и льна, разные изделия, вроде оружия и домашней утвари, и масло для ламп. Торговля была очень выгодной и обеспечивала богатство Мекке. В этих условиях приблизительно в 571 г., в год слона, родился Мухаммад.

В Аравии господствовали кровная месть и племенная война, и молодой Мухаммад, который в юности потерял своих родителей, ненавидел постоянную борьбу. Когда ему было 25 лет, богатая вдова по имени Хадиджа наняла его для управления ее торговлей, и он водил караваны в Сирию. Хотя Хадиджа была на пятнадцать лет старше его, они поженились, и он стал материально обеспеченным торговцем. Однако в возрасте 40 лет во время молитвы в пещере Мухаммад получил послание свыше и принял назначение как пророк Аллаха. Его первая проповедь, обращенная к его собственному племени курейшитов, не только не была услышана, но и вызвала возмущение, так как члены племени были язычниками. Но постепенно у него появились последователи, и его проповедь распространилась по Аравии.

Опасаясь преследований у себя на родине, некоторые из его последователей укрылись в Эфиопии, где были хорошо приняты. Близость его учения с христианской и иудейской верой привлекала к нему некоторых сторонни-

ков этих религий, но в целом он не сумел убедить многих из них. Из-за сильного противодействия в Мекке ему пришлось удалиться в Медину вместе со своими последователями. Именно с этого переселения (хиджры), произошедшего в 622 г., начинается отсчет времени исламского календаря. После многочисленных столкновений между силами Мекки и Медины мусульмане, как назывались последователи пророка, смогли захватить Мекку, и ислам получил свое рождение. Невозможно подробно описать распространение ислама по Аравийскому полуострову и за его пределами, но новую веру приняли многие племена, а также некоторые неарабские народы, такие как потомки персов, проживавших в Йемене. Они не только приняли ислам, но и помогли разгромить восстание местного пророка по имени Эль-Асвад, после чего их стали называть «абна», т.е. «сыновья», и выделять в особую группу в раннем исламе. В разных частях Аравии и другие пророки пытались приобрести последователей, но они потерпели неудачу до возникновения ислама. Впервые в истории арабские племена объединились, следуя новой вере, которая дала им общую идеологию и силу, которая изменила историю мира. Это была не просто общая религия: Коран дал арабам общий язык, общую культуру и образ жизни. Межплеменная вражда не была изжита, возобновившись позднее, в период Омейядского халифата, но ислам дал всем арабам единство цели в завоеваниях вне Аравийского полуострова. Позднее эта религия арабов превратилась в мировую религию, имеющую всеобщую привлекательность. Для этого, правда, потребовалось несколько веков и множество контактов между многими народами, исламской культурой и развитой цивилизацией, которые привели к появлению исламского искусства и архитектуры, исламской литературы сначала на арабском языке, а затем и на других языках, исламских правительств и обществ. Из-за блеска исламской цивилизации эпоха до ислама, возможно несправедливо, была названа «Яхилья», т.е. «век невежества». Только благодаря тому, что ислам преобразил мир от Индии и Китая до Атлантического океана, период, предшествовавший исламу, производит по сравнению с ним весьма бледное впечатление. История ислама, однако, относится к следующему периоду всемирной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ (9.1–9.2)

- AL-ANSARY, A.R. 1982. *Qaryah al-Fau. A Portrait of Pre-Islamic Civilization in Saudi Arabia*. New York.
 — 1984. *Studies in Arabian History*. Ar Riyāḍ. 2 vols.
 AL-KHALIFA, S.H.; RICE, M. 1986. *Bahrain Through the Ages*. London.
 DOE, B. 1971. *Southern Arabia*. London.
 KOBISHCHANOV, Y.M. 1979. *Axum*. Philadelphia.
 MOSCATI, S. 1959. *The Semites in Ancient History*. Cardiff.

- NOELDEKE, T. 1887. *Die Ghassanidischen Fürsten aus dem Hause Gafna's*. Berlin.
 OLINDER, G. 1927. *The Kings of Kinda of the Family of Akil al-Murar*. Lund.
 ROTHSTEIN, G. 1899. *Die Dynastie der Lahmidin in al-Hira*. Berlin.
 SHAHID, I. 1984. *Byzantium and the Arabs in the Fourth Century*. Washington D.C.
 WINNETT, F.V.; REED, W.L. 1970. *Ancient Records from North Arabia*. Toronto.

II. Средиземноморье и история Европы

ВВЕДЕНИЕ

Йоахим Херрманн

С VIII в. до н.э. центрами цивилизации стали некоторые области вокруг Средиземного моря, частично имевшие традиционные связи с более старыми ключевыми регионами бронзового века (том II). В последующие века возникли классические культуры финикийцев, греков, этрусков и римлян; развитие разных отраслей науки и других аспектов цивилизации зависело от этнических особенностей каждой культуры, включая религии. Широко раздвинувшиеся географические горизонты Македонской империи и эллинизма расширили возможности для такого развития, однако в основном только на уровне высших социальных групп. Новая ступень развития началась со II в. до н.э. с возникновением Римской империи, природа которой вновь изменилась в первых веках н.э. благодаря возникновению и распространению христианства. Это время было началом нового периода культурного и идеологического объединения, которое было надэтническим, поскольку определялось распространением мировой религии. Таким образом, после формирования римской империи Средиземноморье стало в нескольких аспектах единым политическим, экономическим и даже культурным ключевым регионом. В него вошли территории, расположенные даже вдали от самого Средиземноморья, такие как обширные области Юго-Восточной, Северо-Западной и Центральной Европы, а также Западной Азии и Северной Африки.

VIII и VII вв. до н.э. считаются «темными веками» Средиземноморья. Письменные источники отсутствуют, археологические находки немногочисленны, а устные сказания были записаны лишь много позже. Тем не менее, можно выделить некоторые главные черты эволюции: устойчивое развитие греческого общества в Восточном Средиземноморье, на Пелопоннесе, островах Эгейского моря и в Западной Азии. Греческие колонии появились в устье Нила и в южных областях Италии. Важным результатом этого процесса стало возникновение городов-государств, так называемых полисов. Они представляли собой особый тип общества, объединившегося вокруг центра городского типа, но связанного с более или менее обширными тяготеющими к ним районами. Каждый из сотен полисов имел свою историю.

Развивались разные типы полисов, появлявшиеся совершенно разными путями. Среди типичных представителей полисов можно назвать Афины и Спарту. Афинский тип полиса стал классическим. Тяжелая и длительная борьба между разными социальными группами создала условия для возникновения демократических форм политической организации, которые основывались, конечно, на социально-экономических условиях того времени. Солон из Афин, живший в начале VI в. до н.э., был первым извест-

ным в истории реформатором, который сделал попытку определить права и обязанности граждан на основе их экономического положения. Он разделил граждан на классы в соответствии с количеством зерна и масла, производившегося ими ежегодно, и предложил сделать это основой для демократического взаимодействия, необходимого для перехода к эффективному обществу. Независимо от того, что означала греческая демократия, и несмотря на ее ограниченность, она представляла собой форму общественно-политической организации, которая являлась противоположностью династически управлявшимся обществам и государствам. С другой стороны, греческая свобода и демократия, укрепившиеся начиная с конца VI в. благодаря реформам Клисфена и затем под влиянием нашествий персов и достигшие апогея при Перикле, имели и свою темную сторону – рабство. Поскольку институт демократии развивался на основе социальной организации только свободных людей, рабство продолжало расширяться. Точные данные недостаточны, но есть записи о том, что в классическую эпоху в Афинском полисе около двух третей жителей были рабами. Великие греческие философы, такие как Аристотель, пытались в своих общественно-философских теориях оправдать рабство, рассматривая его как следствие разной предрасположенности, существующей в природе человека. Так называемые варвары рассматривались как люди более низкого сорта, предрасположенные к тому, чтобы быть рабами.

После длительного периода общественных столкновений, среди которых были восстания сотен тысяч рабов в течение последних веков существования Римской республики и первых веков Римской империи, эта концепция общества претерпела изменения, в значительной степени благодаря появлению христианства. Представители этой мировой религии считали, что все люди в принципе должны быть равны перед Богом. Рабство все больше заменялось другими формами зависимости вроде системы каганата. Это, в свою очередь, дало начало системе, позднее названной «феодальной», которая начиная с VII в. стала характерной особенностью средневекового общества.

Финикийцы, греки и римляне могут рассматриваться как основатели европейской науки в современном смысле этого слова. Наряду с философией и на ее основе зародились астрономия, математика, физика, медицина, история, география, филология, агрокультура и архитектура, которые отчасти происходили от западноазиатских и египетских корней.

Благодаря своим выдающимся достижениям цивилизация Средиземноморья оказала влияние на племена и сообщества почти во всех частях Европы, в Северной Аф-

рике и Западной Азии. Греческое и римское общества привлекали менее развитые племена, считавшиеся у них «варварами».

Эти племена и сообщества в окружающих регионах многими своими знаниями, умениями и другими аспектами цивилизации во многом обязаны обществу Средиземноморья. В конечном счете они использовали эти связи со Средиземноморьем для сокрушения его цивилизации и формирования начиная со второй половины IV в., своих политических, военных и общественных институтов.

В процессе борьбы и перемен, начавшихся в конце IV в. с эпохи переселения народов, возникли некоторые новые политические, военные, а также культурные области, принявшие христианство как свою религию и идеологию: Византийская империя, Империя Меровингов, королевства готов в Испании и Южной Франции и ломбардов (лангобардов) в Италии.

В Центральной Европе возникли племенные царства переселившихся славянских народов, такие как царство Само. Первоначально кочевое племя булгар основало свое государство в Юго-Восточной Европе. Авары, сербы и хорваты завоевали бывшие римские провинции Византии в регионе Дуная и на Балканском полуострове. В Северо-Западной Европе основали свои королевства англосаксы.

В период между 700 г. до н.э. и 700 г. н.э. благодаря культурным традициям Средиземноморья были заложены классические основы европейской цивилизации. Возникла новая ориентация человеческой истории, которая, несмотря на темные стороны и внутренние противоречия, и до нашего времени сохраняет свое влияние.

Культурно-историческое развитие Средиземноморья и окружающих регионов характеризовалось, конечно, не только преемственностью, но и перерывами; не только триумфальными успехами той или другой этнической, политической или социальной группы, но и их поражениями. Главные изменения и исторические события позволяют нам определить периоды в историко-культурном развитии Средиземноморья и, в конечном счете, всей Европы. В некоторых случаях остаются спорными некоторые точные даты, разделяющие эти периоды, но обычно не вызывает сомнения возможность выделения следующих периодов:

– эпоха античности и классицизма греческой цивилизации, включая культуру финикийцев, и начало эпохи Рима, ок. 700 – ок. 330 г. до н.э.;

– эллинистический мир, образованный империей Александра Македонского и следующими за ней государствами в период между второй половиной IV в. и концом III в. до н.э.;

– эпоха возникновения Римской республики, ее превращения в империю после второй Пунической войны (218–201 г. до н.э.) и кризиса в конце III в. н.э.;

– эпоха упадка Римской империи, ее цивилизации и культуры в ходе длительной внутренней борьбы и войн против нападавших племенных сообществ Европы и Африки, а также против персов в Западной Азии. С конца III и, несомненно, до конца V в. христианство и христианская церковь являлись наиболее важной религиозной и культурной силой европейского общества;

– в конце V и в течение VI в. приобрели значение новые политические, социальные и культурные объединения. Часто они были временными и местными, различавшимися от области к области. Таким образом, в течение последнего века, рассматриваемого в настоящем томе, появились новые государства: поздняя Византийская империя, Империя Меровингов, объединенный Аварский каганат, раннее Болгарское царство, Лангобардское королевство, королевство западных готов, различные племенные царства в северо-западной, центральной, восточной и юго-восточной частях Европы, а также государства, возникшие в результате завоеваний арабов.

С культурно-идеологической точки зрения имеет смысл провести различие между периодом расцвета культуры, науки, философии и гуманитарных наук городов-государств (полисов) и периодом эллинизма; римской культурой с ее иерархически и династически ориентированной религией; периодом возникновения христианства, его конфликта с античной философией и культурой и одновременным развитием античной философии и культуры и, наконец, периодом развития христианства с его хорошо иерархически организованной церковью, культурной, социальной и политической властью, с тенденцией объединить все больше регионов и областей Европы, окружавших Средиземноморье, а также недавно основанные царства в единое культурно-идеологическое сообщество без границ.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ЕГО СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ до 300 г. до н.э.

10.1

ГРЕЧЕСКИЙ МИР В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

10.1.1

РАННИЙ ПЕРИОД ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ

Рауль Лони

Илл. 17, 18

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА

Историки обычно сходятся во мнении о том, что город-государство (*полис* – по-гречески), типы политической и общественной организации, характерной для мира Древней Греции, возник в эпоху античности. Слово «полис» означает высокоструктурированное сообщество, основанное не столько на этническом или географическом признаке, сколько на том, что Аристотель назвал желанием жить вместе. Оно, следовательно, было основано прежде всего на единстве его членов, которое обеспечивалось общим историческим или мифическим прошлым, коллективными религиозными обрядами и законами, которые правили жизнью группы. На самом деле, однако, город-государство было также неотъемлемой частью более крупного города и территории, внутри которой городское поселение, крупное или малое, укрепленное или неукрепленное, было привлечено в основном к небольшой по размерам территории с ее ресурсами и возможностью защиты. Наконец, в своих отношениях с партнерами на международной сцене город считался независимым и суверенным политическим целым, что характерно для государства. Оригинальность города-государства можно понять, только принимая во внимание эти три аспекта: (1) внутренний, т.е. согласие, которое привело к его появлению; (2) его внедрение в окружающую территорию; (3) внешний, т.е. признание его самостоятельности.

Трудно определить, в какой момент античной эпохи появился этот тип организации. На этот счет все еще существуют разные мнения, хотя многие историки указывают на VIII в. Несомненно, однако, что город-государство возник под влиянием разных факторов – демографических, военных, экономических и религиозных. Между IX и

VIII вв. до н.э. эти факторы действовали раньше или позднее, в большей или меньшей степени в зависимости от территории.

В любом случае, этот тип сообщества был преобладающей формой общественно-политической организации в Греции с конца эпохи античности и в течение всей классической эпохи. Следует, однако, отметить, что эта форма не была единственной. В некоторых регионах греки могли организовывать свою жизнь на основе *этноса* – организации, при которой население, принадлежавшие к одной этнической группе, проживало в более или менее крупных деревнях без какого-либо городского центра. Довольно неопределенная политическая структура связывала эти разные деревни в рамках одного *этноса*, но иногда несколько *этносов* группировались в более крупном образовании. Это справедливо, например, для Акарнании, Локриды, Этолии, Фессалии или Эпира. Некоторые из этих областей в конце концов приняли городскую организацию, в то время как другие остались в значительной степени связанными с *этносом* как формой организации.

Эта новая структура общественной жизни, однако, не предоставляла всем своим членам полное политическое равенство и строгую социальную справедливость. Вызывают сомнения идиллические сцены, которые некоторые древние источники рисовали в отношении, например, Спарты времен легендарного Ликурга. В действительности же эпоха античности была в многих отношениях периодом кризисов, в ходе которых этот город пытался обрести устойчивость. Беспорядки, происходившие в то время на территориях греческой цивилизации, естественно, оказывали свое влияние на города, эти новые и еще хрупкие сообщества. Это было временем глубоких экономических преобразований: аграрной революции, отмеченной пере-

ходом от преимущественно скотоводческого типа сельского хозяйства к обработке земли; развития технологий, особенно в области металлургии, керамики и строительства; возрождения торговли, особенно с удаленными территориями на востоке и западе. Все это сопровождалось острым социальным напряжением, которое влияло преимущественно на сельскую цивилизацию, в которой крупные землевладельцы находились в конфликте с безземельными крестьянами. Часть последних, вроде афинских «гектеморои» («*bektemoroi*»), которые должны были отдавать шестую часть своего урожая богатым землевладельцам, иногда доходила до состояния, которое древние тексты описывают как близкое к рабству.

Этот антагонизм между богатыми и бедными проявлялся, естественно, и в политической сфере, бросая вызов доминированию правящей аристократии. Реформаторами предпринимались мирные попытки перераспределить баланс правосудия и политической власти, но в то же время иногда брали верх попытки амбициозных личностей, стремившихся к установлению личной власти при поддержке наиболее небеспеченных слоев населения. В первом случае меры, принятые Ликургом в Спарте или Солонем в Афинах, на время скомпенсировали социальные различия или недостаток политического равновесия. Во втором случае внутреннее напряжение привело к появлению тиранических режимов, которые иногда длились несколько десятилетий, подобно тираниям Кипсела в Коринфе, Орфагора в Сикионе или Писистрата в Афинах.

Наконец, необходимо добавить, что в эпоху античности появились важные военные новшества, которые, конечно, имели большие последствия для социальной и политической сфер. В первой половине VII в. окончательно утвердившаяся новая тактика, заключавшаяся в использовании фаланги – боевого строя из нескольких тесно сомкнутых шеренг из тяжело вооруженных пехотинцев – гоплитов – с единообразным оружием, создала спрос на новую категорию воинов. С этого времени их стали набирать из представителей средних классов, которые могли приобрести дорогостоящие доспехи. Эти люди появились на сцене военных действий, и их появление сопровождалось политическими требованиями, явными или неявными, иногда бросавшими вызов установившемуся порядку, основанному исключительно на правлении аристократии. Однако демократии предстоял еще долгий путь до торжества. История эпохи античности, таким образом, отмечена многократными попытками городов-государств достигнуть общественного и политического спокойствия.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Колонизация, несомненно, оказала наиболее глубокое влияние на будущее греческих сообществ. Она продолжалась более двух веков, с середины VIII до конца VI в., и проявлялась еще и в V в. При этом греки распространились по всему Средиземноморью и иногда за его пределы. Карта греческой колониальной экспансии включает пять больших территорий расселения: север Эгейского моря (Халкидики, Фракия); Пропонтида (Мраморное море) и Черное море; Северная Африка (Киренаика, Египет); запад (Сицилия, Южная Италия); дальний запад (Южная Галлия, восточное побережье Испании).

Колонизация была обусловлена рядом причин. Одной из наиболее важных был, конечно, недостаток земли, из-за которого страдала часть населения, поскольку экономика была главным образом основана на ее обработке. Дело было не в том, что греческая земля была слишком бедной, чтобы прокормить растущее население, этого не было нигде. Но многие колонисты оставляли территории, кото-

рые не имели существенных недостатков, например Эвбею. Этот земельный «голод» можно объяснить довольно неравномерным распределением собственности из-за концентрации лучших земель в руках аристократии, состоявшей из крупных землевладельцев, или обычая делить наследуемую собственность, который приводил к делению земли на чрезмерно малые части. Поэтому колонисты оставляли Грецию прежде всего в поисках земли. В некоторых случаях основание колонии вдали от родины могло также быть вызвано экономическими причинами, например стремлением получить легкий доступ к товарам, которых не было в Греции или которых было недостаточно, таких как пшеница, лес, металлы (олово, серебро). Эти причины не всегда ясны, особенно при первой волне колонизации, происходившей с середины VIII до середины VII в. до н.э., так как счета, относящиеся к основанию колоний, редко их упоминают. Поэтому некоторые современные ученые подвергают их сомнению, хотя их нельзя полностью отвергать, поскольку основание некоторых из наиболее древних колоний, видимо, очень хорошо объясняется этими причинами, например Питекузы на острове Искья (у входа в Неаполитанский залив), Занкль и Регий в проливе Мессины, Византия в проливе Босфор и т.д. В любом случае нужно проявлять осторожность в представлениях о каком-либо продуманном плане колониальных поселений, предназначенных для поддержания торговых связей с их метрополией. Можно лишь упомянуть другие причины, известные из древних источников, хотя не всегда вызывающие доверие, например нехватка зерна, политические конфликты, военные поражения и даже рекомандация оракула.

Независимо от того, какова была причина, основание колонии часто не принимало форму неорганизованного переезда отдельных людей, а происходило в виде скоординированного отъезда под руководством человека, назначенного городом с согласия богов. Ясно определялись формы и цели отъезда, а иногда и место размещения колонии. По прибытии переселенцы делили между собой выбранную территорию, по возможности поровну. Каждому выделялось место как в будущем городе, так и на окружающей его территории. Иногда часть земли оставляли незанятой с учетом возможности прибытия новых поселенцев. В результате основался новый город, который организовывал свои институты, законы и религию исходя из устройства метрополии. Однако этот город с момента его основания был независимым полисом – городом-государством. Он часто поддерживал тесные связи с основавшим его городом, но временами мог проводить собственную политику и образовывать свои союзы, в том числе, в случае необходимости, и против своей прежней родины.

Не следует забывать, что эти колонии часто были местами технического, политического, религиозного, художественного и философского эксперимента, результаты которого обогащали всю греческую цивилизацию. Мы не должны забывать, например, что именно в греческой колонии Кротон в Южной Италии к середине VI в. до н.э. Пифагор Самосский разработал свою теорию и основал школу, которая оказала глубокое влияние на развитие науки, а также на религиозное и философское мышление греков классической эпохи. Появлению такого обилия идей и талантов способствовала меньшая жесткость установлений в создаваемых государствах, где все надо было создавать с самого начала и где собирались люди из разных регионов Средиземноморья, сталкивавшиеся с бесчисленными вызовами нового мира.

Один из наиболее интересных аспектов истории греческой колонизации касается отношений этих переселенцев с местными жителями. Недавние исследования привели к пересмотру некоторых противоположных представлений об этих отношениях, заключавшихся либо в гар-

мичном сосуществовании, либо в непрерывной борьбе. В действительности же отношения между поселенцами и коренным населением были очень разными, так как зависели от плотности коренного населения, степени политической и социальной организации столкнувшихся между собой людей, численности переселенцев и их намерений и, наконец, причин переселения, которыми могли быть как сельскохозяйственные, так и коммерческие соображения. В некоторых колониях отношения с коренным населением привели к реализации другой возможности, превратившейся в закрепощение греками местного населения, что имело место, например, в случае с килирийцами на Сицилии, попавшими под власть переселенцев из Сиракуз, или мариандийцами на Черном море, которые были низведены переселенцами из Гераклиона до состояния полурабства. С другой стороны, в других регионах, после начального периода недоверия, греки установили с внутренними районами добрососедские отношения, которые облегчили торговые отношения и культурное взаимодействие, или, хотя и намного реже, включение некоторой части местного населения в состав греческой колонии.

Что-то подобное, как известно, имело место в Италии. Например, известно, что колония в городе Кумы (севернее современного Неаполя. – *Прим. ред.*) стала центром распространения эллинизма на землях этрусков. Свидетельством этого являются не только многочисленные греческие вазы геометрического периода, найденные в Этрурии, но и включение этрусками в свой пантеон богов Аполлона, Артемиды, Геракла и Харона. Можно также отметить сходство похоронных обрядов богатых этрусков и греческой

аристократии из колонии в Кумах. Эти богатые этруски даже усвоили греческую традицию пиршеств и, подобно грекам, развивали использование алфавита. Далее к югу надписи, найденные в районе Мессапии и относящиеся к народу, проживавшему вблизи Тарента, упоминают поклонение Деметре и Афродите. Святилище Монте Папалуччио в Ориа (в области Мессания) свидетельствует о том, что этот итальянский народ легко заимствовал греческие религиозные обряды и предметы поклонения. Но эта эллинизация влияла прежде всего на правящую аристократию, и нет уверенности в том, что ее влияние широко распространялось среди всего коренного населения. Греческие поселенцы в Италии, в свою очередь, иногда меняли свои обычаи или веру в результате знакомства с некоторыми местными обычаями. То, что имело место в Италии, справедливо также и для Сицилии, с колониями, основанными выходцами с острова Эвбея (например, Накса, Леонтиния или Катания), в Галлии (территория современного Марселя), на Черном море (Ольвия), или для внутренних районов Фракии с греческими колониями, располагавшимися на побережье.

Поэтому колонизация во многом способствовала открытию миром греческой цивилизации. Эллинизм не только распространялся в негреческих странах, но иногда и сам обогащался вследствие контактов греческой цивилизации с другими цивилизациями. Этот колониальный мир был и продолжал оставаться преимущественно греческим, но он не мог быть совершенно невосприимчивым к влиянию культур, с которыми ему пришлось сосуществовать.

Рауль Лони

Классическая эпоха в целом считается периодом наивысшего развития греческой цивилизации, в течение которого она достигла спокойствия и равновесия, и в этих условиях могли процветать науки и искусства. Однако необходимо иметь в виду, что эти выдающиеся достижения стали возможными только благодаря постоянным усилиям, направленным на обеспечение греческих граждан наиболее благоприятными условиями для самовыражения, благодаря городам-государствам – полисам.

Во всех этих городах теоретически предполагалось, что все, кто принадлежат этому городу и называются гражданами, имеют одинаковые права и обязанности, а также общую систему ценностей. Это подразумевало, что их статус граждан обычно давал им право принимать участие в управлении общественными делами, участвовать во всех религиозных обрядах и владеть частью городской территории. Но это также возлагало на них обязательство обеспечивать себя оружием и защищать город, платить налоги и повиноваться законам и должностным лицам. Эти прерогативы и преимущества, права и обязанности определяли содержание понятия гражданства и отличали полноправных граждан, иностранцев или рабов. Везде, где устанавливались эти гражданские прерогативы и скрупулезное выполнение обязанностей, получала свое полное развитие концепция города-государства и в полной мере реализовалось достоинство гражданина. Так было, например, в Афинах эпохи демократии. Однако во многих городах Древней Греции положение было далеким от этого идеала, как из-за того, что власть была в руках меньшинства богатых или знатных по происхождению людей, так и потому, что она была захвачена каким-либо тираном. Поэтому согласие гражданского сообщества угрожали постоянные общественные волнения, а иногда и гражданские войны.

Заслугой классической эпохи являлось стремление к улучшению этой структуры – города-государства, которое греки рассматривали как существенное условие гармоничного развития их способностей и предотвращение беспорядков в международных отношениях, бывшего следствием конкуренции между городами. Поэтому главные особенности греческого города-государства в этот период несколько отличались от таковых в эпоху античности. Город больше не был преимущественно озабочен ни обеспечением своей независимости, ни переселением части своего населения в чужие земли; он скорее концентрировался на трех главных задачах: на совершенствовании структуры (конституции) государства; на подготовке будущих граждан к выполнению их гражданских и военных обязанностей и на включении города в более широкие территориальные структуры, чем границы городского сообщества.

Первая задача греческими городами классического периода решалась принятием одного из трех главных типов государственного устройства: олигархии, демократии и тирании. Иногда один и тот же город в течение короткого

времени проходил через несколько типов государственного устройства. Например, Сиракузы в течение ста лет пережили следовавшие друг за другом олигархию, тиранию, демократию и снова тиранию. В то же время в Афинах на протяжении длительного периода демократии были лишь два кратких периода олигархии. С другой стороны, другие города, подобно Спарте, оставались верными системе олигархии на протяжении большей части их истории. По общему признанию, греческий идеал все еще заключался в участии всех граждан в управлении обществом и равном распределении между ними ресурсов города, т.е. в обеспечении двух целей, которые можно суммировать понятием «равенство» (*изономия*). Но достижение этого идеала часто затруднялось постоянным общественным неравенством, конфликтами между разными слоями населения или личными претензиями некоторых людей. Поэтому теоретики – специалисты в политике сосредоточились на некоторых режимах правления, изучая отношения между гражданином и политической властью и предлагая типы государственного устройства. Следует уделить внимание и важному вкладу в эту проблему, сделанному софистами начиная с V в., и видному месту, которое проблема занимала в IV в. в трудах Платона и Аристотеля. Это необходимо иметь в виду для понимания интеллектуальной атмосферы, на которую оказывали глубокое влияние поиски равновесия и гармонии в мире, сотрясавшемся частыми войнами и жесточайшим политическим соперничеством.

Для достижения второй цели большинство городов тщательно заботилось о подготовке молодежи к выполнению обязанностей граждан. В Спарте эта подготовка, называвшаяся «агоге», имела форму государственного обучения молодежи с раннего детства до вступления во взрослую жизнь. Эта система, характеризовавшаяся строгой дисциплиной, коллективизмом и обрядами посвящения на разных стадиях обучения, была предназначена для подготовки граждан-солдат, приученных к совместной жизни и верных обществу. Прошедшие такое обучение люди становились гражданами, которые были замечательными защитниками города и опорой установленного общественного порядка. У афинян обучение детей оставалось обязанностью семьи, но молодежи в возрасте 18–20 лет (*эфебы*) городские власти уделяли особое внимание. Образование *эфебов*, становившихся гражданами в возрасте 18 лет, включало военную подготовку, в которую входило обучение обращению с оружием и выполнению гарнизонных обязанностей в небольших крепостях, окружавших их территорию. Оно также включало подготовку к выполнению обязанностей по отношению к городским институтам, богам и территории города, которую они торжественно клялись защищать, давая присягу. Как в Спарте, так и в Афинах, это обучение ни на мгновение не упускало из виду потребность в общении с богами, что гарантировало успешное включение молодых людей в гражданское общество. Эта постоянная потребность обращаться к богам пронизывала также почти всю интеллектуальную деятельность.

Вопреки тому, что иногда говорится о Греции классической эпохи или других периодов, в ней не существовало «отделения» церкви от государства.

Что касается третьей задачи, то небольшие размеры города иногда рождали соблазн выйти за его границы либо для поисков возможностей объединения с другими городами в более или менее прочную федерацию, либо для установления особых связей с другим городом, которые иногда приводили к взаимному предоставлению прав или даже общего гражданства. Существовало два типа федераций: *симмахия* и *койнон*. *Симмахия* являлась союзом, заключенным между несколькими городами с целью военного сотрудничества против общего врага или для защиты против общей опасности. Один из членов союза становился *гегемоном симмахии*, ответственным за координацию объединенных сил. К сожалению, на практике такая гегемония в первоначальном смысле этого слова быстро превращалась в превосходство или даже доминирование. Это относится к пелопоннесской *симмахии*, управлявшейся Спартой, и двум морским конфедерациям, последовательно организовывавшимся вокруг Афин в V и IV вв. *Койнон* был сообществом городов (или народов), которые решили не только вместе вести войну и осуществлять внешнюю политику, но и принять общие правила по ряду важных областей политической, экономической и юридической жизни. Хорошими примерами этого типа объединения являются Беотийский союз (в Беотии во главе с Фивами. – *Прим. ред.*), Ахарнейская или Фессалийская конфедерации. Однако нередко случалось, что один из городов *койнона* начинал играть преобладающую роль, что приводило к нарушению равновесия в сообществе, как это произошло в Беотийском союзе с Фивами.

Иногда города устанавливали менее тесный союз, заключающийся главным образом в распространении городских прав на иностранцев. *Изополиция*, например, состояла в предоставлении всем гражданам другого города права на привилегии на своей территории. Оно, однако, было лишь потенциальным правом, которым можно было воспользоваться, если кто-либо решал переезжать из одного города в другой, отказываясь, таким образом, от своего первоначального гражданства. Другая форма – *симполития* – означала гражданство в двух или более городах, уже имевших множество общих учреждений и обычаев и решивших пойти дальше с целью установить общее гражданство, признаваемое всеми заинтересованными сторонами и распространяющееся с общего согласия на каждого нового гражданина из этих городов.

Хотя город и стремился к достижению указанных трех целей и иногда добивался успеха, все же существовали области, в которых сохранялся дисбаланс интересов и где прогресс оставался незначительным по сравнению с выдающимися достижениями классической эпохи в других сферах. История греческого полиса в течение этой эпохи, на протяжении которой появились творения писателей, ученых и художников, продемонстрировавших мощь греческого гения, имела и темную сторону. Наиболее поразительна глубина общественных различий, которые продолжали разделять свободных и несвободных, богатых и бедных.

Рабство было важным элементом греческой общественной системы. В основном оно проявлялось в двух формах. При первой форме, упоминавшейся историками, приобретенные индивидуальным владельцем рабы рассматривались как движимое имущество и могли быть куплены, проданы или заложены. При второй форме рабства рабы, известные как илоты, низводились, иногда целыми поселениями, до разной степени зависимости от государства. Первая форма начала широко распространяться начиная с середины VI в. до н.э., но вторая форма оставалась широко распространенной на многих территориях греческого мира. Эта категория сложилась, по видимому, в результате завоеваний, предпринимавшихся некоторыми городами на ранних этапах античности для

расширения своих территорий (Спарта, города Крита), и вследствие широкомасштабной греческой колонизации, которая между восьмым и шестым веками доводила коренное население до подневольного состояния (Сицилия, Анатолия, Черное море).

При первой форме рабства рабы обычно являлись собственностью хозяина, который мог делать с ними что угодно. При второй – они были собственностью государства, которое могло предоставлять их в распоряжение граждан, как это было с илотами в Спарте. В обоих случаях рабы не имели прав и свободы передвижения и были, конечно, исключены из политической жизни. Однако они играли очень важную роль в экономике – как в сельском хозяйстве, где они выполняли почти всю работу, так и в мастерских ремесленников и в сфере обслуживания, где составляли большую часть рабочей силы. Хотя эта система иногда менялась с целью улучшить положение рабов, однако никогда не ставилось под сомнение необходимость самой системы рабства. Вместе с тем рабство было источником нестабильности греческого общества, которая была характерна не только для классической эпохи, но и для последующих времен.

Существовали также постоянные противоречия между свободными гражданами, которые возникали не столько из-за принадлежности к определенной семье (знатной или нет), сколько из-за богатства. Многие тексты ссылаются на напряженные отношения в классическую эпоху между богатыми и бедными. Эти противоречия выходили за рамки законов, которые обычно отличали лишь граждан от «неграждан». Но поскольку имелись богатые «метоикои» (*metoikoi*) и бедные граждане, влияние отдельной личности в городе часто измерялось ее положением на общественной лестнице, а не юридическим статусом. В Греции было немного очень богатых людей и среди богачей было мало греков, кроме немногих жителей Южной Италии (в древнегреческой колонии Сибарии), которые жили, как это было на Востоке, в большой роскоши. Но многие нажили свое богатство, будучи владельцами крупного состояния или благодаря широкомасштабному производству оружия, глиняных изделий, одежды, а также благодаря добыче полезных ископаемых, денежным операциям и торговле, особенно в прибрежных городах. Такие богатые люди иногда играли очень важную роль в обществе: благодаря системе религиозных обычаев, при которой самые богатые поочередно отвечали за общественные расходы, на них приходилась главная тяжесть финансовых расходов города; на них приходилась основная часть налоговых выплат; они предоставляли собственное боевое снаряжение для тяжелой пехоты и конницы; за свой счет они участвовали в Великих всегреческих играх, укрепляя, таким образом, репутацию своего города. В благодарность за их щедрость город часто награждал их почетными званиями. Но в тех случаях, когда богатство было основано на спекуляции, ростовщичестве или использовалось для того, чтобы поставить его владельца выше закона, то оно вызывало недовольство среди самых бедных.

Такое положение существовало как в городе, так и в деревне. Когда еще не было илотов, большое число мелких землевладельцев владели жалкое существование, обрабатывая свои участки с помощью одного или двух рабов или только с остальными членами своей семьи. Другие были арендаторами земли или, реже, наемными работниками. В городах многие греки могли вести скромный образ жизни, работая ремесленниками или владея небольшой лавочкой, а также занимаясь на строительстве общественных сооружений, где они работали вместе с рабами. Но самые бедные, не имевшие никаких средств к существованию, иногда выбирали профессию военных наемников, популярность которой стала расти с удивительной скоростью с середины V в. Много женщин было занято в торговле тканями и в профессиях, связанных с развлечениями.

Эти различия в благосостоянии вызывали острое недовольство. В некоторых городах, например в Афинах, для ослабления социального давления существовали специальные регулирующие механизмы: субсидии (*μισθοί – misthoi*) предоставляемые гражданам для выполнения ими гражданских обязанностей в Народном собрании, в Совете города или в судах, а также выплаты из общественного фонда (*θεορικός – theorikon*) по случаю важных гражданских праздников и т.д. Но во многих городах уровень напряженности оставался высоким и весьма часто приводил к прямым столкновениям между гражданами, которые греки называли *στασις (stasis – застой)*. Это были периоды беспорядков и волнений, при которых одна часть общества противостояла другой. Греческие историки обеспечили нас очень полными сведениями о нескольких подобных конфликтах классической эпохи, которые привели к кровопролитию в таких городах, как Коринф, Коркира и Аргос. Военные теоретики, такие как Эней Тактик, заботившиеся о защите городов, постоянно боялись измены, к которой могли привести такие внутренние раздоры. Философы были очень обеспокоены такой ситуацией, и беспокойство частично объясняет их стремление к Утопии или, наоборот, упорный поиск лучших условий для политического и общественного равновесия среди своих современников.

Положение двух других общественных групп – женщин и чужеземцев показывало, как много еще нужно было сделать для достижения этого равновесия.

Положение женщины в городе было сопряжено с ограничениями. Иногда говорят, что греческий город был «мужским клубом, созданным мужчинами для мужчин». Это не означает, что женщины были полностью из него исключены, однако их роль в деятельности города была ограниченной. Кроме того, можно провести различие между местом женщины в доме и их местом в гражданском обществе. Дома с женщинами, несомненно, обрабатывались как с второстепенными людьми. В течение всей жизни они находились под опекой своих *κύριος (Kyrius)*, лиц мужского пола, имевших над ними власть: отца, мужа, затем опять отца или другого мужчины в семье в случае развода. Они не имели юридических прав: хотя они могли иметь собственность, полученную ими как подарок, приданое или наследство, они не имели права передать ее или даже управлять ею. Они могли лишь передать ее своим сыновьям. Но их не следует рассматривать как отшельниц, ограниченных *γυναικεία (gynaiceia)*, т.е. женской половиной дома. Рисунки на вазах и сцены, описанные в литературе, показывают женщин, занятых деятельностью вне дома и принимающих участие в общественных событиях. Можно полагать, что в некоторых городах они имели большую свободу передвижения, чем в других. Это относится, например, к женщинам Спарты и Крита.

Женщины занимали четко определенное место в гражданском обществе, отведенное им институтами города и прежде всего зависящее от мужских представлений о роли женщины. Они не имели никаких политических привилегий, обусловленных гражданством, не участвовали в деятельности собраний, судов или органов городского управления. Даже театр (например, комедии Аристофана) изображал женщин, захватывающих власть в городе, а некоторые философы, как Платон, даже сожалели о том, что «город лишил себя одной из своих половинок» – женщин, которые были совершенно исключены из политической жизни. Они также не участвовали в обороне города, кроме исключительных случаев, когда он был осажден и все население выходило на его защиту. Упоминание об их участии в военных действиях можно встретить только в вымыслах философов или в мифическом мире амазонок, продукте мужской фантазии.

Но женщины играли важную роль в религиозной жизни: они могли выполнять функции жреца и участвовать в жертвоприношениях, они были главными действующи-

ми лицами на важных гражданских праздниках, таких как панафиней в Афинах. Именно в основном женщины отвечали за церемонии в честь великих богов, таких как бог вина и вдохновения Дионис или богиня урожая Деметра. Следует, однако, указать, что эту роль в общественной религии исполняли жены, дочери и матери граждан. Таким образом, хотя они, строго говоря, не имели статуса граждан, все же благодаря родству с гражданами женщины были важной частью общества. Наконец, необходимо подчеркнуть, что во многих городах статус женщин учитывался при предоставлении ее детям статуса граждан. Только дети, чьи отцы были гражданами города и чьи матери были дочерьми граждан, имели право на получение статуса гражданина. Другими словами, женщины играли важную роль в передаче прав гражданства. Хотя они были исключены из политических обсуждений, но тем не менее составляли часть гражданского сообщества. Однако их место в этом сообществе оставалось довольно ограниченным.

Наконец, греческие города, за немногими исключениями, принимали чужеземцев, хотя и с некоторыми ограничениями. В греческом мире классической эпохи люди часто путешествовали по ряду причин: для торговли, развлечений, участия во всегреческих праздниках, выполнения дипломатических поручений. Некоторые даже покидали свой родной город и переезжали в другой, как по своей воле, так и в результате изгнания. Таким образом, путешественники могли рассчитывать на гостеприимство, которое греки традиционно проявляли по отношению ко всем чужеземцам. Они могли также воспользоваться другой, более установившейся практикой «проксении» (*proxenia*), благодаря которой в чужом городе о них заботился гражданин этого города, назначенный городом, из которого они происходили. Но такие путешественники становились жертвой бесчисленных процедурных злоупотреблений, если их действия приводили их в суд. Иногда в соответствии с традиционным общепринятым правом они могли даже подвергаться репрессивным мерам, если причинили какой-либо вред гражданину города. Только после достижения соглашений между государствами и введения специальных процедур для облегчения торговли удалось в конечном счете обеспечить эффективную защиту приезжих чужеземцев.

Чужеземцы, которые проживали в городе, называемые *метоикоι*, находились в более выгодном положении. В соответствии со своим сводом законов, город предоставлял им жилье. Наряду с гражданами, они имели много прав и обязанностей, которые отличали их от других чужеземцев, и играли важную роль в хозяйственной жизни города. В повседневной жизни они не отличались от граждан и не подвергались дискриминации. Их могли награждать почетными званиями или особыми привилегиями за службу на благо города. Но они ни в коем случае не могли принимать участия в политической деятельности, которая была исключительной привилегией граждан. Единственный путь к такому участию состоял в приобретении полного гражданства, предоставляемого по решению Народного собрания. Но такая крайняя форма интеграции чужеземцев в греческих городах была большой редкостью. В этом отношении город классической эпохи оставался довольно закрытым обществом.

Греческий полис был довольно сложной системой. Он придавал большое значение внутреннему единству и в то же время быстро разрывался на части в результате фракционной борьбы и напряженных общественных отношений. Он искал мира с богами, но, тем не менее, уделял большое внимание развитию человека и формированию гражданина. Он разрывался между стремлением к общей греческой цивилизации и особыми интересами каждого города. И в этих условиях греки в полной мере проявили свои гениальные способности к изобретениям и удивительным достижениям во многих областях: религиозной, философской, литературной, научной и художественной.

10.1.3

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, НАУКА И ТЕХНИКА

Клод Моссе

Илл. 19, 20

РЕЛИГИИ ГРЕКОВ

Современному читателю может быть трудно проникнуть в религиозный мир древних греков. Для лучшего понимания можно, с одной стороны, обратиться к многочисленным рассказам, появившимся в разные периоды истории Греции, – рассказам о богах и героях далекого прошлого, вместе составляющим греческую мифологию, и, с другой стороны, к письменным документам и памятникам, связанным с религиозными обычаями и ритуалами, которые отражают разные аспекты поклонения богам, но мало говорят об их точном назначении. Те концепции, которые вполне понятны нам, например относящиеся к священной сфере, свидетельствуют о весьма сложных понятиях интеллектуального мира греков. То же справедливо и в отношении набожности, которая, видимо, была тесно связана скорее с выполнением обрядов, чем с самой верой.

Особым является вопрос о влиянии восточных религий в течение «темных веков» греческого общества. Эти связи трудно реконструировать из-за недостатка источников. Мы только знаем, что такое влияние существовало. Наличие такого влияния можно видеть в особых случаях греческой, а позже и римской истории.

ОСОБЕННОСТИ ГРЕЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

Фактически греческая религия не имела строгой формы и догм. Греческая мифология не содержит описания сотворения мира – греческие боги были прежде всего существами, обладавшими разными сверхъестественными способностями, и, хотя в период Гомера (VIII в. до н.э.) олимпийский пантеон уже принял форму, которая затем сохранялась в течение веков, его боги были воплощением разных свойств, которые изменялись в зависимости от места и времени, о чем свидетельствуют характерные религиозные черты, приписываемые богам. Так, например, афиняне приписывали Зевсу, верховному богу Олимпа, сверхъестественные свойства, отражавшие роль, которую, как они думали, он играл. Он был защитником (*соте́р*), хранителем имущества (*ктесиос*) и домашнего хозяйства (*геркеиос*), хранителем молний (*катабаэ́тес*) и т.д. Подобно этому, Афина была девственницей (*парфенос*), трудолюбивой (*эргане*), защитницей города (*полиас*), лучшей из воинов (*прамахос*) и т.д. То же можно сказать и о других богах олимпийского пантеона.

Эти боги отличались от людей, которые им поклонялись, прежде всего своим бессмертием. Хотя положение богов в пантеоне оставалось вполне определенным, их отношения часто были очень сложными. Так, пара, состоящая из Гестии, богини домашнего очага, и Гермеса, бога торговли и путешественников, считалась покровительствующей супружеству и разделению мужского (вне дома) и женского (домашнего) труда. Некоторые боги выполняли вспомогательную роль при некоторых обря-

дах. Так, Гера, Артемида, Афродита, Деметра, Афина и Гермес покровительствовали разным аспектам брака. Гера отвечала, прежде всего, за законность брака, в то время как Афродита покровительствовала любви между мужем и женой.

Что касается девственных богинь Артемиды и Афины, то они символизировали превращение девственницы (*парфенос*) в жену (*гине*). Другие боги были связаны с технической деятельностью, например, Гефест был богом-кузнецом, которого часто связывали с богиней Афиной, которая покровительствовала искусствам и ремеслам, особенно тем, в которых были заняты женщины, например прядению и ткачеству. Другие были связаны с военными действиями, среди них Арес, а также Афина, часто изображавшиеся в шлеме и со щитом и стрелами. Зевс воплощал верховную власть, которую он отнял у своего отца Крона и которую он делил со своими братьями – владыкой морей Посейдоном и правителем подземного мира и Царства мертвых Аидом (Плутоном). Деметра, которую мы упоминали в связи с брачными узами, была также богиней плодородия, покровительницей земледелия, подарившей человечеству зерно. Ее также связывали с другим богом плодородия – Дионисом (Вакхом), богом вина и веселых празднеств, связанных с возделыванием винограда. Но так

Рис. 2. Фемида, мифическая предшественница Пифии, сидящая на треножнике и держащая ветку лавра, пророчествует Эгею, царю Аттики. Эгей, который спрашивал об отсутствии у него детей, позднее стал отцом Тесея (афинская ваза, около 440 г. до н.э.) (по Furtwängler & Reichold, 1904–32)

как вино вызывает опьянение, стирающее различие между человеком и животным. Дионис был также богом оргий и покровительствовал безрассудству вакханок, его компаньонов, которые были одеты в оленьи шкуры, венки из плюща и носили тирсы – длинные жезлы, увитые плющом и виноградными листьями. Однако в городе Дионис покровительствовал намного более мирным праздникам, веселым шествиям и, прежде всего, представлениям, в которых трагические и комические поэты состязались в театре на виду у всех граждан. Другими словами, Дионис сочетал в себе две личности: в пьяном виде он показывал человеческую «изнанку», но культ его имени также защищал город от этого безумия.

Другой сложной фигурой пантеона был Аполлон. С одной стороны, он изображался прекрасным юношей с луком или кифарой (лирой), известный также как Феб (блистающий), а с другой стороны, он был богом пророчеств, который говорил голосом Пифии в его храме в Дельфах, и поэтому стал архегетом (*archege*), т.е. основателем городов, которым он даровал законы. Существовала сложная связь между Аполлоном и Дионисом, а также между Аполлоном и Гермесом. Аполлон и Дионис правили по очереди в святилище в Дельфах, а Гермес изобрел лиру, которую он отдал своему брату Апполону в виде компенсации за украденный у того скот.

Как можно видеть из этих кратких примеров, греческая религия с помощью богов своего пантеона смогла разработать целую систему ценностей, полную интеллектуальную систему, сложность которой была вовсе не случайной. Она объясняет, почему греческая религия была так близка многим проявлениям общественной и политической жизни.

Действительно, можно поражаться важности, которую древние греки придавали обрядам. Для удобства мы будем различать роль обрядов в частной жизни и общественной жизни, хотя это различие не всегда ясно и в ряде случаев эти две области перекрываются. Частные или домашние обряды главным образом сопровождали различные вехи в жизни гражданина: переход от юности к взрослому состоянию; рождение, брак и смерть.

Рождение неизменно отмечалось праздничной церемонией, приветствовавшей приход новорожденного в родительский дом. Если это был мальчик, то над дверью вешали оливковую ветвь, а рождение девочки отмечалось полосой шерстяной ткани. Новорожденного носили вокруг очага, посвященного богине Гестии. Дом должен был быть очищен от всех пятен крови, оставшихся после родов, и это делалось с помощью особых обрядов и пожертвований богам, покровительствующим рождению.

Переход от юности к взрослому состоянию также отмечался с помощью религиозного ритуала. В Афинах, во время октябрьского праздника апатурии молодые люди жертвовали свои волосы Артемиде. Менее известно о девушках, но похоже, что некоторые из них проводили год своей жизни на службе Артемиде в ее святилище в Брауроне. Других избирали в качестве *канефор* (носительниц корзин) в процессиях в честь Афины или Деметры.

Из нескольких текстов и, прежде всего, благодаря скульптурным изображениям нам известны обряды брака. В свадебную ночь проводили обряд очищения. Свадебная церемония начиналась с жертвоприношения богам, сопровождавшегося пиром в доме родителей невесты. Затем свадебная процессия сопровождала молодоженов до их дома. Невеста получала приглашение от родителей жениха, и ее провожали к домашнему очагу, осыпая голову орехами и сушеным инжиром. На следующий день совершались новые жертвоприношения. В течение первого года брака молодой муж представлял жену членам своей *фратрии*, т.е. своего семейного клана, что было ритуалом, эквивалентным современной официальной регистрации брака: представление молодой жены, а позже и новорожденных детей членам своей фратрии придавало законность браку и потомству.

Наконец, в домашней религии присутствовали похоронные обряды: украшение тела умершего и его оплакивание женщинами дома, похоронная процессия на кладбище, где тело или хоронили, или сжигали на костре. Могилы или вазы с пеплом покрывались холмиком и иногда на нем устанавливалась стела. Именно здесь оставляли подношения богам и совершали жертвоприношения и возлияния в память об умерших.

Кроме того, умерших также почитали во время некоторых гражданских праздников, таких как антестерия, т.е. праздника цветов, проводившегося в конце февраля: третий день этого праздника был посвящен умершим, и считалось, что они вместе с живыми участвовали в празднике. В этот день весь город был в трауре.

Греческая религия фактически была тесно связана со всеми аспектами гражданской жизни. Боги покровительствовали возникновению разных городов, и каждый город имел своего бога – патрона-покровителя. Боги следили за каждым проявлением городской жизни. В Афинах – городе, о котором мы информированы лучше всего, перед народными собраниями совершались жертвоприношения; члены городского правления, избранные народом или выбранные по жребию, должны были дать торжественную присягу богам при вступлении на пост, и их функции неизменно включали религиозные обязанности. Следует помнить, что у греков не было никакого духовенства, выполнявшего особые священнические функции. Религиозные обязанности, состоявшие в заботе о святилищах богов и выполнении обрядов, поручались городом, и почти не было различия между чиновниками, наделенными религиозными функциями, и жрецами, большинство из которых ежегодно выбирались голосованием или по жребию. В принципе, эти обязанности могли исполнять все граждане. Однако некоторые обряды, связанные с особыми культами, оставались за членами некоторых священнических семей, например семья *Этеобумад* (*Eteobutades*) в Афинах или *Эумолпиды* (*Eumolpidae*) и *Керука* (*Ceryces*) в Элевсине. Но даже в этих особых случаях люди, исполнявшие роль жреца, оставались обычными гражданами.

Кроме того, именно город издавал законы по вопросам религии, составлял расписание праздников и управлял имуществом храма. Гражданские учреждения могли преследовать в судебном порядке все выплаты против принятой в городе религии, попытки проявления непочтительности к ней и запрещали введение новых культов. И, наконец, именно под контролем города организовывались праздники, разнообразившие городскую жизнь.

В этом отношении мы также знаем больше об Афинах, чем о других греческих городах. В календаре этого города было, возможно, около 120 праздничных дней. Каждый праздник продолжался в течение нескольких дней, в каждый из них организовывалось шествие и жертвоприношение, сопровождавшееся совместным приемом пищи и, в наиболее важных случаях, атлетическими или музыкальными состязаниями. Празднества *панафинейские* состояли из торжественного шествия к Акрополю в честь Афины; они проводились ежегодно, но каждые четыре года праздник организовывался с особым великолепием, как можно судить по знаменитому фризу из Парфенона работы Фидия и его учеников. Эти шествия («панафинейские процессии») проводились в конце июля. Все граждане и все чужеземцы, жившие в Афинах, принимали в них участие; впереди процессии шли девушки, выбранные для подношения богине *пеплоса*, т.е. праздничной одежды, которую затем возлагали на статую Афины в Эрехтейне (храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе в Афинах. – *Прим. ред.*).

Не менее важной были торжественные процессии в честь Диониса во время Великих Дионисиев – праздников, знаменитых состязаниями драматургов, поэтов и хоров. Они продолжались три дня, в течение которых

поэты представляли свои произведения. В конце третьего дня судьбу вручали призы, которые присуждались гражданами, в большом количестве собиравшимися на эти религиозно-политические представления – символы единства города. Граждане также присутствовали на пиришествиях, проводившихся после жертвоприношений. Принесение в жертву было весьма важной частью не только домашнего ритуала, но и общественной религии. В течение больших общественных праздников жертвенных животных сначала подвергали обряду очищения, а затем им перерезали горло на алтаре. Затем удаляли внутренности, а кости, покрытые жиром, обжаривали и подносили богам. Мясо, разрезанное на равные части, готовили на огне и, как правило, съедали тут же во время совместной трапезы, также являвшейся символом единства города.

Места этих религиозных обрядов также находились под общественным контролем, и сделанные надписи показывают, что стоимость возведения святилищ тщательно оценивалась, а в Афинах к тому же требовала одобрения Народным собранием, а за работами наблюдали члены городского правления. Греческие храмы использовались не для молитв, а как укрытие для статуй разных богов. Никто, кроме жрецов, к ним не допускался, и поклоняющиеся не могли войти в священную зону, известную как *теменос*, в которой также находился и жертвенный алтарь. Последний располагался перед храмом – прямоугольного в плане здания, окруженного крытой колоннадой – перистилем. Передняя часть храма, включавшая шесть или восемь колонн, увенчивалась украшенным скульптурами фронтоном. Вокруг перистилия выполнялся фриз; в дорических храмах фриз членился на метопы и триглифы, в ионических храмах делался сплошным. В великих общеэллинистических святилищах типа Дельфов, Делоса или Олимпии в дополнение к храму или храмам имелись и небольшие здания для хранения подношений богам этого святилища.

Эти большие общеэллинистические святилища были символами религиозного единства Греции, несмотря на все имевшиеся политические разногласия. Во время праздников в честь разных богов (Аполлона в Дельфах и Делосе, Зевса в Олимпии, Посейдона на перешейке у Коринфа) в священные места стекались толпы народа со всей Греции. Проводились различные состязания, главными из которых были атлетические, но были также и музыкальные конкурсы, конкурсы драматических представлений, ораторские состязания и т.д. Атлетические состязания имели в Олимпии особое значение. Они проводились каждые четыре года и включали в себя разные события. Победа в Олимпии приносила славу не только спортсмену, но и его городу, который по обычаю осыпал его почестями. Пифийские игры в Дельфах, проводившиеся на третьем году каждой Олимпиады, также привлекали атлетов, но наиболее привлекательными событиями при храме Аполлона Пифийского были музыкальные состязания.

Однако Дельфы были прежде всего местом, куда стекался народ, чтобы посоветоваться с оракулом Аполлона, и поэтому это место было уникальным среди других общегреческих святилищ. Хотя люди советовались с богом как по частным, так и по общественным проблемам, последние все же имели большее значение. В результате правящий совет святилища, в котором были представлены все основные народы Греции, являлся политической силой, роль которой продолжала расти в течение четырех веков расцвета греческой цивилизации.

Все это дает нам представление о роли религии в жизни Древней Греции, религии, которая иногда удивляет нас излишней ритуальностью, но которая фактически соответствовала столь дорогой для греков системе ценностей, либо укрепляя принятую общественную рели-

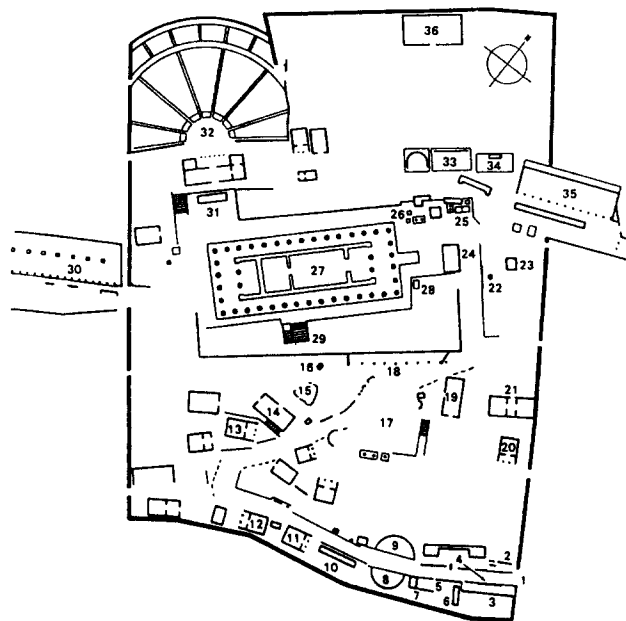

Рис. 3. Святилище Аполлона в Дельфах (по Finley, 1977): 1 – главный вход в святилище; 2 – бык (Коркира); 3 – адмиралы (Спарта); 4 – монумент (Аркадия); 5 – Марафонский монумент (Афины); 6 – конь (Аргос); 7 – Семеро против Фив (Аргос); 8 – эпигоны (Аргос); 9 – Цари Аргоса (Аргос); 10 – монумент (Тарент); 11–13, 19, 20 – сокровищницы различных частей Греции; 14 – Дом совещаний (Булевертий); 15 – скала Сивиллы; 16 – колонна Наксоса; 17 – халос («молотильный мол»); 18 – крытая галерея афинян; 21 – пританей (?) (здание для заседания совета старейшин); 22 – «Змеиная» колонна; 23 – родосская колесница; 24 – алтарь; 25 – треножник Диноменид; 26 – колонна Пруссия; 27 – храм Аполлона; 28 – колонна Эмилия Павла; 29 – родник; 30 – греческая галерея; 31 – место посвящения; 32 – театр; 33 – монумент Даохуса; 34 – участок Неоптолема (Пирра); 35 – крытая галерея Аттала I; 36 – Книдийский придел

гию, либо даже проверяя ее прочность обрядами, связанными с культом Диониса, или принятием орфизма и других сект.

В этом коротком обзоре греческой религии не следует упускать проявлений другого аспекта греческой религиозности, который иногда уподобляли мистицизму. Мы уже упоминали о двойной сущности Диониса, этого беспокойного бога, который руководил бешеными танцами своих спутниц – менад. В «Вакханках» Еврипида имеются свидетельства того, что, хотя культ Диониса смягчался гражданской религией, все же уцелели некоторые из его более темных аспектов. Из них оставались загадкой обряды посвящения в городе Элевсин, хорошо хранившие свои секреты. Считается, что эти церемонии, известные как Элевсинские мистерии, включали много ритуальных действий, постов, уединений и очищений, предназначенных для подготовки к таинству, или посвящению, и к откровениям, ожидающим их в храме Деметры. Можно ли считать, как часто предполагается, что эти откровения были торжественным обещанием вечной жизни? В любом случае та таинственность, которая окутывала элевсинские церемонии, значительно усиливала их привлекательность.

Несмотря на свою направленность на инициацию, элевсинские верования оставались неотъемлемой частью гражданской религии, в отличие от многих сект, которые возникали на окраинах городов. Орфики и пифагорейцы представляли философско-мистический аспект греческой религии. Первые из них отвергали религиозные правила города и призывали к образу жизни, основанному на воздержании и отказе от употребления мяса и от кровавых жертвоприношений. Вторые, менее враждебные городу,

объединялись в братства, возникавшие на окраинах городской общины, и также отказывались от мясной пищи. Несмотря на недавнее открытие религиозных текстов орфиков, все еще окружены тайнами многие аспекты их понимания возникновения и происхождения богов. Но они были не более чем крайними проявлениями греческой религии.

С древних времен греки поддерживали связи с Востоком, особенно с Анатолией, что создавало возможность для раннего проявления религиозного синкретизма. В частности, анатолийская Великая Мать явно имела сходство с греческой богиней Деметрой; древнее фригийское божество Сабасий (Сабазий) было похоже на Диониса. Вместе с тем складывается впечатление, что в восточной части Средиземноморья, по крайней мере до VI в., пользовались популярностью именно греческие боги. Явным свидетельством этому являются щедрые пожертвования святилищам в Дельфах, сделанные Крезом.

Обстановка стала меняться в конце V в. до н.э. Часто указывают, что в этот период начала падать популярность богов Олимпийского пантеона. Пелопоннесская война и вызванное ею разорение вели к отказу от религиозных обрядов, о чем свидетельствовал Фукидид, сообщавший об эпидемии чумы, которая опустошила Афины в 430/429 гг. до н.э. Учение софистов породило скептицизм в отношении к традиционной религии. Неудивительно поэтому, что из-за упадка гражданской религии в Греции прижились некоторые религии восточного происхождения.

К концу V в. в Афинах стало практиковаться поклонение фракийской богине Бендиде (Бендис). В начале своей книги «Республика» Платон описывает ночную процессию в Пирее в честь этой богини, которую наблюдал Сократ и его друзья. В своей речи «О власти» Демосфен ссылается на религиозные церемонии, в которых участвовала мать его противника Эсхина, которые были далеки от торжественных процессов в честь городских богов. Эти церемонии напоминали ритуалы в честь другого восточного божества – фригийской богини Кибелы, которой поклонялись свнухи.

Надписи дают нам другие примеры распространения восточных религий, особенно в Афинах. Декрет легендарного афинского законодателя Ликурга, изданный в конце 330-х гг., разрешал торговцам из Китиона, с Кипра, основать святилище кипрской Афродиты в Пирее на тех же условиях, которые были предоставлены египетским торговцам при основании храма Изиды.

В действительности нет сомнений, что появление этих восточных богов было связано с присутствием в таком большом порте, как Пирей, многих иностранных торговцев, исповедовавших религии своих стран. Но мода на иностранных богов была не просто результатом их присутствия. С одной стороны, в отличие от общегреческих религий, поклонение этим богам было открыто всем – гражданам, чужеземцам, а также женщинам и рабам. Женщины видели особую привлекательность в поклонении древнефиникийскому богу плодородия Адонису, сопровождавшему шумными ночными праздниками. (В комедиях Менандра изнасилование юной героини часто происходит именно во время подобных ночных церемоний.) Кроме того, эти восточные религии обещали своим последователям спасение, которое в элевсинских верованиях полагалось только элите посвященных. Благодаря этому новые религии отвечали потребностям множества людей, давая им утешение в земных несчастьях.

Таким образом, проникновение восточных богов в греческую религию стало реальностью еще до эпохи завоеваний Александра и до последовавшего за ним возникновения греко-восточных царств, которые лишь усилили феномен синкретизма эллинистического периода.

ФИЛОСОФИЯ

Происхождение философии было связано с религиозным и мифологическим образом мышления. Но некоторые философы, такие как Демокрит, Эпикур, и их последователи, такие как Лукреций Кар в эпоху Рима, стали отойти от религии. Существовала также преемственность между эпохой VI в. до н.э. и последовавшими за ней греческим и римским периодами, и даже вплоть до христианских мыслителей, которая в конечном счете соединяла древнюю философию с возрождением ее в XV в. в Европе.

Философия Древней Греции до относительно позднего времени не выделялась из общего объема интеллектуальных занятий. Так, термин «философ» (любитель мудрости) впервые появился лишь в V в., и только начиная с Платона (427–347 гг. до н.э.) можно рассматривать философию как самостоятельную дисциплину, поддержанную такими крупными афинскими институтами, как Академия и Ликей.

Однако история классической греческой философии не ограничивается вкладами Платона и Аристотеля, являвшимися великими философами IV в. Фактически, хотя философия как самостоятельная дисциплина еще не возникла до этого времени в греческой истории, она уже существовала начиная с VI в., когда представители так называемой милетской школы, располагавшейся в городе Милете в Малой Азии (в Ионии), впервые выдвинули новые способы постановки вопросов и новую космогонию, которые до этого были прерогативой божественного вдохновения поэтов. Дж. П. Вернан (1985 г.) описывал это так

«Согласно милетской школе, странность явлений, далеких от ощущения божественного, является вызовом интеллекту, проявляющемуся в виде проблемы. Необычное перестало очаровывать, оно теперь мобилизовало интеллект».

Как можно объяснить этот происшедший разрыв с мифологическим мышлением, с представлением о том, что космос появился из хаоса в результате битв между первоначальными богами (титанами), и о триумфе порядка, принесенного Зевсом? Для ответа на этот вопрос многие ученые призвали на помощь понятие о «греческом чуде» – о победе разума над иррациональностью. Историческая наука не может принять это – не менее иррациональное – объяснение. Необходимо помнить, что в VI в. в Греции произошли крупные перемены, связанные с кризисом аристократического общества. Этот кризис ощущался всюду, но особенно в Милете и других частях Ионии, и выразился в установлении нового политического порядка, основанного на праве закона, которому в равной мере должны были подчиняться все члены города-государства. В этом смысле мы можем назвать философию дочерью города, его интеллектуальным проявлением, аналогично тому, как общественные дискуссии были его политическим выражением. И это не могло быть случайностью, так как многие из первых «мудрецов» (*софои*) были также и законодателями.

Однако и в этом случае было бы неправильно думать, что разрыв с мифологическим мышлением был полным. Действительно, ионийцы, в отличие от мифических поэтов, предпочитали писать прозой, что можно видеть из дошедших до нас фрагментов их сочинений. Они отличались от поэтов также и тем, что отказывались приписывать упорядоченность природы божественному вмешательству или рассматривать природу (*физис*), вне которой не существует ничего, пользуясь общими и отвлеченными понятиями. Однако все эти взгляды были просто «светской» версией мифического мировоззрения: по мнению членов милетской школы, элементы перестали быть богами только для того, чтобы стать силами с божественными свойствами.

Например, согласно Фалесу (ок. 624 – ок. 546 гг. до н.э.), вода являлась первоначальной, из которой произошла вся природа; Анаксимен первоначально считал воздух, у Анаксимандра, третьего великого представителя милетской школы, разрыв с прошлым был более решительным: он полагал, что первоначальной была «апейрон», неопределенная субстанция, более абстрактная, чем воздух или вода.

В начале V в. эти космологические идеи вызвали разногласия и споры среди последователей так называемых досократических школ, которые сопровождалась логическими выводами о значении рационального мышления как такового, как самостоятельной формы обсуждения явлений природы. В то время как Гераклит Эфесский (ок. 544 – 483 гг. до н.э.) продолжал поддерживать милетскую физику и доказывал, что космическое равновесие является результатом борьбы противостоящих друг другу сил, полный разрыв с существовавшими у ионийцев мифическими идеями готовился вне Ионии, которая тем временем была захвачена персами. Так, к концу VI в., основатель элейской школы Парменид предложил принцип неизменности, цельности и единственности бытия, от которого все происходит. Прочитируем Дж. П. Вернана еще раз:

«Учение Парменида знаменует момент, когда впервые было обнаружено противоречие между эволюцией чувственно воспринимаемого мира (говоря словами ионийцев – мира природы (*физис*) и ее происхождения (*генезис*)) и требованиями логического мышления».

С этого времени философы стали выходить далеко за пределы видимого мира и шире охватывать действительность. С небольшими изменениями этого мировоззрения придерживались также Ксенофан и Зенон из Элеи, а также вдохновенный пророк и даже маг Эмпедокл из Агригента и философы пифагорейской школы, с точки зрения которых числа и их соотношения представляли собой основу всего существующего.

В V в. интеллектуальный центр Греции переместился в Афины. Именно в Афинах среди людей, близких Периклу, мы видим Анаксагора, философа из Анатолии, который, хотя и был последователем ионийцев, все же признавал реальность видимого мира и свойственное элейской школе принятие идеи о сотворении: «Ничто не возникает и не уничтожается, а существует лишь смешение и разделение вещей, которые существуют». И движущим принципом такого смешения и разделения Анаксагор считал ум (*нус*), рассматриваемый как организующее начало мира. Демокрит из Абдер (Фракия) пошел по этому пути еще дальше, отказавшись от идеи вихревого движения внутри пустых атомов, этих неделимых частиц, из которых состоят все вещи и движение которых вызывается внешними причинами.

Но Афины были не только интеллектуальным центром Греции, но и первым городом, который в результате экспериментов впервые ввел новую политическую систему – демократию. На этом фоне философы все чаще отказывались от размышлений о происхождении космоса и сосредоточивали свое внимание на городе и его жителях, явно становясь политиками. Это было особенно верно в отношении софистов, этих профессиональных учителей риторики, которые, будучи уроженцами Западной Греции или Анатолии, объединились в Афинах, где стали идолами молодежи. Об этом свидетельствует Платон в начале своего сочинения «Протагор», названного так в честь знаменитого софиста:

«Когда мы были там, мы столкнулись с вошедшим в лортик Протагором, которого сопровождали с одной стороны Каллиас, сын Гиппоника, его сводный брат Парал, сын Перикла, и Хармид, сын Глаукона, а с другой стороны – другой сын Перикла Ксантипп, сын Филомела Филиппид и Антимер из Менде, один из наиболее известных учеников Протагора».

Именно Протагору приписывают знаменитый афоризм: «Человек есть мера всех вещей, существования вещей, которые есть, и несуществования вещей, которых нет». В другом его высказывании утверждается: «Что касается богов, то я не знаю, существуют они или нет, так как этому знанию препятствует слишком многое – и неясность самого предмета спора, и краткость человеческой жизни». И, наконец, именно Протагору мы обязаны, видимо, чисто политическим оправданием демократии: Зевс дал всем людям равные возможности судить о справедливости. Другие софисты – Гипсий из Элиды, Горгий из Леонтии и Продик Кеосский не имели широты мировоззрения Протагора. Однако все они внесли свой вклад в становление рационального мышления и критический пересмотр общепринятых истин. В этом смысле к ним можно причислить и Сократа и его современников. Но если софисты заявляли, что все определения истины и справедливости относительны, Сократ, уверенный, что Истина и Справедливость являются универсальными ценностями, был больше занят убеждением собеседников в необходимости познать себя и понять, что они ничего не знают. Следует помнить, что Сократ излагал свое учение устно и не оставил никаких записей, поэтому все, что мы о нем знаем, содержится в книгах его учеников Платона и Ксенофонта. Хотя имеется сходство между Сократом, представленным Ксенофонтом и Платоном, только у Платона Сократ выступает как философ. При этом не всегда ясно, что следует приписывать самому Сократу, а что – его знаменитому ученику.

Именно с Платоном греческая философия получила свою печать гениальности. В настоящем кратком разделе, конечно, невозможно дать полное описание философии Платона. Мы знаем, что он представлял ее в форме диалогов, используя метод Сократа, который посредством ряда логически связанных вопросов заставлял своих собеседников противоречить самим себе до того, как они приводили свои аргументы. Диалоги Платона касаются множества проблем, но постоянной темой являются вопросы и ответы о Добре и Справедливости в отношении человека и города. Кроме того, в мифе о пещере, изложенном Платоном в «Государстве», он дал наиболее выпуклое описание теории Идей или Форм. Они рассматривались как важные сущности, внешним выражением которых является видимый мир.

Платон приводит свидетельства упадка городской цивилизации, образцом которой столетием ранее являлись Афины. Перед лицом конфликтов, разрывавших на части Грецию IV в., и особенно борьбы в городах-государствах между богатыми и бедными, он искал способ противостоять этому упадку и вернуть справедливость обществу. Для этого он выдвигал два плана. Согласно первому, предложенному в диалоге «Государство», принятие решений должно осуществляться философами, в то время как военная служба должна быть делегирована классу воинов, которые должны участвовать в жизни сообщества и которых обеспечивает третий класс этого совершенного города, который, как хорошо знал философ, никогда не будет построен. Второй план, представленный в виде другого диалога – «Законы», был разработан для воображаемой колонии. В нем Платон отходил от идеи совершенного города и предлагал гарантировать общественное равновесие и гражданскую справедливость путем равного распределения земли и, по возможности, самого строгого контроля за жизнью всех граждан. В обоих планах город обеспечивал физическое, музыкальное и философское образование, которое распространялось на мужчин и женщин, хотя и с небольшими различиями, которые Платон оправдывал естественной слабостью женщин. «Законы» были последней работой Платона; он умер около 347 г. до н.э., после того как в течение 40 лет преподавал в основанной им в 387 г. афинской Академии. В число его многочисленных учеников входил молодой уроженец Стагира

(Македония), которому предстояло основать собственную школу в Афинах. Его имя было Аристотель.

Аристотеля следует рассматривать как одного из величайших мыслителей всех времен. Он обладал энциклопедическими знаниями, и не было отрасли знаний, которую он не мог бы считать своей: от логики до метафизики, от физики до биологии и от этики до политической науки, основателем которой его принято считать. Его теория знаний была основана на представлении о том, что наука может изучать только «то, что не может быть чем-то иным». Вспоминая парадоксы (*апории*), которые не могли разрешить его предшественники, он предложил собственные решения, основанные на методе наблюдения и анализа явлений и фактов (*эрга*). Энциклопедический подход Аристотеля объясняет то огромное влияние, которое он имел в период античности и после него. Его идея об общественных исследованиях предвосхитила создание через столетие в Александрии Мусейона и библиотеки. С основанием этих учреждений был тесно связан один из последователей Аристотеля Деметрий Фалерский, афинский государственный деятель и философ. В этом смысле Аристотель, являясь последним представителем классической греческой философии, был также вестником интеллектуальной жизни в эпоху эллинизма.

НАУКА И ТЕХНИКА

Насколько было трудно дать подробную характеристику греческой философии, до относительно позднего периода, настолько и наука, в нашем современном понимании, до IV в. до н.э. еще не стала самостоятельной дисциплиной. Первыми ионийскими физиками были те же философы, поскольку они были учеными, и великий Фалес занимался не только политикой, но и, если верить свидетельствам древних, также участвовал в торговле прессами для отжима оливкового масла. Кроме того, нет сомнения в том, что во многих областях, особенно в технике, древние греки были наследниками великих цивилизаций Западной Азии. Египетская медицина и вавилонская астрономия на несколько веков опережали греческие достижения. Но греческую науку с самого начала отличало от восточной технологии не только то, что она обходилась без сверхъестественных сил, но и то, что она предлагала полученные результаты для обсуждения. Эта особенность приписывается появлению особой политической организации – города, который привлекал к участию в предварительных обсуждениях все общество, и только после этого принимались совместные решения. Однако обращает на себя внимание также то, что многие исследования носили абстрактный характер, при котором знание становилось самоцелью, независимо от его практического использования. И совершенно верно, что, хотя наши источники упоминают технические трактаты по сельскому хозяйству, ведению войн, живописи, механике и хрестоматистике (искусство получения прибыли), это были не те области, в которых можно обнаружить существенный вклад древних греков.

Первые греческие ученые были ионийцами, или, точнее, уроженцами Милета, процветавшего города в Анатолии. Здесь были созданы теории о происхождении мира, о природе (*физис*) и о первичной материи, от которой произошел мир (вода, по Фалесу; неопределенная субстанция, по Анаксимандру; воздух, по Анаксимену). Эти теории, как и абстрактные доводы, не были основаны на эксперименте и, прежде всего, не были направлены на исследование проблемы изменений, влияющих на эту первичную материю.

На другой стороне греческой цивилизации, в Южной Италии, не менее абстрактные предположения заложили основы математической науки. Для пифагорейцев число

представлялось как основа всего существующего. То, что в философском смысле часто завершалось пустым мистицизмом, тем не менее, проложило путь к эмпирическому исследованию в акустике и, кроме того, позволило обнаружить соотношения между числами и геометрическими фигурами (4 и 9 – квадраты чисел; 6 и 12 – кратные числа и т.д.).

В конце VI в. проблема изменчивости приобрела первостепенное значение для греческих ученых, которые выдвинули множество разных решений. В то время как Парменид полностью отвергал идею об изменчивости на основании принципа неизменности и вечности, Эмпедокл придерживался мнения, что изменение является результатом смешения и разделения существующих субстанций, число сочетаний которых бесконечно. Гераклит объяснял равновесие противодействием противоположных сил в условиях непрерывного изменения. Однако наиболее интересной физической теорией, выдвинутой в начале V в., была античная атомистика, одним из основателей которой был Демокрит. Согласно этой теории, все явления природы являются результатом сочетаний атомов, движущихся в пустоте. К сожалению, до нас не дошли трактаты, которые, как говорят, Демокрит написал по астрономии, ботанике, зоологии и военному искусству. Ему приписывают также трактат по медицине.

С середины V в. Афины превратились в главный центр интеллектуальной жизни Греции. В то время, не без влияния Сократа, в интеллектуальной жизни, видимо, преобладали скорее проблемы моральной и политической философии, чем действительно научные проблемы, хотя Афины приглашали ученых, вроде Анаксагора и врача школы Гиппократов. Платон одобрил эту новую философскую ориентацию, в то время как софисты были настроены решительно против. Но Платон сделал геометрическое знание предметом главной заботы его школы, Академии, и пытался в своих «Диалогах» предложить философию науки, основанную на математической абстракции. Начав с постулата о том, что все природные субстанции состоят из четырех простых элементов (земли, воды, воздуха и огня), он идентифицировал их с правильными геометрическими телами: огонь – с четырехгранником, воздух – с восьмигранником, землю – с кубом, а воду – с двадцатигранником (икосаэдром). Все многочисленные комбинации этих простых веществ могли, таким образом, быть сведены к математическим формулам. Не все доказательства Платона были убедительны. Кроме того, мы знаем, что, по его мнению, видимый мир был просто отражением мира Идей или Форм. Его вклад был скорее в историю науки, чем в конкретные научные теории, и был связан с намерением высветить математическую структуру Вселенной и выявить абстрактные законы, находящиеся в основе эмпирических фактов.

В этом отношении, несмотря на многие ссылки в его «Диалогах» на медицину и астрономию, он отличался от многих своих современников, обладавших намного большим объемом эмпирических знаний в этих двух областях. Это особенно относится ко множеству медицинских трудов, в том числе якобы написанных Гиппократом между V в. до н.э. и II в. н.э. и особенно во второй половине V и в IV в. Значение этих текстов, безотносительно к их разнообразию, состоит в попытке представить болезни как явления природы, а лечение основывать на детальном и систематическом изучении истории болезни. К сожалению, поскольку эти тексты отражали эмпирические знания, полученные в Гимнасии или на поле битвы, знания, столь важные при хирургическом лечении переломов, они порой сводились к спорам об основных элементах, из которых состоит природа, что распространялось и на изучение человеческого тела. И хотя некоторые врачи отказывались считать человеческое тело состоящим из воздуха, воды, земли и огня, они, тем не менее, делали это, при-

нимая в качестве компонентов крови черную желчь, желтую желчь и слизь вместе с такими противоположными качествами, как тепло и холод, сухость и влажность. В некоторых из этих текстов здоровье определяется как их равновесие, а болезнь – как «монархическое» отклонение; отсюда можно видеть, что моделью для науки служила политика. Что касается текстов, посвященных заболеваниям женщин и потомства, то они отражали представления греков о половых различиях.

Из астрономов следует прежде всего упомянуть имя Евдокса Книдского, современника Платона, который пытался объяснить движение небесных тел как комбинацию равномерно вращающихся вокруг Земли 27 концентрических сфер. Необходимо, однако, подчеркнуть, что успехи в наблюдательной астрономии IV в. все еще очень ограничивались примитивностью таких приборов, как гномон. В астрономии греки также старались использовать математические модели для изучения явлений природы.

Аристотель являлся наиболее важным греческим ученым конца классической эпохи. Согласно Аристотелю и его предшественникам, природе не свойственно ни непостоянство, ни произвол. Она подчиняется законам, и задача ученого состоит в открытии этих законов, обнаружении причин явлений и особенно того, что Аристотель называл «двигателем причин» и «конечной причиной». Аристотель принимал теорию своих предшественников о том, что материя состоит из четырех основных составляющих (воздух, вода, земля и огонь) и что она характеризуется четырьмя главными качествами (горячий, холодный,

влажный и сухой). Однако, чтобы учитывать небесные тела, он добавил пятый элемент – эфир. Кроме того, в отличие от Платона он излагал факты (*эргя*) до построения чисто математических предположений. Это объясняет ту важность, которую он придавал наблюдению за движением тел, что делает его первым ученым, изучавшим динамику, хотя он и упрощал соотношения между весом (массой) и скоростью. Аналогичный подход он использовал и в работах по биологии, где он приводил детальные описания многих видов животных. Кроме того, можно считать, что он преподавал своим ученикам методы анатомирования.

Подобно Платону, Аристотель полагал, что мир создан с определенной целью и что философы и ученые должны заниматься изучением всеобщих законов, а не частных. Он, однако, считал частность средством постижения всеобщего. Именно поэтому он подчеркивал важность детальных исследований, основанных на наблюдении, которые он вместе со своими учениками внедрял в естествознание, также как и в политическую науку или науку управления полисом.

С помощью этого подхода Аристотель показал, что греческая наука не рассталась с наблюдениями и практической жизнью, как это иногда утверждается, и не отвернулась от изучения фактов. Но все же до IV в., за исключением первых шагов медицины Гипократа, греческая наука оставалась в значительной степени погруженной в абстрактные споры. В этом смысле угадок города был связан с новыми путями, которыми предстояло следовать науке и технике эллинистического периода.

Лучано Канфора

В соответствии с политической, географической и социальной организацией общества, с самого начала каждая греческая область и город имели свои речевые традиции. Это в наибольшей степени проявлено в различных надписях, поскольку именно в них – как в общественных, так и в частных, каждый город использовал местное наречие (*patois*). Таких источников все же недостаточно. За исключением Аттики, Лесбоса и Сиракуз, «греческая» литература практически не использовала местных наречий: повсюду в основном широко использовался литературный язык. Это началось уже с поэмы «Илиада», которая является самым старым греческим литературным трудом и для греков тоже представляла собой «истоки».

То, что мы называем греческой литературой, начинается с эпических поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», сложившихся в VIII в. до н.э., которые были вершиной творческого процесса, начавшегося намного ранее. Наследие целой цивилизации – микенской, процветавшей с XVI по XII вв. до н.э., было сохранено от забвения благодаря этому огромному миру поэм Гомера. Эти произведения были написаны во времена, когда еще была жива память о цивилизации, которая была поглощена в результате переселения дорийцев. Все, что осталось от микенской цивилизации в письменном виде, – это собрание простых документальных дощечек с надписями. Для нас поэмы Гомера VIII в. служат настоящей изначальной и даже, можно считать, родовой, племенной энциклопедией о микенских знаниях, институтах, семейном праве, особенностях речи и о многих других характеристиках современников Гомера.

«Илиада» сжимает действия десятилетней Троянской войны до нескольких дней. Автор поэмы выбрал для всего своего повествования одного главного героя – Ахилла и его ссору с предводителем греческого войска царем Микен Агамемноном. «Одиссея» описывает возвращение неузнанным с войны Одиссея, одного из героев, разрушивших Трою, его странствия и, наконец, убийство им претендентов на руку его жены, захвативших его дворец. «Илиада» и «Одиссея» были двумя наиболее популярными книгами в Греции. Дети учились по ним читать, люди изучали по ним мифологию и географию.

Возникновение полиса (города-государства, который заменил микенский дворец), сопровождавшаяся борьбой (которая довольно часто приводила к личной власти «тирана») между аристократами и народом за политическую и общественную власть, было фоном, на котором в VI в. до н.э. появилась новая форма литературного сочинения – лирическая поэзия. Произведения этого типа обнародовались на пиришестввах, особенно известными были политические элегии таких поэтов, как Солон и Тиртея. В отличие от больших анонимных эпических поэм, произведения лирической поэзии выражали также личные чувства отдельных людей. Архилох (в начале VII в.), Сапфо (в конце VII в.), Гиппонакт (VI в.) и Анакреонт (друг сыновей Писистрата,

тирана Афин) были именно такими публичными выразителями собственных чувств, будь то любовь или ненависть. Поэтому они считаются первыми авторами, биографии которых в общих чертах могут быть представлены.

Одним особым видом литературного жанра была хоровая лирика, которая буйно расцвела в основном благодаря потребностям знаменитых семей, царей, тиранов и т.д. Симонид, Бакхилид и Пиндар, который был современником великого афинского трагического поэта Эсхила, продавали плоды своего гения крупным правителям, вроде, например, Хиерона Сицилийского, который нуждался в повышении своего престижа: эти поэмы прославляли победы правителей в всеэллинских состязаниях. Одно произведение Бакхилида, почти все труды которого были утрачены, было частично восстановлено благодаря находкам папируса в 1897 г. Произведение наиболее известного из этих поэтов, Пиндара, были распространены в период античности, но до нас дошли полностью только его «эпиникии». Это похвальные оды в честь победителей на всенародных играх – Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских. Диалект, на котором писал Пиндар, был литературным дорийским языком, смешанным с некоторыми эпическими формами, заимствованными от Гомера, и несколькими эолийскими формами.

VII и VI вв. до н.э. были отмечены также рождением философии, толкование которой в Ионии давали «физики» Фалес Милетский и Гераклит Эфесский (см. выше). Подобно лирической поэзии, развитие философии в широком смысле этого слова наблюдалось по всем территориям греческой цивилизации, от Южной Италии (с Пифагором и Парменидом) до Сицилии (Эмпедокл) и Геллеспонта (Демокрит и Анаксагор).

Историография также увидела свет за пределами Пелопоннеса, поскольку считается, что возникла в Ионии, а ее «повивальными бабками» были великие путешественники, чьи города находились под властью персидского царя. Гекатей Милетский и Геродот Галикарнасский были двумя из таких путешественников, с которыми связывают рождение историографии. В начале история и география более или менее совпадали. Слово «история» по-древнегречески означает «исследование», «изыскание» и подразумевает деятельность, которая относится ко всей человеческой реальности. Гекатей является автором самых ранних работ по историографии. К ним относятся «Генеалогии», которые описывают переход от богов к героям и далее к людям, и «Перизэгесис», что означает «Кругосветные путешествия» (или «Объезд Земли»), – произведение, имевшее очень большое влияние на «Историю» Геродота, первый том которой имеет структуру, очень близкую «Перизэгесису».

Гекатей, по-видимому, был первым, кто утверждал о праве каждого критиковать традиции: он начинает свои «Генеалогии» словами «Я описываю это так, как мне кажется правильным». Он также был первым, кто, насколько нам известно, изобразил географическую карту известного мира, которой очень восхищался Геродот. Геродот, в свою

очередь, написал историю Персии, полностью свободную от внешних влияний. До него историю мира сочиняли по своему произволу цари посредством своих надписей, в которых перечислялись их войны и завоевания совершенно бескомпромиссным, авторитарным стилем. Историография и свобода с самого начала были глубоко связаны друг с другом. Геродот тоже не был нейтральным. Он выбрал Афины. Он родился в Галикарнасе, в Азии, накануне второй Мидийской войны (с 480 до 478 г. до н.э.), и поэтому его описание войн греков с персами включает события, которые он сам не пережил. Это скорее эпическая поэма о поколении, которое предшествовало ему, и прежде всего – в Афинах. Геродот обеспечивает связь со средой Перикла, создателя имперского величия демократических Афин. Он воспринял главную идею афинской пропаганды, которая заключалась в том, что именно афинская империя должна быть принята другими греками за образец из-за больших заслуг Афин в борьбе против «варваров». Геродот написал наиболее поздние части своей «Истории» именно в то время, когда империя находилась в состоянии кризиса и на грани Пелопоннесской войны. Неизвестно, умер ли он, как и Перикл, когда в начале войны Афины охватила чума, как это описано у Фукидида, или это случилось несколькими годами позже. В любом случае его повествование заканчивается завоеванием афинянами города Сестоса, которое еще не было окончанием военных событий. Мы склонны думать, что труд Геродота остался незавершенным. Образ Геродота как мягкого, беззаботного человека, иногда и в некоторой степени склонного к мифотворчеству, был широко распространенной небезлицей, появившейся в результате критики Фукидидом стиля и некоторых особенностей трудов его предшественника.

Фукидид был первым афинским писателем-прозаиком. При нем диалект Аттики стал литературным языком большого региона. Он родился примерно через двадцать лет после Геродота, который оказал решающее влияние на начало его карьеры. Согласно античному преданию, на Фукидида оказала влияние одна из публичных лекций Геродота. В первом томе «Истории» Фукидида можно узнать части и фрагменты греческой истории, которую он, возможно, начал для продолжения произведений Геродота. Его планы и даже само представление о том, что такое история, разрушила большая война, вспыхнувшая между афинянами и населением Пелопоннеса (431 г. до н.э.). Начиная с этого времени он не только убедился в решающем значении только что вспыхнувшей войны, но и (что намного важнее для развития историографии) сформулировал общую теорию о том, что единственной историей, которую можно написать, это собственная история летописца. После Фукидида преимущество истории, написанной современником событий, стало общепринятым. Ксенофонт Афинский и Феопомп Хиосский, например, интересовались только современной им историей. Даже тех историков, которые рассказывали о событиях самого далекого прошлого, как Эфор из Сима, больше всего занимала современная им история. Другой областью, в которой Фукидид оказывал продолжительное влияние на историографию, является фактическое определение предмета истории. Геродот имел более широкое («ионийское») представление об истории, включая в нее культурные традиции. Однако начиная с «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида предметом истории была определена, прежде всего, война и, следовательно, политическая борьба, связанная с войной.

Неизвестно, когда умер Фукидид. Эллинистические ученые считали, что он погиб. Что касается его трудов, есть основания полагать, что их незаконченная часть использовалась в первой и второй книгах «Греческой истории» Ксенофонта. Ксенофонт, афинский всадник (всадники – привилегированное, наряду с аристократией, сословие в ряде артических государств. – *Прим. ред.*), который в соот-

ветствии с приказами «Тридцати тиранов» (олигархическое правительство, коллегия из 30 человек, утвердившееся в Афинах в 404 г. до н.э. – *Прим. ред.*) участвовал в гражданской войне, вспыхнувшей в Афинах после поражения 404 г. до н.э., был другом Сократа, который покинул Афины вскоре после поражения его партии. В 401–399 гг. до н.э. Ксенофонт принимал участие в качестве наемника в борьбе царевича Кира против своего брата, царя Персии. Кир был поддержан Спартой. Затем Ксенофонт оставался в Азии на службе у спартанских военных представителей, в частности у царя Агесилая, для которого он написал хвалебный текст, описывавший его жизнь.

Ксенофонт, который был другом Сократа, а возможно, и Фукидида, поскольку он унаследовал записи Фукидида, явно знаменует переход от классической эпохи к периоду эллинизма (период в истории стран Восточного Средиземноморья между 323 и 30 гг. до н.э. – *Прим. ред.*). Он был автором разносторонних исторических, философских и технических произведений, а также романистом и, таким образом, круто порывал с древней традицией. Сама его жизнь, дух приключений и монархические идеалы делали его «эллинистической» личностью. Он пишет для всех греков, а не только для своих сограждан афинян. К общегреческому слушателю обращался и Исократ, современник и соперник Ксенофонта и видный оратор, который жил в том веке, который отделял Перикла от Демосфена. Его речи были в действительности не речами, а фактически публикациями; в них он обращался к образованным слоям всего греческого общества от Сиракуз до греческих городов Азии, включая царя Македонии.

С другой стороны, «истинные» ораторы, подобные Демосфену, Эсхину и Ликургу, обращались только к афинской публике. Их речи были тесно связаны с конкретными ситуациями. Народное собрание и суды составляли ту аудиторию, где практиковалось политическое и судебное красноречие, а гражданам доставались его плоды. Именно поэтому речи обычно не издавались или, если буквально, издавались в тот самый момент, когда оратор говорил.

Слушателями Перикла или Демосфена в Народном собрании были те же люди, которые участвовали в жизни театра, – граждане. В Афинах было около 30 тыс. граждан перед Пелопоннесской войной (431 г. до н.э.) и 21 тыс. – столетие спустя (316 г. до н.э.). В демократическом городе театр фактически выполнял общественные функции. Афины являются единственным городом, в отношении которого у нас есть некоторое представление о том, как много делалось для театра. Чтобы понять, чем в то время являлись для греческого мира трагические и комические представления, мы должны представить себе, что они происходили во многих больших городах.

Еще Аристотель в своей «Поэтике» говорил о разных возможностях происхождения трагедии. В любом случае ясно, что с самого начала своего появления трагедия была связана с религией города.

Во время празднеств в честь Диониса, которые были торжественными случаями для представлений, зрителями театра были не только жители Афин, но и люди со всей Греции. Тем не менее, языком трагического диалога всегда был аттический диалект, в то время как лирические части представлялись на дорийском диалекте. Изначально существенной частью трагедии был хор, и он остался ее важным элементом даже после развития диалога, сохранив свое специфическое лингвистическое значение «обычной речи хоровой лирики». В любом случае этот язык хоровой лирики выражал разную манеру речи каждого полиса. Все поэтические языки были, в той или иной степени, *общими языками (koimai dialektoi)*.

Все, что дошло до нас из множества афинских трагедий (нам почти ничего не известно о творчестве других городов), ограничивается лишь скудным набором произведений трех авторов V в.: Эсхила, Софокла и Еврипида.

Произведения этих трех авторов сохранились не из-за того, что современники считали их наиболее заслуживающими внимания. Аристофан прямо говорит об этом в своей «литературной» комедии «Лягушки» (405 г. до н.э.). Последовавшее столетие подтвердило это мнение. Оратор Ликург, друг и сотрудник Демосфена, во время своего пребывания у власти потребовал официального «афинского» издания произведений этих трех классиков афинского театра предыдущего века. Одним из последствий этого предпочтения оказалось то, что трагедии, написанные в IV в., оказались полностью потеряными для нас. Единственным исключением является поэма Тимофея «Персы», которая дошла до нас благодаря одному из наиболее древних папирусов (известный как Берлинский папирус, № 9875). Тимофей был учеником Еврипида и внес много новшеств в музыкальную область.

Забвение, постигшее комедии, было даже более радикальным. Единственным автором, произведения которого уцелели, является афинянин Аристофан, а одиннадцать комедий являются очень небольшой частью всех его произведений. Древняя афинская комедия, которая была явно политической, известна нам в основном только по этим одиннадцати комедиям Аристофана. Это может вызвать у нас ошибочное представление о том, что весь жанр комедии находился на уровне искусства Аристофана, тогда как, напротив, уровень Аристофана был, видимо, много выше уровня его соперников, и это, в частности, объясняет, почему он так редко пользовался успехом при жизни и, с другой стороны, столь способствовал возникновению академической традиции в более поздние времена. Комедия Аристофана обращена к трем людям. Ими были Клеон, унаследовавший от Перикла руководство городом-государством; Еврипид, наиболее противоречивый трагик своего времени, и Сократ, мыслитель, который стал жертвой своей собственной переоценки афинской демократии, будучи в 399 до н.э. приговорен демократическим судом к

смерти. Защищая закон, ученик Сократа Платон отмечает в своей «Апологии Сократа» те нападки, которые предпринимал Аристофан в комедии «Облака» (423 г. до н.э.); все это указывает на то, что комедия явно влияла на общественное мнение в Афинах.

Столетием позже, в самом начале эллинистического периода, театр комедии представляется нам совсем другим. То, что мы можем прочесть у Менандра, единственного хорошо известного нам автора «новой аттической комедии», также оказывается возможным благодаря находке древнего папируса. Полная комедия «Дискол», ставшая известной благодаря папирусу Бодмера, была издана лишь в 1958 г. Это случилось из-за того, что Менандр перестал быть читаемым и печатаемым автором после длительного периода популярности, продолжавшегося до конца эпохи античности. Сохранившиеся фрагменты, наряду с переводами на латинский язык, сделанными Плавтом и Теренцием, довольно хорошо показывают особенности его искусства. Как его литература, так и лирика полностью лишены политики. К тому времени комедия стала частной буржуазной драмой, которая пыталась изображать характеры, а развязка часто заключалась в узнавании, этому приему предстояло стать фундаментальным элементом романов эллинистического и римского периодов. Менандр, бывший другом Эпикура, позволяет нам проникнуть в самое сердце эллинизма. Его искусство вскоре стало объектом подражания в Риме – передовом эллинистическом городе.

Со времен Аристотеля и Теофраста, а также его ученика Менандра и в результате македонского завоевания греческий язык, основанный на аттическом диалекте, стал общим языком эллинистического мира. Территории, на которых говорили по-гречески, были огромны, простираясь от Сицилии до Индии и от Египта до Черного моря. К тому времени это был грамматически устойчивый язык, изучавшийся в школах и использовавшийся для управления, – эквивалент арамейского языка на Востоке.

10.1.5

ИСКУССТВО

Ангелос Деливорриас

Илл. 21–28

В ходе своего развития древнегреческое искусство с удивительным диалектическим постоянством и поразительной быстротой следовало за изменениями исторических обстоятельств, общественными переменами и изменениями ориентации интеллектуальных потребностей. Несмотря на это, его развитие не всегда сопровождалось прорывными достижениями и тесной взаимосвязью множества отдельных постоянных и смелых экспериментов, проводившихся на основе опыта, унаследованного от искусства предыдущих времен. С этой точки зрения предложенное деление на последовательные фазы является не более чем удобным рассмотрением частей непрерывного процесса, каждая из которых характеризуется внутренним единством и постоянной направленностью на идеалы антропоцентризма. Этим объясняется полное отсутствие в искусстве стремления к изображению окружающей среды, а также направленность его не на частных лиц, а на общество, для которого оно предназначалось и в котором оно процветало. Будучи сосредоточенным на народе в процессе его гуманизации, древнее греческое искусство, даже изображая повседневную жизнь, сознательно избегало эпизодичности, ставя самые общие проблемы, с самого начала созвучные ценностям греческого города-государства.

ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ

С конца VIII в. до н.э. абстрактная структура геометрического искусства начинает уступать место более живому духу натурализма. Динамичные изменения старых пластических форм при изготовлении ваз быстро пришли к равновесию путем изменения пропорций, хотя все еще оставались проблемы статического соответствия из-за неравномерного распределения морфологических элементов (илл. 21). К концу VII в. до н.э. преобладают сложившиеся к тому времени тяжеловесные овалобразные формы, хотя уже можно представить себе тех первых неизвестных художников, которые разработали технологию получения чернофигурных изображений – стиля, которому в дальнейшем предстояло стать преобладающим в гончарном искусстве (илл. 22).

Такой же процесс развития наблюдался и в выполнении украшений: усилилась тенденция к замене геометрических мотивов изображениями из мира растений и животных, поверхности ваз были переполнены изображениями вымышленных существ, навеянными восточным миром, – отсюда и название этой ранней «восточной» фазы. Однако начиная с середины VII в. до н.э. приобретают материальность и значимость изображения человеческих фигур, все чаще включаемые в иконографические мифологические системы. Под влиянием поэм Гомера древнее греческое искусство постепенно начинает приобретать свой последующий устойчивый тематический репертуар.

Эти закономерности можно проследить в единообразной продукции городов самой Греции и колоний, независимо от местных стилевых различий, временных и качественных предпочтений. Особое значение в середине VII в. до н.э. имели мастерские Крита, поскольку именно там возникли основные принципы «дедалийского» искусства, которое параллельно развивалось во многих центрах, значительно способствовавших изображению человеческого тела. В отличие от «растительной» тематики скульптур начала VII в. до н.э. приобретает свою законченную форму тип нагого юноши – *кyрос* (*kouros*) (илл. 23), а также одетой молодой девушки – *кoр* (*core*) (илл. 24). Строгий пластический характер «дедалийских» фигур подчеркивает значения частей тела в сдержанном выражении образа мужчины или женщины с использованием компактного подхода в организации объемов и четком описании контуров и плоскостей. После упорных усилий в обработке мягких материалов, прежде всего известкового камня, и благодаря вкладу мастеров с островов Каклады на юге Эгейского моря удалось освоить обработку прочного мрамора. Мастерские Аттики около 600 г. до н.э. создали некоторые наиболее значительные по размеру творения.

Эпоха архаики с 600 по 500 гг. до н.э. отмечена постепенным переходом форм от стилизованных к наиболее естественным в передаче образов, которые вдохновляли мастеров; одновременно и постепенно приобреталось мастерство в передаче внешнего и внутреннего мира. В монументальной скульптуре наблюдался отход от представления человеческих фигур колоссальных размеров в статичном виде, от строгой фронтальной и объемной композиции, т.е. от того мира представлений, в котором, несомненно, отражались достижения египетского искусства, основной чертой которого была непреложная статичность. Передача живости тела была быстро схвачена благодаря разработке способов передачи скрытого движения, достигавшихся путем сознательного отклонения частей тела от строгой симметрии, а также с помощью ряда сдержанных вмешательств в математическую точность геометрической структуры, вдохнувших в эти творения почти ощущаемое дыхание жизни.

Необычная широта стилей античного искусства сочеталась с автономией греческих городов, и это никак не нарушало его выразительное единство, также как и местные идиомы не нарушали единство греческого языка. На протяжении ста лет крепко скроенный, угловатый тяжеловесный образ человеческого тела уступил место более изящному идеальному изображению, с избытком плоти, плавными переходами поверхностей и с кожей, светящейся жизнью. К концу VI в. до н.э. эти традиции Аттики, воспринятые другими областями значительно ранее, стали завершением достижений античного искусства, провозгласив наступление новой эры. Гармония между мужской фигурой и внешним миром достигалась с помощью совершенствования божественной наготы и внутреннего содержания, изображения расслабленных поз и репительного

шага вперед, унификации частей тела в виде единой анатомической системы и замены так называемой архаической улыбки рассеянной серьезностью. Это также выражалось путем показа натуралистических деталей, например удивления в широко раскрытых глазах, даже при изображении конкретных персонажей. Женская фигура претерпела аналогичные перемены, но вместе с тем отмечалась склонность к экстравагантному изображению цветных деталей одежды, драгоценностей и замысловатых причесок (илл. 25).

Можно не сомневаться в том, что возведение главных общегреческих святилищ способствовало расцвету архаического искусства. Оно не только обусловило бум в строительстве, но и привлекало мастеров и художников со всех территорий эллинистического мира. Здесь оформились два основных архитектурных ордера – ионический и дорический, часто использовавшиеся при возведении впечатляюще огромных зданий. Обширные рельефные украшения на их метопах, фризах и фронтонах постепенно приобрели композиционное и тематическое единство, а отдельные фигуры – трехмерность.

Среди драгоценных приношений, найденных в этих святилищах, представляют интерес предметы из других стран, свидетельствующие о контактах греков в период античности с древними царствами Египта и Востока. Кроме того, вывозилось большое количество произведений искусства; некоторые были обнаружены в кельтских могилах, но большая часть – в захоронениях этрусков. С самого начала коринфская керамика и изделия, изготовленные на заказ в мастерских Аттики, были вне конкуренции, при этом стимулировалось развитие росписи по вазам, подражавшей монументальной живописи. С начала и до конца VI в. до н.э., от возникновения и быстрого развития стиля черных рисунков и до открытия краснофигурной технологии, господствовавшей в последующий период, наблюдается быстрая эволюция в создании произведений художников самого высокого уровня.

ПОДЪЕМ КЛАССИЧЕСКОГО ИСКУССТВА И ЗОЛОТОЙ ВЕК

Выдающиеся победы греков, которые остановили наступление персов на запад (490, 480–479 гг. до н.э.) и расстроили планы восточных завоеваний Карфагена (480 г. до н.э.), способствовали началу нового периода в древнегреческом искусстве. Проявившееся чувство превосходства быстро освободило формы от остатков архаических канонов, позволило перейти от их материальности к духовности, усилив значение гуманистических исследований идеалов личности. Эти процессы происходили главным образом в Афинах, которые стали центром художественных исследований, а также достижений в технике, науке и философии в результате развития демократии в государстве. Цивилизация Афин V в. до н.э., названного Золотым веком, достигла своего апогея в течение тридцати «классических» лет, между 460 и 430 гг. до н.э., когда у власти находился Перикл.

Сразу после Персидских войн наступил период «сурового стиля» с его фигурами, явно склонными к меланхолии, который сплотил силы и создал условия для попытки освоить пространство и трехмерность со свободной осевой композицией, т.е. сделать то, что будет достигнуто только в искусстве эллинистических времен. Показателем того духа, который лежал в основе нового отношения к жизни, являлось сосредоточение интереса на совмещении реальности и вымысла, обширных скульптурных композиций в виде сцен сражений (илл. 26) и краснофигурной керамики, которая дает представления об утраченных творениях живописи. В произведениях классического искусства, известных в основном по римским копиям, относя-

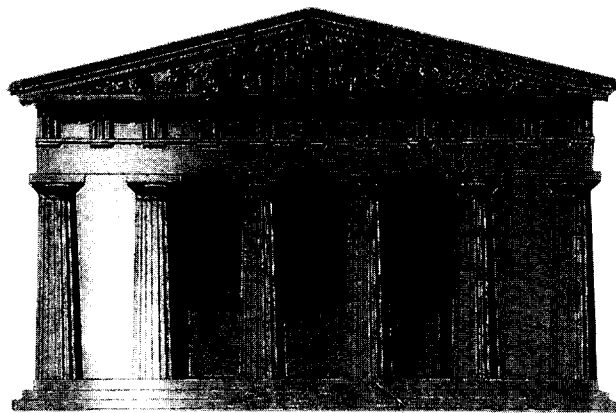

Рис. 4. Дорический храм Зевса в Олимпии («Олимпейон»). Восточный фасад. 465–456 гг. до н.э. Чертежная реконструкция (по *Berve & Gruben*, 1961)

щихся к середине V в. до н.э., в частности в статуях Поликлета из Аргоса (илл. 27) и прежде всего в творениях афинского скульптора Фидия, присутствуют гармония статики и движения, перекрестное равновесие тела (*миазм* – изображение стоящей человеческой фигуры, опирающейся на одну ногу. – *Прим. ред.*). Выражения лиц указывают на внутренний мир, проникнутый чувством меры, обогащенный знаниями и пониманием судьбы человека.

Эстетическим завершением искусства Фидия стало скульптурное оформление Парфенона, храма на афинском Акрополе, в котором стояла хрисозлефантинная (древнегреческая скульптура из золота и слоновой кости на деревянном каркасе. – *Прим. ред.*) статуя Афины, известная только по несовершенным римским подражаниям. В сюжетах, изображенных на двух фронтонных композициях (илл. 28), в рельефах на метопах и на фризе, выполненном по внутренней стене монумента, прослеживается явная связь символов, направленных на поддержку и прославление афинской демократии. Завершение этой работы в течение столь короткого времени (447–432 гг. до н.э.) было возможным благодаря привлечению и сотрудничеству всех имевшихся художников. Они продолжали работать, несмотря на начало Пелопоннесской войны (431 г. до н.э.) и отъезд Фидия в Олимпию, где он должен был приступить к своему наиболее известному творению – статуе Зевса из золота и слоновой кости.

В течение Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.) классические традиции продолжались сотрудниками Фидия, которые, несмотря на сложности взаимоотношений между ними, сформировали типичные особенности «богатого стиля» искусства Аттики. Спокойствие и сдержанность в изображении фигур, их трагические позы и смирение перед судьбой выглядят даже слабее, чем осознание ими того, что основы мира, который они поддерживали, потеряли прочность. В то же время развивавшаяся склонность к сентиментальности приводила от сущего к воображаемому, от аффектации к иллюзии, от исторических подходов к моментальному вдохновению. Так, искусство конца V в. до н.э. развивалось от восхиления мужской фигуры к восхищению женской при почти манерной игре плавных форм, светлых и темных поверхностей, а также деталей одежды, сквозь которые теперь были видны очертания тела.

В течение IV в. до н.э. укрепление существовавших предпочтений приобрело крайние формы при полном пренебрежении местными традициями и при формировании общего художественного духа, точно так же, как это случилось в то же время с греческим языком. Искусство испытывало трепет перед главными достижениями классического прошлого, либо непосредственно вдохновляясь

ими, либо пытаясь подражать им в ответ на неосознанную потребность в стабильности и спокойствии перед лицом неустойчивости, неопределенности времен и быстрой смены исторических событий. Аналогичные причины заставляли Платона искать неизменную и постоянную правду идей. Очевидная ностальгическая мечтательность и покорность судьбе, которые характерны для хрупких фигур Праксителя, имеют, вероятно, такое же происхождение. Этот наиболее значительный скульптор данного периода приближает олимпийских богов к людям, в противоположность не менее знаменитому скульптору Скопасу, скульптурные фигуры которого поражают страстностью тщетной попытки стряхнуть бремя времен. К концу этого периода Лисипп, придворный художник и проповедник идеалов Александра, совершенствует трехмерную проекцию фигур в изменяющихся пространственных координатах.

Одновременно с этим, с усугублением научного интереса к действительности, к роли личности в событиях, а также с усилением потребности сохранять память о прошлом

развилось производство скульптурных портретов, в которых первоначально идеалистическое восприятие личности быстро сменилось более реалистическим уклоном. В живописи, ныне утраченной, мастерство изображения перспективы отражено в лучших образцах изделий краснофигурного стиля – расписных вазах; эта живопись становилась все более выразительной, чем когда-либо, вплоть до своего исчезновения в конце IV в. до н.э. Некоторое представление о жизнеспособности цветочных решений и масштабах достижений в этой области дает настенная живопись, недавно найденная в царских захоронениях Македонии, а также многочисленные мозаики. Некоторые из мозаик, хотя и являются более поздними копиями, все же точно воспроизводят более ранние композиции. Богатство, хлынувшее потоком после завоевания востока, привело к появлению произведений, отмеченных роскошью, а также к исключительно мощному расцвету работ по золоту, граверных работ по изготовлению предметов, которые были в большом ходу во времена, выходящие за пределы эллинистической цивилизации.

10.2

АЛЕКСАНДР И МАКЕДОНСКАЯ ИМПЕРИЯ

10.2.1

ФОРМИРОВАНИЕ МАКЕДОНСКОЙ ИМПЕРИИ

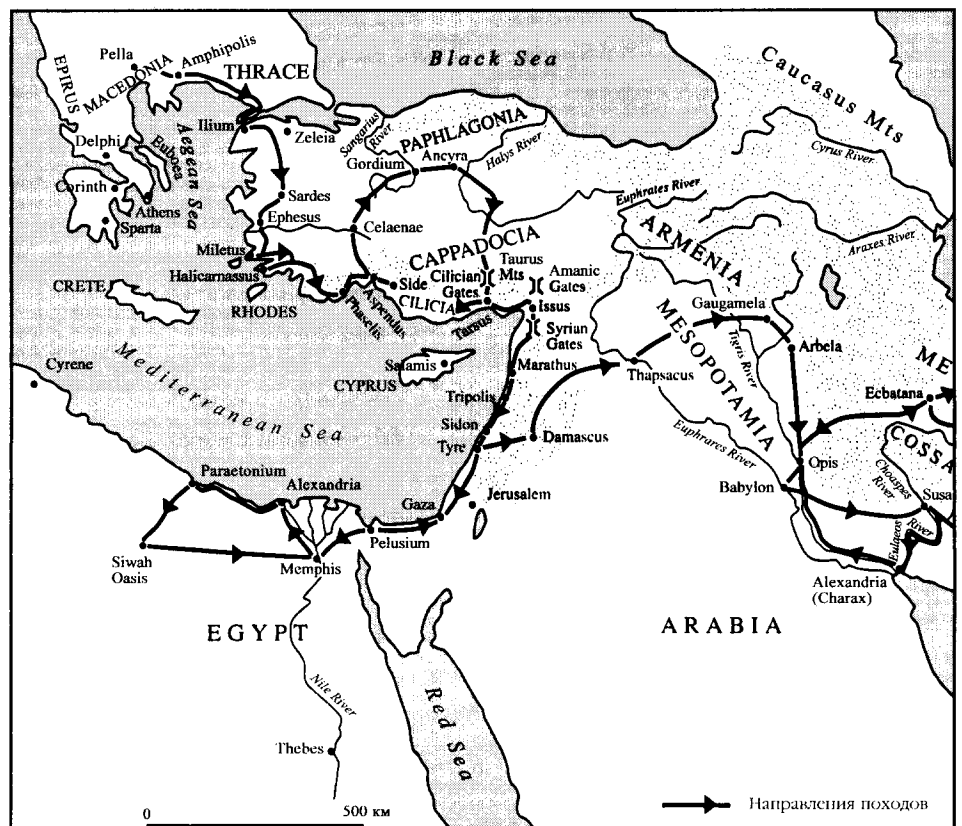
Пьер Бриан

Илл. 29

В мае 334 г. до н.э. в возрасте 20 лет Александр, сын Филиппа, царь Македонии с 336 г., высадился на северном побережье Анатолии во главе греко-македонской армии, насчитывавшей 30–40 тыс. человек. Александр, являвшийся военачальником (стратегом) Коринфского союза, к которому были вынуждены присоединиться греческие города в Европе, поставил целью освободить греков, проживавших в Азии, от персидского ига и довести до конца «войну возмездия» за разрушения, произведенные Ксерксом в греческой Малой Азии в 480 г. Однако царь Македонии Александр явно вынашивал более честолюбивые планы.

В то время Анатолия являлась частью огромной империи, которая после завоеваний Кира (557–530), Кам-

биса (530–522) и Дария (522–456) простиралась от Эгейского моря на западе до реки Инд на востоке и от Сырдарьи на севере до Персидского залива и Красного моря на юге, включая также Ливию. Персидский царь Дарий III принял трон Ахеменидов примерно в то же время, когда Александр стал царем Македонии. Вопреки мнению, бытовавшему со времен античности, государство Ахеменидов при Дарии III в 334 г. до н.э. не находилось в полном упадке из-за дворцовых интриг и восстаний сатрапов и покоренных народов. Вероятно, оно сталкивалось с определенными проблемами и противоречиями, но еще большие трудности были у Александра, который в тот год оказался в трудном материальном и

Карта 1. Маршруты армии Александра

финансовом положении. Поэтому для него была важна быстрая победа, которая позволила бы преодолеть эту первоначальную слабость его положения по отношению к персам.

Продвижение армии царя Македонии сопровождалось рядом частных сражений. Первое из них, произошедшее весной 334 г. на берегах реки Граник, открыло Александру дорогу к югу вдоль побережья Эгейского моря и позволило ему освободить от персов греческие города Малой Азии, установив там демократические правительства. Он захватил также Сарды, бывшую столицу Лидийского царства и центр владычества Ахеменидов в Анатолии. Однако победа при реке Граник не была решающей: персидские армии отошли к Галикарнасу (Бодруму), где они под командованием Мемнона продолжали сопротивление при поддержке персидского флота, который доминировал в Эгейском море.

Тем временем Дарий III собрал свою Великую армию, которая включала лучшие войска со всех концов страны, кроме Восточного Ирана, намереваясь раз и навсегда остановить продвижение Александра. Встреча армий произошла в ноябре 333 г. вблизи Киликии, в местечке Исса (Северная Сирия). Именно это столкновение армий изображено на известной мозаике в Неаполе (илл. 29). Победенный персидский царь был вынужден бежать с поля битвы и отступить в Вавилонию. Александр получил возможность направиться на юг, сначала в направлении Финикии. В 332 г. пал Тир, после того как македонский флот вернул себе инициативу. Ободренный своими успехами, Александр отклонил дипломатические уловки Дария. Возобновив свой поход, он овладел побережьем Сирии и Палестины и вступил в Египет, где был провозглашен фараоном.

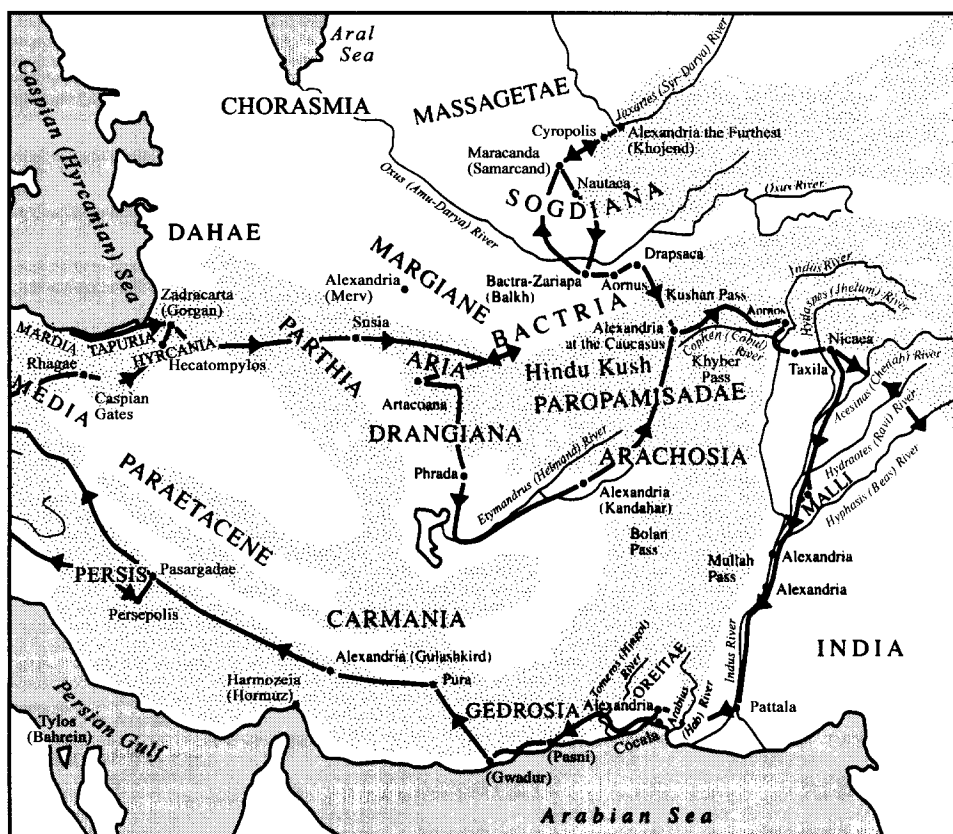
Теперь Александр владел всем средиземноморским фронтом и, имея защищенный тыл, мог подумать о начале похода в самое сердце державы Ахеменидов. Дарий III ис-

пользовал передышкой после поражения при Иссе, чтобы собрать огромную армию, которую он сосредоточил в северной Месопотамии у деревни Гавгамелы, вблизи селения Эрбил. Но Дарий был все же снова разбит. Он бежал в горы Мидии и расположил свой лагерь в Экбатане (современный город Хамадан в Иране), где он надеялся сформировать еще одну новую армию.

Александр мог теперь свободно вступить в Вавилон, который пользовался большим политическим и религиозным признанием во всем античном мире. Там на его сторону перешел персидский сановник Мазей и в сопровождении городского совета Вавилона принес завоевателю ключи от города. Сузы, где находились дворцы Дария и Ксеркса, вскоре последовали примеру Вавилона. Овладев сокровищами Вавилона и Суз, Александр получил в свое распоряжение неограниченные финансовые запасы, к которым он вскоре прибавил богатство столиц Персии; общие ресурсы оценивались примерно в 4680 т серебра или 468 т золота.

Зимой 331 г. был предпринят поход на Иранское нагорье, и прежде всего в саму Персию, родину всех ее правителей, с городами Пасаргады и Персеполь, построенными соответственно Киросом (557–530) и Дарием I (522–486) вместе с сыном Ксерксом (486–465). Эти древние столицы изобиловали памятниками славной истории Ахеменидов и яркими выразительными символами царской власти и мощи.

Весной 330 г. Александр покинул Персеполь и двинулся быстрым маршем в направлении к Экбатану, чтобы не позволить Дарию перегруппировать силы. Но Дарий стал жертвой трагического стечения обстоятельств. Оставленный некоторыми из его главных приближенных, включая сатрапа Бактрии Бесса, стремившегося захватить верховную власть, он был вскоре фактически свергнут заговорщиками во главе с Бессом и в июле 330 г. убит, когда Александр уже шел следом за ним.

В то время как смерть Дария означала конец династии Ахеменидов, она ни в коем случае не означала конец ответствующих имперских структур, введенных вместо тех, которые действовали от имени царей. Александр, представив себя преемником Дария и мстителем, утверждал, что он ведет законную войну против узурпатора Бесса. Назначение иранских сатрапов стало правилом, по крайней мере, в течение нескольких лет. Александр понимал, что очень важно склонить на свою сторону иранскую аристократию.

Однако первоначально эта политика не достигала ожидаемого успеха в отношении аристократии восточных областей Ирана, и войскам Александра потребовалось несколько лет (330–327 гг.) для завоевания этих регионов. Когда победа наконец была достигнута, Александр женился на Роксане, дочери бактрийского правителя Оксиарта. Это был жест, который символизировал иранскую политику завоевателя. Но эта политика вызывала сильное недовольство у македонской аристократии, не желавшей делиться с побежденными плодами своих побед.

Весной 326 г. Александр смог наконец направить свою армию в Индию, которая была для греков легендарной страной. Двигаясь несколькими колоннами, македонцы овладели верхней частью долины реки Инд, властители которой выразили свою покорность. Александр намеревался продолжить свой поход на восток к Индо-Гангской равнине, намереваясь достигнуть, как он считал, «Внеш-

него океана». Но утомленные солдаты вынудили его прекратить поход.

Оставив в долине Инда гарнизоны и назначив сатрапов, Александр начал возвращение из похода, выступив из Патталы (вероятно, на месте современного Хайдарабада). Часть армии под предводительством Кратера шла через Кандагар, а сам Александр вел другую ее часть по трудному маршруту вдоль морского побережья, намереваясь поддерживать контакт с частями под командованием Неарха, которому было приказано двигаться к Персидскому заливу. Войска соединились в Кармании (современный город Керман на юго-востоке Ирана) и вернулись в Персию, где Александр вторично подошел к городу Пасаргады. Его первая задача состояла в том, чтобы восстановить порядок. Сатрапы и генералы, которые в отсутствие царя узурпировали власть, были казнены.

В последние годы правления Александра (325–324) не отмечалось никакого ослабления его удивительной активности. Приветствуемый многочисленными послами, он вмешивался в дела всех территории от Европы до Индии. Теперь он вынашивал новый проект – поход в район Персидского залива для основания колоний в Аравии. Для этого на Евфрате, в Вавилоне, был собран огромный флот. Задуманная экспедиция с самого начала была обречена на неудачу. 10 июня 323 г., сраженный болезнью, Александр умер в Вавилоне. В течение примерно десяти лет он перестроил для себя державу Кира и Дария (карта 1).

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ГРЕКАМИ И ВОСТОКОМ

Пьер Бриан

С традиционной точки зрения завоевания Александра полностью преобразовали общества Западной Азии благодаря быстрому глубокому процессу эллинизации. Эта теория восходит к таким авторам классической эпохи, как Плутарх, который рассматривал Александра как образец милостивого и благородного завоевателя, стремящегося не к разрушению, а к созданию городов и дорог – атрибутов новой культуры, которая была с радостью воспринята культурно отсталыми народами, стремившимися подняться до уровня победителей. Плутарх утверждал также не только о стремлениях, но и об активной политике урбанизации, которую вел Александр, и приписывал ему основание семидесяти городов, что являлось и причиной, и проявлением беспрецедентного подъема экономики и торговли.

Весьма тенденциозные мнения авторов классической эпохи были распространены в XIX и XX вв. благодаря их популяризации европейскими историками, которые стремились представить Александра как прославленного предшественника колониальных завоеваний, предпринимаемых европейскими странами в Африке, Западной Азии и на востоке Азии. Для этого они допустили, что македонские завоевания вызвали глубокие изменения в мире, который с этого времени описывался как эллинистический, т.е. находившийся под гегемонией греческой культуры.

Эта версия не только слаба, но и свидетельствует о глубоком неведении о цивилизации тех, кого греки не без презрения называли варварами, неведении, вызванном включением цивилизации Западной Азии в греческую историю. Другими словами, изучение завоеваний Александра долгое время оставалось заповедником историков, интересы которых сосредоточивались в Греции и Европе. Успехи в изучении истории Западной Азии в эпоху правления династии Ахеменидов за последние десятилетия вызвали необходимость полностью пересмотреть межкультурные процессы, которые развились в Западной Азии в ответ на македонские завоевания.

Прежде всего необходимо указать на одно чрезвычайно простое и важное наблюдение: в 334 г. побежденная Александром империя Ахеменидов была многоэтническим государством со многими культурами. В каждой сатрапии главной единицей был «народ» (*этнос*). Представители каждой этнокультурной группы и подгруппы говорили на своем языке и использовали собственную систему письменности: вавилоняне говорили на аккадском (вавилонско-ассирийском, или ассирио-вавилонском. – *Прим. ред.*) языке и использовали клинопись; финикийцы говорили и писали по-финикийски; египтяне использовали иероглифическую и демотическую (от греч. *demoticos* – народный. – *Прим. ред.*) письменность; греки говорили и записывали свои указы по-гречески, и, конечно, персы говорили на персидском языке.

Может, однако, показаться парадоксальным или необычным, что победители персов не попытались распро-

странять свой язык или религию. Каждый народ сохранил свои святилища и богов. Распространение арамейского языка способствовало преодолению препятствий, связанных с культурной неоднородностью: арамейский язык играл все большую роль в торговле, а также стал официальным языком администрации Ахеменидов. Во всем этом многообразии персы, тем не менее, занимали особое положение. Представители наиболее видных аристократических семей, связанные с царем общими интересами и преданные ему, занимали все высшие политические посты и, в частности, должности сатрапов.

Второй очевидной особенностью, на которую следует указать, являлось то, что культурные контакты между греками и населением Западной Азии возникли намного раньше завоеваний Александра. Их подавление в основном являлось следствием основания греками множества прибрежных городов в Анатолии. Эти греки, жившие в империи Ахеменидов, временами имели очень тесные отношения с их персидскими владыками, которые постоянно использовали греческих художников в качестве придворных в своих сатрапиях. В таких областях, как Ликия на юге Анатолии, известная благодаря открытиям в Ксанфе, памятники иногда отмечены одновременным иранским, ликийским и греческим влияниями.

Анатолия хорошо известна. Но нет сомнений в том, что завоевания Александра происходили в тех областях, где процессы культурного развития установились уже давно и продвинулись далеко. Греческие колонии существовали также и в других областях, таких как Вавилония, Персия или Бактрия. Но эти колонии были лишь поселениями, основанными потомками ссыльных, которые часто говорили на выродившейся форме греческого языка. Следует также добавить, что очень многие греки путешествовали по странам империи Ахеменидов, а многие также использовались как наемники. Таким образом, к 334 г. Греция и Восток не были чуждыми друг другу образованиями.

В этой ситуации у Александра, конечно, не было намерения навязывать только что побежденным народам греческую культуру. Умный и прагматичный Александр полностью отдавал себе отчет в том, что завоеванный им мир был сложным и многогранным, и не пытался изменять хорошо работавшую систему сатрапий и выплаты дани; во всяком случае, у него не было альтернативы, которую он мог бы предложить. Фактически в 334 г. македонский царь столкнулся практически с той же стратегической проблемой, которую решали Кир, Камбис и Дарий в период построения и укрепления державы Ахеменидов, т.е. проблему завоевания территорий без вражды с населявшими их народами. Поэтому имперская политика должна была приспособляться к культурному разнообразию.

Одной из кульминаций такой идеологической стратегии было вступление Александра в Вавилон в октябре 331 г. После переговоров с сатрапом Мазеем (*Mazaeus*) и местными властями он вступил в город в сопровождении пышной

процессии, сценарий которой полностью повторял тот, что был разработан для Великих. Об одном из его первых решений сообщает в своей истории персидского похода («Анабазис Александра», III/15.4) греческий историк и римский чиновник Флавий Арриан (около 95–175 гг.) следующим образом: «При вступлении в Вавилон Александр попросил жителей города восстановить храмы, снесенные Ксерксом, прежде всего храм наиболее почитаемого вавилонского бога Бела». В другом месте (VII. 17.2) он добавляет: «Этот храм был разрушен Ксерксом по его возвращении из Греции вместе со всеми другими святилищами Вавилона; но Александр, согласно некоторым мнениям, намеревался восстановить его на старом фундаменте или даже расширить, согласно другим сведениям». Из этого примера видно, что Александр действовал в точности как и более ранние завоеватели и, в частности, как Кир в 539 г. Он стремился выглядеть как восстановитель местных культурных традиций, и в этом не было никакого подобия эллинизации. Вавилон в самом деле сохранил свои традиции в течение всего периода эллинизма.

Как можно видеть, вступление Александра в Вавилон стало поворотным пунктом его иранской политики. Он впервые назначил сатрапом перса Мазея, прежнего сановника Дария III. Уже в 334 г. царь дал наглядное свидетельство его желания завоевать симпатии персидской знати: он позволил Митрену, который только что сдал ему крепость Сарды, сохранить привилегии, положенные ему по рангу. Но с поражением Дария III при Гавгамелах и накануне своего вступления в Персию Александр почувствовал необходимость сделать еще один шаг навстречу персидской знати, которую он надеялся вывести из-под влияния Дария. Он призвал их присоединиться к нему и гарантировал сохранение их традиций и привилегий.

В последующие годы эта политика, конечно, облегчила задачу Александра, особенно в Восточном Иране. Но она встречала также сопротивление и препятствия. Так было прежде всего в Персии, где, несмотря на усилия предстать в виде наследника Кира, Александр не смог преодолеть по крайней мере пассивное сопротивление населения. Это заставило его перейти к политике силы, проявлением которой стало сожжение дворцов Персеполя.

После смерти Дария III все большее число представителей персидской и иранской знати переходили на сторону Александра. В то же время усиливалось недовольство части македонской аристократии. Чтобы помочь объединению с иранской знатью, Александр попытался ввести придворные обычаи Ахеменидов и, в частности, падение ниц при появлении царя. Эта церемония противоречила македонским традициям, а также ставила в одинаковое положение греко-македонцев и иранцев, чего первые не могли вынести. В этом случае Александр также постарался выиграть время. Он отказался от падения ниц, но безжалостно казнил некоторых из своих противников.

Александр прагматично считал, что армия может быть подходящим местом встречи аристократий разных культур. Армия, которая отправилась походом в Индию, уже включала иранские подразделения. Когда в 324 г. она вернулась в Вавилон, солдаты вызывающе проявляли враждебность по отношению к пополнению армии иранцами, поскольку даже отборным конным полкам «товарищей» (*гетаифрой*) пришлось принять в свои ряды иранских всадников. Вскоре после этого, в ожидании аравийского похода, Александр создал новые смешанные полки, описанные Аррианом (VII.23.3–4) следующим образом: «Он назначил персов в македонские полки; во главе отделения должен был стоять македонский десятник (декурин), поддержи-

ваемый македонцем, получавшим двойную плату, и другим, получавшим десять статов (древнегреческая монета различных номиналов, обычно золотая монета, эквивалентная 20 драхмам. – *Прим. ред.*); с ним были 12 персов, и еще одним членом отделения был македонец... таким образом в каждом отделении было четверо македонцев... командующий секцией десятник и 12 персов; македонцы имели такое же вооружение, как у себя в стране, а персы были лучниками или были вооружены дротиками».

Это было время знаменитой «свадьбы в Сузах», когда Александр с большим великолепием и пышностью женился на старшей дочери Дария и организовал женитьбу восьмидесяти из его приближенных на невестах из высшей персидской и иранской знати. Целью этого явно было намерение примирить две аристократии, состоявшие на службе у царя. В то же время это не было «политикой слияния» в обычном смысле этого слова. Желая создать прочную империю, Александр понимал, что нуждается в сотрудничестве бывших правителей Ахеменидов. И все же не могло быть речи об одинаковом положении македонцев и иранцев: браки были заключены исключительно между македонскими «товарищами» и македонскими князьями. Нет никаких упоминаний о браке между иранским принцем и македонской принцессой. Другими словами, эти брачные союзы были задуманы Александром как средство ассимиляции иранцев македонянами, а не наоборот.

Ко времени смерти Александра в 323 г. его территориальные завоевания были впечатляющими: Александр восстановил империю Ахеменидов до ее наибольших размеров. Он стал не только последователем, но и наследником династии Ахеменидов, поскольку существенно не изменил систему имперского правления и принял некоторые атрибуты власти Великого царя.

Тем не менее, было бы ошибкой подчеркивать только элементы преемственности. Победа армии, пришедшей из Европы, также вызвало изменения, краткосрочные результаты которых трудно оценить. Вероятно, политика урбанизации и колонизации, проводимая Александром, никогда не достигала такого масштаба и не имела такого влияния, которые ему часто приписываются. Греческие города не стали центрами распространения греческой культуры: сельские общины оставались совершенно незатронутыми процессами культурного развития, которое по-настоящему происходило только среди очень малочисленной городской элиты. Этим объясняется долговечность местных культурных традиций, которые сохранились до эпохи ислама. Это относилось как к Вавилону, так и к Египту.

С другой стороны, следует также подчеркнуть, что завоевания Александра Македонского и его последователей открыли доступ в страны самых далеких частей Западной и Центральной Азии для греческой иммиграции, которая до этого была ограничена побережьем Восточного Средиземноморья. Число городов, основанных Александром, было, конечно, много меньше семидесяти заявленных Плутархом (ок. 46–119 гг. н.э.). Политика урбанизации действительно проводилась некоторыми последователями Александра, например Селевкидами, особенно в восточной части их империи. Одним из таких новых городов, который, возможно, восходит ко времени Александра, является Ай-Ханум, который был обнаружен при раскопках на севере Афганистана в месте слияния рек Амударья (точнее – Вахш; Амударья образуется слиянием Вахша и Пянджа. – *Прим. ред.*) и Кокча. Именно греки Восточного Ирана основали Греко-Бактрийское царство и были носителями греческого влияния повсюду вплоть до Индии, сочетавшегося с восточными традициями.

10.3

ЭТРУСКИ, ИТАЛИКИ И РИМ

10.3.1

ЭТРУСКИ И ИТАЛИКИ

Марио Торелли

Илл. 30

В архаическую эпоху и классический период Греции и Македонской империи история центральной части Средиземноморья развивалась в большей или меньшей степени независимо. Южная Италия и северное побережье западного Средиземноморья были греческими колониями, такими, как Массилия (современный Марсель) или Никея (Ницца). Но внутренние районы принадлежали другим племенам, племенным конфедерациям или иерархическим сообществам различных типов, иногда являвшимся царствами. Аналогичным было положение на Апеннинском полуострове. В центральной части Италии с VIII по VI в. до н.э. доминировали этруски, язык которых не относился к индоевропейским языкам, имевшие, видимо, тесные связи с Малой Азией, не подтвержденные письменными свидетельствами.

«*Тускорум анте Романум имперіум лате terra марики опес патуре*», т.е. «прежде возвышения Рима власть этрусков простиралась широко на суше и на море». Этот знаменитый отрывок римского историка Ливия (V.33.7) дает ясное представление о мнении этого древнего автора относительно распространения власти этрусков. По результатам современной реконструкции на основании скудных данных греческих и римских источников и многочисленных археологических находок этрусская история точно соответствует словам Ливия. Но эпоху этрусков нельзя описать, если не рассматривать их связи с другими народами Италии, и эта проблема стала центральной в недавних исторических исследованиях истории Этррурии вместе с историями намного менее известных итальянских племен, говоривших на итальянских языках (карта 2).

Период между последней фазой бронзового века (XI в. до н.э.) и началом железного века (окончание VIII в. до н.э.) являлся относительно коротким, но интенсивным временем формирования этрусков как народа на большой территории Апеннинского полуострова, на всей «великой Этррурии», которая простиралась от восточной части долины реки По до богатых внутренних равнин Кампании и побережья залива Салерно, проходя через центральную часть древней Этррурии, которой соответствуют современная область Тоскана и северная часть области Лацио. Бурное развитие территорий, занятых этрусками резко нарушило сложившееся с древних времен общественное и экономическое равновесие, которое в бронзовом веке апеннинская культура (XII–XI вв. до н.э.) установила между заметно отличавшимися плодородной и богатой водой западной Италией и внутренними горными районами, которые традиционно были бедными и отсталыми. Именно на территориях

второго типа в отмеченные времена обитали итальянские племена индоевропейского происхождения, говорившие на языках оскско-умбрийской группы, пытаясь преодолеть трудности существования на этой территории. Их реакция на вновь сложившееся положение остается неясной, но в конце концов у них постепенно сформировалась племенная организация иногда на очень обширных, а иногда и очень небольших территориях внутри региона. В этих областях городская жизнь не развивалась до времен Римской республики, и политические изменения наступили также довольно поздно. Только к концу VI в. до н.э. местные сообщества, организованные в систему, более или менее подобную этрусскому рабству и римской *клиентеле* (*clientela*), отвергли свои доисторические «царства» и установили аристократические режимы. Главной формой хозяйственной деятельности этих итальянских племен было животноводство, в основном в традиционной форме перегонного выпаса. Разведение овец и крупного рогатого скота заставляло их поддерживать постоянные связи с наиболее развитыми землями побережья, а также с этрусскими и греческими городами, благодаря чему они усваивали важные черты культуры этрусков и греков.

Самые ранние признаки будущего хозяйственного разнообразия региона обитания этрусков можно заметить еще в период протовиллановской культуры (XI–X вв. до н.э.). В период с IX до начала VIII в. до н.э. видна тенденция к освоению земель с лучшими почвами на равнинах. Начиная с периода культуры Вилланова обнаруживается появление многих показателей будущей этрусской мощи: сильное, процветающее сельское хозяйство, в основном выращивание хлебных злаков, а позже производство вина и оливкового масла; интенсивное использование богатых залежей меди, серебра и железной руды; бурный рост торговли в сочетании с пиратством и мореплаванием; избирательное, но интенсивное усвоение культуры эллинизма и греческих товаров благодаря давним торговым контактам с греками; наконец, раннее развитие урбанистических форм почти одновременно с самыми ранними примерами возникновения городского образа жизни в Греции.

VII в. до н.э. можно рассматривать как период еще более быстрого развития этрусков под культурным влиянием западноазиатских моделей, осуществлявшемся через финикийцев и греков. В результате этого изначальная однородность культуры Вилланова сменилась повсеместным расслоением на разные общественно-экономические слои по всей Этррурии и Италии. Южная Этррурия и

ее центры, такие как города Вейи, Цере, Тарквинии, Вульчи и Ветулония, скоро заняли ведущее положение по отношению к остальной Италии, становясь большими городами и привлекая множество иноземцев. В этих местах и в окружающих их областях, находившихся под их непосредственным влиянием (вроде латинских городов доримского периода), обнаружили самые древние монументальные здания и наиболее впечатляющие изделия из металла, слоновой кости и глины, изготовленные умелыми греческими ремесленниками для богатых этрусков или этрусских вождей. Это был, несомненно, период славы этрусской аристократии, отмеченной великолепным богатством царственных могил в восточном стиле, а также быстрым развитием явных признаков городской жизни. Появились *regia* (*regiae*), т.е. довольно роскошные дома правителей и знати, здания храмов, спланированные улицы и дренажные системы, городские стены и огромные водохранилища; кроме того, широко распространилось использование письменности благодаря использованию алфавита, подобного греческому, и увеличивающемуся влиянию культуры эллинизма в религии, политике и в церемониальных обычаях.

В начале VI в. типичный город этрусков на юге принял свою окончательную форму, став моделью для других негреческих городов Италии. Уже через столетие в результате параллельного, хотя и более медленного экономического развития, остальная часть Древней Этрурии и соседние прибрежные области Лаций и Кампания постепенно приняли городскую модель, сформированную богатыми аристократиями юга. Но общественная система, развившаяся за предыдущие 150 лет, была значительно расшатана в результате появления городов, связанного с ним роста численности населения и возрастающего влияния социальной мобильности. Считается, что символом сильных смут того века было монархическое правление семьи Тарквиниев и царствование Сервия Туллия, являвшегося, по преданию, сыном раба или бога, верным союзником двух этрусских авантюристов или убийцей законного царя. По-видимому, правящие классы предпринимали попытки избежать изменений общественного устройства, например вводили ограничения индивидуальных потребностей, особенно в похоронные обычаи, что следует из того факта, что внезапно начали использовать одинаковую планировку захоронений на большинстве этрусских городских кладбищ; кроме того, появились более символические по форме, подобные греческим погребальные культы, росла также популярность греческих игр.

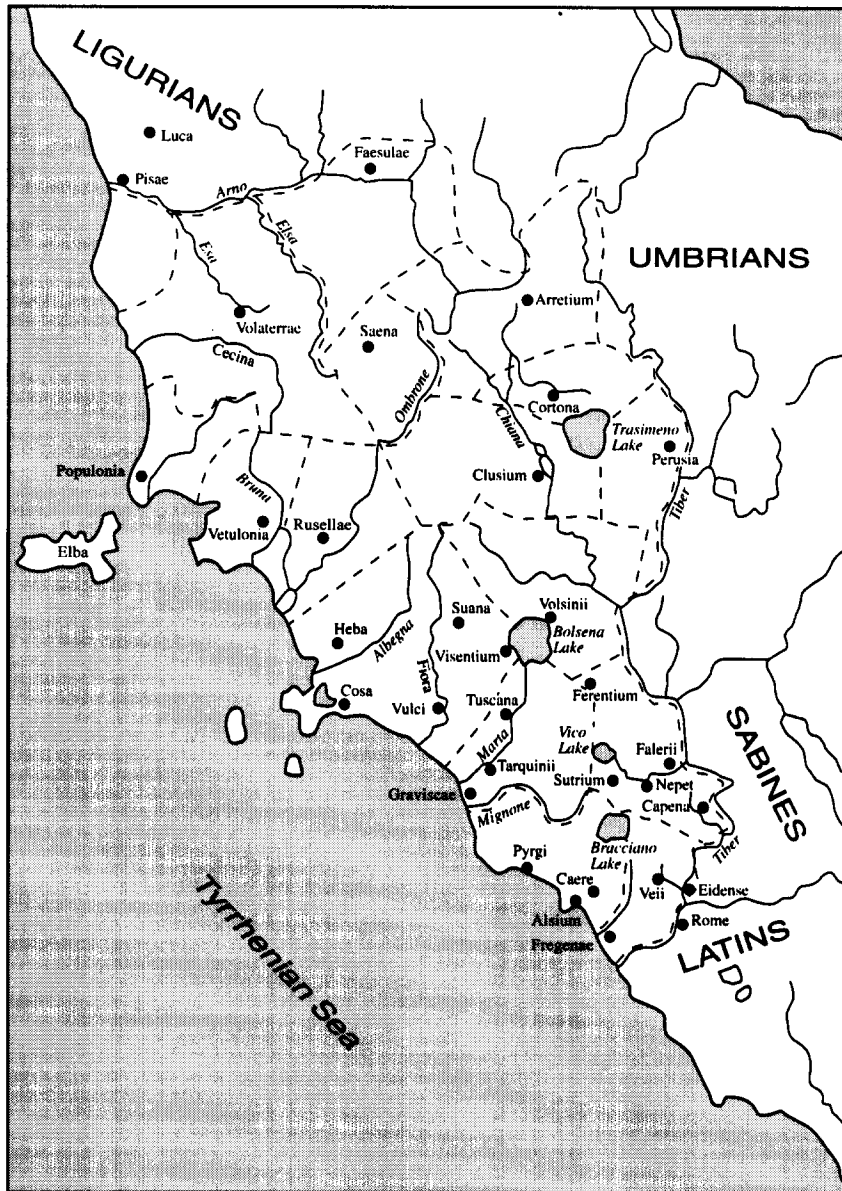
Вместе с тем напряжение в городах отражало также большое общественное беспокойство, вызванное на всем полуострове экономическим ростом областей, расположенных на побережье Тирренского моря, к которым испытывали непреодолимое влечение неблагополучные слои населения из внутренних районов. Хорошим примером этой тенденции является типичная история переезда в начале V в. до н.э. рода Клавдиев с земель, на которых проживали италийские племена сабин, в Рим. В связи с этим в течение последних десятилетий VI в. и первых десятилетий V в. произошло несколько известных кровавых сражений на море и на суше между этрусками, латинами, греками и карфагенянами и наблюдались первые крупные передвижения италийских племен, покидавших Апеннины и уходящих на более процветающие равнины, таких как вольски, передвигавшиеся из Умбрии к югу области Лаций. Эти общественные, политические и этнические перемены находили почти адекватный ответ у этрусков и в еще большей степени – со стороны части самых богатых городов, принявших республиканский строй и олигархическое политическое правление, считавшиеся единственными политическими средствами, способными остановить упадок старой родовой власти.

Законы, регулирующие расходы, установленные олигархическими режимами, сильно урезали общественное и частное потребление – до наших дней основной источник материалов для исторических реконструкций, связанных с этими народами. Это изменение заставляет нас вспомнить Рим с его хорошо известной социальной борьбой между патрициями и плебеями, т.е. между наследниками старых аристократических семей и классом, появившимся вследствие развития общественной мобильности в предыдущем столетии.

В конце этого драматического периода, около середины IV в. до н.э., изменился вид всей Италии: под давлением италийских племен сабеллов и племян кельтов пришел конец правлению этрусков в Кампании и долине реки По; даже один из наиболее великолепных и древних городов Этрурии, Вейи, попал в руки Рима. Фактически все греческие города-колонии были или побеждены италийскими захватчиками (как, например, Посидония, Лао и Кумы), или подвергались постоянным нападениям со стороны других племен сабеллов. Этрусское общество и другие высокоурбанизированные области Италии должны были измениться перед лицом новой политической и военной ситуации. Старые олигархические структуры теперь постепенно превращались в умеренные режимы, которые давали более широкие политические права бывшим ранее несвободным городским и сельским слоям общества, таким как плебеи в Риме или слуги в большинстве южных этрусских городов. Первоначально некоторые сообщества отвергли этот новый порядок, как это имело место во многих северных этрусских городах. Однако позже, в течение III в. до н.э., тяжелое экономическое и социальное иго, установившееся во всей Италии с римским завоеванием, заставило даже наиболее непокорные олигархии городов от Вольсинии до Перуджи в той или иной степени согласиться с включением низших классов общества в политическую систему.

Недавно возникшие сообщества на территории всего полуострова теперь столкнулись с новой угрозой – с Римом (см. гл. 10.3.2). Этот город италийских племен латинов к этому времени стал быстро приобретать огромную власть из-за угроз со стороны другого большого города, Вейи, и благодаря решению собственных социальных проблем, обеспечившему появление огромной армии, организованной в тактически эффективные подразделения – манипулы, а также появление нового агрессивного правящего класса и богатых и обширных земель. Менее чем за тридцать лет, в период между 295 и 264 гг. до н.э., Рим завоевал весь полуостров и обложил тяжелой данью все италийские народы; произошла массовая конфискация земель (на которых часто организовывались большие латинские и римские колонии), проявлялись и другие тяжелые формы угнетения. В результате в течение этой войны или сразу после нее были быстро устранены все указанные классы, получившие недавно политические права на территориях, занятых этрусками, греками и италиками, и составлявшие основу сопротивления Риму. Уцелевшие же группы были позже сметены более обширным кризисом, захватившим мелких фермеров, вызванным развитием рабства на соседних с Римом территориях.

Римское правление во многих отношениях благоприятствовало сохранению остатков старой аристократии, которая в течение этих захватнических войн неизменно принимала сторону Рима. Естественно, во II в. до н.э., в период восстановления и развития после войны с Ганнибалом (218–201 гг. до н.э.) и покорения эллинизированного Востока, большинство этих аристократов также стали убежденными сторонниками полной романизации этих народов. Принятие городского образа жизни, общественных и частных обычаев, политических институтов и религиозных обрядов Рима, свидетельством чего является широкое распространение римско-эллинических зданий, копирование римских

Карта 2. Этруски и окружавшие их италийские народы (италики)

общественных зданий и частных домов и богатое художественное оформление храмов и святилищ в римском стиле были, по мнению сторонников этих действий, лишь первыми шагами к получению полного римского гражданства. Только предоставление этих прав могло дать италийским союзникам возможность приобщения к преимуществам римского правления – к управлению богатыми областями, получению своей доли в богатой добыче и славе.

Но Рим не был готов дать им такие возможности, и в 90 г. до н.э. вспыхнула война между римлянами и их ита-

лийскими союзниками. Эту кровавую войну не остановило даже предоставление в 89 г. до н.э. прав римского гражданства всем союзникам, и италийское восстание быстро переросло в столкновения внутри Римского государства. В этом отношении только окончание гражданских войн, достигнутое в значительной степени в результате победы Октавиана в 31 г. до н.э. благодаря поддержке, как он гордо заявил, всей Италии, означало реальное включение италиков и этрусков в Римское государство и конец тысячелетней истории.

10.3.2

РИМ ПЕРЕД ОКОНЧАНИЕМ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Луиджи Капогресси Колоньези

Илл. 31–34

Согласно традиции, восходящей к последним векам до н.э., Рим был основан в середине VIII в. до н.э., в 753 г., на холмах выше брода через реку Тибр, вблизи острова Тибр. Наиболее древние руины находятся на Палатинском холме, где все еще видны следы доисторических жилищ, населявшихся первобытными людьми, которые позднее сформировали городское сообщество, давшее начало Риму.

Первым и главным признаком развития был быстрый рост населения, который вел к слиянию поселений латинов на Палатинском холме с поселениями на Квиринальском и Капитолийском холмах, традиционно заселявшихся сабинами. Ранний облик Рима складывался в результате слияния этих двух разных этнических групп, более позднего сильного влияния этрусков (см. гл. 10.3.1) и объединения с поселениями на других трех холмах вокруг Рима – Целии (по соседству с холмом Палатин), Виминале и Эсквилине (по соседству с холмом Квириналь). Этот этап развития ясно отражает начало аристократической формы общества. Во главе его стоял король, окруженный советом старейшин, представлявших касту военных аристократов, которые были разделены на кланы или племена. Это были группы, связанные родством по мужской линии и носившие общее имя предка или фамилию, передававшуюся их потомкам. Организованные по округам, они играли прежде всего пассивную роль, получая приказы от военного управления гражданского правительства (карта 3).

Царь объединял функции политического и гражданского руководства и был прежде всего главнокомандующим. В дальнейшем эти функции были неразрывно связаны с религиозной ролью царя как высшего посредника между его народом и богами и как толкователя божественной воли. В необходимых случаях он выполнял религиозную функцию прорицателя: он один был уполномочен распознавать волю богов путем толкования предзнаменований.

Рим отстаивал свою власть в Лации с древнейших времен. Укрепление городских структур совпало с первой стадией распространения влияния на территории, ограниченные на севере Тибром, на юге – Албанскими холмами (центр ранней цивилизации Лация), на востоке – подножьями Апеннин, а на западе – морем. На побережье в устье реки Тибр Рим основал поселение Остию, которое относится ко времени Анкуса Мартиуса (*Ankus Martius*), одного из самых первых королей. С быстрым ростом Рима были поглощены небольшие поселения, располагавшиеся в непосредственной близости от Рима.

Важные изменения происходили в первой половине VI в. до н.э. с появлением династий монархов этрусского происхождения, отличавшихся заметной склонностью к войнам. При Тарквинии Приске и позже, при великом Сервии Туллии, Рим претерпел быстрые общественные и политические преобразования, соответствовавшие более широким изменениям, которые происходили по всему

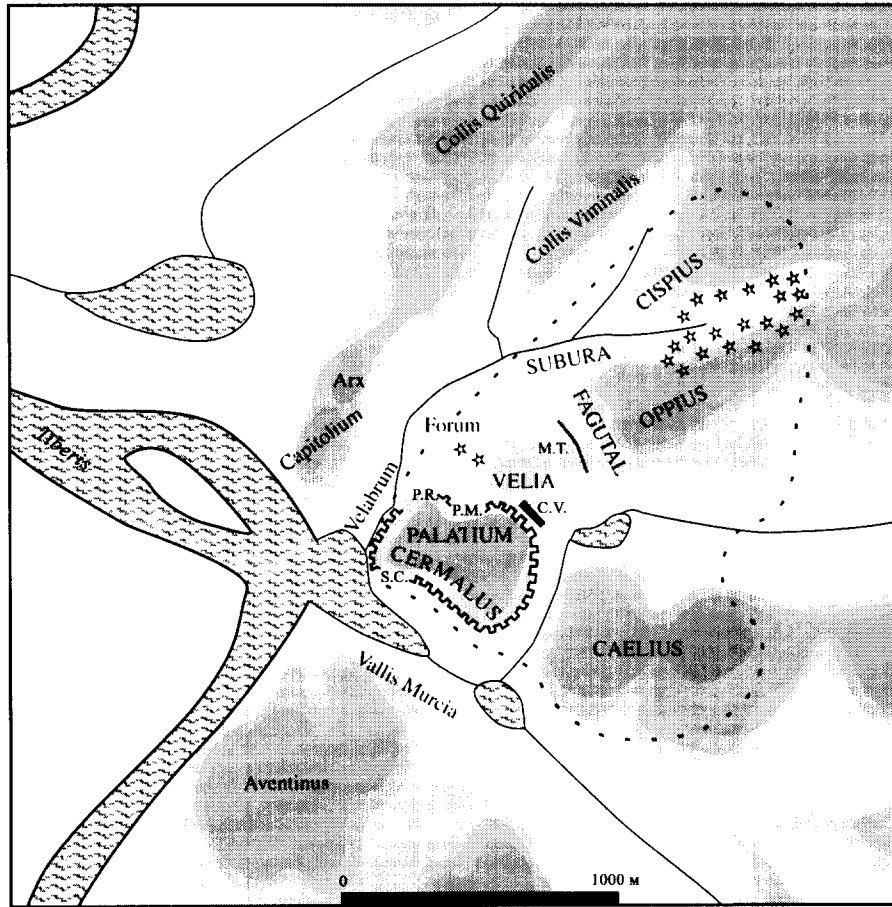
Западному Средиземноморью. Была создана совершенно новая военная структура: аристократическая армия предшествующего периода была заменена фалангами гоплитов – тяжеловооруженных пехотинцев, имевших оборонительное и наступательное оружие. Такой подход потребовал от многих граждан возможности обеспечивать себя необходимыми защитными средствами (щитами, нагрудными доспехами, шлемами и т.д.) и привел к «демократизации» и военного, и гражданского обществ.

В Риме времен Сервия Туллия эти военные перемены привели к пересмотру политической структуры общества. Предыдущая система кланов и родства была заменена организацией, основанной на делении населения на сотни («центурии»). Более богатые округа имели большие военные обязательства, но в ответ получали и большее политическое влияние.

Политическая власть Рима быстро росла в VI в. под влиянием этрусков, и в особенности – во времена правления Тарквиния Гордого. Римом были поработаны многие города, и их религиозные центры увезены и сосредоточены в Риме для демонстрации его превосходства. Рим стал центром законодательной власти во всем Лации.

Параллельно с этим процессом происходило существенное экономическое развитие. Концентрация торговли в Риме и распространение изделий городских ремесленников заложили основу важных общественных работ, которые совпали с периодом правления последних этрусских царей. Архитектурные остатки этого периода отражают огромные коллективные усилия, вложенные в освоение болотистой местности Форума и, позднее, в создание крупномасштабной системы канализации со строительством подземного канала для стока нечистот («Клоака Максима»). Дата падения монархии совпадает с сооружением огромного храма, посвященного высшему римскому божеству Юпитеру Капитолийскому, руины которого все еще можно видеть на Капитолийском холме, который являлся священным центром древнего города. Уже при Сервии Туллии весь город был защищен новой стеной, периметр которой указывает на важность столицы, вышедшей даже за пределы Лация (карта 4).

Когда в 509 г. до н.э. этруская династия Тарквиниев была изгнана из Рима, казалось, что монархия исчезла навсегда и сменилась республикой, управляемой двумя консулами. Существуют некоторые сомнения относительно обстоятельств этого конституционного изменения и того, как это фактически было, но результатом стала всеобъемлющая республиканская система, которой предстояло надолго стать моделью республики. Вполне возможно, что падение Тарквиниев означало возобновление борьбы между нациями, результатом которой было ослабление этрусской империи в Центральной и Южной Италии и на море. За несколько лет до этого пережили перемены этрусский флот на Средиземноморье, а военное восстановление Лация и Кампании в результате привело к прекращению

Карта 3. Рим в начале своего возвышения приблизительно в VIII в. до н.э.: Септимонциум (семихолмье) и «город» Ромула; штриховой линией указаны примерные границы Септимонциума; прописными буквами даны названия территорий Септимонциума; зубчатая линия – границы «старого города», приписываемого Ромулу и его первому царству; звездочками обозначены захоронения; PR – Porta Romana; P.M. – Porta Mugonia; S.C. – Scalae Caci; C.V. – Curiae Veteres; M.T. – Murus Terreus Carinarum

экспансии этрусков в Кампании, для которой важную роль играл контроль со стороны Рима или дружба с ним. Дополнительными факторами были события внутри самого римского общества, включая усиление влияния патрициев, которые были врагами и жертвами централизованной монархической политики Тарквиниев.

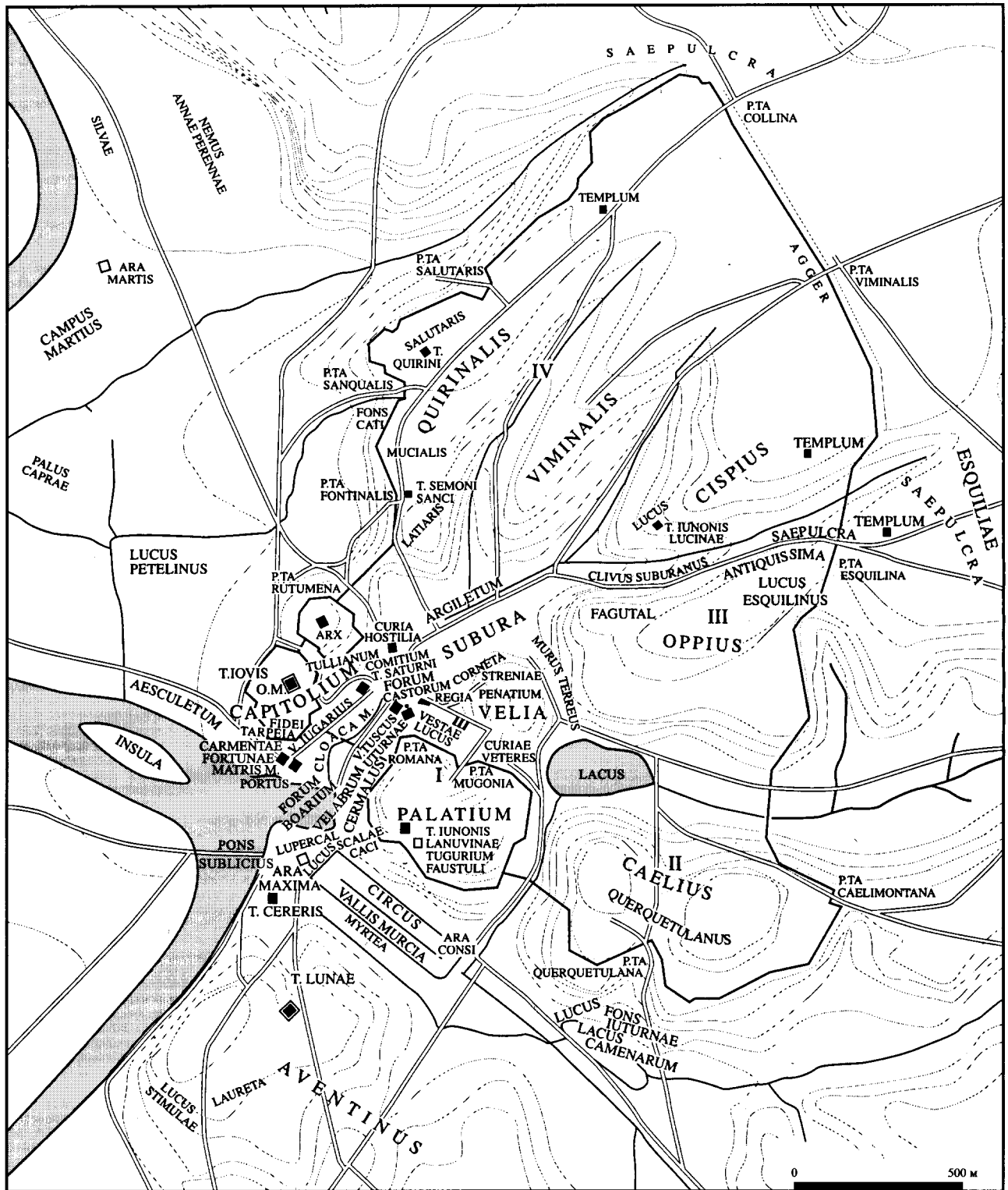
История V в. и тревожна, и неясна. Совершенно ясно, что в первые десятилетия республики внешняя политика Рима ослаблялась из-за открытого конфликта с другими городами Лация, желавшими освободиться от его претензий на гегемонию, однако довольно рано с Лацием был установлен мир, провозглашенный в знаменитом договоре, названном именем подписавшего его римского консула Кассия. Напротив, во внутривнутриполитической жизни Рим переживал более длительный конфликт между старой аристократией и новым, более неоднородным классом плебеев, которые требовали экономического и политического равенства с патрициями. В течение V в. ряд новшеств и реформ постепенно готовили путь к равенству, но оно не было окончательно достигнуто вплоть до середины следующего века. Длительность этого процесса является свидетельством тяжести конфликта, который периодически угрожал самому факту существования Рима как города-государства.

Вехами этой трудной реформы были введение народных (плебейских) трибунов, т.е. выборных должностных лиц из народа, которым гарантировалась личная безопасность и которым было предоставлено право налагать запрет на постановления магистрата и сената, целиком состоявших из патрициев; а также создание в 450–449 гг. до н.э. письменного свода законов, которые приостанавливали произвол патрициев, разрешали смешанные браки между пат-

рициями и плебеями, давали право гражданам обращаться к народному собранию с протестами против смертных приговоров, вынесенных магистратами, а также предоставляли право выбирать городского магистрат, участвовать в утверждении законов и проводить общественные обсуждения. Законы давали право требовать замены консулов, в том числе патрициев, имевших властные полномочия, которые прежде имели консулы. Для этого использовалась расширенная коллегия, которая формировалась из армейских командиров и включала плебеев.

Еще одно важное изменение римской внешней политики положило конец этому конфликту. Захват этрусского города Вейи после ста лет войны открыл римлянам богатые земли Центральной Италии, на которых прежде управляли прекрасные этрусские города, непрерывно воевавшие друг с другом и теперь обреченные на упадок. Эта победа Рима дала его гражданам доступ к богатым сельскохозяйственным землям, большая часть которых была распределена для свободного пользования между гражданами, каждый из которых получал почти 5 гектаров. Это был шаг навстречу требованиям плебеев в первые годы республики, заключавшимся в том, что общественная земля Рима должна перестать быть атрибутом патрициев и должна быть распределена между всеми гражданами.

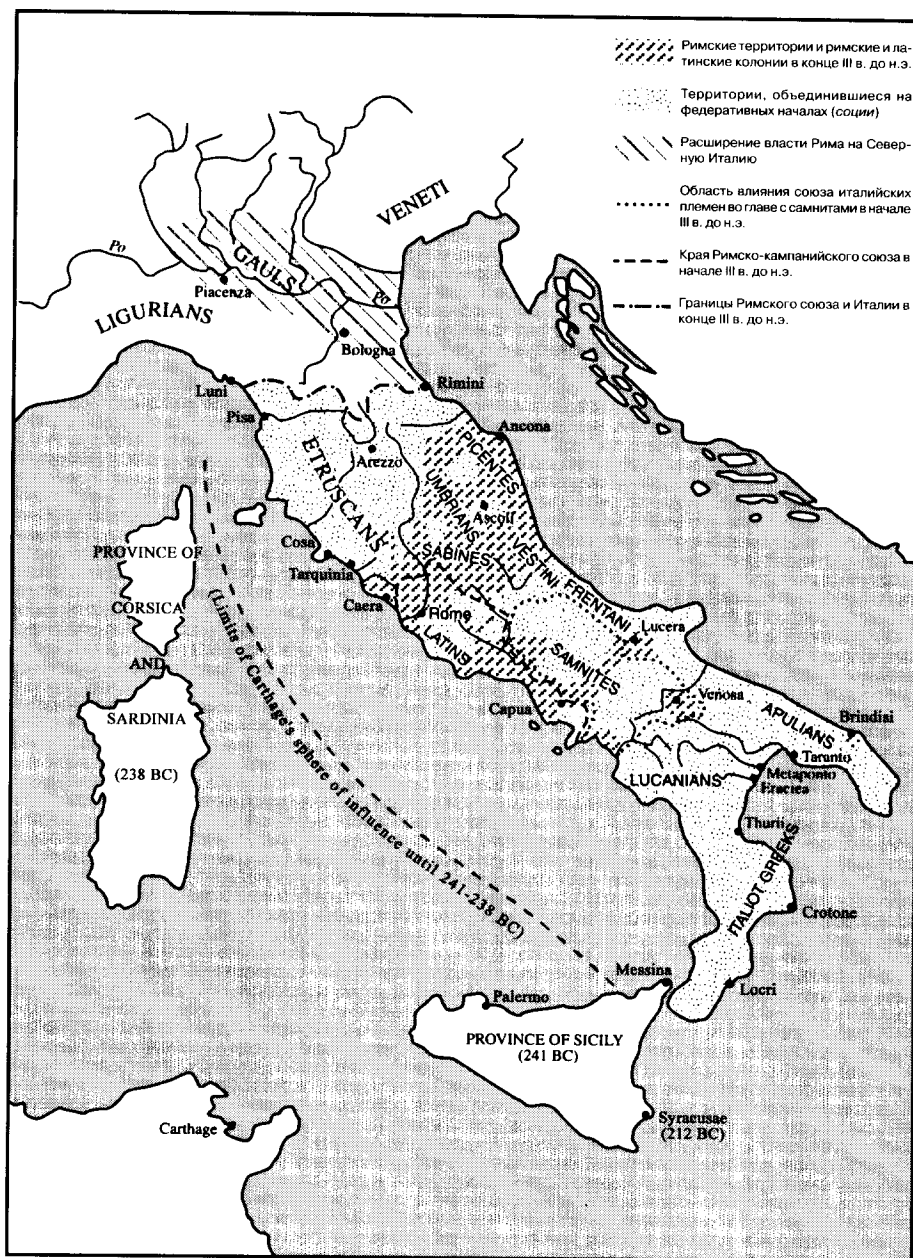
Наконец, в 367 до н.э. были приняты законы (Лициния-Секстия), которые предусматривали обязательное назначение одного консула из плебеев, установили максимальную норму земельных наделов и частично отменяли долги бедных слоев населения. Это время можно считать периодом наивысшего расцвета республики, укрепления мощи государства, которое вело к дальнейшей экспансии.

Карта 4. План города Рима в конце архаического периода (по АА.VV., ha grande Roma dei Tarquini, Рим, 1990)

Основы политики Рима были построены по жестко иерархическому принципу, связанному с его преимущественно военным и аграрным характером. Во главе государства стояли два консула, наделенные самыми широкими гражданскими и военными полномочиями, опиравшиеся на многочисленные магистраты, каждый из которых имел свою сферу ответственности, но в то же время был подотчетен непосредственно консулам. Особое место занимали цензоры: в их обязанности входил учет посредством ценза (переписи граждан с указанием

имущества для определения их социально-политического, военного и податного положения. – Прим. ред.), проводившегося каждые пять лет, статуса каждого гражданина в системе цензур и заполнение освободившихся мест в сенате путем выбора новых представителей. Функции цензоров отражали также необходимость контроля за населением и даже включали надзор над правами граждан и в необходимых случаях понижали их положение в обществе и ограничивали их политические права.

Карта 5. Римские завоевания в Италии (по Pallotino, 1980)

Однако политическим центром республики оставался Сенат. Он состоял из 300 членов, принадлежавших к старому классу патрициев или граждан, назначавшихся цензорами на основе объективных данных (например, учитывался опыт исполнения должности цензора или консула). Сенат был уполномочен не только осуществлять управленческие функции, заниматься иностранными делами и финансами, но и влиять на основную деятельность каждого магистрата. Именно в Сенате, члены которого не избирались и занимали свои кресла пожизненно, действовала система сдержек и противовесов, которой предстояло определять судьбу Рима.

Установление этого нового внутреннего равновесия в городе и прекращение жестоких конфликтов между патрициями и плебеями с середины IV в. сопровождалось дальнейшим заметным ростом власти Рима на всем полуострове. За упомянутым выше захватом Римом в 396 до н.э. города Вейи последовало несколькими годами позже иное серьезное, хотя и разовое препятствие – разграбление Рима кельтскими захватчиками, пришедшими с севера. Уни-

жение, нанесенное галлами, подстрекало наиболее своевольных союзников Рима, прежде всего латинов, выйти из союза, который был и прежде обременительным, а теперь и вовсе стал неустойчивым. В течение первой половины этого века Рим вел фактически непрерывные войны против северных городов этрусков и других соседних народов, включая эквов, вольсков и самих латинов. Можно считать, что эта стадия объединения окончилась примерно 340–330 гг. до н.э. и завершилась победой Рима над народами Центральной Италии и полным его завоеванием не только всего Лация, но и Южной Этрурии. В то время римский союз расширился и дальше, достигнув важных центров одной из самых богатых и наиболее цивилизованных областей древней Италии – Кампании. Римская территория стала занимать площадь 8 тыс. кв. км, т.е. примерно столько же, сколько занимали все союзники Рима (карта 5).

Теперь Рим был озабочен дальнейшей и более решающей стадией своей экспансии, нацеленной на Южную Италию и начавшейся с Кампании. Препятствием стал мощный союз италийских племен во главе с самнитами, кото-

рая с возвышенностей Апеннин стремилась управлять и богатыми равнинами Кампании, и территорией Апулии. Конфликт начался в 326 г. до н.э. со вступления Неаполя в Римский союз, но из-за разбросанности самнитских родов война приобрела форму не последовательных решительных сражений, больше подходивших для структуры римской армии, а непрерывных изматывающих нападений, при которых победа переходила из рук в руки. Несмотря на отступничество этрусков и других старых союзников, в 304 г. до н.э. Рим сумел заключить с самнитами мир, означавший его полную победу. Последнее решающее столкновение с самнитами и их союзниками галлами и умбрами произошло примерно в конце IV или начале III в. до н.э. Добившись наконец победы после длительной и довольно тяжелой войны, Рим взял под свой контроль всю Южную Италию – один из наиболее цивилизованных и экономически процветавших регионов древнего мира. Власть Рима распространилась на территории современной Калабрии и Апулии, заселенные впоследствии луканами, бруттиями и мессапами (мессапиями), и включала области Апеннин, населенные самнитами (ныне область Аbruцц), марсами и апулийцами.

Римская экспансия затронула также север полуострова, большинство народов которого были вовлечены в самнитскую войну. Рим распространил свою гегемонию на всю территорию, занятую этрусками и пиццами, до границ территории приальпийских галлов, приобретая таким образом новые сельскохозяйственные земли. Этой обширной территории (больше 20 тыс. кв. км под прямым управлением Рима и еще 60 тыс. кв. км. населенных народами, ставшими вынужденными союзниками Рима) не доставало лишь важного южного города Тарента, имевшего греческое происхождение.

После полного поглощения завоеванных территорий и роспуска побежденных сообществ, иногда включавшихся в гражданскую систему Рима, его экспансия стала довольно ограниченной. В основном Рим осуществлял политику гегемонии, посредством которой он приобрел часть территорий, принадлежавших этим сообществам, в виде «платы» за победу в войне. Затем эти территории либо распределялись среди римских граждан как их частная собственность, либо группировались вместе, образуя большие области общественных земель сельскохозяйственного или животноводческого назначения. Другой важной возможностью было содействие в осуществлении политики урбанизации, а также политической и демографической экспансии путем учреждения новых сельскохозяйственных владений и новых военных гарнизонов. Таким образом была создана обширная сеть колоний, населенных римлянами или их латинскими союзниками, которые развивались на всем полуострове до времени гражданской войны. Само собой разумеется, что эта сеть колоний сильно способствовала быстрой романизации всех народов полуострова и стала сильным средством достижения политической лояльности Риму.

Однако средством, наиболее широко использовавшимся Римом для достижения его великой цели – установить свою гегемонию в Италии, – уже с самых ранних времен было заключение договоров между Римом и отдельными народами на основе равенства; эти договоры в действительности подчинили многие итальянские города Риму. Целый ряд подобных договоров позволил Риму выстраивать систему отношений, в центре которой находился Рим. При этом союзные сообщества сохраняли свою внутреннюю автономию, но были лишены права на какую-либо независимую внешнюю политику, и в этом отношении должны были следовать диктату Рима.

Новая аристократия, которая пришла на смену старому классу патрициев, формировалась главным образом путем отбора с учетом тех ролей, которые должны были выполнять представители разных семейных групп (родов)

и круга лиц, имеющих с ними общие политические интересы. В то время как многочисленные долгие военные походы приучали этих молодых аристократов к верности государству, позднее, с введением выборности на должности в разные общественные учреждения от самой низшей до должности консула или цензора, политический баланс в городе изменился на протяжении жизни одного поколения, преобразовавшись в иерархию, отраженную в балансе сил в Сенате. Это, естественно, способствовало преобладанию и усилило консервативные тенденции как в управлении, так и в военной стратегии.

Неизбежным следствием предшествовавших политических и военных успехов стала война с сильным, но теперь изолированным Тарентом, которая с 282 г. до н.э. становится поворотным пунктом, сделавшим Рим центром политической сцены Средиземноморья. В войне с Тарентом римляне столкнулись с сильной македонской военной мощью, к тому же для поддержки Тарента в Италию вторгся Пирр, царь государства Эпир на западе Греции, с армией численностью 25 тыс. чел. После ряда поражений и побед Рим сумел выйти из борьбы победителем и вынудил Пирра покинуть полуостров после его неудавшегося вторжения на Сицилию против Карфагена, который в то время был союзником Рима. Тарент, таким образом, был также низведен до положения зависимого союзника, и могущество Рима теперь распространялось на все Средиземноморье.

РИМ И КАРФАГЕН

Именно это развитие событий стало началом изменения отношений между Римом и Карфагеном, которые были союзниками начиная с VI в. Теперь между Карфагеном и Римом возникло соперничество за власть, которое больше не могло ограничиваться традиционными пределами континента. С этого времени Рим вмешался в морские и средиземноморские интересы многих городов прежней Великой Греции, которые теперь были включены в римскую орбиту. Мессинский пролив был слишком слабым барьером для разделения столь противоречивых интересов и влияний.

Первый конфликт между Карфагеном и Римом – Первая Пуническая война – вспыхнул в 264 г. и привел Рим на незнакомое поле действий – на море. Благоприятный исход этой продолжительной войны, которая длилась до 241 г., был главным образом обеспечен военно-морскими операциями. В 260 г. Рим выиграл свою первую большую морскую битву при Милах (Милаццо) под командованием консула Гая Дуилия. Но военные действия с переменным успехом продолжались в течение длительного времени, до 241 г., когда крупная победа римлян у Эгатских островов вынудила карфагенян искать мира. Они тем самым потеряли власть над Сицилией, которая попала под римское влияние и была вынуждена выплатить большую контрибуцию Риму. Поражение карфагенской армии, которая в отличие от римской армии, сформированной главным образом из граждан, состояла из наемников, и восстания против Карфагена позволили Риму лишь через несколько лет после войны овладеть двумя другими карфагенскими владениями – островами Сардиния и Корсика.

Разнообразные методы, применявшиеся Римом для достижения гегемонии в Италии, теперь впервые оказались неприемлемыми. Под власть Рима попали обширные территории, которые до этого были порабощены другими хозяевами, народы которых уже потеряли свою независимость. В этих случаях Рим не мог ни ввести систему союзных договоров, ни преобразовать эти территории в группу римских или латинских колоний. Поэтому началось формирование системы провинций, управлявшихся Римскими магистратами и полностью подчинявшихся

Риму. Число этих провинций росло по мере расширения Римской империи. Карфаген был побежден и потерял свое влияние в центральном Средиземноморье. Но он продолжал существовать как большая сила, управлявшая западным Средиземноморьем. Постепенно Карфаген концентрировал силы в этом регионе, особенно вдоль побережья Испании и в самой Испании. Племена кельтского и иберийского происхождения были порабощены, и их воины призваны в карфагенскую армию. Римляне с беспокойством наблюдали за этим возрождением карфагенской мощи и воспользовались первой возможностью, чтобы этому помешать. Подходящий случай представился, видимо, когда небольшой греческий город Сагунт, располагавшийся на побережье Пиренейского полуострова к югу от устья реки Эбро, попросил у Рима союза против Карфагена.

Карфагеняне не пожелали считаться с этим, и в 219 г. до н.э. карфагенская армия под командованием Ганнибала захватила Сагунт. Это послужило причиной для начала римлянами Второй Пунической войны. Неожиданно для римлян Ганнибал напал на Италию с севера, преодолев Альпы. Рим проигрывал сражение за сражением вплоть до 216 г., когда римляне были полностью разбиты при Каннах в Южной Италии. Однако у Ганнибала не было возможности завоевать сам Рим, и его положение в Италии

быстро ослабевало. Рим заключил союз с находившимися в тылу карфагенян нумидийскими царями и послал войска в Испанию. Наконец в 206 г. римляне под командой Сципиона Африканского изгнали карфагенян из Испании и вторглись в их владения в Африке. Под угрозой нападения римлян и нумидийцев Ганнибалу было приказано немедленно покинуть Италию и прибыть на защиту Карфагена. В 202 г. до н.э. в битве при Заме (вблизи Карфагена) Ганнибал был впервые побежден. Карфагенянам пришлось просить мира. Они согласились с требованием о переходе Испании под власть Рима в качестве провинции и с предоставлением независимости нумидийцам. Карфаген был должен выплатить Риму военную контрибуцию и уничтожить свой военный флот.

К концу III в. Рим управлял не только центральным, но и западным регионом Средиземноморья. Карфаген, вероятно, был полностью под контролем Рима, но он еще существовал и снова восстанавливал свои торговые связи. Это послужило достаточной причиной для римского политического деятеля Катона, чтобы требовать разрушения Карфагена. В результате Третьей Пунической войны (146–141 гг.) это требование было выполнено, а северная часть Африки была превращена в римскую провинцию (илл. 31–34).

10.4

НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА К СЕВЕРУ ОТ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

ОТ РЕДАКТОРА

Йоахим Херрманн

К северу от Средиземноморья и от греческих колоний на берегах Черного моря существовал пояс территорий доисторических племен и племенных союзов с их собственными традиционными культурами: кельтиберов, кельтов, галлов, иллирийцев и фракийцев. Но они и их культурные черты все больше попадали под влияние греческих колоний, а с III в. до н.э. – македонян и римлян. В некоторых случаях они формировали районы посе-

лений в глубине греческих колоний, в других случаях, как в Испании, на юге Франции и на севере Апеннинского полуострова, они подчинялись Карфагену и Риму и входили в состав их растущих империй. Подобное положение существовало и на территориях к востоку от Черного моря и вдоль северо-восточных границ Македонской империи, где преобладали племена скифского происхождения.

10.4.1 СКИФЫ

Йонаш Харматта

Илл. 35–40

Одомашнивание лошади индоиранцами около 3500 г. до н.э. в корне изменило возможности их животноводства и развития хозяйства. Уже в бронзовом веке коневодство стало преобладающим видом хозяйствования. На этой основе, оставаясь в степной зоне, иранские конные кочевники в начале I тысячелетия до н.э. организовали мощные племенные союзы, или кочевые «империи».

В Восточной Европе первым из ставших известными Древнему Миру был племенной союз киммерийцев. Они упоминались еще в «Одиссее». Название этого народа – от греческого слова *киммериои* (*kimmerioi*) ведет происхождение от ассирийского *гимирраи* (*gimirrai*), которое, в свою очередь, соответствует староиранскому *гайа-мира* («союз кланов»), указывающему на особенность общественной организации. Главные центры киммерийцев находились в районе Днепра и были связаны с чернолесской культурой Крыма (точнее – лесостепной полосы на юге Украины. – *Прим.ред.*), а на Кавказе – с кобанской культурой. Из района Днепра они продвинулись по Среднедунайской равнине вплоть до Дуная. Имеются многочисленные свидетельства их присутствия в этих местах: находят конские снаряжение, удила с боковыми пластинами, а также много предметов кавказского происхождения. До этого на Кавказе они вторглись в Урарту, разрушили Фригийское царство и в 696/5 гг. до н.э. захватили его столицу Гордион, а в 679/8 гг. до н.э. предприняли неудачное нападение на Ассирию. После этого, однако, они одержали крупную победу над лидийцами; даже Гигес (Гиг), царь Лидии, был убит, и в 652 г. до н.э. была взята ее столица Сарды в Малой Азии. Впоследствии киммерийцы вторглись в Ионию, разграбили ее и около 640 г. до н.э. взяли Эфес, но в 630 г. до н.э. потерпели поражение от скифского царя Мадьеса. И лишь значительно позже они были, наконец, изгнаны из Малой Азии лидийским царем Алиатом (617–561 гг. до н.э.).

Представляется вполне вероятным, что в течение VIII в. до н.э. на территории хвалинской группы культуры деревянных захоронений в регионе Волги возник другой союз иранских кочевых племен. Эта новая кочевая сила распространилась в юго-западном и южном направлении и сама приняла название *сколоты* (от *skolotai* – греческого слова, восходящего к староиранскому *skerta* – скрта, «победоносный»), в то время как греки называли их *скифай* (*skythai*), т.е. «скифы».

В VI в. до н.э. в Восточной Европе происходили драматические события. Скифы постепенно подчинили киммерийские племена и завоевали их центральные территории: регион Днепра и Крым. Около 540 г. до н.э. на территории между Дунаем и Доном власть скифов стала доминирующей. Укрепление скифского царства происходило на внутризэтнической основе, так как и киммерийцы, и скифы были иранскими народами. Имена киммерийских царей и их командующих *Дуг-дам-ме-и*, *Сан-дак-кур-пу* и *Те-ус-на-а* происходят соответствен-

но от староиранских имен *Дуида-майа* («приносящий счастье»), *Санда-куру* («прекрасный сын») и *Тавис-найа* («полный сил»), отражающих тот же самый староиранским диалект, что и имена скифских царей *Пар-та-ту-а* (староиранское *Прта-тавах* – «имеющий силу для борьбы») и Мадьес (староиранское *Мадван* – «удачливый, счастливый»). У них были одинаковыми предметы материальной культуры: было одинаковым вооружение, конская сбруя и «животный» стиль в искусстве. В борьбе двух родственных народов решающую роль играли, вероятно, общественные факторы. Согласно преданию, относящемуся к Геродоту, киммерийская аристократия вступила в смертельную борьбу и была уничтожена. В результате скифы без труда овладели киммерийскими землями.

Примерно в то же время в степях к востоку от Дона появился новый племенной союз иранских кочевых племен, названный классическими авторами *савроматами* (на староиранском *саруматах* – лучники). Савроматы заняли большую часть прежней скифской территории, но в течение последующих двух веков Дон оставался линией раздела. Однако в начале IV в. до н.э. савроматы, ведомые другими иранскими кочевниками, шедшими из Центральной Азии, переправились через Дон и постепенно приблизились к району Днепра, где стали ведущей силой во II в. до н.э.

В истории скифов наиболее известны три периода. Первый – это период похода персов против скифов (514 г. до н.э.). Второй – период скифского царства Атей, процветавшего в IV в. до н.э. Третий период представлен двумя поздними скифскими царствами, одним – в Малой Скифии в Крыму, другим – в Добрудже (оно также называлось Малой Скифией классическими авторами), расцвет обоих приходится на II в. до н.э.

Общественная и экономическая структура Скифского царства первого периода может быть лучше всего охарактеризована скифскими легендами, пересказанными Геродотом. Согласно скифам, их предком был Таргитай (староиранское *Дарга-тавах* – «непреодолимая сила»), сын Зевса (очевидно, скифского бога небес), у которого было три сына: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. В их царствование с неба на скифскую землю упали золотые предметы, плуг, ярьмо, секира и чаша. Когда два старших брата захотели схватить сокровища, предметы запылали и перестали гореть только в руках младшего сына, который отнес их к себе в дом. Тогда два старших брата передали младшему все царство. От Липоксаиса (староиранское *Рипа-ксайа* – «царь земли») произошло скифское племя, называемое *авхатами* (староиранское *Аукси-атах* – «оседлые»), от Арпоксаиса (староиранское *Арпа-ксайа* – «царь сражений») – скифы, называемые *катиары* (староиранское *Кати-ара* – «воинственный») и *трастиш* (староиранское *Тра-астия* – «содержащие коней»), а от царя Колаксаиса (староиранское *Кура-ксайа* – «молодой царь») – племя *парлатов* (староиранское *Пара-дата* –

«созданный первым»). Таким образом, легенда ясно отражает общественное устройство, основанное на разделении труда среди скифов, включавшее аристократию, воинов, скотоводов и земледельцев. Царская власть считалась имевшей божественное происхождение. Геродот указывает несколько оседлых скифских племен, таких как каллипиды (*kallipidai*) и ализоны (*alizones*), т.е. пахари и земледельцы, хозяйственная жизнь которых была основана на сельском хозяйстве. Скифы-пахари выращивали пшеницу даже на вывоз. Помимо них, Геродот упоминает кочевых и царских скифов, из которых последние, видимо, были представлены скифами-паралатами, а первым соответствовали *каттары* и *трасти*.

Таким образом, скифы были не только кочевниками. Лишь аристократия и классы воинов и скотоводов вели кочевой образ жизни, в то время как скифские племена, жившие в зоне лесостепи у Днепра, были оседлыми земледельцами, жившими в деревнях. Скифское коневодство достигало очень высокого уровня, и скифские лошади в то время были лучшими в Европе. Помимо животноводства и сельского хозяйства, в Скифском государстве были развиты некоторые ремесла, производство оружия, конной упряжи и особенно – обработка драгоценных металлов. Из предметов скифского вооружения наиболее знаменитыми остались трехгранный наконечник стрелы и скифский составной или обратный лук. Трехгранный наконечник стрел получил распространение в Западной Азии и даже в Западной Европе, а скифский лук начал использоваться даже греками, которые заимствовали термин «токсон», т.е. лук, от скифов или киммерийцев. Скифская военная тактика отличалась использованием больших групп конных лучников и ложным бегством, из-за которых в древности они считались непобедимыми. После того как они около 495 г. до н.э. сбросили персидское правление в дельте Дуная, они стали примером для свободолюбивых народов.

У скифской аристократии было много предметов из драгоценных металлов, украшавших их одежду, конскую упряжь и оружие. Они изготавливались как греками, так и скифами в основном в «животном» стиле. Основными изображениями на изделиях скифского искусства были олени, пантеры, грифоны, сцены борьбы животных, а также сцены скифской жизни. Такие сцены изображались на золотых и серебряных сосудах, изготовленных греческими мастерами в греческих городах Крыма и региона Днепра. С VI в. до н.э. между греками и скифами в регионе Черного моря возникли тесные отношения, включая этнические, торговые и культурные связи. В результате этого в регионе Днепра проживало смешанное греко-скифское население. Скифы продавали грекам сельскохозяйственную продукцию и покупали у них изделия ремесленников. Экспорт скифской пшеницы был стратегически важен, потому что от этого зависело снабжение продовольствием Афин. Помимо оживленной торговли с жителями причерноморских греческих городов, скифы также занимались дальней торговлей по маршруту, пролежавшему вдоль рек Дон, Волга и Белая до Уральского хребта и даже за него, привозя в Причерноморье меха от охотничьих племен, живших в зоне лесов.

Религиозные верования скифов представляли собой разновидность иранской религии, исповедовавшейся до зороастризма, и значительно отличались от староперсидских или авестийских религиозных представлений. Во главе скифского пантеона стояла Табити, богиня домашнего очага, которая была позже заменена Атаром, богом огня других иранских племен, и Агти, богом огня индоарийцев.

Таким образом, верования скифов представляли скорее древнюю стадию развития индоиранской религии, чем религиозные представления южных иранцев и индийцев. К этому же древнему слою принадлежат шаманские элементы скифской религии, пророчества предсказателей и использование гашиша для достижения шаманом экстатического состояния.

Знание и использование разных форм письменности является особой чертой скифской культуры. Иранские племена Восточной Европы уже во II тысячелетии до н.э. были знакомы с хеттским иероглифическим шрифтом и древним арамейским алфавитом и приняли их для записи текстов на протоиранском языке. Использование этих шрифтов было унаследовано киммерийцами и скифами и даже савроматами в I тысячелетии до н.э. и распространилась на обширной территории от Среднедунайской равнины до Уральских гор.

История похода Дария против скифов, переданная Геродотом, указывает на существование соответствующего скифского эпоса. Несколько мотивов скифской устной эпической поэзии сохранились до наших дней в осетинском эпосе.

Дальняя торговля скифов была прервана продвижением савроматов в регион реки Донец (Северский Донец. – *Прим. ред.*). Потеря степных территорий ускорила переход скифов к оседлости. Известно, что с IV в. до н.э. в хорошо укрепленном Каменском городище, в степной зоне на Днепре существовало первое большое поселение ремесленников. Оно, вероятно, было резиденцией царя Атея. Чтобы компенсировать потерю дальней торговли с районами Урала, Атей завоевал территории вдоль Дуная до устья реки Сава и открыл новый торговый путь между Черным морем и Адриатикой. С этого времени и в течение всей эпохи эллинизма процветала торговля между греческими городами Причерноморьем и Северной Адриатикой по пути Дунай–Сава. Важность этой транзитной торговли для скифов в IV в. до н.э. ясно видна из того, что Атей был первым скифским царем, при котором чеканили монеты с надписями по-гречески.

Однако в начале II в. до н.э. сильный сарматский союз завоевал район Днепра, и город Ольвия был вынужден платить тяжелую дань царскому племени Сайи. Сарматское завоевание раскололо Скифское царство на две части: одно было расположено в Крыму, другое – в Добрудже. Ограниченная территория обеих частей вынудила скифов сократить масштабы их кочевого животноводства и перейти к более интенсивным формам хозяйствования. Они стали медленно эллинизироваться. Скифские цари строили города, такие как их столица Неаполь в Крыму, чеканили монеты, заказывали свои барельефные портреты, высекли надписи по-гречески, но сохраняли свою воинственность и пытались распространить свое господство на греческие города Северного Причерноморья. Агрессивные амбиции скифов заставили греков Херсонеса и Ольвии просить помощи у царя Понта Митридата Евпатора, армия которого разбила скифов, захватила их столицу и присоединила их территорию к Боспорскому царству.

Таким образом, политическая независимость скифов была утрачена, но до конца средних веков они оставались идеалом свободолюбивого и справедливого народа в греческой и латинской литературе, и их название использовалось античными византийскими и средневековыми латинскими авторами для обозначения всех кочевых народов, участвовавших в Великом переселении, – от гуннов до монголов.

10.4.2

ФРАКИЙЦЫ И ИЛЛИРИЙЦЫ

Александр Фол

Илл. 41, 42

Историческая и культурная преемственность в бронзовом веке на северных территориях Балканского полуострова в течение второй половины II тысячелетия до н.э. достигла своего пика на окраинах распространения микенского *койнэ* (язык межплеменного или междиалектного общения для рода родственных племен или народов. – *Прим. ред.*). Эта преемственность имела определяющее влияние на социальную эволюцию в период перехода к железному веку, примерно в первые века I тысячелетия до н.э. Хотя на основании некоторых открытий и намеков, содержащихся в легендах, можно допустить, что переселения происходили в направлениях с северо-запада и северо-востока к югу, было обнаружено, что этот переходный период привел прежде всего к преобразованиям в производстве и технологии, а не к этническим изменениям. Несмотря на региональные различия, население стало окончательно индоевропейским, что к IX и VIII вв. до н.э. возвестило о начале принципиально новой исторической ситуации на всем Балканском полуострове.

Фракийцы впервые упоминаются в поэмах Гомера, а иллирийцы – в прозаических произведениях ионийских логографов (первых представителей исторической прозы в древнегреческой литературе VI–V вв. до н.э. – *Прим. ред.*). Существуют надежные свидетельства (такие как следы из этих двух языков и их возможных диалектов), что фракийцы и иллирийцы принадлежали индоевропейской культуре, поэтому представляется логичным изучать их вместе, как почти единую культурную единицу.

Такая «фракийская (иллирийская) интерпретация» основана на греческих письменных и визуальных свидетельствах, а также на местных археологических данных. Сеть *апоикиаи*, т.е. колоний, ряд которых в Эгейской Фракии датируются начиная с VIII в., а на Черном море и Адриатике – с VII в. до н.э., была основана на мощных центрах эллинизации. Эллинизация была не только хозяйственным и социальным явлением и, конечно, заключалась не только в усвоении культурных черт более сильной культурной группы. Эллинизация была комбинацией этих аспектов, но она особенно отражала степень приближения к духу европейской культуры того времени. Этот дух, будучи однажды принятым, расширил интеллектуальный горизонт всех, кого он касался. Поэтому для фракийцев и иллирийцев эллинизация была средством установления связей с миром кельтов и Южной Италией, со скифами на северо-востоке, а также с обитателями Анатолии и Ирана. С этой точки зрения территории Фракии и Иллирии включали несколько областей контакта. Это были регионы, в которых могли сосуществовать и влиять друг на друга разные системы ценностей.

Городская жизнь имела похожие типичные черты на всей территории между Адриатикой и Черным морем. Существовали поселения под открытым небом, укрепленные для временной или постоянной защиты

стратегически важных пунктов, а также укрепленные резиденции правителей и царей. В центре резиденции стоял дворец, или «башня», в которой находилось святилище правителя, а вокруг дворца располагались казармы, конюшни, мастерские оружейников и серебряных дел мастеров, а также склады. В эпоху эллинизма этот «царский город» постепенно становился экономическим, военным и политическим центром региона. Это ядро городской жизни содержало главные элементы эллинизма, связанные своим происхождением скорее с северной греческой и балканской структурой общества, чем со структурой египетских царств эпохи Ахеменидов. Эти тенденции, в свою очередь, восходят к микенским кочевым традициям, яркой особенностью которых была обычная на всем протяжении от Адриатики до Черного моря традиция возведения могильных холмов или курганов. На фоне этой пространственной и временной преемственности, продолжавшейся в течение периода, видевшего результаты «греческого чуда» в Элладе, продолжалась и другая микенская традиция, следами которой можно считать золотые маски, найденные в некоторых богатых могилах некрополей в Синдосе вблизи Салоник (Фессалоник) и в Требенисте на озере Охрид, датированных концом VI и началом V в. до н.э. На юге и юго-востоке Фракии появление микенских похоронных обрядов представлены также куполообразными царскими могилами V и IV в. до н.э. (илл. 41).

Там, где произошла эллинизация, чеканка по металлу лучше всего позволяет отличить ввозившиеся предметы от тех, которые производились во Фракии и Иллирии. Местное искусство, служившее аристократии, оставило нам материалы, которые имеют особенно большое значение в связи с антропоморфными, зооморфными, геометрическими, растительными и структурными образами-кодами, которые применяли ремесленники. Фактически сочетание этих образов отражает сложность связи: в то время как искусство эллинизма повествовало о равновесии между силами человека и силами природы, «греко-варварское» и «варварское» искусство основывалось на принципе асимметрии и иерархии космогонических сил, воплощенных в общепринятых личностях. Здесь преобладают солнечные и земные принципы, образовавшие индоевропейскую двойственность верований во Фракии, в центральной части Балканского полуострова и на территории между Железными Воротами, Дунаем и Украиной. Преобладание этих двух космических «начал» и их догматическая и религиозная организация могут быть определены как фракийский или северобалканский орфизм, в отличие от греческого орфизма.

Фракийский или северобалканский орфизм основан на культе Великой богини Матери, наиболее древним проявлением которой были горы, скалы и священные камни в лесах. Нет сомнений в том, что этот культ восходит к мегалитической культуре, лучше всего изученной в Юго-Восточ-

ной Фракии. По-видимому, в Родопских горах (илл. 42) и в Карпатах с площадок, выдолбленных в скалах, велись тщательные наблюдения за первыми лучами восходящего и последними лучами заходящего солнца. Это был священный момент, когда Великая богиня Мать, уже давшая жизнь своему первенцу Солнцу (в греческих переводах – Аполлону, Гелиосу, Орфею) или его небесно-земному двойнику (Дионису, Загрею, Собасию или Гермесу), объединяется с ним, чтобы дать жизнь верховному царю, их сыну. Фракийский орфизм был характерен для духовной жизни людей, обитавших на территории от Южной Италии до Черного моря в районе Истрии, жизни, включающей учения Пифагора, Геродота и Платона о равновесии солнечного и земного как о единстве души и тела, предполагающем бессмертие. Фракийская вера в бессмертие как привилегию тех, кто соблюдает ритуалы, значительно отличалась от эллинистической веры в бессмертие души в потустороннем мире и в переселении душ (метемпсихоз). Культ Зальмокса и подобных ему богов практиковался в закрытых мужских аристократических обществах, которые стремились достигнуть бессмертия путем полного очищения тела и души. Первый из этих путей к божественному знанию можно назвать экстазическим или орфическим, а второй – восторженным или дионисийским. Верующий позволяет богу войти в него и достигает бессмертия как временный участник оргиастических обрядов.

Греки, видимо, считали музыку средством облагораживания природы человека. «Варварская» музыка приближала верующих к природе одним из методов, положенных им в соответствии с общественным порядком. В греческом предании фракийцам приписывается изобретение многих музыкальных инструментов, например флейт марандинских фракийцев в Малой Азии, гобоя (*арулос*), флейт берсинфских фракийцев в Малой Азии, фригийской флейты, свирели, флейты из тростника, сальпинкса (*salpinx*) – инструмента с воздушным мехом типа волынки, *magadis* (*magadis*) – треугольного 12-струнного инструмента, названного по имени его изобретателя, Магадиса Фракийского, *рамбоса* – волчка, который раскручивался шнуром для изгнания злых духов во время праздников в честь Великой богини Матери, принимавшей форму богинь Кибелы, Реи, Деметры или Котито. Согласно мифологии, фракийский певец Орфей играл на лире-кифаре, звук которой наилучшим образом соответствовал молчаливому экстазу очищения, практиковавшемуся в аристократиче-

ских религиозных обществах, в то время как веселые «дионисии» сопровождались игрой на флейтах, цимбалах и тарелках.

В Иллирии и в центре Балканского полуострова, где некоторые лингвисты все еще выделяют племенную группу, известную как дако-месианцы (*moesians*), располагавшуюся «между иллирийцами и северными фракийцами», медленно распространялось ритуальное погребение умерших, в то время как кремация была чаще связана с «царскими захоронениями», относительно редкими в то время. Недостаток письменных и эпиграфических свидетельств затрудняет описание местных религий доримского периода, обязательно включавших в себя поклонение предкам. Судя по археологическим находкам, в числе других были главным образом сельские культы племен скотоводов и земледельцев.

В результате контактов с греческим миром и этрусками начали проникать внешние культурные влияния. Некоторые из этих влияний исходили из региона Эгейского моря, распространяясь через долины рек Вардар и Морава к Дунаю и далее на запад, а другие исходили из региона Адриатики, но появились только после заселения этрусками равнины реки По. Наиболее значительными из этих заимствований были новые идеи, о чем свидетельствует появление местного производства оружия, украшений и т.п. Поскольку культура эллинов и их духовные ценности были слишком утонченными для народов этих сравнительно изолированных областей, там в течение длительного времени сохранялись древние обычаи. Два примера этого можно найти в записях Страбона и Геродота. Первый пример касается дарданийцев, которые населяли центр северной части Апеннинского полуострова и трижды в жизни проходили обряд очищения. Это были, вероятно, ритуалы, посвященные рождению, браку и смерти. Второй пример касается иллирийских венетов и описывает обряд покупки женщин. В следующих веках романизации предстояло сыграть важную роль в просвещении этих народов; но в отдаленных областях старобалканские группы пассивно сопротивлялись влиянию чужих культур.

Отношения между отдельными историческими сообществами следует воспринимать как образ действий, предопределенных соотношениями между мыслью и языком (и наоборот), памятью и системами ценностей, которые можно обозначить греческим термином «пайдейя». Северобалканская «пайдейя» является чрезвычайно ценным компонентом культуры европейской античности.

10.4.3

ГАЛЬШТАТСКАЯ КУЛЬТУРА, ДРЕВНИЕ КЕЛЬТЫ И СКАНДИНАВИЯ

Радомир Плейнер

Для понимания этногенеза и истории южной части Центральной Европы следует принять во внимание влияние культур могильных холмов, относящихся к бронзовому веку, которые распространились в среднем и позднем бронзовом веке и в раннем железном веке на большей части Европы от Карпат до Восточной Франции. Все культуры и их памятники на этой обширной территории обнаруживают последовательное и полное развитие. Появление в позднем бронзовом веке комплексов так называемой культуры полей погребальных урн представляет скорее идеологическое преобразование общего похоронного обряда, а не нарушение преемственности в поселениях и населении.

Согласно довольно малочисленным письменным источникам V в. до н.э. и результатам лингвистического исследования, следует предположить, что страны от Балкан и Греции и далее полосой к северу от Карпат и Альп до верхнего Рейна и рек Роны, Ду и Марны были местами формирования групп, принадлежавших к дунайской ветви индоевропейцев, включая предков греков, фракийцев, венето-иллириков в среднем течении Дуная (распространившихся на юг и север) и кельто-италийцев на западе (распространившихся дальше на запад и юг).

В заключительных фазах культурного развития между VIII и V вв. до н.э. проявлялось влияние нескольких факторов: роста численности населения после его сокращения вслед за конечной стадией бронзового века; стабильного, хотя и медленного роста производства в условиях изменения климата в конце северной и начале Атлантической эпох (похолодание, увеличение количества осадков, расширение площади лесов); ускоренного расслоения общества и появления больших заселенных территорий и, наконец, начала постоянных контактов с развитой цивилизацией ранней античности на юге.

Данные археологии определяют этот период как развитие гальштатской культуры (от одноименного названия кладбища в городе Гальштат, в Верхней Австрии), которая имела две основные формы: восточный гальштат, охватывавший примерно регион Карпат, Паннонию, Словакию, Южную Польшу, Моравию и части Австрии и Богемии, возможно территории проживания иллирийцев и венетов, и западный гальштат.

Несмотря на характерные общие черты материальной культуры, эти две формы гальштатской культуры отличаются такими деталями, как похоронные обряды. Территории, относящиеся к восточному гальштату, пережили вторжения со стороны восточных и юго-восточных фракийско-киммерийских и скифских областей.

Сам город Гальштат находился между этими большими культурными комплексами. Поле, на котором производились захоронения, насчитывает около 2 тыс. могил, оно располагается на высоте 900 м и несет элементы обеих культур. Однако это кладбище богатого сообщества, добы-

вавшего соль, является довольно необычным случаем. Большое число могил с двумя типами захоронений, имевших некоторые специфические черты и содержащих необычайное множество металлических предметов, в частности наборы бронзовых сосудов, драгоценности, а некоторые – оружие и шлемы, принадлежат, без сомнения, предводителям местного сообщества. Предметы из этих могил в целом составляют то, что называют гальштатским стилем, стилем раннего железного века, который в течение веков преобладал на юге Центральной Европы и распространился далеко на север.

Экономическая основа гальштатской культуры характеризуется некоторым прогрессом, но в целом кажется, что всей продукции едва хватало для удовлетворения растущих потребностей и требований правителей разных уровней. Остатки растений и кости животных свидетельствуют о довольно хорошо развитом сельском хозяйстве. Очевидный подъем коневодства, должно быть, происходил под восточными влияниями. Существовали некоторые важные технологические новшества, которые использовались прежде всего социально развитыми группами населения. Одним из них была выплавка и обработка железа, с древних времен считавшегося драгоценным металлом. В течение гальштатского периода распространение железа продолжалось. Производство и обработка этого металла было в значительной степени монополизировано вождями для изготовления оружия, вертелов или конской упряжи, но встречаются и такие важные виды инструментов, как ножи, серпы, долота или топоры, которые способствовали совершенствованию работ по дереву. Первые небольшие мастерские были обнаружены в районах Вашенберга в Австрии, Кралува в Моравии и Гиллшейма на западе Германии вместе с железными инструментами кузнецов, такими как молотки и клещи, найденными в пещере Бичи Скала в Моравии и в Вицине в Польше. Начиная с железного века хорошо соответствовал гальштатскому периоду.

Исключительная техническая активность наблюдалась в области добычи соли, особенно в разработке залежей превосходной соли в Альпах. В самом Гальштате применяли три разные системы работы, добывая соль в наклонных и горизонтальных галереях в горе Зальцберг, достигая глубины около 200 м от поверхности. Торговля солью гарантировала вождям добывающих групп значительное богатство. Соль добывали и в других местах Центральной Европы другим способом, используя растворение, выпаривание и формование брикетов. Так было во многих местах, например в Галле, на периферии Гальштата.

Что касается поселений, то крупномасштабных раскопок отдельных деревень до настоящего времени проведено очень мало. Они производились в Голдберге в Германии, Виттнауэр-Хорне и Красовицах в Богемии, где был обнаружен частокол, ограждавший прямоугольную площадь, и в Праге-Хлобетине, где свободно стоявшие дома были от-

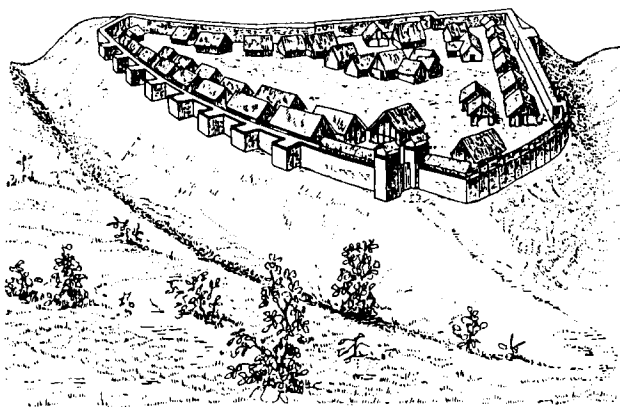

Рис. 5. Реконструкция укрепления в Хёнебурге, где, как предполагают, располагалась резиденция правителя и в архитектуре которого проявляется влияние средиземноморских принципов (рис. Herrmann)

делены от хижин с осевшими полами. На основе имеющегося материала едва ли можно сделать какие-либо заключения о демографических особенностях, но можно видеть тенденцию к расслоению общества, поскольку дома видных личностей стремились строить отдельно от домов обычных членов сообщества. Это заметно проявлялось и в развитии множества укрепленных поселений, которые в большинстве наиболее исследованных регионов стали настоящими царственными резиденциями, такими как, например, Хёнебург и Хоненасперг на юго-западе Германии или Мон-Лассуа в Восточной Франции, и которые явно свидетельствуют о контактах с Массалией, Италией и Грецией. Особым примером является проявление гальштатской культуры и ранней латенской культуры (по месту находок в Ла-Тене, Франция. – *Прим. ред.*) в акрополе Завист, укрепленном поселении на вершине холма около Праги, который указывает на развитие комплекса святилищ (рис. 5).

Развитие расслоения общества даже больше видно в похоронных обрядах. В некоторых районах вновь начинают преобладать надмогильные курганы, в большинстве случаев предназначенные для захоронений вождей. Наиболее известные захоронения сконцентрированы в долинах верхнего течения рек Роны, Рейна и Дуная. Предметы из этих могил представляют действительную ценность и включают шедевры творчества ремесленников, завезенные сюда с юга или выполненные на месте по имеющимся образцам; они включают как бытовые предметы, так и престижные изделия. Эти сокровища непрерывно накапливались как *geras* (*geras*), т.е. почетные подарки людей своим представителям, которыми были люди из растущих и высших слоев общества. Помимо могил вождей или князей известны также захоронения людей более низкого ранга, а также большие и малые могильники с пеплом усопших.

В других регионах, особенно на более отдаленных территориях лужицкой культурной сферы (лужицкая культу-

ра относится к позднему бронзовому и раннему железному векам в Средней Европе; названа по области Лужица в Германии. – *Прим. ред.*), указанное выше накопление богатств было не столь выражено, по крайней мере в том, что касается больших погребальных памятников и их содержимого. Поселения, по-видимому, также были организованы по-другому (например, так, как укрепленные поселения типа Бискупинского городища (на острове на Бискупинском озере, близ Познани в Польше. – *Прим. ред.*) на берегах озер).

Достаточно любопытными представляются процветавшие дворы правителей, которые не обнаруживают преемственности с последующим периодом средней латенской культуры. Напротив, примерно в конце V в. до н.э. можно видеть признаки полного упадка этой системы, чему, возможно, способствовали две причины: возможный рост численности населения в некоторых из этих районов, о котором даже упоминают древние писатели, и несоответствие между экономикой, производством и распределением и требованиями высших слоев общества. Следствием этого была сильная историческая экспансия кельтов, причинами набегов и нападений которых на классические цивилизации было стремление к захвату добычи и самоутверждению вождей малых групп.

Скандинавские страны – Дания, Норвегия и Швеция, а также соседние части Северо-Германской низменности в течение длительного периода оставались в тени истории. Согласно археологическим источникам, в этой части мира издавна существовала преемственность и постепенная культурная эволюция начиная по крайней мере с конца позднего неолита. Эти территории, вероятно, являлись колыбелью предков германских племен, а предки балтов (балтийских племен) заселяли побережья Литвы, Латвии и прилегающие области внутри континента.

С VIII по V в. до н.э. в культурном развитии в Скандинавии наблюдается мало изменений.

На плодородных землях источником существования было сельское хозяйство и разведение крупного рогатого скота, в то время как на севере все еще преобладала охота. Это отражено и в знаменитых наскальных изображениях: в сельскохозяйственных областях, например, имеются изображения пахоты, в то время как у северных групп излюбленной темой являются сцены охоты и рыболовства. Эти наскальные изображения также намекают и на еще один вид деятельности людей – мореплавание, так как на них показаны суда, облегчавшие связь между прибрежными и островными территориями. Из ремесел наибольшее внимание привлекает литье и обработка бронзы, которые к этому времени достигли расцвета. Производство бронзовых украшений и инструментов находилось на очень высоком уровне. Выплавка и обработка железа в те времена еще находились на стадии становления.

Предметы материальной культуры свидетельствуют о контактах с югом. Влияние гальштатской культуры ясно отражено в наборе металлических предметов из клада, найденных в Хассле, в Швеции. Расслоение общества было не столь ярко выражено, как в гальштатской и ранней латенской культурах, но самые изящные бронзовые изделия использовались, видимо, представителями высших слоев общества.

БИБЛИОГРАФИЯ (10.1–10.4.3)

СУЛИМИРСКИЙ Т., 1952. Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.
— 1970. The Sarmatians. London.
ALFOLDI, A. 1964. Early Rome and the Latins. Ann Arbor.
ARIAS, P.E.; HIRMER, M. 1962. A History of Greek Vase Painting. London.
AUDOUZE, F.; BUCHSENSCHUTZ, O. 1989. Villes, villages et compagnes de l'Europe celtique. Paris.

AUDOUZE, F. Les Princes Celtes et la Méditerranée. 1988. Documentation Française. Paris.
BOARDMAN, J., et al. 1984. Die griechische Kunst. 3rd edn. Munich.
BOSWORTH, A.B. 1988. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge.
BREHIER, E. 1989. Histoire de la philosophie I - Antiquité et Moyenage. Paris.
BREILICH, A. 1969. Paides e Parthenoi. Rome, Ed. dell'Ateneo.

- BRIANT, P. 1987. De la Grèce à l'Orient. Alexandre le Grand. Paris. (Coll. 'Découvertes').
- BURKERT, W. 1985. Greek Religion. Cambridge, Mass.
- CANFORA, L. 1989. Storia della Letteratura Greca. Rome/Bari.
- CHAMOUX, F. 1977. La Civilisation grecque à l'époque archaïque et classique. 2nd edn. Paris.
- CHARBONNEAUX, J.; MARTIN, R.; VILLARD, F. 1969. Grèce classique. Paris. — 1970. Grèce Hellénistique. Paris.
- CRISTOFANI, M. (ed.). 1985. Civiltà degli Etruschi. Exposition Florence, Musée archéologique (16/5–20/10/85) Milan.
- CROISET, A.; CROISET, M. 1924–8. Histoire de la littérature grecque, Vols. 1–5. Paris.
- EASTERLING, P.E.; KNOX, B.M.W. (eds). 1985. Greek Literature. The Cambridge History of Classical Literature. Vol. I. Cambridge. — MUIR, J.V. (eds). 1990. Greek Religion and Society. Cambridge.
- FINLEY, M.I. 1977. Atlas of Classical Archaeology. Chatto and Windus.
- GARLAN, Y. 1982. Les esclaves en Grèce ancienne. Paris.
- GAUTHIER, P. 1972. Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy.
- GHIRSHMAN, R. 1983. Les Cimmériens et leurs Amazones. Paris. (Mémoire No. 18.)
- GRINBERG, D.A. 1964. Anaxagoras and the Birth of Physics. New York.
- HARMATTA, J. 1970. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, Acta Universitatis de Attila József Nominatae. (Acta Antiqua et Archaeologica, Tomus XIII.)
- HEURGON, J. 1969. Rome et la Méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques. Paris.
- HIGNETT, C. 1957. A History of the Athenian Constitution to the end of the fifth century BC. Oxford.
- JÜRSS, F. (ed.). 1982. Geschichte des wissenschaftlichen Denkens im Altertum. Berlin.
- KRUTA, V. 1987. Les Celtes. Paris.
- KUHRT, A.; SHERWIN-WHITE, S. (eds). 1987. Hellenism in the East: the interaction of Greek and non-Greek civilizations from Syria to Central Asia after Alexander. London.
- LARSEN, J.A.O. 1957. Greek Federal States. Oxford.
- LES PRINCES CELTES ET LA MÉDITERRANÉE. 1988. Documentation Française. Paris.
- LEVEQUE, P. 1985. L'aventure grecque. 4th edn. Paris.
- LLOYD, G.E.R. 1974. Les débuts de la science grecque de Thalès à Aristote. Paris.
- MEIGGS, R. 1972. The Athenian Empire. Oxford.
- MOSSE, C. 1970. La colonisation dans l'Antiquité. Paris. — 1989. La tyrannie dans la Grèce antique. Paris.
- MURRAY, O. 1980. Early Greece, Glasgow.
- PALLOTINO, M. 1980. Genti e culture dell'Italia preromana. Rome.
- PIGGOTT, S. 1974. The Druids. London.
- POLLITT, J. 1990. The Art of ancient Greece: sources and documents. Cambridge.
- RICHARDSON, E. 1964. The Etruscans: their art and civilization. Chicago/London.
- SANCISI-WEERDENBURG, H.; KUHRT, A. (eds). 1987–1991. Achaemenid history. Vols I–VI. Leiden, Netherlands Instituut voor het Nabije Oosten.
- SCULLARD, H.H. 1967. The Etruscan Cities and Rome. London.
- SNELL, B. 1960. The Discovery of the Mind. The Greek Origin of European Thought. New York.
- SPARKES, B.A. 1991. Greek Art. Oxford.
- THOMSEN, R. 1980. King Servius Tullius. A Historical Synthesis. Copenhagen, Gyldendal.
- TORELLI, M. 1988. Le popolazioni dell'Italia antica: società e forme del potere. In: Storia di Roma, Vol. I, pp. 53–74. Turin.
- VERNANT, J.P. 1985. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris. — 1990. Mythe et religion en Grèce ancienne. Paris.
- VIDAL-NAQUET, P. 1981. Le Chasseur Noir. Paris.
- WILL, E. 1989. Le Ve Siècle. Le Monde Grec et l'Orient. Vol. I, 2nd edn. Paris. — GOUKOWSKY, P.; MOSSE, C. 1990. Le IVe siècle et l'Époque Hellénistique. Le Monde Grec et l'Orient. Vol. II, 2nd edn. Paris.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ ЭКСПАНСИЕЙ И КРИЗИСОМ: СООБЩЕСТВА ЗА ПРЕДЕЛАМИ РИМСКИХ ГРАНИЦ

11.1

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ АЛЕКСАНДРА

11.1.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Эдуар Вилль

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ»

Империя Александра не пережила его смерти: в результате примерно сорока лет войн между его «наследниками» (или преемниками – диадохами) она распалась на несколько царств – «эллинистических монархий».

В Европе продолжало существовать Македонское царство, являвшееся преемником царства Филиппа II, но в ослабленном виде, и только спустя долгое время его мощь будет ненадолго восстановлена в период династии Антигонидов.

Новые царства появились на востоке. Около 280 г. до н.э. две македонские династии разделили между собой древнюю персидскую империю. Птолемеи правили в Египте и защищали внешние владения, широко разбросанные по восточному Средиземноморью (Киренаика, Южная Сирия и Финикия, Кипр и базы на материке и Эгейских островах), создав выдающуюся морскую империю, которая нуждалась в мощном флоте. Ее столица Александрия хорошо подходила для этой политики в Египте и на Средиземноморье и быстро стала самым большим городом в мире.

Династия Селевкидов правила областью в Азии. Это царство, начавшееся с Вавилонии, первоначально распространилось на восток (в Иран), затем – на запад (в Се-

верную Сирию, Анатолия). Эта огромная континентальная империя, которой требовались две столицы (Антиохия на реке Оронт и Селевкия на реке Тигр), была благодаря этническому, лингвистическому и экономическому разнообразию истинной наследницей персидской империи.

Этим царствам, которые между III и I вв. до н.э. были главными действующими субъектами «эллинистической» эры, не следовало рассчитывать на длительную стабильность. Их последовательное устранение Римом (начавшееся в середине II в. с Македонии) происходило, однако, не без определенных трудностей (карта б).

Термин «эллинистический» не имеет здесь отношения к культуре, а используется в политическом смысле. *Эллинизация* (*Hellenizein*) означает «говорить по-гречески» и применяется к тому, чей родной язык не греческий, и «вести себя как грек» – применительно к тому, кто к грекам не принадлежит. Такой человек – «эллинистес» (*hellenistes*) – это личность, вошедшая в греческую культуру. Это особое явление, которое можно наблюдать при длительном контакте представителей разных культур, что и имело место в то время на востоке. Там проживало много греко-македонцев, как солдат, так и поселенцев, без которых иноземные цари не смогли бы установить свою власть, захватить резиденцию. Восточные народы были главным

образом сельскими жителями, и их контакты с европейцами, как и степень слияния с ними, различались в зависимости от того, были ли иммигранты рассеяны в сельской местности (как в долине Нила) или сконцентрированы в городах (прежде всего в Азии) – в новых городах, организованных на местах военных поселений по линии греческих городов или на местах старых восточных городов, явно постепенно превращавшихся в греческие города.

Контакты между греками и коренными народами привели к возникновению языковых трудностей, но административные и экономические условия вынуждали повсюду использовать двуязычие. По-видимому, чаще всего коренные народы усваивали греческий язык, а не наоборот. В отношении территорий, о которых имеются первоисточники (в Египте и Вавилоне), можно заметить, что местные языки использовались наряду с греческим, что подразумевает, что греческий язык распространился среди меньшинства коренного населения, но был не нужен для большинства, и это большинство продолжало говорить и даже писать на своем языке (например, на египетском, арамейском, еврейском). Греческий язык, однако, постепенно начал приниматься «сливками» старого местного общества, особенно горожанами, которые стремились преодолеть пропасть, отделявшую их от новых господ, и таким образом сохранить часть своего прежнего общественного влияния. Эта эллинизация меньшинства является только одним примером повышения культурного уровня – явления, которому предстояло проявиться во всех «колониальных» ситуациях и которое всегда встречало враждебное сопротивление со стороны защитников коренных культур, несмотря на пассивное безразличие подавляющего большинства населения.

И наоборот, не заимствовали ли греки, поселившиеся на востоке, что-либо от восточных культур? Можно видеть, что структуры управления новых царств были в значительной степени копиями структур прежних государств, но что было с людьми? Незнание греками местных языков и их культурный консерватизм, несомненно, удерживали их от восприятия достижений завоеванных ими цивилизаций.

Поэтому термин «эллинистический» означает понятие, которое нужно применять с осторожностью, а термин «эллинистическая цивилизация» относится к разнообразным преемникам Греции и разным проявлениям восточной культуры и бросает вызов всем попыткам однозначного определения и глобального объединения противоречивых культурных данных. Можно считать, что выделение периода с III по I в. до н.э. является произвольным с культурной точки зрения, потому что «эллинистическая цивилизация» продолжала существовать и в Римской империи. Этот факт способствует продолжению начатых работ и их распространению на новые территории, где они до того не велись или были малоизвестны. Имперский Рим должен был объединить наследие эллинистических монархий с римским политическим наследием; христианство, этот другой феномен имперской эры, смогло извлечь для себя пользу от первых контактов между еврейской и греческой мыслью. Византийскому синтезу империи и христианства предстояло в конечном счете стать еще одним «эллинистическим» явлением. Однако, ограничившись последними тремя веками до н.э., мы можем рассматривать эллинистический мир, который возник в результате стремительного завоевания и который не смог создать что-либо политическое длительное и устойчивое, как время и место бесплодных столкновений, набор незавершенных экспериментов, плодотворность которых стала проявляться на более длительном отрезке времени, известном как «переходная эра».

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ МОНАРХИИ ВОСТОКА: НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

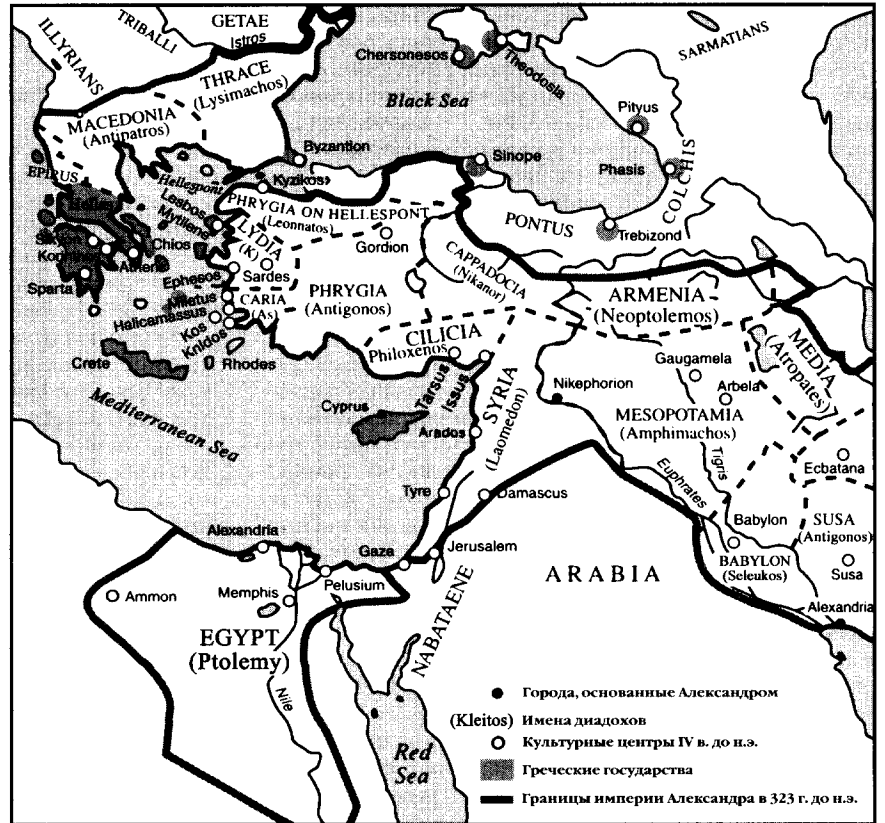
Первая проблема, возникающая при рассмотрении этих больших по территории государств, выросших из империи Александра, состоит в том, чтобы понять, как эти обширные регионы могли в течение более или менее длительного времени возглавляться европейскими правителями, поддержанными иммигрантами, которые всегда составляли меньшинство. Это проблема политической и военной организации, которая также проявлялась в экономических и социальных аспектах (карта 7).

Чтобы понять эллинистическую монархию, мы должны начать с Александра. Он сохранил за собой титул «царь Александр» и избегал персидского титула «великий царь». Когда преемники Александра стали в свою очередь царями, то только правители Македонии сохранили македонскую царскую традицию. Те, кто правил на Востоке, приняли во внимание подход Александра и были просто «царями», без каких-либо этнических или географических прилагательных, царями над всеми подданными, жителями Востока и европейцами, на всех их территориях. Эти узурпаторы, однако, нуждались в том, чтобы узаконить свое положение. Хотя для удовлетворения побежденных жителей Востока было вполне достаточно права завоевателей, все же новые цари были признаны в соответствии с традициями побежденных народов (как и в случае с персами и Александром): Птолеми – по традиции фараонов, а Селевкиды – по традиции вавилонян. В глазах же греко-македонцев это признание было лишь фикцией, и для них были необходимы другие формы узаконивания, прежде всего для греков, в глазах которых «царство» было чужеродным понятием, а опыт монархического правления напоминал лишь позорную форму тирании. Монархическая форма правления, приемлемая лишь как оправдание нового положения в мире, должна была все же быть для греков в чем-то новой. Идеал свободного гражданина свободного города в действительности был несовместим с абсолютной монархией, установленной на побежденных территориях, все жители которых становились подданными. Этого подчинения можно было избежать только с помощью привилегий, и греко-македонцы действительно были своего рода привилегированной и доминирующей кастой, интересы которой, совпадая с интересами монархии, способствовали ее признанию.

Обожествление и поклонение монарху не могло дать желаемого эффекта. Обожествление живущих, которое было редкостью в Греции в конце IV в., впоследствии стало более выраженным: города совершали обряды поклонения Александру, а позднее – его преемникам, в благодарность за проявленную благосклонность и с просьбой о еще большем покровительстве.

Первым условием удержания власти в завоеванных странах была военная сила, поддерживающая порядок и обеспечивающая защиту от внешних врагов. Учитывая, однако, что военная сила была дорогостоящей (как и обязательная пышность придворной жизни и дипломатии), первой заботой правителей было получение богатых «царских доходов» с помощью налогов. Такой подход стал основой всего внутреннего управления царствами, так как, в конечном счете, общественный порядок, правосудие и исполнение «царской воли» были не больше чем условиями полного сбора налогов, что, в свою очередь, обеспечивало укрепление власти и престижа царей.

Ни у македонцев, ни у греков не было традиции собирать налоги с завоеванных территорий, но Персидская империя и Египет обеспечили им основу и принципы для использования на благо монархии ресурсов каждого региона, и эти системы могли быть сохранены с добавлением некоторых нововведений, появившихся у греков на основе их опыта.

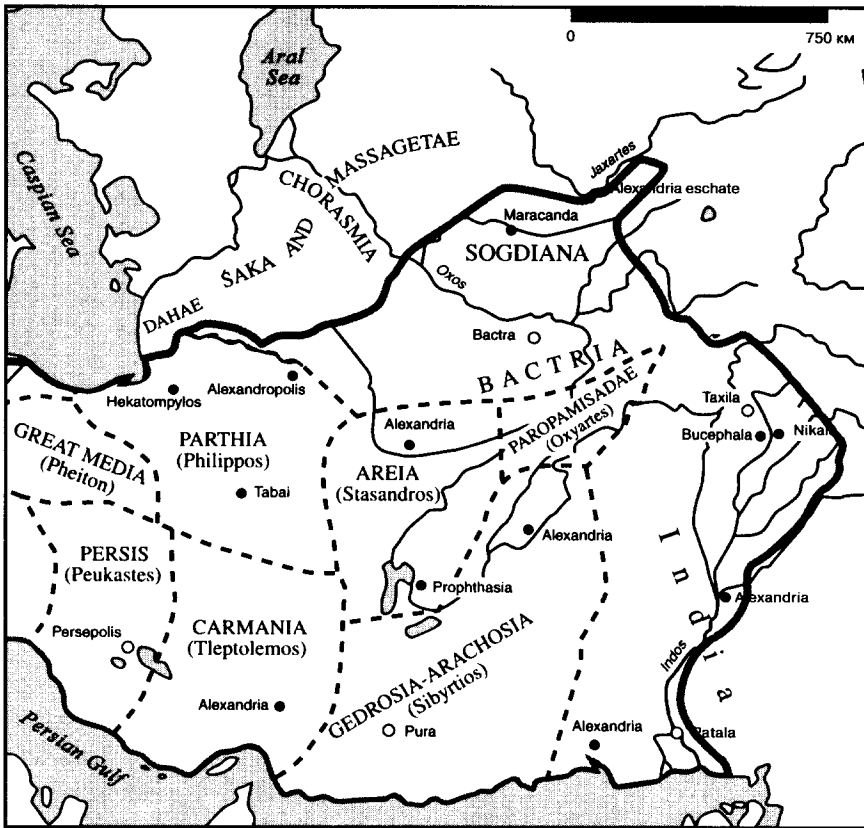
Карта 6. Империя Александра и государства его преемников (диадохов) в IV в. до н.э.

В Азии существовала сохраненная Александром персидская система сатрапий, подразумевавшая налогообложение этнических групп и территорий. С некоторыми изменениями эта система в дальнейшем поддерживалась и Селевкидами, хотя сохранившихся источников слишком мало, чтобы представить себе общую картину налоговой системы этого царства. Царские земли, преимущественно сельские, облагались «данью» (*форос*), характер которой (определенное количество или доля от дохода) и способ оплаты (натурой или деньгами) не установлен. Известно, однако, что царские земли включали в себя некоторые малоизвестные образования с особым статусом, т.е. существовали некоторые «народы», избежавшие прямого правления; что существовали святилища, занимавшие значительные территории с собственным населением; что цари дарили земли и, наконец, что существовали греческие города. Имеется очень мало сведений о налогообложении таких территорий.

Появление греческой монетной системы на востоке обусловило необходимость некоторых нововведений в налоговой политике. Хотя чеканка монет и не была новой для персов, но их империя не знала денежной системы, за исключением прибрежной средиземноморской полосы, и большую часть богатых запасов драгоценных металлов присваивали великие цари. Этот «резерв власти» был использован Александром и его последователями; армии должны были получать плату греческими деньгами, к которым также привыкли и европейские поселенцы на востоке. Нам хотелось бы знать, насколько денежная экономика проникла на восток и до какой степени налоги собирали в виде денег. Сбор налогов натурой, несомненно, преобладал в сельской местности, но мы очень мало знаем об этом в империи Селевкидов.

Больше сведений имеется в отношении Египта. Там также были сохранены прежняя система управления, Верхний Египет и Нижний Египет, оба подразделявшиеся на

номы, которые объединяли группы деревень. Низменность (*хопа – чбора*) была территорией рассеянной военной колонизации, где каждый человек существовал благодаря собственному участку земли. Земля также предоставлялась переселенцам из Европы и Азии. Управление обеспечивалось иерархически организованной бюрократией, низший слой которой состоял из коренного населения, в то время как средние и верхние слои составляли греки, хотя постепенная эллинизация египетских чиновников способствовала их продвижению. Именно здесь можно наилучшим образом понять налоговые цели управления. Несмотря на то что здесь, как и в Азии, земли принадлежали разным владельцам («царские земли», «священные земли» храмов, очень большие территории, пожалованные отдельным людям, земли в частной собственности), все они облагались налогами. Фактически налогом облагались все: сельскохозяйственная продукция, изделия ремесленников, торговые сделки и рабочая сила (узаконенный труд). В своей заботе о сборе налогов для королевской казны казначейство Птолемеев обязательно проявляло интерес к каждому виду производства, чтобы извлечь максимум средств для царской казны. Это снова возвращает нас к проблеме денежной экономики. Монархия требовалось много денег, но ни Египет, ни его внешние владения не добывали серебро – основной металл для чеканки монет того времени. Этот металл можно было приобрести только путем торговли, что объясняет желание производить максимально большее количество товаров для продажи за рубеж, которые могли оплачиваться иноземным серебром, в царские монеты Птолемеев. Этой системе (представленной здесь в самой упрощенной форме) предстояло, однако, поглотить из-за неправильного применения: чрезмерного бремени налогов, при которых почти ничего не доставалось производителю; наличия множества налогов, что приводило к переборам; жестокости реквизиций; коррупции чиновничества и т.д. Мы знаем об этих злоупотреблениях благода-

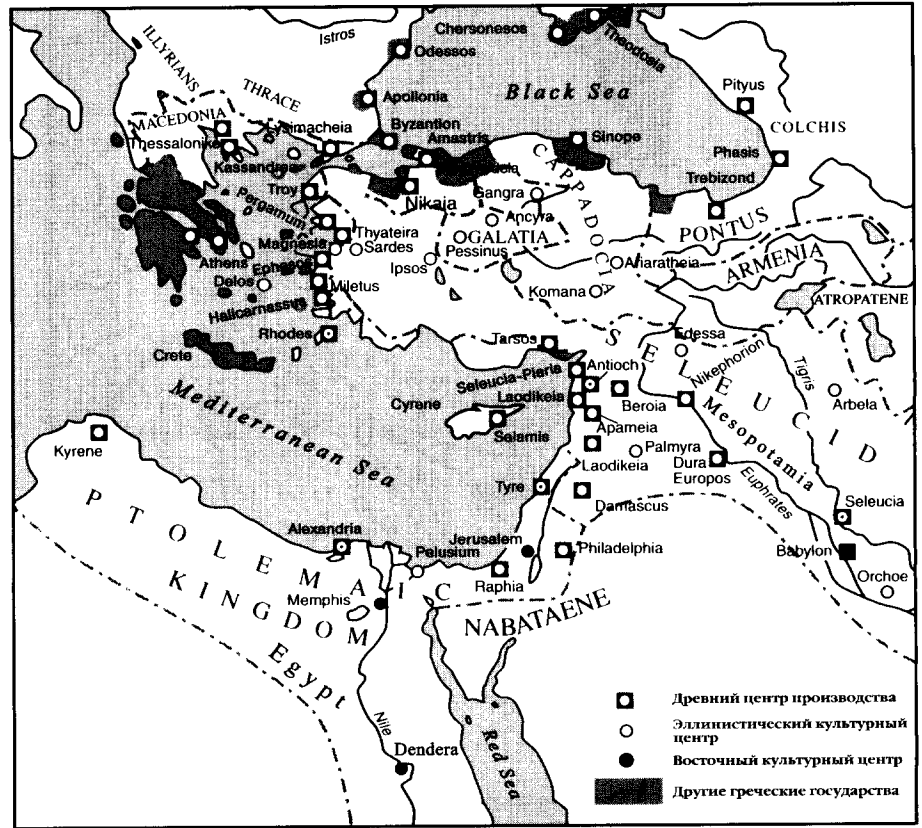
ря документам, которые выражали недовольство местного населения, и по царским указам, которые безуспешно пытались исправить положение. Эти источники упоминают о забастовках крестьян, сопровождавшихся бегством крестьян из своих деревень, и о вооруженных восстаниях. В результате стремление к извлечению максимума сбора налогов вызвало сокращение производства и, соответственно, поставки товаров на рынок и тем самым – поступления серебра в казначейство. Чрезмерное стремление к власти вело к ослаблению власти, и начиная со II в. коренное население находилось в состоянии временами скрытой, но в других случаях открытой войны с иноземной монархией.

Социальная ситуация также влияла на ухудшение дел в государстве. Границы взаимного проникновения и культурной ассимиляции египтян и эллинов не скрывали реальной непроницаемости этих двух социальных сред. Греки или эллинизированные жители востока, вначале рассеянные по всей сельской местности, стремились к перемещению в городские центры или вливались в число жителей столицы, что подчеркивало разрыв, отделявший их от египтян. Это разделение также закреплялось законом, поскольку египетское право имело свои традиции, осуществлялось на языке египтян и в их собственных судах, тогда как греки подчинялись греческому закону и греческим судьям. Существовавшие смешанные суды не были началом для юридического объединения, и нет никаких свидетельств того, что граница между завоевателями и побежденными была легко преодолена.

В Египте греко-македонское господство было безусловно более тяжелым, чем ранее. Египет, однако, является особым случаем, и это заключение вряд ли можно распространить на весь эллинистический мир. Принципы господства и эксплуатации в Антиохии или Пергаме были, вероятно, теми же, что и в Александрии, с той лишь разницей, что из-за природы стран и городского харак-

тера греческой колонизации здесь их воплощение встречало больше трудностей. И если нам трудно различить нарастание враждебности по отношению к иностранной монархии, то это частично может быть связано с недостатком первоисточников. Однако следует также отметить, что начиная со II в. возникли напряженные отношения именно между греческими городами Азии, как новыми, так и старыми, и монархией, которые отражали стремление греческих городов к автономии. Более позднее процветание городов во времена Рима свидетельствует в пользу гипотезы о том, что греческие города сделали больше для крушения этого эллинистического монархического эксперимента в Азии, чем коренное крестьянство.

Неудачи, которые потерпели эллинистические монархии востока, нельзя сводить ни к общей причине, ни даже к «римскому завоеванию», которое в конечном счете извлекло из этого выгоду. Признание неудачи, однако, наталкивает на одно заключительное соображение. Персидская империя Ахеменидов долго рассматривалась с отрицательной стороны – с той, с которой ее воспринимали греки, считавшие ее деспотической, коррумпированной и слабой империей, самым отрицанием свободы. В период эллинизма, таким образом, придавалось большее значение триумфальному распространению греческой цивилизации, столкнувшейся с восточными цивилизациями. Недавние исследования приводят к необходимости переоценки нашего отношения к Персидской империи, которая, возможно, была лучшим общим решением сложных этнических и культурных проблем Древнего Востока. Складывается также впечатление, что, в отличие от сложившегося мнения, эта империя в конце IV в. не находилась в состоянии упадка, и процесс ее разрушения был больше «исторической случайностью», чем результатом эволюции, достигшей завершения. Александр, возможно, понимал, что его достижения не будут прочными, если его

Карта 7. Эллинистический мир в III в. до н.э.

монархия не приблизится, насколько возможно, к форме царствования Ахеменидов, но его преемники вернули политическую карту Западной Азии к доахеменидской модели соперничающих и враждующих государств, и это не имело ничего общего с тем, что было у монархов, которые несли культуру, полностью чуждую жителям покоренных стран. К этому следует добавить, что до того, как сами эти эллинистические государства пережили утрату власти, само их существование выражало устранение единственного в период античности успешного (и, следовательно, установившего спокойствие в стране) объединения в Западной Азии.

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

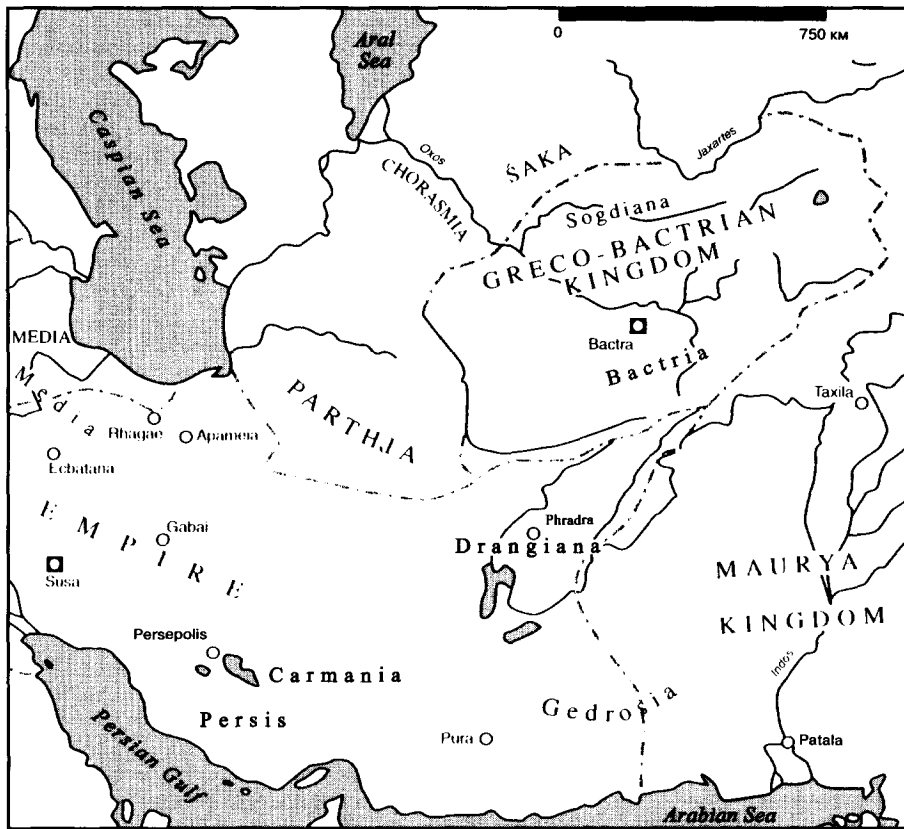
Политические, экономические и общественные преобразования этой эпохи были связаны с изменениями в области религии и философии, которые стали одними из главных достижений прошлого, дошедших до нас.

Религия

Как и всякое общественное явление, любая религия консервативна. Наличие такого консерватизма можно видеть и у греков эпохи эллинизма в виде привязанности городов к их религиозным традициям, которая является одним из аспектов их приспособления к политической культуре. Даже если религиозные идеи развивались, уважение к формам поклонения является свидетельством преемственности основных представлений общества, точно так же как устойчивость великих общегреческих праздников (в Олимпии, Дельфах и других местах) показывает понимание греками своего единства. Кроме того, такие новшества, как поклонение царю и новые общегреческие

праздники, соответствуют греческим традициям. Такой же консерватизм можно видеть у народов, попавших под греко-македонское правление. Продолжала существовать старая египетская религия под бдительной защитой иноземных царей, занявших место прежних монархов, и то же справедливо по отношению к Азии, как видно из недавних результатов изучения Вавилонии. Поэтому продолжали существовать все религиозные системы прошлого, конец которых наступил лишь только с политическим триумфом христианства.

Кроме того, то, что мы считаем «эллинистическим» в греческой религии, часто является лишь продолжением тенденций, существовавших до Александра. Со времен классической эпохи критика мифов о многобожии приводила к мнению о том, что божество должно быть однородным или даже единственным. Успехи астрономии дали знания о новых структурах космоса, в которых неизменная регулярность лунных циклов казалась более соответствующей божественному, чем святыни непостоянного подлунного мира: таким образом, боги еще более отдалялись от смертных. Эта неустойчивость, которая прежде всего была отражением политических процессов и несчастий, могла также свидетельствовать о том, что боги потеряли интерес к почитавшим их городам или их власть ослабла. Отдельные люди и сообщества могли испытывать соблазн обратиться к другому, иноземному, верованию, или поклоняться хрупким политическим идеалам, таким как Мир. Согласно или Демократия, или уповать на «спасителей». Все более усиливалось ощущение того, что судьбы людей не находятся ни в их руках, ни в руках богов, и это проявлялось в идее «*тихе*» (*tiche*) – случая и судьбы, которая охватывала как случайные события, так и судьбы земного мира. Идея «тихе» могла интегрироваться в религию общества как «судьба города». Как метафизическая концепция, она могла предложить способ объяснения истории. Во всех случаях она

выражала непостижимую непредсказуемую сущность вещей и событий.

Все это должно было приобретать возрастающее значение при Александре и после него. Обширные монархические империи со временем должны были воспринимать традиционную греческую религию все более как сомнительную. Ненадежность и неустойчивость, вызванная беспрецедентными по масштабу войнами, создавали у городов впечатление, что их судьба теперь находится в руках царей, которых они обожествляли и которые обожествляли самих себя, особенно при победах. Но то, что они могут терпеть поражение, говорило о том, что они находятся под влиянием судьбы, и придавал двусмысленность поклонению, оказываемому царям. Однако преобразование мира отражалось в более достоверных религиозных явлениях, чем поклонение монархам. Рискую слишком упростить эти явления, все же объединил их в четыре группы: синкретизм; тенденции, которые можно определить как мистические; экуменическое распространение некоторых верований; теологические взгляды.

То, что здесь подразумевается под «синкретизмом», — это просто явление слияния (или смешения) верований разного этнического происхождения и форм поклонения. Эти явления были фактически очень разными. Задолго до этого греки установили соответствие между их божествами и некоторыми «варварскими» божествами, особенно божествами египтян и финикийцев. Синкретические верования являются религиозным проявлением культурного взаимопроникновения и интеграции. Хотя синкретизм обычно возникает стихийно, в одном случае он выглядит искусственным и ожидаемым. Египетский бог Осирис-Апис, которому были приданы положительные черты греческих богов Зевса, Аида и Асклепия, превратился в Сераписа, милосердного бога-хранителя, который, несмотря на египетизированное имя, изображался с греческими чертами.

«Мистические религии» также характерны для этой эпохи, хотя в самих «мистериях» не было ничего нового (посвящение в тайные обряды и в их смысл, который обычно ускользает от нас). Успех Элевсинских мистерий в древности показывает, что индивидуальный поиск божественного «откровения» имел длинную историю и что местные божества, как, например, Деметра, могли стать всемирно признанными. Подъем мистических религий является доказательством роста потребностей, которым они удовлетворяли, — потребностям в безопасности, спасении и открытии принципа милосердия, отрицающего видимый хаос происходящих событий. Синкретическое слияние Деметры и Исиды привело к появлению вполне благодетельной фигуры эллинистической Исиды, богини-Матери, «покорной судьбе». Обряды посвящения ей, возможно, ведут начало от поклонения Деметре, и их элементы были использованы в христианском поклонении Деве Марии. Поклонение мужским божествам также имело черты мистерии и посвящения. Много известно о магических обрядах (целью которых были не только действия, но и приобретение знаний) и предсказаниях, которые были смесью греческих и негреческих элементов. Существовала, однако, форма предсказания, не имевшая отношения к «посвящению» — астрология, сестра-близнец астрономии. Рационально научная основа греческой астрономии в глазах современников переносилась и на астрологию.

Третьей «эллинистической» чертой религиозных верований здесь являлся географический экуменизм и вырастающий из него универсализм. Учитывая, что большинство древних религий имели местные корни, эти новые и омоложенные религии распространялись по всему миру. Хотя вначале это происходило вследствие переселения народов, дальних путешествий и столкновения культур, это распространение происходило также в результате того, что новые религии лучше подходили для нового состояния мира, который становился больше, традиции в

котором были подорваны, их элементы перемешались, а политические структуры стали неустойчивыми. Можно понять, с каким успехом воспринималось божество, уверявшее часто дезориентированных и обеспокоенных людей, что они будут освобождены от всех местных условностей, с которыми можно общаться напрямую, независимо от общественных установлений. Это было особенно верно в случае с Исидой и Сераписом (известными как египетские боги, хотя у них были отчасти греческие черты), распространение поклонения которым можно объяснить универсальностью их черт благотворительности и умиротворения. Тот факт, что некоторые города сделали поклонение этим богам официальным ритуалом, подчеркивает то, что было упущено в древних общественных религиях: близость божества к человеку как личности. Это, несомненно, свидетельствует о возникновении явления, которое было чуждо традиционной греческой религии, т.е. о персональной «вере» верующего в божество.

Разнообразие было столь большим, что трудно утверждать, что это были именно эллинистические религии. Хотя появившаяся открытость границ между культурами (которые никогда не были совершенно непроницаемыми!) усилила процессы взаимного обмена, объединения и распространения, все это было весьма неоднородным, к тому же вековые верования и обряды оставались неизменными. Однако можно отметить появление новой религиозности: первоначальное значение приобретал поиск скорее индивидуального, чем общественного спасения и защиты у богов в этом непостоянном, запутанном и грозном мире.

Все вышеизложенное подразумевает изменения в представлениях о богах и божествах, но вместе с тем все это было предметом теологических размышлений лишь нескольких интеллектуалов, поэтому дополнительное понимание может дать краткий обзор эллинистической философии.

Философия

Тот факт, что в течение эллинистической эпохи возникли новые великие школы философии, стоицизм и эпикуреизм, и что именно в это время приобрела значение школа киников, возникшая в пятом веке, свидетельствует о том, что это была эра философского обновления. Старые школы, такие как Ликей и Академия, также продолжали существовать, но они не вносили существенного вклада в философию, за исключением, возможно, ее критики. Афины оставались главным центром мысли, но, кроме Эпикура, главами школ были выходцы из других мест, некоторые даже с Востока, тем не менее, стиль их мышления был греческим.

Так же как новая религиозность способствовала укреплению связи между человеком и божеством, философия стремилась укреплять положение личности в мире: этика была целью, с помощью которой философские школы пытались направлять личность к жизни, предполагающей достижение счастья. Поразительно, что все школы определяли счастье в негативных терминах: как отсутствие страданий (*анатия*), отсутствие тревог (*атараксия*) и отсутствие печали (*алития*). Поскольку тревоги, которых человек должен избегать, исходили из окружающего мира, было желательно отвернуться от мира и его страстей, хотя этот отказ не обязательно был актом безразличия: это могла быть критика (в которой преуспели киники) или отказ от ответных действий (как в случае со стоицизмом). В любом случае, полагая, что этика предрасположена к восприятию идеи о том, что мир предназначен для людей, эллинистические философы разработали на эту тему последовательные учения. В настоящем разделе им будет дана лишь общая характеристика.

Стоицизм, который хронологически является «эллинистическим» только в его «древний» и «средний» пе-

риоды, объединял космологию и систему этики, которые скрепляются и удерживаются вместе строгой логикой. Фактически, поскольку центром стоической мысли был человек, космология рассматривалась как функция антропологии, поскольку макромир рассматривался как модель мира человека. Космология стоиков была в меньшей степени связана с научными представлениями своего времени, чем ее догматические предшественники с этикой. Мир для них был живым организмом, который возник в результате действия на вещество (пассивное начало) активного начала – огня, который был также дыханием жизни (*тневма*) и разума (*логос*). Это жизненное начало пропитывало вещество и вызывало в нем цикл превращений, подвластных жесткому детерминизму (*хеймармене*), который замещала потребность в «тихе», вызывая общее воспламенение (*эктирозис*). Последнее возвращало вещество к первобытному огню, давая таким образом начало новому циклу формирования мира. Вследствие этого космическое время было не линейным, а круговым, что соответствовало очень древним религиозным идеям греков. Однако стоический детерминизм был не механистичным, а виталистичным, поскольку жизненная *тневма* создавала космическую *симпатию* между разными частями мира, подобную связи между живыми организмами. Рациональность этой умозрительной конструкции состояла не столько в принципах, сколько в логике ее развития. Эта система, казалось бы, лишала человечество надежды: разве *хеймармене* не была отрицанием свободы, необходимой для достижения счастья? Но это было не так: если учесть, что человечество было завершающим творением мира, то мир был создан для человека. Животворящий *тневма/логос* являлся также провидением (*проноия*). Детерминизм действовал в соответствии с возможностями, которые были благоприятными для человечества. Это вновь было равновесным введением в космогонию божественного начала в трансцендентной и имманентной форме – принципа пантеизма, к которому стоицизм всегда имел склонность. Вместе с тем это было и средством согласования философской мысли с общей религиозной мыслью путем поддержки тенденции к отделению божественного от множества его представлений, и превращения их в его символы. Стоицизм преуспел в новом толковании многобожия с использованием терминов своей собственной теории и понятия о благочестии большинства людей. Это не решало проблему свободы, возникшую с появлением этики. Страдание и неудача являются следствием человеческого непонимания цепей причинной связи, управляющей природой, и только их познание позволяет Мудрецу достигнуть отсутствия боли, но не пытаться избежать *хеймармене* (происходящей от страстей), а добровольно принимая, совершая свободный разумный выбор. Этот выбор формулировался как необходимость «жить в гармонии с природой» и был одним из добродетельных принципов стоиков: жить в соответствии с *логосом*, который управляет природой. Еще более ценной была обязанность (т.е. необходимость соответствия – *катекон*) Мудреца, который, благодаря его способности понимать законченность космического провидения, мог и должен был постоянно приспосабливать свои свободные выборы к достижению этой законченности, которая была Добром. Как «гражданин мира» он мог и должен был подчиняться законам мира, как и гражданин города должен подчиняться законам города. Неправильный выбор должен был приводить к страстям и страданию. Таким образом, стоицизм выводил этику свободы из детерминированной космологии. Это, однако, не обязательно требовало ухода из мира для уменьшения страданий. Элементы, заимствованные у киников, поощряли включение в коллективную жизнь. Человеческое сообщество у киников соответствовало космополитизму стоиков: вне государства человек существовал во всем человечестве, играя в нем свою роль. Эта концепция также происходила от

учения киников: как актер играет роль, определенную ему поэтом, которую он должен выучить, так и Мудрец играет роль, предназначенную ему судьбой, понимая, что эта роль находится в соответствии с природой. В зависимости от того, находилось или не находилось общество и государство в соответствии с природой, Мудрец не был лишен права предпринимать политические действия. Именно такой подход, прежде всего в эпоху «позднего» стоицизма, должен был сделать Марка Аврелия последним из великих стоиков.

Эпикуреизм не приводил к такому результату. Его материализм, более радикальный, чем у стоиков, происходил от атомистического механицизма Демокрита. Однако по Демокриту при движении атомов в пустоте допускалось лишь их случайное столкновение и только из-за необходимости. Эпикур же добавлял идею «склонности» атомов или *пареклизиса* (наш основной источник информации об эпикуреизме – латинский поэт Лукреций – использует термин *клинамен*), который представляет принцип свободы. Мир не знает о предрасположенности, или судьбе или провидении, и человечество может жить, не обращая на них внимание. Хотя боги и существуют, они населяют межзвездное пространство и безразличны к миру и людям, которые, поскольку не могут что-либо ожидать от богов, не должны их бояться, или молиться им, или стремиться с помощью предсказаний узнавать их волю. Тем не менее, участие в общественных обрядах поклонения богам может быть одобрено, если им будет придаваться лишь аллегорическое значение. Истинное благочестие является философским и личным. И, наконец, душа, благодаря своей материальности, подобной телу, исчезает вместе с ним, и поэтому не следует бояться смерти. Следовательно, человечество, освобожденное от всех метафизических и религиозных страданий, должно развивать в себе этическую свободу от тревоги (*атараксия*), а значит, и от удовольствия, которое не может быть не чем иным, как физическое удовольствие, потому что душа материальна, как и тело, и ее удовольствия – это только воспоминания или предвкушения удовольствий тела, они используются для смягчения печали. Этот гедонизм (который подвергался риску принятия мер в виде отказа от разрешения публикаций, что на самом деле и случилось), однако, направлял удовольствие на строгое удовлетворение потребностей и здоровых желаний, поскольку всякое излишество ведет к страданию. Поэтому истинная эпикурейская этика удовольствия была аскетизмом, направленным на достижение спокойствия. Хотя считалось правильным быть вне общества, жить уединенно, тем не менее, оставалось фактом существование общества, и политическое общество, конечная цель которого состоит в обеспечении справедливости, должно заботиться о спокойствии человека. В наименьшей степени эпикуреизм культивировал такие общественные ценности, как дружба для взаимного облегчения страданий.

Общим для этих теорий было стремление к счастью путем устранения страданий и беспокойства, но их физические и метафизические предпосылки были, очевидно, открыты для критики со стороны знатоков развития научного знания или тех, чьи собственные философские воззрения вели к скептицизму или агностицизму по отношению к божеству или идее божественного осознания. Так, сами основы стоицизма были подорваны Карнеадом (главой так называемой новой (третьей) Академии второго века), который, несомненно, вел стоицизм к отказу от большей части его виталистской метафизики, к пересмотру общепринятой религии, астрологии и т.д., и посвящению себя в основном практической нравственности. Стоицизму, однако, благодаря Посидонию предстояло в первом веке вернуться к прежним космологическим догматам, хотя и в измененной форме, но фрагментарность его произведений не позволяет достаточно полно их рассмотреть.

Посидоний, однако, мог быть выразителем духа эллинистической философии и, будучи великим философом, он был и великим эрудитом. Тот факт, что этот математик, астроном, географ и историк взял также на себя ответственность за восстановление кажущихся нам иррациональными аспектов стоицизма, является примером того, как усилия некоторых личностей, направленные на разделение метафизики и физики, религии и науки, рационального и иррационального были оторваны от глубочайших тенденций в мышлении тех времен. Общепринято, что рационализм не был вооружен научным аппаратом, позволявшим давать полное объяснение его сущности, а сама наука делала только несовершенные попытки объяснить мир, в то время как метафизика и набожность легко заполняли пробелы, имевшиеся между наблюдением и рассуждением. В заключение, однако, отметим, что какими бы ни были подходы к знаниям, всегда возникала как центральная и подвергалась анализу проблема личности в мире и индивидуальных правил поведения для достижения счастья и спасения. И веровавшие в богов-спасителей, и посвященные в таинства мистических культов, и последователи признанных философских течений – все они в своих взглядах сходились на озабоченности этими проблемами. С этой точки зрения, несомненно, еще не настало время для появления рационалистического скептицизма и агностицизма, которые могли бы предложить приемлемые ответы на тревожные вопросы бытия.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Изменения, которым греческое общество подвергалось со времен Александра, неизбежно оказали влияние на литературу. Греки были рассеяны по всему миру и повсюду заботились о сохранении своей культуры, в которой литература была неотъемлемой частью, поскольку она сохраняла достижения прошлого. И нашим современным знанием греческой литературы мы обязаны этой заботе, которая поощряла копирование рукописей и распространение античных произведений. Это выражалось, в частности, в создании нескольких великих царских библиотек, подобных библиотекам в Александрии и Пергаме. Кроме того, повсюду работали небольшие библиотеки, такие как библиотеки городских гимназий, библиотеки были и у частных лиц, которые свидетельствуют о распространении греческой культуры и литературных вкусов в новом мире. Найденные фрагменты произведений показывают, что наиболее широко читаемыми авторами были Гомер и Еврипид. Их универсальность (общегреческая – Гомера и общечеловеческая – Еврипида) наиболее правдиво отражала новую эллинистическую всеобщность.

Концентрация в некоторых местах, подобных Александрии, всего написанного на греческом языке способствовала развитию эрудиции людей. Были распространены текстология и детальные разборы текстов, которые до сих пор являются основами современной филологии.

Такая консервативная и академическая точка зрения не была помехой для творчества. Она прежде всего следовала путями, открытыми в четвертом веке в философии, риторике и историографии и лишь отчасти в поэзии. Однако александрийская ученость благоприятствовала возникновению нового – «ученого» типа поэзии, названной так не только из-за виртуозного мастерства ее форм, унаследованных от прошлого, но и из-за ее предмета, заимствованного из широкого разнообразия древних мифов. В этой связи до нас дошли два имени: Каллимах, представитель лирической поэзии и Аполлоний Родосский – эпический поэт. Оба они были блестящими сочинителями, связанными с Александрийской библиотекой и допущенными ко двору, и доказательством их успеха является сохранение их творений до нашего времени, хотя ныне их читают

только немногие специалисты. То, что читается, – это произведения двух истинных поэтов не из Александрии: афинского комического поэта Менандра и сицилийского «буколического» (пастушеского) поэта Феокрита, которые (наряду с Еврипидом), в отличие от многих других, имели последователей (от Теренция до Мольера и от Вергилия до современных поэтов), в том числе некоторых живущих и в наши дни.

Философская литература была бы полностью недоступна нам без таких латинских авторов, как Лукреций и Цицерон; то же справедливо в отношении риторики (известной благодаря Цицерону и Квинтилиану).

Историография исчезла уже в четвертом веке вместе со смертью Ксенофонта. Поскольку среди историков был распространен плагиат, то предпринимались лишь редкие попытки копировать наиболее древние источники, если их содержание было включено в более поздние тексты или было представлено в сжатом и сокращенном виде. Для нас эллинистическая историография является кладбищем имен и фрагментов, из которых, тем не менее, восстанет Полибий (II в. до н.э.), которому мы можем быть благодарны по трем причинам: во-первых, из-за разрыва с до-вольно небрежным «литературным» стилем произведений его времени и возвращения строгой рациональности в манере Фукидида; во-вторых, за то, что он был не книжным ученым, а опытным политиком, схватывавшим «прагматическую» природу истории; наконец, за то, что он первым

понял, что судьба мира его времени находится в руках Рима. Роль Полибия была столь велика, что сохранилась значительная часть его произведений, не только в первоначальной форме, но и в виде, донесенном до нас другими писателями, в частности Титом Ливием, который использовал и иногда излагал их более изящным языком, чем это делал Полибий.

Наконец, одним из жанров, который следует упомянуть, был литературный жанр, которому предстояло в течение длительного времени иметь последователей, – роман, который возник на стыке истории, драмы и поэзии. Именно в некоторых псевдоисторических отрывках древних историков, как у Геродота и Ксенофонта, можно наиболее ясно увидеть корни, которым предстояло распространиться в «Поэме об Александре», вновь и вновь пересказывавшейся в течение веков. Однако воображение прежде всего открыло дверь любовным интригам комедии, к темам, заимствованным из эпической или деревенской поэзии, и к некоторым аспектам новых религиозных чувств того времени. Короче говоря, роман с самого начала показал способность воспринимать все это многообразие и делал это наилучшим образом.

Хотя большинство литературных произведений этого типа ныне утеряно, та ее часть, которая прямо или косвенно дошла до нас, определенно свидетельствует, что классическая греческая литература была плодородной почвой для того, что в конечном счете стало «западной» литературой.

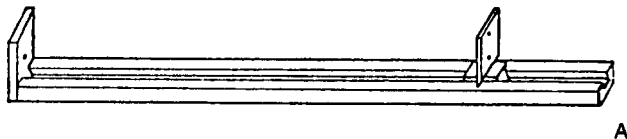
Клод Моссе

Тесные контакты между греками и восточными народами должны были оказать значительное влияние на культуру, наиболее важным аспектом которого для развития науки была, вероятно, монархическая структура этих государств. Правители эллинистических государств считали себя наследниками греческой культуры и ее защитниками. Таким образом, если в предыдущие века ученые работали как изолированные личности, то начиная с этой эпохи, особенно в Александрии, столице царства Птолемея (Лагидов), возникли учреждения, поддерживаемые царской властью и обеспечившие ученых условиями, благоприятными для выполнения их исследований и публикации их рукописей. Примечательно, что эту практику начал осуществлять первый Птолемей, вдохновленный афинянином Деметрием Фалерским, учеником Аристотеля, и афинским Ликеем с его коллективными исследованиями, который, как считают, был предшественником Мусейона (греч. *место пребывания муз.* – *Прим. ред.*) в Александрии. Однако Ликей не зависел от городских властей, а был частным учреждением, в то время как Мусейон и Библиотека пользовались материальной поддержкой Птолемея. Было удивительно, почему первые Птолемеи, которым позднее подражали другие эллинистические правители, например Атталиды из Пергама, так энергично поддерживали научные исследования. По этому поводу выдвигались различные прагматические причины: практическое использование результатов этих исследований в военной области и даже в сельском хозяйстве, от которого так сильно зависел Египет. При этом не следует забывать престиж и славу, блеск которых, а также известность Мусейона и Библиотеки распространялись и на этих царей.

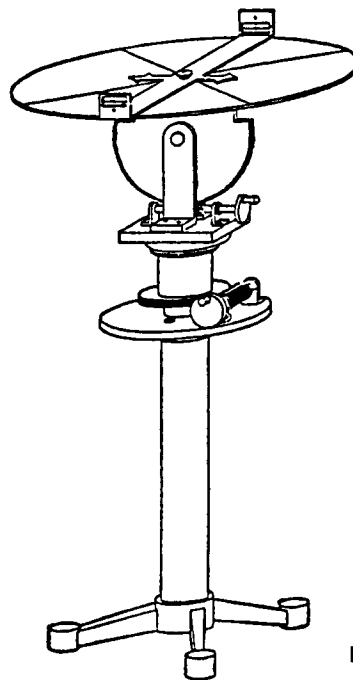
Прежде чем рассмотреть различные направления научных исследований, собранных в основном в Александрии, мы должны сначала вспомнить, что, хотя наука и техника отделились от философии в ее понимании, характерном для предыдущих веков, все же эти связи не были полностью прерваны. И если Александрия оставалась в первых рядах интеллектуальной жизни греческого мира, то Афины сохраняли свое преимущество в философии. Однако в то время как Академия Платона проявляла мало интереса к естественным наукам, Ликей под руководством таких последователей Аристотеля, как Теофраст и Стратон, предпринимал важные исследования в области ботаники, минералогии и динамики. Другие философские школы, следовавшие в конце четвертого века примеру Афин, вроде «Сада» Эпикура и «Галереи» (стоицизма) Зенона, были больше заняты людьми и этикой, чем науками о природе. Хотя Эпикур принял атомистику Демокрита, все же его главной заботой было использование «склонностей» атомов для объяснения движения души и свободного выбора философа. Что касается стоиков «Галереи», то их теория «пневмы», являющейся действующим началом четырех первоэлементов, составляющих все предметы, открывала скорее моральные, чем подлинно научные перспективы.

Именно поэтому за пределами Афин, главным образом в восточных частях эллинистического мира (за исключением Сиракуз, в которых работал их уроженец Архимед) началось успешное развитие разных отраслей науки, особенно в третьем и втором веках. В наиболее абстрактной сфере научных знаний – в математике господствующим было имя Евклида. Его «Элементы» спаяли результаты более ранних исследований в единое и систематизированное целое. Начав с нескольких аксиом, Евклид доказал множество теорем, которые обеспечили решение многих поставленных его предшественниками задач, связанных с геометрическими фигурами, теорией пропорций, целыми и иррациональными числами и т.д. Нет нужды подчеркивать первостепенную роль, которую играли «Элементы» Евклида в обучении математике вплоть до недавнего времени.

Архимед из Сиракуз был не менее крупным ученым, чем Евклид. Архимед был также ученым-математиком, но преж-

A

B

Рис. 6. Диоптры: А – простой диоптр (приспособление для визирувания в простейших геодезических инструментах. – *Прим. ред.*); В – диоптр Герона Александрийского (по *Lloyd, 1973*)

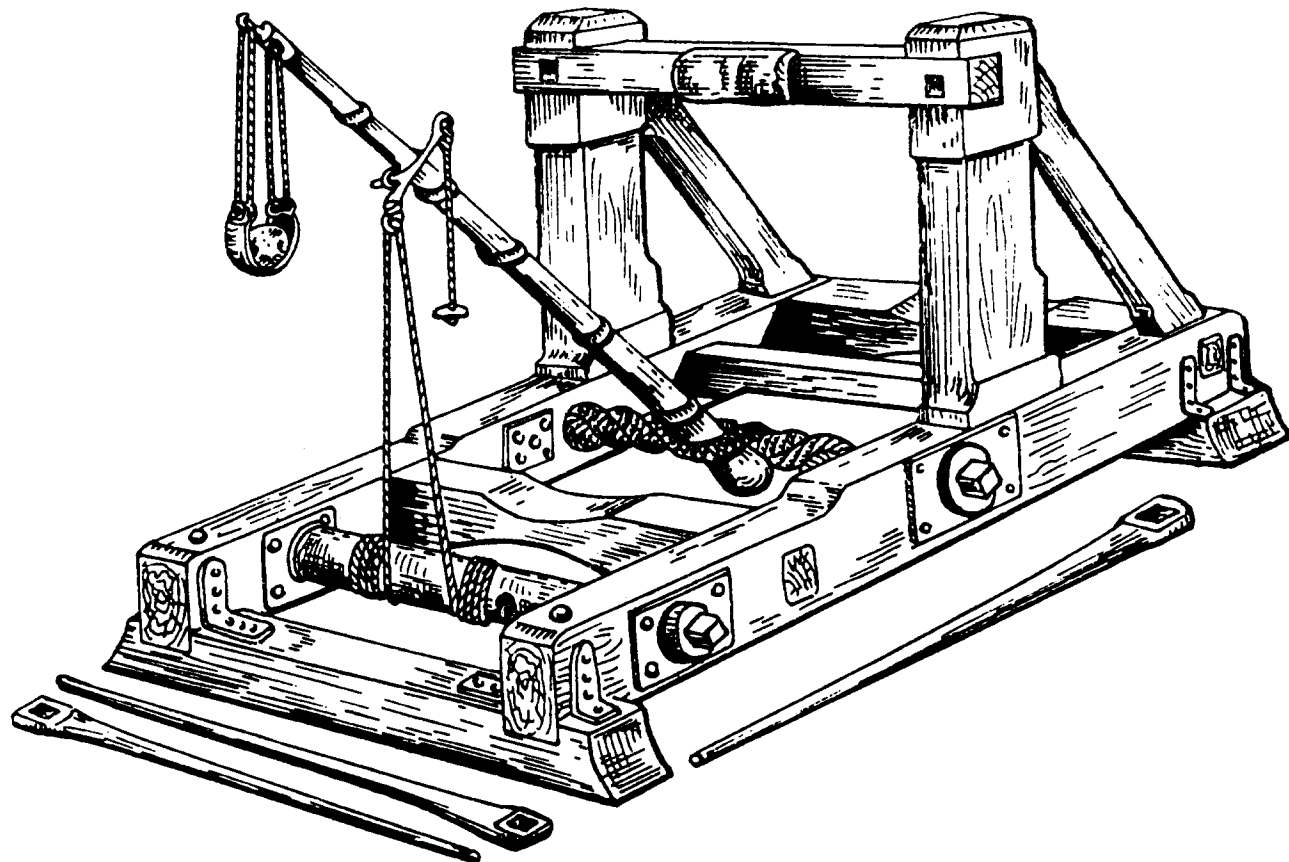

Рис. 7. Усовершенствованная метательная машина (катапульта) для метания камней, принцип действия которой основан на сочетании сил действия сил упругости скрученных волокон и системы рычагов (эскиз *Wilsdorf*, 1982)

де всего он был астрономом, физиком и особенно интересовался механикой. В одном из произведений, приписываемых ему, «Исчисление песчинок» («Псаммит»), была предложена система счисления, позволявшая записывать сверхбольшие числа. Архимед был также автором геометрического трактата «О шаре и цилиндре» и предложил метод определения числа «пи», необходимого для вычисления площади и длины окружности. Подобно Евклиду, он начал с определений и аксиом и использовал их для построения теорем. Однако он не боялся проверки своих доказательств на механических моделях. Читатель, без сомнения, знаком со знаменитым эпизодом, который привел к открытию закона, носящего его имя. Хотя Плутарх утверждал, что Архимед презирал механические искусства, тем не менее, обязаны ему множеством практических изобретений, таких как Архимедов винт, зубчатое колесо и передвижной ворот. Нам также известна та роль, которую он сыграл в защите Сиракуз, осажденных римлянами.

Развитие математики в эллинистический период шло рука об руку с развитием астрономии, основанной больше на теоретических построениях, чем на наблюдении, что в немалой степени было обусловлено примитивностью измерительных приборов. Одной из наиболее досадных проблем была несостоятельность постулата о неподвижности Земли в центре Вселенной, впервые предложенного в четвертом веке Евдоксом Книдским для объяснения движения небесных тел. Для исправления этой ошибки Аристарх Самосский выдвинул другую математическую модель – идею гелиоцентризма. Однако его столь же авторитетные ученые-критики отказались воспринимать эту теорию, которая резко противоречила общепринятому тогда мнению. Они настаивали на сохранении геоцентрической системы, но дополнили ее системой эпициклов и

эксцентрических кругов. Эта система была в значительной степени результатом трудов астронома и математика Аполлония Пергского, автора трактата «Конические сечения», в котором приводились определения эллипса, параболы и гиперболы. Как уже говорилось и как читатель может видеть сам из этих немногих примеров, астрономические исследования оставались в значительной степени теоретическими. Наблюдательная астрономия все же достигла некоторого прогресса, особенно благодаря Гиппарху Никейскому, изобретателю диоптра – длинной линейки с двумя пластинками с вырезами. Гиппарх создал также каталог положений звезд, открыл прецессию – медленное движение оси вращения Земли по круговому конусу, вследствие которого происходит предварение равноденствия (*Прим. ред.*); более точно, чем предшественники, определил пути планет.

Но если греческая наука в эллинистический период развивалась во многих областях и далеко ушла от науки предыдущих веков, она все же по-прежнему имела преимущественно теоретический характер. И хотя пример Архимеда показывает, что ученые не отвергали идею практического использования своих знаний, их применение ограничивалось множеством особых сфер. Первой из них была военная область: период эллинизма был отмечен несколькими механическими изобретениями в этой специфической области, а также публикацией трактата об орудиях войны, написанного Филоном в Византии; второй областью было применение автоматических и иных двигателей, построенных для увеселения толпы, описания которых можно прочесть в трудах таких авторов, как Ктесибий или Герон Александрийский. Некоторые из этих двигателей приводились в действие паром, и было удивительно, почему греки, знавшие о силе пара, не использовали ее

в более полезных двигателях, чем игрушка, описанная Героном в его «Пневматике»: вращающийся вокруг вертикальной оси стеклянный шар на стержне. Это недоразумение, вызвавшее многочисленные дискуссии, трудно объяснить какой-либо определенной причиной (например, тем, что рабство делало технический прогресс ненужным). В действительности же требуется целый набор экономических, общественных, политических и интеллектуальных причин для объяснения либо нежелания применять технические знания для серьезных практических нужд, либо по крайней мере ограниченного их применения в некоторых областях. И все это при том, что в эпоху эллинизма наблюдался реальный и важный технический прогресс.

Эксперимент процветал еще в двух сферах – в медицине и биологии. К сожалению, хотя мы знаем имена очень многих врачей эпохи эллинизма, ни одно из их произведений не дошло до нас, поэтому единственным из вторичных источников, из которого мы узнаем об этих врачах, является труд Галена («О частях человеческого тела» – *Прим. ред.*), жившего во II в. н.э. Среди этих имен наиболее значительными кажутся имена Герофила и Эрасистрата, которые жили в Александрии в первой половине II в. до н.э. Они были первыми, кто занялся вскрытием человеческих трупов для изучения анатомии. Герофил по-

нял, что мозг был центром нервной системы, обнаружил яичники и дал теоретическое объяснение диагностической важности пульса. Эрасистрат различил чувствительный и двигательный нервы, объяснил физиологию кровеносной системы и показал, что сердце действует как насос. Он полагался на эксперимент гораздо больше, чем его предшественники, занимался анатомированием и, возможно, вивисекцией. Но хотя медицина и является сочетанием практического мастерства и науки, ее прогресс ограничивали серьезнейшие философские споры об основах знаний.

В конце второго века, когда великие эллинистические царства пришли в упадок, исчезнув прямо или косвенно под влиянием Рима, наука пришла в состояние застоя. В собственно греческой части Римской империи появились такие великие ученые, как врач Гален и географ и астроном Птолемей, но золотой век греческой науки философии уже прошел. Вместо этого ученые работали или составляли комментарии к более ранним произведениям. Как отметил британский историк Ллойд (*Lloyd*, 1990), «главные усилия были направлены скорее на сохранение знания, чем на попытки его расширения» (р. 188). Это был период краткого изложения знаний и их отбора. Но и в этих условиях ученые традиции были сохранены и через арабов переданы христианскому Западу.

11.1.3

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Ангелос Деливорриас

Илл. 43–47

После смерти Александра и раздела обширного государства, созданного в результате его завоеваний, на независимые царства его последователей, центр художественного творчества переместился из Греции на периферию. В новых столицах, Родосе и Александрии, Антиохии и Пергаме, в религиозных и политических центрах Анатолии и их внутренних территориях вплоть до Индии, греческое искусство выполняло свою миссию, влияя на местные традиции, одновременно усваивая влияния иных цивилизаций. Новый дух космополитизма укреплялся благодаря росту диаспоры, включающей в себя интеллектуальные силы эллинизма, и непрерывной мобильности художников всех направлений.

Было бы удивительно, если бы расширение горизонта знаний во всех областях научной мысли и почти повседневного практического опыта совсем не направляло художественные потребности в сферу реализма, первоначально с помощью динамического распределения фигур с показом их внутреннего напряжения. Окончательное принятие или, скорее, отказ от борьбы за существование заканчивается идилическим созерцанием внешнего и внутреннего мира.

Нет сомнений в том, что искусство эллинистического периода, имевшего твердое основание в виде искусства IV в. до н.э., следовало логике собственного развития и искало неизведанные области собственных задач. Нет также сомнений в том, что начиная со II в. до н.э. ослабление его влияния происходило не столько из-за постепенного завоевания греческого мира римлянами, сколько из-за предшествующего ослабления единства этого мира, а также потому, что академизм этого искусства был крайним выражением тоски о прошлом величии. Эти тенденции подкреплялись постоянным возрастанием числа заказов на мраморные копии наиболее известных произведений древней скульптуры для удовлетворения неистощимых потребностей не только Рима, но и других больших городов зарождавшейся империи. И хотя оригинальное художественное творчество не прекращалось, классицизм I в. до н.э., завершавший цикл древнегреческого искусства, наряду с другими факторами оказывал влияние на римское искусство времен правления первого римского императора Августа.

В течение раннего эллинистического периода ностальгическая мечтательность скульптурных форм Праксителя, свободных от каких-либо воинствующих наклонностей, продолжала идеологически содействовать развитию одной из многих сосуществовавших тенденций III в. до н.э. Однако главным требованием было «освобождение» скульптурных фигур в окружающей обстановке, восприятие которой, как казалось, определяли скульптуры, хотя в действительности обстановка формировала восприятие скульптур. Этим объясняется процветание школы Лисиппа и деятельности его учеников во всех главных центрах, а также динамичная разнонаправленность, которая предполагает многомерное восприятие работ,

в которых все грани одинаковы; в композициях, иногда непостижимых из-за расположения фигур, часто втянутых в круговорот событий (илл. 43). Знакомство художников со всеми аспектами жизни, от младенчества до старости, и со всеми общественными слоями, от раба до боготворимого монарха, придает их творениям мирскую глубину, благодаря которой кристаллизуются новые формы божественного.

В этой обстановке возрастал интерес к изображению индивидуальных характеристик и обращалось особое внимание на психологическое состояние личности. Сюда относится широкий спектр экспериментов по выражению чувств невысказанного отчаяния и угрызений совести до равнодушия отстраненного созерцания мира (илл. 44).

При рассмотрении интеллектуального содержания художественных проблем II в. до н.э. мы прежде всего изучаем основную попытку преобразовать внутренние способы выражения на основе всего объема накопленного опыта, в отчаянной борьбе за видимое представление брэнности существования. Военные достижения имевших ограниченное историческое значение частых конфликтов между последователями Александра были предлогом для создания грандиозных творений, причины появления и пропагандистские цели которых были совершенно очевидными. В этих произведениях внешние размеры уравновешивались внутренними силами, что часто воплощалось в композициях, которые являлись и монументальными, и изящными. Грандиозный барельефный фриз Большого алтаря Зевса в Пергаме относится к наиболее значительным произведениям эллинистической эпохи, служит ярким примером существовавшей идеологии, в которой противостояние греков варварам приобретает мифические масштабы, намекая о борьбе с гигантами – на древнюю форму представления о борьбе сил добра против сил зла.

Сочетание больших масштабов, изобилия новых телесных идеалов с расположением элементов, подобным стилю барокко, и почти экспрессионистской грубостью в подчеркивании пассивности и созерцательности, а также показного тщеславия, характеризует и другие работы зрелого эллинистического искусства (илл. 45). Эти же компоненты с добавлением параметров, показывающих глубокое родство с великими творениями времен Фидия, отличают работы мессинского скульптора Дамофона, который был автором множества колоссальных культовых статуй Греции. Однако с середины и до конца II в. до н.э. происходило быстрое разрастание противоположных тенденций. В ответ на потребность выражения чувств дружбы и нежности произошел сдвиг интереса в сторону игривой буколки, с которой был связан более поздний европейский стиль рококо, в которой в основном изображались сцены с Афродитой и Эросом, Дионисом и второстепенными местными богами.

Около 100 г. до н.э. появляются помпезные неловкие композиции и следующий ряд авторов; содержание их работ сходно с театральным оформлением; фигуры наделя-

лись заметными декоративными чертами. В этом процессе чувствуется обращение за вдохновением к произведениям III в. до н.э. Однако тогдашние трехмерные концепции теперь сводились к двумерным принципам, предвосхищавшим декоративные нормы отделки фасадов, которым предстояло господствовать главным образом в программной идеологии римского искусства. Несмотря на пассивную выразительность и полноту воплощения внутреннего мира, наиболее знаменитая композиция – скульптурная группа «Гибель Лаокоона и его сыновей», относящаяся к середине I в. до н.э., демонстрирует указанную склонность к двумерности и явной театральности. Очевидным следствием этого произведения, которым, как никаким другим, восхищались, которому подражали в эпоху Возрождения и которое было отнюдь не изолированным явлением, был целый ряд аналогичных скульптур, вдохновленных эпическими мифами. Однако они воспринимаются скорее как иллюстрации из книги замечательных событий прошло-

го или как *живые сцены* театральных представлений позднего периода, чем как эпизоды трагедий классической эпохи. Кроме того, на этом завершающем этапе развития древнегреческого искусства дух Гомера выразился в склонности к поучению у образованных слоев населения в той же мере, как внутренний мир великого поэта проявляется в морщинистой коже его лица (илл. 46).

Знание, конечно, ценность, которой нельзя пренебрегать. Действительно, знание анатомии, в частности, проявилось в потрясающих творениях. Однако оно легко приводило к академическому эклектизму, который, кроме своей острейшей потребности ухватить и воскресить исчезающие формы прошлого, не дает ни единого оригинального элемента. В живописи и мозаике этого периода обращение в поисках вдохновения к великим творениям прошлого принесло большой успех и имело большую ценность для истории искусства, сохранив весьма точное отражение этих утерянных достижений (илл. 47).

11.2

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ с конца III в. до н.э. до II в. н.э.

11.2.1

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОТ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДО ИМПЕРИИ

Клод Николе

Илл. 48, 49

Эллинистический термин «ойкумена» обозначал обитаемые земли, т.е. Европу, Азию и Африку. Ее северные, южные и восточные границы находились гораздо дальше, чем предполагалось. Существовало мнение, что к востоку и югу имелись такие регионы, как Китай и «Эфиопия». Но хотя Александр и достиг Индии, никто не сумел там укрепиться, столь велики были расстояния. Именно поэтому возникло убеждение, одновременно и научное и мистическое, о том, что реальный, полезный «мир» – это тот, центром которого было Средиземноморье. Александр достиг почти восточных пределов этого мира, но запад оставался недоступным и фактически неизвестным. Римское завоевание, начавшееся в III в. до н.э. на западе с большой победы над Карфагеном, шло в двух направлениях. Римляне, подобно грекам, очень скоро поняли, что географическое положение, превосходная организация, военные достоинства и набожность римлян вместе с ресурсами Италии были знаками их судьбы, которой предстояло достичь успеха там, где Александр потерпел неудачу. Примерно в 150 г. до н.э. древнегреческий историк Полибий считал гегемонию Рима необратимой, а полное подчинение всего мира власти Рима – только вопросом времени. Рим уже расширился на запад до Гадеса (Кадиса) и берегов Атлантического океана. Несмотря на внутренние разногласия, по-видимому, существовала целенаправленная политика завоеваний. В 146 г. до н.э. в результате Пунической войны Карфаген был стерт с лица земли, а Греция была низведена до уровня провинции; в 133 г. до н.э. западная часть Анатолии была завещана Риму ее царем.

В течение более десяти лет римляне сталкивались с odporом их политике экспансии. Вторжение с севера германских племен кимбров и тевтонов между 113 и 101 гг. до н.э. после их победы над римлянами при Норейе в 113 г. и в других сражениях наводило «тевтонский ужас» на Рим. Рим сам чувствовал угрозу и в результате этого давления изменил организацию своей армии. Под предводительством Гая Мария она теперь стала наемным войском со всеми соответствующими структурными последствиями. Марию сопутствовал успех, и кимбры и тевтоны в конце концов были полностью разбиты. Потерянные области на юге Галлии, севере Испании и Италии были завоеваны вновь. Во время этих событий, в 104 г. до н.э., серьезной угрозой власти Рима стало второе восстание рабов на

Сицилии. Но уже в начале последнего века до н.э. римские завоевания были продолжены. Уже между 80 и 61 гг. до н.э. оставшиеся части Анатолии, Сирии и Палестины были захвачены или усмирены благодаря победам римского полководца Гнея Помпея, которые, как казалось, соответствовали предсказаниям Полибия. Действительно, именно в течение десятилетия после 60 г. до н.э. замыслы Рима стали более систематическими и координированными, что оказало решающее значение для будущего. Юлию Цезарю (58–52 гг. до н.э.) выпало отражать новые набеги германцев и предстояло завоевать обширную территорию кельтов, простиравшуюся от Аквитании (историческая область на юго-западе Франции. – *Прим. ред.*) до Рейна. Он, однако, смог предпринять лишь спешные разведывательные экспедиции в Англию и Германию. Главная задача была поставлена римскому полководцу Марку Лицинию Крассу, которому предстояло пойти по следам Александра и открыть Риму дорогу в Индию, сокрушив парфян. Когда Цезарь был на полпути к успеху, парфяне разгромили римскую армию Красса около города Карры (54 г. до н.э.). От этого удара Рим так и не смог оправиться; персидский или парфянский мир уже больше никогда не попадал под его власть, а проникновение в Индию было лишь косвенным, посредством ее торговли с Александрией во времена Августа, ставшей возможной благодаря использованию муссонов. Восток навсегда остался недоступным.

Но на территориях, окружавших Средиземное море, цель, видимо, была достигнута. Древняя республика, почти погибшая в гражданских войнах (фактически возникших из-за завоеваний), сменилась монархией. Первый из императоров, Август, был торжественно провозглашен победителем и усмирителем всего мира. Действительно, он и его полководцы достигли многого: завоевали Египет, установили контроль над Черным морем и завершили покорение Испании, но прежде всего они завоевали и реорганизовали всю Центральную Европу вплоть до Дуная, вся территория которой была теперь изучена. Ослабленные парфяне сохранили независимость, но прониклись почтением к Риму; большие экспедиции были направлены на разведку в Южную Аравию и на Верхний Нил. Но здесь тоже неудачи, связанные с выполнением целей только наполювину, таили в себе опасность для будущего. Вне досягаемости осталась Англия. Попытка достичь ее через Северное

море потерпела неудачу в Ютландии. Но прежде всего, планы или первые попытки завоевания германских народов потерпели неудачу в 6 г. н.э. в войне с германским племенем маркоманов из-за поднятого в том году восстания в Паннонии. С 9 г. н.э., т.е. после победного восстания германских племен под предводительством Арминия и неудачи римлян в Тевтобургском лесу, Рим никогда больше не доходил ни до Рейна, ни до Дуная. Ни общие цели, ни политика не изменялись при последователях Августа. Наибольшими достижениями в завоеваниях новых территорий стали только Британия при Клавдии, Агри Декумат при Домициане и Дакия при Траяне, в то время как некоторое продвижение в Персидский залив при Траяне, Севере или Диоклетиане было кратковременным. При рассмотрении более широких временных рамок следует учитывать, что Рим фактически находился в состоянии обороны от трех своих главных и очень разных врагов. На севере это были варварские кельтская, германская или «азиатская» цивилизации с их быстрым ростом населения, сопровождавшимся крупными переселениями все еще полукочевых народов, жаждущих земли и золота. Именно для борьбы против этих варваров во II и III вв. н.э. Риму приходилось содержать одну из своих самых больших армий, включавшую примерно двадцать легионов, три из которых были нацелены на очень узкую задачу – на борьбу только с варварами Северной Британии. О надвигающейся опасности на востоке свидетельствовали стоявшие там против парфян шесть легионов под командованием Веспасиана и двенадцать легионов под командованием Аврелия. В 227 г. н.э. персидская династия Сасанидов, далекая от поиска мира с Римом, старалась отвоевать Анатолию. Наконец, на юге, на Ниле, в Киренаике или в Африке, где Рим испытывал меньшее давление, кочевые народы на границе пустыни так никогда на самом деле и не были умиротворены.

Эти геополитические реалии в значительной степени определили структуру империи. Это была прежде всего военная империя, какой прежде была и республика, поскольку начиная с времен императора Августа за зубчатые стены огромных крепостей были сосредоточены военные силы, которые стали регулярной армией.

Эта армия защищала территорию площадью около 5 млн. кв. км, на которой во II в. н.э. проживало, хотя и в разных условиях, не менее 60–70 млн. чел. Для защиты этой территории по фронту длиной 10 тыс. км требовалось тридцать легионов (150 тыс. человек); почти такая же численность вспомогательных подразделений, как правило, набравшихся из «подданных»; военный флот, насчитывавший не менее 45 тыс. чел. и от 10 до 15 тыс. чел. для службы в гарнизоне Рима. Вместе это составляло около 350 тыс. чел. и в условиях сложного демографического и финансового положения того времени являлось почти невыносимым бременем. Действительно, это невозможно понять, если забыть, что за исключением редких случаев солдатами были добровольцы, набираемые на долгие годы (двадцать или двадцать пять лет). Для поддержания численности такой армии ежегодно требовалось примерно 15 тыс. новобранцев, которыми могли быть только граждане Рима. Однако в 14 г. н.э. их число составляло лишь около 5 млн. (из 50 – 60 миллионов жителей), а в 47 г. н.э. – 6 миллионов. Кроме того, как бы мало ни платили обычным солдатам, всем им вместе приходилось выплачивать большие суммы денег, особенно младшим и старшим офицерам. И ко всему этому добавлялась стоимость вооружения и обслуживания, составлявшая, возможно, около двух третей «бюджета» империи. Необходимость вознаграждать армию путем распределения земель в значительной степени была причиной ужасных гражданских войн в последние дни Республики. Август заменил пожалование земли распределением денежной премии. Но для этого ему пришлось ввести специальный налог на наследство, который выплачивали граждане. Что касается остального, то им-

перия, т.е. провинции, должны были покрывать расходы государства, которые были в основном военными.

Начиная с времен императора Августа армия располагалась вдоль границ. Фактически система претерпела много изменений. Почти за сто лет Рим предпочел окружить себя буферной зоной в виде зависимых или защищаемых государств с несколькими большими поселениями, расположенными прямо за большими реками. Затем границы постепенно становились более протяженными, превращаясь в некоторых редких случаях в сплошную линию укреплений (как в Шотландии, некоторых частях Нумидии и Африки) и предназначаясь скорее для обеспечения транспортного сообщения, чем для его предотвращения. Граница, называвшаяся *лимес*, была обычно сложной, глубоко эшелонированной «военной зоной», пронизанной системой дорог, параллельных линии фронта или отходивших в сторону от нее, и усеянной лагерями и различными фортами, служившими запасными и сигнальными позициями. Обычно армии организовывали здесь постоянные структуры, многие из которых становились настоящими городами, созданными в густонаселенных местностях; эти города пользовались преимущественным доступом к местным ресурсам, обеспечивая снабжение войск и участвуя во внешней торговле. Вне всякого сомнения, в Британии, Германии, на Дунае и в Иллирии, в Дакии, Сирии и Нумидии эта по существу военная форма организации оказала глубокое влияние на форму землепользования и виды поселений, которым предстояло формировать будущую Европу. В III в. н.э. в течение более пятидесяти лет эта система, видимо, стала давать сбои, и начались рейды варваров и парфян в глубину империи, хотя фактически это были не более чем набеги. Вся эта система не только была сохранена, но в результате реформ Диоклетиана была укреплена в конце III в., оставаясь неизменной еще в течение века.

Преобразование гегемонии в империю, очевидно, совпало с превращением города-республики в монархию. На этот счет не чувствуется никаких сомнений у римских историков II и III вв. Аппиана или Кассия Дионисия, но, правда, они по происхождению и культуре были греками, привычными к эллинистическим монархиям. Все было, однако, не так просто, и Рим остается сложной и до конца не разрешимой частью истории. Первоначально это был город, т.е. независимое сообщество, которое состояло из граждан, обладавших равными правами частной собственности. Но это был город, основанный на собственности, в котором правителями, контролирующими общественные дела, становились на основании неравных, но относительно беспристрастных критериев, – в зависимости от богатства и в меньшей степени от происхождения. Вообще говоря, повинности (военная служба, налоги) налагались самыми богатыми и наиболее «достойными» членами сообщества, и только из них состояли такие учреждения, как магистраты, или осуществлялся выбор на руководящие должности (которые формально оставались выборными), и именно они на основании изоцирковой системы голосования имели право решающего голоса на народных собраниях. Прежние магистраты дали жизнь совету, названному Сенатом, который был совещательным органом в государстве и оставил живую память. Однако в принципе власть находилась в руках народа, который отвечал за избрание, оценку деятельности и применение санкций по отношению к своим руководителям, а также за утверждение законов сообщества. Практически же управление осуществлялось почти наследственной «аристократией», которая, однако, оставалась довольно открытой. Путь к политической власти лежал через военную службу. Кроме того, должность, полученная человеком, определяла его юридический статус и положение его семьи. Рим был обществом приказов.

Эта «гражданская» система стала неустойчивой и распалась во II и I вв. до н.э. Прежде всего, огромные расстояния вызывали необходимость иметь регулярную армию, набранную, по возможности, из добровольцев. Военская повинность была отменена в I в. Победы вновь стали подпитывать и войны и государство: римские граждане были освобождены от налоговых сборов с 167 г. до н.э. и могли извлекать выгоду из доходов государства. Кроме того, Рим предпринял оригинальный шаг, отказавшись от ограничения числа своих граждан и согласившись на натурализацию покоренных народов. В 89 г. до н.э., ставшем важной вехой, все население, жившее на территории Италии, получило римское гражданство. Оно составляло 3 или 4 млн. чел. Это немедленно сделало иллюзорной практику прямой демократии и, конечно, невозможной для них. Тем временем ставки в завоевательных войнах возросли. Достигавшие побед полководцы боролись между собой за власть, которую они больше не желали ежегодно подтверждать. Резня и избивание граждан вызывали у них необходимость в появлении высшего судьи, который мог бы гарантировать успех за границей и мир дома. Но видимость республиканского строя существовала еще долго.

С конца 80-х гг. до н.э. Рим и Италию потрясли разные по причинам возникновения и по жестокости гражданские войны. Восстание многих тысяч рабов под предводительством Спартака в 73–70 гг. до н.э. в течение нескольких лет даже угрожало римскому правлению в Италии. Долгим годам кризисов, гражданских войн и восстаний в 31 г. до н.э. положила конец победа войска римского консула Октавиана над Антонием при Акуме в Греции. Октавиан успешно включился в изменение политической системы римского правления от республики до особого типа монархии – принципата (принцепс – титул императора. – *Прим. ред.*). С 27 г. до н.э. он носил почетный титул Цезарь Август, что означало, что он следовал традициям знаменитого римского консула и полководца, завоевателя Галлии Гая Юлия Цезаря, которому он приходился усыновленным внучатым племянником. Титул «Август» означал «божественный».

Политическая система, созданная Августом между 27 г. до н.э. и 14 г. н.э., действовала наряду с «традиционной» республикой, но при этом соперничество находилось под контролем, а высшая власть была доверена главнокомандующим армиями, которым вскоре предстояло взять под контроль государственную казну и получить религиозную власть. Власть приобретала «наследственный» характер, но, в принципе, ввиду необходимости получения ее от Сената и народа вручалась законными способами. Короткие и жестокие гражданские войны в 68–69 гг. и затем в 190–192 гг. н.э. привели к смене династий. Однако несмотря на вмешательство армий, которые приводили к власти своих предводителей, принципы, которые теоретически лежали в основе законности «принципата», не менялись: римский император не был ни наследственным правителем, ни царем с божественными правами. Он издавал законы и указы исключительно «от имени народа». Это объясняет медленный рост большого «государственного аппарата» в виде армии, налоговой системы и управлений 42 провинциями, позже реорганизованными Диоклетианом в 104 провинции с тысячами чиновников, централизованными учреждениями, картами, счетами, архивами и общими законами, за которыми вскоре последовали кодексы законов. Таким образом, эта империя сформировала подлинное государство, которое часто считалось моделью для современной Европы. Хотя общество фактически осталось аристократическим и неравноправным, в этом «универсальном» государстве, с его огромной концентрацией богатств наверху и под совместным влиянием расширяющейся натурализации жителей провинций и прогресса законов, в положении частных лиц также намечалась некоторая унификация. В 213 г. н.э. *Конституция Антонина* предоставила римское гражданство всем свободным жителям империи, а в период правления Диоклетиана был опубликован первый свод законов, *Грегорианский кодекс* (ныне утраченный). Государство и верховенство Закона были вкладом Рима в человеческую цивилизацию, уцелевшим под натиском варваров. Однако ценой этого был бюрократический деспотизм, которому в средние века предстояло сохраниться только в католической церкви.

ВОЙНЫ, РЕФОРМЫ, РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Ян Буриан

Со времени своего основания Римское государство подвергалось давлению извне, и войны против иноземных врагов стали постоянной и привычной частью повседневной римской жизни. Защита родины считалась почетной обязанностью каждого римского гражданина независимо от его общественного положения и политического влияния. Государственная система ранней Республики, когда Римское государство освободилось от зависимости от этрусков, постоянно соединяла в себе гражданские принципы с принципами организации армии, в которую каждый гражданин включался с учетом размера его собственности и в соответствии с его политическими правами. Отношение к армии нашло отражение в основах старой римской морали. Мужественность (*виртус*), храбрость (*fortitudo*) и готовность умереть за свою веру, а также во имя свободы и независимости страны считались самыми высокими гражданскими качествами, выражавшими повиновение и преданность (*pietas*) римского гражданина своему государству.

Во времена более ранней Республики войны были фактором, способствовавшим объединению сил римлян против их общего врага, но в последнем веке существования Республики возникла опасность упадка Римского государства, которому угрожали и которое дестабилизировали общественная и политическая борьба, реформы и революционные движения, отличавшиеся жестокостью при достижении своих целей. Однако дестабилизацию вызывали прежде всего гражданские войны, в которых за власть боролись влиятельные персоны и другие римские граждане вовлекались в борьбу.

В те времена произошли события, которые стали для римлян напоминанием и предупреждением о возможных последствиях неконтролируемого роста количества рабов. Ими были два больших восстания рабов на Сицилии (136–132 и 104–101 гг. до н.э.) и знаменитое восстание под предводительством фракийского раба Спартака в Италии между 73 и 71 гг. Одновременно с этим обострилась аграрная проблема из-за потери своих наделов свободными гражданами. Братья Гракхи своими реформами попытались решить эти проблемы, но потерпели неудачу, и эта проблема осталась одной из главных причин общественных волнений.

В I в. до н.э. длительные гражданские войны стали опасным дестабилизирующим фактором; они возникали практически на всей территории империи, при этом наемная армия являлась главной силой всех противоборствующих сторон и действовала в политических интересах того, кто предлагал наивысшую цену. Формирование наемной армии в Риме было связано со срочной необходимостью увеличить численность и возможности для действий римских войск в связи с нарастающими проблемами внутренней и внешней политики империи. В связи с этим во II в. до н.э. неизбежным стало формирование армии на профессиональной основе и вербовка за обычную солдатскую плату всех граждан, желавших служить в армии и имевших

необходимые физические данные. Римская армия, таким образом, стала сильно зависеть от ее предводителей, особенно если они могли гарантировать своим войскам в дополнение к их обычной оплате и другим материальным выгодам и создать приемлемые условия гражданской жизни для уволенных ветеранов. Это означало предоставление ветеранам земли как основы их экономической независимости.

В сложной ситуации I в. до н.э. становилось все более очевидным, что тесные рамки государственной политической системы Римской городской республики не позволяли быстро решать проблемы, непрерывно возникавшие, с одной стороны, из-за роста Римской империи и, с другой стороны, из-за внутренних политических осложнений вместе с еще не решенной аграрной проблемой и растущими долгами, которых не могли избегать даже некоторые члены правящей знати.

Консервативно мыслящие римляне не могли принять мысль о том, что сложившаяся республиканская система была обречена, и в своих теоретических изысканиях пытались найти возможность ее укрепления. Характерно, что именно во время борьбы за личную власть, которая, по существу, отрицала установленные республиканские принципы, возникали утопические идеи о восстановлении Республики, о возможности морального возрождения и о возвращении к идеализированному золотому веку, т.е. к временам перед попытками реформ братьев Гракхов, когда основы Рима еще не были поколеблены и ослаблены острыми социальными и политическими конфликтами и когда нормы индивидуальных и коллективных гражданских отношений определялись не желанием иметь власть и деньги, а строгими требованиями старой римской морали.

Марк Туллий Цицерон, знаменитый оратор и философ (106–43 гг. до н.э.), обратил свое внимание на сложившееся положение дел в государстве и на перспективы республиканского правления с другой точки зрения. Он видел силу Республики в многогранности ее неписаной конституции. Как до этого писал греческий историк Полибий (200–120 г. до н.э.), римская республиканская система обязана своей силой гибкому сочетанию положительных монархических, аристократических и демократических элементов. Идеи Цицерона основывались на этом же убеждении, хотя в действительности он мог видеть совершенно иные условия. Продолжавшаяся борьба за личную власть все более явно разрушала внутреннюю гармонию установившейся системы Республики при ее закате, системы, которая в реальных политических условиях становилась лишь историческим понятием. Цицерон был в достаточной мере идеалистом и рассматривал возможность дальнейшего существования Республики при условии, что римляне проявят волю, чтобы преодолеть свои далеко зашедшие раздоры во имя Республики, достижения полного политического согласия (*консенсус амициум бонорум*) и восстановления единства между сенаторами и всадниками

(*конкордия ординум*). Согласно Цицерону, восстановление Римской республики было не только политическим, но и моральным делом, выполнение которого зависит от эффективности действий влиятельного республиканского деятеля (*ректор, модератор rei publica*), способного гарантировать деятельность республиканских институтов, не вмешиваясь в их работу.

Несмотря на эти соображения, события фактически вели к ликвидации Республики. В 40-х и 30-х гг. до н.э. стало очевидно, что дальнейшее существование империи и поддержание мира на ее обширной территории может быть обеспечено только сильной личностью, которая сможет создать новую систему, соответствующую требованиям этой мировой империи, добьется верности армии как наиболее важной силовой опоры, а также симпатии широких слоев граждан Италии и провинций, удовлетворив их стремление к спокойной жизни. Организаторами такого нового режима стали Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н.э.) и Октавиан Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.), сумевшие предстать перед многочисленными и отличавшимися по своему положению римскими гражданами в двух ролях: во-первых, они были теми, кто довел до завершения римскую идею о непобедимости военной силы Рима по отношению к миру варваров; во-вторых, они были миротворцами, которые рассеяли угрозу длительных и кровавых гражданских войн, которые истощали человеческий потенциал Италии и из-за которых вся империя несла невероятные материальные потери.

Не случайно, что празднования мира с подчеркнуто напыщенной мирной направленностью стали ведущей частью внутренней политической пропаганды Августа, первого римского императора (31 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Даже восторги, связанные с установлением мира, были не способны скрывать реалии его правления, из которых главной была поддержка императора армией, а мир в империи зависел от успешности военной защиты римских границ. Убеждение в превосходстве мощи империи по сравнению с остальным миром и в праве Рима властвовать над всем миром было частью общераспространенного взгляда римских граждан на мир, независимо от их общественного положения и политического ранга. Эти представления особенно укрепились во времена Августа, и их глашатаем был великий римский поэт Вергилий (Публий Вергилий Марон, 70–19 гг. до н.э.). По его мнению, однако, римское правление миром было приобретено благодаря этической основе, поскольку его целью было предоставление человечеству именно такой системы, при которой римляне были обязаны защищать своих подданных и подавлять мятежников.

Прославление императора и его воинских доблестей стало постоянным при всех упоминаниях его имени, а обычным гражданам разными способами ежедневно напоминали опобедоносных кампаниях: арками в честь побед, строившимися главным образом в Риме, но также и в крупных городах империи, в прославляющих надписях в основаниях статуй императоров и на монетах, которые они чеканили.

Хотя в эпоху императоров Римское государство явно стало самой большой военной силой своего времени, даже во время своего наибольшего расцвета, в первой половине второго века н.э., ему приходилось помнить о необходимости защиты своей территории от неримских народов, особенно от парфян на востоке и германских племен на Рейне и Дунае. Римские чиновники были также вынуждены принимать меры в ответ на проявления недовольства граждан провинций методами работы римской администрации и на другие местные беспорядки, нарушавшие мир на римской территории.

Несмотря на внешне непоколебимое положение Рима в структуре сил античного мира, можно наблюдать изменение соотношения сил между Римской империей и миром варваров. В пограничных областях военная инициатива переходила в руки варваров и со второй половины II в. н.э. римляне были вынуждены сосредоточиться в основном на оборонительных, а не на наступательных действиях. Постоянным и примечательным показателем этих изменений, проявившемся в виде так называемых Маркоманских войн (166–180 гг.) (войн германских и сарматских племен с Римом. – *Прим.ред.*), стало приближение германских племен к территории империи. В III в. во время правления Галлиена (253–268 гг.) военные действия угрожали самой Италии. Германские племена проникли вплоть до Балкан и Греции. Во времена Аврелиана они угрожали Северной Италии. Даже сам Рим был охвачен страхом, и вокруг всего города были построены мощные укрепления. Давление племен варваров стало причиной деления имперской власти между несколькими правителями. Во время Маркоманских войн Марку Аврелию (161–180 гг.) пришлось управлять вместе с Луцием Вером (161–169 гг.), а в следующем веке Валериан (253–260 гг.) и его сын Галлиен совместно управляли империей, показав Диоклетиану возможный путь обеспечения административной стабильности и военной эффективности.

Все эти события вынудили римлян для укрепления своей обороны увеличить численность конницы, являвшейся наиболее подвижной частью армии, а также улучшать профессионализм людей, находившихся на руководящих постах, и даже в еще большей степени – поддерживать мобильность войск для обеспечения соответствующих действий не только на границе, но и внутри империи.

Уже начиная с упоминавшихся Маркоманских войн стало очевидно, что отношения империи с соседними германскими племенами уже нельзя было урегулировать только военными средствами. Поэтому римляне искали новые средства их умиротворения и нашли их в виде устройства поселений для германских племен на римской территории и формирования германских подразделений в составе римской армии. Эти меры были началом практики, применявшейся затем властями в поздний римский период, но это не привело к желаемым результатам.

В III в. Септимий Север (193–211 гг.), несмотря на все предшествовавшие его правлению трудности, сумел добиться усиления международного влияния империи и избежал серьезных внутренних беспорядков. Положение изменилось после его смерти, когда централизованная власть императора постепенно ослабла и когда в отдельных регионах империи влияние армии усилилось до такой степени, что войска провозглашали своих полководцев императорами, не обращая внимания на положение в других частях империи или в Риме. Поэтому период с 235 по 268 гг. был определен как время военной анархии, характеризовавшейся ослаблением международного престижа империи и серьезными политическими и экономическими осложнениями.

Новое укрепление власти императора в военной и гражданской сферах и обеспечение относительного порядка в империи произошло только благодаря иллирийским императорам, которые между 268 и 284 гг. восстановили и усилили внутреннюю устойчивость империи и помогли Риму достигнуть его прежнего международного авторитета. Это было получено благодаря значительному укреплению имперской системы правления и милитаризации гражданской жизни. Эти тенденции проявились в мерах, принятых императорами Диоклетианом и Константином, которые стали основателями позднеримской абсолютной монархии.

11.2.3

НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА

Фридрих Винкельманн

Илл. 50

С середины I в. н.э. стала очевидной важность христианства как новой религии. После того как в 64 г. н.э. большой пожар разрушил Рим, император Нерон обвинил христиан в поджоге и велел начать преследование последователей христианства, что в результате привлекло публичное внимание к христианству и христианам. В течение более двух веков после этих первых гонений путь христианства был связан с многочисленными христианскими мучениками. Сторонников христианства либо бросали диким животным на аренах, либо распинали, сжигали или пытали до смерти самыми разными способами.

Христианство приобрело важное значение в Римской империи главным образом по двум причинам. Во-первых, из-за существовавшей социальной напряженности, от которой страдали большинство социальных групп от рабов и *калонов* (мелких земельных арендаторов. – *Прим. ред.*) до солдат и городских чиновников. Во-вторых, космополитическая Римская империя пренебрегала и игнорировала этническую принадлежность людей. Поэтому все больше людей были вынуждены искать новые формы этнической идентичности. Некоторые выбирали христианство, религиозные и философские основы которого обсуждаются в гл. 4.

Только в 70 г. н.э. Марк написал самое раннее из сохранившихся Евангелий. К этому времени с момента смерти Иисуса прошло около сорока лет. Евангелия от Матфея и Луки появились между 80 и 100 г. н.э. Наконец, Евангелие от Иоанна было написано около 100 г. н.э. Оно давало теологическую интерпретацию уже известных материалов, касающихся рассказов об Иисусе в эллинистическом духе. К 180 г. н.э. или около того составление канонических текстов Нового завета было в основном завершено.

Одной из наиболее важных фигур раннего христианства в середине I в. н.э. был Павел, человек эллинистической культуры, родившийся в городе Тарсе Кимийском, римской провинции в Анатолии. Именно Павел объединил иудейскую религию спасения с эллинистическим космополитизмом и философскими идеями со знанием подлинной жизни общества. Согласно имеющимся записям, он превратился из Савла в Павла после того, как во время своего путешествия в Сирию ему явился Христос и призвал его к апостольскому служению.

Спасение в существующем мире казалось ему невозможным. Поэтому он объединил послания Иисуса с философскими идеями платонизма и с идеями о жизни в вечном мире вне мирских государств, правил и законов. В этом идеальном потустороннем царстве все люди должны быть равны перед Богом. В конечном счете вечное Божье царство должно наступить на земле с возвращением Мессии.

Интерпретация Павлом первоначального иудейского христианства соответствовала чувствам народов Римской империи. Он выражал свои идеи в так называемых посланиях римлянам, жителям Коринфа, Эфеса и другим.

В Нагорной проповеди, как это записано у Матфея (гл. 5, стихи 3, 5, 10), Иисус произнес:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное... Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... Блаженны преследуемые за правду, ибо их есть Царство Небесное...».

Равенству людей предстояло осуществиться на небесах, но мирская жизнь и поступки каждого в этом мире будут оцениваться самим Богом. Эта перспектива, принятая последователями и сторонниками христианства, укрепляла их решения и служила основой их поведения на земле. Это действительно была альтернатива духу разделенного на слои общества Римской империи, и можно понять участников некоторых религиозных движений, таких как донатисты в римской Северной Африке в IV–V вв., которые пытались воплотить эту доктрину уже на земле.

С другой стороны, уже в посланиях Павла утверждалось, что не следует революционизировать римское общество. В послании римлянам (гл. 13, стихи 1–2) он писал:

«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены... Посему противящийся власти противится Божию установлению: и те кто противятся сами навлекут на себя осуждение...».

И в первом послании коринфянам (гл. 7, стихи 17, 21–23) Павел учил своих последователей, а также правителей:

«Только каждый поступай так, как Бог ему определил. Так я повелеваю по всем церквам... Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков».

Преподаваемое таким образом христианство быстро распространялось, несмотря на этнические и даже социальные различия в Римской империи. Оно не ограничивалось только императором или одним правящим классом, или только еврейским народом, как видно из послания Павла, а было открытой религией для физически и социально страдающих масс, а также для облегчения психологических страданий представителей образованных слоев римского общества. Таким образом, христианство вступало в противоречие с официальным римским культом императора, который стал устаревшим видом религии, являвшейся следствием введения системы принципата и присоединения к владениям Рима Западной Азии и Египта.

С самого начала христианские общины укоренились в основном в городах, а не в сельских местностях, и хрис-

тианское послание было в основном направлено представителям средних классов городского общества. Примечательно, что поздний латинский термин, который использовался для определения нехристиан – *паганус* (*paganus*), т.е. житель из сельской местности.

Греческая философия послужила фоном для появления учения христианства о Троице, согласно которому Бог един по своей сущности, но существует в трех лицах (ипостасях): Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух. Для народов, мало знакомых с философией, было трудно вообразить такую абстрактную Троицу. Так было при обращении в христианство племен варваров. Поэтому христианство с самого начала было разделено учением Афанасия Алек-

сандрийского, разработавшего мистическое учение о «единосущности» Бога-отца и Бога-сына, и учением священника Ария. Арианство, принимавшееся большинством германских племен, воспринимало Троицу как иерархию, сопоставимую с хорошо известной иерархией отца и сына, существовавшей в социальных отношениях этих племен.

Готы, одно из главных племен за пределами Римской империи, приняли арианство в IV в. Римляне предпочитали учение Афанасия. Король франков из рода меровингов Хлодвиг около 500 г. н.э. сделал решительный выбор, возможно вторично, в пользу этого толкования и открыл путь для объединения в вопросах религии с римлянами.

*Пьер Грималь**Илл. 51–53*

Культурное развитие человечества началось не в Риме и не в Греции, но две цивилизации, развившиеся здесь, были вершинами человеческой истории. Римский и романизированный мир стал, в частности, свидетелем появления и распространения новых знаний, которые развивались повсюду и которые находили в этом мире сферы применения, несравненно более широкие, чем древние культурные области. В римском мире происходили и плодотворные столкновения, а новые политические обстоятельства дали начало до тех пор неизвестным техническим и духовным потребностям, которые являлись факторами прогресса.

Римская цивилизация была основана преимущественно на сельскохозяйственном производстве. Пока население Италии оставалось малочисленным, местное сельское хозяйство могло удовлетворить его потребности, но с III в. до н.э., когда в условиях длительного периода мира численность населения стала увеличиваться, возникла необходимость ввозить продовольствие с более плодородных территорий (первоначально с Сицилии, а впоследствии из Африки и Египта), что в свою очередь вело к развитию и совершенствованию морских перевозок. В то же время народ Италии создал сеть городов, которые были не только центрами хозяйственной и политической власти, но и местами всех видов интеллектуальной деятельности и досуга. В результате этого римская цивилизация глубоко изменила жизнь людей и характер человеческих отношений. Это привело к появлению не только новых технологий, но и нового образа мышления, которым во многих случаях предстояло сохраниться на века, а некоторым – даже до настоящего времени.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В дополнение к традиционно применявшимся орудиям труда (плугу, серпу, мотыге и т.д.) появились новые, в частности борона и колесный плуг. Согласно Плинию Старшему, колесный плуг впервые появился где-то в Альпах, на территории современной Швейцарии, хотя у этого плуга, видимо, не было предшественника. Боронование, которое долгое время выполнялось вручную, стало производиться с использованием доски с торчавшими из нее гвоздями, которую вместе с плугом волочило тягловое животное, и со временем это привело к изобретению самой бороны.

Плиний и Палладий описывают другое орудие – *валлус*, вид которого известен лишь из скульптурных рельефов. Это приспособление было механической жаткой (жницей) и состояло из ряда лезвий, закрепленных на поперечине, которая устанавливалась на двух колесах. Оно срезало колосья, оставляя нетронутыми стебли. Солому оставляли на земле и затем сжигали, тем самым удобряя почву. *Валлус*, описанный Плинием как «галльский», исполь-

зовался в больших поместьях, хотя, вероятно, применялся не очень широко.

Однако важнее инструментов были чувство и моральная значимость того, что римляне привязались к практике сельского хозяйства, как писал об этом Катон Цензор. Он считал, что сельское хозяйство формирует добродетели достойного гражданина и хорошего солдата и приносит прибыль, которую можно получать без ущерба для других. Складывается впечатление, что у римлян переход от скотоводства к сельскохозяйственному производству произошел примерно в то же время, которое традиционно считается временем основания города Рима, т.е. в 753 г. до н.э. Говорят, что первыми его жителями были не имевшие домашних корней скотоводы из пастушеских групп. Основатель Рима Ромул наделил их землей, чтобы они могли себя прокормить, и в результате они стали селиться вокруг города. Эта политика развития оседлого образа жизни для обработки земли, в противоположность животноводству, продолжалась и в процессе того как Италия постепенно попадала под власть Рима. Уже во II в. до н.э. претор Сицилии выражал свое удовлетворение тем, что земледельцы сменили скотоводство. Кроме того, в течение длительного времени владение землей было ограничено по закону, чтобы предотвратить возврат к скотоводству. Однако обязанность владеть землей в Италии, возложенная на сенаторов, делала эти законы неэффективными, и известно, что к концу республиканского периода и во времена империи возникли большие землевладения – *латифундии*, на которых работали рабы. Наследственные ценности были к тому времени явно забыты. Однако продолжали существовать хозяйства среднего размера и связанные с ними деревенские традиции, которые формировали основу римского духа. Моральное превосходство «крестьян» (под которыми мы подразумеваем тех, кто был постоянно связан с землей и природным окружением) всегда оставалось бесспорным. Урок Гесиода (славящего крестьянский труд. – *Прим. ред.*), почти забытый классической цивилизацией Греции, был учтен Римом и принят на века как норма.

Эта привязанность к земле у части римлян имела практические последствия, из которых наиболее важным была акклиматизация на территориях, занятых римскими поселенцами, таких растений, как виноград, распространившийся в Галлии, Испании и даже до границ Германии, во всех регионах, где этому способствовал климат. Виноградарство весьма способствовало прикреплению людей к земле. Кроме того, римляне, интересовавшиеся всем растущим на земле, привозили в Италию разные экзотические растения. Наиболее известный пример связан с римским полководцем Лукуллом, который привез вишневое дерево, обнаруженное им в садах Азии. То же случилось и с цитрусовыми растениями, которые стали акклиматизировать во времена Августа.

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Помимо поддержки развития сельского хозяйства, имевшего собственные глубоко укоренившиеся традиции, римляне стали строителями, так как размещение «земледельцев» неизбежно вело к росту деревень и рынков (*фора*), которые имели большое значение как места собраний и разного рода обменов. Римляне строили города во всех провинциях империи, но особенно в самой Италии. Развитие городов приобрело большое значение. Первоначально рабочей силой являлись солдаты, которые «умиротворили» страну, поэтому планы городов, типы зданий и применявшаяся техника строительства – все это, по крайней мере на западе, где до этого не было городов, по тенденции развития было одинаковым. С другой стороны, на востоке, в эллинистических государствах, где уже в течение длительного времени существовали города, некоторые из них, такие как Афины или Пергам, Эфес и Милет в Малой Азии, с приходом римлян переживали новый период экспансии, в то же время сохранив свои традиции. Однако на западе, в Галлии, Испании, Англии, и в Африке городское развитие только начиналось, оно следовало примеру итальянских городов, которые создали свой собственный тип города, следовавший образцам греческих колоний Южной Италии и Сицилии.

В римской архитектуре применялись некоторые принципы, известные и использовавшиеся в течение длительного времени, но были изобретены и некоторые новые технологии. Использование полукруглых арок и цилиндрических сводов стало повсеместным. Первоначально арки и своды выполняли из обработанных камней, но очень скоро римские архитекторы обратились к технологии с использованием гальки или бетона, при которой требовалось меньше времени для строительства и которая более подходила для неквалифицированной рабочей силы. Применение арок из обработанных камней довольно рано появилось в Этрурии (в III в. до н.э.?) при строительстве городских ворот и стало обычным для всех важных монументальных сооружений, фасады которых выполняли декоративную функцию. Таким был *Табулярий* на Капитолии, в котором, если смотреть от Форума, на линии горизонта была выполнена линия арок. Тот же принцип использовался при строительстве театров и амфитеатров, ярусы которых больше не опирались каскадами на склоны, а поддерживались колоннами, соединенными арками. Перед фасадом всего здания обычно строили портик – крытую галерею, – под которым можно было легко сделать входы или проходы. Подобные здания распространились по всем территориям римского мира и стали характерными особенностями римских городов.

Римские строители совершенствовали конструкцию, отказавшись от применения обработанных камней для несущих частей и перейдя к применению булыжников (или гальки), скрепленных между собой бетоном, между двумя фасадными стенами из обработанных камней. Бетон изготавливали из извести и вулканического песка, в который добавляли разные осколки – камни неправильной формы, куски кирпича и т.д. Использование этого «римского бетона» дало возможность возводить большие арки, а затем и купола (примером которых являются развалины Пантеона в Риме). Крыше такого типа предстояло получить широкое распространение в будущем и приобрести религиозное и космическое значение.

Среди зданий, всегда находимых в римских городах, были *термы*, происходившие от «купален», которые в Греции возводились как пристройки к палестрам (частным гимнастическим школам. – *Прим. ред.*) и гимназиям (государственным учебно-воспитательным заведениям. – *Прим. ред.*). В Риме эти сооружения (по крайней мере со времен Агриппы, около 35 г. до н.э.) приобрели собственное назначение – они служили местом встреч и отдыха.

Эти *термы* были большими зданиями, которые возводились почти во всех римских городах. Они были частью образа жизни и относились преимущественно к городским формам социальной организации, но редкие из них пережили конец империи.

Жизнь в городах была возможна благодаря водоснабжению, что требовало развития гидротехники. Римляне построили акведуки еще на самой ранней заре своей истории, когда имевшихся в Риме источников воды стало не хватать. В качестве модели они взяли акведуки, существовавшие в греческих городах, например в Сиракузах и в Южной Италии, где вода от удаленных источников поступала в города самотеком по каналам, проложенным по холмам так, что они имели непрерывный уклон. Таким был первоначальный проект, но топография Рима скоро потребовала прокладки поднятых каналов в местах пересечения водотока с равниной. Таким образом, уже во II в. до н.э. были построены арочные акведуки, которые до сих пор можно видеть в римской области Кампания. Они до сих пор образуют характерный элемент пейзажа не только в Италии, но и в районах у основных городов бывшей империи. Использование свинцовых трубопроводов, которые, вероятно, были римским изобретением, дало возможность создать сифонные сооружения, менее дорогостоящие, чем арки, для преодоления неровностей местности и подъема воды на холмы. Обильная подача воды, поступающей таким путем в города, распределялась через систему фонтанов, откуда все могли черпать воду.

РИМСКИЙ ГОРОД

В результате всех этих новшеств или усовершенствований появился типичный городской пейзаж, который до сих пор остается характерным и видимым в городах стран Средиземноморья. Римский город предназначен был быть основой жизни, местом встречи людей, а не просто сосредоточением отдельных зданий. Различные памятники, которые ставились в городах, помогали жителям устанавливать и поддерживать явно выраженный гражданский дух, который объединил это сообщество людей. Храмы были центрами традиционной религии, в частности культы Юпитера, гаранта власти и общественного порядка. С основанием империи поклонение традиционным божествам было расширено – в их состав были включены император и богиня Рома, символизировавшие единство империи.

Центром любого города была открытая площадь – форум с расположенными на его краях базиликой, где городские власти вершили суд (в рамках муниципальной автономии), и *курией*, где заседал местный сенат. Над форумом поднимался обычно очень высокий храм Юпитера (Капитолий), который обычно строился на возвышении. Главный вход в этот комплекс часто был отмечен триумфальной аркой, наследницей древнего *ягуса* («прохода») и *форниса* (сводчатого прохода), которые также устанавливали на дорогах, ведущих к форуму Древнего Рима.

На окраинах городов в местах, выбранных в зависимости от топографии местности, часто находились театр и особенно часто амфитеатр. Здесь проводились публичные зрелища, которые включались в программы всех игр: театральные постановки (комедии, трагедии и прежде всего пантомимы), а в амфитеатрах – бои гладиаторов или схватки с дикими животными. Результатом было распространение важных черт римской культуры, принятых моральных ценностей греческой и римской жизни и богатства образов легенд и мифов. В этих условиях под влиянием развивавшихся моделей постепенно менялись взгляды части людей. Это было верно для западных провинций империи, но культурное влияние Рима ощущалось несколько иначе и более тонко в восточных странах.

НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В прославленном отрывке из «Жизни Агриколы» (гл. 21) Тацит показывает, как Агрикола, бывший правителем Британии, старался следовать политике, способной помочь бриттам. Для этого он оказывал частную поддержку и официальное содействие возведению храмов, форумов и красивых зданий:

«...Подобным же образом отдается предпочтение нашей национальной одежде и тогу можно видеть повсюду. Далее население постепенно поддавалось искушению галереями, банями и роскошными банкетами. Не подозревавшие об этом бритты говорили об этих новинках как о «цивилизации», хотя фактически это было лишь одной из сторон их порабощения».

Однако мы должны предостеречь против подобной риторики и содержащихся в ней парадоксов. Фактически Тацит не считал, что условия жизни народов до их романизации были более предпочтительными, чем их состояние после завоевания. Он лишь заявляет здесь, что процесс, начавшийся с завоеванием, был необратим и что в условиях жизни людей, даже если произошли решающие изменения, новые потребности, появившиеся в результате, приводили к уменьшению свободы людей по сравнению с положением, имевшимся до этого.

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО И РИТОРИКА

Одним из последствий упомянутого выше процесса было почти немедленное появление среди народов западных провинций настоящей страсти к красноречию. Оно ранее уже превратилось в главный инструмент политической деятельности в V в. до н.э. в Афинах и стало наивысшей формой культуры, даже более важной для интеллектуальной жизни, чем учения философов. Это развитие, которое, как видно из трудов Исократы, уже явно происходило в IV в. до н.э., продолжалось и широко распространялось в римском мире. С первой трети I в. до н.э. обучение ораторскому искусству стало преобладать в системе образования молодых людей. Оно было оружием общественных деятелей как в Народном собрании, так и в Сенате, облегчало доступ к власти и, несомненно, внушало уважение к особенно выдающимся ораторам. Хотя с возникновением империи политическая роль ораторского искусства уменьшилась, уважение к нему не утратилось и оно продолжало играть важную роль в судебных делах, особенно при Цезаре. После окончания школы «грамматиков»

(которые учили начаткам знаний о языке и литературе), молодые люди поступали в риторскую школу, где изучали не только искусство убеждения, но и даже глубже – искусство рассуждать, владеть предметом дискуссии, выдвигать и развивать аргументы, играть на чувствах аудитории и опровергать идеи противника – короче говоря, достигать преимущества при любых обстоятельствах. Мы знаем, что молодые люди, принадлежавшие к элите общества в городах галлов, приезжали в Рим для прохождения классов ораторского искусства и, возвращаясь домой, привозили с собой это умение, что с энтузиазмом воспринималось их соотечественниками.

Это влияние Рима было не менее важным, чем уже упоминавшиеся технические новшества. Оно служило твердой основой римского образа жизни, который был следствием постепенно устанавливающейся городской среды. Вместе с искусством красноречия распространялось изучение законов, определяющих основы жизни общества, исключавших произвол власти и навсегда устанавливавших идеал свободы, при котором уважались фундаментальные права всех людей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАУКИ

В дополнение к этим политическим новшествам римский мир сделал вклад в теоретические основы естествознания, хотя при упоминании тех или иных имен иногда трудно определить, принадлежит ли данный ученый Риму или Греции, так как с конца периода Республики эти два мира были очень тесно взаимосвязаны. Были достигнуты успехи в астрономии, даже несмотря на то что она в основном рассматривалась как наука о предсказаниях. Продолжала развиваться медицина в направлениях, уже обозначенных греческими врачами, основы которой составляли эмпирические методы и колдовская практика, очень близкая сердцам древних римлян. Как мы уже наблюдали, развитие империи сопровождалось ростом знаний в областях ботаники и географии. Рим «овладевал» миром как силой оружия, так и силой мысли и духа.

Однако превосходным инструментом логического и связанного мышления был, прежде всего, латинский язык, который, заменяя почти все языки романизованных народов, давал каждому бесподобное средство общения. В этом отношении данная империя также внесла фундаментальные изменения в человеческую историю. Даже народы, говорившие на греческом языке, попали под влияние этого развития, что привело к появлению «софистики второй», сильно отличавшейся от софистики V в. до н.э. и уже предвещавшей появление христианской литературы.

11.3

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ В АФРИКЕ, ЕВРОПЕ И АЗИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Йоахим Херрманн

После Первой Пунической войны, когда Рим уже доминировал в Италии, завоеванные территории были включены в состав римского города-государства как провинции. Конечным результатом этого развития было полное деление растущей Римской империи на административ-

ные регионы, называвшиеся провинциями, т.е. регионами под контролем победителей и их администраторов. В 27 г. до н.э. император Август разделил эти регионы на провинции, подчиненные Сенату, и провинции, подчиненные императору (см. 11.2.1).

11.3.1

АФРИКА И ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

Хосе Мария Бласкес

Илл. 54, 55

После десятилетий трудностей африканские и азиатские провинции наконец достигли процветания под властью Римской империи. Большинство из них уже в эллинистический период, до вхождения в Римскую империю, имели значительные достижения в науке и культуре. Но во время правления Рима их достижения в этих областях были дополнены нововведениями, связанными с новой политической ситуацией.

Жизнь в этих провинциях изменилась в результате сочетания ранее принятых старых технологий и нового образа жизни, а также разных систем ценностей.

Римская цивилизация в Африке и Азии в значительной степени основывалась на сельском хозяйстве. Согласно Плинию, создание больших латифундий было типичным для Африки и некоторых других провинций. Старые ценности, тесно связанные с землей, исчезли с возникновением этих латифундий, которые оказывали сильное влияние на организацию породившего их общества. Латифундии были частными владениями в империи и способствовали возникновению нового типа городской организации. Рабочие этих сельских поместий жили в близлежащих деревнях, в которых землевладельцы организовывали ярмарки. Начиная с времен императора Августа в Африке был основан ряд новых колоний и самоуправлявшихся поселений (муниципий). В них проживали представители городской буржуазии, связанной с сельским хозяйством, что было типично и для самого Рима; к тому же системы их ценностей были одинаковыми. Коренное и сельское население жило сельским хозяйством. Оно сохранило свои обычаи и традиции, религию и язык даже в таких обширных областях, управлявшихся проконсулами, как Африка, Карфаген, Египет и Сирия. Мозаики с территорий проконсульской Африки изображают сельскохозяйственные сцены с очень хорошо налаженной технологией производства, которые ясно отражают важность, придававшуюся сельскому хозяйству, а также животноводству, и изображают типы и формы крестьянского труда. В отличие от других частей Римской империи, на эти территории не ввозили экзотические растения. В Анатолии и греческих городах быстро развивались небольшие и средние имения, в которых работали сами владельцы земли, колонисты и рабы. Большие территории вокруг прибрежных городов обрабатывались коренным населением. Согласно Дио Прусу (*Dio Prusaeus*), антагонизм между городом и деревней был типичной чертой римской цивилизации в Анатолии. Большими поместьями владели император, члены его семьи и сенаторы. Армения, Коммагения и Каппадокия были независимыми царствами. Несколько областей в Анатолии, такие как Киликия, Исаурия, Армения и Каппадокия, были населены полукочевыми скотоводами, лишь в незначительной степени затронутыми римской цивилизацией. Это были территории с сельским образом жизни, и цивилизация Анатолии всегда была в основном сельской, как и Сирии, где храмы владели обширными землями.

Римская цивилизация была в сущности городской, и африканские и азиатские города в этом отношении извлекали выгоду из имперской политики. Города были украшены монументальными общественными зданиями, храмами, галереями, библиотеками, театрами, амфитеатрами, цирками, общественными банями и т.д. Были основаны большие деревни и *форумы* (рынки). Здания в своем большинстве были удобными, некоторые из них – просторными украшенными мозаикой и росписями, как, например, в Волюбилии (Тингитанская Мавретания); Карфагене в проконсульской Африке; Милете и Пергаме в Анатолии; Лептис-Магне и Сабрате в Триполитании; Бостре, Пальмире, Дура Европос и Апамее в Сирии и, наконец, в Иерихоне (современная Ариха в Иордании). На дорогах в городах Сирии были выстроены ряды колонн и портиков. В городах Африки и Азии также возводились колонны и портики, как и сопутствующие постройки, и целые ряды общественных зданий, которые были характерны для римской цивилизации. Архитектура некоторых из них на самом деле были заимствованы у греков, например театры, амфитеатры и цирки, а также арки и общественные бани. Строительство бань велось в интересах личной гигиены, но они также являлись местом встречи. Они были характерной особенностью римской цивилизации и составляли часть общественной жизни. В римском городе было множество общественных бань, что можно видеть в Бостре, Пальмире, Апамее и Филиппополисе в Сирии и в Карфагене в Африке. Характерной для римской цивилизации была также базилика, служившая символом общества того времени и являвшаяся для горожан местом встречи и судопроизводства. Великолепным примером этого является базилика форума рядом с храмом в Лептис-Магне.

Люди не могут жить без воды. В Римской империи для снабжения городов водой строились акведуки; все еще можно видеть акведук, по которому подавалась вода в Карфаген. В Сирии для подачи воды из рек применяли также *норию* (черпаковый подъемник – *Прим. ред.*), как это видно на мозаике из Апамси.

Результаты этой урбанизации и украшения городов в Африке и Азии можно видеть на примерах памятников, которые и сейчас почти столь же впечатляющи, как и во времена Рима, а также дорог и зданий, которые отражают тип городской цивилизации, которая была типично римской и выдающимся образом ориентирована на граждан; в то же время она была космополитической и социально ориентированной, способствующей развитию человеческих отношений и жизни в целом. Религиозным центром городов был храм Юпитера. Капитолий был расположен в самом сердце города, а храмы, посвященные другим местным, греческим или римским богам, были разбросаны по всему городу. Некоторыми очень интересными примерами являются Капитолий в Суфетуле, храмы Эскулапа (Асклепия) и Сала в Ламбесе в Африке, Зевса и Артемиды в Иерихоне, Юпитера Дамасского в Дамаске и Юпитера Гелиопольского

в Баальбеке (Ливан). Следует также упомянуть храмы нескольким местным божествам в ряде городов: святилища Эллата, Баала (Ваала) и храм Баалшамина в Пальмире. Многие из них были расположены впечатляющими группами, и качество их архитектуры, скульптур и барельефов делают их выдающимися памятниками. Примеры можно видеть в Баальбеке, Пальмире, и в Ликсе, в Тингитанской Мавретании.

Форум или *агора*, располагавшийся в центре города, был большой открытой площадью поблизости от базилики и *курии* – местного сената, как в Пальмире и Афродисии в Анатолии. На форуме обычно на возвышении стоял храм Юпитера, или Капитолий, с лестницей ко входу.

Города были окружены стенами, а вход осуществлялся через несколько ворот. У входов и на главных улицах строили сводчатые галереи, сохранившиеся в Дамаске и Бостре.

Арки были довольно обычными для Африки. Некоторые из них все еще стоят на своих первоначальных местах, например в Тебесе, Куикуле, Волюбилии и Триполи. На пересечении главных улиц находились сводчатые проходы, открытые с четырех сторон, как, например, в Пальмире и Бостре. Улицы были широкими и имелись тротуары для пешеходов, выложенные каменными плитами. Римская система канализации была настоящим техническим шедевром.

Римская культура с ее мифами, легендами и публичными представлениями для масс народа проявлялась также в театрах, амфитеатрах и цирках.

В нескольких важных городах в приграничных районах, например в Пальмире, культурное наследие греков и римлян процветало и развивалось под влиянием местных и персидских традиций, что было особенно заметно в искусстве и религии.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ

Во времена Римской империи в системе ценностей римской цивилизации образованию придавалось большое значение. Следствием этого был высокий уровень интеллектуальной деятельности в городах, где большинство молодых людей получали образование. Римские провинции Азии унаследовали эллинистическую систему образования, которая легко сохранилась и во времена Римской

империи. В школе изучали грамматику, историю и литературу. По окончании школы учеников отправляли к учителям риторики, которые преподавали искусство убеждения и логику. Они были весьма сведущими в методах преподавания, применявшихся в таких школах, как Христианская школа в Александрии, где учились Климент и Ориген и где в IV в. одним из преподавателей был Либаний. В александрийской смешанной школе преподавали диалектику, физику, математику, геометрию, астрономию, философию, греческий язык и богословие. Ораторское искусство было всегда необходимо для изучения и применения законов и имело для римлян первостепенное значение. Некоторые города, например Эфес и Александрия, имели очень большие библиотеки. В Александрии был также музей, сохранившийся во времена поздней империи. Одной из основ греческой и римской цивилизации было физическое воспитание и спорт в *палестрах* и *гимназиях*.

Чрезвычайно трудно определить реальный вклад в образование и науку провинций Африки и Азии, находившихся под властью Римской империи. Там все еще во многих сферах появлялось научное наследие эллинистического периода. Во времена императора Августа географ Страбон написал трактат «География», в котором он анализировал большую совокупность этнографических, экономических и религиозных данных и который составил важный вклад в знакомство с народами, о существовании которых знали римляне. Большой прогресс был достигнут в географии и астрономии благодаря работам Птолемея, родившегося во II в. в Александрии в Египте. Традиционная римская медицина пошла по следам своей греческой предшественницы. Некоторые выдающиеся авторы внесли вклад в развитие этой науки. Соран, который работал врачом в Эфесе в период успешного правления императоров Траяна и Адриана во II в. н.э., изучал проблемы акушерства, гинекологии и педиатрии. Наиболее выдающиеся достижения в медицине были сделаны Галеном, родившимся в 129 г. н.э. в Пергаме, где в то время была очень сильная медицинская школа. В начальный период Римской империи был достигнут большой прогресс в изготовлении и применении лекарств в результате исследований, проведенных Диоскоридом, родившимся в I в. в Киликии; его основным сочинением был труд «О лекарственных средствах».

11.3.2

ЗАПАДНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Хосе Мария Бласкес

Илл. 52, 56, 57

По сравнению с африканскими и азиатскими провинциями, в провинциях Западной и Центральной Европы римская цивилизация переплелась с культурами коренных народов, греческое влияние на которых было незначительным или даже вообще отсутствовало. Несмотря на влияние римской культуры, различные стороны местных цивилизаций сохранились и во время римского правления. Возникла римская цивилизация с некоторыми местными особенностями в религии, языке и управлении. Благодаря этим особенностям римская цивилизация оказывала сильное влияние на местные сообщества и вызывала некоторые важные изменения. Римский мир оказался очень благотворным для народов, испытавших такое влияние.

Римская цивилизация была основана на земледельческом хозяйствовании. Но в Испании, Британии, Галлии, Норике и Паннонии были шахты, управлявшиеся римлянами, которые за долгий период привели к некоторым культурным изменениям в повседневной жизни местного населения. Его хозяйство было основано на земледелии и животноводстве. Испания, Беатика, южная Лузитания, Иберийский Левант и долина реки Эбро вели процветающее сельскохозяйственное производство. При Юлии Цезаре и Цезаре Августе в испанских провинциях было много римских колонистов, вносивших вклад в установление и распространение римской цивилизации на этих территориях и, следовательно, способствовали исчезновению местной культуры. В Галлии земля принадлежала горстке местных аристократов, итальянским иммигрантам, ремесленникам и торговцам. Сельские местечки были разбросаны по всей стране, другими словами, большая часть населения жила в сельской местности. Это влияло на распространение римской цивилизации, которая, в свою очередь, значительно изменяла сельскую жизнь: была принята римская система поселений и поместий, до того времени неизвестная в Галлии, которая характеризовалась «закрытой» экономикой, хорошо описанной римскими агрономами. Поселения и поместья были автономны, и владелец мог продавать любые излишки продукции. Эти условия отличались от галльской системы, которая была основана на небольших поселениях. С принятием римской системы галльское коренное сообщество исчезло и появились новые общественные классы в результате развития торговли и промышленности.

Британия, Северная Галлия и Германия состояли исключительно из поместий, принадлежавших мелким фермерам. В Британии выжили кельтские латифундии и животноводство. Большие хозяйства принадлежали торговцам. Жители более плодородных областей были скотоводами, а колонисты владели латифундиями. В Германии было много жетонов поместий. Рим поддерживал земледелие, животноводство и виноградарство на берегах Рейна и Мозеля. Поместья не принадлежали местной знати. Местное население стало колонистами, а скотоводы стали владельцами латифундий.

Положение в Ретии было сходно с положением в Верхней Германии. В провинции Мирик городской средний класс владел лесами и стадами крупного рогатого скота. В Британии, Паннонии и Северной Испании обширные земли принадлежали военным и, как пишет Страбон в своих заметках о народах Северной Испании, являлись средством доступа к римской цивилизации, так как местное население обрабатывало землю, принадлежавшую армии. Рим покровительствовал сельскому хозяйству и с этой целью поддерживал поселения колонистов и ветеранов, которые внушали местным жителям уважение к ценностям римской цивилизации, тесно связанным с обработкой земли. Во времена римского правления многочисленные племена Западной и Центральной Европы наряду со скотоводством стали заниматься и сельским хозяйством, которое усиливало хозяйственное состояние и способствовало оседлости кочевников. Они работали на фермах римских землевладельцев. Во времена поздней Римской империи в Испании стали появляться латифундии; они уже имелись в Галлии, а в Германии они принадлежали императору, который лично следил за их обработкой.

Эти большие поместья способствовали утрате ценностей, связанных с земледелием. Римская цивилизация ввела выращивание оливковых деревьев и винограда в областях с подходящим для них климатом, особенно на берегах некоторых рек в Германии. Начиная с правления императора Августа в Южной Испании стало очень развитым производство масла, и в период подъема империи северо-восточный угол Испании начал вывозить в Галлию большие количества масла и вина. В Южной Галлии также стало повсеместным возделывание винограда и оливковых деревьев. Римляне ввели в пользование свой тип плуга, который заменил галльский. Совершенствовались разведение деревьев и кустарников, и было выведено много разных пород рогатого скота. Во времена Плиния Старшего в Южной Испании к миндалю и яблоням были привиты сливы. В середине II в. овец из этой области скрестили с овцами из Тингитанской Мавритании, что дало прекрасный результат. Военные нуждались в большом количестве качественной шерсти из Бектики (римская провинция на юге Испании. – *Прим. ред.*), полученной в результате выведения новой породы овец.

Римская политика способствовала развитию городов и поселений коренного населения, рассеянного в лесах и сельской местности или жившего в городах, крепостях или сельскохозяйственных поселках. Эта политика способствовала распространению римской культуры, которая, согласно Страбону, для большинства местного населения была синонимом цивилизации. Создание местных городских центров позволяло использовать все преимущества римской городской жизни в регионах, которые ранее были в основном сельскохозяйственными. Факты, имеющиеся в отношении Северной Испании, довольно ясно показывают, что политическое влияние Рима проявлялось во всем

европейском мире. После правления императора Августа разрозненное население Северо-Восточной Испании стало объединяться, образуя поселения – *кастра* (по латыни – «лагерь», «стоянка». – *Прим. ред.*) или *кастелла* («форт»). Рынки иногда превращались в *форумы* (*фора*) или давали начало городским сообществам. Это стало происходить в период между временами Плиния Старшего и серединой II в., так как именно Птолемей, а не Плиний, упоминает *форумы*. Иногда полководцы или императоры на развалинах местных городов основывали типичные римские города, такие как Юлиобрига, Юлипас, Цезаробрига, Цезарьавгуста, Августобрига, Флавиобрига.

Римская политика насаждения городов, осуществлявшаяся Римом, становится поразительно очевидной, если сравнить сведения об Испании, приведенные Плинием, с данными Птолемея: Плиний Старший упоминает 179 городских центров и 114 сельских поселков, всего 293. К середине II в. Птолемей упоминает 248 городов и только 27 сельских самоуправляемых единиц – *муниципий*. В этот период, когда городов было мало, увеличение их числа происходило главным образом в верхней трети территории Испании, а в остальной части страны развитие городов было уже установленным явлением. В других регионах местные жители постепенно поглощались городами римских землевладельцев.

Римская цивилизация была по существу городской. Подъем римской культуры совпал с распространением городов на территориях, где до этого их не было. Страбон упоминает недостаточную цивилизованность подавляющего большинства деревень Испании. В провинциях Рим стал применять несколько методов возведения зданий. Чаще всего для строительства использовали камень и кирпич. Обычно возводили несколько общественных зданий; общественные и частные бани – термы, характерные для Греции, устраивались во всех городах и даже в *кастра* или *кастелла*, включая районы шахт, такие как Виспаска (Лузитания). Термы были чертой римской культуры и определяли образ жизни и систему ценностей.

Римские города расходовали много воды, которую подводили по акведукам (илл. 52). В Август-Эмерите, столице Лузитании, было две дамбы и три акведука. Длина подземных каналов достигала нескольких километров. В знаменитом Пон-дю-Гар в Галлии был водовод, проложенный по верхним аркам акведука. Даже в менее известных городах, таких как Сеговия в Испании и Жу-о-Арш вблизи Меца, были построены внушительные акведуки, которые даже сегодня находятся в очень хорошем состоянии. В Меце был также бассейн для сбора воды. Большие водохранилища были обычными в городах, например в Ниме в Галлии. В домах устанавливали сифоны для распределения воды, как, например, в Кастуло (Испания), где такой сифон хорошо сохранился. Система канализации была настолько хорошей, что в некоторых городах Испании, например в Август-Эмерите (Мериде) и Астурика-Августе (Асторге), до сих пор используются римские коллекторы. На улицах устанавливались общественные фонтаны. В Италике (Испания) фонтаны можно видеть в углах зданий.

Жизнь в римских городах была очень удобной благодаря их планировке. Региональные римские города строились по регулярному плану: они обычно имели форму прямоугольного четырехугольника, пересеченного двумя осевыми дорогами – *кардо* и *декуманус*, и были ориентированы по направлению восхода Солнца в день основания города. Примером такого города является Лион. Однако такая планировка иногда нарушалась. Многочисленные города в Испании и южной Галлии сохранили планировки, существовавшие до завоевания, которые определялись характером местностей. Иногда планы городов, например Нима или Лиона, получались наложением двух прямоугольных планов с различной ориентацией.

Планы городов Испании, Британии, Германии и остальной части Центральной Европы были точными копиями римского лагеря. Такой план был прост: прямоугольное открытое пространство, ограниченное лавками и крытой галереей, включающее базилику, курию и административные здания. В городах, имевших провинциальные или региональные святилища для поклонения императору, использовалась модель устройства огромного императорского форума в Риме. На форуме находился храм, посвященный богине Роме и императору Августу, как, например, в Нарбоне, Арле и Ниме.

Городские религиозные церемонии происходили в храмах, некоторые из них очень хорошо сохранились, например в Ниме или Вьене в Галлии. Капитолий, посвященный Юпитеру, Минерве или Юноне, располагался около форума и базилики. Последняя была большим зданием для публичных мероприятий, заседаний суда и муниципальных собраний. Во времена императора Адриана базилика была основной структурой дворца правителя. В Треве она была дворцом прокуратора (известным как *аула палатина*) (илл. 56). Около форума часто находились большие подземные галереи. Их назначение не очень понятно, но, вероятно, они предназначались для пешеходов или служили подвалами для хранения запасов вина, масла и зерна. Знамениты такие галереи в Конимбриге (Лузитания) и в Арле, Реймсе и Нарбоне. В более крупных городах были большие здания (театры, амфитеатры и арены) для общественных представлений и общественные бани (термы), служившие для горожан местами встреч. На юге Испании и в Леванте, где проявлялось влияние римской цивилизации, было более двадцати театров (илл. 57). С другой стороны, в тех областях, где это влияние было более слабым, как в Северной Испании, не было никаких общественных зданий, меньше *курий* или признаков поклонения императору, что указывает на ограниченное влияние римской культуры. В Галлии типичные римские театры (в городах Оранже и Арль) и амфитеатры (в Ниме, Арле и Лионе) были расположены в южных частях городов. В трех городах Галлии или в Ликсе здания не относились к одному определенному типу: это были театры, амфитеатры или полу-амфитеатры. В Британии обнаружено только шесть амфитеатров. Во всех городах были общественные или частные бани. То же относится к Центральной Европе (Паннонии). Бани (*термы*) были сооружены в Аквинке, амфитеатр – в Карнунтуме, ипподром и *термы* – в Сирмиуме. Города были укреплены и имели огромные входные ворота или триумфальную арку, вроде тех, которые были обнаружены в Оранже, Треве и Лондоне. Лондонская арка стала известна благодаря монетам поздней Римской империи. В Картуме существовала четырехсторонняя арка.

Очень интересным аспектом римской политики было то, что даже в самых отдаленных областях были учителя римской культуры и осуществлялось образование. Например, на картинах в Випаске, шахтерском округе в Лузитании, изображены школьные учителя. Согласно Плутарху, римский полководец, претор в Испании Серторий покровительствовал распространению римского образования, или, другими словами, римской культуры, среди иберийцев и таким образом внедрял образ жизни и мышления, а также систему ценностей, отличавшиеся от местных. В Оске он собрал вместе сыновей наиболее важных семей для обучения их разным наукам и профессиям, которые преподавали им греческие и римские учителя. Когда эти мальчики стали взрослыми, они вошли в состав правительства и магистратов. Серторий оплачивал и периодически проверял их работу. Тацит описал образовательную политику, проводившуюся правителем Британии Агриколой, который давал деньги местному населению для строительства храмов, форумов и домов. При этом население усваивало типичные римские обычаи. Образование, привнесенное Римом, и разнообразие отношения между корен-

ными жителями и римлянами вело к формированию новой цивилизации на основе важнейших культурных ценностей римлян. Описывая жителей Южной Испании, Страбон указывает на разные этапы усвоения ими латинской культуры: «Они постепенно переходили к тому же, что и римляне, образу жизни и забыли свой собственный язык». Большинство из них были латины и принимали римских колонистов; за редким исключением, все они стали римскими гражданами. Несколько городов изменили свою политическую систему и внешний облик.

После римского завоевания латинский язык, устный и письменный, стал официальным языком всех провинций. Однако на большинстве территорий родные языки продолжали применяться даже во II в.; это относится, например, к лузитанскому или баскскому языку в Испании. В Галлии находят кельтские надписи, выполненные латинским шрифтом. В Британии кельтских надписей не сохранилось. Свои языки сохранили Германия и Паннония. Солдаты римской армии, набранные из Паннонии, очень хорошо говорили на латинском языке. Во всех римских провинциях в Западной и Центральной Европе основным языком был латинский.

По крайней мере зажиточные классы всегда обладали определенным уровнем культуры, даже если ее появление

было не очень понятно. Мозаики в городах всех этих провинций отражают высокий культурный уровень их владельцев. Начиная со второго века в барельефах Паннонии были очень популярны мифологические сюжеты; этим подтверждается сильное влияние классической культуры в это время. Обычными в изображениях были темы греческой и римской мифологии. И это было довольно обычным явлением и в других провинциях.

Применение римского права в большой степени способствовало распространению римской культуры, независимо от того, было ли оно предназначено для городов римского типа или для римских граждан.

Римские провинции в Западной и Центральной Европе сделали очень малый вклад в развитие науки. Сам Рим покровительствовал греческой науке, а в некоторых завоеванных римских провинциях вообще не было ученых. Что касается техники, то система добычи полезных ископаемых, описанная Полибием, Диодором сицилийским, Страбонем и Плинием, возникла, как считалось, в Испании. Но в соответствии с современными воззрениями эта техника происходит из эллинистической Западной Азии, о чем свидетельствуют механизмы, обычно применявшиеся для откачивания воды из шахт. Такие же технологии применялись в Галлии, Британии, Норике и Паннонии.

Велизар Велков

Илл. 58

По сравнению с римскими провинциями в Западной и Центральной Европе римские провинции в Юго-Восточной Европе, на Балканском полуострове и в Анатолии были основаны в регионах, которые в течение II и I тысячелетия до н.э. сохраняли наиболее развитые черты древних европейских и восточных цивилизаций. Они были наследниками древней эллинистической культуры, культуры фракийцев, македонцев Филиппа II и Александра Великого, хеттов, лидийцев, фригийцев, вифинов и других народов. Эти регионы связаны тремя морями – Черным, Мраморным и Эгейским, являвшимся центром древней Эгейской культуры.

Для завоевания этих регионов Риму потребовалось почти два века. Римская республика вела длительные войны против государства Антигонидов, государства Селевкидов, Пергамского царства, Фракийского царства, против Митридата VI и других эллинистических правителей. Эти войны тянулись в течение II и I в. до н.э., и ко времени императора Августа большие части Балканского полуострова и Анатолии уже были преобразованы в римские провинции.

Балканский полуостров был разделен на провинции Верхняя и Нижняя Мезия, Фракия, Македония, Эпир и Ахайя. Римские территории в Анатолии состояли из провинций Азия, Вифиния и Понт, Каппадокия, Галатия, Пафлагония, Писидия и Киликия.

Включение этих регионов в систему наиболее экономически и политически развитой империи античности дало новый импульс их экономическому и культурному росту. Это была эпоха мира и спокойствия, в течение которой эти провинции достигли пика своего развития, включая развитие городской культуры. Во время римского господства там в соответствии с требованиями времени были построены сотни городов. Новые провинции были включены в систему дорог, построенных для обслуживания потребностей всей Римской империи настолько хорошо, что на протяжении нескольких веков обеспечивали постоянное и быстрое сообщение между ее главными городами. Некоторые из этих областей, до римского завоевания отстававшие в своем развитии, такие как территории в нижнем течении Дуная и некоторые восточные области Анатолии, затем прониклись греко-римской культурой, а их развитые города стали центрами городской жизни, почти неизвестной на этих территориях веками до н.э.

Однако в некоторых областях Анатолии римское господство было лишь кратковременным. Это относится к восточным областям Анатолии, пограничным областям на востоке, где Рим не имел ни времени, ни возможности для изменения существовавшей системы социальных отношений и землевладения. Эти страны имели лишь стратегическое значение для Рима. Но даже в этих условиях римский мир был для них экономически благоприятным.

Первой римской провинцией в Юго-Восточной Европе стала Македония в 146 г. до н.э. В то время она выполня-

ла две функции: она охраняла пути между Италией и Анатолией вдоль знаменитой дороги Виа Эгнатия, которая проходила через Македонию и служила основой для дальнейшего продвижения к остальному балканскому региону на севере и востоке. В то же время Рим защищал южные области Балкан (Элладу) от набегов фракийцев, иллирийцев, бастарнийцев и других племен. Македония перестала играть эту роль после того, как Мезия и Фракия стали провинциями Рима. Она стала внутренней провинцией, подчинявшейся Сенату и не имевшей особой важности для политической и экономической жизни империи. Рим основывал военные колонии и множество самоуправлявшихся поселений (*муниципий*). Появилось множество городов, большинство из которых возводилось на местах старых македонских племенных центров. Эти города стали источниками обильных эпиграфических данных. Официальным языком провинции был древнегреческий, и города были организованы по греческому образцу, в то время как римские колонии и *муниципии* следовали римским примерам. Главным городом, в котором располагалась резиденция правителя провинции, являлись Фессалоники (ныне Салоники). Среди других городов можно назвать Диррахий (ныне Дуррес), Касандрию, Филиппии, Стоби, Амфиполис и многочисленные городские центры по рекам Вардар и Струма (теперь Стримон). В этой провинции не было гарнизона. Ассамблея провинции, созданная при императоре Августе, включавшая представителей ее городов, была важным административным и политическим органом, особенно в области культурной и религиозной жизни этой территории. Эта Ассамблея размещалась в городе Бероя (ныне Стара-Загора).

В 27 г. до н.э. император Август отделил Ахайю от Македонии и сделал ее независимой провинцией. Помимо территории Элады, она включала также Фессалию и Эпир. При императоре Антонине Фессалия была включена в состав Македонии и Эпир стал самостоятельной провинцией. Резиденция правителя Ахайи была в Коринфе, который вырос из колонии, созданной Цезарем после восстановления древнего греческого города, ранее разрушенного Римом. Древние Афины занимали особое положение в этом регионе. Рим пытался уважать славное прошлое и традиции этого города. Были сохранены древние городские учреждения. Император Марк Аврелий посетил город и основал местный университет. Во времена Рима Афины были центром обучения и привлекали молодежь со всей империи. Имя знаменитого политического деятеля и ритора Герода из Аттики, одного из богатейших афинян, связано с возведением замечательных зданий в городе, некоторые из них сохранились и поныне. Торговая деятельность не была оживленной, но город посещали многочисленные туристы. Продолжали существовать древние религиозные праздники, которые придавали важность не только Афинам, но и Олимпии и Дельфам. Император Адриан создал союз на панэллинистической основе с центром в Афинах. В общей судьбе Римской империи Ахайе предстояло сыграть важ-

ную культурную роль хранителя традиций и остаться крупным центром наук и философии.

Эпир, ставший провинцией при династии Антонинов, развивался по пути урбанизации жизни, особенно в городах Аквиы, Никополе и Бутринте, в рамках империи.

Территории в нижнем течении Дуная и восточные области Балканского полуострова вошли в состав Римской империи в конце I в. до н.э. и в начале I в. н.э. В нижнем течении Дуная около 15 г. н.э. была основана провинция Мезия (Мёзия). В 86 г. н.э. эта провинция была разделена на Верхнюю Мезию и Нижнюю Мезию. Эти две провинции, являвшиеся пограничными территориями, были усеяны лагерями, где стояли легионы и вспомогательные войска, которые формировали часть системы нижнедунайского *лимеса*. Гарнизонными городами были Нова (ныне Свиштов), Дуросторум (ныне Силистра), Ратиария (ныне Арчар) и Эскус. В течение некоторых периодов, во II в. и первой половине III в. н.э. приграничная провинция Дакия (ныне Румыния), созданная императором Траяном, выполняла задачу защищать империю от набегов различных племен с севера. После окончания III в. Дунай снова стал северной границей Римской империи в Европе. Верхняя Мезия и Нижняя Мезия были сильно романизированы, их официальным языком стал латинский. Только ко II и III в. возникло много городов, многие из которых первоначально являлись поселениями, выросшими вблизи от римских лагерей. Такими городами были Ратиария и Эскус, имевшие статус колонии, Нова, Сексагинта Приста (ныне Русе), Дуросторум, Трансмариска, Тресмис, Монтана (ныне Михайловград), Абритус (ныне Разград) и Марсианополь (ныне Девня), главный город Нижней Мезии. Главными городами Верхней Мезии были Сингидунум (ныне Белград) и Виминаций. В Нижней Мезии, по побережью Черного моря, существовали древние греческие колонии Истрос, Томи (ныне Констанца), Каллатия (ныне Мангалия) и Одессос (ныне Варна); все они были центрами развитой духовной культуры. В середине III в. Верхняя и Нижняя Мезия были передовой оборонительной территорией, противостоявшей набегам варваров с севера, с которых началось Великое переселение народов.

Фракийское царство, созданное в V в. до н.э. в восточной части Балканского полуострова, было присоединено к Римской империи в 45 г. н.э. Фракия была провинцией, подчинявшейся Сенату, с военным лагерем в Кабиле, где в течение II и III в. располагалась римская когорта. Урбанизация началась главным образом со второго века, когда старые фракийские племенные поселения превратились в города с регулярной правильной планировкой: Сердика (ныне София), Пауталия (ныне Кюстендил), Филлиппополь (теперь Пловдив), Бероя, переименованный в Август-Траян при императоре Траяне (ныне Стара-Загора), Ускудама, переименованная в Адрианополис при императоре Адриане. Во время правления императора Траяна были заложены новые города: Никополь на реке Истре, Никопол на Несте, Плотинополис, Траянополис и Марсианополис. Римом были основаны только две военные колонии – Деультур и Апир.

Фракия была богата рудами, которые интенсивно разрабатывались, и была также одной из богатейших житниц империи. Ее положение между Анатолией и Центральной Европой объясняет быстрый рост транзитной торговли в провинции. Во II в. началось широкомасштабное переселение населения Анатолии во Фракию, которое дало дополнительный импульс развитию ремесел и ускорило урбанизацию поселений. В начале IV в. н.э., после того как столица была перенесена из Рима в Византию, переименованную в Константинополь (ныне Стамбул), Фракия стала европейской опорой новой столицы и одной из главных частей сформировавшейся затем Византии.

Особую роль в завоевании Анатолии Римом во II и I в. до н.э. играл римский полководец Помпей (Гней Помпей,

70–60 гг. до н.э.), проводивший твердую политику в отношении провинций. Его деятельность усилилась при императоре Августе и закончилась во времена династии Флавиев (вторая половина I в. н.э.).

Анатолия являлась регионом с сильными вековыми восточными и эллинистическими традициями, в котором Рим не преуспевал в своей политике романизации, как, например, в Галлии, на Иберийском полуострове или в Северной Африке. Вся эпитафическая документация, включая официальную, представлена только на греческом языке. Рим пристрастно относился к выходцам из Греции, Анатолии. Они даже соблюдали культ императора. В общекультурном отношении можно видеть борьбу между эллинизированным слоем населения, представленным Элием Аристидом, который восхвалял замечательные дела Рима в своем «Панегирике» (144 г. н.э.), и местными слоями населения. Это был также период возрождения греческой литературы в Анатолии и так называемой Второй (новой) софистики, представленной Элием Аристидом и Полемоном из Смирны. Здесь, в Анатолии работали историки и риторы Дио Хризостом, Дио Сассий и другие.

Провинция Азия занимала особое место среди римских провинций Анатолии. Она окончательно сформировалась при императоре Августе и была построена на сложной этнической основе, в которой сохранялись местные политические и общественные организации и местные экономические структуры. Она включала регионы Трою, Мисию, Лидию, Карию и Фригию. Политика в этой провинции должна была учитывать сложные отношения между местным населением, римской администрацией и преобладавшим слоем выходцев из Греции. Большие города оставались центрами эллинистической культуры – Адрамиттий, Пергам, Смирна (ныне Измир), Сарды, Эфес, Апамея, Лаодикея на Ликосе, Кизик, Тралл, Филадельфия и Тиатира. Многие из них чеканили свои собственные монеты. В Азии сформировался союз (*койнон*) эллинов. Существовали и другие союзы, объединявшие отдельные города. Были также объединения римских граждан. Азия была одним из самых богатых и экономически наиболее развитых регионов с высокопродуктивным сельским хозяйством, в больших количествах производившим оливки и виноград. Традиционным развитым видом деятельности была торговля. Некоторые из упомянутых городов – Эфес, Пергам и Милет даже в I и до III в. были хорошо известными, имевшими международное значение портами. Пергам был большим культурным центром, знаменитым своей библиотекой. Знаменитыми были монументальные храмы, такие как храм Артемиды в Эфесе, Асклепия в Пергаме и Нимфейон в Милете.

Провинция Вифиния и Понт была основана в северной части побережья Анатолии во времена Помпея. Существовало два отдельных местных союза городов: с центром в Никомедии, служившей резиденцией *битиннарха* (*bitynarbas*), и в Амастрии, резиденции *понтарха* (*pontarchas*). Эта провинция известна из переписки знаменитого римского писателя Плиния Младшего, бывшего легатом императора в этой провинции в 111–113 гг. н.э., с его другом, императором Траяном. Многие города имели свой монетный двор. Кроме уже упомянутых городов, процветающими городскими центрами были Халкедон (располагавшийся напротив Византии), Никея, Пруса, Синоп, Гераклея Понтика, Амастрий и Абунотейхос.

Провинции Ликия и Памфилия были основаны в 74 г. н.э. во времена правления императора Веспасиана на территории, имевшей разнообразный рельеф и неоднородное население, с хорошо развитым животноводством и виноградарством. Известны также города Сида, Перга и Сагаласс.

В 25 г. до н.э. император Август присоединил большое государство Галатию, к которому он добавил и Пафлагонию. С I по III в. на территории этой провинции существовал анклав говорящего на кельтском языке населения. Эта про-

винция была стратегически важной для защиты от набегов восточных племен и как регион, через который проходили важные дороги. Главным городом был Анкира (ныне Анкара). Он был известен знаменитым храмом Августа *Монументум Анкиранум*, на стенах которого была сохранена широко известная надпись, содержащая воспоминания императора. Этот памятник и надпись сохранились до наших дней. Среди других городов заслуживают внимания Помпейополис, Лаодикея и Иконий.

В 18 г. н.э. император Тиберий занял Каппадокию, чтобы защитить ее от давления парфян. Было сохранено древнее деление территории на *стратегии* (*strategias*). Главным городом была Цезаря. Каппадокия, Нижняя Армения и Коммагения образовали группу пограничных провинций, далеко отстоявших от культурных центров и служивших прочным барьером против нападений народов с востока.

Провинция Киликия была создана Помпеем после его победы над пиратами в 66 г. до н.э. Она включала почти

всю южную часть Анатолии вплоть до Сирии, восточная часть которой позднее также была к ней присоединена. Главным городом был Тарс. Эта область была важным связующим звеном между Эгейским миром и Сирией.

За исключением Верхней и Нижней Мезии, римские провинции на Балканах и в Анатолии были грекоязычными. В них греческий язык никогда не был вытеснен латинским, даже в делах управления. За исключением римских колоний и немногочисленных *муниципий*, городское управление было организовано подобно системе управления греческого полиса. Среди разных форм земельной собственности и свободных сельских сообществ особенно важное место принадлежало свободной деревне.

Именно эти регионы стали экономическим, политическим и культурным фундаментом, на котором было построено Византийское государство, ставшее наследником традиций Римской империи и греко-римской античной культуры.

СЕВЕРНЫЕ ПЛЕМЕНА, ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ И ИХ ОТНОШЕНИЯ С РИМСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

ОТ РЕДАКТОРА

Йоахим Херрманн

Эллинистический мир, как и Римская республика и Римская империя, оказывали очень глубокое влияние на культурное, этническое и социальное развитие соседних регионов. Фракийцы, даки, иллирийцы, как и кельтские племена, жили на периферии мира Средиземноморья, где непосредственно проявлялось это влияние. В конечном счете, они были покорены римлянами, и со II в. до н.э. были включены в состав провинций империи. Другие племена из более северных областей, в частности кельтские и германские племена в Центральной и Северной Европе и на Британских островах, находились под сильным влиянием, но влияние Рима здесь было лишь частичным или кратковременным.

Считается, что еще Александр, готовясь к войне против Персидской империи, отправил экспедицию во главе с Пифеем (Пифеем) из Массилии (Марселя), чтобы изучить положение в Северной Европе. Начиная с эллинистической эпохи, для развития сообществ Средиземноморья особое значение приобрела ее северная периферия (см. 10.4).

В Юго-восточной Европе, на Балканском полуострове и к северу от Дуная наиболее важными племенными группами были фракийцы, иллирийцы, даки и сарматы, а позднее и славяне. В Центральной и Западной Европе жили кельтские и германские племена и племенные союзы, которые взаимодействовали с Римской империей.

11.4.1

ФРАКИЙЦЫ, КЕЛЬТЫ, ИЛЛИРИЙЦЫ И ДАКИ

Александр Фол

Илл. 59

Индоевропейские народы, известные как фракийцы, иллирийцы и даки, населяли юго-восточные части Европы. С IV в. до н.э. земли иллирийцев простирались в восточном направлении от Адриатического моря до реки Морава и в северном – от Эпира до среднего течения Дуная. Нижнее течение Дуная делило территорию Фракии на земли, населенные гетами (даками с I в. до н.э) на севере, и области, населенные фракийцами, на юге.

В IV в. до н.э. «археологический ландшафт» начал изменяться во всех регионах. Жизнь в иллирийских городах, протекавшая по примеру фракийских городов и селений, была всегда связана с обширными местами захоронений, в которых происходили и погребение в землю, и кремация, что свидетельствует о наличии социальных различий в европейском сообществе. Греческие колонии, бывшие центрами культурного обмена, способствовали заимствованию принципов эллинистического градостроительства и переходу от «животного» стиля кочевых народов к «антропоморфному» стилю. Уже с IV в. до н.э. этот «перекресток» влияний кельтов и иранцев находился во Фракии, которая поэтому справедливо рассматривалась как промежуточная территория между востоком и западом. На других территориях происходили культурные контакты и обмены сведениями между скифами, кельтами и фракийцами; между кельтами, этрусками и жите-

лями Средиземноморья; между Южной Италией, Иллирией, Эпиром и Северо-Западной Элладой; между Фракией, Элладой и кельтами Центральной и Западной Европы. Это было время интенсивного взаимодействия, которое сблизило эти народы, не имевшие письменности, как никогда ранее.

Нет никаких монументальных письменных источников, сопоставимых с кельтскогерманской, лепонтинской и галльской эпиграфикой в Иллирии и Фракии. Однако высокоразвитая культура социальной элиты была устной и передавалась устно. В отсутствие литературы историческая память сохранила свою полную силу и в некоторых особых случаях служила источником литературного вдохновения.

Не имеется надежных данных о касте жрецов в Иллирии. Наши знания о кельтских друидах дают нам некоторое представление о том, какими могли быть эти жрецы. До VI в. н.э. друиды играли важную роль в кельтской культуре и продолжали действовать в средние века в Британии, Уэльсе и Ирландии. В своих центрах друиды ведали жертвоприношениями, наблюдали за небом и звездами для предсказания будущего и преподавали аристократической молодежи мораль, мифологию, искусство составления календаря, эпическую поэзию и учение о спасении души. Подобные же функции выполняли жрецы фракийского Диониса. Святые места во Фракии, в отличие от друидских центров, были мегалитическими конструкциями в горах, спланированными в форме круга, которая наиболее подходила для связанных с Солнцем религиозных обрядов. Позднее под влиянием греков и римлян кельтские, дакские, фракийские и иллирийские святые места стали прямоугольными (рис. 8 и 9).

Солнечно-земная (хтоническая) двойственность воплощалась в двух основных типах божеств. Кельтское божество Таранис, аналог бога грома Урана, согласно эпиграфическим данным римской эпохи, соответствовало иллирийскому Сениниту Сурду (Seniytos Surdos). Такая интерпретация представляется более правдоподобной, чем идентификация этого божества с некоей космической силой. Поэтому на более высоком уровне бог грома был главным космическим божеством, связанным во Фракии с Загреем-Сабасием, а у кельтов – с Чернунном. Их спутниками и символами были олени-самцы, быки, змеи (с головами баранов) и носители факелов. В иллирийских надписях аналог этих богов назывался по-латыни Сильван (Silvanus) и, вероятно, соответствовал древнему местному богу природы (т.е. космическому). Во Фракии земля чаще всего считалась Великой богиней-матерью и имела разные имена, в то время как в Иллирии ее унаследованная божественность обозначалась римским этнонимом Диана. У кельтов указанием на ее культ является поклонение свинье, служившей зооморфным символом Великой богини-матери. Солнечные первоосновы дуализма наиболее полно обнаруживаются во Фракии, где бог Солнца носил имя Гелиос, а также Орфей или Аполлон. У кельтов это божество на основании непроверенных данных неверно уподобля-

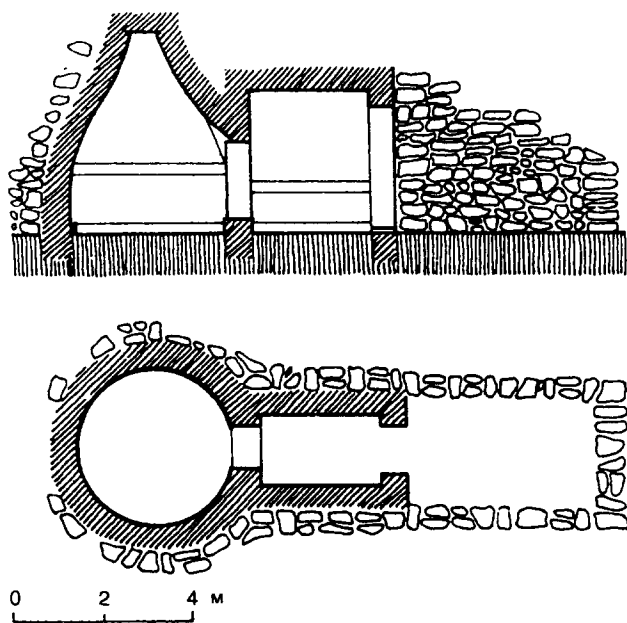

Рис. 8. Общий вид купальной могилы знатного фракийца из Казанлыка (Болгария), относящейся примерно к 300 г. до н.э. (по Орретманн, 1984)

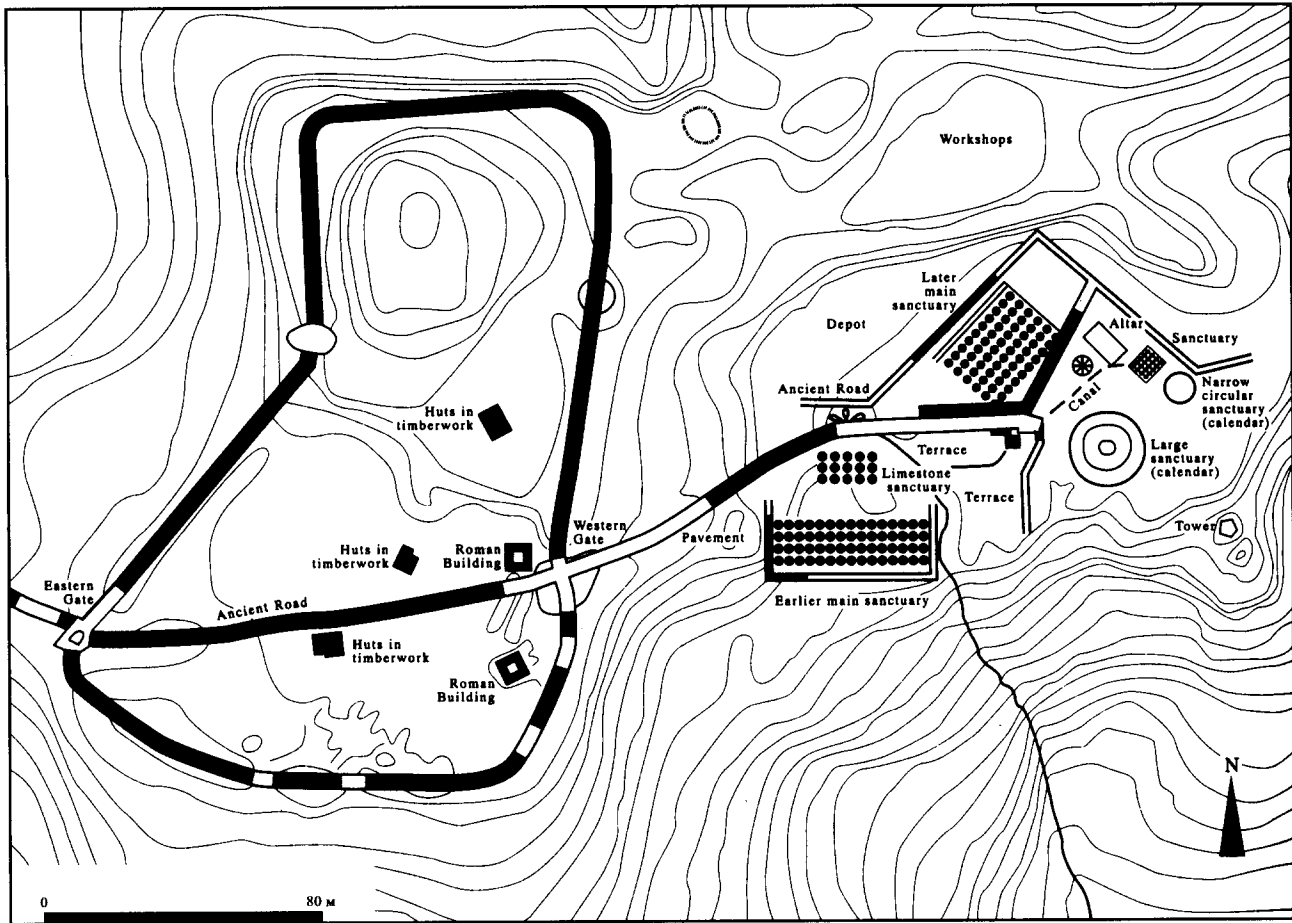

Рис. 9. Укрепление и святилища в Градиште (Румыния), центре даков во II в. до н.э. (по Oppermann, 1984)

лось племенному (?) божеству Теутату, или Эсусу, что значит «Добрый». У иллирийцев солнечное божество ассоциировалось с хтоническим богом, называвшимся Медауром (Medaurus) (возможно, от Асклепия?) или Биндом, богом воды (заката?).

Культурные обмены в эпоху Рима способствовали созданию более благоприятной ситуации, основанной на греко-римском синкретизме. Как часть процесса провинциальной унификации в сельских и городских областях, а также благодаря исключительно терпимому отношению властей к местным верованиям и обрядам, были общие лингвистические и иконографические проявления. Примером тому может служить Герос, фракийское божество всадников.

Геты играли уникальную и важную роль в распространении исторических тенденций сообществ, не имевших письменности, и как посредники между Юго-восточной Европой и восточными и центральными частями континента. Эти северные фракийцы населяли обширную территорию от области, лежащей между Тисой и Днестром, т.е. от равнин Трансильвании и Карпат до Восточного Хемуса и вдоль Нижнего Дуная до его устья, включая прилегающее побережье Черного моря.

Геродот первым использовал энтоним геты; в письмах Цезаря, Страбона и Плиния Старшего, писавших по-гречески и по-латыни, этот народ стал «даками», поскольку их считали тесно сплоченным народом, враждебным римлянам. Название одного из его древних племен – даои (возможно, значившего «волки») было использовано иноземцами для обозначения всех жителей еще не завоеванных стран к северу от Дуная; современные историки более осторожно предпочитают использовать название «гето-даки».

На востоке областей, населенных гето-даками, открывались степи. Поэтому уже с бронзового века там про-

исходили интенсивные взаимодействия с кочевыми племенами. Под восточным влиянием скифов там развился особый стиль «животного» искусства.

Этот стиль был характерен для общества, организация которого все еще была кочевой; они были известны в других странах в эру письменной истории благодаря их знаменитой коннице лучников (*токсотав*).

В 513 г. до н.э. после отступления царя Дария под давлением скифов не побежденные Дарием восточные геты заселили оставшуюся свободной территорию вблизи от нижнего течения Дуная. Здесь они укрепили дипломатическое и военное равновесие сил со своими соседями, особенно с одрисами и их царством в Юго-Восточной Фракии. Начало подъема этого народа зарегистрировано в греческих документах, в надписях в колониях Понта и в археологических находках, датируемых с последних десятилетий IV в. до н.э. Это был период, отмеченный упадком других фракийских династий, установлением контактов и связей с первыми кельтскими воинами, появившимися в западной и юго-западной частях территории гетов, и сопротивлением диадохам. Царь гетов Дромихайт был первым, кто удостоился чести быть упомянутым древними авторами, поскольку он в 313 г. до н.э. начал военные действия против Лисимаха, последователя Александра во Фракии. Однако лишь в I в. до н.э. гето-даки действительно вошли в европейскую историю.

В 60 г. до н.э. Бурбисту удалось объединить племена гето-даков, этнонимы которых пока еще точно не выяснены, в хорошо управляемое государство. Власть была полностью сосредоточена в руках царя; его главный идеолог, заломский жрец Дисений, естественно, занял агрессивную позицию в мире, раздираемом политическим кризисом, которым был отмечен конец эллинистической эры.

Бурбист одержал крупную победу над байями (группа кельтских племен, живших в последние века до н.э. на части территории Чехии. – *Прим. ред.*) на западе и продвинулся вплоть до Дуная в Паннонии. На востоке и юго-востоке он занял области Фракии вплоть до греческой колонии Аполлонии Понтийской (ныне Созопол). Накануне решающего сражения при Фарсале (6 июня 48 г. до н.э. между Цезарем и Помпеем за единоличную власть над Римом, ознаменовавшее конец Римской республики и начало империи. – *Прим. ред.*) Помпей попытался получить военную поддержку от Бурбиста, но победитель сражения Цезарь, осознававший опасность, исходившую от гето-даков, немедленно начал подготовку к войне против их царя. Смерть обоих этих потенциальных врагов дала Дацении, начиная с 44 г. до н.э., основания для развитых глубоких националистических чувств, основанных на исключительно аристократической культуре, гордой своей независимостью и уникальностью. Духовное наследие этого жреца и порядок, установленный Бурбистом, лежали в основе деятельности трех малоизвестных гето-дакских царей конца I в. до н.э. и первой половины I в. н.э., и особенно известного вождя Децебала.

Таким образом, Децебал, последний правитель народа, известного из самых ранних источников как даки, и герой эпического противостояния с Римом, начал жизнь как реформатор, все время стараясь оставлять дверь открытой для заимствования достижений римской цивилизации. В то же время, предьявляя древние права своего королевского дома на отошедшую к Риму провинцию Мезия между нижним Дунаем и Балканами, Децебал начал войну, которой предстояло длиться двадцать лет. В 85/86 гг. даки вторглись на эту территорию, отступили после поражения и затем короткое время в период правления императора Домициана, оставались зависимым государством. Децебал отверг требования Домициана, отказался платить ежегодную дань и вместо этого поспешил организовать оборону. Император Траян, следовавший планам Цезаря Августа включить Черное море и внутренние районы Причерноморья в состав римского мира, в ответ на эти действия Децебала в 101/102 гг. предпринял военный поход. Эта кампания была продолжена пять лет спустя, и на этот раз римская армия, которая пересекла Дунай с помощью великоленного моста, построенного Аполлодором из Дамаска у Железных Ворот, сломила сопротивление Децебала, который покончил с собой. Жестокость сильных и жертвенность слабых запечатлены на колонне Траяна в Риме, установленной в память этой краткой истории Дакии, которая в 107 г. стала провинцией и в 270–275 гг. была потеряна императором Аврелианом после нашествий разбойничавших орд языгов, бастанров, роксоланов, готов и карпиев, продолжавшихся в течение II и III в. Границы Рима были расширены до Дуная.

Взгляды на жизнь гето-даков, даков эпохи Римской империи и более или менее романизованного населения с IV по VII в. были пропитаны учением о так называемом фракийском орфизме и его следами в традиционной культуре. На севере Фракии в большей степени, чем в ее южной части, это учение явно формировалось на основе мифологии Залмокса и его культа. Начиная с Геродота и Платона письменные источники двенадцати веков, подтвержденные археологическими находками на раскопках в нескольких местах в современной Румынии и, в частности в Сармизегетусе, столице Децебала, располагавшейся в горах Орештие, на юге Карпат, достаточно убедительно доказывают, что залмоксианская религия была основана на вере в бессмертие. В отличие от других подобных верований, это выражалось в «обряде бессмертия», которые соответствуют тому, что мы называем современной очисткой души и тела. Его последователей можно было легко определить, если они уже были посвящены в божественное знание в результате членства

в аристократическом мужском сообществе, члены которого были известны как *тарабостесеи* (*tarabostesei*) и которые носили фракийско-фригийский колпак (*muos* по-гречески, что значит «фетровая шапка»). Эта погруженная в себя каста становилась все более аскетичной и заслуживающей прозвища *каннобатаи* (идущие в дым), которое отражало полное воздержание ее членов, которое при Дацении достигало крайнего фанатизма.

Геты (гето-даки), «наиболее храбрые и справедливые из фракийцев», как их характеризовал Геродот, соединили свои космогонические, мифологические и религиозные идеи в своем символическом видении главного бога Залмокса. Последний был скорее небесно-земным, чем солнечным божеством, о чем свидетельствует его другое имя «Губелейзис» («*Guebeleizis*»), которое этимологически связано с индоевропейским словом, обозначающим «небо». В отличие от южных фракийцев, они разделяли власть между военным и управляющим вождем-царем и высшим жрецом, который организовывал и руководил основным ритуалом – человеческим жертвоприношением. Из индоиранских понятий об иерархии жертв, которые даруют представителям низших уровней (человек/ лошадь/бык/баран) доступ к богу Вселенной, способствуют возрождению природы и общественного порядка, залмоксианская религия выбрала в качестве жертвы самый крайний случай. Бессмертие гарантировалось соблюдением ритуала космического цикла, посвященного Великой богине-матери, каждые четыре года направлявшей посланника своему сыну Залмоксу. Этого посланника подбрасывали в воздух и пронзали тремя копьями, и его смерть свидетельствовала об очищении, полученном верующими.

Хотя и не следует смешивать дакских жрецов с кельтскими друидами, между ними все же существуют некоторые аналогии. Так, *тарабостесеи*, особенно при Бурбисте и Децебале, выступали как законодатели и учителя в области морали, мифологии, эпической поэзии, обрядов и искусства, музыки и особенно составления календаря, основанного на наблюдениях солнцестояний, начавшихся еще в период мегалита, а также в сфере священной архитектуры, в которой на местные традиции горных святилищ наложились римские нововведения.

Другим важным явлением было новое значение, которое приобрели родовые названия самих галлов, фракийцев-бессои, даков и иллирийцев. Они стали играть роль в самовосприятии этих народов и в их восприятии другими народами в эпоху Римской империи. Эти события имели важные последствия. Следует подчеркнуть, что эта тенденция к объединению множества независимых элементов для формирования монистической идеологии в культуре и в монотеистической идеологии в религии была заметна еще в языческой Европе.

Нет сомнений в том, что процесс знакомства народов Европы был начат с объединения языческих политеистических идей. Имеет определенное историческое значение тот факт, что эта духовная эволюция происходила не только в римских провинциальных городах, построенных на западе в период Республики и на юго-востоке в течение имперского периода. Подобный процесс идеологического слияния происходил и в сельской местности, способствуя осознанию чужеземных ценностей, привносимых в основном римской армией. Монизм в культуре и монотеизм в религии в сочетании с романизацией и поздней вторичной эллинизацией некоторых стран (Фракии) нашли благоприятную почву в устной исторической памяти кельтов, иллирийцев, фракийцев и даков. Традиционно устойчивая в течение веков, эта память находила прототипы древних идей и в то же время предлагала новые варианты. Решающим новым событием в устной памяти индоевропейцев на континенте был переход от монотеистической парадигмы к христианству, начиная с III в.

11.4.2

КЕЛЬТЫ, ГЕРМАНСКИЕ ПЛЕМЕНА, СЛАВЯНЕ И САРМАТЫ

Йоахим Херрманн

Илл. 60

С IV в. и вплоть до наиболее широкого распространения в III в. до н.э. пояс кельтских племенных общин окружал северные области эллинистического и формирующегося римского мира, оказывая влияние на этот мир, а также на северные, северо-западные и восточные части Европы. Кельтские племена, проникая в периферийные области фракийцев и даков и на равнины Северной Италии, завоевали всю Францию, которую римляне называли Галлией, и Иберийский полуостров. Британские острова и Ирландия были заселены ими ранее, в I тысячелетии до н.э. В 279/278 гг. до н.э. кельты совершили набег на Дельфы, священный центр Греции. В это же время племена кельтского происхождения пересекли Босфор и заселили северо-западную часть Анатолии, известную как Галатия. Они прославились длительным противостоянием с эллинистическим царством Пергам, а в середине II в. были увековечены своим пластическим стилем искусства и рельефами на алтаре в Пергаме (карта 8). С начала III в. кельты господствовали на некоторых внутренних территориях греческих колоний к северу и западу от Черного моря. В Центральной и Северо-Восточной Европе кельтские племена проникли через Богемию и долины Эльбы и Вислы далеко на север горных районов Центральной Европы и Карпат. Пояс кельтских племенных сообществ и царств приобретал все большее значение благодаря культурному обмену между востоком и западом и между миром Средиземноморья и северной частью Европы.

В кельтском мире господствовала племенная аристократия, которая в некоторых регионах основывала племенные союзы или даже племенные царства (карта 8). Центры этих царств и племенных союзов располагались главным образом в укрепленных местах, называвшихся *оптидум* (*oppida*). Некоторые из них были очень древними, на их конструкцию оказал влияние средиземноморский тип крепости. В Центральной Европе и в районах кельтских поселений во Франции и Бельгии обнаружено более шестидесяти *оптидумов*, относящихся к периоду от IV до I в. Один из самых крупных *оптидумов*, занимавших площадь около 380 гектаров, был частично раскопан вблизи Манчинга, в верхнем течении Дуная. Эти *оптидумы* стали центрами производства и цивилизации. В Манчинге, например, расширялось производство железа и изделий из него, бронзы, бус, колец и браслетов, изделий из стекла и ювелирных изделий. Чеканились монеты и изготавливалась на гончарном круге посуда, иногда раскрашенная.

Как показывают десятки раскопок, вожди и члены племенной аристократии богато отделяли свои могилы и похоронную утварь.

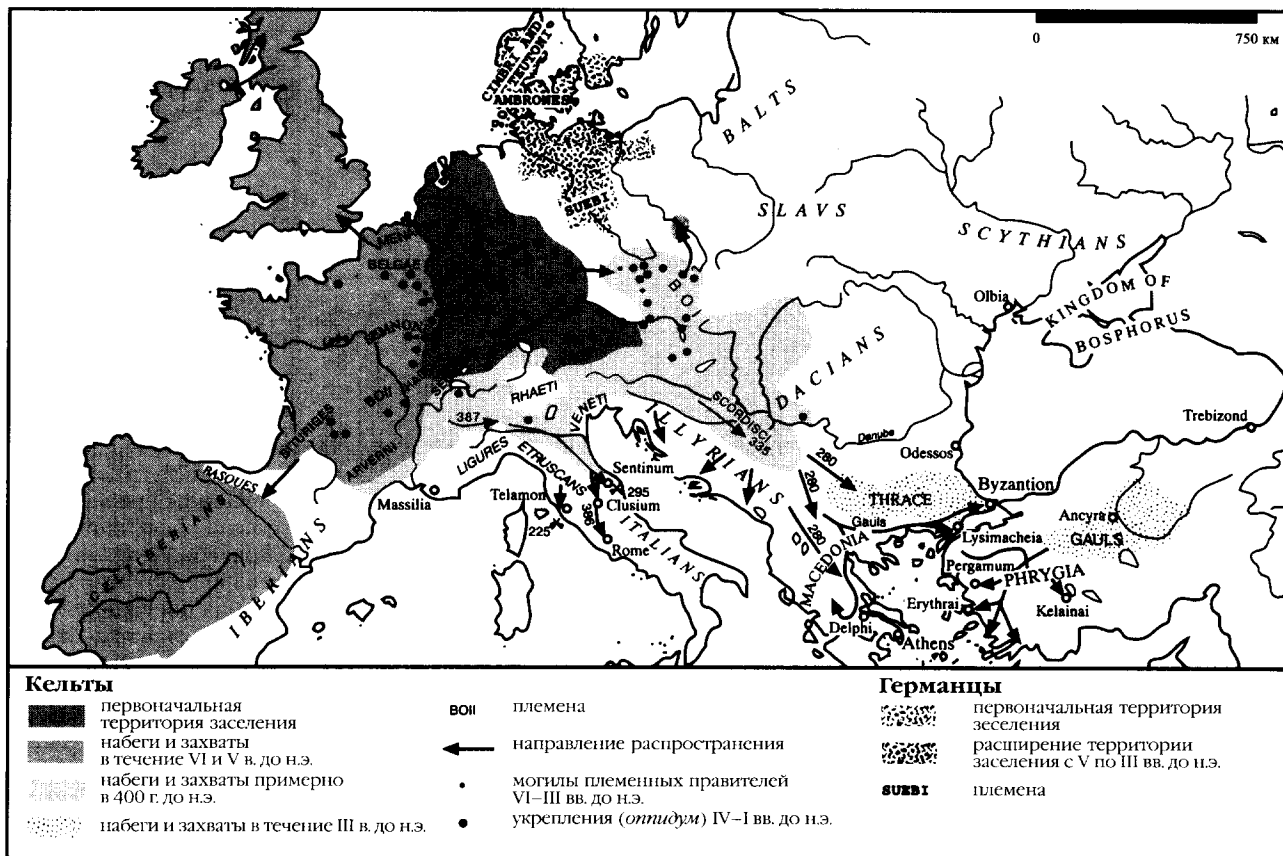
Особый, так называемый латенский стиль кельтского искусства сформировался к северу от Альп, в Галлии и Британии.

Кельтская культура повлияла на культурное развитие племен, живших к северу от кельтов, в части производства

предметов быта и, возможно, на их архитектуру, ювелирные изделия и религиозные обычаи. Одно из наиболее известных изделий, на котором проявляются религиозные представления кельтов, – серебряный сосуд, найденный в Гундеструпе в Дании. Явно проявляется средиземноморская традиция религиозных сцен (илл. 60). Продолжительное влияние оказывала традиция постройки кельтских храмов. Центральное здание было окружено колоннадой. Идея возведения таких храмов, без сомнения, произошла от греческих или средиземноморских прототипов. Но, как оказалось, в некоторых кельтских областях это зависело от характера местной деревянной архитектуры и социального положения друидов – кельтских племенных жрецов. Совершенно очевидно, что особый тип кельтского храма существовал не только после римской оккупации Галлии, но и у подножья Карпат, может быть, в Силезии или в верховьях Вислы; традиции его постройки были усвоены славянскими племенами и распространены на север, где этот тип храма встречается с VII–VIII вв. Уже в XII в. датский хронист-летописец Саксон Грамматик упоминает о них как о главных зданиях стратегически важной крепости Аркона на острове Рюген в Балтийском море. Другие изначальные кельтские традиции сохранились в Ирландии до начала средних веков (конец V – середина XVII в. – *Прим. ред.*). «Кельтский пояс» в последних веках до н.э. имел, без сомнения, большое значение для развития европейской культуры. С конца II в. до н.э. он стал распадаться под влиянием двух сил: римлян и германских племен.

Кельтиберские племена на территории современной Испании были поработаны римлянами с конца II в. В последние десятилетия II в. до н.э. германские племена кимвров и тевтонов, первоначально жившие на полуострове Ютландия, проникли в «Кельтский пояс». Они смело пересекли Центральную Европу, следуя вдоль долины Эльбы, достигли земель, где жили кельтские племена – бойи, тавриски и скордиски, и, соединившись с частями этих племен, в 113 г. до н.э. одержали победу над римскими войсками вблизи Норейи. Они достигли Галлии и Северной Италии, но наконец были разбиты римлянами в битвах при Аквах секстиевых в 102 г. до н.э. и на Раудийских полях в 101 г. до н.э. «Тевтонская угроза», как их называли римляне, навсегда стала частью римской истории. После этого римляне стали очень внимательны по отношению к другим племенам, жившим к северу от кельтов, ожидая опасности, исходившей от них.

Вторжение кимвров и тевтонов было лишь отдельным исторически зарегистрированным примером экспансии германских племен, потому что она непосредственно задевала сферу интересов Рима и угрожала его существованию. Другие нашествия были более важными для самих кельтских племен. В 70-х гг. до н.э. вождь германского племени Ариовист, происходивший, вероятно, из областей, населенных свевами к востоку от Эльбы, со множеством своих разноплеменных сторонников вторг-

Карта 8. «Кельтский пояс» с V по III в. до н.э.

ся в кельтские области на Рейне и в Галлии. Сначала Ариовист имел титул «*Rex atque amicus populi Romani*» (царь, дружественный римскому народу), потому что римляне надеялись использовать его как союзника против кельтов. Но вскоре, когда Ариовист продолжал наносить поражение и поработать кельтские племена, римляне почувствовали эту новую угрозу, исходящую уже с другой стороны, и в 58 г. до н.э. римский проконсул Нарбоннской Галлии Гай Юлий Цезарь начал завоевание территорий Ариовиста, а также и Галлии. Таким образом, Цезарь был первым, кому пришлось сразиться и с германцами, и с кельтами и кто сумел разбить их союз. Цезарь в своих «Записках о Галльской войне» пытался описать особенности кельтских и германских обычаев и племенных отношений. Как хорошо известно, Ариовист был разгромлен Цезарем, и кельтские племена в регионе к западу от Рейна были покорены. Цезарь дважды отказывался от возможности наказать германские племена к востоку от этой реки. Он пересек пролив Ла-Манш, чтобы отрезать континентальные кельтские племена белгов от этих же племен в Британии. В результате этих действий в период между 58 и 51 гг. до н.э. положение полностью изменилось. Территории к западу от Рейна стали римскими провинциями. Римская граница теперь шла по Рейну. Это положение еще более укрепилось при императоре Августе в 16/15 до н.э., когда он приказал завоевать кельтские области Рецию и Норик между Альпами и Дунаем. С этого времени римская граница шла по Рейну и Дунаю. Таким образом, германские племена стали новой племенной периферией римского мира в Центральной и Западной Европе (рис. 10).

Напряжения в культурных и политических взаимоотношениях на этой германской племенной периферии было огромным и продолжало расти с началом наступательных действий римлян в 12 г. до н.э. Римские военные отряды иногда достигали даже берегов Эльбы. В кон-

це I в. до н.э. была образована римская провинция Германия, но без, как первоначально предполагалось, региона Богемии, на территории которой возникло племенное царство Маркомания. В 6 г. до н.э. поход против этого царства был неудачным из-за восстания в Паннонии. Наконец в 9 г. н.э. разгром римских легионов восставшими германскими племенами в Тевтобургском лесу привел к возникновению новой ситуации. Отныне и вплоть до III в. римский *лимес* в основном был организован вдоль рек Рейн и Дунай, включая лишь небольшие области к востоку и северу от этой линии (рис. 11).

На этой основе с середины I в. н.э. стали развиваться весьма важные торговые, технологические и культурные обмены. На территориях германских племен проникновение римской культуры и традиций приобрело новый размах; расширялось распространение ремесленников, беглецов и пленников на этих же территориях. Культура так называемого римского периода стала существенной частью жизни в Центральной, Северной и Восточной Европе. Появились племенные союзы и племенные царства. Эта основанная на римском влиянии культура I в. н.э. стала хорошо известна благодаря проведенным раскопкам поселений и захоронений аристократии в различных областях германского племенного общества (рис. 10).

За границами римской территории с начала III в. стали возникать племенные союзы, и в то же время организовывалось военное, культурное и этническое самостоятельное сопротивление Римской империи. Для этого использовался потенциал, полученный в результате римского влияния, а также собственные ресурсы. В III в. наиболее важными племенными союзами на северной периферии были фризы, франки, саксы, аламаны, тюринги, бургунды и вандалы, маркоманы и квады. Некоторые племена, пришедшие из Скандинавии, в частности готы, нападали на восточноевропейские племена и пересекали обла-

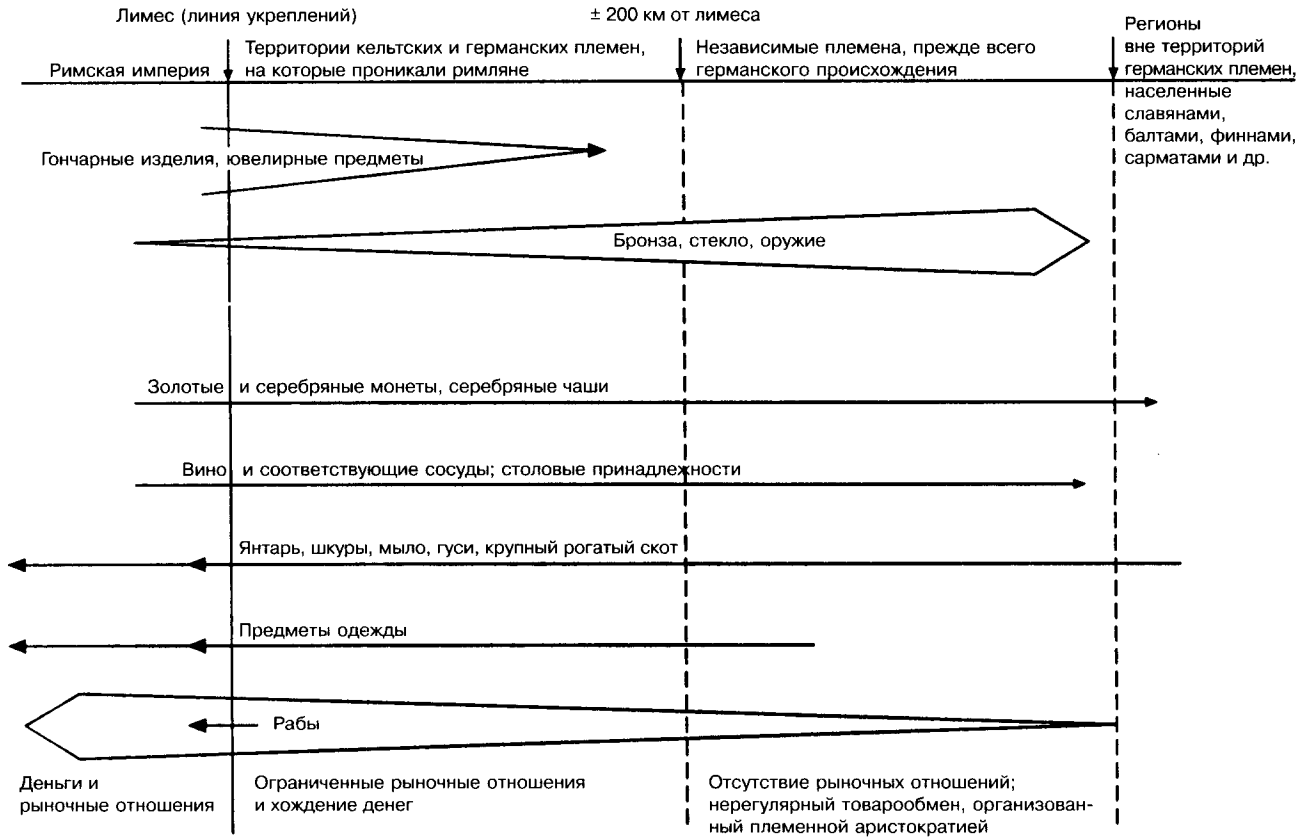

Рис. 10. Взаимоотношения между Римской империей и германской периферией (схема Herrmann)

сти, населенные балтами и славянами. Наконец с III в. они, проникнув через территории славянских племен, заселили равнины к северу от Черного моря. В результате для обширной периферийной территории стали характерными германские племена различного происхождения, которые пересекли Европу от Северного моря до Черного моря и реки Дон. В конце II в., начиная с так называемой

мой Маркоманской войны Марка Аврелия, германские племенные союзы стали совершать набеги на римские провинции (карта 9).

С конца II в. и в течение III в. при этих набегах племенные сообщества, жившие севернее *лимеса*, захватывали в римских провинциях много ремесленников и людей, имевших опыт производства товаров, ювелирных украшений, и специалистов в архитектуре. Племенная аристократия приказывала им организовывать кустарное производство и мастерские для изготовления необходимой этой аристократии продукции. В связи с этим можно отметить появление многих новых культурных производственных центров на территориях к северу от римской границы. Например, в Хаархаузене, в Тюрингии, была обнаружена целая мастерская, которая производила серую керамику в римском стиле. В III в. в Свентокшиских горах, в Польше, началось широкомасштабное производство железа. При раскопках было обнаружено более 4000 печей, а общее число существовавших тогда плавильных печей оценивается приблизительно в 300 тысяч.

Эти данные только о двух из десятков мест, в которых племенной аристократией на основе и со знанием технологий, первоначально разработанных в римских провинциях, было организовано свое производство. Влияние римской культуры на германские племена на северной периферии было длительным и очень глубоким. С I в. н.э. германская периферия в некотором смысле заменила более древнюю кельтскую культуру. Такие тесные связи позволяли германским племенам познакомиться с римской культурой и образом жизни и стимулировали процесс экономического, политического, социального и культурного синтеза с римлянами в конце IV в., т.е. в эпоху переселения народов.

Иные отношения были между славянами, сарматами и Средиземноморьем. Место происхождения и место пер-

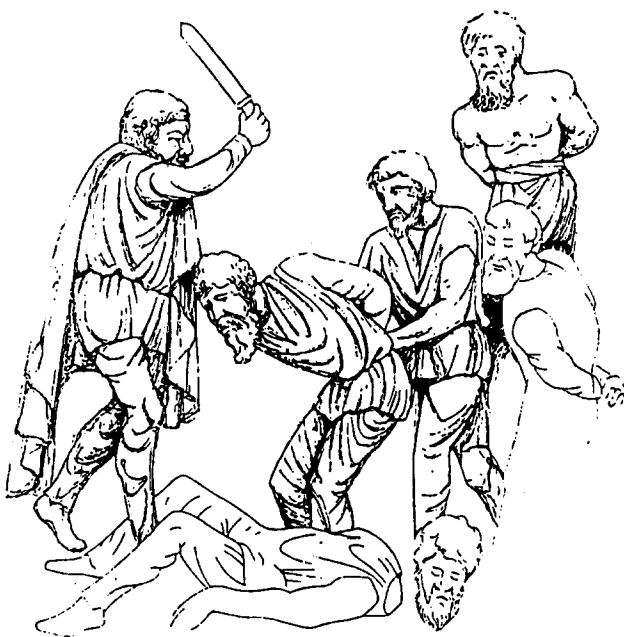
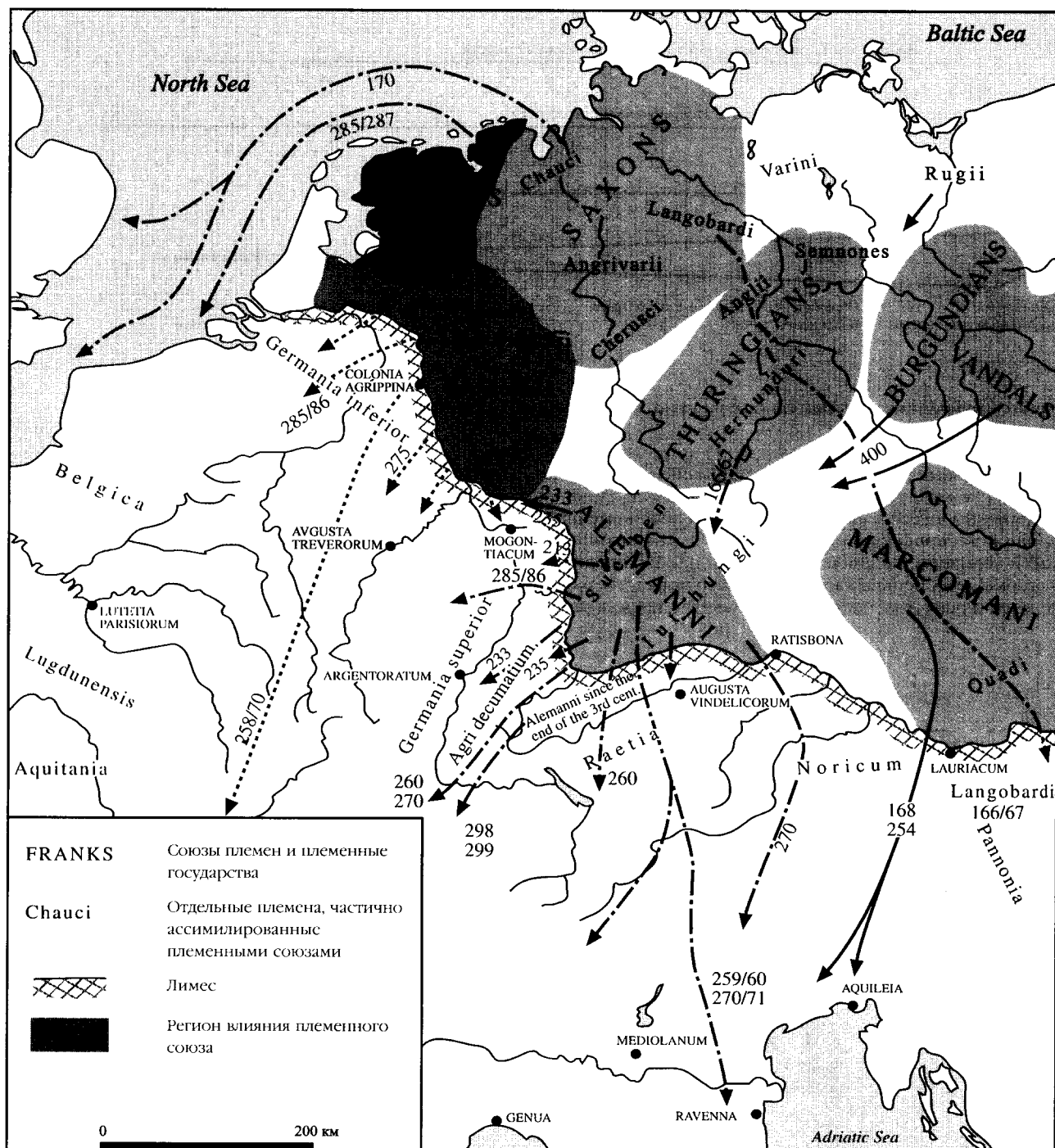

Рис. 11. Рельеф колонны Марка в Риме (по Furtwängler, 1896)

воначального расселения славянских племен точно не известны. Они должны были находиться где-то в восточной части Центральной Европы и в Восточной Европе между племенами германского и иранского происхождения. Во второй половине I тысячелетия до н.э. они стали соседями германоязычных племен вместо племен, относившихся к старым европейским племенам венедов. Поэтому германцы также называли славянские племена «венедями». Согласно греческим и римским географам и писателям – Страбону, Плинию и Тациту, «венеды» располагались в долине Вислы и к востоку от этой реки. Тацит не был уверен, следует ли считать «венедов» частью германского или сарматского племенных обществ. В конце концов он решил так:

«Что касается племен певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, считать ли их германцами или сарматами, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, по языку, образу жизни, обычаям расселения и обитания ведут себя, как германцы... И все же все эти народы в целом следует рассматривать как германцев, поскольку они живут в домах, носят щиты и любят быстро бегать, и все это отличает их от сарматов, которые живут в повозках и ездят верхом» (Тацит, «Германия», гл. 49).

Очень трудно интерпретировать археологические данные. Частично археологическая пшеворская культура в Польше может свидетельствовать о присутствии славянских племен, как и черняховская культура III и IV в.

Карта 9. Появление германских племенных союзов и направления их набегов на Римскую империю во второй половине II в. и III в. н.э. (схема Herrmann)

С другой стороны, нет сомнений в том, что обе эти археологические культуры были характерны для германских племен – вандалов, бургундов и готов. Славянские племена также присутствовали на северо-восточной периферии Римской империи, но они находились на второй периферии, позади германских племен и вне прямого контакта с римлянами до начала VI в., когда славянские племена жили в долинах верхнего течения Одера и Вислы и к востоку от этих регионов, что известно из заметок Иордана (*Jordanes*) и других византийских авторов.

Это означает, что в настоящее время почти невозможно оценить значение славянских племен в конце I тысячелетия до н.э. и в начале I тысячелетия н.э. на этой второй периферии Древнего Мира.

С I в. племена сарматов вошли в контакт с Римской империей в Паннонии и Дакии. Сарматы были кочевниками, их язык принадлежал к иранскому языковому семей-

ству. Племена, называвшиеся языгами, уже в I в. н.э. достигли равнин Венгрии. Тацит в I в. писал о сарматах как о значительном племенном обществе, основанном на кочевом образе жизни. В III в. их господство было ослаблено, а затем и сломлено славянскими племенами и готами. Тем не менее, представляется очевидным, что именно благодаря сарматам значительное иранское, т.е. центрально-азиатское, влияние дошло до славян, а также до германских племен.

Культурное, социально-экономическое и этническое формирование племенных обществ и племенных систем в первых веках н.э. на северной периферии создало ситуацию, при которой их народы и племена стали очень активными в период упадка Римской империи. Они смогли использовать римское наследие и оказать глубокое влияние на формирование средневекового общества.

БИБЛИОГРАФИЯ (11.1–11.4.2)

- ARIAS, P.E.; HIRMER, M. 1962a. A History of Greek Vase Painting. London.
— 1962b. Le vase grec. Paris.
- BOARDMAN, J. et al. 1984. Die griechische Kunst. 3rd edn. Munich.
- BRUNT, P. 1987. Italian Manpower 225 BC–AD 14. Oxford.
- CHARBONNEAUX, J.; MARTIN, R.; VILLARD, F. 1969. Grèce classique. Paris.
— 1970. Grèce Hellénistique. Paris.
- CONSTANTINESCU, M. (ed.). 1975. Relations between the Autochthonous Population and the Migratory Populations on the Territory of Romania. Bucharest.
- DEMOUGEOT, E. 1969. Des origines germaniques à l'avènement de Dioclétien. La formation de l'Europe et les invasions barbares. Vol. 1. Paris.
- DION, R. 1977. Aspects politiques de la géographie antique. Paris.
- FISCHER, K.M. 1985. Das Urchristentum. Berlin.
- FOL, A.; TACEVA, M.; NEDJALKOV, N. (eds). 1985. Terra antiqua Balcanica. Vol. II. Sofia.
- FRERE, S. 1967. Britannia. A History of Roman Britain. London.
- GARNSEY, P. 1970. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxford.
- GIANNATONI, G.; VEGETTI, M. (eds). 1985. La scienza ellenistica. Atti delle tre giornate di studio tenutesi a Pavia dal 14 al 16 aprile 1982. Naples.
- GINOUVES, R.; MARTIN, R. 1985. Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine. 2 vols. Rome, Ecole française de Rome; Athens, Ecole française d'Athènes.
- GRIMAL, P. 1984. La civilisation romaine. Paris.
- GÜNTHER, R.; KÖPSTEIN, H. (eds). 1975. Die Römer an Rhein und Donau. Zur politischen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung in den römischen Provinzen an Rhein, Mosel und oberer Donau. Berlin.
- HARMATTA, J. 1970. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, Acta Universitatis de Attila József Nominatae. (Acta Antiqua et Archaeologica, Tomus XIII.)
- HARNACK, A. 1924. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Leipzig.
- HARRIS, W.V. 1979. War and Imperialism in Republican Rome 327–70 BC. Oxford.
- HERRMANN, J. (ed.). 1988–92. Griechische und lateinische Quellen zur Frühgeschichte Mitteleuropas bis zur Mitte des 1. Jahrtausends u.Z. Berlin.
- JAL, P. 1963. La guerre civile à Rome. Etude littéraire et morale. Paris.
- JONES, A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. 2nd edn. Oxford.
- KRUTA, V. 1987. Les Celtes. Paris.
- LAFRICA ROMANA, 1984–90. Atti del I convegno di studio, Sassari, 16–17 dicembre 1983. Vols. 1–7. Sassari.
- LANDELS, J.G. 1978. Engineering in the Ancient World. Berkeley.
- LLOYD, G.E.R. 1973. Greek Science after Aristotle. London.
— 1990. La science grecque après Aristote. Paris.
- LONG, A. 1974. Hellenistic Philosophy. Stoics, Epicureans, Sceptics. London.
- MAGIE, D. 1950. Roman Rule in Asia Minor (to the end of the third century after Christ). Princeton, New Jersey.
- MARTIN, L.H. 1987. Hellenistic Religions: An Introduction. Oxford.
- MEEKS, W.A. 1983. The First Urban Christians. The Social World of the Apostle Paul. New Haven/London.
- MONTENEGRO DUQUE, A.; BLAZQUEZ MARTINEZ, J.M. 1982. España Romana (218 a de J.C.–414 de J.C.). Madrid, Espasa-Calpe. (Historia de España, Vols. I–II.)
- MOODY, T.V.; MARTIN, F.K. (eds). 1984. The Course of Irish History. Cork.
- MOSCSY, A. 1974. Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. London/Boston.
- NICOLET, C. 1979. Les structures de l'Italie romaine. Rome et la conquête du Monde méditerranéen. Vol. 1, 2nd edn. Paris.
— 1988. L'inventaire du Monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. Paris.
— (ed.) 1991. Genèse d'un Empire. Rome et la conquête du Monde méditerranéen: 264–27av. J. C. Vol. 2, 3rd edn. Paris.
- OLESON, J.P. 1984. Greek and Roman Mechanical Water-Lifting Devices: The History of a Technology. Toronto.
- OPPERMANN, M. 1984. Thraker. Leipzig.
- PIGGOTT, S. 1974. The Druids. London.
- POLLITT, J. 1990. The Art of Ancient Greece: Sources and Documents. Cambridge.
- POWELL, T.G.E. 1980. The Celts. London.
- PREAUX, C. 1978. Le Monde Hellénistique. La Grèce et l'Orient (323–146 BC). Paris.
- ROSTOVITZEF, M. 1957. The Social and Economic History of the Roman Empire. 2nd edn., rev. FRAZER, P.M. Oxford.
— 1988. Histoire économique et sociale de l'Empire romain. Paris.
- SPARKES, B.A. 1991. Greek Art. Oxford.
- TACEVA, M. 1987. Istorija na balgarskite zemi v drevnosta II [History of the Bulgarian Countries in Antiquity.] Sofia.
- VUIPE, R. 1976. Studia Thracologica. Bucharest.
- WILL, E. 1979–82. Histoire Politique du Monde Hellénistique. 2nd edn., 2 vols. Nancy.
— 1990. Le monde hellénistique. In: WILL, E.; MOSSFÉ, C.; GOUKOWSKY, P. (ed). Le IV siècle et l'époque hellénistique: Le monde grec et l'Orient. Vol. 2, Book 3. 3rd edn. Paris.
- WOLFF, H. 1990. Makedonien. In: FISCHER, W. et al. (eds). Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Vol. 1, pp. 631–38. Stuttgart.
- WOLFF, H.; VELKOV, V. 1990. Moesia Inferior und Thracien. In: FISCHER, W. et al. (eds). Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Vol. 1, pp. 600–15. Stuttgart.

УПАДОК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И НАЧАЛА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

ОТ РЕДАКТОРА

Йоахим Херрманн

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ УПАДКА И РАСПАДА МЕЖДУ IV И VII ВВ.

Приход в 284 г. к власти Диоклетиана стал поворотным пунктом в истории Римской империи. С одной стороны, Диоклетиан пытался осуществить структурные изменения, чтобы стабилизировать положение империи. Система, которую он создал, называется «доминатом», в отличие от существовавшего ранее «принципата», который был создан Августом в 31 г. до н.э. после гражданской войны. «Принципат», несмотря на свои ограничения, вызвал подъем Римской империи. В III в. стал очевидным кризис, вызванный множеством факторов.

В самом римском обществе изменились социально-экономические условия. Вместо рабства, служившего основой производства в больших поместьях, теперь в сельскохозяйственном производстве преобладал *колонат* (система крепостного труда), который отставался еще Колумеллой в I в. до н.э. Это означало создание самостоятельных поместий, в которых работали зависимые от землевладельца крестьяне, находившиеся на положении полурабов. Они должны были платить дань и налоги владельцам латифундий, но эта система становилась все более независимой от рыночной и денежной экономики. Появление этой новой формы эксплуатации и организации стало причиной обострения общественных отношений, восстаний и народных движений. Диоклетиан пытался учесть эти обстоятельства и найти новые способы сохранения империи, ее территории и армии.

Второй тенденцией во внутренней жизни империи была идеологическая. Из-за того что территория империи

простиралась от Британии до Месопотамии, Северной Африки и Сирии, империя стала космополитической; в ней некоторые религиозные идеи не ограничивались рамками определенных этнических групп, расселенных по всей империи. Наиболее важным было христианство. Диоклетиан и другие императоры пытались подавлять это религиозное движение, которое теперь уже влияло на развитие всей империи. Император Константин в первой половине IV в. понял новые возможности христианства и христианской церкви как объединяющего принципа и института, которые могли способствовать объединению и реорганизации империи. С этой точки зрения Никейский собор в 325 г. был действительно поворотным пунктом истории.

Не следует забывать, что начиная с III в., и особенно в IV и V вв., стали приобретать все большую важность племена «варваров», первоначально жившие на территориях вне пределов Римской империи. Они проникали на римские земли и селились на них в качестве *федератов*, или *лаетов*, или служили во вспомогательных союзных войсках. Это означало, что различные союзы племен (германских – на севере, кочевых азиатов – на северо-востоке, арабского или семитского происхождения – на юге) стали соседями, более или менее знакомыми с империей, ее образом жизни и обществом или даже стали членами римского общества. Эти племенные объединения не только принесли новые идеи о политическом и социальном устройстве, но и проводили их в жизнь внутри римской империи. Таким образом, период кризиса, упадка и распада империи между IV и VII вв. повлиял и даже определил историю Средиземноморья.

12.1

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ в IV и V вв.

Франсуа Пау

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОЗДНЕЙ ЭПОХИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (284–378 гг.)

Приход Диоклетиана к власти в империи осенью 284 г. был, подобно приходу большинства его предшественников предыдущей половины века, отмечен убийствами: при возвращении из похода против персов будущий император, который пока еще был только командиром элитного офицерского полка при императоре, возможно, способствовал исчезновению его предшественника, императора Нумериана, и его тестя, префекта преторианцев Апра; Карин, брат и соправитель Нумериана, был убит его собственными солдатами в Мезии весной 285 г. Двадцатилетнее правление Диоклетиана положило конец пятидесятилетнему периоду беспорядков и анархии, приведшему империю к краю гибели, и было отмечено реформами, которые придали поздней империи ее характерные

черты. Чтобы прекратить бесконечные захваты власти повсюду на местах, Диоклетиан в 285 г. назначил соправителем своего товарища Максимиана, а затем в 293 г. назначил двух младших соправителей Галерия и Констанция Хлора, которые носили не титул августа (как он и Максимиан), а цезаря. Каждый из четырех правителей этой тетрархии отвечал за свою собственную территорию и, имея резиденцию вблизи границ, был готов быстро принять меры против любых внутренних беспорядков или нападения извне. Рим перестал быть местом постоянного пребывания императора. Старые провинции были разделены на большее число более мелких территориальных образований. Было усилено разделение между гражданскими и военными функциями, и в ущерб сенаторам все больше постов получали *экви́ты*. К концу этого правления было начато формирование регулярных подвижных войск, в которые вошли лучшие подразделения. Было решено отказаться от ста-

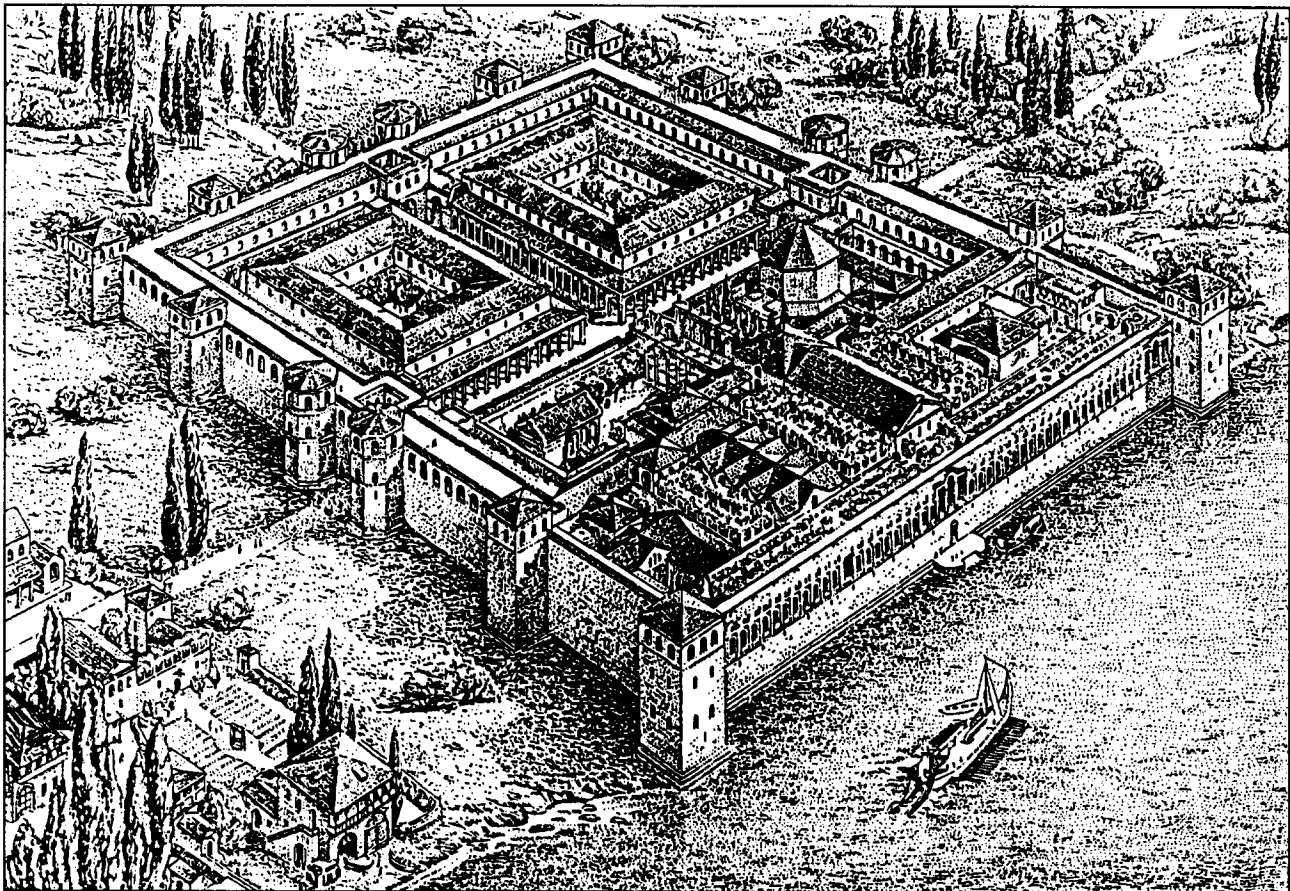

Рис. 12. Реконструкция дворца Диоклетиана в Сплите, Хорватия, куда он удалился после отказа от власти в 305 г. (рис. *Herrmann*)

рой системы перекрытия всех границ, оставив значительно меньшее число сторожевых застав. Налоговая система была полностью изменена, улучшена и стала более жесткой и тяжелой для населения. Последовательные денежные реформы вызвали значительную инфляцию, которую Диоклетиан в 301 г. тщетно пытался искоренить путем замораживания цен, издав известный указ о ценах. Внутренний порядок был установлен, границы надежно защищены. В 297 г. Галерий одержал победу над персами, которая определила самый дальний восточный край империи. В 303 г. Диоклетиан и Галерий, обеспечившие сохранением духовного единства империи и для предотвращения религиозных беспорядков начали систематическое преследование христиан.

В соответствии с системой, введенной Диоклетианом, 1 мая 305 г. он и Максимиан добровольно сложили с себя титулы августов. На их место заступили цезари Галерий и Констанций Хлор, ставшие августами, и были назначены два новых цезаря. Для этих назначений были выбраны лучшие кандидаты вместо сыновей Констанция и Максимиана. Это умерило амбиции этих двух молодых людей, а также приверженность войск династическому принципу. Много пришлось преодолеть до того, как в 324 г. Константин, сын Констанция Хлора, после ряда побед стал единственным августом.

С ранних лет Константин проявил склонность к христианству и был окружен христианскими советниками. Перед сражением у Мульвиева моста близ Рима, где в октябре 312 г. он победил своего конкурента Максенция, сына Максимиана, согласно христианским авторам, ему было видение креста с начертанными словами «Сим победиши» (что предопределило его обращение в христианство. – *Прим. ред.*). Свидетельством этому остается лишь литературная форма. Причины и хронология обращения Константина являются предметом классических дискуссий. Некоторые считают его столь же холодным и расчетливым, другие – искренне уверовавшим в Христа. Константин не был ни интеллектуалом, ни теологом, а римским императором, приверженным идеологии победы. В конце концов он обратился к Богу, который в 312 г. обеспечил ему непредвиденный успех, и Константин решил объединить империю не против Него, а с Ним и положил конец преследованиям, начатым Диоклетианом. Подобно его языческим предшественникам, он считал себя главой религии, которую он принял: христианство вскоре стало государственной религией, и Константин в 325 г. созвал в Никее Первый Вселенский собор, участвуя в нем как «внешний епископ», и основал на месте города Византий христианскую столицу империи Константинополь, которая занимала важное стратегическое положение. Во внутренней политике он продолжил реформы, начатые Диоклетианом, в то время как во внешней политике он извлекал выгоду из всего связанного с правлением в условиях относительного мира.

Когда в 337 г. Константин умер, у власти утвердились три его сына после ряда династических убийств, в результате которых были устранены наиболее опасные конкуренты. Константин II и Констант погибли соответственно в 340 и 350 гг., и только третий сын – Констанций II оставил после себя длительный след в истории этих лет. Именно в период его правления окончательно оформились институты поздней империи. С 361 по 363 гг. правил последний отпрыск дома Константина Юлиан, племянник Константина I. Получив одностороннее и фанатичное христианское воспитание, он ненавидел сторону Константина в своей семье и христианство. Будучи цезарем в Галлии, он приобрел превосходный военный опыт. Как только Юлиан стал единоличным хозяином империи, то бросился восстанавливать старые культы и мечтал о восстановлении в каждом регионе прежних институтов. Он преклонялся перед Александром Великим и Траяном и опromетчиво отправил крупную армию против персов в надежде, что его боги даруют ему победу. Но он потерпел неудачу; его ги-

бель в перестрелке во время отступления на берегу Тигра, возможно, была замаскированным самоубийством. После недолгого правления Иовиана в 364 г. на имперский трон взошла новая династия, представленная Валентинианом I на западе и его братом Валентом на востоке. Во время их правления стало сильно проявляться давление захватчиков с северо-востока. Валентиниан I умер в 375 г. от апоплексического удара после бурной встречи с вражеским посольством около Дуная. Тремя годами позже погиб Валент в битве с вестготами у Адрианополя (современная Эдирне, европейская Турция), тщетно пытавшийся остановить продвижение вестготов, которые сами бежали от гуннов. В этом сражении погибло две трети солдат императорской армии. Современники справедливо видели в этой катастрофе начало конца империи.

В последней трети IV в. институты поздней империи приобрели свою классическую форму, известную из счастья уцелевшего *Notitia dignitatum* (*Notitia dignitatum*), своего рода справочника и сборника протоколов римского государства. Территория была разделена на три префектуры, возглавлявшихся преторианскими префектами, не имевшими отношения к военным делам и руководившими всей гражданской, финансовой и судебной администрацией. Префектуры были разделены на диоцезы, управляемые наместниками (викариями, от лат. *vicarius* – заместитель, наместник. – *Прим. ред.*); делились на провинции, обычно возглавлявшиеся *консулами* (*consulares*) или *президентами* (*praesides*). Только правители Азии, Ахайн и Африки сохранили титул проконсула. Императору или какому императору (когда их было несколько) помогал кабинет министров, состоявший из *magister officiorum* (председателя суда, полицейской и почтовой служб), *quaestor sacri palatii* (начальника канцелярии), *comes sacrarum largitionum* (министра финансов), *comes rei privatae* (ответственного за частную собственность императора), *praepositus sacri cubiculi* (главного камергера или главного евнуха; со времен Диоклетиана императоры переняли во дворцах придворные обычаи и церемониал Востока). Рим и Константинополь возглавлялись городскими префектами. Полководцы, командовавшие армией, носили титул главнокомандующих (*magistri militum*), и в их распоряжении находились *comites* и *duces*. Эта администрация теперь контролировала каждый угол и щель в обществе, и только некомпетентность предотвратила превращение этого режима в тоталитарный. Финансовый и демографический кризис вызывал повсеместное напряжение: ремесленники, которые были по наследству связаны с профессией, муниципальные зять, связанная с выполнением обязанностей, – все они стали отвечать своим имуществом за регулярную уплату налогов; кроме того, хотя рабство и осталось в прошлом, все же крестьяне, привязанные к своим клочкам земли, уже почти были на положении рабов средневековья.

КРИЗИС И АПОГЕЙ (378–410 ГГ.)

После катастрофы у Адрианополя осталось только два наследника императорской власти – сыновья Валентиниана I Грациан, молодой человек 19 лет, и его сводный брат Валентиниан II, восьмилетний мальчик. Грациан был уже в начале 379 г. достаточно мудр, чтобы привлечь к себе молодого, но уже опытного полководца Феодосия I, которому он доверил управление восточной частью империи. Перед новым восточноримским императором была поставлена задача остановить продвижение германцев в Македонии и Фракии весьма ограниченными силами. Феодосий умело проводил политику в сложившихся обстоятельствах: поскольку предотвратить их у него не было возможности, он пытался управлять множеством поселений готов на правом берегу Дуная и привлек в свою армию

много варваров в качестве федератов (лат. *foedus* – договор. – *Прим. ред.*), которые продолжали находиться под руководством своих вождей, ставших римскими командирами. Эта политика вызывала яростные споры, которые можно обнаружить в литературе того времени. Несомненно, однако, что в течение нескольких лет Феодосий сумел до некоторой степени стабилизировать положение. Но его власть была поколеблена изнутри одним за другим двумя узурпаторами, которые в 383 и 392 гг. организовали жестокое свержение Грациана и Валентиниана II и которых он был способен победить только отведя войска от границ, несмотря на опасность этого шага. Второй (по времени) из этих узурпаторов, преподаватель риторики Евгений принадлежал партии язычников, все еще сильной среди аристократии Рима, которыми двигало отчаянное сопротивление религиозной политике Феодосия. Фактически попав под влияние властного епископа Медиолана (Милана) Амвросия, Феодосий не останавливался ни перед чем, добиваясь триумфа ортодоксов Никеи и неумолимо преследуя диссидентские религиозные меньшинства, язычников, еретиков и евреев. В 394 г. войска Феодосия и Евгения сразились у Холодной речки (недалеко от Аквилеи в Юлийских Альпах), где оба они явно положились на своих божественных покровителей. Неожиданная и полная победа Феодосия стала крушением последних надежд язычников.

РАЗДЕЛ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В 395 Г.

В январе 395 г. Феодосий, истощенный недавним военным походом, умер, оставив власть двум молодым сыновьям – Аркадию, которому он доверил управление востоком и которому было только 18 лет, и Гонорию, которому он отдал Западную империю и которому было всего лишь 10 лет. Эти юные преемники Феодосия проявили полное отсутствие характера и воли. Поэтому на передний план выступили регенты и фавориты. В то время как в Константинополе друг за другом следовали незапоминающиеся и недолговечные личности, на западе до 408 г. за юного Гонория фактически правил Стилихон, полководец из варваров, женатый на племяннице Феодосия и удочеривший его дочь. Феодосий перед своей смертью формально поручил ему заботу о Гонории и, возможно, Аркадии. В течение тринадцати лет Стилихон, в верности которого нет причин сомневаться, всеми средствами, и войной и дипломатией, замедлял продвижение готов во главе с Аларихом и сохранял единство империи. Но люди, находившиеся у власти на востоке, успешно противостояли этим усилиям, которые, по их заявлениям, объяснялись личными и гибельными амбициями. В результате пропасть, возникшая в 395 г. между западной и восточной частями империи, навсегда разделила государство, не позволив обрести ему истинное единство. На западе летом 408 г. Стилихон пал жертвой заговора, будучи обвинен в сговоре с врагом. События последовавших месяцев доказали беспочвенность этого обвинения – Аларих, до этого времени находившийся под контролем, смог вторгнуться в Италию и трижды осаждал Рим. Летом 410 г. он взял Вечный город, который язычники и христиане считали неприступным. Готы оставались в Риме только несколько дней и нанесли ему лишь ограниченный ущерб. Но падение старой столицы империи произвело огромное впечатление на западе: оно было похоже на конец света и вызвало яростные идеологические споры между язычниками и христианами о том, не была ли это месть отвергнутых богов. Этот эпизод, значение которого было прежде всего символическим, означал конец эпохи: вторжение варваров на западе и раздел империи стали необратимыми событиями 395–410 гг. и сформировали новое лицо V в.

Эти тревожные годы с 395-го по 410-й соответствуют апогею поздней империи. Литература, особенно на латино-

язычном Западе, испытывала беспрецедентный подъем. Язычники, защитники традиционной культуры, ограничили выполнение обширной программы переиздания и комментирования великих авторов прошлого; в результате вновь появились труды Ливия и Ювенала. Вергилий на латинском и Гомер на греческом стали своего рода библиями защитников старых культов. Именно благодаря усилиям ученых этого периода была сохранена обширная латинская литература этой эпохи. Между 380 и 395 гг. Аммиан Марцеллин, в прошлом чиновник из Антиохии, написал на латыни виднейшую историческую работу о поздней античности. В христианской литературе господствовали Амвросий, который благодаря своей политической деятельности и написанным произведениям навязывал верховенство церкви; Иероним, автор «Вульгаты» (перевод Библии на латинский язык), и Августин, величайший гений христианской античности. На греческом Востоке также ценились достижения древней литературы. Великие богословы Каппадокии Василий Великий (Кесарский), Григорий Нисский и Григорий Богослов (Назианзин) установили католические догмы; Иоанн Златоуст, проповедник христианского нравоучения, пробуждал энтузиазм у верующих в Антиохии, а позднее – в Константинополе. Императорские дворцы, христианские комплексы и загородные резиденции крупных землевладельцев дали архитекторам много возможностей проявить свой талант. Необычайного блеска достигло искусство мозаики. Общественные и частные праздники служили поводом для обмена ценными подарками вроде тонко вырезанных небольших диптихов (складных икон из двух частей. – *Прим. ред.*) из слоновой кости. Историки литературы и искусства этого века научились понимать особенности новых эстетических вкусов и надолго перестали говорить об упадке.

ОТ РИМА ДО ВИЗАНТИИ И РИМСКО-ВАРВАРСКИХ ЦАРСТВ (410–476 ГГ.)

На востоке в 408 г. умер Аркадий. Ему наследовал его сын Феодосий II, влияние которого было столь же незначительно, как и его отца. Он вступил на трон в возрасте 7 лет и номинально занимал его до 450 г. Реальная же власть принадлежала, во-первых, префекту претория Анфимию, находившемуся среди приближенных с 404 г. и оставшемуся при троне до 414 г., во-вторых, женщинам, близким к императору – его старшей сестре Пульхерии, властной фанатичке, а затем его жене императрице Евдокии, также очень набожной, но любившей поэзию и риторику. Ничто лучше не иллюстрирует быстрый разрыв между двумя частями империи, чем тот факт, что взятие Рима в 410 г. почти не отразилось на востоке. Примерно к 440 г. греческий язык полностью вытеснил латинский как официальный язык государства. И все же именно на востоке был составлен «Кодекс Феодосия» (*Codex Theodosianus*) – полное собрание законов империи с 312 по 437 гг., – который стал основой для будущего труда Юстиниана. Несмотря на давление гуннов во главе с Атиллой на границе, проходившей по Дунаю, и персов на границе по Евфрату, Восточная империя в V в. жила в условиях относительного мира, а источниками беспорядков были внутренние факторы. В самом Константинополе в цирке происходили политические споры между фракциями, которые стали узаконенными; эти споры выплескивались на улицы и вызывали беспорядки не меньшие, чем создают современные хулиганы вокруг футбольных стадионов. Во всех крупных городах Востока толпы народа разделялись спорами с монофиситами (о том, была ли у Христа единая или двойственная природа); эти споры провоцировали стычки, в которых монахи были побиваемой стороной; эти стычки продолжались, несмотря на увещевания. Таковы были главные особенности, которые в первой половине V в. проявились в

бывшей восточной части империи, превратившейся в Византийскую империю.

На западе, однако, почти повсюду постепенно обосновывались варвары, а территория, успешно управлявшаяся римскими властями, становилась все меньше. В 410 г. Британия (Англия), подвергавшаяся последовательным нашествиям, косившим римские войска, фактически перестала принадлежать империи. Готы Алариха после безуспешной попытки высадиться на Сицилии и после смерти их короля отступили на север и после блужданий осели в Юго-Западной Галлии и на Иберийском полуострове. Вандалы, которые пересекли Галлию и некоторое время оставались в Южной Испании, в 429 г. переправились на север Африки во главе со своим королем Гейзерихом, вскоре ставшим хозяином всей римской Африки. В 455 г. Гейзерих даже вторгся в Италию, разграбив и разрушив Рим. Вандалы оставались в Африке в течение ста лет. Ариане (последователи арианства – течения в христианстве в IV–VI вв. – *Прим. ред.*), подобно большинству германцев, подвергали гонениям католиков и завоевали поддержку донатистов (последователи епископа Доната, участники религиозного движения в римской Северной Африке. – *Прим. ред.*) – сектантов-фанатиков, отделившихся от церкви в эпоху преследований Диоклетиана; в свои ряды они принимала всех, кто по экономическим или социальным причинам был настроен против римского правящего класса. Эта внутренняя борьба так ослабила христианство в Магрибе, где оно до этого процветало в течение 250 лет, что позднее, во время арабского нашествия, оно полностью исчезло. В Галлии север заняли франки, левый берег Рейна – алеманны, юго-восток – бургунды, и только Прованс остался под властью Рима. Приведя в ужас всю Италию, Атила и его гунны вторглись в Галлию, но в 451 г. были остановлены в сражении на Каталаунских полях около Орлеана объединенными силами при поддержке боевых дружин бургундов, вестготов и франков под командованием римского полководца Флавия Аэция, последнего защитника римского Запада, который фактически повторил, вплоть до трагической смерти,

судьбу Стилихона. Что касается управлявшихся с запада дунайских провинций, то они были сначала заняты готами и гуннами, затем – другими германскими завоевателями. Италия оставалась в руках Гонория, который умер в 423 г., затем – его сына Валентиниана III (убитого в 455 г.), столь же слабого, как и его отец, и, наконец, нескольких непродолжительно правивших и слабых правителей. В 476 г. Ромул Августул, последний император Западной Римской империи был свергнут Одоакром из племени варваров, командующим отрядами германских наемников на римской службе. Это означало конец Западной Римской империи, который был едва замечен современниками: 476-й год, подобно 410-му, имеет главным образом символическое значение. Одоакр недолго оставался хозяином Италии, которая в 490 г. перешла в руки короля остготов Теодориха.

Вестготский король Атаульф, потомок Алариха и муж римской императрицы, знаменитой Галлы Плацидии, как говорят, объявил, что он предпочел бы восстановить мощь Рима, чем уничтожить его. Это, по всей вероятности, апокрифическое высказывание все же могло соответствовать действительности. Варвары, которые заселили римские территории на западе, стремились не уничтожать существующие структуры, а интегрироваться в них, так как были очарованы великолепием городской цивилизации, воплощенной в Риме. Они хотели владеть землей, но стремились сохранить образ жизни прежнего населения. Многие из их лидеров стали сановниками в римской иерархии. Они усвоили и приняли положения римского права. Почти все из них отказались от своего языка и перешли на латынь. Хлодвиг, король франков, в 496 г. крестился по римскому обряду и женился на бургундской принцессе-католичке; тем самым было устранено последнее значительное препятствие, отделявшее арианских варваров от ортодоксального коренного населения. С этого момента начался процесс слияния греко-римского, иудейско-христианского и германского наследий, из которого предстояло возникнуть средневековой и современной Европе.

ХРИСТИАНСТВО И ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ между 284 и 476 гг.

Жак Фонтэн

Илл. 61–66

Подъем и распространение христианства связано с общим развитием Римской империи, особенно с эпохой, начавшейся в конце III в. и начале IV в. (гл. 11.2.3). Может показаться странным выделение периода истории христианства для рассмотрения в настоящем разделе рамками двух дат политических событий: 284 г., когда Диоклетиан стал императором, и 476 г., когда был свергнут последний император Западной Римской империи. Можно было бы выбрать две крайние даты, имевшие большее специфическое религиозное значение: дату начала последнего крупного гонения на христиан в 303 г. и дату созыва последнего Вселенского собора древнего мира в 451 г. Однако даты, связанные с состоянием этой империи, привлекают внимание к исключительно важному событию: преобразованиям императора Константина, которые дали беспрецедентные возможности для распространения христианства. Римская империя стала христианской территорией, а церковь стала реальной ее силой. Союз между церковью и империей ускориł трудный переход древнего общества к христианству и распространение христианства за границами Римской империи, а интеграция христианства в культуру древнего мира привела к расцвету блестящей христианской культуры.

ПРОЦВЕТАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ХРИСТИАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Несмотря на гонения, предпринятые Децием в 250–251 гг. и Валерианом в 257–259 гг., или, точнее, именно благодаря этим гонениям, кризис III в. не замедлил христианизацию римского общества. Всего сорок мирных лет дали христианству существенную передышку для более широкого распространения, укрепления институтов церкви и развития ее литературы и искусства. Одним из существенных пунктов программы реформ Диоклетиана, однако, было восстановление римской религии, культа поклонения императору, усиленного прибавлением божественных эпитетов императорам: Диоклетиану – Иовий, а Максимиану – Геркулий. Это осложнило течение продолжительного конфликта между империей и все еще запрещенной христианской церковью, которая теперь стала слишком сильной и не могла не обращать внимание на этот возврат к прошлому, неотделимый от язычества и императорской власти.

В 303–304 гг. по рекомендации своих антихристиански настроенных советников Диоклетиан запретил христианские богослужения и приказал разрушить христианские здания и религиозные сооружения и арестовать все духовенство, поставив условие, что никто из клириков не может быть освобожден, пока не откажется от своей веры. Он даже повелел всем христианским жителям империи

отказаться от христианской веры, в противном случае им угрожали пытки, смерть или высылка. Однако не все тетрархи исполняли эти четыре указа с одинаковым рвением. Если преследование было длительным и жестоким на Востоке, продолжаясь до 311 г., то на Западе оно было более мягким: Констанций, цезарь запада и отец Константина, ограничился разрушением мест христианских богослужений. Так, «он приказал разрушить стены, которые можно было восстановить, но не тронул истинный храм Божий, который находится в человеке», как пишет Лактанций в сочинении «О смерти гонителей Христовой церкви» (15, 7). Когда преследования закончились неудачей, христиане восприняли это как победу их Бога. В 313 г. Константин, ставший в 306 г. императором, в Медиолане (Милане) вместе с восточноримским императором августом Лицинием решил ввести в империи свободу вероисповедания, предоставив, как сообщает Лактанций (48, 2), «каждому, включая христиан, право свободно исповедовать религию по своему выбору. Вероятно, Константин принял христианство в 312 г., несмотря на то что окрестился лишь на смертном одре в 337 г. Поскольку он ранее исповедовал форму монотеистического солнечного культа, то до 323 г. разрешал чеканить на монетах свой профиль вместе с изображением Гелиоса. С 315 г. на монетах появился знак, образованный наложением первых двух букв греческого слова Христос (Χ и Ρ), который после этого изображался в венце из лавровых листьев, *лаваруме (labarum)*, или знамени христианских императоров. В том же году Константин разрешил языческому Сенату возвести в Риме в его честь триумфальную арку с надписью, которая приписывала его победу «божественному вдохновению и его собственному величию». К тому времени в честь Константина уже была установлена статуя, украшенная в честь Спасительных Страстей, как пишет Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории». Константин представил себя Собору, который он собрал в Никее в 325 г., в качестве «внешнего епископа» (по отношению к христианской церкви) и стал в глазах христианских епископов своего рода епископом язычников. Это не мешало ему сохранить за собой древний титул «Великий понтифик», который делал императора главой традиционной римской религии. Это неоднозначное поведение было показателем медленного прогресса в христианизации в IV в.

Победа Константина над языческим императором Максенцием в 312 г. у Мульвиева моста через Тибр к северу от Рима приобрела легендарные масштабы в умах христиан. Вера Константина в то, что его победа на пути к императорству была харизматической, предначертанной свыше и дарованной Христом, перешла в убеждение после его победы над Лицинием в 324 г., когда он стал единственным полновластным правителем Римской империи. Христианский монотеизм, казалось, обеспечивал наиболее прочную

основу для восстановленной имперской монархии. Уже цитировавшийся Евсевий Кесарийский приветствовал Константина как выбранного Богом. Император стал считаться «равным апостолам» Христа (исапостолос) и после смерти был захоронен в его новой столице Константинополе, рядом с апостолами в базилике, возведенной в память о них.

В 318 г. Константин запретил отдельным людям заниматься жертвоприношениями, магией и предсказаниями. Он доверил самые высокие посты в государстве христианам и постепенно стал выстраивать особый статус этой церкви, даруя щедрые подношения и освобождая от налогов духовенство, легализуя решения епископальных судов, признавая права наследования для церквей и строя огромные базилики в Риме и Иерусалиме. Эта антиязыческая и прохристианская политика продолжалась его сыновьями до 361 г.

С официальным установлением религии Христа в империи тесный союз между церковной и светской властями не избежал и трудностей: с одной стороны, у высшего духовенства появился соблазн приобрести земную власть, с другой стороны, у императоров – вмешаться в религиозную сферу. Несмотря на несколько созванных Вселенских соборов, Константин не смог противостоять продвижению ереси донатистов в Африке; несмотря на осуждение Никейским собором арианства как «безбожной ереси», церковь в течение более чем полувека продолжала быть серьезно озабочена этой ересью. Констанций II (337–361 гг.), запутавшийся в интригах епископов и тонкостях богословия, безуспешно пытался достигнуть согласия. Он не сумел добиться восстановления единства вероучения, которое он считал необходимым как для единства церкви, так и империи.

Языческая политика Юлиана Отступника (361–363 гг.) была как нереалистичной, так и провальной. Он считал, что может восстановить древние религии путем реорганизации их по образу и подобию христианской церкви. Но он не учел, до какой степени были истощены силы язычества, а «эллинистические» культурные и религиозные идеалы, которые он отстаивал, находили слабый отклик. Следствием этого стала осторожная политика его преемника Валентиниана I, который следовал духу терпимости, провозглашенному в Медиоланском (Миланском) эдикте, воздерживаясь от какого-либо вмешательства в религиозные дела. Его брат и соправитель Валент, однако, принял сторону последователей арианства, хотя его сыновья Грациан и Валентиниан II не смогли избежать давления церкви, призывавшей положить конец язычеству.

За «поворотным пунктом Константина» последовал «поворотный пункт Феодосия». Набожный Феодосий, уроженец римской Испании, через год после того как в 379 г. стал императором, издал в Фессалониках эдикт, который предписывал всем гражданам империи твердо придерживаться единой Никейской веры, проповедовавшейся епископом Дамасом I в Риме и епископом Петром в Александрии. Этот эдикт, делавший христианство государственной религией, был возвратом к положению, существовавшему до 313 г., когда христиане пользовались преимуществами по сравнению с язычниками. В 382 г. Грациан отказался от титула «великого понтифика», тем самым доводя до конца отделения императорской власти от традиционных религий. Римский Сенат в лице своего представителя Симмаха потребовал восстановления на традиционном месте в здании Сената Алтаря победы, возведенного Августом. По настоянию епископа Авросия Медиоланского, в 384 г. это требование было отклонено. Несовместимость взглядов сторонников язычества и христианства, связанных с этим делом, разъяснены в отчете Симмаха императору и в двух ответах Амвросия в письмах 17 и 18. Освобождение от налогов, когда-то пожалованное языческим жрецам, было отменено, а доходы их храмов конфискованы.

Во время событий в Каллиникуме, где император приказал восстановить синагогу, сожженную христианами, и в Фессалониках, где по приказу императора, посланного из Милана, было жестоко подавлено восстание, Феодосий (*Contra Auxentium*, 36) вынужден был, в свою очередь, уступить Амвросию, который считал, что император находится «в церкви, а не над ней». Язычество было объявлено вне закона, когда в 385 г. за предсказания была введена смертная казнь; в 391 г. было запрещено отправление публичных культов, в 392 г. – частных культов. В тот же год это привело к восстанию язычников во главе с узурпатором Евгением против Феодосия. Разгром языческой коалиции 6 сентября 394 г. в битве на Холодной речке (которая течет с Карнийских Альп на восточную равнину приальпийской Италии, ныне в провинции Удине) означал вместе с тем и разгром язычества. Христианские документы объясняют исход этого сражения, как и более раннего сражения у Мульвиева моста, божественным вмешательством.

Нараставший упадок власти императора в V в. вел к усилению власти христианской церкви. Этот процесс ускорился в период междувластия (*interregnum*), т.е. в период между окончанием римского правления в 476 г. и появлением германских царств, ставших преемниками Рима во всех частях Западной Европы, где во многих городах епископ был единственной властью, остававшейся на месте. Окончательное разделение между Восточной Римской империей и Западной Римской империей, которое произошло после смерти Феодосия в 395 г., стало предвестником разделения и их церквей.

Участники Вселенских соборов, которые проводились на востоке: в Эфесе (441 г.) и в Халкидоне (461 г.), пользовались почти исключительно греческим языком. Восток позволил постепенно забыть латынь, а Запад почти полностью забыл свой греческий. Общение между Римской церковью и Константинопольской церковью было прервано в период между 404 и 415 гг., а затем опять на 35 лет начиная с 484 г. Верховенство епископа Рима усиливалось агонией Западной империи: папский Рим стал фактическим наследником императорского Рима в этом веке, после того как последние императоры перенесли свою резиденцию в Равенну. Позднее это двойственное положение было подтверждено установлением временных прав Папского государства на основе сфабрикованного документа VIII в. («Дар Константина») о якобы состоявшейся передаче Константином римскому папе Сильвестру I неких прав в 314–315 гг. Это узаконивало двоевластие, которое французский поэт назвал «эти две половины Бога, Папа и Император».

ХРИСТИАНСКАЯ МИССИЯ: ДОСТИГНУТЫЙ ПРОГРЕСС И ВСТРЕТИВШИЕСЯ ПРЕПЯТСТВИЯ

В «обрядовом» обществе, в котором религия была публичным институтом, полностью соответствовавшим политической власти, было бы преуменьшением рассматривать переход императора в другую веру как «поощрение» к изменению веры его подданных: эдикт, принятый в Фессалониках в 380 г., был логическим завершением обращения Константина в христианство в 312 г. Длительный период, разделявший эти два события, является показателем того, насколько трудно было людям согласиться с происходившими изменениями.

Изображения на монетах и деревенские святилища, посвященные культам природы, были всего лишь двумя признаками того, что боги оставались вездесущими. Все еще оставались частные и публичные институты традиционных религий, пронизывавшие городскую жизнь, календарь, мысли и поступки людей. Уже в середине V в. римский папа Лев I (440–461 гг.) сожалел о том, что некото-

рые верующие все еще поворачиваются к Солнцу перед входом в базилику святого Петра, чтобы послать поцелуй поклонения светилу.

И все же распространению христианства способствовало ослабление религиозной дисциплины, которая была результатом как распространения эллинистического индивидуализма, так и нарастания духа скептицизма и философского безразличия у части язычников. Восточные религии ускорили обращение в христианскую веру, которая, подобно им, несла «добрые вести о спасении». С конца III в. христианство привлекало все большее число последователей не только из-за своей сильной общественной структуры и своего учения, но и даже в большей степени благодаря своим идеалам человеческого братства, благотворительности и из-за появления ежедневных, сезонных и ежегодных литургических праздников, многие из которых происходили теперь в зданиях, ставших общественными местами. Людей поражал героизм его мучеников, часто способствовавший обращению в христианство.

Христианство приносило с собой новые места собраний и новые формы общественного взаимодействия. Блестящее христианское богослужение в городских базиликах начало конкурировать с блеском игр и публичных развлечений. Святилища в честь мучеников привлекали толпы людей к их могилам или останкам в годовщины их гибели. Многие верующие совершали паломничество на Святую землю, чтобы посетить места, которые стали священными из-за событий, описанных в Библии, и затем многие из них восхваляли величественные святые места Иерусалима и Синая. Многие паломников привлекали монашеские обители в Египетской пустыне.

Этот процесс роста поддерживался официальной политикой терпимости, которой следовали с 313 г. и всеми преимуществами императорского покровительства. Быть христианином становилось все более выгодно; в результате происходило обращение – по множеству причин – многих представителей элиты, за которыми следовали люди более скромного достатка. Так, известный христианский писатель и поэт Пруденций (348 – после 405 г.) поэтически объявил, что «Рим охватывает вера в Христа с безоговорочной любовью» и что «...оставляя позади себя у Тарпейской скалы множество последователей, двор Эвандера двигается толпой к святилищам назарейцев и апостольским источникам». После периода восстановления язычества при Юлиане процесс христианизации снова замедлился и набрал темп во время правления Феодосия, когда христианизация находилась под защитой закона, путем распространения влияния церкви, «установленной» в империи; особенно процесс ускорился после 394 г., когда снова была продемонстрирована божественная поддержка побед христианского императора. Спротивление все еще исходило от большей части сельских местностей, где проповедь нового учения началась только в конце IV в., и также от интеллектуалов, многих римских сенаторов и большого числа солдат и командиров. Существовало, что языческий заговор 392 г. возглавили полководец Арбогаст, франк по происхождению, преподаватель риторики Евгений и оратор и знаменитый сенатор Никомех Флавиан.

Церковь формировалась как иерархически структурированное религиозное общество, состоявшее из духовенства, монахов и рядовых верующих. Она не могла расширяться одновременно и количественно, и качественно. Представители образованной элиты стали стремиться делать карьеру в ее рядах, поскольку епархии также стали желаемыми центрами власти. С 366 по 384 г. в Риме епископ Дамас прилагал большие усилия для обращения аристократии, организовывал поклонение мученикам, развивал учение Петра и до такой степени укреплял престиж епископа Рима и его духовенства, что некоторые счи-

тают его первым римским папой. Тем не менее, его языческий современник Аммиан Марцеллин, автор «Деяний», строго критиковал некоторых епископов за их образ жизни и противопоставлял ему скромные манеры некоторых провинциальных епископов («Деяния», 27/3, 14–15). Первый из этих двух портретов нацелен явно на Дамаса, а второй относится к епископам аскетического типа, подобным Мартину из Тура. Святой Иероним был столь же суров в осуждении недостойного поведения христиан-мирян, которые не обращали внимание на бедность простых жителей Рима: «Пергамент окрашен в пурпурный цвет, для получения букв расплавляется золото, книги отделаны драгоценными камнями, а Христос умирает в наготе перед их дверями» (Иероним, «Letter» 22, 32). Гораздо труднее изменить сердца и нравы людей, чем их показное поведение.

МОНАШЕСТВО

К счастью, подъем монашества способствовал сохранению церковной веры в героические формы христианства, представленные первыми отшельниками и мучениками. Идеал христианской жизни, проведенной в одиночестве и, что важнее, в воспитании внутреннего единства в стремлении к единому Богу, дал монахам их название: греческое слово *монахос* (монах) происходит от слова *монос* (один). Монашеское движение основали два египтянина: коптский христианин Антоний (между 256 и 356 гг.), буквально воспринявший совет Иисуса богатому юноше («продай что у тебя есть, раздай нищим... и иди и следуй за мной»), который ушел жить в пустыню (Евангелие от Матфея, 19, 21), и его соотечественник Пахомий: вскоре после основания отшельнического движения во время правления Константина он основал общежительное монашество, члены которого жили в соответствии с «правилом» под руководством духовного наставника (аббата). Отшельничество (эремитизм) – это разновидность уединенной жизни отшельников (от греческого слова *эремия*, означающего «пустыня»). Анахорет (пустынник, отшельник от греческого *анахоретин*, что означает «удаляться» или «уходить») – это человек, который удаляется от поселений, чтобы жить в пустыне, или, первоначально, лицо вне закона, ушедшее в «маки». Члены общежительного монашества – кинобии (от греч. *koinobios* – общежитие: *koimos* – общий и *bois* – жизнь) жили общей семьей. Слово «аббат» происходит от семитского слова «абба», что означает «отец». У ессеев из Кумрана и ферапевтов из Александрии, почитавшихся Филоном как образцы далекого прошлого, монашеский образ жизни был прежде всего ответом на евангелистский призыв к праведной жизни. Намереваясь превратить героизм христианских мучеников в «повседневное мученичество», это движение возникло в то время, когда «истеблишмент» церкви стал угрозой для сохранения моральной и духовной сущности Евангелия.

По этим причинам монашеский аскетизм сначала распространился на Востоке (прежде всего в Египте и Палестине и затем в Анатолии) и позднее на Западе, где епископ Афанасий Александрийский, биограф Антония и один из лидеров никейской ортодоксальности, энергично пропагандировал это движение в течение двух периодов гонения: первого – в Риме, второго – в Трире. Первый западный монастырь, дата основания которого имеется в записях, был основан в Галлии в 361 г. в Лигюже (современный департамент Вьенна). Епископы быстро осознали значение монашеских аргументов и, подобно Амвросию в Милане, защищали нарождающееся монашеское движение. Василий Кесарийский и Августин Блаженный, епископ города Гиппон (Северная Африка), сами были монахами, до того как предложили своему духовенству монашеский образ жизни, который характеризовался телесным

и духовным аскетизмом, приматом молитвы и благочестивого чтения Священного писания, уравновешенными регулярным физическим трудом. В Египте монахи стремились к двум идеалам: воинственной борьбе против сатаны и культивированию райской «ангельской жизни» в гармонии с Богом и природой. Раннее христианское общество, в своей идеальной форме описанное в гл. 4 «Деяний Апостолов», также служило образцом для монашеской жизни и пропагандировалось Августином в Африке.

Монашеское движение привело к первой реформе церкви. В ходе IV в. слово «обращение» приобрело второе значение. Это слово стало использоваться не только для обозначения перехода человека к христианству и присоединения его к церкви через крещение, но также и как переход человека к монашеской жизни. Некоторые представители высших слоев общества прошли оба таких обращения, прежде чем стали епископами. Примером является Пален из База (современный департамент Жиронда) в Галлии – отшельник, который в последние годы жизни стал епископом г. Нолы (область Кампания на юге Италии). Таким образом, монашеская жизнь стала школой епископов, которые вели праведный образ жизни, получивший весьма высокую оценку от римского историка Аммиана Марцеллина.

ХРИСТИАНСКИЕ МИССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Успехи, достигнутые внутри империи, сопровождались распространением христианизации народов за ее пределами. Эта миссионерская деятельность, в современном понимании этого слова, еще не была организованным движением; она велась главным образом стараниями отдельных христиан, которые были изгнаны или находились в плену в чужих землях. После периода жестоких гонений при шахе Ирана Шапуре II (309–379 гг.), исповедовавшем зороастризм, персидская христианская церковь нашла в себе силы для реорганизации при правлении католикоса города Ктесифон. В VII в. она распространяла христианское учение в Хорасане и на архипелаге Бахрейн, а затем, в VII в., продвинулась далее – к Индии и Китаю. В конце III в. произошло обращение в христианство Армении вслед за обращением первосвященником армян Григорием ее царя Трдата III, который крестился во время своего изгнания в Кесарии (Каппадокия). Позднее, около 330 г., произошло обращение в христианство и Грузии под влиянием христианского пленника Нино. В V в. каждая из этих двух церквей изобрела собственные алфавиты, перевела Библию на свой язык и создала основу христианской литературы. Моэн обратил в христианство сарацинов и стал первым епископом Фейрана (на Синопском полуострове). В Абиссинии два грека, потерпевших кораблекрушение, с успехом проповедовали Евангелие при дворе царя.

К северу от Дуная готы были обращены в христианство «епископом готов» Ульфилой, потомком семейства, которое они в III в. вывезли из Каппадокии. Ульфила, который был посвящен в сан Евсевием в Никомедии в 341 г., проповедовал арианскую версию христианства, которая была впоследствии принята большинством германских народов; начиная с V в. арианство вызывало серьезные конфликты между германскими правителями и их римскими католическими подданными, особенно в Африке при вандалах. Ульфила перевел Новый завет на готский язык, этот перевод остается самым ранним из сохранившихся письменных трудов на германском языке. Наконец, в 432–461 гг. британец Патрик возвратился в Ирландию, где ранее был в плену, для проповеди христианства в этой стране. Таким образом, как и в первые два века, эта «иноземная» христианская миссия развивалась хронологически в направлении с востока на запад. Это было тонкое

проявление апостольской инициативы, предпринимавшейся отдельными христианами в течение тех веков, когда церковь достигла значительного прогресса на римской территории.

ПРОЦВЕТАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ В МИРУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИИ

В конце эпохи античности, т.е. между III и VI вв., произошло последнее культурное возрождение греко-римской цивилизации как на греческом Востоке, так и на латинском Западе. Будучи библейской и воплощающей религией, христианство должно было быстро приспосабливаться к культурам разных эпох, чтобы иметь возможность перевести, распространить и отстоять весть о спасении. Таким образом, рост его общин, интерпретация откровения, содержащегося в Священном писании, провозглашение и защита веры уже в первых двух веках н.э. позволили создать основу христианской литературы и даже христианского искусства. Обращение в христианство императора, сопровождавшееся обращением римского общества, послужило мощным стимулом для творчества писателей и художников. В «эру духовности», как было названо это время в 1977–1978 гг. на Нью-Йоркской выставке искусства поздней античности и раннего христианства (с III по VII вв.) (выставка включала в пять разделов: имперский, классический, светский, еврейский и христианский), христианство стало новым источником жизнеспособности и обновления каждой формы выражения: устного и письменного слова, архитектуры, иконографии, церковных церемоний и похоронных обрядов. Как только художественные формы древней культуры стали оторванными от язычества, которое потеряло свой официальный статус, она становилась все более «подходящей» для использования христианами.

Обоснование этой доктрины «правильного использования» было основано на христианской интерпретации двух эпизодов Ветхого завета. Христиане могли признавать древнюю культуру таким же образом, как израильтянам разрешалось брать в жены иноземных пленниц при условии, что «она брила свою голову и стригла ногти», и к тому же христиане могли приспосабливать элементы языческой культуры для выражения своей веры на том же основании, на котором израильтянам было велено взять с собой «драгоценности у египтян» при их бегстве из Египта. Святой Августин часто и подробно останавливался на этом христианском толковании первого текста, а Святой Иероним – на втором. Святой Павел, проповедовавший с холма Ареса афинянам и пытавшийся склонить их к христианскому монотеизму, цитировал стихи языческих поэтов Эпименида и Арата, но он предостерег в своем «Послании к Колоссианам» (2:8) против философских ловушек. Такое диалектическое отношение показательное для отношения христианства к реалиям нашего временного мира, который поражен грехом, но был создан Богом и возрожден благодаря Иисусу Христу: это было «новое творение во Христе», о котором он говорил во Втором «послании к Коринфянам» (5:17).

ЭПОХА «ОТЦОВ ЦЕРКВИ»

Оптимистическое христианство эпохи Константина, которое унаследовало эту двойственную традицию отката и восприимчивости, умерило первую и придало особое значение второй традиции, что следует из исключительного литературного наследия «Отцов церкви», относящегося к этому времени. Приблизительно в 370 г. епископ Василий Великий (Василий Кесарийский), бывший ученик

афинских школ, написал свое «Обращение к молодым людям о полезном использовании языческой литературы». Несколько позднее в Северной Африке Августин, преподаватель риторики, ставший епископом города Гиппон, написал свою «Исповедь», в которой критиковал традиционную литературную культуру, изучавшуюся им и преподаваемую им самим в школах. В то же время в своем «Христианском Уставе», он составил «хартию» новой христианской культуры, основанной на учениях Библии и церкви, направляющей верующего на путь персонального совершенствования в христианской жизни. Он определил цели, средства и даже формы этой культуры и проиллюстрировал свою теорию литературных стилей цитатами из произведений библейских и христианских авторов.

Толкование христианской веры было развито в IV в. в результате длительных споров, начавшихся в 320-х гг., представителями еретических взглядов, проповедовавшихся священником Арием из города Александрии, который утверждал, что Христос был самым совершенным творением, которого Бог принял как сына своего (следовательно, Христос как творение Бога-отца – существо, ниже его стоящее. – *Прим. ред.*). Этот вызов божественной сущности Христа разделили церкви греческого Востока, а через некоторое время продолжили разделять и церкви латинского Запада. Но это также привело к беспрецедентному подъему творческой активности. Очень многие литературные жанры (проповеди и гимны, теологические трактаты, полемика, толкования, историография и агиография – жизнеописания святых) использовались в христианских трудах, появившихся в следующие полвека для защиты и изучения тайнства Христова. Свой выдающийся вклад в эти споры сделали и некоторые выдающиеся мыслители, ораторы и стилисты, такие как епископ Афанасий Александрийский и Иларий Пиктавийский, епископ г. Пуатье.

Те дебаты стали также причиной созыва четырех важнейших Вселенских соборов. В 325 г. Константин созывал собор в Никее (современный Изник), который определил Символ веры, который был принят большинством христианских церквей и в котором утверждается, что Христос был «Бог истинный от Бога истинного, не сотворенный, единосущный Отцу». Это определение природы Христа было подтверждено в 381 г. Константинопольским собором, который дополнил символ веры определением божественной сущности Святого Духа, третьего члена Троицы: «Он есть Господь животворящий от Бога-отца исходящий, с Отцом и Сыном равно поклоняемый и прославляемый, говоривший через пророков» (из «Ветхого завета»). В 431 г. Эфесский собор осудил как ересь несторианство, основанное в Византии Несторием, который утверждал, что, хотя Мария и была матерью Христа, ее нельзя называть Матерью Бога (что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии воспринял божественную природу. – *Прим. ред.*). Защита церковного канона теологами помогла обосновать поклонение Марии, но и привела к серьезным разногласиям среди церквей Востока, где Несторий все еще имел много верных последователей. Это разделение обострилось в 451 г. на соборе в Халкидоне, который выдвинул доктрину о том, что Христос имел две различные сущности – божественную и человеческую – в одном Его лице. Многие восточные церкви, от Армянской до Абиссинской, твердо придерживались доктрины монофиситов о том, что Христос имел только одну сущность – божественную. На этих четырех Вселенских соборах большинство составляли греческие епископы, но Запад признал их догматы и принял большинство одобренных на них дисциплинарных мер.

В эпоху Феодосия, который был императором с 379 по 395 гг. (и был назван «великим» отцами Вселенского собора в Халкидоне в 451 г.), и во время правления его династии (395–455 гг.) христианская культура достигла

вершины реализации своего творческого потенциала. Наиболее блестящие произведения на греческом включали в себя работы трех «Каппадокийских Отцов» (Василия Кесарийского, его брата Григория Нисского и его друга Григория Назианзина) и труды Иоанна Златоуста (прославившегося своими красноречивыми проповедями на греческом языке), являвшегося епископом Антиохии, до того как стать епископом Константинополя. Труды на латыни включали писания Амвросия, епископа Милана с 374 до 397 гг., Иеронима, монаха и священника из Вифлеема с 386 по 419 гг., и Августина, епископа города Гиппон с 395 по 430 гг. Вместе с римским папой Григорием I, епископом Рима с 590 по 604 гг., эти люди стали известны как четыре «Отца» латинской церкви, названные так потому, что как «отцы в вере» они были гарантами и образцом верующих в христианскую культуру в ее тройном августианском значении: христианской веры, образования и культуры.

Их труды удовлетворили не только интеллектуальные, моральные и духовные запросы христианских общин, но и эстетические потребности образованных, обращенных в новую веру людей, чья приверженность христианской вере ускорила процесс христианского восприятия классической культуры. В целом это был медленный процесс культурного переноса, в котором грамматика служила средством толкования Библии, риторика была усвоена епископами, которые, как служители Слова Божьего, надевали мантии античных ораторов, а философия давала возможность богословам различного толка использовать философские концепции и методы, которые можно часто распознавать в рассуждениях ведущих еретиков. Рядовые верующие также принимали участие в этом расцвете литературы. Наиболее ярким примером на западе был Пруденций, родом из Испании. Его лирические и эпические, дидактические и полемические поэмы, соединявшие в себе качества духовного упражнения и идеологического манифеста, в причудливом стиле барокко прекрасно выражали христианский триумфальный дух эпохи Феодосия.

ПОДЪЕМ ХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Двухмерная экспансия христианской религии, т.е. в пространстве (так как базилики стали публичными местами для собраний) и во времени (поскольку христианские праздники были занесены в календарь), нашла отражение в литургических, архитектурных и иконографических работах, в которых шел тот же процесс передачи, что и в области литературы. Христианское богослужение обогатилось элементами императорского церемониала и развило различные формы устного выражения. Таким образом исповедь, молитва, чтение Библии, проповедь, пение псалмов и гимнов повышали уровень участия христиан в ритуальных проявлениях тайнства спасения. В Риме и в Иерусалиме Константин построил главные прототипы христианской формы архитектуры, созданные на основе классических моделей. В Риме такими прототипами являлись базилика Святого Петра (в Ватикане) и Святого Павла на Виа д'Остия, собор и баптистерий (крещальня) на Латеранском холме; в Иерусалиме – великие храмы Воскресения и Елеонский храм. Храм Воскресения представляет собой ротонду, построенную на месте погребения Христа, а Елеонский храм был построен на Масличной горе, на месте Вознесения Христа. К этим храмам следует добавить множество разнообразных памятников, посвященных христианским мученикам и, позднее, в память о епископах, причисленных к лику святых.

Фрески и мозаики, погребальное искусство на саркофагах и украшенные предметы – все это вносило новое христианское значение в языческие образы (вроде молящихся и доброго пастыря). Были также созданы новые повествовательные образы в изобразительном искусстве,

в котором языческие мотивы приобрели иное значение, отражая события из Ветхого и Нового заветов. Этим объясняется двусмысленность аспектов многих произведений, в которых сохранился тайный христианский дух прежних веков, например статуи Христа-Аполлона на могиле в Ватикане и изображений Христа в виде «доктора» веры, сидящего в позе императорского величия и держащего свиток.

Заслуживают упоминания светские и эпиграфические труды римского папы Дамаса I. В период между 366 и 384 гг. он закончил преобразование Рима в христианский город, который стал служить примером планирования для новых средневековых городов. Центр общественной жизни переместился от форумов и языческих храмов к кафедральному собору и его пристройкам, с базиликами в честь мучеников в пределах и за стенами города, с христианскими кладбищами и местами для поклонения.

Августин любил называть его времена «христианской эрой» (*Christiana tempora*), и, действительно, христианство обновило римскую цивилизацию и помогло ей выжить благодаря оживленному процессу обсуждения, который достиг пика во время правления христианских династий Константина (306–361 гг.) и Феодосия (379–455 гг.). Это христианское преобразование античной культуры происходило путем смешения античности и христианства, при котором, однако, изначальный характер христианской религии не был выхолощен в новых формах выражения. Фактически христианство вышло окрепшим из этих столкновений, которые вынудили его консолидировать иерархическую структуру, более четко определить содержание веры и передать свои послания на новых языках.

Правда, были основания для беспокойства в отношении союза христианства со светской властью, которая продолжала физически подавлять разногласия в религиозных мнениях, не щадя шедевры языческого искусства. По крайней мере Амвросий Медиоланский и Мартин Турский возражали против казни в 386 г. в Трире епископа Присциллиона, последователя арианства, христианским императором Максимом, а христианский поэт Пруденций и приверженец христианства император Гонорий боролись против бессмысленного разрушения статуй христианами, первый – в своей поэме, а второй – в эдикте. Пруденций в произведении «*Contra Simmachum*» (I: 502–504 гг.) требовал «восстановления и очищения этих статуй, шедевров великих мастеров», чтобы они могли оставаться «наилучшим украшением нашей страны». Эдикт 399 г. был адресован гражданским властям Испании и Аквитании. Эти пятна, однако, не могут затемнить блеск христианского искусства и литературы, в которых великие достижения древнего мира обрели новые или восстановили прежние формы выражения, которые соответствовали христианской новизне. И лишь когда до основания был поколеблен Рим и возникла угроза романизованному христианству, Августин показал, что значение «*Божьего города*» не может быть сведено ни до христианской империи, ни даже до римской церкви; для церкви это был всего лишь Город Бога, все еще странствующего в чужих землях. Хотя церковь уже имела обещание вечной жизни, она еще не могла пожинать плоды этой жизни: даже в империи Феодосия, как свидетельствует Пруденций, ситуация была далека от того, что «на земле она такая же, какой должна быть на небесах».

12.3

НАШЕСТВИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНИЯ, НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И УПАДОК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Йоахим Херрманн

В 378 г. римский император Флавий Валент, правивший восточной частью империи, погиб в битве между готскими захватчиками и римлянами у Адрианополя на пути с Балкан в Константинополь. Следствием этого поражения было освобождение дороги готам и другим племенам в римские провинции и на сам Рим в 410 г., в который они вошли под предводительством Алариха. После 378 г. готы стали «федератами» (*foederati*), т.е. союзниками Рима, поселившимися на территории самой Римской империи, а не вне ее границ, как это делали «федераты» прежних времен. Таким образом, в 378 г. начался новый период в отношениях между империей и северными племенами и племенными союзами вдоль римских укрепленных границ (*limes*) в Европе. Конечно, этот поворот был результатом кризиса внутри самого римского общества (гл. 12.1), но этот кризис был вызван вторжением кочевых племен гун-

нов в области к северу от Черного моря. В 375 г. они победили остготов и разрушили их царство, которое существовало там несколько веков. Разбитые готы, у которых было много хорошо обученных воинов и была иерархическая структура управления, бежали на запад и в конечном счете пересекли границы римских территорий в районе нижнего течения Дуная. Знакомые с римской культурой и даже отчасти с христианством, они пытались поселиться в пределах территории Римской империи и в долинах Карпат. Гунны очень быстро проникли в области к северу от Дуная, достигли римской провинции Паннония и района между реками Тиса и Дунай и там расселились. Вторжение гуннов затронуло интересы многих племен Восточной и Центральной Европы и отчасти вынудило их оставить земли своих предков. В 375 г. началось, так называемое Великое переселение народов.

12.3.1 ГУННЫ

Иштван Бона

Илл. 67, 68

Гунны переправились через Волгу и в 370-е гг. нанесли поражение аланам, рассеяв их и положив конец тысячелетнему господству иранских народов в степях. Усиленные аланскими вспомогательными отрядами, они разбили войска остготской империи Эрманариха, позволив лишь небольшой группе остготов бежать на римскую территорию. В начале осени 376 г. вестготы Атанариха расселились по Днестру, а их большая часть перешла на территорию Восточной Римской империи. В течение следующих двух десятилетий гунны создали к северу от Черного моря свою империю и только в 395 г., во время гражданской войны в Римской империи (гл. 12.1) предприняли походы (хорошо представлены в имеющихся документах) через Кавказ и к нижнему течению Дуная, т.е. к обеим частям Римской империи. Их неожиданное появление вызывало панику. На восточных территориях рассказывали ужасные истории об их жестокости; на западе вестготы Алариха отступили через проливы в Грецию. В 400 г. армия гуннов во главе с Ульдином вошла на территорию современной Валахии и стала неожиданным союзником римлян. Гунны помогли ради дружбы Восточной и Западной Римским империям в войне против готов Гаинаса и (за деньги) против готов Алариха I, когда готы Радагаиса напали на Италию. Нападение гуннов, известное только по его последствиям и археологическим находкам, вынудило бургундов и вандалов-селингов покинуть регион Вислы–Одера. Последние вместе с карпатскими вандалами-асдингами и квадами/свевами 1 января 407 г. вторглись в Галлию и в 409 г. достигли Испании.

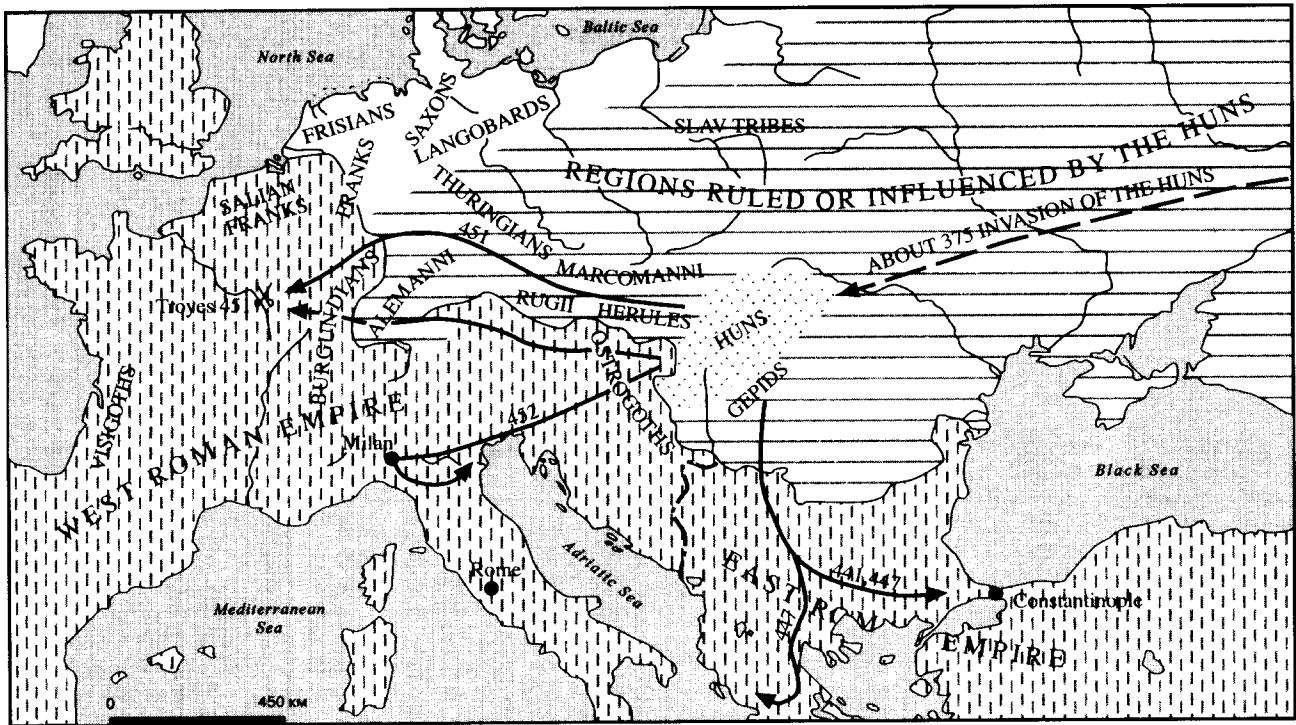
Летом 408 г. после смерти римского императора Аркадия гунны разорвали дружественные отношения с восточными римлянами. Армейские и вспомогательные отряды Ульдина уничтожили защитные сооружения на северном берегу нижнего течения Дуная, переправились через реку и заняли укрепление Кастра Мартис (Кула, Болгария). Последовавшая за этим неудача Ульдина в Восточной Римской империи помогла западноримскому императору Гонорию в его борьбе против Алариха I. Первая восточная римская война завершилась мировым договором, подписанным в 412 г. представителями Константинополя и Харатоном, верховным вождем гуннов вблизи дельты Дона.

Гунны снова напали на Восточную Фракию в 422 г., и примерно в 424 г. верховный вождь гуннов Руга расширил территорию империи гуннов до равнин на востоке от Тисы в современной Венгрии. Отсюда он послал большую армию на помощь узурпатору Иоанну, ставшему новым императором Западной Римской империи. Эта помощь прибыла слишком поздно, что только усилило Аэция, в то время являвшегося заложником и другом гуннов. Гуннские наемные вспомогательные войска Аэция в 426 г. избавили Арль от осады вестготов и в следующие годы успешно осуществляли восстановление Римской империи в Галлии.

Следовательно, историческая роль гуннов в мировой истории состояла в том, что их массовое передвижение на запад в период после 375 г. дало толчок Великому переселению народов в Европе. После образования европейской империи гуннов, однако, ни один народ не смог избежать их господства. Войска гуннов помогли Аэцию, «последнему из римлян», между 425 и 440 гг. победить вестготов и изгнать германских захватчиков из Северной Галлии, Раэции и Норика. В 437 г. войска союзных гуннам племен победили племя бургундов (нибелунгов) у Вормации (современный г. Ворлес в Германии). Это была смертельная схватка, позже послужившая основой для немецкого героического эпоса «Песнь о Нибелунгах». Помощь и поддержка империи гуннов продлили агонию Западной Римской империи, а провинции за Рейном и Дунаем были впервые захвачены франками, алеманнами и свевами только после разгрома гуннов около 450 г.

Однако помощь гуннов стоила дорого. В 433 г. Аэций был свергнут и бежал через провинцию Паннония, которая в то время оставалась римской, к гуннам Руги. Они помогли ему (в 434 г.) снова вернуться к власти, и в ответ Аэций от имени Западной Римской империи подписал в Риме договор, наделявший его союзников-гуннов провинциями Паннония Прима и Валерия. В это же время гунны возобновили нападения на Восточную Римскую империю, которые прекратились со смертью верховного вождя гуннов Руги. Восточные римляне были вынуждены принять условия мира, продиктованные Бледой, новым верховным вождем (434–445 гг.), и его младшим братом Аттилой, по которым на римлян было возложено тяжелое и унижающее бремя. Воспользовавшись нападением вандалов на Сицилию и новым поступлением персов на востоке, войска Бледы, несмотря на мирный договор, осадили и захватили города Мезии Прима (ныне территория на севере Сербии), затем пересекли реку Саву, вторглись в Паннонию Секунда и завоевали Сирмию на реке Сава (ныне Сремска-Митровица). В 441–442 гг. в войну вмешались войска восточных гуннов Аттилы. Константинополю пришлось просить о мире. Соглашение, названное по имени подписавшего его «1-й мир Анатолия» (443 г.), стало началом золотого потока в царство гуннов, который составил «вознаграждение» в 6 тыс. фунтов сразу и ежегодную дань в 2,1 тыс. фунтов (илл. 67, 68).

Аттила, захватив в 455 г. власть путем государственного переворота, основал свою центральную Орду (резиденцию верховного вождя) в районе Тисы, откуда он представлял военную угрозу обеим империям. Его прежний союзник, правительство в Равенне, пыталось успокоить его, передав провинцию Савия и добавив к этому титул *магистер милитум* (верховный командующий) с соответствующим доходом. С 449 г. Аттила готовил поход против Запада. Хотя поход против Галлии не был успешным, он произвел на Западную Европу того времени настолько шокирующее впечатление, что заставил мир забыть о значительно более опустошительных войнах против Восточной Римской империи.

Карта 10. Гунны и Европа (схема Herrmann)

Город Аурелианум (Орлеан), защищавший мост через реку Луару, был в последний момент спасен армией короля вестготов Теодориха I и вспомогательными войсками Аэция. Атилле пришлось отступить. Эти объединенные войска встретили армию Атиллы в пяти милях в западу от города Труа, где произошла знаменитая битва на Катаунских полях. Поскольку ни одна из сторон не смогла заставить другую покинуть ее лагерь, это означало поражение Атиллы, который решил отступить, так как мог без преследования подойти к Рейну и переправиться через него.

В 452 г. Атила начал менее успешную кампанию в Северной Италии. Во время подготовки к новой войне против Восточной Римской империи весной 453 г. Атила внезапно умер от кровоизлияния.

Описание его типично азиатских похорон, напоминающих похороны тюркских шахов, оставлено для нас Иорданом на основе описания историка Приска. Атила в тройном гробу был похоронен в строжайшей тайне.

Последним верховным вождем гуннов был Эллак, старший сын Атиллы и великой принцессы Ариканы. Он погиб в 455 г. в сражении на реке Недао, в до сих пор не известном месте, при нападении гепидов, ругиев, свевов и сарматов, объединенных под предводительством короля гепидов Ардериха. Остготы и скиры в этом сражении все еще находились рядом с гуннами. Гунны, бежавшие на восток, были собраны и реорганизованы средним сыном Атиллы Денгизихом. Они были окончательно разбиты войсками Восточной Римской империи в 469 г. Это означало конец европейской истории гуннов.

Источники того времени согласны в том, что военные успехи гуннов достигались благодаря их превосходной коннице. Их лошади были неутомимы как летом, так и зимой, луки с обратным изгибом, усиленные накладками из кости, считались удивительным оружием, и со своих высоких изогнутых седел они могли поражать врага тучами стрел, стреляя одинаково хорошо во все стороны. Не случайно одним из их символов и знаков достоинства был «золотой лук», украшенный или покрытый золотом. Их находят в захоронениях вождей гуннов. Великим походам Атиллы предшествовали набеги больших или малых конных

отрядов, которые могли охватывать большие территории благодаря скорости передвижения и неожиданности нападения. Решающим элементом их боевых действий было одновременное перестроение: при разведке, окружении и отвлекающем или реальном нападении с нескольких, часто фланговых направлений.

Организация империи гуннов была основана на военной системе. Сначала захватывались стратегически важные территории. Затем они организовывали систему вассальных царств, к 450 г. занявших половину Европы. Империя возмужавала сначала правителями-воинами, с одобрением встречавшимися при появлении в Европе, а затем верховными вождями, хотя до монархии Атиллы были также и второстепенные князья.

В монархии Атиллы вождями империи были сыновья, родственники, «избранные» (*logades*) и «друзья-последователи» (*эпитедеиои*) верховного вождя. Последние были талантливыми людьми разного происхождения (гунны, иранцы, греки, римляне, германцы), место и порядок службы их были твердо установлены.

Высказывались противоречивые мнения об исторической роли гуннов. Существует мало письменных свидетельств об их образе жизни и внутренней структуре общества. Они, а также позднее переписанные из них источники в основном относятся к последним тринадцати годам империи гуннов, когда Бледа и Атиллы, а позже монарх Атиллы вели жестокую войну против Восточной Римской империи. Два похода на запад, которые в настоящее время обычно расцениваются как символ борьбы между востоком и западом, занимают только последние три года этого периода. Однако в западной войне Атиллы вовсе не «гунны» и «римляне» противостояли друг другу, а системы поздней империи и раннего феодального феодализма. Вестготы, бургунды, франки, аланы, саксы, т.е. военные поселенцы варваров, называвшиеся *laeti*, и свиты римских сенаторов защищали Галлию от остготов, гепидов, тюрингов, ругиев, скиров, сарматов и других франков, в то время как римские и гуннские лидеры были не более чем действующими силами этих событий.

Ригоберт Гюнтер

В поздней Римской империи изменившиеся социальные условия создавали благоприятную почву для распространения социальных волнений. Повсюду на удаленных территориях империи были «повстанцы» (*latrocinium*). Римляне считали повстанцем (*latro*) любого поднявшего оружие против государства. В случае поимки их мог ожидать смертный приговор. Повстанцами были бродяги, беглые рабы или поселенцы, дезертиры из армии или просто люди, недовольные римским правлением. Они уходили в малопригодные для жизни места, такие как удаленные долины, горы и болота, с которых они вели партизанскую борьбу против римского государства. Начиная со второй половины II в. в некоторых провинциях империи она превратилась в полномасштабное повстанческое движение.

С конца III в. восстания стали реже ограничиваться территориями провинций, к ним стали примыкать массы бедноты и недовольного населения, прежде всего в сельской местности. В этих событиях участвовали также представители племен варваров, проживавших на территории Римской империи, и они в конечном счете превратились в широкомасштабные народные движения. В 285–286 гг. сельское население в некоторых частях римской Галлии восстало против имперского правления. Повстанцев называли «багауды» по кельтскому слову, означавшему «борец», и они в основном представляли собой обедневших крестьян, беглых рабов и дезертиров из армии.

Местных римских военных сил, размещенных в Галлии, было недостаточно, чтобы сдерживать германские племена у границ и бороться против движения багаудов. Под предводительством своих вождей Элиана и Аманды (последний фактически был узурпатором) багауды первоначально добились нескольких ограниченных успехов, но с прибытием войск под командованием императора Максимиана восставшие были вскоре разбиты.

Багауды формировали вооруженные отряды. Из «*Rapenburgici latini*» (2/10, 4, 3) следует, что крестьяне, не искусенные в искусстве войны, хотели стать солдатами, пахари вступали в пехоту, а пастухи – в конницу, в то время как все сельское население уподобилось враждебным варварам. Багауды опустошали владения галло-римской аристократии, а также пытались захватить многие небольшие города.

После подавления восстания багаудов о них в течение длительного времени ничего не было известно. Однако память об этом народном движении жила среди крестьян в течение больше сотни лет, и в начале V в. новое мощное сельское движение против римского государства в Галлии также стало называться «багауды». Оно вспыхнуло в 407 г. н.э. на полуострове Арморика, получившем позднее название Бретань, и в районе устья реки Луары – в местах, из которых были изгнаны римские правители. В своей поэме Рутилий Наматиан в 417 г. н.э. описывает происходившие социальные изменения и то, как землевладельцы доводили рабочих в своих хозяйствах почти до состояния

рабов. Вполне возможно, что этот автор имел в виду багаудов.

Комедия «Кверол» («*Querolus*»), написанная неизвестным автором, рассказывает о крестьянах Луары, живших в лесах и бывших свободными от римского права и правосудия. В 435 г. движение багаудов под предводительством Тибатто распространилось на территорию Внутренней Галлии. Двумя годами позже римляне пленили Тибатто и подавили это движение, но не позже 440 г. багауды снова появились в Галлии, а также в Испании. Римский полководец и поэт Флавий Меробад в 443 г. боролся против испанских багаудов, а в 454 г. Фредерих брат короля вестготов Теодориха окончательно разбил их в провинции Тарраконенс (ныне Таррагона), действуя совместно с вестготской федеративной армией «*ex auctoritate Romana*» (по приказам римлян). С 440-х гг. о багаудах в Галлии больше не было слышно, и в их подавлении, вероятно, принимали участие армии германских племен. Христианский римский писатель Сальвиан из Массилий (Марселя) в своем труде «*De Gubernatione Dei*» (5/6) так характеризовал багаудов:

«Теперь давайте поговорим о багаудах, которых наказали суровые и жестокие судьи, которые были повержены и убиты и которые после потери права на римское гражданство также лишились чести носить римское имя. Мы сами виноваты в их несчастьях. Мы судим о них по названию, которое мы сами дали им. Мы назвали их мятежниками, заклеили их как испорченных людей и вынудили их стать преступниками. Как случилось, что они стали багаудами? Это следствие нашей несправедливости и подлости наших судей, запретов и воровства тех, кто несправедливо использовал для своей выгоды свое положение сборщика налогов с населения и использовал налоговые списки как средство удовлетворения своей страсти к наживе... Так что это произошло потому, что этих людей душили и убивали вороватые судьи, и они начали жить как варвары, потому что им не позволяли быть римлянами».

С 340-х гг. в Северной Африке стало формироваться еще более серьезное, по своей природе социальное и религиозное движение. В ходе этого десятилетия некоторая часть сельского населения, состоявшая из странствующих рабочих, беглых рабов и крестьян, а также членов берберских племен, живших на римской территории, объединились под именем агонистиков (букв. от греч. *agonistikos* – способный к борьбе) или борцов за истинную веру. Они были также известны как «циркумцеллионы», т.е. те, кто ходят вокруг церквей или амбаров.

Агонистики составляли наиболее радикальное и активное крыло донатистов – религиозного движения в римской Северной Африке. Они были настолько самоуверены, что считали себя почти святыми и стремились стать мучениками. Они в основном относились к сельскому населению, продолжавшему говорить на языке пунийцев (диалект финикий-

ского языка. – *Прим. ред.*) Они формировали военные отряды и бродили по стране, грабя дома католических крупных землевладельцев. Так как они были явно настроены против Рима, то получали поддержку от коренного сельского населения Северной Африки, владевшего землей, сельских священников, низших городских сословий, крестьян и сезонных рабочих, которые с трудом повиновались Риму.

Борьба, которую вели агонистики, была в основном направлена против ростовщиков, крупных землевладельцев, правительственных чиновников и высшего католического духовенства. Время от времени они заставляли рабовладельцев освобождать рабов, хотя такие действия не были связаны с общим требованием отменить рабство. У них были свои вожди, такие как Аксидон и Фазир, погибшие в боях с римлянами в 340-е гг. Они также вынуждали кредиторов прощать долги. После смерти Аксидона и Фазира во главе агонистиков встал руководитель донатистов епископ Донат из Багаи, города в Нумидии, который был казнен римлянами в 347 г.

В течение короткого времени (362–363 гг.) при императоре Юлиане донатисты пользовались теми же правами, что и католики, и движение агонистиков на некоторое время ослабло. Однако в период с 370 по 390 г. оно снова набрало силу и приобрело влияние.

В 372 г. н.э. вождь племени берберов Фирм призвал своих соотечественников восстать против Рима, а донатистов, и особенно агонистиков, присоединиться к этому движению. Повстанцы захватили много городов, а крупные землевладельцы и члены городской аристократии бежали к римлянам. Однако к 375 г. римляне подавили восстание.

Социальное и религиозное движение достигло наивысшего размаха в 390-х гг. В 397–398 гг. н.э. против Рима восстал брат Фирма Гилдо. Он завоевал доверие императора и с 385 г. являлся *comes Africae*, то есть был высшим чиновником в ранге генерала, а затем стал ведущим римским главнокомандующим в Северной Африке.

Призвав к восстанию, Гилдо прежде всего полагался на агонистиков и берберов, живших на границах империи. Фактически он пытался привлечь на свою сторону все анти-римские группы путем проведения новой земельной реформы, по которой его сторонники наделялись землей, отобранной у римских владельцев. Однако Гилдо сам стал самым крупным землевладельцем в Северной Африке. Ближайшим сподвижником Гилдо был донатистский епископ Опгат из Фамугади. В 398 г. это восстание было также подавлено.

Но даже и после этого движение донатистов и агонистиков полностью не закончилось. Католический епископ Августин Блаженный из города Гиппон (354–430) следующим образом описывал это положение (письмо 108, гл. 18):

«Единство исчезло, и это придает храбрости крестьянам подняться против своих землевладельцев; беглые рабы, отказавшиеся подчиниться апостольской дисциплине, не только покидают своих хозяев, но даже угрожают им, и не только угрожают, но и грабят их при буйных набегах».

В другом письме (185, гл. 15) Августин пишет:

«Какой хозяин не будет вынужден бояться своего собственного раба, если он бежал от его власти? Кто посмеет грозить слуге-разрушителю или его подстрекателю? Кто может прогнать расточительного кладовика или любого должника, если он искал их помощи и защиты? Под страхом избиений, поджогов и немедленной смерти уничтожали записи о ничем не стоящих рабах, чтобы они могли свободно уйти. Были возвращены долговые расписки... Некоторых землевладельцев благородного происхождения бросали полумертвыми после бичевания или привязывали к жернову и как тягловых животных заставляли его вращать».

Подавление восстания, поднятого Гилдо, стало серьезным поражением для агонистиков, но их движение все же продолжалось. Римское правление в Северной Африке испытывало большие трудности с отменой системы земельной собственности, введенной Гилдо. В связи с этим католическая церковь, в отличие от донатистов, поддерживала неприкосновенность частной собственности и подчинение рабов и колонов своим хозяевам.

В своих письмах и проповедях Августин призывал строго наказывать донатистов и агонистиков, принять принудительные меры против них и, чтобы заставить их уважать римский порядок, наказывать их крупными штрафами, конфискацией имущества, лишением свободы, бичеванием и принудительным трудом.

В период с 411 по 414 г. донатистская секта и движение агонистиков подверглись жестоким репрессиям. Закон против донатистов, принятый в 412 г. («Кодекс Феодосия» 16, 5, 52), также наложил на «циркумцеллионов» штраф в 10 фунтов серебра. Сомнительно, что сельскохозяйственные рабочие имели такую сумму, угроза штрафа использовалась лишь для запугивания.

Но даже и в этом случае оставшиеся агонистики сумели добраться до вандалов, которыми правил король Гейзерих, и которые в период с 429 по 442 г. завоевали Северную Африку, но об их дальнейшей судьбе ничего не известно.

КОНЕЦ ЗАПАДНОРИМСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

К середине V в. распад Западной Римской империи ускорился. В то время ее территория кроме Италии включала части Галлии, Испании и Северной Африки. В конце западноримского правления в 476 г. государство сократилось до территории Италии и нескольких небольших прилегающих областей на северо-западе и северо-востоке. Потерянные территории были заняты германскими племенами.

В конце мая 455 г. вандалы, которыми правил король Гейзерих, высадили большой десант с кораблей в устье р. Тибр. Во время следовавших беспорядков император Петроний Максим был убит толпой, а Гейзерих вошел в Рим и на две недели отдал своим войскам город на разграбление.

Узнав о смерти Петрония Максима, галло-римская аристократия с помощью вестготов возвела на трон полководца Епарха Авита (455–456 гг.). Однако итальянская аристократия отказалась поддерживать этого галльского претендента, и в последовавшем вооруженном конфликте итальянцы одержали верх. Авит был побежден полководцем Флавием Рисимером и убит при попытке бежать в Галлию.

В течение нескольких следующих лет, с 456 по 472 г., Флавий Рисимер стал ведущей политической фигурой в приходящей в упадок Западной Римской империи. После смерти Авита новый император Мажориан (457–461 гг.) назначил Рисимера верховным главнокомандующим Западной империи, и в этой должности он стал «творцом императоров», возводя на трон и свергая четырех императоров вплоть до своей смерти в 472 г. Рисимер был сыном короля свевов и вестготской принцессы. Как часто затем случалось, в поздней Римской империи, высший военный пост в ней находился в руках германца. Хотя политика, проводимая Рисимером, значительно ослабляла положение западноримских императоров, у того не было намерения упразднить само государство. Напротив, государство было обязано ему тем, что оно продолжало существовать в течение этих последних двадцати лет.

В следующие годы византийский император Лев I (457–474 гг.) все больше вмешивался в политику Западной Римской империи, предлагая поддержать восстановление единой неразделенной Римской империи и, по крайней мере, имел очень сильное влияние на судьбу Западного

Рима. Император Мажориан пытался исправить трудное финансовое положение государства, проводя административные и налоговые реформы. Он боролся против вестготов и бургундов, пытаясь укрепить положение Рима на территориях, пока еще остававшихся под его управлением, в Галлии и Испании. Он вел неудачную войну с вандалами и был в конце концов в 461 г. убит при подстрекательстве Рисимера.

Император Ливий Север (461–465 гг.) был потомком семьи итальянских сенаторов-аристократов, но оказался бледной фигурой в сравнении с Рисимером. Рисимер, например, чеканил свои инициалы на монетах в период правления Севера, как будто он был соправителем императора. Эгидий, которого Мажориан при поддержке франков назначил римским командующим для защиты территорий в Галлии, в течение короткого времени достиг успеха в борьбе против Рисимера и объявил остальную часть римской территории в Северной Галлии своим феодальным владением. В 463 г. при Орлеане он победил вестготов, а после его смерти в 464 г. его сын Сиагрий продолжал удерживать эту область для Рима в противовес Рисимеру. Это оставшееся галло-римское государство было расположено между Луарой и Сеной. Лишь через десять лет после падения Западной Римской империи эта территория была завоевана франками под предводительством короля Кловиса (Хлодвига) (482–511 гг.) в сражении при Суассоне в 486 г.

В это же время в Далмации возникло другое римское правление во главе с Марцеллином, римским командующим войсками на этой территории.

После смерти Ливия Севера императором с согласия Рисимера был назначен Антемий (467–472 гг.). Он происходил из Константинополя и был послан на запад Львом I для укрепления отношений между Западной и Восточной Римскими империями. Антемий вел войну и против вестготов в Галлии, и против вандалов, в последнем случае при поддержке Восточной Римской империи. Однако обе эти войны привели к очень тяжелому поражению императора. Кроме того, вандалы были хозяевами на Западном Средиземноморье, в то время как вестготы сбросили тяжелое ярмо статуса федератов, который они получили от Рима. В прошлом они, очевидно, всегда извлекали свою выгоду из такого положения, но теперь получили полную независимость.

Антемий был свергнут и убит Рисимером. Римские города снова подверглись разграблению, огню и мечу, на этот раз – в результате гражданской войны между противоборствовавшими римскими войсками. Следующий император Аникий Олибрий (472 г.) как представитель городской римской аристократии жил в течение длительного времени в Константинополе и был послан Львом I, чтобы занять трон Равенны, но он умер осенью этого же года. За ним последовал император Гликерий (473–474 гг.), который не был признан Константинополем. Гликерий преследовал скорее духовные, чем светские интересы. Его племянник Гундобад, принадлежавший к бургундской династии, был назначен западноримским главнокомандующим после Рисимера, умершего в 472 г. н.э., и продолжал политику своего предшественника. Гликерий отказался от трона, когда прибыл флот Восточной империи, и на трон был посажен новый император Западной империи – Юлий Непос (474–475 гг.), племянник Марцеллина, жившего в Далмации.

Во время правления Юлия Непоса Западная империя была вынуждена формально признать королевство вест-

готов, в то же время Восточная империя в 474 г. гарантировала политическое признание королевства вандалов. Единственной частью, не находившейся под властью Сиагрия в Северной Галлии, был располагавшийся далеко на юге Прованс. В 474 г., когда Гундобад был заменен галло-римским сенатором Экдисием, происходили и дальнейшие изменения в составе высшего военного командования, но Экдисию годом позже и самому пришлось уступить место генералу из Паннонии Оресту.

В августе 475 г. Орест изгнал императора из Рима и сам занимал его резиденцию в течение двух месяцев до возведения на трон своего сына Ромула. Ромул был еще лишь мальчиком и стал последним императором Западной Рима. Фактически же реальная власть принадлежала его отцу Оресту.

Орест отверг требование со стороны германских наемников, бывших под его командованием, предоставить им земли в Италии и гарантировать статус федератов, как ранее было сделано по отношению к другим германским народам Западной Римской империи. Сразу после этого отказа, в августе 476 г., эти германские наемники под предводительством Одоакра из германского племени скиров или ругов свергли Ореста и убили его. Ромул, которому дали ироническое прозвище «Августул», т.е. маленький Цезарь, был свергнут и сослан в его поместье в Кампании, где жил на содержании Одоакра.

Эти потрясения означали конец Западной Римской империи, хотя сосланный Юлий Непос, который жил в Салоне, в Далмации, вплоть до своей смерти в 480 г., при поддержке восточноримского императора все еще сохранял права на западноримский трон.

Однако у Одоакра не было намерения продлевать управление Западной Римской империей, и он отослал знаки имперского отличия и регалии в Константинополь, чтобы подтвердить главенствующую роль императора Восточной Римской империи. Германские наемники объявили Одоакра своим королем и, подобно западноримским императорам прежних времен, он выбрал своей резиденцией Равенну.

Таким образом, в 476 г. оказалось возможным упразднить Западную Римскую империю, потому что в тех исторических условиях она уже не приносила никакой пользы федератам и церкви, а римская сенатская аристократия обладала властью внутри и вне империи.

Даже в этом случае социальный и экономический строй общества поздней античности и его политическая структура не были устранены немедленно. Смещение последнего императора Западной Римской империи не сопровождалось революцией и не представляло собой исторический перелом между античностью и сформировавшимся феодальным обществом средневековой Италии. Действительно, для формирования этого феодального общества потребовались века. До конца VI в. Восточный Рим воздерживался от требования восстановить античное общество в Западном Средиземноморье. Во второй половине V в. Западная Римская империя окончательно подпала под власть германцев. Наиболее значительными признаками упадка Западной Римской империи можно считать нашествия германских народов, их военную силу, созданные ими на западных римских территориях царства, превращение их в V в. из внешнего во внутренний фактор жизни западного римского общества и, в то же время, прогрессивное ослабление античного общества Западной Рима.

12.4

СЕВЕРНЫЕ ПЛЕМЕНА, ПЛЕМЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

12.4.1

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Василики Папулия

Илл. 69

Борьба Византии за выживание началась не в 476 г., когда перестала существовать Западная Римская империя. Было бы правильнее считать, что она совпала с превращением *Pars Orientalis* в отдельное историческое образование в конце IV в. и с разделением государства после смерти Феодосия I в 395 г. Это образование продолжало существовать до прихода к власти Юстиниана в 518 г. С точки зрения политической теории наличие двух императоров – Аркадия на Востоке и Гонория на Западе – не означало утраты или разделения государства, однако с этого времени необходимость защищаться постепенно отдаляла эти две части империи и вела к появлению сил, которым предстояло определить ход последующего исторического развития.

Борьба Византии за выживание была отмечена рядом событий, которые произошли в период между смертью Феодосия I и приходом Юстиниана, в кризисный период, в котором произошел переход от христианского экуменизма Юстиниана к другой эре – к средним векам. Что касается Византии, то она выживала не в течение лишь нескольких десятилетий или даже одного-двух веков, что уже являлось бы важным, а в течение целого тысячелетия. Окончанием истории Древнего Мира следует считать время, когда государство больше не могло ни интегрировать варварские народы в свой состав, ни удерживать их вне своих пределов. Проникновение этих чужаков, а также другие факторы, связанные с преобладающим способом производства в поздней античности, вело к изменению отношений между городом и деревней, к дисбалансу, который нашел выражение в городском кризисе и в сдвиге экономики в сферу сельского хозяйства. Историческое развитие двух частей средневековой Европы – греческой правовой Европы и латинской католической Европы было предопределено появлением территориальной гегемонии, установленной различными племенами как на территории Римской империи, так и вне ее, которые вторглись в Западную империю и ослабили ее; ролью христианства как объединяющего фактора, а также наличием в этом регионе, который был колыбелью античной цивилизации, государства – Византийской империи, которая унаследовала как составные части, так и традиции Римской империи.

Развитие событий в этих направлениях еще ранее проявилось в решении Константина Великого перенести столицу империи на место города Византии по стратегическим причинам. Восточная часть государства была в большей степени подвержена бесконечным приходам волн из неистощимого человеческого резервуара Евразии к Дунаю

и региону, который был центром городской жизни империи. Причиной выживания Восточной империи можно также считать тот импульс, который был получен эллинизмом на нескольких уровнях культурной и общественной жизни. Таким образом, можно считать, что основой произошедшего изменения или преобразования был потенциал Восточной Римской империи для сопротивления, но можно также подойти к этой проблеме с другой стороны и исследовать различные факторы, которые обеспечили эффективность и решительность этой борьбы за выживание. В ограниченных рамках главы трудно рассмотреть влияние всех этих факторов. Тем не менее можно попытаться выделить три сферы, в которых проявлялась эта борьба за выживание: административная и военная, идеологическая и интеллектуальная, религиозная и богословская (илл. 69).

Решительность, которую Византийская империя проявляла в своей административной политике, вызвала много трений между двумя императорами, поскольку она стремилась присоединить Иллирию к Восточной империи и в 451 г. начала укреплять границы к северу от Балканского полуострова. Претензии Константинополя на Иллирию становились более значимыми для Западной империи, потому что она в большей степени, чем Восточная империя, находилась под влиянием военных лидеров варварского происхождения, которые обладали реальной властью и проводили в отношении варваров двойственную политику. Такова была политика Стилихона по отношению к вестготам во время правления Феодосия I, такой была политика Гаинаса, игравшего не вполне ясную роль во время восстания остготов, которых Феодосий I поселил в провинции Анатолия. Опустошения, причиненные нашествиями вестготов и остготов, были столь велики, что империя приняла энергичные меры не только в стратегической и военной областях, но и в общественной и идеологической сферах. Примечательно, что народ Византии неоднократно присоединился к этой борьбе в Анатолии и в Константинополе, где они помогли падению Гаинаса, который захватил власть и удерживал ее в течение шести месяцев. Это не было ни исключительным, ни временным явлением: существовала глубокая антипатия к готам и другим чужеземцам (варварам), которые служили в качестве федератов в византийской армии, занимая важные посты, но также и разоряли и грабили провинции Византии, участвовали в узурпации власти, интригах и любых спорах.

Эти волнения, характерные для данного периода, были также проявлением неравенств и противоречий, которые

дестабилизировали византийское общество; к ним относились: высокий уровень горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, вызываемой нашествиями и проникновением на его территорию других народов – с одной стороны, и, с другой стороны – стремлением государства нейтрализовать влияние различных институтов и прикрепить крестьян к земельным наделам; противоречие между усиливающимся государственным централизмом и интервенционистской политикой и существующими городскими структурами; огромные различия в положениях правящего класса и подданных империи, между богатыми и бедными, сильными и слабыми. Самым же главным противоречием было укрепление династического правления, в то время как реальная власть находилась у советников или даже у военных вождей варварского происхождения, и такое положение влияло на этнический состав Сената.

Интеллектуалы, представители светского общества, духовенства и проримской антигерманской патриотической партии, группировавшиеся вокруг Аурелия и Анфимия, преследовали две цели: во-первых, по возможности противостоять влиянию варваров и их проникновению в армию и государственные структуры; во-вторых, укрепить имперские институты в соответствии, с одной стороны, с принципами эллинистической традиции, считавшей «басилеев» (в эллинистических государствах *басилей* (василевс) – царь; в Византии – титул императора. – *Прим. ред.*) светскими правителями, и, с другой стороны, с принципами христианской религии, которая считала императора представителем Бога на земле и защитником бедных и слабых. «Нам нужен бог и *басилей*», – писал Синесий в своем уникальном произведении «О королевской власти» (гл. 66, с. 1053 и далее).

Все эти идеологические течения излагались в произведениях на греческом языке. В течение этого периода греческий язык достиг несравненного совершенства, особенно в проповедях Иоанна Златоуста, который, подобно другим отцам церкви, сумел найти соответствие между писаниями на греческом языке и христианской мыслью. Превращение Римской империи в Византийскую империю сопровождалось усилением эллинизации, нашедшей свое выражение, в частности, в учреждении в 425 г. Константинопольского университета, в котором преподавание на греческом пользовалось большим успехом, чем преподавание на латыни.

Другим крупным достижением этого периода было составление свода законов «Кодекс Феодосия», опубликованного в 438 г. от имени двух императоров, Феодосия II и Валентиниана III (Феодосий назначил Валентиниана императором, тем самым показывая гегемонию Восточной империи над Западной). Этому Кодексу предстояло стать основой для совершенствования судебной и административной систем, что являлось необходимой мерой для решения ряда других проблем, возникавших во всех сферах. Преемники Феодосия II, особенно Маркиан (450–457 гг.), обладавшая сильной властью Пульхерия (оба канонизированы церковью), Зенон (474–491 гг.) и император Анастасий (491–518 гг.) принимали важные меры для управления финансами империи и облегчения положения разных категорий налогоплательщиков. Зенон запретил частные тюрьмы, а Анастасий отменил хрисаргир, тяжелый налог на торговцев (общегосударственный налог золотом и серебром на все ремесла и промыслы, взимавшийся раз в пять лет со времен Константина Великого. – *Прим. ред.*). Меры для защиты народа принимались при Аркадии Флавии (395–408 гг.) консулом Анфимием, представителем антигерманской патриотической партии, о котором

Иоанн Златоуст сказал, что Анфимий прославлял свой титул, а не его титул давал ему славу. В результате антигерманской борьбы готы были удалены с ответственных постов, но поскольку государство не могло обходиться без их услуг, они были затем приняты в качестве наемников в индивидуальном порядке (а не целыми этническими группами «федератов») на службу под началом римских командующих; кроме того, были укреплены местные военные отряды; эти меры значительно укрепили безопасность Восточной империи. После ужасных нашествий гуннов, которым византийцы в первой половине V в. заплатили огромный выкуп за мир, неудача хорошо подготовленного похода во главе с Василиском против вандалов в Африке и после восстания остготов, вызванного в 453 г. распадом государства Аттилы, византийский император Лев I Великий (457–474 гг.), желавший избавиться от могущественных Алана, Аспара и других остготов, стал искать поддержки у своих воинственных подданных – исавров, одного из анатолийских племен, подвластных империи. Они вскоре стали источником другого бедствия: Аспар был устранен, иноземцы были снова изгнаны, но приближенным к трону стал вождь исавров по имени Зенон. Став императором Восточной Римской империи, Зенон вначале признал Одоакра королем после свержения тем императора Ромула Августула, однако впоследствии восстановил против него короля остготов Теодориха. Все эти волнения, войны, узурпации и восстания (как при Василиске в 475 г., так и при Виталиане в 513–515 гг.), не говоря уже о войнах против Персии во времена Зенона и Анастасия (исход которых был неясен), совпали со спорами и раздорами по проблемам христианства.

Единство по отношению к догматам христианства означало единство государства, хотя в богословском отношении решения соборов в Никее в 325 г., Эфесе в 431 г. и в Халкидоне в 451 г. были удовлетворительными, поскольку они обеспечили в качестве основания для догматов динамичной концепции Бога и Троицы, которая объединила евангелистское и апокалиптическое учение с концептуальным богатством греческой философии. Учение о Троице и сущности Христа как Бога и человека давало ответы на вопросы о духовности и созидательности Бога – с одной стороны, и сущности Христа как Спасителя – с другой стороны. Но поскольку восприимчивость к этим утверждениям различных слоев общества и этнических групп была неодинаковой, что порождало, в частности, появление так называемых димов – «партий цирка» (например, «зеленых» и «синих»), то христологические проблемы были предметом глубоких разногласий, которые стали известными как ересь: арианство, учение монофиситов, несторианство и их разновидности. Имперская политика оказалась неэффективной, поскольку императоры полагались на ту или иную партию для сохранения трона, даже если сами, подобно Зенону и Анастасию, не придерживались определенного мировоззрения. Именно Зенон в 481 г. обнародовал новый символ веры, отличный от принятого по предложению папы Льва I Халкидонским собором (451 г.), который в 484 г. привел к первому расколу (схизме) христианства. Анастасий же, будучи официально обязан исповедовать ортодоксальную веру, не принимал решительных мер ни в этой, ни в других областях. Он построил великую стену для защиты Константинополя от множества захватчиков, но не сделал ничего для таких провинций, как Сирия, Месопотамия и Африка, которые попали в руки арабов при первом же нападении. Несмотря на стремление Юстиниана к объединению церкви и восстановлению, все же выжила именно Восточная Римская империя как Греческая империя средневековья.

12.4.2

ЭПОХА ЮСТИНИАНА

Яннис Караяннопулос

Длительное правление византийского императора Юстиниана I Великого (527–565 гг.) стало одним из блестящих периодов византийской истории, а поскольку благодаря своему влиянию на соправителя – своего дядю Юстина I, он был реальным правителем империи с 518 г., то Византия VI в. может справедливо называться «веком Юстиниана».

Юстиниан был высокого мнения о миссии императора, и его твердая воля чувствовалась во всех проявлениях политической, религиозной и общественной жизни. Он знал, какие цели выбирать и как их достигать. Однако Юстиниан сделал характерную для увлеченных политиков фатальную ошибку: он забыл, что величие государства не самоцель и что любое достижение государства не может быть успешным, если оно достигнуто за счет благополучия граждан.

Императрица Феодора была преданной помощницей Юстиниана. У нее было бурное прошлое, противоречившее моральным принципам, но, выйдя замуж за Юстиниана, она полностью изменилась и оказывала ему неоценимую помощь. Юстиниан знал, как выбирать соратников. В армии, в законодательных учреждениях, в администрации и в сфере государственных финансов он расставлял способных людей, которые помогли ему в воплощении его планов.

В политике Юстиниана преобладали два идеала: восстановление старой Римской империи и распространение православного христианства на всей территории государства (сам Юстиниан был православным. – *Прим. ред.*). Его внешняя политика, известная как «отвоевание», была ориентирована на запад. Чтобы получить свободу действий на востоке, Юстиниан в 532 г. подписал мирный договор с Персией. Условия не были благоприятны, но они позволили Юстиниану начать выполнение своего плана – отвоевывать земли Римской империи. Этот план определял и отношение Юстиниана к римскому папе. Поскольку он нуждался в лояльности папы, то без колебаний принимал суровые меры против еретиков и язычников.

Наконец все было готово. В 533 г. небольшая византийская армия высадилась в Африке. Меньше чем за год она полностью разрушила государство вандалов (см. раздел 12.5.1). Поход против остготов Италии, ставший вторым краеугольным камнем его плана, был трудным и длительным предприятием. В 535 г. византийцы высадились на Сицилии и в следующем году двинулись в Италию. После четырех лет тяжелой борьбы они заняли всю страну вплоть до Равенны и в 540 г. взяли в плен короля остготов (Витигиса. – *Прим. ред.*). Но в следующем году остготы вернули себе почти всю Италию, и только в 552 г. новые византийские войска смогли отвоевать ее вновь. Тем временем другая византийская армия заняла южные побережья Испании.

Планы и цели Юстиниана на западе начали осуществляться, и хотя он занял только небольшую часть прежней Западной Римской империи, он хвастался тем, что

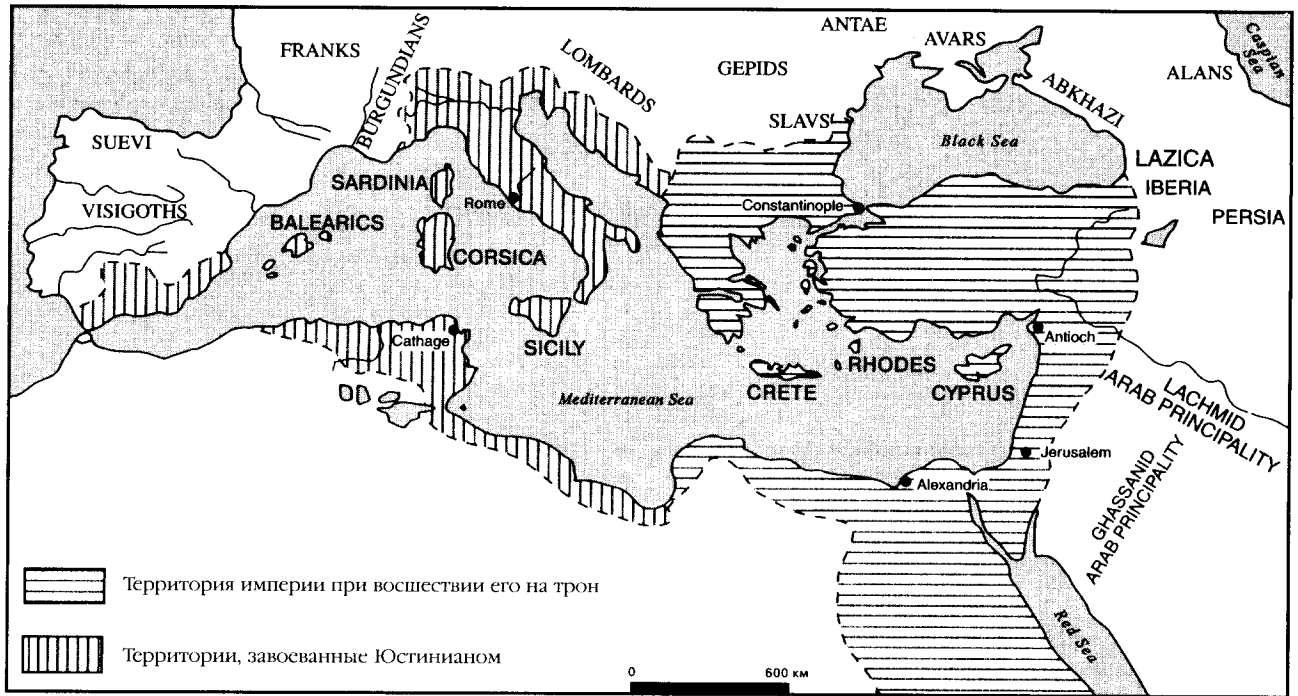
превратил Средиземное море в Римское озеро. С другой стороны, остготы были полностью разбиты, а население Италии деградировало в результате военных действий. Кроме того, военные достижения на западе были получены ценой тяжелых войн на востоке, где персы воспользовались возможностью денонсировать «вечный мир» 532 г. И только после долгих лет военных действий в 561 г. был подписан мир. Византийцы должны были оказать персам финансовую помощь и прекратить всякие религиозные преобразования в персидских районах. Персы должны были отказаться от своих претензий на Лазику – восточную часть Черного моря, которое таким образом стало Византийским озером.

Но государство все еще стояло перед лицом другого врага. Племена, состоящие из гуннов и славян, стали делать набеги на балканские земли, проникая глубоко на территорию государства, грабя и убивая (см. 12.3.1; 12.4.3). Заватчики были наконец изгнаны византийскими войсками, но хозяйство в этих регионах было истощено постоянными разорениями и набегами, а численность населения уменьшилась из-за резни и рабства. В северном балканском регионе отмечалось опасное сокращение численности населения, которое позже будет заменено иноземными этническими группами. Именно в эпоху Юстиниана на Балканах возникла проблема славян.

Амбиции Юстиниана не ограничивались восстановлением территории империи. Он мечтал воссоздать империю в своей внутренней структуре. Поэтому он попытался изменить законодательство и управление государством для восстановления общественного порядка и улучшения состояния экономики.

Когда Юстиниан занял трон, то создал комиссию юристов для составления свода законов. В результате тяжелой работы эта комиссия создала Свод римского гражданского права (позже названный «Corpus juris civilis» – Корпус гражданского права, или Кодификация Юстиниана), который состоит из «Институций» (533 г.) – своего рода учебника для студентов-юристов; «Дигесты» (533 г.) – собрания статей лучших римских извлечений из сочинений классических римских юристов; «Кодекса Юстиниана» (второе издание, 534 г.), который включает все законы, действующие во времена Юстиниана, начиная с эпохи Адриана (117–138 гг.), а также «Новеллы», включавших императорские постановления, вышедшие после издания «Кодекса Юстиниана». «Институции», «Дигесты» и «Кодекс Юстиниана» были почти полностью написаны на латинском языке, но «Новеллы» были написаны главным образом по-гречески, что указывает на преобладание греческого языка в качестве языка общения населения в восточной части империи. Законодательные труды Юстиниана вышли за пределы Византии, с XII в. стали использоваться народами Запада и в конечном счете стали основой и для современного гражданского права.

Завершив законодательную реформу, Юстиниан реорганизовал администрацию. Гражданские службы работа-

Карта 11. Византийская империя в 565 г., в конце правления Юстиниана

ли плохо, занимались произволом. Люди были не удовлетворены и недовольны управлением и осмеливались выступать с резкими протестами. Один из таких протестов на ипподроме стал настоящим восстанием, известным как «бунт Ника». Юстиниан едва не лишился короны. В 532 г. восстание было подавлено ценой большого кровопролития. Но насилие могло лишь приостановить народное недовольство.

Поэтому Юстиниан попытался реорганизовать и усовершенствовать систему государственного управления. В «Новеллах», изданных в 535 г., были исключены многие лишние чиновничьи должности. Оплата деятельности общественных служб частными лицами была запрещена и строго наказывалась. Зарплатная плата должностных лиц была повышена. Правительственные чиновники стали нести ответственность за соблюдение закона и за любой произвол со стороны нижестоящих или вышестоящих государственных властей

Кроме того, Юстиниан преобразовал административную систему, которая до того позволяла военным командующим ряда пограничных провинций империи концентрировать в своих руках и военную, и гражданскую власть. Таким образом, император сделал важный шаг к так называемой тематической системе, которая будет оформлена в течение VIII в.

Юстиниан принял специальные меры против крупных землевладельцев, представлявших угрозу для мелких фермеров, а также для экономики и существования государства. Он не колеблясь приказал правителям провинций ограничить произвол землевладельцев даже путем применения военной силы и хотя его меры не устранили полностью эту опасность, все же в большой степени ее ограничили.

Юстиниан приложил большие усилия для расширения международной торговли Византии. Поскольку главные восточно-западные торговые маршруты между Индией, Китаем и Византией проходили через Персию, Юстиниан искал новые торговые пути на севере, через Лазику (государство в Западной Грузии II–VI вв. – Прим.ред.) и Каспийское море, а также на юге, через Тапробан (Шри-Ланку) и новые торговые пункты: Иотаб у входа в залив Акаба и Климса вблизи современного Суэцкого канала. Он

также пытался побудить эфиопов к участию в торговле с Индией и Китаем. Византия даже ликвидировала персидскую монополию на торговлю шелком с развитием византийского шелководства и привоза шелка от алтайских тюрок.

Уже упоминавшаяся политика военного возврата ранее принадлежавших империи территорий оказала серьезное влияние на религиозную политику Юстиниана. Поскольку Византийская империя была по большей части восточным государством, основой ее мощи был восток и восточные территории. Но население некоторых из самых больших территорий, таких как Египет, Палестина и Сирия, были монофиситами (монофизитами). Если Юстиниан хотел сохранить государственную власть и влияние на этих территориях, то было важно не вызвать недовольства этого населения. Под влиянием Феодоры Юстиниан приложил усилия для того, чтобы завоевать преданность ортодоксов, не оскорбляя чувств монофиситов. В связи с этим его политика была непостоянной и противоречивой, в результате чего эти две стороны по малейшему поводу вступали в кровавые столкновения, которые Юстиниану приходилось сурово подавлять. Но эта политика привела к росту фанатичного антагонизма между ортодоксами и монофиситами, что дорого обошлось империи несколькими десятилетиями спустя, когда возникла арабская угроза.

Эру Юстиниана можно назвать эрой созидания и процветания культуры и искусства. Историография была представлена историками, подобными Прокопию Кесарийскому. Развивалась популярная хронография, расцветала церковная гимнография, отмеченная такими крупными фигурами, как Роман Сладкопевец. В искусстве было заметно присутствие элементов западного эллинистического и восточного происхождения, способствовавших подъему византийского искусства. Византийская архитектура была представлена храмом Святой Софии; византийское искусство – изящной мозаикой церкви Сан-Витале и Сант-Аполлинаре в Равенне, а также базилики Святого Димитрия в Фессалониках (Салониках).

Юстиниан был императором, который в течение своего длительного правления достиг больших успехов:

была реорганизована военная и административная структура империи и было восстановлено единство Средиземноморья. Лишь один его свод законов был достижением, которое могло сделать его имя бессмертным. Литература и искусство процветали и достигли своего зенита в эту эпоху, давшую то, что мы называем визан-

тийской цивилизацией. Но нужно также сказать, что его внешняя и религиозная политика угнетала народ и имела лишь временный успех. Таким образом, слава, которая окружала Юстиниана и его эпоху, по-видимому, является лишь блеском, который сопровождает великую личность в эпоху заката.

12.4.3

НАШЕСТВИЕ СЛАВЯН И АВАРОВ (около 568–626 гг.)

Василка Таткова-Заимова

Император Юстиниан использовал возможности, предоставившиеся Византийской империи для укрепления ее господства и отражения нападений врагов в Западной Азии, Африке, Италии и Дунайском регионе. Еще до начала его правления приблизительно в 517 г. и в 520-е гг. первые набеги славянских племен стали угрожать византийским провинциям в нижнем течении Дуная и к югу от этой реки. Во время правления Юстиниана эти племена также пытались вторгаться на византийскую территорию, но без особого успеха. К северу от Дуная существовал анклав славянских поселений. Положение резко изменилось в 565 г. после смерти Юстиниана. Границам Византии теперь угрожали не только славянские племена, но и авары. В 558 г. авары, в то время жившие в регионе Кавказа и к северу от Черного моря, послали делегацию византийскому императору. Это был первый официальный контакт между Византией и аварами. Согнанные восточными тюрками со своих исконных территорий в Азии, авары вместе с другими кочевниками участвовали во вторжении на западные территории.

Происхождение аваров пока окончательно не установлено. Они могли быть связаны с гуннами-гепталитами, или с вархонитами (уйгурами), или с руан-руанами, упомянутыми в китайских источниках. В любом случае, они были организованы так же, как и все «степные империи», т.е. их государственное объединение – каганат не был устойчивой политической единицей, а состоял из многочисленных орд всадников, группировавшихся вокруг главных вождей, которые направляли военные действия. По мере продвижения к Центральной Европе и нижнему течению Дуная они захватывали все более обширные территории с оседлыми сообществами. Именно это сочетание аварских и славянских действий в конечном счете подорвало стабильность Византийской империи на ее балканских территориях. В этих походах славянская пехота составляла основную часть армии и действовала вместе с конницей, которая являлась ударной силой. Это соединение в своих военных действиях обладало полной автономией.

Продвинувшись в начале 560-х гг. к равнинным территориям между Днестром и Днепром, на которых жили анты, авары вытеснили к югу племена, занимавшиеся изготовлением «пеньковской» керамики и относящиеся к «нипровской» культуре. На землях вдоль притока Днестра реки Серет и притока Дуная реки Прут этот народ присоединился к поселившимся там ранее славянам и использовал эту территорию как базу, с которой они совершали набеги на районы нижнего течения Дуная.

В тех же 560-х гг. авары начали играть важную роль в отношениях между Франкской империей и Византией. Византия несколько раз использовала их в своих столкновениях с франками, следуя своей политике поддержания равновесия сил. Однако авары также стали превращаться в опасных врагов самой Византии. Установив тесные контакты с лангобардами, они победили гепидов и поселились между Дунаем и Тисой. В 568 г. после ухода лангобардов

в Италию они заняли Паннонию, по крайней мере часть которой населялась славянскими племенами. Эти славянские группы присоединились к походу аваров при их кагане Баяне I. Путь к Балканам был для них открыт.

Город Сирмий (ныне Сремска-Митровица) на Дунае, который имел стратегическое значение, авары занимали дважды. В 590-х гг. они продвинулись до Черного моря (до города Аньяло) и угрожали разрушить Длинную стену, построенную императором Анастасием I в 512 г. между Черным и Мраморным морями как защитный барьер на границе этого внутреннего района, удаленного от византийской столицы.

Дакийские славяне, жившие на равнинах Валахии, продолжали предпринимать собственные походы за пределами Аварского каганата, с которым они иногда воевали.

В своих походах авары и славяне обычно следовали основными военными путями и вдоль рек, достигая таким образом внутренних районов Балкан. В конце VI и начале VII в. предпринимались многочисленные походы на Салоники, второй по значению город после Константинополя. При одной из осад этого города в 586 или 587 г. число нападавших насчитывало около 100 тыс. человек. В агиографическом труде Святого Димитрия из Салоник содержится детальное описание другой (четвертой) осады города в 620-х или 670-х гг. Из него следует, что авары-славяне уже имели впечатляющую военную технику. Отсюда же можно узнать названия множества славянских племен, прочно обосновавшихся в Македонии и даже в Фессалии: стримоны, ринчины, драгуниты, сагудаты, широко окружившие Салоники, верзиты в Пелагонии, вайнуниты в Эпире и велегеситы в Фессалии. Вскоре их уже можно было обнаружить на Пелопоннесе – в Ахайе и Аркадии, если верить языку нумизматики и топонимики. Они занимались пиратством на островах Эгейского моря, передвигаясь на судах, выдолбленных из стволов дерева, известных как *моноксилии* (*monoxyles*).

Начало VII в. было также критическим периодом для территорий Адриатического моря, на которые нападали авары и славяне, например, для города Салона. Дунайские пограничные оборонительные укрепления (*лимес*) также страдали от нападений в течение 20 лет, и некоторые города этого района, например, Апиария и Анасам, вынуждены были организовать собственное ополчение. В конце концов в ноябре 602 г. византийская армия отказалась оставаться на зиму в лагерях к северу от Дуная. Центурион Фока возглавил мятеж, который привел к свержению и гибели императора Маврикия. Массы славян неуклонно просачивались через эти земли к югу от реки, занимая долину Дуная и заметно опустевшие города. Именно в этот период славянский племенной союз, известный как «Семь славянских племен», расселился между Дунаем и горами Родопы вместе с северянами, которые были включены в Болгарское государство после прихода протоболгар во главе с ханом Аспарухом в последней четверти VII в. По до-

говору с Византией в 681 г. Болгария была признана как независимое государство.

Правление Иралия (617–643 гг.) было временем возобновленных военных действий и периодов спокойствия, в течение которого правительство Константинополя сталкивалось с постоянным увеличением ежегодной дани, которую требовали авары. Вражеские орды безнаказанно пересекали византийскую территорию во всех направлениях. Во время похода аваров во Фракию они почти захватили в плен базилика. Несколькими годами позже, в 626 г., когда Константинополю со стороны Азии угрожали персы и сам Ираклий был занят на византийском востоке, большая армия аваров, включавшая контингент славян и болгар, осадила византийскую столицу. Главный город империи был спасен патриархом Константинопольским Сергием и командующим войсками Боном. Враг отступил после поджога их боевых машин, и по поводу избавления осажденного города от врагов был составлен знаменитый акафист Божией Матери, защитнице города.

Это поражение вызвало смуту между самими аварами в каганате. Поскольку они отступили к восточным Альпам, то оставили открытым путь для других южных славян, известных как сербы и хорваты, которые спустились с Карпат и вышли в район реки Сава, притока Дуная, и в Далмацию.

Заселение славянскими племенами и племенными группами Балкан и в меньшей степени прибрежных областей было длительным процессом, который привел к значительным этническим и демографическим изменениям. Хотя авары оставили мало следов, «Склавения», как назывался район расселения славян, была реальностью в самом сердце Византийской империи, для нее были характерны «демократические» традиции и совместная обработка пахотных земель. Понемногу империя была вынуждена предоставить второстепенный статус этим «автономным» народам, как их называли некоторые византийские авторы. Позднее они интегрировались в провинциальное византийское население, переняв, особенно в городах, остатки античной культуры.

12.5

ФОРМИРОВАНИЕ ПЛЕМЕННЫХ КОРОЛЕВСТВ между 400 и 600 гг. н.э.

ОТ РЕДАКТОРА

Йоахим Херрманн

Во второй половине V в. Западная Римская империя пришла в упадок и официально перестала существовать в 476 г. Ее территории были завоеваны группами племен (см. главу 12.3), и в конце V в. возникла держава Меровингов (см. раздел 12.5.2). Восточная часть Римской империи была укреплена, как показано выше, в течение VI в. императором Юстинианом. В условиях напряженных отношений между племенами варварского происхождения и между различными классами и слоями общества в самой Римской империи и в ее регионах некоторые племена могли устанавливать свое правление, возглавлявшееся их племенной аристократией. Таким образом, в

различных частях бывшей Римской империи возникали племенные королевства, часто только на короткое время, но некоторые из них послужили истоками политической и социальной системы раннего средневековья. Наиболее важными были племенные государства готов, вандалов, ломбардов (лангобардов) и Меровингов. Они развились в условиях нашествий гуннов, аваров и славян и повторных византийских завоеваний (см. 12.4.2). Но, тем не менее, они привнесли новые культурные и социальные черты в течение переходного периода от античного общества Средиземноморья к средневековому обществу.

12.5.1

ГОТЫ, ВАНДАЛЫ, ЛАНГОБАРДЫ

Хервиг Вольфрам

Илл. 70, 71

Три народа – готы, вандалы и лангобарды символизируют то, что с конца XVIII в. историки привыкли называть «переселением народов». Эти народы связаны с представлениями о катастрофических варварских нашествиях, осуществленных королями-воинами, такими как король вестготов Аларих (391/395–410 гг.), король остготов Теодорих (451–526 гг.), король вандалов Гейзерих (428–477 гг.) или король лангобардом Альбоин (568–572/573), которые разрушили приходившую в упадок Римскую империю и основали на этой римской почве варварские королевства. Неудивительно, что понятие «переселения народов» обременено идеологическим грузом готовности, проявляющейся на протяжении веков, либо забравывать германские народы как воплощение всего изуверского и дьявольского, либо признать за ними их славную военную историю. Современные исследования показали, что в основном такое представление бездоказательно и основано на старых предубеждениях и предрассудках. В результате историк периода поздней античности, весьма сожалевший об «Упадке и разрушении Римской империи» (основной труд английского историка Эдуарда Гиббона, 1737–1794 гг.), нисколько не сомневался в том, что варварские королевства принадлежали поздней римской политической системе. Эти королевства не были вытеснены варварскими государствами, которые перемещались извне в Римскую империю. Наоборот, учреждение варварских королевств было возможно только в пределах границ империи.

Нет сомнений в том, что история готов, вандалов и лангобардов была многом историей войн, кровопролитий и разрушений. Но в течение большей части времени между Римской империей и варварскими королями и королевствами не было никаких военных столкновений. Напротив, отношения между римлянами и варварами чаще всего определялись договорами, в соответствии с которыми последние становились *федератами* (лат. *foedus* – договор. – Прим. ред.). Варварские королевства, действительно, брали свое начало в традициях варваров, но они были римскими институтами, связанными с высшим римским военным командованием через власть вице-императора. Вследствие этого армии варваров в то же время были и римскими федеративными армиями. Так как они подчинялись римским императорским вооруженным силам, то обладали иным правом передачи власти: германские народы возводили на трон не императора, а короля. Существование варварского королевства противоречило римской конституции и являлось исключением, которое помогало примирить теорию и практику государственности поздней античности.

Считается, что готы и лангобарды имели скандинавское происхождение; их родовые саги связывают их появление на континенте с решающей победой над вандалами, которые не имеют своей собственной письменной истории. В действительности это, видимо, был не отдельный случай, а часть борьбы, которая наконец привела к освобождению

и готов, и лангобардов от зависимости от вандалов, господствовавших во второй половине I в. н.э. между Эльбой и Одером. Вопрос не в том, была ли Скандинавия первоначальной родиной готов и лангобардов, а скорее в том, пришли ли некоторые готские и лангобардские кланы с севера на континент, преодолев Балтийское море. Поэтому мы должны серьезно рассмотреть если не факты, то по крайней мере легенды, саги готов и лангобардов, которые рассказывают об их достижениях.

Когда римляне проникали в «свободную Германию» к востоку от Рейна, они встретились с сильными готскими поселениями вдоль южного побережья Балтийского моря на территории современной Померании. Пять поколений спустя, они уже заселили восточный, сарматский берег Вислы в ее среднем течении. Там они сформировали ядро той варварской лавины, которая в последней трети II в. перекадилась через римскую границу по Дунаю и вызвала огромные изменения вплоть до Черного моря. С 238 г. нашествия готов опустошали восточные провинции Римской империи в течение более чем сорока лет. Готы III в. считались новым народом, к которому так же, как и к вандалам, применяли старое название *скифы*.

Первое крупное царство готов отделилось от империи в конце III в. Оно было побеждено и почти уничтожено императорами Клавдием II и Аврелианом, после чего многоэтническое племенное объединение постоянно разделялось. К востоку от Днестра, вероятно, амалы смогли

Рис. 13. Изображение всадника-вандала на мозаике из Карфагена (рис. из «Weltgeschichte»)

сохранить традиции королевских готов – гретунгских остготов, в то время как вдоль нижнего течения Дуная выросла мощная олигархия балтийско-тервингских везов. Эта олигархия развила политическую систему с множеством центров, которая дала возможность готам начать расселение на пороге Римской империи.

Нашествие гуннов разрушило оба этих восточных царства гуннов, а также западную олигархию готов (см. 12.3.1). Те из этих двух народов, которые не захотели стать гуннскими готами и сумели уйти от подчинения, перешли на римскую территорию. Там они стали федератами империи, т.е. вошли в состав римских вооруженных сил. В этом качестве они могли сохранить свою этническую и политическую независимость только под руководством собственных вождей. Однако в соответствии с римской конституционной практикой эти вожди должны были быть королями, а также военными командующими, признанными римским императором. Так возникла новая варварская королевская власть, и в то же время эти короли заняли свое место среди высшей римской военной бюрократии. Самое старое племенное образование в виде королевской власти этого типа было у вестготов, преемников балтийско-тервингских везов. Первым таким королем был Аларих I, член царской семьи балтов и завоеватель Рима (410 г.), который стал примером для будущих королей из готов, вандалов и лангобардов.

При последователях Алариха продолжалось переселение вестготов до тех пор, пока они не поселились в Аквитании. Центром их владений в 418 г. стала Тулуза. В королевстве Тулузы две трети римских налоговых поступлений шли вестготским федератам, а треть шла на оплату администрации в римских городах. И снова вестготы дали пример того, как следует находить долгосрочное решение при приспособлении королевств варваров на римской почве. Вид расселения, возникший в южной Галлии, представлял собой обоснованный, приемлемый для всех компромисс между требованиями вождей, начиная с Алариха I, и попытками правителей империи (обреченными на неудачу) удержать варваров на границах или расселить их на необитаемых территориях в пределах Римской империи. Готская армия представляла собой Римскую федеративную армию, содержание которой традиционно возлагалось на *куриалов* (*декурионов*), т.е. на городскую знать – высшее сословие городов Римской империи. Важным отличием, однако, было то, что готская армия находилась в провинции в течение длительного периода и составляла основу королевства, существование которого закончилось в 507 г., когда вестготы проигрвали сражение при городе Вуиль франкам во главе с Хлодвигом. Вестготы отступили на юг к Лангедоку и в Испанию, где в конце концов основали королевство Толедо. Это последнее готское государство в 711 г. пало жертвой арабского нашествия.

Указанная «техника приспособления» (*Goffart*, 1980) местами претерпела некоторые изменения. Итальянские остготы довольствовались одной третью налоговых поступлений. Причина, вероятно, заключалась в том, что обычное распределение доходов (одна треть – армии, одна треть – центральному правительству, одна треть – городской администрации) было возможным только в Италии Одоакра (476–493) и Теодориха, поскольку оба они целиком сохранили римскую систему управления. В отличие от них королевства вестготов, вандалов и лангобардов включали города, в которых римская администрация осуществляла свою деятельность только до уровня *куриалов*. Королям варваров еще предстояло здесь создать и финансировать централизованные институты.

Большинство гретунгских остготов было в 375–376 гг. поработано и «связано с гуннами клятвой верности». Престиж амалов, бывшего остготского царского клана, пострадал мало, несмотря на покорение, разделение, открытую гражданскую войну и даже некоторое межвластие, продол-

жавшееся несколько десятилетий, и по крайней мере одна ветвь этого семейства смогла вновь получить власть над не входящими в Римскую империю готами в рамках гуннского союза народов и укрепить свое правление благодаря консолидации власти гуннов. В истории событий между 380 и 440 гг. не остались имена и дела династии амалов. Предания содержат исторические данные только начиная с поколения отца Теодориха, когда в 451 г. остготы пошли с армией Аттилы против Западной империи и союзных ей вестготов. Два года спустя Аттила умер. Его неожиданная смерть еще раз стала испытанием для остготских амалов. Вопрос о том, оставаться ли лояльными гуннам, расколол многие племенные группы, когда в 454–455 г. дело дошло до сражения на р. Недао.

Вряд ли есть сомнения в том, что на Недао остготы остались верными гуннам и сражались на стороне проигравших. В результате большая часть бывших гуннских остготов была вынуждена просить о возможности проживания в империи, которая была им предоставлена на основании того, что эти готы проживали в Паннонии. Приблизительно половина готов из поколения Теодориха, около десяти лет жившего как заложники в Константинополе, освободилась и осела в остготском королевстве от Паннонии до Мезии. В 488 г. восточноримский император Зенон (474–491 гг.) заключил договор с Теодорихом и отправил его в Италию для изгнания узурпатора Одоакра. В Италии Теодорих создал наиболее знаменитое и прославленное варварско-римское королевство, которое пережило смерть своего основателя в 526 г. и было разрушено только в 552 г., когда восточноримский император Юстиниан I (527–565 гг.) в конце концов сумел повторно завоевать Италию (илл. 70).

Крушение королевства остготов произошло примерно через двадцать лет после повторного завоевания владений африканских вандалов. Когда гуннское королевство собралось пересечь Карпатские горы, вандалы, жившие на территории современной северо-восточной Венгрии и Силезии, оставили свои земли и в сопровождении других племен ушли на запад. Переправившись через Рейн в 405–406 гг., они наводнили римскую Галлию, перешли через Пиренеи и опустошили Испанию. Под давлением готов они в 429 г. отступили из Испании и переправились морем в римскую Африку. Король Гейзерих возглавлял их «длительный поход» от Суты до Карфагена, где он создал одно из самых сильных королевств, которое господствовало «на суше и на море». После смерти Гейзериха в 477 г. королевство вандалов пришло в упадок и в конце концов в 534 г. пало жертвой повторных завоеваний Юстиниана.

Последними из тех народов, которые пришли и приняли участие в дележе богатств Средиземноморья, были лангобарды. Первое упоминание об их проживании на берегах нижнего течения Эльбы относится к I в. н.э. Племя переместилось вверх по Эльбе в Богемию, где к концу V в. жило в подчинении у херусков. Примерно поколение спустя лангобарды свергли господство херусков и основали сильное королевство, занимавшее территорию от современной Южной Моравии и Восточной Австрии до Западной Венгрии и Северо-Восточной Югославии. Там королевские лангобарды стали федератами империи и помогали римским полководцам, борющимся и в конце концов разрушившим государство итальянских остготов. Когда в Паннонии появились «новые гунны» – авары, лангобарды оставили свои территории и в 568 г. вместе со многими другими племенами и местными группами вторглись в Италию. В течение десятилетий им предстояло выдерживать жестокую борьбу за выживание, которая закончилась разделением территории полуострова на имперскую и лангобардскую. Последняя не являлась политическим образованием. Северная Италия, включая Тоскану, образовала лангобардское королевство со столицей в Павии, к югу от Милана, которая находилась в области, до сих пор называемой Ломбардия. Помимо Ломбардского королев-

ства, существовали еще два сильных политических образования – дукат (герцогство) Сполето в Центральной Италии и дукат (герцогство) Беневенто – в Южной Италии. Во главе их стояли правители некорольевского типа. Герцогство Беневенто даже выжило до конца независимого Ломбардского государства, т.е. до 774 г., когда оба эти герцогства были завоеваны Карлом Великим.

Подавляющее большинство готов, вандалов и лангобардов были сторонниками арианства; они не принимали один из основных догматов официальной христианской церкви о единственности Бога-отца и Бога-сына (Христа); поучению Ария, Христос как творение Бога-отца – существо, ниже его стоящее. Вскоре после 350 г. «епископ гóтов» Ульфила и его помощники предприняли перевод Библии и заложили основу для христианизации готского и других германских народов (илл. 71). Они использовали готский язык как тонкий инструмент, который немедленно занял ведущее место среди классических языков Библии. Около трех пятых частей готской Библии сохранилось в известном «Кодексе Аргентус» (*Codex Argenteus*), который был издан в остготской Равенне около 500 г. Теодорих исповедовал арианство и выступал в его защиту. Плоды его усилий и результаты созданной им интеллектуальной атмосферы находятся в ряду наиболее красивых и наиболее значимых достижений европейского духа того времени. Большинство из того, что до сих пор поражает потомков как чудеса Равенны, является наследием этого остготского короля.

С созданием варварских королевств на почве римской империи традиционные германские обычаи стали недостаточными для регулирования всех проблем, возникавших между жившими по соседству варварами и римлянами. Сначала вестготским королям пришлось опубликовать письменные постановления, касающиеся прав наследования и частной собственности, которые затем расширились и в конце концов превращались в кодексы. Основой этого законодательства послужил «Кодекс Эйриха», названный по имени вестготского короля Эйриха (466–484 гг.). Его сын Аларих II (484–507 гг.) издал один из важнейших сводов законов средневековья (*Breviarium Alaricianum*), который

содержал изложение римского права на вестготской территории и был опубликован предположительно 2 февраля 506 г. Появление этих кодексов являлось эпохальным событием и исключительным достижением вестготского законодательства, которое имело столь же большое значение для будущего, как и перевод Библии Ульфилой. Хотя от вандалов не сохранилось никакой кодификации, все же известны два королевских декрета или даже закона 483–484 гг., направленные против римлян-католиков. Так как Теодорих пытался представить свое итало-готское королевство и независимым, и подчиненным объединенной империи, он не издавал законы, а издал эдикт (*Edictum Theoderici*), в котором он, с одной стороны, модернизировал римское имперское право и адаптировал его к существовавшим тогда обстоятельствам и, с другой стороны, никоим образом не касался прерогатив имперского законодательства. Король Ломбардии Ротари (636–652 гг.) последовал этому политическому подходу, когда начал разрабатывать в 643 г. ломбардское законодательство со своего знаменитого «Эдикта Ротари».

Арианство варваров действительно слишком долго отдаляло их от римлян. Поскольку арианство вандалов и остготов было подорвано крушением африканских и итальянских королевств, третий Вселенский собор в Толедо в 589 г. положил конец вестготскому арианству. Вскоре после 680 г. последний ломбардский епископ перешел в никейскую католическую веру. Но, составляя свои своды законов, короли варваров хотели, чтобы их народы признали *civilitas* – закон, посредством которого было установлено примирение между пришельцами и коренным населением и могла продолжаться жизнь. За исключением этого, фактически больше никакие крупные достижения не могут быть поставлены в заслугу варварским королям и народам, проживавшим на прежних римских территориях. Кроме того, все они вскоре потеряли более или менее независимую государственность и перенесли свои королевства в героические саги и даже иррациональные мифы. Но память об их делах никогда не переставала завораживать потомков.

Вальтрауд Бляйбер

Если сравнивать происхождение, развитие и структуры племенных королевств готов, вандалов и лангобардов с Мерovingским королевством (карта 12), то последнее имеет особый след в истории. Через десять лет после того как римская армия, в основном состоявшая из германцев, провозгласила Одоакра своим королем в Италии и таким образом покончила с правлением последнего западноримского императора Ромула Августула, франки стали нападать на территории между Соммой и Луарой под управлением римского наместника в Галлии Сиагрия. Сиагрий был разбит франками под предводительством их короля Кловиса (Хлодвига) при Суасоне в 486 г. До этих военных событий Хлодвиг, который считается фактическим основателем Франкского королевства Мерovingов, был лишь одним из многих королей, происходившим из франкской племенной аристократии. Как и у его отца Хилдерика, который умер в 482 г., резиденция Хлодвига располагалась в Турне. В это время салические (приморские) франки проживали на территории между нижним течением Рейна на севере и рекой Соммой на юге.

Основным результатом поражения Сиагрия и завоевания франками его территорий было значительное изменение баланса сил на западе и внеримских областей в центре Европы в пользу франков, которые получили значительное превосходство по сравнению с другими германскими королевствами этого региона. Став преобладающим Сиагрия, Хлодвиг взял под контроль римские финансы. Предоставляя землю своим последователям, франкской племенной аристократии, а также прежним галло-римским землевладельцам, Хлодвиг сумел заставить людей служить в его армии и администрации.

Крещение по римскому обряду Хлодвига и правящей франкской элиты примерно через десять лет после поражения Сиагрия имело критически важное значение для европейской истории и выходило за рамки периода Мерovingского королевства. Считается, что в канун Рождества 498 г. Хлодвига крестил епископ Реймса Ремигий. Приобщение Хлодвига к католической вере гарантировало франкскому королю поддержку галльских епископов, которые обладали значительными материальными ресурсами и в сильной степени влияли на образовательные, интеллектуальные и политические сферы жизни общества. В результате этого приобщения во всех отношениях улучшились связи между франкскими завоевателями и галло-римскими подданными, что также ускорило процесс сотрудничества между франкскими правителями и галло-римскими властями. Союз между ними создавал предпосылки, позволявшие франкскому королю и его аппарату управления использовать прежние римские финансовые и судебные институты даже после установления в Галлии правления франков.

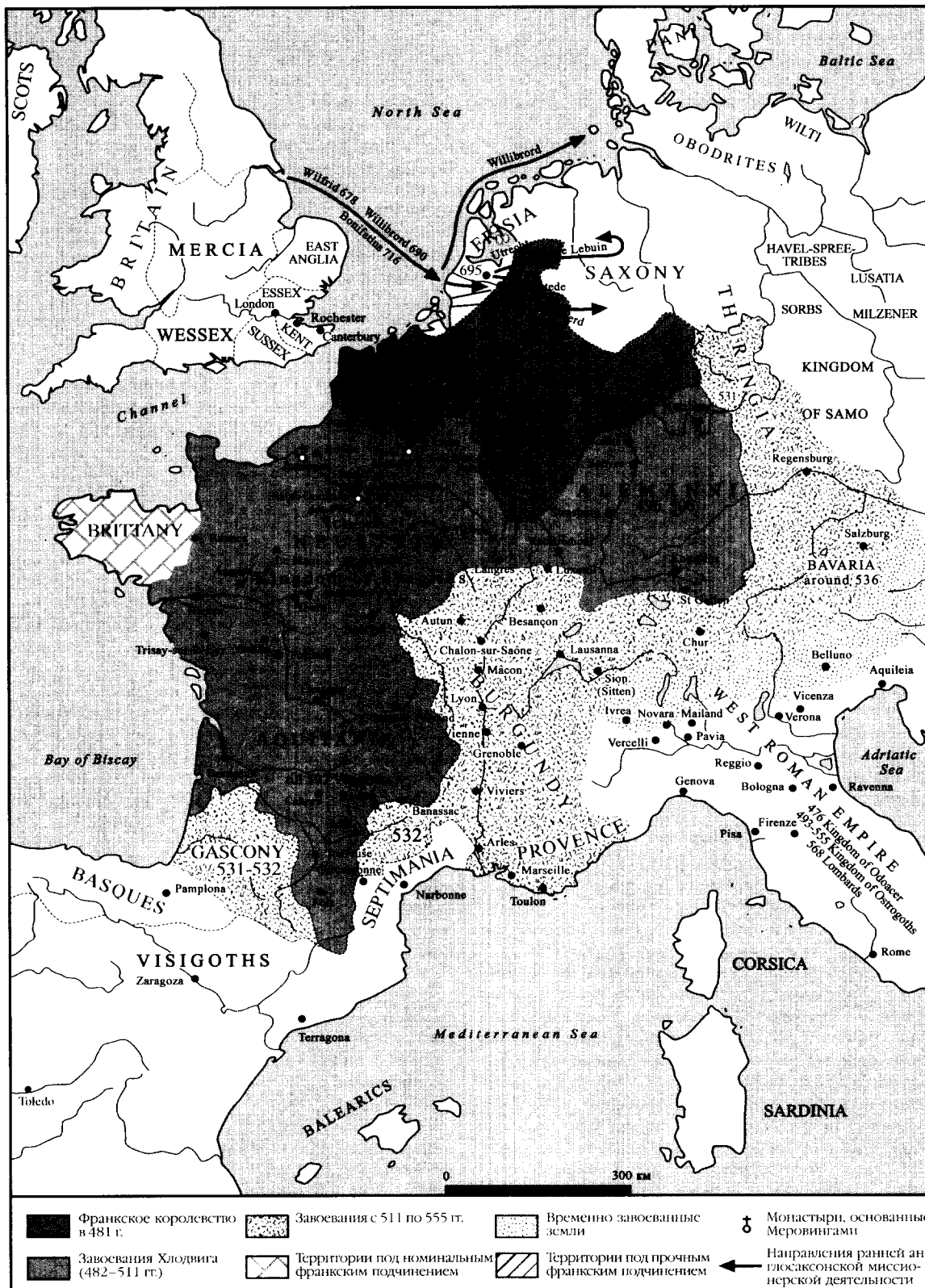
При Хлодвиге франки около 496 г. разбили германские племена аламанов и в 507 г. победили западную армию готов, которой командовал король Аларих II. Теперь франки могли расширить свои территории к востоку за Рейн

к верхнему течению Дуная и среднему течению Майна, а на юге – до Пиренеев. Хлодвиг умер в 511 г. Его сыновья Теодорих I, Хлодомер, Хильдеберт I и Хлотарь I вместе правили удельными владениями, на которые распалось франкское королевство, но через некоторое время они вместе продолжили политику завоеваний. В 531 г. они подчинили тюрингов, в 534 г. было завоевано королевство бургундов. Несколько лет спустя под власть франков попали и бавары.

В середине VI в. Мерovingское королевство достигло пика своей мощи. Оно включало в себя большую часть Западной и Центральной Европы. Границы королевства проходили по Пиренеям на юге и по линии от Пиренеев к устью Рейна, далее к западу до Атлантического побережья. К востоку от Рейна франко-мерovingское влияние доходило до Эльбы, верхнего течения Майна и Эмса.

В ходе франко-мерovingских завоеваний силой было объединено в одно королевство множество этнически и лингвистически разных групп населения, а также территории с достаточно разнообразными экономическими, социальными, политическими, интеллектуальными и культурными условиями. Эти различия влияли на всю интеллектуальную и культурную жизнь Западной и Центральной Европы вплоть до средних веков.

Внутри Мерovingского королевства существовали сравнительно сильные различия между германскими областями к востоку от Рейна, которые никогда не входили в Римскую империю, и теми областями на западе, в которых проживало преимущественно галло-римское население и которые в течение нескольких веков были частью этой империи. Эти различия имели исключительную историческую важность, поскольку те части Мерovingского королевства, которые располагались к западу от Рейна и находились под влиянием традиций римского общества, достигли значительно более высокого уровня социальной организации, трудовой и культурной жизни, чем бывшая «Свободная Германия», располагавшаяся к востоку от Рейна. Эти различия в развитии проявлялись в существовании городов и культуры городской жизни, но особенно в деятельности на западе от Рейна христианской церкви и духовной организации, почти полностью отсутствовавших в «Свободной Германии» к востоку от Рейна. Различие между этими двумя частями Франкского королевства не было преодолено до замены в 751 г. династии Мерovingов другой династией – Каролингов. Однако эти различия по крайней мере уменьшились в результате начавшейся миссионерской деятельности и благодаря стремлению Мерovingов создать в своем королевстве однородные формы управления. Необходимые условия для этого развития были созданы франко-мерovingской политикой завоеваний в конце V и в VI в. В ходе этих событий проявились политические и военные предпосылки для участия более развитого в экономическом, социальном и культурном отношениях запада в делах части королевства к востоку от Рейна.

Карта 12. Меровингское королевство, его происхождение и расширение с конца V до начала VIII в.

Широкомасштабное заселение севера Галлии свободными франкскими крестьянами вело не только к радикальному преобразованию социально-экономических условий, унаследованных от прежней римской эпохи, но и вносило вклад в значительное сокращение территории, на которой говорили на галло-римских языках, и способствовало замене римских законов франкскими и дальнейшей утрате римской культуры. Напротив, интеллектуальная и

культурная жизнь в центре и на юге Галлии вплоть до VII в., несомненно, оставалась в рамках традиций поздней античности. Христианская церковь и множество учений, переживших в городах Южной Галлии падение Римской империи, были своеобразными носителями этих традиций. Например, в Бордо в первой половине VI в. все еще действовала высшая школа, в которой учились представители галло-римских властей.

Материальной основой, обеспечивавшей преемственность этой культурной жизни, служили экономические и социальные условия. Эти условия характеризовались переходом от приходившей в упадок рабовладельческой системы к феодальной системе в период правления Хлодвига I и его первых преемников. Типичным для этих условий было существование больших светских и церковных поместий, в которых трудились рабы и колонны (зависимые крестьяне). «Завещание» епископа Ремигия из Реймса, написанное приблизительно в 530 г. в соответствии с римским правом, дает много сведений о таком виде собственности и о ее использовании. Социальная структура городов в центральной и южной Галлии характеризовалась наличием многочисленных священнослужителей, которые служили в епископальных городских церквях или в других церковных учреждениях на территории города или за пределами городских стен.

В центральной Галлии, особенно в области между Луарой и Пиренеями, позднеримская аристократия из сенаторов сохраняла за собой бразды правления социальной жизнью приблизительно до 600 г. Членами этой общественной группы были епископы в городах, а также появившиеся герцоги и графы, на которых в большой степени основывалось правление меровингских королей. Аристократия сенаторов продолжала культивировать традиции римской культуры. Действуя в рамках христианской церкви и от имени короля, эта группа обеспечивала передачу римских традиций членам франкской правящей элиты, которые были знакомы с латинским языком и таким образом учились читать и писать. В конце VI в. сформировался правящий класс с почти однородной интеллектуальной и культурной структурой.

Работы епископа Григория Турского и Венантия Фортуната, происходившего из остготов Северной Италии, содержат много сведений об интеллектуальной жизни этого правящего класса и о культурных отношениях в государстве Меровингов в целом. Григорий стал епископом Тура в 573 г.; его мать и отец были членами галло-римской сенаторской аристократии. Его дядя был епископом города Клермон-Ферран, а мать была внучкой епископа Григория из города Лангра. Григорий Турский известен своим главным трудом «История франков» (в десяти томах), в котором рассматривает германское завоевание Галлии, истории самих завоевателей, резкое изменение условий жизни галло-римского населения в результате этого завоевания и положение в христианской церкви, причем все это он описывает весьма детальным образом, следуя примеру Кассиодора с его трудом «История готов». Венантий Фортунат, который был другом Григория Турского, прибыл во Франкское королевство приблизительно в 560 г. В королевстве Меровингов он был типичным представителем поэзии уходящей поздней античности. Его поэтические способности, сформировавшиеся под влиянием классической римской поэзии, были оценены влиятельными членами галло-римского правящего класса и при дворе франкских королей. Дочь тюрингского короля Радегунда, основавшая женский монастырь Сент-Круа в Пуатье приблизительно в 560 г., заказала Венантию Фортунату поэму о крушении тюрингского королевства.

Интеллектуальное и культурное превосходство галло-римской части королевства Меровингов и наличие превосходно работавшей церковной организации, унаследованной от позднеримского периода, а также деление территории на провинции и диоцезы (диоцез – административная единица, в которую входило несколько провинций. – *Прим. ред.*) послужили для священнослужителей этой части королевства основной предпосылкой для реорганизации церкви на севере Галлии и в Рейнской области и миссионерской деятельности среди варварского франкского

сельского населения. Епископ Нисетий, которого около 525 г. франкский король Тудеберт I назначил главой диоцеза Трира, происходил, вероятно, из Лиможа. В VII в. монах Аманд из Аквитании занимался миссионерством среди франкского населения во Фландрии.

Если правящие слои населения королевства Меровингов умели читать и писать, то этим умением совершенно не обладало простое галло-римское население, рабы и колонны, а интегрировавшиеся в королевство крестьяне из германских племен франков, алеманнов, тюрингов и баваров вообще не имели литературного языка. В результате почти полностью отсутствуют письменные документы того времени об этих областях. Поэтому культурные и религиозные идеи германцев в основном отразились в произведениях их ремесел, включая выделку тканей, изготовление драгоценностей и оружия.

Одним из наиболее важных документов общественной, политической, индивидуальной и даже идеологической жизни является «Салическая правда» – свод законов салических франков. Он был записан в последние годы правления Хлодвига I на латинском языке и содержит очень важные сведения о повседневной жизни и общественной структуре, даже о сельском хозяйстве, ремеслах, видах поселений и т.д. в период становления и жизни королевства Меровингов.

В отличие от свободного общения в церкви, меровингские правящие группы и администрация, обычно говорившие на латыни, испытывали серьезные трудности в повседневном общении с галло-римским и германским населением. В бывшей римской Галлии различные варианты упрощенной латыни через много лет превратились во множество старофранцузских диалектов. Германское население, однако, продолжало общаться на языках своих племен, а в некоторых районах королевства Меровингов продолжали говорить на кельтских языках.

Григорий Турский и Венантий Фортунат были последними грамотными представителями культуры поздней античности в Меровингском королевстве. В начале VII в. королевство перешло в новую фазу своего развития. Этот переход был отмечен прекращением борьбы за власть в королевстве между различными группами меровингской династии во второй половине VI в., продолжавшейся в течение нескольких десятилетий, а также окончательным оформлением трех частей меровингского королевства: Нейстрии, Австразии и Бургундии. К тому времени образование и культура все больше приобретали типичные средневековые и феодальные формы. Это было началом того исторического периода, в течение которого христианская церковь господствовала над всей интеллектуальной и культурной жизнью Западной и Центральной Европы.

Король Нейстрии Хлотарь II, поддержанный аристократией Австразии и Бургундии во главе с Арнульфом из Меца и Пипином I Старшим, в 613 г. сверг королеву Брунгильду (королеву франкских Австразии и Бургундии. – *Прим. ред.*). Хлотарь II и наследовавший ему его сын Дагоберт I смогли добиться высшей независимости в рамках королевства Меровингов. Главным условием этого было признание меровингскими королями особого политического статуса церковной и светской аристократии Австразии и Бургундии. Из эдикта Хлотаря II, изданного в 614 г. в Париже, следует, что он выполнил требования аристократии и создал условия для ее союза с королевским домом.

Верховное правление Хлотаря II стало периодом обновления и подъема интеллектуальной и культурной жизни, которая в основном определялась христианской религией. Это развитие было отмечено возникновением ирландско-шотландского монашества и завершилось после правления королевы Батгильды. Под давлением аристократии Нейстрии она была вынуждена уйти в женский

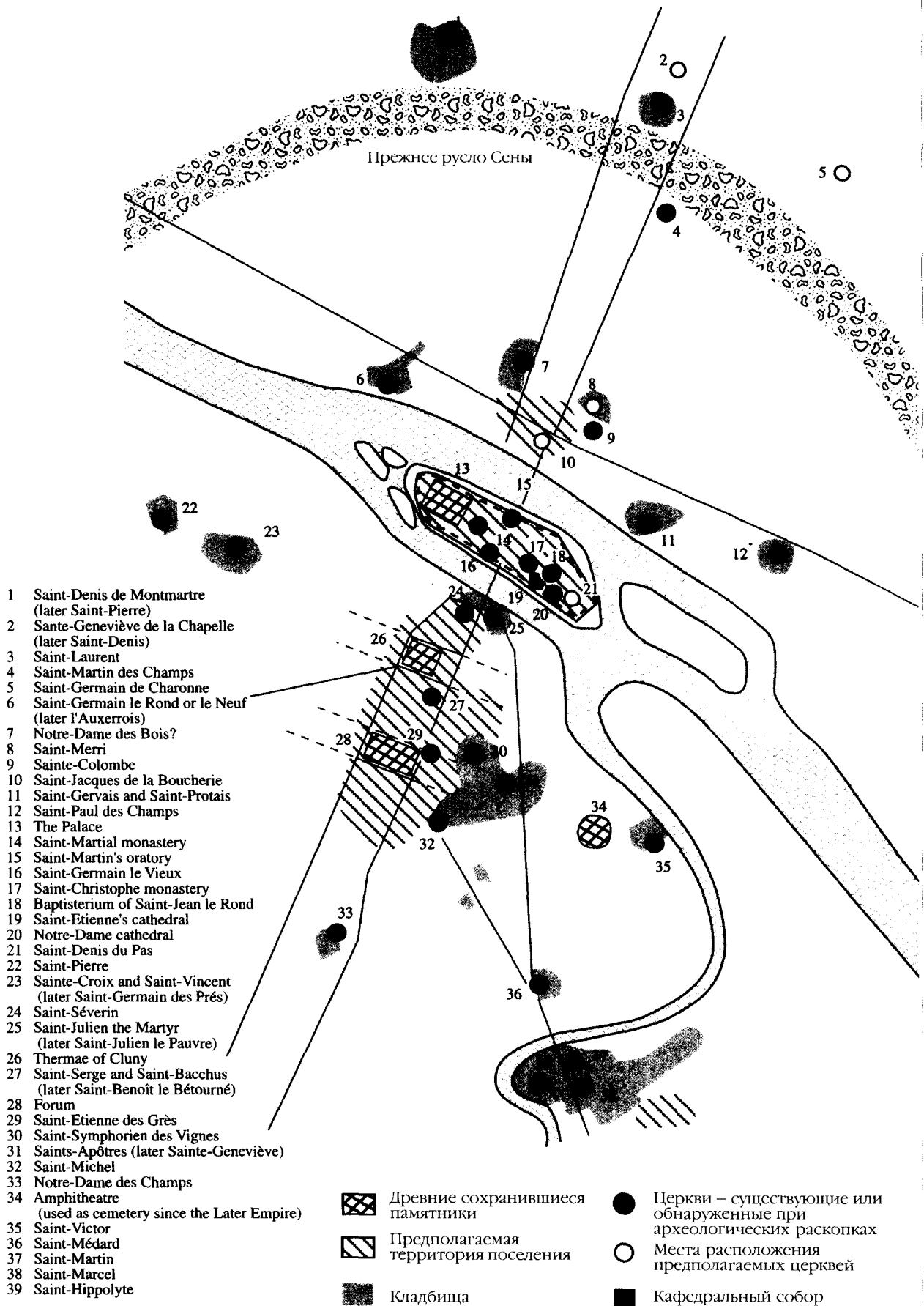

Рис. 14. Территории поселения эпохи Меровингов в районе Парижа по данным недавних археологических исследований (по *Perin & Velay*, 1980)

монастырь Шелль около Парижа, основанный ею около 665 г. Наиболее видный представитель ирландско-шотландского монашества Колумбан приблизительно в 590 г. пришел во Франкское королевство из монастыря Бангор на северо-востоке Ирландии. У юго-западных предгорий Вогезов он основал монастырь Люксёй, очень скоро ставший центром духовного движения в Нейстрии и соседних частях Австразии и Бургундии. Франко-меровингские короли и светская аристократия были самыми активными сторонниками этого движения. Во время правления Хлотаря II, Дагоберта I и королевы Балтильды, вдохновленных постройкой монастыря Люксёй, и при их активной поддержке было построено множество мужских и женских монастырей. Около 600 г. Балтильда основала монастырь Корби, чтобы направить туда монахов из Люксёя. Благодаря сильной школе письменности и библиотеке этот монастырь особенно заметно повлиял на культурную жизнь королевства Каролингов.

Двор Хлотаря II играл особую роль в распространении колумбанского монашества, поскольку многие приближенные короля усвоили взгляды Колумбана и способствовали их распространению, основывая монастыри. Среди этих людей был Элигий, знаменитый ювелир Франкского королевства, который в 632 г. при поддержке Дагоберта I основал монастырь Солиньяк близ Лиможа.

Подъем духовной жизни способствовал развитию культуры и искусства. Сохранились впечатляющие образцы архитектуры, ювелирных изделий, каменных зданий, возведенных при королевском дворе и в соборных городах. Внутренняя архитектура, созданная Элигием в монастыре Сен-Дени около Парижа, ставшем религиозным и ритуальным центром Меровингского королевства, как и монастырь Сен-Мартен в Туре, построенный при Дагобете I, каменная церковь Сен-Жан в Пуатье и резьба по камню в склепе монастыря Жуар к востоку от Парижа, являются вечными выражениями выдающегося творчества (рис. 14).

12.6

РИМСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

12.6.1

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Йоахим Херрманн

Оценка римского наследия и его важность для средневекового общества являются предметом длительных споров среди историков. Сюда входит вопрос о преемственности и разрыве с традицией и вопросы революций, реформ и социальных изменений. В зависимости от принятой теоретической точки зрения, в качестве ключевых показателей выбираются различные события и годы, отмечавшие границу между античным обществом и обществом раннего средневековья. Поскольку этот вопрос касается основных направлений развития Европы, он неоднократно обсуждался на конгрессах по проблемам истории и в исторической литературе. Главным сторонником концепции не прерывавшейся преемственности между эпохами Рима и средневековья был А. Допш (*Alfons Dopsch*, 1924). В своей книге об экономических и социальных основах европейской цивилизации он попытался показать почти полную непрерывность. Вопреки этому А. Пирен (*Pirenne*, 1937) подчеркивал преемственность между Римской империей и последовавшими за ней племенными королевствами, но указывал, что исламская экспансия в Средиземноморье в VII в. сопровождалась почти полным культурным разрывом. Общество, основанное на римском наследии, разрушилось, и ему на смену пришло другое – средневековое общество. На западе событие выразилось в окончании династии Меровингов и возвышении династии Каролингов.

Мнения разных историков по этим вопросам приведены в сборнике под редакцией П. Хюбингера (*Hübinger*, PE, 1969). С середины XIX в. этот вопрос о преемственности и разрыве культур оказался связанным с вопросом о том, следует ли признавать наличие социальных и политических революций в период между римским и средневековым обществами. Еще в 1784 г. Хердер (*J.G. Herder*) касался этого вопроса, а впоследствии Гегель, Карл Маркс и Фридрих Энгельс объединили его с их теорией последовательности социально-экономических формаций обществ, и в 1884 г. Энгельс предложил идею о «полном перевороте», в результате которого общество поздней античности в течение нескольких столетий преобразовалось в средневековое феодальное общество. Хотя существует множество аргументов и мнений, все их можно свести в две основные группы. Одно крыло историков убеждено, что уже в IV в. в Римской империи возник прототип средневекового феодального общества. В течение следующих веков это общество просто развивалось в других политических рамках (*Müller-Mertens*, 1985). Историки другой группы допускают, что в позднем римском обществе можно видеть некото-

рые тенденции к формированию институтов, которые сопоставимы с поздними феодальными образованиями, например, с институтом колоната (прикрепления крестьян к земле), покровительством, христианской церковью, однако в целом эти факторы приводили лишь к модификации античной социальной системы, основанной на рабском труде, но не к созданию нового общества. Это новое общество возникло только после длительной борьбы между представителями различных социальных групп и классов позднего римского общества и представителями обществ германцев, кельтов, славян и других народов, которые были в большей или меньшей степени племенными обществами. Особое значение имели социальные институты свободных фермеров из племен, основанные на особой форме частной собственности, называвшейся *аллод* (свободно отчуждаемая индивидуально-семейная земельная собственность. – *Прим. ред.*), предусмотренной во франкском своде законов «Салическая правда». Социальная группа свободных фермеров, имевших такую собственность, которая сформировалась в период упадка племенной системы, позволяла этим владельцам предпринимать политические и военные действия. Таким образом, они организовались как социальная группа, способная защитить свои интересы, т.е. интересы свободных людей, от угроз королей, правящей аристократии и их манориальной (поместной) системы. С одной стороны, переходный период от античного к средневековому обществу характеризовался борьбой между позднеримскими политическими и военными силами и усиливавшимися племенными группами, которые начинали основывать племенные королевства в побежденных римских провинциях; с другой стороны, он характеризовался ростом антагонизма между основными социальными слоями внутри племенных групп и племенных королевств.

Впервые договор, устанавливавший независимость поселений германских племен в балканских провинциях Мезия и Фракия Римской империи, был заключен между готами и римским императором Феодосием I Великим после победы готов над римлянами в 378 г. в битве при Адрианополе. Феодосий поселил вестготов в Фракии в качестве федератов, и их присутствие как независимой силы в пределах римских границ было узаконено. То же произошло несколькими годами позже в районе нижнего течения Рейна. Франкские племена стали федератами и осели в некоторых местностях провинции Нижняя Германия; за ними последовали бургунды и другие племена. В течение последних двух десятилетий IV в. жителями им-

перии стали различные племена варваров, которые первоначально были расселены за границами Римской империи, но, тем не менее, долго находились в контакте с римским обществом. Они наладили прямое взаимодействие с различными структурами, институтами, социальными группами и классами Римской империи. Именно положение на местах определяло степень преемственности или разрыва культур, которые происходили в результате этого взаимодействия. Военным и политическим опытом Западной Римской империи и ее основных институтов при этом обычно пренебрегали, хотя отчасти и использовали римский опыт в организации управления и власти. Остготский король Теодорих, с 493 г. проживавший в Равенне, в Италии, поддерживал идею возрождения Западной Римской империи под руководством его племени. Он обеспечил мирное существование готов и людей римского происхождения.

Сначала он действовал с согласия императора ослабленной Византийской империи и имел римские титулы «патриций» и «консул». Подобным же способом вестготы и бургунды основали свои королевства в Испании и Галлии, сосуществуя с их римскими предшественниками и используя римские институты и структуры.

Взаимодействие франкских королевств с римским обществом было несколько слабее. Но все же такое взаимо-

действие существовало и также обеспечивало некоторую преемственность. Возрождение поздних римских традиций было связано с обращением Хлодвига, его аристократии и, наконец, простого франкского народа в христианство около 500 г.

Степень восприятия римских традиций в племенных королевствах тюрингов, среди племенной конфедерации саксов и других племен, живших вдали от римских провинций, была очень небольшой.

Обычно выделяют три основные зоны, в которых преемственность и разрыв римской культуры, как и восприятие римских традиций, имели разное значение при становлении средневекового общества (*Herrmann, 1986*). Внутренняя зона синтеза охватывала регионы, окружавшие Средиземноморье. Средняя зона синтеза простиралась от Британии и Северной Франции по Дунаю к Черному морю, отчасти включая бывшие римские провинции и ближайшие районы вне их укрепленных границ (*Лимес*). Наиболее удаленная зона включала племена, которые имели лишь нерегулярное взаимодействие с римлянами. Племенное общество в этой зоне синтеза на многих территориях сохранялось в течение сотен лет, и средневековое общество сформировалось в них под влиянием Франкской и Византийской империй после VII в.

12.6.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ РАННИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ

Йоахим Херрманн

Как было показано в предыдущей части, существует не слишком много оснований для достоверной реконструкции исторических процессов и даже основных направлений исторического развития в период перехода от античного к средневековому обществу. Письменные источники касаются только некоторых событий, и их интерпретация затруднена. Многие наши знания об экономике, типах поселений и даже о социальных слоях получены благодаря археологическим исследованиям и их научной оценке, включая оценку костей животных археозоологами, ботанических останков палеоботаниками и анализом изделий из металла и минеральных остатков специалистами. Наиболее существенные нововведения с точки зрения того, как формировало средневековое общество свой собственный базис, были осуществлены в переходный период между IV и VII вв. В этом промежутке производительные силы, развившиеся в римском обществе, смогли сочетаться с социальными условиями отживавшего свой век племенного общества.

Этому синтезу способствовал упадок производительных сил римских провинций, начавшийся в III в. В различных секторах экономики, в сельском хозяйстве, ремеслах и торговле, в разделении труда и в урбанизации быть виден упадок и наблюдалось формирование более мелких производственных единиц, которые проявляли свою жизнеспособность в примитивных условиях и без согласия государства или латифундистов. В сельскохозяйственном производстве в большей части провинций господствовала система прикрепления крестьян к земле, означавшая, что даже в основных видах производства существовали небольшие образования, способные к самовывживанию во времена кризиса и упадка. Эти основные тенденции были важны при интеграции экономических единиц в общество возникавших варварских королевств.

С другой стороны, на производительные силы общества, которое формировало племенные королевства, влияли сотни лет существования римской экономики. В сельском хозяйстве, например, в некоторых областях к северу от провинций Центральной и Западной Европы стали применяться плуг и даже плуги с железными лемехом и ножом. В Тюрингии, Богемии, Моравии и в верховьях Вислы и Одера развились центры производства керамики на гончарном круге по римской технологии. В Свентокшиских горах в Польше был создан центр по производству железа. Считается, что примерно между II и V вв. около 300 тыс. доменных печей произвели более 5 тыс. тонн железа. Очевидно, что эти центры были основаны ремесленниками и специалистами, появившимися из римских провинций; они, возможно, были взяты в плен при набегах варварских племен или были беглыми, как это описано в римской литературе. Уже в мирном договоре между Марком Аврелием и маркоманами 171 (172) г. римляне просили репатриировать 13 тыс. пленников и

беглецов. Имеются данные о том, что в IV и V вв. у алеманнов в деревнях проживали до 10 тыс. пленных. Таким образом, производительные силы, возникшие в римском мире, могли использоваться и в племенных обществах. Результатом этого стала возможность создания в германских деревнях небольших индивидуальных единиц сельскохозяйственного производства. Эта структура по существу была представлена уже в I в. н.э в очерке Тацита «Германия»:

«У них другие рабы, которые организованы не по-нашему; т.е. не имеют точно определенных обязанностей в хозяйстве. Каждый свободный человек остается хозяином своего собственного дома: хозяин берет с раба как с нанятого некоторое количество зерна или крупного рогатого скота или одежды. Раб находится в его подчинении, но остальные домашние дела выполняет его жена и дети. Избиение раба, принуждение его к тяжелому труду и содержание в заключении являются редкостью. Если их и убивают, то не ради поддержания строгой дисциплины, а скорее в припадке ярости, как врага, без какого-либо наказания за это.

Свободные люди немногим выше рабов: редко они имеют какой-либо вес в домашних делах, никогда не влияют на политику, за исключением только тех, кто живет в государствах, возглавляемых королями. В этих государствах они могут подняться выше рожденных свободными и выше знати; в иных государствах ограничения для свободных людей являются свидетельством свободы.

Использование капитала и использование его с выгодой им неизвестны, и складывается впечатление, что это фактически запрещено».

Такие фермерские образования (*Hofverbände*) обнаружены при археологических раскопках почти во всех областях к северу от римских провинций в Центральной и Северной Европе (рис. 15). Индивидуальное фермерское производство вело к возникновению особой формы собственности, вызывая упадок общей племенной собственности и появление особой ограниченной собственности – фермы. Во франкском законе «Салическая правда» она называется *аллод* (*allodium*) и включает жилой дом и надворные постройки, земельную площадь, животных, рабов или фермерских рабочих, а также хозяйства зависимых людей, которых называли *лими* (*liti*). Аллод мог быть унаследован и защищался германскими племенными законами. Все члены германского племенного общества, которые были свободными людьми, могли, как правило, владеть своими аллодами в рамках сообщества. Это служило основой социального равенства. Тот же принцип первоначально преобладал в законах франков, бургундов, готов, лангобардов, англосаксов и других племен. Но система аллодов создала

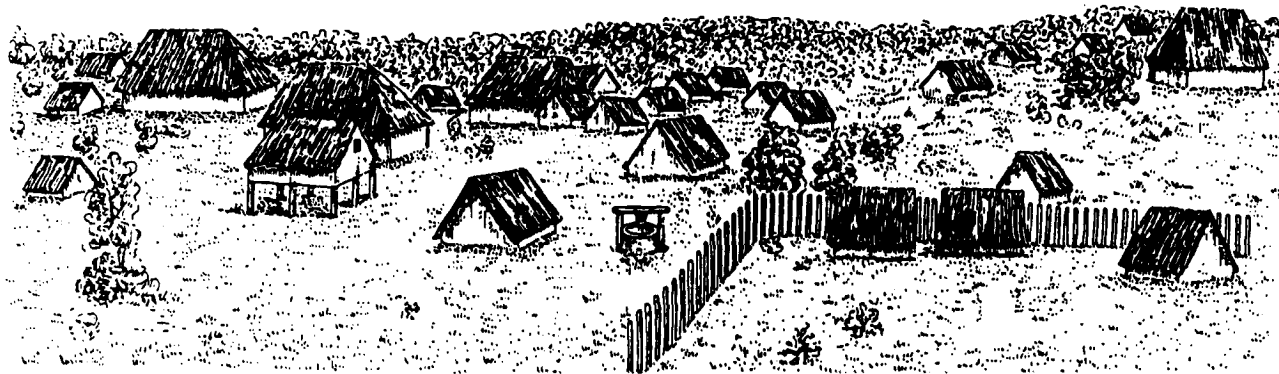

Рис. 15. Фермерское образование: пример из Гладбаха вблизи Нойвейда (долина Рейна, Германия) (по *Herrmann*, 1985)

возможность появления и социальной дифференциации. Племенная аристократия, король и другие вожди имели возможность увеличить свои аллоды до значительно больших размеров, чем обычные свободные люди, путем завоевывания чужеземных, особенно римских, территорий. Германские завоеватели, например, присваивали себе от трети до двух третей римской собственности в качестве своего аллода, своего владения. В результате члены аристократии стали собственниками обширных пахотных земель с фермами, колонами (прикрепленным к земле крестьянами) и рабами; так произошло в Италии, Испании, Галлии и Бургундии (*Dopsch*, 1923, pp. 204–225). Вдобавок к этому многие свободные люди улучшили свое положение, приняв участие в таких завоеваниях. В завоеванных областях прежней племенной аристократией была создана система ранних средневековых поместий. В то же время прежние свободные люди теряли свое влияние.

В средней зоне синтеза франкские правители и их аристократия следовали этой же тенденции, но при этом свободные люди сохраняли более прочное положение. Рабство и подчинение было развито меньше. Обновленное племенное собрание, называвшееся *ding* (*dīng*), или «событие», продолжало оставаться социальным племенным политическим институтом, а свободные граждане были вооружены. В этих условиях франкской аристократии было трудно включить свободных граждан с их аллодами в свои поместья. Сходное положение определяло и развитие варварских королевств на территориях алеманнов, баваров, тюрингов, саксов и англосаксов. Таким образом, между IV и VII вв. в средней зоне синтеза появилось общество с промежуточными социальными структурами. Король, его приближенные и племенная аристократия господствовали в обществе и подавляли покоренных римлян, особенно их низшие классы и сословия. Вскоре римская аристократия, землевладельцы и другие

члены прежних правящих групп также включились в появившуюся правящую систему новых королевств. Эти группы вместе формировали политическую, военную, экономическую и, наконец, религиозную власть в обществе. Свободные люди и владельцы аллодов не желали терять свою независимость в результате такого развития, но, с другой стороны, они были заинтересованы в стабильности общества, основанного на частной собственности на землю и на эксплуатации сельскохозяйственных работников, рабов и полусвободных фермеров (*литы* или *либерти*).

Общество, которое развивалось между IV и VII вв. в некоторых частях Европы, еще не было феодальным обществом, но оно уже отличалось от общества старого римского типа. Стало видно новое социальное расслоение, происходившее под сильным влиянием обладателей аллодов, но уже при господстве королей и аристократии. Для защиты своих аллодов и отстаивания социального положения свободные люди иногда восставали против короля и аристократии, способствуя переходу своего общества к феодальному обществу. Так было в 555 г. в Тюрингии и Саксонии, в 594 г. снова в Тюрингии. С другой стороны, между различными группами аристократии и королями на этих территориях также возникало множество противоречий, напряженных отношений и вооруженной борьбы. Важным событием, определившим ход развития отношений между крупными землевладельцами, аристократией и королем франков больше чем на тысячу лет, был так называемый Парижский эдикт 614 г. В нем устанавливались отношения между крупными землевладельцами и королем: король был объявлен «первым среди равных» (*primus inter pares*), его власть основывалась на доходах от его собственных поместий и от некоторых налогов с населения. Но он не имел права прикасаться к аллодам крупных землевладельцев, аристократии или церкви.

Йоахим Херрманн

В период после Римской империи ее материальная, юридическая и духовная культура дала начало средневековому «западничеству», характеризующему влиянием преимущественно западноримских достижений, тогда как восточное римско-византийское развитие в значительной степени формировало Восточную Европу. К этому развитию добавлялись традиции периода Великого переселения народов. Это сочетание имело решающее значение для европейского культурного развития во все последующие эпохи, сформировав особую культуру Европы (в противоположность другим континентам) и определив влияние Европы в различных формах, распространившееся в период взаимодействия с культурами других континентов.

Культура и идеология Римской империи во многих отношениях уже представляли собой синтез восточных, африканских и периферийных европейских элементов, особенно греческих, проявившихся в основах римской культуры. В период распада политических и социальных структур поздней античности благодаря вкладу различных племен и народностей в различных областях было накоплено материальное и духовное богатство и достигнуто объединение, имевшие большое значение по многим причинам, в особенности из-за реализации непрерывного развития. При детальном изучении можно выявить разные формы продолжавшегося влияния античности.

В сфере материальной культуры такая непрерывность ясно обнаруживается начиная с IV или V в. Зоны периферийной материальной культуры простирались от Британии до юга России, что обеспечило важную основу для будущей средневековой культуры как в сфере технического производства, так и в организации повседневной жизни, включая столовую посуду, драгоценности и оружие. В Центральной Европе, на островах Готланд и Эланд, как и в материковой Швеции, можно встретить примеры выполненной под римским влиянием искусной работы каменщиков и технологии изготовления мозаики и индивидуальной чеканки. Франкские и тюрингские гончары, строители дворцов и церквей Меровингского королевства, ставшего одним из наиболее значительных наследников Западной Римской империи, ориентировались на римские традиции. На юго-востоке и востоке Европы довольно значительное влияние имели традиции Восточной Римской и Византийской империи. Культура гуннов и аваров и, следовательно, их независимое развитие необъяснимы вне этого общего фона, который обеспечил значительный вклад в их эволюцию от времен степного состояния. И роль гуннов Аттилы, и каганы аваров окружали себя римским величием и позволяли римским и византийским ремесленникам работать на них; то же делали правители готов, ломбардов, вандалов, бургундов и франков. Поэтому не удивительно, что зачастую трудно определить этническую принадлежность на основе отдельных находок на территориях, где существовали эти периферийные ранне-средневековые культуры.

Особенно важным для всех в поздней античности был прямой обмен духовной культурой в виде христианства, являвшегося непрерывным мостом, связывающим античность с периодом средневековья. Все так называемые племенные королевства и их правители приняли христианскую веру: готы и вандалы в форме арианства, а франки и связанные с ними племена – в форме афанасионства (Афанасий Великий – епископ г. Александрия, разработавший учение, ставшее догматом на 1-м и 2-м Вселенских соборах. – *Прим. ред.*) или католицизма. В результате христианство в виде католицизма преобладало на их территориях, и население части бывшей Римской империи, и особенно его верхние слои, было настроено в его пользу. Поэтому католицизм дал возможность всем участвовать в формировании общей основы и воспринять религиозные традиции античности и институты, которые создавала империя. Группы готов, располагавшиеся по границам римской империи, уже приняли христианское учение, и епископ готы Ульфилла был первым переводчиком Библии на немецкий язык. Когда в 410 г. западные готы захватили и разграбили Рим, они пощадили главные христианские церкви. В этом глава римской церкви Августин увидел знак, который, казалось, обозначал некоторые общие будущие основания и возможности для продолжения развития.

В 486 г. салические франки под предводительством Хлодвига завоевали «королевство» Сиагрия (последнего римского наместника) в Галлии. Как завоеватели, они прометчиво выступили против христианской церкви, ее представителей, сокровищ и культурного наследия. Но все же десятью годами позже, в 496 г. в сражении против алеманнов Хлодвиг поклялся стать христианином. Его бургундская жена Хлодехильда (Клотильда) уже давно на этом настаивала. Кроме того, после подавления «королевства» Сиагрия и важной победы над алеманнами, возможности, предоставлявшиеся таким шагом, стали для него очевидными. Он готовился в обстановке некоторой секретности, но вместе с ним должны были креститься не менее 3 тыс. воинов его армии. Неясно, был ли он благочестивым католиком в течение всей жизни, разделяя веру поработанного им галло-римского населения, или лишь позднее обратился к этой религии. Но это было необходимо для достижения духовного согласия и укрепления его руководства, так как облегчало сотрудничество с прежними галло-римскими высшими слоями, особенно с епископами. Обращение в христианство позволяло Хлодвигу использовать арианство как основание для нападений на вестготов. После победы над Сиагрием при городе Вуиль близ Пуатье им была завоевана вся территория к югу от Луары, включавшая средневековую Аквитанию. С этого времени традиционная лояльность средневековой элиты, появившаяся еще во времена поздней античности, твердо проявлялась по отношению к этому франкскому предводителю. В его распоряжении была и сама эта элита с ее пониманием лидерства, власти и духовно-религиозного единства.

Проримски настроенный епископ Григорий Турский, автор первых из известных франкских исторических письменных документов, описывал и восхвалял этого франкского вождя и его политику. Сам Хлодвиг заботился о соблюдении социально-политического баланса между интересами прежних римских высших классов и своих собственных последователей, и стремился, среди прочего, к легализации собственного положения в соответствии с «Салической правдой» – законом, ставшим общепринятым у салических франков.

Обращение лидера этой племенной империи в христианство означало продолжение религиозно-культурных традиций античности и поддержание исторической культурной традиции, которая имела большое значение на этой стадии мировой истории. Непосредственным результатом была ассимиляция народов разного происхождения, уже намечавшаяся в Римской империи эпохи поздней античности, в рамках общей христианской веры достигавшаяся значительно легче. Соответственно, существовавшая властная структура, занимавшая господствующее положение, смогла относительно быстро достигнуть нового социального понимания и взаимосвязи, которые являлись предпосылками для этнического преобразования. Деятельность церкви и ее традиционное

участие в образовании было связано с латинским языком. Поэтому этот язык общения все еще продолжал оставаться общим на большей части Европы, обеспечивая межрегиональные и межэтнические связи и даже расширение уже достаточно значительной территории, где проявлялось влияние церкви. С другой стороны, этот язык общения позволял образованным представителям церкви использовать соответственные региональные языки в их миссионерской деятельности, что весьма способствовало развитию письменных языков. С VIII по IX вв. н.э. это, в свою очередь, привело к развитию связного изложения письменных документов.

Сходным образом, хотя и на века позже, римско-византийское наследие оказало влияние на восточную часть Центральной Европы и Восточную Европу. Римское наследие в столь большой степени сформировало Европу раннего средневековья, что без него нельзя себе представить средневековое европейское общество.

Наконец, из изложенного следует, что начиная с 500-х гг. н.э. так называемые германские законы «Салическая правда», «Бургундская правда» и другие появлялись под влиянием римского права и использовали, в частности, терминологию поздних римских кодексов типа Кодекса Феодосия и более позднего Кодекса Юстиниана.

ВИЗАНТИЯ И РИМСКИЕ ТРАДИЦИИ

Васил Гюзелев

В отличие от развития западных частей Римской империи и ее периферии, Византийская империя представляла собой отдельный центр перехода от античного к средневековому обществу. Византийская империя возникла на основе приходившей в упадок Римской империи. Это следует из того, что византийцы называли себя *ромаиои* (*romaioi*), т.е. римляне. Они назвали свою империю «Империей римлян». От Римской империи Византийская империя унаследовала не только важную часть ее территории, но и политические и административные институты, законы, военную организацию и, прежде всего, идею всемирной империи.

Политический и культурный синкретизм в истории Византии связан как с географическим положением ее столицы и территорий, находившихся под ее властью, так и с природой Византии как государственного образования; эти факторы способствовали преодолению кризиса, характерного для позднего классического периода. Византия является историческим примером того, как дряхлеющий и умирающий государственный организм может быть сохранен, если он несет в себе здоровые традиции, если он достигал успехов в приспособлении к радикальным изменениям исторических условий и если, учитывая эти условия, он проявлял готовность к обновлению.

Это сочетание римского государственного принципа с философским и культурным наследием древней Греции и восточной эллинистической традицией, сочетание, которое включало христианство, было торжественно провозглашено в империи в качестве ее идеологической основы, ставшей особой византийской чертой, которая давала ей силы и обеспечивала превосходство над окружающим миром. Византия была подобна «одноглазому человеку в королевстве слепых».

Римские традиции и наследие в Византийской империи было лучше всего представлено его столицей Константинополем. Церемонии, которые происходили 11 мая 330 г., когда Константинополь был основан как «новый Рим», имели символическое значение, так как отмечали начало новой эры в истории Римской империи. В принципе это было «перемещение империи» (*translatio imperii*), означавшее ее превращение в государство римского Востока. История этой тысячелетней империи, подобной которой не было, начинается и заканчивается христианским городом Константинополь. Он не только был постоянной и неизменной столицей империи (беспрецедентный для средневековья случай), но и центром ее жизни и источником энергии, необходимым для ее существования. Подобно древнему Риму, этот «новый Рим» играл настолько важную роль в политической, экономической и культурной жизни, что в конце концов определило характер и исторический образ всей империи – даже само ее существование (Beck, 1973).

Константинополь был гигантским городом, в котором находились постоянная резиденция императора, размещались патриарх, Сенат и главные учреждения администра-

ции и армии. Являясь центром самодержавного государства и слившейся с ним церкви, Константинополь занимал привилегированное положение с географической, политической, военной, стратегической, коммерческой, экономической, религиозной и культурной точек зрения. Расположенный на границе двух континентов, связанных сушей и морем, в центре торговых путей, где международная торговля процветала как в поздний классический период, так и в средние века, Константинополь был единственным городом подлинно всемирного значения. Став в течение IV, V и VI вв. наиболее роскошным и густонаселенным городом мира, Константинополь был не просто мостом между Востоком и Западом – он обладал ключом к будущему направлению развития европейской истории.

На заре своего развития Византийская империя много взяла и сохранила от римского наследия, но совсем немного от провинций и их крупных городов, таких как Константинополь. Столица долго придерживалась древних римских традиций с их Сенатом, концентрацией войск, организацией населения в демы (территориальные округа), цирком, даже после того, как эти устоявшиеся символы политической системы зачухли и перестали быть политической реальностью, оставшись лишь пережитками прошлого. Однако в первое время в истории Византии они служили барьером для неограниченного роста имперского абсолютизма. Представители военного и гражданского управления, сосредоточенные в столице, оставались очень образованными, и вплоть до первой половины VII в. от чиновников и солдат требовалось знание латыни, и тем самым сохранялось и распространялось наследие Римской империи. Эта особенность государственного консерватизма в Константинополе и его провинциях давала империи беспспорные преимущества перед миром варваров, погруженным в проблемы завоеваний. Это делало Византию наиболее прогрессивным государством с наиболее прогрессивной цивилизацией в Европе эпохи средневековья.

Византийцы приняли централизованное самодержавие и абсолютную монархию Римской империи, которая при Диоклетиане и Константине I преобразовалась из идеологической основы при добавлении некоторых черт эллинистических монархий и христианской религии в государственную систему. Византийский самодержец считался представителем Бога на земле и воплощением «живого закона». Хотя империя была расположена рядом с Востоком и испытывала его мощное влияние, она не приняла его модель теократической монархии. По византийскому пониманию сущности высшей власти в государстве, ее носителем был вовсе не сам император, а скорее институт монархии, который он представлял и который был святым и божественным. Император был просто временным исполнителем predeterminedной свыше миссии мирового господства (Hunger, 1975).

В течение первых трех веков своего существования и на основах Римской империи были установлены три

принципа Византийской империи, поддерживавших ее, даже когда она напоминала «колонна на глиняных ногах»: единая имперская самодержавная власть; единые законы для всех; единая вера и церковь. Это триединство стало тремя составными частями, служившими моделью для европейских государств средневековья.

Византийская империя не только сделала возможным сохранение римского права в течение веков, но и позволила его реформировать и приспособить к условиям перехода от классической античности к средневековой цивилизации. Справедливо считается, что одним из самых больших достижений правления императора Юстиниана (527–565 гг.) была его реформа римского права и составление свода римского гражданского права (Кодификация Юстиниана, «Corpus juris civilis»), совершенно справедливо считавшегося «святыней юридической мудрости».

Ранняя история Византийской империи кажется парадоксальной. Из-за своего географического положения и расположения своей столицы она, по-видимому, была тесно связана с эллинистическим Востоком, но фактически сила унаследованных ею государственных традиций, ее структура и законодательство привязывали ее к Западной Европе и древнему Риму. Этот парадокс показывает, что у Византии была историческая миссия сохранения и развития римского государства, административного и правового наследия.

Патриархат Константинополя стал новым фактором имперской власти. Призванная объединить подданных империи на основе христианского учения, византийская церковь со времени своего возникновения и при своем развитии была тесно связана и зависела от самодержавной власти императора. Коронация императора Марсиана (450–457 гг.) патриархом Константинополя представляла собой традиционной и символической церемонией. Она подчеркнула особо важное положение церкви и ее главы

в управлении империей. До этого римская традиция требовала, чтобы императоров короновал военный предводитель, затем его провозглашали сенаторы, солдаты и простые граждане.

Будучи римской по происхождению и по государственной организации и имея культурные корни в мире античности, христианская Византийская империя все больше превращалась в европейское восточное государство.

Юстиниан I хотел при своем правлении начать совершенно новую эру в истории Римской империи. Конец его правления фактически стал концом римского периода в византийской истории. Римская империя, ставшая космополитической в годы упадка, не распалась на части, а скорее во второй половине VI в. – начале VII в. постепенно погибала, теряя свои территории. Чтобы выжить, она должна была прежде всего изменить свою военную и административную систему. Реорганизация государственного управления при Ираклии (610–641 гг.) показала, что происходило внутреннее преобразование в направлении обновления империи, в течение которого римские административные традиции постепенно уступали место восточному прагматизму и сохранившемуся «греческому ядру». Эти перемены в Византии проявлялись в государственных, духовных и военных институтах, а также в культуре. На исходе VII в. греческий язык заменил латынь в двух оплотах империи – в системе управления и в армии. Греческим языком скоро стали пользоваться многие племена и народы, жившие на территории империи, сплотившиеся в империи и ставшие подданными византийского басилея (византийского императора). Абсолютная власть императора в сочетании с церковью и христианской верой сформировала единую правовую систему, а использование греческого языка создало византийский эллинизм.

БИБЛИОГРАФИЯ (12.1–12.6.4)

- AMMIANUS MARCELLINUS. 1968–1971. *Rerum gestarum* [Roman History]. SEYFARTH, W. (ed.). Vols I–IV. Berlin.
- ATSMAN, H. (ed.). 1989. *La Neustrie. Les pays au nord de la Loire de 650 à 850*. Sigmaringen.
- AUGUSTINE. *Epistulae*. [1st edn 1951–56] trans. PARSONS, W. 1966. Saint Augustine. Letters. Vol. 2, 2nd edn. New York.
- BAEHRENS, W.A. (ed.). 1911. *Panegyrici latini*. Leipzig. (Bibliotheca Teubneriana). Leipzig.
- BAUS, K.; EWIG, E. 1971. *Die Reichskirche nach Konstantin dem Grossen, Die Kirche von Nikaia bis Chalkedon* (Handbuch der Kirchengeschichte). Freiburg.
- BECK, H.G. 1973. *Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels*. Munich.
- 1980. *Constantinople: The Rise of a New Capital in the East, Age of Spirituality. A Symposium*. New York/Princeton.
- BONA, I. 1991. *The Huns and their Great Kings*. Budapest/London.
- BROWNING, R. 1971. *Justinian and Theodora*. London.
- CAILLET, J.P.; LOOSE, H.N. 1990. *La vie d'étémité: La sculpture funéraire dans l'Antiquité chrétienne*. Paris.
- CHRYSOE, E.K.; SCHWARZ, A. (eds). 1989. *Das Reich und die Barbaren*. Vienna/Cologne. (Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung Bd. 29).
- COURTOIS, C. 1955. *Les Vandales et l'Afrique*. Paris.
- CZUTH, B. 1965. *Die Quellen der Geschichte der Bagauden*. Szeged. (Acta Antiqua et Archaeologica, IX).
- DAM, R. van. 1985. *Leadership and Community in Late Antique Gaul*. Berkeley.
- DEMOUGEOT, E. 1979. *La formation de l'Europe et les invasions barbares de l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle*. Paris.
- DOPSCH, A. 1923/24. *Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung*. Vols 1–2. Vienna.
- FRAZER, M.E. 1977. *Age of Spirituality, Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century* (Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, 1977–1978). New York, the Metropolitan Museum of Art.
- GEARY, P.J. 1988. *Before France and Germany. The Creation and Transformation of the Merovingian World*. New York/Oxford.
- GOFFART, W. 1980. *Barbarians and Romans AD 418–584: the Techniques of Accommodation*. Princeton.
- GÜNTHER, R.; KORSUNSKI, A.R. 1988. *Germanen erobern Rom. Der Untergang des Weströmischen Reiches und die Entstehung germanischer Königreiche bis zur Mitte des 6. Jahrhunderts*. 2nd edn. Berlin.
- HERRMANN, J. 1986. *Wege zur Geschichte*. Berlin, Akademie-Verlag.
- HERRMANN, J.; KÖHN, J. (eds). 1988. *Family, State and Formation of Society*. Berlin.
- HÜBINGER, P.E. (ed.). 1969. *Zur Frage der Periodengrenze zwischen Altertum und Mittelalter*. Darmstadt.
- HUNGER, H. 1975. *Das Byzantinische Herrscherbild*. Darmstadt.
- JARNUT, J. 1982. *Geschichte der Langobarden*. Stuttgart.
- JONES, A.H.M. 1986. *The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford.
- JUSTINIAN, I. 1954–63. *Corpus iuris civilis*. Vols. I–III. Berlin.
- MATTHEWS, J. 1989. *The Roman Empire of Ammianus Marcellinus*. London.
- MÜLLER-MERTENS, E. 1985. *Feudalismus. Entstehung und Wesen*. Berlin.
- NOËL, D. (ed.). 1989. *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne*. Paris, Ecole française de Rome.
- OSTROGORSKY, G. 1969. *The Age of the Migrations and the Christological Controversies. History of the Byzantine State*. Trans. HUSSEY, J. pp. 46–62. New Brunswick, NJ.
- PERIN, P.; VELAY, P.H. 1980. *Paris mérovingien*. Bulletin du musée Cornavalet, 1–2.
- PIETRI, C. 1976. *Roma Christiana, Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Vols. I–II. Rome.

- PIGANIOL, A. 1972. L'Empire chrétien (325–395). 2nd edn. Paris.
- PIRENNE, H. 1937. Mahomet et Charlemagne. Paris/Brussels.
- POHL, W. 1988. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa (568–882 Chr.). Munich.
- RICHE, P. 1979. Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du Ve siècle au milieu du XI siècle. Paris.
- SALVIANUS MASSILIENSIS. 1877. De gubernatione dei. HAHN, C. (ed.). Berlin (Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi I/1).
- SIMON, M. 1972. La civilisation de l'Antiquité et le christianisme. Grenoble.
- STEIN, E. 1949. Histoire du Bas-Empire. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). Vol. II. Paris/Brussels/Amsterdam.
- 1959. Histoire du Bas-Empire I: De l'Etat romain à l'Etat byzantin (284–476). Vols 1–2. Paris.
- TACITUS. 1980. Germania. Trans. HUTTON, M. rev. WARMINGTON, E.H. London.
- TAPKOVA-ZAIMOVA, V. 1979. Byzance et les Balkans à partir du VIe siècle. London. (N. IV–IX.)
- WOLFRAM, H. 1988. History of the Goths. Berkeley/Los Angeles.

НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ, СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ОТ РЕДАКТОРА

Йоахим Херрманн

Между IV и VII вв. н.э. существенно изменились исторические условия в Центральной, Западной и Юго-Восточной Европе. Упадок Римской империи шел параллельно с возникновением племенных королевств, а также с укреплением Византийской империи. Так называемое Великое переселение народов сочеталось с важными изменениями в бывшей периферии Римской империи, и в результате переселения народов изменились этнические, культурные и социально-экономические условия в Северо-Западной, Северной, Центральной и Восточной Европе. Германские племена завоевали Англию и создали основу англосаксонского средневекового общества. Славянские племена расселились на обширных территориях Центральной и Восточной Европы и заложили основу государства и общества. С конца V в. было установлено взаимодействие между германскими и славянскими племенными королевствами,

государствами и племенными группами, которое продолжалось в течение сотен лет. Во многих областях Англии было введено христианство, а также ранняя форма феодальной поместной системы. В Северной, Центральной и Восточной Европе вожди укрепляли и расширяли свою власть, племенная аристократия господствовала над фермерскими образованиями, которые уже сложились в возникающих региональных хозяйственных оплотах. В этих условиях становилась все более заметной социальная и политическая дифференциация первоначального племенного общества и создавались основы для появления общества, организованного в социальные группы или классы. Таким образом, между IV и VII вв. народы, проживавшие на бывшей второй периферии цивилизованного мира, были уже непосредственно включены в европейское историческое, политическое, культурное и этническое взаимодействие.

13.1

БРИТТЫ, АНГЛОСАКСЫ, ИРЛАНДЦЫ И РИМСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Кэтрин Хиллс

Илл. 72, 73

В начале V в. н.э. Британия перестала быть частью Римской империи. Ирландия и большая часть Шотландии никогда не находились под властью Рима, и там продолжали существовать племенные сообщества железного века. После разрыва с Римом Англия и Уэльс также распались на множество мелких враждующих государств. В течение V в. германские народы вторглись и расселились на большей части южной и восточной Англии, хотя и не вытеснив при этом все коренное население. В VI и VII вв. образовались более крупные англосаксонские и кельтские королевства, которые стали основой средневековых Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии. Римское наследие в этих королевствах было на первый взгляд незначительным, однако его следы проявились в искусстве и литературе. Между тем христианство, вновь введенное в Англии и Уэльсе, а впервые появившееся в Ирландии и Северной Шотландии, было мощным средством передачи культуры Средиземноморья и вновь включило Британские острова в сферу поздней античной цивилизации.

Детали этого периода неясны, поскольку исторические источники очень немногочисленны. В более поздних записях упоминаются древнейшие традиции, но в них факты часто путаются с вымыслом и мифом. Основным документом, относящимся к Британии V в., является произведение, озаглавленное «Крушение Британии» (*De Excidio Britanniae*). Оно было написано духовным лицом по имени Гильдес, который, вероятно, написал его в первой половине VI в. в Юго-Западной Англии. Однако эта работа является полемической и не может использоваться как достоверный исторический текст.

Наиболее важным историческим источником является труд «Церковная история англоv», заверченный в 731 г. н.э. монахом Бедой Достопочтенным из Ярроу, Нортумбрия. Беда сообщает много подробностей о VII в., но предшествующий период излагался автором по сочинениям, в частности, Гильдеса. Другие выдающиеся ранние исторические сочинения – это «Англосаксонские хроники», сохранившиеся в летописи западных саксов IX в., и «Анналы» – летопись Ольстера на ирландском языке.

Интерпретация археологических данных также затруднительна. Поселения на территории бывшей римской провинции могли использоваться еще долгое время после того, как прекратились поставки глиняной посуды, монет и изделий из металла. На западе продолжавшийся небольшой ввоз глиняной посуды Средиземноморья позволяет нам выявить некоторые поселения этого периода в Западной Британии и Ирландии. Кельтских умерших (и христиан и язычников), хоронили без щедрых погребальных приношений или памятников. Гораздо больше нам известно о германских завоевателях Восточной Британии, в основном из-за того, что они хоронили умерших с оружием, глиняной посудой и драгоценностями.

Конец римской Британии обычно датируется 410 г. н.э., когда римский император Гонорий дал письменное указание Британии самой заботиться о своей защите. Первоначально правители частей бывшей римской провинции получали полномочия от прежних римских гражданских или военных чиновников, но со временем они все больше становились племенными вождями. Возможно, у них был верховный король, который мог объединять малые группы для участия в сражениях. И если «король Артур» действительно существовал, то он, возможно, был таким лидером.

Гильдес сообщает, что король Вортигерн (*Vortigern*) предпринял шаги по включению англосаксов как федератов для помощи в борьбе с другими захватчиками – пиктами из Шотландии и скоттами из Ирландии. Эти союзники впоследствии обратились против своих хозяев и опустошили страну до тех пор, пока не были усмирены в большой битве примерно в конце V в. в неизвестном месте, называемом Монс Бадоник. Эта победа была позднее приписана легендарному королю Артуру. Согласно Бэде, захватчики происходили из трех самых сильных германских племен – англов, саксов и ютов. Англы заселили Восточную Англию, Линкольншир, Йоркшир и части Мидленда; саксы расселились, дав названия этим местам, в Эссексе, Мидлсексе, Суссексе и Уэссексе; юты заняли Кент, остров Уайт и некоторые части Гемпшира.

Археологические данные подтверждают общие черты этих событий. В Восточной Англии в течение V в. появляются захоронения и постройки, которые свидетельствуют о разрыве с римско-британской культурой и которые могут быть весьма похожими на те, которые встречаются в поселениях вдоль побережья Северного моря от Нидерландов до Дании. Раздробленность также препятствует изучению: захоронения V в. в Восточной Англии в основном близки к захоронениям англов в Шлезвиг-Гольштейне, тогда как в долине Темзы находят более «саксонские» объекты. Имеется много исключений из этих правил и, видимо, существовало некоторое смешение народов до и после переселения в Англию. Имеются исторические и археологические следы других народов: франков, алеманнов, фризов, свевов и даже готов. Народы британского происхождения также стали частью англосаксонского общества. Хотя происходили жестокие конфликты и вытеснение бриттов англосаксами, маловероятно, что население полностью изменилось. В некоторых областях, например, в Нортумбрии, небольшие группы военных, возможно, получали власть над людьми в основном британского происхождения.

На протяжении поколений существовали небольшие британские королевства, такие как Элмет на западе Йоркшира и безымянные анклавы в Эссексе и Гертфордшире. Предлагалось, что в Суссексе существовала установленная договором граница между бриттами и саксами. Возмож-

но, в Южной и Восточной Англии жили народы, которые говорили на германских языках, имели германскую культуру и считали себя потомками англосаксов. Однако археологические данные о некоторой преемственности в земледелии, и выращивании зерна и в животноводстве могут быть вскоре подтверждены антропологическими исследованиями, что может выявить более сложную ситуацию, в которой ассимиляция и культурный обмен играли не меньшую роль, чем вытеснение.

На севере Британии скотты – поселенцы из Северной Ирландии в V в. создали в Арджилле королевство Делриада, тогда как оставшаяся часть Шотландии была занята пиктами, которые, видимо, происходили отчасти от древнего населения Шотландии и отчасти, как и остальные народы Британских островов, – от кельтских народов. В Ирландии сохранилось коренное население, представлявшее множество небольших королевств. Хотя в раннем средневековье существовали верховные короли, объединенного Ирландского королевства не было.

И кельтское, и германское общества были племенными, с вождями и их войнами, нуждавшимися в войне для славы и добычи. Существовал внутренний конфликт, свя-

занный с наследованием лидерства, и конфликт с соседями из-за территории и движимого имущества, такого как крупный рогатый скот. Небольшие королевства могли объединяться в союзы или под руководством удачливого вождя могли создаваться более крупные образования. Вожди жили в укрепленных резиденциях. Они не оставались надолго в одном месте, а разъезжали по своей территории вместе с войнами, ремесленниками, бардами и рабами, собирая продовольственную ренту или дань.

Основой общества было производство продуктов питания. Большинство домов были небольшими и строились из дерева на равнинах или из камня на возвышенностях. Гончарные изделия, ткани, кожу, железные инструменты и продовольствие производили на месте. Люди и товары иногда перемещались на большие расстояния, но жизнь многих людей вследствие серьезных ограничений была короткой и трудной.

Римский урбанизм оставил немного следов. Некоторые города, например, Роксетер вблизи Шрусбери на границе с Уэльсом и Верулама рядом с Сент-Олбанс в Юго-Восточной Англии, были заселены и в V в., но большинство римских городов, видимо, были покинуты. Между римским и

Карта 13. Англосаксонские королевства в конце V в. и в течение VI в.

средневековым обитаемыми слоями при раскопках были обнаружены слои обрабатывавшейся или сдутой ветром плодородной почвы. Только в VII в. там снова появляются поселения, такие как Ипсвич на восточном побережье Англии, существование которых зависело от производства и торговли. К этому времени некоторые из таких старых римских городов, как Кентерберги, стали королевскими центрами, возможно, отчасти благодаря влиянию христианских миссионеров. В этот период в Шотландии, Уэльсе и Ирландии города еще не сформировались.

Имеется мало свидетельств того, что же было «римского» в этом обществе. Правители, возможно, заявляли о своем имперском происхождении или полномочиях. Анализ англосаксонских металлических изделий показывают их вполне определенное классическое происхождение, о чем можно судить по многим сюжетам изображений и применявшимся технологиям; на многих из этих прекрасных образцов изображены фантастические животные. Королевские доспехи делались по образцам римских парадных доспехов. Однако по общему впечатлению это искусство контрастирует с классическим искусством.

Христианство было главным каналом, по которому передавалось наследие римской цивилизации. Как часть империи Британия официально была христианской, и на западе, по-видимому, сохранились христианские общины. Из одной из них прибыл св. Патрик, который был в юности захвачен ирландскими работорговцами и позже вернулся, чтобы обратить в христианство этих людей. Монашество стало главной особенностью ирландского христианства, и ирландские монахи были активными миссионерами. Ирландский монах Колумбан из Ирландии в 563 г. н.э. отправился проповедовать народам Шотландии. Он основал монастырь в Айоне, из которого миссионеры в свою очередь отправлялись в Нортумбрию. В год смерти Колумбана, в 597 г., римский папа Григорий I Великий послал миссию во главе с Августином для обращения в христианство англосаксонских язычников. В течение VII в. все английские королевства приняли христианство. Между римской и ирландской миссиями возник конфликт, который в 664 г. был разрешен Синодом в Уитби в пользу римской деятельности. Римское духовенство влияло на развитие англосаксонского королевства, грамотности, законодательства и, возможно, даже на перестройку некоторых городов. Рукописи, с конца VII в. писавшиеся и оглашавшиеся в Линдисфарне или Айоне, свидетельствуют о творческом слиянии кельтской, германской и классической культур, представленных, в частности, в скульптуре и изделиях из металла.

АНГЛОСАКСОНСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Англосаксонские королевства развились из более мелких образований (карта 13). Королевские генеалогии не представляются надежными до конца VI в., когда появились первые исторические, а не мифические предки пос-

ледующих династий. Название, иногда дававшееся Англии в VII и VIII вв., было «Гептархия» (от греч. *hepta* – семь и *arche* – власть, главенство. – *Прим. ред.*). Но на самом деле трудно найти время, когда там было именно семь королевств. Основными королевствами были Нортумбрия, Восточная Англия, Мерсия, Кент и Уэссекс, но существовали также Суссекс, Эссекс, Линдсей (ныне Линкольншир), Уисс (в Уорсестершире), Магонсейт (в Херсфордшире) и множество небольших народов. Нортумбрия образовалась из двух отдельных королевств – Дейра и Берниция. В других основных королевствах также можно обнаружить свидетельства более ранних разделений.

Королевства расширялись за счет своих более мелких соседей: Мерсия поглотила Уисс и Магонсейт, а Уэссекс продвинулся на запад до Британской Дамнонии и на юг и восток в Суссекс и на остров Уайт. Многие другие небольшие территории, названия которых не сохранились, были поглощены тем или иным более крупным королевством.

Короли управляли, сочетая наследственные права и силу. Иногда несколько королей правили совместно, или были главные и подчиненные короли, а иногда за господство боролись несколько династий. Иногда проявлялась неустойчивость в относительной мощи крупных королевств. Бэда Достопочтенный приводит список «Бретвальд», в котором он перечисляет наиболее важных, по его мнению, королей того времени. Король Этельберт Кентский (умер в 616 г.) правил наиболее богатой частью Англии, и его королевство находилось в тесном контакте с континентом. Его брак с франкской принцессой в конечном счете способствовал прибытию христианской миссии во главе с Августином. Августин избрал Кентерберги в качестве миссионерского центра и построил кафедральный собор, который стал резиденцией архиепископа Кентерберийского.

Король Восточной Англии Редвальд (умер ок. 627 г.) либо отмечал какое-то событие, либо был похоронен в районе холма I в Саттон-Ху вблизи Вудбриджа, графство Суффолк. Кто бы ни был похоронен в этой могиле, ее содержание показывает, что богатство и внешние связи правителей Восточной Англии не уступали соперничавшему с ней королевству Кент (илл. 72 и 73).

Первым правителем объединенной Нортумбрии был Этельфрит Бернисийский. Он был убит в 616 г. При нем и во время правления его преемников Нортумбрия расширилась за счет включения большей части Северной Англии и равнинной Шотландии. Только в 685 г., когда король Эгфрит потерпел поражение от пиктов, Нортумбрия утратила свои претензии на превосходство.

Ни один из королей, упомянутых Бэдой или известными из других источников, не достиг долгосрочного превосходства, и в конце VII в. Англия была еще далека от объединения. Большинство первоначальных небольших территорий были все же захвачены одним из крупных королевств, и в течение последующих веков господствующего положения добились сначала Мерсия, а затем Уэссекс.

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН: СКАНДИНАВЫ, БАЛТЫ, ФИННО-УГРЫ

Лех Лецевич

Хотя население регионов, расположенных у восточного и северного побережья Балтийского моря, не участвовало в Великом переселении, они все же оказались в некоторой степени в пределах влияния античной цивилизации. Это были племена балтов, жившие в лесной зоне между побережьем и бассейном верховья реки Оки, и их северные соседи финно-угры, проникшие в безбрежную тайгу и субарктическую тундру между Скандинавскими горами и Уралом.

В те же времена глубокие изменения происходили прежде всего среди германского населения Скандинавии. За Оттоком больших племенных групп к югу в первых веках н.э. последовал период относительной демографической стабилизации. Тем не менее в V в. полуостров Ютландия опустел из-за переселения его жителей на Британские острова. Считается, что в тот же период даны заняли соседние острова. Странствие герулов от Дуная до земель готов в Скандинавии около 512 г., описанное византийским историком Прокопием Кесарийским, указывает на то, что некоторые из них вернулись на свою старую родину. Но это не имело никакого значительного влияния на местное этническое разнообразие. Центральная Швеция была заселена вокруг озера Меларен свеарами, которые уже в I в. н.э. были известны Тациту. На юге Швеции между рекой Гёта и Балтийским побережьем, а также на острове Готланд жили готы, в то время как даны, которые, видимо, подчинили оставшихся ютов на полуострове Ютланд, жили на островах в районе пролива Зунд и на соседних землях. Названия племен обитателей Норвегии того времени нам не известны.

Расширение освоенных зон и основание новых поселений между II и V вв. можно видеть во многих местах в Скандинавии. На гористой территории Норвегии они обычно представляли собой отдельные фермы, состоявшие из длинного основного дома и надворных хозяйственных построек. Вблизи находились огороженные обработанные поля, места для отправления культов и захоронений. Деревни, которые выросли на равнине, включали от пяти усадеб на Готланде до примерно двадцати усадеб в Ютландии. Однако в некоторых регионах эта тенденция к группировке этих жилищ в деревни не проявляется до начала средневековья.

Обитатели этих поселений были заняты разведением животных, в основном крупного рогатого скота, овец или коз, а иногда и лошадей. Они также выращивали зерно, прежде всего ячмень, иногда рожь, а чаще всего пшеницу. Существенным новшеством в обработке земли было использование плуга с железным лемехом и вращающихся ручных мельниц для размола зерна. К произведенным продуктам питания добавлялись продукты, полученные с помощью охоты, рыболовства и собирательства.

В Скандинавии в те времена формировалась культура обработки железа. Этот металл получали из местных луговых или озерных руд, и он имел высокое качество. Железо

стало основным сырьем для производства инструментов и оружия. Части одежды и украшений все еще изготавливались из бронзы, серебра или золота. Золото широко использовалось в V–VI вв. для изготовления массивных ожерелий, браслетов и позолоченных украшений, скопированных с римских медалей. Сырьем, вероятно, были византийские золотые монеты, полученные в качестве добычи, дани или путем обмена.

Однако в некоторых регионах в V–VI вв. возник кризис в развитии поселений. Многие фермы были сожжены и заброшены. В период с 480 по 490 г. было спрятано много кладов, содержащих золотые монеты на острове Эланд, а в VI в. – в Бонхольме и на Готланде. Это свидетельствует о том, что в этих местах кризис возник в разное время. Подходящее объяснение этому можно искать скорее в политических, чем в экономических событиях тех времен. Симптоматичным по тем же причинам была постройка крепостей во многих районах. Некоторые из крепостей на Эланде замечательны своей правильной круглой в плане формой и построенными вблизи от них жилищами, которые могут указывать, что были скопированы с византийских замков на Дунае.

Кризис был скоро преодолен. Некоторые кладбища, продолжавшие использоваться с VI до XI вв., содержат свидетельства прогрессивной стабилизации. Происходили также существенные изменения в социально-политических структурах. Кладбища, относящиеся к периоду VI–XI вв., обнаруженные в Упландии, Венделе и других местах, скрывали останки представителей знати, уложенные в лодках со снаряжением – оружием, предметами быта и продовольствием. Захоронению подлежала и лошадь умершего, а иногда его собака и сокол. Знатных людей после смерти хоронили в земле, и этот обычай, по всей вероятности, был перенят у Мервингов. В этих местах найдено много ценных предметов, положенных в могилы как похоронная утварь. В то же время тела других умерших членов обществ кремировали.

Этим периодом может, вероятно, датироваться начало государственной организации в Центральной Швеции. Более поздние легенды связывали семейство Юнглингов, правившее в начале средневековья, с политическим центром в городе Старая Упсала.

Контакты с германскими общинами на континенте привели к появлению многих новых культурных особенностей. Знание рун, высекавшихся на камнях или металлических предметах для магических целей, к III в. уже достигло севера. Для объяснения обычая помещать на могилу умершего человека каменную плиту с изображением событий, происшедших до его смерти, часто используют вдохновляющую идею, характерную для римских провинций. Тесные связи с мервингской и даже лангобардской средой можно заметить по многим деталям прикладного искусства, типу украшений, технике

художественного оформления и богатым орнаментальным сюжетам.

Знание того, как использовать силу ветра для движения судов, т.е. как использовать паруса, пришло в этот регион с юга в VI или, самое позднее, в VII в. Это было особенно важным новшеством в условиях Скандинавии, где связи по морю являлись неотъемлемой культурной особенностью.

Балты, населявшие юго-восточное побережье Балтики, представляли собой неоднородное культурное сообщество. Они принадлежали индоевропейским народам и в первые века н.э. занимали обширные территории в бассейне рек Неман, Западная Двина, Днепр в его верхнем течении и Ока. В течение длительного времени они оставались в тесном контакте с предками славян. Однако в эпоху Римской империи они проявили себя как самостоятельная этническая группа, появившаяся в лесной зоне Восточной Европы.

Культура балтов того времени сформировалась в середине I тысячелетия до н.э., когда умение обрабатывать железо начало доходить до этих областей. Эта культура не была однородной: многие детали инструментов, одежды и похоронных обрядов различались среди западных групп, проживавших на Балтийском побережье, в устье Немана и в районе Мазурских озер, среди центральных групп, живших между Неманом и Двиной, и среди восточных групп, в верхнем течении Двины, на Днепре и Оке. Этнокультурные структуры, которые образовались лишь в первых веках н.э., в ряде регионов продолжали существовать в почти неизменном виде до и в средние века.

Жители постоянных поселений разводили животных, в основном крупный рогатый скот, овец или коз, лоша-

дей и реже свиней. Не меньшее значение имело земледелие. Из зерновых культур чаще всего выращивали пшеницу, просо и рожь. В лесных областях, вероятно, имело большое значение освобождение участков леса путем вырубki и выжигания. В то же время использовалась двупольная система, а для вспашки земли применялся плуг с железным лемехом. Запасы продовольствия пополнялись охотой, рыболовством и собирательством.

Железо стало широко использоваться для изготовления инструментов и оружия. Высокого уровня достигла торговля ювелирными изделиями, что в большой степени происходило благодаря оживленным контактам с римскими провинциями. Восточное побережье Балтики, особенно Земгалия, было одним из основных поставщиков янтаря, и еще в начале VI в. остготский правитель Теодорих благодарил обитателей этих регионов за посланный ему драгоценный минерал. Множество римских привозных изделий, обнаруженных в захоронениях, указывает на престижность обладания ими. Производство и обмен продолжались в VI и VII вв.; металлические предметы того времени из района Мазурских озер свидетельствуют об оживленных контактах и с Западной Европой времен Меровингов и с дунайским и черноморским югом.

В течение V–VI вв. произошли существенные изменения в восточной части балтийского региона. В регионе верхнего течения Двины и Днепра обосновались сообщества, относимые археологами к культуре Тусемля-Бансеровчина (*Tušemlja–Bancerovščina*). Крепости, часто включающие места для отправления культов, были в этих регионах также центрами общественной жизни. Тем не менее в этот период происходило общее снижение уровня жиз-

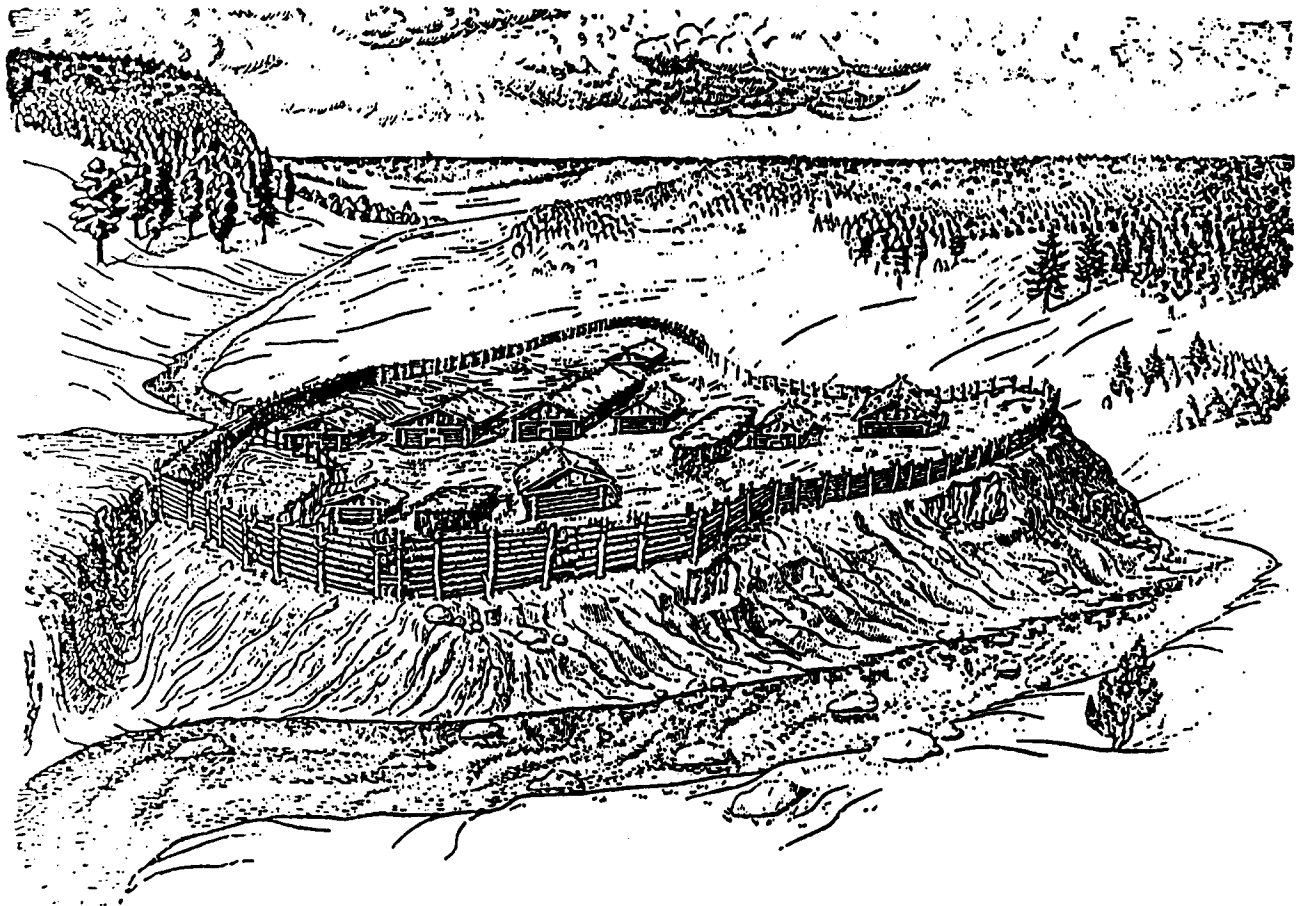

Рис. 16. Береньяки – укрепленное поселение на холме в районе Рыбинска на Верхней Волге, относящееся к дьяковской культуре (по Третьякову)

ни, хотя еще сохранялся вкус к выразительным бронзовым украшениям, столь типичным для балтов. В среднем течении Днепра и на Десне жили племена колочинской культуры, однако их этнические связи с балтами иногда подвергались сомнению. Балтийские традиции лучше всего сохранились в верховьях Оки.

Средиземноморская цивилизация в гораздо меньшей степени повлияла на обитателей наиболее удаленных северных регионов Европы. Здесь на обширном пространстве между Скандинавскими горами, в озерном крае современной Финляндии и в Эстонии, а также на Верхней Волге и на Каме, вплоть до Урала, жили финно-угорские племена. Они принадлежали большому семейству уральских народов, разделенных Северным Уралом в IV–III тысячелетиях до н.э., которые, распространяясь на западные территории, постепенно достигли Балтийского побережья. В первых веках н.э. предки финских групп на Балтийском побережье и предки волжских групп в бассейне Верхней Волги обособились от этих народов. В VI в. предки финнов упоминались римскими писателями под общим названием «фенни», а волжские племена – как «иорданы». Имеется много свидетельств о том, что лаппы, обитавшие в северной части Скандинавского полуострова, были ассимилированы финнами только в I в. н.э.

В лесной зоне между Балтийским морем и Верхней Волгой появились отдельные племена, которые, начиная с середины I тысячелетия до н.э., жили в крепостях, защищенных реками. Один из таких наиболее полно исследованных центров – у с. Дьяковское (ныне в черте Москвы) дал название культуре этих сообществ. В первые века н.э. вблизи таких укрепленных мест выросло много открытых поселений. В это же время значительные группы населения переместились с эстонского побережья на юго-запад Финляндии. Позднее они переселились в озерный край, и в III–IV вв. основали там множество поселений. Фермы, строившиеся этими сообществами, были довольно разбросанными по площади, но кладбища указывают на

быстрый рост численности населения, который замедлился только в раннем средневековье. За пределами плотно заселенных регионов охотники рисковали уходить далеко в леса и бродить вдоль рек и вокруг озер в поисках пушных животных; там же промыслили рыболовы.

Благодаря постоянным контактам с северогерманскими народами и балтами обитатели прибрежных областей Балтики и бассейна Верхней Волги были знакомы с железной и бронзовой металлургией. С III в. встречается все больше свидетельств меновой торговли, в которой финно-угры стали признанными поставщиками мехов, пользовавшихся большим спросом на юге. Вследствие этого жители этих областей стали богаче, а предметы, клавшиеся в их могилы, позволяют выявить определенное социальное расслоение. Все это сопровождалось постепенным ослаблением связей между западными финскими племенами и балтами, а в V–VI вв. – усилением скандинавского влияния.

Дальше к северу, в тайге и субарктической тундре, обитали сообщества, этнически связанные с финнами, но они существовали исключительно за счет охоты, рыбной ловли и собирательства. Историки мира Средиземноморья в VI в. называли их «скритифинни» (*scribifinni*), а Прокопий Кесарийский дал довольно точное описание их сурового образа жизни. Этот народ до наших дней сохранил много особенностей первоначальной неолитической культуры.

Тщательно исследуя историю обитателей европейского севера в период между III и VII вв. н.э., можно заметить, насколько далеко идущими были последствия контактов с цивилизацией Средиземноморья. Это были в значительной степени непрямые контакты, и упадок античной цивилизации не изменил тенденцию начавшейся исторической эволюции. Социокультурные структуры, которые сложились в конце эпохи античности и в начале средневековья у скандинавов, балтов и даже финно-угров, позволили этим народам в конечном счете присоединиться к цивилизованному миру.

13.3

ПЛЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

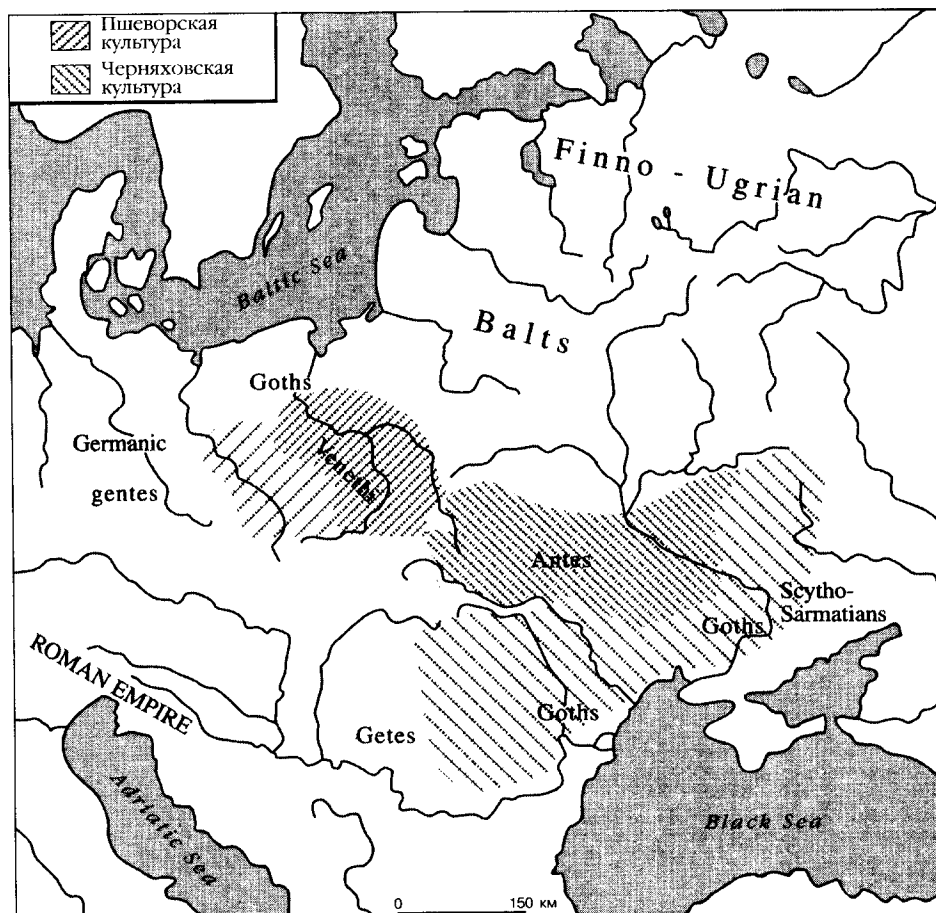
В.В. Седов

С этнографической точки зрения территории, занимавшиеся славянами с периода латенской культуры и во времена Римской империи, не были изолированными. Границы были довольно зыбкими из-за проникновения множества других этнических сообществ и перемещений самих славян. В результате культуру славян нельзя считать однородной.

Одной из культур, равно представлявших культуры славян и культуры германских племен того периода, является пшеворская культура (культура железного века на территории Польши и соседних областей Украины; названа по могильнику у г. Пшеворск в Польше. – *Прим. ред.*). Эта культура возникла в конце II в. до н.э. в бассейне Вислы и на соседних землях в результате распространения обычая захоронения урн, выделившегося из более крупной культуры перевернутых урн. Пшеворские памятники поздней латенской культуры встречаются далеко к западу – на при-

токах рек Эльба, Мульде и Зала. Не сохранились остатки древней пшеворской культуры, датируемые римскими временами, в бассейне Эльбы и нижнем течении Варты, но существуют следы племенной миграции этой культуры в юго-восточном направлении (в район верхнего течения Днестра, отчасти в Волынскую землю и бассейн Тисы).

У пшеворской культуры обнаруживаются две главные археологические особенности. Одной из них является кремация с последующим захоронением в урнах вместе с оружием, погребальным подношением в виде пищи (об этом свидетельствует наличие костей птиц и глиняной посуды) и разных предметов – ножниц, железных инструментов, замков и ключей. Типичный ритуал погребения этого типа включал размещение на дне могильной ямы или в похоронной урне боевого оружия или острых сельскохозяйственных предметов. Глиняная посуда той эпохи состояла из шарообразных и в виде двух конусов горш-

Карта 14. Славяне в III–IV вв.

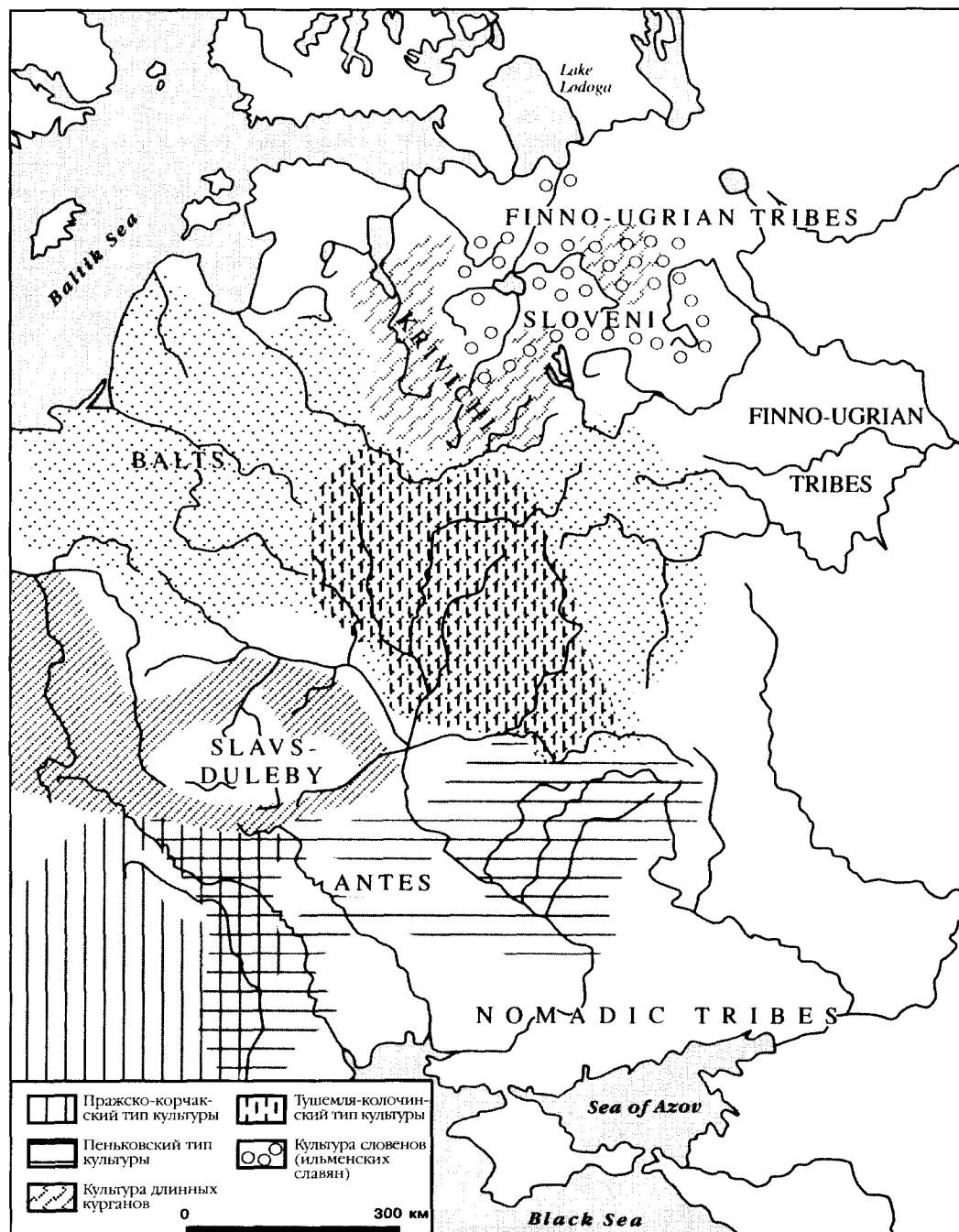
ков с основанием и горлом почти одного диаметра, ребристых чаш, блюдца и подвесок, напоминающих изделия германских племен, живших на Эльбе.

Другим типом пшеворской могилы является яма с отдельными предметами. Среди них – литая глиняная посуда, состоящая из удлиненных сосудов в форме усеченного конуса и слегка профилированным горлом, а также приземистые крупные горшки тоже в виде усеченного конуса, похожие на славянские горшки раннего средневековья.

Географическое распределение захоронений этого типа у носителей пшеворской культуры показывает, что можно выделить две определенные области: регион Вислы с преимущественно могильными холмами и регион Одера, где большинство кладбищ состоит из похоронных урн, имеющих определенные особенности. Однако между этими двумя регионами нет резких разделительных

линий и, конечно, множество могильных холмов находят в среднем течении Одера, а захоронения с урнами – по Висле. Существование этих двух сообществ по соседству друг с другом на одной территории способствовало явно выраженному смешению культур. Что касается похоронных ритуалов и литой керамики, то славянские культуры раннего средневековья связаны с пшеворской античной культурой, типичной для региона Вислы. С другой стороны, многие особенности, характерные для региона Одера, напоминают соответствующие особенности германской цивилизации.

Древние источники никогда не применяют название «славяне», хотя упоминают венедов. Есть все основания полагать, что это название относится к славянам и фактически применялось остготским историком VI в. Иорданом. В конце I в. Тацит сообщает о венетах, которые жили где-то между «певкинами» и «фенни». Согласно Птолемию,

Карта 15. Группы славянских племен в V–VII вв. в Восточной Европе

во II в. венеды были одним из больших племен европейской Сарматии, их западная граница проходила по Висле. Венеды жили где-то между побережьем Венедского залива Сарматского океана (ныне Балтийское море) и землями певкинов и бастарнов, которые жили к северу от Дакии. Согласно карте III–IV вв., известной как «Табула Певтингериана» (*Tabula Peutingeriana*), венеды жили в двух регионах: к югу от Балтики и к северо-западу от бастарнов, а также в районе между Днестром и Дунаем, примыкавшим к гетам и дакам. Отнесение племен пшеворской культуры в регионе Вислы к славянам, по-видимому, не противоречит имеющимся письменным свидетельствам.

Есть также упоминания древних авторов, например Птолема и Кассия Дио (Дион Кассий), о том, что регион пшеворской культуры был населен германскими племенами.

Как уже упоминалось, во II–III вв. носители пшеворской культуры переместились к юго-востоку и в конечном счете достигли лесостепной территории между Днестром и Днепром. Именно в это время на обширных территориях, примыкающих к северному побережью Черного моря, оформилась черняховская культура, распространившаяся от нижнего течения Дуная до Северского Донца. Как в культурном, так и в этническом отношении это общество было весьма смешанным и состояло из скифо-сарматов, готов, славян и фракийцев. Вклад этих этнических сообществ в формирование черняховской культуры различается в зависимости от мест их обитания. Языки, на которых они говорили, и процессы их ассимиляции отличались в разных местах и не все из них поддаются объяснению.

В лесостепной части региона между Днестром и Днепром античная черняховская культура проявляется в виде особого подолье-днепровского варианта, который характеризовался множеством элементов пшеворской культуры и сочетанием скифских и сарматских элементов с культурными особенностями, которым в раннее средневековье предостояло стать типично славянскими чертами.

Тщательное изучение материалов подолье-днепровской культуры показывает, что население этого региона состояло из местных ираноговорящих потомков скифо-сарматов и представителей пшеворской и зарубинецкой культур (культура железного века в Среднем Приднестровье; название по с.Зарубинцы Киевской обл. – *Прим. ред.*). Поскольку со временем стало преобладать культурное наследие скифо-сарматов, то появились все основания говорить о постепенной славянизации населения этого региона. Антропологические данные из черняховских могильных холмов свидетельствуют, что между этим населением и славянами средневековья существует непосредственная связь.

Славянская группа народов сформировалась в результате славянско-иранского объединения племен, которые (у византийских и готских писателей VI – начала VII вв. –

Прим. ред.) получили название антов. Они известны из письменных источников VI–VII вв. и, согласно византийскому историку Иордану, обитали между Днестром и Днепром. Этот же автор описал события, происходившие в IV в., когда анты воевали с готами. Их язык, культура и религия несли множество следов иранского влияния на эту юго-восточную ветвь славян. Действительно, даже само слово «анты» вполне могло иметь иранское происхождение.

В 370-х гг. н.э. Юго-Восточная Европа подверглась нашествию больших групп кочевых азиатских племен, за которыми закрепилось название гуннов. Множество поселений, относящихся к черняховской культуре, было разрушено или разграблено. Сломив сопротивление готов, гунны достигли Днестра. Нашествие гуннов стало сильнейшим толчком для широкомасштабного переселения народов и последующих постоянных нападений на Римскую империю германских, сарматских и славянских племен, которые в итоге в 476 г. н.э. завершились падением Рима.

Соответственно исчезли знакомые римлянам культуры, такие как пшеворская и черняховская. В V в. пшеворская культура стала основой для формирования пражско-корчакской культуры, племена которой расселились на территории Волыни, в лесистых регионах украинского Подолья и в киевско-днепровском регионе. Подолье-днепровский вариант черняховской культуры, наряду с племенами культуры киевского типа, дал начало пеньковской культуре (V–VII вв.). Уже к VI в. анты, которые были представителями пеньковской культуры, распространились по нижнему течению Дуная на западе и на Северском Донце – на востоке.

В I тысячелетии н.э. лесной регион Восточной Европы был заселен разными племенами, происходившими от балтов и финно-угров. Начиная с VI в. славяне стали проникать в регион Верхнего Днепра и на земли, занятые днепровскими балтами. Поселения славянского типа появились на местах распространения тушемля-колочинского типа культуры, и вместе с ними появилось множество новых сельскохозяйственных орудий и новый образ жизни. Это было началом процесса славянизации, который завершился в XI и XII вв.

В середине I тысячелетия большая группа славян отделилась от основного сосредоточения славянских племен и обосновалась в районах Новгорода и Пскова. Именно здесь в VI–X вв. появилась культура длинных курганов, которая отличалась от культуры кривичей, отмеченной в русских летописях.

В конце VII – начале VIII в. новая волна славянского переселения достигла бассейна озера Ильмень. Согласно летописям, она дала начало культуре могильных курганов (VIII–X вв.) и народу, известному как словены (ильменские славяне).

СЛАВЯНЕ, АВАРЫ И КОРОЛЕВСТВО МЕРОВИНГОВ

Йоахим Херрманн

В конце V – начале VI в. переселения славянских племен в основном и успешно направлялись к Юго-Восточной Европе, нижнему течению Дуная и против Византийской империи (см. 12.4.3). Тем временем область среднего течения Дуная, бывшая римская Паннония, западные части современной Румынии, Словакия и Моравия были под властью германских племенных королевств гепидов и лангобардов (ломбардов) вплоть до 566–568 гг. До 531 г. в Центральной Европе господствовало племенное королевство тюрингов. Но этом году его завоевали Меровинги, заключившие союз с саксами. После этого часть Богемии и регион между реками Эльба, Зале и Одер, прежде принадлежавший королевству тюрингов, вышли из-под чье-либо политического контроля и управления.

С этого времени славянское переселение достигло частей этих регионов. В северных частях славяне были представлены группами с материальной культурой типа Суков-Шелижи, а в Чешской Республике – пражской культурой. Первая группа появилась на северных равнинах к востоку от реки Одер, а вторая группа относилась к культуре славянских племен, живших по границе между восточноевропейскими лесами и южнорусскими степями (см. гл. 13.3).

Эти две группы отличались друг от друга по хозяйственному укладу, способу организации поселений и похоронными обычаями. Среди племен группы Суков-Шелижи преобладало свиноводство, а в земледелии – выращивание ржи. Хозяйство племен пражской культуры было основано на разведении крупного рогатого скота и выращивании пшеницы как основной зерновой культуры. Углубленные в землю хижины, собранные в небольшие деревни, являлись основным типом жилищ в пражской группе, тогда как племена культуры Суков-Шелижи возводили дома из бревен на поверхности земли. Таким образом, в VI в. можно выделить две основные волны раннего славянского переселения в Центральную Европу.

Должно быть, именно в это время установились прочные контакты между германскими и славянскими племенами. Как сообщает Иордан, около 512 г. германское племя герулов, потерпевшее поражение от гепидов, переселилось из района Тисы назад в Скандинавию. Сначала они пересекли Карпатские горы, потом к северу от этих гор «все территории славян» и затем – «пустыню», после чего оказались в местах расселения германского племени варнов, жившего около Эльбы. Это означает, что нам нужно признать наличие в первой половине VI в. поселений славянских племен между верхней Вислой и верхним Одером. Представители этих племен около 545 г. сотрудничали с лангобардским князем Ильдигом и вместе с ним вступили в контакт в Италии с королем остготов Тотилой. Именно от этой группы племен у северного подножия Карпатских гор отделилась некоторая часть, отправившаяся на север, возможно, под давлением аваров в конце VI или в начале VII вв., дав начало фельдбергской культуре в районе Мек-

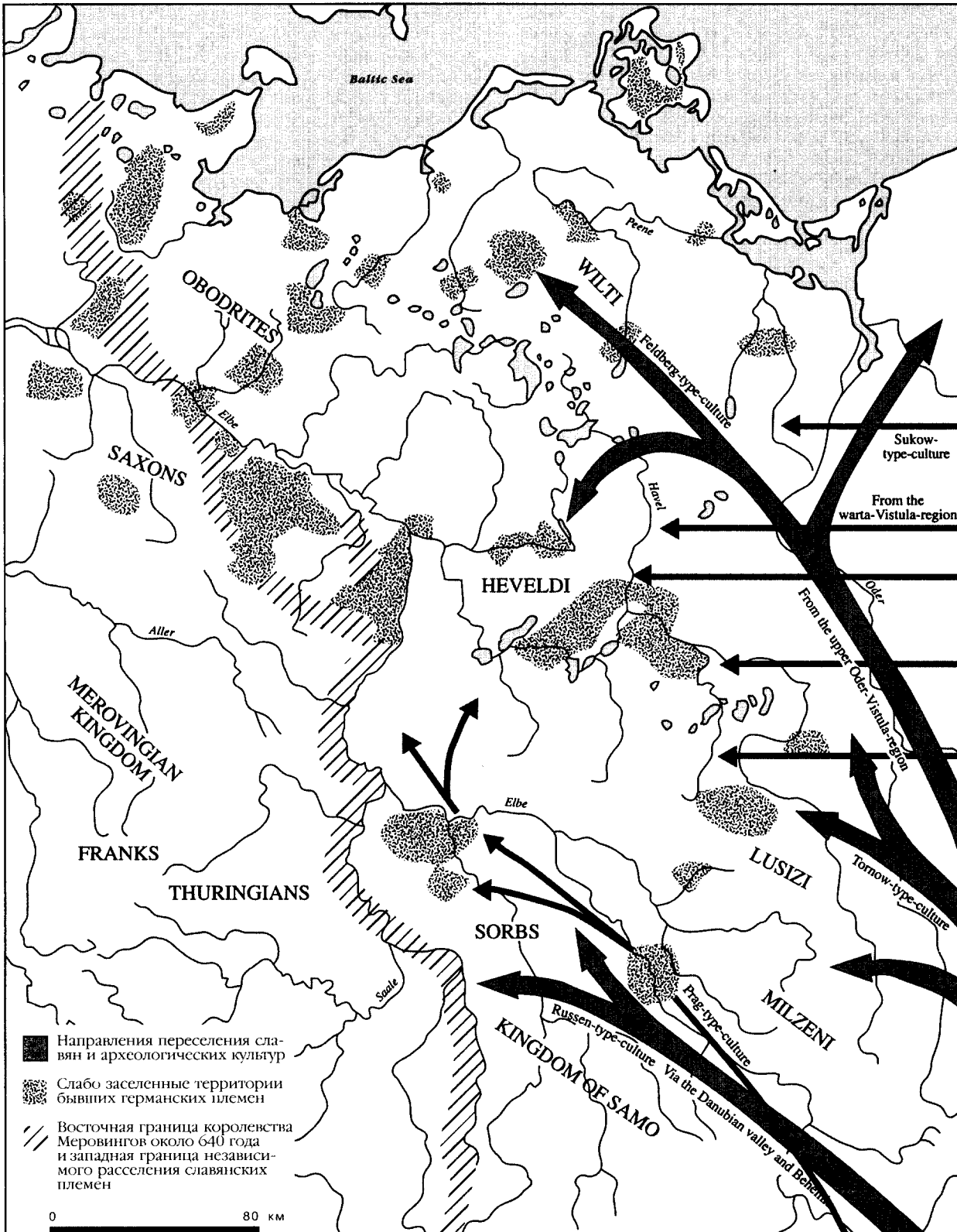
ленбурга и культуре торнау в Нижней Силезии и прилегающих областях к западу от Одера и Нейсе. Первая группа может быть отнесена к упоминаемому позднее славянскому племенному союзу вилтов; к культуре Торнау принадлежали такие небольшие племена, как милзены, лусизы и дадосаны.

Исторические условия сильно изменились, когда кочевые племена аваров, прошедших через восточноевропейские степи, достигли нижнего течения Дуная, Трансильвании и в 561–562 гг. и вновь в 566 г. – границ Меровингского королевства. Около Эльбы они победили в сражении меровингского короля Сигиберга. Уже в 565 г. при поддержке лангобардов авары разгромили королевство гепидов, но в 568 г. лангобарды под давлением аваров оставили районы Дуная и Паннонии и захватили Северную Италию. В течение более двух веков прежние заселенные лангобардами территории были заняты аварами. Они стали центром аварской империи – Аварского каганата. Эта империя господствовала или оказывала сильное влияние на обширные территории Европы между Балтийским морем и Византией до тех пор, пока примерно в 795 г. этот каганат не был разгромлен королем франков Карлом I Великим.

Нашествие аваров и создание их каганата в 568 г. оказало глубокое влияние на политику Византийской империи, а также королевства Меровингов и лангобардов в Северной Италии (см. 12.5). Аварское нашествие было чрезвычайно важным для дальнейшего переселения славян и их племенного объединения. Нашествие аваров началось после смерти византийского императора Юстиниана в 565 г., когда славянские племена уже выступили на завоевание части византийских провинций на Балканском полуострове. Эта славянская угроза была остановлена мощью аваров. Некоторые славянские племена попросили византийского императора защитить их, включив в состав империи как федератов или «союзные племена», как были включены сербские, хорватские и болгарские племена.

Другая часть этих племен предпочла, видимо, скрыться в более северных районах, и там можно обнаружить свидетельства их присутствия в те времена, например, сербов в долине Зале-Эльбы и ободритов – на побережье Балтийского моря. Очевидно, оба эти племена были ветвями сербов и ободритов Балканского полуострова. Другие племена, такие как ободриты вблизи Белграда и племена, жившие на территории современных Словакии, Моравии и Богемии, были поработены аварами. Некоторые племена под давлением аваров покинули свои земли в Восточной Европе подобно дулебам, которые позднее осели в Южной Богемии.

Аварские правители установили очень жесткий режим эксплуатации. Франкская хроника, составленная Фредегаром (утвердившееся в литературе имя одного или нескольких авторов. – *Прим. ред.*), (IV/48) описывает ужасное положение племен этих областей во второй половине VII в.:

Карта 16. Основные группы славянских племен и западная граница распространения славянских языков и материальной культуры в Центральной Европе в результате переселения в VI и VII вв. (рис. Herrmann)

«Каждый год авары зимовали со славянами, спали с их женами и дочерьми и в довершение всего славяне платили им дань и терпели много других невзгод. Сыновья, рожденные славянскими женами и дочерьми от аваров в конечном счете посчитали это позорное притеснение невыносимым и, как я уже говорил, они отказались подчиняться своим господам...».

В начале VII в. Аварский каганат достиг апогея своей мощи и в 626 г. стал готовить в союзе с персами, также врагами Византийской империи, большое наступление на ее центр – столицу Константинополь. Каган призвал на помощь отряды гепидов, болгар, славян и многих других народов, находившихся под его властью, и выступил в поход на Константинополь. Византийская столица попала в оса-

ду. Славяне должны были строить суда для атаки с побережья. Небольшие суда славян во главе с неопытными командирами были наголову разбиты византийцами. Это было началом поражения аваров и их союзников. Охваченные паникой, они бежали. Аварское господство серьезно ослабло. Славянские племена к северу от Дуная, об угнетении которых писал Фредегар, использовали этот момент для восстания. Они объединились в племенной союз и оказывали сопротивление атакам аваров.

В этих условиях группа торговцев из королевства Меровингов во главе с Само прибыла в эту область. Даже если главной целью Само и его сторонников была торговля, они, конечно (как это требовала обстановка тех времен), умели обращаться с оружием. Поэтому они присоединились к славянам в их борьбе против аваров. Как сообщает Фредегар, Само был очень храбр в бою и поэтому славяне выбрали его вождем.

ПЛЕМЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО САМО

Считается, что около тридцати пяти лет Само был главой так называемого королевства Само. Фредегар (IV/48) продолжает: «Само имел двенадцать славянских жен, от которых у него было двадцать два сына и пятнадцать дочерей». По-видимому, сначала Само был поддержан меровингским королем Дагобертом, потому что авары были в числе наиболее опасных врагов восточных частей королевства Меровингов. После того как королевство Само сформировалось, Дагоберт потребовал, чтобы Само признал над собой и своим королевством власть франков. Само и его сторонники ответили отказом. Дагоберт увидел в этом основание для войны, которую он и начал против Само, мобилизовав своих союзников. Лангобарды действовали на южном крыле и нападали на южные части территории, которая могла быть территорией современной Словении. Алеманны создали свою армию и первоначально добились успеха.

В 631 г. король Дагоберт сам повел основные меровингские силы против центра королевства Само, называвшегося Вогастибург. Эти главные силы потерпели сокрушительное поражение в битве, продолжавшейся три дня. Они бежали из этой страны и больше туда не возвращались.

После успешной битвы при Вогастибурге за Само последовали другие славянские группы, и среди них были сербы (*der vanus dux ex gente surbionum*), которые ранее в течение длительного времени входили в состав Меровингского королевства. Это означает, что сербы в долине Зале-Эльбы расселились в области, которая первоначально, в VI в., составляла тюрингскую часть Франкского королевства. После событий в 631–632 гг. сербы и другие племена королев-

ства Само непрерывно совершали набеги на Тюрингию. Таким образом, с образованием королевства Само новая политическая и военная ситуация (конфронтация со славянскими племенами) оказала дальнейшее давление на восточные области Меровингского королевства.

Королевство Само, которое, как следует считать, существовало в середине VII в., объединило славянские племена, которые жили между Альпами, средним течением Дуная и долиной Эльбы-Зале, между Тюрингией, Алеманией и Баварией на западе, и, возможно, племена у северного подножия Карпатских гор на востоке. Конечно, королевство Само не было хорошо организованным феодальным королевством. Это было первое племенное политическое объединение славян. Тем не менее оно имело очень большое значение для будущего развития. Славянские племена освободились от притеснения и экономической эксплуатации аваров. Они могли пользоваться богатствами своей земли. Их успех в войне против Меровингского королевства обеспечил этим племенам независимость на несколько сотен лет. В этом отношении королевство Само укрепило присутствие славянских племен в Центральной Европе и предоставило им возможность для самостоятельного культурного, экономического, политического и этнического развития.

ВКЛАД СЛАВЯН В ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ

В Юго-Восточной Европе в VII в. существование королевства Само означало стабилизацию этнического присутствия и вклада славянских племен в новые этнические формирования в Центральной Европе. Под защитой этого королевства и при прямой поддержке или просто благодаря его существованию славянские племена в северных областях к востоку от Одера образовали племенные союзы вилтов, ободритов (бодричей), хевелдов, лютичей, лужицких сербов и другие. Некоторые группы славян достигли Тюрингии, долины рек Майну и других частей Северо-Восточной и Восточной Баварии часто в виде небольших групп поселенцев, с самого начала интегрированных в феодальную поместную систему и в условия жизни в государстве Меровингов. Тем не менее эти этнические группы в течение веков продолжали существовать и влиять на этногенетические процессы. Славянское расселение в Центральной Европе в VI–VII вв. подготовило почву для появления в раннем средневековье народов и национальностей Польши, Чехии, Словакии и Сербии. Наконец, эти славянские корни были важны для вновь возникших средневековых племен на территориях земель Померания, Мекленбург, Бранденбург и Нижняя Саксония, а также повлияли на формирование австрийцев.

БИБЛИОГРАФИЯ (13.1–13.4)

- Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII веках. – М.: Археология СССР.
 BASSELT, S.B. 1989. The Origin of Anglo-Saxon Kingdoms. Leicester.
 FREDGAR. 1982. Die vier Bücher der Chroniken des sogenannten Fredegar Quellen zur Geschichte des 7. und 8. Jahrhunderts, pp. 3–27. Darmstadt.
 GIMBUTAS, M. 1963. The Balts, pp. 109–54. London.
 HAGEN, A. 1967. Norway, pp. 134–57. London.

- HERRMANN, J. 1980. The Northern Slavs. In: WILSON D. (ed.). The Northern World, pp. 183–206. London.
 — (ed.). 1986. Die Welt der Slawen. Geschichte Gesellschaft Kultur. Munich, Leipzig/Jena/Berlin.
 KIVIKOSKI, E. 1967. Finland, pp. 79–156. London.
 RANDSBORG, K. (ed). 1989. The Birth of Europe: Archaeology and Social Development in the First Millennium AD. Rome. (Analecta Romana Instituti Danici Supplementum XV.)

III. Африканский континент

ВВЕДЕНИЕ

Дэвид У. Филлипсон

Точные хронологические рамки, установленные для этого тома, – с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э., возможно, лучше всего рассматривать как произвольные временные пределы, отмеченные чрезвычайно примечательными историческими тенденциями и событиями в разных регионах континента. В это время на большей части Африки к югу от Сахары происходили такие экономические, социально-политические, технологические и демографические преобразования, что их последствия еще долгое время влияли на историю континента. В Египте, с другой стороны, происходившие события в значительной мере контролировались последующими волнами иностранного господства, так как местная цивилизация была слабой. Значительную часть этого периода большая часть Северной Африки, включая Египет, была вовлечена вначале частично, а затем во все больших масштабах, в широкие средиземноморские политические события, кульминацией которых явилась Римская империя. В Северо-Западной Африке именно духовное наследие, появившееся в результате этих контактов, распространилось намного южнее тех границ, где проявлялись материальные и политические последствия; это наследие приняло наиболее устойчивую форму в виде введения христианства в Нубии и Эфиопии. Распространение ислама в Северной Африке и вдоль побережья Индийского океана является тем примечательным событием, которое совпадает с окончанием периода, рассматриваемого в этом томе. Однако большая часть континента не была затронута этими событиями, поэтому предел, соответствующий 700 г. н.э., представляется полностью произвольным.

Это был период возрастающего разнообразия среди народов Африки, поскольку их национальные культуры усложнялись, укореняясь в соответствии с местными условиями. Некоторые более ранние авторы склонны делить Африку этого периода на явно различающиеся части: те, которые в той или иной степени находились под влиянием или в контактах с образованными обществами околосредиземноморского мира, и те, в которых такие связи не прослеживались и где развитие местных групп происходило собственным путем. Среди многих ученых, особенно тех, что занимаются традиционной «западной историографией», наблюдалась тенденция уделять больше внимания изучению первых регионов, обращая мало внимания на вторые. Конечно же, как станет ясно из глав 14–16, информация, относящаяся к обеим частям, несоизмеримо различается и по объему, и по выбранным приоритетам. Особенно сильно выделяется в этой связи Египет времен Римской империи, так как сохранилось огромное количество самых разнообразных письменных материалов, связанных с повседневной жизнью, и такое сохранение является уникальным для этих времен.

Однако в последние годы активизировались исследования, в особенности археологические, к югу от Сахары; благодаря им ученые обогатились новыми данными о многих частях континента, о которых нет письменных свидетельств. Одно из достоинств настоящей энциклопедии – «Истории человечества», созданной при широком сотрудничестве ученых, в том, что она даст читателю обзор развития человечества, лишенный предвзятого отношения, которое присуще узкому методологическому или географическому подходу.

Какие основные тенденции можно выделить на общем фоне развития континента? Это было время контактов, когда население многих частей мира перестало быть изолированным и стало поистине взаимозависимым. Северная Африка была эффективно включена в средиземноморскую сеть, потеряв при этом некоторую самобытность, что особенно заметно на примере Египта. Более южные регионы тоже легко усвоили культурные новшества, появившиеся в других местах. Наиболее ярким примером тому могут служить приемы возделывания почвы и скотоводства, возникшие в более ранние времена (что описано в I и II томах «Истории») в регионах, которые теперь составляют Южную Сахару и прилегающую сахель (переходная полоса от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки. – *Прим. ред.*). Также широко распространилась обработка металла, которая к началу рассматриваемого периода была известна только в Египте и в меньшей степени в отдельных частях Северной и Западной Африки; теперь уже известно, что к 700 г. н.э. эта технология распространилась практически во всех регионах континента.

Именно возможность изучения того, как осуществлялись эти контакты и как они повлияли на ход развития культуры, делает изучение этого периода африканского прошлого столь важным и уместным для нашего общего понимания человеческой истории. Это возможность, еще не полностью использованная, исследовать взаимодействие между образованными и необразованными народами и посмотреть на Древний Египет, например, в его истинном, африканском контексте. В то время как богатство письменных свидетельств из некоторых частей континента предоставляет большое количество исторической информации, это богатство приводит, как было указано выше, к искусственному концептуальному разделению между этими частями континента и их неграмотными соседями. Археологические исследования в строгом смысле могут быть использованы для преодоления такого разделения. Становится все очевиднее, что некоторые предыдущие попытки проиллюстрировать египетские связи со всей Африкой не всегда полностью принимают в расчет этот методологический подход.

Хотя археология остается нашим основным источником информации о других регионах Африки, ее интерпретация часто зависит от правильного понимания африканской культуры и общества, прошлое которого она пытается выяснить. Делаются большие шаги вперед, так как этот взгляд начинают принимать все более широкие круги, и все большее число африканских ученых начинают участвовать в археологическом и историческом исследовании. В отличие от многих других частей мира наше понимание периода с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. практически всей Африки к югу от пустыни Сахары основывается почти исключительно на данных археологии. Пока археологический охват остается скудным и неоднородным, большее внимание должно уделяться другим дисциплинам, особенно ботанике, лингвистике и этнографии, а также изучению устных исторических традиций, которые являются аналогом некоторых форм письменных свидетельств в других регионах. В следующих главах читатель найдет примеры таких подходов, и это поможет ему оценить успешность их применения.

Не забывая об этих методологических размышлениях, мы можем теперь вернуться к вопросу о контактах. К югу от Сахары можно заметить любопытный контраст. С одной стороны, во многих районах к северу от экватора распространение знаний вначале о сельскохозяйственных приемах, а потом о металлургии представляло собой отдельные постепенные процессы, которые, по-видимому, проходили последовательно среди в целом оседлого населения. Далее к югу, напротив, и начало земледелия, и появление металлообработки, похоже, совпали с основным передвижением населения, которое, в свою очередь, могло быть связано с расширением общин, говоривших на языках банту. Если эта взаимосвязь может быть подтверждена, по крайней мере в общих чертах, то это откроет большие возможности для использования лингвистических данных в отношении языков, не имевших письменности, в сочетании с археологическими свидетельствами в качестве источников информации о прошлом. Методологические

и теоретические выводы такого подхода уведут нас далеко за пределы Африки.

Свидетельство о Великом переселении народов в субэкваториальном поясе Африки около 2 тыс. лет назад неизбежно приводит к выводу о другом виде контакта. Такое передвижение не могло происходить в вакууме: предыдущие обитатели региона должны были вступать в контакт с вновь прибывшими. Какова была природа взаимодействия между двумя группами населения и каковы были их вклады в последующую культуру южной половины Африканского континента? Это снова вопросы, которыми исследователи лишь только начали заниматься. Однако уже стало очевидно, что разнообразие культур в субэкваториальной Африке в начале I тысячелетия н.э. пришло не только с севера или северо-запада, но в значительной степени обязано существовавшему до них населению, которое во многих случаях продолжало жить по соседству и взаимодействовало с вновь пришедшими. Это взаимодействие не было ограничено только технологическими и экономическими сферами, а имело значение и для социально-религиозных обычаев, что видно из примеров наскального искусства.

К середине I тысячелетия н.э. на большей части субтропической Сахары установилось общее расположение народов и культур, существовавшее со сравнительно небольшими изменениями в течение нескольких последующих веков, а в некоторых местах – вплоть до начала колониального периода. По мере расширения основ нашего знания становится совершенно очевидно, что корни многих недавних африканских обществ уходят вглубь периода формирования, рассматриваемого в этом томе. В таких разнообразных областях, как экономика, технология, искусство, религия и политическая структура проясняются связи между традиционной практикой настоящего времени и событиями и процессами, описываемыми далее в главах 14–16. Вряд ли требуется лучшее обоснование необходимости наших исследований для современного мира и решения его проблем.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

14.1

БЕРБЕРО-ЛИВИЙЦЫ

Рауль Лони

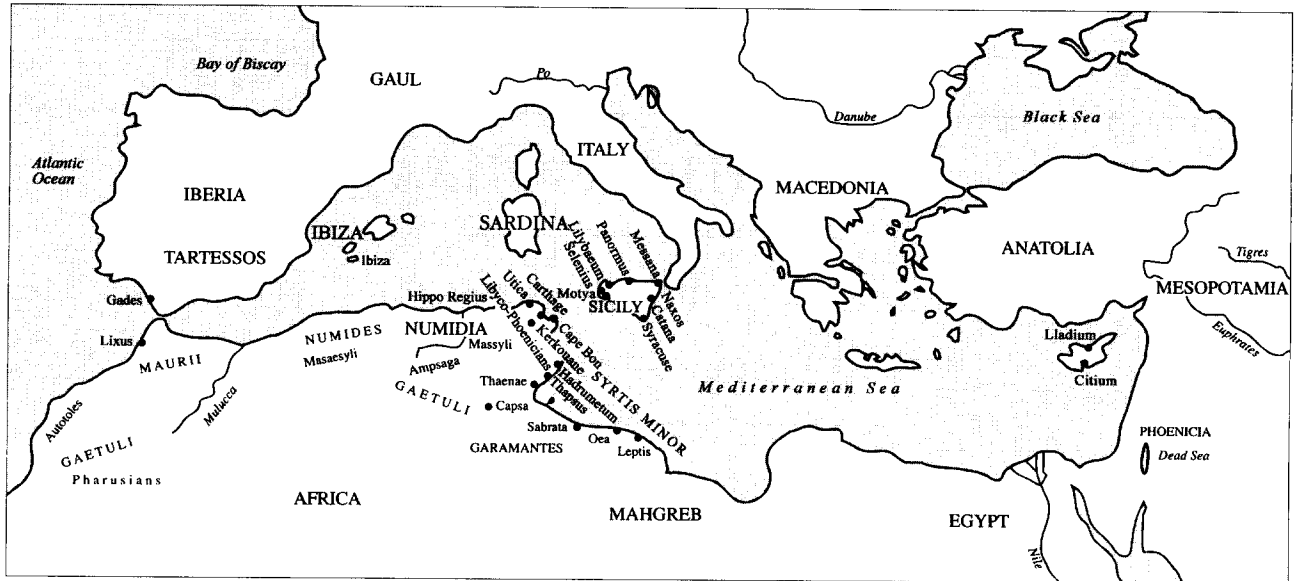
Термин «берберы» часто используется для обозначения народов, проживавших в древние времена в Северной Африке от Триполитании до Атлантического океана. И хотя это название используется широко, оно не совсем подходит к древнему периоду, поскольку стало фигурировать в трудах арабских писателей достаточно поздно. По мнению некоторых ученых (см., например, работу *Gsell*, 1913–1929 гг.), арабские авторы заимствовали это название от латинского слова *Barbari* (варвары), однако другие (например, *Camps*, 1980) придерживаются мнения, что название «берберы», скорее всего, происходит от слова *Bavares* – названия этнической группы мавританского происхождения, которая проявляла особую активность на закате Римской империи. Каким бы ни было происхождение названия, стоит отметить, что древние авторы пользовались другими; например, греки называли «ливийцами» все народы, населявшие Северную Африку к западу от Нила до самого Атлантического океана, хотя в некоторых текстах этот термин относится, как правило, к непуническим народам (некарфагенянам), жившим на территории, контролируемой Карфагеном. Римские авторы применяли названия «нумидийцы» и «маурии» ко всем народам Северной Африки, используя более конкретные термины для отдельных народов, с которыми они в основном сталкивались в различные периоды. Для того чтобы как-то соединить современное использование названий с реальными условиями Древнего Мира, возможно, предпочтительнее пользоваться более общим термином «берберо-ливийцы», признавая, однако, что название «ливийцы» было бы ближе к его древнему применению.

Наши знания об этих народах в промежутке между VII и IV вв. до н.э. достаточно ограничены. Греческие авторы, такие как Геродот или Псевдо-Сцилак, дают нам лишь очень краткую информацию о некоторых племенах прибрежного региона (не далее Туниса на западе) или о племенах, живших вдоль края Сахары от оазиса Авджилах (*Awjilah*) до Атлантического океана. Археология представляет лишь весьма скудные сведения об этом раннем периоде. Можно получить некоторое представление об этнографическом, социальном и культурном состоянии данного региона только с конца IV – начала III вв. до н.э., когда появились известные в истории большие группы племен. На западе между побережьем Атлантики и рекой Мулуя располагалось Маврское царство. В центре, между реками Мулуя и Амсага (Вади-эль-Кабир) лежало царство Масаеили (*Masaesyli*), а к востоку, между рекой Амсага и

территорией Карфагена, располагалось царство Массили, хотя, по всей видимости, два последних царства объединились, образовав Нумидийское царство. Учитывая, что эти крупные царства вошли в историю только во времена Пунических войн, велика вероятность того, что они существовали уже за несколько поколений до этого, возможно, с начала IV в. до н.э. К югу от этих царств жили гетулы – кочевники, передвигавшиеся между северными краями Сахары и степями к югу от Магриба, не образуя государства. Наконец, прерывистая полоса «эфиопских» (т.е. «чернокожих») народов протянулась по северному краю Сахары, вступая в более или менее близкие контакты с берберо-ливийскими народами (даратити, гесперианы, фарусианы, нигрити и гараменты – это лишь наиболее известные из них).

Насколько возможно судить, ограничивая желание сослаться на более поздние источники, социальная организация этих ливийских народов к IV–III вв. до н.э. основывалась на существовании крепких сообществ: деревенских групп у оседлых земледельцев с собраниями и обычным правом и семьей пастухов у кочевников, которые регулировали использование пастбищ и сезонные передвижения. В свою очередь эти простые образования формировали федеративные сообщества, т.е. племена, управляемые советом старейшин или вождем, называвшимся *агеллид*. В латинских текстах упоминается большое число этих племен, только в царстве Масаеили в конце III в. их насчитывалось около десятка. В конце концов путем соединения этих племен появились царства, хотя такое соединение было достаточно эфемерным и могло быть консолидировано или распущено в результате побед или поражений.

На территории всей Северной Африки говорили на ливийском языке, о чем мы знаем из многочисленных надписей, найденных в Марокко, Алжире, Тунисе и Ливии, некоторые из них выполнены на двух языках (ливийско-пунических или латинско-ливийских). Тот факт, что эти надписи относятся к длительному периоду, показывает живучесть ливийского письма, которым пользовались еще в IV в. н.э. и которое позднее распространилось в сторону Сахары, где оно сохранилось в измененной форме в алфавите тифинаг, используемом туарегами. Однако то, что письмо выжило, еще не означает сохранения самого языка, и ясно, что в качестве языка культуры ливийский уступил свои позиции пуническому языку в период правления царей Нумидии, а потом латинскому языку после

Карта 17. Распределение берберо-ливийских народов и финикийских городов на побережье Африки

римского завоевания, хотя в качестве языка общения он, возможно, продолжал использоваться в сельских местностях еще долгое время.

Техническое развитие, происходившее в то время, показывает глубокую связь с наследием прошлых времен, а также восприимчивость к внешним влияниям. Что касается сельскохозяйственных технологий, то некоторые древние авторы (особенно Полибий, Страбон и Аппиан) относят введение настоящих приемов земледелия среди берберо-ливийцев к временам правления нумидийского царя Масиниссы (206–148 гг. до н.э.). На самом деле в этом нет уверенности; конечно, этот царь поощрял выращивание зерновых в подконтрольных ему регионах, но земледелие уже широко распространилось еще задолго до его правления. G.Camps (1961) наглядно показал, что наскальная живопись, например, рисунки в Ла-Шеффия к востоку от района города Константины (Алжир), и резьба по камню в горах Высокого Атласа в Марокко свидетельствуют о существовании сельского хозяйства в значительно более ранние времена. Аэрофотосъемка района Тазбент показала следы правильной «решетки», которая соответствует полям, разделенным низкими стенами, и это служит доказательством того, что террасное земледелие существовало задолго до правления Масиниссы. Историк Геродот (IV, 190) также упоминает ливийских крестьян, живших к западу от реки Тритон (залив Малый Сирт). На большей части Северной Африки берберо-ливийцы выращивали твердую пшеницу, ячмень, просо и бобовые, хотя их обрабатывающие орудия оставались на довольно примитивном уровне. Они использовали своего рода зубчатый плуг – простой кусок изогнутого дерева, который процарапывал поверхность почвы и был менее эффективен, чем египетский или карфагенский плуг. Однако у средиземноморских народов ливийцы научились использовать тягловых животных и при обработке земли заменили ими человека. Иногда считают, что берберо-ливийцы научились у карфагенян выращиванию таких деревьев и растений, как маслины и виноград. На самом деле они не просто собирали плоды дикой маслины, поскольку уже знали, как прививать эти кусты для получения лучшего урожая. Тем не менее техника посадки маслин была принесена в этот регион карфагенянами. Подобно этому, несмотря на то что виноград был уже давно здесь известен, о чем нам сообщают ископаемые остатки, приемы его выращивания были усовершенствованы в результате контакта с карфагенянами, которые были специалистами в виноградарстве.

Ремесленные приемы составляли часть очень древней традиции и проявляли высокую степень консерватизма. В сельских местностях ремесленные работы выполнялись в основном женщинами, в их обязанности входило изготовление вещей из травы эспарцета (многолетние травы семейства бобовых. – *Прим. ред.*), прядение шерсти и ткачество ковров, одеял и одежды. В городах в многочисленных мастерских изготовлялось оружие, инструменты и пурпурная ткань. И в сельской, и в городской местностях повседневная глиняная утварь выполнялась по очень старым технологиям без использования гончарного круга: сосуды формовались вручную, а потом просто обжигались. Формы не отличались разнообразием. Тем не менее в некоторых местах можно найти глиняную посуду с декоративным геометрическим рисунком, состоящим в основном из треугольных узоров вперемежку с цветочными и анималистическими мотивами. Эти сделанные вручную расписные керамические изделия хорошо представлены образцами из Тиддиса (Восточный Алжир), которые датируются III в. до н.э., но которые без сомнения отражают значительно более раннее средиземноморское влияние.

И оседлые, и кочевые берберо-ливийцы в древних источниках часто описываются как воинственные народы. Поэтому достаточно странно, что военная техника у них слабо развилась в период между временами Геродота (V в. до н.э.) и греческого историка Полибия (II в. до н.э.). Пика и сабля все еще оставались оружием для ближнего боя, копье и лук со стрелами – как метательное оружие, а некоторые ливийцы из пустыни по-прежнему пользовались камнями, которые они бросали руками. Основным средством защиты был круглый кожаный щит; шлемы использовались редко, доспехи для защиты тела были неизвестны; лишь некоторые всадники-мавры (маурии) использовали что-то вроде кожаных нагрудных пластин. Лишь позднее, во время войн, которые вели нумидийские цари против карфагенян и римлян, в этой области стал наблюдаться настоящий прогресс. Тем не менее в военном искусстве была одна сфера, в которой берберо-ливийцы достигли мастерства, – это использование боевых коней. У них был не только хороший навык использования колесниц на войне, но они были и великолепными наездниками. Нумидийцы и мавры верхом на конях без узды представляли собой значительную угрозу для карфагенян и римлян, для которых позднее они стали ценными союзниками.

Одна сфера цивилизации народов Северной Африки заслуживает более пристального внимания – это религиозные верования и обычаи, в особенности погребальные обычаи. Берберо-ливийцы верили в наличие священного духа в некоторых природных предметах или местах, например, в камнях, колодцах, источниках, деревьях и горах. Они также считали священными некоторых животных: барана, льва, быка и змею. Во всем регионе приносились жертвы Солнцу и Луне. В надписях упоминаются некоторые персонифицированные божества, например, на рельефе, относящемся к III в. до н.э., в Бедже (Тунис) изображены семь божеств и в надписи указаны их имена, или *Dii Mauri* (боги мавров) упомянуты в различных документах римского периода. Это имя было дано группе берберо-ливийских божеств, которым скорее всего поклонялись в течение нескольких веков. Правда, нам очень мало известно о том, как поклонялись этим природным силам или божествам.

В этой сфере, как и в прочих аспектах жизни, берберо-ливийцы, естественно, испытывали внешнее влияние. Поклонение Амону, возникшее в Египте, было с благосклонностью принято ими, так как этот бог скорее всего ассоциировался у них с богом Солнца, которому, как мы знаем, они уже поклонялись. Особенно много свидетельств почитания Амона имеется в Триполитании, меньше в Магрибе. Та же тенденция к синкретизму способствовала почитанию финикийского бога Баала, что можно видеть на стелах (каменных столбах) в Меденине и Мактаре (Тунис), где этот бог ассоциировался с Солнцем. Другие финикийские боги (Танит, Мелкарт и Астарта) появляются на монетах нумидийских царей. Греческие божества тоже были приняты в ливийский пантеон. Неясно, насколько можно доверять данному Геродотом описанию (IV, 189) празднеств в честь Афины, устроенных ливийцами, жившими на берегах реки Тритон (недалеко от залива Малый Сирт); скорее всего, это было сделано в честь ливийской богини, уподоблявшейся Афине. Однако совершенно очевидно, что нумидийский царь Масинисса выделял греческих богинь плодородия Деметру (Цереру) и Кору (Прозерпину). Помимо этого, под влиянием эллинистических обычаев поклонялись и царям после их смерти, что, собственно, и имело место с Масиниссом и другими нумидийскими и мавританскими царями.

О погребальных обычаях известно довольно много благодаря исследованию надгробных памятников, проведенному G. Camps (1961), которые были обнаружены во многих местах Северной Африки. И здесь мы видим смесь берберо-ливийской традиции и иноземных заимствова-

ний. Надгробные памятники в ливийской традиции бывают простыми (элементарной формы могильные холмы, сложенные из камней над гробницей) или более сложными, как, например, *базина* (*bazinas*), – могильный холм из тщательно подобранных камней, уложенных концентрическими слоями по вертикали, или холм в форме раковины, или ступенчатый, или с цилиндрическим основанием. Встречаются даже более изощренные формы, включающие *чуше* (*choubet*), – небольшие цилиндрические башни с огромным плоским камнем сверху; большие мавзолеи, относящиеся к III в. до н.э., такие как *Медрасен* (*Medrasen*), – своего рода большая *базина* с цилиндрическим основанием, 18 м в высоту и 60 м в диаметре; или впечатляющее сооружение, неверно названное «Могилей христианки», высотой более 40 м и диаметром 62 м, украшенное шестьюдесятью колоннами, которое служило гробницей одного мавританского царя. В ливийской погребальной архитектуре также проявляются иноземные черты. Так, *хау-анет* – пещеры, вырубленные в утесах, появились, по мнению некоторых ученых, отчасти благодаря средиземноморским обычаям, введенным в Северной Африке задолго до прихода финикийцев, а отчасти были построены как пунические гробницы-шахты. Влияние Карфагена ощущается еще сильнее в более позднем строении – мавзолее Тутта (*Tugga*) I в. до н.э., являющемся примером пунической архитектуры, построенном карфагенскими мастерами. Нумидийские цари также попали под греческое влияние, что видно на примере мавзолея Эль-Круб около залива Сирт в Алжире. Мавзолей был скорее всего построен для нумидийского царя Миципса (139–118 гг. до н.э.).

Итак, цивилизация, которая развивалась в этой части Северной Африки, представляла собой смесь различных элементов. У нее было надежное местное основание, часть которого можно также найти у ливийцев Киренаики, но вместе с тем подвергалось различным внешним влияниям. Начиная со II тысячелетия влияние средиземноморских цивилизаций Сицилии, Сардинии и Италии стало больше ощущаться в восточной части, в то время как влияние цивилизаций Иберийского полуострова сказывалось на западе. Однако ясно, что наиболее глубокое влияние на берберо-ливийскую цивилизацию, особенно в восточной части, начиная по крайней мере с VII в. до н.э., оказал Карфаген. Позднее, со II в. до н.э., римляне в свою очередь оставят след на большей части Северной Африки. Все это доказывает, до какой степени еще с давних времен этот регион представлял собой перекресток цивилизаций.

14.2

ФИНИКИЙЦЫ

Брайан Х. Уормингтон

Илл. 74

Приход торговцев и поселенцев из Финикии, в основном из крупнейшего торгового города Тира, в IX–VIII вв. до н.э. можно рассматривать как выход Северной Африки из предысторической эпохи. Целью первых путешествий финикийцев были минеральные ресурсы Южной Испании и выявление безопасных морских стоянок на этом пути. Древние греческие и римские легенды об этих поселениях ненадежны, но археологические раскопки подтверждают их присутствие в Карфагене и Утике в VIII в., а в Гадрумете, Тапсе и Сиге – в VII в. Известно также много других поселений на территории до Атлантического побережья Марокко на западе. Финикийские поселения, относящиеся к тому же периоду, известны на Мальте, Сицилии и Сардинии. Некоторые из них, расположенные на побережье Магриба, превратились в большие города; практически нет свидетельств о враждебных отношениях между поселенцами и коренным населением. Однако в VI в. до н.э. Карфаген, стратегически выгодно расположенный в самой узкой части Средиземного моря и к тому же обладавший плодородными землями в глубине от побережья, начал выделяться в качестве ведущего финикийского поселения запада, и это происходило параллельно с колонизацией этой же территории греками при отсутствии поддержки со стороны внутренних территорий Финикии, приходивших в упадок. Из-за многочисленных столкновений греки не смогли колонизировать части Северной Африки к западу от Киренаики; в течение V в. Карфаген установил политический контроль над всеми финикийцами Сицилии, Сардинии и Испании, не говоря уже о Северной Африке. Карфаген также захватил территорию, покрывающую значительно более половины современного Туниса, и подчинил берберо-ливийские поселения на большей части Алжира.

За карфагенянами закрепилась репутация чрезвычайно успешных торговцев и, хотя их торговля в основном шла в Средиземноморье, Северная Африка была открыта

для товаров, завозимых из Египта, Сирии и эллинистического мира. Карфагеняне предпринимали морские путешествия с целью изучения атлантических берегов Африки и Испании, о чем свидетельствуют хроники, кроме того, были проложены торговые пути по Сахаре. Наибольшую выгоду Карфаген получал от приобретения золота, серебра и олова в обмен на малоценные товары и, вероятно, сравнялся с Афинами по богатству и численности населения.

Упадок и окончательный распад Карфагена произошел из-за войн со все усиливавшимся Римом, который после завоевания Италии стал рассматривать Карфаген как соперника в гегемонии на западе Средиземноморья. В трех Пунических войнах (264–241, 219–202 и 149–146 гг. до н.э.) превосходящие военные силы Рима взяли вверх над наемниками, на которых рассчитывал Карфаген, и даже военный гений Ганнибала во Второй Пунической войне лишь отодвинул окончательное поражение. Карфаген был уничтожен в 146 г. до н.э.

Влияние финикийцев на Северную Африку было глубоким, поскольку берберо-ливийцы познакомились с развитыми культурами Восточного Средиземноморья и греческим миром. Развитие земледелия ускорилось, и многие малые деревенские сообщества вступили в первую стадию урбанизации. Вероятно, уже в V в. под влиянием сильных вождей стали формироваться элементы государства. Это стало более заметно по мере ослабления Карфагена. Заметным лидером был Масинисса, который правил с 204 по 148 г. на территории, охватывающей большую часть современного Алжира, из своей столицы Цирта, которая превратилась в крупный город государства. Финикийский язык и письменность использовались повсеместно, а карфагенская религиозная практика во многом переплелась с местной. Можно сказать, что достижения в Северной Африке в римский период были бы невозможны без предыдущих веков финикийского влияния.

Рауль Лони

Киренаика в самом широком смысле – это огромная территория, простирающаяся от границ с Египтом на востоке до залива Большой Сирт на западе. В более узком смысле это название относится к плато между Большим Сиртом и заливом Бунба. Из всех этих просторных территорий лишь небольшая часть земель пригодна для жизни людей из-за малого количества осадков и бесплодия большей части почвы.

Этот регион греческие колонисты начали осваивать в VII в. до н.э. Сначала греки селились в городе Кирена, основанном колонистами острова Тира (Санторин) около 630 г. Легенда гласит, что туда их послал Дельфийский оракул. Вскоре после этого при неясных для нас обстоятельствах еще одна группа колонистов основала город Техейра (Тукра). Позднее, в 571 г. после внутреннего конфликта, некоторые жители Кирены покинули город и основали колонию Барка (Эль-Мардж). Наконец, в конце VI в. колонисты из Кирены основали город Эуспериды (Геспериды, современный Бенгази).

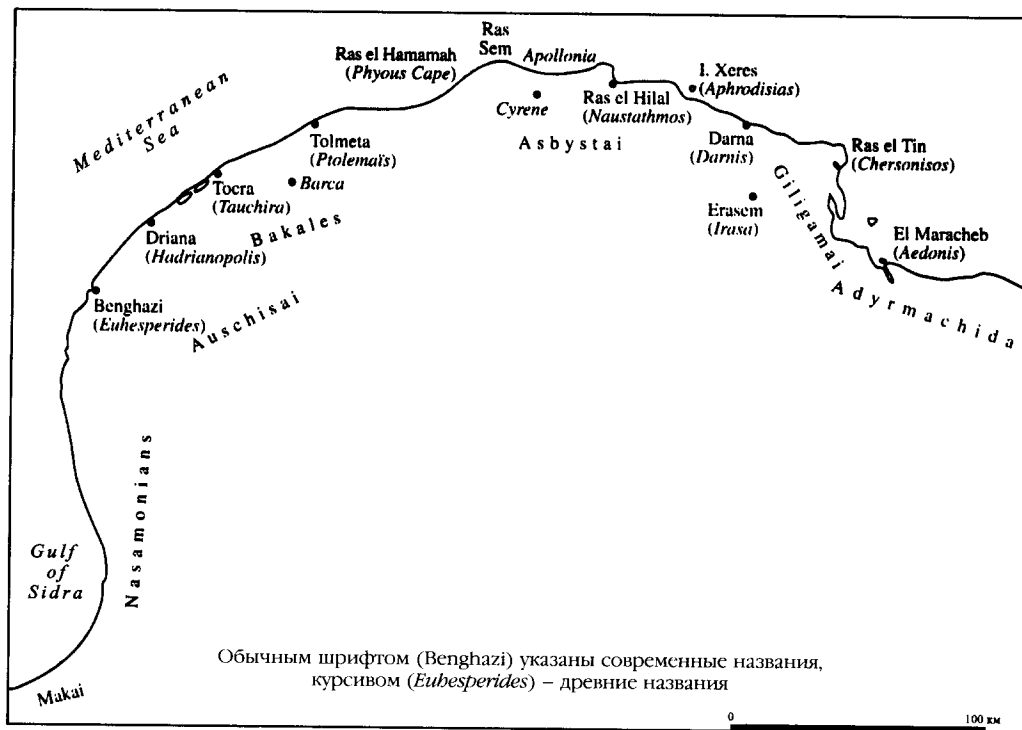
До прихода греков Киренаику захватили берберо-ливийцы, которые жили и в прибрежных, и в полупустынных внутренних районах. О них можно узнать лишь по контактам, которые имели с ними греки, а выяснить, где они жили, можно только из сведений, предоставляемых греческими историками Геродотом о V в. и Диодором Сицилийским о I в. до н.э. К востоку, на границе с Египтом, жили адирмахиды (*achymachidae*); вдоль залива Бомба – гилигамы (*giligamae*); в центре, в районе Кирены – асбисты (*asbistae*); к западу от них – бакалы (*bakales*), к югу от бакалов – осхизы (*auschisae*); в регионе залива Большого Сирт – насамоны (*nasamonnes*), а к западу от них, на берегу реки Кинипс жили макаи (*macae*). Некоторые из этих народов были земледельцами, другие – полукочевыми пастухами, а третьи передвигались между краем пустыни и прибрежной зоной, живя за счет торговли в Сахаре, сбора урожая в оазисах или даже за счет грабежей. В регионе, где большая часть территории относится к зоне полупустыни, и для полукочевых пастухов, и для оседлых земледельцев было исключительно важно иметь доступ к воде и к плодородной почве. Любая попытка ограничить использование ими своей земли, скорее всего, была бы расценена как нетерпимая агрессия.

Изначально отношения с греками, по-видимому, были хорошими, если верить некоторым греческим преданиям, в которых рассказывается о теплом приеме, оказанном первым колонистам царем гилигамов, дочь которого, очевидно, отдала в жены одному из греческих предводителей. Но отношения достаточно быстро ухудшились, поскольку греки старались захватить самые лучшие земли, поощряли приход новых иммигрантов и оттесняли ливийцев вглубь менее гостеприимных территорий, разделяя земли, по которым перемещались кочевники. С тех пор конфликты происходили достаточно часто; лишь с некоторыми народами грекам удалось установить относительно гармоничные отношения.

На самом деле, следует отличать тех ливийцев, чей кочевой образ жизни сделал их особенно враждебными к присутствию греков, постоянно преследовавших их, и другими ливийскими народами, которые вели более оседлый образ жизни, селились недалеко от городов и были относительно слабы, что вынуждало их жить в сфере греческого влияния. Наиболее неукротимыми проявляли себя макаи и насамоны, нападавшие на греческие города Кирена и Эуспериды в течение более века. Грекам часто приходилось искать с ними мира, в основном из-за того, что ливийцы обеспечивали связь между внутренними частями Африки и побережьем для транспортировки экзотических товаров и золота. Отношения греков с другими народами – асбистами, а также с бакалами и гилигамами были несколько лучше, так как эти народы оказались более восприимчивыми к эллинизации. Большая часть этих ливийцев жила в сельских местностях вокруг греческих поселений. Они возделывали землю, принадлежавшую грекам, для которых они были удобной рабочей силой, скорее зависимыми, чем свободными людьми. Некоторые из них обрабатывали собственную землю, плоды которой попадали грекам. Например, известно, что урожай сильфиума (*silphium*), одного из основных ресурсов греческой Киренаики, в основном поступал с земель, которые принадлежали ливийцам, жившим около Барки и Эуспериды.

Какую же роль играли эти ливийцы в жизни греческого сообщества и в какой степени они эллинизировались? Ясно одно: в политической жизни городов они не были партнерами, поскольку у них не было гражданства. Некоторые ученые считали, что меры, принятые в середине VI в. до н.э. реформатором Демонаксом в Кирене для преобразования института гражданства, открыли возможность получения гражданства некоторыми из них, но уверенности в этом нет. Со временем возникали смешанные браки, и нам известно, что в конце IV в. сыновьям ливийских женщин, жен жителей Кирены, давали статус гражданина. С другой стороны, среди граждан Кирены имен можно найти достаточно много ливийских, однако их интерпретация по-прежнему затруднена. Некоторые поливийски звучащие имена, сопровождаемые греческими патронимными именами, появляются в Кирене в списке должностных лиц IV в., и это дает основание предполагать, что они происходили от смешанных браков. Правители Кирены иногда в случаях необходимости нанимали ливийцев, например, в легкую пехоту или в качестве возничих для колесниц; в этих занятиях ливийцам не было равных. В целом, однако, было бы справедливым считать, что ливийцы, жившие в основном в контакте с греками, с трудом интегрировались в их сообщество, что показано в нескольких недавних трудах (см., например, *Cirene et Libyi*, 1987).

Кроме того, даже если часть ливийцев и находилась под влиянием эллинизма, то значительное их большинство осталось верным собственной культурной традиции. К сожалению, нет практически никаких сведений об этих тра-

Карта 18. Киренаика

дициях. Что касается этого региона, то до нас не дошел ни один письменный документ на ливийском языке. Надписи на греческом дают информацию лишь с конца IV в. Греческие авторы, такие как Геродот или Диодор, всего лишь вкратце описывают образ жизни и обычаи этих народов, и не всегда есть смысл относить факты, излагаемые авторами римской эпохи, к предыдущим векам. Четче всего можно мельком выявить лишь религиозные традиции. Бог египетского происхождения Амон был почитаем ливийцами Киренаики, как и во всей Северной Африке, и, без сомнения, этому способствовало ранее распространенное в данном регионе поклонение барану. Поклонялись и египетской богине Исиде (Изиде). Геродот рассказывает, что из уважения к ней ливийцы воздерживались от употребления говядины в пищу. В ее честь женщины постились и соблюдали религиозные праздники. Почитание предков, по всей видимости, имело очень большое значение среди ливийцев. Геродот писал, что насамоны имели обычай ночевать на могилах своих предков, чтобы узнать будущее с помощью так называемого ритуала инкубации (обычай оставаться на ночь в храме, чтобы увидеть вещий сон или получить исцеление от недуга. – *Прим. ред.*).

В целом мы больше знаем о маленьком мире греческих городов Киренаики. Все эти города были суверенными государствами, как и большинство греческих городов повсюду. Известно, что около 515–514 гг. до н.э. Киренаика на какое-то время была присоединена персами к их Египетской сатрапии (провинции), но вернула себе свободу в 479 г. V и IV вв. были отмечены скрытым соперничеством городов, попытками Кирены пресечь экспансию Карфагена к востоку и бурными отношениями между этими городами и некоторыми ливийскими народами. В 321 г. до н.э. один из полководцев Александра – Птолемей (сын Лага), воспользовался беспорядком, воцарившимся после смерти Александра, и захватил Киренаику, которая стала провинцией эллинистического Египта – государства Птолемея (Лагидов). Из этих городов Кирена известна больше всего, и о ней написано несколько прекрасных работ (*Chamoux, 1953, Laronde, 1987*). С самого основания это был богатый город, процветание которого главным обра-

зом основывалось на прибыльном сельскохозяйственном производстве на лучших землях. Выращивание зерновых и маслин, разведение овец, крупного рогатого скота и лошадей были основными направлениями земледелия и животноводства. Производство зерна было на достаточно высоком уровне, и Кирена обеспечивала им около сорока греческих городов, когда страшный голод поразил эллинистический мир между 330 и 325 гг. до н.э. У города были и значительные запасы сернистого железа, растения, имеющего как медицинскую, так и кулинарную ценность, которое средиземноморские народы использовали в больших количествах и которое в изобилии произрастало в Киренаике. Существенную роль играла и торговля, поскольку в нескольких километрах от Кирены располагался порт (который стал настолько важным в эпоху эллинизма, что превратился в отдельный город Аполлония). Были также многочисленные связи с Египтом, Малой Азией и Грецией – в особенности с Афинами, о чем можно судить по аттической краснофигурной керамике, обнаруженной в Кирене. Торговля на территории Сахары тоже была небезынтересна для жителей Кирены, которые, начиная с IV в. старались контролировать выход караванных путей к побережью залива Большой Сирт, несмотря на амбиции Карфагена. Большое количество золотых отчеканенных монет свидетельствует об этом процветании во второй половине IV в. до н.э.

Примечательно, что жители Кирены и греки в целом хотели оставаться греками и жить в соответствии со своим образом жизни, но только на африканской земле, и лишь с небольшими отходами от него из-за местных условий. Это были греки, и они пытались поддерживать свой национальный состав: было очень мало смешанных браков с ливийцами, новые иммигранты из Греции продолжали прибывать и в конце V в. до н.э. Кирена приветствовала жителей сицилийского города Мессаны, покинувших родной город из-за Пелопонесской войны. О том, как это понимали греки в самой Греции, можно судить по некоторым речам, произнесенным между 366 и 346 гг. афинским оратором Исократом, который рассматривал отъезд в дружественную Ливию всех тех, кому трудно жить в Греции.

Жители Кирены тоже были греками по сути своего организационного устройства. Со времени основания в Кирене была принята монархическая система правления, по примеру родного острова Тира. Эта монархия, названная Баттиад по имени ее основателя Баттуса, представляла собой авторитарное государство, жесткое правление в которой было немного ослаблено на некоторое время в середине VI в. в результате реформ, проведенных мудрым Демонаксом, который, как это было принято тогда, специально прибыл из Греции. В 440 г. до н.э. монархия была заменена республикой, в политической жизни которой, за исключением коротких демократических периодов, преобладало соперничество между аристократическими группировками. В целом политическая история Кирены развивалась по тому же образцу, что и в других многочисленных греческих городах.

Греческое начало в гражданах Кирены особенно ярко проявилось в городской архитектуре. *Агора* была одним из основных центров деятельности. Насколько это можно воссоздать, в конце VI в. в центре этой площади стоял монументальный алтарь. К северо-западу и северу располагались портики и по разным сторонам высились впечатляющие храмы, *хероон* (*heroon*) – погребальный монумент в честь героя, возможно, героя-основателя Баттуса), *толос* (круглое в плане здание для общих обедов), *пританей* – (в котором размещался городской центр), *геронтей* (зал для Совета старейшин) и различные другие здания, использовавшиеся в политических и религиозных целях. Город украшали другие здания, например, великолепное святилище Аполлона, восстановленное во второй половине IV в. Греки не могли не почувствовать себя дома в таком окружении, столь свойственном городам греческого мира. Ничего другого не могли они ощутить и в интеллектуальной атмосфере Кирены. Здесь замечательно развивалась философия благодаря Аристиппу, ученику Сократа и основателю известной киренской школы. По приглашению аристократических кругов в Кирене побывал Платон, который встретился с киренским математиком Феодором. Предание гласит, что затем философ был освобожден жителем Кирены из рабства, на которое он был обречен тираном

Сиракуз. Аристотель тоже интересовался Киреной и в своем сочинении *«Политика»* превознес ее конституцию, достаточно демократическую по тем временам.

Возможно, в сфере религии жители Кирены оказались наиболее восприимчивыми к местной среде. Они не отвергли греческих божеств, поскольку основные боги, которым поклонялись в Кирене, были представителями греческого пантеона, особенно Аполлон, Артемида и Афродита, святилища которых были обнаружены. Почитаемые герои тоже были греками. Тем не менее местное влияние можно оценить на примере изменения индивидуальности некоторых богов. Греческая богиня Деметра, привезенная в Кирену первыми колонистами, приобрела здесь некоторые черты египетской богини Исиды, которая долгое время широко почиталась в Ливии. Подобным образом почитание Зевса-Амона заняло настолько важное место в религиозной жизни Кирены, что в некоторые периоды этот бог даже считался великим богом города. Греки частично отождествляли своего Зевса с египетским богом Амоном, культ которого уже давно укрепился в Киренаике, и поклонялись Зевсу-Амону, которого обычно изображали с бараньими рогами в волосах. Поклонение ему, принятое в Кирене, без сомнения распространилось с конца VI в. по всему остальному греческому миру.

Киренаика являлась хорошим примером сосуществования двух различных культур на одной территории без их реального слияния. Отсутствие постепенной ассимиляции объясняется в основном желанием греков сохранить специфические черты своей культуры, несмотря на оторванность от родной среды. Это желание может быть объяснено очень специфическим контекстом колонизации, в котором существовало относительное недоверие между иммигрантами и местными общинами: иммигранты хотели сохранить дистанцию от других, чтобы не утратить установленного ими преимущества. Тем не менее было невозможно создать абсолютно непроницаемую стену, разделяя две культуры. Неизбежно, хотя и медленно, обеим культурам предстояло взаимно обогатиться за счет своих различий.

РИМЛЯНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ

Брайан Х. Уормингтон

Илл. 75

За разрушением финикийского Карфагена римлянами в 145 г. до н.э. наступил век, когда завоевателей мало интересовала Северная Африка; римские войны с Карфагеном представляли собой скорее борьбу за власть, чем обосновывались экономическими факторами. Небольшая часть Туниса к северо-востоку от демаркационной линии, пролегающей между Табаркой и Хадруметом, и находившаяся под руководством проконсула из Утики, стала римской провинцией, однако эта новоприобретенная территория использовалась мало. В ее пределах лишь несколько выживших финикийских колоний на побережье и деревни с коренным населением внутри страны продолжали свое скромное существование. Далее на запад Нумидийские царства, располагавшиеся на территории современных Алжира и Марокко, переживали краткий период независимости. В наиболее успешных из них царствовали преемники Масинисса. Их столица располагалась в городе Цирта (современный город Константина), где беженцы из Карфагена дали толчок влиянию финикийской культуры, уже поддержанной Масиниссой. После того как царь Нумидии Югурта (118–105 гг. до н.э.) взял верх в правящей семье, римский сенат объявил Югурте войну, чтобы предотвратить возникновение мощного государства, и после победы просто разделил царство. Попытка основать колонию римских граждан на месте Карфагена в 122 г. до н.э. провалилась из-за внутренних политических разногласий в Риме. Колонии ветеранов, поселенных в долине Меджерда ок. 102 г. до н.э. полководцем Гаем Марием, возглавившим военную кампанию против Югурты и понимавшим, какие возможности есть у этой земли, добились большого успеха, но это была лишь личная попытка.

Основы римского правления в Северной Африке были по сути заложены Юлием Цезарем, который сам участвовал здесь короткое время в военной кампании в 46 г. до н.э. во время гражданских войн в Риме, и императором Августом Цезарем. Юлий Цезарь упразднил Нумидийское царство, основал вторую провинцию, которую Август позднее, до 27 г. до н.э., объединил с первоначальной. Территория к западу от р. Амсага (Уэд-эль-Кебир) и до Атлантики формально сохраняла независимость до момента казни ее последнего царя Птолемея при императоре Калигуле. После подавления небольшого восстания император Клавдий разделил ее на две провинции: Цезарийскую Мавретанию, управлявшуюся из города Цезария (Черчель) на востоке, и Тингитанскую Мавретанию с центром в городе Тинги (Танжер) на западе. Пределы прямого римского правления были обусловлены географическим и социальным факторами. В древние времена пустыня не простиралась так далеко на север, как сейчас, тем не менее Сахара была и барьером для дальнейшего продвижения римлян на юг, и защитой для населенных территорий от серьезных нападений с юга. К северу от Сахары структура общества коренного населения основывалась на небольших семействах и клановых образованиях: такие большие племенные объединения, как Нумидийское и Мавретанское

царства, были недолговечными, их существование было вскоре пресечено римским завоеванием. Эти факторы означали, что сопротивление дальнейшему распространению Рима могло быть лишь небольшим, хотя и продолжительным в горных областях, таких как Кабила и Атлас. После начального наступления основная роль римской армии заключалась в том, чтобы ограничивать и контролировать передвижения кочевников и пастухов, которые отрицательно сказывались на расширении возделываемой территории.

При Августе между 34 и 19 гг. до н.э. военный контроль распространился на южную часть Туниса; были построены укрепления легионеров в Аммадара (современный город Хайдра) и дорога к побережью в Такапе (г. Габес). Вылазки в оазисы Кидамус (Гадамес) и Гарамы (Джерма) несколько укрепили все побережье современной Ливии до самой границы с провинцией Киренаика. Наиболее серьезное сопротивление возникло одно поколение спустя при Такфаринасе, бывшем наемном создате римской армии. С 17 по 24 г. н.э. его партизанское движение широко поддерживалось ливийскими племенами, стремившимися сохранить свое традиционное полукочевое существование. По мере того как расширялись площади возделываемых земель, командование Третьего легиона императора Августа было переведено сначала к Тевесте (Тебесса) Веспасианом, затем к Ламбезису Траяном. Область Ор была окружена дорогами и фортами, а внутренняя часть находилась под контролем, хотя непосредственного влияния Рима почти не было. Сложная система дорог и небольших укреплений достигала самой южной из известных точек в Каstellум Диммиди (город Мессад) в Алжире. В двух мавретанских провинциях, за исключением территории около Ситифиса (современный город Сетиф), прямой контроль Рима всегда ограничивался прибрежными городами и небольшими глубинными территориями у фортов, связанных дорогой, идущей с запада от Озии (Сур-эль-Гослан). На протяжении римского периода были отмечены периодические конфликты с местными племенами, но до IV в. н.э. это были небольшие кампании, не отражавшиеся на населенных территориях. Контроль Римской империи при максимальном охвате был установлен над площадью более 350 тыс. кв. км, а населенная часть составляла, наверное, около одной трети этой площади. Оборонительные силы одного легиона и вспомогательных войск не превосходили 30 тыс. человек, и этого скромного по сравнению с тем, что требовалось для северных границ империи количества было достаточно.

Эффективный контроль за северными частями Туниса и Алжира сопровождался заметным и организованным поселением колонистов из Италии. При Цезаре возникли колонии около Неаполиса (Набуль), Карписа (Мраисса), Клеупеа (Келибия) и Курубиса (Корба) – на всем побережье Туниса. Несколько иначе при Цезаре шло создание на территории старого Нумидийского царства на обширной территории поселения для наемника итальянской Кампании

П. Ситтия и его сторонников. Центрами этого поселения были Цирта, Милев (современный город Мила), Чуллу (Колло) и Русикад (Скиква) – города, позже быстро развившиеся и ставшие центром провинции Нумидия.

Император Август во время продолжительного периода своего правления намного превзошел достижения Цезаря. Его наиболее значимое основание в Северной Африке было положено у Карфагена. И хотя создание колонии намечал Цезарь, на самом деле она была учреждена Августом в 29 г. до н.э. По-видимому, с самого начала новый Карфаген должен был играть ту же роль, что и старый финикийский город, т.е. быть столицей Северной Африки. Около 3 тыс. человек с семьями составили первый отряд поселенцев. Значительные внутренние земли, уже населенные иммигрантами, были отнесены к нему. Город быстро рос и рано стал столицей провинции, портом, через который вывозилась во всевозрастающем объеме пшеница как дань для обеспечения населения Рима, и центром интеллектуальной жизни. Август основал ряд поселений в долине р. Меджерда и еще около тринадцати поселений вдоль побережья все еще формально независимой Мавретании.

После Цезаря и Августа поток организованной итальянской иммиграции замедлился, так как социальное напряжение в Риме спало, и императоров стало беспокоить ошутимое сокращение итальянского населения. Однако в течение I в. н.э. доля итальянцев среди населения Северной Африки постепенно возрастала за счет уволенных солдат, которые стремились занять землю там, где они когда-то служили. Этот процесс прекратился во II в., когда армию в Африке по большей части стали набирать из местных жителей. Можно лишь предположить, что общее число иммигрантов из Рима и Италии, возможно, превысило 100 тыс. человек. Они составляли очень небольшую часть всего населения африканских провинций и концентрировались в ограниченных областях. Тем не менее экономическая и социальная жизнь получила мощный толчок к развитию, в основном это выразилось в росте городов.

Северная Африка заняла уникальное место среди западных римских провинций по количеству городов. Одна из причин этого заключалась в политике Рима, позволявшей местным сообществам управлять большинством своих дел. В Северной Африке, где не было больших племенных объединений, правительство признало около 500 малых местных общин (что во много раз превышало число общин в Галлии, где единицы с местным управлением были намного крупнее). Многие из них, особенно в долине Меджерды и Западной Нумидии, выросли в течение I–II вв. н.э. до размеров и богатства большинства колониальных объединений. Таким образом, ранняя стадия урбанизации ливийских деревень, начавшаяся под финикийским влиянием, достигла полноты возможностей. Естественно, что модель их развития соответствовала модели управления. Римская политика тоже стимулировала такое развитие. Возросшее благосостояние, социальная стабильность и культурная эволюция, при которой по крайней мере местная элита говорила или знала латинский язык, могли быть вознаграждены гарантированным получением статуса римских граждан членами общины и даже почетного звания колонии всем поселением. Можно привести наглядный пример. Колония Лептис-Магна (Левда) на побережье Ливии была основана финикийцами, и когда она перешла под римское правление, образ жизни и большая часть населения оставались еще пунийскими. Получив свое богатство от транссахарской торговли, не имея каких-либо римских поселений в округе, элита этого поселения при Августе и Тиберии становилась двуязычной и вовлекалась в грандиозное строительство в римском стиле. Век спустя она получила гражданство и статус колонии от Траяна и еще больше обогатилась. Септимий Север, ставший императором в 193 г., происходил из богатой смешанной семьи из Лептиса-Магны. Город Мактарис (Мактар), располагавший-

ся на равнине Центрального Туниса, развивался аналогично, и в этом процессе имена его ведущих семейств менялись с берберо-ливийских на пунийские, а затем на латинские при росте благосостояния общины.

Несмотря на впечатляющие общественные здания, строительство которых оплачивалось местными лидерами по мере того, как они воспринимали особенности римского (и греческого) духа соперничества среди богатых за популярность и престиж, по-видимому, было мало городов, численность населения которых превышала 10–15 тыс. человек. Исключением, безусловно, был Карфаген с населением более 100 тыс. человек. В Западном Средиземноморье это был второй по величине город, уступавший только Риму и сравнимый с Александрией в Египте. Хотя в Карфагене располагались лишь немногочисленные войска, там жили чиновники, занимавшиеся вопросами управления при проконсуле; другие чиновники наблюдали за сбором и отправкой продовольствия в Рим; третьи контролировали использование необъятных имений, принадлежавших императору. Численность этих людей постоянно возрастала, так как имперское управление постепенно бюрократизировалось. Число тех, кто физически участвовал в подвозе и отправке зерна и других продуктов на экспорт через порт Карфагена, должно было быть существенным, хотя это в точности не известно. В Карфагене жила богатая элита с необходимым обслуживающим персоналом. Поскольку все важные судебные дела рассматривались проконсулом, в Карфагене было солидное сообщество юристов. Здесь также были школы, дававшие высшее образование; практически все североафриканские деятели литературы, как языческие, так и христианские, получили образование в Карфагене или какое-то время работали там в качестве учителей или адвокатов, например, Апулей, Тертуллиан, Киприан и Августин. Справедливо говорили, что Карфаген для Северной Африки был тем же, что Рим для мира.

Экономическую основу жизни городов составляло почти исключительно сельское хозяйство. Так было и во всем римском мире, но особенно ярко проявлялось в Африке. По мере укрепления безопасности делались существенные вложения в использование плодородия почвы. Производилось и вывозилось большое количество зерна, вина и фруктов, и все это облагалось налогом. Со II в. н.э. в более засушливых частях населенной территории, особенно в Южном Тунисе и высоких равнинах Алжира, расширялось выращивание маслин, и большая часть продукции экспортировалась. Самым большим владельцем земли в Африке был император; обширные поместья принадлежали также римским сенаторам, некоторые из них во II в. н.э. имели африканское происхождение. В урбанизированных районах размеры владений были скромнее, но везде преобладала эксплуатация небольших землевладельцев, которые часть дохода выплачивали хозяевам натурой. Рабство, кажется, не играло большой роли в Африке, по крайней мере в сравнении с Италией, однако там появился класс безземельных или почти безземельных рабочих, которые выживали благодаря сезонной работе в больших поместьях.

Вклад местного населения, составлявшего подавляющее большинство, в цивилизацию римской Африки практически остался не отмеченным в наших источниках, за исключением тех случаев, когда можно выявить восприятие латинского языка и культуры местной знатью. Само собой разумеется, что рабочие, возводившие разнообразнейшие городские центры и сопровождающие их объекты, были большей частью берберо-ливийцами, то же относится и к сельскохозяйственным рабочим. Судя по большому количеству сохранившихся храмов и изображений, религиозная жизнь на территории была оживленной. И архитектура, и искусство показывают, что в Северной Африке итальянские поселенцы усвоили многое из

берберо-ливийских и пунийских религиозных традиций; возможно, за пределами урбанизированных территорий преобладало обратное влияние римской и итальянской религии. Латинский язык без сомнения глубоко проник во все слои населения городов и центров больших поместий, но в очень многих гористых местностях говорившие на латинском языке население и говорившие лишь на одном языке берберо-ливийцы жили по соседству. У последних собственные традиции были сильнее во времена арабского завоевания. В больших и малых городах не было препятствий смешанным бракам между иммигрантами и местным населением, если только его представители получали римское гражданство. Широко распространенное заимствование римских собственных имен означало, что многие из тысяч имен людей, известных нам из надписей, должны были быть берберо-ливийского или смешанного происхождения – явление, принимавшееся как должное в древние времена и, следовательно, редко обсуждавшееся позднее.

Оценка общей численности населения этой территории в античные времена исключительно умозрительная. Для Северной Африки было названо число в диапазоне от 4 до 8 миллионов, при этом большие цифры более вероятны. Из них около трети населяли территорию современного Туниса. Несколько большая доля жила в городских центрах или около них; в районах, где города располагались особенно близко друг к другу, как, например в долине Меджерда, многие, работавшие на земле, на самом деле жили в городах.

Северная Африка, будучи полностью интегрированной в средиземноморскую экономику Римской империи, а в культурном отношении – в ее латиноговорящую половину, все же оставалась вдали от основных событий в империи. Хотя она дала императора (Септимий Север, 193–211 гг.), сыгравшего важную роль, и больше сенаторов и чиновников среднего уровня, чем любая другая территория в западной части империи, она оставалась, к своей пользе, относительно невосприимчивой к политическим и военным проблемам III в. н.э. Небольшой бунт местных землевладельцев в 238 г. против налоговых податей императора Максимиана был безжалостно подавлен, а во всем остальном Африка не пострадала от многочисленных переворотов, гражданских войн и враждебных вторжений, поражавших северные и восточные провинции.

С другой стороны, в III в. здесь быстрее и шире, чем в любых других регионах империи, за исключением, возможно, Сирии и Египта, распространялось христианство. Причины этого не ясны, так как ничего не известно о распространении этой новой религии в Африке до появления записи в 180 г. н.э. о первых африканских мучениках. Без сомнения, то, что христианство в древней Римской империи было или стало в основном городской религией, было одной из причин его быстрого распространения. Нет каких-то специфических элементов в сложном переплетении ливийской, финикийской и римской религий, которые могли бы способствовать обращению. Однако примерно в начале III в. епископы из семидесяти общин собрались на собор в Карфагене, а к 236–248 гг. относятся сведения от проконсула провинции Нумидия о 90 епископах. Хотя первые африканские мученики были выходцами из беднейших слоев общества, по-видимому, христианство распространялось быстро и среди зажиточных горожан. В лице Тертуллиана (около 160–200 гг. н.э.), родившегося в Карфагене или около него, юриста по профессии, который обратился в христианство из язычества, христианство дало одного из влиятельнейших защитников, говоривших на латинском языке. Столь же важной фигурой следующего поколения был Киприан Фасций Цецилий (родившийся около 200 г. н.э.). Он был родом из богатой семьи, в 248 г. стал епископом Карфагена, что показывало, с какой легкостью представители образованной элиты могли принимать и быть принятыми новой религией, и был казнен в 256 г. Под его предводительством церковь в Карфагене возвыси-

лась над церквями других городов, что еще более подчеркнуло ведущую роль Карфагена в жизни Северной Африки в целом. Тем не менее приверженцы христианства все еще составляли меньшинство населения.

Естественно, Африку не обошли проблемы поздней Римской империи (с 284 г. н.э.), особенно экономическое давление, явившееся результатом ухудшившейся военной ситуации на северных границах, и религиозные противоречия, появившиеся после принятия христианства императором Константином в 312 г. Увеличение римской армии при Диоклетиане и Константине с целью укрепления северных границ привело к повышению налогов и ужесточению их сбора. Провинции были поделены на мелкие части для осуществления более жесткого налогового контроля, в Северной Африке стало семь провинций. Поскольку поставки кукурузы из Египта, который вместе с Северной Африкой делил тяжесть снабжения Рима, после 330 г. были переориентированы на Константинополь, африканские провинции должны были от этого пострадать. Однако есть свидетельство, что жизнь городов и экономика в целом не испытывала серьезных трудностей.

Африка стала ареной серьезного раскола христианской церкви после 312 г. В тот год, когда Константин положил конец преследованиям и начал благосклонно относиться к христианству, собор семидесяти епископов Нумидии отказался признать посвящение Касилиана в сан епископа Карфагенского на том основании, что один из совершивших посвящение отрекся от христианства во время гонений. Под руководством активного лидера – Доната, посвященного в епископы Карфагена вместо Касилиана, его сторонниками была учреждена названная ими истинной церковь – церковь мучеников. С самого начала донатисты, как стали называть участников этого религиозного движения, вероятно, составляли по крайней мере половину христиан Северной Африки, преимущественно в Нумидии, и сопротивлялись попыткам Константина и следующих за ним императоров заставить их объединиться с последователями Касилиана и его преемников, которые были признаны церковью за пределами Африки в качестве истинной католической церкви. Социальный состав и донатистских, и католических общин во многом, по-видимому, был одинаков, и донатисты скорее не были выразителями социального или этнического протеста, а являлись раскольниками того типа, который встречается в более поздние времена и в христианской, и в мусульманской истории. Несмотря на то что спор, возможно, ускорил распространение христианства, так как каждая из сторон искала новых сторонников, все же социальное единство было нарушено.

В истории интеллектуальной культуры значение Африки римского периода символизировано одной фигурой – Августином Блаженным. Он родился в небольшом городке Тагаста (Сук-Ахрас), был епископом города Гиппон-Регий (Аннаба), умер в 430 г. накануне вторжения вандалов. Он оставил собрание богословских трудов, в течение тысячелетия имевших более глубокое влияние на западное христианство, чем произведения каких-либо других авторов.

Вслед за падением власти Рима на западе после 406 г. н.э. последующие императоры отчаянно пытались удержать Северную Африку, свой оставшийся единственным источник доходов, но она с легкостью уступила вандалам в 430 г., и Карфаген был захвачен ими в 439 г. Латинская цивилизация переживала упадок и не устояла перед арабским нашествием, основное сопротивление которому, по крайней мере в областях, наименее подверженных влиянию Рима, исходило от коренного населения, которое современные историографы, обобщая, называют берберами. Римская эпоха Северной Африки во многом похожа на историю Британии и большей части Балкан в том отношении, что после нее не осталось никакого лингвистического или культурного наследия, в отличие от того, что имело место во Франции и Испании.

14.5

ВАНДАЛЫ

Аммар Маджуби

Вандалы-асдинги, вторгнувшиеся в Испанию с другими германскими племенами в 409 г., в конце концов расселились в южной части Пиренейского полуострова, которая позднее стала называться по их имени Андалузией (Vandalusia=Андалузия). Но больше всего их привлекало общеизвестное богатство восточных провинций Африки – Нумидии и Проконсульской Африки, которые снабжали Рим зерном. В 429 г. они с женщинами и детьми (всего около 80 тыс. человек) переправились через пролив Гибралтар под предводительством выдающегося человека – короля Гейзериха.

В 430 г., в то время, когда они осаждали город Гиппон (Аннаба), умер Св. Августин, а в 439 г. они захватили Карфаген. К 442 г. они полностью контролировали Проконсульскую Африку (или Зевгитану), Бицацену и часть Нумидии. Вскоре Гейзерих распространил свою власть на всю территорию Западного Средиземноморья; теперь только Восточная Римская империя могла противостоять ему. Был организован широкий поход против Гейзериха, но в 468 г. этот поход потерпел бедствие на море, вскоре после которого был признан *свершившийся факт (un fait accompli)*: в 476 г. между Византией и вандалами был заключен договор о «вечном мире».

Появляется все больше свидетельств преемственности поздней Римской империи и режима, установленного в Африке Гейзерихом и его преемниками. Изменив племенные обычаи своего народа и наделив себя полномочиями, сравнимыми с теми, которые были у римских императоров, король вандалов стал абсолютным монархом, окруженным своими «друзьями», которые иногда носили титул *comes* (спутник, соратник). Главе центрального управления, который всегда выбирался из германцев, помогали нотариусы и писцы. «Проконсул Карфагена» оставался не более чем сановником, представлявшим своих романо-африканских сограждан и имевшим малые юридические полномочия; однако города по-прежнему управлялись собственными магистратами. Старые собрания продолжали существовать в провинциях, лишь культ императора был заменен поклонением королю.

Вандалы продолжали массовый грабеж, особенно Проконсульской Африки, больших землевладельцев и католической церкви, в то время как король захватывал обширные императорские поместья. Но вандалы были всего лишь меньшинством, и романо-африканская собственность в большой степени сохранилась, особенно в Бицацене, где старый сельскохозяйственный уклад продолжал определять жизнь крестьян и использование ими земли. Прекращение изъятия зерна на нужды Рима и тяжелого налогообложения, возможно, улучшили положение масс, которые почти не проявляли никакой враждебности к вандалам. Похоже, что ни сельское хозяйство, ни торговля не переживали заметного сокращения, даже наоборот, владения вандалов описывались как «зерновая империя».

Без сомнения, общество романо-африканских городов претерпело изменения из-за обеднения среднего класса.

Но нельзя также полагать, что африканские города того времени пришли в «безнадежный упадок». Во многих из них, например в Тевесте, Аммедаре и Гиппоне, по-прежнему возводились монументальные архитектурные здания, самые примечательные из них – христианские базилики. В конце концов малочисленные вандалы изолировались от германского мира и, не будучи способными противостоять господствующей цивилизации поздней античности, которая процветала в африканских городах, смешались с массами местного населения. В их языке не осталось и следов о той стране, где латинский язык давно стал общепринятым, хотя берберо-ливийский и пунический языки выжили в сельских районах (*Lancel*, 1981). Единственные предметы в германском стиле, которые находят повсеместно, – это украшения, явное свидетельство богатства аристократии. Украшения обычно находили в Карфагене, Тубурбо-Майусе, Макгаре и Гиппоне. Кроме того, вандалы сосредоточились в плодородных долинах и городах севера Проконсульской Африки, их власть, следовательно, распространялась только на северную половину страны. Королевский двор обосновался в Карфагене, но он следовал за королем, когда тот посещал свои резиденции в Максуле около Хаммамета и в районе Мактара. Аристократия, в среде которой были распространены смешанные браки, переняла манеру одеваться, кухню и, по мере романизации обычаев, игры в амфитеатрах и цирке, которые привлекали огромные толпы и являлись важным атрибутом римского образа жизни.

Значение, которое приобрели католическая церковь и духовенство в римских провинциях Африки в IV–V вв., было существенным и ощущалось и в Карфагене, политической и религиозной столице, и в самых малых городах. Поэтому неудивительно, что католическая оппозиция вандалам-захватчикам ассоциировала себя с римским образом жизни, упрямо отказываясь смириться со свершившимся фактом завоевания. Гейзерих решил сломить это отчаянное сопротивление: духовенство Проконсульской Африки было частично лишено права собственности, большое количество епископов было отправлено в ссылку, католические богослужения были запрещены на территории, подконтрольной вандалам, и т.д. Во времена правления Гейзериха в Карфагене не было католического епископа, исключая короткий период сближения (*rapprochement*) при императоре Валентиниане III. Но эти меры не были продиктованы желанием сломить опасную политическую оппозицию. Король вандалов, как и его народ, придерживались арианства. Но он не руководствовался какой-либо религиозной идеологией, направленной против католицизма, несмотря на требования своего окружения.

Сын Гейзериха, Хунерих (правивший в 477–484 гг.), напротив, поднял конфликт до уровня споров о доктрине. Вначале он дал свободу вероисповедания и выбора епископа Карфагена, которого не было 24 года, но одновременно он призвал к такому же отношению к арианам на Вос-

токе, на что не согласился император Византии. Поэтому Хунерих вскоре возобновил преследование духовенства, возглавляемого Евгением, новым карфагенским епископом; пик насилия пришелся на время после псевдособора католических и арианских епископов, созванного, а потом разогнанного королем вандалов в 484 г. Репрессии продолжались всего несколько месяцев; времена терпимости вернулись при Гунгамунде (484–496 гг.), потом при Тразамунде (496–530 гг.) было вялое возрождение преследований, и новый период терпимости отмечался при Хильдерихе (528–530 гг.). Такая политизация религиозных споров привела к серьезному моральному и социальному кризису, который из-за необузданности Хунериха вылился в «непримиримую борьбу» между вандалами и католическим духовенством, надежно закрепившимися в стране. Это был важный фактор в процессе уничтожения государства вандалов, который усиливался из-за слабого участия германского мень-

шинства, поглощенного массами католиков, а также жестокостью или некомпетентностью преемников Гейзериха, которые были одинаково неспособны ни разрешить социальные и религиозные внутренние проблемы, ни сдержать натиск мавров на западных и южных границах королевства.

Недавние археологические раскопки показали, что при вандалах христианство было более распространено, чем это считали ранее. Например, базилику в честь мучеников в Тебессе, служившую местом паломничества, теперь обычно относят к началу V в. Точно так же выявляется датировка произведений ремесленников и признается, что многочисленные мощеные тротуары и мозаичные надгробья принадлежат к периоду владычества вандалов в V – начале VI вв. Каким бы неполным и разрозненным ни было недавнее исследование, оно помогает лучше понять, как много от романо-африканской цивилизации сохранилось в V в.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ

Аммар Маджуби

Илл. 76, 77

Наши знания о византийской Африке остаются очень неполными, несмотря на недавние археологические исследования и критическую оценку идеологических предпосылок древних авторов (*Moderan*, 1986) и более современных европейских историков (например, *Diehl*, 1896).

В 530 г. н.э. был низложен король Гильдерих Юстиниан, император Восточной Римской империи, мечтавший о восстановлении единой и католической Римской империи, использовал изменение в руководстве государства вандалов как предлог, чтобы откликнуться на настойчивые призывы африканского высшего общества и духовенства. В 533 г. в Северную Африку вторглись византийские войска под командованием Велисария, и в итоге двух битв вандалы были разгромлены, а королевство вандалов было уничтожено. Но византийское завоевание вскоре вызвало упорное сопротивление берберов, такое же, как и при более позднем арабском завоевании в VII в. и французском – в XIX в.

Между 534 и 539 гг. патриций Соломон, умелый, но жестокий полководец, наконец одержал победу. Византийцы воспользовались передышкой для строительства ряда крупных укреплений. Но в 545 г. племена из Триполитании и Бизацены объединились против Соломона. Он потерпел поражение и был убит. Наступила такая анархия, что Юстиниан призвал одного из лучших императорских полководцев, Иоанна Троглията, которому удалось разобщить берберских вождей и в 548 г. получить временную передышку, продолжавшуюся до смерти Юстиниана в 565 г.

В 534 г. административная и военная организация Северной Африки была изменена с учетом практики IV в., чтобы возродить в какой-то степени бывшие римские провинции в Африке. Страна стала представлять собой диоцез (административную единицу империи), в который входили провинции Проконсульская Африка (или Зевгитана), Бизацена, Триполитания, Нумидия, Первая Мавретания (или Ситифенсис) и Вторая Мавретания (или Цезариенсис). Правители (*президы*) назначались для руководства провинциями, управлявшимися префектами, которым помогали большие управленческие штаты. Население провинций, которое опять должно было ежегодно поставлять зерно, эксплуатировавшееся и правителями, и армией, страдало от вымогательств, сравнимых с теми, которые были в поздней Римской империи.

Военная организация свидетельствовала о появлении новой опасности. Во главе своих войск Юстиниан поставил главнокомандующего (*magister militum*), которому в провинциях помогали *дуче* (*duces*). Военные силы, которые были сравнительно малы, состояли из *комитатенсов* (*comitatenses* – полевая армия) и *лимитанов* (*limitanei*), которые, подчиняясь приказам *дуче*, защищали границы и получали в пользование землю; *дуче* также нанимали нерегулярные войска (*гентилы*) из племен.

Для защиты «вновь отвоеванных» провинций была выполнена большая программа строительства укреплений, в основном в течение второго срока командования Соло-

мона, который в 539–544 гг. взял в свои руки военное командование и гражданскую власть. Вокруг городов появились стены, крепости или простые укрепления (в целом вокруг почти пятидесяти городов), и остатки этих укреплений до сих пор можно видеть. Чарльз Дайель (*Charles Diehl*) в 1896 г. считал, что они образуют «линии защиты», первая из которых шла за *лимесам* (линия укреплений с валами, рвами, сторожевыми башнями и др. – *Прим. ред.*). Однако недавно было обнаружено, что эти укрепления предназначались для контроля за центрами сообщений или для защиты либо гарнизонов, либо административных учреждений, или для предоставления убежища населению. Военная история VI в., в любом случае подтверждает, что, как и в римский период, сильно укрепленный *лимес* служил, помимо прочего, для предупреждения об опасности, а лагерь – для размещения солдат во время проведения операций на открытой местности.

Типы укреплений и их внутренняя организация стали известными в результате ряда раскопок, особенно в Тимгаде. Регулярные планы, равно как и техника строительства, в основном пришли из восточных провинций империи; действительно, в Африке наряду с Иллирией, Константинополем, Сирией и Египтом, сохранились богатейшие и наиболее однородные оборонительные комплексы VI в., сохранившиеся до настоящего времени (*Duval*, 1983).

Поместья королей вандалов снова быстро превратились в императорские, католическая церковь вернула свою собственность, частные владения были возвращены потомкам их бывших владельцев. Несмотря на эти большие перемены, богатые ресурсы африканских провинций в виде зерна и масла вскоре стали незаменимыми для снабжения Константинополя. Археологи обнаружили следы оживленной торговли и денежной экономики. Привозился мрамор, изделия из стекла и глины; вывозилось зерно, масло и вино, в основном, на восток. Поэтому идея византийской Африки, города в которой выжили за своими укреплениями, постоянно теряет сторонников; теперь признается, что многие красивые городские здания были построены именно в это время, и археологи в целом подтверждают, что несмотря на появление некоторых элементов сельской жизни и реорганизацию городской среды, города византийской Африки сохранили свою жизнеспособность.

В ряде городов действительно впечатляют комплексы, выстроенные для нужд христиан, с базиликами, баптистериями и мемориалами мучеников; особенно ярко это проявляется в Карфагене, но также и в Булла-Регии, Суфетуле, Сабрате и Лептие-Магне (у современного города Хомс в Ливии. – *Прим. ред.*). В других местах, даже в самых обычных городах, все больше и чаще находят базилики и места христианских богослужений, часто датируемые византийским периодом или с V в., когда господствовали вандалы. Новые оригинальные в плане и по своему профилю типы строений отличались от традиционных базилик с центральным нефом и боковыми приделами, иногда покрытыми галереями. Так, был введен трансепт – поперечный

неф, придавший в плане зданию форму креста, с куполом на пересечении нефов и крестовыми сводами над приделами. В архитектуре зданий появился алтарный выступ (апсида), перекрытый сводами, покоящимися на колоннадах. Трехкупольные или четырехкупольные церкви в честь святых и купели, украшенные листовыми орнаментами, завершали картину преобразований. Наблюдалась преемственность и развитие архитектурных украшений, что лучше всего проявлялось в мозаиках и капителях.

Реформы византийского императора Маврикия Тиверия (582–602 гг.) не ограничились географическими преобразованиями провинций. Давление берберов в Африке, подобно действиям лангобардов в Италии, привело к созданию ярко выраженного военизированного управления. Появились экзархаты – военно-административные единицы, управлявшиеся наместником (экзархом). Экзарх Карфагена даже во времена Геракла фактически был вице-императором.

БИБЛИОГРАФИЯ (14.1–14.6)

- BROUGHTON, T.R.S. 1929. *The Romanization of Africa Proconsularis*. Baltimore.
- BROWN, P.R.L. 1967. *Augustine of Hippo*. Los Angeles.
- CAGNAT, R. 1913. *L'Armée de l'Afrique*. Paris.
- CAMPS, G. 1961. *Aux origines de la Berbérie. Monuments et rites funéraires protohistoriques*. Paris, Arts et Métiers graphiques.
- 1980. *Berbères: Aux marges de l'histoire*. Paris.
- CHAMOUX, F. 1953. *Gyrène sous la monarchie des Battiades*. Paris.
- CHARLES-PICARD, G. 1990. *La civilisation de l'Afrique romaine*. Paris. 359pp.
- CIRENE E I LIBYI. 1987. *Roma 'L'Erma' di Bretschneider*.
- DECRET, F.; FANTAR, M. 1981. *L'Afrique du Nord dans l'antiquité*. Paris.
- DESANGES, J. 1962. *Catalogue des tribus africaines de l'Antiquité classique à l'ouest du Nil*. Dakar. 296pp.
- DIEHL, C. 1896. *L'Afrique byzantine*. Paris.
- DIESNER, H.J. 1964. *Der Untergang der römischen Herrschaft im Nordafrika*. Weimar.
- DUNCAN-JONES, R.P. 1963. *City Populations in Roman Africa*. *Journal of Roman Studies*, Vol. 53, pp. 85–90.
- DUVAL, N. 1983. *L'Etat actuel des recherches sur les fortifications de Justinien en Afrique*. *Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina*. Vol. 30, pp. 149–202.
- FREND, W.H.C. 1971. *The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa*. Oxford.
- GSELL, S. 1913–1929. *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*. 8 vols. Paris.
- LANCEL, S. 1981. *La fin et la survie de la latinité en Afrique du Nord*. *Revue des études latines*, Vol. 59, pp. 269–297.
- 1992. *Carthage*. Paris.
- LARONDE, A. 1987. *Gyrène et la Libye hellénistique*. Paris.
- LEPELLEY, C. 1979. *Les cités de l'Afrique romaine au Bas-Empire*. Vol. I. Paris.
- MILLAR, F. 1968. *Local Cultures in the Roman Empire: Libyan, Punic and Latin in Roman Africa*. *Journal of Roman Studies*, Vol. 58, pp. 126–134.
- MODERAN, Y. 1986. *Corippe et l'occupation byzantine de l'Afrique: pour une nouvelle lecture de la Johannide*. *Antiquités africaines*, Vol. 22, pp. 195–212.
- WARMINGTON, B.H. 1954. *The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest*. Cambridge. 123pp.

Несмотря на возрождение страны, в это время проявлялись ее застарелые проблемы, такие как возобновление волнений берберов, грабительские налоги, растраты, жестокость и коррумпированность чиновников, недисциплинированность региональных властей и, наконец, религиозный кризис, разжигаемый противостоянием африканского православия монофиситской и монотеистической ересей, поддерживаемых императором. В 646 г. экзарх Карфагена Григорий порвал с Константином II и провозгласил себя императором. Он погиб в 647 г. в борьбе с арабскими войсками.

В заключение отметим, что становится все более очевидным существование организационной, институциональной, культурной и художественной преемственности со времен св. Августина до конца византийского периода, преемственность, которая продолжилась, несмотря на важные изменения, произошедшие со времени раннего христианства до начала арабо-мусульманского правления.

ДОЛИНА НИЛА

ОТ РЕДАКТОРА

Дэвид У. Филлипсон

В историографии существовала давняя традиция рассматривать развитие долины Нила в Египте и Нубии отдельно от других африканских регионов. Без сомнения, древние культуры Нильской долины отличались исключительным своеобразием, их изучению уделялось значительно большее внимание. Богатство письменных источ-

ников означает, что здесь детально могут быть изучены такие стороны древнего общества, которые в других случаях остаются неизвестными. В этом томе, признавая уникальность черт древней египетской и нубийской цивилизации, мы постараемся рассмотреть их в африканском контексте.

15.1 ЕГИПЕТ

15.1.1 ПЕРИОД НАПАТСКОГО ЦАРСТВА

Барбара Уоттерсон

Илл. 78

Двадцать пятая династия Египта, в соответствии с пронумерованным Мането (*Manetho*) списком, вышла из царства Куш, на месте которого теперь суданская Нубия. О расцвете этого царства написано в томе II «Истории», а его развитие после 700 г. до н.э. рассматривается ниже (15.2.1). Здесь будет описан лишь период с 716 по 656 г. до н.э.

Цари раннего периода Куш стремились завоевать по крайней мере южную часть Египта. Возможно, их к этому вынуждали египтяне, жившие среди подданных кушских правителей; но скорее всего они сами стремились получить контроль над Фивами (современный Луксор), где находился Карнак – культовый центр, место поклонения богу Амон-Ра. Первый известный нам кушский правитель – Алара; ему около 760 г. до н.э. наследовал Кашта. Кашта установил контроль над Нижней Нубией до Асуана; надписи на стеле на острове Элефантина (на реке Нил возле Асуана. – *Прим. ред.*), сделанные на картуше в стеле, типичном для египетских царей, указывают, что войска Кашта заняли южную территорию Верхнего Египта около 750 г. до н.э. Политическая власть в Египте того времени была раздроблена: существовало пять соперничавших царских династий и несколько вождей ливийских групп, ма и либу, управлявших различными частями страны.

Примерно в 748 г. до н.э. царем Куша был Пи (раньше его имя часто писалось как «Пианхи»), которому через несколько лет удалось установить контроль над большей частью Верхнего Египта, разместив там гарнизон и заключив союз с Петубастисом, правителем Гараклеополя (Ихнасия-эль-Медина в Нижнем Египте). Пи жил в Напате, когда до него дошло известие о том, что Тефнахт, князь Саиса (древнеегипетский город в дельте Нила. – *Прим. ред.*) и правитель большей части Дельты, собрался напасть на Петубастиса. Для начала Пи послал подкрепление гарнизону Напаты в Египте, но когда не удалось одолеть Тефнахта, он решил сам возглавить войско. На двадцать первом году своего правления Пи отплыл в Напату во главе своей армии. Совершенно ясно, что он рассматривал эту экспедицию в Египет не только как территориальное завоевание, но и как поход с целью восстановления верховенства бога Амон-Ра и его жречества, которое уже давно переживало упадок.

Отчет о завоевании Египта царем Пи был записан на большой черной гранитной стеле (хранится в Каирском музее), найденной в храме Амон-Ра у подножья Джебель-Баркал в 1862 г. н.э. Эта так называемая Стела победы царя Пи со всех четырех сторон покрыта 159 строками иероглифических надписей и представляет собой выда-

ющийся исторический текст периода Позднего египетского царства (*Lichtheim*, 1980). На стеле Пи изображен как замечательный полководец и великодушный завоеватель; живо и детально описано, как Пи, подобно всем царям его династии чрезвычайно смиренный и преданный богу Амон-Ра, задержался в Фивах для участия в празднике Опет, организовал осаду войск Немрата – союзника Тефнахта в Гермополе (Эль-Ашмунейн в Среднем Египте) и, захватив город, отправился вызволять Петубастиса в Гараклеополе. Затем Пи захватил Мемфис, выстроив корабли своего флота вдоль кораблей, стоявших в городской гавани, создав таким образом мост через Нил, по которому его армия смогла войти в город со стороны реки, единственной части, не защищенной городской стеной. После падения Мемфиса перед Пи капитулировали все северные правители, кроме Тефнахта, но и он в конце концов сдался.

Можно было бы предположить, что Пи, завоевав Египет, останется там, чтобы царствовать; но, видимо, у него не было такого желания. Вместо этого, отягощенный добычей, он с триумфом возвращается в Напату, где в ознаменование своих побед приказывает перестроить храм Амон-Ра в Джебель-Баркале. Вместе с тем Пи принял меры предосторожности и оставил свою сестру Аменирдис в качестве приемной дочери верховной жрицы Амон-Ра в Фивах, – шаг, который обеспечивал Аменирдис после смерти верховной жрицы наследование ее места. Поэтому, когда спустя несколько лет верховная жрица Шепенвет умерла, Аменирдис по наследству получила этот титул; в 710 г. до н.э. Аменирдис в свою очередь удочерила дочь Пи, свою племянницу Шепенвет II. Эти две женщины представляли интересы кушитов в Фивах, используя должность, ставшую очень влиятельной лет за пятьдесят до этого при двадцать третьей династии царя Осоркона III (777–749 гг. до н.э.).

Осоркон III взял вверх над верховным жрецом Амон-Ра и передал все поместья и собственность, принадлежавшую невероятно богатому храму этого бога в Карнаке, верховной жрице, известной как «божественная супруга» Амон-Ра. В течение следующих двух веков властью, ранее принадлежавшей верховному жрецу, пользовалась божественная супруга, которой была дочь правящего царя. Она посвящалась богу и, предполагалось, должна была давать обет безбрачия. Поскольку у нее не было собственных детей, она удочеряла принцессу, становившуюся ее приемницей. В силу своего религиозного положения божественная супруга пользовалась духовной властью, а так как она распоряжалась огромными богатствами, то пользовалась и светской властью. Фактически она была царицей, власть

которой была ограничена лишь тем, что распространялась только на округу Фив.

По правилам кушитского престолонаследия братья царя обладали преимущественно перед его сыновьями; это означало, что Пи наследовал его брат Шабака (ок. 716–702 гг. до н.э.), которого историки считают истинным основателем двадцать пятой династии кушитских фараонов, правивших единым царством Египет и Куш в течение шестидесяти лет. В отличие от Пи, Шабака намеревался сам править в Египте и сделал Мемфис столицей. Однако он не избавился от соперничающих царских династий, напротив, он придерживался правила «разделяй и властвуй» и оставил местное управление в их руках. Мощь двадцать пятой династии основывалась на кушитской военной силе, и в течение примерно сорока лет она использовалась для сохранения мира в Египте, способствовавшего его процветанию.

Однако событиям в Западной Азии суждено было отразиться на Египте. Территориальные притязания ассирийских царей начали представлять угрозу для соседних государств, правители которых напрасно обращались к Египту за помощью, так как Шабака, казалось, решил проводить политику дружбы и сотрудничества с Ассирией. Царь Ассирии Саргон II даже заявил в 711 г. до н.э., что «получал дань от Пира из Мусру» (т.е. от египетского фараона). Эта политика была изменена племянником Шабаки, сыном Пи Шебитку (Шабатака, 702–690 гг. до н.э.), когда он вззошел на трон; и в 701 г. до н.э., когда ассирийский царь Синаххерий завоевал Палестину и напал на Езекию Иудейского, египтяне поддержали Езекию. Однако египетская армия под предводительством брата Шебитку князя Тахарка потерпела полное поражение в битве при Алтаке.

Тахарка (690–664 гг. до н.э.), еще один сын Пи, стал преемником Шебитку и, в нарушение древней египетской традиции, праздновал свою коронацию в Мемфисе. Судя по замечательно высеченной черной гранитной голове нового царя, которую нашли в Карнаке, Тахарка имел отличительные черты кушитов: широкое круглое лицо и толстые губы. Он был живым и энергичным правителем, и в течение двадцати шести лет его правления Египет по всей видимости процветал и в нем было очень мало внутренних конфликтов. На пяти стелах, найденных в Каве, высечено, что когда Тахарке было 20 лет, его призвали из Напаты присоединиться к Шебитку в Египте, и по дороге к царскому двору он заметил, что храм Амон-Ра в Каве находился в плачевном состоянии. Когда Тахарка стал фараоном, он первым делом приказал восстановить храм и одарить его богатыми жертвоприношениями, что свидетельствовало о его преданности Амон-Ра. Тахарка также записывал, что послал «жен князей Нижнего Египта» и «детей князей Тьехну» (ливийцев) в Кава на службу в храме.

Вступление Тахарки на престол было отмечено прибытием в Мемфис его матери Абар, которую он не видел с момента своего отъезда из Куша. Это событие совпало с необычайно сильными дождями в Куше, что привело к сильному подъему воды в Ниле на территории Египта. Это было воспринято как благоприятный знак. Однако угроза со стороны Ассирии постоянно возрастала. В 674 г. до н.э. ассирийский царь Асархаддон завоевал восточную часть дельты до самого Нила, но был отброшен силами Тахарки. Три года спустя Баал, князь Тира, подстрекаемый Асархаддоном, завоевал Египет и вынудил Тахарку бежать в Куш. Ассирийцы взяли под свой контроль дельту Нила и поставили князя Нехо из Саиса своим вассалом.

В последующие четыре года Тахарка дважды пытался освободить Египет от ассирийского правления, но до его смерти в 664 г. до н.э. регион дельты по-прежнему находился в руках ассирийского марионетки Нехо. Вслед за Тахаркой на трон вззошел Танветамани (Танутемун,

664–656 гг. до н.э.), который, заявляя, что ему во сне был обещан Египет, прошел к северу с кушитской армией и одержал верх над Нехо Саисским. Нехо был убит, а его сын Псамметих бежал в Ассирию. В 663 г. до н.э. ассирийцы под предводительством Ашшурбанипала (ок. 669–627 гг. до н.э.) отправились возвращать себе Египет. Танветамани оказал небольшое сопротивление и бежал в Куш, фактически оставив Фивы на разграбление ассирийцам. Божественной супруге Амон-Ра Шепенветет II (см. выше) удалось выжить при этом. Ассирийцы сделали правителем Египта Псамметиха со столицей в Саисе, хотя жители Фив, возможно, подстрекаемые верховной жрицей Амон-Ра, по-прежнему признавали фараоном Танветамани. К моменту кончины Танветамани в 656 г. до н.э. Псамметиху удалось убедить весь Египет признать его фараоном (первым из двадцать шестой династии), и через несколько лет он добился независимости Египта от Ассирии, (см. далее).

Египет времен двадцать пятой династии вновь пережил экономический подъем, сопровождавшийся культурным возрождением, особенно в области искусства и литературы. Под покровительством кушитских царей процветали искусство и архитектура. В скульптуре особенно на стиль многих статуй, не только фараонов, но и их приближенных, влияли традиции Среднего царства, но некоторые статуи фараонов отличаются особым собственным стилем. Фараон изображался в реалистичной манере с подчеркиванием кушитских черт лица. В статуях показана мощная мускулатура; у многих из них видны менее тщательные отделанные участки на руках и щиколотках, на юбках (килтах) и на коронах – там, где для украшения были вдавлены золотые листочки, что делало их более нарядными, чем предполагали нормы стиля Среднего царства.

Шабака осуществил программу монументального строительства в Египте и Куше, ему в свою очередь подражал Тахарка. Кушитские фараоны восстановили и построили много храмов; они расширили храм Амон-Ра в Джебель-Баркале до размеров, при которых он уступал только великому храму этого бога в Карнаке. Как уже указано, в Каве (Джем-Атен) была восстановлена имевшая большое значение гробница Амон-Ра. Помимо этого, был построен новый храм: на стеле, воздвигнутой в Джем-Атене, Тахаркам утверждал, что он привез мастеров из Мемфиса для того, чтобы работать над ней. Святилища в честь Амон-Ра были построены в Фивах, но наиболее впечатляющим кушитским добавлением к храму Амон-Ра в Карнаке была величественная беседка, воздвигнутая на переднем дворе во времена правления Тахарки. У этой беседки, состоявшей из десяти колонн из песчаника, каждая около 21 м в высоту с пальмовидными капителями, не было крыши, и в Новый год первые лучи солнца падали на статую Амон-Ра, стоявшую внутри нее, тем самым отмечая начало нового года.

На западном берегу Нила в Фивах, в Мединет-Хабу, Шабака повелел расширить храм восемнадцатой династии, посвященный Амону, но не Амон-Ра, Царю богов, а его первобытной форме – Огдоаде (Великой Восьмерке), четырем парам божеств, из которых возник мир. Из этого и других поступков ясно, что кушитские цари двадцать пятой династии обращались к ранним периодам египетской истории за вдохновением и следовали примеру скорее правителей Древнего и Среднего, чем Нового царства. Это особенно хорошо видно из их понимания царствования, которое, по их заявлениям, они основывали на традиционных религиозных идеях. Они выбрали Мемфис, столицу Древнего царства, в качестве своей резиденции; принципы строения их надгробий были скопированы с пирамид Древнего царства. В искусстве этого периода предпринимались осознанные попытки достичь сходства с древностью, копировались

приемы и декоративные темы Древнего и Среднего царств. Сюжеты, заимствованные с погребальных святилищ Древнего царства, использовались для украшения современных культовых сооружений: например, в храме в Джем-Атене Тахарка изображен в виде сфинкса, попирающего ливийских врагов, – сцена, скопированная, возможно, непосредственно с оригиналов Древнего царства в Саккаре и Абу-Сире.

Будучи преданными богу Амон-Ра, цари Куша, естественно, уделяли особое внимание его гробницам; но они также почитали египетских богов, особенно Птаха (Пта), древнего бога города Мемфиса. Считалось, что Птах создал мир, вначале породив идею о нем в мозгу, а затем создав словом весь мир. По сути, это интеллектуальная теория создания. Во время правления Шабака о мемфийской системе божественных верований знали из текста, написанного на древнем изъеденном червями папирусном (может быть, кожаном) свитке. Ни возраст свитка, ни точная дата появления текста оригинала не известны, но язык, на котором он написан, архаичен. По приказу Шабаки текст был высечен на базальтовой плите, известной как Камень Шабаки, который теперь находится в Британском музее.

Фараоны двадцать пятой династии, возможно, во многом способствовали культурному возрождению Египта, но, очевидно, не считали, что устройство их захоронений должно быть его частью. Вместо этого они выбрали гробницу своих предков – царей Напата – в Курру (Эль-Курру), на небольшом расстоянии к северу от Напаты. Самые древние могилы в Курру похожи на те, что находятся в Керме, и представляют собой яму, покрытую круглым могильным холмом или курганом из гальки и земли. Тело опускали в яму на ложе лежащим на правом боку в согнутом положении, головой на север, а лицом на запад. На ранних этапах развития могильной архитектуры в Курру курганы укреплялись каменной стеной и оборудовались небольшим святилищем (часовней) с восточной стороны. Однако вскоре форма могильного холма изменилась, он стал прямоугольным, похожим на гигантский лежащий брус с наклоненными к центру стенами (*мастаба* – араб., букв. – каменная скамья. – *Прим. ред.*) как в ранних египетских гробницах.

Вместе с гробницей Кашта царский погребальный обряд под влиянием египетских обычаев в Курру претерпел значительные изменения. Тела уже более не укладывали на ложе в согнутом положении, а мумифицировали и клали в полностью вытянутом положении в египетские гробы. Как было принято у египтян, внутренности помещались в канопы, а умершему клали защищающие его амулеты и *ушабтицы* (*ushabti*) – маленькие фигурки, якобы наделенные способностью работать на покойного в загробной жизни. Большая часть этих погребальных принадлежностей была сделана в Египте.

Пи был похоронен в Курру не в традиционной гробнице, а в пирамиде – первой из построенных там. Можно лишь догадываться, почему Пи выбрал такую форму гробницы. В самом Египте пирамиды ассоциировались с богом солнца Ра, а не с Амоном, и как способ захоронения фараонов вышли из моды ко времени Нового царства; конечно, возможно, что Пи вдохновили пирамиды Древнего царства в Гизе, которые он должен был видеть во время своего нападения на Мемфис. Каковыми бы ни были причины, Пи положил начало обычаю пирамидообразных надстроек, возводимых над подземной гробницей, который сохранялся в Напате и Мероэ более 1000 лет. В отличие от египетских предшественниц, кушитские пирамиды строились из песчаника и были меньшего размера и с более крутыми склонами. Усыпальницы находились не в пирамидообразных надстройках, но глубоко под ними. К ним можно было добраться по лестницам, подходы к которым располагались на некотором расстоянии от пирамид.

Надстройка пирамиды Пи в настоящее время сильно разрушена, но, видимо, первоначально она была площадью около 12 кв. м со сторонами, расположенными под углом примерно 68 градусов. Под надстройкой находится усыпальница в виде ямы со сводчатым потолком. Попасть в гробницу можно было через дверной проем в восточной стене, от который лестничный пролет вел к выходу на уровне земли. После погребения ступеньки засыпали галькой и над входом строили небольшую часовню. В погребальной часовне была лишь одна комната, стены которой украшались рельефами. Шабака был похоронен в похожей пирамиде, но в его случае усыпальница была высечена в скальной породе, а в верхней части лестницы располагался короткий туннель. Как и у Пи, погребальная часовня была возведена с восточной стороны пирамиды, а лестничный проход после погребения засыпан галькой; но вход в туннель был за пределами восточной стены часовни, поэтому часовня могла быть возведена до смерти царя. Пирамида Шабака служила его преемникам образцом для подражания, хотя некоторые из них имели более изысканные подземные сооружения, состоявшие из гробницы и двух вестибюлей. Их стены украшены изображениями так называемой отрицательной «исповеди» из египетской «*Книги мертвых*», с помощью которой умершие люди очищали себя от грехов, чтобы быть принятыми в загробной жизни.

Пирамида Тахарка в Нури на западном берегу Нила напротив Курру – единственная, отличавшаяся от стандарта, установленного Шабака. Усыпальница большого размера, чем обычно, была поделена на три части высеченными из скалы столбами; лестница вела к входу, расположенному у западной стены, а не у восточной; вместо туннеля имелся небольшой вестибюль. Обе комнаты были окружены коридором. В пирамиде Тахарка было найдено около 600 каменных фигурок, а также крупное золотое кольцо, по размеру которого можно заключить, что у царя были толстые пальцы.

Склепы на кладбищах Курру и Нури показывают, до какой степени обычаи погребения правителей Напата были подвержены египетскому влиянию. Подобно египетским фараонам, кушитские правители хоронились в больших каменных саркофагах. Кушитские саркофаги были сделаны из гранита, их бока, как и стены усыпальницы, были украшены резьбой с изображением египетских божеств, связанных с погребением, и надписями, основанными на египетских религиозных текстах. Как египетские, так и кушитские правители уходили в мир иной с такими погребальными предметами, как фигурки и кувшины для возлияния. Большая часть пирамиды Куша была разграблена еще в древние времена и сейчас находится в разрушенном состоянии. Однако в пирамиде Аспельга (ок. 596–571 гг. до н.э.) в Нури сохранились некоторые признаки великолепия их погребальных предметов. *Reisner* (1917) нашел там множество украшений, несколько серебряных и золотых сосудов, алебастровые кувшины (некоторые из них завернуты в золотую фольгу, другие запечатаны золотом), золотые хомуты и три пары золотых пинцетов. Аспельга был похоронен в нескольких вложенных друг в друга гробах, сделанных из дерева, покрытых листовым золотом и украшенных полудрагоценными камнями. Его огромный гранитный саркофаг (хранится в Бостонском музее), который весит более тонны, украшен надписями, взятыми из погребальных текстов, и резьбой с изображением таких же божеств-защитников, какие находят на саркофагах египетских фараонов.

В Курру двадцать четыре могилы, которые явно не принадлежали египтянам. Древние египтяне мумифицировали и хоронили священных животных, которые считались воплощением бога на земле; но в двадцати четырех захоронениях Курру были лошади, принадлежавшие фараонам

двадцать пятой династии и, без сомнения, убитые в момент смерти их царственных хозяев. Из стелы победы Пи ясно, что он высоко ценил лошадей, поэтому неудивительно, что четыре коня (четверка колесницы), принадлежавших ему, были, возможно, убиты, чтобы последовать за хозяином в загробный мир. Четыре лошади принадлежали Танветамани, а у Шабака и Шебитку было по восемь животных.

Все лошади были погребены стоя в полной упряжи, богато украшенной серебром.

После ухода Танветамани из Египта, он и его преемники правили в Куше около 400 лет без особого вмешательства внешнего мира. Хотя они никогда больше не правили в Египте, тем не менее они продолжали именовать себя царями Верхнего и Нижнего Египта.

15.1.2 САИССКИЙ ПЕРИОД

Теофиль Обенга

Илл. 79, 80

В долгой истории Египта Саисский период соответствует двадцать шестой династии, которая правила Египтом больше века, с 664 до 525 г. до н.э. Она включала в себя правление пяти основных фараонов, резиденция которых находилась в Саисе (Сау – на древнеегипетском языке) приблизительно в 30 км к северо-западу от современного города Танта в дельте Нила, являвшейся культовым центром богини Нейт со времен Древнего царства.

Псамметих (Псамтик) I (египетский фараон в 664–610 гг. до н.э.) был потомком Тефнахта, правителя Саисы во времена двадцать четвертой династии (730–715 гг. до н.э.). При помощи греческих и икарыйских наемных войск он сумел вытеснить ассирийцев и кушитов из Верхнего Египта. Таким образом он стал основателем двадцать шестой Саисской династии. Его дочь Нитокрис, ставшая «божественной супругой» Амона в Карнаке, помогла новой династии, имевшей резиденцию в Саисе, в Нижнем Египте, закрепить власть над Верхним Египтом в Фивах. Для семьи фараона было очень важно как с политической, так и с религиозной точек зрения иметь царицу или принцессу, наделенную духовными функциями божественной жены Амона, так как храм Амона в Карнаке являлся величайшей национальной святыней (домом «божественного отца» фараона), и его жречество оказывало исключительно сильное влияние на экономические, политические и религиозные стороны жизни государства.

Как только египтяне снова уладили междоусобные конфликты, государство нашло новые возможности для развития и даже для обеспечения своей национальной безопасности как на северо-востоке, так и на юге. В начале своего правления Псамметих I отправил отряды на землю Вават в Нубии. Нехо II (сын и преемник Псамметиха I 610–595 гг. до н.э.) вступил в сражение с Джошиа, царем Иудеи, при Мегидде, ханаанском городе в Северной Палестине, расположенном на пути из Египта в Ассирию, и поставил своего правителя в Иерусалиме. В течение четырех лет он был хозяином Палестины и Сирии, через которую ранее совершались набеги из Азии в Египет. Оказывая помощь Ассирии, которой угрожали Нововавилонское царство и Мидия, Нехо II заботился о защите Египта. Однако его азиатская империя распалась, когда его войско было разбито Навуходоносором в 605 г. до н.э. при Каркемише. Тем не менее, вскоре – в 601 г. до н.э., Нехо II отразил попытку вторжения вавилонян в Египет.

Псамметих II (595–589 гг.), сын Нехо II, отправил греческие, икарыйские и финикийские войска в самое сердце царства Куш. Его победоносная армия, вероятно, подошла достаточно близко к 5-му порогу Нила. Тем самым царь намеревался предотвратить любую возможную угрозу со стороны Напатского царства. Априй (589–570 гг. до н.э.), сын Псамметиха II, поддержал Иудейское царство в борьбе с правителем Вавилона Навуходоносором в 587 г. до н.э., но его поддержка (армией, состоявшей из 30 тыс. наемных солдат) была безуспешной. Иерусалим был захвачен и разрушен, а его население было переселено в Вавилон. На о. Элефан-

тина, расположенном возле Асуана, Априй основал иудейское поселение, состоящее в основном из солдат и жрецов, которые впоследствии, во времена правления персов, основали храм Яхве. Яхмас II (греч. Амасис, 570–526 гг. до н.э.) – военачальник, ставший царем в результате заговора против Априя, заключил договоры о союзе с рядом государств Азии и Грецией, которым угрожала Персия. Кипр был покорен, а ионийцы и икарыйцы обосновались в Мемфисе, в греческом квартале Карикон. Древнегреческая колония – торговый центр Навкратис в дельте Нила – была отдана греческим ремесленникам, купцам и наемным солдатам с целью обеспечения надлежащего контроля за их деятельностью в Египте. Когда Псамметих III (526–525 гг. до н.э.), сын Яхмоса II, капитулировал перед войсками персидского царя Камбиса II в битве при Пелусии (расположенной в дельте Нила недалеко от Порт-Саида на Средиземноморском побережье), египетский трон перешел к персам, Египет превратился в персидскую сатрапию (провинцию), и правление династии Ахеменидов продолжалось с 525 до 332 г. до н.э.

Этот краткий обзор в политической истории показывает, что двадцать шестая династия вовсе не была тусклой – совсем наоборот. Кушитские фараоны из предыдущей династии не рассматривали Египет как экзотическую цивилизацию: они обращались к наследию прошедших периодов в жизни Египта. Были сохранены традиции в мышлении и веровании. Это направление культурного возрождения получило дальнейшее развитие при Саисской династии и вступило в период упадка при правлении Птолемея и римлян.

Упомянутое культурное возрождение представляет собой важный эпизод в истории Египта. Это было время, когда Египет был открыт для других народов в их поисках знаний и мудрости. Египет времен двадцать шестой династии сыграл значительную роль в культурном и научном развитии Древнего Мира, роль, которая предполагала сильную организацию, обеспечивающую процветание всему государству.

Ключевой особенностью периода Саисского правления была сильная система управления страной, частично обусловленная, без сомнения, постоянным вмешательством иноземцев. Была введена система контроля за перемещением товаров и людей через границы (нечто подобное тому, что пытались ввести правители времен Среднего царства). Эти контрольные пункты имели специфические названия и титулы, свои отличительные черты, например, «управляющий воротами в зарубежные южные страны» (который находился под начальством из Фив); «управляющий воротами в зарубежные северные страны» (наблюдавший за торговлей сирийцев, палестинцев и финикийцев) и, наконец, «управляющий воротами в зарубежные страны «Зеленого пути», т.е. средиземноморского пути через центральную и западную части дельты Нила.

Так, в правление Априя некто Нехсор (*Nesbor*) выполнял функции «управляющий воротами в зарубежные южные

страны» (Судан, внутренние регионы Африки). Он оставил многочисленные украшения, выполненные в храмах в честь богов у первого порога Нила, на острове Элефантина. Несхор (базальтовая статуя которого находится сейчас в Лувре) также участвовал в походах на юг страны. По-видимому, во времена правления Яхмоса II (570–526 гг. до н.э.) был введен налог на ввозимые морским путем товары, в соответствии с указом «управляющего». Именно Яхмос II (по сведениям Геродота) приказал, чтобы каждый гражданин предоставлял монарху ежегодную декларацию о «средствах пропитания» с целью контроля за сбором налогов.

Колония Навкратис (Нвкрт – по-египетски), была основана выходцами из Милета, Фокайи и других греческих городов в дельте Нила, на одном из его рукавов между городами Танта и Даман-хур. Она стала очень оживленным открытым торговым центром. С разрешения Яхмоса II греки, жившие в Навкратисе, поклонялись своим традиционным богам, выбирали собственное управление и издавали свои законы. Таким путем Яхмос II намеревался разрешить проблему ксенофобии, которая проявлялась после его прихода к власти. Однако египтяне всегда следовали своим культурным и религиозным традициям отдельно от иноземцев, будь это средиземноморские или азиатские народы. Благодаря торговле с Грецией и ее колониями, Навкратис быстро стал одним из наиболее процветающих городов в дельте Нила. Главный склад (*entrepôt*) греческих вин располагался в Навкратисе, где наиболее высокой репутацией пользовались вина с острова Лесбос (Митилини).

Такой контроль на границах, а также за торговлей, рынками и населением безусловно способствовал процветанию всего Египта. Определенный рост численности населения отмечался в Саисский период и был обусловлен, в частности, теми ресурсами, которые получались в результате внутренней и внешней торговли.

Культурное и духовное возрождение в этот период ухдило корнями в египетские традиции. В Египте, с самых древних времен земная реальность рассматривалась как отражение небесной сущности. Мышление египтян никогда не отделяло мир богов от мира людей. Египетское общество было глубоко мистическим, в нем не было четкого различия между святым и мирским. Так, административное деление государства на номы (округа) осуществлялось в зависимости от почитаемых в каждом округе богов или богинь. В крупнейших политических и религиозных центрах Нижнего и Верхнего Египта, естественно, были свои наиболее почитаемые боги. Все это дает возможность наметить некую религиозную географию страны в Саисский период.

В тот период Баст – богиня-львица, обычно изображавшаяся в виде кошки или женщины с кошачьей головой, служила богиней, охранявшей женщин и детей. Ее главное святилище находилось в городе Бубастис, в восточной части дельты Нила. В своих описаниях народных торжеств, проводимых в Бубастисе в честь Баст, Геродот отмечает, что женщины обнажались перед богиней с целью получения плодородия этой богини и благоприятствования при родах. Именно фараоны двадцать шестой династии возродили почитание богини Нейт, как одного из наиболее важных божеств. Она рассматривалась как богиня неба, сотворившая мир: «отцы и матери были с ней» перед пробуждением Вселенной. Яхмос II распорядился построить монументальный портал перед храмом Нейт в Саисе. Исида, наиболее известная богиня в египетском пантеоне богов, сестра и супруга бога Осириса и мать Гора, почиталась в те времена во многих частях Египта, от дельты Нила до острова Филе, выше по течению от Асуана. Богиня Хатор – царица небес, чье тело образует небо, животворный дух деревьев, хозяйка дальних стран и богатых недрами земель, богиня любви и женской красоты, радости, танцев и музыки, также была одной из наиболее значимых фигур в пан-

теоне богов, и храм в Дендере является свидетельством ее славы в те времена.

Роль «божественных супругов» при Саисской династии нужно подчеркнуть особо. В самом начале своего правления Псамметих I сделал так, чтобы его дочь Нитокрис (по-египетски *Нитикрт*, «совершенная Нейт») была удочерена жрицей Аменирдис (дочерью Тахарка), которая сама наследовала Шепенвепет II (дочери Пи или Пианхи); это ему удалось после долгих переговоров с Монтемхатом, правителем Фив. Имущество, полученное Нитокрис как наследницей жрицы, было весьма значительным: 3300 аруров (900 гектаров) земли; 11 мер вина (5,5 литров), пироги, овощи и 190 булок как ежедневная подать; кроме того, три быка, пять гусей, пироги, овощи и двадцать кувшинов пива ежемесячно. Принцесса Анхнеснеферибра, дочь Псамметиха II и королевы Тахуты, унаследовала от Нитокрис титул «божественной супруги» Амона в Карнаке. Ее роскошный саркофаг находится сейчас в Британском музее. Она, в свою очередь, удочерила дочь Яхмоса II под именем Нитокрис II. Эти принцессы, бывшие истинными владычицами, правили одна за другой в Фивах в Верхнем Египте, в то время как их отцы управляли Египтом из Саиса в Нижнем Египте. Для этих правителей из Саисской династии было важно, что через своих дочерей они могли осуществлять прямой контроль за владениями (феодем) Амона в Фивах. Принцессы были мистическим образом связаны с Амоном. Они были девственницами и не предавались разврату в храмах, подобно греческим жрицам любви. «Божественные супруги» и жрицы были действительными правителями Фив и играли большую роль в политике.

Правление Нехо II характеризовалось достижениями в науке и технике. Геродот пишет, что во время правления Нехо II финикийские моряки отправились в путешествие вокруг Африканского континента:

«Я восхищаюсь теми, кто составил карты и поделил мир на Ливию, Азию и Европу... Все, что известно о Ливии, ясно показывает, что она окружена морем, за исключением той части, где она граничит с Азией; и именно Нехо, царь Египта, был первым, насколько нам известно, кто доказал это... Он послал флот с финикийскими моряками, приказав им плыть на запад и вернуться в Египет по Средиземному морю от Геркулесовых столпов. Таким образом, эти финикийцы вышли из Эритрейского моря и отправились в Южный океан, а два года спустя на третий они обогнули Геркулесовы столпы и вернулись в Египет... Когда они огибали южную часть Ливии, солнце было им по правую руку. Так были получены первые сведения о Ливии» (IV, 42–3).

Данные сведения вызывают большой интерес и очень важны. Название «Ливия», без сомнения, относится ко всему Африканскому континенту. Моря указаны вполне определенно: Эритрейское море (Красное море), южный океан (Индийский океан) и северное море (Атлантический океан), Геркулесовы столпы (Гибралтарский пролив) и, наконец, возвращение в Египет, в исходный пункт. Это тройное разделение морей показывает, что у Нехо и его финикийских моряков было представление об Африке как о треугольном континенте. Важным ориентиром в этом кругосветном плавании было то, что Солнце светило морякам с правой стороны. Геродот сомневался в данном утверждении. На самом деле египтяне уже давно знали о сезонных изменениях движения Солнца к югу от тропика Рака (который проходит в 60 км к югу от Асуана). Проходя вдоль побережья Ливии (т.е. Африки), при выходе из Эритрейского моря в южный океан, финикийские моряки, вполне естественно, наблюдали восход Солнца по правую руку. Нехо II и его моряки были, таким образом, первыми людьми в истории человечества, которые с уверенностью доказали, что Африка окружена морями.

Во время правления этого же фараона начались и работы по прокладке канала, соединяющего Красное море с Нилом через Вади-Туммилат, а оттуда – в Средиземное море, через устье реки. Этот проект стоил множества человеческих жизней: «120000 египтян погибли», – писал Геродот. Персидский царь Дарий завершил работы. Строительство этого «Суэцкого канала» от Нила в Красное море было обусловлено исключительно экономическими интересами, так как Нехо II искал для своего царства пути расширения торговли и судоходства. Поездка по каналу занимала четыре дня, и две триремы (боевые гребные суда с тремя рядами весел, расположенных один над другим в шахматном порядке) могли в нем разминуться. В 518 г. до н.э. Дарий восстановил этот канал, который к тому времени был забит илом. Затем канал снова забился илом и не очищался более до времен правления Птолемея. В XIX в. Фердинанд де Лессепс восстановил старое русло реки для подачи свежей воды в города и деревни на перешейках, но его канал напрямую соединил Средиземное и Красное моря.

В Саисский период развивалось демотическое (народное) письмо, сменившее более древнее иератическое письмо. Демотические и иератические письмена были рукописными. Демотическая письменность произошла от иератической, а та, в свою очередь, из иероглифического письма. При двадцать шестой династии демотические тексты отметили появление не только новых форм письма, но и, что даже более важно, новое отношение к письменному слову. Частные юридические споры, ранее крайне редкие, теперь составляли огромную массу документов, записанных на папирусе. Демотическое письмо использовалось также и для других видов общественных отношений и делопроизводства, таких как переписка, бухгалтерия, акты усыновления, документы о продаже земель, брачные контракты, документы о продаже зерна, научные, литературные и исторические произведения и царские указы. (Камень Росетта содержит демотический текст.) Например, на тридцать пятый год правления фараона Яхмоса II (533 г. до н.э.) в поместье бога Монту (божество в виде человека с головой сокола в Тебейде) земледелец по имени Падимонту, сын Поахимена, заключил следующий договор о разделе зерна, написанный ранне-демотическим письмом (илл. 79), с похоронным служителем Иртуркаи, сыном Деджди:

«Когда будет собран урожай 36 года, мы разделим все зерно (различные виды ячменя, крахмал, пшеница) и весь произведенный корм для скота на две части, одну для тебя и другую для меня и моих помощников. Мы заплатим налог храму Амона, обязательный для нас обоих. Доходы и убытки должны быть разделены между нами двумя».

Этот хозяйственный договор был составлен Несхором, управляющим некрополя, возможно, как нотариусом, и заверен подписями двух свидетелей.

Двадцать шестая династия (664–525 гг. до н.э.) вызвала настоящее возрождение искусства, причем авторы новых произведений черпали вдохновение в работах, созданных во времена Среднего и Древнего царств, но не потерявших своей оригинальности.

Наиболее полные знания о религиозной архитектуре тех времен получены на примере храма Нейт в Саисе, в котором при правлении Яхмоса II были возведены гигантские колонны, поставлены огромные сфинксы и два больших каменных обелиска. Фараон Яхмос II также держал под контролем основные работы в других святилищах, особенно в Мемфисе. Что касается погребальной архитектуры, то гробницы правителя Монтемхата и пророка Петаменофиса (Петаменопа) являлись наиболее впечатляющими сооружениями того времени в Фивах. Они имели богатое внутреннее убранство и галерею, ведущую в не-

сколько помещений и оканчивающуюся в усыпальнице, стены которой были украшены росписями или покрыты резными известковыми плитами. Тонко прописанные, слегка округленные рельефы имели древний вид и были выполнены явно в стиле Рамессея – значительно более раннего храма-гробницы фараона в Абу-Симбеле. В скульптуре Саисского периода видно подражание массивному стилю скульптуры времен Древнего царства. Бюст Монтемхата из черного гранита, находящийся в Каирском музее, выражает внутреннюю мощь и является наиболее удачным примером подлинного реализма. Резко прочерченные линии подчеркивают характер этого могущественного правителя Фив, и этот прием использован в некоторых других скульптурных портретах пожилых людей. Поражает также тщательная проработка мускулатуры, например, в рельефе, изображающем бога Амона, где четко очерчены колени, ноги и щиколотки. Портрет писца Нспакашуты (около 580 г. до н.э.) является типичным для «академизма» времен двадцать шестой династии. Бархатистая обработка амфиболита (горная порода. – *Прим. ред.*) близка к совершенству, при этом легкая саисская улыбка несколько нарушает традиционный стиль. Эта чудесная улыбка едва уловима и делает мягкими и привлекательными приземистые и преувеличенные формы человеческого тела, свойственные тому времени.

Бронза использовалась для статуэток, изображавших богов или жрецов, как, впрочем, и для изготовления других предметов. Обращают на себя внимание статуэтка обожествленного верховного сановника третьей династии фараонов Имхотепа, статуэтка бога Атума в музее Ашмола (в Оксфорде, Великобритания. – *Прим. ред.*), различные статуэтки Нейт, Бастет, Исиды, Осирисской триады и Аписа в храме Сераписа у города Мемфис. В эпитафии священному быку Апису в храме Сераписа в городе Мемфис, относящейся к двадцатому году правления Псамметиха I, упомянуты имена двух фараонов, правивших один за другим: бык родился на 26-м году правления кушитского царя Тахарка и вознесся на небеса на 20 году жизни на 21-й день четвертого месяца сезона сбора урожая, в правление Псамметиха I. Бык Апис был священным животным, живым воплощением бога Птаха в Мемфисе, главном экономическом, политическом, а также стратегическом центре государства. Функции Птаха были весьма разнообразными: от силы, обеспечивающей продолжение рода, животворность воды Нила и земли, до создания и устройства всего мира. Бык Апис, земное воплощение бога Птаха, обеспечивал плодородие в стране. После смерти бык был мумифицирован и захоронен с большой помпой.

Существует огромное количество бронзовых и светлых, покрытых глазурью керамических амулетов, говорящих о сильнейшем влиянии магии в Саисский период. Непосредственное отношение к магии имеет статуэтка, называемая египтологами «Пантейя», сделанная из бронзы, инкрустированная золотом и датированная годами правления Псамметиха I. Это удивительное творение с четырьмя руками и маской Бес, четыре крыльями и хвостом сокола, головой, покрытой стоящей дыбом шерстью, со змеями, ползущими вверх по ногам, с солнечным оресолом вокруг головы и телом, усыпанным множеством магических глаз (илл. 80). Эта статуэтка была воплощением божества-хранителя, вкладывающего свою мощь в священнодействия Пахару, верховного жреца при Псамметихе I.

Также достойна упоминания и замечательная роспись гробницы Пабаса, верховного управляющего при Нитокрис, дочери Псамметиха I, в Фивах. На росписи изображены сцены сбора меда во всех мельчайших деталях. Мед использовался для приготовления лекарств и ритуальных мазей, а также в пищу, так как сахар в то время был неизвестен.

Частично толчком к возрождению литературы в Саисский период послужили образцы из национального прошлого. Были переписаны надписи на стенах пирамид –

«Тексты Пирамид» времен Древнего царства. «Книга мертвых», предназначенная для использования умершими в загробном мире, датируемая временем восемнадцатой династии, приобрела наиболее отработанную форму при двадцать шестой династии. Эта так называемая пересмотренная саисская версия, записанная на папирусе около 600 г. до н.э., находится сейчас в Турине.

Биографическая надпись на статуе Пефтуанейта является большим текстом из четырнадцати столбцов. Пефтуанейт – управляющий двора фараона, главный лекарь и смотритель двух казначейств – внес большой вклад в реставрацию храма в Гелиополе во время правления Априяв и зданий нома Абидос при Яхмосе II. Он представлен как очень энергичный, трудолюбивый и целеустремленный человек. Он окружил ном Абидос кирпичными стенами, посадил в пределах центра культя бога Хентиментиу (позднее – Осирис. – *Прим. ред.*) фруктовые деревья, восстановил священную ладью, используя древесину сосны (а не акации, как раньше). Алтарь был сделан из единого блока гранита, впечатляющая рака была выполнена из электрума (серебристого золота), все священные и ритуальные предметы (украшения, священные амулеты) были сделаны из золота, серебра и драгоценных камней, вокруг вырытого священного пруда были посажены деревья. Говоря о двадцать шестой династии, мы, несомненно, имеем дело с периодом расцвета Древнего Египта.

Стела в честь Псамметиха II с надписью о его походе против Нубии также представляет литературный интерес, особенно из-за описания пейзажа с водными потоками и смоковницами, в местности вокруг острова Элефантина. Фараон действительно побывал в этой местности, что подтверждает запись, сделанная на греческом языке и оставленная в Абу-Симбеле его военачальниками Потасимто и Амасисом.

Присутствие греков в Египте стало особенно заметным со времен двадцать шестой династии благодаря наемным солдатам, служившим в египетской армии, и купцам, которые основали торговые поселения в дельте Нила, особенно в Навкратисе. Отношения между Египтом и Грецией, в рассматриваемый период не ограничивались только военной и торговой сферами, но также, что наиболее важно, включали интеллектуальную, научную, философскую и религиозную сферы, и этот факт хорошо представлен во многих современных обзорных работах. Историческая правда состоит в том, что греческие философы, историки и географы следовали за своими воинами и торговцами, пораженные славой цивилизации фараонов, насчитывавшей многие тысячи лет. Гигантские памятники, верования и знания египтян внесли большой вклад в формирование греческой интеллектуальной элиты того времени.

Так, греческий астроном, философ и математик Фалес Милетский в конце VII в. до н.э. привез из Египта солнечный календарь с делением года на 365 дней. Когда Фалес свел воду к единой основе – первоначально, он просто полностью воспринял египетскую концепцию Нун (на древнеегипетском – вода. – *Прим. ред.*) – первородной воды, от

которой все произошло: демиург и другие божества, все-ленная в целом. Сами греческие историки утверждают, что Фалес учился в Египте у жрецов.

Солон из Афин (около 640–558 гг. до н.э.) отправился в Саис, в Египет во времена правления фараона Яхмоса II. Плутарх упоминает жреца Сонкиса (*Sonchis*) как учителя Солона в Саисе. Считается, что Солон черпал вдохновение из египетских законов, таких как законы о ежегодной декларации о доходах или освобождение от налогов, введенное для работавших на сооружении пирамид. Афинский государственный деятель провел так называемое стряхивание бремени – важное мероприятие, которое облегчило бремя поборов с задолжавших крестьян, пересмотрев суровые законы, объявленные Драконом, другим афинским законодателем. В своих трудах «Тимей» и «Критий» Плагон детально использовал знания, полученные Солоном в Саисе.

Пифагор Самосский (около 590–530 гг. до н.э.) также ездил в Египет с рекомендательными письмами от Поликрата, тирана (правителя) на острове Самос (533–522 гг. до н.э.) к Яхмосу II. Пифагор обучался в Египте, в городах Мемфис, Гелиополь и Фивы, в течение двадцати двух лет. Его учителем в Гелиополе был жрец Ойнуфис (Ун-нфр). Один из лучших греческих биографов Пифагора Порфирий из Тира пишет: «В Египте он (Пифагор) часто посещал жрецов, познавая от них египетскую мудрость и египетский язык, также как и три вида их письма – эпистографическое (демотическое), иероглифическое и символическое (иератическое)» («Жизнь Пифагора», 11–12).

Одним из традиционных правил египетского искусства является принцип соразмерности в соответствии с почитанием Маат – богини, олицетворявшей миропорядок и истину. С помощью этого художественного ключа человеческое тело вначале делилось на 18 равных частей, затем, после Саисского периода (когда была изменена единица измерения длины – кубит) – на 21 часть. Древнегреческий историк Диодор Сицилийский пишет, что в шестом веке до н.э. Телеклес и Феодор – два знаменитых греческих скульптора – в работе над статуей Аполлона черпали вдохновение из египетской традиции разделения человеческого тела на двадцать одну с четвертью часть.

Таким образом, характерным для Саисского периода при фараонах двадцать шестой династии были защита государства на всех его границах с организацией контрольных и таможенных постов; экономическое возрождение, общее процветание, рост населения; высокое культурное обогащение, являвшееся продолжением исторического наследия всей страны; приглашение греков для обучения деловой активности; изобретение нового вида письма на основе иератического варианта иероглифов; широкомасштабные предприятия (плавание вокруг Африканского континента, прокладка канала от Красного моря к Нилу) и оригинальное изобразительное искусство на основе древних школ. Саисский период был великой исторической эпохой в древней истории Африки и Средиземноморья.

15.1.3

ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ПОСЛЕДНИЕ МЕСТНЫЕ ДИНАСТИИ

Мохамед И. Бакр

Илл. 81

Первая оккупация Египта персами началась в 525 г. до н.э. В течение 122 лет Египет был под властью Персии, пока освободительная война под предводительством Амиртея из Саиса не привела к восстановлению независимости Египта в 404 г. до н.э. В течение следующих шестидесяти двух лет персы снова пытались захватить Египет. С 404 по 343 г. до н.э. Египтом управляли, быстро сменяя друг друга, семь фараонов двадцать восьмой, двадцать девятой и тридцатой династий. В 343 г. до н.э., во время правления Нектанеба II (из тридцатой династии), объединенные силы персов и греков штурмовали египетскую крепость Пелусий (Пелузиум) в устье протока Нила в Восточной Дельте. Египетский монарх отступил в Мемфис; сдалась другая крепость – Бубастис; оставшиеся очаги сопротивления были подавлены, и Персия снова смогла захватить Египет. Данное событие ознаменовало конец независимости Египта, которая была восстановлена только в современную эпоху.

Персидское завоевание и последующие вторжения были не просто военной оккупацией или сменой политической власти. В сущности, иноземная оккупация подорвала основы египетской цивилизации. С самого начала египетская цивилизация основывалась на концепции божественного порядка (Маат), который пронизывает всю Вселенную и опосредован через фараона, который поддерживает порядок, исполняя правосудие и поддерживая общественный порядок. Историческая миссия египетского владыки – быть посредником между божественными силами и его народом – более не обеспечивалась при новом управлении, возглавляемом персидским сатрапом. Фактически колониальный характер персидской системы управления подрывал самые основы египетской цивилизации. Распад обожествляемого института власти фараона, который объединял ее духовные, военные и политические стороны, привел к возникновению альтернативных центров власти среди жречества, знати и купцов.

Амиртей из Саиса, освободивший в 404 г. до н.э. дельту Нила от первой персидской оккупации, происходил из ливийских поселенцев. Он основал двадцать восьмую династию и в течение четырех лет сумел полностью взять под контроль весь Египет. Впоследствии, в течение своего четырнадцатилетнего правления, Хакорис (393–380 гг. до н.э.) вернул Египту часть его былой славы. Он восстановил и построил храмы в дельте Нила и в других местах в Египте; поручал ставить статуи и в то же время укреплял форты и морские силы для защиты государства. Он также вступил в союз с Афинами, чтобы предотвратить вторжение персов в пределы страны.

Время правления Нектанеба I (380–365 гг. до н.э.) – последний период относительного спокойствия и национального возрождения страны. Многочисленные сооружения свидетельствуют об интенсивном строительстве храмов в столице, в Фивах и особенно в городах дельты: Саисе, Мендесе и Бебете-Эль-Хагаре. В области искусства двадцать шестая династия с ее склонностью к архаике давала

определенный пример. Наряду с идеализированными и в некоторой степени поверхностными произведениями этого периода можно видеть портреты ошеломляющей живости, такие как знаменитая «зеленая голова» в Берлине.

К этому времени уже установилась практика приглашать греческих наемников для повышения боеспособности египетской армии, основой которой были этнические ливийцы (*machimoi* – *макимои*). Хотя вначале греческие воины охотно поселялись в Египте, получая земельные наделы за свою службу, но к IV в. до н.э. они стали понимать, что могут получать большую выгоду от дальнейшей военной службы. Они потребовали платить им за нее золотом и серебром. Их лидеры вознамерились стать правителями у себя дома и возглавить отечественные и наемные войска.

Из-за того, что Египет во многом стал зависим от иностранной помощи, военачальники, такие как афинский полководец Кабрий, без стыда выкачивали ресурсы государства. Требуя оплаты себе и своим наемникам наличными, Кабрий вынудил египетского фараона Тахоса (365–360 гг. до н.э.) ввести налоги на здания и учреждения и снизить доходы жречества до одной десятой доли от их бывшего дохода. Так как Египет более не контролировал богатые золотые прииски в Нубии, граждане были вынуждены сдавать все свои изделия из драгоценных металлов, за которые они получали лишь символическую компенсацию. Естественно, египтяне почувствовали себя обманутыми, и социальное напряжение привело к свержению фараона, который вынужден был искать приют при дворе в Сузах! Если он действительно намеревался вернуть себе власть при помощи персов, то его действия лишь наглядно свидетельствовали о том, насколько ущербной стала идея божественной монархии.

Экспансионистская политика Тахоса продолжалась во время правления Нектанеба II (360–342 гг. до н.э.) вплоть до тяжелого периода противостояния Египта неоднократным персидским набегам. Удивительно то, что, несмотря на огромные расходы на содержание военной машины, Египет все еще находил возможности для продолжения традиционной практики украшения храмов. И позднее национальная гордость позволила египтянам объявить своего последнего выдающегося фараона подлинным отцом Александра Великого, таким образом признавая того, кто изгнал персов, «спасителем» египетского царского происхождения.

В роковую зиму 343/342 гг. до н.э. Египет во второй раз оказался в руках «царя царей» Ахеменидов. Персидскому владычеству был вскоре брошен вызов нубийским царем Шаббашем, который даже получил некоторое признание в провинциях дельты Нила. После битвы при Иссе (древний город в Северной Сирии. – *Прим. ред.*) сатрап Мазакес в 332 г. до н.э. сдал Египет Александру, и страна наконец перестала быть персидской провинцией.

Так как в целом политика Ахеменидов была достаточно терпимой по отношению к культурным традициям колоний, персидское влияние в Египте оставалось неглубоким. Подобно Уджа-хорресну, который 180-ю годами ранее служил царедворцем при персидском царе Камбизе, новые люди на подобных должностях при случае, возможно, должны были надевать персидское платье. Прочие уступки новому политическому порядку если и были, то весьма незначительные. Из памятных стел и особенно настенных изображений в Вади-Хаммамата двух братьев (один из них был правителем Коптского округа) становится ясно, что, напротив, именно персы были склонны перенимать египетские обычаи и верования и сами менялись под египетским влиянием.

Как и во время первой оккупации Египта, управление было сосредоточено в основном в руках влиятельных египетских родов. Неаполитанская стела Сомтотефнахта по-

казывает, насколько активно высокопоставленные чиновники поддерживали персов в их битве с македонцами.

В искусстве и ремеслах, например, в строительстве судов и возведении стел, влияние Ахеменидов оставило яркий след. Но, как всегда, египетские художники, использовавшие целый спектр традиционных форм и способов, доступных им, вводили лишь небольшие изменения в традиционные египетские шаблоны любого произведения. С другой стороны, похоже на то, что использование подземных ирригационных систем (*фоггара*), найденных в египетских оазисах, было введено персидскими мастерами. Итак, неопределенность и социальное напряжение способствовали возрождению старых культов, главным образом культов смерти и умерших, а также суеверий и магии. Бесправие и тяжелое бремя налогов деморализовали население страны. Полное завоевание, по всей видимости, становилось неизбежным.

Эрих Винтер

Илл. 82

Когда Александр скончался в Вавилоне в 323 г. до н.э., гигантская империя, которую он создал, быстро распалась. Немедленно начавшаяся борьба за престол в отношении Египта закончилась победой македонского полководца Птолемея, сына Лага (отсюда общепринятое название династии Птолемеев – Лагиды). Первоначальный персидский титул «сатрап» закрепился за ним и среди греков. В 305 г. до н.э. он взял себе египетский титул фараона, который вместе с именем Птолемей переходил ко всем последующим правящим членам династии до Птолемея XV. Последней представительницей династии была Клеопатра VII, которая покончила жизнь самоубийством в 30 г. до н.э.

Эти три века владычества Птолемеев в Египте являли собой образец тесного сосуществования этнических групп, различавшихся по образу жизни, религии, социально-политическим структурам; особенно ярко это сосуществование проявлялось в мегаполисе Александрии. Сегодня ученые могут усмотреть сходство с современными проблемами, появляющимися в подобной ситуации, и, возможно, будут склонны применять современные социологические и политические понятия, такие как «мультикультура» или «плюрализм», или даже говорить об «апартеиде». Они, возможно, сумеют совместить все формы и типы межкультурного обмена: от открытых культурных контактов, плодотворного обмена, признания или притяжения до простой терпимости или отказа от любых спорных моментов, которые неизменно возникают в контексте этнического и культурного многообразия (*Goudriaan, 1998*).

Существовали три этнические группы, первая из них – коренные египтяне. Они переживали последние этапы многовековой цивилизации, поддерживаемой гигантским сокровищем – религиозным опытом, который позволял вести сложнейшие теологические рассуждения. В политическом отношении потенциал этой группы сводился к простой реакции на иноземный вызов.

Вторая группа представляла собой поток греческих иммигрантов. Вместо того чтобы расселяться в сельской местности, они сосредоточивались во вновь основанных городах, которые позволяли им поддерживать привычный образ жизни путем формирования структуры полиса (города). В то же время их очень глубоко интересовало египетское духовное наследие.

Наконец, имелась иудейская часть населения, в основном появившаяся в стране в период правления Птолемеев. Будучи тесно связанными со своей верой и традициями, они, тем не менее, проявили явный интерес к греческому языку и философии. В противоположность этому с египетским населением шел очень слабый интеллектуальный обмен.

Наши сведения о Египте эллинистического периода, его историческом развитии, управлении, законодательстве и повседневной жизни очень часто значительно превосходят сведения о современных ему окружающих странах. Это объясняется обилием сохранившихся источников.

Папирус в те времена был наиболее распространенным материалом для написания документов. Он широко производился в самом Египте, а климатические условия были идеальны для сохранения огромного количества папирусных документов. Можно сказать, что 99% папирусов, хранящихся в музеях по всему миру, были обнаружены в песчаной почве Египта. Они включают как демотические папирусы, т.е. тексты, написанные на языке, на котором говорило и писало коренное египетское население, так и папирусы, написанные по-гречески.

Папирология, т.е. изучение и оценка текстов, написанных на папирусе, рисует нам живую картину экономического положения государства Птолемеев. Но и по сей день остается не до конца изученной сверхсложная основополагающая система государства. Последние исследования, казалось, указывают на сочетание сравнительно свободной экономической структуры и централизованной, плановой экономики, осуществляемой под строгим руководством царского двора (*Thompson, 1988*).

Большая важность, видимо, придавалась государственной монополии, особенно в отношении производства и продажи растительного масла, соли и папируса. Налогообложение представляло собой изощренную систему. Царский двор, заинтересованный в увеличении сельскохозяйственного производства, особенно зерновых, выполнял широкомасштабную ирригационную программу в Эль-Файюме, единственном оазисе, расположенном вблизи Нила в Нижнем Египте.

Политическое, а также интеллектуальное и религиозное развитие Египта при Птолемеях было тесно связано с основанием Александром города Александрии. Место для города было выбрано стратегически совершенно правильно. Будущий город должен был иметь как возможности использования природной морской гавани, так и очень хороший выход к самому западному рукаву дельты Нила. В те времена река являлась единственным путем для передвижения и перевозок грузов по долине Нила. Даже после того как при Птолемеях II Филадельфе был вновь открыт прямой водный путь между Средиземным и Красным морями, этот выход позволял обеспечивать сообщение в рукавах дельты вверх по течению до Каира и вел в Красное море через старый канал вблизи Суэца. Сам Александр при основании Александрии (*Fraser, 1972*) определил места расположения всех важнейших учреждений будущего города, таких как центральный рынок, главные храмы, а также городских стен. Город был спланирован в соответствии с греческими принципами. Там были кварталы для греков и македонцев, а также для евреев, для египтян. Доступ в административные учреждения был разрешен только полноправным гражданам, а этот статус давался, по крайней мере вначале, только избранному числу греков. По прошествии времени в некоторых исключительных случаях евреям тоже давали александрийское гражданство.

Евреи играли важную роль в городской жизни, особенно в Александрии, и эта роль заслуживает особого рассмотр-

рения. Появление небольших групп евреев было отмечено еще в VI в. до н.э., но во времена Птолемеев их число значительно возросло. Оценки доходят до 1 млн. человек при общей численности населения приблизительно в 7 млн. Это соотношение повлияло на жизнь не только Александрии, но и других районов Египта, и вызвано было освобождением еврейских военнопленных при Птолемее II Филадельфе (285–246 гг. до н.э.). Евреи занимались не только торговлей, они были представлены во всех социальных группах – от наемных солдат и офицеров в армии до земледельцев всех уровней (от землевладельцев до рядовых крестьян), а также среди ремесленников и гражданских служащих. Они добились особого благоприятствования в годы правления Птолемея VI Филометора (181–145 гг. до н.э.), но это длилось недолго, хотя причины тому были скорее политическими, чем антииудейскими (Kasher, 1985). Еврейское население, особенно в городах, проявляло большое тяготение к греческому языку и культуре, что вызывало их желание перевести на греческий язык еврейскую Библию. Под покровительством царского двора еврейские ученые, жившие в Александрии в первой половине III в. до н.э., завершили перевод Моисеева Пятикнижия (первые пять книг Библии. – *Прим. ред.*); этот греческий перевод известен ныне как Септуагинта.

Два культурных института всемирно поддерживались царским двором, что обеспечило их быстрое развитие. Они оба помогли установить ведущее интеллектуальное и культурное положение Александрии во всем Средиземноморье на несколько поколений вперед. Одним из этих институтов был Александрийский музей (греч. *museion* – храм муз. – *Прим. ред.*) – своего рода исследовательский институт, похожий на академии искусств и наук наших дней; другим – Александрийская библиотека. Библиотека была основана с целью сохранения документов на литературных языках всей ойкумены, т.е. известной части обитаемого мира. Эта библиотека сохранила свое ведущее положение и после эпохи Птолемеев, хотя ее позиции были поколеблены появлением библиотек в Пергаме и Риме. В 48 г. до н.э. она стала жертвой пожара. В научной сфере город Александрия занимал ведущие позиции в медицине, математике и литературе. Ведутся активные споры среди современных ученых о степени влияния соответствующих египетских сочинений на греческую литературу и, в частности, на эпическую поэзию Гомера. Мнения разделяются и относительно противоположного влияния, т.е. о том, в какой степени литературная форма религиозных египетских гимнов испытывала влияние греческой литературы. Расположение Александрии рядом со Средиземным морем способствовало развитию географических исследований, в то время как доминирующее положение Афин в философии оставалось незбылемым.

Култ Сераписа, о котором свидетельствуют графические изображения, по-видимому, был неразрывно связан с Александрией. Мы даже знаем имена двух «инициаторов» этого культа: одним из них был Манефон, египтянин по национальности и культурным взглядам, который свободно изъяснялся и писал по-гречески, другим был некто Тимофей, грек по национальности и воспитанию. Вновь созданный култ был поддержан двором фараона, пытавшимся ликвидировать культурный пробел между греческой религиозной мыслью и верой египтян в жизнь после смерти путем «сотворения» нового бога, которому поклонялись бы и те и другие, так как обе стороны внесли свой вклад в это начинание (Hornbostel, 1973). Толчком к созданию нового культа послужили скорее не теологические размышления, а попытка правителей найти общую основу для более глубокого эмоционального понимания между различными этническими группами, особенно между греко-македонцами и коренной египетской частью населения. Контакты с эллинистической цивилизацией способствовали также

развитию новой формы культа египетской Исиды. Этот култ привел к появлению нового центра поклонения в Александрии среди мистических культов греков. Такое смешение послужило созданию совершенно иного культа Исиды, привлекательного как для мужчин, так и для женщин всей ойкумены классического периода, поскольку он давал им благословение и спасение как в этом, так и в грядущем мире.

Воины греческого и македонского происхождения составляли костяк армии Птолемеев. В качестве оплаты они получали земельные наделы из царских владений в сельской местности, которыми они владели, пока служили в армии. Такая система облегчала финансовое бремя государства. По прошествии времени был издан закон, преобразовавший права землевладения в наследственное право. Таким образом воины в конце концов становились поселенцами.

Со времени битвы при Рафии (217 г. до н.э.) коренных египтян тоже стали призывать в армию; о многих из них можно сказать, что они вполне эллинизировались. Можно цитировать документы египтян, которые вели деловую переписку на греческом языке. Примечательно, что иногда те же самые люди использовали демотическое письмо и на папирусе рассказывали о своем участии в поклонении египетским божествам. Достаточно часто в практических случаях почти невозможно отличить эллинизированного египтянина от грека, поселившегося в Файюме и обратившегося к египетским культам.

Религиозная политика Птолемеев по отношению к египтянам в основном следовала направлениям, намеченным Александром. Он сам короновался как египетский фараон в Мемфисе и посетил храм оракулов Амона в оазисе Сива, на границе с современной Ливией. Он финансировал начало сооружения нового святилища для храма в Луксоре. Приблизительно на пятидесяти рельефах в Луксоре он представлен исполняющим обряды египетского храмового культа. В то же время главный храм Амона в Карнаке также получил новое святилище. Среди имен, упомянутых в рельефных сценах в этом святилище, указано имя Филиппа Арридея, сводного брата и преемника Александра. Тем не менее план святилища и, возможно, само его сооружение относятся ко времени его великого брата. В форме и стиле рельефов как в Луксоре, так и в Карнаке не проявляется ни малейшего греческого влияния. Эти строения по внешнему виду выглядят абсолютно египетскими, и Александр (или его сводный брат) представлены только в качестве родовых участников египетского храмового ритуала. Этот ритуал соблюдался всеми египетскими фараонами, независимо от того, был ли это персидский «царь царей», царь из династии Птолемеев или, позднее, Октавиан Август, римский император. Но вся эта программа строительства была обращена к египтянам и выполнялась в самых священных центрах.

С инстинктивной предусмотрительностью Александр давал деньги на строительство храмов и в других местах, например, в городе Гермополе в Среднем Египте, который в то время считался одним из наиболее важных духовных центров страны. Он распорядился добавить огромный вестибюль к храму Тота, египетского бога мудрости и правосудия. Его смогли увидеть еще участники похода Наполеона в Египет в 1799 г., которые оставили нам его зарисовки, но спустя несколько лет он был полностью разрушен, его известковые плиты были отправлены в обжигательные печи. Александр не случайно выбрал Гермополь для финансирования большого строительного проекта. Даже во времена его правления жрецы Тота в Гермополе были среди наиболее подготовленных к неизбежному интеллектуальным спорам и оценкам появившихся греческих идей и образа мышления. Нет другого разумного объяснения тому, что всего через одно поколение был создан мемориальный храм верховного жреца Петосириса, украшенный необык-

новенными рельефами. Стиль этих рельефов показывает явную и необычную, как по форме и стилю, так и в выборе их тем попытку преодолеть различие между греческой и египетской цивилизациями. Вполне очевидны мощные интеллектуальные усилия, направленные на поиски новых путей выражения религиозной мысли и воззрений. Это, в свою очередь, потребовало поиска адекватного художественного стиля (*Lefevre, 1923–1924*).

Времена Птолемеев характеризовались интенсивным строительством храмов во многих городах. К счастью, значительная их часть сохранилась в Верхнем Египте (в частности, на острове Филе, в Ком-Омбо, Идфу, Эсне, Дендере). Они отличаются огромными размерами и типично египетским стилем. На первый взгляд мы с трудом можем усмотреть какое-либо влияние правящего политического класса и его греческой цивилизации: все правители из рода Птолемеев облачены в египетское платье, и ничто не выдает в них македонцев. Причину затрат огромных сумм на возведение этих храмов лучше всего можно объяснить серьезным отношением Птолемеев к проведению сбалансированной политики по отношению к религии коренного народа, политики, которую они унаследовали от Александра. Это, несомненно, было наиболее важной особенностью их отношений с египтянами.

Жречество различных храмов, несомненно, продолжало обладать большим влиянием, и согласие или добрая воля жрецов являлись существенной предпосылкой для политического спокойствия в стране. Доказательством этому могут служить многочисленные собрания жрецов – «синоды» (от греч. *synodos* – собрание. – *Прим. ред.*), которые утверждались указами фараона (*Huss, 1991*). Во всяком случае, в документах этих собраний выражались глубокая признательность и благодарность жречества египетским фараонам из династии Птолемеев. Эти документы, как правило, писались на греческом и египетском языках тремя различными видами письма, и выбивались на каменных блоках, которые ставились как мемориальные стелы в храмах: знаменитый «камень Росетта» является тому примером. Эти синоды прежде всего служили в качестве сцены, на которой разворачивалось действие в поддержку Птолемеев. Позднее, приблизительно в середине II в. до н.э., фараоны могли обойтись без такой поддержки и сами выступать в качестве более щедрых меценатов. Правители, видимо, были хорошо осведомлены о значимости того или иного духовного центра в любое время и соответственно проявляли свою щедрость.

В ранний период правления Птолемеев египетские письмена на рельефах храмов как по форме, так и по содержанию, следовали образцам, введенным последней местной правящей династией. Так, надписи иероглифами, отличающиеся внушительными размерами, были высечены на двух гигантских воротах на территории храма Амона в Карнаке во время правления Птолемея III (246–221 гг. до н.э.). Эти ворота важны не только своей архитектурой, но и революционными новшествами в теологическом и эпиграфическом развитии иероглифического письма, которое показывает, что Карнак был ведущим духовным центром для этого поколения.

Тот же Птолемей III в 237 г. до н.э. начал возведение храма Хоруса в Идфу, к счастью, почти полностью сохранившегося до наших дней. При правлении его преемника Птолемея IV Филопатора (221–205 гг. до н.э.) внутренние части этого огромного храма, включая стены всех внутренних помещений, были украшены иероглифическими надписями и рельефами. Надписи в Идфу отражают главенствующую во всем Египте теологическую позицию этого храма. Это продолжалось почти 200 лет: после 57 г. до н.э. почти все Птолемеи с большой осторожностью подходили к дальнейшему строительству в Идфу. Огромное количество богословских произведений сохранилось на стенах этого храма. Современные исследования показывают, что храмовые надписи в Идфу при сохранении устойчивых словосочетаний в дальнейшем развивались и совершенствовались из поколения в поколение. Любой прогресс, достигнутый в Идфу, отражался поколением спустя в храмах по всему Египту (*Winter, 1968*).

Работы в Идфу, по-видимому, были завершены в 54 г. до н.э. Тремя годами спустя, Клеопатра VII, последняя правительница династии Птолемеев, взошла на престол. Как показали совсем недавние исследования, именно во время ее правления были возведены наиболее важные части великолепного храма богини любви и судьбы Хатор в Дендере.

В конце концов она уступила политическому превосходству Рима. Несмотря на мнения многих римских историков античности, которые писали о ней с точки зрения ее великого политического противника, современные научные исследования рисуют более позитивную и сбалансированную картину этой выдающейся женщины-правителя и последнего фараона из династии Птолемеев.

15.1.5

ЕГИПЕТ ВРЕМЕН РИМЛЯН И КОПТОВ

Барбара Уоттерсон

Илл. 83–85

В 30 г. до н.э., немногим более года после поражения в битве при мысе Акций, Клеопатра VII, последняя в ряду греков-македонцев, правивших Египтом после смерти Александра, лишила себя жизни, и ее имя ушло в легенды. Египет перешел в руки Октавиана Августа, победителя при Акции, управлявшего страной так, как будто она была его собственным владением. Богатство Египта и сокровища Птолемея позволили Октавиану расплатиться с легионерами, которые помогли ему стать единовластным правителем Римской империи, и вместе с налогами, которыми он обложил богатых граждан Египта, стали основой его личного состояния.

В 29 г. до н.э. Октавиан ввел титул принцепса (первого гражданина – титул императора); этот титул был унаследован его преемниками, хотя мы и зовем их императорами. В Египте Октавиан и все последующие императоры теоретически признавались законными наследниками фараонов и каждый из них наделялся полными правами и полномочиями царя Египта, хотя никто из них в таком качестве не короновался. В течение трех веков продолжали строиться традиционные египетские храмы и в настенных рисунках римские императоры изображались в том же стиле, что и фараоны: с египетскими коронами на головах, дающими подношения египетским богам, их имена записывались иероглифами на картушах с такими эпитетами, как «сын Ра» или «возлюбленный Исиды».

Октавиан предусмотрительно не превратил Египет в римскую провинцию, опасаясь, что ее наместник в ранге сенатора может воспользоваться своим положением, чтобы последовать примеру Антония и основать соперничающую империю на востоке; действительно, Октавиан так боялся этого, что даже запретил сенаторам ездить в Египет без его разрешения. Египет управлялся префектом, назначаемым Октавианом в качестве собственного представителя. Провинции Римской империи управлялись римлянами, достигшими ранга проконсула; префект же всегда выбирался из более низкого сословия всадников. Таким образом, префект Египта никогда не был человеком высшего ранга, следовательно, его возможности использовать богатство Египта против Рима были сильно ограничены.

Обычно префект Египта выполнял свои функции в течение 1–3 лет и жил в Александрии. Каждый год он и его свита жили около двух месяцев в каком-нибудь городе в дельте Нила и еще два месяца – в городе в Верхнем Египте, проводя судебные разбирательства, разрешая споры, проверяя счета и общаясь с представителями органов местного управления. Все эти вопросы, кроме относящихся к высшим должностям, касались местного населения, и делопроизводство велось в основном на греческом, а не на латинском языке и, разумеется, не на египетском. Для земледельцев Египта жизнь шла как и прежде: они занимались производством продуктов питания и, как всегда, зависели от капризов Нила. Для них наиболее важным в смене власти было то, что римское управление было жестко отлаженным, особенно в части сбора налогов.

Октавиан обязал Египет предоставлять одну треть от ежегодного урожая зерна для нужд населения Рима. Эта ежегодная дань составляла 150 тыс. тонн зерна, и для того, чтобы выполнить эту задачу, Октавиан ввел изменения в управление Египтом. Он сохранил существующее деление государства на 30 номов (округов), каждый из которых управлялся *стратегом* (главным чиновником). В то время как *стратег* в эпоху правления Птолемея обладал гражданской и военной властью, при Октавиане он выполнял только административные и юридические функции. Октавиан издал указ о том, что военные функции исполняются только римской армией, и для этого в Египте размещались два легиона: один в Александрии, а другой в Вавилоне Египетском (неподалеку от современного Каира).

В отличие от эпохи Птолемея, когда военнотружущие стремились быть солдатами-землевладельцами и жить вместе со своими семьями на землях, данных им царем, римские воины жили в укрепленных лагерях, распределенных в стратегических целях по всему Египту в таких важных местах, как границы, торговые пути, прииски и зернохранилища. Легионеры всегда были гражданами Римской империи. К легионам добавлялись вспомогательные единицы пехоты и кавалерии и морская эскадра, база которой находилась в Александрии. Весь оккупационный корпус, таким образом, составлял около 20 тыс. человек. Вспомогательные отряды в основном набирались в провинциях империи с привлечением немногочисленных граждан Рима и ими командовали римляне. По истечении 26-летней безупречной службы воины этих вспомогательных отрядов награждались римским гражданством. Большинство коренных египтян долго не могли получить этот статус, даже если служили во вспомогательных войсках, поскольку вплоть до II в. н.э. египетские рекруты набирались в армию исключительно из представителей правящих классов метрополии, которые имели в основном греческое происхождение.

Небольшая, но значимая часть египетского населения при римлянах обладала привилегированным положением: это были потомки греков, македонцев и других эллинизированных иммигрантов, впервые попавших в Египет в VII в. до н.э. в качестве наемных солдат и позднее, при Александре и династии Птолемея, стали поселенцами. Они говорили и писали по-гречески, были воспитаны в греческих традициях и сохраняли свою эллинистическую культуру. Жили они в городах по всему Египту, но их основным центром оставалась Александрия. Хотя римляне лишили Александрию некоторых привилегий, которыми она пользовалась при Птолемеях, она удерживала свое положение образовательного центра и оставалась процветающим портом на Средиземном море.

Греческое население Египта почитало многих древних богов, которым поклонялось коренное население, и эта практика продолжалась во времена римского правления. Исиде поклонялись как Афродите или Деметре; Гор Старший (Харорис для греков) изображался в виде человека

с головой сокола, одетого как римский легионер; Анубиса одели в платье Гермеса. Серапис, культ которого был введен при Птолемее I Сотере, был божеством, в котором изначально сочетались черты египетского бога Осириса и греческих богов Зевса, Асклепия и Диониса. Он никогда не был популярен среди египтян, но к римскому периоду, когда он ассоциировался с Исидой и Гором, ему стали поклоняться повсюду в Средиземноморье. Кроме того, Осирис все еще был популярен среди всех частей простых египтян. Украшения на погребальных савах многих умерших греков показывают, что они так же надеялись на то, что Осирис одарит их жизнью после смерти, как и коренные египтяне.

Во всем Египте, кроме Александрии, греческое население переняло древнеегипетский обычай мумификации тел умерших. Хотя стандарты мумификации были невысоки, украшение мумий во время римского владычества стало более изысканным. Это украшательство проявилось со второй половины I в. н.э. в практике наложения на лицо мумии гипсовой маски или деревянной дощечки с портретом умершего. Римское влияние проявилось в реализме портретов. Некоторые портреты, особенно относящиеся к IV в., написаны воском; эта техника была новой для Египта. К концу IV в. мумификация потеряла свою популярность; вместо этого усопших просто хоронили в одежде, которую они носили при жизни.

По крайней мере первые два века римского правления принесли мир, безопасность и, следовательно, большее процветание Египту. Была улучшена сельскохозяйственная техника с введением водяного колеса и *нураги* – цепа для обмола та зерна. Несмотря на это, в правление римского императора Коммода (180–192 г. н.э.) египетского зерна, предназначенного для Рима, было недостаточно, и зерно поставлялось и из других частей Северной Африки. К III в. необходимость выплачивать ежегодную дань стала приводить к большим лишениям, и налоговое бремя стало невыносимым. Имелось два налога: земельный налог и подушный налог, налагавшийся на всех, кроме римских граждан, притом греки платили половину суммы, и только египтяне – полную сумму налога. Сборщики налогов были, как правило, коренными жителями; большинство из них были коррумпированы и обогащались за счет земледельцев. Бедность и страдания нарастали, поэтому не удивительно, что новая религия – христианство, которая с самого начала была адресована бедным и необразованным массам, явилась утешением для многих египетских земледельцев (Bowman, 1968; Lewis, 1932).

Предание гласит, что христианство в Египет принес евангелист Марк, он обратил первого человека в новую веру в еврейском квартале Александрии и основал христианскую общину в этом городе. Однако христиане не играли важной роли в александрийском обществе до 180 г. н.э., когда Пантан (*Pantaenus*) основал катехизическую школу, где наставники (катехиты – *catechetes*) объясняли обращаемым в веру основы христианства и готовили их к крещению. Церковь в Александрии была скорее греческой, чем египетской, основным ее языком был греческий, также как традиции и учение. Два великих христианских ученых – Тит Флавий Клименс (ок. 160–215 г. н.э.), афинский грек, более известный как Климент Александрийский, и Ориген (ок. 185–254 г. н.э.), живший в Александрии, возглавляли катехизическую школу; вместе с другим александрийцем – св. Афанасием (ок. 296–373 г. н.э.), ставшим патриархом Александрийской церкви в 328 г. н.э., будучи еще молодым человеком, они считаются наиболее влиятельными отцами ранней церкви.

В течение многих лет христианство в Египте признавалось, в основном, греками, живущими в Александрии или в греческих провинциальных городах; при этом не предпринималось никаких попыток обратить в христианство коренной простой египетский народ или даже пропове-

довать им на их родном языке. Однако патриарх Дионисий Александрийский (247–264 г. н.э.) ввел политику обращения коренных египтян в христианство; к тому времени, когда Диоклетиан стал императором (284 г. н.э.), появилось много новообращенных по всему Египту. Усердие Диоклетиана по реорганизации, по-видимому, привело его к политике «устранения» тех, кто не хотел признавать его богом, и поэтому началось последнее великое гонение христиан в Римской империи. Преследование было особенно жестоким в Египте, хотя число мучеников за веру было, возможно, меньше, чем объявлялось позднее; тем не менее большое число христиан, особенно среди говорящей по-египетски части населения, было обречено на смерть. Из-за их гонений, продолжавшихся четыре года, обозначилось начало отделения египетской церкви от преимущественно греческой церкви в Александрии, а этот период стал известен как «эра мучеников». Египетская церковь обозначила наступление этой эпохи, начав свой календарный отсчет с первого дня правления Диоклетиана – 29 августа 284 г. н.э. и назвав этот год I AM (*I Annus Martyrum*, или Первый год мучеников).

В 313 г. н.э. император Константин опубликовал Миланский (Медиоланский) Эдикт о веротерпимости, по которому каждому человеку предоставлялось право на свободу вероисповедания, и христианство начало быстро распространяться в Египте. Александрия считалась одним из наиболее важных центров христианского мира; ее патриарх был первым иерархом, носившим титул «папа», и являлся главным духовным лицом; катехизическая школа Александрии была главным оплотом христианского образования в мире. Жители Александрии, однако, давно славились своим бурным характером, и неудивительно, что христиане этого города играли важную роль в ожесточенных теологических диспутах, которые раскалывали христианскую церковь в IV–V вв. н.э. Большинство споров велось о природе Христа. Первый из этих диспутов был начат в 318 г. н.э. александрийским пресвитером Арием, который утверждал, что Бог Отец выше Бога Сына; это учение – арианство – было осуждено Вселенским Никейским собором в 325 г. Однако Константин, крестившийся незадолго до своей смерти в 337 г., решил последовать учению Ария, и к 350 г. арианство стало религией империи.

Влиятельной фигурой на Никейском соборе был Афанасий, родившийся в Александрии около 296 г. н.э. и воспитанный в христианской вере; ко времени Никейского собора он уже был признан великим церковным деятелем и богословом. В 328 г. н.э. Афанасий был избран патриархом египетской церкви; в течение следующих шести лет он обезжал свою паству во всех уголках Египта, что до него никто не делал. Афанасий возглавлял церковь сорок шесть лет, и его важнейшей заслугой за эти годы являлось то, что он нашел пути для соединения, казалось бы, несовместимых элементов православного христианского Египта – Александрии и остальной страны, греков и коренных египтян, богатых, образованных людей и крестьян. Он был одним из великих учителей церкви своего времени, лидером православных христиан в их борьбе с последователями Ария. Он дружил с египетскими монахами и благодаря этой дружбе по крайней мере понимал устный египетский язык, хотя и писал по-гречески.

В 431 г. н.э. в Эфесе состоялся III Вселенский собор для решения другого богословского спора, начатого константинопольским епископом Несторием. В соответствии с несторианской ересью, как стали называть его учение, Христос имел двойную природу: одну – человеческую и другую – божественную (основное положение несторианства: «Мария – мать Христа, но не Богородица». – *Прим. ред.*). Александрийский патриарх Кирилл был главным оппонентом несторианства и был представлен на Соборе в компании многочисленных епископов и монахов из Египта. Именно во многом благодаря египтянам несторианство

было осуждено. Преемник Кирилла патриарх Диоскор (444–454 гг. н.э.) был даже более Кирилла убежден в том, что Христос обладал единой природой, и когда в 451 г. н.э. Вселенский Халкидонский собор постановил, что Нестор был прав, заявляя о двух природах Христа, и впредь доктрина его двойственной природы должна быть принята христианской церковью, Диоскор отказался согласиться с этим.

Споры о природе Христа привели к кровопролитию и мучениям и завершились глубоким расколом между египетской церковью и большинством остального христианского мира. Положение обострилось тем, что Халкидонский собор положил конец претензиям Александрии на главенство над Константинополем, и тем, что она потеряла лидирующее положение в христианской церкви. Национальная гордость была ущемлена и ксенофобия, которая уже вошла в египетскую жизнь, усилилась. После Халкидона коренное население Египта оказывало поддержку патриарху только в том случае, если он твердо придерживался учения монофиситов, хотя тонкости доктрины, изложенной на греческом языке, были ему недоступны. Учение монофиситов стало выражением египетского национализма. Пока Египет был частью Византийской империи, официальной религией Египта было православие и, следовательно, вера в двойственную природу Христа, но большинство коренных египтян придерживалось учения монофиситов.

Наиболее важным вкладом Египта в христианство было монашеское движение, зародившееся в Египте, а затем распространившееся по Европе. Оно черпало вдохновение в анахоретстве (отшельничестве), понятии, которое изначально относилось к отказу от труда, но впоследствии использовалось применительно к тем людям, которые удалились в пустыни Египта, спасаясь не только от гонений, но и от высоких налогов и общего упадка египетского хозяйства в III в. н.э. Многие избрали путь бегства в пустыню для того, чтобы вести жизнь анахоретов ради Христа, что означало жизнь в одиночестве, посте и молитве. Такая жизнь была идеалом многих, но немногие могли реально выдержать ее. Вместо этого получила развитие общинная жизнь. Основателем монашества стал Антоний, родившийся около 251 г. н.э. в состоятельной христианской семье и говоривший только на египетском языке. Примерно в возрасте 20 лет Антоний удалился в пустыню жить жизнью отшельника. Постепенно, однако, его слава привлекла последователей, и Антоний основал монашескую общину, в которой каждый монах получил свою келью, или *лавуру* (*laura*).

Превращение египетских монастырей в закрытые общины со строгими правилами было результатом деятельности Пахомия, основавшего первый монастырь в 323 г. н.э. Система Пахомия предусматривала организованный труд и, вследствие этого, объединение монахов по группам в отдельных домах, каждая из групп отвечала за какое-либо определенное дело. Принцип уединения был смягчен, так как монахи не только работали вместе, но и собирались через определенные промежутки времени на молитву и

общую трапезу. Модель Пахомия стала образцом для западного монашества. Монашеская система в Верхнем Египте была усовершенствована в дальнейшем Шенутем (334–452 гг. н.э.), который как глава Белого монастыря в городе Сохаг проявил себя умелым руководителем. Он был также великим проповедником и богословом. Его литературное наследие значительно, оно включает письма, проповеди и указания, написанные по-египетски. Как первый и наиболее известный коренной египетский христианский автор он оказал глубокое влияние на христианскую жизнь в Египте, хотя это влияние и не выходило за пределы его родной земли (*Brunner-Traut*, 1982; *Meinardus*, 1965; *Watterson*, 1988; *Wessel*, 1964).

Язык, на котором говорило коренное население в римский период, имел в своей основе язык предков. Древние египтяне владели несколькими видами письма: иероглифическим, в основном используемым для надписей на монументах; иератическим – для записей на папирусе и демотическим – сокращенной формой иератического письма, которое было введено около 700 г. до н.э. и которое к началу греко-римского периода стало письмом для повседневного использования. Большинство людей было неграмотно, и с I в. н.э. стало очевидным, что понимание иероглифов утеряно даже профессиональными писцами; во всяком случае, старые формы письма не подходили для выражения полноты египетского языка, так как ими невозможно было обозначить гласные звуки. Необходимость дать египтянам, обращенным в христианство, переводы священного писания стимулировала попытки записать точное произношение. Было введено новое письмо, состоявшее из 24 букв греческого алфавита, к которому были добавлены семь знаков, заимствованных из демотического письма. Это, в свою очередь, привело к быстрой стандартизации египетского повседневного языка в литературной форме с грамматикой и регулярной собственной орфографией – коптской.

В целом культура христианского Египта известна ныне как коптская. Слово «копт» является производной формой греческого слова *Aegyptios*, означавшего «коренной житель Египта». После завоевания Египта в 640 г. н.э. арабы сократили слово *Aegyptios* до *gibt* (произносимое как «копт»). Хотя слово «копт» изначально не имело вторичного религиозного значения и просто означало «коренной египтянин», начиная с XVI в. оно используется в более специфическом значении – «египтянин, исповедующий христианство».

Искусство коптского периода включает рисунки, скульптуры и ткани. Эллинизированные жители Александрии находили вдохновение в позднем романском стиле, который распространился по всей Восточной империи, но в провинции египтяне развивали свои местные школы. Большинство произведений искусства того периода изготавливалось для церквей и монастырей, и, соответственно, наиболее отчетливые следы коптского стиля обнаруживаются в архитектуре этих зданий (*Wessel*, 1963; *du Bourguet*, 1968).

15.2 НУБИЯ

15.2.1 ЦАРСТВО КУШ

Питер Л. Шинни

Илл. 86–88

Теперь мы обратимся к рассмотрению современных данному периоду событий в более южных районах, за границами собственно Египта, которые ныне составляют северную часть Республики Судан. В течение многих лет археология данного региона изучалась в рамках египтологии. Настоящее исследование рассматривает его местные особенности, а также более широкие связи с африканской культурой.

После того как персы завоевали Египет, правление царей государства Напата (см. гл. 15.1.1) было ограничено территорией в среднем течении Нила около города Куш. Там было основано царство Куш. Столицей стал город Мероэ, и во времена эллинистического и даже римского правления в Египте там развивалась особая, мероитская культура со своим особым языком, не расшифрованным и поныне.

Вскоре после 350 г. до н.э. место захоронения правителей царства Куш, ранее располагавшееся поблизости от древнего города Напата на царских кладбищах Курру и Нури, было перенесено ближе к городу Мероэ, намного южнее, где царь Аракакамани был похоронен под пирамидой, в месте, известном как южное кладбище¹. С этого времени само государство и его культура обычно называются «мероитскими», а не «кушитскими», и это определение будет использоваться ниже.

Политические или социальные причины переноса места захоронения неизвестны, но он сопровождался определенными изменениями в мероитском искусстве. Эта дата точно совпадает с датой захвата Египта Александром Македонским (332 г. до н.э.), который ввел в Египте много элементов греческой культуры; это отразилось и на царстве Куш, где греко-египетское влияние сменило влияние эпохи египетских фараонов. Следует также отметить, что местный аспект в мероитской культуре стал с того времени более заметным.

Хотя первое царское захоронение в Мероэ произошло в 300 г. до н.э., кажется достаточно ясным, что резиденция монархов была основана в южном городе несколькими веками ранее. Велось много споров о времени изменения места положения царской резиденции, в действительности – столицы или административного центра государства. Какова бы ни была точная дата, мы знаем из надписей, оставленных многими царями, что их двор находился в Мероэ и что они должны были путешествовать через Байуду, чтобы приехать в Напату для официальных церемоний коронации.

К датам вступления на престол и смерти мероитских царей относятся с сомнением в опубликованных материалах, и они далеки от точных. В течение описываемого здесь периода только по двум правителям даты могут быть приведены с определенной степенью уверенности. Древнегреческий историк Диодор Сицилийский, писавший в середи-

не I в. до н.э., считал, что царь по имени Эргамен, получивший некоторое греческое образование, правил в Эфиопии (название, используемое в отношении Мeroитского царства греческими и римскими авторами) и был современником Птолемея II, который правил в Египте в 285–246 гг. до н.э. Если мероитский царь Аркамани – то же самое лицо, что и Эргамен – а греческая версия близка к мероитскому имени, – тогда даты его правления более или менее определены. Имя Аркамани также начертано в храме на острове Филе, неподалеку от Асуана в Египте. Часть этого храма построена во времена Птолемея IV (ок. 221–205 гг. до н.э.). Таким образом, даты, относящиеся к Аркамани, условно выглядят так 248–205 до н.э. Хотя правильнее было бы сказать, что он правил в период между 285 и 205 гг. до н.э. Но даже эти годы нельзя рассматривать как достоверные, так как Эргамен может быть спутан с другим мероитским царем с приблизительно похожим именем – Аракакамани. Другими более или менее определенными датами являются даты, относящиеся к царю Текеридемани, похороненному в Мероэ, который упомянут в настенных надписях на Филе; в них записано, что на третьем году правления римского императора Требониана Галла (253 г. н.э.) из Мероэ было направлено посольство с дарами. Таким образом, становится ясно, что детальная хронология мероитских времен еще недоступна и что мы должны полагаться на традиционный перечень правителей, составленный в основном благодаря изучению различий в двух группах пирамид, возведенных на местах их захоронений.

В Мероэ имеются две группы пирамид: южная, с тремя первыми царскими захоронениями, и северная, предположительно содержащая останки более поздних правителей с 250 г. до н.э. до конца царской ветви Мeroитов, датированного приблизительно 350 г. н.э. (*Dunham*, 1957, 1963). Современ Настасена, который, по-видимому, был последним правителем, похороненным в Нури, до последних правителей, захороненных в Мероэ, которых нелегко идентифицировать под определенными именами, было около восьмидесяти захоронений, которые считались могилами правителей за период приблизительно в 650 лет. Это говорит об очень коротких средних сроках правления, равных приблизительно восьми годам, хотя нам очень мало известно о системе наследования в Мeroитском царстве. Возможно, некоторые из похороненных на северном кладбище и не были правителями, а, может быть, высокопоставленными особами из правящего класса, как те, которые были захоронены на третьем, западном, кладбище, где никто не был идентифицирован как правитель.

Государство в той мере, в какой оно представлено династией правителей, закончило свое существование в IV в. н.э.,

когда, по всей видимости, последние правители были захоронены под несколькими небольшими и грубо возведенными пирамидами, часто сделанными из кирпича, которые контрастировали с пирамидами из хорошо обработанного камня, возведенными ранее. Часто полагают, что конец города Мероэ и его культуры был результатом вторжения в Эфиопию из Аксумского царства; надпись, сделанная при царе Эзана из Аксума около 350 г. н.э., описывает его военные успехи и излагает события, связанные с вторжением на территорию Кушитского царства либо в целях разрушения Мероэ, либо для подавления мятежа под предводительством Ноба, которое, возможно, стало причиной падения Мероитского государства. Два фрагмента аксумских надписей и одна медная монета середины IV в. н.э., найденные в Мероэ, являются следами, оставшимися от Аксумского царства.

Территория Мероитского государства тянулась от примерно 120-го км южнее Асуана до по крайней мере современного города Сеннар на Голубом Ниле на юге, т.е. на расстоянии по прямой более 1000 км, и даже значительно выше по течению реки, причем земледелие на всей этой территории зависело от орошения. Вдоль всего этого узкого пространства обрабатываемой земли лежали многие города, храмы и деревни, которые процветали в течение сотен лет мероитской цивилизации (Adams, 1977). Хотя во многих северных районах по крайней мере с начала III в. до н.э. велось городское строительство, большинство селений представляли собой деревни в сельских местностях, относящиеся к временам начиная с последних веков правления Мероитов. К этому времени применение водяного колеса для подъема воды, приводимого в движение быками, сделало возможным обработку больших площадей, что повлекло за собой увеличение численности населения (Adams, 1981). Существование самого государства Мероитов в основном зависело от сельскохозяйственного производства. Основными зерновыми культурами были хлебные злаки и сорго, образцы которых были найдены в нескольких поселениях. Сейчас появились такие свидетельства выращивания пшеницы и ячменя, по крайней мере в отдаленных северных районах. Похоже, что основным продуктом питания являлся пресный плоский хлеб, похожий на тот, который выпекается в Судане в наши дни и называется по-арабски *кисра* (*kisra*). Его ели с подливкой, иногда мясной, но, судя по современным обычаям, в основном овощной. Изучение костей животных из Мероэ показывает, что по крайней мере в этом районе основным видом мяса была говядина, кости крупного рогатого скота явно преобладают над овечьими и козьими. Остатков свиней, широко применяемых в средневековье, не обнаружено.

Город Мероэ, лежащий достаточно далеко к югу и вдали от стесненных узких орошаемых берегов Нила, имел выгодное расположение, чтобы стать культурным и административным центром государства. В местности, где уровень годовых осадков был нормальным, можно было углубиться в отдаленные районы, что позволяло использовать большие площади для выращивания зерна и выпаса скота и, таким образом, поддерживать жизнь большего количества населения, чем в любых городских поселениях дальше к северу. Важные религиозные центры обнаружены в этой области на восточном берегу Нила, ограниченной реками Атбара и Голубой Нил, которая в древности была известна как «остров Мероэ».

Город был выгодно расположен для торговли с Египтом, по Красному морю и далее на юг Африки, где находились источники экзотических предметов роскоши, ценившихся в Египте и странах Средиземноморья. Спрос на эту африканскую *экзотику* существовал в Египте со времен Древнего царства, когда египтяне углублялись на территорию Нубии для добычи золота, слоновой кости, шкур леопарда и других продуктов южных земель. Ко времени Мероитского царства государство контролировало подоб-

ную торговлю и, возможно, начало это делать намного раньше. Велась взаимная торговля, и множество предметов классического средиземноморского производства, возможно заказанных специально, было обнаружено преимущественно в царских могилах. Среди них – ритон (сосуд для питья в виде рога животного. – Прим.ред.) V в. до н.э. из Аттики, изготовленный гончаром по имени Сотад, найденный в могиле приблизительно 100 годами позже, и римский серебряный кубок начала I в. н.э. из могилы правителя, возможно Аманихабала, относящиеся к середине того же века. Имеется также хорошо известная бронзовая голова из храма в Мероэ, изображающая императора Августа, но это может быть и военный трофей, захваченный при нападении на Асуан.

Судя по недавно проведенным раскопкам, Мероэ существовал как поселение с VIII в. до н.э., какой бы ни была дата основания в нем первой царской резиденции. Известно, что цари VI в. до н.э., захороненные в Нури около Напаги, жили в Мероэ. Размеры города, продолжительность его существования и разнообразие остатков, найденных при раскопках 1910–1914 и 1965–1984 гг. делают Мероэ наилучшим местом для изучения богатства и развития своеобразной африканской культуры. Мероитское искусство и образ жизни первоначально испытывали сильное влияние Египта времен фараонов, а затем, приблизительно с 300 г. до н.э., – влияние греко-римских стилей Египта Птолемея; тем не менее, они обладали своеобразием, которое не оставляет у исследователей сомнений относительно их индивидуального характера.

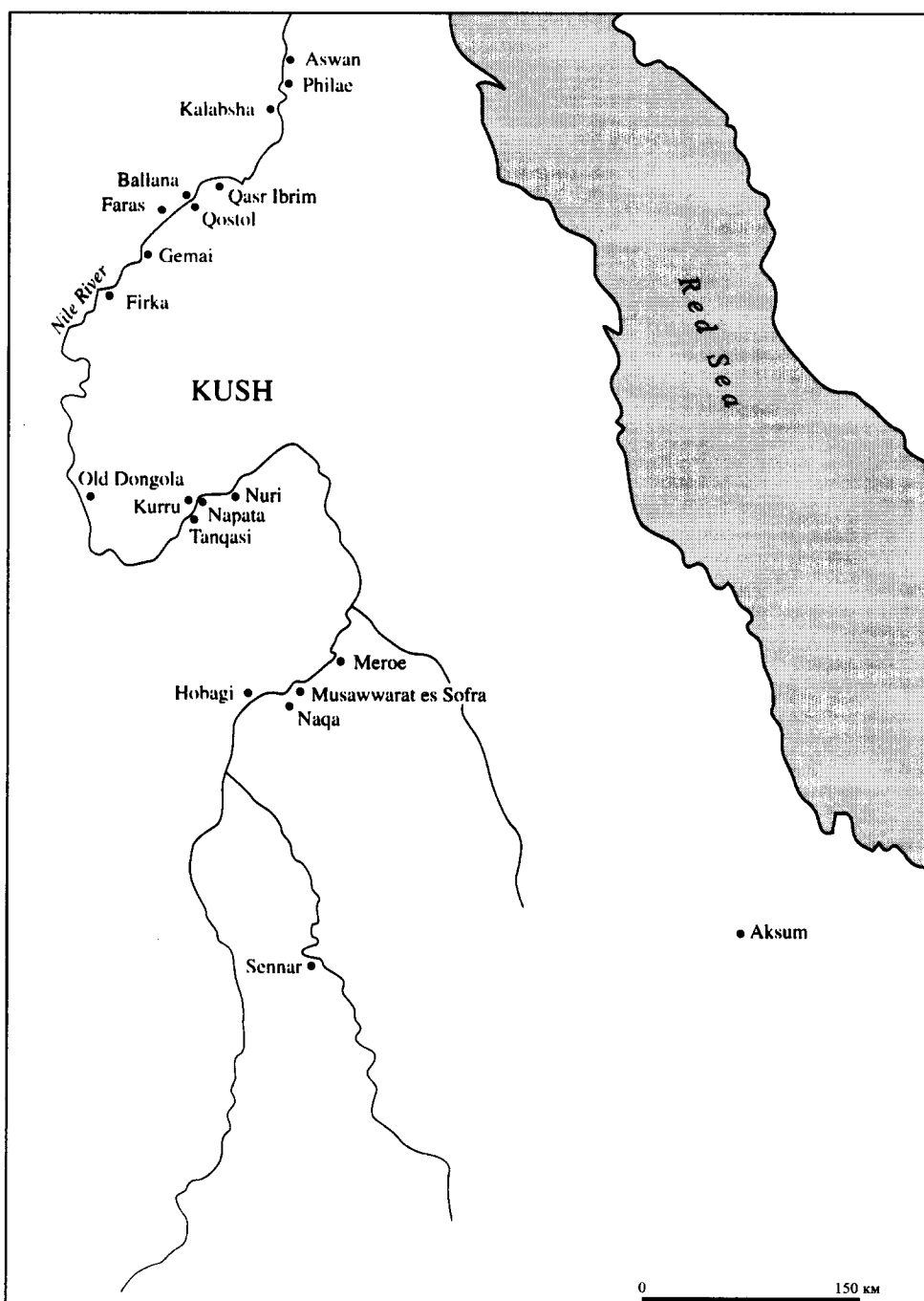
Мероэ, который мог насчитывать до 10 и более тысяч жителей во времена наивысшего подъема, был крупнейшим и наиболее высокоорганизованным городом в этих районах Африки того времени. Общество этого города, занимавшего территорию приблизительно 80 гектаров, было так же организовано и технически развито, как и в любом другом городском центре того времени. В планировке города выявляются ранние формы градостроительства. Территория, известная как «царский город» и скорее всего являвшаяся территорией резиденции правителя, была окружена массивной стеной и состояла из нескольких больших зданий, многие из которых были построены из камня и обожженного кирпича; вдоль берега реки пролегал набережная. Восточная часть этой территории была отведена для поклонения богам, там находился большой храм богу Амону, поклонение которому зародилось в Египте. Храм был построен по образцу египетского храма, но с использованием характерных деталей мероитского стиля. Другие храмы группировались вокруг него, а еще одна группа храмов образовала церемониальный путь на восток, в направлении к царским захоронениям.

К востоку и северо-востоку от того, что можно назвать «священной землей», где, как и в королевской резиденции, большинство зданий было построено из камня, находились дома простых людей, построенные из обожженных на солнце кирпичей. Эти очень небольшие, хорошо построенные прямоугольные в плане дома, возможно не похожие на существующие ныне деревенские дома в этом регионе, пока еще мало исследованы, что объясняется большой территорией города. Такие дома имели стандартную планировку, у всех обследованных домов стены вытянуты с северо-запада на юго-восток и с северо-востока на юго-запад. В некоторых частях города стены более массивны, а комнаты просторней, что может указывать на то, что эти районы были населены более зажиточными членами общества, хотя найденные предметы, в основном разбитые гончарные изделия, кажутся типичными для всех районов города. Стропила крыш делалась из стволов финиковых пальм, а обрешетка – из пальмовых досок, покрытых матами из пальмовых листьев, сверху обмазанных глиной. Кроме глинобитных домов, были здесь

и соломенные хижины круглой формы, похожие на многие из тех, которые можно видеть в современной Африке. У подножия основного холма в Мероэ были найдены следы от ям под столбы, которые правильнее всего считать оставшимися от опор маленьких хижин, сооруженных из легкого деревянного каркаса и покрытых матами, похожими на те, что местные жители используют в наши дни.

К северу от основной зоны проживания находился городской производственный район. Разнообразные производства были характерной особенностью Мероэ; город славился в основном металлическими изделиями, но гончарные изделия также изготавливались в большом количестве, огромное множество их – около миллиона черепков – было найдено за трехмесячный сезон раскопок. Другими типичными для этих мест предметами были

изделия из меди, однако неизвестно, откуда привозилась руда; изделия из фаянса и стекла, для которых местный песок, которого было вполне достаточно, был главным компонентом; было распространено производство бус из камня и стекла. В этом городском районе работали золотых и серебряных дел мастера, чьи изделия были найдены в царских могилах. Слоновая кость также обрабатывалась, и было обнаружено много изделий из нее, а также полностью сохранившийся слоновий бивень, вероятно предназначенный для обработки в одной из мастерских. Плотницкое мастерство, плетение корзин и ткацкое ремесло представлены не очень ярко, так как древесина, материалы для плетения и ткани редко сохраняются. Наличие ткачества, вместе с тем, подтверждается находками веретен, используемых для скручивания в основном хлопковой нити.

Карта 19. Мероитское царство

Как уже говорилось выше, Мероэ особенно славился изделиями из железа, и долгое время большие холмы шлака – отходов процесса плавления – были единственным доказательством значения города как центра этого производства. Во время недавних раскопок были обнаружены несколько печей для выплавки местной легко доступной в больших объемах руды железосодержащих пород из местных песчаных холмов. Самые ранние свидетельства о производстве железа получены по образцам шлака, датированным примерно 500 г. до н.э. Ни одна из печей того периода не была обнаружена, а хорошо сохранившиеся печи, найденные в Мероэ, видимо, относятся к первым векам нашей эры (*Shinnie*, 1985).

Одно время считалось, что Мероэ, в котором навыки плавления металлов были получены от египтян, был тем местом, откуда знания об этой технологии распространились по всей Африке. Сейчас это кажется маловероятным, и разнообразие типов печей, как и способов обработки руды, свидетельствует о значительно более сложном и разнообразном происхождении способов выплавки железа в Африке.

Искусство и архитектура мероитских времен известна по множеству образцов, относящихся ко всему рассматриваемому периоду. Среди храмов, в большинстве построенных из камня, были очень похожие на египетские образцы, такие как храм Амона в Мероэ, и явно мероитские «храмы льва», посвященные местному богу Апедемеку с головой льва; была даже одна «беседка» в Наге, построенная по греко-римскому образцу. Многие из известных храмов были возведены во времена двух правителей – царя Нетекамани и царицы Аманитары. Имеется несколько их художественных (совместных) изображений, и их принято считать мужем и женой, хотя неясно, почему Аманитару изображена как имеющая равное значение с Нетекамани. Изображения датируются приблизительно 12 г. до н.э. – 12 г. н.э.; их совместное правление, если оно было таковым, отмечает особо активный период строительства в истории Мероитского государства.

Уникальная группа зданий в Мусауварат-эс-Софре, примерно в 30 км к востоку от Нила и на небольшом расстоянии к юго-востоку от Мероэ. Здесь, на практически необитаемой в наши дни территории находится большой комплекс, состоящий из нескольких каменных зданий и стеновых пристроек, окружающих храм, построенный на высоком фундаменте. Главная часть комплекса, по всей вероятности, датируется I в. н.э., но отдельный «храм льва» с именем царя Арнекхамани на стене датируется приблизительно 225 г. до н.э. (*Hintze*, 1962). Раскопки показали, что на этом месте были здания, построенные на 200–300 лет ранее.

Многие храмы были украшены рельефными скульптурами, изображающими египетские прототипы (обычно это изображения богов и монархов) в мероитской интерпретации. В некоторых случаях (в Мероэ – в двух случаях) стены храмов вместо резных рельефов были покрыты росписями по штукатурке. Объемная скульптура также известна по ряду работ, изображающих богов или царей; все они выполнены под влиянием египетских образов, хотя их мероитское происхождение достаточно очевидно (*Wenig*, 1978).

Наиболее характерными художественными формами во времена Мероитского царства являлись керамические изделия разнообразных стилей, от простой кухонной утвари до красиво расписанных тонкостенных гончарных изделий характерного типа и с разнообразными расписными орнаментами, часть которых заимствована из Египта эпохи фараонов, например орнамент *ankh* – египетский знак, означающий «жизнь», и лотос; другие орнаменты содержат греко-римские сюжеты, такие как завиток в виде виноградного листа; для остальных орнаментов, часто включавших изображения животных и птиц, художники черпали вдохновение в местной традиции. Имеется также совершенно особый вид гончарных изделий, выполненных без применения гончарного круга, как правило, с черной обожженной поверхностью – вид, периодически

встречающийся в древнем Судане; первые дошедшие до нас образцы такой керамики датируются примерно 2000 г. до н.э. Форма этой посуды происходит в основном от формы бутылей из тыквы и кожаных бурдюков, хотя, как исключение, некоторые небольшие чаши напоминают по форме металлические сосуды. Эти гончарные изделия с глубокими местными корнями явно контрастируют с раскрашенной утварью с ее очевидным северным влиянием и являются важным свидетельством африканской сущности мероитской культуры.

Цивилизация Мероитского государства отличалась грамотностью и использованием самой древней системы письма, известной в Африке, не считая египетскую. Многие надписи египетскими иероглифами известны с момента образования государства Куш, подобные надписи украшали также стены часовен, примыкавших к пирамидам до начала I тысячелетия н.э. Изменения в грамматике и орфографии показывают, что египетский язык не был языком местного общения, и самое позднее ко II в. до н.э. появился письменный мероитский язык.

Мероиты сделали необычайный шаг, выбрав лишь несколько (23) из огромного количества египетских иероглифов для развития собственной системы письма. Они использовали простую силлабическую (слоговую) форму письма, в которой одним знаком изображается последовательность согласных и гласных, часто соответствующая фонетическому слогу (*Hintze*, 1973).

Возможно, в то же самое время или немногим позднее был разработан более удобный способ письма. Это письмо известно ныне как мероитская скоропись – не очень точный термин, так как буквы не соединялись между собой. Формы букв, которые точно соответствовали двадцати трем иероглифам в более формальном письме, были заимствованы из египетского иератического письма – сокращенной и более быстрой формы написания египетских иероглифов. Такое письмо и мероитский язык заменили египетский язык: самая последняя известная надпись иероглифами сделана на пирамиде царя Тарекенивала и относится к самому началу II в. н.э.

К сожалению, хотя фонетически значения знаков мероитского силлабического письма и известно, значение слов, за редким исключением, мы не знаем. Несмотря на то что многие надписи обширны и, возможно, содержат важную историческую информацию, далеко не все из них доступны пониманию. Большинство из них – надгробные надписи, вырезанные либо на могильных камнях, либо на более распространенных «жертвенных досках». Эти надписи содержат ограниченные сведения о мероитских именах, и, хотя имена могут быть прочитаны и даже часто можно понять родственные отношения внутри семьи, очень мало можно вынести из основной части текста.

Мероэ, часто рассматриваемый как периферия мирового исторического процесса, играл важную роль в африканской цивилизации. Его отношения с соседними территориями, как показывают современные данные, в основном сводились к торговле и случайным конфликтам с Египтом. Должны были существовать контакты с регионами к востоку и западу от Нила, но до будущих исследований, которые дадут новые материалы, об этом судить нельзя. Многие изображения пленников, часто в узнаваемых одеяниях и с определенного вида прическами, указывают на то, что с соседними народами велись войны, но мы не можем разобрать названия их стран.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Именно в Мероэ в ходе продолжительных раскопок и реставрации пирамид были в первый раз обнаружены строительные чертежи пирамиды (*Hinkel*, 1981).

Питер Л. Шинни

Какой бы ни была причина краха Мероитского государства, будь то нападение со стороны Аксумского царства, или результат появления и агрессии народа, называемого ноба, или, возможно, внутренние причины, – достаточно ясно, что в конце IV в. н.э. на территории всего Мероитского царства произошли существенные изменения. Неизвестно, имело ли место дальнейшее вмешательство Аксума; вероятно, имеет смысл отнести культурные изменения к появлению нового народа или возникновению этнических групп, которые ранее находились под властью Мероэ.

Эти изменения лучше всего просматриваются в появлении новых погребальных обычаев. Большое число курганных захоронений, возможно относящихся к IV–V вв. н.э., обнаружено на юге при слиянии Голубого Нила и Белого Нила, где ныне расположен город Хартум, и по крайней мере до города Танкази к северу от него (*Shinnie, 1954*) недалеко от города Напата – древней столицы царства Куш. В этих захоронениях, заметно отличающихся по стилю от большинства мероитских захоронений, также были найдены различные погребальные предметы. Большинство гончарных изделий ручной работы, которые, хотя и напоминают окрашенную в черный цвет утварь, известную с мероитских времен, имеют совершенно иную форму – луковичную. К ним относятся большие сосуды, известные археологам как «пивные горшки». Они, вероятнее всего, использовались для хранения местного соргового пива, до сих пор изготавливаемого в Судане и известного как *мериза*. Эти захоронения (пока не найдено мест поселений вблизи от них) явно свидетельствуют о наличии людей, погребальные ритуалы у которых отличались от мероитских, а следовательно, они принадлежали к иной этнической группе. Это кажется логичным, так как надпись в Эзане упоминает о присутствии народа ноба по крайней мере на той части территории, где были обнаружены эти могильные холмы, что дает основание считать похороненных под этими холмами принадлежащими к народу ноба. Примерно к тому же или несколько более позднему времени относятся сведения о народе нобате (*nobatae*), жившему севернее. Большое сходство в названиях народов заставляет предположить, что родственный (если не тот же самый) народ проживал на широкой территории долины Суданского Нила.

Последние открытия в Хобаги, расположенном к западу от Нила и недалеко от Мероэ, больших могильных холмов с богатым содержанием оружия, ювелирных и гончарных изделий дают возможность предположить, что это были места захоронения влиятельных и могущественных вождей, возможно тех, кто захватил власть после краха Мероитского царства. Материал, полученный из этих могил, и полное отсутствие письменных свидетельств показывают, что, видимо, эти особы не были мероитами.

В северной части долины Суданского Нила, которую правильнее называть Нубия, мероитские поселения разрастались и процветали, особенно после начала применения

водяного колеса в первые века нашей эры. Многие города и деревни, благополучие которых, как в мероитские времена, в основном зависело от производства зерна, известны с того времени. Здесь изменения, которые сопутствовали концу мероитского правления, не кажутся такими сильными, как на юге. Новые виды предметов появились в начале V в. н.э., и хотя они несколько напоминают предшествующие аналоги мероитской эпохи, все же имеют заметные отличия. Это новое культурное образование традиционно называют X-группой (от алфавитного обозначения нубийских культур, введенного при первом археологическом изучении Нубии в начале XX в.). Сейчас оно известно как «балланская культура», по названию места, где были обнаружены некоторые наиболее богатые захоронения тех, кто предположительно были вождями на этой территории и преемниками мероитских правителей. Материалы, обнаруженные в больших курганных захоронениях в Баллане и Костоле (*Emery, 1938*), свидетельствуют о некоторой преемственности с временами Мероитского царства, но некоторые из них сильно отличаются, и кроме того, имеется много привозных предметов роскоши средиземноморского происхождения. Здесь много серебряных изделий и ювелирных украшений, бронзовых предметов, шкатулок, инкрустированных слоновой костью, конская сбруя изысканной формы, много оружия и серебряные короны, которые напоминают короны мероитских царей, известные по изображениям на храмовых рельефах.

Уровень жизни основного сельского населения сохранялся в целом на протяжении долгого времени вплоть до недавних времен, когда механические насосы заменили водяное колесо как основное средство для орошения; однако наличие богатых захоронений и похожих, но менее изысканных захоронений в Каср-Ибриме, Джемаи (*Bates & Dunham, 1927*) и Фирке (*Kirwan, 1939*) предполагает, что в долину Нила пришла новая этническая группа.

Авторы классических времен рассказывают нам о том, что на этой территории в то время находились две воинственные и прежде неизвестные группы, нобаты и блеммии, и логично связать указанные захоронения правителей с той или другой группой. Наиболее распространено мнение, что указанные захоронения относятся к нобатам. Прокопий Кесарийский, греческий писатель-историк VI в. н.э., говорит, что они пришли из оазисов к западу от Нила и были приглашены в долину Нила римским императором Диоклетианом (285–305 гг. н.э.) для установления барьера перед блеммиейми, которые создавали проблемы после вывода римского гарнизона из северной части Нижней Нубии. Блеммии были народом из восточных пустынь, весьма вероятно, предками современного народа бега и потомками меджеев, упоминаемых в древних египетских текстах.

Близкое сходство названия «нобаты» с названием позднее возникшего на территории Мероитского царства христианского царства Нобатия дает основание предпо-

лагать, что нобаты проживали или даже правили частью долины Нила и были основателями этого царства. Названия Нубия и Ноба в надписи в Эзанае также кажутся похожими по написанию, и возможно, именно в это время и именно эти народы принесли нубийский язык в долину Нила. Нубийский язык использовался в последующий христианский период и был предшественником различных диалектов нубийского (бесписьменного. – *Прим. ред.*) языка, на котором говорят в наши дни народы, живущие вдоль Нила. Мероитское письмо исчезло к концу IV в. н.э., и после периода, когда ни один из местных языков не являлся письменным (хотя остались некоторые надписи по-гречески), язык, ныне известный как древнениубийский, появился в письменной форме в VIII в. н.э.

Наиболее известные из греческих надписей – надписи правителя Силко (*Silko*). Они были выбиты как вторичные на стене храма бога Мандулиса (в мифологии древней Нубии – бог Солнца. – *Прим. ред.*), изначально находившегося в Калабше, в древности – Тальмисе, но сейчас перенесенного в новое место неподалеку от Асуанской плотины. Храм был построен во времена императора Августа и был украшен несколькими мероитскими настенными росписями. Надпись Силко, скорее всего, принадлежит к концу V или началу VI в. н.э.: «Я, Силко, князь нобате и всех эфиопов, пришел в Талмис и Тафис. Дважды я сразился с блеммией, и бог ниспослал мне победу». Поскольку это событие (точная дата которого не установлена) непосредственно предшествовало прибытию первых христианских миссионеров в Нубию, некоторые по-

лагают, что ссылка на бога подразумевает, что Силко уже был христианином. Однако под этим словом необязательно мог подразумеваться христианский бог, и изображение одеяния Силко и его головного убора, напоминающего мероитские царские короны, и то, что было найдено в балланских захоронениях, не подтверждают такого мнения. О Силко также известно из письма, написанного на плохом греческом языке, которое было обнаружено при раскопках в Каср-Ибриме. Возможно, это письмо было написано предводителем блеммиев или, что более вероятно, по его поручению и содержало жалобы на военные действия Силко. Письмо предполагает, что блеммий, будучи преимущественно кочевым племенем пустыни, обосновались вдоль течения Нила.

Примерно двести лет после падения Мероитского царства были смутными и мрачными, и нобате и блеммий играли непонятную роль в историческом и культурном развитии долины Нила. Богатые могилы балланского периода свидетельствуют о централизованной власти и, возможно, принадлежат тем правителям, из рода которых происходил Силко. Подтвержденное первыми христианскими миссионерами в середине VI в. н.э. наличие двух ясно различимых царств в Нубии – Нобатии со столицей в Фарасе, который ранее был провинциальным мероитским центром, и Макурии в Старой Донголе – показывают, что, несмотря на вражду разных этнических групп, было возможно установить некоторую форму централизованной власти в этих двух центрах. Так как в обоих царствах, видимо, говорили по-нубийски, то непохоже, что обоими управляли блеммий.

15.2.3

РАННЕХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

Стефан Якобельский

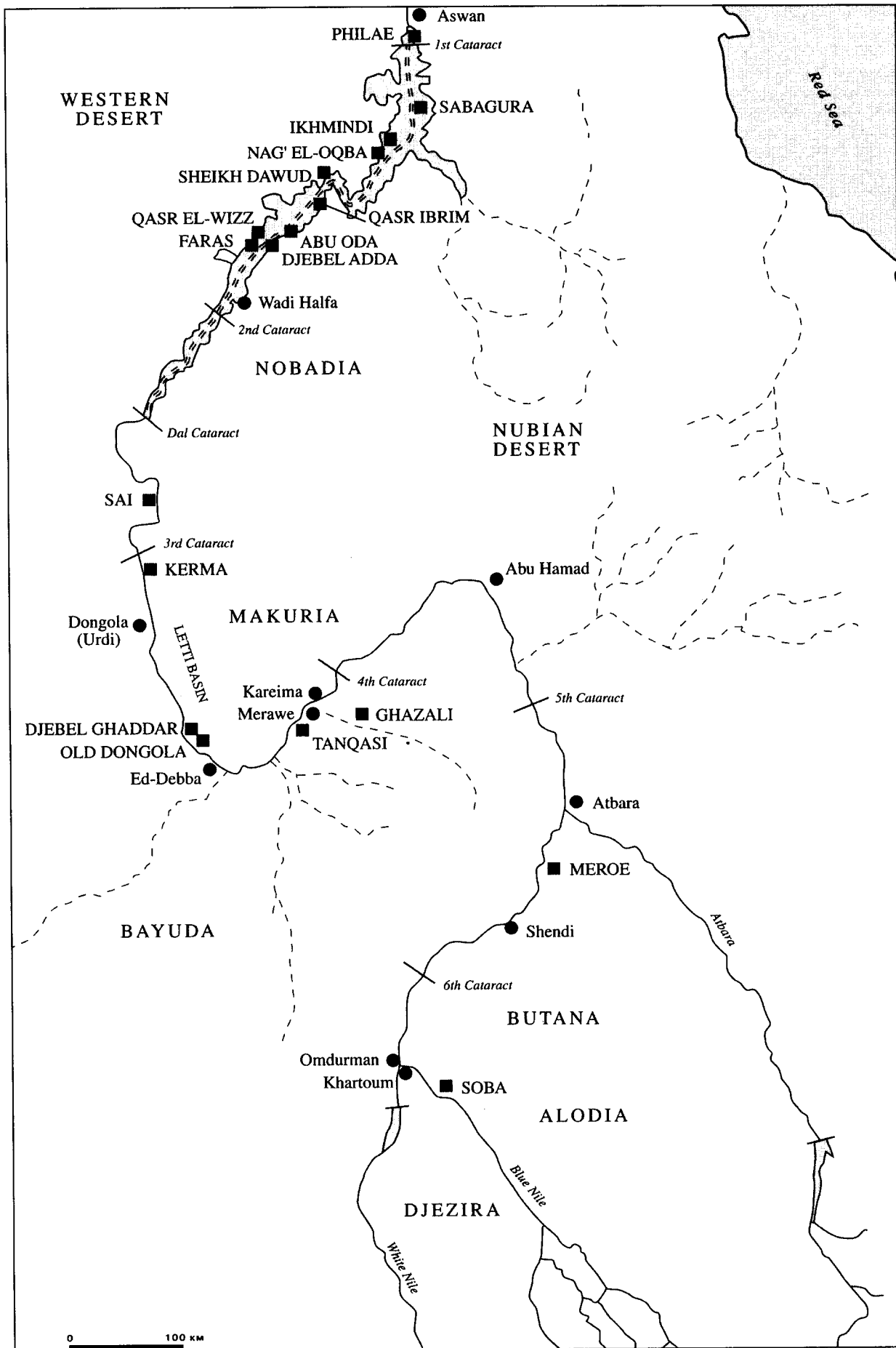
В VI в. долина Нила от Первого порога у Асуана до современной области Эль-Гезира к югу от Хартума была поделена между тремя нубийскими царствами (Adams, 1977 г.). Самый северным из них была Нобатия (по-арабски – *Нуба*) со столицей в Фарасе и важными административными центрами в Каср-Ибриме и Джебель-Адде. Южнее, в районе Третьего порога, Нобатия граничила с Макурией (арабское название – *Мажурра*) со столицей в Старой Донголе, простиравшейся почти до Пятого порога. Самое южное царство Алодия (по-арабски – *Алоа*) со столицей Соба на Голубом Ниле, недалеко от современного Хартума, включала и бывшие мероитские территории в степной местности Бутана, и по крайней мере часть плодородных земель между Голубым Нилом и Белым Нилом. Экономика, обусловленная естественным природным окружением, являлась важным фактором, отличающим эти царства. Почти не выходящая за пределы узкой долины Нила и имеющая, таким образом, ограниченные возможности для сельскохозяйственного производства, Нобатия развивала оживленные торговые отношения с Египтом. В этом царстве было введено в некоторой степени денежное обращение (интересно, что денежная система основывалась исключительно на валюте северного соседа), но оно не распространилось на Макурию, где торговые отношения строились лишь на бартере, а торговля строго контролировалась царем. Макурия, располагавшаяся в широкой речной долине, могла развивать более разнообразное земледелие, применяя орошение при помощи подъемного крана (*шадуфа*) или водяного колеса (*саши*), также как естественное орошение в низинах Летти и Херма к северу от столицы. Традиционная роль Макурии в обменных операциях между долиной Нила и другими частями Африки также способствовала усилению экономической базы царства. Алодия также зависела от земледелия и животноводства; возможно, она также участвовала в торговле рабами и слоновой костью.

Развитие нубийских государств вызывало большой интерес у Византии. Император Юстиниан (527–565 гг.), заключивший военный и торговый договор с Аксумским царством против Химьяритского царства Южной Аравии, рассматривал Нубию как потенциального защитника византийских интересов в Африке. Начало христианства в Нубии было тесно связано с византийскими политикой и противоречиями. Большое значение имели богословские разногласия между сторонниками учения о двух природах Христа, божественной и человеческой, и монофиситами, признававшими лишь одну божественную природу. Учение монофиситов было осуждено Халкидонским собором в 451 г., дав импульс отделению коптской (египетской) церкви (см. раздел 15.1.5).

Именно благодаря византийской внешней политике в Нубию были посланы христианские миссионеры. Почва была, очевидно, подготовлена: несколько христианских общин уже существовали, так как с конца V в. в Каср-Ибриме уже было здание церкви, в которой христианин

по имени Тентани занимал важный пост *филаркоса*, или мэра (Plumley, 1982, p.16–17). Христианство изначально пришло в Нубию из приграничного епископата в Филе и с беженцами из Египта, спасавшимися от преследования во время острого конфликта между сторонниками монофиситской коптской церкви и сторонниками учения о двойственности Христа или мельхитского обряда, принятого византийцами, которые в то время оккупировали Египет. В 535 г. византийский полководец Нарсес закрыл последний храм Исиды в Египте в городе Филе. Последующие события известны из записей монофиситского епископа Иоанна Эфесского, содержащихся в книге IV его «Церковной истории». Юстиниан направил посланцев для обращения нубийцев в мельхитскую веру. Однако его жена Феодора, сторонница монофиситов, пыталась приостановить деятельность миссионеров в Тебайде, в то время как ее собственный миссионер монофисит Олиан был отправлен прямо в Нобатию и вместе с епископом города Филе Феодором быстро провел обращение населения в свою веру в 542 г. Около 580 г. Алодия также приняла христианство монофиситского толка от Лонгина, епископа Нобатии. Его задача, очевидно, была облегчена из-за предыдущего влияния соседнего Аксумского царства. Есть стремление предположить, что целью миссий было не столько обращение в христианскую веру, сколько попытка обеспечить преданность нубийских христиан именно этой церкви. С другой стороны, в «Хронике» Иоанна Бикларумского появляется свидетельство об успехе официальной византийской миссии в Макурии. Возможно, это происходило до 573 г., когда делегация из Макурии прибыла в Константинополь с дарами для императора Юстина II. В действительности нет прямых доказательств того, что Макурия, в отличие от двух других нубийских царств, с самого начала приняла мельхитскую веру. Не подлежат сомнению лишь особые отношения Макурии с Византией, нашедшее отражение в организационном устройстве царства в сочетании с принятием византийского дворцового уклада (Török, 1978, pp. 302–310), греческого языка в качестве государственного и, как будет показано ниже, византийских традиций в искусстве и архитектуре.

Независимость Макурии и ее ведущая экономическая роль повлияли на внешнюю политику. Неудивительно, что Нобатия чувствовала угрозу, особенно после вторжения арабов в Египет в 640 г. Видимо, это ускорило объединение двух царств под главенством Макурии. Для Макурии это создавало непосредственно контролируемую буферную зону; Нобатия, в свою очередь, обеспечила себе военную защиту при сохранении относительной независимости. Власть была сосредоточена в руках царского наместника, называвшегося епархом (*eparch*) Нобатии, в чьи обязанности входило поддержание отношений с Египтом от имени царя. Арабы представляли реальную угрозу и вскоре напали на Нубию. В 651–652 гг. правитель Египта Абдаллах ибн Саас Алит Сар предпринял поход, завершившийся осадой Донголы. Представляя себе трудности,

Карта 20. Нубийские царства

вызываемые постоянной оккупацией Нубии, арабы заключили с нубийцами договор (*Hasan*, 1967, pp. 20–28), известный по арабским источникам как *baqt*, который, собственно, был пактом о ненападении с обеих сторон, признававшихся равными, но по нему Нубия должна была платить дань в виде рабов. Договор также содержал некоторые элементы торгового соглашения. Это перемирие оставалось в силе на протяжении последующих шести веков христианской цивилизации в Нубии. То, что оно было заключено в Донголе с царем Калидурутом без участия Нобатии, заставляет предположить, что в то время царства уже были объединены, и это подтверждают археологические и эпиграфические источники.

Хотя трудно согласиться с утверждением, что унификация религиозных обрядов (на деле – создание общей религиозной платформы, охватывающей Египет, Нубию и Аксум) была непосредственно связана с растущим значением Нубии, факт остается фактом: в начале VIII в. страна быстро развивалась, и общее экономическое процветание проявилось в увеличении числа поселений и широком строительстве – как церковном, так и светском, а также в небывалом расцвете искусств, особенно настенной росписи. Однако до того, как это произошло, можно говорить о многочисленных различиях в культурных традициях северного и южного царств, развитие которых основывалось на разных источниках вдохновения, хотя в обоих случаях ему способствовало христианство.

Появление новой веры вызвало коренную трансформацию в идеологии нубийской цивилизации. Изменения в культовой и погребальной практике легко прослеживаются по археологическим источникам. Христианство принесло совершенно иной вид захоронения: тело усопшего укладывали во всю длину, головой на запад, в простую прямоугольной формы яму, иногда выложенную кирпичами, а позднее – в сводчатый склеп со входом с западной стороны. Сама надстройка представляла собой похожее на ящик сооружение, часто в форме креста. В Донголе, однако, имеются христианские могилы, в устройстве которых соблюдены местные традиции, пришедшие из мероитских времен; это монументальные скальные могилы с доступом в склеп с западной стороны по ступеням, ведущим к украшенному резьбой portalу; тела усопших располагались в могилах, вырубленных в скале в форме саркофага, повторяющего форму человеческого тела. Без сомнения, это были царские захоронения VI в.

Важной для развития архитектуры в Макурии была традиция строительства из обожженного кирпича, неизвестная в Нобатии во времена прихода христианства. Руины «здания Y» в Старой Донголе указывают на высокий технический уровень и профессионализм. Неудивительно, что следующее рассматриваемое здание – мемориальный христианский комплекс, или мавзолей, VI в. – было построено с применением такой же технологии. Новое «здание X» было компактным строением размерами 33,4 x 23,6 м, ориентированным по широте с запада на восток, как и все нубийские церкви. Центральная часть здания имела форму креста с апсидой, завершающей его восточную часть. С другой стороны святилища была двойная ризница (*nactoforia*), соединенная переходом за апсидой. Именно эта отличительная черта стала важным элементом более позднего местного стиля церковных зданий (*Gartkiewicz*, 1980). В плане западная часть «здания X» со входом, расположенным между двумя башнями, напоминает ранние эфиопские базилики.

Несомненно, архитекторы этого комплекса в Старой Донголе обладали основательными сведениями о современной им византийской архитектуре. Особой и важной чертой «здания X» были два склепа под апсидой. Очевидно, сооружение было посвящено двум людям, захороненным там. Склепы играли важную роль и в следующих двух других сооружениях, построенных на этой территории: в церкви

с Каменным полом первой половины VII в. и Крестообразной церкви, возведенной при царе Георгиосе I в середине IX в. Особо, похороненные в склепах, должно быть, имели особое значение для нубийской церкви, возможно, они были первыми миссионерами в Макурии.

Другой церковью, находившейся в Старой Донголе с самого появления здесь христианства, была Старая церковь. Она была глинобитной, вытянутой в плане, с тремя нефами и необычным устройством восточной части, которую помимо привычных деталей дополнял трехчастный низкий поперечный неф.

Не случайно так много сказано о церквях Донголы. Местные каменщики использовали знания ранней христианской архитектуры и творчески переработали ее правила в следующие периоды. Также в Донголе в конце VII в. был создан новый тип построения церкви, положивший начало одному из направлений нубийской обрядовой архитектуры, которое развивалось на протяжении веков. Это было функциональное сочетание двух основных планов, центрального и продольного, в одном строении, например в церкви Гранитных Колонн, которая, возможно, позднее служила собором в Донголе (*Gartkiewicz*, 1990).

Во время недавних раскопок в Собе (*Welsby & Daniels*, 1991) были открыты три тесно связанные церкви и здание дворцового типа, указывающие на то, что в Алодии также использовались византийские образцы или проявлялось влияние архитектуры столицы Макурии. В церкви В повторяется центрально-поперечный план, в то время как у церкви А удлинена восточная часть и в ней устроен склеп.

В Нобатии, где влияние коптского Египта было очень сильным, продольные в плане базилики стали почти обязательными. Здесь местные традиции облицовки высококачественным песчаником были унаследованы с дохристианских времен и видны на укреплениях, построенных вокруг поселений Ихминди, Шейх-Дауд, Сабагура и Фарас, часто в сочетании с кирпичной кладкой в верхних частях построек, также как и в других зданиях общественного назначения и церквях. Характерной чертой всех этих строений являются декоративные украшения: скульптурные фриз, перемычки и косяки окон и дверей, капители колонн, замковые (ключевые) камни и оконные переплеты. Такие украшения редко находились в Макурии, где в основном использовались лишь гранитные капители. Гранитные колонны как несущие конструкции появились в Нобатии в VIII в., очевидно, под влиянием архитектуры Макурии. Изобразительная роспись стен становится здесь очень популярной в VIII и IX вв. и свидетельствует о большом вкладе Нубии в историю христианского искусства (*Martens-Zamecku*, 1982), но имеются свидетельства о развитии росписей в более ранний период. Краски как декоративный элемент использовались для раскраски рельефных украшений и для имитации мрамора, как, например, в купелях для крещения в Старой церкви и церкви с Каменным полом в Донголе или на возвышении апсиды в Храмовой церкви в Каср-Ибриме, а символическая и изобразительная роспись сочетаются с декоративными выступами и бюстами Первого Кафедрального собора в Фарасе, в Наге или Абу-Оде. Может показаться, что изобразительные украшения изначально применялись только в апсидах, где, следуя египетской традиции, Пресвятая Дева с апостолами и Христом во славе были написаны на двух уровнях (*Godlewsky*, 1990).

Большинство ранних христианских надписей в Нубии были сделаны на греческом языке, привычном языке богослужения в Нубии и официальном языке при дворе правителей Макурии. В Нобатии сахидский диалект коптского языка также использовался в официальных документах и церковной литературе, но совершенно очевидно, что древний нубийский был разговорным языком. Древний нубийский язык (*Browne*, 1991) принадлежал к восточно-суданской группе нило-сахарских языков и был предше-

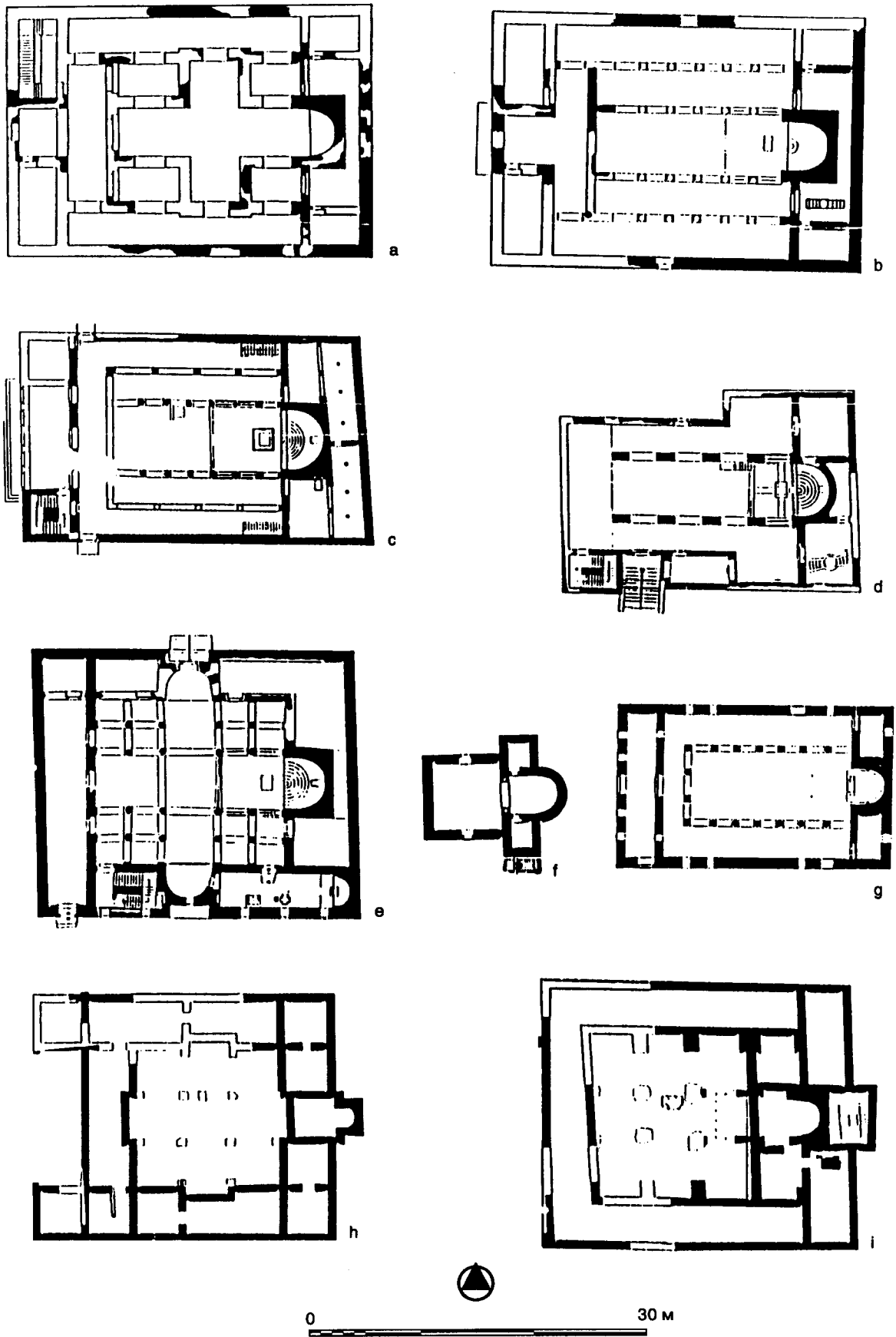

Рис. 17. Древние церкви в Нубии: (а) Старая Донгола, Мавзолей («здание X»), середина VI в. (по *Godlewski*, 1990a); (б) Старая Донгола, церковь с Каменным полом, начало VII в. (по *Godlewski*, 1990a); (с) Каср-Ибрим, собор, VII–VIII вв. (по *Gartkiewicz*, 1980); (д) Старая Донгола, Старая церковь, вторая половина VI в. (по *Gartkiewicz*, 1980); (е) Старая Донгола, церковь, VII в. (по *Dobrowolski*, 1988); (г) Фарас, Первый собор, начало VII в. (по *Gartkiewicz*, 1980); (и) Соба, церковь В, VII в. (по *Welsby & Daniels*, 1991); (и) Соба, церковь А, VII в. (по *Welsby & Daniels*, 1991)

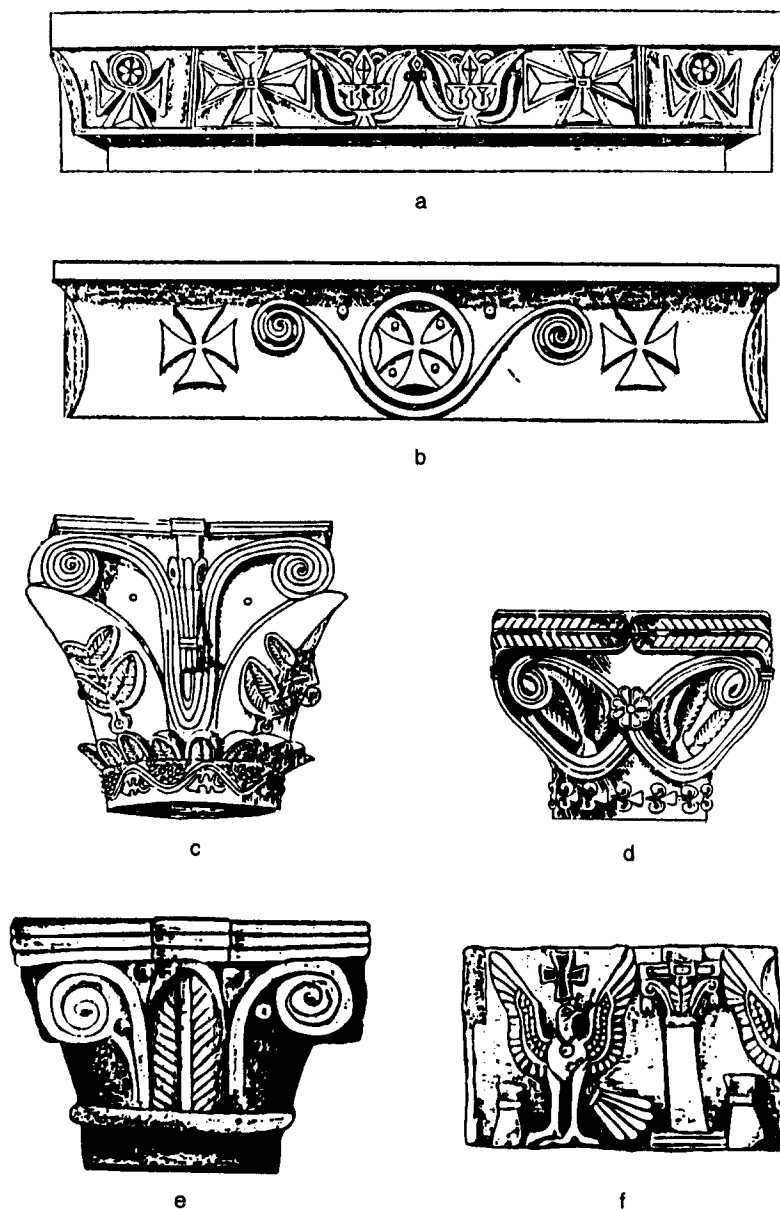

Рис. 18. Декоративные архитектурные элементы из Нубии: (а) Дверная перемычка из Северного дворца в Фарасе, VI–VII вв., песчаник, сейчас в Национальном музее в Варшаве (по *Michalowski*, 1967); (б) Дверная перемычка из Первого собора в Фарасе, начало VII в., красный песчаник, сейчас в Суданском национальном музее в Хартуме (по *Michalowski*, 1967); (с) Капитель из песчаника, из Первого собора в Фарасе, начало VII в., сейчас в Национальном музее в Варшаве (по *Michalowski*, 1967); (е) Гранитная капитель из церкви с Каменным полом в Старой Донголе, начало VII в. (рисунок с натуры при раскопках, Архив исследовательского центра средиземноморской археологии Польской академии наук, Варшава); (ф) Декоративный фрагмент из песчаника – фрагмент фриза из Первого собора в Фарасе, начало VII в., сейчас в Национальном музее в Варшаве (рисунок с натуры при раскопках, Архив исследовательского центра средиземноморской археологии Польской академии наук, Варшава)

ственником махасского диалекта современного нубийского языка.

Коптский язык, очевидно, в значительной мере популяризировался египетскими монахами, жившими в нубийских монастырях. Археология подтверждает существование только нескольких (в Каср-эль-Виззе, Гхазали, Фарасе и Донголе) из большого, возможно, преувеличенного числа монастырей в Нубии, упоминаемых в коптских источниках, но остается несомненным то, что эти монахи, будучи образованными и грамотными, играли существенную роль в развитии нубийской культуры.

Мы должны признать, что средиземноморское влияние в Нубии было естественным следствием принятия христианской веры. Это также подтверждено археологическими исследованиями, предпринятыми до настоящего вре-

мени. Но не следует забывать или недооценивать африканские корни нубийской цивилизации и культурные связи с южными и северными соседями.

Уже было упомянуто, что Нубия лежала на пересечении торговых путей: традиционная ось север–юг соединяла страны Черной Африки со Средиземноморьем, и путь вел на запад от долины Нила. Исследование верблюдов, издревле известных в долине Нила и ставших особенно популярными в регионе озера Чад, сильно облегчало передвижение по Сахаре. Доступ Макурии к соляному пути через оазисы в Кавар кажется более чем возможным. Раннехристианские нубийские гончарные изделия, найденные в районе плато Дарфуре и города Коро-Торо к северо-востоку от озера Чад, свидетельствуют о контактах с территориями, позднее населенными народностями

ми захвава и теда-даза. Но в отличие от народов, живших к западу от Нила, и племен беджа, которые вели кочевой образ жизни на востоке, Нубия в раннехристианский период уже имела сильно развитую сельскохозяйственную экономику.

В общих чертах можно сказать, что к концу VII в. объединенное Нубийское царство уже заложило прочную основу для своего дальнейшего развития. Сельское хозяйство обеспечивало очень крепкий экономический фундамент. Земледельцы выращивали несколько урожаев в год, основной продукцией были ячмень и просо. Финиковые пальмы тоже должны были иметь большое значение. Крестьяне содержали коров, овец, свиней, ослов и кур.

БИБЛИОГРАФИЯ (15.1.1–15.2.3)

- ADAMS, W. Y. 1977. Nubia – Corridor to Africa. London. 797 pp.
- 1981. Ecology and Economy in the Empire of Kush. *Zeitschrift für Ägyptische Sprach*, Vol. 108, pp. 1–11. Berlin.
- 1986. Ceramic Industries of Medieval Nubia. Vols. I–II. (Memoirs of the UNESCO Archaeological Survey of Sudanese Nubia, Vol. I.) Lexington.
- BATES, O.; DUNHAM, D. 1927. Excavations at Gammai. (Harvard African Studies VIII) Cambridge, Mass.
- BONNET, C. (ed.) 1990. Seventh International Conference for Nubian Studies. Geneva, 1990. Pre-Publication of main papers.
- DU BOURGUET, P. 1968. *L'art Copte*. Paris.
- BOWMAN, A. K. 1986. Egypt after the Pharaohs: 332 BC–AD 642. From Alexander the Great to the Arab Conquest. London.
- BROWNE, G. M. 1991. Old Nubian Studies: Past, Present and Future. In: DAVIES, W. V. (ed.) pp. 286–93.
- BRUNNER-TRAUT, E. 1982. *Die Kopten*. Cologne.
- DAVIES, W. V. (ed.). 1991. Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam. London.
- DUNHAM, D. 1957. Royal Tombs at Meroe and Barkal. *Royal Cemeteries of Kush*, Vol. 4. Boston.
- 1963. The West and South Cemeteries at Meroe. *Royal Cemeteries of Kush* Vol. V. Boston.
- EMERY, W. B. 1938. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. *El Qâhira*. 2 vols.
- FRASER, P. M. 1972. *Ptolemaic Alexandria*. Oxford. 3 vols.
- GARTKIEWICZ, P. M. 1980. New Outline of the History of Nubian Church Architecture. *Bulletin Antieke Beschaving* (Leiden), pp. 137–60.
- 1990. Dongola 2. The Cathedral in Old Dongola and its Antecedents. Warsaw, (series: Nubia. Vol. I).
- GODLEWSKI, W. 1990. The Early Period of Nubian Art (Middle of 6th–beginning of 9th centuries). In: BONNET, C. (ed.).
- GOUDRIAAN, K. 1988. Ethnicity in Ptolemaic Egypt. Amsterdam.
- HASAN, Y. F. 1967. The Arabs and the Sudan from the Seventh to the Early Sixteenth Century. Edinburgh.
- HINKEL, F. W. 1981. Pyramide oder Pyramidenstumpf? Ein Beitrag zu Fragen der Planung, konstruktiven Baudurchführung und Architektur der Pyramiden von Meroe (Teil A). *Zeitschrift für Ägyptische Sprache*, Vol. 108, Pt. 2, pp. 105–24.
- HINTZE, F. 1962. Die Inschriften des Löwentempels von Musawwarat es-Sufra. Berlin.
- 1973. Some Problems of Meroitic Philology. In: HINTZE, F. (ed.), *Meroitica*. Vol. I, pp. 321–37. Berlin.
- HORNBOSTEL, W. 1973. Sarapis. Studien zm Überlieferungsgeschichte, den Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt eines Gottes. Leiden. (Études préliminaires aux religion orientales dans l'empire romain, 32.)
- HUSS, W. 1991. Die in Ptolemäischer Zeit verfassten Synodal-Dekrete der ägyptischen Priester. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* (Bonn), Vol. 88, pp. 189–208.
- JAKOBIELSKI, S. (ed.). 1982. *Nubia Christiana*. Vol. I. Warsaw.
- KASHER, A. 1985. The Jews in Hellenistic and Roman Egypt. Tübingen.
- KIRWAN, L. P. 1939. The Oxford University Excavations at Firka. London.
- LEFEBVRE, G. 1923–1924. Le tombeau de Petosiris. Vols. I–III. *El Qâhira*, Service des Antiquités de l'Égypte.
- LENOBLE, P. 1989. Le Tumulus à l'enceinte d'Umm Makharoqa, près d'el Hobagi. *Archéologie du Nil Moyen* (Lille), Vol. 3.
- LEWIS, N. 1983. *Life in Egypt under Roman Rule*. Oxford.
- LICHTHEIM, M. 1980. The Late Period. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. 3. Berkeley.
- MARTENS-CZARNECK, M. 1982. Faras VII. Les éléments décoratifs sur les peintures de Faras. Warsaw.
- MEINARDUS, O. F. A. 1965. *Christian Egypt: Ancient and Modern*. El Qâhira, *Cahiers d'Histoire Égyptienne*.
- PLUMLEY, J. M. 1982. New Evidence on Christian Nubia in the Light of Recent Excavations. In: JAKOBIELSKI, S. (ed.), pp. 15–24.
- REISNER, G. A. 1917. Excavations at Napata, the Capital of Ethiopia. *Bulletin of the Museum of Fine Arts* (Boston), Vol. XV, No. 89, pp. 67–81.
- SHINNIE, P. L. 1954. Excavations at Tanqasi, 1953. *Kush* (El Khartûm), Vol. II, pp. 66–85.
- 1967. *Meroe – A Civilization of the Sudan*. London.
- 1985. Iron Working at Meroe. In: HAALAND, R.; SHINNIE, P. L. (eds). *African Iron Working – Ancient and Traditional*, pp. 28–35. Oslo.
- BRADLEY, R. J. 1980. The Capital of Kush – Meroe Excavations 1965–1972. *Meroitica*. Vol. 4. Berlin.
- TÖRÖK, L. 1978. Money, Economy and Administration in Christian Nubia. In: *Etudes nubiennes, Colloque de Chantilly 2–6 juillet 1975*, pp. 287–311. El Qâhira, Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. (Bibliothèque d'étude, Vol. LXXVII).
- WATERSON, B. 1988. *Coptic Egypt*. Edinburgh.
- WELSBY, D. A.; DANIELS, C. M. 1991. Soba, Archaeological Research at a Medieval Capital on the Blue Nile. London. (B. I. E. A. Memoirs, No. 12.)
- WENIG, S. 1978. *Africa in Antiquity. The Arts of Ancient Nubia and the Sudan*. The Catalogue. Brooklyn.
- WESSEL, K. 1963. *Koptische Kunst*. Recklinghausen.
- 1964. *Christentum om Nil*. Recklinghausen.
- WINTER, E. 1968. Untersuchungen zu den ägyptischen Tempelreliefs der griechisch-römischen Zeit, pp. 18–68. Vienna.

АФРИКА К ЮГУ ОТ САХАРЫ

16.1

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

Алекс Икечукву Окпоко

Хотя археологические исследования начались в некоторых частях Западной Африки уже сто лет назад, во многих регионах к ним приступили только недавно. Такие страны, как Сенегал, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Гана и Нигерия, исследовались достаточно тщательно, другие государства – Либерия, Буркина Фасо, Того и Бенин и другие – привлекали меньше внимания, а Гвинеи Бисау и островов вообще почти не касалась лопата археолога. Эта неравномерность изучения отражена в данном разделе. Некоторые ранние исследования не были напрямую связаны с вопросами, привлекающими наше внимание сегодня. Увеличившийся за последние двадцать лет объем раскопок в сочетании с усовершенствованными приемами извлечения, анализа и интерпретации добытого материала, дополненный в некоторых случаях переоценкой арабских источников и устных преданий, значительно расширил наши знания о позднем периоде доисторической эпохи Западной Африки.

Произошедший в Западной Африке в «неолитический» период переход от собирательства к производящему хозяйству, так же как и в других местах, был намного более длительным процессом, чем предполагалось ранее. Этот переход стал результатом очень продолжительного периода интенсивного, но неостоянного использования растительных и животных ресурсов и экспериментов с их выращиванием или одомашниванием, как это было описано в т. II «Истории». Хотя использование термина «неолит» грозит неточностями и в прошлом привело к некоторым спорным мнениям, большинство археологов теперь считает, что только наличие остатков культивированных растений, либо домашних животных, либо тех и других вместе позволяет однозначно относить некоторую стоянку людей или скопление предметов к периоду неолита, предшествовавшему развитию обработки металла в данном месте.

Принято считать, что наличие среди археологических находок гончарных изделий и предметов из отшлифованного камня часто указывает на наличие смешанного способа хозяйствования или на переход от охоты и собирательства к начальному типу производства пищи: культивированию растений, одомашниванию животных или к обоим видам деятельности. Однако, как отмечал Филлипсон (1985, с. 135), нельзя всегда предполагать, что наличие таких изделий обязательно свидетельствует о производстве пищи. Например, в пещере Босумпра около Абетифи в Гане, где люди с перерывами обитали более 3500 лет с конца

V тысячелетия до н.э., частота обнаружения изделий из керамики и камня постоянно возрастает, однако нет неопровержимых доказательств того, что ее обитатели занимались производством пищи. Тем не менее, можно с уверенностью предположить, что они располагали достаточно надежными источниками пищи, позволявшими им вести оседлый образ жизни, на который указывает использование такой тяжелой и хрупкой утвари, как глиняная посуда. Аналогичная ситуация имела место в Южной Сахаре в период среднего голоцена, а также на побережье Ганы, где в V тысячелетии до н.э. хозяйство основывалось на использовании продуктов моря.

Термин «культивирование» относится к намеренному высаживанию растений, для того чтобы либо увеличить количество используемых продуктов, либо повысить их качество, либо достигнуть и того и другого. Часто для этого требовалось расчищать территорию и систематически возделывать почву, что в свою очередь приводило к изменению естественной растительности, а также структуры состава и плодородия почвы. «Одомашнивание» животных подразумевает развитие совместного существования человека и животных. Человек защищает животных от капризов природы, обеспечивает их укрытиями и пищей или отводит их туда, где такие условия имеются. Животные служат людям как рабочая сила или обеспечивают их продуктами питания. Эти отношения исключают животных из процесса естественного отбора и влияют на их разведение, направленное на получение определенных характеристик, желательных для скотоводов.

Древнее происхождение ямса и других клубневых культур в Западной Африке еще не может быть доказано археологически, хотя (о чем уже говорилось в предыдущих томах) есть основания полагать, что эти культуры составляли значительную часть рациона местных жителей в течение нескольких тысячелетий.

Масличная пальма тоже имела хозяйственное значение, особенно по краям леса, где человек защищал ее и способствовал распространению. Ее орехи были найдены в археологических пластах, но мы не знаем, когда началось ее выращивание. Изучение пыльцы из отложений в дельте реки Нигер указывает на значительное увеличение насаждений масличной пальмы около 3000 лет назад, а Совунми (Sovunmi, 1985, pp. 127–129) предположил, что это свидетельствует о распространении ее ареала вслед за расчисткой земли от леса для ее обработки.

Африканский рис (*Oryza glaberrima*) издавна произрастал в тех частях Западной Африки, где он имел большое местное хозяйственное значение. Его предком является однолетняя трава саванной зоны, приспособившаяся к ямкам, которые заполняются водой в сезон дождей и высыхают в период засухи (Harlan, 1989, p. 314). Его выращивание подразумевает использование специальных инструментов для выравнивания земли, рытья канав и отвода воды. Самое древнее на сегодняшний день археологическое подтверждение выращивания местного риса в Западной Африке относится лишь к двум последним векам до н.э. и обнаружено в Дженн-Джено в Мали.

Разнообразные сухие зерновые культуры уже давно возделывались в регионах саванны и сахели. Широко распространено сорго, и считается, что его разновидность *guinea* происходит из Западной Африки. Предполагают, что мелкое просо (*Pennisetum typhoides*) сначала начали выращивать в Сахаре, а потом в сахели. Оно часто встречается среди изображений злаков на глиняных черепках из Южной Мавритании, датирующихся приблизительно 1000 г. до н.э. (Munson, 1976). Ареалы других злаковых культур в недавнем прошлом были сравнительно ограничены; среди этих культур имеются разновидности фонио на плато Аир и около внутренней дельты Нигера, а также растение *Brachiaria deflexa* на плато Фута-Джаллон в Гвинее. Об их истории ничего не известно, и, может быть, в прошлом они имели более широкое распространение, чем сейчас.

Исследователи придерживаются общего мнения, что одомашнивание животных в зонах пустыни и сахели Западной Африки имеет более длительную историю, чем в саванне и по краям лесов, расположенных далее к югу. Однако к тому периоду, о котором рассказывается в этой главе, скотоводство, видимо, уже широко распространилось в нескольких районах саванны, а также в среднем течении реки Нигер и далее к югу на территории современной Ганы. Это мнение о распространении в южном направлении согласуется с тем, что известно об исходных территориях, на которых занимались одомашниванием основных видов животных. Например, крупный рогатый скот мог вначале быть одомашнен из диких видов животных, обитавших там, где сейчас территория Сахары, но не известных южнее. Было сделано предположение (например, Andah, 1987, p. 187), что некоторые виды антилоп саванны, такие как большой и малый куду, возможно, были приручены народами Западной Африки в древние времена, но доказательств этому нет.

Далее сделаем попытку обобщить основные археологические свидетельства о культивировании растений и одомашнивании животных народами эпохи позднего «неолита», жившими в Западной Африке начиная примерно с 700 г. до н.э.

Сложная последовательность стоянок в Дайме и в соседних районах на равнинах Борно (к западу от озера Чад) в Северо-Восточной Нигерии служит доказательством существования постоянных поселений из домов с деревянными стенами и глиняными полами начиная с самого конца II тысячелетия до н.э. до наступления железного века (Connah, 1981). Во всех археологических последовательностях присутствовал одомашненный крупный рогатый скот и козы, хотя рыболовство и охота также представляли важную часть хозяйственной деятельности. Возделывание зерновых подтверждается наличием обуглившихся зерен сорго в верхних слоях Дайма. Аналогичные стоянки, известные под названием поселений Сао, найдены вокруг озера Чад в Камеруне и Чаде. Сходство было подтверждено материалами раскопок из района Коро-Торо в центральной части Чада и из долин в верхнем течении реки Бенуэ и в префектуре Майо-Кебби.

Находки в других частях Северной Нигерии менее убедительны. Наскальные рисунки изображают безрогий крупный рогатый скот; датировать его появление сложно, но, по-видимому, этот скот старше крупного горбатого скота, который теперь широко распространен в этом регионе. (Найденные в Дайме глиняные статуэтки позволяют предположить, что горбатый скот появился в хозяйстве только около 1000 г. н.э.). Раскопки скального укрытия в Роупе показали, что глиняная утварь использовалась в середине I тысячелетия до н.э., но не найдено никаких достоверных сведений о тех, кто ее изготавливал.

I тысячелетие до н.э. в Гане еще плохо изучено. Исследования в районе города Кинтампо показали, что в более древние времена люди занимались, видимо, и животноводством, и земледелием. Стоянки типа Нтересо показывают, что традиция Кинтампо, описанная в томе II «Истории», скорее всего, просуществовала до начала эпохи обработки металла в течение нескольких последних столетий до н.э.

Далее к северу внутренняя дельта реки Нигер была основной территорией, на которой селились люди в то время. Имевшиеся у них продукты, прежде всего рыба и рис, обменивались на сырье из внутренних районов, и регион процветал. Как будет показано ниже, концентрация разбросанных поселений в дельте привела в течение последних веков до н.э. к росту первого в Западной Африке городского центра в Дженн-Джено.

Несмотря на неполноту и предположительность картины, базирующейся на имеющихся свидетельствах, можно распознать в поздних «неолитических» сообществах в нескольких регионах Западной Африки основы более поздних культур региона. Можно проследить не только их экономические основы до этого периода, но и процесс концентрации и социополитической централизации, имевший большое значение для дальнейшей истории Западной Африки.

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

Раймон Ланфранши

В течение I тысячелетия до н.э. в «атлантическом» регионе Центральной Африки, объединяющем Камерун, Экваториальную Гвинею, Габон, Конго, Западный Заир и Северную Анголу, появилось несколько важных технологических новшеств. Недавние археологические исследования, особенно в Камеруне, Габоне и Конго, позволили получить новые данные об этом периоде, который характеризуется усвоением некоторых сельскохозяйственных приемов «неолитическим» народом, которому была еще неведома обработка металла.

В Центральной Африке неолитический период намного дольше идентифицировался с присутствием шлифованных каменных топоров или мотыг, а также жерновов, в основном найденных на поверхности, где их возраст и археологические ассоциации не могут быть выявлены. Раскопки 1960–70-х гг. в Баталимо в Центральноафриканской Республике и в Гомбе в Заире показали, что эти неолитические каменные предметы часто появлялись вместе с гончарными изделиями. Теперь стало возможным основывать определение неолитического периода по нескольким критериям: шлифованные или полированные каменные инструменты, керамика, жернова и полости с остатками растений, – все это указывает на планомерное использование пространства и более оседлый образ жизни, чем тот, что преобладал в более ранние времена.

Период неолита в этом регионе связывали с первоначальным расселением народов, говорящих на языках банту, из региона Нигера и Камеруна. Лингвистические свидетельства дают основание предположить, что эти народы были земледельцами, выращивали ямс, тыкву и масличную пальму, собирали дикорастущие фрукты, например *Canarium schweinfurthii*, и разводили коз (*Vansina*, 1984), но ничего не знали об обработке металлов.

Как отмечалось в первых томах «Истории», постепенное освоение неолитической технологии и сопутствующего ей образа жизни в районе Грассфилд в Камеруне лучше всего нашли отражение в археологическом исследовании стоянок Абеке и Шум-Лака. Однако больше всего удалось узнать о том периоде благодаря находкам в большой деревне, появившейся около 1500 г. до н.э. и расположенной в пригороде Яунде Обобого к югу от Грассфилда. Деревня располагалась на территории площадью около 2 гектаров, очищенной от леса. Между домами были найдены глубокие ямы с обильными археологическими остатками; исследователь (*de Maret*, 1989) считает, что они вполне могли использоваться для хранения еды, прежде чем их заполнили мусором. Там были найдены очень специфические керамические сосуды с плоским дном, иногда украшенные витыми жгутами. Они встречались вместе с каменными резцами, шлифовальными камнями и с отшлифованными каменными топорами/мотыгами, некоторые из них были сделаны из долерита (разновидности базальта), который добывали 60 км к югу или 130 км к северо-западу от Обо-

бого; это показывает, что уже развивалась какая-то форма торговли или система обмена. Большое количество обугленных орехов и зерен свидетельствует об использовании масличной пальмы и *Canarium schweinfurthii*. Были найдены также семена проса, но пока еще нельзя с уверенностью считать, принадлежали ли они к диким или культивируемым растениям. Вероятно, обитатели стоянки занимались своего рода садоводством и разводили в основном масличную пальму и ямс. Люди селились на территории Обобого, возможно, до средних веков последнего тысячелетия до н.э., равно как и на других аналогичных стоянках в Ндиндане, Окало и Нкомету в регионе Яунде. Таким образом, около 500 г. до н.э. эта территория Южного Камеруна была закрыта довольно плотно расположенными деревьями с ярко выраженной традицией в изготовлении гончарных изделий и других предметов материальной культуры. Ниже будет отмечено, что, по-видимому, жители Обобого ближе к концу их пребывания на этой стоянке уже начали эпизодически осваивать использование предметов из железа.

Археология материковой части Экваториальной Гвинеи остается почти совершенно неизвестна. Остров Биоко (до 1973 г. известный как Фернандо-По) дает археологическую картину этого периода, которая по некоторым важным параметрам отличается от того, что мы имеем в континентальной части. Более ранние фазы остаются неясными, но по крайней мере с первых веков новой эры можно выделить несколько отличительных черт. Поселения, в основном располагавшиеся в то время в прибрежных областях, были примечательны полами из плотно уложенной гальки, как на побережье Карбонерас на окраине современной столицы Экваториальной Гвинеи города Малабо, расположенной на этом острове. Было обнаружено много глиняной посуды, исключительно хорошо сделанной и искусно украшенной (*Van Noten*, 1982). Но эти находки показывают лишь общее типологическое и технологическое сходство с тем, что было произведено в то же самое время в континентальной части. Высеченные или вырезанные украшения изящны и обдуманы. Некоторые сосуды, но далеко не все, имеют плоское дно. Было найдено много орехов масличной пальмы, *Elaeis guineensis*, которые с помощью радиоуглеродного анализа были отнесены к VII в. н.э. Большое количество каменных топоров и топоров-мотыг, нередко частично отшлифованных, производилось из местных вулканических пород. Места производства этих предметов были расположены на нескольких прибрежных участках острова Биоко; существуют указания на то, что эти предметы могли продаваться в континентальной части страны. На Биоко нет запасов железной руды, и жители острова, следовательно, сохраняли сугубо неолитическую технологию до сравнительно недавнего времени.

В районе Либревиля на стоянках вдоль западного берега эстуария реки Габон найдены образцы гончарных

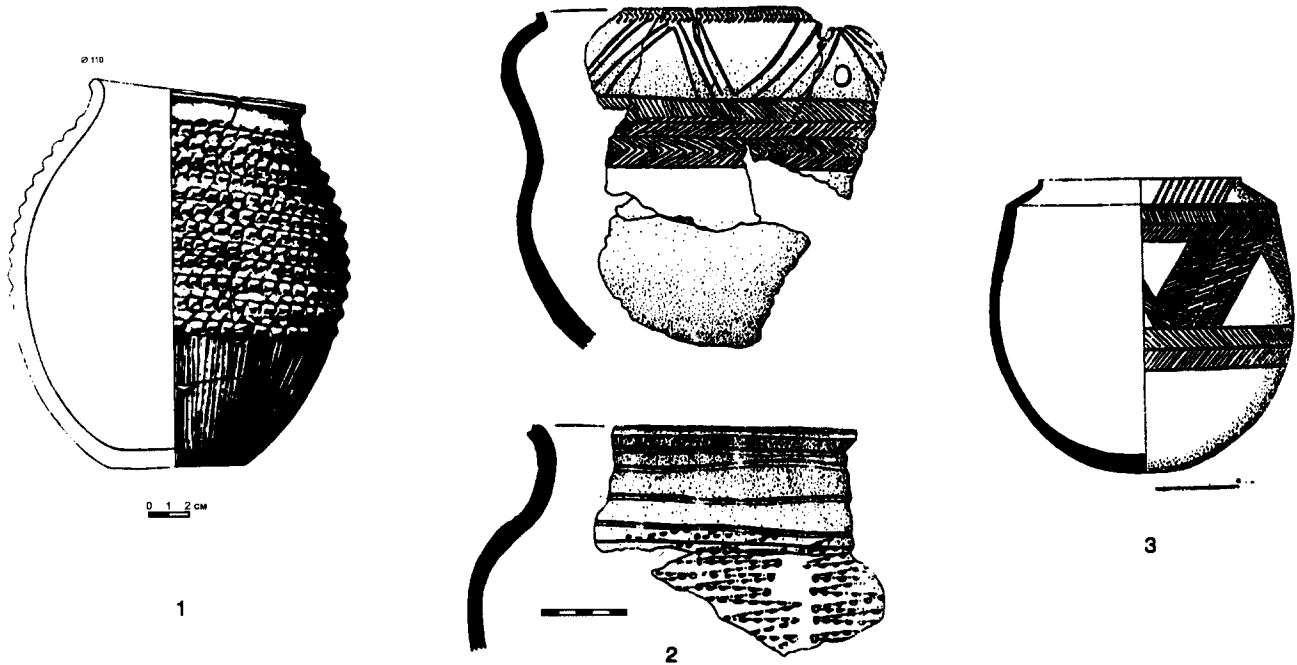

Рис. 19. «Неолитические» гончарные изделия: 1 – со стоянки Обобого, Камерун (по *Claes*, 1985); 2 – со стоянки Окала, Габон (по *Clist*, 1989); 3 – со стоянки Нджодде, Габон (по *Oslishty; Payot*, 1988)

изделий, известные до настоящего времени; их датируют III и II тысячелетиями до н.э. (*Clist*, 1989). Здесь, особенно около реки Денис, гончарные изделия напоминают те, что находят в Обобого, и их находят вместе с каменными инструментами. На наличие и использование пальмовых деревьев указывают и фитоанализ, и наличие фрагментов семян в археологических отложениях. На территории, занимаемой в настоящее время самим городом Либревиль, например в районах Нзогобейок и Овендо, использование гончарных изделий можно проследить начиная с IV тысячелетия до н.э. Эти ранние неолитические стоянки еще плохо изучены, и их датировка требует подтверждения.

Мы располагаем более надежными сведениями о так называемой группе Окала, представленной на ряде стоянок в окрестностях Либривилля, которая достаточно точно была датирована диапазоном от VI до II вв. до н.э. Как и стоянки в Камеруне, относящиеся к этому же периоду, эти поселения отмечены наличием глубоких выкопанных ям, первичное назначение которых остается неизвестным. Шлифованные и полированные инструменты были чаще всего сделаны из зеленого сланца; там же было найдено множество каменных резцов и шлифовальных камней. Характерная для этого места керамика имеет некоторое сходство с изделиями из более ранних стоянок на реке Денис. Теперь известно, что группа окала распространилась по большей части прибрежного региона у реки Огове и на некоторое расстояние вглубь от побережья в леса, вплоть до среднего течения Огове. Об этом, например, известно благодаря находкам, полученным на стоянке Икенге рядом с лагуной Фернан-Ваз, в 100 км к юго-востоку от Порт-Жантлья. Распределение изделий из шлифованного камня, найденных далеко от геологических источников коренной породы, предполагает, что сети товарообмена охватывали расстояния до 200 км.

Наша информация о габонском поселении гончаров, не знавших о металле и не работавших с ним, остается мучительно неполной. Наличие поселений, располагавшихся на территории в несколько тысяч квадратных метров у реки Денис и в Окала, предполагает существование объединяющего центра, однако ямы в Окала, а также многочис-

ленные большие глиняные сосуды могут указывать лишь на временную оседлость. На этих стоянках не было обнаружено никаких останков фауны, и единственным следом растительной пищи являются часто встречающиеся орехи масличной пальмы. Жернова, возможно, использовались для приготовления пищи, однако следует заметить, что природная среда Габона делает выращивание зерновых (также как и разведение большинства видов домашнего скота) маловероятным. Сходство в расположении поселений по восточной стороне эстуария реки Габон наряду с типологией предметов из отколотого камня предполагает некоторую степень преемственности между обитателями этого района, жившими до появления гончарного ремесла. Есть желание заключить, что эта общая, хотя и неполная картина оправдывает классификацию этих стоянок как «неолитических».

Наиболее богатое информацией поселение I тысячелетия до н.э., открытое до настоящего времени, находится на побережье Конго в Чиссанге, около устья реки Квилу (*Denbow*, 1990). Ямы, глиняная посуда, инструменты, изготовленные из обтесанных и отшлифованных камней, шлифовальные камни аналогичны тем, которые найдены на уже описанных стоянках в Камеруне и Габоне. В Чиссанге были найдены два смежных участка доисторического заселения. Западная часть, по всей видимости, относится к VI в. до н.э., и там не найдено никаких признаков знакомства ее обитателей с обработкой железа. Пальмовые зерна дают нам единственное неопровержимое свидетельство о средствах существования жителей. К IV в. до н.э. центр расселения сместился к восточной части стоянки, каменные инструменты встречаются реже, а наличие нескольких железных обломков дает возможность предположить, что либо жители Чиссанги сами начали изготавливать металл, либо они установили контакт с народом, занимавшимся этим. Значение этого будет обсуждено в следующих разделах этой главы.

О наличии неолитических стоянок в области Нижний Заир было известно достаточно давно, хотя только недавно появились доказательства возможности рассмотрения их в осмысленном контексте. Отшлифованные каменные инструменты и глиняные изделия, относящиеся по край-

ней мере к IV в. до н.э., были сделаны на ограниченной территории в 7000 кв. км с центром в нижнем течении р. Заир (Конго). Их находили в пещерах и на открытых стоянках и обозначили группой Нгово (*de Maret*, 1986). У характерных глиняных сосудов узкие, иногда плоские основания, они украшены вырезанными линиями. Как и в других местах на краях экваториального леса, масличная пальма, видимо, играла большую роль в жизни обитателей этих стоянок. Нет доказательств того, что до первых веков н.э. в районе Нижнего Заира знали о металле. Ареал обитания группы Нгово мог достигать северной части того, что теперь является Анголой.

Выше рассмотрены прибрежные атлантические районы и западная экосистема леса и саванны. Теперь надо рассмотреть более отдаленные континентальные участки тех времен. Лучше всего известна группа баталимо-малуба с северных окраин леса, расселявшаяся к югу в лесу вдоль реки Убанги (правого притока реки Конго). Сама стоянка Баталимо, расположенная на самом юге Центральноафриканской Республики, занимает несколько гектаров на северном берегу реки Лобае и, видимо, являлась своеобразной фабрикой по производству отшлифованных каменных топоров/мотыг. Из глиняной посуды характерны сосуды с плоским дном и тщательно выполненным орнаментом. Стоянка Баталимо датируется примерно IV в. н.э. и, несмотря на эту сравнительно позднюю датировку, не несет никаких признаков знакомства ее обитателей с каким-либо видом обработки металла. Это наблюдение особенно важно, поскольку физические условия экваториального леса не способствуют сохранению железа в археологических контекстах. Лесные стоянки около реки, такие как Малуба, на которых найдена глиняная посуда, очень похожая на изделия из Баталимо, могут вполне считаться неолитическими. Как и на других стоянках этого общего периода, в Малуба были найдены глубокие ямы, в которых сохранились остатки орехов масличной пальмы. Археологическая разведка вдоль рек вглубь леса дала возможность предположить, что в то время могло быть широко распро-

странено лесоводство (*Eggert*, 1987). Хотя исследования в этом регионе находятся еще на начальной стадии, кажется логичным считать, что берега рек бассейна Конго (Заир) были плотно заселены по крайней мере 2 000 лет назад.

В связи с этим уместно упомянуть о мегалитических памятниках в районе Буар Центральноафриканской Республики (*Vidai*, 1969; *David*, 1982). Эти сооружения, известные под местным названием *тазуну*, представляют собой невысокие насыпи из камней, на которые поставлены цельные каменные глыбы. Сбоку от насыпи с одной стороны располагаются группы каменных гробниц. *Тазуну* встречаются только на ограниченной территории и почти всегда около воды. Видимо, они были построены между IX и V вв. до н.э., в то время, когда обитатели этого района пользовались «неолитическими» технологиями и системой хозяйствования. Хотя каменные гробницы вполне могли служить для погребения, это могло и не быть исходным назначением *тазуну*.

В настоящее время можно считать, что «неолитическая культура» в атлантическом регионе Центральной Африки является одной из двух культурных областей. В прибрежном регионе найдено свидетельство постепенного распространения гончарного ремесла к югу, возможно, связанное с применением какой-то формы садоводства в течение двух последних веков до н.э. Подобное, возможно, несколько более позднее распространение происходило вдоль северного края экваториального леса и в конечном итоге проникло на юг по основным речным долинам. По сравнению с более древними стоянками охотников и собирателей, неолитические поселения были крупнее, и есть признаки более длительного проживания на них. Скорее всего, мы имеем дело с археологическим отражением постепенного распространения небольших групп земледельцев к югу и юго-востоку от нигеро-камерунской саванны. Эти группы, вероятно, занимали только избранные территории, сосуществуя с местными охотниками и собирателями, которые постепенно ассимилировались с пришельцами.

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Дэвид У. Филлипсон

В начале I тысячелетия до н.э. большая часть Восточной Африки была занята народами, чей жизненный уклад был основан, по крайней мере до некоторой степени, на разведении домашних животных. Процессы, которые привели к такому положению, были описаны в предыдущем томе «Истории». Здесь следует рассмотреть основные черты этих скотоводческих общин, обращая особое внимание на их культурные и технологические черты. Надо подчеркнуть с самого начала, что мы пока не располагаем практически никакой надежной информацией о том, в какой степени эти народы занимались выращиванием продуктовых культур во многих регионах этой части континента. Когда будет выполнено необходимое исследование, то вполне может оказаться, что скотоводческому компоненту в сельском хозяйстве раннего периода Восточной Африки в этих и других социальных образованиях придавалось слишком большое значение.

Разведение домашних животных во многих частях Африки уже долгое время считалось престижным занятием. Это нельзя не связать с тем фактом, что в традиционных африканских обществах скотоводство было почти исключительно мужским занятием. Часто встречающиеся наскальные рисунки в Восточной Африке наряду с большим количеством хорошо сохранившихся костей животных в археологических слоях объясняют, почему мы часто намного больше знаем о скотоводстве, чем о культивировании растений в доисторические времена. Исследователи в области ботаники и лингвистики независимо друг от друга считают, что мы должны еще многое узнать о роли, которую играло культивирование растений в древних восточноафриканских обществах.

В Эфиопии и Сомали наскальная живопись, широко распространенная в высокогорных местностях, подтверждает занятия скотоводством в ранние времена. Хронология этих изображений остается противоречивой, но почти уверенно можно считать, что многие из них принадлежат интересующему нас периоду. Рисунки и, реже, высеченные на камне изображения показывают, что художников и, по всей видимости, самих скотоводов особенно интересовали окрас животных и форма их рогов. Часто подчеркивалось изображение вымени животного, что может свидетельствовать о важном значении производства молока. Эти черты наиболее ярко проявляются в раннем искусстве, следующие произведения отличаются все возрастающей стилизацией (*Brandt & Carder, 1987*).

Особенно интересный рисунок сохранился в Баати-Факада около Адиграта. На нем изображен в несколько стилизованной форме пахарь, направляющий плуг, который тянут два вола (*Phillipson, 1990b*). Хотя точный возраст этого изображения неизвестен, оно представляет ценность само по себе, так как является археологическим подтверждением того, что обработка земли плугом применялась с доисторических времен в этой единственной части Африки

южнее Сахары, где она была известна еще до колониального периода.

В томах I и II «Истории» приводилось доказательство того, что в поздний доисторический период жители на территориях современных Эфиопии и Эритреи выращивали разнообразные растения, как местные разновидности, так и виды, возможно, окультуренные в других местах. Хотя точно датированные свидетельства почти во всех случаях отсутствуют, с большой вероятностью можно считать, что к началу I тысячелетия до н.э., если не ранее, на высокогорье уже существовало основное экономическое разделение между общинами, выращивавшими зерновые культуры на севере, и сообществами, занимавшимися садоводством на юге. По сути, единственное археологическое свидетельство о возделываемых культурах того времени было обнаружено в пещерах Начабьет и Лалибела, расположенных к востоку от озера Тана; здесь были представлены ячмень, нут и некоторые неопознанные овощи, относящиеся к середине I тысячелетия до н.э. (*Dombrowski, 1970*; см. также *Phillipson, 1993*). Связанные с этим орудия труда из слоистого камня дают основание предполагать, что металлургия здесь была пока не известна.

В наскальной живописи особое значение придается крупному рогатому скоту; видимо, эти животные либо имели первостепенный статус, либо играли важную роль в хозяйстве, либо и то и другое. На самых ранних рисунках изображены длинноногие безгорбые животные, а на последующих – коротконогие особи с горбами, возможно, появившиеся из-за Красного моря около VII в. до н.э. Кости крупного рогатого скота были обнаружены археологами в поселениях этого периода в Гобедра около Аксума (Эфиопия), в пещере Лалибела и у озера Бесака к западу от Харардера. Вполне вероятно, что в те времена разводили также мелкий скот (овец и коз); появляется все больше свидетельств, что уже тогда стали использовать верблюдов, особенно на низменных территориях.

Далее к югу в Восточной Африке предпринималось существенно больше археологических исследований и, соответственно, имеется больше информации о некоторых аспектах доисторического развития региона, которому посвящена эта глава. Процесс формирования восточноафриканских пастушеских неолитических сообществ был представлен в томе II «Истории». К VIII в. до н.э. эти общества уже вполне сформировались. Их разнообразная керамика, как и изделия преимущественно из микролитических каменных отщепов, были подробно описаны. Ясно, что металл не обрабатывался, а превосходное каменное сырье, в основном обсидиан, перевозилось на большие расстояния, возможно, благодаря торговле или обмену. Пастушеские неолитические стоянки дали много остеологического материала. В результате мы имеем хорошее представление о мясной части в пищевом рационе, о том, как он в большой степени зависел от успешности охоты, и о под-

ходах к разведению скота (*Robertshaw*, 1989). С другой стороны, у нас почти полностью отсутствуют сведения о том, как использовались растения; по-прежнему ведутся споры о том, занимались ли выращиванием растений пастушеские неолитические народы в Восточной Африке. Некоторые указания на занятия растениеводством могут быть получены из лингвистических исследований и этнографических рассматриваний, а не от археологов. В связи с этим можно считать, что термин «пастушеский неолитический период», прочно укоренившийся в соответствующей литературе, может рассматриваться как вводящий в заблуждение.

Общий уклад, установившийся во второй половине II тысячелетия до н.э., оставался неизменным в большинстве местностей в течение многих последующих веков. Сосредоточенное на возвышенности Мау производство элментейтан оставалось почти без изменений в течение первых веков н.э. Для этого производства характерны большие обоюдоострые обсидиановые ножи, глиняная посуда, обычно без украшений, и обычай кремирования умерших (*Robertshaw*, 1988). В других частях высокогорья Восточной Африки выделить определенные группы значительно сложнее. Методы разведения скота и их интенсивность значительно менялись, впрочем, как и связанные с ними типы каменных и глиняных изделий. Много путаницы возникало из-за использования украшений в качестве основы для распознавания определенных типов керамических изделий. Общая особенность всех этих сообществ, которая отличает их от широко распространенных в то время представителей культуры элментейтан, – это обычай не только кремирования тел умерших, но и их захоронения, часто под каменной пирамидой. В этих захоронениях часто можно найти каменные чаши или подносы, которые находят и на стоянках, но их изначальное назначение остается неизвестным. Скопления животных остатков почти всегда содержат остатки домашних животных, но они встречаются с разной частотой по сравнению с остатками диких видов. В домашних стадах крупный и мелкий скот представлен в разных соотношениях. Можно судить о значительной мобильности населения в связи с широким распространением обсидиана вдали от мест его залегания, в основном вокруг озера Наиваша в Кении. Возможно, эта археологическая разнородность отражает положение, при котором части сообщества или разные сообщества жили в различных условиях, которые заставляли заниматься различными хозяйственными делами, возможно на сезонной основе. Остается только показать, действительно ли эта гипотеза соответствует оценкам тех вариантов, которые определены из археологических данных.

Одно из наиболее содержательных археологических исследований этого восточноафриканского доисторического периода было проведено Робертшоу (*Robertshaw*, 1990) в области Мара в Южной Кении. Приблизительно до 400 г.

до н.э. жители Мара были связаны с территориями на востоке; затем развились связи с представителями культуры элментейтан. Несмотря на обилие диких животных, охотой здесь практически не занимались. Из домашних животных преобладали овцы и козы вместо крупного рогатого скота, особенно в доэлментейтанский период.

Последние исследования дали существенные сведения о бассейне озера Виктория в течение последнего тысячелетия до н.э. Теперь ясно, что гончарные изделия того типа, который известен как керамика Кансьёре, были изготовлены в начале нашего периода, если не раньше. У тех, кто изготавливал эти изделия, был доступ к домашнему крупному рогатому и мелкому скоту задолго до того, как здесь стали обрабатывать железо, о чем говорится далее. Самая полезная информация об этом явлении поступила из раскопок у водопада Того в Юго-Западной Кении, успешно проведенных Робертшоу (1991) и Карега-Мунене (*Karega-Munene*, 1994).

Кажется вероятным, что прибрежные низины Восточной Африки большую часть этого периода были заселены мобильными народами, пользовавшимися каменными орудиями, занимавшимися охотой и собирательством. Однако о них известно мало.

Географическое распространение археологического явления, упомянутого выше, имеет четкие границы. В течение I тысячелетия до н.э. производство пищи (земледелие, скотоводство или и то, и другое) было широко распространено в северной половине Африки: с западной стороны континента самые южные границы этого распространения приближались к устью Конго/Заира, а на востоке оно ограничивалось равниной Серенгети в Танзании. Эти древние сельскохозяйственные народы не имели представления об обработке металла, и их орудия были сделаны из камня, отколотого или шлифованного. Часто и широко встречается керамика. Однако в более южных регионах Африки, видимо, не имели никакого представления ни о производстве пищи, ни гончарных изделий. Об этом не встречается археологических свидетельств, относящихся к субэкваториальной Африке до появления сведений о металле. Следует вкратце поразмышлять над тем, почему это произошло.

Возможно, низкая плотность населения в сочетании с богатыми природными продовольственными ресурсами в более южных регионах саванны являлась слабым стимулом для занятий скотоводством или земледелием. Дополнительным фактором мог также быть традиционный консерватизм населения, говорящего на языке хойсан (*khoisan*), и его давно установившийся образ жизни на основе собирательства. Как бы там ни было, сельское хозяйство в южной половине Африки стало развиваться лишь с началом крупномасштабного передвижения населения, которое было связано с появлением обработки металла.

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРИМЕНЕНИЯ МЕТАЛЛА

Нванна Нзевунва (ред. Дэвид У. Филлипсон)

Илл. 89

До недавнего времени многие исторические, археологические и антропологические реконструкции ставили социально-экономическое развитие Западной Африки в зависимость от региона Сахары или более северных регионов. Недавнее исследование заставляет сильно усомниться в правильности подобных выводов (*McIntosh & McIntosh*, 1988, p. 101).

Развитие земледельческих общин в Западной Африке было описано в предыдущих томах «Истории», а об их расцвете в начале последнего тысячелетия до н.э. будет сказано далее. По археологическим данным в средние века этого тысячелетия оседлый образ жизни в земледельческих деревнях получил широкое распространение, и в некоторых районах стали развиваться обработка металла и создаваться высококачественные художественные произведения, особенно из глины (*Fagg*, 1959; *Show*, 1978). Мы еще многого не знаем о деталях этого явления и об обществах, с которыми оно связано. Чтобы заполнить эти пробелы, требуются дальнейшие археологические исследования на соответствующих территориях. Однако вполне вероятно, что с течением времени структура этих сообществ постепенно усложнялась.

На основе существующих на настоящий момент данных можно предположить, что к началу I тысячелетия н.э. в Западной Африке уже существовали те условия, которые давали возможность населявшим ее народам получить более сложную социальную структуру, развивать технологии, укреплять местные и региональные торговые контакты, положить начало взаимодействию и взаимозависимости сообществ и способствовать специализации и разделению труда внутри отдельных обществ групп. Эти важные факторы привели к накоплению богатства, повышению спроса на товары потребления, расслоению общества, укрупнению поселений и развитию городских центров, персонификации власти и привлечению других народов Сахары с целью приобретения желаемых товаров или услуг. Это лишь некоторые из тем, рассмотренных в данном разделе в попытке осветить этот важный, но плохо изученный период в прошлом Западной Африки.

Недавние археологические исследования в департаменте Агадес в Нигере, в основном на стоянках Акватен, Азелик, Афундун и Секирет, дали новые и несколько противоречивые сведения о раннем этапе плавления меди в Западной Африке. Утверждения, что эта деятельность могла возникнуть уже за 2000 лет до н.э., теперь поставлены под сомнение, хотя во II тысячелетии из местной меди изредка ковались наконечники стрел и другие мелкие предметы. Тем не менее, было подтверждено наличие обработки металлов в районе Азелик между 800 г. до н.э. и 100 г. н.э., как и то, что в последующие века она интенсифицировалась. Произведенными изделиями, в основном наконечниками стрел, ножами и булавами, торговали

вплоть до плато Аир, т.е. на расстоянии приблизительно в 300 км к северо-востоку.

В то время в районе Акьют в Мавритании добывали малахит. Анализ инструментов из меди со стоянок, широко рассеянных по Южной и Западной Мавритании, показывает, что металлы были получены из этого региона, а не завезены с севера, как думали раньше. По сообщению Тилманса и Равиза (*Thilmans & Ravise*, 1980 г.) в Сенегале, в Синтиу Бара с V в. н.э. применялась технология литья меди. Здесь, по-видимому, развились традиции обработки меди и бронзы, предшествовавшие появившимся позднее во многих частях Западной Африки, более всего в таких местах, как Игбо-Укву и Ифе. Не может оставаться никаких сомнений в том, что технологии, применявшиеся для плавления и литья, в основном были местными изобретениями, мало похожими на технологии обработки меди, применявшиеся в других регионах. С другой стороны, применение меди в Западной Африке, по всей видимости, не предшествовало обработке железа, или процесс расширения использования меди не зависел от соответствующего развития производства железа.

Исследования раннего периода обработки железа в Западной Африке сосредоточивались главным образом на вопросе, был ли этот технологический процесс местным изобретением или он появился в результате распространения или каким-либо иным способом с севера от Сахары. Объем надежных данных для ответа на этот вопрос или хотя бы для иллюстрации и датировки использовавшихся технологий, к сожалению, мал. Слишком много внимания иногда уделялось отдельным датам, полученным путем радиоуглеродного анализа, хотя признавалось, что сложно устранить влияние на точность измерений древесного угля, полученного из использовавшейся для плавления металла старой твердой древесины, и проверить результаты измерений радиоуглеродного возраста, связанных именно с этим периодом. Например, в До-Димми в Нигере в связи с обработкой железа упоминают единственную дату — около 750 г. до н.э., хотя соответствующее поселение, по всей вероятности, примерно на 1000 лет моложе.

Возможно, наилучшими свидетельствами о раннем этапе железного века в Западной Африке служат стоянки археологической культуры Нок с центром на плато Джос в Нигерии. Этот район впервые привлек внимание археологов, когда при разработке аллювиальных залежей для производства олова были найдены хорошо смоделированные антропоморфные и другие глиняные фигурки. Раскопки в Таруга показали, что эти фигурки были связаны с находками, подтверждающими факт плавления железа: двадцатью местами скопления железного шлака и несколькими печными постройками, имеющими топку с низкошахтными печами и с жидким шлакоудалением. В Таруга было найдено тринадцать печей, и радиоуглеродным методом было получено несколько дат, относящихся

к V, IV и III вв. до н.э. Поскольку на этой стоянке не найдено никаких изделий из камня, можно сделать вывод, что ее обитатели в то время пользовались только железными предметами (Show, 1978, p. 80).

Открытия в Нок показывают, что западноафриканские традиции изготовления фигурок уходят в глубь I тысячелетия до н.э. Эти фигурки из терракоты, изображающие мужчин и женщин, дают нам ценную информацию о деятельности людей, их одежде, прическах, физических данных и недостатках. Представлены также животные, в частности обезьяны, слоны и змеи. Предполагалось (Show, 1978, p. 82), что нокиские фигуры могли быть сделаны и использоваться в связи с культами, касающимися плодородия земли. Если это так, то стилистическое сходство с фигурными изображениями более поздних периодов могло отражать сходство их функций. К первой половине I тысячелетия н.э. фигурки из терракоты, обладающие отчетливой местной стилистикой, производились в нескольких значительных удаленных друг от друга районах: во внутренней дельте реки Нигер, в районе Каиньи в Нигерии и на равнинах, примыкающих к озеру Чад.

В регионе Каиньи-Дам, в долине среднего течения Нигера разведывательная археологическая экспедиция в конце 1960-х гг. обнаружила следы множества древних поселений людей, использовавших железо. Поселения относились к периоду между II и V вв. н.э., как и поселения в Июла, Ба и Улаира. Печи были сделаны примерно по тому же типу, что и найденные в Таруга.

На нескольких стоянках в Гане, особенно в области Бронг-Ахафо вблизи Бего и Атветвебусо, были найдены подтверждения существования обработки металла между II в. до н.э. и III в. н.э., но в публикациях было досадно мало сказано о типах применявшихся печей и металлических инструментах. Когда результаты исследований в Дабоя будут полностью опубликованы, они могут прояснить переход от изготовления каменных орудий к металлургии.

В Северной Нигерии пока не найдено следов использования железа ранее второй половины I тысячелетия н.э. Аналогично, далее к западу, в Сенегале, самые ранние случаи обработки металла обнаружены в Синтиу-Бара и относятся к периоду между V и VIII вв. н.э. (Thilmans & Ravise, 1980). Там применялись низкие печи с топкой и жидким шлакоудалением. Достоверность подобных отрицательных результатов не следует переоценивать из-за ограниченного объема предпринятых до настоящего времени археологических исследований.

Таким образом, в целом есть достаточно фактов, свидетельствующих о применении металлургических процессов во многих частях Западной Африки примерно со средних веков I тысячелетия до н.э. Обработка меди сначала велась только там, где была подходящая руда; гораздо более распространенной была обработка железа. Как только люди овладели соответствующей технологией, она, по видимому, быстро переносилась в другие регионы. Нетрудно увидеть ее адаптивные преимущества. Несмотря на трудоемкость металлургического производства, железные орудия труда значительно облегчили обработку почвы, а также, при необходимости, очистку участков земли от естественной растительности. Усовершенствованные методы ведения сельского хозяйства позволяли большому количеству людей существовать на определенной земельной площади и легче основывать поселения в лесных районах. Наличие в этом регионе руд и других ресурсов (особенно каменного угля), необходимых для производства металла, служило стимулом для налаживания сетей обмена. Возросшая плотность населения и развитие обмена между регионами, возможно, способствовали накоплению богатства и политической власти в руках отдельных людей или групп. Чуку и Нзевунва (Chuku & Nzewunwa, 1990) показали, что металл в Восточной Нигерии использовался

как символ определенного статуса и власти; сходное явление было широко распространено и в других частях Западной Африки. Металл использовался в обрядах, церемониях посвящения, в качестве денег и для производства символов власти. Поэтому легко увидеть взаимосвязь между металлом, особенно железом, и развитием социальной и политической комплексности в западноафриканских обществах.

Следует также обратить внимание на два типа погребальных памятников, которые, хотя и недостаточно изучены, относятся, по-видимому, к рассматриваемому периоду. Могильные холмы широко распространены в саванне от Сенегала и Гамбии до излучины реки Нигер. Некоторые из них представляют собой большие и тщательно построенные сооружения. Современные детальные раскопки могли бы дать много ценной информации о погребальных обычаях, с которыми эти холмы связаны. В Сенегале и Гамбии мегалиты, среди которых круги из камней и одиночные обтесанные камни, видимо, являются (по крайней мере в некоторых случаях) столь же древними, как и большие антропоморфные каменные резные изображения в Эзи и в районе р. Кросс в Нигерии.

Многие историки, рассматривая начальный этап развития торговли в Западной Африке, сосредоточивались почти исключительно на транссахарских связях, и в результате местные сети товарообмена внутри самой Западной Африки почти не были удостоены научного внимания. Транссахарская торговля хорошо описана в письменных арабских источниках, которые сами часто служат ориентирами для тех, кто занимается археологическими изысканиями. Археологическое признание существования торговли или обмена предусматривает возможность определить предметы или товары, которые перевозились отовсюду; даже сейчас необходимый охват исследований выполнен лишь в некоторых районах. Также следует признать, что многие из этих предметов редко, если вообще такое случается, сохраняются в археологических слоях.

На самом деле нет убедительного доказательства того, что транссахарская торговля развилась в сколько-нибудь значительной степени до VIII в. н.э. Как будет обосновано в следующем томе «Истории», примерно в конце I тысячелетия н.э. развитие этих весьма протяженных торговых связей могло способствовать заметному усложнению социально-политических отношений в некоторых регионах Западной Африки. Во всяком случае, в этом контексте следует особо подчеркнуть, что основы были заложены в течение 1000 лет, предшествовавших VIII в., и это в основном (а может быть – исключительно) был местный процесс.

Уместно попытаться рассмотреть жизнь в Западной Африке в течение 1000 лет между появлением металлургии и формированием транссахарской торговли. Несмотря на незначительное внимание, которое ранее уделялось этому периоду, ясно, что этот период имеет первостепенное значение для последующего расцвета культуры Западной Африки. Действительно, некоторые арабские путешественники в конце I тысячелетия н.э. отмечали социальную и политическую сплоченность народов, с которыми они встречались к югу от Сахары, упоминали о масштабах их городов, их богатстве, армиях и сложности погребальных обрядов. Многие из этих особенностей отражены в исследовании, проведенном С. и Р. Макинтош (S. и R. McIntosh, 1980) в Джени-Джено во внутренней дельте реки Нигер. И Коумби-Салех, и Авдагаст до VIII в. уже были городскими поселениями. Теперь известно, что аналогичные процессы происходили южнее, на территории современной Ганы. Городское развитие в Боно-Мансо может быть отнесено к III или IV в. н.э. Обширная торговля, которая велась в Бего в VII–XII вв. и сделала его основным местом обмена продуктов леса и саванны, зародилась еще во II в.

АКСУМСКОЕ ЦАРСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭФИОПИИ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Франсис Анфрэ

Илл. 90, 91

Поздний доисторический период Эфиопии остается мало изученным. Большая часть сведений поступает не в результате археологических раскопок, а благодаря изучению наскального искусства и лингвистических исследований. Понятно, что производство продуктов питания, включая разведение крупного рогатого скота и различные формы земледелия, имело место в нескольких районах в течение последних тысячелетий до н.э. Вместе с тем мы располагаем значительно более объемной информацией о Северной Эфиопии и частях Эритреи начиная примерно с VI в. до н.э., и имеем доказательства быстро нарастающей социально-политической сложности общественного устройства.

В нескольких местах, особенно в Йеха, Хаулти и Матара, крупные общины стали жить вместе в больших поселениях (*Anfray*, 1990 г.). Эти общины и их культура обычно известны под не вполне подходящим названием «предаксумские». Здания аккуратной каменной кладки, монументальные каменные скульптуры, надписи, изделия из металла и керамики – все это свидетельствует о технологических достижениях жителей этих поселений. В самой Эфиопии не найдено следов становления этих технологий, и очень вероятно, что некоторые аспекты этой культуры, особенно надписи, скульптура и некоторые особенности архитектуры могли быть заимствованы в Сабейском царстве на юге Аравии и, возможно, принесены пришельцами из этого региона. Наиболее примечателен дошедший до нас «предаксумский» памятник – великолепный храм в Йеха в провинции Тигре, стены которого, сложенные из хорошо обтесанного камня, до сих пор поднимаются на высоту 11 м.

Особенно информативными являются надписи, которые сообщают нам о существовании царства, названного ДМТ (Даамат?), а также имена царей и богов. Но, несмотря на значительное сабейское влияние, которое, несомненно, оказывалось на царство Даамат, не стоит недооценивать местные элементы эфиопской культуры того времени. Существовали также связи с долиной Нила на западе: алебастровый кувшин из гробницы Дааро-Микаел в Йеха идентичен экземплярам VI в. до н.э. из Нури в Судане. Железное оружие и инструменты из Йеха и Хаулти могут служить указателями подобных связей с Мероитским царством начиная с VI в. до н.э.

Особенно мало известно о Северной Эфиопии в период между III в. до н.э. и I в. н.э. Ни один из памятников или формальных надписей не может быть с какой-либо уверенностью отнесен к этому так называемому промежуточному периоду. Росписи в Эритрее дают нам только имена некоторых людей и божеств. Две украшенные изображениями цветов и животных бронзовые чаши, найденные в Адди-Гелемо, возможно, были привезены из Мероэ. Сведе-

ния о более поздних периодах позволяют утверждать, что многие черты ранних этапов должны были сохраниться до этого времени, но мы не располагаем соответствующим первичным археологическим материалом. Однако именно на этой малоизученной культуре переходного периода основывалась цивилизация Аксум.

Впервые название «Аксум» встречается в труде «Опасности Эритрейского моря» – навигационном руководстве, написанном по-гречески, скорее всего, купцом из Александрии (*Casson*, 1989), и относится к концу I в. н.э. В этом документе упоминается «город народа, называемого аксумами», и говорится, что город расположен в восьми днях пути от Адулиса, древнего порта на побережье Красного моря недалеко на юг от современного порта Массауа. Во II в. н.э. название «Аксум» появляется в «Географии» Птолемея. Эти авторы дают нам самые ранние свидетельства, связанные с землями и рынками Аксума и его торговлей различными товарами, среди которых, видимо, самым важным была слоновая кость. Впервые в эфиопском тексте название «Аксум» появляется в надписи, выгравированной около 200 г. н.э. на металлическом предмете, найденном в Адди-Гелемо в восточной провинции Тигре.

Древняя столица Аксум располагалась на плато Тигре на высоте 2100 м над уровнем моря (*Kobishanou*, 1979; *Munro-Hay*, 1991). Это место с севера защищено двумя высокими холмами Бета-Гийоргис и Мей-Кохо, а к югу от него простирается широкая равнина. Современный город Аксум покрывает большую часть древнего поселения. Изобилие строительного камня, воды и, без сомнения, дерева способствовало выбору этого места, ставшего рынком на пересечении торговых путей, благодаря которым разнообразные товары перемещались между внутренними районами и побережьем Красного моря. Плиний в своей «Естественной истории» отмечает, что порт Адулис служил торговым центром, где шел обмен товаров и сырья из внутренних районов на предметы роскоши из Средиземноморья и, в меньшей степени, с побережья Индийского океана.

Аксум быстро превратился в столицу – метрополис (именно это слово используется автором труда «Опасности Эритрейского моря» для описания города в конце I в. н.э.) царства, приблизительные границы которого проходили по р. Такказе на западе и Красному морю на востоке, Барке на севере и предгорью Алаги на юге. Таким образом, территория царства охватывала большую часть современных провинций Тигре и Эритрея.

Некоторая полезная информация об Аксумском царстве, относящаяся приблизительно к III в., получена из надписи, издавна известной как «адулитанский памятник» (*Monumentum Adulitanum*). Оригинал этого текста, высеченного на греческом языке на каменном троне, который

был установлен на окраине Адулиса, был утерян, но дошел до нас в записи, сделанной в VI в. купцом Космасом Индикоплеустом (*Cosmas Indicopleustes*). Этот хвалебный текст аксумского царя, чье имя, к сожалению, не сохранилось, содержит перечень двадцати племен, в основном обитавших в «негостеприимных горах», окружавших территорию Аксума. В тексте указывается, что правитель вел войну против этих народов и отделил для себя часть захваченной добычи. Далее перечисляются военные кампании на другой стороне Красного моря, на территории «от города Лесуке до земли сабейской» в Аравии. Эта информация согласуется с тем, что написано в южноарабских текстах III в. о присутствии эфиопов и аксумов к востоку от Красного моря.

Самое важное в этих текстах – то, что вместе они свидетельствуют о постепенном росте могущества царства Аксум, в основном за счет соседних стран, над которыми оно стало властвовать. Этот процесс достиг кульминации в III в., когда персидский автор Мани написал примерно в 240 г. н.э., что «в мире есть четыре великих царства: первое царство – Вавилон и Персия; второе – Римская империя; третье – царство Аксумское и четвертое – царство Силис [Китай?]. Таким образом, первые три века н.э. были периодом высокого и все возрастающего уровня благосостояния аксумов, которые, безусловно, участвовали в процветавшей в то время торговле на Красном море. Именно в это время были отчеканены первые монеты царства. На золотых, серебряных и бронзовых монетах был изображен правящий царь и на греческом языке выбито его имя и полный титул. Благодаря этому мы знаем, что правителями в то время были Эндибис, Афилас, Усанас и Вазеба; на этих ранних монетах изображены старые религиозные символы: диск и полумесяц.

Царь Эзана был выдающейся фигурой Аксума в IV в. Даты начала и конца его правления точно не известны, но, по некоторым данным, это был период между 330 и 356 гг. н.э. В частности, это следует из эпитафий и римских источников, включая письмо от императора Констанция II и «Церковной истории» Руфина Аквилейского. Имя Эзана запечатлено в нескольких обнаруженных в Аксуме надписях. Написанные на греческом, южноарабском и эфиопском языках, они сообщают подробности о военных кампаниях, направленных против врагов Аксума, среди которых особо выделены кочевники народа беджа. Величественный стиль и перечень титулов, приведенный в начале надписей, помогают нам оценить если и не действительный масштаб владычества Аксума, то по крайней мере притязания царя на регионы, по большей части не находившиеся под его прямым контролем. В первых строках одной из этих надписей о походе против Ноба говорится:

«Властью от Господа Небесного, который как на земле, так и на небе способствовал моим победам, я, Эзана, сын Элла-Амида из Галена, царь Аксума и Химьяра, и Райдана, и Саба, и Сейамо, и народов Беджа и Сасу, царь царей, сын Элла-Амида, непобежденный врагами...»

Во время правления Эзана произошло событие, имевшее огромное значение для всей последующей истории Эфиопии – принятие христианства. Необходимо отметить, что в приведенной выше надписи царь отдает себя под покровительство «Господа Небесного», а в другом месте он называет себя «служителем Христа». Свидетельство об обращении в христианство было записано в «Церковной истории» Руфина Аквилейского ближе к концу IV в. Молодой человек из Тира по имени Фрумент (*Fruventinus*), путешествуя с приключениями вокруг Красного моря, попал ко двору царя Аксума и далее отправился в Александрию. Там он встретился с патриархом Афанасием, который посвятил его в сан епископа. (Афанасий сам вступил в этот

сан в 328 г. н.э.) Возвратившись в Аксум, Фрумент занялся распространением христианства в форме, принятой Никейским собором. Позже, в 356 г., римский император Констанций II написал правителям Аксума, убеждая их принять оппозиционную доктрину Ария, но эта попытка была неудачной.

Постепенно христианство укоренилось в стране, хотя мы ничего не знаем о том, как была продолжена деятельность Фрумента. Сохранялось сильное египетское влияние, и церковь Аксума выступала сторонником монофиситства. С тех пор и до настоящего времени эфиопская церковь оставалась сильно зависимой от египетской церкви. Следует добавить, что именно благодаря прозелитизму монахов из Египта и, возможно, из Сирии в Северной Эфиопии были заложены основы монашеской жизни и учреждены монастыри, многие из которых сохранились до наших дней.

В VI в. Аксумское царство переживало новый период экспансии. Подстрекаемый Византией царь Калев дважды вторгнулся на юг Аравии. Бывший около 517 г. в Адулисе Космас Индикоплеуст записывает в своей «Христианской топографии», что «во время моего пребывания там, в начале правления Юстиниана, римского императора, Эллат-забаас (Калев), тогдашний царь аксумов, готов был пойти войной на гимьяритов». Калев действительно ввязался в эту войну в 518 г. и снова в 525 г. в качестве ответного удара против Ду-Нуvasа, араба иудейского вероисповедания, который плохо обращался с христианами. Калев одержал победу, и аксумы посадили на трон в Сана гимьярита-христианина. Вскоре после этого корону захватил абиссинец Абраха. Южная Аравия оставалась под своего рода аксумским протекторатом до примерно 572 г., когда там стали хозяевами персы.

Тем временем экономическая жизнь в Аксумском царстве процветала. Развивалась торговля с внутренними регионами. Космас имеет в виду эту ситуацию, когда описывает сделки аксумских купцов, искавших золото в земле Сасу, стране к западу от «земли ладана, называемой Барбарией и расположенной на самых окраинах Эфиопии... на берегах Океана». Эти купцы отправлялись с народом агавы, говорящим на кушитском языке, на юго-запад, поскольку «раз в два года царь Аксума через вождя агавов отправляет своих людей туда за золотом. ... Там будет найден источник реки Нил». На востоке, в Барбарии жители «отправляются во внутренние земли, торгуют там и привозят оттуда ладан, кассию, сладкий тростник и многие другие товары; они вывозят их морем в Адулис».

К концу VII в. начался спад. Сначала конкуренция со стороны народа саса, а затем – распространение ислама привели к снижению экономической активности. Высокогорное царство постепенно оказалось отрезанным от внешних связей, попало в изоляцию и вернулось к своим традициям. Городские поселения были разграблены. Вероятно, к значительной части этих разрушений были причастны беджа. В VII в. на Адулис нападали пираты. Аксум пришел в упадок.

Городская жизнь в Аксумском царстве скорее всего началась в I в. н.э. Города того времени также служили местными рынками и, возможно, благодаря этому возникали. Наиболее содержательным источником в этом отношении служит навигационное руководство «Опасности Эгейского моря», в котором говорится о «городах-рынках». Есть основание верить, что международная торговля была основным фактором в развитии городов, потому что именно в это время благодаря развитию мореплавания на Красном море прибрежные территории завязали постоянные торговые контакты с Римской империей в Восточном Средиземноморье.

После более чем вековых исследовательских попыток археологи обнаружили в высокогорьях Эфиопии руины многочисленных древних поселений, которые, без сомне-

ния, были городскими центрами (*Munro-Hay*, 1991; *Anfray*, 1990). Во II в. Птолемей упоминал Аксум, «где находился царский двор», а также города Колое и Масте.

Возникает следующий вопрос: не возникла ли эта процветающая аксумская цивилизация, обладавшая по крайней мере к III в. множеством высоко ее характеризующими особенностями, из более древней традиции, уходящей за пределы I тысячелетия н.э.? На настоящий момент нет практически никаких доказательств, ни археологических, ни эпиграфических, того, что сам Аксум существовал как город до I в. н.э. Однако большинство других поселений аксумов было построено на местах, населенных еще до времен Аксумского царства. Таким образом, эти два периода не совсем лишены преемственности, что следует из ряда других исследований. На начальном этапе, например, в аксумском письме проявляется сходство с рукописным шрифтом, преобладавшим в ранние времена. Одна из особенностей – обычай писать слова внутри глиняных сосудов – также является общим с предаксумским периодом. В аксумской архитектуре воспроизводится ряд более ранних черт, например выполненный ярусами цоколь. В религии эмблема в виде диска и полумесяца по-прежнему воспроизводилась на стелах и монетах в III в., а надписи указывают на продолжение поклонения богу Астар. Все эти черты подтверждают предаксумские корни аксумской культуры.

Несмотря на эти признаки преемственности, факты показывают, что в период Аксумского царства его цивилизация во многих отношениях обновилась. Материальная сторона полностью развилась к III в., что, возможно, нагляднее всего проявилось в архитектуре.

В VI в. Космас Индикоплеуст видел в Эфиопии царскую резиденцию «с четырьмя башнями». Нет полной уверенности, что это здание находилось в самом Аксуме, но из дошедших до нас археологических остатков очевидно, что в столице царства были замечательные строения. В 1906 г. участники немецкой экспедиции в Аксум (*Littmann et al.*, 1913) обнаружили памятники и основания трех просторных строений в старом городе. Одно из них (не самое большое) занимало прямоугольную площадь со сторонами 120 м и 80 м, а внутри располагалось центральное квадратное здание площадью 24 на 24 м. Центральное здание соседнего строения имело площадь 35 кв. м. Относительно недавно в западной части Аксума было обнаружено аналогичное строение, занимавшее площадь более 3 тыс. кв. м. Сорок комнат окружают расположенное на возвышении центральное здание площадью 18 кв. м и состоящее из семи комнат, в которые ведут массивные лестницы. Эти руины свидетельствуют о мастерстве строителей Аксума в использовании камня и связующего раствора. Массивные квадратные или прямоугольные здания стояли на ступенчатых или ярусных цоколях. Линии стен представляют собой чередование выступов и ниш, высота стен постепенно нарастает с повышением высоты основания. В строительстве широко применялась древесина – для балок, перекрытий и стропил, для дверных и оконных проемов. Разрушение этих деревянных фрагментов зданий показывает, что открытые аксумские руины часто являются неустойчивыми.

Эти черты характерны не только для гражданской архитектуры, но и для религиозных зданий. Две аксумские церкви на холме Бета-Гийоргис в плане напоминают базилики, что отражает требования традиции, появившейся в Восточном Средиземноморье. Другие руины, располагающиеся под собором XVII в. к северу от Аксума, показывают, что эти святилища построены по той же архитектурной модели. В остальном строении этих зданий воспроизводит описанные выше общие черты.

В Аксуме и других городах возводились огромные монолиты. Шесть из них находились в столице. Они имеют разную высоту, но все производят большое впечатление;

они были покрыты тонкой резьбой, имитирующей многоэтажные здания. Из этих гигантских стел выстояла только одна высотой 22 м. Самая высокая стела, теперь упавшая, была высотой более 33 м; считают, что это был самый высокий монолит, когда-либо воздвигавшийся людьми. Значение этих памятников понятно еще не до конца. Их сходство с надгробными памятниками не оставляет сомнений в том, что они как-то связаны с захоронениями, но не ясна причина выбора такой архитектурной формы. Есть основания полагать, что они были воздвигнуты в честь великих царей Аксума III–IV вв. н.э. Раскопки 1973 и 1974 гг., которые проводил Невилл Читтик (*Neville Chittick*), показали монументальную природу надгробий, связанных с самыми большими стелами (*Munro-Hay*, 1989). Наиболее примечательна огромная каменная плита, известная как *Нефас Майча* (*Nefas Mawcha*), имеющая размеры 17,5 м на 6,5 м и толщину 1,3 м, которая, по всей видимости, укрывала основную гробницу.

Примерно к этому же периоду принадлежат более двух десятков массивных гранитных плит площадью около 2,5 кв. м с углублениями в верхней части, как будто для ножек кресла. Вероятно, это «троны», упоминавшиеся в ряде аксумских царских надписей, которые устанавливались правителями в качестве символов своей власти и отдавались под защиту главного божества.

В Матаре на высокогорьях Эритреи, в 140 км к югу от Асмэры, можно различить контуры аксумского города. Руины очень обширные, занимают несколько гектаров и располагаются вокруг крутого холма Амба-Саим (*Anfray*, 1963). Вероятно, разбросанные по равнине развалины принадлежат единой городской агломерации. Однако основная часть расположена у северного подножья холма и охватывает около 2 гектаров. Были раскопаны несколько групп зданий: элитные резиденции, комплекс домов простых жителей, разделенный узкой улицей, и три христианских святилища в сочетании показывают основные особенности этой части старого города. Как и в Аксуме, самые главные комплексы сооружений – прямоугольные, состоящие из центрального здания, окруженного дворами и внешними зданиями. Обычные дома были тесно поставлены вдоль больших гражданских или религиозных зданий без какого-либо явного плана. В целом город отличался высокой плотностью заселения, и, по всей видимости, вокруг него не было никаких защитных укреплений. Без сомнения, в I в. н.э. Матара была одним из торговых центров, упомянутых в «*Опасностях*»; жители Аксума вели торговлю не в самом городе, для нее было специально отведено место неподалеку.

Адулис располагается в 50 км к югу от современного города Массауа и в 4 км от современного побережья; среди покрывающей это место растительности попадаются груды гальки. Развалины древнего города охватывают прямоугольную площадь примерно 500 м на 400 м. В восточной части в результате раскопок 1906 г. были обнаружены фундаменты двух зданий, план которых соответствовал плану базилики и включал основной неф с боковыми приделами. В самом большом из этих зданий находилась купель для крещения. Эти строения могли быть построены в V в., когда, как мы знаем, в Адулисе действовала христианская община во главе с епископом по имени Моисей. В 1961–62 гг. при небольших раскопках в западной части Адулиса была обнаружена территория, занятая домами простых жителей. Находка бивня слона напоминает об одной из основных статей вывоза этого порта и о его связях с аксумскими городами, расположенными на плато. Действительно, архитектура всех зданий, откопанных в Адулисе, имеет типичные аксумские черты, как и найденные здесь керамические и металлические изделия. Найденное в Адулисе большое количество аксумских монет подтверждает экономическую важность порта.

Было установлено, что аксумский шрифт происходит от рукописной формы южноарабского письма, чему в Эфиопии существует археологическое подтверждение, относящееся, вероятно, к середине I тысячелетия до н.э. Самые старые известные нам образцы протоэфиопского письма содержатся на двух дощечках из аспидного сланца, найденных в Матаре в пласте, относящемся примерно к середине II в. н.э. На каждой из дощечек нанесено несколько строк; не все слова были разгаданы специалистами в эпиграфике; по-видимому, в основном это цифры и имена собственные. Эксперт Р. Шнайдер (*R.Schneider*) считает, что «их приемы письма свидетельствуют о чертах, типичных для собственно эфиопского письма». Еще на одной табличке, найденной в 1955 г. в Сафра в Эритрее, нанесен текст из семидесяти девяти слов, относящийся к натуральному налогу.

Это древнее письмо было консонантное, а отметки о гласных появились лишь в середине IV в., когда эфиопский алфавит или слоговая азбука приняли определенную форму. Классический эфиопский язык этих надписей (*Drewes* и *Schneider*, 1976) явно принадлежит к южной семитской языковой группе и распознается как ранняя

форма геэза (эфиопского языка), языка литургических текстов эфиопского христианства.

Мало что известно о религии Аксума до принятия христианства в IV в. Нет никаких внешних источников информации, а эпиграфические сведения неопределенны. Из богов преаксумского периода только один, Астар, видимо, сохранил место в пантеоне Аксумского царства, в который входили и другие божества: Махрем Непобедимый, породивший царя, и боги земли Бехер и Медер. Надписи рассказывают, что подношения этим богам включали статуи, троны, скот и пленников, хотя подробности нам не ясны.

С приходом христианства древние культы и их атрибуты исчезли. На памятнике единственным официальным символом, широко воспроизводимым, остался крест. Не было обнаружено никаких остатков дохристианских святилиц, но в Аксуме, Адулисе, Кохайто, Матаре и других местах сохранились развалины церквей. Некоторые из них были построены над склепами, что, возможно, связано с культом почитания святых. В нескольких местах были обнаружены монастыри, которые позднее играли ключевую роль в передаче до наших дней аксумского наследия, главного компонента эфиопской культуры.

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКИ

Дэвид У. Филлипсон

Илл. 92, 93

Основные экономические и культурные преобразования, имевшие чрезвычайное значение и послужившие основой дальнейшей истории Центральной, Восточной и Южной Африки, происходили между VII в. до н.э. и VII в. н.э. Для изучения этих преобразований проводились исследования, прежде всего археологические, хотя и другие научные дисциплины, такие как лингвистика, антропология, ботаника и зоология, внесли важный вклад. Основным препятствием для проведения связанного анализа, попытка которого предпринимается в данном издании, является весьма неравномерный охват различных территорий археологическими исследованиями. В некоторых областях, особенно в лесистых частях бассейна реки Конго (Заир), условия не способствуют сохранению археологических остатков и есть важные материально-технические проблемы, препятствующие проведению исследований на местности, поэтому предыстория этих регионов остается плохо изученной. В начале рассматриваемого периода, около 700 г. до н.э., большая часть Центральной, Восточной и Южной Африки, по всей вероятности, была заселена исключительно народами, занимавшимися охотой и собирательством. Типы их поселений, хозяйственный уклад, технологии, системы верований и образ жизни в целом были весьма многообразны на этой огромной территории, отличающейся большим разнообразием окружающей среды, что уже отмечалось в предыдущих томах «Истории». Эти факты далее рассматриваться не будут, поскольку эта глава посвящена развитию сельскохозяйственного уклада, который к середине I тысячелетия н.э. широко распространился почти во всех частях региона.

Как было показано выше, в данную группу попадают только те области, где производство пищи велось еще в VII в. до н.э., т.е. высокогорья Восточной Африки и, возможно, северо-западная часть экваториального леса. В Восточной Африке «пастушеское неолитическое» население разводило крупный рогатый скот, овец и коз на равнинах Северной Кении с III тысячелетия, а на высокогорье рифтовой долины в Южной Кении и Северной Танзании – с конца II тысячелетия до н.э. Отсутствует неопровержимое археологическое подтверждение того, что эти племена выращивали растения для получения пищи, хотя лингвистические исследования дают основание предположить, что в то время такой вид деятельности мог быть известен в Восточной Африке. Есть указания на то, что далее к западу, там, где сейчас находится Южный Камерун, оседлые деревни и производство гончарных изделий существовали по крайней мере с середины I тысячелетия до н.э., а может быть, и ранее. Наличие жерновов и каменных топоров/мотыг предполагает, что выращивание сельскохозяйственных культур входило в экономическую базу этих сообществ, хотя исходное свидетельство использования растительной пищи ограничивается скор-

лупой съедобных орехов *Elaeis guineensis* (масличная пальма) и *Canarium schweinfurthii*. Поселения типа Обобога около Яунде, вероятно, относятся к ранней стадии земледелия на окраинах экваториального леса – той практике, о дальнейшем развитии которой будет рассказано ниже.

Вдоль побережья Габона, на достаточно открытой местности вокруг эстуариев рек Габон и Огове, между Либревилем и лагуной Фернан-Ваз, к югу от Порт-Жантиля стали основываться деревни во II тысячелетии до н.э. и даже ранее. В период между VI и II вв. до н.э. там были деревни группы (племени) окала, существование которых отмечено тщательно украшенными гончарными изделиями, жерновыми, обтесанными и отполированными предметами из камня и рядом глубоких ям, вырытых на территории поселений, часто с остатками орехов масличной пальмы. Жители этих прибрежных деревень не знали о металле; вдали от побережья первые известные деревенские поселения датируются значительно более поздним периодом – 500–100 гг. до н.э., но там имеется четкое свидетельство того, что их жители были знакомы с обработкой железа. Теперь достаточно ясно, что еще в течение нескольких веков, после того как металл широко распространился по внутренним областям, о нем ничего не знали жители на побережье (Clist, 1989). При раскопках в Обобога в Камеруне также получены следы использования железа (de Maret, 1989); похоже, именно знание технологии его обработки способствовало возникновению поселений земледельцев на участках, более плотно покрытых лесом.

Картина, которая теперь вырисовывается на основании исследования, проведенного Денбоу (Denbow, 1990) на побережье Конго неподалеку от Пуэнт-Нуар, совпадает со сведениями из Габона. На территории с очень разнообразными природными условиями, где имелись и открытые пастбища, и лесные чащи, распознаются две последовательные стадии ее освоения, датируемые соответственно VI и IV вв. до н.э. О железе, очевидно, не было известно на первой стадии, но оно использовалось на второй (оно могло быть местного производства или получено откуда-то). Ко II или III в. н.э. обработка металла в этом регионе была уже хорошо налажена.

Именно в это время, в первые столетия н.э., согласно археологическим данным из Габона, в этом регионе определены несколько групп, занимавшихся обработкой металла (Clist, 1989). К ним относятся группа оканда со среднего течения реки Огове и жившее ближе к побережью племя овенг, названное по скоплению раковин на полуострове к северу от Либревиля. На этих стоянках было найдено очень мало костей, а из тех, что сохранились, ни одна не принадлежала домашним животным (чье присутствие в такой среде, в любом случае, было маловероятным). Похоже, что в пищу людей того времени входило

мясо диких животных, продукты моря или реки и растительная пища, скорее всего в сочетании с продуктами из масляной пальмы и вегетативно размножающихся растений типа ямса. Наличие металлических инструментов облегчило бы расчистку леса под пашню и для устройства поселения.

Стоянка, расположенная на вершине холма около Сакузи всего лишь в трех километрах от реки Конго, достаточно долгое время принадлежала народу группы нгово. Впервые железо появляется между серединой I и началом III в. н.э. вместе с керамическими изделиями, приписываемыми группе кей-ладио, которая, хотя типологически отличается от группы нгово, тем не менее, имеет много общего с ней.

Вдали от побережья, около Киншасы, ранние поселения железного века изучены плохо, но, вероятно, принадлежат тому же периоду, что был определен термолуминисцентным методом датировки керамики из Гомб-Пойнт. Южнее, там, где сейчас север Анголы, не было найдено предметов из обработанного камня, подобных тем, что были у племени нгово. Самые ранние находки гончарных изделий относятся к первым векам н.э., как и в прибрежном скоплении около Бенфики, где они объединены с обтесанными каменными орудиями типа тех, которые известны по стоянкам, где не найдена керамика, относящимся к последнему тысячелетию до н.э. Гончарные изделия из Бенфики могут быть стилистически связаны с изделиями группы кей-ладио.

В более удаленных от побережья районах бассейна Конго было сделано несколько археологических открытий, относящихся к рассматриваемому периоду. Единственное тщательное исследование было проведено Эггертом (*Eggert*, 1987) на берегах основной речной артерии и ее притоков. Было обнаружено несколько явных стилей гончарных изделий, хотя еще следует выяснить их контекст и хронологию. Теперь известно, что сосуды, однотипные с теми, которые были найдены ранее в Баталимо на крайнем юге Центральноафриканской Республики, были широко распространены и в глубине лесных районов вдоль реки Убанги и были сделаны в течение последних веков до н.э. и в первых веках н.э. В Малуба гончарные изделия того же типа, что и найденные в Баталимо, были найдены в ямах вместе с орехами масляной пальмы. Возможно, сюда же можно отнести и керамику, названную по имени стоянки Имбонга, расположенной рядом с самой рекой Конго и вдоль некоторых ее южных притоков. На лесных стоянках не было обнаружено орудий ни из железа, ни из обработанного камня: железные предметы, скорее всего, не могли сохраниться в этих природных условиях, а для изготовления каменных изделий поблизости нет источников сырья. Однако на самой стоянке Баталимо было налажено производство каменных орудий.

На основе скудных данных, которыми располагают ученые, можно сделать вывод о том, что к последним векам до н.э. гончарные изделия начали изготавливать вдоль рек, протекающих в лесах в центре Заира. Эта керамика имеет сходство с изделиями, изготовлявшимися вдоль северного края леса, и может относиться к южному направлению распространения технологии из тех областей, где она использовалась в более ранние времена. Наличие глубоких ям и существенные археологические отложения дают основание предположить, что эти стоянки были не просто кратковременными поселениями. Очевидно, в этих местах росла масляная пальма, и, по-видимому, продвижению этого растения в центральные леса способствовала деятельность человека. Неизвестно, использовалось ли в то время железо, но это могло иметь место. Судоходные реки могли служить путями передвижения, а их берега – местами поселения: о заселении междуречья нам ничего не известно.

Больше археологических данных имеется о жизни на западных окраинах леса и за их пределами, в районе меж-

ду озерами Восточной Африки в этот общий период, хотя еще имеется множество сомнений в их интерпретации. В рассматриваемом случае нас прежде всего интересуют стоянки, на которых найдены наиболее представительные гончарные изделия так называемого типа урве (*Van Noten*, 1979). Достаточно ясно, что некоторые из этих стоянок, расположенных на территории к западу от озера Виктория, соответствующей современным Руанде, Бурунди и северо-западной части Танзании, датируются средними веками последнего тысячелетия до н.э. Недавно появились находки, которые подтверждают, что в то время на этих стоянках имелся домашний скот и, возможно, выращивались сорго и просо. В районе Танзании Бухаяя в больших объемах выплавляли железо, и производство необходимого для этой цели древесного угля привело к обширной вырубке леса. Керамику типа урве находят и к северу от озера Виктория в Южной Уганде и Юго-Западной Кении, а также изредка на стоянках на южной части ее побережья. Большинство из этих стоянок, видимо, относятся к первым векам н.э.; ввиду их широкого географического и хронологического разброса, скопления изделий типа урве сильно различаются между собой. Очень вероятно, что недавние утверждения об использовании на этих стоянках сложных и хитроумных технологий выплавки железа сильно преувеличены (*Schmidt & Childs*, 1985).

Высокогорья рифтовой долины в Центральной и Южной Кении и Северной Танзании на всем протяжении рассматриваемого периода были заняты «пастушескими неолитическими» народами, культурные традиции которых рассмотрены в предыдущем разделе. Однако прибрежные районы Восточной Африки с начала н.э. были заселены народами, использовавшими металл. Их поселения часто были небольшими и временными, а немногие изученные дали очень скудные сведения об образе жизни их обитателей. Явная концентрация таких стоянок в окрестностях от современных Момбасы (Кения) и Дар-эс-Салама, возможно, показывает лишь области исследовательской активности. Характерные для них гончарные изделия отнесены к культуре квале (*Soper*, 1983): в ней можно заметить сходство с керамикой культуры урве из межозерного района и в особенности с керамикой, найденной на стоянках в Танзании. Происхождение керамики квале датируется II и IV вв. н.э.

Первые племена, использовавшие железо в Восточной Африке, оставили археологические следы, сильно отличающиеся от следов их предшественников и современников – «пастушеских неолитических» племен. Часто предполагается, что они были пришлым народом в этом регионе, хотя их предшественники и происхождение долго приводили к спорам, о чем будет сказано далее.

Мы располагаем обрывочными и неполными знаниями о предыстории этого периода на внутреннем плато. В районах к югу от современной Центральной Танзании не обнаружено никаких находок, свидетельствующих о какой-либо форме производства пищи, будь то земледелие или разведение домашнего скота, до появления деревенских поселений того народа, который занимался металлургией и производством гончарных изделий в областях, где ранее об этом не было известно (*Phillipson*, 1985). Имеющиеся археологические данные о ранних земледельческих народах, населявших внутреннюю саванну Южно-Центральной Африки, очень неоднородны по качеству. Видимо, ни в одной части региона люди не перешли к земледелию до последних веков до н.э. и оно получило широкое распространение лишь несколько веков спустя. Более ранний уклад жизни охотников и собирателей, поддерживавшийся производством каменных микролитических орудий в традициях «позднего каменного века», который установился на этих территориях на несколько тысячелетий, не прекратился внезапно, а часто

продолжал существовать в областях, примыкавших к местам проживания земледельческих народов, до конца описываемого в этой главе периода (*Phillipson, 1989*).

В Северной Замбии, у водопада Каламбо, и в большинстве районов рифтовой долины у озера Малави деревни появились около III в. н.э. В более гористых районах и в Восточной Замбии деревни были редки, и убежищами для охотников и собирателей по-прежнему служили скалистые выступы. По другую сторону от реки Замбези, там, где сейчас находится Зимбабве, соответствующие изменения могли происходить позднее, по крайней мере в центральных и восточных районах этой территории; но деревенские поселения были сравнительно многочисленными. Деревни в районе водопада Виктория были хорошо изучены, и в результате была получена четкая картина ведения хозяйства, применения технологий и стратегии расселения.

Медный пояс и центральные районы Замбии – территория, где располагался целый ряд поселений, протянувшийся также до территории реки Каломо и через реку Замбези в ее среднем течении – в часть территории на севере Зимбабве. Среди наиболее известных стоянок – Чондве в районе Медного пояса, Капвиримбве около Лусаки и Калунду около Каломо. В недавних частично опубликованных исследованиях показано, что представленные на этих стоянках традиции относятся к первым векам н.э. и сочетаются с обработкой металла и выращиванием сорго и некоторых бобовых. Видимо, именно в этих поселениях люди начали использовать ископаемые богатства Южно-Центральной Африки.

Именно из долины в верхнем течении реки Замбези в Западной Замбии мы получили самые древние на сегодняшний день доказательства использования металла земледельческими народами, жившими к югу от экваториального леса. Теперь подтверждено, что поселения такого типа, к которому относятся нижние уровни стоянки Салувано и некоторые другие мест, датируются примерно III–II вв. до н.э. В Салувано деревянный пласт ограниченной протяженности сопровождается гончарными изделиями, явно принадлежавшими к той же общей стилистической традиции, что и более широко распространенные изделия первых веков н.э. В ходе до сих пор проведенных небольших раскопок не были обнаружены железные изделия, но практически полное отсутствие инструментов из обработанных каменных пластин дает основание предположить, что металл, тем не менее, использовался обитателями этих стоянок. Кости домашнего крупного рогатого скота и, с меньшей долей уверенности, мелкого скота свидетельствуют о присутствии домашних животных (*Katanekeva, 1981*).

Обоснование того, что скотоводческие народы жили в долине в верхнем течении реки Замбези еще в III или II в. до н.э., представляет особый интерес в связи с противоречивыми взглядами на происхождение домашнего скота, который содержали жители на самом юго-западе Африки примерно в начале I тысячелетия н.э. В то время на юге и юго-западе Капской провинции домашние овцы имелись у народов, использовавших каменные орудия и совсем не занимавшихся земледелием. Примерно в то же время они начали делать гончарные изделия. Свидетельства о наличии домашнего крупного рогатого скота не совсем точны, и эти животные могли появиться здесь позднее, чем овцы (*Klein, 1984*). Поскольку в Южной Африке нет диких прототипов, от которых могли произойти эти домашние животные, следовательно, они должны были быть приведены с севера в уже одомашненном виде. Как и кто это сделал, до недавнего времени оставалось не совсем понятным. Недавние исследования объясняют это явление достаточно правдоподобно и экономически обоснованно (*Phillipson, 1990a*).

В Матопо-Хилл и соседних районах Юго-Западного Зимбабве в верхних слоях отложений, найденных в не-

скольких скальных убежищах, сохранились гончарные изделия, относящиеся к бамбатской культуре. Видимо, это был первый вид таких изделий, которые начали делать именно в этой области. В пещере Бамбата эта керамика была найдена вместе с костями, которые были определены как кости домашних овец, в слое, датированном примерно II в. до н.э. Несмотря на то что бамбатская утварь типологически вполне индивидуальна (по крайней мере, в самых ранних находках), например отличается замечательной тонкой структурой, все же в ней проявляется сходство с гончарными изделиями раннего железного века. Аналогичный материал теперь обнаружен на нескольких стоянках в Северо-Центральной Ботсване и в Намибии. Самая ранняя керамика, найденная на юго-западе Капской провинции, а также в Ди-Кельдерсе, отличается от более поздних изделий, характерных замечательной тонкой структурой.

Имея изложенные выше данные, логично предположить, что домашние животные были приведены в долину в верхнем течении реки Замбези примерно в III в. до н.э. пионерами основного распространения сельскохозяйственного производства на субконтиненте. Вскоре некоторые технологические и экономические черты были восприняты уже из этого источника народами, жившими далее к югу, там, где теперь расположена Ботсвана и Юго-Западный Зимбабве. Соответствующими навыками были прежде всего разведение овец и, возможно позднее, крупного рогатого скота, а также производство керамики. Обработка металла и выращивание растений если и были в то время в долине реки Замбези, скорее всего не были переняты народами, жившими южнее, до значительно более поздних времен. Во всяком случае, возможность обработки земли была сильно ограничена из-за преобладавших засушливых климатических условий. Именно из этих центральных районов Южной Африки в самом начале I тысячелетия н.э. скотоводство и гончарное дело распространились в самые юго-западные прибрежные регионы.

К югу от реки Лимпопо самые ранние известные нам поселения, обитатели которых занимались сельским хозяйством и использовали железные орудия труда, располагались вдоль побережья Индийского океана и на восточных низменностях провинции Трансвааль. Гончарные изделия с некоторых стоянок удивительно похожи на изделия из Квале, расположенного более чем на 2000 км к северу. Лежащая между ними территория плохо изучена археологами, но связанные с этим сходством стоянки теперь обнаружены в районе города Нампула на севере Мозамбика. Самый близкий южноафриканский аналог гончарных изделий культуры квале обнаружил в Сильвер-Ливз около Тзанина на Восточной Трансваальской Низменности; эта находка связана со свидетельствами, подтверждающими обработку железа и выращивание проса, и уверенно относится к концу III в. н.э. Южноафриканские археологи обычно относят находки в Сильвер-Ливз к традиции Матола, представленной рядом со стоянками около побережья Индийского океана в окрестностях города Мапуту, у озера Св. Люсии и города Дурбан (*Maggs, 1984*). Недавно проведенный повторный анализ показал, однако, что Сильвер-Ливз намного ближе к традиции культуры квале, чем скопления культуры Матола. Стоянки Матола в основном расположены около внутренних краев дюн, рядом с тем местом, которое до расчистки было краем прибрежного лесного пояса. Самая южная стоянка находится около реки Мхомази, примерно на 30 град. южной широты. Стоянки традиции Матола – это небольшие недолго существовавшие поселения, жители которых использовали железо и другие местные ресурсы; ботанические остатки там не сохранились, но само расположение стоянок предполагает, что они основывались на сельском хозяйстве, а белковую пищу их жители добывали в виде моллюсков

и других продуктов моря. Если жители этих поселений и содержали домашних животных, то, видимо, их было немного. Стоянки традиции матола в Натале датируют концом III – началом IV в. н.э.

Хотя более поздние этапы жизни в провинции Натал поселений земледельцев, использовавших железо, известны сравнительно хорошо, их связь с традицией матола все еще неоднозначна. Самый важный период – в V и начале VI в. – очень плохо изучен. Примерно к VII в. уже вполне установилась традиция мсулузи, распространившаяся вглубь к подножью Драконовых гор примерно до высот в 1000 м и вдоль побережья примерно на 300 км южнее поселений традиции матола. Деревни часто были значительно больше, чем в более ранние времена, располагались они на коллювиальных почвах вблизи самых низких мест долин; люди жили благодаря хорошо развитому сельскому хозяйству смешанного типа, т.е. занимались разведением крупного рогатого скота и овец/коз и выращиванием разнообразных растений, в том числе сорго, разных видов проса и тыквы.

Теперь известно, что современные им и аналогичные поселения были широко распространены в высокогорных районах Трансвааля, где в Бродерструме, к западу от Претории и около Лиденбурга уже проводились наиболее интенсивные исследования стоянок. Деревня на месте бывшей стоянки существовала примерно с VI в., ее обитатели для получения пищи выращивали зерновые культуры, разводили мелкий скот и, может быть, имели небольшое количество крупного рогатого скота (Mason, 1986). Вокруг Лиденбурга наибольшее распространение получило сельское хозяйство смешанного типа: особый интерес привлекает извлечение из пласта V в. выполненных из терракоты нескольких изображений человеческих голов в натуральную величину, которые предположительно выполняли обрядовую или религиозную функцию (Maggs & Davison, 1981). Одна из этих голов была увенчана фигуркой домашнего жвачного животного, что дает основание предположить, во-первых, что стада занимали важное место в жизни обитателей поселения и, во-вторых, что головы могли быть каким-то образом связаны с ритуалами, целями которых было поддержание поголовья скота.

В Северном Трансваале, около горной гряды в Соутпансберге, было расположено немало деревенских поселений, которые были населены примерно в V в. Найденные там предметы имеют сходство с современным им материалом с плато Зимбабве к северу за рекой Лимпопо и к югу от высокогорья Трансвааля. Дальнейшие исследования в

этом регионе могут помочь прояснить отношения между ранними земледельческими сообществами Южного Трансвааля и общинами из регионов, лежавших к северу от р. Замбези.

Региональный обзор, приведенный выше, будет достаточно точным, чтобы показать, что на всех рассматриваемых здесь территориях, кроме частей Западно-Центральной Африки, отмечается явная прерывистость археологических данных о ранних земледельческих поселениях, в которых применялись металлические изделия. Только, по видимому, в Камеруне, Габоне и на соседних территориях отмечались эти хозяйственные тенденции среди в целом стабильного населения. В других местах, напротив, контраст настолько велик, что заставляет думать о становлении нового образа жизни в результате каких-то внешних контактов. Поскольку именно в более северных областях Африки население раньше стало заниматься разведением домашних животных и выращиванием растений, логично предположить, что контакты развивались в этом основном направлении.

Многие, но не все ученые, исследовавшие этот период истории Африки, уже давно считают, что начало сельскохозяйственной деятельности в Центральной, Восточной и Южной Африке было связано с расселением народа, говорившего на языках банту (Ehret & Posnansky, 1983). Однако нельзя подходить к этому с единой меркой: нет оснований полагать, что все народы этих регионов говорили на языках группы банту или что все говорившие на банту были земледельцами. Хотя, конечно, можно с определенной вероятностью предположить, что основы земледелия и обработки металла в рассматриваемых здесь регионах были заложены, хотя бы частично, в результате распространения народа, говорившего на языках группы банту.

Историко-лингвистическое доказательство того, что языки банту появились в северо-западной части региона их современного распространения, согласуется с ранее упомянутым археологическим указанием на раннее развитие сельского хозяйства в данном регионе. Способы распространения в другие регионы служат предметом многих современных рассмотрений и исследований, свидетельствуя, вопреки ранее существовавшему мнению, что важные культурные изменения необязательно подразумевают широкомасштабные перемещения населения. Если эти процессы станут более понятными, мы сможем лучше понять их значение в длительном историческом развитии Центральной, Восточной и Южной Африки.

БИБЛИОГРАФИЯ (16.1–16.6)

- ANDAH, B. W. 1987. Agricultural Beginnings and Early Farming Communities in West and Central Africa. *West African Journal of Archaeology*, Vol. 17, pp. 171–204.
- ANFRAY, F. 1963. La première campagne de fouilles à Matara. *Annales d'Ethiopie*, Vol. 5, pp. 87–166.
- 1990. Les anciens éthiopiens: siècles d'histoire. Paris.
- BRANDT, S. A.; CARDER, N. 1987. Pastoral Rock Art in the Horn of Africa: Making Sense of Utter Chaos. *World Archaeology*, Vol. 19, pp. 194–213.
- CASSON, L. 1989. *The Periplus Maris Erythraei*. New Haven.
- CHUKU, G. I.; NZEFUNWA, N. 1990. Metals and Status in Eastern Nigeria. Paper presented at the 9th Congress of the Archaeological Association of Nigeria, Zaria.
- CLIST, B. 1989. Archaeology in Gabon 1986–1988. *African Archaeological Review*, Vol. 7, pp. 59–95.
- CONNAN, G. 1981. *Three Thousand Years in Africa*. Cambridge.
- DAVID, N. 1982. Tazunu, Megalithic Monuments of Central Africa. *Azania*, Vol. 17, pp. 43–77.
- DENBOW, J. 1990. Congo to Kalahari: Data and Hypotheses About the Political Economy of the Western Stream of the Early Iron Age. *African Archaeological Review*, Vol. 8, pp. 139–75.
- DOMBROWSKI, J. 1970. Preliminary Report on Excavations at Lalibela and Natchabiet Caves, Begemeder. *Annales d'Ethiopie*, Vol. 8, pp. 21–9.
- DREWES, A. J.; SCHNEIDER, R. 1976. Origine et développement de l'écriture éthiopienne jusqu'à l'époque des inscriptions royales d'Axoum. *Annales d'Ethiopie*, Vol. 10, pp. 95–107.
- EGGERT, M. K. H. 1987. Imbonga and Batalimo: Ceramic Evidence for Early Settlement of the Equatorial Rain Forest. *African Archaeological Review*, Vol. 5, pp. 129–45.
- EHRET, C.; POSNANSKY, M. (eds). 1983. *The Archaeological and Linguistic Reconstruction of African History*. Berkeley.
- FAGG, B. E. B. 1959. The Nok Culture in Prehistory. *Journal Historical Society of Nigeria*, Vol. 1, pp. 288–93.
- FATTOVICH, R. 1992. Lineamenti di Storia dell'Archeologia dell'Etiopia e della Somalia. *Annali*, Vol. 52, Fasc. 2, Supplement 71, pp. 1–89.

- HALL, M. 1987. *The Changing Past: Farmers, Kings and Traders in Southern Africa, 200–1860*. Cape Town.
- HARLAN, J. R. 1989. *The Tropical African Cereals*. In: HARRIS, D. R.; HILLMAN, G. C. (eds). *Foraging and Farming: The Evolution of Plant Exploitation*, pp. 335–43. London.
- JEMKUR, J. F. 1992. *Aspects of the Nok Culture*. Zaria.
- KAREGA-MUNENE (1994). PhD dissertation, University of Cambridge.
- KATANEKWA, N. 1981. *Upper Zambezi Iron Age Research Project: Phase II: Preliminary Report*. *Archaeologia Zambiana*, Vol. 20, pp. 12–14.
- KLEIN, R. G. 1984. *The Prehistory of Stone Age Herding in South Africa*. In: CLARK, J. D.; BRANDT, S. A. (eds). *From Hunters to Farmers*, pp. 281–9. Berkeley.
- KOBISHCHANOV, Y. 1979. *Axum*. University Park, Pennsylvania.
- LITTMANN, E. et al. 1913. *Deutsche Aksum-Expedition*. Berlin.
- MCINTOSH, S. K.; MCINTOSH, R. J. 1980. *Prehistoric Investigations at Jenne, Mali*. Oxford, *British Archaeological Reports*.
- 1988. *From Stone to Metal: New Perspectives on the Later Prehistory of West Africa*. *Journal of World Prehistory*, Vol. 2, pp. 89–133.
- MAGGS, T. 1984. *The Iron Age South of the Zambezi*. In: KLEIN, R. G. (ed.). *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments*, pp. 329–60. Rotterdam.
- DAVISON, P. 1981. *The Lydenburg Heads*. *African Arts*, Vol. 14, 2, pp. 28–33.
- MARET, P. de. 1986. *The Ngovo Group: An Industry with Polished Stone Tools and Pottery in Lower Zaïre*. *African Archaeological Review*, Vol. 4, pp. 103–33.
- 1989. *Le contexte archéologique de l'expansion bantu en Afrique centrale*. In: OBENGA, T. (ed.). *Les Peuples Bantu*, pp. 118–38. Paris.
- MASON, R. 1986. *Origins of Black People of Johannesburg and the Southern Western Central Transvaal AD 350–1880*. Johannesburg.
- MUNRO-HAY, S. C. 1989. *Excavations at Aksum: An Account of Research at the Ancient Ethiopian Capital Directed by the late Dr Neville Chittick*. London.
- 1991. *Aksum: An African Civilisation of Late Antiquity*. Edinburgh.
- MUNSON, P. J. 1976. *Archaeological Data on the Origins of Cultivation in the South-western Sahara and their Implications for West Africa*. In: HARLAN, J. R.; DE WET, J. M. J.; STEMLER, A. B. L. (eds). *Origins of African Plant Domestication*, pp. 187–210. The Hague.
- PHILLIPSON, D. W. 1989. *Bantu-speaking People in Southern Africa: An Archaeological Perspective*. In: OBENGA, T. (ed.). *Les Peuples Bantu*, pp. 145–64. Paris.
- 1990a. *The First South African Pastoralists and the Early Iron Age*. *Nsi*, Vol. 6, pp. 127–34.
- 1990b. *Aksum in Africa*. *Journal of Ethiopian Studies*, Vol. 23, pp. 55–65.
- 1993a. *African Archaeology (2nd edn)*. Cambridge.
- 1993b. *The Antiquity of Cultivation and Herding in Ethiopia*. In: SHAW, T. et al. (eds). *The Archaeology of Africa. Food, Metals and Towns*, pp. 344–57. London.
- 1994. *The Significance and Symbolism of Aksumite Stelae*. *Cambridge Archaeological Journal*, Vol. 4, pp. 189–210.
- RICCI, L.; FATTOVICH, R. 1988. *Scavi archeologici nella zona di Aksum. B. Bieta Giyorgis*. *Rassegna di Studi Etiopici*, Vol. XXI, pp. 123–98.
- ROBERTSHAW, P. 1988. *The Elementaitan: An Early Food-producing Culture in East Africa*. *World Archaeology*, Vol. 20, pp. 57–69.
- 1989. *The Development of Pastoralism in East Africa*. In: GLUTTON-BROCK, J. (ed.). *The Walking Larder*, pp. 207–12. London.
- 1990. *Early Pastoralists in South-western Kenya*. Nairobi, *British Institute in Eastern Africa*.
- 1991. *Gogo Falls: A Complex Site East of Lake Victoria*. *Azania*, Vol. 26, pp. 63–195.
- SCHMIDT, P.; CHILDS, T. 1985. *Innovation and Industry During the Early Iron Age in East Africa*. *African Archaeological Review*, Vol. 3, pp. 53–94.
- SHAW, T. 1978. *Nigeria: Its Archaeology and Early History*. London.
- SOPER, R. C. 1983. *Bantu Expansion into Eastern Africa: Archaeological Evidence*. In: EHRET, C.; POSNANSKY, M. (eds). *The Archaeological and Linguistic Reconstruction of African History*, pp. 223–38. Berkeley, University of California Press.
- SOWUMNI, M. A. 1985. *The Beginnings of Agriculture in West Africa: Botanical Evidence*. *Current Anthropology*, Vol. 26, pp. 127–9.
- THILMANS, G.; RAVISE, A. 1980. *Protohistoire du Sénégal II: Sinthiou Bara et les sites du fleuve*. *Mémoires de l'IFAN*, Vol. 91.
- VAN NOTEN, F. 1979. *The Early Iron Age in the Interlacustrine Region*. *Azania*, Vol. 14, pp. 61–80.
- 1982. *The Archaeology of Central Africa*. Graz.
- VANSINA, J. 1984. *Western Bantu Expansion*. *Journal of African History*, Vol. 25, pp. 129–45.
- VIDAL, P. 1969. *La civilisation mégalitique de Bouar: prospection et fouilles 1962–1966*. Paris.

IV. Южная Азия

ВВЕДЕНИЕ

Ромила Тханар

В течение рассматриваемого длительного периода в Южной Азии, включающей территории современных государств Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала и Шри-Ланки, происходили процессы преобразования клановых и родовых сообществ в большие царства и империю, державшую в своей власти почти весь субконтинент. Впоследствии, к концу III в. до н.э., она разделилась на ряд царств и республик и частично попала под власть захватчиков с запада и из Центральной Азии. К IV в. н.э., однако, большие части субконтинента были вновь объединены в несколько крупных государств в частности в государства гуптов в Северной Индии и паллавов – в Южной. Два века спустя образовалось несколько новых царств. Несмотря на столь частые политические перемены, в индийской науке и культуре отмечается значительный уровень преемственности.

На основе политических изменений весь период в целом может быть разделен на три части, границы между которыми проходят около 200 г. до н.э. и 300 г. н.э. Вследствие этого материал разделен на три главы, а именно: с 700 до 200 г. до н.э. (гл. 17), с 200 до н.э. до 300 г. н.э. (гл. 18) и примерно с 300 до 700 г. н.э. (гл. 19).

ПЯТИСОТЛЕТИЕ С 700 ДО 200 ГГ. ДО Н.Э.

Этот период охватывает постепенный переход от клановых сообществ и простых археологических культур к эволюции государств, городских центров, более сложно структурированных обществ и, в конце концов, к подъему империи Маурьев, которая контролировала весь субконтинент и имела контакты с Шри-Ланкой.

Благодаря недавним раскопкам объем археологических материалов увеличился, и это позволило историкам пересмотреть некоторые широко распространенные теории, рассматривавшие данный период. Наиболее влиятельной среди них, возможно, была теория арийской расы. Она предполагала, что Северо-Западная Индия (название «Индия» используется здесь для обозначения всего южно-азиатского субконтинента) была покорена расой ариев, поработивших местное население, которое они называли *dasas* (*dāsas*). За этим шагом следовал вывод об «арианизации» Северной Индии путем завоевания как основного исторического действия тех времен.

Приемлемость данной теории справедливо была поставлена под сомнение из-за недостатка археологических доказательств широкомасштабного завоевания, а также благодаря новым анализам лингвистических данных. Поскольку никакой биологической расы, определяемой как арийская раса, раса ариев, не существует, название «арийская» или, вернее, «индоарийская» относится только к группе языков (которая, в свою очередь, принадлежит семье индоевропейских языков. – *Прим. ред.*). Гуппы, говорящие на языке, связанном с индоевропейским, проживали в различных частях Северо-Западной Индии. Развитие индоарийского языка имеет некоторые неарийские элементы, что предполагает возможное двуязычие и симбиоз культур.

Таким образом, неарийские элементы вносили, по-видимому, значительно больший вклад в развитие общества того времени, чем считалось ранее.

Благодаря сопоставлению археологических данных из долины Ганга и литературных сведений из ведических текстов, стало возможным получить полезную информацию об обществе и системах хозяйствования различных народов в дополнение к более ранним тщательно исследованным религиозным и лингвистическим толкованиям. Вопросы, касающиеся истории, теперь сосредоточиваются на взаимоотношениях между природными условиями и развитием сельского хозяйства, роли лошади – животного, недавно появившегося на субконтиненте, и ключевом значении производства железа при переходе от клановых обществ к государственным системам и урбанизации. При изучении корней кастового общества, ранее рассматриваемых только с точки зрения брахманских источников, теперь используются свидетельства о природе общества, полученные в результате раскопок. Возрастание роли института власти и необходимость установления государственной системы в отличие от негосударственного, более раннего кланового общества – это другая сфера исторического интереса. Археологические данные также помогают восполнить пробелы в наших знаниях о многих регионах субконтинента, где не обнаружены письменные источники. С получением новых результатов раскопок взгляд на период становления, таким образом, претерпевает изменения. Подобную историческую важность имеют также находки на мегалитических стоянках полуострова Индия; данные, которые имеются в значительно большем объеме, чем ранее, создают фон, на котором разворачивалась ранняя история региона. Здесь также полезное сопоставление археологических данных и литературных традиций древней тамильской поэзии (так называемой литературы *Сангам*) в Южной Индии расширяет возможности интерпретации каждой категории источников. Мегалитические стоянки Шри-Ланки также дают нам основную информацию о временах, в которые происходил переход от доисторического к раннему историческому периоду.

Эти времена отличает настоящее новаторство мысли. Ведический жертвенный ритуал, на котором основываются многие тексты, оставался важным аспектом проявления религиозности среди высших слоев общества. Эти же социальные круги подняли вопрос об уместности этого ритуала и о замене его медитацией, йогой и другими формами поиска личного спасения. Отрешенность стала важной гранью индийского мышления – не в негативном смысле самоотрицания, а как форма исследования себя и Вселенной. Такие поиски привели к тому, что некоторые историки связали этот период индийской истории с концепцией осевого периода всей мировой истории.

Доступность литературных и археологических источников, относящихся ко времени с 700 г. до н.э., дает нам более полную и богатую информацию о культурном и научном развитии индийского народа, чем это возможно в отношении более ранних периодов истории. Источники

обоих типов имеют определенные недостатки. Литературные тексты тяготеют к некоторой функциональной специфичности, и, хотя информация в них может иметь широкомасштабный характер, она, в основном, относится к истории ограниченных групп. Кроме того, большинство текстов, относящихся к более старому периоду, приблизительно до IV в. н.э. (и часто даже более поздние), сложно датировать. Археологические данные, с другой стороны, несут больше информации об общем социальном или историческом контексте, предоставляя свидетельства об окружающей среде, демографии, типах поселений, техническом прогрессе и повседневной жизни людей. В том случае, когда доступны источники обоих типов, историческая картина является более полной и ее можно более полно интерпретировать.

Наибольшей проблемой для историка, особенно того, кто занимается первыми двумя веками рассматриваемого периода, является отсутствие даже приблизительной хронологии важных этапов развития индийской культуры. Тем не менее приблизительно с начала V в. до н.э. традиции буддизма и джайнизма, зафиксированные в письменных источниках несколько веков спустя, дают нам некую хронологическую канву, но только со времени основания царства Маурьев, около 325 г. до н.э., появляется надежная, хотя нередко противоречивая хронология основных событий. С III в. до н.э. бесчисленные надписи позволяют нам воссоздать основные вехи культурной истории субконтинента.

ЮЖНАЯ АЗИЯ ПРИМЕРНО С 200 Г. ДО Н.Э. ДО 300 Г. Н.Э.

Этот период характеризуется как время обменов, торговли и деловых контактов. Индийские торговцы отправлялись в ближние и дальние места. Династии получали доходы от торговли и торговых путей. Центральная Азия наравне с Западной Азией становится главной ареной торговой активности, особенно после того, как шелк стал использоваться как предмет дарения при обмене подарками и как товар в паназиатской торговле. Ранние попытки налаживания морской торговли теперь развились под воздействием так называемой римской торговли. Торговцы из Восточного Средиземноморья и Египта панимают суда, пересекающие Аравийское море, сначала достигающие западных берегов Индии, а затем Шри-Ланки и восточного побережья субконтинента. Это начинание было настолько выгодным как для индийских, так и римских торговцев, что вдохновило их на более длительные путешествия в поисках новых источников богатств. Индийские связи с центрами Юго-Восточной Азии появились в первых веках н.э., и вскоре этот процесс перерос в торговый обмен, приведший также к важным культурным связям.

Распад империи Маурьев привел к политической децентрализации и образованию большого числа государств. Экономическую базу для образования государств, зачастую наряду с торговой, обеспечивало сельскохозяйственное развитие, хотя этому процессу способствовали и другие факторы. На севере большое влияние по-прежнему оказывал близко расположенный эллинский мир; это влияние выразилось в правлении индогреков, приходе саков (индоскифов), а потом кушанов (*Kuṣāṇas*) из Центральной Азии. Мотивацией к этому, помимо территориальных претензий, было желание захватить источники и пути выгодных торговых предприятий, связанных с Индией. Наиболее заметные изменения происходили в Центральной и Южной Индии, где впервые на фоне возвышения государств происходит переход от ранних культур мегалитического типа к более выраженным монархиям. Литература, которую связывают с многочисленными царскими

дворами, зарождалась во многих богатых городах на всем субконтиненте, таких как Таксила, Матхура, Каусамби, Каверипаттинам и Анурадхапура. Данные раскопок подтверждают большое значение этих городов.

Вместе с торговцами пришли и монахи – преимущественно буддийские, которые в качестве миссионеров занялись распространением буддизма не только на индийском субконтиненте, но и на других территориях, связанных с ним торговлей, особенно в Центральной и Юго-Восточной Азии. Начальными местами буддийских центров были монастыри и *ступы*, расположенные неподалеку от них. Они расширялись на тех территориях, где существовали ранее, или строились заново, как, например, высеченные в скале монастыри и молитвенные залы на полуострове; их украшали скульптурными оградками и воротами, свидетельствующими о ярком художественном таланте мастеров того времени. Некоторые наиболее интересные аспекты этой деятельности можно видеть на полуострове и в Шри-Ланке, где она развилась благодаря поддержке буддистов-мирян (*упасаков* – *upāsaka*), мелких землевладельцев, торговцев, ремесленников, монахов и монахинь. Покровительство двора и аристократии, хотя и не отсутствовало вовсе, было менее заметно. Участие общества являлось важным фактором в формировании социальной сущности буддизма, например, в Шри-Ланке, где буддизм действительно стал неотъемлемым атрибутом законной власти. В Северной Индии покровительство двора подразумевало пожертвования не только буддистам, но и только что появившимся сектам, исповедовавшим бхагаватизм (который можно рассматривать как стадию формирования вишнуизма. – *Прим.ред.*), и сектам, связанным с поклонением Шиве. Впоследствии эти течения имели важное значение в зарождении пуранического брахманизма.

Обмен идеями, подразумеваемый в обмене товарами, вел к прогрессу в изучении медицины, что следует из трудов Каракки и Сушруты. Интерес к греческому взгляду на планету обосновывал существовавшие представления о гороскопах. Те времена характеризовались явным взаимодействием Индии и известных тогда частей мира.

ЮЖНАЯ АЗИЯ С 300 ДО 700 ГГ. Н.Э.

Этот период является одновременно кульминацией как научного, так и культурного развития древней Южной Азии и предшественником некоторых существенных изменений в последующие века. С ослаблением иноземных династий в Северной Индии местные роды вышли на первый план и стали править этой частью субконтинента. Наиболее важной из них была династия Гуптов, которую позднее сменил Харша, или Харшавардхан, столицей которого был Канаудж. Последний, в свою очередь, столкнулся с растущим могуществом рода Калукиев в Декане, а к VII в. н.э. на юге установили свою власть Паллавы. Это были большие государства, которые, однако, получали поддержку от региональных баз, используя их ресурсы.

Торговле на севере препятствовали вторжения из Средней Азии эфталитов, называемых также в индийских источниках гуннами (*hūnas*). Везде закат Римской империи отразился на спросе на предметы роскоши с Востока, особенно из Юго-Восточной Азии. Некоторые городские центры на севере Индии приходили в упадок, однако это не коснулось юга Индии и Шри-Ланки. К концу этого периода мы отмечаем начало других важных экономических перемен: царские династии стали дарить земли монастырям и *брахманам*, чтобы заслужить их расположение, или в некоторых случаях делать такие подарки должностным лицам вместо жалования. Система наделения землей должна была стать важной политикой в пос-

ледующий период и является одним из характерных направлений продолжающейся дискуссии о том, существовал ли феодализм в Индии.

Пожертвования *брахманам* поощряли поддержку зародившейся пуранской религии, сосредоточенной на поклонении Вишну, Шиве и другим божествам. Это решительным образом сказалось на ослаблении ведического брахманизма и на упадке буддизма в Индии, особенно после рассматриваемого периода. Буддизм продолжал процветать в Шри-Ланке, где в этот период появилось много монастырских летописей-хроник, подтвердивших законное существование школы тхеравада («учение старейшин», в древности одна из 18 школ хинаяны. – *Прим. ред.*) и положивших начало широкой поддержке буддийских монастырей правящей династией. Эти хроники, написанные на языке пали или древнем сингальском языке, представляют интересные стороны взаимоотношений государства и укрепившейся религии.

Покровительство монарха способствовало строительству религиозных центров; при этом буддийские и джайнистские центры следовали ранним монастырским установлениям и использовали иконы. Последователи пуранского брахманизма также использовали иконы и, что более важно, тоже начали строить храмы, как в виде отдельно стоящих зданий, так и высеченные в скалах. Пока они были разумных размеров по сравнению с огромными религиозными сооружениями, появившимися позднее.

Скульптура, которая зародилась как декоративный элемент архитектурных форм, постепенно становилась самостоятельным эстетическим направлением.

Монастыри как институты обращали внимание на важность грамоты, и помимо летописей-хроник и канонических работ была также литература, вдохновлявшая благочестивыми буддийскими задачами; к ней относится, например, имеющая большое влияние поэтическая биография Будды «Буддхачарита», написанная на санскрите поэтом (приблизительно II в.) Асвагхошей. Ориентация на высокоразвитые царства и царские дворы привела к расцвету придворной литературы на санскрите, включавшей пьесы и поэмы, и дала миру такие имена, как Бхаса, Калидаса и Бхартрихари. Растущий интерес к буддизму и джайнизму в Южной Индии нашел выражение в двух тамильских поэмах, «Манимехалаи» (*Maṇimekhalai*) и «Силаппадикарам» (*Silappadikaram*). В других областях Центральной Индии был написан джайнийский вариант эпической поэмы «Рамаяна». По этой версии этику героизма в бою должна была замещать этика джайнийского аскетизма.

Развитие философии сочеталось со значительным развитием математики и астрономии, отраженным в трудах Ариабхаты и Варахамхиры. Их работы носят отпечаток некоторого знакомства с западноазиатскими научными системами и греческими теориями. Высокий уровень этих трудов указывает на значительный интерес к науке в то время.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ И РАННИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (700–200 гг. до н.э.)

17.1

АРХЕОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ СУБКОНТИНЕНТА

К.Т.М. Хегде

Илл. 94

В VII в. до н.э. оседлый образ жизни, основанный на земледелии и скотоводстве, начал быстро распространяться в долине реки Ганг. Выращивание риса и других зерновых, зачастую дававших два-три урожая в год, вместе с культивированием разнообразных бобовых и масличных культур требовало большого расхода воды. Откуда же Индия получала необходимое количество влаги?

Южноазиатский субконтинент нагревается в течение жарких месяцев апреля, мая и июня. Из-за высокой температуры, преобладающей на всем субконтиненте, воздух над поверхностью земли расширяется и атмосферное давление падает. В то же время вода испаряется с поверхности океана и атмосфера сильно насыщается влагой. Ко второй половине июня постоянные юго-восточные тропические ветры из южного полушария начинают пересекать экватор. Они несут дождевые облака с Аравийского моря, Индийского океана и Бенгальского залива в сторону субконтинента. Из-за низкого давления над поверхностью земли эти облака движутся с большой скоростью и сталкиваются с Гималаями в северо-восточной части Индии, заставляя муссонные облака выливать свою влагу над субконтинентом. В результате в некоторых частях Ассама, самого северо-восточного штата Индии, выпадает осадков на 350 см больше среднегодового количества. Иногда эти муссонные облака ударяются о Гималайский хребет с такой силой, что их отбрасывает на запад. Эти облака проносят влагу над западной частью междуречья Ганга–Джамны. Горный хребет Аравии, протянувшийся с северо-востока на юго-запад в северной части субконтинента, препятствует пересечению облаками пустыни в современном штате Раджастхан, поэтому в центральной части пустыни выпадает менее 10 см среднегодового количества осадков.

Следствием этих географических факторов является большое разнообразие количества годовых осадков. В направлении от долины Инда к дельте Ганга среднегодовое количество осадков увеличивается с 25 до 250 см. Естественная растительность долины Инда получает от 25 до

35 см осадков, а в западной части равнины Ганга–Джамны – от 35 до 60 см. В этой части Северной Индии заросли расчищались для нужд земледелия с помощью медных или бронзовых орудий. Для расчистки земли от более густой растительности в центральной и восточной частях бассейна реки Ганг были необходимы уже железные орудия труда. Благодаря богатой растительности аллювиальные почвы в средней и восточной частях долины Ганга были богаты перегноем. В сочетании с большим количеством осадков эта почва была очень плодородной. Обнаружение высококачественной железной руды в Северном Бихаре в конце VII в. до н.э. способствовало расширению производства предметов из железа. Неудивительно поэтому, что удавалось собирать по два–три урожая риса в год с полей, расположенных близко к реке.

В III тысячелетии до н.э. хорошо организованная и передовая городская цивилизация образовалась на аллювиальных долинах реки Инд и ее притоков. Эта цивилизация, больше известная как цивилизация долины Инда, или харапская цивилизация, распространилась по территории нынешнего Пакистана и штатов Пенджаб, Харьяна, Раджастхан, Гуджарат и самой западной части штата Уттар-Прадеш. Как отмечалось в томе II «Истории», харапская цивилизация во многом положила начало индийскому образу жизни.

Как показали раскопки в Хастинапуре, в начале VII в. среди выращиваемых растений были пшеница, рис, бобовые, масличные, хлопок, а также различные фрукты. Среди одомашненных животных был крупный рогатый скот, буйволы, овцы, козы, лошади, собаки и кошки. Реки служили основными путями перемещения людей и тяжелых грузов. Для этого использовались деревянные лодки.

Благодаря обилию осадков и плодородию почвы на большей территории долины Ганга могло выживать население с достаточно высокой плотностью. Расчистка непроходимых лесов и преобразование земель в центральной и восточной частях долины привели к появлению про-

цветающих деревьев. На корм домашнему скоту в деревнях использовали высушенные стебли растений, а навозом удобряли почву и таким образом установились взаимовыгодные отношения между пастухами и земледельцами, которые оставались характерной чертой на протяжении большей части индийской истории.

Рассматриваемый период (700–200 гг. до н.э.) отмечен появлением двух определенных типов гончарных изделий. В VII в. до н.э. типичными керамическими изделиями в долине Ганга была серая расписная керамика (СРК). Методом радиоуглеродного анализа был установлен большой интервал изготовления этой посуды – между 900 и 400 гг. до н.э. В верхних археологических слоях она перемежается с другим типом – так называемой северной черной полированной (СЧП) утварью. Последняя отличается великолепным качеством, период ее изготовления приходится примерно на 400 г. до н.э. – III в. н.э.

Предметы, относящиеся к СРК, находят на обширной территории от реки Сатледж, притока Инда, до Каусамби, неподалеку от Аллахабада (Илахабада) на востоке, от Рупара на севере до Джайпура на юге. Одним из наиболее важных мест, где были найдены эти глиняные изделия, является большой курган у Хастинапура, известный из эпоса «Махабхарата». Стратиграфический метод анализа гончарных изделий является основой для определения относительной, а до некоторой степени и абсолютной хронологии предметов, относящихся к СРК и СЧП. Слои в Хастинапуре, где были обнаружены СРК, не дают представления о контурах домов, однако были найдены глиняные кирпичи, куски смеси шпата и глины. В слоях СРК в Хастинапуре не были найдены железные изделия, но многие железные предметы, в том числе наконечники копий, топоры, резцы и наконечники стрел, были обнаружены в другом месте – в Атранджикере, штат Уттар-Прадеш. Пока на уровне СРК не было обнаружено никаких могил, поэтому нельзя определить, каковы были представления людей того времени о жизни и смерти.

НАУЧНОЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Предметы серой расписной керамики изготавливались на гончарном круге, имели гладкую поверхность и красились в пепельно-серый цвет. Среди форм этих изделий были чаши с прямыми сторонами и блюда, использовавшиеся как столовая посуда. Главными украшениями были линейные, пунктирные и круглые узоры, наносившиеся черной краской. Иногда эти узоры включали спирали, сигмаобразные завитки и *свастики* (*svastikas*). Нам известно, как изготавливали эту посуду. В тонких участках изделий можно различить очень малое вкрапление твердых частиц (кварца или полевого шпата). Ровная серая окраска предметов указывает, что они делались из тщательно отмученной глины. Заготовки, очевидно, закалялись в закрытом пространстве при недостатке атмосферного воздуха и, соответственно, при избытке оксида углерода, при температуре от 800 до 900 °С. Если черепки СРК нагревать в открытом тигле, узоры на них вначале медленно желтеют, потом становятся оранжевыми и, наконец, темно-красными. Сама серая поверхность изделия приобретает розовый цвет. Химический анализ черного пигмента показывает, что это оксид железа; он также обладает магнитными свойствами. При изготовлении вначале керамика украшалась гематитом (красным железняком), превращающимся в магнетит при обжиге с оксидом углерода. Однотонная красная поверхность изделия становилась серой из-за уменьшения количества гематита, превращающегося в сочетании с глиной в магнетит.

Изделия северной черной полированной (СЧП) керамики – это наиболее известный тип гончарных изделий древней Индии. Он также распространен на субконтинен-

те, как и шнуровая керамика (*terra sigillata*) на европейских местонахождениях. Эти, как правило, тонкостенные предметы утвари сделаны на гончарном круге из материала серого цвета, не содержащего больших частиц полевого шпата или кварца. Их поверхность покрыта глянцевым слоем, цвет которого варьируется от наиболее распространенного угольно-черного до желтоватого или розоватого. Форма блюд и чаш СЧП схожа с формой изделий СРК. Изделия СЧП также использовались в качестве столовой посуды. Химический и электронно-микроскопический анализ глянцевого угольно-черного слоя показал, что черный цвет появлялся из-за магнетита, а тонкая содо-алюминиево-кремниевая глазурь придавала глянцевый блеск. Глянцевый слой особо подвержен растрескиванию и шелушению. Под облупившимся слоем изделие имеет красный цвет. Это заставляет предположить, что изделие вначале обжигалось в окислительной атмосфере, затем покрывалось декоративным слоем и снова обжигалось при пониженном давлении. Глянцевый слой состоял из очень чистого гематита и естественных солевых красителей, часто встречающихся в центральной и восточной частях долины реки Ганг. Краситель действовал как флюс, позволяющий снизить температуру плавления алюминия и кремния для образования глянцевой поверхности изделий. Центральная и восточная части долины Ганга были основными районами производства такой утвари, но изделия СЧП были широко распространены на субконтиненте: от Таксилы до Кораикалы в южном современном штате Тамилнад и от Сомнатха на западе до Бангарха в Бангладеш. Такое широкое распространение объясняется активностью торговцев и буддийских монахов, которые, возможно, брали с собой гончарную посуду, куда бы ни направлялись.

Начало изготовления утвари СЧП совпадает с ранним историческим периодом в Индии. Монеты, в основном из чеканного серебра и меди, тоже появились в это время. Обожженные кирпичи широко применялись для строительства домов. Из обожженного кирпича под землей прокладывались стоки для отвода сточной воды из городов. Стекольное производство, которое появилось в период появления СРК, получило большое развитие в период изготовления гончарных изделий типа СЧП.

Два стеклянных браслета были обнаружены в слоях СРК. Оба выполнены из обыкновенного содо-известнякового силикатного стекла с малым содержанием оксида железа, которое придает им коричневый оттенок. В период производства изделий СЧП для изготовления стеклянных браслетов и бус спекались смеси из щелочных красителей, измельченного песка и небольшого количества гематита. Стеклянная дощечка с выпуклым изображением слона была найдена в слоях, относящихся к III в. до н.э., в Махешваре, штат Мадхья-Прадеш. Она сделана из полностью окрашенного полупрозрачного стекла, которое применялось и для других изделий этого периода. Видно, что эту дощечку вначале осторожно отлили в форму, а потом прокалили. Это изделие ясно показывает, что искусство стеклянного литья и отжига было высоко развито в Индии в III в. до н.э.

МЕТАЛЛУРГИЯ

Металлургия меди и бронзы уже была известна людям, жившим в дохарапских поселениях в Белуджистане и в долине Инда. Большое число разнообразных медных и бронзовых предметов было обнаружено при раскопках пластов харапской культуры, что свидетельствует о высоком техническом развитии и экономическом благосостоянии. Изучение древних медных копий и плавил на нагорье Аравии показало, как добывалась руда, как она обогащалась и плавилась. Плавильни были оснащены меде-

плавильными печами медного периода. Длительное успешное развитие металлургии меди подготовило необходимую инфраструктуру для извлечения железа. Но свойства железа сильно отличаются от свойств меди. Медь плавится при температуре 1083 °С, а для железа нужна температура в 1535 °С. Неудивительно, что индийским кузнецам понадобилось более 300 лет, чтобы понять особую природу железа. Хотя в Атранджикере, в Северной Индии, археологи нашли несколько сильно проржавевших железных предметов в слое, относящемся к 1000 г. до н.э., но только в слое, относящемся уже к VII в. до н.э., в Северной Индии было найдено большое число распознаваемых железных предметов. Было очень непросто постоянно поддерживать в маленькой печи высокую температуру, необходимую для плавления железа. С одной стороны, нужен достаточный приток кислорода; с другой стороны, в печи должна создаваться сильная восстанавливающая атмосфера с избытком оксида углерода. Неудивительно, что индийские плавильщики железа потратили много времени, чтобы понять и уравновесить эти противоположные условия процесса, протекающего внутри печи.

На этой экспериментальной стадии много железа из руды терялось в виде шлака. Получаемый металл представлял собой полувыплавленное губчатое железо с большим количеством неметаллических включений, такими как шлак и древесный уголь. Для производства однородного металла необходимо было разогреть губчатое железо до красноты и отбивать его на наковальне. Но затем оказалось, что однородный металл слишком мягок для орудий труда и оружия, у которых края должны быть твердыми, стойкими и прочными. Вскоре обнаружили, что добавление малого количества углерода, всего лишь 0,2–0,3%, превращает ковкое железо в твердую и прочную сталь.

Этот процесс, известный как закаливание ковкой стали, мог быть достигнут только над слоем древесного угля при постоянной температуре более 906 °С и с использованием кузнечных мехов. Горячий металл выковывался в лист, который снова разогревали на древесном угле, сворачивали и сваривали, отбивая молотом. Этот процесс повторялся несколько раз для упрочнения металла, который можно было использовать для изготовления орудий труда и оружия. Такие железные предметы были обнаружены во время раскопок в Дхатве на юге штата Гуджарат. Металлографический анализ железных предметов из различных частей субконтинента показывает, что технология производства железа к IV в. до н.э. распространилась по всем регионам.

Железо использовалось для изготовления различных видов оружия и инструментов, включая наконечники стрел, копий, кинжалов, ножей, обоюдоострых мечей, листообразных наконечников копий, зазубренных наконеч-

ников стрел, резцов (зубил, долот) прямоугольного и квадратного сечений, прямых ножей, плужных лемехов, серпов, гвоздей и колунов. Вполне возможно, что тигельная сталь также изготавливалась в этот период. Закаленная сталь и тигельная сталь, которая впоследствии стала известна как «вуц» (*wootz*), долгое время изготавливались в Индии как для местных нужд, так и на вывоз. Древняя индийская тигельная сталь славилась своими уникальными качествами, такими как высокая ударная прочность и ковкость.

Другим важным направлением в металлургии в Индии была дистилляция цинка в III до н.э. Цинк – это легкий металл белого цвета, мягкий и достаточно легко испаряющийся. При атмосферном давлении он закипает при температуре 913 °С. Хотя восстановление оксида цинка в цинк начинается при 950 °С, минимальная температура, необходимая для успешного извлечения металла из его оксида, составляет около 1200 °С. Эта реакция идет с поглощением большого количества тепла – порядка 57000 калорий. Поэтому до применения современной технологии восстановления под высоким давлением цинк, очевидно, получался в виде пара, который сразу же вновь окислялся. Во избежание этого, к оксиду должен был добавляться состав, содержащий углерод. При применении реторта, связанных с сосудом-конденсатором, и других сложных устройств в конце концов получался чистый металл.

Минерал сфалерит – сульфидную руду цинка находят в больших количествах в жилах, расположенных в мягком доломите в юго-западной части нагорья Аравали в Заваре, недалеко от города Удайпур в штате Раджастан. Эта руда добывалась, обогащалась и спекалась для получения оксида цинка. Некоторые образцы деревянных лесов и промывочных желобов, относящихся к I в. до н.э., были обнаружены там на глубине более 100 м, но возможно, что добыча цинка началась в Заваре несколькими веками ранее.

Печи для дистилляции цинка и реторты, найденные в Заваре (илл. 94), явно указывают на то, что в I в. до н.э. или даже ранее в Индии существовала развитая технология получения цинка. Цинк сплавляли с медью для получения латуни. Доля цинка в латуни четко выдерживалась в интервале от 10 до 12%. Этот сплав имел красивый золотистый цвет, и после очистки и полировки он буквально сверкал, как золото. Латунь использовалась для отливки изображений индуистских, буддийских и джайнистских богов и богинь. Наличие большого количества цинка и меди с нагорья Аравали позволяло индийским мастерам по металлу изготавливать разнообразные детали отделки и сосуды. На протяжении веков в Индии развивалось мастерство изготовления замечательных изделий из латуни.

ЛИТЕРАТУРА, АРХЕОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ ПЕРИОДА с 700 по 400 гг. до н.э.

Ромила Тханар

Илл. 95–101

Основное отличие этого периода от предыдущих – наличие большого количества литературных источников, дополняющих значительно более обширные археологические данные. Наличие обоих источников информации позволяет составить и более полно проанализировать историческую картину того времени. В предыдущем томе история Южной Азии до 700 г. до н.э. включала многообразие археологических культур и представляла «Ригведу» – первый известный литературный памятник индийской литературы, относящийся к периоду между 1200 и 1000 гг. до н.э. К середине I тысячелетия до н.э. появляется основная часть ведической литературы: тексты, которые современными историками в совокупности относятся к поздней ведической литературе. Это «Самаведа», «Аюрведа» и «Атхарваведа», состоящие из частей, называемых *самхита*, или гимны; брахманы, или комментарии и жертвенные формулы; «Араньяки» и «Упанишады» – теологические трактаты, в которых среди прочих тем вводились новые идеи о бессмертии и спасении. К ним были приложены Веданги, тексты по широкому кругу вопросов, из которых, пожалуй, наиболее важны относящиеся к просодии (стихосложению), этимологии и астрономии. Эти тексты были составлены *брахманами*, роль которых в основном была связана с проведением обряда жертвоприношения, и они предназначались для пользования священниками, *раджамы* (вождями и царями) и высшими кастами в целом. Поэтому эти тексты не являются описанием всего общества, но из того, что в них написано, можно выявить сведения по более широкому кругу вопросов.

«Ригведа» связана с северо-западом субконтинента, а более поздние ведические тексты относятся к индо-гангскому водоразделу и западной части равнины Ганга. Изменение течения нескольких рек и рост численности населения, возможно, явились причиной миграции. Постепенно центр смещался дальше на восток к средней части равнины Ганга. Она лежит на более низкой отметке, и в год там выпадает больше осадков, чем на западе. Движение на восток происходило вдоль подножья Гималаев, а также южного края равнины Ганга. Наличие более ранних народностей и культур, как видно из археологических исследований местности, предполагает возможность слияния различных языковых групп и укладов жизни. Из природных факторов часто подчеркивают наличие железа, которое добывали в Восточном Бихаре. Это вполне вероятно, хотя по этому вопросу все еще ведутся споры.

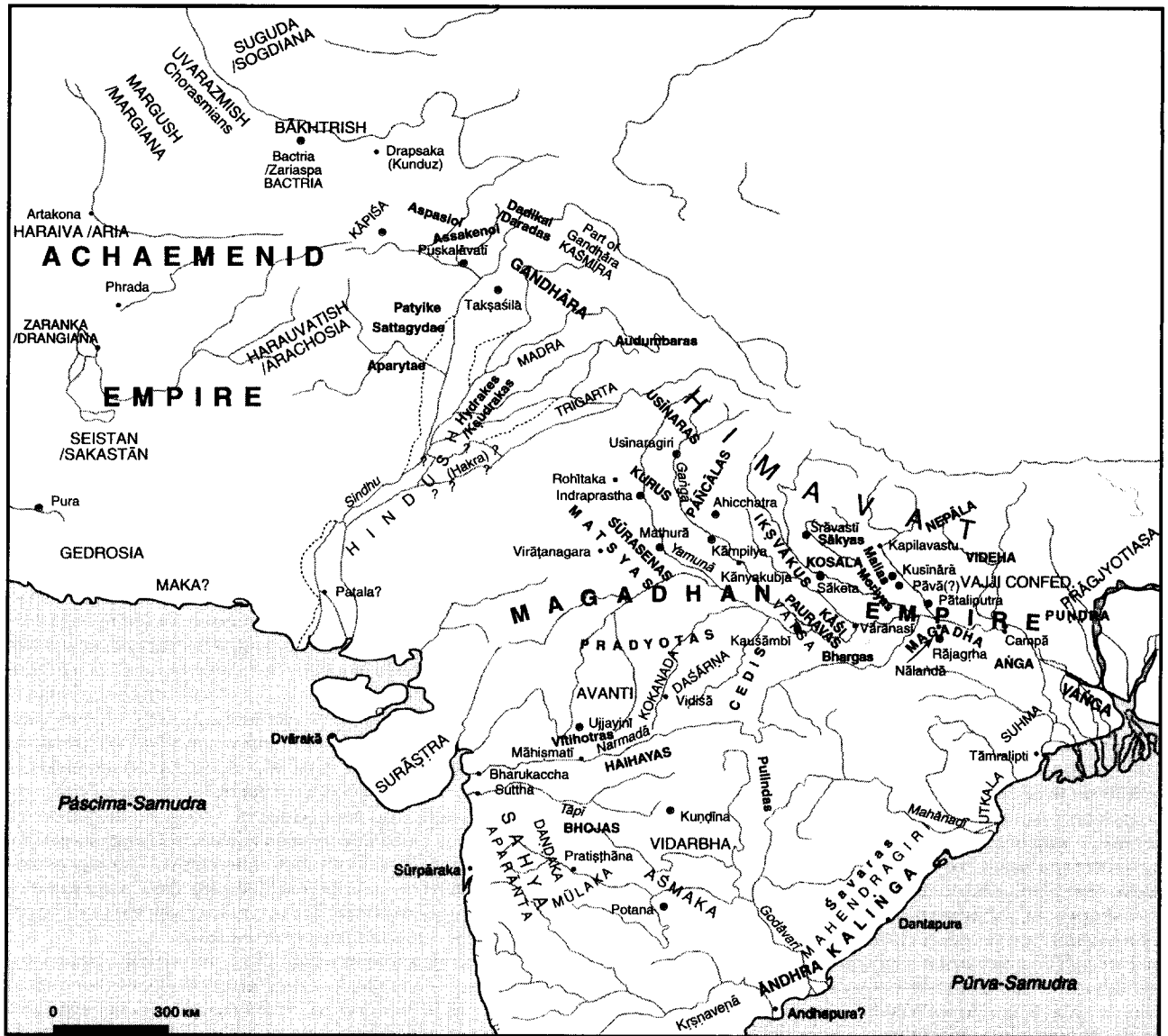
Пастушеско-земледельческое общество «Ригведы» постепенно уступало место аграрному обществу более позднего этапа. Выращивание пшеницы и ячменя, преимущественно на западе, постепенно сокращалось в районах к востоку от места слияния Ганга и Джамны; место этих культур занимал в

основном рис, выращиваемый на сырых полях в середине равнины Ганга. Это изменение совпало с переменами в политической и социальной организации. Выращивание риса требует больших трудовых затрат и значительных коллективных усилий, как при его возделывании, так и при орошении. Урожай риса с единицы площади был в основном выше урожая пшеницы или ячменя, что позволяло владельцам земли получать значительные сельскохозяйственные излишки. Контроль над работой, орошением и продукцией должен был вести к обострению различий между теми, кто управлял трудовым процессом, и теми, кто непосредственно работал. Если железные орудия труда были на самом деле более эффективными в этой деятельности, что было доказано, то имевшиеся предпосылки более активно стимулировали процесс урбанизации, хотя это был лишь один из факторов, способствовавших росту городов. Такая картина, полученная в результате археологических исследований, частично подтверждается письменными источниками.

Деление на касты определялось понятием *варны*, а позднее – *джаты*. Варна на санскрите означает «цвет», однако это понятие не должно истолковываться в современном расовом смысле, так как в то время понятие «цвет» применялось в смысле классификации. Джаты, с другой стороны, означают группу, в которой человек был рожден и которая определяла его положение. Обычно только две варны упоминаются в «Ригведе» – *арии* и *дасы*; но в более поздних текстах, в том числе в последнем гимне «Ригведы», упоминаются четыре варны и каждой предписывается своя функция: *брахманы* – жрецы, *кшатрии* – воины, а позднее – кланы землевладельцев, *вайшии* – скотоводы, земледельцы и торговцы и *шудры*, работавшие на первые три сословия. Совпадали ли группы варн с экономической иерархией того времени, остается спорным, как и то, появились ли касты как родовые или профессиональные группы, или были связаны с понятиями ритуальной чистоты и нечистоты, или явились результатом слияния этих причин. Со временем появилась пятая группа – неприкасаемые, вневарновые, которых в тот ранний период называли по имени племени или по роду занятий. Наиболее распространенным их названием было *кандала*.

Среди наиболее значимых родов были кланы Гандхара и Камбоджа на северо-западе, Мадра и Кекея в Пенджабе, Куру-Панкала и Матсия в западной части долины Ганга, Шурасена к юго-западу от них, Кошала и Каши к востоку, Видеха и Матсия в средней части долины Ганга и Анга к востоку по течению Ганга. Некоторые из них развились в монархии.

Куру-Панкалы господствовали в районе водораздела рек Инда и Ганга, верхнем междуречье и примыкающей восточной части современного штата Уттар-Прадеш. Столица Куру в Хастинапуре отмечается как важное место в эпо-

Карта 21. Южная Азия во времена империй Магадха и Ахеменидов, около 560–325 гг. до н.э. (по Schwartzberg, 1978, A Historical Atlas of South Asia, University of Chicago Press)

се «Махабхарата», равно как и Индрапрастха в верхней части междуречья. Матхура была столицей Шурасены. События, описанные в другом эпосе, «Рамаяна», связаны с Айодхья, столицей Кошалы. На достоверность подобных названий, содержащихся в героической литературе тех времен, и историчность эпических мест и событий, естественно, нельзя положиться. Эти правящие кланы в более поздние времена иногда провозглашались как предки различных династий.

Средняя часть равнины Ганга была населена кланами, которые не превратились в монархии, но сохранили олигархическую систему. Упоминания о них чаще всего встречаются в буддийских источниках. К ним относятся Сакьяс и Колияс с подножий Гималаев и союз восьми кланов – Врджи, в который входил могущественный клан Ликхави, все представители которой жили в Вайшали (нынешний Басарх в Северном Бихаре) и его окрестностях. Правящие семьи среди этих кланов настаивали на своих представительских правах на клановых собраниях и на праве получения продукции, производимой работниками, которых они нанимали. Более того, они не принимали участия в совершении ведических обрядов.

Основа ведического (ведийского) культа – жертвоприношения, сопровождаемые сложным ритуалом. Это были и простые бытовые обряды, связанные с различными эта-

пами жизни человека и временами года, и обряды в честь таких значимых событий, как посвящение в вожди, когда ритуал растягивался на многие месяцы и в его совершении участвовали жрецы различных уровней. Обряд посвящения подразумевал возведение алтаря, что требовало определенных познаний в геометрии, и жертвоприношение отобранных животных, что, между прочим, давало знания анатомии.

Обряд совершался, чтобы умиловить богов Индра, Агни, Митра и Варуна, и религиозной основой при ритуале была его религиозная функция. Но он совершался и тогда, когда члены клана собирались для того, чтобы подтвердить статус *Яджамана* (который распоряжался совершением обряда). Обычно в качестве *Яджамана* выступал *кшатрия* (*ksatriya*) или, в более поздние времена, зажиточный *вайшия*. Еще одной неотъемлемой частью обряда жертвоприношения был показ и раздача богатств. Поэтому для *кшатриев* было сложно сосредоточить у себя большое богатство, так как периодически его приходилось расходовать на таких торжествах, а также оплачивать молитвы *брахманов* щедрыми подарками.

Важность обряда жертвоприношения, однако, оспаривалась, хотя и в неявной форме, в текстах «Упанишад». В основном сомнение было связано с поисками бессмертия и спасения, при котором душа человека соединяется со Все-

ленской Душой или с Конечной Реальностью. Этот спор способствовал появлению нового мышления в области религиозных верований и философских рассуждений.

Обрядовые тексты заучивались, так как они были необходимы для правильного совершения обряда, который также требовал педантичного воспроизведения звукового ряда ведических формул. Они были известны только жрецам, так как являлись частью тщательно оберегавшейся устной традиции. Другой устной традицией, которая требовала менее тщательного заучивания текстов, были две эпические поэмы: длинная «Махабхарата» и более краткая и легче поддающаяся запоминанию «Рамаяна». Они создавались поэтами и представляли собой открытые устные предания, так как при каждой декламации повествования в него вносились некоторые изменения. Делать вставки в текст не запрещалось, и на протяжении веков они появлялись так часто, что сейчас невозможно определить время создания этих текстов. Постепенно от поэтов эпосы перешли к брахманам. К началу христианской эры они стали частью литературы секты вишнуитов, так как Кришна (главное действующее лицо «Махабхараты») и Рама (герой «Рамаяны») считались воплощениями бога Вишну. Повествовательные части, отличавшиеся от вставленных нравоучительных отрезков текста, отражают основные темы героико-эпической литературы и рассказывают о конфликтующих кланах, героях в изгнании, похищении принцесс, торжестве добра над злом и о победе героя.

В отличие от ведических руководств по совершению обрядов, эпические поэмы – это по существу повествования о героических деяниях, поэтому они создавались на простом санскрите. Явно рассчитанный на широкий круг чтения, он не был ни афористичным, ни загадочными. Это ответвление языка, возможно, способствовало появлению классического санскрита, отличавшегося от ведического санскрита, которому придал форму и грамматические правила один из ранних и наиболее важных лингвистов V–IV вв. до н.э. Панини. Нормативная грамматика санскрита, предложенная Панини, примечательна тем, что в ней систематизированы и рационально выстроены правила языка, и она по-прежнему остается стандартной грамматикой санскрита, образцом системного описания языка. Так как она была составлена в довольно сжатом и выразительном афористичном стиле (как это часто случалось с техникой письма на санскрите), к ней потребовались комментарии, например в труде «Махабхашья», составленном Патанджали (древнеиндийский языковед, виднейший исследователь и комментатор Панини. – Прим.ред.) во II в. до н.э. Эта грамматика полезна для историков, ибо помимо сведений об историческом развитии языка, которые в ней сообщаются, отдельные грамматические примечания часто дают информацию, пригодную для воссоздания социальной истории.

Приблизительно этому же периоду принадлежат и различные *сутры*. Сутры «Шраута» и «Грхяя» в основном связаны с бытовыми и сезонными обрядами. «Дхарма сутры» важны для истории общества, так как они связаны с соблюдением обычаев и норм социальных правил, но не имели силы закона. Их авторами были *брахманы*, поэтому перспективы взаимоотношений между кастами трактуются с их точки зрения. Большой упор делается на родовые обязанности, категории законных браков и наследование имущества. Родовые отношения были главными среди всех других вопросов. Брахманами особенно подчеркивалось основополагающее значение *варны*. Помимо этого, делались ссылки на четыре этапа жизни человека; в идеале это *брахмакарин* (ученик), *грхастха* (хозяин дома), *ванастрапастха* (первый шаг к отшельничеству) и, наконец, *самньяша* (аскезизм). Самоотречение, таким образом, позволялось только после того, как человек выполнял свои социальные обязательства. *Арием* назывался тот, кто говорил на санскрите и принадлежал к обществу, ко-

торое придерживалось *варнашрамадхармы*, т.е. системы каст и четырех стадий жизни. Важно то, что это ничего общего не имело с биологической расой. Те, кто не следовал *варнашрамадхарме*, считались *млекхами* – теми кто был вне общества. Нет необходимости говорить о том, что это были идеальные представления, которые не соблюдалась неукоснительно и в полном объеме даже теми, кто называл себя *ариями*.

Брахманский взгляд на жизнь и попытки воплотить его в реальность не воспринимались как бесспорные. Разные мыслители, связанные с нарождавшейся городской цивилизацией в долине Ганга, размышляли над текстами «Упанишад» и проповедовали свои идеи массам, собиравшимся в городах. Эти города были административными центрами новых царств и олигархий и часто имели торговые связи с местными кругами, обменивавшимися товарами, а также вели торговлю с дальними землями. Переход от клановых сообществ к монархиям и другим государственным системам явился результатом многих изменений в обществе и принес с собой проблемы, связанные с централизацией власти, увеличением богатства и ресурсов путем применения системы налогообложения, использованием принуждения для контроля за подданными и представлением о государствах, соответствующих определенным территориальным границам. Очевидно, были те, кто поддерживал данные изменения, и другие – сопротивлявшиеся им и искавшие альтернативные системы. Эти альтернативные системы не всегда выражались в виде политической философии; чаще они были связаны с новыми системами верований, но их подоплекой была реакция на исторические изменения в середине I тысячелетия до н.э.

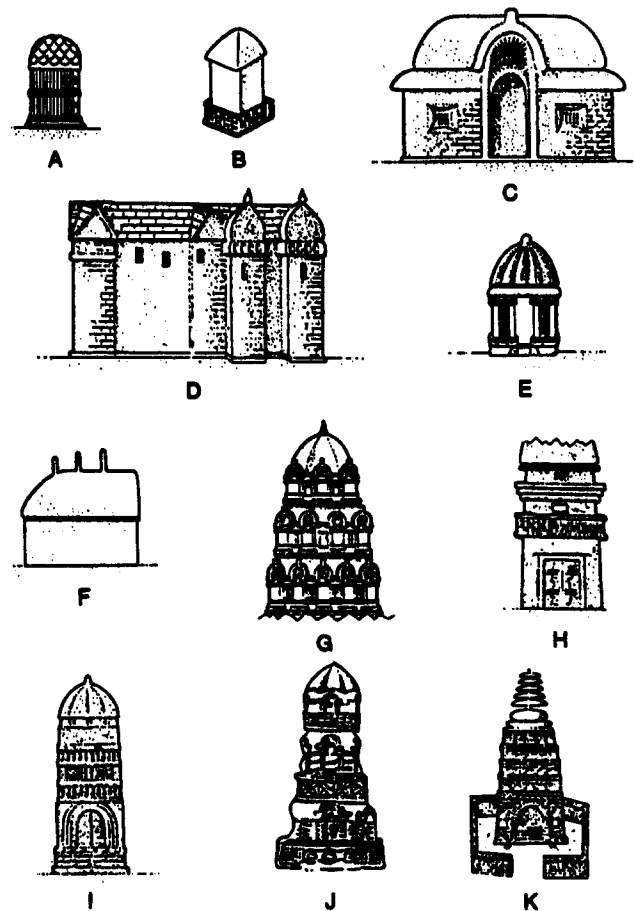

Рис. 20. Типы зданий, изображенных на древних рельефах: А–D, F, H, J – в Матхуре; E, G, I, K – в Амаравати, Гхангашале, Матхуре, Кумрахаре (по Harle, 1986)

Отдельные философы выдвигали теории, основанные на скептицизме, атомизме, антиномичных идеях, противоречащих взглядам правителей и законам, равно как и материализму. Материалистическая философия с сильной тенденцией к рационализму и прагматизму сохранилась как часть индийской философской мысли, несмотря на частые попытки ее оппонентов игнорировать или осудить ее.

Среди последних были джайны, буддисты и адживики, общей чертой которых было отрицание авторитета Вед и божества-творца. Выдающимся учителем среди джайнов, или ниргрантхасов, как их тогда еще называли, был Махавира. Он был членом клана *киатриев* и был связан с городом Вайшали. Он жил приблизительно в IV в. до н.э. и был предшественником Будды.

Джайнские религиозные тексты трудно датировать, так как в них постоянно вносились дополнения, но те, что якобы содержат учение Махавиры, тексты «Агамы», включали знаменитую «Акарангасутру». Джайнизм подчеркивал значение *ахимсы* (непричинения вреда живым существам. – *Прим. ред.*) до такой степени, что даже земледелие, не говоря уже об обрядах жертвоприношения, рассматривалось как деятельность, разрушающая жизнь животных; вследствие этого многие джайны занимались преимущественно торгово-ростовщической деятельностью. Джайны совместно с другими современными им учителями развивали доктрину о *самшаре* и *карме* – учение о том, что ход нынешней жизни человека определяет будущие рождения. Они верили в нравственное равенство всех и поэтому были склонны критиковать брахманов, оценивавших людей на основе их кастовой принадлежности. Некоторые популярные божества, такие как Индра, и различные местные культовые фигуры – Якшас (*yaksas*) стали объектами поклонения джайнов. Особен-

ностью, общей для джайнов, буддистов и адживиков, была деятельность по организации монашеских общин – *сангха* (или *самгха*), которые стали центральным религиозным институтом. Это было существенным отличием от ведического брахманизма.

Будда отрицал существование души и всемогущих божеств. Спасение, или *нирвана*, – это свобода от цепи перевоплощений. Отрицание значимости обрядов жертвоприношения рассматривалось в противовес ведийской вере и обычаям. Будда также доказывал, что только моральные и этические качества различают людей, и поэтому принадлежность к касте не является определяющей в жизни. Социальное положение должно определяться Срединным Путем, отстоящим от крайностей, и должно учитывать «четыре благородные истины» (страдание, его причина, состояние освобождения и путь к нему. – *Прим. ред.*), в которых страдание связано с желанием, и поэтому искоренение желаний является обязательным для спасения.

Возникновение подобных течений означало также борьбу за последователей. В конечном итоге буддизм стал наиболее успешным, получая поддержку от монархии – на одном уровне и от групп торговцев и ремесленников, которые начинали играть главенствующую роль в жизни городов, – на другом уровне. Последние находили социальное устройство, предлагаемое буддизмом и джайнизмом, более пригодным для их рода деятельности; в отличие от брахманизма в этих двух религиях не было презрительно-го отношения к торговле.

Учение вначале передавалось в устной форме, но по мере усложнения сути доктрины стало необходимо записывать основные положения учения (что произошло в I в. до н.э., если не раньше). Будда пользовался разговорным языком, распространенным в средней части долины Ганга. Буддийский Канон, в конце концов составленный на языке пали (язык, отличающийся от санскрита, но родственный ему, который стал общим языком большинства буддийских монахов), стал называться Трипитака, буквально – «три корзины», в которых хранились тексты, относящиеся соответственно к догмам, монастырской дисциплине и философии.

Организация буддийских монастырей во времена Будды основывалась на демократических принципах. Будда не назначал себе преемника, считая, что каждый монах должен найти свой собственный путь к спасению; авторитет основывался на исполнении учения, т.е. *дхарме*. Решения принимались на открытом собрании, за образец которого Будда взял процедуру, существовавшую в олигархии врджийев (ваджийев) в Вайшали. Сбор монахов и их проживание в одном месте были вначале связаны с сезоном дождей, но постепенно монахи обособились в постоянных жилищах – *вихарах*, т.е. монастырских общежитиях.

Суть общин буддистов и джайнов не только во взаимозависимости монахов и мирян-последователей, но также в том, что община перечеркивала кастовую принадлежность и теоретически, по крайней мере в монашеских общинах – сангха, была открыта для представителей любой касты. Это сильно отличалось от брахманской концепции устройства общества, поделенного на относительно независимые касты, где ощущение общности ограничивалось рамками каждой касты и где даже религиозные секты стремились остаться в этих рамках. Однако чувство общности не убергло буддистов от сектанства. К III в. до н.э. произошел основной раскол. После обсуждения на трех советах буддийская Сангха была разделена на Тхераваду (*Theravāda*), преобладавшую в то время в средней части долины Ганга, а позже ставшую главенствующей в Шри-Ланке, где она оставалась официальной религией до настоящего времени, и Сарвастиваду (*Sarvāstivāda*), которая стала основной в Матхуре, Кашмире и других северных регионах.

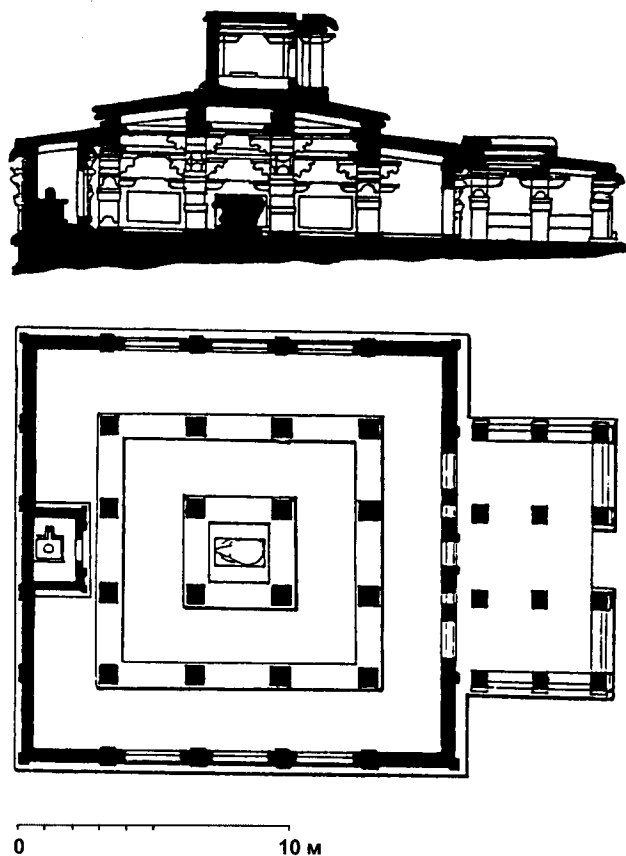

Рис. 21. План храма Лад-Кхан в Айхоле; конец VI–VII в. (по Harle, 1986)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ И ИМПЕРИЯ МАУРЬЕВ

Ромила Тханар

Илл. 95–117

События I тысячелетия до н.э. вызвали быстрый подъем империи Маурьев в конце IV в. до н.э. (карта 22). Возникновение империи привело к ряду изменений, которые особенно заметны в Северной Индии в середине I тысячелетия до н.э. Эти перемены отражены не только в археологических данных, полученных при раскопках от поселений, связанных с культурой серой расписной керамики и черно-красной керамики на северных стоянках, до поселений культуры северной черной полированной керамики, но также и в картинах мира, изображенных в буддийских текстах, отличающихся от ведических представлений. Важным изменением в этот период был переход от малых государств к господствующей имперской системе.

Основные кланы и союзы располагались на северо-западе и в долине Ганга, Камбоджи и Гандхары. Последняя с центром в городе Такшашила (Таксила – в греческих источниках) соседствовала с персидскими владениями Ахеменидов. Некоторое время эта территория вместе с другими, расположенными далее по течению Инда, называлась, согласно надписям Ахеменидов, Си[н]ду, по названию реки Инд, и эти земли были частью Персидской империи. Мощный союз Куру-Панкала гордился своим городом Ахикчтра в Северном Уттар-Прадеше. В месте слияния рек Ганг и Джамна находилась территория ватсасов (*vatsas*) с центром в Каушамби, в котором были проведены весьма интенсивные раскопки. Город Каши на Ганге впоследствии прославился как Варанаси (современный Бенарес. – *Прим. ред.*). К югу от реки простиралась территория Чедис.

Столица царства Кошала находилась в Сакете, но с ростом торговли вдоль подножья Гималаев столица была перенесена в Шраваси. На плодородных землях Южного Бихара располагалось царство Магадха со столицей в Раджагрхе; но и в этом царстве произошел перенос столицы в Паталипутру (современный город Патна. – *Прим. ред.*) на реке Ганг, предположительно из-за большого значения речной торговли. Путь, идущий к югу, Дакшинапатха (*Dakṣiṇāpatha*), проходил через плато Малва, которое приобрело важное значение из-за царства Аванти с главным городом Удджайини (современный Уджайн).

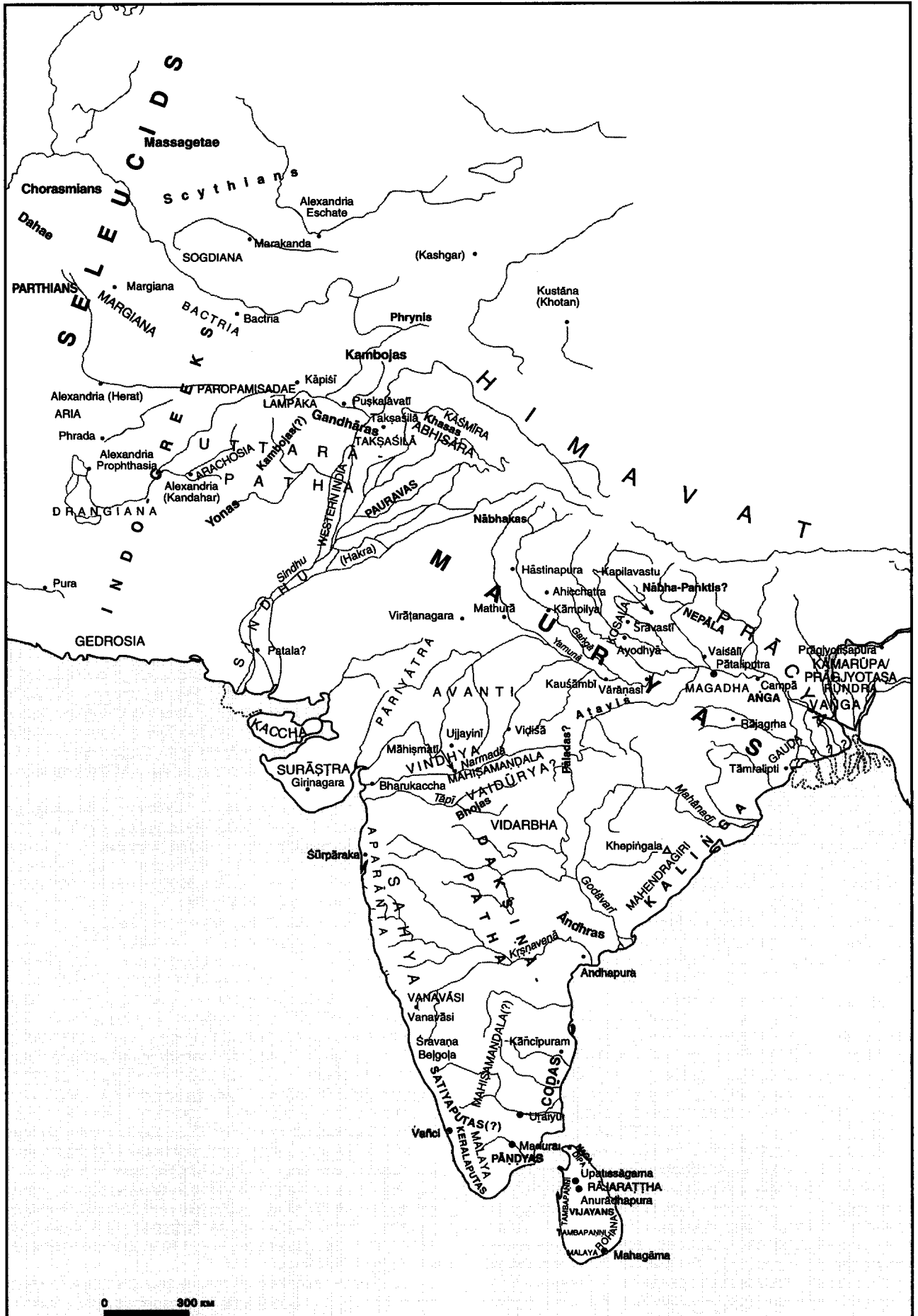
Развитие монархических государств в этих областях было связано с крупными переменами в экономике и политическом управлении природными и трудовыми ресурсами. Первоначально земля рассматривалась как наследственное владение клана. Постепенно, однако, с распадом кланов большее распространение получила семейная собственность, что отражено в буддийских текстах; происходил постепенный переход к признанию семейного и частного владения пахотными землями. Это, в свою очередь, побудило тех, кто имел излишнее богатство, вкладывать его часть в торговлю, и к IV в. до н.э. появилась сеть ремеслен-

но-производственных центров, которые зачастую вырастали в города, где произведенные товары продавались купцами. Города, которые, вероятно, возникали как административные центры, часто становились и торговыми центрами.

Возникновение государства признается в концепции *saṃtāṅga* (*saptāṅga*), или семи частей, которые являются составными частями государства: царь, управление, столица, территория, армия или другой подобный орган принуждения, казна, в которую регулярно перечисляются доходы, и политические союзники. В реальности все они приводили к централизации политической власти в руках царя, который мог требовать для себя особого статуса в целях усиления власти. Это также означало, что родовые связи постепенно ослабевали перед лицом более безличной административной сети, которая была необходима для оценки и сбора доходов и содержания казны, а также для содержания армии, защищавшей территорию, на которую претендовало государство. Наконец, в ситуации политической нестабильности и противоборства важным политическим фактором были разнообразные союзы.

Факторы, способствовавшие переходу к государству, возможно, наилучшим образом проявились при образовании государства Магадха, которое стало ядром крупнейших древнеиндийских государственных образований. Предполагалось, что этому преобразованию способствовали многие факторы: плодородие земель, благодаря которому производился излишек продукции и шло накопление богатства, остававшегося даже после уплаты налогов; богатые лесные ресурсы в окрестностях, позволявшие добывать слонов для армии и древесину, широко использовавшуюся в строительстве; богатые залежи железной руды, использовавшиеся именно в то время, когда технология получения железа стала способствовать расчистке земель под пашню и дала качественное оружие для борьбы; расположение на берегах Ганга, позволявшее контролировать речную систему как основной торговый путь; и последний, но не менее важный фактор – стремление местных правителей получить большую политическую власть. Последнее намерение подтверждается длительным противостоянием между царством Магадха и союзом ваджийев, в котором в конце концов победила первая. Между прочим, в описаниях этих военных кампаний упоминаются новые и более разрушительные формы оружия, что заставляет сделать предположение о качественном изменении в ведении войны.

В *Пуранах*, текстах, которые претендуют на воссоздание прошлого, подразумевается, что именно в государстве Магадха впервые осуществился переход к династической системе правления. Это стало поворотным моментом для

Карта 22. Южная Азия во времена империи Маурьев, 321–181 гг. до н.э.

разных династий, в частности для Нандов, которые были предшественниками Маурьев. Территория царства Нанда включала долину Ганга и части современно провинции Орисс. По-видимому, агрессивное расширение территории и высокие налоги привели к непопулярности этой династии. Вдобавок к этому, Северо-Западная Индия была введена в смятение походом Александра Македонского. О том коротком периоде, что он провел в Пенджабе и Синде, ничего не сказано в индийских источниках. Но политическая неразбериха после его смерти, пока его военачальники боролись за территорию и власть, помогла юному Чандрагупте (Маурье) укрепиться в Магадхе, Центральной Индии и на северо-западе. К концу IV в. он обладал достаточной властью для противостояния преемнику Александра в Иране, диадоху Селевку I Никатору, а также для того, чтобы отобрать у него территории в Афганистане, Белуджистане и Восточном Иране. Отношения между Маурьями и эллинистическими государствами привели к прибытию послов Селевкидов и Птолемея к двору Маурьев.

Сын Чандрагупты Биндусара, возможно, объединил империю, завоевав полуостров Индия. Со вступлением на престол его сына Ашоки, примерно в 269 г. до н.э., империя Маурьев охватила практически всю территорию субконтинента. Ашока издал несколько указов в виде надписей («надписи Ашоки»), и места, где они были найдены, указывают территории, которые находились под властью Маурьев. Указы на греческом и арамейском языках в Афганистане и Северо-Западной Индии свидетельствуют о присутствии западных народов в городах на этих территориях. В других местах надписи сделаны на праkritе, на общепринятом разговорном языке в большей части империи. Письмо, называемое *кхароитхи* (производное от западноазиатского арамейского письма), было принято на северо-западе, а слоговое письмо брахми (возможно, сходное с тем же семитским письмом) – в остальных районах империи.

Основной чертой империи было приведение разных ее регионов под единое управление и, следовательно, к их некоторому политическому и административному подобию. До тех пор изолированное развитие различных регионов пошло на убыль, и по крайней мере в областях, где это позволяло ресурсы, устанавливался контакт с удаленным властителем – государством Маурьев. Так присутствие Маурьев в современном штате Карнатака подтверждается большим числом надписей, сделанных по указанию Ашоки, появление которых, без сомнения, свидетельствует о том, что Маурьи получали с этой территории свои золотые запасы.

Экономика империи во многом основывалась на экстенсивном сельскохозяйственном и агрокультурном развитии. Государство выделяло новые земли и селило землевладельцев на них. К тому же оно провозглашало себя собственником незаселенных земель и специально обозначало царские владения, земли *cuma (stā)*, которые обрабатывались на основе разнообразных форм временного владения: различных видов аренды, издольщины и даже отдавались в пользование наемным работникам и рабам. Это не препятствовало существованию частной собственности на землю, на что имеются указания в источниках. Рабы не были единственным и тем более основным источником рабочей силы ни в ранних государствах, ни в империи Маурьев. Пахотное земледелие было обычным во многих областях, а на некоторых территориях с тяжелыми почвами использовался плуг с железным наконечником. Частный контроль над системой орошения поощрялся снижением налога на воду в тех местах, где он был широко распространен. Там, где орошение обеспечивало государство, налог на воду был выше. Имеется только один пример широкомасштабной государственной системы орошения – установка плотин в Западной Индии.

В знаменитой «Артхашастре» (на санскрите – наука о пользе, о практической жизни. – *Прим. ред.*) Каутилья (*Kautilya*) приводится текст по политической экономии, являвшийся практическим руководством для царя в том, как он должен организовать свое государство и управлять им. Долгое время считалось, что этот текст был написан министром Чандрагупты, что относило его к IV в. до н.э. Но изменения в стиле и содержании, а также ссылки на события более поздних периодов привели к продолжительным спорам о точной дате его написания. Текст в том виде, в каком он существует, относится к периоду после династии Маурьев, но, возможно, в нем есть разделы, отражающие проблемы управления в эпоху Маурьев. Некоторые из них совпадают с описаниями, сделанными греческим послом от двора Селевкидов, Мегасфеном, на чей рассказ «Индика» об Индии, потерянный для нас, часто ссылались более поздние греческие авторы.

Из «Артхашастры» следует, что существовала четко налаженная организация под централизованным контролем. Но, скорее, это могло быть идеальным представлением, чем реальным положением дел. Указы Ашоки обращали внимание на контролирующие функции высших чиновников, совершавших частые инспекционные поездки. Но осуществление высокого уровня централизации, должно быть, было затруднительным для того времени, учитывая расстояния и способы передвижения и связи. Эти факторы дали основание некоторым ученым предположить, что степень централизации контроля и управления могла варьироваться в зависимости от региона.

То, что бюрократия была мощной силой, подтверждается уровнем зарплат, перечисленных в «Артхашастре»: верхние эшелоны администрации получали очень высокие зарплаты, которые заметно уменьшались с понижением ранга чиновников. Чиновники низких уровней, как и в более поздние времена, вероятно, получали свое на местном уровне управления. Налоги собирались, вероятно, натуральным продуктом, хотя оценивались в денежных единицах – металлических монетах. Широкое использование монет с отверстиями, которые, вероятно, чеканили по указанию местных властей, указывает на определенный оборот денег на рынках империи. Необходимость в постоянной оценке этих монет указывает на достаточно развитую металлургию. Финансовые затраты на управление были не меньше затрат на военные нужды. Греческие и латинские источники приводят завышенную численность армии Маурьев, вероятно, для того, чтобы оправдать страхи солдат Александра по поводу возможных продолжительных военных действий с малым шансом на успех, если армия двинется в долину Ганга. Тем не менее только для охраны дорог, ведущих к источникам сырья на полуострове, и для защиты северо-западных границ от эллинистического вторжения требовалась значительная военная сила.

Ашока в своих указах упоминает о строительстве дорог, пересекающих империю, и этот факт подкрепляется наличием специальной царской дороги, описываемой во многих других источниках, идущей из Таксилы в Паталипутру (современная Патна), столицу Маурьев, и далее до дельты Ганга – путь, который часто поддерживали в порядке большие северные царства. Его основной функцией, помимо облегчения передвижения военных и чиновников, было усиление торговых связей и обмена. Таксила и Кандагар (последний расположен в Афганистане) были узловыми пунктами сухопутной торговли между Северной Индией и Западной Азией. Северный путь вдоль Гималаев поддерживал торговлю в предгорье, а путь к югу вдоль Джамны и Ганга включал основные речные порты в системе Ганга. Столица Паталипутра, перенесенная сюда из расположенного южнее города Раджагрха, имела доступ как к сухопутному, так и к речному пути.

Пути, идущие на юг, пересекали реки Нармада и Тапти, и одно ответвление шло к Сопару (в окрестностях современного Бомбея) на западном побережье. Возможно, здесь существовала кольцевая прибрежная торговля между западным побережьем Индии, побережьем Персидского залива и Аравийского полуострова. Путь по суше шел дальше на юг, к современному штату Карнатака, к плодородному междуречью в районе города Райчуру и золотым приискам в районе города Колар. Этот район был также связан с восточным побережьем через Амаравати и Калингу, дорога доходила до дельты Ганга, где раскопки порта Тамралипти выявили присутствие Маурьев.

Считают, что широкое распространение северной черной полированной керамики связано с развитием торговли. Производство этих тщательно выполненных изделий, безусловно, было связано не только с развитием химических технологий в изготовлении гончарных изделий, но и с усовершенствованием технологии обработки металлов. В найденных текстах говорится о предметах, поступавших в центральную казну: драгоценных камнях, золоте, жемчуге, металлах, слоновой кости и различных тканях. Драгоценные камни, специи и ткани были основными товарами на рынке индийской торговли с остальным миром. Расширение торговли неизбежно приводило к росту городских центров и преупсению купеческого сообщества: это сообщество, чье сословие охотнее признавали буддисты и другие подобные религиозные группы, чем брахманы. Возможно, быстрое распространение буддизма в этом и последующих веках объяснялось не только царским покровительством, но и поддержкой торговцев.

В своих указах Ашока ссылается на близкие отношения с эллинистическими правителями Западной Азии и Восточного Средиземноморья, которых он упоминает по именам. Эти данные были взяты за основу в хронологии Маурьев. Указы охватывали круг вопросов, основным из которых было стремление царя убедить своих подданных следовать заповедям *дхармы*, или того, что он называет словом *эвсебеия* (*eusebeia*) в своих указах на греческом языке. Остается спорным, проповедовал ли он буддизм, как утверждают многие историки, или занимался распространением более широкого понятия социального блага для всех своих подданных. Учение Будды часто называли *дхарма* (санск. опора, закон, религиозное учение и др. – Закон Вселенной, открытый Буддой, и его учение. – *Прим. ред.*), поэтому, когда Ашока использовал понятие *дхарма*, он, вероятно, имел в виду то же самое. Ашока уделял особое внимание вопросам, касающимся общего социального благополучия: дружелюбные отношения между родителями и детьми, рабовладельцами и рабами, друзьями, учителями различных религиозных течений и т.д. Когда он обращался к буддийской Сангхе, или Ордену, он называл себя простым последователем буддизма. Но в своих указах, адресованных чиновникам или всему населению, он не ссылался на это. Использование греческого термина «*эвсебеия*» также скорее указывает на обобщенное понятие священного долга, чем на какое-либо определенное религиозное учение.

В большом мультикультурном государстве с разными народами, культурами и религиями для государственного деятеля было необходимо делать упор на понятиях преданности и самобытности, которые превыше всего. Возможно, это объясняет ссылку Ашоки на *дхарму*. Это была попытка убедить своих самых разных подданных принять новую этику. Он, со своей стороны, как император следовал этому: помимо административных усилий, связанных с благополучием его подданных, он избегал применения силовых методов, а вместо этого стремился убедить людей принять его политику. Он выражал надежду на то, что его преемники тоже откажутся от насильственных методов, но если потребуется применить силу, то они будут снисходительны и милосердны, в том числе к тем, кого они завоевали.

Он признавал, что его неприятие насилия возникло в конце военной кампании в Калинге, в восточной Индии, когда он стал свидетелем того, какой вред и страдания принесли его военные действия.

Для своего существования империям зачастую требуется универсальная идеология, которая объединяла бы различные группы людей. Там, где идеология основывается на существующей религии, религиозная сеть действует как система, поддерживающая политическую власть. Это можно заключить из того, что говорилось о правлении Ашоки в ранних буддийских монастырских хрониках в Шри-Ланке. Но помимо этих текстов имеется мало свидетельств о том, что Ашока оказывал существенную поддержку буддийской Сангхе. Основное пожертвование в виде высеченного в скале молитвенного зала было сделано не буддистам, а адживикам, а памятники периода Маурьев ограничиваются царским дворцом и столицей – городом Паталипутра, а также монолитными колоннами с капителями, на которых были высечены многие указы. Несколько таких колонн были обнаружены в местах, имеющих важное значение для буддистов, а большинство их рассеяны по долине Ганга.

Даже если политика Ашоки в конечном итоге не увенчалась успехом, тем не менее достойно восхищения даже то, что он пытался реализовать свою такую необычную для имперской системы идеологию. Его правление, возможно, стало прототипом основной концепции в буддийских взглядах на монархию, на *каккаватти/какравартин* (*cakkavatti/cakravartin*), или универсального императора, действия которого характеризуются не грубым насилием, но ассоциируются со справедливостью и торжеством закона. Этот образ играл важную роль в более поздних взглядах на монархию там, где буддизм оказывал свое влияние. Его этика довольно сильно отличалась от брахманской этики о правителе-*киамтрие* как великом завоевателе.

Смерть Ашоки примерно в 232 г. до н.э. ознаменовала собой закат империи. К началу II в. империя распалась. Преемники Ашоки, по-видимому, были посредственными правителями, и источники расходятся во мнении о порядке их правления. Но закат империи обусловлен более фундаментальными причинами, чем личные качества царей. С северо-запада исходила постоянная угроза от правителей, жаждавших расширить свои владения от гор Гиндукуша до богатых индийских равнин, в основном для захвата источников торговли. В том, что они в конце концов одержали верх, обвиняли Ашоку и его политику ненасилия. Однако при внимательном прочтении его указов видно, что он не распускал армию и был хорошо осведомлен о необходимости военных походов, хотя и считал предпочтительным более гуманные методы разрешения конфликтных ситуаций. Причиной распада любой империи является региональный сепаратизм. Согласно более ранней точке зрения, покровительство Ашоки буддизму вызывало недовольство *брахманов*, и их враждебность вылилась в убийство последнего царя династии Маурьев его же главнокомандующим. Однако имеющиеся данные не подтверждают такой интерпретации. Ашока очень предусмотрительно включил *брахманов* в те категории населения, которые, как он считал, его подданные должны уважать, и настаивал на том, что ко всем религиозным сектам и идеологиям необходимо относиться с одинаковым уважением.

Среди экономических факторов падения империи Маурьев выделялось обесценивание серебряных монет Маурьев и то, что был проведен усиленный дополнительный сбор податей для увеличения поступлений в казну. Другим аргументом является недостаточная эффективность использования Маурьями ресурсов, имевшихся на субконтиненте. Привлекает внимание отсутствие импер-

ской символики на крупных памятниках вне столичного города Паталипутра, что поразительно контрастирует с другими близкими по времени империями. Расходы на содержание армии и высших эшелонов центральной администрации также были тяжелой ношей для казны. В легендах из буддийских источников описывается, что в последние годы правления Ашоки действительно возникали финансовые трудности, но эти легенды могли

быть придуманы, чтобы сделать вывод морального свойства о том, что даже у великих покровителей буддизма были проблемы.

Государства-преемники империи Маурьев зачастую возникали в центрах власти, появившихся или набравших силу во времена Маурьев. Таким образом, в череду государств, которые появились после заката империи Маурьев, имеется определенная преемственность.

БИБЛИОГРАФИЯ (17.1–17.3)

- ALLCHIN, B.; ALLCHIN, F. R. 1982. *The Rise of Civilization in India and Pakistan*. Cambridge.
- BLOCH, J. 1950. *Les Inscriptions d'Aśoka*. Paris.
- BONGARD-LEVIN, G. M. 1985. *Mauryan India*. Delhi.
- BURROW, T. 1965. *The Sanskrit Language*. London.
- CARDONA, G. et al. (eds). 1970. *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia.
- CHAKRABARTY, D. K. 1979. *The Beginning of Iron in India*. *Antiquity* (Cambridge), Vol. 50, pp. 114–24.
- FRAUWALLNER, E. 1956. *The Earliest Vinaya and the Beginnings of Buddhist Literature*. Roma.
- FUSSMAN, G. 1982. *Pouvoir central et régions dans l'Inde ancienne; le problème de l'empire Maurya*. *Annales* (Paris), Vol. 4, pp. 621–47.
- GHOSH, A. 1973. *The City in Early Historical India*. Simla.
- HARLE, J. C. 1986. *Art and Architecture of the Indian Subcontinent*. London.
- HEESTERMAN, J. C. 1957. *The Ancient Indian Royal Consecration*. The Hague.
- HEGDE, K. T. M. 1973. *A Model for Understanding Ancient Indian Iron Metallurgy*. *Man*, N.S. Vol. 8, pp. 416–21.
- 1975. *The Painted Grey Ware of India*. *Antiquity* (Cambridge), Vol. 49, pp. 187–90.
- 1991. *An Introduction to Ancient Indian Metallurgy*.
- KANGLE, R. P. 1965. *The Kautiliya Arthaśāstra*. Bombay. 3 Vols.
- KOSAMBI, D. D. 1965. *The Culture and Civilization of Ancient India m Historical Outline*. London.
- LAL, B. B. 1954–5. *Excavations at Hastinapura*. *Ancient India*, Vols. 10–11, pp. 4–151.
- THAPAR, R. 1961. *Aśoka and the Decline of the Mauryas*. London.
- 1984. *From Lineage to State*. Delhi.
- 1992. *The Mauryas Revisited*. Calcutta.
- WAGLE, N. 1966. *Society at the Time of the Buddha*. Bombay.

ЮЖНАЯ АЗИЯ с 200 г. до н.э. до 300 г. н.э.

18.1

ДИНАСТИИ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ СУБКОНТИНЕНТА;
ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ*Браджа Дулал Чаттопадхья**Илл. 95–106***ОБЗОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

В начале II в. до н.э. когда-то мощная империя Магадха династии Маурьев находилась в полном упадке. Рассматриваемый в этой главе период может считаться переходным от империи Маурьев к империи Гуптов, которая была образована вскоре после 300 г. н.э. Как и большинство переходных периодов, он был очень сложным, так как территория, когда-то находившаяся под властью Маурьев, т.е. большая часть субконтинента, кроме самой южной части Индии и Бенгалии, разделилась на множество царств и республик. Среди них были и территории на северо-западе субконтинента, находившиеся под иноземным господством. Несмотря на политическое разделение, это был важный период, в течение которого сформировалась классическая индийская цивилизация.

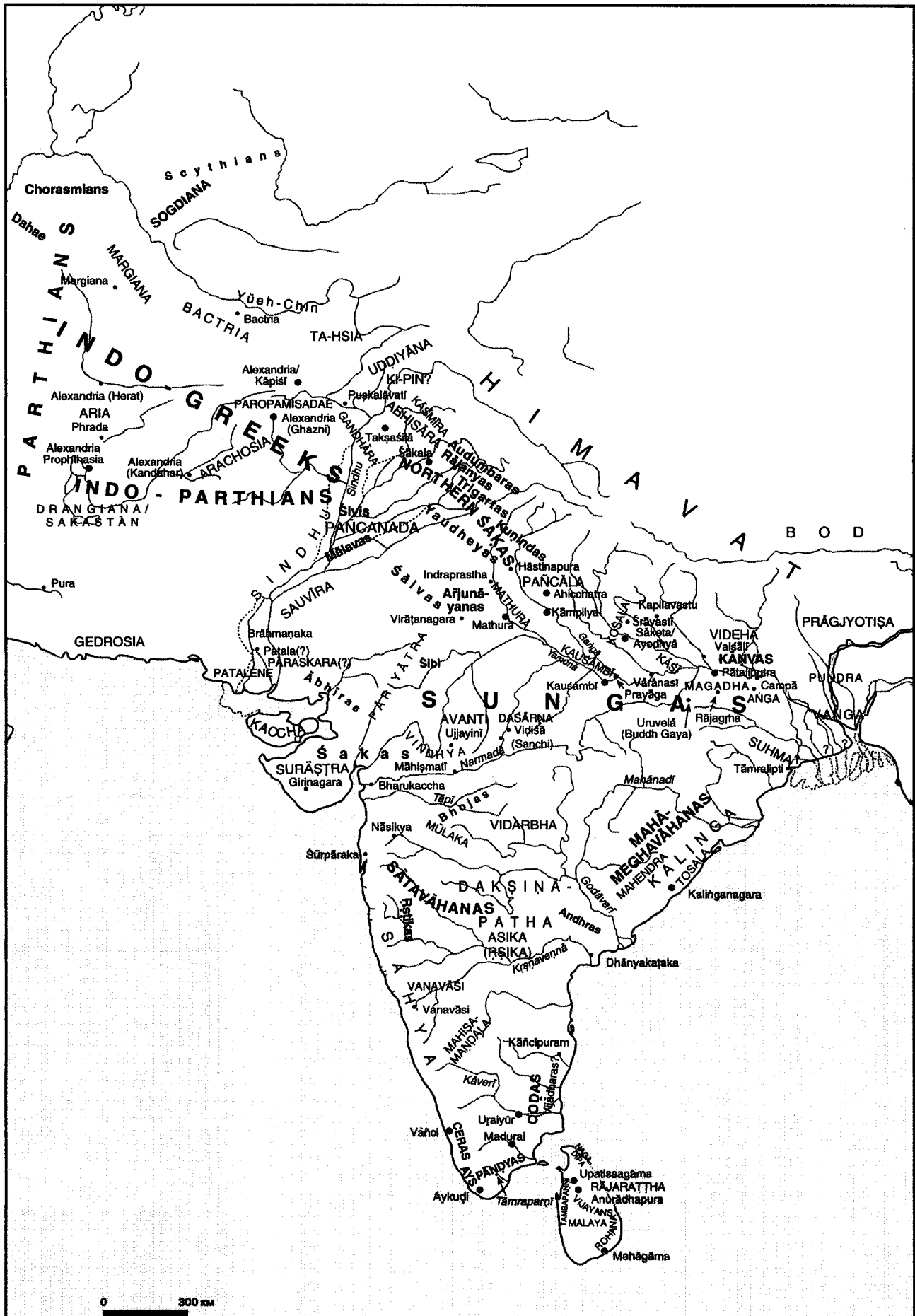
Согласно «Пуранам» (памятники древнеиндийской литературы, считаются священными книгами индуизма. – *Прим. ред.*), империи Маурьев положил конец главнокомандующий армии Пушьямитра, убивший последнего царя из династии Маурьев и основавший династию Шунга (*Shunga*, примерно 184–50 гг. до н.э.). Хотя некоторые источники упоминают многие победоносные войны, которые вел Пушьямитра, видимо его реальная власть и власть его преемников в основном распространялась на части Центральной Индии, в то время как различные индогреческие роды контролировали большую часть северо-запада, включая территорию современного Пенджаба (карта 23).

Относительно воинских подвигов, приписываемых Пушьямитре, стоит обратиться к одной из граней нового этапа развития страны. Пушьямитре приписывают совершение двух обрядов *ашвамедха* (*asvamedhas* – жертвоприношение коней), рассматривавшихся как показатели почти неограниченной власти. Санскритский текст связывает эту церемонию с его победой над «яванами». Хотя этот термин имеет западноазиатское вторичное, дополнительное культурное и этническое значение, в то время под ним явно подразумевали этнос и культуру греческого происхождения. Рассказ о набегах яванов в долину Ганга и в Западную Индию сохранился в санскритском тексте «Йугапурана». В нем описывается разорение, причи-

ненное опьяненными войной греками землям и городам Панкала, Сакета, Матхура (все они находились на территории современного штата Уттар-Прадеш), Мадхьямика (Раджастан) и Паталипутра (в настоящее время Патна в Бихаре). С другой стороны, надпись времен одного из последних правителей династии Шунга (около 100 г. до н.э.), высеченная на большой колонне, стоящей неподалеку от древнего города Видиша (Бхилса на востоке плато Малва), представляет посланника яванов из Таксилы в совершенно другом свете: как верящего в Бхагавату (*Bhāgavata*), разновидность вишнуизма, в которой особенно подчеркивалась преданность богу Вишну. Колонна, которая когда-то была увенчана изображением Гаруды (божественного орла), важна по нескольким причинам: она не только показывает, что греческий посол из эллинистического государства мог быть обращен в индийскую веру, но и свидетельствует о попытках эллинов построить мост доброй воли к политическому центру Индии того времени.

Яваны, называемые также индогреками, чтобы показать, до какой степени эти греки находились под влиянием индийской цивилизации, в начале II в. до н.э. оккупировали Бактрию и оттуда совершили несколько вторжений на северо-запад и север Индии. Эти вторжения не были широкомасштабными и, несмотря на случайные рейды вглубь долины Ганга, индогреческое правление в действительности не выходило за пределы Пенджаба. В индийских источниках встречаются единичные ссылки на яванов, а сведения о яванских правителях и вовсе редки, но по разным причинам этап истории Северной Индии, который отмечен присутствием яванов и этнических групп, пришедших вслед за ними, может рассматриваться как один из наиболее значительных.

С конца III в. до конца I в. до н.э. насчитывается более тридцати индогреческих правителей; большинство из них (а некоторые из правителей имели одинаковые имена) известны только по монетам, которые при них чеканились из серебра и меди. Серебряные монеты различного достоинства по отношению к греческому стандарту – *драхм* свидетельствуют о высоком мастерстве при изготовлении оригинальных греческих монет. Они служили моделями

Карта 23. Южная Азия в период династии Шунга и индогреческого господства с около 200 г. до 1 г. до н.э. (по Schwartzberg, 1978, A Historical Atlas of South Asia, University of Chicago Press)

для ремесленников, нанятых правителями, преемниками индогреков, и теми, которые правили несколькими небольшими территориями и впервые появились в этот период в предгорных регионах Гималаев. Обычно на серебряных монетах с одной стороны чеканили бюст правителя, а с другой – изображение какого-нибудь греческого божества, но их вид часто был разным. Действительно, индогреки ввели не только новый эталон веса для своих восточных территорий, чтобы приспособить его к местному эталону веса, но и применили надписи на своих монетах с использованием двух разных алфавитов и двух разных языков. С одной стороны надпись делалась на греческом языке и греческим алфавитом, с другой стороны эта же надпись делалась на пракритском языке, зачастую индийским письмом кхароштхи, что дает нам интересные индийские эквиваленты греческих титулов и эпитетов.

Для медных монет, выпускаемых для городов в Гандхаре, например в Пушкалавати (Гешавар) неподалеку от Кабула и Таксилы рядом с Равалпинди, индогреки даже приняли местную технику чеканки монет и использовали анималистические жанры и изображения божеств, которые были популярны в этой местности. Последующая традиция чеканки монет в Индии, видимо, переняла по крайней мере два элемента обширных выпусков монет индогреков: во-первых, технику матричной (шаблонной) формовки и, во-вторых, использование легенд и других надписей на монетах. Одного из очень немногих индогреков, который остался в индийской традиции, звали Менандр (Менандрос), его имя фигурирует в пали-буддийском тексте «*Миллиндапанха*» (*Milindapancha* – «Вопросы Милинды»), в котором он постоянно упоминается как яванский правитель Сагалы (*Sāgala*) из Пенджаба, обратившийся к буддийской вере после долгих бесед с индийским монахом Нагасена.

Географическое распространение таких разных групп, как скифы, парфяне и кушаны, сменивших в I в. до н.э. индогреков в Афганистане и Северо-Западной и Северной Индии, происходило более активно, чем в случае с индогреками. В то время как последние были известны по литературным индийским источникам как яваны, остальные упоминались как шаки (*sākas*), пахлавы и тукхары (*tukhāras*). Различные группы скифов и парфян предшествовали кушанам и установили очаги своего правления, которое в разное время распространилось к долине Ганга и к западному побережью. Как и первые две группы (и возможно, кушаны), все они имели иранские корни, и нелегко определить различие между ними. Иногда единственным средством установления этнической принадлежности является изучение имен правителей. Так, цари Вононы (*Vonones*) и Гондоферны (*Gondophernes*) считаются парфянами (пахлавами), а другие, например Мауи (*Mauies*), Азы (*Azes*) и Азилисы (*Azilises*), считаются скифами (шакьями). Что касается индогреков, то самая важная информация о них получена из монет, которые стали чеканиться значительно хуже, сопровождалась немногочисленными надписями на пракрите, записывались в основном письмом кхароштхи, но также и брахми после прихода шакьев в такие центры, как Матхура к югу от нынешнего Дели, или на западное побережье (карта 24).

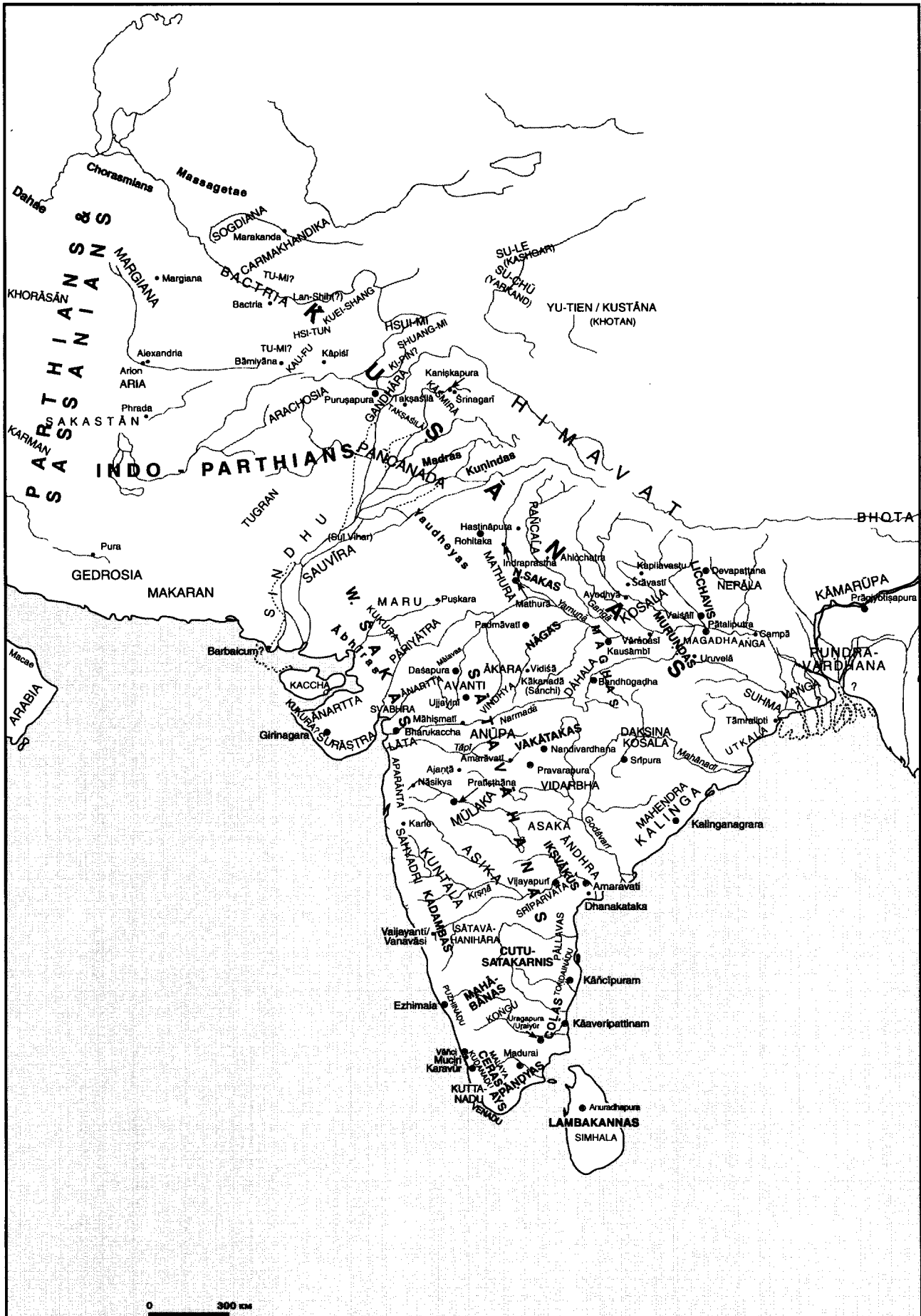
Примечательной особенностью монархии шакьев-пахлавов было то, что фактический правитель неизменно ассоциировался с каким-то второстепенным правителем; это следует из наличия разных имен правителей на одной стороне монет, которые, очевидно, чеканились одновременно. Важной деталью правления является упоминание *ксатрапов* (*ksatrapas*) и *махаксатрапов* (*mahaksatrapas*, великих *ксатрапов*). Этот титул происходит от иранского слова, которое в греческом языке превратилось в слово «сатрап» и первоначально обозначало правителей провинций. На самом деле, однако, большин-

ство из махаксатрапов правили фактически независимо, чеканили монеты со своими собственными именами и выступали как авангард экспансии шакьев-пахлавов на север, северо-запад и части Центральной Индии. Одна из важных ветвей *ксатрапов* шакьев укрепилась в западной части плато Малва, Гуджарате и на северо-западе плато Декан начиная с I в. до н.э. У них сложились тесные отношения, иногда добрососедские, но чаще враждебные, с современными им индийскими царями на плато Декан. Ксатрапы шакьев продержались у власти неожиданно долго – до начала V в. н.э., когда Чандрагупта II (ок. 375–415 гг. н.э.) из династии Гуптов сверг их и, устранив иноземное господство, занял свое место в истории.

В большинстве частей Северной Индии модель кушанского правления повторяла ту, что существовала у шакьев и пахлавов в I в. до н.э. Кушанское царство, существовавшее примерно столетие спустя, характеризовалось высоким уровнем синкретизма различных политических, культурных и идеологических элементов и было узловым пунктом в невероятно широкой сети связей, но, кроме нескольких отрывков в китайских исторических писаниях, едва ли имеются какие-либо данные о предшественниках кушан. Однако ясно, что к концу I в. до н.э. стали заметны первые шаги к образованию империи. Предводитель племени (или рода) «Куэй-шунг» (Гиншунг) или кушанской части Йё-Чи (Юэзи), к которому принадлежали кушаны, объединил другие части, расширил территорию за счет захвата больших территорий современного Афганистана и Северо-Западной Индии. Этим вождем был правитель кушанского княжества Куджула Кадфиз, известный по монетам. Поместив бюст одного из римских императоров на одном из видов своих монет и провозгласив свое незыблемое отношение к «истинной вере» (буддизму), Куджула попытался определить политическую и идеологическую ориентацию зарождающейся империи.

Период с середины I в. до конца II в. был отмечен высшим подъемом Кушанского царства. Его реальный размах нельзя определить на всем протяжении правления кушанов. Хотан, Бактрия, Кабул, Гандхара, Синд и Матхура были основными центрами, откуда кушанское влияние распространялось на другие территории. Власть кушан распространилась также, хотя только временно, до Ганга и восточную часть плато Малва. Господствуя на северо-восточной части Иранского нагорья, в частях Центральной Азии и Пенджаба, кушаны контролировали торговые пути между Китаем, Индией, Ираном и эллинистическим миром. Культурное влияние всех этих регионов придавало своеобразие Кушанскому царству, а такие личности, как Вима Кадфиз (*Woma Kadphises*), Канишка I и Хувишка стали создателями ключевых символов, которые выделили их империю из предыдущих политических образований. Вима Кадфиз сделал шаг вперед по сравнению с Куджулой Кадфизом и выпустил серию золотых монет, в которых безошибочно прослеживается влияние весового эталона римлян – римского золотого денария (*denarius aureus*). Канишка положил начало новой эре, вероятно идентичной шакской эре, начинавшейся в 78 г. н.э., хотя не все ученые согласны с этим. Наравне с другим летосчислением, *Викрама Самват*, принятым в 57–56 гг. до н.э. (происхождение неизвестно), *Шака Самват* было наиболее широко распространенным летосчислением в Индии вплоть до современности.

При широком выпуске серии монет Канишкой I и Хувишкой, в основном золотых и медных, использовались изображения разнообразного ряда божеств индуистского, буддийского, а также иранского, греческого и римского происхождения. Другой важной особенностью Кушанского царства было создание зримого образа монарха путем устройства портретных галерей. Портретные скульптурные изображения кушанских правителей и знати найдены в Сурх-Котале в Бактрии и в Мате в Матхуре. Возмож-

Карта 24. Южная Азия времен сатаваханов-шаков-кушан с около 1 г. н.э. до 300 г. (по Schwartzberg, 1978, A Historical Atlas of South Asia, University of Chicago Press)

но, самой выдающейся скульптурой такого рода является изображение Канишки I: голова у статуи отсутствует, но чувствуется царская осанка, на основании четко письмом брахми выбито его имя. Таким образом кушанские правители настойчиво пытались создать собственный царский образ. В кушанской надписи начала II в. царь Канишка II назван как *махараджай, раджатираджай, деванутра, кайсарам*, что, как в ней разъяснено, кратко раскрывает «вселенский характер Кушанского царства, правитель которого взял себе королевские титулы Индии, Ирана, Китая и Рима».

Политическая культура, которая развивалась в Северной Индии после эпохи Маурьев, таким образом, имела иной характер. Для создания образа монарха использовались новые символы: в виде бюстов царей или портретов на монетах индогреков и их преемников, в использовании громких титулов, таких как *махараджа* (на санскрите буквально «великий правитель». – *Прим. ред.*) и *раджадхираджа* (царь царей), и в попытках указать на близость царя к божественному началу. Это была эпоха, когда греческие чиновники, носившие титулы различного этнического происхождения, такие как *меридарх, кшатрата, махакшатрат, данданаяк* и *махадананаяк*, составляли слои политических элит с иерархической структурой.

Подобные изменения не могли не повлиять в той или иной мере на те территории, которые никогда не находились под властью индогреков, шакьев-пахлавов и кушанов. На самом деле таких регионов было много, так как Северная Индия в период между эпохами Маурьев и Гуптов имела политическое устройство, характеризующееся одновременным существованием различных типов политических формаций. Иногда делается различие между «племенным» и «местным» государством: первое основывается на реальной или предполагаемой монархии, второе – на контроле над определенной территорией, но между ними очень трудно провести грань, так как имеется много промежуточных форм. Поэтому предпочтительнее использовать менее точный термин *джанатада (janapada)* – «страна, сообщество».

ЦАРСТВА И ОЛИГАРХИИ

Многие *джанатады* (также называемые *gatas* – *ганы*, часто описываемые как индийские республики, хотя их следовало бы характеризовать как олигархии) известны по монетам и некоторым надписям. Они создают вполне определенное мнение о том, что, несмотря на очевидные изменения в период после царства Маурьев, некоторые из них сохранили сильный общий характер – этос. Этос *ганы* был все еще силен в Северной и Центральной Индии до середины IV в. н.э., поэтому одной из важных задач правителя Самудрагупты, строившего великую империю гуптов, было включить эти «республики» в великое государство.

В отличие от географического распределения республик, расположенных на территории современных штатов Раджастхан, Харьяна и вдоль пояса Гималаев, монархии возникали в тех областях, где уже до эпохи Маурьев находились важные поселения, в частности в долине Ганга. Одним примечательным исключением был город Калинга в прибрежной Ориссе, где в I в. до н.э. правила династия Махамегхаваханов. Наиболее известным правителем из этой династии был Кхаравела, оставивший яркое описание своих завоеваний, или просто набегов на Северную, Западную и Южную Индию в длинной надписи, выбитой по его повелению в Слоновой пещере около Бхубанешвара. Правление Кхаравелы представляет определенный интерес как раннее свидетельство присутствия джайнизма в Восточной Индии. Эта религия, которая тверже, чем какая-

либо другая религия или секта, придерживается отказа от насилия, должна была иметь влияние в Западной Индии (в Гуджарате и Махараштре). Царство Кхаравелы было, однако, недолговечным, и история Ориссы канула во мраке более чем на пять веков.

Большинство из этих очень малых монархий находилось в долине Ганга. Среди них особое значение имели Панкала (на западе штата Уттар-Прадеш с центром в Ахикчатре, неподалеку от нынешнего Рамгарха), Матхура (к юго-востоку от Дели), Каушамби (около Аллахабада) и Айодхья (около Канпура). Большинство из их царей, известных практически только по их бесчисленным монетам, имели имена, оканчивающиеся на *-митра*. Считалось, что эти скромные царства оказывали жестокое сопротивление иноземным захватчикам (индогрекам, шакьям-пахлавам и кушанам) или, по крайней мере, мешали им установить постоянную власть в долине Ганга. Однако всех их смела гигантская волна имперского строительства Самудрагупты.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

Несмотря на мозаичную политическую карту, материальная культура того времени переживала важный период развития от более ранних этапов. Если оставить в стороне сильно преувеличенное мнение о мощной регулируемой государством экономике при Маурьях (это мнение следует из типа общества, описанного как идеальное в трактате «Артхашастра», который, возможно, относится к периоду Маурьев, а не из реальных сведений), то станет возможным понять связь между обществом эпохи Маурьев и после нее.

Основой этой материальной культуры было сельское хозяйство, и хотя основные сельскохозяйственные районы долины Ганга, Малвы, Гандхары и других территорий уже были развиты, все же оставалось широкое поле деятельности для расширения сельскохозяйственного производства в любом из данных районов. В таких литературных текстах, как «Манусмрти» (*Manusmṛiti*), описывается обработка земли плугом и связывается первая фаза обработки земли с вопросом о собственности. Одаривание земель *брахманов* и других лиц было традицией, упоминавшейся в буддийских текстах. Такие дары постоянно восхвалялись в брахманских текстах, и в рассматриваемый период записи о дарах *брахманам* и буддийским монастырям появляются в Западном Декане. Правители Декана дарили земельные наделы в таких областях, как Восточный Раджастхан. Статус землевладельца, возможно, различался в разных районах, но, вне всякого сомнения, в нем не было никакой социальной однородности. Так, буддийский текст «Милиндапанха» (*Mūlindaparāca*) использует в качестве сравнения различия между теми, кто мог считаться членами сельской общины, и рабами, наемными работниками и т.д. Согласно схеме деления общества на *варны*, существовало четкое деление между *вайшиями* (крестьянами-землевладельцами) и *шудрами*, которые были обязаны трудиться на благо высших *варн*.

Термин *вишти*, означающий «принудительный труд» или «трудовой налог», возможно, был в ходу и раньше, но первое письменное упоминание о нем встречается в надписи в Саураштре (Гуджарат), относящейся к середине II в. н.э. Совершенно ясно, насколько вишти был необходим аграрной системе. Практика дарения буддийским монастырям водоемов, колодцев и других емкостей могла отражать общую практику строительства резервуаров и проведения других ирригационных работ по инициативе отдельного человека или общины.

Государство принимало участие в широкомасштабных проектах. Так, из надписи, сделанной при царе Кхаравеле (I в. до н.э., как упомянуто выше), стало известно,

что правители Нанда из Магадхи в IV в. до н.э. вырыли канал в Ориссе, который был позднее продлен по приказу Кхаравелы. Еще более известный пример – история озера Сударшана в Саураштре, которое было вырыто в время правления Чандрагупты (Маурья) в последней четверти IV в. до н.э. После разрушительного наводнения в середине II в. н.э. плотины и дамбы были отремонтированы и укреплены по приказу царя Рудрадамана (II в. н.э.). Это, однако, не предотвратило сильное наводнение тремя веками позже, во время правления царя Скандгаупты (около 455–467 гг.) из династии Гуптов. Царь снова принял меры для восстановления разрушенного и предотвращения подобных катастроф в будущем, и на этот раз с успехом, поскольку больше об озере Сударшана сведений не было.

Замечательное мастерство специалистов-гидравликов, не связанное с ирригацией, проявилось при сооружении большого кирпичного резервуара, найденного в результате раскопок в Срингаверапуре около Аллахабада (Илахабад, штат Уттар-Прадеш), который датируется первыми веками н.э. Резервуар состоял из двух камер, построенных на разных уровнях: в нижнюю поступала вода из реки Ганг, и после отстоя очищенная вода переходила во вторую камеру по соединительному каналу.

Земельный налог был основным источником доходов государства. Термины *бхага*, *бхога*, *кара* и *бали*, возможно, обозначали различные виды земельного налога, отличавшегося от *шулки* (*śulka*), налога на торговлю (пошлины, сборы и т.д.).

Примерный размер поступлений в государственную казну из различных источников не может быть определен, но можно не сомневаться, что *шулка* составлял существенную часть общего дохода. Масштабы ремесленного производства и рост торговли в этот период были беспрецедентно высокими, и анализ различных аспектов этого роста может быть выполнен с учетом различных социальных групп, вовлеченных в промышленное производство и торговлю, природы связей внутри Северной Индии, с различными регионами за пределами Северной Индии, основных предметов торговых сделок и, наконец, роста городов. Для торговой деятельности этого периода было характерно переплетение различных сетей, которые составили законченную и обширную сеть торговых взаимоотношений. Основой этой деятельности был труд ремесленников и мастеровых. В древних источниках ремесла назывались *шилпа* (*śilpa*), и нет причин считать, что ремесленное производство ограничивалось только городскими центрами. Однако обнаруженные свидетельства данного периода указывают именно на города как центры развития ремесел, и многие различные ремесла упоминаются в связи с этими центрами. Помимо этого, археологические находки из Северной Индии, которые могут быть отнесены к этому периоду, дают представление о разнообразии ремесленных изделий как местного производства, так и привозных.

Некоторые важные тексты, относящиеся к этому периоду, такие как «Милиндапанха», «Махавасту» и «Ангавиджа», указывают на весьма существенный рост числа профессий; некоторые из них упоминают семьдесят пять, некоторые – более ста профессий. «Махавасту», например, упоминает более ста видов занятий, большинство из них – ремесленные и торговые специальности, при описании городов Раджагрха и Капилавасту. Число, конечно, преувеличено, но надписи того времени также ссылаются на различные группы, занятые ремесленным трудом, от мастеров, работающих по камышу, дереву и бамбуку, до специалистов по тканям и металлу. Категории купцов из главных городских центров также отличаются большим разнообразием и включают *вявахааринов* или *ванидж* (торговцы), *сартхаваров* (проводники караванов), *шрестингов* (ростовщики) и т.д. Наличие еще одной организации, именуемой *нигама*

(корпорация) отмечено в таких городах, как Каушамби в Уттар-Прадеше, Таксила в Гандхаре и Бхаттипролу в Андхра-Прадеше. Тот факт, что *нигама* иногда выпускали монеты, предполагает их связь с организационными и административными аспектами торговли в городских центрах. С другой стороны, наиболее распространенной формой корпоративного объединения как среди ремесленников, так и торговцев, был *шрени* (*śrenī*), приблизительный эквивалент гильдии в средневековой Европе. Ранние буддийские тексты упоминают *джетхака* (старший), или *памухха* (вожака) как главу гильдии; поздние тексты также добавляют *карьясинтаков* (*kāryasintakas*), которые планировали деятельность гильдий. Нарушение законов гильдии было наказуемым действием, и даже такой ярый поборник брахманских законов, как Ману, предписывал правителям защищать *шрени*.

Черты ремесленного производства и торговли, представленные до настоящего момента, берут начало в образцах, которые развивались в Северной Индии примерно с середины I тысячелетия до н.э., но во времена после заката империи Маурьев, особенно между концом I в. до н.э. и первыми веками н.э., новые тенденции развития коренным образом преобразили индийскую торговлю и развитие городов. Индо-пакистанский субконтинент географически расположен в центре сети связей, охватывающих такие несоизмеримые части мира, как Средиземноморье, регионы Красного моря, Аравийского моря, Юго-Восточную Азию, Центральную Азию и Китай. Центральное положение Индии в этой сети во многом возникло из-за экспансии торговых интересов Рима на востоке, которая подпитывалась возможностью использовать муссонные ветры и плыть прямо к индийским портам из региона нижнего течения реки Инд на юг вдоль побережья. Этот торговый интерес сосредоточивался на приобретении двух основных групп товаров: специй и тканей, в частности китайского шелка, хотя в действительности круг товаров был намного шире. При таком передвижении товаров важность территорий, на которые распространялось влияние кушанов, в большой степени объяснялась тем, что через эти территории пролегал путь китайского шелка к средиземноморским покупателям. Прямого контакта китайцев с торговцами из Средиземноморья не было, и именно Кушанское царство являлось промежуточным звеном связи.

Было бы ошибкой полагать, что передвижение людей и товаров между Центральной Азией и Афганистаном через Северо-Западную и Северную Индию в долину Ганга возникло только в связи с китайско-римской торговлей или что контакты Северной Индии с Центральной Азией и Китаем проявлялись только в возможности выступать посредником в этой торговле. Археологические находки в Северной Индии, связанные с римской торговлей, без всякого сомнения впечатляют, в то время как находки римских монет практически ничтожны по сравнению с тем, что найдено на Индийском полуострове. Образ «Шелкового пути», пролегающего по негостеприимным, протяженным дорогам Центральной Азии, исхоженным караванами, – скорее романтическое представление, но это не следует принимать как отрицание важности китайско-римской торговли. Кушанские чеканные золотые монеты по весовому стандарту были основаны на стандарте римских золотых монет. Знаменитый тайник с предметами роскоши (включающими изделия из слоновой кости, сирийское стекло, римский металл и лепные украшения), найденный в Беграме (древний Капиша), неподалеку от Кабула, представляет собой замечательное собрание предметов, сделанных в Римской империи, Китае, Центральной Азии и Индии и найденных в одном месте. Помимо этого, тексты на китайском, согдийском и греческом языках, написанные различными письменами – кхароштки, брахми и более поздними протошарадийскими, обнаруженные

в районе дороги, известной как Каракорумский отрезок «Шелкового пути», проходивший через такие главные пункты на этом пути, как Хунза, Гилгит и ряд поселений вдоль реки Инд, создают впечатление о разнообразном составе участников этой торговли.

Основными товарами китайско-римской торговли, перемещавшимися по территории Кушанского государства, были предметы роскоши: вывозились китайский шелк и привозились кораллы, жемчуг, стекло и некоторые виды благовоний. Из этого перечня кораллы, ладан и каучуконосные растения, вероятно всего, привозились из Западной Азии или Аравии, а некоторые изделия могли быть произведены в Индии. Предполагалось, что китайские названия, означающие стекло, – *лиоули* и *папи* могли произойти от санскритских *вайдурия* (лазурит, берилл и кошачий глаз) и *сфатика* (хрусталь или кварц) соответственно. «История династии последнего хана» указывает на знакомство со многими предметами, ассоциируемыми с Индией: слонами, носорогами, черепаховыми панцирями, золотом, серебром, медью, железом, свинцом, оловом, тонкими тканями, шерстяными текстильными изделиями, различными видами ладана, кристаллическим сахаром, перцем, имбирем, солями, а также с ценными товарами из Римской империи. Некоторые из этих товаров первоначально могли доставляться из Юго-Восточной Азии (например, олово), но неясно, все ли из этих товаров участвовали в регулярном торговом обороте.

Регионы вдоль западного побережья были очень важны для торговли. Так, «Опасности Эритрейского моря», чрезвычайно ценный судовый журнал неизвестного греческого морехода, упоминает «Индо-Скифию» с ее портом «Барбарикон», связанным с Пенджабом и Гандхарой как главную торговую зону. Не менее важными были прибрежный Гуджарат вдоль Камбейского залива и его порт Баригаза (нынешний Бхарук), расположенный у эстуария реки Нармада. Это, возможно, был наиболее важный пункт пересечения путей, бравших начало на различных территориях – в Афганистане, Пенджабе, Гандхаре и, возможно, Кашмире. Римляне доставляли в эти два порта золотые и серебряные монеты, серебряные изделия, вина, дорогие духи, кораллы, сурьму и красители в дополнение к человеческому труду. Через эти порты римляне вывозили слоновую кость, индиго, ткани и оникс. Продукция, производимая в «верхних» землях, которые простирались от Кашмира до Бадахшана в Афганистане, включала канифоль, ткани, ароматические мази на основе трав типа валерианы из неизвестных мест в районе Гималаев и сырье типа лазурита из Бадахшана. К этому перечню необходимо добавить два наиболее ценных товара: шелковую пряжу и шелковые ткани из Китая и «китайские кожи», возможно, очень ценные кожи животных из Центральной Азии.

По сравнению с имеющимися сведениями о западном побережье, имеется мало данных о приморских Бенгалии и Ориссе, возможно из-за того, что западные торговцы из Средиземноморья имели мало прямых контактов с этими территориями. Оба региона были, однако, вовлечены в торговый оборот вдоль восточного побережья. Несмотря на упоминаемые порты на Ганге, обычно ассоциирующиеся с местом важных археологических местонахождений, в Чандракетугархе (округ Двадцати четырех парганов, Восточная Бенгалия) и Тамралипти (Тамлук в округе Миднапур), имеются немногочисленные сведения о ранних морских контактах с Юго-Восточной Азией. Обнаружение в Чандракетугархе штампованных монет с «корабельными сюжетами», которые относят к эпохе Маурьев, и широкое распространение инструментов для их изготовления, найденных в разных местах полуострова Индостан, районах дельты в Бенгалии и Юго-Восточной Азии, считаются свидетельствами о прибрежных и трансокеанских связях. По сравнению со скудными археологическими данными, яркие, хотя и несколько стереотипные представления о

странах Юго-Восточной Азии, куда путешествовали не только купцы, но и государи в поисках богатств, дают некоторые литературные произведения раннего исторического периода. Среди названий, используемых для различных юго-восточных азиатских регионов, – такие как Суварнабхуми (Золотая земля), Суварнадвипа (Золотой остров), Явадвипа (Ячменный остров), Таккола (Земля пряностей), Нарикеладвипа (Кокосовый остров), Карпурадвипа (Каффорный остров), происходящие от названия продуктов, ассоциируемых с данными территориями. Хронология источников, в которых встречается эти названия, остается спорной, равно как и точное местонахождение некоторых из названных территорий, но их упоминание в текстах предполагает, что индийцы в ранние века новой эры имели, по крайней мере, некоторые сведения о частях Юго-Восточной Азии и имевшихся там товарах. Предполагалось, что частое упоминание «золотых земель» или островов могло означать, что поиски золота были важным стимулом для индийцев при пересечении морей. Во всяком случае, ранние века н.э., по-видимому, являются важным этапом в торговых отношениях между Южной Азией и Юго-Восточной Азией.

Основной транспортно-торговой артерией на материке между Афганистаном и прибрежной Бенгалией продолжал оставаться Уттарпатха – «северный путь», который в действительности представлял собой ряд путей, наиболее важный из которых пролегал по предгорьям Гималаев у северного края равнины Ганга. Сеть разветвленных путей не только соединяла многие пункты в междуречье Ганга и Джамны, но и распространялась на прежде периферийные области, такие как Раджастхан и предгималайские районы Химачал-Прадеш, Пенджаб и Уттар-Прадеш, где располагались большинство индийских олигархий (*гана* или *джанапада*). Торговые пути, особенно в период со II в. до н.э. до II в. н.э., были оживленными, что доказывает, например, широкое распространение кушанских монет и их подделок, а также разнообразие монет, отчеканенных *джанападами*.

Основными пунктами, соединявшими различные отрезки пути в то время, были городские центры. Исходя из действительного числа поселений и качества предметов материальной культуры, обнаруженных там, можно считать, что раннеисторическая городская культура достигла высокого уровня на индо-пакистанском субконтиненте, а также в Афганистане и Центральной Азии в шака-кушанский период между II в. до н.э. и II в. н.э. Следует, однако, добавить, что городские центры не были равномерно распределены по территории государства. Отмечается некоторая иерархия среди городских поселений, было также региональное и типологическое своеобразие. Поселение Сиркап в Таксиле неподалеку от нынешнего Равалпинди испытало экспансию индогреков в начале кушанского периода и, в отличие от беспорядочно построенного древнейшего поселения на холме Бхир, имело четкий городской план. В Сисупалагархе, в прибрежном штате Орисса, массивный земляной вал и комплекс внушительных въездных ворот были воздвигнуты между 200 и 100 гг. до н.э. Этот город связывают с царем Кхаравелой, упомянутым ранее. В таких местах, как Чандракетугарх в Бенгальской части дельты и Махастхан и Бангарх в северной Бенгалии (нынешний Бангладеш), в уровнях, относящихся к периоду после Маурьев, обнаружены предметы, которые свидетельствуют о более богатом типе культуры, чем во времена Маурьев.

Наиболее примечательным показателем этого роста является, вероятно, городской район Матхуры, в котором был открыт ряд археологических площадок, относящихся к раннеисторическому периоду. Упоминания в пренебрежительном тоне в одном из ранних буддийских текстов, Матхура в 400–200 гг. до н.э. была окружена земляным укреплением, в то время город превращался в центр тек-

стильного производства и ремесленного изготовления бус. Действительно, джайнистские литературные источники подчеркивают, что процветание Матхуры основывалось не столько на сельском хозяйстве, сколько на торговле. Ко времени правления Кушанов (I–II вв. н.э.) Матхура приобрела такое значение, что стала их южной столицей. Сонкх, одно из мест раскопок в Матхуре, находящееся на некотором расстоянии от ее центра, содержит около семи уровней, относящихся к эпохе Кушанов.

Несмотря на незначительные различия, городские центры Гандхары, долины Ганга, Ориссы и Малвы характеризуются значительным сходством материальной культуры, например наличием защитных валов, строений из обожженного кирпича, круглых колодцев; широким использованием гончарных изделий и предметов из терракоты, бус из различных материалов, стеклянных и металлических предметов, монет и некоторых предметов роскоши, подобных изделиям из слоновой кости. Полный перечень изделий, найденных в разных местах, усиливает впечатление о широкой сети связей, развитых во времена Кушанов.

Эти связи распространялись на другие области материальной культуры и мышления, хотя следовало бы избегать теорий диффузионизма. Несмотря на отсутствие образцов китайского шелка в Индии, нет сомнений в том, что шелк был включен в индийский торговый оборот. Некоторые буддийские тексты превозносят шелк как ценный подарок монастырям, и шелк, особенно китайский, был тесно связан с образом обособленной городской элиты. На вопрос о том, оказала ли технология производства китайского шелка какое-то влияние на Индию, пока нет ответа, хотя предполагается, что соответствующие знания распространились с юго-востока Китая в Индию через Ассам в первых веках н.э.

Что касается внутренних связей, то здесь мы придерживаемся достаточно твердой позиции в отношении двух сфер, которые быстро приобретали большое значение, – медицины и астрономии. «Аюрведа» – традиционная теория и практика медицины, развивавшаяся благодаря ряду более ранних предшественников, похоже, достигла зрелой формы в данный период, хотя время появления *Чарака Самхита* или *Сушрута Самхита*, двух основных толкований этой системы, но существенно отличающихся друг от друга, не может быть точно определено. Основа диетологии и фармакологии, представленных в системе Аюрведы – концепция шести сущностей (*раса*), которая позднее была усовершенствована и считалась соответствующей греческой системе. В любом случае, обнаружение отрывков рукописей из Центральной Азии, содержащих изложение индийской медицинской системы, определенно указывает на то, что эта область знаний не развивалась изолированно. Ранние свидетельства заимствования в области астрономии встречаются в работе Сфуджидхаджи (*Sphujidhaja*) «Яванаджатака» (*Yavanajātaka*), написанной на санскрите в 269/270 гг. н.э., и эта работа фактически основывается на греческом тексте, созданном столетием раньше. Это замечательный образец того, как иноземные теории и методы интерпретировались и преобразовались в Индии. Степень адаптации сильно зависела от социальной обстановки, в которой воспринимались заимствования.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

В рассматриваемый период вполне отчетливо выделяются две особенности североиндийского общества: разнообразие социальных групп, составляющих его, и легкость передвижения. Разнообразный состав общества объяснялся не только новыми группами мигрантов (яваны, шахы, пахлавы, парады, тукхары), но и различными местными группами, которые постоянно вливались в основной со-

став общества. Физическое перемещение различных социальных и этнических групп не ограничивалось, например, яванами или шахьями и т.д., хотя именно их перемещения были свойственны обществу на северо-западе и севере Индии. В таких центрах, как Матхура, в шако-кушанский период можно натолкнуться на имена собственные и официальные названия, которые могли иметь иранское, греческое или скифское происхождение. По большей части такие перемещения, иногда даже возникавшие на религиозной почве, вероятно, были привычными повсюду в Северной Индии и на плато Декан. Например, дары, преподнесенные ступе в Санчи (около современного Бхопала), были не только от жителей Видиши, расположенной в непосредственной близости, но и от жителей Уджайини и Махешматри в Западной Малве, Пушкары в Раджастанхана и Бхогавардхи в Декане. Религиозные центры Декана также подтверждают впечатление о перемещениях людей между регионами. Понятие «варна» (каста), похоже, не имело значения в реальных социальных и политических ситуациях, а также в деловых отношениях. Принадлежность к какой-либо касте определялась или по этническим (яваны, шахы и т.п.), или по профессиональным (*суварнакара* – золотых дел мастер, *гандхика* – продавец благовоний; *кайастха* – чиновник и т.д.) признакам, или по тем местам, откуда люди прибывали (например, *паталипутрака* – из Паталипутры, нынешней Патны; *ведишака* – из Видиши). Это не означает, что понятие *варна* перестало применяться. Брахмана, например, узнавали по его принадлежности к варне, а также по имени его *готра* (мифического клана, происходящего от одного из древних Ришйи). В некоторых текстах сказано о том, что социальную принадлежность определяют рождение и род занятий, что иллюстрируется примером использования такой категории, как *брахманавесса*, т.е. брахман по рождению, но *вайшия* по роду занятий. Двойное противопоставление, такое как *арий* (член одной из трех высших варн) и *млекха* («чужой», т.е. иноземец и дикарь), также было в ходу, что в дальнейшем объясняет трудности приведения современных тому времени социальных реалий в единые концептуальные рамки.

Понятие варны было, однако, решающим в качестве идеологии правителя, и законы *Ману*, наиболее известная из *Дхармашастр* (сборник предписаний о правилах поведения индийца в частной и общественной жизни, приписываемый мифическому прародителю людей – Ману. – *Прим. ред.*), говорящие о том, что царь должен поддерживать *варнашрамадхарма*, «социальный порядок, основанный на системе каст, и признание жизненных этапов, сопровождающихся *дандой*, «наказанием» при необходимости, – они определяли эту идеологию. Социальные отношения не всегда основывались на принципах варны; различные социальные группы не имели четко определенной варны. Но все же правители II в. н.э. считали своей прямой монаршей обязанностью предотвращение варна-самкары – «смешения варн».

Брахманское социальное отношение к данному вопросу характеризовалось намеренной двойственностью. Так, города постоянно находились в оппозиции ведийскому учению, хотя там проживало множество брахманов. Теоретически брахманы чувствовали, что жизнь общества должна соответствовать идеалам, заложенным Ману, но признавали, что эти идеалы не могут быть выполнены во всей полноте. Так, Ману (и его предшественники) развили концепцию варна-самкары, по которой многие из существовавших каст (*джати*) произошли из смешанных браков, вне рамок своей собственной варны, через гипер- или гипогамные браки. Это не является достаточным объяснением ни того, почему имелось так много социальных групп, ни самой ссылки на рождение как критерий соответствия варны положению «Бхагавадгиты», еще одного текста большой идеологической значимости – о том, что

четыре варны были созданы для сохранения в памяти родового соответствия (*гуна*) и рода деятельности (*карман*). Варна-самкара является подразумеваемым признанием социальной неоднородности. Фактически брахманская схема может быть расширена путем добавления пятого класса, чтобы найти место низшим группам, таким как *кандалы* и другие, которые были настолько маргинальны, что не могли получить даже выдуманный статус внутри четырехступенчатой системы варн. Это снова является подтверждением того социального факта, что к некоторым группам стали относиться как к нечистым и неприкасаемым, и брахманские тексты отражают ситуацию, которая живо представлена в буддийских рассказах, таких как «Джатака» (которые, видимо, получили свою окончательную форму в течение рассматриваемого периода).

Религиозное, литературное и художественное выражение этой сложной структуры общества раскрывается в таком многообразии форм, что в рамках данного обзора невозможно обсуждать даже их основные направления. Буддизм был, несомненно, в центре основной культурной и творческой деятельности в данный период, и распространение буддизма на территориях современного Афганистана, Центральной Азии и Китая началось именно в этот период; его проникновение в Шри-Ланку уже началось в III в. до н.э., а к концу рассматриваемого периода буддизм начал распространяться в некоторых частях Юго-Восточной Азии. Но буддизм ни в коем случае не был статичной религией или идеологией. Разделение буддизма на *махаяну* и *хиньяну*, возможно, оформилось в I в. н.э., но в записях того периода проявляется большая осведомленность о различных сектах, таких как *сарвастивадин* (члены которой придерживались убеждения, что основные элементы существования – *дхармы* – были реальностью, в то время как формы, которые они принимали в земной жизни, были иллюзорными) и *махасангхики* (которые считали, что не только монахи и монахини, но и благочестивые миряне – *упасаки* – принадлежали к буддийской общине) и некоторые другие. Так как буддизм считал кастовые, расовые и этнические связи несущественными для спасения, то он мог процветать в довольно космополитичном обществе Северо-Западной Индии рассматриваемого периода.

Махаяна выдвинула идеал *бодхисаттвы* – идеального существа, которое выступает прежде всего как наставник и образец для всех других людей, для всех существ, и теперь верующие миряне могли надеяться на то, что их проведут через моря страданий без необходимости для них самих подчиняться монастырской дисциплине. Как следствие, отношения между благочестивыми мирянами и монашескими общинами подверглись значительным изменениям. Стала важной традиция преподнесения даров буддийской общине (в письменных источниках сформулированной как «Сангха Четырех Четвертой Вселенной») – показатель того, что буддизм считался всеобщей религией. Буддийские тексты того периода усиленно подчеркивали возможность получения мирянином награды в этой либо в следующей жизни благодаря преподнесенным дарам (*дана*).

Одним из следствий универсальности и терпимости буддизма было включение в его рамки различных популярных культов. Поклонение трем духам (*Якшам*) и духам змеи (*нагам*) стало четко ассоциироваться с буддийским мышлением, хотя, конечно, на сравнительно низком уровне. Однако такие тенденции проявлялись не только в буддизме. Так, в джайнизме можно обнаружить культ божества Наигамеши, изображаемого с козлиной головой, и некоторых других. В брахманизме также мы замечаем ассимиляцию неиндуистских божеств, таких как западноазиатская богиня Нана, позднее воспринимаемая как Шакти в пантеоне Шивы, которая изображалась на монетах кушанов. Такие отдельные примеры иллюстрируют более широкий процесс, который оказывал существенное влияние и преобразовал все религиозные системы.

В идеологию и ритуалы основные изменения были внесены с развитием *бхакти* (преданность) и *пуджы* (поклонение). «Бхагавадгита» определяет *бхакти* как безоговорочное подчинение одному богу, и, несмотря на продолжение ведических жертвоприношений и обрядов, ранняя пуранская форма брахманизма (пураны – памятник древнеиндийской литературы, священные книги индуизма. – *Прим. ред.*), которая в тот период приобрела конкретные очертания, проистекала из поклонения верховному богу и выразилась в постепенном вычлениении двух основных направлений индуизма – *вишнуизма* и *ишваизма*. Среди вишнуитов *бхагаваты* (или *панкаратрины*) рассматривали образ Господа (*Шривиграхы*) как проявление самого бога, но движение от запрета на изображение божества к поклонению изображению происходило не только в вишнуизме. Ранние изображения Джини были найдены в средней части долины Ганга и Матхуре, главном центре джайнизма в период шахьев и кушан, где было обнаружено большое количество изображений Джини, а также исписанные и украшенные таблички приношений. В Матхуре также были обнаружены образы героев клана Вршни, среди которых оформилось поклонение Васудеве-Кришне. Возможно, именно там Кришна был возведен в статус верховного божества, упоминаемого в «*Бхагавадгите*» и других частях великой эпической поэмы «*Махабхарата*».

Среди историков искусства ведется долгий спор о происхождении изображения Будды. Хотя более древняя теория происхождения образа Будды, приписывающая этот факт эллинистическому влиянию, все еще пользуется поддержкой некоторых ученых, сейчас в основном принято считать, что самые ранние известные изображения Будды были созданы в Матхуре. Следует, однако, отметить, что переход от запрета на поклонение образу к иконопочитанию происходил не только в буддизме. В идеологической и религиозной обстановке ранних веков н.э. можно обнаружить особое значение, которое придавалось *бхакти* (на саскрите – «преданность, любовь к богу». – *Прим. ред.*), полному посвящению божеству или сверхчеловеку. Стремление иметь видимый объект поклонения стало сильным стимулом к их изображению в осязательной форме. Некоторые черты искусства Гандхары будут рассмотрены далее в этом разделе.

Идеологические и религиозные изменения нашли выражение в художественных образах, которые отвечали потребностям широкой социальной базы. Даже кушаны не смогли воссоздать имперское искусство Маурьев; священные центры периода после Маурьев и художественная деятельность были тесно связаны с социальными и религиозными изменениями, а также с расширением торговли и царского покровительства над священными центрами. Алтари храмов, строившиеся в то время в основном в форме апсиды, в которых размещались изображения брахманских божеств и которые стали преобладать в религиозной архитектуре более поздних веков, в рассматриваемое время были немногочисленны. Храмы огня, предположительно маздакитского происхождения, расположенные в Джандиале в Таксиле и Суркх-Котале в Северном Афганистане, относились к совершенно другой категории. Большинство важных религиозных памятников того времени – это буддийские ступы. Размер ступы в Санчи в Центральной Индии, первоначально построенной во времена Ашоки, был увеличен вдвое, и ее новая форма дает представление об идеальных ступах, формы которых, однако, были очень разнообразными в разных частях обширного субконтинента и в Шри-Ланке. Ступа, территория которой являлась священной, имела простую куполообразную архитектуру; она отделялась от светского мира оградой (*ведика*) и массивными воротами (*торана*). Хотя и ограда, и ворота выполнялись из камня, они явно носили следы деревянной архитектуры. Изобразительное искусство, особенно хорошо представленное в воротах, пока-

зывает наполненный жизнью реальный мир людей. По форме в ступах Северо-Западной Индии появились новые черты в надстроенной части, и считается, что ранние китайские пагоды взяли свое начало от ступ с высокими украшениями по углам.

Не только правящая элита и богатые купцы, но также и широкие слои общества были вовлечены в почитание и сооружение ступ. Это известно из многочисленных надписей на оградах и воротах великих ступ в Санчи, Бхархуте в Центральной Индии, Бодхгайе в Бихаре, в которых упоминаются имена, происхождение и род занятий отдельных жертвователей, вложивших средства в возведение определенных частей сооружения. Строительство монастырей (*вихара*), в которых часто сочетались залы для собраний и монашеские кельи для буддистов и джайнов (а позднее также индуистов), обычно проводилось по инициативе правящей элиты. Невероятно много высеченных в камне монастырей начали сооружаться со II в. до н.э., особенно около западного побережья современных штатов Гуджарат и Махараштра, как, впрочем, и в других местах, например в штате Орисса и Андхра-Прадеш.

Участие в мероприятиях религиозного значения, особенно в паломничестве к священным местам, сближало различные социальные группы и вдохновляло на строительство центров и создание изображений для поклонения. Художественные произведения, однако, определялись регионом, в котором они создавались, несмотря на контакты между различными центрами. Историки искусства указывают на две основные школы того периода, уже вкратце упоминавшиеся в связи с происхождением изображения Будды: одна располагалась в районе Матхуры, другая – в Гандхаре. Стиль Матхуры, хотя и специфический, не был ни изолированным, ни исключительным, так как имел определенные связи с Гандхарой и с Капишой (в Афганистане). Портретные скульптурные изображения в натуральную величину царей шакьев и кушан и знати с их обязательными иноземными одеяниями и обувью, возможно, были произведениями скифских художников. Кроме того, в искусстве Матхуры имеются несколько мотивов и тем, которые предполагают наличие греко-романских элементов. Произведения из Матхуры пользовались спросом и в других областях. В центрах, таких как древние Шравасты (нынешний Сахех-Махех в северно-западной части штата Уттар-Прадеш) и Варанаси, произведения матхурской школы использовались в ритуальных целях; они распространились и дальше, до Бенгальской части дельты.

Искусство Гандхары – термин, применяющийся к определенной школе архитектуры, скульптуры и живописи, – вызывает много вопросов не только о происхождении изображения Будды, упомянутого ранее, но также о времени развития этого искусства, продолжительности существования и влиянии на другие части индо-пакистанского субконтинента. Таксила, находившийся поблизости от современного Равалпинди, и Пушкалавати, нынешний Чаршадда, были основными центрами этой школы. Искусство и архитектура в значительной степени вдохновлялись буддизмом, но их стиль находился под сильным влиянием греко-римской культуры. Что касается хронологии, то имеется лишь несколько изображений с точной датировкой, но до сих пор остается неуверенность в вопросе об отсчете эры, к которой должны быть отнесены имеющиеся даты. Хотя многие ученые считают эпоху кушанского царя Канишки периодом высшего расцвета культуры Гандхары, они не приходят к общему мнению о том, в каком веке – I или II – н.э. жил Канишка. Ряд ученых считают, что некоторые изображения, датированные 300 гг. по неизвестному летоисчислению, принадлежат к самому раннему периоду истории Гандхары, еще до Канишки, в то время как другие рассматривают их как свидетельство заката, происшедшего много позже эпохи Канишки. До тех пор пока не появятся какие-либо определенные свидетельства, остается мало шансов на то, что эти вопросы будут полностью решены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При рассмотрении основных тенденций эпохи становится ясно, что Северная Индия (как полуостровная Индия) переживала намного более интенсивные межрегиональные и социальные взаимоотношения, чем когда-либо ранее, и это привело к появлению чрезвычайно важных связей с государствами, расположенными за пределами субконтинента, а также к появлению социальной неоднородности в североиндийском обществе. Долгий период в пять столетий, с 200 г. до н.э. и до 300 г. н.э., не был статичным. Напротив, это был период перемен и развития, на протяжении которого образовались новые значимые социальные группы и положение каждой из них определилось более четко. Сильные экономические и культурные течения этого периода создали условия для более стабильного общества, составившего основу классической Индии в эпоху Гуптов (около 320–550 гг. н.э.).

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ НА ПОЛУОСТРОВЕ ИНДОСТАН И НА ОСТРОВЕ ШРИ-ЛАНКА

Судхаршан Сеневиранте

Полуостров Индостан и остров Шри-Ланка (карта 25) представляют собой широкую культурную зону с присущими ей историческими особенностями. Несмотря на тесные связи с Индо-Гангской долиной, в этом регионе развились собственные черты, отличные от исторических тенденций к северу от горной гряды Виндхья-Каймур. Долины с аллювиальными почвами, широкое разнообразие сравнительно хорошо различимых физических, природных и ресурсных зон, включающих протяженный береговой пояс, который открывал доступ к морским ресурсам и заморским связям, – все это привело к особому историческому развитию данного региона и повлияло на развитие и структуру государственного устройства в древности.

Формирование государств на полуострове Индостан и на острове Шри-Ланка представляет собой слияние материальных и институциональных изменений, происшедших в начале железного века, с внешними импульсами, исходившими от государства Маурьев, торговли с удаленными землями, а также с навязчивыми брахманскими и буддийскими религиозными и культурными институтами. Появление в прошлом правящей элиты, социального расслоения, а также элементов земельного устройства можно обнаружить в доисторическом периоде начала железного века, для которого характерна культура черно-красной керамики. Этот период (первая половина I тысячелетия до н.э.) может считаться решающим, так как именно в это время в данном регионе происходили медленные, но ощутимые изменения, которые привели к «началам цивилизации» в ходе раннего исторического периода. Примерно с III в. до н.э. можно различить изменения, ведущие к появлению обществ со сложной структурой.

ПОЛУОСТРОВ ИНДОСТАН

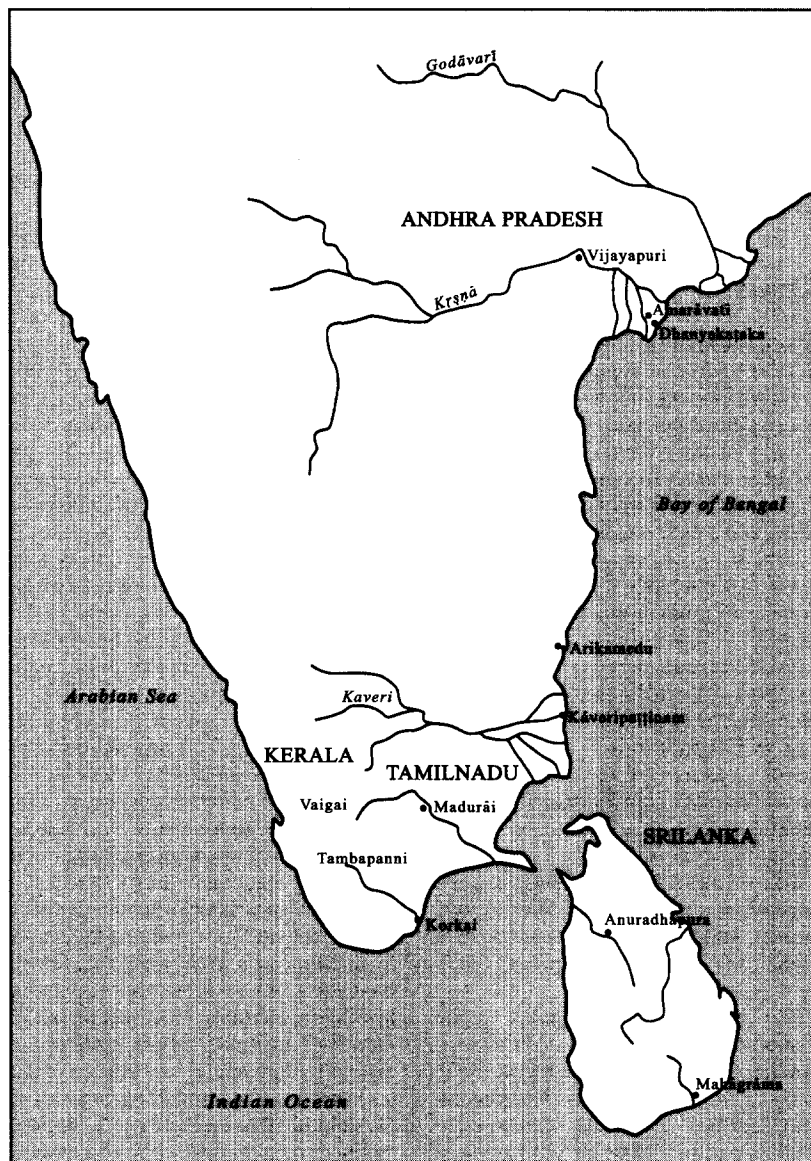
Проблемы происхождения, пути перемещения народов, хронология и язык, связанные с распространением мегалитической культуры черно-красной керамики, широко обсуждались, начиная с XIX в. Пути миграции, проходившие через Белуджистан, Оманский залив, Восточную Африку и Юго-Восточную Азию, возможно, обусловили появление традиции мегалитических захоронений на индийском субконтиненте. Однако не все мегалитические памятники могут быть отнесены к доисторическому железному веку. На полуострове Индостан найдены типологически разнообразные и относительно многочисленные места захоронений и проживания общин, пользовавшихся железными орудиями труда. В этих местах обнаружены усыпальницы, каменные гробницы, дольмены и менгиры, перемежающиеся с остатками поселений народов конца медного века, мезолита и неолита на плато Декан в Южной Индии.

Поздняя хронология – 200-х гг. до н.э., относящаяся к зарождению этой культуры, теперь пересматривается. Более новые исследования показывают, что начало I тысячелетия до н.э. является наиболее подходящей датой появления в южной части плато Декан железа, керамики, полученной на гончарном круге, культивированного риса (*oryza sativa*), лошадей и мегалитических захоронений. Закат этой культуры совпадает с раннеисторическим периодом черно-красной керамики, арретинской и шнуровой керамики, следы которых обнаружены на местах стоянок.

Схема распределения мест захоронений и поселений во времени и по территории весьма сложна и охватывает различные физические и биоклиматические зоны. Некоторые из них явно совпадают с областями, богатыми минеральными ресурсами, и почвами, пригодными для строительства погребальных сооружений. Другие располагаются в непосредственной близости от минеральных или иных природных ресурсов, а также в местах, удобных для выполнения экономических функций, связанных с производством и обменом. Так, камерные могилы в зоне латеритных почв в штате Керала, могилы с проходами в гранитной зоне в штате Карнатака, гробницы и дольмены на возвышенности Палани в штате Тамилнад ясно указывают на строительную основу этих могил. Урны и другие типы захоронений, не имеющие никаких каменных частей, обычно сконцентрированы на берегах рек, в районах с аллювиальными и другими почвами, пригодными для орошаемого земледелия. Чисто мегалитические захоронения часто концентрировались в районах, более пригодных для сухого земледелия на возвышенных местностях.

В принципе, погребальный культ сам по себе подразумевает веру в жизнь после смерти и почитание умерших, т.е. поклонение предкам. Погребение проводилось либо целиком всех телесных останков, либо по частям; часто это были вторичные захоронения. Среди найденных в могилах предметов есть «приношения» умершим родственникам, похороненным в одном или нескольких захоронениях. В местах захоронений были обнаружены обугленные зерна риса и проса, разнообразные металлические изделия, бусы и другие украшения, в том числе многие типы черно-красных и черных керамических изделий. Некоторые захоронения содержат останки коров и лошадей.

Вопрос о социально-культурном происхождении и языковой принадлежности мегалитического народа остается нерешенным. Высказывались предположения о их возможном родстве либо с дравидийскими, либо с индоарийскими языковыми группами. Можно также предположить, что языки гондванской группы преобладали в доисторический период, но такие предположения являются спорными из-за отсутствия письменных источников. В любом случае, на сегодняшний день не найдено свидетельств, говорящих в пользу хотя бы одного из данных предположений.

Карта 25. Полуостров Индостан и остров Шри-Ланка

На протяжении ранней фазы мегалитической культуры социально-экономические условия радикально не отличаются от предшествующих культур неолита и медного века. Домашнее кустарное производство времен до железного века, в частности с использованием бус и раковин, успешно существовало и в доисторический период, однако с большим единообразием, более широкой номенклатурой и более обширной областью распространения, а также при более широком выборе сырья, используемого в этих домашних ремеслах. Это может указывать на интенсификацию специализированного производства, включавшего достаточно широкую сеть обмена, которая связывала местные сообщества, жившие в различных природных зонах. Ремесленные и производственные навыки мегалитических народов были относительно специализированными. Они включали использование золота, серебра, железа, меди, олова и соответствующие сплавы, а также производство стали для изготовления украшений, оружия, сельскохозяйственных орудий и предметов быта, различных бус с использованием разнообразных природных камней; изготовление керамики из обожженной глины на гончарных кругах. Мастера также работали с морскими раковинами и слоновой костью.

Люди начала железного века продолжали успешно развиваться на основе хозяйственной деятельности, продолжавшей прочные скотоводческие традиции и способы продовольственного земледелия, дополняемые охотой и собирательством. В целом это была экологическая адаптация с гибкой стратегией выживания, используемая полуседлыми сообществами для уменьшения нагрузки на ресурсы горных районов и безводных равнин.

Данные, полученные при радиоуглеродном анализе, и схема размещения доисторических поселений позволяют предположить, что сообщества людей после VIII в. до н.э. стали постепенно перемещаться в речные и приморские районы. Экономическая саморегуляция и нестабильность хозяйственной системы, которая позволяла лишь выживать, в условиях роста численности народонаселения неизбежно приводили к освоению новых природных возможностей. Вследствие этого постепенно заселялись долины в нижних течениях рек Кришна и Годавари, Кавери, Вайгаи и Тамрапарни. Они обеспечивали доступ к плодородным аллювиальным почвам и постоянным источникам воды. Они также открывали новые пути сообщения с прибрежными поселениями. Новые поселения обеспечивали жителей новыми ресурсами меди, алмазов, морских рако-

вин и жемчуга, находившимися в этих долинах или рядом с ними. Такая экологическая адаптация сопровождалась большей оседлостью, повышенным функциональным использованием технологии изготовления железа и, соответственно, интенсификацией пахотного земледелия, дающего существенные излишки продукции, а также эффективным освоением органических и неорганических источников энергии, таких как вода и тягловые животные.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Исходя из недавних исследований, можно предположить, что существовали обитавшие в различных экосистемах родовые группы, в которых семья, или первичная ячейка производства и потребления, жила в мазанках с соломенными или тростниковыми крышами. Природная ниша, занятая несколькими большими семьями, представляла собой естественную среду и территорию проживания родовой группы, которая социально выживала благодаря системе браков между двоюродными братьями и сестрами. Термин *куди*, который встречается в южноиндийских текстах «Шангам» (сборники классической тамильской поэзии, относящиеся примерно к III в. до н.э. и IV в. н.э.), мог первоначально ассоциироваться со стадом, домашним хозяйством, родовой группой и ее средой обитания, а впоследствии он расширился до понимания большей территории вместе с ее обитателями.

Вожди родовой группы, согласно текстам «Шангам», иногда брали себе титул *перумакан*, т.е. «большой благородный человек», обозначавший его происхождение и статус «большого человека». Согласно другому толкованию, этот термин происходит от санскритского *парамукха*, т.е. вождь. У этих вождей были имена и прозвища, связанные либо с их подвигами, либо родом занятий (скотоводством, например), либо с местом проживания (на возвышенностях).

Рост народонаселения, использование ресурсов, перемещение общин в иные экосистемы и социально-политический престиж, связанный с накоплением ресурсов, в обществе, где велась борьба за положение в нем, вызвали хищническую экспансию, которая привела к общественной и территориальной интеграции. Погребение умерших вместе с металлическим оружием, драгоценными металлами, полудрагоценными камнями и терракотовыми сосудами, а также сооружение «специальных погребальных строений» отражают не только зарождающееся социальное расслоение общества, но и то, насколько были доступны некоторые предметы и ресурсы определенным группам и какое значение последние им приписывали. В текстах «Шангам» эти вожди описываются как «великие распространители богатства» и перечисляются накопленное состояние, включавшее коров, слонов, лошадей, бивни, драгоценные камни, жемчуг, морские раковины, золото, ювелирные изделия и сосуды. Престиж также достигался через браки и социальную исключительность, основанную на родословной. Члены общины Велир, например, гордились своей родословной и социальной чистотой.

Процесс объединения территорий и общин в большие геополитические образования ускорился на заключительной стадии мегалитической культуры. Это особенно отразилось в использовании термина *наду* в текстах «Шангам». Этот термин первоначально означал определенный тип экономической деятельности, место проживания, ассоциируемое с конкретным регионом. Так, в литературе «Шангам» мы находим Нанджилнаду (Пахотная земля), Малайнаду (Холмистая земля) и Конкарнаду (Земля народа Конкар). В ранний исторический период этот термин приобрел более широкое значение, связанное в основном с плодородными землями и развитыми общинами. Так, Парамбунаду, территория Вел-Пари, описывается как область, в

которой находилось более трехсот деревень, плодородные сельскохозяйственные площади, водоемы, холмы и леса, а также общины, занятые разнообразной хозяйственной деятельностью. Возвышение вождей и приближенных к ним родовых групп было шагом к социальному расслоению общин в рамках догосударственных отношений и заложило долгосрочную основу формирования правящей элиты будущих государств.

Эти внутренние перемены получили сильный импульс от определенных внешних факторов приблизительно в IV–III вв. до н.э. В результате ранней урбанизации на севере Индии, породившей большой спрос на сырье и предметы роскоши с юга, через плато Декан пролегли торговые пути между удаленными регионами, а в прибрежных районах – каботажные морские пути. Появление в этом регионе черной полированной керамики (ЧПК) в археологических слоях эпохи до Маурьев и приток в этот регион различных серебряных чеканных монет были результатом этой торговой деятельности. Купцы-ростовщики (*сеттхи*) с севера Индии, возможно, имели контакты с этими общинами и их вождями с целью приобретения сырья и готовой продукции. Развитие клановых деревень с простым хозяйством и превращение их в мелкие производственно-торговые центры под руководством родовых вождей свидетельствовали о зарождавшихся переменах.

Расширение территории Магадхи за счет южных частей плато Декан во времена правления Маурьев было еще одной составляющей импульса от внешних факторов. Целью экспансии явно был доступ к ресурсам, и князья царской крови вместе с чиновниками и регулярной армией находились в провинциальном центре Суварнагири, возможно, в северной части штата Карнатака, также как и в порту Дханьякатака в дельте рек Годавари и Кришна в Андхра-Прадеше. В соответствии с древнейшими подписями, найденными в этом регионе, Маурьи включили местных вождей в свою государственную структуру, присвоили им воинские звания, такие как *сенагона* и *сенапати* (командующий армией). Некоторые родовые группы, такие как кокар в Карюатаке, возможно, даже помогали Маурьям в их военных кампаниях на дальнем юге. Именно такие вожди являлись существенно важным связующим звеном в цепи, управляющей перемещением ресурсов местных обществ через провинциальные центры и по торговым путям в Северную Индию.

Перемещение на юг джайнистских, буддийских и адживиских духовных лиц и зарождение религиозных институтов вместе с кульгами ступы (здания куполообразной формы, хранящие реликвии) выступали как мощная культурная и обрядовая сила, способствовавшая распространению идеологии североиндийского общества и развитию культуры. Ранние религиозные центры стали пунктами взаимодействия между государственным аппаратом Маурьев и купцов с севера Индии с политической элитой юга. Такое социальное взаимодействие и поддержка, оказывавшаяся этим центрам, придавали местным вождям и их сородичам культурную самобытность, способствовали социальной дифференциации и открывали новые возможности для демонстрации своего богатства.

ПОЯВЛЕНИЕ ЦАРСТВ

Восточный Декан

В период между закатом династии Маурьев (II в. до н.э.) и объединением царства Сатавахана с регионом Кришна-Годавари (середина II в. н.э.) в этой части Андхра-Прадеша процветало несколько местных племен. Эти политические образования имели хорошо оформившуюся иерархию общества и четко обозначенную политическую элиту, ко-

торая в значительной степени принадлежала индоарийской культурной системе. Поэтому надписи, найденные в этом регионе, были составлены на пракрите, а не на местном языке.

Местные вожди получили титул *раджа* или *рана*, дословно «царь». Некоторые другие вожди, во внутренних регионах, обладали титулом *талавара*, связанным с их положением лидера, знатной родословной и воинской доблестью. Вожди были напрямую включены в обменный круговорот. Некоторые даже выпускали собственные монеты и осуществляли очень строгий контроль за выпускаемой продукцией. В течение последних веков до н.э. в этом регионе также зарождались городские центры (*нагара* и *нигама*), и в них располагались ремесленные и торговые гильдии (*туга* и *гоштха*). Эти политические образования, однако, не развились до уровня настоящих государств с четко определенными границами. В надписях не упоминалось наличие регулярных войск, а имелись ссылки лишь на малое число чиновников, таких как писцы (*лежхака*) и казначей (*бхандагарика*). Из этого можно предположить, что политическая структура общества была ограничена узкими рамками.

Формирование раннего государства в Южном Декане совпадает с установлением власти Сатавахана в данном регионе. Что касается династии Сатавахана, следует отметить, что первые цари пришли к власти в Западном Декане в I в. до н.э. Они образовали там богатое и мощное царство, охватывавшее значительную часть Западного и Северного Декана. Продолжавшиеся вторжения шакьев из Удждайна (на плато Малва) и перспективы вторжения в богатые области Южного и Восточного Декана вынудили их примерно в 140 г. н.э. переместить политический центр на восток. Государство Сатавахана принесло с собой организованный государственный и бюрократический аппарат, регулярную армию, город-гарнизоны, систему провинциальных административных центров и укрепленную столицу. Они также ввели лучше отрегулированную денежную систему и интегрированный рынок на городских территориях, удалили местных вождей из коммерчески прибыльной восточной зоны, включив их в свою военную бюрократию. Вместе с отчеканенными серебряными монетами большой стоимости и римскими золотыми монетами Сатаваханы пустили в обращение серию медных монет разного достоинства для мелких сделок. Они также выпустили монеты с надписями на двух языках (тамилском и пракрите). Взаимодействие между центром и периферией поддерживалось через административные и финансовые органы, выстроенные по вертикали, и поэтому их власть доходила даже до деревенского производителя товаров. На верхнем уровне бюрократии находились обладатели таких титулов, как *махаталавара*, *аматия* (министр), *раштрапалака* (провинциальный управляющий) и *махасенапати* (командующий армией), функционировавшие на следующем уровне после царской знати. Второй уровень чиновников – это *бходжжака*, *упарика*, *гаулмика* и *патипалака*, которые действовали на местном уровне.

Раннее становление государства в регионе Андхра продолжилось при династии Икшваку, которая сменила династию Сатаваханов примерно в 200 г. н.э. и несколько менее столетия правила на равнине в нижнем течении рек Кришна и Годавари. Этот короткий период не помешал Икшвакам оставить одно из самых богатых культурных и политических наследий на полуострове Индостан.

Икшваки были местным кланом, возможно, ведущим свое происхождение от родовой группы *махаталавара*, использовали имена, взятые от предков по женской линии (как делали и Сатаваханы) и соблюдали заключение браков между двоюродными братьями и сестрами. Цар-

ство (*раджия*) стало признанным территориальным объединением с центральными районами в долине в нижнем течении Кришны и столицей в Виджаяпуре (Нагарджунаконда). Центральный район, окруженный несколькими провинциальными территориями (*раштра/патха*), управлялась *махаталаваром*. Такая система всеобъемлющей изолированной власти могла постепенно привести к «феодальной» политике более поздних времен. Икшваки, имя которых являлось родовым и для Рамы, и для Будды, приняли титул *махараджа*, а их царица именовалась *махадэви* или *махиши*. В царской семье была своя иерархия: *ювараджа* (престолонаследник), *махакумара* (старший принц) и *кумара* (принц), которые часто занимали высшие гражданские и военные посты, такие как *махасенапати* (главнокомандующий), *сенапати* (командующий армией), *али* (губернатор). Брачные союзы использовались в целях социальной, экономической и политической выгоды. Браки между двоюродными братьями и сестрами сплачивали родовую группу и отменяли внешних претендентов на власть. Брачные союзы с современными тому периоду царскими семьями из Декана дали последним социальное признание. Невесты, взятые из других (?) семей *махаталаваров*, обеспечивали Икшвакам территориальное господство, богатство и расширение рода по горизонтали.

Посвящение Икшваков в сан брахманов имело большие последствия для процесса политического узаконивания и достижения социальной исключительности. Для этих целей они совершали ряд древних ведических жертвоприношений, которые долгое время не совершались при правлении буддийских, или иноземных династий. Был совершен даже *ашвамедха*, или жертвоприношение коня, которое могло быть выполнено только царями, контролирующими значительную территорию. Они построили несколько брахманских алтарей внутри укреплений наряду с другими алтарями для местных божеств, которые постепенно приживались в индуистском пантеоне.

Этот синтез обрядов был важной чертой религиозно-культурной интеграции подслоя местной культуры в космополитическую субконтинентальную элитную культуру того периода. Использование особых площадок для кремации умерших членов царской семьи, в отличие от существовавшего до этого в доисторический период общего места захоронения, является показателем социальной исключительности, связанной с царской верхушкой, в ранний исторический период.

В сохранении своей политической гегемонии Икшваки получали большую поддержку в лице регулярной армии. Это была хорошо структурированная организация с иерархической системой подчинения. Помимо пехоты и кавалерии, в армии было подразделение боевых слонов. В Виджаяпуре находилась укрепленная цитадель Икшваков. Павшие герои увековечивались в изображениях батальных сцен на прекрасных резных мраморных мемориальных колоннах (*ххайастамбха*).

Махаталавары наряду с царской семьей представляли собой горизонтально распределенную часть правящей элиты, которая буквально монополизировала почти все высшие служебные посты на уровне провинций. Титул махаталавара теперь наследовался, а также получался по указу, что могло побуждать тех, кто владел им в силу своего происхождения, тщательно вести учет своей *кулы* (семьи) и *готра* (родословной) в надписях того времени.

Женщины, по всей видимости, занимали важное положение в обществе. Ведение родословной по женской линии (например, «сын госпожи из рода Васиштха»), но особенно – многочисленные дары от женщин из царской семьи, явно предполагают их высокий статус в обществе. Поразительно и то, что подобные дары неизменно делались в пользу буддийских общин, в то время как цари и принцы участвовали в брахманских обрядах!

Великая *ступа* в Нагарджунаконда и прочие многочисленные буддийские строения в дельте рек Кришна и Годавари свидетельствуют о расцвете буддийского государства при Икшваках. Однако внимание, которое цари уделяли совершению сложных брахманских ритуалов, предвещало возрождение индуизма, которое проявлялось все более явно в последующие века.

Южная Индия

Хотя Маурьи господствовали на большей части Северной и Центральной Индии, включая северную часть плато Декан, их власть неглубоко проникла в регион, в настоящее время занятый штатами Керала и Тамилнад, что позволило этой территории следовать своим историческим путем к становлению раннего государства. После II в. н.э. предпринималась осознанная попытка объединения общин и ресурсов с лучше оформленными геополитическими образованиями. Появились три основные родовые группы: Кера (нынешний штат Керала), Кола (северная часть штата Тамилнад, включающая долину реки Кавери) и Пандья (южная часть Тамилнада). Ашока в своих высеченных на камне «Надписях» называет их «его южные (соседи)», но дохристианские письменные источники на брахми и тексты «Шангам» говорят о могущественном Велире и других родовых вождях, которые в I в. до н.э. властвовали над жизненно важными въездными пунктами, плодородными землями, богатыми минеральными ресурсами зонами и приморскими торговыми центрами.

Систематическое смещение правителей из родовых вождей в группах Кера, Кола и Пандья с их властных позиций вело к возникновению государств между I в. до н.э. и началом I тысячелетия н.э. К этому времени вожди трех основных родов начали называть себя *мувендарами* – «три коронованные царями». Интересно, что Велиры называли себя членами «древних кланов или семей». Процесс интеграции происходил либо в результате войны, либо неравных брачных союзов.

Вслед за установлением реальной власти над соответствующими территориями, мувендары вели войны друг против друга и вступали в политические и матримониальные союзы с целью достижения господства над регионом. Другим важным аспектом данного процесса интеграции было одновременное развитие языковой и культурной зоны в Южной Индии, известной как Тамिलाхам, которая идентифицировалась с тамильским языком элитных групп этого региона. Это положило начало формированию в течение последующей эпохи большой языковой и культурной зоны, населенной людьми, говорящими по-тамильски.

К началу I тысячелетия н.э. царство включило в свою сферу несколько территорий наду, в дополнение к сельским, горным и прибрежным поселениям различных типов. Мувендары и родственные им группы стояли во главе иерархии, и цари продолжали получать величественные титулы. Правящие группы жили во внутренних территориях в укрепленных столицах, таких как Урайур, Карур и Мадурай, а также основывали вторые столицы в портовых городах, например в Каверипаттанаме и Коркаи.

Политическое положение и социальная исключительность приобретались посредством ведических жертвоприношений, например при посвящении в цари (*раджася*), а также при передаче царского титула по наследству; доскональным ведением записей родословной, браков и устройством специальных царских мест для захоронения. К этому времени началось постепенное признание особых престижных и властных символов, ассоциировавшихся с мувендарами, таких как флаг, балдахин, боевой барабан,

слон, колесница, цветок и корона. Тексты «Шангам» также перечисляют обязанности правителя по отношению к своим поданным, где последние зовутся *маккалами*, т.е. детьми (по отношению к родителям).

Велир и прочие родовые вожди, которые вошли в брахманскую структуру, зачастую занимали высшие гражданские и военные посты на придворном уровне. Вдобавок они включались в хозяйственную деятельность, связанную с сельским хозяйством и торговлей, входили в ремесленные и торговые гильдии. У них были тесные связи с правящей династией, представители которой время от времени сочетались браками с членами этих семей. Таким образом формировалась вертикально стратифицированная правящая элита.

АГРАРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Литературные источники указывают на то, что в конце I в. до н.э. на полуострове Индостан происходил подъем сельского хозяйства, ремесленного производства и усиление торгового оборота, сопровождавшиеся основанием новых поселений и дальнейшим развитием городов, в которых происходило расслоение общества. В заслугу правящему классу ставят активное развитие сельского хозяйства, освоение болотистых земель и расчистку площадей от лесов для аграрных нужд. Так, Карикалу, царя народа Кола, восхваляли за укрощение реки Кавери. Однако наиболее весомый вклад в социально-экономическое процветание был сделан теми, кто занимался сельским хозяйством и торговлей. Развитие частного землевладения стало ключевым фактором, поддерживавшим новые социальные образования. Аграрный сектор способствовал зарождению нового среднего класса зажиточных крестьян, называемых *гахапати* или *кутумбика* в стране Андхра и *велалар* и *килан* на юге Индии. Некоторые из них переместились в городские центры, а накопленное ими богатство было вложено в торговые предприятия. К I в. н.э. обширная родовая и социальная сеть связывала класс гахапати/велаларов с кушцами-ростовщиками, оптовыми торговцами и моряками. Некоторые из купцов-ростовщиков возглавляли городские корпоративные объединения и гильдии, другие торговые группы, такие как Паратавар в Южной Индии, контролировали торговлю предметами роскоши, которые привозились из Рима. *Эмпорион* (торговый центр) в Арикамеду, около современного Пондишери, был одним из главных центров, через который осуществлялась международная торговля. В основном она расцвела в первые века н.э., но пришла в упадок в III в.

Хотя до настоящего времени в Южной Индии были обнаружены богатейшие археологические данные, не приходится сомневаться в том, что подобные изменения происходили в дельте рек Кришна и Годавари в Андхра-Прадеше. Экономическое влияние торгового класса позволило купцам не уступать правящей династии в богатстве даров буддийским и джайнским местам поклонения. Праkritские надписи, сохранившиеся на большой, но сильно разрушенной ступе в Бхаттипролу в северной части дельты рек Кришна и Годавари, свидетельствуют о процветании и почитании буддизма купеческими гильдиями в начале I тысячелетия н.э. Большие ступы в Амаравати и Нагарджунаконда, а также более пятидесяти других культовых центров были построены не только благодаря царским дарам, но даже по большей части за счет купцов и ремесленников. Подобные тенденции послужили основой мощного государства Паллаво, возникшего в IV в. н.э. Прежде чем говорить о процессе возникновения этого царства, следует кратко рассмотреть изменения, происходившие в тот период на острове Шри-Ланка.

ШРИ-ЛАНКА

Хотя остров Шри-Ланка находится менее чем в двадцати двух милях от побережья штата Тамилнада, он имел собственный путь развития, вполне самобытный для островного общества. Его приближенность к индо-пакистанскому субконтиненту и стратегически выгодное положение по отношению к важным морским путям, а также плодородность земель и благоприятный климат придавали острову историческое значение, превосходящее его значение в отношении физических размеров.

Примерно с VIII в. до н.э., как было определено с помощью радиоуглеродного анализа объектов, полученных при раскопках крепости города Анурадхапур, черно-красная керамика распространилась с полуострова Индостан в Шри-Ланку. Вместе с ней началось использование металлов, производство керамики на гончарном круге, культивирование растений и одомашнивание животных в оседлых сельских поселениях. Хроники на языке пали (*Дипавамса* и *Махавамса*) датируют прибытие первых иммигрантов с материка временем достижения Буддой нирваны в V в. до н.э. (когда легендарный принц Виджайя ступил на остров), но это развитие было, возможно, очень длительным процессом, который мог начаться намного раньше прихода Виджайи и, конечно, продолжался после него. С другой стороны, он сопровождался переселением людей с юга Индии, а возможно, и предшествовал приходу Виджайи.

К находкам, относящимся к периоду после IV в. до н.э., принадлежит так называемая северная черная полированная (СЧП) керамика из долины Ганга, производившаяся там с середины I тысячелетия до н.э. На некоторых черепках, датированных не ранее III в. до н.э., имеются буквы алфавита брахми. Это же относится к чеканным монетам. Удивительно, что древнейшие следы более высокой цивилизации обнаружены не в юго-западной части острова, где в настоящее время живет большинство сингалцев (сингалов), а в сухой северо-центральной зоне. Потребовались большие усилия, чтобы сделать эту территорию пригодной для сельского хозяйства, особенно для выращивания посевного риса при орошении. Для хранения воды, появлявшейся в сезон дождей, продолжавшийся лишь несколько месяцев, строились огромные резервуары, обычно называемые «бассейнами», которыми пользовались в остальную часть года.

Такие крупномасштабные ирригационные работы свидетельствуют о значительном опыте древних сингалцев в регулировании подачи воды для сельского хозяйства и бытовых нужд. Целая система бассейнов, каналов, шлюзов и стоков гарантировала как хранение дождевой воды, так и, при необходимости, ее подачу на рисовые поля. Эффективная подача воды требовала выбора подходящего места с правильным уклоном. Уровень мастерства древних сингалцев был настолько высоким, что старые ирригационные системы, которыми долгое время не пользовались, после того как в XIII в. люди покинули эту северо-центральную зону, вновь начали использоваться после осуществления проекта нового заселения.

Это та часть острова, где находился древний город Анурадхапур, который оставался столицей до XI в. Первый явно исторический правитель больше всего известен как *деванампиа* Тисса. Первая часть его имени – это фактически титул, буквально означающий «любимец богов», но ставший синонимом слова «царь». Насколько нам известно, этот титул был впервые использован могущественным индийским императором Ашокой (около 270–232 гг. до н.э.). Действительно, Тисса после обращения в буддизм Махиндой (который, согласно хроникам на пали, был сыном Ашоки), приехавшим для этого на Шри-Ланку, завязал дипломатические отношения с Ашокой. Тисса имел второе посвящение и, подражая Ашоке, принял титул *деванампиа*.

При раскопках древнего города Анурадхапура был обнаружен посевной рис (*oryza sativa*), а также другие местные разновидности зерновых в слос, датированном VIII в. до н.э. Наряду с подсечно-огневым и пахотным земледелием, существовали животноводство, охота и собирательство. Места захоронений и проживания также указывают на металлургическое производство, изготовление керамических изделий и бус. Расположение этих производств в жилых домах предполагает семейную основу производства в деревнях. Сырье для подобных ремесел получали путем обмена. Медь попадала сюда с восточного побережья, жемчуг и морские раковины из Манарского залива, полудрагоценные камни, слюда и слоновая кость – с центральных возвышенностей, а сердолик – из Южной Индии. В северо-центральной части Шри-Ланки, в которой развились гидротехнические технологии, условия для получения данных видов сырья были особенно благоприятными.

Вследствие этих внутренних изменений и добавления торговли с дальними регионами к существовавшим обменным отношениям, а также проникновения североиндийских религиозно-культурных элементов в деревенские поселения, островное общество постепенно перешло к социальному расслоению, демографическому росту и основанию новых поселений, а также к относительно быстрому процессу развития культуры, частично местной, а частично заимствованной у народов с материка. Передвижение общин, особенно с юго-востока Индии после IV в. до н.э., привело арианизированные группы в различные части острова, что ускорило процесс культурной интеграции.

С III в. до н.э. среди источников информации об истории Шри-Ланки появляется большое количество кратких надписей на брахми, найденных во многих частях острова. Эти надписи, в дополнение к хроникам на пали, упомянутым в начале данной главы, внесли большой вклад в наши знания о раннем периоде истории Шри-Ланки. Письменность брахми, использованная в этих надписях, современна той, которая использовалась в Южной Индии и в «Надписях» Ашоки. Большинство этих древних надписей, выраженных в ранней форме сингальского языка, содержат записи даров частных лиц Сангхе Четырех Четвертей, т.е. общине буддийских монахов. Буддизм стал официальной религией к середине III в. до н.э., когда царь и многие из его наиболее видных подданных были обращены в эту веру посланником от царя Ашоки. В этот ранний период основные дары представляли собой пещеры, приспособленные для проживания небольших групп монахов. Для этого необходимо было создавать различные устройства, например водостоки, чтобы избежать затопления пещер протекающей сверху водой. Надписи обычно высекались на камне, как раз над этими водостоками.

Среди дарителей пещер было много особ с титулом *парумака*, который произошел или от тамильского *перу-макан* (дословно «большой сын или человек»), или от санскритского *пра-мужха* – «самый главный, вождь». Они, возможно, были родовыми вождями в эпоху до возникновения государственности, которые постепенно влились в царство Анурадхапура и признали царя своим господином. Отмечено также, что такие надписи сосредоточены около мегалитических мест с черно-красной керамикой. Местонахождение символов, нанесившихся после обжига на индийскую и шри-ланкийскую керамику доисторического периода в той же последовательности, что и в надписях парумака, предполагает, что эти потомки доисторических вождей осуществляли контроль над плодородными долинами, залежами металлов и приморскими территориями и занимали положение, позволявшее им заниматься торговой деятельностью, которая иногда приносила им значительное богатство. Поэтому неудивительно, что они были единственной самой крупной группой мирян, делавшей пожер-

тования в пользу буддийской *сангхи*. В надписях парумака изложены несколько случаев браков между двоюродными братьями и сестрами, зачастую с четко составленными генеалогическими таблицами. Часто парумаки занимали некоторые из наиболее важных административных постов, которые со временем стали передаваться по наследству.

Помимо парумаков, в надписях упоминаются вожди клановых групп или предводители ремесленных и торговых гильдий. Не исключено, что царь (*деванамтия*) Тисса, правивший в Анурадхапуре, также вел свою родословную от одного из этих родовых вождей, но упоминавшиеся выше хроники описывают его как потомка Виджайи, легендарного вождя, который, должно быть, прибыл в Шри-Ланку во времена нирваны Будды. Этот род, однако, не сохранился надолго после Тиссы, и трон был вскоре занят тамильскими авантюристами.

Более или менее современные тому периоду сингалские династии утвердились в Махагаме (нынешняя Тисса–Махарамма) в Рохане (юго-восточная часть Шри-Ланки), откуда правители из этого рода – *гамани* (вождь деревни) контролировали всю эту часть острова уже к середине II в. до н.э. Примерно в это же время один из великих правителей, Дуттхагамани, начал долгую войну против тамильского правителя из Анурадхапуры по имени Элара, который был полностью разгромлен. Дуттхагамани переехал в Анурадхапuru, которую он превратил в большой город с укрепленной цитаделью. Он стал контролировать большую часть острова, и ему приписывают объединение острова под властью Анурадхапуры. Хотя остров Шри-Ланка мал по сравнению с большим субконтинентом, к которому он почти примыкает, было всего лишь несколько периодов, когда у него был единый правитель.

Дуттхагамани остался известным, однако, благодаря той поддержке, которую он оказывал буддийской сангхе.

К существовавшим священным местам, связанным с введением буддизма в Шри-Ланке, таким как дерево Бодхи и Тхупарама (первая ступа), род гамани добавил несколько других впечатляющих символов. Строительство Махатхупы, более известной как Руванвалисайя-Дагаба, и поддержка правителем Дуттхагамани наиболее древней и господствующей секты теравада-буддизма – махавихары были сознательными попытками заручиться поддержкой сангхи и светских приверженцев с целью добиться политического признания с помощью религиозных символов и мценатства. Благодаря тому, что Анурадхапура стала политической столицей и главным центром паломничества, царь как светский владыка получил большие полномочия и идеологическое преимущество.

К I в. до н.э. элитарные группы распределились по системе управления. Деревенское и провинциальное управление к тому времени полностью развилось, и в надписях часто упоминается *гамика*, или «вождь деревни», который, возможно, выдвигался из земледельческой элиты. Помимо этого, в качестве членов центральной администрации и полунезависимых вождей упоминались *айяки* (сборщики налогов) и *бадагарики* или *котагарики* (казначей). Цари Анурадхапуры выпускали собственные монеты, на лицевой стороне которых изображалась женская фигура, представлявшая богиню Лакшми, а по краям обратной стороны – *свастика*.

К тому времени, когда первая династия утратила политическую власть в конце последнего века до н.э., цари Анурадхапуры уже создали действующую политическую, экономическую и культурную структуру более развитого государства. Это нашло подтверждение в новой аграрной структуре, основанной на земельных наделах и гидротехнической технологии, а также в том, что Шри-Ланка стал основным торговым центром в Южной Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ (18.1–18.2)

- BASHAM, A. I. (ed.). 1975. A Cultural History of India. London.
- CASSON, L. 1989. The Periplus Maris Erythraei. New Jersey.
- CHAMPAKALAKSHMI, R. 1975–6. Archaeology and Tamil Literary Tradition. Purattatva. Vol. 8, pp. 110–12.
- COEDÈS, G. 1964. Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonésie. 3rd edn. Paris.
- DANI, A. H. 1988. Recent Archaeological Discoveries in Pakistan. Paris/Tokyo.
- DASGUPTA, K. K. 1974. A Tribal History of India: A Numismatic Approach. Calcutta.
- DERANIYAGALA, S. U. 1972. The Citadel of Anurādhapura 1969: Excavations in the Gedige Area. Ancient Ceylon, Vol. 2, pp. 48–169.
- GUNAWARDANA, R. A. L. H. 1981. Social Function and Political Power: a Case Study of State Formation in an Irrigation Society. In: CLAESSEN, H. J. M.; SKALNIK, P. (eds). The Study of the State, pp. 133–154. The Hague.
- GURURAJA RAO, B. K. 1981. The Megalithic Culture in South India. Prasaranga.
- HARLE, J. C. 1986. The Art and Architecture of the Indian Subcontinent. Harmondsworth.
- KAILASAPATHY, K. 1972. Tamil Heroic Poetry. Oxford.
- LAHIRI, B. 1974. Indigenous States of Northern India (c. 200 BC to AD 320). Calcutta.
- LIU, XINRU. 1988. Ancient India and Ancient China: Trade and Religious Exchanges AD 1–1600. Delhi.
- MAHADEVAN, I. 1966. Corpus of the Tamil Brahmi Inscriptions. Madras.
- MUKHERJEE, B. N. 1988. The Rise and Fall of the Kushana Empire. Calcutta.
- NILAKANTA SASTRI, K. A. (ed.). 1987. The Mauryas and Satavāhanas, 325 BC–AD 300. A Comprehensive History of India. Vol. 2. Delhi.
- PARANAVITANA, S. 1970. Inscriptions of Ceylon, Vol. I. Colombo, Archaeological Survey of Ceylon.
- ROSENFELD, O. M. 1967. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley/Los Angeles.
- SENEVIRATNE, S. 1981. Kalinga and Andhra: the Process of Secondary State Formation in Early India. In: CLAESSEN, H. J. M.; SKALNIK, P. (eds). The Study of the State, pp. 317–38. The Hague.
- 1984. The Archaeology of the Megalithic Black and Red Ware Complex in Sri Lanka. Ancient Ceylon. Vol. 5, pp. 237–307.
- 1985. The Bharata: A Case of Community Integration in Early Historic Sri Lanka. In: AMARASINGHE, A. R. B.; SUMANASEKERA BANDA, S. J. (eds). Festschrift 1985 – James Thevatasa Rutnam, pp. 49–56. Colombo, UNESCO.
- 1990. A Life After Death: Continuity and Change in the Religious Symbolism of the Early Iron Age. In: SENEVIRATNE, S. et al. (eds). Perspectives in Archaeology. Peradeniya: Department of Archaeology, pp. 145–53.
- SHARMA, R. S. 1991. Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India, 3rd edn. Delhi.
- SIRCAR, D. C. 1986. Select Inscriptions. 2nd edn. Calcutta.
- SUBRAHMANYAM, R. 1975. Nagarjunakonda 1954–60, Vol. I. New Delhi.
- SUNDARA, A. 1975. The Early Chamber Tombs of South India. Delhi.
- WHEATLEY, D. 1973. The Golden Khersonese. Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before AD 1500. Westford, Conn.
- WHEELER, R. E. M. 1946. Arikamedu: An Indo-Roman Trading Station on the East Coast of India. Ancient India. Vol. 2, pp. 180–310.

ЮЖНАЯ АЗИЯ с 300 по 700 гг. н.э.

19.1

СЕВЕРНЫЙ СУБКОНТИНЕНТ

*Р.С. Шарма**Илл. 107–110***ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Начало империи Гуптов (карта 26) датируется 320 г. н.э., когда правитель небольшого царства, располагавшегося на равнине в среднем течении Ганга, приняв имя Чандрагупты и заключив брачный союз с семейством Ликчависов (*Licchavis*), правившим у границы Северной Магадхи (Бихара), основал династию Гуптов. В честь этого знаменательного события либо сам Чандрагупта (I), либо его преемник Самудрагупта, который взошел на трон в 335 г., отчеканили специальную золотую монету, на лицевой стороне которой был изображен царь, вручающий царице небольшой предмет (возможно, не кольцо, а «синдурадани» (*sinduradāni*)). Самудрагупта, который был одним из самых выдающихся правителей, значительно расширил свое царство, завоевав обширные части Северной Индии и распространив власть Гуптов на восточные и центральные, а также некоторые важные части Южной Индии. Его успехи прославляются в длинной санскритской надписи на колонне в Аллахабаде (стоявшей первоначально в Каушамби – древнем городе, располагавшемся примерно в 50 км к западу от Аллахабада). Третий царь, Чандрагупта II (376–415 гг.) продолжил завоевания, добавив к империи Гуптов западную часть плато Малва и Гуджарат. Этот царь, который носил титул «Викрамадитья» (*Vikramaditya*) (т.е. «солнце доблести»), контролировал, таким образом, большую часть Северной Индии. Ему наследовал Кумарагупта I (415–455 гг.).

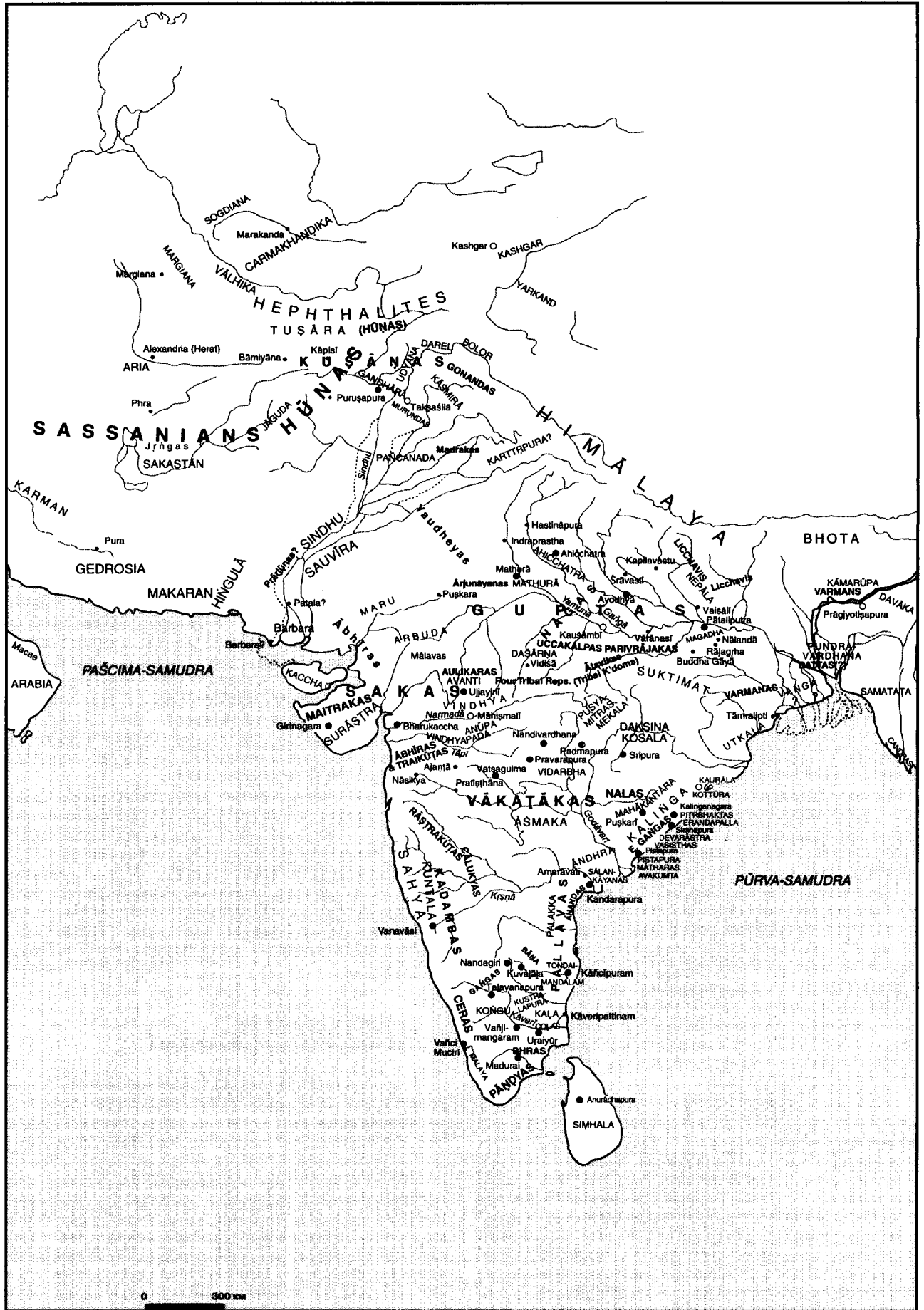
Длительное правление этих четырех царей (в общей сложности около 135 лет), которое иногда называют «Золотым веком», было периодом стабильности и процветания, в который отмечен беспрецедентный расцвет индийской культуры. Процветание империи Гуптов этого периода отражено не только на множестве крупных золотых монет, чеканившихся этими четверью царями, но и из дорожного описания, сделанного китайским паломником Факсианом, который посещал крупные буддийские центры во многих частях Индии и Шри-Ланки. Факсиан не только свободно путешествовал по всей территории субконтинента и Шри-Ланки, не испытывая никаких затруднений, но и дал яркое описание безопасной и процветающей страны.

В VI в., однако, государство Гуптов стало приходить в упадок из-за внутренних распрей и нашествия гепталитов или белых гуннов. Хотя последние были к середине VI в. изгнаны, государство Гуптов распалось на несколько царств (таких как Маитракас в Гуджарате, Маукхарис в Уттар-Прадеше, позднее царство Гуптов в Бихаре). В начале VII в. Харшавардхана, или просто Харша (606–647 гг.), первоначально бывший правителем небольшого царства севернее Дели, преуспел в воссоединении Северной Индии и тем самым воссоздал государство Гуптов с новой столицей в Канаудже. Но империя Харши оказалась недолговечной и распалась после его смерти. Вторая половина VII в. была периодом политического упадка.

Как часто происходит в истории, политическая дезинтеграция не повлекла за собой упадок культуры. Напротив, некоторые из наиболее замечательных произведений искусства эпохи Гуптов были созданы, по-видимому, именно в период уже начавшегося политического упадка. Некоторые из статуй Сарната, найденные вблизи Варанаси, являются примерами самой изящной скульптуры Индии. Самые ранние из них датируются 473 г. н.э., а большинство произведений искусства эпохи Гуптов – более поздним периодом.

**АГРАРНЫЕ И ДРУГИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕМЫ**

Имеются свидетельства о дарении земли начиная с I в. н.э. брахманам, а также индуистским и буддийским религиозным организациям, а с V в. эта практика становится обычной. Множество грамот на листах меди, особенно в Северной и Центральной Бенгалии, не только разрешали приобретение и дарение брахманам обрабатываемой, а чаще необрабатываемой земли, но и освобождали их от большинства налогов и трудовой повинности. Такие сделки фактически подразумевали передачу получателям и царского права собирать налоги и использовать трудовую повинность. Поскольку передача земли осуществлялась в постоянное владение и не могла отменяться последующими правителями, она обеспечивала владельцев земли источником долгосрочных доходов. Во многих случаях крестьяне не страдали от такой передачи земли, так как вмес-

Карта 26. Южная Азия в период правления династий Гупта-Вакатака (около 300–550 гг. н.э.) (по Schwartzberg, 1978, A Historical Atlas of South Asia, University of Chicago Press)

то уплаты налогов царю или его представителям они были обязаны выполнять то же самое по отношению к религиозным властям. Таким способом царь, передавая религиозным лицам или властям часть своих налогов, приобретал религиозные заслуги («пунья»). Если, однако, земля была необработанной или была занята джунглями, то эта политика царя способствовала расширению территорий населенных и обрабатываемых земель и, следовательно, расширению производства и укреплению безопасности.

Как подчеркивалось выше, земля и/или привилегии, предоставленные царем, передавались в постоянное пользование. Вследствие этого суммарная собственность, предоставляемая, например, брахманам, храмам или монастырям, постепенно увеличивалась, лишая царей значительной части их дохода. Этот процесс стал приобретать настолько серьезный характер, что правители перешли от пожалования земель религиозным организациям к предоставлению их в виде платежа своим должностным лицам. Этот переход произошел уже до конца VII в., хотя неясно, насколько широко осуществлялся. Уже указывалось, что такое пожалование земли не только ослабляло власть царей, но и вело к появлению привилегированных и часто конкурировавших центров власти. Последнее вело к тому, что некоторые историки называют квази-феодальными отношениями между правителями и региональными властями. Другие историки утверждают, что это фактически было началом феодализма в Индии. Дебаты о том, действительно ли это была форма феодализма, все еще продолжаются.

Этот тип квази-феодальной или феодальной организации уже существовал в Древней Бенгалии в конце периода правления династии Гуптов, когда правители провинций (упарика) приняли титул *упарика-махараджа* и в некоторых случаях, по-видимому, вели себя независимо от их повелителя. Хотя начало этого процесса можно заметить в государстве Гуптов, нет данных о степени его развития к концу эры Гуптов (550 г.) или даже до 700 г.

Возрастающее использование передачи земли в качестве жалования сопровождалось упадком денежно-кредитной экономики. Если золотые монеты династии Гуптов, относящиеся к первым правителям Самудрагупте, Чандрагупте II, Кумарагупте I и Скандрагупте (примерно в период с 330 по 470 гг.), находят в больших количествах, то они становятся очень редкими и почти исчезают в период более поздних правлений. То же относится и к медным монетам. Большинство золотых монет царей, правивших после Скандрагупты, имеют низкое содержание золота. Эта «девальвация» и впоследствии квази-исчезновение монет происходили по нескольким причинам. Упадок Римской империи, возможно, привел к нехватке золота, определенная часть которого, вероятно, получалась от переплавки римских монет, ввозившихся индийскими торговцами, которые вывозили предметы роскоши. Доступ к Центральной Азии, бывшей главным источником золота для Северной Индии, был ограничен из-за вторжения гуннов. Кроме того, описанные выше процессы передачи земельной собственности, вероятно, уменьшили потребность в монетах при коммерческих сделках. Эти изменения, однако, ограничивались некоторым периодом после Гуптов, поскольку к концу I тысячелетия н.э. наблюдалось возрождение торговли, городских центров и широкого хождения монет. Упадок торговли в некоторых частях Индии вел к вымиранию городов. Города процветали в Западной и Северной Индии при Сатаваханах и Кушанах. Некоторые города продолжили бурно расти и при династии Гуптов, но в VI и VII вв. стали свидетелями крушения многих торговых поселений в Северной Индии. Раскопки показывают, что кроме нескольких городов в современном штате Харьяна и на востоке Пенджаба другие древние города в штатах Уттар-Прадеш и Бихар, такие

как Матхура, Хастинапура, Шравасты, Каушамби, Раджхата (Варанаси), Вайшали, Паталипутра и Кампа, стали приходить в упадок при династии Гуптов и впоследствии большей частью исчезли. Китайский паломник Сяньцзень (*Xuanzang*) нашел большинство городов, бывших когда-то буддийскими центрами, почти опустевшими или разваливающимися. Вероятно, большинство ремесленников и торговцев переселились в сельскую местность и занялись земледелием. Это, возможно, принесло в сельские районы более прогрессивные технологии и способствовало подъему сельскохозяйственного производства. Упадок торговли и городов заставил деревни заниматься удовлетворением своих нужд, кроме внешних потребностей в виде некоторых предметов потребления – масла, соли, специй, тканей и других. Это, в свою очередь, привело к возникновению более мелких и закрытых экономических образований.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Расширявшаяся практика дарения земли вела к религиозному и экономическому усилению брахманов. Князья династии Гуптов и их наследники стали мощной опорой брахманизма. Брахманы требовали многих привилегий, которые перечислены в своде законов Наранды, составленном примерно в VI в.

Хотя некоторая разновидность кастовой системы уже существовала в Индии задолго до времен Гуптов, эта система была значительно развита после появления многочисленных подкаст, упомянутых в сводах законов. Каждая группа иноземцев включалась в индуистское общество в виде касты, и, если они были завоевателями, им обычно давали статус кшатриев. Гунны, которые вторглись в Индию в начале V в., были в конечном счете признаны одной из высших каст. Кроме того, народы некоторых племен из частей субконтинента были постепенно поглощены индуистским обществом, образуя особые подкасты. Поэтому кастовая система, обычно рассматриваемая как ограничительный фактор, имела важное положительное значение, поскольку позволяла иноземцам и отдельным племенам находить свое место в обычном обществе.

Вожди племен занимали довольно высокое положение, но большинство их обычных соплеменников получали статус людей низкого происхождения. Большая часть обычных крестьян из таких племен получали статус *шудра* и терпели множество лишений, характерных для крестьянства предыдущих эпох. Из-за некоторых традиций от некоторых из них старались держаться на расстоянии, как от неприкасаемых. Китайский буддийский паломник Факсиан отмечал, что кандалы, наиболее часто относимые к этой группе, должны были жить вне поселений, потому что даже их вид считался оскорблением для представителей более высоких каст. Многокастовое общество, в котором каждая подкаста (и внекастовая группа) имела свои права, обязанности и вела свой образ жизни (*свадхарма*), полностью сложилось к началу V в.

Во времена династии Гуптов буддизм потерял царскую поддержку на многих территориях. Все же Факсиан описывал положение буддизма как процветающее, хотя уже имелись некоторые признаки упадка, такие как опустевшие монастыри в нескольких городах. Однако два века спустя упадок был выражен намного ярственнее, за исключением некоторых территорий, таких как (современные) Бихар, Бенгалия и части Ориссы.

С другой стороны, больших успехов добился вишнуизм. Великий эпос «Махабхарата» был призван показать, что Кришна был воплощением Вишну, и в «Рамаяне» герой Рама также стал *аватарой* (воплощением) Вишну. Учение о десяти аватарах Вишну, согласно которому этот

великий бог сходил на землю в различных формах людей и животных для спасения человечества, часто упоминается в надписях эры Гуптов. В знаменитом храме, построенном в Деогархе, штат Мадхья-Прадеш, к концу эры Гуптов, на стенах представлены изображения всех десяти аватар этого бога. Преобладающими стали понятия *бхакти* и *ахимса*. Первое обозначало такую же верность богу, какую проявляет член племени к своему вождю, под которым имелся в виду царь, или верность арендатора своему землевладельцу, но бхакти также подразумевало божественную милость. Ахимса призывала отказаться от убийства любых живых существ, что было характерно для сельскохозяйственного общества и сочеталось с культом плодородия, связанного с Вишну.

Ахимса в вишнуизме, который является одним из (двух главных, наряду с шиваизмом. – *Прим. ред.*) течений в индуизме с почитанием Вишну как верховного всемогущего бога, не только одобряла различные формы вегетарианства, но и являлась основанием против старых традиций индуизма принесения в жертву животных, которая была заменена поднесением Вишну пищи, масла, ладана, цветов и т.п., а также совершением различных церемоний, таких как пение гимнов, посвященных Вишну. Знаменитая «Бхагавадгита», хотя она, вероятно, старше эры Гуптов, стала философской основой вишнуизма, которая была далее развита в пуране, посвященной Вишну, и других текстах. Священный Закон (*Дхарма*) был тесно связан с институтом патриархальной семьи и кастовым обществом. Соблюдение Дхармы было долгом всех, кто обладал властью.

В VI в. возникло понятие «Тримурти», в котором Вишну принадлежит триединству верховных богов индуизма наряду с Шивой и Брахмой. Хотя цари династии Гуптов были в основном вишнуитами, некоторые из них поклонялись Шиве и покровительствовали основанию храмов в честь Шивы. Примерно с этого времени поклонение Шиве, наряду с поклонением Шакти, богине-матери, выражавшей божественную энергию Шивы, стало популярным и в Северной Индии (шиваизм стал популярным на юге Индии на несколько веков ранее). Поклонение Шиве и Шакти, которые символизировали мужскую и женскую энергию, распространялось, вероятно, благодаря расширению контактов между брахманами и племенами в менее развитых регионах. В VI и VII вв. многие брахманы получили земельные наделы в Бенгалии, Непале, Ассаме и Ориссе, а также в Центральной и Южной Индии. В тех областях, где индуизм еще не укоренился, брахманы не могли организовать обработку этих земель без учета верований местного населения, и им пришлось использовать поклонение племенным божествами, а также принять и адаптировать некоторые из местных религиозных традиций, включая так называемый тантризм. Тантризм допускал женщин и *шудров* в ряды своих приверженцев и концентрировался на использовании магических ритуалов, целью которых было удовлетворение материальных запросов верующих, включая лечение болезней и травм.

В то время как землевладельцы стали сторонниками первоначально несанскритского бога Шивы, брахманы также приняли поклонение богине-матери, дав ей различные имена, такие как Дурге, Кали, Камунда, Бхркути, некоторые из которых звучат не по-санскритски и, вероятно, имеют племенное происхождение. Многие племенные ритуалы, заклания и символы были теперь взяты на вооружение и поощрялись брахманскими и другими жрецами. С VII в. тантризм проник в шиваизм, вишнуизм, джайнизм и буддизм и сохранился в эпоху средневековья. Многие средневековые рукописи посвящены тантризму, астрологии и религиозным сектам и обрядам.

Пураны, которые были составлены при Гуптах и в последующие времена, выдвинули на первый план в религии поклонение идолу и воплощения. Были сделаны изобра-

жения всех божеств с отличительными символами и особенностями каждого, многие из которых были описаны в *пуранах*. Эти почти энциклопедические тексты также рекомендовали паломничество к священным местам и восхваляли добродетели приносящих дары. Ведическая жертва в этих текстах была оттеснена подношением даров – *dana*. Пураны и их эпические поэмы могли использоваться людьми всех классов, включая шудр и женщин, которые не имели доступа к ведическим текстам.

РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Большая часть дошедших до нас произведений искусства древней Индии вдохновлялась религией. Буддизм дал сильный импульс искусству в период Маурьев в более поздние времена. Многочисленные изображения Будды ваялись начиная с I в. н.э. В эру Гуптов двухметровое бронзовое изображение Будды было изготовлено в Султангандж, вблизи Бхагалпура на Ганге, в современном штате Бихар. Факсиан писал, что он видел бронзовое изображение высотой более 25 м, которое до сих пор не найдено. В V и VI вв. прекрасные изображения Будды были высечены из камня в Матхуре и Сарнатхе вблизи Варанаси.

Наланда занимает важное место в истории буддийского искусства. Многочисленные здания различных размеров, особенно монастыри, были украшены великолепными настенными изображениями Будды и бодхисаттв. Пещеры Аджанты (населенный пункт в Западной Индии, штат Махараштра. – *Прим. ред.*) содержат самые богатые и самые изящные примеры буддийского искусства настенных росписей начала I тысячелетия н.э. Они изображают события, связанные с сиддхартхой Гаутамой – Буддой и предыдущими воплощениями Будды в сценах жизни того времени. Они замечательны богатством фантазии, красотой цвета и ритма, ясность их красок не померкла до наших дней. Этот комплекс буддийских монастырей процветал при династии Вакатака, которая контролировала большую часть Махараштры и Центральной Индии, а в союзе с Гуптами – Северную Индию с 350 по 600 гг. н.э.

Возрождение брахманского индуизма в эру Гуптов с особым упором на вишнуизм и шиваизм повлекло за собой новые важные последствия. С 700 г. в пантеонах в середине стали помещать крупноразмерное изображение главного бога, а изображения родственников, подчиненных лиц и приверженцев располагались вокруг него и имели меньшие размеры. Вишну с полным набором его атрибутов считался высшим богом, а боги с меньшим количеством атрибутов рассматривались как средние или более низкие по рангу. Это отражает существовавшие явные общественные различия и иерархию и может также свидетельствовать о господстве главы патриархальной семьи над ее членами.

На равнинах Северной Индии остались и некоторые важные архитектурные остатки. Наиболее важный из них находится в Наланде, где между V и XII вв. из кирпича были построены внушительные монастыри. Эти вихары (*viharas*) состоят из многочисленных келий, в которых проживали буддийские монахи. Согласно Сяньцзюню, в Наланде в VII в. жили не менее 10 тыс. монахов, хотя сохранившиеся до наших дней кельи могут вместить не более двух тысяч человек. Число, приведенное Сяньцзюнем, является, вероятно, преувеличенным. В Северной Индии было построено множество индуистских кирпичных храмов. Один из наиболее интересных из них – большой храм в Бхитаргаоне, вблизи Канпура (штат Уттар-Прадеш), имеющий крестообразный план. Остатки прямоугольного кирпичного храма эры Гуптов были раскопаны в Бхитарги, в округе Газипур. Это местонахождение особенно знаменито благодаря надписи царя Скандгупты (455–467 гг.).

Другой кирпичный храм Вишну был обнаружен в Апхсаде, в округе Навада, но наиболее великолепный и интересный храм – это каменный храм в Деогархе, в округе Лалитпур (Непал). Он известен как храм Дашаватара благодаря изображению десяти *аватар* Вишну (т.е. его воплощений, таких как рыба, вепрь, а также Кришна). Кроме того, на наружных стенах выполнены и другие прекрасные рельефы. Одним из них является знаменитое изображение полулежащего Вишну в его космическом сне, окруженного Лакшми и другими богами и богинями. Из пупа Вишну вырос лотос с богом Брахмой, создавшим новый космос. Храм был основан в VII в., во время или сразу после эры Гуптов.

Храм Вишну в Деогархе является одним из первых примеров будущего типичного североиндийского стиля архитектуры. В отличие от более ранних храмов эры Гуптов, квадратных в плане и с плоской крышей (типичный пример храма начала эры Гуптов в Санчи близ Бхопала, в штате Мадхья-Прадеш), храм в Деогархе имеет высокую квадратную многоэтажную башню, называемую *шикхара* и стоящую на цоколе, украшенном горизонтальной лепкой. Эта форма характерна для Северной Индии и отражена в многочисленных храмах периода раннего средневековья, например в Ориссе. Что касается Деогарха, то холм, на котором стоит храм VII в., буквально покрыт руинами главным образом джайнистских храмов более поздних времен.

Возраставшему значению социальной иерархии соответствует определенное развитие храмовой архитектуры. Брахме, Ганеше, Вишну, Шиве и Шакти поклонялись как *панкадаве*, т.е. пяти божествам. Изображение главного бога Шивы (или другого божества) устанавливалось в основном храме, вокруг которого возводились четыре вспомогательных святилища, где размещались изображения других четырех божеств. Такие комплексы, обычно располагавшиеся на местности в соответствии с направлениями сторон света, были известны как *панкаятана*. Древние ведические боги Индра, Варуна и Яма, также как и после-ведический Кубера, были низведены до положения божественных стражей (*локапала*). В ходе столетий число вспомогательных храмов увеличивалось. Так, например, храм XII в. Пурусотгама-Джаганнатх в Пури, штат Орисса, стал огромным комплексом со святилищами для многочисленных малозначительных и местных божеств.

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Период между 300 и 700 гг. отмечен многими важными текстами на санскрите, классическом индийском языке, который к началу эры Гуптов стал главным литературным и официальным языком.

Среди литературных работ особый интерес представляют пьесы. Тринадцать пьес, написанных Бхасой примерно в III или IV в. н.э., являются самыми ранними примерами драмы и, в значительной степени, романтической комедии. Среди пьес на разные темы можно отметить «Мркчакатика» («Глиняная повозка»), написанную Шудракой, о любви купца к красивой дочери куртизанки. Это пьеса со сложной интригой, в которой ни в чем не повинный купец приговорен к смерти, но в самый последний момент спасается. Другая значительная пьеса – это «Мудраракшаса» («Перстень Ракшасы») Вишакхадатты. Эта историческая пьеса о поражении династии Нанда и захвате власти Чандрагуптой (Маурьей) под руководством его министра Канакия. Как во всех других классических пьесах, персонажи говорят на разных языках. Цари и вообще мужчины из высшего класса говорят на санскрите – языке, используемом также для сценических инсценировок и т.п.; женщины из высших классов используют особую форму праkrita (этот термин охватывает разные региональные

диалекты). Различные формы праkrita используются в пьесе представителями разных социальных слоев.

Самым великим поэтом и драматургом, писавшим на санскрите, был Калидаса, который жил, вероятно, в начале V в. Лирическая поэма «Мегахдута» («Посланник облака») дает поэтическое описание городов и других мест Центральной и Западной Индии. «Рагхувамша», с другой стороны, является эпической поэмой, основанной на перечислении мифических предков Рама – царской династии Айодхья. Но всемирно известным творением Калидасы является классическая драма «Абхиджнана-Шакунтала» («Найденная по кольцу Шакунтала»; в другом переводе (БВЛ, т. 17) – «Шакунтала, или Перстень-примета». – *Прим. ред.*), которую относят к сотне лучших литературных творений человечества. Это роман о царе Душьянте и Шакунтале, сын которых Бхарата должен был стать знаменитым правителем. В недавнем прошлом наряду с «Бхагавадгитой» эта пьеса была одним из самых ранних индийских произведений, переведенных на многие европейские языки.

Примерно в этот же период две большие индийские эпические поэмы – «Рамаяна» и «Махабхарата» после многих веков устной передачи приобрели в большей или меньшей степени свои современные формы. «Рамаяна» рассказывает об истории Рама, который на четырнадцать лет был отправлен в изгнание его отцом, царем Айодхья, из-за махинаций его мачехи. Он искренне повиновался приказу своего отца и ушел жить в лес, откуда его верная жена Сита была похищена и увезена на остров Ланка десятиголовым царем демонов Раваном. С помощью войска обезьян Рама и его брат Лакшмана построили дамбу, соединяющую остров с материком, и после жестоких битв освободили Ситу.

«Рамаяна» идеализирует институт семьи, в которой при любых обстоятельствах сын должен подчиняться отцу, младший брат – старшему брату, а жена – мужу. Рама символизирует силы добра, тогда как Раван – персонифицированное зло. В конечном счете справедливость торжествует над злом, а «правильная жизнь» (*дхарма*) – над «плохой». «Рамаяна» стала весьма популярной во времена средневековья. Появилось много различных версий на индийских языках – как на санскрите, так и на региональных языках, например тамильском. Красивая санскритская версия была составлена в Шри-Ланке («Джанакихарана»). Самая ранняя письменная версия приписывается легендарному поэту Вальмики и стала известна как первое литературное произведение на санскрите (*адикавья*). На этом произведении основаны его более поздние версии.

Важное значение «Рамаяны» не ограничивалось Южной Азией. Имеются версии этой знаменитой поэмы на многих языках Юго-Восточной Азии – лаосском, тайском, малайском, старояванском и некоторых других. Особый интерес представляет старояванская «Рамаяна», которая была справедливо названа образцом поэтического произведения (*кавья*), который оказал большое влияние на всю старояванскую поэзию. Она относится, вероятно, к X в.

Другая великая индийская эпическая поэма, «Махабхарата», также имела огромное влияние на всю Южную и Юго-Восточную Азию. Ее основой является история о междоусобной войне в племени бхаратов – между семьями Кауравов и Пандавов. Как часто бывает в истории, царство остается без царя. Хотя более молодая линия – Пандавы – получила в наследство часть царства, Кауравы отказались дать им даже метр территории. Это привело к длительной братоубийственной войне, в которой в конце концов победили Пандавы. Как и в древнегреческих эпических поэмах, боги тоже принимают участие в сражениях.

«Махабхарата», в отличие от «Рамаяны», имевшей единство идеи и средств выражения, особенно важна многочисленными эпизодами, которые вставлены в главный текст как отдельные произведения. Наиболее известное из них –

философская поэма «Бахавадгита», произносимая от имени Кришны, которому поклоняются как воплощению (*аватаре*) бога Вишну и который играет важную роль в этой эпопее. Главное послание *Гиты* состоит в том, что человек должен всегда следовать *Дхарме* и, в частности, бескорыстно выполнять свои обязанности, предписанные ему кастой и рангом. Обязанности царя по отношению к подданным и подданных к своему царю изложены в важном рассуждении о государстве – «Шантипарван». Наиболее прекрасные в литературном отношении эпизоды – «Савитри и Сатьяван» и «Нала и Дамаянти» – восхваляют целомудрие и верность.

Многие из традиционных восемнадцати пуран могут быть отнесены к периоду между 300 и 700 гг. Они являются энциклопедическими трудами, содержащими мифы, легенды, поучения и т.д., предназначенными в назидание даже женщинам и *шудрам*. Можно отметить, что некоторые из сводов законов этого периода были составлены в стихах. Кроме таких наиболее известных произведений, как «Законы Ману» («Манавадхармашастра»), которые были составлены, вероятно, в первых веках н.э., к рассматриваемому периоду принадлежат и многие другие, например «Яджнавалка», «Нарада», «Брахаспати» и «Катияяна». Все эти произведения стали основой законодательной системы в Индии.

Поскольку правители привыкли жить в великолепии и блеске, стиль их языка также изменился. Стали нормой, особенно с VII в., витиеватая проза и поэзия. Метафоры, образность, сложные конструкции, двусмысленности и другие стилистические «украшения» затрудняли понимание смысла, который имел в виду автор. Лучший пример прозаического изложения дают произведения Баны (VII в.). Этот автор в своей «Харшакарите» восхваляет ранние годы жизни своего господина – царя Харши, правившего на большей части территории Северной Индии в 610–642 гг. Это произведение стало для более поздних писателей как образцом, так и источником огорчения. Бана написал и более лирическое произведение «Кадамбари» (фактически разновидность новеллы), которое не столь многословно, как «Харшакарита». Харша также приказал написать три пьесы на разные темы. По-видимому, грамотность и творчество также стали отличительными признаками королевского достоинства. В отличие от Баны, Дандин написал относительно простым стилем свою «Дашакумаракариту» – «Историю десяти принцев».

Комментарии почти ко всем более ранним текстам появились после эры Гуптов. Асахая в VII в. написал комментарий к своду законов Нарады. За ними последовали комментарии к другим сводам законов. Фактически ранний средневековый период стал в основном эпохой комментариев, в отличие от древнего периода, в течение которого было написано большинство первоисточников.

ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Между 300 и 700 гг. больших успехов достигли астрономия и математика. Астрономический трактат «Ариабхатиа» (499 г.), написанный Ариабхатой (476–500 гг.), является важной вехой в развитии астрономии и математики, а также важным вкладом в тригонометрию. Он использовался для измерения площадей при дарении земель, а также при делении, продаже, залоге и т.д. Правильные измерения были также необходимы для постройки укрепленных, храмов, дворцов и т.д.

Математическое знание получило дальнейшее развитие путем введения понятия нуля и десятичной системы с цифрами. Благодаря обмену знаниями с Западной Азией эти новшества постепенно появились и в Европе. Вплеследствии арабы привезли десятичную систему с нулем в Европу. В VII в. индийский математик и астроном Брах-

магупта использовал эту систему для развития алгебры, также переданной арабами на Запад. По сравнению, например, с римскими цифрами, которые очень трудно использовать в любых вычислениях, десятичная система являлась огромным шагом вперед, облегчившим, например, измерение земельных территорий и астрономические вычисления.

Ариабхата с использованием известных в Вавилоне методов вычислил положение планет. Он открыл причину лунных и солнечных затмений, а также измерил длину окружности Земли со столь высокой точностью, которая приемлема и в настоящее время. Он также указывал, что Солнце неподвижно, а Земля вращается вокруг Солнца. Прогресс, достигнутый в математике и астрономии, также улучшил древнее индийское знание хронологии. Эта система использовалась для датировки царских указов, сохранившихся в надписях на камне и металле, и позволила современным историкам перевести эти даты в используемую нами хронологию нашей эры.

Другим знаменитым астрономом VI в. был Варахамихира. Наиболее известной из его произведений является «Брхатсамхита», которая содержит сведения по астрономии того времени, изложенные в стихах на санскрите. В этом труде объяснено, как Земля вращается вокруг Солнца, а Луна – вокруг Земли. Автор использовал несколько греческих работ для определения движения планет. «Брхатсамхита» является также богатым источником сведений о древней индийской архитектуре. Например, указано на использование обожженных кирпичей (*накветута*) для возведения зданий и описан рецепт приготовления клея с адамантином, который делает кирпичные стены прочными «на миллионы лет». Этот клей, известный как *ваджралена*, считался настолько важным, что ему была посвящена целая глава. Однако необходимы эксперименты, чтобы определить, можно ли приготовить такой клей. Стыки, конечно, укреплялись известковой штукатуркой.

Наука и техника, видимо, использовались для усовершенствования сельского хозяйства, что обсуждается в «Брхатсамхите» и в «Вишнудхармоттара пурана» – энциклопедическом тексте, который имеет особое значение для индийской иконографии. «Манасара» – текст по архитектуре, который содержит сведения VII и VIII вв., классифицирует и детально описывает разные категории деревьев. Знания о фазах Луны («наксатра»), основанные на открытиях Ариабхаты и Варахамихиры, сформировавшиеся на давно заселенных территориях, распространились к племенам лесных областей, в частности брахманами, которые получали царские земельные подарки. Земледельцам объясняли способы определения времени, когда следует сеять или убирать различные зерновые культуры.

Варахамихира приводит методы измерения количества осадков и указывает условия, при которых можно ожидать хорошие, плохие или умеренные осадки. Предсказания дождей, хотя частично и основанные на суеверии, до некоторой степени также основаны на наблюдениях, сделанных земледельцами. Такие знания, возможно, тоже распространялись брахманами на новые территории племен.

В главе 55 «Брхатсамхиты» содержатся указания по выращиванию и сохранению растений. В тексте также приводятся методы прививки растений и рекомендации по повышению урожая фруктов и уходу за цветами. Варахамихира также упоминает некоторые новые зерновые культуры. Следует особо упомянуть индиго. Точно не известно, использовалось ли оно для крашения, как в более поздние времена, но это кажется вероятным. В любом случае существовавший уровень сведений о растениях и сельском хозяйстве способствовал расширению аграрного производства.

Этот период также характеризуется использованием большей номенклатуры металлов. Санскритский словарь

примерно V в. «Амаракоша» (11–9: 96–109) упоминает металл для отливки колоколов, свинец, слюду, медный купорос, желтый аурипигмент, красный мышьяк, селитру, соду или щелочи. Таким образом, были известны различные природные и искусственные металлы, а также различные присадки, используемые для получения сплавов.

Железо было, безусловно, наиболее важным металлом для сельскохозяйственных орудий и многих других целей. В «Амаракоше» упоминаются семь названий для железа и два для железной ржавчины. Для плуга используется пять названий, и это предполагает широкое применение этого орудия труда. Для церемонии испытания предписывается применение плуга весом четыре фунта и шириной почти четыре дюйма. Этот вес кажется приемлемым, хотя ширина, возможно, могла бы быть меньше. Такие тяжелые плуги, вероятно, предназначались для вспашки тяжелых почв.

Об уровне металлургии железа можно судить по железной колонне Мехраули в Дели. На ней осталась надпись царя Чандры, которого большинство ученых идентифицируют с Чандрагуптой II (375–415 гг.). Хотя колонне больше пятнадцати веков, она не заржавела. Конечно, полусухой климат Дели, возможно, способствовал сохранности этой колонны, но не следует недооценивать и технологическое мастерство ее изготовителей. Еще сто лет тому назад на металлургических заводах Запада было невозможно изготовить такую колонну.

Наряду с расширявшимся использованием железных орудий, в больших масштабах применялась и бронза. В эру

Гуптов и сразу после нее появляется гораздо больше бронзовых предметов, чем в бронзовом веке. Бронза главным образом использовалась для изготовления статуй различных джайнистских, буддийских и индуистских божеств. Бронза также использовалась для производства светильников или подставок для светильников, таких, которые применялись в ритуалах. Хотя, возможно, бронзовая утварь использовалась и как столовая посуда, и для приготовления пищи, однако при раскопках находят очень мало предметов такого типа.

Древнеиндийские навыки обработки металлов особенно хорошо проявились в чеканке монет в эру Гуптов. Золотые, серебряные и бронзовые монеты Самудрагупты, Чандрагупты II и Кумарагупты являются свидетельством высоких художественных особенностей рисунков и мастерства чеканки. Некоторые из этих монет, например монета Самудрагупты *ашвамедха* («жертвоприношение коня»), являются настоящими произведениями искусства.

Таким образом, эра Гуптов, часто называемая классической эпохой, характеризовалась большими достижениями Индии во многих областях.

Что же касается периода с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. в целом, то можно заключить, что в Северной Индии происходило постепенное расширение и развитие торговли и сельского хозяйства на новых территориях, и оба эти вида деятельности вносили вклад в процветание территорий и в зарождение одной из наиболее самобытных цивилизаций того времени.

Р. Чампакалакими

Илл. 111

**ПЕРВЫЕ ЦАРСТВА НА ПЛАТО ДЕКАН
И НА ЮГЕ ИНДИИ**

Эпоха с 300 по 700 г. н.э. была интересным переходным периодом в истории полуострова Индостан, в течение которого происходил упадок династии Сатаваханов и подъем сильных региональных царств. Этот период также является переходным этапом от преимущественно скотоводческой и торговой экономики к экономике аграрной, связанной к тому же с пожалованием земельных участков и появлением нового общественно-политического устройства. Последний характеризовался небольшими региональными и субрегиональными правлениями монархического и «вождистского» типов, опиравшимися на класс брахманов, который стоял на вершине социальной иерархии, основанной на кастах. Свидетельства этих перемен встречаются на территории, включающей все плато Декан и равнины современного штата Андхра-Прадеш, известной как *Дакшинапатха*. К VII в. н.э. в этот процесс была вовлечена и узкая прибрежная полоса на западе, отделенная от плато Западными Гатами.

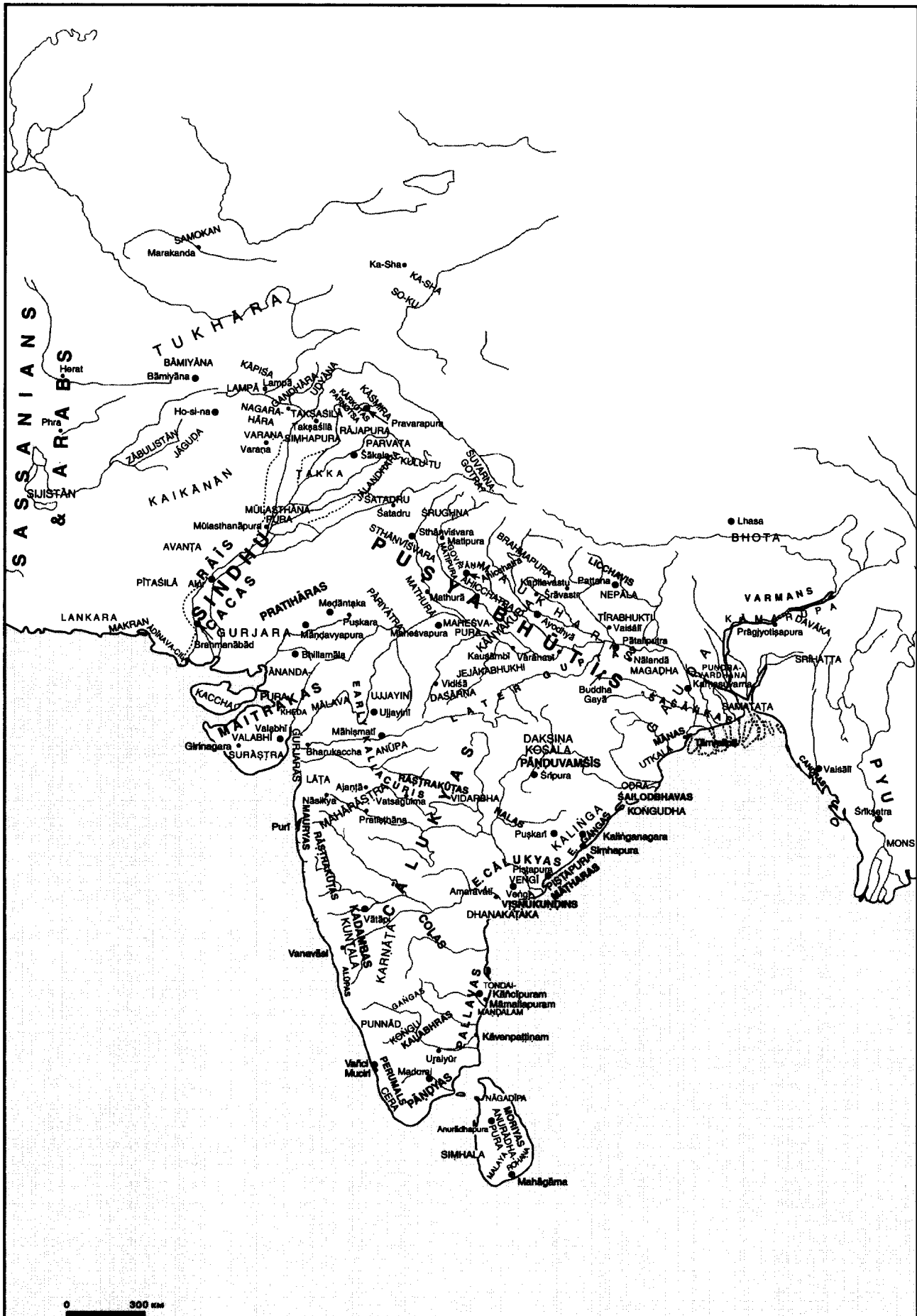
Такие перемены были менее выражены на равнинах штата Тамилнад и в прибрежной области на западе штата Керала до VII в., когда они все же нашли отражение в хартиях тамильских региональных царств Паллавов и Пандиев, а с VIII в. – и в Керале. Эти новые центры власти были расположены в аграрных областях, особенно в долинах рек Годавари и Кришна и в их дельтах в Декане и Андхра-Прадеше, а также на равнинах Тамилнада. Эти небольшие рассеянные государства в дальнейшем расширились либо путем завоеваний, либо благодаря брачным союзам и впоследствии слились в более крупные региональные государства, такие как государства Чалукьев из Ватапи (Бадами), Паллавов в Канчипураме и Пандиев в Мадурои, принявшие подчиненный статус или оставшиеся в качестве буфера между более крупными региональными царствами, как это было в случае государства Гангаев в Талаккаду, расположенного между государствами Чалукьев из Ватапи (Бадами) и Паллавов в Канчипураме, т.е. между властями Декана и Тамила. Фактически небольшие рассеянные государства этого периода (300–700 гг. н.э.) были прототипами более крупных региональных царств в этой части субконтинента (карта 27).

В самой северной части плато Декан эти перемены были представлены подъемом царства Вакатакаев в Бераре (древняя Видарбха) на территории нынешнего штата Махараштра. Здесь, в верхнем течении реки Годавари и среднем течении реки Тапти, возникло царство Вакатакаев как региональная сила, поддерживаемая с севера царством Гуптов. Они создали в этой области аграрную базу путем предоставления земельных наделов по образцу управления в царстве Гуптов и приняли ведический и пуранический индуизм, включавший идеологическую поддер-

жку класса жрецов-брахманов. Главная ветвь семейства Вакатакаев правила с IV по VI вв. в Нандивардхане, располагавшемся недалеко от современного Нагпура, а его второстепенная ветвь – в Ватсагулиме (ныне Басим). Супружеский союз с династией Гуптов придавал их правлению дополнительные законные основания. Вакатакаи относились, очевидно, к несанскритской культуре или имели племенное происхождение, и их превращение в брахманистское царство является примером ранней «санскритизации» или роста культурного уровня племенных регионов, которому способствовали брахманы и их учреждения, особенно храмы.

К другим царским семьям, имевшим несколько меньшее значение, относятся Нала в Центральной Индии, которые сменили Вакатакаев в Видарбхе, и Бходжа из долины реки Нармада. Часть семейства Бходжа, известная как Махабходжа, к концу IV в. заняла территорию Гоа. В III и IV вв. в Апаранте, на севере прибрежной территории Конкан, правили, соответственно, семейства Абхира и Траикутака. Они приняли летосчисление, начинавшееся в 248/9 г., названное эрой Траикутака. Калакури (Катаккури), которые также, вероятно, не принадлежали к санскритской культуре и имели племенное происхождение, в конце VI в. обосновались в районе Ануны на реке Нармада и на севере Махараштры и приняли это же летоисчисление, которое впоследствии стало наиболее известно именно как эра Калакури. До конца VI в. их место заняли Чалукьи из Ватапи, создавшие первое большое царство на плато Декан. Несколько семейств, известные как Раштракуты, правили в различных частях Северной Махараштры, Центральной Индии и Гуджарата. Одно из них, члены которого сначала, при Пулакешине II, были вассалами Чалукьев, позднее, к середине VIII в., основало царскую династию Раштракутов.

Кадамбы из Банаваси были второй по значимости династией на Декане в период между IV и VI вв., т.е. после периода правления Сатавахана. Они управляли областью под названием Кунтала, лежавшей к югу от реки Малапрабха и к западу от Тунгабхадры и включавшей в себя северную половину прибрежной территории современного штата Карнатака. Основателем этой династии был брахман по имени Майюрашарман (*Mayurasarman*), который провозгласил себя *кшатрием*, бросив тем самым вызов властям государства Паллавов. Кадамбы совершали обряд жертвоприношения коня (*ашвамедха*) – важную ведическую церемонию, которая была доступна только царям, чья власть была бесспорна. Эти цари также жаловали землю брахманам и способствовали прогрессу индуистского социально-политического порядка. Они вступали в брачные союзы с династиями Гуптов и Вакатакаев, благодаря чему укрепили свое положение как главная сила Декана. С подъемом династии Кадамба и их южных соседей – южных Гангаев, Карнатака стала отчетливым геополитическим обра-

Карта 27. Южная Азия в период правления династий Пусьяхурти и Чалукьев, 550–700 гг. н.э. (по Schwartzberg, 1978, A Historical Atlas of South Asia, University of Chicago Press)

зованием. Кроме классического санскрита они также использовали язык каннада, который был главным региональным языком. Однако к середине VII в. их царство было завоевано Чалукьями из Ватапи.

Около середины IV в. династия южных Гангаев из Таллакаду стала главной силой в буферной зоне между Карнатакой и Тамилнадом. Они провозглашали свою принадлежность к семейству Икшваков из Нагарджунаконды и к семье (*gotra*) Канваяна.

Хотя позже с созданием их царства связывали джайнистского проповедника Симхананди, они поддерживали брахманистские верования и, как и другие правители того времени, заявляли о восстановлении Дхармы, пострадавшей в недоброе времена Кали (в брахманизме и индуизме женская ипостась бога Шивы; изображается главным образом в грозном, устрашающем виде. – *Прим. ред.*). Обосновавшись на торговых путях, шедших из Декана в район Тамилы, Гангаи распространили свою поддержку и на джайнизм, который исповедовали многие торговцы. Как и другие правители того времени, Гангаи укрепляли свое политическое влияние путем брачных союзов с династиями Кадамбов и Паллавов и даже с потомками древних Чола, ведущих родословную со времен Шангам в Ураюре. Вследствие географической близости и тесных связей с правителями Тамилы, Гангаи подверглись значительному тамильскому культурному и лингвистическому влиянию.

В регионе Андхра династия Иксквакув из Нагарджунаконды, ранее бывших вассалами Сатаваханов, контролировала значительные части долин в нижнем течении рек Годавари и Кришна. Царицы этой династии особенно славились своим покровительством буддизму, представленному в их царстве множеством разных течений, но, прежде всего, поддержкой строительства крупных буддийских комплексов, со ступами в Нагарджунаконде и многих других местах, больших монастырей и так называемых чайтья-грхаев (*caitya-grhas*) – комбинаций ступы и храма. Они процветали в течение III и в начале IV в., когда пришли к власти другие брахманистские династии, в частности Паллавы из Бхарадваджи, Кандары из семейства Анандов и Шаланкаяны. В поисках новых сельскохозяйственных угодий и в целях обеспечения территориальной самостоятельности они вышли за пределы Андхры и конце концов были покорены Вишнукундинами. Паллавы отправились на поиски новых пастбищ и в результате обнаружили их на севере Тамилнада.

Вишнукундины были, вероятно, отдаленными потомками Сатаваханов и с начала VI в. постепенно стали наиболее сильной из местных династий в Андхра-Прадеше. Их первоначальная активность была сосредоточена к северу от Шрипарваты (Шришаилама) в округе Махбубнагар-Налгонды, на территории древней страны Рисики. Их территория простиралась от современного города Гунтур на юге до округа Срикакулам на севере. Известные во второй половине VI в. также как Андхрапаты, они даже дошли со своими войсками до Южной Кошалы (область Бастар), выступив против правителей Пандувамши и против династии Маукхариев из Канауджа. Их политическое значение укрепил брачный союз с династией Вакатакаев. В конце концов они уступили нападением Чалукьев из Ватапи, и прибрежная территория от Висакхапатнама до расположенного севернее современного города Неллuru перешла в руки Кубджи Вишнувардханы, основателя восточной ветви Чалукьев, которые в середине VII в. сделали Венги своей столицей.

Известно, что несколько семей, использовавших титул Калингадхипати (повелитель Калинги, т.е. юга Ориссы и самой северной части Андхра-Прадеша), в V–VI вв. соперничали за контроль над Калингой. В конце VI в. одна из ветвей династии Гангаев из Южной Карнатаки обосновалась в Центральной Калинге, в то время как Чалукьи в VII в. вытеснили местных правителей с юга Калинги. Имея

своей столицей Калингагару (ныне Мукхалингам) и второй центр власти в Дантапуре (вблизи современного Срикакулама), Гангаи называли себя повелителями Трикалинги, т.е. всей территории от восточной области Чалукьев до юга Кошалы.

В целом же политически раздробленные Декан и Южная Индия, с их непрерывным соперничеством и постоянно менявшимися границами, в течение рассматриваемого периода представляли собой противоречивую картину. Однако по своим социально-экономическим и культурным характеристикам эти территории отличались не столь заметно. Большинство царств находилось под сильным влиянием брахманов. Надписи того времени свидетельствуют о важности деления на касты и уплаты налогов царю для поддержания и, где необходимо, восстановления системы «классовых и возрастных категорий» (*варнашрамадхарма*). Нередко сбор этих налогов был причиной или использовался как предлог для агрессии. Это особенно ясно из тамильских ссылок на «злых» Калабхров, которые заняли часть этого региона и стали широко поддерживать институты буддистов и джайнов. Эти Калабхры явно выглядят как враги в надписях всех главных правителей VII в. – Чалукьев, Паллавов и Пандиев.

Некоторые признаки перехода к кастовому обществу с преобладанием брахманизма и брахманов как одной из высших каст проявлялись на территории полузасушливой области Раманатхапурам, где отмечены случаи появления в V в. земельных наделов, пожалованных брахманам на привилегированных условиях. Неопровержимым свидетельством нового порядка является предоставление в VII и VIII вв. династиями Паллавов и Пандиев земли брахманам и их храмам, а также организованный характер расширения их влияния в сельском хозяйстве и в объединении тамильских равнин.

Паллавы, принадлежавшие политической системе региона Андхра, переместились на юг и создали аграрную базу в долине Палар-Чейяр с центром в Кансипураме (Конджемвараме). В этой местности их политика выделения земель брахманам и строительства храмов привела к экономическому и социально-политическому объединению коренного крестьянского населения, местных вождей, брахманистской модели царства и других институтов. В создание этой территориальной монархии вносило свой вклад и принятие ими брахманистских традиций и внушительных родословных, восходящих к божественным предкам и эпическим героям, а также использование наставлений в пуранах с их акцентом на поклонении божествам.

Таким образом, к VII в. сформировались главные политические и культурные черты Южной Индии. При этом Чалукьи из Ватапи господствовали в Декане, а одна из ветвей семейства Чалукьев из Андхры, Паллавы и Пандии – на севере и юге региона Тамилнад. Долина Кавери стала предметом раздора между последними двумя семействами, а правившая там династия Чола была низведена до положения вассалов.

Правители Декана и Тамилы постоянно вовлекались в вооруженные столкновения, иногда в самом центре их территорий, как в случае осады Кансипурама Пулакешином II и штурма Ватапи Нарасимхаварманом в начале VII в. Царь из Чалукьев Пулакесин II даже заявлял о своих успешных боевых действиях против могущественного северного царя Харшавардхана из Канаудж, попытавшегося продвигаться на юг.

Династии правителей Декана и Андхры, которые представляли династии Чалукьев, имели несколько общих особенностей. Все они возникали в аграрных районах, свидетельством чего является традиция дарения земельных наделов. Большая часть царств всего субконтинента, которые возникли в этот период, располагалась к югу от долины Ганга. Эта территория представляла собой не-

прерывную зону заросших лесом плато, и в надписях эры Гуптов все они – территория Виндхья, Мадхья-Прадеш, Махараштра, Андхра-Прадеш и Орисса – упоминаются как «лесные царства». Это указывает на начало процесса роста культурного уровня племен и лесных народов с их правящими семьями, принявшими ведическое и пураническое верования, с брахманами, поддерживавшими законное правление в обмен на предоставление им земли. Налоговые и другие привилегии, сопровождавшие пожалование земель, стали основными стимулами для очистки некоторых территорий от лесов и расширения обрабатываемых площадей.

В некоторых случаях этот процесс вел к образованию брахмаистских царств. Интересным примером является король Майюрашарман, основатель царства Кадамба на севере Карнатаки, бурная карьера которого началась с должности слуги при дворе Паллавов, который ему пришлось покинуть после ссоры с царем. Он объединил вокруг себя отряд авантюристов, подрывавший безопасность на части территорий Северной Карнатаки, и был признан королем Паллавов как правитель царства Кадамба, после того как очистил от леса район Шрипарвата. Вскоре он стал вести себя как независимый правитель и даже установил отношения с Гуптами в Северной Индии в V в.

Наиболее влиятельным брахмаистским царством было царство Паллавов. Этот царский дом, первоначально, вероятно, бывший в услужении у Сатаваханов, стал независимым и начал править на территории нынешнего штата Андхра-Прадеш, где его представители раздавали пожалованные земли, выпуская соответствующие акты на пракрите, относящиеся к IV в. н.э. Вскоре они переместились на территорию современного штата Тамилнад, где стали господствовать вплоть до середины IX в.

Вновь возникшие династии возводили храмы божествам из пантеона пуран, что было элементом узаконивания их положения, и приняли социальный порядок, основанный на *варнах* (четыре главных класса общества) и *джатах* (кастах). Рост культурного уровня был всеобщим и местами одновременным. Это было результатом того, что племенам и народам леса предлагались не только брахмаистские верования и их социальный порядок, но и основы религиозных верований, изложенных в пуранах, которые включали в свой пантеон племенных и народных божеств.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕМНЫ

Новые государства пользовались для своей организации брахмаистскими книгами законов (*дхармашастра*). Идеологическую основу этих новых царств составляли понятия о территориальной монархии, собственности правителя на землю и изложенное в пуранах космологическое мировоззрение, включавшее четыре вечности (*йуги*) и спасение приходящего в упадок мира в эпоху четвертой йуги, или Кали йуги благодаря ниспосланному свыше царю, благословленному жрецами-брахманами.

Экономические аспекты этих перемен отразились в общем упадке городов и других городских центров из-за спада внешней торговли и разрушения торговой сети раннего исторического периода. Большие торговые центры – Сопара, Музирис, Кавериппумпаттинам и особенно Подоуки (Арикамеда), известные из труда Птолемея («География» – *Прим. ред.*) и шангамской литературы, а также городские центры во внутренних территориях, такие как Пайтхан (Прайтиштхана) и Урайюра, пришли в упадок и сменились другими типами городов – административными и религиозными центрами и даже армейскими лагерями. Роль купцов и ремесленников тоже изменилась, так как эти группы теперь производили и обменивали товары, необходимые для нужд аграрной экономики. Торговля с

удаленными территориями теперь ограничивалась предметами роскоши и престижа для царских дворов и храмов как их основных потребителей.

С другой стороны, несмотря на снижение объема торговли с Римом, свидетельством сохранения индо-византийской торговли являются византийские монеты, найденные на юге Индии и датированные временем до V в. н.э. Кроме того, продолжалась торговля шелком и специями, при этом персы действовали как посредники между Китаем и Индией – с одной стороны и Византией – с другой. Позднее арабы также стали важной группой посредников между Западом и Южной Азией, включая Шри-Ланку.

Важной приметой этого периода является рост экономических и культурных связей между югом Индии и частями Юго-Восточной Азии. Морская торговля между этими территориями восходит еще к эпохе Шангама, но к IV или V в. н.э., и особенно в период правления Паллавов, она стала особенно важной. Эти отношения были в некотором смысле решающими для развития «индианизированных» царств Юго-Восточной Азии. Использование санскрита, ставшего общепризнанным разговорным языком высших слоев обществ всей Южной Азии, распространилось среди правящих дворов Юго-Восточной Азии, где на нем были выполнены многочисленные надписи в период с IV по VII в. (и позднее). Письменность таких надписей на полуострове Малакка, Западной Яве, Восточном Калимантане, в Кампучии и Кампе (Южный Вьетнам) подобна современному письму паллава Южной Индии. Южноиндийское влияние в Юго-Восточной Азии не ограничивалось только письменностью – оно прослеживается и в религиозной сфере. Явное предпочтение шиваизма, с особым почитанием Шивы как высшего всемогущего бога в его различных формах, включая «его символическое фаллическое изображение (*линга*), а также связанных с ним божеств (Дургу, убивающий демона-быка, слоноголовый Ганеша и божественный учитель), явно отражает влияние Южной Индии в Юго-Восточной Азии. Раньше ученые часто приписывали это влияние южноиндийской экспансии в эпоху Паллавов, но теперь считается общепринятым, что основными распространителями индийского влияния были торговцы и паломники из Юго-Восточной Азии, возвращавшиеся домой после посещения Южной Индии.

Южнее Индия находилась под влиянием правил из сводов законов, но внесла в них свои особые черты. Так, средние варны (кшатрии и вайшии) имели меньшее значение, чем в Северной Индии. Многие царские династии относились к брахманам, а некоторые из них заявляли о своем отношении к кшатриям. Трудно также четко отличить вайшиев и шудр. К тому же происходило сильное развитие гильдий (шрени) торговцев и ремесленников, игравших важную роль в обществе, хотя и имевших низкий статус. Брахманы, с другой стороны, составляли основную часть класса землевладельцев. Шудры были также очень многочисленны, к ним относилось множество крестьян, бывших на положении полурабов, а также некоторые ремесленники, выполнявшие работы, которые рассматривались как не относящиеся к «нечистым». На самом низшем уровне находились большие группы, которым был повешен ярлык «неприкасаемых»; к ним относились охотники, рыбаки, мастера по выделке кож и многие другие люди, зачастую происходившие из племен.

В дар предоставлялись целинные земли, участки леса, находившиеся на отсталых или слабо развитых территориях, и делалось это с целью распространения сельского хозяйства и укрепления государственной власти. Первоначально многие из получателей земельных участков были странствующими брахманами из долины Ганга и других развитых регионов, а позднее брахманы из региона Андхра селились также в Тамилнаде. Первоначально особым

преимуществом пользовались ведические жрецы огня, но после V в., более важными стали жрецы агамических храмов. Они следовали канонам, изложенным в пуранах, при строительстве храмов, в ритуалах при освящении образов и т.д., которые отличались от предписаний древних ведических текстов. Поскольку земли еще хватало, то предоставление ее было средством поощрения аграрной экспансии. Однако часто брахманам предоставляли участки земли, находившиеся на заселенных территориях, а иногда с одной или несколькими деревнями.

Брахманы или храмы, получившие землю, освобождались от уплаты царских налогов и получали некоторые монопольные права, кроме административных. Право на ирригацию было, возможно, наиболее важным, вместе с предоставлением людей и животных, которые могли передаваться новому владельцу вместе с землей. Такие названия поселений, как Брахмапура на плато Декан и Чатурведимангалам в Тамилнаде, указывают на их быстрый рост. Особое внимание в актах дарения Паллавов и Пандиев, выбитых на медных пластинах, уделялось созданию и эксплуатации ирригационных систем, использованию передовой технологии в виде каменных шлюзов и организационным обязанностям, возлагавшимся на сообщество брахманов (*сабха*), связанным с производством продукции и ее распределением через их комитеты. Все эти условия являются важными показателями становления и развития системы контроля и эволюцию власти, возглавлявшейся правящими семействами брахманов и кшатриев.

Технология орошения в тот период включала укрепление берегов существовавших озер и водохранилищ, а также строительство новых резервуаров с использованием шлюзов из обработанных камней. Применялись два типа шлюзовых механизмов для решения основной проблемы – регулирования подачи воды: цистерны и поршневые клапанные. Первый тип был развит в Шри-Ланке и распространился на юг Индии, где, однако, был больше распространен второй тип. Паллавы возводили плотины и шлюзы из камня, располагавшиеся в основании водохранилищ, с трубопроводами, шедшими из глубины прямо к дамбам. Хотя эксплуатация водохранилищ и шлюзов инициировалась и поддерживалась правящими династиями, их ремонт являлся обязанностью комитетов брахманов (*сабха*) и деревенских крестьянских сходок, называвшихся *ур*.

ЛИТЕРАТУРА

Хотя более старые документы этого периода писались на пракрите, в VII в. (после краткого промежуточного периода совместного использования пракрита и санскрита) наблюдается постепенный переход к санскриту. В то же время заметны признаки развития региональных языков, например тамильского и каннада (каннара), которые появляются в документах до конца рассматриваемого периода.

Произведения на пракрите, такие как джайнистские «Локавибхага» и «Брхаткатха» («Ваддакатха»), были переведены на санскрит при покровительстве Гангаев из Мисора. «Киратарджуния» Бхарави является лучшим поэтическим произведением из санскрита; в то же время Дандин не только написал трактат по обучению поэтике («Кавьядарша» – «Зеркало поэзии». – *Прим. ред.*), но и романы, например «Дашакумарачарита» («Похождения десяти принцев»). И Бхарави и Дандин пользовались покровительством Гангаев и Паллавов. Этому периоду также принадлежат труды по грамматике санскрита, такие как «Джайнендра Вайакарана» и «Шабдаватара» Дурвиниты – одного из правителей династии Гангаев.

Из брахмаистских пуран по крайней мере некоторые значительные части, такие как «Вайю», «Матся», «Вишну»,

«Маркандея» и «Брахманда», относящиеся к периоду между III и V вв. н.э., либо были написаны в регионах Декана и Андхры, либо оказали большое влияние на распространение и развитие в этих областях пуранского брахманизма. В этих пуранах изложены обряды и обычаи, которые составляли основу ранних *Смртис* (*Smritis*), вроде законов Ману или Яджнавалкья. Пураны VI в. содержат новые темы, такие как дары (*махадана*) и святилища (*муртха*), клятвы (*врата*) и ритуальное поклонение (*руджа*), освящение изображений и т.д. Некоторые из разделов «Вамшанучариты» (генеалогии) относятся к определенным индийским династиям этого периода и содержат их претензии на происхождение от солнечной или лунной династий. Были широко распространены пуранские учения о Четырех Эпохах Человечества (*югах*) со специальным указанием на то, что существующий период является эпохой Кали, от которой мир должны освободить новые династии правителей.

В Тамилнаде ряд поучительных произведений, трудов по грамматике и эпические поэмы составили в последующем классическую литературу «Шангам». Среди первых наиболее известна работа «Тируккурал», высоко ценившаяся тамилами, в которой прославлялось сельское хозяйство как самый лучший вид деятельности, в дополнение к морально-этическим ценностям общества и государства.

Две популярные эпические поэмы – «Шилаппадикарам» и «Манимекхалаи», сочиненные, соответственно, джайном и буддистом, свидетельствуют о влиянии джайнизма и буддизма на ранних стадиях развития торгового сообщества Тамилнада в таких городах, как Канчипурам, Мадурай и Каверипуппаттинам. Вместе с литературным языком шангам эти два текста являются выдающимся достижением поэзии эпического жанра.

Часть ранней поэзии *бхакти* (религиозное течение в индуизме. – *Прим. ред.*), или религиозных гимнов пуранским богам вроде Шивы и Вишны, также была создана с V по VII вв., а гимны *алваров* (вишнуитских святых) следуют стилю любовной поэзии из антологии шангам. Поэзия бхакти свидетельствует о подъеме пуранской религии и появлении храма как институционального центра социальной, экономической и политической организации.

ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Период между 300 и 700 гг. н.э. являлся временем разных стилей в архитектуре, заложивших особенности двух главных – *нагара* и *дравида*. Характерной особенностью стиля *нагара* является наличие пирамидальной башни с криволинейными образующими над главным святилищем, а стиль *дравида* характеризуется квадратным святилищем с многоэтажной пирамидальной башней. Сохранились также здания, высеченные в скале. Первоначально они использовались главным образом буддистами и джайнами, но с VII в. все чаще использовались покровителями брахманов. Наиболее выдающаяся скальная архитектура обнаружена на западе Махараштры и в Карнатаке, в частности в Аджанте, Эллоре (Элуре) и Аурангабаде, где было расплано много буддийских монастырей и залов для поклонения со ступами и буддийскими изображениями. В пещерных залах Аджанты, находившихся под покровительством династии Вакатака и Чалукьев, наблюдается отход от конструктивных особенностей соответствующих деревянных прототипов, за исключением немногих устоявшихся черт, значительно большего объема украшений, более богатых каменных резных фигур и редких попыток вырубить многоэтажные пещеры, широко представленные к VIII в. в Эллоре.

В скульптуре человеческая фигура приобретает новое значение как средство выражения интеллектуального,

религиозного и духовного опыта. Буддизм махаяна (как указано ранее – одно из двух направлений буддизма. – *Прим. ред.*), который перенес акцент с сообщества монахов (сангха) на набожных мирян, призывал к преданности (бхакти) буддам, бодхисаттвам и другим совершенным или полусовершенным существам как к «пути», ведущему к устранению страданий. Таким богиням, как Тара, поклонялись как первопричине энергии. Кроме того, было широко распространено поклонение таким богам, как Кубера – бог богатства, змеи (*наги*), древесные духи (*яксы*), боги-спутники (*ганы*) и небесные музыканты (*гандхарвы*). Следует добавить, что поклонение этим менее значительным божествам обычно поддерживалось всеми индийскими религиями. Скульптуры этих небесных существ были объектом почитания и медитации и служили настоящими зримыми символами божеств.

Брахмаистские скульптуры были представлены в стиле рассказов из эпических поэм и пуран. Эти скульптуры представляют скорее не самих богов, а выражают их божественную мощь (*шакти*). Во многих случаях этот динамизм выражается действием, например в изображении богини Дурги, убивающей демона-быка, стоящей на спине животного и наносящей смертельный удар в шею этого демона. Однако чаще всего этот динамизм выражен символами, например положением рук (*мудра*) или характерными чертами божества. Наличие множества рук и даже голов также символизирует божественную мощь. Хотя эти свойства особенно характерны для брахманистской скульптуры, они также встречаются в буддизме и джайнизме в виде изображений не полностью совершенных существ, вроде бодхисаттв.

Несмотря на влияние классических традиций эры Гуптов, на человеческие формы скальных скульптур Декана оказали влияние этнические и географические условия, делавшие эти формы физиономически более тяжелыми, отличающимися от духовно светлых образов, например скульптура Будды из Сарнатха (см. илл. 107), относящаяся к искусству эры Гуптов, или от более удлинённых и гибких фигур, как в искусстве периода Паллавов, происходившем от стиля Амаравати. Скальные скульптуры как в Декане, так и в Тамилнаде следовали повествовательному стилю. Если в Декане повествование в основном ограничивалось центральной темой, то искусство времен Паллавов в Мамаллапураме имело более богатое и полное выражение, что очень наглядно демонстрируют огромные скальные скульптуры на открытом воздухе, иллюстрирующие историю героя «Махабхараты» Арджуны, совершающего покаяние, чтобы получить от бога Шивы волшебный лук Пашупаты – одно из самых мощных орудий. С другой стороны, скульптуры периода Паллавов, выполненные на монолитных святилищах (*ратхас*), свидетельствуют о высоком уровне этой архитектуры.

Буддийское искусство Декана имеет признаки выхолащивания и упадка, приведших к окончательному его разрушению в отличие от брахмаистских панелей в Аурангабаде и Эллоре, которые являлись последним словом скальной скульптуры в отношении своего динамизма. Джайнистское искусство приспособилось к новым пураническим формам и сохранилось в храмах и изображениях, включая отдельно стоящие статуи огромных размеров, как, например в Сравана-Белгола, на юге Карнатаки.

Брахмаистские пещеры составляют только около двенадцатой части от общего числа пещерных храмов Индии, а наибольшее распространение получили храмы из кирпича и/или камня благодаря почти неограниченным архитектурным возможностям этого типа строений как в отношении их архитектурного совершенствования, так и для выполнения роли храма как института в сельскохозяйственном регионе. Раннее применение форм апсиды в буддийском искусстве иллюстрируется вероятным преобразованием в храмы Шивы в III и IV вв. святилищ в Тере и Чезарле. Храм Дурги и залы с большими колоннами в Лад-Кхане и Конт-Гуди в Айхоле, относящиеся к V и VI вв., свидетельствуют о преобладании в брахмаистской архитектуре апсидных форм (*каитья*) и прямоугольных форм (*вихара*). Монолиты Мамаллапурама также указывают на освоение обеих форм. Храм Мегути-Джайна VII в. (в центре Чалукьев) из Айхола является первым примером унифицированного проекта и свидетельствует о прогрессе стиля *нагара*.

Именно благодаря развитию структур *вимана* (святилище с надстройками), выполненных в стиле *дравида*, храмы периода Паллавов в Мамаллапураме и Канчипураме дают свидетельства выдающегося мастерства в применении единого плана и сооружения со святилищами, окруженными двойными стенами и с многоярусными башнями, с залами с колоннами и оградами с древним типом ворот (*готура*), которые позже превратились в крупные и внушительные сооружения, особенно в период Чола (после IX в.). Храмы периода Паллавов также имели иконографические и символические изображения, которые их королевские покровители использовали как идеологическое средство социально-политического единения. Влияние этих храмов распространялось и на Декан, где храмовые постройки в Паттадакале, относящиеся к VIII в., также отражают то вдохновение, с которым строились храмы Канчипурама времен Паллавов.

Наконец, живопись Декана и Тамилнада в рассматриваемый период представляла собой два варианта классических местных подходов, при этом оба они являлись линейными по замыслу и исполнению. В Декане и Тамилнаде использовали две техники живописи – темперу и фреску. В технике темперы основу картины обрабатывали слоем грунта, скрепленным растительными волокнами и известию; грунт наносился на каменные поверхности, а поверх наносили краски, связующим веществом которых служили камедь или клей. В технике фрески использовали грунт из слоя известковой штукатурки, а для приготовления красок использовали известковый растворитель. Дух и атмосфера стенной живописи в технике темперы из пещер Аджанты заимствованы у классического искусства эры Гуптов; они изображают эпизоды из жизни Будды, сцены общеизвестных и исторических событий, таких как прибытие персидского посольства ко двору Чалукьев, которые характеризуются масштабностью и богатством светотени. Менее крупные стенные росписи храмов периода Паллавов выполнены в технике фрески. Их изображения прямолинейны, в них меньше используется светотень, столь типичная для Аджанты. Все же они строго следуют региональной, хотя и изящной версии классической традиции.

19.3

ШРИ-ЛАНКА

Лесли Гунавардана

Илл. 112–115

К началу IV в. н.э. правителям из династии Ламбаканна, которая уже в течение более трех столетий находилась у власти, удалось установить свою власть над северными и восточными равнинами «сухой зоны» и «влажной зоны», состоящих из центральных горных цепей и юго-западных равнин острова. Указы, издаваемые правителями династии Ламбаканна из своей столицы Анурадхапура, были обязательны для исполнения до самых южных частей острова, где действовала система сбора налогов и судов, управлявшихся из центра.

Зрелое государство могло обеспечить себя необходимыми ресурсами благодаря происходившему в то время росту морской торговли. Важными факторами возвращения острову важности в торговых отношениях было некоторое оживление торговли между Азией и Средиземноморьем в IV в., и особенно – растущее значение морских путей для азиатской торговли, а также стратегическое положение Шри-Ланки в Индийском океане между его восточной и западной частями. Ланкийские правители активно отстаивали свои коммерческие интересы. Они поддерживали дружественные отношения с персидским двором. Ланкийская делегация прибыла ко двору Византии в правление императора Юлиана (355–360 гг. н.э.). Китайские летописи в период между 373 и 531 гг. н.э. упоминают о приездах ланкийских посланников по многим поводам.

Монеты, которые находят по всему острову, свидетельствуют о преобладании коммерческих связей со Средиземноморьем до начала VII в. Среди найденных монет наиболее многочисленными являются монеты византийских правителей IV и начала V вв. К V в., когда на Шри-Ланку прибыли буддийские паломники Факсиан и Гунаварман, существовало регулярное движение на торговых путях, которые соединяли порты Шри-Ланки с портами индийского субконтинента, а также Юго-Восточной Азии и Китая. Значение Шри-Ланки как центра международной торговли достигло наивысшего уровня в V и в начале VI в. Для писателя Космаса Индикоплеуста, жившего в VI в., Шри-Ланка (Сиеледиба) была «большим торговым центром», который стал основой обширной сети торговых путей, соединявших его с рыночными центрами «всего мира»; это автор приписывал «центральному положению» острова в Индийском океане.

Он утверждает, что туда привозились и там распределялись товары из Синду (провинция Синд), Мале (Мальдивов), Каллианы (область к северу от нынешнего Бомбея) и других портов Индии, а также из Китая, Персии и Эфиопии. Помимо того, что Шри-Ланку регулярно посещали суда из столь разных мест, островитяне посылали и свои суда в иностранные порты.

Торгующее государство Шри-Ланки было также «гидротехническим» государством, и период коммерческого процветания был и периодом интенсивного государственного участия в развитии потенциала сельского хозяйства

путем обеспечения широкомасштабных ирригационных работ. Первые решительные шаги в этом направлении были предприняты еще в III в., когда вблизи Полоннарувы было построено крупное водохранилище Миннери. В течение четырех последующих веков было предпринято строительство шестидесяти шести ирригационных сооружений, которые включали одиннадцать искусственных озер, подобных водохранилищу Миннери, и шесть главных каналов. Работы по их сооружению предусматривали привлечение рабочей силы и других ресурсов в масштабах, невиданных в Южной Азии.

Появление государства с обширными ресурсами и рабочей силой в сочетании с необходимым технологическим опытом стало основой для таких крупномасштабных общественных работ. Хотя технологические достижения предшествующей эры были довольно большими, в период между IV и VII вв. был достигнут дальнейший впечатляющий прогресс. Тесные контакты с разными культурами, включая, в дополнение к соседнему субконтиненту, Рим, Персию и Китай, облегчались торговлей, что, вероятно, способствовало созданию интеллектуальных предпосылок для новых достижений в гидротехнике.

Расположение водохранилищ, построенных в течение этого периода, указывает на высокое мастерство в топографических съемках и определении уровней. Канал длиной около 87 км, который подводил воду от водохранилища Кала к Анурадхапуре, указывает не только на то, что эти древние инженеры знали до начала прокладки канала, что водохранилище расположено значительно выше города, но и смогли проложить около 27 км его длины с удивительно небольшим перепадом высот, который составлял примерно 10 см на километр. Их знания свойств жидкости, особенно отношения между высотой столба и напором воды, позволяло им применять принцип «шлюза» и в других случаях. Помещая эти шлюзы на различных уровнях в дамбах и тем самым управляя напором воды, они умели выпускать воду из объемных водохранилищ при таком уровне напора, который не приводил к повреждению дамбы. Остатки шлюзов, которые находят в этих водохранилищах, указывают на попытки улучшить их конструкцию путем экспериментов с изменениями размеров, формы, ориентации и сечения отводных магистралей. Древние ланкийские инженеры также знали о разрушительном влиянии волн и обеспечивали земляные дамбы волнорезами. Их главным недостатком была, вероятно, неспособность рассчитать и обеспечить необходимый слив воды. Это делало водохранилища чувствительными к возможному переполнению, но в целом их сооружения свидетельствуют о наличии у специалистов ланкийского государства сложной и высокопрофессионально освоенной технологии.

Поддерживаемые государством ирригационные мероприятия в течение рассматриваемого периода прежде всего концентрировались в двух основных регионах. Пер-

вой была долина реки Малвату, где была расположена столица. Пять из двенадцати самых больших водохранилищ острова находились в бассейне Малвату, который стал наиболее интенсивно эксплуатируемой речной системой на острове. Шестое водохранилище – Кала было связано с Малвату системой каналов. Вторым регионом стала северо-восточная часть острова, где имелись значительные водные ресурсы. Развитие орошения в этой области предпринималось и ранее, особенно в последние десятилетия III в. В дальнейшем большие усилия по развитию ирригации в этом регионе были предприняты в VI и VII вв., когда были построены несколько крупных водохранилищ. В этом втором основном регионе было расположено пять крупных водохранилищ.

Крупномасштабные ирригационные работы создавали условия для более интенсивного и устойчивого сельского хозяйства, которое становилось менее чувствительным к сезонным колебаниям осадков. Еще в IV в. н.э. в некоторых частях острова собирали по три урожая в год. Проведение таких ирригационных работ было не только важной социальной функцией государства, но и его предпринимательской деятельностью, так как правителям возмещались расходы путем поступления платежей за пользование ирригационными сооружениями и увеличению платежей по другим налогам. Складывается впечатление, что правители также понимали демографическое значение их ирригационной деятельности. Так как ирригационные работы создавали предпосылки для сосредоточения населения в определенных областях, то места для таких сооружений должны были выбираться с большой тщательностью. Ясно, что они концентрировали свои усилия на развитии наиболее важных для них областей, которые они могли контролировать, не прибегая, как в некоторых частях острова, вроде юго-восточного региона Рохана, к решительному вмешательству, несмотря на имевшиеся там возможности для орошения.

Это означало, что большая часть земель острова, на которых выращивали рис, зависела от оросительных систем, строительство которых велось на средства местных сообществ, влиятельных семейств, частных лиц и религиозных институтов, которым эти системы и принадлежали. Хотя для этих местных небольших сооружений использовали несложную технологию, они были исключительно важными для экономики острова в целом. Считается, что 63% орошаемых территорий зависели от малых ирригационных сооружений деревенского масштаба. Такие «негосударственные» ирригационные предприятия вели к появлению прав собственности на сооружения, которые были и наследственными, и отчуждаемыми. Даже в основных регионах частным лицам принадлежали многие малые водохранилища и каналы, которые распределяли воду из главных ирригационных систем. В качестве оплаты стоимости поступающей из главных систем воды эти владельцы получали часть урожая от первичных производителей в обмен на орошение их полей.

Расширение торговли и интенсификация сельскохозяйственного производства способствовали урбанизации. В течение этого периода Анурадхапура, которая была непропорционально больше других поселений, развилась в главную столицу этого царства. В дополнение к тому, что этот город был политическим центром и прежде всего монашеским городом, в котором жили около 10 тыс. буддийских монахов, он был и городом с очень заметной группой купцов, живших в привлекательных особняках. В этом островном царстве долгое время занимал особо важное положение главного порта город Махатиттха (близ современной Матоты). Однако меняющиеся условия морской торговли привели к возрастанию роли и других городов. На восточном побережье стал приобретать значение порт Поканна (ныне Тринкомали) благодаря тому, что он облегчал торговлю с Юго-Восточной Азией. Примерно с конца VI в.,

когда остров стал привычным для торговцев из западной части Индийского океана, в частности для персов и арабов, которые плавали и за пределы Шри-Ланки на восток к рыночным центрам, расположенным по побережью Бенгальского залива, в юго-западных, южных и восточных прибрежных районах Шри-Ланки стали приобретать значение новые центры торговли. Хотя главными торговыми центрами оставались северные порты, легко управлявшиеся из Анурадхапуры, все более притягательными для заморских купцов становились порты юго-западного и южного прибрежного пояса, обеспечивавшие более легкий доступ к местам производства драгоценных изделий на острове. Поэтому бунтовщики, которым удалось установить контроль над этим прибрежным регионом и оказывать сопротивление властям Анурадхапуры, могли извлекать значительную выгоду от заморской торговли.

Торговое процветание острова привлекало грабителей и авантюристов с юга Индии, особенно во времена внутренних разногласий и неустойчивости. Одно такое вторжение произошло около 30 г. V в., в результате чего примерно 26 лет в северной части острова правили захватчики с юга Индии. Летописцы с определенным предубеждением описывают это южноиндийское правление и упоминают о преследовании буддизма в этот период. Однако из эпиграфических записей видно, что руководители захватчиков были проницательными правителями, которые осознавали преимущества широкого покровительства преобладающей религии. Интересно отметить, что их надписи чаще делались на местном языке (древнем сингальском), чем на их собственном (древнем тамильском). Хотя эти правители не смогли подавить сопротивление населения южных частей острова, на севере они пользовались поддержкой некоторых влиятельных семей. И только после ряда длительных и трудных сражений местные князьки лишили захватчиков власти.

Могущество влиятельных семейств, видимо, служило серьезным вызовом правителям. Царю было трудно управлять государственным чиновниками, происходившими из этих семейств, поскольку они не всегда получали власть от царя. Они иногда вмешивались в процесс наследования власти, стараясь возвести на трон своих фаворитов, в том числе людей, которые не были членами правящей династии. Летописцы описывают, как один влиятельный чиновник возвел на трон «могущественного рисового вора» и, ограничив деятельность нового царя пределами дворца, «сам овладел скипетром». Эта ситуация дала повод для упомянутой выше южноиндийской интервенции. Дхатусена (459–477 гг.) изгнал захватчиков и строго наказал вельмож, которые поддержали южноиндийское правление. Однако он сам был свергнут и убит влиятельной чиновничьей кликой во главе с полководцем, который даже лишил его наследника Моггаллану прав на трон и привел к власти другого сына – Кассапу. Через восемнадцать лет Моггаллана смог захватить трон только благодаря южноиндийской поддержке; впоследствии он уничтожил более тысячи саванников, а некоторых подверг пыткам и изгнанию. В конечном счете это была пиррова победа. Через десять лет после его смерти в 512 г. н.э. его династия была свергнута и связи отдаленных провинций со столицей ослабли.

Неспособность государства Анурадхапуры управлять районом центральных холмов Малаи (где добывали драгоценные камни) и торговое значение юго-восточного региона Рохана стали заметной особенностью политических условий нескольких десятилетий VI в. Космас указывал, что остров был разделен на два царства: наиболее важные торговые центры контролировались северным правителем, а территория, где добывали драгоценные камни, находилась в другом царстве. Довольно парадоксально, что когда Анурадхапура была захвачена мятежником Маханогой (573–575 гг.), пришедшим с юга, то весь остров был снова объединен в одно царство. Новая династия, которую

он основал, поддерживала это сомнительное единство в течение четырех десятилетий.

Существовала тесная связь между государством и буддизмом, который непоколебимо оставался доминирующей религией острова. Он был типичен для лиц, имевших политическую власть и пытавшихся получить поддержку в монашеской среде. Ежедневно во дворце кормили множество городских буддийских монахов. Рассеянные по острову монастыри пользовались покровительством царской власти, которое проявлялось в виде строительства новых монастырских зданий и пожалований в их собственность земель и ирригационных сооружений. Три главных группировки монахов, называвшихся *никайи*, сформировались под руководством трех главных монастырей столицы: Махавихара, Абхаягири и Джетавана. Махавихара был самым старым монастырем, но в тот период Абхаягири, который был более терпим к расхождениям во взглядах, стал самым большим монастырем столицы. В то время как все три группировки заявляли о следовании буддийскому направлению хинаяны, Абхаягири проявлял возмущающее почтение учению махаяны, популярному в некоторых частях индийского субконтинента.

Впечатляющей особенностью действий буддистов в данный период была интенсификация контактов с буддийскими сообществами вне острова. Буддийские ученые Шри-Ланки поняли значение изучения пали, санскрита и других языков, которые облегчали контакты с учеными обширного буддийского мира. С этого времени большинство их богословских и литературных произведений писались на пали, а не на сингальском языке. Летописи «Дипавамса» и «Махавамса», написанные буддийским духовенством в этот период, являются значительными достижениями в области историографии. Эти летописи острова были также написаны на пали и предназначались, очевидно, для более широкого круга, чем читатели одного острова. Лучшим примером тесного сотрудничества буддийских ученых, несмотря на разделение их политическими границами, является участие индийских ученых Буддхагхоши, Буддхадатты и Дхаммапалы в переводе на пали богословских трактатов Махавихары, которые первоначально были написаны на сингальском языке. Эти работы получили известность в странах, где наибольший авторитет имела хинаяна.

Расширение географических рамок активности буддийского духовенства и их острый интерес к сотрудничеству с религиями иноземных государств ясно просматриваются и в деятельности монахинь. В 429 г. н.э. группа ланкийских монахинь прибыла в Китай, в порт Гуанчжоу, и отправилась в Наньчан (*Nanjing*). Они прибыли вместе с моряком по имени Нанти. Китайские буддисты решили

пригласить в Китай и других ланкийских монахинь, и это поручение было возложено на Нанти. В 433 г. н.э. он вернулся со второй делегацией ланкийских монахинь. К их прибытию первая группа монахинь освоила китайский язык. Ланкийские монахини, которые были, возможно, первыми женщинами-миссионерами, отправившимися так далеко, на церемонии, проведенной в Наньлинском монастыре в Наньчане, присвоили более высокий духовный сан более 300 китайским монахиням.

Обширные культурные контакты, развившиеся в тот период, дали импульс творческой активности в искусстве. Чувственные изображения девственниц в комплексе Сигири, в которых проявились мастерство рисунка и техническая изобретательность при подготовке грунта, датируются V в. В некоторых находках из Хиндагала, отличающихся утонченной выразительностью психологических отношений, сохранилась техника «непрерывного повествования» индийской традиции живописи Аджанты. Аналогично в скульптурах, например в скульптуре «Влюбленные» из Исурумуни, отражено влияние искусства эры Гуптов. Датирование изображений Будды весьма противоречиво, но, возможно, характерные большие каменные изображения из Абхаягири, Пуварасанкулама, Маникдены и Панкулия, а может быть, и колоссальная статуя Будды в Авукане относятся к этому периоду.

В отличие от массивных ступ более ранней эпохи, ступы этого периода имеют относительно скромные размеры; самый большой монумент в Рамакале имеет 31 м в диаметре. Другие типы структур отражают усовершенствования в металлургии, которые привели к производству более эффективных инструментов. Архитекторы постепенно начали использовать более прочные и долговечные материалы, например гранит и гнейс вместо известняка, предпочитавшегося их предшественниками. Самым утонченным примером поддерживавшейся государством светской архитектуры был комплекс Сигири, построенный вокруг удивительного скального образования, который архитекторы украсили массивной фигурой льва – символа правителя. По периметру этого комплекса были оборонительные сооружения, включая рвы и тщательно построенные стены, отделанные камнем. Внутри ограды был расположен симметрично спланированный сад, в котором постройки гармонично сочетались с естественным окружением. Через сады отдыха и сквозь пасть фигуры льва проходила дорога к дворцовым апартаментам, располагавшимся на вершине скалы. И с технологической, и с эстетической точек зрения этот комплекс, потребовавший громадных усилий при постройке, был наиболее впечатляющим достижением архитекторов того времени.

БИБЛИОГРАФИЯ (19.1–19.3)

- ALTEKAR, A.S. 1957. The Coinage of the Gupta Empire. Numismatic Society of India. Varanasi.
 BASAK, R.G. 1967. History of North-eastern India (c. AD 320–760). Calcutta.
 BROHIER, R.L. 1934–5. Ancient Irrigation Works in Ceylon. Colombo. 3 Pts.
 DEVAHUTI, D. 1983. Harsha. A Political Study. 2nd edn. Delhi.
 DEYELL, J.S. 1990. Living without Silver. Delhi.
 GEIGER, W. (trans.). 1950. Mahavamsa or the Great Chronicle of Ceylon. Colombo.
 — (trans.). 1953. Culavamsa being the More Recent Part of the Mahavamsa. Colombo.
 GOPALAN, K. 1928. The History of the Pallavas of Kāncī. Madras.
 GOYAL, S.R. 1967. A History of the Imperial Guptas. Allahabad.
 HARLE, J. 1974. Gupta Sculpture. Oxford.
 LA VALLÉE POUSSIN, L. DE. 1935. Dynasties et Histoire de l'Inde depuis Kanishka jusqu'aux invasions musulmanes. Paris.
 MAHALINGAM, T.V. 1969. Kāncīpuram in Early South Indian History. Bombay.

- MAJUMDAR, R.C.; ALTEKAR, R.S. 1946. The Gupta Vakataka Age. Delhi.
 MINAKSHI, 1938. Administration and Social Life under the Pallavas. Madras.
 MORRISON, B.M. 1970. Political Centres and Culture Regions in Early Bengal. Tucson.
 NILAKANTA SASTRI, K.A. 1966. A History of South India, 3rd edn. London.
 PARANAVITANA, S. (ed.). 1959. University of Ceylon History of Ceylon, Vol. 1, Pt. 1. Colombo.
 — 1971. Art of the Ancient Sinhalese. Colombo.
 RAHULA, W. 1956. History of Buddhism in Ceylon: the Anuradhapura Period (3rd Century BC – 10th Century AD). Colombo.
 SHARMA, R.S. 1965. Indian Feudalism: c. 300–1200. Calcutta.
 TRIPATHI, R.S. 1937. History of Kanauj to the Moslem Conquest. Varanasi.
 WILLIAMS, J., 1982. The Art of Gupta India. Princeton, New Jersey.
 YAZDANI, G. (ed.) 1960. The Early History of the Deccan. 2 Vols. London.

V. Юго-Восточная Азия,
Австралия с примыкающими островами
и Океания

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ, АВСТРАЛИЯ С ПРИМЫКАЮЩИМИ ОСТРОВАМИ И ОКЕАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Йоханнес Г. де Каспарис

В отличие от огромных земельных массивов субконтинента Китая и Южной Азии, имевших ясные внешние границы и лишь немногие внутренние барьеры, Юго-Восточная Азия представляет собой пеструю картину (см. карту 28). Прежде всего, существует основное разделение на материковую и морскую части Юго-Восточной Азии с промежуточной территорией в виде полуострова Малакка. Каждая из этих основных частей в настоящее время состоит из пяти государств. На материковой части Юго-Восточной Азии находятся (с запада на восток): Мьянма (Бирма), Таиланд, Лаос, Камбоджа и Вьетнам; морская часть Юго-Восточной Азии, с другой стороны, состоит из двух больших архипелагов, один из них – Индонезийский, а второй включает Филиппины, Малайзию, Сингапур и Бруней. Последний раздел главы будет касаться Океании.

За исключением нескольких разбросанных племенных очагов, морская часть Юго-Восточной Азии представляет собой определенное лингвистическое образование, многочисленные языки которого принадлежат обширной группе австронезийских языков, которыми пользуются от Гавайев (гавайский язык) на востоке до Мадагаскара (малагасийский язык) на западе. В материковой части Юго-Восточной Азии, с другой стороны, также используются многочисленные языки, но они принадлежат к нескольким несвязанным (или не очень связанным) лингвистическим группам, таким как тибето-бирманской, мон-кхмерской, тайской и вьетнамской.

Материковая часть Юго-Восточной Азии в свою очередь делится на множество регионов горными цепями, идущими примерно в направлении с севера на юг. Хотя эти горы нигде не достигают непреодолимых высот, они большей частью покрыты плотными джунглями, поэтому представляют серьезные проблемы для коммуникации. Так, горы между нынешними Мьянмой и Таиландом являются реальной преградой и то же в несколько меньшей степени относится к аналогичным барьерам, разделяющим другие страны. Однако в морской части Юго-Восточной Азии между островами нет преград и это обеспечивает легкость коммуникации. То же относится и к Малаккскому проливу – границе между индонезийским островом Суматра и Западной Малайзией (полуостров Малакка).

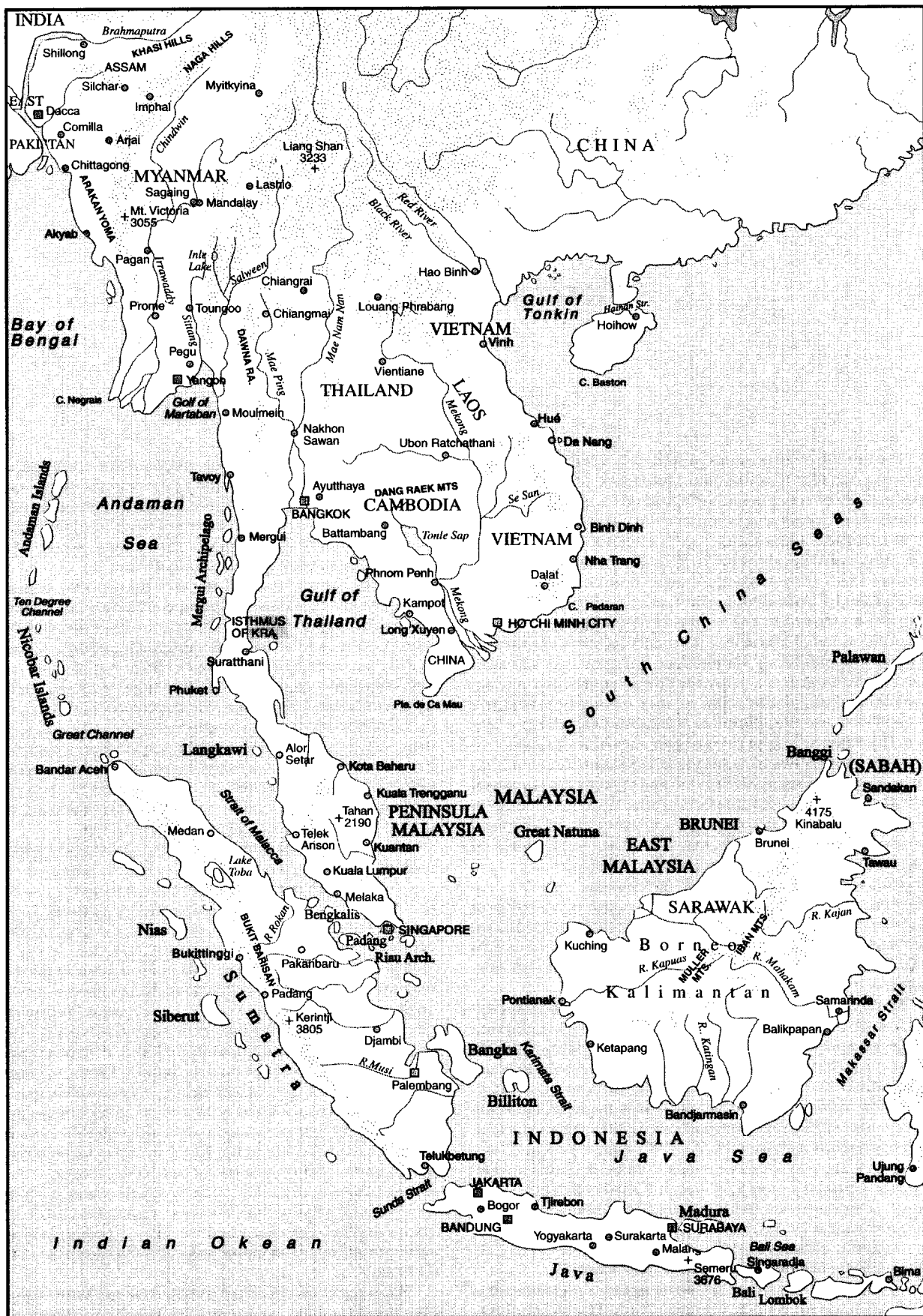
Существуют и другие различия между материковой и морской частями Юго-Восточной Азии. Так, вулканическая природа большинства островов резко отличает их от материка. Вулканический пепел значительно обогатил почву островов и создал превосходные условия для сельского хозяйства. Как следствие, эти острова (Ява, Суматра, Бали, Минданао, Лусон и другие) могут прокормить очень густо населенные территории. В настоящее время населе-

ние морской части Юго-Восточной Азии примерно в два раза превосходит по численности материковое население при сравнительно мало отличающихся площадях их территорий. Хотя мы не располагаем подобной статистикой для более ранних времен, нет причины считать, что это соотношение было существенно иным.

Благодаря всем этим факторам Юго-Восточная Азия в целом во многих отношениях представляет замечательное разнообразие, хотя разные части этого региона имеют и много общего. Несмотря на значение географических барьеров в материковой части Юго-Восточной Азии, не следует забывать, что и от этих мест море часто находилось не очень далеко. Прибрежные перевозки в относительно безопасных водах были таким же средством коммуникации, как и путешествия между островами архипелагов. Кроме того, широкие и судоходные реки часто давали доступ к внутренним территориям. Население в этом регионе в значительной степени использовало возможности для передвижения, предоставленные природой.

Эти факторы следует учитывать при любых попытках понять историю данного региона. Одним из явных последствий различий в морских и речных коммуникациях был разный уровень цивилизации, существовавший, с одной стороны, на прибрежных и основных речных равнинных территориях, и с другой стороны, в менее доступных внутренних территориях. Обмен товарами, и особенно идеями, является главным условием для прогресса цивилизации. Как следствие, менее доступные территории обычно заметно отставали в развитии культуры. К тому же, те части Юго-Восточной Азии, которые имели легкий доступ к великим цивилизациям Индии и Китая, процветавшим с ранних времен, развивались намного быстрее, чем другие области, но это не всегда было вопросом лишь географической близости. Так, хотя нынешняя Мьянма имеет общую границу с Индией и Китаем, образовательная сторона цивилизации здесь развилась на несколько столетий позже, чем в отдаленной области Океании в западной части дельты реки Меконг. У последней, однако, было большое преимущество, состоявшее в том, что эта область находилась примерно посередине морских путей между Индией и Китаем.

На материковой части Юго-Восточной Азии большинство перемещений населения происходило, повидимому, в южном направлении. Это вполне понятно, поскольку в экваториальных областях обычно влажность очень высока и поэтому здесь лучше условия для сельского хозяйства. Следует, однако, добавить, что большая часть экваториальной зоны была покрыта густым лесом, что до создания хороших металлических инструментов препятствовало

Карта 28. Юго-Восточная Азия¹ (по Djambatan, 1964, Atlas of South-east Asia, Macmillan & Co., London)

освоению этих земель. Складывается впечатление, что это развитие происходило примерно в начале рассматриваемого периода, т.е. в VII в. до н.э. В это время бирманцы, тайцы и вьетнамцы, которые в настоящее время составляют огромное большинство населения материковой части Юго-Восточной Азии, еще не обосновались в этом регионе или их присутствие было ограничено его самыми северными областями, хотя их переселение к югу, возможно, уже началось. Термин «переселение» (в оригинале – *migration*, т.е. переселение, миграция. – *Прим. ред.*) может ввести в заблуждение, так как означает медленное и в целом мирное проникновение бирманцев, тайцев и вьетнамцев. Хотя у нас нет данных о самых ранних этапах этой экспансии, есть веские причины предполагать, что это преимущественно были небольшие группы мигрантов, покидавших свои сообщества из-за перенаселенности мест обитания и отправлявшихся жить на более южные территории. Это были, вероятно, обширные территории, занятые лесами и джунглями, пригодные для очистки и заселения (то же самое происходило совсем недавно – в начале XX в.). Во многих случаях, однако, складывается впечатление, что более поздние переселенцы с севера занимали области, обработанные переселенцами предыдущих волн, из-за чего последние были вынуждены двигаться дальше на юг.

Но в отсутствие письменных источников все это остается предположениями. Все, что мы знаем, состоит в том, что в Мьянме и Вьетнаме переселение к югу продолжалось до настоящего времени. В первые века н.э., в отношении которых мы располагаем первыми письменными источниками, распределение населения отличалось от современного: бирманцы все еще находились в самой северной части нынешней Мьянмы, тайцы – в основном в современной китайской провинции Юньнань, а вьетнамцы – в Северном Вьетнаме (к северу от нынешнего Хюэ), в то время как самые южные области были населены племенами мон, кхмер и чам.

Это движение на юг было, однако, ограничено материком; подобных перемен не отмечалось в морской части Юго-Восточной Азии, большая часть которой располагается в хорошо орошаемой экваториальной зоне, что не создавало стимула для движения на юг; везде, где происходил рост населения, оно, видимо, направлялось от побережья к внутренним частям островов. С другой стороны, перемещения населения в Океании были более сложными и до сих пор плохо изучены.

Научное и культурное развитие Юго-Восточной Азии (больше чем в других частях Азии) до настоящего времени в основном рассматривалось в свете влияния внешних

факторов, в особенности влияния великих и более древних цивилизаций Индии и Китая. Такие термины, как «Великая Индия» и «индуизация» (*hinduization*) или «индианизация» (*indianization*) часто использовались применительно к некоторым частям Юго-Восточной Азии. Хотя важность индийского и, особенно во Вьетнаме, китайского влияний нельзя отрицать, более плодотворным представляется изучение способов, которыми эти влияния приспособлялись к потребностям отдельных культур данного региона. Если обратить внимание в основном на происхождение элементов иностранных цивилизаций, то будет вполне уместен ныне широко применяемый термин «локализация», впервые введенный Уолтерсом (*O.W. Wolters*), если отдавать себе отчет в том, что в большинстве случаев элементы индийской и китайской цивилизации отбирались и усваивались (часто непроизвольно) элитами Юго-Восточной Азии для обогащения своих цивилизаций или повышения своего престижа в глазах менее развитого населения. Можно думать, что элиты некоторых территорий достигали большего успеха, чем другие. Изучение этого процесса может прояснить существование различий в потенциалах племен и народов этого региона.

Так как большинство научных и культурных процессов происходит в определенной политической среде, их следует изучать в тесной связи с формированием и развитием государства и с учетом социально-экономических факторов. Поэтому значительная часть этого обзора будет обязательно касаться проблем, которые обычно не относят к сфере культуры.

Проблема изучения Юго-Восточной Азии, подобная проблемам изучения других регионов, например Западной Европы, является ее раздробленность. История этого региона легко распадается на истории отдельных территорий в этом регионе. Как и везде, историк зависит от материала, оставшегося от предыдущих поколений. Но в регионе с жарким и влажным климатом и обилием насеконных множество исторических материалов безвозвратно утрачено. С другой стороны, важные материалы все еще остаются не найденными. Постоянно возрастающие усилия археологов и других ученых в независимых странах Юго-Восточной Азии в высшей степени способствуют накоплению наших знаний о ранней истории, вызывая необходимость регулярного пересмотра исторических выводов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Эта современная карта приведена лишь для того, чтобы показать страны и территории, упоминающиеся в гл. 20 и 21.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ И РАННИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ

Р. П. Созеджоно и Порнчай Сучитта

Илл. 116–119

НАЧАЛА ЭПОХИ МЕТАЛЛОВ

Эпоха металлов началась с применения металла как основного материала для производства изделий. Использование металлических орудий и оружия вызвало значительные перемены в обществе. Так, использование металлических инструментов вело к значительному прогрессу в сельском хозяйстве и других видах производства, который, видимо, способствовал постепенному росту численности населения и началу социального расслоения общества.

Но до этих прогрессивных изменений во многих частях Юго-Восточной Азии существовали сами себя поддерживавшие сообщества, производившие продукты питания путем ведения сельского хозяйства и одомашнивания животных. Наиболее важным местонахождением, свидетельствующим о самых ранних стадиях такого развития, является Спирит-Кейв в Северо-Западном Таиланде. Это скальное укрытие, расположенное в 60 км к северу от города Мэхонгсон, находится на высоте примерно 600 м над уровнем реки Салуин.

В почве пещеры, состоявшей из нескольких слоев, были найдены различные поделки: каменные инструменты, остатки растений и животных, черепки горшков и остатки древнего очага. Каменные инструменты имели, в основном, одностороннюю обработку, характерную для традиции позднего палеолита; при этом были найдены лишь несколько полированных каменных топоров, а на посуде из обожженной глины были резные и выдавленные изображения. Животные остатки относятся к свиньям, оленям и муравьедам. Остатки растений отнесены к *Prunus* (миндаль), *Terminalia* и *Canarium* (местные дикie орехи), *Tapa* (водяной орех), *Piper* (черный перец), *Vicia* (бобы), *Pisum* (горох), *Areca* (перец бетель) и *Cucumis* (огурец). Период заселения Спирит-Кейв датируют 10000–5000 гг. до н.э.

Этот уровень цивилизации не ограничивался пещерой Спирит-Кейв и проявляется во многих других археологических местонахождениях, хотя и в меньшем масштабе, находят во многих других местах. Наиболее интересны Там-Ханг и другие раскопки в Северо-Восточном Лаосе и Западной Камбодже, а также некоторые местонахождения в Юго-Западном Китае, на востоке Тайваня, на западе полуострова Малакка, на острове Палаван (Филиппины) и на северо-западе острова Суматра (Индонезия). Наиболее значительные находки в этих местах включают каменные инструменты и остатки животных с полного так называемого уровня хоабиньской культуры (названной по находкам, относящимся к позднему палеолиту в провинции Хоабинь на севере Вьетнама): свиней (*Sus scrofa* и *Sus barbatus*), малайских медведей, обезьян, гиббонов, крыс,

белок, летучих мышей и небольшое количество остатков носорогов и крупного рогатого скота.

Присутствие остатков молодых свиней, преобладавших в находках в Гуа-Ча, указывает на то, что, вероятно, была уже достигнута ранняя стадия одомашнивания животных. Остатки растений в Спирит-Кейв, таких как миндаль, *Uncaria gambir*, черный перец, кабачок, орехи, и других съедобных растений, которые по-прежнему важны и в настоящее время, указывают на возможность применения методов растениеводства, которые известны, например, на Тайване примерно с 9000 г. до н.э. Однако на этом хоабиньском уровне отсутствуют свидетельства окультуривания основных видов растений – риса, хлебного дерева и таро.

Этот период, содержащий признаки раннего этапа одомашнивания животных, известный как хоабиньская культура, постепенно развивался в нескольких частях Юго-Восточной Азии в неолитическую культуру, в которой еще находят преобладающие элементы хоабиньской культуры, такие как каменные инструменты, но в сочетании с глиняной посудой и неолитическими инструментами для обработки древесины – стругами, как, например, в Северном Таиланде и Вьетнаме. Однако в других районах, например в Малайзии, ясно прослеживается переход от хоабиньской культуры к неолиту в сочетании с особенностями хоабиньского уровня.

Во времени исчезновения традиции хоабиньских инструментов по всей Юго-Восточной Азии были широко распространены полированные каменные струги и топоры и появилась керамика, которая имела разные формы и изготовлялась разными способами. Кроме того, в нескольких местонахождениях Таиланда, Малайзии, Филиппин и Индонезии обнаружили захоронения, которые в то время были связаны с глиняной посудой и полированными каменными инструментами.

НОННОКТХА

Первое появление металлических поделок произошло, вероятно, в Северо-Восточном Таиланде, в бассейне реки Сакон, и эти изделия, видимо, относились к собственной местной культурной последовательности. Важные данные были обнаружены во время спасательных работ (1965–1968) в Нонноктха, в небольшом холме в Баннади (провинция Кхонкэн), на небольшой территории, которой предстояло быть затопленной при строительстве водохранилища Убонратна. Верхние слои содержали несколько железных предметов и некоторые останки кремнированных тел. Глубже встречались захоронения с погребальными приношениями, включавшими формы из песчаника для отливки

лезвий топоров, несколько бронзовых топоров, другие бронзовые предметы, несколько полированных каменных инструментов и плоская, но хорошо выполненная глиняная посуда. В самом нижнем слое увеличивалось количество каменных инструментов и гончарных расписных изделий, но отсутствовали признаки бронзовых предметов.

В целом раскопки в Нонноктха указывают, что здесь жило сообщество, появившееся от 5 до 6 тыс. лет назад. Часть обнаруженного материала свидетельствует о значительном технологическом мастерстве. Что касается экономической и общественной жизни этого сообщества, то можно отметить, что там найдены обширные захоронения, полированные каменные струги, бусы из раковин, сосуды с круглым основанием и ножками, со шнуровой отделкой, резными и рисованными украшениями, кости животных, в том числе крупного рогатого скота, свиней, собак и оленей, отпечатки и шелуха зерен риса на черепках, медные инструменты с углублениями и фрагменты предметов из бронзы.

Наиболее интересной особенностью этих раскопок являются свидетельства развития бронзовой металлургии, датируемые временем до 2300 г. до н.э. Эта дата основана на открытии медного инструмента в захоронении, которое относят к 3593 г. до н.э. ± 320 лет, а также на обнаружении других медных инструментов в недатированных захоронениях того же уровня. Отнесенные к определенному времени инструменты не содержат ни свинца, ни олова, но в них присутствуют следы фосфора и мышьяка, что указывает скорее на плавление, чем на холодную ковку металла. Другой фрагмент инструмента был изучен с помощью рентгеноанализа и было показано, что он на 94–96% состоит из меди и на 4–6% – из олова. Эти примеры ясно указывают на то, что люди, жившие в районе Нонноктха, знали, как изготавливать предметы из бронзы. Поэтому можно считать, что это технологическое развитие произошло в Юго-Восточной Азии ранее 2000 г. до н.э. и не было заимствовано в Китае, из долины Инда или Западной Азии – в регионах, которые ранее безоговорочно считались местами возникновения искусства обработки металла.

На основании раскопок могут быть установлены некоторые другие аспекты жизни людей из Нонноктха. Так, возникает вопрос, принадлежали ли найденные кости диким или одомашненным животным. Ясно, что, за исключением собак, указанные животные были важны в хозяйстве как тяловая сила или как источник мяса и молока. Представители крупного рогатого скота в Нонноктха были идентифицированы как *Bos indicus* – горбатый крупный рогатый скот, до сих пор являющийся типичным домашними животными во многих частях Южной Азии и материковой части Юго-Восточной Азии. Были также найдены кости, принадлежащие молодым самкам этих животных, что указывает на существование стад. Наличие костей крупного рогатого скота в захоронениях тел людей указывает на то, что жители Нонноктха содержали этих животных по экономическим и религиозным причинам. Возможно, что свиньи были также одомашнены в то же время, что и крупный рогатый скот, в период окультуривания риса, т.е. именно до 3500 г. до н.э.

Следы риса в Нонноктха были обнаружены в результате анализа черепков с отпечатками шелухи, найденных на самом нижнем стратиграфическом уровне, но они пока не датированы. Предыдущий, несколько более высокий уровень, однако, относится примерно к 3500 г. до н.э. Из этого можно заключить, что рис был известен в Нонноктха более чем 5500 лет назад! Если это верно, то из этого следует, что рис был известен в Таиланде так же давно, как и в Китае (около 3500 г. до н.э.), и раньше, чем в Индии (между 2000 и 1500 г. до н.э.). Раскопки в Нонноктха дают представление о жизни в поселении эпохи возникновения бронзовой металлургии в Юго-Восточной Азии даже до начала развития сложной социальной системы, характерной для обществ эпохи металлов.

ДОНГСОН

Наши знания об эпохе металлов в Юго-Восточной Азии значительно расширились благодаря раскопкам в Донгсон в Северном Вьетнаме, проведенным между 1923 и 1928 гг. Поселение в Донгсон и его кладбище расположены на правом берегу реки Ма в провинции Тханьхоа. Там были найдены многочисленные бронзовые предметы, включая литавры, мечи и кинжалы, топоры и наконечники копий, пряжки ремней, подвески в виде человеческих фигур, вазы, чаши, бронзовые статуи и наконечники стрел. Высококачественная отделка включает спиральные орнаменты, шнуровую отделку, витые, изогнутые и кольцевые украшения, а также украшения в виде лестниц, штрихованных треугольников и верениц оленей. Хайне-Гельдерн (*Heine-Geldern*) придумал выражение «культура донгсон» для этой особой культуры и выдвинул гипотезу, что эта культура, основанная на сходстве элементов бронзовых и железных культур Юго-Восточной Европы, распространилась на страны материковой и морской частей Юго-Восточной Азии и сильно повлияла на них. Ее предшественник мог находиться в восточной части Центральной Европы и в странах на севере Балкан, к западу от Черного моря, откуда он переместился в Западный Китай и разделился на две ветви. Одна ветвь, возможно, распространилась около 800 г. до н.э. на юго-восток (в Северный Вьетнам), а другая – на восток (в Китай), оказав сильное влияние на культуру Чжоу. Согласно китайским историческим источникам, Северный Вьетнам был завоеван династией Цинь примерно в 220 г. до н.э. и вскоре был включен в состав империи Хань.

БАНЧИАНГ И ГИЛИМАНУК

Чтобы составить представление о цивилизации в период бронзового и железного веков, можно обратить внимание на местонахождение Банчианг в Таиланде и Гилиманук на северо-западном побережье острова Бали. Банчианг расположен на почти овальной формы холме в округе Нонгхань провинции Удонгхани. На восточном склоне холма находятся рассеянные группы кустарников и рисовые поля. Это место было, видимо, заселено с давних времен и свидетельствует о присутствии сообщества, обрабатывавшего металл, которое относится к тому же уровню, что и сообщество из Нонноктха.

Большая часть данных об этом древнем обществе получена из захоронений. Можно выделить три археологические последовательности. Самый ранний период (3600–1000 г. до н.э.) характеризовался захоронениями взрослых и подростков в вытянутом и согнутом положении вместе с бронзовыми предметами, расписной и резной керамикой. В средний период (1000–300 г. до н.э.) в захоронения помещали погребальные предметы, включавшие бронзовые и железные браслеты, биметаллические наконечники стрел и ребристые сосуды шаровидной формы с толстыми покрашенными в красный цвет ободьями. Наконец, к третьему периоду (примерно с 300 г. до н.э. до 200 г. н.э.) относятся погребальные дары, такие как гончарные изделия, раскрашенные в красный и тускло-желтый цвета, со спиральными, геометрическими, растительными и звездообразными сюжетами, изображениями животных и фигур людей; присутствуют также бронзовые и железные предметы, стеклянные бусы и т.д. (рис. 22).

Металлические изделия из Банчианга стали важным свидетельством технологического развития. В наиболее развитой форме технология представлена в верхних археологических уровнях. Многие типы поделок характеризуются определенной изысканностью и большей тщательностью в выполнении украшений; например, найденные спиральные браслеты и крупные предметы типа ковша с фигурками

животных на концах ручек. В сочетании с расписной керамикой, поделками из железа и стеклянными бусами были также найдены серебряные чаши и золотые кольца. На металлических изделиях обнаружены косвенные следы употребления риса в виде отпечатков рисовой соломы и прямые следы – шелухи. Были также обнаружены остатки крупного рогатого скота, свиней, собак, грызунов, рыб, оленей. Эти данные в большой степени расширяют наши знания о хозяйственной основе жизни сообщества Банчианга. Они также указывают на то, что одомашнивание скота и свиней, как и выращивание риса, развилось относительно рано в этой части Юго-Восточной Азии.

Местонахождение Гилиманук расположено на северо-западе острова Бали. Наиболее интересным элементом этого прибрежного поселения также являются захоронения, поскольку могилы содержат множество остатков, относящихся к повседневной жизни этого сообщества: многочисленные черепки гончарных изделий, остатки раковин, рыб, крупного рогатого скота, свиней, домашней птицы и т.д. Тела взрослых и детей находились в захоронениях в выпрямленных и согнутых положениях вместе с гончарными

изделиями, имевшими круглые днища и украшенными выдавленными рисунками, а также бронзовыми топорами, железными наконечниками копий, мечами, кинжалами, браслетами и бусами из стекла и раковин. Этот материал в целом свидетельствует о наличии в период примерно с 200 г. до н.э. по 200 г. н.э. высокоразвитого общества с высоким уровнем металлургии. Для похоронных и ритуальных целей производились особые местные типы бронзовых предметов. Сообщество Гилиманук имело постоянный контакт с сообществами, жившими в глубине острова, что следует из наличия сходных типов бронзовых топоров и гончарных изделий на этих территориях, а связь с территориями вне острова доказывается находками широко распространенных в Юго-Восточной Азии цветных стеклянных бус.

Изучение гончарных изделий последних веков до н.э. во многих частях Юго-Восточной Азии свидетельствует о широких взаимоотношениях между теми народами, которые были хорошими мореплавателями. Одна из традиций изготовления керамики, названная Сахайнь-Каланей (*Sa Huynh-Kalanay*) (по названию мест ее первого обнаружения – Сахайнь на побережье в Центральном Вьетнаме и

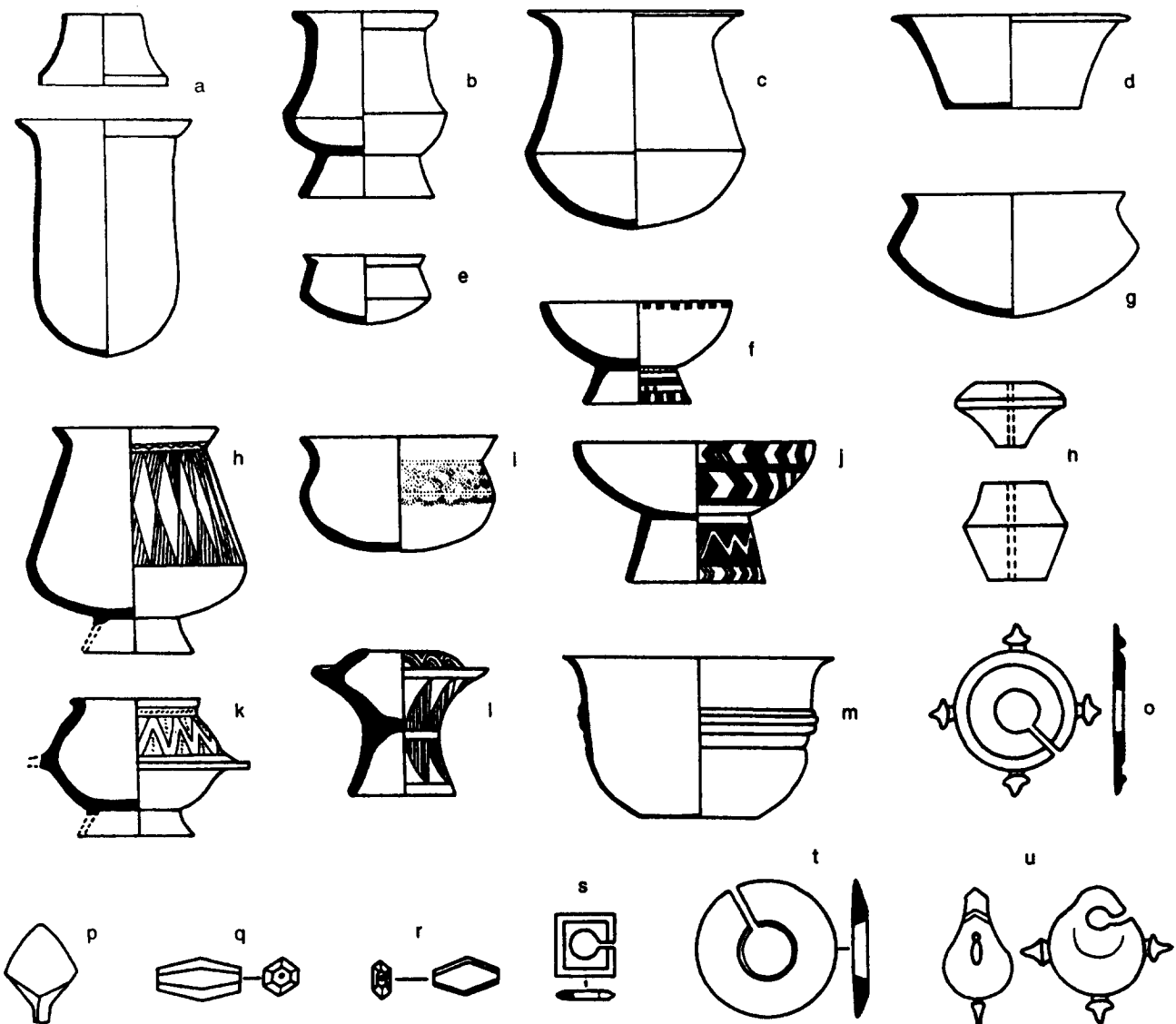

Рис. 22. Предметы из Сахайнь: а – большой погребальный сосуд высотой 77 см с крышкой; б–і – керамические сосуды диаметром от 14 до 21 см, украшенные резным или выдавленным орнаментом; м – бронзовый сосуд типа Донгсон диаметром 9 см; н – глиняные веретена диаметром 3–5 см; о, s–u – каменные серьги диаметром 2–5 см; р – железная мотыга длиной 17 см; q, r – граненые бусы из сердолика длиной 19 и 15 см (по *Parmentier*, 1924)

на острове Масбате в Центральных Филиппинах), является своеобразной комбинацией форм и отделки гончарных изделий, отличается от любой другой традиции Юго-Восточной Азии. Народы, следовавшие этой традиции, жили в тех же природных условиях, имели такие же средства к существованию, пользовались такой же технологией и, несомненно, вели торговлю с другими народами этого региона. Эта традиция, развивавшаяся и продолжавшаяся приблизительно 2 тыс. лет, была общепризнанной традицией, основой которой служили связи между различными центрами производства керамики, осуществлявшиеся морскими торговцами Юго-Восточной Азии.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ 300 Г. ДО Н.Э. И 300 Г. Н.Э.

В течение этого периода в поздних доисторических сообществах как материковой, так и морской частей Юго-Восточной Азии происходили быстрые технические, политические, социальные и экономические изменения. Ширились контакты и местные торговые сети между сообществами Юго-Восточной Азии, которые, особенно на материке, часто вступали в контакты с внешними образованными сообществами на западе (Индия и страны далее к западу) и севере (Китай). Этот промежуток времени совпал с легендарными миссиями буддийских монахов Соны и Уттары, которых царь Индии Ашока послал на земли к востоку от Индии, называвшиеся «Земля золота» (*Суварнабхуми*), под которыми обычно подразумевается Южная Мьянма. В III в. до н.э. подобные миссии были маловероятными, хотя и не были совершенно невозможны. В любом случае они не принесли видимых результатов. В Китае это было время политической экспансии в конце правления династии Цинь (220 г. до н.э.) и в правление династии Хань (с 206 до н.э. по 200 г. н.э.), когда китайские армии завоевали Северный Вьетнам, превратив его в провинцию Китайской империи.

Технические изменения в Юго-Восточной Азии ясно отражены в развитии металлургии. Местонахождение Донгсон в Северном Вьетнаме уже рассмотрено в предыдущем разделе. Бронзовые предметы культуры донгсон, особенно престижные литавры типа Хегер I, получили распространение во многих частях Юго-Восточной Азии.

Доисторические поселения были особенно распространены в материковой части Юго-Восточной Азии; увеличивалось их число и размеры и они превращались в большие поселения со специализированными площадями для жилья, плавления и отливки в формы железа, меди и бронзы, изготовления гончарных изделий, размещения кладбищ, свалок и отправления религиозных ритуалов. К концу рассматриваемого периода многие из подобных поселений были окружены рвами, служившими как для хранения запасов воды и орошения, так и в качестве защитных сооружений. В дополнение к этому для защиты поселений, которые располагались вдоль крупных и малых рек и имели доступ к прибрежным областям, делались земляные стены и валы.

В результате анализа типов поселений и распределения археологических местонахождений на материке с помощью аэрофотосъемки во многих случаях можно явно видеть наличие небольших поселений вокруг намного более крупного поселка. Такие крупные поселки могут поэтому рассматриваться как центры или столицы групп деревень или царства. В связи с этим не исключена возможность, что такая структура, как городской центр, появилась именно в рассматриваемый период и развилась в следующие века.

Наличие таких городских (?) центров с более мелкими сообществами на окружающих территориях может свидетельствовать о появлении к этому времени некоторой политической организации, основанной на каких-то формах

иерархии и социальном расслоении. Такое управление могло регулировать различные потребности общества, включая безопасность, обязательное участие в общественных работах и торговлю. Существование конкурирующих центров, претендовавших на контроль над основными торговыми путями и минеральными ресурсами, возможно, вело к политическим конфликтам и в конечном счете к формированию государства под контролем одного правителя. О наличии стратифицированного общества такого типа свидетельствуют археологические находки и подделки, найденные в нескольких захоронениях данного периода. В большом городском центре, видимо, существовало некоторое разделение труда, соответствовавшее занятиям ремесленников, воинов, земледельцев и религиозных специалистов, которые могли совершать священные ритуалы для отдельных семей или для всего сообщества.

Несомненным также является наличие связей между сельскими и городскими сообществами, так как вряд ли какие-то сообщества существовали сами по себе вдали от других поселений. Последующее развитие торговли между такими городскими центрами дало начало развитию крупных центров торговли, служивших торговыми пунктами между востоком и западом, а также между сообществами, жившими в прибрежных и внутренних областях. Во многих случаях крупные прибрежные сообщества или сообщества внутренних территорий, имевшие легкий доступ к побережью, становились важными торговыми

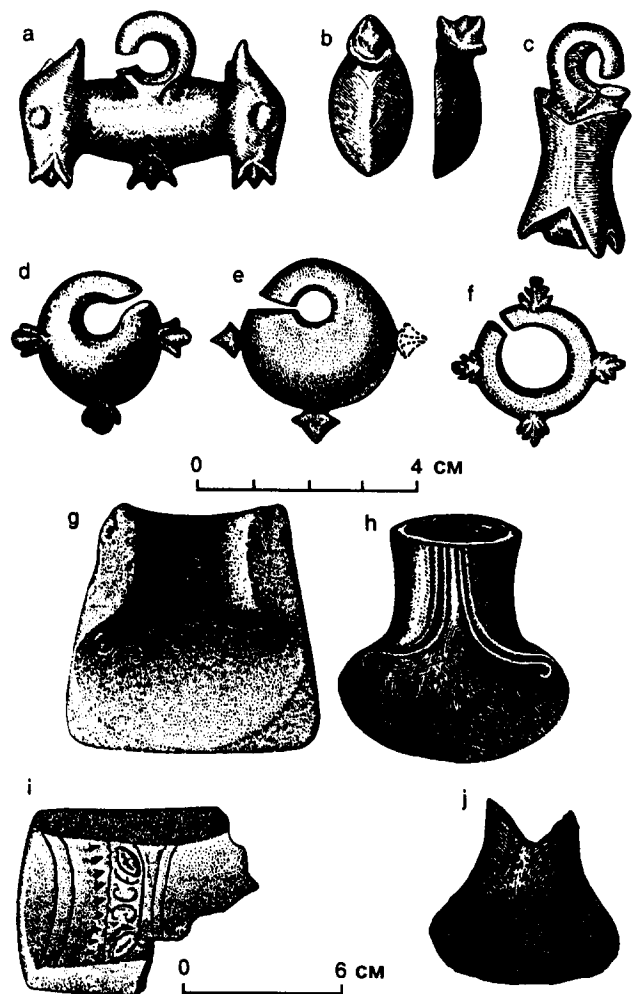

Рис. 23. Подделки из пещер Табона: а–f – подвески из нефрита; g–j – керамические отливочные формы и бронзовые топоры (по Fox, 1970)

центрами. Сукреплением коммуникаций вдоль побережий и рек, развивался обмен местных товаров на привозимые предметы, такие как металлические изделия, керамика, драгоценные или полудрагоценные камни и стекло для украшений, а также золото, серебро, медь и олово. Обмен товарами должен был иногда сопровождаться и обменом знаниями и идеями. Происходило ли это и в какой степени, зависело и от образованности заморских торговцев, и от восприимчивости местных элит.

Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение предметами торговли из внутренних территорий и гарантировать определенную степень безопасности, такие древние торговые центры стремились умиротворять и контролировать окружавшие их территории. В результате подобный торговый центр мог развиваться в столицу государства, возглавлявшегося вождем или царем. Такие древние государства иногда обозначаются индийским термином *мандала* (*mandala*). Этот термин имеет явные преимущества перед термином «государство», который указывает на четко определенное политическое образование с внутренним управлением и ясно очерченными границами. Эти черты, вероятно, не имеют отношения к указанным ранним политическим образованиям, вместе с тем термин «мандала» неудобен с той точки зрения, что предполагает наличие округов или провинций, подразумевавшихся в индийских надписях того времени. Чтобы избежать недоразумений, лучше использовать термины раннее государство, а также правление вождя или царство.

РАЗВИТИЕ И РАСШИРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ

Должны были существовать регулярные контакты между более ранними доисторическими поселениями, распространяемыми вдоль основных водных путей, соединявших внутренние и прибрежные территории. И о материковой, и о морской частях Юго-Восточной Азии имеется множество археологических данных, указывающих на подъем в экономической, социальной, культурной и политической сферах. В течение этого периода (примерно с 300 г. до н.э. по 300 г. н.э.) использование бронзы и железа для инструментов, утвари, оружия и украшений играло важную роль в повседневной жизни людей. Многие из этих предметов использовались в ритуалах, особенно в обрядах, связанных с загробной жизнью, о чем можно судить по погребальным предметам, найденным вместе с фрагментами скелетов в первичных и вторичных захоронениях. Обычай кремации не был общепринятым во всей доисторической Юго-Восточной Азии вплоть до конца этого периода и появления здесь индуизма и буддизма. Обычай захоронения тела умершего вместе с погребальными предметами существовал с доисторических времен и преобладал в сообществах, в которые еще не скоро после начала I тысячелетия н.э. проникли индуизм и буддизм.

На территории Менамской равнины и плато Корат нынешнего Таиланда существуют сотни поздних доисторических местонахождений, свидетельствующих о развитии местных сообществ. Появились технологические новшества и многочисленные художественные стили гончарных изделий, которые распространились благодаря торговле на территории соседних и дальних племен. Раскопки доисторического поселения Банчианг в провинции Удонгхани в Северо-Восточном Таиланде дали образцы наиболее искусно выполненной расписной керамики, и традиция ее изготовления была распространена по всему региону вокруг Саконнакхона. Само поселение имеет длинную историю, насчитывающую более 5 тыс. лет. Между 300 г. до н.э. и 300 г. н.э. уровень развития доисторического Банчианга можно кратко охарактеризовать следующим образом: железо использовалось исключительно для

инструментов, которые клали в могилы некоторых мужчин; типичным является захоронение умерших в положении на спине с целой глиняной посудой поверх тела; бронза использовалась только для украшений, включая проволочные ожерелья; применявшаяся бронза имеет высокое содержание олова – более 20%.

Керамика этого периода относится к классическому красному и тускло-желтому расписному типу со спиральным узором и фигурами животных и людей. В основном в детских могилах найдены резные керамические цилиндры, в них же встречались также небольшие статуэтки коров, а также стеклянные синие и зеленые бусы, вероятно, привозные. Твердо установлено использование буйволов в данный период. Это может означать распространение возделывания риса с использованием буйволов для обработки полей. Другим местом интенсивных раскопок в этом же регионе, где найдены подобные изделия, является Баннади в провинции Кхонкэн.

К северо-востоку от Банчианга ближе к реке Меконг расположено место, где добывали медь, известное как Пхулон (в провинции Нонгкэй). Очевидно, в далеком прошлом здесь разрабатывали поверхностные залежи медной руды, преимущественно малахит. Радиоуглеродный анализ образца из этого района указывает на время около 450 г. до н.э. Можно предполагать, что рудой из этих залежей обеспечивалось население окружающих территорий, которое занималось выплавкой меди.

В западной части Таиланда вблизи Мьянмы, на территории Банкао (провинция Канчанабури) обнаружены следы еще одной доисторической культуры. Раскопки этого места обнаружили характерный набор гончарных изделий, включающий изделия с подставками, треногами и шнуровой отделкой, найденные более чем в сорока захоронениях и жилых территориях. Связанные с захоронениями погребальные принадлежности включали полированные каменные струги, ожерелья и браслеты из небольших перфорированных ракушечных дисков, каменные браслеты и грузила, костяные рыболовные крючки, глиняные выбывалки и веретена, а также серповидные каменные ножи. Железные инструменты были найдены в двух захоронениях, но ни в одной из могил не было бронзовых изделий. Благодаря наличию железных предметов эти раскопки можно отнести к периоду между 500 г. до н.э. и 500 г. н.э.

Характерная для культуры Банкао керамика с подставкой в виде треножника также находилась к югу от Канчанабури и на территории до южных провинций Таиланда, например в Краби и Сураттхани, а также на западе Малайзии.

Ближе к восточному берегу реки Меконг и вплоть до нагорий Лаоса находится впечатляющее местонахождение Бананг, являющееся одним из основных погребальных комплексов, где тела умерших кремировали, а останки хранили в больших каменных кувшинах. Этот комплекс расположен на высоте более 1000 м и возвышается над большим районом, известным как Равнина кувшинов. Археологические находки на этой территории включают бусы из стекла и сердолика, раковины каури с побережья, бронзовые спирали, колокольчики и браслеты, бронзовую статуэтку, выполненную в традиции донгсон, железные ножи, наконечники стрел и копий. Изделия этого типа могут соответствовать предметам с плато Корат в Таиланде и могут быть отнесены к периоду с 300 г. до н.э. по 300 г. н.э. Обычай использования каменных кувшинов для захоронений неизвестен в Таиланде, но вполне обычен для Малайзии и Индонезии. С другой стороны, захоронения в керамических кувшинах, особенно захоронения некремированных младенцев, встречаются на северо-востоке Таиланда, а вторичные захоронения в кувшинах с неполным набором костей некремированных тел находят во многих доисторических местонахождениях на плато Корат. Если учесть, что Равнина кувшинов была известна как основной источник соли, то возможно, что контроль над торговлей

солью мог способствовать развитию торговой сети между нагорьем и прибрежными низменными территориями.

Ближе к Южно-Китайскому морю на Центральном нагорье Вьетнама и далее к побережью существовало доисторическое прибрежное сообщество вблизи деревни Сахайнь, в котором практиковалась кремация и захоронение останков в кувшинах вместе с погребальными предметами. В местонахождении Хангтон среди погребальных приношений были привозные изделия из сердолика, агата, оливина (хризалит) и циркона, а также синие и красные стеклянные бусы и единственная золотая бусина. Известной находкой является особая каменная подвеска в виде двуглавого животного, подобная подвескам из деревни Сахайнь в археологических контекстах Бакбодонгсон из местонахождения Бандонтанхет в провинции Канчанабурри, и из Утхонг в провинции Супхамбури (все в Таиланде), а также с острова Палаван (Филиппины). Очевидно, что люди из общества Сахайнь вели активную торговлю и распространяли свои изделия, особенно керамику, до островов. Об их умении использовать железо свидетельствует присутствие на этой прибрежной территории шлака от выплавки железа и железных орудий, например топоров и мечей.

Три датировки радиоуглеродным методом, указывающие примерно на 150 г. до н.э., подтверждают принадлежность к одному и тому же периоду предметов из местонахождения Хангтон и из более северных местонахождений в Донгсон. Немного более ранние даты (300–150 гг. до н.э.) появления предметов такого же типа с украшениями в виде двуглавого животного получены для близлежащих раскопок в Пхухоа.

Хотя происхождение культуры Сахайнь остается загадкой, раскопки показывают, что во второй половине I тысячелетия до н.э. ряд сообществ обосновались на благоприятных прибрежных территориях Центрального Вьетнама. Широко использовалось железо, и была развита система обменов товарами по суше и по морю, среди которых были экзотические украшения из стекла и камней. Именно этот регион через пять веков войдет в историю как царство, говорившее на языке кхам (*cham*), которое находилось под сильным влиянием индуизма.

СВЯЗИ МЕЖДУ ОБЩЕСТВАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В дельте Красной реки (Хонгха) и долинах рек Ма и Ка в Северном Вьетнаме существовало процветающее и сложное общество, использовавшее бронзу, о чем свидетельствуют места доисторического обитания и захоронения на территории вокруг местонахождения Донгсон с предметами из бронзы и железа, гончарными изделиями и полудрагоценными камнями, в дополнение к которым были найдены предметы китайского и, возможно, некоторых других происхождений, относящиеся к бронзовой культуре Юньнаньского нагорья.

Культура донгсон уже рассматривалась в предыдущих разделах, однако необходимо добавить несколько слов о знаменитых литаврах. Это были бронзовые барабаны типа Хегер I с плоским верхом, выпуклым ободом, относительно прямыми сторонами и расширяющимся основанием. Рисунок на верхней крышке обычно включал изображение звезды в центре, окруженное кольцевыми зонами с группами резных геометрических узоров или резных декоративных композиций, изображающих фигуры людей с головными уборами из перьев птиц, а также летящих птиц, оленей, ящерц, рыб, барабанов и похожих на дома построек на столбах. Такие барабаны предназначались, вероятно, для совершения местных ритуалов. У нас нет их китайских аналогов, поскольку бронзовые барабаны не известны в китайской металлургии и изделия типа Хегер I

не встречаются к северу от Юньнаньского нагорья.

Сообщество местонахождения донгсон может быть охарактеризовано как стратифицированное деревенское общество, которое использовало, например, бронзовые барабаны, бронзовые сосуды, гончарные изделия, железные наконечники копий, струги с вытянутыми или серповидными режущими кромками, «сапогообразные» топоры, украшенные изображениями лодок и птиц-людей, наконечники копий и стрел, лопаты и мотыги, зубчатые наконечники стрел и кинжалы нескольких типов, которые можно отнести к более ранней культуре с «сапогообразными» топорами.

Изделия в стиле донгсон также находят за пределами Северного Вьетнама и Юньнани. В Таиланде они найдены, например, в провинциях Накхонпханом (местонахождение Бандонтан), Каласин (округ Кучиннарай), Уттарадит (округ Лаблае), Канчанабурри (пещера Онгбах), Супханбури (округи Дермбангангбуат и Утхонг), Накхонситхаммарат (округи Чхаванг и Муанг), Чумпори (Кхаосямкае), на острове Самуй (где найден барабан с сердоликовыми бусами внутри) и в Сурат Тани. Вопрос о том, развивалась ли в Северном Вьетнаме бронзовая культура независимо от бронзовой культуры в Юньнани, пока не решен.

В Камбодже бронзовые барабаны были найдены в Ойак, регион Млупреи, в Самрунге, Мадуре и Кандаде. Такие барабаны также встречаются в Лаосе. Распространение изделий, относящихся к культуре донгсон можно видеть по шести фрагментам барабанов типа Хегер I и колокольчикам, найденным в Кланг и Тембелинг (Атупасиргарам), которые на основе стилистических особенностей датированы II в. до н.э. Еще один бронзовый колокольчик был обнаружен в Кампунг-Пенку вблизи реки Муар в штате Джохор (Малайзия). Другие фрагменты были найдены в предполагаемом могильном холме в Кампонгсунгайланг в штате Селангор и в Куала-Тренгану на восточном побережье полуострова.

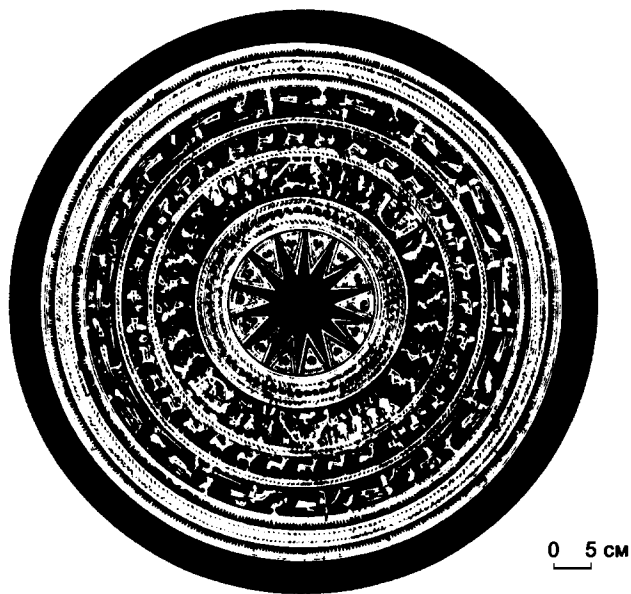

Рис. 24. Барабан из Донгсон, найденный в 1893–94 гг. в Нхутрак, Линьян, провинция Ханамнинь (Вьетнам); диаметр 79 см, высота 63 см. Художественное оформление: на верхней плоскости – солнечная звезда с 14 лучами; последовательные группы натуралистических фигурных изображений; две группы оленей, идущих гуськом, перемежающиеся двумя группами летящих птиц; 18 летящих птиц, перемежающиеся 18 сидящими птицами; на корпусеверху – лодки; в средней части – танцующие фигуры; нижняя часть – без украшений (по Pham Huy Thong, 1990)

На цепи индонезийских островов найдено 26 бронзовых барабанов, в основном на Яве и Суматре. Такие барабаны находят и далеко на востоке вплоть до островов Кай, расположенных к югу от индонезийской провинции Ирианджая на острове Новая Гвинея. Важные предметы, найденные в Индонезии, включают барабан «Макаламау» с острова Сангеанг, находящегося около острова Сумбава, с изображением фигур, одетых, вероятно, в костюмы времен китайской династии Хань и кушанские костюмы (Северная Индия), а также барабаны с островов Кай с изображением охоты на оленя и тигра и с острова Салаяр с изображением слонов и павлинов. Эти барабаны не похожи на местные изделия, поскольку изображенные на них сцены, в особенности на барабане «Макаламау», включают рисунок не типичной для местной культуры, а, вероятно, относящейся к заморской культуре свайной постройки с седлообразной крышей, разделенной на части мансардой, с основным полом и цокольным этажом. В других сценах, изображенных на этом барабане, видны фигуры людей, оказывающих почтение барабану и потому коленопреклоненных вокруг барабана. На его основании изображены свинья, два цыпленка и собака. По своему стилю и по высокому содержанию свинца в металле барабан похож на большинство малайзийских и индонезийских бронзовых барабанов типа Хегер I, которые были изготовлены во Вьетнаме до исчезновения культуры донгсон в I в. н.э. Считается, что украшенные барабаны типа донгсон и си-

тулы (сосуды в форме ведра. – *Прим. ред.*) в основном изготавливались литьем вместе с украшением методом выплавки восковых элементов, который до III в. до н.э., по-видимому, отсутствовал в китайском литье. Ни в Китае, ни в Таиланде, Лаосе, Камбодже и Малайзии не встречаются литейные формы для изготовления барабанов такого типа. Вопрос об их происхождении может быть решен только путем сравнительного изучения, при котором будут рассмотрены и барабаны из Юньнана и Северного Вьетнама. Так как эти барабаны были легкими, то их, вероятно, перевозили по суше, рекам и морю ко всем упоминавшимся выше местам.

Вопрос о назначении этих бронзовых барабанов или литавр остается нерешенным. Однако, вероятно, они имели определенное назначение при похоронных обрядах и в ритуале, связанном с плодородием, а также, возможно, использовались как символ положения в некоторых культурных группах.

До сих пор не найдено ни одного барабана типа Хегер I на острове Калимантан, в Восточной Малайзии, на острове Сулавеси, Молуккских островах и на Филиппинах. Возможно, эти места не были включены в древние торговые сети с бронзовыми культурами Северного Вьетнама и Юньнана.

После появления бронзовых изделий на Малайском архипелаге и в Малайзии здесь появились местные центры обработки металлов. Каменные и терракотовые формы использовались для литья медных и бронзовых топоров в некоторых местах на Яве, в малайзийском штате Сабах (остров Калимантан) и на островах Талауд. Особый тип бронзового барабана в форме песочных часов высотой почти 2 м найден в Педженге на острове Бали.

Множество медных и бронзовых поделок, найденных в Индонезии, также могли быть привезены из Вьетнама или Юньнана. Одним из таких предметов является статуэтка мужчины, похожая на рукоятку кинжала из Донгсона, найденная в Сатусе около города Богор (остров Ява), другие представляют собой миниатюрные барабаны типа Хегер I из Сибадака (Западная Ява) и, возможно, статуэтки и выпуклые браслеты из Бангкинанга (Южная Суматра). Хотя нет точных доказательств того, что эти предметы привезены из Вьетнама или Юньнана, представляется весьма вероятным, что ими, подобно барабанам типа Хегер I, торговали как символами положения рода в островных царствах.

МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Существовала доисторическая культура, иногда описываемая как мегалитическая традиция, которая процветала в основном в Индонезии и Малайзии. К ней можно отнести и каменные погребальные кувшины с Равнины кувшинов в Лаосе. Она включает могилы из каменных плит с погребальными подношениями, каменные монументы с резными изображениями людей и животных, дольмены, ступки, отдельно стоящие каменные глыбы и саркофаги. В Мьянме, Таиланде, Камбодже, Вьетнаме и на Филиппинах не встречается случаев использования камня для изготовления этих доисторических предметов и построек.

Что касается Индонезии, то такие объекты найдены на плато Пасемах, в окрестностях Пагаралама в Южной Суматре, на островах Ява, Бали, Сумбава и Сумба. Обычными типами погребальных предметов в могилах из плит, например, в Гунунгкидуле в Центральной Яве, служат изделия из железа с удлиненными частями для насаживания на рукоятки, разнообразные бусы из стекла и камня, гончарные изделия и бронзовые кольца. В Батугаджхе (район Пасемах в Южной Суматре) существует знаменитый каменный резной рельеф, изображающий мужчину с кольцом на ноге, идущего сбоку от слона и несущего барабан типа Хегер I.

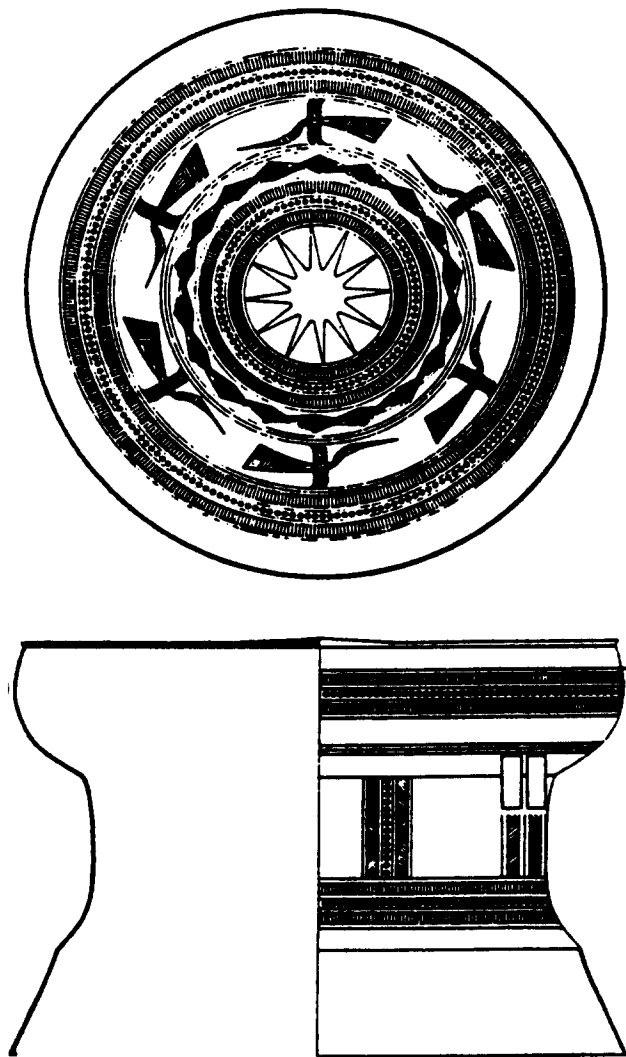

Рис. 25. Бронзовый барабан из пещеры Онгбах, округ Шрисават, провинция Канчанабури (Таиланд); высота 44,3 см (по Sorensen, 1979)

В Малайзии (в Сунгай на юге штата Перак и на севере штата Селангора) найдены могилы, сделанные из каменных плит, возможно служившие для многократных погребений. Основные погребальные приношения включали бусы из стекла и сердолика, каменные «выбивалки» для одежды, бронзовые чаши, керамические изделия, выполненные на гончарном круге предметы своеобразных местных форм из железа. Малайские могилы их каменных плит предоставляют, возможно, самые старые археологические свидетельства связей с прибрежными австронезийскими поселениями на Малаккском полуострове.

КОМПЛЕКС КАЛАНЕЙ

Развитие культуры на Филиппинах в период между 300 г. до н.э. и 300 г. н.э. характеризуется наличием скопленных погребальных кувшинов «комплекса Каланей» на острове Масбате и на побережье острова Палаван в пещерах Табон. Одна из радиоуглеродных датировок, указывающая на 200 г. до н.э., была получена на основании изучения образцов изделий из пещеры Манунгул (Табон) на Палаване. Эти образцы включают железо, стеклянные браслеты, стекло, сердоликовые бусы и пять агатовых бусин с гравировкой травлением, похожих на бусы из Биндани на острове Салебабу на северо-востоке Индонезии. В Буйдани были найдены индийские бусы с белым травлением из черного агата из кургана Сиркар в Таксиле, Пакистан (примерно I в. н.э.). Поделки из других погребальных кувшинов из пещер на этой территории включают керамические литейные формы, медные или бронзовые топоры, наконечники копий, зубчатые наконечники стрел, возможно, зубчатый гарпун, формы для отливки топоров, золотые бусы и серьги из нефрита, подобные упоминавшимся выше находкам в Сахайнь на побережье Вьетнама.

Керамика, найденная в Каланей, может быть охарактеризована элементами отделки в виде чешуйчатого рельефа или чечевицеобразных насечек по бокам или на ободке. Указанные находки включают гладкую, резную и выдавленную керамику. Похожая на эти гончарные изделия комплекса Каланей керамика обнаружена в разных местах на Филиппинах. Датировка керамики Каланей относится примерно к 200 г. до н.э.

Очевидно, что археологические местонахождения на территориях островов вокруг морей Сулавеси и Сулу, раскопки пещер Табон, комплекса Каланей на востоке малайзийского штата Сабах и на островах Талауд обнаружили очень похожие совокупности предметов, относящиеся к I тысячелетию н.э. и включавшие железные, медные и бронзовые изделия вместе с погребальными кувшинами и небольшими керамическими емкостями с костями.

ИЗДЕЛИЯ, ЗАВЕЗЕННЫЕ ИЗ КИТАЯ, ИНДИИ И БОЛЕЕ УДАЛЕННОГО ЗАПАДА

Между 300 г. до н.э. и 300 г. н.э. территория современной Мьянмы, имевшая длинную прибрежную полосу с многочисленными древними портами, а также реки Иравати и Салуин, которые стекали из Юньнана и Южного Китая, испытывала культурное влияние Западной и Центральной Азии, включая Индию и Китай. Обнаружение круглых полосатых бусин, бус из агата и сердолика, обработанных травлением, на раскопках древних местонахождений в Шрикшетре вблизи нынешнего города Пьи (Пром), в Бейктхане около современного города Таундуинджи и в Халине к северу от города Мандалай свидетельствует о ранних контактах Мьянмы с Западной и Южной Азией, в особенности с пакистанской провинцией Синд и районом современного города Таксила около Равалпинди, также на территории теперешнего Пакистана; кроме того, далее

к востоку – с территориями Восточного Ирана и даже Средиземноморья. Анализ оформления круглых полосатых бус, найденных в Мингмау, предполагает их связь с бусами из Таксилы, где в кургане Бхир были обнаружены бусы с такими же украшениями, которые отнесены к III в. до н.э. Как упомянуто выше, эти бусы из Таксилы доставлялись на территории Индонезии и Филиппин.

В Шрикшетре встречается множество разных бусин в виде животных и птиц, например слонов, львов, черепах, лягушек, соколов и жуков-скарабеев. Изделия этого типа имеют особую связь с Таксилой бактрийского периода Сиркап (с 160 г. до н.э. до 80 г. н.э.), а также с Египтом и Месопотамией. Они, возможно, использовались как амулеты. Аналогичные бусы таких же типов можно видеть в музеях Таксилы и Пешавара. Сравнение материала бус из Шрикшетры и из Таксилы и Пешавара показывает, что все они были сделаны в мастерских Таксилы и Пешавара. Бусины в виде черепахи из Таксилы, которые идентичны бусам из Шрикшетры, относятся к I в. до н.э.

Такие контакты между Мьянмой и Таксилой упоминаются и в легендарной так называемой Летописи стеклянного дворца («Glass Palace Chronicle») из района города Мандалай в Мьянме. В одном из отрывков «Летописи» некий король Беринда из Шрикшетры, якобы правивший с 39 по 51 г. н.э., был послан учиться в Таксилу и «был глупо сведущ в медицине, чарах и Ведах». Хотя этот отрывок, вероятно, основан на произведениях, относящихся к джатаке – жанру древнеиндийской литературы, в которых упоминаются подобные контакты с Таксилой некоторых царей Магадхи (Бихар, Индия), вполне возможно существование таких традиционных отношений между государством народа пью – Шрикшетрой и далекой Таксилой.

Что касается гончарных изделий, то в Бейктхане и Винке, к северу от Тхатона, найдены части «поливочного» сосуда Кенди, называемого «*күзас*», – того же типа, который был найден при раскопках в древнем порту Банхор на одном из рукавов Инда в Пакистане. Этот сосуд относится к периоду правления шакьев-паллавов, т.е. между I в. до н.э. и II в. н.э. Другое изделие из Шрикшетры, родственное изделиям из Средиземноморья, – терракотовый светильник в римском стиле, обнаруженный на острове Паган. Подобные предметы найдены и в Банхоре.

Среди других интересных предметов найдены два кольца-печатки из синего стекла, одно с изображением трезубца, а другое – с резной фигурой, изображающей Персея, держащего голову Медузы. Они имеют, вероятно, римское происхождение и могут быть датированы II–III вв. н.э.

Похожие находки предметов, привезенных из Индии и Западной Азии, также встречаются в Таиланде. Позднее доисторическое местонахождение, обнаруженное тайскими и зарубежными археологами в Бандонтапхете в провинции Канчанабури, является, видимо, кладбищем, на котором найдены останки неполных скелетов; вероятно, это было место вторичных захоронений. Эти находки датируются примерно началом I тысячелетия н.э. Вместе с человеческими костями найдены погребальные подношения, включающие очень тонкие бронзовые чаши, на одной из которых выгравированы контуры женской фигуры; вид и детали этого изображения указывают на его западноазиатское происхождение. Кроме того, там были найдены гончарные изделия, «веретена», различные типы железных инструментов и оружия, похожие на находки из Банкао, бронзовые украшения, стеклянные бусы, бусы из агата и сердолика (некоторые с синим или черным травлением), подвески из сердолика в виде льва, украшения из нефрита, подвески или серьги из зеленого камня в виде двуглавого животного и бронзового бойцового петуха в клетке. Этот стиль «серег» также встречается в провинции Супханбури.

Украшенные с помощью травления бусы из сердолика, включая бусы в виде льва и лягушки из Утонга, провинция Супханбури, подобны бусам, найденным в Мьянме и Таксиле.

ПЕРЕХОД В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ОТ ПЛЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВ К ГОСУДАРСТВАМ И ЦАРСТВАМ

В Центральном Таиланде встречается множество предметов, происходивших не из Юго-Восточной Азии. Например, в местонахождении Кхансен, округ Такхли провинции Накхонсаван, был обнаружен индийский гребень из слоновой кости. Это местонахождение развилось от позднего доисторического поселения до окруженного городом, отнесенного к историческому периоду древнего монского государства Дваравати (примерно VII–XI вв. н.э.). Раскопки в Кхансен не обнаружили захоронений, что предполагает возможность того, что жители уже начали следовать индийскому религиозному обряду кремации и были знакомы с индийской системой царской власти. Радиоуглеродный анализ материала гребня указывает на I или II в. н.э. Зубья гребня отсутствуют, а на одной стороне изображен ряд символов (Солнце, Луна, ваза, улей, зонтик, раковина и мухобойка) и два коня. На другой стороне изображены дикий гусь (*хамса*). Некоторые из обнаруженных здесь гончарных изделий в общих чертах похожи на индийские, тогда как изящные блестящие, выглядящие как металлические чаши или являющиеся превосходной имитацией чаш из Шри-Ланки, или завезены оттуда.

Свидетельством наличия морских контактов между Южным Таиландом и Китаем является бронзовое зеркало с китайскими надписями, датированное I в. до н.э. Это зеркало, обнаруженное в местонахождении на восточном побережье в округе Пхунпин, провинция Накхонситхаммарат, является типичным для поздней эпохи династии Западная Хань. Ручка зеркала расположена по центру, окружена выступающей кольцевой кромкой и кромкой из восьми дуг с идущей по ним надписью. Название провинции Накхонситхаммарат связано с древним царством Тамбалинга, являвшимся важным буддийским центром на полуострове Малакка и упомянутым в буддийском каноне на языке пали («*Ниддеса*») как Тамбалингам. Считается, что это царство существовало примерно во II в. н.э. Другое царство – Таккола упоминается в «Милиндапанхе» (*Milindapancha*) в связи с тем, что посольство, посланное в III в. н.э. из «Фунана» (государство доангкорского периода на территории Камбоджи) в Индию, садилось на борт судна в Такколе. Китайское название Тоуджули идентифицируют с Такколой, а Джули может соответствовать толемеевому «Коли». Многие ученые считают, хотя и не имеют твердых доказательств, что Таккола – это современный город Такуапа, расположенный на западном побережье перешейка Кра в Южном Таиланде.

К югу от Такуапа на западном побережье в провинции Краби находится знаменитое местонахождение Куанлукпат или Кхлонгтхот. Результаты раскопок указывают на древние морские контакты с Индией и более далекими западными странами. Найденная здесь овальная каменная печать с надписью на североиндийском брахми относится ко времени между I и III вв. н.э. В Куанлукпате также было найдено много круглых камней сердолика, на одном из которых изображен Персей, держащий голову Медузы (как и на находке из Шрикшетры, описанной выше в этой главе). На другом изображена богиня мира и процветания, держащая в одной руке рог изобилия, а в другой – оливковую ветвь. На основании стиля одяжения богини датой изготовления этого камня считается период царствования римского императора Марка Аврелия (138–180 гг. н.э.).

Кроме того, на этой территории было найдено много стеклянных бус западноазиатского происхождения.

Далее к югу, в Котатинги (малайзийский штат Джохор), были найдены индийские и «римские» предметы, включавшие жемчуг. В штатах Кедах и Перак встречаются наиболее древние эпиграфические и археологические находки, которые позволяют уверенно отнести полуостров Малакку к историческому периоду.

Имеются китайские сведения о царстве в дельте Меконга, которое называлось Фуань и процветало в период со II до конца VI в., в них упоминается также о княжестве Джиньлинь в Центральном Таиланде. Это княжество стало вассальной территорией государства Фуань после того, как его завоевал некий Фан Схиман (которого некоторые ученые идентифицируют с царем Шри Мара, упомянутым в надписи Во-канх). Если принять во внимание сходство предметов, обнаруженных в Центральном Таиланде, особенно в Утонге и Накхонпатхом, предметов, найденных в порте Окео, то представляется вероятным, что Джиньлинь был расположен на реке Тхачин в нынешних провинциях Супханбури и Накхонпатхом. В III в. н.э. Джиньлинь, видимо, был важным торговым царством, поскольку среди находок в Утонге была и римская монета с изображением портрета императора Виктория (258–270 гг. н.э.).

Упомянутый выше важный порт Окео, вероятно, стал крупным центром уже во II в. н.э. Расположенный на полуострове Камау у побережья Сиамского залива, с которым он был связан широким каналом, этот порт процветал в течение многих веков как главный торговый центр региона. Раскопки на этой территории позволили обнаружить товары, ввезенные из Китая, Индии и Западной Азии. Среди самых древних находок следует упомянуть фрагменты бронзового зеркала, изготовленного в конце правления китайской династии Хань (II в. н.э.), и два римских медальона, один отчеканен во время правления Антонина Пия (138–161 гг. н.э.), а другой – Марка Аврелия (161–180 гг. н.э.). На основании палеографических исследований большое число печатей и колец с надписями на брахми из Окео можно отнести к этому же периоду. Поскольку история Окео продолжалась и долго после 300 г. н.э., она будет более детально рассмотрена в гл. 21.

Другая группа местонахождений, имевших свободный доступ к восточному берегу Сиамского залива и расположенных в провинции Прачинбури (Таиланд), развивалась со времени позднего доисторического периода до исторического периода Дваравати. Наиболее важным местонахождением является Муангпхрарот – окруженный ровом город, который был расположен в округе Шримахабхо, и город Саморакот в округе Кхокпееп. Многие из археологических находок из этих мест похожи на предметы из Накхонпатхом и Утонг, которые расположены на другой стороне Сиамского залива. К ним относятся золотые украшения, стеклянные бусы, бусы из агата и сердолика, в том числе бусы, вероятно, западноазиатского происхождения, и бронзовые предметы. В Саморакоте попадаются свидетельства раннего буддийского влияния, в частности, найдены отпечатки пары ног, вырезанные в виде рельефа в лагере, с «Колесом Закона» (*дхармачакра*), изображенным на каждой подошве с углублением посередине, пересеченной крестообразным знаком. Эти отпечатки, видимо, принадлежат Будде (*шрипада*); они сопоставимы с соответствующими индийскими образцами из Амаравати в штате Андхра-Прадеш, которые датируются II в. н.э.

Несколько находок с территории древней Чампы, которая примерно соответствует южной части нынешнего Вьетнама (к югу от города Хюэ), возможно, также относятся к рассматриваемому периоду. Они будут, однако, описаны в следующей главе.

Основные археологические данные, приведенные в настоящей главе, показывают, что к концу III в. н.э. Юго-Восточная Азия стояла на оживленном перекрестке путей между Востоком и Западом. Птолемей, писавший свои труды немного позднее середины II в., упоминает множество топографических названий, относящихся к Юго-Восточной Азии, часть которых имеет явно санскритское происхождение. Другие географические названия мест Юго-Восточной Азии можно встретить в индийских эпических поэмах (особенно в «Рамаяне», которая относится в основном к первым векам н.э.) и в некоторых текстах на пали примерно этого же периода (например в «Ниддесе»), что свидетельствует о существовании в течение первых трех веков н.э. отношений между Южной и Юго-Восточной Азией. Кроме того, некоторые упоминания о странах Юго-Восточной Азии содержатся в китайской династической летописи. Период между 300 г. до н.э. и 300 г. н.э. имеет большое значение, поскольку именно в это время закладывались основы более поздних государств этого региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BELLWOOD, P. 1979. *Man's Conquest of the Pacific: The Prehistory of Southeast Asia and Oceania*. New York.
- 1985. *Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago*. Sydney.
- BERNET KEMPERS, A.J. 1988. *The Kettledrums of Southeast Asia. Modern Quarternary Research in Southeast Asia*. Vol. 10. Rotterdam/Brookfield.
- BESACIER, L. 1972. *Le Vietnam: de la préhistoire à la fin de l'occupation chinoise*. Paris.
- CASPARIS, J.G. DE; MABBETT, I.W. 1992. Religion and popular beliefs of Southeast Asia before c. 1500. In: *History of Southeast Asia*, ed. by NICHOLAS TARLING, Vol. I. Cambridge, pp. 276–341.
- COEDÈS, G. 1971. *The Indianised States of Southeast Asia*. VELLA, W.F. (ed.). COWING, S.B. (trans.). Honolulu.
- COLANI, M. 1935. *Mégalithes du Haut-Laos*. Publications de l'École Française d'Extrême-Orient, Nos 25, 26.
- FOX, R. 1970. *The Tabon Cave*. Manila.
- FRANCISCO, JUAN R. 1988. Selected essays on Mindanao art and culture. *Mindanao Journal* XIV, 1–4, University Research Center, Mindanao State University, Marawi City, Philippines.
- GORMAN, C.; CHAROENWONGSA, P. 1976. *Ban Chiang: Mosaic Impressions from the First Two Years*. Expedition, Vol. 18, 4, pp. 14–26.
- HALL, KENNETH R. 1992. Economic history of Southeast Asia before c. 1500. In: *History of Southeast Asia*, ed. by NICHOLAS TARLING, Vol. I. Cambridge, pp. 183–275.
- HEEKEREN, H.R. van. 1958. *The Bronze-Iron Age of Indonesia*. The Hague, Verhandeligen Koninklijk Instituut.
- HIGHAM, C. 1989. *The Archaeology of Mainland Southeast Asia: from 10,000 BC to the Fall of Angkor*. Cambridge. (Cambridge World Archaeology.)
- HOOP, A.N.J. van der. 1932. *Megalithic Remains in South Sumatra*. Bandung.
- JACQ-HERGOUALC'H, M. 1992. *La Civilisation de Ports-Entrepôts du Sud-Kedah (Malaysia), V-XIV siècle*. Paris.
- JANSE, J.M. 1958. *The Ancient Dwelling Site of Dong Son (Thanh-Hoa, Annam)*. *Archaeological Research in Indo-China*. Vol. III. Cambridge, Mass.
- KRAIRIKSH, P. 1987. *A Guide to the Art and Antiquities in Thailand*. Bangkok.
- PARMONTIER, H. 1924. *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient*. Vol. 24, pp. 325–43.
- PHAM HUY THONG. 1990. *Dong Son Drums in Vietnam*. Japan.
- SARAYA, D. 1989. (Sri) Dvaravati: The Initial Phase of Siam's History. Bangkok (in Thai with English abstract).
- SLAMET-VELSINK, INA E. 1986. *Emerging Hierarchies. Processes of Stratification in the Indonesian Archipelago*. Ph.D. Thesis, Leiden.
- SMITH, R.B.; WATSON, W. (eds). 1979. *Early South East Asia: Essays in Archaeology, History, and Historical Geography*. Kuala Lumpur.
- SOEJONO, R.P. 1966. *Gilimanuk, An Early-Metal Age Settlement; A Preliminary Report on an Archaeological Excavation*. XIth Pacific Science Congress, Tokyo.
- 1972. The distribution of types of bronze axes in Indonesia. *Bulletin of the Archaeological Institute of the Republic of Indonesia*, No. 9.
- SOLHEIM II, W.G. 1960. *Jar Burial in the Babuyan and Batanes Islands and in the Central Philippines*. *Philippines Journal of Science*, Vol. LXXXIX, pp. 115–48.
- SORENSEN, P. 1979. *The Ongbah cave and its fifth drum*. *Early South East Asia: Essays in Archaeology, History and Historical Geography*. SMITH, R.B.; WATSON, W. (eds). New York and Kuala Lumpur.
- UNESCO. 1978. *Bronze Culture in Asia: An Archaeological Study on Bronze in East and Southeast Asia*. Reports and papers submitted at the UNESCO Symposium on Bronze Culture, Bangkok 1976. Teheran, Asian Cultural Documentation Centre.
- VAN DE VELDE, PIETER. 1984. *Prehistoric Indonesia. A Reader*. Verhand. Kon. Inst. 104. Dordrecht-Cinnaminson.
- YOU DI, C. 1975. *Ban Chiang Prehistoric Cultures*. THOMPSON, S.; SCANDLEN, M. (trans.). Bangkok, Fine Arts Department.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ с 300 до 700 г. н.э.

Срисакра Валибхотама и Дхида Сарайя

Илл. 120–125

Период с 300 по 700 г. н.э. – это доисторический период Юго-Восточной Азии; при этом в дополнение к археологическим данным мы располагаем также некоторыми письменными источниками, в том числе древними надписями и иностранными упоминаниями, главным образом китайскими, а также индийскими, греческими и римскими, которые могут служить источниками для установления научной и культурной истории региона. Такие названия, как Суварнабхуми и Суварнадвипа, использованные индийскими авторами, Хризе Херсонесос («Золотой полуостров») у греков и Джиньлинь у китайцев имеют одинаковое значение – «Страна Золота». В китайских источниках, относящихся к первым векам н.э., упоминаются такие царства, как Фунань (*Funan*), Лангьясиу (*Langyaxiu*), Банпан (*Banpan*) и Линьи (*Linyi*), в то время как греки, в особенности в «Перифе» (*Periphus*) и «Географии» Птолемея (I–II вв. н.э.), сообщают нам о торговом центре Таккола (*Takkola*) на восточном побережье полуострова Малакка, о Ябадиу (*Iabadiou*), т.е. острове Ява, и о некоторых других местах. Безусловно, Юго-Восточная Азия была вовлечена в межрегиональную торговую сеть и стала важным звеном в отношениях между Востоком и Западом.

Еще менее полувека назад древняя Юго-Восточная Азия изучалась главным образом с помощью зарубежных документов. Вследствие этого все политические и культурные достижения приписывались влиянию культур Индии и, особенно во Вьетнаме, – Китая. Предполагалось даже, что формирование государств в этом регионе происходило благодаря деятельности индийских браминов, князей и торговцев, которые брали невест из Юго-Восточной Азии и вокруг которых появлялись центры постепенного распространения индийского влияния. От таких представлений в настоящее время уже отказались. Сейчас считается, что на многих территориях Юго-Восточной Азии в первые века н.э. уже сформировались племенные объединения и мелкие государства. Для местных правителей, которые вступали в контакт с иностранцами, главным образом в процессе торговли, были привлечены некоторые элементы индийской цивилизации, и впоследствии они ее приняли и приспособили для собственных нужд. Таким способом мелкие племенные объединения могли превращаться в образования индийского типа, которые внешне напоминали государства индо-пакистанского субконтинента. Другими словами, побудительные основания для преобразования племенных объединений в истинные государства находились в самой Юго-Восточной Азии.

Что касается китайского влияния, то это был совсем другой процесс. Он ограничивался Северным Вьетнамом, который был завоеван и до некоторой степени колонизирован китайцами даже до рассматриваемого периода.

Это привело к введению китайской системы управления и распространению влияния конфуцианства. Эта система сохранилась даже после получения Вьетнамом независимости в X в. Однако за пределами Северного Вьетнама китайское культурное влияние было очень ограничено.

В начале рассматриваемого периода этническое распределение народов весьма отличалось от современного, особенно на материковой части Юго-Востока Азии. На большей части территории Южной Мьянмы и Таиланда преобладал народ мон, родственные кхмерам Камбоджи, в то время как большая часть Центральной Мьянмы была населена народом пью, родственным бирманцам (но и явно отличавшимся от них); территория, на которой они проживали в основном была ограничена самой северной частью страны. Народы группы таи, с другой стороны, обитали главным образом лишь у северных границ страны, которой они дали свое название, а в основном расселились на территории современной китайской провинции Юньнань. Что касается кхмеров, то они заселяли не только нынешнюю Камбоджу, но и части Восточного Таиланда и дельту Меконга. Подобно бирманцам, вьетнамцы жили лишь в северной части страны, носящей их имя, тогда как вся прибрежная территория от Кол-де-Нюаж до северного края дельты Меконга была заселена главным образом народом, называемым чамы (тямы), язык которого представляет собой промежуточную форму между языками австронезийской семьи, включающей почти все языки Индонезии и Филиппин, и группой мон-кхмерских языков. На протяжении всей древней истории материковой части Юго-Восточной Азии отличается явно выраженное постепенное перемещение народов к югу, которое принимало разные формы в различных частях этого региона.

В морской части Юго-Восточной Азии, включающей современные Индонезию, Малайзию, Сингапур, Бруней и Филиппины, этнические изменения были менее выраженными, хотя все же происходили. О населении полуострова Малакка в рассматриваемый период имеется мало сведений, поскольку все немногие известные надписи, датируемые периодом до 700 г. н.э., выбиты на санскрите. За исключением народа оранг-асли, который в большинстве западных публикаций описывается как аборигены, население, вероятно, в основном состояло из народов, имевших происхождение из разных мест, в частности с Суматры.

Если население материковой части Юго-Восточной Азии представляло собой мозаику из разных этнических групп, лишь в очень ограниченной степени отраженную на современной карте региона, то морская часть Юго-Восточной Азии, состоящая из разных государств, имеет меньше этнических и лингвистических различий. Хотя здесь тоже используется много разных языков, но почти

все они принадлежат к одной большой семье австронезийских языков. В культурном отношении этнические различия также кажутся гораздо менее выраженными, по крайней мере до того времени, когда внешние влияния сделали их ощутимыми. Эти влияния, особенно из Индии и Китая, ограничивались в основном территориями, располагавшимися вдоль или вблизи от основных морских путей древнего мира, т.е. прежде всего западной частью региона. Несмотря на различный характер таких влияний, существует некоторое родство между всеми культурами этой обширной территории морской части Юго-Восточной Азии, что не отмечается на ее материковой части.

Такие различия в Юго-Восточной Азии, которые здесь более выражены, чем в Китае или даже в Индии, создают сложные проблемы для историков, пытающихся рассмотреть этот регион как некую общность. Подобная ситуация, конечно, не ограничивается Юго-Восточной Азией; например, историки Западной Европы также сталкиваются с подобными проблемами. Существует только один способ описать развитие столь разнородного региона: дать описание по разделам, касающимся отдельных территорий всего региона, но при этом уделять внимание общим факторам и взаимным связям. Именно такой метод используется в настоящем обзоре.

ПИСЬМЕННОСТЬ И ИНДИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Возможно, самым важным отдельным фактором, приведшим к наибольшим изменениям с IV в. н.э., является введение письменности, происходившее под влиянием Индии и – во Вьетнаме – под влиянием Китая. В IV–V вв., а возможно и немного ранее, появились надписи на камнях во многих частях региона, в особенности на полуострове Малакка на территории нынешнего малайзийского штата Кедах, на Западной Яве, Восточном Калимантане и на восточном побережье современного Вьетнама (древняя Чампа). Важность грамотности, даже если ею владела часть населения, невозможно переоценить. В отличие от устной передачи знаний, письменное слово не ограничено временем и местом. Так, тексты, написанные на других континентах тысячи лет назад, не потеряли свою силу при коммуникациях. Наоборот, трудно себе представить крупное государство без использования некоторой формы письменности.

До VII в. все известные надписи были составлены на санскрите и выражены шрифтом, происходившим с восточного побережья Южной Индии, обычно называемого государством Паллаво. Только в VII в., незадолго до конца рассматриваемого периода, появились свидетельства использования для официальных целей языков Юго-Восточной Азии, в частности старомалайского на Суматре, старохмерского в Камбодже, старочамского в Чампе и, возможно, старомонского в Таиланде, за которыми вскоре последовал и старояванский на Яве.

В то время как использование шрифта Паллаво указывает на юг Индии, санскрит не имеет таких региональных ограничений, а указывает на Индию в целом, в особенности – на самые высокие слои древнеиндийского общества. Хотя многие части Юго-Восточной Азии уже достигли высокого уровня цивилизации и до возникновения влияния Индии, это не относилось к письменности и к использованию языка для бюрократических целей. И то и другое, однако, являются необходимыми предпосылками для формирования настоящего государства. Что касается санскрита, то этот язык уже стал совершенным инструментом для всех видов административной, литературной и научной деятельности. Поэтому неудивительно, что местные правители и вожди усвоили его после того, как в первые века н.э. они вступили в контакт с индийской культурой.

САМЫЕ РАННИЕ ЦАРСТВА В МОРСКОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Как уже было указано, самые древние «индианизированные» царства возникли вдоль основных морских путей. После некоторых из них остались многочисленные надписи, другие известны лишь из упоминаний в китайских текстах. Хотя информация, содержащаяся в надписях, обычно весьма ограничена, они все же имеют исключительно важное значение как подлинные документы. Китайские сообщения, с другой стороны, дают больше информации, но их трудно использовать. Во многих случаях китайская транскрипция географических названий Юго-Восточной Азии часто исключает точную идентификацию соответствующего города или царства. Кроме того, эта информация часто не содержит общих подходов, а касается лишь отдельных деталей, которые удивили китайских путешественников, как удивили они и западных путешественников спустя много веков. Все же иногда китайские упоминания дают нам очень точную и поэтому ценную информацию.

В этой связи можно привести несколько примеров, первый из которых связан исключительно с надписями, два других известны из китайских источников, и, наконец, еще один также основан на надписи.

На Восточном Калимантане в местонахождении у города Муаракам на берегу реки Махакам, примерно в 160 км от современного города и порта Самаринда, было найдено семь каменных колонн, относящихся к IV или V в. н.э., со стихами на санскрите, выбитыми с использованием южноиндийского шрифта Паллаво. Надписи посвящены деятельности короля Мулавармана, который соблюдал некие великие ритуалы и делал очень дорогие подарки, вероятно, индийским браминам. Складывается впечатление, что эти ритуалы, выраженные четкими санскритскими терминами, фактически были местными праздными церемониями, в которых царь демонстрировал свое величие и щедрость по отношению к народу, и, вероятно, служили средством укрепления его власти и престижа среди племен, населявших эту часть огромного острова. В конце церемонии характер этих ритуалов был выражен в санскритских стихах и высечен на священных колоннах, называвшихся *yupa* (*yupa*). Король Мулаварман называет себя внуком некоего Кундунги, имя которого, видимо, указывает, что он был не индийцем, а местным вождем. Его сын и внук, очевидно, преобразовали это племенное сообщество в царство, которое они организовали по индийским правилам, согласно которым важную роль в нем играли образованные брамины. Неизвестно, что привело браминов в эти отдаленные места, но предполагают, что главным побудительным фактором было золото, встречающееся на этой территории.

Хотя у нас нет более поздних сведений вплоть до создания на этой территории мусульманского султаната Кутей, возможно, что это царство существовало еще в течение веков после правления Мулавармана. В других частях этого региона примерно в этот же период также возникали небольшие царства. Пример «индианизированного» царства на полуострове Малакка около перешейка Кра содержится в китайских источниках. Они дают детальное описание царства, название которого в переводе с китайского означает «Красная земля». Это описание интересно потому, что указывает на удивительное богатство довольно небольшого царства: «Он (царь) обитает в городе Сенгчжи, который имеет тройные ворота, расположенные на расстоянии более ста шагов друг от друга. На каждых воротах нарисованы летящие духи, бодхисаттвы (будущие Будды) и другие бессмертные, и они увешаны золотыми цветами и светлыми колокольчиками. Несколько десятков женщин играют на

музыкальных инструментах или держат золотые цветы и украшения. У ворот стоят четверо мужчин, одетых как гиганты (*джинганг* – *jingang*), возвышающиеся по сторонам буддийских пагод. Те из них, что стоят снаружи ворот, держат в руках боевое оружие, а те, что стоят внутри, носят белые одежды и собирают цветы в белые сети. Все здания царского дворца состоят из множества павильонов с дверями на северной стороне. Царь сидит на трехъярусном ложе лицом на север, одетый в розовые одежды с гирляндами золотых цветов и ожерельями из разных драгоценных камней».

Далее в тексте упоминается о браминах и множестве должностных лиц с индийскими титулами. В целом это типичное государство, построенное по индийскому образцу, основанное в стратегически важной части перешейка Кра, которое контролировало торговлю полуострова между Малаккским проливом и Сиамским заливом. Почти не остается сомнений в том, что архипелаги вблизи современного Сингапура до основания в конце VII в. государства Шривиджайя кишели пиратами, так что торговцы предпочитали обременительную транспортировку грузов при помощи проводников риску потерять весь груз. Из других отрывков этого китайского описания можно заключить, что небольшое царство было организовано по индийским правилам с чиновниками, носившими санскритские титулы. Ясно, однако, что это было не индуистское, а буддийское царство, являющееся примером раннего проникновения буддизма в Юго-Восточную Азию. Другие китайские заметки, относящиеся к царству Дунсун, расположенному на полуострове далее к северу, обращают внимание на присутствие многочисленных индийских браминов. Поэтому ясно, что и буддизм и индуизм вносили вклад в распространение индийской культуры. Следует подчеркнуть, однако, что нет никаких доказательств индийских завоеваний в Юго-Восточной Азии. Все индийское влияние, насколько нам известно, связано, по-видимому, с деятельностью монахов-буддистов или мирян, а также браминов.

Следующий пример особенно интересен тем, что отражает связь между буддизмом и торговлей. На колонне из Букит-Мериам в современном штате Кедахе около устья реки Сунгаймуда выполнен рисунок прекрасной *стуты* с несколькими надписями шрифтом Паллаво в V в. Эти надписи состоят из санскритских стихов, указывающих, что «невежество порождает карму, тогда как знание не порождает карму и потому не способствует перевоплощению». Наиболее интересной деталью, однако, является упоминание о моряке-капитане по имени Буддагупта, который поставил эту колонну в знак благодарности за безопасное путешествие и обеспечение своего безопасного возвращения (*сиддхактра*). Он, возможно, был индийским торговцем, который сочетал свою коммерческую деятельность с буддийской набожностью – сочетание, весьма характерное для древней Индии.

На Западной Яве также имеется множество надписей на санскрите, рассказывающих о важном царстве, которое, вероятно, было современником древних центров в Кутеи и Кедахе в конце IV или в первой половине V в. н.э. Интересной, хотя и не неожиданной подробностью является тот факт, что это царство появилось не в центральной или восточной частях острова, где находилось большинство процветающих классических цивилизаций, а в его западной части, о которой до настоящего времени имеется очень мало исторических данных, особенно о временах до XIV в.

Недалеко от нынешнего Богора (Ява), примерно в 60 км к югу от Джакарты, было найдено несколько наскальных надписей, написанных шрифтом Паллаво. Они сообщают нам о могущественном царстве по имени Пурнаварман, которого восхваляли некоторые из выбитых стихов. Наиболее поразительной особенностью этих надписей

является то, что они сопровождаются большими отпечатками ног. В трех надписях заявляется, что это отпечатки ног царя Пурнавармана, правителя царства Тарума; четвертая надпись также сопровождается отпечатками ног, но не царя, а его слона! То, что отпечатки ног принадлежат царю (или его слону), следует из текста санскритских надписей. Так, короткая надпись на скале у реки Кхи-Артеун, примерно 15 км к западу от Богора, выполнена в форме санскритского стиха (*шлока*) и в переводе Vogel'a гласит: «[Эта] пара следов, подобных следам Вишну, принадлежит доблестному господину земли, прославленному Пурнаварману, [который] является правителем города Тарума».

Название города или царства Пурнавармана (санскритское слово *нагапа* в оригинале фактически означает и то и другое) – Тарумы, несомненно, сохранилось в названии самой большой реки Западной Явы – Ситарум, которая берет начало в горах вблизи Бандунга и впадает в Яванское море севернее современного Краванга. Поскольку это примерно в 30 км к востоку от места, где была найдена самая восточная из надписей о Пурнавармане, то, следовательно, его царство не ограничивалось небольшой территорией вблизи Богора.

На западе царство Тарума, вероятно, распространялось до Зондского пролива, поскольку недалеко от западного побережья в Южном Бантене была найдена еще одна надпись, вырезанная в скале у реки. Таким образом, царство Пурнавармана должно было включать значительную часть современной провинции Западная Ява.

Самый длинный текст Пурнавармана находится на стене, найденной в Туту, в нескольких километрах к востоку от порта Джакарты Танджунгпериук. В нем написано о рытье «реки», т.е. канала длиной, возможно, 10–12 км. Надпись также упоминает, что прокладка канала продолжалась двадцать один день, и указывает точные даты начала и завершения работ. Большая часть надписи посвящена детальному описанию этих работ, хотя многие термины остаются неясными. Поскольку эта территория даже в недавнем прошлом подвергалась сильным наводнениям, автор надписи справедливо заключил, что главной целью Пурнавармана при рытье канала является предотвращение наводнений в будущем и создание безопасных условий для сельского хозяйства и мест проживания.

Значение отпечатков ног не вполне ясно. Отпечатки ног Будды, Вишну и других индуистских богов хорошо известны в индийских и им подобных культурах. Поклонение отпечаткам ног людей, не говоря уже о слонах, – это совсем иное дело. Можно предполагать, что Пурнаварман считал себя богом, но это представление о божестве не подтверждается текстом надписей Пурнавармана. Сам факт сопоставления отпечатков ног царя с отпечатками ног Вишну является, вероятно, не более чем литературным украшательством. Поклонение отпечаткам ног людей, однако, встречается на нескольких островах Индонезии, особенно на небольшом острове Ниас к западу от Суматры. Это показывает, что несмотря на санскритское имя Пурнавармана и санскрит надписей, сам царь был, несомненно, индонезийцем, имевшим корни в древней культуре своей страны, хотя он и усвоил многое из классической индийской цивилизации. Это заключение согласуется с результатом анализа надписей Кутеи: индонезийцы, хотя и подвергались сильному индийскому влиянию, по существу сохраняли свою культуру, обогащая ее элементами других культур.

Подобные, хотя и не столь детальные данные существуют и в отношении многих других государств, появившихся примерно в тот же период и располагавшихся вдоль морских торговых путей. Они помогают провести вероятную реконструкцию того, как возникали эти ранние царства. В предыдущей главе показано, как еще до рассматриваемого периода в разных частях этого региона появля-

лись различные центры. Между такими центрами с ранних времен существовали связи, что доказывается на примере с распространением так называемых литавр. Поскольку моря и проливы Юго-Восточной Азии были относительно спокойными, то осуществление таких связей не представляло серьезной проблемы. В целом складывается впечатление, что это была эпоха деловых коммуникаций между индо-пакистанским субконтинентом – с одной стороны, и Юго-Восточной Азией – с другой. Такие связи привели, особенно в IV–V вв. н.э., к распространению великих индийских религий, искусства письма и к появлению «индианизированных» государств.

САМЫЕ РАННИЕ ЦАРСТВА В МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Такое развитие ни в коем случае не ограничивалось морской частью Юго-Восточной Азии. Напротив, оно было даже более выраженным на материке, где в результате появилось несколько больших царств. Возникновение первого царства – теперешней Камбоджи, которое в Китае было известно под названием Фунань (исходное для этой китайской транскрипции название неизменно), относится по крайней мере ко II в. н.э. При раскопках местонахождения Окео вблизи западного побережья полуострова Камау были обнаружены остатки прямоугольного в плане поселения, связанного с Сиамским заливом сетью каналов. Датировка этого места II в. основана на находке римской медали императора Антонина Пия (152 г. н.э.). Здесь же было найдено много других предметов из Средиземноморья, Индии и Китая, которые свидетельствуют о большом значении этого места как центра международной торговли.

Что касается возникновения царства Фунань, то существует легенда, которая описывает, как индийский брамин Каундинья высадился на побережье нынешней Камбоджи и вступил во владение страной, бросив копье и установив в месте его падения центр своего царства. Впоследствии он женился на дочери местного вождя и стал основателем династии, правившей этой страной в течение столетий. Часто считается, что эта легенда отражает подлинные исторические события, но с той же вероятностью можно считать, что это лишь изящный миф, символизирующий рождение царства на основе соединения местной наследственной власти и иностранной культуры. Китайские документы доносят до нас много сведений о политической истории этого царства вплоть до его распада в начале VI в., а также об экономике и фольклоре. О культуре царства Фунань китайские источники дают мало информации. Недостаток ее до некоторой степени компенсируется несколькими санскритскими надписями, относящимися к последнему периоду этого царства.

Вследствие этого мы не имеем данных для определения даже первоначального названия этой страны и этнической принадлежности большинства ее населения. До тех пор пока не будут получены какие-то данные, представляется вероятным, что это были кхмеры, поскольку самые ранние из относящихся к VII в. надписей – это надписи на древнем кхмерском языке. Считается также, что название «Фунань» – это китайская транскрипция широко известного кхмерского слова *пнам* (*phnom*), что значит «горы». Если это верно, то неплохо будет сохранить данное название для Камбоджи периода VII в.

Согласно другим китайским данным, Фунань была большим и преуспевающим государством, которое в течение многих веков контролировало прибрежные территории Сиамского залива и северную часть полуострова Малакка. Как уже кратко упоминалось, существует несколько надписей, относящихся к последнему периоду этого царства. Они свидетельствуют о сохранявшейся важности ин-

дуизма, но также и буддизма. Хотя не имеется остатков храмов или других религиозных построек, которые могут быть отнесены к царству Фунань, тем не менее существует множество каменных изображений, которые стилистически близки скульптуре примерно VI в., характерной для эры правления индийской династии Гупта.

Фунань пришла в упадок во второй половине VI в. и распалась в начале следующего века, когда в северных и/или других частях царства подняла мятеж новая династия, основавшая новое государство со столицей в Ишанапуре. Прежде чем рассмотреть эти перемены, необходимо обратить внимание на некоторые другие части Юго-Восточной Азии.

Как видно из гл. 20, северная часть современного Вьетнама начиная с начала III в. до н.э. была занята китайцами. Однако в течение более двух веков эта территория пользовалась значительной автономией, но в I в. н.э. она подпала под прямое китайское управление и была частично колонизирована китайскими поселенцами. Хотя вьетнамцы никогда не были ассимилированы и часто восставали против китайского правления, их культура подверглась сильному китайскому влиянию: вьетнамская литература и искусство принадлежат скорее к китайской сфере, чем к сфере Юго-Восточной Азии.

Это применимо, однако, только к северной части страны, включающей равнину Красной (Хонгха) и Черной (Да) рек и восточное побережье к югу – до района нынешнего Дананга. Южную часть страны занимало индианизированное царство Чампа, образовавшееся в 192 г. н.э. (согласно китайским источникам, в которых это царство называется Линь). Такое состояние приводило к частым стычкам на границе, которая в связи с этим была непостоянной. Вероятно, перемещение вьетнамцев на юг, начавшееся в древние времена, приняло форму мирного проникновения, при котором в необитаемые районы приходили небольшие группы вьетнамских поселенцев. Это продолжалось до XVI в., когда Чампа исчезла как государство, но его первоначальное население – чамы, все еще является заметным национальным меньшинством в современном Вьетнаме.

История Чампы с конца II по IV в. известна только из китайских письменных источников, которые касаются главным образом столкновений на границе, отделившей это государство от занятого китайцами Вьетнама. В этой связи китайцы упоминают имена многих чамских царей, но, как всегда, – в китайской транскрипции. Почти все названия начинаются с «Фан», что, вероятно, является транскрипцией слова «Варман», в переводе с санскрита означющего «укрепление, защиту», и действительно являющегося частью имен большинства более поздних правителей Чампы (и, по совпадению, многих других династий в Юго-Восточной Азии).

Самая древняя надпись (на санскрите), обнаруженная на этой территории, нанесена на уже упоминавшуюся стелу Воканх около теперешнего Нхатранга и повествует о царе по имени Шримара. Письмо этой фрагментарной надписи – явно самое старое из всех известных в Юго-Восточной Азии. Его сравнивают с надписью Джунагарх из Рудрадамана в современной Саураштре (Западная Индия) и с надписью III в. Икшваку из Андхра-Прадеш. Она датируется II или III в. н.э. Предполагается, однако, что этот Шримара был царем не Чампы, а «Фунани», которая временно доминировала в этой южной части Чампы.

С IV в., однако, появляются надписи, которые несомненно исходят от чамских правителей, в частности, в провинции Куангнам к югу от нынешнего Дананга. Многие из них принадлежат наиболее впечатляющему археологическому местонахождению Чампы – «цирку» Майсон, представляющему собой узкую равнину, замкнутую горами, который был священным местом и где найдены развалины многочисленных храмов, которые закладывались в те-

чение нескольких веков. Среди ранних надписей, написанных на санскрите, как и в других местах, мы также встречаем самые ранние тексты на древнем языке чамов, которые могут относиться к V в.

Следует подчеркнуть, что это самый ранний пример использования языка Юго-Восточной Азии для официальных целей, в отличие от использования исключительно санскрита до VII в. во всех других частях Юго-Восточной Азии. Различные диалекты языка чамов все еще используются в некоторых частях Южного Вьетнама. Его точное отношение к другим языкам все еще неясно, но, видимо, этот язык был изначально австронезийским, тесно связанным со старомалайским, но вскоре испытал глубокое влияние соседних кхмерского и вьетнамского языков. Наиболее важным аспектом раннего использования языка чамов является то, что оно служит свидетельством осознания этнической принадлежности, которое является необходимым условием формирования подлинного государства.

Наличие такого осознания также видно из поклонения одному из воплощений Шивы – Бхадрешваре как божественному защитнику царства. Надпись царя Бхадравармана (в этот раз – на санскрите), также в Майсоне, относящаяся к концу IV в. н.э., упоминает о закладке святилища в честь Бхадрешвары. Это воплощение Шивы было представлено не статуей, а символически в виде линги – фаллического изображения, которому для обеспечения плодородия поклонялись в Индии и во многих других частях света и которое постепенно развилось в символ Шивы, одного из верховных богов господствующих сект индуизма в Юго-Восточной Азии. Считается, что творческая энергия, символизируемая лингой, идентифицировалась с мистической личностью (сукшма-шарира) царя, который тем самым был поднят выше уровня большинства других существ, однако не рассматривался как божество. Хотя Бхадрешвара является самым древним из известных примеров подобной царской идеологии, мы имеем свидетельства проявления этих идей и в других частях Юго-Восточной Азии, особенно в Камбодже, где возникло понятие *девараджа* «бог-царь», и на Южной Яве, где также поклонялись линге как божественному защитнику государства. Свидетельства о наличии этих понятий датируются, однако, второй половиной VIII – началом IX в. и потому выходят за пределы настоящей главы. Тем не менее важно помнить, что идея о царской линге впервые возникла в древней Чампе.

Как и в Камбодже, в древней Чампе преобладало поклонение Шиве, но важную часть занимал и буддизм. Одно из древнейших в Юго-Восточной Азии изображений Будды – большая бронзовая статуя из Донгдуонга, недалеко от Майсона, обычно относилась ко II или III в. н.э. на основании ее стилистического родства с искусствами Амаравати в Восточной Индии. Недавнее исследование, однако, показало, что она может быть связана со статуями Будды из Шри-Ланки и поэтому ее следует датировать примерно двумя веками позднее, чем ранее предполагалось. В любом случае эта статуя принадлежит ранней эпохе государства Чампа и поэтому доказывает присутствие буддизма в стране. По каким-то причинам это изображение представляет не исторического Будду, а более раннего Будду Дипарикару, который считался повелителем волн и поэтому ему часто поклонялись моряки, которые брали с собой его изображение перед пересечением океана. Это подразумевает, что большая статуя Будды из Донгдуонга была создана не на месте, а привезена из-за моря, вероятно, из Шри-Ланки.

В начале рассматриваемого периода территория современной Мьянмы была населена множеством разных народов и племен. Бирманцы (которых не следует смешивать с нацией бирманцев; этот термин относится ко всем национальностям современного государства Мьянма, ко-

торое также населено национальными меньшинствами, говорящими на иных языках, чем бирманский) все еще были ограничены северной частью страны, тогда как центральные и самые южные территории, как мы уже отмечали, были населены народами пью и мон. Хотя некоторые из древних городов пью, такие как Бейтхано и Халин, могут относиться к первым векам н.э., фактическая история и культура этой части Юго-Восточной Азии пока известна лишь из легенд. Только начиная с VI–VII в. появляются более надежные данные.

Наконец, история Филиппин данного периода отсутствует полностью. Это, конечно, не значит, что население этих островов, как и население восточной части островов, принадлежащих Индонезии, в это время было дикарями; это лишь подразумевает, что народы Филиппин не оставили после себя никаких письменных источников. Недавнее открытие на острове Лусон грамоты на медной пластине, датируемой 900 г. н.э., доказывает, что опасно основывать выводы лишь на отсутствии письменных источников. Следует еще раз подчеркнуть, что до нас доходит лишь минимальная часть существовавших в древности документов. Поэтому весьма возможно, что несколькими веками ранее там уже существовало хорошо организованное и образованное общество, что отражено в вышеупомянутой грамоте. При отсутствии других документов все это остается, однако, лишь предположением.

В заключение можно констатировать, что этот ранний исторический период примерно до конца VI в. н.э. характеризовался появлением множества царств, которые находились под сильным влиянием намного более древних цивилизаций Индии и в меньшей степени (за исключением Вьетнама) – Китая. Большинство этих древних центров было расположено вдоль основных морских путей в Юго-Восточной Азии. Несколько высокоразвитых цивилизаций возникло в изоляции. Как правило такие цивилизации могли возникать только благодаря контактам с другими народами, которые уже достигли высокого уровня развития. Это даст только частичный ответ на вопрос о том, почему развитая цивилизация возникает на тех, а не на других территориях, которые столь же близки к древним торговым маршрутам. До некоторой степени это явно зависело от географических факторов. Так, отмечалось, что суда, плывущие от восточного побережья Южной Индии под влиянием западного муссона должны были проходить мимо северной части Суматры и достигать материка на западном побережье полуострова Малакка около перешейка Кра и нынешних малазийских царств Кедах и Пинанг (Пенанг). Это может объяснить появление на данной территории «индianизированных» государств, но все же остается непонятным, почему этого не произошло на севере Суматры. Мы можем только заключить, что, очевидно, вожди, правившие на побережьях Северной Суматры, не были восприимчивы к предоставлявшимся им возможностям, тогда как другие энергично их использовали. Здесь мы подходим к таким вопросам, на которые история не может дать ясного ответа.

ВАЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ С КОНЦА VI ДО VII В. Н.Э.

Это был период важных перемен. В целом можно сказать, что изменения, начавшиеся во второй половине VI в., привели к появлению нескольких более крупных государств, которые господствовали в этом регионе в течение нескольких следующих веков. Царство пью на южной и в центральной части Мьянмы, монское царство Дваравати в Южном Таиланде и кхмерское царство Ишанапура изменили политический и культурный облик материковой части Юго-Восточной Азии, а появление во второй по-

ловине VII в. Шривиджайя привело к объединению большей части Западной Индонезии и юга полуострова Малакка. Такое политическое деление Юго-Восточной Азии сохранялось в течение нескольких веков и, несмотря на некоторые значительные перемены примерно в начале тысячелетия, оставалось в основном неизменным до XIII в. Появившиеся в начале этого периода более крупные государства обеспечивали большие возможности для коммуникации в данном регионе и за его пределами, включая более тесные отношения с Южной Азией (индо-пакистанским субконтинентом и Шри-Ланкой) и Китаем. По мере укрепления власти царские дворы накапливали средства для стимулирования развития искусства, архитектуры и науки. Такие основные политические структуры также являлись важными центрами социального и культурного развития.

Существует очень мало данных об искусстве и архитектуре этого региона в период до конца VI в. Археологи прежних поколений считали, что статуи Будды в так называемом стиле Амаравати, найденные в разных местах этой территории, относятся к первым векам н.э. То же относилось к нескольким «примитивным» статуям Вишну, в которых бог представлен на барельефе в скованной позе (как и в статуе четырехрукого Вишну из Сибуая на северном побережье Западной Явы). В обоих случаях, однако, теперь принято считать, что эти статуи не старше VII в. н.э.

В начале этой главы кратко упоминалось, что важное развитие происходило примерно в конце VI в. и в течение VII в. Более старые надписи из разных мест данного региона, которые датируются временем между IV и VI вв., выполненные так называемым шрифтом Паллаво, содержат некоторые палеографические различия, однако следует подчеркнуть, что эти различия явно не связаны с определенными местными особенностями. К VII в., однако, в некоторых областях проявились свои особые местные различия в письменности. Со временем местные различия становились все более выраженными и развились в самостоятельные письмена, такие как шрифт древних пью, старояванское письмо (и стилизованное письмо *кави*) и старокхмерский шрифт. Если бы не было известно происхождение надписи V в., то не было бы возможности определить это на основании только письма, а для надписи VII в. это вряд ли было бы серьезной проблемой.

То же относится и к языку. В отличие от исключительного использования санскрита для официальных целей до конца VI в., в VII в. началось применение проторегionalных языков, часто под сильным влиянием санскрита, особенно в словарном запасе. Использование таких региональных языков, как старомалайский, мон, пью, кхмер, а позднее (VIII в.) и старояванский, свидетельствует о развитии местного национального самосознания. Кроме того, использование точных дат календаря Шакьев, в котором летоисчисление начинается с 78 г. н.э., явно свидетельствует о том, что народы Юго-Восточной Азии стали осознавать важность фиксации событий и указов во времени. Ниже в обзоре мы рассмотрим влияние этих изменений в каждой из территорий данного региона.

МОРСКАЯ ЧАСТЬ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Особенно важными были перемены, происходившие на Суматре. Китайские источники упоминают о царстве Гантуоли на юге острова. Предпринималось несколько попыток идентифицировать это царство. Фонетически оно могло быть связано с названием современного города Кендари на юге острова Сулавеси, но это представляется маловероятным, поскольку в той части архипелага не встречаются никакие домусульманские находки. Суще-

ствует, однако, позднее китайское упоминание о городе Палембанг на юге Суматры, который, как считают, был столицей государства Шривиджайя в более ранние времена до Гантуоли. Если это верно, то там в VI в. и в начале VII в. существовало буддийское царство (царь которого, якобы, был обращен в буддизм, увидев некий сон).

Около середины VII в. в китайских записях упоминается другое царство с примечательным названием Малайу. В этом случае идентификация не вызывает сомнений: его столица была расположена вблизи или на месте современного города Джамби на Суматре. Малайу несколько раз посылало посольства к китайскому двору и оно также упоминается в знаменитых описаниях китайского буддийского паломника Йиджинга, который несколько раз был в Малайу. Первый раз это было в 671 г., когда Малайу было, видимо, независимым царством, но когда Йиджинг вновь побывал там примерно в 690 г., он отметил «Молую (Малайу), которое теперь Шилифоши (Шривиджайя)». Основание Шривиджайи в 683 г. (или незадолго до этого) является очень знаменательным событием, так как оно означало появление царства, которое скоро превратилось в одну из самых крупных средневековых империй региона.

Само название этого царства стало известно только восемьдесят лет назад. Китайские транскрипции интерпретировались по-разному (часто как Шрибходжа), в то время как старомалайские надписи интерпретировались как «его величество Виджайя». Выяснение истины произошло благодаря крупному французскому ученому Жоржу Коэде (*George Coedès*), который проанализировал все случаи появления этого названия и доказал, что они относятся к названию царства Шривиджайя. Представленные им доводы стали общепринятыми. Меньшее единодушие существует в отношении другого вывода Коэде о том, что столица Шривиджайи была расположена на месте современного города Палембанг на реке Муси на юге Суматры. Аргументы в пользу этого места, однако, являются довольно вескими. Ранние (VII в.) надписи, относящиеся к Шривиджайе, находят или в самом Палембанге или поблизости от него, а другие также происходят с юга Суматры или с соседнего острова Бангка. Одна из самых длинных надписей является по существу проклятием, направленным всем мятежникам, особенно должностным лицам, которые были посланы в провинции и которым грозило строгое наказание, если они восстанут против центральной власти. Возможно, это проклятие (как вода, «окрашенная» словами проклятия) «выпивалось» чиновниками перед их отправлением к месту назначения. Большой камень, на котором был написан этот текст, обнаружен на восточной окраине современного города Палембанг неподалеку от места более поздней резиденции султанов Палембанга. Поскольку у таких мест обычно имеется определенная преемственность, то это может указывать на то, что центр Шривиджайи также находился на этой территории. Конечно, можно полагать, что такое проклятие следовало получать вблизи столицы.

Эти надписи VII в., датированные 683, 684 и 686 гг. н.э., написаны на старомалайском языке, который является самой древней из известных версий классического малайского и современного индонезийского языков. В этом государственном языке использовалось много слов санскритского происхождения, часто снабжавшихся австронезийскими приставками и суффиксами, и иногда эти слова применялись в значениях, которые отличались от известных из литературы на санскрите. Поэтому представляется вероятным, что государственный язык уже прошел некоторое развитие, прежде чем были сделаны эти надписи.

Точный год основания государства Шривиджайя не известен, но кажется возможным, что это событие про-

изошло не намного раньше самых ранних надписей, вероятно в третьей четверти VII в. Такое царство, конечно, не возникло внезапно. Убедительно показано, что истоки царства Шривиджайи можно рассматривать как результат длительного периода истории малайского мореплавания. Китайские источники упоминают моряков Кунлунь, предположительно малайцев и чамов, как торговцев многими товарами в различных портах Юго-Восточной и Южной Азии. Поскольку во многих из этих портов предлагались сходные товары, то между торговцами, конечно, существовала острая конкуренция. Это, в свою очередь, могло легко повлечь за собой возникновение и других типов соперничества между разными торговыми центрами. Шривиджайя, расположенная в центре или вблизи от современного Палембанга, скоро оказалась сильнее своих соперников и во второй половине VII в. добилась господства над ними.

В древних надписях Шривиджайи иногда содержатся намеки на борьбу и походы, но не приводятся никакие детали. Существует непонятный фрагмент в конце надписи из Котакапура на северо-западном побережье острова Бангка о том, что эта надпись была высечена на камне в то время, когда флот Шривиджайи шел к «земле Ява (*бхуми*), которая не платила дань Шривиджайе». Местом назначения флота Шривиджайи, видимо, была (Западная) Ява, над которой до XI в. Шривиджайя имела некоторую власть, но недавно было высказано мнение, что эта «*бхуми ява*», возможно, располагалась на юге Суматры (провинция Лампунг), где в настоящее время расположена деревня Бумиява. Эту точку зрения трудно принять, если только не будут представлены свидетельства того, что Бумиява является древним названием, а не названием, которое дали этому месту поселенцы с острова Ява в XX в.

Очень может быть, что возникновение Шривиджайи связано с борьбой против более ранних властителей этого региона. Военные действия продолжались в течение века или дольше, а в это время новое государство проявляло свою власть по отношению к участникам этого соперничества, пытаясь монополизировать торговлю вдоль водных путей Юго-Восточной Азии. Поскольку эта попытка обязательно предполагала установление приемлемой степени безопасности в Малаккском проливе и на соседних территориях, то она должна была вызывать признательность государств, в особенности Китая, которые вели важную торговлю в этом регионе. Дружественные отношения с этой большой страной в период правления династии Тан и затем – династии Сон, по-видимому, были постоянной особенностью последующих веков. В течение почти шести веков, вплоть до середины XIII в. проявлением таких дружественных отношений являлся регулярный обмен дипломатическими миссиями и торговля. В отличие от китайских династических летописей и других текстов предыдущих веков, в которых упоминается о существовании на западе морской части Юго-Восточной Азии многочисленных царств, после конца VII в. эти источники редко упоминают какие-либо другие царства, кроме Шривиджайи.

Шривиджайя была прежде всего торговым государством, процветание которого, подобно Мелаке (Малакке) XV в., зависело от способности устранять любых серьезных соперников. Поскольку суда, плававшие между Южной Азией (Индией и Шри-Ланкой) и Восточной Азией, в особенности – Китаем, нуждались в безопасном порте, где они могли бы дожидаться изменения направления муссонных ветров, то Шривиджайя предоставляла такую возможность. Кроме того, это государство могло принуждать более мелкие центры торговли направлять свои товары в Шривиджайю вместо того, чтобы непосредственно продавать их иностранным торговцам, и в результате иметь устойчивый источник доходов. Бо-

лее поздний арабский источник сообщает, что король Шривиджайи обменял доходы от королевских налоговых сборов на эту торговлю на большой слиток золота, который был спрятан в пруду около королевской резиденции.

Трудно точно оценить широту власти Шривиджайи в первые десятилетия существования этого государства. Она как минимум распространялась от мест, где были найдены указанные надписи, в которых говорится, что Шривиджайя включала юг Суматры с современной провинцией Лампунг, а также долину реки Батангхари и остров Бангка. Но уже к концу этого века Шривиджайя распространила свою власть на полуостров Малакка. Заметки китайского паломника Йиджинга, отражающие события 692 г., показывают, что Джиэкха, т.е. Кедах, в то время находился под властью Шривиджайи. Эта часть полуострова, в настоящее время являющаяся одним из штатов Малайзии, не только является плодородной, производящей рис территорию, но и занимает стратегическое положение, позволяющее контролировать вход с севера в Малаккский пролив. На протяжении большей части своей истории Шривиджайя имела две столицы – одну в современном городе Палембанге (или около него) на юге Суматры, а другую – в нынешнем штате Кедах на полуострове Малакка. Название Кедах также является санскритизированной формой названия Катаха.

Шривиджайя в течение многих столетий служила стабилизирующей силой в морской части Юго-Восточной Азии. Но наиболее важным было культурное влияние этого государства. Со времени основания и до распада в XIII в. Шривиджайя была величайшим центром буддизма (в его направлении махаяна) в Юго-Восточной Азии; здесь процветали буддийская религия и буддийская ученость, привлекавшие образованных паломников со всего буддийского мира – даже из далекого Тибета. Некоторые китайские паломники, в частности Йиджинг, в последней четверти VII в. дали прекрасное описание возможностей, доступных в столице Шривиджайи. Многочисленные и зачастую трудные тексты махаяны изучались и толковались образованными монахами. Мы также знаем, что некоторые из этих текстов были переведены на один из австронезийских языков, возможно, на старомалайский, который иногда служил промежуточным языком для перевода на китайский. Короче говоря, это был крупный буддийский центр, сопоставимый с Наландой в Восточной Индии.

Однако в отличие от Наланды Шривиджайя не был крупным центром искусства и архитектуры. В современном городе Палембанг, который большинство ученых считает местом, где была расположена столица этой страны (несколько лет назад это подтверждено новыми раскопками в Каранганьяре к востоку от Палембанга), мало монументальных построек, особенно по сравнению, например, с Центральной Явой или даже с территорией современной Муараджамбы, к востоку от города Джамби на Суматре. В районе Палембанга не встречается никаких крупных ступ, буддийских храмов или других значительных памятников и даже буддийские скульптуры встречаются редко. Из них наиболее известны статуи Будды и бодхисаттв с холма Букитсегунтанг к западу от Палембанга, которые могут даже принадлежать периоду до основания Шривиджайи. Уже отмечалось, что правители Шривиджайи были больше озабочены обеспечением контроля за судоходством через пролив, чем установкой больших памятников.

Такая оценка этой большой империи не вполне справедлива. Действительно, коммерческие интересы лежали в основе процветания Шривиджайи, но его слава опиралась в основном на поддержку буддийской культуры. Отсутствие или по крайней мере скудное число крупных памятников, возможно, объяснимо в значительной степени

нехваткой рабочих рук. В отличие от Явы, где уже в древние времена плодородные равнины были плотно заселены (надписи свидетельствуют об удивительно большом числе, по-видимому, крупных деревень, например, на равнинах Кеду и Прамбанан), на большей части Суматры население было малочисленным, отчасти потому, что почва была неблагоприятна для возделывания риса на орошаемых полях (*sawah*). Возделывание риса на орошаемых полях создавало запас рабочей силы, так как не требовало больших затрат тяжелого труда в течение большей части года (посадка рассады, прополка и некоторые другие работы традиционно выполнялись женщинами). Такой резерв рабочей силы мог использоваться при возведении крупных сооружений. Там, где такого резерва не было, культурная деятельность направлялась в другие сферы, такие как литература и обучение.

Кроме того, юг Суматры, вероятно, не был столь беден памятниками, как ранее считалось. В различных частях современного города Палембанг имеются остатки древних строений. Они встречаются, однако, в тех частях города, где раскопки почти невозможны из-за высокой плотности застройки или крупных зданий. Везде, где находят следы таких построек, они неизменно сделаны из кирпичей (натуральный камень, подходящий для возведения зданий, вроде латерита, отсутствует на юге Суматры, по крайней мере на территории современного Палембанга). Даже в наше время рабочих рук не хватает, и поэтому рабочая сила стоит дорого, что, в свою очередь, не способствует проведению ширококомасштабных раскопок.

Эти объяснения приводятся здесь не только в качестве возражения против теории о том, что скудость остатков крупных памятников объясняется отсутствием интереса правителей Шривиджайи к возведению таких монументов для будущего. Что касается скульптуры, то следует подчеркнуть, что здесь имеется много статуй большой художественной ценности, но они были созданы не на юге Суматры, а – в ограниченном количестве – севернее, на территории современной провинции Джамби, но в основном – в некоторых частях полуострова Малакка и, в особенности, в Южном Таиланде, на территории областей Накконситхаммарат и Чайя. Санскритская надпись, датированная 775 г. и, вероятно, происходящая из первого из этих мест, доказывает, что эта часть полуострова в то время и, вероятно, до XI в. или позже (до начала XIII в., согласно китайскому тексту) управлялась Шривиджайей. Искусство Шривиджайи фактически является важным периодом развития искусства Таиланда. Поскольку же оно относится к VIII в. или более поздним временам, то его рассмотрение выходит за пределы настоящей главы. Все это показывает, насколько осторожным следует быть в оценке произведений искусства Шривиджайи.

Наконец, следует добавить несколько слов о природе и значении буддизма в древней (VII в.) Шривиджайе. Одна из надписей на камне из Талангтуво, к западу от Палембанга, относится к фруктовому саду, который царь посвятил благоденствию всех живых существ: «Пусть все деревья, посаженные здесь (кокосовый орех, плодовые и другие деревья), служат, чтобы давать воду и пищу всем томимым жаждой и голодом живым существам, людям и зверям, включая путешественников». Более того, «пусть через эти мои добрые дела все создания получат благословение и смогут наконец достигнуть совершенства!». Это, вкратце, смысл благочестивого обета, который царь дал при торжественном открытии парка. Этот обет имеет форму *пра-нидханы*, которую должен произносить благочестивый буддист (следующий махаяне), желающий следовать путем бодхисаттвы, который в конечном счете может привести к Будде и нирване.

Все это в чистом виде буддизм, относящийся к направлению махаяна, подобный тому, который процветал при-

мерно в это время в Восточной Индии (в Бихаре, Бенгалии и части Ориссы). Конечно, примечательно, что махаяна так рано распространилась до такого далекого региона, как юг Суматры. Хотя юг Суматры кажется самым дальним пределом распространения махаяны в VII в., имеются также признаки влияния махаяны в Южной Индии, Шри-Ланке и Мьянме, хотя большинство данных датируется более поздней эпохой (VIII–IX вв.). Поэтому возможно, что распространение махаяны в других частях Юго-Восточной Азии происходило под влиянием большой Суматранской империи.

Информация о других областях морской части Юго-Восточной Азии весьма скудна. Что касается (Центральной) Явы, то китайские тексты доносят до нас истории о «Хелинге», в прошлом часто неправильно расшифрованном как Калинга или Келинг. Правильной транскрипцией, вероятно, является Валаинг или Валенг – древнее название территории на юге Центральной Явы, включая плато Ратубоко. Китайские тексты сообщают нам мало исторических деталей за исключением того, что в центре Явы существовало хорошо организованное царство (что вряд ли вызывает удивление). Единственная надпись, которая может быть отнесена к этому периоду, – это санскритский стих, высеченный на скале возле родника на склоне одного из вулканов в Центральной Яве, в местечке Тукмас. Кроме надписи, на скале также высечено множество символов (трезубец и раковина, которые являются атрибутами соответственно Шивы и Вишну). Считается, что здесь жили отшельники. Если датировка VII в., основанная на палеографических данных, верна, то это доказывает, что в то время в Центральной Яве имела прочную основу и небуддийская индийская религия.

В отношении остальных областей морской части Юго-Восточной Азии, включая Филиппины, известно лишь очень немного исторических материалов. На большом острове Калимантан (Борнео) нет никаких свидетельств существования царств, за исключением Кутеи на реке Махакам около восточного побережья острова. Множество барельефов, статуй, изображающих главным образом божества индуистского пантеона, было найдено в пещере недалеко от города Муаракаман. Поскольку эти статуи следует датировать несколькими веками после Мулавармана, то нет сомнений в том, что индуистские влияния сохранялись в той части острова в течение длительного периода времени после периода правления этого царя. Пещера, в которой были обнаружены эти изображения, конечно, не является их первоначальным местом: весьма вероятно, что эти статуи были там спрятаны во время войны, возможно, в период распространения на этой территории ислама в XVI или XVII вв., когда был содран султанат Кутеи. Поскольку эти статуи по стилю отличаются от статуй, встречающихся в других местах, они с трудом поддаются датировке, но вряд ли их можно отнести к периоду ранее IX н.э.

Ряд надписей были найдены на юго-западе Калимантана в долине реки Капуас в нескольких сотнях километров от берега. Все они являются буддийскими надписями на санскрите, среди них некоторые заклинания типа знаменитой формулы «йе дхарма хетупрабхава ...» (*ye dharmā hetuprabhava*). Некоторые из этих мантр все еще не расшифрованы. Письменность этих надписей очень похожа на шрифт ранних надписей Шривиджайи и свидетельствует о том, что они относятся примерно к одному периоду – последним десятилетиям VII в. Поскольку нет данных о существовании на этой территории независимого царства, то кажется весьма вероятным, что эта территория также принадлежала государству Шривиджайи в ранний период его расширения. Географическое положение этой области вблизи основного морского маршрута с юга Суматры в Китай делало ее важной для крупной морской империи.

МАТЕРИКОВАЯ ЧАСТЬ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В VII В.

После распада раннего царства в древней Камбодже, которое китайцы называли «Фунань», возникло множество новых государств. Наиболее важными из них были (с запада на восток) Шрикшетра в Южной Мьянме, Дваравати в Южном Таиланде, Ишанапура в Камбодже и Восточном Таиланде. Вьетнам же и Чампа, история которых, как мы видели, к VII в. уже насчитывала несколько столетий, продолжали развиваться без значительных перемен. Поэтому основное внимание в данном разделе будет уделено царствам, появившимся в VII в. или немного ранее.

Шрикшетра

История Шрикшетры изучена недостаточно, хотя в последние годы в этом достигнуты значительные успехи. Столица царства была расположена на месте нынешней деревни Хмауза, примерно в 10 км к востоку от современного города Пром (Пью). До сих пор стоят многие части кирпичных стен, окружавших древнюю столицу, образующих подобие круга диаметром около 4 км, имеются и многочисленные руины ступ, храмов и других древних построек.

Это самое древнее царство из известных на территории современной Мьянмы было населено народом пью, родственным бирманцам. В этот период они занимали значительную часть юга Центральной Бирмы с главными центрами в Халине, примерно в 40 км к северу от современного города Мандалай, и в Бейктхано к западу от Таундуинджи в дополнение к Шрикшетре. Это были сравнительно крупные города, которые будут рассмотрены в последнем разделе этой главы.

Несмотря на большое число надписей на санскрите, пали и пью, сведений о Шрикшетре все еще крайне мало. Из надписей на урнах, найденных в окрестностях Хмауза, известны имена трех царей, все оканчивающиеся на «-икрама». Урны отнесены к периоду с 35 по 80 г. Эти даты обычно упоминаются как так называемая эра Маленького шакья, или бирманская эра (часто используемое название в Таиланде), которая начинается в 638 г. н.э. В этом случае цари, урны с прахом которых были найдены, умерли между 673 и 718 гг., так что период их царствования относится ко второй половине VII в.

Другие надписи не содержат исторических данных, но они дают важные сведения о распространении буддизма в материковой части Юго-Восточной Азии. Принимая во внимание, что буддизм в морской части Юго-Восточной Азии относился преимущественно к направлению махаяны (здесь не найдено ни одного текста или надписи на языке пали), народ пью следовал в основном другому направлению буддизма – тхераваде (хинаяне). Некоторые из надписей, например, текст на золотых пластинах из Маунган, фактически являются копиями отрывков канона на языке пали («Грипитака»; на пали – «Типитака», т.е. «Три корзины закона», каноническое собрание текстов буддизма. – *Прим. ред.*), хотя существуют некоторые признаки махаяны, например, статуэтки бодхисаттвы Авалокитешвары.

Использование языка пали и преобладание хинаяны ясно отражает влияние Шри-Ланки. Вряд ли заслуживает доверия легенда о том, что великий буддийский ученый Буддагхоша якобы провел последние годы жизни в Южной Мьянме, но она отражает то важное значение, которое в древности придавали культурным связям между Шри-Ланкой и Мьянмой. Это указывает на начало распространения хинаяны на материковой части Юго-Восточной Азии.

Цивилизация народа пью интересна и в отношении древней архитектуры, поскольку можно видеть появление некоторых особенностей, которые станут характерными и для следующих периодов. Характерна форма ступы, ко-

торая имеет удлиненную нижнюю часть и поэтому напоминает цилиндр. С экономической точки зрения складывается впечатление, что народ пью был первым в Юго-Восточной Азии, который начал чеканить монеты: значительное число встречающихся серебряных монет с треном на одной стороне и различными символами на другой предполагает наличие оживленной торговли.

Язык пью был расшифрован благодаря знаменитой надписи на четырех языках, наиболее известной как камень Миазеди с надписью 1112 г. н.э., на котором один и тот же текст был написан на языках пали, пью, мон и бирманском языке. Хотя эта надпись послужила ключом к пониманию языка пью, относительная малочисленность найденных материалов на пью – языке, который был исчезающим языком, по крайней мере как письменный язык в XII в. или после этого времени, является серьезным препятствием в разрешении остальных трудностей.

Дваравати

О царстве Дваравати, располагавшемся к востоку от Шрикшетры, что следует из записей китайского паломника Суньцзяна (который путешествовал по всей Южной Азии, но не был в Юго-Восточной Азии), написано намного больше, но наши фактические знания о Дваравати вряд ли превосходят данные о Шрикшетре. Однако, в отличие от последнего, название Дваравати сохранилось до наших дней, так как оно является частью официальных названий двух последних столиц Таиланда – Аюоттхאי (Аютии) и Бангкока. Хотя это царство, по-видимому, существовало до XIII (?) в., точные указания на Дваравати ограничиваются VII в.

В дополнение к самому названию этого царства, которое упоминает Суньцзян, есть несколько других ссылок VII в. на Дваравати. В записях другого китайского буддийского паломника Йиджинга, который не один раз бывал в Юго-Восточной Азии, название Дваравати в течение долгого времени распознавалось в его китайской транскрипции (Тухелуопоти), но действительные свидетельства правдивости этих идентификаций были получены после находки двух серебряных медалей во время второй мировой войны вблизи от южного побережья Таиланда, на которых упоминался правитель Дваравати. Наконец, посланники из Дваравати упоминаются в китайской летописи династии Тан между 638 и 649 гг.

Множество других медалей царства Дваравати были найдены сравнительно недавно в районе Утонга и к северу от города Лопбури, и следовательно, это царство должно было быть довольно большим, но точные размеры его установить невозможно. Данная территория в VII в. была населена главным образом народом мон (народы группы тай поселились здесь не ранее XIII в.), поэтому многие ученые говорят о культуре мон царства Дваравати. Народ мон, по-видимому, должен был играть важную роль в истории материковой части Юго-Восточной Азии, где в IX в. им были основаны царства в Хамсавати (Пегу) и Тхатоне (Южная Мьянма), а в XV в., во время правления царя Дхаммасети этот народ стал могущественным и влиятельным во всей Южной Мьянме. В Таиланде около древнего Харипунджая (ныне город Лампхун) и в нем самом найдено множество буддийских священных надписей на языке мон, относящихся примерно к XI в. Обычно считается, что существовавшее там небольшое царство было поздним остатком части царства Дваравати.

С другой стороны, встречающиеся там ступы местного значения часто просты как по материалу, так и по структуре. Они также лишены украшений в виде изображения историй из «Джатаки». В Накхонпатхоне, который считается наиболее важным центром буддизма в царстве Дваравати, было найдено много огромных известняковых

изображений Будды, сидящего по-европейски (т.е. подошвы обеих его ног на земле). Они сделаны с превосходным мастерством и отражают влияние стиля эры Гуптов из Северной Индии. В большинстве случаев Будда изображен сидящим с ногами одна поверх другой, а не со скрещенными. Это указывает на влияние Анурадхапуры из Шри-Ланки. В бассейне реки Мун на плато Корат, куда буддизм Дваравати проник через горную гряду Петчабун, отмечено развитие местного искусства Дваравати, которое проявилось в вертикальных камнях в форме лепестков лотоса, украшенных высеченными на них сценами из «Джатаки» и из жизни Будды. Во многих местах были обнаружены высеченные символы благоденствия, например, горшки с цветами (*пурнакумбха*), Колесо Закона и ступ. Эти резные вертикальные камни обычно устанавливались вокруг священных курганов или ступ, служивших пограничными знаками. Иногда сами они устанавливались в центре кургана в качестве священного объекта. Считается, что такие вертикально стоящие камни продолжают некоторую преемственность мегалитической культуры, которая когда-то преобладала в этом регионе до появления буддизма.

На полуостровной части Таиланда свидетельства присутствия буддизма Дваравати найдены на восточном побережье, например, в Чае, Сураттхани, Накхонситхаммарате, Сонгкхле и Паттани. В основном это небольшие предметы, которые можно носить, например, каменные изображения Будды и небольших Будд, отпечатанные на глиняных табличках, которые закладывали в религиозные курганы или в ступы и пещеры. Такие печатные изображения не ограничиваются VII в., а относятся и к более поздним периодам, когда они встречаются даже чаще и распространены шире. Например, в Пхунпхин, Сураттхани они найдены в сборах с отпечатанными Буддами и бодхисаттвами, выполненными в стиле, подобном стилю Явы IX в.

Если перейти от буддийских к индуистским древностям, то можно отметить, что некоторые формы индуизма преобладали на полуостровной части Таиланда и в восточной части долины Чаопхрайя до распространения искусства и культуры царства Дваравати. Это видно по наличию каменных изображений Вишну и других индуистских божеств, носящих особый головной убор, которые напоминают находки в Камбодже. Кроме того, древние *Шива-линги* найдены в ранних поселениях полуострова в Виенгра и Такуапа и в городах Сримахосот и Сритхеп в восточной части долины Чаопхрайя. Данные изображения и другие упомянутые религиозные предметы выполнены в единых стилях, что отражает некоторые нормы, установленные специализированными ремесленниками при обслуживании царских дворов. Это может означать, что поклонение индуистским богам ограничивалось в основном придворными и элитой, что, вероятно, имело место и в большинстве других частей Юго-Восточной Азии. Буддизм хиньяны, подобно исламу более поздних времен, был истинно народной религией. Поэтому не удивительно, что в искусстве Дваравати проявилось значительное разнообразие местных художественных форм. Индуизм, который не укоренился в Таиланде, вскоре здесь пришел в упадок, хотя и продолжал процветать в Камбодже и Чампе до XIII–XIV вв.

Камбоджа

В Камбодже и Чампе буддизм должен был соперничать с индуизмом, особенно с шиваизмом и, в меньшей степени, с вишнуизмом, что явно следует из археологических находок и надписей. Кроме личной преданности определенным божествам (о чем у нас нет данных), это предпочтение индуизма могло быть связано с более авторитарной

и более централизованной формой правления. Так, система каст и возможность обожествления царей (например, в соответствии с концепцией *аватары* – нисхождения (бога), которая допускала воплощение бога в облике царя), могли служить идеологической основой для почти неограниченной власти и территориальной экспансии. В Камбодже и Чампе культ царской линги, идентифицировавшейся с могуществом царя, мог служить интересам сильных правителей. Отношения между религией и политической властью были, конечно, весьма сложными. Так, упадок индуизма почти во всей Юго-Восточной Азии начиная с XIV в. был не причиной, а следствием политического ослабления правителей, которые господствовали в этом регионе в течение многих веков.

Существовали и экономические факторы, которые поддерживали царскую власть в Камбодже. На большей части Юго-Восточной Азии сильные дожди в течение большей части года создавали превосходные условия для выращивания риса на орошаемых полях. С помощью каналов и системы орошения, которые принадлежали местным сообществам, воду можно было подводить к рисовым полям, что гарантировало достаточное обеспечение населения продовольствием. В Камбодже, однако, обильные дожди идут только несколько месяцев в году, поэтому для возделывания риса было необходимо запастись водой в искусственных озерах, обычно называемых «резервуарами», чтобы в течение продолжительного сухого сезона эта вода по системе каналов могла подаваться на поля.

Известно, что население многих областей морской и материковой частей Юго-Восточной Азии уже к началу I тысячелетия н.э. достигло больших успехов в проведении работ по ирригации. Эти работы включали, например, сооружение дамб на реках с выбором наилучших для этого мест и прокладку систем каналов и отводов для обеспечения равномерного распределения запасов воды. Хорошее понимание географических особенностей отдельных территорий, включая точную оценку перепадов высот или характера почв, было необходимой предпосылкой для обеспечения успеха.

На территориях с длительными периодами засухи были необходимы крупные ирригационные сооружения, включая большие водохранилища. Эта задача, однако, не могла быть решена ограниченными усилиями местных сообществ, для этого была необходима сильная власть, располагавшая большим числом рабочих рук. Такая ситуация является одной из тех, когда трудно отделить причину от следствия. С одной стороны, можно утверждать, что для возведения крупных ирригационных сооружений необходима довольно высокая плотность населения, которая может обеспечить достаточную рабочую силу для такого предприятия. С другой стороны, высокая плотность населения в подобных областях могла быть обеспечена только благодаря наличию крупных ирригационных сооружений, при которых гарантируется достаточное количество продовольствия.

Для современного историка, который располагает скудными сведениями о древней Юго-Восточной Азии, невозможно предложить удовлетворительное решение этой дилеммы, так как имеется слишком много неизвестных факторов. Мы можем заключить, однако, что в Юго-Восточной Азии существовала тесная связь между плотностью населения, объемами работ по орошению и центральной властью.

Эти взаимосвязи стали основой для знаменитой точки зрения Виттфогеля (*Wittfogel*) о так называемом восточном деспотизме. Идея о том, что азиатский царь мог распоряжаться жизнью своих подданных, открывая или закрывая водоводы ирригационных систем, и таким образом держать население в повиновении, кажется правдоподобной, но оставляет без ответа главные вопросы. Трудно представить, как царь мог «наказывать» непослуш-

ных подданных, закрывая водоводы и лишая их воды. Тем самым он не только лишил бы себя дохода, поступавшего от хорошего урожая, но мог провоцировать волнения и восстание.

С другой стороны, именно, в интересах царя было бы заботиться об ирригационных сооружениях и тем самым обеспечивать определенное процветание. Сосредоточение самых больших водохранилищ около столицы царства было связано не столько с желанием царя иметь возможность лишать кого-либо воды, сколько с его собственными интересами. В Юго-Восточной Азии была хорошо известна и часто учитывалась древняя индийская политическая теория об обязанности царя защищать своих подданных от врагов и стихийных бедствий, в том числе от голода, за что люди обязаны платить налоги и выполнять некоторые работы на службе у царя.

Что касается этой «службы» для царя, то сюда относилась работа не только лично для короля, но и некоторые общественные работы: прокладка дорог, возведение мостов и крупных ирригационных сооружений. Многие из таких общественных работ были важны непосредственно для царя, так как позволяли ему держать под контролем чиновников и, если необходимо, быстро посылать войска для отражения внешней опасности или подавления мятежа внутри царства. К тому же большое число рабочих рук могло использоваться для возведения крупных храмов и других религиозных строений. Следует иметь в виду, что выращивание риса на орошаемых полях требует значительного объема предварительных работ: расчистки джунглей, выравнивания почвы, возведения небольших дамб, рытья оросительных каналов и т.д., но когда все это сделано, выращивание риса уже не требует большого числа рабочих рук и фактически становится в основном обязанностью женщин (сюда входят посадка и пересадка рассады, прополка и поддержание оросительных каналов в рабочем состоянии). Таким образом происходило определенное разделение труда и создавался значительный резерв мужской рабочей силы, частично находившейся в распоряжении царя и его приближенных.

В связи с этим можно рассматривать прежде всего указанные выше общественные работы – т.е. деятельность, экономически выгодную для всего сообщества. Существовали, однако, и другие виды деятельности, которые многим из нас могут показаться менее полезными, но для людей того времени представлявшие, возможно, большее значение, – возведение храмов и создание изображений для поклонения богам. Нет сомнений в том, что кхмерские цари сполна использовали имевшийся резерв рабочей силы не только для того, чтобы заслужить уважение народа (*пуныя*) такой благочестивой деятельностью, а скорее для прославления собственного величия. Примеры такого «культя личности», вплоть до поклонения царям как земным богам, известны во всем мире, но в древней Камбодже они были особенно распространены. Независимо от последствий для крестьянского населения, такие культы оставили нам великие памятники, благодаря которым Камбоджа по праву стала знаменитой страной.

Кхмеры старались возводить все более крупные памятники, поскольку каждый царь старался превзойти своих предшественников. Это стремление полностью проявилось в X в. и достигло кульминации двумя веками позднее при возведении крупнейших храмов Ангкор-Ват и Байон, однако первые признаки этой тенденции видны в VII в. Правление царя Ишанавармана (616–628 гг.) стало, по-видимому, первым этапом на этом пути. Его столица, названная Ишанапурой, находилась на месте современного Самборпреикуку к северу от Кампончтхома, где до сих пор сохранились руины ее построек. Поскольку культура этого периода предвещала величие Ангкора (с конца IX в.), его часто называют предангкорским периодом.

Новая династия царей, происходившая, вероятно, из региона среднего течения реки Меконг вокруг современного Басака (древний Чампасак), где вблизи Ватпью были открыты некоторые крупные монументы, вскоре распространила власть из своей столицы Ишанапуры не только на большую часть территории современной Камбоджи, но и на значительные части современного Восточного Таиланда. Для культурной истории Юго-Восточной Азии этот период важен как период формирования основ классической культуры Ангкор. Основные руины, относящиеся к этому периоду, обнаружены в Пхномда около Ангкор-Бореи. Их чаще относят к концу периода Фунань, чем к началу предангкорского периода; в особенности это относится к Самборпреикуку. С связи с этим будет уместно краткое описание указанных памятников.

Наиболее типичными постройками являются кирпичные башни, стоящие либо изолированно, либо группами по пять: четыре – по углам квадрата, а пятая – в центре (*куинкуикс*). Наиболее удивительной деталью башен являются ворота, состоящие из двух круглых колонн, поддерживающих дугообразную перемышку с гирляндами и подвесками. Башня имеет несколько ярусов, уменьшающихся в размерах, каждый из которых воспроизводит основные особенности всей башни.

Иконография представлена каменной скульптурой, состоящей из богатого пантеона индуистских божеств с едва заметными следами буддизма. Наиболее характерной особенностью этого пантеона является сравнительная многочисленность изображений Харихары – сочетания богов Шивы и Вишну. На одной половине головы бога находится аскетический головной убор Шивы с половиной третьего глаза, а на другой – высокая корона Вишну (*кинта*). Отличаются и их атрибуты: две руки с одной стороны тела держат символы, ассоциирующиеся с Шивой, а две руки с другой стороны – символы Вишну. Такие статуи необычны для других частей Юго-Восточной Азии, хотя множество изображений Харихары известно в Индонезии и типично для Камбоджи, особенно для искусства предангкорского периода. Обычно считается, что их присутствие отражает объединительные религиозные стремления, в которых Шива и Вишну рассматривались как два проявления одного и того же высшего божества. Надписи свидетельствуют о преимущественном поклонении Шиве и Вишну соответственно двух сект – Пашупата и Панкарата. В связи с этим уместно отметить, что различные формы синкретизма, проявлявшиеся в Южной Азии, по-настоящему процветали в Юго-Восточной Азии. Помимо Харихары встречается и Ардханаришвара (сочетание Шивы и его супруги Умы в одном теле) и даже Шива-Будда как единое божество в концепции единства двух религий. Хотя один из яванских царей XIII в. носил титул Шива-Будда, не было найдено никаких изображений такой синкретической концепции. Эти примеры хотя и относятся к более позднему времени, чем рассматриваемое в данной главе, все же показывают жизнеспособность таких синкретических тенденций в Юго-Восточной Азии, впервые появившихся в предангкорский период в Камбодже.

Совершенно иная кратко упомянутая выше закономерность касается использования в надписях как санскрита, так и старокхмерского языков. Как мы уже убедились, все надписи, выполненные до VII в., были на санскрите, причем на всей территории Юго-Восточной Азии. С VII в. некоторые языки Юго-Восточной Азии приобретают статус официальных и развивают словарные составы, необходимые для использования в текстах царских указов. Не удивительно, что эти словари во многом доверяли санскритским терминам, которые, однако, постепенно начинали жить своей собственной жизнью путем адаптации по форме и по значению к основным языкам Юго-Восточной Азии.

Вьетнам и Чампа

Так как Вьетнам и Чампа приблизительно до 700 г. н.э. вместе занимали большую часть территории современного Вьетнама (дельта Меконга и полуостров Камау являлись исключениями, потому что они принадлежали древнему кхмерскому царству), то они рассматриваются в настоящем разделе вместе. Тем не менее следует иметь в виду, что в культурном отношении Вьетнам и Чампа были совершенно различными: Вьетнам был провинцией Китая до своего освобождения в X в. и испытывал китайское культурное влияние до нашего времени, а Чампа была «индианизированным» царством, как и Шрикшетра, Дваравати и древняя Камбоджа.

Хотя Вьетнам был завоеван Китаем еще до начала I тысячелетия н.э. и принял многочисленных китайских переселенцев, его население не утратило своей индивидуальности. В китайских летописях упоминаются многочисленные вьетнамские восстания, но до X в. все они имели не более чем временный успех. Кроме таких эпизодических восстаний и многочисленных столкновений на границе с Чампой, никаких заметных перемен в культуре этой части Юго-Восточной Азии не наблюдалось.

Царство Чампа уже кратко обсуждалось в предыдущей главе. На протяжении своей истории (до XV в.) это было независимое царство, игравшее важную роль в тройственных отношениях с Камбоджей и Вьетнамом. Но это не относится к рассматриваемому периоду в основном потому, что Камбоджа еще не играла существенную роль в предангкорскую эпоху.

Пограничная территория между Чампой и Вьетнамом, т.е. территория в районе современных городов Хюэ и Дананг, оставалась местом столкновений, которые не превращались в широкомасштабное переселение вьетнамцев на юг (оно началось лишь спустя много веков), но вынудили чампов отчасти признать власть китайцев, которым они направляли посольства с данью. Чампа оставалась культурно независимым индианизированным государством без явно обнаруживаемого китайского влияния.

Для Чампы в отличие от Дваравати, Камбоджи и Суматры VII в. не имел особого значения; в этом царстве, по-видимому, продолжалось развитие, начавшееся ранее. Как и в Камбодже, проявлялось влияние индуизма и буддизма, но с сильным преобладанием индуизма, особенно в форме шиваизма. Культ *Шивы-линги*, особенно в качестве символа царской власти, был столь же распространен в Чампе, как и в Камбодже. В предыдущей главе мы уже видели, что царь Бхадраварман установил лингу в долине Майсон, которую он назвал Бхадрешвара. Святилище, в котором находилась эта линга, было сожжено в середине VI в. В начале VII в. царь Шамбхуварман восстановил это святилище, которое с того времени стало называться Шамбхубхадрешвара путем соединения имен двух царей.

Как в Камбодже и на Суматре, в Чампе также встречаются надписи, написанные на региональном языке, т.е. на языке чам. В отличие от других языков материковой части Юго-Восточной Азии, язык чам относится к австронезийской лингвистической семье – одной из самых обширных языковых групп, включающей языки, на которых говорят от Мадагаскара (малагасийский язык) на западе до Гавайских островов на востоке. По-видимому, старочамский язык надписей находился под влиянием старомалайского языка, что видно по надписям из Шривиджайи. Такое влияние не вызывает удивления, поскольку и малайцы из Шривиджайи, и чамы были хорошими мореплавателями. Точное положение языка чам в австронезийской семье языков пока не очень понятно. Как и в большинстве других областей Юго-Восточной Азии, в официальных надписях также часто использовался санскрит,

однако в отличие от всех других частей этого региона, где использование санскрита ограничивалось стихами и хвалебными поэмами в честь царей или более или менее стереотипными формулами вроде проклятий в конце грамот о пожаловании земли, санскритские тексты Чампы часто представляют собой царские указы в прозе того же типа, что и грамоты о предоставлении земли эпохи Гуптов в древней Бенгалии.

НАЧАЛЬНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ

После обзора развития различных частей Юго-Восточной Азии полезно рассмотреть одну особенность, привлекающую пристальный интерес, – начальную урбанизацию, которая часто считается признаком экономического и политического прогресса. Не очень ясно, насколько это верно, и многое зависит от того, что понимать под «урбанизацией» и «городом». Современные определения, обращающие внимание не только на концентрацию населения на небольшой территории, но также и на наличие стен или рвов или тех и других сооружений, отделяющих заселенную зону от окружающей местности и защищающих ее от нашествий, видимо, не совсем подходят для условий Юго-Восточной Азии. Такое определение можно было бы использовать для большинства областей материковой части Юго-Восточной Азии, но не для древней Индонезии, где лишь очень немногие доколониальные «города» могли бы соответствовать этому определению (или вообще таких городов могло бы не оказаться). То же справедливо (даже в большей степени) и в отношении определений, включающих в себя автономию или самоуправление городов. В некоторых городах древней Бенгалии, упоминаемых в грамотах V в., существовало такое управление, но такие примеры не известны для древней Юго-Восточной Азии. Например, на Яве в древности и до периода новой истории стенами защищались лишь территории царских резиденций (*кратон*) и места проживания некоторых из высших должностных лиц и сановников. Но и эти стены, видимо, не производили большого впечатления. Действительно, раскопки, выполненные во многих местах нахождения предполагаемых древних столиц, включая даже столицу индонезийской империи Маджапахит XIV в., до настоящего времени дали лишь несколько огороженных стенами сооружений такого типа, представленных на некоторых рельефах.

Если следовать указанному выше точному определению, то следовало бы заключить, что на древней Яве не было городов, а это, по-видимому, не соответствует действительности. Если в древности на Яве (или в древней Индонезии) не было укрепленных городов, то можно предположить, что не было необходимости защищать их с помощью стен и рвов. Остров был защищен морями, и окрестные территории вполне могли быть безопасными. Доколониальная история свидетельствует, что главные опасности для царя исходили от его родственников, и поэтому стены вряд ли могли служить хорошей защитой.

В материковой части Юго-Восточная Азия была совершенно иной. Как мы уже видели, здесь не наблюдалось той этнической однородности, которая была характерна для Явы (и некоторых других частей Индонезии). Современная Мьянма может дать некоторое представление об этническом разнообразии, по-видимому, существовавшем в большинстве этих областей. Такое разнообразие могло порождать соперничество и конфликты, особенно из-за естественной склонности народа переселяться на территории с более благоприятными природными условиями, что в этой части света обычно означает перемещение к югу. Такие перемещения народов вынуждали население более благоприятных территорий возводить

защитные укрепления везде, где существовала высокая плотность населения, или селиться по соседству с таким укрепленным районом. Потребность в подобной защите была, возможно, одним из главных стимулов урбанизации. Некоторые примеры таких важных «городов» приведены ниже.

Окео

Самый ранний городской центр Юго-Восточной Азии возник в низине к западу от дельты рек Меконг и Бассак. В отличие от большинства других городских центров материковой части Юго-Восточной Азии, которые будут рассмотрены ниже (Хмауза, Бейктхано, Накхонпатхом, Утонг и Срмахосот), он не был расположен на большой реке, ведущей к морю, а система естественного дренирования была не благоприятна для города. Требовалось вмешательство человека для изменения ландшафта, чтобы обеспечить доступ к морю посредством системы каналов. Кроме того, такие каналы соединили город с другими поселениями, как близкими, так и далекими. Это делает систему каналов выдающейся городской особенностью Окео, которая не встречалась ни в каких других поселениях Юго-Восточной Азии.

Ориентация Окео к морю на западе была связана, главным образом, с его экономическим и политическим положением. Фактически поселение располагалось в районе превосходной и безопасной гавани в Сиамском заливе, которая была хорошо защищена от штормов. С конца доисторического периода на этой стороне дельты Меконга сосредоточивалось много крупных поселений. Эти поселения имели социально-экономические контакты с современными им поселениями во внутренних территориях в районе озера Тонлесап и более северных – в районе верхнего течения Меконга. В результате из удаленных от побережья мест и внутренних регионов бассейна реки Меконг в Окео поступали продукты из джунглей, минеральные руды и различные изделия для обмена на заморские товары.

Схема распределения каналов, полученная с помощью инфракрасной аэрофотосъемки, показывает, что Окео был

окружен обширной сетью поселений. Существовали каналы, радиально отходившие от Окео, связывая этот город с двумя другими городскими центрами: Такевом на юге и Даноем на юго-востоке. Между ними пролегал прямой канал, начинавшийся в Даное и шедший через Окео дальше на север в Ангкор-Борей. Общая длина этого канала была почти 90 км. Поселение в Ангкор-Борей или около него обычно считается местом, где находилась столица государства «Фунань» – самого раннего царства Камбоджи. Если это верно, то канал обеспечивал связь между городом-портом Окео и столицей царства.

Что касается самого города, то он представлял собой прямоугольное огороженное место размерами 3000 м на 1500 м, вокруг которого было возведено пять земляных валов и вырыто четыре рва. Судя по аэрофотографии, город, видимо, был разделен большим каналом, от которого отходили более мелкие каналы, делившие территорию на части. Археологические раскопки позволили обнаружить фундаменты из камня и кирпича, оставшиеся от крупных сооружений. Некоторые из них были определены как храмы, в частности одно здание, в котором на кирпичном фундаменте были установлены большие гранитные плиты. Среди наиболее важных находок в этом городе – два римских медальона, один был отчеканен в период правления Антонина Пия (138–161 гг. н.э.), а другой – в эпоху его преемника Марка Аврелия (161–180 гг. н.э.). Хотя невозможно определить время, когда медальоны попали в юго-восточную область Азии, вряд ли они могли сохранить свою ценность намного позже времени их чеканки. Это позволяет предположить, что они были привезены в Окео до конца II в. Встречаются и другие предметы средиземноморского происхождения, особенно драгоценности и так называемая арретинская керамика из этрусской области к северу от Рима.

Из китайских предметов было найдено зеркало, относящееся ко второй половине II в., т.е. к тому же периоду, что и римские медальоны. Это свидетельствует о возможной функции Окео как торгового пункта в торговых отношениях между такими удаленными центрами, как Средиземноморье и Китай.

В Окео также было найдено много предметов с южноазиатского субконтинента и территорий, соседствующих с современным Афганистаном. Среди них иранские монеты, великолепные камни из Гандхарана, а также печати из Северной Индии с надписями, которые можно отнести к первым векам н.э. Но находки в Окео не ограничиваются привозными предметами. Здесь существовало и местное производство стеклянных бус, оловянных подвесок и драгоценностей. Среди этих драгоценностей – алмазы, аметисты, нефрит, янтарь, малахит, сапфиры, рубины, корунд, серпентин, полевой шпат, антигориты, топазы, бериллы, цирконы, жадеит, гранаты, опал, яшма, оникс, агат, сердолик и кварц. Кроме того, в различных местах найдены золотые украшения. По количеству и разнообразию товаров, как привозных, так и произведенных на месте, которые далеко превосходят все то, что было обнаружено в любых других местонахождениях Юго-Восточной Азии, можно сделать вывод, что Окео был не только портом, но также и важным производственным центром, который располагал достаточными трудовыми ресурсами для рытья рвов, возведения городских стен и строительства важных религиозных монументов.

Кроме промышленных зон, аэрофотографии и археологические исследования позволили обнаружить сельскохозяйственные поселения, рассеянные или сконцентрированные на территориях с заливными и поднятыми над окрестными территориями полями. Последние были пригодны для выращивания таких культур, как пальма арека, в то время как заливные поля могли использоваться для выращивания риса. Таким образом, в Окео существо-

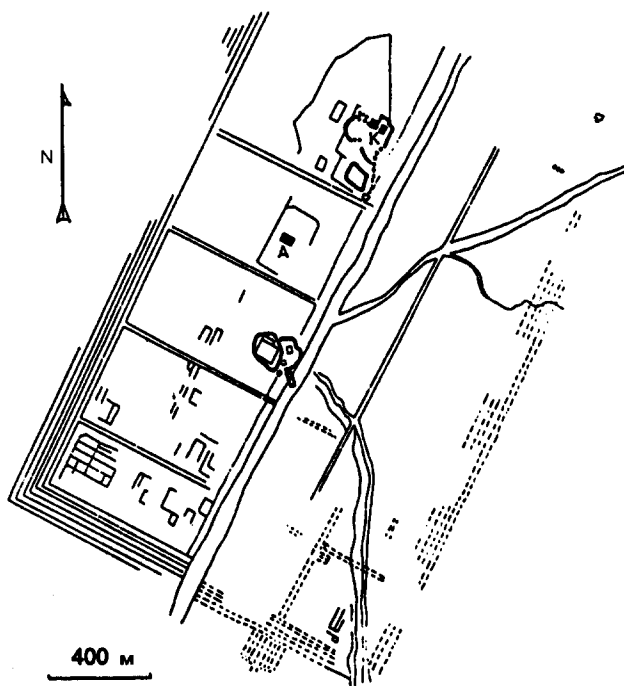

Рис. 26. План Бейктхано-майо (город Вишну) (У Аунг Тхау)

вало сочетание низин, рвов, возвышенностей и насыпей, которые свидетельствуют о широкомасштабном приспособлении воды и суши людьми для развития поселений и городских центров.

Сатингпхра

История города Сатингпхра, располагавшегося на восточном побережье полуострова Малакка около южной оконечности перешейка Кра, начинается не намного позже истории Окео, но продолжается до XIV в. Важность этого города в значительной степени определялась его расположением на одном из основных путей, пролежавших через перешеек. Полуостров Малакка всегда был естественным барьером, влиявшим на судоходство между Индийским океаном (Бенгальским заливом) и Южно-Китайским морем (Сиамским заливом). Путь по океану также был возможен, но он был долгим и в нескольких местах, таких как архипелаг Линга, был сопряжен с риском нападения пиратов вплоть до конца XIX в. или даже позднее. Это способствовало установлению грузовых перевозок по линии Кантанг–Транг–Пхаттхалунг–Сатингпхра. Общая длина пути, проходившего частью по озеру, а отчасти по суше, составляла примерно 150 км.

Подобно Окео, Сатингпхра был расположен среди обширной сети каналов с многочисленными древними водохранилищами. Город в плане имел форму прямоугольника со сторонами 1600 м и 900 м (площадь примерно 1,44 кв. км): намного меньшими, чем в Окео, но все же это было довольно крупное поселение. Исследования, проведенные Таиландским департаментом археологии и особенно С. О'Коннором (*Stanley O'Connor*), А. Лэмбом (*Alastair Lamb*) и Дж. Старгардт (*Janice Stargardt*), обнаружили удивительное богатство этого города. Среди находок присутствуют многочисленные китайские керамические изделия, бусы из Александрии и бронзовые статуэтки из Индии. Этот порт явно поддерживал постоянные контакты с Окео и с Арикамеду, находившимся на восточном побережье Южной Индии (около современного Пондишери).

Бейктхано

Как уже упоминалось в предыдущей главе, в больших частях Центральной Мьянмы возникло много городов. Самый большой из них – Шрикшетра с внушительными кирпичными крепостными валами особенно процветал, как было показано, в VII в. К сожалению, раскопки на местности (в Хмауза) долгое время велись без использования современных археологических методов. Более качественные раскопки были проведены в Халине к северу от Мандалая и особенно – в Бейктхано, на месте древней Вишнупуры.

Бейктхано расположен на западе от Таундуинджи на плоской равнине, по которой течет река Йанпе, приток реки Йинчаунг. Его кирпичные стены со средней высотой, ныне не превышающей двух метров, охватывают городскую территорию, которая образует неправильный квадрат площадью около 3,2 кв. км. Вся западная стена, за исключением небольшого участка в юго-западном углу, была постепенно разрушена, вероятно, во время разливов Ян Пе и двух озер, расположенных в низине вблизи от западного края городской территории. Территория к западу от этих озер плодородна и в древности, видимо, использовалась для выращивания риса. В настоящее время большая часть бывшей городской территории покрыта кактусами и кустарниками, и в пределах бывшей городской территории стоит лишь одна небольшая деревня. Первоначально с каждой стороны города было по трое ворот. В границах города, к северо-западу от его центра, располагалась об-

несенная кирпичной оградой дворцовая территория размерами 450 x 360 м. Эта территория была разделена на две половины стеной, которая шла с севера на юг. Западная половина включает в себя еще одну прямоугольную в плане территорию, окруженную стеной. На дворцовой территории также видны следы нескольких кирпичных построек.

Территория города буквально усыпана остатками около ста холмов квадратной, круглой или неправильной в плане формы. Вокруг городских стен находятся бесчисленные низкие холмики над захоронениями урн. Наиболее видным объектом этой местности является пагода Швейяунгдау (*Shwe-yaung-daw*) или Швейяунгхляж (*Shwe-yaung-hlyan*), расположенная примерно в 350 м к востоку от северо-восточного угла города. Эта ступа имеет древнюю историю и является одной из наиболее почитаемых пагод в районе Таундуинджи.

Проведенные, хотя и в ограниченном масштабе, раскопки открыли остатки строений крупного города Бейктхано. Были обнаружены ворота в городских стенах, жилые дома и религиозные сооружения, связанные с похоронными урнами. Большинство построек относится к главному периоду существования этого города примерно с I по V в. н.э. Было найдено много типов гончарных изделий, но мало предметов культуры. Наиболее значительными признаками культурного развития являются монеты без надписей, уже упоминавшиеся при описании Шрикшетры, и похоронные урны, которые явно указывают на связи между тремя городами народа пью – Бейктхано, Халином и Шрикшетрой.

Влияние Южной Индии, особенно области Андхра-Прадеш, распознается по религиозным сооружениям. В отношении связей между Шрикшетрой и Бейктхано следует, по видимому, подчеркнуть, что Бейктхано старше Шрикшетры примерно на четыре века. Здесь начало культуры пью может быть отодвинуто к I в. н.э., хотя буддизм был здесь принят лишь через сто или двести лет. В IV или V в. Бейктхано был разрушен в результате пожара и его территория оставалась незаселенной до XI в.

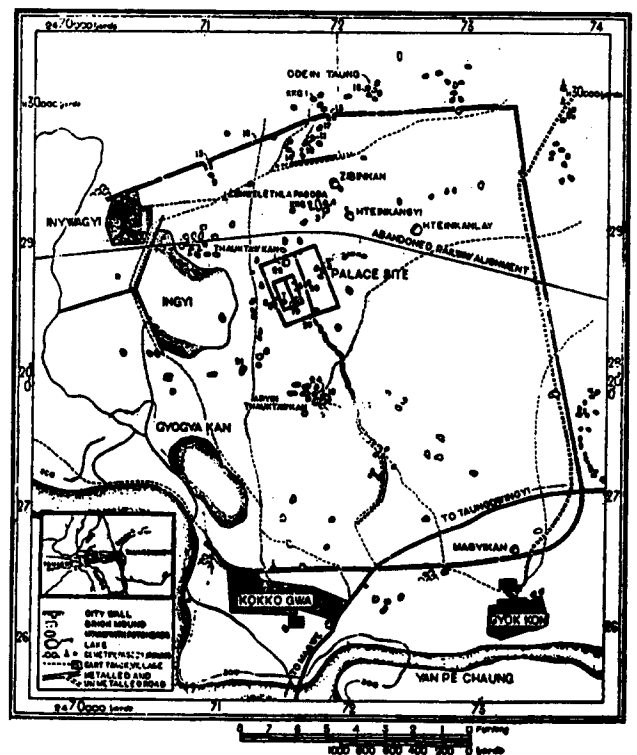

Рис. 27. План Бейктхано, составленный на основе аэрофотографий

По сравнению с почти современными ему городскими территориями в дельте реки Чао-Прая на востоке, Бейкхано в культурном и экономическом отношении выглядит совершенно иначе, несмотря на некоторое сходство керамик с выдавленным орнаментом, монет, бус и архитектурных стилей. Но размеры города и соседних городских территорий при наличии различных кирпичных религиозных сооружений, городских стен и жилых построек указывают на сосредоточение населения внутри и вокруг городских районов в большей степени, чем в большинстве городов в долине реки Чао-Прая.

Утонг и Сримахосот

Эти два места являются самыми ранними городскими центрами, известными в долине реки Чао-Прая в Центральном Таиланде. Утонг расположен в бассейне реки Тхачин, в западной части ее дельты, а Сримахосот – в ее восточной половине. Оба центра расположены на границе возвышенности над обширной заливной равниной, которая в доисторический период была более болотистой. Водные пути, пересекавшие эти равнины, теперь обмелели и пересыхают во время сухого сезона. Эти водные пути когда-то были частями крупных рек, впадавших в Сиамский залив; они служили каналами, по которым морские джонки шли к портам Утонга и Сримахосота. Следы поселений видны и в пойме, и на возвышенности. В пойме они располагались по берегам рек и каналов, соединявших города с морем. Это видно из остатков насыпей, усыпанных черепками, стеклянными бусами и украшениями, а местами – и по руинам религиозных памятников. С другой стороны, на возвышенности городские поселения, религиозные сооружения, пруды, водохранилища, дороги и ирригационные каналы располагались вокруг городов в радиусе от 4 до 6 км от их центров, что предполагает большую плотность заселения.

Самой отличительной чертой городской культуры Утонга и Сримахосота являются большие и длинные ирригационные дамбы, которые были построены по границе возвышенности для того, чтобы направлять и удерживать поток воды с возвышенных мест для накопления в прудах, водохранилищах, каналах и городских рвах. Кроме того, эти земляные дамбы также служили дорогами через низменные и болотистые территории, соединяя с городом окружающие его селения и религиозные центры. В отношении Утонга следует, по-видимому, добавить, что этот город был расположен при слиянии двух древних рек: Чоракхе-Сампан и Тхава. Первая из них спускалась с нагорья к западу, проходя мимо многих доисторических и протоисторических поселений к Утонгу. Река Тхава была старым руслом реки Тхачин, спускаясь с северо-востока и связывая Утонг с прибрежными поселениями в верхней части долины реки Чао-Прая. Это делало Утонг центром связи между заливом и внутренними территориями. Территория города имела овальную форму размерами примерно 1800 м x 800 м. Он был окружен большими рвами, в которых можно было запастись много воды для использования в сухой сезон. Многочисленные холмики и религиозные строения в городе указывают на большое количество жителей. Согласно результатам археологических раскопок, в основном город был населен в период поздних доисторических времен до конца VII в.

С другой стороны, в Сримахосоте не было обнаружено остатков, которые можно было бы отнести к позднему доисторическому периоду, поэтому, вероятно, он был основан в течение протоисторического периода. Его территория, места религиозных поклонений, ирригационные дамбы, пруды, водохранилища и даже размеры 1550 м x 700 м создают впечатление, что город был лучше спланирован и организован, чем Утонг. В частности, обнесенная

рвом территория города более разумно организована для обеспечения дренажа и запаса воды. Как и в Сатингтхрае, был сделан прямой канал, разделявший город и соединявший северный и южный рвы. Это помогало осушать территорию и распределять воду, поступающую с возвышенностей на севере, в водохранилище и пруды города. Утонг и Сримахосот были портовыми городами раннего исторического периода, поэтому в этих местах обнаружено большее разнообразие заморских изделий, чем в более поздние периоды. Бусы, печати, камни, монеты и украшения делались из привозных материалов. Они похожи на находки из Клонгтхома и Краби в Южном Таиланде и Окео в дельте Меконга. Однако, чем крупнее становились эти города в последующие столетия, тем меньше встречалось в них привозных изделий. Можно быть уверенным в том, что начиная с VII в. возведение крупных религиозных монументов превратило Утонг и Сримахосот в важные городские центры.

Главное различие между Утонгом и Сримахосотом – в их религии. Утонг с самого начала ориентировался на буддизм, судя по большинству религиозных объектов и остаткам ранней архитектуры. Так, каменное изображение Будды на горельефе, украшенном фигурой преклонившего колени оленя и изображением Колеса Закона, напоминает индийские изображения Будды эры Гуптов школы из Сарнатха и Матуры. С другой стороны, на некоторых изображениях Будды на фресках в ступе из Утонга видно сильное влияние школы Амаравати. Это, однако, не означает, что в Утонге полностью отсутствовали элементы индуизма. Так, в Кхаопхра, в 2 км к северо-востоку от огражденного рвом города были найдены ранние линги Шивы. Кроме того, найденный здесь лист меди с надписью свидетельствует о вступлении на трон царя по имени Харшаварман и о принесении в жертву Шиве танцовщиц.

В Сримахосоте, напротив, преобладал индуизм. В городе и за его пределами было обнаружено много больших и малых святилищ с Шива-лингами и статуи Вишну и Ганеши. Вероятно, самый большой буддийский объект, связанный с этим городом, находился в Сриморакоте, примерно в 2 км к северо-востоку от города. Именно там находится самый древний из обнаруженных отпечатков ступни Будды (*шрипада*). То, что индуистские святилища и буддийские памятники находятся на одной и той же городской территории зоны, говорит о том, что здесь мирно жили вместе люди различных религиозных верований и учений. Данный факт является характерной особенностью городской культуры этого региона.

Накхонпатхом

Этот значительный городской центр примерно в 80 км к западу от современного Бангкока характерен преемственностью своего развития от Утонга и Сримахосота до своего наивысшего расцвета в течение VII и VIII вв. По мнению большинства современных ученых, Накхонпатхом был столицей царства Дваравати. Он включал крупный, окруженный рвами город в центре большой территории размерами 3600 м x 2000 м и со всех сторон в радиусе 5–6 км был окружен предместьями. Через город протекала широкая, ныне обмелевшая река, которая служила главным водным путем к Сиамскому заливу. Помимо этой реки существовал прямой канал, связывавший северный и южный рвы, который был достаточно широк для судоходства и служил одновременно дренажным каналом и средством коммуникации в городе и между городом и его внешними территориями. Кроме того, существовали и другие каналы и протоки, соединявшие городские рвы с реками и другими водными путями к югу и юго-западу от города. Внутри города сохранились рассеянные по территории руины многих больших и малых храмов и ступ. Также,

имеются следы многочисленных прямоугольных прудов и насыпей, усеянных черепками разного типа; все это указывает на долгую историю существования города.

Внешние территории, окружавшие город, по-видимому, частично сохранялись для религиозных объектов и крупных монументов. Наиболее внушительным из таких сооружений является великий Пра-Патом-Чеди примерно в 2 км к западу. Это самая крупная ступа царства Дваравати, известная в стране, а после ее надстройки в Бангкокский период она стала самой большой ступой всей Юго-Восточной Азии. Это был не просто центр городского сообщества, эта ступа давно стала важным местом паломничества, привлекавшим буддистов со всего Таиланда и из других стран, особенно по праздникам. Таким образом, Пра-Патом-Чеди и другая большая ступа в предместьях города были центрами-спутниками, которые указывают на распространение городской зоны в сельскую местность. Это приводит нас к заключению, что при рассмотрении процесса урбанизации размер города в древних государствах не следует оценивать только на основе окружающей рвом и стеной территории, он должен включать и окружающую населенную территорию, различаемую по остаткам общественных сооружений, таких, как религиозные постройки, искусственные дороги, каналы, водохранилища, пруды и т.д.

Эти примеры ранней урбанизации в материковой части Юго-Восточной Азии относятся к важной фазе ее научного и культурного развития. Они предполагают значительную концентрацию населения, являющуюся необходимой предпосылкой для появления крупных государств, в которых эти города могли существовать только как центры крупных сельскохозяйственных территорий, производивших достаточно продуктов для их развития. Это, в свою очередь, предполагает наличие сети деревень, связанных с городами соответствующими коммуникациями и взаимовыгодными отношениями. Вполне вероятно, что подобные процессы развития происходили и в морской части Юго-Восточной Азии, несмотря на отсутствие данных о существовании здесь в этот период огороженных стенами и рвами городов. Некоторые причины такого отличия от материка уже рассматривались в начале данной главы. Шривиджайя и Южная Суматра, возможно, являются исключениями. Раскопки в Каранганьяре около Палембанга на Суматре, которые в 1992 г. еще продолжались,

позволили обнаружить признаки крупного портового комплекса, но не выявили никаких доказательств наличия городских стен и рвов. Впрочем, будущие исследования могут заставить нас изменить этот вывод, основанный на имеющихся в настоящее время результатах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AUNG THAW, U. 1968. Report on the Excavations at Beikthano. Rangoon.
- AUNG-THWIN, M. 1982–3. Burma Before Pagan: The Status of Archaeology Today. *Asian Perspectives*, Vol. XXV, pp. 1–21.
- BESACIER, L. 1972. *Le Vietnam: de la préhistoire à la fin de l'occupation chinoise*. Paris.
- CASPARIS, J.G. de. 1986. Some Notes on the Oldest Inscriptions of Indonesia. In: HELLWIG, C.M.S.; ROBSON, S.O. (eds). *A Man of Indonesian Letters*, pp. 242–56. Dordrecht. (Verhand. Kon. Inst. TLV. 121.)
- COEDÈS, G. 1962. *Les peuples de la péninsule indochinoise. Histoire-Civilisations*. Paris.
- 1971. *The Indianised States of Southeast Asia*. VELLA, W.F. (ed.). COWING, S. BROWN (trans.). Honolulu.
- HIGHAM, C. 1989. *The Archaeology of Mainland Southeast Asia: from 10,000 BC to the Fall of Angkor*. Cambridge.
- KRAIRIKSH, P. 1987. *A Guide to the Art and Antiquities in Thailand*. Bangkok.
- O'CONNOR, S.J. 1972. *Hindu Gods of Peninsular Siam*. Ascona.
- 1986. *The Archaeology of Peninsular Siam. Collected articles from the Journal of the Siam Society, 1905–1983*. Bangkok.
- SARAYA, D. 1989. (Sri) Dvāravati: The Initial Phase of Siam's History. Bangkok (in Thai with English abstract).
- SOLHEIM II, W.G. 1985. *Nusantao Traders beyond Southeast Asia*. Paper presented at the Research Conference on Early Southeast Asia. Bangkok.
- STARGARDT, J. 1990. *The Ancient Pyu of Burma*. I. Singapore.
- VALIBHOTAMA, S. 1986. Political and Cultural Continuities at Dvāravati Sites. In: MARR, D.G.; MILNER, A.C. (eds). *Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries*. Singapore.
- VOGEL, J.P. 1925. *The Earliest Sanskrit Inscriptions of Java*. *Publicities van den Oudheidkundigen Dienst in Nederlandsch-Indië*, Vol. I, pp.15–35.
- WOLTERS, O.W. 1967. *Early Indonesian Commerce. A Study of the origins of Srīvijaya*. Ithaca, N.Y.

АВСТРАЛИЯ И ОКЕАНИЯ

22.1

АВСТРАЛИЯ

Барри Дж. Канди

С самого начала колонизации Австралии предками современных аборигенов около 50 тыс. лет назад история континента прошла длинный путь культурной адаптации и эволюции. Хотя Австралия в разные времена своей истории находилась под влиянием контактов с Азией, эти влияния, по-видимому, были ограниченными после начальной стадии освоения континента. Данные археологии показывают, что история освоения континента людьми не содержит какие-либо особые исторические события, которые используются в настоящем издании для определения временных рамок; даты с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. не имеют особого значения для истории Австралии. Этот короткий промежуток времени в 1400 лет также создает затруднения для изучения истории общества охотников-собираателей, подобного сообществам австралийских аборигенов, отчасти из-за трудности детального выявления процессов культурных изменений, которые могли бы придать смысл такому хронологическому делению.

После такого замечания, все же кажется возможным поместить данный период в рамки более широких культурных перемен и сделать набросок исторического развития, который в будущем можно было бы дополнить и скорректировать. Этот период соответствует последней фазе преобразования того, что может рассматриваться как глубоко доисторическая культура австралийского плейстоцена, в традиционное общество аборигенов, каким оно предстало во времена контакта в европейцами.

Как показывают археологические исследования, начиная с IV тысячелетия до н.э. появляются новые формы каменных инструментов (обожженные микролиты, струги и резцы), для крепления на рукоятках, которые относятся к австралийской традиции (культуре) малых инструментов. При этом наблюдается увеличение их разнообразия и количества. Причины и значение этих изменений являются предметом современных дискуссий, которые сходятся на предположении об «интенсификации» производства, вызванной сочетанием изменений природных условий, роста населения, социальных сил и технологических возможностей. Относительное значение этих факторов пока не выявлено.

В эту последнюю фазу австралийской предыстории происходило и расширение регионального культурного разнообразия. Судя по данным этнографии, на эти региональные отличия накладывалось влияние систем обмена между удаленными территориями, которые позволяли предметам и идеям быстро распространяться по конти-

ненту. Хотя история этих систем обмена пока не выявлена, существуют данные о том, что некоторые ее элементы, возможно, начали появляться уже в I тысячелетии н.э.

Если рассмотреть эти данные с региональной точки зрения, то наиболее явно процесс «интенсификации», по-видимому, шел на юго-востоке континента, что видно по значительному увеличению археологических местонахождений, относящихся к последним двум тысячелетиям. Это увеличение заметно по множеству ископаемых остатков в прибрежных районах и скальных укрытий на внутренних территориях. Рост числа мест обитания был связан с расширением диапазона используемых ресурсов и освоения окраинных заболоченных земель, поросших лесом, и горных территорий. В этот период также появлялись новые типы обитаемых территорий, например, обитаемые насыпи в болотистых местностях, и развивались системы комплексного использования ресурсов. Больше всего доказательств этих изменений имеется в центральной части штата Виктория, где расширение оседлости, увеличение плотности населения, приспособление к условиям окружающей среды и расширение экономической базы были связаны с прокладкой многочисленных каналов для управления перемещением угрей между озерами, расширения среды их обитания и облегчения отлова. Хотя и отмечалось, что отлов угрей использовался с целью поддержания межгруппового соперничества для социального престижа и контроля за ресурсами, современные данные показывают, что на этот процесс оказывали влияние и изменяющиеся региональные условия окружающей среды.

Сходные тенденции к росту числа мест обитания и плотности населения отмечались и на восточных побережьях современных штатов Новый Южный Уэльс и Квинсланд, где в I тысячелетии н.э. происходило резкое увеличение числа прибрежных мест обитания. Этот процесс сочетался с расширением обитаемых территорий и стабилизацией плотности прибрежного населения после стабилизации уровня мирового океана в позднем голоцене.

Аналогичный процесс интенсификации происходил и при освоении восточных горных местностей после III–II тысячелетий до н.э. Более эффективное использование этих в то время окраинных территорий вновь требовало приспособления к ним, включавшего использование новых способов обеспечения продовольствием и развитие так называемого совместного питания. Имев-

шие ресурсы, включавшие большие рои мотыльков в горных южных местностях и орехи на севере, использовались для поддержания межплеменного собирательства, которое укрепляло и развивало социальное взаимодействие, необходимое для доступа к альтернативным ресурсам в неблагоприятное время года.

В дополнение к этой картине широкомасштабного усложнения экономических, социальных и технологических аспектов культуры Юго-Восточной Австралии в течение последних трех тысяч лет ряд исследователей отметили последующее замедление освоения некоторых главных мест обитания в I тысячелетии н.э. В этот период происходило также повсеместное и избирательное сокращение производства обожженных микролитов. Будучи основными типами изделий австралийской традиции малых инструментов, эти орудия для крепления на рукоятках использовались при множестве работ и были широко распространены в южной половине континента. На некоторых территориях им на смену пришли каменные изделия, для изготовления которых применялись более доступные местные материалы, например кварц. Более поздний набор каменных инструментов кажется не столь единообразным и заметно отличается в разных регионах. Эти события должны еще быть изучены детально, но складывается впечатление, что они были связаны с процессами адаптации к местным условиям.

В сухой центральной части континента также существуют свидетельства постепенного более полного приспособления к местным условиям за последние четыре тысячи лет. Теперь известно, что освоение центра засушливой зоны происходило в эпоху последнего оледенения (примерно 20 тыс. лет до н.э.), и это полностью рассеивает укоренившееся представление о глубоко консервативной «культуре пустыни», остававшейся в значительной степени неизменной на протяжении последних 10 тыс. лет. Со II тысячелетия до н.э. до I тысячелетия н.э. установление засушливого климата заставляло уменьшающееся население пустыни сосредотачиваться около немногих мест, где постоянно имелась вода. К этому периоду относится развитие особых приемов помола зерна и других характерных приспособлений к условиям пустыни, вроде кожаных сосудов для воды и сооружения глубоких колодцев. Смягчение засушливого климата после 1500 г. н.э. сопровождалось увеличением числа и плотности обитаемых мест, поскольку население росло и распространялось на ранее непригодные территории. Появление эффективных, хотя и весьма трудоемких систем использования зерна обеспечивало не только надежный резерв для менее продуктивных месяцев, но и поддерживало сложные системы церемоний и обменов, проявляющихся в традиционном обществе центральной пустыни.

В Северной Австралии произошедшие изменения в условиях окружающей среды также оказали влияние на процесс регионализации. Это особенно заметно в районе Аллигатор-Риверс штата Северная территория, где в пе-

риод с 1000 г. до н.э. по 500 г. н.э. обширные пресноводные заболоченные земли появились вместо мангровых зарослей в устьях рек. В этот переходный период произошло значительное увеличение пищевых ресурсов, о чем свидетельствуют находки в археологических местонахождениях, поскольку местное население теперь пользовалось богатыми пищей заливными долинами. Появились и новые инструменты, например, струги с ручкой, резцы и особые орудия для метания копий. Еще раньше, во II тысячелетии до н.э., в период ограниченных контактов с Азией, в Северной Австралии появились одичавшие домашние собаки динго и проникли такие культурные особенности, как рыболовные крючки и каноэ. Для последних 1500 лет характерны и изменения местного искусства, в котором преобладали изображения рыб и появились волшебные персонажи, а также возникли и другие местные стили искусства.

Далее к юго-западу, в областях Дэли и Виктория-Риверс в начале I тысячелетия н.э. появились небольшие одно- и двусторонние наконечники копий – примерно через 3 тыс. лет после их появления в области Аллигатор-Риверс. Это указывает на усиление межрегиональных связей, которое в дальнейшем подтверждается распространением примерно через тысячу лет больших лезвий с территории Дэли-Виктория-Риверс в Северную Австралию, и несколько позже – в центральную пустыню. Эти грубо обработанные лезвия – «лейлиры», использовавшиеся и как ножи, и как наконечники копий, высоко ценились при меновой торговле. Высказывалось мнение, что сложная система родства, обнаруживаемая по всей Центральной и Северной Австралии, также происходит с территории Дэли-Виктории-Риверс, хотя ее происхождение не датировано. Распространение этой системы родства и лезвий-лейлиров, по-видимому, является свидетельством позднего распространения сети меновой торговли между развивавшимися региональными культурами.

Что касается всего континента, то период австралийской предистории с I тысячелетия до н.э. до I тысячелетия н.э. был неоднозначен, сложен и загадочен. Некоторые археологи считают, что этот период был прежде всего периодом продолжающейся адаптации и усложнения социальной, экономической и технологической деятельности в ответ на увеличение численности населения и большую стабильность природных условий. Если подобные факторы могли определять более поздние культурные изменения, то другие особенности, такие как присваивающий способ производства пищи и гибкость его технологии, обеспечивали историческую преемственность. На очевидную тенденцию к более ограниченной культурной эволюции накладывалось противоречащее ей развитие межрегиональных связей, что создавало условия как для стабильности, так и для перемен. При всей неопределенности причин и точных исторических событий более поздние археологические сведения об Австралии несомненно демонстрируют развитие сообщества аборигенов.

Питер Беллвуд

Илл. 126

Прежде всего, следует сделать замечание о том, что период с 700 г. до н.э. до 700 г. н.э. не имеет особого значения для предыстории Океании, потому что этот регион не был, конечно, связан с какой-либо цивилизацией или событиями, которые могли бы быть связаны с такой периодизацией. Однако несколько более длительный период – с 1500 г. до н.э. до 1000 г. н.э. – был временем колонизации носителями австронезийских языков всех основных островов Океании к западу от Меланезии. Само по себе это было большим достижением человечества и именно этот промежуток времени будет рассматриваться в настоящей главе (карты 29 и 30).

До 1500 г. до н.э. уже были колонизированы тесно расположенные острова Западной Меланезии вплоть до восточных и юго-восточных Соломоновых островов, и даты начала этой колонизации уходят в прошлое, по крайней мере, на 30 тыс. лет назад. Эти первые поселенцы периода плейстоцена, которые, возможно, были предками говорящего на папуасских языках населения, все еще занимающего большую часть Новой Гвинеи и часть островов из архипелага Бисмарка и Соломоновых островов, пережили в эпоху раннего голоцена в горной местности острова Новая Гвинея период уникального и независимого перехода от собирательства к сельскохозяйственной экономике. При этом осушались болота для выращивания таро и, возможно, окультуривания других местных растений – сахарного тростника, бананов и пандана (пандануса), а также использовались полированные каменные струги (но не было гончарных изделий и одомашненных животных). Остается неизвестным, где к 1500 г. до н.э. возникли исконные формы сельского хозяйства Новой Гвинеи – на низменностях этого острова или на островах архипелага Бисмарка и Соломоновых островов, и на этот важный вопрос предстоит ответить будущим исследователям, чтобы понимать взаимоотношения населения данного региона в рассматриваемый период.

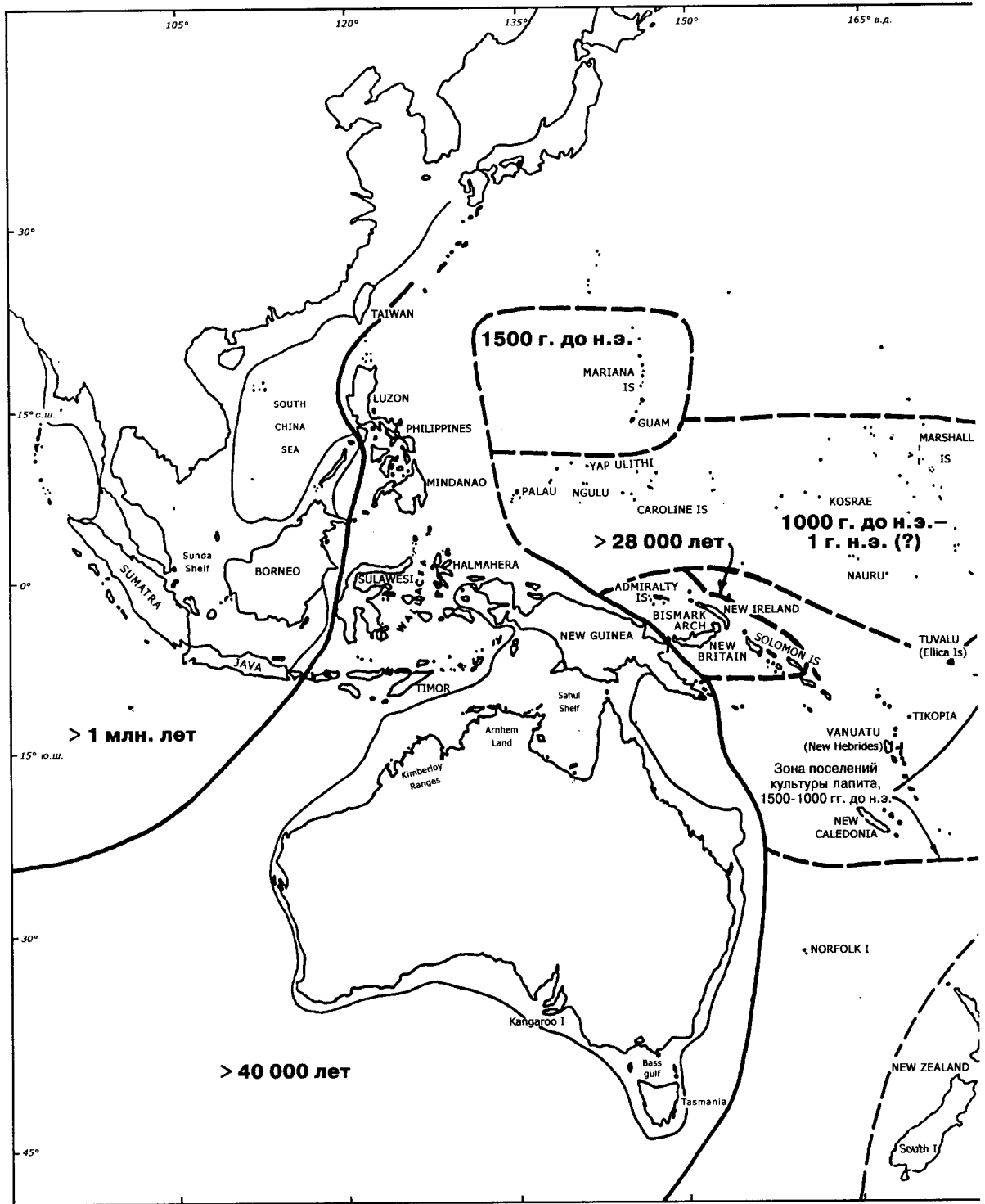
Все острова к северу и к востоку от Соломоновых островов, т.е. Восточная Меланезия (Новые Гебриды, Новая Каледония, Фиджи), Микронезия (Марианские острова, остров Яп, острова Палау, Каролинские острова, Маршалловы острова и острова, на которых расположено государство Кирибати) и Полинезия (Тонга, острова Самоа, группа коралловых атоллов Туvalu, Гавайские острова, острова Кука, Французская Полинезия, остров Пасхи, острова Новой Зеландии) были впервые заселены австронезийскими (говорящими на языках австронезийской семьи) колонистами в период между 1500 г. до н.э. на северо-западе (Марианские острова), и 1000 г. н.э. – на юге (Новая Зеландия). Согласно данным радиоуглеродного анализа, Новые Гебриды, Новая Каледония, Фиджи, Тонга и острова Самоа были заселены очень быстро в период между 1200 г. и 1000 г. до н.э. Между 700 г. до н.э. и 700 г. н.э. (точные хронологические рамки данной главы) передовая граница поселений, по-видимому, находилась в процессе передвижения из Западной Полинезии (Тонга, Самоа, атолл Пукапука) к некоторым островным группам Восточной Полинезии (Маркизские острова, острова

Общества (Товарищества) Гавайи, южные острова Кука и остров Пасхи). Они, по-видимому, не достигли Новой Зеландии и островов Чатем на юге Тихого океана до 1000 г. н.э. Многие из островов Микронезии, особенно Яп, Палау и Каролинские острова, были впервые заселены примерно 2 тыс. лет назад, возможно, из Меланезии, хотя на Марианских островах поселения непосредственно с Филиппин появились намного ранее, около 1500 г. до н.э.

Самое древнее австронезийское население Океании (исключая население Марианских островов, происходившее с Филиппин) говорило, видимо, на реконструированном языке, названном лингвистами протоокеаническим. Океаническая лингвистическая подгруппа Океании является ветвью более крупной австронезийской языковой семьи, которая распространилась на запад по всей Юго-Восточной Азии вплоть до Мадагаскара. Эти колонисты первоначально появились в Западной Меланезии с Молуккских островов (восточная часть Малайского архипелага в Индонезии. – *Прим. ред.*) или Южных Филиппин и примерно в 1500 г. до н.э. заселили прежде всего архипелаг Бисмарка. Однако на самой Новой Гвинее основная территория говорящих на папуасских языках народов 2 тыс. лет тому назад была еще, вероятно, не очень затронута австронезийской колонизацией.

С археологической точки зрения культура этих австронезийских колонистов общепризнана в западной части Океании как культура лапита (*Lapita*). Археологические находки, относящиеся к ней, включают гончарные изделия, часто красные, с гладкой поверхностью, которая украшена точечными или резными узорами. Обнаружены струги необычных форм из камня и раковин, украшения и рыболовные крючки из раковин; во многих местонахождениях культуры лапита в Меланезии обнаружен обсидиан, поступивший с острова Новая Британия и островов Адмиралтейства, что свидетельствует о способности древних людей путешествовать по морю. Обсидиан с Новой Британии, датируемый временем между 1000 г. и 300 г. до н.э., находят также и далеко на западе – на севере острова Борнео. Другие поставки извне включали одомашненных свиней, собак и кур, хотя крупный рогатый скот и зерновые культуры, например, рис и просо, не были завезены в Океанию. Экономика была основана на выращивании фруктов и корнеплодов (особенно батата и таро), и, конечно, на добыче морепродуктов. Этот народ, несомненно, хорошо освоил возможности моря.

Археологические признаки культуры лапита видны вплоть до конца I тысячелетия до н.э., после чего она вытесняется местными типами керамики, возможно, возникшими на основе культуры лапита, во многих частях Меланезии и далее к востоку до островов Фиджи. Эти типы керамики отличаются большим региональным разнообразием, но обычно все украшены резным или тисненым орнаментом. Складывается впечатление, что сфера широкого культурного взаимодействия, характерная для культуры лапита, примерно 2 тыс. лет назад распалась на множество значительно более мелких региональных комплексов.

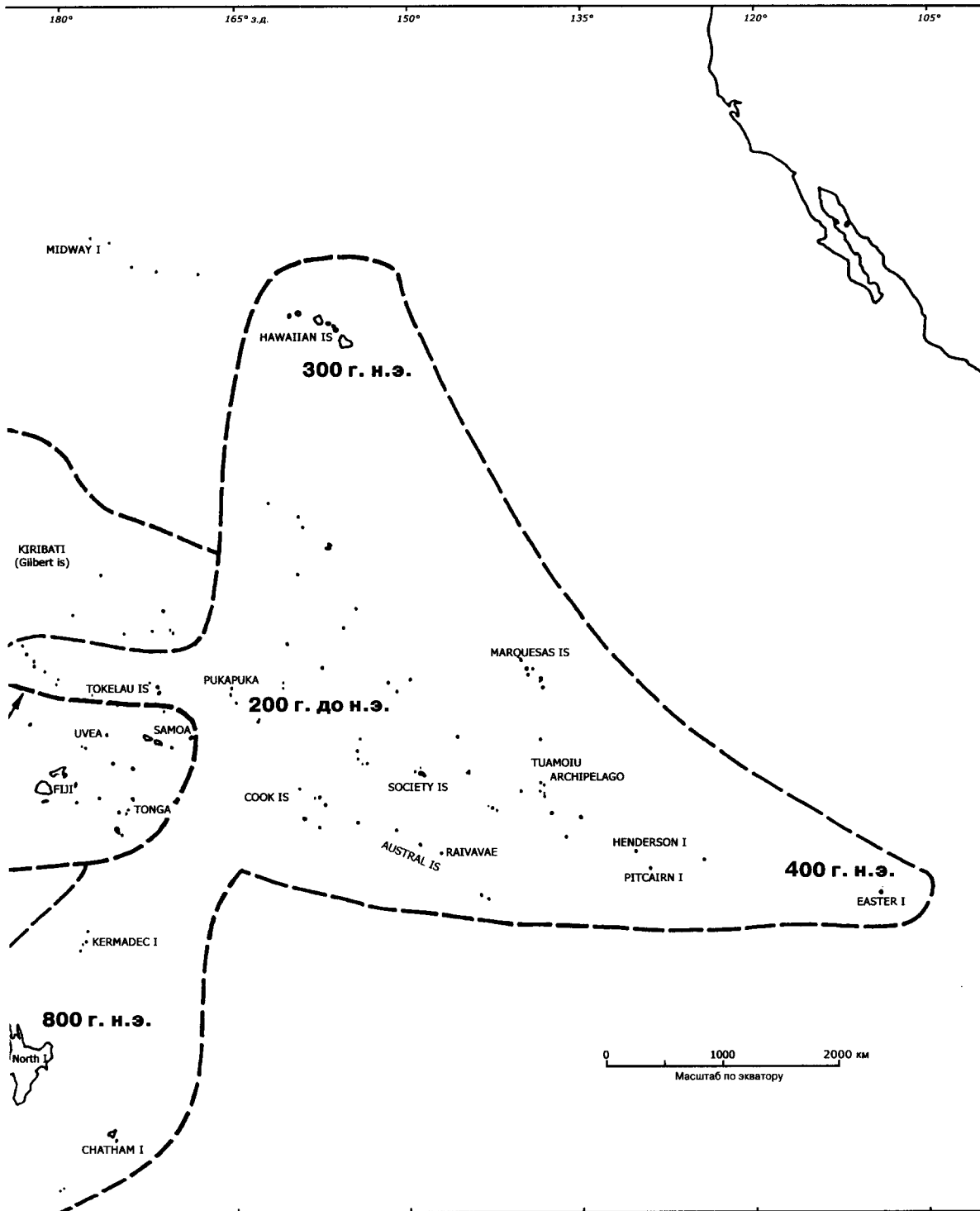
Карта 29. Карта, показывающая время заселения островов Океании. Ими народами, занимающимися сельским хозяйством, после 500 г. Зеландия могла заселяться только около 1000 г. н.э.

Имеется мало признаков какой-либо прямой передачи элементов культуры лапита культуре недавнего прошлого.

Дальше на восток, в Полинезии, встречается больше признаков преемственности, несмотря на то что изготовление керамических изделий совершенно прекратилось вскоре после 2000 г. Поскольку эта преемственность проявляется в типах стругов, рыболовных крючков, украшений и других изделий, то жители Полинезии обычно считаются прямыми потомками колонистов, носителей культуры лапита, с островов Тонга и Самоа. Однако первоначальное заселение многих островных групп, таких как Маркизские острова, Гавайские острова и остров Пасхи, вероятно, происхо-

дило между 500 г. до н.э. и 500 г. н.э., когда традиция изготовления гончарных изделий либо отмирала, либо уже исчезла. То же самое применимо ко многим Каролинским островам в Южной Микронезии, которые также могли заселяться в это время из различных частей Меланезии.

В самой Меланезии ведутся серьезные дебаты среди археологов о том, как можно интерпретировать относительно простую картину развития, представленную выше. Нет сомнений в том, что доавстронезийские поселенцы Западной Меланезии уже владели методами ведения сельского хозяйства (выращивали фрукты и корнеплоды) и изготовления лодок; они могли торговать обсидианом и даже пере-

Все регионы за Соломоновыми островами были впервые заселены до н.э. Имеются новые доказательства того, что впервые Новая

возить животных на небольшие расстояния в архипелаге Бисмарка. Поэтому колонисты культуры лапита несомненно взаимодействовали с этим народом и в конечном счете подверглись ассимиляции преобладающим меланезийским населением. Население Полинезии, по-видимому, сохраняет более близкое родство с народами культуры лапита вследствие своей изоляции и, возможно, из-за быстроты начальной колонизации западной части Океании.

К сожалению, большинство археологических памятников Океании относится ко временам после периода, рассматриваемого в настоящем разделе. Возможно, что некоторые из первых каменных сооружений на таких островах, как ос-

тров Пасхи и остров Понапе (в составе Каролинских островов) были установлены до 700 г. н.э., но с течением времени и в связи с повторным использованием каменных изваяний памятники этого древнего периода археологи не смогли распознать. Не сохранились и фрагменты каноэ, хотя множество лингвистических и этнографических данных не оставляет сомнений в том, что народ культуры лапита и их потомки имели морские каноэ с противовесами, возможно даже двойные каноэ. Важно заметить, однако, что данных о контактах между Океанией и Индонезией становится очень мало в эпоху после времен культуры лапита, а большинство технологических новшеств, появившихся в Юго-Восточной

Карта 30. Распределение австронезийских языков. За исключением языков на островах Палау и Марианских островах, все языки Микронезии, Меланезии и Полинезии относятся к подгруппе океанических языков

Азии в последние две тысячи лет, особенно благодаря контактам с Индией и Китаем, не достигли Океании.

Таким образом, к 1000 г. н.э. прямые предшествующие формы всех этнографических культур Океании уже были на местах (возможно, за исключением полинезийского народа маори в Новой Зеландии). После этого времени нет данных о существенных переселениях народов где-либо в регионе, хотя еще продолжают споры о возможном существовании на острове Пасхи некоторых дополинезийских южноамериканских поселений. Сладкий картофель (батат) был, конечно, завезен в Полинезию из Южной Америки, и некоторые каменные сооружения на острове Пасхи очень похожи по виду на южноамериканские. Однако до сих пор не получено доказательств того, что эти потенциальные контакты с Америкой до 1000 г. н.э. повлияли на какие-либо другие острова. Остров Пасхи, помимо всего, является самым отдаленным местом («ультима Туле») региона.

Хотя очень трудно реконструировать во всех деталях социальное развитие отдельных островных культур периода до 1000 г. н.э., можно сделать некоторые предложения, основанные на сравнительных исследованиях во многих областях. Говорящие на папуасских языках земледельцы Новой Гвинеи и Западной Меланезии, вероятно, имели сеть общественных связей между политически независимыми местными группами, небольшими по численности и возглавлявшимися людьми, которые приобрели свой статус путем участия в военных делах, благодаря знаниям ритуалов и приемов шаманства. Австронезийское население, вероятно, сначала также проживало небольшими группами, хотя после завершения расселения уже складывались племенные сообщества, насчитывавшие тысячи жителей,

как, например, на Гавайских островах и островах Общества (Товарищества). Одной из причин такого развития в направлении политического объединения могло быть то, что говорящие на австронезийских языках народы всегда признавали значение наследственного (а не приобретенного) социального положения, что способствовало росту могущественных и часто деспотических аристократий.

Другие культурные особенности определялись различиями в размерах и природной среде островов. Коралловые атоллы, небольшие, но высокие вулканические острова Полинезии и самые крупные острова Меланезии различались возможностями и ограничениями для обитателей, особенно в отношении плотности заселения и способов хозяйствования (некоторые из самых маленьких островов вообще не могли прокормить постоянное население). Однако многие исследователи отмечают обратное влияние, т.е. воздействие людей на окружающую среду. Например, первые поселенцы всех островов Океании сильно изменили видовой состав птиц, вызвав вымирание многих из них, которое было связано с их истреблением и конкуренцией со стороны завезенных домашних животных. Они также расчищали леса для ведения сельского хозяйства, вызывая эрозию почв и их вымывание к низинным частям долин и прибрежным равнинам. Парадоксально (в сравнении с нашей современной боязнью экологической катастрофы), но эта эрозия обычно приводила к значительному улучшению состояния окружающей среды и повышению ее пригодности к ведению интенсивного сельского хозяйства, следовательно, к увеличению численности населения, хотя и были некоторые неудачные исключения (вроде пустынного и безлесного острова Пасхи в период его более поздней предистории).

БИБЛИОГРАФИЯ (22.1–22.2)

BELLWOOD, P. 1978. *Man's Conquest of the Pacific*. Auckland.

— 1987. *The Polynesians*. 2nd edn. London.

— 1991. The Austronesian Dispersal and the Origin of Languages. *Scientific American*, Vol. 265, pp. 88–93.

FLOOD, J. 1983. *Archaeology of the Dreamtime*. Sydney.

FRANKEL, D. 1991. *Remains to be Seen*. Melbourne.

KIRCH, P.V. 1984. *The Evolution of the Polynesian Chiefdoms*. Cambridge.

SLAMET-VELSINK, I.E. 1995. *Emerging Hierarchies*. Leiden.

WHITE, J.P.; O'CONNELL, J. 1982. *A Prehistory of Australia, New Guinea and Sahul*. Sydney.

VI. Центральная Азия и кочевники

ВВЕДЕНИЕ

Ричард Н. Фрай

Историю Центральной Азии определяют передвижения племен и народов, тогда как на западных территориях, включая Иранское нагорье и Западную Азию, разграничение эпох определяют династии. Одной из причин такого различия является антагонизм между кочевниками и оседлыми племенами; при этом в военном противостоянии на протяжении всей истории Центральной Азии верх одерживают кочевники. Империи этого региона – это державы кочевников, которые, как правило, существовали недолго. Другая причина различия между Центральной Азией и территориями к западу от нее – это разнообразие географических условий в Центральной Азии, которое препятствовало образованию крупных централизованных государств. Центральная Азия – это край оазисов, пустынь и гор, где затруднено сообщение между горными долинами и оазисами. Некоторые оазисы, как, например, Бухара и Кашгар, имели и поныне имеют большие размеры, тогда как другие, к примеру, Карши и Дуньхуан, невелики. Хотя поселения в низинах Месопотамии располагались в долинах рек, города на Иранском нагорье похожи на оазисы Центральной Азии, хотя и имеют некоторые отличия. Первое отличие состоит в том, что в противостоянии кочевников и оседлого населения перевес первых был не столь значительным, как в Центральной Азии. В Иране оседлые народы были лучше организованными и значительно более многочисленными, чем кочевники вокруг них. Следующая особенность – то, что географические преграды, мешавшие сообщению, были не так резко выражены, как в Центральной Азии. Например, оазисы Фарса – древней Персии, такие как Фаса, Дарабгирд, Фирюзабад и Шираз, не были отделены друг от друга пустынями или высокими горами, и между поселениями этой провинции поддерживалась общность, что и привело к тому, что там зародились династии Ахеменидов и Сасанидов. Основой западноазиатской цивилизации было земледелие, тогда как на перекрестках Центральной Азии основной жизнеобеспечения была торговля, и к купцам здесь относились гораздо уважительнее, чем в Иране эпохи Сасанидов.

Изменения численности и состава населения, а также политических и экономических условий в Центральной Азии отследить сложно, поскольку письменных свидетельств античных времен очень мало, и в результате этот регион во многих отношениях остается настоящей *terra incognita*. Понятно, что большое значение имеют типы поселений, а главным определяющим фактором этого является наличие воды. Огромная роль, которую играла торговля, приводила к тому, что население Центральной Азии было в большей степени склонно к сотрудничеству с вторгавшимися с севера кочевниками, чем расположенные западнее более централизованные государства при нападении на них кочевников. В Западной Азии племена завоевателей обычно ассимилировались с более многочисленными оседлыми народами; так, например, случилось в Китае. В Центральной Азии тем из местных завоевателей, которым удавалось объединить оазисы, приходилось, чтобы отстоять свою державу, прибегать к внешней экспансии в поисках рабочей силы и источников дохода. Так, чтобы

содержать свои государства, изначально сформированные как объединения племен, кушаны проникли в Индию, а Тимур (Тамерлан) двигался на запад. Империи в северных степях и среди оазисов юга Центральной Азии строились на основе союзов племен, что особенно хорошо видно на примере государств Тимура и Шибани-хана, основателя государства узбеков.

Так как торговля издавна имела большое значение для жизни Центральной Азии; то где же пролегалли основные торговые пути в древности? Археология свидетельствует о том, что наиболее древним торговым путем был путь с севера на юг, к индийским равнинам. Одна из причин расцвета этой системы, возможно, состояла в том, что доиндоевропейские народы Центральной Азии могли быть родственными дравидам на востоке и эламитами (население Элама) – на западе. Кроме того, продукты, произведенные в Индии, – специи, приправы, одежда и т.д. – пользовались спросом у северных родственников доарийских индийцев. При раскопках доисторических местонахождений в Центральной Азии были найдены изделия, напоминающие изделия гончаров и ремесленников культуры Мохенджо-даро и хараппской культуры на индийском субконтиненте. С расселением иранцев по нагорью в начале I тысячелетия до н.э. значение торговли с Месопотамией и западными территориями возросло, и иранский мир стал ориентироваться на запад. Много позднее, около I тысячелетия н.э., стала более интенсивной торговля между Центральной Азией и районами Волги и Балтики. Меха и мед из России, янтарь с Балтийского моря были важными предметами торговли, которые пользовались спросом у народов юга.

Как уже упоминалось выше, пришедшие в Центральную Азию предположительно с северо-запада индоевропейцы обнаружили там местное оседлое население, которое они со временем ассимилировали. Первыми пришли протоиндийцы, называвшие себя арийцами (ариями). Затем появились протоиранцы. Вначале они появлялись небольшими группами, совершавшими набеги и грабившими население, подобно тюркам-огузам в XI в. н.э., однако постепенно индийцы заселили субконтинент, а иранцы – нагорье.

Наиболее выразительные произведения искусства древних иранцев – это бронзовые и золотые предметы конской сбруи, выполненные в так называемом зверином стиле. Хотя от равнин Венгрии до Северного Китая этот стиль имел множество вариаций, основной отличительной чертой бронзовых предметов – в основном лошадиных поводьев и уздечек, найденных в Луристане (историческая область на западе Ирана. – *Прим. ред.*), на Кавказе и в других местах вплоть до плато Ордос на севере Китая, – являются изображения переплетенных фантастических животных, таких как грифоны. Их датировка относится к I тысячелетию до н.э., поскольку в I тысячелетии н.э. в Центральной Азии появляются более реалистические, инкрустированные полудрагоценными камнями изделия, изображающие зверей и другие сюжеты, которые стали прообразами произведений искусства Западной Европы

времен раннего средневековья. Влияние этого стиля распространялось не только на запад; летописи китайской династии Тан (618–907 гг. н.э. – *Прим. ред.*) полны записями о товарах и произведениях искусства из Центральной Азии, привезенных в «Срединное царство».

Большие изменения произошли с приходом ислама в Центральную Азию в VII в. н.э. Во-первых, Центральная Азия была включена в единый огромный халифат, простиравшийся от Атлантического океана до реки Инд и гор Тянь-Шань на северо-востоке. Первоначально упор в торговле согдийцев Бухары и Самарканда делался на Китай, однако после распространения ислама большее значение стало приобретать западное направление. Во-вторых, население Центральной Азии быстро поняло, что быть мусульманами выгодно, в результате чего исламское учение приобрело большее влияние в Центральной Азии, чем на Иранском нагорье. Бухара, в которой было много мусульманских ученых, стала центром ислама на востоке. В первые три века исламской эры появилось множество мусульманских ученых – Бухари, Хорезми, Балхи и другие, имена которых образованы от названий их родных городов. В Ширазе, Исфахане и других городах Западного Ирана в этот период таких ученых известно мало. В-третьих, при местных династиях, какими были, например, Саманиды в Бухаре, широкое распространение получило орошение, и Центральная Азия стала процветающей, как никогда прежде.

В III в. до н.э. свободная племенная организация иранских степных кочевников сменилась первой империей кочевого народа сюнну (хунну), которая заняла господствующее положение в степях. Ее распад во II в. н.э. повлек

за собой движение племен на запад – вначале гуннов, а затем – аваров и тюрок. На юг двигались эфталиты, которые были, по-видимому, последним объединением иранских племен, в правящих классах которого, однако, могли преобладать гунны. В конце VI в. началась экспансия тюркоговорящих племен, которая привела к тюркизации оазисов Синьцзяна и территории к северу от Амударьи. Усиление влияния монголов в XII в. бросило вызов господству тюрок в северных степях. Торговля – основа жизни Центральной Азии – продолжала играть наиболее важную роль в этой части мира.

Подводя итоги, можно следующим образом определить научный и культурный вклад Центральной Азии в мировую историю: использование лошадей с полной сбруей (уздечки, седла и стремени) и возникновение связанных с этим стилей в искусстве; оружие и военные достижения (например, тактика кавалерии), металлургия, лекарства на основе трав и, конечно, различные аспекты торговли, поскольку Центральная Азия была перекрестком Евразии между востоком и западом. К сожалению, у нас мало детальной информации о доисламской Центральной Азии, однако в основе бурного роста наук и образования во времена ислама, должна была лежать богатая предшествующая культура оазисов, расположенных к северу от Амударьи. Смещение религий – буддизма, зороастризма, манихейства и христианства – создало в доисламской Центральной Азии атмосферу терпимости, внесшую свой вклад в формирование культурной среды, которая вызвала к жизни расцвет исламской мысли и учености в таких центрах, как Бухара, Балх и многих других.

КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ с 700 г. до н.э. по 300 г. н.э.

23.1

ИРАНСКИЕ КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ричард Н. Фрай

Илл. 127–136

С продвижением иранских племен в Центральную Азию связана проблема места возникновения и путей распространения народов, говоривших на индоевропейских языках. Ранние китайские источники не дают сведений о языке и культуре многих племен, попадавших в сферу их интересов. Поэтому нам придется реконструировать картину жизни древних кочевников на западных границах Китая, а для этого прежде всего необходимо представить себе фон, на котором происходили события того времени.

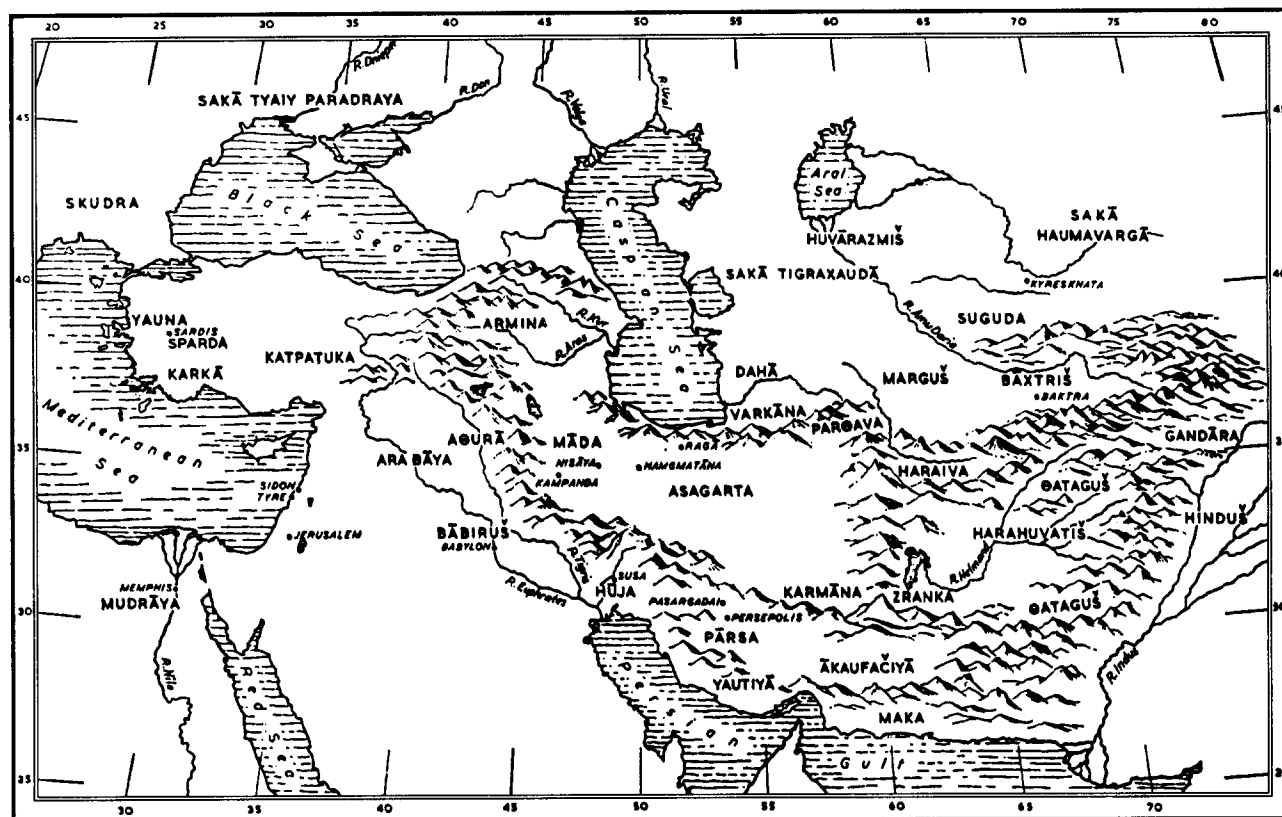
Важно иметь в виду, что одомашнивание лошадей и верблюдов было начато оседлыми поселенцами и что самые ранние кочевники использовали не верховых лошадей, а колесницы и повозки. Поскольку истинные кочевники не могли существовать без лошадей, то, вероятно, бессмысленно пытаться обнаружить миграции кочевых племен до I тысячелетия до н.э. Для выезда лошади нужны были удила, сделанные из бронзы. Они вошли в обиход, вероятно, уже после миграции первых индийцев на субконтинент и перемещения иранцев на юг Иранского нагорья, которое носит их имя, поскольку и в Ведах, и в «Авесте» упоминается использование не полномасштабной верховой езды, а передвижение на колесницах и повозках. Можно, однако, предположить, что первыми верховыми кочевниками в степях Центральной Азии были иранцы, а прототюрки и протомонголы были охотниками и обитателями лесов, научившимися верховой езде у иранских кочевников. Затем, основываясь на известной нам картине жизни в степях Центральной Азии в более поздние времена, мы можем представить себе народы, жившие в степях и южных оазисах около 1000 г. до н.э., после продвижения иранцев и индийцев на юг. Население южных оазисов продолжало поддерживать контакты со своими кочевыми собратьями, поэтому их истории взаимосвязаны.

Сведений о происхождении и количестве оседлых поселенцев в оазисах Центральной Азии до прихода индоевропейцев практически нет. Степи, вероятно, были почти безлюдными, поскольку жизнь там зависела от лошадей. Мы можем только предполагать, что группы, родственные

эламита с Иранского нагорья и дравидам индийского субконтинента, проникли в Центральную Азию и были уничтожены или, что более вероятно, ассимилированы захватчиками с юга. Археология свидетельствует, что поселения и даже города существовали на юге Центральной Азии по крайней мере с III тысячелетия до н.э. Наша цель состоит не в обсуждении поселений бронзового века, а лишь в том, чтобы напомнить, что индоевропейцы, а позднее иранцы, продвигаясь к югу в те регионы, где позднее будут располагаться Согдиана и Бактрия, пришли не на пустое место. В связи с этим нас интересуют только иранские кочевые племена, доминировавшие в степях Центральной Азии с начала I тысячелетия до н.э. вплоть до тюркской экспансии и арабских завоеваний в Центральной Азии.

Из древних греческих источников известно, что к VI в. до н.э. основную группу иранских кочевников, продвигавшуюся в Центральную Азию с русского юга, греки называли скифами, а в клинописных надписях царства Ахеменидов их называли саками (карта 31). Археологические находки, в основном из могил и больших курганов (могильных холмов), ясно показывают, что великолепные спиральные композиции на металлической сбруе и элементы конского убранства, выполненные из золота и других металлов (ученые разделяют их как «выполненные в зверином» стиле), были сделаны или по крайней мере занесены иранскими кочевниками. Этот стиль мог зародиться в горах Луристана, Ирана или Кавказа, но проник он в Монголию и на границы Китая, вероятнее всего, с иранскими кочевыми племенами. Разумеется, и сам стиль, и народы, которые его придерживались, были далеки от единообразия, тем не менее можно говорить об общих для всех районов от Луристана до Ордоса на севере Китая поразительно сходных чертах. Богатые курганные захоронения в долине Пазырык на Алтае предположительно принадлежат сакским вождям.

Единственным народом Центральной Азии, говорившим на языке индоевропейской группы, помимо вышеуказанных, были, согласно поздним письменным источникам, тохары, чей язык принадлежит не к восточной (главным

Карта 31. Государство Ахеменидов

образом славянской и иранской) группе индоевропейских языков, а к западной группе. Когда же и откуда они пришли в Синьцзян?

Большинство ученых считают, что, поскольку язык тохаров архаичен, они являются наиболее древними индоевропейцами, пришедшими в Центральную Азию, однако такое предположение может быть и неправильным. Их продвижение, вероятно, с русского юга на восток некоторые авторы относят к III или началу II тысячелетия до н.э. Однако они могли прийти на восток и в первой половине I тысячелетия до н.э., когда иранцы пришли на юг из степей, и их потомками может считаться только то население, которое позднее жило в районе современных городов Куча и Турфан. Независимо от того, откуда и когда они пришли, исторически они являлись частью общеиранского культурного пространства. Неясно также, были ли это юэцжи, упоминающиеся в ранних китайских источниках. Из доханьских китайских источников (III в. до н.э.) мы узнаем о многочисленных группах «варваров» на северных границах Китая, но были ли они на самом деле кочевниками или нет – неизвестно. Предположительно первыми настоящими кочевниками, с которыми столкнулись китайцы, были либо иранские, либо монголо-тюркские или тунгусские народы, которые переняли искусство верховой езды у иранцев. Их названия в китайских источниках мало что нам говорят, очевидно, только сюнну, обычно отождествляемые с более поздними гуннами, создали большую степную державу во II в. до н.э., в начале правления династии Хань.

В ранних китайских источниках появляется группа кочевников восточной степи – неиранское племя сяньюнь (*xianyun*), предположительно тунгусского происхождения. По-видимому, они объединялись с другими племенами, чтобы создать угрозу китайцам на юге. Следует учитывать, что обычным видом формирования государств и империй в степях Центральной Азии был союз племен, название которого могло меняться; могло случиться и так, что в запад-

ных источниках союз был известен под одним племенным наименованием, а в китайских – под другим. При образовании степных союзов язык отдельных племен мог меняться, кроме того, происходило смешение разных народов. Все это делает затруднительной идентификацию народов, упоминаемых в документах. Китайские источники рассказывают о постоянных конфликтах с северными варварами, названия которых менялись, а непрекращающееся противостояние кочевых и оседлых народов пронизывает всю китайскую историю. В результате этого противостояния была построена Великая Китайская стена.

Можно предположить, что после прихода саков в Восточный и Западный Туркестан в IV–III в. до н.э., во время расцвета династии Хань в Китае и греко-бактрийцев на западе Центральной Азии, они заселили оазисы Ферганской долины (в китайских источниках «Даюань»), Кашгарской равнины и бассейна на реке Хотан. Однако во II в. до н.э., в результате возникновения государства сюнну в Монголии и усиления его давления на другие племена на юге, произошло большое переселение народов. В китайских источниках упоминается племя юэцжи, жившее в далекие времена в западной провинции Ганьсу – когда именно, определить сложно. Под напором северных кочевников юэцжи переместились на запад. Они сражались с кочевыми племенами усуней, которые двигались впереди них, убегая от сюнну. Усуни, вероятно, поселились в долине реки Или, а путь юэцжи на запад пролегал через эти места. Как бы то ни было, юэцжи продолжали двигаться на юг, вовлекая в это передвижение другие племена, пока не оттеснили саков в страну, носящую их имя – Систан (Сакастан), а затем и далее, на индийский субконтинент.

Сюнну предположительно представляли собой союз племен, среди которых преобладали тюрко-монголы, тогда как усунь были, скорее всего, иранцами, и некоторые ученые связывают их с асами из сарматской группы племен, как и яньцай (*Yancai, Yen-ts'ai*), которых отождествляют с более поздними аланами – предками кавказских осетин.

Замена доминировавших в степях иранцев тюркскими и монгольскими племенами началась в III в. н.э. и длилась многие века. В процессе миграций, происходивших во II в. до н.э., искусство степных народов тоже изменялось: простые металлические, деревянные и кожаные изделия звериного стиля сменялись более сложными композициями из разных материалов с многоцветными полудрагоценными вставками. Искусство саксов-скифов отличается от искусства более поздних сарматов, включая аланов. Вкладом кочевников в военное искусство было оружие, которым могли пользоваться всадники, например, составные луки. В эти же древние времена появились узда и седло, тогда как стремя стали применять позднее. Кочевники практически жили на лошадях, это было основой их образа жизни, и в условиях войны, разумеется, кочевники всегда брали верх над оседлыми народами, поскольку были подвижными и благодаря этому могли легко отступить обратно в степь или заставить противника врасплох.

Именно иранские кочевые племена довели искусство верховой езды с полным снаряжением до высокого уровня совершенства. Вероятно, они впервые стали употреблять понятие «царский клан», члены которого благодаря своей доблести и умениям занимали лидирующую позицию среди родственных племен. Это следует из приводимого Геродотом описания скифов юга России; позже эта идея была усвоена тюрками, к которым после иранцев перешло господство в степях. За харизматическими лидера-

ми следовали члены побежденных племен, которые видели в удачливом вожде средство для добывания трофеев и установления контроля над оседлыми народами. Однако существование государств или империй кочевников зависело от личности вождя и его преемников, и зачастую эти государства были недолговечными. Интересно, однако, что усиление династии Хань и объединение Китая происходили параллельно усилению степной державы сюнну, которое привело к переселению различных племен на запад. Когда распалась империя Хань, гегемония сюнну над степями тоже пошла на убыль. Подобная тенденция встречается и в более поздней истории, и, вероятно, можно искать корреляцию между могущественным экспансионистским оседлым государством и формированием степной империи.

Создание кочевниками ряда государств в Северном Китае после падения империи Хань сопровождается упадком Кушанского царства в Бактрии, однако в обоих случаях именно оседлые народы ассимилировали кочевников-завоевателей. И в том, и в другом случае новые государства не представляли серьезной угрозы для степных кочевников, так что после государства сюнну другого большого союза племен в степи не возникло. Кочевники все так же жили в степи, но были разделены на множество племен, которые не удалось объединить ни одному харизматическому лидеру вплоть до VI в. и усиления власти тюркских племен над степями.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ

В. М. Массон

Переход к кочевому скотоводству, который произошел, когда на обширных пространствах степной зоны Азии сформировались ранние кочевнические общества, по своим последствиям сыграл в жизни местных обществ не меньшую роль, чем городская революция в зоне первых цивилизаций. Кочевое скотоводство позволяло получать в степной зоне максимальный прибавочный продукт, а практика сезонных перекочевок позволила объединить различные ландшафтные зоны в единую хозяйственную систему.

Экономические изменения повлекли за собой целый спектр самых разнообразных перемен. С появлением верхового коня были созданы предпосылки для быстрых и динамичных контактов, передачи новой информации на огромные расстояния. Границы мира как бы сразу расширились, новые моды и культурные эталоны почти мгновенно распространились по огромной территории. Наблюдался прогресс военного дела, усиление военной функции в жизни общества. Скот как легко отчуждаемая форма имущества, борьба за пастбища и угодья – все это способствовало развитию межплеменных столкновений. Вооруженный всадник становится символом новой эпохи. Это вело к усилению имущественной и социальной дифференциации. Шел активный процесс формирования властных структур, создавались могущественные племенные союзы – предтечи кочевых империй.

Огромные изменения происходили в образе жизни и социальной психологии. В условиях кочевой и полукочевой экономики были созданы новые типы разборных и легко переносимых жилищ, а также удобная для транспортировки посуда, в значительной мере деревянная и кожаная. Утвердился новый тип одежды, включавший мягкую бескаблучную обувь, длинные шаровары и богатый поясной набор, обычно носивший престижно-знаковый характер. Динамичное и импульсивное общество создало и новые эстетические каноны, воплотившиеся в так называемом скифо-сибирском «зверином» стиле, где животные изображены то стремительно летящими, то переплетенными в ожесточенной схватке.

В концентрированном виде эти характерные черты новой эпохи нашли отражение уже в VIII в. до н.э. в царской гробнице Аржан, раскопанной российскими археологами в Туве. Она представляет собой почти правильную кольцевую ограду из камня диаметром 120 м. Внутреннее пространство, занимавшее площадь в 5 тыс. кв. м, было разделено бревенчатыми стенами на 70 камер. В центральной камере, имевшей площадь 64 кв. м, были погребены мужчина и женщина, но эта камера оказалась полностью разграбленной. В камерах, располагавшихся по периферии, находилось 15 захоронений людей и 160 верховых коней. Тщательные наблюдения, сделанные в ходе раскопок, показали, что в разных секторах были помещены лошади разной масти. Различались и типы конской упряжи, находившиеся при этих верховых конях. Разные группы конской

упряжи полностью соответствуют аналогичным типам изделий в отдельных областях Алтая, Казахстана, Монголии и Минусинской котловины. Поскольку конские захоронения сосредоточены в тринадцати различных участках, можно предположить, что именно тринадцать племенных групп участвовали в этих обрядах. Племенные группы, обитавшие на этой огромной территории, сочли своим долгом или были обязаны отдать дань уважения усопшему повелителю.

Аржан – это один из древнейших памятников, свидетельствующих о наступлении новой эпохи. В нем налицо все ее основные черты, известные под названием скифской триады, которая включала набор оружия (стрелы, кинжал, клевец, меч), конскую сбрую (удила и псалии) и художественные изделия «звериного» стиля. И наконец, сама громадная гробница указывает на кардинальные изменения в социально-политической сфере.

В Семиречье расположены обширные раннекочевнические захоронения, насчитывающие многие сотни рядо-

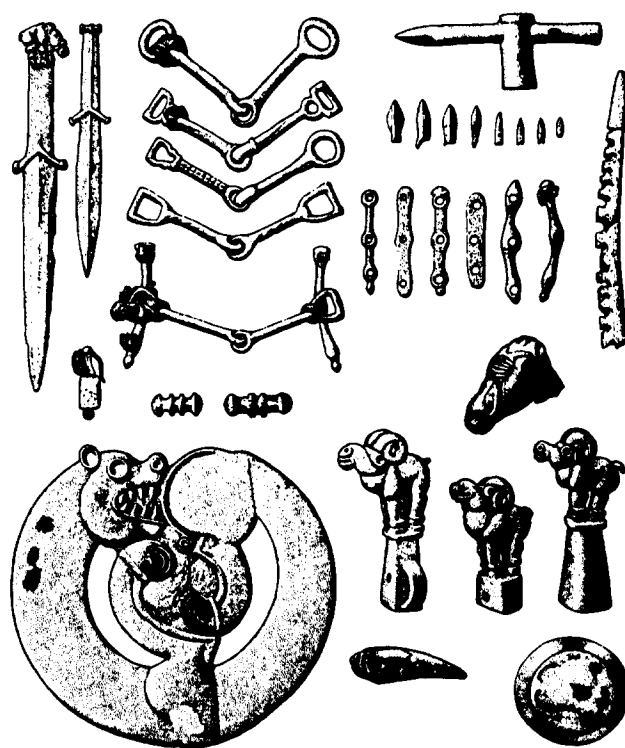

Рис. 28. Предметы, найденные при раскопках кургана Аржан в Туве (рис. Массона)

вых курганов, имеются здесь и огромные насыпи, скрывающие гробницы сакской элиты. Изучение этих гробниц показывает, что уже само их сооружение требовало концентрации значительных средств, и в этом смысле курганы знати ранних кочевников аналогичны монументальной архитектуре древних цивилизаций.

В долине реки Или в местности Бесшатыр изучались гробницы, представлявшие собой массивные наземные бревенчатые сооружения. Над деревянной постройкой устраивалась каменная насыпь высотой до 18 м и диаметром более 100 м. В одном кургане у г. Иссык, расположенном в 60 км к юго-востоку от Алма-Аты, центральная погребальная камера оказалась как обычно полностью опустошенной. Однако охотники за сокровищами не заметили бокового погребения, которое и предстало перед археологами во всем великолепии. В сравнительно небольшой гробнице, обложенной обработанными бревнами Тянь-шаньской ели, лежал юноша 17–18 лет в богатейшем одеянии, украшенном множеством золотых блях и пластин. Железный меч у пояса был помещен в деревянные ножны, обшитые кожей с золотыми пластинами, изображающими скачущих лося и лошадь. Столь же богато был разукрашен острокопечный головной убор, демонстрирующий воочию ту высокую шапку, которую носили *саки-тиграхауды*. С той же пышностью были отделаны кафтан и сапоги.

Судя по всему, такие экстраординарные некрополи располагались в целом ряде мест Семиречья, возможно, на территории обитания племенных групп, управлявшихся захороненными вождями. Так, на востоке озера Иссык-Куль в Киргизии раскапывался огромный курган Шалба с каменной насыпью внешним диаметром 104 м. От опередивших археологов грабителей здесь сохранилась лишь золотая фигурка джейрана. Ряд находок свидетельствует, что в районе Иссык-Куля располагались не только сакские кладбища, но и крупный оседлый центр, ныне полностью поглощенный водами озера. Здесь на определенном участке в ходе подводных археологических исследований в значительном числе обнаружены раннекочевнические вещи – удила, псалии, предметы вооружения. Среди находок много и каменных изделий, в том числе зернотерок и орудий, связанных с металлургией. Это позволяет заключить, что исчезнувший под водой центр был также местом сосредоточения разного рода хозяйственной деятельности. Из Семиречья происходят многочисленные бронзовые жертвенники, представляющие собой невысокие бронзовые столики, украшенные по краю фигурками животных, а иногда и изображениями людей. Видимо, они происходят из культовых центров, в которых, однако, трудно обнаружить какие-либо долговременные сооружения. Так, в западной части Иссык-Кульской котловины было обнаружено мощное одновременно кострище, рядом с которым найдены части бронзовых жертвенников и котлов, в том числе две фигуры, изображающие быков зебу.

Трудно судить, как далеко на север заходила территория обитания сакских племен. Поэтому археологи вынуждены для этих областей пользоваться уже терминами, связанными с открытыми ими памятниками. Так, в Центральном Казахстане распространена тасмолинская культура. Для нее характерны крупные курганы знати, имеющие длинные каменные выкладки, уходящие в сторону на многие десятки и даже сотни метров. Здесь полностью выявлена раннекочевническая триада – оружие, конская упряжь и художественные изделия звериного стиля.

Важным центром раннекочевнических обществ оставались горные районы Южной Сибири. Видимо, здесь сложились многие традиции раннекочевнического культурного комплекса кочевников Азии, в частности, обычай сооружения погребальных камер из стволов крупных деревьев или скальных пород. К последующему этапу развития раннекочевнического общества – V–IV вв. до н.э.

в Горном Алтае относятся богатейшие гробницы, в частности, Пазырык, открытие которого стало одной из археологических сенсаций XX в. Здесь, как и в Аржане, налицо свидетельства значительных усилий общества по сооружению этих выдающихся усыпальниц. Они были возведены в труднодоступных местах Горного Алтая. Для гробницы вырывалась большая яма площадью 40 кв. м, в которой из толстых бревен устраивался сруб, иногда с двойными стенами. Тела умерших помещались в деревянные колоды, обычно украшенные резными изображениями, выполненными в зверином стиле. Часть гробницы заполняли телами верховых коней, убитых ударом чекана в висок. Число коней колебалось от 7 до 16. Затем камера заполнялась огромными бревнами, сверху насыпалась каменная выкладка и в результате получался курган диаметром от 25 до 60 м. Среди этих камней были огромные валуны массой до 2–3 т, а в целом для сооружения такой насыпи было необходимо до 3 тыс. куб. м каменных глыб. Их доставка и устройство насыпи были трудоемкой работой, требующей объединения усилий многих людей.

Как и большинство древних гробниц, курганы Пазырыка опустошены грабителями, прибравшими изделия из драгоценных металлов. Но уникальные природные условия Горного Алтая, где под каменной насыпью образовалась вечная мерзлота, способствовали сохранению предметов из органических материалов, видимо, не представлявших большого интереса для охотников за сокровищами. Изделия из дерева, кожи, разнообразные ткани, в том числе войлочные и стриженные ворсовые ковры, были обнаружены в этих естественных холодильниках. Сохранились и тела усопших, подвергавшиеся в древности бальзамированию. Тело одного из вождей было покрыто богатейшей татуировкой из переплетающихся реальных и фантастических зверей в стиле, типичном для эпохи ранних кочевников. Как правило, в гробнице погребались мужчина и женщина, иногда в одной деревянной колоде, иногда в разных. Исследователи предполагают, что женщины были не супругами усопших вождей, учитывая высокую общественное положение свободных женщин, а наложницами. У некоторых из погребенных женщин найдены струнные музыкальные инструменты типа арфы. Оружие, видимо, бывшее парадным и изготовленным если не полностью из золота и серебра, то с их широким использованием, унесено грабителями. Но проявляются иные свидетельства непростанных войн и столкновений. Один из вождей погиб в бою – он был убит тремя ударами в затылок, и затем с него сняли скальп. Даже сохранившиеся предметы указывают на необычайную роскошь, окружавшую пазырыкскую элиту. Китайские зеркала и шелковые ткани с художественной вышивкой, ворсовые ковры, видимо, иранского происхождения, огромное число произведений прикладного искусства местных мастеров, начиная от седел и парадных головных уборов упряжных коней и до войлочных ковров, покрывавших стены, найдены в Пазырыке и других курганах этого типа.

Ряд специфических черт материальной культуры позволяет археологам говорить о существовании в Горном Алтае особой пазырыкской культуры, которая представляется как престижными гробницами, так и захоронениями рядовых соплеменников. Другой культурой раннекочевнической эпохи была тагарская, памятники которой расположены в Минусинской котловине и далее на северо-запад от нее вплоть до лесостепной зоны. Древнейшие памятники этой культуры относятся к VII–VI вв. до н.э., но ее расцвет наступает в V–III вв. до н.э. В эту пору получают распространение коллективные усыпальницы в бревенчатых срубах, в чем нельзя не видеть сохранения той же традиции, что была представлена в Пазырыке. В склепах помещалось по несколько десятков человек, а порой число погребенных достигает сотни. Обычным набором воинов мужчин были бронзовое шило и зеркало у пояса, а также

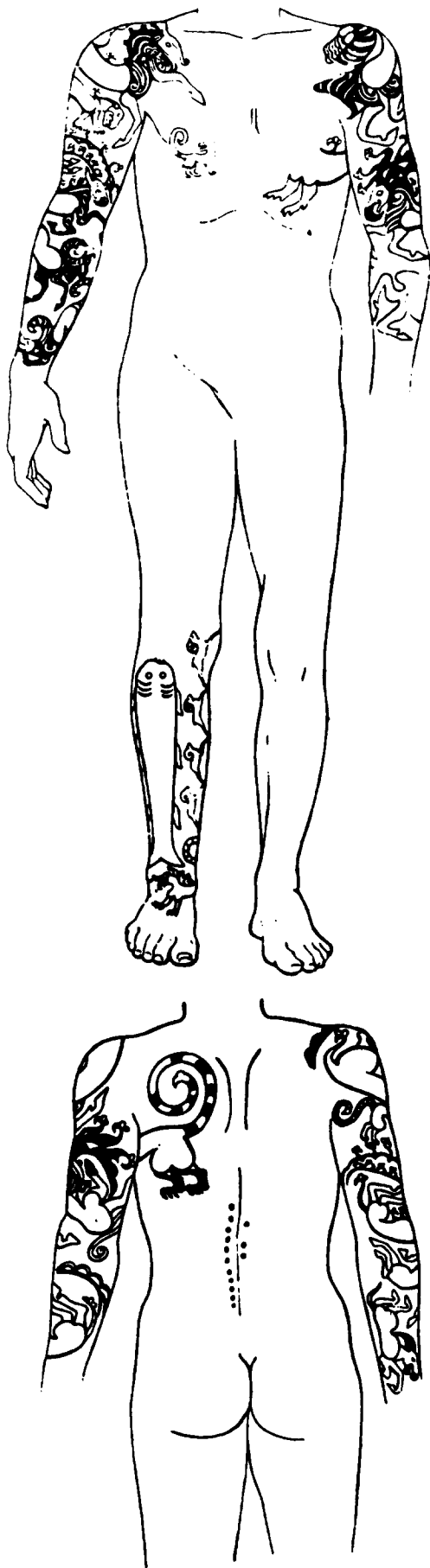

Рис. 29. Эскиз татуировки на мумифицированном теле из второго кургана в Пазырыке (рис. Массона)

оружие – чекан, боевой топор и кинжал. Бронзовые бляхи в виде фигуры мчащегося оленя также были обязательной принадлежностью воинского сословия. Социальная дифференциация здесь менее заметна по сравнению с пазырыкскими племенами, хотя имеются и богатые гробницы, явно принадлежавшие племенным лидерам. Так, иногда в коллективных склепах, видимо, принадлежавших крупносемейным общинам, встречаются дорогостоящие предметы из драгоценных металлов – парадное оружие и многочисленные пластины с изображениями различных зверей – горного козла, льва, оленя. Имеется в минусинских степях и монументальная гробница, относящаяся к IV–III вв. до н.э., – Салбык, к сожалению, полностью опустошенная. Здесь был явно погребен выдающийся лидер тагайского общества.

Третья культура, одновременная Пазырыку и Тагару, была распространена в Туве и носит наименование саглыкской. Здесь обнаружены могильники лишь среднего слоя населения, а элитные гробницы неизвестны. Археологические материалы в определенной мере отражают и передвижения, происходившие в среде кочевых племен, особенно усилившиеся в III–II вв. до н.э. в пору образования и активной деятельности государства хунну. Показательно, что в могильнике Аймырлык в Туве наряду со старой традицией погребения в срубках имеются могилы с каменными ящиками. С III–II вв. до н.э. появляются и предметы хуннской культурной традиции.

Различные культурные традиции представлены и на территории Монголии. На востоке распространена культура плиточных могил, истоки которой восходят еще к эпохе бронзы. В западной части известны памятники, близкие культурным традициям Южной Сибири. Таков могильник Улангом, где под курганами находились деревянные срубы, напоминающие по своему устройству гробницы Пазырыка. В срубке хоронили от двух до десяти человек. Найдены основные элементы раннекочевнической триады от конской упряжи до оружия – кинжалов, клевцов, боевых топоров.

Воздействие культурных эталонов раннекочевнической эпохи охватило огромные территории Центральной Азии. Судя по отдельным находкам, особые группы раннекочевнических племен обитали не только в Казахстане и Южной Сибири, но и далее на восток на территории современного Китая. Так, давно стали известны предметы из региона Ордос, происходящие, судя по всему, из разрушенных или разграбленных могил. Они представляют еще один локальный вариант раннекочевнического культурного комплекса. Таковы кинжалы, навершия, художественные бляхи, бронзовые котлы и другие предметы. Многие из них украшены изображениями типичного звериного стиля – козлами, кабанями, оленями. Встречается и такой широко распространенный сюжет, как свернувшийся хищник. В последние годы китайскими археологами открыты также могильники этих племен, составлявших одну из компактных групп в зоне степей и предгорий азиатского материка. Воздействие нового мощного культурного импульса достигло и областей Южного Китая.

Военное дело играло огромную роль в раннекочевнических обществах, война становилась регулярной общественной функцией, и о последствиях этого мы хорошо знаем по многочисленным военным травмам на скелетах древних кочевников. Динамичному боевому духу отвечало и выразительное искусство звериного стиля с многочисленными сценами схватки зверей. Можно говорить, что в целом имела место определенная милитаризация общества.

Безусловно, это не могло не сказаться на его структуре. Археологи, измеряя объем усилий, затраченных на устройство погребальных сооружений, выделяют для саков Семиречья три социальные группы. Согласно этой гипотезе, в небольших курганах диаметром 6–18 м при высоте

1–2 м хоронили рядовых воинов; в курганах, у которых насыпь достигала 30–45 м в диаметре – племенную знать, в курганах размером 50–105 м – царей.

Прогресс в знаниях людей раннекочевнической эпохи связан с двумя основными направлениями их деятельности – кочевым скотоводством и военным делом. Наблюдения за остатками копыт верховых коней из пазырыкских курганов показали, что они круглый год были на подножном корме при малой подкормке. Кормовая база открытых степей и высокогорных пастбищ позволяла практически круглый год передвигаться со стадами, состоявшими из овец и лошадей. Именно эти копытные могут добывать корм из-под снега. Была распространена особая порода табунных малорослых лошадей, составлявших огромные стада. Вместе с тем была выведена и другая порода – верховые высокорослые скакуны, способные покрывать огромные расстояния. Упряжные экипажи были двух типов – легкие колесницы и массивные телеги. Кочевники приобретали прагматические знания о человеческой анатомии и растительном мире. Об этом свидетельствуют тщательно бальзамированные трупы лиц, погребенных в горных усыпальницах. Брюшные полости были вскрыты, внутренности удалены и заменены какой-то растительной массой. Мышцы либо удалялись с заменой растительными волокнами, либо в них вводилось какое-то консервирующее вещество. Для введения консервантов большие кости часто просверливались с удалением костного мозга. Эти бальзамированные останки, попав к тому же в условия вечной мерзлоты, прекрасно сохранились до того момента, пока они не были потревожены археологами. Наверное, беспрестанные столкновения и военные травмы способствовали развитию практической хирургии, без

чего подобные операции по бальзамированию едва ли были возможны.

Потребности в оружии и конском снаряжении, а также в престижных предметах, способствовали развитию металлургии. Правда, переход к железу у азиатских кочевников задержался до III–II вв. до н.э., но и бронзовые изделия были достаточно грозным боевым оружием. Широко было распространено литье с использованием сальных или восковых моделей. Таким способом, в частности, делались массивные котлы и жертвенники. Для изготовления пустотелых фигур животных употреблялись фигурные сердечники. Была изобретена и широко использовалась техника лужения, благодаря которой предметы дольше не подвергались окислению.

Более содержательным и поистине выдающимся вкладом в мировую культуру были художественные изделия, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Его появление тесно связано с повседневным бытием и психологией кочевников и в определенной мере с их идеями и верованиями.

Но не монументальные храмы или величественная скульптура были носителями новых идей стремительного мира кочевников. Эту функцию выполняло искусство малых форм, постоянно сопровождавшее воина-всадника от рождения до могилы.

Разумеется, мы знакомы в первую очередь с материальным воплощением духовного мира древних кочевников Азии. Не сохранились их песни, с трудом можно представить их мифы и сказания. Правда, в некоторых сюжетах просматриваются сцены богатырского эпоса и иллюстрации к мифам и преданиям. Но и сохранившаяся часть ушедших культур воистину показывает их величие и великолепие.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

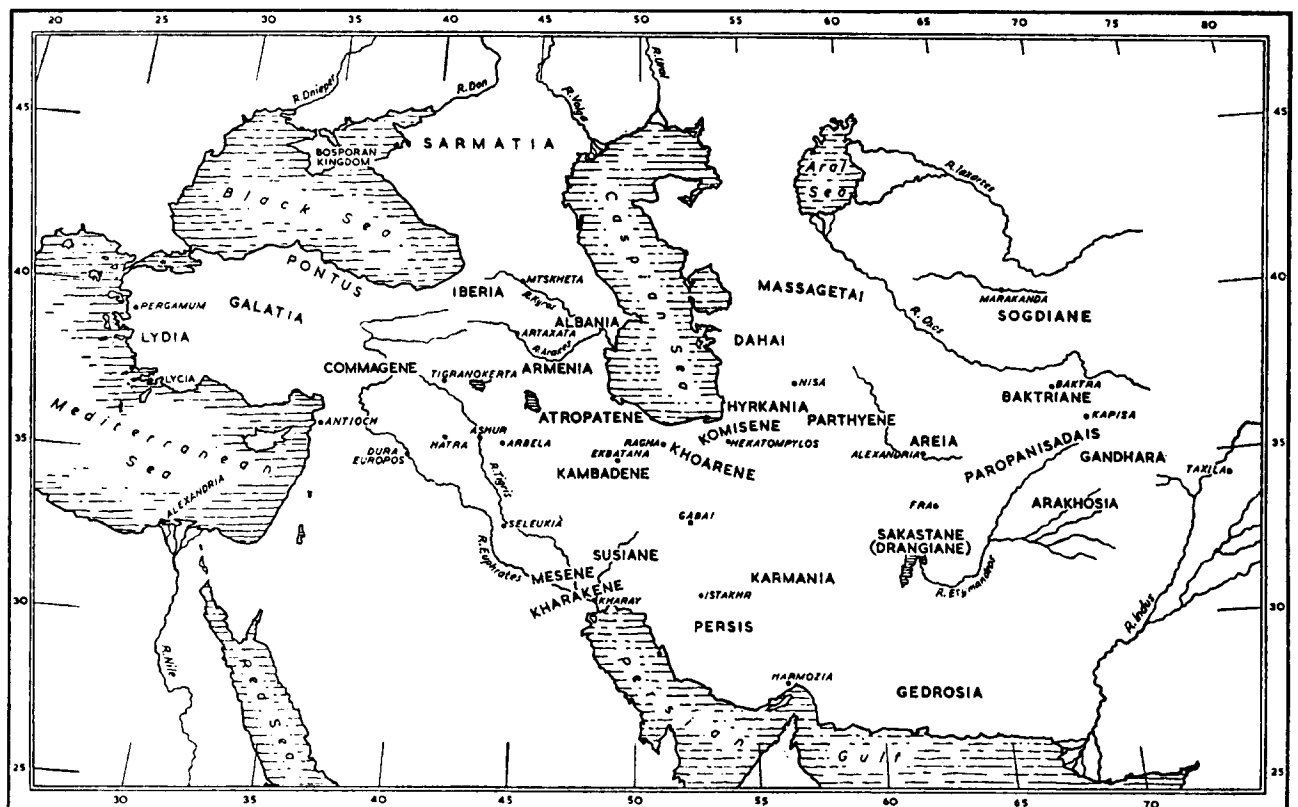
Г. А. Кошеленко

Массовая колонизация греками Центральной Азии, особенно области Бактриана, началась еще в годы похода Александра Великого, который основал здесь ряд городов. Однако уже в 325 г. до н.э. произошли волнения колонистов. В 323 г. до н.э., после того как известие о смерти Александра достигло Центральной Азии, в Бактриане (и, возможно, Согдиане) началось мощное восстание греков-колонистов, желавших вернуться на родину. Это восстание было жестоко подавлено сатрапом Мидии Пифоном. Судьба этого региона в период «Войн диадохов» почти неизвестна. После того как в 312 г. до н.э. Селевк I укрепился в Вавилонии, он начал свой знаменитый поход на Восток, подчиняя иранские и центральноазиатские сатрапии. Все территории к северу от Гиндукуша, ранее входившие в состав империи Александра, теперь вошли в состав государства Селевкидов, области же к югу были уступлены Чандрагупте, основателю индийской империи Маурьев.

После подчинения центральноазиатских провинций сюда в значительном количестве переселились греки. Основным районом колонизации была Бактриана, основная опора Селевкидов в центральноазиатском регионе. Масштабы колонизации и значение таких областей, как Согдиана, Маргиана и Арейя, были меньшими.

Отделение Бактрии от государства Селевкидов произошло около середины III в. до н.э., хотя точная дата этого события – предмет многочисленных дискуссий. Судя по монетам правителя Бактрии Диодота, отпадение от Селевкидов было медленным процессом, а не внезапным разрывом. Вскоре после достижения независимости Диодот умер, а около 230 г. до н.э. его сын и преемник Диодот II был свергнут с престола Евтидемом, бывшим, вероятно всего, правителем одной из провинций, входивших в состав Бактрийского царства.

Во время царствования Евтидема Бактрии пришлось отстаивать свою независимость. Именно в это время Ан-

Карта 32. Западная Азия при Селевкидах и Парфянах

тиох III пытался восстановить владычество Селевкидов на Востоке. Покорив Парфию, он перешел границу Бактрии. В кавалерийском сражении армия Евтидема была разбита, после чего войска Селевкидов осадили столицу Евтидема. Осада продолжалась более 2 лет. Военные действия закончились компромиссом: Евтидем признал свою зависимость от Антиоха, который, в свою очередь, гарантировал ему сохранение царства и царского титула. Весомым аргументом в переговорах, который помог прийти к компромиссу, была угроза вторжения в страну кочевых племен с севера. Вероятнее всего, всякие следы зависимости от Селевкидов исчезли вскоре после разгрома Антиоха римлянами (187 г. до н.э.) (карта 32).

Дальнейшая история Греко-Бактрийского царства может быть восстановлена только предположительно. Крайне редкие свидетельства источников с большим трудом можно привести в соответствие с огромным числом монет, выпущенных несколькими десятками правителей, о большинстве которых в источниках нет ни единого слова. Можно прежде всего отметить два больших феномена: начавшееся вскоре завоевательное движение греков в сторону Индии и начавшийся вскоре распад единого государства на несколько враждующих частей. По всей видимости, начал завоевание на юге сын Евтидема Деметрий I, им были захвачены Арахосия (Юго-Западный Афганистан) и Паропамисаду (Гиндукуш), однако проникнуть далеко на юг на территорию индийского субконтинента он не смог. Во время его успешных действий на юге в Бактрии произошел переворот, во главе которого стоял Евкратид. Дальнейшая история этого государства определялась борьбой двух соперничающих династий: потомков Евкратиды, действовавших главным образом на севере, и потомков Евтидема, которые оперировали в основном на юге. Ситуация обострялась тем, что одновременно с запада началось парфянское наступление, в результате которого Греко-Бактрия лишилась двух провинций.

На территории Индии наибольшие успехи выпали на долю Менандра (хотя неизвестно, к какой из династий он принадлежал). Согласно индийским источникам, Менандру даже удалось прорваться в долину Ганга, но это был весьма кратковременный успех. Основные владения греческих царей находились в бассейне реки Инд и не распространялись восточнее Матхуры (Центральная Индия). На севере, в Центральной Азии, между тем усилилось давление кочевников. Около 145 г. до н.э. они захватили области к северу от реки Окс (древнее название Амударья) и крайние восточные области Бактрии, а около 130 г. до н.э. (время конца царствования Гелиокта) начинается их движение на юг от Амударьи, приведшее вскоре к полному исчезновению греческого правления на территории к северу от Гиндукуша. На юге, на территории Индии, карликовые греческие владения смогли просуществовать еще несколько десятилетий, пока в свою очередь не были уничтожены кочевниками.

Эллинистический период в истории Центральной Азии был временем значительного экономического подъема и прогресса культуры. Вначале Селевкиды, а затем правители Греко-Бактрии проводили политику подъема экономики страны. Археологические исследования в Бактриане показали, что в это время в больших масштабах создавались новые ирригационные системы и возрождались старые, что обеспечивало освоение новых территорий, необходимых для сельского хозяйства. В Маргиане по приказу Антиоха I была построена стена, защищавшая весь оазис. Возможно, такие стены строились также в Бактриане и Согдиане. Переселение греков-ремесленников в Центральную Азию также способствовало подъему экономики.

Особенно большую роль в истории Центральной Азии сыграло строительство новых городов, населенных

в основном греками и, видимо, обладавших определенной долей автономии. Политика колонизации была ориентирована главным образом на создание крупных городских центров, служивших столицами больших провинций. В Бактриане такими городами были Бактра (столица западной части страны) и Ай-Ханум (вероятно, Александрия-Оксиана, а затем Евкратиды – столица восточной части); в Согдиане – Мараканда (древнее название города Самарканд), в Маргиане – Антиохия Маргианская. Всем этим городам была присуща единообразная система укреплений и некоторые общие принципы организации городского пространства. Раскопки французской археологической экспедиции в Афганистане (руководитель П. Бернар) на городище Ай-Ханум дали большой материал для понимания греческого города Центральной Азии. Город делился на две части: цитадель и нижний город, где находилась основная застройка с характерной регулярной планировкой. В городе были найдены типично греческие общественные сооружения: театр, гимнасий, памятник (*героон*) основателю города. Обнаружены были также огромный царский дворец, храмы, большие жилые дома своеобразного плана. В малых городах Бактрии было меньше греческих поселенцев, но именно они осваивали сельские территории, в частности, в непосредственной близости от больших городов.

Прогресс урбанизации, освоение новых сельскохозяйственных земель, развитие ремесел привели к росту торговли. Были восстановлены древние торговые пути (в частности, большую роль играла существовавшая еще во времена Ахеменидов дорога, связывавшая Бактрию с западом и Средиземноморьем), приобрели большое значение пути, соединявшие равнинную Бактрию с горными провинциями, в частности с Бадахшаном, откуда поступали золото, драгоценные и полудрагоценные камни; большое значение приобрели пути через Гиндукуш, связывавшие Центральную Азию с Индией.

Большой импульс развитию экономики дало введение здесь монеты и начало денежного обращения, ранее здесь неизвестного. И Селевкиды, и греко-бактрийские правители чеканили как серебряные, так и бронзовые монеты. В каждом из крупных городских центров располагался монетный двор. Монеты, предназначенные для обращения на территории Центральной Азии, имели греческие надписи, а монеты, предназначенные для обращения на индийских землях, помимо надписи на греческом языке имели и подпись на местном пракрите с использованием письма кхароштхи.

Социальная структура Греко-Бактрийского царства нам неизвестна, но можно предположить, что существовала какая-то форма симбиоза между греко-македонянами и местной знатью. Во всяком случае, керамические черепки, найденные в Ай-Ханум, показывают, что среди царской финансовой администрации наряду с греками присутствовали и иранцы.

Этот греко-иранский синкретизм находил свое отражение в ряде сфер культуры. В частности, Ай-Ханум и Тахт-и-Сангин на Оксе показывают, что типичной была традиционная восточная планировка храмов, хотя активно применялись и греческие ордерные системы. Особенно интересен храм в городище Тахт-и-Сангин (Южный Таджикистан), где греческий архитектурный декор сочетается с планировкой типично иранского «храма огня».

Греческая колонизация принесла в Центральную Азию культы греческих божеств (особенно популярен был Геракл), но в этот период начинается и религиозный синкретизм, в частности можно говорить о синкретизме Аполлона с Митрой. Можно полагать, что в Греко-Бактрии, как и в царстве Селевкидов, существовал царский культ. В индийской традиции царь Менандр представлен как ревностный буддист; целый ряд материалов показывает, что гре-

ки, переселившиеся в Индию, воспринимали местные религиозные верования.

При раскопках Ай-Ханума и Тахт-и-Сангина были найдены греческие надписи, при исследовании сокровищницы Ай Ханум были найдены керамические черепки

(остраконы), представляющие собой первичные документы финансовой отчетности, выполненные согласно греческим правилам. Очень важной находкой было обнаружение отпечатка на глине текста, написанного на папирусе, по всей видимости – философского содержания.

ДЕРЖАВА СЮННУ

Денис Синор

Неизвестно даже точное название народа сюнну. Форма, используемая в этой главе (*Hsiung-nu* в соответствии с системой транскрипции Уэйда-Джайлса), является не чем иным, как китайской интерпретацией некийтайского названия, которое могло и не быть самоназванием сюнну. Это незнание тем более огорчает, что для китайцев сюнну всегда были собирательным образом кочевников Центральной Азии, а в более широком смысле – воплощением варваров. По этой причине, хотя упоминание сюнну появляется не ранее 230 г. до н.э., следы их существования можно проследить вплоть до самого раннего, мифического периода китайской истории. Похоже, что по крайней мере в III в. до н.э. общее китайское название «ху» (*hu*), использовавшееся для обозначения северных и западных варваров, на самом деле относилось к сюнну. Роль этого народа на восточных границах Центральной Азии аналогична той, которую играли скифы на ее западных границах, и, безусловно, есть множество параллелей, которые можно провести между цивилизациями этих двух народов.

Мощь сюнну достигла своего апогея вскоре после их появления на исторической сцене, с приходом к власти *шаньюя* (*shanyu* – титул правителей сюнну) Маодуня (209–174 гг. до н.э.). Он захватил власть, убив своего отца, и вскоре нанес поражение некоторым соседним народам, среди которых самыми грозными были юечжи. Главным стремлением Маодуня было достигнуть если не главенства, то хотя бы равенства с правителями нарождающейся династии Хань. Внешним отражением такого статуса были так называемые договоры умиротворения (*хэцинь* – *hegin*), в соответствии с которыми *шаньюю* отдавалась в жены китайская принцесса (как предполагалось, царской крови) и должны были также постоянно посылаться щедрые дары из Китая. В ответ сюнну обязались воздерживаться от набегов на ханьские территории. Более дерзкая попытка Маодуня добиться равенства с китайским императором посредством женитьбы на вдовствующей императрице была вежливо отклонена.

Вся информация о сюнну, которую мы имеем, происходит из китайских источников. Однако хотя информации достаточно много, она все же не позволяет получить определенный ответ на самый важный вопрос – каким был язык сюнну. Большинство слов, переданных в китайской транскрипции, в основном не поддается интерпретации. В современной историографии, исходя из сведений об образе жизни сюнну, их часто относят к тюркам или монголам, но для подтверждения этих гипотез нет достаточно веских доказательств. В некоторых словах языка сюнну, записанных китайскими иероглифами, находят сходство со словами ныне утраченных енисейских языков из палеоазиатской группы, однако в основном эти аналогии представляются поверхностными, поскольку более 2 тыс. лет разделяет эти ссылки и ту фрагментарную информацию, которую мы имеем об енисейской общности языков.

Немногим больше мы знаем и о физическом облике сюнну. Найденные археологами на востоке Центральной Азии останки едва ли могут быть надежным свидетель-

ством, поскольку их трудно отнести к определенной этнической группе. Тем не менее местонахождения с захоронениями, открытые в Ноин-Ула в северной части Монголии, могут быть уверенно приписаны сюнну; они характеризуют культуру сюнну середины первой половины I в. н.э. К сожалению, палеоантропологические свидетельства, найденные в Ноин-Ула, очень скудны; костей там почти нет. Найденные там черепа относятся преимущественно к монголоидному типу. Интересно, что в захоронениях было найдено очень большое число кос. Анализ волос показал, что они определенно принадлежали монголоидам.

Другая картина возникает при анализе сведений о расовом составе Поздней Чжао (319–352 гг. н.э.) – последней династии сюнну, правившей территориями в Северном Китае. В 350 г. н.э. ее последний правитель, сам китайского происхождения, не доверяя своим подданным-сюнну, приказал вырезать около 200 тысяч из них. Поскольку эти сюнну, естественно, носили китайские одежды и говорили по-китайски, их выделяли из остального населения по их немонголоидному физическому облику – орлиному носу и густой бороде. Можно с уверенностью предположить, что с самого начала население государства сюнну имело смешанный расовый и языковой состав, который менялся в зависимости от региона и эпохи.

Описание сюнну, сделанное древнекитайским ученым-историком Сыма Цянем, рисует нам характерный образ кочевника Центральной Азии: «Они передвигаются с места на место в поисках воды и пастбищ и не имеют ни окруженных стенами городов, ни постоянных жилищ, и не занимаются никакими сельскохозяйственными работами». Прямо или косвенно, мощь сюнну и сопутствующее ей экономическое благополучие держалось на одном-единственном товаре – лошади. Степные земли, принадлежавшие им, совершенно не пригодные для ведения сельского хозяйства, могли служить пастбищами для конских стад, на которых, в свою очередь, базировалась военная политика сюнну. Как и во всех кочевых империях Центральной Азии, армия сюнну – конные лучники – включала в себя все взрослое население. Сюнну были нацией воинов; Маодунь утверждал, что его народ «живет, натягивая лук». Занятия стрельбой из лука и верховой ездой начинались в детстве, а военные отряды подчинялись железной дисциплине. Военное искусство сюнну базировалось на молниеносных атаках легкой кавалерии и ложном отступлении: «Заметив врага, они устремляются на него, как стая птиц, жаждущих добычи, но, видя, что их сильно теснят и побеждают, они рассеиваются и исчезают, как туман». «Если битва складывается в их пользу, они идут вперед, если нет, они отступают, не считая зазорным убежать. Единственная их забота – личная выгода, и они ничего не знают о праве собственности и справедливости».

Система хозяйствования сюнну производила только два вида товаров, пригодных для вывоза, – меха и лошадей. Пока на них был устойчивый спрос на китайском рынке, ни один из этих товаров не включался в торговлю с другими народами Центральной Азии. С практической точки

зрения лошади могли рассматриваться как товар для военных нужд и, будучи таковым, могли использоваться двояко – либо для обмена на товары из Китая, либо для их захвата силой. Перебежчик, китайский советник *шаньюя* Цзичжу, доказывая, что экономика сюнну самодостаточна, тщетно призывал не поддаваться соблазну китайских товаров. Стремление правящего класса сюнну обладать роскошными китайскими вещами, прежде всего шелками, было ненасытным; вряд ли эти ввозимые товары могли служить для какого-либо улучшения жизни народных масс. Этого нельзя сказать об управляемых китайцами приграничных рынках – важнейшем и действительно уникальном источнике разнообразных товаров, не производившихся у сюнну, огромное большинство которых приходило сюда не столько для торговли, сколько для того, чтобы насладиться китайскими винами и едой. Вопрос о том, когда следует открывать и закрывать эти рынки, был вечной проблемой китайской политики. Сюнну часто требовались не только предметы роскоши, но и основные продукты питания, например, зерно. Захват некоторых сельскохозяйственных земель в Китайском Туркестане (начало I в. до н.э.) обеспечивал лучшее снабжение зерном, но одновременно вел к ослаблению культурной однородности союза племен сюнну.

В китайских источниках имеется несколько кратких упоминаний о религии сюнну. Они поклонялись Небесам (или Небу), которые они называли *тенгри* – название, употребляемое позднее и монголами, и тюрками. В первом, пятом и девятом месяцах года верховная знать сюнну собиралась для участия в церемониях, которые происходили вокруг одной или нескольких золотых статуй и, очевидно, бога меча. Осеннее празднество, когда проводились скачки на лошадях в лесу или вокруг него, было поводом для проведения переписи поголовья стад. Сюнну хоронили своих усопших в гробах, сделанных из досок, и устанавливали их в подземных погребальных камерах. Упоминание Сыма Цяня о человеческих жертвоприношениях, ко-

торые происходили на похоронах, не подтверждается находками из захоронений Ноин-Ула, однако ученые высказывают предположение, что многочисленные косы, найденные в могилах, могли имитировать человеческие жертвы, которые в то время уже не приносились. Солнце, Луна и предки также почитались сюнну.

Многие произведения искусства сюнну выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. В Ноин-Ула в захоронении сохранился великолепный шерстяной ковер с аппликацией из войлока, изображавшей битву грифона с оленем. Так называемые ордосские бронзы – пластинки в виде изображений животных – имеют, скорее всего, сюннское происхождение. Сюнну также отливали характерные бронзовые котлы, экземпляры которых находят при раскопках и которые можно видеть в наскальных росписях по всей Сибири и на западе вплоть до Венгрии. Наиболее любопытны два диска из сплава на основе серебра, на которых чеканкой выполнена фигура быка и еловые деревья – изображения, не имеющие аналогов в Центральной Азии.

Взаимодействие между племенами, осложняемое спорной системой наследования, всегда было сомнительным. Решительный распад союза сюнну на Северное и Южное государства произошел в 54 г. до н.э. Первое из них, руководимое *шаньюем* Чжичжи, сохранило свое историческое место в Монголии; второе, руководимое *шаньюем* Хуханье, под контролем которого находились территории, позже названные Внутренней Монголией, стало данником государства Хань. Внутренняя борьба между двумя государствами сюнну внесла свой вклад в их дальнейшее ослабление. С середины I в. н.э. Южное Сюнну становилось все более и более зависимым от Китая, и к середине IV в. полностью утратило свою этническую идентичность. Северное Сюнну, которому не давали спокойно жить их южные родичи, а также китайцы и другие племена Центральной Азии, в частности, сяньби, исчезло с исторической сцены несколько раньше – в середине II в. н.э.

23.5

УПАДОК ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ЦАРСТВА: САКИ И ИНДОПАРФЯНЕ

Ричард Н. Фрай

Около 130 г. до н.э. кочевники из Центральной Азии опустошили греческие царства в Бактрии. На основе сведений, почерпнутых из классических и китайских источников, мы считаем, что основными действующими лицами в этих событиях были *юечжи*, возглавлявшие племенной союз кочевников, которые состоял из саков, асов (*asianoï* по-гречески) и других племен. По отчетам китайского путешественника Чжан Цяня, приведенным в «Шицзи» (*Sbiji*) и летописях династии Хань, можно реконструировать политическую картину всего этого региона в период около 130 г. до н.э. следующим образом: в районе от Са-

марканда до Чача (Ташкент) находилось царство, которое китайцы называли Канцзюй (*Kangji*). В Северной Бактрии греческими и бактрийскими поселенцами правили юечжи, тогда как к югу от реки Окс только некоторые из греческих княжеств были связаны с юечжи вассальной зависимостью. Племена, которые предшествовали юечжи на этих землях – предположительно саки, – двигались на юг, по направлению к Индии.

Двое парфянских царей были убиты (Фраат – около 128 г. до н.э., Артабан – 123 г. до н.э.) в сражениях с саками, после которых саки установили свою власть в Систане.

Западный Иран (Мидия и Персия)		Центральная Азия (на примере Согдианы)	
<i>Искусство</i>	<i>Религия</i>	<i>Искусство</i>	<i>Религия</i>
1. Маннейское, эламитское, месопотамское влияния	Местные культы, подобные месопотамским	Звериный стиль кочевников (плюс местные стили)	Арийские верования (плюс местные культы)
2. Стиль кочевников (плюс указанное выше)	Арийские верования (плюс эламитские и маннейские культы)	Степное искусство на местной основе	Зороастризм (плюс другие культы)
3. Сильный имперский стиль (плюс народное искусство)	Государственный зороастризм (плюс другие культы)	Слабый имперский стиль плюс местные стили	Зороастризм (плюс другие культы)
4. Сильный греческий стиль (плюс западноазиатские стили)	Зороастризм с эллинистическими и западноазиатскими культами	Позднекочевое с эллинистическим и индийским стилями	Местный зороастризм. Буддизм и местные культы
5. Имперский и народный стили	Государственный зороастризм. Христианство и др. местные культы	Кушанский синкретизм. Гандахарское искусство	Местный зороастризм. Буддизм и культы
6. Сирийский и месопотамский стили на сасанидской основе	Универсальные религии. Ислам и местные культы	Местное искусство – согдийское, бактрийское и т.д. с сасанидским влиянием	Универсальные религии. Местный маздакизм (плюс культы)
1. Около 1000 г. до н.э., первые группы иранцев 2. Срединное царство 3. Государство Ахеменидов 4. Период Селевкидов и парфян 5. Период Сасанидов 6. Халифат Омейядов <i>Примечание.</i> Местные искусства и культы не аналогичны и не являются продолжением своих более ранних форм.			

Рис. 30. Примерная периодизация искусства и религии Ирана и Центральной Азии

Однако при парфянском царе Митридате II (около 123–87 гг. до н.э.) власть парфян утвердилась во многих областях Восточного Ирана и нынешнего Афганистана и продолжала распространяться в Индии. Как долго продолжалось парфянское владычество, неизвестно. Трудно установить, когда и в каких областях правили местные власти, чеканившие монеты, однако, по-видимому, малыми царствами на территории от Систана до Пенджаба в I в. до н.э. и вплоть до первой половины I в. н.э. правили сакские князья и князья, известные как индопарфяне. Правитель Вонон и его преемники Спалахора, Спалирис, Гондофар (или Гондоферн) и Пакор – парфяне, а Мауес, Азес, Азилис и Абдагас – вероятно, саки. С другой стороны, Спалахора и Спалирис – скорее сакские, чем парфянские имена, так что можно предположить, что между этими двумя группами заключались браки и в них входили представители обоих народов.

В индийских источниках саки и пахлавы, или парфяне, обычно упоминаются вместе, поэтому можно предположить, что они делили между собой власть на этой огромной территории. Однако основным источником информации для нас являются монеты, а они нередко допускают различные толкования, поскольку чеканка, выполненная при одном правителе, заменялась на тех же монетах изображением символики другого правителя, что может свидетельствовать и о завоевании, и о вассальных отношениях, и даже о перечеканке после окончания правления государя, выпустившего монеты. Возможно также двойное правление или наследование власти не сыном, а братом или племянником, и все это делает реконструкцию истории рассматриваемого периода весьма затруднительной.

Гондофар отождествляется с царем, который, согласно христианской традиции, связанной со св. апостолом Фомой и его путешествием в Индию, именуется Каспаром. Предполагается, что Гондофар принадлежал к индопарфянскому роду Сурен, владения которого находились в Систане. Надписи на монетах с одной стороны сделаны на греческом языке и письмом кхарошгхи – с другой стороны. Однако бывает так, что имена на лицевой и обратной сторонах монет различны, что затрудняет историческую реконструкцию. Видимо, в этот исторический период, в отличие от Римской империи и государства Сасанидов на западе в более поздние времена, этот регион находился под властью множества правителей, князей и вассалов, а центральная власть здесь отсутствовала.

Искусство восточных саков ни в коем случае не было ни грубым, ни варварским, в чем можно убедиться на примере многочисленных золотых изделий, найденных в склепах сакских князей в Тила-Тепе, в Северном Афганистане. Найденные там гребень из слоновой кости, китайское зеркало и многочисленные образцы изделий звериного

стиля из степей Центральной Азии свидетельствуют об обширных торговых связях саков. Предметы из Тила-Тепе – предвестники находок времен кушанов в Беграме. Между ними, однако, есть различие, поскольку найденные изделия саков, по-видимому, символизируют окончание времен широкого использования золота для украшений и произведений искусства. Позже драгоценным металлом, используемым для произведений искусства в Центральной Азии, станет серебро, хотя кушаны и вернутся снова к изготовлению золотых монет. Для индийцев золото никогда не теряло своей привлекательности, и вплоть до нашего времени на субконтиненте золото ценится больше, чем где-либо еще, тогда как в степях и в Центральной Азии обычно используется серебро.

В предметах прикладного искусства, принадлежавших сакским и индопарфянским правителям, бросается в глаза разнообразие стилей; это искусство – прелюдия к так называемому гандахарскому искусству Кушанского царства, которое в основном посвящено буддийской тематике. Местное искусство Центральной Азии, однако, можно охарактеризовать как греко-иранское синкретическое искусство, в котором соединилось множество течений. В Матхуре, в Северной Индии, был разработан, вероятно, самый древний вариант изображения Будды, который затем распространился повсеместно. По-видимому, под греческим влиянием в Таксиле, в Северо-Западной Индии, появились эллинизированные изображения Будды, которые стали отличительным признаком гандахарского искусства, и случилось это при сакских правителях. Однако свой близкий к классическому вид изображения Будды приобрели при династии Кушан, после чего получили распространение в оазисных государствах Синьцзяна, где использовались прежде всего для культовых целей.

Второстепенные сакские правители продолжали править на плато Малва и в других регионах Индии, а в Центральной Азии язык и культура саков получили распространение по южной окраине Таримской (Кашгарской) равнины, где их центром был Хотанский оазис. В течение длительного времени в Центральной Азии преобладал буддизм в форме хинаяны (так называемый южный буддизм), но позднее там повсеместно распространился буддизм махаяны (северный буддизм) с его более многообразным пантеоном и искусством.

Многие эпизоды поэтической эпопеи Фирдоуси «Шахнаме» («Книга о шахах») были, вероятно, навеяны эпическими сказаниями саков, поскольку Рустам Сагзи – наиболее примечательный герой этой книги – был сакским воином. Исходя из того, что многие из этих мифов и исторических хроник приписываются парфянам, можно предположить, что саки внесли более существенный вклад в мировое искусство, чем предполагалось до сих пор.

ВОЗВЫШЕНИЕ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА

Ричард Н. Фрай

Кушанская держава, центром которой была Бактрия, во II в. н.э. являлась одной из четырех мировых держав древней Евразии наряду с Римской империей, Парфянским царством и ханьским Китаем. Царство охватывало территорию современного Афганистана и северо-запад индийского субконтинента, однако его влияние распространялось далеко за эти границы. Более поздние династии в Центральной Азии и Индии, например цари Кашмира, доказывали свое право на престол, объявляя себя потомками кушан, хотя это могло и не соответствовать действительности. В истории кушанам уделяется мало внимания, что объясняется в основном тем, что письменные источники, принадлежащие кушанам или упоминающие о них, встречаются чрезвычайно редко. Неизвестно даже их точное название; в классических источниках содержится несколько упоминаний о бактрийцах и о некоторых кочевых племенах, и только в армянских источниках можно найти не только косвенные ссылки, но и их название и отдельные данные о них. Кушаны находились вне поля зрения и китайцев, и римлян, и поэтому нам приходится реконструировать их историю, опираясь в основном на материальные свидетельства, монеты и некоторые надписи. Кем они были и откуда пришли в Бактрию?

Многие ученые полагают, что основой будущего Кушанского царства были юечжи, издавна, как следует из китайских источников, жившие в провинции Ганьсу. Говорили ли они на тохарском языке (на одной из его ветвей, относящейся к индоевропейской семье языков), неизвестно, однако между 175 и 160 гг. до н.э. под напором империи сюнну они переместились к западу, вероятно, в долину Или, где не задержались и, преследуемые усунями, продолжили движение на юг. Примерно к 130 г. до н.э. они достигли Бактрии, ограниченной с севера горным массивом Гиссар. Бактрия была родиной Греко-Бактрийского царства (предположительно это – Дася, если следовать китайским источникам). Рассказ об этом, приводимый в китайских памятниках, вероятно, соответствует сообщениям классических авторов, в частности, Страбона и Помпея Трога, которые сообщают о падении Греко-Бактрийского царства под ударами пришедших с севера кочевников. Очевидно, в передвижении участвовала группа или союз племен, одно из которых, называемое Страбоном *asii*, многими учеными отождествляется с усунями или с более поздними аланами – предками современных осетин, живущих на Северном Кавказе. Другой группой было, вероятно, сакское племя, а третьей – тохары, которые отождествляются с юечжи из китайских источников. Во всяком случае преобладающей культурой всех этих племен была культура североиранских кочевников, которая к тому времени смешалась с культурой оседлых цивилизаций юга. Каким бы ни был изначальный язык племен, составивших ядро будущего Кушанского царства, они, скорее всего, усвоили местный бактрийский язык. Китайские источники, в особенности «Хоу Хань шу» («*Hou Han Shu*») – хроника поздней династии Хань, повествуют о том, что, завоевав Бактрию, юечжи разделили ее на пять областей, или клановых вла-

дений, одна из которых называлась Гуйшуан – имя, которое большинство ученых отождествляет с названием племени (или рода) кушан. Как следует из китайских документов, спустя почти век правитель княжества Гуйшуан, покорив остальные четыре клановых владения, положил начало державе кушан. Основатель Кушанского царства отождествляется с Куджулой Кадфизом, имя которого встречается на монетах.

К югу от Бактрии располагались государства, основанные саками, предшественниками юечжи. В горах Гиндукуша и на индийском субконтиненте сохраняли контроль оставшиеся греко-бактрийцы. Как далеко эти владения простирались и как долго они существовали – вопросы спорные. На западе находилось децентрализованное феодальное Парфянское царство, однако около 124 г. до н.э., после восшествия на престол Митридата II, парфяне отомстили сакам за недавние поражения, завоевав восточные территории. Мы не знаем, как далеко простирались захваченные парфянами земли и какими были их взаимоотношения с территориями, которыми владели саки, а также с нарождающимся Кушанским царством. Район Кабула, как свидетельствуют монеты, находился, видимо, под управлением индопарфянских князей – вассалов основного парфянского государства на западе, до тех пор пока в I в. н.э. его не завоевал Куджула Кадфиз. Смерть Митридата в 87 г. до н.э. должна была повлечь за собой упадок власти парфян на востоке и, вероятно, способствовала объединению кушан на территориях к югу от реки Окс. Кушанская экспансия происходила за счет саков и парфян, а также, вероятно, некоторых греческих княжеств, расположенных в горах; однако вплоть до I в. н.э. владения кушан были ограничены регионом к северу от горной системы Гиндукуш.

При установлении последовательности кушанских правителей многое определяется нумизматикой, однако в течение какого-то времени кушаны, вероятно, копировали монеты с греческими надписями, в основном монеты правителей Евкратиды и Гелиокла. Тетрадрахмы с греческой надписью *turannountos eraou sanabou korranou* (с буквой «r» для обозначения звука «sb») – «неизвестный титул – личное имя – фамилия – племенное имя» чеканил на рубеже тысячелетий правитель с греческим именем Герей, который, однако, считается кушаном, поскольку об этом свидетельствует его племенная принадлежность, указанная на монетах, а также восточный тип лица, изображенного на них. Это же лицо мы видим и на глиняном бюсте из местонахождения Халчаян в Южном Узбекистане. Основываясь на монетах, мы можем сделать вывод, что центр правления этого государя располагался к северу от р. Окс. Следующим правителем был Куджула Кадфиз, который, согласно китайским источникам, дожил до 80 лет и распространил свои завоевания от Гиндукуша на юг и в Индию. Некоторые из его медных монет производят впечатление копий с римских монет Августа или Тиберия, что позволяет установить примерную дату правления Куджулы. За ним следует правитель, о котором по его монетам

известно только, что это был *soter megas* – «великий спаситель». Некоторые ученые выдвигали предположение, что им был Куджула в последние годы своего правления или Вима Кадфиз в начале своего правления, однако благодаря новым бактрийским надписям мы теперь знаем, что это был Вима Такто, сын Куджулы и отец Вимы Кадфиза. Последний налаживал выпуск золотых монет того же стандарта, что и римский *denarius aureus* (золотой денарии), а также новых медных тетрадрахм, что предполагало полную денежную реформу в нарождающейся державе. На его монетах мы находим изображение индийского бога Шивы, из чего можно заключить, что Вима был последователем его культа. Преемник Вимы Канишка (правнук основателя династии Куджулы Кадфиза. – *Прим.ред.*) провел в Кушанском царстве многие реформы и является наиболее известным из «Великих Кушан».

В его царствование надписи на монетах стали делаться не на греческом, а на иранском языке, предположительно бактрийском, с использованием греческого алфавита. При Канишке мощный импульс получил буддизм, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания этого царя в поздних буддийских документах. Неизвестно, был ли он сам последователем буддизма, поскольку на его монетах представлены и названы многие боги – греческие, иранские и некоторые индийские, что предполагает существование в его государстве терпимого отношения к различным верованиям. Канишка, видимо, был основателем новой династии правителей Кушанского царства, имена которых включали иранский суффикс *«ishka»* («-ишка» – «младший»), поскольку за ним следуют Васишка и Хувишка. К сожалению, несмотря на три международных симпозиума, посвященных этой теме, мы не знаем дат правления Канишки. Однако, как следует из его надписей, он был родоначальником новой эры и правил по крайней мере в течение первых ее 23 лет. При нем территория царства достигла наибольшего размера, хотя, как следует из найденных монет, Согдиана и Хорезм, расположенные севернее, либо были независимыми государствами, либо связаны с кушанами непрочными вассальными узлами. В Индии власть кушан была сосредоточена на северо-западе и в центре ее северной части и не распространялась на Деканское плоскогорье и на современную Бенгалию. Город Матхура, если судить по надписям, статуям правителей и многочисленным предметам, найденным там, был важным кушанским центром. Западный Синьцзян, или, что более вероятно, только Кашгар, видимо, тоже в течение короткого времени находился под властью кушан.

Васишка правил всего несколько лет; его преемником был Хувишка, правивший приблизительно с 28 по 60 г. эры Канишки. При нем держава еще оставалась прежней, но при его преемнике, правившем по крайней мере с 67 по 98 г. этой эры, уже был заметен упадок. Эра Канишки, очевидно, и закончилась при этом последнем правителе из «Великих Кушан», которого звали Васудева I. По его имени, свидетельствующему о том, что он являлся приверженцем культа индуистского бога Вишну или по крайней мере относился к нему с одобрением, а также на основе ряда предметов материальной культуры, мы можем сделать вывод о том, что «индианизация» Кушанского царства шла полным ходом. Это и неудивительно, поскольку самая населенная и богатая часть кушанского государства располагалась на индийском субконтиненте. После Васудевы II, если судить по надписям и монетам, обесценившимся по сравнению с монетами «Великих Кушан», правили Канишка III и Васудева III. Вероятно, после Васудевы I государство кушан разделилась на восточную и западную части, а возможно, что и на большее число частей. Время этого дробления совпадает с завоеваниями Сасанидов.

В трехязычной надписи правителя державы Сасанидов Шапура I на каабе (кубе) Зороастра (Заратуштры) он заявляет о присоединении к своему государству владений

кушан вплоть до Пашкибура (район города Пешавара?) и на север до Киша, Согдианы и гор Чача (нынешний Ташкент), которые были завоеваны им самим или его отцом Ардаширом. Представителей местных династий, вероятно, сменили сасанидские правители, чеканившие так называемые кушано-сасанидские монеты. Примерно в это же время в Матхуре кушан сменили правители из группы народов нага. Трудно сказать, как долго местные кушанские правители продолжали контролировать территории в горах Индии, однако тот факт, что цари Кашмира заявляли о своем кушанском происхождении, указывает на длительность правления мелких династий на индийском субконтиненте.

Мы знаем очень мало о структуре государства и организации управления в Кушанском царстве и можем только предполагать, что оно было скорее централизованным, нежели разобщенным государством типа Парфянского царства. Изучив монеты саков и индопарфян – предшественников кушан, некоторые ученые выдвинули предположение о том, что в Кушанском царстве существовала система соправления (подобная двум августам и двум цезарям во время правления Диоклетиана) в поздней Римской империи. Другие ученые считают, что управление государством осуществлялось множеством вассалов и союзных правителей под властью кушанского царя. По имеющимся надписям и по аналогии со степными государствами можно предположить, что особенно мощной и влиятельной была военная система государства. Из надписи на бактрийском языке времен Хувишки в Сурх-Котале возле Баглана в Афганистане нам известен титул *кара-дранг* (*kara-drang*), который, вероятно, является кушанским аналогом сасанидского *канаранг* (*kanarang*) – «господин маршей» или просто «командующий армией» (имеются переводы, в которых канаранг – правитель или наместник пограничной области. – *Прим.ред.*). Во всяком случае этот титул означал офицера высокого, если не высшего, ранга в Кушанском царстве. Поскольку он, видимо, занимал и гражданскую, и военную должности, понятно, какую важную роль играли военные в управлении.

Исходя из того, что в качестве официального письменного языка к северу от Гиндукуша использовался бактрийский язык, а к югу – пракрит, можно предположить, что в Кушанском царстве управленческие функции исполнялись на двух языках, подобно тому, как это делалось в государстве Селевкидов, где государственными языками были греческий и арамейский. Поскольку кушаны по происхождению были центральноазиатскими кочевниками, можно предположить, что они действовали подобно многим другим центральноазиатским завоевателям, т.е. усваивали обычаи и управленческие структуры оседлых народов, которыми они управляли, и это были обычаи греко-бактрийцев на севере и государственные институты индийских Маурьев – на юге. Кроме того, как и в других государствах Центральной Азии, скрепляющим государство «Великих Кушан» фактором была личность правителя. Личная преданность харизматическому лидеру была ключевой для успешного установления власти над степями и, видимо, при создании Кушанского царства и завоевании новых земель. Не подтверждается наличие у кушан системы «двойного правления», которая позднее существовала у народов, говоривших на языках алтайской семьи, хотя, возможно, мы просто не имеем об этом достаточной информации.

Нам неизвестна также и структура кушанского общества. Разумеется, между положением бактрийского населения и индийцев к югу от Гиндукуша существовали различия, и кушанская знать была еще одним элементом социального расслоения. У нас нет сведений о существовании у кушан рабства, однако по аналогии с остальным миром этого времени мы можем допустить, что рабство в Ку-

Язык(и) около 50 г. до н.э.	Балх	Самарканд	Кашгар	Хотан	Куча	Турфан
Официальный письменный	Греческий	Испорченный арамейский	Пракрит или китайский	Пракрит	Китайский	Китайский
Официальный разговорный	Кушано-бактрийский	Согдийский или кушано-бактрийский	Пракрит или кушано-бактрийский	Сакский	Тохарский Б («западно-тохарский») или китайский	Тохарский А («восточно-тохарский») или китайский
Религиозный Пракрит	Авестийский	Авестийский или санскрит	Пракрит или санскрит	Пракрит или санскрит	Пракрит или санскрит	Пракрит
Диалект	Балхский	Самаркандский (<i>Kanjaki</i>)	«Каньяки» Сакский	Хотанский	Тохарский Б	Тохарский А
Торговый	Парфянский (?)	Согдийский	Согдийский	Пракрит, согдийский	Согдийский, китайский	Согдийский, китайский

Язык(и) около 650 г. н.э.	Балх	Самарканд	Кашгар	Хотан	Куча	Турфан
Официальный письменный	Кушано-бактрийский	Согдийский	Эфталитский или тумшук-сакский	Хотанский Сакский	Тохарский Б	Согдийский (?)
Официальный разговорный	Эфталитский	Согдийский	Эфталитский (?)	Сакский	Тохарский Б	Турецкий или тохарский А или согдийский
Религиозный	Авестийский, санскрит	Сирийский, парфянский	Сирийский, парфянский, санскрит	Сакский и санскрит	Пракрит и санскрит	Сирийский, согдийский, санскрит
Диалект	Балхский	Самаркандский	«Каньяки»	Сакский	Кучский	Тохарский А и турецкий
Торговый	Среднеперсидский и согдийский	Согдийский	Согдийский (?)	Согдийский (и праkrit?)	Согдийский и китайский	Согдийский и китайский

	Устные «духовные» языки	Письменные «духовные» языки	Письменные светские языки
50 г. до н.э.	[Для иноземцев Центральной Азии] Ведический, авестийский [Древнееврейский(?)]	[Древнееврейский (?)]	Арамейский, греческий, пракриты, китайский
50 г. н.э.	Ведический, авестийский, древнееврейский	Санскрит = литературный язык	Арамейский > согдийский > парфянский > хорезмийский греческий > кушано-бактрийский праkritы, китайский
650 г. н.э.	Ведический, авестийский	Ведический, авестийский, санскрит = литературный язык, сирийский = литературный язык для христиан, парфянский = литературный язык манихейцев	Согдийский, хорезмийский, кушано-бактрийский, или эфталитский, среднеперсидский, хотанский сакский, тохарский (А – в Агни и Турфане, Б – в Куче), турецкий, китайский

Рис. 31. Языки Центральной Азии. На западе Центральной Азии для канонических религиозных записей использовался один язык и его письменная форма, тогда как в других частях Центральной Азии и в Индии такие записи делались на разных языках и разным письмом

шанском царстве существовало. Нет свидетельств наличия у кушан квазикастовой системы, которая существовала в сасанидском Иране и проявлялась в полном объеме в Индии. Можно предположить, что кушанская аристократия, подобно тюркской военной аристократии в Западной Азии в XII в. н.э., была военной и правила оседлым населением. Скелеты, найденные при археологических раскопках, имеют интересную особенность представителей древней знати – искусственно деформированные и удлинённые мужские черепа, которые могли обозначать ранг или класс или просто отражать моду, принятую среди центральноазиатской знати того времени.

Армия состояла из конных и пеших воинов, однако мы и здесь не знаем деталей и вынуждены полагаться на археологические находки, которые дают информацию о доспехах и оружии, но ничего не говорят об организации армии. Вероятно, вооружённые силы в Бактрии были иными, чем в Индии, но подробности нам неизвестны.

Неизвестно также, существовало ли местное ополчение или вспомогательные союзные войска, однако это вполне вероятно. Военное снаряжение кушан ничем не отличалось от парфянского или индийского, и трудно сказать, была ли кавалерия основной силой армии.

Отсутствует также информация о налогообложении, землевладении и других экономических особенностях Кушанского царства. В этот исторический период повсюду существовало рабство, однако нет никаких свидетельств о том, что в латифундиях работало большое число рабов, как это было в Римской империи. Неизвестны и формы землевладения, однако, учитывая важнейшее значение ирригации для сельского хозяйства на неиндийских территориях Кушанского царства, можно сделать предположение об активном участии государства в сооружении и эксплуатации оросительных каналов и дамб. Все эти выводы делаются на основе сохранившихся надписей. Неизвестно, получала ли кушанская аристократия земли за воинскую службу или землями предков продолжали управлять прежние владельцы. Нет свидетельств существования в государстве кушан и в Бактрии кастовой системы, подобной индийской. Более того, в Центральной Азии не находится подтверждений существования жесткой классовой системы, подобной той, которая существовала в Иране времен Сасанидов. Иранцы возвеличили крупных землевладельцев (*дежкан*) и сельское хозяйство, тогда как в Центральной Азии, в отличие от Ирана Сасанидов, с большим почтением относились к купцам.

Торговля, разумеется, играла очень важную роль на кушанских землях; это подтверждается обилием разнообразных предметов – египетского стекла, индийских изделий из слоновой кости и фрагментов шелковых тканей из Китая, найденных в городище Беграм в Афганистане, которые датируются кушанским периодом. Разумеется, с дальними странами кушаны торговали в основном дорогими товарами и предметами роскоши, так как затраты и опасности, сопряженные с такой торговлей, делали бессмысленными перевозку рядовых и тяжелых предметов. Поскольку торговля была рискованным и опасным делом и на караваны время от времени нападали бандиты, караваны были большими, хорошо организованными и сопровождалась охраной. Это свидетельствует о наличии торговых компаний и товариществ; исходя из аналогии с сасанидским Ираном, можно предположить, что в кушанских владениях подобные организации тоже существовали. К сожалению, письменные документы отсутствуют. Из согдийских писем, найденных в городище Дуньхуан на границе Китая, которые датируются приблизительно веком или более после распада Кушанского царства, нам известны семейства купцов, занимавшихся торговлей с Китаем. В кушанский период и позднее купцы, торговавшие с дальними землями, были в основном согдийцами с севера и индийцами с субконтинента. Из согдийских надпи-

сей на скалах в долине верхнего течения Инда видно, что в древние времена купцы, шедшие из долин Индии в Китай, пользовались тяжелой дорогой через горную систему Каракорум. В западной части Кушанского царства пути пролегали из Бактрии через Памир или по Ферганской долине в Кашгар и оазисы Синьцзяна.

Как упоминалось выше, Вима Кадфиз ввел в Кушанском царстве обращение золотых монет, которое поддерживалось на протяжении всего кушанского периода и было заимствовано империей Гуптов в Индии. Это было сделано, вероятно, из-за расцвета торговли специями, шелком и другими предметами роскоши с Римской империей. Монетная система, основанная на золоте, контрастировала с обращением серебряных монет Сасанидов и парфян. После окончания эпохи «Великих Кушан» качество и чистота золота в монетах ухудшились, и монеты, выпущенные кушано-сасанидскими правителями, делались из золота менее высокой пробы, чем монеты их предшественников. Более того, после кушан серебряный стандарт денежной системы распространился по всей Центральной Азии, и высококачественные монеты Сасанидов, для которых в течение всего владычества Сасанидов выдерживался высокий стандарт чистоты, стали в Центральной Азии эталоном для других местных металлических денег.

В раскопанных в Бактрии кушанских городах видно отклонение от тщательно распланированных прямоугольных городов греко-бактрийцев, основным раскопанным городищем которых является Ай-Ханум в месте впадения реки Кокча в Пяндж. В результате многолетних исследований французские археологи выявили внесенные изначально Александром или Селевком I на центральноазиатскую почву элементы греческой культуры. Кушанские поселения, особенно в Северной Бактрии, например Дальверзин-Тепе, древний Термез и другие, показывают то особое значение, которое придавалось крепости, храмам или культовым сооружениям в центральной части города и мощным защитным стенам, окружавшим город. Литвинский (*Гафуров*, 1989, с. 351–357) приводит великолепный перечень градостроительных достижений кушан в Бактрии. Он особо выделяет следующие моменты.

Во-первых, в кушанский период было построено множество новых городов, и, как следует из археологических исследований, города были не только более многочисленными, чем в любой другой период истории Бактрии, но и имели большие размеры. Таким образом, при кушанах городская жизнь переживает значительный подъем. Во-вторых, следует отметить расширение и перепланировку древних городов; особенно были расширены городские площади. В-третьих, кушанские города состояли обычно из крепости, собственно города, окруженного стеной с башнями, и пригородов за стенами, где располагались не только жилые кварталы, но и магазины, ремесленные мастерские, буддийские сооружения – вихары и ступы, а также кладбища. Из-за широкого распространения торговли при кушанах города превратились в перевалочные пункты для торговых операций местного значения с населением окружающих деревень, пастухами и кочевниками, а также для караванной торговли с дальними землями.

При кушанах жилые кварталы богатых купцов и земельной аристократии в городах были больше, чем ранее. Часто можно видеть внутренний двор с айваном – сводчатым залом, открытым со стороны внутреннего двора, ведущим внутрь здания, обычно с четырьмя колоннами. Различные храмы с алтарями – типичная черта городской архитектуры; большей частью это были буддийские храмы, но встречались и храмы индийских сект, и местной религии – зороастризма. Как уже упоминалось, в конце правления Кушан индийское влияние стало более сильным. Например, в Дилберджин-Тепе неподалеку от города Акча в Северном Афганистане из буддийского храма сделали место поклонения индийскому богу Шиве.

Самым крупным городом, а также, возможно, и столицей Кушанского царства, был город Бактра – ныне городище Балх у одноименного города в Северном Афганистане. К югу от гор крупным центром был город Капиша, который, вероятно, можно отождествить с современным Беграмом. В Индии крупным кушанским городом была Матхура, а на северо-западной границе крупными городскими центрами были Пушкалавати, который отождествляют с современной Чарсаддой, и Таксила. В них стекались торговцы из всех стран света. Трудно оценить численность населения этих городов, основываясь только на данных еще не завершенных раскопок, однако учитывая, что численность населения таких намного меньших по размеру городов Северной Бактрии, как, например, Дальверзин-Тепе, оценивается в 10–15 тыс. человек, то население Балха в кушанский период могло достигать 100 тыс. и более жителей.

Главным фактором гражданской принадлежности и национальной идентичности народов в Западной Азии и, в меньшей степени, в Центральной Азии была религия. Особенно это стало проявляться после того, как в III и IV вв. н.э. укрепились основные религии – иудаизм, христианство и манихейство. Однако при кушанах старинные верования и ритуалы все еще сохраняли свое значение, хотя религиозные взгляды людей уже начали меняться под влиянием буддизма – мировой миссионерской религии. В чем же состояла религиозная политика Кушанского царства?

Поскольку период расцвета Кушанского царства пришелся на время до возникновения христианства и манихейства, здесь еще сохранялось влияние генотеизма: люди верили в существование множества божеств, но выделяли одного или нескольких из них, которые, как они считали, особенно покровительствуют их обществу. Синкретизм греков эллинистического периода не оказал на Центральную Азию такого влияния, как на Западную Азию, и на кушанских монетах мы находим изображения множества божеств – в основном иранских и греческих, но также и некоторых индийских. Поскольку письменные источники ничего не сообщают о религии Кушанского царства, нам приходится полагаться на свидетельства археологии. Однако обратившись к погребальным традициям, мы увидим множество различных форм погребения. Обычные погребения в земле, курганы, мавзолеи, кости, очищенные от плоти и помещенные в оссуарии – хранилища костей (в виде сосудов из глины, камня или алебаstra. – *Прим. ред.*), и, конечно, тела, преданные огню в соответствии с греческими обычаями, – все эти формы погребения существовали в Бактрии. Это говорит о том, что в Кушанском царстве, как и в ранней Римской империи, существовало множество культов и ритуалов. Основываясь на данных раскопок холма Сурхкоталь (в Северном Афганистане, в Банглане. – *Прим. ред.*) с остатками крупного храмового комплекса и массивными статуями царей, можно предположить, что здесь, снова как и в Риме, существовал культ царя или, возможно, кушанской династии. Местная форма зороастризма с огненными алтарями имела широкое распространение, однако большинство религиозных памятников осталось от буддизма. Монастыри, или вихары, и ступы, а также другие реликварии с воздвигнутой сверху насыпью строились на всех кушанских территориях и, возможно, именно отсюда распространилась в Китай секта, или школа, сарвастивадинов. Кушанская Бактрия была

центром буддизма вплоть до исламского завоевания в VII в. Как Римская империя застала начало христианской эры, так и Кушанское царство прошло через все этапы, начиная от распространения культов и кончая господством буддизма и началом его продвижения в Восточную Азию. В индийской части государства существовало, разумеется, множество индийских культов, а в Матхуре был найден храм-*девакула* (*devakula*), посвященный культу правящей династии, как и храм в Сурхкотале. Множество приверженцев было, очевидно, у культа Солнца, посвященно Митре или Сурье, и, как уже упоминалось ранее, культ Шивы имел влияние на правителя Виму Кадфиза и процветал при Васудеве. Со временем индийское влияние на кушан становилось все более сильным, что особенно хорошо видно по индийским надписям, найденным в Центральной Азии.

Обнаруженные в Бактрии индийские надписи на пракрите, выполненные письмом кхароштхи и брахми, свидетельствуют о высоком престиже индийской культуры, тогда как в Индии надписей на языке кушанских правителей – бактрийском – найдено не было. Это значит, что, например, в Матхуре кушаны придерживались индийской традиции и не стремились навязать свой язык покоренным ими народам.

При кушанах преобладающим стал стиль буддийского искусства, возникший под влиянием греческих оригиналов, который назывался гандхарским; были разработаны каноны изображения Будды, затем распространившиеся в Китае. Гандхара была густонаселенной областью на северо-западном краю Индии, где были найдены самые ранние изображения Будды. Хотя ранние гандхарские скульптуры были выполнены в камне и по стилю очень близки к греческим, в более поздние времена, когда выполнялись в глине и гипсе, они стали больше похожи на иранские скульптуры. Древние эллинизированные формы гандхарского искусства в Центральной Азии приобрели определенно иранский характер, что особенно заметно в буддийских пещерных росписях в таких оазисах, как Куча и Турфан. Возможно, образ бодхисаттвы Майтреи, появившийся в буддийском учении в кушанский период, был заимствован индийцами из Бактрии, как и культ книги, носящей иранское название *pustaka*, который представляет собой еще одно заимствование индийского буддизма из Центральной Азии.

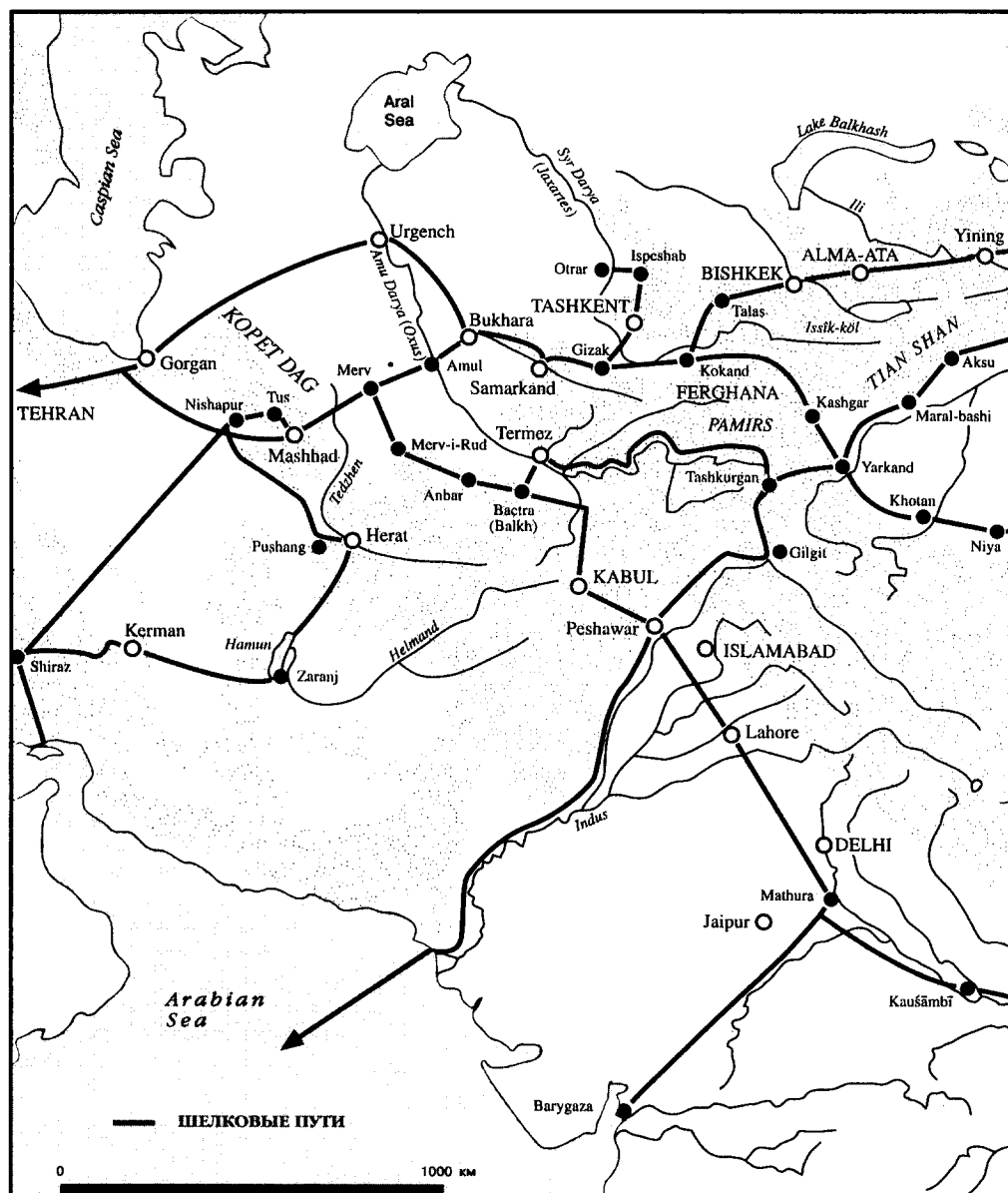
Итак, эпоха «Великих Кушан», продолжавшаяся в течение века, была временем мощного расцвета торговли, урбанизации, по крайней мере в Бактрии, и распространения буддизма на восток. К сожалению, мы не располагаем памятниками на бактрийском языке, за исключением нескольких фрагментов и надписей. Создается впечатление, что тот способ записи иранского языка, при котором использовалось греческое письмо – с гласными, пользовался не большей популярностью, чем старинная персидская клинопись, поощряемая Дарием из династии Ахеменидов. Вероятно, из-за отсутствия документальных памятников, а также из-за многочисленных вторжений народов из степей Центральной Азии память о кушанах стерлась настолько, что сегодня только их название осталось в немногих китайских, индийских и армянских источниках, тогда как на Западе оно было забыто. Однако археологи продолжают находить свидетельства богатства и могущества последней великой иранской державы, существовавшей в Центральной Азии до прихода тюркских народов.

ОАЗИСНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ричард Н. Фрай и Б. А. Литвинский

История обширного региона к северу от Бактрии, включающего бассейн реки Тарим, с 700 г. до н.э. по 300 г. н.э. представляет собой сплошное белое пятно, и скудная информация, которой мы располагаем, может быть взята только из китайских источников и данных археологии. Кем были обитатели этих земель в начале этого периода? Как они жили? Коренное население этих мест к тому моменту уже было иранизировано в результате происшедше-

го три-четыре века назад расселения ираноязычных племен по всему региону. География этого края предполагает, что поселения должны находиться вдоль рек или в оазисах, где была вода. Самым важным центром данной территории, очевидно, был город Самарканд благодаря его удачному стратегическому положению на реке Зеравшан в том месте, где она выходит из гор. Самарканд был конечным пунктом торговых путей из Ферганы на востоке,

Карта 33. Шелковые пути

из Чача (Ташкента) на севере, из Бухары на западе и из городов на реке Кашкадарья – на юге. До тех пор пока нижнее течение Зеравшана еще не регулировалось, и вода из реки была отведена в каналы, болотистые земли Бухарского оазиса не могли прокормить большое население.

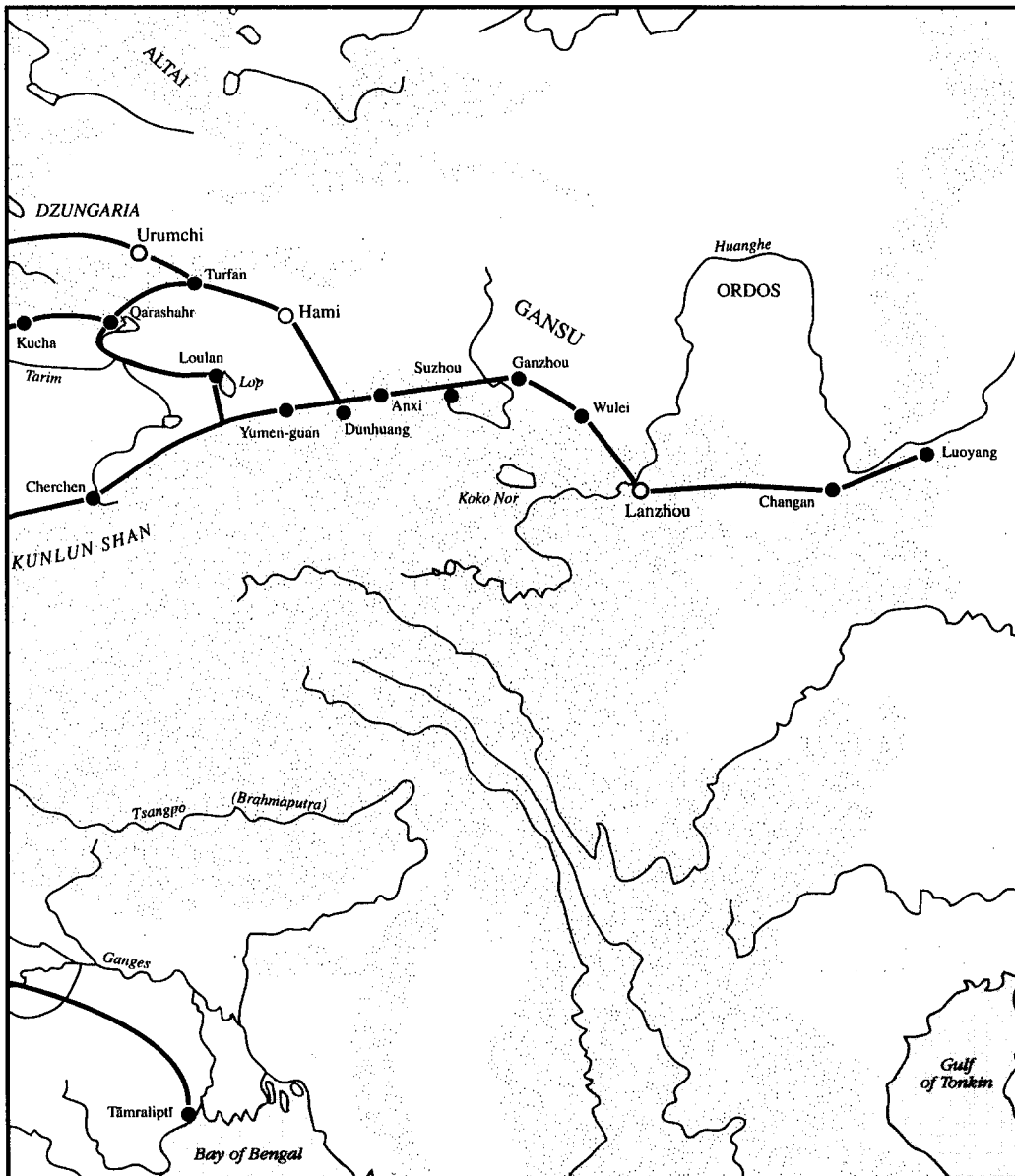
Самарканд был центром Согдианы, однако в то время местные купцы еще не играли такой важной роли в торговле с Китаем и Монголией, как позднее. При раскопках городища Афрасиаб – старого Самарканда – была обнаружена крепость и большой город со множеством водоемов для хранения воды. Население занималось сельским хозяйством, использовались железные инструменты. Строительным материалом служили продолговатые высушенные на солнце кирпичи. Обнаружено большое количество расписной керамики.

Носители согдийского языка жили также в долине реки Кашкадарья, где позднее наиболее крупными городами были Кеш (современный Шахрисабз) и Нахшаб (ныне Карши). Согдийцы также расселились вверх по долине Зеравшана между Гиссарским и Туркестанским хребтами, их поселения также находились к северу от Туркестанского хребта, в пустыне, разделяющей западную и восточную часть Ферганской долины. Северными соседями согдий-

цев были грозные кочевники-саки, которые владели верховой ездой и использовали железное оружие. По-видимому, эти кочевники проникли в зону проживания оседлых народов, как и тюрки более тысячи лет спустя, и кочевники и оседлые народы жили совместно.

Восточная часть Ферганской долины была чрезвычайно плодородной, и, согласно истории Первой (Западной) династии Хань, в царстве Даюань, как китайцы называли Фергану, было более 70 городов. Там были обширные виноградники, из винограда делали вино, а также разводили особых лошадей, «небесной породы», которые особенно ценились китайским двором. Для лошадей в Фергане выращивали люцерну, что тоже интересовало ханьских правителей. Неизвестно, были ли ранние поселенцы согдийцами или тохарами, которые позже переняли согдийский язык, но местная культура была схожа с согдийской.

Территорию к северу от Самарканда – Чачскую равнину – контролировали вожди саков, саки также кочевали дальше к северу по степям Казахстана. На территории Чача, согласно китайским источникам, существовало крупное государство кочевников, которое китайцы называли Канцзюй, однако там были и оседлые поселения, и позднее

на земли к северу от Сырдарьи, как и в Фергану, согдийские колонисты принесли свою культуру и язык. Нам неизвестно время возникновения этого государства, но оно просуществовало вплоть до нашей эры, не оставив никаких письменных следов.

В устье реки Окс (Амударья) другое иранское племя основало царство Хорезм, которое классические авторы называют Хоразмией. Довольно рано были сооружены каналы, орошавшие земли к югу от Аральского моря, однако и в пустыне вокруг моря существовали оседлые поселения, а также обитали кочевые племена, которых греки называли массагетами, – очевидно, ветвь саков или их родичи.

В Восточном Туркестане (Синьцзяне) до прихода индоевропейцев коренное население, по-видимому, составляли предки нынешнего народа *бурушаски*, которые в настоящее время живут в районе реки Хунз, но в древние времена, возможно, жили вплоть до бассейна реки Тарим. Их язык, как и язык басков Испании, не похож ни на один из соседних языков. Первыми индоевропейцами там, по всей вероятности, были тохары, но когда и откуда они появились в этих местах, неизвестно. Они поселились в оазисах Куча и Турфан, а южнее, в Хотане и Яркенде, обосновались саки. Время их появления также неизвестно, но, по всей видимости, к III в. они уже установили власть над южными оазисами. В «Истории» Геродота и у других классических авторов упоминаются названия народов, живших в Центральной Азии, например, исседоны, но вряд ли их можно сопоставить с китайскими названиями. Более ясной картина становится с формированием государства Ахеменидов на западе и позднее – империи Хань на востоке.

По клинописным надписям ахеменидских царей и по классическим источникам мы не можем восстановить историю Центральной Азии, но по крайней мере становятся более достоверными названия некоторых народов и места их проживания. Согд (Согдиана) был частью империи Ахеменидов со времен Кира II, продвинувшегося в своих завоеваниях до западной части Ферганской долины, где им, очевидно, был основан город Киресчата, позже – Куркат в Северном Таджикистане. Кир погиб в битве с кочевниками Средней Азии, возможно, на территории современного Туркменистана в 530 г. до н.э. Однако большая часть Центральной Азии осталась в составе империи, и при Дарии Согдиана стала административной частью Бактрии – самой населенной области Центральной Азии.

Никаких упоминаний о восстаниях в центральноазиатских сатрапиях, равно как и в других регионах огромной империи, нет, но можно предположить, что определенные волнения происходили. С одной стороны, из древнеперсидских надписей следует, что иранские народы, которые в большинстве своем исповедовали зороастризм и воспринимались двором Ахеменидов как арийцы, занимали в государстве особое положение и до его падения сражались в царской армии. С другой стороны, они, очевидно, пользовались значительной свободой и имели собственных правителей, поскольку нигде нет упоминаний о персах, правивших Средней Азией, а Хорезм впоследствии обрел независимость от империи Ахеменидов.

Во время завоеваний Александра правители Средней Азии оказали ему самое ожесточенное сопротивление, какое он когда-либо встречал в своих походах. Чтобы удержать страну под своим контролем, Александр был вынужден оставить мощные гарнизоны и в Согдиане, и в Бактрии. Как и арабы много позже, своей военной базой Александр сделал Бактрию, которая была ключом к владычеству во всей Центральной Азии. И Согдиана, и Бактрия оставались лояльными Селевку и его сыну, матерью которого была дочь бактрийца Спитама, однако после смерти Антиоха I восточные области империи отпали. Но в Бактрии

было так много греческих и македонских колонистов, что им удалось создать государство, которое просуществовало значительно дольше века и оказало глубокое влияние на культуру Центральной Азии.

Несмотря на то что к северу от Гиссарского хребта греко-бактрийское владычество ощущалось довольно слабо, влияние эллинистического искусства, архитектуры, а также другие, менее осязаемые влияния оставили глубокий отпечаток в жизни Средней Азии. Превосходные монеты греко-бактрийских царей веками копировались жителями земель к северу от реки Окс. Урбанизация усиливалась, и планировка греческих городов отразилась на структуре среднеазиатских поселений. В архитектуре Средней Азии можно усмотреть элементы греческих архитектурных стилей, например коринфских капителей. В религии преобладал синкретизм, и среднеазиатские божества отождествлялись с эллинистическими. Очевидно, что в Средней Азии помимо местных вариантов зороастризма существовали и другие формы религии. Судя по статуям, найденным здесь, особенно популярен был культ Геракла, и он был поставлен в один ряд с местными героями. Глубокое греческое влияние ощущается во многих сферах жизни, особенно в материальной культуре.

В середине II в. до н.э. в Евразии, очевидно, в связи с возникновением в Монголии империи сюнну, начинается великое перемещение племен. Это время может считаться началом конца степного владычества ираноязычных кочевников и прихода вместо них кочевых племен, говоривших на языках алтайской семьи. Саки сместились к югу, в Бактрию, в Сакастан (или Сеистан), который носит их имя, и в Индию, где они создали несколько государств. Вслед за ними пришли юечжи, создавшие Кушанское царство и некоторое время правившее Согдианой, однако его центром была Бактрия.

При раскопках относящихся к этому периоду могильных курганов кочевников на территориях от Средней Азии до юга России были обнаружены предметы искусства, стилистически весьма сходные с характерными для кочевников, захвативших Бактрию, и для тех народов, которые двинулись на запад. Западными захватчиками были сарматы, из которых племена аланов и асов были членами сарматского племенного союза. Это неудивительно, учитывая иранские корни всех этих кочевников. Археологические данные позволяют предположить, что Согдиана, в особенности Самарканд, равно как и Ферганская долина, не страдали от нашествий завоевателей, прошедших мимо них на юг. Наоборот, имеются свидетельства расширения государства Канцзюй и завоевания им Самарканда. В китайских источниках Самарканд стал называться Канцзюй. По наблюдениям археологов, население города существенно сократилось, дома были брошены. То же произошло с другими поселениями в Согдиане, что может свидетельствовать об упадке урбанизации, потому что еще в III в. до н.э. здесь существовали укрепленные города, такие, как Варахша и Пайкенд в Бухарском оазисе.

Согласно археологическим данным, упадок городской жизни в Хорезме, очевидно, был результатом вторжения кочевников, однако государство продолжало существовать, и именно в это время были отлиты первые местные монеты, сделанные по образцу монет греко-бактрийского царя Евкратида. Хорезм, по всей вероятности, также оказался под властью правителей государства Канцзюй, но уже в I в. н.э. он стал независимым под властью новой династии. Была введена новая система летосчисления, о чем свидетельствуют надписи и монеты, и эта система просуществовала восемь веков – до прихода ислама. При новой династии оживилась торговля, расширилась сеть оросительных каналов и строились новые города и памятники. Хорезмийцы использовали письменность, производную от арамейской, и надписи на дереве, коже, керамике

и монетах дают нам лучшее представление о древней хорезмийской культуре, чем о культуре всей остальной Средней Азии.

Хорезм не вошел в состав Кушанского царства, интересы которого были сосредоточены прежде всего на Индии. Вероятно, в конце этого периода хорезмийские купцы действовали на западе, в районе Волги и Черного моря, в то время как согдийцы создавали торговые фактории на востоке и северо-востоке. После перемещений кочевых племен во II в. до н.э. Средняя Азия вошла в полосу мирного существования, которое продолжалось до прихода новой волны кочевников с востока в IV в. Но то, как гунны дошли до Европы, а их родственники продолжали вторжение на юг в Индию, будет рассмотрено в следующей главе.

Города-государства бассейна реки Тарим покорились империи Хань. Император Ханьской империи (Западной Хань) У-ди направил дипломатическую миссию на запад с целью наладить союз с юечжи, которые к середине II в. до н.э. подошли вплотную к границам Бактрии. Некоторые исследователи считают юечжи носителями тохарского языка. Руководитель китайской миссии Чжан Цянь отправился в далекое путешествие примерно в 139 г. до н.э. и через 10 лет добрался до земель юечжи, однако ему не удалось договориться о союзе. Тем не менее он привез в Китай информацию о западе. Торговый путь на запад был открыт, и китайцы отправились в поход, чтобы установить свою власть над малыми оазисными государствами в бассейне реки Тарим. Китайское владычество распространилось почти до Ферганы, которая подверглась нападению в 104 г. до н.э. Военные действия продолжались несколько лет, но Фергану так и не взяли. Вместо этого с ней были установлены торговые отношения, и в Фергане появились шелк и лаковые изделия из Китая. Все малые государства из западных областей отправляли к ханьскому двору послов и дань, и над этими государствами был установлен протекторат Китая. В правление императора Ван Мана (умер в 293 г. н.э.) произошли восстания городов-государств долины Тарим, и после этого даннические отношения с Китаем были восстановлены только при правлении династии Восточная (Поздняя) Хань. К 90 г. н.э. талантливый полководец и дип-

ломат Бань Чао обеспечил преданность Китаю всех государств бассейна реки Тарим, однако после его смерти в 102 г. все они, одно за другим, вернули себе независимость. На смену китайскому влиянию пришло влияние Кушанского царства, однако неизвестно, действительно ли кушаны реально управляли какой-либо частью бассейна реки Тарим.

Тем не менее при кушанах в Восточном Туркестане произошло два события. Во-первых, появились индийские купцы и принесли с собой вначале алфавит кхароштки, а потом – брахми. На важность индийского влияния в III и IV в. н.э. указывают светские документы царства Шаньшань (Лоулань) к востоку от Хотана, написанные на пракрите – языке Северо-Западной Индии.

Вторым событием было распространение буддизма, которому активно способствовали кушаны, и монахи проповедовали свою веру в бассейне реки Тарим. Примерно в это же время согдийские купцы начали посылать караваны на восток до самого Китая. Хотя среди купцов могло быть несколько буддистов, у нас нет свидетельств массового обращения согдийцев в буддизм в этот древний период. На самом деле из археологических данных скорее следует, что в Согдиане не было такого интереса к буддизму, как в Бактрии – центре Кушанского царства.

Несмотря на выход оазисных государств из-под китайского контроля, торговля с Китаем расширялась, и шелк продолжал во все возрастающих количествах поступать на запад (шелковые пути, карта 33). Был налажен товарообмен, и караваны, отправляющиеся из Хотана в Китай, были все так же нагружены нефритом, высоко ценным китайцами. Однако китайское правление прекратилось и было восстановлено лишь династией Тан. Напротив, оазисные государства Восточного Туркестана повернулись к западу, и формы их искусства имеют общие черты с искусством Согдианы и буддийских земель на юге. Это было началом своеобразной цивилизации оазисных государств, материальные памятники которой можно видеть в чудесных настенных росписях в пещерах вокруг Кучи и Турфана, а также в городах, ныне погребенных в песках на юге пустыни Такла-Макан к востоку от Хотана.

БИБЛИОГРАФИЯ (23.1–23.7)

- АРХЕОЛОГИЯ СССР, 1990. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.
- КОШЕЛЕНКО Г.А. 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М.: Наука. 292 с.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А., 1968. Канцюзской-сарматский Фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). – Душанбе.
- РАПОПОРТ Я.А., НЕРАЗИК Е.Е., 1984. Топрак-кала. Дворец. – М.
- ALTHEIM, F.; STEHL, R. 1970. Geschichte Mittelasiens im Altertum. Berlin.
- BARFIELD, T. J. 1989. The Perilous Frontier, Nomadic Empires and China. Oxford.
- BERNARD, P. 1985. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris. (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, Vol. 28. Fouilles d'Al Khanoum, Vol. 4).
- BONGARD-LEVIN, G.; GRANTOVSKIJ, E. 1981. De la Scythie à l'Inde. Paris.
- DE GROOT, J. J. M. 1921–6. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin/Leipzig.
- DOBBINS, K. W. 1973. Saka-Pahlava Coinage. Numismatic Society of India Memoir, Series 5.
- FRYE R. N. 1983. The History of Ancient Iran. München, Beck. 411 pp.
- GHIRSHMAN, R. 1977. L'Iran et la migration des Indo-aryens et des Iraniens. Leiden.
- GÖBL, R. 1984. System und Chronologie der Münzprägung des Kusanreiches. Vienna.
- GRYAZNOV, M. 1969. Southern Siberia. Geneva. (Archaeologia Mundi).
- HULSEWÉ, A. F. P.; LOEWE, M. 1979. China in Central Asia. The Early Stage: 125 BC–AD 23. An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. Leiden. (Sinica Leidensia, 14.)
- KHAZANOV, A. 1985. Nomads and the Outside World. Cambridge.
- MCGOVERN, W. 1939. The Early Empires of Central Asia. Chapel Hill.
- MASSON, V.; SARIANIDI, V. 1972. Central Asia, Turkmenia before the Achaemenids. London.
- MUKHERJEE, B. N. 1969. An Agrippan Source. A Study in Indo-Parthian History. Calcutta.
- ROSENFELD, J. 1967. The Dynastie Arts of the Kushans. Berkeley.
- RUDENKO, S. 1969. Die Kultur der Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin Ula. Bonn.
- SARIANIDI, V. 1985. The Golden Hoard of Bactria. St Petersburg.
- STAVISKIL, B. 1979. Kunst der Kuschan Mittelasiens. Leipzig.
- WATSON, B. (trans.). 1961. The Age of the Emperor Wu, 140 to circa 100 BC. Records of the Grand Historian of China, Translated from the Shih Chi. Vol. 2. New York/London.
- YU, YING-SHIH. 1967. Trade and Expansion in China. A study in the Structure of Sino-Barbarian Relations. Berkeley.

КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ И ГОРОДСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ с 300 по 700 г. н.э.

24.1

НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ РАСПАДА ПАРФИИ в 226 г. н.э.

Вернер Зундерманн

Илл. 137–139

За падением династии Хань и степной державы северных сюнну в Восточной Азии не последовало возникновения новых могущественных государств. В политике образовался хаотический вакуум, и почти столетие прошло до того времени, как южные сюнну, младшие вассалы Китая, провозгласив себя наследниками империи Хань стали управлять северной половиной Китая, заняв в 311 г. столицу – город Лоян, а в 316 г. разрушили Чанъань (ныне – Сиань). Если они и не покорили всю раздробленную страну, то главным образом потому, что в следующие десятилетия с севера одно за другим вторгались многочисленные кочевые народы, оспаривая друг у друга право на контроль над Китаем. На смену сюнну в Северном Китае пришла прототибетская династия Цинь (357–385), а на ее место, в свою очередь, – мощная династия Вэй (Вэй Северная – Тоба Вэй. – *Прим. ред.*), основанная Тоба Гум – вождем тюркских племен тоба (398–577/581 гг.). На ее северных рубежах примерно в 402 г. возникла степная держава жуаньжуаней – преемников сюнну. Их владения простирались от Внешней Монголии до земель вокруг озера Балхаш на западе. Этнические и лингвистические корни жуаньжуаней не установлены. Существует предположение, что они принадлежали к монгольской языковой группе и что кочевники-авары, которые в VI в. организовали свое государственное объединение в Паннонии,

были их потомками. Примерно в середине VI в. на смену державе жуаньжуаней пришли тюркские племена, которые вскоре после этого распались на западную и восточную ветви.

Подобные преобразования происходили на западной окраине центральноазиатских степей в III в., когда, подобно империи Хань и державе сюнну на востоке, пали парфянское царство Аршакидов и держава «Великих Кушан», и это дало возможность кочевым народам вступить в более активное состязание с оседлыми культурами (см. 24.4–6). Хотя сасанидскому Ирану в большинстве случаев удавалось успешно отражать набеги кочевников, Согдиану и кушанские земли в IV в. н.э. завоевали вторгшиеся хиониты (объединенные племена в Средней Азии в IV–V вв. – *Прим. ред.*), в V в. – эфталиты и в VI – западные тюрки.

При том, что в III в. н.э. распад великих государств в Западной и Восточной Азии произошел практически одновременно, освобождая простор для экспансии кочевых племен, в VII в. в Восточной Азии, равно как и в Западной, произошел обратный процесс. Основанная в 618 г. династия Тан восстановила Китай в ханьских границах и даже расширила их. Вся Западная Азия стала частью Арабского Халифата. Около 652 г. арабы завоевали сасанидский Иран, а примерно в 750 г. захватили территорию Согдианы и современного Афганистана.

СЕВЕРНЫЕ КОЧЕВНИКИ, СОГДИАНА И ХОРЕЗМ

Ричард Н. Фрай и Б.А. Литвинский

В степях Казахстана и на землях, простирающихся до Западной Монголии, проживали, хотя и разрозненно, ираноязычные племена, однако к IV в. они были вытеснены пришедшими с востока народами, говорящими на языках алтайской языковой семьи. В горах Алтая, вероятно, жили предки тюрков, перенявшие искусство верховой езды у соседних иранских кочевых племен. Как бы то ни было, очевидно, что иранские степные кочевники – сарматы и их ответвления, такие как аланы и асы, были вытеснены гуннами. Подобно тому, как раньше западные источники всех степных кочевников называли скифами, теперь для них общим названием стало имя гунны.

Империя сюнну, в прошлом могущественный враг династии Хань, распалась, и на огромной территории от Тихого океана до юга России жили многочисленные кочевые племена, ни одно из которых не подчинялось другому. Однако в IV в. кочевники, говорящие на алтайских языках, начали совершать набеги на юг и запад, подобно тому как германские племена после падения Римской империи начали перемещаться по всей Европе. Этот период в истории Центральной Азии можно обозначить как «период миграции алтайских племен». Первую волну, вероятно, составляли хиониты, которые прошли через Согдиану в Иран, где, очевидно, слились с местным оседлым населением, как и гунны, которые вскоре после этого вторглись в Европу и, возглавляемые Атилой, создали недолговечное государство с центром в Венгрии. Не вполне ясно, были ли гунны потомками сюнну, однако они, без сомнения, заняли их место в степи. И подобно тому, как в западных источниках можно встретить множество названий германских племен, так и названия кочевых племен Средней Азии во множестве сохранились в разных свидетельствах оседлых народов.

В истории встречается два вида миграции кочевых племен: либо «эффект бильярдного шара», когда одно племя толкает перед собой другое, либо передвижение по территории, принадлежащей другому кочевому племени или оседлому народу. Последнее, по всей вероятности, относится к хионитам, которые на пути к югу прошли через Согдиану; таким же образом действовали гунны и авары при вторжении в Европу. Обычно на своем пути они вовлекали в движение другие племена, образуя племенной союз, что было обычным способом формирования степного государства.

О Монголии после распада империи сюнну сведений не имеется вплоть до середины IV в., когда в Центральной Азии господствовали племена, в китайских источниках носящие название жуаньжуань. Это название, вероятно, является уничижительным прозвищем, и нам неизвестно, как именно называли себя сами кочевники. Жуаньжуани вели непрерывные войны с государством и династией Северная Вэй, или Тоба Вэй (386–534 гг.) в Китае, и в 471 г. после нескольких поражений от Вэй они захватили город Хотан в бассейне реки Тарим. Народность хуа, которая кочевала в долине реки Или и на территории Таримского бассейна, в прошлом была вассалом жуаньжуаней.

Некогда глава правящего рода хуа дал свое имя той ветви данного народа, которая двинулась на запад и вторглась в Согдиану и Афганистан, где их называли эфталитами.

Внутренние разногласия среди жуаньжуаней в Монголии позволили в 552 г. подчиненным им тюркам, которые жили в горах Алтая и занимались, по преданию, добычей и обработкой железа, свергнуть их владычество. С этого момента тюрки стали хозяевами степей; они обладали определенными административными способностями, которые помогли им создать первую тюркскую империю – Тюркский каганат.

Религией кочевников Центральной Азии были различные формы шаманства, но к концу этого периода в степях появились первые проповедники манихейства, несторианства и буддизма. Искусство алтайских кочевников отличалось от древнего «звериного» стиля иранских кочевых племен, однако было похожим, хотя и грубее. Торговля имела исключительную важность для кочевников, которые ввозили зерно и продукты питания, а также предметы роскоши из Китая, оазисов Таримского бассейна и Согдианы. В обмен они посылали оседлым народам коней, мед, шкуры и меха.

Следует отметить, что примерно в VI в. во всей степи вошли в обиход железные стремена, которые дали кочевникам огромное военное преимущество, поскольку позволяли им носить доспехи и использовать более тяжелое оружие, нежели раньше. Кочевники разводили огромные табуны лошадей, и их богатство определялось поголовьем, которым они владели, – так же, как это было у бедуинов Аравии с верблюдами. Внимание оседлых народов, отмечавших высокую мобильность кочевников, привлекали шатры, которые они перевозили с собой.

Купцами и миссионерами при тюрках и других народах севера были согдийцы, и с IV в. и до арабских завоеваний язык и культура Согдианы распространились по всей Центральной Азии до Китая. Для китайцев западными варварами, которых они называли ху, в первую очередь были согдийцы. В самой Согдиане этот период стал временем заметного процветания и бурного экономического и культурного развития. Население росло, и во многих городах Согдианы накапливались богатства, нажитые на караванной торговле. Самарканд существенно вырос в размерах, но с ним по значимости практически сравнялся Бухарский оазис. Соперниками Самарканда также являлись несколько южных городов на реке Кашкадарья, в первую очередь Каш (или Кеш).

Согдиана никогда не была единым государством, а скорее представляла собой союз мелких княжеств, каждое из которых управлялось собственной династией. На территории Бухарского оазиса было несколько значительных городов, таких как Пайкент и Варахша, однако вскоре оазис был объединен, и его столицей стала Бухара. К востоку от Самарканда, на реке Зеравшан, также находилось независимое княжество Пяндж, или Пенджикент. Проведенные интенсивные раскопки обнаружили в этом месте богатый торговый город, где стены купеческих домов

были покрыты изящной росписью. Существовало еще княжество Маймург, вероятно, на месте современного города Ургуч в Узбекистане. К востоку от Самарканда находилось княжество Уструшана, которое также разбогатело на торговле с Китаем. Некоторые княжества чеканили медные монеты для местных нужд; по китайскому образцу в середине некоторых монет проделывалось квадратное отверстие.

К концу VII в. единство в союзе согдийских княжеств, каким бы оно ни было, исчезло окончательно, и каждое княжество стало действовать само по себе, хотя между ними оформлялись союзы, шел обмен посольствами и заключались браки между членами правящих семей. Правитель Самарканда носил титул *ихшид*, и свой собственный титул имела каждая княжеская фамилия, например, правитель Уструшаны именовался *афшин*. Народ Согда (*иаф*) делился на три сословия, или слоя: знать, купечество и рабочий люд (ремесленники либо крестьяне). Купечество было богатым, влиятельным и почитаемым сословием, в отличие от сасанидского Ирана, где купечество не пользовалось особым уважением, а землевладельческая знать обладала гораздо большим влиянием, чем в Центральной Азии.

В Иране землевладельческая верхушка имела в своем распоряжении «окружение», или частные армии, тогда как в Центральной Азии не только землевладельческая аристократия (*деххане*) могла иметь вооруженную гвардию, но и купцы имели наемных вассалов или доверенных рабов, которые приглядывали за их собственностью, когда купцы уходили с караванами, например, по Шелковому пути в Китай. Такие вассалы назывались *шакиры*, и эта система отношений, вероятно, явилась прообразом более позднего института мамлюков Египта и Индии времен Великих Моголов, а также янычаров Османской империи. В Согде слуги или рабы кушцов были не только воинами, но и управляющими и представителями своих господ в их отсутствие. Представляется, что существовали аристократии различной степени знатности и некая иерархия вассалов, хотя достоверных сведений об этом нет.

Рабочие были либо свободными людьми, работающими либо за плату, либо по принуждению. Помимо этого за рамками согдийского общества существовали рабы – военнопленные, заложники, люди, которые продали себя в рабство или в детстве были проданы родителями, и просто рабы, купленные на рынке. Хотя у провинциальных княжеских дворов была собственная администрация, все же общество в целом было феодальным по своему характеру.

В этот период Согдиана постоянно опустошалась в результате вторжений кочевников: сначала это были племена хионитов, потом эфталиты и, наконец, тюрки. Однако номинальное владычество кочевников, очевидно, не особенно стесняло местных правителей и народ – они, как хорошие торговцы, были заинтересованы в охране своих торговых путей и поэтому охотно платили мзду номинальным владыкам-кочевникам.

Главный город Согдианы Самарканд за этот период вырос настолько, что занимал площадь более 200 гектаров. Город был укреплен мощными стенами толщиной до 7,5 м в основании, а внешняя стена имела протяженность 5 км. Дворец *ихшида* представлял собой сложную постройку со множеством комнат, украшенных, как и дома знати, настенной росписью. Город снабжался водой из многочисленных арыков и водоемов, вода подавалась в дома по подземным глиняным трубам. При раскопках в Бухарском оазисе также были обнаружены остатки богато украшенных домов и фрагменты тонкой лепнины. Правящая семья и знать жили в укрепленных загородных крепостях, там же были и их зимние резиденции.

Отличительными чертами Бухарского оазиса были разветвленная система оросительных каналов, в которые

вода подавалась из Зеравшана, мощные укрепленные крепости, а также протяженные наружные стены, которыми были обнесены обрабатываемые земли. Правда, протяженные внешние стены строились повсюду, чтобы защитить сельскохозяйственные территории от наступления пустыни и от набегов кочевников. Данные раскопок в Бухарском оазисе, Афрасиябе, старом Самарканде и в особенности в Пенджикенте дают довольно полное представление о согдийском обществе и жизни в этот период.

Чрезвычайно развиты были ремесла, среди которых особенно выделяется обработка металла; в частности, мечи, кольца, бронзовые, серебряные и золотые блюда, чаши и украшения, инкрустированные драгоценными камнями были либо обнаружены при раскопках, либо известны по произведениям искусства. Широкое распространение получили терракотовые и гипсовые фигурки, причем некоторые из них явно имели некое религиозное значение, суть которого мы не можем определить. Изделия из серебра особенно ценились кочевниками, золотые встречались намного реже. Есть версия, что согдийские купцы продавали большую часть изделий из золота в Индию, где за них можно было получить самую высокую цену. Кроме того, в согдийских городах были высоко развиты ткачество и ковроткачество.

Согдийцы исповедовали местный вариант мадакизма, однако это был синкретический вариант, вобравший эллинистические и индийские черты. Важной особенностью их религии было поклонение огню, как и в государственной религии сасанидского Ирана – зороастризме. Тем не менее в Согдиане не прослеживается наличия сколь-либо организованной государственной религии, скорее общество было весьма терпимым, и среди согдийцев были последователи манихейства и несторианства. По всей видимости, буддизм не укоренился в Согдиане, во всяком случае не имел такого распространения, как в Бактрии. Однако согдийские колонисты на востоке приняли буддизм, и в Восточном Туркестане сохранились согдийские буддийские тексты, хотя и относящиеся к более позднему периоду. Погребальный обряд, как и в Иране, предусматривал вынесение тела на открытое место, но кости после этого помещались в глиняные сосуды – *оссуарии*, которые хранились в специальной постройке, называемой *шаус*.

У согдийцев было свое каллиграфическое письмо и более поздняя скоропись, производные от арамейского, и сохранилось множество текстов – письма, юридические договоры, дипломатические доклады и, конечно, религиозные тексты. Согдийские манихейские тексты были написаны специальным алфавитом, а христианские – с использованием сирийского алфавита. Существует большое количество скальных надписей, прежде всего в верховьях Инда, в районе хребта Ладакх и в Монголии. Купцы и миссионеры Согда совершали дальние путешествия и оставляли заметки для следующих поколений путешественников. Согдийский язык был языком общения между разными народами Центральной Азии. Спустя некоторое время тюрки создадут собственную систему письма на базе согдийского алфавита.

Этот период также может называться периодом согдийской диаспоры, поскольку помимо длительных путешествий, которые предпринимали согдийские купцы, в различных землях также возникали согдийские колонии. Ферганская долина и чакский регион были полностью колонизированы согдийцами еще задолго до этого времени, и на севере и на востоке возникали новые колонии. Согдийские поселения появились на севере в Семиречье, на востоке в Кашгаре и, как свидетельствуют китайские источники, вдоль северного Шелкового пути. В Дуньхуане (современная провинция Ганьсу) даже существовала согдийская деревня, в которой у старшего поколения были согдийские имена, а у всех остальных – китайские. Это было

сельскохозяйственное сообщество, члены которого выращивали просо и другие злаковые культуры, однако торговля имела очень большое значение, и значительная часть взрослого населения постоянно находилась в отъезде по торговым делам. Жившие там согдийцы исповедовали согдийский маздакизм; в одном из китайских географических сочинений написано о «храме почитателей огненного бога», который находился недалеко от Дуньхуана.

Между Дуньхуаном и Хотаном, в шаньшаньском регионе, находилась группа согдийских поселений, часть которых основали люди, переселившиеся сюда из Самарканды (Канцзюя) между 627 и 649 гг. Дальше на восток согдийские поселения были в Ордосском районе в Северном Китае и в нескольких китайских городах, в том числе и в столице Чанъань были населенные согдийцами кварталы. Согдийцы выступали в качестве советников при тюркских правителях Монголии, тюркскую дипломатическую миссию в Византию возглавлял согдиец. Таким образом, согдийцы были не только великими торговцами и предпринимателями, путешествовавшими по всей Центральной Азии, они также несли кочевникам культуру и представляли кочевников в их взаимоотношениях с оседлыми государствами. Отпечаток согдийского влияния имеет искусство оазисных государств Восточного Туркестана. Правда, к VII в. у согдийцев появились конкуренты – персы, которые расширяли свою торговую деятельность в Центральной Азии. Персы имели одно преимущество перед согдийцами – чистоту своих монет. Очевидно, сасанидское правительство отдавало себе отчет в необходимости поддержания стабильности своей серебряной монеты, и в результате монеты Сасанидов имели хождение на всем пути до Китая, а вслед за серебром пришли и сасанидские купцы. Еще в доисламскую эпоху персидский язык и персидские купцы стали вытеснять согдийских, хотя при этом зачастую обе стороны вели дела совместно. Естественно, под исламским владычеством персидский язык – фарси – быстро потеснил согдийский и стал общепринятым языком общения в Центральной Азии.

Сначала Хорезм отставал от процветающей Согдианы, поскольку он, очевидно, чаще подвергался нашествиям кочевников. Но у Хорезма было одно преимущество перед Согдом – это было единое государство с древними традициями. К VII в. хорезмийцы были уже готовы соперничать с Согдианой в торговых делах, посылая свои торговые миссии в основном на северо-запад. Основными продуктами, которые ввозил Хорезм, были меха, мед и воск с Волги и янтарь из Балтии. Затем из Хорезма эти товары переправлялись в Иран, где за меха давали особенно хорошую цену. Хорезмийцы, в свою очередь, вывозили серебряные блюда и кувшины собственного производства, которые высоко ценились у разных народов, живших на севере России. В течение этого периода была расширена сеть оросительных каналов, питающихся от реки Окс, и пахотная площадь увеличилась по сравнению с предыдущими столетиями. В Хорезме в основном исповедовали местную форму маздакизма, близкую, но не идентичную согдийской; кроме того, здесь наблюдалась активность христианских миссионеров. Искусство Хорезма также напоминало согдийское, но не копировало его, а сохранившаяся настенная роспись не столь же высока по качеству исполнения, как согдийская.

У нас нет сведений о торговом соперничестве хорезмийцев и согдийцев, однако из всех имеющихся источников можно сделать вывод, что существовала негласная, если не официальная, договоренность между ними о том, что хорезмийцы занимаются торговлей на западе, северо-западе и юго-западе, а согдийцы контролируют торговлю на востоке, юго-востоке и северо-востоке. Следов торговых факторий Хорезма гораздо меньше, чем согдийских, однако это может быть результатом неблагоприятных климатических условий, не способствовавших сохранению материальных остатков. К счастью, в исламские времена, в XI в., знаменитый хорезмиец персидский ученый-энциклопедист аль-Бируни написал труды о прошлом своей земли; сохранились тексты на хорезмийском языке, записанные арабским алфавитом, чего с согдийскими текстами не произошло. Во время ислама и Хорезм, и Согдиана продолжали процветать, и обе страны, оставаясь торговыми державами, стали также важными центрами исламской учености.

Вернер Зундерманн

Пустыню Такла-Макан, находящуюся на территории современного Синьцзяна, или китайского Восточного Туркестана, опоясывает кольцо оазисных поселений, упоминания о которых встречаются со II тысячелетия до н.э. В них жили земледельцы и скотоводы.

С конца I тысячелетия до н.э. эти оазисы приобрели еще большую важность как остановки на сухопутном торговом пути, соединявшем Китай с Западной Азией и Индией; сейчас его принято называть (Великий) Шелковый путь (карта 33). Шелковый путь брал свое начало в китайских столицах – Чанъани и Лояне. Пересекая китайскую границу в районе Дуньхуана, он шел в Крорайну (Лоулань). Оттуда один путь вел по южному краю пустыни Такла-Макан через Нию и Хотан в Кашгар, а второй – северный – вел в Кашгар через Турфан, Карашар и Кучу. После Капгара Шелковый путь пересекал Памир и в Балхе вновь раздваивался. Основная дорога шла в Иран и Византийскую империю и заканчивалась в торговых центрах, подобных Антиохии. Другая дорога поворачивала на юг в Индию.

Оазисные поселения Центральной Азии были достаточно важными центрами экономической и культурной жизни, равно как и политическими и стратегическими единицами, и это опровергает примитивное представление о Центральной Азии как о регионе кочевого хозяйства и постоянных переселений народов.

Оазисы Центральной Азии были перекрестком культурного влияния (языка, письменности, религии и изящных искусств) Западной Азии, Индии и Китая. Этим они отличались от оазисных культур Средней Азии в Западном Туркестане.

Самые важные источники наших знаний об истории оазисных поселений в Синьцзяне – это китайские летописи и путевые заметки. Вполне понятно, что в основном они касаются отношений между Центральной Азией и Китаем, и поэтому наши знания о центральноазиатской истории и суждения о ней рискуют быть не вполне объективными.

Вплоть до конца II в. до н.э. Синьцзян находился под владычеством сюнну. В 119 г. до н.э. Китай одержал над ними победу, что позволило китайцам захватить в 108 г. и Лоулань, и Турфан. В I в. до н.э. весь Синьцзян стал «западным протекторатом» Китая, которым управлял наместник, чья резиденция находилась где-то между Кочо (Турфанский оазис) и Карашаром. Сюнну несколько раз пытались вернуть себе утраченный контроль над Шелковым путем, но без видимого успеха. Однако во второй половине I в. н.э. по оазисным поселениям прокатилась мощная волна восстаний против китайского владычества, что вынудило императорское правительство вывести гарнизоны из отдаленных и трудно защищаемых владений в Центральной Азии. И только полководец Бань Чао, действуя по собственной инициативе, восстановил на этих землях китайскую власть, которая держалась до 94 г. н.э., и, очевидно, даже предотвратил попытку кушанского вторжения. До 102 г. не вызывающим сомнений правителем Западных провинций был Бань Чао. После него синьцзянские поселения оста-

вались под шаткой, иногда спорной властью Китая до конца династии Хань (220 г. н.э.) и даже дольше, поскольку вплоть до середины IV в. отдельные оазисные государства признавали власть некоторых мелких китайских династий. Позже они обрели независимость либо стали вассалами китайско-варварской династии Тоба или народов северных и западных степей – жуаньжуаней и эфталитов. В первой половине VII в. при династии Тан Китай вновь вернул себе Синьцзян. В 640 г. Турфан стал столицей только что созданной провинции «Умиротворенный Запад», также называвшейся «[страна] четырех гарнизонов» (в Карашаре, Куче, Кашгаре и Хотане). До конца VIII в. танский Китай сохранял контроль над Синьцзяном, борясь в основном с Тибетом, который захватывал власть над Синьцзяном в 670–692 гг. и в 790–866 гг.

Далее будут описаны наиболее значительные оазисные поселения в Синьцзяне.

Крорайна (китайский Лоулань) – это, вероятнее всего, открытое С. Хедином поселение у оз. Лобнор. Это было самое большое поселение к западу от Дуньхуана, его площадь составляла 108 тыс. кв. м, количество жителей – около 15 тыс. чел. Из документов, найденных в Лоулане и относящихся к III–IV вв., около 99% были написаны на китайском языке китайскими иероглифами, и только оставшаяся малая часть – индийским письмом кхароштхи и на гандхарском пракрите. Напрашивается вывод, что в то время Лоулань скорее всего был резиденцией китайского высшего управляющего, а не местного правителя. Поскольку Шаньшань, юго-восточная часть Синьцзяна, находилась под управлением Лоуланя, можно предположить, что резиденцией местного правителя была Ния, где соотношение количества документов на кхароштхи и на китайском языке было прямо противоположным. В них приводятся имена пяти правителей.

Крорайна была важным пунктом на обоих ветвях Шелкового пути – как на северной, так и на южной. Сельское хозяйство там никогда не давало достаточно продуктов для местного населения. Скот (ослы, лошади, верблюды) разводили прежде всего для торговых целей. Первые упоминания о буддизме в этом регионе относятся ко II в. н.э.

Растущее обезвоживание земель вокруг озера Лобнор к IV в. сделало Лоулань непригодным для обитания. Жители покинули его. Последняя попытка основать там поселение была предпринята согдийцами в VII в. и закончилась неудачей.

Современное название Хотан, по-видимому, происходит от древнего названия этого места – Хватанау, позднее Хвамна, Хвам. Китайское название этого места – Юйтань. Древнее городище, которое сегодня называется Йоткан, находится за пределами современного города. Как центр сельского хозяйства и ремесел (шелководства и промышленности) Хотан был важным поселением на южном Шелковом пути. Для Китая Хотан был не просто перевалочным пунктом в торговле и передвижениях войск, он сам по себе был привлекательным торговым партнером, поскольку поставлял Китаю нефрит высшего качества и золото.

По легенде основателями Хотана были индийские колонисты, которых возглавлял сын и министры царя Ашоки. Если в этой легенде есть хотя бы доля правды, то Хотан был основан в III в. до н.э.

Вскоре после этого, вероятно, в первой половине II в. до н.э., в Хотан пришли кочевые ираноязычные племена сакков, и языком этой местности стал их язык, первые упоминания о котором появляются в III в. н.э. и который сейчас называется хотанским. Они ассимилировали коренное, по-видимому тибетское, население, их язык вытеснил древнеиндийский гандхарский язык, а их письмо брахми – старую письменность кхароштхи. М.А. Штайн и другие путешественники обнаружили множество памятников хотанской литературы, преимущественно на буддийские темы, открыв, таким образом, новые области исследований буддизма и иранистики. Появление буддизма в Хотане, которое традиционно датируется 84 г. до н.э., отнюдь не является невозможным. До V в. Хотан был ранним центром северного буддизма (махаяны) в Центральной Азии. Как небольшой провинциальный город Хотан существует до сих пор. Его история как уникального города-государства с иранским языком и буддийской культурой закончилась через тысячелетие, в XI в., когда произошла тюркизация и исламизация этого края.

Кашгар (китайский Суле) имел огромное торговое и стратегическое значение в связи с тем, что он был местом слияния северной и южной ветвей Шелкового пути на западе и находился практически на границе китайского влияния или господства. Об истории этого города известно совсем немного. Китайские, равно как и все прочие, источники предоставляют недостаточно информации, и еще предстоит проделать довольно большую археологическую работу. Некоторые слова из древнего языка коренного населения этого региона, донесенные до нас тюркским лексикографом XI в. аль-Кашгари, наглядно подтверждают, что в дотюркские времена жители Кашгара говорили на одном из сакских, т.е. восточноиранских диалектов, близком к хотанскому. Поскольку еще один сакский диалект был обнаружен в Тумпуке, западном конечном пункте южной ветви Шелкового пути, можно уверенно считать, что до конца I тысячелетия н.э. на языке ираноязычных сакских племен говорили во всей западной части Таримского бассейна от Хотана на юге до Тумпука на севере.

Турфанская котловина (китайский Тулупань) – это обширная впадина в отрогах Восточного Тянь-Шаня. Самая нижняя ее точка на 154 м ниже уровня моря. Хотя Турфан и не принадлежит к бассейну реки Тарим, с другими оазисами этого региона его объединяет долгая общая история. Согласно китайскому источнику VI в., его протяженность с запада на восток составляла 300 ли, а с севера на юг – 500 ли, т.е. Турфан (с территориями, принадлежащими ему) занимал площадь около 6 тыс. кв. км и вполне мог считаться самым крупным оазисным государством Синьцзяна после Шаньшаня. Плодородные почвы этого региона, благоприятные природные условия и древняя искусственная подземная оросительная система позволяли снимать два урожая в год и обеспечили Турфану положение самого важного производителя сельскохозяйственных продуктов в данном регионе (сегодня это хлопок, пшеница, ячмень, кукуруза, рис, фрукты и шелк). В древности Турфан снабжал продовольствием китайские армии, направляющиеся на запад.

Очевидно, по этой причине в начале I в. н.э. из Дуньхуана в Хами и Турфан была проложена «новая дорога» на запад, которая по существу была окольным путем. Еще большую важность Турфан приобрел в IV в., когда Лоулань стал непригоден для жизни и был заброшен. Таким образом, пик расцвета Турфана пришелся на вторую половину I тысячелетия н.э.

Большая доступность Турфана из Китая привела к его еще большей, чем в Лоулане, китаизации. Китайские гар-

низоны стояли в столице оазиса, которая иногда называлась просто «Китайский город» (согдийский «Чинанчканд»), с I в. до н.э. Китайские военные поселенцы составляли значительную долю населения этого оазиса. До тюркизации коренное население данного региона, очевидно, составляли тохары – те же, что и в Куче и Карашаре, судя по тому, что в Турфане также были найдены тексты на вариантах А и Б тохарского языка. Тюркизация региона, расположенного совсем рядом с северной родиной тюрков, по-видимому, началась довольно рано, однако маловероятно, что это произошло до VIII в. Данный процесс не был завершён до конца первой половины II тысячелетия. Еще во времена тюркского владычества регион от Кучи до Бишбалыка назывался «Четыре страны тутри», а «тутри» было самоназванием древнего тохарского населения этих земель.

С 507 до 640 г. Турфаном правила местная династия Цзю. Пика своего развития Турфан достиг при уйгурском царстве Кочо в Турфане и Бишбалыке, которое сформировалось после распада степной империи уйгуров в 866 г. Оно просуществовало до 1250 г., когда Турфан стал частью Монгольской империи Чингисхана.

Ни в одном другом поселении на древнем Шелковом пути кроме Турфана не осталось более явных следов пересечения культуры коренного населения с культурами Азии, Индии и Китая и их мирного сосуществования до проникновения ислама. В истории искусства Турфана нашла свое отражение последовательная смена индоэллинистического, тохаро-иранского и тюрко-китайского стилей в архитектуре, скульптуре и настенной росписи. В турфанских письменных документах встречаются языки всех тех народов, которые занимались земледелием и кочевали в этой стране либо жили здесь в качестве иноземных купцов, миссионеров, чиновников или солдат. До нас дошли фрагменты текстов на сирийском, средне- и новоперсидском, парфянском, согдийском, бактрийском, нескольких языках Индии, старотуркском, монгольском, тибетском, тохарском, китайском и тангутском языках, написанные

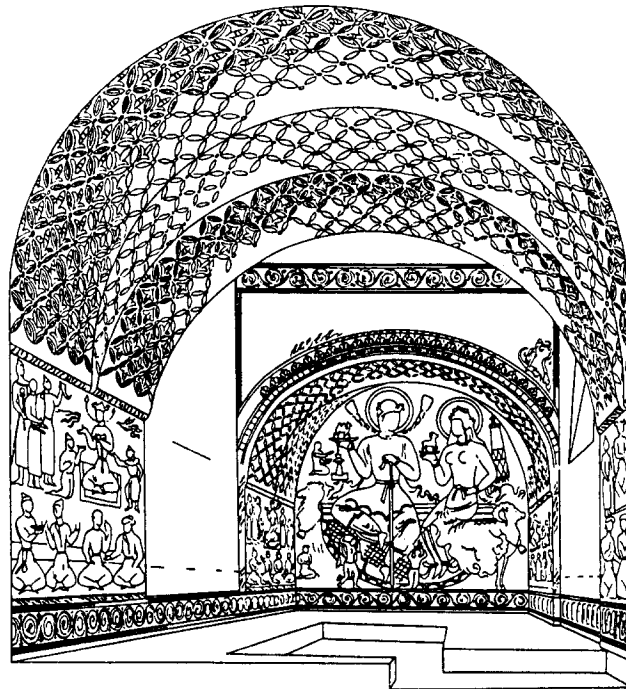

Рис. 32. Пенджикент, местонахождение XXV, фрагмент 26. Роспись на южной стене. Божественная пара: Вестрагити и Африти(?). VII–VIII вв. Реконструкция Е.Е. Федосеевой

двенадцатью различными видами письма. Большинство известных нам текстов относится к религиозной сфере, точнее, к трем мировым религиям – буддизму, несторианскому христианству и манихейству.

Китайское название Карашара, находящегося к западу от Турфана, – Яньци; оно трактуется как перевод слова *арси* – название языка и народа, жившего в Карашаре в до-тюркские времена. Что такое арси, явствует из множества текстов, обнаруженных в этом оазисе. Их язык получил название «тохарский А» («восточнотохарский»), или менее спорный вариант – «карашари». Карашар находился на северной ветви Шелкового пути между Кучой и Турфаном. Окружающие Карашар горные хребты защищали и ограждали его лучше, чем любая другая защита поселений на северной ветви Шелкового пути. Уже в древности Карашар был пригоден для сельского хозяйства и обладал всем необходимым для его ведения. Помимо обычных продуктов, выращиваемых повсюду, следует особенно отметить виноделие и рыболовство в оз. Бостан-Ху. Существовало также шелководство, но не было производства шелка. Карашар был древним центром буддизма, однако в отличие от Хотана его жители до 400 г. исповедовали буддизм хинаяны. В соседнем Шорчуке обнаружены своеобразные кульговые места и фрагменты рукописей.

Город Куча (китайский Юйцзы) был одним из оазисных поселений на северной ветви Шелкового пути, временами оно занимало господствующее положение, однако то, что численность населения Кучи в I в. н.э. дос-

тигала 80 тыс. человек, несомненно, является преувеличением. В Куче северная ветвь Шелкового пути пересекалась с другим крупным трактом, который вел за Тянь-Шань, в родные земли северных кочевников. Из-за этого Куча стал важным стратегическим пунктом обороны западных провинций Китая. Интенсивное земледелие позволяло получать обильные урожаи (в основном хлебные злаки, рис и фрукты). Была высоко развита технология выплавки железа.

Вероятно, в I в. до н.э. на территории Кучи поселился один из западных индоевропейский народов, чей язык, на котором уже никто не говорит, получил название «тохарский Б» («западнотохарский», или менее спорный вариант, с географической привязкой – «кучинский»). В Куче были найдены многочисленные фрагменты текстов, написанных в период между V и IX вв. Все они подтверждают то, на что указывают многие пещерные святилища в соседнем Кызыле, – что Куча, как и Карашар, была центром деятельности буддийских миссионеров на северной ветви Шелкового пути, и что в IV в. господствующее положение там занимало направление буддизма хинаяна. Куча внесла свой вклад в распространение буддийской литературы в Китае после того, как в 384 г. китайская армия увела в Китай знаменитого кучинского переводчика, буддийского ученого монаха Кумараживу и заставила его продолжать работу на благо китайского буддизма. Китайские современники выражали особое восхищение образом жизни и культурой Кучи. Особенно популярна в Китае стала кучинская музыка.

24.4

ПОЗДНИЕ КУШАНСКИЕ ЦАРСТВА

Вернер Зундерманн

С распадом Кушанского царства, произошедшим примерно в 230-х гг. н.э., совпадает упоминание поздней кушанской эры в надписях Тоджинской котловины. Однако маловероятно, что этот «термин» был введен в память о падении империи, не относится он и к восшествию на трон новой кушано-сасанидской династии. Возможно, он означает раскол единого Кушанского царства на иранскую и индийскую ветви; во главе первой стоял один из царей по имени Васудева, а второй правил Канишка III. Отделение индийской части произошло перед нападением Сасанидов и облегчило Ардаширу I захват западной части Кушанского царства.

Самым достоверным источником сведений о последующих событиях для нас является надпись правителя державы Сасанидов Шапура I «Ка'ба-и Зардуст». Согласно этому тексту, во время его написания (в 262 г. н.э.) Иран владел областями Кушанского царства к западу от Пашкабура (вероятно, Гандхары) и к югу от Согдианы и Чача (т.е. Ташкента). Это совпадает с территорией современных Северо-Восточного Ирана и Северного Афганистана со старой столицей Балх. Иранская территория еще 8–10 лет находилась под владычеством более или менее автономных царей – вассалов старой Кушанской династии, а позднее – сасанидских правителей (кушано-сасанидских царей). Помимо этого независимые кушанские царства были в Индии.

Эти сведения вполне соответствуют выводам, сделанным учеными на основании анализа стоимости кушано-сасанидских монет, о том, что все члены кушано-сасанидской династии правили не в III, а в IV в. н.э. Из этого, очевидно, следует, что в начале IV в. на место автохтонной кушанской династии насильственными или мирными методами вступила династия (семь или девять) сасанидских монархов, очевидно, подчинявшихся верховной власти царя Шапура III (309–379 гг.).

Данный краткий обзор западнокушанской истории III–IV вв. – не более чем правдоподобная версия. Согласно еще одной новой теории кушано-сасанидская династия возникла уже в III в., после победы Ардашира I.

Что касается истории индийской части Кушанского царства в III–IV вв., то основным хронологически зафиксированным моментом является конец поздней кушанской эры в ее 57 г., т.е. в 288 г. н.э., в Матхуре. Следовательно, в этом городе Центральной Индии кушанское владычество завершилось ближе к концу III в. н.э. Одно только это указывает на сокращение размеров Кушанского царства. Около 320 г. н.э. оно было окончательно разрушено Чандрагуптой. Однако и после этого небольшое кушанское государство, очевидно, продолжало существовать и в 360–370-х гг. стало вассалом царства Гуптов. В конце концов оно было покорено кидаритами, захватившими северо-западную часть Индии около 400 г. н.э.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПОДЪЕМ ИМПЕРИИ ХИОНИТОВ/ГУННОВ

Вернер Зундерманн

В середине IV в. на северо-восточных рубежах Ирана появились кочевые племена хионитов (на среднеперсидском – *хуфт*, на индийском – *ныта*). Их этнические корни (тюркские, иранские, смешанные), равно как и их язык, остаются загадкой. Вероятнее всего, они являются потомками сюнну, и в основе их имени может лежать тот же элемент, что и в китайском *Сюн* (*Xiong*), от которого произошло европейское название «гунны».

В итоге гунны поселились в иранской части Кушанского царства, приняв сначала протекторат державы Сасанидов. На это указывает римский историк Аммиан Марцелин в своем описании осады Амиды в 359 г. Шапура II при осаде поддерживал его вассал Грумбат, царь гуннов. Был ли гун-

ном Кидара, неизвестно, но вероятно, был. Во всяком случае в конце IV в. династия Кидаритов сменила династию Сасанидов на востоке. Кидариты вторглись также в Индию и основали на ее территории несколько государств.

В начале V в. Кидариты, вторгшись на территорию Индии, покорили Кашмир. В конце концов на их место пришли эфталиты.

Создается впечатление, что Кидариты сохранили традиции и обычаи управления династии «Великих Кушан». Себя на своих монетах они именовали «кушанскими царями». Их титул «Великий кушанский царь», очевидно, был принят, чтобы придать вес своим претензиям на все Кушанское царство – и индийскую, и иранскую ее части.

ПОДЪЕМ ГОСУДАРСТВА ЭФТАЛИТОВ

Вернер Зундерманн

Эфталиты (по-гречески – *épbthalítē*, по-среднеперсидски – *Хефтал*, по-китайски – *едайшлитуо*, по-арабски – *хаштал*) создали огромную полустепную империю на территории современного Казахстана, западной части Синьцзяна и на древних согдийских и кушанских территориях.

Часто эфталитов считают правящей династией гуннов, т.е. прямыми потомками предыдущей волны кочевых захватчиков. Однако эта теория основана на ошибочном прочтении надписи на монете как «Эфтал, король хионов». Гораздо разумнее выделять, с одной стороны, кидаритов, а с другой – эфталитов, хотя оба народа корнями восходят к сюнну, вытесненным жуаньжуанями на запад. Тем не менее этнические корни эфталитов до сих пор являются предметом дискуссий (какие они – иранские, тюркские, монгольские, смешанные, или же они говорили на неизвестном, ныне вымершем языке?).

В остальном общей чертой кидаритов и эфталитов является только то, что они стали наследниками Кушанского царства и унаследовали ее официальный язык и письменность (образцы которой можно видеть, например, на знаменитых эфталитских монетах). Однако в то время как кидариты провозгласили себя наследниками кушанских царей, приняв их титулы, эфталиты этого не сделали. Пер-

вый известный нам правитель, очевидно, принял согдийский титул *акшаавандар* («правитель, царь»), и это произошло в 460-е гг.

Государство эфталитов было основано Хингилой, и его имя позже стало названием династии либо общим именем его преемников и даже их преемников – тюрков-шахи, правителей Кабула. Свои претензии быть чем-то большим, нежели преемником кушанских царей, Хингила предъявил, введя новое летосчисление. Примерно в начале VI в. эфталиты, очевидно, проникли в Северо-Западную Индию, вытеснив оттуда прежних хозяев – кидаритов. Около 514 г. эфталитский военачальник Торамана разорвал отношения с правителями-преемниками Хингилы и создал свое собственное независимое эфталитское государство в Индии. Пик его расцвета пришелся на правление царя Михиракулы (с 518 г.), но в 540 г. царство неожиданно было разгромлено индийским царем Ясодхарманом. Тем не менее Михиракула сохранил власть над Кашмиром и Гандхарой. Господство эфталитов в Кашмире закончилось примерно в 625–626 гг.

Государство эфталитов в Иране было разрушено совместными силами сасанидского шахиншаха Хосрова I и западнотюркского хана Истами в 563–567 гг.

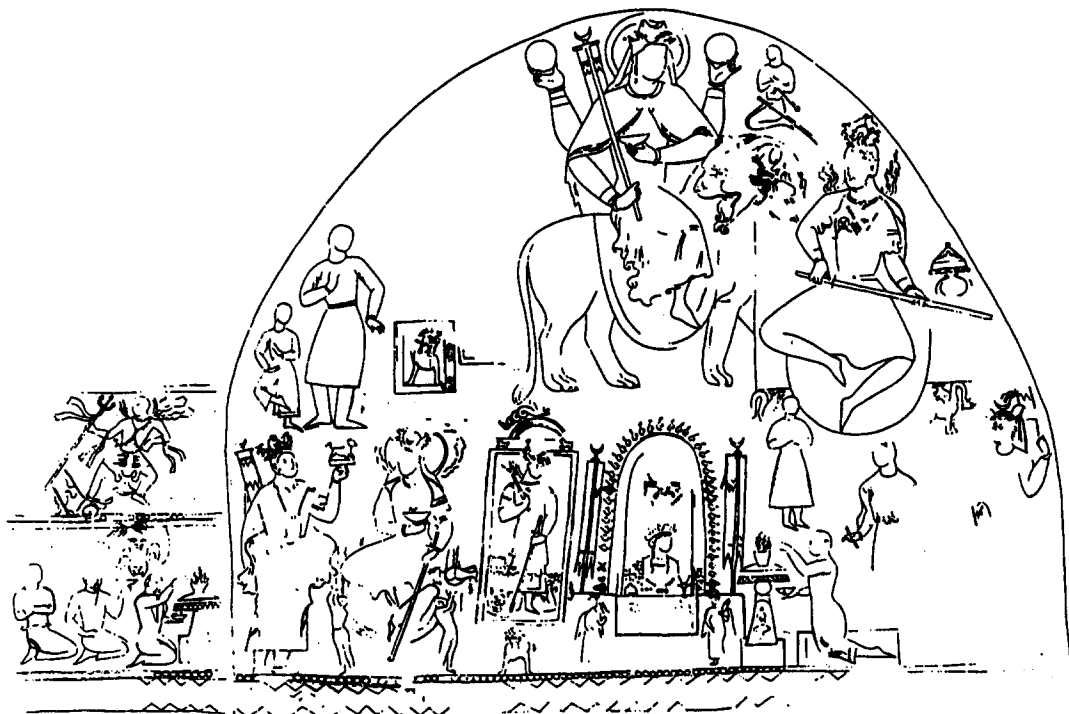

Рис. 33. Пенджикент, местонахождение XXV, фрагмент 12. Росписи в нишах на северной и западной стенах. Сцена поклонения. Около 740 г. Реконструкция Б.И. Маршака

ЗАХВАТ ВАССАЛЬНЫХ ЦАРСТВ ЭФТАЛИТОВ ЗАПАДНЫМИ ТЮРКАМИ

Йонаш Харматта

В экономической жизни Центральной Азии в VI–VII вв. н.э. важную роль играла торговля шелком. Примерно в середине VI в. н.э. наиболее важные участки Шелкового пути, идущие через Центральную Азию, и их ответвления от бассейна реки Тарим к Аральскому морю на западе и до горных хребтов на юге контролировало государство эфталитов. Вместе с тем именно в это время в Центральной Азии у него появился могущественный соперник – союз тюркских племен. После своей победы над племенами тиели и жуаньжуанями тюрки получали от китайских государств огромное количество шелка. С 569 г. н.э. китайский чжоуский двор ежегодно предоставлял им по 100 тыс. рулонов шелка. В результате тюрки сосредоточили у себя огромные запасы шелка и прилагали активные усилия к развитию шелковой торговли и установлению контроля над шелковыми путями (карта 33). В то же время в союзе с сасанидским Ираном они разрушили царство эфталитов и захватили обширные участки Шелкового пути в Центральной Азии, а Сасаниды взяли наиболее важные территории разбитого государства эфталитов к югу от Железных Ворот (между Согдианой и Тохаристаном) в виде вассальных царств и княжеств.

Таким образом, несмотря на свои военные успехи, тюрки и их купцы-согдийцы имели возможность продавать свои запасы шелка только персам, которые, однако, отказывались устанавливать с ними торговые отношения. Ввиду враждебной коммерческой политики персов тюрки сначала попытались завязать торговые отношения с Византией и продавать шелк непосредственно византийцам. Однако степной путь, ведущий в византийские колонии на юго-восточном побережье Черного моря, а затем оттуда морем в Константинополь, оказался слишком трудным и небезопасным, поскольку благодаря своим крепостям, построенным на Кавказе, персы могли контролировать северокавказские территории вплоть до долины р. Кубань. В результате после нескольких неудач тюрки прибегли к военной силе и в 569–570 гг. н.э. начали масштабную кампанию против сасанидского Ирана, в ходе которой захватили территорию бывшего государства эфталитов, до этого принадлежавшую Ирану.

Княжества, возникшие на эфталитской территории и до того входившие в состав Ирана, признали господство тюрков и стали вассалами Западного тюркского каганата. В результате южная ветвь Шелкового пути открылась для тюрков и согдийских купцов, перевозивших свои шелка в гавани на западном побережье Индии. Очевидно, захват в те годы тюрками крымской территории Боспорского государства также имел целью установить контроль над степным Шелковым путем к Черному морю.

Постоянная военная оккупация бывших эфталитских земель еще не планировалась. Армия западных тюрков состояла из племенных вооруженных сил, следовательно, постоянное размещение войск в гарнизонах можно было

организовать лишь при условии переселения всех племенных групп целиком вместе с их скотом, обеспечивая им экономическую базу. Поэтому эфталитские княжества продолжали существовать как вассалы Западного тюркского каганата, а эфталитская династия Хингила после этого еще правила в Кабуле и Гандхаре.

И все же исторические события не подтвердили правильность этого политического решения, поскольку ни персы не отказались от своих претензий на Восточный Иран, ни эфталиты не перестали бороться за независимость. Между 581 и 596 гг. произошло несколько войн между Ираном и эфталитским правителем Балха, с одной стороны, и тюрками и Ираном – с другой. Таким образом, опыт последних лет вынудил двор Западного тюркского каганата принять решение передать территорию вассальных эфталитских княжеств тюркам под их прямое управление. Однако реализация этого плана была на время отложена из-за междоусобных войн между западными и северными тюрками.

Окончательное присоединение Тохаристана и Гандхары к Западнему тюркскому каганату произошло только примерно в 625 г. н.э., когда сасанидский Иран ввязался в войну с Византией, что в конце концов и явилось причиной его упадка. Армии Западного тюркского каганата Тон-ябгу подошли к реке Инд, заняли ключевые города и заменили большинство эфталитских династий тюркскими правителями.

Из земель, захваченных западными тюрками, после падения государства эфталитов независимыми были Хуттал и Кабул–Гандхара. На монете последнего эфталитского правителя Кабула–Гандхары Нарендры II изображена корона, украшенная головой быка. Если учесть, что изображение головы быка также встречается на монетах тюркских каганов Тохаристана, то можно сделать вывод, что этот знак символизировал признание господства Западного тюркского каганата. Происхождение бычьей головы как одного из символов власти Западного тюркского каганата восходит к титулу *бука* – бык, принятому каганом Тарду после того, как в 599 г. он стал единственным правителем всей империи тюрков.

В отличие от Кабула–Гандхары, Тохаристан и его столица Балх утратили большую часть своего бывшего значения. Даже при том, что правитель Балха носил бактрийский титул *шава* («царь»), имя его сына – Парювок (*Parjouwk*) (ошибка переписчика в армянском источнике – вместо *Parmouwk*) – восходит к буддийскому титулу *прамукха* (*pramukha*) и указывает на то, что он был настоятелем великого буддийского центра Наубахар в Балхе, и это означает, что его власть и высокое положение имели отношение скорее к духовной сфере, нежели к светской.

После тюркского завоевания все княжества бывшего эфталитского государства находились под управлением тюркского *ябгу* Тохаристана, резиденция которого нахо-

дилась в Кундузе. Китайский паломник Хуэйчао, путешествовавший по этим землям, отмечает, что в Гандхаре, Капише и Забулистане правителями и воинами были тюрки. Это упоминание свидетельствует о переселении тюркских народов на эти территории. В китайских источниках упоминается о селениях карлуков, в арабских и персидских – о миграции как карлуков, так и калахов.

Первым тюркским правителем Тохаристана и прилегающих к нему царств был Тарду-Шад, сын западнотюркского кагана Тон-ябгу. Ему наследовал его сын Ишбара-ябгу, который впервые в истории тюрков начал чеканить монеты. Однако примерно в 650 г. н.э. Западный тюркский каганат пришел в упадок, и его разрозненные части превратились, по крайней мере номинально, в вассальные царства и княжества китайской империи Тан. В то же время в 653 г. уже началось арабское наступление на Центральную Азию. В результате арабских вторжений власть тюркских ябгу в Тохаристане существенно ослабла. После Ишбара-ябгу отношения с Китаем, очевидно, были прерваны в связи с захватом тибетцами бассейна реки Тарим. В конце VII в. резиденция ябгу Тохаристана переместилась в район Бадахшана, поскольку столица Балх и центральные районы государства были захвачены арабами.

В отличие от Тохаристана, царство Кабул (Капиша) – Гандхара сохранило свое влияние и относительную независимость даже после присоединения к государству западных тюрков. Несмотря на то что династия Хингила около 630 г. угасла и на престол взошел тюркский князь из западнотюркского племени аскил Низук-тегин, все же основатель новой тюркской династии принял эфталитский царский титул *хингила* и считал себя потомком династии Хингила. Тюркская династия Низуков, правившая в Капише–Гандхаре, примерно в 670 г. разделилась на две ветви, одна из которых стала управлять Забулистаном, а другая – Капишей–Гандхарой.

Монеты Низуков и правителей Забулистана, как и Капиши–Гандхары, свидетельствуют о большой экономической и политической значимости обоих регионов. Они сумели сохранить свою этническую и культурную самобытность и отстоять независимость вопреки посягательствам арабских завоевателей. В то время как Сеистан, Бадгис, Гозгане, Тохаристан, земли за рекой Окс и даже Синд к концу VII в. уже находились под прочным арабским владычеством, Забул и Капиша–Гандхара оставались островками на пути грабительских арабских набегов. Обе страны имели древние культурные традиции, развитое сельское хозяйство, основанное на орошении и дополняемое кочевым скотоводством. Население составляли восточные иранцы, персы, тюрки, индийцы, дарды и кафиры. Наиболее важными письменными языками были бактрийский, среднеперсидский и санскрит, широко использовались письмо пехлеви, бактрийская письменность и письмо брахми. Культурные традиции в равной пропорции включали бактрийские, персидские, эфталитские, тюркские и индийские элементы, что проявилось в государственной идеологии. Такой же разнообразной была и религиозная жизнь. Помимо буддизма, зороастризма, манихейства и брахманизма, существовало множество мелких местных верований. Тот же синкретизм отличал и летосчисление. Время измерялось в годах правления, в годах Позднего Кушанского царства или в годах от начала правления Яздгирда. Первая эра подчеркивала независимость, вторая была связана с древними местными традициями, а третья указывала на связь с династией Сасанидов.

Период с 650 по 700 г. был критическим в истории Евразии. Закат сасанидского Ирана, Западного и Северного тюркского каганата, кризис Византийской империи и централизация танского Китая являются свидетельствами эпохальных изменений, которые также определили судьбу Восточного Ирана.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЮРКСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Ильдико Эчеди и Вернер Зундерманн

Вероятно, тюркские народы появились на территории горной страны Алтай в далеком прошлом. Свидетельства об их существовании впервые зафиксированы в Китае, на территории сюнну: в районе Гаочана было обнаружено захоронение, датированное 422 г. н.э., в котором найдено, вероятно, первое слово на тюркском языке (*киши* – «человек»), записанное согдийским письмом. Согласно упоминавшемуся китайцами древнему мифу о происхождении тюрков, в этом регионе их предки потерпели сокрушительное поражение от сюнну.

Как важные участники исторических событий тюрки начинают упоминаться в хрониках с 540-х гг., когда они – подданные правителя жуаньжуаней, именуемые «рабы-кузнецы», победили племена тиеле. За столетие до этой победы, в 430-х гг., после того как государство Северная Вэй уничтожило гаочанское государство Северная Лян, около 500 тюркских родов бежали к жуаньжуаням, те их переселили на Алтай, где тюрки стали заниматься изготовлением железных орудий для жуаньжуаньского правителя. Первые дипломатические контакты с Западной Вэй состоялись в 545 г., когда к тюркам прибыло китайское посольство. Все еще оставаясь подданными жуаньжуаней, тюрки испросили разрешения покупать шелк у Китая. Позже, в 552 г., они свергли владычество жуаньжуаней и несколько лет спустя, между 563 и 567 гг. н.э., в союзе с сасанидским Ираном разбили западное царство эфталитов и стали повелителями огромной империи, простирающейся от Кореи до Каспийского моря.

Расширение империи тюрков потребовало некоторого ее территориального и административного деления. На самом деле, с самого начала было два центра сосредоточения тюркской власти. Один из них, восточный, был расположен в лесу Отукан в районе Хангайского хребта; другой, западный, находился в «Белых горах» к северу от Кучи. Помимо этих крупных центров существовало еще несколько мелких территориальных единиц – сначала четыре, потом восемь. В 581 г. между этими двумя центрами власти вспыхнула вражда, они отделились друг от друга и превратились в два враждующих племенных союза. Внутренние разногласия в Тюркском каганате позволили Китаю распространить свою власть, хотя бы номинальную, сначала на восточных тюрков в 634 г. н.э., а несколько лет спустя, в 659 г., – и на западных. Тем не менее в конце VII в. восточным тюркам снова удалось организовать мощную кочевую империю (центрально-азиатский Восточный тюркский каганат), в состав которой были включены даже западные тюрки (среднеазиатский Западный тюркский каганат) и которая просуществовала до 745 г. н.э.

В период раннего средневековья – в VI и начале VII в. – Тюркский каганат был одной из великих мировых держав, наряду с Китаем, Ираном Сасанидов и Византией. Их отношения между собой имели решающее значение для судеб всего средневекового мира. Поначалу Тюркский каганат и сасанидский Иран были союзниками и вместе

разгромили державу эфталитов. Однако позже стремление обеих сторон захватить торговые пути между Западом и Востоком (прежде всего торговлю шелком) привело к открытой вражде между ними. В конечном итоге тюрки захватили территорию бывшей державы эфталитов до реки Инд и стали хозяевами всего сухопутного Шелкового пути, который вел из Китая к западному побережью индийского субконтинента.

В Северо-Западной Индии и Афганистане тюркское правление установил в 625 г. каган Тон-ябгу. Он захватил земли до реки Инд и в некоторых местах возвел на трон тюркские династии. Кроме них на своих местах при тюрках остались некоторые местные эфталитские правители, такие как царь Балха, настоятель и покровитель знаменитого буддийского монастыря Наубахар. Вплоть до середины VII в. западнотюркские правители из Кундуза правили малыми царствами на бывшей территории государства эфталитов. Когда во второй половине VII в. власть западных тюрков над большей частью древнего Тохаристана рухнула под ударами арабов, более или менее независимой осталась западнотюркская династия Низуков в Кабуле, Забуле и Гандхаре. Эти каганы были последними потомками западнотюркских правителей. Их восточная ветвь при правлении Бара-тегина, начав в VII в. с Гандхары, в первые десятилетия VIII в. установила власть над соседними землями в Афганистане и Индии, включая Кабул. Наиболее примечательной фигурой этой династии – по причине явно западного звучания его имени – был Фром Кесар (*Fröm Kesar*, дословно «Римский император»), правивший в первой половине VIII в.

Взаимоотношения тюрков с Византией также менялись. Сначала они имели дружественный дипломатический характер, они даже заключили между собой союз против Ирана. Однако после побед в войне с Сасанидами тюрки захватили византийский город Боспор в Крыму с явной целью получить выход к морю в западной части Шелкового пути.

Экономический фактор также играл важную роль в отношениях тюрков с Китаем, которые изменялись от набегов тюрков на Китай и ответных китайских нападений до династических браков, мирной торговли и обмена подарками (шелк и зерно от Китая, лошади – от тюрков).

Экономический и общественный уклад тюрков представляет собой сложный исторический феномен. Несмотря на то что китайские источники описывают тюрков как типичных кочевников, их хозяйство, без сомнения, имело сложную структуру. Ко времени своего появления в истории их правящий род (или племя) Ашина все еще занимался производством железных изделий, и даже у других тюркских племен кочевое хозяйство не занимало главенствующего положения. Только богатая правящая элита могла позволить себе кочевой образ жизни. Следовательно, социальное расслоение и социальная напряженность в тюркском обществе во время расцвета каганата были весьма сильными. Эта ситуа-

ция так описывается в тюркских рунах: «В те времена у рабов тоже были свои рабы». Кроме того, в тюркскую империю также входили земли с высокоразвитой городской культурой. Поселившись в городах Согдианы или Таримского бассейна, тюрки легко приспособились к городской жизни и превратились в искусных ремесленников и способных торговцев. Они делали великоплетное оружие и упряжь, хотя и другие ремесла также получили у них развитие.

Тюрки внесли изменения в военную тактику кочевников, основанную на подвижности легкой кавалерии. Эффективность легковооруженных конных лучников была значительно усилена путем выделения из них всадников в кольчугах, вооруженных пикой, щитом и мечом. Создание защищенной латами кавалерии стало возможным благодаря изобретению железных стремян, которые в это же время начали распространяться и в Европе. Их ввели в употребление авары, которые отделились от тюрков и бежали в Европу.

Что касается религиозной жизни, то большинство кочевых племен, живших на территории тюркской империи, придерживались шаманских верований и среди них был широко распространен культ Бога, или Неба (*тенгри*), однако высшие слои тюркского общества также были подвержены влиянию буддизма, манихейства и христианства. Из них среди тюркского населения прежде всего распространился буддизм, особенно знаменательно принятие буддизма правителем восточных тюрков в 750-е гг. В результате на территории тюркского государства начали строить буддийские монастыри, где монахи приступили к переводу буддийских текстов на тюркский язык.

Христианство сначала закрепилось на территории Западного тюркского каганата, но позже, как и манихейство, проникло также на территорию Китая и Восточного каганата. Но все же благодаря деятельности отдельных буддийских проповедников наибольшим влиянием в тюркской империи пользовался буддизм.

И мировые религии, и нужды государственного управления требовали знания письменности. На территории Тюркского каганата с древних времен использовались несколько языков, имеющих письменность, – согдийский, хорезмийский, сакский, бактрийский и тохарский. На согдийском языке выбивали надписи, и его использовали тюркские правители при дипломатических

контактах. Тюрки также пытались создать систему письма для своих собственных языков. Так, уже в первой половине VI в. н.э., очевидно, на основе согдийского алфавита были разработаны несколько вариантов тюркских рун, т.е. письма.

Тюркское руническое письмо было изобретено не только из соображений престижа или для удовлетворения культурных требований. Конечно, самые внушительные образцы этого письма – гигантские рунические надписи, сделанные по повелению тюркских каганов и других представителей тюркской знати. Однако обнаружение кратких надписей на большом количестве предметов, обычно личного назначения, неопровержимо доказывает, что руническое письмо было широко известно и использовалось повсеместно среди древних тюркских племен. Из страны западных тюрков авары принесли его с собой в Европу.

Только благодаря изобретению и использованию рунического письма мы имеем некоторое представление о тюркской эпической поэзии. Эта поэзия, конечно устная, была распространена прежде всего при дворе кагана. Учитывая близкое стилистическое родство деяний царей и героев с эпической поэзией, на основании трех крупнейших надписей о героических делах правителей Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тонъюкука мы можем получить представление о тюркской эпической поэзии далекого прошлого. Ее язык был богат эпическими оборотами и обладал внутренним ритмом, который можно уловить даже несмотря на нагромождения английского перевода. Надпись о деяниях Кюль-тегина начинается следующим образом:

«Когда высоко вверху было создано голубое небо,
а далеко внизу бурая земля,
Между ними двумя были сотворены
дети человеческие».

Даже по этому короткому отрывку можно судить об интеллектуальном мире и культуре тюрков, которые сумели на долгое время объединить бескрайние земли от Китая до Византии, а также создали синкретическую культуру. Это сделало возможным обмен культурными ценностями между Китаем, Индией, Ираном и Византийской империей.

БИБЛИОГРАФИЯ (24.1–24.8)

- ТИХВИНСКИЙ СЛ., ЛИТВИНСКИЙ Б.А., 1988. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.
- BELENITSKI, A.M. 1980. Kunst der Sogden, Mittelasien. Leipzig.
- MARSHAK, B.I. 1981. The Paintings of Sogdiana. Berkeley/Los Angeles/London.
- BERNARD, P.; GRENET, F. (eds). 1992. Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Actes du colloque international du CNRS, Paris, 22–28 novembre 1988. Paris.
- CHAVANNES, E. 1903. Documents sur les T'ou kiue (Turcs) occidentaux. St Petersburg.
- CZEGLEDY, K. 1983. From East to West: The Age of Nomadic Migrations in Eurasia. Archivum Eurasiae Medii Aevi, Vol. 3, pp. 25–125.
- DAFFINA, P. 1983. La Persia sassanide secondo le fonti cinesi. Rivista degli Studi Orientali, Vol. 57, pp. 121–70.
- ECSEDY, I. 1968. Trade-and-War Relations between the Türks and China in the second half of the 6th Century, Vol. 21, pp. 131–80.
- 1972. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire. Acta Orientalia Hungarica, Vol. 25, pp. 245–62.
- 1980. Western Türks in Northern China in the Middle of the 7th Century. Acta Antiqua Hungarica, Vol. 28 (1–4), pp. 249–58.
- 1981. Nomads in History and Historical Research. Acta Orientalia Hungarica, Vol. 35 (2–3), pp. 201–27.
- 1982. The Oriental Background to the Hungarian Tradition about 'Attila's Tomb'. Acta Orientalia Hungarica, Vol. 36 (1–3), pp.129–53.
- 1984. Ancient Turk (Tu-Chüeh) Burial Customs. Acta Orientalia Hungarica, Vol. 38, pp. 263–87.
- EMMERICK, R.E. 1983. The Iranian Settlements to the East of the Pamirs. In: YARSHATER, E. (ed.). The Cambridge History of Iran. Vol. 3, pp. 263–75. Cambridge.
- ENOKI, K. 1955. The Origin of the White Huns or Hephthalites. East and West, Vol. 6, No. 3, pp. 231–7.
- 1959. On the Nationality of the Epthalites. Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, No. 18.
- FRYE, R.N. 1984. The History of Ancient Iran. Munich.
- FUCHS, W. 1938. Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-India und Zentral-Asien. SPAW. Phil. Hist. Kl. Berlin.
- GÖBL, B. 1967. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Vols 1–4. Wiesbaden.
- GROUSSET, R. 1980. L'Empire des steppes. 4th edn. Paris.
- HAMBLY, G. (ed.). 1969. Central Asia. London.
- HARMATTA, J. 1969. Late Bactrian Inscriptions. Acta Ant. Hung. Vol. 17, pp. 297–432.

- 1971. Sino-Iranica. *Acta Ant. Hung.* Vol. 19, pp. 113–43.
- (ed.). 1979*a*. *Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia*. Budapest.
- (ed.). 1979*b*. *Studies in the Sources on the History of pre-Islamic Central Asia*. Budapest.
- 1982. La médaille de Jeb Šahānsah. *Studia Iranica*, Vol. II, pp. 168–80.
- (ed.). 1984. *From Hecataeus to al-Huwarizmi*. Budapest.
- HAUSSIG, H.W. 1966. *Awaren, Shuan-shuan and Hephtaliten*. Leiden. Cologne. (*Handbuch der Orientalistik*, I, Vol. 5, Part 5.)
- HULSEWÉ, A.F.P.; LOEWE, M. 1979. *China in Central Asia. The Early Stage: 125 BC–AD 23. An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty*. Leiden. (*Sinica Leidensia*, 14.)
- JETTMAR, K.; KNIG, D.; THEWALT, V. 1989. *Rock Inscriptions in the Indus Valley. Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies*. Mainz.
- KHAZANOV, A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge.
- LITVINSKII, B.A. 1989. The Ecology of the Ancient Nomads of Soviet Central Asia and Kazakhstan. In: SEAMAN, G. (ed.). *Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. Vol. I. Los Angeles.
- MCGOVERN, W. 1939. *The Early Empires of Central Asia*. Chapel Hill.
- MAENCHEN-HELFEN. 1973. *The World of the Huns*. Berkeley.
- MILLER, R.A. 1959. *Accounts of Western Nations in the History of the Northern Chou Dynasties*. Berkeley/Los Angeles.

VII. Восточная Азия

ВВЕДЕНИЕ

Эрик Цюрхер

Основными темами, которые рассматриваются в этом разделе, посвященном истории Восточной Азии, являются развитие и распространение китайской цивилизации на протяжении 500 лет, которые предшествовали объединению Китая и образованию империи (около 700–221 гг. до н.э.), ее сплочение и расширение в ранний период существования (династии Цинь и Хань, 221 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и дальнейшее развитие в раннем средневековье вплоть до восстановления единства империи при династии Суй в 589 г. н.э. К концу этого периода китайская цивилизация начала проникать за пределы Китая, и в сферу ее влияния вошли Корея и Япония. Эти три основных периода четко разграничивают три этапа китайской истории: первый из них характеризуется полицентрическим развитием независимых государств, число которых непрерывно сокращалось, второй – централизацией империи и формированием китайской политической системы, третий – возобновлением политической раздробленности, когда впервые важную роль начинают играть династии иноземных завоевателей.

Но даже при таком строгом разграничении трех этапов можно выделить несколько непрерывных процессов – долгосрочных изменений, протекавших на протяжении тринадцати веков, которые освещены в этом разделе: постепенное распространение высоко развитой и самобытной китайской цивилизации из ее исконной территории в бассейне Хуанхэ, демографический рост, возрастание роли государства и государственной идеологии и развитие отношений Китая с внешним миром.

К 700-м гг. до н.э. процесс распространения китайской цивилизации подспудно протекал уже по крайней мере семь столетий, начиная с возникновения в середине II тысячелетия до н.э. высокоразвитой бронзовой культуры. К VII в. до н.э. специфически китайская элитарная культура распространилась в регионах Северного и Центрального Китая, где во многих феодальных государствах к ней приобщались правящие слои. Это было общее культурное наследие, включавшее в числе прочего использование китайского языка и письменности, обширный комплекс преданий, летописных традиций и ритуальных норм, а также специфический «китайский образ жизни» в целом. В древних государствах «центрального региона» формирование этого образа жизни началось в раннем бронзовом веке, и его дальнейшее распространение происходило путем постепенной ассимиляции «варварских» меньшинств, живших на данной территории. В других, более отдаленных, регионах происходила китаизация правящего класса, в то время как основное население сохраняло свой язык и обычаи. В этих регионах процесс ассимиляции продлился много столетий, а в областях, наиболее отдаленных от «центрального региона», он продолжался до нового времени.

Централизация Китая и первые четыре столетия существования ранней империи ускорили процесс распространения китайской культуры в различных направлениях. По мере укрепления власти императорского правительства огромные массы китайских крестьян заселяли земли,

пригодные для земледелия, и такая миграция, естественно, вела к смешению с не китайскими меньшинствами и приобщению их к цивилизации.

В пограничных районах государство особенно активно стимулировало этот процесс, поскольку применение китайской более прогрессивной агрокультуры закономерно вело к повышению урожайности и увеличению налоговых поступлений. Процесс политического присоединения малонаселенных областей протекал в виде объявления административными центрами защищенных стенами городов. Кроме того, сама система управления как таковая также служила инструментом культурной экспансии, поскольку более 1500 областями, входившими в состав империи Хань, управляли сменяемые правительственные чиновники и представители местных властителей, и все они принадлежали к поразительно однородной элитарной культуре.

Распад ранней империи около 200 г. н.э. незначительно повлиял на эту картину, несмотря на то что на протяжении большей части раннего средневекового периода вся северная половина Китая находилась под властью завоевателей не китайского происхождения, в основном кочевников. Иноземное завоевание не вызвало краха цивилизации и не идет ни в какое сравнение с катастрофой, которую повлекло за собой падение Римской империи в Западной Европе. Поскольку завоеватели были немногочисленны и не искушены в управлении огромным оседлым населением, им неизбежно приходилось привлекать к управлению китайских чиновников и воспринимать методы и церемониальные обычаи китайской императорской власти. Особенно в северных приграничных районах китаизация таких государств, по сути, способствовала дальнейшему упрочению китайской культуры.

На протяжении всего периода, рассматриваемого в этом разделе, северные равнины оставались самыми важными, ключевыми хозяйственными областями, для которых было характерно богарное земледелие со вспомогательным поливным земледелием и выращиванием проса и пшеницы. Вторая важная хозяйственная область возникла в III в. до н.э. в глубине континента, на территории современной провинции Сычуань. Однако земли «к югу от Реки» (Цзяннань), т.е. в нижнем течении реки Янцзы, которым в будущем суждено было стать наиболее процветающей частью Китая, в то время, даже к концу рассматриваемого периода, лишь начинали обрабатываться.

Влажная и гористая южная часть Китая в те времена была покрыта густыми лесами, и для рисоводства практиковались вырубki, масштаб которых постепенно увеличивался, при этом используемые орудия были все еще весьма примитивны. Рис выращивался на полянках, которые каждый второй год отводились под пар; выращивание рассады не применялось. Только с внедрением более прогрессивных технологий через несколько столетий после повторного объединения Китая стало возможным широко масштабное хозяйственное освоение юга страны.

Вероятно, это и было причиной такой замечательной демографической стабильности. Никаких цифровых данных о доимперском периоде не существует; первые достоверные цифры, встречающиеся в переписях (II в. до н.э. – более 59 млн. человек), при сопоставлении с данными о ранней эпохе Тан показывают, что на протяжении первых шести веков нашей эры общая численность населения, очевидно, колебалась между 40 и 50 млн. человек. Даже если учесть, что эти цифры относятся только к зарегистрированному населению, все же можно заключить, что в среднем Китай был населен не очень густо.

В области политики наиболее значительным событием, без сомнения, было формирование единой и централизованной империи. Результатом этого явилась беспрецедентная политическая солидарность и интеграция, что имело важные социальные и экономические последствия, такие как урбанизация и караванная торговля, а также разрастание чиновничьего аппарата; последний считается одной из наиболее примечательных черт китайского государства.

Однако не менее важными и долговременными были последствия идеологического характера. В этом отношении особую важность имело принятие конфуцианства в качестве официальной государственной доктрины. На протяжении столетий, предшествовавших объединению Китая, постоянно возникали различные «школы», и каждая провозглашала собственные идеалы, предлагала свои пути упорядочивания государства и общества и личного самосовершенствования. Конфуцианство было не более чем одной из них, и даже не самой влиятельной школой. Однако после того как доверие к тоталитарной идеологии было подорвано тем, что ею руководствовался циньский режим, конфуцианство смогло предложить наиболее жизнеспособную альтернативу. В результате оно завоевало место, на которое не могло посягнуть никакое другое вероучение или идеология. Конечно, в период раннего средневековья и буддизм, и религиозный даосизм стали очень влиятельными, в том числе и в аристократических кругах, однако им никогда не удавалось потеснить конфуцианство с его позиций в политической идеологии и социальной этике. Тем не менее время от времени такие попытки имели место – тогда, когда позиции императорского правительства и официальной идеологии были расшатаны народными волнениями и бунтами. В некоторых случаях такие волнения были связаны с религиозными (особенно даоситскими) идеями, и возникали некие «контридеологии», но ни одна из них не добились сколько-нибудь длительного успеха.

Превознося абсолютную власть Сына Неба и превосходя истинного ритуала (*ли*), которые являлись идео-

логической основой китайского образа жизни, конфуцианство естественным образом пришло к непоколебимому «китаецентризму». Его корни уходят в доимперские времена, а в ранней империи оно получило свое оформление в виде системы ритуальных взаимоотношений китайского двора и правителей «варварских» государств – комплекса дипломатических и церемониальных правил, который впоследствии развился в так называемую систему подчинений. Это была идеальная схема, смысл которой был в том, чтобы выразить подчиненность вассальных государств китайскому императору; на деле же официальные отношения с внешним миром могли быть весьма различными в зависимости от политической ситуации.

Однако формальные отношения, зафиксированные в китайских летописях, были лишь одной стороной проблемы. На местном уровне, на китайской границе происходил постоянный процесс проникновения в обоих направлениях; по большей части это было связано с торговлей. Все началось с обменов в области материальной культуры. Так, в IV в. до н.э. китайцы переняли от кочевников верховую езду; примерно тем же временем датируются найденные в захоронениях Южной Сибири китайские шелка и предметы роскоши и проникновение в Корею и Японию китайских бронзовых зеркал. В начале IV в. н.э. в отношении Китая с внешним миром произошел резкий поворот: тогда многочисленные некитайские племена захватили практически весь Северный Китай и основали там несколько государств, во главе которых встала неханьская военная аристократия. В Южном Китае несколько исконно китайских династий удерживали свои позиции. Раскол на «Северные и Южные династии» продолжался вплоть до объединения китайских территорий в 589 г. н.э. под властью династии Суй. Со II в. н.э. буддийские миссионеры из Индии и с запада Центральной Азии начали распространять свою религию в Китае, а вместе с ней и ритуалы, и богатую иконографию. К концу рассматриваемого периода глубокое влияние китайской культуры уже проявилось в Корее, а японский двор был готов развернуть масштабную программу культурных и институциональных заимствований из Китая. Китайские горизонты неуклонно расширялись: уже в начале I тысячелетия н.э. китайцы имели, пусть и расплывчатое, представление о существовании Римской империи и государств Юго-Восточной Азии вплоть до Явы. С другой стороны, в политических вопросах Китай ориентировался на континент: основное внимание было устремлено на степную зону на севере и на западный регион. Резкая активизация мореплавания в Китае произошла значительно позднее.

ГОСУДАРСТВО ДИНАСТИИ ВОСТОЧНАЯ ЧЖОУ, 800–300 гг. до н.э.

Чан Кван-чи и Хсу Чжун

Илл. 140–142

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО СТРОЯ

Примерно в середине XI в. до н.э. древнее государство Шан (приблизительно XVI–XI вв. до н.э.) было завоевано государством Чжоу – вассальным государством с западной окраины. Основанная завоевателями династия Чжоу просуществовала (во всяком случае формально) вплоть до середины III в. до н.э. Этот удивительно долгий период условно можно разделить на две эпохи, которые именуются «Западная Чжоу» (XI–VIII вв. до н.э.) и «Восточная Чжоу» (VIII–III вв. до н.э.); такое разграничение связано с местоположением столицы государства. Во времена своего расцвета, который пришелся на следующее столетие после основания династии, государство Чжоу властвовало над всем севером современного Китая. Это могучее царство древности являло собой не просто некое политическое образование, но и «мировой порядок» древней китайской культуры, границы которого, вероятно, пролегли далеко за пределами владений династии Чжоу. Более четырех веков единство этого мирового порядка поддерживалось за счет гигантской сети феодальных вассальных государств, управлявшихся членами правящей династии Чжоу и их родственниками. Иерархия вассального подчинения представляла в виде пирамидальной феодальной структуры, на вершине которой находился император Чжоу как верховная политическая власть, а знатные воины – герцоги и маркизы, называвшиеся *ши*, управляли этими государствами и представляли собой основание пирамиды.

Опорой политической власти императора Чжоу служило представление о том, что династия Чжоу получила Небесный мандат, предписывающий ей сбросить предыдущую династию Шан, и что Небесный мандат должен передаваться по наследству следующим правителям Чжоу, которые, таким образом, самой природой были предназначены, чтобы править миром. Вероятно, изначально эта идея была придумана как пропогандистская, чтобы оправдать завоевание династией Чжоу многочисленных нечжоуских земель. Однако после того как чжоуский мировой порядок окончательно сложился, исключительная монополия чжоуской короны на Небесный мандат стала играть роль краеугольного камня, цементирующего феодальную систему.

Еще одной своеобразной чертой чжоуского феодализма было переплетение политической и родовой иерархий. Правители Чжоу представляли собой основную ветвь правящей фамилии. Другие крупные ветви рода происходили от братьев правителя, которым давались в управление вас-

сальные государства, а их сыновья получали право наследовать управление землями, которыми правили их отцы. Только прямая правящая линия имела право содержать храм предков, где приносились жертвы духам умерших правителей, чтобы предки благословили живущих. Правители вассальных государств имели право поклоняться своим собственным предкам, включая тех предков-императоров, от которых пошел их род. Следовательно, чтобы войти в контакт с духами предков, низшие слои знати должны были зависеть от своих более высокопоставленных родственников. Таким образом, ежегодные визиты ко двору, равно как и периодические выплаты дани своим патронам, служили одновременно двум целям – политическим и ритуальным. Даже нечжоуские государства, правители которых в большинстве своем являлись потомками древних аристократических родов, были связаны браками с чжоуской линией и в результате занимали свое место в клановой системе чжоуского «мирового порядка». Иными словами, вся аристократия Чжоу была связана между собой семейными узами.

Внешне стабильный порядок, установленный династией Чжоу, постепенно ослабевал. Одним из необходимых условий, обеспечивающих династии Чжоу действенное управление, была верность вассальных государств, расположенных в бескрайних восточных землях – за пределами исконных земель Чжоу, – чжоускому двору, поскольку вначале они служили стратегическими позициями, где размещались чжоуские гарнизоны. Первым императорам династии Чжоу удавалось поддерживать над восточными государствами жесткий контроль. В целом императорские владения, управляемые непосредственно из центра, включали исконные земли Чжоу в долине реки Вэй, а также значительную часть центра бывшей шанской территории в среднем течении Хуанхэ, где как восточный форпост императорских сил была построена восточная столица. Однако по прошествии нескольких поколений ощущение родства между правителями сильно размылось. Тем временем вследствие выделения все новых и новых уделов детям правителя, что было обычной практикой при приходе к власти каждого нового императора, владения императора неуклонно сокращались. Это привело к смещению баланса сил от императорского двора в пользу крупных вассальных государств, в первую очередь восточных. Чжоуский правитель не только постепенно терял контроль над восточными уделами, но и испытывал постоянное давление со стороны вассальных правителей, входящих в сферу императорских владений или же находящихся рядом с ними, которые служили при дворе в качестве

министров или чиновников. К тому времени императорские владения стали настолько перенаселенными, что нужно было испытывать даже знать. В 842 г. до н.э. политическое недовольство вылилось в то, что знать выгнала правителя из страны. В течение 14 лет после этого аристократия осуществляла коллективное управление страной от имени трона, пока наследник не был возведен на престол.

До окончательного завершения эпохи Западной Чжоу на троне побывало еще двое правителей этой династии. Последние годы правления представителей династии Чжоу были осложнены многочисленными бедствиями – войнами, эпидемиями, землетрясениями и другими природными катастрофами. В череде этих невзгод последним ударом было вторжение с севера и запада иноземных племен, которое положило конец владычеству Чжоу. В 771 г. до н.э. некитайские интервенты захватили столицу, правитель был убит. Наследник престола бежал на восток, и двор переместился в восточную столицу Лоян. С этого момента династия Чжоу становится известной как Восточная Чжоу. Однако при Восточной Чжоу восстановить бывшую политическую систему так и не удалось. У императорского двора не было достаточно ресурсов, чтобы удерживать единство феодальной системы. Чжоуский «мировой порядок», который был основан на идее Небесного мандата и семейных уз, объединяющих в одну огромную семью весь правящий класс, не пережил разрушения своей основы – власти императорского престола и основной ветви императорской династии Чжоу. Система распалась, поскольку лопнула связующая нить, которая держала всю сеть. Императорские владения в долине реки Вэй попали в руки иноземных захватчиков, и до тех пор, пока там не возникло государство Цинь, они выпали из пределов китайского «мирового порядка».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Новый двор, переместившийся в восточную столицу Лоян после падения Западной Чжоу, был лишь бледной тенью прежнего чжоуского двора. Поначалу региональные князья, правители вассальных государств, продолжали в соответствии с требованиями древней феодальной этики служить при дворе в качестве министров, способствуя его становлению и защищая его интересы. Но лишь одно поколение спустя двор, имевший в своем распоряжении весьма ограниченные ресурсы, потерял возможность выполнять функции всеобщего повелителя. Каждое отдельное государство, в прошлом вассальное, было вынуждено самостоятельно искать пути спасения и, следовательно, бороться за выживание в одиночку. Так постепенно возникла новая система многих государств. Далее борьба за господство между восточными вассальными государствами проходила без оглядки на чжоуский двор.

Эпоха правления Западной Чжоу подразделяется на эпоху «Весен и Осеней» (770–477 гг. до н.э.), названную так по одноименной летописи, охватывающей этот промежуток времени, и эпоху «Воюющих царств» (476–222 гг. до н.э.), в течение которой происходила борьба между различными государствами за окончательное объединение Китая. Строго говоря, летопись «Весны и Осени» охватывает промежуток с 722 по 464 гг. до н.э. Поскольку в таком случае между падением Западной Чжоу (771 г. до н.э.) и началом этой эпохи (722 г. до н.э.) возникает пробел, мы приводим здесь даты, которые основываются на хронологии правящего дома Чжоу, где 770 г. до н.э. датируется основание Восточной Чжоу, а 476 г. до н.э. – начало правления царя Юаня.

На смену старому чжоускому миропорядку постепенно пришла система нескольких государств. На первом этапе в борьбе за гегемонию участвовали в основном бывшие княжества, находившиеся в среднем течении Хуанхэ – сер-

дце Великой Китайской равнины. Однако эти старые элитарные элементы чжоуской вассальной сети, такие как Чжэн, Лу и Вэй, были сравнительно небольшими государствами, расположенными в густонаселенных областях. Имея в своем распоряжении весьма скромные ресурсы и не имея пространства для расширения, они вскоре обнаружили, что теперь главную роль в состязании получили менее развитые в прошлом государства, находящиеся на периферии. Самыми могущественными участниками борьбы за лидерство были царство Ци, находившееся на Шаньдунском полуострове, царство Цзинь в гористой провинции Шаньси и царство Чу – в южных долинах рек и озер. Ци первое применило политику формирования союзов с государствами Великой Китайской равнины с целью воспрепятствовать вторжению некитайских народов, часть которых составляли горные племена с севера, еще часть – кочевники из северных степей, а другие были южанами, подобными народу царства Чу.

Вскоре царство Цзинь потеснило Ци с позиции лидера. Хотя иногда и случались временные захваты ведущих позиций другими государствами, царство Цзинь вплоть до самого конца периода «Весен и Осеней» оставалось постоянным обладателем статуса *ба* (гегемона). Постепенно оформление межгосударственного лидерства *ба* получил оформление в виде союза государств, члены которого были обязаны посылать военные отряды в помощь лидеру во время войны и регулярно платить ему дань. Лидер периодически созывал собрания, на которых номинально присутствовал представитель императора, чтобы придать собранию законность.

Статус лидера *ба* не был монополией древних государств, которые по своему языку и культуре являлись китайскими еще со времен ранней Чжоу. У царства Чу, основного могущественного соперника северных царств, был свой набор государств-сателлитов, некоторые из них были в прошлом вассалами Чжоу. Такими же лидерами среди своих соседей могли считаться некоторые региональные власти, такие как Ци в поздний период и Цинь. Иными словами, эти соперничающие блоки, возглавляемые мощными государствами, после периода ожесточенной конфронтации поняли, что ни один из них не может добиться окончательной победы. Патовое положение вынудило их к компромиссу. Перемирия и даже договоры между враждующими блоками в результате привели к образованию четко разграниченных сфер влияния. Была создана основа для формирования нескольких крупных государств, которые и стали семью основными участниками борьбы в эпоху «Воюющих царств».

История этой эпохи пестрит постоянными схватками между этими семью ведущими государствами, каждое из которых было конгломератом нескольких бывших чжоуских вассальных государств. Расширение их территорий за счет периферии стало причиной того, что территория Китая того времени стала куда более обширной, чем в эпоху «Весен и Осеней».

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

В чжоуском Китае феодальной была не только политическая структура, но и социальная система. Структура политической иерархии совпадала (полностью или большей частью) с социальной стратификацией. Поэтому когда после краха императорской власти изменилась политическая структура, соответственно должна была измениться и социальная система.

В древнекитайской системе нескольких государств бывшие вассальные государства обрели автономию. Таким образом, появились и новые способы делегирования вла-

стных полномочий, результатом чего явились коренные изменения в распределении власти и ресурсов.

На раннем этапе эпохи «Весен и Осеней» в большинстве государств появились группы влиятельных министров. Эти министры часто были либо братьями правителей, либо главами знатных родов. Они помогали правителям в разных делах, не вводя четкого разделения сфер деятельности, однако обычно занимали при дворе министерские посты. В то же время это не лишало их собственных земель, которые приносили им доход и позволяли содержать военные базы. В первом столетии эпохи «Весен и Осеней» новый правитель, восходя на престол, как правило, имел возможность сместить министров, служивших при дворе его отца, и заменить их своими ставленниками. В отдельных государствах к середине этой эпохи влиятельные министры не отправлялись в отставку, а обычно оставались при дворе и нового правителя. Позже, в конце эпохи «Весен и Осеней», влиятельные министры в большинстве своем уже обеспечили себе достойных преемников, в результате затмивших клан правителя государства. Министерские должности становились наследственными, в то время как братья нового правителя теряли возможность их занять. В конечном итоге либо наиболее сильный министерский клан захватывал власть, либо после борьбы за власть несколько таких кланов разделяли государство между собой и создавали несколько новых. Три из семи наиболее сильных государств эпохи «Воюющих царств» были молодыми державами, созданными таким путем.

Бесконечная внутригосударственная борьба за власть между знатной и постоянные войны между царствами привели к значительному сокращению слоя аристократии во всех государствах, поскольку в случае как внутри-, так и межгосударственной войны проигравшие лишались власти, богатства, положения и даже жизни. Так, аристократия Восточной Чжоу довольно долго «играла в самоуничтожение».

Общая тенденция к перемещению вниз по социальной лестнице, которой вынуждена была подчиняться аристократия, сочеталась со встречным передвижением других групп по направлению вверх. Группой, которая особенно выиграла за счет такой социальной мобильности, были нижние слои чжоуской феодальной иерархии. Воины, сражавшиеся под знаменами Чжоу за победу династии, назывались *ши* («рыцари»). В армии они занимали положение рядовых или низших командиров, в феодальных владениях – приказчиков и надсмотрщиков, при дворе они были мелкими чиновниками вроде писарей, секретарей и посыльных. Большинство из них были сами потомками ши, некоторые – младшими братьями министров и, вероятно, совсем небольшое их число попало в эту категорию, выслужившись из простолюдинов. Теоретически всякий аристократ, включая правителей и князей, в первую очередь был «рыцарем». В процессе долгой борьбы за власть самые способные из группы ши, без поддержки которых правитель не мог обойтись, получали возможность подняться вверх по социальной лестнице, если их хозяин побеждал в борьбе за власть.

Новые государства, возникшие в результате борьбы за власть, являлись по сути прототипами чиновничьих государств. Этому предшествовала реорганизация органов власти в структуры со строго зафиксированными функциями и административными единицами, управление которыми осуществляли чиновники, назначаемые сверху на четко определенные должности с ограниченным сроком полномочий, что давало возможность избегать посягательств на власть и повторения борьбы. Таким образом, на этих постах древнюю аристократию сменили ши, которые, по сути дела, стали платными чиновниками.

Долгая борьба за господство (или за выживание) внутри государств и между ними создала благоприятную по-

ситуацию для разработки военными кругами новых стратегических и тактических приемов. Профессиональные рядовые могли дослужиться до высших ступеней социальной лестницы. Также много возможностей достигнуть более высокого статуса появилось у добросовестных солдат, многие из которых были простолюдинами, служащими в пехоте, поскольку глубоко изменились методы ведения войны – от аристократических сражений на боевых колесницах до широкого применения кавалерии и пехоты. Численность вооруженных сил и размах военных действий росли непрерывно, начиная от сотни или нескольких тысяч битв, длившихся несколько дней, в эпоху «Весен и Осеней» до участия нескольких сотен тысяч солдат в длительных многомесячных противостояниях, с линией фронта, охватывающей несколько государств. Во времена «Воюющих царств» число людей, погибавших в таких войнах или поднимавшихся к вершинам славы, должно быть, было весьма значительным.

В этом плане политическая борьба между чжоускими аристократами не только изменила структуру государства, но и создала новое общество, в котором социальное происхождение уже не было непреодолимым барьером.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ: РАСШИРЕНИЕ И РАЗНООБРАЗИЕ

Процесс распада феодального общества включал изменения в экономике. Самой основой феодализма было распределение земли в соответствии с политической иерархией. Крестьяне, которые содержались за счет землевладельца, своей земли не имели. Обычно им отрезался кусок земли, на которой они выращивали сельскохозяйственные культуры, а урожай целиком отдавали хозяину, который обеспечивал крестьян средствами к существованию. По мере того как внутригосударственная и межгосударственная борьба сокращала ряды аристократии, земельные владения проигравших захватывались победителями. Новые хозяева не стали восстанавливать старую феодальную практику выделения земель своим подчиненным. Вместо этого для управления новообретенной землей направлялись специальные представители. В таком случае крестьяне платили хозяину ренту, а не работали в бригадах под управлением наместника. Расширение территории китайского государства, а следовательно, и распашка целинных земель, до тех пор не используемых (т.е. болот, горных земель, лесных угодий), привели к увеличению общей пахотной площади. Эти новые земли переходили во владение тех, кто их возделывал, в основном отдельных крестьян. Такое постепенное изменение трудовых отношений вызвало глубокие изменения в системе землевладения – частная собственность на землю сменилась арендой. Рента, которую платили землевладельцу, немногим отличалась от налога в государственную казну, поскольку победитель – тот, кто захватывал землю, – и был правителем нового государства.

И война, и мир между государствами способствовали постоянным контактам между ними. Массовое передвижение людей по основным путям, особенно перемещение, связанные со становлением лидерства ба, ставшего причиной частых поездок ко двору из подчиненных государств, привело к постройке сети трактов, часть которых были очень качественными и хорошо содержались. Таким образом были созданы условия для движения потока товаров. Сосредоточение богатств в руках немногих победителей также означало появление разборчивых покупателей. В результате сформировался процветающий рынок, ориентированный на потребителя. Так, тенденция к коммерциализации, которая, вероятно, уже наметилась в конце эпохи «Весен и Осеней», в эпоху «Воюющих царств» стала проследиваться особенно четко, и в это

время записи о торговой и ремесленной деятельности свидетельствуют о ее постепенном усилении. В связи с недостатком конкретных данных мы не можем точно оценить количественно ход процесса коммерциализации, однако косвенными указаниями на его развитие служат то, насколько важные роли торговцы порой играли в политике. Археология также предоставляет доказательства, наглядно подтверждающие прогресс в различных областях техники, который, в свою очередь, служил развитию торговли и производства.

Еще одним важным феноменом, проявившимся в период «Воюющих царств», является урбанизация. Столицы крупных государств и перекрестки торговых путей выросли в крупные городские центры, где ремесленники и торговцы встречались с огромным количеством потребителей, в число которых входили чиновники, дипломаты и работники сферы услуг. Крупнейшие городские центры, которых было не менее двух десятков, могли иметь население в несколько сотен тысяч человек. Как будет показано далее, археологические раскопки нескольких древних городов выявили развалины дворцов, террас, улиц, рыночных площадей, ремесленных кварталов, общественных зданий, канализационных систем и нескольких рядов городских стен. Предметы из бронзы, керамики, лакированные изделия и драгоценные камни, принадлежавшие представителям имущего класса, а также те, которые были сделаны из грубых материалов и использовались в повседневной жизни простыми людьми или даже бедняками, наглядно подтверждают растущее социальное и экономическое расслоение в древнем Китае.

В конце периода «Весен и Осеней» наблюдается начало интенсификации сельского хозяйства, что соответствовало тенденции к коммерциализации. Итак, в Китае делались первые шаги к формированию основ экономики аграрного меркантилизма.

РЕЛИГИЯ, РИТУАЛЫ И ШКОЛЫ ДРЕВНИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Древний «мировой порядок» Западной Чжоу отличался чрезвычайной слаженностью. Феодальная структура государства Чжоу соответствовала клановой структуре правящей семьи, а культ почитания предков подкреплял юридическую власть старших. Кроме того, фактором, поддерживающим чжоуский миропорядок, было представление о Небесном мандате, который выдан династии Чжоу, а Небесный мандат, как уже говорилось, давался только высокоморальным и добродетельным правителям.

Хотя чжоуская феодальная система и распалась, эти идеи не были забыты. Их переосмысливали крупные мыслители древнего Китая. Наиболее значительным из них был Кун Цю (551–479 гг. до н.э.), который известен на Западе как Конфуций (латинизированная форма от Кун-цзы – «Учитель Кун»). Конфуций родился, когда его отец, воин, отправленный в ссылку в результате борьбы за власть в его родном царстве, уже умер. Аристократ по происхождению, однако живущий в чужой стране и лишенный какого бы то ни было социального статуса, Конфуций был своего рода «маргиналом», который сумел превратить древний аристократический кодекс поведения в набор универсальных этических ценностей. Конфуций, вероятно, был первым в китайской истории, кто дал определение понятию *жэнь* (принцип человечности); в ранних текстах это слово обозначало щедрость и порядочность человека. Многократно растолковывая понятие *жэнь* своим ученикам, Конфуций, по сути, переопределил его, назвав *жэнь* основной чертой, отличающей человека. Таким образом, слово «жэнь» можно также переводить

как любовь, сострадание, человечность, гуманность, совесть и т.д. Конфуций поясняет, что *цзюньцзы* – еще одно ключевое понятие, исходное значение которого – «сын господина», т.е. человек благородного происхождения, должно интерпретироваться как человек, благородный в моральном смысле, добродетельный человек. Такое изменение смыслового значения слова, конечно, происходило на фоне мощного развития социальной мобильности во времена Конфуция и позднее. Конфуций также подчеркивал, что человек может «научиться быть добрым». Обучение имело смысл не только с точки зрения приобретения определенных навыков, но и ради улучшения характера человека. По Конфуцию, совершенствование общества возможно благодаря обучаемости и податливости человеческой природы. Поэтому Конфуций утверждал, что идеальное общество, очевидно, существует, и такое совершенное состояние может быть достигнуто в том случае, если отдельные члены общества будут совершенствовать свой характер с целью достижения истинной человечности. Живя в эпоху коренных перемен, которые опрокинули старый порядок, Конфуций, без сомнения, испытывал глубокое разочарование. Говоря о важности обучения, ранние его последователи подразумевали под этим восприятие древних традиций, особенно сложившиеся нормы поведения, которые в совокупности носили название *ли* («ритуалы», или же «должное»). Именно такое понимание в конечном итоге и явилось причиной возникновения в конфуцианстве консервативной тенденции обращаться к прошлому и традиции. В то же время его концепция была весьма оптимистичной, она обещала миру надежду и, кроме того, возлагала ответственность за улучшение мира целиком на каждого отдельного человека.

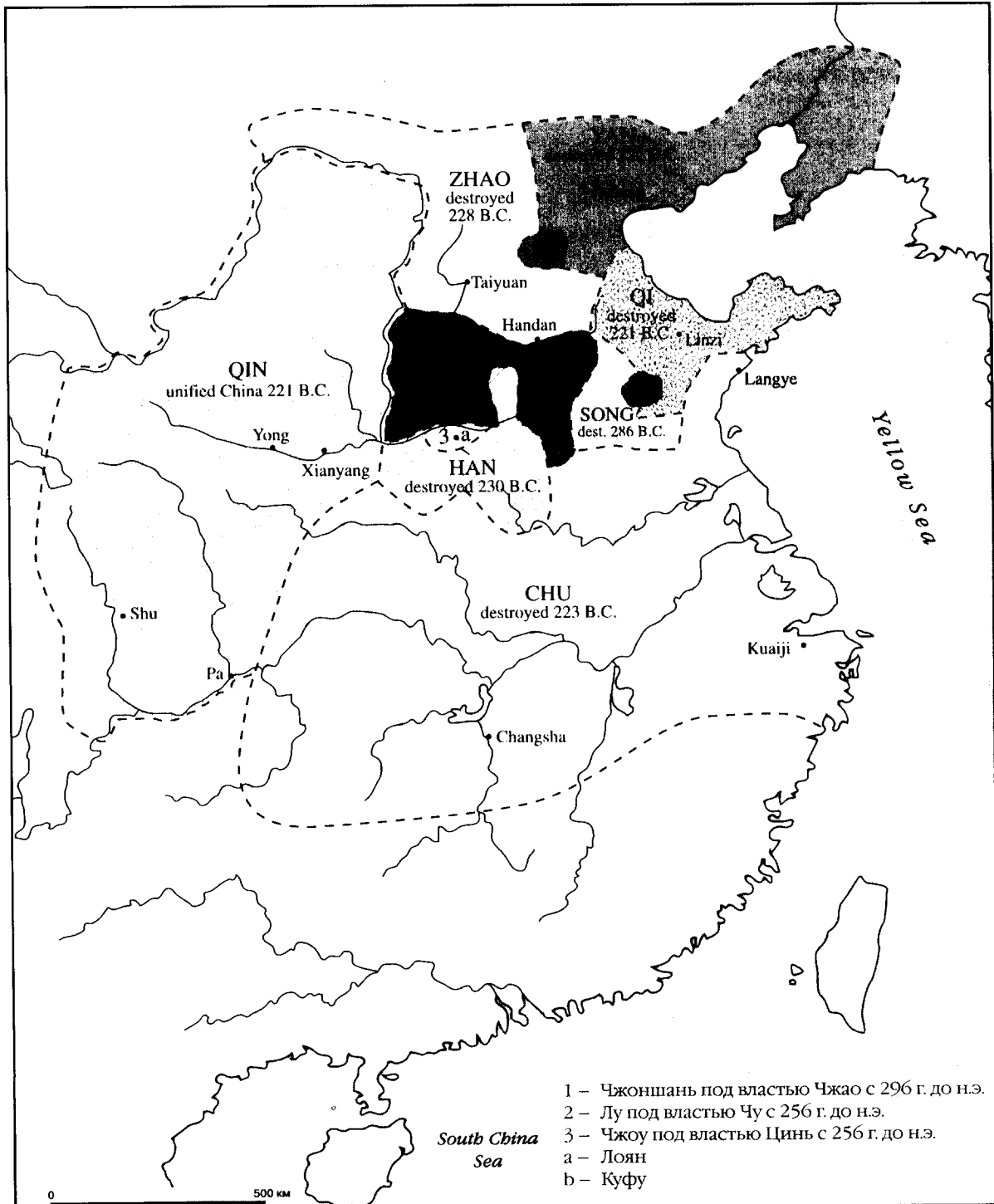
Другие мыслители подвергали сомнению концепцию Конфуция. Предшественники адептов даосизма, проповедовавшие индивидуализм, сомневались в том, что мир людей может быть изменен. Мо-цзы, или Мо Ди (470–391 гг. до н.э.), с другой стороны, утверждал, что особое внимание следует уделить категории *и* (социальная справедливость) как противовесу тенденции к эгоизму. В трудах Мэн Кэ, или Мэн-цзы (около 372–289 гг. до н.э.), принадлежавшего к третьему поколению последователей Конфуция, *жэнь* (личная добродетель) и *и* (социальная справедливость) логически соединяются, если поместить индивида в центр социальной системы и возложить на него ответственность за гармонию в обществе. Мэн-цзы утверждал, что человек по природе добр, но начальную добродетель человечества портят людские желания. Поэтому ответственность за совершенствование общества ложилась на индивида, чьей самой главной обязанностью должно быть достижение абсолютной добродетели.

Сюнь-цзы (Сюнь Цинь), живший в III в. до н.э., сомневался в том, что человек от природы добр. Поэтому он не уставал повторять, что только путем учения человек может взрастить в себе подлинную добродетель, а моделью для воспитания индивида должны служить нормы общественной морали, сформулированные мудрецами. Следует, однако, заметить, что особое значение, которое он придавал традициям, установленным мудрецами, явилось причиной того, что именно эта школа конфуцианства требовала обязательного следования установленному порядку и соблюдения моральных норм поведения, что в сочетании представляло собой ортодоксальность, одобренную властями.

Конфуций, Мэн-цзы и Сюнь-цзы считали основой государства и общества родственные отношения. Поклонение предкам не служило обрядом почитания духов успешных как таковых, скорее это был культ, сложившийся вокруг родственных чувств, который служил для укрепления семейного единства.

Таким образом, специфический чжоуский культ, которому следовал правящий род династии Чжоу, приобрел универсальный характер. Поскольку универсальный характер приобрела и этика, то же произошло с идеей Небесного мандата. Небесный мандат стал восприниматься как ощущение своего предназначения, которое должен развить в себе всякий уважающий себя человек для продвижения по пути к нравственному совершенству и приближения к идеальному миру. Тогда и появилась новая проблема – проблема «методологии». Термин *фа* сначала обозначал и «закон», и «метод». Наиболее правдоподобно выглядит версия, что в первую очередь он обозначал

именно метод, а не закон. Путем дискуссий, в которые немалый вклад в период «Воюющих царств» внесли политические реформаторы из разных государств, понятие *фа* постепенно было определено как противоположное ли, чтобы обозначить правила и нормы, которые определяют деятельность государственных институтов и поддерживают социальный порядок. Возникла так называемая Школа законников (легистов) («Школа *фацзя*»). Законники, которые отстаивали важность эффективного управления, изначально, как показывает пример одного из основоположников этой школы Хань Фэй-цзы (288–223 гг. до н.э.), были близки к конфуцианству и, строго говоря, лишь пы-

Карта 34. Китай перед объединением в единую империю, 250 г. до н.э.

тались построить идеальное эффективное бюрократическое государство путем принятия рациональных политических мер и назначения на посты образованных и достойных людей.

Главным конкурентом и антиподом конфуцианства был даосизм. И Лао-цзы, даты жизни которого до сих пор не установлены и которому приписывается авторство трактата «Дао дэ цзин», и Чжуан-цзы, бывший, по всей видимости, современником Мэн-цзы, сильно сомневались в возможности создания идеального мира усилиями человека. Они учили, что человек должен жить своей естественной жизнью и позволить естественному порядку вещей идти своим чередом. В этой связи они призывали к простоте, естественности, умиротворенности ума и свободе духа, а также внимательно отношению к телесному и духовному здоровью и гармонии с природой. Они не принимали конфуцианскую идею «регулирования» поведения человека и общества, а потому отвергали и установленные правила: общество должно регулировать само себя, а истинное знание невозможно постичь рациональным путем.

Их труды составили *даоцзяо*, «учения о дао (пути)». Среди них наиболее известен краткий трактат «Дао дэ цзин» («Книга о пути и чести»), составленный примерно в начале III в. до н.э. Он приписывается легендарному мудрецу Лао-цзы. В трактате изложен негативный и пассивный (едва ли не нигилистический) взгляд на мир и полное отрицание наличия какой-либо «упорядоченности» помимо вселенского порядка дао, или природы. С тех пор эта диалектическая аргументация, выдвинутая ранней философией даосизма, будет активно использоваться на протяжении всей китайской истории как скептическая реакция в отношении любого существующего миропорядка.

Даосизм, как мы увидим ниже, постепенно развился в религиозную доктрину спасения, именуемой даоцзяо («Учение о дао»), и в этой связи Лао-цзы был обожествлен и превратился в объект поклонения.

Эти взгляды ранних философов даосизма, очевидно, связаны с древними китайскими народными представлениями о том, что космическому порядку нужно просто следовать, не вмешиваясь в него. Духовная и материальная его составляющие не разделены. Человеческие же усилия, как видно на примере шаманов и прорицателей, скорее могут лишь помогать искать путь следования космическому порядку, нежели изменить его. Древнее упоминание о силах инь и ян и о «пяти стихиях», очевидно, были более усложненными версиями подобных народных верований. Инь и ян представляют собой универсальные космические полярные и постепенно переходящие друг в друга силы (женское – мужское, пассивное – активное, холодное – горячее и т.д.). Взаимодействие двух противоположностей стимулирует космос к постоянным изменениям. Эти силы никогда не вытесняют друг друга окончательно, напротив, они сосуществуют и взаимно друг друга дополняют. «Пять стихий» – металл, дерево, вода, огонь и земля – это пять основных элементов Вселенной. Такой функциональный подход к природным элементам лег в основу псевдонаучных теорий Вселенной, объясняющих и естественные, и человеческие пути развития. Религиозный даосизм, который возник существенно позже – во II в. н.э., по сути явился окончательной систематизацией этих представлений. Конфуцианский позитивизм и негативизм даосизма с древних времен сосуществовали в Китае как диалектические и взаимодополняющие способы мышления. В то же время синкретический даосизм, учение об инь и ян и школа «пяти стихий» дали китайскому мышлению комплекс метафизических представлений, которые не были свойственны конфуцианству с его приземленностью и практицизмом. И до наших дней китайское мировоззрение до определенной степени формируется под влиянием подобных взаимодополняющих концепций, которые берут свое начало во взглядах древних философских школ.

ПРЕЛЮДИЯ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

После периода смут, который длился примерно пять столетий, китайский мир (тогда называвшийся «Поднебесная») претерпел ряд изменений в нескольких областях. Политическая система изменилась полностью: на смену феодальной пришла система нескольких государств. К концу периода «Воюющих царств» эти борющиеся царства превратились в территориальные монархии, в которых на службе состояли чиновники на жаловании. Большинство этих профессионалов, служивших правительству, принадлежало к древней категории ши; однако и ши как таковые приобрели новые качества. Они более не были «рыцарями», рядовыми членами феодальной пирамиды. Новые ши – это образованные люди, которые добились своих чинов благодаря успехам на государственном либо военном поприще. Они были предшественниками ученых-чиновников и прекрасно понимали свой новый статус и функции в обновленном обществе. Правительства многих государств, в которых были проведены реформы, в основном теми же ши, становились бюрократическими.

В эпоху «Воюющих царств» коренным образом изменился облик общества. Конечно, в каждом государстве еще оставались группы аристократов, часто принадлежавших непосредственно правящему роду. Однако их осталось совсем немного. Исчезла феодальная иерархия. Классовые различия стали размытыми, ослабли барьеры, препятствующие социальной мобильности, обеспечивавшей людям возможность перемещения между различными слоями общества. Крестьяне превратились в мелких фермеров, которые платили налоги. Часть из них была безземельными арендаторами. Однако они стали подданными государства, а не крепостными в феодальных владениях. Торговцы и ремесленники перестали быть слугами феодалов. Некоторые из них делали состояния на торговле, а самые богатые иногда даже могли влиять на государственную и межгосударственную политику.

Чрезвычайно важные изменения произошли в экономике. Торговля между государствами была настолько оживленной, что в одном и том же кладе археологи обнаруживают монеты, отчеканенные на огромных расстояниях друг от друга. Постепенно возникавшая внутрикитайская сеть обменов объединяла все территории, из которых тогда состоял Китай, в зарождающуюся единую экономическую систему.

Мыслящие люди, в том числе конфуцианцы, моисты и даосы, путешествовавшие из государства в государство, дискутировали друг с другом и основывали философские школы. Эта новая интеллектуальная элита, пусть и испытывавшая часто внутренние разногласия, представляла собой единое интеллектуальное сообщество с общим культурным наследием. Характерно, что новые ши, служившие в правительствах разных государств, на самом деле повсюду внедряли примерно одинаковую модель государственного управления. Именно это интеллектуальное единство создало условия для объединения Китая, т.е. для достижения того результата, который элита со все возрастающей уверенностью считала неизбежным.

Процесс ассимиляции, вызванный постоянными контактами между разными областями, втянул в общую культурную сферу даже иноземные, нечжоуские, народы. Будь то Чу, Юэ на юге или Чжоньшан на севере, – у всех них была общая письменность и похожие системы мышления с государствами Великой Китайской равнины. Итак, сформировалось и быстро расширилось основное ядро китайской культуры.

Чжоуский двор номинально продолжал существовать в течение значительной части эпохи «Воюющих царств». В реальности же Чжоу никто не принимал в расчет. Семь основных государств и еще несколько мелких занимались заключением союзов между собой, меняли позиции, уста-

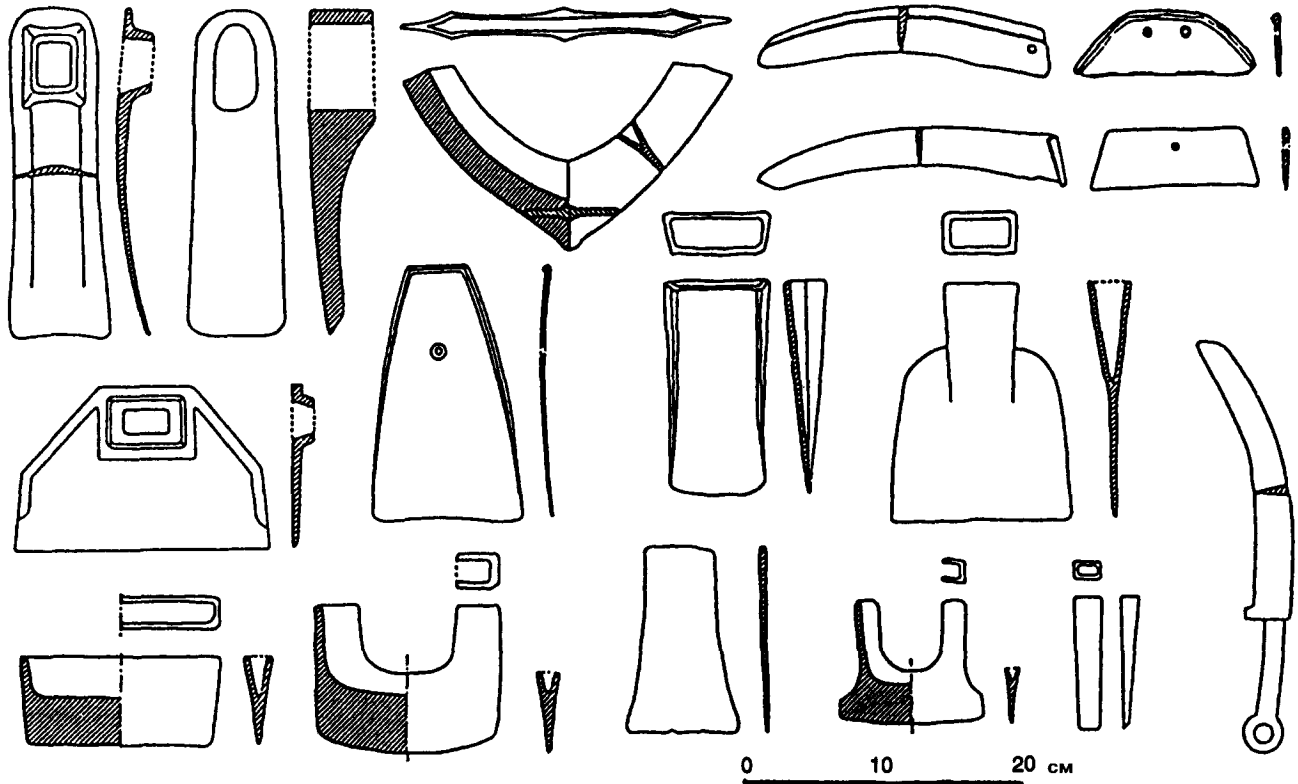

Рис. 34. Литые железные орудия эпохи «Воюющих царств»: мотыги, лемех плуга, серп, лопата, топор и нож (по *Gernet*, 1972).

навливали и разрывали контакты. Система лидерства ба, существовавшая в предыдущую эпоху «Весен и Осеней», окончательно исчезла, поскольку ни одно из сражающихся царств не могло подчинить другие. Правитель каждого государства считал себя преемником правящего дома династии Чжоу; каждое государство стремилось объединить тогдашний Китай («Поднебесную») в единое государство; это было общее стремление, вызванное воспоминаниями о тех временах, когда китайский мир был единым под эгидой правителя Чжоу. По прошествии многих веков ожесточенной борьбы между отдельными «Воюющими царствами» Китай был объединен. Объединение разрозненных государств было проведено правителями западного государства Цинь – государства, возникшего на руинах императорского Чжоу. В 221 г. до н.э. циньский князь принял титул Цинь Шихуанди («Первый император династии Цинь»). Так была основана первая в Китае императорская династия.

ИСКУССТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Коренные перемены в китайской культуре и обществе, которые были рассмотрены до сих пор, сопровождались глубокими изменениями и нововведениями огромной важности в области техники, материальной культуры и художественных средств. Чтобы оценить важность этих перемен, мы должны от письменных источников перейти к археологическим.

Что касается технологии, то наиболее значительным новшеством было, вне всяких сомнений, использование железа – материала, применение которого повлекло за собой революционные изменения как в сельском хозяйстве, так и в военном деле; действительно к V–VI вв. до н.э. относится начало железного века в Китае. Рост производства продовольствия, вызванный этой технологической революцией, в свою очередь, имел далеко идущие последствия для других сфер жизни, таких, как жизнь города,

связь, образование новых социальных групп и концентрация власти и богатства в руках правителей из крупнейших «Воюющих царств».

Важные изменения произошли в погребальных обычаях, что было частично результатом расширяющихся контактов с кочевниками из северных приграничных регионов, а также в последних этапах изготовления бронзовых изделий, которые в определенных отношениях демонстрируют следы иноземного влияния.

Технические новшества: использование железа и его последствия

Бронзовый век в Китае пришелся на период между примерно 2000 и 500 гг. до н.э., когда бронзовая металлургия служила базой, на которой возникли китайская цивилизация, городская культура и общество. Однако едва зародившаяся бронзовая технология не применялась непосредственно для производства продуктов питания, а использовалась правящим классом для приобретения и удержания власти, от которой зависело его богатство (основа новой цивилизации). По сути, технология производства пицци в эпоху бронзы мало чем отличалась от технологии каменного века, включала применение деревянной палки-копалки и каменных мотыги и серпа и зависела от естественных водных источников для ирригации.

Первые железные сельскохозяйственные орудия появились в китайских археологических находках, относящихся к VI в. до н.э. Примерно к 500 г. до н.э. они распространились повсеместно и начали вытеснять с позиции основных хозяйственных орудий каменный и костяной инвентарь. В продолжение всего оставшегося периода династии Чжоу бронза оставалась излюбленным материалом для изготовления ритуальных сосудов, продолжали возникать новые технологии обработки бронзы (например, литье по выплавляемым восковым моделям и инкрустация). Однако

в области сельскохозяйственного производства бронзовый век сменяется железным только около 500 г. до н.э.

Археологических свидетельств о ранней истории металлургии железа не существует. Несколько образцов железного оружия было найдено в шанских и западночжоуских городищах, но все железо оказалось метеоритным. Предметы из выплавленного металла обнаруживаются только в местонахождениях Восточной Чжоу. В 1980 г. было описано почти 1000 объектов, найденных в местонахождениях эпохи «Весен и Осеней» и эпохи «Воюющих царств» и относящихся к культуре Восточной Чжоу. Только два из этих объектов, из Ганьсу и Шэньси, т.е. с территории царства Цинь, могут быть отнесены к началу эпохи «Весен и Осеней» (750–600 гг. до н.э.), а более десятка, в основном из современных провинций Хэнань и Цзянсу – с территории древних царств Чу и У, датируются второй половиной эпохи «Весен и Осеней» (600–450 гг. до н.э.). Остальные археологические находки относятся к эпохе «Воюющих царств», преимущественно ко второй ее половине. Таким образом, за время распространения железа на китайской территории удобнее всего принять примерно 500 г. до н.э.

С самого начала железный век в Китае характеризуется двумя важными особенностями. Первая состоит в том, что для изготовления самых древних железных предметов в Китае применялось как ковкое железо, так и чугуны. Чугун – хрупкий сплав железа с содержанием углерода от 1,5 до 5%. Он получается при очень высокой температуре, как минимум 1400 °С, однако при этом выход металла из руды сравнительно больше, и после изготовления чугуна имеет более низкую температуру плавления (около 1150 °С), чем сталь (около 1400 °С) или ковкое железо (1535 °С), следовательно, может быть отлит в форму в жидком состоянии и более экономичен в производстве. Вторая характерная черта китайского железного века, являющаяся, очевидно, следствием первой, это то, что сразу после начала применения железа было приспособлено для изготовления большого ассортимента изделий, производимых ремесленниками Восточной Чжоу: инструментов для сельского хозяйства и ремесел, оружия и предметов повседневного пользования.

Не может быть простым совпадением то, что упоминания о крупномасштабных ирригационных сооружениях впервые появляются в исторических текстах в V в. до н.э., именно в том веке, когда появляются археологические свидетельства повсеместного применения железных орудий (в том числе орудий, необходимых для вспашки и обработки земли). В хронике «Цзо чжуань» зарегистрировано, что в 487 г. до н.э. в царстве У (современная провинция Цзянсу) была построена городская стена города Хань и введен в действие канал Хан-куо, соединивший реки Янцзы и Хуайхэ, который стал самым ранним участком знаменитого Великого канала. Через четыре года канал был продолжен в северном направлении и соединен с рекой Цзи. Эти первые каналы в основном строились для перевозок по воде, однако позже, в эпоху «Воюющих царств», в хрониках появляются упоминания о множестве каналов для орошения.

Использование железных инструментов вместе с искусственным орошением после примерно 500 г. до н.э. явилось поворотным пунктом в истории китайской экономики, имевшим революционные последствия. Далее мы расскажем лишь о некоторых из таких последствий, которым есть археологические подтверждения.

Новые города Китая в бронзовом веке

Политически важные города (часто бывшие столицами феодальных государств) обычно состояли из обширного комплекса функционально специализированных компонентов (таких, как дворцовый комплекс или отдель-

ный дворец, кладбище, где хоронили правителей, дворцовые храмы, жилые кварталы и мастерские), распределенных на территории примерно 5–6 кв. км и отделенных друг от друга незанятыми пространствами. Начиная примерно с 500 г. до н.э. археологические свидетельства о столичных городах различных царств Восточной Чжоу приобретают следующие новые признаки.

1. Восточночжоуский город всегда был обнесен городскими стенами и занимал площадь не менее 20 кв. км. Различные сооружения в городе располагались близко друг к другу, практически не оставляя свободного пространства. Следы человеческого жилья в основном обнаруживались на территории, ограниченной стеной, а это означает, что к тому моменту разделение города и деревни уже было весьма четким и заметным.

2. Город состоял из двух основных частей – территории дворцового комплекса, т.е. внутреннего города, и внешнего города, в котором находились правительственные учреждения, жилые дома, ремесленные мастерские и торговые кварталы.

3. Мастерские ремесленников обнаруживались на территории как дворцового комплекса, так и внешнего города. Те мастерские, которые находились на территории дворцового комплекса, скорее всего, принадлежали непосредственно правящей семье, а мастерские внешнего города находились в ведении и под управлением государственной администрации, местного правительства или зарождающегося богатого торгового класса.

4. Во внешнем городе существовали рынки или специально отведенные для торговли кварталы под управлением городской администрации. Самые ранние упоминания о таких кварталах встречаются в хронике «Цзо чжуань», написанной в то же время, к которому относится первое появление в городищах металлических монет.

Перечисленные выше археологические проявления нового в структуре городов встречаются во многих городищах, относящихся к эпохам «Весен и Осеней» и «Воюющих царств», и это, несомненно, было связано с новым экономическим расцветом, вызванным прорывом в технологии получения чугуна.

Новые погребальные обряды

Принимая во внимание то, что большая часть археологических находок была обнаружена либо в городищах, либо в погребениях, структура города и погребальные обряды – это две стороны китайской культуры и общества, которые лучше всего отражают перемены, происходившие в VII–III вв. до н.э. По сути, кладбища были элементом структуры большинства городов Восточной Чжоу, и склепы правящей фамилии и знати зачастую располагались на территории дворцового комплекса или рядом с ним, хотя большинство обнаруженных останков – это останки знатных людей, захороненные в разных местах внешнего города.

Со времен раннего бронзового века основным видом погребения были так называемые погребения в вертикальных могилах, т.е. в глубоких ямах, на дно которых помещалась деревянная камера с деревянным гробом внутри. Тело умершего помещалось в гроб в вытянутом положении. В гроб или в камеру укладывалась погребальная утварь в разном количестве в зависимости от статуса усопшего. На протяжении всего железного века этот обычай захоронения в вертикальных могилах сохранялся, однако примерно в начале V в. появились и новые черты. Некоторые могильные ямы у дна расширялись в стороны, формируя погребальную камеру, в которую помещался деревянный гроб. При таком строении вертикальная яма, по сути дела, становилась ходом, через который был возможен доступ в погребальную камеру. Кроме того, стены такой боковой

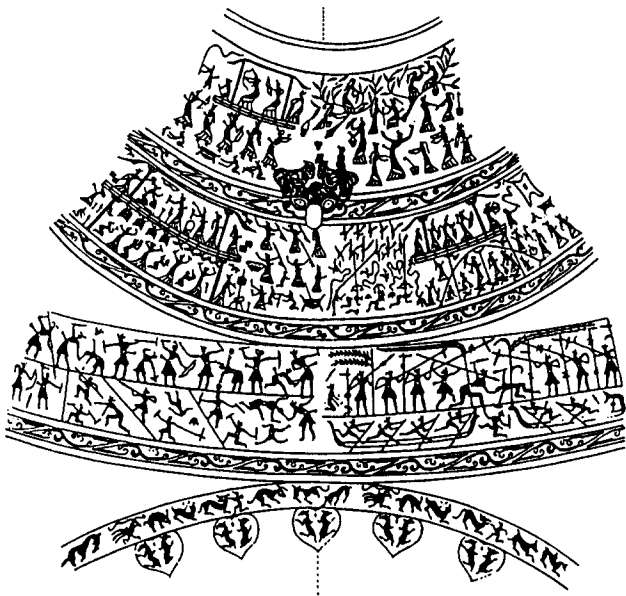

Рис. 35. Украшение в виде инкрустации на бронзовом сосуде эпохи «Воюющих царств»; изображены различные виды деятельности: соревнование в стрельбе из лука, сбор шелковичных листьев, исполнение церемониальной музыки, охота на птиц и военные действия (с разрешения Отдела культурных реликвий, Пекин)

камеры нередко облицовывались или укреплялись продолговатыми полыми кирпичами. Иногда, возможно, в тех случаях, когда боковая камера была небольшой, тело помещалось в согнутом (зародышевом), а не вытянутом положении. Еще одна новая особенность погребального обычая – возведение земляного кургана над заполненной ямой. При взгляде на многие столичные города Восточной Чжоу бросаются в глаза ряды высоких курганов на горизонте.

VI в. до н.э., который ознаменовался множеством изменений, также был временем, когда в степях Евразии – от Центральной Европы до северных рубежей цивилизации Восточной Чжоу – протекали бурные процессы. В связи с этим появление некоторых новшеств в погребальных обрядах (например, согнутая поза и курган) и многих новых художественных стилей (см. ниже), а также широкое использование верховой езды часто объясняют влиянием степи. Однако другие изменения в погребальных обрядах, безусловно, связаны с социально-политическими изменениями в самой цивилизации Восточной Чжоу, и наиболее значительным из них явилось растущее усложнение и иерархизация погребальной утвари.

В исследовании размеров и классификации бронзовых треножников, обнаруженных в погребениях эпохи Восточной Чжоу, Юй Вэйчао (*Yu Weichao*) и Гао Мин (*Gao Ming*) выявили иерархическую сложность восточночжоуского погребального инвентаря и его связь с системой рангов чжоуской аристократии и правящей семьи.

Искусство бронзового века

К началу Восточной Чжоу архаическое бронзовое искусство Китая существовало уже свыше тысячи лет, и в течение этого долгого периода оно претерпело несколько важных изменений в стиле и содержании. В VII в. до н.э. начался принципиально новый период, длившийся вплоть до I тысячелетия н.э. Этот период часто фигурирует в работах по истории искусства под названием «стиль Хуайхэ», по бассейну реки Хуайхэ в восточном Китае, где были найдены первые изделия в этом стиле. Название «Хуайхэ»

можно рассматривать как стилистический термин, но без какой-либо региональной привязки, так как характерные черты этого стиля были распространены повсеместно. Стиль Хуайхэ, вдохнувший новую, насыщенную жизненную энергию в художественный стиль, имевший давнюю и устойчивую традицию, прежде всего характеризуется четырьмя основными признаками.

Во-первых, большая часть наружной поверхности бронзовых предметов покрыта изображением многочисленных мелких змей, сцепленных или переплетенных между собой в виде выразительного геометрического орнамента. В бронзовых изделиях эпох Шан и начала Западной Чжоу присутствовали композиции ярко выраженного культового назначения со всевозможными реалистичными или фантастическими звериными масками, а позже, в бронзе конца Западной Чжоу, – слабый и нечеткий геометрический орнамент из стилизованных изображений животных. В стиле Хуайхэ образы представителей животного мира все еще преобладают, однако теперь орнамент составляется в основном из изображений змей; комбинация из нескольких змей становится декоративным элементом, который с большим воображением используют, чтобы создать новые, четкие геометрические орнаменты.

Во-вторых, эти орнаменты свидетельствуют о новой тенденции к сплошной росписи бронзовых сосудов вместо старых подходов к изображению в основном отдельных животных на фоне спирального орнамента. По сути, теперь отдельный объект представлял собой сплошную композицию декоративных сюжетов, включавших как целые реалистические изображения животных, так и геометрические переплетения змей.

В-третьих, в стиле Хуайхэ впервые появляются сюжетные сцены, выгравированные или отлитые на бронзовых поверхностях. В них, как правило, представлены ритуальные сцены мифологического происхождения.

Наконец, в-четвертых, в отделке бронзовых изделий стиля Хуайхэ заметно применение новых технических приемов, в том числе использование литья по выплавляемым восковым моделям для изображения особенно сложных и детальных сцен и применение инкрустации золотом, серебром, медью, бирюзой, стеклом и эмалью для создания замысловатых орнаментов.

Периферийные культуры

Культурные и социальные изменения, которые происходили в долинах рек Янцзы и Хуанхэ, как уже упоминалось выше, были тесно связаны с наступлением в Китае железного века. В то же время эти изменения способствовали и частично были результатом укрепления связей между китайской цивилизацией Восточной Чжоу и народами и культурами за пределами этого царства. Для того чтобы дать представление о той роли, которую играли такие «буферные» культуры в отношении цивилизации Чжоу с внешним миром, ниже будут описаны две культуры, занимавшие периферийное положение по отношению к Восточной Чжоу.

На северных рубежах цивилизации Чжоу – в районах, прилегающих к современной Внутренней Монголии, т.е. на севере провинций Шаньси, Шэньси и Нинся – Хуэйском автономном районе, – по рыночным образцам были давно известны бронзовые изделия в художественном стиле, для которого характерно реалистическое изображение животных. Их часто называют «ордосской бронзой», поскольку многие из них были обнаружены в районе плато Ордос, на обоих берегах реки Хуанхэ на ее северном отрезке. Произведенные в последние годы обширные раскопки археологических комплексов, содержащих бронзу в этом стиле, ясно показали, что все практические без исключения бронзовые изделия являются элементами

погребального инвентаря, а захоронения, из которых их извлекли, относятся к периоду с начала раннего государства Шан (середина II тысячелетия до н.э.) времен правления династии Хань (II в. до н.э. – II в. н.э.). Исходя из типов изделий (инструменты и орудия, бытовые сосуды, украшения для одежды, оружие, лошадиная сбруя и детали колесниц) и изображенных животных (одомашненные животные – лошади, рогатый скот, овцы и верблюды; дикие животные – олени, тигры, леопарды и кабаны; птицы – грифы), можно легко представить себе культуру кочевников, живших в основном скотоводством и охотой. Эти погребения и бронзовые изделия в них принадлежали, очевидно, северным народами, фигурирующим в китайских текстах под именами *жуны*, *ди*, *ху* и *сюнну*.

Хотя недавно выполненные сравнительные исследования определили отличительные черты и, по всей вероятности, местное происхождение «звериного» стиля изделий с северных рубежей Китая, однако кочевые народы и оседлые жители Китая нуждались друг в друге для приобретения необходимых ресурсов (лошади, изделия из шерсти, мехá – для Китая, предметы роскоши и шелковые ткани – для кочевников), которые они получали торговым или военным путем; эти отношения нашли отражение в одинаковых художественных сюжетах, представленных на материальных находках. Выше как возможный результат этого упоминалось преобладание в искусстве Восточной Чжоу реалистических животных мотивов. Примечательный образец – узор на броши из Циньяна, изображающий стоящего хищника с двумя игривыми щенками. Псевдогрануляция и выпуклые завитки на поверхности, подобные тем, которые можно видеть на изделиях из Лиюя (уезд Хуньюаньсян северной провинции Шаньси), придают рельефность шкуре животного. Этот тип отделки может быть отнесен к стилю времен царства Цзинь, поскольку в цзиньских литейных мастерских в Хоума в южной Шаньси были найдены литейные формы с подобным рисунком, но слоистый характер узоров больше напоминает лепную технику степей. Отделка лиюйского стиля на этой броши наводит на мысль, что она была специально сделана в государстве Восточной Чжоу для торговли со скотоводческими племенами. Вместе с тем культура северных степей испытывала художественное влияние тех событий, которые происходили на западе – в Западной Сибири, Средней Азии и далее. Например, такие сюжеты, как готовящийся к прыжку олень, животное с поднятыми задними ногами и существо с головой грифа, которые появились в китайских степях с IV в. до н.э., не имели прототи-

пов в Китае и, очевидно, связаны с похожими мотивами западных, скифских, изделий.

На южных границах цивилизации Восточной Чжоу, согласно археологическим источникам, связь между Китаем и тропическими джунглями Юго-Восточной Азии и ранними цивилизациями на ее территории поддерживали подобные периферийные культуры. Наиболее известная из этих южных культур – культура Дянь в восточной Юньнани. Цивилизация Дянь, возникшая примерно в середине периода правления династии Восточная Чжоу, известна также по погребениям; ее характеризует сочетание бронзовых изделий специфического местного стиля и сосудов и оружия, выполненных в четко выраженном стиле Восточной Чжоу. К первой категории относятся литавры и бронзовые шкатулки для раковин каури; на крышках шкатулок литьем по выплавляемым восковым моделям были выполнены пластичные композиции, изображающие ритуалы, рынки, поля битвы и другие эпизоды из жизни аристократии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BUNKER, E. 1990. Ancient Ordos Bronzes. In: RAWSON, J.; BUNKER, E. (eds.). *Ancient Chinese and Ordos Bronzes*. Hong Kong.
- CHANG, KWANG-CHIH. 1977. *The Archaeology of Ancient China*, 3rd edn. New Haven.
- 1983. *Art, Myth, and Ritual: The Path to Political Authority in Ancient China*. Cambridge, Mass.
- GERNET, J. 1972. *Le monde chinois*. Paris.
- FONG, W. 1980. *The Great Chinese Bronze Age*. New York.
- HSÜ, CHO-YUN. 1965. *Ancient China in Transition: An Analysis of Social Mobility, 722–222 BC*. Stanford.
- LINDUFF, K. 1988. *Western Chou Civilization*. New Haven.
- JETTERMAR, K. 1967. *Art of the Steppes*. New York.
- LAWTON, T. 1982. *Chinese Art of the Warring-States Period: Change and Continuity, 480–222 BC*. Washington DC.
- LI, XUEQIN. 1985. *Eastern Zhou and Qin Civilizations*. New Haven.
- NEEDHAM, J. 1964. *The Development of Iron and Steel Technology in China*. London.
- SCHWARTZ, B.I. 1985. *The World of Thought in Ancient China*. Cambridge, Mass.
- WALKER, R.L. 1953. *The Multi-state System of Ancient China*. Hamsden, Conn.
- WATSON, W. 1971. *Cultural Frontiers in Ancient East Asia*. Edinburgh.
- YUNNAN PROVINCIAL MUSEUM, 1983. *The Chinese Bronzes of Yunnan*. London/Beijing.

РАННИЕ КИТАЙСКИЕ ИМПЕРИИ ЦИНЬ И ХАНЬ (221 г. до н.э. – 220 г. н.э.)

26.1

ИМПЕРИЯ ЦИНЬ

Чень Чи-юнь

Илл. 143, 144

Объединение Китая под властью Цинь в единую империю в 221 г. н.э. явилось результатом ряда процессов, которые начались гораздо раньше и в течение всего периода «Воюющих царств» набирали силу, что проявлялось в формировании системы управления с чиновниками, работавшими за плату в разных царствах, в исчезновении феодальных институтов и в экспансионизме династии Цинь. Тем не менее формальный акт об объединении стал событием поистине исторической важности.

Чтобы превратить государство в централизованную империю, циньский режим провел ряд мер, которые обычно приписываются «Школе законников (легистов)» (фацзя), но по сути являвшихся эклектичными. «Великое единение» было всеобщей целью многих классических китайских мыслителей. Два крупнейших легиста – Хань Фэй (288–233 гг. до н.э.) и Ли Сы (ум. 208 г. до н.э.) изначально были учениками конфуцианского мыслителя–электика Сюнь-цзы (около 298–238 гг. до н.э.). В критические 221–208 гг. до н.э. Ли Сы был главным министром при циньском дворе.

Феодальные институты династии Чжоу были упразднены, и циньский царь Ин Чжен стал императором, приняв титул Цинь Шихуанди, что значит «Первый император династии Цинь». Титул «*хуанди*» («высочайший император») с той поры стал официальным титулом правителей китайской империи. При императоре состоял бюрократический аппарат из назначаемых чиновников: главный министр, или канцлер (*чэнсянь*), верховный военачальник (*тайвэй*), вельможный надзиратель (*юйши дафу*, дословно «вельможный придворный сановник») и другие высокопоставленные сановники. После ликвидации самостоятельности и границ «Воюющих царств» империя была разделена на 36 (позже – 48) областей (*цзюнь*), которые, в свою очередь, делились на округа, или районы (*сянь*), и управлялись назначаемыми из центра гражданскими и военными администраторами.

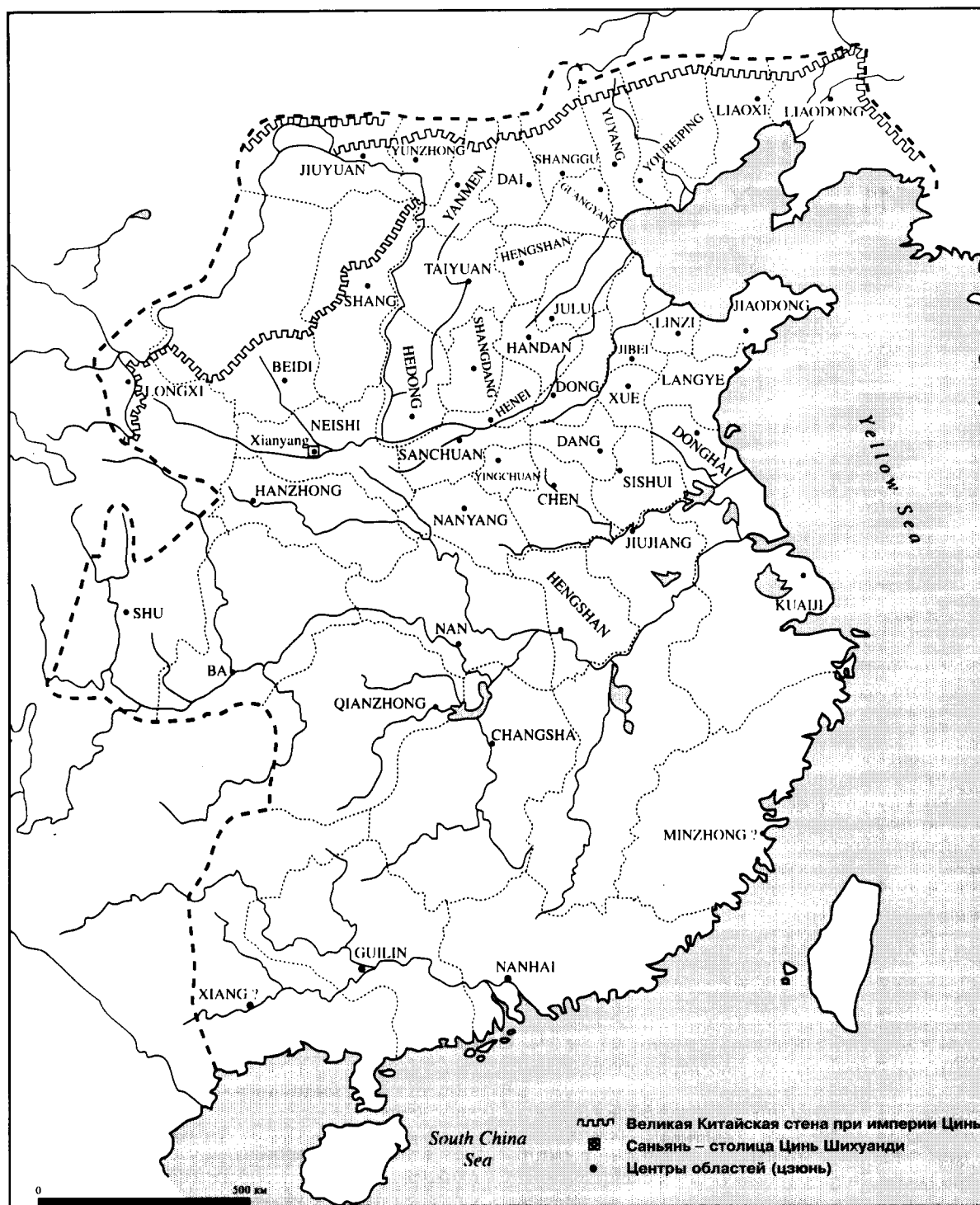
Для того чтобы отгородить империю от «варваров», защитные стены, возведенные ранее государствами Янь, Чжао и Цинь вдоль своих северных границ, были продолжены и объединены в Великую Китайскую стену, протянувшуюся более чем на 2000 км по югу Внутренней Монголии. Другие пограничные укрепления «Воюющих царств»

были срыты, чтобы обеспечить свободное передвижение по территории объединенного государства. В 214 г. до н.э. пограничная территория в верхнем изгибе реки Хуанхэ была превращена в область Цзююань. Самые южные регионы вошли в состав новообразованных областей Наньхай (современный Гуандун), Гуйлинь (Гуанси – Чжуанский автономный район), Сян (Северный Вьетнам) и Миньчжун (Фуцзянь). Все они, за исключением Северного Вьетнама, навсегда остались в составе Китая.

В Сяньяне (около современного Сианя в провинции Шэньси) была построена большая столица с несколькими сотнями дворцовых комплексов, в которых нашли свое отражение планы и проекты дворцов и столиц покоренных «Воюющих царств». Величественная гробница Цинь Шихуанди, которая возводилась 37 лет более чем 700-ми тыс. строителей, – это настоящий подземный дворцово-городской комплекс. В одной из его секций, обнаруженной в 1974 г., содержалось около 7 тыс. терракотовых фигур воинов, выполненных в натуральную величину, которые были призваны охранять императора в мире инором.

Богатые и влиятельные семьи из уничтоженных государств были переселены в новую столицу. Были открыты или расширены старые дороги и построены новые, соединяющие столицу с удаленными частями империи. Одна «скоростная магистраль», которая вела из столицы в бывшие государства Ци (современная провинция Шаньдун) и Янь (окрестности современного Пекина), и другая дорога, ведущая в царства У (Цзянсу) и Юэ (Чжэцзян), имели в ширину 35 м, были разделены на три полосы, выложены толстым слоем утрамбованной земли, армированной металлическими прутьями, а вдоль насыпи были посажены сосны, чтобы обеспечить тень, живописный вид и защиту почвы. В 212–210 гг. до н.э. было закончено строительство нового «прямого пути», ведущего из столицы через горы и пустыни в область Цзююань (в районе современного города Баотоу).

У подданных было конфисковано оружие. Была введена стандартизация мер и весов, а также монет и даже длинные оси повозок. Различные виды письменности заменили официальной системой «малая печать» (*сяочжунан*), позже вытесненной более простым «деловым стилем» (*лиши*),

Карта 35. Империя Цинь около 210 г. до н.э.

который стал общим китайским письмом. Были приняты решительные меры по унификации идеологии. Аргументировали это тем, что в прошлом Китай был раздроблен на «Воюющие царства», различные философские школы соперничали друг с другом, а объединение Китая должно повлечь за собой унификацию идеологии. В 213 г. до н.э. двор императора издал указ о конфискации и сожжении всех книг, находящихся в личном владении, за исключением медицинских, гадальных и сельскохозяйственных, а также о преследовании тех, кто участвовал в частных обсуждениях классических и исторических трудов или критиковал настоящее, опираясь на прошлое. Вос-

питание и обучение были полностью поручены правительственным чиновникам.

Циньский режим просуществовал лишь 15 лет. Его падение было обусловлено многими факторами: чрезмерным размахом начинаний, недовольством и отчужденностью образованной элиты, злоупотреблениями властью и борьбой внутри правительства. Цинь Шихуангди умер в 210 г. до н.э. За этим последовали заговоры и борьба за власть, разобщавшая и парализующая двор. Спустя год группа отчаянных рекрутов-призывников подняла мятеж, который поддержали не только массы, но и бывшие аристократы, честолюбивые правительственные чиновники

и разнородная местная знать (в том числе влиятельные торговцы). В 206 г. до н.э. это восстание привело к падению Цинь.

В традиционной китайской историографии царство Цинь и первый циньский император (Цинь Шихуанди) всегда изображались негативно: жестокий, репрессивный режим и с безжалостным деспотом во главе. В определенной степени это резкое суждение не лишено оснований: первый император не колебался, жертвуя бесчисленными человеческими жизнями во имя объединения и централизации, которых он добивался. Однако не следует забывать, что мы так или иначе вынуждены смотреть на циньский режим глазами поздних конфуцианцев, которые имели склонность подчеркивать и даже преувеличивать его негативные черты. Современные историки, опираясь на более строгую аналитическую ме-

тодологию и новые сведения, полученные благодаря археологическим находкам, опровергают многие из этих слишком негативных суждений. Интересной иллюстрацией являются обнаруженные в 1975 г. в Шуйхуди (Юньмэн, провинция Хубэй) разделы циньских уголовных кодексов и административных декретов, записанные на тысяче с лишним бамбуковых дощечках. Эти документы показывают, что хотя циньские законы были довольно жесткими, они не были жестокими сверх меры или неразумно произвольными; наоборот, они поражают крайней детализацией формулировок, что свидетельствует об огромных усилиях и чрезвычайной осмотрительности, с которой их создатели подходили к определению, а также обоснованию и разъяснению той «дозы» наказания, которая должна была соответствовать предполагаемому правонарушению.

Илл. 145

После распада империи Цинь Китай пережил короткий период феодальной реакции. В 207–203 гг. до н.э. верховным командующим антицинских сил стал Сян Юй (умер в 202 г. до н.э.), лидер вновь усилившихся вельмож «Воюющих царств», который попытался возродить феодальные государства. Это вызвало новый виток гражданской войны, победителем из которой вышел Лю Бан (псевдоним Лю Цзи), происходивший из земледельцев, который в 206 г. до н.э. объявил себя царем Хань, а в 202 г. был провозглашен императором, продолжив таким образом традицию имперского государства. С 202 г. до н.э. по 6 г. н.э. династию Хань, столицей которого была Чанъань, расположенная в «области между ущельями» (около современного города Сианя), принято называть Ранняя (или Западная) Хань. На смену ей пришла династия Синь (или Новая), основанная узурпатором Ван Маном, который был императором в 9–23 гг. н.э. После этого Лю Сю (правил в 23–57 гг. н.э.) из ветви ханьского императорского клана восстановил династию Хань, которая получила название Поздняя (или Восточная) Хань, 23–220 гг. н.э., столицей которой был город Лоян.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Государственное устройство при династии Западная Хань представляло собой компромиссный вариант между феодальным устройством чжоуского типа и новой централизованной системой государства Цинь. Потомки Лю Бана по мужской линии составляли императорский клан, из которого происходили ханьские императоры, братья и сыновья которых становились князьями (*ванами*). Главным соратником Лю Бана и высокопоставленным чиновником при ханьском дворе, равно как и младшим членам императорского клана, давался титул маркиза (*хоу*). Множество областей на северных равнинах и в долине реки Янцзы были превращены в княжества; остальные продолжали существовать как области, управляемые присылаемыми из центра чиновниками. На третьей ступени управления многие округа (*районы*) (*сянь*) были превращены во владения маркизов (*маркизаты*). До сих пор точно не установлено, как строились взаимоотношения маркизата и княжества, если маркизат находился на территории княжества, или маркизата и области, если маркизат был частью обычной области. Очевидно, они урегулировались в каждой конкретной ситуации.

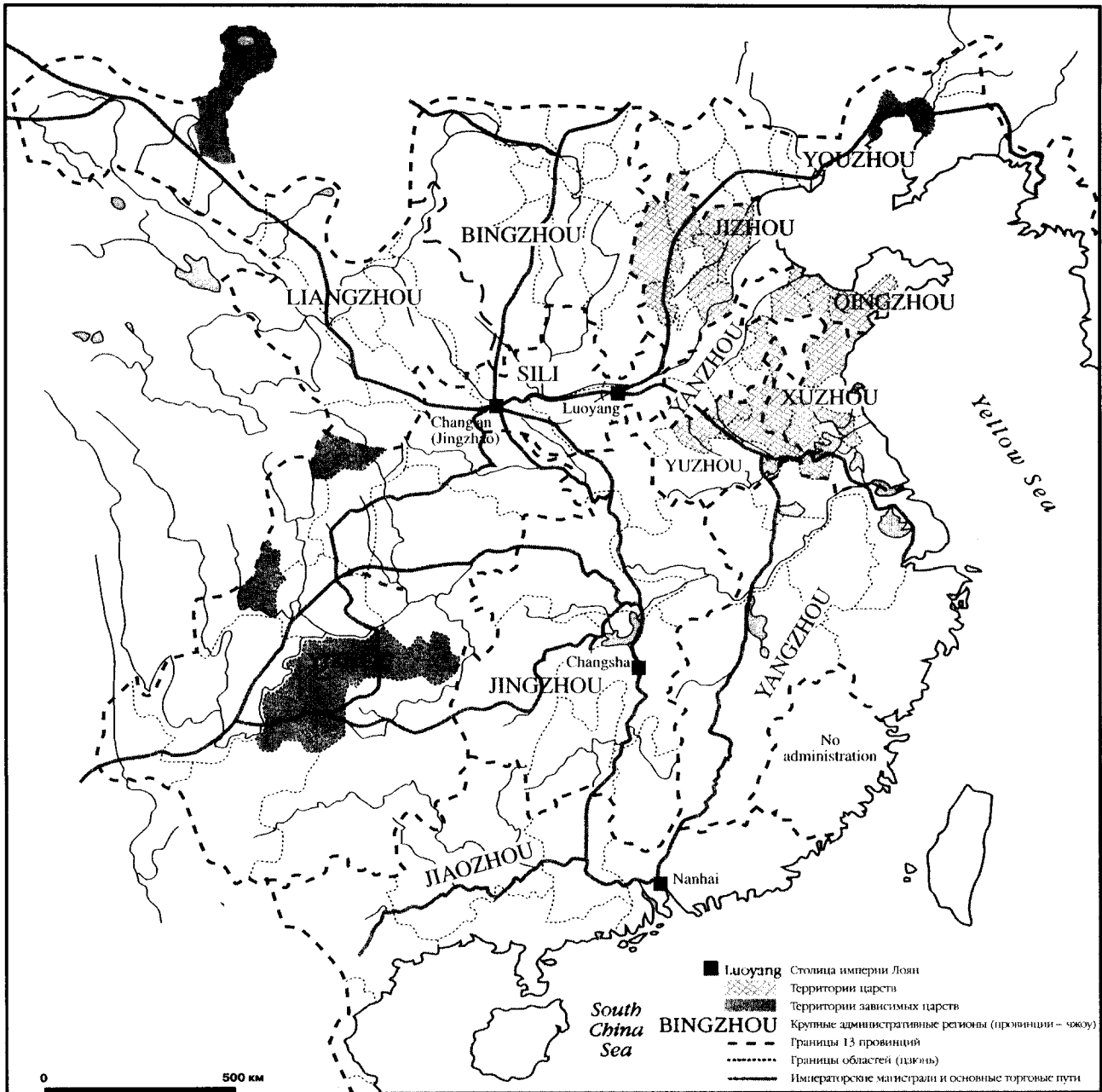
Ханьский практический подход был полным контрастом циньскому легизму. В противоположность исполненной крайностей циньской политике правители Западной Хань руководствовались учением о «недеянии» (*у вэй*) школы даосизма Хуан-Лао (Желтого императора и Лао-цзы). В то время как с точки зрения философии

«недеяние» даосизма обозначало «несовершенство против естественных поступков», в области государственной политики это значило – «никаких неоправданных или непрактичных действий», что близко к понятию невмешательства. Ханьские императоры Гао-узу (правил в 202–195 гг. до н.э.), Хуэй-ди (194–188 гг. до н.э.) и Вэнь-ди (179–157 гг. до н.э.) и их высшие сановники расходо-вали на содержание двора весьма скромные суммы. Центральное правительство, как правило, не вмешивалось в действия региональных правительств и в дела местных общин.

Такой же позиции придерживался двор по отношению к народам, живущим на рубежах империи. В южном и юго-восточном прибрежных районах, где коренное население сохраняло стойкую этнокультурную идентичность эпохи Юэ, вновь возникли автономные государства Восточное Юэ, Минь Юэ и Южное Юэ. На северных границах вождя народа сюнну умиротворяли посредством политики «мир через брак», которая заключалась в выдаче замуж за вождя сюнну женщины из императорской семьи, носящей титул принцессы, со множеством подарков – так это было в 198, 192, 174, 162 и 152 г. до н.э. Этим подтверждался доступ сюнну к границам империи Хань. Некоторые историки отождествляют сюнну с гуннами, известными Европе, другие не соглашаются с этим (*Twitcbett & Loewe*, 1986, p. 383).

Умеренность и бережливость позволили двору в 168 г. до н.э. снизить земельный налог с пятнадцатой части урожая до одной тридцатой и вообще отменить его в 167 г. до н.э. В 156 г. н.э. налог был введен снова в размере одной тридцатой и оставался таким до конца правления династии. Земельный налог был только одной статьей дохода ханьского двора. Императорская семья получала отдельный доход с продуктов гор, моря, озер и болот, которые рассматривались как императорские заповедники. В то же время доходы императорского правительства включали земельный налог, отработочную повинность, доходы с государственных земель, горного дела и чеканки монет, дань, выплачиваемую княжествами и маркизатами, налог на хозяйство (эта повинность главным образом распространялась на титулованное дворянство) и добровольные пожертвования богатых людей (для приобретения титула или назначения на должность; доходы по этим статьям в 167–156 гг. до н.э. превышали доход от земельного налога).

Правители Западной Хань успешно вывели страну из состояния послереволюционной горячки, дав стране возможность восстановиться, а экономике – оправиться от потрясений, и тем самым получили время, а также поддержку, необходимые для объединения империи на прочной основе. Из-за своей чрезмерной осторожности и неготовности к решительным действиям они упустили возможность провести радикальную реформу имперской го-

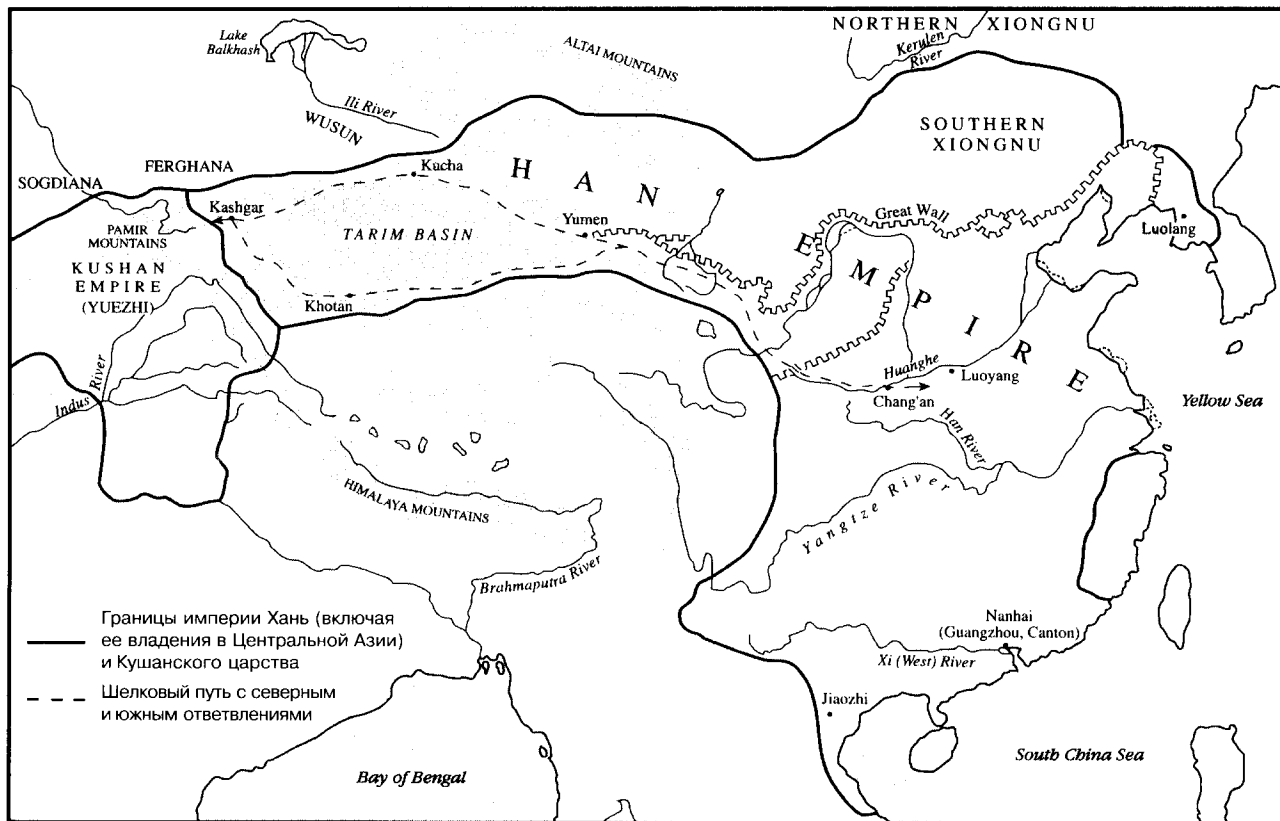
Карта 36. Империя Хань во II в. н.э.

сударственной системы, и она продолжала существовать примерно в том же виде, как ее представляли циньские легисты.

Теоретически император обладал безграничной властью. На практике его власть сдерживали традиции и идеология, а также практические и институциональные ограничения. В первые годы эпохи Хань император руководствовался даосским учением «недеяния». После того как позицию государственной идеологии заняло конфуцианство с его упором на традиции, особенно на уроки истории, и на моральную ответственность императора перед небом и народом, оно стало оказывать осязаемое влияние на императора. С 86 г. до н.э. мощный союз конфуцианских чиновников-ученых и местных магнатов представлял фактический вызов самодержавию императора.

Император осуществлял управление с помощью назначаемых чиновников. Главой придворных министров был канцлер. В число высших сановников также входили

главный распорядитель церемоний (в его ведении находилось все, что было связано с религией, культурой и образованием), министр юстиции, главный глашатай (он, в числе прочего, ведал приемом иноземных послов), управляющий имуществом императорской семьи, главный министр земледелия (ответственный за выплату жалования императорской администрации) и тайный казначей (который распоряжался финансами и персоналом в дворцовых владениях императора). Император мог своей властью назначать и снимать с поста высших сановников, принимать или отвергать их предложения. Ханьское правительство постепенно усилило контроль над региональной администрацией. В 177–155 гг. до н.э. император лишил титула некоторых влиятельных князей, подавил восстания других, а владения многих из них уменьшил или раздробил. После этого князья утратили большую часть своего влияния; управление их княжествами было передано советникам, назначаемым центральной администрацией, и различия между княже-

Карта 37. Империя Хань и Центральная Азия, ок. 100 г. н.э.

ством и областью практически стерлись. Схожая судьба постигла и владения маркизов, которыми императорский двор стал управлять так же, как и округами. В 106 г. до н.э. император У-ди (правил в 140–87 г. до н.э.) разделил империю на 13 провинций (чжоу), каждая из которых объединяла от 4 до 10 областей или княжеств под надзором императорского инспектора, присылаемого двором. В экстренных случаях эта должность превращалась в пост генерал-губернатора, который получал полную власть над провинцией, что зачастую становилось основой власти местных военных лидеров, как в конце периода (Восточной) Хань. Во 2 г. н.э. в состав империи Хань входили 103 области и княжества, которые делились на 1314 округов (*сяней*), 32 района (*дао*) и 241 маркизат с зарегистрированным населением в 12 233 062 двора или 59 594 978 человек.

Областью управлял наместник, вторым человеком после которого был военный комендант. Во главе округа управлял префект, или старший чиновник. Этим назначаемым императорским двором «главным чиновником» подчинялось множество старших и младших штатных работников, служивших в нескольких департаментах – личного состава, финансов, юстиции и общественной безопасности. Такие служащие, как и те, которые служили при дворе и находились в подчинении у канцлера и других министров, нанимались «главными чиновниками». Это позволяло ослабить чрезмерный бюрократический централизм и обеспечить некоторую автономию правительства областей и княжеств, в которых такие служащие из числа местного населения действительно руководили деятельностью местного аппарата, в то время как присланные из центра «главные чиновники», для которых этот регион не был «родным», в основном осуществляли надзор. Ниже уезда стояли *сян* (округа), *тин* (базы) и *ли* (общины), которым было предоставлено самоуправление.

В областной и окружной администрациях штатные служащие осуществляли основную связь между имперским правительством и местным населением. С одной стороны, они представляли региональную элиту, выражавшую местные интересы и влияния, а с другой – составляли важную часть управленческого аппарата империи, в рамках которого за служебные заслуги они могли добиться высоких постов. Местные лидеры могли влиять на дела правительства, либо сами становясь штатными служащими, либо способствуя назначению на эти посты своих протеже. Среди прочих способов включения в управленческий аппарат были особые отборы-приглашения, с помощью которых периодически по требованию двора «главные чиновники» центрального и местных правительств для назначения на должности должны были выставлять кандидатов по особым критериям, таким, как «честные и достойные», «отмеченные за свою сыновнюю почтительность и братскую любовь», «трудолюбивые земледельцы», «неподкупные чиновники», «образованные и знающие». С усилением роли конфуцианства государственные школы стали основным источником кадров чиновников, а «классическая ученость» занимала главенствующее положение не только в школах, но и в отборах-приглашениях и в наборе на службу штатных служащих, что привело к появлению слоя чиновников-ученых.

Решения по правительственным вопросам обычно принимались на совещаниях разных уровней: от совещаний между местными лидерами (например, «старейшинами общин») и правительственными функционерами низших уровней до совещаний персонала с главой областного управления или придворным министерством, между министрами и канцлером в дворцовом собрании и, наконец, между коллегией сановников и императором. Наиболее торжественно происходили прения в официальном дворцовом собрании под председательством канцлера.

По мере разрастания дворцового управленческого аппарата вокруг императора или того, кто исполнял его обязанности (например, вдовствующей императрицы или регента, правящих от имени малолетнего императора), образовался «внутренний двор», который состоял из секретариата (*шаншу*) и нескольких постоянных советников и обслуживал нужды императора, личная власть которого росла. С 87 г. до н.э. во «внутреннем дворе» главенствующее положение стали занимать влиятельные регенты – родственники императора по материнской линии, что в 8 г. н.э. привело к узурпации трона регентом Ван Маном и положило конец существованию Западной Хань. При Поздней (Восточной) Хань «внутренний двор» был упразднен, секретариат *шаншу* превратился в Государственный секретариат (после эпохи Хань – Имперская канцелярия). В результате обслуживание императора оказалось целиком в руках дворцовых евнухов, влияние и могущество которых значительно возросли с 92 по 189 г. н.э.

В Западной Хань военная повинность подразумевалась как всеобщая, при этом она дополнялась за счет всеобщего добровольческого компонента. Все здоровые мужчины в возрасте от 20–23 до 56 лет должны были отслужить в вооруженной страже два года, после чего увольнялись в запас. Большинство таких стражников служили в своих родных местах. Столичная императорская гвардия (Северная и Южная армии) насчитывала лишь 50–100 тыс. человек, в число которых входили и профессиональные солдаты-добровольцы. В пограничные войска также регулярно набирали новобранцев, местных рекрутов и профессиональных солдат-добровольцев. В случае важных военных операций наряду с набором добровольцев производился региональный призыв из запаса. В Восточной Хань императорская армия как в теории, так и на практике стала формироваться на добровольной основе.

РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ИМПЕРИИ

После приблизительно 60 лет бездействия империя Хань начала расширяться. Распри и борьба за власть между независимыми царствами Юэ (современная провинция Чжэцзян) вынудили их царя Дунхая в 138 г. до н.э. капитулировать перед ханьцами, а в 135–111 гг. до н.э. были разбиты князья царства Минь Юэ. Вслед за этим правительство приказало выселить местное население (главным образом переселенцев-ханьцев и окитавшееся коренное население) с их земель в долины рек Хуайхэ и Янцзы, чтобы прекратить междоусобные распри, замедлив тем самым процесс ассимиляции в этом регионе. В отношении царства Южное Юэ были предприняты более решительные меры. После покорения в 112 г. до н.э. его территории и территории окружающих земель (современные провинция Гуандун, Гуанси – Чжуанский автономный район и Северный Вьетнам) были включены в состав империи и разделены на девять областей. На северо-востоке также разгорелась междоусобная война между проханьски и антиханьски настроенными лидерами сообществ коренного населения юго-восточной части современной провинции Ляонин и северной части Корейского полуострова. С помощью ханьских экспедиционных войск корейские проханьские лидеры победили и убили царя Чосон (одно из названий Кореи), и в 108 г. до н.э. при их содействии там были образованы четыре ханьские области.

На юго-западе (современные провинции Сычуань (ее южная и западная части), Гуйчжоу и Юньнань) ханьская экспансия была менее обдуманной. В этом горном краю обитали многочисленные разрозненные племена, которых называли «западные и южные туземцы – и».

Процветающая торговля местными товарами побудила ханьских торговцев, авантюристов и дипломатов исследовать этот район, результатом чего явилось создание в 135 г. до н.э. в южной Сычуани области Цзяньвэй и освоение путей дальше на запад и на юг. Вторжение империи также разделило местное население на проханьски и антиханьски настроенные части. После примерно 25 лет неопределенности и периодических отступлений было образовано еще шесть областей – от Уду на юге современной провинции Ганьсу до Ичжоу (*Yi-zhou*) в Юньнани. Правителям местных царств Елан (в современной провинции Гуйчжоу) и Дянь (в современной Юньнани) было позволено сохранить свои посты; другим же местным правителям были пожалованы титулы маркизов. За период до конца династии Хань во время восстаний местного населения эти ханьские форпосты несколько раз уничтожались, но местное население все же склонялось к тому, чтобы вести привычный образ жизни при номинальном правлении Хань.

Наиболее серьезной была угроза с севера, где самой влиятельной силой на всей границе, протянувшейся от Северной Кореи на востоке до гор Алтая на западе, были сюнну. Чтобы отвести угрозу, в поисках союзников в 139 г. до н.э. император У-ди отправил дипломатическую миссию во главе с Чжан Цянем к юечжи (предположительно, жившим в Бактрии в Северном Афганистане). Примерно через 13 лет Чжан Цянь возвратился с выжидательной информацией о приграничных землях. В 129–124 гг. до н.э. были отражены несколько набегов сюнну. Ханьские поселенцы расчистили территорию в верхнем изгибе Хуанхэ, и в целях обороны от сюнну там было создано пять областей и возведена цепь защитных постов. В 123–119 гг. до н.э. ханьские войска численностью более 100 тыс. чел. нанесли несколько ударов по сюнну и продвинулись в степь до Северной Монголии. Это вызвало раскол среди сюнну – менее мобильная их часть, южные сюнну, сдались Хань, а более мобильные орды северных сюнну двинулись на запад от границ империи. В 115 г. на территории современной провинции Ганьсу, за северным изгибом Хуанхэ, были образованы новые области, население которых состояло из переселенцев и стражей ханьских пограничных войск. В 60 г. до н.э. для управления 36 мелкими оазисными государствами на территории от современного Синьцзяна до Казахстана был введен пост «генерального защитника западных земель». В 72 г. до н.э. ханьская армия разгромила северных сюнну в долине реки Или. В 49 г. до н.э. было отмечено, что северные сюнну переместились более чем на 3 тыс. км к западу от своих прежних мест.

На северной границе наступило столетие относительного мира. В отсутствие серьезной угрозы ханьский двор был согласен позволить полукочевым племенам, поселившимся на прежних землях сюнну, ухуаням и сяньби, жить своей жизнью на ханьских границах или в самом государстве. По мере упадка династии Хань ее контроль над пограничными землями постепенно ослабевал. В 65–96 гг. н.э. Восточная Хань провела свои последние успешные кампании на северо-западе против вновь усилившихся северных сюнну и дважды восстанавливала пост «генерального защитника западных земель» – в 74–76 и в 91–107 гг. н.э. Вслед за тем пограничной защите Хань был нанесен ощутимый удар прототибетскими племенами цянов, которые, выйдя из степей в юго-западной части верхнего изгиба Хуанхэ, вторглись в стратегически важную «область между ущельями» и в 107–169 гг. н.э. спровоцировали массовые восстания. После этого северные рубежи попали под контроль всевозможных местных сил: племен сюнну, ухуаней, сяньби, ханьской локальной элиты, приспособившейся к пограничному окружению, или ханьских генералов, в войсках которых солдатами были те же кочевники или люди, следовавшие за местными магнатами.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ

При династиях Цинь и Хань общество находилось на переходном этапе от доциньского феодализма к средневековому (III–IX вв. н.э.) господству мелкой аристократии. Но уже при Хань социальная структура обладала множеством существенных компонентов и характерных черт, присущих позднему императорскому Китаю (X–XII вв. н.э.). При феодальном строе политическая власть, экономические ресурсы и культурные достижения были сосредоточены в руках знати. С упадком этой системы с VIII по III в. до н.э. социальная мобильность достигалась благодаря разветвленной системе политических, экономических и культурных путей, которые вели к образованию новых социальных слоев и групп, таких, как императорский клан и назначаемое чиновничество, богатое купечество, предприниматели, землевладельцы и образованная интеллигенция. Как видно, новое положение складывалось под сильным влиянием политических и идеологических сил III в. до н.э. Воплощением этой тенденции явился режим империи Цинь, легистскую политику которого можно рассматривать как попытку установить в Китае новый социально-политический и культурный порядок.

Раннее ханьское общество находилось в состоянии постоянного изменения. Циньский режим покончил с феодализмом, но не сумел заменить его какой-либо жизнеспособной социальной структурой. Образовавшийся вакуум был заполнен различными зарождающимися группами. Управляющие и предприимчивые крестьяне, которые ранее заведовали господской землей или работали на ней, могли приобрести землю и становились лидерами в своих местностях. Удачливые торговцы, которые работали на местного властителя или отстаивали его интересы, нередко обретали собственные сферы влияния в городах и поселках или вокруг них. Бывшие правительственные чиновники, имевшие мощную поддержку на местах, порой использовали свое положение для создания основ личной власти. Активные образованные люди, которые были советниками при дворах аристократов или правителей, порой заменяли своих низложенных господ и сами фактически становились господами. При этом многие из них – бывшие аристократы, появившиеся крестьянские лидеры, богатые купцы, влиятельные чиновники и свободные образованные люди – присоединялись к мятежникам, которые сбросили династию Цинь и основали империю Хань, и стали членами нового имперского класса; в то же время некоторые остались на провинциальном уровне и стали в местными магнатами. В результате в первом веке правления династии Хань существовал централизованно структурированный имперский правящий класс (императорский клан и другая знать, их родственники по браку, высшие слои правительственного чиновничества и образованных людей, богатые купцы и промышленники, чьи богатство и слава позволяли им встать вровень со знатью), а наряду с ним на региональном уровне существовал правящий класс местных магнатов. Ниже них находилась основная масса населения – от низших аппаратных функционеров, средних и мелких землевладельцев и зажиточных крестьян, ремесленников и мелких торговцев (лавочников, разносчиков) до бедных арендаторов земли и батраков. В самом низу находился тонкий слой государственных и частных рабов, первые из них были заключенными, приговоренными к каторжным работам, а вторые – простолюдинами, проданными в рабство за долги или из-за уклонения от уплаты налогов в казну; их число, вероятно, составляло менее 1% населения. В рамках этой системы в период около 100 г. до н.э. – 200 г. н.э. сложилось влиятельное сословие ученых-чиновников, выросших благодаря конфуцианскому образованию и работе в институтах гражданской власти и связанных с местными земле-

владельцами и крупными кланами. Эта группа, в рамках которой слились как центральный, так и провинциальные правящие классы и объединились политическая, экономическая и культурная элиты, в конечном итоге поборол ханьский правящий клан и стала играть роль основного аристократического института в постханьском Китае. Эта эволюция явилась главным образом следствием экономической и культурной политики ханьского двора.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Двор династии Западная Хань вдохновлялся аграрным эгалитарным идеалом, предполагавшим почитать хлебопашцев, которые, как считалось, занимают жизненно важным производительным трудом, и с презрением относиться к торговцам, дела которых считали неважными и бесполезными. Эти предписания не достигали своей цели, и пропасть между богатыми и бедными продолжала расширяться. О кризисе, вызванном углублением социально-экономического неравенства, гневно говорили многие сторонники реформ из числа конфуцианцев. Меры, предпринятые императором Вэнь-ди в 169 г. до н.э., которые дали возможность богатым сдавать правительству излишек зерна в обмен на титулы и использовать этот доход для уменьшения или отмены земельного налога, еще более обогатили землевладельцев, которые должны были платить налог, и подтолкнули богатое купечество к приобретению правительственных постов и превращению в чиновников или к покупке земли и превращению в землевладельцев. Это привело к усилению влияния богачей и активизации захвата земель, что ухудшило положение бедноты.

Предчувствие кризиса и потребность двора в финансах для поддержки экспансии на границах вынудили императора У-ди принять ряд жестких мер по регулированию экономики и контролю за богачами, в особенности за купечеством. Эти меры включали введение государственной монополии на производство железа и добычу соли, чеканку стандартных медных монет вместе с жесткими санкциями против фальшивомонетчиков, лицензирование продажи спиртных напитков, создание центрального управления по регулированию цен путем государственных закупок и продаж целевых товаров, а также формирование региональных управлений для уравнительного распределения товаров путем правительственных перевозок продуктов, взимаемых в качестве налога, из одного региона в другой. Всем этим имперское правительство не только контролировало частное коммерческое и промышленное предпринимательство, но и напрямую конкурировало с ним.

В 120 г. правительство ввело для купечества, ремесленников и промышленников исключительно дискриминационный «налог на капитал», согласно которому они должны были оценивать свое имущество и докладывать о его стоимости для обложения налогом. Для ремесленников и плавильщиков металла вводился налог в 3% от стоимости имущества. Для купечества эта цифра была вдвое больше. Помимо этого вводился специальный налог в 120 монет для тех, кто владел повозкой или судном длиной более 50 ханьских футов (11,55 м); с торговцев и купцов налог взимали в двойном размере, а чиновники и местные старейшины, а также офицеры и солдаты, были от него освобождены.

Собственность виновных в нарушении этих распоряжений конфисковывалась правительством. Конфискованная земля становилась «общественными полями». Часть их отдавалась безземельным крестьянам или семьям армейских офицеров и профессиональных солдат, часть выдавалась в награду влиятельной знати и высокопоставленным чиновникам или присваивалась ими, но еще большую часть захватывали провинциальные магнаты. Меры императора У-ди по борьбе с купечеством не имели полного

успеха, поскольку многие богатые купцы влились в ряды чиновников, таким образом оказавшись под защитой правительства или получая часть конфискованной собственности, а другие были вытеснены в деревню, где приобрели землю и присоединились к местным магнатам.

Меры императора по борьбе с местными магнатами имели еще меньший успех. Для противодействия этим местным правителям имперский двор посылал в деревни для усиления контроля над ними «суровых чиновников». Некоторые особенно неисправимые провинциальные магнаты были отправлены в ссылку или казнены. Однако правительство было не в состоянии эффективно контролировать обширную сельскую территорию, где находилась их земельная собственность и которая представляла собой основу их власти. Хотя главные чиновники в областях и округах назначались двором, для управления на местах им приходилось полагаться на местный персонал. Многие из штатных служащих были связаны с местными магнатами. Правительственные меры против региональной элиты оказались неэффективными, а в 99 г. до н.э. они вызвали повсеместные волнения и восстания в восточных провинциях, которые вынудили двор отказаться от жестких мер или смягчить их. В результате землевладельцы и местные магнаты стали ведущей социально-экономической силой в провинциях, и последовавшее за этим присоединение к ним ученых-чиновников создало центробежную тенденцию, которая и погубила империю Хань.

УЧЕНОСТЬ, ИДЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИЯ И РИТУАЛЫ

В первые годы Хань господствующее положение при дворе занимал даосизм, но наряду с ним в сфере культуры и образования было сильным влияние конфуцианства, которое способствовало сохранению древних традиций, а в политической сфере выступало за реформирование циньской системы, советуя извлечь уроки из трагических событий времен династии Цинь. Комплект древних сочинений, сохранившихся, несмотря на запрещение при Цинь, был скомпилирован заново и канонизирован как «Пять классических трудов (*цзин*)»: «Книга поэзии» («*Шицзин*»), «Книга истории» («*Шуцзин*»), «Книга перемен» («*Ицзин*»), «Ритуалы» («*Лицзи*») и «Книга летописей эпохи «Весны и Осени» («*Чунь цю*»). Другие сочинения – от философских трудов различных школ до специальных трактатов по предсказанию, астрономии, сельскому хозяйству, медицине и т.д. – были собраны, отредактированы, классифицированы и внесены в каталог Императорской библиотеки; так появился первый полный каталог ханьских и доханьских книг и их первое официальное издание.

Конфуцианский ученый Цзя И, объясняя трагические последствия подавления учености при династии Цинь, сумел убедить императора Вэнь-ди привлечь ученых-конфуцианцев в качестве наставников для принцев императорского дома и тем самым способствовал усилению влияния конфуцианства на будущих ханьских императоров. Подобные объяснения, в которых противопоставлялось недолговечное правление династии Цинь и продолжительное правление древней династии Чжоу, сделали популярной конфуцианскую идею реформ. Упор на традицию и на уроки прошлого дали толчок к написанию знаменитых историй «*Ши цзи*» («Исторические записки») Сыма Цяня (145–85 г. до н.э.) и «*Хань шу*» («История династии Ранняя Хань») Бань Ю (39–92 гг. н.э.). Конфуцианство получило официальное признание и стало играть роль господствующей идеологии, поскольку государству требовалась именно такая популярная и позитивная идеология.

Поддержка конфуцианства ханьским двором не подразумевала обязательного подавления других направлений философской мысли. После ниспровержения цинь-

ского легизма под подозрением оказалась догматическая философия как таковая. Ханьские конфуцианцы одержали победу в основном благодаря внимательному изучению и дидактическому истолкованию древних традиций, основанных на классических сочинениях, в которых содержались разнородные идеи и практики, которые были доступны как конфуцианцам, так и их соперникам. «Книга перемен» содержала множество космологических идей, присутствующих даосизму и учению инь – ян. «Книга истории» и «Ритуалы» включали легистские по духу работы, отражающие идеал централизованного бюрократического государства, а также теократические идеи и ритуалы. Эти классические каноны можно было избирательно интерпретировать так, чтобы они соответствовали как целям даосов и легистов, так и целям конфуцианцев, а на их интерпретацию сильное влияние оказывал космологический образ мысли учения инь – ян. Поставив «Пять классических трудов» в основу государственной идеологии, ханьское конфуцианство стало в высшей степени эклектичным и синкретическим, вбирая в себя многочисленные элементы других школ, ярким примером чего являются труды Дун Чжуншу (?179–?104 гг. до н.э.) и Ян Сюна (53 г. до н.э. – 18 г. н.э.).

Центром ортодоксальности было Училище постигших «Пять классических трудов», учрежденное в 136 г. до н.э.; в 124 г. до н.э. оно было расширено и преобразовано в Императорский университет, в который принимали 50 учеников и некоторое количество учащихся из провинции. Число учащихся неуклонно росло и во II в. н.э. достигло примерно 30 тыс. человек. В областях и округах создавались государственные школы. Учащиеся в них принимались по рекомендации чиновников центрального или местного аппарата, они освобождались от подневольного труда и воинской обязанности, а также, вероятно, и от подушного налога. После окончания они поступали на государственную службу в низком чине и нередко служили дольше десяти лет, прежде чем поднимались на средние или высшие посты. Постепенно во времена династии Хань все служебные назначения и повышения подверглись влиянию конфуцианства. Через эти системы образования и гражданской службы к конфуцианству привлекалось все больше людей разного социального происхождения и философских воззрений. В конечном счете больше всего конфуцианских ученых-чиновников было подготовлено благодаря местным магнатам, землевладельческой верхушке и крупным кланам, представляющим интересы и традиции сельского хозяйства, которые имели достаточно средств, чтобы поддержать многолетнее конфуцианское обучение, и контролировали каналы набора провинциальных студентов и чиновников.

С ростом почтения и уважения к традициям возродился интерес к древним мифам, кульгам, ритуалам и околонатурным оккультным искусствам разного рода. В среде правительственной верхушки на основе сочетания астрономических наблюдений с астрологическими толкованиями в духе космологической теории инь – ян и пяти элементов были популярны попытки создания альманахов-календарей, интерпретации значений в терминах взаимосвязи Неба и Человека, назначения ритуалов для разных аспектов жизнедеятельности двора, в особенности сезонных обрядов и государственных культов императорских предков, высшего божества, богов четырех сторон света, священных гор и рек, Конфуция и Лао-цзы. Честолюбивые императоры Западной Хань, например император У-ди, увлекались обрядами фэн (*feng*) и чань (*chan*) – принесения жертв Небу и Земле, а также искусством физического бессмертия или общения с духами, а некоторые императоры Восточной Хань поклонялись богу Хуан-Лао (обоженному даосскому мыслителю Лао-цзы в одном лице с мифическим «Желтым императором») и исповедовали учение Будды, только что пришедшее из Индии.

Народные культы и магические обряды, которые порицались или обходились молчаливым классическими мыслителями и образованными людьми эпохи «Воюющих царств», но продолжали существовать в сельских обществах, обрели новую жизнь и получили возрастающую поддержку со стороны усиливающихся местных магнатов, а через них они попали в поле зрения провинциальной и правительственной верхушки и конфуцианских кругов. Смещение конфуцианского учения с оккультными искусствами и народными культами породило разнообразие апокрифически-предсказательные труды, разъясняющие тайное значение предназначенных для всех классических канонов. Исторические источники и археологические находки свидетельствуют об особом отношении ханьцев к жизни после смерти и загробному миру, образы которого аналогичны образам земного мира. Ханьская знать хоронила умерших в хорошо оборудованных многокамерных усыпальницах со щедрыми подношениями для их комфортного пребывания в загробном мире. Иногда в их число включались некие псевдоюридические сопроводительные документы от живых к мертвым: это могла быть справка, составленная правительственным чиновником для его загробного коллеги, которая переводила умершего в посмертный реестр, либо договор на приобретение земли в подземном царстве, включавший право покойного повелевать загробными жизнями тех людей, которые были погребены в его земле и души которых, таким образом, принадлежали его загробному владению.

По мере того как конфуцианство одерживало верх при дворе, даосизм отступал в провинцию, где он вошел в тес-

ный контакт с народными культами и магическими обрядами основного населения и местных магнатов. Смещение философии даосизма и компетентности в государственных делах с народными традициями послужило основой многих местных организованных религиозных движений I в. до н.э. Позднее разочарование в императорском правительстве (при императорах Чэн-ди и Ай-ди (32–1 гг. до н.э.), Ван Мане (1–23 гг. н.э.) и после падения Ван Мана) и политические преследования (например, в 166–184 гг. н.э.) вынудили многих конфуцианцев вернуться в провинциальные и сельские районы, где они своим инакомыслием укрепили и переориентировали местные религиозные движения, превратив их во всеимперское движение *Taijin dao* («Путь всеобщего благоденствия»), кульминацией которого явилось народное восстание «Желтых повязок», разрушившее Восточную (Позднюю) Хань в 184 г. н.э. (О религиозных идеях этих движений под лозунгом даосизма в конце II в. н.э. см. 27.1.) Распад общественного порядка вызвал тревогу у многих критически настроенных мыслителей, таких как Хуан Тань (43 г. до н.э. – 28 г. н.э.), Ван Чун (27 – около 100 гг.), Ван Фу (около 90 – 165 гг.) и Сюнь Юэ (148–209 гг.), чьи труды обогатили конфуцианскую мысль и повысили ее аналитический уровень.

С 184 г. н.э. династия Восточная (Поздняя) Хань существовала только номинально, так как в империи началась гражданская война. С 196 г. н.э. ее последний правитель, император Сянь-ди был лишь марионеткой в руках полководца Цао Цао – до 220 г. н.э., когда он передал трон сыну Цао Цао, что формально положило конец эпохе Хань.

ИСКУССТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХИ ИМПЕРИЙ ЦИНЬ И ХАНЬ

Майкл Лёве

Илл. 146

Тщательные раскопки, которые следуют за случайным открытием местонахождений человеческой деятельности или изделий, в основном характерны для «спасательной» археологии. Столкнувшись с необходимостью безотлагательной обработки огромной массы материала, обнаруженного за последние годы таким способом, китайские археологи едва ли имели возможность предпринять систематическое или длительное исследование обнаруженных комплексов, в которых должны были жить люди, или отследить их развитие на протяжении тысячелетий и веков. Что касается эпох Цинь и Хань, а также предшествующих им и следующих за ними десятилетий, то в различных регионах были обнаружены следы городских стен и построек, а также защитных укреплений по периметру. В огромном количестве открытых захоронений – несколько лет назад их число было оценено примерно в 10 тыс. – были найдены предметы всех типов, а другие их образцы иногда обнаруживались в мусорных ямах. Уже, вероятно, около тысячи лет были известны и изучались многочисленные памятные стелы и другие камни с надписями; их число пополнилось другими образцами, обнаруженными сравнительно недавно.

Развалины городских стен и построек встречаются редко, но в сочетании с упоминаниями в литературе позволили восстановить расположение, планировку и размеры нескольких городов, прежде всего Чанъяня и Лояня, бывших столицами империи с 202 г. до н.э. по 9 г. н.э. и с 25 г. по 220 г. н.э. соответственно. Также удалось определить размеры оружейных стен. Подобные свидетельства помогают реконструировать размеры и планировку циньских и ханьских императорских дворцов с их жестким симметричным расположением и эффективной дренажной системой, а также расположение зданий, в том числе императорского арсенала и общественных амбаров. К югу от города Чанъянь были обнаружены следы комплекса религиозных построек, символически обозначавших круглое небо и квадратную землю.

Миниатюрные модели построек, найденные в захоронениях, дают представление о том, как строились дома зажиточных людей; подобные модели показывают устройство поместий и особняков, которые были обнесены стеной, и на внутренней территории также находилась домашняя живность и инвентарь, например, ножные мельницы, используемые в домашних хозяйствах, и амбары на сваях для защиты от сырости и грызунов. Уникальный образец архитектурного плана (в бронзе) показывает, как около 300 г. до н.э. должен был целиком выглядеть императорский погребальный комплекс; правда, материальные свидетельства указывают на то, что этот план так и не был до конца осуществлен. К северо-западу (в районе Дуньхуана и Цзюянтя) в числе

других сохранившихся фрагментов зданий встречаются здания войсковых штабов, разделенные на отдельные помещения, которые оборудованы приспособлениями для прицеливания при стрельбе из луков и имевшие столбы и подъемники для сигнализации. Эти здания, как и наблюдательные башни, с которых следили за появлением грабителей, были построены из кирпича местного обжига, покрытого защитным слоем штукатурки. Сведения о жизни этих пограничных застав широко представлены в остатках документов, записанных на дереве, которые поступали на эти станции или были написаны там. Эти документы чаще всего встречаются в мусорных ямах, оставшихся после того как оборонные укрепления покидались.

Памятные стелы гравировались в честь наиболее выдающихся людей или семейств своего времени, сохранившиеся образцы большей частью относятся к I и II в. н.э. Язык надписей на этих стелах чрезмерно выпрямленный, а детали биографии специально подобраны так, чтобы показать достоинства покойного чиновника или помещика, память которого благочестиво чтит его близкие. Поскольку установка стелы в числе прочих имела целью прославить семью, в надписях часто содержатся генеалогические детали, которые представляют особую ценность в том случае, если данная персона встречается в исторических сочинениях. Список имен тех, кто пожертвовал деньги на выполнение надписи, если таковой приводится, восполняет недостаток сведений о низшем слое чиновников и их статусе. В Восточном Китае возникла традиция воздвигать в честь усопших небольшие алтари, где в память о них возносили молитвы и клали подношения; декоративные детали на плитах алтаря, выполненные в виде барельефа, часто заимствовались из мифологических или исторических сюжетов, которые, как считалось, подходили для этого усопшего. Более сложные комплексы таких алтарей были связаны с гробницами, которые, как было установлено, принадлежали 11 императорам династии Западная (Ранняя) Хань.

Большая часть усилий археологов была направлена на раскопки гробниц, и именно в этих памятниках обнаруживается наибольшее количество предметов. Найдены образцы погребений представителей всех слоев циньского и ханьского обществ. Первой в этом ряду стоит уникальная грандиозная усыпальница императора Цинь Шихуанди (правил в 221–210 гг. до н.э.), где в процессе исследовательских работ по периметру комплекса была обнаружена целая подземная «армия», включающая пехоту, кавалерию и колесницы, все скульптуры вылеплены из глины в натуральную величину. Полное завершение раскопок этого места, если оно когда-либо будет достигнуто, поможет проверить достоверность упоминаний об

этом гигантском комплексе в литературе, какими бы преувеличенными они ни были. Удалось установить, что другие крупномасштабные захоронения принадлежат правителям и знати империи Хань или высокопоставленным чиновникам, которых иногда хоронили с особыми почестями; чиновникам низшего и среднего звена, а на самом нижнем уровне – осужденным.

Типы погребальных сооружений сильно различались, отчасти это зависело от местных условий. В долине реки Янцзы выкапывали ступенчатые ямы с единственной погребальной камерой, построенной из толстых, искусно скрепленных бревен (как, например, в пещере Мавандуй). Повсюду использовали естественные пещеры в скалах или расширяли их, создавая череду комнат и проходов (например, в Маньчэне). Внутри гробниц из кирпича или камня также иногда было несколько комнат (например, в Инане), что напоминало жилье в мире живых, но чаще они были спланированы более скромно и состояли из стен и перемишки, которая отделяла закрытое пространство, куда помещался гроб. Для особо выдающихся личностей сооружали сплошные стены из специально обработанных бревен (их число иногда доходило до тысячи), которые отражали погребальную камеру. Часто над захоронением насыпался земляной могильный холм, а каменную постройку иногда перекрывали куполом. Было обнаружено одно кладбище, где хоронили заключенных; они были похоронены на аккуратных участках, примыкавших друг к другу и снабженных примитивной и шаблонной надписью, по которой можно было узнать имя умершего.

В большинстве гробниц содержатся останки одного человека, в некоторые кирпичные постройки I и II в. н.э. были помещены двое – муж и жена. Выбор места для захоронения и его ориентация осуществлялись в результате рассмотрения множества вариантов, обеспечивавших умершему счастливое будущее. Отчасти по этой причине в некоторых случаях большое число, иногда сотни, погребений располагались в одном месте (например, в Шаогоу в окрестностях Лояна). По таким местам можно установить хронологические этапы в структуре и планировке гробниц, которые в этом случае делятся на шесть основных периодов примерно с 100 г. до н.э. до 200 г. н.э. В отношении погребального инвентаря, который в изобилии обнаруживается в таких захоронениях, также можно очертить хронологическую схему и в результате выделить несколько независимых, но надежно обоснованных датировок могил и их содержимого.

Отчасти из религиозных соображений о сохранении тел умерших заботились очень тщательно. В связи с определенными верованиями тело старались сохранить как можно дольше в нетронutom тлении состоянии. Чтобы добиться этого, принимались меры по изоляции тела от внешней среды; иногда тело помещалось в несколько (до четырех) гробов, и каждый из них был сделан из плотной выдержанной древесины; или всю гробницу обкладывали углем или другими веществами, чтобы предохранить ее содержимое от влаги. Тела членов императорской семьи и некоторых других привилегированных особ помещали в чехлы, сделанные из прямоугольных нефритовых пластин, соединенных между собой золотой, серебряной или медной нитью, и аккуратно подогнанные по форме тела. В основе этого обычая лежало вера в то, что нефрит может наделять тело способностью к вечной жизни. Хотя дошедшие до нас образцы нефритовых чехлов явно не дали желаемого результата, в отдельных случаях (например, в Мавандуе и Цзянлине) с помощью других мер тело удавалось сохранить неповрежденными и нетленным на протяжении примерно 2 тыс. лет.

Огромные суммы денег уходили на погребальные церемонии, сооружение усыпальниц, их подсобных помещений и размещение огромных масс погребального инвентаря. Таким образом семья не только отдавала долг памяти

только что умершему, но и показывала, что может встать в один ряд с богатейшими и знатнейшими людьми округи. Авторы того времени обличали показную роскошь подобных церемоний, и порой даже императоры, чтобы не поощрять расточительность, завещали похоронить себя скромно. Это осуждение не смогло воспрепятствовать обычно помещению с покойным предметов исключительной ценности.

В довольно многих случаях имя умершего или дату погребения можно установить по надписям на стенах, бронзовых и лаковых сосудах, по вложенной в гроб должностной печати или по типу захоронения. Выбор погребальной утвари для помещения в гроб или вокруг него отчасти определялся верованиями, связанными с загробной жизнью, и желанием снабдить умершего талисманами на счастье, фигурками слуг, которые будут сопровождать его и выполнять его пожелания, а также ценностями, орудиями и пищей.

В спиритических целях гробницы украшались росписями, скульптурами, резьбой и снабжались всевозможными символическими приспособлениями. Для того чтобы помочь человеку ориентироваться в загробном мире, в настенных росписях изображался путь к Восточному раю; особого рода бронзовые зеркала (которые называются «зеркала TLV» по орнаменту, напоминающему три эти заглавные буквы) украшались символами могущества, которые должны были обеспечить счастье в космическом мире; отдельные мотивы изображали Мать-Владычицу Запада, повелевающую Западным раем; на стенах и крышках гробов изображались бессмертные, мифические, а порой и гибридные создания, населяющие мир иной. Чтобы ввести умершего в вечное космическое существование, среди украшений помещались символы пяти состояний (фаз) (*Усин*), которые, по представлениям, управляли всеми стадиями существования, или инь и ян, сменяющих друг друга, или изображения мифических фигур Фу-си (прародителя людей) и Нюй-ва (женское божество, супруга Фу-си), которые управляли творением. Надежда на обретение вечности выражалась в изображении созвездий. Для защиты от зла помещались статуэтки, увенчанные рогами и с длинными языками, и фигурки из персикового дерева. Резные изображения разных сцен и эпизодов, которые либо имели дидактическое назначение, либо напоминали о судьбе тех, кто игнорировал заветы учителей, должны были напоминать покойному об уроках прошлого и о наставлениях учителей.

Для обозначения статуса покойного, удовлетворения его или ее жизненных потребностей и для развлечения в гробницу помещались предметы и орудия, используемые в повседневной жизни, или их миниатюрные копии. Росписи изображали коллег или подчиненных чиновника при полном параде и с письменными принадлежностями в руках; иногда рядом писались их титулы. В гробницы также помещались материальные символы, иметь которые удавалось при жизни высокопоставленный чиновник, например, его официальная печать или особый посох с навершием в виде резного голубя, который могли иметь только люди преклонного возраста или особо привилегированные персоны. Иногда ученого или учителя хоронили вместе с некоторыми из его орудий труда: литературным текстом, в котором он по общему признанию лучше всего разбирался, или законами, в изучении и применении которых он был специалистом. Помимо этого статус покойного также выражался в том, сколько и какого типа ценности были погребены вместе с ним; к этим ценностям относилось, например, нефритовое кольцо вечности или набор бронзовых, лаковых или керамических сосудов, количество которых определялось в соответствии с социальной иерархией тех времен.

Значительную часть материальной культуры эпох Цинь и Хань иллюстрируют долговечные предметы и потреби-

тельские товары, погребенные вместе с усопшим. Они включают миниатюрные изображения домов, амбаров, крышек колодцев, загонов для скота, лодок, фигуры лошадей и модели повозок, которые порой были выполнены на высоком художественном уровне. Процессы приготовления и потребления пищи были представлены моделями кухонных печей и изображениями застольных сцен – со столами, стульями и прочими атрибутами, либо резными барельефами. Во многих гробницах содержались наборы посуды для хранения еды, тарелки, вазы и кубки, которые при погребении были наполнены зерном, готовой едой и алкоголем. В число других потребительских товаров входили рулоны узорного шелка или готовая одежда для покойного; в отдельных гробницах, где были погребены женщины благородного происхождения, найдены изящные туалетные шкатулки, расписанные черным и алым лаком. Для ведения дел в загробном мире мертвым клали в дорогу деньги – либо настоящие, либо глиняные копии. В некоторых гробницах обнаружены образцы стандартных мер и весов – обычно с подробной надписью об их назначении; в других покойного снабжали оружием и доспехами, которые могли ему понадобиться. На случай, если умершему потребуется узнать будущее, с ним могли положить инструменты для гадания или копии календарей, которыми он сможет руководствоваться. К текстам, которые, очевидно, помещались с расчетом на практическое применение, относятся также пособия по военной стратегии, мантике (искусству прорицания), медицине и астрономии.

Другие виды занятий также находили отражение в погребальном инвентаре, и принадлежности для них иногда помещали в гробницу. Порой туда клали также сочинения литературной, исторической или мистической направленности, вероятно, для удовольствия умершего человека. Там же были и деревянные фигурки музыкантов, иногда вместе с инструментами. Обнаруживаются фигурки или рельефные изображения представителей других увеселительных профессий, например, жонглеры, акробаты и актеры. На рельефных изображениях встречаются сцены охоты; есть яркие картины игры в *лю бо*, атрибутами которой были доска, фишки и палочки и которая, вероятно, использовалась как способ предсказывать будущее; в некоторых гробницах также обнаруживают доски для этой игры с их своеобразной разметкой.

Подавляющее большинство 60-миллионного населения, во 2 г. н.э. занесенного поименно в чиновничьи реестры, занималось сельским хозяйством, и способы этой работы достаточно хорошо известны благодаря археологическим находкам. Помимо плужных лемехов и форм, в которых их отливали, были найдены барельефы, изображающие вспашку плугом, который тянут быки и направляет человек. Некоторые миниатюрные модели демонстрируют способы орошения, другие – работу ножной мельницы. Были найдены литейные мастерские, в которых изготавливались предметы из железа, и в большинстве раскопанных местонахождений обнаружены следы работы искусных мастеров, которые делали бронзовые и железные предметы или производили в соответствии со строгой спецификацией детали арбалетных натяжных рычагов, выдававшихся войскам. Особую ценность представляют те сосуды и лампы, на которых ставился оттиск, указывающий дату изготовления, назначение и размер предмета и имя правительственного инспектора, который признал товар соответствующим стандарту. Такая инспекция входила в обязанности уполномоченных представителей, которые обеспечивали монополию государства на изготовление и распределение железных изделий. По многочисленным образцам как собственно монет, так и глиняных литейных форм нам известна работа другой правительственной монополии – на чеканку монет. Несмотря на то что в то время на китайских монетах дата не ставилась, можно выделить и расположить в хронологической пос-

ледовательности монеты разных стилей исполнения и получить таким образом приблизительный, хотя и неполный, метод датировки некоторых местонахождений. Качество железных и бронзовых предметов ощутимо варьировалось от региона к региону; несколько прекрасных образцов обработки металлов найдено на небольшой территории царства Чжуншань, расположенного к югу от Пекина. Особое внимание привлекли лампы, изготовленные для хозяйства чиновника или царя.

Барельефы дают сведения о государственном надзоре за соляной индустрией и рыночными сделками. Находки как в самом Китае, так и на путях в Центральную Азию демонстрируют высокое мастерство, достигнутое в шелководстве и изготовлении шелка; на настенных рельефах гробниц иногда изображаются ткацкие станки. О внимании к точному исчислению времени свидетельствуют документы, оставленные войсками на границе, и образцы водяных часов и других инструментов из находок на территории Китая. В число других документов, которые касались регламентации повседневной жизни, входили календари и карты. Литературные сочинения, официальные документы и даже схемы наносились на деревянные или бамбуковые дощечки. К таким текстам недавние находки добави-

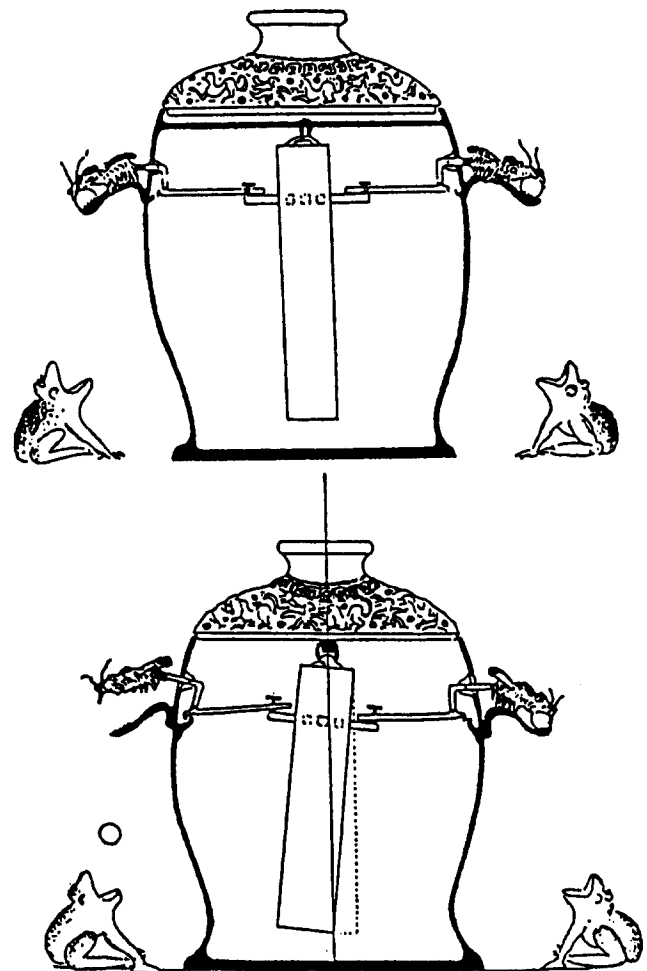

Рис. 36. Современная опытная реконструкция прибора, показывающего направление на эпицентр землетрясения, изобретенного астрономом Чжан Хэном в первой половине II в. н.э. К сосуду присоединены восемь выступающих драконьих голов (две из которых изображены на рисунке), каждая из которых держит шар. Челюсти драконов соединены с висящим цилиндром, который должен качнуться в направлении эпицентра землетрясения, в результате чего соответствующая драконья голова раскрывает пасть и роинет шар (по Needham & Wang Ling, 1959)

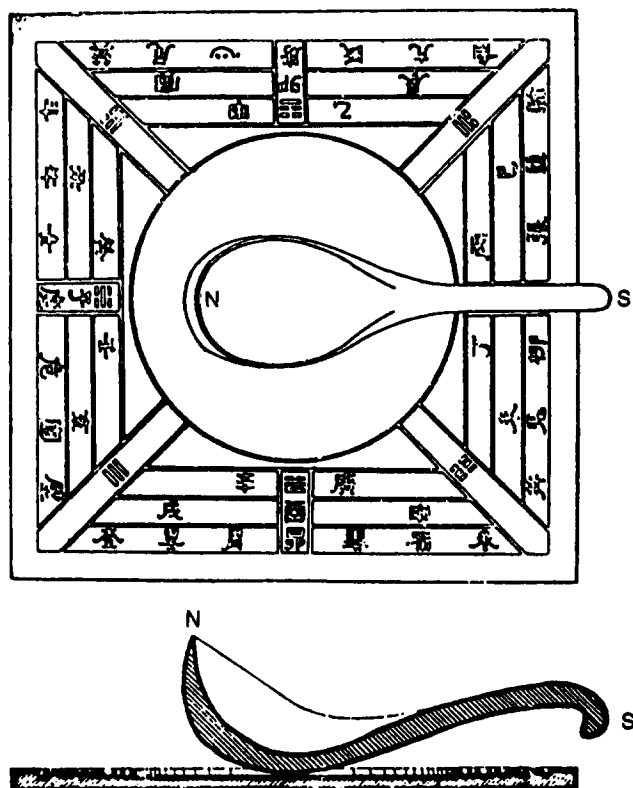

Рис. 37. Современная реконструкция наиболее ранней модели магнитного компаса (I в. н.э.), который использовали для предсказаний: намагниченная ложка поворачивается на полированной центральной части квадратной пластинки, символизирующей землю (по Needham, 1962)

БИБЛИОГРАФИЯ (26.1–26.3)

- AMES, R.T. 1983. *The Art of Rulership*. Honolulu.
- BIELENSTEIN, H. 1976. Lo-yang in Later Han Times. In: *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* (Stockholm), Vol. 48, pp. 1–142.
- BODDLE, D. 1938. China's First Unifier; A Study of the Ch'in Dynasty as Seen in the Life of Li Ssu. Leiden.
- CH'EN, CHI-YUN. 1975. *Hsün Yüeh (AD 148–209)*. Cambridge.
- 1984. *Han Dynasty China: Economy, Society and State Power*. T'oung Pao (Leiden), Vol. 70, pp. 127–48.
- CH'U, T'UNG-TSU. 1972. *Han Social Structure*. Seattle.
- COTTERELL, A. 1981. *The First Emperor of China*. London.
- DE CRESPIGNY, R. 1984. *Northern Frontier: The Policies and Strategy of the Late Han Empire*. Canberra. (Faculty of Asian Studies Monographs, N.S. No. 4.)
- GALE, E.M. 1931. *Discourses on Salt and Iron* (Translated from the Chinese of Huan K'uan). Leiden.
- HSU, CHOYUN. 1980. *Han Agriculture*. Seattle.
- HULSEWÉ, A.F.P. 1955. *Remnants of Han Law*. Leiden.
- 1985. *Remnants of Qin Law*. Leiden.
- LOEWE, M. 1979. *China in Central Asia: the Early Stages, 125 BC—AD 25*. Leiden.
- JAN, YUN-HUA. 1977. *The Silk Manuscripts on Taoism*. T'oung Pao (Leiden), Vol. 63, pp. 65–84.
- LI YU-NING. (ed.). 1975. *The First Emperor of China: The Politics and Historiography*. White Plains.
- LOEWE, M. 1979. *Ways to Paradise: The Chinese Quest for Immortality*. London.
- 1988. *Everyday life in Early Imperial China during the Han period, 202 BC—AD 220*. New York.
- NEEDHAM, J.; WANG LING. 1959. *Science and Civilisation in China. Vol. III: Mathematics and the Sciences of the Heavens and the Earth*. Cambridge.
- NEEDHAM, J. (et al.). 1962. *Science and Civilisation in China. Vol. IV: Physics and Physical Technology*. Cambridge.
- PIRAZZOLI-TSERSTEVENS, M. 1982a. *The Han Dynasty*, SELIGMAN, J. (trans.). New York.
- 1982b. *La Chine des Han; histoire et civilisation*. Paris.
- TWITCHETT, D.; LOEWE, M. (eds). 1986. *The Cambridge History of China, Vol. I*. Cambridge.
- WANG, ZHONGSHU. 1982. *Han Civilization*. CHANG, K.C. and collaborators (trans.). New Haven.
- WU HUNG. 1989. *The Wu Liang Shrine: The Ideology of Early Chinese Pictorial Art*. Stanford.
- YATES, R.D.S. 1987. *Social Status in the Ch'in: Evidence from the Yün-meng Legal Documents*. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 47, pp. 197–237.

ли копии текстов, написанных на шелке. Хотя эти материалы оставались основными носителями информации на протяжении нескольких веков, постепенно появился прототип бумаги или даже собственно бумага, на что указывают отдельные фрагменты, которые, по всей видимости, датируются серединой I в. до н.э.

Археологические работы последних лет показали, насколько упорно в империи Хань, особенно на отдаленных территориях, продолжали выживать региональные культуры и стили в искусстве. На рельефах из Сычуани и Хэнаня с потрясающим жизненным сходством показаны фигуры людей и животных, совершающих различные действия; южнее, в Юньнани, барабаны украшались изображениями сцен человеческих жертвоприношений; на северо-западе конструкции железных изделий напоминают конструкции из центральноазиатских степей; в некоторых местонахождениях можно усмотреть элементы чужеземного влияния, исходившего от некитайских народов: в одних случаях из Скифии, в других — с территорий современной Индонезии. На территориях, расположенных ближе к центру власти, заметно усиление стандартизации. Глиняные модели домов вылеплены с меньшим вниманием к индивидуальным деталям; тематика рельефных изображений, в основном относящихся к I в. н.э. и более поздним временам, ограничивается лишь несколькими темами, а исполнение по большей части типовое. Шедевры искусства встречаются редко, и заметен рост единообразия именно в то время, когда насаждалось интеллектуальное и религиозное единомыслие. Поскольку обнаруживается все больше предметов, то их теперь можно более точно расположить во времени и соотнести с упоминаниями в литературе. Археология продолжает обнаруживать новые сведения о достижениях в искусстве, действиях правительств и повседневной жизни Китая при династиях Цинь и Хань.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ (с 200 по 500 гг. н.э.)

27.1

КИТАЙ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*Эрик Цюрхер и Фумимаса-Бунга Фукуи**Илл. 147–150***РАСПАД КИТАЯ**

Около 190 г. н.э. империя Хань фактически прекратила свое существование. Последний император оказался во власти могущественных военачальников. В 210 г. н.э. наиболее удачливый из военачальников, Цао Цао (155–220 гг. н.э.), уничтожил большинство своих соперников и установил контроль над двумя ключевыми экономическими зонами Северного Китая: Северной Китайской равниной и бассейном реки Вэй (Вэйхэ). На этой прочной основе он установил централизованный авторитарный режим, стимулировал аграрное производство путем насаждения земледельческих поселений (как гражданских, так и военных) и увеличил свои вооруженные силы путем включения в состав армии крупных контингентов всадников, набранных из кочевников. Сразу после смерти Цао Цао его сын низложил марионеточного императора Хань и установил свою династию – царство Вэй (200–265 гг. н.э.).

Как и все государства в империи, царство Вэй стремилось объединить Китай, но безуспешно. В последние хаотические десятилетия династии Хань возникли два других центра власти – царство Шу в современной провинции Сычуань, богатый и относительно изолированный регион, которым управлял родственник императорского дома Хань, и царство У в нижнем течении Янцзы, центром которого являлся современный Нанкин. Владения царства Шу в 263 г. были присоединены к царству Вэй, однако У, которое располагалось стратегически выгодно, за серьезным препятствием в виде реки Янцзы, покорить не удавалось.

В каждом из «Трех царств» (соответственно в истории Китая период 220–280 гг. называется Троецарствием – Саньго. – *Прим. ред.*) центральному правительству пришлось столкнуться с властными полуфеодалными «могущественными домами» – богатой верхушкой, которая складывалась в эпоху Восточной (Поздней) Хань и опорой которой были обширные владения с крепостными, «арендаторами» и собственными армиями. Лишь одно из трех царств – «легистское» царство Вэй – предприняло серьезную попытку ограничить власть могущественных домов, однако его успех был непродолжительным. В 265 г. н.э. один из полководцев (и глава самого влиятельного аристократического клана) ликвидировал власть Вэй и основал свою династию Западную Цзинь (265–316 гг. н.э.).

В 280 г. войскам Цзинь удалось покорить царство У, и империя вновь стала единой. Однако это была лишь видимость единства. Двор раздирали внутренние противоречия, и через несколько лет интегрированное в состав Западного Цзинь царство У отпало в результате борьбы группировок, гражданской войны и природных бедствий.

В этой обстановке произошло событие, до тех пор не имевшее прецедентов в летописной истории и рассматриваемое традиционными китайскими историками как крупнейшее национальное бедствие – «Восстание пяти варваров». Вакуум власти, возникший в результате падения Цзинь, был заполнен некитайскими племенами из приграничных районов, которые вели свое происхождение от сюнну, прототибетских и протомонгольских народов. В 304 г. началось вторжение союза прототибетских племен *ди* в Сычуань, и примерно в то же время вождь сюнну провозгласил независимость южной части Шаньси и образовал там свое государство. Оттуда армии сюнну развернули наступление на центральный район Северного Китая. В 311 г. была захвачена и разрушена столица – город Лоян, а в 316 г. та же судьба постигла древнюю столицу Чаньань.

Эти события означали конец Западной Цзинь. На юг устремились огромные массы беженцев: лидеры могущественных домов со своими свитами, придворными и родственниками императора, полководцы с остатками своих армий. В 317 г. один из членов императорского рода провозгласил в Нанкине, прежней столице царства У, государство, которое стало преемником Цзинь – Восточную Цзинь (317–420 гг.).

Так сложилась новая политическая ситуация. На юге на смену Цзинь пришли четыре непродолжительные китайские династии, которые претендовали на продолжение «законной линии наследования» династии Хань (см. ниже). На севере ситуация оставалась весьма запутанной, поскольку различные некитайские завоеватели то одновременно, то последовательно создавали свои государства, воюя друг с другом и захватывая чужие владения (см. ниже). В этот период раздробленности, который длился более двух с половиной веков, различными частями Северного Китая владели около двадцати «варварских» государств. В основном эти государства были нестабильны и недолго-

вечны; единственное исключение составила империя протомонголов-табгачей (тоба – по-китайски) Тоба Вэй (Северная Вэй), которая после полувека постоянного расширения сумела объединить весь Северный Китай (439 г.) и поддерживать это положение вплоть до середины VI в.

Южные династии (столица – город Цзянькан, современный Нанкин)

Династия	Даты	Правящий род
Восточная Цзинь	317–420	Сыма
Лю-Сун (Южная) Ци	420–479	Лю
Лян	479–502	Сяо
Чэнь	502–557	Сяо
	557–589	Чэнь

Северные царства в 304–589 гг. н.э.

Название царства/ династии	Даты	Этническое происхождение правителей	Центральный (столичный) регион
«Хань» / Ранняя Чжао	304–329	сюнну	Шаньси
Чэн-Хань	304–347	ди	Сычуань
Поздняя Чжао	319–351	цзе (сюнну)	Хэбэй
Ранняя Лян	314–376	китайцы	Ганьсу
Ранняя Янь	349–370	сяньби	Хэбэй
Ранняя Цинь	351–394	ди	Шэньси
Поздняя Янь	384–409	сяньби	Хэбэй
Поздняя Цинь	384–417	цян	Шэньси
Западная Цинь	385–431	сяньби	Ганьсу
Поздняя Лян	386–403	ди	Ганьсу
Южная Лян	397–414	сяньби	Ганьсу
Северная Лян	401–439	сюнну	Ганьсу
Южная Янь	400–410	сяньби	Шаньдун
Западная Лян	400–421	китайцы	Ганьсу
Ся	407–431	сюнну	Шэньси
Северная Янь	409–439	китайцы	Ляонин
Северная (Тоба)	386–534	сяньби	Шэньси, с 494 – Хонан
Восточная Вэй	534–557	сяньби	Хэбэй
Западная Вэй	535–556	сяньби	Шэньси
Северная Чжоу	556–581	сяньби	Шэньси
Северная Ци	557–577	сяньби	Хэбэй
Суй	581–618	китайцы	Шэньси

Южные династии

На юге Китая ни одному из династических режимов не удалось ограничить власть могущественных домов, которые заняли главенствующее положение при дворе, захватили высшие посты и раздали низшие своим протеже. Продолжала поддерживаться вся ханьская административная система, однако за бюрократическим и меритократическим фасадом произошел некий вариант рефеодализации. Наиболее влиятельными кланами были выходцы с севера и их потомки; нижние эшелоны олигархии занимали аристократические семьи, поселившиеся в Цзяннани («К югу от Реки») еще до бегства двора. Уже в V в. за аристократией был закреплён ее статус в официальных генеалогических реестрах, в которые была занесена родословная каждой семьи; предполагалось, что государство будет противодействовать или по крайней мере не будет поощрять браки между представителями знатных семейств и простоллюдинами. Несмотря на свою подавляющую власть и высокое положение, могуществен-

ные дома не являлись подлинной феодальной знатью, принадлежность к которой определялась происхождением и родословной. Престиж семьи основывался в первую очередь на сочетании родословной и «славного наследия»: чтобы подтвердить свой аристократический статус, семья должна была привести доказательства того, что на протяжении нескольких последовательных поколений ее члены занимали высокие должности. На практике это сделало могущественные дома замкнутой группой, поскольку они веками имели возможность манипулировать системой набора и назначения высшего чиновничества.

Лидерам могущественных домов высокий пост добавлял престижа и давал возможность участвовать в системе управления, однако с экономической точки зрения они совершенно от него не зависели. Истинным источником их богатств были обширные земельные владения – латифундии, которые фактически были выведены из-под государственного контроля и налогообложения, и их неуклонный рост еще сильнее подтачивал экономические ресурсы государства. Время от времени правитель пытался ограничить дальнейший рост владений, которые постоянно увеличивались в размерах за счет поглощения крестьянских хозяйств и захвата государственных земель, однако все эти меры не давали результата, а в двух случаях даже привели к падению династии (Лю-Сун в 439 г. и Южная Ци в 502 г.).

Лидеры южных государств считали свою часть Китая бастионом подлинной китайской цивилизации, продолжающим великие традиции империи Хань, и они, несомненно, осознавали тот постыдный факт, что большей частью Северного Китая правят «презренные варвары». Время от времени против какого-нибудь северного царства, которое было готово рухнуть, предпринимались военные походы, и дважды армиям Цзинь даже удавалось вновь временно захватить древнюю столицу Лоян. Однако в целом политика носила оборонительный характер, и в этом отношении она иногда была весьма эффективной. Когда правитель северного царства Ранняя Цинь в порыве экспансионистских устремлений с практически миллионным войском начал тотальное наступление на Восточную Цзинь, чтобы «объединить Поднебесную», он неожиданно натолкнулся на массированное и тщательно организованное сопротивление и в конечном итоге был разбит в знаменитой битве на реке Фэй (383 г. н.э.).

Определенная политическая стабильность и экономическое развитие были достигнуты при династии Лян, в особенности в течение длительного правления императора У (502–549 гг. н.э.). Оно совпало с периодом, когда на севере государство Тоба Вэй было на вершине своей мощи, и поэтому первая половина VI в. может рассматриваться как золотой век раннего этапа средневекового Китая.

После смерти императора У государство Лян погрузилось в глубокий кризис; он начался с массового восстания в армии, которое совпало с наступлением с севера войск царства Вэй. Последовавшие за этим хаос и кровопролитие обозначали конец южных государств и гибель южной аристократии; династия Чэнь (557–589 гг.) была не более чем коротким эпилогом. В 579 г. Северной Чжоу удалось распространить свою власть на весь Китай за исключением региона Цзяннань. Вскоре после этого ее наиболее влиятельный полководец Ян Цзянь захватил трон, провозгласил себя императором и основал династию Суй (581 г.), после чего начал готовиться к уничтожению южной династии Чэнь. В 589 г. царство Чэнь пало, и в Чаньани (современный Сиань), вновь ставшей столицей единой империи, первый император династии Суй объявил, что после 272 лет раздробленности Китай снова стал тем, чем ему предназначено быть Небом – единой империей с одним верховным правителем.

СЕВЕРНЫЕ ДИНАСТИИ

Восстания и вторжения «варваров» и последующее создание государств под управлением некитайских элит, без сомнения, были беспрецедентным фактом, но не следует слишком драматизировать его разрушительный эффект. Китай не был опустошен дикарями или «неприрученными» кочевниками из степей, и «варварские» вожди никогда не стремились уничтожить китайскую цивилизацию и заменить ее своей кочевой культурой. Их набеги, разумеется были разрушительными, но не более, чем широкомасштабные войны, раздиравшие Северный Китай с конца II в. н.э.

На самом деле, все эти некитайские правящие элиты десятилетиями, даже, может быть, более века, находились в орбите китайского влияния и в приграничных районах вдоль северного заградительного пояса и даже на самой китайской земле в качестве союзников и наемников. При таком положении вожди племен и их народ на протяжении многих поколений были открыты влиянию китайского образа жизни, и иногда, по всей видимости, они полностью переходили от кочевого образа жизни к оседлому (сохраняя, однако, при этом мастерство наездников, которое делало их грозными воинами). За исключением нескольких особых случаев (в первую очередь это относится к табгачам, или тоба, в первой фазе территориальных захватов) мы имеем дело с государствами, возникшими в границах исчезнувшей империи Хань и основанными «чужеземными» варварскими элитами, в территорию которых не входила степная окраина. Это были малые группы (численность которых, вероятно, никогда не превышала нескольких процентов всего населения), столкнувшиеся с созданной ими самими проблемой управления, контроля и эксплуатации огромных масс китайского земледельческого населения, а в процессе этой деятельности им поневоле приходилось все более и более приспосабливаться к китайским порядкам.

Так, они продолжили китайскую традицию государственного управления и дворцовой жизни в применении ко всем важным сферам: налогообложению, переписи населения, чиновничьим рангам и титулам, конфуцианским придворным ритуалам, архивам и, что являлось обязательной препосылкой для всех этих видов деятельности, восприятию классического китайского языка как единственного средства письменного общения. (В отличие от позднейших завоевателей, монголов и маньчжур, ни одна из этих ранних средневековых некитайских правящих групп не изобрела системы записи для своего языка.) Еще одной сферой, в которой китайский опыт и практические приемы были чрезвычайно важны, являлось военное дело, поскольку, несмотря на воинственное прошлое правящих меньшинств, их степная традиция молниеносных операций, совершаемых мелкими и сверхмобильными конными отрядами, не подходила для китайских условий, где нужны были огромные армии призывников, сложное материально-техническое снабжение и весь спектр военных технологий, необходимых для осады или защиты обнесенных стенами городов. Кроме того, столпом китайской системы были массовые общественные работы при строительстве дамб, стен, каналов и укреплений, а захватчики не обладали достаточными техническими и организационными умениями для того, чтобы мобилизовать и организовать труд огромных масс привлеченных подневольных рабочих.

Иными словами, чтобы удержаться на месте правителей «ключевой экономической области» Китая с ее огромным населением, интенсивным сельским хозяйством и городскими центрами, захватчикам приходилось полагаться на умения китайских специалистов. Помимо этой конкретной деятельности правители, естественно, стремились окружить себя роскошью, присущей китайскому

императорскому двору: роскошными дворцами и парками, дворцовыми развлечениями, пышными церемониями, славолюбиями и произведениями искусства. Описания современников показывают, что ко всему этому они пристрастились с самого начала своего правления, а этого также можно было достичь только при полномасштабном использовании китайских технологий и художественного мастерства. Все это означало, что иноземным правителям необходимо было установить баланс между двумя противоречивыми требованиями: с одной стороны, сотрудничеством с китайской элитой при приске полной «китаизации», а с другой – необходимостью принять меры по поддержанию единства и солидарности внутри правящего некитайского меньшинства – с риском создания тем самым паразитической и маргинализованной группы чужаков. Все династии завоевателей столкнулись на китайской земле с этой дилеммой, и ни одна из них (за исключением, возможно, маньчжуров в XVII и XVIII вв.) не смогла найти приемлемого решения. В этот ранний период все «варварские» государства подверглись глубокой ассимиляции, порой столь сильной, что китаизированная столичная элита конфликтовала с пограничными племенами своего же народа, еще не утеревшими этнической идентификации.

Процесс постепенной ассимиляции подробно описан в документах, относящихся к государству Тоба Вэй. Изначально табгачи были племенем протомонгольского народа сянби, обитавшего в Южной Маньчжурии и Восточной Монголии. После первого этапа завоеваний вдоль северных рубежей Китая они в 386 г. н.э. создали свое государство со столицей в районе Датун (северная провинция Шаньси), откуда постепенно захватили большую часть Северного Китая. В 439 г. они завершили экспансию завоеванием северо-восточного царства Лян (в современной провинции Ганьсу) и тем самым установили контроль над трансконтинентальным движением по Шелковому пути.

На раннем этапе вэйская верхушка сохраняла свою идентификацию как сянби. На вершине власти существовало ядро из восьми знатных табгачских родов и более широкая группа примкнувших к ним лидеров. При дворе все еще соблюдались определенные обычаи, характерные для кочевников, – система наследования от брата к брату и раздел добычи между вождями. Однако по мере укрепления своей власти вэйские правители начинали все чаще обращаться к китайским методам управления и к сотрудничеству с лидерами китайских могущественных родов, которые сохранили свои позиции при чужеземном правлении. Эти семейства были разделены на четыре класса, высший из которых представлял собой нечто вроде китайского эквивалента табгачской аристократии. отождествление табгачских и китайских интересов еще более укрепилось из-за того, что Тоба Вэй пришлось защищать северную границу от «истинных варваров» из степи – жуаньжуаней (вероятно, родственников аваров, которые в VI в. вторглись в Европу) и формировавшегося этноса тюрков. Эффективность политического контроля и налогообложения обеспечивалась типично китайскими, легистскими методами: разделением всего населения на группы под руководством ответственного начальника, распределением земли и насильственным перемещением на новые места огромных масс людей.

Примерно в конце V в. этот процесс завершился: двор с далекого севера переместился в древнюю столицу Лоян, и вскоре двор Тоба начал проводить политику насильственной китаизации, что подразумевало, в числе прочего, запрет племенных обычаев и некитайского платья, принятие китайских фамилий и поощрение смешанных браков между китайцами и тоба.

К концу этого периода этнические различия по большей части стерлись. Правящие элиты севера постепенно превратились в единую аристократию смешанного вар-

варско-китайского происхождения. Отдельные черты их жизненного стиля – любовь к верховой езде, охоте и военным играми, все еще указывали на их смешанное происхождение, но они были стопроцентными китайцами в отношении языка и культуры. Именно конгломерат могущественных домов и в первую очередь северо-западная аристократия, станет основой новой единой империи Суй (581/589–618 гг.) и Тан (618–906 гг.) – «высокого средневековья» китайской истории.

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ: ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА И СТАНОВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДАОСИЗМА

В политическом и социальном отношении раннее средневековье в китайской истории едва ли представляет собой вдохновляющее зрелище; создается общее впечатление политической нестабильности, институциональной слабости, постоянных войн и безжалостной эксплуатации. Когда правители Суй и Тан реформировали объединенную империю, они действительно иногда использовали в своих интересах институты и политические методы, которые были заложены в период раздробленности (прежде всего самым мощным из северных государств – Тоба Вэй), но в остальном они обращались к блестящему примеру династии Хань. В идеологическом отношении почти три века раздробленности могут считаться лишь досадной интермедией, поскольку, согласно политическому мифу конфуцианства, есть только один законный Сын Неба, получивший санкции на единственный в своем роде Небесный мандат, и само собой разумеется, что период «Шести династий и Шестнадцати государств» (как, по традиции, он именуется) абсолютно не соответствует этому идеалу.

Однако если обратиться к другим сферам – истории мысли, религии и искусства, возникает совсем другая картина. Весь период с III до конца VI в. был периодом необычайной творческой активности, интеллектуальных достижений и новых веяний в искусстве. Особенно в области философии и религии китайская цивилизация раннего средневековья обладает собственными отличительными чертами, которые уходят своими корнями в III в. н.э. – переломную эпоху, когда после распада империи Хань была отринута большая часть ханьского наследия.

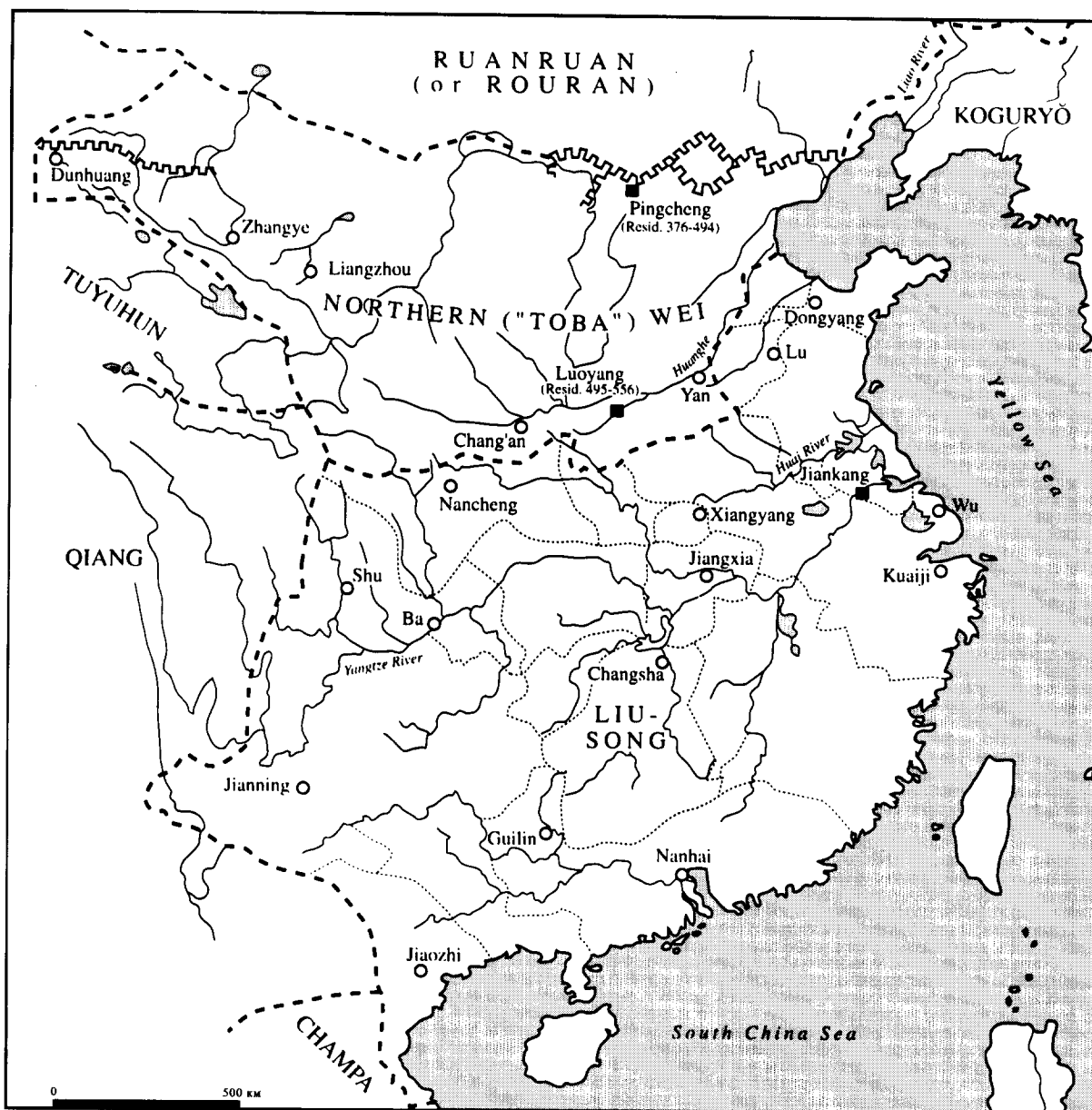
Многие представители образованной элиты трагически пережили состояние всеобщего хаоса, в который погрузились страна и общество в последние десятилетия империи Хань. Конфуцианство – идеология слаженно функционирующей бюрократической империи – в значительной мере утратило своею привлекательность и доверие. Великий конфуцианский синтез ханьских времен, в котором социально-политические учения сочетались с космологическими размышлениями, не пережил падения династии Хань. В течение раннего средневековья это сочетание продолжало существовать в урезанном виде как нерелигиозная система политических принципов и ритуальных правил. В результате такого усечения освободилось пространство для других направлений философской мысли, более умозрительных и метафизических по своей природе; их представители не подвергали сомнению компетентность конфуцианства в мирских вопросах, а скорее стремились дополнить его новой метафизической надстройкой. В этом они опирались на философию древней «Книги перемен» («Ицзин»), изначально являющейся одним из конфуцианских классических трудов) в сочетании с идеями, почерпнутыми из раннедаосской мысли (прежде всего из учения Лао-цзы и Чжуан-цзы). Все это было подвергнуто радикальному переосмыслению. Новый синтез конфуцианских и «неодаосских» идей получил название «*сяньсюэ*» – «Сокровенное учение», или

«Учение о тайном». Оно оформилось в трудах таких мыслителей II и начала III в., как молодой гений Ван Би (226–249 гг.), Сян Сю (223?–300) и Го Сян (?–312), и в течение всего периода это философское течение имело огромное влияние. Для него характерен глубокий интерес к онтологическим проблемам – поиску неизменного основания в постоянно изменяющемся и разнообразном мире. Основным постулатом «Учения о тайном» является то, что все явления, все, что «может иметь название», возникает и существует благодаря всеобщему принципу, который сам по себе умопостижаем (ноуменален), однороден, един и неизменен. Поскольку мир феноменов – это сфера «бытия» (*ю* – «конкретное существование»), данный субстрат обозначается понятием «небытие» (*у*), или «фундаментальное небытие» (*бэнью*). В конечном счете *ю* и *у* не являются взаимоисключающими противоположностями. Они – различные аспекты, измерения всеобщности, которая трансцендентна по отношению к любым различиям, в том числе различиям между бытием и небытием, причиной и следствием. Это невыразимое единство обозначается понятием *дао* – «путь».

Какой бы далекой от «низменной реальности» ни казалась метафизика *сяньсюэ*, она все же имела свое практическое выражение. Мудрец – а это в китайской философии прежде всего означало идеального правителя и в более широком смысле идеального управляющего – должен уподобиться *дао* или самой Природе, возвыситься надо всеми позитивными и негативными суждениями и освободиться от сознательной деятельности; все, что он делает, должно выглядеть как «рефлекс», естественная реакция на ситуацию. При такой политике невмешательства каждому должно быть позволено вести себя в соответствии со своими «природными данными» (*фэнь*), которые зависят и предопределяются судьбой. В природе всякая сущность имеет набор отведенных ей качеств, и ни одно создание никогда не пытается выйти за пределы ограничений, наложенных на него природой, – воробей не пытается стать птицей феникс. В человеческом обществе идеал «недеяния» (*у вэй*) может быть реализован только в том случае, если каждый индивид смирится со своим уделом и будет действовать соответственно: кто-то рожден воробьем, а кто-то – фениксом. И не случайно «Учение о тайном» приобрело широкую популярность среди аристократической верхушки в раннем средневековом Китае: оно четко отражало идеалы могущественных кланов, чьим интересам как нельзя лучше отвечали пассивность бездеятельного императора наверху и существование строгой системы классовых различий, в основе которой лежали «природные данные».

Это также является причиной, по которой «Учение» не было особенно популярно в северных государствах, где китайской элите приходилось сотрудничать с менее философски настроенными варварскими вождями. А в аристократических кругах Южного Китая оно приобрело огромную популярность, и там основные идеи *сяньсюэ* стали излюбленными темами в литературных и эстетических салонах, посвященных *цинтань* – «чистым беседам». И все же следует добавить, что даже там у него были противники – консервативные или реалистичные мыслящие философы, которые продолжали считать единственно верным конфуцианский подход к управлению государством и обществом. Они называли приверженцев *цинтань* антиобщественными элементами, «разглагольствующими о Пустоте и Недеянии», а некоторые из закоренелых конфуцианцев даже объявляли их повинными в политическом хаосе и расхлябанности, которые открыли варварам дорогу к захвату Северного Китая.

«Учение о тайном» в основном рассматривало философские проблемы, а не сверхъестественные сущности и освобождение личности в религиозном плане. Эти ис-

Карта 38. Граница между Севером и Югом, около 440 г. н.э.

кания нашли свое выражение в религиозном даосизме (в части, касающейся исконно китайских верований; о буддизме см. ниже).

Даосизм в таком виде следует четко отличать от древней философской школы IV–III вв. до н.э., которая, в разумных пределах, пропагандировала созерцательный анархизм (безразличие к собственному «спасению», пассивное подчинение воле Бога. – *Прим. ред.*). Здесь мы имеем дело с явно религиозной доктриной спасения, которая начала складываться в конце II в. н.э.

В то время, когда династия Хань находилась в состоянии упадка, вспыхнуло два религиозных и политических восстания, оба под предводительством даосских наставников по фамилии Чжан (семейное родство между ними не подтверждено историческими источниками).

Идеологической основой воспитания, которое началось в Восточном Китае под предводительством Чжан Цзюэ, было сочинение «Тайтинизин» – «Канон Великого благоденствия». Фрагменты его сохранились до сих пор, и из них мы можем получить богатую информацию об основных идеях этого восстания. Их можно суммировать следующим образом.

Вера восставших носит определенно политеистический характер: божества и духи присутствуют повсюду – и во внешнем мире, и в органах человеческого тела. Таким образом, есть несколько способов войти в контакт со сверхъестественными силами, в числе которых применение «внутреннего зрения», например, «созерцание пяти внутренних органов», которому предается адепт в своей молельне, или «тихой комнате». Обширный и постоянно пополняющийся пантеон включал таких божеств, как Небесный император, Добродетельный повелитель Великого спокойствия, Повелитель пяти внутренностей, Судья судьбы человеческой, Мать-Повелительница Запада, обожествленный Лао-цзы, а также многочисленных Небесных чиновников.

Высшим и фундаментальным принципом является дао – «путь»; он есть начало и движущая сила Вселенной, а принцип *и*, «единство», объемлет все явления. Чтобы постичь конечную цель религиозного даосизма – достижение телесного бессмертия или по крайней мере предельного долголетия, адепт должен был во время медитации в своей «тихой комнате» концентрироваться на дао и единстве внутри собственного тела.

Эти духовные и телесные упражнения, напоминающие йогу, сочетались с соблюдением высоких моральных требований, практикой Добродетели и отрицанием Трех Пороков (сыновней непочтительности, неповиновения и вероломства). Строго воспринимались убийство новорожденных девочек и распитие, особенно прилюдное, спиртных напитков. Болезнь воспринималась как «воздаяние за грехи»; ее можно было вылечить, если пить воду, в которую окунали амулет или талисман с надписью, сделанной рукой Небесного учителя особым способом. Неудачи – это последствия греховных поступков; они не ниспосланы судьбой, не связаны с идеей переселения душ.

Центр второго даосского движения, начавшегося в конце II в. н.э., находился в современной провинции Сычуань, где даосский наставник и маг Чжан [Дао]лин основал теократическое государство с собственной церковной структурой. За этой организацией закрепилось название «Путь пяти доу риса», поскольку Чжан требовал от каждого из последователей вносить соответствующий взнос. В движении этого «Небесного наставника» присутствовала твердая вера в возможность достижения телесного Бессмертия путем сочетания духовных и физических упражнений и моральной чистоты. Идеалом является превращение в освобожденного Бессмертного (*сянь*), который вечно обитает в эфирном, неразрушимом теле. После того как в начале III в. н.э. движение «Великого благоденствия» потерпело поражение, Чжан Даолина стали считать первым «Небесным наставником» (*тяньши*) и фактическим основателем даосской церкви. Постепенно этот титул стал наследственным, и в итоге сложилась система передачи апостольской преемственности через «даосских пап», которые и поныне избираются из семьи Чжанов.

Этот ранний этап в развитии религиозного даосизма можно называть «протодаосизмом». Название *дао цзя*, или *дао цзяо*, – «учение о пути» появилось только в IV в. н.э., когда приверженцы этого течения стали употреблять такой термин, чтобы отличить свое учение от буддизма и конфуцианства. До того термин в основном использовался для обозначения любой группы, ставящей своей целью поиск «праведной жизни», и мог также относиться и к другим религиям.

В раннем средневековом даосизме можно различить два основных течения. Первое является прямым продолжением поздниханьского протодаосизма и известно под названием «*Тяньши дао*» (Путь Небесных наставников). Это типичное коллективное, социально ориентированное религиозное учение, последователи которого были организованы в местные общины, возглавляемые одним или несколькими даосскими священнослужителями. Члены общины пытались достичь спасения через проявление социальных добродетелей, покаяние в грехах и частое посещение массовых литургических церемоний. Основной авторитет священнослужителей были эзотерическая инициация и знание ниспосланных свыше талисманов и текстов; они управляли религиозной жизнью и служили посредниками между верующими и божественными силами.

Некоторые из ранних даосских церемоний носили откровенно экстатический и даже оргиастический характер – данный факт активно использовали оппоненты-буддисты для дискредитации своего сильнейшего соперника. В итоге это привело к возникновению в начале V в. своего рода пуританской реакции внутри секты Небесных наставников, когда знаменитый наставник Гоу Цяньчжи (умер в 432 г. н.э.) реформировал церемониал, удалив из него «неподобающие процедуры», унаследованные от протодаосизма.

Еще более яркая индивидуальная форма религиозного даосизма возникла в начале IV в. в среде образованной южной элиты в регионе нижнего течения Янцзы. Самым знаменитым ее представителем был ученый Гэ Хун (283–

343 или 363 гг.), который примерно в 320 г. завершил свой капитальный труд под названием «*Баопу-цзы*» – «Мудрец, объёмлющий простоту». В нем представлена попытка синкретизма слияния конфуцианской этики и даосского оккультизма, и его автор может считаться первым «классическим» трудом религиозного даосизма. Путь к спасению в толковании Гэ Хуна представляется делом техники и включает различные методы, например, практику «внутренней алхимии» (умственная концентрация, дыхательные упражнения и регулирование сексуальной жизни), использование заклинаний и талисманов и изготовление и употребление снадобий, эликсиров и прочих элементов «внешней алхимии». В основе верования лежало представление о том, что при сочетании этих методов, направленных на «вскармливание жизненной энергии», можно достичь телесного бессмертия в земной жизни.

Однако одних этих методик было недостаточно; их следовало сочетать с моральной чистотой, представление о которой базировалось на идеалах конфуцианства. По сути, Гэ Хун утверждал, что накопление «заслуг», т.е. добродетельных поступков, является более важным средством продления жизни, чем любой эликсир. Процесс накопления жизненной силы через добродетель (и разрушения ее грешными деяниями) выражается механистически: руководствуясь сложной системой вычислений, Судья человеческих судеб сокращает или удлиняет предначертанную человеку жизнь на определенное количество дней в зависимости от относительного «веса» его положительных или отрицательных поступков. Эти идеи, и в первую очередь идея «определения количества заслуг», всегда, вплоть до сегодняшнего дня, оказывали сильное влияние на формирование общепринятых моральных устоев в Китае. То же можно сказать и об идеях Гэ Хуна относительно действительности трав и снадобий. Настаивая на применении этих алхимических субстанций, Гэ Хун стал одним из первых распространителей сильной даосской традиции проведения протонаучных исследований и экспериментов, которые в последующие столетия легли в основу важных открытий в химии, металлургии и медицине.

Спустя некоторое время, в конце II в., в регионе Цзянань возникло еще два важных течения религиозного даосизма. Течение, которое называлось «*Шанцин*» «Высшая чистота», основывалось на замечательных сверхъестественных откровениях, ниспосланных Небесными бессмертными в 364–370 гг. Священные тексты и другие послания, полученные в ходе этих спиритических сеансов, стали ядром несуклобно растущего собрания шанцинских текстов, сосредоточенных в основном на медитации. Вскоре после этого возникло близкое, но больше внимания уделяющее ритуалам направление *Лиубао* («Духовные сокровища»), также породившее огромное количество текстов-откровений, в которых четко прослеживается буддийское влияние.

После объединения империи в 589 г. даосизм оставался наиболее развитым учением среди исконно китайских верований. Три основных течения (учения Небесных наставников, Высшей чистоты и Духовных сокровищ) со временем сильно институционализировались; как соперничающие течения внутри даосской церкви они оставались влиятельными до конца периода существования империи.

Кроме этих новых явлений в исконно китайской философии и религии, следует отметить наиболее важный и творческий элемент чужеземного происхождения в раннем средневековом Китае – буддизм: ведь именно в этот период буддизм распространился по всему Китаю и стал мощнейшим религиозным движением, охватившим все слои китайского общества. И литературные, и археологические источники свидетельствуют, что еще в I и II вв. н.э. в Китае существовали несколько буддийских об-

щин; сначала они в основном состояли из иностранцев, которые обосновались в Лояне и других крупных городах ханьской империи. Однако уже в середине II в. в Лояне появились первые древние переводы буддийских текстов на китайский язык, что свидетельствует о том, что все больше китайцев стали интересоваться этим чужеземным вероучением.

Помимо информации о расширяющейся переводческой деятельности, у нас мало сведений о развитии буддизма примерно до 300 г. н.э. Буддизм распространялся среди простого народа, но еще не привлек внимания культурной элиты и на этой зачаточной стадии оставался маргинальной религией. Однако вскоре после 300 г. положение изменилось, и в этом отношении временной границей также является эпоха варварских мятежей и последовавший вслед за этим распад Китая. Примерно тогда китайский буддизм вступил в фазу становления, которая приходится на все раннее средневековье до нового объединения Китая в 589 г. Буддизм распространялся и укреплялся как в северных государствах, так и при династиях юга. Обеспечивалось это распространение тем, что в течение IV в. буддизм проникал во все более высокие слои китайского общества, и ему покровительствовали самые разные правящие элиты, как китайские, так и не китайские. Наряду с этим шел процесс внутреннего расслоения *сангхи*, буддийской монашеской общины, что повлекло за собой формирование высшего слоя ученых-монахов.

Столь внезапному взлету популярности буддизма способствовало множество факторов. Без сомнения, отчасти он объясняется побочным эффектом упоминавшегося ранее кризиса конфуцианства, приведшего к возникновению новой интеллектуальной атмосферы, которая в большей степени благоприятствовала поиску альтернативных доктрин личного спасения. В этом смысле распространение буддизма проходило параллельно с процветанием религиозного даосизма на более высоком интеллектуальном уровне, а также при новом всплеске более рационального интереса к метафизическим проблемам, интересовавшим адептов «Учения о тайном». Для многих верующих буддизм в его благочестивых аспектах – уповании на милость будд и бодхисаттв – был источником духовного утешения и защиты, так же, как и «уход из дома» в монахи был способом укрыться от ужасов нескончаемой войны, хаоса и экономического принуждения. И наконец, существуют многочисленные свидетельства того, что правители, независимо от личных религиозных убеждений, как правило, воспринимали буддийское монашество и его ритуалы как могущественную магическую силу, оберегающую династию и государство.

Буддизм впервые проник в Китай во времена Восточной (Поздней) Хань через центральноазиатские государства-оазисы на трансконтинентальном Шелковом пути, связывавшем Кушанское царство (пограничные земли Индии и Ирана и Северо-Западную Индию) с Китаем и бывшем на протяжении всей эпохи раннего средневековья самым важным путем сообщения. Есть отдельные указания на то, что уже во II в. н.э. буддизм также проник в Китай морским путем, и в V–VI вв. морское сообщение становится очень важным, но оно не идет ни в какое сравнение с тем постоянным притоком буддийских проповедников, текстов и художественных импульсов, поступающим в Китай из земель, которые китайцы расплывчато именовали западным регионом.

Такое географическое положение оказало серьезное влияние на развитие китайского буддизма. Во-первых оно привело к определенной регионализации. «Варварские» государства Северного и Северо-Западного Китая поддерживали тесные контакты с Центральной Азией и были напрямую открыты влияниям западного региона. Наиболее выдающиеся иноземные миссионеры были

особенно активны на севере, и именно там осуществлены основные китайские переводы буддийских священных текстов. В южных частях Китая, которые не были непосредственно связаны с Центральной Азией сухопутными путями, мы можем наблюдать развитие значительно более китаизированного типа буддизма, в котором акцент делался преимущественно на интерпретацию буддийских идей в понятиях традиционной китайской философии и религии.

Во-вторых, такое географическое положение было причиной того, что на протяжении столетий Китай воспринимал буддизм из всевозможных центров буддийского мира, которые представляли разные направления в буддизме. Кроме того, постоянно возникали новые движения и школы, распространявшиеся по всему континенту и в конце концов достигавшие Китая. В результате китайцы столкнулись с запутанным нагромождением всевозможных учений, предписаний и ритуалов различного происхождения, каждое из которых претендовало на то, чтобы считаться частью исконного Закона Будды. Многие новые и оригинальные черты раннего китайского буддизма могут быть поняты как результат попыток привести в соответствие все эти различные и порой противоречащие друг другу учения и свести Закон Будды к единой базовой истине, которая превыше всех различий в ее выражении.

С середины IV в. буддизм становится популярным среди южной элиты, при этом повышенное внимание уделялось философским аспектам, прежде всего доктрине маяхаяна о вселенской «Пустоте» (*шуньята* – невыразимая «истинная природа» всех явлений, трансцендентальная по отношению и к бытию, и к небытию), с которой тесно переплелись основные идеи «Учения о тайном». В таких понятиях эту доктрину толковали ученые-монахи, например Чжидунь (314–366 гг.) и Хуэйюань (334–416 гг.), тем самым создавая основу китайской буддийской философии. Уже к 400 г. на землях юга насчитывалось более 1700 монастырей и храмов и около 80 тыс. монахов и монахинь. Влияние буддизма и материальное благосостояние огромных монастырей, находящихся под покровительством императорского двора, достигли пика при ревностном последователе буддизма императоре У-ди из южной династии Лян (правил в 502–549 гг.), который сам принял мирские буддийские обеты, запретил приносить животных в жертвы и даже пошел на запрещение главного соперника буддизма – религиозного даосизма.

По очевидным причинам даосская церковь боролась против растущего могущества буддизма, и влиятельные даосские священнослужители настойчиво призывали к его подавлению, утверждая, что буддизм – это варварская религия или в лучшем случае искаженный вариант даосизма. Заимствовав многое из буддизма, даосизм все же оставался его могущественным оппонентом, и даосская пропаганда иногда приводила к принятию антибуддийских мер и организации кратковременных гонений. Однако наиболее мощное сопротивление исходило из другого источника – от ортодоксальных конфуцианцев, которые на протяжении всего этого периода обличали буддизм (или, точнее, буддийскую монашескую общину – *сангху*) в политических, экономических и социальных прегрешениях, утверждая, что монастыри считают себя независимыми от правительственного контроля; монахи, оставляя семьи, тем самым подрывают основы конфуцианской морали; монашество не участвует в полезном труде и потому является паразитическим; крупные монастыри представляют собой угрозу экономическим основам государства, поскольку у них сосредоточена свободная от налогообложения земельная собственность и драгоценные металлы. Вопреки всем этим настроениям буддизм продолжал укреплять свои позиции, однако на этом пути ему постоянно приходилось сталкиваться с враждебным отношением

официальной идеологии. Несмотря на большую жизнеспособность и широкую поддержку буддизма, все же очевидно, что даже при правлении династий Суй и Тан, когда буддизм достиг пика своего расцвета, Китай все же не был буддийской страной в полном смысле этого слова.

Враждебно относясь к буддизму, даосизм, тем не менее, широко заимствовал идеи своего соперника. К концу эпохи раннего средневековья даосизм впитал в себя целый ряд идей, обрядов и элементов культа буддийского происхождения: веру в небеса и преисподнюю, перерождение и кармическое воздаяние, монашескую общину, священные тексты, написанные стандартным стилем, иерархию духовных лиц и использование изображений и молелен. В большинстве случаев эти заимствования очевидны. В других случаях связь представляется менее однозначной и может быть результатом слияния двух параллельных и независимых линий развития. Так, древние даосские приемы регулирования дыхания, в комплексе с умственной концентрацией могут быть результатом заимствования буддийских дыхательных упражнений, однако современные эксперты в области «буддийско-даосских» исследований до сих пор не могут с уверенностью утверждать существование между ними какой-либо исторической связи. В то же время очевидно, что примерно в 500 г., когда знаменитый наставник Тао Хунцзин (452–536 гг. н.э.) преобразовал и объединил южный даосизм (прежде всего школу Высшей чистоты), такое слияние имело место как на доктринальном, так и на организационном уровне. Даосизм превратился в синкретическую религию, и процесс заимствования идей и практик буддизма продолжался столетиями.

Одной из типично буддийских идей, заимствованных даосизмом, был запрет разрушать любую форму жизни, являющийся первой из пяти основных заповедей буддизма. В результате взаимодействия буддизма и даосизма у приверженцев каждой из этих религий сформировалось представление о том, что убийство любого живого существа препятствует реинкарнации в человеческом облике («убийство» подразумевает в том числе и самоубийство). Это верование проникло даже в святая святых – сферу семейного ритуала: примерно в конце V в. император У из династии Южная Ци повелел, чтобы впредь все жертвоприношения животных на похоронах и церемониях поклонения предкам были заменены на растительные приношения. Тем не менее следует добавить, что растительные приношения (которые всегда практиковались в буддийском культе) не просуществовали в даосских ритуалах дольше раннего средневековья. В более поздние времена даосизм вновь обратился к китайской традиции приношения животных в жертву на церемониях.

Наряду с этим во времена раннего средневековья даосы, по всей видимости, соблюдали систему периодических постов, заимствованную из буддийской практики «багуань чжай» – «Очистительных собраний (с соблюдением) восьми заповедей (включая вегетарианство)», бывшей важным элементом мирского буддизма. Прославленный даосский проповедник V в. Лу Сюэцзин даже написал хвалебное сочинение о пользе таких постов, однако и этот обычай позже исчез.

В северных государствах буддизм, как правило, находился под покровительством различных правящих домов иноземного происхождения. Поначалу они привлекали знаменитых монахов как шаманов нового типа, наделенных магической силой. Позднее они стремились поддерживать буддизм как чужеземное учение, которое можно было противоопоставить конфуцианству. На протяжении всего этого периода, прежде всего при Тоба Вэй, для северного буддизма была характерна тесная связь между государством и религией со всеми ее положительными и отрицательными последствиями.

По традиции наиболее важным событием считается приход в город Чанъань, бывший в то время столицей прототибетского государства Поздняя Цинь, великого миссионера, переводчика и ученого Кумарадживы. Он уже тогда имел огромный авторитет в своем родном центральном-азиатском городе Куча и принес в Китай основные тексты схоластической философии махаяны. При активном покровительстве правителя и при помощи самой большой известной в истории группы переводчиков он создал огромный массив китайских переводов, беспрецедентных по качеству.

В северных царствах покровительство государя выражалось в весьма щедрых пожертвованиях, наиболее впечатляющим примером которых служит пещерный храмовый комплекс V в. в Юньгане (провинция Шаньси), основанный правителями Тоба Вэй. Об этом же свидетельствует расширение сангхи: в начале V в. в империи Вэй насчитывалось около 30 тыс. монастырей и 2 млн. монахов и монахинь. Вместе с этим тесная связь государства и буддийской церкви поставила последнюю в слишком уязвимое и зависимое от прихотей правителя положение. Иногда широкое покровительство, отчасти под влиянием даосской пропаганды, прерывалось вспышками антиклерикализма и жестокими гонениями (в 446 г. при Тоба Вэй и в 574 г. при Северной Чжоу).

К концу VI в. становление китайского буддизма завершилось, и начался период независимого роста. Буддизм пропитал китайскую культуру и общество на всех уровнях. Духовенство превратилось во влиятельную, четко определенную социальную группу, обладающую значительным духовным и материальным авторитетом. Были переведены наиболее важные священные тексты, и на этой основе начали оформляться первые специфически китайские школы буддизма. То, что возникло четырьмя веками ранее как маргинальное экзотическое верование, стало основным элементом китайской цивилизации.

КУЛЬТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ: ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Если мы обратимся к литературе, то начиная с III в. н.э. мы также сможем наблюдать четко выраженную смену атмосферы. При Восточной (Поздней) Хань создание литературных произведений, как поэтических, так и прозаических, было тесно связано с императорским двором. Прозаические сочинения были преимущественно поучительного и нравоучительного содержания; великолепие императорских дворцов, парков и охотничьих забав описывала одическая поэзия (крайне витиеватые и цветистые сочинения, называемые *фу*, – нечто среднее между поэзией и прозой), а значительное количество сочиняемых стихов (или, скорее, песен) были, по сути, ритуальными и анонимными. Сочинительство представляло собой в большей мере словесное искусство, чем способ выражения личных эмоций. Только ближе к концу II в. появляются первые образцы лирической поэзии – знаменитые и часто бывшие объектом для подражания «*Девятнадцать древних поэм*», – грустные песни, полные сетований на разлуку и мимолетность бытия; они также были анонимными.

Главная особенность, которая отличает новую интеллектуальную атмосферу, сложившуюся в начале III в., – это индивидуализация. Лирические поэты первого поколения продолжили традицию «Девятнадцати древних поэм», в том числе и в том, что касается стиля (это короткие стихотворения из пятислложных строк); среди поэтов впервые появились политические лидеры и представители высших слоев знати, например, великий военачальник Цао Цао и два его сына, Цао Чжи (192–232 гг.) и Цао Пэй (187–226 гг., это первый император царства Вэй).

Рис. 38. Историческая трансформация и разные стили написания иероглифа «телега» (вверху) и «лошадь» (внизу); современное произношение – «чэ» и «ма» (по Sabatini & Santapelo, 1986): 1 – архаический стиль («Oracle bone inscriptions»), ±1550 – ±1050 гг. до н.э.; 2 – архаический стиль и подписи на бронзовых поверхностях, X–III вв. до н.э.; 3 – стиль «Малая печать» эпохи Цинь, конец III в. до н.э.; 4 – «деловой стиль» эпохи Хань, II в. до н.э. – III в. н.э.; 5 – скорописный стиль, с III в. н.э. по настоящее время; 6 – бегущее письмо, с III в. н.э. по настоящее время; 7 – стандартный стиль, с III в. н.э. по настоящее время

На этом раннем этапе политические темы продолжают играть большую роль, но в следующем поколении содержание становится менее приземленным и более индивидуальным. Поэзия все чаще видится как проводник «чистых чувств», эстетическая игра, требующая крайнего изящества и виртуозности. Наиболее ярко это настроение проявляется в произведениях поэта и музыканта Ци Кана (223–262 гг.), члена знаменитой группы индивидуалистично настроенных интеллектуалов, известных как «семь мудрецов из бамбуковой рощи». Здесь мы впервые видим обращение к даосским идеям, которые на протяжении всей эпохи раннего средневековья будут источником вдохновения для поэтов: свобода от социальных условностей и запретов, радости мирной жизни вдали от забот этого мира и стремление «назад к природе».

Индивидуальность, эстетическая утонченность и даосская «самопроизвольность» были теми качествами, которые более всего ценились в поэзии при ее развитии в аристократической среде, особенно при южных династиях. Не только за мастерство стиля, но и за эмоциональный порыв превозносят великих поэтов Тао Цяня (Тао Юаньмина, 365–427 гг.) – за его неприятие церемоний, за восхваление «простой бедности» и за любовь к вину («пьяный экстаз» стал излюбленной темой), и Се Линъюня (385–433 гг.), который живописал мистическую красоту дикого пейзажа (*шаншуй*, «горы и воды») и тем самым открыл еще одну тему, которая с тех пор стала вдохновлять китайских поэтов во все времена.

Некоторые поэтические произведения того времени признаны лучшими из того, что когда-либо было создано китайской литературой, и они стали основой, на которой поэты эпохи Тан смогли подняться до еще больших высот. С другой стороны, по мере возрастания популярности жанр стиха (*шуй*) становился все более сложным и формализованным. К концу этого периода и в поэзии, и в прозе господствовал искусственный и исключительно сложный «параллельный стиль», в котором каждое слово в строке должно находиться в синтаксическом и семантическом равновесии с соответствующим словом в следующей строке.

В прозаической литературе не зафиксировано такого разрыва с ханьской традицией; происходило дальнейшее развитие давно существовавших жанров, например биографий и трактатов, различных видов поучительных сочинений и од (фу). Параллельно с этими крайне формализованными жанрами возник новый тип повествовательной литературы: *чжигуай*, или «рассказы о необыкновенном», в основе которых зачастую лежали сюжеты из даосских и буддийских преданий и которые писались живым и естественным языком. Они представляют собой первые, еще слабые ростки будущей китайской художественной литературы.

С начала III в., когда на китайский язык были переведены первые буддийские повествования («рассказы о рождении» и буддийские агиографические рассказы), китай-

цы познакомились с сотнями буддийских текстов, включая литературные шедевры, например «Лотосовую сутру» («Садхарма-пундарика»), в которой встречаются эпизоды исключительной красоты и выразительности, как в стихах, так и в прозе. Однако светская литературная традиция в то время настолько расходилась с традициями буддийского повествования, что едва ли они оказывали друг на друга влияние; появление исконно китайской буддийской литературы, в которой сольются обе эти традиции, произойдет гораздо позже.

Одновременно с расцветом литературы развилась литературная критика, высшим проявлением которой в начале VI в. стал выдающийся труд Лю Се «Вэньсинь дяолун» («Литературная мысль и Резной дракон»). Другим знаком того, что беллетристика вступила в фазу становления и зрелости и ее уже можно классифицировать, является составление литературных сборников и антологий. Одна из них, «Антология литературы» («Вэньсюань»), созданная в 530-е гг., имела такой авторитет, что веками служила в качестве стандартного пособия по изучению литературы.

Еще одним крупным новшеством в элитном искусстве Китая явилось возникновение каллиграфии. В ханьские времена письмо было не более чем техническим навыком – ремеслом писарей и чиновников. Следует добавить, что лишь в конце эпохи Хань бумага заменила деревянные и бамбуковые пластины и дощечки в качестве основного материала для письма; без сомнения, это нововведение дало толчок развитию каллиграфии: бумажный лист и горизонтальный свиток (который стал стандартной формой книги) предоставляли кисти художника свободу и пространство для движения, которые отсутствовали при использовании прежних материалов. Но и в этой сфере нашли выражение те же идеалы: индивидуальный характер и эмоции, ритм и спонтанное движение, а также мощная связь с даосизмом. К концу III в. каллиграфия превратилась в аристократическое искусство, а век спустя оно достигло наивысшего совершенства в работах Ван Сичжи (307–365 гг.), который с тех пор считается величайшим каллиграфом всех времен.

Некоторое время спустя общие тенденции индивидуализации и «улучшения общества» стали ощущаться в смежной сфере светского изобразительного искусства, которое, очевидно, возникло на основе ремесленного производства иллюстрированных текстов на горизонтальных свитках. В этот период изобразились по большей части человеческие фигуры (в основном исторические персонажи, мифологические сюжеты и портреты). Пейзаж тогда играл второстепенную роль, и все изображения были цветными. Первые художники, имена которых дошли до нас, творили в III в. До нас не дошли произведения раннего средневекового элитного искусства, однако в случае с одним из наиболее известных мастеров, Гу Кайчжи (ок. 344–406 гг.), мы хотя бы имеем некоторое представление о том, как выглядели такие произведения –

благодаря тому, что сохранились некоторые ранние копии (копии X–XI вв. – *Прим. ред.*).

Все это относилось к той сфере, которую образованные китайцы называли высоким искусством, т.е. формам художественного выражения, соответствовавшим взглядам интеллектуалов. Религиозные темы не были обойдены вниманием – действительно, на самой известной картине Гу Кайчжи изображен буддийский мудрец Вималакирти. Но все равно их оценивали с художественной точки зрения: истинное произведение искусства – это индивидуальное творчество благородного мужа, проявление интеллектуальной культуры и научного интереса.

Из этого следует, что многое из того, что мы сегодня считаем величайшими произведениями искусства эпохи раннего средневековья, на самом деле принадлежит к другому сектору китайской культуры, далекому от сферы интересов элиты. Если мы обратимся к художественным ремеслам, мы увидим совсем другую картину.

Самой яркой чертой раннего средневекового искусства и ремесла (в том числе религиозной живописи и скульптуры) является мощный иноземный элемент, прежде всего из западного региона. В формах и украшениях керамических и металлических изделий просматривается центральноазиатское и сасанидское влияния. В Китае применялись музыкальные инструменты индийского и центральноазиатского происхождения вместе с западными танцами и мелодиями. Но самым важным каналом культурного влияния был буддизм; в Китай была ввезена вся его богатая иконография, и там развились самобытные китайские стили. Значительная часть предметов раннего средневекового буддийского искусства была утеряна. Из религиозной архитектуры уцелело лишь несколько кирпичных и каменных пагод, но ни один из гигантских храмов и монастырей, построенных в соответствии с китайской традицией монументальной деревянной архитектуры, не дошел до наших дней.

Наши знания и оценка раннего средневекового буддийского искусства в основном связаны с огромными пещерными храмовыми комплексами, наиболее известные из которых находятся на крайнем северо-западе в районе древнего Дуньхуан, недалеко от двух столиц Тоба Вэй, сменивших одна другую: это Юньганские пещеры в районе города Датун и комплекс Лунмынь недалеко от Лояна. Практика вырубания таких святилищ в отвесных скалах, явно навеянная индийскими и центральноазиатскими образцами, и украшения их росписями и скульптурами, возникла около 400 г. н.э. На ранней стадии ощущается сильное влияние иноземных моделей и художественных канонов (действительно, самые старые росписи в Дуньхуане, по всей видимости, сделаны ремесленниками,

привезенными из Кызыла в Средней Азии), но вскоре утверждаются китайские приемы и идеалы изображений. Начиная с раннего периода правления Тоба Вэй по всему Северному Китаю вырубали десятки таких пещерных комплексов, и эта традиция продолжалась при династиях Суй и Тан и даже позднее (последние пещеры датируются примерно 1300 г.).

Другой важной чертой буддийского религиозного искусства является выплавка культовых изваяний из бронзы методом литья по выплавленным восковым моделям. Этот метод литья был известен в Китае еще с доимперских времен; в буддийском искусстве он нашел новое и перспективное поле применения. Здесь мы видим ту же картину: в ранних образцах IV и начала V в. ощущается очень сильное влияние «индогреческого» стиля Гандхары, а на следующем этапе, соответствующем расцвету Тоба Вэй, начинают доминировать китайские художественные каноны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BALÁZS, E. 1953–4. Etudes sur la société et l'économie de la Chine médiévale. Leiden. 2 Vols.
- CH'EN, K. 1964. Buddhism in China. A Historical Survey. Princeton.
- EBERHARD, W. 1949. Das Toba-Reich Nordchinas, eine Soziologische Untersuchung.
- HENRICKS, R.G. 1983. Philosophy and Argumentation in Third-Century China. The Essays of Hsi K'ang. Princeton.
- HOLZMAN, D. 1957. La vie et la pensée de Hsi K'ang (225–262). Leiden.
- HURVITZ, L. 1956. Wei Shou: Treatise on Buddhism and Taoism. Kyoto.
- JOHNSON, D.G. 1977. The Medieval Chinese Oligarchy. Boulder, Colorado.
- KAO, K.S.Y. (ed.). 1985. Classical Chinese Tales of the Supernatural and the Fantastic. Selections from the Third to the Tenth Century. Bloomington.
- MASPERO, H. 1971. Essai sur le Taoïsme aux premiers siècles de l'ère chrétienne. In: Le Taoïsme et les religions chinoises, pp. 341–466. Paris.
- MATHER, H. 1976. Shih-shuo hsin-yü: A New Account of Tales of the World. Minneapolis.
- SABATTINI, M.; SANTAPELO, P. 1986. Storia della Cina. Rome.
- SIVIN, N. 1968. Chinese Alchemy. Preliminary Studies. Cambridge, Mass.
- STRICKMANN, M. 1981. Le Taoïsme du Mao Chan. Chronique d'une révélation. Paris. (Mémoires.)
- WANG, YI-TUNG. 1953. Slaves and Other Comparable Social Groups during the Northern Dynasties (368–618). Harvard Journal of Asiatic Studies, Cambridge, Mass., Vol. 16, pp. 294–364.
- WRIGHT, A.F. 1948. Fo-t'u-teng, A Biography. Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. II, pp. 321–371.
- ZÜRCHER, E. 1972. The Buddhist Conquest of China. Leiden. 2 Vols.

ДРЕВНЯЯ КОРЕЯ

Чжоу Илян

Илл. 151

Расположенный в северо-восточной части Азии Корейский полуостров с древних времен был подвержен культурным влияниям из других регионов: тунгусских племен с севера, Китая с запада и Японии. В первой половине I тысячелетия до н.э. на территории Корейского полуострова появляются первые бронзовые предметы (мечи, наконечники стрел и украшения, обнаруженные в захоронениях) в культурных археологических слоях, относящихся к неолиту и соответствующих культурам в Маньчжурии и Монголии. Примитивное земледелие, которым наряду с рыболовством и охотой занимались эти древние племена, с применением железа поднялось на новый уровень, о чем свидетельствуют железные сельскохозяйственные орудия и оружие, появившиеся на полуострове примерно с 300 г. до н.э. Большие дольмены, обнаруженные как на севере, так и на юге, указывают на рост производительности труда и усиление власти местных правителей.

Вместе с тем примерно в то же время, по крайней мере с III в. до н.э., на территории Корейского полуострова можно обнаружить первые следы китайского культурного влияния, проникавшего в Корею с северо-запада, влияния, которое становилось все более значительным на протяжении периода, рассматриваемого в этом томе. История основания государства в северо-восточной части Корейского полуострова беглым китайским князем из династии Шан (Инь) около 1000 г. до н.э., скорее всего, лишь легенда, однако нет сомнения в том, что в 194 г. до н.э. некий Виман (Вэймань по-китайски) привел в Корею беженцев или переселенцев из северо-восточного Китая и основал государство со столицей в крепости Вангомсон (современный Пхеньян).

Вторая волна китайского влияния пришла в 108 г. до н.э., когда У-ди, император династии Хань, вторгся в Корею и положил конец власти Вимана. В северной части полуострова были учреждены четыре области (*цзюнь*) под управлением китайских чиновников. Наиболее значительная область – Наннан (Лэян по-китайски) находилась на месте современного Пхеньяна. Из-за сопротивления корейцев китайское присутствие на полуострове было вскоре сведено к пределам Наннана, который оставался форпостом китайского правления до начала IV в. н.э. В течение этих четырехсот лет Наннан оставался центром китайской культуры, что подтверждают находки в захоронениях китайских чиновников – изящные лакированные поделки, шелковые ткани и другие предметы – наглядные свидетельства китайского культурного влияния в тот период.

В IV в. н.э. ситуация коренным образом изменилась. На территории Корейского полуострова возникли три независимых государства: Когурё на севере, Пэкче на юго-западе и Силла на юго-востоке. Разделение на три государства длилось более трех столетий, до тех пор пока в 668 г.

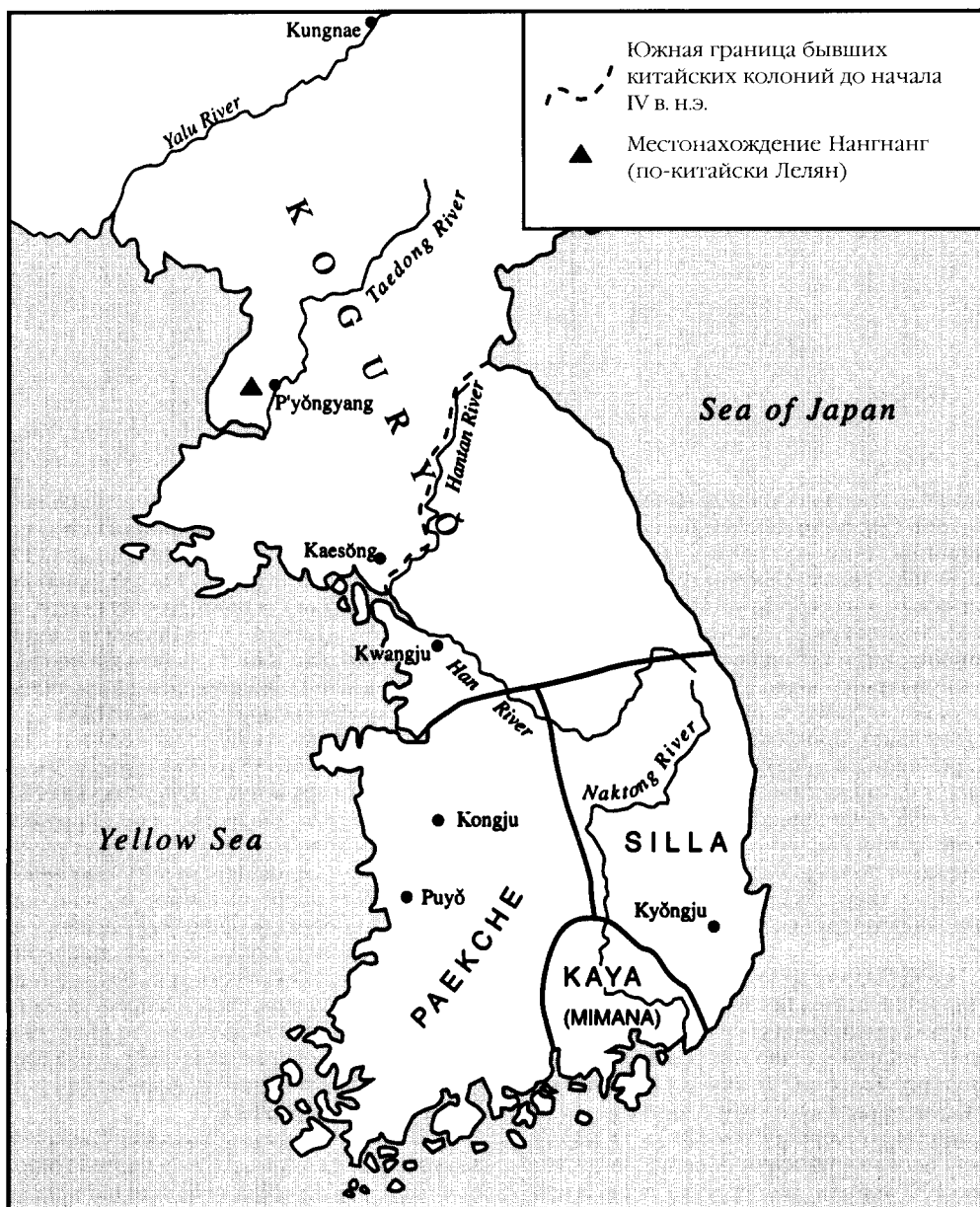
государство Силла не объединило корейские земли под своим владычеством. Этот период в истории Кореи известен как период Трех государств (см. карту 39).

В 313 г. правитель (*ван*) Когурё (изначально это было племя, занимавшее территорию на севере за рекой Ялуцзян), захватил Наннан и вслед за тем расширил свои владения на юг по реке Ханган, используя плодородные земли долины как экономическую базу своего правления. В 427 г. столица Когурё была переведена в Пхеньян, где она находилась до падения государства в 668 г. В правление воинственного вана Квангэтхо (Kwanggaeto, 391–412 гг.) и трех последующих правителей Когурё процветало, расширившись на север до Ляодунского полуострова и разгромив объединенные войска Японии и Пэкче на юго-западе.

Юго-западное государство Пэкче возникло в конце III в. Оно занимало наиболее плодородную и богатую область страны и вскоре стало процветающим государством с развитой системой центрального и местного управления. Оно процветало экономически и культурно и поддерживало тесные связи с китайскими южными династиями. Однако из-за внутренних конфликтов оно никогда не было сильным в военном отношении и не раз терпело поражения в войнах с более могущественным Когурё и своим восточным соперником Силлой.

Третье корейское государство – Силла с центром в Кёнджу располагало сельскохозяйственной базой в плодородном районе между реками Ханган и Нактонган. Силла также располагалась стратегически выгодно, так как контролировала устье реки Ханган. Из союза шести основных племен Силла вскоре превратилась в феодальное государство, основанное на иерархической системе наследственных аристократических рангов, которая определяла статус и функции каждого представителя элиты.

В эти столетия в Корею преобладало китайское культурное влияние. В Когурё оно проникало из Северного Китая, который тогда был оккупирован сменяющимися друг друга не китайскими династиями завоевателей. В Когурё был введен свод законов, система налогов и принудительных работ по китайскому образцу, основана конфуцианская академия; в 372 г. из Китая был официально принят буддизм, и постепенно развилась сложная система государственного управления по образцу китайского бюрократического правления. В Пэкче, а немного позже и в Силле также происходило широкое заимствование элементов китайской культуры, и во всех трех государствах официальной религией стал буддизм в его китайской форме и со священными текстами на китайском языке. Объединение Кореи под властью Силлы может рассматриваться как начало истории единой Кореи как самостоятельного государства: вплоть до новейшего времени Корея продолжала быть единой страной под управлением единого центрального правительства. Несмотря на недавний конфликт с танской империей, правители объединенного государства Силла не-

Карта 39. Корея в период Трех государств (положение около 400 г. н.э.)

медленно начали проводить политику настолько широких заимствований китайских идей, методов и институтов, что за достаточно короткий период (примерно с 670 по 720 г.) преобразовали царство Силла в небольшую копию империи Тан.

Такая трансформация в значительной степени явилась продолжением процесса культурных заимствований предыдущих веков. С другой стороны, примерно за 70 лет до этого японский двор также начал выполнять похожую программу методичного заимствования китайской культуры, и вполне возможно, что правители Силлы были воодушевлены именно японским примером. Как бы то ни было, Япония и Корея использовали одни и те же методы: отправляли крупные ежегодные посольства (по сути, это были сочетания даннических миссий и миссий «культурного заимствования») к танскому двору; посылали большие контингенты корейских учащихся, которые часто были буддийскими монахами и проводили много лет в Китае; приглашали китайских специалистов; ввозили китайские тексты и изделия.

Особенную важность представляло принятие китайского литературного языка в качестве письменного язы-

ка. Китайские иероглифы было очень сложно использовать в корейской письменности, так как корейский язык по своей структуре коренным образом отличается от китайского. Несколько позже корейские ученые все же разработали систему фонетической записи корейского языка при помощи китайских иероглифов, однако она оказалась чрезвычайно громоздкой и так и не получила широкого применения. Вследствие этого все сколько-нибудь значимые тексты, такие как исторические хроники, официальные документы и религиозные тексты, составлялись на китайском языке. Более чем тысячу лет классический китайский язык оставался нормативным литературным языком, во многом напоминая латынь в средневековой Европе.

Хотя правители Силла прилагали огромные усилия к превращению своего государства в копию империи Тан, они не приняли конфуцианство в качестве государственной идеологии. В Китае с конфуцианством был неразрывно связан отбор потенциальных чиновников через систему государственных экзаменов, в которых в принципе мог принять участие любой образованный мужчина. Таким

образом, по крайней мере теоретически, китайское общество было основано на принципе «свободной конкуренции», независимо от происхождения. Древнекорейское общество зиждилось на системе наследственного аристократизма, в которой высшим аристократическим рангам принадлежала монополия на высшие посты, а менее знатным аристократам доставались низшие. Очевидно, для такого общества конфуцианство не подходило. Несмотря на все заимствования институтов из Китая, включая органы центральной, районной и местной администрации, влияние конфуцианства в Корее оставалось достаточно ограниченным.

Основным каналом передачи китайской культуры стало вовсе не конфуцианство, а буддизм. В Корее собирались и изучались китайские буддийские священные тексты; ранние школы китайского буддизма укоренились в Силле, и буддийское искусство, в первую очередь в его китайских формах, вскоре было освоено корейскими мастерами с виртуозным мастерством. Буддизм в форме махаяны привлекал всех как доктрина всеобщего спасения. Правительство также покровительствовало ему, поскольку существовало представление, что буддизм обеспечивал чудодейственную защиту царского дома и государства. Кроме того, буддийские монастыри также играли важную социальную роль, так как в таком жестком феодальном обществе они были единственным институтом, дававшим даже простым людям некоторый шанс достичь определенного положения в обществе.

После объединения Китая в 589 г. суйские и первые танские императоры пытались возобновить ханьскую экспансию в Корею. На протяжении VII в. китайцы семь раз вторгались в Когурё по суше и по морю. Когурё заключило союз

с Пэкче против армии Тан, в то время как Силла была союзником танской империи. В 663 г. пало государство Пэкче, а в 668 г. объединенные войска Тан и Силла покорили Когурё. Однако армии государства Силла оказали яростное сопротивление танскому стремлению оккупировать Корею, и в конце концов Силла добилась объединения полуострова под своим правлением. Это стало началом новой эры в истории Кореи – периодом объединенного государства Силла, который продолжался до середины X в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CHOY, B. 1971. *Korea: A History*. Rutland, Vermont/Tokyo.
- GARDINER, K.H.J. 1969. *The Early History of Korea: The Historical Development of the Peninsula up to the Introduction of Buddhism in the Fourth Century AD*. Canberra.
- HENTHORN, W. E. 1971. *A History of Korea*. New York/London.
- IKEUCHI, H. 1930. *A Study on Lo-lang and Tai-fang, Ancient Chinese Prefectures in the Korean Peninsula*. *Memoirs of the Research Department of the Toyō Bunko*. Ser. B, No. 5, pp. 79–96.
- JOE, W.J. 1972. *Traditional Korea. A Cultural History*. Seoul.
- KIM, J. 1975. *Bronze Artifacts in Korea and their Cultural-Historical Significance*. *Occasional Papers of the Center for Korean Studies*. (University of Hawaii, Honolulu, Hawaii), No. 3, pp. 130–91.
- KIM, W. 1975. *The Neolithic Culture of Korea*. *Occasional Papers of the Center for Korean Studies*, No. 3, pp. 61–111.
- PEARSON, R.J. 1975. *Korean Prehistory: An Overview*. *Korean Journal* (Seoul, Korean National Commission for UNESCO), Vol. 15.12, pp. 4–11.
- VOS, F. 1977. *Die Religionen Koreas*. Stuttgart-Berlin. Vol. 22.1. (Religionen der Menschheit.)

27.3

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ

Чжоу Илян

Илл. 152–154

Первые века периода (около 700 – около 300 гг. до н.э.), которому посвящен этот том, приходятся на последний этап археологической культуры дзёмон, или шнуровой керамики, первые свидетельства существования которой датируются III тысячелетием до н.э., прежде всего в Восточной и Северной Японии. Люди той эпохи жили охотой, собирательством и рыболовством, использовали каменные орудия и рыболовные приспособления из кости и рога. Хотя гончарный круг еще не применялся, дзёмонские керамические изделия демонстрируют удивительное богатство форм и орнаментов. Превосходные терракотовые женские фигурки, по всей видимости, были связаны с неким кульгом плодородия; им, возможно, поклонялись как богиням, ответственным за воспроизводство животных и растений.

В 300-е гг. до н.э. стала преобладать другая, технически более прогрессивная культура; она получила название яёй (*Yayoi*) – по тому кварталу в Токио, где в 1881 г. было найдено первое скопление раковин, принадлежащих к этой культуре. Культура яёй, которая просуществовала около шести веков (около 300 г. до н.э. – 300 г. н.э.), возникла на западе Японии, в той ее части, которая находится ближе всего к Азиатскому континенту, и в ней ощущается явное китайское и корейское влияние. В начале периода яёй из этих краев континента, по-видимому, прибывали большие массы переселенцев, привлеченных благоприятными природными условиями северной части острова Кюсю. Они принесли с собой гончарный круг, железные сельскохозяйственные инструменты и технологию выращивания риса. Способ выращивания поливного риса на полях, обычно разделенных на малые участки, без сомнения, имеет китайское происхождение. Помимо риса, люди яёй выращивали на неорошаемой земле злаки, бобы, овощи и фрукты.

Использование металла также пришло с континента. Некоторые бронзовые предметы, найденные в местонахождениях ранней яёй, были ввезены либо из Китая, либо из китайской области Наннан (Лэйан по-китайски) в Корею. Однако бронзовые колокола, мечи и церемониальные алебарды были местного производства и имели характерные формы. Наиболее примечательными являются большие, но чрезвычайно хрупкие колокола (*дотаку*), которых было обнаружено более 300; как правило, они покрыты простым геометрическим орнаментом, но примерно на трети известных колоколов вырезаны изображения сцен охоты и сельской жизни, например обмолачивание риса и многоэтажные амбары. Поскольку бронза и железо появились в Японии примерно одновременно, в японской археологии не было реального бронзового века, и из каменного века Япония шагнула непосредственно в железный. Тем не менее, железные инструменты не вытеснили окончательно изделия из дерева и камня; в повседневном употреблении остались каменные ножи и наконечники для стрел и копий.

Множество местонахождений культуры яёй рассеяно по всей северной половине Японии; на сегодняшний день об-

наружено более 100 тыс. захоронений, примерно сорок из них имеют размеры более 200 м. Погребальные обычаи свидетельствуют о продолжавшемся процессе классового расслоения. В погребениях начала периода яёй, как правило, нет либо очень мало погребального инвентаря. Однако позднее появились погребения более совершенного типа, в которых содержатся зеркала и оружие, что указывает на то, что в них, вероятно, были погребены тела вождей.

Примерно в начале I тысячелетия н.э., по всей вероятности, через китайскую область Наннан в Корею были установлены контакты с ханьским Китаем. Наиболее ранним свидетельством является золотая печать, обнаруженная в 1787 г. Она была прислана позднечаньским императором Гуан У-ди в 57 г. н.э. правителю царства Ну. Очевидно, он был правителем одного из многочисленных племенных «государств», существовавших в Японии, о чем свидетельствует китайский источник конца III в. «Хроники Трех царств» («Саньго чжи»). В этой и в некоторых других китайских летописях мы находим первые описания Западной Японии. В них япошцы (по-японски «во», «ва») предстают как довольно развитый в экономическом отношении народ, выращивающий рис и другие зерновые культуры, а также занимающийся рыбной ловлей. Они выращивали тутовые деревья, занимались шелководством, выпускали шелк довольно высокого качества. Упоминается, что японцы обитали в жилищах, где отец, мать и братья жили отдельно. Первоначально Западная Япония была разделена на примерно сотню «государств», включавших в себя от 1000 до 70 000 дворов. Однако к началу III в., согласно «Саньго чжи», около тридцати из них объединились под властью царицы по имени Химико (которое, возможно, означает «Солнечная принцесса»). Она основала государство Яматой, точное местоположение которого до сих пор является спорным (если оно совпадает с Ямато, центром более поздней империи, расположенной к югу от современного Киото, то земли царицы Химико могут считаться первым ядром японского государства). В 239 г. н.э. Химико отправила посольство в Китай ко двору государства Вэй и получила почетный титул «Правительница Японии, дружественной Вэй». Согласно китайским источникам, она была как политическим, так и религиозным лидером. Она собирала налоги и проводила в жизнь законы. После ее смерти для нее была построена огромная усыпальница диаметром более ста шагов, а вместе с ней были погребены живо более сотни рабов.

В III в. н.э. мы можем наблюдать первые признаки формирования аристократического общества, в котором лидеры хоронили под высокими земляными курганами, а позднее – в каменных погребальных камерах. В этой связи культура получила название культура гробниц, она охватывала период с III по VII в. н.э. Самые внушительные курганы находятся на территории государства Ямато вокруг современного города Нара, у восточного побережья Внутреннего Японского моря, т.е. в регионе, который позже по-

лучил название «Столичный район» («*Кинки*»), и некоторые из курганов связаны с именами первых императоров Японии. Культура гробниц с ее политическим центром в зарождающемся государстве Ямато может рассматриваться как переходный период от предыстории к истории и как прелюдия к историческому японскому государству. Нет никаких сомнений, что на эту культуру оказали сильное воздействие веяния с континента – и из Китая, и из Кореи. Такая особенность погребального ритуала, как использование каменных гробов, а также определенные виды керамики и доспехов, воспроизводят корейские образцы. Как и в Корее и в северных китайских государствах, где правила захватчики-«варвары», в Японии элиту общества составляла аристократия из тяжеловооруженных всадников, на что указывают *ханыва* – типовые глиняные фигурки людей, животных и жилищ, которые являются одними из наиболее характерных изделий этого периода. Наряду с этими веяниями из Кореи и проходящими через нее, также существуют явные свидетельства прямых контактов с южными китайскими династическими государствами, столицей которых был современный Нанкин. Уже во второй половине III в. в Японии использовались изысканные бронзовые зеркала китайского образца – либо ввезенные из южнокитайского царства У в низовьях Янцзы, либо изготовленные мастерами из У, пересехавшими в Японию.

Развивались дипломатические отношения с китайским императорским правительством в Цзянькане (Нанкине). Важнейшим документом о таких отношениях является письмо, присланное в 478 г. царем Ямато императору одной из китайских южных династий Лю-Суну (420–479 гг.). Если этот правитель Японии тождественен Юриаку-тэнно, упомянутому в последующих японских летописях, то он был внуком Нинтоку-тэнно, который с целью подъема экономики поощрял развитие сельского хозяйства и строительство ирригационных каналов и рвов. Его курган длиной 480 м и высотой 35 м, окруженный тремя рвами, является самым крупным древним погребением в Японии. В своем письме правитель Японии перечисляет свои заслуги, равно как и заслуги своего деда, отца и брата, и описывает их действия по расширению территории Ямато: «... Они проходили огромные расстояния в доспехах, не имея ни минуты отдыха или комфорта. На востоке они захватили пятьдесят пять государств волосатых людей; на западе они захватили шестьдесят шесть варварских государств и покорили девяносто пять государств за морем на севере».

Понятно, что все эти «государства» были весьма скромными племенными сообществами. «Волосатые люди» – это, без сомнения, предки айнов, которые сегодня живут только в отдаленных областях на севере (на острове Хоккайдо. – *Прим. ред.*) и отличаются обильным волосатым покровом. Под «за морем на севере», вероятно, имеются в виду племенные сообщества, объединенные в небольшое государство Мимана (или Кайя) на южном побережье Корейского полуострова, которое до 562 г. н.э. было своего рода японским протекторатом.

На экономическое и культурное развитие Ямато на раннем этапе большое влияние оказывали отношения с тремя основными государствами на Корейском полуострове, особенно с юго-западным государством Пэкче (по-японски Кudara). Иногда Ямато и Пэкче жили в мире: когда князь Пэкче преподносил стальной меч правителю Ямато, это, конечно, было знаком расположения, и японские летописи также отмечают, что время от времени государства находились в состоянии мира. Однако упоминаются также и военные действия. Надпись на камне из северного корейского государства Когурё свидетельствует о вторжении японцев в 391 г. в Северную Корею и о победе войск Когурё. Когда государство Пэкче окрепло, оно потребовало от правителя Ямато вернуть четыре области в Мимане, и в конце концов в 562 г. юго-восточное государство Силла положило конец существованию этого японского форпоста.

Тесные связи с Пэкче, Силлой и Миманой имели ощутимые последствия. В островном государстве из-за моря пришло множество китайских и японских переселенцев, и они и их потомки внесли значительный вклад в дальнейшее развитие молодой японской культуры, попутно завоевывая для себя прочное положение – как социальное, так и экономическое. Повсюду были обнаружены религиозные храмы, построенные этими переселенцами, и согласно более поздним (IX в.) генеалогическим записям, из всех 1590 кланов около трети были иноземного происхождения. Кстати, благодаря ученому, присланному из Пэкче, примерно в 400 г. при дворе Ямато был введен китайский письменный язык, и он стал основным средством официального делопроизводства – для японской культуры это судьбоносное событие.

Введение письменности также означало начало регистрации важных событий, а следовательно, и появление письменных хроник, более надежных, чем прежние устные традиции. Сведения о предшествующих эпохах, которые приводятся в двух японских летописях VIII в. («Кодзики», или «Записи о делах древности», 712 г., и «Нихон сёки», или «Анналы Японии», 720 г.), являются по большей части мифологическими. Они повествуют о том, как внук богини Солнца спустился с небес на землю Кюсю и как его правнук Дзимму, «Божественный воин», в 660 г. до н.э. основал державу Ямато. У этого предания нет серьезных исторических или археологических подтверждений, и мифы о более поздних правителях Ямато, именуемых *тэнно*, «Небесные государи», и ведущих свой род от богини Солнца, также представляют собой смесь мифов и смутных исторических преданий. Благодаря появлению письменности, с начала V в. летописи становятся более заслуживающими доверия.

Ранние источники дают нам довольно полное представление о социальной и политической структуре древнего японского государства с центром в районе города Нара. Вначале правитель носил титул «Великий царь»; в VII в. он принял императорский титул тэнно, который используется до наших дней. До сих пор неясен вопрос, происходил ли императорский клан собственно из Ямато или же с севера острова Кюсю.

Аристократическое общество Ямато состояло из более ста полуавтономных групп, или кланов с наследственной структурой, именуемых *уйи* (*uji*), наиболее привилегированным из которых был уйи правителя, который, по их словам, напрямую восходил к богине Солнца. Каждый уйи владел землей и крестьянами, которые обрабатывали ее. Ко многим уйи принадлежали вспомогательные профессиональные группы, также с наследственной структурой, которые назывались *бэ* («объединения», «сообщества»). Наряду с бэ зависимых крестьян также существовали специализированные объединения (например, бэ птичников, рыбаков, седельников, гончаров и ткачей), равно как и объединения специалистов с высоким культурным уровнем – объединения переводчиков и составителей официальных документов.

Итак, древнее государство Ямато как в политическом, так и в социальном плане было весьма расплывчатой децентрализованной структурой. Правителем просто был предводитель наиболее могущественного клана. Власть последнего держалась на том, что он привлек к себе множество мелких уйи (в первую очередь военных кланов) и образовал огромное количество подчиненных бэ – и крестьянских, и более специализированных. Правитель Ямато мог даровать наследственные титулы лидерам уйи, принадлежащим к внутреннему кругу союзных кланов и боковым ветвям императорской семьи. Со временем из этой структуры выросла система аристократических рангов и титулов, жалующихся двором.

Не прекращался приток элементов китайской и корейской цивилизаций, и в течение VI в. Япония сделала большой шаг вперед в области культуры, что в значительной мере было результатом этих импульсов извне. Так, из Пэкче в Японию регулярно присылали людей, сведущих в медицине, астрономии, китайской классике, фармакологии и му-

зыке. Повышался культурный уровень переселенцев; продолжался приток ремесленников, которые знакомили Японию с ремесленными технологиями, но наряду с ними прибывали ученые и все больше буддийских монахов.

Появление буддизма в Японии в VI в. н.э. было еще одним событием эпохального значения – не только потому, что так Япония познакомилась с одной из величайших религиозных систем Азии, но и потому, что, как и в Корее, буддизм в его специфически китайской форме стал каналом культурной связи, по которому в Ямато было передано множество достижений китайской цивилизации.

Исконную японскую религию, существовавшую до прихода буддизма, впоследствии, чтобы отличить от него, стали именовать *синто* – «Путь сверхъестественных созданий» («Путь духов»). Очевидно, она возникла на основе местных разрозненных религиозных культов, не имевших между собой никакой общей идеологии и организации. Все эти культы основывались на поклонении всевозможным природным божествам, называемым *ками* («сверхъестественные создания»); этот расплывчатый термин, который изначально обозначал «то, что над», «высшее», мог относиться к любой высшей силе – как доброй, так и злой, от верховных богов, таких как богиня Солнца и бог Риса, до волшебной силы, обитающей в высоком дереве или в камне странной формы. Один из главных мотивов синтоистских культов – плодородие; другие центральные идеи – это ритуальная чистота и различные ритуальные и физические способы очищения. Это была очень простая религия, без общей теологии и без четко определенного пантеона.

Возникновение государства Ямато сопровождалось процессом религиозной систематизации – взаимодействие политической и религиозной сфер было вполне естественным явлением, поскольку как главы всех уйи правители Ямато обладали важными религиозными и ритуальными функциями. С возвышением императорского клана культ императорского божественного предка стал центром национальной религии и официальной мифологии, в которой место также уделялось другим выдающимся ками. Именно на этом этапе при японском дворе появился буддизм.

Вероятно, некоторые сведения о буддизме просочились в Японию задолго до этого вместе с переселенцами с континента. Однако фактическое принятие иноземного верования дворцовыми кругами состоялось в 552 г. (или, по последним данным, в 558 г.), когда правитель государства Пэкче прислал в Японию позолоченную бронзовую статую Будды, несколько буддийских священных текстов и принадлежности для проведения буддийских церемоний. Подарок от Пэкче вызвал сильное противодействие принятию буддизма. Могущественный клан Накатоми активно сопротивлялся его принятию и имел на то основания, поскольку этот клан был уйи синтоистских жрецов, которые, естественно, не приветствовали появление такого мощного соперника. К этому клану присоединился воинский клан Мононобэ, который только что укрепил свои позиции, разбив мятежного правителя Кюсю. Однако другой влиятельный клан, Сога, в ведении которого находились финансы, шелководство и торговля с Кореей, поддержал идею принятия новой веры. Поэтому император преподнес статую главе клана Сога и позволил ему воздвигнуть буддийское святилище в доме. Тем не менее, конфликт длился несколько десятилетий. Дважды из-за природных бедствий буддизм подвергался кратковременным гонениям, поскольку они были восприняты как знак недовольства синтоистских богов почитанием чужеземного божества. Таким образом, буддизм оказался глубоко вовлечен в борьбу уйи при дворе Ямато, и поэтому добиться признания он мог только после того, как одержит верх покровительствующий ему клан. Это произошло в 587 г., когда Сога одержали победу над соперниками. Поскольку полагали, что Сога победили из-за того, что на их стороне была мощь буддизма, новая религия получила то, к чему стремилась, и обрела покровительство императорского двора, которым теперь полностью

управляли Сога. В 593 г. на трон взошла императрица Суйко из клана Сога, а регентом при ней был ее племянник, князь Сётоку-тайси (574–633 гг.). Оба они были рьяными приверженцами буддизма, и в итоге антибуддийскому движению пришел конец.

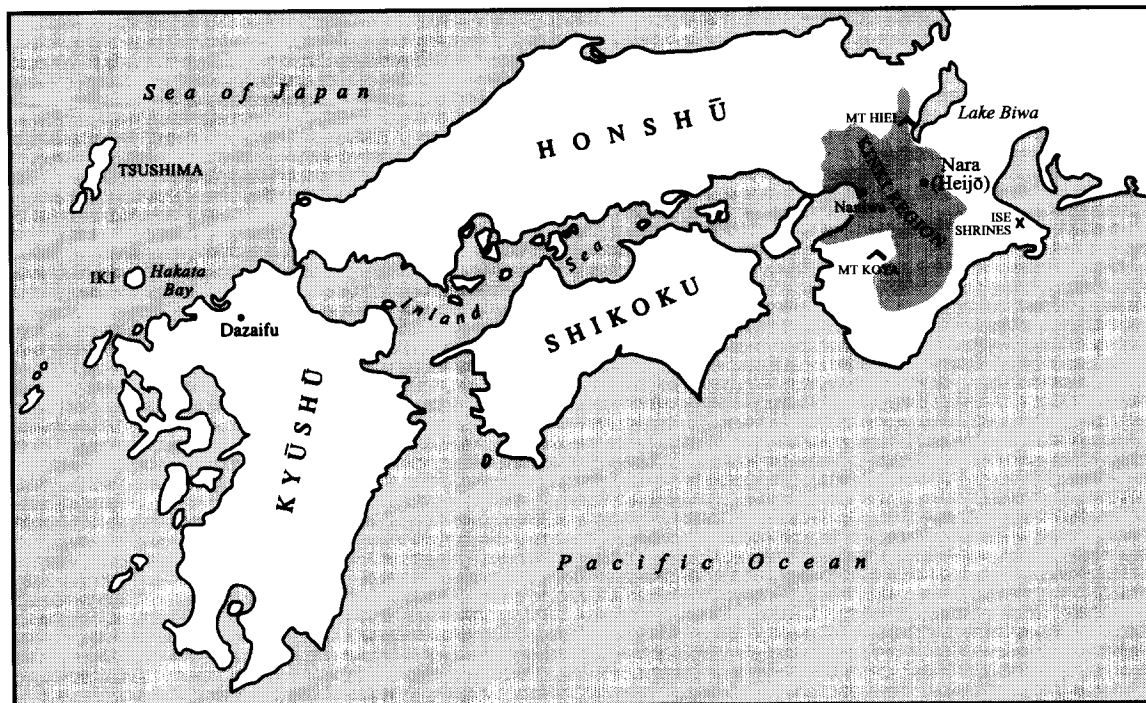
При Сётоку-тайси был основан первый в Японии национальный буддийский монастырь Асука-дера. Археологическое исследование этого храма показало, что его план был похож на план храмов Когурё, а в черепичной кладке и строении печи, используемой для обжига черепицы, наблюдается сильное влияние Пэкче. При императрице Суйко в Японию постоянно прибывали монахи из Кореи и Китая, которые внесли существенный вклад в развитие буддизма и раннебуддийского искусства и архитектуры в Японии. Как это обычно бывает, становление буддизма шло рука об руку с образованием буддийской монашеской организации, и в этой связи стали издаваться законы и распоряжения, касающиеся поведения монахов и монахинь и управления монастырским имуществом.

Покровительство, которое оказывал буддизму двор Ямато, было тесно связано с политикой. Так, храм Четырех богов-стражей в Наниве был построен потому, что, согласно буддийским священным текстам, эти боги оберегают страну. Даже место резиденции императора определялось по рекомендациям буддизма: раньше ее периодически переносили из одного места в другое, но после возведения монастыря Асука-дера она была построена рядом со знаменитым монастырем. Множество буддийских монастырей сконцентрировалось в Ямато, где быстрыми темпами шло развитие буддийской культуры китайского типа с монастырем Асука-дера как центром. Князю Сётоку-тайси приписывается сочинение ряда примечаний и комментариев к буддийским текстам. Хотя эти труды, по всей видимости, были результатом совместного творчества с учеными монахами, почитатели князя Сётоку всегда гордо настаивали на его единоличном авторстве.

Однако в своем стремлении принести в Японию китайскую цивилизацию Сётоку-тайси не ограничился покровительством буддизма. К тому времени, когда он в 593 г. стал регентом, прошло всего лишь четыре года с тех пор, как Китай вновь объединился под властью династии Суй, а вторая половина регентства Сётоку-тайси пришлось на первые двенадцать лет правления Тан, могущественной китайской династии, которая упрочила и превзошла достижения Суй. Естественно, этот пример оказал сильное влияние на Сётоку-тайси, и вскоре он провел ряд крупных мер, направленных на превращение Японии в миниатюрную копию китайской империи. Так он положил начало процессу масштабного культурного заимствования, ставшему поворотным пунктом в японской истории.

В 604 г. Сётоку-тайси провозгласил «Конституцию из Семнадцати статей» – своего рода морально-политический кодекс, состоящий из кратких наставлений, сочетающих в себе идеалы буддизма, конфуцианства и легизма. Только одна статья является буддийской по своему содержанию: в ней предписывается почитать «три драгоценности» (Будду, Учение и буддийскую монашескую общину – сангху). Некоторые другие статьи – это общие конфуцианские наставления, подчеркивающие важность таких ценностей, как гармония и послушание. Однако большая часть предписаний касается принципов правильного управления: правителю следует подбирать соответствующего человека на должность (а не должность для человека); чиновники должны быть осмотрительны при исполнении повелений императора; «в стране не бывает двух господ», и, в соответствии с этим централистским принципом, местным лидерам не может быть позволено собирать налоги.

Примерно в то же время Сётоку-тайси ввел китайский календарь и установил систему из двенадцати рангов для придворных чиновников; их называли «*шляпы*», поскольку чиновничьи ранги различались по цвету и узору на шляпе. Раньше такие титулы, как *ами* («большой человек») или *му-*

Карта 40. Западная Япония в начале VIII в.

райи («лидер группы») передавались по наследству, а новые титулы китайского образца стали жаловать человеку лично, вне зависимости от статуса его клана, и они не были наследственными. Это была попытка укрепить позиции центрального правительства путем создания чиновной иерархии на основе конфуцианского принципа меритократии.

В 607 г. Сётоку-тайси начал еще одно нововведение, имевшее далеко идущие последствия: он отправил к китайскому двору первое из нескольких японских посольств. Признавая превосходство китайской культуры, он не унижался при этом. В письме к императору Суй он называл себя «Сыном Неба страны, где восходит Солнце», а его – «Сыном Неба страны, где заходит Солнце», а позднее использовал титулы «Император Востока» и «Император Запада». Хотя эта форма обращения относится к области географии и никого не унижает, она свидетельствует о том, что Сётоку-тайси претендовал на равный статус с китайским императором, но эта самонадеянность не была признана китайским двором, поскольку в китайской системе мировосприятия японское посольство не могло быть чем-либо иным, чем даннической миссией, присланной ко двору вассальным государством.

В 607, 608 и 614 гг. Сётоку-тайси посылал миссии в Китай, и император династии Суй также отправлял посла для сопровождения японского посольства обратно в Японию. Как правило, в составе миссий находились молодые студенты и монахи, которые приезжали учиться в китайскую столицу Чанъань или в другие места в Китае. Большинство из них были потомками переселенцев, обладали способностями к языку и имели соответствующую культурную базу. Это была масштаб-

ная и продуманная программа, направленная на обучение в Китае с целью обеспечить развитие Японии. Японские студенты, как светские, так и духовные лица, как правило, долго оставались в Китае, иногда более 30 лет. Монах Минабути Сёэн, который уехал в Китай в 608 г. и вернулся в 640 г., стал советником императора Тенчи и Фудзивара Каматари и примерно через 20 лет после смерти Сётоку-тайси начал проводить в жизнь еще более амбициозную программу, известную как реформы Тайка (*Taika* – «Великая перемена» – название периода 645–650 гг.). Некоторые другие «вернувшиеся студенты» также играли большую роль в этих реформах.

Реформы Тайка начались в 646 г. при императоре Котoku Фудзивара с указа, которым упразднили все крупные частные владения и вводилась танская система землеустройства и переписей. Другие реформы включали введение налоговой системы китайского образца, назначение на провинциальном уровне правительственных чиновников, создание сети дорожных магистралей имперского значения и множество других перспективных начинаний. Многие из этих мероприятий были преждевременными и не могли быть полностью реализованы, поскольку нельзя было просто пересадить всю китайскую модель на японскую почву. Тем не менее начальные усилия Сётоку-тайси и последовавшие за ними реформы Тайка поставили японское государство на путь неуклонной китаизации. Когда в 710 г. центральное правительство переместилось в Нару, самим своим видом столица, построенная как близкая копия Чанъаня, должна была символизировать принятие китайской цивилизации как руководящего принципа.

БИБЛИОГРАФИЯ (27.1–27.3)

ASTON, W.G. 1896. *Nihongi: Chronicles of Japan from the Earliest Times to AD 697*. London/New York.
 GROOT, G. J. 1951. *The Prehistory of Japan*. KRAUS, B. S. (ed.). New York.
 ISHIDA, EI'ICHIRO. 1974. *Japanese Culture. A Study of Origins and Characteristics*. KACHI, T. (trans.). Honolulu.
 KIDDER, J.E. 1964. *Early Japanese Art: The Great Tombs and Treasures*. London.

— 1968. *Prehistoric Japanese Arts: Jomon Pottery*. Tokyo, Kodansha.
 SANSOM, G. B. 1958. *A History of Japan to 1334*. London.
 TSUNODA, R; GOODRICH, L.C. 1951. *Japan in the Chinese Dynastic Histories: Later Han through Ming Dynasties*. South Pasadena. (Perkins Asiatic Monograph No. 2.)
 VOS, F. 1957. *A Study of the Ise-monogatari with the text according to the Den-Teika-Hippon and an Annotated Translation*. The Hague.

VIII. Америка*

* Во всем разделе VIII под названием «Америка» (в оригинале – *Americas*) понимается одна часть света, включающая два материка (континента) – Северную Америку и Южную Америку. – *Прим. ред.*

ВВЕДЕНИЕ

Уильям Т. Сендерс

Чтобы показать, на каком фоне происходило развитие культур Нового Света в период, рассматриваемый в этом томе, мы прежде всего опишем ситуацию во времена открытия Нового Света европейцами в XV, XVI и XVII вв.

В двух регионах, которые антропологи относят к очагам культуры – в Центральной Америке и в Центральных Андах (см. рис. 39), – испанские завоеватели обнаружили две замечательные цивилизации. Со времени их открытия было выдвинуто множество разнообразных теорий об их происхождении, и современные историки и археологи провели широкие исследования для решения этих проблем. В обеих областях испанцы обнаружили крупные царства и империи, общества с высокой степенью социальной дифференциации и хозяйственной специализации, с крупными городскими центрами, превосходившими европейские города того времени по размерам и сложности экономической структуры. Более того, в Центральной Америке европейцы обнаружили образованное общество. В обоих регионах система жизнеобеспечения основывалась на земледелии; там выращивались многие неизвестные испанцам культуры, выведенные на основе местных дикорастущих растений Нового Света. На многих территориях в сельском хозяйстве использовались такие сложные агротехнические приемы, как осушение полей, крупномасштабное орошение и террасное земледелие. Однако здесь, в отличие от Европы и Азии, все сельскохозяйственные работы выполнялись за счет мускульной силы людей, с помощью только самых простых ручных орудий. Характерной особенностью Центральной Америки было отсутствие каких-либо крупных домашних животных, которых можно было бы использовать как тягловый или выючный скот, а орудия труда делались в основном из камня. В Центральных Андах в качестве выючных – но не тягловых – животных использовались ламы, мясо и шерсть давали альпаки, а вместо каменных орудий во многих случаях использовались бронзовые и медные. Обе цивилизации располагались в сложных горных и тропических условиях, где климат и растительность отличались большим разнообразием в зависимости от высоты местности над уровнем моря и доступности для муссонных дождей.

Между двумя великими цивилизациями пролегла огромная территория, состоящая из горных местностей и прибрежных равнин, где сейчас располагаются низменные части Центральной Америки, Колумбия, Венесуэла и государства Антильских островов; антропологи называют ее промежуточной или карибской культурной зоной. В XVI в. этот регион был заселен различными группами людей, объединенными в сообщества, которые антропологи называют вождествами (*chiefdoms*). Эти сообщества по своей структуре и природе были очень похожи на те, которые были обнаружены в Океании и относились к тому же времени, в частности в Полинезии и Микронезии. Вождества – это общества, в основе которых лежат родственные связи, и в этом отношении они подобны племенным обществам, но с одним существенным отличием. Основанные на родстве корпоративные группы разделены на категории, различающиеся по престижу, и роды более высо-

кого ранга имеют права на определенные титулы. Этими титулами обладали вожди различных ранговых уровней, и престижность их была различной. Вожди обычно правили благодаря своему высокому рангу и наследственному престижу, но реальными механизмами принуждения не обладали, и такие институты, как армия, полиция и суд, отсутствовали. Вождества характеризуются некоторой внутренней дифференциацией, основанной на ранжировании в зависимости от ветви родословной, обладания титулом, и частичной занятостью хозяйственной деятельностью. К хозяйствам вождей, помимо частично занятых работников, прикреплялось некоторое число людей, занимавшихся ремеслом на постоянной основе. Благодаря такой системе специализации для многих вождеств характерны замечательные произведения ремесленников и художников. Центры вождеств отличаются крупномасштабными общественными сооружениями, прежде всего гробницы и храмы. Масштаб общественных сооружений и качество произведений ремесленников в некоторых вождествах, особенно в крупных, приближаются к достижениям в этих областях более сложных обществ, достигших уровня государств. Центры вождеств функционировали прежде всего как места, где совершались публичные церемонии и обряды, где жили вожди и где выполнялись определенные функции управления.

Общества такого типа, существовавшие в период контакта с испанцами, были обнаружены также в Центральных Андах, на северо-востоке Аргентины, в Северном и Центральном Чили и вдоль основных притоков бассейна Амазонки в Южной Америке. Они были также обнаружены в ряде областей Северной Америки, в особенности в некоторых юго-западных и юго-восточных частях США. Между вождествами в этих областях были рассеяны более простые общества, которые антропологи называют племенными сообществами и которые характеризовались производством пищи, оседлостью и организацией в виде небольших обществ, основанных на родстве, но в основном равноправных по своей социальной структуре.

В Северной Америке к северу и западу от диагональной линии, проходящей приблизительно от границы между Аризоной и Калифорнией до штата Мэн, обитало множество аборигенов, хозяйственная деятельность которых основывалась на охоте и собирательстве; они приспособились к широкому спектру природных условий – от суровых, удаленных от моря субарктических территорий, арктического побережья и пустынь юго-запада и нагорья Большой Бассейн в Кордильерах Северной Америки до более умеренной и богатой природы северо-западного побережья Канады и долин центра и юга Калифорнии. Охотники и собиратели – оседлое население, жившее на юге и востоке Южной Америки, там, где сейчас расположены Парагвай, Южная Бразилия, Северо-Восточная, Центральная и Южная Аргентина и Южное Чили, – освоили местности с различными природными условиями от пустынь до тропических влажных лесов, включая тропическую саванну, луга средних широт и северные леса.

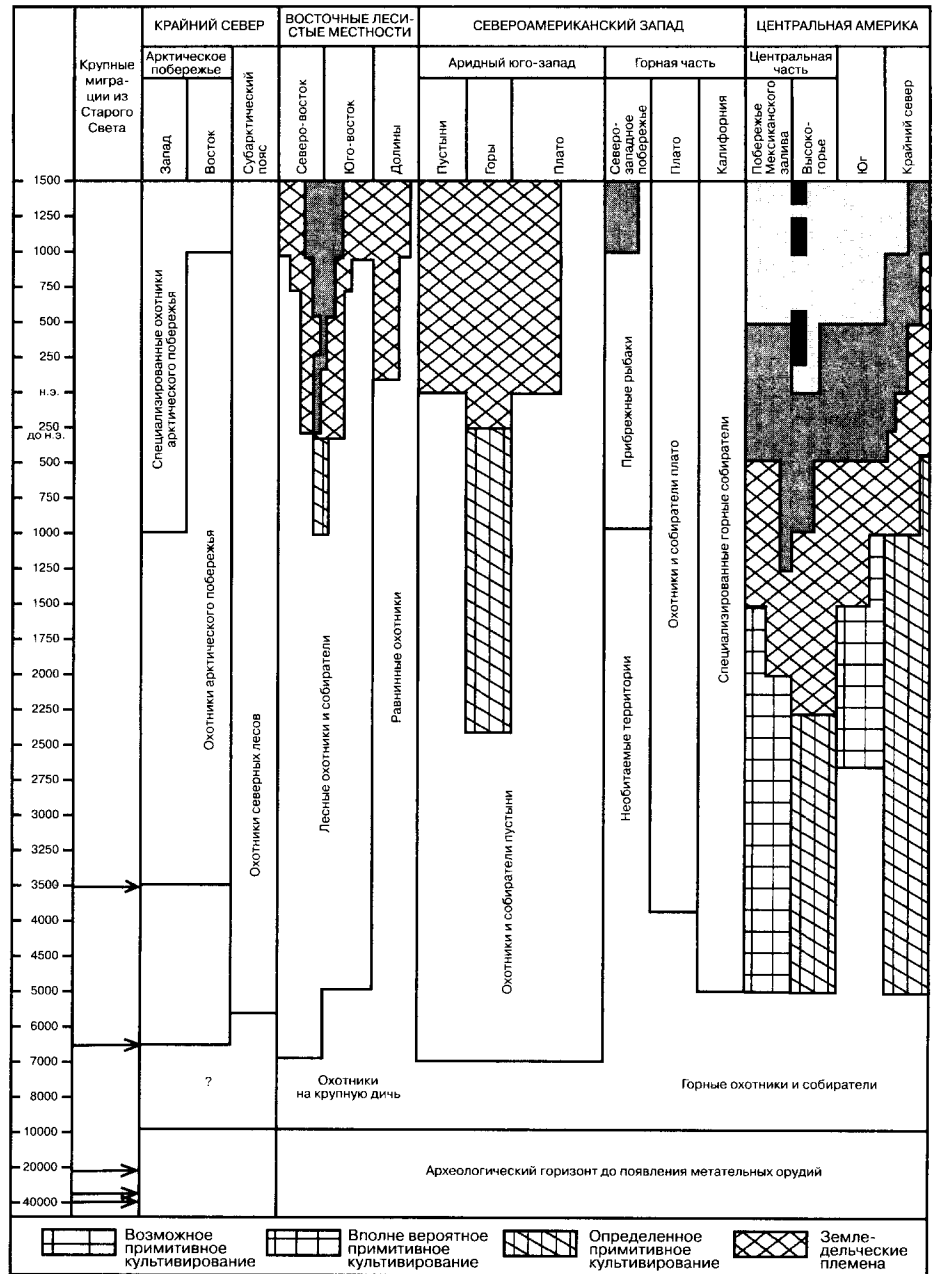

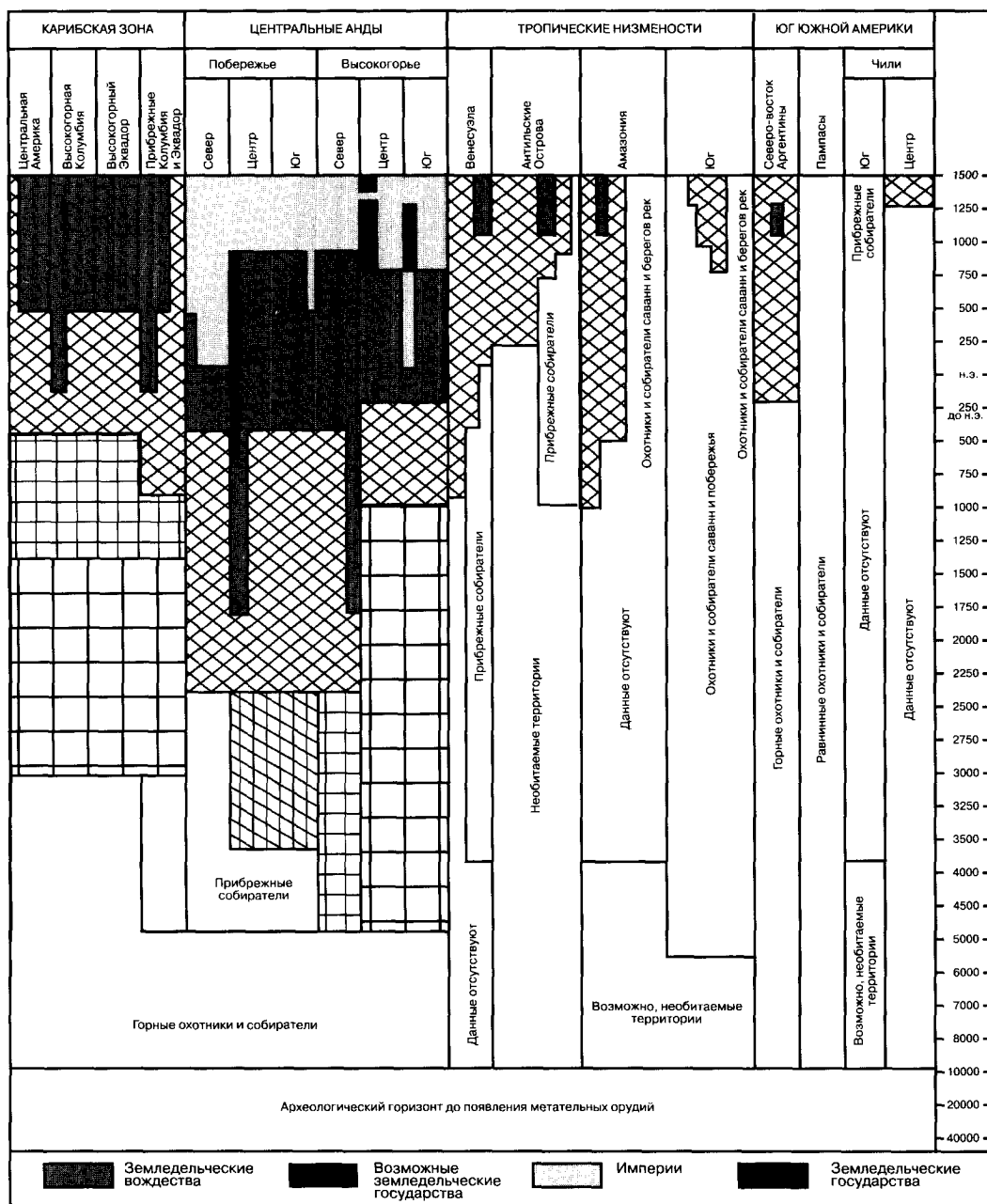
Рис. 39. Периоды и этапы культурной истории Нового Света (по Sanders & Marino, 1970)

Культуры Нового Света являются предметом огромного количества исследований антропологов и историков, начиная с времен открытия и завоевания его европейцами и кончая XX в. Особый интерес представляют исследования сообществ собирателей Нового Света, которые были гораздо более широко распространенными и приспособленными к большому разнообразию условий существования, чем в любой другой части света в последнее время. Большой интерес вызывает огромное разнообразие социальных структур, обнаруженных у этих народов – от небольших эгалитарных групп кочевников, состоящих из нескольких семей, до вождейств, в которые входили сотни, а иногда и тысячи людей.

Для исследователей исторического и доисторического периодов Новый Свет – это прекрасная лаборатория для изучения как закономерностей, так и различий в поведении людей; во многом развитие Нового Света с удивительной точностью повторяет развитие Старого Света, хотя исторически эти процессы протекали независимо друг от

друга. Основной задачей исследователей применительно к Новому Свету является описание всего многообразия культур и выявление их развития. Однако отличие от аналогичной задачи, которая решается специалистами по Старому Свету, состоит в том, что практически все общества Нового Света на протяжении своей истории не имели письменности, и даже жители Центральной Америки, обладавшие письменностью, оставили крайне неполные и скудные документальные свидетельства, касающиеся очень ограниченного круга тем. Поэтому исследования приходится вести с применением археологических методов, т.е. путем изучения материальных остатков прошлых культур, сталкиваясь со всеми ограничениями, которые свойственны информации такого рода.

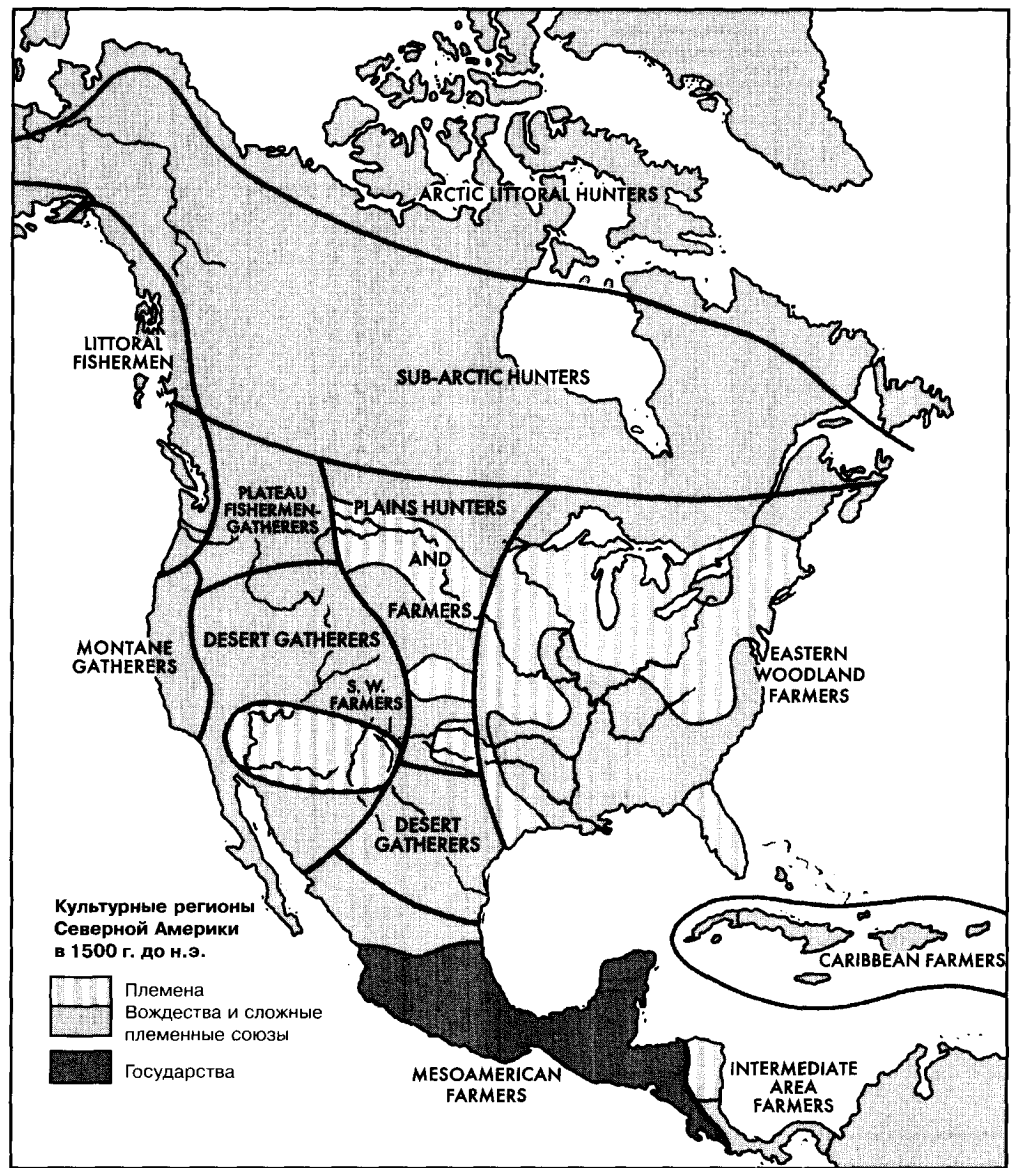
Основной проблемой построения всей «Истории человечества» и, в частности, данного тома, является установление хронологического соотношения между событиями, происходившими в различных регионах мира. Эта проблема является особенно острой в отношении Нового Света,

поскольку его развитие происходило в исторической изоляции от Старого Света. Для иллюстрации этого мы включили карту-схему, которая показывает основные уровни развития разных регионов Нового Света (карта 41). Период с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э., который рассматривается в этом томе, имеет большое значение для европейцев, изучающих собственную историю, и, видимо, выделение этого периода является удобным при изучении истории европейского региона, однако, как показывает схема, имеет мало смысла с точки зрения археологии Нового Света.

Наши замечания по поводу этой проблемы можно проиллюстрировать на примере лишь одного региона – Центральной Америки. Древнейшие свидетельства наличия в Центральной Америке сложных обществ, ранее названных вождствами, относятся примерно к 1200 г. до н.э. Однако в этот период вождства существовали только в некоторых небольших областях культурной территории Центральной Америки. Более развитыми они были на

южном побережье Мексиканского залива, и в этом районе уже в 1000 г. до н.э. возникла древняя ольмекская культура. К ней относятся крупные центры с монументальными земляными сооружениями, а также каменные скульптуры и изделия из керамики, отражающие весьма своеобразный художественный стиль. Иконографические идеи и стиль, в котором они были выражены, постепенно распространились по всей Центральной Америке в период с 1200 по 600 г. до н.э. Этот феномен подробно описывается в томе II. В 500–600 гг. до н.э. стиль окончательно исчез, на всех территориях Центральной Америки на смену ему пришли местные стили. В конечном итоге все это привело к появлению в начале нашей эры полноценных классических обществ, характерных для данного региона. Однако многие классические общества просуществовали вплоть до 800 и даже 900 г. н.э. Таким образом, для Центральной Америки выделение периода с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. не имеет смысла. Целесообразнее было бы выделить период с 500 г. до н.э. приблизительно до 900 г. н.э.

Карта 41. Культурные регионы Нового Света (по Sanders & Marino, 1970)

В последующих главах мы вынуждены будем привязывать исторические события в различных регионах к периоду с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э., который рассматривается в данном томе.

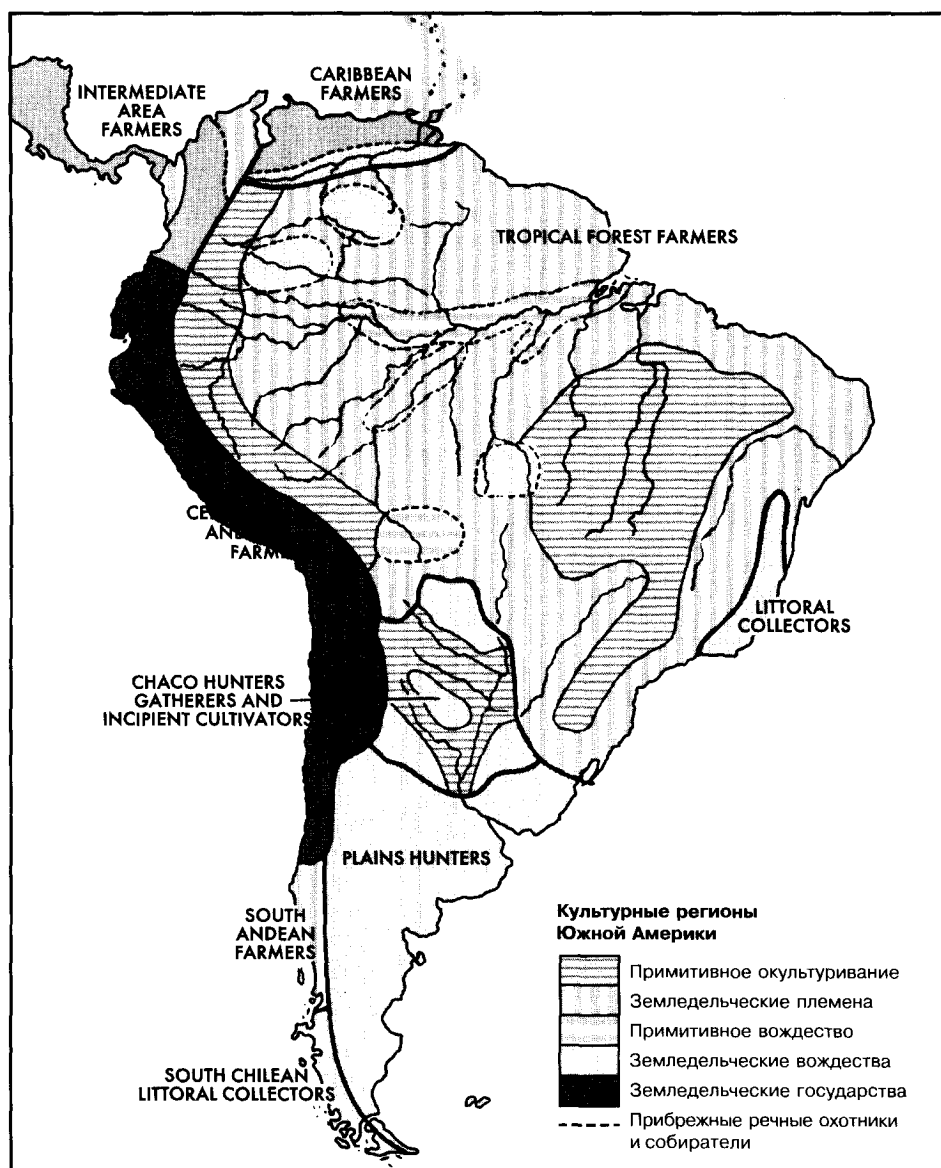
Вторая проблема заключается в том, что из-за различных изменений в подходе к редактированию данного раздела мы не упоминаем о событиях, происходивших на крайнем севере и западе Северной Америки, которые были отмечены как населенные охотниками и собирателями ко времени открытия Нового Света европейцами. Чтобы разрешить эту проблему, мы дадим краткий обзор, посвященный этому региону, во введении.

Период, охваченный в данном разделе, был в предистории Нового Света периодом очень динамичного развития и характеризовался развитием большого числа разнообразных культур. Это многообразие и динамизм были результатом множества факторов и процессов.

Первым и основным из них было дальнейшее развитие и распространение земледелия из нескольких исходных очагов, каждый из которых возник, видимо, самостоятельно, по огромной территории, примерно совпадающей с территорией распространения земледельческих народов во времена контактов с европейцами. Как было

показано в томе II, приблизительно в 5000 г. до н.э. или немного ранее по крайней мере в двух регионах – в полупустынных высокогорных областях Центральной Америки и в Центральных Андах – древние собиратели начали культивировать разнообразные дикорастущие растения, найденные в их местах обитания. Примерно к 3000–2000 гг. до н.э. на обеих территориях этот процесс продвинулся настолько, что люди начали вести оседлую деревенскую жизнь. Несколькими веками позднее эти сельские жители стали изготавливать керамические изделия для хранения, приготовления и потребления пищи. К концу II тысячелетия до н.э. в обоих регионах стали возникать клановые общества и вождества, например феномен ольмек в Центральной Америке, упомянутый выше, и археологическая культура чавин в Центральных Андах (в Перу; названа по селению Чавин-де-Уантар. – *Прим. ред.*). На фоне этих событий развиваются культуры так называемого классического периода в Центральной Америке (300–900 гг. н.э.) и периода расцвета (1–800 гг. н.э.) – в Центральных Андах; оба этих периода рассматриваются в данном томе.

В Центральной Америке классический период проявился в возникновении и расцвете Теотиуакана в долине

Мехико (Мексика), который к 700 г. н.э. был одним из крупнейших городов мира; население его в это время оценивается в 125–200 тыс. человек. На тропических низменностях полуострова Юкатан возникла и расцвела классическая цивилизация равнинных майя с ее впечатляющими достижениями в архитектуре, скульптуре и живописи. К достижениям цивилизации майя относятся также создание сложной системы письменности и существенное накопление астрономических знаний, а также изобретение позиционной системы записи чисел, основанной на понятии нуля, которую майя ввели раньше всех в мире. К другим региональным цивилизациям относится цивилизация тотонаков, развившаяся на побережье Мексиканского залива, и цивилизация сапотек, возникшая в высокогорных районах мексиканского штата Оахака, с великолепной столицей в Монте-Альбани.

В Центральных Андах этот период характеризуется развитием крупных региональных культур, таких как мочика на севере Тихоокеанского побережья Перу, наска на южном побережье Тихого океана и Тиуанако в высокогорной местности на юге, а также большими достижениями в области керамики, текстильных и металлургических ремесел, созданием массивных архитектурных сооруже-

ний из сырцового кирпича на побережье и величественных мегалитических построек в горных местностях.

В промежуточной (карибской) зоне и на южной окраине Центральных Анд этот период характеризуется широким распространением производящего хозяйства и появлением во многих регионах сообществ, которые можно отнести к уровню вождеств. Археология Северной Америки особенно интересна, поскольку в тот период, когда возникли многочисленные производящие пищу культуры, хозяйство которых было основано частично на распространении тропических домашних растений из южных регионов, а частично – на окультуривании местных растений, экономика оставалась в основном собирательской. Повсюду, кроме тех областей, где собирательство сочеталось с зачатками сельского хозяйства, появились специализированные собирательские хозяйства.

На востоке Соединенных Штатов обнаруживаются следы возможного независимого окультуривания местных дикорастущих растений, однако ясно, что сельское хозяйство здесь играло вторичную роль вплоть до самого конца этого периода и что основным источником пропитания было собирательство. На некоторых территориях, например в долине реки Огайо и в нижней части долины реки

Миссисипи, возникли сложные сообщества, экономика которых основывалась на сочетании производства пищи и собирательства; по уровню организации они были сравнимы с вождествами, обнаруженными в производящих местностях тропических регионов. Сохранились остатки архитектурных сооружений в виде массивных земляных конструкций, мощных оградений и могильных холмов; в последних находят впечатляющие наборы изделий из керамики, слюды, обсидиана и раковин.

В юго-западной части территории Соединенных Штатов собиратели постепенно переходили к производящему сельскому хозяйству, однако в рассматриваемый период дикорастущие растения все еще составляли основную часть системы жизнеобеспечения. Это, в частности, имело место в Анасази, в горной местности, где возникла так называемая культура корзинщиков II, характерной чертой которой было проживание оседлого населения в постоянных домах в небольших деревнях, но при этом ремесла не были особенно развиты. Однако в районе пустыни Хохокам в тот период строились крупные ирригационные системы, происходила дифференциация поселений на центры и прилежащие к ним поселки, а также появились признаки кланового общества, которое, возможно, находилось на уровне вождества. Расцвет культуры хохокам приходится на период после 800 г. н.э., и эта фаза ее развития рассматривается в томе IV.

Основным направлением развития в северных и западных частях территории Северной Америки была эволюция огромного множества культур, основанных на собирательстве пищи и приспособленных к специфическим местным условиям в районе их обитания; различия между этими культурами были примерно теми же, которые были обнаружены здесь европейцами в более поздние времена. В Калифорнии, например, природные условия очень разнообразны – здесь есть местности с морским, озерным и наземным климатом; последние представляют собой горные леса на севере, средиземноморские ландшафты в центре и почти пустынные места на юге. Период, рассматриваемый в данном томе, включает в себя вторую половину среднего периода (с 2000 г. до н.э. по 250 г. н.э.) и первую половину позднего периода (250–1700 гг. н.э.). Разнообразные культуры, описанные этноисториками и антропологами XIX в., полностью относятся к концу рассматриваемого нами периода. На более богатых пищевыми ресурсами территориях, например на морском побережье и в местах со средиземноморским климатом, дикой пищи было так много и ее можно было находить столь регулярно, что там появились постоянные поселения, которые состояли из прочных домов из земли и бревен; население таких поселков составляло сотни, а в некоторых случаях, возможно, и тысячи человек. Такое состояние характерно скорее для обществ с производящим, чем с собирательским хозяйством. Были также найдены большие общественные дома для танцев и некоторые признаки наследственной иерархии и института вождей. Для этого периода характерны необычайно большие успехи в развитии ряда ремесел – в изготовлении предметов из шлифованного камня, обсидиана и раковин, а также в плетении корзин. Эти изделия производились, очевидно, специалистами-ремесленниками в свободное время и были предметом активного обмена на обширных территориях.

Культуры северо-западного побережья, описываемые европейцами XVIII и XIX вв., к концу рассматриваемого периода были вполне развитыми; их развитие особенно ускорило в начале I тысячелетия н.э. Эти культуры характеризуются оседлыми поселениями, состоящими из больших общественных домов из бревен и досок, в которых жили сотни людей; их существование основывалось на высокоспециализированном рыболовстве, которое в основном было связано с сезонным ходом лосося вверх по многочисленным протокам в этих местностях. Культуры так-

же отличаются высоким уровнем технологии полировки камня и дерева. К концу этого периода здесь возникают общества уровня вождеств.

До 1000 г. до н.э. арктическое побережье было заселено многочисленными группами охотников и собирателей, которые использовали большое разнообразие ресурсов – как морских, так и наземных. Такое хозяйство после 1000 г. до н.э. постепенно сменяется другим, основанным преимущественно на охоте на морских млекопитающих, что было характерно для культуры эскимосов во времена контакта с европейцами. Это изменение произошло сначала в районе Берингова пролива. Между 1000 и 300 гг. до н.э. произошел переход от орудий из сколов камней к орудиям из шлифованного камня, которые являются отличительной чертой исторической культуры эскимосов. В результате этого перехода появился ряд специфических приспособлений к условиям арктического побережья, которые показывают, что охота на морских млекопитающих была основным занятием населения: лодки из шкур животных, гарпуны, сани для езды на собаках, масляные лампы для обогрева и приготовления пищи, снежные защитные очки и ледовые волокуши. В зимнее время эскимосы жили в прочных домах из земли или ледяных блоков, а летом – в переносных палатках. Все эти черты культуры появились в прибрежных арктических районах Аляски к началу I тысячелетия н.э. Комплекс приспособлений для охоты на морского зверя постепенно распространился на восток и около 800 г. н.э. достиг Гренландии.

Охотники и собиратели, обитавшие во внутренних районах востока Калифорнии и на северо-западном побережье, а также в южной части арктического побережья, где пищевые ресурсы были скудными и ненадежными, приспособились к этим условиям очень давно; каждая группа адаптировалась к специфическому, характерному, специальному пищевому ресурсу конкретного региона, и эта адаптация оставалась практически неизменной до контакта с европейцами. Поэтому на этих территориях в период с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. несущественно изменялись только наборы орудий труда, а также стиль и техника их изготовления, а серьезных изменений, касающихся стратегии выживания и других аспектов культуры, не наблюдалось. Большинство населения было объединено в небольшие кочевые группы, обычно связанные родством, которые передвигались с места на место в зависимости от сезона, пищевых ресурсов и запасов еды, израсходованных за зиму, в течение которой люди жили в более прочных домах. В период сбора пропитания люди разбивались на очень малые группки и жили в укрытиях из веток, которые могли быть построены за несколько часов.

Подводя итоги, можно видеть, что культуры Нового Света во время контакта с европейцами и непосредственно перед ним были чрезвычайно многочисленными и разнообразными, что иллюстрирует многообразие человеческих возможностей в смысле адаптации к природному окружению. Эти культуры дают нам также возможность установить определенные закономерности эволюции и развития человека. Благодаря своей географической изоляции Новый Свет представляет собой прекрасный случай параллельного развития и эволюции. Население Нового Света, численность которого в момент появления европейцев по скромным оценкам составляла примерно 25–30 млн. человек, создало невероятное разнообразие культур, которые развивались независимо от исторических событий, происходивших в Старом Свете. Хотя биологически обитатели Нового Света произошли из Старого Света, они являлись потомками нескольких тысяч кочевых охотников, которые, адаптировавшись к арктическим условиям, пересекли Берингов пролив между Азией и Северной Америкой по меньшей мере 12–15 тыс. лет назад, а возможно, и ранее. Большое разнообразие культур, описываемых европейцами, показывает, таким образом, приспособленность этих древних

арктических охотников к весьма разнообразным природным условиям Нового Света.

Столь же интересными, как и многообразие культур, являются определенные закономерности в тенденциях, которые параллельно развивались в Старом Свете. Наиболее важными из этих достижений являются постепенное окультуривание диких растений – всего около 100 видов – в тропических регионах Нового Света и развитие производства пищи в ряде ключевых регионов. Следствием этого развития было широкое распространение культурных растений в других регионах, которое во всех случаях приводило к росту населения и появлению более сложных обществ. На двух культурных территориях это развитие включало появление крупных городов, возникновение государств и социальное расслоение общества. Четко прослеживается параллель с развитием Старого Света, похожи даже темпы развития. Единственное отличие заключается во времени начала этих этапов, которое было гораздо более поздним, чем в Старом Свете, из-за более поздней колонизацией Нового Света. Например, земледелие в некоторых ключевых регионах появилось примерно в 5000 г. до н.э., сложно структурированные общества начали появляться на 4 тыс. лет позднее, а настоящие государства, социальная стратификация и города появились примерно в начале I тысячелетия н.э.

И наконец, благодаря позднему появлению людей в Новом Свете культуры, которые представляют практически все уровни развития, выжили вплоть до недавнего прошлого и настоящего времени, дав нам возможность лучше понять достижения человечества и разнообразие его возможностей.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

¹ При чтении данного раздела читателю следует иметь в виду, что для определения и описания доисторических социальных, политических и экономических институтов и систем Уильям Т. Сандерс и Филипп Вейганд используют терминологию эволюцион-

ной культурной антропологии. Эта терминология включает в себя такие термины, как группа, племя, вождество, государство, клановость, стратификация и урбанизация. Эти ученые рассматривают археологию как часть всего поля антропологии, и поэтому многие их идеи берут начало в этой более широкой области знания. Читателю следует также учитывать, что в подразделе 30.1 Луис Лумбрерас (*Luis Lumbreras*) применяет терминологию, прочно устоявшуюся в исторической литературе, например «теократический» и «теократия».

Это расхождение традиций двух школ может вызвать некоторое замешательство, однако мы надеемся, что соотношение между этими двумя терминологиями станет более понятным после прочтения введения. Термин «теократический» обычно относят к тем обществам, где религиозная архитектура и религиозные символы (в искусстве) являются элементами обыденной жизни. В таких обществах политическая власть находится в сильной зависимости от религиозных верований и ритуалов, которые подтверждают ее легитимность. Это именно тот тип отношений, который обнаруживается в политических структурах и принципах дифференциации социального статуса в обществах, которые антропологи называют вождествами и клановыми обществами. Хотя религия по-прежнему используется в государственной политике и в социально стратифицированных обществах для придания законной силы институтам и привилегиям, тем не менее в этих обществах поддержание политических институтов и социально-классовой структуры в значительной мере обеспечивается при помощи богатства или законного применения силы в форме судов и профессиональных армий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- LANNING, E. P. 1967. *Peru Before the Incas*. Englewood Cliffs, New Jersey
- SANDERS, W.T.; MARINO, J. 1970. *New World Prehistory*. Englewood Cliffs, New Jersey. (Foundations of Modern Anthropology Series.)
- WILLEY, G.R. 1966. *An Introduction to American Archaeology: North America*. Englewood Cliffs, New Jersey.
- 1971. *An Introduction to American Archaeology: South America*. Englewood Cliffs, New Jersey.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

*Филитт С. Вейганд**Илл. 155–158*

Развитие сложных культур, возникших на территориях, лежавших севернее цивилизации Центральной Америки, обычно рассматривалось как чисто региональное явление, во многих отношениях изолированное (исторически) от этой цивилизации. Однако начальный период развития сложных культур на Среднем Западе и юго-востоке территории Соединенных Штатов протекал одновременно с похожими, хотя и намного более сложными процессами развития в Центральной Америке. Имеются серьезные доводы в пользу существования местного формирующего очага, находившегося в долинах рек Миссисипи и Огайо, однако эти области следует рассматривать в исторической связи с развивающейся цивилизацией Центральной Америки. На территории юго-запада Соединенных Штатов сложные общества возникли позднее, однако в пользу связи происходившего там процесса развития с историческим контекстом Центральной Америки можно привести еще более веские аргументы. Хотя общества к северу от древней Центральной Америки имели очень серьезные культурные достижения, которые, несомненно, имеют местный характер, как, например, раннее освоение меди на Среднем Западе, слишком много здесь событийных и культурных параллелей, чтобы их можно было игнорировать. Эти параллели и вопросы взаимосвязи особенно серьезны для юго-запада Центральной Америки.

Территория к северу от Центральной Америки – это громадная зона с невероятным разнообразием ландшафта – как в физическом, так и в культурном отношении. Эта глава посвящена исключительно тем двум зонам, в которых появились сложные в культурном и социальном смысле системы, территории которых граничили с Центральной Америкой, – это долины рек Миссисипи и Огайо, а также юго-запад Соединенных Штатов.

ДОЛИНЫ МИССИСИПИ И ОГАЙО

Исследования, ориентированные на экологию этого огромного региона, имеют в своей основе концепцию «Продуктивности первичных лесов». Если рассматривать упрощенно, эта концепция сосредоточена на доступности огромных пищевых ресурсов лесов и берегов рек, ценность которых коренным населением была быстро понята и которые использовались так, что поддерживались практически в равновесном состоянии на протяжении тысячелетий. До недавних археологических находок считалось, что земледелием здесь занимались лишь в дополнение к природным пищевым ресурсам. Хотя эта концепция и подверглась пересмотру в результате современных исследований, она, тем не менее, остается ориентиром при рассмотрении системных и экологических аспектов археологии этого региона.

Комплекс Поверти-Пойнт

В длинном ряду культур архаического периода (см. том II), которые к 5000 г. до н.э. включали изделия из меди, ранние культуры лесной зоны становятся заметными после 1000 г. до н.э. На стыке позднего архаического периода и раннего периода лесной зоны возникают сложные структуры, следы которых были обнаружены в Поверти-Пойнт, Луизиана, и рядом с ним. Комплекс Поверти-Пойнт, датируемый периодом между 1700 и 600 гг. до н.э., представлял собой на самом деле систему взаимодействовавших между собой обществ, наравне с которой по сложности нельзя поставить ни одну другую культуру того времени, исключая разве что современные ей доклассические культуры Центральной Америки, с которыми она, возможно, была связана. В Поверти-Пойнт расположены монументальные архитектурные сооружения, большая часть которых была создана в довольно ранний период его истории. Здесь находятся два больших земляных кургана, один из которых имеет более 20 м в высоту и 200 м в длину. С ними связаны шесть концентрических земляных гребней, образующих полукруг, внешний диаметр которого составляет 1,2 км. На этих гребнях находились жилые уровни и дома. Рядом находится множество более мелких местонахождений, на многих из которых располагаются более мелкие курганы. Хотя здесь и отсутствуют признаки земледелия, эта тема до сих пор обсуждается в литературе. Конечно, для жизнеобеспечения такого центра должна была быть привлечена очень мощная система снабжения. Для всех исследователей очевидно, что здесь существовала хорошо развитая и детально разработанная система торговли и обмена, основой которой были обеспечение редкими ресурсами и специализация ремесел. Особо следует отметить хорошо развитую технологию гравирования по камню; при этом предпочтение отдавалось изображениям, бусам и подвескам. На территорию поселения за сотни километров доставлялось экзотическое сырье, а обратно вывозилась конечная продукция. Широко использовались галенит (свинцовый блеск), различные виды кремня и стеатит. В большом количестве встречаются микропластинки.

Вопрос о том, каким был уровень развития общества Поверти-Пойнт с прилегающими группами деревень, широкой сетью торговых путей и специализированными ремеслами, остается по-прежнему поводом для разногласий. Один из ученых полагает, что это было вожжество, тогда как большинство считает данные неполными или вообще не придают значения этой проблеме. Связь комплекса Поверти-Пойнт с Центральной Америкой, если они существовали, а также с ранними обществами лесной зоны, в особенности с комплексом адена в долине Огайо, пока не определены.

Комплекс адена

Рассматривая комплекс адена, следует учитывать, что многое там было унаследовано от архаических культур и что отношения этого комплекса с современными ему культурами часто не очень понятны. Сюда входят элементы погребальных ритуалов, торговый обмен и природные условия. Датировка комплекса адена, в особенности времени его основания, является сомнительной, однако первые определенные признаки появляются в VIII в. до н.э. Большинство установленных радиоуглеродным методом дат, касающихся неоспоримых церемониальных мест комплекса адена, относится к более позднему – на несколько веков – периоду. Внимание североамериканских археологов обратилось к архитектурным комплексам адена очень давно; многие из них были впервые нанесены на карту в XIX в. По большей части эти старые карты до сих пор остаются непревзойденными и редко подвергаются исправлениям. Карты, на которых изображены ограды и курганы в долине Канауа, Западная Виргиния, и кольцевые ограды и курганы в Де Плейнс в графстве Атенс, Огайо, являются двумя прекрасными образцами старинной археологической картографии, изображающей архитектурные сооружения периода адена.

Содержательные обзоры с обширной библиографией можно найти у *Tuck* (1978), *Otto* (1979), *Griffin* (1952), *Webb* и *Snow* (1945), *Ford* (1945), *Caldwell* (1958), *Spaulding* (1952), *Webb & Baby* (1957).

Ранние культуры лесной зоны определяются временем первого появления керамических изделий и началом занятий земледелием, проявившимся в выращивании подсолнечника, амаранта, маи, таволги, тыквы, кабачков и, вероятно, маиса. Два последних культурных растения – это окультуренные виды из Центральной Америки, распространенные в долине Огайо. Остальные – местные виды, и их присутствие свидетельствует о местных экспериментах по окультуриванию растений. Адена выделяется из общей структуры ранних культур лесной зоны наличием обширных и монументальных земляных сооружений, а также использованием привезенного из дальних мест редкого природного сырья в очень характерных погребальных обрядах. Такие сооружения имеются на 200 с лишним местонахождениях адена. Там имеются большие круговые земляные ограждения диаметром в среднем около 100 м, которые имеют единственный вход и ров по всему внутреннему периметру. Только на одном из них велись систематические раскопки, и там внутри земляного ограждения была обнаружена структура диаметром 30 м из парных отверстий для столбов. Другие земляные сооружения имеют форму квадрата, пятиугольника или гребня неправильной формы, повторяющего неправильную форму краев плоской вершины холма. Эти ограждения, за исключением последних, видимо, не имели оборонительного назначения. Иногда два или несколько контуров ограждения объединяются, образуя более крупный комплекс из нескольких структур.

Именно система погребальных церемоний, связанная с этими земляными сооружениями, привлекает наиболее пристальное внимание североамериканских археологов. Эта безусловно зрелищная система явно включала в себя сложные ритуалы, закрепляющие статус ключевых персон аденского общества. Большинство погребений просто и представляют собой одиночные захоронения в выложенных глиной вместилищах. Сложные погребения представляют собой многократные захоронения в сделанных из больших бревен склепах, в которые для этого, очевидно, входили много раз, а затем закрыли земляной насыпью. Погребальные предметы, найденные в захоронениях этих двух типов, очень сильно различаются, что показывает вероятное существование после 400 г. до н.э. по крайней мере двухуровневой иерархической социальной системы.

Для простых погребений наиболее обычна кремация. Часто в могилах находят покрытые красной охрой или графитом останки, что показывает, что тела, возможно, до захоронения очищались от плоти или оставлялись непогребенными до тех пор, пока плоть не разложится окончательно. Самые большие могильные холмы были 20 м в высоту. Эти холмы иногда насыпали поверх круглых конструкций, которыми вначале закрывали сделанные из топяка могилы. Их сожжение было частью погребальной церемонии. Тела в этих могилах клали в вытянутом положении, лицом вверх. В редких случаях в качестве погребального инвентаря в могилу клали отрезанную голову. Керамика в качестве погребальных приношений встречается редко, однако довольно часто попадаются знаменитые аденские пластинки (о которых ведется множество споров, хотя они, вероятно, служили штампами для тела и/или ткани), медные предметы (метательные острия, браслеты, бусы, кольца, ожерелья, топоры), морские раковины, ожерелья (сделанные из камня), курительные трубки (часто с изображениями) и ткани. Очень часто встречаются изображения хищных птиц.

Структура поселений комплекса адена еще до конца не изучена. Многие гробницы высокого ранга находятся внутри оград, некоторые располагаются снаружи. Земляные постройки были, видимо, хотя бы частично обитаемыми и поэтому не являлись чисто церемониальными и административными центрами, отделенными от мирской жизни. Окружающие поселения были очень небольшими и разбросанными на большой территории вокруг церемониальных центров, хотя и прослеживается тенденция к сосредоточению их вблизи от аллювиальных почв и источников воды. Численность и плотность населения были невелики. Поселения обычно состояли из четырех–пяти домов круглой формы в плане диаметром не более 10 м. Считается, что земляные центры не различались по рангам, однако, как указывалось, некоторые были более внушительными и сложными, чем другие. Возможность доступа к редким ресурсам у всех была, по-видимому, одинаковой, хотя анализ некоторых кладов экзотических предметов показывает, что некоторые центры и/или отдельные люди на некоторых предметах специализировались больше, чем на других. Возможно, места для церемоний были связаны между собой каким-то видом иерархии, однако единого мнения по этому поводу в настоящее время нет. Скорее, каждый центр видится господствующим только над окрестными сельскохозяйственными угодьями, поселениями и зонами природных ресурсов. Изделия и церемониальные обычаи комплекса адена задавали тон всюду на обширной территории вокруг центральной части долины Огайо. Многие из этих изделий и обычаев распространялись по тем же путям, по которым перевозили редкие ресурсы. Заметное внутри общества Адены деление на ранги было основано, вероятно, на наличии большой родственной группы, которая и формировала церемониальный центр и связанные с ним поселения.

Комплекс хоупвелл

Говорить, что комплекс адена пришел в упадок, не совсем верно. Он скорее преобразовался в течение длительного времени в комплексы хоупвелл. Началось это преобразование, видимо, в долине реки Иллинойс, а затем распространилось и до старого центра комплекса адена, расположенного в средней части долины реки Огайо. Каким бы ни было действительное происхождение комплексов хоупвелл, они гораздо активнее расширялись географически, чем аденская культура. Природа этого расширения является предметом непрекращающихся дебатов. И снова следует отметить, что великолепные карты XIX в. не имеют себе равных и остаются классическими в своей точности.

Более поздние карты продолжают эту традицию, при этом тексты и анализ земляных сооружений выполнены более детально.

В качестве традиционной литературы, посвященной исследованию хоупвелл, можно указать следующие источники, снабженные подробной библиографией: *Griffin* (1952, 1958, 1960, 1979), *Moorehead* (1922), *Morgan* (1952), *Prufer* и др. (1965), *Sbetrone* (1926, 1930), *Sbetrone & Greenman* (1931), *Caldwell & Hall* (1964), а также *Fitting* (1978). Однако современное состояние исследований хоупвелла, включая вопросы соотношения этих комплексов с культурами на территории юго-востока Соединенных Штатов, приобретения редких ресурсов, анализа системы общественных отношений и данных о структуре поселений, наилучшим образом представлено в трудах конференции в городе Чилликоте под редакцией *Brose* и *Greber* (1979). Заслуживают особого внимания главы о торговле и обмене, написанные *Brose*, и о «склепном обряде» как институте перераспределения, написанные *Seeman*, а также итоговый раздел и обзор, выполненные *Griffin*.

Как уже упоминалось, в ряде регионов Среднего Запада в ранней системе лесной зоны (в адена или вне ее) между 300 и 100 г. до н.э. произошли качественные изменения в социально-культурной организации. Период, в который произошли эти изменения и который продолжается по 500–700 г. н.э., называется средним периодом лесной зоны; к нему относятся комплексы хоупвелл. Эти комплексы были распространены по очень большой территории, и каждый регион имел собственный темп развития и свой стиль. При всем многообразии у всех основных комплексов хоупвелл обнаруживаются основные сходные черты. В долинах Огайо и Иллинойса развились наиболее слож-

ные из этих культур, и они, несомненно, наиболее изучены. Другие комплексы располагаются на юге штатов Индиана, Иллинойс, Висконсин, на юге и в центре штата Мичиган и на территории Канзас-сити.

Общества хоупвелл во всех упомянутых выше регионах развивались динамично, однако темпы развития и масштабы архитектурных сооружений и церемониальных систем существенно различались. Все эти регионы были, по всей видимости, вовлечены в общую систему, предназначенную для обеспечения потребностей в редких ресурсах и для торговли или обмена. Эту систему часто называют сферой взаимодействия культур хоупвелл, в которой обмен, направленный на обеспечение потребности в экзотических ресурсах, стимулировал подобные культурные отклики на очень больших территориях. Хотя каждая из этих зон заслуживает отдельного обсуждения, приведенные ниже рассуждения касаются в основном материалов, относящихся к региону долины Огайо. Наиболее полно по своему уровню и объему самые сложные достижения мира хоупвелл нашли свое культурное выражение именно здесь.

В местонахождениях культуры хоупвелл маис все еще был редкостью, и есть некоторые из них, где его роль в сельскохозяйственной системе может быть поставлена под сомнение. Конечно, уровень архитектурных сооружений и соответствующее ему увеличение численности населения (как абсолютное, так и по плотности) указывают на возросшее значение земледелия. Культурные растения из перечня, приведенного выше при описании комплекса адена, использовались и в хоупвелл. Места обитания людей представлены в археологии хоупвелл хуже, однако интенсивные исследования средней и нижней частей до-

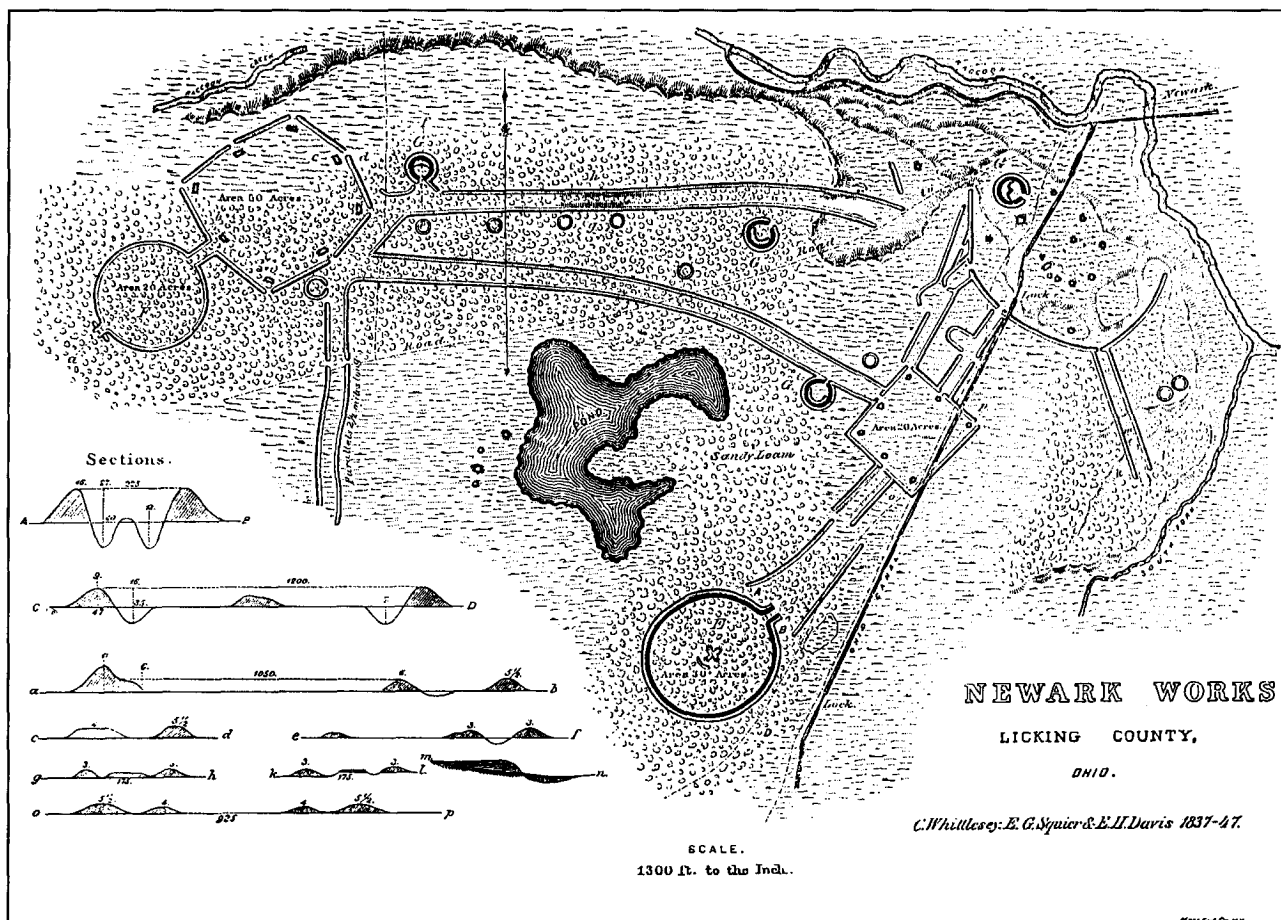

Рис. 40. Сооружения в Ньюарке, графство Ликинг (Огайо) (по Thomas, 1889)

лины реки Сиото позволили существенно увеличить их количество. Большинство остатков – разбросанных предметов – обычно находят на распаханых землях, однако есть и важные исключения. Сюда можно отнести, например, поселение Макгроу-Фарм. Эти и другие исследования показывают, что в основном жилища строились рядом с заливными равнинами или прямо на них, очевидно, рядом с лучшими сельскохозяйственными и рыболовными угодьями. Маис, выращиваемый на территории Макгроу-Фарм, принадлежал к двенадцатирядному виду, разновидности его имели от восьми до десяти рядов зерен; здесь выращивались также перспективные виды. Поселения были небольшими, и культовых сооружений было мало.

Земляные сооружения, характерные для культуры хоупвелл в Огайо, впечатляющи и монументальны. Сооружения в Ньюарке в графстве Ликинг (Огайо) входят в число крупнейших в Новом Свете (рис. 40). Культовая часть занимает территорию свыше 1000 гектаров и состоит из земляных квадратов, кругов, параллельных насыпей и других сооружений. Самое большое одиночное сооружение имеет восемь сторон и занимает площадь в 20 гектаров. Самый большой круг средним диаметром 352 м (наибольшее отклонение от среднего – не более 4 м) занимает площадь более 12 гектаров. В его геометрическом центре находится крестообразная насыпь. Во втором из кругов отклонение от среднего диаметра, равного 314 м, составляет 1,5 м. Самая длинная улица (часть которой показана на рис. 40), ограниченная двумя параллельными гребнями, имеет длину около 4 км. Земляные сооружения Либерти отличаются еще большими размерами. Самая большая структура, состоящая из четырех связанных между собой земляных сооружений, представляет неполный сегментированный круг диаметром 510 м, площадь которого равна примерно 16 гектаров.

Сооружение с открытыми сторонами в Андерсоне, Индиана, представляет собой другой тип круга, который больше напоминает сооружения адена. Обращает на себя внимание массивная стена ограждения и небольшая внутренняя насыпь, которая, видимо, также имела круглую форму. Если это так, то, возможно, в конструкции этого земляного сооружения лежит принцип концентрических кругов, расходящихся от основного центра. Земляные сооружения бывают не только геометрической формы. Наилучшим примером этого является курган Грейт Серпент в графстве Адамс (Огайо) (рис. 41). Хотя его относят и к аденскому, и к хоупвеллскому комплексам, он датируется примерно началом I тысячелетия н.э. В плане он напоминает змею, длина которой составляет примерно 500 м. Полукруглая насыпь у пасти змеи кажется зажатой в ее челюстях. Это сооружение не использовалось ни для погребения, ни, естественно, для обороны.

Земляные сооружения в основном были связаны с погребальными обрядами, хотя есть аргументы в пользу их применения в качестве оборонительных сооружений. Оборонительная функция была хотя и вполне возможным, но, видимо, случайным или побочным предназначением земляных сооружений в низинах. Имелись и специальные оборонительные сооружения. Они были построены ближе к закату культуры хоупвелл – после 500 г. н.э., когда вся система находилась уже в таком состоянии, которое в конце концов спустя примерно столетие привело ее к полному развалу. Возможным примером такого оборонительного сооружения является Фортифайд Хилл, в котором внутри ограждения мы не видим земляных сооружений геометрической формы. Огражденная территория занимает площадь примерно 6,5 гектара. Участки у входов, в особенности у северного входа, представляют собой примечательный пример сооружения, препятствующего свободному входу.

Хотя земляные сооружения были предназначены в основном для культовых целей, раскопки в местонахождении

Сейп (Огайо) показывают, что они не были «пустыми», чисто церемониальными центрами. На городище Сейп был раскопан ряд квадратных или круглых в плане зданий, которые, вероятно, не предназначались для отправления погребальных церемоний. Хотя их точное назначение неясно и слишком рано говорить о них как о жилищах, но, тем не менее, они подходят для этой цели больше чем все предполагавшееся ранее.

Внутри курганов найдено огромное множество погребений и погребальных атрибутов. Некоторые курганы содержат сотни погребений, которые накопились, вероятно, за многие годы. Как и в адена, здесь встречаются и кремационные захоронения, и бревенчатые могилы, в которые тела клались в полный рост. Общественное положение похороненных, судя по погребальным предметам, различается так же, как кремационные погребения. Людей высокого положения хоронили по одному, сопровождаемая погребение ценными подношениями, под небольшими курганами. Такие погребения были единичными. Поскольку определенно существовали два уровня погребений, можно предполагать, что погребения высшего статуса в могилах из бревен указывают на разделение высшего слоя на классы с небольшой прослойкой элиты в высшем слое.

Ремесленники хоупвелл в основном занимались изготовлением престижных погребальных предметов как для использования на местах, так и для торговли или обмена с другими группами, которые, в свою очередь, применяли их

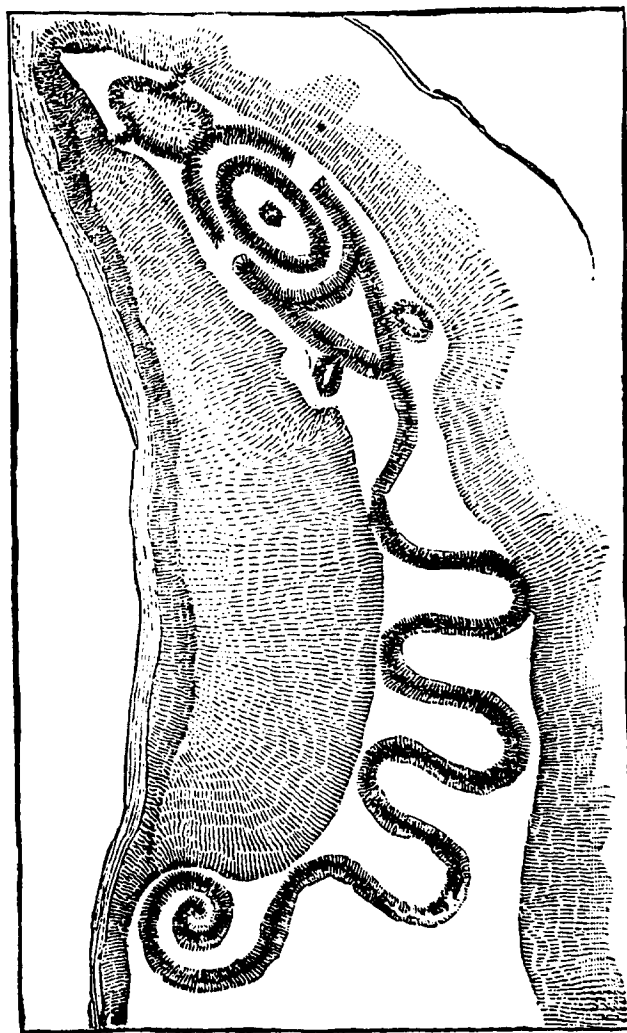

Рис. 41. Великий Змей, графство Адамс (Огайо) (по McLean)

в погребальных обрядах. Следует отметить, что сложные погребения и монументальные архитектурные проекты совпадают по времени – одно подпитывает другое. С полуострова Мичиган ввозились большие количества природной меди, которую ремесленники превращали в аппликации, бусины, свирели, ожерелья, стрелы, катушковидные серьги, дощечки для рисования, долота, топоры, шила, головные уборы с оленьими рогами и толстые пластины, использовавшиеся для нагрудных щитов (илл. 155). Для различных изделий использовалось метеоритное железо, а также природное серебро (с территории Онтарио, Канада), золото в небольших количествах и галенит (из Северо-Западного Иллинойса). Потребность в металле была довольно велика. Холоднаяковка и отжим были наиболее распространенными методами обработки металлов.

В одном из захоронений было обнаружено более 135 кг обсидиана. Применяв радиационный анализ, определили, что этот обсидиан был добыт в скалах Обсидиан Клиффс в штате Вайоминг, удаленных на расстоянии более 2000 км. Количество обсидиана в одном этом захоронении составляет примерно половину всего обсидиана, обнаруженного археологами в хоупвелл. В других погребениях было найдено большое количество жемчуга. Слюда привозилась из Южных Аппалачей в виде пластин и разрезалась на изделия прекрасной и необычной формы (илл. 156). Из Флориды и с побережья Мексиканского залива доставлялись крупные раковины, акульи зубы, окаменевшие акульи зубы, зубы крокодилов и черепахи панцири. В целом здесь представлен впечатляющий перечень редких ресурсов, приобретение которых, конечно, было систематизировано.

Для погребальных культов активно использовались также местные ресурсы – речной жемчуг, речные раковины, кремль различных сортов и глина (хотя три последние вида материалов использовались и для обычных практических целей). Глиняные и каменные скульптуры – это еще одно крупное достижение искусства хоупвелл. Наиболее известными видами скульптуры являются реалистические трубки в виде платформы и очень натуралистические глиняные фигурки людей. Тогда как трубки в виде платформы, несомненно, использовались не только в погребальных, но и в других ритуалах, глиняные фигурки были предназначены почти исключительно для погребальных церемоний. «Склепный» обряд служил способом перераспределения редких ресурсов и изделий. Хоупвелл, очевидно, достиг в социально-политическом плане уровня вождества. Такой оценке соответствует наличие здесь системы приобретения редких ресурсов, специализированных ремесел, монументальных (хотя и строившихся постепенно) архитектурных сооружений, дифференциации статуса в центрах (а возможно, и между ними) и другие особенности (илл. 157).

Крушению системы хоупвелл, или Сферы взаимодействия, завершившемуся к 700 г. н.э., предшествовал длительный период угасания, который начался, очевидно, несколькими веками раньше. Это крушение приписывается климатическим изменениям, хотя надежных свидетельств, подтверждающих эту гипотезу, мало. Более вероятно, что экономическое соперничество и смещение социальных отношений внутри отдельных сообществ и между ними ускорили упадок и последующее крушение системы. Такая протяженная сеть приобретения редких ресурсов, предназначенных для использования в погребальных обрядах, должна была быть прежде всего тщательно сбалансированной. Удивительно, что она существовала столь долго. Хотя система приобретения ресурсов распалась, что привело к исчезновению погребального культа (или наоборот), в повседневной жизни населения не произошло никаких перемещений или крупных изменений. Наоборот, культуры, которые находились в сфере влияния хоупвелл, теряя

редкие ресурсы и ритуальную целостность, стали развивать свои местные направления. Хотя погребальные обряды этих культур и были существенно беднее, других признаков общественного упадка очень мало.

Юго-восток Соединенных Штатов

Культуры этого региона, возникшие под влиянием культуры хоупвелл, – комплексы Санта-Роза – Свифт-Крик, Кристал-Ривер, Сент-Джонс, Копена и Картервилл – имели явно выраженные региональные особенности даже во время расцвета хоупвелл. Среди множества трудов, посвященных исследованию этой обширной территории, выделяются труды конференции в Чиликоте (*Brose & Greber*, 1979). Есть также работы *Ford & Quimby* (1945), *Goad* (1978), *Toth* (1979), *Sears* (1954, 1956, 1982), *Milanich et al.* (1984), *Milanich & Fairbanks* (1980), *Greenwall* (1984), *Walshall* (1979, 1980, 1981), *Morse & Morse* (1983).

Эта территория была зоной интенсивного земледелия, в ней было введено выращивание маиса. В какое точно время местные жители стали возделывать землю, неясно, однако к 300 г. до н.э. появляются явные признаки использования мари, фаляриса, подсолнечника и горца. Начало культивирования маиса датируется 500 г. до н.э., но более заметным оно становится позднее. Археологи, изучающие эти места, все еще спорят по поводу времени начала выращивания маиса. В целом считается, что на протяжении раннего периода лесной зоны выращивание растительных культур выполняло вспомогательную функцию, дополняя охоту и собирательство, и его значение существенно возросло к середине этого периода. Многие из этих окультуренных растений, например марь, производят огромное число семян. В ранний период лесной зоны размеры поселений были достаточно малы; предположительно они включали от пяти до десяти домов (25–60 человек). Большинство домов было круглыми или овальными в плане и представляли собой конструкции из деревянных столбов с очагом внутри. Вокруг деревень располагалось множество специальных стоянок. Система поселений свидетельствует о большой подвижности образа жизни. К среднему периоду лесной зоны поселения стали не только больше по размеру, но и более долговременными, хотя люди по-прежнему часто перемещались с целью лучшего использования природных ресурсов.

Эта территория принимала участие в обеих системах дальнего обмена товарами – как в той, которая поддерживалась Аденой, так и инициированной комплексом хоупвелл. Ими в больших масштабах вывозились раковины, жемчуг, слюда, зубы акулы и другие ценные сырьевые материалы. В обмен они получали, среди прочих материалов, медь и галенит, и большая часть их поставлялась уже в виде изделий в очень своеобразном стиле. В этих обществах, по-видимому, особую роль играли медные свирели и нефритовые долота. Большая часть этих изделий, как и на севере, использовалась для погребальных ритуалов. Важное место в этих обрядах наряду с привозными экзотическими предметами занимали искусные изделия местных мастеров, в частности изготавливавшиеся в Копене трубки из стеатита с изображениями. Следует упомянуть также о систематическом использовании медных руд, находившихся на юго-востоке. Этот район добычи медной руды находился, видимо, в сфере влияния комплекса Копена, расположенного в Северной Алабаме и соседних частях Теннесси, жители которого, пользуясь его расположением между долиной Огайо, побережьем Мексиканского залива (территории Санта-Роза – Свифт-Крик и Кристал-Ривер в Северной Флориде и Юго-Западной Джорджии) и Атлантическим побережьем Флориды (территория Сент-Джонс), занимались также и перевозкой меди.

Погребения раннего периода лесной зоны по большей части были простыми, тела предавались земле в согнутом положении, хотя связки костей и кремнированные останки тоже встречаются. Погребальная утварь встречалась редко и служила для обозначения не социального положения, а пола и возраста. Низкие курганы поверх погребений найдены в основном во Флориде. Однако к концу среднего периода лесной зоны погребальные обряды стали более сложными. Курганы, некоторые весьма больших размеров, стали встречаться повсеместно. Они насыпались поверх специальных поверхностей; зачастую это были низкие платформы, которые использовались для подготовки умершего к захоронению. Они могли служить основой для склепа, сделанного из непрочного материала. Непосредственно перед тем как покрыть эту поверхность насыпанным над ней курганом, человеческие останки и приношения раскладывали в виде сложных композиций. Некоторые курганы содержат несколько таких этажей, что указывает на достаточно продолжительное существование этих захоронений. На большинстве территорий, видимо, все усопшие, независимо от их общественного положения, погребались под курганами. На других территориях, в особенности в районах Миссисипи и Арканзаса, специально построенные гробницы с весьма искусными подношениями в виде экзотических предметов предназначались только для людей самого высокого ранга. Эти гробницы закрывались непосредственно после окончания церемонии погребения.

Общество раннего периода лесной зоны представляется в значительной степени социально равноправным; в нем признаки статуса отмечали пол и возраст. К середине этого периода социальная дифференциация усложняется и становится более структурированной в отношении дифференцированного доступа к редким ресурсам – как к сырью, так и к готовым изделиям. Некоторые исследователи полагают, что в процессе социальной дифференциации важную роль играли рост плотности населения и интенсификации использования культурных растений. Большинство ученых согласны с тем, что структура общества была достаточно проста; самое сложное из того, что предполагается в источниках, – это клановая система, прочно основанная на родовых структурах.

Важно отметить, что даже в средний период лесной зоны многие сообщества не принимали участия в церемониальной системе, связанной с курганными погребениями, и были практически изолированы от системы приобретения редких ресурсов, которая поддерживала эту церемониальную систему и объединяла весь регион. Участие таких сообществ в этой системе было случайным, однако археологи гораздо больше внимания уделяют тем обществам, которые были включены в данную систему, чем тем, которые в нее не входили.

Юго-запад Соединенных Штатов

Американский юго-запад является одним из регионов мира, которые изучались археологами наиболее интенсивно. Об истории этого обширного региона существует очень много специальных отчетов, с которыми беглый обзор вряд ли может конкурировать. Список источников, приведенный здесь, является очень неполным, включенные в него работы были выбраны в том числе и потому, что содержат библиографические перечни. При том огромном количестве литературы, которая посвящена этому обширному региону, данный список ни в коей мере не является представительным (*Crown & Judge, 1991; Doyel, 1979, 1987; Doyel & Plog, 1980; Berry, 1982; Bullard, 1962; Cordell, 1984a; Ford, 1981; Gladwin, 1938; Hauray, 1936, 1950, 1976; LeBlanc, 1982; LeBlanc & Whalen, 1980; Martin & Plog, 1973; а также Weigand et al., 1977*). Главы из книги *Ortiz (1979)*, написанные *Woodbury & Zubrow* (о начале земле-

делия), *Martin* (могольон), *Gumennan & Hauray* (хохокам), *DiPeso* (Оотам и крайний северо-запад Мексики), *Schroeder* (Хакатайя), *Plog* (запад Анасази) и *Cordell* (восток Анасази) заслуживают особого упоминания как обстоятельные обзоры, содержащие подробную библиографию. Краткий обзор современных направлений в археологии данного региона можно найти у *Cordell (1984b)*.

Маис как культурное растение появился в данном регионе уже к III тысячелетию до н.э. С этого момента начинается длительный, но постоянно нарастающий процесс налаживания социально-культурных отношений с Центральной Америкой. Влияние Центральной Америки проникло сюда, по-видимому, из западных районов нынешней территории Мексики и проявилось в основном в более поздний период, начиная с I тысячелетия н.э. Истинная природа и хронология этого влияния в настоящее время горячо обсуждаются археологами, занимающимися юго-западным регионом, и большинство из них считают результаты и масштаб таких контактов незначительными. Остальные археологи, многие из которых имеют опыт полевых исследований не только на юго-западе, но и в Центральной Америке, видят ситуацию иначе, предполагая, что взаимодействия между жившими на этих территориях народами продолжались в течение длительного времени и были сначала связаны с маисом, а впоследствии – с керамикой (около 200 г. до н.э.) и многими другими вещами. В соответствии с таким пониманием ситуации культура хохокам, возникшая в пустынных регионах южной части Центральной Аризоны, была первой культурой, испытавшей явное прямое влияние Центральной Америки. Вопрос о национальных культурах на юго-западе поднимался археологами не раз. Традиционно выделяют три наиболее значительных культуры на юго-западе Соединенных Штатов – хохокам, могольон и анасази.

Хохокам

Люди этой культуры, как упоминалось выше, – жители по преимуществу пустынной местности, испытали на себе, как было установлено, наибольшее влияние Центральной Америки. К 300 г. до н.э., если не ранее, хохокам выделилась из общей архаической культурной среды Кочизе-Сан Педро (см. том II) как общество оседлых мелких земледельцев. Сначала их деревни были очень небольшими; в них проживало не более двадцати пяти человек. Вероятно, уже тогда важную роль, в особенности для выращивания маиса, здесь играло паводковое орошение. Кактусы сагуаро, мескит и многие другие дикие съедобные растения, а также дичь, были важным дополнением к сельскохозяйственной продукции. Типичным для археологии культуры хохокам местонахождением периода до 1000 г. н.э. служит городище Снейктаун, расположенное к югу от города Финикс, штат Аризона. Здесь начиная с 200 г. до н.э. производилась красная обливная керамика, а также гончарные изделия с серым узором на красном фоне; эти изделия отмечают начало традиции изготовления цветной керамики во всем регионе. Кроме того, делались маленькие человеческие фигурки. Жилье постройки представлены домами–землянками, расположенными в неглубоких ямах, квадратных или прямоугольных в плане. Самые большие из этих строений были, видимо, общественными зданиями, однако у них отсутствуют явные признаки церемониального назначения. Верхняя часть здания поддерживалась четырьмя опорами. В одно время в Снейктауне насчитывалось около 100 домов. В продолжительный начальный период (около 100 г. до н.э. – 500 г. н.э.) впервые стали осуществляться работы по строительству каналов. Общий план ирригационной системы с самого начала был весьма амбициозным, и в последующие периоды она была существенно

расширена. К 500 г. н.э. хозяйство стало почти исключительно земледельческим; оно включало также выращивание хлопка.

Погребальные обряды начального периода, очевидно, не были связаны с общественным положением умершего, различаясь только в зависимости от пола и возраста. В это время большинство погребений производилось посредством кремации, после которой пепел и обожженные кости помещались в керамические сосуды, которые накрывались перевернутой чашей и захоранивались в простых ямах внутри домов или рядом с ними. Погребальные атрибуты очень просты или вообще отсутствуют. В более позднее время начального периода и в последующий колониальный период (около 500–800 г. н.э.) ритуальные погребальные приношения несколько усложняются; это же происходит и с расписной керамикой (илл. 158). В начале колониального периода общество культуры хохокам претерпело ряд серьезных изменений, в результате чего стало намного более сложным. Утверждается, что имелись прямые связи с областью Чальчиуитес, расположенной на территории мексиканского штата Сакатекас, и с западной частью Центральной Америки, поскольку престижные предметы завозились в хохокам, видимо, в обмен на бирюзу. Помимо распространения ирригационных сооружений, наиболее примечательным фактом является значительная активизация торговли и обмена редкими ресурсами, особенно раковинами с побережья Калифорнийского залива (для бус, браслетов и резных изделий) и бирюзой для мозаики. В некоторых количествах изготавливались тщательно выполненные изделия из тесаного камня, в особенности пластинки, украшенные рельефными резными рамками с накладками в виде фигур людей и животных. Для обозначения статуса и при церемониях в обществе колониального периода использовались пластинки из раковин, протравленные перебродившим соком кактуса сагуаро, а также мозаикой выложенные зеркала, с обратной стороны.

В этот период были построены первые надлежущим образом оформленные поля для игры в мяч, которые, возможно, ведут свое происхождение из региона хохокам. Эти поля овальной формы, самое большое из которых имело 120 м в длину и 34 м в ширину, с боков были окружены высокой земляной насыпью. Поверхность поля была наклонена к центру, так что поле не было ровным. Археологами были обнаружены также резиновые мячи, которые, несомненно, ввозились из Центральной Америки. Предполагают, что эти поля, наряду с другими функциями, служили в качестве центров внутри- и межрегиональной интеграции, облегчая движение потоков редких ресурсов. Одновременно с игровыми полями появились первые курганы с небольшими платформами. В основном они были прямоугольными или квадратными в плане, а некоторые из них – круглыми или овальными. Самый высокий из курганов был около 3 м в высоту и 30 м в длину. Платформы и игровые поля не были монументальными, но тем не менее они свидетельствуют о значительном общественном вкладе в строительство общественных сооружений и четко отражают растущее влияние Центральной Америки. Предполагается, что над платформами устанавливались какие-то сооружения, однако доказательств этого нет.

После 500 г. н.э. общество Хохокама становится более сложным как в культурном, так и в общественном отношении. Кроме того, в это время, вероятно, начался бурный рост населения на орошаемых территориях в долинах рек Солт-Ривер и Хиля. Престижные и экзотические товары, а также прекрасно выполненные изделия из раковин и резного камня, несомненно, играли важную экономическую и социальную роль в непрерывном совершенствовании культуры хохокам. Все это создало предпосылки для еще более сложных достижений в конце колониального периода (около 900 г. н.э.) (см. том IV).

Могольон

Культуры типа могольон по большей части были приспособлены к горным местностям на территории юго-запада штата Нью-Мексико, юго-востока штата Аризона и прилегающих частей мексиканских штатов Сонора и Чиуауа. Имеются серьезные аргументы в пользу существования непрерывной взаимосвязи между культурами могольон и культурами лома сан-габриэль в горах Западная Сьерра-Мадре в Мексике. Приблизительно в 200 г. до н.э. началось слияние первых небольших поселений, относившихся к единой культурной среде кочизе – сан-педро. В большинстве поселений было не более двадцати домов, и поселения везде располагались на большой высоте, поскольку при строительстве преобладали соображения безопасности. Расположение домов не подчинялось никакому плану, хотя на некоторых участках они ставились группами. Для архитектурного стиля характерны дома-землянки, расположенные в ямах умеренной глубины, входы в них всегда были обращены на восток. Конические крыши опирались на центральный столб. Хотя культура могольон в этот ранний период была преимущественно земледельческой, охота и собирательство также играли очень большую роль. Ранние керамические изделия были простыми, но хорошо сделанными и привлекательными на вид. Для украшения керамических изделий прежде всего использовалось покрытие глазурью. Иногда встречаются также глиняные и каменные трубки. Очень редко попадаются маленькие глиняные человеческие фигурки.

Примерно к 300 г. н.э. общество Могольона начало меняться, что, несомненно, было связано с развитием культуры в Хохокаме и, возможно, культур на территориях дальше к югу. Культура становилась более специализированной и приспособленной к широкому спектру различных экологических условий на этой территории. Дома-землянки стали больших размеров и более сложными, хотя признаки общественных строений по-прежнему отсутствуют. Появляется расписная узорчатая керамика. Поселения резко увеличиваются в размерах. Однако около 500 г. н.э. эта территория пришла в упадок, от которого она не смогла оправиться в течение более двух веков. Было выдвинуто предположение, что люди из-за ряда последовательных неурожаев были вынуждены вернуться к архаичному собирательству и охоте, что привело к опустошению поселений и временному прекращению оседлого образа жизни.

Анасази

Это культурное явление, ограниченное в основном территориями штатов Нью-Мексико, Аризона, Юты и Колорадо, расположенными на плато Колорадо, служило объектом большого романтического интереса и выражением того, что англо-американцы наиболее ценят из коренного американского опыта. Перед 100 г. до н.э. на основе умеренно специализированных более древних культур, называемых архаическими культурами сан-хосе, возникла культура «корзинщиков» II (фазы «корзинщиков» I не существует). Хотя представители этой культуры и вели полуоседлый образ жизни, они вначале мало внимания уделяли земледелию. В то время как современные им люди культуры могольон охотились с помощью лука и стрел, люди культуры «корзинщиков» все еще использовали *атлатл* (метательную дубинку). Жилищная архитектура была очень примитивной – вогнутые глиняные полы, крыша – легкий купол на столбах. Хотя самые большие дома были до 8 м в диаметре, общественных зданий, видимо, не было. Часто встречаются ямы-хранилища; иногда они выложены камнем. Деревушки состояли в среднем из трех–четырех строений, однако обнаружены и городища, где было

до двадцати построек. Высокого уровня развития достигло искусство плетения корзин, которые украшались геометрическим орнаментом. Использовались различные приемы плетения, включая свертывание в виде катушки. Часто корзины делали водонепроницаемыми с помощью смолы.

Приблизительно в 350–400 г. н.э. началась фаза модернизированной культуры «корзинщиков» (иначе – культура «корзинщиков» III). Она характеризуется большей сложностью; в ней шире используются керамические изделия, которые вначале делались коричневого цвета, в чем явно прослеживалось влияние могольона. К концу этой фазы, примерно в 700 г. н.э., начинают появляться первые образцы черно-белой керамики, которая и станет отличительной чертой более поздней культуры анасази. Черная роспись по белой глазури была, вероятно, местным новшеством, хотя подобные изделия появились в Северной Мексике в то же время и даже раньше. Обычной для керамической посуды была форма ковша, повторявшая форму сосудов из тыквы. В этот период общественные постройки отсутствуют. Архитектура жилищ, однако, становится существенно сложнее, и на всей территории появляются настоящие землянки. Они имели круглую форму и диаметр от 3 до 8 м. Стены часто выкладывали каменными плитами или обмазывали глиняной штукатуркой. Крыши представляли собой сложные конструкции в виде бревенчатой срубовой крепи. Дымовое отверстие, расположенное прямо над находившимся в центре очагом, дублировало вход в более глубоко расположенные постройки. Вентиляционные отверстия, расположенные в одной из боковых стен, снабжались установленными перед ними отражателями из плит. Погребальные обряды были очень простыми – согнутое тело укладывалось в неглубокую яму или заброшенную печь; погребальные предметы либо отсутствовали вовсе, либо их было очень немного. Такая простота погребальных обрядов в совокупности с простотой жилищ привели большинство археологов к убеждению, что культура «корзинщиков» представляла собой совокупность равноправных групп, единственными отличительными признаками статуса в которой были пол и возраст. После 700 г. н.э. и медленного перехода к периоду Пуэбло I образ жизни народа культуры анасази коренным образом изменился (эти последующие события рассмотрены в томе IV).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BABY, R.; LANGLOIS, S. 1979. Seip Mound State Memorial: Nonmortuary Aspects of Hopewell. HACC, pp. 16–18.
- BERRY, M.S. 1982. Time, Space and Transition in Anasazi Prehistory. Salt Lake City.
- BROSE, D.S.; GREBER, N. (eds). 1979. Hopewell Archaeology. The Chillicothe Conference. Kent, Ohio.
- BULLARD, W.R. 1962. The Cerro Colorado Site and Pithouse Architecture in the Southwestern United States Prior to AD 900. Cambridge, Mass. (Peabody Museum Papers, Vol. 44, No. 2.)
- CALDWELL, J. 1958. Trend and Tradition in the Prehistory of the Eastern United States. Springfield. (Scientific Papers, Vol. 10.)
- CALDWELL, J.; HALL, R.L. (eds). 1964. Hopewellian Studies. Springfield. (Scientific Papers, Vol. 12.)
- CORDELL, L. 1984a. Prehistory of the Southwest. New York.
- 1984b. Southwestern Archaeology. In: Annual Review of Anthropology. Vol. 13, pp. 301–32.
- CROWN, P.; JUDGE, J. (eds). 1991. Chaco and Hohokam. Prehistoric Regional Systems in the American Southwest. Santa Fe.
- DEUEL, T. (ed.). 1952. Hopewellian Communities in Illinois. Springfield. (Scientific Papers, Vol. 5.)
- DOYEL, D. 1979. The Prehistoric Hohokam of the Arizona Desert. American Scientist, Vol. 67, Pt. 5, pp. 544–54.
- (ed.). 1987. The Hohokam Village: Site Structure and Organization. Glenwood Springs.

- DOYEL, D.; PLOG, F. (eds). 1980. Current Issues in Hohokam Prehistory: Proceedings of a Symposium. Anthropological Research Papers No. 23. Tempe.
- FITTING, J. E. 1978. Regional Cultural Development, 300 BC to AD 1000. In: TRIGGER, B. (ed.). Handbook of North American Indians. Northeast, pp. 44–57. Washington.
- FORD, J.A.; QUIMBY, G. 1945. The Tchefuncte Culture: An Early Occupation of the Lower Mississippi Valley. Memoir of the Society for American Archaeology, No. 2.
- FORD, J.A.; WEBB, C. H. 1956. Poverty Point, a Late Archaic Site in Louisiana. New York. (Anthropological Papers, Vol. 46, Pt. 1.)
- FORD, R. I. 1981. Gardening and Farming Before AD 1000: Patterns of Prehistoric Cultivation North of Mexico. Journal of Ethnobiology, Vol. 1, No. 1, pp. 6–27.
- GIBSON, J. L. 1974. Poverty Point: The First North American Chiefdom. Archaeology. Vol. 27, No. 2, pp. 97–105.
- GLADWIN, H. S. et al. 1938. Excavation at Snaketown I: Material Culture. Medallion Papers of the Gila Pueblo, Globe, Arizona.
- GOAD, S. I. 1978. Exchange Networks in the Prehistoric South-eastern United States. PhD Dissertation, University of Georgia.
- GREENWALL, D. 1984. The Mississippi Gulf Coast. In: DAVIS, D. (ed.). Perspectives of Gulf Coast Prehistory, pp. 125–55. Gainesville.
- GRIFFIN, J. B. (ed.). 1952. Archaeology of the Eastern United States. Chicago.
- 1958. The Chronological Position of the Hopewellian Culture in the Eastern United States. Ann Arbor. (Anthropological Papers, No. 12.)
- 1960. Climatic Change: A Contributory Cause of the Growth and Decline of Northern Hopewellian Culture. The Wisconsin Archaeologist, Vol. 41, pp. 21–33.
- 1961. Lake Superior Copper and the Indians. Ann Arbor. (Anthropological Papers, No. 17, pp. 1–30.)
- 1979. An Overview of the Chillicothe Hopewell Conference. HACC, pp. 266–79.
- HAURY, E. W. 1936. The Mogollon Culture of Southwestern New Mexico. Globe, Arizona. (Medallion Papers of the Gila Pueblo, No. 20.)
- 1976. The Hohokam, Desert Farmers and Craftsmen. Tucson.
- JOHNSON, J. K. 1989. Poverty Point Period Social Organization in the Yazoo Basin, Mississippi: A Preliminary Consideration. Louisiana Archaeologist, Vol. 6, pp. 253–84.
- LE BLANC, S.A. 1982. The Advent of Pottery in the Southwest. In: A.H.SCHROEDER (ed.). Southwestern Ceramics: A Comparative Review, Arizona Archaeologist. Vol. 15, pp. 27–51, Phoenix.
- LE BLANC, S.A.; WHALEN, M.E. 1980. An Archaeological Synthesis of South Central and Southwestern New Mexico. Albuquerque.
- MARTIN, P.S.; PLOG, F. 1973. The Archaeology of Arizona. Garden City.
- MILANICH J. T. 1984. McKeithen Weeden Island: the Culture of Northern Florida. New York.
- MILANICH J.T.; FAIRBANKS, C.H. 1980. Florida Archaeology. New York.
- MOOREHEAD, W. K. 1922. The Hopewell Mound Group of Ohio. Chicago, Chicago Natural History Museum. (Field Museum of Natural History Publications, No. 211. Anthropological Series, Vol. 6, No. 5.)
- MORGAN, R. G. 1952. Outline of Cultures in the Ohio Region. In: GRIFFIN, J.B. (ed.). Archaeology of Eastern United States, pp. 83–98. Chicago.
- MORSE, D.F.; MORSE, P.A. 1983. Archaeology of the Central Mississippi Valley. New York.
- ORTIZ, A. (ed.). 1979. Southwest. Handbook of North American Indians, Vol. 9. Washington.
- OTTO, M.P. 1979. Hopewell Antecedents in the Adena Heartland. HACC, pp. 9–14.
- PRUFER, O. 1964. The Hopewell Cult. Scientific American, pp. 90–102.
- et al. 1965. The McGraw Site, A Study in Hopewellian Dynamics. Cleveland Museum of Natural History Scientific Publications, Vol. 4, No. 1.
- QUIMBY, G.I. 1960. Indian Life in the Upper Great Lakes, 11,000 BC to AD 1800. Chicago Press.
- SEARS, W. H. 1954. The Sociopolitical Organization of the PreColumbian Cultures on the Gulf Coast Plain, American Antiquity, Vol. 53, No. 3, pp. 339–46.
- 1956. Excavations at Kolomoki. Final Report. University of Georgia Series in Anthropology, No. 5. Athens.
- 1982. Fort Center: An Archaeological Site of the Lake Okeechobee Basin. Gainesville.

- SHETRONE, H.C. 1926. Explorations of the Hopewell Group of Prehistoric Earthworks. *Ohio Archaeological and Historical Quarterly*, Vol. 35, No. 1.
- 1930. *The Mound Builders*. New York.
- SHETRONE, H.C.; GREENMAN, E.F. 1931. Explorations of the Seip Group of Prehistoric Earthworks. *Ohio Archaeological and Historical Quarterly*, Vol. 40, No. 3.
- SPAULDING, A.C. 1952. The Origin of the Adena Culture of the Ohio Valley. *Southwestern Journal of Anthropology*, Vol. 8, pp. 260–8.
- SQUIER, G.; DAVIS, E. H. 1848. *Ancient Monuments of the Mississippi Valley*. Washington, Smithsonian Institute. (Smithsonian Contributions to Knowledge, No. 1.)
- TOTH, A. 1979. The Marksville Connection. *HACC*, pp. 188–99.
- TUCK, J. A. 1978. Regional Cultural Development, 3000 to 300 BC. In: TRIGGER, B. (ed.). *HBNAL, Northeast*, Vol. 15, pp. 28–43.
- WALTHALL, J.A. 1980. *Prehistoric Indians of the Southeast: Archaeology of Alabama and the Middle South*. Alabama.
- WEBB, W. S.; BABY, R.S. 1957. *The Adena People*. Columbus.
- WEBB, W. S.; SNOW, C. E. 1945. *The Adena People*. Lexington. (University of Kentucky Report in Anthropology and Archaeology, Vol. 6.)
- WEIGAND, P. C.; HARBOTTLE, G.; SAYRE, E. 1977. Turquoise Sources and Source Analysis: Mesoamerica and the Southwestern U.S.A. In: EARLE, T.K.; ERICSON, J.E. (eds). *Exchange System in Prehistory*, pp. 15–24. New York.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

29.1

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ НАЧАЛЬНОЙ К КЛАССИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Уильям Т. Сендерс

Илл. 159 – 162

Основной проблемой, с которой приходится сталкиваться при обобщении истории культуры Центральной Америки (в английской версии «Истории» для обозначения рассматриваемой территории использовано не принятое в русской литературе название «Мезоамерика» (Mesoamerica. – *Прим. ред.*), является большое разнообразие культурных достижений, к которым в различных регионах приходили не всегда одновременно. Специалисты по Центральной Америке, следуя за изменением технологии керамики как ремесла, традиционно делят историю региона на три основных периода – доклассический, классический и постклассический. Эта система периодизации изначально базировалась на событиях, происходивших в культуре равнинных майя, и была связана с системой «долгого счета», которая использовалась для указания дат на памятниках и сооружениях.

Примерно с 300–900 гг. н.э. представители высших слоев общества равнинных майя начали делать надписи на больших сооружениях или воздвигать отдельно стоящие скульптурные монументы – стелы; этот обычай просуществовал в течение более чем 600 лет, т.е. в течение периода, называемого классическим. Дома стали строить из камня, с обильным использованием известковой штукатурки и раствора; строения, имевшие более важное значение, накрывались установленным на кронштейнах сводом и тщательно отделялись камнем и штукатуркой, особое внимание при этом уделялось отдельным изображениям, имевшим как религиозный, так и политический смысл. Все основные ремесла в регионе равнинных майя – изготовление керамики, резьба по нефриту или другому зеленому камню на мелких изделиях, монументальная скульптура, роспись и архитектура – достигли своего высшего развития в классический период; все выполнялось в характерном, хорошо различимом стиле, хотя и со значительными местными вариациями. Классический период в культуре майя характеризуется также развитием письменности, математики и астрономии (точнее, астрологии, поскольку все наблюдаемое ими майя считали божествами); особенно больших успехов майя достигли в наблюдениях за движением Солнца, Луны и Венеры.

Период, следующий за классическим, называют постклассическим; он характеризовался относительным

ухудшением качества ремесленных продуктов и произведений искусств и переходом к более светской, урбанистической и милитаристской культуре. Такое мнение основывалось, в частности, на трактовке событий, происходивших в культуре равнинных майя, а также на сравнении культуры ацтеков времен появления европейцев с ее урбанистическим и милитаристским характером и,

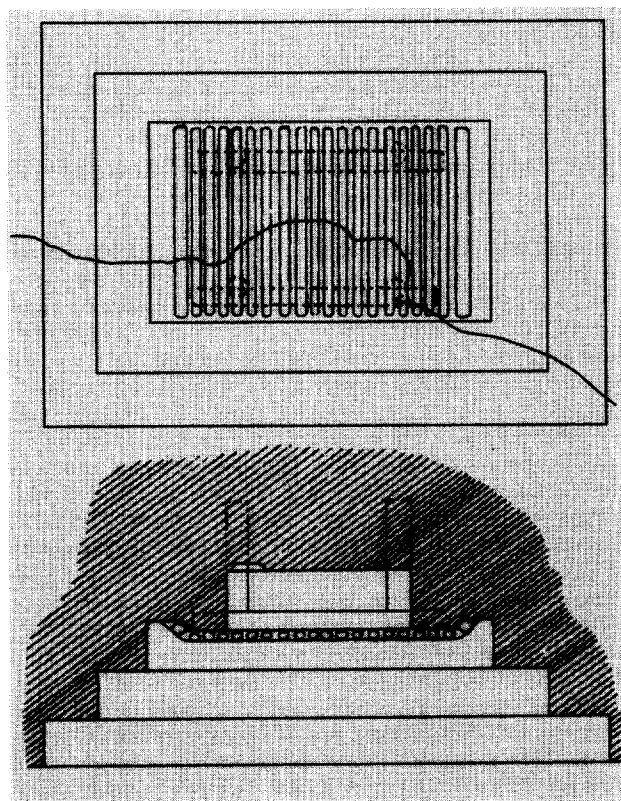

Рис. 42. Каминальгую: профиль и план гробницы с сохранившейся бревенчатой крышей из кургана Е-III-3 (по Porter, 1981)

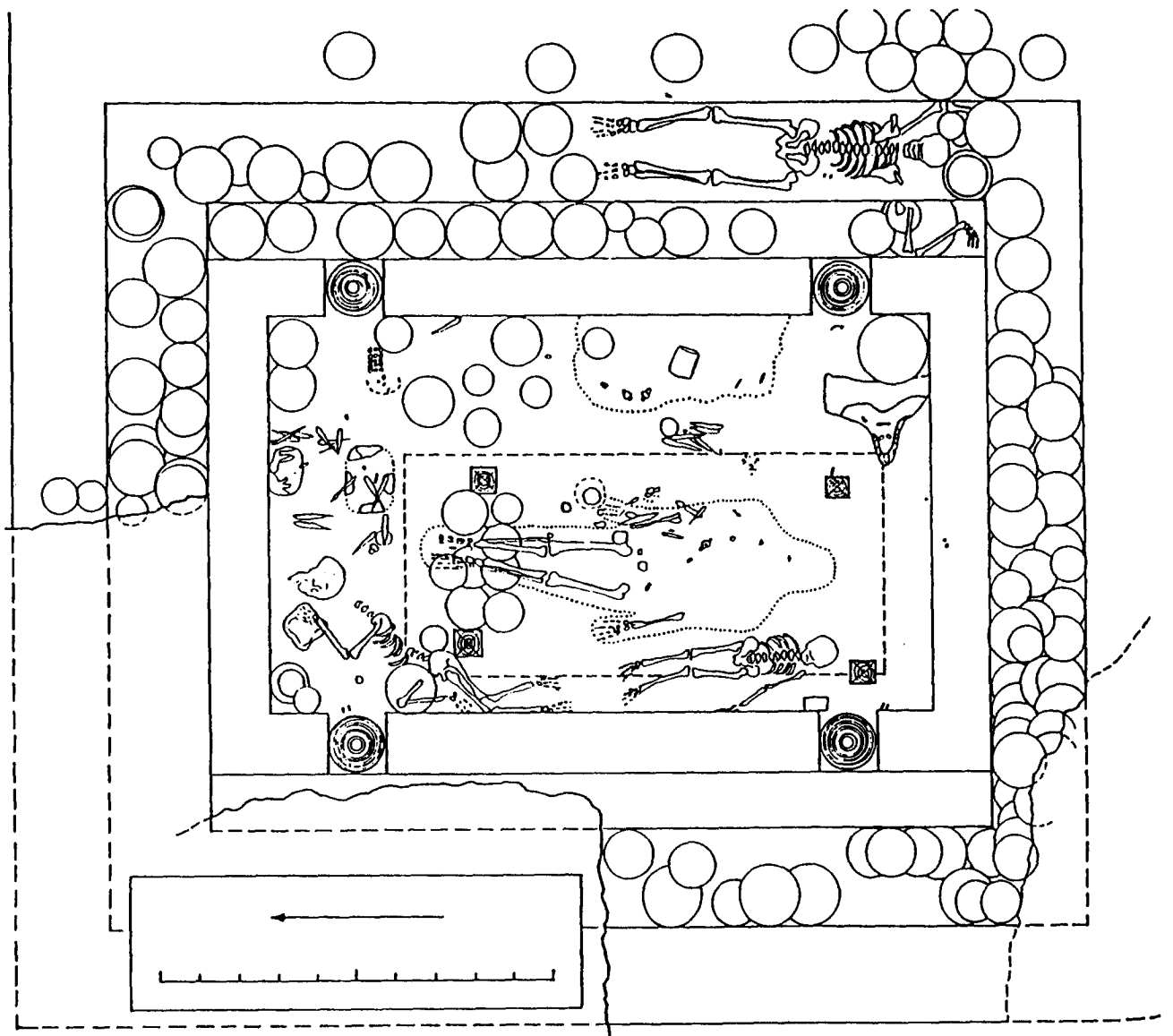

Рис. 43. Каминальгую, план гробницы после удаления бревенчатой крыши (по Porter, 1981)

как предполагалось, более миролюбивой, неурбанистической, «теократической» классической культуры майя.

Предшествовавший классическому доклассический период понимался как период относительно простого деревенского общества и культуры, имевшей только некоторые намеки на более развитую общественно-политическую систему, которая появилась ближе к концу периода.

Это простое и прямолинейное деление на периоды начало рушиться примерно в 1940-х гг., когда ее попытались применить к Центральной Америке в целом. Параллельные исследования, проведенные в Теотиуакане в Центральной Мексике, Монте-Альбанае в Оахаке и Каминальгую в высокогорьях Гватемалы, показали, что некоторые из поздних доклассических культур были столь же высокоразвитыми, как многие другие культуры, которые отнесены к классическому периоду; более того, установлено, что развитие определенных региональных классических культур началось намного раньше традиционной даты – 300 г. н.э., что касалось особенно Монте-Альбана и Теотиуакана. Новые данные показали также, что резкий спад в культуре Теотиуакана произошел намного раньше предполагаемого окончания классического периода. Более поздние исследования местонахождений, относящихся к раннему и среднему этапам доклассического периода,

позволили обнаружить цивилизацию ольмеков, которая во многих отношениях сравнима с классическими цивилизациями других регионов Центральной Америки: по уровню развития скульптуры, архитектуры и по сложности политической системы. Кроме того, результаты раскопок письменности майя классического периода, сделавшей большие успехи за последние 30 лет, показали, что государство майя классического периода было гораздо более милитаристским, чем предполагалось, и что им управляли наследственные правители, а не каста жрецов, как считали археологи ранее.

Основной проблемой тройственной схемы периодизации было то, что, когда эта схема первоначально разрабатывалась как строго хронологическая, построенная на основе исследований культуры равнинных майя и системы «долгосчета» – системы, применявшейся майя для датировки истории этого региона, термин «классический» по своему внутреннему смыслу оказался подходящим для обозначения стадийности развития. Археологи стали использовать тройственное разделение не как чисто хронологическую схему, но и как определенные стадии социально-культурной эволюции. Из-за трудностей, которые вызывает в этом случае ее использование, в данном разделе тройственная схема будет ис-

пользоваться преимущественно для хронологических целей.

Еще одна проблема хронологии заключается в том, что, даже используя тройственную систему как хронологический инструмент, не обозначающий этапы развития культур, не удастся точно соотнести последовательность событий в Центральной Америке с теми периодами, которые приняты в томах «Истории человечества» на основании периодизации преимущественно истории Старого Света. Например, период с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э., рассматриваемый в данном томе, мало что значит для археологов и историков культур Центральной Америки.

Кратко суть данной проблемы можно изложить следующим образом: примерно в 5000 г. до н.э. коренные народы Мексики начали осуществлять длительный процесс перенесения некоторых видов диких растений в свою среду обитания посредством окультуривания. До этого времени они были собирателями, их существование зависело от диких животных и растений. В то время люди жили мелкими родственными группами, члены которых были равноправными; эти группы перемещались в зависимости от времени года на различные части своей территории по мере появления там доступных пищевых ресурсов. Приблизительно в 2600 г. до н.э., когда некоторые окультуренные растения, в основном маис, стали давать достаточные урожаи для того, чтобы можно было надолго оставаться на выбранной благоприятной территории, эти группы стали вести полуседлый образ жизни. Однако в это время земледелие давало, по-видимому, не более половины требуемых продуктов питания; это было связано, в частности, с тем, что достаточно урожайные сорта маиса еще не были выведены. Этот этап продолжался примерно до 1500 г. до н.э. К этому времени во всем регионе, называемом Центральной Америкой, установился полностью оседлый деревенский образ жизни и изготовление керамических изделий стало ремеслом.

Приблизительно в 1200 г. до н.э. указанное развитие привело к появлению первых сложных обществ, т.е. обществ с населением в тысячи человек, в которых принципом социальной организации и политической иерархии была клановость. Центры таких объединений состояли из нескольких зачастую монументальных размеров земляных платформ, некоторые из них служили в качестве погребальных сооружений, а другие – в качестве основ, на которых возводились дома из недолговечных материалов. Эти дома использовались как храмы или как места проживания наследственных правителей. В одном из регионов – на южном побережье Мексиканского залива, на территории современных мексиканских штатов Веракрус и Табаско – развитие достигает вершины; центры здесь действительно были монументальных размеров, а население достигало, вероятно, десятков тысяч человек (Coe, 1965; Coe & Diehl, 1980). Это развитие сопровождалось появлением монументальной каменной скульптуры, включавшей изображения в форме больших голов, которые, возможно, представляли собой высеченные из камня портреты вождей, и рельефные резные узоры на тронах.

Эти резные изделия характеризовались совершенно особым стилем и иконографией, которые археологи называют ольмекской традицией или культурой по имени народа, жившего на этой территории во времена европейского завоевания. Наряду с монументальной скульптурой изготавливались небольшие, искусно вырезанные фигурки из зеленого камня, а также керамические фигурки и изделия, выполненные в том же стиле и с использованием тех же иконографических символов. В течение последующих 600 лет общества этого типа возникали, развивались и приходили в упадок во многих регионах Центральной Америки, таких, например, как долина Мехико, Мичоакан, долины Морелос и Пуэбла, долина Оахака, Центральная долина в штате Чьяпас, Тихоокеанское побережье и под-

ножье гор Чьяпас и близлежащие территории Гватемалы. В большинстве обществ этих регионов социально-политическая организация была относительно менее сложной по сравнению с культурами побережья Мексиканского залива, однако и эти общества тоже были построены по принципу иерархии. В остальных частях Центральной Америки продолжали существовать простые эгалитарные общества сельского типа.

В это время на всей территории Центральной Америки широко продавались и использовались легко переносимые изделия, выполненные в ольмекском стиле, создавая в регионе некоторое единое пространство. Эти изделия распространялись преимущественно в тех сообществах, общественная организация которых имела черты иерархичности. Однако местные изделия – бытовая керамика и каменные орудия – достаточно заметно различались в зависимости от региона, и распространенность ольмекского стиля ни в коем случае не свидетельствует о крупномасштабных завоеваниях и политической интеграции.

В большинстве своем археологи, изучающие Центральную Америку, предпочитают характеризовать социальные и политические институты доклассического периода как основанные в значительной степени на отношениях родства; эти отношения принимаются как принцип организации, при котором власть принадлежит наследственным вождям. Эти характеристики обществ очень близки тому, что европейцы обнаружили в Полинезии при ее открытии. Мы называем такое общество клановым, а соответствующую политическую систему – вождеством (Service, 1965). Власть в таком обществе была централизованной, а позицию вождя мог занимать только представитель клана, имеющий наибольший вес в обществе. Власть вождей была, однако, ограниченной, поскольку кланам более низкого уровня во всей системе принадлежали особые привилегии и титулы, которые передавались по наследству независимо от позиции вождя. В вождествах отсутствуют такие институты принуждения, как профессиональная армия, формальные суды и полиция. Вожди аккумулируют в своих руках материальные блага, но щедро раздают их во время крупных публичных мероприятий. Их престиж основан прежде всего на выполнении перераспределительной функции, а также на выполнении роли шаманов и жрецов. Престиж вождя в значительной степени основывается на некоторых представлениях, например, о родственной связи рода вождя со сверхъестественным миром, и эти особые связи являются источником очень высокого престижа и косвенно – власти.

В томе II подробно рассмотрен процесс возникновения и развития вождеств побережья Мексиканского залива и распространения их влияния на другие территории. Упадок присущего им стиля и связанной с ним иконографии начался примерно в 600–500 гг. до н.э., после чего в регионе Центральной Америки происходили важные события, которые делают эту дату хорошей отправной точкой для начала следующего этапа археологии Центральной Америки.

Этот этап (т.е. этап, который здесь рассматривается) называется учеными, изучающими Центральную Америку, поздней стадией доклассического периода; в это время произошли три важных культурных события: распространение вождеств, или клановых обществ, почти по всему региону, определенному как Центральная Америка во времена испанского завоевания; развитие письменности и появление множества крупных центров, каждый из которых имел свой характерный художественный стиль и образный ряд.

Последнее из указанных достижений является характерным и для ранних стадий последующих классических региональных цивилизаций. Именно такая историческая преемственность препятствует принятию окончательного решения относительно даты завершения рассматрива-

емого нами периода. Классический период был временем расцвета нескольких крупных региональных цивилизаций, однако не все они начали свое развитие одновременно. Например, культура Монте-Альбана в Оахаке возникла не ранее 500 г. до н.э. Огромный Теотиуакан в межгорной котловине Мехико начал превращаться в крупный город приблизительно в 300 г. до н.э., а затем, примерно в начале I тысячелетия н.э., он стал значительно более крупным и в нем произошли изменения в общественной структуре. В зоне равнинных майя классический период начался, в соответствии с формальными признаками классической цивилизации майя, с традиционной даты – с 300 г. н.э.; однако в настоящее время мы находим все больше надежных свидетельств о существовании за несколько веков до этого крупномасштабной политической организации, включающей некоторые фундаментальные архитектурные черты, а также, возможно, систему письменности.

Принимая во внимание все перечисленные проблемы, здесь в качестве конечной даты было выбрано начало нашей эры; следует, однако, учесть, что это создает определенные проблемы и несколько искажает интерпретацию различных региональных культур классического периода в последующих разделах. Примерно в это время, т.е. в начале нашей эры, во многих регионах Центральной Америки появились настоящие государства, которые, вероятно, возникли на базе предшествовавших вождеств. Под государством здесь подразумевается система, в которой действуют институты принуждения. В это время по крайней мере в некоторых центрах, возникших в Центральной Америке, появляются признаки экономической стратификации, т.е. возникновения настоящих социальных классов. В случае культуры майя не вполне ясно, появились ли эти признаки уже к началу или на протяжении классического периода. Во многих регионах Центральной Америки вождества и клановые общества сохранялись, по-видимому, в течение всего классического и даже части постклассического периода. Поэтому на самом деле основные периоды истории культуры Центральной Америки относятся к событиям, происходившим в тех центрах, которые были несколько более развитыми, чем другие. Последующая часть данной главы будет посвящена обзору событий, происходивших в различных регионах в поздний этап доклассического периода, который длился в течение 500–600 лет. Затем мы коснемся истории письменности, ее возникновения и раннего развития.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПЛАТО

В центральной части Мексики находится огромное Центральное плато. Это политический и демографический центр современных Мексиканских Соединенных Штатов. В этом регионе, в особенности в одной из его частей – в высокогорной долине, или бассейне Мехико, – в 1519 г. наблюдалась наибольшая во всей Центральной Америке плотность населения. В долине Мехико (на месте современного Мехико) находился Теночтитлан – столица государства ацтеков, а в классический период здесь располагался крупнейший город Центральной Америки – Теотиуакан. Именно эта долина была геополитическим центром Центральной Америки в течение последних двух тысяч лет.

Плато в целом представляет собой регион с умеренным и низким количеством осадков – от 400 до 1200 мм, обычно в пределах 600–900 мм в год. Такого количества осадков недостаточно для успешного выращивания маиса. История адаптации человека к этим условиям всегда включала нахождение способов решения этой важнейшей проблемы. Среди них – орошение с помощью постоянных каналов, паводковое орошение и устройство террас на склонах холмов. Современные археологические находки по-

зволяют отнести появление некоторых из этих способов к среднему этапу доклассического периода, а на позднем этапе доклассического периода были реализованы все эти способы. Северная часть региона лежит на высоте более 2000 м над уровнем моря, в южной части наиболее плодородные сельскохозяйственные территории лежат между 1300 и 1800 м над уровнем моря. На этой широте и на высоте в 2000 м с середины октября до середины марта продолжается период заморозков, который создает дополнительные трудности для земледелия. Следует отметить, что данные о количестве осадков и заморозках являются усредненными; это означает, что количество осадков часто может опускаться ниже данного уровня, а сезон заморозков зачастую затягивается. Оба фактора вместе создают серьезные препятствия для успешного земледелия.

Южная часть этой территории лежит в пределах зоны, в которой растет дикий маис; такое положение привело к раннему появлению оседлого земледельческого хозяйства и развитию небольших обществ типа вождеств в конце среднего доклассического периода. В это время в высокогорной части плато на севере возникают только поселки и деревушки.

К 600 г. до н.э. ситуация меняется: уже весь регион становится частью центральноамериканской культурной традиции, здесь происходит быстрое развитие клановых обществ и вождеств. Период примерно с 600 по 300 г. до н.э. характеризуется важными процессами развития в долине Мехико, которые создали предпосылки для дальнейшего развития этого региона в поздний классический период.

Во-первых, по мере того как основой существования становится земледелие, в долине наблюдается значительный рост населения. По сравнению со средней фазой доклассического периода население утроилось. Во-вторых, там возникает иерархия поселений, городов, поселков и деревень. В пяти городах общественные здания и храмы были весьма скромными, а население составляло 1–3 тыс. человек. В регионе Куикуилько в юго-западной части долины, где количество осадков несколько больше, возникает один из самых больших городов Центральной Америки того времени с населением в 5–10 тыс. человек. Данные о поселениях в этих местах позволяют сделать предположение о наличии здесь небольших вождеств, соперничавших между собой.

Последние два из трех веков (300 г. до н.э. – 100 г. н.э.) характеризуются большими достижениями в градостроительстве и политическим развитием, а также ростом населения. Население удвоилось, а в противоположных концах долины возникло два больших города. Население Куикуилько, рост которого начался в первой половине этого периода, достигло максимального количества – примерно 20 тыс. человек. Другим был Теотиуакан, который превратился в огромный город с населением в 20–40 тыс. человек. Это было, вероятно, самое большое городское образование во всей Центральной Америке того времени. Наряду с этими двумя крупными городами, в долине имелись по крайней мере 10 небольших городов с населением в каждом в несколько тысяч человек; они, возможно, находились в политической и экономической зависимости от одного из двух крупных центров.

В Куикуилько находится одна из самых больших построек Центральной Америки того периода: овальная в плане, ступенчатая, облицованная камнем платформа, диаметр которой в основании составляет 80 м, а высота – более 20 м. По стороне была проложена лестница, а на вершине предположительно находился храм, который был построен из непрочных материалов или необожженного кирпича. Раскопки на вершине позволили определить несколько этапов создания центрального алтаря, но не было обнаружено никаких следов самого храма. Вся территория города погребена под несколькими последовательными

ми потоками лавы, первый из которых спустился приблизительно в начале I в. н.э., второй – несколько веков спустя; эти потоки оставили отложения лавы толщиной 5–6 м на площади в 40 кв. км. Они полностью покрыли город и многие из его небольших построек, над поверхностью потоков осталась только верхняя часть основания большого храма. При последующих раскопках, проведенных в связи с устройством каменоломен, обнаружилось плотное скопление жилых домов, наводящее на мысль о некоторой упорядоченной прокладке сети улиц, и несколько меньших по размерам храмовых платформ.

Сведения о структуре заселения и общественной архитектуре Теотиуакана того времени отсутствуют, поскольку более поздние постройки классического периода расположены над древним городом и полностью его скрывают. Поверхностные исследования позволили обнаружить признаки заселения, относящегося к этому периоду, на площади примерно 600–800 гектаров.

Отличительной особенностью городов центральной части Мексики того периода является высокая плотность застройки. В отличие от других частей Центральной Америки территория майя, Куикуилько и Теотиуакан даже на этой ранней стадии имели высокую плотность городского населения.

Процессы, подобные происходившим в долине Мехико, отмечались и в соседних долинах Пуэбла и Морелос, но ни один из городов на этих территориях не достиг размеров Теотиуакана и Куикуилько. Эта часть Центрального плато была в целом регионом политической раздробленности и делилась на мелкие автономные вожества. Несмотря на ее раннее по сравнению с другими регионами Центральной Америки политическое и городское развитие, на территории Центрального плато отсутствуют какие-либо признаки письменности и монументальной скульптуры. Ни один из этих элементов культуры не появляется вплоть до классического периода.

ДОЛИНА ОАХАКА

В классические времена долина Оахака была центром мощной региональной культуры, сконцентрированной вокруг большого города Монте-Альбана. Долина лежит на высоте от 1500 до 1800 м над уровнем моря и по своим температурным условиям сравнима с расположенными ниже территориями Центрального плато. По среднегодовому количеству осадков в пределах 500–800 мм она также напоминает Центральное плато. Как и на Центральном плато, эти природные условия стимулировали развитие множества способов обеспечения стабильности земледельческого производства, и к концу доклассического периода все они были реализованы.

Долина Оахака занимает площадь 2500 кв. км и имеет форму буквы Y. Две реки – Этла к северу и Тлаколула на востоке – сливаются, образуя реку Рио-Гранде, которая впадает в Тихий океан. (Видимо, здесь неточность в оригинале: во-первых, реки Рио-Гранде в этом регионе нет; во-вторых, реки Этла и Тлаколула сливаются и после этого впадают не в Тихий океан, а в залив Кампече, являющийся частью Мексиканского залива. – *Прим. ред.*) Уровень осадков здесь самый низкий на равнине и повышается с подъемом и в направлении с севера на юг. На небольших территориях вдоль основных течений рек, где местность ровная, уровень грунтовых вод очень высокий – всего лишь несколько метров под поверхностью. Современные фермеры выкапывают неглубокие колодцы рядом со своими полями и, используя керамические сосуды и веревки, поднимают воду из колодцев для орошения полей либо в зимний сезон, когда осадки практически отсутствуют, либо в сезон дождей, но в те годы, когда осадков недостаточно. Этот способ называется «горшковым орошением», он га-

рантирует урожайность в сезон дождей и обеспечивает двойной урожай. Он использовался еще в средней фазе доклассического периода.

В долине примерно в 20 местах бьют постоянные ключи или текут ручьи, каждый из них был соединен с оросительными каналами, подававшими воду на земли около ближайшего поселка или группы поселков. Такой способ постоянного орошения был разработан в поздней стадии доклассического периода. Дополнительно для повышения урожайности использовались паводковые воды, которые просто растекались по полям посредством несложных каменных или земляных распределительных сооружений, а в некоторых случаях для этого применялись тщательно построенные дамбы и каналы. Эти два способа позволяли после сильных дождей направлять на поля поверхностные воды. Система управления водными потоками дополнялась террасами на склонах холмов, которые позволяли контролировать количество осадков.

С использованием всех этих способов орошения, а также неорошаемого земледелия, долина к 1519 г. обеспечивала существование 240 тыс. человек. Результаты поверхностных изысканий позволяют предположить, что около 500 г. население составляло 15–20 тыс. человек, а к началу I тысячелетия н.э. оно увеличилось до 50–70 тыс. человек. Для сравнения укажем, что в течение раннего и среднего этапов доклассического периода в этой долине жило несколько тысяч человек.

Наиболее выдающимся событием этого времени было, однако, возникновение и раннее развитие культуры Монте-Альбана. Примерно в 500 г. до н.э., в обстановке активного соперничества множества мелких вожеств, располагавшихся в долине, произошло политическое объединение под единой властью этого центра. В этой местности под эгидой INAH с 1940-х гг. ведутся крупномасштабные раскопки. Они позволили открыть большую часть общественных зданий, выстроить последовательность использованной в архитектуре керамики, связанной с ростом города, а также обнаружить множество монументальных скульптур и сложных захоронений; последние были связаны с домами знати.

Целью последних исследований было изучение социально-политической системы Монте-Альбана в целом; при этом использовались результаты изучения территории города, в особенности архитектуры жилищ, включая даже дома представителей низших слоев общества, а также изыскания на всей территории долины. Эти исследования выявили подробную картину жизни древнего общества, масштабности и величина которого производят глубокое впечатление.

Центр города состоит из большой площади 300 x 115 м, расположенной на вершине холма, искусственно выровненной для размещения площади и окружающих ее построек. Холм возвышается над основанием долины примерно на 300–400 м; в числе построек, формировавших четыре стороны площади, были храмы, дворец и поле для игры в мяч, которые были построены из тщательно обтесанных камней с использованием известковой штукатурки. На склонах этого и близлежащих холмов были построены многочисленные террасы. Было более двух тысяч отдельных террас, и на каждой были построены дома. В пору своего расцвета население Монте-Альбана составляло примерно 30 тыс. человек. Здесь мы будем рассматривать преимущественно начальную стадию его развития.

Результаты изысканий в долине и на самом городище показывают, что приблизительно в 500 г. до н.э. вершина холма была выровнена и на ней был построен город. На этапе Монте-Альбана I, 500–200 гг. до н.э., отсутствуют какие-либо свидетельства существования дворцовых построек; роль общественных зданий в то время

выполняли, видимо, храмы. С некоторыми из этих храмов связаны большие количества резных украшений, которые, очевидно, находились на наружной облицовке храмовых платформ, но в более позднее время были перемещены на другое место, так что исходное их положение неизвестно. Они вырезаны в виде очень низкого рельефного изображения обнаженных мужских фигур с закрытыми глазами и сомкнутыми губами, их руки, ноги и торсы изображены в искаженных, неестественных положениях. Они были названы «Дансантес», поскольку было высказано предположение о том, что они изображают ритуальных танцоров. Однако гораздо более вероятно – и с этим сегодня согласно большинство ученых, – что они изображают принесенных в жертву военнопленных. Эти изображения являются свидетельством непрекращающихся военных действий на территории Монте-Альбана. Более 300 из этих скульптурных фигур относятся к фазе Монте-Альбан I.

На этапе Монте-Альбан II (200 г. до н.э. – 100 г. н.э.) произошли события, которые предполагают более развитую политическую структуру. Во-первых, появляется письменность и здания украшаются резными символами городов, присоединенных к владениям Монте-Альбана путем захвата. Резные узоры указывают также на то, что в это время использовался, наряду с солнечным 365-дневным календарем и 52-годовым циклом, также и священный календарь, состоявший из 260 дней. В северной части большой площади располагался крупный дворцовый комплекс. Сохранившиеся развалины датируются классическим периодом, однако раскопки под полами более поздних построек показали, что на этапе Монте-Альбан II на этом месте стоял королевский дворец. В связи с этим можно полагать, что общественная организация типа вождества сменилась к 200 г. до н.э. настоящим государством, возможно первым в Центральной Америке. В это время здесь использовалась известковая штукатурка, видимо, впервые во всей культуре Центральной Америки. В конце этого этапа были созданы предпосылки для возникновения классического города Монте-Альбан. На основе распространения остатков керамики численность населения оценивается приблизительно в 5 тыс. человек к 500 г. до н.э.; это число к 200 г. до н.э. утроилось и оставалось на этом уровне до начала I тысячелетия н.э.

ЮЖНАЯ МЕКСИКА – ГВАТЕМАЛА

На юге Мексики и в прилегающих частях Гватемалы – на побережье Тихого океана и у подножья горного массива, простирающегося от Чьяпа-де-Корсо в Центральной долине Чьяпас до Монте-Альто на прибрежной тихоокеанской равнине Гватемалы – находится зона тропической низменности, количество осадков в которой меняется от нижнего уровня в 800–1000 мм в Чьяпа-де-Корсо до 5000 мм – одного из самых высоких уровней во всей Центральной Америке – в области тихоокеанского предгорья в восточной части штата Чьяпас и в западной части Гватемалы. Этот регион начал развиваться рано – в средней фазе доклассического периода – и поддерживал тесные контакты с ольмеками, жившими на южном побережье Мексиканского залива.

Исапа – это огромное местонахождение на прибрежной равнине недалеко от границы Гватемалы, находящееся в зоне обильных осадков и буйной тропической растительности. На нем располагается более восьмидесяти выложенных камнем платформ, размещенных вокруг дворов и площадей, которые служили фундаментами для различных построек – вероятно, храмов и жилищ знати, которые строились из недолговечных материалов. Самая древняя конструкция датируется 500–600 гг. до н.э.; в этом месте, возможно, находились древнейшие в истории Цен-

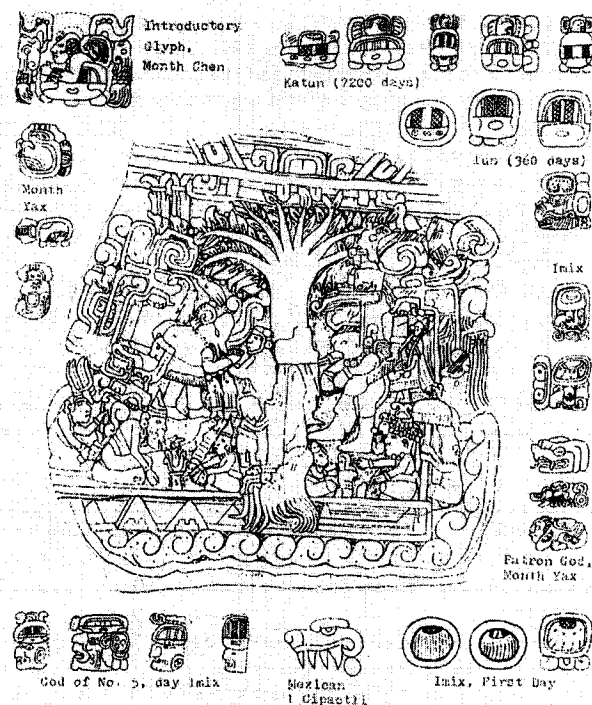

Рис. 44. Исапа, стела 5, копия на кальке (по Lowe et al., 1982)

тральной Америки ступенчатые платформы (которые являются отличительной чертой центральноамериканской архитектуры). Здесь имеется также более 250 украшенных скульптурами стел, алтарей и валунов. Некоторые скульптуры представляют собой более древние ольмекские символы: это крест (типа андреевского), U-образный символ и длинногубое божество, предположительно происходящее от ольмекского Уэрэ-Ягуара. Однако местная скульптура содержит также и множество новых элементов и иконографических символов, которые предвещают достижения позднего классического периода в Гватемале и Петене. Характерной чертой этого стиля являются изображения гибридов человека с ягуаром, крокодиллом, змеей. Многие из изображаемых сцен имеют сложную композицию и состоят из групп фигур. Стиль в целом создает определенную сюжетно-тематическую картину, что наводит на мысль о том, что в изображениях отражены мифические сюжеты. Скульптура Исапы является одним из главных достижений искусства позднего этапа доклассического периода.

Два археологических комплекса в Гватемале – Абах-Такалик и Монте-Альто, включающие большие земляные курганы, один из них находится у подножья гор, а второй – на прибрежной равнине, содержат характерные изделия в виде больших каменных глыб, вырезанных в форме человеческих голов, которые по замыслу напоминают колоссальные головы, найденные в древних городах ольмекского периода на побережье Мексиканского залива, но обработаны намного грубее. В Абах-Такалик встречаются также стелы того времени с рельефной резьбой, очень похожие по стилю на стелы из Исапы, иконография которых, однако, напоминает по темам и стилю произведения классического периода равнинных майя. Некоторые из этих фигур, видимо, изображают правителей, и это первые подобные изображения в искусстве Центральной Америки. На одной из стел имеется дата седьмого цикла, что показывает, что система «долгосчета» при определении дат была изобретена где-то в этом регионе.

ГОРНАЯ ЧАСТЬ ГВАТЕМАЛЫ

Местонахождения поздней фазы доклассического периода обнаруживаются в ряде регионов горной части Гватемалы; самое большое из них, относящееся к этому времени, называлось Каминальгую. Оно расположено на окраине города Гватемала, на территории, которая раньше использовалась в качестве сельскохозяйственных угодий, а в настоящее время находится в черте города. Это местонахождение имеет длинную историю, которая начинается в ранней фазе доклассического периода и завершается в позднеклассическом периоде, т.е. охватывает более двух тысяч лет постоянного заселения этой территории. Оно расположено в небольшой долине, на высоте от 1500 до 1800 м над уровнем моря; температурный режим в этой долине и высота над уровнем моря очень похожи на условия долины Оахака и южной части Центрального плато. Существенно отличается, однако, количество осадков. В большинстве горных долин Гватемалы, расположенных на этой высоте, годовое количество осадков составляет примерно 1000 мм, а в среднем, как, например, в долине Гватемала, где расположен Каминальгую, уровень осадков часто достигает 1500 мм. Кроме того, этот регион носит следы недавней вулканической деятельности и имеет очень плодородную почву, получившуюся из вулканических продуктов. В целом этот регион является исключительным в отношении возможностей обеспечения большого числа людей продуктами сельского хозяйства, основанного на выращивании маиса.

Проведенные собственно в местонахождении Каминальгую и на окружающей территории площадью примерно в 1000 кв. км изыскания на поверхности, а также многочисленные раскопки, позволили составить наиболее подробную историю центральноамериканского поселения, в особенности относящуюся к доклассическому периоду. Город начинается с нескольких малых поселков и деревушек примерно в 1000 г. до н.э., и такая ситуация сохраняется до поздней фазы доклассического периода. Приблизительно в 400 г. до н.э. были построены большие земляные курганы, которые располагались вдоль удлиненных прямоугольных дворов и служили прежде всего, видимо, для погребальных целей. Нет признаков того, что курганы были выполнены в виде террас, имели лестницы или постройки на вершинах, или в основаниях всех них находились большие захоронения. Все население долины, обитавшее преимущественно в небольших поселках или деревнях, в это время составляло примерно 2–4 тыс. человек.

Последние два века доклассического периода называются фазой Мирафлорес; в это время население и города, и долины в целом существенно увеличилось. Каминальгую стал главным городом долины, его население достигло 3–4 тыс. человек. Еще более чем 20 тыс. человек жило во множестве небольших поселков и деревнях, разбросанных по всей долине. В это время город занимал площадь в 400–500 га, однако заселена эта территория была неравномерно. На ней располагались на большом расстоянии друг от друга архитектурные комплексы, каждый из которых был окружен небольшой областью с плотным заселением. Каждый комплекс состоял из ступенчатых, облицованных глиной земляных платформ, высота и форма которых были различными. По крайней мере одна платформа в каждой группе была ступенчатой, очень высокой с небольшой площадкой наверху. Полагают, что в основном такие платформы служили основаниями для храмов. Были также и платформы другой структуры – существенно более низкие сооружения, часто высотой в одну террасу, и верхняя площадка у них была намного больше. На таких платформах, видимо, строили дома для знати. Таким образом, каждый комплекс зданий состоял из храмов и домов знатных людей, которые составляли центр, вокруг которого в виде

районов группировались дома простых людей. Сооружения на вершинах платформ возводились из недолговечных материалов, и от них остались только следы ям для столбов, указывающие на то, что в этом месте находились разрушенные теперь деревянные опоры постройки, а также плотно утрамбованные земляные полы. В храмовых платформах располагались важные захоронения; они были местом, где хоронили высокопоставленных людей, которым после их смерти поклонялись.

Комплексы значительно различались между собой по размеру, что говорит о большом различии в общественном положении между знатными семьями и остальным населением. Вероятно, каждый вождь не только имел подчиненных в городе, но и владел территориями в окрестностях города, где располагались деревни и мелкие поселения. Используя в качестве модели более поздние культуры, в особенности культуры Полинезии, можно видеть, что Каминальгую – классический пример кланового общества. Очевидно, здесь проживали крупные родственные группы, часть представителей которых жила в городе, а остальные – в окружающих поселениях, где они занимались земледелием и обеспечивали продовольствием городское население. В самом городском населении выделялись роды, которые монополизировали права на пост вождя. Город состоял примерно из пяти таких центров с прилегающими территориями. Пятеро вождей, видимо, правили совместно, однако имели разный статус и, соответственно, разную власть. Под началом каждого из вождей Каминальгую находилось до 10 тыс. человек.

Один из комплексов – Е-III-3 – был, видимо, местом жительства верховного вождя города и вождества Каминальгую. Раскопки, начавшиеся еще в 1940-е гг. показали, что храмовый холм состоял из восьми наложенных друг на друга ступенчатых земляных платформ; каждая из этих построек была связана со смертью и погребением вождя. В результате храмовая платформа вместе со всеми этими надстройками достигала высоты 18 м. После каждой очередной стадии постройки ступенчатая гробница углубля-

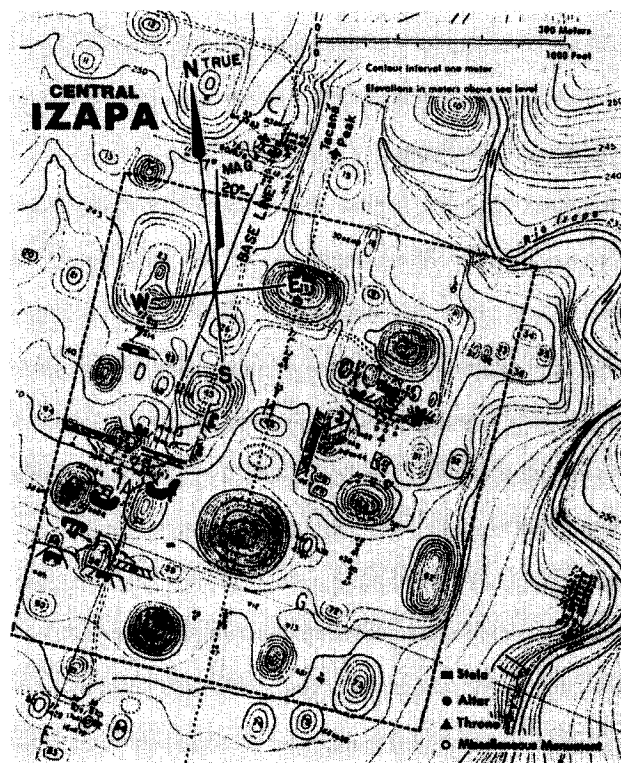

Рис. 45. Карта Центральной Исапы (Чьяпас) (по Lowe et al., 1982)

лась в пол храма, стоявшего на вершине. Гробница покрывалась массивной бревенчатой крышей. Внутри нее было обнаружено захоронение мужчины высокого ранга, тело которого в сидячем положении на погребальных носилках было окружено принесенными в жертву детьми и взрослыми мужчинами и женщинами. Кроме принесенных в жертву людей было найдено более 300 предметов, помещенных в качестве погребальных подношений, среди них – ювелирные изделия из жадеита, резные каменные сосуды, расписные бутылки из тыкв, пластины слюды, инструменты из обсидиана и тонкие керамические изделия. Здесь были найдены также предметы, указывавшие на то, что вожди выполняли обряды и были не только политическими руководителями, но и жрецами-шаманами. Данные раскопок свидетельствуют о том, что после смерти вождя поверх погребального храма предыдущего вождя воздвигалась большая платформа, на которой строился новый храм. Когда преемник вождя умирал, его хоронили в полу этого храма; такая система соблюдалась на протяжении династической истории рода каждого из вождей, что в случае Е-III-3 составляет восемь поколений.

К архитектурным сооружениям Каминальгую позднего доклассического периода относятся резные каменные монументы различных форм. Среди них имеются скульптуры из крупных каменных глыб, напоминающие соответствующие скульптуры Монте-Альго и Абах-Такалик, однако выполненные в виде жаб или лягушек, а также стелы с резными фигурами, которые очень напоминают по стилю и иконографии стелы более позднего времени. Резьба на одной из стел свидетельствует о том, что Каминальгую был одним из первых мест в Центральной Америке, где пользовались письменностью.

РЕГИОН РАВНИННЫХ МАЙЯ

В доклассические времена регион равнинных майя, т.е. территория полуострова Юкатан в Мексике, Гватемале и Белизе, был относительно отсталым. Оседлые поселения, ориентированные на земледелие, появились здесь явно не ранее 800 г. до н.э., а далее к северу – не раньше 600 г. до н.э. С другой стороны, результаты анализа пыльцы говорят о том, что местное население занималось подсечно-огневым земледелием и в более ранние времена, однако конкретные признаки этого в самих поселениях обнаружены не были.

Конец доклассического периода, датируемый приблизительно 300 г. до н.э., называется фазой чиканель. Между 300 г. до н.э. и 1 г. н.э. здесь была гораздо шире распространена керамика и появилось множество поселений, что говорит о том, что к этому времени весь регион, или большая его часть, был заселен. В течение одного или двух первых веков этого периода на территории Петена и Белиза возникает классическая цивилизация майя с крупными центрами и массивными архитектурными сооружениями и некоторым количеством резной каменной и лепной глиняной скульптуры. Однако в большинстве своем эти новшества появляются, видимо, только в период с I в. до н.э. по I в. н.э., т.е. в самом конце этого периода. Интересно, однако, что эти центры были распределены на очень обширной территории: от Дсибальчалтун на крайнем севере региона, где в конце этого периода возник крупный позднедоклассический город, до Серроса в Северном Белизе и Уаксактуна и Тикаля на северо-востоке провинции Петен. Последний из названных городов стал в классический период наиболее крупным из городов майя.

Одно из наиболее ярких археологических открытий последнего времени – город Мирадор на севере Гватемалы у границ Мексики. В нем были найдены сооружения, которые являются самыми большими во всем регионе рав-

нинных майя, даже с учетом построек позднеклассического периода; они представляют собой огромные ступенчатые сооружения, которые служили фундаментами для храмов и других зданий. Из-за больших размеров местонахождение относили к классическому периоду, однако последующие исследования не выявили датированных памятников или каких-либо признаков письменности, а прокладка пробных траншей на местах зданий и вокруг них показала, что сооружения относятся к фазе чиканель, или к завершению доклассического периода. Именно масштаб архитектурных сооружений дает повод для пересмотра наших взглядов на природу и эволюцию цивилизации равнинных майя. Долгое время считалось, что классический Тикаль был наиболее монументальным из всех основных местонахождений; однако несколько больших ступенчатых платформ в Мирадоре намного превосходят по высоте и размерам основания самые большие из храмовых платформ Тикаля. Некоторые из них достигают 40–55 м в высоту, а площадь основания в несколько раз превосходит площадь основания Храма 4 – самой крупной постройки классического периода в Тикале. Наряду с этими массивными сооружениями, в Мирадоре встречается большое количество более мелких архитектурных групп из платформ-курганов, разбросанных по территории в несколько квадратных километров.

Пробные раскопки на одной из больших ступенчатых платформ показали, однако, что ее основа – естественно-го происхождения и что на самом деле это просто ступенчатый холм. Таким образом, определять истинный масштаб сооружений Мирадора следует осторожно, основываясь по крайней мере на критерии трудозатрат, необходимых для строительства. Террасы делались как основания не только для храмов, но и для домов знати.

В пределах века до или после 1 г. н.э. во всех этих местонахождениях появляются признаки расслоения и политической организации типа вождества. Примерно в то же время появляются другие признаки классической культуры майя – использование известковой штукатурки и раствора, лепные и резные культовые изображения, являющиеся прототипом произведений искусства майя более позднего времени, а также отличительная черта классической архитектуры майя – арка с карнизом.

ЗАПАДНАЯ МЕКСИКА

Современные мексиканские штаты Мичоакан, Халиско, Колима, Наярит и Синалоа часто называют регионом западномексиканской субкультуры. В классической период этот регион был по сравнению с цивилизацией Центральной Америки одним из отсталых; здесь не было центров с большим населением, сравнимых с такими центрами, как Теотиуакан на Центральном плато, Монте-Альбан в штате Оахака, Тахин в штате Веракрус, или с крупными центрами равнинных майя на полуострове Юкатан. Во времена испанского завоевания в сообщениях испанцев упоминалось об очень мелких государствах в этом регионе и об отсутствии сильных государств, за исключением государства тарасков в Мичоакане. Затем на протяжении классического и постклассического периодов здесь располагались мелкие вождества и клановые сообщества.

Удивительный контраст этому положению составляет, однако, та роль, которую этот регион играл в ранней и средней фазах доклассического периода. В местонахождении Тлатилько (датируемом средним этапом доклассического периода), которое находится в долине Мехико, обнаружены признаки кланового общества, о чем свидетельствуют погребения. Экологические погребальные подношения (предметы, привезенные из дальних мест) имеют явные признаки ольмекского влияния и торговли с территориями южного побережья Мексикан-

ского залива. Вместе с этими ольмекскими изделиями найдены сложные по форме и узору керамические изделия, которые считались тоже ольмекскими. Однако более поздние исследования на побережье Мексиканского залива не обнаружили следов сосудов такого типа. Вместе с тем исследования, проведенные в Западной Мексике, обнаружили богатую культуру того же времени, которая и была местом изготовления этих необычных по стилю предметов.

Исследования в этом регионе позволили выявить, что начиная примерно с 1200 г. до н.э. здесь появляются клановые сообщества и политические организации типа вожества. Об этом свидетельствуют прежде всего сложные шахтные захоронения. Они представляют собой выложенные камнем подземные камеры, для доступа в которые сделаны лестницы; в камерах обычно находится несколько захоронений, сделанных в разное время после ряда погребальных церемоний. Они часто покрываются простыми облицованными камнем платформами. Погребальные подношения в могилах включают тонкие керамические изделия, украшения из зеленого камня, а также множество других изделий, свидетельствующих об обширных торговых связях и о роскоши, соответствовавшей высокому статусу погребенных мужчин. Шахтные гробницы этого типа, стиль которых и сопровождавшая их керамика варьировались, использовались в течение всей поздней фазы доклассического периода. Интересно, однако, что культура поздней фазы доклассического периода включала в себя одну из основных отличительных черт центральноамериканской цивилизации – строительство ступенчатых платформ. Платформы, очевидно, служили фундаментами для резиденций вождей; иногда в них устраивали шахтные гробницы; в других случаях сооружали для гробниц отдельные платформы. В любом случае платформы были небольшими, что указывает на малые размеры клановых сообществ, население которых, видимо, не превышало нескольких тысяч человек. Очевидно, процесс маргинализации культуры по отношению к остальной части Центральной Америки установился в поздней фазе доклассического периода и, как уже указывалось, продолжался в течение классического и постклассического периодов. В классический период, однако, появилось одно дополнение в виде крупномасштабной монументальной архитектуры, одним из элементов которой были высокие террасные платформы; их масштабы, однако, не позволяют сделать вывод о наличии в этом регионе настоящих государств.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Ко времени испанского завоевания разнообразные этнические и языковые группы Центральной Америки были организованы в централизованные государства разного масштаба и сложности – от мелких вожеств с населением в несколько тысяч человек до государства ацтеков, в котором жило, по оценкам исследователей, 5–6 млн. человек. Во всем этом регионе правящий класс использовал письменность для записи сведений о династической последовательности и военных успехах, для управления государственным делами, такими, как сбор налогов, и для ведения судебных дел. Особым аспектом использования письменности было ее применение для записи хода времени. Счет времени велся двумя способами – с помощью священного 260-дневного календаря, который использовался для пророчеств и предсказаний, и с применением 365-дневного солнечного календаря для организации основных религиозных церемоний, которые проводились в течение года. В результате сочетания этих двух систем счета времени – 260-дневной и 365-дневной – получился большой цикл из 52 лет, окончание которого было важ-

ным моментом для предсказания будущего. По сути дела, система письменности в Центральной Америке была создана правящим классом как средство усиления политического и религиозного контроля над подвластным населением.

Наиболее известными видами письменности в Центральной Америке являются постклассическое ацтекское письмо Центральной Мексики и письменность миштеков, живших в горах штата Оахака. Здесь мы только кратко укажем основные элементы этих двух систем письменности.

Некоторые элементы ацтекского и миштековского письма были пиктографическими, т.е. символы изображали объект таким образом, чтобы читающий понял, о чем идет речь. Например, завоевание города изображалось горящим храмом, т.е. событием, которое, вероятно, обычно случалось в разгар битвы; перемещение передавалось в виде последовательности нескольких следов, начинавшейся с изображения символа местности, из которой люди пришли, а заканчивавшейся изображением символа места назначения. Свадьба обозначалась изображением части брачной церемонии – того ее момента, когда пара усаживается на циновку и углы их накидок (или плащей) связывают вместе.

Имена людей и названия мест записывались по принципу ребуса. Ацтекский язык, например, был очень многословным, что стимулировало использование такого вида записи. Например, название города Коатепек записывалось посредством специального знака, изображавшего гору, а на нем изображалась змея, поскольку название «Коатепек» было составлено из двух слов – «коатль», что на ацтекском языке означало «змея», и «тепетль» – «холм». Символ, однако, использовался не как обозначение змеи или холма, а для написания названия города. Такая же процедура использовалась при составлении имен правителей и других личностей. Другие знаки были чисто идеографическими, т.е. обозначали определенные понятия. Примерами таких символов являются символы чисел – точки и палочки, обозначавшие числа 1 и 5, знамя, обозначавшее число 20, сосна для обозначения 400 и мешок какао-бобов для обозначения 8000. Подобные же символы использовались для обозначения дней календаря.

Используя символы разных типов, ацтеки могли записывать разнообразную важную информацию, имя правителя, дату его рождения, дату вступления на престол, имя супруги правителя, название места, откуда прибыл его супруг, а также названия городов, завоеванных правителем. Они также пользовались письменностью при составлении специальных документов, в которых перечислялись собранные налоги в виде количества и типов товаров. Как уже указывалось, 260-дневный календарь использовался в качестве инструмента для предсказаний; определенные дни и числа трактовались как удачные, нейтральные и неудачные, и эти календарные предсказания записывались в книги. Люди, задумавшие важное предприятие, например войну, женитьбу или торговую поездку, планировали свои дела в зависимости от дат. В классический период майя эта достаточно сложная и громоздкая система письма получила дальнейшее развитие в отношении гораздо более продуманного использования фонетических элементов. Для составления настоящих предожений с глаголами, подлежащими и дополнениями, основанных на слоговой азбуке, применялись сочетания этих элементов.

Средства для записи были двух типов. Первый из них – книги, состоявшие из одного длинного листа бумаги, сложенного в виде гармошки, образующей страницы; лист делался из внутреннего слоя коры дерева *Amatle* (американское фиговое дерево) и покрывался известью. Символы писались кистью. Наряду с использованием книг, вырезали послания на камне, а иногда – на специальных монументах – стелах; в других случаях местом для надписей служили стены зданий.

Основным вопросом являются истоки и развитие письменности как части центральноамериканской культурной традиции. Рассматривая письменность как отдельное явление из обширного набора графических средств коммуникации, ее истоки можно проследить вплоть до начального и среднего этапов доклассического периода в монументальной скульптуре ольмеков побережья Мексиканского залива и некоторых других культур. Однако если делать различие между иконографией и эпиграфикой, т.е. между обобщенными символами, изображающими сверхъестественные существа и обожествленных правителей, – сюжетами ольмекского искусства – и более детальным, специфическим способом передачи сообщений, приближающимся к речи, который мы обычно определяем как письменность, то тогда временем появления письменности в культуре Центральной Америки следует считать поздний этап доклассического периода.

Символы для записи названий местности и календарных дат, построенные наподобие ацтекских, были найдены в Монте-Альбано фазы II; это, по-видимому, самое раннее свидетельство существования настоящей письменности в центральноамериканском регионе. В этот период в двух местонахождениях – Чьяпа-де-Корсо и Трес-Сапотес – были зафиксированы даты седьмого *бактуна* – даты «долгого счета» мая, относящиеся к очень древним временам (I в. н.э. или ранее); это, по сути дела, единственные известные нам письменные свидетельства периода, предшествовавшего I в. н.э. Однако письменность, относящаяся к I в. н.э. или к несколько более раннему времени, была обнаружена при археологических исследованиях на всей обширной территории юга Центральной Америки, включая юг штата Веракрус, штат Чьяпас, горную часть Гватемалы, штат Оахака и ряд городов в Петене и Белизе.

Одним из интересных интеллектуальных достижений, которое обычно приписывается классическому периоду, но на самом деле появляется ближе к концу этого периода, является изобретение системы «долгого счета» для записи исторических событий. Помимо двух календарных систем и 52-годичного цикла, некоторая группа на юго-востоке Центральной Америки изобрела счет времени, который представлял собой отсчет дней, прошедших с некоего мифического нулевого момента в прошлом. Время исчислялось в днях, выстроенных в последовательности циклов возрастающей продолжительности, основанных, за единственным исключением, на двадцатеричной системе счисления (т.е. основанием системы являлось число 20, а не 10, как это делается в десятичной системе). В классической культуре майя 20-дневные периоды назывались *уинали* (*uinals*), *уиналь* соответствовал одному из месяцев 260-дневного и 365-дневного календарей. Следу-

ющий по величине период составлял, однако, не 400 (20 x 20), а 360 (20 x 18) дней и назывался *тун* (*tun*), что, вероятно, было сделано для приближения этого периода к солнечному году. Следующий крупнейший цикл был опять основан на 20 и включал 20 x 360, т.е. 7200 дней, и назывался *катун* (*katun*). Самый продолжительный цикл состоял из 20 *катунов* (20 x 7200), т.е. 144000 дней, и назывался *бактун* (*baktun*). На памятниках, зданиях и небольших носимых предметах даты записывались в виде пяти цифр, т.е. в виде определенного числа *бактунов*, *катунов*, *тунов*, *уиналей* и *кинов* (дней), прошедших с нулевого момента (который соотносился с неким мифическим событием и соответствовал 3373 (или 3114) г. до н.э.). Этот метод счета времени называется «долгим счетом»; он начал использоваться где-то в конце I в. до н.э. Самые первые из записанных дат относились к седьмому *бактуну*. Эта система позволяла коренным обитателям этого региона точно фиксировать любое историческое событие в течение примерно 1000 лет ее использования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хочется отметить, что период с 600 г. до н.э. по I г. н.э. в Центральной Америке характеризуется особенно широким распространением по территории региона цивилизованных обществ, т.е. обществ, которые имели большую численность и сложную организацию; под «сложностью» здесь понимается наличие специализированных институтов власти и существенных различий среди населения в отношении богатства, престижа и власти. Это был также период интенсивного регионального развития и большого разнообразия культур. На двух территориях – в долинах Оахака и Мехико – ближе к концу этого периода появились крупные урбанизированные сообщества, а архитектурные центры, будучи монументальными по размерам, в общем балансе региона служили в основном средоточием институтов управления распределенным по окрестным территориям земледельческим населением.

В течение последних двух веков этого периода на территории юга Мексики и прилегающих землях Гватемалы появляется письменность – одна из отличительных черт центральноамериканской культуры, а также впервые проявляются некоторые ее другие характерные особенности: высокие ступенчатые, облицованные камнем храмовые платформы, известковая штукатурка и раствор, применяемые для строительства, и 260-дневный календарь, служивший для предсказаний. Все эти процессы развития заложили фундамент для тех впечатляющих достижений, которыми характеризуется культура этого региона в последующий классический период.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ МЕКСИКЕ

Уильям Т. Сендерс

Илл. 163–178

Период с 1 г. н.э. приблизительно до 700 г. н.э. в Центральной и Южной Мексике был временем очень динамичного развития, который характеризуется крупными достижениями в формировании государств и урбанизации. К 1 г. н.э. на всей территории Центральной Америки появляются вождества и клановые общества; это социально-экономическое развитие сопровождалось интенсивным региональным развитием искусств и ремесел. Это был период значительного увеличения численности населения, которое, в свою очередь, было результатом интенсификации земледелия и лучшей адаптации к огромному разнообразию природных условий этого региона.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ МЕКСИКАНСКОЕ ПЛАТО

Центральная Америка – один из самых сложных регионов земного шара по географической неоднородности, которая определяется расположением в тропических широтах и горной местности, а также изменяющимся влиянием летних муссонов. В центре Мексики расположено огромное Центральное плато, северная часть которого находится на высоте 2200–2600 м над уровнем моря. Она разделена горными хребтами на несколько отдельных частей, называемых долинами или бассейнами. Далее к югу местность понижается, достигая на южном краю плато высоты около 1200 м над уровнем моря. На большей части территории, пригодной для земледелия, т.е. там, где высота над уровнем моря не превышает 2700 м, количество осадков умеренное – от 500 до 900 мм в год, причем оно сильно меняется от года к году. Как и везде в Центральной Америке, большая часть осадков выпадает между концом мая и началом октября, а с октября до апреля дождей практически нет. Для обеспечения эффективности сельского хозяйства необходимо приспособиться к таким условиям. Проблемы, возникающие из-за умеренного и крайне нестабильного уровня осадков, еще более усложняются в связи с наличием сезона заморозков, который в местностях, расположенных выше 2000 м над уровнем моря, совпадает с сухим сезоном.

К 1 г. н.э. население Центрального Мексиканского плато достигло того уровня, при котором необходимо было вести интенсивное земледелие и вырабатывать различные способы решения указанных климатических проблем. К таким способам относились паводковое и постоянное орошение, которые позволяют обеспечить подачу воды на поля в засушливые годы, а в более высокогорных местах дают возможность начать сельскохозяйственные работы в сезон дождей, чтобы избежать осенних заморозков. Орошение часто применяли в сочетании с устройством террас на склонах холмов.

Бассейн, или долина Мехико (площадью 7000 кв. км) является одной из топографических частей этого региона и расположен выше уровня 2000 м. Как свидетельствуют результаты археологических исследований, около 300 г. до н.э. здесь жило примерно 140 тыс. человек, относящихся к соперничавшим между собой вождествам, население каждого из которых составляло несколько тысяч человек. Между 300 г. до н.э. и 1 г. н.э. из этой конкурирующей среды выделилось два крупных городских центра – Куикуилько на юго-западе и Теотиуакан на северо-востоке, население каждого составляло примерно 20–40 тыс. человек; это были крупнейшие города Центральной Америки того времени. Около 1 г. н.э. ситуация резко изменилась. Куикуилько был похоронен под мощным потоком лавы из находившегося неподалеку вулкана Шитли, и Теотиуакан остался в долине Мехико основной силой. В течение очень короткого времени, возможно нескольких десятилетий, население бассейна Мехико объединилось под политической властью единого очень крупного вождества, которое быстро – в течение следующего века или двух – преобразовалось в государство. Особенно впечатляющим результатом этих событий было то, что политическое объединение привело к уплотнению народонаселения, в результате чего 80 процентов населения бассейна Мехико сконцентрировалось внутри и вокруг Теотиуакана. Город превратился в столицу с населением около 100 тыс. человек.

Яркой иллюстрацией мощи нарождающегося государства служит сооружение в то время пирамиды Солнца – это самое крупное одиночное сооружение в истории культуры этого региона. Пирамида Солнца даже сейчас, будучи разрушенной, является впечатляющим памятником архитектуры. Ее руины представляют собой огромное сооружение – ступенчатую платформу 70 метров высотой, сторону основания которой составляет 250 метров. На вершину можно попасть по огромной лестнице на западной стороне, которая первоначально вела к исчезнувшему ныне храму на вершине пирамиды. Эта ступенчатая платформа сама стоит на поверхности огромной низкой площадки высотой 3 м со стороны основания 400 метров. На западной стороне, где устроена лестница, на нижней платформе располагается окруженный храмами внутренний двор. На этой же платформе стояли дома, в которых, видимо, проживали жрецы, отправлявшие культы тех богов, которым поклонялись в этих храмах. Объем пирамиды Солнца составлял почти миллион кубометров земли; сама пирамида была облицована камнем.

В течение последующих 700 лет Теотиуакан стал одним из трех крупнейших городов в истории Нового Света (его превосходил только Теночтитлан, столица государства ацтеков, а также, возможно, Куско – столица государства

инков), с населением не менее 125 тыс. человек, но не исключено, что оно достигало 200 тыс. человек. Среди древних городов мира Теотиуакан является уникальным благодаря сочетанию таких черт, как гигантские размеры общественных сооружений, огромные городские территории, правильная планировка и, что не менее важно, степень сохранности. Последняя особенность делает этот город доступным для археологических исследований, благодаря чему он служит одной из крупнейших лабораторий для изучения доиндустриальной урбанизации. Благоприятным стечением обстоятельств является то, что в городе и поддерживавших его жизнеобеспечение окрестностях почти в течение века велись интенсивные исследования, начиная от крупномасштабных раскопок и реставрации общественных зданий и жилых домов до нанесения на карту всей территории города и регионального обследования местности в бассейне Мехико.

Приблизительно в 200–300 гг. н.э. правители Теотиуакана начали крупномасштабное обновление города, что привело к реконструкции и реорганизации всего огромного мегаполиса. К 600 г. н.э. была полностью реконструирована территория площадью 18 кв. км. Все улицы и общественные и жилые постройки были перепланированы в соответствии с принятым расположением в виде регулярной сетки, ориентированной на 15 градусов к северо-востоку. Центральную ось города составляют два больших проспекта. Один из них пролегает с севера на юг; в литературе его называют «Дорогой мертвых». Его ширина – 30 м, длина – 4 км, от площади пирамиды Луны на севере до южной границы города. Второй проспект пересекает город с востока на запад от Большого комплекса на западной стороне Дороги мертвых до Сюдадела на востоке.

Помимо пирамиды Солнца, площади, на которой она находилась, и прилегающих сооружений, в Теотиуакане было еще четыре крупных комплекса общественных сооружений, размеры которых были поистине монументальными. На восточной стороне Дороги мертвых расположена Сюдадела, а через дорогу напротив нее расположен Большой комплекс. Сюдадела представляет собой большое огороженное пространство, обозначенное ступенчатой платформой, сторона которой, расположенная вдоль ее внешнего края, составляет 400 м. Восточная треть огороженного пространства занята большой низкой платформой, наверху которой находился искусно украшенный храм-платформа, называемый храмом Кецалькоатля, и две дворцовые резиденции, в которых предположительно жили жрецы, служившие в храме. Предполагаемым назначением этой огромной огороженной территории было проведение религиозных церемоний, посвященных божеству, изображенному на фасаде храма. Большой комплекс имеет такие же большие размеры, но там нет больших общественных зданий; он, видимо, служил большим открытым рынком и был окружен складами.

У северного конца Дороги мертвых находится пирамида Луны – еще одна гигантская ступенчатая храмовая платформа, размеры которой, однако, были меньше, чем размеры пирамиды Солнца (ее высота – 43 м, а площадь – 150 x 120 м). Она выходит на площадь, окруженную более мелкими храмами и дворцовыми постройками. Между пирамидой Солнца и Сюдаделой находится третий крупный, обнесенный стеной массив, который с двух сторон охватывает Дорогу мертвых и по размерам сопоставим со Сюдаделой. Внутри него находится множество дворов, храмов, жилых построек и других специальных архитектурных сооружений. Этот комплекс предположительно был административным центром города и местом проживания правителей на протяжении последних 400–500 лет истории города.

Помимо двух больших проспектов, упомянутых выше, Теотиуакан пересекала сеть узких улиц, деливших город на блоки. Каждый блок был обнесен стеной и представ-

лял собой единую жилую постройку. Преобладающее большинство жилых блоков имело площадь, равную 59 кв. м. В пору своего расцвета все городские сооружения на площади около 18 кв. км, включая пространство внутри жилых комплексов, городские площади, поверхности храмов и пирамид, а также улицы, были целиком побелены известью.

Доминирующим элементом архитектуры Теотиуакана является огороженная территория, или комплекс. Это касается как общественной, так и жилой застройки. Для строительства платформ, стен, лестниц и организации пространства под полом в качестве наполнителя использовались земля или щебень, а для облицовки построек – тесаный камень. Все поверхности покрывались слоем раствора из земли, смешанной с гравием, а поверх него – тонким слоем штукатурки. Крыши, сделанные из тех же материалов, были плоскими или слегка наклонными; они опирались на деревянные конструкции из массивных балок, бревен и молодых деревьев. Стороны или фасады храмовых платформ и даже жилых построек украшались профилем особого типа, который в литературе называется *талуд* и *таблеро*. Такой стиль является характерной чертой архитектуры Теотиуакана и повторяется на территории города в 18 кв. км десятки тысяч раз.

Изучение территории города, а также крупномасштабные раскопки жилых построек на ней, дают возможность увидеть городскую жизнь Теотиуакана изнутри. Каждый жилой комплекс занимал городской блок. Он был обнесен массивной стеной, за которую трудно было проникать: обычно были один или два входа, один из которых вел в центральный двор. В центре двора находился алтарь, двор был окружен общественными зданиями, часть из которых использовалась для ритуальных целей. Остальная часть комплекса была занята жилыми помещениями для малых или больших семей; помещения включали внутренний дворик (патио), через который поступал свет и воздух и который был окружен галереями и комнатами. Тот факт, что основным местом исполнения групповых обрядов был, видимо, центральный двор с алтарем и что умерших хоронили внутри комплекса (мужчин высокого ранга – под центральным алтарем), свидетельствует о том, что обитатели комплекса были как-то связаны между собой; вероятно, это была большая семейная группа или род. Однако понятно также, что обитатели комплекса не были людьми одинакового ранга. Более того, на основе сравнения наземных планов многих комплексов, расположения комнат, дворов и патио можно сделать вывод о том, что некоторые из комплексов были полностью заняты семьями очень высокого статуса, имевшими прислугу. Для комплексов высокого ранга характерны не только просторные помещения, но и тщательная архитектурная отделка с лепными колоннами и лучше отделанные центральные алтари, а также широкое использование настенной росписи общественных построек и большая изолированность помещений внутри комплекса.

Данные раскопок и изысканий дают дополнительные доказательства того, что население Теотиуакана сильно различалось не только по общему статусу, который проявлялся в богатстве и власти, но и по роду занятий. По крайней мере треть комплексов города была заселена ремесленниками, которые посвящали ремеслу хотя бы часть своего времени или даже все время. Третья часть – это минимальная цифра, поскольку некоторые из ремесел, которые практиковались в городе, не могли проявиться в большом количестве предметов, которые можно было бы обнаружить в сборах на поверхности из нереконструированных домов. Ремесленные специальности включали изготовление керамических сосудов, фигурок из керамики, керамических музыкальных инструментов, мельничных жерновов, тканей, ювелирных изделий из камней и раковин, а также каменную кладку.

Однако в преобладающем числе мастерских занимались обработкой обсидиана. Примерно в 30 км к северо-востоку от города, недалеко от нынешнего города Пачука, расположен вулкан под названием Серро-де-лас-Навахас, где находят лучший в мире обсидиан для изготовления каменных инструментов. К счастью, он имеет выраженный зеленый или золотистый цвет, благодаря которому его легко выделить из сборов, находимых во всей Центральной Америке. В результате недавних исследований шахт были получены важнейшие новые данные о разработке месторождений во все времена до испанского завоевания. Обсидиан из Пачуки особенно хорошо подходит для изготовления центральноамериканских цилиндрических нуклеусов. В горах были вырублены сотни глубоких шахт, некоторые из них были глубиной до 18 м и имели боковые проходы. По-видимому, нуклеусы предварительно частично обрабатывались ремесленниками Теотиуакана в шахтах, а затем их относили в город, и окончательная отделка производилась в мастерских внутри жилых комплексов. Готовые лезвия и нуклеусы затем распространялись не только среди жителей города и прилегающих окрестностей, но и по всей Центральной Америке, вплоть до территорий равнинных майя. Изготовление изделий из обсидиана было основным видом производства в Теотиуакане и одним из факторов, которые способствовали его развитию в крупный город. Другой особенностью ремесленного производства Теотиуакана была тенденция к разделению основных ремесел на более мелкие ремесленные специализации. Некоторые комплексы, например, производили только определенные керамические изделия, а ремесленники, занимавшиеся производством изделий из обсидиана, делились на тех, кто изготовлял двусторонние оббитые изделия, применявшиеся в качестве ножей и скребков, и тех, которые изготовляли цилиндрические нуклеусы и лезвия.

Очевидно также, что в Теотиуакане существовал класс профессиональных торговцев, которые перевозили обсидиан и другие товары на значительные расстояния. Профессиональные торговцы занимались, скорее всего, только торговлей с удаленными регионами. Большая часть потребительских товаров, очевидно, продавалась членами той же семьи, которая их изготовляла; торговля осуществлялась либо в Большом комплексе, либо на местных рынках, разбросанных по всему городу и связанных с районными храмами. Имеется ряд признаков, указывающих на то, что примерно половина обсидиановых мастерских, в особенности те, которые использовали обсидиан из Пачуки и изготовляли нуклеусы, управлялась государством. Однако перераспределением их продукции, вероятно, занимались торговцы.

Проживание в городе этнических анклавов, т.е. групп людей, говоривших на чужих языках, придерживавшихся чужой религии и, возможно, занимавшихся специальными работами, очень напоминало жизнь в гетто Западной Азии и создавало космополитическую атмосферу. Например, в северо-западной части города находился район, где жили сапотеки – индейский народ из Оахаки, которые, видимо, пришли в Теотиуакан как каменщики и принесли с собой технологию изготовления известковой штукатурки. В другой части города жили торговцы с равнины штата Веракрус, расположенной на побережье Мексиканского залива.

Региональные исследования поселений в долине Мехико обнаружили необычную сельско-городскую структуру, которая делает Теотиуакан почти уникальным примером доиндустриальной урбанизации. Между 200 и 600 гг. н.э. происходило постепенное заселение сельской местности бассейна Мехико, и по всему региону было основано множество небольших городков, поселков и деревушек. Их расположение, однако, свидетельствует о том, что они размещались в стратегически наиболее выгодных местах для обеспечения основных потребностей города. Наход-

ки, сделанные в самом городе и ближайших окрестностях, указывают на то, что значительную часть населения города составляли земледельцы, имевшие доступ к обширным аллювиальным равнинам, расположенным рядом с городской территорией к югу и к северу от нее. Этой территории было, однако, недостаточно для обеспечения потребностей города, и значительная часть населения была сосредоточена в центральной части бассейна Мехико, где вода для орошения была доступна всегда и где были богатые аллювиальные почвы. Заселение осуществлялось, естественно, так, чтобы обеспечить восполнение недостающих городу продуктов питания. В северо-западной части бассейна Мехико была обнаружена единственная геологическая структура, где можно было легко добывать большое количество известняка для получения извести, которая требовалась для строительства и использовалась в хозяйстве для варки сухой кукурузы. В этой местности было основано несколько поселений, занимавшихся обработкой известняка. Вдоль берега соленого озера, расположенного в центре бассейна, были построены поселения, население которых занималось добычей соли; другие поселения располагались на юге по берегам пресноводного озера, и их жители, видимо, занимались добычей разнообразных озерных продуктов.

Сборы на поверхности и раскопки вне бассейна Мехико дали дополнительные сведения не только о городе, но и о государстве Теотиуакан. Основываясь на принципе иерархии местонахождений и распространении архитектурных сооружений и изделий в стилях Теотиуакана, можно сделать вывод о том, что большая часть территорий Центрального плато была политически объединена в государство Теотиуакан, основная территория которого составляла 30–40 тыс. кв. км, а постоянное население – не менее полумиллиона человек. Численность населения и размер территории государства примерно сопоставимы с теми, какие были у шумерских городов-государств в III тысячелетии до н.э.

Одним из интересных явлений классического периода в Центральной Америке было широкое распространение культурного влияния Теотиуакана за пределами основной территории в период между 300 и 600 гг. н.э. Резюмируя изложенное, можно считать, что классический период в Центральной Америке характеризовался интенсивным развитием региональных стилей в искусстве и архитектуре (см. также 29.1). Однако во многих регионах в качестве погребальных подношений в гробницах людей высокого ранга использовались керамические сосуды, либо сделанные в Теотиуакане, либо изготовленные местными мастерами в стиле Теотиуакана (в особенности это касается сосудов, имевших форму цилиндрической вазы на трех ножках, но кроме того, и особых керамических изделий, называемых тонкой оранжевой керамикой). Выше мы уже упоминали о широком распространении нуклеусов и лезвий, сделанных из зеленого обсидиана Пачуки, которые изготовлялись в массовых количествах в мастерских Теотиуакана.

Рисунок на керамическом сосуде, найденном в городе майя Тикале и относящемся к классическому периоду, изображает встречу знатных людей из Теотиуакана с властями майя. Рисунок на одной из стел из Тикаля изображает правителя майя, сопровождаемого воинами Теотиуакана. Более поздние правители Тикаля даже называли себя потомками одного из таких гостей из Теотиуакана. Похожая стела из Монте-Альбана изображает встречу правителя сапотеков и знатного человека из Теотиуакана. По крайней мере в двух местах – Каминальгую в Гватемале и Матакапане на южном побережье Мексиканского залива – фасады храмов строились в типичном для Теотиуакана стиле талуд и таблери. Однако в целом имеющимися данными не подтверждается политическая интеграция этих удаленных территорий с Теотиуаканом, скорее они свидетельствуют о не-

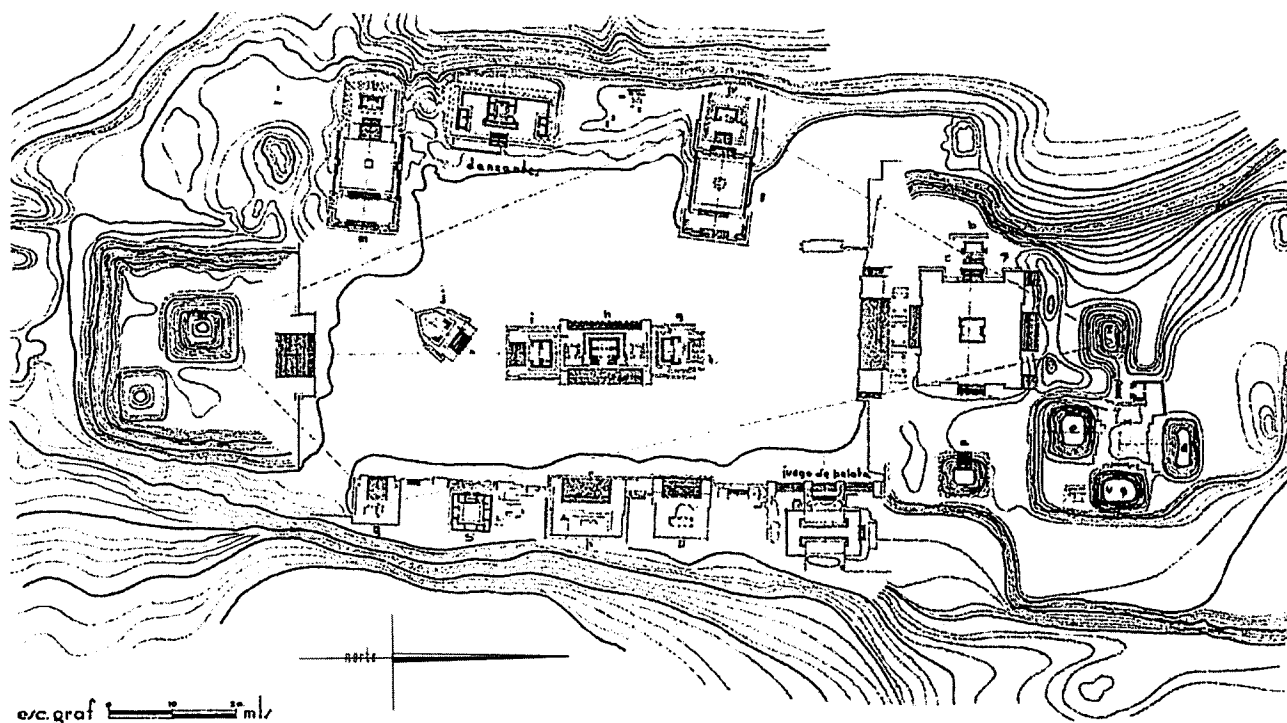

Рис. 46. Монте-Альбан, план центральной площади (по Marquina, 1964)

посредственных контактах этих территорий с Теотиуаканом и даже о переселении людей из Теотиуакана в эти иноземные места. По всей вероятности, эти люди были торговцами или воинами-торговцами; Теотиуакан был, видимо, центром большой торговой сети. Данные из Каминальгую и Тикаля также указывают на то, что торговцы-воины высокого ранга женились на представительницах местной знати. В связи с этим можно провести близкую параллель с арабскими купцами, которые в средние века проникали в Судан в Западной Африке, селились среди местных народов и женились на представительницах местного высшего класса.

Ремесленники Теотиуакана изготовили ряд великолепных изделий. Наиболее впечатляющим их достижением являются росписи на стенах общественных зданий и жилых домов, на фасадах украшенных колоннами галерей и на внутренних стенах жилых помещений. При этом использовались два основных вида техники – *темпера* и фресковая живопись. При работе в технике *темпера* на сухую глиняную поверхность наносилось смолистое вещество, и рисунок делался на этой поверхности; в технике фрески краски наносились на влажную штукатурку. Краски делались из минералов, за исключением черной, которая делалась из угля и часто использовалась, чтобы наметить контуры. Применялись желтая, красная, оранжевая, зеленая, голубая и белая краски, их часто смешивали для получения промежуточных оттенков.

Основным изображением в большинстве нарисованных сцен являются человекоподобные фигуры в детально проработанных одеждах, а иногда фантастические помеси человека и животного, которые сочетаются с геометрическим орнаментом и зачастую объединяются в сложные композиции. Человекоподобные фигуры изображены весьма стилизованно; портретной живописи в Теотиуакане не было. Хотя иногда и встречаются сцены в некоторой степени светского содержания, все же настенные рисунки Теотиуакана имеют преимущественно религиозный характер, и большинство фигур на них – это изображения божеств или знатных людей в ритуальных сценах. Поразительно сходство между этой живописью и римскими на-

стенными мозаиками и изображениями внутри домов, которые также выполнены в основном на религиозные темы.

Обычно встречающееся в настенных росписях, каменных скульптурах и керамике Теотиуакана сверхъестественное существо – это божество с иконографическими атрибутами, очень напоминающими атрибуты ацтекского бога дождя и плодородия Тлалока. Не исключено, что он был богом-покровителем Теотиуакана. Однако в Теотиуакане Тлалок, очевидно, выполнял множество других функций, каждая из которых изображалась в виде отдельной ипостаси, и в этом отношении Тлалок напоминает некоторых из индуистских богов. И в той, и в другой культуре божества, вероятно, имели ряд аватар, или различных *воплощений*, каждое из которых имело свою определенную сферу влияния. Одна из аватар бога Тлалока была, видимо, связана с войной, коммерцией и отношениями с иноземцами. Именно это воплощение Тлалока широко представлено в изображениях на керамике Теотиуакана. Его изображение было найдено также на панцирях воинов Теотиуакана, изображенных на стеле из Тикаля. Стиль живописи Теотиуакана является весьма формальным по цвету и композиции, за исключением некоторых шаржированных изображений, напоминающих мультипликационные. Настенные росписи очень разные, сцены в них практически не повторяются. По-видимому, настенные рисунки украшали многие жилые здания в городе, однако они сильно отличались между собой по сложности, объему и качеству работы. Такая же техника фрески и те же сюжеты использовались для украшения керамических сосудов, в особенности для характерных для Теотиуакана ваз на трех ножках.

Изготовление керамических сосудов было основным ремеслом горожан; формы сосудов были весьма разнообразными, и способы их украшения тоже были различными; они включали, например, резьбу по влажной глине, резьбу по поверхности высушиваемого сосуда, которая имеет твердость кожи, лепку, резьбу по обожженным сосудам, а также фресковые многоцветные и двухцветные рисунки. Кроме керамических сосудов делались свистки,

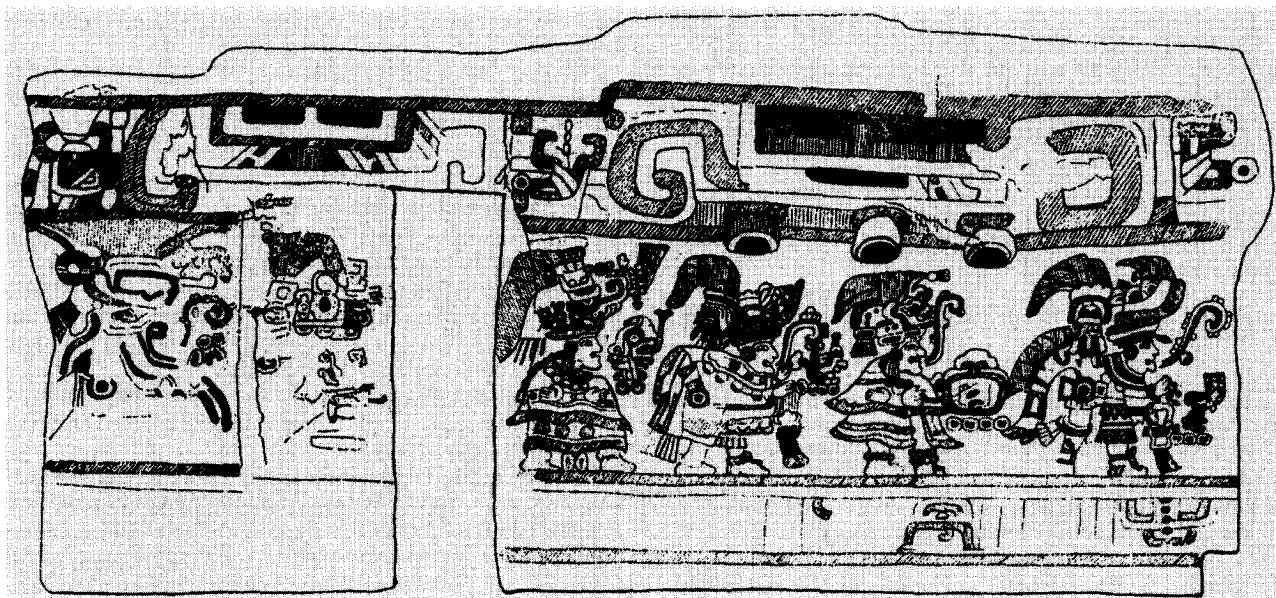

Рис. 47. Монте-Альбан, настенная роспись в гробнице 105 (по *Marquina*, 1964)

флейты, трубки, ювелирные изделия, и – что особенно характерно для Теотиуакана – буквально миллионы фигурок. Они, вероятно, использовались в семейных обрядах и потреблялись в огромных количествах. В начальных фазах истории города фигурки делались вручную, вероятно, женщинами в жилых комплексах, что было частью их обычных домашних обязанностей. Где-то в середине всего периода существования города была изобретена керамическая литейная форма, которую стали применять для изготовления небольших керамических сосудов и нижних частей более крупных сосудов, однако в основном – для изготовления фигурок. В это время изготовление фигурок стало профессиональным ремеслом, которым стали заниматься мужчины. Фигурки, видимо, были изображениями разнообразных сверхъестественных существ, но только некоторые из них были идентифицированы с изображениями божеств из более позднего пантеона ацтеков: Тлалок, Шипе-Тотек – бог урожая и Уэуэтеотль – бог семьи и здоровья. Эти божества изображены в том же стиле и имеют те же изобразительные элементы, которые видны и в настенных росписях.

Хотя ткани, подвергшись разрушительному действию времени, не сохранились, портретные изображения людей и богов на различных предметах свидетельствуют о высокоразвитом искусстве изготовления одежды, которая включала в себя накидку из перьев и плетеной ткани, брюки типа бриджей и тщательно выполненный головной убор. Изготовление изделий из перьев, которое было одним из основных ремесел ацтеков в XV в., имело, вероятно, высокий уровень развития в Теотиуакане классического периода. Другой важной ремесленной традицией Теотиуакана была резьба по твердым материалам – раковинам и различным камням, включая жад, жадеит, нефрит, обсидиан и сланец, из которых изготавливались ювелирные изделия, владение которыми было показателем высокого общественного положения. Почти все сырье, использовавшееся для граверных работ по камню, было привозным, что было основным стимулом для развития торговли с дальними территориями. Одним из наиболее замечательных видов изделий мастеров Теотиуакана были резные человеческие маски из оникса в натуральную величину.

Хотя монументальная скульптура и не имела особого распространения в Теотиуакане, ее качество было очень

высоким; и по крайней мере в одном случае, в храме Кецалькоатля, весь фасад, все четыре стороны огромной храмовой постройки покрыты мозаичным декором из базальта в виде барельефа, составленного из перемежающихся масок бога дождя и крылатых змей. Скульптурные барельефы использовались также в орнаментах на прямоугольных колоннах в домах знати.

С эстетической точки зрения архитектура Теотиуакана с ее однообразными фасадами в стиле талуд и таблери особого впечатления не производит. Фасады тысяч террас с жилыми постройками и оснований храмов были украшены в этом стиле. Техника каменной кладки, применявшаяся в Теотиуакане для возведения общественных и жилых зданий, обеспечивала высокое качество постройки, и многие комплексы зданий производят впечатление элегантной городской застройки благодаря упорядоченности и просторной планировке, хотя общее впечатление, которое производит город на наблюдателя – это ощущение строгой регламентации и повторяемости. Наиболее впечатляющая особенность архитектуры Теотиуакана – ее монументальность и упорядоченность.

МОНТЕ-АЛЬБАН И ДОЛИНА ОАХАКА

В классический период на высокогорье провинции Оахака древними индейцами-сапотекками была создана впечатляющая региональная цивилизация, центром которой был расположенный на вершине горы Монте-Альбан – город, который представляет собой полную противоположность Теотиуакану.

Долина Оахака расположена на высоте примерно 1500–1600 м над уровнем моря и имеет форму большой буквы «У» с двумя текущими в долинах потоками, которые сливаются, образуя третий водный поток – Рио-Гранде. Общая площадь долины составляет приблизительно третью часть площади бассейна Мехико – 2500 кв. км. Южная высокогорная часть Центральной Америки в противоположность Центральному плато представляет собой территорию с гораздо более неровной, разноуровневой гористой поверхностью с сотнями небольших, похожих на оазисы долин, из которых долина Оахака является самой большой. Среднегодовое количество осадков в этом регионе меняется от 500 до 800 мм, что является основной

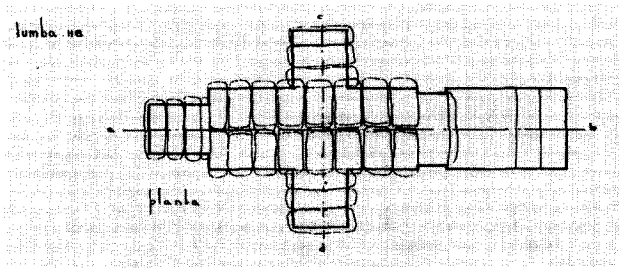

Рис. 48. Монте-Альбан, план гробницы 118 (по *Marquina*, 1964)

трудностью, препятствующей продуктивному и устойчивому сельскому хозяйству. Однако в отличие от бассейна Мехико регион находится ниже линии заморозков. К 1 г. н.э. люди приспособивались к местным условиям различными способами, направленными на решение этих климатических проблем: путем ручного орошения полей (орошение с использованием керамических сосудов и неглубоких колодцев в местностях с высоким уровнем грунтовых вод), с применением для орошения постоянных каналов, использующих источники воды, паводковые воды, а также террасированием склонов холмов.

Классический город Монте-Альбан был расположен на изолированной гряде холмов в центре долины, в месте соединения трех речных рукавов – в естественном стратегическом месте для размещения центра. Город возник несколькими столетиями раньше, чем Теотиуакан – приблизительно в 500 г. до н.э. (см. 29.1), а к 200 г. до н.э. на вершине холма располагался город, население которого составляло 5–10 тыс. человек. В это время он стал центром государства, располагавшегося в долине. Для строительства площади и нескольких храмов в период 500–200 гг. до н.э. часть вершины холма была сглажена. Примерно в 1 г. н.э. или за век до этого были начаты работы по радикальному изменению топографии холма Монте-Альбан. Вершина была полностью сглажена, а снизу была произведена подсыпка грунта, чтобы сформировать огромную платформу, простиравшуюся на 800 м в направлении с севера на юг и на 300 м – с востока на запад. Частично естественные возвышенности на вершине были оставлены без изменения и использованы в качестве наполнителей при строительстве ступенчатых платформ-храмов. По сторонам огромной центральной площади, которая занимала территорию площадью 300 x 200 кв. м, были построены комплексы больших зданий, среди которых были алтари, храмы, дворец и поле для игры в мяч. К 700 г. н.э. архитектурные сооружения на вершине холма приняли окончательный вид.

Центральная («Великая») площадь и большинство зданий на вершине имели, очевидно, религиозное назначение. Основная архитектурная форма соответствует типичному стилю Центральной Америки классического периода – это каменные храмы, построенные на вершине ступенчатой платформы, облицованной камнем. В Монте-Альбане расположение города на вершине холма вызывало ощущение грандиозности, и поэтому не требовалось возводить очень высокие храмовые платформы, которые были характерны для Теотиуакана.

Северный и южный края Великой площади обозначены двумя большими ступенчатыми платформами, из них южная служит основанием для двух храмов, а северная – для дворца королей Монте-Альбана. Вдоль восточного и западного краев были выстроены небольшие храмы, к двум из которых прилегали дворы, окруженные платформами. В центре Великой площади стояли рядом три храма, которые, очевидно, служили центром для проведения религиозных обрядов. Ни одна из построек на вершине не выдержала разрушительного действия

времени, и от них остались только ступенчатые платформы.

Строительные материалы, использованные для постройки обеих платформ и зданий на их вершинах, очень напоминают те, которыми пользовались в Теотиуакане. Монте-Альбан, видимо, первый город в Центральной Америке, где уже в 500 г. до н.э. для покрытия поверхности зданий использовалась гашеная известь. Другой особенностью архитектуры Монте-Альбана являются крутые колонны на входе в здания. В целом стиль, в котором выполнены фасады платформ, напоминает стиль Теотиуакана тем, что здесь тоже использовались обшитые панелями несущие стены, однако многие постройки имеют простые вертикальные или наклонные фасады.

Наряду с постройкой гигантских храмово-дворцовых комплексов и связанной с ними площадью на вершине холма, древние строители перестроили все склоны холма Монте-Альбан, построив сложную систему террас для размещения жилых и общественных построек для населения города. Это грандиозное предприятие облегчалось естественными геологическими особенностями холма, который сложен из ряда почти горизонтальных скальных пластов различной твердости и структуры. Древние строители, разумеется, упорядочили эти естественные уступы, построили тысячи метров несущих стен и выровняли поверхности, создав более 2 тыс. жилых террас. На них располагались не только жилые дома, но и небольшие храмовые комплексы, которые делили город на своего рода районы. Как правило, дома знати размещались в верхней части склона, рядом с вершиной холма и чуть ниже центрального ядра, тогда как дома жителей более низкого статуса – на нижних уровнях холма. Поэтому большие по размеру террасы располагались ближе к вершине.

Общество Монте-Альбана в период своего наивысшего расцвета было весьма стратифицированным, и это явно отражается в жилищной застройке города. В ранней фазе истории города жилищная застройка представляла собой одиночные здания с рядом сопутствующих им наружных элементов и свободными пространствами; в этом комплексе находились ямы-хранилища, печи и захоронения; каждый жилой комплекс занимал одну из малых террас. На больших террасах располагались группы из нескольких жилых комплексов. Когда город достиг апогея своего развития, планировка подобных групп стала более правильной и отражала развитие городской архитектуры. Жилища простых людей состояли из смежных комнат, либо расположенных по двум сторонам внутреннего открытого двора, либо окружавших его целиком. Дома строились из камня или самана, имели плоские крыши и относительно небольшие размеры. Одна из построек, показанных на рис. 46, имела внутренний дворик площадью 3 x 4 м; жилое пространство, если мерить по внешним стенам помещений, имеет размеры 8 x 8 м. С другой стороны, имелись и большие каменные дворцы, один из которых можно видеть на рис. 46. Такие дворцы возводились на вершине низкой площадки; показанное на рисунке строение имеет восемь комнат, расположенных вокруг внутреннего двора. Базальтовая площадка в основании имеет площадь 28 кв. м, каменные строения на вершине вместе с внутренним двориком занимают территорию в 20 x 22 м, из которых площадь внутреннего дворика составляет 12 x 10 м. Все комнаты были построены путем каменной кладки, облицованы хорошо обтесанными каменными блоками и оштукатурены; вход был обрамлен колоннадой.

Между этими двумя крайними вариантами построек находился целый ряд жилых зданий, отличавшихся по качеству и масштабу, которые отражают сложную иерархию социальных слоев города. Было примерно 60–70 наиболее престижных жилых строений, они располагались в основном на больших террасах, где также находились об-

ществленные здания, в основном храмы. Другой характерной особенностью таких построек являются сложные гробницы из каменной кладки, расположенные в форме креста под полом зданий. Для доступа к ним строились лестницы; очевидно, это были семейные склепы, которые использовались для многократных погребений (рис. 47, 48). В этих гробницах имеются настенные росписи и были найдены тщательно изготовленные погребальные предметы, сопутствовавшие умершим высокого ранга, похороненным в этих могилах. В одном погребении были найдены сотни бус из жада и множество великолепных керамических погребальных урн с лепными изображениями божеств Монте-Альбана. Погребения в жилищах низшего ранга представляют собой простые могилы, покрытые плитами, с очень малым количеством предметов – в большинстве случаев это несколько керамических сосудов. Социальная ячейка, которая была основой хозяйства, в Монте-Альбана была существенно меньше, чем в Теотиуакане, и, вероятно, представляла собой расширенную семью, в которую входили члены состоявших в родстве малых семей.

Некоторые соседние холмы тоже были сглажены, на верхних площадках были построены обрядовые комплексы, а на склонах местами были построены уступы-террасы для размещения жилых построек. Площади террас в Монте-Альбана весьма разнообразны – от 300 до 2500 кв. м, а полная площадь поверхностей террас составляет около миллиона кв. м. Террасы распределены по территории площадью 9 кв. км.

Для истории региональной культуры долины Оахака характерен процесс неуклонного роста численности населения, которая достигла максимума ко времени испанской Конкисты; в это время в этой очень плодородной горной долине жили примерно четверть миллиона человек. Около 800 г. н.э., когда Монте-Альбан достиг наивысшего уровня развития, население долины составляло приблизительно 200 тыс. человек, из которых 15–30 тысяч жили в городе, а остальные – в большом числе более мелких поселений – городов, поселков и деревень. Если исходить из принципа иерархии поселений, становится ясным, что государство Монте-Альбан включало в себя долину Оахака. Однако культурное влияние Монте-Альбана распространялось на территории в радиусе от 60 до 100 км от этой центральной долины и, возможно, часть этих внешних территорий находилась под его политической властью.

Одной из особенностей Монте-Альбана является относительно малое число признаков заметной хозяйственной специализации. Материальные свидетельства из поверхностных сборов указывают на то, что ремесленниками были не более 15 процентов от числа жителей города, что составляет лишь половину числа ремесленников в Теотиуакане. Монте-Альбан был, по-видимому, крупным административным и религиозным центром, местом, где проживало множество знатных семей, возможно, со своими ближайшими вассалами, по большей части земледельцами, которые возделывали земли рядом с городом.

Свидетельства ремесленной специализации, обнаруженные при изучении региона, показывают, что в основном ремеслом занимались сельские жители в свободное от сельскохозяйственных работ время (как это происходит и сейчас). Продукция, видимо, завозилась в город и распределялась через городские рынки.

Центральное местоположение Монте-Альбана облегчало выполнение многих функций – торговых, административных и ритуальных. Весь ряд холмов с величественными церемониальными постройками на вершинах и плотно заселенными склонами должны были производить сильнейшее впечатление могущества. Однако, в отличие от Теотиуакана, влияние Монте-Альбана на регион было довольно ограниченным, и мы не находим призна-

ков контактов Монте-Альбана с удаленными территориями. Основной причиной этого могло быть отсутствие основного природного ресурса, подобного обсидиану в Теотиуакане, который мог бы придать городу экономической мощь.

Ремесленники Монте-Альбана производили широкий спектр прекрасных изделий, которыми десятилетиями восхищались ценители искусства. Наиболее впечатляющими были прекрасные резные изделия из жада, лепные керамические урны, прекрасные скульптуры на общественных зданиях и фресковые росписи гробниц. Граве-ры по камню изготовляли разнообразные ювелирные изделия высочайшего качества, которые носили представители знати. Основной темой монументальной скульптуры были политические события, изображавшиеся в виде рельефов на плитах, которые служили в качестве несущих стен храмовых площадок и устанавливались на стенах храмов. Главным сюжетом композиций были войны и завоевания. Настенные росписи Монте-Альбана, с другой стороны, связаны в основном с религиозными и погребальными обрядами, что не вызывает удивления, если принять во внимание, где они находились.

ПОБЕРЕЖЬЕ МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА

Побережье Мексиканского залива от города Тампико в штате Тамаулипас на севере до города Сьюдад-дель-Кармен в штате Кампече на юге – это область пышных тропических лесов и весьма стабильного количества осадков, с широкой речной системой и равнинами с аллювиальными почвами, перемежающимися пересеченной холмистой местностью. Этот регион всегда играл особую роль в истории Мексики от доклассических времен до настоящего времени. В 1519 г. (год высадки на побережье Мексики испанского конкистадора Эрнана Кортеса. – *Прим. ред.*) ацтеки бассейна Мехико считали его местом благополучия и изобилия и источником высокоценных товаров – какао-бобов, каучука, хлопковых тканей, драгоценных перьев тропических птиц и благовоний; все они высоко ценились жителями близлежащих полупустынных нагорий. В те времена побережье занимали представители трех языковых групп – уастеков, которые были ветвью большой языковой семьи майя и жили на севере, тотонаков в центре и носителей языка науа – на юге. Язык науа возник на Центральном плато в Мексике и, видимо, со временем сменил язык аборигенов – соке, живших на юге. Смена языков, возможно, сопровождалась колонизацией этих территорий. В противоположность этому, племена тотонаков и уастеков, видимо, проживали на своих территориях со времени начала оседлого образа жизни, в связи с чем достижения классического периода в этом регионе часто относят к региональной традиции тотонаков или уастеков.

Южная часть побережья Мексиканского залива, которая в настоящее время составляет южную треть штата Веракрус и все побережье штата Табаско, является местом возникновения наиболее развитого в начале и середине доклассического периода (1100–600 гг. до н.э.) общества Центральной Америки. Эту культуру называют ольмекской по названию народа, говорившего на языке науа, который жил в этих местах во время испанской Конкисты. Как уже упоминалось ранее, доклассическое население, видимо, говорило на одном из языков соке – семьи языков, широко распространенной во время контактов с испанцами на перешейке Теуантепек и на прибрежной равнине, в предгорьях и в Центральной долине штата Чьяпас. Доклассическая культура ольмеков описывается в томе II; здесь мы даем только краткий обзор. Ольмеки строили большие церемониальные площадки из земляных платформ, которые служили либо как перекрытия гробниц, либо как ос-

нования для храмов и жилищ, которые строились из недолговечных материалов. Они создали монументальные алтари, стелы и изваяния в виде огромных человеческих голов; последние, возможно, представляли собой скульптурные портреты вождей. Они также делали необычайно разнообразные мелкие резные изделия из зеленого камня и керамические фигурки, украшенные изображениями: все эти изделия выполнялись в характерном стиле, который получил широкое распространение в Центральной Америке между 900 и 600 гг. до н.э.

Многие элементы стиля ольмсков сохранились в позднем доклассическом периоде (см. 29.1) и даже в раннем классическом периоде, хотя и в трансформированном виде. Интересно, однако, что в этом регионе поселения позднего доклассического и классического периодов по территории и используемым строительным материалам похожи на города середины доклассического периода. Например, каменная кладка в этом регионе практически отсутствует, и строительные сооружения здесь чаще всего представляют собой здания из нестойких материалов на земляных платформах. Два крупнейших местонахождения в этом регионе в поздний доклассический и классический периоды – Серро-де-лас-Месас и Трес-Сапотес. В классический период продолжали воздвигать стелы, на которых указывали даты способом «должного счета» майя.

Между 400 и 600 гг. н.э. жители Теотиуакана, вероятно, пытались обеспечить непосредственный контроль над экзотическими ресурсами этого региона, построили в местности под названием Матакапан город и заселили его людьми с Центрального плато. Здесь на площади в 5 кв. км располагается несколько храмов, построенных в стиле Теотиуакана, включая использование каменной кладки, а также по крайней мере один жилой комплекс, похожий на городские комплексы Теотиуакана. Сборы на поверхности и в пробные раскопы в местонахождении дали тысячи фрагментов фигурок и горелок для благовоний, выполненных местными гончарами также в стиле Теотиуакана. Учитывая, что они использовались в домашних ритуалах, можно сделать вывод о том, что в этом месте обитал крупный анклав людей из Теотиуакана. Сильное влияние Теотиуакана видно также в располагавшихся неподалеку местных сообществах Трес-Сапотес и Серро-де-ла-Месас. Очень возможно, что этот город на возвышенности установил прямой политический контроль над некоторыми из этих территорий и что Матакапан служил его периферийным центром. Переход с языка соке на язык науа начался, вероятно, в это же время в результате воздействия административного центра и влияния иностранцев, проживавших среди местного населения. Результаты исследований в Матакапане свидетельствуют о продолжении и даже укреплении взаимоотношений с Центральным плато в последующий постклассический период.

В противоположность этому в центральной части штата Веракрус, где в 1519 г. обитали тотонаки, возникла особая классическая цивилизация и вырос монументальный центр в городе Эль-Тахин неподалеку от современного города Папантла. Центр города Эль-Тахин состоял из прочных каменных домов, расположенных на облицованных камнем ступенчатых платформах; многие дома имели поддерживаемые карнизами сводчатые крыши. Более 200 построек – храмы, дворцы и не менее одиннадцати полей для игры в мяч располагались на площади в 150 гектаров. Такое большое количество полей для игры в мяч в одном центральноамериканском городе – явление уникальное, показывающее, что здесь был центр этой игры для всего центрального региона штата Веракрус и, возможно, место ее появления. Это было также, возможно, место зарождения сложных ритуалов и космологических взглядов, связанных с игрой в мяч.

Отдельные здания, однако, были не особенно большими. Например, основной храм города – храм Ниш – относительно скромная постройка, состоящая из шести ступенчатых платформ, примерно 20 м высотой. Фасады уступов выполнены в одном из вариантов теотиуаканского стиля талуд и таблери, однако в них имеется более 365 ниш, каждая из которых связана, вероятно, с днем солнечного года. По всей вероятности, во время важных церемоний и обрядов в ниши ставились горелки для благовоний, жертвенные сосуды или керамические фигурки.

Одна из одиннадцати площадок для игры в мяч, стены которой украшены сложными барельефами, расположена рядом с храмом Ниш. Барельефы выполнены в своеобразном стиле, широко распространенном на территории центра штата Веракрус; в этом стиле создавали как архитектурные сооружения, так и мелкие изделия. На них изображены игроки в мяч, сцены принесения в жертву проигравших; изображения обрамлены очень характерными завитками. Игра в мяч в Центральной Америке происходила на площадке в виде буквы H, с центральным и двумя боковыми кортами. На противоположных вертикальных стенах центрального корта укреплялись два вертикальных кольца. Играли твердым каучуковым мячом, который игроки должны были перемещать, используя для ударов по мячу только бедра, локти, колени, плечи и голову. Чтобы набрать очко, нужно было перекинуть мяч сквозь вертикальное кольцо или перебросить его в противоположный боковой корт. Это была игра преимущественно для высшего класса, связанная со сложными космологическими верованиями. Военнопленных часто заставляли играть с командой хозяев; их поражение было, естественно, predetermined, и они приносились в жертву божествам, связанным с космологической идеей игрового поля. Вполне вероятно, что эта игра возникла на побережье Мексиканского залива и затем распространилась на территориях майя, в Оахаке и других регионах Центральной Америки в классический период.

На протяжении многих лет коллекционеры и археологи обнаруживают три вида изделий, широко распространенных на территории центральноамериканской культуры, особенно много их в центральной части штата Веракрус. Первый из них – вырезанные из камня предметы в виде буквы U массой до 20–30 кг, называемые в литературе веригами. Спиральные узоры, вырезанные на веригах в виде рельефа, очень напоминают рельефы фризов на игровых полях Тахина. Изделия второго типа, называемые *хача* (*bacha*), представляют собой небольшие, тонкие каменные изделия в форме топора, на которых часто встречаются резные изображения профилей людей и животных. Наконец, более крупные пальчатые предметы длиной 15–80 см, торцы которых выполнены в форме всера, обычно выполнялись резными и с вогнутым основанием. Эти изделия украшались резным рельефом из фигур людей и животных. Керамические фигурки и рельефы на стенах показывают, что вериги носились игроками в мяч в качестве поясов, пальчатые камни укреплялись на хомутах спереди, а хача прикреплялись к спине игрока. Предполагают, что они использовались в предварявших игру обрядах, а после церемонии игроки снимали их и надевали для игры кожаные пояса, защитные накладки на колени, плечи и бедра, чтобы избежать повреждений от тяжелого мяча.

В этой главе рассмотрены три региональных цивилизации Центральной Америки (четвертая из них – цивилизация равнинных майя – рассматривается в 29.3), однако к 1519 г. на всей этой территории имелись вождества и государства и во всех регионах появились собственные стили в искусстве керамики, архитектуре и скульптуре. Межрегиональные контакты происходили часто, и взаимное проникновение религиозных и политических идей имело широкое распространение. В классический период в

Центральной Америке была широко распространена Великая традиция, или элитарная культура. За исключением, возможно, Теотиуакана, полномасштабная политическая интеграция не была достигнута, и взаимное проникновение культур происходило в основном в результате действий торговой сети, по которой распространялись престижные предметы, использовавшиеся высшим классом. Теотиуакан, по-видимому, был одним из основных участников этой торговой сети, однако многочисленные города всего региона также в ней участвовали.

УПАДОК КЛАССИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ

Первостепенной проблемой истории Центральной Америки является феномен упадка классических цивилизаций и переход к постклассическим, оставление старых центров и появление новых.

В ранний период изучения Центральной Америки упадок виделся как очень поспешное и одновременное оставление всех крупных классических центров на всей территории от Копана в Гондурасе до Теотиуакана в Центральной Мексике. Данные, относящиеся к тому времени, указывали на то, что этот упадок свидетельствовал о важных культурных изменениях, происшедших между этими двумя периодами. Классические общества представлялись большинству исследователей Центральной Америки политически раздробленными и миролюбивыми теократическими обществами, в которых знать проживала в церемониальных центрах и обеспечивалась зависимым от нее населением, рассеянным по окружающей территории. Считалось, что центры были предназначены в основном для религиозных целей, и здания, найденные там, в большинстве своем считались храмами или вспомогательными религиозными постройками. Полагали даже, что государства майя в классический период управлялись союзами жрецов, живших в зданиях, похожих на монастыри – в так называемых дворцах, связанных с храмами. В противоположность этому постклассические общества виделись более урбанизированными, воинственными и завоевательными. Это противопоставление было основано на представлениях археологов о классической цивилизации равнинных майя и на имевшейся у этноисториков информации о характере ацтекской культуры в 1519 г., которая затем переносилась на весь регион Центральной Америки.

Исторические традиции Центральной Мексики объясняют присутствие говоривших на языке науа людей на Центральном плато рядом последовательных миграций варваров-завоевателей с севера за несколько веков до испанской Конкисты. По этой причине исследователи Центральной Америки сознательно проводили параллель с завоеванием Римской империи варварами. Упадок классической цивилизации и культурные изменения представлялись прежде всего результатом этих крупномасштабных вторжений.

Современные исследования полностью отрицают эту элегантную историческую реконструкцию. Классическое

общество, хотя и не достигшее масштаба политической интеграции постклассических империй тольтеков и ацтеков, не было миролюбивым, войны велись между его частями, государства управлялись семейными династиями и, как и в постклассический период, эти династии постоянно стремились расширить свою политическую власть теми же способами, как это делали государства более поздних времен. Теотиуакан, в частности, был относительно крупным государством, расширение которого было почти несомненно основано на войнах и завоеваниях, а размеры города и степень урбанизации были сопоставимы с Теночтитланом – столицей империи ацтеков. Более того, преемственность религиозной и политической идеологии на уровне элитной культуры между Теотиуаканом и народами, жившими в конце постклассического периода, предполагает, что носители языка науа жили на нагорье задолго до предполагаемого вторжения и что язык, на котором говорили в Теотиуакане, был на самом деле языком науа.

Наконец, современные данные свидетельствуют о том, что центры классического периода потеряли свое значение политических центров не одновременно. Теотиуакан испытал резкий спад после 700 г. н.э., а к 750 г. его население уменьшилось с 125 тыс. человек – средней численности населения в период максимального расцвета – до 30–40 тыс. человек. Монте-Альбан испытал такой же спад, но примерно столетием позже. Тахин к 1000 г. н.э. еще не достиг своего апогея, а некоторые центры равнинных майя начали приходить в упадок приблизительно в 700 г. н.э., тогда как другие достигли своего апогея в 1000 г. н.э.

Из всего этого следует, что упадок классических центров в таком огромном регионе был сложным и системным явлением, зависевшим от множества факторов, и что на упадок отдельных центров различные факторы повлияли по-разному. Например, по поводу цивилизации равнинных майя в последнее время появляется все больше свидетельств того, что упадок затронул не только правящий класс, но и все население, в результате чего на очень обширной территории численность населения резко упала. Последние данные показывают, что одной из причин этого могла быть деградация окружающей среды по мере роста населения и интенсификации сельскохозяйственного использования хрупких тропических почв. В противоположность этому, в других регионах Центральной Америки численность населения не только не снизилась, но даже увеличилась. Что касается Центральной Мексики, то, хотя в самом Теотиуакане численность населения резко упала, число людей, проживавших в регионе в целом, было не меньшим, чем в городе в момент его наивысшего расцвета. Упадок города был, видимо, обусловлен прежде всего экономическими и политическими факторами, например появлением мощных конкурентов в виде таких городов, как Шошикалько, Какакстла и Чолула. Место Монте-Альбана в постклассический период заняли несколько крупных центров в долине Оахака, при этом после падения власти Монте-Альбана численность населения в долине даже возросла.

29.3

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ, 1–900 гг. н.э.

Норман Хаммонд

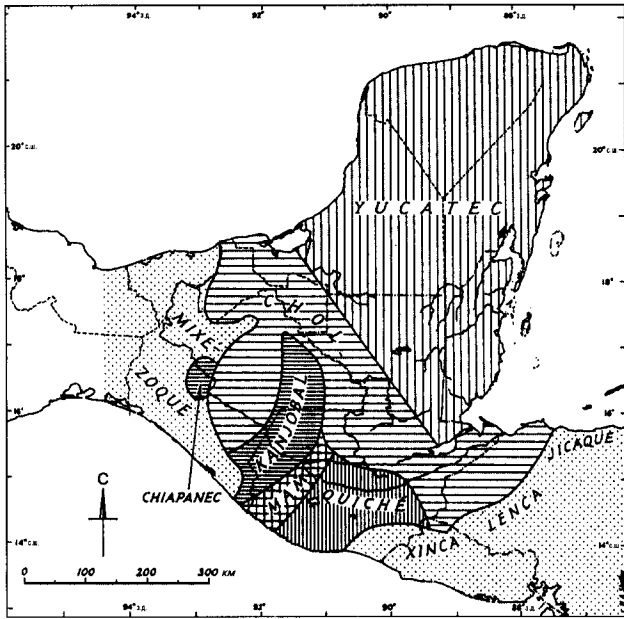
Илл. 179–181

Территория майя включает современные государства Белиз и Гватемалу, западные части Гондураса и Сальвадора и полуостров Юкатан в Мексике (карта 42). Она расположена между 14 и 22 град. северной широты и 87 и 93 град.

западной долготы, полностью лежит в тропиках и занимает территорию в 900 км с севера на юг и 550 км с востока на запад вдоль континентального разлома в высокогорье Гватемалы. Область распределения языков майя (карта 43)

Карта 42. Территория майя и основные археологические местонахождения с доклассического по постклассический период, 1000 г. до н.э. – 1500 г. н.э. (по Hammond, 1990)

Карта 43. Распределение языков майя. В классический период майя надписи делались как на языке юкатек, так и на чоль, а население большей части юга равнины, по всей видимости, было двуязычным (по Hammond, 1990)

и область распространения материальных следов культуры классического периода совпадают в этом регионе, свидетельствуя о длительной истории майя. Несомненными являются морские границы этого региона: на севере – Мексиканский залив и побережье Карибского моря, на юге – побережье Тихого океана; граница на востоке с цивилизациями самого юга Центральной Америки обозначена сменой языков и совпадает с долинами рек Улуа и Лемпа; на западе на территориях до мексиканских штатов Чьяпас и Табаско в настоящее время проживают народы, говорящие на языках группы соке-мише, – потомки ольмеков (см. том II); однако такие города, как Комалькалько, свидетельствуют о былой протяженности региона классической культуры майя до перешейка Теуантепек.

Территория майя условно делится на три крупных региона – южную или высокогорную зону, которая включает в себя вулканические пики, расположенные вдоль континентального разлома от Чьяпас до Сальвадора, крутой тихоокеанский склон и узкую прибрежную равнину на юге, а также пересеченную местность с бассейнами и массивами древних метаморфических скал, лежащих к северу от них, которая простирается от севера Чьяпас до Гондураса (карта 44). Почти вся эта зона находится выше отметки 1000 м, а некоторые пики достигают высоты 4200 м и выше; она богата такими минеральными ресурсами, как обсидиан, жад и гематит. Количество осадков на склонах гор, обращенных к Тихому океану, очень велико – достигает 3000 мм, но во внутренних бассейнах оно умеренное, а в верхней части долины Мотагуа имеется засушливая область. Естественная растительность меняется от высокогорных заоблачных лесов до субтропического разнообразия горных лесов и травяных лугов, а также до дождевых тропических лесов на побережье.

По резкому контрасту с южной зоной северная зона, или северная равнина, включает в себя плоский, большей частью низменный полуостров Юкатан, на котором только несколько участков, таких как холмы Пуук, достигают высоты 200 м. В этой зоне самыми высокими и приметными особенностями ландшафта выглядят руины построек майя. Полуостров представляет собой огромную известняковую платформу, бедную минеральными ресурсами (за исключением известняка и сланца) и с тонким почвен-

ным слоем. Количество осадков везде ниже 1500 мм в год, а на северо-западе – менее 500 мм в год; в этом карстовом рельефе мало поверхностных вод и основными источниками воды являются *сеноты* – полости и воронки, образовавшиеся при обрушении скальных пород и выходе подземных рек. В сухих сенотах часто накапливаются влажные почвы, и современные майя их возделывают; в число растущих здесь культур входит какао, в других местах имеется естественная растительность – на дальнем севере это низкие кустарниковые заросли, которые сменяются на юге высокими лиственными лесами.

Между этими областями лежит центральная, или южная равнинная зона, которая включает в себя весь Белиз, департамент Петен в Гватемале, равнинный штат Чьяпас и восточную часть Табаско. Геологический состав почвы – также известняк, за исключением гранитов и песчаников в горах Майя на юге Белиза, однако рельеф здесь более высокий: гряды холмов со складками и разломами поднимаются в южном направлении на высоту от 200 до 1000 м. Дожди здесь обильные, обычно количество осадков превышает 1500 мм и достигает 3400 мм там, где равнина переходит в северную кромку метаморфического высокогорья, а также на склонах гор Майя, выходящих к Карибскому морю, и в целом превышает 2000 мм. Здесь есть большие, не пересыхающие летом реки, например, Усумасинта с притоками, Пасьон, Чихой и Лакантун, впадающие в Мексиканский залив, и системы рек Рио-Хондо и Белиз со стороны Карибского моря; истоки этих рек находятся близко друг к другу, и древние обитатели этих мест пересекли большую часть этого региона на каноэ, с относительно короткими волоками около городов Тикаль и Пу-сила. Тропические леса по-прежнему покрывают большую часть региона; их полог достигает высоты в 35 м, в них преобладают деревья с твердой древесиной, например красное дерево, пальмы и такие важные для хозяйства и религиозных обрядов виды растительности, как сейба, которую майя называли *яшче* – «небесное дерево». Размеры заселенных в классический период земель свидетельствуют о том, что значительная часть лесов была восстановлена на протяжении прошлого тысячелетия.

Формально началом классического периода считается 250 г. н.э., когда появились первые надписи, выполненные словесно-слововым иероглифическим письмом майя на общественных постройках, однако последние открытия более ранних памятников, некоторых с датами, и других следов классической культуры показывают, что письменность стала использоваться обществом майя к I в. н.э. Этому предшествовало социальное и политическое развитие таких городов, как Эль-Мирадор (см. 29.1) и Накбе в Северной Гватемале и Комчен на Юкатане, которое началось с 300 г. до н.э. и которое свидетельствует о появлении сложного общества в поздней фазе доклассического периода. Поэтому в настоящее время представляется целесообразным рассматривать весь период с I по 900 г. н.э. – время грамотности и монументального искусства в обществе майя – как единое целое.

Наибольший расцвет культуры наблюдался в двух равнинных областях, составляющих северную часть территории майя, хотя в поздней фазе доклассического периода здесь уже существовали такие влиятельные центры, как Каминальгю (см. 29.1), в которых зарождались новые художественные стили и которые выполняли роль центров духовного влияния и источников материальной продукции для равнинных жителей. Однако к I г. н.э. жители равнинной зоны начали создавать собственное культурное пространство: сложные гипсовые скульптуры, присутствующие начиная с 300 г. до н.э., в виде огромных многоцветных масок на колоссальных зданиях (рис. 49) в таких центрах, как Эль-Мирадор, Накбе, Тикаль, Ушактун, Ламана и Серрос, свидетельствуют о том, что жители всей обширной южной равнинной зоны придержива-

Карта 44. Основные географические зоны территории майя (по Hammond, 1990)

лись одинаковой иконография и лежавших в ее основе верований. Одинаковые наборы подвесок из жада с изображением богов, обнаруженные в центрах Номуль и Серрос, и элементы таких наборов, которые находят по всему полуострову Юкатан от Аке и Чичен-Ицы (хотя сюда они, возможно, были занесены как приношения паломниками из каких-то других мест) до Танка, свидетельствуют о том, что единая иконография была распространена до северной равнинной зоны; очевидное созвучие этого набора с изображением божеств маиса, Солнца и подземного мира на сделанной из жада подвеске из Помоны, с ее сложной смысловой структурой и ранним (около 100 г. н.э.) иероглифическим текстом (рис. 50), указывает на единство текстуального, образного и концептуального пространства, которое является отражением интеллектуального развития общества.

Первые публичные выражения этой идеи в виде стел в честь правителей и их дежний появляются в равнинной зоне майя около 100 г. н.э.: Алтарь I в Пололе с двумя фигурами в богатых одеяниях, смотрящими друг на друга сквозь расположенную в центре колонку иероглифов, настолько близок к стелам 2 и 5 из Абах-Такалика на Тихоокеанском побережье (стела 5 датируется 126 г. н.э.), что его следует, видимо, датировать примерно 100–150 г. н.э. «Стела Хоберга» неизвестного происхождения датируется 197 г. н.э., а стела I

из Накбе может относиться к этому же или даже более раннему времени. Стелы 2 и 4 из Эль-Мирадор близки по стилю, но даты на них отсутствуют. Открытие стелы I из Ла-Мохарры в центральной части штата Веракрус, на которой имеются даты «долгого счета», соответствующие 143 и 156 г. н.э., и ее явное сходство с такими памятниками майя, как стела II из Каминальгую, указывает на то, что во II в. н.э. династические памятники воздвигались в ряде соседних зон юга южной части Центральной Америки. Самой ранней датой «долгого счета» в равнинной зоне майя является, однако, 292 г. н.э. на стеле 29 из Тикаля (рис. 51).

Несмотря на колоссальные затраты труда и материальных ресурсов на возведение церемониальных архитектурных сооружений в поздний доклассический период, правители, прославлявшие себя таким способом, были царьками малых государств, которые даже в классический период едва ли занимали более 2000 кв. км. Архитектура таких древних городов, как Тикаль, Ушактун, Ламана и Номуль, служит свидетельством появления правильно спланированных городских центров с широкими открытыми площадями, соединенными насыпными дорогами, с храмами-пирамидами и дворцами по их сторонам. Один из комплексов, в западной части которого располагалась пирамида, а в восточной – три меньших здания на общем основании и который был обнаружен в нескольких мес-

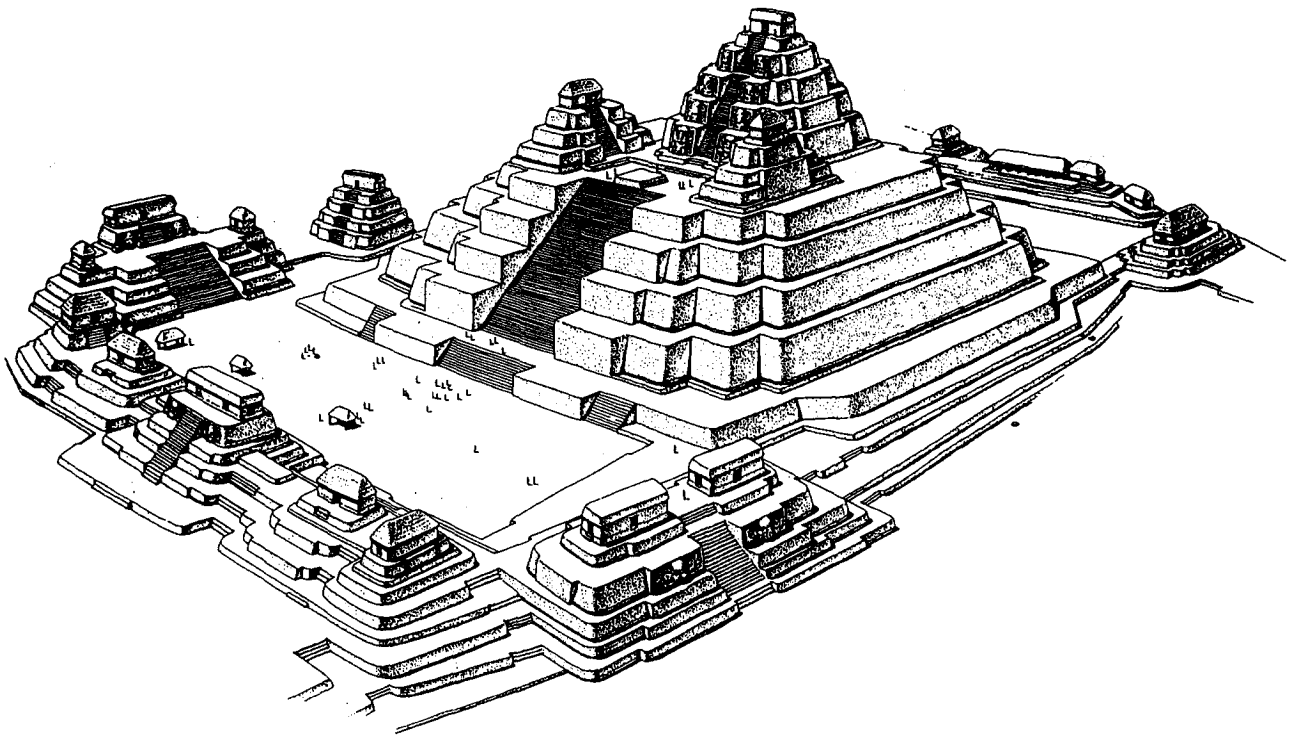

Рис. 49. Комплекс Эль-Тигре в Эль-Мирадоре, датируемый серединой доклассического периода, около 150 г. до н.э. Высота основной пирамиды – около 55 м, она, будучи центральной постройкой из трех, обращена на восток. По бокам лестницы находились крупные маски (Papers of the New World Archaeological Foundation, 62, фронтиспис)

тах: в группе Е в Уашактуне, в группе «Затерянный мир» («Mundo perdido»), включающей постройку 5С-54, в Тикале, а также повсюду в регионе Петен, был определен как солнечная обсерватория, предназначенная для регистрации солнцестояний и равноденствий. Среди других сооружений специального назначения, появившихся в ранние века н.э., – поля для игры в *титц* – священную игру в мяч. Они состояли из двух параллельных площадок, обращенные друг к другу, стороны их наклонно спускались к узкому проходу, на котором происходила игра, причем твердый каучуковый мяч мог отражаться от наклонных стен под любым углом. Древние игровые площадки были найдены в Белизе в поселениях Пакбитун, Кола и две – в Серросе; на полу одной из площадок в Серросе, вероятно, была каменная разметка наподобие тех, которые находят повсюду на площадках, построенных в поздний классический период.

После III в. древние города Серрос и Номуль стали практически необитаемыми, поэтому их планировка не была искажена надстройками классического периода; для них были составлены подробные карты, которые дают представление о планировке ритуальных сооружений позднего классического периода. Центром Серроса (рис. 52) была приподнятая площадка, на которой стояли три высоких акрополя, на вершине каждого из них находилось несколько зданий меньшего размера, а также ряд небольших и низких построек, включая строение 5 – храм, украшенный четырьмя большими и сложными многоцветными масками божеств. Примерно в 300 м к югу находится строение 29 – отдельно стоящий большой храм, также украшенный масками и расположенный на приподнятой площадке. К западу от него находятся два предполагаемых игровых поля и другие конструкции, все отгороженные дугой канала длиной 1200 м, которая отделяет церемониальный участок и соединяется с морем с обоих концов. С наружной стороны канала разбросаны платформы с жилыми постройками.

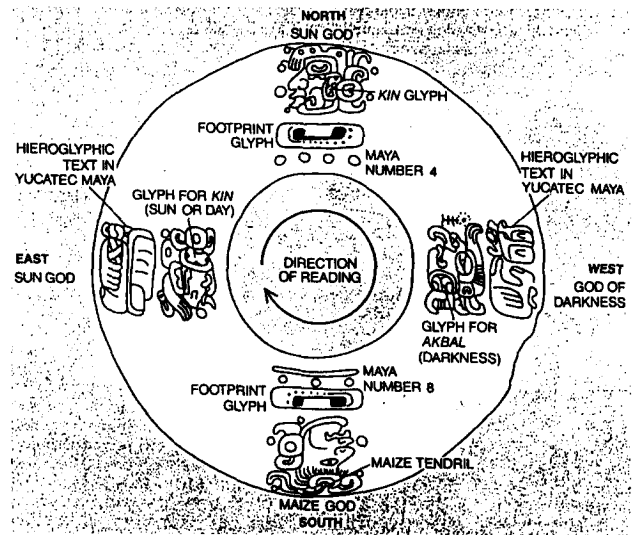

Рис. 50. Подвеска из жада, найденная в Помоне и датируемая примерно 100 г. н.э. Четыре изображения божеств, в том числе два изображения бога Солнца, два текстовых фрагмента, числа и знаки «след», указывающие направление чтения, формируют сложное словесно-иконографическое высказывание (Scientific American, vol. 254, No. 8: 115)

Номуль находится в совершенно других условиях – на гребне низкой горной гряды между Рио-Хондо и болотом Пуллтраузер. Застройка состоит из двух групп, расположенных на расстоянии около 400 м друг от друга и соединенных *сакбе* – насыпной дорогой. Восточная группа включает в себя поднятый над землей акрополь высотой 10 м, на котором стоял длинный бревенчатый сруб размером 23 x 7 м с тремя боковыми нефами и восемью отсеками; каждый модуль был размером с небольшой дом, а все

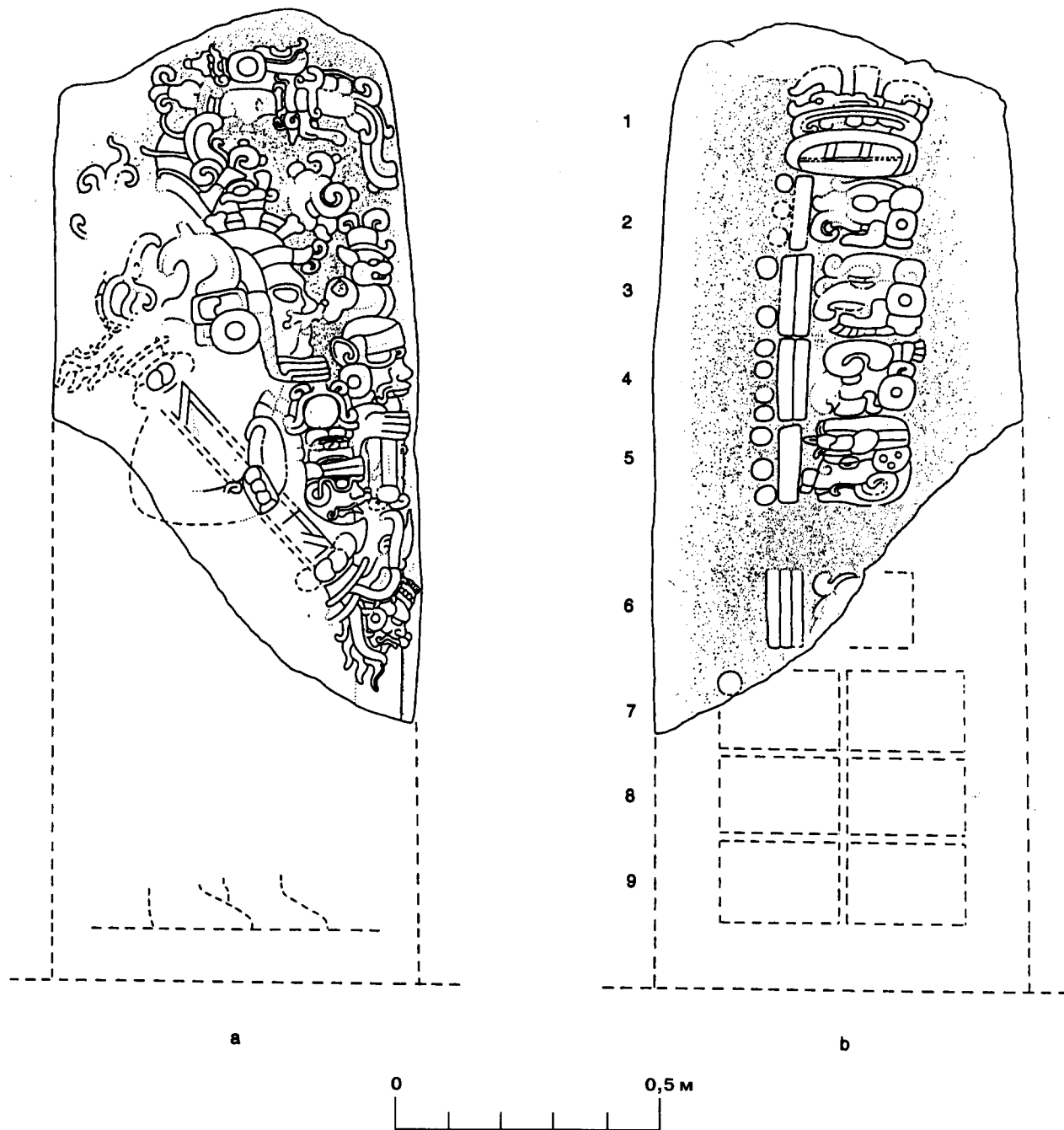

Рис. 51. Тикаль, стела 29, с датой «долгого счета», соответствующей 6 июля 292 г. н.э.: а) вид спереди; б) вид сзади (Tikal Report, 33, Part A, fig. 49, Музей Университета Пенсильвании)

здание напоминает деревянный прототип каменных дворцов классического периода, которые также состояли из нескольких домов-модулей под одной крышей. На акрополе стояли три небольших храма, выходящих на площадь, каждая сторона которой составляла 125 м; площадь была окружена низкими платформами, на них стояли деревянные постройки. Западная группа состоит из одной большой пирамиды в ее северной стороне, выходящей на широкую площадь. Некоторые из малых построек, возможно, относятся к тому же времени, однако они не были исследованы; в обеих группах есть здания, которые были достроены в конце классического периода, в восточной группе они были построены поверх заброшенных доклассических построек и на главной площади.

Многие города классического периода нанесены на карты Тикаль, один из наиболее интенсивно изучавшихся древних городов, может служить примером того, как развивал-

ся город майя на протяжении веков (рис. 53). Тикаль, подобно городам Серрос и Номуль, появился в доклассический период: последние работы показали, что комплекс «Потерянный мир» на юго-востоке большой («Великой») площади был первоначально ритуальным центром города, в котором, начиная примерно с 600 г. до н.э., строились прочные здания. Одно из них – строение 5С-54 – неоднократно надстраивалось (это был обычай майя – строить поверх более ранних конструкций, не снося их) и к V в. н.э. достигло высоты свыше 30 м. Однако в это время центр Тикаля переместился на Великую площадь, где на Северном акрополе была устроена усыпальница династии правителей Тикаля; к 200 г. н.э. площадь замостили и в акрополе были произведены первые захоронения представителей знати. По соседству были расположены: на севере – пирамида, на юге – многокомнатное здание, на западе и востоке – одна или несколько мелких боковых пирамид; широкая южная

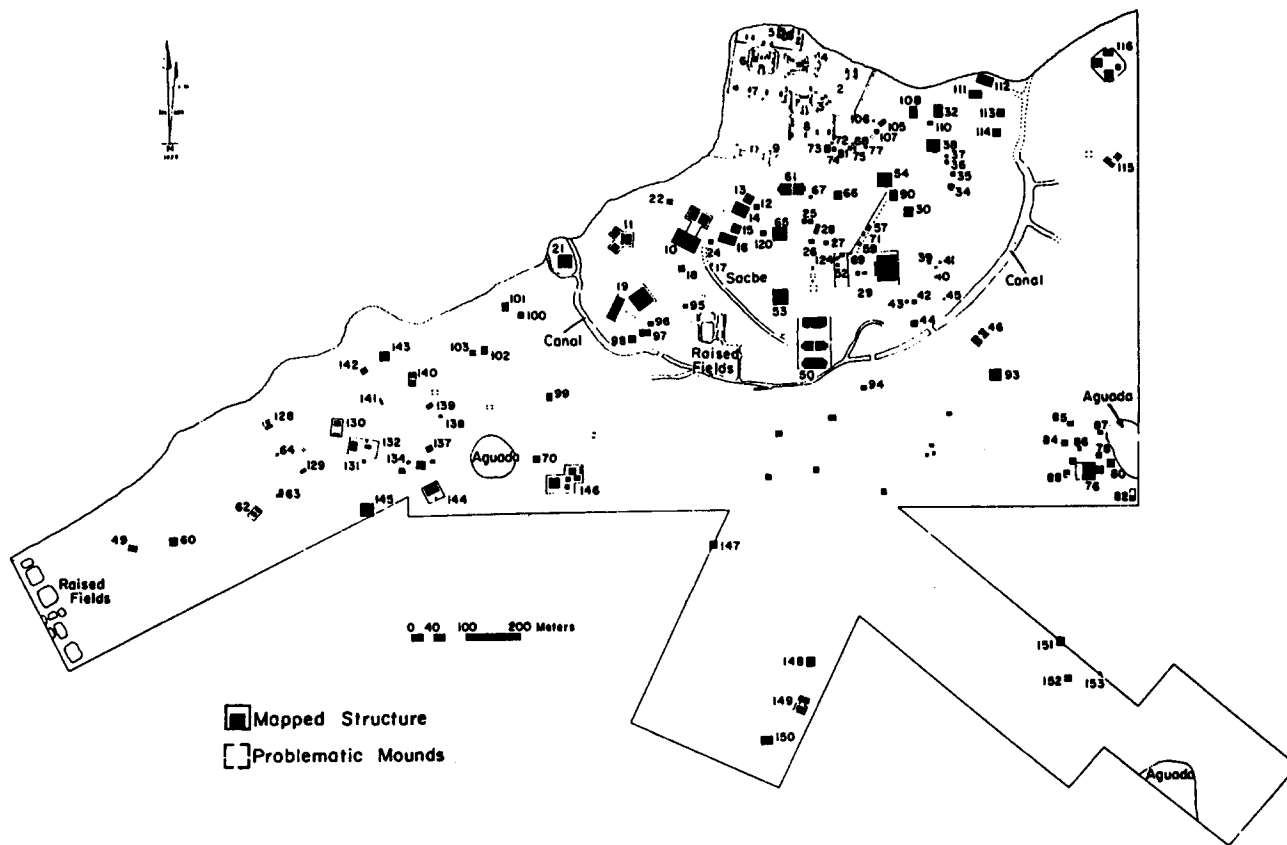

Рис. 52. План Серроса, позднего доклассического центра на севере Белиза. Стрoения 5 и 29 были украшены огромными лепными масками, а строения 50 и 61 были идентифицированы как площадки для игры в мяч (Archaeology at Cerros, Belize, vol. 1, fig. 1.2)

лестница вела вниз к террасе и площади. Заметные изменения произошли в застройке акрополя примерно в 200 г. н.э., приблизительно тогда же, когда к власти пришла многолетняя династия правителей классического Тикаля: более древние строения и захоронения, возможно, принадлежали не царям, а знати. Захоронения царей в период с 200 по 400 г. н.э. производились, видимо, в старинном комплексе «Затерянный мир»; при этом Северный акрополь снова обрел свое значение места царских захоронений только после погребения правителя «Кривой нос» и вступления на престол его сына «Грозное небо» (для обоих имен приведено формальное, а не истинное прочтение) около 436 г. н.э. Интенсивные раскопки на Северном акрополе выявили сложную последовательность строительства, усовершенствований и добавлений, которые к VII в. заполнили почти каждый сантиметр пространства. Были найдены гробницы нескольких правителей, среди которых – «Кривой нос» и «Грозное небо» (умерший в 456 г. н.э.); в большинстве гробниц находились богатые погребальные подношения. На террасе и на Великой площади перед акрополем стояли ряды стел и алтарей, однако современное расположение большинства из них – результат перестановки, сделанной в более позднее время. Приблизительно в 500–520 гг. н.э. был воздвигнут Восточный акрополь, а на площади перед ним – «двойная пирамида», первая в серии, отмечавшей конец *катунов* (двадцатилетних периодов) почти до окончания истории Тикаля. В этом месте, видимо, был и рынок Тикаля; правильная конструкция со множеством одинаковых небольших комнат была определена как торговый центр позднего этапа классического периода. В конце VI и начале VII в. в Тикале произошел временный спад, который предположительно был вызван поражением в войне с жителями Караколя – города, расположенного в 75 км к юго-востоку. В конце VII в., однако, началось возрождение Тикаля, и Великая площадь приобрела свою современную пла-

нировку с храмом I в восточной стороне, храмом II – на западной стороне, с Центральным акрополем на северной стороне и рядом внутренних дворов вокруг дворца правителей Тикаля, замыкавших южную сторону. Храм I был погребальной пирамидой Ах-Какау – правителя Тикаля с 682 по 734 г. н.э.; его гробница под пирамидой (погребение 116) была заполнена многочисленными керамическими сосудами (очевидно, наполненными в момент погребения едой и какао для питья), украшениями из жада и личными вещами, включая набор костей с вырезанным на них иероглифом, обозначавшим имя правителя. Сын Ах-Какау, Яш-Кин-Каан-Чак вззошел на престол в 734 г. н.э., построил для своего отца погребальный храм и продолжил строительство широких насыпных дорог, которые по радиусам расходились от Великой площади на север, запад и юго-восток, каждая из них заканчивалась на площади с большим храмом. Храм, расположенный на юго-востоке, – храм Надписей – имел на коньке крыши огромную иероглифическую надпись, детально описывавшую древнюю историю Тикаля, даты в которой восходили к среднему этапу доклассического периода; храм на западе – храм IV – самая большая и самая высокая постройка Тикаля; конек на его крыше находился на высоте 70 м над землей. Он был построен к 741 г. н.э., и *сакбе* – дорога, шедшая от него на северо-восток, вела к расположенной на стыке с другой дорогой группе из двух пирамид, которая была построена в 751 г. н.э. Храм IV, возможно, был погребальной пирамидой Яш-Кина, однако считается, что его настоящее погребение было обнаружено под малой пирамидой вблизи от Великой площади.

Последний известный правитель Тикаля Читам вступил на престол в 768 г. н.э. и воздвиг рядом две группы больших двойных пирамид в 771 и 790 гг. н.э. (9.17.0.0.0 и 9.18.0.0.0 по календарю майя – годы окончания катунов, когда по всей территории равнинных майя было воздвигнуто больше памятников, чем в любой другой период). Возможно, местом

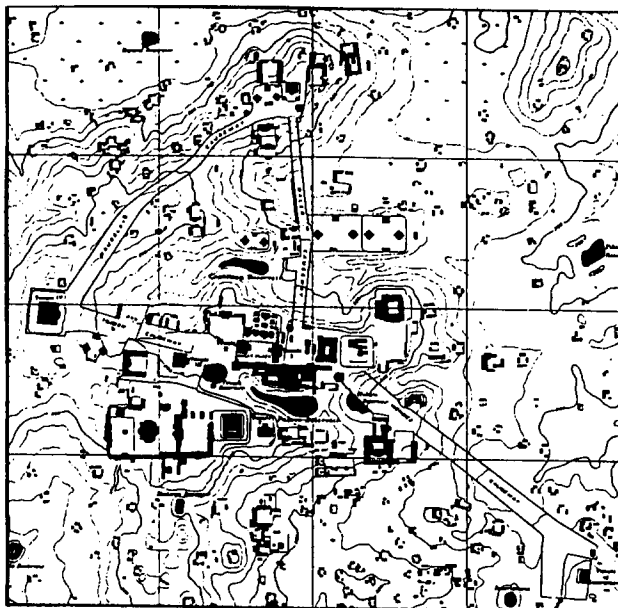

Рис. 53. Центральная часть Тикаля – основного центра позднего доклассического – позднего классического периодов: конечный план сложился в результате многовекового роста. Внизу слева – комплекс «Затерянный мир», в центре – Великая площадь с двумя группами «двойных пирамид» по обе стороны дороги к северу от нее (Tikal Report, 12. Fig. 12, Музей университета Пенсильвании)

его захоронения был храм III – последняя из построенных больших пирамид (вероятно, в 810 г. н.э., 9.19.0.0.0); после этого строилось мало монументов, хотя на стеле II на Великой площади стоит 869 г. н.э. – дата окончания письменной истории Тикаля.

Хотя здания в Тикале выглядят по-разному, на самом деле там и в других городах майя использовался очень небольшой набор основных типов конструкций. Наиболее примечательной из них является пирамидальный храм – ступенчатая (террасная) постройка с небольшим храмом на вершине. Такие пирамиды рассматриваются как усыпальницы предков, расположенные среди групп жилых построек, а также в центрах городов; они могли быть всего несколько метров высотой, а храмы на них, вероятно, строились из недолговечных материалов – в виде каркаса из бревен под соломенной или тростниковой крышей, как строились и жилые дома. Самые ранние пирамиды строились небольшими и без украшений; по мере увеличения размеров их стали украшать скульптурными элементами из гипса и камня; в позднем доклассическом периоде эти скульптуры изображали сверхъестественные существа, а в поздней фазе классического периода представляли собой портретные изображения членов правящей элиты, хотя зачастую и эти портреты включали сверхъестественные черты. Самые большие пирамиды датируются доклассическим периодом, а классические пирамиды поражают непревзойденным изяществом. Храм I в Тикале (рис. 54) высотой 47 м имеет девять ступенчатых террас, которые, возможно, соответствуют девяти уровням подземного мира из мифов майя, и снабжены лепными угловыми вставками и выступами в архитектурном стиле, характерном для Северо-Восточного Петена. На вершине крутой лестницы храма располагается усыпальница из трех помещений с толстыми стенами и узким внутренним пространством, где лишь один-два жреца могли отдавать почести умершему царю. Дверные проемы соединялись притолоками из твердого дерева со сложными резными барельефами, на одном из которых изображена сцена с правителем на троне, охраняемым гигантским ягуаром. Сопутствующая надпись повествует о его воцарении и происхождении и о собы-

тиях, происходивших во время его правления, включая завоевания. Резьба на притолоках была сделана до того, как их поставили на их нынешнее место, возможно за несколько лет до этого; в таком положении надпись на них трудно прочитать, и очевидно, они не предназначались для целей официального повествования о жизни Ах-Какау. Похожие притолоки были установлены в храме II, украшенном женским портретом; это позволяет предположить, что данное здание было посвящено памяти жены Ах-Какау, а также в храмах III и IV. В последнем, переправленном в 1877 г. в Базель, имеются изображения Яш-Кин-Каан-Чака; на одном из них он сидит на троне, похожем на барабан, под рукой гигантской охраняющей его фигуры, а на другом – тоже на троне, но уже на вершине ступенчатой пирамиды. Обе сцены сопровождаются длинными надписями и тоже вполне могли быть выполнены в то время, когда Яш-Кин был жив.

Пирамиды Тикаля по форме похожи на пирамиды, найденные во многих других центрах майя, но отличаются от них по высоте и композиции. Храм Надписей в Паленке (город индейцев майя в III–VIII вв. н.э. в штате Чьяпас, Мексика. – Прим. ред.) служил не только погребальной пирамидой, но и гробницей: внутренняя лестница, встроенная в пирамиду после ее возведения, обеспечила доступ в подземный склеп, в котором был вырезан массивный саркофаг. Когда умер Пакаль – правитель Паленке с 615 по 683 г. н.э., его тело снесли вниз по лестнице, поместили в саркофаг и накрыли крышкой со сложным резным узором, изображающим падение Пакаля в пучину подземного мира. Были принесены жертвы, а затем лестница была засыпана булыжником, а сверху заложена плитами, уложенными в пол задней комнаты храма.

Большинство зданий в центре Тикаля, как и везде, представляли собой расположенные в длинные ряды постройки – двойные группы комнат, местами соединившиеся между собой и иногда имевшие несколько этажей. Они обычно располагались вокруг центрального двора; многие из них, видимо, представляли собой жилища знати, а остальные постройки могли служить административными зданиями, архивами, в которых хранились книги из бумаги, сделанной из коры, и складами для хранения пищевых продуктов, дани и ритуальных принадлежностей. Центральный акрополь в Тикале состоит из шести дворов, ограниченных группами построек; одно из зданий имеет пять этажей, каждый из которых поставлен на предыдущий, образуя спереди уступ. Дворец в Паленке состоит из двух основных и нескольких малых дворов, окруженных зданиями, которые здесь имеют только один этаж; надписи рассказывают о том, что комплекс был возведен за время правления нескольких правителей, начиная с Пакаля, и каждый из них добавлял свою комнату для официальных церемоний или тронный зал, а помещения, предназначенные для этих целей при предшественнике, использовал в других целях. В Ушмале четырехугольный двор Монхас окружен четырьмя рядами зданий с фасадами, украшенными многочисленными узорами; рядом находятся другие дворы. Во многих малых городах, однако, расположенные в ряд постройки являются единичными и занимают одну сторону двора. Архитектурный стиль и дворцов и пирамид меняется в зависимости от региона: угловые вставки в Тикале и Ушактуне, мансардные крыши в Паленке и Комалькалько и богато ornamentированные верхние части фасадов в Ушмале, Каба и других городах, расположенных среди холмов Пуук, свидетельствуют о многообразии культуры элиты майя при ее неотъемлемой функциональной и целевой общности.

Поля для игры в мяч, которые, как уже говорилось, появились в поздний доклассический период, были в основном только в крупных центрах. В Тикале их пять, один из которых имеет три площадки, в Чичен-Ице на Юкатане их тринадцать, и все они относятся к концу классического периода, а некоторые связаны с жилищами знати; Большое

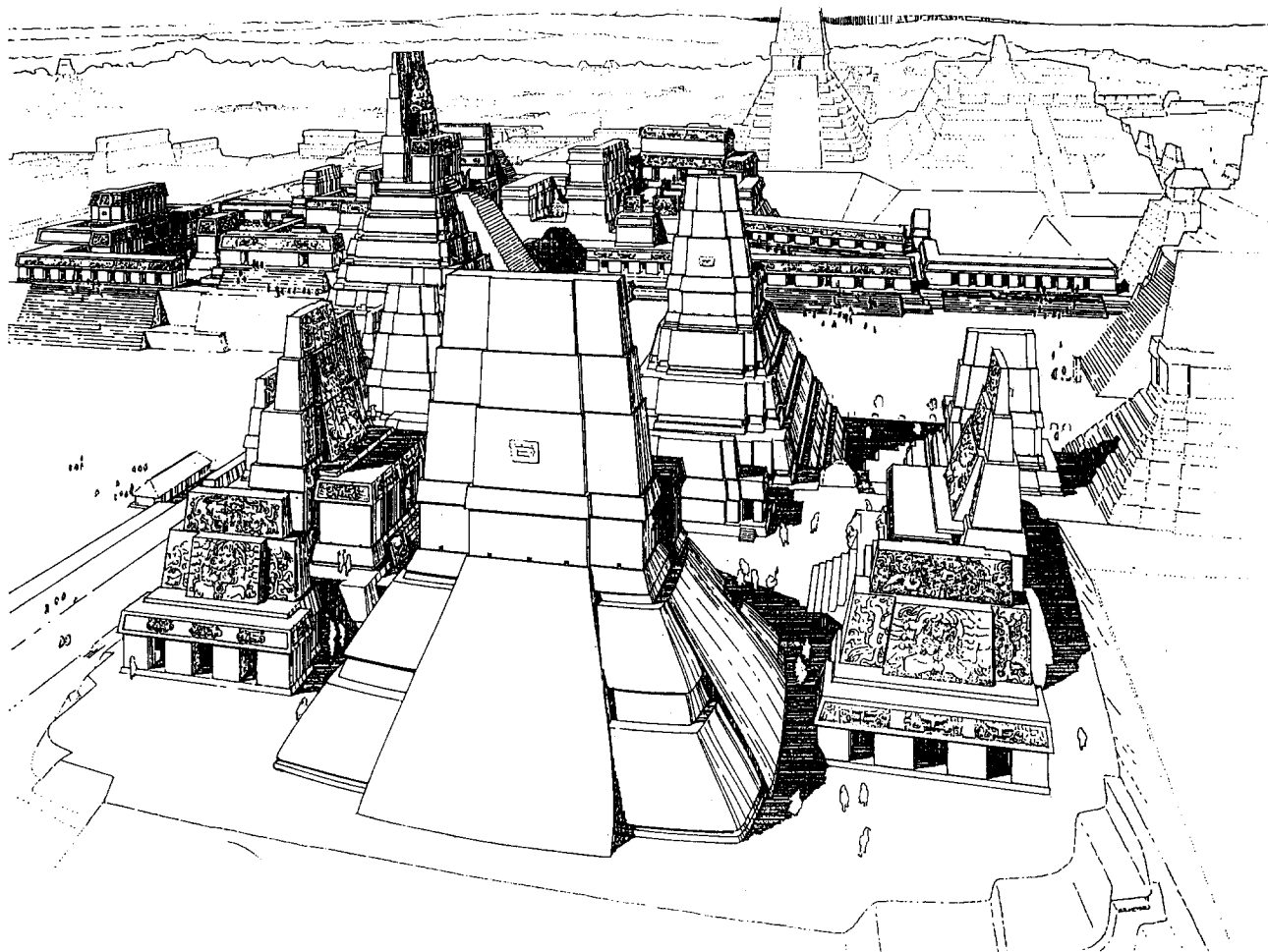

Рис. 54. Реконструкция позднеклассического центра Тикаль (вид с севера). На переднем плане – Северный акрополь; Центральный акрополь – за ним, у Великой площади; Храм 1 – у восточной стороны площади (Tikal Handbook, p. 26, Музей Университета Пенсильвании)

поле, имеющее размеры 168 м на 70 м, существенно превосходит все остальные поля в Центральной Америке; оно украшено скульптурами, которые изображают принесение в жертву путем отсечения головы, которое, вероятно, совершалось над проигравшими после окончания игры. Большинство полей имеют скромные размеры – 16–35 м в длину и 3–11 м в ширину, боковые постройки имеют высоту меньше 4 м, а саму игровую площадку обрамляют наклонные плоскости и низкие скамейки. В центре и по краям площадки, разделяя ее на зоны, могли ставиться один или несколько круглых разметочных камней, иногда резных (как на нескольких площадках в Копане; в Тикале так не делали), а другие разметочные камни ставились в боковых крыльях. Правила игры, очевидно, изменились более чем за два тысячелетия, в течение которых в нее играли в Центральной Америке до появления здесь испанцев, однако, согласно описанию игры, сделанному испанцами во времена контактов, можно было касаться мяча только бедром, боком или локтем. По бокам некоторых более поздних площадок (включая самые большие площадки в Чичен-Ице и в Ушмале, относящиеся приблизительно к 900 г. н.э.) устанавливались кольца, и игрок, пробросивший мяч сквозь них, сразу выигрывал игру. Скульптуры, фигурки и рисунки на вазах показывают, что игроки в мяч надевали набивные защитные прокладки для живота, повязки на предплечья и наколенники, поскольку, как видно по сохранившимся мячам, они были сделаны из твердого каучука и весили около 4 кг.

В некоторых городах были лестницы, пристроенные к пирамидам или платформам, у которых вертикальные плоскости под ступенями были украшены иероглифиче-

скими надписями; наиболее показательна лестница в Копане (строение 10L-26) приблизительно с 2500 иероглифами, описывающими историю династии, и статуями правителей и богов, установленными на ней через определенные промежутки. Считается, что лестница в Копане была построена для укрепления морального духа после пленения и принесения в жертву в 738 г. н.э. тринадцатого правителя – 18 Кролика; другие лестницы, например в Дос-Пилас и Наранхо, были поставлены в память о победах, одержанных их царями или над ними.

Однако наиболее распространенными памятниками с надписями были стелы (рис. 55) – каменные колонны, которые устанавливались зачастую в конце или в промежутке 20-летнего периода, называемого катуном, чтобы отметить окончание эпохи. На лицевой стороне стелы часто располагали портрет правителя в церемониальном наряде, иногда стоящего на пленнике, с надписью, которая указывала дату в соответствии с «долгим счетом» – календарем мая, начинающимся с 3114 г. до н.э., т.е. с момента сотворения последней – пятой – вселенной; было проведено сопоставление календаря мая с христианским календарем, благодаря чему можно установить точную дату событий, которым были посвящены стелы (классический период формально определяется как период, в течение которого устанавливались стелы с датами, указанными по «долгому счету», т.е. в период приблизительно с 250 по 900 г. н.э.). На стелах указывались также даты 260-дневного священного цикла и 365-дневного солнечного года; на некоторых стелах присутствует только такая информация, и в этом случае надпись позволяет различать только даты

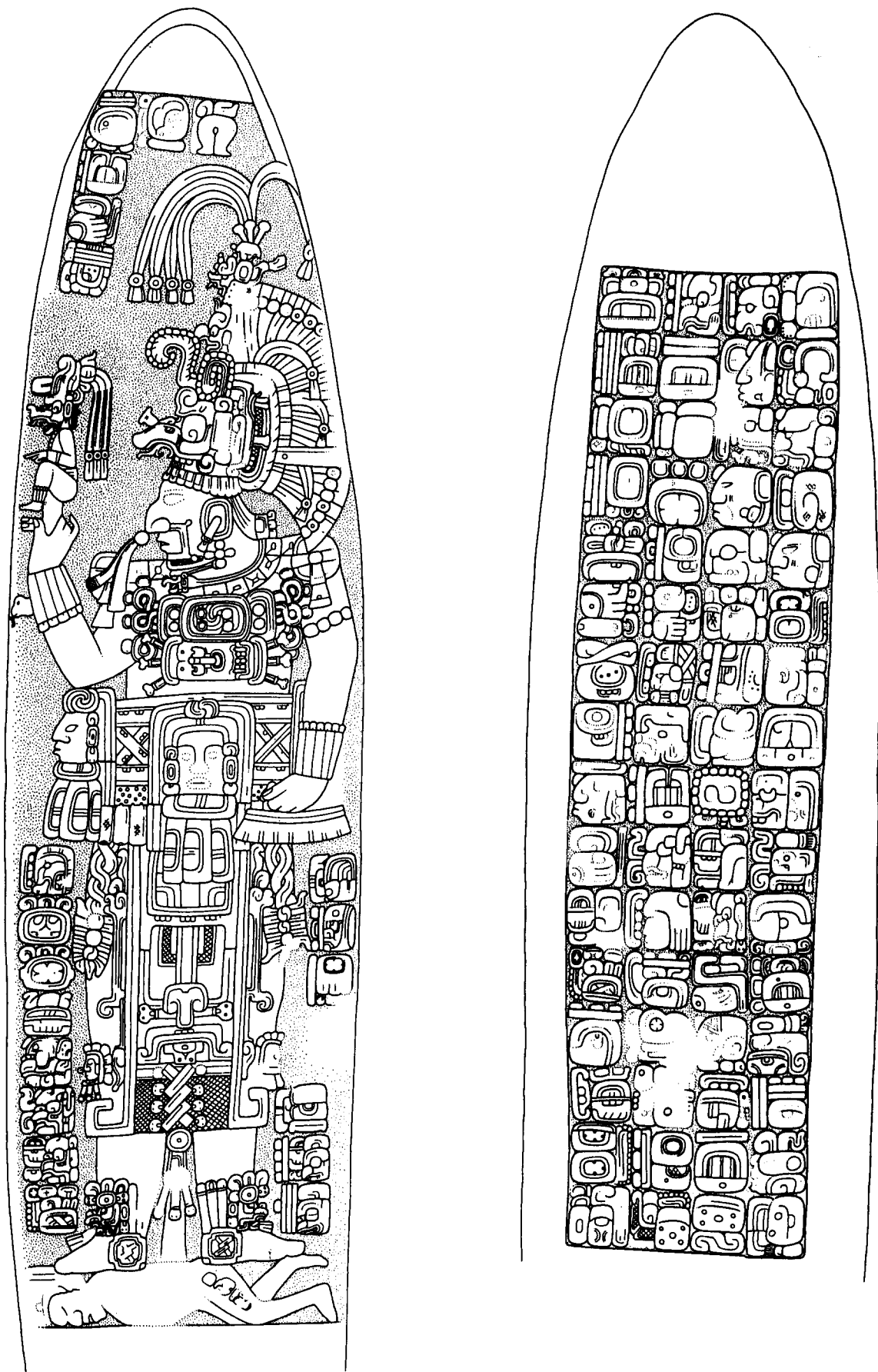

Рис. 55. Стела 13 в Наранхо с датой «долгого счета» 9.17.10.0.0.12 Ахау 8 Паш (30 ноября 780 г. н.э.), за которой следует надпись исторического содержания. На передней стороне правитель Наранхо попирает ногами принесенного в жертву пленника (Музей Пибоди, Гарвардский университет, США)

внутри одного 52-летнего цикла, пока не повторится та же комбинация дней. Однако большинство таких монументов удастся правильно датировать благодаря стилю резьбы на них.

В надписях также отображалась подробная родословная правителя, а зачастую и сведения о его брачном союзе, родстве и военных подвигах. В Яшчилане, где были установлены и резные каменные притолоки, и стелы, на них изображены правители, берущие пленного на поле боя и совместно со своими женами приносящие кровавую жертву при важных событиях.

Анализ структуры дат в надписях Яшчилана и соседнего Пьедрас-Неграс, проведенный в 1960–1964 гг., позволил Т. Проскураковой показать историческую природу классических надписей майя и составить краткие биографии двух правителей Яшчилана позднего классического периода, носивших прозвища «Щит-Ягуар» (около 682–742 г. н.э.) и «Птица-Ягуар» (около 752–770 г. н.э.), которые с большим прилежанием отмечали в надписях свои обряды, годовщины и завоевания. Точная дешифровка иероглифического письма майя, выполненная в течение последних двадцати лет, позволила прочитать такие тексты в подробностях и перевести десяток династий и два–четыре десятка правителей из внеисторического состояния в историческое. Теперь можно написать достаточно точные истории династий для таких городов, как Паленке, Киригуа и Копан, а также Тикаль, Яшчилан, Бонампак, Пьедрас-Неграс, Дос-Пилас, Наранхо и других городов Петена и региона реки Усумасинта. Идентификация «эмблемных иероглифов» как территориальных знаков (H. Berlin, 1958; см. рис. 56, иероглифы A12, E12) позволяет выяснить размеры владений городов: крупнейшие из государственных образований позднего классического периода в среднем занимали территорию площадью 2000 кв. км, однако многие государства были значительно меньше. Это говорит о том, что столицы государств размещались в среднем на расстоянии 50 км друг от друга. На северо-востоке Петена, где плотность населения майя была особенно большой, это расстояние уменьшается до 20–25 км. Эмблемы-иероглифы служили также для записи информации о браках правителей с женщинами из других династий; хотя и известен один брак женщины из Паленке с правителем Копана, большинство таких браков совершалось между жителями близкорасположенных государств: среднее расстояние в 64 км свидетельствует о том, что предпочтение отдавалось второму по близости соседствующему государству. С другой стороны, ближайший сосед чаще всего вовлекался в войну; среднее расстояние между семнадцатью парами городов, которые участвовали в столкновениях друг с другом, составляло 49 км. Иногда военные действия велись ради расширения территории. В 378 г. н.э. Тикаль захватил Ушактун, и археологические находки в Ушактуне свидетельствуют о том, что правящая семья была убита, независимость города ликвидирована, а право возводить династические монументы упразднено. Некоторые ученые считают также, что Тикаль установил контроль над раннеклассическим городом Рио-Азуль, расположенным в 80 км к северу, и создал «региональное государство». Более достоверны сведения о том, что это удалось сделать в 642–790 гг. городу Дос-Пилас, территория которого увеличилась, вероятно, до 4000 кв. км и который покорил своего сильного соседа – город Сейбаль – в 735 г. Иногда войны велись с целью общего укрупнения; при этом образовывались временные крупные государства с численностью населения до 400 тыс. человек.

Есть документы, свидетельствующие о существовании в Копане в период с 435 по 810 г. н.э. династии из как минимум семнадцати правителей; интенсивные раскопки и реконструкция зданий и каменных скульптур позволили изучить строительные программы нескольких правителей; последнее достижение – находка *поталь на* – здания со-

вета, воздвигнутого «Дымящей Обезьяной» – четырнадцатым правителем, и торжественно открытого 12 июня 746 г. н.э. Скульптуры второстепенной знати из различных областей долины указывают на то, что власть была коллективной и что каждая часть государства Копан была представлена в совете. Исследования в Копане приведены в качестве наиболее характерного примера того, как записи исторических событий на памятниках дополняют археологические данные, давая возможность получить представление о культуре элиты майя.

Однако большая часть майя – примерно 90 процентов населения – не принадлежала к знати, и о том, как жили эти люди, могут помочь рассказать только археологические методы. В течение трех десятилетий – в 1953–1983 гг. быт и хозяйственная жизнь народных масс майя находились в центре внимания исследователей, начиная с G.R. Willey, проводившего изыскания в долине реки Белиз и раскопки в сельском городище Бартон-Рамие. Затем была создана карта поселения вокруг центра Тикаля, из которой видно, что большое и относительно плотное население города обитало в жилых блоках, состоявших из домов, построенных на низких каменных платформах (а в некоторых случаях – прямо на поверхности земли). Самый распространенный тип жилья – три дома вокруг внутреннего двора, где, видимо, проживала расширенная семья из пятнадцати–двадцати человек; внутренний дворик, передние террасы и внешнее пространство вокруг домов были частями жилой и рабочей зоны. По мере роста семьи добавлялись еще дома, но только немногие группы построек состоят более чем из пяти зданий: видимо, происходило расселение семьи и на новом месте строили новое хозяйство. Некоторые группы домов строились на общей платформе; размеры и оформление жилищ были различными, что указывает на значительное экономическое расслоение внутри простонародной части общества майя.

Численность населения Тикаля в момент его наивысшего расцвета в VIII в. оценивается разными исследователями в 40–70 тыс. человек; на территории владений Тикаля в небольших центрах и сельскохозяйственных поселках тоже жило много народа; в это же время население Копана и его ближайших окрестностей оценивается в 15–16 тыс. человек, население долины Копана в целом – в 18–20 тыс. человек, а население Сейбаля, Ушактуна, Бекана и других городов среднего размера составляло от 7 до 10 тыс. человек.

Представление о социальных слоях можно получить на основе текстов, иконографии, археологических данных и правомерных аналогий с социальной структурой общества майя колониального периода. Элита общества состояла, видимо, из трех уровней. В высший из уровней входил правитель и его родственники, в него можно было попасть из более низких слоев общества только через династический брак. Небольшое число зафиксированных царских браков между представителями государств свидетельствует о том, что в более чем 90 процентах случаев в таких союзах участвовали представительницы местной знати *ахау*. Правитель выполнял функции военного вождя, главного действующего лица в различных ритуалах и связующего звена с космосом и предками, почитаемыми сообществом.

Правящий род был одной из многих семей, имевших статус *ахау*; этот статус был наследственным, а не приобретенным, и за членами прежних правящих фамилий, если им удавалось выжить, этот статус сохранялся. Мужчины из этих фамилий могли быть назначены на посты *сахалоб* – местных правителей, и этот пост сам мог стать наследственным; примечательный портрет *сахалья*, которого навещает его царь, можно видеть на притолоке 2 в Ла-Пасадита. Другие представители этих родов выступали в роли послов, нанося формальные визиты в столицы других государств, находившиеся слишком далеко, чтобы правитель мог сам их посетить. Информация о таких дипломатических миссиях между Дос-Пилас и Пьедрас-Неграс записа-

на в ряде населенных пунктов в долине Усумасинта, известно также о визитах послов Тикаля в Пьедрас-Неграс и Яшчилан. Среди захваченных при пограничных рейдах в соседние государства за пленными и добычей имеются и *ахцуб*, что указывает на то, что существовала не только городская, но и сельская знать; представители последней, по-видимому, жили в небольших поселениях, известных как «малые церемониальные центры». В этих «центрах» были родовые святилища и места проживания элиты – сельской знати.

Документы колониального периода подтверждают существование двух уровней элиты: обе группы были *альменехеноб* – знатными людьми, которые могли проследить свою родословную и по мужской, и по женской линии, но делились на роды *батаби* и *принципалов*. Под контролем первых находились следующие должности: батаба (до Конкиты – военный вождь, в колониальные времена – глава города, иногда под началом *халач уиник*, соответствующего доиспанскому правителю государства); главы религиозной иерархии (*maestro cantor*) – правопреемника верховного жреца – *ах кин* доиспанских времен; *эскрибано* (городского секретаря), чья должность требовала знания письменности и давала возможность распоряжаться архивами и документами о земельной собственности, и патрона *кофрадья*. Таким образом, высший слой знати контролировал все властные посты и сохранял их за собой путем наследования или назначения.

Низший слой элиты в колониальный период выполнял законодательные и бюрократические функции, и эта исполнительная роль – выполнение решений правителя, в особенности вдали от столицы государства, могла иметь аналог и в классические времена: ряды жилых домов в городских комплексах, разбросанных по территориям майя, включают дома, достаточно солидные для того, чтобы принадлежать принципалам. Анализ сцены введения в права наследования, изображенной в настенной росписи в Бонампаке в комнате I, указывает на наличие четырех социальных слоев, из которых по крайней мере три относились к *ахцуб*: Чан-Муан, правитель Бонампака со всеми регалиями стоит на одном уровне с другими людьми в белых мантиях и пекторальных из раковин, часть этих людей – царственные гости из других государств; кроме того, изображены *ах набеоб* – юные господа, которых отличают украшения из нефрита, набедренные повязки со сложной вышивкой (*жиоб*) и разнообразные головные уборы. Знать третьего уровня одета в такие же эшоб, однако их головные уборы одинаковы, а нефритовых украшений у них нет; представители самого низкого слоя одеты в простые белые эшоб; они, возможно, не относились к знати.

Простые майя тоже делились по крайней мере на три слоя, однако данные о жизни этих безымянных людей – большей части населения – носят в основном археологический, а не эпиграфический или иконографический характер. К их высшему слою относились люди, умения и мастерство которых позволяли им иметь постоянное занятие, – граверы по камню, скульпторы, рисовальщики на вазах, писцы, изготовители изделий из перьев и т.п. Некоторые представители этих ремесел могли, безусловно, принадлежать и к знати: есть свидетельства того, что писцами и рисовальщиками на вазах были члены царских родов. Скульпторы подписывали свои произведения, что указывает на то, что их занятие было скорее почетной, чем черной работой; все они пользовались высоким покровительством, производя изделия для знати и общественных целей. Вероятно, к этому слою, а даже, возможно, и к низшему слою знати – принципалам – принадлежали и торговцы, в особенности те, которые занимались торговлей с дальними территориями, требовавшей капитальных издержек, планирования и дипломатических контактов. Часть торговцев могла заниматься также обработкой привозимых ими товаров; например, те торговцы, которые привозили нефрит и обсидиан, могли сами перерабатывать их в готовые изделия.

Второй слой простого народа – те, кто тратил на занятия своим ремеслом только часть своего времени, которые могли совмещать работу с земледелием для получения продуктов питания: дробильщики сланца и обсидиана, делавшие из них инструменты; гончары, производившие повседневные и обрядовые изделия; каменщики, музыканты, шаманы и другие. Изделия таких ремесленников использовались в основном для нужд живших по соседству простых людей, их работа поддерживала производящее хозяйство и систему местного рынка в государстве. К низшему слою относились неквалифицированные рабочие, земледельцы в сельской местности и слуги, обслуживавшие хозяйства высокопоставленных соплеменников, строительные рабочие, носильщики, дровосеки и разносчики воды в городах. В колониальные времена существовало как потомственное, так и добровольное рабство; вероятно, рабы, или сервы, могли также составлять низший слой социальной пирамиды майя.

Такой, видимо, была социальная структура общества майя классического периода, состоявшая по крайней мере из шести слоев, три из которых составляла знать, а три других – простые люди. Экономическое обеспечение правящей верхушки могло осуществляться либо посредством прямого взимания налогов в виде сельскохозяйственных продуктов или вещей, либо путем получения квази – добровольной дани, обоснованием которой служило то, что правитель считался земным воплощением богов, которым поклонялось сообщество; однако наиболее вероятным механизмом, с учетом наличия разнообразных непроизводительных занятий, которые требовали обеспечения, представляется направленное от низших слоев к высшим присвоение основных ресурсов на различных уровнях иерархии, при котором конечный избыточный продукт, предназначенный для потребления правителя, не мог быть очень велик. Такой механизм хорошо согласуется с отсутствием в классическом обществе хозяйственных и административных записей и специальных хранилищ. Власть правителя могла базироваться на его контроле за экзотическими товарами, поступавшими в хозяйство государства; большая часть этих товаров оставалась в руках знатных людей, а после смерти – в их захоронениях; однако археологическими методами нельзя определить, приобретались ли они путем контроля над снабжением или просто благодаря владению ресурсами для покупки этих товаров на рынке, не находившемся под непосредственным политическим контролем.

Археологические находки свидетельствуют о высоком качестве работ и изобретательности ремесленников и художников майя: в такие здания, как храм I в Тикале (рис. 55), вложены интеллектуальные усилия представителей грамотной и обученной иконографии элиты, а также тех, кто отвечал за исходную концепцию, архитектурную композицию, иконографический план и физическое воплощение этих идей. Исполнители должны были иметь навыки каменной кладки, скульптуры и резьбы по дереву, чтобы выполнить замысловатые притолоки; знать штукатурное дело, чтобы покрыть всю пирамиду ровным слоем штукатурки, и уметь рисовать, чтобы украсить здание и огромную фигуру Ах-Какау на гребне крыши.

Искусство мастеров настенной росписи у майя особенно хорошо видно в Бонампаке, где каждая из трех комнат храма украшена единой композицией, переходящей со стены на стену и распространяющейся на свод. В комнате I, о которой уже упоминалось, длинный ряд изображений знатных людей, музыкантов и слугителей сделаны слегка отличающимися друг от друга позы и выражением лица, поэтому здесь нет механического повторения, которое делает росписи Теотиуакана такими безличными; здесь люди отличаются друг от друга не только по иероглифическим значкам, их одежды и головные уборы, указывая на их социальное положение, тем не менее подчеркивают их индивидуальность. В комнате 2 есть батальная сцена, в которой десятки фигур пересекаются в сложном и упорядо-

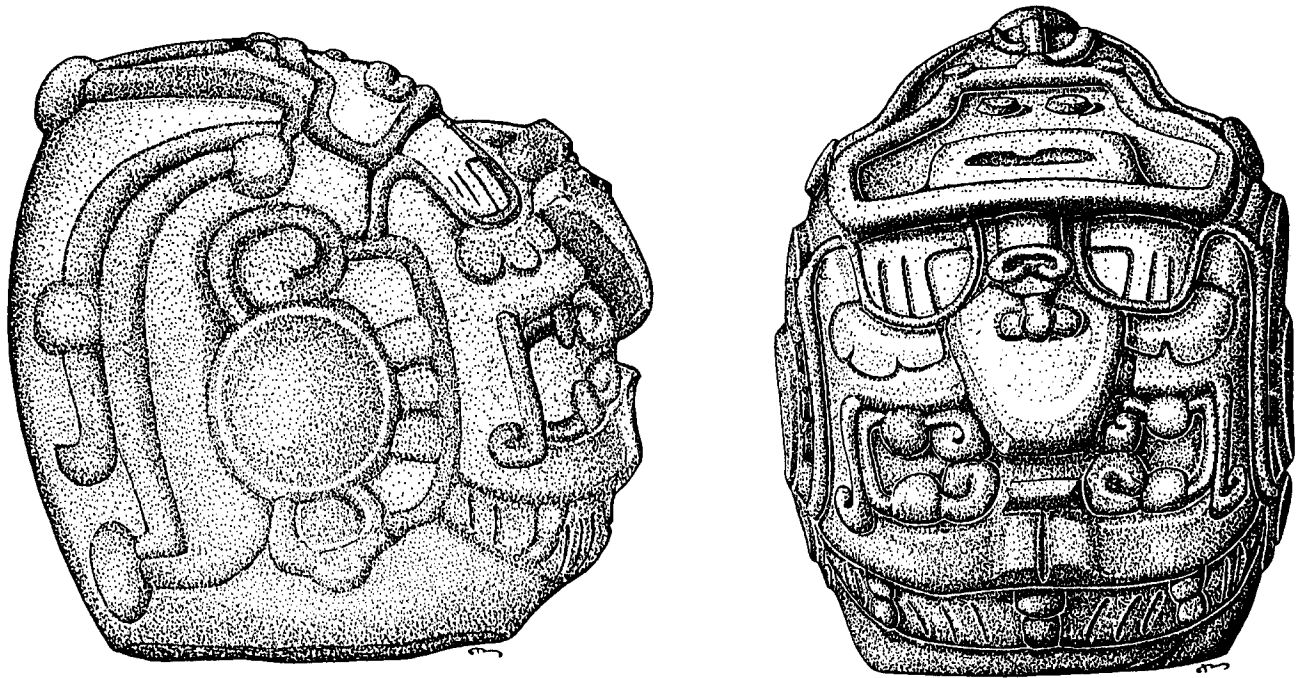

Рис. 56. Нефритовая голова бога Солнца Кинич-Ахау из гробницы в Алгун-Ха (Белиз). Кусок нефрита высотой 15 см и массой 4,42 кг (Королевский музей Онтарио, Торонто (Канада))

ченном хаотическом взаимодействии; эта картина, однако, разделяется на два уровня, в верхнем из которых выделяется фигура Чан-Муана, захватывающего пленника, она слегка отделена от находящихся рядом фигур его сподвижников. В сцене на четвертой стене изображены стоящие на многоярусной платформе пленники, кончики пальцев их кровоточат, проткнутые обсидиановыми ланцетами и с вырванными ногтями; здесь Чан-Муан снова стоит, сжимающая копье и демонстрируя свой триумф. Другие пленники съезжились на карнизе, изображение которого занимает нижнюю часть комнаты. Комната 3 переключается с первой: здесь также на двух уровнях изображен сложный обряд с танцорами кружащимися перед той же платформой и на ней, за ними наблюдают одетые в белые одеяния ахауоб. Незаконченность комнаты 3 позволяет понять методы работы мастеров росписи у майя, которые на заключительном этапе работы черной краской дорисовывали иероглифы и мелкие детали, а также свидетельствует о том, что, возможно, триумф Чан-Муана был недолгим.

Рисунки на вазах изображают похожие, только более короткие, сцены из жизни знати, а также из мифологии майя, включая отдельные эпизоды из части «Пополь-Вух» (мифические сказания о сотворении майя, записанные позднее – в XVI в.), которые рассказывают о Героях-Близнецах и их борьбе с властителями подземного мира – Шибальбы. Игра в мяч показана в динамике, со зрителями, стоящими на террасах и беседующими, а на одной из vaz изображен толстый купец, которого несут на носилках. Надписи вокруг ободов этих сосудов описывают их форму, назначение и владельца, а иногда содержат и имя художника.

Одежды, которые показаны на рисунках, не сохранились, однако керамические фигурки из Лубаантуна в Белизе изображают некоторые из них в пространственном виде, а также показывают сцены из жизни простых людей; часто в могилу клали ювелирные украшения. В захоронениях знати были найдены ушные подвески из нефрита, обсидиана и раковин, браслеты и ожерелья из нефритовых бусин, а также кулоны, изображавшие богов майя; даже простым людям при похоронах в рот часто вкладывалась бусина из нефрита, а в могилу ставились обычные сосуды для еды и питья. Не все богатые захоронения находятся в

больших городах или в больших гробницах: сокровища, положенные в гробницу Пакаля, правителя Паленке, и Ах-Какау, правителя Тикаля, вряд ли богаче некоторых драгоценностей, найденных в небольшом центре Алгун-Ха в прибрежной части Белиза, где один из правителей был похоронен с изображением головы бога Солнца Кинич-Ахау (рис. 56), выполненным из нефрита и массой 4 кг; а у другого правителя в гробнице находилось несколько сотен резных нефритовых изделий.

Интеллектуальный уровень элиты общества майя можно определить по памятникам и надписям, однако были утрачены книги кодексов классического периода, в которых были собраны знания майя в области астрономии, астрологии и истории. Постклассические кодексы, хранящиеся в Дрездене, Париже, Мадриде и Мехико, содержат таблицы, в которых представлены точные результаты наблюдений за циклами Венеры (*Шуш-Ек* – «звезда-оса», толкуемая как дурное предзнаменование) и Луны. Календарь майя охватывает данные солнечного года; другие циклы, обнаруженные в надписях майя, показывают, что им были известны также Марс и Юпитер и, возможно, другие планеты. Им были известны и использовались как зодиакальные многие звезды, видимые в одном и том же месте, например Полярная звезда, или «Шаман-Ек», а также Плеяды. В описании содержания кодексов, данное Диего-де-Ланда, который их сжег в 1562 г. в Мани, говорится о том, что существовала целая сфера знаний, исчезнувшая вместе с книгами майя, которых, видимо, было очень много в домах знати и в архивах жрецов.

Большая часть знаний пропала не в результате испанской Конкисты, а шестью веками раньше – после распада классической цивилизации. Между 790 и 900 гг. города один за другим перестали воздвигать стелы, а величественные храмы со временем были поглощены лесом. Объяснений этому придумано множество, но ни одно из них пока не получило всеобщего признания. Единичные события, такие как мор, потеря урожая, вторжение или революция, признаны недостаточными причинами для столь серьезных событий; любая правдоподобная модель должна включать в себя множество аспектов и учитывать возможность сочетания всех неблагоприятных факторов (см. 29.2).

БИБЛИОГРАФИЯ (29.1–29.3)

- ASHMORE, W. (ed.). 1981. Lowland Maya Settlement Patterns. Albuquerque.
- BLANTON, R.E. 1978. Monte Alban: Settlement Patterns at the Ancient Zapotec Capital. New York.
- KOWALEWSKI, S.A. 1981. Monte Alban and After in the Valley of Oaxaca. In: SABLOFF, J.A. (ed.). Handbook of Middle American Indians, Supplement 1. Archaeology, pp. 94–116. Austin.
- COE, M.D. 1965. Archaeological Synthesis of Southern Vera Cruz and Tabasco. In: WAUCHOPE, R.; WILLEY, G.R. (eds). Handbook of Middle American Indians, Vol. 3. University of Texas Press, Austin. 1965.
- DIEHL, R.A. 1980. In the Land of the Olmec. Vol. 2. Austin.
- COE, W.R. 1990. Excavations in the Great Plaza, North Terrace and North Acropolis of Tikal. (Tikal Report, 14.) Philadelphia.
- CULBERT, T.P. (ed.). 1991. Classic Maya Political History: Hieroglyphic and Archaeological Evidence. Cambridge.
- RICE, D.S. (eds). 1990. Precolumbian Population History in the Maya Lowlands. Albuquerque.
- DIEHL, R.A.; BERLO J.C. (eds). 1989. Mesoamerica After the Decline of Teotihuacan AD 700–900, Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- FASH, W. L. JR. 1991. Scribes, Warriors and Kings: The City of Copán and the Ancient Maya. London.
- FEINMAN, G.M. et al. 1985. Long Term Demographic Changes: A Perspective from the Valley of Oaxaca, Mexico. Journal of Field Archaeology, 12, pp. 333–62.
- FLANNERY, K. (ed.). 1982. Maya Subsistence. New York.
- MARCUS, J.; KOWALEWSKI, S.A. 1981. The Pre-ceramic and Formative of the Valley Oaxaca. In: SABLOFF, J.A. (ed.). Handbook of Middle American Indians, Supplement 1, Archaeology. Austin.
- HAMMOND, N. 1990. Ancient Maya Civilization. 4th edn. New Brunswick, NJ.
- JUSTESON, J.; CAMPBELL, L. (eds). 1984. Phoneticism in Maya Hieroglyphic Writing. Albany, NY.
- LOWE, J.W.G. 1985. The Dynamics of Apocalypse: A Systems Simulation of the Classic Maya Collapse. Albuquerque.
- LEE, T. A. JR.; MARTINEZ ESPINOZA, E. 1982. Izapa. An Introduction to the Ruins and Monuments. Provo. (Papers of the New World Archaeological Foundation, No. 31.)
- MCKILLOP, H.; HEALY, P.F. (eds). 1989. Coastal Maya Trade. Peterborough.
- MACNEISH, R. S. (ed.). 1967–72. The Prehistory of the Tehuacan Valley. 4 Vols. Austin.
- MARQUINA, I. 1964. Arquitectura Prehispanica. Instituto Nacional de Antropologia e Historia. Mexico.
- MICHELS, J. 1979. The Kaminaljuyu Chiefdom. Pennsylvania.
- MILLON, R.E. 1973. Urbanization at Teotihuacan. Vol. 1. Austin.
- MORLEY, S.G.; BRAINERD, G.W.; SHARER, R.J. 1983. The Ancient Maya, 4th edn. Stanford, CA.
- PORTER WEAVER, M. 1981. The Aztecs, Maya, and Their Predecessors. 2nd edn. New York.
- 1993. The Aztecs, Maya, and Their Predecessors, 3rd edn. New York.
- PROSKOURIAKOFF, T. 1971. Classic Art of Vera Cruz. In: EKHOLM, G. F.; BERNAL, I. (eds). Archaeology of Northern Mesoamerican, Part 2. Handbook of Middle American Indians. Vol. II, pp. 558–72. Austin.
- ROBERTSON, M.G. 1983–91. The Sculpture of Palenque. Vols. 1–4. Princeton, NJ.
- SABLOFF, J.A.; ANDREWS, V.E.W. (eds). 1986. Late Lowland Maya Civilization. Albuquerque.
- HENDERSON, J.S. (eds). 1993. Lowland Maya Civilization in the Eighth Century AD. Washington, D.C.
- SANDERS, W.T.; MICHELS, J.W. (eds). 1977. Teotihuacan and Kaminaljuyu. Pennsylvania. (Monograph Series on Kaminaljuyu.)
- PARSONS, J. R.; SANTLEY, R.S. 1979. The Basin of Mexico: Ecological Processes in the Evolution of a Civilization. New York.
- SCHELE, L.; MILLER, M.E. 1986. The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art. New York.
- WILLEY, G.R.; MATHEWS, P. (eds). 1985. A Consideration of the Early Classic Period in the Maya Lowlands. Albany, NY.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

30.1

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО МИРА АНД¹

Луис Г. Лумбрерас-Сальседо

Пять столетий до 700 г. представляют собой эпоху, когда в регионе Анд происходили коренные изменения. Именно в этот период возникли культуры, образовавшие андийскую цивилизацию: в Северных Андах (современном Эквадоре) были заложены основы культуры Чоррера, в Центральных Андах (современное Перу) сложились такие культуры, как куписнике, чавин и паракас, а в Южных Андах (на юге Перу и Боливии) возник весьма прогрессивный вариант «неолитической» культуры (карта 45). Каждая из этих культур представляет собой завершающую стадию длительного, затяжного процесса, в ходе которого были выработаны и стали обычными разнообразными земледельческие и скотоводческие навыки, появились и были освоены различные технологии производства, в том числе гончарное производство, ткачество и даже обработка золота и меди, а также, конечно, и технологии, которые позволяли возводить долговечные постройки из камня, глины и органических материалов.

Именно в это время регион Анд начал постепенно обособляться от других регионов Южной Америки, в самых отдаленных частях которой основной жизни в те времена оставались охота и собирательство, хотя большая часть населения уже перешла к земледелию как основному способу ведения хозяйства.

Этот период был периодом постоянного роста населения и широкого распространения земледелия, которое главным образом основывалось на эффективных методах орошения и приемах прогнозирования погоды, а также временем заметного прогресса в сфере ряда производств, позволившего предпринять множество разнообразных технических экспериментов, явившихся ключевым фактором в процессе адаптации к специфическим условиям в отдельных регионах. Под «наблюдением за погодой» имеется в виду наблюдение за циклическими космическими явлениями, по которым потом определяются периоды длиной в год или несколько лет, в которые можно для орошения использовать потоки воды, текущие с Кордильер, или Анд. Климатические явления, которые нельзя связать с космическими циклами (солнца, луны, звезд и т.д.), могут быть предсказаны – и действительно предсказываются – при помощи некоторых биотермических показателей (появления некоторых видов фауны, изменения их обычной биологической среды обитания и т.д.). В этот период также произошли значительные перемены в организации человеческих поселений, особенно в связи с появлением архитектурных сооружений, которые позднее получили название «*церемониальные центры*», с их огромными храмами, построенными в

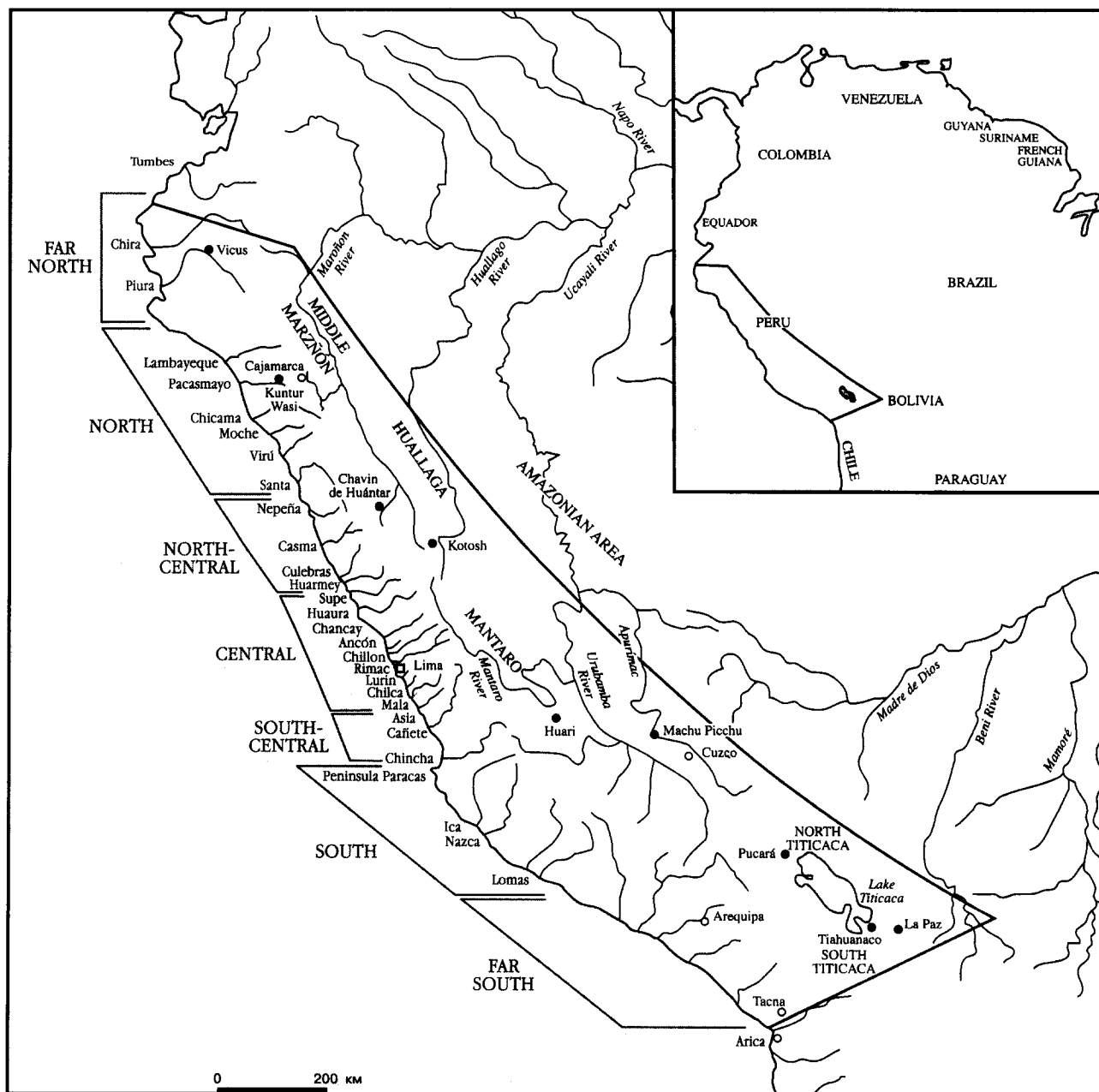
виде усеченных пирамид, возведение которых требовало значительных затрат труда и квалификации.

Между 1000 и 700 гг. до н.э. контакты между отдельными регионами Анд заметно усилились как в связи с меновой торговлей, так и в связи с процессами переселений, на которые указывают археологические данные. В результате этого в VII в. до н.э. можно обнаружить в разных регионах несколько одинаковых структур, что навело исследователей на мысль о возможном существовании некоторой формы государственности. Некоторые ученые даже отстаивают точку зрения о существовании империи (*Carrión Cachot, 1948*) со столицей в Чавин-де-Уантар – крупном церемониальном центре, расположенном в северной перуанской степе.

Насколько известно, достоверных свидетельств о существовании каких-либо государственных образований типа империи не существует и, так или иначе, создается впечатление, что элементы, из которых возникают институты, лежащие в основе государства, еще только начинали обретать форму. Здесь причиной путаницы является наблюдаемая в Андах тенденция к возникновению множества разнообразных механизмов вовлечения регионов с высокой степенью дифференциации во взаимодополняющие экономические отношения. Взаимодополняющие отношения, в которые вовлекались меновая торговля, миграции и основание поселений, а также территории распространения произведенных продуктов можно ошибочно принять за захват одной территории другой.

**РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ
(700–300 ГГ. ДО Н.Э.)**

Во всем андийском регионе можно выделить по крайней мере четыре географических зоны. Это северная территория, которая состоит в основном из территории современного Эквадора, части южной Колумбии и крайнего севера Перу; центральная территория, которая совпадает с существующими границами Перу; центрально-южная территория, которая в основном покрывает территорию Боливии и южные части Перу, севера Чили и северо-запада Аргентины; и крайняя южная субтерритория, разделенная между северными и центральными частями Чили и Аргентины. Процесс «неолитизации» Анд продолжался, как он и шел, т.е. в условиях деревенских ограничений и сельского уклада, что было характерно для более ранних этапов. Исключением была только центральная территория,

Карта 45. Перуанский культурный регион

где, по всей видимости, этот процесс, напротив, был связан с быстрым развитием городов.

В любом случае, характерной особенностью Анд является географическое разнообразие, принимающее крайние формы на центральной территории (Перу) и менее заметное на других территориях. Северные Анды – это по сути типичный тропический регион, влажный и дождливый, в то же время Центральные-Южные Анды – это преимущественно пустынная территория, а южная часть представляет собой отдельную полусухую местность. В Центральных Андах все эти территориальные особенности проявляются бок о бок, а иногда даже одновременно.

Несмотря на то что привести какие-либо экологические или географические объяснения не представляется возможным, очевидно, что большие или меньшие различия в среде обитания определили тяготение местных форм жизни к сходству или различию.

В Перу выделяются два основных и очень ярко выраженных региона: «плодородный север» и «засушливый юг».

В обоих этих регионах четкой разграничительной линией выступают Кордильеры – горные хребты Анд: в середине сьерра, на западе побережье, на востоке леса. По сути побережье и *сельва альта* (высокий лес) – это боковые предгорья горной цепи, пролегающей с севера на юг.

Для «плодородного севера» характерно пустынное побережье, в основном очень высокие горы и лес, связанный с системой трех больших рек, текущих параллельно Кордильерам. Это Мараньон (главный исток Амазонки), Уальяга и Укаяли – притоки Амазонки, которые изолировали обширные территории с аллювиальными почвами от суровых условий так называемой *терра фирма* Амазонии, создав условия для земледелия, которое возникло, очевидно, много тысяч лет назад – во время появления земледелия в Андах, если не раньше.

«Плодородный север», который имеет протяженность несколько более 1 000 км от Ламбаеке до Кахамарки и от Лимы до Хунина, отличается менее суровым гидрографическим режимом, чем засушливый юг, и к тому же там горы,

составляющие гряды – кордильеру, не такие крутые, и поэтому больше земли пригодно для богарного земледелия. Причина этого в том, что маловодный период в сьерре короче – он длится с апреля по сентябрь, в отличие от юга, где он длится с апреля по декабрь, а осадки – обильнее. Среднее количество осадков на севере составляет от 1000 до 1500 мм, в то время как на юге он составляет менее 1000 мм, а на крайнем юге иногда опускается до 400 и даже до 200 мм. На южном побережье не бывает дождей – в отличие от северного побережья, где с января по март случаются нерегулярные летние дожди.

Во всех этих регионах имеется множество разнообразных экологических систем, которые зависят от высоты горной гряды. Как следствие, совсем рядом с бесплодными степями Высоких Анд, где круглый год очень холодно, находятся умеренные по климату и довольно плодородные долины и небольшие участки саванны, рядом с которыми расположены знойные и практически совсем сухие ущелья, не говоря уже о вечнозеленых тропических дождевых лесах, которые образовались в глубоких крутых скальных расщелинах на северных склонах. И буквально тут же они переходят в пустыни, где никогда не бывает дождей, – точно так же посреди пустыни возникают зеленющие сезонные участки растительности, называемые *ламас*, которые цветут во время влажной приморской зимы и возвращаются к состоянию пустыни на все оставшееся время.

Такие различия в природной среде обусловили различия в технических и социальных подходах к производству, что выразилось в различиях в образе жизни и необходимых для ее обеспечения материалах. Эти различия становились все заметнее по мере эволюции технических ресурсов, необходимых для жизни в конкретной окружающей среде.

В связи с тем, что технологии и стратегии самообеспечения, возникшие в неолите, все еще находились в младенческом состоянии, до VII в. до н.э. культурное самовыражение принимало одинаковую форму, и это единообразие еще более усугублялось уже упоминавшейся экономической взаимодополняемостью. Более того, что типично для этого периода, неолитические достижения «передавались по цепочке», что способствовало унификации способов производства, меновой торговли и других видов деятельности.

К VII в. культуры плодородного севера уже достигли высокого уровня развития, и как следствие, и чавин и куписнике были полностью вовлечены в эффективную эксплуатацию природных ресурсов и создавали широкую сеть межрегиональных отношений. Население Куписнике вовлекло в эту сеть находящиеся за пределами их культурной родины Ламбаек, Трухильо и Кахамарка и даже контактировали с Ика (?) и Аякучо, возможно, в поисках сырья для своих роскошно украшенных ритуальных изделий. То же самое, и даже в большей мере, относится к населению Чавина, которое совершенно определенно установило связи с Ика, хотя исходной областью их развития были Анкаш и Лима.

В этом проявлялось не стремление к территориальным захватам, а скорее потребность в обсидиане, залежи которого имелись в Уанкавелика, в полудрагоценных поделочных камнях, например лазурите, и в других вещах. Еще одной возможной причиной могло быть желание получить доступ к растущему на юге хлопку, особенно если иметь в виду, что божество с двумя жезлами по бокам, которое определяют как «чавиноид», постоянно представлено в тесной связи с растением хлопка на тканях и тыквенных бутылках южного происхождения.

Именно эта система и была основной причиной появления сильного ощущения общности, прежде всего в результате широкого распространения некоторых видов ремесленных изделий, которые делались в соответствии с единой традицией, уже проявлявшейся в организации храмов и изготовление различных ритуальных принадлежностей. Этот эффект «копирования» ограничивался некоторыми элементами орнамента на гончарных изделиях и ря-

дом форм предметов престижного потребления. Все эти новшества были связаны с технологическим прогрессом в декоративно-прикладном искусстве.

В этот период гончарные изделия чаще всего украшались резным, давленным и лепным узором. Это указывает на наличие определенного ручного мастерства у гончаров; кроме того, они стремились дать хорошую окончательную обработку своим изделиям и покрывали их красками, сделанными на основе смолистых или глиняных материалов, которые наносились после обжига гончарных изделий. В некоторых местах, очевидно, на территориях, где было заметно влияние культуры чавин, узор наносился простым, но эффективным способом, когда эффект резного орнамента достигался с помощью штамповочных блоков, для использования которых не требовалась большая ловкость рук. Таким образом возник тип тщательно отделанных гончарных изделий с простыми очертаниями и со столь же простыми орнаментами из концентрических крутов, полукругов, S-образных и других линий, которые наносились при помощи птичьих костей, тростинок и других подобных предметов. Так выглядит керамика позднего чавина, она обнаружена также в Ика и Аякучо, а значит, и на всем плодородном севере, с конца VII по IV в. до н.э.

Однако ощущение общности, вызванное распространением «чавиноидной» керамики, рассеивается, стоит только взглянуть на нее в региональном или локальном масштабе. В отличие от более ранних периодов, когда, несмотря на всегда существовавшие различия, она все же была показателем единства культуры, в этот период каждый регион уже начал развиваться согласно в четко определенном собственном направлении, что проявлялось не только в керамике, но и в различии других культурных черт. Этот период археологи определяют как конец «чавинского горизонта», явная общность которого дала аргументы людям, ожидавшим найти доказательства существования великого экспансионистского государства-основателя, существовавшего в это время.

Между VII и IV в. (с 700 по 300 г. до н.э.) в Центральных Андах наметился процесс постепенной регионализации. До этого существовало единственное различие между двумя основными территориями – на севере и юге, где складывались разные модели, тогда как с начала этого периода стало выделяться больше местных форм.

В частности, в сфере влияния культуры куписнике, которая, несмотря на местные варианты, была в целом монолитной, возникла новая культура, получившая у археологов название «салинар». В каждой из прибрежных долин, где она возникала, появилось множество ее разнообразных форм. В то же время в долинах Кахамарка установилась культура, получившая название «лайсон», с несколькими ветвями, охватывающими Ламбаек и прилегающие долины.

В центре этого региона, ранее входившего в сферу влияния культуры чавин, наибольшее влияние имела «завершающая» фаза этой культуры, и несколько позднее здесь появилась культура, известная как уарас в Анкаше и культура Лимы, названная «белое на красном», и многие ее местные разновидности. В Уануко и Хунине, где влияние культуры чавин было не настолько сильным, в этот период было мало новых явлений, и просто воспроизводились, хотя и с некоторыми местными особенностями, основные достижения упоминавшейся выше «завершающей» фазы культуры чавин.

На засушливом юге, северная часть которого подпала под влияние агрессивных культур плодородного севера, местные формы установились в Ика и Аякучо, хотя единственной их общей чертой были подходы, близкие к подходам в культуре паракас, наиболее известные признаки которой обнаруживаются в оазисах Ика.

Далее к югу, в условиях, где основную роль определенно играло скотоводство со вспомогательным высокогорным земледелием, возникли такие культуры, как чанапата в регионе Куско, пукара – на южном берегу озера Титика-

ка и чирипа – на юго-западе. Достижения этих культур, помимо прочего, связаны с высокоразвитой металлургией меди, собственной крупным поселением.

Эти культуры, названные так археологами по гончарным изделиям из этих мест, также легко различимы по способу использования ресурсов, что отразилось на организации поселений и жилой и церемониальной архитектуре. Этот период археологи называют «экспериментальным», поскольку в это время происходил постоянный поиск новых ресурсов и отмечалась заметная мобильность населения.

Однако, несмотря на эти явные различия, в целом развитие происходило в едином направлении, хотя и в разной мере; к тому же шел постоянный обмен товарами, что позволяет проследить основные достижения региона.

Например, во всех регионах значительно возросла численность населения, о чем наглядно свидетельствует увеличение числа и плотности расположения поселений. В то же время изменился и тип построек в связи с развитием методов строительства, которое привело к избирательному использованию местных материалов и совершенствованию технологий возведения зданий из камня и необожженного кирпича. На плодородном севере продолжали существовать городские комплексы типа церемониального центра, но их размеры сократились, в то время как число жилых построек увеличилось. Даже в деревнях жилые дома начали строить из более долговечных материалов, и по отделке эти дома приблизились к общественным зданиям.

Рост населения и улучшение жилищных условий сопровождалось резким подъемом производящего хозяйства, что было обусловлено сельскохозяйственными инфраструктурами, которые позволили расширить обрабатываемые площади как на побережье, так и в сьерре.

На побережье были построены ирригационные системы, распространявшиеся на большие площади, и то же произошло даже на засушливом юге, где были обнаружены каналы длиной в несколько километров, которые относятся к культуре паракас. Вода из каналов использовалась не только для орошения аллювиальных клиньев, протянувшихся в пустыню, но и для обработки берегов самих каналов, где разбивались «висячие сады», что позволяло извлечь выгоду из утечек воды по ходу каналов. В Аякучо в сьерре строили земляные дамбы, чтобы сделать резервуары для сбора дождевой воды, из которых время от времени пускали воду на террасированные поля на пологих склонах холмов.

Итак, именно в это время появилось террасное земледелие, которое позволяло обрабатывать гористые участки Анд, хотя оно еще не достигло столь совершенного уровня, который позволил спустя несколько веков преобразовать такие регионы, как Куско и Аякучо.

Тогда же появились и *камельонес* – приподнятые затопляемые поля, занимающие большие территории от жарких и влажных тропических лесов Северных Анд в Колумбии и Эквадоре до холодных и, как правило, лишенных растительности степей *альтиплано* вокруг озера Титикака, где раз в несколько лет случаются периоды сильнейших ливней.

Рост численности населения и развитие производящего хозяйства сопровождался заметным прорывом в области производства.

Наблюдается прогресс в гончарном деле, особенно в технологии горшечного производства, что было результатом приобретения навыков как в выборе глины, так и в управлении процессом обжига и использовании различных красителей для обливной глазури и росписи. Прекратилось использование темнокоричневых и серых цветов, которые преобладали на более ранних этапах, вместо них делались сосуды, расписанные в красных или светлых тонах. На них наносились не только рельефный узор, но и роспись, прежде всего белым цветом, хотя использовались и другие цвета. Это технологическое усовершенствование не сопровождалось улучшением художественного качества. За исключением изящных салинарских керамичес-

ких изделий, обнаруженных в долинах в районе Трухильо на северном побережье, не существует произведений искусства, сопоставимых с изделиями чавина и куписнике, изготовленными до VII в. до н.э.

Сохранились отдельные ранние религиозные формы, и еще можно обнаружить фигурки с длинными клыками и когтями, напоминающие фигурки из Чавина и Куписнике, вырезанные на кости и используемые в обрядовых целях, однако изящные каменные колонны чавинского типа исчезли, и для этих целей перестали использовать керамику. Очевидно, в каждом отдельном регионе велись некоторые эксперименты, которые повлекли за собой коренные изменения в религии и системе верований.

Имеется мало сведений о переменах в ткачестве, которое играло столь важную роль в промышленной истории Анд, однако в конце этого периода – вероятно, в начале III в. до н.э., – в районе Ика в связи с культурой паракасских погребений возникло первоклассное текстильное производство.

Ткани, произведенные в Паракасе, являли собой первую попытку скомбинировать хлопок с шерстью домашних верблюжьих (ламы и альпаки) либо их дикой родственницы викуньи. Это позволило получать не только широкий набор волокон для изготовления различных тканей, но и, что самое важное, практически неистощимое разнообразие естественных красителей. В Паракасе представлен широкий диапазон технологий текстильного производства – от множества разных видов тканей простого плетения, газа и кружев до гобеленов и парчи, а также фрагментов ткани весьма тонкой работы, расшитых фигурными узорами. Обращение с ручным ткацким станком требовало высокого уровня мастерства, а размер изготавливаемого полотна и объем производства наводят на мысль, что ткань изготавливали в мастерских, а не в скромных домашних условиях.

Также несомненно, что выдающимся достижением этого периода является распространение металлургии меди. Несмотря на то что обработка золота методом холоднойковки, по сведениям, существовала с 1000 г до н.э. или, может быть, за несколько веков до этого, и что существуют отдельные свидетельства о подобной обработке меди у культуры куписнике на ее завершающих стадиях и у ранних культур в районе озера Титикака, но только на этом этапе золотые и медные изделия начинают встречаться повсеместно в этом регионе, включая Северные Анды.

Все эти изменения были связаны с преобразованиями в социальной и политической организации региона в целом. Одним из наиболее ярких показателей этого развития является постоянное появление укрепленных поселений и использование видов укреплений, которые ранее не были известны. Особенно хорошо это заметно на «плодородном севере» – несомненно, в связи с боевыми действиями нового типа или в новом масштабе, которые потребовали постоянных укреплений. Однако до сих пор не найдено никаких свидетельств о существовании каких-либо политических единиц, которые стремились бы к централизации власти, в отличие от тех сил, которые появились в Андах сразу после окончания III в. до н.э. Также нет никаких свидетельств об изменении каннибальских обычаев, которые, очевидно, занимали ведущее место во многих аспектах ритуальной и повседневной (?) жизни в более ранние периоды, поскольку в свалках этого периода все еще обнаруживаются фрагменты человеческих костей вместе с черепками гончарных изделий, костями верблюжьих и прочими пищевыми отходами.

КЛАССИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ АНД (300 Г. ДО Н.Э. – 500 Г. Н.Э.)

Период между 400 и 300 г. до н.э. ознаменовался возникновением первых могущественных и богатых региональных формаций, появление которых было связано с перемещением населения нескольких долин и территорий

разных размеров к городским центрам, которые постепенно выростали между 700 и 300 гг. до н.э.

Последние три века до нашей эры явились решающим этапом того процесса, в ходе которого сложился классический мир Анд, который обрел завершённый вид в начале I тысячелетия н.э.

В течение этого периода сложились региональные археологические культуры Северных Анд, самые известные из них – калима, тумако-толита, баия, гуангала и викус. Основной особенностью этих культур является изготовление предметов с тщательной отделкой, в которых для украшения золота использовалась платина, а гончарные изделия были столь высокого художественного качества, которое никогда не было превзойдено.

Также в этот период в плодородной северной части Центральных Анд развитие искусства достигло высот с появлением таких культур, как моча, или мочика (название по реке Моча. – *Прим. ред.*), рекуай, кахамарка и лима, где, помимо изготовления предметов тончайшей работы, успешно выполнялись амбициозные проекты городского строительства, средства для которого черпались из производящего прибавочный продукт земледелия, основой которого служили крупномасштабные ирригационные работы, применение естественных удобрений и привлечение массовой и высококвалифицированной сельской рабочей силы.

В других регионах на этот период пришлось возникновение земледельческих и скотоводческих культур на засушливом юге, наиболее известной из которых является прибрежная культура наска и культура *альтиплано* (высокогорного плато) – тиауанако, а также менее масштабных культур – уарпа в районе Аякучо и пока еще не до конца сформировавшихся культур куско и района Мантаро.

Несмотря на существенно более суровые условия, в этот период также быстрыми темпами шло развитие южной части Анд. Там на северо-западе Аргентины и севере Чили возникли культуры «энеолита», которые особенно проявились своей «ранней керамикой», например, в Кондоруаси, Аламито и Сьенага, ставшие основой подобной классической андийской культуры агуада и не менее значительной культуры эль-молье.

Одним из признаков того времени было то, что в своем развитии материальные культуры повторяли региональные модели. Эти модели отличались друг от друга в связи с индивидуальными особенностями развития, которые, как можно видеть, начинали все сильнее зависеть от доступа к ресурсам сельского хозяйства, в особенности от большего или меньшего размера обрабатываемой или орошаемой площади, а следовательно, и разной степени вовлеченности региона во взаимодополняющую торговлю с соседними или более удаленными районами. Можно даже говорить о неравномерности развития, которая определялась разными размерами соответствующих сельскохозяйственных территорий – вплоть до того, что рост численности населения, развитие городов и уровень производства, по всей видимости, целиком и полностью определялись способностью региона обеспечить простор для расширения сельского хозяйства.

В Северных Андах наиболее заметным следствием этого был явный рост численности населения в тех регионах, где для развития земледелия имелось наибольшее пространство. Жители этих районов, чтобы добыть редкие ресурсы, обращались к торговле ремесленными изделиями. Об уровне их развития говорит тот факт, что они расширяли обрабатываемые площади за счет влажного тропического леса и выращивали главным образом маис, а также другие культуры умеренных и жарких климатических зон. При их развитии не возникала необходимость в какой-либо форме городской организации, и поэтому продолжал господствовать сельский уклад жизни, хотя отдельные территории с относительно большей концентрацией населения все же существовали, например, в местонахождениях Ла-Толита на севере Эквадора и Эстеро в райо-

не Манта; первое из них относится к культуре тумако-толита, а второе – к культуре баия.

Археологи обнаружили ряд приморских культур, выделяющихся в первую очередь своими керамическими изделиями, которые, хотя и выглядят различными, на самом деле во всем этом регионе – и на севере, и на юге – обладают определенным набором общих черт, следовательно, эта региональная модель, вероятно, сложилась в результате длительных и постоянных отношений между населением обеих частей региона. Например, гончарные изделия культуры тумако-толита, которая расположена севернее, имеют сходство с керамикой из Тиаоне и Хама-Кокуэ, которая, в свою очередь, близка керамике баия из области Манта, которая, в свою очередь, несомненно, тесно связана с фазой гуаякиль в долине Гуаяс, расположенной южнее. Представители всех этих культур достигли больших успехов в приспособлении к природным условиям, о чем красноречиво свидетельствуют их изделия, которые без применения сложных технологий, тем не менее, имеют высокую художественную ценность. Нагляднее всего это демонстрируют их изящные изделия из золота и платины, хотя применяемые методы изготовления были простыми.

Хотя на побережье региона Северных Анд культурные образцы были довольно точно выявлены, все же следует отметить, что в сьерре они были другими, за исключением, быть может, Колумбийского плато, где сложилась культура сан-агустин, которую археологи обычно относят к более раннему периоду. В сьерре Эквадора до сих пор не обнаружено никаких свидетельств о существовании регионального развития. Все свидетельства о том, что местные нужды удовлетворялись за счет богарного земледелия, или земледелия с естественным орошением, а постоянно растущий объем деятельности побуждал население обратиться к меновой торговле между западной и восточной частями Амазонии и Северными и Центральными Андами. Например, народ культуры южной сьерры Эквадора-Такальсапа, или Наррио-Тардио, очевидно, активно занимался продажей моллюсков вида *Spondylus* с теплого северного побережья в Центральные Анды, где на них был большой спрос.

Совсем не так дело обстояло в Центральных Андах, где в предшествующие столетия, как уже упоминалось, были заложены основы городской культуры. В этом регионе сельскохозяйственное производство зависело от множества факторов, которые в разных областях и даже в разных населенных пунктах были совершенно непохожими, вследствие чего там порой наблюдались огромные различия в уровнях развития. Соответственно, более чем симптоматичным является тот факт, что такие чрезвычайно сложные и богатые культуры, как мочика и тиауанако, существовали буквально бок о бок с весьма слабо развитыми культурами. И именно поэтому крупные городские церемониальные центры достигли пика развития в наиболее просторных и плодородных долинах, в то время как непосредственно рядом с ними существовали менее обеспеченные сельские культуры, производящие простые изделия и имевшие ограниченные сферы влияния.

Культура мочика, например, возникла в долинах Ламбаеке и Чикама-Моча, а потом успешно распространила свое влияние на соседние долины, в то время как в более южных районах, вплоть до долин вокруг Лимы, такой процесс оказался невозможным. К югу от Лимы также не было серьезных очагов культуры, за исключением отдельных достижений в земледелии в долинах Чинча и Ика-Наска.

По тому же образу, как в прибрежных зонах, развивалась и сьерра, однако развитие не было столь ярко выражено. Успешно развивались культуры кахамарка и кальехон-де-уайлас, однако там не возникло городской структуры, как у их соседей моча, и они по-прежнему ограничивались сельским образом жизни с преобладанием богарного земледелия.

На незащищенных от ветра нагорьях *туна* к югу от плато Хуниин и на самом плато, где основой хозяйства было скотоводство, культурное развитие было еще менее выражено, и картина разрозненного сельского населения нарушалась лишь в редких случаях, например в бассейне Аякучо, где возникли предпосылки для большей концентрации населения, которое было занято крайне трудоемким аграрным производством, в котором орошение применялось только в личных хозяйствах или в отдельных сообществах. В рамках этой системы сложилась культура уарпа. Существует только отрывочная информация о более сложных формациях на всей территории южной сьерры вплоть до альтиплано (высокогорного плато) вокруг озера Титикака, где в культуре тиауанако скотоводство успешно сочеталось с интенсивным выращиванием высокогорных холодостойких зерновых культур и клубнеплодов.

Таким образом, можно отметить, что наиболее развитыми были регионы, которые относились к культурам мочика, лима и тиауанако с их сложным сочетанием типов сельского и городского развития. Вероятно, в будущем к ним можно будет добавить культуры долины Чинча и Кахамарка, которые начали исследовать совсем недавно. Культуры рекуай и наска тоже можно считать удачными примерами регионального самовыражения, хотя они и не достигли высокого уровня городского развития. В остальной части этого региона в экономической и социальной системе преобладал сельский уклад, за исключением культуры уарпа в Аякучо, развитие которой впоследствии послужило основой впечатляющего расцвета городской культуры, который относится уже к закату классического периода и началу нового этапа.

В основе культуры мочика, которая возникла из культур куписники и салинар и вначале была связана с многообразными локальными формами (наиболее значимой из которых была культура Гальинасо, или Виру), лежало орошаемое земледелие, которое требовало (и создавало предпосылки) наличия дорогостоящей аграрной инфраструктуры, включавшей в себя многокилометровые каналы, подготовку под обработку обширных участков земель, ранее занятых пустыней, и изыскание в достаточном количестве удобрений, столь же богатых, как удобрения с островов гуано в Тихом океане.

Основой экономики народа моче, очевидно, было не только сельское хозяйство, поскольку они также занимались массовым разведением лам, прежде всего на мясо и для использования в качестве вьючных животных, и только в исключительных случаях использовалась их шерсть. В домашних хозяйствах население держало также уток (*Cairina moschata*) и морских свинок (*Cavia porcellus*) – также в продовольственных целях.

Охота, особенно на оленя, очевидно, была занятием исключительно элиты, а рыбная ловля и сбор моллюсков – и морских, и сухопутных – представляли собой другой важный источник пропитания для населения. В их рацион также входило большое количество бобовых, прежде всего похожие на фасоль бобы типа «*frijol*» и «*pallor*» из семейства *Phaseolus*, и, естественно, маис, картофель, прочие клубнеплоды и местные фрукты.

Итак, земледелием моче занимались только на территориях с аллювиальными отложениями, которые подпитывались водой, стекающей с горных хребтов, в то время как вся остальная земля оставалась пустынной. Соответственно, избранная ими стратегия производства была направлена на преодоление вызванного этими условиями недостатка обрабатываемой площади. Почти 2 тыс. лет использование ирригационных сооружений и строгое соблюдение сельскохозяйственного календаря позволяло использовать в местном масштабе долины Моче, Чикама, Виру и Ламбаеке, однако рост численности населения привел к необходимости расширения обрабатываемой площади, что стало возможным за счет освоения новых технологий. Это привело

к строительству крупномасштабных гидравлических сооружений и побудило людей к переселению из городских центров, в которых было сосредоточено экономическое и политическое могущество моче, в другие долины, которые были присоединены к их территории.

Центром хозяйственной деятельности в долинах, где жили моче, были городские комплексы, известные как «церемониальные центры», размеры и значение которых в то время существенно возросли. Центры представляли собой территорию, большая часть которой была занята не жилыми домами, а общественными сооружениями, которые были предназначены для специальных целей, таких как составление и наблюдение за сельскохозяйственным календарем и, соответственно, для планирования полевых работ, либо для подготовки и строительства гидротехнических сооружений. Все эти работы осуществлялись под руководством специалистов, которых принято называть «жрецами». Возможно, в классических обществах Центральных Анд существовали посты, у которых были как светские, так и религиозные функции.

Власть жрецов основывалась на древней традиции, обусловленной их правящими функциями, которые позволяли им распространять свой контроль на совершенно разные сферы общественной жизни, за пределы данных им полномочий. Этот фактор вместе с ограничениями, обусловленными их статусом «посвященных», дал жрецам возможность выделиться в малочисленную элиту, обладавшую властью явно выраженного политического характера, которую они стали укреплять, опираясь на сложную религиозно-мистическую организацию, которая также была явно репрессивной.

В связи с необходимостью расширения своих сельскохозяйственных угодий, эта «теократическая»² машина власти постепенно превратилась в систему, в которой идеологические и религиозные обряды совмещались с разными видами воинской повинности, результатом чего являлась постоянно усиливающаяся милитаризация всей общественной системы. Иначе такая организация не смогла бы навязать свои требования, вызванные необходимостью развития, другим территориям, например долинам Виру, Санта и Непенья на юге или Ламбаеке и Пиура на севере, которые жили по иным идеологическим принципам.

Таким образом, можно сказать, что организационной структуре культуры мочика были присущи определенные черты, являющиеся предпосылкой существования государства, а именно: присоединение территорий, населенных разными этническими группами; существование элиты из чиновников различного уровня, которые в социальном плане оформились как класс, что полностью отделило их от производителей продуктов потребления; официальная идеологическая позиция, которая, без сомнения, диктовалась центром, и репрессивный режим, влияющий на все слои общественной жизни и даже за пределами исходной этнической группы.

В центре всех этих преобразований были «теократические городские центры». Таких центров было немного; насколько известно, наиболее важный из них изначально находился в долине Моче, в месте, которое по своим главным постройкам называется «Уакас дель Соль и ла Луна» (Храмы Солнца и Луны). По причинам, до сих пор не установленным, примерно в V в. центр власти переместился в долины Ламбаеке, где, очевидно, новым центром стал комплекс «Пампа Гранде». Таким образом, можно сказать, что это событие делит историю культуры мочика на два периода, в первый из которых входят с I по IV фазы керамического стиля, а во второй – фаза V, вызвавшая коренные изменения в культуре в целом и, кроме того, явившаяся предшественницей появившейся несколько веков спустя культуры, которая получила название «чиму».

Жилища культуры мочика были весьма скромными и строились по большей части из недолговечных материа-

лов, а городские общественные здания, наоборот, были вызывающе пышными. Их строили из необожженного кирпича, из которого сначала воздвигали приподнятые платформы высотой до 30 м, с размерами основания иногда до 300 м в длину и 80–100 м в ширину, как в знаменитом «Уака дель Соль» (Храме Солнца) в долине Моче. Их обносили оградой, стены которой были покрыты росписями с изображениями мифологических сцен. Эти здания соединялись с несколькими другими, различными по размеру и значимости.

Одной из самых выдающихся особенностей культуры мочика, несомненно, является огромное богатство художественного творчества, которое чаще всего проявлялось в форме гончарных изделий – как лепных (которые встречались чаще всего), так и расписных. Обе разновидности имели иконографический характер, и по ним можно составить четкое представление о многих верованиях и обычаях представителей этой культуры.

При этом в производстве изделий как для элиты, так и для обычного домашнего потребления использовались многие другие материалы, среди которых наибольший интерес представляет металл. Золото, серебро, медь и их всевозможные сочетания использовались главным образом для изготовления декоративных предметов культового назначения и личных украшений. В этой связи, путем применения различных химических и физических процессов был разработан способ золочения меди, с применением которого можно было делать предметы, неотличимые от золотых. Также следует отметить, что было обнаружено большое количество предметов из меди и бронзы, которые представляли собой тупые орудия (например, дубинки), топоры, наконечники для копий и дротиков, ножи вертикального захвата (*туми*), иглы, резцы и даже инструменты типа мотыги.

О ткачестве известно очень мало, однако некоторые обнаруженные фрагменты тканей, и в особенности рисунки на них, указывают на то, что ткань ценилась очень высоко и что использовались ткацкие станки для массового производства гобеленов и тканей простого плетения, равно как и для искусного изготовления парчи, материи с узором из перьев и вышивкой.

Хорошо заметно, что в производстве в долине Моче, особенно для изготовления бус и, естественно, предметов культа, использовались материалы из дальних краев. В их числе полудрагоценные камни, например бирюза и лазурит из богатых медью пустынь юга, обсидиан из вулканических отложений Кордильеры, красивые сорта дерева и перья редких птиц из тропических лесов, моллюски *Spondylus* и улитки *Strombus* с теплого северного побережья и удобрение гуано, которое добывалось только на отдаленных островах у берегов Перу. Все это указывает на существование оживленной торговли с дальними краями, расположенными по всем сторонам света.

Общество, характеризующееся такими чертами и обладающее силой, должно было расходовать значительную часть прибавочного продукта на множество непродовольственных целей с явным классовым уклоном. Об этом можно судить, например, по погребальным обычаям: знать хоронили с большой помпой и со множеством церемоний, со всевозможными подношениями, включающими принесение в жертву людей и животных, и с бросающейся в глаза показной роскошью, что можно наблюдать в знаменитых гробницах Силян в Ламбаеке, в то время как «простых смертных», в зависимости от их социального положения, хоронили гораздо проще, до того, что в некоторых случаях подношений не было вовсе.

В этот период ни одна культура не достигла такого уровня развития, как культура мочика, хотя у таких культур, как лима и чинча, наблюдалось заметное развитие городов. И все же одним бесспорным исключением из этого утверждения является культура тиауанако, которая, несом-

ненно, может поспорить с культурой мочика в отношении распространенности, сложности и эффективности использования природной среды.

Основа организации культуры тиауанако коренным образом отличалась от основ культуры мочика: ею являлось экстенсивное скотоводство, в основном богарное земледелие и тесная система взаимодополняющих связей между регионами, принадлежащими к разным экосистемам. Наряду с этими системами производства, огромным достижением было начало земледелия на осушенных болотах, которое потребовало прокладки сотен километров канав вдоль береговой линии озера Титикака, чтобы превратить бывшее болото в очень плодородные сельскохозяйственные угодья.

Культура тиауанако развивалась на высоком нагорье – альтиплано, и центр развития был расположен на высоте 3800 м вокруг озера Титикака. Несмотря на то что наличие огромного водного пространства озера обеспечивало особые условия окружающей среды, тем не менее такая высота и сухой климат, казалось бы, не благоприятствуют экстенсивному земледелию. Однако в данном случае это неверно: еще с давних пор жители альтиплано научились выращивать такие высокогорные сельскохозяйственные культуры, как различные сорта картофеля (*Solanum tuberosum*), машву (*Tropaelum tuberosa*), оку (*Oxalis tuberosa*), киноа и канива (*Chenopodium quinoa* и *Ch. Pallidicaule*), а также другие менее важные культуры, и организовали обширное сельскохозяйственное производство с выращиванием клубнеплодов и зерновых, что в сочетании с пресноводным рыболовством и разведением верблюдовых животных (лам и альпаков) позволяло прокормить неуклонно растущее население.

Культура тиауанако, как и культура мочика, сложилась в ходе длительного процесса развития, в котором ее предшественником была культура пукара; эту культуру, вероятно, можно включить в культуру тиауанако как ее начальный этап.

Пукара была городской культурой – в том же смысле, что и мочика, но в масштабе, скорее присущем чавину на плодородном севере, хотя во всех остальных отношениях она совершенно отличалась, за исключением того, что была сосредоточена вокруг «церемониальных центров», где общественные постройки в той же мере требовали наличия квалифицированного труда и организационных навыков. В период пукара основной центр развития находился на западных береговых склонах озера Титикака, и бок о бок с ним существовал целый ряд местных культурных форм, занимавших все побережье озера и прилегающие территории. Пукара достигла более высокого уровня городского развития по сравнению с этими другими культурами, поскольку они, по всей видимости, не выходили за рамки сельского уклада, что лишь постепенно удалось отдельным культурам, таким как чирипа, на территории, где впоследствии сложилась культура тиауанако. Более того, все указывает на то, что территория, занятая культурой пукара, выходила и за пределы альтиплано – до долины Вильканота в районе Куско и долин, выходящих к Тихому океану, включая долину Масетау.

Несомненно, одна из самых больших технических проблем, с которыми пришлось столкнуться народам культуры пукара, как и их последователям тиауанако, заключалась в приспособлении к крайне нестабильным климатическим условиям на альтиплано, где непредсказуемо чередуются длительные периоды интенсивных ливней и засухи, что создает серьезные трудности при планировании сельскохозяйственных работ и в землепользовании. Даже в настоящее время это становится причиной внезапных массовых перемещений людей, бегущих в другие места от наводнений или многолетнего отсутствия дождя.

Раз в несколько лет в течение двух или более летних сезонов подряд из-за сильнейших ливней реки выходят из

берегов и заливают широкие равнины, которые в нормальных обстоятельствах орошаются естественным путем. В течение таких периодов территория становится непригодной для земледелия, если только поля не приподняты с помощью системы *камельонес*. Люди культуры пукара, равно как, очевидно, и тиауанако, сооружали поля такого типа. Однако проблема заключается не только в обустройстве земли, которую после этого можно эффективно орошать, но и в жизнеобеспечении в годы засухи или наводнений, а также в те годы, которые считаются «нормальными». Эту задачу можно выполнить, составив сводную систему результатов наблюдений, основанных на соответствующих климатических факторах.

Культура пукара, очевидно, просуществовала примерно с 500 г. до н.э. до начала I тысячелетия н.э. На смену ей пришла культура тиауанако, которая, по всей видимости, длилась с последних лет предыдущей эры до XII–XIII вв.

У народов тиауанако существовала городская система, по общим признакам схожая с городской системой ранней культуры мочика, в том отношении, что прежде всего она была связана с религиозным ритуалом, однако нет никаких сведений о милитаризации образа жизни, которая наблюдалась в северной культуре. В основе их городских центров лежала модель, в которой основное место занимали роскошно оборудованные здания религиозного назначения. Эти здания были с большой расточительностью построены из резного камня и украшены искусно выполненными барельефами, изображающими сцены из мифологии тиауанако. «Теократические» центры этой культуры были рассеяны по всему побережью озера и даже на некоторых других территориях, но прежде всего они характерны для самого комплекса тиауанако. С ними связаны такие прекрасные каменные изваяния, как знаменитые «Пуэрта дель Соль» («Врата Солнца») и колоссальная статуя человека высотой более 7 м. Подобные и другие статуи обнаружены в комплексе тиауанако, хотя множество статуй находят и в других комплексах в бассейне озера Титикака.

Культура тиауанако достигла высокого уровня развития производства, в котором, как и в культуре мочика, использовался очень широкий спектр материалов, включавший оловянистую бронзу в металлообработке и твердые сорта древесины из пустыни в резьбе по дереву. Для нее также характерна тонкая многоцветная керамика, которая изготавливалась в ходе «классического» периода этой культуры около 300 г. н.э.

Поскольку сфера влияния культуры тиауанако в основном охватывала альтиплано, одним из стратегических направлений ее развития был захват ряда территорий, которые открывали доступ к продуктам, которые трудно было добывать в пуне, в частности, низменных долин, на которых можно было выращивать маис, перец чили (*Capsicum sp.*) и кокаиновые кусты, причем все эти продукты теснее связаны с механизмами социального поведения, чем с потреблением в пищу, поскольку использовались для производства алкогольного напитка *чича*, который применялся для ритуальных нужд и как приправа к еде.

Как уже отмечалось, другие культуры, существовавшие в это же время, не были столь же сложными, несмотря на то что их искусство и навыки в использовании окружающей среды указывают на то, что они достигли стадии развития, близкой, например, к культурам кахамарка, рекуай и лима. Нельзя не упомянуть культуру наска, которая была сосредоточена в оазисах в обширной пустыне Ика.

Общество наска не было сосредоточено на орошении, как мочика, не было оно и земледельческо-скотоводческим, как тиауанако. Культура наска была сосредоточена вокруг немногих зеленых и плодородных территорий, пригодных для возделывания посреди пустыни. Земледелие оазисного типа здесь дополнялось путем добычи морепродуктов и интенсивной торговли товарами с жителями кордильеры, в основном со скотоводческими народами.

Общество наска не пошло по пути городского развития «теократического» типа, как культуры мочика и тиауанако, хотя ими и были построены очень крупные церемониальные центры, как, например, тот, который фигурирует под названием «Кауачи». Поселения наска, в которых, по всей видимости, проживало большое число жителей, были похожи скорее на деревню, где лишь несколько зданий имели какое-либо другое назначение, кроме жилого, хотя в течение предшествующего периода паракас определенная ритуальная деятельность все же имела место, и именно она на самом деле дала толчок строительству церемониальных центров, пусть и в меньшем масштабе.

С другой стороны, сельскохозяйственные навыки, приобретенные людьми культуры наска, позволили им построить ряд ирригационных систем, с помощью которых было создано большинство не занесенных песком территорий в этом регионе. В то же время они использовали ресурсы пустыни, добывая в ней сырье для изготовления различных изделий, например, красителей для великолепной многоцветной керамики, прославившей гончаров наска. Именно эти керамические изделия вызвали появление гипотезы о том, что в культуре наска происходил быстрый рост городов, однако при рассмотрении культуры в целом становится очевидно, что причина заключалась не в этом.

Все эти процессы происходили в Андах уже в течение V в. н.э., однако вслед за этим начался этап, в ходе которого во всем регионе – как в центральной, так и в северной и южной его частях – произошли коренные изменения. Некоторые исследователи считают, что это было связано с изменениями природных условий, которые вынудили разные народы изменить свой образ жизни и привели к конфликтам. Это также объяснило бы и экспансионистские тенденции отдельных культур, которые активно занялись захватом новых территорий, и выбор новых территориальных центров, и возникновение примерно в VII в. захватнического государства, известного сегодня под названием Уари. Это государство было продолжением культуры уарпа в регионе Аякучо, которая в то время отставала в развитии по сравнению с основными центрами развития, упоминавшимися ранее. С этого времени культура уари стала существовать в виде государства, организованного по типу империи, при котором почти все народы Центральных Анд, включая даже самые развитые из них, были с большим или меньшим успехом и уровнем самостоятельности интегрированы в единую политическую систему.

Не исключено, что именно по этой причине где-то в 700–800 гг. Анды вступили в новый этап своей истории, сопровождавшийся окончательным распадом всех «классических» культур и возникновением новых культур, в которых городская структура (если она существовала) коренным образом изменилась, уступив место кардинально новой системе сельского хозяйства и производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анды – территория существования культур, в которую входят первые три из пяти регионов, перечисленных ниже:

Северные Анды	Эквадор, часть Южной Колумбии, Северное Перу
Центрально-Южные Анды	Боливия, часть Южного Перу, Южное Чили и Северо-Западная Аргентина
Южные Анды	Северные части Аргентины, части Северного и Центрального Чили
Крайние Северные Анды	Большая часть Колумбийских Анд и Венесуэльские Анды

² Теократический, теократия: форма государственного или племенного правления, при которой глава государства является и его религиозным главой. В археологическом отношении проявляется в сооружении монументальных храмов или усыпальниц.

РЕГИОН ВОКРУГ КАРИБСКОГО МОРЯ И БАССЕЙН РЕК АМАЗОНКА И ОРИНОКО

Марио Саноха Обедьенте и Ираида Варгас Аренас

Илл. 182–193

Впервые понятие карибского региона предложено в томе 4 «Справочника об индейцах Южной Америки» («Handbook of South American Indians», Steward, 1948) для того, чтобы отличить народы Центральных Анд и народы Северных Анд, Центральной Америки и Больших Антильских островов, а также жителей этих островов и обитателей тропических лесов. На основе различных теоретических положений и постепенно накопленных знаний об археологии карибского региона было показано, что, во-первых, эта территория в социальном смысле не является однотипной, а состоит из ряда исторических регионов, которые находятся на различном уровне социально-исторического развития. Во-вторых, карибский характер культуры этой территории был значительно растворен в новой структуре исторических связей между народами, находящимися на рубежах между тем, что можно назвать югом Северной Америки и остальной Центральной Америкой; это очень сложные связи, которые, как мы теперь знаем, существовали между племенными обществами Восточной Венесуэлы и обществами, располагавшимися на нынешних землях Гайяны, Суринама, Французской Гвианы и в районе Амазонки. Более того, в настоящее время рассматривается вопрос о том, что регионы наподобие Эквадора исторически связаны с доиспанскими обществами Центральных Анд и не являются частью карибского региона (карты 46, 47).

Учитывая наши цели, можно считать, что подробное обсуждение современного теоретического состояния этой концепции культурной территории заняло бы слишком много места. Вместо этого мы представим свой аналитический подход, разработанный на базе данного исторического региона. Исторический регион определяется по наличию социальных процессов, происходящих в данных географических пределах. На уровне обобщенных представлений такие процессы выражаются в ряде общественных формаций, обнаруживаемых в пределах рассматриваемой территории, и в особенности в укладе жизни, через который эти формации себя проявляют. Для целей исторического анализа любого региона необходимо установить, когда начались общие и специфические процессы, возникшие самостоятельно или явившиеся производными от других, и показать степень взаимосвязи между ними.

Для рассматриваемого региона период с 700 г. по н.э. до 700 г. н.э. являлся, вообще говоря, периодом, отмеченным консолидацией племенного, т.е. эгалитарного, земледельческого сообщества как образа жизни. В общих чертах, сельскохозяйственное производство началось с окультуривания различных видов маиса (*Zea mays*) и маниока (*Manihot esculenta Crantz*) вместе с весьма разнообразными местными разновидностями, которые могли в течение

тысяч лет быть известными охотникам и собирателям, обитавшим в те времена на обширных территориях севера Южной Америки, Центральной Америки, Антильских островов и Амазонии.

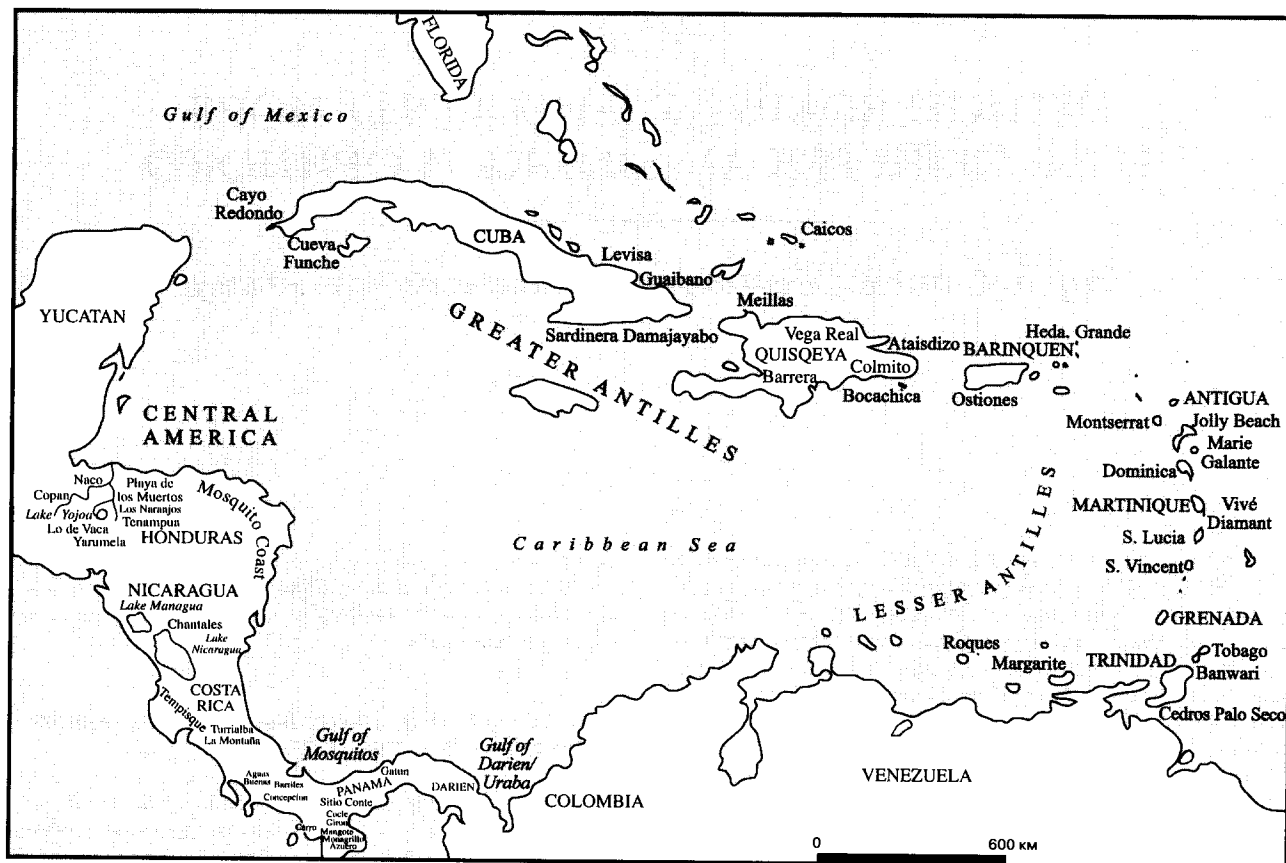
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ В ПЕРИОД МЕЖДУ 700 Г. ДО Н.Э. И 700 Г. Н.Э.

Для целей настоящего исследования будем считать, что территории Гондураса, Сальвадора, Никарагуа, Коста-Рики и Панамы входят в регион Центральной Америки, а Гватемала – не входит. Хотя в настоящее время Гватемала является составной частью геополитического блока центральноамериканских стран, в тот исторический период, который нас интересует, и она, и Белиз представляли собой южную часть Северной Америки.

Близость народов, населявших перешеек Центральной Америки, одновременно и к южной части Северной Америки, и к северо-западу Южной Америки придавала особый характер проживавшим там местным обществам. Он проявлялся прежде всего в равнинных местах Центральной Америки, в южноамериканских влияниях, на которые в земледелии указывает внедрение окультуренных овощных растений, а в производстве керамики – восприятие идей изготовления и украшения сосудов. Аналогию этому можно найти в консолидации общества индейцев майя и их культуры на территории современной Гватемалы к концу доклассического периода, которая привела к устойчивым разнообразным контактам с народами Центральной Америки, что отразилось в взаимодействии ими не только земледельческого опыта и традиционных методов изготовления керамических изделий, использовавшихся майя, но и общественных отношений, выражавшихся в структуре и планировке церемониальных центров, вокруг которых концентрировалось население.

В этом смысле уклад жизни в Центральной Америке в VII в. н.э. представляет собой особое сочетание различных местных культурных традиций, которые отражают уровень социально-исторического развития.

Сообщества севера Южной Америки, включая регион Амазонки, в период между 700 г. до н.э. и 700 г. н.э. характеризуются двумя фундаментальными процессами: первый из них отражает стихийное возникновение эгалитарной социальной базы, основанной на древнем собирательском укладе жизни, который был присущ данному региону от 12 до 2–1 тыс. лет назад и на котором основывались племенные земледельческие общества; второй же фундаментальный процесс был результатом появления сообществ уровня государств в Центральных Андах, которые в опре-

Карта 46. Центральная Америка и Карибский бассейн

деленной степени влияли на будущие стили жизни племенных обществ; эти сообщества были весьма разнообразными – от самых простых эгалитарных племенных обществ до организованных наподобие государств обществ с церемониальными центрами и коллективными средствами производства, такими как ирригационные системы и террасное земледелие.

Племенные земледельческие сообщества северо-востока Южной Америки расширялись в направлении Больших и Малых Антильских островов по следам охотников-собираателей, которые достигли острова Куба уже в конце II тысячелетия до н.э. При этом они приобщили жителей островов к земледельческой культуре, в которой садоводство дополнялось сбором морских моллюсков, рыболовством и охотой на суше, и таким образом сформировавшееся хозяйство обеспечивало очень гибкую форму добывания средств к существованию, позволявшую приспосабливаться к разнообразным природным условиям, существовавшим на обширном Антильском архипелаге.

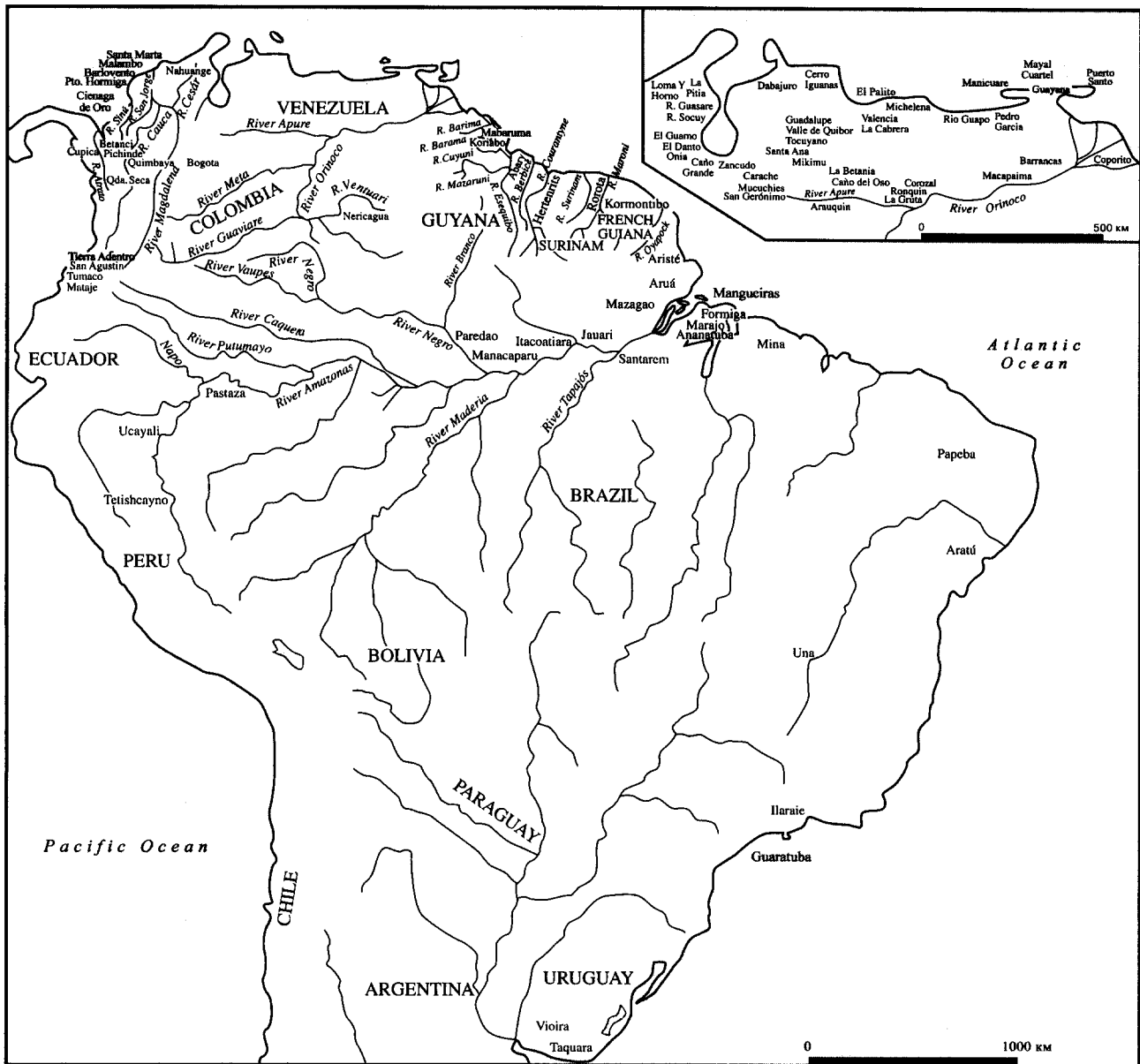
С VII в. интенсифицировалось развитие эгалитарных племенных земледельческих сообществ в регионе Амазонки. Несмотря на то что этот процесс проходил в условиях относительной изоляции, обусловленной периферийным расположением этого региона по отношению к основному потокам социально-исторических перемен, которые были в основном характерны для западной части Южной Америки, низменная часть Амазонии была примерно в VII в. н.э. местом обитания племенных обществ, достигших заметного прогресса в разнообразных технических сферах, например в изготовлении гончарных изделий, а также в установлении сложных общественных отношений. Это нашло свое отражение в возведении террасных построек и в церемониальных обрядах, которые свидетельствуют о значительном развитии социальной иерархии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

Северный регион

С 300 г. н.э. в северной части Центральной Америки мы уже находим смешанное население, родственное, с одной стороны, древним группам собирателей-охотников-рыбаков, населявших этот регион начиная по крайней мере с 7–8 тыс. лет назад, культура которого уже испытывала заметное очень характерное влияние древней керамики народов северо-запада Колумбии и нижнего течения реки Ориноко в Венесуэле, что можно видеть на примере метонахождения Playa-de-los-Muertos в Гондурасе (Sanoja, 1981, p. 96), и, с другой стороны, связанное с майя и ольмеками, влияние которых заметно, в частности, в устройстве ранних церемониальных центров. В этой связи обрядовые центры, например Ярумела (Canby, 1951), Вака и Лос-Наранхос (Stone, 1957; Baudez, 1966, 1970), представляют собой образцы наиболее характерных церемониальных и жилых центров, построенных в период между началом I тысячелетия н.э. и 600 г. н.э.

Коренные сообщества, связанные с Playa-de-los-Muertos, жили в простых поселениях, не строя курганов или других построек террасного типа, и занимались садоводством, охотой, речным рыболовством и сбором пресноводных двустворчатых моллюсков. Возможно, они составляли часть населения, которое распространилось до территории современной Гватемалы, где Willey и McGimsey (1954) обнаружили черты стилистического сходства между гончарными изделиями, относящимися к фазам аревало и мирафлорес и керамикой Монагрильо, которая, в свою очередь, видимо, родственна керамике из Пуэрто Ормига, Барволенто и Монсу с Атлантического побережья Колумбии (Sanoja, 1981; Sanoja & Vargas, 1979, pp. 53–55).

Карта 47. Современная Бразилия и пограничные государства. Расположение археологических памятников

В этом смысле средства жизнеобеспечения, которыми пользовалось население Пляжа-де-лос-Муэртос, до некоторой степени напоминают по своей природе те, которые использовались жителями местонахождения Селин на Атлантическом побережье Гондураса в 300–1000 гг. н.э., т.е. основанные на культивировании растений, охоте, рыболовстве и собирательстве – тех видах деятельности, которые были, по-видимому, характерны для народов северной части Центральной Америки в первые века н.э.

Ярумела – поселение, расположенное на аллювиальной равнине на левом берегу реки Умуя в долине Комаягуа, представляет собой комплекс построек, включающий ступенчатые курганы, лестницы и пирамиды с прямоугольным основанием. Последовательность гончарных изделий Ярумелы отражает наличие исходной культурной основы, которая, вероятно, имела своим источником древние традиции Центральной Америки позднего доклассического периода (Healy, 1980, p. 322) и включает глиняные тарелки или блюда, похожие на использовавшиеся в Южной Америке со II тысячелетия до н.э. для приготовления пирогов из маниоковой муки. Во второй период Ярумелы произошли фундаментальные изменения в структуре городских

сооружений и появились сосуды с плоским дном, снабженные носиком и украшенные двухцветным полированным орнаментом в виде полос, и, наконец, керамика, известная как «усулутан» и «многоцветная улуа».

Городские поселения, возникшие около 200 г. до н.э. в местонахождении Лос-Наранхос (Baudes & Becquetin, 1973), находившемся к северу от озера Йохоа, характеризуются в основном платформами из утрамбованной земли и индивидуальными или коллективными захоронениями со сложным инвентарем из нефритовых топоров, покрытых кинварью, напоминающими ольмекские захоронения в Ла-Вента. Эти находки указывают на существование здесь общества с клановой организацией.

К периоду между 200 и 500 гг. н.э. относятся находки, которые включают двухцветные гончарные изделия с орнаментом, выполненным в виде полос, и украшенные в технике «качающегося штампа», наряду с керамикой типа усулутан, украшенной линиями, иногда волнистыми, выполненными светлой краской на темном фоне. Заметно выделяются особенности мезоамериканской архитектуры, проявляющейся, например, в наличии курганов высотой от 3 до 19 м, площадей, платформ, сделанных из ка-

менных блоков, которые образуют группы стросений, окруженных защитными сооружениями.

В целом на протяжении первых семи веков н.э. коренные общества севера Центральной Америки при создании церемониальных центров придерживались метода, который был результатом влияния мезоамериканских строительных принципов. Точно так же основной земледельческой культурой и здесь был маис, зерна которого обрабатывались посредством имевших сложную форму трехногих каменных зернотерок. Продолжались также занятия охотой, рыболовством и собирательством, выращивался хлопок. Найдены маленькие женские фигурки из глины, похожие на те, которые были распространены в Центральной Америке в доклассический период. Все свидетельствует о том, что местные сообщества севера Центральной Америки постепенно становились все более клановыми и иерархическими и усваивали высокоэффективные методы работы, что позволяло им выделять избытки продукции для поддержания довольно сложной церемониальной системы.

Регион Центральной Америки окончательно стал сферой влияния майя приблизительно в 500–590 г. н.э. С этого времени приобретают важное значение церемониальные центры, игры в мяч и разнообразные элементы центральноамериканской культуры в целом. Постройки в этих церемониальных центрах и поселки, которые их окружали, были меньше, чем на юге Северной Америки. Наличие более эффективных аграрных технологий обеспечило развитие форм общественного и политического контроля и эффективного управления трудовыми ресурсами. Общественная организация труда проявилась в способности возводить новые церемониальные постройки, какими были, например, храмы на основаниях пирамидальной формы. Ремесленники и художники достигли высокого уровня мастерства и эстетического качества, и изделия, выполненные ими, стали распространяться на дальние расстояния группами торговцев, которые стали важной частью экономической структуры этих уже строго иерархических обществ, возможно, управляемых жрецами.

Примерно в 700 г. н.э. север Центральной Америки был тесно связан с центральноамериканской сферой интересов, в результате чего социально-исторические изменения, вызвавшие падение классической цивилизации майя, привели к упадку церемониальных центров и общественной жизни в целом в данном регионе Центральной Америки. Именно с этого времени отмечается усиление культурных влияний, источником которых была долина Мехико и которые, видимо, распространялись с мигрантами – народами науатль и тольтеки – и продолжали проявляться вплоть до XVI в.

Южный регион

Не позднее 700 г. до н.э. вдоль основных рек юга Центральной Америки стали появляться многочисленные поселки земледельцев. В Панаме уже примерно с 5000 г. до н.э. древние охотники-собиратели на внутренних территориях начали эксперименты с разведением таких пищевых культур, как *Zea mays* и, возможно, *Cucurbitaceae* или растительные виды (*Piperno*, 1989, pp. 538–554). Однако только между 200 г. до н.э. и 500 г. н.э. на тихоокеанских прибрежных низменностях появляются поселения, обитателями которых уже была создана налаженная система выращивания и обработки таких зерновых культур, как маис; вместе с тем земледелие здесь сочеталось с охотой на суше, рыболовством, собиранием моллюсков и изготовлением расписной керамики. С 500 г. н.э. появляются крупные поселения наподобие Конте в Кокле, где находят большие кладбища с коллективными захоронениями, в которых

встречаются красивые металлические изделия, предметы из кости, драгоценные камни и погребальные сосуды. Существовали, видимо, и церемониальные центры, такие, как Эль-Каньо, для которых характерны постройки, включающие колоннады в виде каменных изваяний человеческих фигур. Поселения располагались на прибрежных равнинах или в долинах рек вдали от побережья, где сельское хозяйство не требовало орошения. Крупные церемониальные центры, вероятно, служили также местами погребения особенно важных персон из окрестных поселений и были населены группами ремесленников, производивших предметы роскоши, которые использовались в качестве погребальных приношений (*Linares*, 1977). Все это, возможно, свидетельствовало о развитии иерархических обществ, в которых уже присутствовала определенная степень специализации среди ремесленников, занимавшихся металлообработкой, изготовлением каменных скульптур и гончарных изделий.

Обнаруженные археологами на севере Панамы археологические свидетельства, имеющие признаки, характерные для традиции керамики Эскарификада Консепсьон-Агуас Буэнас и относящиеся к первым векам последнего тысячелетия до н.э., указывают на существование разнообразных систем сельскохозяйственного производства. В большом количестве найдены пестики и каменные жернова, а также топоры, мотыги и другие орудия для разработки леса и выращивания продовольственных культур, например маиса. В некоторых крупных поселениях севера Панамы находят огромные каменные жернова, подставки которых вытесаны в форме кариатид, изображающих людей, несущих головы в виде тропеив, а также загадочные цилиндрические предметы, вырезанные из дерева, которые известны как «бочонки». В каменной скульптуре севера Панамы явно прослеживаются символы социального положения, связанные с войной, что наводит на мысль о типе социальной организации в этом регионе в рассматриваемый период (*Linares*, 1968a, 1977; *Haberland*, 1969).

В Коста-Рике, как и в Панаме, с 700 по 500 г. до н.э. начинается объединение структурированных племенных обществ, основанных на заметном социальном расслоении. Местонахождения наподобие Ла-Монтанья в центральном регионе Коста-Рики свидетельствуют о наличии возможных связей местного населения с народами северо-запада Колумбии; общей их чертой является выращивание съедобного маниока (кассава) и переработка в крупную клубней (маниоковое саго). Археологические находки в других местах, например в поселении Чапаррон, относящихся к тому же времени, говорят о наличии в этом регионе групп, связанных с традицией двухцветной керамики, украшенной орнаментом в виде полос, и это предполагает наличие контактов с культурами юга Северной Америки, относящимися к среднему доклассическому периоду. Начиная с 200 г. до н.э. усиление влияний этих культур вызвало появление на центральном плато Коста-Рики церемониальных центров с каменной архитектурой, типичными чертами которой являются, в частности, круглые основания и мощные дороги. Все это указывает на существование средств политического и территориального управления рабочей силой, что является характеристикой иерархических сообществ, возглавляемых вождями. Помимо этого имеются также признаки специализированного и очень изощренного ремесла в области резьбы по камню, изготовления керамики и в металлургии, что обязательно предполагает наличие специалистов-ремесленников, продукция которых имела общественное или религиозное значение (*Fonseca Zamora*, 1988).

Появление в оседлых поселениях, возникших после 800 г. до н.э. в районе Гуанакасте-Никоя на севере Коста-Рики гончарных изделий, выполненных в традиции ук-

рашения в виде двухцветных полос, указывает, как и на юге, на наличие связей с культурами юга Северной Америки, относившимися к среднему доклассическому периоду. С 300 г. до н.э. появляются большие кладбища, сложность которых свидетельствует о существовании в высокой степени иерархического общества. Жизнеобеспечение основывалось на выращивании маиса; были найдены каменные топоры для расчистки лесов под маисовые поля. Среди сельскохозяйственных инструментов привлекают внимание изображения «бога топоров», связанные, вероятно, со сложной политико-религиозной системой управления обрабатываемыми землями, производством, распределением и потреблением продуктов сельского хозяйства.

Начиная с 800 г. н.э., когда иерархические общества, управляемые местными вождями, стали контролировать большую часть территории Коста-Рики, контакты с народом севера Центральной Америки прервались. После этого начинается развитие местных культур, которые на севере характеризуются традицией многоцветной керамики Никаюа и более тесными связями с коренными обществами Никарагуа и Гондураса. С другой стороны, на Центральном плато южноамериканские культуры заполнили тот вакуум, который образовался в результате исчезновения связей с севером, и были установлены контакты с коренными обществами северо-запада Колумбии и Панамы. Одно из наиболее заметных последствий этих контактов – заимствование методов обработки драгоценных металлов из Колумбии и Панамы; эти технологии были предназначены для изготовления предметов роскоши, большая часть которых, видимо, шла на удовлетворение потребностей представителей высших слоев общества аборигенов Центрального плато Коста-Рики.

Археологические находки, сделанные в Никарагуа к северу от Коста-Рики, на южной части Тихоокеанского побережья, свидетельствуют о существовании населенных пунктов, в которых изготавливались гончарные изделия, соответствующие по форме и стилю изделиям в традиции двухцветной керамики с узором в виде полос, которую

можно проследить, как указывалось выше, в культурах юга Северной Америки среднего и позднего этапов классического периода (ок. 1000–200 гг. до н.э.). Народы Никарагуа, связанные с традицией двухцветной керамики с орнаментом в виде полос, выращивали маис, который они измельчали каменными жерновами; кроме того, они занимались рыболовством у берегов озера Никарагуа, возможно, используя сети, а также охотились на животных на суше с использованием закаленных огнем деревянных метательных снарядов. Кроме того, с самых давних времен группы коренного населения юго-запада Никарагуа, видимо, поддерживали тесные связи с народами, населявшими регион Гран-Никоюа на северо-западе Коста-Рики, а также с населением более удаленных районов, таких как Сальвадор и юг Северной Америки (*Haberland*, 1969).

Между 1 и 800 гг. н.э. связи между юго-западом Никарагуа и регионом Никоюа становятся, по-видимому, более прочными; одним из отражений этого процесса является возникновение некоторых характерных форм, специфичных для юга Центральной Америки, что постепенно отдалило народы этого региона от их предшественников с юга Северной Америки и нашло свое выражение в появлении традиционной многоцветной керамики. Возросла зависимость населения от выращивания маиса; стали также использоваться и другие растения, например чили, орехи и клубнеплоды, которые измельчались в трехногих глиняных терках. Собираемость моллюсков, видимо, также стало играть более важную роль из-за роста численности населения, который вызвал развитие хозяйства с более разнообразным производством (*Baudez & Coe*, 1962). Как бы то ни было, народы Никарагуа и Коста-Рики, вероятно, поддерживали контакты с народами, жившими на севере Центральной Америки и связанными с классической цивилизацией майя, что нашло свое отражение в изделиях из нефрита и в характерной керамике.

Как и везде на севере Центральной Америки, в VIII в. становится более сильным влияние культур юга Северной Америки, связанное с «миграциями чоротегов» в данный регион. Это, видимо, совпало с окончанием классического периода цивилизации майя – историческим событием, которое внесло существенные изменения в уклад жизни народов Центральной Америки, наиболее близких к сфере влияния культур юга Северной Америки.

КОЛУМБИЯ

Северо-западный исторический регион

Самые ранние свидетельства постоянного проживания сообществ людей в Колумбии найдены на Атлантическом побережье – на низменных равнинах, окружающих устье реки Магдалена. Хотя окультуривание и выращивание растений явно началось раньше – в конце II тысячелетия, процесс образования больших эгалитарных земледельческих поселений, примером которого служит фаза маламбо (*Angulo Valdez*, 1981), достиг своего пика примерно в середине последнего тысячелетия до н.э. Жители Маламбо вели смешанное хозяйство, в котором сочеталось выращивание маниока (*Manihot esculenta Crantz*) с охотой, рыболовством и собиранием двустворчатых моллюсков. Примечательной чертой культуры маламбо является изготовление гончарных изделий, наиболее характерными из которых являются сосуды сложных форм, украшенные резными узорами, напоминающими о древних традициях Пуэрто-Хормига и Монсу, возникших на Атлантическом побережье Колумбии примерно в III тысячелетии до н.э. (*Reichel-Dolmatoff*, 1965, 1985).

Примерно в I в. н.э. выращивание съедобного маниока стало частично замещаться выращиванием маиса; этот процесс иллюстрируется фазой момил (*Reichel-*

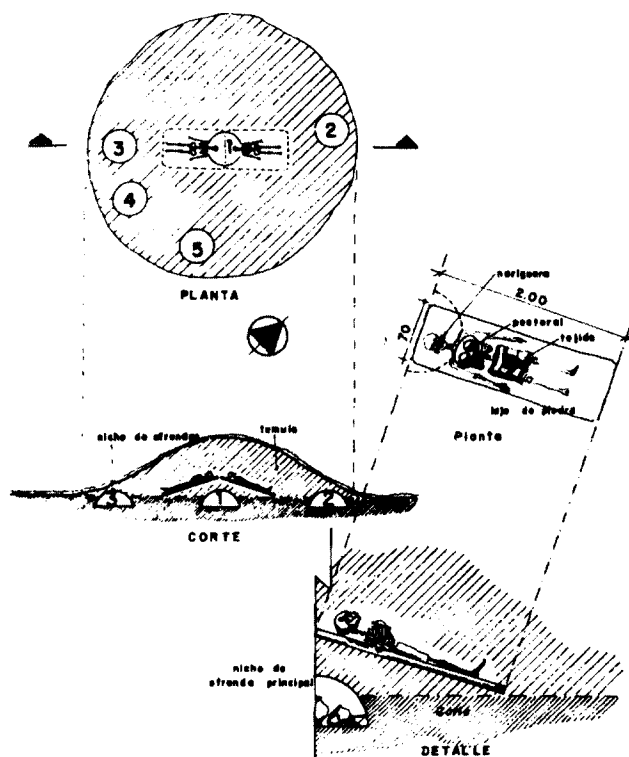

Рис. 57. Жилые постройки, погребальные курганы и приподнятые поля, Бахо-Сан-Хорхе, Колумбия

Dolmatoff, 1956), и в это же время можно видеть появление таких стилей украшения гончарных изделий, как рисунок в виде полос и «качающийся штамп». Возможно, что появление культурного маиса в Колумбии, где в долине Калима находят пыльцу *Zea mays*, датируемую 5300 г. до н.э., указывает на возможность того, что дикий маис мог быть намного более широко распространенным знаком, чем предполагает моноцентрическая гипотеза его окультуривания. Поселения Тумако и Матахе на Тихоокеанском побережье Колумбии (*Reichel-Dolmatoff*, 1965) могут свидетельствовать о наличии около 500 г. до н.э. культурного влияния юга Северной Америки, подобного тому, которое проявилось в более ранний период на Тихоокеанском побережье Эквадора.

Можно видеть, что около VII в. н.э. на берегах реки Магдалена появляются дома, построенные на платформах из утрамбованной земли и укрепленные сложенными без раствора стенами из камня. Жизнеобеспечение осуществлялось выращиванием маиса и маниока. Способ выращивания различных видов растений доказал свою эффективность и обеспечил постоянно действующий стимул для развития поселений. В связи с этим здесь обнаруживаются многочисленные поселения с высокой плотностью застройки, обычно связанные с большими кладбищами, в которых преобладают захоронения в погребальных урнах. На некоторых городищах, например Бетанси-Вилория, и в археологических отложениях Бахо-Сан-Хорхе (рис. 57) найдены следы появления в этот период передовых сельскохозяйственных технологий, примером которых является интенсивное осушение полей, позволявшее выращивать растения даже в период паводков, а затем возвращать влагу на поля во время засухи. Наряду с этим возникли сложные ремесла, например, обработка драгоценных металлов, которые впервые появились в начале I тысячелетия н.э. Наличие различающихся типов погребений, среди которых встречаются могилы с богатыми погребальными приношениями в виде гончарных изделий и изделий из драгоценных металлов, указывает на то, что уже в VII в. н.э. появляются клановые общества с некоторым управлением рабочей силой, разрабатываются специализированные технологии вместе с возникновением неравенства при распределении и потреблении предметов роскоши и, возможно, появляется некая централизованная сила или власть, которая соответствует уровню вожеств или клановых обществ.

Юго-восточный исторический регион

В горах юга Колумбии, у истоков реки Магдалена, в период между 500 г. до н.э. и началом I тысячелетия н.э. возникает одно из наиболее передовых не только для Колумбии, но и для всей северной части Южной Америки обществ доиспанского периода – Сан-Агустин (*Preuss*, 1929; *Duque Gomez*, 1963, 1966; *Cubillos*, 1978; *Hernandez de Alba*, 1979; *Patterson*, 1965; *Reichel-Dolmatoff*, 1965). Особенности этого археологического местонахождения указывают на его статус как важного церемониального центра. В нем есть множество террасных построек, искусственных курганов, а также склепов, храмов и монолитных статуй. Некоторые курганы достигают 30 м в диаметре и 5 м в высоту; внутри располагается прямоугольная камера, построенная из каменных плит. В некоторых из этих камер находят ячейки с человеческими останками или вытесанные из камня статуи.

К наиболее примечательным особенностям Сан-Агустина относятся каменные статуи или горельефы, обычно с зооморфными резными сюжетами. Среди них выделяют скульптуры, изображающие человеческие фигуры со зловными чертами, которые напоминают скульптуры культуры чавин из Центральных Анд.

Жители Сан-Агустина обитали в небольших полукруглых жилищах и выращивали маис, который затем перемальвали каменными жерновами. На склонах соседних гор можно различить длинные ряды гребней, возможно, представляющих собой остатки террас и оросительных каналов.

Видимо, здесь мы имеем дело с обществом, для которого были характерны заметное социальное расслоение и сложная организация работ, а также специалисты, занимавшиеся производством гончарных изделий и обработкой драгоценных металлов. Вполне вероятно, что существовали правящие наследственные кланы, которые жестко контролировали социальную жизнь общины. В течение I тысячелетия н.э. влияние Сан-Агустина на народы центральных и западных горных частей Колумбии привело к развитию во многих местах этого региона Анд сообществ, которые можно рассматривать как иерархические, занимавшиеся выращиванием маиса, картофеля и других местных видов растений с применением передовых методов интенсивного земледелия. Они также в совершенстве владели искусством изготовления керамики и изделий из золота, меди и сплава меди с золотом и, возможно, ткачеством. Кроме того, в этих обществах использовалась организация рабочей силы при выполнении общественных работ, в особенности церемониальных функций. Можно отметить также наличие архитектуры, направленной на удовлетворение потребностей культа мертвых, в особенности принадлежавших к особой части населения, которая, видимо, имела определенные привилегии при распределении продукции, произведенной членами общины. Все эти данные свидетельствуют о существовании культа предков, связанного с привилегированными родами.

РЕГИОН АМАЗОНКИ

Начиная с VII в. до н.э. остров Маражо в устье Амазонки был ареной исторических перемен, которые оставили определенный след в укладе жизни аборигенных обществ средней и нижней частей региона Амазонки.

На острове Маражо не позднее 980 г. до н.э. появились поселения, которые археологами обозначаются как фаза ананатуба (*Meggery & Evans*, 1957) и фаза хаури (*Hubert*, 1968). Разумно предположить, что эти народы занимались примитивным земледелием, сопровождаемым охотой, рыболовством и собиранием пресноводных моллюсков. Эти группы народов жили, по-видимому, в относительной изоляции от перемен, происшедших в других частях региона Амазонки, таких как перуанская Амазония (*Lalbrap*, 1970; *Lumbreras*, 1974) и эквадорская Амазония, где за прошедшее тысячелетие стали обычными культурные контакты между народами альтиплано и народами, населявшими лесные территории Амазонии.

Около 500 г. н.э. в низовья Амазонки прибывают группы переселенцев, относящихся в археологии к фазе мангуэйрас. Они усвоили многие местные особенности и внесли другие элементы, которые были уже в ходу у аборигенов севера Южной Америки. Один из наиболее важных элементов, который, безусловно, был привнесен в регион низовой Амазонки около 425 г. н.э., – способ окультуривания и обработки съедобного маниока и превращения его мякоти в муку или крупу, что можно наблюдать в фазах манакапуру, хапура и паредао (425–880 гг. н.э.), которые были определены *Hilbert* (1968) неподалеку от города Манаус.

Наиболее сложное аборигенное общество доиспанского периода относится, по-видимому, к фазе маражоара. Остатки обитаемых местонахождений свидетельствуют о плотном заселении данных мест, при этом поселения с большим числом комплексов, состоявших из искус-

ственных курганов, группировались в основном вокруг озера Арапи.

Культура фазы маражоара возникла в низовьях Амазонки около 500 г. н.э. Искусственные холмы использовались либо для жилья, либо для погребения. Каждый комплекс из нескольких холмов, вероятно, представлял собой общинное жилье и в каждом комплексе был хотя бы один курган погребального назначения.

Погребальные урны маражоары заслуживают внимания благодаря своему сложному и утонченному многоцветному декоративному стилю. Можно заметить существенные отличия в составе погребальных приношений, которые были найдены рядом с умершими: глиняные *тангас* (покрышки для нижней части тела), небольшие сосуды и кости млекопитающих, птиц и крокодилов. Место захоронения людей высокого статуса окружалось погребальными урнами других умерших. С другой стороны, умершие обитатели Маражоары другого общественного положения хоронились прямо в земле, без каких-либо признаков погребальных приношений.

Из этого можно сделать вывод, что общество маражоары достигло того минимального уровня дифференциации по социальному положению, который характеризует самую высокую степень развития эгалитарного общества, не достигшего стадии сложного общественного разделения труда и фундаментального неравенства между отдельными частями кланового общества, что, как мы могли видеть, было характерно для уклада жизни в других регионах северо-запада Южной Америки и Центральной Америки.

С X по XV в. н.э. регион низовьев Амазонки и бразильской части Гвианского плоскогорья был, по-видимому, объектом разнообразных культурных влияний со стороны аборигенных обществ востока Колумбии и среднего течения реки Ориноко. Свидетельства этого обнаруживаются в виде рядов камней, антропоморфных урн, склепов с трубами и т.д. В свою очередь, народы, связанные с традицией многоцветной керамики, характерной для фазы маражоары, расселились вдоль Амазонки, Солимонса и Укаяли, а также в Эквадоре вдоль рек бассейна Амазонки (Evans & Meggers, 1968).

ВЕНЕСУЭЛА, ГАЙАНА, СУРИНАМ, ГВИАНА И АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

Восточный регион Венесуэлы, Гайана, Суринам, Гвиана и Антильские острова

Начиная с 700 г. до н.э. регион среднего и нижнего течения реки Ориноко был местом проживания племенных сообществ, деревни которых были поставлены на берегах этой огромной реки. В противоположность северо-западной части Колумбии первые обитатели этих мест, достигшие Ориноко, были, видимо, боковой ветвью древних обществ, населявших восточную часть Центральных Анд, которые примерно к концу II тысячелетия до н.э. достигли уровня социально-исторического развития, вероятно, соответствовавшего организационному уровню государств, а скорее – высокоразвитых вожеств, как это было в случае общества чавин (Lumbreras, 1974).

В VII в. до н.э. район среднего и нижнего течения Ориноко был населен группами народов, которые в археологии относят к традициям барранкас и ронкин (Vargas Arenas, 1981; Sanoja & Vargas, 1974). Выявлено, что сначала в жизни обоих сообществ сочетались методы культивирования горького маниока и его переработки в муку и крупу, выращивания съедобных корней и других видов растений, например, *Cucurbita sp.*, с охотой на суше, рыболовством и собиранием пресноводных моллюсков. Численность населения в этих поселках была, по-видимому, ограничена, и люди расселялись по песчаным дюнам и берегам реки,

как это обычно было свойственно обществам эгалитарного земледельческого типа.

К началу I тысячелетия н.э. народы, связанные с традицией барранкас в нижнем течении Ориноко, достигли максимального уровня развития, возможного при эгалитарном земледельческом обществе, и в нем появились признаки определенного социального расслоения, проявлявшегося в обращении с умершими. Здесь также находят большие сосуды, украшенные резными антропоморфными сюжетами, которые могли использоваться для приготовления еды из тапиоки – крупы из крахмала клубней маниока, предназначенной для высокопоставленных членов общества. Более того, производство и украшение гончарных изделий достигли высокой степени совершенства, и это, возможно, свидетельствует о том, что в данном производстве участвовали специалисты высокого уровня, обеспечивавшие выдающееся качество сосудов. Стилистические элементы керамики барранкас указывают на особый интерес к изображению животных, что, возможно, отражает осознание представителями этой культуры своей социальной ответственности за окружающую их природу, которая обеспечивала их исходным материалом для существования.

В среднем течении Ориноко перемены, которые происходили в начале I тысячелетия н.э., особенно проявляются в постоянном усовершенствовании процессов изготовления и украшения сосудов. Примечательны рисованные белым по красному узоры, обширные врезки и резные сюжеты, выполненные по шаблону, а также стебельчатые каменные наконечники, которые, очевидно, были предназначены для металлических палок. Археологические данные свидетельствуют о том, что и в среднем, и в нижнем течении Ориноко люди занимались прядением и ткачеством и изготовлением корзин и циновок.

В первые века н.э. в среднем течении Ориноко появились новые народы, в археологии определяемые как носители традиции араукин, которые на своем пути оттеснили группы традиции ронкин с их мест, вынудили их переместиться на северо-восточное побережье Венесуэлы. В I в. люди культуры ронкин уже занимали Карибское побережье полуострова Париа, а люди традиции барранкас начали перемещаться на остров Тринидад и к восточному краю полуострова Париа.

В начале I тысячелетия н.э. на северо-востоке Венесуэлы шел процесс интеграции древних общин собирателей, которые населяли этот регион с 5000 г. до н.э., а точнее, тех людей, которые примерно с 2500 г. до н.э. занимались и собирательством, и земледелием (Sanoja, 1989), и людей традиций ронкин и барранкас. Это привело к появлению очень динамичного общества, определяемого в археологии как общество традиции саладоид-костера (Vargas Arenas, 1979; Sanoja, 1981; Sanoja & Vargas, 1974); оно развивалось как эгалитарное общество, экономика которого гибко и эффективно сочетала собирание морских моллюсков, рыболовство, охоту на суше и выращивание маниока и маиса. Весь западный регион полуострова Париа был занят людьми культуры ронкин – переселенцами с территорий среднего течения Ориноко, тогда как люди барранкас занимали восточную часть полуострова Париа и остров Тринидад. Тем не менее между двумя этими группами, видимо, установились достаточно тесные связи, вплоть до взаимного технического и эстетического обмена достижениями в изготовлении керамики, что свидетельствует о возможных союзах между общинами, населявшими в это время полуостров Париа.

Древние собиратели и ловцы морской рыбы на северо-востоке Венесуэлы, видимо, были уже знакомы с морскими путями к Малым и Большим Антильским островам. Это облегчило перемещение прибрежных жителей, принадлежавших к традиции саладоид, в эти регионы, куда они прибыли около 50 г. н.э., принеся с собой эгалитарный зем-

ледельческий уклад жизни, который был развит на северо-востоке Венесуэлы. Одно из наиболее древних прибрежных поселений культуры саладоид расположено на острове Вьекес (вблизи острова Пуэрто-Рико в группе Больших Антильских островов. – *Прим. ред.*) (*Chanlatte*, 1981); за ним появились многочисленные поселения на Малых и Больших Антильских островах, в частности на Барбадосе, Мартинике, Гваделупе, Сент-Китсе (Сент-Кристофере. – *Прим. ред.*), Виргинских островах и других, а также на большом острове Пуэрто-Рико.

На основе культуры, принесенной с континента, народы Антильских островов начали развивать местные формы эгалитарного земледельческого уклада жизни; этот процесс стимулировался относительной изоляцией, в которой жили обитатели островов, несмотря на продолжавшиеся нерегулярные контакты с предшественниками на континенте.

Видимо, между 700 и 800 гг. н.э. возникли общества с иерархической структурой, наиболее важным проявлением которых служит культура таино. В этой культуре соединились элементы культуры барранкас, развившейся на Южноамериканском континенте, с такими ее церемониальными формами, как игры в мяч и каменная скульптура, которые, вероятно, были заимствованы из южного региона Северной Америки. Люди культуры таино поселились на Больших Антильских островах и контролировали весь регион вплоть до появления испанцев в XV в.

Около 500 г. н.э. люди культуры барранкас стали также продвигаться к территории нынешней Гайаны и далее к югу между дельтой Ориноко и устьем Амазонки, и в 600 г. н.э. они уже поселились на северном побережье Суринама. Начиная с X в. н.э. этот огромный регион между дельтами Ориноко и Амазонки стал местом, куда направлялись многочисленные волны переселенцев как с острова Тринидад, так и с соседних территорий. Важной особенностью, связанной с сельскохозяйственной деятельностью, являются приподнятые обрабатываемые поля, или «осушенные поля», в Суринаме, где, видимо, выращивалась *Manihot esculenta Crantz*. Археологические материалы, найденные на некоторых из этих полей, связывают их с традицией барранкас и относят к разным датам между 820, 905 и 685 гг. н.э. (*Boomert*, 1976). Начиная с VI в. н.э. регионы Центральной и Западной Венесуэлы начали заселяться племенными группами, занимавшимися изготовлением гончарных изделий и выращиванием маиса или маниока; их первые поселения находят на южных и северо-восточных берегах озера Маракайбо и в долине к северу от горных хребтов Кордильер. Последний из названных регио-

нов был ареной заметных социальных перемен, которые включали появление в III в. н.э. обществ с очень сложной структурой, которые *Vargas-Arena* и его коллеги (1986) считают связанными с иерархическим укладом жизни. Одной из наиболее важных особенностей является наличие обширных захоронений и совершенных методов обработки морских раковин, кости и керамики, изучение которых дало возможность предположить существование разветвленной сети меновой торговли, которая была нужна для приобретения различных видов морских раковин с разных мест удаленного Карибского побережья, а также наличие групп специалистов, организованных для производства широкого спектра предметов роскоши, которые распределялись и использовались на обширных территориях северо-запада Венесуэлы.

Внутренние долины, лежащие вокруг озера Валенсия, и равнины вдоль центральной части побережья Венесуэлы стали с III в. н.э. заселяться людьми барранкас, приходившими из низовьев Ориноко. Примерно в VII в. н.э. прибыла новая волна переселенцев с территорий в среднем течении этой реки, которые были связаны с традицией араукин; это переселение положило начало другому важному процессу социально-исторических перемен, кульминацией которого явилось установление в XVI в. сложных аборигенных обществ, связанных, видимо, с иерархическим укладом жизни (*Kidder*, 1944; *Sanoja & Vargas*, 1974).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом период с 700 г. до н.э. по 700 г. н.э. характеризуется в рассматриваемых регионах консолидацией сельскохозяйственного племенного общества. Между 1 и 700 гг. н.э. уже можно видеть появление во многих из этих регионов относительно сложных иерархических обществ, которые антропологи называют клановыми обществами, или вождествами. Несомненно, историческая динамика более сложных обществ юга Северной Америки и Центральных Анд имела некоторое влияние на этот процесс, однако гораздо более весомый вклад внес человеческий опыт, накопленный на протяжении тысячелетий народами различных исторических регионов Центральной Америки, Амазонии и островов на востоке Карибского моря. В этом смысле мы уверенно можем считать, что социально-политические проявления у этих народов были основаны на их собственных действиях и не были упрощенными копиями более развитых обществ доиспанской Америки.

ЮЖНЫЕ РУБЕЖИ АНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ ЮГА ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Альберто Рес Гонсалес

Южные рубежи высокогорных андийских культур совпадают с южными границами территории, которую археологи уже много лет называют Южной андийской зоной. Исследованиям ее особенностей и субрегионов посвящено множество исчерпывающих исследований (*Willey*, 1971; *Gonzalez & Perez*, 1966; *Lumbreras*, 1981).

Северная граница этой зоны простирается по линии восток – запад, которая идет вдоль южного берега озера Титикака; далее зона продолжается по обе стороны Анд вплоть до острова Чилоэ с чилийской стороны и до южной части провинции Мендоса и севера провинции Неукен – со стороны Аргентины. С запада она ограничена Тихоокеанским побережьем, а с востока – субтропическими лесами и альтиплано, или высокогорным плато (западная часть внутреннего плоскогорья Центральных Анд Южной Америки. – *Прим. ред.*). Далее к югу она ограничена горами Сьеррас-Субандинас, каньоном Умауака и горами Сьеррас-Сентралес в Аргентине.

Культурные характеристики этого обширного региона менялись со временем настолько же сильно, насколько разнообразен его ландшафт. Описание эволюционного процесса, протекавшего в этой зоне с 700 г. до н.э. до 700 г. н.э., будет ограничено основными поворотными моментами.

В рамках современного политического деления территория Южной андийской зоны включает части Боливии, больше половины Чили и весь северо-запад Аргентины (карта 48).

Боливия занимает полупустынную и пустынную область, известную как Пуна.

Территории Аргентины и Чили, разделенные высокими хребтами Кордильер, представляют собой сложную мозаику различных субрегионов. Берег океана со стороны Чили и субтропические леса и горы Чако со стороны Аргентины вносят разные оттенки в общую географическую картину этого региона. Части трех стран, которые расположены на территории Пуны, имеют одинаковые природные характеристики.

В самой южной части зоны, называемой арауканским (по городу Арауко в Чили. – *Прим. ред.*) регионом, где леса и количество осадков позволяли выращивать урожай без орошения, шел культурный процесс, который имел собственные характерные черты.

Для каждого региона нам прежде всего следует выяснить, что относится к местным достижениям и результатам развития путем отбора, изобретений и приспособления к окружающей среде, а что было результатом иноземных культурных влияний и усвоено и приспособлено к новым природным и культурным условиям.

Обычно выделяют четыре исторических периода, которые определяются по их содержанию и назначению. Хотя эти периоды везде следовали в одинаковом порядке, но в разных регионах они проявлялись в разное время, что не

позволяет установить точную абсолютную хронологию для всего региона.

Самый ранний период связан с охотниками на представителей мегафауны андийского плейстоцена (мастодонтов, глиптондонтов, американских лошадей и других). Он известен также как палеоиндейский период. Имеются надежные доказательства существования производства, связанного с этой фауной, свидетельством чему являются находки в лагуне Тагуа-тагуа в Шестом регионе Чили. Другие очень похожие находки, свидетельствующие об укладе жизни и методах охоты групп людей этого периода, были сделаны в Патагонии (местонахождения Каверна-Фелл, Лас-Буитreras, Лос Тольдос и другие). Многие авторы считают эти находки (например, в Монте-Верде на юге Чили) относящимися примерно к 30 тыс. лет назад. Другие предпочитают более скромную дату – ближе к 12 тыс. лет назад. Еще больший разброс наблюдается по отношению к другим находкам в Америке. На основе находок в восточноаргентинской пампе, можно сделать вывод, что мегафауна там существовала еще приблизительно 8 тыс. лет назад. С вымиранием огромных млекопитающих четвертичного периода и проявившимися климатическими изменениями в конце этого периода началась новая стадия эволюции и адаптации человека.

В древний период (6000–1500 гг. до н.э.) население в регионе занималось собиранием пищи и предпринимало первые попытки одомашнивания животных и окультуривания растений. В этот период была достигнута высокая степень оседлости, что позволило применительно к Центральным Андам изучить его достаточно тщательно, однако существует еще достаточно большой объем данных о рассматриваемой нами территории. Долгое время считалось, что именно здесь был достигнут высокий уровень доместикации, однако сейчас полагают, что некоторые виды растений и животных могли быть окультурены и одомашнены на периферии. Некоторые разновидности верблюдовых, например арауканская и чилинэкская ламы, могли быть приручены на месте. Для этого периода характерны приспособления для растирания, которые использовались для обработки содержащих крахмал пищевых продуктов. Наиболее примечательным техническим достижением, особенно на завершающих этапах этого периода, было овладение искусством плетения корзин. Социальная структура несколько усложнилась по сравнению с предыдущим периодом; наблюдался также рост численности населения.

Начало периода формирования может быть отнесено примерно к 1500 г. до н.э. В это время возникают новые технологии, например ткачество, гончарное дело и обработка металлов, и появляются зачатки деревенской жизни. Полностью используются земледельческие и пастбищные возможности, применяются разнообразные ирригационные методы. По-видимому, существенно увеличивается численность населения. Этот период делится на интерва-

лы, обычно на ранний, средний и поздний этапы периода формирования. Параллельно с культурами данного региона происходило также развитие ряда культур высокогорья Центральных Анд, влияние которых в большей или меньшей степени ощущалось вплоть до периферии региона, но это влияние не привело к сколь-нибудь существенным изменениям в процессе эволюции или специфическим особенностям местных культур. С Альтиплано сначала проникло влияние культуры уанкарани, следы которой можно найти в северной части Чили и в Аргентине. Большое влияние на этот регион оказали такие крупные цивилизации, как пукара, и такие государства, как Тиауанако. Следы влияния культуры пукара можно видеть в северной части Чили; влияние Тиауанако достигло не только территории Чили, но и расположенных намного южнее аргентинских провинций Жужуй и Катамарка. Несмотря на эти влияния, местные культуры сохраняли свои индивидуальные черты.

Империальный период начался с вторжения инков на территорию юга Боливии и севера Чили и Аргентины во время правления десятого Инки, или Топа-Инка-Юпанки. Формирование империи началось примерно в XV в. н.э.; ее наибольшее расширение в сторону Чили и Аргентины происходило приблизительно в 1480-е гг. И влияние ее сохранялось вплоть до испанского завоевания в 1536 г., которое знаменует начало испано-инкского периода.

По использованию природных ресурсов различные географические условия в Южной андийской зоне оказали весьма разное влияние на развитие регионов Чили и Аргентины. Для Чили имела очень важное значение добыча продуктов моря, которая была совершенно неизвестна на восточной стороне Анд. Хотя близость леса и хозяйственная деятельность в тропических лесах и в лесах в предгорьях на этой восточной стороне Анд оказывали определенное влияние на жизнь народов западной части Анд, гораздо более сильное воздействие они оказывали на Аргентину, к которой эта территория расположена ближе. Влияние Анд и культуры андийского высокогорья ощущалось и в Чили, и в Аргентине, распространяясь по путям на высокогорных плато. Другие влияния проникали в центральную часть территории Чили морем из центральной и южной областей перуанского побережья.

При обзоре культур этой зоны следует принимать во внимание языки, на которых говорили жившие здесь народы. Письменных свидетельств о языках, используемых в этом регионе в прошлом, не существует, поэтому выводы можно делать только на основании современного этнографического распределения и его возможной исторической последовательности. Для высокогорного плато Боливии, видимо, достаточно достоверна следующая последовательность языков: пукина, затем аймара, после него – кечуа. Здесь можно провести параллель с последовательностью, которая прослеживается повсюду в эволюции культур. Следует обратить внимание на существование других языков в периферийных регионах. Основным из них является атакамено, на котором говорят в чилийской и аргентинской Пуне. На северо-западе Анд наиболее распространенным был ныне вымерший язык диагито-калчаки, или какан, на котором, возможно, говорили также в Норте-Чико в Чили. На арауканском языке, который был распространен на территории от реки Чоапа до границы рассматриваемой зоны, говорят и по сей день.

ОПИСАНИЕ РЕГИОНОВ

Описание цепи исторических событий, происходивших в рассматриваемой зоне, будет дано с учетом ее географического разделения на субрегионы. Все ее террито-

рии прошли через палеоиндейский, докерамический и архаический (древний) периоды, хотя у каждого из них были свои особенности. Они испытали позднее влияние Альтиплано и Центрального андийского ядра. Географическое разделение на субрегионы и хронологическая последовательность приведены на рис. 58, составленном на основе ряда недавних публикаций.

Чили

Норте-Гранде

Эта территория, называемая также «Сухой Север», включает в себя обширную пустыню Атакама и продолжение солончаковой и сухой так называемой пуны и лежит выше 3500 м над уровнем моря. В Перу она включает побережье между реками Махес и Саладо. Природные условия этого района очень разнообразны – от побережья до кордильер, при этом они зависят от высоты горных склонов. Основная особенность территории – большое колебание температур в течение суток. Главные источники воды – реки, которые подпитываются горными снегами, что делает возможным орошаемое земледелие. Другой тип ландшафта в этом регионе – внутренние оазисы, крупнейший из которых – Сан-Педро-де-Атакама.

Древнейшими обитателями этих мест были охотники конца плейстоцена (до 10 тыс. лет до н.э.) – времени, когда климат был, видимо, более влажным, чем сейчас, что привело к появлению поросших кустарником степей. Примерно в 4000 г. до н.э. группы людей начали здесь одомашнивание животных и окультуривание растений.

В V–VI тысячелетии до н.э. местные жители стали осваивать побережье, что имело очень большое значение и привело к появлению особого уклада жизни, который характеризовался впоследствии взаимодействиями с народами и ресурсами из внутренних территорий. При этом происходило постепенное и все более эффективное освоение морских ресурсов. Адаптация населения началась с использования морских ресурсов в зоне прилива и отлива, а затем и в глубине территории. Средства, сопутствовавшие такой адаптации, включали сети, рыболовные крючья и лодки, сделанные из кожи тюленя. Очень интересная культурная деталь жизни этих рыбацких сообществ – их сложные погребальные обычаи, включавшие сложную систему мумификации, в которой подготовка к сохранению тел взрослых и детей осуществлялась посредством высушивания, а иногда и копчения. Эта культура известна как фаза чинчорро; она продолжалась в течение долгого времени – с 5000 по 500 г. до н.э.

В древний период появились первые культурные растения, хотя широко они стали использоваться только в период формирования – примерно в 1000 г. до н.э. На территории Льюта-Камаронес возникли деревенские поселения, в которых стали выращивать различные виды перца и появились способы изготовления грубой керамики, обработки меди и плетения тканей (*Mumoz*, 1989). Самое раннее влияние центров уанкарани, чирипа и куалую с высокогорных плато проявилось в традиции альго-де-рамилес и частично – в традиции фальдас-дель-моро, сменившей традицию чинчорро.

Другие, более поздние влияния, которые относятся к культуре пукара (500 г. до н.э.), также проявляются в культуре альго-де-рамилес – от долины Асапа до залива Уелен. Этой культуре было свойственно очень большое разнообразие хозяйственных методов, обеспечивавших выживание: выращивание кассавы (рода маниок), квиноа, бобов, перца чили и маиса, а также собирание различных растений (*Mumoz*, 1989). К новым технологиям отнеслись обработка золота и серебра и изготовление тканей из шерсти верблюдовых, окрашенной в синий, желтый и красный

ДАТЫ	НОРТЕ-ГРАНДЕ	САН-ПЕДРО-ДЕ-АТАКАМА	ТИАУАНАКО	НОРТЕ-ЧИКО И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЧИЛИ	АРАУКАНИЯ	АРГЕНТИНСКАЯ ПУНА	ВАЛЬИСЕРРАНА	КУЙО И НЕУКЕН
1600								
- 1536	ЗАВОЕВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ	ЗАВОЕВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ	ЗАВОЕВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ	ЗАВОЕВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ		ЗАВОЕВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ	ИСПАНО-ИНКСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ	
- 1500	ИНКА	ИНКА	ИНКА	ИНКА		ИНКА	ИНКА	ИНКА
- 1400		КАТАРПЕ VIII		III	МАПУЧЕ		III	
- 1300		СОЛОР VII		II		КОМПЛЕКС ПУНА	БЕЛЕН	
- 1200	САН-МИГЕЛЬ	ЯЙЕ V		ДИАГИТА I	ВЕРГЕЛЬ	УМАУАКА		
- 1100		КОЙО IV	ТИАУАНАКО			АЛЬФАРСИТО		
- 1000	МАИТАС	КИТОР II	КЕЯ	ЛАС-АНИМАС		ИСЛА		
- 900		ТОКОНАО		БАТО	ПИТРЕН		АГУАДА	
- 800	КАБУСА	СЕКИТОР III	КАЛАСАСАЯ	ЛЬОЛЬБЕО			СЬЕНАГА	
- 700		САН-ПЕДРО I	ЧИРИПА	ГУАНАКОС (РЫБАКИ И СОБИРАТЕЛИ ПРОДУКТОВ МОРЯ)	ПРИБРЕЖНЫЙ РЫБОЛОВЕЦКИЙ КОМПЛЕКС	УАЧИЧОКАНА	ВАКЕРИАС	
- 600				САН-ПЕДРО-ВЬЕХО		ИНКА-КУЭВА	КОНДОРУАСИ	
- 500				КЕРЕО (ОХОТНИКИ ЗА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МЕТАФАУНЫ)			АВАНПИТИН (ОХОТНИКИ-СОБИРАТЕЛИ)	
- 400	АЛЬТО-ДЕ-РАМИРЕС						РИНКОН-ДЕЛЬ-АТУЭЛЬ	
- 300	ЧИНЧОРРО							АГРЕЛО
- 200								
- 100								
0								
- 100								
- 200								
- 300								
- 400								
- 500								
- 600								
- 700								
- 800								
- 900								
- 10000								
- 11000								
- 12000								

Рис. 58. Хронологическая таблица для субрегионов Южных Анд

цвета. В композициях присутствуют типичные сюжеты культуры пукара, такие как отрубленные человеческие головы, а также интервалы и контрастные цвета в стиле, характерном для этой культуры. Очень большое значение имело использование галлюциногенов, которое практически достоверно имело ритуальное значение. Такие же изменения, несомненно, касались и социально-политической организации (Focacci, 1980).

Влияние культур Альтигилано достигло кульминации в период формирования, с возникновением культуры тиауанако, и имело своим источником крупный центр с тем же названием в горах Боливии (1–1000 г. н.э.) (Berenguer & Dauelsberg, 1989). Эта культура характеризуется богатой религиозной иконографией, связанной с иерархическими обществами, и своеобразными обычаями, включавшими кровавый культ до сих пор нечетко идентифицированного божества, предполагаемого бога Солнца, ритуальное использование галлюциногенов и человеческие жертвы с соответствующим набором ножей и топоров, а также трубок для вдыхания. Местные общества были частично основаны на торговле, они появились и на севере Чили, и на северо-западе Аргентины. В результате возникли многие культуры, стили которых, несмотря на различия, выражали одинаковые идеи – культуры арика, сан-педро-де-атакама и культуры в провинции Катамарка.

Сослаблением влияния тиауанако, которое проявилось примерно в одно и то же время и в исходном центре, и в Чили, и в Аргентине начался период возрождения региональных культур (1000–1470 г. н.э.), которые, в свою очередь, возникли, чтобы затем покориться армиям империи инков.

Норте-Чико и Центральная часть Чили

Два этих региона, которые археологами изучаются отдельно, имеют большое количество общих черт. Здесь мы будем рассматривать их совместно.

Наиболее древние следы обитания человека в этом регионе указывают на то, что жизнь людей была связана с лошадьми и мастодонтами, как можно видеть в местонахождении Керо и южнее – в Тагуа-Тагуа в Шестом регионе Чили.

Охотники за исчезнувшей фауной уступили место людям древнего периода (8000 г. до н.э. – 300 г. н.э.) (Ampuero Brito, 1986). Последние делились на различные категории в зависимости от использовавшихся ими каменных орудий. Одна из них – фаза Уентелаукен, в течение которой делались орудия из полированного камня; они имели странные геометрические формы, и способ их применения до сих пор неизвестен.

Приблизительно в III тысячелетии до н.э. люди приспособились к жизни на побережье; особое значение при этом имели охота, рыболовство и собирание продуктов моря. Используя при этом орудия были такими же, как и у народов северного побережья, и включали костяные гарпуны и сложные крючки. К 1000 г. до н.э. эти группы населения полностью овладели экосистемами своего региона (Ampuero Brito, 1986).

В I тысячелетии (к 700 г. н.э.) развилась культура молье, которая занимала всю территорию Норте-Чико. Ее характеризуют разбросанные поселения с домами, построенными из недолговечных материалов; пищевые ресурсы обеспечивались в основном посредством орошаемого земледелия. Очень важное место занимали ламы – они были не только источником пищи и шерсти, но и символами, использовавшимися в погребальных обрядах. Они, по всей вероятности, появились в древний период с севера вместе с некоторыми другими элементами культуры. Важную роль играли персональные признаки, такие, как украшения на губах – *тембета*; примеры различных их форм можно

найти почти во всех захоронениях, относящихся к этой культуре. Общим обычаем этой культурной группы было курение трубок. Трубки использовались большинством людей, в отличие от других андийских культур, в которых курение трубок позволялось только шаманам и только в ритуальных целях. Существовало множество погребальных обычаев, включая захоронение под курганами. Физический тип людей этой культуры отличен от физического типа людей древнего периода, что предполагает смену населения. Использовалась искусственная деформация черепа. Гончарные изделия были различными. Люди этой культуры оставили после себя изделия из серой глины с резными геометрическими узорами. Другая посуда расписывалась черным по естественному красному фону. Использовался также негативный рисунок. Делались вазы в виде гончарных портретов людей (портретные вазы) с ручками в форме стремени или мостика, что было необычно для региона Южных Анд.

За культурой молье следует так называемая культура комплекс-де-лас-альмас («Комплексы душ»), которая отличается в основном своей керамикой. Затем возникла культура чилийских диагитов (1000–1470 г. н.э.) (Ampuero Brito, 1986), которую, в свою очередь, вытеснили завоеватели-инки (1470).

В центральной части Чили древний период длился до появления аналогичных черт в культуре молье. В пределах этой зоны выделяются три фундаментальных комплекса (Falabella & Stehberg, 1989). В исходном комплексе (200 г. до н.э. – 100 г. н.э.) сохранились элементы, которые явно остались от древнего периода, в котором основную роль играли охота и собирательство. Люди этого комплекса делали простую керамику и украшали себя тембета – орнаментом на губах. Об этом периоде известно немного; за ним последовала традиция бато (300 г. до н.э. – 500 г. н.э.), которая характеризуется гончарными изделиями, украшенными точечными узорами, а также, как и культура молье, каменными трубками и губными орнаментами. Люди этой традиции занимались, кроме того, обработкой металлов.

Культурный комплекс льольево, видимо, некоторое время сосуществовал с предшествующей традицией. Он появился около 300 г. н.э., и его следы время от времени находят в провинциях Мендоса и Неукен. Погребальные обычаи этого комплекса включают захоронения в склепах и захоронения детей в урнах. Основными способами жизнеобеспечения были садоводство, охота и собирательство. Керамические изделия включали портретные вазы, среди которых можно различить *Кемпу-Мемауэ* – ритуальную форму, которая и поныне используется народом мапуче.

Это наиболее широко распространенные группы в Центральной зоне; происхождение отличительных черт этих культур и культуры молье часто относят к культурам кондоруаси и канделария из Северо-Западных Анд. Несомненно, здесь существует связь, однако довольно сложные изделия, например ручки керамических изделий в виде стремени или мостика и негативные изображения не характерны для Южной андийской зоны; их надо искать на перуанском побережье, и не следует недооценивать возможность того, что они появились в Норте-Чико и в Центральной зоне в ходе давних морских контактов, как мы предполагали ранее.

Араукания

Эта область, называемая также Крайним южным регионом (зоной), соответствует южным пределам андийской культуры; она была последней территорией, которой достигла эта культура. На севере она ограничена рекой Итата, а на юге – островом Чилоэ. Она включает различные культурные подразделения. Исторически эта область была засе-

лена людьми, принадлежавшими к арауканской этнической группе, от которой происходит ее название, – этнической группе, которая в недавней истории Чили и Аргентины была очень влиятельной.

Древнейшие поселения и здесь датируются палеоиндейским периодом, за которым последовал период приспособления к жизни на побережье; о нем мало что известно. Культуры, люди которых занимались земледелием и изготовлением керамики, возникли позже в так называемом комплексе питрен (1 г. н.э.); его элементы время от времени встречаются также в провинции Неукен (*Aldunate, 1989*). Этот комплекс характеризуется керамикой, особенно сферическими кувшинами с ручками. Здесь также делалась негативная роспись и портретные вазы. Маис выращивали с использованием системы подсеčno-огневого земледелия, имелись стада одного из видов лам – ламы *чилиуэке*. Эта культура поддерживала достаточно тесные отношения с культурой льольео Центральной зоны, и через нее были установлены связи с культурой молье. Свидетельства таких связей подтверждаются тем, что разговорный язык мапуче распространился из региона реки Чоапа на территорию у залива Релонкави (*Aldunate, 1989*). За комплексом питрен последовал комплекс вергель (1000–1300 гг. н.э.), называемый также комплексом керамики вальдивия, одной из примечательных обычаев которой было погребение детей и взрослых в урнах или выдолбленном из бревна каноэ. Первый из этих обычаев можно связать с культурами, находившимися дальше к северу, включая культуры северо-запада Анд. Уже в период питрен наблюдается распространение арауканского языка (*Aldunate, 1989, p. 348*).

Андийский регион Аргентины

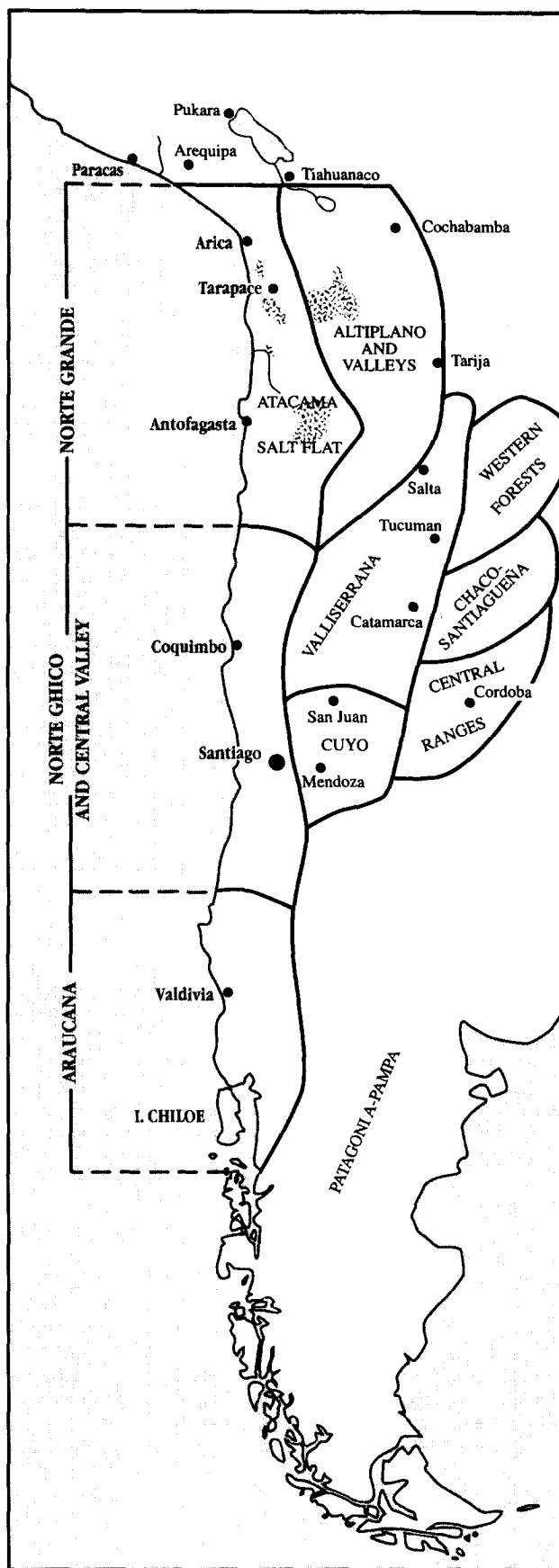
Этот регион включает северо-западную часть страны и делится на множество субрегионов (карта 48, рис. 58): Пуна, Сельвас Оссиденталес (Западные леса), Месопотамия Сантьягена, Вальсисеррана, Сьеррас Сентралес (Центральные горные цепи) и Сентро-Осте (западно-центральная территория), или Куйо. Рассмотрим основные характеристики культур рассматриваемого периода – с 700 г. до н.э. до 700 г. н.э.

Пуна

Как и боливийская и чилийская Пуна, в этой области очень сухой климат. Она находится на высоте более 3500 м над уровнем моря, и адаптация человека к этим условиям обитания требует значительных усилий.

Начальная фаза периода охотников плейстоцена, видимо, не отличалась от этой же стадии культур Патагонии. В период раннего голоцена каменные орудия в Чили и Аргентине имели общие черты, как, например, ланцетовидные наконечники типов Аямпитин и Тулан, хотя было огромное разнообразие местных вариантов. В подземной пещере Интиуаси в провинции Сан-Луис были обнаружены признаки непрерывного проживания, начиная с 6000 г. до н.э., что подтверждается другими исследованиями. Это указывает на места происхождения охотников на гуанако и оленей и собирателей плодов деревьев *чанар* и шоколадного дерева (какао), которые они хранили в примитивных баках.

Древний период начался с появления культурных растений на сравнительно ранней стадии. Свидетельства этой стадии были найдены в местах стоянок, обнаруженных в пещерах Уачичокана и Инка-Куэва. В обеих пещерах люди селились начиная примерно с 6000 г. до н.э.; сначала это были охотники, но с достаточно раннего времени с ними были связаны собиратели фруктов и диких предшествен-

Карта 48. Территории и регионы Южных Анд, упоминаемые в тексте

ников местных культурных растений, таких как перец чили (*Capsicum*) и бобы (*Phaseolus*); здесь были найдены остатки веревок и сетей, сделанных из растительных волокон, плетеные корзины и тыквы (*Lagenaria*), использовавшиеся в качестве тары. Следует отметить наличие таких предметов, как ярко раскрашенные перья и изделия из твердой древесины, которые привозились из соседних субтропических регионов. Здесь найдены довольно сложные погребальные предметы, например, погребальные наборы в Инка-Куэва, которые хотя и выполнены не столь тщательно, как в других культурах северной части Чили, однако свидетельствуют о похоронной подготовке к загробной жизни.

Новейшие открытия указывают на то, что керамика в виде грубых гончарных изделий появилась в этом регионе примерно в 1000–800 гг. до н.э.

Западные леса

Около 600 г. до н.э. культурные тенденции, проявившиеся в этом регионе, привели к появлению гончарных изделий другого типа, заимствованного из Северо-Западных Анд. Это был культурный комплекс Сан-Франсиско, который отличался серо-черными полированными, с резным орнаментом изделиями, среди которых были чаши и большие урны для детских погребений; рельефные узоры на изделиях изображали лица в гротескном виде. Люди, связанные с этим культурным комплексом, приспособились к жизни в лесу, выращивали маис и другие культурные растения на расчищенных от леса полях. Жилища они делали из недолговечных материалов; они занимались обработкой металлов, что, возможно, было результатом их контактов с группами людей, жившими западнее. Ряд признаков свидетельствует о том, что этот культурный комплекс зародился на восточных склонах Анд.

Вальисеррана

Эта территория состоит из продольных долин, идущих с севера на юг на высоте от 1500 до 2500 м над уровнем моря, по которым текут реки, использовавшиеся для орошаемого земледелия, в особенности для выращивания маиса. Ирригация была известна еще до первых веков н.э. Около 300 г. до н.э. в этом регионе появилась культура тафи (*Gonzalez & Nunez Regueiro*, 1962). Люди этой культуры держали лам и, возможно, выращивали клубнеплоды. Их поселения имели структуру, которая была очень широко распространена в древний период на северо-западе Анд. Они состояли из большого круглого центрального двора, предназначенного для выполнения повседневных работ. Этот двор был окружен рядом круглых огороженных площадок меньшего размера, чем те, которые вели к центру. Последние, вероятно, представляли собой комнаты, и различное число их могло определяться размером семьи, жившей в них. Важной чертой культуры было разведение лам, для выпаса которых имелись, очевидно, орошаемые поля, что не было особенно широко распространено в Андах. Характерной чертой культуры тафи были каменные стелы высотой до 4 м, на которых вырезались антропоморфные или зооморфные фигуры. Эти монолиты размещались у центров больших площадок, огороженных каменными стенами, ко входам в которые примыкали монолитные боковые стены, несомненно, предназначенные для ритуальных церемоний. Другая технология, использовавшаяся людьми культуры тафи, – обработка меди и золота. Их гончарные изделия были грубо выполнены и предназначались для приготовления пищи. Что касается истоков культуры тафи, то нет сомнений в том, что местом ее возникновения были Центральные Анды; это подтверждают, в частности, моно-

литы, которые напоминают о таких монументах Альтиплано, как стелы культур калуэю, чирипа и, возможно, ранних периодов тиауанако. Эти влияния, однако, выражались только в общих идеях, а стиль их выполнения был совершенно иным.

В то время как культура тафи занимала западную долину провинции Тукуман, в долине Сальта развивалась культура вакеиас, сведения о которой ограничиваются в основном ее великолепными гончарными изделиями. Ее расцвет приходится, видимо, на период между 350 г. до н.э. и 200 г. н.э. Изделия этой культуры очень разнообразны, они имеют множество вариантов цветов и узоров, изображающих, например, отрубленные головы, а также сидящие фигуры и фигуры в масках. Иногда находят керамику, расписанную в негативной технике.

Большой интерес представляет широкое распространение таких керамических изделий, несмотря на то что они датируются ранним периодом. Фрагменты этой керамики находят в Сан-Педро-де-Атакама (*Tarrago*, 1990), в Туларе (400 г. до н.э.) и в Тури (около 200 г. до н.э.). В Аргентине ее фрагменты распространены вплоть до Антофагасты-де-ла-Сьерра, долины Уальфин и ряда мест в провинции Жужуй и каньоне Ла-Куэва в провинции Сальта. Такое широкое распространение свидетельствует о заимствовании этой керамики многими народами, а также о высокой степени культурной мобильности, которая обеспечивала установление контактов между севером Чили и Пукарой, Северо-Восточными Андами и древним Тиауанако. Одной из причин активного взаимного обмена могли быть плоды имевшего важное значение растения-псиохеделака себиль (*Anadenanthera*) – дерева, которое в изобилии растет в долине Сальта и активными потребителями которого были, видимо, жители Альтиплано. Это было время серьезных исторических сдвигов, социально-политических и религиозных перемен, воздействие которых распространялось на обширные территории.

Культура кондоруаси существовала между 100 г. до н.э. и 300 г. н.э., ее центром была долина Уальфин в провинции Катамарка. Ее следы находят также в оазисе Сан-Педро-де-Атакама в долине Кальчаки и в западной части провинции Тукуман. Хозяйство этой культуры было ориентировано в основном на земледелие и животноводство с разведением лам, которые играли определенную роль и в погребальных обрядах. Она, видимо, возникла в вакеиас, с которым ее керамика имеет некоторые общие признаки, например, в них предпочтение отдавалось многоцветности и негативной росписи.

Некоторые элементы этой культуры аналогичны элементам культуры молие, к ним относятся цилиндрические губные украшения, в дополнение к которым в кондоруаси использовались носовые кольца из золота. Поселения этой культуры представляли собой группу сделанных из недолговечных материалов построек, как обнаруженные и в долине Уальфин. В культуре аламито, которая в свой начальный период была единым целым с культурой кондоруаси, поселения спланированы так, что образуют веерную структуру с большим двором в центре. На стороне, противоположной жилым постройкам, находился большой курган и две искусственные платформы, которые свидетельствуют о ритуальной деятельности в поселении. Местонахождения культуры кондоруаси содержат большое количество расчищенных человеческих останков, которые, несомненно, свидетельствуют о кровавых обрядах, изображенных также и на лепных вазах, как, например, в вакеиас. В этих обрядах большая роль должна была быть отведена наркотическим веществам. Как будет показано, эта особая часть религиозного культа достигает кульминации в культуре агуада и является общим признаком культур высокогорья Анд (пукара, мочика и тиауанако). Для потребления галлюциногенных наркотиков в кондоруаси применялись большие каменные трубки. Погребальный инвен-

тарь состоял из нескольких ваз, которые ктали в могилы сбоку от умершего или в шахтные могилы; иногда в жертву приносили животных семейства верблюдовых.

Культура кондоруаси имеет множество общих черт с культурой молье, и некоторые авторы видят в этом признак того, что последняя была исторически связана с первой, тогда как другие утверждают, что между ними просто были связи, появившиеся в результате обменов.

Культуру кондоруаси сменила, заняв ее территорию, культура съенага (300–650 гг. н.э.) (Gonzalez & Perez, 1962). Ее наиболее типичный признак – гончарные изделия, в которых многоцветность керамики кондоруаси уступила место изделиям серого цвета, украшенным резными геометрическими узорами. Судя по находкам в археологических отложениях аламито, создается общее впечатление, что там произошли серьезные, быстрые и, вероятно, кровавые перемены. Одна из характеристик культуры съенага – это захоронения детей в урнах, тогда как взрослых людей хоронили непосредственно в простых цилиндрических шахтах, снабжая захоронение разнообразным погребальным инвентарем. Производящее хозяйство следовало тому же земледельческому и скотоводческому образцу, который был характерен для предшествующих культур, с добавлением в ряде случаев орошаемых огороженных участков для выращивания растений и устройства поселений в виде небольших групп жилищ, разбросанных между возделанными полями. Сохранились некоторые технологии, например, обработка металлов, хотя с этого времени большинство изделий стало изготавливаться литьем.

Примерно в 650 г. н.э. культура съенага пришла в упадок, и ее место заняла культура агуада, которая явилась поворотным пунктом огромной важности в археологической последовательности культур Центральных Анд и рубежом для возникновения культур позднего периода. Культура агуада включила и развила многие из ранее существовавших элементов культур вакериас, съенага и кондоруаси, к которым добавились собственные элементы новой культуры, бывшие частично результатом местного независимого развития, а частично – результатом влияния культур Центральных Анд. Признаками, которые наилучшим образом характеризуют культуру агуада, являются, вероятно, те, которые связаны с богатой иконографией на религиозные темы, украшающей внешние поверхности керамических изделий и различной металлической утвари.

Хозяйственная деятельность, присущая этой культуре аналогична той, которая была свойственна более ранним культурам; однако дополнительно здесь выращивали несколько новых видов растений и маис, а также широко использовали методы выращивания растений на платформах и террасах. Центром территории этой культуры были провинция Катамарка и провинция Ла-Риоха вплоть до севера провинции Сан-Хуан и запада провинции Тукуман. Однако отдельные следы этой культуры могут быть найдены также в долинах Кальчаки и Сальта вплоть до Сан-Педро-де-Атакама в Чили; они являются, видимо, результатом торговли и обмена. С географической точки зрения можно выделить три области культуры агуада – северную, южную и восточную, каждая из которых имела свои особенности, но общей определяющей чертой которых являлась религиозная иконография. Типичные поселения состояли из шести–восьми близко расположенных домов. В Ла-Риоха и в долине Уальфин стены и крыши жилищ делались из соломы, смешанной с землей. В долине Амбат в поселениях имелся центр с церемониальным курганом, окруженным 15–20 меньшими постройками. Основной отличительной чертой, которая определяет культуру агуада, является ее художественный стиль. В нем повторяются характерные темы и фигуры, хорошо известные в регионе Анд: «Фигура с двумя скипетрами», «Приносящий жертву»,

«Приносящий жертву с злобной маской», а также многочисленные зооморфные сюжеты – ящерицы, кошки и змеи, которые воспроизводятся на поверхностях гончарных изделий, на металлических декоративных тарелках и топорах. Техника изготовления керамики меняется от местности к местности. В долине Уальфин преобладает серая керамика с резными или гравированными узорами и многоцветной росписью. В восточной области изготавливалась преимущественно черная полированная керамика с гравированными узорами, похожими на узоры, характерные для предыдущей области. Другой вид изделий, которые появляются практически в то же время, что и описанные выше, – это керамика с черной, красной и желтой росписью на белом фоне, представляющая собой, по-видимому, наиболее совершенный вид в Северо-Западных Андах. Хотя ткани не сохранились, они, видимо, делались в большом количестве. Здесь выполнялись также работы по дереву, но сохранились только инструменты, которыми при этом пользовались – стамески и бронзовые долота. В Сан-Педро-де-Атакама были найдены выполненные в характерном стиле деревянная фигура и большая корзина, украшенная шерстью, которые, несомненно, принадлежат культуре агуада. Преобладающий в этом оазисе климат способствовал сохранности таких предметов, дающих представление о множестве им подобных, которыми, очевидно, пользовались на северо-западе Анд, но которые, к сожалению, не сохранились.

Очень важной технологией для культуры агуада была обработка бронзы; золотых и серебряных изделий либо вовсе не было, либо они встречались очень редко. Были известны сплавы, и в то же время существовала технология литья в формы и по выплавляемым восковым моделям, что является показателем значительного технического прогресса. Из бронзы отливались топоры с богато украшенными лезвиями, использовавшиеся, несомненно, в кровавых религиозных обрядах. Делались также, хотя и в меньшем количестве, утилитарные предметы, например, приспособления для удаления волос и долота. Наилучшим образом отражают уровень развития технологии обработки металлов пекторали – шейные металлические украшения и декоративные тарелки (диски), которые использовались жрецами при отправлении религиозных обрядов. Заметна разница в стиле и даже в тематике между религиозной иконографией на керамических и металлических изделиях. Эти различия могут объясняться различной технологией изготовления, с одной стороны, и различным назначением и использованием – с другой. Древнейший прототип таких дисков известен как «*Disco de Lafone Quevedo*» (диск из Лафоне-Кеведо), назначением которого было, видимо, изображать солнечное божество и его атрибуты, такие как его кошачья и змеиная природа. Захоронения осуществлялись в простых цилиндрических шахтах, вырытых в земле и в ряде случаев достаточно глубоких; тело окружалось оружием и орудиями, которые указывали одновременно и на прижизненную деятельность усопшего, и на его общественное положение, о котором можно было судить по богатству погребальных предметов. В ряде случаев в одной могиле находили до шести скелетов, что наводит на мысль о существовании обычая *camu*.

Начало культуры агуада связано с распространением культуры тиауанако из Центральных Анд, что ставит очень важную проблему общего характера, если учесть, что влияние данной культуры в это же время ощущалось и в культурах севера Чили. Проблема заключается в определении причины и истинного характера того процесса, который привел к возникновению таких связей. В Чили связи с тиауанако могли возникнуть как кульминация влияния культур Центральных Анд, наступившая около 1500 г. до н.э. Около 500 г. до н.э. могли установиться контакты между культурами пукара и альто-де-

рамирес. Воздействие тиауанако, которое началось около 300 г. н.э., объясняют различными способами. *Ponce* считает, что оно является результатом прямого военного захвата, тогда как *Menzel* (1964) полагает, что здесь могло иметь место заимствование религиозных обычаев. Третья возможность – проникновение влияний в результате взаимного хозяйственного обмена сначала посредством торговых караванов с использованием лам (*Numez & Dillebay*, 1978), а затем – через систему колоний тиауанако, созданных в стратегических центрах, связанных с производством сельскохозяйственной продукции, в соответствии с так называемой системой «архипелага» (*Mujica*, 1985). Поэтому считается, что имеются различия в характере влияния тиауанако на регион Арика и на регион Сан-Педро.

Как и в случае Чили, здесь есть некая неопределенность как относительно точного характера связей тиауанако с регионами северо-запада Анд, так и относительно происхождения культуры агуада. В связи с этим можно выдвинуть несколько различных гипотез. Как и в Чили, влияние тиауанако в Северо-Западных Андах проявилось в провинции Жужуй не так, как в провинции Катамарка. В последней не найдено ни одного предмета, который бы безусловно происходил из тиауанако, тогда как в провинции Жужуй найдено несколько золотых *херос* (высоких пустостенных кубков) оттуда. Тем не менее доказательства связей Катамарка с тиауанако широко выявляются в иконографии, гончарных изделиях и предметах из камня, которые являются копиями деревянных. Возможно, использование бронзы также было заимствовано из тиауанако. В связи с тем, что археологические местонахождения в провинциях Жужуй и Катамарка разделяет весьма значительное расстояние, была выдвинута гипотеза о том, что были два отчетливых периода влияния либо что с провинцией Жужуй имел место прямой контакт, тогда как контакты с Катамаркой были косвенными, через ранее сформировавшиеся группы культуры тиауанако в Сан-Педро-де-Атакама. Существует множество свидетельств наличия торговых связей между этим пунктом и Западной Катамаркой еще с древнего периода. Поэтому не исключено, что примерно к 300 г. н.э. это влияние усилилось, что в период между этой датой и 700 г. н.э. привело к полному культурно-му переходу. Когда группы, населявшие Сан-Педро, для

которых были характерны богатый опыт торговли, развитая религиозная система, основанная на триаде «поклонение солнцу – кровавые человеческие жертвоприношения – использование наркотических веществ», и высокая степень агрессивности, достигли провинции Катамарка, они внесли свой вклад в формирование культуры агуада способом, который был полностью независим от агуада-ного центра на Альтиплано. Стиль культуры агуада отличается от стиля тиауанако; в ее местонахождениях нет предметов из этого высокогорного центра. Переход к новому культу был облегчен сходством обрядов (с применением наркотических веществ, культом плодородия с жертвоприношениями), которые практиковались здесь непрерывно начиная с периода вакериас – кондоруаси, хотя в описываемое время им недоставало цельности, сплоченности и агрессивности, которые обеспечило это религиозное сращение.

Однако не менее важной, чем происхождение, является причина исчезновения культуры агуада примерно в 900–1000 г. н.э. Ее упадок совпал с упадком культуры тиауанако – уари, причины которого до сих пор неизвестны. Есть гипотеза, основанная на различных аргументах, объясняющая причины исчезновения культуры агуада. Ее упадок и в конечном итоге почти полное исчезновение объясняются непрерывными и постоянно учащавшимися набегами на Северо-Западные Анды полукочевых народов из лесов Чако и с Восточных Анд. Это объяснение, по всей видимости, подходит и для других андийских территорий, таких как собственно Тиауанако и северная часть Чили, где местонахождения культуры тиауанако, относящиеся к ее завершающему периоду, носят явные следы насилия и разрушения.

Влияние андийских культур в более поздний период достигло юга региона Вальсеррана. Керамика проникла в регион Куйо примерно в 400 г. н.э., а в провинцию Кордоба – около 500 г. н.э. Земледелие в этом регионе было распространено уже давно. Далее в южном направлении, к северу от Неукена и к югу от Мендосы, условия для земледелия становятся все более сложными, и влияние народов Центральных Анд здесь имеет случайный характер. Вплоть до начала письменной истории обширные равнины природных областей Пампа и Патагония на востоке Аргентины были населены кочевыми охотничьими народами.

БИБЛИОГРАФИЯ (30.1–30.3)

- ALDUNATE, C. 1989. Estadio alfarero en el Sur de Chile (500 a.C. a 1800 d.C.). In: HIDALGO et al. (eds). Prehistoria, pp. 329–48. Santiago, Chile.
- ALLISON, M. et al. 1984. Chinchorro, Momias de preparación complicada: métodos de momificación. Chungara (Arica), Vol. 13, pp. 155–74. Andrés Bello.
- AMPUERO BRITO, G. 1986. Antiguas culturas del Norte Chico. In: Diaguitas, pueblos del Norte Verde. Santiago, Chile.
- ANGULO VALDEZ, C. 1981. La Tradición Malambo. Bogota, Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, Banco de la Republica.
- BAUDEZ, C. 1966. Niveaux Céramiques an Honduras: une réconsideration de l'évolution Culturelle. Journal de la Société des Américanistes, Vol. 55, No. 2, pp. 299–342.
- 1970. The Ancient Civilisations of Central America. Trans. HOGARTH, J. London.
- BECQUELIN, P. 1973. Archeologie de Los Naranjos, Honduras. Mexico City, Mission Archéologique Française au Mexique. (Etudes mésoaméricaines 2.)
- COE, M.D. 1962. Archaeological Sequences in Northwestern Costa Rica. Akten. 34th International Congress of Americanists (Vienna), pp. 366–73.
- BERENQUER, J.; DAUELSBERG, P. 1989. El Norte Grande en la orbita de Tiahuanaco. In: HIDALGO et al. (eds). Prehistoria, pp. 129–80. Santiago, Chile, Andrés Bello.
- BOOMERT, A. 1976. Precolombian Raised Fields. Proceedings of the Vth International Congress for the Study of the Precolombian Cultures of the Lesser Antilles, pp. 134–44. Guadeloupe, Departement d'archéologie. (U.E.R. Lettres 197.)
- CANBY, J.S. 1951. Possible Chronological Implications of the Long Ceramic Sequence Recovered at Yarumella, Spanish Honduras. Selected Papers, 29th International Congress of Americanists, Vol. I, pp. 79–85.
- CARRIÓN CACHOT, R. 1948. La cultura Chavín, Dos Nuevas Colonias: Kuntur Wasi y Ancón. Revista, Museo Nacional de Antropología y Arqueología, Vol. 2, No. 1, pp. 97–172.
- CHANLATTE, L. 1981. La Hueca y Sorce. Primeras migraciones agroalfareras antillanas, Santo Domingo, Dominican Republic.
- CUBILLOS, J.C. 1978. Arqueología de San Agustín. Investigaciones en el Parader y 'Mesita C'. Fundación de Investigaciones Nacionales, Banco de la Republica, Bogota.
- DUQUE GOMEZ, L. 1963. Reseña Arqueológica de San Agustín. Bogota, Instituto Colombiano de Antropología, Imprenta Nacional.
- 1966. Exploraciones Arqueológicas en San Agustín. Bogota, Instituto Colombiano de Antropología.

- EVANS, C. 1968. *Archaeological Investigations in the Rio Napo, Ecuador*. Washington, D.C., Smithsonian Institution Press. (Smithsonian Institution Contributions to Anthropology, Vol. 6.)
- MEGGERS, B. 1960. *Archaeological Investigations in British Guiana*. Washington D.C. Smithsonian Institution. (Bureau of American Ethnology, Bull. 177.)
- FALABELLA, F.; STEHBERG, R. 1989. Los inicios del desarrollo agrícola-alfarero. Zona Central (300 a.C.–900 d.C.). In: HIDALGO et al. (eds). *Prehistoria*, pp. 295–311. Santiago, Chile.
- FOCACCI, G. 1980. *Síntesis de la arqueología del extremo Norte de Chile*. Chungara, Vol. 6 (Arica), pp. 3–23.
- 1990. Las placas metálicas de los Andes del Sur. Contribución al estudio de las religiones precolombinas. (Kommission für Allgemeine und Vergleichende Archäologie des Deutschen Archäologischen Instituts, Bonn). MS.
- FONSECA ZAMORA, O. 1988. *Hacia una arqueología social: actas del primer simposio de la Fundación de Arqueología del Caribe*. San José, Editorial de la Universidad de Costa Rica.
- GONZALEZ, A.R.; NUNEZ REGUEIRO, V. 1962. Preliminary Report on Archaeological Research in Tafi del Valle (NW Argentina). In: *Actas del XXXIV Congreso Internacional de Americanistas* (Vienna, 1960), pp. 18–25.
- PEREZ, J.A. 1966. El Area Andina Meridional. In: *Actas del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas* (Seville), Vol. 1.
- HABERLAND, W. 1969. Die Kulturen Meso- und Zentral-Amerikas. In: *Handbuch der Kulturgeschichte*, pp. 3–192. Frankfurt.
- HEALY, P. 1980. *Archaeology of the Rivas Region, Nicaragua*. Waterloo, Ontario.
- HERNANDEZ DE ALBA, G. 1979. *La Cultura Arqueológica de San Agustín*. Bogotá, Carlos Valencia Editores.
- HIDALGO, J. et al. 1989. *Culturas de Chile. Prehistoria. Desde sus orígenes hasta los albores de la conquista*. Santiago, Chile, Andrés Bello.
- HILBERT, P.P. 1968. *Archäologische Untersuchungen am Mittleren Amazone*. Berlin.
- KIDDER, A. 1944. *Archaeology of Northwestern Venezuela*. Cambridge, Mass., Harvard University. (Peabody Museum Papers, Vol. 26, No. 1.)
- LATHRAP, D.W. 1970. *The Upper Amazon*. New York.
- LINARES, O. 1968a. *Cultural Chronology of the Gulf of Chiriquí, Panama*. Washington, Smithsonian Institution Press.
- 1968b. Ceramic Phases for Chiriquí, Panama, and their Relationship to Neighbouring Sequences. *American Antiquity*, Vol. 33, No. 2, pp. 216–25.
- 1977. *Ecology and the Arts in Ancient Panama*. Washington D.C. (Studies in Precolumbian Art and Archeology, No. 17, Dumbarton Oaks.)
- LUMBRERAS, L. 1974. *The Peoples and Cultures of Ancient Peru*. Washington D.C.
- 1981. *Arqueología de la América Andina*. Lima, Milla Batres.
- MEGERS, B. 1957. *Archaeological Investigations at the Mouth of the Amazon*. Washington DC, Smithsonian Institution. (Bureau of American Ethnology, Bulletin 167.)
- MENZEL, D. 1964. *Style and Time in the Middle Horizon*. Nawpa Pacha, Vol. 2, pp. 1–106.
- MUJICA, E. 1985. *Altiplano-coast Relationship in the South-central Andes: from Indirect to Direct Complementarity*. In: MASUDA; SHIMADA and MORRIS (eds). *Andean Ecology and Civilization*. Tokyo.
- MUNOZ, I. 1989. El Periodo Formativo en el N. Grande (1000 AC–500 DC). In: HIDALGO et al. (eds), *Prehistoria*, pp. 107–28. Santiago, Chile, Andrés Bello.
- NUNEZ, L.; DILLEHAY, T. 1978. *Movilidad giratoria, armonía social y desarrollo en los Andes Meridionales: patrones de tráfico e interacción económica*. Antofagasta, Universidad del Norte.
- PATTERSON, T. 1965. *Ceramic Sequence at Tierradentro and San Agustín, Colombia*. *American Antiquity*, Vol. 31, No. 1, pp. 66–73.
- PIPERNO, D.R. 1989. *Non-affluent Foragers: Resource Availability, Seasonal Shortages, and the Emergence of Agriculture in Panamanian Tropical Forests*. In: HARRIS, D.R.; HILLMAN, G.C. (eds). *Foraging and Farming. The Evolution of Plant Exploitation*, pp. 538–54. London. (One World Archaeology.)
- PLAZAS DE NIETO, C.; FALCHETTI DE SAENZ, A. 1981. *Asentamientos Prehispánicos en el Bajo San Jorge*. Bogotá, Instituto de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, Banco de la República.
- PONCE SANGINES, C. 1981. *Tiwanaku: espacio, tiempo y cultura*. 4th edn. Cochabamba, Los amigos del libro.
- PREUSS, K.T. 1929. *Monumentale vorgeschichtliche Kunst*. Göttingen, Vandenhoeck and Ruprecht. 2 Vols.
- REICHEL-DOLMATOFF, G. 1965. *Colombia*. London.
- 1985. *Monsu: un sitio arqueológico*. Bogotá, Banco Populár.
- REICHEL-DOLMATOFF, G.; REICHEL-DOLMATOFF, A.D. 1956. *Momil, Momil. Excavaciones en el Sinú*, *Revista Colombiana de Antropología*. Vol. 5, pp. 109–334.
- RIVERA, M. 1988. *La problemática arqueológica actual en el Norte de Chile: espacio y tiempo*. Supplement by: BIRD, J. *Excavaciones en el Norte de Chile, Tavapaca*.
- SANOJA OBEDIENTE, M. 1979. *Las Culturas Formativas del Oriente de Venezuela: La Tradición Barrancas*. Caracas, Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia. (Colección Estudios, Monografías y Ensayos, No. 6.)
- 1981. *Investigaciones Arqueológicas en Panamá: los sitios de La Gruta y Ronquín*. Ed. Guarico, Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia, Colección Estudios, Monografías y Ensayos, No. 20, Caracas.
- 1989. *From Foraging to Food Production in Northeastern Venezuela and the Caribbean*. In: HARRIS, D.R.; HILLMAN, G.C. (eds). *Foraging and Farming: The Evolution of Plant Exploitation*, trans. BROTHWELL, H. *One World Archaeology*, pp. 523–37.
- SANOJA, M.; VARGAS, I. 1974. *Antiguas formaciones y modos de producción venezolanos: notas para el estudio de los procesos de integración de la sociedad venezolana (12,000 AC–1,900 DC)*. Caracas, Monte Avila.
- 1979a. *Antiguas Formaciones y Modos de Producción Venezolanos*. Caracas, Monteavilla Editores. 2nd edn.
- 1979b. *La Tradición Saladoide del Oriente de Venezuela: La Fase Cuartel*. Caracas, Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia. (Colección Estudios, Monografías y Ensayos, No. 20.)
- SNARKIS, M.J. 1981. *The Archeology of Costa Rica*. In: *Precolumbian Art of Costa Rica*, pp. 15–84. New York/Detroit.
- STEWART, J.H. 1948. *The Circum-Caribbean Tribes. Handbook of American Indians*. Vol. 4. Washington DC, Smithsonian Institution. (Bureau of American Ethnology, Bull. 143.)
- STONE, D.Z. 1957. *The Archaeology of Central and Southern Honduras*. Cambridge, Mass. (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Vol. 49, No. 3.)
- VARGAS ARENAS, I. 1979. *La Tradición Saladoide del Oriente de Venezuela: La Fase Cuartel*, Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia, Colección Estudios, Monografías y Ensayos, No. 20, Caracas.
- 1981. *Investigaciones Arqueológicas en Panamá: los sitios de La Gruta y Ronquín*. Ed. Guárico, Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia, Colección Estudios, Monografías y Ensayos, No. 20, Caracas, Venezuela.
- VELOZ MAGGIOLO, M. et al. 1976. *Arqueología de Yuma*, República Dominicana. Santo Domingo, Ediciones Taller.
- WILLEY, G.R. 1971. *South America. An Introduction to American Archaeology*. Vol. 2. New York.
- WILLEY, G.R.; MCGIMSEY, C.R. 1954. *The Monagrillo Culture of Panama*. Cambridge, Mass. (Peabody Museum Papers, Vol. 49, No. 2.)

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ

750 г. до н.э.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЗАПАДНАЯ АЗИЯ
<p>770–477 гг. Период «Весен и Осеней»: формирование многогосударственной системы</p> <p>ок. 700 г. Экспансия царства Чу в бассейне Янцзы</p> <p>VII в. Развитие стиля хуэй в китайских бронзовых изделиях</p> <p>VIII в. Начало бронзового века в Корее</p> <p>667–632 гг. Гегемония царства Ци</p> <p>VI в. Начало литья железа</p> <p>551–479 гг. Конфуций (Кун-цзы, Кун Цю)</p>	<p>Серая расписная керамика в Раджастане, Пенджабе и западной части долины Ганга. Местонахождения черной-красной керамики в Западной Индии и центральной части долины Ганга.</p> <p>Мегалитические погребения разных видов на п-ове Индостан и острове Шри-Ланка.</p> <p>Появление четырех Вед: Риг-веды, Атхарваведы, Яджурведы и Самаведы.</p> <p>Упоминаются основные кланы: Бхарата, Куру, Ядава и Пуру.</p> <p>Геометрические знания, проявившиеся в строительстве ведических алтарей в Шульвашатре.</p> <p>Знания об анатомии по жертвенным животным.</p> <p>Исследования фонетики и этимологии.</p> <p>Ранние труды по астрономии, вошедшие в Джьотиша-Веданга.</p> <p>Высоко ценятся лошади – животные, ввозимые в Индию.</p> <p>Частые упоминания атмана/духовного начала; ранние идеи о переселении душ в Упанишадах</p>	<p>VIII в. Распространение в Иране и Центральной Азии подземных ирригационных каналов (<i>канат</i>)</p> <p>612 г. Падение Ассирийской империи и разрушение ее столицы Ниневии вавилонянами и мидянами</p> <p>612–550 гг. Раздел Ассирийской империи между мидянами, вавилонянами, лидийцами и египтянами</p> <p>597 г. Падение Иудеи. «Вавилонское пленение» евреев</p> <p>539 г. Конец Нововавилонского царства в результате захвата Вавилона Киром II</p> <p>522–486 гг. Правление Дария, царя государства Ахеменидов</p> <p>VI в. Расцвет вавилонской математики и астрономии. Арамейский язык становится общим языком государства Ахеменидов</p>
<p>500 г. до н.э.</p>		
<p>V в. Появление металлических денег. Первые крупномасштабные ирригационные работы. Формирование основ «Книги перемен» (<i>«Ицзин»</i>)</p> <p>476–222 гг. Эпоха «Воюющих царств»</p> <p>470–391 гг. Мо-цзы (Мо Ди), основатель философской школы моизма</p> <p>372–289 гг. Мэн-цзы, философ, последователь Конфуция</p> <p>370–300 гг. Чжуан-цзы, философ, один из основателей даосизма</p> <p>300 гг. <i>«Дао дэ цзин»</i> («Книга о пути и чести») – труд, который приписывается мудрецу Лао-Цзы. Начало обработки железа в Корее</p> <p>300 г. до н.э. – 300 г. н.э. Культура яёй в Японии</p>	<p>566–486 гг. Эволюция городских центров, связанная с культурой северной черной полированной керамики и пробитых монет. Будда. Возникновение новых религиозных течений, таких, как буддизм, джайнизм и адживика и постепенное распространение буддизма.</p> <p>Грамматика древнеиндийского лингвиста Панини «Аштадхьяйи». Упоминания о 16 крупных государствах на севере Индии Магадха становится передовым государством при правителях Бимбисаре и Аджаташатру</p> <p>327–325 гг. Походы Александра Македонского</p>	<p>V в. Введение во всей империи Ахеменидов государственных законов, преобладающих над местными законами. Распространение денежной экономики и государственной чеканки монет</p> <p>490–449 гг. Греко-персидские войны, закончившиеся Каллиевым миром</p> <p>404–343 гг. Египет получает независимость от Персии, но завоеван снова</p> <p>334–330 гг. Завоевание Персидской империи Александром Македонским</p>

ТАБЛИЦА

750 г. до н.э.

АФРИКА		СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ		ЕВРОПА К СЕВЕРУ ОТ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ		АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ	
ок. 740 г.	Нубийский (Эфиопский) царь Пианхи (Пи) завоевывает Египет и устанавливает XXV династию фараонов	776 г.	Первые Олимпийские игры (неточная дата)		Господство скифских племен в степях Евразии.	750 г.	Завершающая фаза культуры чавин в Центральных Андах и культуры ольмеков в Центральной Америке.
VII–III вв.	Процветание ливийских земледельческих народов в Северной Африке. «Доаксумская» культура в Северной Эфиопии	753 г.	Основание Рима (согласно легенде). Гомер, автор «Илиады» и «Одиссеи»		Формирование культур железного века, таких, как дакская, фракийская, и илирийская, в карпатском регионе и на Балканском п-ове.		Металлургия в регионах Центральных Анд, возникновение во многих регионах сословного общества
ок. 690–664 гг.	Тахарка – вероятно, величайший из египетских фараонов XXV династии. Масштабные архитектурные работы в его правление	ок. 700 г.	Гесиод, греческий поэт		Исобретение способа получения железа племенами гальштатской культуры		
ок. 674–670 гг.	Ассирийцы и тиряне вторгаются в дельту Нила	VI в.	Первые греческие философы, в основном жившие в греческих колониях в Малой Азии.				
ок. 656–610 гг.	Псамметих I, первый фараон Саисской династии. Общее процветание и культурное развитие		Один из первых – Фалес Милетский, пытается объяснить сущность мира через законы природы. Начало греческой науки				
ок. 610–595 гг.	Нехо (Нехао, Неко) II, египетский фараон из XXVI династии. Предположительно, финикийцы совершили плавание вокруг Африки. Строительство канала, соединяющего Нил с Красным морем				Восстания кельтов, германцев и других племенных групп		
ок. 589–570 гг.	Фараон Априй разрешает евреям основать колонию на острове Элефантина (на Ниле, возле Асуана)						
VI в.	Резиденцией царей Куша становится Мероэ. Важнейшей финикийской колонией в Северной Африке становится Карфаген						
ок. 570–526 гг.	Фараон Амасис (Яхмос II) разрешает греческим торговцам организовать колонию в Навкратисе и во всей дельте Нила						
ок. 525–404 гг.	Египет под властью Персии, цари которой основывают XXVII династию						
500 г. до н.э.							
ок. V в.	Сельские жители в Камеруне, по всей видимости, выращивают деревья и кустарники. Объединение окала в эстуарии реки Огове (Габон). Начало обработки железа в некоторых районах южнее Сахары. Выращивание злаков и бобовых в нагорьях Эфиопии	550–530 гг.	В правление Магона Карфаген господствует в Западном Средиземноморье				
		508–507 гг.	Клисфен закладывает основы афинской демократии	387 г.	Переселение кельтских племен: захват и разграбление Рима кельтами, за исключением Капитолия.	500 г.	Возникновение региональных цивилизаций в Центральной Америке и Центральных Андах, сословных обществ на промежуточных территориях, в Южных Андах и долине Миссисипи
VI – IV вв.	Начало обработки железа в Конго (Чиссанга) и бассейне озера Виктория	490–449 гг.	Греко-персидские войны: Марафонская битва – 490 г., битва при Саламине – 480 г., битва при Платях – 479 г.		Формирование германских культур железного века, таких как культура ясторф, а также славянских, балтийских и финно-угорских культур		
V – III вв.	Культура Нок с центром на плато Джос в Нигерии: обработка железа и пластические глиняные статуи						
ок. 404–343 гг.	Амиртей освобождает Египет от власти персов						

(продолжение)

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ		ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ		ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЗАПАДНАЯ АЗИЯ	
IV в. 300–258 гг.	Первые китайские сочинения на военные и экономические темы Сюнь-цзы, конфуцианский философ	ок. 321 г. ок. 256 г.	Чандрагупта основывает династию Маурьев Надписи с указами царя Ашоки («Надписи Ашоки») – первый подлинный письменный источник по истории Индии	312 г. IV–I вв. ок. 250 г.	Вступление Селевка в Вавилон и основание государства Селевкидов Птоломеи в Египте Эпоха эллинизма. Распространение греческого языка и культуры Обретение Греко-Бактрийским царством, а вслед за ним и Парфянским царством, независимости от Селевкидов
250 г. до н.э.					
III в. ?–233 г. 221 г. 206 г. до н.э. – 6 г. н.э. 165 г. 123–119 гг. 145–85 гг. 179–104 гг. 104–101 гг. 55 г. 50 г. 53 г. до н.э. – 18 г. н.э.	Начало китайского культурного влияния на Корею Хань Фэй, философ-легист Объединение Китая Цинь Шихуаном Династия Западная (Ранняя) Хань Первые государственные экзамены на должности чиновников Походы на сюнну Посольство Чжан Цяня на Запад Сыма Цянь, историограф Дун Чжуншу, автор космологической доктрины конфуцианства в Центральную Азию Капитуляция южных сюнну Первое археологическое подтверждение существования бумаги Ян Сюн, философ-рационалист	ок. 185 г.	Использование письменности брахми и языка пракрит. Ашока провозглашает государственной идеологией империи <i>дхамму</i> – частично буддийскую, частично морально-этическую доктрину. Правление Деванамапийатиссы на Шри-Ланке. Постройка дамбы Маурьями в Саураштре, на озере Сударшана Закат династии Маурьев и возвышение династии Сунга. Древнейшие тамильские надписи на брахми в Южной Индии и распространение стихосложения Сангам. Упоминания о правителях Чола, Чера и Пандья. Торговля Индии с Грецией по суше. Изящные монеты с портретами с двуязычными надписями на греческом языке и на пракрите	ок. 238 г. до н.э. – 226 г. н.э. III в. 139 г. I в. 133 г. 53 г. 37 г. I в.	В Иране и Месопотамии правит парфянская династия Аршакидов Открытие греко-бактрийцами Великого Шелкового пути в Китай Разрушение Греко-Бактрийского царства кочевниками Сакские правители в Центральной Азии и Северной Индии Западная часть Малой Азии становится римской провинцией Экспансия Рима. Разгром римлян парфянами и гибель Красса Марк Антоний назначает Ирода царем Иудеи Распространение различных философских учений и мистических культов
0 г.					
9–23 гг. 23–220 гг. 57 г. 73–94 гг.	Император Ван Ман, основатель династии Синь Восточная (Поздняя) Хань Первое упоминание о контактах с Японией Возобновление китайских походов в Центральную Азию	78 г.	Саки/скифы, по которым эта эпоха далее именуется сакской. Кушаны, правящая династия Кушанского царства; самый известный правитель – Канишка.	ок. 33 г. I в.	Распятие Иисуса из Назарета и начало христианства Открытие римлянами муссонов позволяет расширить торговлю с Индией

АФРИКА		СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ		ЕВРОПА К СЕВЕРУ ОТ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ		АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ	
IV в.	Эпоха неолита в Нижнем Заире	461–429 гг.	Афины и другие греческие полисы вступают в классический период расцвета культуры, наук и искусства, ознаменованный правлением Перикла				
343 г.	Персидские и греческие войска вторгаются в Египет						
332 г.	Завоевание Египта Александром Македонским						
323 г.	Смерть Александра. При разделе его империи полководец Александра Птолемей получает в управление Египет и принимает (в 305 г.) титул фараона	451–450 гг.	Законы XII таблиц в Риме				
323–30 гг.	Египтом правят пятнадцать царей из династии Птолемеев. Александрия приобретает известность как многосторонний городской центр культуры и учености	431–404 гг.	Пелопоннесские войны между Афинами и Спартой и их союзниками				
ок. 300–250 гг.	Первое царское захоронение в Мероэ. Мероитское царство процветает в течение шести веков	428/7–348/7 гг.	Платон, греческий философ, основатель афинской Академии (ок. 389 г.)				
III–II вв.	Возникновение скотоводства в верховьях долины Замбези	384–322 гг.	Аристотель, греческий философ и универсальный ученый				
III в. до н.э. – I в. н.э.	Малоисследованный переходный период в Северной Эфиопии	359–336 гг.	Возвышение Македонской династии				
264–241 гг. до н.э.	Первая Пуническая война	336–323 гг.	Александр Македонский. Начало эллинистической эры. Основание в Александрии Мусейона – научного центра				
						250 г. до н.э.	
ок. 225 г.	Строительство «Храма Львов» в Мусавварат-эс-Суфре	146 г.	Разрушение Карфагена в Третьей Пунической войне. Разрушение Коринфа и завоевание римлянами многих других частей Греции	229–197 гг.	Поход римлян в Иллирию и Македонию	250 г.	Культура хоупвелл в долине Миссисипи.
219–202 гг.	Вторая Пуническая война			171–160 гг.	Македония попадает в частичную зависимость от Римской империи		Повсеместное возникновение региональных культур
ок. 206 – 148 гг.	Масинисса, царь Нумидии			140 г.	Македония становится римской провинцией. Экспансия германских племен в Центральной Европе	200 г.	Появление письменности в Центральной Америке
200–1 гг.	Возникновение городских центров рядом с внутренней дельтой Нигера. Первые археологические свидетельства выращивания африканского риса в Дженне-Джено, Мали. Начало производства керамики в лесах бассейна Конго	113–101 гг.	Кимвры и тевтоны, пришедшие из Ютландии, побеждают римлян				
II в. до н.э.	Появление алфавитного мероитского письма. Разведение овец охотниками-собирателями, использующими каменные орудия, в горах Матопо (Зимбабве)	74–71 гг.	Восстание римских рабов под предводительством Спартака, и последовавшая за этим гражданская война	58–51 гг.	Галлия и Бельгия завоеваны Цезарем и стали римскими провинциями. В походах против германцев дважды пересечен Рейн		
149–146 гг.	Третья Пуническая война. Взятие римлянами Карфагена	100–44 гг.	Правление Гая Юлия Цезаря. Со времен Августа имя «цезарь» используется как титул императора («кайзер», «царь»)	55–54 гг.	Римские походы в Англию против кельтов. Описание Цезарем этнических, социальных и политических взаимоотношений между кельтскими и германскими племенами в «Записках о галльской войне» («De Bello Gallico»)		
48 г.	Пожар уничтожает Александрийскую библиотеку	43 г.	Убийство Цицерона				
30 г.	Самоубийство Клеопатры VII, последней правительницы Египта из династии Птолемеев. Египет под властью римлянина Октавиана Цезаря	31/30 г.	Конец гражданской войны в Риме. На смену республике приходит принципат Августа				
ок. 12 г. до н.э. – 12 г. н.э.	Период наиболее активного строительства в Мероитском царстве						
I в.	«Плавание вдоль берегов Эритрейского моря». Начало разведения скота на крайнем юго-западе Африки		Период расцвета римской культуры, представленный Горацием, Вергилием, Овидием, Ливием и другими	6–9 гг.	Восстание в Паннонии		0 г.

(продолжение)

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ		ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЗАПАДНАЯ АЗИЯ		
32–92 гг.	Бань Гу, историограф	<p>Морская торговля между Западной Индией и п-овом Индостан и Восточным Средиземноморьем как частью Римской империи.</p> <p>Установление связей между портами Красного моря и портами Аравийского моря и Бенгальского залива.</p> <p>Основание в Индии крупных буддийских центров – Таксила, Санчи, Бхархут и пещерных монастырей на плоскогорье Декан.</p> <p>Великолепные памятники скульптуры и архитектуры – ступа и чайтья.</p> <p>Рост интереса к медицине, астрономии и математике.</p> <p>Медицинские труды Чараки и Сушруты по системе медицины, называемой «Аюрведа».</p> <p>Составление «Бхагавадгиты».</p> <p>Возникновение характерных школ буддийского искусства – стилей Гандхары, Матхуры и Амаравати.</p> <p>Матхура – крупный город, центр джайнизма.</p> <p>Закрепление разделения буддизма на направления «махаяна» и «хинаяна»</p>	ок. 66–70 гг.	Неудачное еврейское восстание против римского владычества.	
27–100 гг.	Ван Чун, критический мыслитель		<p>Начало Диаспоры (сообщества евреев, расселившихся вне Палестины)</p>	114–117 гг.	Римляне отвоевывают у парфян Месопотамию и Армению
130 г.	Сейсмограф астронома Чжан Хэна			II в.	Кушанское царство в Центральной Азии и Северной Индии.
132 г.	Первое упоминание о контактах с Явой				Распространение буддизма.
147 г.	Приход в Китай первого буддийского миссионера парфянина Ань Шигао			Распространение культа Митры в Римской империи из Малой Азии.	
184 г.	Восстание «Желтых повязок»			216 г.	Пик развития независимых караванных городов – Пальмиры, Петры и Хатры
180 г.	Перевод на китайский язык первых текстов махаяны				Рожение Мани, основоположника манихейства
конец II в.	Возникновение лирической поэзии <i>шань</i>			226–651 гг.	Государство Сасанидов. Государственная религия – маздаизм
220–265/280 гг.	Эпоха Троецарствия (Китай)				
222–262 гг.	Цзи Кан, даосский поэт и музыкант				
250 г. н.э.					
304–320 гг.	Вторжения «варваров», завоевание Северного Китая	<p>300 г.</p>	Основание империи Гуптов.	III в.	Захват караванных городов Римом и Персией. Централизация управления
II–IV вв.	Эпоха Трех государств в Корее		Значительный уровень развития металлургии, о чем свидетельствует уникальная железная колонна в Дели.		
300–600 гг.	Культура гробниц на о. Кюсю			Посольства Шри-Ланки в Византию и Китай.	325 г.
IV–V вв.	Распространение племенного союза Ямато		Развитие знаний в астрономии и математике, о котором свидетельствуют труды Ариабхаты.		395 г.
317–589 гг.	Эпоха Северных и Южных династий в Китае			Поэзия и драматургия Калидасы.	V в.
282–343 гг.	Гэ Хун, даос и алхимик		Составление первых пуран.		
307–65 гг.	Ван Сичжи, каллиграф			Переработка «Махабхараты» и «Рамаяны» как текстов вишнуизма (бхагаватизма)	V в.
400–439 гг.	Расширение государства Тоба Вэй		Вторжение эфталитов.		
399–412 гг.	Паломничество Фасяня в Индию			450 г.	Закат империи Гуптов.
400 г.	Начало составления летописей в Японии		Труды Ариабхаты и Варахирахы по астрономии		
365–427 гг.	Тао Цянь (Тао Юаньмин), знаменитый поэт				
452–536 гг.	Тао Хунцзин, даосский наставник и реформатор южного даосизма				

АФРИКА		СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ		ЕВРОПА К СЕВЕРУ ОТ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ		АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ	
<p>I–III вв. Египет – римская провинция. Использование водяного колеса для орошения в долине Нила. Широкомасштабная обработка железа в Мероэ. Северная Африка – важнейший поставщик продовольствия для Рима</p> <p>сер. I – нач. III в. Начало обработки железа в Нижнем Заире</p> <p>ок. 120 г. Цари Мероэ перестают использовать египетские иероглифы</p> <p>II–III вв. Поселения квале – земледельческих народов, использующих железо, на юго-западе Кении и далее к югу вдоль побережья Индийского океана. Широкое распространение земледелия во внутренние регионы субэкваториальной Африки</p> <p>193–211 г. Септимий Север, римский император североафриканского происхождения</p> <p>ок. 200 г. Первое упоминание Аксума в эфиопских надписях</p> <p>238 г. Восстание землевладельцев в Северной Африке</p> <p>248 г. Епископом Карфагена становится Киприан</p> <p>ок. 250–700 г. Период процветания Аксумского царства</p> <p>III в. Первые деревенские поселения у водопадов Каламбо в Замбии и в Силвер-Ливс в Трансваале</p>	<p>23–79 г.</p> <p>55–120 г.</p> <p>79 г.</p> <p>I в.</p> <p>ок. 90–165 г.</p> <p>212 г.</p>	<p>Плиний Старший, автор «Естественной истории» («Naturalis Historia»). Колумелла пишет первую известную энциклопедию по земледелию – «О сельском хозяйстве» («De re rustica»)</p> <p>Тацит – историк, автор «Германии»</p> <p>Извержение Везувия. Помпеи и Геркуланум погребены под пеплом</p> <p>Возникновение христианства, культ Иисуса Христа, рожденного в правление императора Августа. Предполагаемый год его рождения начиная с IV в. становится началом христианской эры</p> <p>Клавдий Птолемей – астроном, математик и географ из Александрии. Его астрономическая теория и таблицы для определения положения планет используются до XVI в. Его карта мира была хорошо известна арабским географам</p> <p>Эдикт Каракаллы, расширяющий права на римское гражданство</p>	<p>15 г.</p> <p>98–177 г.</p> <p>167–175; 178–180 г.</p>	<p>Римляне захватывают германские земли между Рейном и Эльбой, превратив их в римские провинции.</p> <p>Из-за восстания херусков во главе с Арминием в 9 г. н.э. их план терпит неудачу и германские земли к востоку от Рейна становятся независимыми</p> <p>Завоевание Дакии римским императором Траяном. Значительное расширение Римской империи</p> <p>Неудачные попытки римлян покорить германское племя маркоманов в Моравии и Богемии. Формирование племенных союзов. Преобладающее влияние римских материальных, культурных и технических знаний в Центральной Европе и в ее северных частях</p>	<p>250 г. н.э.</p>		
<p>конец III – IV вв. Традиция Матола в Натале</p> <p>284 г. Гонения на христиан повсюду, в том числе в Египте, при императоре Диоклетиане</p> <p>312 г. Раскол между сторонниками Цецилиана и Доната – соперничающих епископов Карфагена</p> <p>ок. 330–356 г. Эзана, царь Аксума. Принятие христианства в Аксуме</p> <p>323 г. Пахомий основывает первый монастырь в Египте</p> <p>328 г. Патриархом Александрийским становится Афанасий</p> <p>ок. 350 г. Поражение Мероитского царства, по всей видимости, от аксумитов</p> <p>ок. IV в. Заселение городища в Баталимо (ЦАР)</p> <p>конец IV в. Выход из употребления мероитского алфавита</p> <p>429 г. Вторжение в Северную Африку из Испании вандалов под предводительством Гейзериха</p> <p>430 г. Смерть Августина Блаженного</p>	<p>конец III в.</p> <p>325 г.</p> <p>381 г.</p> <p>375 г.</p> <p>IV–V вв.</p>	<p>Начало домината Диоклетиана. Стабилизация Римской империи</p> <p>Император Константин возглавляет первый Вселенский собор в Никее в Малой Азии.</p> <p>Император объявляет христианство (и христианские церкви) всеимперской религией</p> <p>Император Феодосий объявляет христианство единственной государственной религией</p> <p>Начало переселения народов после вторжения гуннов в Восточную Европу</p> <p>Набеги и вторжения германских племен на римские провинции.</p> <p>Образование племенных государств</p>	<p>260 г.</p> <p>489–511 г.</p>	<p>Независимая Гальская империя во главе с римским военачальником Постумом; восстания багаудов в Галлии в 268–270, 286 г.</p> <p>Основы особого социального и культурного развития римских провинций в Галлии</p> <p>Возникновение Франкского государства под властью короля Хлодвиг из рода Меровингов</p>	<p>250–500 г.</p> <p>Быстрое развитие цивилизации майя. Классический период региональных цивилизаций Центральной Америки.</p> <p>Возникновение словосочетания на американском юго-западе</p>		

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

(продолжение)

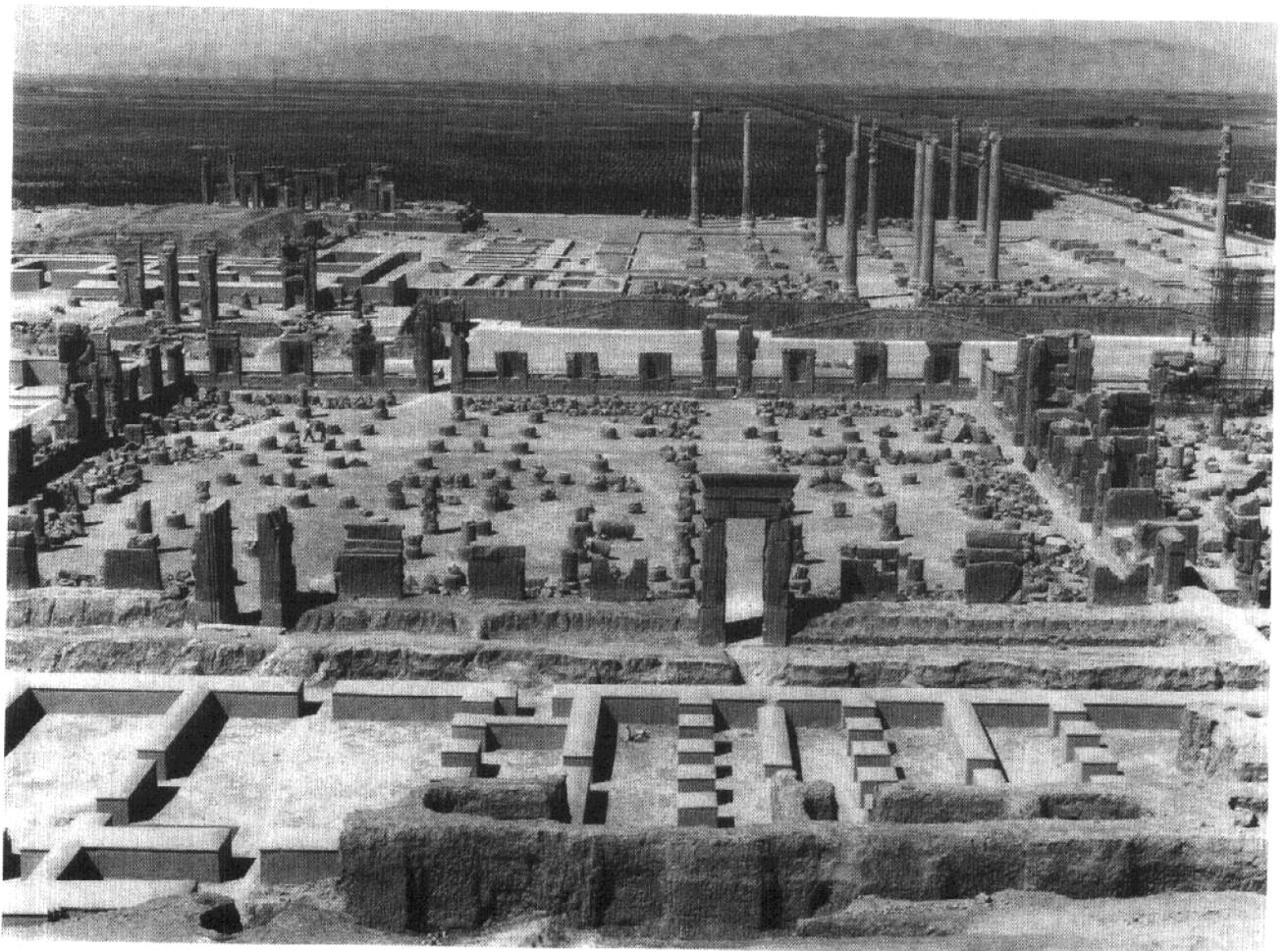
ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЗАПАДНАЯ АЗИЯ
500 г. н.э.		
<p>587 г. Официальное принятие буддизма японским двором</p> <p>589 г. Первый император династии Суй объединяет Китай (династия Суй – 581/589–618 гг.)</p> <p>605–608 гг. Строительство Великого канала</p> <p>618–906 гг. Династия Тан</p> <p>630–645 гг. Завоевание Центральной Азии династией Тан</p> <p>593–622 гг. Правление Сётоку-тайси</p> <p>604 г. «Законы» Сётоку-тайси</p> <p>629–645 гг. Путешествие Сюань-Цзана по Центральной Азии и Индии</p> <p>?–673 гг. Янь Либэнь, знаменитый придворный художник</p> <p>646–650 гг. Реформы Тайка</p> <p>668 г. Государство Силла объединяет Корею</p>	<p>Упадок буддизма повсюду, кроме Восточной Индии. Рост популярности кульгов Вишны и Шивы, в том числе как тантрических кульгов, связанных с пураническим индуизмом.</p> <p>Составление Баной «Харшачариты» – жизнеописания Харши, правителя Тханесара.</p> <p>Преобладание скальных храмов и пещерных святилищ.</p> <p>Возникновение дравидийского стиля в архитектуре отдельно стоящих храмов.</p> <p>Составление «Манасара» – трактата по архитектуре и словаря «Амаракоша». «Уттарарамчарита» Бхавабхути.</p> <p>«Мирчакатика» («Глиняная повозка») Шудраки.</p> <p>Вторжение арабов в Синд</p>	<p>V–VI вв. Государство эфталитов в Центральной Азии и Северной Индии</p> <p>500–529 гг. Маздакитское движение в государстве Сасанидов, вызвавшее социальные волнения</p> <p>540–561 гг. Война между Юстинианом и Хосровом I; торговое соперничество с Индией</p> <p>552–744 гг. Империя тюрков в Центральной Азии</p> <p>VI в. Распространение железного стремени привело к изменению методов военных действий</p> <p>570–632 гг. Мухаммед, основатель ислама</p> <p>622 г. Хиджра Мухаммеда в Медину, начало исламской эры</p> <p>623 г. Начало исламских завоеваний</p>
750 г. н.э.		

АФРИКА		СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ		ЕВРОПА К СЕВЕРУ ОТ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ		АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ	
ок. V в.	Литье меди по выплавляемым восковым моделям в Синтигу Бара (Сенегал). Культура баллана в Суданской Нубии. Продолжение развития городов в западноафриканской саванне, а также в Дженне-Джено, Кумби-Салехе и Аудагасте	450 г.	Некоторые земли Британии завоеваны и заселены англосаксами				
439 г.	Завоевание Карфагена вандалами	476 г.	Смещение последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула.				
ок. 500 г.	Начало христианства в Нубии		Формальное прекращение существования Римской империи				
500 г. н.э.							
VI в.	Традиция Мсулузи в Натале. Традиция Лиденбург в Трансваале	529 г.	Закрытие афинской Академии – одного из последних центров античной нехристианской культуры и науки	1-я пол. VI в.	Распространение славянских племен к Балканскому п-ову и по долине Дуная	500–750 гг.	Пик развития классических региональных цивилизаций, майя, Теотиуакан, Монте-Альбан и Тахин в Центральной Америке и Мочика, Наска и Тиауанако в Центральных Андах. Повсеместное распространение словесных об-ществ
ок. 517 г.	Описание Адулиса и Аксума Козьмой Индикоплотом («плавателем в Индию»)		Император Юстиниан I укрепляет политическую власть Византии и пытается восстановить институты античного рабовладельческого общества	560–568 гг.	Вторжение аваров, в ходе которого было уничтожено царство гепидов в карпатской котловине (565 г.)		
ок. 518–525 гг.	Военные действия Калеба, царя Аксума, в Южной Аравии	527–564 гг.		568 г.	Под давлением аваров лангобарды переходят через Альпы и завоевывают Северную Италию. Авары заселяют Венгерскую долину		
533 г.	Византийская армия Юстиниана разбивает вандалов в Северной Африке		Составление под руководством императора Юстиниана собрания римских законов и указов, которое позже получило название «Кодекс Юстиниана». В средние века он назывался и применялся как «Corpus iuris civilis» – «Корпус гражданского права»	ок. 565 г.	Славянские племена заселяют обширные регионы Балканского п-ова – либо как независимые союзнники (федераты) Византии, либо под владычеством аваров		
VI в.	Три царства – Нобатия, Макурия и Алуа в Суданской Нубии	ок. 550 г.		2-я пол. VI в.	Перемещение славянских племен в Центральную Европу		
535 г.	Закрытие последнего в Египте храма Изиды (на о. Филе)		Восстания в Константинополе и на Дунае	ок. 625 г.	Восстания славянских племен в Богемии, Моравии и в долине Дунае против аваров. Формирование племенного союза или племенного государства во главе со славянским князем Само		
ок. 542 г.	Формальное обращение Нобатии в христианство		Закрывтие Мусейона в Александрии после того, как большая часть из миллиона рукописей была перевезена в Константинополь				
537–565 гг.	Византийский император Юстиниан заключает союз с Аксумом против химyarитского царства	588–601/602 гг.	Арабская экспансия вдоль африканского побережья Средиземного моря				
ок. 580 г.	Формальное обращение Алодии в христианство						
640 г.	Завоевание Египта арабами	642 г.					
647 г.	Вторжение арабов в Северную Африку						
VIII в.	Значительный рост числа христианских церквей и распространение религиозной живописи в Нубии	конец VII в.					
750 г. н.э.							

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Ритон (сосуд для питья) из Эребуни (Ереван, Армения); V в. до н.э.

Илл. 2. Персеполь, «Стоколонный зал» и город Ападана, вид с восточной стороны (с согласия Архива фотографий Центра Scavi IsMEO)

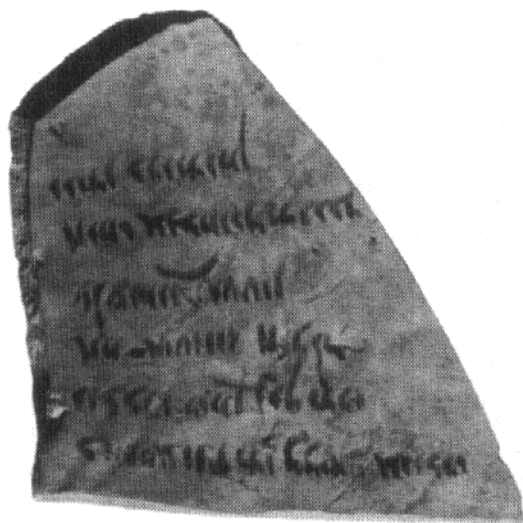
Илл. 3. Башня Ахеменидов в Нурабаде (историческая область на юге Ирана) (фото *Rostamy*)

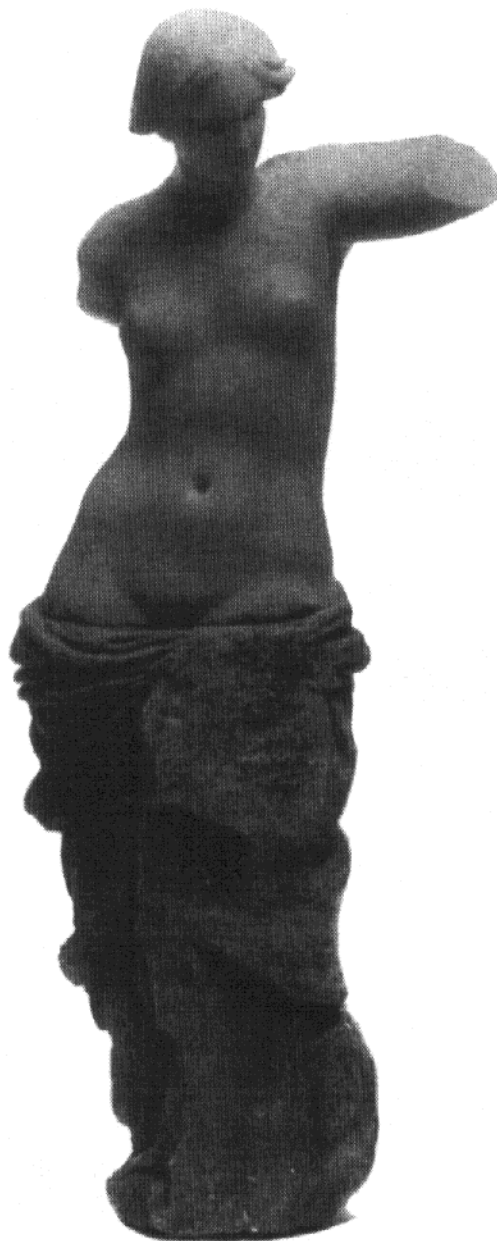
Илл. 4. Голова парфянской женщины из Тал-Умара (Багдадский музей, Ирак)

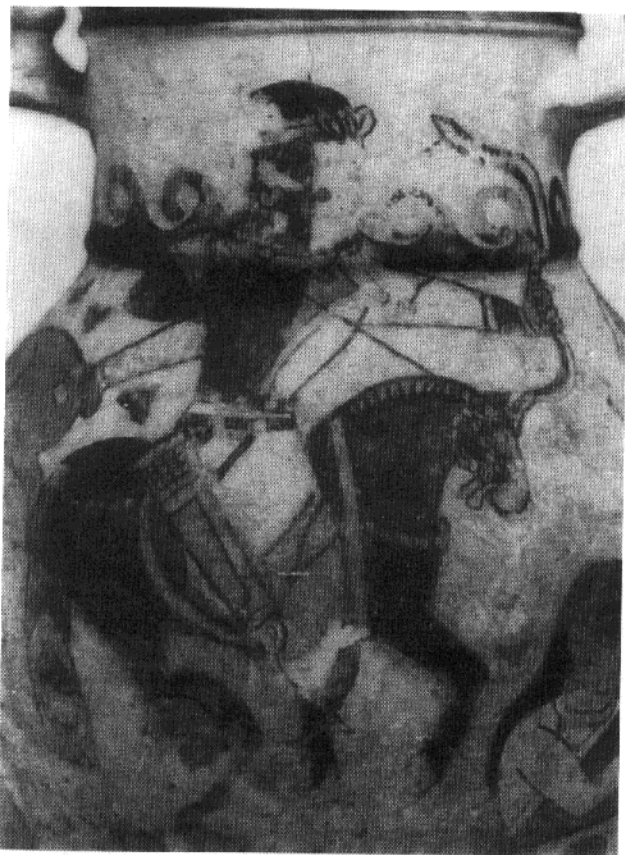
Илл. 5. Драхма с портретом Аршака I; II в. до н.э. (фото *Wolski*)

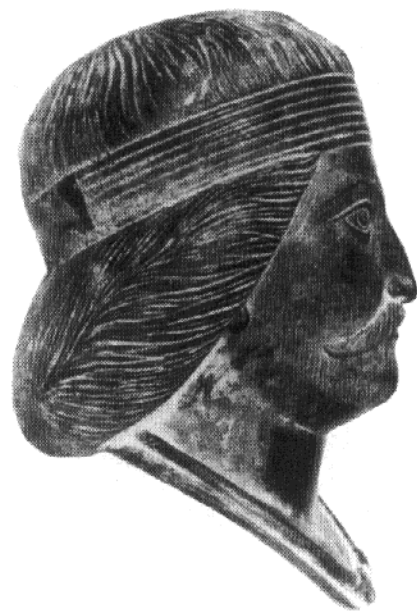
Илл. 6. Черепок с хозяйственной записью на арамейском языке из находок в Нисе; II в. до н.э. (фото *Wolski*)

Илл. 7. «Родоган» – мраморная статуэтка женщины из Нисы; II в. до н.э. (фото *Wolski*)

Илл. 8. Парфянский стрелок из лука, фрагмент керамической вазы; V в. до н.э. (фото Wolski)

Илл. 9. Изображение головы парфянского аристократа; металл, Шами; II–III вв. до н.э. (фото Wolski)

Илл. 10. Парфянский всадник на охоте, фрагмент печати; II в. н.э. (фото Wolski)

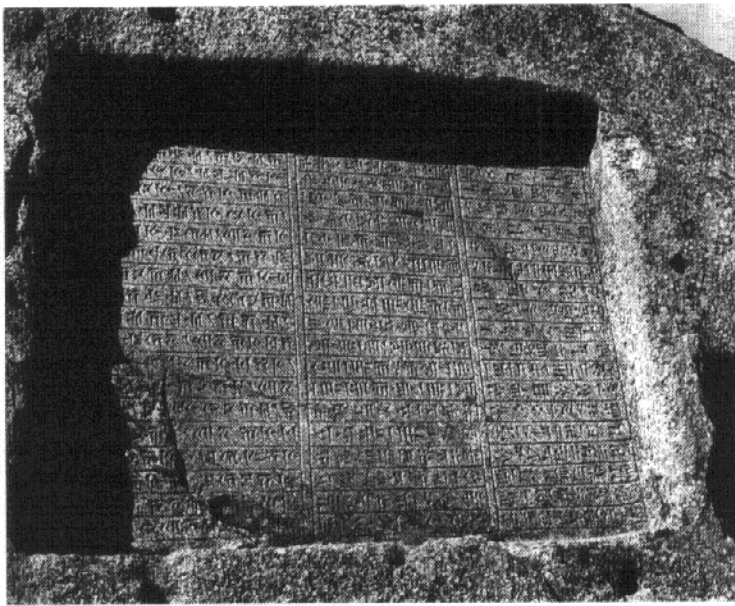
Илл. 11. Изображение царя; I–II вв. н.э. (фото Wolski)

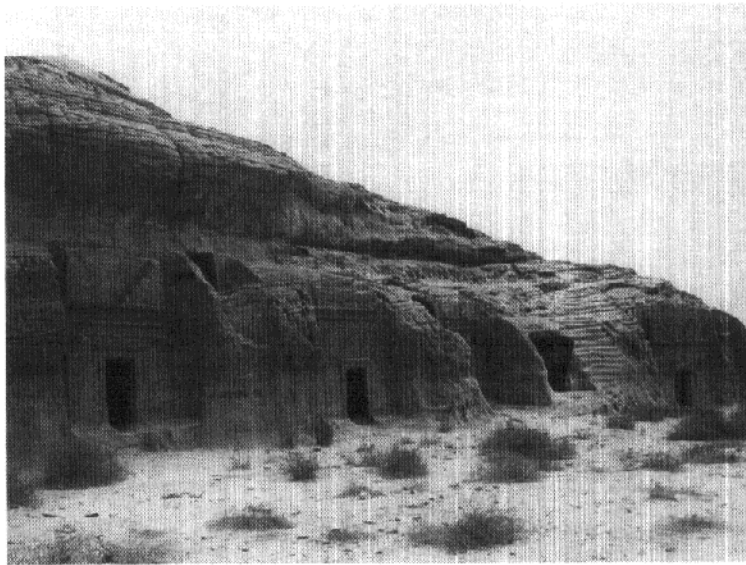
Илл. 12. Царь Бахрам Гур и его служанка охотятся на газелей (Метрополитен-музей, Нью-Йорк)

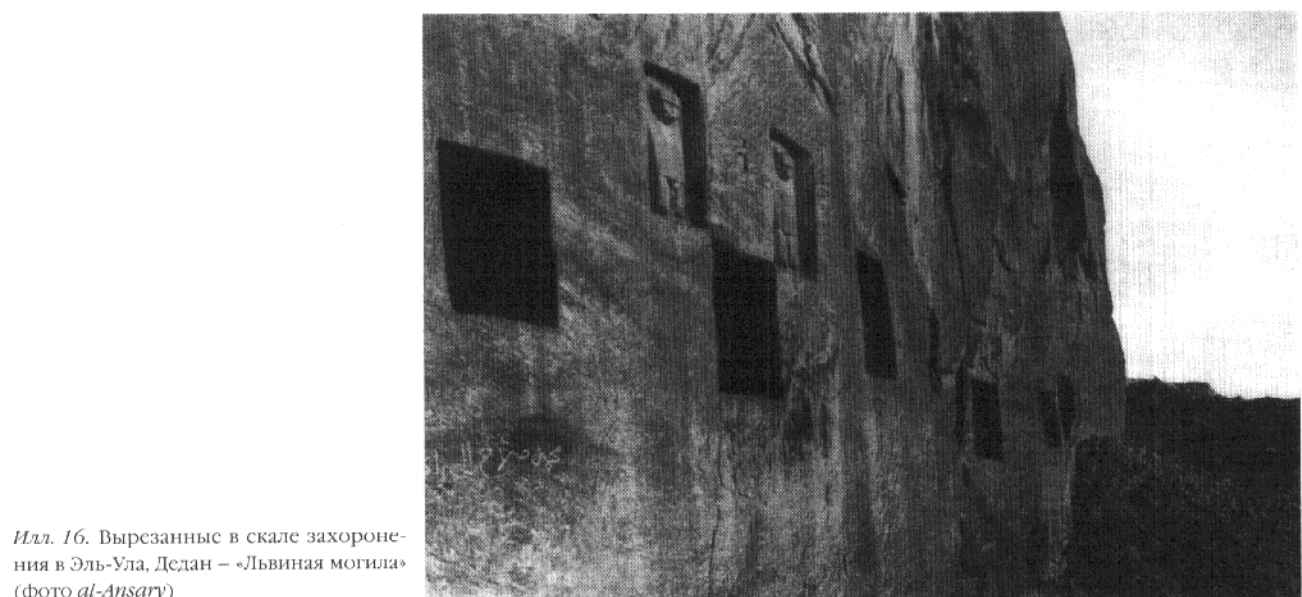
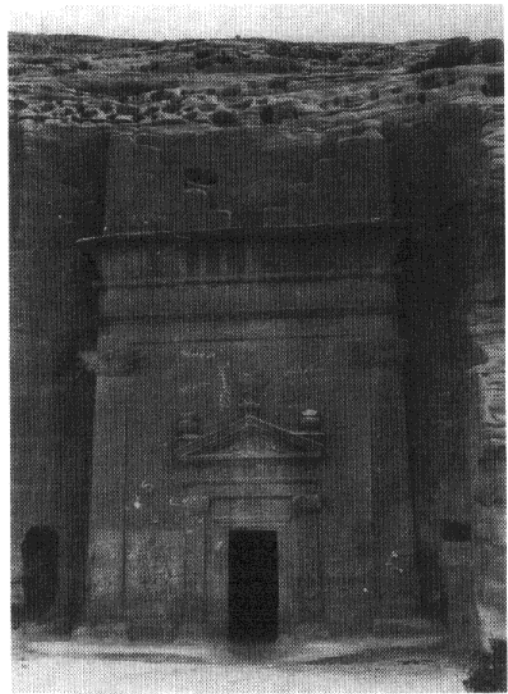
Илл. 13. Монета Хосрова II (фото Grigoriou)

Илл. 14. Надпись клинописью на трех языках (древнеперсидском, вавилонском и эламском) из Гандж-Нама, Хамадан (древняя Экбатана, город на западе Ирана) (фото *Rostamy*)

Илл. 15. Фасады захоронения в Маддин-Салих, вырезанные в скале (фото *al-Ansary*)

Илл. 16. Вырезанные в скале захоронения в Эль-Ула, Дедан – «Львиная могила» (фото *al-Ansary*)

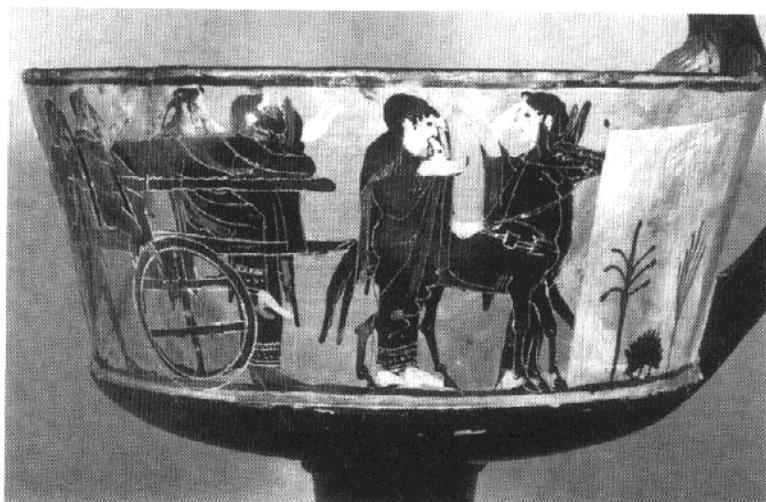
Илл. 17. Сцена из росписи на протокоринфской вазе («Ваза Чинги») из местонахождения вблизи г. Вейи, изображающая два отряда гошлитов, объединяющихся перед битвой; флейтист идет впереди левого отряда, крайний слева – вооружающийся воин; высота вазы 26,2 см; около 640 г. до н.э.

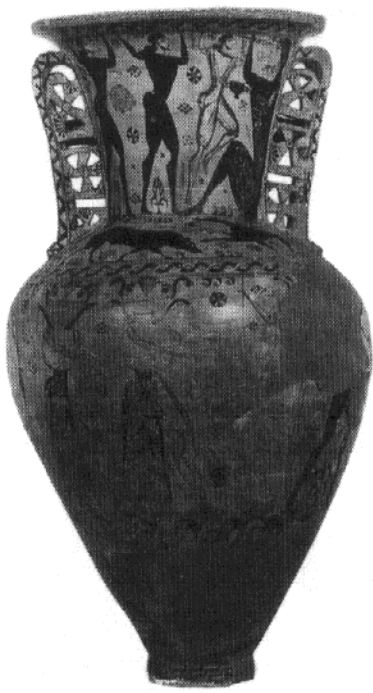
Илл. 18. Шлем (его тип ошибочно назван иллирийским); высота 25,5 см, длина 23,5 см, первая половина VII в. до н.э.

Илл. 19. Похоронная процессия: чернофигурный канфар (древнегреческий кубок для вина) из Аттики; VI в. до н.э. (фото Bibl. Nat., Париж)

Илл. 20. Похоронная процессия с носилками на повозке; чернофигурный канфар из Аттики; VI в. до н.э.

Илл. 21. Протоаттическая погребальная амфора из Элевсина. На горле амфоры изображены Одиссей и его слуги, ослепляющие киклопа (циклопа) Полифема; ниже – Персей, убивающий медузу; высота 1,42 м; середина VII в. до н.э. (с согласия Элевсинского археологического музея, Греция)

Илл. 22. Чернофигурная амфора из Афин. На горле амфоры – Геракл, убивающий кентавра Несса; ниже – миф о Персее; высота 1,23 м; конец VII в. до н.э. (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

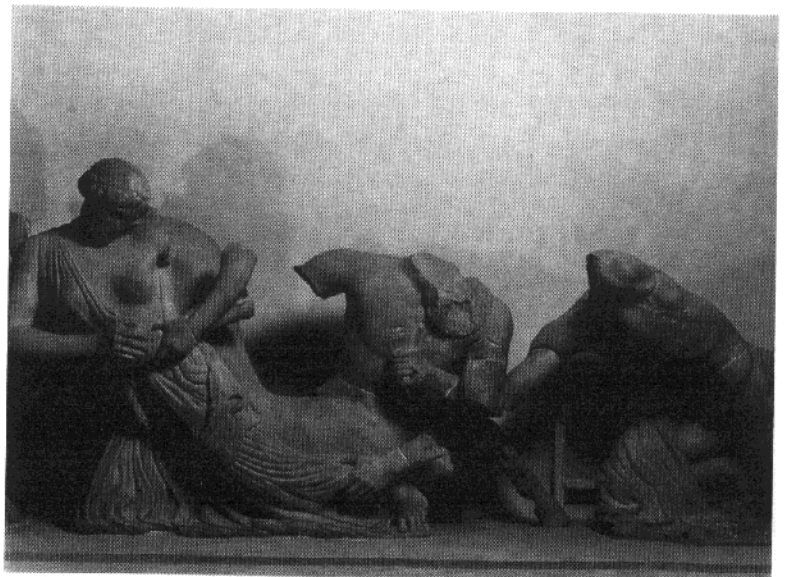
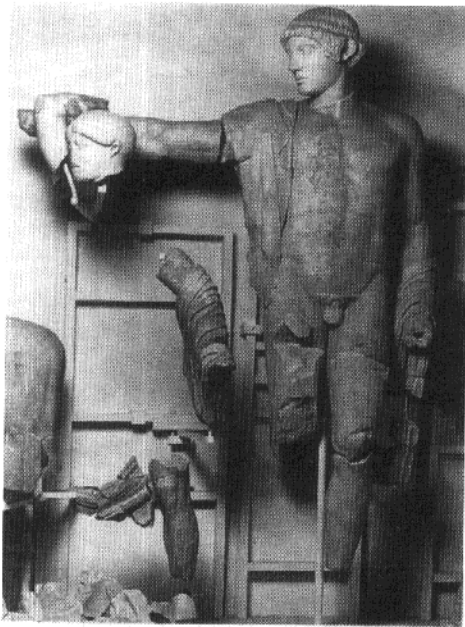
Илл. 23. Бронзовая статуэтка мужчины из Дельфов; высота 20 см; середина VII в. до н.э. (с согласия Дельфического археологического музея, Греция)

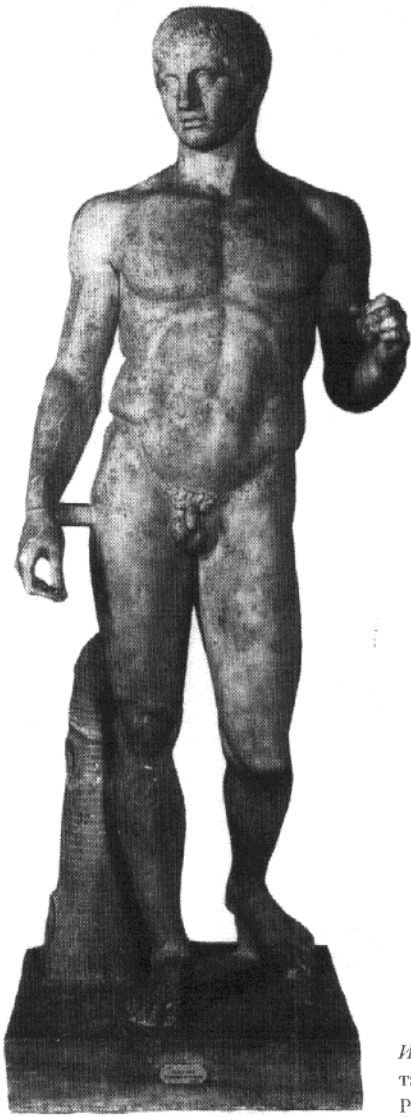
Илл. 24. «Дама из Осер», известняковая статуэтка с о. Крит; высота 65 см; середина VII в. до н.э. (фото Larrieu, Музей Лувра, Париж)

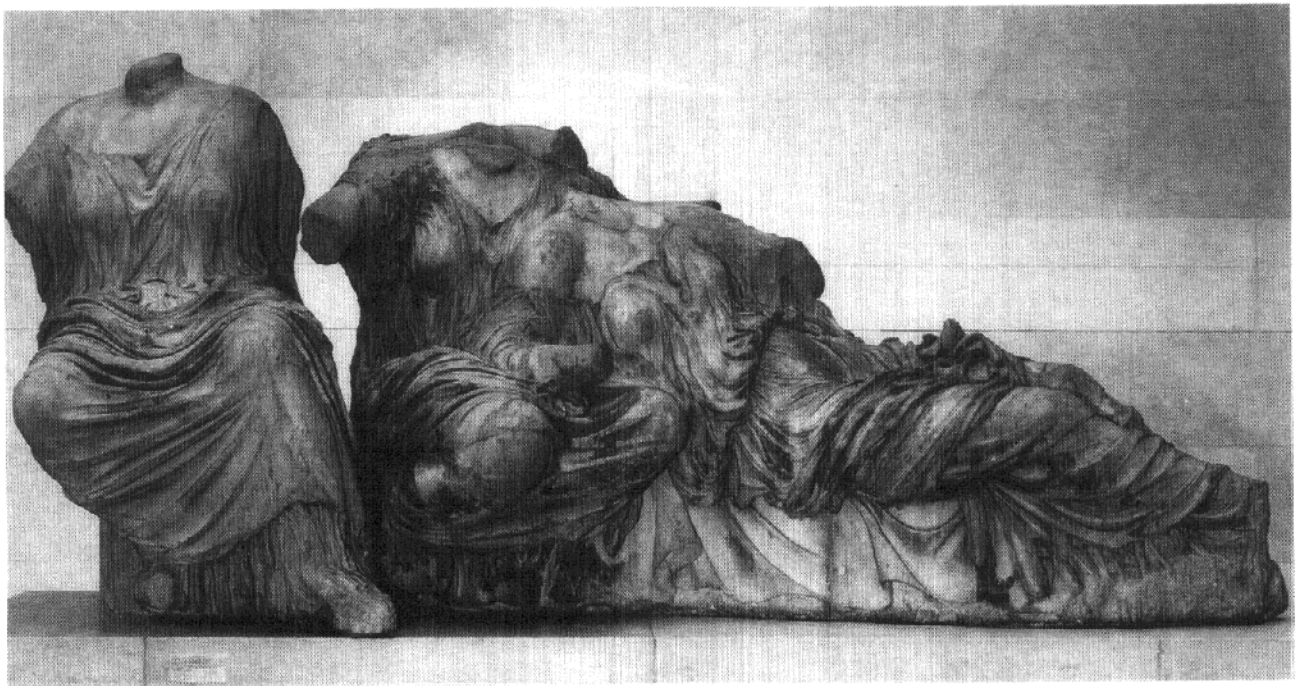
Илл. 25. Мраморная статуя женщины, дающей обет с Акрополя; скульптор Ангенор; высота 2,25 м; третья четверть VI в. до н.э. (с согласия Музея Акрополя, Афины, Греция)

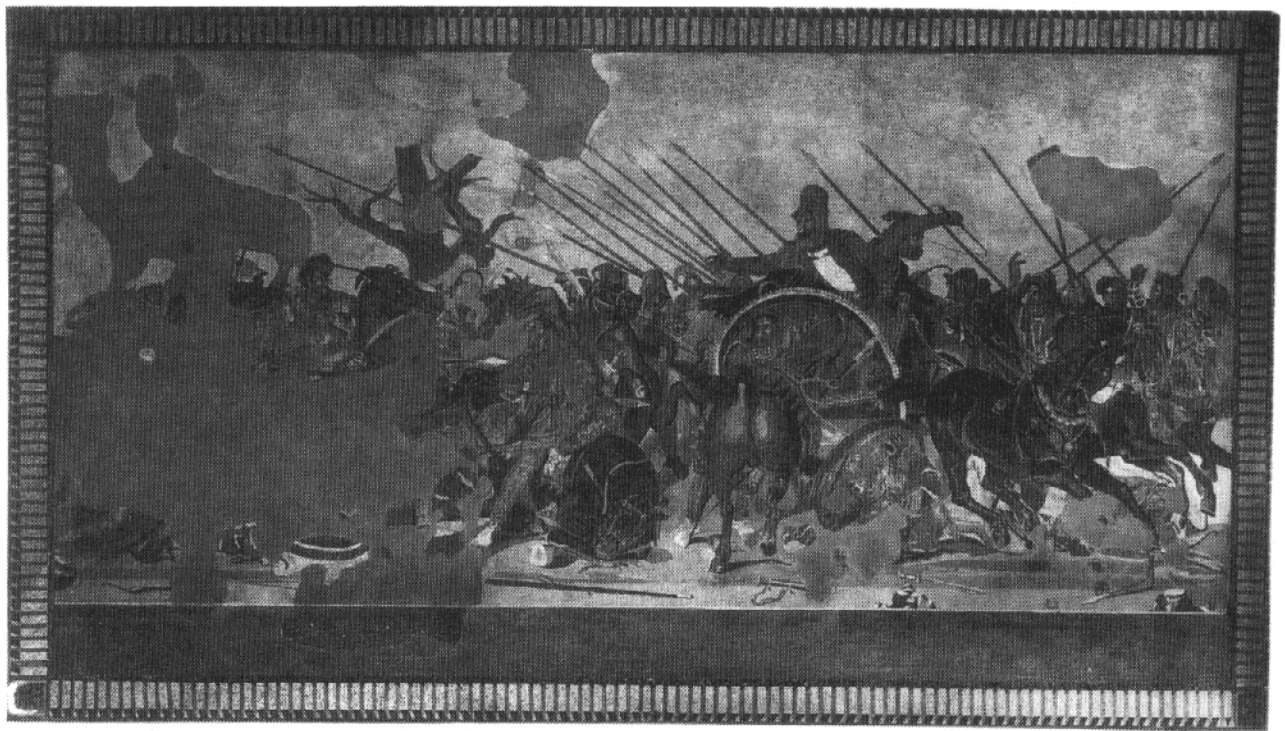
Илл. 26. Западный фронтон храма Зевса в Олимпии с изображением битвы с кентаврами; высота центральной фигуры 3,15 м; вторая четверть V в. до н.э. (с согласия Olympia Archeological Museum, Греция)

Илл. 27. Римская мраморная копия из Помпей бронзовой статуи «Дорифор» работы Поликлета из Аргоса; высота 2,12 м; третья четверть V в. до н.э. (фото Soprintendenza Archeologia delle Province di Napoli e Caserta, Италия)

Илл. 28. Мраморные скульптуры с восточного фронтона Парфенона, изображающие богов Олимпа, присутствующих при рождении Афины; центральная композиция не сохранилась; максимальная высота сохранившихся статуй 1,39 м; третья четверть V в. до н.э. (Британский музей, Лондон)

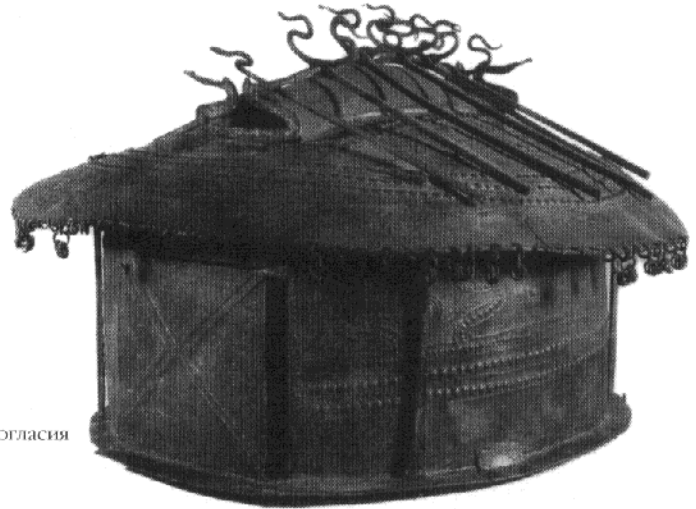
Илл. 29. Мозаичный пол из Помпей с изображением битвы Александра с Дарием при Иссе; высота 3,42 м; оригинал картины – конца IV в. до н.э. (фото Soprintendenza Archeologica delle Province di Napoli e Caserta, Италия)

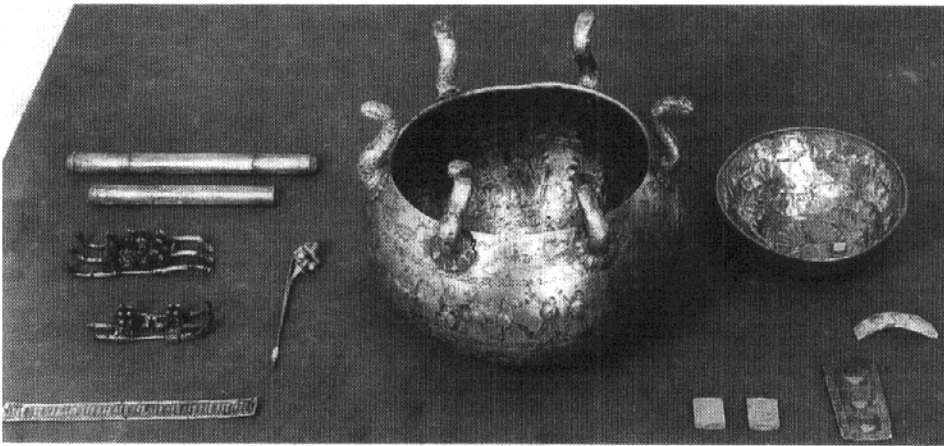
Илл. 30. «Пир» – роспись на этрусском надгробии из Тарквинии; III в. до н.э. (фото Sadurska)

Илл. 31. Глиняная урна для праха в виде хижинки с погребальными приношениями с кладбища на римском Форуме (с согласия Soprintendenza Archeologica di Roma, Италия)

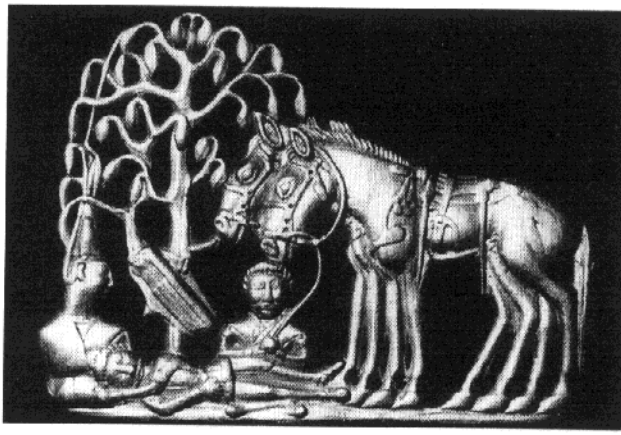
Илл. 32. Бронзовая урна для праха в виде хижинки из Вулчи (с согласия Soprintendenza Archeologica per l'Etruria Meridionale, Италия)

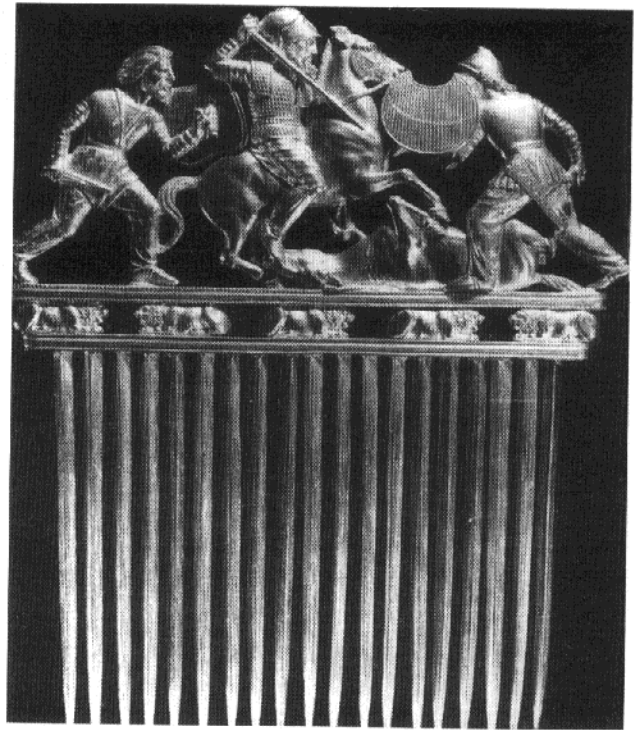
Илл. 33. Часть погребальных даров из усыпальницы Бернадини в Палестине (с согласия Soprintendenza Archeologica per l'Etruria Meridionale, Италия)

Илл. 34. Часть стены в Риме, построенная шестым царем Древнего Рима Сервием Туллием (с согласия Soprintendenza di Musei, Monumenti del Comune di Roma, Италия)

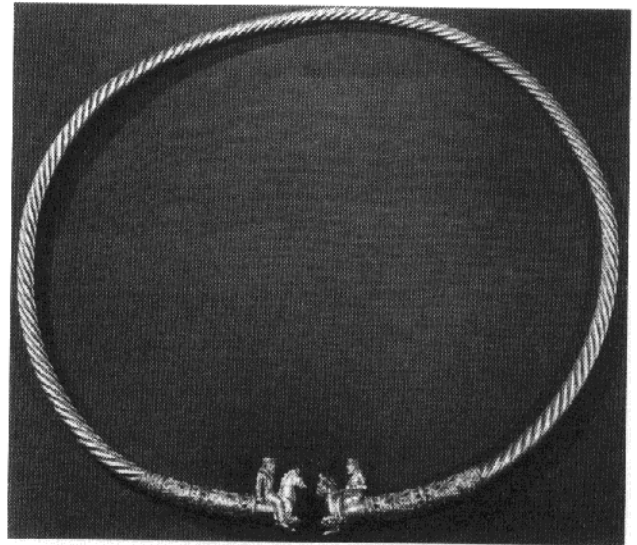
Илл. 35. «Отдых воина», декоративная золотая пластина. Скифо-сибирское искусство. Происхождение неизвестно; V–IV вв. до н.э. (Сибирская коллекция Петра I; с согласия Государственного Эрмитажа, Россия)

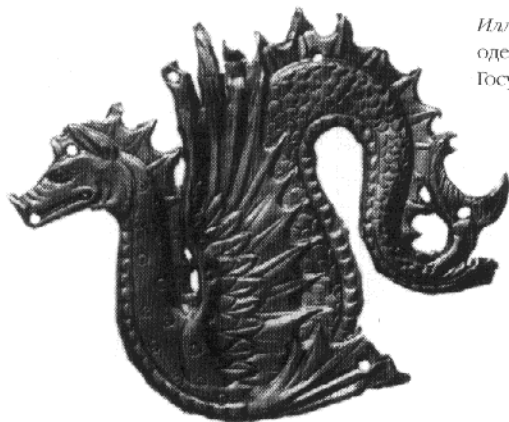
Илл. 36. Гребень со скульптурным изображением скифов из кургана Солоха, начало IV в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия)

Илл. 37. Золотая ваза греческой работы из кургана Куль-Оба около г. Керчь в Крыму; IV в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия)

Илл. 38. Витое золотое ожерелье, покрытое синей и зеленой эмалью. Куль-Оба; IV в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия)

Илл. 39. «Морское чудовище», украшение одежды. Куль-Оба, IV в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия)

Илл. 40. Сцена братания, украшение одежды. Куль-Оба; IV в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия)

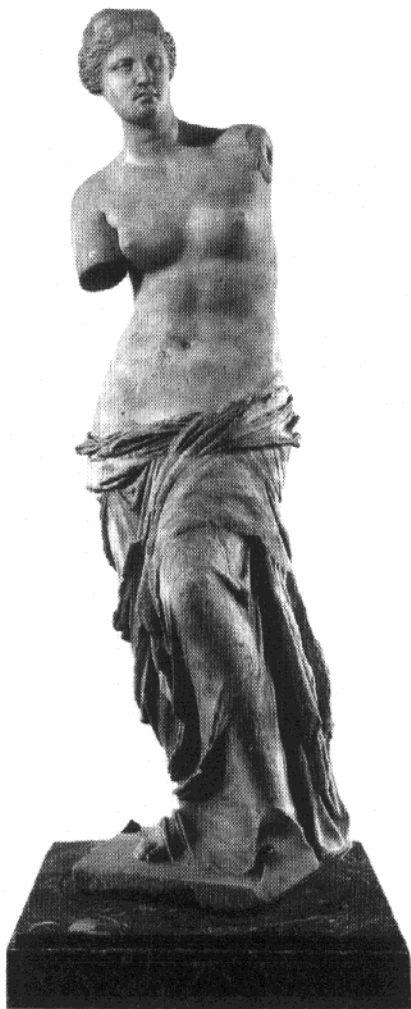
Илл. 41. Мифическая могила Орфея во Фракии, в Восточных Родобах, район г. Крумовграда, Южная Болгария (с согласия Institute of Thracian Studies, Sofia, Болгария)

Илл. 42. Ниши скального некрополя в Восточных Родобах, район г. Крумовграда, Южная Болгария (с согласия Institute of Thracian Studies, Sofia, Болгария)

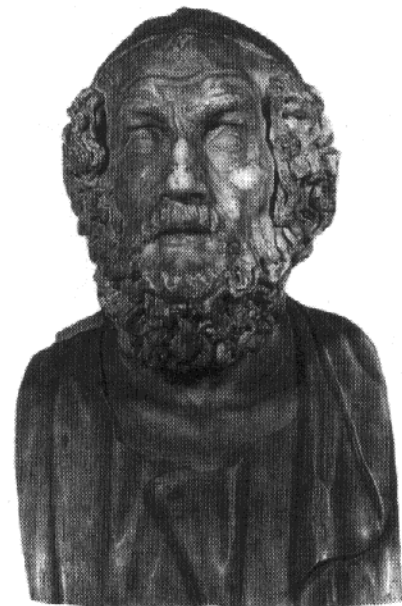
Илл. 43. Галл, совершающий самоубийство после убийства своей жены. Римская мраморная копия конца III в. до н.э. с бронзового оригинала; высота 2,11 м (с согласия Национального римского музея, Рим, Италия)

Илл. 45. Афродита (Венера) Милосская; высота 2,04 м; третья четверть II в. до н.э. (с согласия Музея Лувр, Париж)

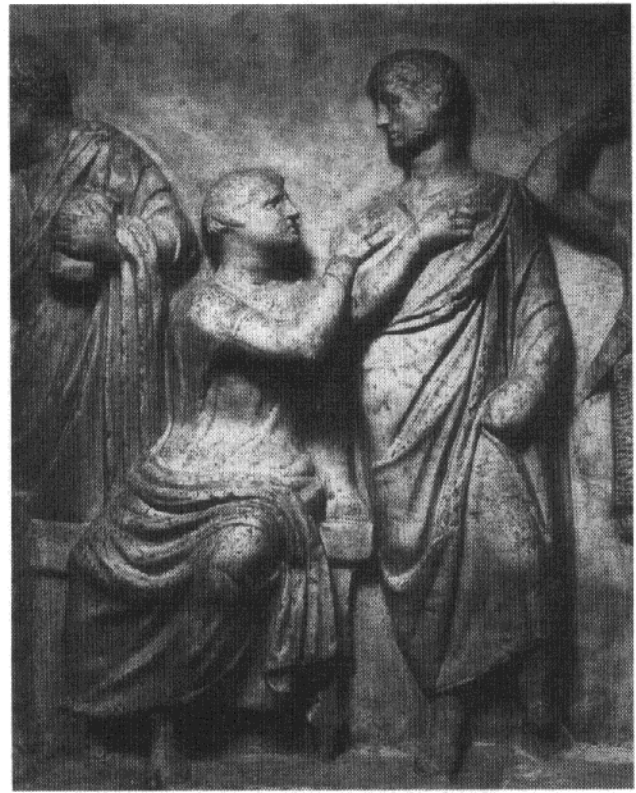
Илл. 44. Скульптурный портрет головы философа, обнаруженный в море у Антикиферы; высота 29 см, вторая четверть III в. до н.э. (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

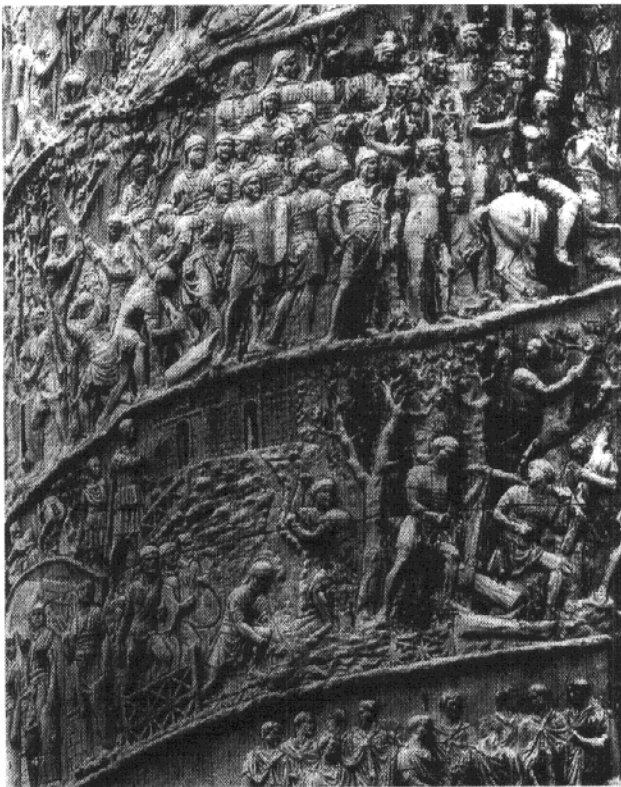
Илл. 46. Скульптурный портрет Гомера, мраморная римская копия с оригинала ок. 100 г. до н.э.; высота (исключая более поздний бюст) 33 см (фото Soprintendenza Archeologica delle Province di Napoli e Caserta, Италия)

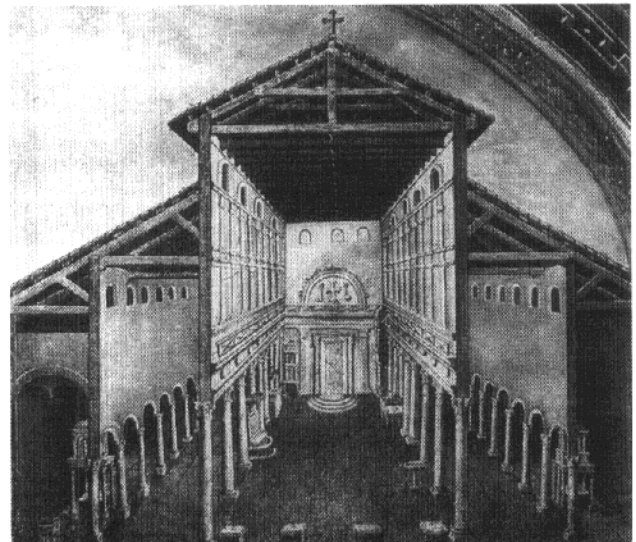
Илл. 47. Фреска из Геркуланума с изображением нимфы Аркадии, Геракла и Телефа из мифа о Геракле и Телефе; высота 2,02 м; копия I в. н.э. с росписи конца III или начала II в. до н.э. (фото Soprintendenza Archeologica delle Province di Napoli e Caserta, Италия)

Илл. 48. Судья за работой. Рельеф Домития Ахенобарбуса; ок. 100 г. до н.э. (с согласия Музея Лувр, Париж)

Илл. 49. Спиралевидный фриз колонны Траяна в Риме. Сцены из войны против даков; ок. 110 г. н.э. (фото *Sadurska*)

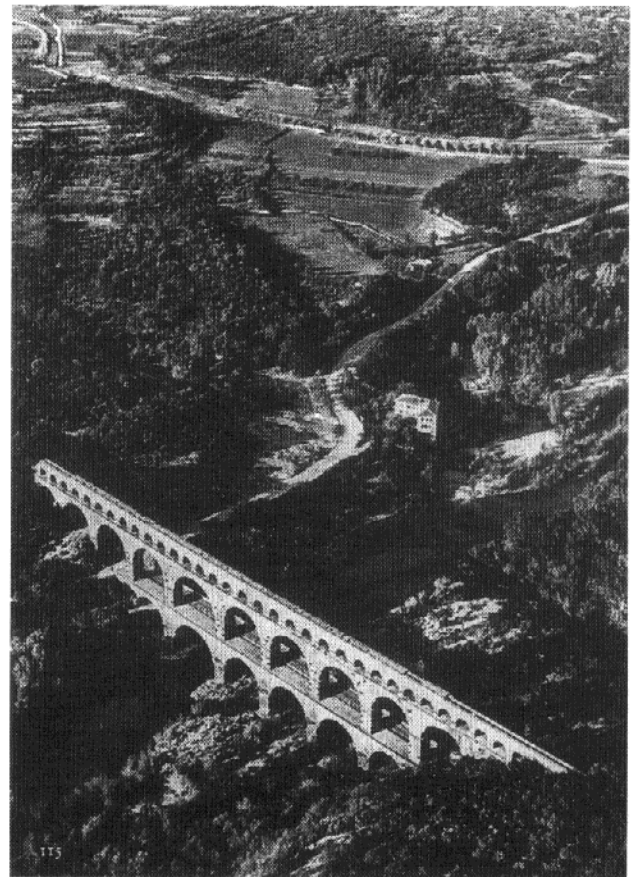
Илл. 50. Базилика Св. Петра в Ватикане. Вид в IV в. н.э. Рисунок Тиберио Альфарано XVI в. (фото *Sadurska*)

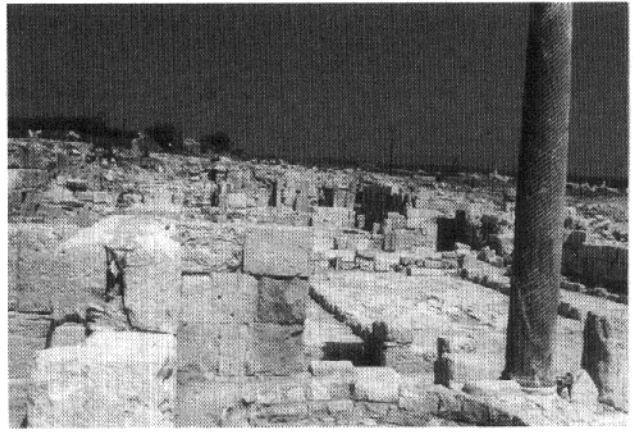
Илл. 51. Настенная роспись по штукатурке – украшение из Помпей; 63–79 гг. н.э. (Национальный археологический музей, Неаполь, Италия; фото *Sadurska*)

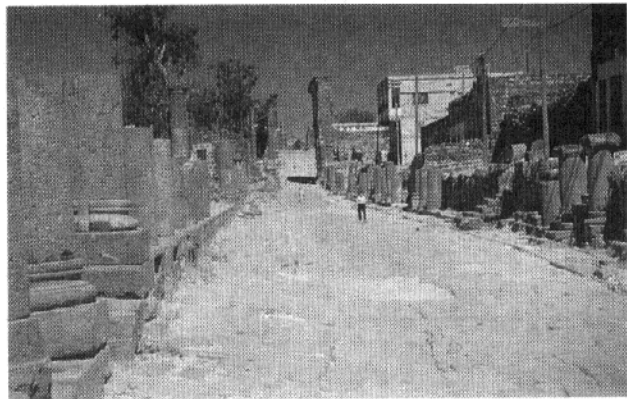
Илл. 53. Триумфальная арка в Риме, воздвигнутая в память римского императора Тита; конец I в. н.э. (фото *Sadurska*)

Илл. 52. Римский мост и акведук (Пон-дю-Гар), Ним, Южная Франция; конец I в. н.э. (фото *Sadurska*)

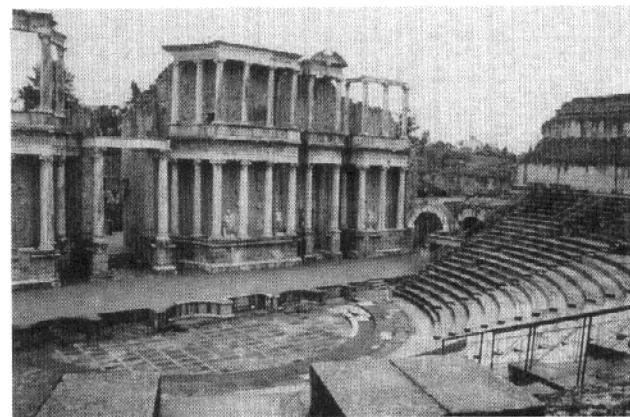
Илл. 54. Римская площадь (агора) в Курионе, Кипр (фото Jimenez)

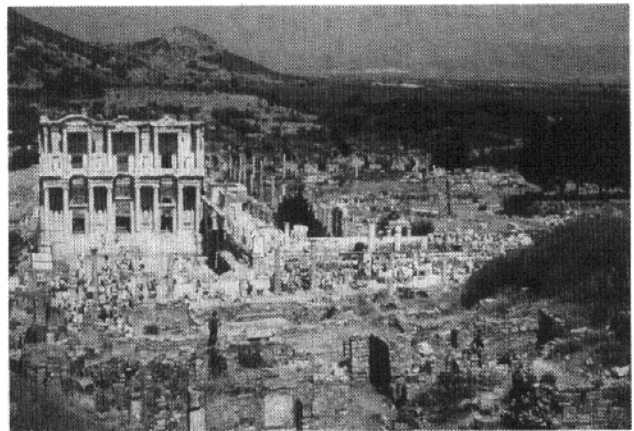
Илл. 55. Развалины в Декумане, Босра (Сирия) (фото Blasquez)

Илл. 56. Дворец в Трире, Германия (фото Herrmann)

Илл. 57. Римский театр (частично восстановленный) в Мериде, Испания (фото Herrmann)

Илл. 58. Восстановленная библиотека в Эфесе (Турция), один из знаменитых центров в римских провинциях в Малой Азии (фото Herrmann)

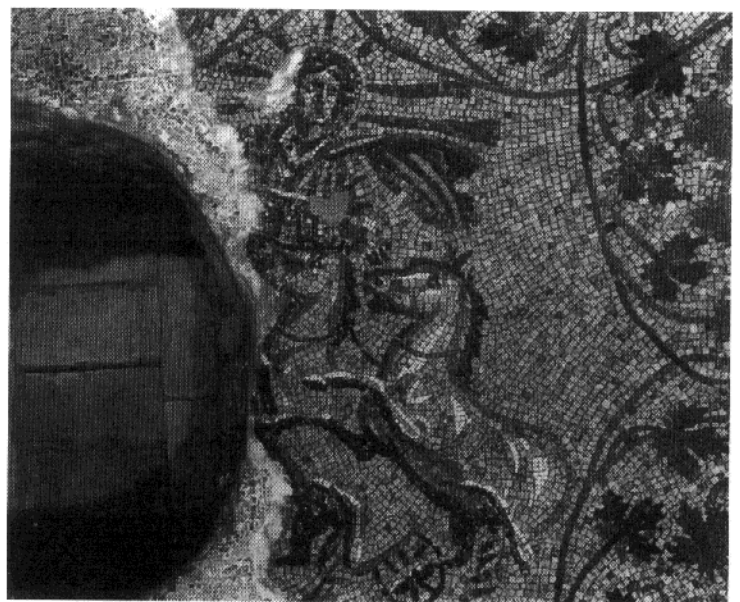
Илл. 59. Куполообразная гробница знатного фракийца из Казанлыка, Болгария; ок. 300 г. до н.э. (с согласия Национального музея истории, София, Болгария)

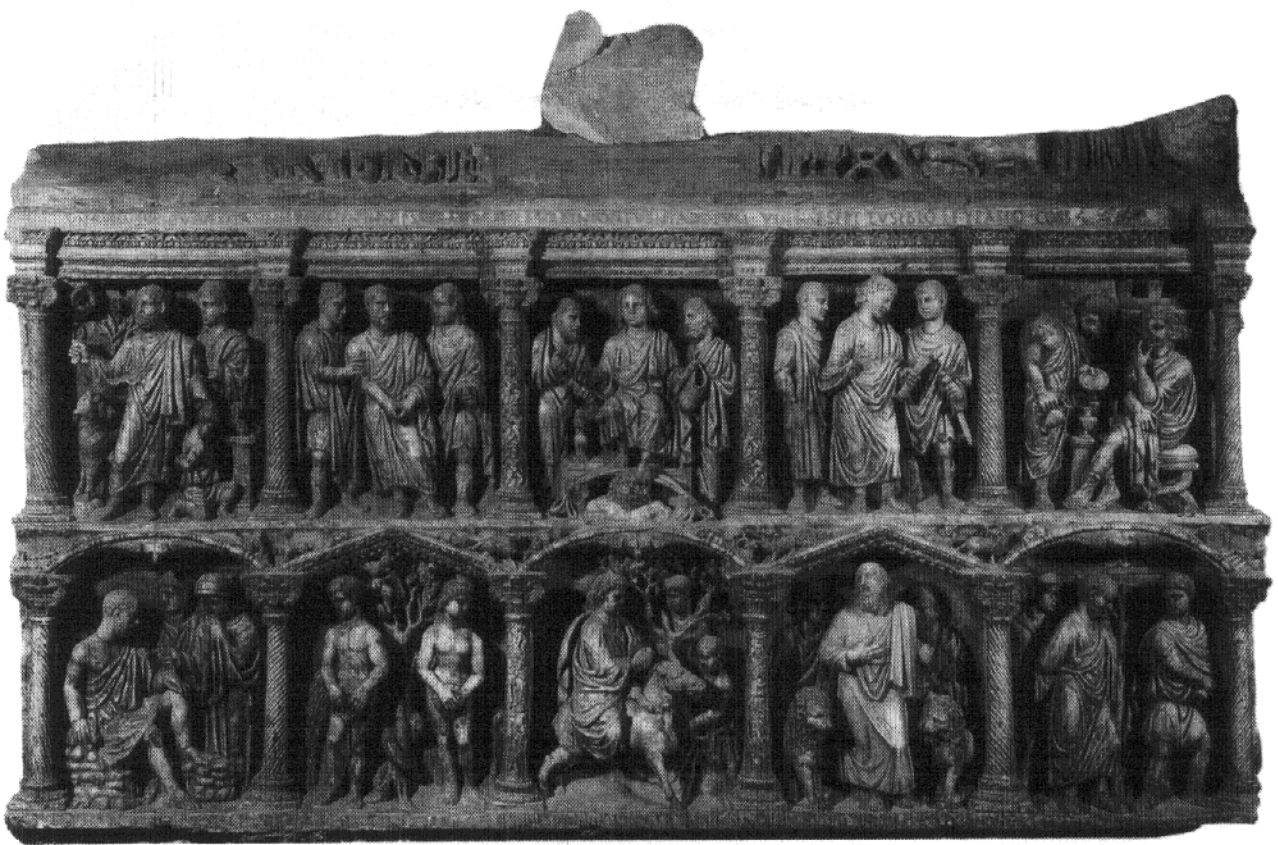
Илл. 60. Кельтская религиозная сцена на котле из Гундеструна, Дания (с согласия Национального музея, Копенгаген)

Илл. 61. Лицевая и обратная сторона триумфального медальона Константина, отчеканенного в Павии в 313 г. н.э. Сверху шлема с диадмой, на круглом диске выбиты заглавные греческие буквы «хи» и «ро»: *christos* (фото Staatliche Münzsammlung, Munich, Germany)

Илл. 62. Мозаичное изображение Христа как Гемоса (бога Солнца) на его колеснице; некрополь Ватикана под собором Св. Петра в Риме; конец III – начало IV в. (фото Pontificio Istituto di Archeologia Christiana, Рим, Италия)

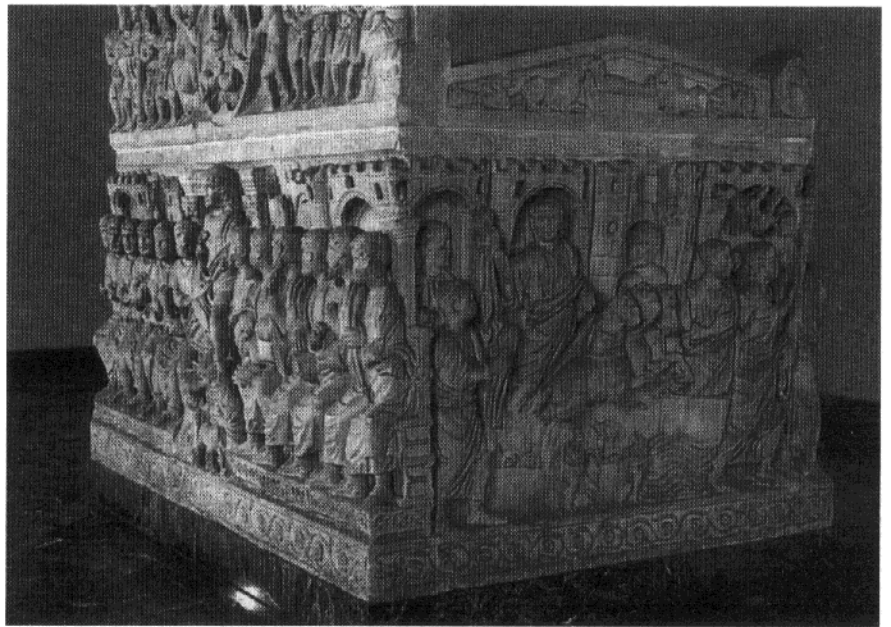
Илл. 63. Саркофаг Юния Басса, хранящийся в Ватикане. Слева направо, верхний ряд: жертвоприношение Исаака; арест Петра; Иисус на троне между своими последователями; Иисус, приведенный к Пилату, который умывает свои руки. Нижний уровень: Иов, Адам и Ева; Иисус, входящий в Иерусалим; Даниил в логове льва; Павел перед казнью (с согласия Courtesy Fabbrica di San Pietro, Ватикан)

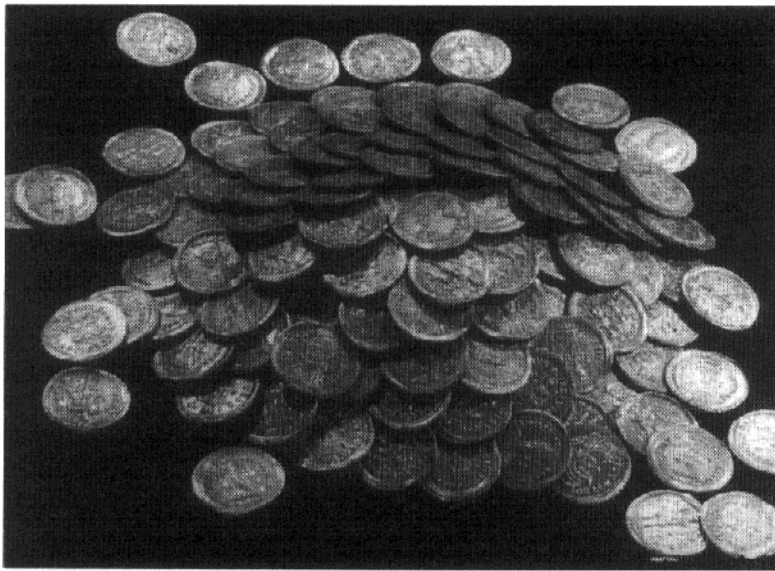
Илл. 64. Мозаика с изображением Св. Амвросия на стене часовни Сан-Витторе в Сель-д'Оро; церковь Сан-Амброджо, Милан (фото Roberti)

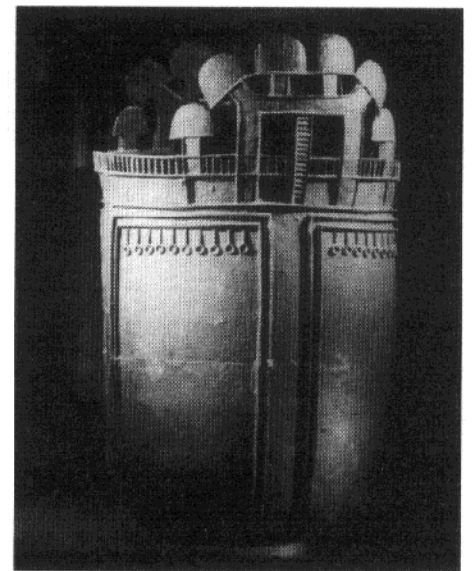
Илл. 65. Римский император Феодосий Великий (декоративное серебряное блюдо в честь 10-летия его правления, найденное в Эстремадуре, Испания, и датируемое 388 г.). Император Феодосий сидит под фронтоном между двумя принцами – Валентинианом II и Аркадием, со стражами по бокам; ниже изображена аллегорическая фигура Земли между купидонами (фото Deutsches Archäologisches Institut, Мадрид)

Илл. 66. Саркофаг конца IV в., использовавшийся как кафедра проповедника в церкви Сан-Амброджо, Милан. Центральная фигура: Христос на троне между апостолами Петром и Павлом; сверху – мистический агнец между двумя фигурами мертвых (фото *Roberti*)

Илл. 67. Монеты из клада Жиканес (*Szikanes*). Многие сотни золотых монет платили гуннам восточные римляне (Hodmezövasarhely-Szekacs, Венгрия; фото *Bona*)

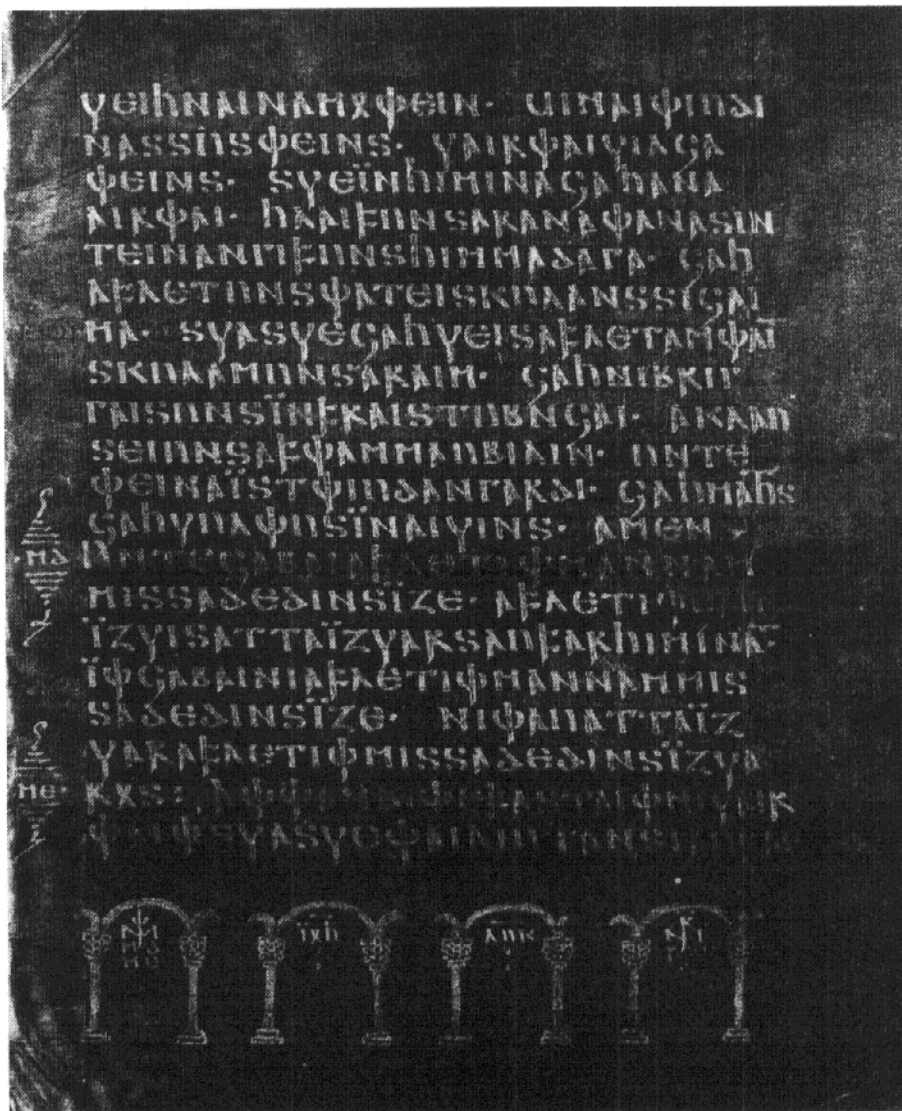
Илл. 68. Гуннский позолоченный бронзовый жертвенный котел из Тёртеля, Венгрия; высота 80 см (фото *Bona*)

Илл. 69. Обелиск в честь Феодосия I на ипподроме в Константинополе; Императорская ложа; вторая половина IV в. (фото *Sadurska*)

Илл. 70. Усыпальница Теодориха в Равенне, Италия (фото Нертман)

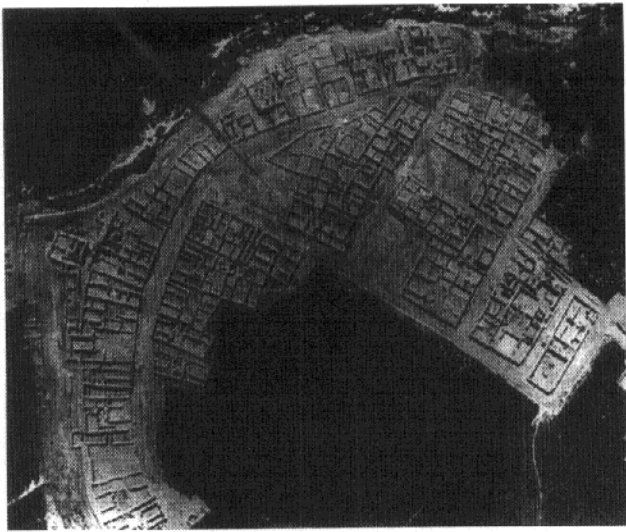

Илл. 71. Страница Библии, переведенной епископом Ульфилой на готский язык, V–VI вв. н.э. (с согласия библиотеки университета Упсала, Швеция)

Илл. 72. Точильный камень/скипетр из Саттон-Ху – кургана-кенотафа с остатками погребальной ладьи (фото Британского музея, Лондон)

Илл. 73. Шлем из Саттон-Ху (фото Британского музея, Лондон)

Илл. 74. Вид сверху на фишикийский город Керкуан, Тунис (фото *Fantar*)

Илл. 75. Вид сверху на древнеримский город Тимгад, Тунис (фото *Phillipson*)

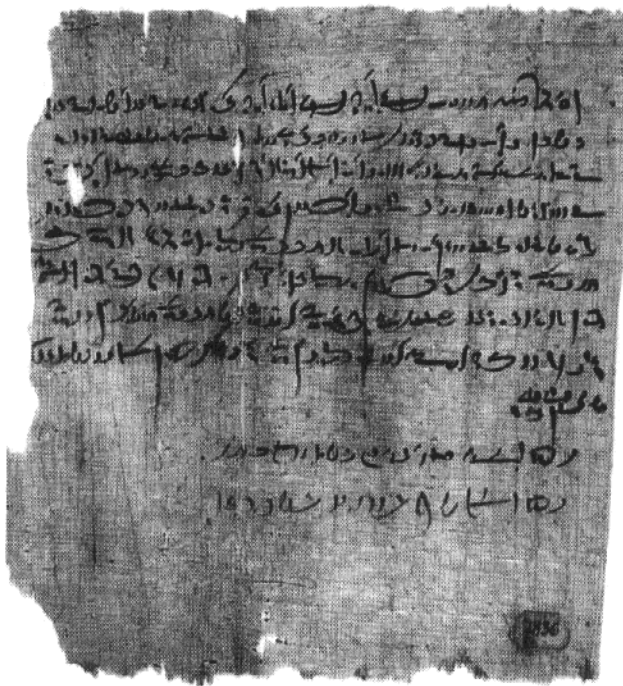
Илл. 76. Входные ворота византийской крепости Айн-Тунга (древля Финьика) на дороге Карфаген-Тебесса на западе Туниса, вблизи г. Тебурсук (фото *Hessen*)

Илл. 77. Руины христианской церкви в Эль-Гуссете, в 280 км к юго-западу от г. Туниса у границы с Алжиром. Была построена в конце IV в., использовалась до конца византийской эпохи (фото *Bejaoui*)

Илл. 78. Голова статуи фараона Тахарка из черного гранита; высота 35 см (с согласия Египетского музея, Каир)

Илл. 79. Соглашение о разделе урожая, написанное демотическим прифтом на папирусе, 27 см x 24 см; 533 г. до н.э. (Музей Лувр, Париж; фото *Chuzeville*)

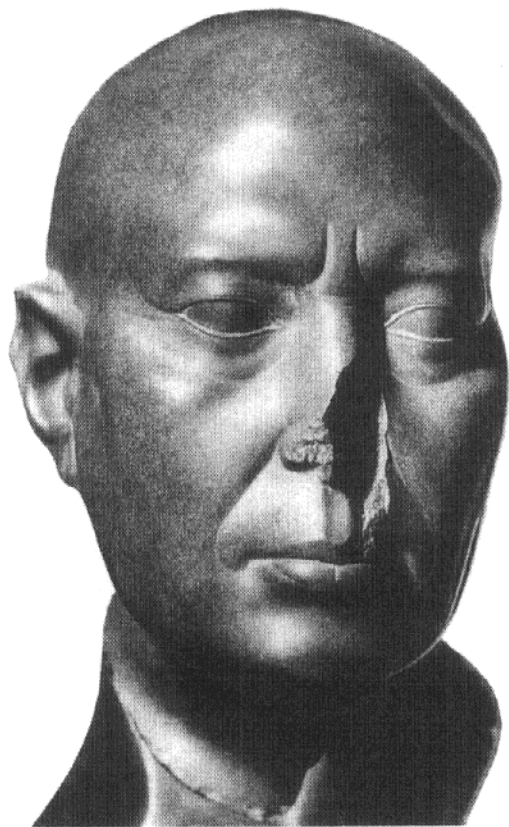
Илл. 80. Статуэтка Панфея (*Panthea*) с магическими надписями. Бронза, инкрустированная золотом; высота 29 см; 660 г. до н.э. (Музей Лувр, Париж; фото *Chuzeville*)

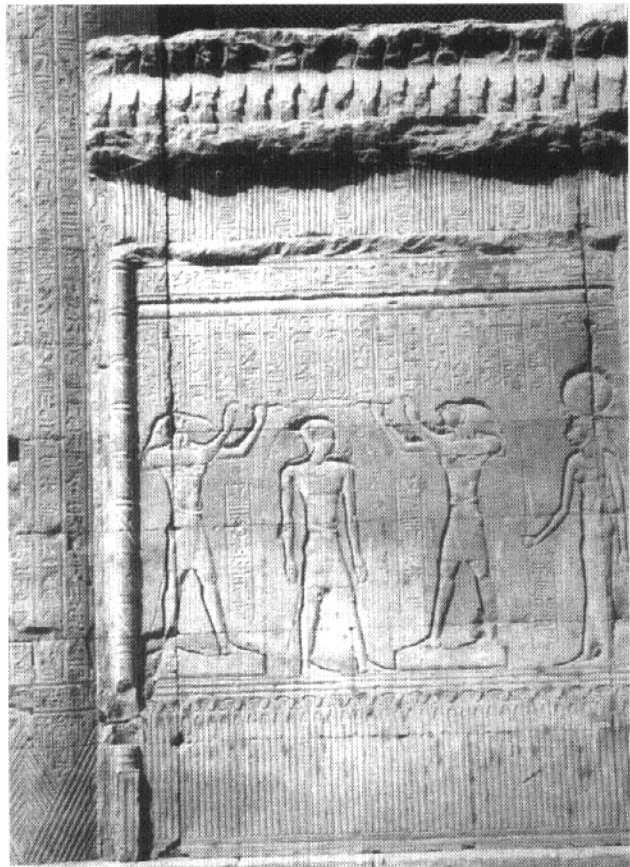
Илл. 81. Бюст – часть статуи неизвестного мужчины; 450 г. до н.э. (Музей Лувр, Париж; фото *Chuzeville*)

Илл. 82. Стела в честь бога Анубиса с надписями иероглифами и на греческом языке; около 250 г. до н.э. (с согласия Египетского музея, Каир)

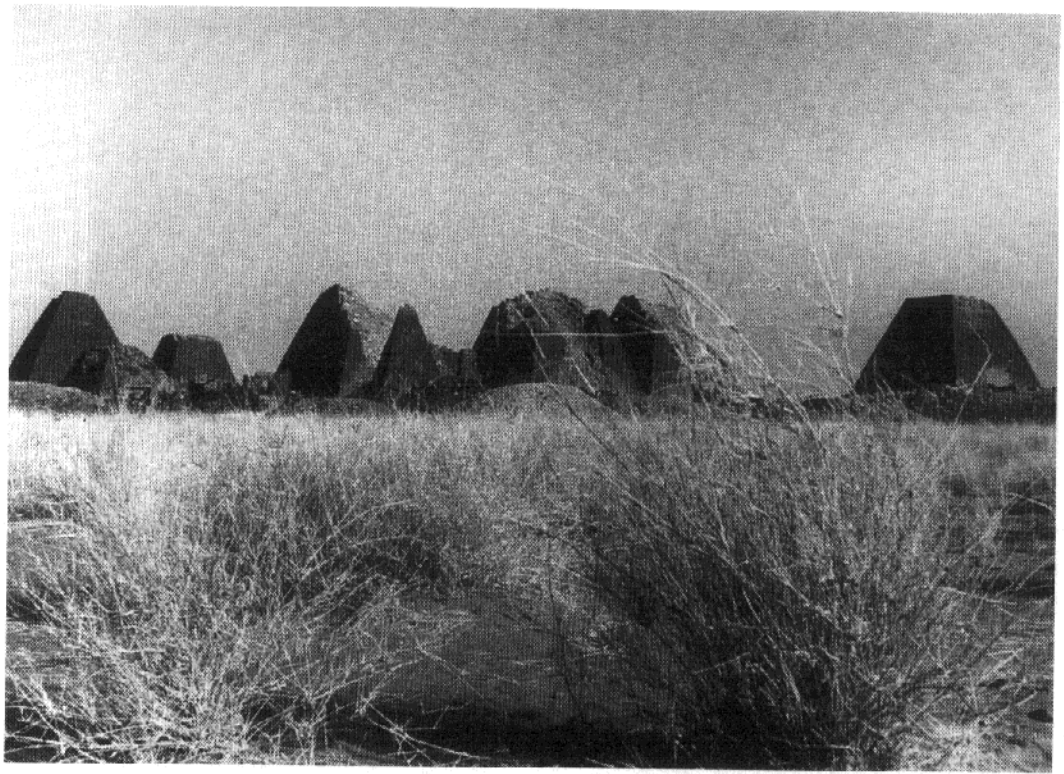
Илл. 83. Скульптурный портрет чиновника из Мемфиса; I в. до н.э. (с согласия Египетского музея, Каир; фото *Sadurska*)

Илл. 84. Тот – бог в облике человека с головой ибиса, создатель письменности (слева) омывает водой императора Тита; справа – бог Гор в виде человека с головой сокола, покровитель власти фараона. Фасад храма в Хнуме, Эсна, Верхний Египет; I в. н.э. (фото *Watterson*)

Илл. 85. Портретное изображение на мумии (Музей Лувр, Париж; фото *Chuzeville*)

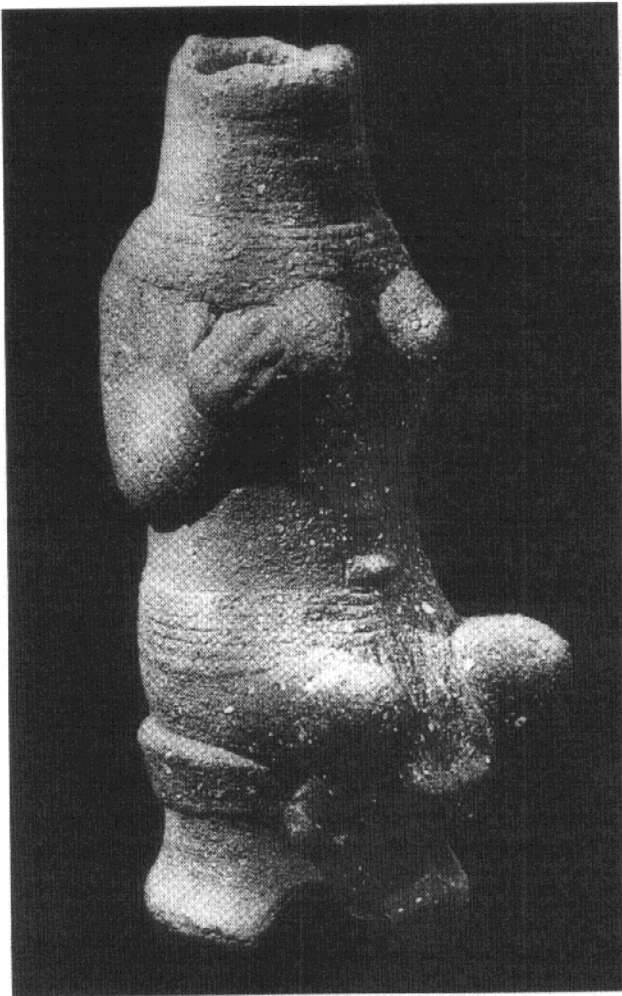
Илл. 86. Царские пирамиды в Мероэ, Судан (фото *Sbinnie*)

Илл. 87. Стела (часть) из стеатита с надписью на мероитском языке из храма Амона в Мероэ (фото *Sbinnie*)

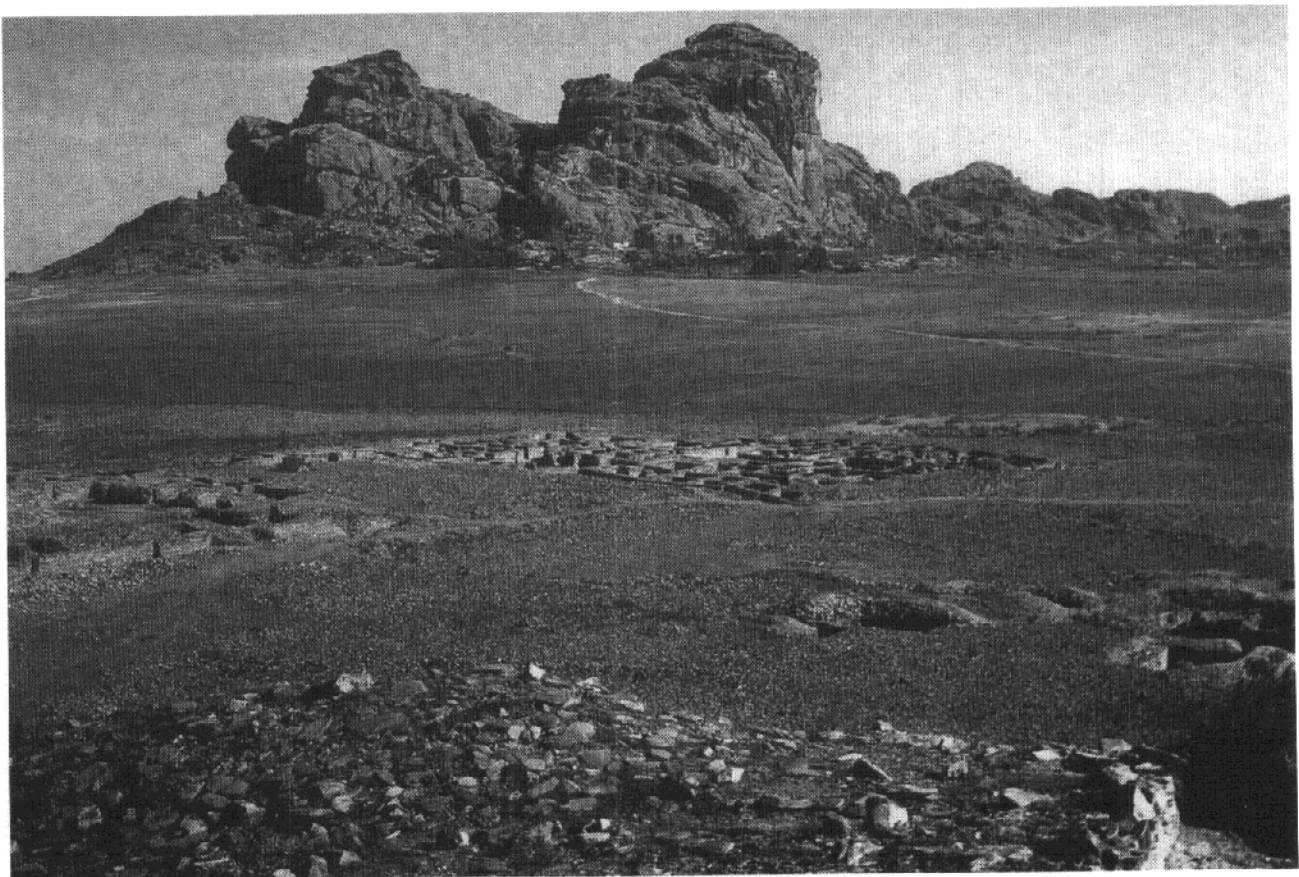
Илл. 88. Царская корона из Баллана (с согласия Египетского музея, Каир)

Илл. 89. Терракотовая фигура культуры нок (с согласия Национального музея, Лагос, Нигерия)

Илл. 90. Монета с изображением Эндибиса, правителя Аксумского царства в III в. н.э. (фото *Anfray*)

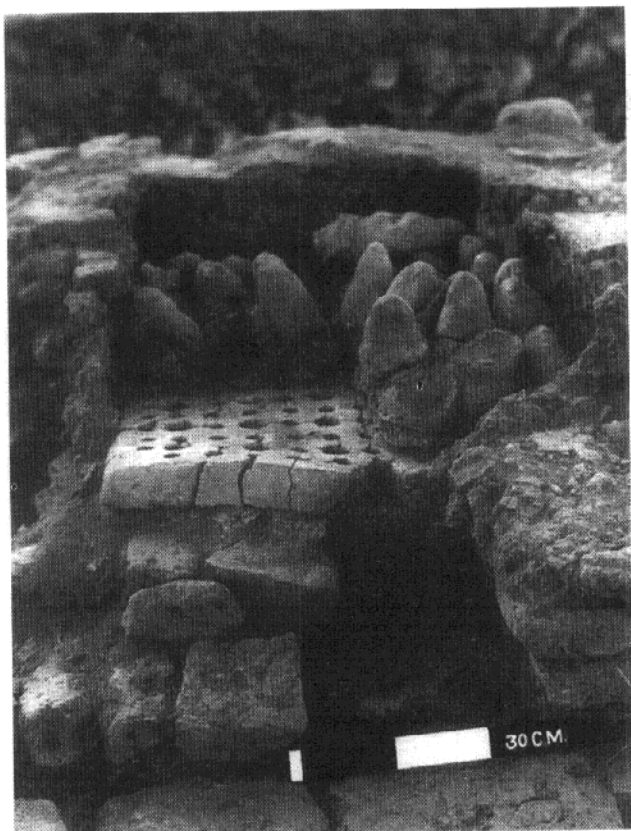
Илл. 91. Городище Магара, Эритрея (фото *Anfray*)

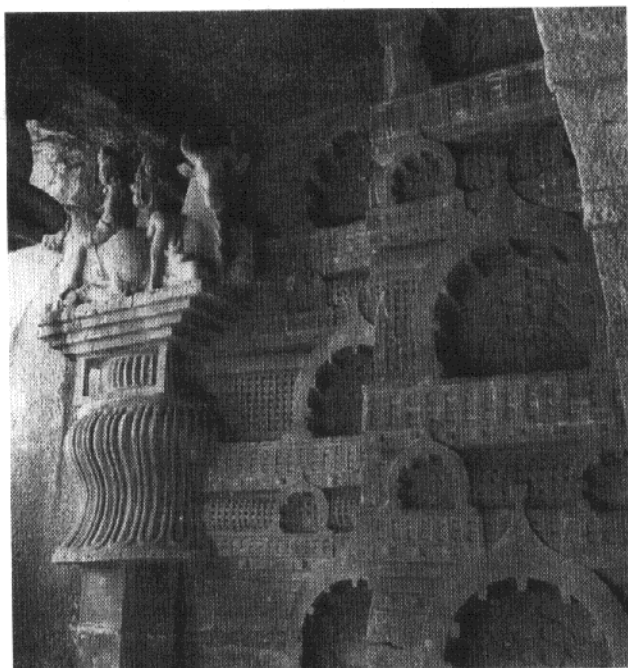
Илл. 92. Гончарное изделие из Пакапулы, Замбия (фото Phillipson)

Илл. 93. Скульптурное изображение головы из Лиденбурга, Трансвааль. (с согласия Музея Южной Африки, Кейптаун, Южно-Африканская Республика)

Илл. 94. Древняя индийская печь для перегонки цинка

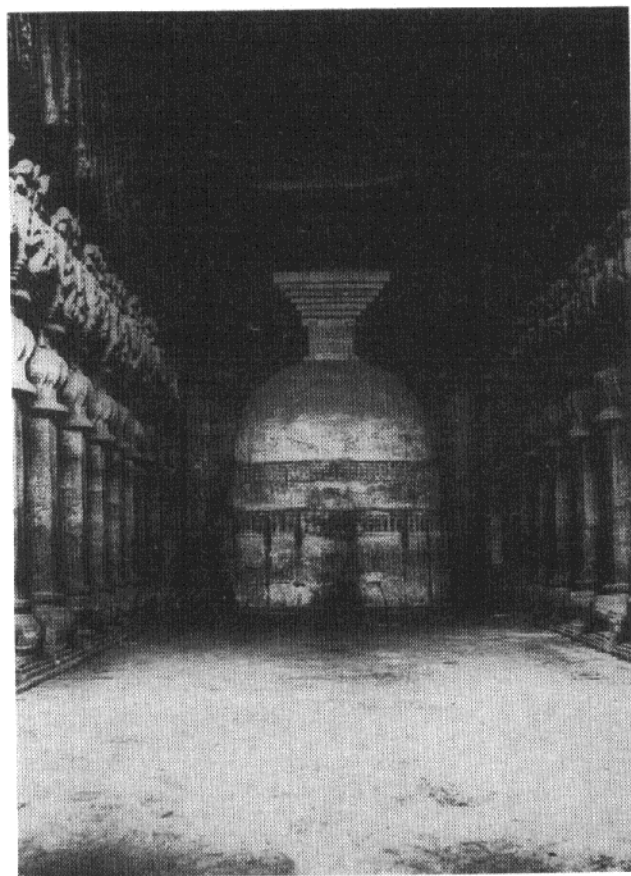
Илл. 97. Бедса, внутренний зал, капитель столба веранды; ок. 50–30 гг. до н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 95. Капитель Ашоки со львами на пилястре из Сарната; полированный песчаник; III в. до н.э. (Сарнат, Археологический музей; фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

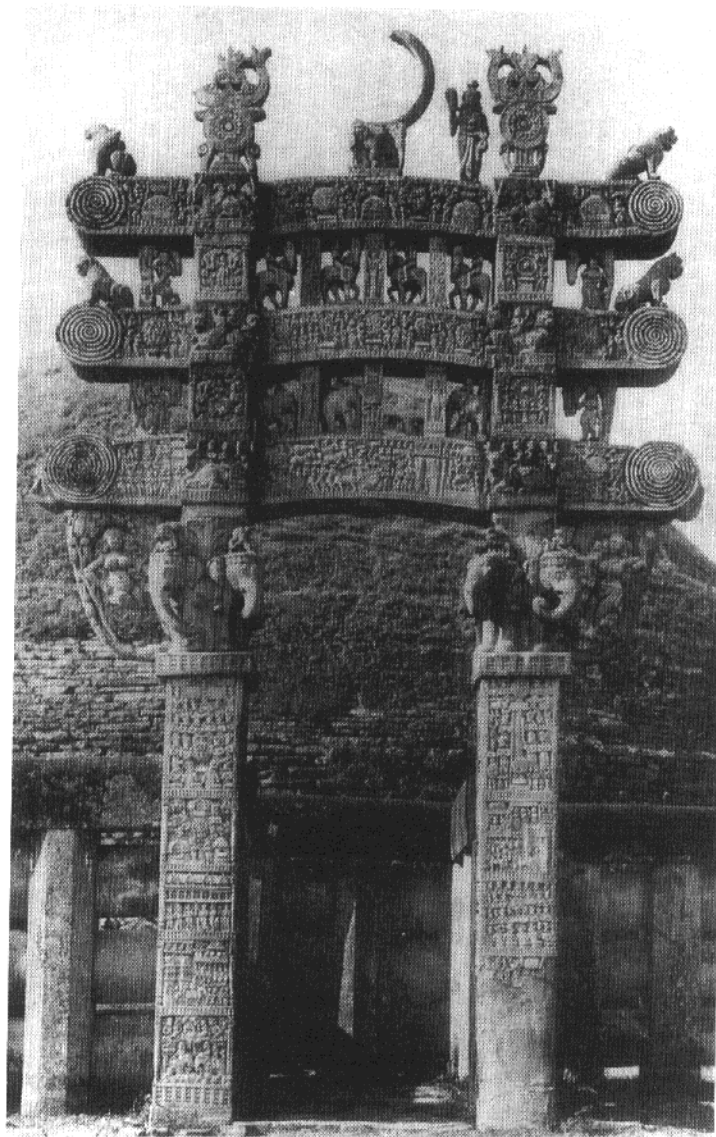
Илл. 96. Капитель с быком на пилястре из Рамнуры; полированный песчаник; III в. до н.э. (Калькутта, Индийский музей; фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 98. Карли (Карла), внутренний зал пещерного храма; ок. 50–70 гг. н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 99. Якши (полубожественное существо) Сварсана из Бхархута; полированный песчаник; I в. н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 100. Большая ступа в Санчи, сакральное сооружение с буддийскими реликвиями (вид с северной стороны); I в. н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 101. Нашик, религиозный центр, пещера №10, фасад (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

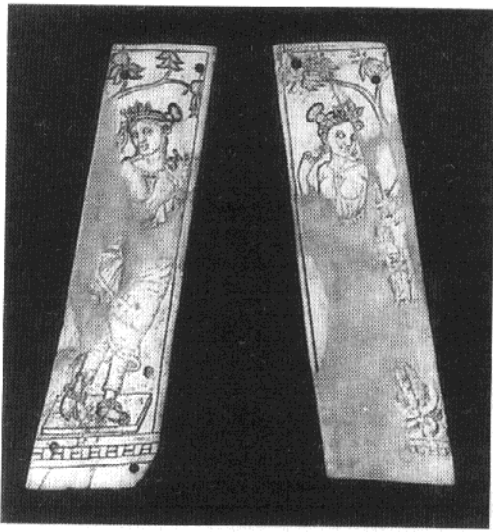
Илл. 102. Статуя Канишки из Матхуры; пятнистый красный песчаник; ок. 100 г. н.э. (Матхура, Правительственный музей; фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

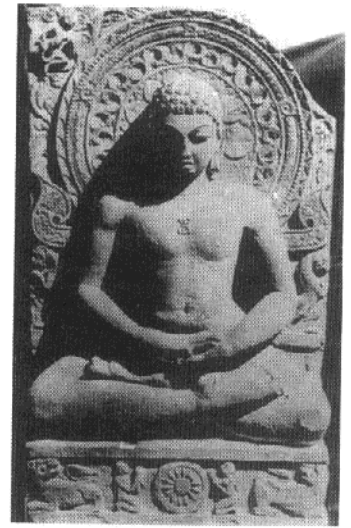
Илл. 103. Скульптура сидящего Будды из Гандхары; серый сланец; II в. н.э. (Эдинбург, Королевский шотландский музей; фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

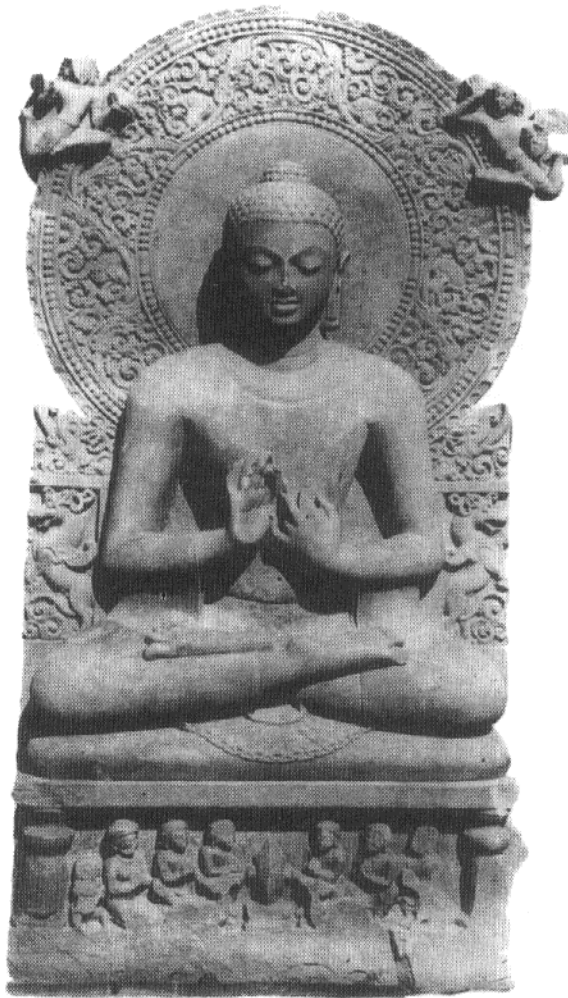
Илл. 104. Тахт-и-Бахи; II–IV вв. н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 105. Часть выгравированной крышки ящика из слоновой кости; Беграм; II–III в. н.э. (Кабульский музей; фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

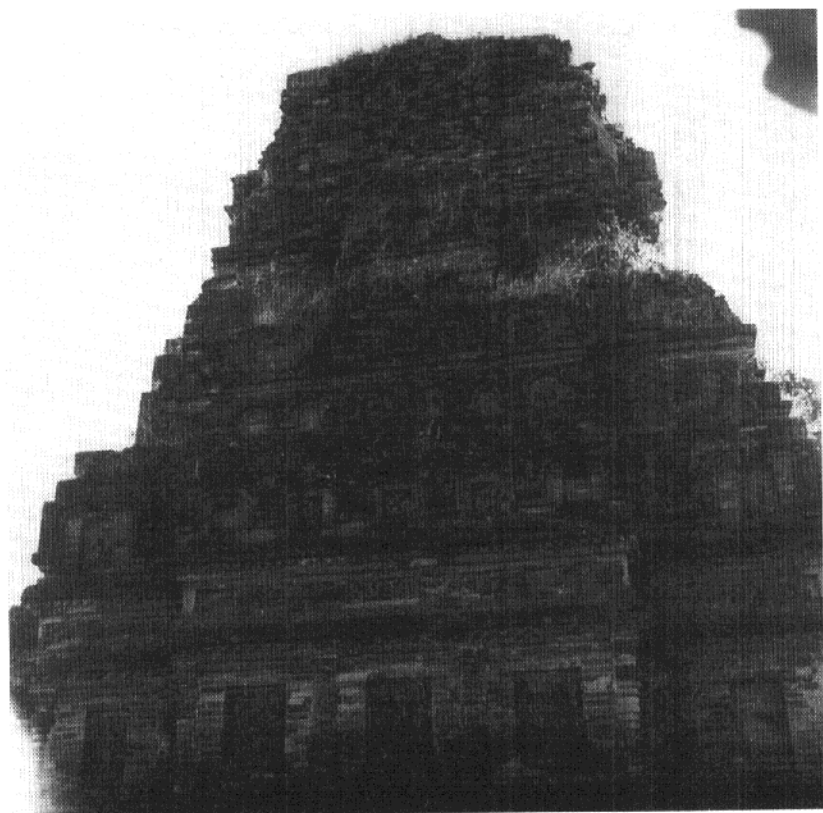
Илл. 106. Два сидящих тхиртанкара (*thīrthāṅkaras*) из Матхуры; пятипалый красный песчаник; III/начало IV в. (Государственный музей Lucknow; фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 107. Сидящий Будда из Сарнатха; песчаник, последняя четверть V в. н.э. (Сарнатхский музей) (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

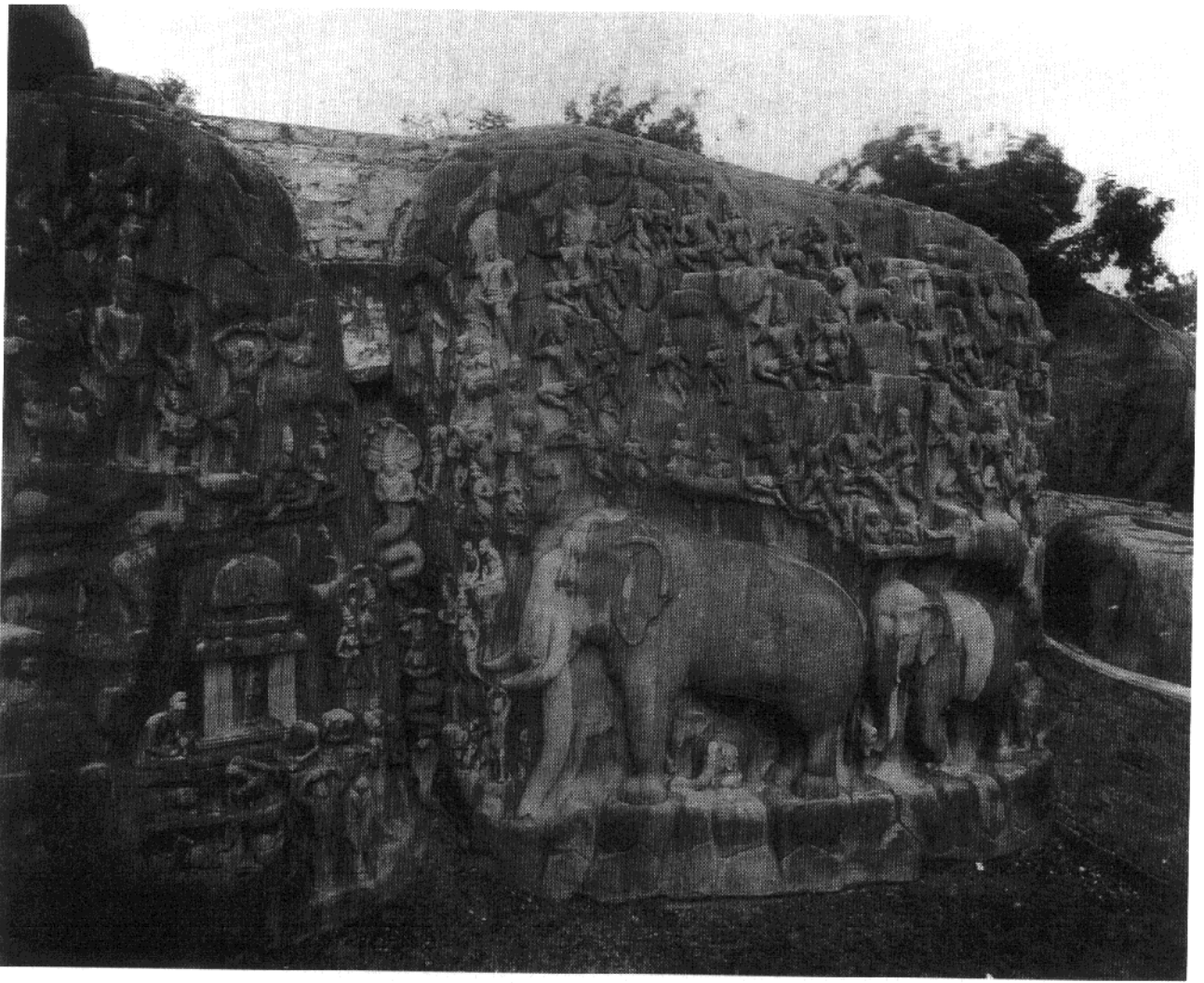
Илл. 108. Изображение Вишну из Матхуры; красный песчаник, V или VI в. н.э. (Пью-Дели, Национальный музей; фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 109. Бхитаргаон, кирпичный храм, северная сторона; V в. н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 110. Бодхисаттва из Фондукистана; глина; VII в. н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 111. Мамаллапурам, «Покаяние Арджуны» (деталь); VII или VIII в. н.э. (фото R.M.N., Musée Guimet, Франция)

Илл. 112. Надпись царя Мулавармана, правителя Восточного Калимантана, начало V в. н.э. Царь использует жертвенный столб для записи стиха на санскрите о своей щедрости по отношению к жрецам (с согласия Kern Institute, Лейден, Инв. OD 15163)

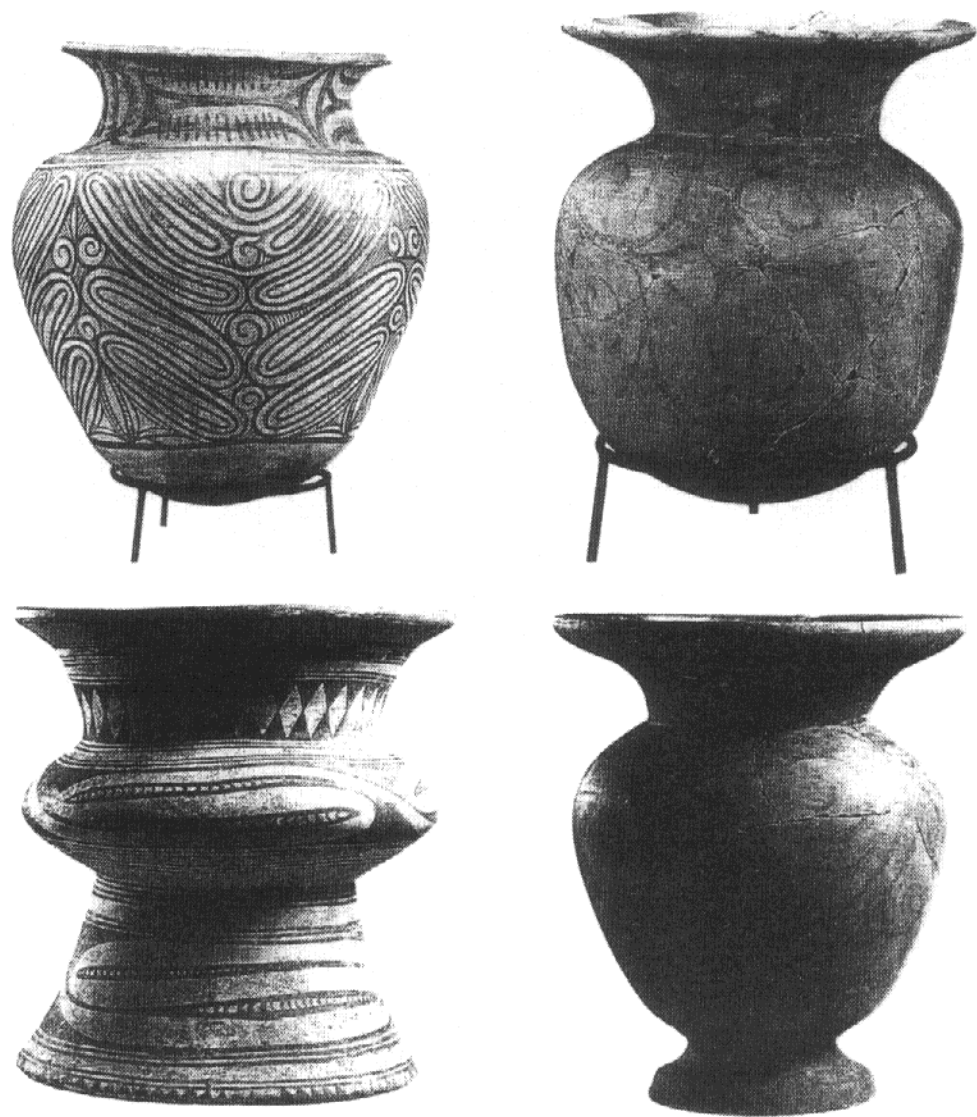

Илл. 114. Четырехстрочная надпись на санскрите, восхваляющая Пурнавармана, царя Тарума на Западной Яве; около 500 г. н.э. Надпись утверждает, что на камне – отпечатки ступней царя, напоминающие отпечатки ступней бога Вишну. Валун лежал на дне реки Сизадан к западу от современного г. Богор. Кроме четырехстрочной надписи, выбита строка декоративным «ракушечным» письмом, пока не расшифрованная (с согласия Kern Institute, Лейден, Инв. OD 6889)

Илл. 113. Статуя бронзового Будды высотой 75 см, найденная на берегу у Семпага на западном побережье о. Сулавеси. Стилистически подобна статуям Будды из Амаравати (штат Андхра-Прадеш, Индия) и Шри-Ланки (Анурад-Хаптура). Могла быть перевезена из любого из этих мест и попасть в Индонезию после корабльскрушения (с согласия Kern Institute, Лейден, Инв. OD 11544)

Илл. 115. Длинная санскритская надпись на коническом камне, рассказывающая о строительстве длинного канала, вероятно, для регулирования затопления территории к востоку от современной Джакарты, где был найден камень. Большая работа по рытью канала была предпринята по приказу царя Пурнавармана примерно в 500 г. н.э. (с согласия Kern Institute, Лейден, Инв. OD 7258)

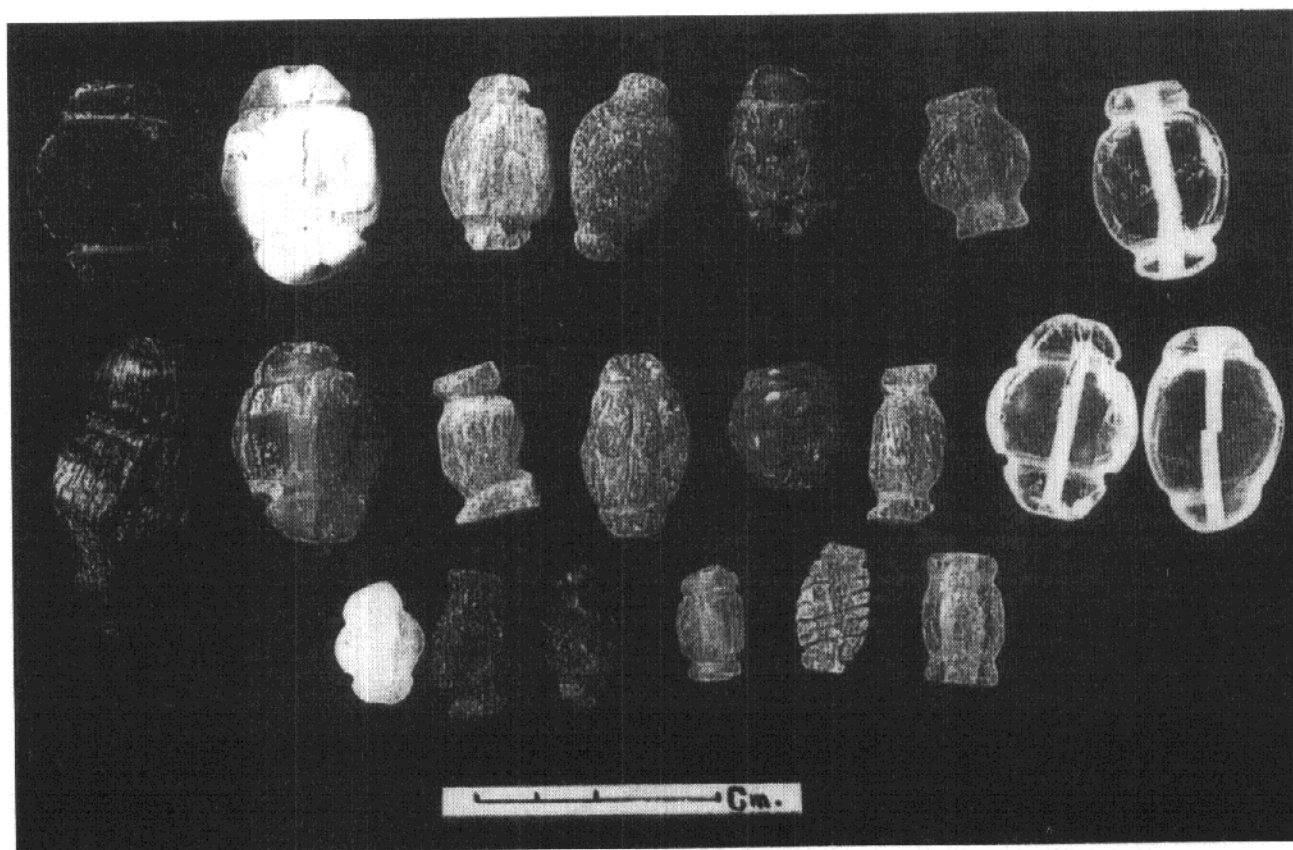
Илл. 116. Доисторические расписные гончарные изделия из Банчянга, провинция Удонгхани, Северо-Восточный Таиланд; ок. 300 г. до н.э. – 200 г. н.э. (фото *Suchitta*)

Илл. 117. Выгравированный в римском стиле портрет на сердолике, найденный в Куанлукпаде, округ Кхлонгтхом, провинция Краби (Южный Таиланд) (фото *Suchitta*)

Илл. 118. Стекланные бусины с изображениями лиц, подобные обнаруженным в Средиземноморье. Найдены в Куанлукпаде, округ Клонгтхом, провинция Краби (Южный Таиланд) (фото *Suchitta*)

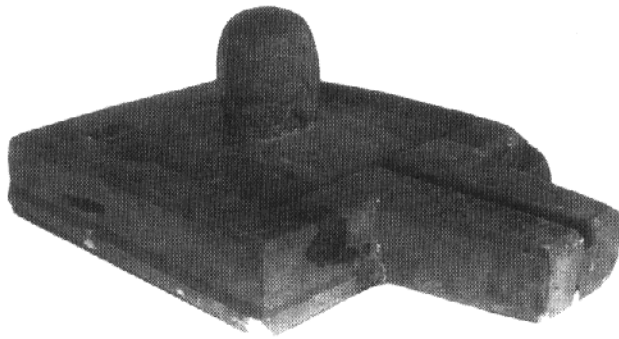
Илл. 119. Стекланные и каменные бусины, найденные в Куанлукпаде, округ Клонгтхом, провинция Краби (Южный Таиланд). Подобны найденным вблизи г. Пондичерри, Индия (фото *Suchitta*)

Илл. 120. Терракотовый куду (*kudu*) с изображением женского лица, прическа выполнена в индийском стиле. Найден в древнем городе У-Тхонг (фото *Vallibbotama*)

Илл. 122. Древнее изображение Вишну из Южного Таиланда (фото *Vallibbotama*)

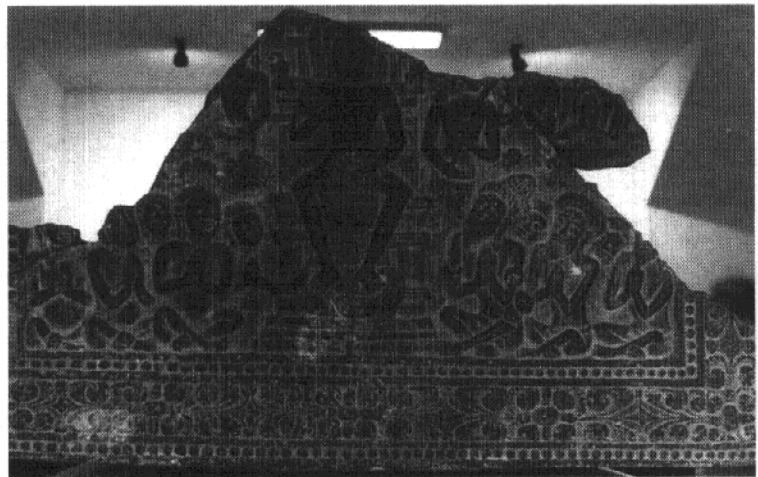
Илл. 121. Древнее изображение Шивы в виде линги из У-Тхонга (фото *Vallibbotama*)

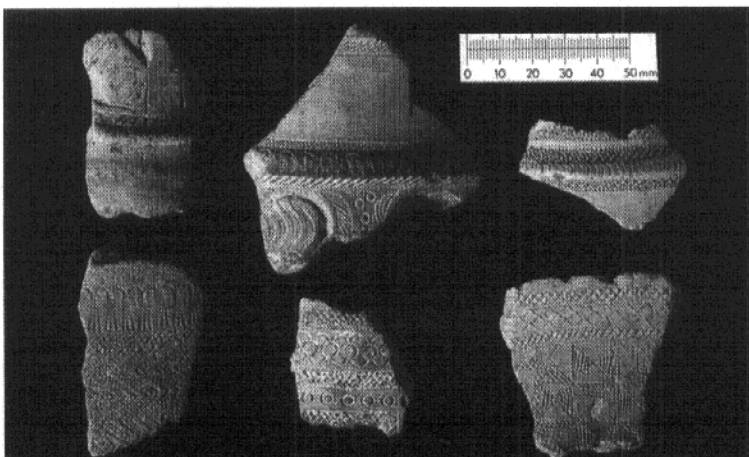
Илл. 123. Статуя Будды периода Дваравати, вырезанная в стене пещеры Кхаонгу в Ратбури, Таиланд (фото *Vallibbotama*)

Илл. 124. Каменное изваяние Будды, сидящего по-европейски, из г. Накхонпатхом (Таиланд), период Дваравати (фото *Vallibbotama*)

Илл. 125. Барельеф Будды в позе проповедника из г. Накхонпатхом (Таиланд), период Дваравати (фото *Vallibbotama*)

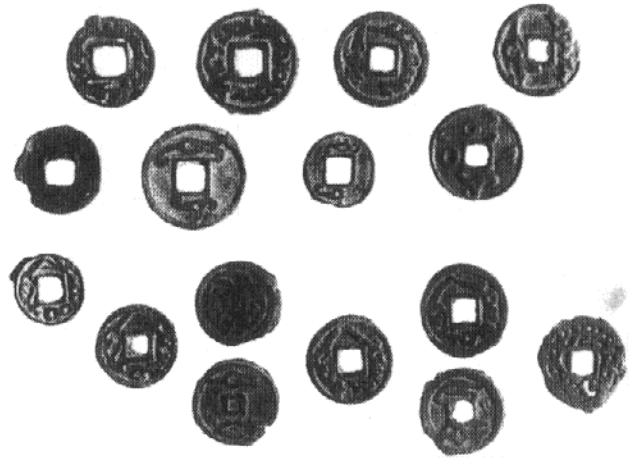
Илл. 126. Зубчато-штампованные орнаменты керамики культуры лапита с о. Эмбайтл (*Ambitle*), Папуа-Новая Гвинея; ок. 1000–500 гг. до н.э. (с согласия W. Ambrose, Division of Archaeology and Natural History, Австралийский национальный университет)

Илл. 127. Доисторический глиняный ритон из Луристана (Тегранский музей древностей; фото *Frye*)

Илл. 128. «Звериный» стиль из Таджикистана; II в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия; фото *Zeimal*)

Илл. 131. Согдийские монеты китайского образца из Пенджикента (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия; фото *Zeimal*)

Илл. 129. Золотая пряжка, найденная в Таджикистане, изображающая охотника на кабана; размеры 5,3 см x 5,4 см; II—I вв. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия; фото *Zeimal*)

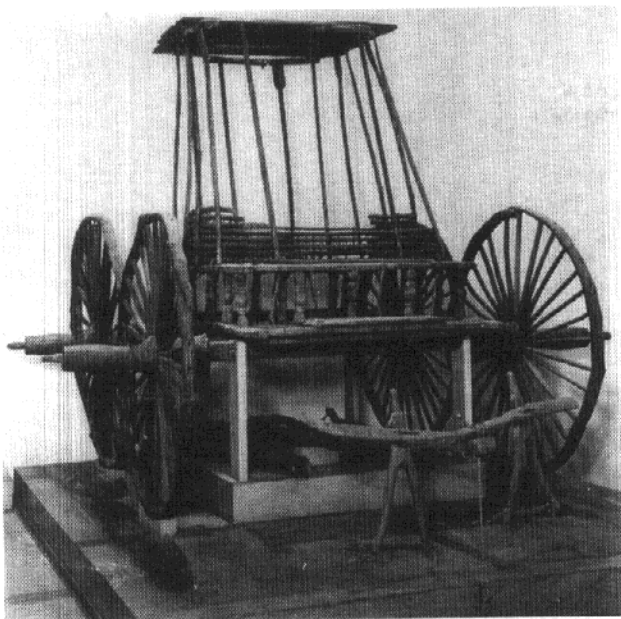
Илл. 132. Статуэтка из слоновой кости, местонахождение Тахт-и-Сашин; II в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия; фото *Zeimal*)

Илл. 130. Подношения молящихся в буддийском храме; Аджина-Тепе, Таджикистан (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия; фото *Zeimal*)

Илл. 133. Бронзовый алтарь со всадником; Южный Казахстан; V в. до н.э. (фото *Массона*)

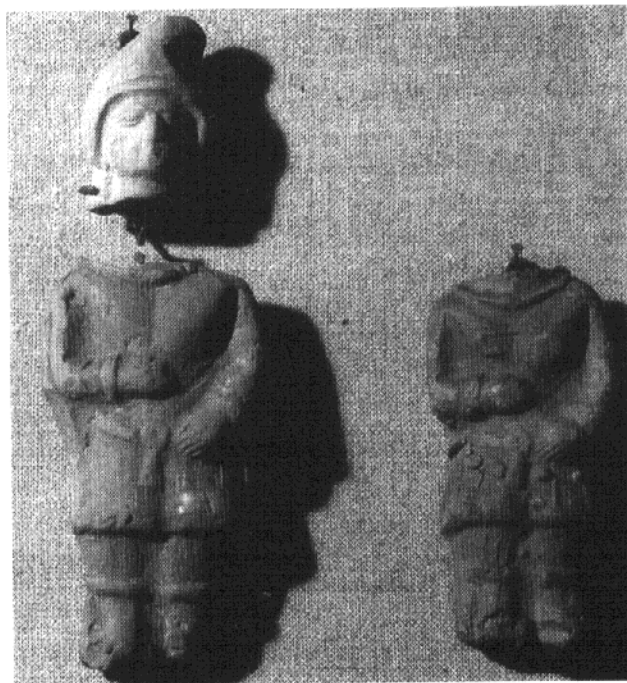
Илл. 134. Реконструкция повозки из 5-го кургана в местонахождении Пазырык (фото Массона)

Илл. 135. Каменный фриз в стиле Гандхары из Баглана (Музей Баглана, Афганистан; фото Powell)

Илл. 136. Правитель Бактрии из храма в Оксусе, Тахт-и-Сангин; албастр, I в. до н.э. (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия; фото Zeimal)

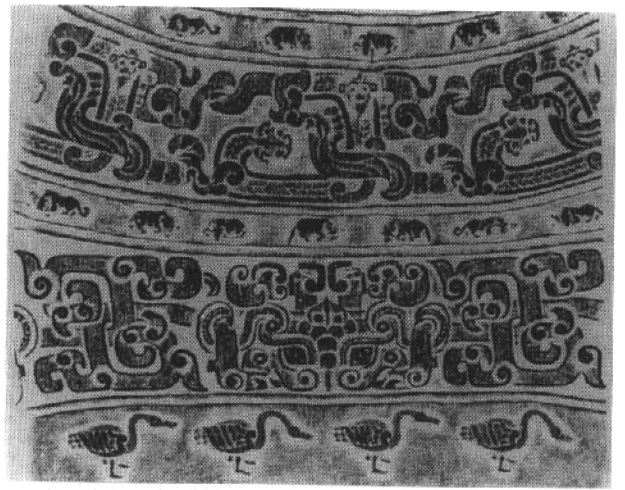
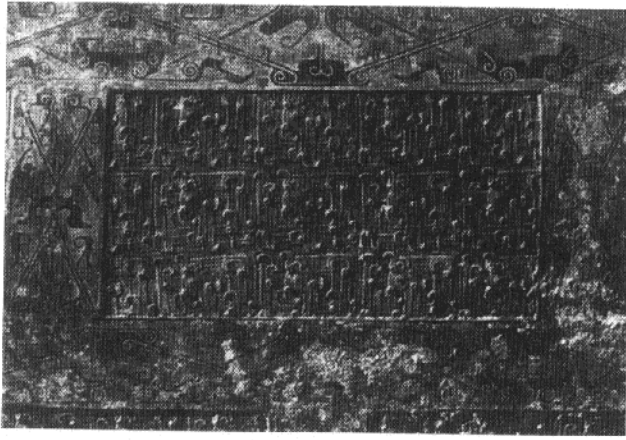
Илл. 137. Фигура из Центральной Азии; предположительно IV–VI вв. н.э. (Государственный Эрмитаж, Россия; фото Powell)

Илл. 138. Выполненная в форме глиняная фигурка из Кафиркала, Таджикистан (с согласия Государственного Эрмитажа, Россия; фото Zeimal)

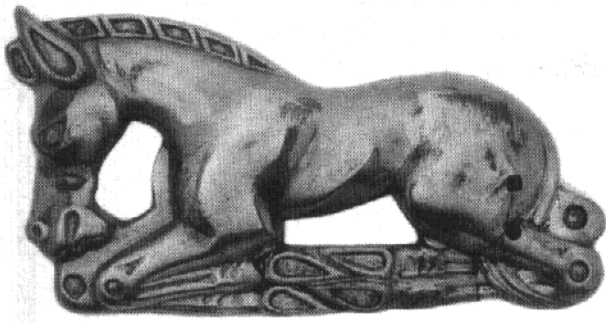
Илл. 139. Гончарный сосуд из Термеза, Узбекистан, I в. до н.э. – I в. н.э. (фото Powell)

Илл. 140. Типичные примеры стиля хуэй в украшении бронзовых сосудов эпохи «Воюющих царств»: очень тонкие изображения переплетающихся стилизованных драконов в сочетании с инкрустацией из меди и лака; IV–III вв. до н.э. (с согласия Музея провинции Хэнань)

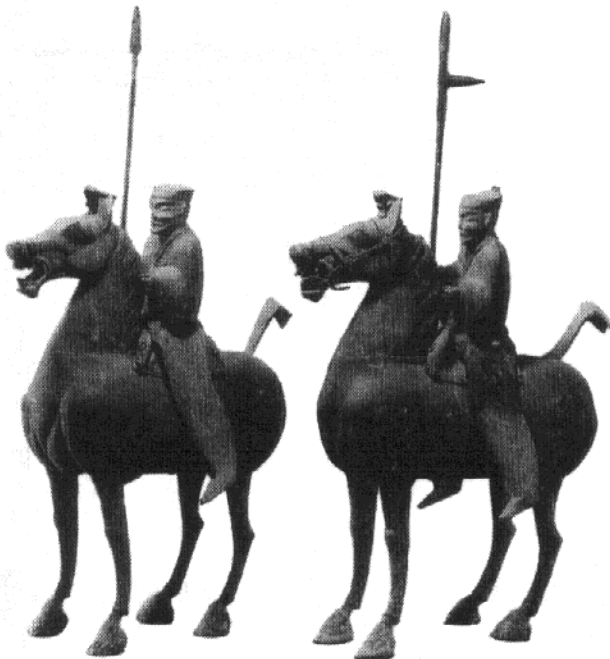
Илл. 141. Бронзовый контейнер культуры диань, Северо-Восточный Китай, II в. н.э. Сцена на крышке представляет массовую церемонию перед крытой платформой на столбах. На платформе – ряд контейнеров или литавр, два огромных контейнера стоят перед ней (с согласия Cultural Relics Publishing House, Пекин)

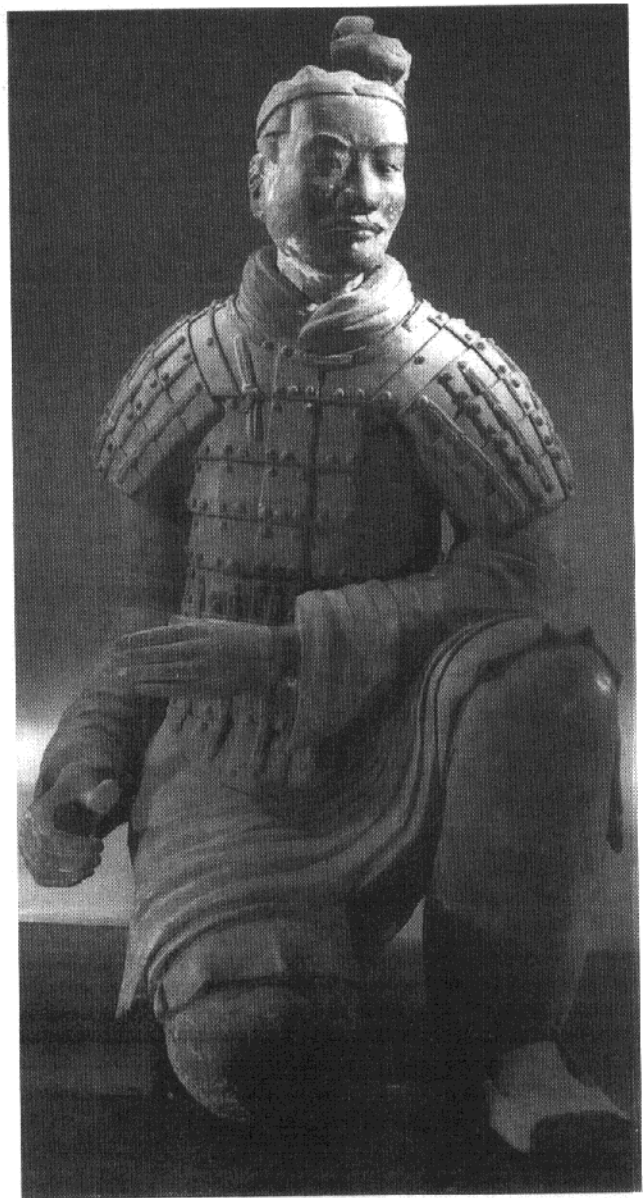
Илл. 142. Серебряное изделие с северной периферии Китая в эпоху «Воюющих царств» и времен древней империи: украшение представляет собой сильно стилизованное изображение лошади из региона плато Ордос у северной излучины р. Хуанхэ (Британский музей, Лондон)

Илл. 144. Реликвия свидетельствует о политике стандартизации первого императора династии Цинь (Цинь Шихуанди): гиря стандартного веса 16 цзинь (*jin*) (около 4,02 кг). Надпись напоминает об объединении империи в 221 г. до н.э. (с согласия Cultural Relics Publishing House, Пекин)

Илл. 145. Два конных воина эпохи Хань – часть набора из 98 фигур, представляющих отряд кавалерии. Бронза; высота 40 см. Находка в могиле в провинции Ганьсу, 1969 г.

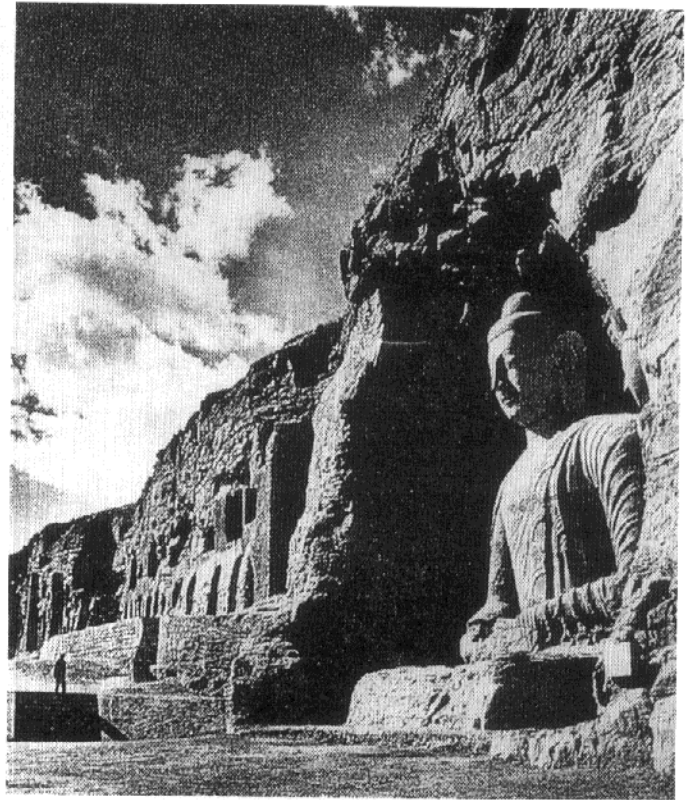
Илл. 143. Терракотовая статуя лучника в панцире в натуральную величину, одна из, вероятно, 6 тыс. фигур, составляющих «подземную армию», обнаруженную недалеко от могилы Цинь Шихуанди; высота 122 см; ок. 220–210 гг. до н.э. (с согласия Cultural Relics Publishing House, Пекин)

Илл. 146. Рельеф на каменной плите из захоронения эпохи Хань, датированный 114 г. н.э., изображающий сочетание мифических тем (два барабанщика верхом на тиграх; божество, парящее над ними) и земных сцен (группа сидящих людей; животные, преследуемые собаками) – характерное для погребального искусства эпохи Хань; высота 88 см, длина 119 см (фото *Wettstein & Kauf*; Rietberg Museum, Eduard von der Heydt collection, Дюрих)

Илл. 147. Воин-«варвар» на защищенном панцирем коне. Фигурка из земляной могилы государства Северная Вэй; высота 23 см; начало VI в. н.э. (Королевский музей Онтарио, Торонто, Канада)

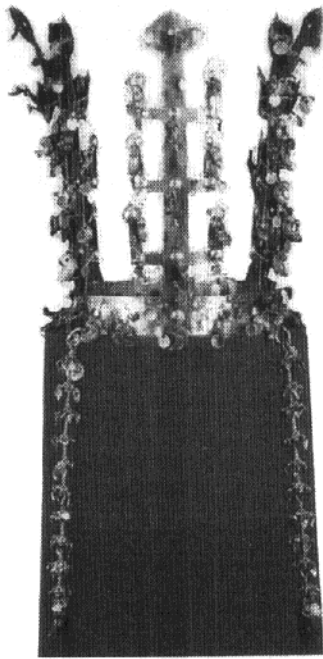
Илл. 150. Одна из колоссальных статуй Будды (высота 13 м) в пещерных храмах Яньбяня на севере провинции Шаньси, построенная под покровительством правителя Северной Вэй в V в. н.э.

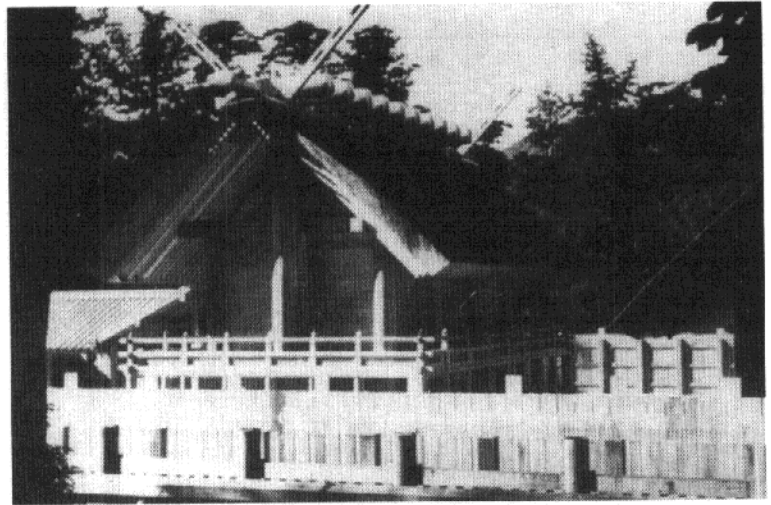
Илл. 148. «Дамы, выполняющие правила личной гигиены» – деталь с горизонтального рисунка-свитка «Указания руководительнице дворцовых дам», приписываемого Лу Кайчжи; чернила и краски по шелку; 344–406 гг. н.э. (Британский музей, Лондон)

Илл. 149. Древнейшая датированная китайская статуя Будды, близкая по стилю к школе Гандхары первых веков; позолоченная бронза; 338 г. н.э. (Asian Art Museum of San Francisco, The Avery Brundage Collection, США)

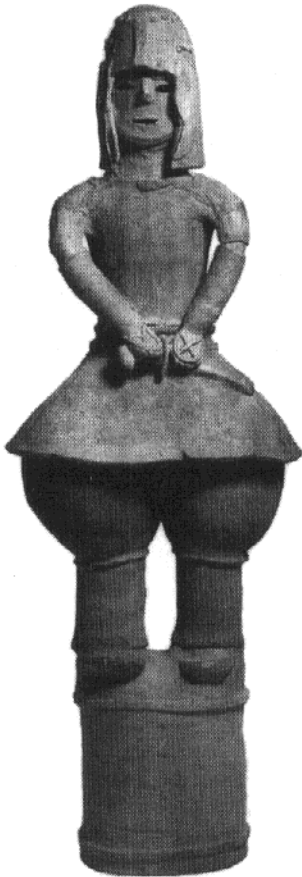
Илл. 151. Корона из листового золота, украшенная небольшими золотыми дисками и стеклянными бусами, вероятно, одного из царей государства Силла. Из захоронения вблизи г. Кёнджу; высота 27,5 см; V или начало VI в. н.э. (с согласия Национального музея Кореи, Сеул)

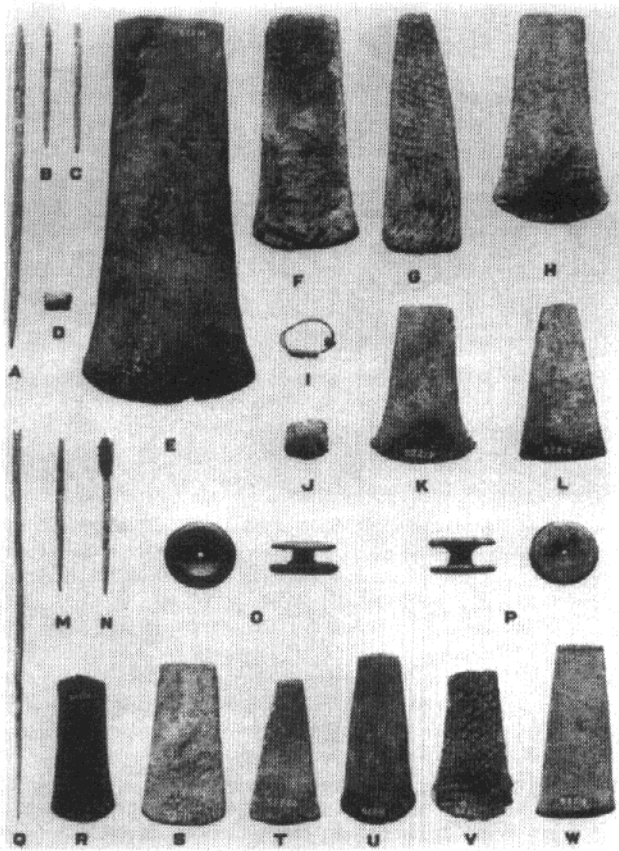
Илл. 153. Основное здание наиболее важного святилища религии синто – Внутреннего храма (*Naiku*) в Исэ. Здание регулярно реставрируется, но сохраняет первоначальный стиль

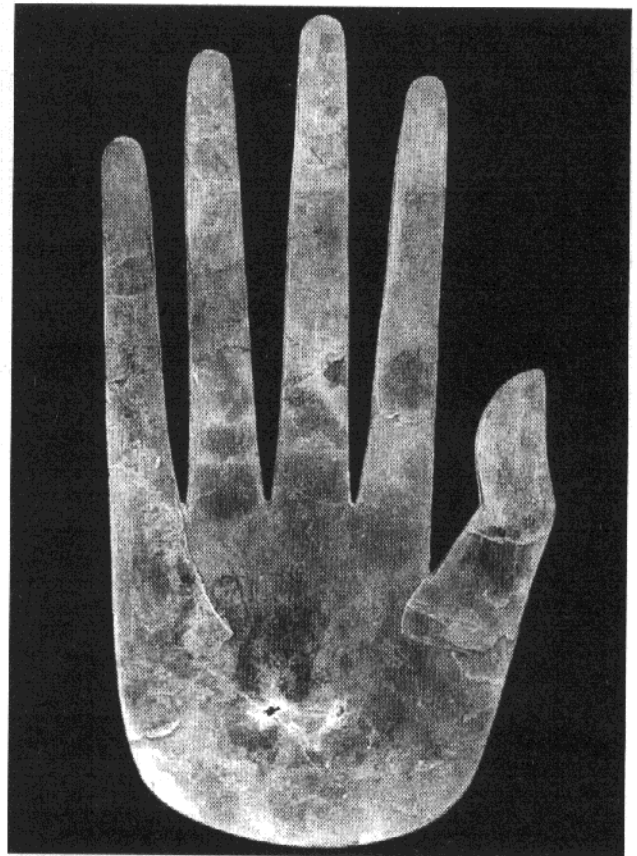
Илл. 154. Монастырь и храм в Пара, построенные по указанию князя Сётокутайси в 607 г. н.э. Несмотря на некоторые более поздние изменения, он остается одним из сохранившихся примеров архитектурных буддийских памятников эпохи Тан

Илл. 152. Вверху и справа внизу: два гончарных предмета (*hanwa*) – фигурки периода культуры гробниц (III–VI вв. н.э.): воин; (Asian Art Museum of San Francisco, The Avery Brundage Collection, США) и лошадь (Токийский национальный музей, Япония)

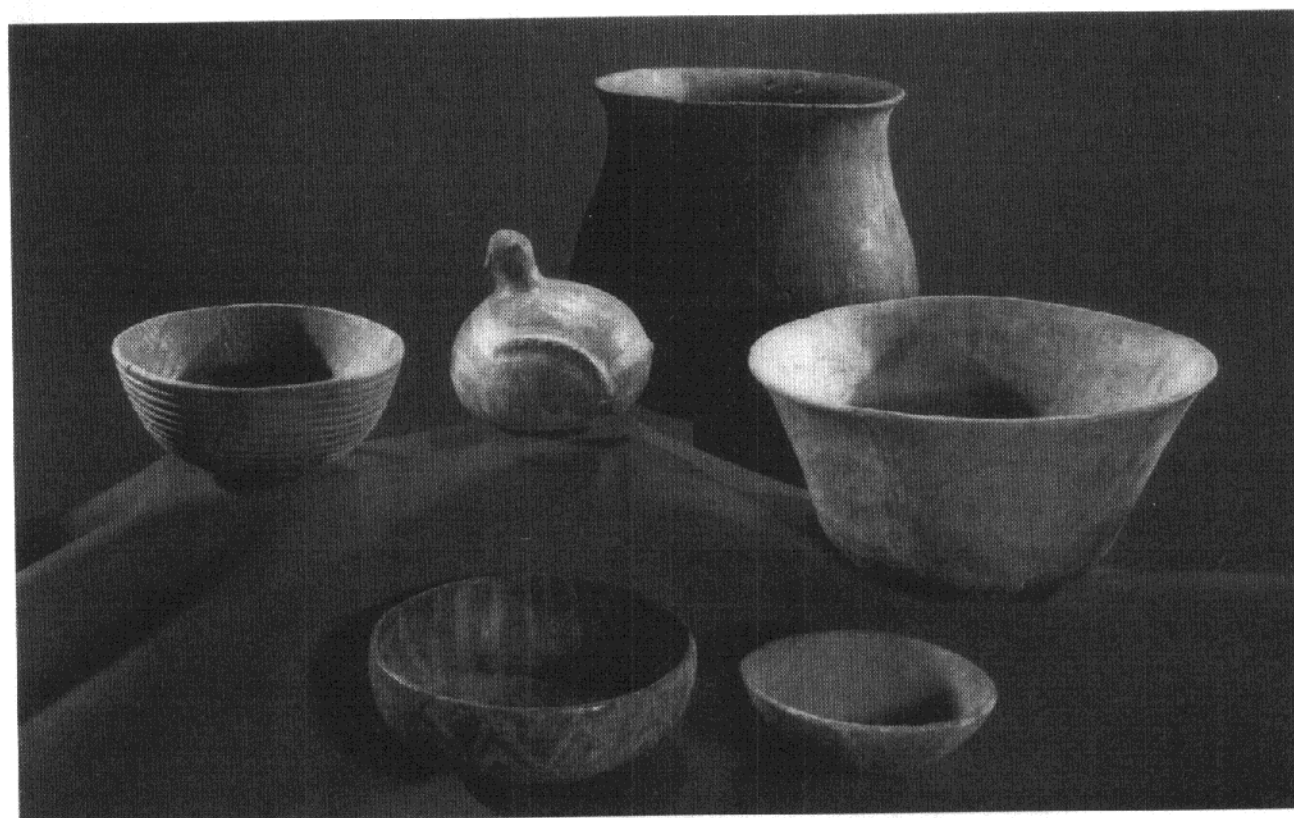
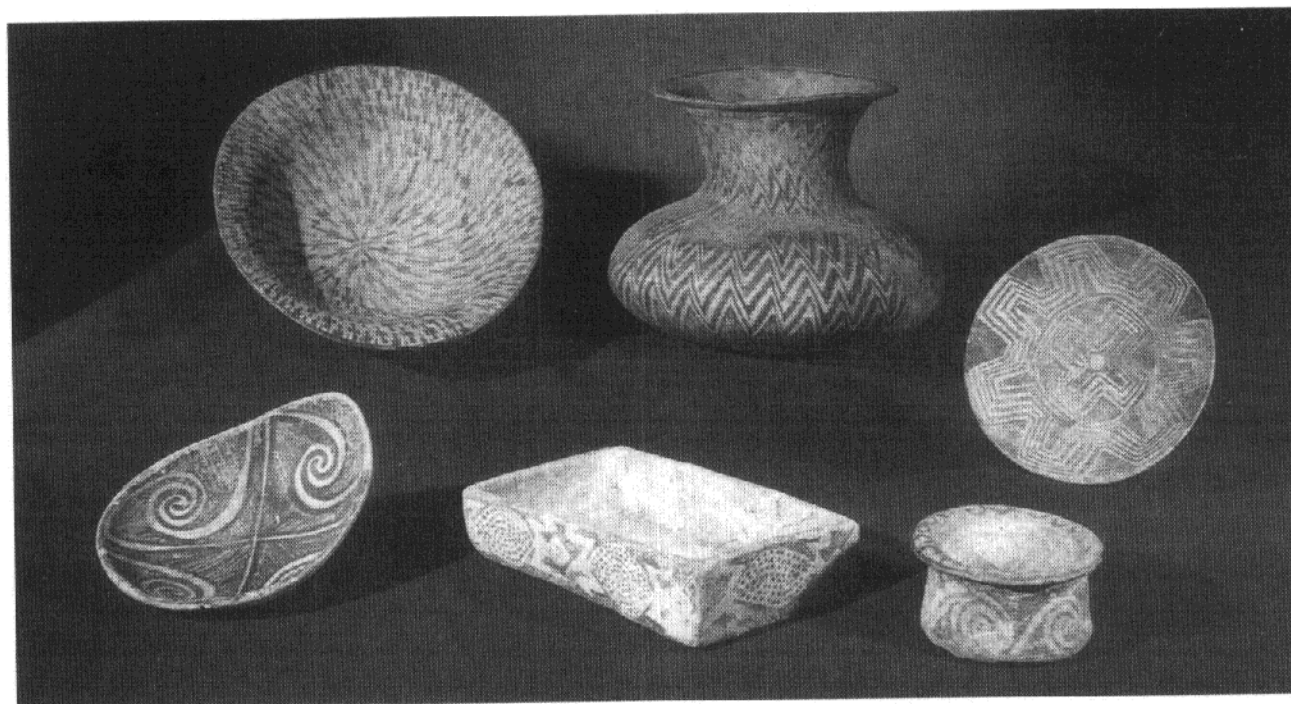
Илл. 155. Медные инструменты и украшения хоупвеллской культуры индейцев Северной Америки: А-С – топоры; D – бусина; E–H – топоры; I–J – бусины; K–L – молотки; O–P – ушные украшения; Q – игла; R–W – топоры. Обращает на себя внимание отделка предметов поз. E, G, H, L, V и W (фото с согласия Департамента антропологии Денверского музея естественных наук, США)

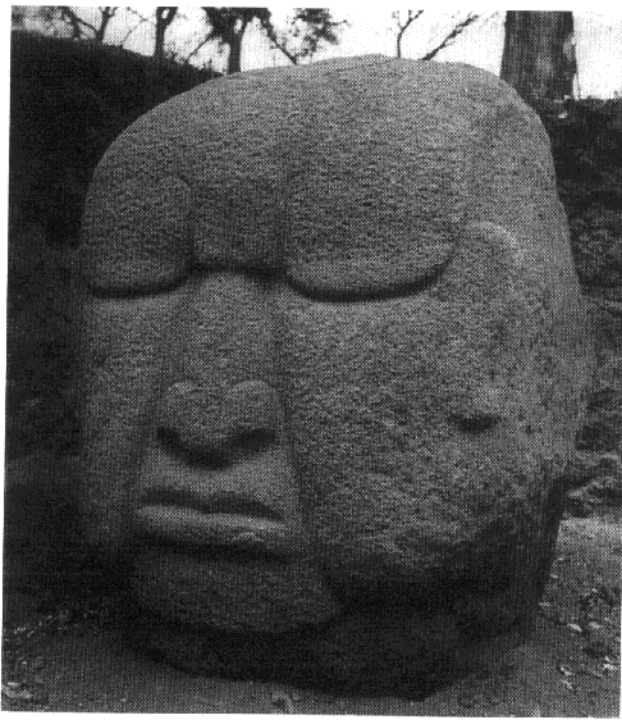
Илл. 156. Слюдяное украшение для одежды. Резной силуэт ладони, сделанный из листа слюды, является типичным для искусно выполненных погребальных приношений, найденных в хоупвеллском городище вблизи г. Чилликотте, штат Огайо, США. Фигуры людей, животных и геометрические фигуры из слюды – характерные погребальные изделия хоупвеллской культуры, они обнаружены в особенно большом количестве на юге штата Огайо (фото с согласия Департамента антропологии Денверского музея естественных наук, США)

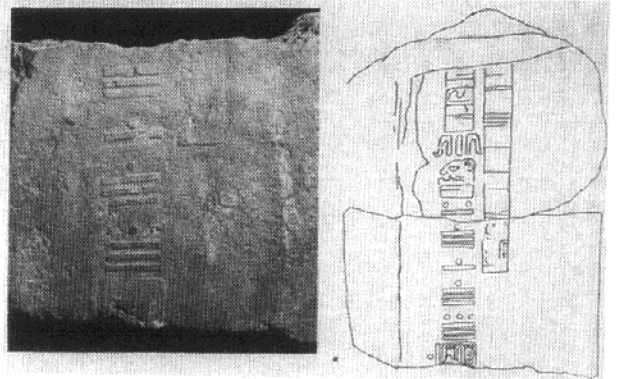
Илл. 157. Хоупвеллское захоронение (с согласия Музея штата Иллинойс, США)

Илл. 158. Гончарные изделия культуры хохокам, в которых проявляются характерные формы и узоры, относящиеся к начальному, колониальному, оседлому и классическому периодам (фото с согласия Департамента антропологии Денверского музея естественных наук, США)

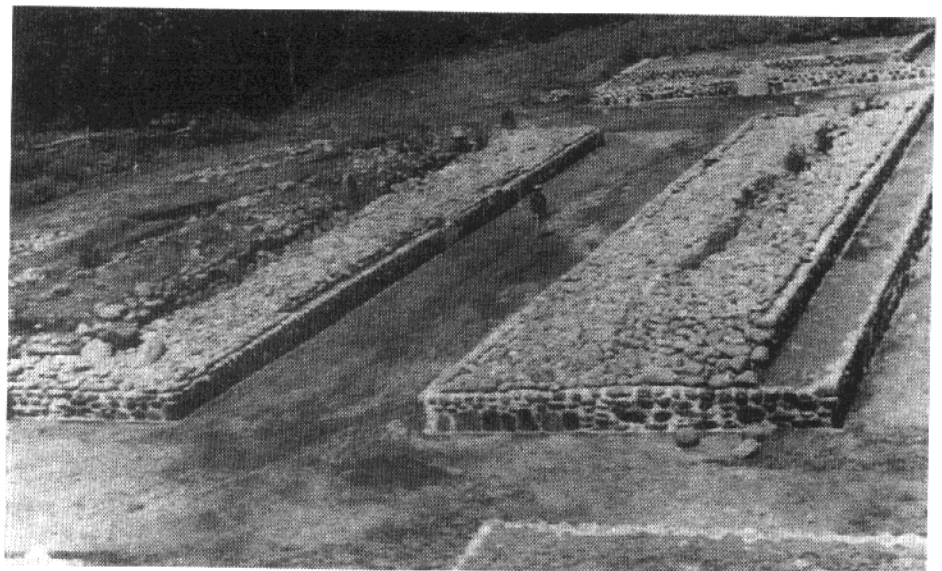
Илл. 159. Монумент 10, Монте-Альфо, Гватемала. Колоссальное изображение головы на валуне; высота 145 см, ширина 110 см, глубина 130 см (фото Parsons)

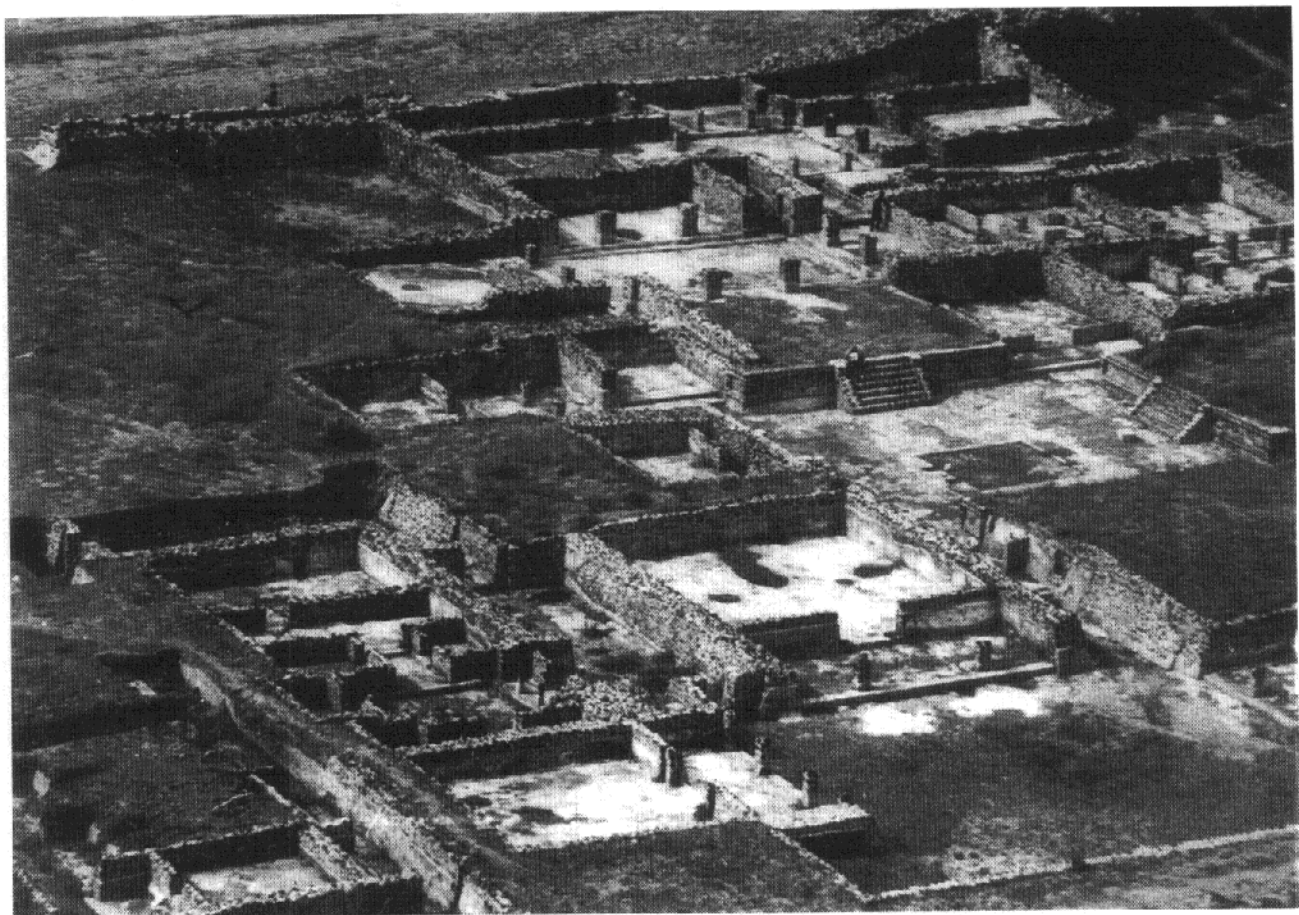
Илл. 160. Стела С из Трес-Сапотес, Веракрус. Один из древнейших датированных памятников из Нового Света; 31 г. до н.э. (Porter, 1981)

Илл. 161. Исапа, восстановленное сооружение 125 Е (Lowe et al., 1982)

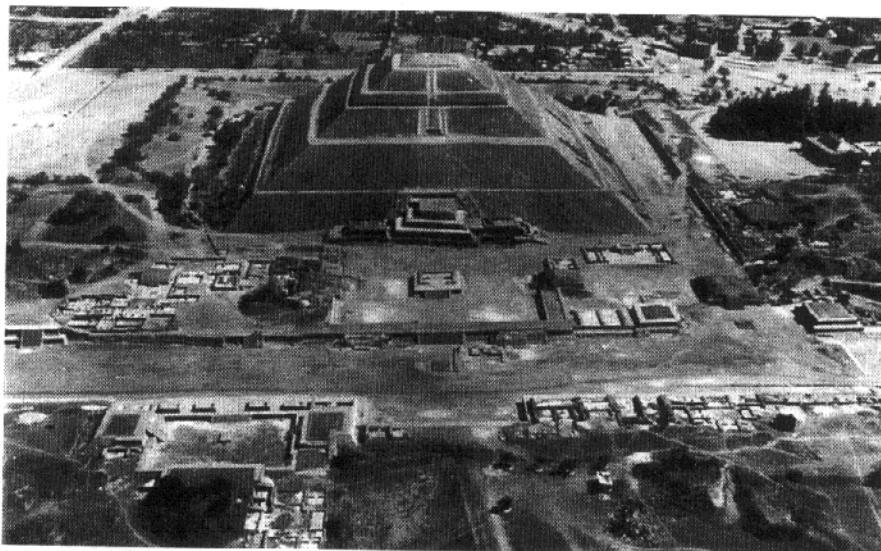
Илл. 162. Исапа, восстановленная площадка для игры в мяч из группы 5 (Lowe et al., 1982)

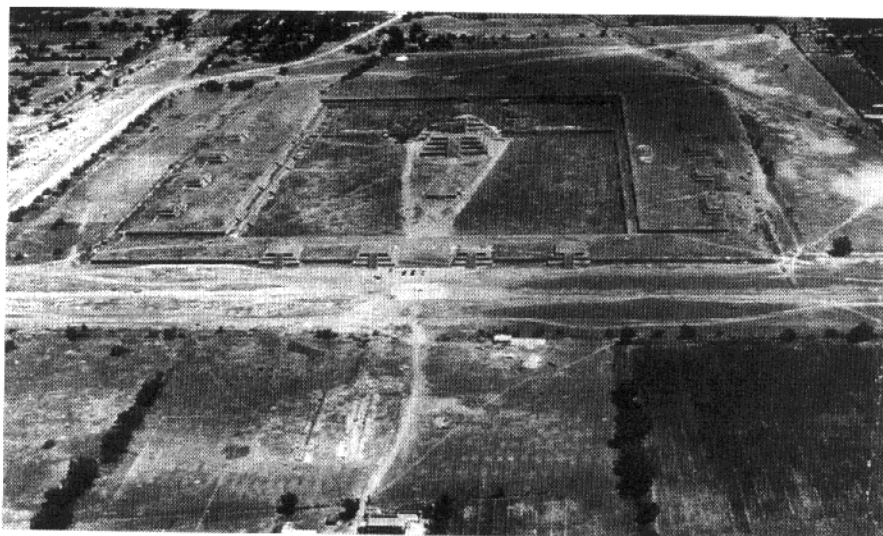
Илл. 163. Теотиуакан, Дворец Солнца, стоявший на базальтовой платформе-основании храма Солнца, вероятно, резиденция жрецов этого храма (Millon, 1973)

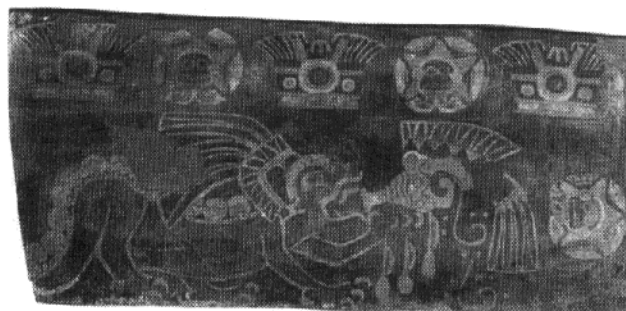
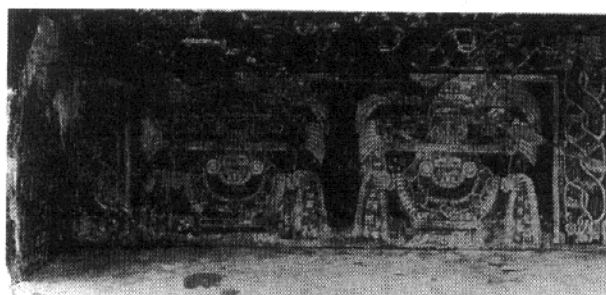
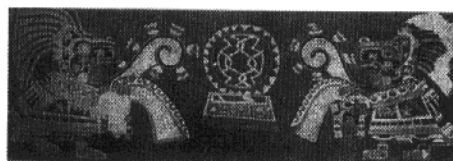
Илл. 164. Центральная территория Теотиуакана; справа внизу – пирамида Луны; храм Солнца и Дорога мертвых – в центре; Сьюдадела – слева вверху; вид с севера на юг (Sanders, Parsons & Santley, 1979; с согласия Compañía Mexicana de Aerofotos)

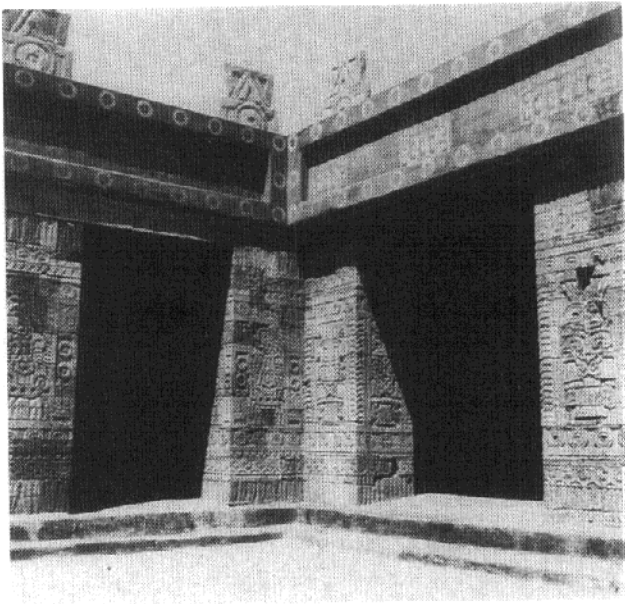
Илл. 165. Теотиуакан, вид храма Солнца с двором перед ним, Дворца жрецов Солнца, части Дороги мертвых; вид с запада на восток (Millon, 1973)

Илл. 166. Теотиуакан, вид на Сьюдаделу в восточном направлении (Millon, 1973)

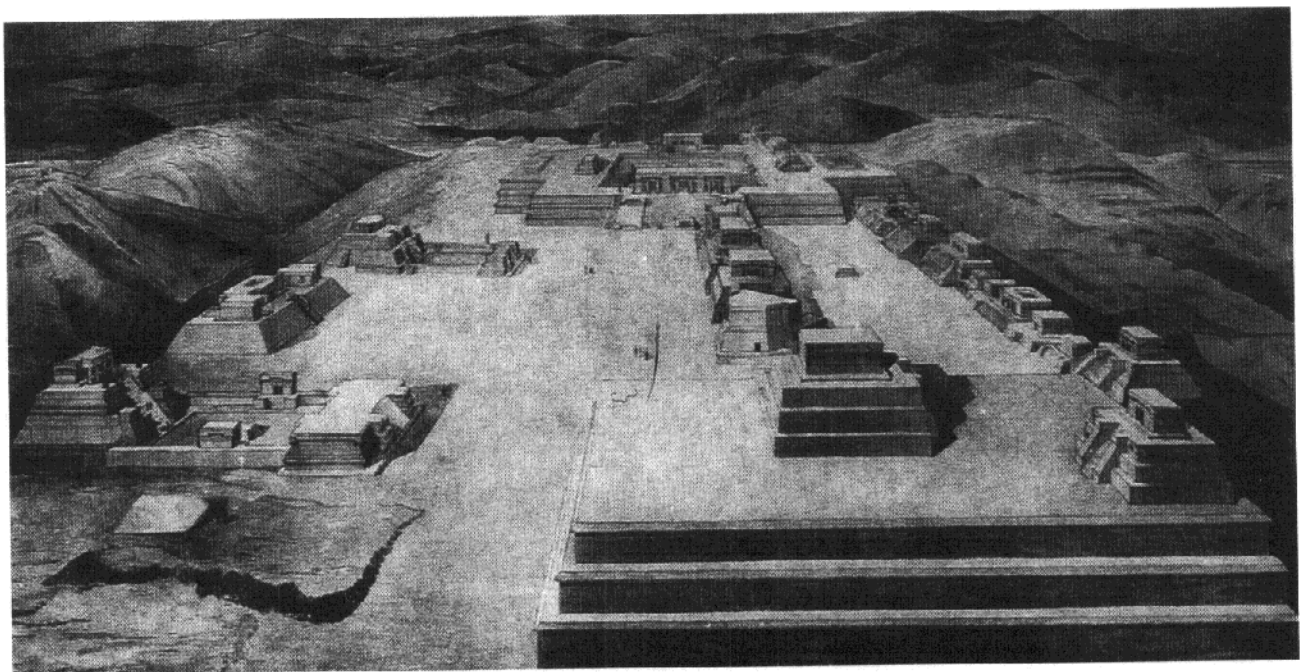
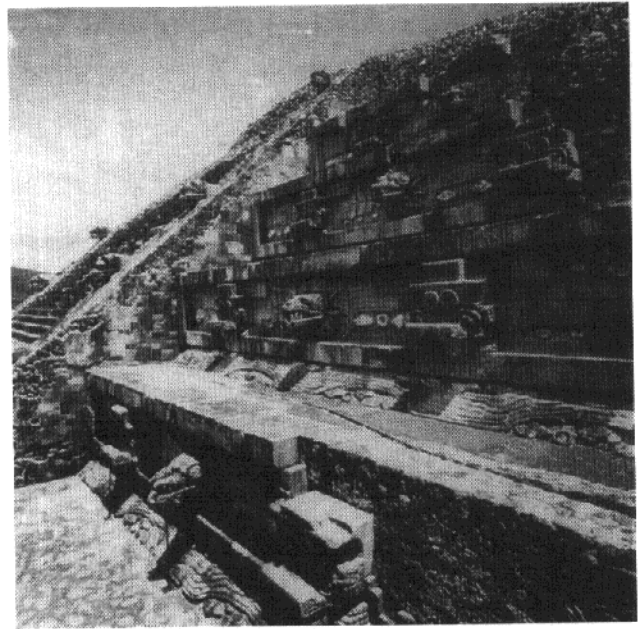

Илл. 167. Теотиуакан, настенные росписи, найденные в жилых комплексах (I и II из Marquina, 1964; III, фото ЮНЕСКО/Desbrosses)

Илл. 168. Теотиуакан, дворец Кецаьлпапалотля на западной стороне площади Луны. Следует отметить украшенные скульптурой и росписью колонны и фасад (Porter, 1981)

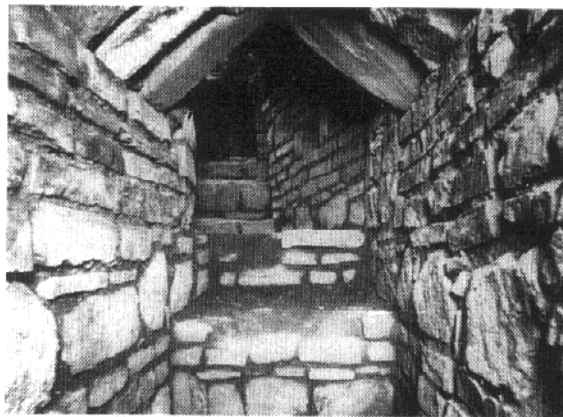
Илл. 169. Теотиуакан, украшенный скульптурами фасад дворца Кецаьлпапалотля, центральная часть Сюдаделы (Millon, 1973)

Илл. 170. Монте-Альбан, пространственная модель Центральной площади (Marquini, 1964)

Илл. 171. Монте-Альбан, дворцовая платформа-основание постройки М (Marquina, 1964)

Илл. 172. Монте-Альбан, интерьер гробницы 4 (Marquina, 1964)

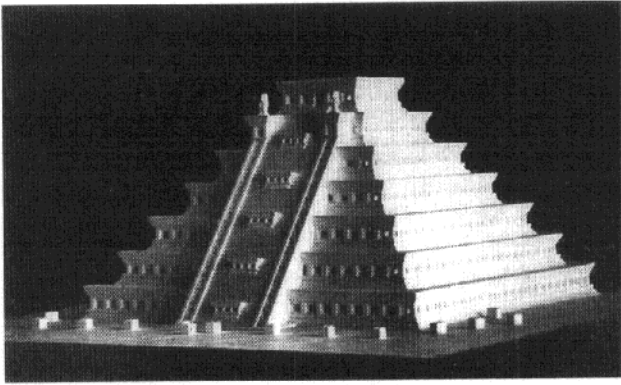
Илл. 173. Монте-Альбан, настенная роспись в погребении 104 (Marquina, 1964)

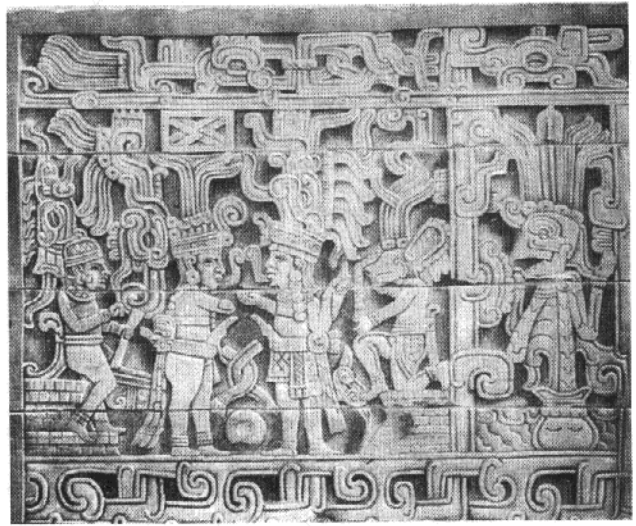
Илл. 174. Монте-Альбан, керамическая мужская фигурка (Marquina, 1964)

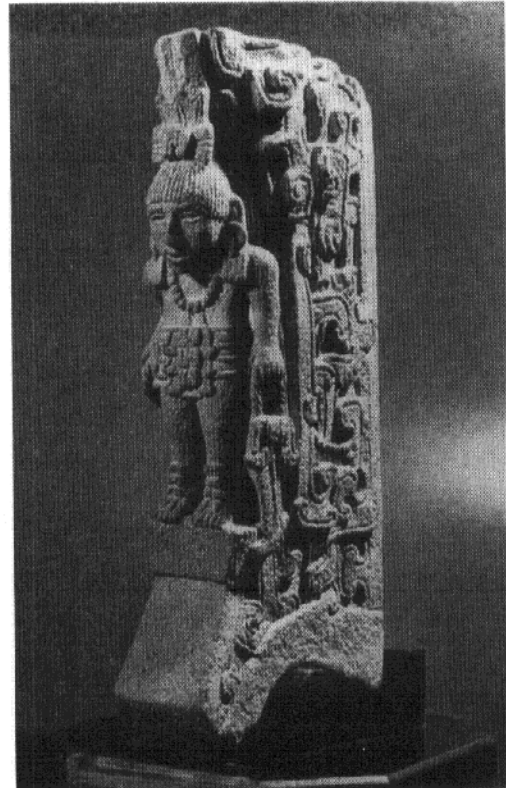
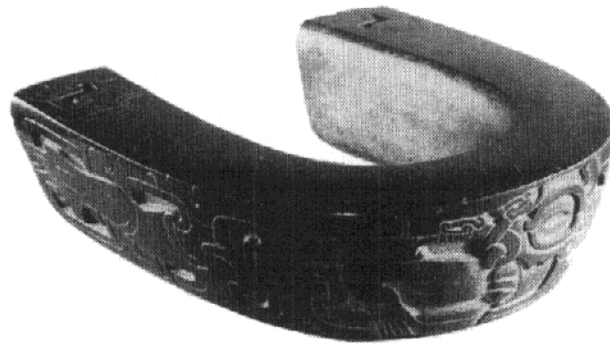
Илл. 175. Монте-Альбан, нефритовая маска бога Бата (Marquina, 1964)

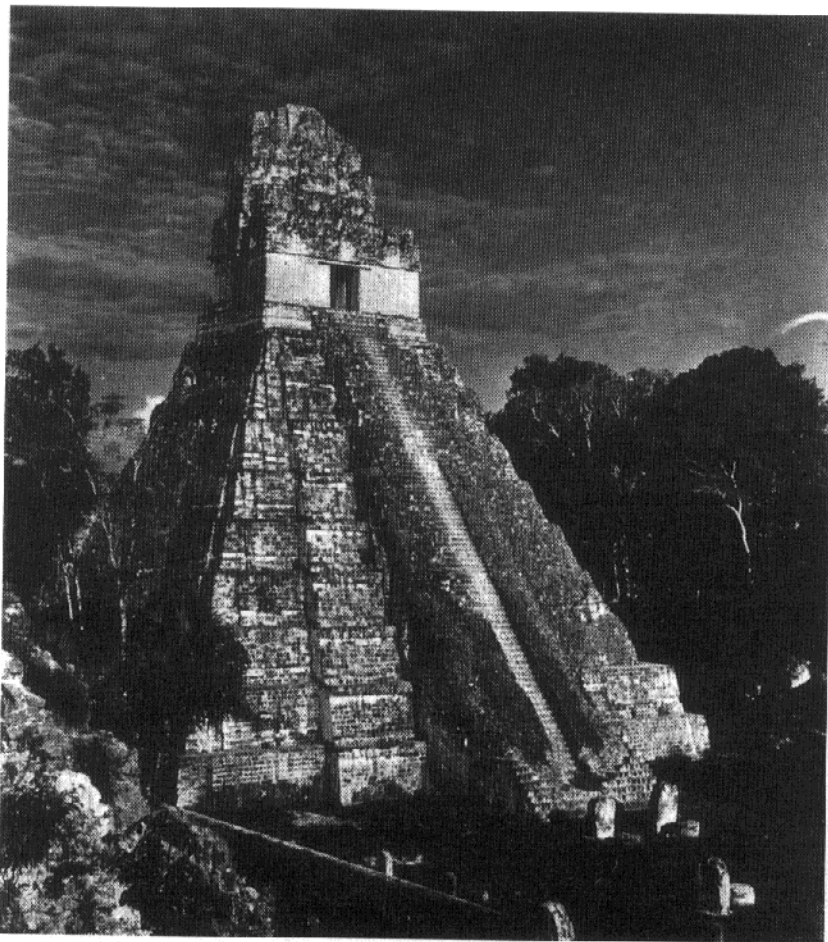
Илл. 176. Таджин, модель Храма ниш (Marquina, 1964)

Илл. 177. Таджин, скульптурный рельеф поля для игры в мяч, изображающий двух игроков, стоящих друг перед другом во время церемонии перед игрой (Marquina, 1964)

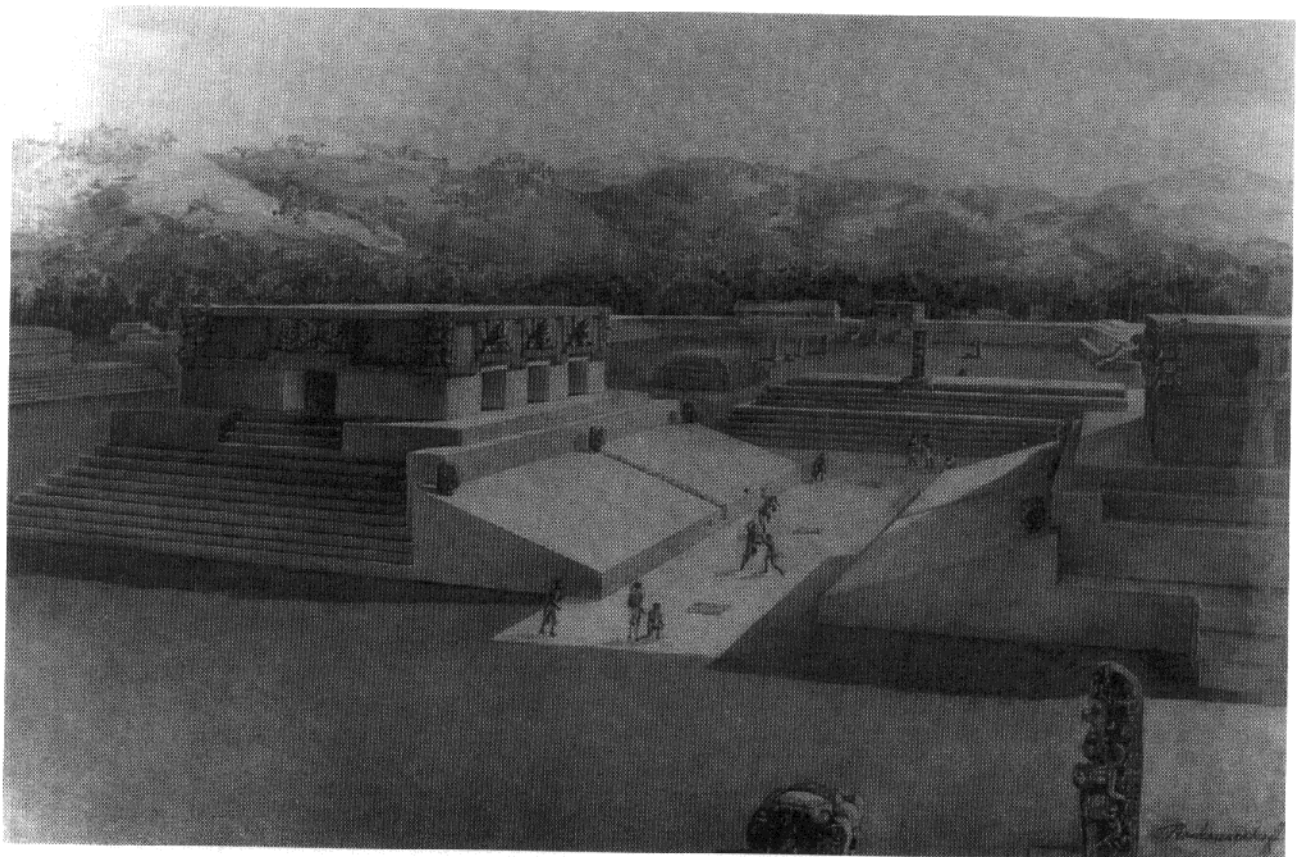
Илл. 178. Ярмо, топор и всеобразный камень: носимые предметы, украшенные скульптурными изображениями, с побережья Мексиканского залива; использовались в ритуале на поле перед игрой в мяч

Илл. 179. Тикаль, храм I, построенный ок. 735 г. н.э. как погребальная пирамида великого правителя индейцев майя Ах-Какау, бывшего их царем в 682–734 гг.

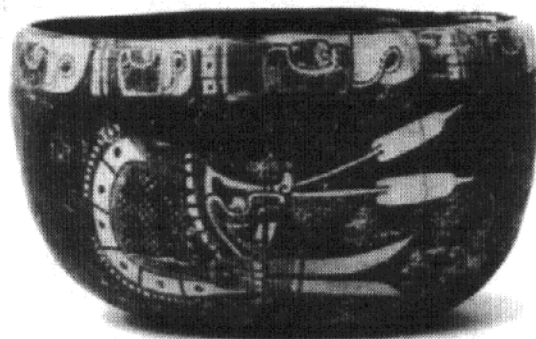
Илл. 181. Многоцветная ваза из захоронения Ах-Какау. На подобных сосудах изображались эпизоды из жизни элиты и сцены из мифов и эпоса

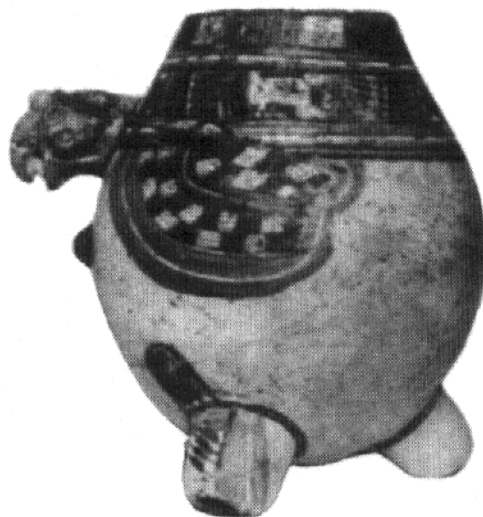
Илл. 180. Площадка для игры в мяч в Копане (реконструкция в виде рисунка Т. Проскуряковой). Вторая площадка была найдена недавно к югу от Акрополя (фото С.ЛВ; Музей Пибоди, Гарвардский университет, США)

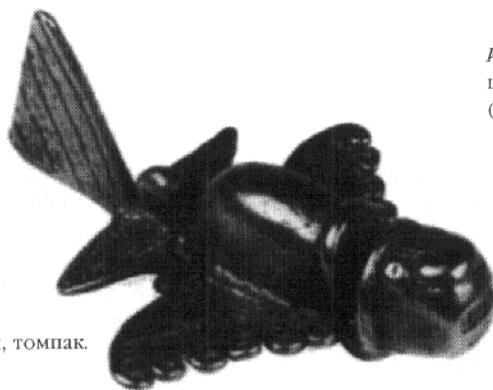
Илл. 182. Каменная скульптура. Сан-Агустин, Колумбия (Sanoja, 1982)

Илл. 185. Сосуд, украшенный многоцветными резными сюжетами. Многоцветная культура йохоа, Гондурас (Sanoja, 1982)

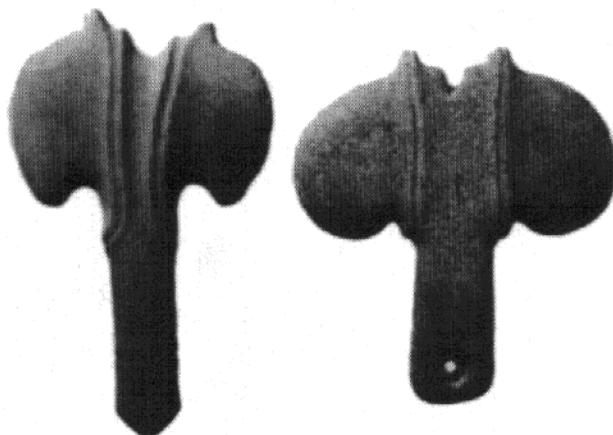
Илл. 186. Сосуд в виде животного. Многоцветная культура никоя, Коста-Рика (Sanoja, 1982)

Илл. 183. Изображение летающей рыбы, томпак. Колумбия (Sanoja, 1982)

Илл. 184. Сосуд с красной росписью на кремовом фоне; многоцветная культура йохоа, Гондурас (Sanoja, 1982)

Илл. 187. Топоры для церемониальных целей, вырезанные из камня. Никарагуа (Sanoja, 1982)

Илл. 188. Тарелка с многоцветным украшением. Коле, Панама (Sanoja, 1982)

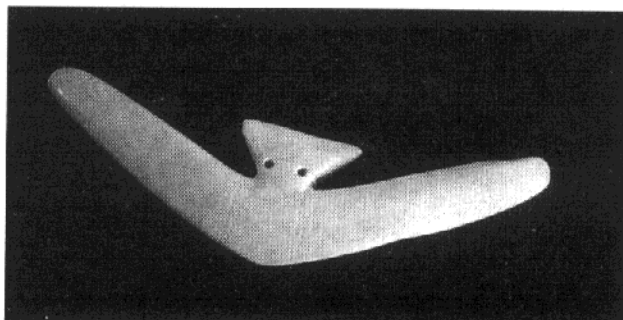
Илл. 189. Погребальная урна. Фаза марахоара, Бразилия (Sanoja, 1982)

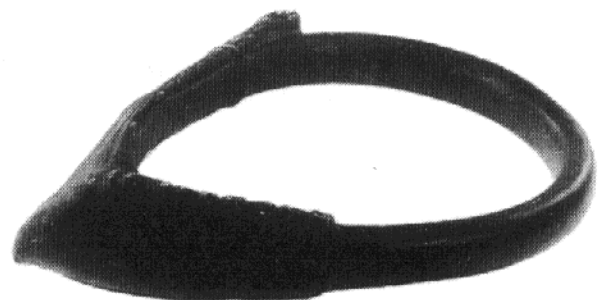
Илл. 190. Глиняные покрывки для нижней части тела умершего. Фаза марахоара, Бразилия (Sanoja, 1982)

Илл. 191. Цилиндрический сосуд с резными модельными дополнениями. Фаза барранкас, Венесуэла (Sanoja, 1982)

Илл. 192. Крылатое шейное украшение (пектораль), вырезанное из раковины. Венесуэла

Илл. 193. Ярмо, вырезанное из камня, вероятно, применялось в церемониях при игре в мяч. Пуэрто-Рико (Sanoja, 1982)